КРАСНЫЙ АРХИВ

1 (74)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАРХИВА СССР и РСФСР

СОДЕРЖАНИЕ

Семьдесят пять лет назад.— Царизм в борьбе с рабочим движением в годы подъема.— Из истории Уральских заводов.—Аграрное движение в Смоленской губ. в 1905 — 1906 гг. — Из истории освоения Северного морского пути. — Из дневника Л. Тихомирова. — Бисмарк о положении в Европе в 1868 г. — Московский университет в октябрьские дни 1905 г. —Н. Г. Чернышевский в Вилюйске. — «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева и царская цензура.

19 • ОГИЗ • СОЦЭКГИЗ • 36

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Семьдесят пять лет назад. *С предисловием И. Кузнецова* 5

Царизм в борьбе с рабочим движением в годы подъема. *С предисловием М. Лурье* 37

Из истории Уральских заводов. *С предисловием Евг. Гольдич* 66

Аграрное движение в Смоленской губернии в 1905—1906 гг. *С предисловием И. Кузнецова* 92

Из истории освоения Северного морского пути 142

Из дневника Л. Тихомирова 162

Из записной книжки архивиста

Бисмарк о положении в Европе в 1868 г. *С предисловием А. Е.* 192

Московский университет в октябрьские дни 1905 г. *С предисловием А. Сыромятникова* 193

Н. Г. Чернышевский в Вилюйске. *С предисловием Н. А.* 204

«Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева и царская цензура *С предисловием В. Далаго* 210

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАРХИВ СССР и РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ПЕРВЫЙ
(СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТЫЙ)

1936

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1936

Н. А. Добролюбов
(1836—1936)

Семьдесят пять лет назад

(19 февраля 1861 г.)

„В государствах Западной Европы последние остатки крепостного права были уничтожены революциями 1789 года во Франции, 1848-го в большинстве остальных стран. В России в 1861 году народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу. Крестьянские восстания того времени остались одинокими, раздробленными, стихийными „бунтами", и их легко подавляли. Отмена крепостного права была проведена не восставшим народом, а правительством, которое после поражения в крымской войне увидело полную невозможность сохранения крепостных порядков.

Крестьян „освобождали" в России сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники. И эти „освободители" ТАК повели дело, что крестьяне вышли „на свободу" ободранные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам.

Русских крестьян господа благородные помещики „освобождали" так, что СВЫШЕ ПЯТОЙ ДОЛИ крестьянской земли было отрезано в пользу помещиков. За свои, потом и кровью политые, крестьянские земли крестьяне были обязаны платить ВЫКУП, то есть ДАНЬ вчерашним рабовладельцам. Сотни миллионов рублей этой дани крепостникам выплатили крестьяне, разоряясь все более и более. Помещики не только награбили себе крестьянской земли, не только отвели крестьянам худшую, иногда совсем негодную землю, но сплошь да рядом понаделали ловушек, то-есть так размежевали землю, что у крестьян не осталось то выпасов, то лугов, то леса, то водопоя. Крестьяне В БОЛЬШИНСТВЕ губерний коренной России остались и после отмены крепостного права в прежней безысходной кабале у помещиков. Крестьяне остались и после освобождения „низшим" сословием, податным быдлом, черной костью, над которой измывалось поставленное помещиками начальство, выколачивало подати, пороло розгами, рукоприкладствовало и охальничало.

Ни в одной стране в мире крестьянство не переживало и после „освобождения" такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России.

Но падение крепостного права встряхнуло весь народ, разбудило его от векового сна, научило его самого искать выхода, самого вести борьбу за полную свободу".

ЛЕНИН. Соч., т. XV, стр. 108—109.

„Николай II в рескрипте Столыпину заявил, что как раз завершением „великой реформы“ 19 февраля 1861 года является столыпинская аграрная политика, т.-е. отдача крестьянской земли на поток и разграбление кучке мироедов, кулаков, зажиточных мужиков и отдача деревни под начало крепостникам-помещикам.

И надо признаться, что Николай Кровавый, первый помещик России, ближе к исторической истине, чем наши прекраснодушные либералы. Первый помещик и главный крепостник понял — вернее: усвоил себе из поучений совета объединенного дворянства — ту истину классовой борьбы, что „реформы“, проводимые крепостниками, не могут не быть крепостническими по всему своему облику, не могут не сопровождаться режимом всяческого насилия. Наши кадеты, и наши либералы вообще, боятся революционного движения масс, которое одно только способно стереть с лица земли крепостников-помещиков и их всевластие в русском государстве; и эта боязнь мешает им понять ту истину, что, пока крепостники не свергнуты, никакие реформы — и особенно аграрные реформы — невозможны иначе, как в крепостническом виде, крепостнического характера и способа проведения. Бояться революции, мечтать о реформе и хныкать о том, что „реформы“ на деле проводятся крепостниками по-крепостнически, есть верх низости и скудоумия. Гораздо больше прав и гораздо лучше обучает русский народ уму-разуму Николай II, наглядно „дающий“ на выбор: крепостнические „реформы“ или свергающая крепостников народная революция.

19-е февраля 1861 года было крепостнической реформой, которую наши либералы могут подкрашивать и изображать „мирной“ реформой только потому, что революционное ДВИЖЕНИЕ в России было тогда слабо до ничтожества, а революционного КЛАССА среди угнетенных масс вовсе еще не было. Указ 9 ноября 1906 г. и закон 14 июля 1910 года суть крепостнические реформы такого же буржуазного, — как и реформа 61-го года, — содержания, но либералы НЕ МОГУТ представить ее „мирной“ реформой, не могут так легко начать подкрашивать ее (хотя они и начинают уже, напр., в „Русской мысли“ это делать), ибо можно забыть одиночек революционеров 1861 года, но нельзя забыть революции 1905 года. В 1905 году родился на Руси революционный КЛАСС — пролетариат, который сумел поднять и крестьянскую массу на революционное движение. А когда революционный класс родился в какой-либо стране, он не может быть подавлен никакими преследованиями, он может погибнуть лишь с гибелью всей страны, он может умереть лишь победивши“.

ЛЕНИН, Соч., т. XV. стр. 141—142.

После манифеста

Публикуемые документы представляют собою выборки из перлюстрированной частной переписки, отражающей настроение провинции и деревни после реформы 1861 года. Они рисуют яркую картину недовольства крестьян при объявлении манифеста. Так, например, в письме из Нижнего Новгорода некто Ужумецкий-Гринцевич пишет: «Прошедшее воскресенье у нас объявили свободу крестьянам; народа было немного и те выслушали эту новость с необычайным равнодушием, как будто это до них не касалось нисколько». В другом письме из Киева М. Буцковский сообщает, что при обнародовании манифеста «ни на одной физиономии я не заметил радости». Однако не одним равнодушием реагировало крестьянство на манифест. Во многих губерниях начались крестьянские волнения. Приведенные документы дают на этот счет весьма интересный материал по ряду местностей. Этот материал может явиться существенным дополнением к тем официальным данным, которые опубликованы в сборнике Центрархива «Крестьянское движение в 1827—1869 гг.» и в других изданиях.

Публикуемые ниже письма вскрывают всю жестокость помещиков в их расправах с крестьянством, о чем, понятно, официальные донесения не распространяются. Естественно, что публикуемые письма не в состоянии полностью вскрыть характера и особенностей реформы 1861 г., прежде всего потому, что мы имеем перед собой письма либералов и крепостников. Сюда не вошли письма тех революционных демократов, к которым принадлежал прежде всего Н. Г. Чернышевский. Но и в данных письмах ярко выявляется негодование крестьянства — угнетенного, бесправного, неспособного самостоятельно найти путь к своему освобождению, и, с другой стороны, хладнокровная жестокость помещиков и генералитета, карательными экспедициями и розгами отвечающих на борьбу крестьян против помещиков. Крестьянство отвечало стихийными волнениями. Крупнейшим волнением этого периода было так называемое Бездинское дело. Официальные данные III отделения сообщают, что убитых было до 70 человек, раненых более 100 человек, из которых 21 умерло. Приводимые письма существенно пополняют картину расправы с крестьянством села Бездны и соседних сел Спасского и других уездов Казанской губернии.

Волнения крестьян, выявляя их недовольство крепостнической реформой, в то же время ярко обнаруживают ее прогрессивное значение. Миллионы вчерашних рабов почувствовали потребность бороться за свои права, за свою свободу. «Темное царство», с которым вели непримиримую борьбу революционные демократы — Добролюбов и Чернышевский, — поколебалось в своей основе, но оно еще имело достаточно сил, чтобы усмирять крестьянские восстания. Еще не вырос рабочий класс, способный повести трудящийся народ к революции.

Несмотря на узость взглядов и классовую ограниченность большинства авторов писем, несмотря на однобокое освещение событий, — факты, приводимые в письмах, ярки и определенны, — и рисуют нам картину деревни после реформы 1861 года. «Освобожденная» деревня, которую, по требованию помещиков, усмиряют и секут царские жандармы и офицеры, встает перед нами в этих письмах жутким образом прошлого, навсегда сметенного Великой Октябрьской социалистической революцией.

И. Кузнецов.

I. Встреча манифеста на местах[1].

Выписка из письма М. Буцковского из Киева от 9 марта 1861 г. к Владимиру Ниловичу Лаврову в С.-Петербург[2].

Сегодня у нас было обнародование манифеста о свободе крестьян, который они должно быть не поняли, потому что ни на одной физиономии я не заметил радости. Зато помещики очень довольны положением; они никак не ожидали такого выгодного для них разрешения этого дела. Любопытно знать, что у вас делается и говорят? Пробежав наскоро Положение, я не понимаю, из-за чего было так много толков и неудовольствия в петербургских жителях.

Выписка из письма И. Никитина[3] из Воронежа от 13 марта 1861 г. к Николаю Ивановичу Второву[4] в С.-Петербург.

10 марта у нас был объявлен ожидаемый так давно и с таким нетерпением высочайший манифест об освобождении крестьян. Вы, без сомнения, спросите: Ну, что? Какое впечатление произвел он на народ? — Равно никакого. Мужики поняли из него только то, что им еще остается два года ожидания. В два года, говорят они, много утечет воды. Большая часть дворовых будто бы горюет, что им некуда будет деваться без земли; что ремеслам они не обучались, стало быть, положение их в будущем ничем не обеспечивается. Это равнодушие народа в такую минуту весьма понятно по двум причинам: во-первых, он еще не знает, как он устроится, станет ли ему легче в том положении, которое ему предоставляется, с теми средствами, которые он имеет в своих руках в настоящее время, — а ведь эти средства так скудны; во-вторых, он до того привык к тому воздуху, которым дышал доселе, что теперь, когда пахнул на него новый, более свежий, не чувствует его живительной силы, не успел даже и понять, есть ли в этом новом воздухе живительная сила.

Выписка из письма Ужумецкого-Грицевича из Нижнего Новгорода от 14 марта 1861 г. к А. И. Ужумецкому-Грицевичу[5] в С.-Петербург.

Прошедшее воскресенье у нас объявили свободу крестьянам; народа было не много, и те выслушали эту новость с необыкновенным равнодушием, как будто это до них не касалось нисколько. Муравьев[6] вся-

---

[1] Публикуемые документы хранятся в Центральном архиве революции РСФСР, в фонде III отделения с. е. и. в. к., II секретного архива, картоны №№ 12 и 13— письма (перлюстрации).

Документы подготовлены к печати А. Спировой.

[2] Заголовки приводятся по подлинным делам.

[3] Никитин, Иван Саввич (1824—1861), известный народный поэт.

[4] Второв, Н. И. (1818—1865), писатель, будучи в Воронеже, стоял во главе кружка местных интеллигентов, принимал близкое участие в жизни И. С. Никитина.

[5] Ужумецкий-Грицевич А. И. — тов. председателя Петербургской управы благочиния.

[6] Муравьев, А. Н. (1792—1863), нижегородский губернатор, привлекался по делу декабристов и был сослан в 1826 г. в Якутск, но вскоре возвращен, после чего занимал ряд административных должностей. При проведении крестьянской реформы в Нижнем Муравьев вел энергичную борьбу с реакционной частью дворянства. С приходом Валуева на пост министра внутренних дел, Муравьев был смещен, получив назначение в сенат.

чески хлопотал и надеялся, что объявление это произведет страшный восторг, и был до крайности огорчен этим непостижимым равнодушием. Его сын и несколько чиновников особых поручений бросились в толпу, чтоб кричать и подбивать крестьян «ура», но их никто не слушал; одни смеялись над этим предложением, а другие делали замечания, подобно этому: «Эта воля, пожалуй, будет хуже неволи». Несколько местных передовых людей, нижегородских либералов, по окончании чтения пустились объяснять дарованные им права, но их слушали не только без увлечения, а с каким-то недоверием, с которым привык наш народ не ждать ничего путного от своего правительства. Сегодня я видел управляющего откупом, который жаловался на свои обманутые надежды. «Ни одной лишней чарки не выпито, — говорил он с отчаянием, — а мы ждали, ждали этого дня, думали — вот запьют: и несмотря на воскресный день на конце первой недели продажа была менее, чем в чистый понедельник». Муравьев велел выставить у себя окно, пригласить фотографиста с тем, чтобы снять вид в то время, когда будут читать с крыльца собора стоящему на площади народу манифест. Фотографист явился, сделал снимок весьма удачный; но опять горе: дворян не повестили о предстоящем чтении манифеста, и они не поехали; чиновники тоже разочли, что им нет надобности быть при этой процессии, и таким образом на крыльце собора оказались: чтец манифеста и Муравьев, окруженный своими барышнями, старыми княжнами, Марфой, Елизаветой, Клеопатрой и Прасковьей Михайловной и пр., а в стороне князь Шаховской, свиты его величества генерал-майор, привезший известие.

Портреты этих барынь вышли замечательно хорошо, и они оказались главными лицами в этой церемонии. Сначала они, может быть, и довольны были фигурировать на главном плане, но потом им намекнули, и они сами спохватились, что и без того все толкуют, что они ворочат губернией и стариком. А потому фотографисту послали приказание сделать из этих дам чиновников. Фотографу не совсем понравилось пачкать свой рисунок, а потому он оставил негатив как он есть, а для желающих он рядит княжен во всевозможные формы русской армии.

Дворяне написали письмо губернскому предводителю, что губернатор не хотел их известить об этом чтении манифеста и тем устранил их от столь радостного события, о чем они просили известить министра внутренних дел. Таким образом вышли все недовольны, и все не удалось, даже самое чтение. Чтоб прочесть манифест, выбрали для этого брандмейстера, имеющего голос страшной силы, но брандмейстер вдруг сконфузился, начал врать, а потом говорит, что у него в глазах до того зарябило, что у него надо было вырвать манифест и поручить чтение другому, чтоб только кончить. Начал читать младший полицеймейстер, но в это время понамарь ударил в колокола и опять все пропало. Впрочем, кроме всех этих мелочей, у нас все обстоит благополучно. Идеи развиваются, даже старики жаждут реформ и преобразований; но ваш Питер огорчает своими шагами вперед и назад.

Выписка из письма с подписью: А. С.... из Орла от 14 марта 1861 г. к Николаю Ивановичу Розанову[1] в С.-Петербург.

19 февраля, несмотря на все предупреждения, народ беспокойно ожидал манифеста, а подленькие помещики тряслись за свои животы и посему запаслись револьверами, но день прошел спокойно, только собор был наполнен и около него собралась толпа черного народа, но полиция вела себя благоразумно, и потому все кончилось одним только говором. Вскоре разнесся слух о приезде графа Толя[2], который, действительно, явился 7 марта. Начались приготовления; манифест сделался гласным из-под руки. 9 марта прочли его по церквам, а в соборе торжественно при многочисленном стечении народа; некоторые же из благоразумных помещиков сами отправились в имения объявить о том крестьянам. Сии последние, забитые своим безответным положением, приняли манифест апатично, и как бы не верили своим ушам, но вслушавшись в два года беспрекословного повиновения помещикам, выразились оригинально: «Чтож, говорят, голова-то наша, а ж..а помещиков»; не правда ли метко, хоть и не совсем справедливо, вникнувши в смысл манифеста и Положения.

Выписка из письма Том: из Сморгон, Виленской губернии, от 15 марта к Зенону Антоновичу Сушицкому в Москву.

(Перевод с польского.)

В четверг, 9 марта, в Минске читали манифест, и так как этот день был будничный и не было слушателей, то сотники и десятники согнали с улиц в собор мужиков, продававших дрова, говоря им: «Бросьте, это не ваше, а господское». Собранные мужики слушали, слушали и, прослушав, сказали: «Провались вы с вашей вольной: паны подкупили, и не дают еще настоящей». Неудовольствие мужиков большое, в особенности к помещикам, а г. г. обыватели, собственно говоря, рады такому обороту дела, хотя и не все открыто выказывают свое неудовольствие.

Выписка из письма с подписью: Р. М., из Тулы от 16 марта 1861 г., к Михаилу Александровичу Философову[3] в С.-Петербург.

Чтение манифеста последовало в Туле 5 марта, а в деревнях 12 марта и на народ никакого впечатления не произвело; крестьяне, как водится, не поняли манифеста и начали по своему перетолковывать, давая себе небывалые преимущества. Когда прочли манифест в Стубленской церкви, то народ, именно Стубленский, начал негодовать на нашего священника, что он неправильно читал манифест; они говорили, что земля должна оставаться в их собственности, а не собственностью

[1] Розанов, Н. И.. чиновник, служил в различных учреждениях, с 1838 г.—член мануфактурного совета при департаменте мануфактур.

[2] Толь, Н. К., ген.-майор свиты его величества, командированный для объявления манифеста и для сохранения при этом „спокойствия и порядка". Такого рода царские посланники, с особыми полномочиями, были командированы во все губернии и о своих действиях доносили лично царю.

[3] Философов, М. А., полковник Николаевской академии.

помещика и что барщины никакой не должно быть. Священник убеждал их сколько мог, но они оставили это в подозрении. Наши же крестьяне на второй день после объявления, без всякого дозволения, отправились в Тулу для работ, разбранили старосту, что он им ничего не может говорить теперь, и женам даже запретили выходить на барщину, и работают по настоящее время, не знаю где. Староста хотел их собрать и скрыть от меня об этом случае, но только некоторые из них явились, а остальные не хотят ничего знать. Поэтому вчера староста приехал ко мне и сообщил об этом. Сегодня я посылаю становому письмо, в котором прошу водворить порядок, и не знаю, как он там распорядится. Сумеет ли что-нибудь сделать! При нашем уездном начальстве и с нашими мужиками просто нужно с ума сойти. Если бы мне дозволили какую-угодно сделать жертву, чтобы теперь же развязаться с ними, то я с удовольствием исполнил бы это, потому что спокойствие и здоровье дороже всего.

Выписка из письма Кочерова из Саратова от 16 марта 1861 г. к Владимиру Николаевичу Струкову в С.-Петербург.

Самый животрепещущий современный вопрос — это крестьянский, и я думаю вам не безинтересно будет узнать о результатах объявления здесь манифеста. 13 числа он прочитан был с неизбежным молебствием во всех церквах и кроме того на площадях. Помещики, большая часть коих осталась в городе за распутицей, как нельзя более рады дарованному разрешению, но крестьянам, которые ожидали надела их землею на вотчинном праве, и дворовым людям, ожидавшим полной свободы без всяких сроков, оно крепко не понравилось. Впрочем дело обошлось без всяких оваций и манифестаций, совершенно спокойно, по наружности даже незаметно. В течение трех вечеров, 13, 14, 15 чисел, город, т. е. главные улицы и публичные здания, по приглашению полиции, были иллюминованы плошками, только в первый день дома губернского предводителя и дворянского собрания остались неиллюминованными по какому-то необъясненному стечению обстоятельств. Не было ни буйств, ни пьянства, и правительство, заготовивши для Саратовской губернии 100 т. ведер вина, собственно на случай большого спроса, немного ошиблось в расчете. Как дело пойдет в уездах, это другой вопрос, но, по мнению помещиков, и там все обойдется благополучно.

Выписка из письма Екатерины Елагиной[1] из Орла от 17 марта к Ивану Сергеевичу Аксакову[2] в Москву.

Сегодня прочли у нас манифест о свободе. Увы, мало произвел он радости в народе. Мужики заметно повесили носы, когда поняли, что им от помещика земли не прирезывается, а напротив, еще с той части, что теперь имеют, плати оброк, или барщину тяни.

Василий позвал их к себе, чтобы потолковать и расспросить, как и что они поняли и что думают делать; иные думают, что раздел между

[1] Елагина, Екатерина, помещица Орловской губернии.

[2] Аксаков, И. С (1823—1886), публицист, славянофил, издатель газет: „Парус", „День", „Русь".

ними барской земли, без всякого с них налога, выкупа или оброка, отложен на два года, а покуда по-старому тяни барщину. Другие пессимисты, кажется, убедились, что ничего не будет, и полагают, что лучше уж оставить по-старому, т. е. работать, как работали. Барщина легче станет, прочие помещики не осилят обрабатывать своей земли и станут в наем ее отдавать, а они будут задешево нанимать, на своего же помещика работать два дня в неделю.

Нет, жажды свободы, чисто бескорыстных видов, в нашей стороне не было. Авось еще выработается она, а теперь покуда, ожидание и желание ее было просто нарушением X заповеди, т. е. желание села ближнего своего. Если помещика можно назвать ближним, не обижай ни помещика, по его понятиям, ни мужика.

В Орле после прочтения манифеста, 9 марта, народ разошелся с убеждением, что это не та, а на днях пришлют другую, настоящую вольную.

Много во всем этом разочарования для мужиков, но все думала, что не до такой степени повесят носы. После обедни пришел к нам старик конторщик, кланяется в землю и просит, чтобы между нами с ним осталось по-старому. Он служит уже лет 40 и испугался, что теперь будет иметь дело со становым, мужики тоже просили, чтобы мы попрежнему заступались за них пред становым или другими, какие будут теперь, чиновниками; а все же года через три и подумать нельзя будет взять назад то, что даровано сегодня, вырвать то, что сейчас посеяно.

Но как бы ни было, все же нынче посеяны семена свободы, года через три, а может быть и меньше, пустят могучие корни.

Дай бог рости.

И все же этот день — счастливый, великий день.

Выписка из письма Михаила Дмитриева из Сызрани (Симб. губ.) от 17 марта к Федору Мих. Дмитриеву[1] в Москву.

11 марта у нас был торжественно объявлен манифест. Часа в два пополудни я получил от исправника, приехавшего в село, приглашение в церковь. Я был болен и отвечал исправнику, что поручил быть при чтении и молебне жене моей. Народу собралось столько, что церковь не могла вместить всех. Священники наши, оба люди умные, читали внятно и ударяли особенно на тех местах, где сказано, чтобы быть в повиновении. При этом пробежал ропот. За молебном стояли молча и никто не молился. После молебна исправник спросил мужиков: «Поняли ли они манифест?». Один отвечал — «Чай, поняли, ваше благородие»; а другие, в несколько голосов, прибавили: «Где нам понять!». Затем он собрал их у съезжей избы, дал им на оба села по экземпляру манифеста, чтобы сами читали, и при этом прибавил в заключение, что в случае их неповиновения и бунтов теперь с ними будет поступлено строже, чем прежде. — Молчали, хотя и заметен был ропот, неудовольствие. Крестьянин Фрол Александров, который недавно сделан мною выборным, подумавши, сказал: «Видно, точно это

[1] Дмитриев, Ф. М. (1829—1894), историк русского права, профессор Московского университета.

правда, что последние времена приходят». «Почему же?» — спросил исправник. — «Да по всему; все новое, да все преобразования; это уж и видно, что последние времена».

В Сызрани и Симбирске в день объявления манифеста были заперты кабаки на весь день, чтобы не проснулся русский дух. Народ был тих.

Известие, сообщенное «Северною пчелою» и повторенное в московских газетах о скором преставлении света, распространилось здесь в народе, получило всеобщую веру, соединилось с понятием о нововведениях и превратилось вот в какую легенду, которая может быть небезопасною, если через шесть лет ее вспомнят: рассказывают, что в кабинете у государя появилась девица, собой красавица; стоит она в углу все на одном месте, ничего не говорит и только просит пить; вывести ее не могут никакими силами. Чтобы узнать от нее, зачем она тут, ее напоили сонными каплями. После этого она стала говорить и рассказала, что через 6 лет будет преставление света; что придет антихрист и сядет на место нашего царя, и будет точно он, так что никто и знать не будет, что это антихрист, и будет он обращать народ в свою веру; а наш царь совсем пропадет и никто не узнает куда. А девица, как только рассказала, так и пропала, и сколько ее не искали, не могли найти [1].

Все это показывает степень понятий того народа, который такими сказками готовится к свободе, и показывает степень его благодарности к такому благодеянию.

Выписка из письма Ив. М., из Торжка, Тверской губернии, от 18 марта к Михаилу Владимировичу Неронову в Москву.

Наконец, объявление свободы совершилось. Теперь пока еще не расчухали, в чем дело, все смирно. Не дай бог, — чего я и ожидаю, — чтобы они, не поняв дела, пребывали рабски покорны до тех пор, пока найдутся люди, которые серьезно об них подумают, признав всю нелепость положения. Надо думать, что помещики не так легко расстанутся с барщиною, как мы об этом думали: хоть два года, а все попользуются во вред и себе и интересам своих патриархальных сынов. Думаю так потому, что очень мало вижу в соседстве приготовления к переводу на свободный труд.

Сколько я мог заметить из разговоров наших крестьян, они сильно желают выкупа, хотя не могут понять, за что на них царь рассердился и не дал им земли.

А в положении, увы! — выкупу суждено пройти такими мытарствами в бюрократической семье, что поневоле задумаешься и скажешь: «Вишь, бедный, как тебе тяжело»...

Да если к этому прибавить сомнительный гонорарий за землю, то на конец концов выходит труболетная система. Гадко, брат, грустно, друг!

---

[1] Это — народная передача средневековой легенды о Соломоне, у которого похитил власть его названный брат Китоврас.

Выписка из письма Е. Дрентельна из Рязани от 22 марта 1861 г. к его прев. Александру Романовичу Дрентельну [1] в С.-Петербург.

Я спешил в деревню для того, чтобы на другой день из нее выехать и сидеть теперь в Рязани. Крестьяне от работы отказались, повиноваться и слушать меня не хотят; в разговоре со мной толпа была дерзка до крайности. Хорошо, что на селе нет кабака и что в разговоре с мужиками я сохранил равнодушие к их глупостям. Беречь помещичье имущество они отказались; устроили свое управление и на прежних начальников, ими же выбранных, смотреть не хотят. На некоторых из крестьян, которые остались ко мне в добрых отношениях, остальные, называя их изменниками миру, нападают и грозят повесить, уничтожить. Я объявил губернатору, что в имение поеду тогда, когда там будет порядок, указанный Положением, но вижу, что достигнуть добра будет трудно. Местные власти, желая показать перед правительством свою мудрость, творят чепуху. Граф Крейц, присланный сюда для этого дела, сидит у губернатора и курит папиросы, а может быть, и доносит в эту минуту, что везде восторг.

Выписка из письма В. Фрибеса [2] из Белостока от 24 марта 1861 г. к Александру Викентьевичу Фрибесу в С.-Петербург.

(Перевод с польского.)

Скверно у нас! Крестьяне бунтуют, не хотят отправлять барщину, собираются толпами. Флигель-адъютант с попом, предводителем, стряпчим, исправником, батальонным командиром и офицерами разъезжают по имениям, а им вслед несколько сот мужиков кричат: «Не пойдем, мы вольные, не позволим бить наших!» Губернатор ничего не делает, а флигель-адъютант Нарышкин [3], как видно, в подобных делах еще не бывал, не знает, что делать с толпой; войска здесь мало; попа мужики обругали пьяницей; Нарышкину сказали, что он не флигель-адъютант, что помещики его переодели в адъютантский мундир и выдают за флигель-адъютанта! Жизнь помещиков не в безопасности; я хотел уехать в Белосток, но боюсь оставить свой дом, потому что и дворовые люди разбегутся, а мужики готовы все сжечь. Вот как понимают Положение! Если бы просто объявили личную свободу, землю оставили бы за помещиками, не назначая вовсе земли крестьянам в постоянное пользование, ничего бы и произойти не могло; каждый помещик сговорился бы с своими крестьянами, а те, которым не понравились бы предлагаемые условия, те пошли бы к другому помещику, а вместо их являлись бы или другие мужики или вольные поселенцы. Если бы, по крайней мере, правительство разрешило помещикам нанимать рабочих из государственных крестьян за установленную плату, и то было бы лучше, а теперь одному богу известно, чем это кончится! Положение помещиков чрезвычайно грустное — все духом упали.

---

[1] Дрентельн, А. Р. (1820—1888), генерал-адъютант, после убийства генерала Мезенцова в 1878 г. был главным начальником III отделения царской канцелярии.

[2] Фрибес, В., помещик Белостокского уезда, Гродненской губернии.

[3] Нарышкин, командированный из Петербурга для объявления манифеста.

Выписка из письма без подписи из Камышина, Саратовской губернии, от 15 апреля к Михаилу Петровичу Погодину[1] в Москву.

В слободе Рудне, Камышинского уезда, в имении малолетних князей Четвертинских, главноуправляющий В. В. Вебер, на другой день по прочтении манифеста, — принятого крестьянами со слезами на глазах и молитвой,—потребовал их на барщину. Крестьяне отказались не потому, что они, вместо благодарности за свободу, хотели ответить положительным неповиновением властям, но потому, что Вебер по предусмотрительности уже успел их, изнуренных тяжкими египетскими работами, ограбить дочиста — до крайней нищеты. На угрозы полиции несчастные кротко объясняли, что у них нет уже ни рабочей скотины, ни овцы, ни зерна хлеба; все главноуправляющий забрал в пользу помещиков, скотину на барский двор, а хлеб на винокуренные заводы, захватил даже всю их мирскую денежную сумму. Г. исправник (из помещиков), всегда ублаготворяемый и ныне в особенности ублаготворенный Вебером, донес губернатору о бунте крестьян, вследствие отрицания требуемой барщины. Вскоре приезжает губернатор на место происшествия с флигель-адъютантом, губернским предводителем дворянства и приходят 2 500 солдат 17 пехотной дивизии в полной боевой аммуниции на экзекуцию... Созвали крестьян (все они малороссияне), которые на вопрос о причине неповиновения ссылались на истощение материальных и физических сил, на совершенное разорение и разрушение сельского хозяйства и в доказательство представляли свою видимую нищету и наготу. Однакож власти не уважили справедливой и вопиющей претензии. Крестьяне, в замену барщины, обещались даже не искать того, что всецело у них отнято, навсегда отрекались от своих прадедовских усадьб и той земли, которая следует им для надела в собственность с условием выкупа. Казалось, эти уступки от крестьян были слишком выгодны, но не того желал жестокосердный и мстительный Вебер. Ему сочувствовал и начальник губернии с прочею братиею. Они порешили на истязании и кровопролитии крестьян. Так и сделали. Губернатор, отвергши претензии крестьян, шепнул: стрелять для страху в народ из ружей холостыми зарядами, а потом говорунов-стариков беспощадно сечь — кого палками, кого розгами. Слышно, из числа этих мучеников за свободу один уже умер, а другие очень близки к смерти. При таких варварских мерах беззащитные крестьяне уступили силе и согласились отбывать барщину. Вебер, обрадовавшись успеху, немедленно распорядился мнимопокорившимся крестьянам выдать из барских арсеналов всю земледельческую аммуницию, дать волов и лошадей с провиантом и фуражем и за конвоем вооруженных солдат отправил их распахивать необозримые помещичьи степи — 98 тысяч десятин земли. Какова должна быть картина сочетания плугов с ружьями, боевыми патронами и штыками! Какой-то успех примет эта крестьянско-военная демонстрация!..

---

[1] Погодин, М. П. (1800—1875), реакционный историк николаевской эпохи, профессор Московского университета, академик.

Выписка из письма К. Руд. из Одессы от 20 апреля к Ивану Ивановичу Ордынскому [1] в Москву.

Меня на прошлой неделе посылали сделать объезд по нескольким деревням в окрестностях города, где, по донесению дворянского предводителя, крестьяне, не поняв темного смысла манифеста, решительно отказались от работ на своих помещиков. Конечно, все это представлено было в виде ужасном, угрожающем всей России и названо громким именем бунта. Дали предводителю четыре роты Волынского полка, силою которых молодец этот, без совести и стыда, старался внушать крестьянам их долг различными истязаниями. Недоумевающие мужички еще больше были удивлены, как стали требовать от них выдачи зачинщиков. Несмотря на логичные их ссылки на то, что смысл манифеста, будто бы предоставляющий им выбор ходить или не ходить на барские работы, — был поясняем так попами и некоторыми управляющими, — подобные представления не принимались, и несчастных лупили напропалую. Крики: «Секи нас всех, мы все виноваты одинаково» — также не подействовали. Уездный предводитель дворянства Свечин, будучи сам помещик, прикрываясь властью своей, действовал весьма решительно; в пяти или шести деревнях произвел экзекуции... Сейчас получены новые известия о новых истязаниях в уездах: Тираспольском, Ананьевском и Ольвиопольском; здесь говорят, отличился и Голынский. Бедные мужички, за них слова никто не промолвит.

Выписка из письма Юрия Самарина [2] из Самары от 22 апреля 1861 г. к Ивану Павловичу Арапетову [3] в С.-Петербург.

В течение одного месяца мы здесь пережили два периода, и теперь вступаем в третий. Период грустного разочарования начался с обнародования манифеста. Затем наступил период выжидательного сопротивления или пассивного уклонения от исполнения повинностей. Были поводы опасаться, что единовременные и почти повсеместные попытки (большей частью совершенно безнаказанные) вовсе не выходить на работу перейдут в общую стачку; но этому помешали многие обстоятельства, между прочими: отдаленность селений друг от друга, трудность сообщений, распутица и т. д. Теперь, к а ж е т с я, начинает проникать в сознание крестьян убеждение, что повинности не отменены. Они говорят: «Помещики у п р о с и л и царя еще на два года дать им попользоваться, а там объявят н а с т о я щ у ю волю. Нечего делать, два года потерпим». Теперь весь вопрос в том: в эти два года настолько ли улучшится положение крестьян, чтоб убедить их в возможности правильного и законного хода реформы до полного выкупа земли и заставить их отказаться от надежды на „coup d'état".

Теперь все толкуют в деревнях Положение, каждый по своему, и потому едва ли кому-нибудь удастся около себя сгруппировать целую

---

[1] Ордынский, И. И., младший капитан управления генерального штаба.

[2] Самарин, Ю. Ф. (1819—1876), крупный помещик, славянофильский историк и общественный деятель эпохи освобождения крестьян, член редакционных комиссий.

[3] Арапетов, И. П. (1811—1887), тайный советник, член редакционных комиссий.

массу. Гораздо важнее другое явление, конечно не новое, не неожиданное, но которое теперь обнаружилось перед всеми с сокрушительной ясностью. Это полное, безусловное недоверие народа ко всему официальному, законному, pour tout ce qui est constitué, то есть ко всей той половине русской земли, которая не народ. Обыкновенно официальность и образованность относятся к народу, как власть, т. е. передает приказания и требует послушания. В настоящем случае пришлось толковать, объяснять, убеждать, разуверять. Мы встретились с народным убеждением, и сами убедились, что оно не только не подвластно нам, но что вообще слово не берет его, не действует на него нисколько. Спор возможен только при одном условии, когда у спорящих есть хоть одна общая исходная точка, хоть один факт, в котором они не сомневаются. Этого-то и не оказалось на сей раз. Манифест, мундир, чиновник, указ, губернатор, священники с крестом, высочайшее повеление — все это ложь, обман, подлог. Всему этому народ покоряется, подобно тому, как он выносит стужу, метели и засуху, но ничему не верит, ничего не признает, ничему не уступает своего убеждения. Правда, носится перед ним образ разлученного с ним царя, но не того, который живет в Петербурге, назначает губернаторов, издает высочайшие повеления и передвигает войска, а какого-то другого, самосданного, полумифического, который завтра же может вырасти из земли в образе пьяного дьячка или бессрочноотпускного. Вот до чего довела нас история последних полутораста лет, и в которой так называемая наука восхищается нормальностью прогресса. Конечно, в глазах наших профессоров и журналистов, вожатых общественного мнения, все это дрянь и мелочь, о которой нечего и говорить, когда другие явления ослепляют глаза своим блеском. Например, учреждается новая кафедра римских древностей, за гробом Мартынова[1] валит толпа, в воскресные школы заглядывают праздные студенты и в журналах гласность берет свое, т. е. никому неизвестные господа друг друга обличают во лжи и рассказывают скандалы про своих приятелей!

Выписка из письма И. Унковского[2] из Чернигова от 30 апреля 1861 г. к Федору Семеновичу Унковскому в С.-Петербург.

Саша пишет, что во всех губерниях почти беспорядки; в таком случае неутешительно, если я скажу, что черниговские беспорядки сравнительно вздор. Казачий полк, проходивший через Новгород-Северск по назначению в Царство Польское, свалился к нам, как манна небесная. Он помог успокоить 9 тысяч душ в этом уезде, 3 тысячи — в Кролевецком, в имениях генерала Соломки и 5 тысяч душ — в Стародубском. Реакция благотворная произошла по случаю 4-х дневной задержки казаков в Новгород-Северском уезде, с которыми я в это время обошел 25 поместий — 180 верст и одним устрашением водворил спокойствие. На 9 тысяч душ, наказанных розгами, от 10 до 30 ударов, около 50 человек, единственно для усиления власти земской полиции, которая изумительно утратилась с получением Поло-

[1] Мартынов, А. Е. (1816—1860), талантливый актер русской драматической сцены.
[2] Унковский, И. С., контр-адмирал, усмиритель крестьянских волнений в Черниговской губ., командированный из Петербурга для объявления манифеста.

жения, так что крестьяне стали без всякого надзора, и если бы оставить их еще на некоторое время в безначалии, то я не сомневаюсь в вероятии кровавого междоусобия. Затем 36 человек закованных заключены в острог; сии последние, как подстрекатели и ложные толкователи манифеста, крайне опасны по своему нравственному влиянию на толпу дикую до изумления; из них один такой гусь, у которого найдено несколько сочинений Герцена, самых возмутительных. Таким образом в продолжение трех недель мне пришлось в четырех уездах успокоить до 19 тысяч душ, включая Нежинских, при содействии военной силы. Дело обошлось так благополучно, что не было ни одного несчастного случая. Пробовал я один говорить с миром и положительно убедился, что увещания, не поддержанные силой, не только бесполезны, но даже вредны, ибо после продолжительного разговора хамы начинают фамильярничать, что крайне опасно относительно утраты должного на них влияния, которое благотворно содействует умеренности в наказаниях.

Весьма непрактично предоставлена Положением власть мировых посредников уездным предводителям на время переходное, безначальное, до образования сельских и волостных обществ и до назначения мировых посредников. Естественно ли, чтобы уездный предводитель, при административных занятиях, имел время разъезжать по уезду для бесплодного увещания неповинующихся крестьян, особенно с тех пор, когда крестьяне, получив личные преимущества гражданских прав, в несколько минут почувствовали себя равными с их бывшими властелинами-деспотами. Возможно ли, с падением крепостной зависимости, сохранить уездным предводителям, стоящим во главе помещиков, нравственное влияние на крестьян, которые в настоящее время смотрят на бывших владельцев своих, как на кандалы, тяготившие их сотни лет и сброшенные по особенной над ними благодати промысла? Свежий опыт внушил мне несомненную уверенность, что поводом к беспорядкам, возникнувшим в Черниговской, вероятно, и в других губерниях, было ограничение власти земской полиции по обнародовании манифеста. Я знаю, что за несколько дней до манифеста исправникам было приказано избегать взысканий с крестьян, в особенности телесного наказания. Нелепость таких распоряжений, на основании Положения исполненная, очевидна в настоящее время. Много нужно было энергии, [чтобы] поднять власть исправников, и лишь только она начала действовать по силе должного влияния, лишь только крестьяне поняли, что свобода не есть безначалие, — волнение между ними стало заметно утихать без особенных насилий. Плохо, если бы вместо обыкновенных и в благоразумной умеренности полицейских мер пришлось водворять спокойствие кнутами палачей и висельницами.

Завтра еду в Мглинский, Новозыбковский и Городненский уезды, где всего до 7 тысяч душ неповинующихся; но, кажется, нет такого упорства, как было в первых.

Выписка из письма с подписью: «Весь твой Иван»[1] из Орла от 1 мая 1861 г. к Василию Матвеевичу Лазаревскому[2] в С.-Петербург.

Наши члены все разъехались, а потому и заседаний нет; а теперь-то они и нужны. Вице-губернатор, ужасно нерешительный человек, без присутствия боится сделать шаг, а между тем почти каждый день получаются известия, что крестьяне не спокойны, хотя до сих пор и не было ничего особенного, все оканчивалось по стародавнему обычаю — розгами. Сколько теперь секут мужиков! Страшно подумать! И что всего досаднее, так это то, что во всех случаях волнений, которые были тут, всегда виноваты помещики, а секут крестьян. Как-то поведет это дело Левашов?[3] На него мало возлагают тут надежд.

Выписка из письма Карла Красков... из Старого Оскола, Курск. губ., от 10 мая к Михаилу Илларионовичу Бибикову[4], в Москву.

У нас пока все по-старому, но будущее неутешительно. С одной стороны, Положение о крестьянах, довольно неопределенное, брошено как-то неловко людям, неумеющим понимать свободы без своеволия, людям, о нравственности которых теперь уже не печется никто, ибо хотя синод и разослал циркуляр, чтобы священники поучали народ, но это останется мертвой буквой; с другой, плантаторство не отстает от своих закоснелых привычек, а напротив того, изыскивает средства более и более дразнить народ, так что становится грустно, слыша разные проделки во многих местах. Между тем народ, почувствовав свои силы, начинает проявлять их и уже безнаказанно не позволяет над собой издеваться, а между тем, поддержки не находит ни в ком и нигде; это дает повод к большому своевольству, а оно заражает и тех, которые не имеют причин жаловаться. В Бирюченском уезде, кроме некоторых довольно многочисленных мелких случаев, общего движения масс еще не было, но в Волочанском имении князя Трубецкого разыгралась препеприятная драма. Имение это замечательно огромным количеством писарей и разных должностных лиц, которые беспощадно грабят народ; а управляющий, человек негодный во всех отношениях, некто Лебедев, не обращает на это внимания потому, что сам не чист совестью. Крестьяне на шестой неделе поста в огромном количестве явились к нему с жалобой на этих «Пилатов», как они говорят, и для переговора о разных своих нуждах. Управляющий не только не хотел их выслушать, но разругавшись, велел гнать со двора. Те, справедливо обидевшись, отказались от повиновения. Разумеется, явился становой — и ничего не сделал. Исправник — тоже; прибыл, наконец, и предводитель с временным отделением да эскадроном гусар — ничто не помогло; крестьяне говорят о своих обидах — их не слушают, а требуют только выдачи зачинщиков, требование это, конечно, не исполняется, и вследствие сего, к стыду человечества, заставляют гусар переловить говорунов арканами!!. Досадно мне это тем более, что предводителем там отличнейший человек — Дмитрий Иванович Бекарюков, и я не понимаю: как он решился на такие меры!..

[1] Лазаревский, Иван Матвеевич, помещик Орловской губернии, секретарь губернского присутствия по крестьянским делам.
[2] Лазаревский, В. М., чиновник министерства внутренних дел.
[3] Левашов, Н. В., граф, ген.-майор свиты его величества, назначенный губернатором в Орловскую губернию.
[4] Бибиков, М. И., штабс-капитан гвардейского корпуса.

Выписка из письма Мих. Дмитриева из Сызрани, Симб. губ., 11 мая к Федору Михайлов. Дмитриеву в Москву.

Верстах в 20 от нас, в имении девицы Кротковой (отца которой во время холеры крестьяне сожгли живого), в селе Шигонах крестьяне отказались совсем от работы. Приведено было 300 человек солдат и приехал флигель-адъютант Гессе. Крестьян усмирили, а зачинщика крестьянина велено прогнать сквозь строй 2500 человек — до смерти. Становой потребовал от меня 20 мужиков для присутствия при наказании. Между тем содержание войска становится разорительным. В Шигонах собирается на солдат по 60 р. сер. в день и кроме сего по два ведра вина, крупа, мука и режут по три коровы в день на говядину. На содержание офицеров берется особенно.

Выписка из письма И. Кобеляцкого из дер. Вихова, Черниговской губ., от 15 мая 1861 г. к Ивану Степановичу Псиолу[1] в С.-Петербург.

У нас теперь начинает восстановляться спокойствие и порядок, нарушенные неожиданным объявлением реформы и разноречивыми толкованиями крестьянских обязанностей в течение переходного периода. Целые толпы народа из всех уездов стекались в Чернигов к начальнику губернии спрашивать об их положении и со словом радушного приема получали слова вразумления, что однакож нисколько не мешало им по возвращении домой толковать чорт знает что и работать только в половину того, что должны работать по Положению, а в некоторых местах и вовсе не работать. Помещики большей частью терпеливо и снисходительно переносили это замешательство и только при упорстве и продолжительности оного обращались к полиции, которая, зная, что русский человек крепок умом задним, пороли малороссийские задницы по старому Положению и таким путем достигали цели весьма удовлетворительно. Волнения более сильные, несопровождавшиеся впрочем нигде ни буйством ни посягательством на личность владельцев, преследовались военными экзекуциями, при которых розги сыпались в изобилии несравненно большем, чем из щедрой руки становых и исправников. Подобная секуция была в Нежинском уезде, в имении Глебовой, и там (мне рассказывали это за верное) одному солдату пришлось пороть своего отца-крестьянина. Сынок не стеснился этой операцией и, посекая батькину спину, приговаривал: «ось, бачите, тату, царя и закона слухати треба!».

Все это, как видишь, гадко и омерзительно, но меньшие братья наши пока еще очень малы, а о маленьких бывший наш учитель говаривал: «Розга костей не переломит, а только добро сделает» и это правило, несмотря на все умствования наших педагогов, разделяется теперь вполне самыми гуманными из реформаторов.

В самом деле, никогда в народе не видели мы столько гадостей и желания делать панам своим пакости и всевозможные убытки, как теперь, так что за недостатком в нем образования, приличного новому Положению, необходимо вразумление на старом Положении, и этот порядок продлится, вероятно, еще довольно долго, с той только

[1] Псиол, И. С., член Черниговского губернского комитета управления государственного коннозаводства.

разницей, что помещик наказывал доселе крестьянина одним, много двумя десятками ударов, а полиция будет отваливать их ему, из любви к самому предмету, сотнями.

Сельские общества уже открыты и мировые посредники в большей части уездов избраны. Выбор их не всегда удачен: люди истинно благонамеренные и могущие вести это дело как должно и по совести, или обойдены вовсе, или отказались сами, чувствуя несоразмерность сил своих с громадностью обязанностей. Были впрочем и такие, из числа истинно достойных, которых сперва убедили принять на себя звание мировых посредников, но потом, при назначении, их обошли и назначили других, не сказав приглашенным ни слова, и поставив их в положение человека, ласково подозванного и получившего непосредственно затем пинка. Есть в числе избранных и с рыльцем в пуху.

Выписка из письма Арсеньева из Витебска от 17 мая 1861 г., к Михаилу Николаевичу Ахматову [1] в С.-Петербург.

Здесь дела идут так скверно, что право, как бы преднамеренно ведут здешних добрых, глупых латышей к бунту. Инфлянтские плантаторы, генералы, дерут людей не на живот, а на смерть, поставили край в какое-то осадное положение, водят по деревням батальоны, провозглашают о каких-то небывалых восстаниях, и наивно величаются своей храбростию и своими распоряжениями! Бедный государь, бедная Россия! Что с ними делают!

Весть о смене Игнатьева не произвела на меня особенного впечатления. Радуюсь только, что одним негодяем менее в доблестной семье губернаторов. Но что толку! Назначат кого-либо еще похуже!

Выписка из письма Дм. Гаврилова из Владимир. губ., от 19 мая 1861 г. к Якову Александровичу Соловьеву [2], в С.-Петербург.

Официальная сторона действий по крестьянскому делу известна вам из двухнедельных донесений губернатора, позвольте упомянуть кратко и об изнанке.

Жалобы и недоразумения в отношениях крестьян и помещиков беспрерывны; губернское присутствие было буквально наводнено ими, особенно в апреле, когда не было еще посредников. Мы обратились в судей невольно, действием необходимости, не имея духу отказывать в разборе за формальными причинами; та же необходимость вынудила нас этот суд производить устно и гласно. Большей частию дела оканчивались словесно; реже, по необходимости, допускалась переписка. Смею сказать, что этот способ действий, не сопряженный ни с какими мерами насилия, был удачен: все оканчивалось разъяснениями и убеждениями, и только в известном вам деле Нарышкина, мы должны были прибегнуть к употреблению принудительных мер по неплатежу оброка (по 252 ст. местн. полож. о продаже имущества, отдаче в заработки и т. д.). Эти меры возможно было употребить и без воен-

[1] Ахматов, М. Н., чиновник министерства внутренних дел.

[2] Соловьев, Я. А. (1820—1876), сенатор, член редакционных комиссий, сторонник освобождения крестьян с землей за выкуп ее крестьянами у помещиков.

ной силы; но введение ее в имение было следствием малодушия местной власти и излишнего усердия генерал-майора. Во всяком случае употребление их в самое короткое время обратило крестьян к повиновению, несмотря на мнение генерала, полагавшего, что не обойдется без шпицрутена и в этом смысле испросившего высочайшее повеление о военном суде.

Но в то время, как наши действия, проникнутые примирительным направлением, успокаивали и отвращали беспорядок, многие недоразумения, не доходя до нас, останавливались на разборе предводителей, исправников и становых приставов. В этих случаях часто никакого разбора не было, начинали с ругательств, побоев, сечения, сажания в кандалы; подобные меры были часто поводом к укоренению заблуждений и упрямства, раздражали и водворяли недоверие к власти. В некоторых случаях удавалось, если дело во-время доходило до нас, успокаивать и восстанавливать порядок; но в других — местные власти, ради энергии, быстро распоряжались введением экзекуции, и мы узнавали об этом уже слишком поздно. Должно впрочем сказать, что доселе введение экзекуций водворяло безмолвное послушание и согласие на исполнение даже и того, чего вовсе не следует исполнять, но при помощи только жестоких сечений. Случая сопротивления доселе ни малейшего не было. В этом смысле, для дворян, введение команды и сечения гораздо выгоднее, чем разбор губернского присутствия. Поэтому «сечь» сделалось теперь девизом и криком уездного дворянства, и исправники, и предводители секут без разбора и пощады! Никогда, в тягчайшие времена известного права, не было стольких наказаний без суда, как теперь. Приведет ли это к добру, предоставляю судить вам самим. Хорошо будет новое устройство, которому полагается начало розгами! — Напуганные беспрерывно раздающимися в уездах хлыстаньями, крестьяне перестают ходить с жалобами, но за то в них растет раздражение, и они теряют всякое доверие к закону, который сперва было приняли с такой радостью.

За доказательствами ходить недалеко: в министерстве известно дело о крестьянах Кокошкина (Гороховецкого уезда), которые, можно прямо сказать, были взволнованы нелепым и несправедливым распоряжением полоумного предводителя Соломирского, хотевшего навязать им бурмистра бездельника и преступника, и они же подверглись за то нашествию гренадер, истязаниям и кандалам. Далее: судогодские власти донесли, что происходит положительный бунт в 20 имениях и более, где до 3500 душ, и истребовали военную команду в 36 человек. С этой командой предводитель и исправник путешествуют по уезду, останавливаясь во всяком имении, секут там, приводят, по их словам, в повиновение и переходят для того же в следующее имение и т. д. В сутки они делают таким образом две-три экспедиции. Возможны ли такие проделки, если бы была тень возмущения? Фактов таких гибель.

Губернское присутствие изредка только может останавливать это безумие, ибо исполнительные действия не доходят до него, или прямо разрешаются одним губернатором, по совещании с генерал-майором.

Губернатор, человек, как вам известно, слабохарактерный и уступающий всякому напору, хотя сам по себе и недурного направления. Сколков[1] тоже, кажется, человек не злой, но он ни понятий, ни убеж-

[1] Сколков, ген.-майор, командированный из Петербурга для объявления манифеста.

дений, ни опыта, — кроме приобретенных в адъютантской службе — не имеет; а по адъютантским понятиям произвол и сечение есть одно из оснований жизни и деятельности. Кроме того и на них обоих действуют беспрерывные вопли дворянства «сечь, сечь, сечь!».

Я был на днях в Судогодском уезде, в северной его части и, по поручению губернатора, открывал в этой части общества. Ничего не может быть смирнее и покорнее народа, который я видел и который местные власти и помещики представляли мне как вертеп головорезов. Все, чего они просили — это разъяснить и растолковать им Положение. В этой местности много имений на смешанной и весьма тяжкой повинности; они жаловались и просили облегчения; но при разъяснении правил о приведении в действие безмолвно покорялись, обещая нести покойно свое ярмо на остающееся время. Условие успеха в этих случаях однако, чтоб крестьяне верили в того, кто с ними говорит. Устройство общественного управления вообще идет удачно и отлично принимается у народа. Но замечательно, что народ принимает и ценит общину совсем не как хозяйственную, а как политическую и административную единицу. Все разнопоместные селения единогласно объявляют желание образовать одно общество (под одну державу) и все единогласно же требуют избрания нового старосты (казенного), что везде им и разрешается; между тем они совершенно отделяют дела с помещиками от дел чисто административных; в разнопоместных селениях общества прямо указывали, что для дел с помещиками должны быть особые сходы (то вотчинный, а то общественный сход) и желали, чтоб помещики оставили своих старост для надзора за своим хозяйством или оброками (помещичий староста). Вновь избранные старосты обнаруживают особенное усердие, рвение и строгость в исполнении обязанностей.

Вообще я убедился, что нет лучше случая для внушений и разъяснений крестьянам законов, как при открытии и образовании общественных властей. Крестьяне ждут с нетерпением волостей — учреждение это даст им два драгоценных права: суд и выдачу паспортов. У нас волости откроются в первой половине июня, а к 1 июля будут и старшины и судьи.

Назначение мировых посредников у нас почти окончено. Положительно дурно назначение в Вязниковском уезде, где два посредника: Кашинцев и Гвоздев, известные буяны, взяточники и воры; из них первый опозорен и по суду. Не понимаю, как решился Тиличеев[1] на подобное назначение человека с запятнанным и гнусно-запятнанным формуляром. Можно опасаться за порядок в уезде при таких людях.

Выписка из письма Юрия Самарина из Самары, от 22 мая, к Николаю Николаевичу Павлову[2] в Москву.

Удаление Ланского[3] и Милютина[4] не столько признак реакции, сделать уступку дворянству и, так сказать, задобрить его, пожертвовав

[1] Тиличеев, Е. С., владимирский губернатор.

[2] Павлов, Н. Н., уездный предводитель дворянства в Верее, Московской губ.

[3] Ланской, С. С. (1787—1862), министр внутренних дел, деятель крестьянской реформы. В апреле 1861 г. был смещен под влиянием группы крепостников-помещиков, с крайним реакционером М. Н. Муравьевым во главе.

[4] Милютин, Н. А. (1818—1872), товарищ министра внутренних дел, руководитель всех работ по крестьянскому вопросу, был смещен вместе с Ланским.

сделать уступку дворянству и, так сказать, задобрить его, пожертвовав ему несколькими личностями, особенно видными и противными большинству помещиков. Вопрос в том: смена испытанных деятелей не отзовется ли на самом ходе дела. Валуев[1] прежде всего и по преимуществу человек со вкусом, одаренный природным и выработанным в систему чувством приличия. Я уверен, что он не сделает и не допустит ничего резкого, крутого, сумасбродного. Но достаточно ли отрицательного достоинства? За Милютина же радуюсь: здоровье его жены требует поездки заграницу, да и ему самому отдых необходим. Время наступает такое, что благо тем, кто на время устранится обстоятельствами от служебной деятельности. Пора вдохновения и решимости прошла, наступает естественное расслабление, как последствие чрезвычайного напряжения воли. Теперь пойдут интриги, сделки, полумеры, и вы увидите, что никто долго не удержится на месте: люди будут изнашиваться как перчатки. Совсем забыть Милютина трудно, особенно оставшись перед ним в долгу.

Самарскую губернию хранит бог. Губернское присутствие решилось немедленно приступить к единовременному открытию сельских и волостных обществ. Эта мера оправдалась успехом, который превзошел все ожидания. Теперь в шести уездах открыты сельские общества и, по отзыву всех помещиков, крестьяне повсеместно выбрали лучших людей. Ни одной жалобы не было подано. С тех пор, как во главе крестьян стали начальники из их среды, начальники, ответственные за них и за которых отвечают общества, их избравшие, — все пошло иначе: барщина отбывается не в пример исправнее, местами даже усердно, пассивное сопротивление или отлынивание от барщины прекратилось.

Были и у нас разглашатели ложных слухов, не по невежеству, а злонамеренные, но они нигде не увлекли за собой массы. Кажется, теперь можно поручиться за два года спокойствия. Я говорю два года потому, что крестьяне затвердили этот срок и, внутренно, отложили до наступления его надежду на осуществление вольности, как они ее понимают, т. е. с землей и без повинностей. Два года много значит, лишь бы умели ими воспользоваться. По-моему, вопрос теперь вот в чем: в эти два года настолько ли поднимется общий уровень благосостояния,—настолько ли подвинется переход с барщины на оброк и выкуп, чтобы народ сам собой, мало по малу, помирился с правильным и постепенным улучшением своего быта, в пределах закона, и отказался от надежды на внезапное осуществление своей мечты посредством какого-нибудь эффектного coup d'état? Если мы этого не достигнем, виноваты будем мы. А уже народ преобразился. Его узнать нельзя. Он выпрямился. Положение развязало ему язык, и сознание присвоенного ему права, которого еще он ясно не понимает, проникло его насквозь. Я убедился, что в этом отношении, как гражданин, по сознанию своей личной самостоятельности, вчерашний крепостной крестьянин теперь уже стоит гораздо выше казенного крестьянина. Причина понятна. С помещиком можно спорить и тягаться, можно на него искать суда и расправы у правительства. А когда казна — вотчинница

[1] Валуев, П. А. (1814—1890), министр внутренних дел, сменивший Ланского, ставленник реакционеров, лавировавший между либеральной буржуазией и крепостниками-помещиками.

и правительство — одно лицо, остается снимать шапку и покориться молча. Законная борьба с противоположным интересом поднимает дух и укрепляет волю; покорность же перед законом, необходимость убивает и притупляет.

Выписка из письма Бабста из Валок, Харьковской губ., от 19 июля, к Валентину Федоровичу Коршу, в Москву.

Здешний край — богат и великолепен, но все как-то съежилось и примолкло в ожидании решения крестьянского вопроса. Решение же вопроса и применение на практике — только что начинается, и как это распутается, — мы еще посмотрим. Ни ужасов, ни революций не будет, но разрешатся поземельные отношения именно здесь, так, как не снилось ни редакционной комиссии, ни правительству. Треть помещиков, по крайней мере, сотрется с лица земли; их места займут мелкие, т. е. средней руки, собственники из зажиточных крестьян, которые составят зерно здорового зажиточного сословия землевладельцев, они же заедят бедных крестьян, если последним не будет открыта полная свобода передвижения на новые земли. Симптомы этого явления заметны уже и теперь, именно здесь, где и понятия нет об общинной собственности.

А вот вам образчик нравов здешнего дворянства и служащих людей. В 40 верстах от нас крестьяне стали шалить, прибили атамана (т. е. старосту), и действительно жестоко бесчинствовали. К ним послана экзекуция и усмиряли их два генерала — один жандармский, другой—артиллерийский. Мужиков стали так жестоко наказывать, что посредник вступился: «Вы представьте уж нам, — был ответ, — ваше дело кончено! На смерть! По ляшкам, сильнее!» кричат экзекуторы. По окончании экзекуции был вечер у помещика. Играли в карты: Один из экзекуторов ходит с валета, другой бьет, приговаривая: «по ляшкам!», третий убивает и кричит: «на смерть!» — и все общество кричит, и дамы хохочут... Дикари, батюшка, дикари, а все-таки еще самое лучшее и образованное сословие!

II. Безднинское дело.

Выписка из письма Н. Булича[1] из Казани, от 15 апреля 1861 г. к Константину Никитичу Буличу в С.-Петербург.

Со всех сторон только и слышишь о разных приключениях, о казаках, о исправниках. Адъютанты скачут как угорелые. В Алексеевском, говорят, сильное волнение. В известном тебе львовском Юнусове было нечто поважнее. Там отказались работать. Был послан Вержбицкий, по особым поручениям при губернаторе, с 6 казаками. Его не послушались. Он должен был запереться в доме и вытребовать роту солдат. Попили, поели, пограбили мужиков и пересекли их. Все повинились. И это было совершенно кстати, потому что вслед за уходом Вержбицкого является в Юнусово на тройке высокий молодой человек и объявляет себя царским посланником, привезшим им волю. Крестья-

[1] Булич, Н. Н. (1824—1895), историк русской литературы, профессор Казанского университета.

не под влиянием страха недавней экзекуции, схватили его, связали и привезли в Казань. Это сын Кощановского дьячка, выгнанный из семинарии. Таких деятелей теперь довольно. Выгнанные чиновники разъезжают по деревням, берут деньги, пьют с мужиками и «читают волю». И этаких двух привезли сюда. Признак довольно зловещий, свидетельствующий, что мы не довольно далеко ушли в развитии. В Тюлягах на базаре показывали в панораме портрет государя, все лицо в крови, якобы избитое помещиками... Но вот событие более важное, более печальное! Уверяю тебя честью, что я пишу голую правду, не прибавляя, не убавляя ничего ни в ту, ни в другую сторону. Факты, которые я сообщаю, взвешены и проверены критикой и из верных источников.

Вскоре по обнародовании манифеста и в особенности Положений в имении Пушкина Спасского уезда, в селе Бездне (помещик живет в Казани) между крестьянами, отчасти раскольниками, появился молодой крестьянин Антон Петров, доселе считаемый за глупого и ленивого, в роли пророка. У него на руке оказалась какая-то рана. Под влиянием переворота, сначала в шутку, может быть, а потом и сам убежденный, он стал рассказывать о каких-то снах, и из своей раны вынимал золотую волю и золотую грамоту о воле. Народ стал собираться, слушать его, верить. Вскоре, а это шло очень быстро, он получил влияние. Крестьяне окрестных сел собирались тоже в Бездну, слушать его. Толпа увеличилась, но совершенно безоружная, толкуя только о том, что они совершенно свободны. Пушкинские крестьяне просили барина приехать к ним, говоря, что только ему одному поверят, что никого, кроме его, слушать не хотят. Он не поехал и сделал дурно. Дворянский предводитель уезда Молоствов и исправник Шишкин напрасно убеждали их разойтись и выдать пророка. Толпа возросла до 5 000 человек. Антон Петров собирал и наряжал по 25 человек из окрестных помещичьих деревень. Его самого хранили как святыню. Тогда донесли в Казань. Надобно заметить, что в каждом уезде Казанской губернии расположены роты Днепровского и Азовского полков, а в Спасском, где более всего помещичьих крестьян, их вовсе не было. Объяснить это можно только оплошностью. Впрочем надобно и то заметить, что губернатор, неладящий с помещиками, поступал вообще так, что очевидно было, что он старается оградить крестьянина. Положения были разосланы с рассыльными простыми и крестьянам не было ничего объяснено.

Находящийся здесь свитский генерал-майор граф Апраксин (читай Бездненский, — этот титул принадлежит ему вполне, я его жалую им), человек, о котором я ни от кого не слыхал, чтоб он был умен, поехал в Бездну, вероятно под «pression morale» Казанского клуба, где теперь сходятся все слухи и раздаются все крики. Вслед за ним отправилась рота Днепровского полка. Это было в субботу, 8 апреля. Двинулись роты из уездов Тетюшского и Чистопольского. Граф Апраксин выжил трое суток в Спасске, дожидаясь войск, а между тем прислал за подкреплением в Казань. Отправились две роты гарнизона, под предводительством Половцова с двумя лучшими пушками (у нас остались еще только две); их чистили два дня. Но Апраксин не дождался войск и распорядился с одной ротой. Между тем Антон Петров все уверял толпу, что, пока он жив, будет воля. Его берегли и уважали. Сто человек постоянно охраняли его. Народ соби-

рался в Бездну верхами, даже из Чистопольского уезда. Вокруг села были объездчики, нечто в роде пикетов. Из села никого не выпускали. Когда разнеслись слухи о приближении войска, все старики, женщины и дети отправлены были из Бездны в окрестности. Из женщин остались только мать и жена пророка — охранять его. Не забудь, что у них не было никакого оружия. Подошедший к собравшейся на улице и на крышах и заборах толпе Апраксин, с ротой, с Молоствовым, Шишкиным и адъютантом Половцовым требовал выдачи пророка и повиновения. Народ не послушался. Он говорил, что не знает его, что он может быть самозванец, что они стоят за батюшку-царя, которого обманывают помещики и чиновники. Антон Петров уверил их, что с ними ничего не будет, что если и выстрелят три раза по закону, так это ничего, что потом они будут вольные, и что он сам поедет в Петербург и привезет от царя волю. Толпа народу стояла в кучке, как стадо баранов. Я не думаю, чтоб граф употребил все средства для убеждения; я уверен даже, что этого не было. Рота пришла 12 апреля, в 8 часов утра; а через час, в 9 часов, все было кончено. На него падает тяжкое обвинение, что, собирая войска, он не дождался всех сил, с которыми он мог бы действовать иначе. Совет военный (граф. Молоствов, Шишкин и Половцов) решил стрелять. Рота солдат Днепровского полка сделала по толпе баранов в нескольких шагах пять залпов (не забудь, что между каждым залпом надобно было заряжать, а крестьян было в 50 раз больше, и они могли разорвать в куски солдат). Бедный народ только стонал после каждого залпа, падал и крестился, поминая заветные слова манифеста (он только одни их и понял хорошо), да повторяя, что он умирает за царя. Волосы подымаются дыбом при рассказе о бойне. По приказанию адъютанта Половцова стреляли в некоторых людей, более кричавших, как в цель, и солдаты только приговаривали: «Слушаю, выше благородие!» После пятого залпа Антон Петров с книгой «Положений» на голове вышел вперед, и сам отдался в руки. Теперь он в Спасске. Толпа разбежалась. Многие потонули в Бездне, провалившись на льду. Убито до 70 человек; на другой день от ран умерло еще 15; о числе раненых не умею сказать. Замечательно, что благородное воинство, отправляясь на войну, не взяло с собой врача, и что врач из Казани поехал на место бойни через двое суток после убийства. До тех пор раненые были без помощи. Толпа разбежалась, но вчера вечером я слышал, что разбежавшиеся собираются по разным деревням. Я надеюсь, что ты позаботишься всеми средствами о распространении моего письма, так как сведения не могут быть вполне верными у вас. Тут же решительно все правда.

Все это грустно, очень грустно! Чем виноват этот бедный народ, неразвитый, невежественный? На кого тяжелым упреком падут эти невинные жертвы? Что нельзя было допустить усилиться волнению — это правда. Но спрашивается, нельзя ли было предупредить его или распорядиться иначе.

Недостаток средств сообщения, обычный мрак, покрывающий Русь, мешают знать, что делается кругом. Слышно, что в Симбирской губернии убийств нет, но что Эссен сечет там жестоко.

В Пермской губернии заводы сильно волнуются: это поважнее другого, в особенности говорят о Соликамском уезде. Есть и Пугачевские

симптомы: семейства Демидовых и Молоствовых под влиянием «panique» бежали сюда из-за Камы. Страшная проба для народа.

По последним известиям убито в Бездне до 80 и 73 раненых, а сделано было только 300 выстрелов. Студенты нашего университета и духовной академии служили торжественную панихиду в кладбищенской церкви.

Выписка из письма без подписи[1] из Казани от 19 апреля 1861 г. к Валериану Александровичу Половцову[2] в С.-Петербург.

Находился я эти дни в Казани, и с отвращением наблюдал за эффектом, произведенным на здешних помещиков грустным происшествием в селе Бездне. Кто не видал сам, тот ни за что поверить не может, до какой степени глубоко испорчены эти люди; радости их при получении известия о стрельбе не было конца, — те, которые поумнее, старались скрыть ее, а глупые и того не делали; многие публично пили шампанское и поздравляли друг друга с успехом; мало того, слабые женщины и те выказывали свою радость и жалели только о том, что убитых было слишком мало. Апраксина — дурака, человека без сердца и ни к чему не способного, — провозглашают усмирителем и спасителем края. Из случая, в котором упорство крестьян может быть совершенно понятно растолковано, сделали они грозное возмущение, задуманное издавна; одним словом, дворянство снова показало себя самым отвратительным образом. Венцом его глупых и подлых действий было написание Козлянинову[3] письма за подписью 60 помещиков, находящихся теперь в городе. В письме этом они жалуются на слишком человеколюбивые действия его, Козлянинова, подчиненных его и земской полиции, просят о принятии мер более строгих, и объявляют, что кровь, пролитая в Бездне, падает не на совесть помещиков, а на совесть допустивших начало беспорядков, т. е. тех, которые действовали, по мнению их, слишком человеколюбиво. Нечего сказать, хорошее сословие, из подлецов подлецы; сами же помещики сидят в Казани, и в имения свои трусят показываться; там же, где, в виде редкого исключения, живут сами помещики и действуют благоразумно, там все спокойно. Другие сословия ужасно негодуют на Апраксина, и 16-го была сделана студентами сильная манифестация: собравшись в большом количестве, они отправились на кладбище и отслужили панихиду по убитым крестьянам; дело христианское, к которому никто не имеет права придраться.

Мы все находимся в сильном волнении по случаю ожидаемого на-

---

[1] На подлиннике имеется карандашная помета, сделанная III отделением с. е. и. в. к. — «Ф. Половцов».

Половцов, Ф. А., старший адъютант штаба казанского военного губернатора, участник расстрела крестьян в с. Бездне, затем был назначен в комиссию по расследованию причин волнения бездненских крестьян. Комиссия под председательством К. Г. Перцова не нашла ни одного виновного в этом деле. В письме к брату В. А., от 15 мая 1861 г. (см. стр. 30), Половцов подробно описал работу комиссии и ее результаты. Это письмо через III отделение попало к царю, и Половцов получил отставку. См. его воспоминания в журнале «Исторический вестник» № 11 за 1907 г.

[2] Половцов, В. А., чиновник министерства государственных имуществ, брат автора письма Ф. А. Половцова.

[3] Козлянинов, П. Ф., казанский губернатор.

днях приезда генерал-адъютанта Бибикова[1], посланного сюда по случаю бывших беспокойств. Чья-то возьмет, вот важный вопрос? По моему убеждению, Козлянинов действовал совершенно хорошо, и следует ожидать, что Бибиков, как человек умный, это поймет, но с другой стороны, боюсь, чтобы не действовал он на том основании, что Козлянинов виноват не в причинах волнений, а в том только, что волнения были.

На письмо дворянства Козлянинов не отвечал, а так как написание его есть дело незаконное, потому что давать правительству советов никто не в праве, то он отправил оное в подлиннике к министру внутренних дел на его рассуждение.

Выписка из письма барона Розена[2] из Нижнего Новгорода от 26 апреля 1861 г. к Николаю Николаевичу Тютчеву[3] в С.-Петербург.

Печальные события в Казанской губернии вам, конечно, уже известны, они повторились, хотя не в таких размерах, и в Пензе и Тамбове. Очевидец крестьянского бунта в с. Бездне уверяет, что число раненых и убитых гораздо значительнее, и что большая часть раненых погибла по недостатку врачебного пособия. Врачей, посланных из Спасского затона компанией «Меркурий», не допустили к больным, и только на шестой день после побоища обратились к ним с просьбой о содействии. Все это очень и очень горестно; но еще более горестно видеть то сочувствие, которое возбудили такие ужасные меры между здешними дворянами, и страшно слышать рассуждения присланного сюда генерала свиты е. в. кн. Шаховского, который не стыдится утверждать, что в подобном случае он положил бы на месте не 160, а 360 человек. Не знаю, кого винить в казанских несчастиях? От глупого Апраксина нельзя было ожидать находчивости и уменья говорить с народом; а от крестьян еще менее можно было ожидать полного понимания нового Положения и доверия к словам людей, которые с ними не говорят иначе, как окруженные солдатами или полицией...

Выписка из письма В. Бабилина из дер. Приволье, Симбирской губ. от 12 мая 1861 г. к Григорию Евлампиевичу Благосветлову[4] в С.-Петербург.

Сообщаю вам, что и как здесь говорится о совершающихся около нас событиях. В народе настроение умов прежнее: бездненская бойня напугала, сломила сопротивление, но не уничтожила народных стремлений, не изменила его заветных желаний и отнюдь не заставила лучше понять непонятное Положение. Оно впрочем и не могло быть

---

[1] Бибиков, И. Г., генерал-адъютант, командированный по высочайшему повелению с исключительными полномочиями для усмирения крестьянских волнений в Казанской и Пермской губерниях.

[2] Розен, А. Е., декабрист, во время проведения крестьянской реформы был мировым посредником в Харьковской губернии.

[3] Тютчев, Н. Н., начальник 1-го отделения департамента уделов министерства императорского двора.

[4] Благосветлов, Г. Е. (1826—1880), публицист, редактор «Русского слова».

иначе: насильственные меры не убеждают и не просвещают. Народ попрежнему недоволен, попрежнему волнуется; в народе говорят, что все случившееся должно было случиться; в старых книгах написано, что настоящая воля не может быть добыта без крови, что сперва польется кровь крестьян, а потом потечет и помещичья, — а так как крестьянская уже пролита, то настоящую волю будет теперь легче добыть. Начальника и толкователя в Бездне, Антона Петрова, расстреляли; а многие этому не верят, говорят, что Антон бежал, а расстрелян товарищ его, назвавшийся его именем, чтобы спасти учителя. Многие не верят между народом, чтобы царь велел стрелять в народ; думают, что это было злоупотребление начальства, подкупленного помещиками. Некоторые уверяют, что движение в Бездне не было чисто крестьянским движением; что у зачинщиков были деньги в руках; что они рассылали агентов по всем окрестным деревням и щедро платили за развозку этих агентов; говорят, что между убитыми найдены 2 татарина и что в даче непокорным денег подозревается один из богатых казанских купцов-татар; насколько все это справедливо, не знаю.

В последнем движении в Инсарском уезде, усмиренном Дренякиным[1], многие видят попытки революционной партии, а другие происки иностранные; во всяком случае появление трехцветных знамен, символа революционного, дело не крестьян; знамена не были сшиты из разноцветных кусков, а прямо вытканы трехцветными, что вряд ли могло быть сделано у нас.

В Симбирской губернии дело покуда кончалось все розгами; зато здешний флигель-адъютант едва успевает сечь, несмотря на содействие земской и даже городской полиции; он почти постоянно переезжает из одного уезда в другой. Недавно в Буинском уезде должен был пересечь целую деревню поголовно; всем взрослым дано по 200 розог, и только после этого они выдали зачинщиков; этим последним дано еще по 300 сверхштатных розог. Военные команды беспрестанно переходят с места на место.

Говоря о всех этих происшествиях, я не касаюсь уже мелких неповиновений и мелких экзекуций, их слишком много и говорить о них не стоит, особенно при других более важных движениях и беспорядках. Маленькие неповиновения могут служить только доказательством неудовольствия народа и волнения в нем.

Выписка из письма Ф. Половцова из Казани от 15 мая 1861 г. к Валериану Александровичу Половцову в С.-Петербург.

Пишу тебе из села Юркуль, куда занесла меня судьба и производство следствия о причинах неповиновения и волнения срочно обязанных крестьян Спасского уезда... С каждым днем открываются нам глупые, но вместе с тем бесчеловечные действия Апраксина. Дурак этот, по одержании им блистательной победы, принял немедленно самые деятельные меры к арестованию сколько можно большого количества крестьян. В одну неделю, по его приказанию, забрали более ста человек, неизвестно за какие вины. Помещики, обрадованные та-

[1] Дренякин, А. М., ген.-майор свиты его величества, командированный для объявления манифеста в Пензенскую губернию.

кими поступками, заставляли перепуганных крестьян отправляться к Апраксину просить прощения и выдавать зачинщиков, как бы выбранных миром, но на самом деле назначенных тем же помещиком из людей ему или неприятных или ненужных. Апраксин говорил приличную случаю речь, а зачинщиков несуществовавшего бунта тащили немедленно в Спасский тюремный замок или сажали в их же деревни под караул. Теперь выпустили мы почти всех этих несчастных, против которых нет не только юридических доказательств, но и никаких сколько-нибудь серьезных обвинений; однако некоторые из них просидели более месяца в самую рабочую пору; яровые поля не засеяны совсем у тех, где в доме был один работник, что по случаю удачного сражения Апраксина встречается весьма нередко. Теперь кончили мы следствие по самой Бездне, где было сборище, и по пяти ближайшим и более всего участвовавшим деревням и всего осталось два арестанта, два старца, действительно виновные в том, что посылали народ в Бездну с угрозами и принуждениями, зная, что там уже есть солдаты; разумеется, что и эти старики действовали, не имея никакой определенной цели, тем более, что они уже за старостью на барщину не ходят; распоряжались они общими силами как люди, пользующиеся общим уважением. Вообще все настоящее следствие убеждает меня, более чем когда-либо в том, как хорошо было крестьянам быть крепостными. Одним только словом «воля» Антон Петров делал из них все, что хотел, и будь он порешительнее или, скорее, будь у него определенная цель, тогда, обещая народу волю, он мог бы наделать много, и никакая скотина вроде Апраксина его бы не остановила. Тут же, напротив того, он хотел одной воли, но к насильственным мерам ни за что прибегать не хотел. Поэтому он строго запрещал крестьянам, приходившим на сходку в Бездну, иметь с собой палки; если у кого была палка, то должен был бросить ее при входе в деревню. Что теперь делается в Казани, я не знаю. Полагать надо, что ничего особенно хорошего; Бибиков был и уехал, но чем и как ознаменовал свое пребывание, я не знаю. Дошла до меня новость весьма грустная: Апраксину дали Владимира на шею за выказанную им энергию при усмирении крестьян. Положим, что в своем донесении он наврал как сивый мерин; но неужели не доходят до государя известия, более справедливые, и неужели можно думать, что этот глупейший человек способен сделать что-нибудь порядочное? Апраксин уехал из Бездны, страшно труся быть студентами где-либо на улице поколоченным, чего я ему от души желаю. Следствие вероятно продолжится дней десять; всякий день радуюсь я, что назначили меня на это дело; работы довольно много, но давно не был я так доволен собой, как при выпуске арестантов-крестьян; многие из них до того были напуганы, что и верить не хотели такому благополучию.

III. Волнения крестьян в Пензенской губернии.

Выписка из письма Алексея Панчулидзева[1] из Пензы от 19 апреля к Александру Алексеевичу Панчулидзеву[2] в Москву.

Вы поверить не можете, что сделалось с Пензой и всей губернией; даже недоброжелатели вздыхают о прошедшем времени. Какие у нас в губернии ужасные происшествия! По прочтении манифеста все было тихо и спокойно: народ видимо обманулся в своих ожиданиях на счет свободы, но лишь только разослали Положение — почти повсеместное неповиновение, и работы пошли из рук вон плохо. В Чемодановке, Бахтеевке, Лопуховке были явные восстания, в других местах тоже,— и причиной этому наши деревенские попы, которые перетолковали Положение и тем смущали народ. Но в вотчинах гр. Уварова крестьяне решительно отказались итти на работу, и все убеждения остались тщетными; но если бы тотчас потребовали предводителя и послали туда хотя одну роту при земской полиции, то возмущение, ограничиваясь одним Черногаем, было бы подавлено в зародыше; mais avec notre maniaque comment voulez vous que les affaires marchent? Он ничего не предпринимал решительного, а только приказал исправнику Андрееву снова убеждать их. Исправник, буквально исполняя его приказания, снова явился туда, но уже все соседственные деревни восстали, и его приняли не 250 душ, а 3 000. Пока он читал им глупейшее сочинение графа о повиновении управляющему, толпа сгрудилась, и Андреев вместе с управляющим, двумя солдатами и юнкером были схвачены. Тогда ротный командир (10 роты Тарутинского полка, в составе 60 человек) ударил сбор и повел солдат на выручку исправника, но крестьяне бросились на роту, солдаты открыли огонь, многих убили, но рота отступила за неимением патронов. Теперь Дренякин пошел усмирять эту толпу, которая возросла до 12 тысяч человек, потому что все вотчины бывшие Разумовского присоединились к Уваровским... Всего интереснее, что наш граф по сие время не послал сделать формального следствия о возмущении. Он и ухом не ведет!..

Выписка из письма Арапова[3] из Пензы от 29 апреля 1861 г. к Николаю Павловичу Бахметеву в С.-Петербург.

О беспорядках, у нас случившихся и конченных, Дренякин доносил государю, и государь через телеграф благодарил его за дельные распоряжения. Но, к несчастию, в 15 верстах оттуда, где было возмущение, какое-то село Никольское опять не повинуется, распуская слухи, что едет по чугунке царь и царица и везут царское войско, которое пойдет против здешних солдат и уничтожит всех; а до тех пор они будут держаться. Вот тебе нелепые и несообразные идеи, можно ли было подобному народу дать вольность?

Дренякин — человек добрый, а между прочим действует, как следует...

---

[1] Панчулидзев, Алексей Алексеевич, гв. поручик, мировой посредник по Пензенскому уезду, Пензенской губ.

[2] Панчулидзев, Александр Алексеевич (1789—1867), бывший пензенский губернатор, в отставке.

[3] Арапов, пензенский губернский предводитель дворянства.

Выписка из письма Михаила Дмитриева из Сызрани, Симбирск. губ. от 9 июня к Федору Михайловичу Дмитриеву в Москву.

В Пензенской губ., в Чембарском уезде, взбунтовались три села; к ним пристали другие, всего 5 тысяч человек.

Привели несколько рот солдат; солдаты отказались стрелять, и один из них убил прикладом погрозившего ему офицера. Тогда приведено было несколько батальонов и приехал свиты е. в. генерал Дренякин. Растреляно 30 чел., сквозь строй прогнано множество, убито несколько сот. Возмутил их солдат, разъезжавший в генеральском мундире и назвавшийся графом Толстым, бывшим адъютантом покойного государя Александра Павловича. Бунтовавшие села разрушены и срыты, а оставшиеся жители, не говоря о сотнях, прогнанных сквозь строй, сосланы для переселения на Амур. Такое срытие сел бывало при Екатерине, и при Николае Павловиче был такой пример в Черниговской губернии. Одним словом, вопреки мягким известиям газет о немедленной покорности, как скоро приходят войска, — Россия полита кровью!

За Волгой, в Самарской губернии, разграблен мужиками дом кн. Трубецкого.

Что писано в газетах о селах: Шигоны, Репьевка и др. — все это ложь. Кому знать лучше как не нам? Шигоны от нас верст 20, и туда были потребованы от меня понятые, а Репьевка — 40 верст. В последней наказано 50 чел., и так, что один из них умер. Вот каково это немедленное покорство по прибытии войска!

Мои крестьяне тихи. На этих днях приезжал посредник выбирать из них судей; они прежде всего спросили его: «А ежели мы кого выберем, да господину не понравится?». Между тем руссицизм берет таки свое! Посредник, после выбора судей, говоря им о наказаниях, сказал им, чтобы больше 20 розог не давать, — они возразили ему: «Мало, батюшка! не проймешь!». Он, разумеется, шутя, отвечал им: «Ну да ведь нынче считается на серебро, так выдавайте 20 серебром». Они приняли это за благосклонное разрешение и отвечали: «Разве уж так!» — потом, помолчав, спросили еще: «А прибавить можно?!..». Таковы понятия о себе самом и о своей чувствительности нашего народа! Это еще у меня, где было мягкое управление: а каковы там, где привыкли?.

IV. Мировые посредники.

Выписка из письма от сына из Петровска, Саратовской губ., 26 апреля к Александру Ив. Кошелеву[1] в Москву.

Расскажу о нашем съезде в Петровске. 18 было собрание; народу было много и много было разных толков. Смысл всех их был весьма неотрадный, а именно: все изощряли свой ум, как бы повернуть так статью Положения, чтобы сорвать что-нибудь лишнее. Потом приступили к вопросу, какое мы полагаем вознаграждение мелкопоместным? Дворянство положило: 120 р. сер. за каждую ревизскую душу от каз-

[1] Кошелев, А. И. (1806—1883), известный публицист, славянофил, сторонник освобождения крестьян с землей.

ны помещику с правом ему требовать выселения его крестьян на казенные земли и переселения на счет казны. Как видите, мы махнули широко нашей дворянской рукой! В посредники для пяти участков выбрали трех консерваторов, одного шулера и пьяницу и только пятый человек образованный и либеральный. На самый праздник пришли ко мне все крестьяне христосоваться, более 200 человек, и из них только двое или трое при сей оказии хотели было попросить на семена, но их удержали все, сказавши, что теперь не время просить, что они пришли повидаться только.

Новый священник великолепно глуп, а дьякон завел у себя шинок. Вот от чего, может быть, даже в праздник, церковь была не прибрана и в грязи.

Выписка из письма с неразобранной подписью из Раненбурга, Рязанской губернии, от 28 апреля к Александру Дмитриевичу Кирьякову в Москву.

В понедельник на фоминой будет чрезвычайный дворянский съезд для выбора мировых посредников и обсуждения некоторых обстоятельств, могущих встретиться при новом Положении. Волконской действует благоразумно, добросовестно и отлично.

Жалобам нет конца: везде волнения, дух своевольства и неповиновения. Особенно важного еще ничего не было, но за последствия отвечать нельзя. Земская полиция не остается в бездействии: ей почти всякий день доставляют практику.

На днях были выборы посредников в Ряжске. Эту новость привез Головнин [1], очевидный свидетель; предводитель назначил людей по своему усмотрению, и эти люди, в видах улучшения не быта крестьян, а своего собственного, рассчитывают, что место посредника может доставить 10 тысяч сер. безгрешного дохода. Если многие одушевятся этой благородной мыслию, то жалкая перспектива для упрочения на будущее время нашего шаткого благосостояния.

Да здравствует прогресс!

Выписка из письма Елизаветы Ш. из Нижнего Новгорода от 14 мая к Ивану Ивановичу Живареву [2] в Москву.

...У нас нельзя себе представить, каких людей выбрали нижегородские помещики в мировые посредники — все, что ни есть хуже и по нравственности, и нетрезвости, и уму; понятно, какую доверенность такие личности будут иметь от крестьян, и какое влияние они могут иметь на них, — а из Петербурга предписывают, чтобы не противиться помещикам и предводителям и как можно более соглашаться с ними!

Выписка из письма Николая Павлова из Серпухова, Московской губернии, от 15 мая к Ивану Сергеевичу Аксакову в Москву.

Одна барыня требовала с крестьянина Ефрема курицу; тот не дал, и вот она обратилась к нашему становому. Этот господин отнял у

[1] Головнин Н., поручик, мировой посредник по Спасскому уезду, Рязанской губернии.

[2] Живарев, И. И., переводчик Московского главного архива министерства иностранных дел.

крестьянина в пользу барыни пять куриц и, видите ли, это он сделал «для дисциплины». Таков порядок и в крупных делах у не становых.

Тульский губернатор безносый Дараган (как его называют), если чем и популярен в своей губернии, так это именно тем, что про него говорят: «Полноте, батюшка, вы думаете, что он чем-нибудь занимается, да ему-то что? Живет в свое удовольствие, а там по нем хоть трава не расти». Судите, можно ли положиться на такого администратора при выборе им посредников. Предводитель же, который поедет к нему со списками, едва ли многим лучше его. Норов, 80-летний старик, в долгу, как в шелку, рутинер, консерватор в худшем смысле этого слова. Меньшинство зовет его плутом, который двух сыновей своих, недорослей, записал в список для получения 3 тысяч руб., и большинство из 525 каширских помещиков верит, что этот тонкий человек, готовый служить на словах и нашим, и вашим, своим влиянием на губернатора даст уезду таких мировых посредников, которые запоют старую песенку даже и не на новый лад. Затянут прежнюю барщину — это именно чаяние каширских помещиков. И вот им Пестов (приказный, как зовут его даже крестьяне), будущий мировой наш посредник и владетель 7 500 десятин. Этот господин на съезде помещиков, перелистывая Положение, в виде обожания приговаривал, указывая на некоторые статьи: «А вот тут и прицепка! А вот, тут и крючок! А вот это опять на-двое толкуй!»

Выписка из письма Алексея Суворова из Воронежа от 29 мая к графине Сальяс в Москву.

В «Русской речи» я читал о мировых посредниках. Удивительно, как это Кавелин [1] так фантазирует! Посмотрел бы он на наших посредников, послушал бы он их! От большинства из них добра ждать нечего.

У нас выбран один господин, фамилию которого я забыл, он служил в министерстве иностранных дел и имеет орден какого-то четвероногого, кажется, льва с придачей солнца. Этот господин вот что вещает: «По моему, — говорит, — по-больше эффекта с этой сволочью (то-есть народом), — и пойдет все как по маслу! Что до меня, так я вот как намерен поступать: найму непременно гусара, он будет скакать впереди меня верхом, в полной форме, а за ним я в карете шестерней, с орденом и в мундире. Это ослепит народ. Делами, разумеется, не буду заниматься: на это будет у меня письмоводитель, я же собственно для того, чтобы внушить народу уважение» и пр. и пр.

А другие и о взяточках мечтают, и будут брать — в этом и сомневаться нельзя.

Выписка из письма без подписи из Сапожка, Рязанской губ., от 13 июня к Ивану Сергеевичу Аксакову в Москву.

Волостные сходы, сочиненные редакционной комиссией, встречены с самым сильным сопротивлением. Крестьяне долго не соглашались

[1] Кавелин, К. Д. (1818—1885), историк, публицист, сторонник освобождения крестьян с землей и с выкупом не только за землю, но и за личность крестьянина.

избирать выборных. Когда им растолковано, что на то есть закон, воля царская, то они исполнили это следующим образом: назначили старшину на мирском сходе и выборным приказали, чтобы старшиной был ими назначенный. Это выборные и сказали на выборе старшины. Искусственное разделение властей также не понравилось крестьянам, и старшина везде будет судить с судьями. На выкуп земли крестьяне весьма согласны, но 49-летний срок возбуждает их общий смех, и они на это смотрят как на обман. Платить в казну они согласны, но и слышать не хотят о добавочном взносе помещику. Мировые посредники не могут иметь никакого значения, потому что выбраны все люди или ничтожные, или неблагонадежные и неблагонамеренные. Я знаю три уезда, в которых нет ни одного сносного человека. Следовательно, 100—200 хороших посредников не могут спасти учреждение, состоящее из 2 000 или 3 000 лиц. Крестьяне приходят теперь с просьбами и жалобами к посредникам, потому, что они их испытывают, но вскоре это прекратится. Теперь водворено временное, крайне ненадежное спокойствие. Пламя может разом охватить все здание. Мы, не понимая теперь, как говорил Талейран [1]: «Nons dansons sur un Wolcan». А помещики! Ах помещики, чуть отдохнут, и опять воображают, что можно удержать прежнюю барщину и прежний порядок. Когда я приехал сюда, они были все в страхе и ужасе: все согласны были отпустить на оброк за полцены; теперь и чорт им не брат. Хорошо, что крестьяне стоят очень дружно и стойко...

Выписка из письма Алексея Нарышкина [2] из Орла от 10 июня 1861 г. к Якову Александровичу Соловьеву [3] в С.-Петербург.

Выбор посредников, совершенный во мраке кабинета, вышел у нас один из самых жалких, как следовало ожидать. Едва наберется 15% из всей массы личностей честных, благородных, смышленных, — остальные составляют плотную дружину, которая явно будет под предводительством господ Хвостова и Ржевского, вам известных, и которые уже теперь, при самом вступлении в должности, заявляют намерение отделаться всеми средствами от провозглашаемого им бюрократического влияния губернского присутствия и произвести децентрализацию, ибо, по словам их, они одни должны иметь дело с жизнью на местах. Эти великолепные фразы всех соблазняют, а в сущности они, на местах имея в полной своей власти и земскую полицию дворянскую и выборы должностных лиц, а главное, хитрое мастерство искажать смысл статей Положения всегда в пользу свою, — образуют отдельные пашалыки [4] и будут творить неправду и зло, которые, при дальнем расстоянии уездов, никогда до вас и не дойдут.

Выбор членов от правительства производится также во мраке под тем же влиянием.

---

[1] Талейран, Ш. (1754—1838), французский политический деятель, дипломат.

[2] Нарышкин, А. И., помещик, член губернского присутствия по крестьянским делам.

[3] Соловьев, Я. А., (1820—1876), сенатор, член редакционных комиссий, сторонник освобождения крестьян с землею за выкуп ее крестьянами у помещиков.

[4] Так в подлиннике.

Царизм в борьбе с рабочим движением в годы подъема

«...После трех лет самого бесшабашного разгула контрреволюции народные массы, больше всего угнетенные, придавленные, забитые, запуганные всякого вида преследованиями, снова начинают поднимать голову, снова просыпаются и начинают приниматься за борьбу. Три года казней, преследований, диких расправ уничтожили десятки тысяч одних «врагов» самодержавия, заперев в тюрьмы и услав в ссылку сотни тысяч других, запугали еще сотни и сотни тысяч третьих. Но миллионы и десятки миллионов теперь уже не те, чем они были до революции. Эти миллионы никогда еще в истории России не переживали таких назидательных, наглядных уроков, такой открытой борьбы классов. Что в этих миллионах и десятках миллионов началось новое глубокое, глухое брожение, — это видно из летних стачек текущего года и из недавних демонстраций» [1].

Так расценивал В. И. Ленин начало оживления в революционном движении конца 1910 г.

Гениальный ум и прозорливость Ленина подсказали ему в самом начале оживления рабочего движения, что новый революционный подъем примет грандиозный размах, что он явится началом новой эпохи в истории пролетарской борьбы.

«Первое же начало борьбы, — писал Ленин, — показало нам опять, что живы те силы, которые поколебали царскую власть в 1905 г. и которые разрушат ее в этой грядущей революции. Первое же начало борьбы показало нам опять значение массового движения. Никакие преследования, никакие расправы не могут остановить движения, раз поднялись массы, раз начали шевелиться миллионы» [2].

В годы реакции царизм жестоко мстил рабочему классу за его героическую борьбу в первой русской революции.

Тюрьмы, ссылки, каторга, казни уничтожили сотни и тысячи лучших и преданнейших сынов пролетариата, но не уничтожили рабочего класса и не сломили его воли к борьбе. С января 1912 г. и особенно после ленских событий 1912 г., по всей России проходит волна политических стачек. Перемежаясь с экономическими стачками, вспыхивая в разных городах, на разных заводах, эти стачки снова ставят пролетариат во главе нарастающего общенародного революционного движения.

«Проходит то время, — пишет Ленин, — когда одиночки-террористы могли говорить о «возбуждении» народа террором. Россия ушла вперед от этих печальных времен. Революционный пролетариат в пятом году нашел себе иной «путь в народ», иное средство втягивать в движение массы.

Это средство — революционная стачка, упорная, перебрасывающаяся с ме-

---

[1] Ленин, Соч., т. XIV, стр. 392.
[2] Там же, стр. 393.

ста на место, из одного конца страны в другой, стачка повторная, — стачка, поднимающая отсталых к новой жизни борьбой за экономические улучшения, — стачка, клеймящая и бичующая всякий выдающийся акт насилия, произвола, преступления царизма, — стачка-демонстрация, развертывающая красное знамя на улицах столиц, несущая революционные речи и революционные лозунги в т о л п у, в народную массу.

Такой стачки нельзя вызвать искусственно, но ее нельзя и остановить, когда она стала охватывать сотни и сотни тысяч» [1].

Публикуемые нами документы являются лучшим подтверждением прозорливости Ленина и абсолютной верности линии большевиков в их борьбе с меньшевиками и ликвидаторами. Документы совета министров и отдельных министерств открывают слабые места в системе царизма — и именно те слабые места, по которым била партия большевиков. В то время как меньшевики проповедывали стихийность рабочего движения, выступали против политических стачек, против «стачечного азарта», Ленин указывал на политическую стачку, как на лучшее средство вести рабочий класс к революционному подъему. И царские министры особое внимание обращают на развитие политической стачки. «Ничтожность поводов, — читаем мы в журнале совета министров от 8 августа 1913 г., — выставляемых рабочими в качестве причины забастовки, заставляет предполагать у бастующих иные скрытые побуждения, а, может быть, объясняется и преступным на рабочий люд влиянием извне» [2].

Секретная записка министерства внутренних дел указывает, что «переживаемое ныне забастовочное движение... объединяет рабочих на почве непримиримого отношения к существующему государственному и общественному строю и, таким образом, создает среди рабочих готовые кадры для пополнения революционных партий» [3]. Министры подробно останавливаются на развитии политических стачек, усматривая в их распространении угрозу царской монархии.

1 февраля 1913 г. Ленин писал: «От отдельных ч а с т н ы х вопросов рабочая м а с с а идет к постановке о б щ е г о вопроса. Внимание самых широких масс сосредоточивается уже не на отдельных только настроениях нашей русской жизни. Вопрос ставится о в с е й с о в о к у п н о с т и этих настроений, в целом...» [4].

Агенты буржуазии — меньшевики и ликвидаторы, борясь против политических стачек, выполняли «социальный заказ» правящих классов, помогая царским министрам и полиции в подавлении растущего революционного движения.

В процессе стачечного движения 1912—1914 гг. партия большевиков разгромила ликвидаторов. «Ликвидаторы, — писал Ленин, — своими либеральными речами о «стачечном азарте», п р о т и в соединения экономических и других мотивов в стачечном движении... вызвали законное отвращение рабочих. Рабочие сознательно и твердо провели поэтому «снятие с постов» рабочего движения гг. ликвидаторов» [5].

Хорошей иллюстрацией к этим словам Ленина служат те восклицания ужаса, которые вырываются у всех министров по поводу «других мотивов в стачечном движении».

Какими средствами предполагало царское правительство бороться против

[1] Л е н и н, Соч., т. XVI, стр. 244.
[2] См. стр. 45.
[3] См. стр. 53.
[4] Л е н и н, Соч., т. XVI, стр. 280.
[5] Л е н и н, Соч., т. XVII, стр. 304.

стачек? Еще не отказавшись от зубатовских методов воздействия на рабочий класс, крепостническое самодержавие хочет заставить работодателей проявлять более «отзывчивое отношение к рабочим» и удовлетворять их «непреувеличенные требования», так как неуступчивость фабрикантов вызывает развитие стачек и их перерастание в политическое движение. Министр внутренних дел в своей записке от 14 октября 1913 г. указывает на то, что недоразумения между рабочими и хозяевами нередко возникают по вине самих работодателей. Больше того, та же записка указывает на случаи снижения зарплаты заводчиками с целью искусственно вызвать забастовку и этим получить оправдание своей неисправности перед заказчиками и контрагентами. Так была вызвана притеснением рабочих забастовка на заводе общества Николаевских заводов и верфей, где заводоуправление хотело снять с себя ответственность за просрочку при постройке кораблей [1].

Царские министры вынуждены признать, что стачки «составляют явление, вытекающее из общего строя современной промышленной жизни, основанной на свободе труда» [2]. Но тут же они «разъясняют» эту «свободу труда». Министры сокрушаются по поводу того, что закон не дает достаточных прав администрации привлекать к ответственности рабочих — участников забастовки. Министерство торговли и промышленности разрабатывает предложение о том, чтобы признать неявку на работу в периоды стачек законным поводом к расторжению договорных обязательств. Совет министров постановляет пересмотреть действующие по отношению к стачкам уголовные законоположения с целью расширить права администрации в борьбе с политическими стачками. Министр внутренних дел Н. А. Маклаков предлагает министру торговли и промышленности превратить фабричную инспекцию в своего рода сыскное отделение по борьбе со стачками, на что министр торговли и промышленности отвечает, что фабричная инспекция уже выполняет эту задачу.

Пытаясь по аналогии с европейскими государствами создать примирительные суды для разбора конфликтов между рабочими и хозяевами, министерство внутренних дел предполагает создать их в составе губернатора или градоначальника (председатель) и членов — фабричного инспектора и члена окружного суда. Совет министров считает необходимым придать этим учреждениям некоторые черты гласности и предлагает присоединить к правительственным лицам выборных от фабрикантов и рабочих. Такими зубатовскими приемами правительство намеревалось отвлечь рабочих от революционных методов борьбы. Налицо — лисий хвост и волчьи зубы.

Насколько своеобразно понималась царским правительством «свобода труда», показывает циркуляр министерства внутренних дел, предлагавший полиции требовать в случае невозможности ликвидировать стачку увольнения рабочих. «После чего как безработные, принадлежащие к наиболее беспокойному и сомнительному элементу населения, они должны быть подчинены самому строгому наблюдению со стороны органов местной полиции» [3].

Иллюстрируя лицемерную и подлую сущность самодержавия, публикуемые документы в то же время отражают его растерянность перед лицом развивающегося революционного движения. Об этом ясно говорят споры между министрами о методах ликвидации стачек — путем административным, «в порядке управления», или же путем увольнения рабочих. Беспокойство правительства и министров вполне понятно. Стачечное движение означало не только подъем рабочего класса. Ленин неоднократно указывал, что оно является об-

[1] См. стр. 52.
[2] См. стр. 64.
[3] См. стр. 50.

щенародным движением, «которое выражает объективные нужды всей страны, направляя свои тяжелые удары против центральных сил врага, мешающего развитию страны»[1]. Ленин разрабатывает тактику стачечного движения, переходящего в открытую революционную борьбу. «Если стачки истощают рабочих, — пишет он, — их надо вести вперемежку, давая отдых одним и поднимая на борьбу отдохнувшие или «свежие» силы. Надо устраивать стачки более короткие. Надо заменять иногда стачки демонстрациями»[2].

В течение 1913 г. рабочий класс России и в первую очередь пролетарии Петербурга показали величайшие образцы героизма и выдержки. В этом году питерский пролетариат насчитывает ряд забастовок, продолжавшихся целые месяцы.

В Петербурге в 1913 г. бастовали: Арматурно-электрический завод — 3 ½ месяца подряд, Новый Лесснер — 102 дня, Мастерские Международного общества спальных вагонов — 82 дня, Старый Лесснер — 68 дней, Айваз — 52 дня, Польте — 49 дней, Зигель — 37 дней, Лангензиппен — 31 день и т. д.

В ответ на смерть затравленного черносотенной администрацией рабочего-еврея встали, как один, руководимые большевиками пролетарии завода б. Новый Лесснер, отказываясь выдвигать экономические требования, чтобы ярче подчеркнуть политический характер своей борьбы.

102 дня при горячей поддержке всего рабочего класса, не поддаваясь на уговоры меньшевиков, новолесснеровцы стойко держались против объединенного напора администрации, меньшевиков и охранки. Несмотря на все ухищрения администрации, рабочие завода в течение 102 дней не позволили ни пустить бастующий завод, ни передавать на другие заводы заказы бойкотируемого завода.

Поддержанная всеобщим пролетарским сочувствием забастовка лесснеровских рабочих ярко продемонстрировала, что для рабочих не существует национальных граней. Это была забастовка единства и силы пролетариата всей страны.

На целом ряде крупнейших промышленных гигантов Петербурга частичные забастовки продолжались в течение всего 1913 года почти непрерывно.

Вслед за рабочими в революционную борьбу вовлекалось крестьянство и войско.

Политические забастовки, попытки организации всеобщей политической стачки, начавшиеся баррикадные бои на улицах Петербурга накануне войны—таков путь развития пролетарского движения в России в годы революционного подъема.

Все эти годы, годы подготовки новой революции, рабочий класс России боролся под руководством большевистской партии, партии Ленина и Сталина.

М. Лурье.

Секретное письмо министра внутренних дел Н. А. Маклакова министру торговли и промышленности С. И. Тимашеву от 30 июня 1913 г. № 17479[3].

Милостивый государь, Сергей Иванович.

В последние месяцы, как известно вашему высокопревосходительству, забастовочное движение среди рабочих в С.-Петербурге, заметно

[1] Ленин, Соч., т. XVI, стр. 241.

[2] Там же, стр. 244.

[3] ЛОЦИА, ф. совета министров, 1913 г., д. № 128, лл. 14—15. Документы подготовлены к печати М. Лурье.

разрастаясь, все более охватывает предприятия по обработке металлов и, в особенности, те из них, которые заняты выполнением заказов военного и морского ведомств. Мирное пока течение забастовок и экономический характер предъявляемых рабочими требований не дает поводов для непосредственного вмешательства правительственной власти. Но систематическое распространение их среди тех именно предприятий, бездействие которых при современных политических условиях угрожает самым важным государственным интересам, требовало бы самого серьезного внимания, тем более, что ничтожность поводов, которые нередко выставляются причинами забастовки, заставляет предполагать другие скрытые побуждения и возможность влияния извне.

Признавая ввиду сего настоятельно важным принять ныне же в самом начале развития забастовочного движения меры для его прекращения, я, согласно выводам состоявшегося у меня 28 минувшего июня совещания, нахожу, что первым условием успешности их является планомерность и солидарность в действиях всех учреждений и лиц, заинтересованных в восстановлении нормального порядка.

Для сего я считал бы необходимым, чтобы органы фабричной инспекции и администрация фабрично-заводских предприятий осведомляли бы полицию о всех случаях движения рабочих и о всех данных, служащих к выяснению действительных причин забастовки и ее инициаторов, равно как и о тех мерах, какие предполагаются инспекциею и фабричною администрациею для борьбы с забастовкой.

Наиболее опасные проявления забастовок предусмотрены специальным законом, изложенным в ст. ст. 1359[3]—1359[8] Улож. о наказаниях. По разъяснению правительствующего сената 30 ноября 1910 г., основанием к изданию сего закона послужила опасность для жизненных интересов страны забастовок в предприятиях, имеющих общественное или государственное значение, причем действие его подлежит распространению на все технические артиллерийские заведения и на все заведения военного ведомства. Считая означенный закон весьма действительным средством для борьбы с забастовками, я находил бы обязательным непременное возбуждение судебного преследования против забастовщиков во всех подлежащих случаях, ибо угроза действительной уголовной репрессии, несомненно, имела бы отрезвляющее влияние на рабочих и остановила бы многих из них, которые примыкают к забастовке лишь по чувству солидарности с товарищами. О привлечении к уголовной ответственности рабочих следовало бы вывесить объявление во всех предприятиях, подлежащих действию означенного закона.

Что же касается мер административного воздействия, то применение их без особо важных побудительных причин к рабочим, состоящим еще на фабриках и заводах, я нахожу не только незаконным, но даже вредным, ибо это почти всегда служит поводом к запросам в Государственной думе, которые, вызывая всеобщее внимание и даже сочувствие в некоторых кругах общества, укрепляют самосознание рабочих, служат моральною поддержкою забастовщикам и нередко вызывают даже прилив материальных пожертвований в их пользу. Между тем удаление мерами фабрично-заводской администрации рабочих, оказывающих вредное влияние на товарищей, не представляло бы для нее

никаких существенных затруднений, кроме лишь небольших материальных жертв в виде выдачи условленной при расчете заработной платы за несколько дней вперед. С увольнением же от службы рабочего полиции открывается полная возможность для применения к нему в случае необходимости положения об усиленной охране, как к безработному, представляющему известную опасность для общественного порядка и спокойствия.

Сообщая об изложенном, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство, если вы изволите признавать целесообразным проектируемые мною меры, не отказать в благосклонном содействии к применению их на фабриках и заводах, подведомственных чинам фабричной инспекции.

Соответствующие указания по сему предмету мною сделаны уже с.-петербургскому градоначальнику.

Пользуясь случаем засвидетельствовать вам, милостивый государь уверения в глубоком моем почтении и искренней преданности.

Н. Маклаков

Секретное письмо министра торговли и промышленности С. И. Тимашева министру внутренних дел Н. А. Маклакову от 26 июля 1913 г., № 64/4327 [1].

Милостивый государь, Николай Алексеевич.

Ваше превосходительство, в письме от 30 июня сего года, отмечая развитие забастовочного движения в С.-Петербурге, особенно среди рабочих металлообрабатывающего производства, полагаете, что распространение забастовок среди предприятий, бездействие которых, при современных политических условиях, угрожает самым важным государственным интересам, требовало бы самого серьезного внимания и принятия соответственных мер.

В сих видах и принимая в соображение, что первым условием успешности этих мер является планомерность и солидарность в действиях всех учреждений и лиц, заинтересованных в восстановлении нормального порядка, вы считаете прежде всего необходимым, чтобы органы фабричной инспекции и администрация фабрично-заводских предприятий осведомляли полицию о всех случаях движения рабочих и о всех данных, служащих к выяснению действительных причин забастовки и ее инициаторов, равно как и о тех мерах, какие предполагаются инспекциею и фабричною администрациею для борьбы с забастовкою.

С своей стороны, я нахожу нужным отметить, что и в настоящее время органы фабричной инспекции сообщают губернскому начальству о случаях забастовок, а равно имеющиеся у них сведения о причинах, вызвавших забастовки; но, засим, я готов, идя навстречу желанию вашего превосходительства, подтвердить названной инспекции о необходимости неуклонно исполнять данные в сем отношении указания.

Далее, имея в виду, что наиболее опасные проявления забастовок предусмотрены ст. ст. 1359 [3]—1359 [8] Улож. о наказаниях, и считая

[1] Фонд совета министров, 1913 г., д. № 128, лл. 16—19.

означенный закон весьма действительным средством для борьбы с забастовками, вы находите обязательным непременное возбуждение судебного преследования против забастовщиков во всех подлежащих действию сего закона случаях, причем о привлечении к уголовной ответственности рабочих следовало бы вывесить объявления во всех предприятиях, упомянутых в означенном законе.

Вполне разделяя необходимость строгого применения этого закона, я вместе с тем нахожу, что к возбуждению уголовного преследования надлежало бы приобегать тогда, когда обстоятельства дела дают достаточные основания ожидать обвинительного приговора привлеченных к ответственности лиц, ибо оправдание последних могло бы повести лишь к более смелой и усиленной агитации. С этой точки зрения останавливает на себе особое внимание вопрос о тех предприятиях, к рабочим которых мог бы быть применен изъясненный уголовный закон. К числу таких предприятий, по смыслу указа правительствующего сената по уголовному кассационному департаменту от 30 ноября 1910 г. № 20, надо полагать, относятся все предприятия, тесно связанные с целями государственной обороны, но самое применение уголовной кары поставлено в зависимость от последствий прекращения деятельности предприятия (угроза для безопасности государства или возможность общественного бедствия). Поэтому возбуждение преследования против рабочих таких предприятий требовало бы самого осмотрительного расследования, в каждом отдельном случае, значения приостановки работ такого предприятия с точки зрения установленных ст. 1359[3] Улож. о наказаниях признаков.

Считая затем применение без особо важных побудительных причин мер административного воздействия на рабочих, состоящих еще на фабриках и заводах, нежелательным, вы изволите вместе с тем находить, что удаление мерами фабрично-заводской администрации рабочих, оказывающих вредное влияние на товарищей, не представляло бы для нее никаких существенных затруднений, кроме лишь небольших материальных жертв в виде выдачи условленной при расчете заработной платы за несколько дней вперед.

С своей стороны, вполне соглашаясь с вашим мнением о совершенной нежелательности применения, без особо важных побудительных причин, мер административного воздействия к рабочим, еще состоящим на фабриках и заводах, я не могу не остановиться по поводу предлагаемого вами порядка устранения рабочих, оказывающих вредное на товарищей влияние, на следующих соображениях. Необходимо иметь в виду, что, озаочиваясь всемерным ограждением мирного течения жизни и деятельности предприятия, благоустроенные заводоуправления и ныне пристально наблюдают за своими рабочими и тех из них, которые сеют среди товарищей смуту, при первой возможности удаляют с фабрики и завода. Поэтому дело свелось бы к напоминанию о необходимости соблюдать и вперед этот порядок. В отношении казенных предприятий преподание таких указаний, быть может, не составило бы особых затруднений, хотя мне представлялось бы, что и относительно этих предприятий указанную меру предпочительно осуществлять исподволь, в спокойное время, когда среди рабочих не наблюдается особо возбужденного настроения. Применение же подобной меры в период забастовочного движения могло бы привести к дальней-

шему усилению стачек, так как случаи подобных увольнений и сопряженных с ними для уволенных карательных последствий не прошли бы незаметными для рабочих и внесли бы лишнее возбуждение в рабочую среду. Что же касается частных предприятий, то самый порядок преподания со стороны органов правительственной власти заводоуправлениям означенных указаний едва ли мог бы быть поставлен в соответствующие такому делу условия. Письменные сношения и совещания представлялись бы неуместными, причем нельзя не предвидеть, что большинство предпринимателей уклонилось бы от исполнения означенных предложений. Затем применение к рабочим карательных взысканий по указанию заводоуправлений не могло бы не внести крайнего раздражения в рабочую среду и повело бы к чрезвычайному обострению отношений между заводоуправлением и рабочими. Поэтому проведение намеченных мер требует, во всяком случае, особой осторожности.

В заключение по поводу характера настоящего забастовочного движения считаю долгом сообщить нижеследующее:

Наблюдение над промышленною жизнью, как у нас, так и в Западной Европе показывает, что улучшение промышленной конъюнктуры и подъем деятельности промышленных предприятий постоянно вызывают усиление рабочего движения. Занятые в предприятиях рабочие не могут, конечно, не сознавать, что всякое нарушение правильного течения работ и приостановка производства грозят промышленнику, связанному обязательствами по срочному выполнению заказов, значительными убытками. Такое положение представляется для рабочих особенно благоприятным для настойчивых домогательств повышения расценки труда и улучшения условий работы. С другой стороны, сравнительно крупные заработки за прошлые месяцы усиленной работы облегчают возможность выжидания результатов забастовок. Таким образом известное усиление забастовочного движения, при чревычайном подъеме в настоящее время нашей промышленной деятельности, нельзя не считать свойственным переживаемому ныне экономическому моменту.

Во внимание к важности настоящего вопроса и имея в виду, что в этом деле более или менее заинтересованы все ведомства, я вместе с сим обратился к председателю совета министров с просьбою внести настоящее дело на рассмотрение совета министров.

Пользуюсь случаем засвидетельствовать вашему превосходительству уверение в глубоком моем уважении и искренней преданности.

С. Тимашев.

Особый журнал совета министров по вопросу о мерах борьбы с рабочими забастовками от 8 августа 1913 г.[1]

Секретно.

За последнее время в некоторых фабрично-заводских районах, особенно в С.-Петербургском, наблюдается резкое усиление случаев рабочих забастовок. При этом забастовочное движение проявляется преимущественно в металлообрабатывающих предприятиях, а между тем

[1] Фонд совета министров, 1913 г., д. № 128, лл. 33—35.

бездействие или даже сокращение производства в этих именно предприятиях может крайне неблагоприятно отражаться на интересах обороны государства. Государственная власть не может, конечно, относиться безучастно к отмеченному явлению, тем более что в большинстве случаев ничтожность поводов, выставляемых рабочими в качестве причины забастовки, заставляет предполагать у бастующих иные скрытые побуждения, а, может быть, объясняется и преступным на рабочий люд влиянием извне.

При таком положении дела, озабочиваясь изысканием наилучших способов к пресечению забастовочного движения в самом начале его развития и признавая необходимым условием успешной борьбы с этим злом планомерность и солидарность в действиях всех учреждений и лиц, заинтересованных в восстановлении нормального порядка, министр внутренних дел наметил, в частности, нижеследующие, для достижения преследуемой цели, мероприятия:

1) вменить в обязанность фабричной инспекции и администрации фабрично-заводских предприятий осведомлять полицию о всех случаях движения в рабочей среде и сообщать данные, служащие к выяснению действительных причин забастовки и ее зачинщиков, а равно свои о мерах воздействия на рабочих предположения;

2) неуклонно возбуждать в случаях, предусмотренных статьями 1359[3]—1359[8] Улож. о наказаниях уголовных и исправительных, по продолжению 1906 г., судебное против бастующих преследование, оповестив о сем рабочих в подлежащих предприятиях особыми объявлениями и

3) допускать лишь в виде исключения, при наличии особых побудительных причин, меры административного воздействия в отношении рабочих, не рассчитанных еще с фабрик и заводов, и увольнять, взамен сего, вредные элементы из предприятий распоряжением последних, с применением затем в случае надобности к уволенным, как представляющим опасность для общественного порядка и спокойствия безработным, правил положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия (Уст. пред. прест., ст. 1, прим. 2, прил. 1, изд. 1890 г. и по прод. 1906 г.).

С своей стороны, министр торговли и промышленности, в ответ на сделанное с ним гофмейстером Маклаковым по означенному предмету сношение, заявил, что, не встречая вообще возражений против приведенных мероприятий, в большей своей части не устанавливающих в рассматриваемой области ничего нового, он полагал бы однако необходимым прибегать к уголовному преследованию бастующих лишь с сугубою осторожностью, когда обстоятельства дела дают достаточные основания ожидать обвинительного для привлеченных к ответственности приговора, и, независимо от сего, затруднился бы признать своевременным, а главное — удобоисполнимым, преподание заводоуправлениям особых указаний об увольнении из предприятий рабочих, оказывающих вредное влияние на товарищей. Вместе с тем, в виду важности затронутого вопроса, касающегося притом различных ведомств, тайный советник Тимашев сообщил изъясненную переписку статссекретарю Коковцову, по распоряжению коего дело сие внесено ныне на расмотрение совета министров.

Входя в обсуждение настоящего дела, совет министров выслушал,

прежде всего, дополнительные к сообщенной переписке объяснения тайного советника Тимашева, заявившего, что он не усматривает в нынешнем забастовочном движении каких-либо чрезвычайно тревожных признаков. Не говоря уже о том, что, как показывает опыт, рабочие обычно пользуются подобными переживаемому периодами оживления экономической жизни для усиленного предъявления к работодателям своих требований, из сопоставления имеющихся в распоряжении торговопромышленного ведомства сведений о числе бастующих и количестве пропущенных рабочих дней с несомненностью выясняется краткосрочность отдельных, ныне возникающих, забастовок, особливо в металлообрабатывающих предприятиях, где они приобретают преимущественно окраску политических выступлений. Несколько более продолжительными и упорными оказываются забастовки, имеющие чисто экономический характер и охватывающие, главным образом, предприятия текстильной промышленности. При этом по районам на первое место по развитию забастовочного движения должен быть поставлен г. Лодзь, в коем число бастовавших летом текущего года выражалось примерно в 50 000 человек, затем Николаев и С.-Петербург. Но как бы то ни было, министр торговли и промышленности не может, конечно, не отнестись с величайшим вниманием ко всем предложениям, направленным к борьбе с обсуждаемым крупнейшим злом в современной промышленной жизни. В частности, что касается заявленных ныне ведомством внутренних дел по сему предмету мероприятий, то, отнюдь не оспаривая необходимости непременного и возможно полного осведомления чинами фабричного надзора и заводоуправлениями полиции о всех случаях движения в рабочей среде, что и ныне уже исполняется, тайный советник Тимашев всецело присоединяется, равным образом, и к пожеланию о неуклонном возбуждении против бастующих в предусмотренных статьями 1359^3—1359^8 Улож. о наказаниях уголовных и исправительных по прод. 1906 г. случаях судебного преследования, при условии соблюдения, однако, как сказано, должной осторожности, дабы не вызвать оправдательными приговорами вящего развития преступной среди рабочих агитации.

С своей стороны, по поводу последней меры министр торговли и промышленности не может не отметить, что, насколько ему известно, в настоящее время в применении ее в казенных предприятиях не проявляется нужного однообразия, а этим, конечно, не мало подрывается и полезное значение этой меры. Единственно с чем, по мнению тайного советника Тимашева, трудно согласиться — это с предложением о преподании заводоуправлениям указаний об обязательном удалении ими имеющих вредное на товарищей влияние рабочих. Не подлежит никакому сомнению, что в правильно поставленных предприятиях к этому средству прибегают, в пределах возможности, и ныне. Но едва ли в этом отношении уместны какие-либо общие указания, и во всяком случае выступление с ними было бы крайне неудобным для органов правительства.

Выслушав изложенное, совет министров не мог, с своей стороны, не заметить, что ставшие, к сожалению, за последнее время обычным явлением забастовки рабочих несомненно требует особо пристального внимания правительственной власти. При этом, как указал в заседании гофмейстер Маклаков, нельзя не считаться с тем, что действую-

щий закон (Улож. о наказаниях, ст. ст. 1359[3]—1359[8], по прод. 1906 г.) страдает некоторою неполнотою и не вооружает означенную власть в достаточной степени в борьбе со злом, ибо устанавливает уголовную кару не за забастовку, как таковую, а лишь за возбуждение к ней рабочих, за умышленное повреждение бастующими принадлежащего предприятию имущества, за принуждение к забастовке других рабочих и, наконец, за участие в сообществе, направившем свою деятельность к устройству стачки, и притом, что подтверждено решением уголовного кассационного департамента правительствующего сената от 30 ноября 1910 года за № 20, исключительно в предприятиях, безразлично частных или казенных, прекращение деятельности коих угрожает безопасности государства и создает возможность общественного бедствия. Так как однако пересмотр этих постановлений, даже если признавать его необходимым, требует всестороннего предварительного соображения и обширных подготовительных работ, то он не может, конечно, последовать в ближайшем же будущем, а, следовательно, пока приходится по необходимости ограничиваться мероприятиями в порядке управления, на каковой путь и встало в настоящее время ведомство внутренних дел. Учитывая при сказанных условиях всю важность таких мероприятий и обращаясь к оценке ныне заявленных по рассматриваемому предмету предположений по существу, совет министров не может, действительно, не признать особливо серьезного значения за неуклонным, в пределах разумной осмотрительности, возбуждением судебного преследования против забастовщиков во всех подходящих под признаки вышеприведенных статей закона случаях. Только при повсеместном, однообразном соблюдении этого требования в сознании рабочих вкоренится уверенность, что виновные всегда несут заслуженное наказание, а с тем вместе не мало облегчится и задача власти.

Труднее осуществимою представляется другая из намеченных министром внутренних дел мер — удаление заводоуправлениями из предприятий вредных элементов. В этом отношении надлежит прежде всего иметь в виду, что применение сей меры нередко может повести лишь к озлоблению рабочих и к дальнейшему усилению стачек. Притом же, нельзя не согласиться с заявлением тайного советника Тимашева, что самое преподание особых по сему предмету указаний, по крайней мере, частным заводоуправлениям, едва ли удобоисполнимо и вряд ли приведет к каким-либо практическим результатам. Но в этих указаниях, по мнению совета, не настоит, казалось бы, и надобности. Коль скоро в точности соблюдаться будет правило о привлечении к ответственности зачинщиков и подстрекателей, то тем самым в значительной степени достигнуто будет оздоровление рабочей среды.

В заключение совет министров не может не остановиться еще на одной стороне обсуждаемого вопроса, бесспорно заслуживающей самого серьезного внимания. Как известно, возникают забастовки преимущественно на почве неудовлетворения предъявляемых рабочими к работодателям экономических требований и лишь впоследствии приобретают политический характер. Поэтому одним из наиболее действительных средств к предупреждению забастовок являлось бы более отзывчивое отношение к указанным требованиям, поскольку они оказываются непреувеличенными и действительно оправдываются повсеместно наблюдаемым ныне вздорожанием жизни.

О таковых суждениях своих совет министров положил уведомить главных начальников заинтересованных ведомств для сведения и зависящих, в чем следовать будет, распоряжений.

Подлинный журнал подписан гг. председателем и членами совета министров и скреплен помощником управляющего делами совета.

Представление министра внутренних дел Н. А. Маклакова председателю совета министров В. Н. Коковцову с приложением циркуляра департамента полиции о мерах борьбы с рабочим движением от 20 сентября 1913 г., № 21011 [1].

Милостивый государь, Владимир Николаевич.

Совет министров, обсуждая в заседании 8 августа сего года меры для борьбы с рабочими забастовками, указал, между прочим, на необходимость неуклонного, в пределах разумной осмотрительности, возбуждения судебного преследования против забастовщиков, виновных в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 1359[3]—1359[8] Улож. о наказаниях, а также более отзывчивого отношения к экономическим требованиям рабочих, поскольку они оказываются непреувеличенными и действительно оправдываются вздорожанием жизни.

Вследствие сего имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что еще до обсуждения в совете министров упомянутого вопроса министерством внутренних дел, как изволите усмотреть из копии циркуляра его от 28 июля сего года за № 18769, были даны губернским властям указания, вполне соответствующие мерам, рекомендованным советом министров в означенном заседании.

Пользуюсь случаем засвидетельствовать вам, милостивый государь, уверения в глубоком моем почтении и искренней преданности.

Н. А. Маклаков.

Циркуляр министра внутренних дел губернаторам, градоначальникам и варшавскому обер-полицеймейстеру от 28 июля 1913 г., № 18769 [2].

Непрекращающееся забастовочное движение среди фабрично-заводских рабочих, распространяясь постепенно из С.-Петербурга на другие местности империи, побуждает меня обратить самое серьезное внимание вашего превосходительства на необходимость принятия ныне же мер к прекращению начавшихся забастовок и к устранению поводов и причин к их возникновению в тех фабриках и заводах, которые еще не охвачены забастовкою.

Как известно, очагами забастовочного движения обыкновенно являются те предприятия, в которых, по тем или иным обстоятельствам, условия труда и вознаграждения рабочих оказываются более тягостными и неравномерными, чем в других предприятиях. Посему и ввиду имеющихся сведений о крайне разнообразных условиях труда в однородных предприятиях, необходимо прежде всего при посредстве

[1] Фонд совета министров, 1913 г., д. № 128, л. 38.

[2] Там же, лл. 39—40.

органов фабричной инспекции и полиции установить действительное и постоянное наблюдение в этом отношении за фабрично-заводскими предприятиями и в случае обнаружения в них значительных уклонений от средней нормы оказать возможное воздействие на фабричную администрацию, дабы она, не ожидая предъявления требований на этой почве со стороны рабочих, сама озаботилась бы урегулированием, по соответствию с другими однородными предприятиями, условий расценки, рабочей платы, сверхурочных работ, продолжительности рабочего дня и пр.

Для успешности действия мер, направленных к предупреждению и подавлению забастовочного движения, непременным условием является своевременность принятия их и соответствие этих мер с действительными причинами забастовки, которые не всегда совпадают с формальными требованиями рабочих. Ближайшая и непременная обязанность следить за настроением рабочих и быть в курсе всех условий и вопросов местной рабочей жизни лежит на чинах полиции, содержимых в каждом почти крупном предприятии за его счет. Поэтому они, под угрозой строгого взыскания, а при отсутствии их местная полиция, обязаны при первых же признаках волнения среди рабочих доводить об этом до сведения губернского начальства и фабричной инспекции с указанием действительных причин и инициаторов начинающегося движения.

Дальнейший порядок действий должен быть выработан под руководством губернского начальства и с соблюдением при этом строгой планомерности и солидарности всех учреждений и лиц, заинтересованных в восстановлении нормального порядка. Отдельные выступления органов фабричной инспекции и заводской администрации могут быть допускаемы лишь с ведома и разрешения вашего превосходительства и только в том случае, если они находятся в соответствии с принятым планом. При этом в особенности следует наблюдать, чтобы взыскания, налагаемые на рабочих, были строго согласованы с существующими правилами, определялись на общих для всех основаниях и — раз наложенные — ни в коем случае не подвергались бы сложению.

Наиболее опасные проявления забастовок предусмотрены в ст. ст. 1359^3—1359^8 Улож. о наказаниях и относятся к забастовкам на железных дорогах, казенных и частных, телефонах общего пользования, кроме правительственных, и вообще на всех предприятиях, приостановление или прекращение деятельности коих угрожает безопасности государства или же создает опасность общественного бедствия. При этом, по разъяснению правительствующего сената от 30 ноября 1910 г., действию ст. ст. 1359^3—1359^8 Улож. о наказаниях подлежат также забастовки на всех технических артиллерийских заведениях и на всех заведениях военного ведомства, ибо они, служа для изготовления предметов довольствия войск, тесно связаны с целями государственной обороны, а потому стачки на них угрожают безопасности государства. Таким образом забастовки в означенных заведениях признаются подлежащими действию ст. ст. 1359^3—1359^8 не в силу принадлежности их военному ведомству, а исключительно лишь потому, что на них производится заготовление предметов военного снаряжения. Это указание правительствующего сената в связи с редакциею самого закона, в котором прямо оговорено о распространении его действия и на част-

новладельческие предприятия, подходящие под признаки ст. 1359 Улож. о наказаниях, дает основание к выводу, что в предприятиях, изготовляющих предметы военного снаряжения по заказам военного ведомства, подстрекатели, зачинщики и руководители забастовок, виновные в преступлениях, предусматриваемых ст. ст. 1359[3]—1359[8], подлежат ответственности по упомянутому закону.

Признавая уголовную репрессию по тому впечатлению, которое она производит на рабочих, весьма действительным средством для борьбы с забастовочным движением, я прошу ваше превосходительство при возникновении забастовок в упомянутых выше предприятиях озаботиться применением в надлежащих случаях ст. ст. 1359[3]—1359[8] Улож. о наказаниях, о чем, для предупреждения рабочих, следовало бы заблаговременно вывесить объявление. Но дабы не подрывать значения этой меры неосновательным привлечением к судебной ответственности, необходимо предварительно собрать вполне основательные фактические данные и затем, выяснив, по соглашению с прокурорскою властью, достаточность их для обвинения, привлекать к ответственности лишь действительных зачинщиков и руководителей забастовок, избегая случаев массового судебного преследования. При этом в целях скорейшего рассмотрения судом дела необходимо более тщательное производство по означенным делам дознаний, дабы таковые могли быть направлены прокурорским надзором в суд в порядке 545 ст. уст. уг. судопроизводства.

Если все средства для улажения забастовки окажутся безуспешными и заводоуправление объявит о расчете рабочих, то необходимо настоять, чтобы расчет был обязательно произведен в установленный срок, а по истечении его заработная плата всех рабочих, не явившихся за расчетом, должна быть сдана в депозит подлежащего судебного учреждения. При соблюдении этих условий все рабочие считаются выбывшими из предприятия. После чего, как безработные, принадлежащие к наиболее беспокойному и сомнительному элементу населения, они должны быть подчинены самому строгому наблюдению со стороны органов местной полиции.

Рекомендуя вашему превосходительству приведенные меры, как наиболее действительные по указаниям опыта для борьбы с забастовочным движением, я отнюдь не имею в виду однако исчерпать все те средства, которые могут быть применены для наиболее успешного и быстрого воздействия на забастовщиков. Выбор того или другого из них, находясь в зависимости от местных условий и особенности данного случая, предоставляется усмотрению вашего превосходительства. Но главным и необходимым условием для успешности их, как указано уже выше, является полная осведомленность администрации о бытовых условиях и действительных причинах забастовки, выяснение агитаторов и, наконец, планомерность и своевременность принимаемых мер.

Об изложенном имею честь сообщить вашему превосходительству для руководства.

За министра внутренних дел, товарищ министра, свиты его величества генерал-майор Джунковский.

Секретная записка министерства внутренних дел об учреждении примирительных судов для разбора споров между работодателями и рабочими и о выработке уголовных норм для преследования зачинщиков и агитаторов политических забастовок от 14 октября 1913 г., № 21775[1].

Совет министров в заседании 8 августа сего года, обсуждая причины развития забастовочного движения среди фабрично-заводских рабочих и меры к предупреждению и прекращению забастовок, между прочим, указал, что забастовки возникают преимущественно на почве неудовлетворения предъявленных рабочими к работодателям экономических требований и лишь впоследствии приобретают политический характер. Поэтому одним из наиболее действительных средств к предупреждению забастовок являлось бы более отзывчивое отношение к означенным требованиям, поскольку они оказываются непреувеличенными и действительно оправдываются повсеместно наблюдаемым ныне вздорожанием жизни.

Приняв к руководству вышеприведенные указания совета министров, министр внутренних дел обязывается заметить, что мероприятия, принимавшиеся вверенным ему ведомством, вполне соответствуют направлению, рекомендованному советом министров. Так еще в июле месяце сего года министерством внутренних дел в сношениях с министерствами военным, морским и торговли и промышленности, а также в циркуляре губернским властям от 28 июня сего года за № 18769 было обращено внимание на то обстоятельство, что очагами забастовочного движения обыкновенно являются те предприятия, в которых по тем или иным обстоятельствам условия труда и вознаграждения рабочих оказываются более тягостными и неравномерными, чем в других предприятиях. Посему и в виду имеющихся сведений о крайне разнообразных условиях труда в однородных предприятиях, министерство признало необходимым при посредстве органов фабричной инспекции и полиции установить действительное и постоянное наблюдение в этом отношении за фабрично-заводскими предприятиями и, в случае обнаружения в них значительных уклонений от средней нормы, оказать возможное воздействие на фабричную администрацию, дабы она озаботилась урегулированием, по соответствию с другими однородными предприятиями, условий расценки, рабочей платы, сверхурочных работ, продолжительности рабочего дня и пр.

Озабочиваясь дальнейшим развитием мероприятий по борьбе с забастовками в предуказанном советом министров направлении, министр внутренних дел считает необходимым прежде всего остановиться на исследовании, по фактическим данным, причин замечаемого ныне развития забастовочного движения. По общераспространенному мнению, разделяемому, как видно из журнала совета министров от 8 августа, и министром торговли и промышленности, частое возникновение забастовок в данное время объясняется переживаемым ныне периодом оживления промышленной деятельности, которым пользуются рабочие для усиленного предъявления к работодателям экономических требований. Признавая и с своей стороны, что указанное обстоятельство имеет некоторое значение для развития забастовочного движения, министр внутренних дел обязывается однако же заметить, что недора-

[1] Фонд совета министров, 1913 г., д. № 128, лл. 42—54.

зумения между рабочими и хозяевами, как это устанавливается имеющимися в департаменте полиции сведениями, нередко возникают не только в силу неумеренных требований рабочих, но и по вине самих же работодателей. Так в январе месяце на фабрике Общества российской бумагопрядильной мануфактуры в С.-Петербурге вспыхнула забастовка вследствие понижения расценок. По той же причине — понижения заработка — забастовали рабочие Товарищества новой бумагопрядильни, машиностроительного и прицельного завода Айваза и других предприятий в С.-Петербурге. Рабочие канатной фабрики «Нева», получая по 60—70 коп. в день, потребовали прибавки на 10 коп. и, получив отказ, прекратили работы. В апреле месяце на заводе Лесснера в С.-Петербурге рабочие, по случаю самоубийства рабочего, который был заподозрен в краже мастером, потребовали удаления этого мастера, обвиняя его, кроме того, вообще в грубом и придирчивом отношении; но администрация отказала в удовлетворении этого требования и это послужило причиною продолжительной забастовки не только на этом, но и на другом заводе того же владельца. В снарядо-запалочной мастерской Обуховского сталелитейного завода рабочие получали, сверх урочной платы, премии, которые являлись существенным подспорьем к их содержанию. Но в настоящем году выдача премий заводоуправлением была отменена, и когда вследствие этого рабочие прекратили работы, то им был объявлен расчет с тем, что желающие из них будут приняты вновь на работы лишь после медицинского освидетельствования, установленного для приема новых рабочих. Все остальные рабочие, собравшись на работы, обратились с просьбой к начальнику завода о принятии рассчитанных рабочих без медицинского освидетельствования, при котором, несомненно, были бы забракованы многие из них, растратившие свои силы и здоровье на этом же заводе; когда в этом было отказано, то рабочие объявили общую забастовку.

Иногда поводы к забастовке намеренно создаются самими фабрикантами, которые, тяготясь уступками, сделанными ими в прежнее время рабочим, рассчитывают произвести новый набор их на других, более выгодных для себя условиях. Наконец, бывают случаи, когда забастовка вызывается заводовладельцем, предвидящим невозможность выполнить принятые на себя обязательства, дабы этим путем оправдать свою неисправность перед контрагентами. Примером подобного рода может служить забастовка на заводе Общества Николаевских заводов и верфей, которая была вызвана намеренными притеснениями рабочих со стороны заводоуправления, дабы этим снять с себя ответственность за просрочку при постройке кораблей.

В последнее время петербургские фабриканты и заводчики возбудили вопрос об организации локаута, дабы объединить свои действия в борьбе с притязаниями рабочих и понудить их на уступки угрозою лишить упорствующих заработка на всех входящих в локаут предприятиях.

Оставляя в стороне забастовки, поводы к которым создаются с той или другой стороны искусственно по посторонним побуждениям или же по причинам политического характера, необходимо заметить, что в большинстве других случаев первоначальными причинами возникновения забастовок являются какие-либо недоразумения на экономи-

ческой почве со стороны небольшой сравнительно группы рабочих. В первое время мирное разрешение вопроса на почве взаимных уступок казалось бы весьма возможным. Но стороны упорствуют; к рабочим, заявившим претензию, примыкают, в силу солидарности, новые цеховые группы; требования рабочих обобщаются и разрастаются, возникают столкновения; агитация органов прессы и революционных кружков усиливает взаимное ожесточение и упорство. Таким образом наступает период, когда разрешение спора по добровольному соглашению оказывается уже невозможным и уступки для прекращения забастовки делаются лишь вынужденно, под угрозою, с одной стороны, полного расстройства дела, а с другой — нищеты и голода. Но насильственный характер этих уступок исключает возможность полного примирения сторон, и столкновение прекращается лишь до первого удобного случая.

Замечаемое в последние годы развитие забастовок, вспыхивающих внезапно иногда по самым ничтожным поводам и захватывающих с чрезмерною быстротою обширные районы с десятками тысяч рабочих, несомненно, является крупнейшим злом современной промышленной жизни. Но независимо от сего, переживаемое ныне забастовочное движение имеет еще более угрожающее общественное значение в том отношении, что оно развивает вражду и ожесточение между предпринимателями и рабочими, объединяет рабочих на почве непримиримого отношения к существующему государственному и общественному строю и, таким образом, создает среди рабочих готовые кадры для пополнения революционных партий. Под влиянием агитаторов и печатных органов социал-демократической прессы, при нравственной и материальной поддержке различных рабочих кружков, среди рабочих в последнее время устанавливается такая согласованность действий, которая указывает на их тесную сплоченность и организованность. Места бастующих объявляются под бойкотом, поступающие на них со стороны рабочие подвергаются ожесточенным преследованиям и вытесняются с работ. Заказы на бастующих фабриках и заводах также объявляются под бойкотом, и всякое предприятие, которое приняло бы их на себя, рискует забастовкою среди рабочих.

В виду изложенного, признавая изыскание целесообразных мер для предупреждения забастовок вопросом настоятельной государственной необходимости и руководствуясь указаниями, преподанными по сему предмету в журнале заседания совета министров 8 августа сего года, министр внутренних дел остановился на мысли о необходимости учреждения такого органа, который, обладая достаточной авторитетностью и компетентностью в разрешении вопросов рабочей жизни, имел бы своею обязанностью наблюдать за взаимными отношениями предпринимателей и рабочих, устранять поводы к взаимным претензиям при самом начале или же еще до возникновения их и приводить к мирному соглашению споры между рабочими и хозяевами. Вопрос этот давно уже является проблемою действующих законодательств Западной Европы. Пытаясь найти способы для улажения взаимных недоразумений еще до обострения их, западно-европейские государства — Франция, Бельгия, Англия, Германия, Австрия и др. — установили с прошлого столетия специальные учреждения для решения споров между хозяевами и рабочими. Они состоят из лиц, избираемых

в равном количестве из среды предпринимателей и рабочих. Председатель назначается обыкновенно правительственною властью, а иногда, как напр. в Италии, избирается из своей среды выборными членами. Преимущество означенных учреждений пред общими судами заключается в том, что они стоят ближе к сторонам и обладают необходимыми профессиональными знаниями и техническою опытностью для решения споров. Но они имеют и существенные недостатки. Первым из них является крайняя трудность решения дела, когда стороны ожесточены и самое дело затрагивает насущные интересы спорящих сторон. В таких случаях, при невозможности примирения мнений членов суда с обеих сторон, решение принадлежит единоличной власти председателя, что не дает достаточных гарантий беспристрастия и справедливости и подрывает авторитетность решения. Вторым недостатком является отсутствие принудительной власти. Несмотря на важное значение забастовок для общественно-экономической жизни, нельзя принудить спорящие стороны, при отказе хотя бы одной из них, обратиться к суду. Равным образом в распоряжении суда не имеется также средств и для приведения своего приговора в исполнение. Таким образом функции специальных судов сводятся лишь к примирительному разбирательству при взаимном согласии спорящих сторон. Тем не менее деятельность их имела значительное влияние на устранение недоразумений между фабрикантами и рабочими. Так во Франции с 1893 года по 1901 год было таким путем ликвидировано 478 споров по рабочим договорам.

Введение соответствующего института в России, несомненно, имело бы весьма существенное влияние на уменьшение числа рабочих забастовок. Обращаясь к вопросу о составе учреждений по разбору споров между хозяевами и рабочими, следует иметь в виду, что по действующему закону общий местный надзор за соблюдением на фабриках и заводах благоустройства и порядка, как внутреннего, так и внешнего, и принятие мер против его нарушения принадлежит губернской власти. Наблюдение за внутренним благоустройством и распорядком в означенных предприятиях лежит исключительно на органах фабричной инспекции, а надзор за наружным порядком и благочинием — на чинах полиции и отдельного корпуса жандармов. Таким образом по существу своих служебных функций наиболее заинтересованными в нормальном течении рабочей жизни и наиболее осведомленными в условиях ее являются на местах органы министерства внутренних дел и торговли и промышленности, которые и ныне принимают ближайшее участие к выяснению взаимных отношений между фабрикантами и рабочими и к устранению возникающих между ними недоразумений. Но действия их не отличаются должною согласованностью и нередко страдают односторонним освещением фактов, что отражается и на целесообразности мероприятий, принимаемых каждым в отдельности ведомством для устранения недоразумений среди рабочих.

Признавая существенно важным ввести объединяющее начало в действия местных представителей означенных ведомств и вместе с тем создать авторитетное и вполне компетентное учреждение для разрешения недоразумений между фабрикантами и рабочими во всех сферах фабрично-заводской жизни, министр внутренних дел полагал бы организовать его в составе губернатора или градоначальника в качестве

председателя, и членов: старшего или участкового фабричного инспектора и члена окружного суда, участие которого в коллегии представлялось бы желательным в интересах правильного освещения юридической стороны рассматриваемых дел.

Что же касается участия в составе суда выборных от заинтересованных сторон, то таковое, по мнению министра внутренних дел, не имело бы полезного значения для дела, ибо противоположность преследуемых ими интересов едва ли допускала бы возможность взаимного соглашения. Таким образом, при равенстве их голосов, они взаимно исключали бы друг друга, а между тем участие их вносило бы нежелательную горячность в прения в ущерб беспристрастности и справедливости разрешения дел. Поэтому министр внутренних дел полагал бы более соответственным допускать к участию при разборе дел заинтересованные стороны в лице владельца предприятия или его поверенного и уполномоченных от рабочих того же предприятия лишь для дачи показаний. Затем для всестороннего рассмотрения условий дела и в особенности технических особенностей, специально свойственных каждому роду производства, было бы полезно, по мнению министра внутренних дел, предоставить суду приглашать сведущих лиц.

В видах своевременного устранения поводов к недоразумениям представлялось бы желательным предоставить проектируемому суду, применительно к функциям одного из его членов — фабричного инспектора, входить в обсуждение условий фабричной жизни и принимать меры, в пределах действующих законов, для устранения тех или иных нежелательных явлений по собственной инициативе, помимо заявления заинтересованных сторон.

Проектируемое учреждение послужило бы авторитетным источником для всестороннего и беспристрастного освещения обстоятельств, вызвавших недоразумение между рабочими и предпринимателями. Открытое исследование дела и оглашение всех причин и виновников недоразумений посодействует, во-первых, принятию действительных мер для их устранения, а во-вторых, парализует значение тенденциозных слухов, распускаемых в целях агитации и для возбуждения общества. Кроме того опасение суда общественного мнения побудило бы и спорящие стороны соблюдать сдержанность и избегать действий и требований, явно необоснованных и несправедливых. Наконец, сведения, получаемые таким путем, явятся ценным орудием для власти, как беспристрастное объяснение причин, послуживших для тех или иных ее мероприятий, и как материал для опровержения сенсационных обвинений и запросов, которыми пользуются оппозиционные круги в своих партийных интересах. С точки зрения министерства внутренних дел учреждение примирительных камер имело бы особо важное значение, во-первых, как средство для обезоружения революционных партий, которые пользуются ныне всякими поводами, чтобы раздуть волнение среди рабочих и побудить их к объявлению стачки; во-вторых, этим путем возможно было бы избежать, хотя отчасти, применения административных репрессий, к которым приходится ныне прибегать, как к неизбежному, хотя и крайнему, средству для подавления рабочего движения.

Хотя практика европейских государств доказывает целесообразность и жизнеспособность примирительных судов для рабочих и работода-

телей, но министр внутренних дел полагал бы более осторожным первый опыт введения подобных учреждений в России провести в административном порядке; лишь затем, применяясь к выработанным практикою данным, внести соответствующий законопроект в законодательные установления. При таком условии представлялось бы соответственным ограничиться на первое время учреждением примирительных камер лишь в наиболее крупных промышленных центрах, С.-Петербурге и Москве.

Полагая полезным установление намеченных учреждений для мирного разрешения недоразумений, возникающих между рабочими и их хозяевами на экономической почве, министр внутренних дел не может вместе с тем не остановиться на вопросе об изыскании действительных средств для борьбы с забастовками политического характера. Действующее законодательство представляет существенный пробел в том отношении, что им предусматривается уголовная ответственность для зачинщиков и подстрекателей к забастовкам лишь в предприятиях, приостановление деятельности которых угрожает безопасности государства или же создает опасность общественного бедствия (ст. ст. 1359[3]—1359[8]). Между тем подстрекательство к забастовкам на почве предъявляемых протестов и требований политического характера, несомненно, является преступлением против государственного порядка и управления. Но признаки таковых деяний оказываются неуловимыми по существующим нормам уголовного уложения, что делает крайне затруднительным для правительства борьбу с политическими забастовками, вынуждая его или оставлять безнаказанными главных виновников, не взирая на опасность влияния их на своих товарищей, или же, в особо важных случаях, подвергать их репрессиям административного порядка. В виду сего представлялось бы, по мнению министра внутренних дел, соответственным выработать законопроект об установлении уголовной кары для агитаторов и зачинщиков за возбуждение рабочих к предъявлению протестов и требований, вытекающих не из законных и справедливых экономических интересов их, а из побуждений политического и революционного характера. Установление такого закона наряду с введением судов для разбора споров между фабрикантами и рабочими весьма облегчило бы деятельность правительства по борьбе с забастовками, так как при разборе дела в означенных судах выяснились бы действительные причины возникновения забастовки и, тогда, при наличности политических побуждений, возможно было бы передать дело уголовному суду для привлечения виновных к ответственности.

По изложенным основаниям, признавая установление карательных норм для агитаторов и зачинщиков политических забастовок и учреждение примирительных судов на проектируемых основаниях наиболее действительными средствами для ослабления забастовочного движения, министр внутренних дел полагал бы соответственным ввести в виде опыта означенные суды в административном порядке в городах С.-Петербурге и Москве; для выработки же законопроекта о привлечении к уголовной ответственности зачинщиков и агитаторов политических забастовок образовать особое междуведомственное совещание.

Представляя об изложенном на уважение совета министров, министр внутренних дел обязывается присовокупить, что законопроект об

учреждении упомянутых выше примирительных судов будет внесен им впоследствии, на основании выработанных практикою данных, и по обсуждении его в особом междуведомственном совещании из представителей министерств внутренних дел, финансов, путей сообщения, торговли и промышленности, юстиции, военного и морского.

Министр внутренних дел Н. А. Маклаков.

Особый журнал совета министров об образовании междуведомственного совещания по вопросу о забастовках рабочих от 24 октября 1913 г.[1].

Усилившиеся за последнее время во многих местностях империи забастовки фабрично-заводских рабочих не могли не привлечь серьезного внимания государственной власти к этому печальному явлению, вносящему тяжелые замешательства в торгово-промышленную жизнь страны, причиняющему существенный ущерб народному хозяйству в его целом, а, в частности, самому рабочему классу, и замедляющему даже успешную подготовку нашей государственной обороны, ибо нарушается правильная работа предприятий, обслуживающих потребности армии и флота. Наряду с этим, необходимо иметь в виду, что возбуждение среди рабочего населения забастовок и стачек является очень часто делом подпольной агитации революционных партий и служит видимым проявлением подъема революционного движения.

Понятно, что при объясненных условиях забастовки и стачки не могут уже рассматриваться как чисто экономические явления и требуют особо бдительного к себе отношения со стороны государственной власти в качестве показателя направления и силы противогосударственной деятельности стоящих за ними революционных кружков. При этом наблюдения за возникновением такого рода забастовок указывают, что они начинаются сплошь и рядом по самым ничтожным поводам, часто не имеющим ничего общего с реальными интересами рабочего люда, продолжаются значительно дольше, чем это было бы возможно, если бы рабочие не пользовались стороннею поддержкою, и быстро распространяются по обширным, друг от друга отдаленным, районам в зависимости от строгой согласованности действий забастовщиков на почве профессиональной организованности и материальной среди них взаимопомощи.

Вопрос о борьбе с обострившимся в течение минувших летних месяцев стачечным движением был уже предметом суждения совета министров в заседании 8 августа 1913 года, в связи с заявленными министром внутренних дел предположениями относительно необходимых в указанном направлении мероприятий. По существу этого вопроса совет министров нашел, что действующий уголовный закон (Улож. о наказаниях, ст.ст. 1359^3—1359^8, по прод. 1906 г.) не вооружает в достаточной степени государственную власть для борьбы с рабочими забастовками, так как устанавливает уголовную кару не за самые забастовки, а лишь за возбуждение к ним рабочих, за умышленное повреждение бастующими принадлежащего предприятию имущества, за принуждение к прекращению работ других рабочих и за участие в сообществе,

[1] Фонд совета министров, 1913 г., д. № 128, лл. 103—111.

направившем свою деятельность к устройству стачки, и притом, что подтверждено решением уголовного кассационного департамента правительствующего сената от 30 ноября 1910 года, за № 20, исключительно в предприятиях, прекращение деятельности коих угрожает безопасности государства и создает возможность общественного бедствия. Так как однако пересмотр законодательных постановлений требует всестороннего предварительного соображения и обширных подготовительных работ, то он не мог бы последовать в ближайшем будущем, а, следовательно, приходится пока ограничиваться распорядительными мероприятиями на почве существующего закона. В этом порядке действий совет министров признал особливо серьезное значение за неуклонным, в пределах разумной осмотрительности, возбуждением судебного преследования против забастовщиков во всех соответствующих признакам вышеприведенных статей закона случаях. Только при повсеместном, однообразном соблюдении означенного правила в сознании рабочих укоренится уверенность, что виновные в подстрекательстве к забастовкам всегда несут заслуженное наказание, а с тем вместе не мало облегчится и задача административной власти по предупреждению и прекращению забастовок.

Труднее осуществимым представляется, по мнению совета, намечавшееся министерством внутренних дел удаление заводоуправлениями из предприятий вредных среди рабочих элементов, способствующих возникновению забастовок, ибо применение сей меры ведет нередко к озлоблению рабочих и к дальнейшему усилению стачек. Притом же нельзя не согласиться с заявлением тайного советника Тимашева, что самое преподание особых по сему предмету указаний, по крайней мере, частным заводоуправлениям, едва ли удобоисполнимо и вряд ли приведет к каким-либо практическим результатам. Но в этих указаниях не настоит, казалось бы, и надобности. Коль скоро будет в точности соблюдаться правило о привлечении к ответственности зачинщиков забастовки, то тем самым достигнется в значительной степени и оздоровление рабочей среды. В заключение, совет министров отметил еще, что, как известно, многие забастовки возникают на почве неудовлетворения экономических требований рабочих и лишь впоследствии приобретают политический характер. Поэтому одним из весьма серьезных средств для предупреждения забастовок являлось бы более отзывчивое отношение хозяев заводских предприятий к предъявляемым рабочими требованиям, поскольку последние оказываются непреувеличенными и действительно оправдываются повсеместно наблюдаемым вздорожанием жизни.

Озабочиваясь дальнейшим развитием мероприятий по борьбе с забастовками в предначертанном советом министров направлении, министр внутренних дел вошел ныне в названный совет с представлением, в коем высказался за необходимость учреждения примирительных камер для разбора споров между работодателями и рабочими и пересмотра уголовных норм, карающих за возбуждение забастовок. В своем представлении по настоящему делу гофмейстер Маклаков указал, что, хотя участившиеся за последнее время вспышки стачечного движения объясняются отчасти стремлением рабочих использовать нынешний период оживления отечественной промышленности для материального улучшения своего быта, тем не менее существуют, без сомнения,

и другие причины, влияющие на обострение отношений между хозяевами и рабочими. При этом в некоторых случаях, как установлено наблюдениями департамента полиции, причины подобных недоразумений лежат даже не в неумеренных требованиях рабочих, а в неправильном отношении к делу работодателей. Так например известны случаи, когда поводы к забастовке создаются самими фабрикантами, желающими почему-либо сократить размеры своего производства или распустить прежних рабочих и произвести набор новых на более выгодных для фабрики условиях. Равным образом, не составляет тайны, что недобросовестные предприниматели, предвидящие невозможность выполнить принятые на себя срочные обязательства, прибегают иногда к искусственному возбуждению забастовок, дабы оправдать ими свою неисправность перед заказчиками. Наконец, весьма нередко даже политические забастовки возникают первоначально из-за каких-либо недоразумений на экономической почве. Поэтому в первое время по возникновении таких забастовок мирное разрешение их путем взаимных уступок представляется подчас легко достижимым. Но, к сожалению, во многих случаях возможность применения упускается за отсутствием достаточно авторитетных органов, которые могли бы взять на себя улажение происшедших недоразумений; тем временем положение обостряется: рабочие, с одной стороны, и работодатели, с другой — упорствуют в заявленных ими требованиях; к возбудившим претензию рабочим примыкают в силу солидарности новые цеховые группы, домогательства рабочих разрастаются и затем начинаются уже столкновения между администрациею завода и рабочими, а также в среде самих рабочих, под влиянием агитации левых органов печати и революционных кружков, стремящихся подогреть недовольство забастовщиков для подготовки в лице ожесточенной рабочей массы революционной армии. Дальнейшее течение такой забастовки происходит обыкновенно под непосредственным воздействием противоправительственных организаций, становящихся закулисными, а иногда и явными, руководителями забастовочного движения: бастующие рабочие сплачиваются в отдельные группы, связанные строжайшею партийною дисциплиною, места бастующих объявляются под бойкотом, решившиеся поступить на них рабочие (штрейкбрехеры) подвергаются преследованиям и вытесняются с работ; заказы на бастующих фабриках и заводах также провозглашаются состоящими под запретом, и всякое предприятие, которое приняло бы их, рискует забастовкою своих рабочих. В конце концов наступает время, когда разрешение спора по добровольному соглашению оказывается уже невозможным, и уступки для ликвидации стачки делаются лишь вынужденно, под угрозою, с одной стороны, полного расстройства предприятий, а с другой, нищеты и голода. Естественно, что вынужденное соглашение не может быть прочным, и распря возобновляется при первом удобном случае.

Изложенные наблюдения над обычным ходом забастовок, в связи с взаимоотношениями между хозяевами и рабочими, приводят министра внутренних дел к убеждению в необходимости принятия таких мер, которые обеспечивали бы как своевременное устранение поводов к забастовкам и предотвращение дальнейшего их обострения, так и возможность, при начавшейся уже забастовке, достигнуть мирного соглашения между спорящими сторонами. Вопрос этот давно составляет

предмет изучения и забот правительственной власти в западно-европейских государствах, причем во многих из них, в том числе во Франции, Бельгии, Англии, Германии и Австрии, имеются уже особые учреждения для мирного улажения возникающих между хозяевами и рабочими споров. Такого рода примирительные организации образуются из лиц, избираемых в равном количестве фабрикантами и рабочими, под председательством лица, назначаемого правительством или же, как например в Италии, избираемого самою коллегиею. Хотя этим организациям, носящим характер примирительных третейских судов, и не присваивается принудительной власти, все же они оказывают весьма благотворное влияние в смысле смягчения забастовочного движения. Останавливаясь на предположении создать однородные учреждения и в нашем отечестве, министр внутренних дел полагает, что в условиях русской жизни осторожнее было бы не вводить в такого рода примирительные камеры выборных от фабрикантов и рабочих, а организовать их исключительно в составе правительственных чинов, из представителей фабричной инспекции, губернской администрации, а также полиции и чинов отдельного корпуса жандармов, с предоставлением означенной коллегии права приглашать для разъяснения разбираемых вопросов представителей спорящих сторон и сведущих лиц. Кроме того, для правильного освещения означенных вопросов с юридической стороны полезно было бы привлечь к участию в примирительных камерах чинов министерства юстиции. В соответствии с этим, состав проектируемых учреждений слагался бы из губернатора или градоначальника, в качестве председателя, и членов: старшего или участкового фабричного инспектора и члена окружного суда. Наряду с функциями примирительно-судебного свойства, на названные камеры надлежало бы возложить, по мнению министра внутренних дел, обязанность входить в обсуждение условий рабочего быта и принимать меры, в пределах действующего закона, к устранению тех или иных нежелательных явлений фабричного быта по собственному почину, независимо от заявлений заинтересованных сторон.

Придавая устройству примирительных камер во всех фабрично-заводских районах существенно важное значение, как одному из наилучших способов улажения экономических забастовок без применения административных репрессий, гофмейстер Маклаков предполагал бы первый опыт введения подобных учреждений ограничить наиболее крупными промышленными центрами, а именно обеими столицами, осуществив эту меру сначала в административном порядке, дабы практика применения ее дала все необходимые данные для последующего уже законодательного урегулирования означенного весьма сложного вопроса.

В заключение министр внутренних дел счел себя обязанным отметить, что в борьбе со стачками явно политического характера какие-либо примирительные коллегии не могут принести пользы и для противодействия подобным стачкам нужны иные меры полицейского и уголовно-репрессивного свойства. Между тем наше законодательство по этой части страдает, как это признано и советом министров (особ. жур. сов. мин. 8 авг. 1913 г.), неполнотою и требует безотлагательного пересмотра в целях установления уголовной кары за возбуждение рабочих к предъявлению протестов и требований, вытекающих

не из экономических интересов, а из побуждений политического характера. Работу эту следовало бы, по мнению гофмейстера Маклакова, поручить междуведомственному совещанию из представителей министерств: внутренних дел, финансов, путей сообщения, торговли и промышленности, юстиции, военного и морского.

Сообразив вышеизложенное и вполне оценивая всю важность возбужденных министром внутренних дел предположений, затрагивающих один из серьезнейших вопросов современной жизни, совет министров и с своей стороны полагал, что чрезвычайно участившиеся за последние годы забастовки в среде фабрично-заводских рабочих заслуживают самого пристального внимания правительства, как признак известного неустройства в области промышленного труда и тревожный показатель усиливающейся деятельности революционных организаций. Собранные министерством торговли и промышленности сведения о числе и причинах забастовок указывают, что количество их определялось за 1910 год в 222, за 1911 — в 466 и за 1912 год — в 2 032, при 46 623, 105 110 и 725 491 бастовавших рабочих и 256 385, 791 063 и 2 875 606 потерянных рабочих днях; при этом по характеру этих забастовок они за тот же период распределяются следующим образом: экономические — 214, 442 и 732, при 42 846, 96 730 и 175 678 бастовавших рабочих, а политические — 8, 24 и 1300, при 3 777, 8 380 и 549 813 забастовавших рабочих. Что же касается 1913 года, то за первые восемь месяцев (январь—сентябрь) общее число забастовок достигло 1 671, при 678 564 бастовавших и 3 131 218 потерянных днях, причем на экономические забастовки приходится 910 случаев, при 299 198 забастовщиках и 2 694 250 днях и на политические — 761 случай, при 379 366 забастовщиках и 436 968 потерянных днях. Подробные данные о забастовочном движении в сентябре текущего года имеются относительно фабрично-заводских предприятий, подчиненных фабричной инспекции. Из общего числа таковых предприятий (17 356) стачечное движение охватило 253 предприятия, в которых произошло 256 забастовок с 85 671 участником, причем преобладающая часть забастовок (71,4%) и бастовавших рабочих (81,2%) падает на политические забастовки, главнейшими мотивами которых являлись: недовольство рабочих преследованием администрацией рабочей прессы за статьи революционного содержания, сочувствие забастовке служащих московского трамвая (С.-Петербургская и Московская губернии) и неразрешение общих собраний рабочих для обсуждения проектов уставов больничных касс (Эстляндская губерния). По напряженности забастовочного движения первое место занимает С.-Петербургская губерния (49,3% общего числа бастовавших рабочих), затем следует Московская губерния (27,2%); на эти же губернии приходится наибольшее количество забастовок явно политического характера. Приведенные данные убеждают совет министров, что забастовочное движение действительно растет в угрожающих размерах, все более и более принимая политическую окраску. Наряду с этим обнаруживается, что по количеству потерянных рабочих дней политические стачки менее длительны, чем экономические, но по числу примыкающих к ним рабочих более интенсивны. При изъясненных обстоятельствах принятие решительных и последовательно проводимых мер к предупреждению еще большего усиления забастовочных выступлений является настоятельнейшею за-

дачею государственной власти, вызываемою не только заботою об ограждении нашей промышленности, но основною обязанностью правительства охранять порядок и безопасность в государстве. Наконец, меры эти необходимы и в интересах самого рабочего населения, в огромном большинстве своем являющегося лишь слепым орудием в руках своих вожаков и противоправительственных партий, стремящихся при посредстве безработной, обнищавшей и озлобленной рабочей массы достигнуть своих политических целей.

Относясь поэтому с полным сочувствием к заявленным министром внутренних дел предположениям, направленным, с одной стороны, к мирному улажению недоразумений между хозяевами и рабочими, а с другой — к оздоровлению рабочей среды изъятием из нее вредных элементов, совет министров нашел, что проектированные в осуществление этих предположений практические меры требуют еще подробного и внимательного рассмотрения, в связи со всеми имеющимися в министерстве торговли и промышленности данными по рабочему вопросу. Против такого направления дела не возражал и гофмейстер Маклаков, заявив, что от передачи проекта учреждения примирительных камер на обсуждение междуведомственного совещания под авторитетным руководительством министра торговли и промышленности он ожидал бы лишь пользы для дела. Тому же совещанию следовало бы, по мнению министра внутренних дел, поручить и вышеотмеченный пересмотр наших уголовных законов, касающихся рабочих забастовок.

Одобряя вследствие сего мысль об образовании означенного совещания, совет министров полагал, что по важности подлежащего рассмотрению совещания вопроса занятия его не должны быть ограничиваемы разбором лишь тех предположений, на которых остановилось министерство внутренних дел в представленной в совет министров записке. Направление и объем работ совещания будут зависеть, ближайшим образом, от самого министра торговли и промышленности, связываемого лишь конечною целью совещания, задачею коего ставится изыскание мер для противодействия забастовкам рабочих. Так например, в совещании этом полезно было бы, наряду с вопросом о примирительных камерах и о пересмотре действующих уголовных законов, карающих в некоторых случаях зачинщиков забастовок, подвергнуть тщательному исследованию также и гражданские законы, касающиеся договора найма. В настоящее время забастовки не являются обстоятельством, прекращающим помянутый договор, в виду чего предприниматель остается в договорных отношениях со своими бастующими рабочими, хотя бы они решительно отказывались от возобновления работ и предъявляли самые неумеренные требования. Очевидно, такое положение представляется ненормальным. В министерстве торговли и промышленности разрабатываются уже предположения о том, чтобы признать неявку к работе в периоды стачек законным поводом к расторжению договорных обязательств. Мера эта, послужив, несомненно, сдерживающим началом для рабочего люда, побуждала бы его с большею осмотрительностью относиться к подстрекательствам к прекращению работ и не объявлять забастовок по пустым поводам. Что же касается оценки предположений министерства внутренних дел об устройстве примирительных камер по существу, то совет предпочел высказать свое окончательное по этому вопросу суждение по завершении

занятий проектированного совещания и в связи с его соображениями по сему предмету. Нельзя однако не отметить, что основная задача упомянутых камер — примирение недоразумений и предотвращение обострений между работодателями и рабочими — требует такой организации означенных учреждений, которая обеспечивала бы в представлении рабочих нравственный авторитет и полное беспристрастие примирительной камеры. Этой цели ближе всего отвечал бы выборный состав примирительных учреждений, с допущением к участию в их решениях представителей от обеих спорящих сторон, то-есть как от фабрикантов, так и от рабочих. На изъясненных основаниях и построены в западно-европейских государствах однородные с проектируемыми учреждения. Между тем намеченное министерством внутренних дел построение, при котором членами примирительных камер явятся исключительно правительственные чины, а предприниматели и рабочие окажутся лишь в положении сторон, призываемых для дачи показаний, не соответствует выработанному на западе образцу примирительных рабочих учреждений и, весьма возможно, по самому своему составу не будет в состоянии обеспечить за проектируемыми камерами необходимые для успешной их деятельности авторитет и ту внутреннюю нравственную силу, которая в учреждениях, не имеющих принудительной власти, является в сущности единственным залогом их действительно плодотворной работы. Наряду с этим, нельзя однако отрицать, что участие в камерах правительственных чинов имело бы и положительную сторону, в смысле проявления попечения правительства о нуждах рабочего населения и приучения последнего добиваться своих справедливых домогательств не забастовками, а обращением к содействию государственной власти. Чтобы примирить отмеченные противоположные интересы, целесообразным казалось бы образовать примирительные камеры в смешанном, из правительственных лиц и выборных от фабрикантов и рабочих, составе. Кроме того, надлежало бы, по мнению совета, выяснить, насколько вообще допустимо распространение компетенции упомянутых камер на казенные предприятия, находящиеся, конечно, в существенно ином положении, нежели частные фабрики и заводы.

Равным образом немаловажные сомнения возникают по поводу предположения министерства внутренних дел о предоставлении камерам принимать по собственному почину исполнительные меры к пресечению забастовок и, в частности, привлекать к уголовной ответственности участвующих в них лиц, в действиях коих камера усмотрит признаки преступных деяний. Подобное право отразилось бы, без сомнения, неблагоприятно на авторитете камер в глазах спорящих сторон, тем более, что, как показывает судебная практика, дела о подстрекательстве к рабочим забастовкам весьма часто кончаются оправдательными приговорами, в виду затруднительности установления виновности привлекаемых к ответственности лиц. Наконец, совет министров считал бы необходимым, в связи с вопросом о примирительных камерах, остановить внимание проектируемого совещания на мысли об учреждении специальных судов — промышленных, страховых и др., имеющих своею задачею мирное улажение споров, возникающих в области соответствующих гражданских правоотношений. По удостоверению статс-секретаря Щегловитова, десятилетний опыт деятельности промышлен-

ных судов в Германии, где эти суды постановляют приговоры, имеющие лишь нравственное значение, причем к судебному разбирательству не допускается адвокатура, привел к общему признанию чрезвычайно благотворного значения сказанных судов для поддержания нормальных отношений между хозяевами и рабочими промышленных предприятий.

Обращаясь, в заключение, к предположениям министра внутренних дел относительно пересмотра действующих в применении к рабочим забастовкам уголовных законов, совет министров заметил, что стачки, поскольку они обусловливаются экономическими причинами, составляют явление, вытекающее из общего строя современной промышленной жизни, основанной на свободе труда. В соответствии с сим забастовки рабочих, не сопровождающиеся насилием или повреждением имущества, признаются ненаказуемыми почти всеми западно-европейскими законодательствами. На тот же путь вступило и наше законодательство с изданием высочайшего указа 2 декабря 1905 года. Согласно постановлениям сего указа, вошедшим в Уложение о наказаниях (св. зак., т. XV, по прод. 1912 г.), уголовная кара устанавливается не за забастовку, как таковую, а лишь за возбуждение к ней рабочих, за умышленное повреждение бастующими принадлежащего предприятию имущества, за принуждение к прекращению работ других рабочих и, наконец, за участие в сообществе, направившем свою деятельность к устройству стачки, и притом, как это подтверждено вышеприведенным решением уголовного кассационного департамента правительствующего сената от 30 ноября 1910 года, за № 20, исключительно в предприятиях, безразлично частных или казенных, прекращение деятельности которых угрожает безопасности государства и создает возможность общественного бедствия. Возвращение в настоящее время к принципу преступности стачечных выступлений рабочих в борьбе за свои экономические интересы представлялось бы, при таких условиях, невозможным, тем более, что и прежний опыт применения этой меры не говорит в пользу ее практической целесообразности. Но вместе с тем нельзя отвергать, что в существующих проявлениях забастовочного движения наглядно обнаруживаются новые признаки и особенности, которые не предусмотрены постановлениями уголовного закона и к которым государственная власть не может оставаться безучастною. К числу их нужно отнести, например, возникновение забастовок открыто политического характера, организуемых одновременно, иногда на пространстве многих промышленных районов в противоправительственных целях. Такой же характер имеет прекращение работ для заявления сочувствия той или иной группе бастующих рабочих, как это было недавно по отношению к забастовке служащих на московских городских трамваях. Подобные демонстрации и протесты, не находящиеся ни в какой связи с экономическими нуждами рабочего люда и вносящие в общественную жизнь смятение и тревогу, представляются, несомненно, преступными против государственного порядка и безопасности действиями. Однако такого рода деяния, в особенности совершаемые в промышленных предприятиях, не могущих быть подведенными под указанное в упомянутом решении сената понятие, неуловимы на почве действующего уголовного закона, что в высокой степени затрудняет борьбу с политическими забастовками. Изъяснен-

ные соображения побуждают совет министров и с своей стороны высказаться за желательность безотлагательного пересмотра действующих по отношению к стачкам уголовных законоположений, причем особое внимание надлежало бы уделить намеченному гофмейстером Маклаковым установлению уголовной кары за возбуждение рабочих к предъявлению протестов и требований, вытекающих не из экономических требований, а из побуждений политического и революционного характера. При всем том совет не мог не отметить, что борьба с забастовочным движением в порядке судебного преследования забастовщиков представляется оружием обоюдоострым, ибо оправдательные приговоры неблагоприятно отражаются на авторитете возбуждающей судебное дело власти и содействуют повышению настроения и притязаний рабочей массы, склонной видеть в такого рода судебных приговорах подтверждение своей правоты. Поэтому при предстоящем пересмотре подлежащих уголовных законов весьма важно было бы установить с особою точностью и определенностью квалификацию соответствующих преступных деяний, которая исключала бы возможность последующих недоразумений при возбуждении и рассмотрении судебных дел.

На основании всего вышеизложенного, совет министров полагает:

Образовать для изыскания мер против забастовок рабочих междуведомственное совещание, под председательством министра торговли и промышленности, из старших чинов министерств: торговли и промышленности, внутренних дел, финансов, путей сообщения, юстиции, военного и морского, с предоставлением министру торговли и промышленности права, при невозможности личного присутствия в совещании, передавать председательствование в оном одному из своих товарищей.

Таковое заключение свое совет министров всеподданнейше повергает на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение.

Подлинный журнал подписан гг. председательствующим и членами совета министров и скреплен управляющим делами совета.

Из истории Уральских заводов

(По жандармским обзорам)

Публикуемый доклад начальника Пермского жандармского управления в департамент полиции имеет несомненную ценность.

Жандармский полковник в 1910 г. пытается дать анализ причин революционного настроения уральского пролетариата. При этом он, сам того не замечая, касается сущности тех остатков крепостничества, которые давили на рабочий класс Урала с особенной силой. В устах жандарма, непримиримого лютого классового врага пролетариата, слуги царского самодержавия, подчас странны и неожиданны высказывания, подчеркивающие тяжелое материальное положение рабочего класса и его хищническую эксплоатацию уральскими заводчиками: «...Причиной замечаемого озлобления в заводской массе служат не только экономические условия, в какие поставлены заводы в силу невозможности бороться с конкуренцией заводов Южной России, вследствие отсталости в техническом отношении, вследствие отсутствия подъездных путей и иных условий, не зависящих от заводоуправлений, но *также и крайне несправедливое, а подчас, и беззаконное отношение этих заводоуправлений к рабочим, совсем не считаясь с их полной необеспеченностью*»[1].

Причины жандармской печали совершенно ясны. Уральские заводы переживали после тяжелого общеимперского кризиса 900-х годов длительную депрессию. Старый индустриальный район — Урал, — бывший в эпоху крепостничества господствующим, в период развития капитализма оказался оттертым с передовых позиций промышленности Югом, более молодым, менее связанным остатками крепостничества.

«...Крепостное право служило основой высшего процветания Урала и господства его не только в России, но отчасти и в Европе. В 18 веке железо было одной из главных статей отпуска России;... Еще в «20-х годах 19 века Россия получала чугуна в 1½ раза более Франции, в 4½ раза более Пруссии, в 3 раза более Бельгии». Но то же самое крепостное право, которое помогло Уралу подняться так высоко в эпоху зачаточного развития европейского капитализма, послужило причиной упадка Урала в эпоху расцвета капитализма. Развитие железной промышленности шло на Урале очень медленно. В 1718 г. Россия добывала чугуна около 6½ мил. пудов, в 1767 г. — около 9½ мил. пуд., в 1806 г. — 12 мил. пуд., в 30-х гг. — 9—11 мил. пуд., в 40-х гг. — 11—13 мил. пуд., в 50-х гг. 12—16 мил. пуд., в 60-х гг. — 13—18 мил. пуд., в 1867 г.—17½ мил. пуд. За сто лет производство не успело удвоиться, и Россия оказалась далеко позади других европейских стран, в которых крупная машинная индустрия вызвала гигантское развитие металлургии»[2].

---

[1] См. публикуемое ниже донесение н-ка Пермского жандармского управления, стр. 72 (разрядка моя. — *Е. Г.*).

[2] *Ленин*, Соч., т. III. стр. 376—377.

Положение уральских заводчиков как «монополистов, основывающих свою промышленность на своем владельческом праве, а не на капитале и конкуренции» [1], в период крепостничества содействовало промышленному росту Урала, а с развитием капиталистических отношений в стране привело к падению его удельного веса в общей системе российской промышленности.

Статистические данные об оттеснении Урала Югом приведены В. И. Лениным в «Развитии капитализма в России» [2].

Это неуклонное падение удельного веса уральской промышленности характеризуют следующие данные: в 1880 г. Урал добывал 63,7% всей добычи железных руд в России, в 1890 г. — 52,9%, в 1900 г. — 27,6%, а в 1913 г. только 18,9% [3]. Такую же картину мы наблюдаем и по выплавке чугуна: с 71% в 1880 г. удельный вес уральской выплавки чугуна падает до 21% в 1910 г. [4].

Причинами отставания уральской промышленности от других, заново развертывающихся промышленных районов России являются сохранение пережитков крепостничества («...средством приобретения рабочих рук является на Урале не только наем, но и о т р а б о т к и» [5]), полукабальные взаимоотношения заводовладельца и рабочего, сохранение посессий и посессионного права, дававшего заводам дешевую рабочую силу. Последнее обстоятельство позволяло уральским заводам в течение ряда десятилетий существовать наряду с лучше оборудованными заводами Юга без особых затрат на повышение технической мощности предприятий. Но это же обстоятельство обусловливало неуклонное падение удельного веса Урала в капиталистическом хозяйстве страны.

Низкая техническая вооруженность уральской промышленности и слабый рост ее по годам отчетливо выступают из следующих данных: если на Юге в 1890 г. на один завод приходилось 1 530 лошадиных сил, а в 1909 г. — 8 003 лош. силы, то на Урале мы имеем в 1890 г. на один завод 135 лош. сил и в 1909 г. — 487 лош. сил; рост чрезвычайно незначительный. Если взять данные технической вооруженности заводов, приходящиеся на одного рабочего, то оказывается, что для Урала она никогда не достигает единицы; так, в 1890 г. техническая вооруженность на одного рабочего составляла 0,11 лош. сил, а в 1909 г. — 0,33, в то время как на Юге она возрастает с 1,02 лош. сил в 1890 г. до 3,23 лош. сил в 1909 г. [6].

«Итак, самые непосредственные остатки дореформенных порядков, сильное развитие отработков, прикрепление рабочих, низкая производительность труда, отсталость техники, низкая заработная плата, преобладание ручного производства, примитивная и хищнически-первобытная эксплоатация природных богатств края, монополии, стеснение конкуренции, замкнутость и оторванность от общего торгово-промышленного движения времени — такова общая картина Урала» [7].

Причины его отставания скрывались в природе русского самодержавия, тормозившего капиталистическое развитие страны. Этого не может понять жандармский полковник. Он бессильно жалуется на «крайне несправедливое, а подчас беззаконное отношение заводоуправлений к рабочим». Но период зуба-

[1] Ленин, Соч., т. II, стр. 271.
[2] Ленин, Соч., т. III, стр. 380.
[3] Из «Общего обзора главных отраслей горной и горнозаводской промышленности», СПБ 1915 г., стр. 168.
[4] В. Жданов, Довоенная мощность металлопромышленности и ее значение в экономике страны, М.—Л. 1925 г., стр. 5.
[5] Ленин, Соч., т. III, стр. 377.
[6] «Железная промышленность России», СПБ 1911 г., табл. на стр. 114.
[7] Ленин, Соч., т. III, стр. 379.

товщины и гапоновщины давно миновал, и начальник жандармского управления не делает никаких выводов и не вносит никаких предложений. Он только констатирует факты и считает, «что устранение такого рода отношений в самом ближайшем времени является настоятельной необходимостью в целях возможно более спокойного ожидания заводским населением улучшения экономического положения» [1].

Доклад начальника Пермского жандармского управления подтверждает тяжелое материальное положение уральских рабочих, их полную зависимость от заводовладельцев.

Доклад устанавливает, что уральские рабочие не имели земельных наделов кроме усадебных земель и сенокосов, что наличие этих угодий не могло прокормить их и работа на заводе была основной для уральского рабочего; что в случае безработицы он не уходил в деревню, а должен был искать работы на других заводах. Подтверждением этого являются данные публикуемой таблицы: в графе «чем заняты рабочие-безработные» — из 40 заводов безработные рабочие только в двух случаях указывают «сельское хозяйство» и в трех «хлебопашество и промышленность» (или «земледелие и кустарничество, земледелие и приисковые работы») и один случай — «выбывают на родину», все остальные 34 случая указывают «посторонние заработки», «приисковые работы», «уходят на другие заводы», «кустарная работа», «лесная» и «углеобжигание».

Наряду с этим интересно сопоставить земельные владения заводов, которые «создавались приписыванием, наймом, покупкой и отводом крестьянских и инородческих земель, причем земли башкир покупались на крайне выгодних условиях» [2]. Записка достаточно отчетливо вскрывает, каковы были эти «выгодные условия». Неприкрытый грабеж башкирских земель выявляется даже в этом эпическом и далеко не полном изложении.

Пермское жандармское управление насчитывает к 1910 г. в Пермской губернии 84 завода, из них 9 казенных, 32 посессионных и 43 частновладельческих. На всех этих предприятиях, включая солеварни и угольные копи, работало 124 859 рабочих. Это составляло в отношении к численности населения Пермской губ. за 1908 г. одну шестую часть, или почти 17% населения, а с членами семейств этот процент должен быть значительно увеличен (соотношение 1 : 4, 1 : 5). Население Пермской губ. на 17% состояло из коренных уральских рабочих. Исключительно пришлых рабочих имели только Надеждинский, Сосьвинский и Березниковский солеварный заводы.

Прикрепление рабочих к заводу, проведенное реформой 1861 г., создало особые условия существования уральского рабочего. «Как известно, условия освобождения уральских крестьян от крепостной зависимости были сообразованы именно с отношением крестьян к горной работе; горнозаводское население делилось на мастеровых, которые, не имея земли, должны были весь год заниматься заводской работой, и на сельских работников, которые, имея надел, должны были исполнять вспомогательные работы» [3].

Таким образом, основной кадр уральских рабочих надела земли не получил. Прикрепление его к заводу было произведено путем наделения усадебной землей, отчасти сенокосом, в результате чего уральский квалифицированный рабочий был значительно обделен заработной платой, получая в 2½ раза меньше рабочего Юга. Но привязанность к своему хозяйству (домик, лошадь,

[1] См. доклад н-ка Пермского жандармского управления, стр. 72 (разрядка моя. — *Е. Г.*).
[2] Тот же доклад, стр. 77.
[3] Ленин, Соч., т. III, примечание на стр. 378.

корова) связывала уральского рабочего, не позволяла передвигаться в поисках лучшего заработка.

Из цитаты, приводимой Лениным из «Вестника финансов» за 1897 г. № 8, о том, что уральский рабочий «является... наполовину землевладельцем...»[1], очень часто делается вывод, что уральский рабочий не является чистым пролетарием, а представляет собой нечто среднее между крестьянином и рабочим, так сказать, полурабочего-полукрестьянина. Вывод, вне всякого сомнения, ошибочный.

Особенность уральского рабочего заключается отнюдь не в том, что социально он не пролетарий, а в том, что это пролетарий, подвергавшийся двойному гнету капиталистической и крепостнической эксплоатации. Цитируемый Лениным В. Д. Белов прямо говорит, что отношения заводчика и рабочего «те же, что были и прежде, до их освобождения от крепостной зависимости; переменилась только форма этих отношений, не более»[2]. Прикрепление к заводу определило невероятно низкую заработную плату уральских рабочих, сделало их положение особенно тяжелым.

Система отработков, очень распространенная на уральских заводах, еще более снижала заработную плату. «Земская статистика, напр., по Красноуфимскому уезду, Пермской губ., считает тысячи крестьянских хозяйств, которые пользуются от заводов землей, выгоном, лесом и т. п. либо бесплатно, либо за пониженную плату. Само собой разумеется, что это бесплатное пользование на деле стоит очень дорого, ибо благодаря ему чрезвычайно понижается заработная плата; заводы получают «своих», привязанных к заводу и дешевых рабочих»[3]. «В высшей степени характерен тот термин, который сохранился поныне по отношению к уральским рабочим, именно, что они «задолжаются» на работах. Когда читаешь, напр., в земской статистике «сведение о рабочей команде, находившейся в задолжении при цеховых работах Артинского завода», то невольно оглядываешься на обложку и справляешься с датой: неужели это в самом деле девяносто четвертый, а не какой-нибудь сорок четвертый год?»[4]

Уральские заводчики являлись крупнейшими землевладельцами: «В 1890 г. при всех 262 железных заводах Империи числилось 11,4 мил. дес. земли (в том числе 8,7 мил. дес. леса), из которых 10,2 мил. дес. было при 111 уральских заводах (леса 7,7 мил. дес.). Средним числом, след., каждый уральский завод владеет громадными латифундиями, тысяч по сто дес. земли. Вырезка наделов крестьянам из этих дач и до сих пор еще не вполне закончена»[5]. А в статье «Замечательное дело»[6] Ленин в 1913 г. рассказывает, как уральские заводчики боролись против закона 1862 г. о наделении уральских рабочих землей. Даже полвека спустя после выхода закона рабочие не были наделены землей, а то, что было выделено уральским заводчиком рабочему, было значительно меньше того, чем он фактически пользовался до реформы 1861 г.; и к тому же это выделение, часто, якобы, даровое, было связано с одним из худших пережитков крепостничества в пореформенной эпохе — отработками.

Связь уральского рабочего с землей, вопреки установившемуся мнению, была, во-первых, незначительна, а во-вторых, имела своеобразный характер.

---

[1] Ленин, Соч., т. III, стр. 377, примечание.
[2] Там же, стр. 378.
[3] Там же, стр. 377.
[4] Там же, стр. 378, примечание.
[5] Там же, стр. 377.
[6] Ленин, Соч., т. XVI, стр. 555.

Известное своеобразие положения уральского рабочего характеризуется следующими словами Ленина: «На Урале процент городского населения самый низкий: в Вятской и Пермской губерниях 3,2% в 1863 г. и 4,7% в 1897 г., но вот пример относительной величины «городского» и индустриального населения. В Красноуфимском уезде Пермской губ. городское население равно 6,4 тыс. (1897 г.), тогда как земская перепись 1888—91 гг. считает в заводской части уезда 84,7 тыс. жителей, из которых 56 тыс. вовсе не занимаются земледелием и лишь 5,6 тыс. добывают средства к жизни главным образом от земли. В Екатеринбургском уезде, по земской переписи, 65 тыс. душ безземельны и 81 тыс. имеют лишь покос. Значит, индустриальное внегородское население д в у х только уездов больше городского населения всей губернии (в 1897 г. — 195,6 тыс.)»[1]. Таким образом в двух уездах Пермской губернии внегородского населения оказывается 230,7 тыс., из них 121 тыс. земледелием совсем не занимались, 104,1 тыс. имели только покосы и лишь для 5,6 тыс. земледелие являлось основным источником существования. Оригинальное явление уральской жизни составляли заводские поселения, не носившие названия городов, но и не являющиеся сельскими местностями, — на Урале завод означал не только промышленное предприятие, но и поселок, расположенный вокруг предприятия. Из этого пролетарского населения около 53% не были связаны с землей, 45% имели покосы, являвшиеся подсобным хозяйством уральского рабочего, и всего 2% населения заводских центров занимались земледелием, т. е. представляли собою крестьянское население. Отсюда необходимо заключить, что уральский рабочий не может быть охарактеризован как полурабочий-полукрестьянин.

Подсобное хозяйство части уральского пролетариата (домик, лошадь, корова, покос, огород) никогда не могло прокормить рабочего и служило лишь известным добавлением к низкой заработной плате. В этом нас убеждают неоднократные высказывания Ленина о низком уровне заработной платы уральского рабочего, связанном с остатками крепостничества, т. е. экономическим прикреплением к заводу.

Небезынтересно в этом отношении следующее место из всеподданнейшей записки горнопромышленников Уральской области (9 марта 1905 г.): «Закон о поземельном устройстве горнопромышленного населения, изданный лишь для казенных и посессионных заводов, доныне еще не приведен в исполнение... Все это ведет к захватам, постоянным недоразумениям, сопровождаемым тысячами тяжб населения с заводоуправляющими, что, конечно, обостряет отношения между заводоуправлениями и рабочими и не остается без влияния на самом заводско-промышленном деле. Таким образом, прочного устройства земельных отношений на Урале за полвека со времени реформы 1861 г. не достигнуто, и н а с е л е н и е п о п р е ж н е м у о с т а е т с я п р и к р е п л е н н ы м к з а в о д а м, к о т о р ы е я в л я ю т с я п о ч т и е д и н с т в е н н ы м и с т о ч н и к о м е г о з а р а б о т к а»[2]. Это утверждают промышленники в тот момент, когда их позиция была наиболее крепкой. И в последующие годы об этом же говорит любопытное заявление комиссии Урбановича (в 1910 кризисном году был послан министерством торговли и промышленности для обследования положения рабочих на закрывающихся уральских заводах): «н а д е л е н и е з е м л е й н е о б е с п е ч и т г о р н о з а в о д с к о е н а с е л е н и е о т г о л о д н о г о с у щ е с т в о в а н и я. Сенокосные расчистки находятся в руках о д н о й п я т о й ч а с т и м а с т е р о в ы х, о с т а ю щ и х с я б е з р а б о т н ы м и. Если за счет лесных земель и наделить добавочно безземель-

[1] Ленин, Соч., т. III, стр. 441, 442.
[2] «Уральское горное обозрение», № 6, 1905 г., стр. 6 (разрядка моя.—*Е. Г.*).

ную часть мастеровых, то на корчевание и расчистку потребуется несколько лет. Кроме того, со стороны государства необходимы миллионные ссуды на обзаведение населения инвентарем» [1]. Не ясно ли из этого, как ничтожны были клочки земли, которыми владела известная часть уральских рабочих?

Доклад с достаточной полнотой вскрывает систему эксплоатации рабочих на Урале, особенно в вопросе о порядке расплаты с рабочими купонами вместо денег. Кроме того, заводоуправления систематически задерживали выдачу заработной платы рабочим, иногда по 5—6—8 месяцев. Это обстоятельство часто являлось причиной выступления рабочих против заводчиков, начиная с первых шагов развития промышленности на Урале и кончая кануном социалистической революции 1917 г., вплоть до национализации заводов. В период кризисного положения промышленности уральские заводчики идут на любые провокации, лишь бы добиться остановки предприятия. Так например Богословское акц. о-во в 1908 г. ухудшает положение рабочих Надеждинского железоделательного завода, провоцирует их на ряд резких выступлений и закрывает завод. В то же время оно всячески старается успокоить недовольство рабочих Богословского медеплавильного завода, чтобы не потерять больших прибылей, какие давал завод в связи с высокой рыночной ценой на медь. Доклад указывает и иные методы остановки завода, практикуемые заводовладельцами, когда это входит в их интересы: «В Верне-Уфалейском заводе доменная печь не работает более полугода, и заводовладельцы указывают на этот застой, как на необходимость, в виду сложного ремонта; по отзывам же компетентных рабочих ремонт этот при хорошей постановке дела потребовал бы 2—3 недели» [2].

Причины, побуждающие капиталистов задерживать ход производства, достаточно ясны — при плохой рыночной конъюнктуре они не только не хотят терпеть убытков, но мечтают еще кое-где «подработать». В докладе указывается на использование не по назначению правительственной субсидии, которую правительство, опасаясь волнений, предоставляло в виде помощи рабочим, и которая попадала в карман владельцев заводов на искусственное понижение или повышение своих акций и т. д.

Особенное негодование жандарма вызывает организация акционерных обществ.

Основная мысль публикуемого доклада — доказать непрерывный рост революционных настроений в среде уральских рабочих: «Если проследить конкретные случаи донесений о заводской деятельности, то вполне создается впечатление о постепенном озлоблении рабочего» [3].

Сводка стачечного движения и других проявлений недовольства рабочих своим положением и борьбы их против заводчиков с 1876 по 1910 г., представленная в докладе Пермского жандармского управления, совершенно недостаточна. Она не дает даже схематического представления о той революционной борьбе, которую вели уральские рабочие, она ни одним словом не обмолвилась о годах первой революции 1905—1907 гг. Эта сводка тщательно устранила всякий намек на политическую борьбу против царизма. Но обойти молчанием влияние общереволюционного движения в стране на сознание уральского рабочего жандармское управление не могло. К тому же это было и невыгодно. Поэтому доклад дает чрезвычайно интересную статистику административно-высланных в Чердынский уезд Пермской губ. За три года (1907—1909) в Чердынский уезд было выслано 1 228 чел.; почти одна треть из них бежала

[1] «Записки пермского отделения Русского технического о-ва», 1910 г., вып. V (разрядка моя.—*Е. Г.*).

[2] См. печатаемый ниже доклад, стр. 81.

[3] См. печатаемый ниже доклад, стр. 84.

с места ссылки. «Высланные, в силу чисто географических условий, конечно, бегут на юг, если не прямо в заводы, то, во всяком случае, через них, и каждый само собой оставляет тут и плоды своего сознания»[1]. Таким образом, автору записки, чтобы мотивировать необходимость усиления надзора и увеличения жандармских и полицейских сил на огромной территории севера Пермской губ., приходится сознаться в том, что революционное движение уральского рабочего было насыщено политическим содержанием и связано с революционной борьбой пролетариата и крестьянства всей царской России.

Евг. Гольдич.

Донесение начальника Пермского губернского жандармского управления в департамент полиции от 4 декабря 1910 г., № 6148[2].

Сильный упадок деятельности уральских горных заводов, в особенности серьезный для Пермской губернии, как включающей в себе почти все число этих заводов, в связи с материальной необеспеченностью громадного по количеству заводского населения, составляет в настоящее время предмет особого внимания правительства. Высказываемые в обществе взгляды на плохое хозяйство заводов, нерадение инженеров, слухи о недобросовестном отношении заводоуправлений к рабочим, о задержке платы, несмотря на возможность удовлетворения, и другие, хотя и естественные причины, но так или иначе способствующие развитию крайнего недовольства в среде заводского населения, порождают разноречивые мнения печати.

Вследствие изложенного мною было приказано собрать на местах сведения для возможного освещения этого вопроса и в настоящее время сведения эти, собранные и систематизированные с достаточной убедительностью показывают, что причиной замечаемого озлобления в заводской массе служат не только экономические условия, в какие поставлены заводы в силу невозможности бороться с конкуренцией заводов южной России, вследствие отсталости в техническом отношении, вследствие отсутствия подъездных путей и иных условий, не зависящих от заводоуправлений, но также и крайне несправедливое, а подчас и беззаконное отношение этих заводоуправлений к рабочим, совсем не считаясь с их полной необеспеченностью.

Представляя при сем обработанные сведения[3], доношу, что устранение такого рода отношений в самом ближайшем времени является настоятельной необходимостью в целях возможно более спокойного ожидания заводским населением улучшения экономического положения.

С целью проверки и для воспроизведения более целостного представления настоящего вопроса, кроме собранных на местах сведений были просмотрены также архивные дела управления по отчетности политических обзоров прежних лет постольку, поскольку они касались разрабатываемого, и изложение настоящего доклада начинается дословными выборками из этих политических обзоров.

«Прошлый 71-й год в политическом отношении не представляет чего-либо неблагоприятного, хотя и было два или три случая произ-

[1] См. публикуемый ниже доклад, стр. 86.

[2] ДП, IV, 1910 г., д. № 50, ч. 2, л. 102. Документы подготовлены к печати В. Далаго.

[3] Таблица приложена в конце публикации.

несения оскорбительных слов против особы государя императора в низшей среде и в бессознательном состоянии...».

«Наблюдению, руководимому знакомством с строем общественной и семейной жизни членов общества и направлением их мысли, представляется категорическое заключение о прочной политической их благонадежности...».

«Кроме рабочих, есть и торговцы, которые из ненависти к заводовладельцам своим личным влиянием постоянно смущают народонаселение, объясняя им, что заводовладельцы неправильно наделили их землею и лесом, что они могут требовать больше; теперь состав благонадежен, но начиная с 61 года до 65-го тут в больших размерах шла политическая пропаганда, и среди молодежи распространялось вредное направление, получившее название «нигилизма». В эти местности приезжали агитаторы политического преступника Чернышевского — так например, в 61 и 62 гг. приезжал политический преступник Обручев [1], который собственно останавливался в Невьянском заводе у управляющего заводами Печаткина, но разъезжал и по Верхотурскому уезду...».

«Весьма важно в экономическом отношении, чтобы существование самих заводов было поставлено на прочном основании, чего, к сожалению, нельзя вполне предвидеть, так как и теперь уже есть несколько заводов, которые существуют так сказать изо дня в день. Большинство почему-либо недовольных никак не относят причин своих неудовольствий к высочайшей власти, а видят в том лишь распоряжения администрации, крестьянское дело в губернии с самого возникновения его, т. е. с 61 года, ведено на основаниях, по крайней мере, без всякого уменья...».

«Разрешенный правительством вопрос о продаже казенных заводов частным лицам представляется мерой весьма благодетельной как в экономическом, так и в административном отношении. Частная промышленность, не стесняемая условиями казенных заводов, при всегдашней недобросовестности, получит большее развитие и представит больше гарантий к обеспечению мастеровых постоянной работой».

«Земледельческое население более гарантировано от всяких случайностей, тогда как население заводское, не имея земельных наделов, за исключением усадебных участков и сенокосов, совершенно зависит в своем существовании от действий заводов. Если завод действует, то и население их получает известный заработок; если же по каким-либо обстоятельствам действие завода останавливается, то и население лишается заработка. Тогда рабочие по необходимости должны будут искать работы на других заводах, что весьма трудно, так как комплект рабочих на всех заводах всегда бывает полный. В настоящее время (75 г.) все заводы находятся в действии, притом нельзя не надеяться, чтобы горное дело на Урале в виду всеобщего развития и строящейся собственной горнозаводской дороги не подвинулось значительно в своем производстве. Тогда несомненно потребуется больше рабочих сил, и таким образом труд, сделавшись более общим, конечно,

[1] Обручев, Н. Н. (1830—1904), окончил академию ген. штаба, был профессором статистики. В 1861 г. был близок к Чернышевскому, член тайн. о-ва «Великорусс», деятельный участник о-ва «Земля и воля» (1862—1863), принимал участие вместе с Огаревым в составлении прокламаций «Что нужно народу» и «Что надо делать войску». Впоследствии—видный военный деятель, генерал-от-инфантерии, член государственного совета.

отзовется благоприятным образом на жителей как в нравственном, так и в политическом отношении и, должно сказать, что Пермская губерния до сего времени не возбуждает за свое спокойствие никаких опасений...».

«В частности же представляются некоторые обстоятельства, имеющие неблагоприятные оттенки. Так, например, в Красноуфимском уезде, в Нижне-Сергинском заводе, в одной части населения продолжает существовать упорство в отношении исполнения разных повинностей; в Осинском уезде — целая Бымовская волость поголовно пришла в Пермь прямо к губернаторскому дому, где и заявила о своем праве не вносить как оброчных, так и других повинностей, и пермская палата уголовного и гражданского суда без исключения приговорила всех к телесному наказанию, и приговор к общему удивлению среди такой массы народа беспрепятственно выполнен был помощником исправника».

«Огромное пространство на севере губернии, покрытое дремучими лесами, дает возможность выходцам из разных губерний — по большей части преступникам — скрываться в них, образуя нередко целые деревни, совершенно неизвестные администрации, жители коих не отбывают никаких повинностей, подчиняясь только своеобразным законам. Так в этом году в Соликамском уезде местным исправником дознано о существовании трех подобных поселков, но проникнуть в эти глухие места не было возможности. Шадринский уезд, как пограничный с Тобольской губернией, есть первая станция бежавших из ссылки, и по количеству уголовных преступлений южная часть губернии стоит на первом месте. Средняя часть губернии — горнозаводская и наиболее подвержена колебанию в политическом отношении по причине неуверенности в обеспечении средствами к жизни. Нужно упомянуть о весьма прискорбном явлении — о заметном увеличении случаев оскорбления величества, хотя, конечно, все, за весьма малым исключением, можно отнести к неумышленным и совершенным в бессознательном состоянии опьянения, но в общем народонаселение губернии в настоящее время совершенно спокойно и предано верховной власти вполне...».

Таковы были официальные донесения в 71 году, августе 75 года и январе 76 года.

С тех пор прошло почти 40 лет.

Вчитываясь в эти донесения и сопоставляя их с положением настоящего времени, невольно приходишь к выводу, что это дела давно минувших дней, что проповедь социалиста и экономические условия с жгучим аграрным вопросом оставили неизгладимые следы и, если в политическом отношении спокойствие края всегда обусловливается более или менее обеспеченным материальным положением жителей, то возможно ли и насколько возможно в настоящее время прийти к тому заключению, [что] «народонаселение губернии в настоящее время совершенно спокойно и предано верховной власти вполне», — можно судить, по нижеследующим данным.

Расположенная между 55° 40″ и 62° 15″ северной широты и 53°—64° 30″ восточной долготы от Пулково по обеим сторонам Уральского хребта, Пермская губерния занимает пространство, исчисляемое в 28 911 080,5 десятин или 290 168 квадратных верст. В администра-

тивном отношении делится на 12 уездов, в состав которых входят 15 городов: губернский, 11 уездных и 3 заштатных (Алапаевск в Верхотурском уезде, Дедюхин в Соликамском и Долматов в Шадринском) и 14 137 селений: заводов, сел, деревень и поселков.

Уезды по величине площади распределяются следующим образом: Верхотурский, Чердынский, Соликамский, Екатеринбургский, Пермский, Красноуфимский, Шадринский, Камышловский, Осинский, Оханский, Кунгурский и Ирбитский уезды. Наиболее важной географической особенностью губернии является Уральский хребет, пересекающий ее на всем протяжении по направлению с севера на юг и разделяющий ее на две резко обособленные группы земель: уезды, примыкающие к хребту с восточной и западной его стороны — Приуральские, и уезды, отстоящие от хребта по ту и другую его стороны — Зауральские.

Каменистая, песчаная, богатая ископаемыми и лесами почва приуральская естественно заставляет жителей этих уездов эксплоатировать горнопромышленность, промышленность и лишь отчасти земледелие, как подсобный промысел. Зауральские же уезды будут преимущественно земледельческие и промышленно-земледельческие.

К первым можно отнести Верхотурский, Екатеринбургский, Чердынский, Соликамский, Пермский, Кунгурский и Красноуфимский уезды, а ко вторым — Осинский, Оханский, Ирбитский, Камышловский и Шадринский уезды.

Существует еще иное деление губернии в почвенном отношении — именно Предъуралье и Зауралье. В первое входит западная часть с уездами Чердынским, Соликамским, Пермским, Оханским, Осинским, Кунгурским и Красноуфимским; второе же обнимает уезды: Верхотурский, Екатеринбургский, Ирбитский, Камышловский и Шадринский. Так как наибольшее количество ископаемых сосредоточивается в пределах горного хребта и его ответвлений, то первое деление губернии будет ближе подходить к истине, если рассматривать вопрос в пределах горной промышленности. Север губернии изобилует болотами, а юг и отчасти юго-восточная часть — озерами.

Из сопоставления ряда цифр колебаний прироста населения за последние девять лет видно, что в дальнейшем прирост населения все возрастает, и к 1 января 1909 года численность населения выражалась в 3 620 824 души обоего пола. По сведениям же, хотя бы за 1883 год,— численность населения определялась в 2 552 800 ч., т. е. в течение 25 лет население возросло на целый миллион.

Горный промысел начался на Урале собственно солено-промышленностью, и отводы для этих целей начинаются земельными пожалованиями Строгановым, которые явились в «Великой Перми» во второй половине XVI века, когда «Григорий Аникиев сын Строганов бил челом царю Ивану Васильевичу», объявляя, «что по реке Каме до реки Чусовой места пустые, лесы черные, реки и озера дикия, острова пустые, а всего до того места сто сорок шесть верст». В 1558 году в ответ на это челобитье Строганову «велено на том пустом месте ниже Великие Перми за восемьдесят восемь верст по Каме реке городок поставити, где бы было место крепко и осторожливо, а где в том месте рассол найдут, и ему варницы ставити и соль варить».

Горнозаводское же землевладение, в тесном смысле слова, на Урале

началось уже в XVII веке, именно в 1640 году, когда возник второй по времени завод Пыскорский (первый — в 1632 г. около г. Тулы).

Пыскорский завод на Урале действовал один в продолжение целого столетия, и только в 1697 году 15 июля Верхотурскому воеводе Протасьеву послана была императором Петром Великим грамота об устройстве завода. Постройка его началась в 1700 году, а в 1702 году завод по высочайшему указу отдан во владение «туленину оружейных дел мастеру Никите Демидову» и получил название Невьянского. В том же году 6 декабря Демидов получил новый указ, в котором выражается неотложное изволение о постройке по реке Нейве и иных заводов: «где удобно, выше или ниже», но с непременным условием, чтобы заводы «беспрерывно и впредь, дондеже государь благоволит, во благополучном ходу стояли и шествие свое имели; и у тех заводов построить церковь божию, а у церкви однолично деткам школы и больным больницы и их кормить и всячески призирать и лечить».

С этого времени и начинают возникать заводы Урала, так что в 1769 году их насчитывалось уже 94.

Собственно железная руда была найдена в 1669 году при царе Алексее Михайловиче Тумашевыми на месте нынешнего Верх-Нейвинского завода.

После Невьянского завода Демидовыми были основаны Верхне-Тагильские — в 1716 году, Нижне-Тагильский в 1725, Шайтанский — в 1727 году, Суксунский — в 1729, Ревдинский — в 1734, Висимо-Шайтанский — в 1741 году, Верхне-Сергинский и Нижне-Сергинский — в 1742, Верх-Кыштымский — в 1757, Бисертский — в 1761, Верх-Нейвинский — в 1762 году, Висимо-Уткинский — в 1771 году, Верхне-Салдинский — 1778, Михайловский — в 1808 г., Никитинский — в 1811 г.

Строгановыми: Уткинский — в 1729 г., Билимбаевский — в 1734 г., Добрянский — 1752 г., Нытвенский — в 1756 г., Очерский — в 1759г., Кыновский и Чермозский — в 1761 г., Лысьвенский — в 1785 г., Бисертский — в 1786 г., Кизеловский — в 1788 г., Кувинский — в 1856 г.

Яковлевыми: Верхне-Синячихинский — в 1769 г., Режевский — в 1773 г.

В этот же период времени открыты заводы и другие, причем одними из старейших: Каменский, основанный в 1701 г., Нейво-Алапаевский — в 1704 г.; в 1736 году основаны Кушвинский и Мотовилихинский в 1729 г. — Черноисточинский, в 1739 г.—Сылвинский, в 1737 г.— Верхне-Туринский, в 1747 г. — Баранчинский, в 1749 г.—Уткинский, в 1746 г.—Каслинский, в 1751 г.—Кусье-Александровский, в 1754 г.— Пожевский, в 1757 г. — Богословский, в 1760 г. — Нижне-Салдинский, в 1764 г. — Серебрянский, в 1777 г. — Нейво-Шайтанский, в 1776 г. — Ирбитский, в 1784 г. — Архангело-Пашийский, в 1789 г. — Петрокаменский, в 1817 г. — Саранинский, 1818 г. — Всеволодо-Вильвенский, в 1826 г. — Верх-Исетский, в 1885 г. — Сосьвинский, в 1893 г. — Надеждинский и другие.

Некоторые заводы со времени их открытия несколько раз переходили от казны к частным лицам и обратно перепродавались друг другу частными лицами.

В 1754 году за определенное денежное вознаграждение были переданы в «партикулярное» содержание Гороблагодатские заводы; в 1759 году графу Ягужинскому — Уткинский завод; Гурьеву — Ала-

паевский, Синячихинский, Сусанский; Турчанинову — Полевской, Северский и Сысертский; гр. Воронцову — Висимский, Пыскорский, Ягошихинский и Мотовилихинский.

От Гурьева заводы переходят к Савве Яковлеву; он же от «Прокофия Акинфиева сына Демидова, в роде своем не последнего» покупает и Невьянский, Быньговский, Шуралинский, Верхне-Тагильский и Шайтанский заводы.

Верх-Нейвинский в 1769 году был продан Яковлеву, от него перешел к Стенбок-Фермору, потом к настоящим владельцам — к акционерному обществу.

Верх-Исетский от Стенбок-Фермора перешел к Яковлеву, затем к акционерному обществу.

Верхне-Тагильский от Демидова к Яковлеву, к Стенбок-Фермору, затем к акционерному обществу.

Каслинский, основанный «туленином Яковом Коробковым», от него перешел к Демидову, после к Расторгуеву, после к акционерному обществу.

Богословский основан купцом Походяшиным; в 1791 году перешел в казну, от казны к Половцову, от Половцова к акционерному обществу.

Громадные владения заводов создавались приписыванием, наймом, покупкой и отводом крестьянских и инородческих земель, причем земли башкир покупались землевладельцами на крайне выгодных условиях: так например, одним из заводов приобретено у башкир 300 000 десятин строевого леса за 300 руб. и 100 000 десятин леса за 100 рублей, 10 000 лесу на сруб за 50 рублей и несколько фунтов чаю или откортомлено на вечные времена 180 000 десятин за 20 рублей в год.

Земли, входящие в состав Нязепетровского и Шемахинского заводов, были куплены в 1750-х годах у вотчинных башкир «ведомства Исетской провинции, Сибирской дороги, Катайской волости туленином, медных и железных вододействующих заводов содержателем, Иваном Перфильевым сыном меньшим Мосоловым за 30 рублей», причем купил эту землю Иван Перфильев сын Мосолов «что есть всю без остатку» — (площадь в поперечнике более 50 верст), хотя на всем пространстве башкирам все же было предоставлено «право бортями владеть, звериную ловлю иметь и хмель щипать».

Земли Кыштымских заводов в 500 000 десятин приобретены у башкир за 250 рублей ассигнациями.

Вся горнозаводская промышленность включает чисто заводскую деятельность и промыслы, фабрикатами которых являются главным образом: варка соли, добыча каменного угля, золота, платины, асбеста, мрамора, драгоценных камней и т. д.

Чисто заводская деятельность с выплавкой чугуна, выделкой различных сортов железа сосредоточена в казенных, посессионных и частновладельческих заводах.

Казенных заводов в губернии девять: Кушвинский, Баранчинский, Верхне-Туринский, Нижне-Туринский, Нижне-Исетский, Серебрянский, Каменский, Артинский и Пермский пушечный (Мотовилиха).

Посессионных заводов — тридцать два: Верх-Исетский, Режевский, Верх-Нейвинский, Нейво-Рудянский, Верхне-Тагильский, Уткинский, Сылвинский и Пышминско-Ключевской, составляющие Верх-Исетский округ акционерного общества, бывший Стенбок-Фермор; Нижне-Тагильский, Висимо-Шайтанский, Нижне-Салдинский, Верхне-Салдинский,

Висимо-Уткинский, Черно-Источинский, Лайский и Выйский — Нижне-Тагильский округ Демидова кн. Сан-Донато; Северский, Сысертский, Ильинский и Полевской — Сысертский округ Соломирского; Нейво-Алапаевский, Нейво-Шайтанский, Верх-Синячихинский и Ирбитский — Алапаевский округ, бывший Яковлева; Шайтанский — наследника Берга; Невьянский и Петрокаменский — наследников Яковлева; Ревдинский, Мариинский, Бисертский и Барановский — Ратькова-Рожнова.

Частновладельческих заводов сорок три: Александровский, Никитинский и Усьвенская дача (углежжение и эксплоатация леса) — Демидова кн. Сан-Донато; Кизеловский, Чермозский и Полазнинский — Абамелек-Лазарева; Билимбаевский, Уткинский, Кыновский, Кувинский, Добрянский, Очерский и Павловский — графа Строганова; Лысьвенский, Кусье-Александровский, Бисертский и Теплогорский — наследников графа П. П. Шувалова; Верхне-Сергинский, Нижне-Сергинский, Михайловский, Атигский, Верхне-Уфалейский с Суховязским и Нижне-Уфалейский — акционерного товарищества Сергинско-Уфалейских заводов; Кыштымский, Каслинский, Верхне- и Нижне-Нязепетровский и Шемахинский—Кыштымский округ; Чусовской, Архангело-Пашийский и Нытвенский — Камского акционерного общества; Богословский, Надеждинский, Туринские рудники и Сосьвинский — акционерного общества Богословского завода (бывший Яковлева); Юго-Камский — насл. А. П. Шувалова; Всеволодо-Вильвенский — Морозова; Вельсовский, Верхне и Нижне-Саранинский и Иргинский — генерала Бобянского; Пожевский — князя Львова; Суксунский и Молебский — братьев Каменских, Камбарский — Кондюрина и Павдинский завод.

Варка соли производится в Соликамском уезде в селе Усольском, Березниках, Дедюхине и Соликамске; каменный уголь добывается в том же уезде на Луньевских копях Кизеловских, Губахинских, Захаровских, в копях Камского акционерного общества, в Усьвенских Бердинского и Егоршинских.

Численность населения в заводах, по данным 1908 года, выражалась следующими цифрами.

В казенных заводах местных заводских жителей насчитывалось 63 137, подзаводских — 13 601 и пришлых 18 967, а всего 95 705.

В посессионных заводах местных жителей считалось 209 631, подзаводских — 29 434, пришлых 17 187, всего 256 252.

В частновладельческих заводах всего было 306 858, из которых местных жителей — 240 542, подзаводских 33 072 и пришлых 33 244.

На солеварнях считалось — 17 817.

Как особенность, являются Надеждинский и Сосьвенский заводы и солеварня Березняки, населенные исключительно пришлым элементом.

За тот же 1908 год число рабочих со вспомогательными на казенных заводах было 15 400, на посессионных 40 700, на владельческих 51 000; на солеварных 3 059 и на каменноугольных копях 4 700.

Если произвести приблизительное соотношение указанных цифровых данных, то на заводах оказывается работало $^1/_6$ часть всего населения.

Всего заводы чугуноплавильные и железоделательные и, за весьма малыми исключениями, чисто чугуноплавильные; существует и добыча меди. Чугун плавится древесным углем из дач, принадлежащих

заводам; железо в большинстве случаев вырабатывается способом мартена и в крайне ограниченном числе заводов пудлингованием или кричным способом. Как продукты железа вырабатываются: кровельное железо, котельное, сортовое, фасонное, рельсы, скрепления, сталь, проволока, жесть, пушки, снаряды, разные изделия и полуфабрикаты.

Тяжелый кризис настоящего времени в заводской промышленности Урала и освободительное движение, породившее Лбовых и Давыдовых, резко выбило все слои населения из обычной колеи. Печать всячески выискивает первопричину промышленного кризиса, и существующие мнения в литературе об упадке промышленности распадаются на многие положения. Одни ставят первопричиной непосильную для Урала борьбу с забивающими южными заводами, другие обвиняют прежде всего посессионное право, третьи видят коренное зло в системе заводско-окружного хозяйства, иные видят косность владельцев, плохое хозяйство, неподготовленность и нерадение инженеров, отсталость в технике производства, в однообразии выделываемых продуктов, несогласованных с требованиями рынка, в перепроизводстве, в отсутствии хороших подъездных путей, а некоторые и в том даже, что население губернии, в сущности являясь не горнозаводским, а земледельческим, попросту не тем занято. Каждый из авторов предлагает и свои положения, выставляет как наиболее желательные. Весной прошлого года в целях освещения этого вопроса уральские заводы посетил и профессор Петербургского университета И. Х. Озеров вместе с горным инженером А. Н. Митинским, которые издали по книге [1].

Не входя в оценку правильности постановки заводской деятельности в ее чисто технических условиях или в ее борьбе с конкурентами производства, общий ход их деятельности с тенденцией к возможно большему сокращению с достаточной убедительностью показывает, что производство заводов падает весьма быстро, а безработность и необеспеченность населения, зависящего почти исключительно от деятельности заводов, увеличивается, и результатом этого является иногда полная беспомощность рабочих семей.

Если же принять во внимание распоряжения акционеров-заводчиков по отношению к заботливости их об обеспечении быта рабочего, то эти распоряжения создают очень печальную картину хищничества, крайней недобросовестности и отсутствия малейшей жалости.

Как один из ярких примеров подобных отношений может служить обследование заводов Сергинско-Уфалейского акционерного товарищества, которое по циркулирующим слухам намерено совершенно прекратить заводские работы.

В текущий момент этому товариществу на правах частного владельчества принадлежат заводы Верхне-Уфалейский с Суховязским и Нижне-Уфалейский — в пределах Екатеринбургского уезда и Атигский, Верхне-Сергинский, Нижне-Сергинский и Михайловский заводы — в Красноуфимском уезде.

---

[1] Весной 1909 г. члены Государственной думы обратились к министру торговли и промышленности с просьбой командировать на Урал в целях освещения вопроса о положении уральской промышленности профессора И. Х. Озерова и горного инженера А. Н. Митинского. В результате поездки был собран большой фактический материал об уральской промышленности, который и был использован в книгах И. Х. Озерова, Горные заводы Урала. Москва 1910; А. Н. Митинского, Горнозаводский Урал. СПБ 1909.

Главными акционерами состоят Гинсбург, Мейер, Рабинович и Бабель.

Начало заводам относится к XVIII в., когда Демидовым и Мосоловым были основаны оба Уфалейские, в 1742 г. оба Сергинские и в 1808 году Михайловский завод. Ко всем заводам причислена громадная, с запасами бурого и магнитного железняка, площадь в 358 982 десятины, из которых 218 590 десятин под лесом, что при земской оценке дает сумму около 2 000 000 руб.

В 60-х годах заводы принадлежали Ушакову, потом вследствие неудачных денежных операций перешли к Губкину и в последнее время по тем же причинам к настоящему товариществу, а 19 октября 1908 года по тем же делам этого товарищества опять таки вследствие неудачных денежных операций учреждена администрация с председателем Гувелякеном.

Население заводов выражается следующими цифрами: в Верхне-Сергинском 8 940, Нижне-Сергинском 12 658 ч., Михайловском 10 219, Атигском 3084, Верхне-Уфалейском 10 141 и Нижне-Уфалейском 6 107, а всего 51 512 человек. Если же принять во внимание подзаводское население и пришлый элемент, численность которого будет около 2 500, то эта цифра увеличивается до 54 012, из которых собственно рабочих в настоящее время 3 469, т. е. 1/15 часть населения.

Все заводы — чугуноплавильные и железоделательные с выделкой кровельного, котельного, сортового железа и проволоки, причем главное производство составляет выплавка чугуна на 4 доменных печах и выделка кровельного железа.

В настоящее время большая часть цехов или совершенно не работает, или же сокращена на половину, так что чисто заводской работой вместе с женщинами и подростками заняты в Верхне-Уфалейском заводе около 200 человек, в Нижне-Уфалейском около 900, в Верхне-Сергинском...[1], в Нижне-Сергинском 184, Атигском 140, Михайловском 313, а всего...[1] человек, так что по сравнению с 1908 г. число рабочих уменьшилось на...[1] человек. Большая часть оставшихся без работ ушла или уходит на заработки в соседние заводы и даже совершенно в другой горный округ, а остальные пробиваются около того же завода, всячески изыскивая подсобные промысла.

Общий заведенный порядок расплаты с рабочими, порядок, который вошел для заводоуправления в норму и на который сам рабочий смотрит как на какое-то вполне правовое отношение, таков. Рабочий, средний заработок которого от 15 до 50 рублей в месяц, получая плату тогда лишь, когда вздумается администрации, прежде всего и в большей части рассчитывается купоном, а не наличными деньгами, вследствие чего создается такое положение, при котором рабочий, не зная, когда его рассчитывают, в период времени от прошлой получки до настоящей успевает выбрать из причитающихся ему заработанных денег по купонам товаром большую часть заработка. Самый обмен происходит следующим образом. Так как рабочему иногда нужны именно деньги ими на взнос податей, покупку платья и т. п., то заводоуправление выдает ему купон, своего рода удостоверение, в котором значится размер заработанных им денег. Купон этот рабочий передает местному торговцу и взамен его получает товар часто не тот, который ему ну-

[1] В подлиннике пропуск.

жен, и всегда по самой высокой цене. Товар этот, положим муку, он тут же сдает обратно, и лавочник, само собой, не покупает уже у него за ту же цену, а дает меньше. Иногда завод уплачивает железом по своей цене, и тогда рабочий продает его на стороне по более дешевой. Таким образом у него в руках появляются незамысловатые деньги, которыми ему и приходится обходиться по своей нужде, дважды потеряв ценность. Когда же приходится получать с завода наличными деньгами, то оставшаяся сумма заработков почти никогда не выдается полностью, а в один расчет он получает только 50%, а в другой 60 и, в лучшем случае, 70%, что и было, например, 8 августа нынешнего года в Уфалейских заводах. Так что были такие счастливцы, которые за июнь и июль получили 3—4 рубля вперед на неопределенное время, причем волостной старшина тут же требовал с них взноса причитающихся податей, между тем как гг. Гинсбург, Мейер, Рабинович и вообще все владельцы и администрация получили свое громадное содержание полностью, и носятся слухи, что получали раньше даже и вперед за месяц. По причитающимся расчетам рабочим следовало получить 39 000 рублей, но они должны были удовлетвориться только 8 000 руб. Следует также иметь в виду, что доадминистрационные долги совсем не уплачиваются, и если это случается, то в крайне ограниченных случаях; факт этот совсем не единичен.

В Верхне-Уфалейском заводе доменная печь не работает более полугода, и заводовладельцы указывают на этот застой, как на необходимость, в виду сложного ремонта; по отзывам же компетентных рабочих ремонт этот при хорошей постановке дела потребовал бы 2—3 недели.

Заводскую руду ранее добывали из шахт, и выработанное железо носило высокую марку; теперь же совсем почти не берут, а везут ее на лошадях за 25 верст из Нижнего Уфалея или же берут с отвалов, т. е. с таких слежавшихся верхних напластований, которые представляют из себя отбросы от былой хорошей работы в заводе, и вследствие этого завод с грехом пополам вырабатывает уже не первый сорт железа, а второй и то с браком, так что местные жители для собственных нужд покупают железо не у своего товарищества.

Часто случается, что выведенный из терпения рабочий подает, наконец, исковую жалобу на то, что ему завод не платит, а заработанных — 10, 20, 50 или 100 рублей. Жалоба идет своим порядком, истец получает исполнительный лист ко взысканию, а администрация очень обязательно предлагает ему прокатиться за этими десятью рублями в Петербург, где живет товарищество, и употребить таким образом на проезд по меньшей мере 20 рублей. Охотников обыкновенно не находится, а кто имеет получить 100 рублей, тот изредка решается на прогулку, получает в конце концов за вычетом всех расходов до 50 рублей и по возвращении видит, что его место у станка занято другим рабочим, а спустя некоторое время, после 2—3 получек заработанных денег и при существовании в заводе 2 казенных и 4 пивных лавок, мать пятерых ребят, стирая белье, оставляет их пока нагими, так как перемена белья остается только желательной [1].

От бывшего владельца Ушкова население завода имеет уставную

[1] Так в подлиннике.

грамоту, по которой каждому рабочему предоставлено право подворного владения размером в 30 сажен в глубину и 10—15 саж. по фронту, причем надел этот разрешается сельским сходом. На новых местах возможно и некоторое увеличение этой площади. Покос отводится там, где установит сход, лес на постройку отпускается за плату, а для отопления бесплатно по 3 куба на домохозяина. За хлебопашество, которым заняты единичные лица, производится уплата арендной суммы по 50 коп. за десятину.

По данным последней ревизии в Верхне-Уфалейском заводе к настоящему времени считается 2 450 ревизских душ, в Нижне-Уфалейском 1 157, Атигском 634, Верхне-Сергинском 2 547, Нижне-Сергинском 3 475, в Михайловском 2 687.

Население, в общем склонное к тому, чтобы заводы не прекращали своей деятельности, в отношении земельного надела очень упорно отстаивает наделение на наличную душу в среднем от 8 до 15 десятин и совсем не соглашается на предложение владельцев получить по 4½ десятины на ревизскую душу, число которых с 63-го года уменьшилось приблизительно в 2 раза. В данном случае весьма понятна тенденция владельцев раз навсегда отделаться от населения в земельном вопросе. Между прочим междуведомственная комиссия, работавшая в Красноуфимском уезде, делала именно такое предложение населению, причем в состав этой комиссии входили гг. Рабинович, Бабель, т. е. люди, вполне заинтересованные наделом. Если бы и возможно было наделение при тех условиях, которые желательны населению, то в виду того, что большая часть площади покрыта лесом, разработка ее под пашню потребовала бы довольно продолжительного времени, и, кроме того, рабочие на первых порах не имели бы не только навыка, но даже и необходимых земледельческих орудий. Как исключение можно указать на Михайловский завод, в котором хлебопашество принимает значительные размеры, но этот завод — на юге уезда, вообще богатого пахотной землей.

У профессора Озерова в его исследовании «Горные заводы Урала» (38 стр.) есть крайне интересная заметка из доклада главного лесничего Д. Г. в главное управление Сергинско-Уфалейских заводов в 1897 году. Доклад, конечно, соответствует цели сохранения лесов для надобности завода, как древесный уголь при обжигании руды. Но, с другой стороны, иллюстрирует и взаимоотношение лесничего и заводоуправления.

Судить так, может быть, и возможно было в 1897 году, но вряд ли это выдерживает критику для настоящего времени.

«Не имея, кроме собственного труда, — говорится в докладе, — никаких расходов, следовательно, получая хлеб как даровой и в довольно большом количестве, обеспечивающем их на более или менее продолжительное время, они не особенно дорожат заводской работой, вследствие чего и постоянные стачки и требования увеличения заработной платы. А потому, по моему мнению, следовало бы распашку заводских покосов и других земель или совершенно воспретить или назначить арендную плату, которая была бы им чувствительна. Мое личное убеждение употребить все меры к сокращению хлебопашества, хлебопашец — плохой фабричный рабочий».

Если предпосылка лесничего касалась сохранения лесов для заводоуправления, то заключение его, что «хлебопашец — плохой фабрич-

ный рабочий», не составляет ответа и уже во всяком случае не выходит логическим следствием. Для каждого понятна эксплоатация леса заводами и та ревность, с которой они уберегают свои лесные площади — артерии жизнедеятельности завода при плавке и обработке руды и металла древесным углем, без которого завод замирает. Отстаивание заводских интересов в ущерб рабочих заметно в том же Нижне-Сергинском заводе со стороны лесничего Буракова и в настоящее время.

Он сильно налегает на урезку покосов, а при запашках рубит сохи, бороны, отбирает топоры и, нисколько не стесняясь, заявляет, что «штрафа не боится», так как делает это с ведома заводоуправления.

Так как заводы, хотя и в очень сокращенном производстве, продолжают выработку, и продукты ее после их заклада в государственный банк обеспечиваются вполне достаточной суммой для удовлетворения прежде всего нужды населения, то в совершенном закрытии заводов или, по меньшей мере, в непременном желании владельцев оставить их в том состоянии, которое они теперь вынашивают [1], приходится невольно предполагать предвзятую цель владельцев. Выработанного материала закладывается в государственном банке приблизительно до 30 000 пудов по цене 1 р. 40 коп. за пуд, что составит 42 000 рублей.

Из этой суммы прежде всего удовлетворяются желания владельцев, потом идет жалованье администрации, в состав которой опять-таки входят владельцы, уплата долгов банку, а после того уже, т. е. сколько останется, раздается рабочим. В то же время наблюдаются случаи продажи земли: так в Верхне-Уфалейских владениях продано 40 десятин с лесом по 25 рублей за десятину. Есть слухи о неладах между владельцами и об искусственном повышении и понижении на бирже своих акций. Был случай правительственной субсидии, причем деньги пошли не по прямому их назначению. Все эти явления с достаточной убедительностью указывают на возможно большее высасывание — специфический признак акционерного начала, и вся операция представляется так. Вырабатываемое закладывается в банк, получается еще субсидия от правительства, удовлетворяются свои желания, долг уплачивается банку, банк в свою очередь платит свой долг заграницу, а рабочий не получает ничего и об этих операциях знает, так как культурные просветители в заводских библиотеках, в дозволенных и недозволенных лекциях посвящают рабочих прежде всего в эти операции, а затем, как совершенно справедливо замечает г. Воеводин [2], читают им анатомию, психологию, астрономию, физиологию и вообще все, что угодно, только не о нравственности, не о минералогии и не о вреде алкоголизма. Конечно, справедливо и то, что при настоящем положении покупка завода доступна лишь огромному капиталу, что неминуемо ведет к приобретению заводов акционерами, хотя, казалось бы, при всей свободе горного промысла государство не отказалось бы совершенно от своего вмешательства, и основное начало указа 1719 года было таково: «Нам одним, яко монарху, принадлежащие горные заводы и оных употребление каждому, и вообще всем, кто к тому охоту имеет, милостиво соизволяем».

---

[1] Так в подлиннике.

[2] Очевидно имеется в виду чиновник департамента полиции Воеводин, сподвижник Зубатова.

Если проследить конкретные случаи донесений о заводской деятельности, то вполне создается впечатление о постепенном озлоблении рабочего. «В 1876 году, — значится в донесении, — в Верхотурском уезде очень беспокоит положение жителей Богословских заводов, приобретенных от правительства Башмаковым, который медеплавильное дело закрыл, и большая часть населения без работ».

В 78 году «рабочие с заработком, за исключением Богословского завода».

В 81 году «далеко не все заводские мастеровые, живущие в заводе, заняты работой вследствие разных экономических расчетов заводоуправлений, а также и потому, что есть заводы, прекратившие по разным причинам свою деятельность, отчего мастеровые вынуждены обратиться к другим промыслам. Отношение заводоуправлений к рабочим не без стремления эксплоатировать их».

В 85 году «были неудовольствия: заводы прекращали деятельность и уменьшали поденную плату, в виду этого много рабочего люда должны были искать работ другими промыслами, но, не имея навыка, не всегда могли обеспечить свое существование».

В 86 году... «замечались ропот, жалобы, недовольство. Отношение между рабочими и заводоуправлением нельзя считать удовлетворительными».

В 87 году... «в заводской жизни проявилось несколько случаев явного неудовольствия и жалоб на распоряжения заводоуправления».

В 90 году... «при соответствующей деятельности заводов, понижении заработной платы в Нижнем Тагиле была 2-х недельная стачка».

В 92 году... «были волнения и забастовки в Баранчинском, Сусанском, Михайловском и Атигском заводах вследствие неправильных штрафов. Заметно развитие между рабочими корпоративного духа».

В 93 году... «известие, что с 11 июля 94 года вводится положение о завершении поземельного устройства мастеровых и рабочих посессионных заводов, встречено несочувственно».

«Были волнения в Шемахинском заводе из-за остановки его управляющим, в Михайловском из-за штрафов, назначаемых управляющим. Забастовка продолжалась около недели».

В 94 году... «в Чермозском заводе рабочие прекратили работу, требовали увеличения платы».

В 96 году... «в Михайловском заводе и Серебрянском — стачки и волнения. В Михайловском заводе 16 марта заявлено об увеличении платы до того размера, какой был 5 лет тому назад, так как существующие теперь цены от 40 коп. до 75 коп. за 8 часов работы, при уменьшении вообще работы, совершенно недостаточны. С 1 апреля забастовали до 8-го, когда был составлен акт о гарантии 80 коп. за 8 час. работы. На Серебрянском заводе 11 августа отказались работать железо из плохого чугуна, не дающего им возможности вырабатывать условное количество железа».

В 97 году... «в Нижнем Тагиле 600 человек просили у правителя работ и расчета с 18 сентября по 10 октября: уплочено по частям. В Нижне-Салдинском 15 октября остановлен рельсопрокатный цех, без работ 400 человек».

В 98 году... «настроение в Красноуфимском и Кунгурском уездах в заводском населении — озлобленное против заводской администрации, неблаговидно пользующейся полной зависимостью [населения] от за-

водских работ. В Кыштымском заводе 4 января составлен приговор на сельском сходе об удалении управляющего Карпинского, стесняющего в сенокосе, руде и угле. В июле в Северском заводе составлен общественный приговор об удалении управляющего за грубость».

В 99 году... «не довольствуясь теми доходами, которые дают обмеривание, обвешивание и браковка, и, несмотря на то, что, по уверению хорошо осведомленных лиц, свободной, ни чем незанятой земли и леса, хватит для заводов лет на 200, управляющий Кыштымскими заводами Карпинский теснит совершенно обнищавших башкир и, на законном якобы основании, желает снести деревни старую и новую Юлдашеву, Обтрякову и Юсупову, которые расположены на приобретенных заводами землях у башкир, пользуясь их темнотой, доверчивостью и пропуском их доверенными сроков на обжалование решения оренбургской межевой конторы. В Серебрянском заводе рабочие жалуются на продолжительные остановки работ, тогда как соседний Кыновский работает не только безостановочно, но даже с увеличением работ».

В 903 году... «нельзя не заметить затруднительности заводского населения по случаю сокращения работ. Плата понижена, число рабочих уменьшено, Висимо-Шайтанский и Петрокаменский остановлены».

В 904 году... «заводское население крайне в затруднительном положении из-за сокращения и прекращения работ. Есть места — Нижне-Шайтанский завод — с платой по 20 коп. в день при пяти сменах».

В настоящее время положение заводской деятельности на Урале в отношении эксплоатации рабочего труда мало чем отличается от заводов Сергинско-Уфалейского товарищества и легко поддается учету по прилагаемой сводке. Конечно, есть заводы, где работы не только не прекращаются, но даже до некоторой степени увеличивают свое производство; таковыми являются Богословские заводы с оборудованием, далеко опередившим остальные заводы, Лысьвенский и Пожевской; но эти заводы лишний раз подтверждают, что нет правила без исключения.

Более пришибленная и обозленная натура горнозаводского рабочего, который с 16-летнего возраста, а иногда, конечно, и раньше, вращается около тридцатипудового раскаленного добела куска железа и в каком-нибудь рельсопрокатном цехе в плоть и кровь впитывает гул, лязг, свист и крепкое слово, естественно поддается подмывающей мстительной проповеди даже доморощенного социалиста, который, не зная около себя цены на морковь, трактует о борьбе труда с капиталом. Между тем доступ к рабочему более культурного просветителя при тех примитивных способах проверки рабочих на заводах, когда учет проходящих в заводские ворота основывается главным образом на памяти пропускающего их нарядчика, совсем не представляет затруднения...

В наше время странно бы было предположить, чтобы где-нибудь в Пермской губернии, хотя бы даже в Чердынском уезде, самом северном, очень лесистом и болотистом, со множеством мелких речушек, возможно было, подобно Соликамскому, «дознать о существовании трех поселков, но не иметь возможности проникнуть в эти глухие места».

Тем не менее сухая голая цифра о трудности проникновения так рассказывает об административно-высланных в Чердынский уезд.

За последние три года — 1907, 908 и 909 — цифра высланных туда достигает 1228 человек, из которых, по сведениям к 15 июля настоящего года, налицо 402 человека, умерло 15, освобождено 312, переведено в другие места и содержатся под стражей 60 человек, в разрешенной отлучке 229 и бежало 210. Пожалуй, не обинуясь, можно прибавить к числу бежавших и значащихся в разрешенной отлучке. И таким образом получится цифра 440 человек, т. е. почти 1/3 часть высланных, показатель существенный.

Высланные, в силу чисто географических условий, конечно, бегут на юг, если не прямо в заводы, то во всяком случае через них, и каждый, само собою, оставляет тут и плоды своего сознания [1].

А насколько это явление неизбежно, приходится опять-таки считаться с цифрой.

Территория Чердынского уезда исчисляется в 62 318 квадратных верст; полицейского надзора в Чердынском уезде, считая чиновников и нижних чинов, 96 человек, т. е. каждому из этих лиц надзора вменяется в обязанность быть «оком» на пространстве средним числом в 650 кв. верст, причем необходимо иметь в виду, что население крайне редко и разбросано с севера на юг на всей этой громадной площади небольшими поселками. Есть в городе Чердыни и жандармский надзор — один унтер-офицер.

Сведения настоящего доклада, касающиеся численности населения, за исключением особо оговоренных, взяты из списка населенных мест губернии по данным 1908 года.

В настоящее время они, конечно, ошибочны в виду естественного прироста, но это нисколько не изменяет обстоятельств изложенного в его целом, так как цифровые итоги должны прибавиться, а результаты безработности в силу этого сгущаются.

Полковник Комиссаров [2].

---

[1] Так в подлиннике.

[2] Комиссаров, М. С., жандармский полковник, известный своей провокационной деятельностью в Петербурге, в 1905 г. изготовлял в департамент полиции и распространял погромные прокламации. В 1909 г. был назначен начальником губернского жандармского управления в Енисейске, где широко применял практику разложения среди политических ссыльных. Позже был начальником Пермского жандармского управления.

№ по порядку	Наименование владения и завода	Число заводской администрации	Число жителей	Число построенных цехов	Число действ. цехов	Число рабочих	Число рабочих часов и смен	Предел потребн. дня по местным ценам	% безработных	Чем заняты безработные	Каково настроение к земельному наделу	Каков размер земельной площади завода (в десят.)
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
	Казенные											
1	Кушвинский	50	9 885	9	9	1 000	12—3	—50	—	—	Общинное земл.	163 500
2	Баранчинский	—	4 626	5	4	1 400	8—3	—50	—	—	—	60 000
3	Верхне-Туринский	30	6 339	10	10	1 556	12—3	—50	—	—	—	1 248 617
4	Нижне-Туринский	36	4 247	8	7	560	—	—50	—	—	Хуторское земл.	
5	Нижне-Исетский	1	4 448	5	5	—	—	—40	—	—	—	—
6	Серебрянский	21	5 291	6	—	448	4—6	140	60	Постор. заработок	Подворн. надел.	284 918
7	Каменский	54	4 808	4	4	330	10—3	—60	—	—	Общинное	68 000
8	Артинский	7	7 973	4	1	185	12—2	—20	75	Постор. заработок	Охотно-общинное	73 992
9	Мотовилихинский	82	15 520	25	25	10 772	9—3	— 1	—	—	Безразлично	142 681
	Посессионные											
	Акционерн. общества											
1	Верхне-Исетский	—	16 820	5	5 сокр.	—	—	—40	—	Постор. заработок	—	
2	Режевской	89	7 720	11	11	1 232	10—4	—90	—	—	—	23 346 [1]
3	Верхне-Нейвинский	—	5 311	—	—	—	—	—	—	—	—	
4	Нейво-Рудянский	—	2 719	—	—	—	—	—	—	—	—	539 699
5	Верхне-Тагильский	—	6 677	—	—	—	—	—	—	—	—	
6	Уткинский	—	2 979	—	—	—	—	—	—	—	—	16 576
7	Сылвинский Демидова	—	5 155	8	—	—	7	—75	100	Сельское хоз.-во, Постор. заработок	Над. по 6 дес. на наличную душу	153 835
8	Нижне-Тагильский	50	34 770	10	8 сокр.	2 184	12	—50	20	Постор. заработок	Неохотно	
9	Висимо-Шайтанский	1	5 526	3	—	—	—	—	100	Приисков. работа	Охотно хуторское	
10	Нижне-Салдинский	5	12 983	3	—	—	—	—	—	—	—	536 309
11	Верхне-Салдинский	5	7 172	8	4	1 460	10—3	—50	—	Уходят на другие заводы	Хуторское	

№ по порядку	Наименование владения и завода	Число заводской администрации	Число жителей	Число построенных цехов	Число действ. цехов	Число рабочих	Число рабочих часов и смен	Предел потребления по местным ценам	% безработных	Чем заняты безработные	Каково настроение к земельному наделу	Каков размер земельной площади завода (в десят.)
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
12	Висимо-Уткинский . . .	7	3 810	7	4	363	8—3	—	—	Уходят на другие заводы	Общинное	
13	Черно-Источинский . .	9	6 429	4	2	87	8—3	—	—	То же	—	
14	Лайский	8	3 705	2	—	360	—	—50	100	Углеобжигание, постор. заработки	Хуторское	536 309
15	Выйский Соломирского	50	+ Тагил	2	—	1 097	12	—50	20	Углеобжигание и прииск. работа	В собственность	
16	Северский	3	3 164	18	9	490	8	—40	—	Уходят на другие заводы	—	
17	Сысертский	1	9 514	9	2	500	12—2	—60	75	То же	Общинное	
18	Ильинский	2	+ Сысерть	11	1	500	12—3	—60	50	»	Неохотно	432 730
19	Шолевской н-ков Яковлева	2	7 664	4	2	350	12—3	—60	—	»	Общинное	
20	Нейво-Алапаевский . .	5	7 482	9	2	2 092	8—6	—50	10	Выбывают на родину	—	
21	Нейво-Шайтанский . . .	2	4 412	10	2	587	10—4	—50	—	Приисков. работа	Общинное	
22	Верх.-Синячихинский .	2	1 224	3	2	216	10—4	—50	—	—	»	321 051
23	Нижне-Синячихинский .	—	1 970	3	—	—	—	—	—	—	—	
24	Ирбитский	2	2 958	4	4	449	4—5	—	—	—	—	83 539
25	Шайтанский н-ков Берга	—	7 557	—	—	—	—	—	—	—	Стремлений нет	40 317
26	Невьянский акц. о-ва .	6	17 195	6	2	189	10—3	—60	60	Земл. прииск. раб.	—	73 000
27	Петрокаменский	—	2 554	—	—	—	—	—	—	—	—	52 791
28	Ревдинский Ратькова-Рожкова	—	9 604	—	—	—	—	—	—	—	—	
29	Мариинский	—	1 399	—	—	—	—	—60	—	—	Наделены по	155 304
30	Бисертский	6	7 687	6	6	431	8—3	—	—	Земл. и кустарн. работа	закону 1903 г.	

№ по порядку	Наименование владения и завода	Число заводской администрации	Число жителей	Число построенных цехов	Число действ. цехов	Число рабочих	Число рабочих часов и смен	Предел потребн. дня по местным ценам	% безработных	Чем заняты безработные	Каково настроение к земельному наделу	Каков размер земельной площади завода (в десят.)
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
	Частно-владельческие											
	Демидова											
1	Александровский	—	2 758	—	—	—	—	—	—	—	—	192 724
2	Никитинский	—	3 456	—	—	—	—	—	—	—	—	
	Абамелек-Лазарева											
3	Кизеловский	—	10 445	—	—	—	—	—	—	—	—	421 300
4	Чермозский	—	5 664	—	—	—	—	—	—	—	—	157 098
5	Полазнинский	2	2 241	5	5	580	8—3	—.60	—	—	Стремлений нет	144 864
	Гр. Строганова											
6	Билимбаевский	—	4 729	—	—	—	—	—	—	—	—	83 680
7	Уткинский	4	5 776	3	3	127	—	—	—	—	—	49 998
8	Кыновский	4	3 013	7	4	380	—	1.—	50	Постор. заработки	Надел на рев. душу	104 301
9	Кувинский	—	1 960	—	—	—	—	—	—	—	—	362 708
10	Добрянский	5	6 889	7	7	1 959	—	—	—	—	—	354 994
11	Очерский	15	8 362	7	7	846	10 —	—.80	—	Кустарничеством	Стремлений нет	96 244
12	Павловский	9	+Очер.	5	5	602	10 —	—.80	—	»	»	—
	Гр. Шувалова											
13	Лысьвенский	15	10 837	10	10	2 684	8—3	—	—	—	—	41 420
14	Кусье-Александровский	4	2 389	2	2	444	8—3	—	—	—	—	
15	Бисертский	4	1 673	2	2	693	8—3	—	—	—	—	
16	Теплогорский	4	500	1	1	296	8—3	—	—	—	—	
	Акционерные общества											
17	Верхне-Сергинский	3	8 940	8	7	1 434	12—3	—	10	Уходят на другие заводы	Отрицат. на налич. душу	182 464
18	Нижне-Сергинский	—	12 658	6	Сок.$^1/_2$	1 379	10—4	—.80	50	»	»	
19	Михайловский	—	10 219	6	»	283	—	1.—	—	»	»	

№ по порядку	Наименование владения и завода	Число заводской администрации	Число жителей	Число построенных цехов	Число действ. цехов	Число рабочих	Число рабочих часов и смен	Предел потребн. дня по местным ценам	% безработных	Чем заняты безработные	Каково настроение к земельному наделу	Каков размер земельной площади завода (в десят.)
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
20	Атигский	1	3 084	1	1	120	—	—	—	Уходят на другие заводы	Отрицат. на налич. душу	182 464
21	Верхне-Уфалейский . .	6	10 141	—	Сок.1/2	—	—	—.70	—	»	»	158 981
22	Нижне-Уфалейский . . .	—	6 007	—	»	—	—	—.70		»	»	
23	Кыштымский	—	19.380	38	30	1 062	8—3	—.70	25	Кустарничеством		
24	Каслинский	—	14 723								Хуторское	630 185
25	Нязепетровский	6	13 783	9	8	1 711	—	—.40	80	Уходят на другие заводы	Общинное	
26	Шемахинский	—	4 242	—	—	—	—	—	100	»	Надел на рев. душу	
27	Чусовский	8	6 900	10	10	1 990	8—3	—.50	—	—	Склон. нет	
28	Архангело-Пашийский .	4	2 926	4	4	626	8—3	—	—	—	—	454 488
29	Нытвенский	2	5 115	4	4	1 056	8—3	—	—	—	—	
30	Богословский	10	4 422	7	7	900	12—3	—.60	—	—	60% пришл. элем.	
31	Надеждинский	9	5 495	10	10	4 916	—	—.60	—	—	»	
32	Турьинские рудники . .	8	6 942	6 шахт	—	3 351	8—3	—.60	—	—	»	397 084
33	Сосьвинский	6	1 328	5	5	750	12	1.—	—	—	Хуторское	
	Гр. Воронцовой-Дашковой											
34	Юго-Камский	6	3 238	9	9	491	8—3	—	—	—	—	103 121
	Морозова											
35	Всеволодо-Вильвенский	—	1 734	—	—	—	—	—	—	—	—	37 306
	Ген. Бобоянского											
36	Саранинский	—	5 446	—	—	93	12	—	50	Хлебоп. и пром.	Общинное	101 004*
37	Иргинский	1	4 567	—	—	—	—	—.30	100	»	Подворное	
	Кн. Львова											
38	Пожевский	—	2 982	—	—	—	—	—	—	»	—	105 366
	Бр. Каменских											
39	Суксунский	1	4 055	2	2	50	—	—.50	—	Сельск. хоз.	Получ. зем. надел	66 980

Красный архив

№ по порядку	Наименование владения и завода	Число заводской администрации	Число жителей	Число построенных цехов	Число действ. цехов	Число рабочих	Число рабочих часов и смен	Предел потребн. дня по местным ценам	% безработных	Чем заняты безработные	Каково настроение к земельному наделу	Каков размер земельной площади завода (в десят.)
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
40	Молебский	6	3611	—	—	—	—	— 30	100	Лесным	То же	
	Кондюрина											
41	Камбарский	4	6342	6	6	120	12—2	—	—	—	—	

Примечание к таблице Ротмистр Чувствин

По техническим условиям таблица воспроизводится в несколько измененном виде, а именно: между 1 и 2 графами опущены три графы: а) «владелец», б) «образовательный ценз управляющего» и в) «максимум его полномочий».

Сведения о владельцах заводов включены в первую графу печатаемой ведомости. На всех казенных заводах управляющие—инженеры, сведения об их уполномочиях не указаны. На посессионных заводах в печатаемой ведомости под № 1, 2, 9, 10, 11, 13, 14, 16, 17, 19, 20, 22 и 26 управляющие—инженеры, на заводах № 8, 15, 21, 30—техники, об остальных сведений не имеется; на частновладельческих заводах под №№ 5, 10, 11, 12, 13—16, 19, 21,—31, 33, 34—инженеры, об остальных сведений не имеется.

В графе о полномочиях управляющих имеются следующие отметки: а) «увольнять рабочих»—на посессионных заводах под № 1, 2, 8, 10—12, 15, 21, 22, на частно-владельческих под № 5, 7—33, 36, 41; «закрыть завод»—на посессионных под № 9, 13, 14, 16—20, 24, 26 и на частновладельческих под № 34, 39 и 40; «сократить рабочих»—на Бисертском; «продать»—на Иргинском, относительно остальных заводов сведений нет.

Между графами 9 и 10 опущена графа с заголовком «Чем рассчитываются рабочие», в которой указано, что на заводах Нижне-Тагильском, Висимо-Шайтанском, Нижне- и Верхне-Салдинском Висимо-Уткинском, Черно-Источинском, Лайском, Выйском, Верхне- и Нижне-Сергинском, Михайловском, Атигском, Верхне- и Нижне-Уфалейском расчет производится деньгами и купонами, а на остальных деньгами.

Между 10 и 11 опущены три графы: а) «Получает ли завод правительственную субсидию»—отмечено получение одним Нижне-Тагильским заводом; б) графа—«Существует ли кустарный промысел», где отмечено: на Сылвинском—«молочное хозяйство», на Невьянском—«сундучный», на Саранинском, Очерском и Павловском—«молотилки», на Кыштымском и Каслинском—«кустари разных цехов», на Иргинском—«кузнечное, кожевенное»; в) в графе «Насколько реагирует в этом случае [безработицы] земство»—отмечено: Кыштымский, Каслинский, Бисертский, Иргинский, Нижне-Исетский—«кредит»; Висимо-Шайтанский—«учебно-показательные мастерские»; Очерский, Павловский—«организация сбыта».

В конце ведомости опущены две графы, а именно: а) «Каково взаимоотношение рабочих и администрации», где отмечено: Верхне-Нижне-Сергинский, Михайловский, Атигский, Нижне- Верхне-Уфалейский, Кыштымский, Каслинский, Серебрянский, Артинский, Режевский—«неудовлетворительно»; б) «Предполагается ли дальнейшее сокращение»—отмечено по отношению заводов Верхне- и Нижне-Туринского—«доменный», Серебрянского—«остановка», Артинского—«дальнейшее сокращение», Сылвинского, Нижне-Тагильского, Лайского, Шемахинского, Иргинского, Молебского—«не действует», Кыновского, Очерского, Павловского—«закрыть».

Аграрное движение в Смоленской губернии в 1905—1906 гг.

Публикуемые материалы о крестьянском движении в 1905—1906 гг. в Смоленской губернии в отличие от материалов, опубликованных в предыдущих томах «Красного архива», освещают не действия особоуполномоченных сановников по подавлению крестьянского движения, как Дубасов и Игнатьев 2-й, а рисуют деятельность низших чинов царской администрации, губернской и уездной. Рассматривая действия этих звеньев царской администрации, мы видим, что они мало чем отличаются от деятельности высших чиновников. Представленный «к отличию» полковник Гладышев применяет ту же «всеспасающую» меру — поголовную порку крестьянства, к которой прибегали усмирители Дубасов, Игнатьев 2-й и пр. Он вкупе с смоленским начальником охранки приходит к выводу, что розги и только розги и порка могут предотвратить дальнейшее развитие революционного движения среди крестьян. «Зная близко современное настроение крестьян, нахожу вынужденным доложить департаменту полиции, что только телесным наказанием возможно предотвратить резню и разорение в предстоящую весну».

Тюрьма не страшит крестьян, немыслима высылка массы «подстрекателей», накопившихся повсеместно в тюрьмах. Тюремная жизнь облегчается помощью со стороны комитетов разных наименований и поддерживается организационными связями, а потому по мнению царского чиновника только розги, «не отрывая работников от семей, без кровопролития, могут умиротворить страсти и уронить агитаторов в глазах населения».

Что касается выражения «без кровопролития» в приведенной выдержке, то это пустая фраза для отвода глаз и оправдания массовой порки. На деле же при подавлении крестьянского движения в Смоленской губернии расстрел толпы применялся повсюду. Наоборот, когда действия усмирителей были не особенно решительны, что имело место только один раз, причем был один раненый, от товарища министра внутренних дел был получен выговор с выражением недовольства за нерешительные действия полиции.

Кроме мер репрессивных Гладышев, подобно Дубасову и Игнатьеву, прибегает к тем же мерам «отеческого» внушения и разъяснения. Однако эти «разъяснения» действовали лишь, пока находились войска, велась порка, применялся расстрел. При малейшей возможности движение возникало вновь и шло дальше, шире и глубже.

Откровенное на этот счет заявление мы находим в донесении земского на-

чальника Хмара-Барщевского: «Посетив несколько митингов с целью разъяснения крестьянам лживости сообщаемых им агитаторами сведений и «законов», я убедился в трудности таких разъяснений, так как толпа отказывается понимать самые основные положения права, подстрекаемая агитатором не доверять теперь должностному лицу, и убеждения действовали лишь на серьезных домохозяев», т. е. на кулаков.

Публикуемые материалы безусловно интересны тем, что на протяжении от июня 1905 года по конец декабря 1906 года показывают смену разных форм крестьянского движения, постепенное и последовательное его нарастание.

Движение начинается с борьбы крестьян за отрезки. Тов. Сталин, разбирая вопрос об отрезках, указывает, что:

«В 1903 г., когда партия говорила об «отрезках», российское крестьянство еще не было втянуто в движение. Обязанностью партии было бросить в деревню такой лозунг, который бы зажег сердца крестьян и поднял бы крестьянство против остатков крепостничества. Как раз такой лозунг был «отрезки», которые ярко напоминали российскому крестьянству о несправедливости остатков крепостничества. После того времена изменились. Крестьянское движение выросло... Сегодня речь идет не о том, как должно быть приведено в движение крестьянство, а о том, что должно требовать пришедшее в движение крестьянство. Ясно, здесь необходимы определенные требования, и вот партия говорит крестьянству, что они должны требовать конфискацию всех земель» («Аграрный вопрос», ст. 1-я, газета «Элва», 17 марта 1906 г.) [1].

На III съезде партии аграрная программа была изменена. Было выдвинуто требование конфискации помещичьих, казенных, монастырских и церковных земель наряду с созданием крестьянских комитетов.

На примере Смоленской губернии мы видим, как действительно движение не ограничивается борьбой за отрезки и как оно идет дальше. Этот период неразрывно связан с влиянием на движение со стороны рабочих, пришедших с фабрик, что неоднократно подчеркивается в публикуемых документах.

Движение развертывается в ряде мест в вооруженные столкновения крестьян с полицией и войсками и ослабляется только после разгрома движения карательными отрядами. Нельзя не отметить того важного факта, что генерал-майор Громыко, считая войска абсолютно ненадежными предлагал действовать лишь казачьими отрядами и кавалерийскими частями.

И. Кужелов.

Рапорт пристава 1 стана Бельского уезда прокурору Смоленского окружного суда от 9 июня 1905 г., № 1051 [2].

Два года тому назад крестьяне Холмовской волости селений: Пустошки, Федина, Веретенина, Каимова, Репища, Бартенева, Казилова, Некрасова, Сапова, Вырбова и Лехмина самовольно завладели отрез-

[1] Цитировано по бр. Берия, «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». Партиздат, 1935, стр. 54.

[2] Фонд канц. смол. губернатора, 1905 г., д. № 11, л. 141; документы подготовлены к печати В. Дмитриевым.

ными от наделов их землями владельца села Холма графа Игоря Алексеевича Уварова, производя пастьбу скота, покос травы и пашню. В мае месяце сего 1905 года завладели отрезными землями и крестьяне селений: Пузикова, Фастова, Романикова и Васильева, хотя до этого времени крестьяне всех этих селений за пользование этими отрезными землями платили арендную плату графу Уварову. Дела по самовольным завладениям крестьянами первых одиннадцати селений до сих пор находятся в рассмотрении подлежащих судебных учреждений, по жалобе графа Уварова, и как у земского начальника, так и в бельском уездном съезде решены в пользу графа Уварова и, несмотря на это, они и с весны сего года начали самовольное пользование. При посещении моем 3—4 сего июня этих селений некоторые оказавшиеся дома крестьяне-домохозяева увещаний моих прекратить самоволие не послушались, причем крестьяне дер. Федина Стефан Петров и Иван Ильин высказались, что если их, крестьян, за это посадят, то будет бунт, и они пойдут громить усадьбу графа Уварова, что в Петербурге народ бунтуется, и несмотря на то, что в него стреляют и убивают, и что они подождут Петрова дня (29 июня), и посмотрят, что тогда будет.

Я считаю самовольное завладение крестьянами сказанных селений отрезными землями графа Уварова аграрным движением среди крестьян, могущим распространиться среди крестьян и остальных селений волости и соседних волостей, если только не будут приняты законные меры к прекращению начатого самоволия; а то, что они высказались: «подождут Петрова дня» — началом повсеместного завладения покосами по владению графа Уварова, так как около этого времени начинаются покосы.

Пристав 1 стана Кременский.

Рапорт духовщинского уездного исправника смоленскому губернатору от 30 июня 1905 г., № 510 [1].

Пристав 3-го стана рапортом, полученным 28 сего июня, донес мне, что ему 27 июня заявил арендатор имения гг. Лазаревских, Иван Константинов Штембель, что отданные им, Штембелем, на скос травы луга крестьянам деревни Скачихино, которых крестьяне Сущевской волости дер. Нефедоровщины не допустили косить. Пристав, тогда же прибыв на место, застал крестьян дер. Нефедоровщина косившими луга Лазаревских, отданные крестьянам дер. Скачихино, и на предложение не нарушать чужого владения, они все единогласно отказались исполнять его требование, говоря, что в надельном плане их числится эта земля за ними и они будут ею пользоваться, ввиду того, что был и ведется у них с Лазаревскими суд относительно спорных участков земли.

Получа рапорт пристава, я в тот же день прибыл в дер. Нефедоровщину, вызвал к себе крестьян, которые под влиянием местного земского начальника Забелло (недалеко от них живущего), ранее разъяснившего им незаконность их действий, а затем и моих убеждений в присутствии старшины, прекратили самовольство и вошли вновь

[1] Фонд канц. смол. губ., 1905 г., д. № 11, лл. 147—148.

в доброе отношение с владельцем, уплатившим им некоторую часть за работу по скосу принадлежащих ему 3½ десятин луга.

Уездный исправник Сулима-Самуйлов.

Рапорт пристава 3 стана ельнинскому уездному исправнику от 2 июля 1905 г., № 939 [1].

В пределах Ивонинской волости в деревнях: Выползове, Тишове, Плоток, Березкине, Нежеде, Крашневе и Старой Буде крестьяне сговариваются произвести беспорядки аграрного характера и, как мною дознано, 26 минувшего июня в Крашневском лесу устраивали сходку, на которой участвовало двое каких-то приезжих, которых крестьяне называют «студентами». На сходку эту созывали двое крестьян: из дер. Выползово Иван Бондарев, служащий в ивонинском министерском училище преподавателем столярного ремесла, и его товарищ, тоже столяр, Прокофий Васюков, живущий на хуторе Крашневе. Созывали они с ярмарки, бывшей в тот день в Ивонине. По объяснению крестьян дер. Старой Буды: Тимофея Прохорова Долбащенкова, Семена Павлова Корначева, Николая Архипова Муравского и Павла Абрамова Пузанова на сходке решался вопрос не итти на работы к местным помещикам, как требующим слишком высокую плату за отрезные земли под уруги и пр., а равно брать все нужное в помещичьих усадьбах и косить луга их в свою пользу. На последнее Бондарев с Васюковым и из деревни Плоток Семеном Аввакумовым Трошиным возразили, что прежде нужно уничтожить всех помещиков и разграбить их имения и только тогда будет достигнута цель. Сходка еще должна была состояться 29 июня, но вследствие арестования мною некоторых из участников и принятия других мер, таковая не состоялась. Кроме перечисленных лиц, на сходке были: из Крашнева — Аверьян Никитин, дер. Плоток — Алексей Антонов Иосифов, дер. Тишова — Иван Фролов и Иван Иваничкин, дер. Выползова — Прокофий Карпов (этот был в С.-Петербурге при движении фабричных 9 января и ставил примером стойкость фабричных, несмотря на стрельбу из ружей), дер. Б. Нежеды — Иван Аверьянов. Всего было на сходке более 70 человек. Столяр училища Бондарев сознался о состоявшейся сходке и утверждал, что на таковой «студентов» не было, а свои, не узнанные, но кто именно, — не сказал. В частном моем разговоре с заведующим училищем Иосифом Макаровым последний высказался, что он с своим сослуживцем Ивашкевичем, учителем того училища, болеют о тяжелом положении крестьян, но, заметив мои подозрения об их участии в движении крестьян, легко мог передать Ивашкевичу, который немедленно и выбыл в Смоленский уезд, где живут родные в пределах Хохловской волости. Созыв крестьян на сходку преподавателем столярного ремесла, исчезновение учителя Ивашкевича и отсутствие его на ярмарке во время сходки, а равно и сочувствие Макарова положению крестьян — дают основание сделать вывод, что инициатива в крестьянском движении исходит исключительно из ивонинского училища, где Макаров состоит учителем около 25 лет и пользуется большим влиянием среди многих крестьян; к тому же и на сходке участвовали многие из бывших его учеников, не исключая Бондарева и Васюкова.

Пристав Иодко.

[1] Фонд канц. смол. губ., 1905 г., д. № 11, л. 144.

Телеграмма управляющего Смоленской губернией товарищу министра внутренних дел, заведующему полицией, от 12 июля 1905 г.[1].

8-го вечером в усадьбе Клетиной, Смоленского уезда, крестьяне деревни Наготь, собравшись толпой, разбили в господском доме и в усадьбе окна. Ночью исправник со взводом драгун восстановил порядок, арестовано трое. Следствие, ввиду политической подкладки, производится жандармским управлением. 11-го близ Ярцева в имении купца Скоробогатова крестьяне деревни Новоселья, Духовщинского уезда, прогнали экономических косцов, нанеся им побои, и стали сами косить луга. С помощью посланного полуэскадрона драгун крестьяне деревни Новоселья удалены с лугов, 16 зачинщиков арестовано, луга и скошенное сено передано владельцу, порядок восстановлен, производится судебное следствие.

Управляющий губернией тайный советник Звегинцов.

Телеграмма начальника Смоленского губернского жандармского управления командиру отдельного корпуса жандармов от 17 августа 1905 г.[2].

16-го августа в имении Бакланово княгини Оболенской произошли беспорядки, выразившиеся в потравах, разбитии окон, оскорблении полиции, высланы казаки.

Генерал-майор Громыко.

Рапорт Рославльского уездного исправника начальнику Смоленского губернского жандармского управления от 19 августа 1905 г., № 415[3].

Сообщаю вашему превосходительству, что крестьяне вверенного мне уезда, Костыревской волости, дер. Большой Буды Семен Андреев Доронин, Емельян Фомин Пупыкин, Карней Кузьмин Чулков, Ефрем Федоров Зуев, Евсигней Харитонов Шермаков и Семен Васильев Бычков, обвиняемые, по данным производимого расследования, как руководители, в захвате вооруженной толпой, в составе целого общества, с нанесением побоев лесной страже, около 150 десятин земли и леса, принадлежащих соседним землевладельцам той же волости Евстафьевым, и самовольном проведении просеки, с прорубкою леса шириною в одну сажень и длиною около двух верст, — поставлением моим, согласно циркуляра МВД от 17 июня 1898 г. за № 4894 и на основании 29 ст. полож. об охране, подвергнуты сего числа аресту в рославльской тюрьме, с сообщением копии постановления прокурору Смоленского окружного суда и донесением смоленскому губернатору.

Обоснования крестьян к захвату несложны. Старики им засвидетельствовали, что данная площадь земли и леса когда-то, якобы, принадлежала Буднянскому обществу крестьян, да, кроме того, она им и нужна очень, так как прилегает к их купленной земле, а между тем

---

[1] Фонд канц. смол. губ., 1905 г., д. № 55, л. 17, воспроизводится по отпуску.

[2] Фонд Смоленское губернское жандармское управление, 1905 г., д. № 81, л. 99; воспроизводится по черновику; имение Бакланово находилось в Краснинском уезде.

[3] Там же, 1905 г., д. № 81, лл. 104-105.

платить землевладельцам аренду и отрабатывать послугу очень убыточно, вследствие чего они и решили сходом захватить эту площадь, хотя и принадлежащую Евстафьевым лет тридцать, как свидетельствуют сами крестьяне. Они уже поделили лес на делянки и намеревались рубить, несмотря ни на какие увещания. Рассчитываю, что арест руководителей отрезвит их. Во всяком случае, я не допущу дальнейшего самоуправства, хотя бы пришлось для этого вызвать военную силу, ибо нельзя отрицать возможности неожиданностей. Местный надзор строго установлен.

Надлежит упомянуть, что данные аграрные беспорядки, повидимому, имеют связь с ранее появившимися в Буде прокламациями — «Ко всем крестьянам», где именно рекомендуется подобный способ действий. Таким образом, дело, как надо полагать, не лишено и политической подкладки, что дальнейшим расследованием и может выясниться.

Ввиду сего и других необходимых выяснений по делу я ходатайствую перед губернатором о продлении срока расследования впредь до окончания такового.

Присовокупляю, что арестованный крестьянин Семен Доронин есть сельский староста, о заключении которого по охране сообщаю вместе с сим земскому начальнику 1 участка.

И. об. рославльского исправника Благонравов.

Рапорт ельнинского уездного исправника смоленскому губернатору от 24 августа 1905 г., № 595 [1].

Пристав 1 стана вверенного мне уезда донес рапортом от 11 сего августа за № 460, полученным 19 августа в мое отсутствие, что, по поручению подведомственного мне полицейского управления, о производстве аукционной продажи имущества крестьян села Язвина, Балтутинской волости, за неплатеж ими в пользу казны 19 руб. 69 коп. межевой недоимки, по делу о размежевании, по решению окружного суда, дачи села Язвина землемерным помощником Аниховским, согласно расчета, присланного смоленским губернским правлением при предложении от 10 февраля 1904 г. за № 319 — он, пристав, назначил аукционную продажу на 10 сего августа при Балтутинском волостном правлении то имущество крестьян, которое было отмечено к продаже земским начальником 5 участка Ельнинского уезда. В день продажи пристав, имея сведения, что крестьяне добровольно не отдадут подлежащее продаже имущество, для доставления из села Язвина в Балтутино к волостному правлению, созвал всех урядников стана (4 чел.), сотских (10 чел.) и часть десятских и, прибыв в село Язвино с вышеозначенным нарядом нижних чинов полиции, предложил крестьянам: или уплатить деньги — межевую недоимку в сумме 19 руб. 69 коп., или выдать имущество, предназначенное к продаже; крестьяне же как от уплаты недоимки, так и от выдачи имущества наотрез отказались, а когда пристав сделал распоряжение нижним чинам взять у них разрешенный к продаже скот, находившийся в то время в поле, то крестьяне в числе 41 человека, вооружившись кольями, воспротивились этому. Ввиду чего продажа не состоялась, и при-

[1] Фонд канц. смол. губ., 1905 г., д. № 63, л. 4—7.

ставом о сопротивлении общества крестьян села Язвина составлен протокол и для привлечения их к ответственности по 273 ст. уг. ул. о нак. и передан судебному следователю по Ельнинскому уезду.

Между тем мною на месте в селе Язвине выяснено следующее: 1) что пристав предъявлял крестьянам требования об уплате не 19 руб. 69 коп., а 113 руб. 64 коп., 2) неудовольствие крестьян по поводу назначения в продажу имущества без производства предварительно у них приставом описи и 3) что крестьяне считают предъявленное им взыскание межевой недоимки преждевременным, так как они ожидают еще какого-то суда, но какого именно, того объяснить не могли и что, ввиду ожидания суда, они отказались и отказываются от уплаты межевой недоимки, вследствие чего я признал необходимым вызвать пристава телеграммой со всей перепиской, относящейся к данному делу. Сего числа пристав явился и представил требуемое.

Из обозрения представленной переписки и личного доклада пристава выяснилось следующее: 1) что действительно приставом опись имущества крестьян не производилась и, как видно из переписки, в этом небезгрешно и подведомственное мне полицейское управление, ибо пристав ходатайствовал рапортом от 2 апреля с. г. за № 460 разрешить опись и продажу движимого имущества крестьян с. Язвина, но полицейское управление поручило приставу 7 мая за № 342 доставить сведения, в чем именно заключается движимое имущество крестьян, которое предполагает пристав подвергнуть описи и продаже, с указанием и приблизительной стоимости имущества, каковые сведения, по требованию, были доставлены балтутинским волостным правлением ему, приставу, а последним полицейскому управлению, которое передало переписку земскому начальнику для отметки в доставленных сведениях «предметов», могущих быть проданными без разорения сельского хозяйства недоимщиков и, по получении от земского начальника сведений с отметкой, что может быть продано, поручило приставу произвести продажу отмеченного скота — 27 июня за № 342. В исполнение чего пристав и назначил продажу на 10 августа — на пополнение межевой недоимки в сумме 19 руб. 69 коп., о чем были извещены и недоимщики: 2) что пристав, прибыв 10 августа в село Язвино, имея в руках, кроме вышеуказанного, другое предписание губернского правления от 27 мая сего года за № 1372 о взыскании с тех же крестьян за вышеуказанное межевание еще 68 руб. 15 к. и частное взыскание по исполнительным листам земского начальника 3 участка Ельнинского уезда от 20 августа 1904 г. за №№ 876 и 877 в пользу г. Феоктистова 25 руб. 80 коп. (по искам Феоктистова с общества крестьян села Язвина по делу о восстановлении нарушенного последними владения г. Феоктистова в 1904 г.), действительно предъявил крестьянам взыскание в сумме 113 руб. 64 коп., разъяснив им род взыскания, и 3) что при забрании подлежащего продаже имущества крестьян пристав лично не присутствовал и, следовательно, сопротивления ему, как исполнявшему предписание начальства, со стороны крестьян оказано не было.

Вследствие вышеизложенного мною вместе с сим предложено полицейскому управлению возвратить всю по делу переписку приставу 1 стана для производства описи и продажи имущества недоимщиков — крестьянского общества села Язвина, установленным законным порядком, на пополнение числящихся на них недоимок по межеванию,

а приставу поручено лично: 1) не смешивать частных взысканий с взысканиями казенными и 2) опись имущества и затем продажу произвести в возможно скорейшем времени, причем подтвержден порядок ведения этого дела и вменено отнестись к таковому с крайней осторожностью и энергией, чтобы, если крестьяне добровольно не уплатят числящихся недоимок во вновь имеющий быть назначенным срок, принять лично участие в деле доставления описанного скота.

Донося о вышеизложенном вследствие предписания вашего превосходительства от 17 сего августа за № 8664, считаю долгом доложить, что все недоразумения между крестьянами и землевладельцем Феоктистовым возникли по следующему поводу: крестьяне общества села Язвина в 1902 г. приобрели от г. Феоктистова, с помощью Крестьянского поземельного банка из дачи имения Язвина землю в количестве 129 дес. 1000 кв. саж.; на эту землю в смоленском отделении Крестьянского поземельного банка имеется план, на коем продаваемая земля (как показано и на представляемом наброске) показана граничащей с надельною крестьянской села Язвина землею (граница от А до Б); этот план подписан г. Феоктистовым и, следовательно, границы продаваемой Феоктистовым земли признаны правильными, между тем в 1903 году 17 января московская судебная палата, по иску г. Феоктистова, утвердила проект распределения дачи села Язвина, по которому часть земли крестьян села Язвина к меже купленной ими же (граница АБ) в количестве 47 дес. 1900 кв. саж. отошла во владение г. Феоктистова, и в ноябре месяце того же года землемерным помощником Аниховским (за что производится помянутое взыскание 87 р. 84 к.) приведен этот проект в исполнение. Таким образом отмежеванный в пользу г. Феоктистова участок земли оказался между надельной землею крестьян и ими же купленной у г. Феоктистова, ввиду чего крестьяне вынуждены или совершать кружный объезд, или просить г. Феоктистова разрешить им проезд через отрезанный участок, чтобы попасть на купленную землю, да и расставаться с тою землею (отрезанною в пользу Феоктистова), которою крестьяне владели десятки лет, им показалось неправильным, почему они пытались и продолжают пытаться самоуправно владеть ею и с весны прошлого 1904 года стали пасти скот на отмежеванной земле, а затем пахать и сеять ее; Феоктистов обращался в суд, к земскому начальнику о восстановлении нарушенного крестьянами владения, и последним решено в пользу г. Феоктистова, каковое решение приведено в исполнение, кроме присужденного денежного взыскания — 25 руб. 80 коп., которые пристав и предполагал произвести 10 августа. О действиях крестьян было донесено предместнику вашего превосходительства рапортом от 9 августа и 22 сентября 1904 г. за №№ 703 и 780.

Считаю также долгом довести до сведения вашего превосходительства, что в 1903 и начале 1904 года крестьяне были согласны купить у г. Феоктистова отрезанные 47 десятин 1900 кв. саж. по 100 руб. за десятину, т. е. по той же цене, по которой куплена ими земля у Феоктистова в 1902 г., но он менее 200 руб. за десятину землю не соглашался продать, а теперь и крестьяне, видимо, задались мыслью владеть спорным участком самоуправно без покупки.

Исправник Зубакин.

Рапорт ельнинского уездного исправника смоленскому губернатору от 2 сентября 1905 г., № 1385[1].

1 сего сентября от землевладельца села Новоспасского, Докудовской волости, вверенного мне уезда, Льва Григорьевича Зеликина, проживающего в гор. Смоленске, в подведомственном мне полицейском управлении, было получено заявление, что 26 истекшего августа его управляющий с работниками и поденщиками-крестьянами дер. Шатькова той же волости отправились косить принадлежащий Зеликину луг и едва успели скосить одну треть, явились крестьяне дер. Шатьково, прогнали с луга косцов, забрали скошенное сено и пустили по лугу своих лошадей; посланный управляющим за урядником последнего дома не застал, почему и во избежание повторения подобных самоуправств со стороны крестьян Зеликиным подано означенное заявление с просьбой содействия. Ввиду чего я командировал в Новоспасское своего помощника и одновременно послал телеграмму местному приставу о выезде туда же с урядниками. С. Новоспасское от города Ельни — 28 верст, а от становой квартиры — 40 вер.

Сего числа, в 3 часа пополуночи я получил с конным нарочным из Новоспасского от моего помощника следующее донесение: спорная земля в количестве двух десятин находится при самой дер. Шатьково, составлявшая прежде усадебную землю бывшего винокуренного завода, принадлежавшего экономии с. Новоспасского; теперь ни завода и никаких построек на ней нет, вся земля обращена в луг. Сперва владелец экономии этою землею пользовался, отдавая ее в аренду крестьянину д. Шатькова Василию Львову по 20 руб. в год; после два года сряду косил сам владелец и убирал беспрекословно, даже сами крестьяне дер. Шатькова за плату, как поденщики, убирали, не протестуя против владения экономиею. В 1904 г. крестьяне затравили этот луг своим скотом, что побудило Зеликина судиться с ними. Волостной суд присудил с крестьян 30 руб., крестьяне перенесли дело в уездный съезд, где оно еще не рассмотрено; 26 августа, когда рабочие Зеликина стали косить, то крестьяне прогнали их и пустили свой скот, продолжая травить, о чем до прибытия моего помощника уже составлен местным урядником протокол, который передан управляющему, а последний намерен представить его земскому начальнику для преследования за самоуправство и взыскания убытков в сумме 40 руб. и за порчу луга свиньями 25 руб. На вопрос помощника моего, обращенный к крестьянам, почему они самовольно захватили луг, крестьяне ответили, что при нарезке наделов бывшим тогда владельцем им, будто бы, было сказано, что земля будет принадлежать экономии до тех пор, пока на ней стоит завод, но если когда-либо он будет уничтожен, то за право пользования для заводского пруда берегами крестьянской надельной земли земля из-под завода поступает в их, крестьян, владение, о чем, будто бы, и в сказке записано, но документы их сгорели, — надеются их добыть в губернском правлении, причем в донесении мой помощник добавил, что о высылке в Ельню главных зачинщиков сделано распоряжение, что он остается до сего дня для убеждения крестьян и о том, что к нему прибыли пристав с урядниками и местным волостным старшиною.

---

[1] Фонд канц. смолен. губ., 1905 г., д. № 11, л. 169.

Донося о вышеизложенном, докладываю вашему превосходительству, что о результате убеждения крестьян и о положении дела в уездном съезде мною будет донесено дополнительно.

Исправник Зубакин.

Донесение смоленского губернатора в департамент полиции от 21 сентября 1905 г., № 10063 [1].

Смоленский уездный исправник рапортом от 15 сего сентября за № 1890 донес мне, что крестьяне дер. Новой, Владимирской волости, самовольно производят рубку леса в имении землевладельца мещанина Никиты Семенова Василевского на участке в 24 десятины под названием «Потеевщина», прилегающем к их земельному наделу, каковой участок крестьяне считают своей собственностью ввиду недостающего у них количества надельной земли около 6½ десятин, которая уже присуждена им Смоленским окружным судом, но еще не прирезана к их наделу за непредставлением крестьянами следуемых денег на выезд землемера и члена окружного суда. При этом присовокупил, что рубка леса и потрава лугов на упомянутом участке крестьянами производилась периодически с 1903 года, в настоящее же время участок под названием «Потеевщина» крестьяне самоуправно разделили между собой на отдельные земельные площади с целью пользования. Для прекращения самоуправных действий со стороны крестьян деревни Новой чинами местной полиции были приняты надлежащие меры с разъяснением им всех незаконных их действий и той строгой ответственности, которой они за это могут быть подвергнуты, но такого рода увещания на крестьян не подействовали, и они единогласно объявили, что никакая власть не приостановит их действий, о чем заявили даже местному земскому начальнику при разборе дела по жалобе Василевского на крестьян за самоуправство. Затем 9 текущего сентября крестьяне, продолжая свои действия, позволили себе срубленный ими в 1903 году лес, на который, согласно исполнительного листа земского начальника 1-го участка Смоленского уезда, наложен был арест, с передачей на хранение такового владельцу Василевскому, поделить между собой и перевезти в деревню к своим дворам. Главными руководителями в этом деле были крестьяне дер. Новой: Тит Евдокимов, Тихон Леонов, Орест Кузьмин и Владимир Яковлев. Ввиду такого положения настоящего дела были вызваны указанные главари в г. Смоленск, но таковые прибыли ко мне 15 сентября не одни, а со всеми крестьянами дер. Новой, которым я лично разъяснил всю незаконность их действий по отношению к собственности Василевского, предъявив к ним требования впредь не делать самоуправных захватов чужой собственности, в противном случае они будут отвечать за причиненные убытки и строго наказаны, а земля от них все-таки будет отобрана силою. После долгого уговора крестьян, не придя ни к какому результату, я, на основании п. 3 циркуляра министра внутренних дел от 17 июня 1898 г. за № 4894 и ст. 29 положения об охране, подвергнул крестьян-главарей Тита Евдокимова, Тихона Леонова и Владимира Яковлева аресту при смоленской тюрьме. Затем командировал на

[1] Фонд канц. смолен. губ., 1905 г., д. № 69, л. 9.

место в деревню Новую отряд казаков в 25 человек под командой урядника сотни вместе с смоленским исправником и местным земским начальником, с прибытием коих порядок был восстановлен без употребления оружия и вообще без всяких насильственных действий со стороны казаков или полиции, причем крестьяне дер. Новой, вполне сознавая свою вину в этом деле, чистосердечно раскаялись в незаконном своем поступке и дали обещание не повторять более подобного самоуправства, а самовольно срубленный ими в даче Василевского лес перевезен в усадьбу последнего и сдан ему на хранение. Для окончательного же восстановления добрых отношений с владельцем крестьяне, явясь к нему, просили о прощении за незаконность их действий, причем владелец Василевский в знак примирения с ними пришел на помощь им и внес 50 рублей на выезд землемера и члена окружного суда для отмежевания недостающей у них земли около 6½ дес.

Ввиду раскаяния крестьян дер. Новой, а также и ходатайства их об освобождении из-под стражи односельчан их: Тита Евдокимова, Тихона Леонова и Владимира Яковлева, которые также убеждены в незаконности своих действий, я признал возможным освободить из тюрьмы Евдокимова, Леонова и Яковлева 20 сего сентября.

Губернатор Суковкин.

Рапорт сычевского уездного исправника смоленскому губернатору от 2 ноября 1905 г., № 934[1].

Вчерашнего числа явились ко мне жандармский унтер-офицер станции Ново-Дугинской и пристав 1 стана, которые доложили, что 30 прошлого октября близ означенной станции собрался из крестьян соседних селений в количестве около 300 человек митинг, на котором обсуждались разные политические и экономические вопросы населения и что таковой же митинг назначен на 6 сего ноября с гораздо бо́льшим количеством (предполагается от 2 до 3 тысяч человек). Собравшаяся толпа на первом митинге вела себя слишком бурно и нетактично, а в настоящее время распространился упорный слух, что 6 ноября будет устроен разгром находящихся там: почтовой конторы, вокзала и трактирных заведений. Вследствие сего мною сделано распоряжение, чтобы на это число были (туда) собраны становые пристава и урядники, куда также отправлюсь и я лично. Но полицейских сил в данном случае будет, конечно, весьма недостаточно, и я при всем старании одними увещаниями не буду, может быть, в состоянии предотвратить могущий быть погром, а потому в дополнение к рапорту моему от 25 прошлого октября за № 914 вновь ходатайствую о присылке в г. Сычевку от 40 до 50 вооруженных солдат. Подобные, как выше указано, митинги предполагаются во многих местах уезда, причем в некоторых созываются таковые против желания самих крестьян: такой случай имел место в с. Тесове, где собирал неоднократные митинги земский врач Николай Осипович Глинка и в результате

[1] Фонд канц. смолен. губ., 1905 г., д. № 394, лл. 5—6.

получилось то, что означенный Глинка 29 прошлого октября месяца сообщил г. председателю земской управы Герасимову, что 30 числа того же месяца в селе Тесове черная сотня собирается громить земскую больницу, сельскохозяйственный склад и министерское училище, причем предполагают убить его, врача Глинку, заведующего складом крестьянина Дмитрия Ростова (состоявшего ранее под гласным надзором полиции за государственные преступления) и учителя Игнатенкова. Получив означенное заявление от председателя Герасимова, я того же 29 числа с местным становым приставом и четырьмя урядниками отправился в село Тесово и обратился к местному священнику с предложением прочесть в церкви высочайший манифест 17 октября и отслужить благодарственный молебен, причем, захватив с собою этот манифест, напечатанный в 400 экземплярах, и ваше объявление, присланное при предписании от 26 октября за № 137, роздал их 30 числа в церкви, при участии председателя земской управы, всем присутствующим, но когда, по окончании литургии и молебна, я вышел из церкви, то увидал на площади большое собрание крестьян, которые в возбужденном состоянии между собою довольно громко разговаривали; когда же я вошел в толпу, то они начали приносить мне жалобу, прежде всего на своего учителя Игнатенкова, который, будто бы, не желает открывать школы и вообще плохо занимается своими делами, состоя одновременно надсмотрщиком леса местного помещика Тимофеева, заведующим комитетскою чайною, библиотекою и начальником пожарной дружины (которая также бездействует). На первый пункт жалобы г. председатель земской управы разъяснил, что означенная школа не открывается по распоряжению инспектора народных училищ, ввиду распространившейся между учениками болезни скарлатины, но этот факт крестьяне опровергают, говоря, что ученики все здоровы и был один только случай заболевания, который не мешает начать учение; далее начали заявлять претензию на их доктора Глинку, который собирает митинги, читает, как им казалось, подложный манифест и разъясняет его; причем в этом участвует заведующий сельскохозяйственным складом Дмитрий Ростов, которого они знают за неблагонадежного человека; при этом добавили, что на одном из митингов доктор Глинка говорил о выборах в Государственную думу и предлагал им подписать какую-то бумагу, которую между прочим не читал, а только объяснял, что выборы в Думу должны быть всеобщие, а не такие, какие даны правительством в настоящее время, и что об этом нужно послать за общими подписями протест в газету, а Ростов, будто бы, говорил, что теперь хотя и мало осталось прав у государя императора, но нужно отнять и последние; вообще эти крестьяне просили, чтобы ни доктор, ни учитель и, в особенности, Ростов, никто не вмешивался в их дела и не созывал бы их на эти митинги. На это я, разъяснив им последний манифест, доказывал, что теперь всякий может говорить об усовершенствовании государственного благоустройства и улучшении народного благосостояния, лишь бы эти суждения не противоречили началу незыблемости основных законов империи, но никто из них, крестьян, не обязан исполнять, что говорит другой,— и они могут, если желают, не слушать посторонних лиц, а обсуждать свои дела сами, как хотят. Таким образом, рассуждая с ними около часа, я доказывал им, что всякие насилия, а тем более погромы строго будут преследоваться. На это они дали мне слово, что ничего подоб-

ного быть не может, если ни доктор, ни учитель, ни тем более Ростов не будут вмешиваться в их общественные дела, после чего все спокойно и без шума разошлись по своим деревням, и весь день прошел благополучно. Затем я разговаривал по сему предмету с доктором Глинкою и советовал ему не вмешиваться в дела крестьян, дабы не возбуждать их страсти и не собирать митинги, в особенности при участии Ростова; на это последний, поддерживаемый председателем управы г. Герасимовым, заявил, что теперь всякий имеет право говорить и никто не может ему воспретить собирать митинги, о чем просят его, будто бы, сами крестьяне разных деревень и что в данном случае только небольшой кружок под названием «черносотенцы» восстает против таких собраний.

Сообщая все откровенно вашему превосходительству, долгом считаю добавить одно: насколько я убедился на месте, что крестьяне села Тесова и окружных деревень сами по себе едва ли устроят какие-либо беспорядки или аграрные, движения, если действительно не будет вмешиваться в их дела, так называемая, местная передовая интеллигенция: доктор Глинка и в особенности заведующий складом, бывший поднадзорный Дмитрий Ростов, которого я советовал г. председателю перевести в другое место, хотя бы в Сычевку, но последний, опровергая все мои доводы и расхваливая этого человека, не пожелал исполнить моей просьбы, почему я, в случае (если) эти господа, как бы они хороши в действительности ни были, будут продолжать вмешиваться в дела крестьян и, конечно, в производство населением выборов в Государственную думу (циркуляр 27 сентября с. г. за № 126), не ручаюсь за дурные последствия, ибо моим разъяснениям эти крестьяне перестанут давать какую-либо веру. Сомневаюсь теперь, чем может окончиться 6 ноября при станции Ново-Дугино, ибо там агитаторами являются крестьяне села Слизнева Богомолов, Тарабукин и др., которые привлекались неоднократно за государственные преступления, и вся их деревня заражена крайними социал-демократическими и даже революционными взглядами, а потому я считаю весьма необходимым на это число иметь на месте вооруженную военную силу, чтобы хотя в будущем они имели в виду, что против всяких насилий имеется верная защита. ,

Уездный исправник Баранцев.

Телеграмма германского консула смоленскому губернатору от 13 ноября 1905 г.[1].

Покорнейше прошу оградить имение Александровское германского подданного Фугельзанг на станции Дорогобуж от угрожающего погрома.

Германский консул подпись.

---

[1] Фонд. канц. смолен. губ., 1905 г., д. № 391, л. 24.

Донесение начальника Смоленского губернского жандармского управления в департамент полиции от 14 ноября 1905 г., № 5359 [1].

Настроение умов крестьянского населения Смоленской губернии внушает опасения. Высочайший манифест от 17 октября истолкован крестьянами в нежелательном направлении; разъяснения смысла манифеста властями встречаются с недоверием, и, наоборот, кривотолки представителей противоправительственной организации и свободной печати принимаются на веру. Освобожденные из заключений политические преступники стали героями дня и главарями аграрного и революционного движения.

Манифест от 3 ноября о наделении крестьян землею не удовлетворил ожиданий крестьян; недовольство поддерживается современной печатью и ораторами на указанных митингах, которые устраивались прежде в городах, а ныне привлекают тысячи слушателей в селениях. С трибун, в присутствии полицейских властей, ораторы побуждают крестьян прекратить уплату повинностей, не исполнять законных требований сельских полицейских властей и земских начальников, делить владельческие земли, рубить леса и разбирать хлебные запасы.

Смута охватывает сельское население, и с весною нужно ожидать полной анархии.

После издания манифеста 17 октября все средства законной борьбы парализованы, и власти, сознавая полную беспомощность, опустили руки.

Настроение войск не внушает доверия: прапорщики запаса из бывших поднадзорных и нижние чины, вступившие в ряды войск из состава противоправительственных организаций, деморализуют сослуживцев (в дисциплинарном отношении) и возбуждают против имущего класса.

На-днях, фельдфебель 1 батареи 60 артиллерийской бригады, на вопрос командира дивизиона, как понят солдатами манифест от 3 ноября, откровенно высказал, что все нижние чины (в существе манифеста) не только не видят царской милости, но новую платежную кабалу, на которую крестьяне согласиться не могут. Казенные, помещичьи и церковные земли, по мнению фельдфебеля, должны быть распределены между крестьянами бесплатно.

Несомненно, такой взгляд усвоили нижние чины и других воинских частей, а потому расчеты на войска, при подавлении предстоящего аграрного движения, должны быть исключены из средств, намеченных правительством, за исключением казачьих войск и кавалерийских частей, расквартированных вне городов и не заразившихся до сего времени городской атмосферой.

Необходимы также точные указания мне, как начальнику губернского жандармского управления, где предел законности и беззакония, о чем я просил заведующего политической частью департамента полиции отзывом от 26 минувшего октября за № 5113, ибо с изданием высочайшего манифеста о вольностях я утратил базу своего служебного назначения и возможность руководить деятельностью подведомственных мне чинов.

Генерал-майор Громыко.

---

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 52, лл. 43—44.

Донесение начальника Смоленского губернского жандармского управления в департамент полиции от 15 ноября 1905 г., за № 5371 [1].

14 сего ноября, за № 5359, мною донесено департаменту полиции о тревожном настроении Смоленской губернии.

Спокойное состояние Смоленской губернии, до издания манифестов 17 октября и 3 ноября сего года, резко изменилось: «Днепровский вестник», под редакцией еврея Соломона Гуревича, известного департаменту полиции, перепечаткою с комментариями столичных сообщений по поводу аграрных разгромов и распространением газеты в среде крестьян, вызвал общее возбуждение. Крестьянские митинги, на которых ораторы из революционеров истолковывают превратно манифесты, и резолюции крестьянского союза, в смысле уже решенных земельных вопросов, рассеяли сомнение крестьян относительно их прав на собственность землевладельцев.

Присутствие властей при подобных митингах и безнаказанность ораторов еще более убеждают крестьян в правоте их стремлений на захват земли соседних владельцев.

Сего числа ко мне обращался крупный землевладелец Смоленского уезда Александрович и заявил, что крестьяне окружных деревень являлись к нему после митинга, бывшего в имении Кощино князя Оболенского, и заявили, что им разъяснили права на землю, леса и имущество помещиков и что они ему не позволят рубить лес для своих потребностей.

Александрович обращался к г. смоленскому губернатору, который, будто бы, высказал, что он бессилен остановить движение за неимением войск и не может привлекать к уголовной ответственности виновных до разгрома или самоуправления крестьян.

Хотя г. губернатор с юридической точки зрения, может быть, прав, но такое отношение к заявлениям неминуемо поведет к огульному уничтожению народного богатства, созданного веками.

По моему мнению, необходимы поездки умеренных и влиятельных земцев в зараженные местности для убеждения крестьян; необходима также отмена митингов при бытности полицейских чинов. Если митинги и будут собираться секретно, то отсутствие властей умалит доверие слушателей к измышлениям ораторов и, наоборот, присутствие властей на митингах и полная свобода толкований земельных и правовых интересов укрепляет веру в законность аграрных домогательств, иначе власти, по понятию крестьян, воздержали бы ораторов.

Генерал-майор Громыко.

Рапорт поречского уездного исправника смоленскому губернатору от 18 ноября 1905 г., № 781 [2].

В дополнение к рапорту своему от 10 сего ноября за № 781 доношу вашему превосходительству, что самоуправные действия крестьян дер. Большого Шевелева в имении землевладельца Поречского 2-й гильдии купца Харитона Павловича Пашеткина мерами полиции прекращены, и крестьяне с 12 ноября рубку леса оставили. Отбитый

[1] Фонд смолен. губ. жандарм. упр., 1905 г., д. № 81, лл. 120—121.
[2] Фонд канц. смолен. губ., 1905 г., д. № 392, лл. 33—34.

у Пашеткина участок под лесом крестьяне разделили поровну между собою на 16 резов: в ширину по 12 саж. в каждом, а в глубину по 250 саж., и хотели рубить всю эту площадь до находящейся там обрезной земли (лесная же дача Пашеткина в этом месте тянется на 4 версты). Рубили лес названные крестьяне 4, 5, 7, 10 и 11 чисел, причем вырубили приблизительно около 5 десятин; попортили же площадь в этом участке в разных местах приблизительно до 10 десятин. Из числа нарубленного леса вывезено ими на свою надельную землю до 125 деревьев, а остальной вырубленный лес остался на месте, каковой весь, вместе с вывезенным, и арестован; увезено же крестьянами в деревню всего только лишь три воза дров. Участия в самовольной рубке леса Пашеткина не принимал совсем лесной сторож его, крестьянин дер. Большого Шевелева, Петр Григорьев, а затем, после моих увещеваний, отказались от рубки Петр Никифоров, Иван Спиридонов, Яков Иванов и Григорий Родионов.

13 ноября на место происшествия прибыл судебный следователь 2 участка Поречского уезда и приступил к производству следствия по настоящему делу, причем ему заявили, что прекратят рубку Василий Емельянов и Кузьма Алексеев. По окончании следствия судебным следователем сделано распоряжение о заарестовании и доставлении к нему в г. Поречье на 16 ноября главных виновников в этом деле: Василия Антипова, Василия Спиридонова, Андрея Алексеева, Филиппа Петрова и Василия Петрова, каковые лица полицией арестованы и доставлены по принадлежности к назначенному числу, причем следователем трое из них заключены под стражу в местную тюрьму, а двое, ввиду их чистосердечного раскаяния и усиленных просьб не заключать под стражу, отданы под надзор полиции. Дальнейшее наблюдение за действиями крестьян мною поручено приставу 3 стана Константинову и полицейскому уряднику Климову.

17 ноября прибыл в Слободскую волость уездный предводитель дворянства Рачинский и всех домохозяев-крестьян дер. Большого Шевелева и владельца Пашеткина на 18 число вызвал в слободское волостное правление для переговоров по настоящему делу.

Уездный исправник Златоустовский.

Рапорт сычевского уездного исправника смоленскому губернатору от 22 ноября 1905 г., № 992 [1].

В дополнение к рапорту моему от 18 сего ноября, за № 986, докошу вашему превосходительству, что, по произведенному приставом 1 стана расследованию по делу о воспрещении крестьянами дер. Мысова Гривской волости, землевладельцу с. Коптева, мещанину Коненкову рубить дровяной лес на своих отрезках оказалось: крестьяне, подстрекаемые разными неблагонадежными лицами, которых в настоящее время по случаю забастовок в больших городах замечается большой наплыв, а также, начитавшись газет о Всероссийском крестьянском союзе, глубоко уверились в том, что находящиеся у помещиков земли непременно в скором времени отойдут в собственность крестьянам, в особенности отрезные; поэтому, когда Коненков, предполагая

[1] Фонд канц. Смолен. губ., 1905 г., д. № 394, л. 16.

произвести пилку дров для экономии и на продажу, 14 сего ноября начал производить рубку на отрезной земле, межующей с надельной землей крестьян деревни Мысова, то крестьяне означенной деревни, все домохозяева, считая эту лесную дачу за свою собственность, явились в лес и прогнали пильщиков, угрожая последним поломать их инструменты, и, несмотря на все убеждения и разъяснения пристава их незаконных действий, крестьяне упорно настаивали, что отрезки будут их и из боязни, что снятием леса земля обесценится, не позволят Коненкову производить рубку дров, основываясь отчасти на том, что рубка производится без разрешения лесохранительного комитета; по предъявлении же им приставом означенного разрешения от 12 ноября 1890 г. за № 135, из которого видно, что Коненкову разрешено произвести вырубку леса одновременно пятилетнюю пропорцию, полагая в год по 18 десятин всего девяносто десятин (60 десятин в участке под названием Макарихи, а 30 десятин в Московском участке), то крестьяне не удовлетворились этим, говоря, что этому разрешению истекло 15 лет и, несмотря на то, что Коненковым из разрешенного количества в 1904 году вырублено всего лишь 4 десятины, объяснили, что они подождут объявления от комитета, куда, будто бы, подали прошение, но все же категорически заявили, что никоим образом не допустят рубки леса и против силы будут действовать силой, для чего соберут в помощь себе 5 соседних деревень; ввиду таких угроз и отказа пильщиков производить под насильственными действиями работу, Коненков приостановил пилку дров, прося оказать ему в этом деле законное содействие, а также и сам пристав, ввиду сильно возбужденного настроения крестьян, не мог принять в данном случае каких-либо крутых мер, дабы таким образом не возбудить погрома, а ограничился тем, что произвел по сему делу дознание о самоуправстве крестьян, которое 20 сего ноября за № 1686 передано на распоряжение г. земского начальника 3 участка Сычевского уезда для привлечения виновных к ответственности.

Ввиду всего вышеизложенного прошу ваше превосходительство дать мне знать, как поступить в отношении крестьян деревни Мысова, так как без воздействия высших властей и без военной силы крестьяне не дозволят рубки леса, что вредно может отразиться на имения других помещиков, ибо негласно дознано, что крестьяне других деревень, изобрев в своем роде забастовку, хотят не допустить рубки леса в разных помещичьих усадьбах, которых немало имеется в пределах Гривской волости; кроме того, я имею сведения, что на границе вверенного мне уезда в пределах Бельского 13 деревень уже начали производить аграрные беспорядки, причем 16 ноября на хутор Баенки, принадлежащий князю А. Н. Мещерскому, явилось до 300 человек, которые в присутствии управляющего Антушевича ограбили из кассы 200 рублей денег, уничтожили книги и разные письменные обязательства крестьян своих деревень и предъявили ему требования по разного рода льготам о покосе, пастьбе скота и пр., требуя дать ответ к 20 сего ноября, а на митинге в дер. Леуздове, Бельского уезда, решили, в случае неудовлетворения их требования, в тот же день разгромить хутор Баенки и, кроме того, отправиться громить имение Дугино, приглашая по пути на этот погром крестьян встречных деревень. И, действительно, недавно выяснилось, что неизвестные лица покушались уже на подстрекательство крестьян деревни Слепцова,

Воскресенской волости, собраться громить лесопильный завод Жерновку, принадлежащий тому же князю Мещерскому, но, к чести этих крестьян, получили отказ; во всяком же случае как в с. Дугино, так и для восстановления прав землевладельца Коненкова я нахожу крайнюю необходимость ходатайствовать о высылке войск, с помощью которых я мог бы восстановить права Коненкова и оградить имение Дугино. Что же касается означенных требований крестьян Соловецкой волости Вяземского уезда, предъявивших к экономии графа Шереметьева, то о сем мною сообщено 18 сего ноября за № 984 вяземскому уездному исправнику; относительно же крестьян дер. Мысова мною телеграммой предложено приставу 1 стана объявить последним, что, в случае их дальнейших сопротивлений, будут высланы войска, в крайнем же случае немедленно выеду на место сам. Сейчас получил письмо от управляющего имением Дугино г. Гофмейстера (при сем прилагаемое)[1] о прибытии в имение 11 казаков, которых ходатайствую, ввиду данных, указанных в настоящем моем рапорте, не только оставить на более продолжительное время, но даже усилить большим количеством.

Уездный исправник Баранцев.

Донесение смоленского губернатора управляющему министерством внутренних дел[2].

В дополнение к представлению моему от 7 ноября за № 799 и к телеграмме, посланной вчерашнего числа, довожу до сведения вашего высокопревосходительства, что движение крестьянского населения в пределах вверенной мне губернии с каждым днем развивается все шире и шире, захватывая большой район. Не ограничиваясь одними только самоуправными порубками владельческих лесов, крестьяне переходят уже в некоторых местностях к агрессивным действиям, пробуя устраивать кое-где погромы, не принявшие, однако, пока еще значительных размеров, благодаря отправленным в разные места губернии небольшим военным отрядам.

Эта мера предотвращения беспорядков и прекращения начинающихся волнений, как показал опыт, является действительным средством к поддержанию спокойствия, но, к сожалению, я положительно лишен возможности в настоящее время пользоваться ею вследствие полнейшего недостатка гарнизона в губернии. 306 пех. Ковровский полк сократился наполовину за увольнением в запас нижних чинов, предстоит еще отпуск в запас, и в самом непродолжительном времени губерния остается совсем без войска, так как прибытие предназначенных для квартирования в губернию полков 13 армейского корпуса откладывается на неопределенное время. Между тем волнения растут под влиянием усиленной агитации, распространяемой всякого рода ораторами на митингах и путем прессы, призывающей народ к полной анархии.

В прилагаемом номере местной газеты «Днепровский вестник» ваше высокопревосходительство благоволите усмотреть, что на страни-

[1] Приложение опущено.

[2] Фонд канц. смолен. губ., 1905 г., д. № 411; воспроизводится по черновику, причем ни даты, ни номера не имеется.

цах легальной газеты помещается открыто призыв крестьянского населения к аграрным беспорядкам и статьи, дискредитирующие правительственную власть (заметка «Шифрованная политика»), и местная власть при существующем порядке привлечения к ответственности подобного рода злоумышленников бессильна остановить разрушительную деятельность их.

Если такое положение дела продлится еще недель-две, то я не могу ручаться за то, что и в Смоленской губернии не [повторятся] кровавые ужасы, имевшие место в Саратовской губернии, о которых крестьяне отлично осведомлены, благодаря энергичному просвещению их деятелями революционных партий, для прекращения коих потребуются силы во много раз большие, чем те, какие нужны теперь для предотвращения беспорядков.

Докладывая об изложенном, вновь прошу ваше превосходительство об удовлетворении ходатайств моих относительно увеличения гарнизона в Смоленске и о предоставлении права подвергать агитаторов аресту и содержать их под стражей на срок до трех месяцев.

Губернатор [Суковкин.]

Резолюция крестьян дер. Макарьевки, принятая на сходе 7 декабря 1905 г. [1].

1905 года декабря 7 дня. Собравшись сего числа на сельский сход, мы, крестьяне Ширковского сельского общества д. Марьевки, советовались между собой о том, как улучшить свое горькое положение, и пришли к убеждению, что для нашего благосостояния необходимы следующие условия:

1) Наделить нас землею в достаточном количестве, хотя дес... [2] на личную душу, так как в настоящее время один надел приходится на два или три семейства и поневоле приходится голодать или же залезать в неоплатные долги.

2) Земли владельцев, прилегающие к нашим усадьбам и не позволяющие иметь свободный выгон скота, должны быть уступлены нам за ту сумму, за какую сами владельцы приобретали ее.

3) Наши земли купленные, находящиеся от наших усадеб в 5 и 6 верстах (а вследствие чего крайне нам не подручные), мы согласны заменить смежными к нашим усадьбам владельческими землями без всякой с нашей стороны приплаты.

4) В каждом селении должны быть устроены народные школы с 5-летним курсом (только не церковно-приходские), и каждая школа должна быть устроена не менее как на 80 человек учащихся и должна снабжаться учебными пособиями и учебниками в достаточном количестве, и учителя (а не учительницы) в них должны быть люди хорошо образованные и знающие школьное дело, а не беглецы от воинской повинности, жалование должно быть положено им от казны не менее, чем священникам (600 руб. в год и более).

5) Детей, которые захотят учиться по окончании народной школы, казна должна учить на свой счет в гимназиях и университетах, а деньги, затраченные на их учение, могут быть взысканы с их жалования.

[1] Фонд смолен. губ. жанд. упр., 1905 г., д. № 71, л. 428.
[2] В подлиннике не указано количество десятин.

6) Весь причт церковный — священник, дьякон и дьячок — должны содержаться на жалование от казны, и лишить их всех доходов, какими они пользуются в настоящее время.

7) Суд над духовными лицами должен быть передан светской власти.

8) Отобрать всю землю, принадлежащую причту, и передать ее крестьянам за цену ее стоимости.

9) Деньги, вырученные за причтовую землю, должны итти на нужды храма, но не причта.

10) За неаккуратное и небрежное отношение к своим служебным обязанностям лица духовные должны подлежать уголовной ответственности.

11) Суммы церковные не должны быть употребляемы на содержание духовных училищ потому, что дети наши туда не допускаются.

12) Налоги должны быть равны для всех сословий.

13) Уравнить в правах крестьян и мещан с дворянами и присвоить всем название граждан.

14) Леса, принадлежащие кому бы то ни было, не должны быть истребляемы без особой на то необходимой нужды, а только на свои потребности, но не на продажу.

15) Уничтожить полицию.

16) Сократить жалование лицам высокопоставленным и никому не платить больше 6000 в год.

17) Лишить тех лиц пенсии, у которых есть свои родовые имения.

18) Освободить всех политических преступников, ратовавших за свободу народа.

19) От воинской повинности не освобождать лиц духовных и учителей.

20) Сократить налоги на водку, спички, табак и другие товары.

21) Убрать казаков, которые истязают людей, часто невиновных.

22) Сирот, оставшихся после погромов и войны, воспитать на счет казны или на средства виновников японской войны.

23) Увеличить число фельдшерских пунктов и больниц.

24) Предать смертной казни виновников японской войны.

Предписание смоленского губернатора и. о. рославльского уездного исправника от 22 декабря 1905 г., № 1082 [1].

Управляющий смоленскою казенною палатою отношением от 19 сего декабря за № 28947 уведомил меня, что податной инспектор Рославльского уезда, представляя ведомость о поступлении окладных сборов за ноябрь месяц, образование крупного недобора, выразившегося на 1 декабря в сумме 31 670 руб. 59 коп., объяснил исключительно упорным отказом крестьян платить окладные сборы; причем к составлению описей движимого имущества ни волостных старшин, ни сельских старост крестьяне не допускают.

Вследствие сего предлагаю вашему высокородию с вновь сформированной стражей приступить ко взысканию с крестьян следуемых с них платежей, согласно указаний местных земских начальников, самыми решительными мерами, прибегая при отказе крестьян от

[1] Фонд канц. смолен. губ., 1905 г., д. № 393, л. 83.

добровольной уплаты к описи и продаже принадлежащего недоимщикам имущества.

Губернатор, двора его величества камергер Суковкин.

Донесение земского начальника 3 участка Бельского уезда смоленскому губернатору от 30 декабря 1905 г., № 1550[1].

Начиная со дня обнародования высочайшего манифеста 17 октября 1905 года во вверенном мне участке началась усиленная вредная деятельность многочисленных агитаторов, из коих много фабричных, высланных из столиц с забастовавших фабрик, поселившихся по деревням, так как население участка в значительном числе занимается отхожими промыслами фабричного характера.

Первое время агитаторская деятельность выразилась в постоянных, часто ночных, сборищах крестьян, где ораторы собирали подписки и убеждали подписываться под приговорами о вступлении во всеобщий крестьянский союз, имеющий целью общими силами бойкотировать владельцев-некрестьян, но мало-по-малу поведение этих ораторов делалось все более вызывающим, подстрекательства более и более серьезными, причем некоторые из них (напр. Семченков), составив около себя группу самых буйных в пьяном виде крестьян, начали терроризировать население деревень, угрожая поджогами или кольями, в случае неповиновения их приказаниям, заставляли подписываться под заранее заготовленными приговорами крестьянского союза, которые агитаторы, в роде Семченкова, умудрялись получать, несмотря на забастовку почты. Полная разобщенность местной власти с центральными, благодаря железнодорожной и почтово-телеграфной забастовке, прилала еще более дерзости агитаторам, убеждая их в полной безнаказанности, личности коих стали определенно выясняться в каждой волости, а подстрекаемые ими крестьяне начали переходить уже к активным противозаконным действиям.

Таким образом совершился разгром конторы имения кн. Мещерского Баенки, Большевской вол. и беспорядки в Мольнинской вол. 4 земского участка и арест агитатора Василия Захарова, уже известные вашему превосходительству; затем вымогательство денег и имущества (дров, лесу, принудительная сдача покосов, установление нелепой таксы) в мелких имениях (Александрино, Хващеватое), причем один из владельцев Раковский, малодушно откупившись, сделался постоянным данником. Получив телеграмму одного из владельцев (г. Мерлина) о предстоящем разгроме имения и сообщение о немедленном выезде семейства, я отправился туда в назначенный для разгрома день, объехав предварительно и другие имения. Бунтующие деревни, видимо, следили за мной и, не явившись в указанное имение в мое присутствие, тем не менее толпой в несколько сот человек остановили меня, бывшего со мною сотского и кучера вечером на обратном пути и лишь после долгих разъяснений незаконности их поступков пропустили. Затем митинги и сборища приняли массовый характер, и устроители их, одни и те же лица, не соблюдая установленных правил, начали все сильнее и сильнее подстрекать крестьян к насильственным действиям

[1] Фонд Смолен. губ. жанд. упр., 1906 г., д. № 136, лл. 80—87.

против землевладельцев, причем весьма характерно, что те волости и деревни, в коих не были агитаторы или кои, вняв законным увещаниям моим, не пустили их к себе, — остались спокойными. Особенно зловредною деятельностью выделились нижеследующие лица: фабричный крестьянин Каменецкой вол., дер. Бараново, Семен Степанов Семченков, не окончившие курса земледельческих училищ дворяне Сергей и Михаил Константиновичи Энгельгардт, Ахтырской вол., дер. Петрово, запасные воинские чины: Иван Мухин и Семен Тихомиров, Никольской вол., дер. Осташево, Осип Иванов, Михаил Никонов, Фрол Федоров, причем Семченков, постоянно получающий тюки революционной пропаганды, а также и деньги, должен быть признан главарем, агитатором, анархистом. При этом упомянутому революционеру, по заявлению стражника Виноградова, живущего вблизи деревни Семченкова, была доставлена на подводе какая-то кладь в ящике, сравнительно небольшом, но настолько тяжелом, что лошадь с трудом тянула сани, почему Семченкова следует признать лицом наиболее опасным. Означенные лица, преимущественно первых трое, неустанно разъезжая по деревням и митингам, ими устраиваемым, толковали о необходимости национализации земли и разделе ее только между крестьянами, указывая, что «кровожданое правительство жалело снаряды и пулеметы в войне с японцами, чтобы обратить их на крестьян», и приглашали крестьян сменять и не повиноваться существующим властям, являясь на волостные сходы всем. Семченков, между прочим, настаивал на необходимости крестьянам присоединиться к всеобщему крестьянскому союзу, приглашая их подписываться у него под приговорами, обещая свою поддержку, если он, Семченков, будет избран членом Государственной думы. Предводимая им толпа являлась и к жене моей землевладелице, а также и ко мне с дерзкими требованиями нелепых экономических уступок и угрозами; получив в обоих случаях твердый отказ подчиниться насилию и обещание итти навстречу всякому законному акту, была собрана им ночью в свою деревню и здесь, в доме Семченкова, пред зажженной свечой была им приведена целованием креста и евангелия как бы к присяге, не производить самим и силою не давать другим работать в имении, и тотчас же четыре деревни отказались выполнить условленные работы, а путем угроз кольями не допускаются поденщики, почему все работы остановились. Затем Семченковым было предложено жечь школы, чтобы прекратить обучение детей «глупой грамоте о букве ять» и «стишкам». Посетив несколько митингов с целью разъяснения крестьянам лживости сообщаемых им агитаторами сведений и «законов», я убедился в трудности таких разъяснений, так как толпа отказывается понимать самые основные положения права, подстрекаемая агитатором не доверять теперь должностному лицу, и убеждения действовали лишь на серьезных домохозяев, которые, к сожалению, далеко не всегда могли противостоять ничем не стеснявшимся в искажении фактов агитаторам. Уверив на митингах крестьян, что продовольственные их капиталы раскрадены губернаторами и земскими начальниками (первый митинг в с. Каменце), анархист Семченков настаивал на необходимости немедленно вытребовать все вложенные по сберегательным книжкам деньги, а Михаил Энгельгардт разъезжал по деревням, убеждал [вытребовать] их до 1 января 1906 г., уверяя, что иначе не будут выданы и те остатки их, кои еще сохранились, почему почти все общества участка бросились составлять приговора о безвозвратной выдаче капитала, толпами яв-

ляться в камеру, дерзко требуя выдачи прямо на руки представлений о сем в уездный съезд, и только очень немногие общества, после долгих убеждений в нелепости их предположений, послушались меня и взяли обратно свои приговора.

За все это время не могли состояться судебные разборы, так как забастовка почты не рассылала повесток, а рассыльные и другие должностные лица волостного управления не решались вручить их, будучи запуганы агитаторами, воспрещавшими явку их в селения по делам службы, тем более, что агитаторы срывали законные волостные съезды и являлись на них в числе толпы в несколько сот лиц, постановляли незаконные приговора о смене старшин и других лиц волостного управления. Сходы эти собирались по повесткам, рассылаемым от имени агитатора или общества, к которому принадлежал агитатор, и толпа часто переходила к насилию, заставляя бежать из волости писарей и старшин (Никольская волость). Описанный выше способ был применен и в с. Каменце 22 числа сего месяца, где агитатор Семченков, собрав огромную толпу, силой занял помещение волостного правления и, приказав вынести на улицу судейский стол, стал на него и возбуждал крестьян сменить должностных лиц силой, а затем было решено собрать сходку на 23 декабря всех домохозяев, потребовать от земского начальства немедленной явки его и утверждения постановлений того «схода», а в противном случае — пустить на ветер его дом.

Ввиду чего, признавая, что дерзость этого опасного анархиста достигла своих пределов, имея в виду изорвание в клочки всех документов конторы кн. Мещерского, спасение целости документов мольнинского волостного правления своевременным вызовом войск и опасаясь за целость вверенных мне по службе дел, документов и казенного имущества, помещающихся в камере жилого дома моего, и сознавая по долгу службы невозможным подчиниться незаконным требованиям толпы, я счел необходимым заблаговременно телеграфировать вашему превосходительству, тем более, что многие благоразумные крестьяне обращались с просьбами, если можно, освободить их от этого агитатора, замучившего население нескольких деревень своими застращиваниями, причем есть указания, что упомянутый агитатор при своих разъездах и шатаниях объяснял, что хорошо бы сменить государя и выбрать нового, хотя бы [великого] к[нязя] Михаила, который, как выборный, будет у них в руках. 27-го вечером прибыли в с. Каменец пристав 1 стана, жандармы, урядники и стражники, причем, только благодаря присутствию последних, пристав, по его словам, беспрепятственно проехал через село. Арест Семченкова в ночь с 27 на 28-е не удался, так как он скрылся и взять его удалось 28-го, когда он, сопровождаемый братьями Энгельгардт и толпой в 800 человек, явился в село и направился к камере земского начальника, причем ринувшаяся к нему на выручку толпа остановилась, только увидав вооруженную силу. Толпа не расходилась целый день, ведя себя вызывающе, и требовала освобождения Семченкова, открытия схода, но законные участники схода, получив разрешение образовать его, не решились приступить к своим работам ввиду крайнего возбуждения толпы. Среди этой толпы особенно агитировали оба Энгельгардта и мачеха их, урожденная Якушкина подстрекая толпу и читая ей какой-то «новый закон» снять из имения всех рабочих, что и было исполнено силой и угрозами сжечь их дома, так что в настоящее время имение обслуживается лично

мной и работником с женщиной не местными жителями, отказавшимися выехать из имения и работающими под охраной стражников. Все эти дни происходят постоянные нашествия толпы, требующей немедленного освобождения Семченкова, допущения волостного схода в составе, не указанном законом; таким образом целыми днями приходится объяснять возбужденной пьяной толпе незаконность их действий, что представляется настоящим нравственным истязанием.

Можно смело сказать, что распоряжение вашего превосходительства об аресте Семченкова, этого вреднейшего агитатора, предупредило самые серьезные осложнения, и теперь начинают понемногу появляться признаки, указывающие, что отсутствие этого подстрекателя благотворно действует на крестьян, им запуганных, сбитых с толку и постоянно им волнуемых; мне думается, что отсутствие Семченкова во время предстоящих выборов уполномоченных для избрания в Государственную думу даст желаемую возможность крестьянам спокойно обсудить этот вопрос и отнестись к нему с серьезностью, столь необходимой в сем важном деле; нахождение же его среди населения повело бы, по крайнему моему убеждению, прямо к вооруженным схваткам и открытому мятежу.

Земский начальник П. Хмара-Барщевский.

Отношение пристава 4 стана Рославльского уезда помощнику начальника Смоленского жандармского управления по Рославльскому уезду от 5 января 1906 г., № 19[1].

Сообщаю вашему высокоблагородию, что 4 сего января я, вследствие переданной мне к исполнению телеграммы смоленского губернатора об оказании содействия Московскому лесопромышленному товариществу в деле розыска и отобрания порубленного крестьянами леса, прибыл для исполнения этого поручения в дер. Коровники, Луговской волости, совместно с отрядом полицейских стражников, поверенным товарищества Михаилом Николаевичем Хлебниковым и понятыми, причем при входе в деревню, когда я только-что остановился и спешил команду, крестьяне означенной дер[евни] в числе 100 человек при явном противодействии меня восстании, вооруженные цепами и кольями, бросились на меня и отряд стражников и начали избивать, после чего мною, по предварительном полагаемом по закону предупреждении, было употреблено огнестрельное оружие. Со стороны крестьян оказалось, по предварительном исчислении, 8 человек убитых и 9 раненых, точная же цифра не установлена; со стороны полиции ранены 4 стражника, нанесены удары цепами мне, приставу и стражнику Никифорову; местный же урядник Рогожкин пропал без вести; есть основание полагать, что он убит крестьянами. Дознание в настоящее время, до прибытия вооруженной силы, произвести не представляется возможным. О призыве войск местным исправником сделано распоряжение, а о происшествии сообщено судебному следователю 2 у[частка] Росл[авльского] у.

Пристав 4 стана Рославльского уезда Шершевицкий.

[1] Фонд смолен. губ. жанд. упр., 1905 г., д. № 71, л. 129.

Протокол [1])

1906 года января 10 дня в гор. Смоленске, я, начальник Смоленского губернского жандармского управления генерал-майор Громыко, рассмотрев переписку, препровожденную рославльским уездным исправником от 4 января с. г. за № 123, нашел, что крестьяне дер. Кордов, Корсиковской волости, Кузьма Самуйлов Хомченков, Яков Макаров Середин и Павел Егоров Горностаев руководили и подстрекали крестьян местного общества к аграрным беспорядкам, а именно: казенные налоги не платить, воинскую повинность не отбывать, сено с лугов Кордовской экономии забирать силою, не давая условной части экономик, земли не покупать, а пользоваться таковой даром, уничтожить постройки экономии и самовольно рубить экономический лес.

Показаниями свидетелей: Никона Купоржанова, Игната Винтекова, сельского старосты Семена Никонова и крестьянина Ефима Иванова выяснена вредная деятельность названных шахтерей Хомченкова, Середина и Горностаева вполне удостоверена. Хотя в деяниях Хомченкова, Середина и Горностаева очевидны признаки преступлений, предусмотренных уголовным уложением, но преследование их общим гласным судебным порядком, полагаю, не будет иметь надлежащих результатов, так как свидетельскими показаниями при общей деморализации крестьянского населения установить виновность не представится возможным.

Ввиду приведенных оснований, признаю дальнейшее пребывание крестьян Кузьмы Хомченкова, Якова Середина и Павла Горностаева в Рославльском уезде вредным, а потому, руководствуясь распоряжением департамента полиции, изложенным в телеграмме, препровожденной мне г. смоленским губернатором от 4 декабря 1905 года за № 962, постановил: возбудить ходатайство через г. смоленского губернатора об административной высылке их из Смоленской губернии и впредь, до получения на этот предмет распоряжения, содержать их под стражей в рославльской тюрьме, в порядке положения о государственной охране и до направления настоящего протокола в административном порядке, войти в соглашение на этот предмет с прокурором смоленского окружного суда.

Начальник Смоленского губернского жандармского управления
генерал-майор Громыко.

Заявление крестьян Сычевского уезда, Ново-Гривской волости помещику И. Ф. Керн [2]).

Милостивый государь, Иван Федорович! Мы, крестьяне деревни Новой, собрались вместе обсудить свое житье-бытье; потолковав между собою, расспросив у стариков об их прошлой жизни, нашли, что на-

---

[1]) Фонд Смол. губ. жанд. упр., 1905 г., д. № 71, л. 406; заголовок подлинника.

[2]) Фонд канц. смолен. губ., 1905 г., д. № 394. Это заявление И. Ф. Керн было направлено смоленскому губернатору с просьбой о принятии мер к ограждению его имущества от самоуправных насилий со стороны крестьян, а последний 15 января 1906 г., за № 180, направил сычевскому исправнику, который командировал на место пристава 1 стана. Последний донес следующее: «Судя по той искренности, с коей они (крестьяне) мне объяснили свое заблуждение по поводу подачи ими прошения, то можно предполагать, что они одумались в своих незаконных требованиях, если только не найдутся подстрекатели, которых выяснить в настоящее время не представляется возможным».

ша жизнь нисколько не переменилась, как и была при дедах и прадедах наших, разница только та, что не порют нас на барских конюшнях. В самом деле, трудимся мы день и ночь, поливаем потом и кровью кормилицу-землю, а что получаем мы за свой каторжный труд? Придет зима лютая, а нам и скотине нашей есть нечего, нет нам хлеба, нет, и скотинушке есть нечего, корму нет, нет дровишек и отопить наши жилища, — все это надо купить, хорошо, если есть за что, но если нет, что тогда делать, лезть в кабалу к какому-нибудь богачу-кулаку. Что за причина нашей бедности? Одни говорят, что мужик — пьяница, другие, что он — лентяй, а мы, посудив да порядив, нашли, — это гнусная ложь, если и выпьет мужичок, так от горя. Много у него накипело на сердце; мы нашли, что бедность наша от малоземелья, землицы мало, а налогов много, — вот отсюда-то наша и бедность. Ваши предки поступили несправедливо с нами; они обделили нас землей, дали неполные наделы, да в придачу к этим наделам поставили ловушки для нас (разные отрезки да заказники), чтобы мужичок не выходил из рук барина. Ох, дорого мы заплатили за эти ловушки! Сколько труда, пота и крови оставлено нами на ваших полях! Для нас лично ловушки — это ваш заказник. Много поработали мы за него, много пота и крови пролили мы за него, мы окупили его в несколько раз, если всю нашу работу перевести на деньги. Долг совести и справедливости, долг порядочного человека требует уступить нам этот заказник, мы не говорим бесплатно, мы уже сказали, что сторицею заплатили вам за него; мы, наши жены и дети просим вас об этом. Не доведите нас до крайних мер, чаша терпения нашего переполнилась, упаси бог, если она прольется. Тяжко нам, душно нам, спасите нас! Да хорошо нам терпеть крайнюю обиду между бедными, не говоря о прочих. А между своими есть разница, работали все три деревни: Поповка, Ржавец и Новая в имении Егорьи, а получили нарезку земли не поровну: у нас в Новоселове гораздо меньше земли, чем [в] вышеуказанных селениях.

Просим немедленно ответить на имя старосты Сергея Петрова Голубкова, не ответите, за будущее не ручаемся, народ сильно возбужден.

К сему и подписываемся, крестьяне деревни Новой [следует 26 подписей крестьян].

Донесение начальника Смоленского губернского жандармского управления в департамент полиции от 20 января 1906 г., № 288[1].

Представляя донесение помощника, подполковника Гладышева от 15 сего января за № 5[2], считаю своей обязанностью доложить: поручение смоленского губернатора выполнено подполковником Гладышевым с должной энергией и одобрено г. губернатором в представлении г. министру внутренних дел.

Заслуга подполковника Гладышева в том, что, предвидя месть со стороны революционеров, он не задумался применить телесное наказание, где это признавал необходимым.

Результаты выразились не только в умиротворении крестьян дер.

[1] ДП., о. о., 1906 г., д. № 700, ч. 22, л. 2.
[2] См. след. документ.

Коровников, Буды и других, но слухи о крайних мерах за насилия распространились во всем Рославльском уезде и остановили дальнейшее аграрное движение.

Зная близко современное настроение крестьян, нахожу вынужденным доложить департаменту полиции, что только телесным наказанием возможно предотвратить резню и разорение в предстоящую весну.

Тюрьма не страшит крестьян, немыслима высылка массы подстрекателей, накопившихся повсеместно в тюрьмах. Тюремная жизнь облегчается подачками и помощью со стороны комитетов разных наименований и поддерживается организационными связями, а потому только розги, не отрывая работников от семей, без кровопролития, могут умиротворить страсти и уронить агитаторов в глазах населения.

Начальник Смоленского губернского жандармского управления

генерал-майор Громыко.

Донесение помощника начальника Смоленского губернского жандармского управления начальнику жандармского управления от 15 января 1906 г., № 5[1].

Вследствие словесного приказания вашего превосходительства и предложений смоленского губернатора от 5 и 8 сего января, за № 63 и 154, доношу, что я выезжал с воинскими командами 5 и 10 января для усмирения крестьян в пределах 4-го и 2-го стана Рославльского уезда. Поездки были вызваны следующими обстоятельствами.

4 января сего года в д. Коровники Рославльского уезда по распоряжению губернатора выезжали пристав 4-го стана с урядником и стражниками для прекращения самовольной рубки крестьянами леса в даче, принадлежащей Московскому товариществу. Увидя приближавшуюся полицию, крестьяне поголовно по заранее условному сигналу, вооруженные молотильными цепами, кольями и косами, выбежали на улицу и сомкнутой массой бросились на полицию с криком: «леса не отдавать!» Становой пристав Шершевицкий предупреждал крестьян, что, если они не остановятся, он прикажет стражникам употребить оружие. Между тем крестьяне, игнорируя предупреждение, напали на полицию, и между сторонами произошло столкновение: урядник был убит и четверо стражников ранены, из них один впоследствии умер, а из крестьян убито 8 человек и ранено 16, один из них умер на второй день. Малочисленность полиции вынудила Шершевицкого отступить. Противодействие крестьян дер. Коровников не замедлило отразиться на окрестных селениях. Утром 7 января я прибыл с отрядом в дер. Коровники. Крестьяне вначале выразили упорное нежелание возвратить лес и выдать подстрекателей. Ввиду чего я вынужден был прибегнуть к крайним мерам, согласно данных мне полномочий, а потому приказано наказать розгами всех упорствовавших домохозяев. Мера оказалась действительной: крестьяне изъявили полиции покорность, назвали подстрекателей братьев Никифоренковых, убитых 4 января, и выдали весь лес, нарубленный в даче товарищества. Из Коровников отряд мною был направлен чрез д.д. Даниловку, Макаровку, Буду, Михайловку, Брюханово и Косицы. В д. Буде, состоящей из

[1] Фонд смол. губ. жанд. упр., д. № 71, лл. 184—185, 193.

140 дворов, встретилась необходимость прибегнуть к репрессивным мерам, так как крестьяне не желали подчиниться требованиям властей, прекратили уплату повинностей и рубили лес землевладельца Евстафьева, у которого захватили участок земли до 150 десятин. Так как подстрекатели из местных крестьян в числе 9 человек были известны и во главе их стоял сельский староста, то все они мною подвергнуты наказанию розгами. Наказание произвело моральное действие на крестьян, и они, выражая покорность, заявили, что между ними находится еще один подстрекатель Матвей Иванов, который также был подвергнут наказанию. После экзекуции и моего внушения крестьяне заявили готовность возвратить весь порубленный лес владельца Евстафьева и не посягать на принадлежащую ему лесную дачу. По пути дальнейшего следования отряда я внушал крестьянам отнюдь не посягать на чужую собственность, уплачивать повинности и не противодействовать властям. Принимавшиеся мною крайние меры в д.д. Коровниках и Буде произвели воздействие на всю округу, так что при моем приближении крестьяне сами откапывали из-под снега похищенный ими лес, вывозили на дорогу с намерением возвратить владельцу по первому его требованию. Объезжавший селения после прихода отряда, по моему распоряжению, пристав 4-го стана Шершевицкий нашел, что среди крестьян брожения прекратились, все деревни успокоились и добровольно возвращают самовольно нарубленный у землевладельцев лесной материал. Как выяснилось на месте, в д. Буде еще в ноябре прошлого года являлись на крестьянские митинги трое неизвестных молодых людей, в числе которых подозреваются известные департаменту полиции братья Турчаниновы, и на эти митинги приходили из дер. Коровников Никифоренковы, убитые в схватке 4 января. С 10 по 14 января я объезжал с отрядом следующие селения Рославльского уезда: д.д. Островню, Радичской волости, Старое и Новое Колышкино, Толонькино, Старую и Новую Клеву, Сергиевской волости, село Жарынь и дер. Волконщину, Жарынской волости. 11 января в дер. Островке, жители которой поголовно рубили лес у владельца Похвиснева, а 9 текущего января во время обычных в деревне в этот день молебен крестьяне, преимущественно шахтеры, в числе 5 человек, насильно принудили священника служить панихиду по рабочим, убитым в этот день в 1905 г. в С.-Петербурге, и затем ходили по деревне с красным флагом, — я приказал в присутствии деревни наказать розгами одного из виновных Илью Сигналога, так как другие его единомышленники скрылись. В с. Жарыни были обнаружены 7 подстрекателей, которые внушали крестьянам не платить повинностей, не признавать начальства, рубить лес землевладельцев, а 26 декабря теми же лицами насильно взяты у двух управляющих имениями Крупиной и Давыдова по 10 руб. и у жены местного дьякона 2 руб. Все 7 подстрекателей подвергнуты телесному наказанию в присутствии крестьян села Жарыни. В д. Волконщине крестьянами было решено рубить владельческий лес, не платить податей и не подчиняться властям. Подстрекателями явились 7 крестьян, из них трое успели скрыться, остальные четверо, в том числе и сельский староста, как главный руководитель, были наказаны розгами. Во всех деревнях, как и тех, где применялись телесные наказания для поддержания престижа власти и восстановления порядка, так и в других селениях, мною в энергичной форме внушалось крестьянам подчиняться властям, уважать чужую собственность и своевре-

менно вносить платежи. Все селения выразили полную покорность, и по моему требованию в каждом сельском обществе избраны по два ответственных домохозяина, которым объявлено наблюдать за поведением товарищей и, в случае ослушания, выборные должны немедленно доносить о виновных местной полиции, в противном случае сами понесут строгое наказание.

При этом считаю необходимым доложить, — в беседах с крестьянами я вынес впечатление, что им хотя и читались высочайшие манифесты от 17 октября и 3 ноября 1905 г., но крестьянами они не были поняты в том смысле, как надлежало им разъяснить. Этим воспользовались злонамеренные лица и внесли в деревни смуту. Насколько позволяли время и возможность, я разъяснял крестьянам возникшее у них сомнение, и видимо мои пояснения удовлетворяли слушателей.

Подполковник Гладышев.

Донесение смоленского губернатора министру внутренних дел от 5 апреля 1906 г., № 1129[1].

27 марта 1906 г. пристава 1-го стана Бельского уезда и 3-го стана Духовщинского уезда прибыли с тремя урядниками и стражниками в числе 24 человек в деревню Городну, Шиловичской волости, Духовщинского уезда, для производства дознания о насильственной порубке леса в имении землевладельца, Бельского уезда, Крапивенской волости, Павла Васильевича Рачинского, а равно и для отобрания похищенного леса. На неоднократные требования приставов крестьяне не явились к ним для дачи ответа по обвинению их в упомянутом преступлении. Ранее этого было столкновение бельской стражи с крестьянами и в ночь с 23 марта в лесу Рачинского, причем были задержаны трое обвиняемых: Вукол Иванов Трунов, Петр Яковлев и Максим Гаврилов, которых полиция намерена была отправить в тюрьму, но крестьяне стали волноваться, высказывая крайнюю враждебность, и заявили, что арестованных лиц они не дадут забирать, причем толпою, в числе около 200 человек, начали кричать: «надо бить становых и стражников», после чего бросились к лежавшим тут же на улице дровам и, вооружившись кольями, направились на полицейскую стражу; один из крестьян Василий Евдокимов набросился на стражника Савостьянова, замахнувшись на него колом, и Савостьянов вынужден был в свою защиту выстрелить в него и, ранив Евдокимова, приостановил временно движение крестьян. Вскоре к нападающим присоединились крестьяне других пяти соседних деревень и не допустили чинов полиции произвести дознание и отобрать похищенный лес, угрожая уничтожить всех, кто только появится в их деревне.

Ввиду такого упорного сопротивления чины полиции не решились пустить в ход оружие, опасаясь, что при стрельбе в толпу погибнет много народа. Раненый крестьянин Василий Евдокимов в крапивенской больнице, Бельского уезда, умер в ночь на 28 марта 1906 года.

---

[1] ДП., о. о., 1906 г., д. № 700, ч. 22, л. 16. На подлинном резолюция: «Губернатор кажется полагает, что стража должна действовать оружием только в том случае, когда сопротивление не отличается упорством. Прошу составить бумагу, в которой указать, что полиция не исполнила своих обязанностей, проявив прискорбное малодушие и нерешимость [неразобрано] и просить [неразобрано] расследовать этот случай и о последующем уведомить. 9 апреля».

Кроме того, стражник Савостьянов по неосторожности причинил рану старшему стражнику Быкову в ногу, и последний находится в настоящее время на излечении в крапивенской больнице, Бельского уезда.

Произведенное дознание о сопротивлении крестьян чинам полиции препровождено судебному следователю 3-го участка Бельского уезда.

Об изложенном доношу вашему высокопревосходительству, присовокупляя, что мной предписано вновь назначенному в Духовщинский уезд исправнику лично выяснить на месте положение дела и принять меры к успокоению крестьян и восстановлению законного порядка.

И. д. губернатора, вице-губернатор Фере.

Донесение начальника Смоленского губернского жандармского управления в департамент полиции и командиру отдельного корпуса жандармов от 8 июня 1906 г., № 2268/2268 [1].

Крестьяне деревни Шелбицы, Смоленского уезда, под влиянием толков о переделах земель, отказались взять луг владелицы Лисевич, которым пользовались за отработки натурою. Тогда соседние крестьяне дер. Пищалова взяли луг у Лисевич на скос в текущем году. Крестьяне деревни Шелбицы заявили, что не дадут пищаловцам косить и с начала весны выгнали скот на пастьбу на луг Лисевич. Все попытки владелицы и крестьян дер. Пищалова восстановить свои права на пользование лугом встречали грубое насилие.

Неоднократные увещания местного пристава оставить насильственное пользование не привели к благоприятным результатам, и 5 сего июня пристав и 5 стражников были изгнаны крестьянами из деревни.

По распоряжению исправника, 6 июня, для восстановления престижа власти и прекращения насильственного пользования захваченным лугом, был командирован отряд из пеших и конных стражников в составе 34 человек.

Крестьяне в числе более 60 человек, вооруженные косами, вилами и кольями, двинулись на пеших стражников и заставили их отступить. Подоспевший отряд конных стражников с офицером полицейской стражи, корнетом Пилюгиным, после сигнального предупреждения, перешел в наступление холодным оружием, бой длился около 10 минут: крестьяне бросались с косами и кольями, стражники отбивались и наносили удары прикладами и плашмя шашками.

Во время столкновения один из крестьян занес косу на шею стражника, — скатанная шинель помешала смертельному поранению; трубач, видя опасное положение товарища, выстрелом из револьвера убил нападавшего. После выстрела крестьяне приостановили нападение, по сигналу отбой борьба прекратилась с обеих сторон. Из участвовавших в вооруженном сопротивлении 10 человек задержано и взято 14 кос как вещественные доказательства. Некоторым стражникам нанесены удары и порезы, ложи двух винтовок повреждены. Дело о вооруженном сопротивлении передано судебному следователю. Столкновение, видимо, отрезвило соседних крестьян, интересовавшихся ходом борьбы

[1] Фонд смолен. губ. жанд. упр., 1906 г., № 415а, лл. 13—14.

за землю, с вооруженною силою и, если судебные власти отнесутся к делу более серьезно, в Смоленском уезде аграрное движение будет ослаблено.

Генерал-майор Громыко.

[Для командира отдельного корпуса жандармов].

Настоящее столкновение полицейской стражи с крестьянами, вооруженными косами, вилами и кольями, убеждает, что употребление холодного оружия мало действительно: косой и вилами крестьяне не допускают приближения стражи и успешно нападают, а стражники, работая штыком и шашкою, способны только слабо отпарировать удары. Так как в предстоящих аграрных беспорядках крестьяне будут вооружены преимущественно косами, стамесками и долотами, насаженными на длинные колья, то необходимость вынуждает избегать атак холодным оружием и поражать стрельбой на дальней дистанции.

Во избежание больших потерь, естественных при стрельбе, безусловно полезно было бы конных стражников, хотя наполовину, вооружить пиками. Пика позволит лишь выводить из строя только передовых упорных бойцов, наносит редко смертельные раны и наконец атака с пиками производит устрашающее впечатление. Независимо от того пика даст возможность без риска вступить в рукопашные схватки, не страшась крестьянского вооружения, уменьшит количество жертв, весьма часто случайных при дальности огнестрельного поражения.

Генерал-майор Громыко.

Донесение смоленского губернатора министру внутренних дел от 14 июня 1906 года, № 1803 [1].

В дополнение к представлению от 7 сего июня за № 1751 доношу вашему превосходительству, что в виду появившейся в местной газете «Смоленский вестник» статьи по поводу вооруженного столкновения 6 июня стражников с крестьянами деревни Шелбицы, Смоленского уезда, в коей утверждалось, что крестьянин Федотченков убит стражниками безоружный, причем, будто бы, два стражника держали его за руки, а третий выстрелил в него в упор из винтовки, — был командирован на место чиновник особых моих поручений для расследования как этого обстоятельства, так и всего происшествия.

По донесению названного чиновника столкновение произошло при следующих обстоятельствах: 6 июня около 1—2 часа дня отряд стражников конных и пеших, в числе 32 человек с уездным исправником, становым приставом и офицером, заведующим строевой частью стражи, из экономии владелицы Лисевич, в 3/4 версты от деревни Шелбицы, прибыл в последнюю, где имеется до 30 крестьянских дворов; отряд прибыл сюда для того, чтобы собрать крестьян этой деревни и предъявить им требование о прекращении упорного самоуправства, заклю-

[1] Фонд канц. смолен. губ., 1906 г., д. № 415а, лл. 9—11.

чающегося в захвате ими в свое пользование травяного выпаса на участке земли, принадлежащем владелице Лисевич, заарендованном у последней крестьянами деревни Пищаловой, а также для задержания некоторых из крестьян, агитаторов этого самоуправства, и для розысков в их домах разного оружия, о заготовлении которого для оказания сопротивления полиции имелись сведения.

По прибытии стражи в деревню большинства крестьян на лицо не оказалось. Полиция, получив сведения, что некоторые из крестьян скрылись в своих домах, а некоторые вне деревни, распорядилась через урядников и стражников произвести розыски в хатах с тем, чтобы если будут обнаружены крестьяне-агитаторы или оружие, то доставлять их в указанное место. Урядники и стражники начали производить розыски и в нескольких домах нашли крестьян, которые, по указанию прибывшего сюда же управляющего владелицы Лисевич Близюченко, были признаны за агитаторов. Таким образом было задержано три крестьянина; оружия найдено не было.

Во время этих розысков одна дверь оказалась запертой изнутри, вследствие чего для проникновения в хату одним стражником была повреждена дверь; в хате другого крестьянина при таких же обстоятельствах было повреждено окно. Во время производства в этой деревне розысков конная стража под командою офицера отправилась, по распоряжению исправника, розыскивать остальных крестьян в ближайшем при деревне лесу, но здесь никто из агитаторов обнаружен не был.

Производившие розыски в деревне стражники позволяли себе попадавшимся им на пути наносить удары нагайками и ногами; насилия эти проявлялись над крестьянами и крестьянками, дерзко и бранью отвечавшими на требования, предъявляемые при розыске стражниками; установлено также при расследовании несколько случаев, что стражниками были нанесены крестьянам удары нагайками по приказанию офицера стражи за дерзкие ответы и отказ исполнить требование, следовать для допроса, а также случай нанесения удара нагайкой и самим офицером. Во время этих розысков, производившихся конною стражей в лесу, исправником и приставом, находившимися с пешею стражею и арестованными на шоссе в деревне, получены были сведения, что в деревню Шелбицы направляются из пяти или девяти деревень крестьяне на выручку и освобождение арестованных. Действительно, около трех часов дня замечено было, что по шоссе, по направлению к деревне, движется толпа с косами; по сведениям полиции, эта толпа наступала с целью оказать сопротивление страже силою, для чего вооружилась косами. Между тем, по показанию спрошенных лиц, появление этой толпы объясняется следующим обстоятельством: в экономии землевладельца Белавенцева при деревне Лазареве был закончен покос сена, после которого крестьяне-лазаревцы в числе 24 человек были угощены изрядным количеством водки; кроме того, им было выдано еще и деньгами четыре рубля, которые они решили пропить и прямо с работ отправиться в ближайшую винную лавку или в деревню Замятино, или же через деревню Шелбицы в деревню Моргуново, где имеются винные лавки. Лазаревцы, находясь в ¼ версты от Шелбицы, видели тревогу, происходившую в этой деревне. По сведениям полиции, лазаревцы были извещены о действиях стражи в Шелбицах: по показанию же спрошенных при дознании, они направились в деревню

Моргуново, забрав с работ свои косы, чтобы в этой деревне продолжать пьянство; когда лазаревцы подошли к деревне Шелбицы на расстояние 200 шагов от расположения построенного отряда стражи, то офицер, командовавший стражею, решил, что придется открыть пальбу, и уже к этому приготовился, предварительно же к толпе лазаревцев был послан урядник и отдельно стражник-трубач с предупреждением, что если лазаревцы не остановятся и не возвратятся, то, по сигналу, по ним будет открыта стрельба. Лазаревцы отказались исполнить требование, и офицер решил приготовиться открыть стрельбу. Бывший вблизи исправника крестьянин Филимоненков обратился с просьбой к нему не стрелять, а послать кого-нибудь к толпе для переговоров и вторичного требования возвратиться; был послан сначала староста деревни Пищаловой, которого лазаревцы не послушались и продолжали итти. После того вторично к толпе был послан исправником крестьянин Филимоненков; последний спрашивал лазаревцев, что им нужно; ответом на это было: «мы хотим посмотреть, что здесь делается, и хотим переговорить»; толпа была пьяная. Филимоненков сказал им, что если они хотят итти, то пусть бросят косы, а самое лучшее пусть возвращаются, так как, если они будут итти с косами, то в них будут стрелять, толпа послушалась увещаний Филимоненкова и пошла обратно.

В это время исправник и офицер решили окружить толпу и узнать, зачем она шла; по команде офицера конная стража, обойдя толпу, окружила ее и предъявила требование бросить косы; так как исполнить это требование они не захотели, то было отдано приказание обезоружить крестьян. С этого момента началась схватка, во время которой часть крестьян разбежалась с косами, некоторые без кос, а часть толпы, оставаясь на месте, оказывала сопротивление при насильном отнятии от них кос. Выяснилось дознанием, что в этой схватке стражники конные и пешие действовали шашками наголо и прикладами, а окруженные крестьяне — косами; разбегавшихся крестьян стражники догоняли и задерживали. После задержания крестьянина Федотченкова, наиболее сопротивлявшегося при схватке, он был привезен стражниками к прежнему месту, и здесь в разгаре схватки стражник-трубач Вощилло сделал выстрел в Федотченкова, от которого он упал и через 15 минут скончался. При каких обстоятельствах Вощилло выстрелил в Федотченкова, точно выяснить не удалось ввиду разногласия в показаниях свидетелей, но указание в корреспонденции на то, что выстрел был сделан в тот момент, когда Федотченкова держали за руки стражники, не подтвердилось. В той же схватке другому крестьянину Герасиму Тетеркину был нанесен удар по голове шашкой урядником Горячкиным, от этого удара раненый скончался на третий день. Перед началом схватки офицер сделал распоряжение не стрелять; после выстрела, произведенного стражником Вощилло, был дан сигнал собраться. Лазаревцы, кроме задержанных, разбежались. Скончавшийся Федотченков с места был отправлен в смоленскую больницу, туда же поступил крестьянин Тетеркин и крестьянин Егоров, раненый шашкою по голове, но жизнь последнего находится вне опасности. Уездным врачом Рутковским были освидетельствованы в деревне Шелбицах две женщины и шесть человек крестьян, заявивших о нанесении им побоев: крестьянину деревни Лазарева — во время столкновения, а остальным — во время производства розысков, до столкновения, у ко-

их оказались знаки насилия в виде легких кровоподтеков и незначительных опухолей.

Доводя об изложенном до сведения вашего высокопревосходительства, присовокупляю, что из приведенных данных нельзя не усмотреть, что со стороны чинов полиции и офицера, заведывающего строевой частью стражи, корнета Пилюгина, в настоящем деле допущен ряд неправильных действий и нетактичностей по отношению к крестьянам и что по выяснении подробно производящимся по сему делу судебным следователем предварительным следствием незаконных действий чинов полиции и корнета Пилюгина против виновных будет возбуждено судебное преследование, если для сего будут добыты следствием достаточные основания.

Смоленский губернатор Суковкин.

Рапорт ельнинского уездного исправника начальнику Смоленского губернского жандармского управления от 14 июня 1906 г., № 181[1].

Пристав 3 стана вверенного мне уезда, рапортом от 3 сего июня, за № 1018, донес, что деревни Выползово, Ивонино, Тишово, Плотки, Крашнево и Ляды расположены вблизи села Ивонина, где более 25 лет существует министерское 2-классное училище и в упомянутых селениях много имеется уже взрослых, окончивших курс в этом училище; из них некоторые занимаются хозяйством, а многие служат на станциях Рязанско-Уральской ж. д. и получают газеты революционного направления. Легче других газет им попадает «Смоленский вестник», распродаваемый по станциям и разъездам с товарно-пассажирскими поездами, к которым крестьяне даже посылают за газетой, чему приставу приходилось быть очевидцем. Начитавшись такой газеты, крестьяне, во главе своих сельских старост помянутых деревень, 1 сего июня со станции Савкино послали телеграмму в 150 слов Государственной думе, составленную из воззваний, помещенных в «Смоленском вестнике»; в телеграмме высказали просьбу не отступать от предъявленных требований и об упразднении земских начальников, жандармов, полиции и стражников, как сильно их притесняющих; требуют отстоять наделение обрезными землями, за которые они служат и платят помещикам более 40 лет, и т. п. Телеграмма эта принята от крестьян старшим телеграфистом Полехиным, за отказом младших телеграфистов принять таковую.

О чем сообщаю вашему превосходительству.

Ельнинский уездный исправник [подпись].

Донесение смоленского губернатора товарищу министра внутренних дел А. А. Макарову от 21 июня 1906 г., № 1852[2].

Пользуясь данным мне вашим превосходительством разрешением обращаться к вам непосредственно, в случае каких-либо недоразумений и сомнений, в направлении дел политического и аграрного характера, позволю себе утруждать ваше внимание сообщением нижеследую-

[1] Фонд Смолен. губ. жанд. упр., 1906 г., д. № 136, л. 354.

[2] Фонд канц. смолен. губ., 1906 г., № 136, лл. 398—399. Печатается по копии.

щих сведений, имеющих серьезное значение в деле распространения волнений среди населения Смоленской губернии.

1. В Поречском уезде крестьянами Кавширской волости в начале сего месяца был составлен приговор для передачи в Государственную думу: о наделении крестьян землею бесплатно, об отмене смертной казни, ограничении власти администрации, и пр. тому подобных предметах. Автор этого приговора, учитель сельского училища, из местных крестьян, Трифонов, лично отправился с ним в Петербург.

2. В пределах Шолтовской и Глуховской волостей, Бельского уезда, крестьяне под влиянием писем члена Государственной думы местного крестьянина Волкова собирают сходы, на которых обсуждают вопросы о национализации земли и о свободе печати, собраний, союзов, и пр. Ораторами на сходах и энергичными деятелями по собиранию сходов являются два местных учителя сельских школ Чупыркин и Голосов. Насколько сильно их вредное влияние на местное население,—пока не установлено, но в Шолтовской волости крестьянское волнение выразилось: рядом поджогов строений землевладельцев, имеющих, несомненно, аграрный характер; кроме того, в этой же волости толпа крестьян напала на местных станового пристава и урядника и угрожала им насилием за то, что они, по мнению толпы, невинно арестовали крестьянина Федорова, подозреваемого в поджогах.

3. В Краснинском уезде толпа крестьян жестоко избила полицейского урядника, очень скромного, корректного и спокойного человека, за то, что он зимою арестовал сельского учителя Королева, агитировавшего в этой местности, причем толпа заявила, что такая же расправа будет учинена и со всеми чинами полиции.

Предложив директору народных училищ вверенной мне губернии, на основании высочайше утвержденного 14 января сего года предположения совета министров, уволить названных трех учителей от занимаемых ими должностей, я поручил местной полиции установить за дальнейшею их деятельностью особый надзор, предполагая заключить их под стражу в порядке положения об охране, если они не прекратят вредной деятельности среди населения и, кроме того, просил прокурора Смоленского окружного суда обратить особое внимание на дело о нанесении тяжких побоев уряднику в Краснинском уезде и, если можно, принять по отношению к обвиняемым высшую меру пресечения, (если они будут) уклоняться от суда и следствия.

Доводя об этом до сведения вашего превосходительства, покорнейше прошу не отказать мне в указаниях, соответствует ли устранение от должностей учителей-агитаторов, а также предположение об арестовании их по охране направлению общей внутренней политики высшего правительства и, если бы подобного рода распоряжения мои шли вразрез с принятым министерством направлением, благоволите уведомить меня по телеграфу.

Покорнейше прошу ваше превосходительство принять уверение в глубоком уважении и совершенной преданности.

Смоленский губернатор Суковкин.

Телеграмма графа А. Шереметьева смоленскому губернатору от 21 июня 1906 г.[1].

Со вчерашнего дня у меня, в имении Высоком, Сычевского уезда, бастуют экономические и полевые рабочие, предъявляя всякие требования, прошу содействия вашего.

Граф Александр Шереметьев.

Телеграмма графа А. Шереметьева смоленскому губернатору от 22 июня 1906 г.[2].

В моем имении Высоком, Сычевского уезда, очень возбужденное настроение, агитаторы работают энергично, забастовка рабочих продолжается. Экономические требования служат только предлогом, очень прошу содействия вашего превосходительства к охране моего имения.

Граф Александр Шереметьев.

Рапорт сычевского уездного исправника смоленскому губернатору от 23 июня 1906 г., № 916[3].

Во исполнение предписания от 17 сего июня, за № 1833, имею честь донести вашему превосходительству: третьего дня я лично был в с. Высоком графа Шереметьева, причем оказалось, что в означенном имении забастовали все экономические рабочие (некоторые по принуждению), предъявляя требования об увеличении жалованья, улучшении их быта, а главное — увольнении управляющего и садовника за грубое с ними обращение и незаконные действия. Личными убеждениями я добился уговорить рабочих ухаживать за скотом, а управляющего уговорил добавить содержание, но, несмотря на это, они все-таки отказались от исполнения всех экономических работ, кроме ухода за скотом, впредь до расследования их жалобы самим главноуправляющим графа Шереметьева, о чем мною вчерашнего числа послана владельцу телеграмма (в копии при сем прилагаемая), и о забастовке рабочих составлен акт, который будет отправлен, согласно закона 15 апреля сего года по проекту правил против возникновения стачек сельских рабочих, по подсудности, предварительно предъявив таковой графу Шереметьеву, о согласии его на предание их суду, ибо последняя мера весьма опасна и может возбудить все окрестное население к мести за своих однодеревенцев, так как все рабочие, около 33 человек, из окрестных деревень. На всякий случай на месте мною оставлен отряд стражников.

Исправник Баранцев.

Рапорт сычевского уездного исправника смоленскому губернатору от 24 июня 1906 г., № 936[4].

В дополнение к рапорту моему от вчерашнего числа, за № 916, имею честь донести вашему превосходительству, что, кроме села Вы-

[1] Фонд канц. смолен. губ. 1906 г., д. № 462, л. 7.
[2] Там же, л. 9.
[3] Там же, л. 58.
[4] Там же, 1906 г., д. № 464а, лл. 15—16.

сокого, во вверенном мне уезде было еще несколько случаев аграрного движения, а именно: 1) в селе Александрине, Торбеевской волости, имении князя Лобанова-Ростовского, были предъявлены крестьянами 18 окрестных деревень разные требования об отдаче им за уплату или отработок земли под покосы, пастбища и другие нужды, но контора экономии поступила во многих случаях неосновательно, довела до того, что крестьяне начали предъявлять эти требования с разными угрозами и даже разгромлением имения и все держали себя до невозможности дерзко. По получении о сем телеграммы управляющего (при сем прилагаемой) я прибыл в означенное имение, вызвал крестьян всех деревень и разъяснил им некоторые неуместные их требования и предупредил о последствиях, в случае приведения их угроз в исполнение, а затем лично имел свидание с престарелым князем Лобановым-Ростовским, который разрешил мне поступить с намеченными им участками для отдачи крестьянам, по своему усмотрению, что я и исполнил, и тем удовлетворил все окружные деревни, причем доложил князю о выясненных мною незаконных действиях его конторы, до взятничества включительно, объяснив ему, что причиной могущих произойти в будущем беспорядков в его имении, как я убедился на месте, будет только одна контора, которая своими незаконными действиями озлобляет окрестное население. В настоящее время в этом имении пока все благополучно.

2) Также произошли довольно серьезные осложнения в имении Коптева, Торбеевской волости, наследников землевладельца Коненкова, которому крестьяне деревни Мысова предъявили еще прошлой зимой требование не рубить лес на отрезной земле, прилегающей к их деревне, ввиду того, что, по их мнению, все отрезки должны быть переданы крестьянам, но, несмотря на это, Коненков вырубил часть дров около 25 кубов и начал перевозить их в свое имение. Тогда крестьяне всей деревней отправились 16 сего июня в лес и забрали остающиеся дрова себе. Получив о сем донесение от местного пристава 1-го стана, я выехал с отрядом стражников в означенную деревню, где также начал уговаривать крестьян оставить их незаконные требования и возвратить добровольно дрова. Но в данном случае дело не обошлось благополучно: крестьяне оказали полное недоверие и сопротивление, о чем мною составлен акт (в копии при сем прилагаемый), и дело вчерашнего числа за № 924, передано г. судебному следователю Смоленского окружного суда для привлечения виновных к ответственности по статьям 269 и 269[1] уг. ул.

3) Далее в селе Липецах, имении Николая Алексеевича Хомякова, также в текущем июне месяце крестьянами деревни Карцево, Торбеевской волости, произведен довольно значительный поруб леса, около 300 дерев, с насилием над полесовщиками, которые ими были предварительно изгнаны из дачи, о чем составлен акт и передан тому же судебному следователю. Кроме того, экономическими рабочими с. Липец также были предъявлены к владельцу некоторые незначительные экономические требования, которые г. Хомяковым вполне удовлетворены и при посещении моем на-днях села Липец, где был временно и сам г. Хомяков, последний мне заявил, что в его имении в настоящее время все благополучно. Затем в июне месяце было еще несколько других осложнений в разных имениях, но, благодаря бога, все они окончились миролюбиво, и крестьяне после моих увещеваний успокоились.

В селе Дугине, имении князя Мещерского, где в текущем году крестьянам сделаны значительные послабления, кроме обыкновенных ночных лесных порубов, ничего особенного пока нет, чему отчасти, повидимому, противодействует имеющаяся при имении конная вооруженная стража из казаков. Вообще в данное время, начиная с текущего июня месяца во вверенном мне Сычевском уезде положение довольно шаткое, очень много возвратилось из столицы фабричных рабочих из местных крестьян, которые ведут в своей среде усиленную агитацию, чему вполне подчиняется местное население и не только не выдает их, а напротив всеми силами защищает, так что бороться с этим фактом положительно невозможно. Кроме того, долгом считаю доложить вашему превосходительству, что отряды пеших стражников, как оказалось на практике, совершенно не пригодны в том отношении, что при частых перемещениях их из одного места в другое, они положительно не могут поспевать своевременно в назначенный пункт, и, кроме того, страшно утомляются; подвод же от населения добыть невозможно, ввиду ненавистного к ним отношения населения. Были за это время случаи, что подвод население даже не давало за деньги, которых мною уже истрачено на сей предмет за июнь из собственных средств более 35 рублей, вследствие чего для пользы дела крайне необходимо иметь при каждом отряде не менее двух казенных лошадей с экипажами, или заменить всех пеших стражников конными, хотя бы при условии сокращения их штатов.

Уездный исправник Баранцев.

Постановление сычевского уездного исправника от 30 июня 1906 г.[1].

1906 года июня 30 дня, сычевский уездный исправник, закончив производство дознания по делу о забастовке рабочих в экономии графа Шереметьева с. Высоком, Гривской волости и других, произведенных ими беспорядках, и, руководствуясь циркулярным предложением г. министра внутренних дел от 11 сего июня за № 5643, постановил: все означенное дело, на основании высочайше утвержденного 15 апреля мнения Государственного совета о правилах против стачек сельских рабочих, для привлечения указанных в дознании рабочих и частных лиц, виновных в возбуждении этих рабочих к прекращению и приостановлению работ препроводить на распоряжение г. уездного члена Смоленского окружного суда по Сычевскому уезду; отдельно же от всего, на основании того же циркуляра г. министра за № 5643, с представлением копии со всего дознания, ходатайствовать перед г. смоленским губернатором о сделании распоряжения об административной высылке, в порядке 33 ст. положения об охране, всех зачинщиков-агитаторов из рабочих: крестьянина Торбеевской волости деревни Колесников Петра Иванова Амельченкова, деревни Колыгина, Гривской волости, Михаила Дмитриева и дер. Лукина, Вяземского уезда, Соловецкой волости, Бориса Никитина, а также частных лиц: крестьянина дер. Мельников, Гривской волости, Адриана Дроздова, той же деревни Петра Кондратьева, деревни Лукина, Вяземского уезда, Соловецкой волости, Сергея Васильева и сына псаломщика с. Побухо-

[1] Канц. смол. губ., 1906 г., д. № 462, л. 84; заголовок подлинника, воспроизводится по копии.

ва, Вяземского уезда, Василия Михайлова Байкова, подвергнув их аресту при тюрьме, для чего, в виду невозможности местными полицейскими силами произвести этот арест, просить г. губернатора о высылке военной силы и о сделании распоряжения о заключении всех указанных лиц под стражу не в сычевскую, а в смоленскую тюрьму, так как есть основательные данные предполагать, что все соседние деревни могут отправиться в Сычевку для их освобождения.

Уездный исправник Баранцев.

Донесение начальника Смоленского губернского жандармского управления в департамент полиции от 30 июня 1906 г., № 2875[1].

С начала мая в северной части Бельского уезда замечается усиленное брожение крестьян и в особенности в Шоптовской волости, на родине члена Государственной думы, бывшего сельского учителя Тимофея Осиповича Волкова. Агентурным путем было дознано, что Волков, поддерживая постоянные сношения с братом, проживающим на родине, и местными сельскими учителями, сплотил крестьян Шоптовской и соседних волостей в организации для поддержки думских притязаний. В начале июня в Шоптовской волости собрался митинг в волостном правлении, на который прибыл пристав; руководители митинга потребовали удаления пристава, так как они собрались обсуждать свои крестьянские дела и пристав стесняет их своим присутствием. После удаления пристава, читались инструкции, полученные от депутата Думы, относительно учреждения местных комитетов и предъявления требований по аграрным и политическим вопросам. Желая добыть документальные данные, в целях парализовать нарождающееся движение, я просил бельского исправника произвести одновременно обыски в деревне Толкачах у Ивана Волкова, в селе Глухове у учителя Голосова и в селе Шоптове у учителя Чуприкова.

22 июня, по распоряжению исправника, был командирован пристав Лебедев с 15 конными стражниками в д. Толкачи, где обыскал Ивана Волкова, забрав переписку его с братом, депутатом Государственной думы, и брошюры у учителя Чуприкова; у учителя Голосова производил обыск подведомственный мне унтер-офицер вместе со старшим урядником и понятыми. В квартире Голосова при обыске был член Государственной думы Т. О. Волков, прибывший вместе с Голосовым из Петербурга. При обыске ничего преступного обнаружено не было. Волков, в присутствии полиции и понятых, доказывал о необходимости искоренить дворянство, упразднить полицию и других властей и добиться осуществления требований, предъявленных Думою; высказывал и другие возмутительные взгляды на современный строй. После обыска у брата Волкова толпа крестьян настигла пристава Лебедева, в имении Зайцево, имевшего в своем распоряжении 15 конных стражников, который без сопротивления возвратил взятую переписку.

25 июня на митинге в селе Шоптове член Думы Тимофей Волков возбуждал крестьян против правительства, доказывал, что только сопротивление высших властей препятствует отчуждению земель, и рекомендовал выжидать до осени, а затем вооружаться и брать все силою.

[1] Фонд. Смолен. губ. жанд. упр., 1906 г., д. № 123, л. 28, воспроизводится по черновику.

Того же числа на митинге в село Шоптово прибыл подведомственный мне унтер-офицер Литвинов, которого Волков изгнал оскорбительной бранью и угрозами.

Крестьяне, видя грубое отношение члена Думы к жандарму, намеревались избить унтер-офицера Литвинова, и только его находчивость и такт спасли от побоев.

Волков требовал извинения жандарма в том, что он своим приездом оскорбил его, как члена Думы, приказал содержателю почты не давать лошадей для разъездов чинов администрации.

26 июня состоялся многолюдный митинг в д. Костры; Волков прибыл на тройке с конной охраной, крестьяне встречали его с красными флагами.

Вообще Волков революционизировал четыре волости: Шоптовскую, Глуховскую, Мольнинскую и Егорьевскую, и местные власти утратили всякое значение в глазах населения. В предупреждение открытого бунта и разгромов необходимы крайние меры, иначе смута охватит весь Бельский уезд и заразит соседние уезды.

Губернская администрация ограничивается по мотивам видами, оберегая себя от последствий за решительные меры [1]. Сегодня получены телеграммы о разгроме двух имений в Шоптовской волости. Необходимо побудить местные власти к решительным мерам, так как хотя вожаки преимущественно из сельских учителей, намечены, мятежное движение усилится, но до удаления члена Думы Волкова из пределов губернии бесцельно задерживать его подручных и привлекать к уголовной ответственности. Свидетелей добыть нельзя, благонамеренные люди устрашатся, а потому применение по данному мятежному движению обычного уголовного преследования не обещает благоприятных результатов, но необходимо введение исключительных мер и более решительные меры со стороны губернской администрации.

Генерал-майор Громыко.

Телеграмма сычевского уездного исправника смоленскому губернатору от 31 июня 1906 г. [2].

В Высоком Шереметьева вновь забастовка, присоединились восемь деревень, необходимо арестовать агитаторов, без войск невозможно, требуются не менее пятидесяти казаков, жду распоряжений.

Исправник Баранцев.

Телеграмма сычевского уездного исправника смоленскому губернатору от 1 июля 1906 г. [3].

Рабочие сегодня стали на работу, но успокоение, повидимому, временное, арест агитаторов необходим, ожидаю распоряжений.

Исправник Баранцев.

---

[1] Так в подлиннике.
[2] Фонд канц. смолен. губ., 1906 г., д. № 462, л. 11.
[3] Там же, л. 16.

Телеграмма смоленского губернатора сычевскому уездному исправнику от 2 июля 1906 г.[1].

Из Вязьмы командирован в Высокое взвод казаков, арестуйте зачинщиков, отправьте в вяземскую тюрьму.

Губернатор Суковкин.

Рапорт сычевского уездного исправника смоленскому губернатору от 5 июля 1906 г., № 939[2].

В дополнение к рапорту от 4 сего июля, за № 938, доношу вашему превосходительству, что вчера вечером, окончив производством дознание о забастовке рабочих в с. Высоком, я ввиду экстренного требования прибыл в с. Александрино князя Лобанова-Ростовского, где крестьяне села Торбеева самовольно захватили и скосили 12 десятин луга и делают разные угрозы, до разрушения имения включительно, о чем мною производится дознание, которое будет направлено по подсудности. Вообще в округе между Высоким и Александриным все крестьянское население страшно возбуждено, и требуется внушительная сила, хотя бы для малейшего успокоения. Прибытие по распоряжению вашему в село Высокое двадцати пяти казаков решительно успокоило за эти дни население, а поэтому прошу ваше превосходительство оставить этих казаков в селе Высоком на более продолжительное время, хотя бы до уборки хлебов, дабы я имел возможность пользоваться ими при восстановлении порядка в селе Александрине и других соседних имениях, где во многих местах начинаются аграрные движения. Так, например, по полученному мною сегодня донесению, 2 июля в селе Федькове в имении графа Граббе, в 4 верстах от села Александрина, сожгли сарай с сеном до 200 возов, о чем производится дознание местным приставом 1-го стана. Вообще в районе Гривской, Торбеевской, Хотьковской, Бехтеевской и частью Ивановской в округе больших имений весьма неспокойно, и без казаков, которые действительно наводят известный страх на крестьян, положительно остаться невозможно.

Что касается упомянутых в моем рапорте от 4 июля, подлежащих личному задержанию и скрывшихся агитаторов: Васильева и Байкова, проживающих в пределах Вяземского уезда, то таковых до сих пор вяземской полицией не розыскано, мне же оставаться для розысков их нет возможности, так как завтра я должен выехать в село Липецы, имение г. Хомякова, и с. Дугино князя Мещерского для расследования дел о продолжающихся открытых порубках леса.

Уездный исправник Баранцев.

Рапорт помощника начальника Смоленского губернского жандармского управления в Рославльском уезде начальнику Смоленского губернского жандармского управления от 23 июля 1906 г., № 99[3].

Доношу, что в районе 2-го стана Рославльского уезда начинаются брожения среди крестьян на почве аграрных вопросов.

21 и 22 июля крестьяне Радичской волости проявили уже насилия

[1] Фонд канц. смолен. губ., 1906 г. д. № 462; воспроизводится по отпуску
[2] Там же, лл. 33—34.
[3] Смолен. губ. жанд. упр., 1905 г., д. № 71, лл. 562.

и самоуправства по отношению землевладельцев; так, в имении Анны Александровны фон-Сикстель, по донесению пристава, выгоняют рабочих и заявили владелице, что имение ее принадлежит им; у владелицы Соколовой разобрали загородку и пустили на ее луг свой скот. Ввиду изложенного и принимая во внимание обстановку, крайне желательно было бы немедленно же объехать все эти селения, охваченные брожением, с отрядом казаков человек в 40—50 и конными стражниками. Одни стражники по своей малочисленности, 18—20 человек, не произведут должного внимания, а в данном случае именно и нужно произвести сразу же сильное впечатление, иначе будет то же, что и в Бельском уезде. Казаки потребуются всего лишь на 2—3 дня; доехать же они могут по железной дороге до ст. Сещинской.

Ротмистр барон Тизенгаузен.

Предписание смоленского губернатора рославльскому уездному исправнику от 31 июля 1906 г., № 2278 [1].

На-днях будет командирован в Рославльский уезд отряд казаков, по прибытии которого в г. Рославль, вы вместе с помощником начальника губернского жандармского управления бароном фон-Тизенгаузеном и отрядом уездной конной стражи и прибывшим отрядом казаков отправитесь по тем волостям уезда, где замечается волнение. Поездка значительной военной силы должна произвести известное впечатление на население, потому не следует разбрасывать отряд частями, а надлежит в течение 5—7 дней объехать все охваченные волнением местности, предупреждая население, что, при первых [же] признаках беспорядков, таковые будут подавлены силой. По окончании объезда отряд должен возвратиться в Смоленск.

Губернатор, двора его величества камергер Суковкин.

Донесение смоленского губернатора в департамент полиции от 31 июля 1906 г., № 2286 [2].

28 текущего июля в селе Рядынь, Духовщинского уезда, принадлежащем помещику Николаю Францевичу Забелло, была ярмарка при большом стечении народа. Когда помещик Забелло вышел из усадьбы, то бывшая на ярмарке толпа народа двинулась к нему и без всякого с его стороны повода начала наносить ему побои и, затем, приблизясь к самой усадьбе, подожгла таковую с двух сторон, с целью произвести погром, но присутствовавший на ярмарке местный пристав с двумя урядниками и отрядом стражников прекратил пожар и требовал от толпы, чтобы последняя разошлась; толпа же в ответ начала осыпать градом камней как пристава, так и всю бывшую полицейскую стражу. Пристав, после троекратного предупреждения, приказал страже стрелять и после первого залпа толпа рассеялась, причем оказался убитым крестьянин деревни Курганово Дорофей Гаврилов. На место выехал уездный исправник для производства дознания по сему пред-

[1] Фонд канц. смолен. губ., 1906 г., д. № 464-а; воспроизводится по отпуску.
[2] ДП., о. о., 1906 г., д. № 700, ч. 22, л. 52.

мету, которое по окончании немедленно будет передано подлежащей судебной власти для привлечения виновных к законной ответственности.

Об изложенном довожу до сведения департамента полиции.

Губернатор, двора его величества камергер Суковкин.

Рапорт унтер-офицера Смоленского губернского жандармского управления начальнику Смоленского губернского жандармского управления от 24 августа 1906 г., № 94[1].

Доношу вашему превосходительству, что в Гжатском уезде начинаются аграрные беспорядки. В Самуйлове сожжена шоха хлеба, в Полянинове—трактир и собираются через день митинги в лесу, рабочих снимают с работы, людей на митинги выгоняют под угрозой насильно, как рассказывает крестьянин дер. Барановки, Петропавло-Глинковской волости, Никифор Петров, что у одного мужичка хранятся все бумаги в погребе, где устроена скрытая кладовая. В Корытовской волости и Покровской происходят митинги, в имении Андрея Петрова сожжен скотный двор; у предводителя дворянства Булгакова был поджог дома, но неудачно — усмотрен и т. д. Исправник усиленно набирает стражников, но далеко не соответствующих, разъезды производятся усиленно.

Прошу ваше превосходительство разрешить произвести обыск по указанию Петрова в погребе, где, по его мнению, хранится преступное.

Унтер-офицер Кузяков.

Предписание смоленского губернатора бельскому уездному исправнику от 1 сентября 1906 г., № 2664[2].

Из рапорта вашего высокоблагородия от 26 минувшего августа за № 479, [видно], что на произведенные из толпы крестьян деревни Флорова два выстрела в полицейскую стражу во главе с полицейским урядником Сопотской волости, последняя также сделала выстрел, но только в воздух, между тем министерством внутренних дел, а также и моими циркулярными распоряжениями неоднократно было разъяснено вам о том, что в подобных случаях ни под каким видом не должна быть допускаема стрельба полицейской стражи в воздух, а потому за означенное упущение ставлю вам на вид, а также делаю приставу 2 стана вверенного вам уезда строгий выговор; независимо от сего поручаю вам немедленно уволить от должности упомянутого полицейского урядника и старшего полицейского стражника, бывшего с командой во время производства стрельбы при столкновении с крестьянами деревни Фролова, и о последующем мне донести.

Губернатор, двора его величества камергер Суковкин.

---

[1] Смолен. губ. жанд. упр., 1906 г., д. № 137, л. 406.
[2] Фонд канц. смолен. губ., 1906 г., д. № 464; воспроизводится по отпуску.

Предписание смоленского губернатора поречскому уездному исправнику от 23 сентября 1906 г., № 2960 [1].

Благочинный 1 округа Поречского уезда сообщил мне, что в церковной даче села Инькова крестьянами деревень Ходыки, Зилоинки, Костричина и Ковалева производятся массовые порубки церковного строевого леса, в особенности крестьянами деревни Костричина, коими во рву возле деревни поставлена даже лесопилка для разработки уворованного леса на доски. Возбужденные против них дела у местного земского начальника о ранее бывших порубках последним прекращены, почему крестьяне, уверившись и в дальнейшей их безнаказанности, еще с большей энергией принялись за массовое хищение из упомянутой дачи леса, во всякое время, не стесняясь даже и днем, причем сторожа этой дачи не в состоянии уже бороться с дерзким самоуправством крестьян, которые угрожают им избиением и даже смертью.

Давая об изложенном знать, предлагаю вашему высокоблагородию безотлагательно принять меры к дальнейшему прекращению рубки леса с производством розыска и отобрания в окрестных деревнях срубленного леса при помощи полицейской стражи. О последующем мне донести с подробным изложением обстоятельств настоящего дела.

И. д. губернатора вице-губернатор [Ф е р е].

Отношение смоленского губернатора начальнику Смоленского губернского жандармского управления от 4 октября 1906 г., № 3104 [2].

Из поступающих ко мне жалоб и заявлений от разных лиц, преимущественно землевладельцев Рославльского уезда, мною усмотрено, что в разных пунктах уезда замечается усиленное волнение среди сельского населения. Самовольное открытое хищение леса у частных владельцев составляет обычное явление, и против него не принимается никаких мер. Кроме того, в последнее время имел место целый ряд случаев грабежей и поджогов жилых и нежилых строений, производимых, по слухам, организованною шайкою злоумышленников, причем ни в одном случае не были обнаружены грабители и поджигатели.

Признавая ввиду этого необходимым принятие особых мер к восстановлению порядка и спокойствия в Рославльском уезде, прошу ваше превосходительство поручить проживающему в г. Рославле вашему помощнику, ротмистру барону фон-Тизенгаузену выехать в пределы уезда для проверки правильности и целесообразности деятельности местной полиции по прекращению беспорядков и выработать, совместно с уездным исправником, план мероприятий для прекращения в уезде систематических грабежей и поджогов и обнаружения виновных в совершении этих преступлений, для чего, если понадобится, совместно с чинами местной полиции, а также конными стражниками, сделать объезд тех волостей, где наиболее часты поджоги и вообще замечается тревожное настроение населения, и осуществить на месте выработанные меры к водворению спокойствия.

---

[1] Фонд канц. смолен. губ., 1905 г., д. № 392, л. 174.
[2] Фонд канц. смолен. губ., 1906 г., д. № 464-а, л. 32; воспроизводится по отпуску.

Придавая весьма важное значение предстоящей командировке, прошу вас предложить барону фон-Тизенгаузену принять все меры к восстановлению порядка и спокойствия в уезде, для чего необходимо действовать решительно и постараться произвести впечатление на население, что особенно важно ввиду предстоящего призыва новобранцев; лиц, заподозренных в поджогах и грабежах с аграрными целями, а также в распространении противоправительственной пропаганды, необходимо немедленно же заключать под стражу, применяя положение о государственной охране.

При этом присовокупляю, что, по имеющимся у меня сведениям, в Рославльском уезде особенно энергично распространяет призыв к аграрным беспорядкам некий Пашин.

Обо всем обнаруженном ротмистром бароном фон-Тизенгаузеном в пределах уезда, а также о мерах, принятых им для восстановления спокойствия, прошу поручить ему безотлагательно мне донести.

И. д. губернатора, вице-губернатор Фере.

Заявление кн. В. М. Урусова смоленскому губернатору от 9 октября 1906 г.[1].

В имении моем, находящемся в Дорогобужском уезде, селе Овиновщине, крестьяне соседних деревень производят уже продолжительное время целый ряд правонарушений, которые проходят совершенно безнаказанно. Уже с половины минувшего июля крестьяне дер. Билино стали самовольно пасти скот по моим полям, прилегающим к надельной земле. Личные переговоры с ними не привели ни к каким результатам. Примеру крестьян дер. Билино последовали крестьяне дер. Хизов, Суток и Ямище, которые пасут свои стада на моих полях, прогоняя их почти до самой усадьбы.

С половины августа умножились в сильной степени лесные порубки. Порубщики при встречах с лесною стражей нисколько не стесняются произносить угрозы и продолжают рубку, не допускают лесных объездчиков к обыскам в деревнях. Из похищенного леса найдено в разных деревнях до 164 бревен, но крестьяне отказываются возвратить похищенный лес. В сентябре мои полесовщики вместе со стражниками и урядником явились в дер. Хизы для производства обыска и были встречены толпой крестьян, вооруженных кольями и вилами, которые не допустили их до обыска.

При этом моему полесовщику были нанесены побои. Об этом урядником не был составлен акт. Представитель полицейской власти вместе со стражниками, уступая перед угрозами толпы, удалились и до сих пор, насколько мне известно, обыск в дер. Хизах не произведен.

Имею честь просить ваше превосходительство сделать распоряжение о принятии местными властями мер к прекращению изложенных правонарушений, безнаказанность которых влияет развращающим образом на население.

Князь Урусов.

---

[1] Фонд канц. смолен. губ., 1905 г., д. 391, л. 117

Донесение смоленского губернатора в департамент полиции от 13 октября 1906 г., № 3206[1].

За последние месяцы в Бельском уезде возникли беспорядки, носившие, несомненно, аграрный характер и выразившиеся в целом ряде поджогов и самовольных порубках владельческих лесов. Поджоги эти делались систематически в Шоптовской и Глуховской волостях и за последнее время стали появляться и в некоторых соседних с названными волостях. Несмотря на все принятые местной полицией меры к открытию виновных, за редкими исключениями, поджигатели обнаружены не были. Объясняется это, с одной стороны, тем, что поджоги аграрного характера представляют сами по себе один из видов преступлений, наиболее трудно поддающихся обнаружению, в особенности когда часть населения, хотя и незначительная, под влиянием агитаторов, относится сочувственно к поджигателям, другая же часть замалчивает преступников, ей известных, из опасения мести с их стороны. Помимо того, обнаружение виновных в Бельском уезде представлялось крайне затруднительным и благодаря топографическим условиям местности, изобилующей лесами.

Причиной возникновения беспорядков в Бельском уезде является агитационная деятельность бывшего члена Государственной думы Волкова, нашедшего себе энергичных помощников в лице члена бельской уездной земской управы Воробьева, его сына, студента, и некоторых учителей земских и церковно-приходских школ; дальнейшему же распространению аграрного движения и учащению преступных действий по отношению к имуществу помещиков служили как указанная выше трудность раскрытия виновников преступления, так и невозможность ареста в то время главного агитатора Волкова, пользовавшегося, как члена Государственной думы, неприкосновенностью и представлявшего собой в глазах крестьян вершителя их судеб.

Ввиду такого положения вещей бельский уездный предводитель дворянства граф Уваров обратился ко мне с письмом, в котором, указывая на крайне тяжелое положение землевладельцев и на необходимость принятия самых решительных мер к подавлению беспорядков, он, между прочим, обвиняет местную полицию в недостатке энергии и бездеятельности. Вместе с тем граф Уваров обращает внимание на малочисленность состава судебных следователей в уезде и неудовлетворительность некоторых из них, а также на сочувствие движению некоторых лиц духовного ведомства.

По сообщению приведенного письма графа Уварова прокурору Смоленского окружного суда, последний заявил, что в настоящее время состав судебных следователей в Бельском уезде переменился и туда назначены лица, вполне удовлетворяющие тем требованиям, какие должны быть предъявлены к судебным деятелям, ведущим следственную часть.

Из лиц духовного ведомства обратил на себя особое внимание священник села Батурина Мышляев, позволивший брату своему, студенту, говорить в церкви речь по поводу роспуска Государственной думы крайне предосудительного содержания.

---

[1] ДП. о. о., 1906 г., д. № 700, ч. 22, лл. 70—71.

Об этом случае было доведено до сведения преосвященного Петра, епископа смоленского и дорогобужского, с просьбой о распоряжении не допускать на будущее время посторонних лиц выступать с церковной кафедры с разъяснениями правительственных распоряжений.

Затем, ввиду возводимых на бельскую полицию обвинений в бездеятельности, был командирован в Бельский уезд помощник начальника губернского жандармского управления ротмистр Аргентов для проверки правильности и целесообразности деятельности местной полиции по прекращению беспорядков, выработки плана мероприятий для прекращения в уезде систематических поджогов и обнаружения виновных в совершении этих преступлений, а также для объезда, совместно с уездным исправником и отрядом конных стражников, тех волостей, где наиболее часты поджоги и вообще замечается тревожное настроение населения. При этом мною поручено ротмистру Аргентову принять самые решительные меры к восстановлению порядка и спокойствия в уезде и не останавливаться перед арестами в порядке положения об охране лиц, заподозренных в поджогах с аграрными целями или распространении противоправительственной пропаганды.

Во исполнение этого поручения ротмистр Аргентов, совместно с полицией, объехал Шоптовскую, Глуховскую и семь других волостей Бельского уезда, причем им собирались сходы крестьян, на которых он выяснял населению обязанность по выдаче правительству преступников и ответственность за укрывательство их, а также знакомился с настроением крестьян, стараясь обнаружить главных подстрекателей и сочувствующих беспорядкам.

Одним из первых действий ротмистра Аргентова был арест, в порядке 1035 ст. уст. угол. суд., бывшего члена Государственной думы Волкова, члена бельской уездной земской управы Воробьева и студента Московского университета Константина Мышляева, брата священника с. Батурина. Кроме того, в порядке положения об охране, арестованы учитель Лобанев, шоптовский волостной писарь Громов и двенадцать крестьян, срок содержания которых под стражею департаментом полиции продлен.

Вместе с тем ротмистром Аргентовым были произведены во многих местах обыски, благодаря которым в г. Белом в квартире мещанина Николая Зимина найдены наборы типографского металлического шрифта, а в квартирах Юркова и Моисеенко была обнаружена нелегальная литература. Все эти лица, изобличенные в противоправительственной агитации, заключены под стражу.

Независимо сего, местной полиции еще до приезда Аргентова удалось обнаружить часть лиц, виновных в поджогах, собрав против них веские данные, свидетельствующие, что поджоги производились организованною шайкою, состоящею из крестьян деревни Смолькова, Глуховской волости. Из этой шайки арестовано по настоящее время 14 лиц, и, кроме того, установлено участие в ней еще 6 лиц, которые скрываются и пока еще нерозысканы.

Указанные меры и, главным образом, арест Волкова и Воробьева дали вполне благоприятные результаты. Настроение населения в настоящее время вполне мирное и покорное; крестьяне относятся к поджигателям несочувственно, а к агитаторам даже враждебно и рады освободиться от их влияния и гнета.

Надо надеяться, что поимка скрывающихся преступников, к кото-

рой приняты самые энергичные меры, и обнаружение других виновных в поджогах крестьян внесут полное спокойствие в уезде.

Доводя об изложенном до сведения департамента полиции, в дополнение к отношению моему от 3 сего октября за № 3079, присовокупляю, что, по заключению ротмистра Аргентова, к коему пришли землевладельцы Бельского уезда во главе с графом Уваровым, упрек полиции в бездеятельности не имеет никаких оснований, и все принятые ею к прекращению беспорядков меры являются достаточно решительными и целесообразными.

Местное общество отнеслось очень сочувственно к аресту члена земской управы Воробьева, и один из уездных земских гласных Михайлов, по закрытии земского собрания, открыто заявил, что преступная деятельность Воробьева послужила главным образом причиной бедствий многих землевладельцев уезда. Заявление Михайлова напечатано в местной «Смоленской газете», номер которой прилагаю.

Ввиду сего, а также доклада ротмистра Аргентова о том, что собранный им против Воробьева обвинительный материал едва ли будет признан прокурорским надзором вполне достаточным для возбуждения против него судебного преследования, я, предлагая возбудить ходатайство об административной высылке Воробьева из пределов губернии и желая предупредить могущее последовать распоряжение прокурорского надзора об освобождении из-под стражи Воробьева, нахожу целесообразным направить дело о нем не в порядке 1035 ст. уст. угол. суд., а по положению об охране, вследствие чего ходатайствую о разрешении продлить срок содержания под арестом Воробьева до выяснения его преступной деятельности.

Губернатор, двора его величества камергер Н. Суковкин.

Рапорт рославльского уездного исправника смоленскому губернатору от 6 ноября 1906 г., № 3558[1].

Пристав 4 стана вверенного мне уезда рапортом от 5 сего ноября, за № 2029, донес, что в имении Перенка, Кирилловской волости, Владимира Александровича Муравьева произошел пожар, истребивший конный двор с тремя лошадьми, экипажами, сбруей и находившимся в нем ржаным и яровым хлебом в снопах, которого было: ржи до 600 коп. и овса 558 коп., чем причинено убытка на 25 000 руб. Из числа сгоревшего было застраховано в Смоленском губернском земстве хлеб и лошади в 3 780 руб. Пожар, по заявлению управляющего имением Александра Дмитриева Карпычева, произошел от поджога, но виновные не указаны и дознанием не обнаружены, дознание по сему делу приставом препровождено судебному следователю 3 участка Рославльского уезда.

О чем доношу вашему превосходительству.

Уездный исправник Руклевский.

---

[1] Фонд канц. смолен. губ., 1905 г., д. № 393, л. 306.

Рапорт рославльского уездного исправника смоленскому губернатору от 16 ноября 1906 г., № 1948 [1].

Мною сего числа получено донесение, что в имении вдовы коллежского советника Теофилы Иосифовны Чижовой с. Любестеве, Жарынской волости, произошел 7 сего ноября пожар, уничтоживший задворок с хлебом, кормом и сельскохозяйственными принадлежностями, причинивший убытку 3000 рублей. Произведенным дознанием выяснено, что пожар произошел от поджога, но виновные не обнаружены, и таковое направлено по подсудности.

О чем доношу вашему превосходительству.

За исправника (подпись).

Предписание смоленского губернатора рославльскому уездному исправнику от 16 ноября 1906 г., № 3684 [2].

Орловский губернатор отношением от 13 сего ноября, за № 8612, сообщил мне, что в с. Рогнедине, Рославльского уезда, 19 и 21 ноября с. г. будут произведены торги на продажу движимого имущества крестьян-недоимщиков с. Бунево, Брянского уезда, и этим просит моего распоряжения о назначении усиленного полицейского наряда для поддержания порядка во время означенных торгов в с. Рогнедине.

Давая об изложенном знать, предлагаю вашему высокоблагородию назначить в село Рогнедино достаточный полицейский наряд для поддержания должного порядка во время производства торгов и оказания должного содействия при этом брянской полиции.

Губернатор, двора е. в. камергер [Суковкин].

Рапорт рославльского уездного исправника смоленскому губернатору от 26 ноября 1906 г., № 1992 [3].

12 сего ноября в 7 часов вечера у землевладелицы села Фоминичь, Епишевской волости, Ольги Людвиговны Друцкой-Соколинской произошел, как заявила потерпевшая, пожар — от умышленного поджога. Пожаром уничтожен хлебный двор с необмолоченным хлебом и разными сельскохозяйственными принадлежностями, убытка пожаром причинено на сумму 2500 руб. Сгоревшие постройки и находившееся в них имущество было застраховано в земстве в сумме 890 руб. Произведенное по сему делу дознание препровождено судебному следователю 2 участка Рославльского уезда и сообщено участковому товарищу прокурора. О чем доношу вашему превосходительству.

Уездный исправник Руклевский.

---

[1] Фонд канц. смолен. губ., 1905 г., д. № 393, л. 319.

[2] Там же, л. 309; воспроизводится по отпуску.

[3] Там же, л. 327

Рапорт рославльского уездного исправника смоленскому губернатору от 26 ноября 1906 г., № 2026 [1].

Доношу вашему превосходительству, что 25 сего ноября в имении Бутырки 2 стана от поджога сгорел сарай с сеном, принадлежащий землевладелице Марии Константиновне Кушлянской. Подозрение в поджоге—на соседних крестьян, у которых, по заявлению Кушлянской, производился приставом обыск порубленного леса в даче Кушлянской.

К обнаружению виновных производится дознание, которое будет передано по подсудности.

Уездный исправник Руклевский.

---

[1] Фонд канц. смолен. губ., 1905 г., д. № 393, л. 326.

К истории освоения Северного морского пути[1]

В данной от капитана командора Беринга капитану Шпанберху февраля 23 дня 733 году инструкции написано

1.

Понеже мы неизвестны, как в летнее время от Соликамской до Таболска путь надлежит, того ради, когда вы прибудите к Соликамской, уведомится там у воеводы, сколко разстояния сухим путем до реки Туры, которая впадает в реку Табол, и можно ль перевозить матриалы сухим путем летним времянем и каким способом лутче к поклаже матриалов и припасов и удобно ль теми реками в осеннее время дойти до Таболска, чтоб то исправить без потеряния время и без убытка государственного. А ежели того невозможно летним путем исправить, то приготовить (л. 138 об.) подводы и что к тому надлежит для перевозу матриалов и служителей к первому зимнему пути.

Что по оной инструкции исполнено.

На 1.

По оному пункту какое исполнение было ль, о том от капитана Шпанберха к капитану командору Берингу не репортовано (л. 138 об.).

2.

Когда прибудете в Тоболск, требовать от губернской канцелярии лесу на строение одной дубель шлюпа, которая будет строитца при Таболске, которой чертеж имеет подмастерья, определенной с вами, и к тому строению плотников и кузнецов с их инструменты, железа, конопати, уголья, смолы, красок, точил и протчаго, что надлежит, и на то судно приготовить правиант сухопутной и морской против сообщенного при сем регестра, також фалканетов, ядер, картечь, пороху и протчих артилерискних припасов против данной вам росписи, и иметь (л. 139) вам старание, чтоб от Табольской губернской канцелярии к прибытию нашему приготовлено было, что по указу правителствующаго сената повелено делать на заводах Демидовых — якори и пушки и протчия железныя вещи, которыя надлежат в нашу экспедицию сверх вышеобъявленного судна, а смолы и пенки на конопать и железа, что к тому дубель шлюпу надобно, то взяв известие от мастера, обретающагося с вами, заготовить. Також требовать купоров и чтоб

[1] См. «Красный архив», тт. LXXI, LXXII, LXXIII

приготовили лес на делание водяных бочек величиною по 10 или по 12 ведр и велеть оныя делать, а при строени того дубель шлюпа оставить вам в Табольске шлюпочного подмастерья (л. 139 об.).

На 2.

Капитан Шпанберх прибыл в Тобольск апреля 2 дня 733 году и требовал от Тобольской губернской канцелярии о приуготовлении матриалов и протчаго, касающагося до экспедиции; чего ради и сообщены от него в тое канцелярию з данных инструкцей точныя копии, на что от оной канцелярии и ответствовано о приуготовлении де сухопутного и морского правианта, что касается к экспедиции в Енисейскую и в Ыркутскую правинцию и в Якуцк тамошним камандиром указы посланы; к строению дубель шлюпки мастеровые и работные люди и с их инструментами от оной Сибирской губернской канцелярии (л. 139) присланы; и посланы для рубки лесу и копания кокор 90 человек, а железо, и укладь, и уголья велено от той канцелярии отпускать, смолу и краски определено купить в Таболску, а о деле и о присылке в Таболск пушек и протчей артилерии, котлов и якорей от сибирского берхъамта им, капитаном, апреля от 20 дня требовано. А к строению пакет ботов и дубель шлюпок, которыя будут строитца в Якуцке, в Охоцке и в Камчатке, железо от губернской канцелярии отпущено в каманду его, капитана Шпанберха, 200 пуд. А сверх того к строению оных судов железа, сколко понадобитца, велено отпускать из Якуцкого и из Ыркуцкого присутствия с новозаведенных железных заводов от камисара Бурцова; смолу и уголье заготовлять и отправлять из Якуцка; для дела водяных бочек купоры и с их (л. 139 об.) инструментами от губернской канцелярии к каманде присланы; а для строения дубель шлюпки в Таболску оставил он, капитан Шпанберх, подмастерья Коротаева, и оная дубель шлюпка строением окончилась в 734 году генваря 26 дня.

3.

Уведомитца в Тоболске подлинно при Охоцком и Якуцке, какие ныне вещи тамо есть, а имянно: пушки, порох и протчее, какие вещи, которые к нашему делу могут быть надобны ис привозу нашего или от полководца Шестакова отсталых, дабы двойного перевозу не имели, а ежели в Таболску о охоцких и якуцких наличных оных вещах известия не имеетца (л. 140), а хотя и есть, да малое число, то требовать, чтоб приготовить; також приготовить смолы, пенки, железа, уголья, краски на то строение судов, которое будет строитца при Якуцке, Охоцке и на Камчатке, а где сколко определено построить судов, о том вы известны.

На 3.

Апреля 13 дня требовал он, капитан Шпанберх, от Сибирской губернской канцелярии, коликое число имеетца при Охоцку и при Якуцку пушек, пороху и протчаго, что принадлежит к нашему делу, и на оное требование, коликое число имеетца в Якуцку артилерии и артилерных припасов, тому прислана от губернской канцелярии к нему, капитану, ведомость, с которой от него, капитана, к капитану

командору сообщена точная копия; о присылке пенки от оной же канцелярии в городы (л. 140) и дистрикты х воеводам и управителем указы посланы, а краски, какия сысканы в Таболску в продаже, те, купя от Сибирской губернской канцелярии, отданы ему, капитану Шпанберху.

4.

Понеже при прежней экспедиции Камчацкой сумы сыромятныя для перевозу правианта скоро не были изготовлены и дорого при Якуцке становились, а имянно около 90 копеек пара, и для того ис Таболской губернской канцелярии требовать, чтоб подрядить или купить оных сум, в которых бы можно положить по 2½ пуда муки, и оныя сумы приготовить одну часть в Таболске, другую часть (л. 140 об.)— в Енисейске и в Иркуцке, третью — в Якуцке или где за благо разсудят в тамошних ближних местах, чтоб в прибытие наше в том не было остановки и в цене лишней передачи, а надлежит тех сум 4 497 пар.

На 4.

По требованию его, капитана Шпанберха, велено сумы делать подрядом — в Таболску 1 499 пар, в Енисейске и Иркуцке — 1 499 пар, в Якутске — 1 499 пар и о деле де тех сум в те городы указы от Сибирской губернской канцелярии посланы и от Сибирской губернской канцелярии приняты х каманде капитана Чирикова в 734 году 1 998 пар да по репорту его ж, капитана (л. 140 об.) Чирикова, показано, прислано в Ылимск из Енисейской правинцыалной канцелярии 275 пар от Иркуцкой правинцыалной канцелярии, по силе указа отпуску сумам не было, а ответствовано х капитану Шпанберху — о заготовлении сум в Якуцке указ послан, а при Якуцком принято капитаном Шпанберхом от Якуцкой воеводской канцелярии 1 140 пар, да принято ж ко экспедиции в бытность капитана командора Беринга в Якуцку от Якуцкой воевоцкой канцелярии 867 пар.

5.

Правиант морской и сухопутной требовать, чтоб приготовить на реке Лене на те два судна, которыя будут строитца при Якуцке против сообщенного при сем регестра и довозить оной до Якуцка и при Якуцку чтоб приготовлено (л. 141) было лесу на один дубель шлюп и на один бот с палубою. А какой величиною, о том вам известно, а смолы и пенки на конопать приготовить, взяв справку от мастера, которой с вами отправляетца, також для варения смолы при Охоцком и на Камчатке, чтоб от Таболской губернской канцелярии повелено послать напредь таких людей, которые умеют приготовить и варить смолу (л. 141).

На 5.

Оным капитаном Шпанберхом от Иркуцкой правинции к отпуску в Камчацкую экспедицию морского и сухопутного правиантов, коликое число имеетца в готовности, требовано: и на то ответствовано: тот правиант велено изготовить и собрать в Ылимску и в Верхоленску

(л. 141), о чем к тамошним командиром и указы посланы, муки и на сухари мукою 31 387 пуд, а соль, сухари, рыбу, вино и под то вино и под масло фляги велено изготовить в Якуцку; а масло, крупы и горох велено ж изготовить в Ылимском, а о заготовлении на строение при Якуцку 2 судов лесу репортом марта от 13 дня 734 году от егож, капитана Шпанберха, объявлено при Сполошном селе вытесано и из вываленного лиственишного лесу досок в разныя дюйма до 1 500; а кили и штивни, банкштоки и копоры на оба судна тесаны все по лекалом, да на магазеин 1 000 бревен. А смолы де, уголья и фляг приуготовил своею ж командою доволно, ис которого лесу при Якуцку 2 морския судна и построены; а для варения смолы на Камчатке о посылке умеющих людей хотя им, капитаном Шпанберхом, и не требовано, однакож в числе мастеровых людей такия знающия люди находились (л. 141 об.), а о смоле, хотя он Шпанберх и показал, что приготовил доволно, токмо оной на помянутыя морския 2 судна, которыя при Якуцку строились, не доволно было: чего ради прибавок к той смолу сидели командою капитана командора при Якуцку.

6.

При Таболске, чтоб изготовить суда дощаники для перевозу матриалов и людей в реке Иртышу, Оби и Кете до Маковского острога или, ежели за благо разсуждено будет от Таболской губернской канцелярии, чтоб чрез Барабу в зимнее время на лошадях перевозить часть из адмиралтейских мастеровых людей до реки Лены и оттуда с первоскрытием воды рекою Леною плыть до Якуцка и потому могут прибыть в Якуцк в 1734 году около июля (л. 142) месяца, а ежели по рекам, то прежде не могут быть как в 1735 году в июле ж месяце, отчего потеряеца целой год и для перевоски матриалов при Енисейске и Ылимске дощеники и мелкия суда изготовить (л. 142 об.).

На 6.

Капитан Шпанберх репортами объявил, что для перевозу матриалов и людей по рекам Иртышу, Обью и Кетью по требованию ево, капитана Шпанберха, определено от Сибирской губернской канцелярии 3 дощеника и с надлежащими припасами, да работных людей 72 человека; а от Енисейской правинцыалной канцелярии определено для перевозу от Енисейска до Ылимска служителей и матриалов по требованию ево ж, капитана Шпанберха, 4 дощеника с малыми лотками и припасами и работных людей и с вожами 33 человека, на которых дощениках он, Шпанберх, из Енисейска и отправился, а к прибытию де капитана (л. 142) командора для перевозу матриалов и служителей при Енисейске дощаники приготовлятца будут, о чем де Енисейская правинцыалная канцелярия ведением к нему сообщила. А по прибытии в Ылимск требовал он, капитан Шпанберх, от тамошней канцелярии, сколко построено при Лене реке для сплавки матриалов до Якуцка судов, и на оное Илимская канцелярия к нему ответствовала: имеетца де построенных подрядом казенных пять дощеников, и те де дощеники крепки ль и к поклаже годны ль, о том де неизвестно, а к 734 году велено де построить 14 дощеников. А репортом, писанным марта от 13 числа того 734 году от него, Шпанберха, показано: постро-

енные де от Илимской канцелярии 9 дощеников явились по свидетельству негодны, и для того построено при команде его барок 7, дощеник один, лодок с палубами 8, приплавлено в 734 году в каманде его, капитана Шпанберха, от Верхоленских мест (л. 142 об.) в Якуцк на 4 барках да на 7 палубных лотках и на плотах муки 32 164 пуда, круп 2 556 пуд, соли 716 пуд, масла коровья 102 пуда, и прибыл оной капитан Шпанберх в Якуцк с мастеровыми людьми и с правиантом мая 26 числа 734 году.

7.

Об отправлении правианта из Ыркуцкой правинци к Охоцкому острогу требовать, чтоб отправлен был таким порядком, как бы мог поставлен быть скорее и безубытошнее и в строени судов под правиант и матриалы положить на разсуждение тамошних командиров, на каких судах без остановки мог быть довезен до Юдомского креста, а сколко на те суда надобно людей, требовать определения, чтоб даны были из Ыркуцкой правинции (л. 143) или откуда Таболская канцелярия лутче разсудит. (л. 144 об.)

На 7.

От капитана Шпанберха репортом, писанным ноября от 6 дня 733 году, объявлено об отправлении из Ыркуцкой правинцы морского и сухопутного правианта к Охоцкому острогу, как скоряе и безубыточнее без остановки и о строении под те матриалы и под правиант судов и об определении на те суда работных людей Иркуцкой канцелярии он, капитан Шпанберх, предлагал, и на оное Иркуцкая канцелярия ответствовала: о строени де судов, в какову меру и сколко числом и коликое число работных людей на каждое судно определить и о тамошнем водяном пути канцелярия де неизвестна, и для того от него, капитана, паки в тое канцелярию предложено, (л. 143) чтоб зделано при Якуцку 15 судов, в которые тягости можно положить по 200 или по 250 пуд, а работных людей определено б было на каждое судно по 10 человек. И в то число Якуцкою воеводскою канцелярией построено 10 судов, о которых капитан командор объявил, что те суда за неудобностию ко экспедиции не взяты. Понеже весма коротки и валки, к тому ж и шиты прутьями, а хотя бы и все 15 судов построены и для сплаву правианта годны были: и положить в каждое судно по двести по пятидесят пуд, итого положено б было правианта токмо 3 750 пуд, а ему, капитану Шпанберху, в приложенной при сей инструкции в росписи написано: на 2 пакет бота и на бот с палубою и на 2 дубель шлюпки в отпуск к Охоцку на год сухопутного правианта 15 138 пуд, да на оные ж суда морского правианта, кроме рыбы, вина, пива и уксусу, 8 012 пуд, всего морского и сухопутного правианта 23 150 пуд. К тому ж и сам он, капитан, отправился из Якуцка в 734 году июня 16 числа всеми судами, а правианта взял с собою 2 389 пуд, но и тот правиант до Юдомского креста не довезен, а остановились те (л. 143 об.) суда в Юдоме реке в урочищах Щеках сентября 4 числа, а он, капитан Шпанберх, с малые числом людми отправился в Охоцк. А по прибытии в Ыркуцк капитана командора Беринга прошлого 734 году Иркуцкая канцелярия в августе месяце промемориею объявила, по си-

ле де вашего императорского величества и с правительствующего сената указу и по проэкту, что касаетца до нее, то де ныне исполняетца и впредь исполнятца будет, и требовала для наилучшаго надсмотрения в строении судов, которыя строитца будут по проэкту, чтоб определен был мастер, которой бы мог построить суда удобныя и впредь способныя. Того ради посланы от капитана командора Беринга х капитану Чирикову 2 ордера в том же августе месяце, по которым велено — по первому при Верхоленских местах строить лехкие суда; по второму, дабы имел старание об отправлении экспедичного правианта. И по тем ордерам капитаном Чириковым весною 735 года построено при Верхоленских местах 24 дощеника, 3 барки, 43 судна малых для отправления правианта от Якуцка вверх (л. 144) по рекам до Юдомского креста; всего построено 70 судов и к ним перевозных малых лодок 51, на которыя по требованию его, Чирикова, от Якуцкой правинцыи дано в работу служилых людей и разночинцов и ссылных 731 человек. А в Якутск приплавлено на означенных судах в маие — июне месяцах тогож 735 году муки, круп и протчаго правианту 41 521 пуд да матриалов экспедичных 4 000 пуд с ызлишеством и из Якуцка тогож лета июля в 5 дейь в Охоцкой путь отправлено вверх по рекам 14 дощаников и на них правианту разного звания 9 001 пуд, да следующия во экспедицию якори, канаты, пушки, протчия припасы, которых было слишком з 2 000 пуд, да перед тем отправлено ж из Якуцка июня в 29 числе из вышепомянутых малых судов 41, погрузя на них правианта разного ж звания 8 227 пуд, на которых чаятелно было тогож лета дойтить до Юдомского креста; точию оныя суда тем летом не дошли, а дошли в лете 736 году. Да при Майском устье построено в том же 735 году 10 судов, на которых оттуда отправлено правианта 2 025 пуд, который правиант того (л. 144 об.) лета не довезен до Юдомского креста только за двадцать пять верст. И те мелкия суда порожжия сплавлены и хранены были чрез зиму до весны при Майской пристани. А работныя люди с них зимовали в Якуцку. А на 14 дощениках до Майскова устья и, тут выгрузя, возвратились в Якуцк. И с того 735 году повсягодно на означенных судах отправлялся правиант и припасы из Якуцка на дощаниках до Майского и Юдомского устий. А на мелких судах от Майского и Юдомского устей и из протчих мест до Юдомского креста, о чем обстоятелнее в сочиненной на проэкт ведомости всеподданейше донесено. Да ис построенных же судов капитаном Чириковым в лете в 735 году послано с правиантом 4 дощеника при морских судах, отправленных от Якутска Леною рекою до Северного моря да 6 дощаников остались тогда не во отправлении за побегом данных работных людей от Иркутской правинции.

8.

Понеже прошедшаго 1732 году повелено по указу правительствующаго (л. 145) сената комерц колегии, чтоб до Якуцка отправлять людей, умеющих из чугуну из криц переделовать в прутовое железо: того ради иметь старание, ежели оные не отправлены, чтоб ис Таболской губернской канцелярии при Якуцке повелено к прибытию нашему железа изготовить, чтоб нам х нашему делу не было остановки. (к. 145 об.).

На 8.

По требованию его, капитана Шпанберха, от Сибирской губернской канцелярии сколко понадобитца железа велено (л. 145) отпускать из Иркуцкого присудствия с новозаведенных железных заводов от камисара Бурцова, а камисар Бурцов к нему, Шпанберху, ответствовал, к делу де мореходных судов железа чистого имееца к отпуску токмо 300 пуд, а ежели де он удоволствован будет от Иркуцкой правинцыалной канцелярии кузнецами, и он де Бурцов во экспедицию надлежащия потребы железа отправлять будет, и оное наличное число 300 пуд железа х команде его, капитана, принято, да ис Таболска 200 пуд, о чем и против 2 пункта упомянуто, всего приплавлено к Якуцку 500 пуд, точию толикого числа железа на все подлежащия суда весма мало было, а доволствовались с построенного вновь при Якуцку железного завода, которой построен в бытность капитана командора Беринга, да и вышепомянутое принятое от камисара Бурцова железо негодно было, ис которого хотя и держано при строении в Якуцку 2 морских судов, токмо уже по самой нужде; також и на правианския суда, строенныя (л. 145 об.) при Майской пристани несколко употреблялось, и всего ис того железа издержано было толко 115 пуд 25 фунтов, а досталное 184 пуда 15 фунтов за тою негодностию отослано от капитана командора в Якуцкую воеводскую канцелярию в 735 году сентября 12 числа.

9.

Лес на блоки заранее изготовить в принадлежащих местах и чтоб оной мог высохнуть до прибытия отсюда мастеровых людей, також пенки для мелочных веревок приготовить около 400 пуд для отправления при Якуцке. (л. 146.)

На 9.

Строющияся при Якуцку 2 морския судна блоками удоволствованы привезными из Санкт Питербурха и вновь зделанными при Якуцку, а пенки, хотя по требованию его, капитана Шпанберха, и велено от Сибирской губернской канцелярии купить в Томску, в Ыркуцку, в Якуцку и в Ыримску по 100 пуд, точию принято им, капитаном Шпанберхом, от Енисейской правинцыалной канцелярии 44 пуда 19 фунтов, а из Томска, из Ыркуцка, Илимска по требованию его, капитана, пенки отпуску не было. (л. 146)

10.

Мастеровыя люди, которыя нам определяютца по определению правительствующего сената из сибирских городов, чтоб заранее выбраны были, також при Ускуте на реке Лене дощаники для перевозу матриалов и людей до Якуцка приготовить.

На 10.

Мастеровыя люди для строения судов по требованию его, капитана лено от Сибирской губернской канцелярии—26, от Енисейской правинцыалной канцелярии—117 да кузнецов 15 человек. А для перевозу

матриалов и людей до Якуцка оставлено им, капитаном Шпанберхом, барок 3, дощеник 1, лодок с палубою 1.

11.

Правианта где сколко надлежит приготовить, о том при сем сообшается регестр. (л. 146 об.)

На 11.

По прибытии в Таболск капитан Шпанберх, где сколко надлежит приготовить правианта, подал в Сибирскую губернскую канцелярию ведомость, на которое и получено им ответствие, о приуготовлении де морскаго и сухопутного правианта (л. 146 об.) в Енисейск, в Ыркуцк, в Якуцк посланы послушные указы и велено от Енисейской правинцыалной канцелярии отправить до Илимска правианта до 2 000 четвертей, а отправлено токмо 1 200 четвертей, но и тот до Илимска в том 733 году не довезен, також и что о заготовлении оного правианта Иркуцкая правинцыалная канцелярия ответствовала, о том против пункта 5 показано.

12.

Вам же сообщается регестр, сколко в которую экспедицию назначено морских и адмиралтейских служителей, на которых надлежит правиант заготовлять, також и из сибирских городов (л. 147) сколко определено мастеровых людей для строения судов, и всех, как артилерных, так и о протчих припасех и которые надлежат заготовлять на Демидовых сибирских заводах, и в протчих сибирских городех, которых, по объявленной росписи, где пристойнее изволте требовать, дабы все то благовремянно заготовлено было.

На 12.

Мастеровых людей по требованию ево, капитана Шпанберха, отправ- Шпанберха, отправлены, а артилерных и протчих припасов откуда надлежит требовал, о чем против 2 и 10 пунктов показано. (л. 147)

13.

Хотя в росписи, данной вам, написано на пакет боты четырех-фунтовых пушек сделать на Демидовых заводах 12 и к ним станков (л. 147 об.) и ядер и протчих припасов по препорции того калибера, а по указу из адмиралтейской колегии определено вместо четырех-фунтовых пушек зделать на пакет боты на оных заводах толикое ж число трех-фунтовыя пушки по настоящей их препорции к ним всяких припасов, что надлежит. (л. 148)

На 13.

По прибытии в Таболск капитан Шпанберх пушек на 2 пакет бота трех-фунтовых требовал (л. 147) от сибирского берхъамта, которые и приняты к команде.

Capitain cómmandeur Witus Bering.
От флота капитан Алексей Чириков.
Флота лейтенант Иван Чихачеев.
Styrman Swen Waxell Leutenants Rang of flotten.
Штурман в ранге от флота лейтенанта Михайло Плаутин.
Флота мастер Сафрон Хитрово.

Экстракт, учиненной на проэкт, присланной при указе из Сибирского приказу в 733 году, о подлежащем для Камчацкой экспедиции, а имянно, о строении способных по обстоятелству рек судов и о переволоках провианта и протчего в Охоцк и о утверждении в том порядков и что по оному исполнено кроме неподлежащаго по тому ж проэкту до экспедиции

1.

В проекте написано.

Понеже до сего времяни в Верхоленских пристанях для сплавки хлеба в Якуцк строивались барки, кои поднимали пудов тысяч по шти, а становились толко рублев по дватцати да плоты, на которых клалось тысячи по две пудов, а становились рублев по десяти и меньше, а илимские воеводы завели дощеники, в которых кладут толко сот по пяти пудов, а подряжают делать рублев по штидесят и больше; того ради надлежит такие дощеники к отпуску в Якуцк конечно запретить, а делать с 734 году барки, в которых бы вмещалось тысяч по шти пудов также и плоты как прежде.

Что исполнено.

Построено было при команде экспедичной барок капитаном Шпанберхом в 734 году семь, капитаном же Чириковым в 735 году — три, ценою стали восемь по двадцати пяти рублев по пятидесяти копеек, две по тридцати шести рублев по 57 копеек. Барка грузу подняла от 4 тысяч до 5 300 пуд и оныя барки хотя и менше 6 тысяч пуд грузом были, как по проэкту показано; однако ж усмотрены, что и такия за тягостию их, понеже очюнь велики и ходят в воде глубоко, весьма неспособны и провиант сплавливать на них опасно, ибо построенныя Шпанберхом многожды становились на мелях, а одна барка, плыучи к Якуцку, на мель так стала, что и стащить не могли и для того принуждены были выгружать и на мелких судах к Якуцку переправлять. И за такою неспособностию капитан командор Беринг с протчими следующими во экспедиции офицерами со общаго согласия, барки отрешили, а велели строить в Верхоленских пристанях для сплавки провианта в Якуцк плоты, на которые можно б было положить пудов тысячи по две и по полтретьи на плот, понеже и впредь в барках способу быть не признаватца, кроме опасности и казеннаго убытку, а плоты в том надежны, что безпрепятственно ходят, а ценою становятся и дорого, рублев по 10, а иногда и менше, и в Якуцку они даром не пропадают, но употребляются на строение и на починку магазеин, и на протчее надобное строение удобны, а когда в таком строении нужды нет (л. 149), то продаются ис казны посторонним людям

рублев по 5 и по шести плот, понеже покупают их и на хоромное строение, потому что такого лесу годного на строение близ Якуцка не имеется. А барки в Якуцку, кроме дров, ни на что не годятца, и для того продаются иногда дешевле и плотов, и о том в Ыркуцкую правинциалную канцелярию от капитана командора Беринга писано в 735 году ноября 3 дня и после того с 736 году и поныне с Верхоленских пристаней в Якуцк сплавливают правиант на плотах.

2.

В проекте.

Для охоцкого отпуску строить лехкие суды, которые подняли б пудов тысячу грузу, опричь служилых людей, правианта, ибо болшими судами Алданом, Маею и Юдомою реками подыматца трудно, а инде и невозможно; к тому ж такие малыя суда лета 4 и болше служить могут, а надобно их хотя б по 5 тысячь четвертей в год к Охоцку отпускать толко сорок судов, и пропускать их, не задерживая, прямо Леною до Алданского устья, а от устья Алданом, Маею и Юдомою реками вверх по тех мест, пока мочно с полным грузом судам иттить, и усмотря место, зделать тут пристань и магазеин, где привезенной хлеб сложить немедленно, а суды, нимало не задерживая, отпускать попрежнему в Якуцк, а из Якуцка не останавливая отпускать в те верховыя места (л. 149 об.), где весною нагружались, кои могут поспеть в сентябре месяце, и так впредь всегда к раннему вешнему отпуску готовы будут без потеряния времени и казенного напрасного росходу; служилых ледей в работу надобно на каждое судно по 15 человек.

И такими судами все тягости и припасы для экспедиции удобно до Юдомской пристани отвозить, а от Юдомской пристани Камчацкую зборную казну, також и в Якуцке заранее казну заготовлять и оными ж судами вверх отвозить, а не нарочныя особливыя суды под тое казну с напрасным казенным убытком и с напрасным же служилых людей расходом посылать.

Что исполнено.

Для онаго отпуску построено на Лене при Ускуте и в протчих в Верхоленских местах и при Илге реке дощеников, ими ж капитанами Шпанберхом в 734 — один, Чириковым в 735 годех — 24, ценою обошлись в отделке построенные капитаном Чириковым каждой по 26 рублев по 97 копеек и из оных дощеников один Шпанберхов за великостию неспособен был и затем в Якуцку продан, а ис протчих 24-х в 735 году 14 дощеников по отправлении из Якуцка с лейтенантом Дмитреем Лаптевым едва до Майской пристани, где оной реки имеется устье, дойтить могли за препятствием от мелкой воды; чего ради для облегчения судов принужден был, не дошед до Майской пристани, на Алдане реке (л. 150) на Белской переправе згрузить с них несколко сум с правиантом, понеже без выгруски с полным грузом от той Белской переправы за мелководством тогда он, Лаптев, иттить опасен был, и те дощеники от Майской пристани назад до Якуцка порожжия возвратились, клади было от 700 до 900 пудов на

судне, кроме провианта, работных людей, грузом шли в воде на 3½ и на 3¼ фута, в работе было людей по 20, по 22 и по 24 человека на судне. А в 736 году ис тех же 24-х 11 дощеников, отправленныя с лейтенантом Свен Вакселем, дошли из Якуцка с полным грузом до того Майского устья, а 4 с штурманом Андрис Эзельберхом, и по Мае до устья Юдомы реки дошли ж и назад до Якуцка возвратились одним же летом, понеже во оном 736 и после в других годах такого маловодствия и препятствия, как в 735 году случилось, уже не было. Клади гружено на оныя дощеники от 700 же до 900 пудов на судно, людей в работе было по 24 человека, по которому числу весма быть надлежит, а 15 человеком судна не толко с таким грузом, как по проэкту показано, чтоб класть по 1 000 пуд, но и дощеника с помянутым грузом, с каким при экспедиции ходили вверх по рекам, тащить не можно. А болше того дощеников в тех годах отправить было не можно за умалением работных людей, что на все суда многова числа недоставало, понеже на мелкоходныя суда для перевоски до Юдомского креста определены были, а иныя разбежались. К тому ж тогда отправлено было из Якуцка на два морския судна на бот да на дубель шлюпку к Ленскому устью с провиантом в 735 — 4 дощеника, в 736 годех — 3 дощеника да одно судно из мелкоходных, и на них для (л. 151 об.) сплаву туда и возврату их в Якуцк немалое число определено было работных людей и с ними и из экспедицких служителей были ж.

Да и после того по отправлениям от Якуцкой канцелярии из вышеписанных дощеников, кои в удобное время отправлены были также до Майской пристани, а иныя до Юдомского устья с провиантом доходили, а которыя поздо отправлялись, те замерзали на Алдане реке.

А зборная ясашная казна, о которой в проэкте показано, на вышеписанных судах в бытность их во экспедичной каманде не отвозилась, понеже о перевоске на них камчацкой казны в Якуцк бывшей охоцкий камандир Писарев не требовал, а перевозил на своих судах, а из Якуцка оная и зборная ж в Якуцку ясашная казна отвозилась вверх от Якуцкой воеводской канцелярии на особливых дощениках, как и прежде бывало, для того, что экспедичныя суды из Якуцка вверх не посыланы были, а зачем — о том предложено ниже в 3 пункте, да и отправление такой зборной казны из Якуцка бывает толко по одному дощенику в год, а и много что два, и то ретко случитца.

3.

В проекте.

Пристань Юдомскую (о которой во втором пункте показано) в таком месте изобрать надлежит, где б можно бы поселению людскому и доволству в скотопастве, ибо по реке Юдоме таких мест доволно, лесу сосноваго и елового отчасти есть, хотя в реке мало рыбы, однако ж имеются озера рыбные.

И от той Юдомской пристани для перевозу до Креста иметь особливыя суда, которые подымали б сот по пяти пудов, кроме служилых людей, провианта ж и теми судами с весны раза по два и по три лехко возвращатца могут, потому что останется разстояние невеликое, верст не з болшим 300, толко мешкают в малую воду в двух местах мелкия пороги, которые со времянем, когда росчистят, то пятью и ше-

стью обратятца суды, а зделаютца они хотя и служилыми людми, однако ж станет например в 60 рублев, служить может лет пять, а годом трижды оборотяца, и тако отвезет 1 500 пуд, служилых людей надобно человек 10.

И для того перевозу суды надлежит зделать тут же на Юдоме реке, потому что лесов доволно и смолу сидеть могут, токмо одна пенка потребуетца с Верхоленских пристаней, а железо из Якуцка, пока там по близости железо ковать станут. (л. 151 об.)

Что исполнено.

Юдомской пристани изобрать негде, понеже к поселению людскому и удоволствию в скотопастве по Юдоме до самого Креста нигде удобных мест не имеется и судов на Юдоме, хотя лес и есть, за далностию и за пустотою строить весма неспособно, а строены для ходу по Юдоме мелкоходные суда сначала в Верхоленских и в протчих тамо местах, а после на Майской пристани и в Якуцку, где весма способнее, да и нужды Юдомской пристани для приставания судов как по опробации перевоски усмотрено уже не было, для того, что болшими судами, которыя по проэкту показаны, по Юдоме ходить не можно, понеже и дощеники доходили сперва до Майской пристани, а и после толко до Юдомского устья. А мелкоходныя суда отправляемы были от Юдомского устья, а болше от Майской пристани и проходили прямо до Юдомского креста и назад до Майской пристани возвращались, а иныя мелкоходныя суда и из Якуцка на проход до Креста ходили, кроме 735 году, в котором не дошли до Юдомского креста, и те остановились не в удобных местах для пристани, одни только за 25 верст до Юдомского креста, а другия уже весма от Креста далеко, а от Май реки близко, толко с 30 верст по Юдоме шли, где и пристаням быть не надлежит. А понеже хотя дощеники доходили и до Юдомского устья, при котором и магазеин построен, токмо главная пристань как тем дощеникам, как и мелкоходным (л. 152) имелось при устье Май реки, где болшия и магазеины и жилье на первой случай в 735 году построено, понеже сначала перевоски во оном в 735 году те дощеники с трудом великим и до Майской пристани дошли, и потому неизвестно было, что могут ли они и впредь до того Юдомского устья доходить, и до того болшее отправление было правианта и протчего на мелкоходных судах от той Майской пристани, где те суда и зимовали, да к тому ж и места около оной пристани к жилью весма удобныя, чего ради и крестьян 5 семей в 736 году поселено, от которых экспедиции и Охоцкому правлению в подводах нужным посылкам есть способ.

Вышеупоминаемых мелкоходных судов для перевоски до Креста правианта и протчего построено капитаном Шпанберхом в 734 году на Ускупе лодок с палубами — 8, капитаном же Чириковым в 735 годех там же и в верхоленских местах и при Илге реке мелкоходных двух обрасцов с палубами ж остродонных — 43, в том числе 10 судов по посланной от капитана командора Беринга мадели, которую зделал обретающейся во экспедиции лейтенант Валтон, ценою обошлися Чирикова строения каждое по 11 рублев по 7 копеек.

На Майской пристани построено одними экспедицкими плотниками без найму посторонних в 735 году (л. 152 об.) — 10, в 736 — вновь 6, да застроенных в 735 годех достроено 5, в Якуцку в 737 году такими ж плотниками — 3, всего мелкоходных судов построено было 75.

Да для обрасца одно судно куплено в Якуцку, дано 25 рублев, против которого помянутыя суда в 736 на Майской пристани вновь 6, а в 737 годех в Якуцку 3 построены.

Из оных капитана Шпанберха лодки все за великостию их по Юдоме реке ходить не годны: ибо он Шпанберх на 7 судах из Якуцка пошел с камандою в 734 году июня 16 числа с таким намерением, чтоб конечно того лета дойтить до Юдомского креста, токмо не дошел, но остановился сентября 4 числа на Юдоме в урочище, называемом Щеках, разстоянием между Юдомского устья и Креста на половине пути, и в том месте те суда замерзли, и затем болше того они к перевоске не употреблялись.

А ис протчих судов сперва в 735 году отправлено было три партии, первая из Якуцка с лейтенантом Егором Ендогуровым строения капитана Чирикова 41 судно, дошли по Юдоме до зимовья Горбова именуемого по речке Горбей, разстоянием от Юдомского устья верстах в тритцати. А партии от Майской пристани с штюрманом Михаилом Щербиным да с шипором Иваном Белого на построенных на той Майской пристани 10 судах, дошли по Юдоме ж до зимовей Сокоревских называемых по речке Сокоревке, разстоянием до Креста за дватцать за пять верст (л. 153) и в тех местах за осенним временем и за мелководием остановились и возвратились порожния к Майской пристани. Клади было в них — у Ендогурова по 180 пуд в грузу, шли на два и с четвертью, на два фута, в работе людей было по 9 и по 10; у Щербинина и у Белого — клади по 200 пуд в грузу, шли на 19 на 20 и 21 дюйм, в работе людей было по 12 человек на судне.

А после того 735 году, как и по той реке водяной путь опробован же и в порядок приведен, то хотя по ней обыкновенныя и всегда имеются людем трудности, а судам в ходу препятствии от подымания их чрез порог и частыя шиверы, також и от маловодствия, однакож те мелкоходныя суда (опричь построенных по маделе) в 736, в 737 и в 738 годех не токмо от Юдомского устья, но и от Майской пристани ко Кресту доходили и от Креста, по выгруске из них клади в магазейны, возвратно к Майской пристани сплавливаны по однажды, а болше и по 2 раза одним летом, а 3 судна, которые строены в Якуцку и прямо из Якуцка в 737 году дошли до Юдомского креста и назад до Майской пристани тем летом сплавлены ж; клади грузили по 200 и по 250 пуд, в работе людей было по 10 и по 12 человек, в том числе на те суда, что в Якуцку куплено и которые против его образцом строены, грузили в 735 и 738 годех около 500 пудов на судно, и оные суда способнее других, кои строены в верхоленских местах, потому что клади поднимают болше вдвое тех судов, а до Юдомского креста они хотя в малую воду на мелких местах и на порогах по несколку правианта и выгружают, однако ж (л. 153 об.) доходят как и протчия малыя суда, кои поднимают по 200 и по 250 пуд, благополучно ж с полным грузом, понеже тот правиант, которой на порогах и на мелких местах для облегчения судов выгружаютца, паки на те суда по прошествии таких мест грузица, токмо работных людей было на них по 20 человек на судне и по толикому числу, а по крайней мере, что по 18 человек конечно быть подлежит. А 10 человеком такого судна, которое поднимает по 500, как по проэкту показано, вверх по Юдоме реке, кроме болшаго порогу да подпорожья за быстротою и за частыми чрез шиверы подъемами, и около кос обводами, також и чрез мели в

малую воду перетаскиванием вести и до Юдомского креста одним летом доходить им весма невозможно, понеже Юдома зело необстоятелна, и судам в ходу препятственна, в летнюю пору, когда дожди великия идут, из берегов выходит и разливаетца на многие протоки и глухия заливы, что и настоящаго речного ходу с трудом ищут, и случаетца иногда, что и в глухия заливы суда заходят, ибо весма островиста, а когда дождей нет, мелка находитца, что в ыных местах воды бывает толко фута на два и на полтора, а весма быстра, а паче где косы; ктому м имеютца по ней частые шиверы и один порог да подпорожье, и вся оная состоит на мелких каменях и против такой быстроты и понеже суда дном часто по мелким каменьям трутца, а идут по Юдоме немалое время, весьма трудно 10 человеком судно тащить и с малым грузом, а с таким чтоб по 500 пудов и не можно, и опричь порогу и знатных шивер и самых мелких мест, чрез которые одно судно, собрав работных людей з двух и з трех и з 5 судов, смотря по месту, ан ыном и всеми людми сколко их случитца, поднимают и перетаскивают, а бес такого труда обойтитца не можно.

А 10 судов, кои строены по маделе, еще по первой опробации в 735 году, явились по Юдоме реке ходить неспособны и затем оставлены. А что они строены другим образцом, а не тем, которые в Верхоленских же местах протчия 33 судна построены, и то для того, что тогда еще неизвестно было, какия из них по Юдоме ходить будут способнее, и того ради капитан командор, изыскивая лутчих способов, велел и по той сделанной лейтенантом Валтоном моделе суда строить для усмотрения впредь, которые лутче будут, и к тому еще и иным образцом одно судно (о котором выше упоминаетца) в 736 году в Якуцку им, капитаном командором, куплено у купецкого человека, которое строил про себя для сплавки толко Леною до Якутска своего хлеба и протчаго на продажу, а как усмотрено по опробации экспедициею водяного ходу Юдомы реки, что то судно и по Юдоме реке ходить способнее еще и протчих мелкоходных суднов, то приказал он, капитан командор, строить суда обрасцом против того купленого судна, понеже на судах такова обрасца довозят до Юдомского креста и по 500 пудов одним же летом.

А которые суда ж по проэкту показаны строить для Охоцкого отпуску, чтоб поднимали грузу пудов по тысяче, и пропускать прямо Леною рекою до Алданского устья, а от устья Алданом, Маею и Юдомою реками по тех мест, пока можно с полным грузом итить, и такия суда по Алдану и по Мае рекам ходить могут, токмо не всегда с таким грузом, понеже и дощеники, построенныя при экспедиции могли б поднимать по 1 000 пудов, точию такого грузу не полагалось затем, что и оныя реки не всегда в одном состоянии бывают и хотя доволно опробованы, но подлинно на форватере их утвердитца не можно (л. 154 об.), потому что год на год не придет, и грузить по столку опасно было, ибо в 735 году, как лейтенант Лаптев (о котором выше во втором пункте предложено) шел на дощениках, в коих клади было и менше 1 000 пуд, и в грузу шли фута на 3 с половиною и с четвертью, и тем в самую летнюю пору в ыюле месяце от маловодствия многия по Алдану чинились препятствии, и к такому месту пришли, что в самом судовом ходу глубина была воды на 3 фута, где принужден был выпружать из дощеников грузу по половине, и чрез то место перетягивались, и, шед 3 дни, пришли к двум мелям, ис которых на одной глубины 3½ фута,

и чрез оную також перетянулись, а на другой того ж дни пришед, не успели перетянутца, то чрез ночь менше 2 фут воды стало. И сыскав неширокую косу, перекопали и, выгрузя суда, перетаскивали, а 28 числа того июля прибыло воды в 12 часов фут около 10, и тою водою, хотя во многих местах трудно было от протоков и быстрых кос, однакож шли августа по 2 число, а с 3 по 6 число так воды много прибыло, что отняло весь бечевник, и семь дощеников стояли на одном месте 3 дни. И когда вода от дождей прибывает, тогда великия разливы бывают во многия протоки и, смешавшись с песком, весма быстро течет. И пришед он, Лаптев, к Белской переправе, опасаясь впредь мелких вод, сложил с тех дощаников 1 200 сум с мукою и оттуда пришел к Майской пристани 22 числа того августа месяца, а от Юдомского устья по Юдоме реке такими большими судами ни до которого места за мелкостию и за быстротою итить не можно, понеже для ходу по оной реке (л. 155) и не такия суда экспедициею построены, штоб по 1 000 пуд поднимали, но только и болшия, как уже перевостка устанавилась, нагружали около 500 пуд, и те от самого Юдомского устья с трудом по ней ходят.

А что сочинитель того проэкта показал, что помянутыя суда, кои поднимать будут по 1 000 пуд, могут де от Юдомской пристани в верховыя места, где они весною нагружались, поспеть в сентябре месяце и также впредь всегда к раннему вешнему отпуску готовы будут без потеряния времяни и казенного напрасного расходу, тому статца невозможно, чтоб одним летом и до Майской пристани из Якуцка доходить и оттуда в Верхоленские пристани возвращатца, понеже дощеники по возвращении их от Майской пристани и в Якуцк приходили в сентябре месяце уже в самое осеннее время, в котором месяце и по Лене реке шуга бывает, а в октябре и лдом становитца, а весть надобно вверх бечевыми, а разстояние от Якуцка не ближнее, и до Ускутского острога одною Леною рекою около 1 600 верст, а от оного острога до тех верхоленских мест еще несколко верст останетца вверх же иттить, и ежели б их посылать, то б они на дороге по Лене реке в далном от верхоленских мест разстоянии замерзали, и в другое лето туда доходили б, а к вешней сплавке правианта никогда б не поспевали, ибо по разполении воды (л. 155 об.) рано итить нелзя, затем что полою водою бечевники отнимает. А тех судов как в верхоленских местах для сплавки на них правианта в Якуцк, так и в Якуцку для отправления их с тем правиантом к Майской пристани принуждено б было по всягодно дожидатца, и тако сплавка на них из верхоленских мест и отправление им из Якуцка было б очюнь поздое, всегда б со многим упущением удобнаго времяни, и до Майской пристани они одним летом уже не доходили б и не можно, отчего всегда б терялся целой год напрасно, и для того тех дощеников из Якуцка в верхоленские места и не посылали, а велели для сплавки в Якуцк правианта делать плоты, о чем представлено в первом пункте.

А для перевоски из Якуцка о строении судов от капитана командора в Якуцкую воеводскую в 738 октября 31, в Ыркуцкую правинцыалную канцелярии в 739 годах марта 12 чисел и требовано, чтоб вышеписанныя отданныя от экспедиции суда Якуцкой канцелярии осмотрить, ежели из них явица которые в перевоске правианта ненадежны, то б вместо тех строить вновь мелкоходныя суда против купленого в Якуцку, кое поднимает по 500 пудов, також и дощеники таким же обрас-

цом, каковы при экспедиции построены были, и что к тому заготовлять надлежит и где и о содержании при той перевоске надлежащаго числа работных людей и о удовольствии их денежным и хлебным жалованьем и об отправлении провианта в удобное время и о поставке повсягодно к Юдомскому кресту сполна, обстоятелно в Ыркуцкую канцелярию сообщено и требовано ж, чтоб об оном о всем в Якуцкую канцелярию подтверждено было указом, дабы оная Якуцкая канцелярия (л. 156) без отговорки и без упущения исполняла. Також и ко обретающемуся в Якуцку от флота лейтенанту Ларионову, о том послан экстракт со обстоятелством же, дабы он ведал, что Якуцкой канцелярии до экспедиции исправлять и в чем ему оную понуждать надлежит, и по коликому числу морскаго и сухопутного провианта на команду капитана командора и капитана Шпанберха в Охоцк и на Камчатку ставить надлежит объявлено, а имянно муки и вместо сухарей и на квас мукою ж по 10 000 пудов, круп яшных и за горох за неимением оного крупою ж по 2 600 пуд на каждый год, покаместь экспедиция в здешних местах пробудет, ис которого провианта и отправленного на боту из Ленского устья для проходу на Камчатку лейтенанта Лаптева с командою, ежели сюда будет, удовольствовать можно.

А во ответствии от Якуцкой воеводской канцелярии в 739 году апреля 22 числа показано, что 9 дощеников по осмотру в 738 году явились ветхи и к перевоске ненадежны, и для того де о строении в верхоленских волостях таких же дощеников писано ис той Якуцкой канцелярии в Ыркуцкую правинциалную канцелярию. А для де перевоски до Юдомского креста определила оная Якуцкая канцелярия построить в Якуцку ис приплавленного с провиантом плотоваго лесу вновь 30 мелкоходных судов, которых несколко и построено и отправлено было прямо из Якуцка к Юдомскому кресту, в 739 году — грузу в них было по 500 и по 510 пудов, работных людей на каждом по 18 человек, и ис тех судов 14 до Юдомского креста дошли и оттуда порожжия в Якуцк возвратились в том же году, а 5 судов дошли толко до Майской пристани, понеже они отправлены были из Якуцка позже тех 14 судов, а именно июля 10, а 14—июня 23 (л. 156 об.) чисел, к тому ж и за великою водою також и за побегом многих работных людей, о чем от Якуцкой воеводской канцелярии, промемориею х капитану командору объявлено.

4.

В проекте.

От Юдомского креста для перевозу в Охоцк, которого разстоянием менее 200 верст, надлежит на пути, переехав Урацкой хребет, у реки Ураку в урочищах Горях или где лутчее и ближе найдетца, потому что имеютца и [к] скотопастьву травы и к пашне земли и места по Ураке реке хорошия, обселить переведенцев из сылошных несколко дворов по разсмотрению Писарева, наградя при первом случае хлебом и лошадми, о чем и в указе 731 году к нему было писано.

И теми поселеными впредь как обселятца при первом случае служилыми людми, дав им казенных лошадей, перевозить зимою з генваря месяца, как снеги установятца, разве что нужное, то летом вьюками, ибо на телегах и роспусках ныне, затем что еще дорога не зделана, ездить нелзя; к тому ж летом малыми судами и Ураком спускатца до

Охоцка прибылыми дождевыми водами, а весною всегда, и тако останетца между Юдомским крестом и реки Урака сухова перевозу верст с 40.

И понеже до Юдомского креста всякая кладь может доходить последняя в осеннее время, то без далной трудности можно, наделав саней, перевозить на Урак зимним (л. 157) путем к тому месту, где назначено будет селитца, а разстоянием будет до Гарей верст с 60 и можно зимою лехко десятью одной лошади оборотитца, а на лошадь хотя по 15 пуд класть, вести может.

Что исполнено.

Для перевозу от оного Юдомского креста в Охоцк, которого разстоянием летнею дорогою 220, а зимнею 251 верста 150 сажен, по пути у реки Ураку и нигде до самого Охоцка из русских никто не поселены, а поселено было несколько якутов, и те, немного пожив, разбежались. Травы по Ураку реке имеются, а к пашне земли хотя и есть, токмо не во многих местах, да и то ненадежно, чтоб там и в приближних к Охоцку местах хлеб родился за холодным и мокрым воздухом, понеже бывшей Охоцкой командир Писарев х капитану командору Берингу сообщил, что в 733 году для пробы несколко и ярового хлеба посеяно было и рос нарочито, токмо и тот до морозов созреть не мог и побит зеленой морозом, что подлинно статца может, потому что воздух мокрой и студеной, и от Охоцка что далее к Юдомскому кресту, то ранее снеги выпадают, и стужа становитца.

Санной перевоски не учреждено, и дорога не зделана, и бывшей Охоцкой командир Писарев, на которого перевоска от Юдомского креста в Охоцк экспедичного правианта положена, ни в какую перевоску того правианта собою не вступал, а когда и вспоможение в том чинил, и то уже с великими оговорками (о чем на него Писарева от капитана командора в правителствующий сенат и в адмиралтейскую колегию (л. 157 об.) репортовано и в Ыркуцкую правинцыалную канцелярию писано было), того ради принуждены были и в тое перевоску вступитца и исправлять экспедициею ж, а имянно:

В 735 и 736 годех зимним времянем вышеписанной в третьем пункте завезенной на судах в 735 в Сокоревския зимовья и в 736 годех к Юдомскому кресту правиант перевозили ис тех мест на Урацкое плотбище и в Охоцк служители нартами на себе, тако ж в 736 году и на присланных от Скорнякова — Писарева лошадях вьюками по пяти пуд.

А к 737, 738 и к 739 годам к перевоскам от Юдомского креста завезенного на судах же правианта требовал капитан командор Беринг лошадей от Якуцкой воеводской канцелярии по 200 и по 300 на год, понеже Писарев от лошадей отказал, а к 740 году, понеже определенным в вояж ему капитану командору Берингу судам во оном году построитьца уже надежно было, того ради для поспешения в перевоске от Креста в Охоцк правианта по удоволствию в вояж, чтоб затем еще в Охоцку не остатца, требовал от Якуцкой канцелярии 500 лошадей, и на оных в тех годах правиант от Креста летом вьюками ж, а зимним времянем на оленях, коих капитан командор по многим требованиям своим и посылкам от Писарева едва получить мог, а имянно в 738 году — 25, в 739 да в 740 годех в разных месяцах 128 аленей, також и экспедицкия служители на себе ж нартами на Урац-

кое плодбище (откуда Ураком сплавка была разстоянием от Креста зимнею дорогою 72 верст, о чем ниже предложено) тако ж и прямо в Охоцк для пропитания бывшим у строения морских судов и на карауле и у протчих (л. 158) работ служителем же возили по 5 ж пуд, понеже одними лошадми и аленми без нартеной людми перевоски исправитца неможно было, ибо ис помянутых аленей много худых было, и за тем они не во все зимнее время у перевоски были, но иныя однажды по правиант сходили толко, от Урацкого плодбища до Охоцка посланы обратно к нему Писареву, а тяжелыя припасы и матриалы перевозили от Креста на то Урацкое плодбище все людми, понеже на аленях возить за великостию их неудобно, а и лошадми хотя и зачал было капитан Чириков в 736 году от Креста перевозить зимою на санях на три судна капитана Шпанберха якори да 2 пушки, которые тою зимою и перевезены были до Урацкого плодбища, точию та санная перевоска пересеклась болше за неготовлением Охоцким правлением сен, что лошадей в зиму содержать и прокормить нечем, нежели за неспособностию дороги, и для того лошади отпусканы были из Охоцка осенним времянем обратно в Якуцк.

5.

В проекте.

К весне зимою заготовить на Ураке реке суда на одну вешнюю сплавку и на сплавку ж, когда в летнее время от дождей вода прибывает, и на тех судах всякую кладь сплавливать до Охоцка, а из Охоцка затем что вверх по Ураку подымать нельзя, употреблять на строение, а лесу по Ураку на строение судов доволно.

Что исполнено.

Место на Ураке реке к строению судов и сплавке на них (л. 158 об.) правианта сыскано в 736 году посланным от капитана Шпанберха лейтенантом Валтоном от Юдомского креста разстоянием в 72 верстах и названо то место Урацкое плодбище, где суда и строились, понеже ближе того места от Юдомского креста для сплавки по Ураку не находятца, а судов в построении было в 736—8, в 737—29, в 738—41, в 739—45, да в 740 годех — 47 и на тех судах тою Ураком рекою сплавлены экспедичныя припасы и матриалы и несколко тысяч правианта к устью Урацкому, которое впало в Пенжинское море, и оттуда те суда обвожены морем подле берега бечевыми в тихое время, когда на море волнения не бывает, и провожены в Охоту реку к Охоцку, где жителство имеетца, разстоянием от того Урацкого устья берегом верст в дватцать. Сплавка тем судам была по дважды летом, как и по проэкту показано, первая весною по полой воде, другая — летом, а иногда осенью по прибылой от дождей, токмо в 738 году одна вешняя, а другой сплавки не было за бездождием. Оныя суда в грузу ходят глубиною фута на полтора, клади поднимают пудов по 150 каждое, а людей на них у сплавки в работе было по 4 человека на судне; в Охоцку они употреблялись на дрова, також из них по нужде один магазеин построен, понеже оныя суда назад не возвращаютца, затем что вверх по Ураку вести невозможно; а строили их и сплавливали одною экспедицкою ж командою, толко в 740 году у сплавки было команды Охоцкого правления людей человек с 30, а при тех при всех сплавках были обер и унтер афицеры экспедицкия ж, для доброго

смотрения и лутчаго порядку, понеже оная Урак река от безмерной и непримерной (л. 159) к другим рекам быстроты и каменьев, також вешним времянем и ото лдов в великой состоит опасности, и чрез один порог спускают суда с великим страхом, и хотя при сплавках некоторая и утрата была, точию оная сплавка в перевоске от Урацкого плодбища к Охоцку не токмо тяжелых припасов и матриалов, но и правианта великая экспедиции способь, а лошадям и аленям (хотя б их полный комплет содержать, о котором ниже предложено) помощь и отставить ее не можно, понеже лошади и алени того, что водою на судах сплавитца, сухим путем от Урацкого плодбища в Охоцк, которого разстоянием слишком 170 верст, уже не перевозят, а им, и кроме того, в перевоске еще доволно труда останетца.

А что по оному Ураку ото лдов бывает предятствие и опасность, а плавят, не дожидаясь того, как он ото лдов очиститца, и то для того, что вода после лда скоро збывает, и ежели затем умедливать и дожидатца, как лед очиститца, то за мелководием сплавить судов уже нельзя будет.

И о строении и впредь на том Урацком плодбище судов по 60 повсягодно, и о перевоске сухим путем от Юдомского креста правианта, и о содержании для той перевоски двух или трехсот лошадей и аленей пополам, и о кошении сен, и росчищении дороги (л. 159 об.) и о протчем, что к тому принадлежит, обстоятелно от капитана командора писано в Ыркуцкую правинцыалную канцелярию марта 12 дня 739 году и требовано, чтоб о том ис той канцелярии к Охоцкому камандиру подтверждено было указом, також и ко обретающемуся в Якуцку от флота лейтенанту Ларионову о том, дабы он ведал, в чем ему того Охоцкого камандира понуждать надлежит, послан экстракт. И по оному требованию к Охоцкому камандиру из Ыркуцкой правинцыалной канцелярии о перевоске правианта и о учреждении к тому подлежащаго с крепким подтверждением указ прислан, також и от лейтенента Ларионова о том же подтверждено.

А прошедшаго 740 году августа 19 дня во ответствии х капитану командору Берингу от Охоцкого камандира Антона Дивиэра объявлено, что в нынешную де зиму при Охоцку для перевоски правианта лошадей более 30 за неготовлением сен содержать невозможно, а впредь будущих де годов в зимы можно содержать (л. 160) лошадей по 50 для летней перевоски, а для зимней — как во оную зиму, так и впредь будущия годы по 300 аленей.

Capit: commandeur Witus Bering.

От флота капитан Алексей Чириков.

Флота лейтенант Иван Чихачев.

Styrman Swen Waxell Leutenants Rang of flotten.

Штурман в ранге от флота лейтенанта Михаил Плаутин.

Флота мастер Сафрон Хитрово.

Примечание:

Для лучшего ознакомления с главнейшими географическими пунктами, которые упоминаются в донесениях Беринга, прилагается снимок с одной из карт XVIII в. (ГАФКЭ, № 10а) разм. 64×68 см. На ней мы находим следующие записи: 1) На левой стороне в нижнем углу: «Сочинял по малому смыслу по-

Ледяное: море:
Медвежьи острова
Чукчи
Анадырское: море:
Юка
Юка
Ламутки
Оленьны
Море
Камчацкое:
Море:
Охоцкое:
Сахалинъ
Америка сыскана
Карта:
Уезду города
Якуцка
Земли Камчаки
Около лежащими
местами
Ичаръ Америки:
Маштапъ

следней от человек казачей подпрапорной...». Продолжение записи стерто; 2) «Земля усмотрена в 748 году июля 13 дня во время морского путешествия, учиненного из устия реки Анадыря к Берингову острову и Камчатке купцами Новиковым и Баховым, а от партии Анадырской подпрапорным Переваловым».

Итак, перед нами карта, сделанная около 1750 г. Переваловым; следовательно, она была сделана вскоре после Беринга. Ее составитель, как видно из самой карты, хорошо был осведомлен о путешествии Беринга и Чирикова к берегам Америки. Он нанес пунктиром весь морской путь этих мореплавателей и тем самым доказал, насколько важным явлением того времени была вторая Камчатская экспедиция Беринга.

Не лишено интереса и то, что, несмотря на все строгости, принимаемые тогда правительством с целью сохранить в тайне результаты этой экспедиции, они все же стали известны сибирякам. Несмотря на то, что в 1743 г. экспедиция официально была объявлена закрытой и участникам ее «в морские вояжи ездить не велено», сама жизнь настойчиво диктовала необходимость дальнейших разысканий, дальнейших «освоений», мало известных «новых путей».

Во всей колонизаторской политике царизма в то время особую трудность представлял вопрос снабжения, в особенности продовольственный. Уже из опубликованных в «Красном архиве» отчетов Беринга видно, что вопрос о завозе продовольствия в те края, вопрос о путях сообщения, поглощал чуть ли не главное внимание Беринга и его спутников. Официальное прекращение Камчатской экспедиции, конечно, не снимало с очереди продовольственного вопроса. Хлеб нужен был и для Охотска, и для Камчатки, и для всей северо-восточной линии сибирских острогов и поселков.

Весь крайний северо-восточный угол материка, заселенный немирными чукчами, не признававшими власти русского царя и стойко боровшимися за свою самостоятельность, был областью «иностранства», в которой правительству нужно было содержать русские отряды. — Опять возникал вопрос о путях сообщения. Этот военно-феодальный дух того времени находит отражение и в прилагаемой карте, где читатель увидит следующие обозначения: «Тракт майора Павлуцкого на неприятелей чукочь в 745 году». В связи с карательными экспедициями против местного населения вставал вопрос об использовании морских путей и для переброски отрядов. «Охотская канцелярия, — читаем мы в документах той эпохи, — представляет, что по мнению ее за наилучшее признается... на бунтовщиков и изменников наступать походом на судах морем; хотя и с трудом легчае б было против сухопутного походу их искоренить и смирить».

Эти две причины и побуждали продолжать «освоение» морских путей. Кроме того здесь выступают аппетиты купцов, которые с жадностью бросаются на дело, обещавшее им верные и огромные барыши. Одна купеческая кампания была организована купцами Новиковым и Баховым. Вот что говорят об этом официальные документы: «Правящий в Анадырске в партии за подпрапорщика казак Тимофей Перевалов и с ним якутские купцы Семен Новиков с товарищи, по желанию их, отправлены на их собственных судах в 1748 году мая 30 дня для описи и проведывания морем нового пути из устья реки Анадыра до реки Камчатки, и велено ему, Перевалову, по прибытии в Анадырск объявить тому пути описи и чертеж, ибо ежели оный морем путь будет проведен, то из Якутска в Анадырск на партию способнее будет ставить провиант. И оный де казак и купцы в 1749 году августа 14 числа на Камчатку прибыли и объявили, что будучи они от Анадырска к Камчатке в морском вояже и у большого острова, где прежде Берингово судно разбило, от великих ветров судно их разбилось и затем сделали другое судно, на коем и прибыли на Камчатку» («Материалы для истории русского флота», т. X, стр. 165).

Автор прилагаемой карты сам побывал на Командорских островах, подобно Берингу потерпел крушение, подобно спутникам Беринга спасся оттуда; он хорошо знал совокупность местных условий того времени — уже по одному этому карта является любопытным документом, дополняющим показания Беринга и его спутников.

О земельном вопросе государь высказал примерно то, что осуществляет А. В. Кривошеин, о котором тоже отозвался очень сердечно, как о прекрасном человеке.

Хорошо отозвался он также о Столыпине, когда речь зашла о правительстве.

Очень тепло отозвался о покойном В. А. Грингмуте, однако все-таки считает наиболее оказавшим услуг союз русского народа. Лично о Дубровине не упоминал.

Высказал государь надежду, что все устроится и, если будут еще вероятные вспышки, то все же восторжествует здравая русская идея.

Эти речи государя императора перемешивались с моими в общем разговоре.

Я высказал государю, что, возвращаясь к публицистике, служу ему не только не меньше, но больше чем на службе, где был более связан дисциплиной ведомства. Я служу ему, потому что служу народу и богу, и не умею различать в своих идеалах разницы между этим, ибо служу богу, который русскому народу[1]... царя. Я в развитие этой мысли высказал, что необходимо некоторое исправление основных законов, которые очень затемнили понятие о верховной власти и о действии в порядке верховного управления. Особенно важно сделать это до воцарения наследника цесаревича, ибо он, государь, может еще изменить и сказать: «Я дал, я и исправляю». Но новому царю скажут: «Не вы дали, не можете вы и отменять». Я высказался о всей необходимости авторитета, которого нам негде взять, кроме царя. Учреждения, государем введенные, имеют законную силу, но когда верховная власть считает необходимым чем-либо исправить их действие, то это — акт верховного управления.

Точно также я сделал маленькие возражения о земельных законах в том смысле, что необходимо: 1) чтобы земля не уходила из рук крестьян, 2) сохранить достаточное количество казенных земель, 3) культурное землевладение дворянских хозяйств. Государь император впрочем высказал, что это и его мысль

Разговор продолжался, не знаю сколько времени. Прием был назначен в 2½ часа, а ушел я в 3¼. Однако начало было несколько отхвачено Фредериксом, который был у государя, так что мой разговор был менее ¾ часа, но вероятно более ½ часа.

Содержание его здесь не исчерпано. Я очень устал и не могу хорошенько всего формулировать...

По приезде в СПБ, согласно желанию Столыпина, вызвал его по телефону. и передал ему в общих чертах свой прием. По телефону же мы простились со Столыпиным, который сказал, чтобы я в случае письменных сношений посылал прямо на его имя, а по телефону — также прямо на его номер.

Все это хорошо. Но дома ждало меня письмо Нольде с рассказом о том, что московские «монархисты» говорят, что газета отдана им, я же только подставное лицо. Ах, болваны, за которыми кроются мерзавцы... Ну уж и Восторгов. Ведь, придется не давать газету в их типографию.

31 января. Суббота. Почти три недели не раскрывал своего дневника... 12 января я выехал из СПБ в Москву.

2 февраля. Получил уведомление департамента общих дел (от

[1] В подлиннике пропущено одно слово.

30 янв. 1909, № 2315), что 26 янв. я уволен от должности члена совета главного управления по делам печати с причислением к министерству внутренних дел.

8 марта. Не помню времени, когда бы так мало записывал в дневник. Не работа, а каторга, нет секунды свободной... А что толку. Как мало времени, а я уже прошел свою «эволюцию». Сначала всех заинтересовал, а потом, когда стали убеждаться, что я действительно «беспартиен», то все стали охладевать и отходить...

Кажется, факт, что меня ждет провал, и ничего я не сделаю с «Московскими ведомостями». Секрет, кажется, в том, что и нельзя ничего сделать в современной России, нечего делать. Мы, повидимому, идем к новой революции и, кажется, — неизбежно. Народ голодает, партии ожесточены, борются противоположные принципы; все, все даже частные меры власти, — как на подбор ведут к революции. Начинаешь верить в какую-то таинственную силу, играющую Россией и правительством, как мячиком.

14 июня. Воскресенье. Бельгард сообщает, что «начальство» (значит Столыпин) очень недоволен моими вероисповедными статьями. Бельгард настоятельно советует мне приехать «хоть на один день» в СПБ, где он должен со мной говорить «о разных вопросах» и приехать непременно до 24 июня (день отъезда в Полтаву)... Вот и сатана сам дергает! Перебираюсь, дела по горло, болен, — изволь все бросать и ехать в их холеру — «сечься» у начальства.

Холера в СПБ с каждым днем усиливается. В день заболевает свыше 100 человек.

Скотина этот Столыпин. Поступил прямо нечестно с вероисповедными законами, не говоря уже о колоссальной нелепости, и он же имеет бесстыдство сердиться, «гневаться» — все потому, что он — сила, он может меня съесть.

Нехорошо. Съест он меня или не съест, но мне грустно, что нравственно он в моих глазах терпит большой ущерб.

5 июля. Воскресенье. Что-то с рабочими нашими не совсем ладно у Саблина. У них между собой интрига. Союз мутит... Вчера Литвинов сообщил, что наборщик Красовский ушел сам, и неизвестно куда, не желая работать «компанией». Что-то сомнительно! Не сами ли выперли его? Это очень неприятное облачко на небе нашем: может таить в себе грозу.

21 августа. Время проходит в таком труде и суете, что не идет в голову даже побеседовать с самим собой, да и минуты нет свободной... Ясно видно: у меня нехватает сил на эту каторжную работу... Это нечто вечно рассыпающееся, вечно требующее войны настоящей, надзора, вечного вкладывания своей силы, чтобы понудить к действию других. Война с Петербургом, где мошенники не платят денег, война с конторой, с корректорами, с типографией, с сотрудниками, со сторожами, с целым светом. А для чего это? Неизвестно.

Газета не завоевывает публики. Движения подписки нет, а есть колебания: то уменьшится, то прибавится. Публика будто пробует газету и, понюхав, уходит: не нравится ей. Полугодовая моя подписка кончилась скандалом: сразу упала на 75 человек, с 1795 человек упала на 1720... С тех пор колеблется каждый месяц, и хотя возрастает, но доселе не дошла до 1795... Сейчас всего 1774... И какая жалкая цифра. У Будиловича было на тысячу больше.

Все это меня убеждает, что осенью я, вероятно, растеряю и тех подписчиков, которых имею... А уж кажется — куда еще понижаться. Я уже часто думаю, что придется ликвидировать дело или передать кому-нибудь. На мне лежит совершенно каторжная работа — редактора и издателя. Последняя особенно трудна для меня, в материальных делах несведущего. Найти же себе компаниона надежного не могу. Таких людей по заказу не сделаешь. И вот истощаешься в буквальном смысле. Конторское дело особенно тяжко по своей неведомости мне.

Вот как печально теперь мое существование! Уж какого-нибудь смысла оно совсем не имеет. России я, каков есть, не нужен, ну — и что же мне делать? Покориться ей я тоже не могу, и просто не умею...

И вот живу, неизвестно зачем, и живу — в страшном, истощающем труде, который никому не нужен и ничего не достигает. Не весело...

25 октября[1]. Ну вот, почти 1½ месяца прошло, пока я собрался заглянуть в свой дневник. Да и чего писать. День за день в труде, вечно одинаково упорном, постоянно требующем всех сил, и — сверх того, а засим — толку-то никакого.

Подписка на газету не идет, и хотя я начал очень верные статьи, но все это звук пустой. Все это я с одинаковыми последствиями для мира мог бы писать в своем, никому не ведомом дневнике. Можно бы и совсем не писать, а просто думать, лежа с папироской в зубах.

Но вот сейчас — письмо от Бельгарда. Столыпин очень недоволен моими статьями. Значит они не приносят только никому пользы, а вред мне все-таки приносят. Не совсем бесплодны.

Бельгард говорит, что мне необходимо ехать объясниться с разгневанным премьером... А у меня только что уехал в СПБ Нольде — провожать сына в кругосветное плавание. Этот Столыпин мне страшно надоел. Какого же чорта он навязал мне «Московские ведомости»? Чего он мог ожидать от меня, кроме защиты церкви и царя?

1 ноября. Воскресенье. Надо ехать в СПБ. Столыпин успел слетать в Ливадию и возвратиться в СПБ. Пренеприятная история. В сущности даже оскорбительная. Но я еще не стою твердо, очень далек от этого, и вступать в прямую ссору не расчет. Если Столыпин непременно вызывает меня — приходится подчиниться.

Беда в том, что я еще не разочаровался в Столыпине, и не могу перейти с ним на почву неискренности и вранья. А между тем — он делает очень нехорошие вещи. Свои вероисповедные глупости продолжает поддерживать. О восстановлении царской власти даже и не помышляет, а через это ведет ее постепенно к полному упразднению...

А государь? Живет в Ливадии — и о чем он думает? О чем заботится? Все вокруг него подкапывается, а он — неужели он ничего не видит? Вот умудрись тут поддерживать царскую власть!..

Забыл записать, что Бельгард после своего письма приезжал в Москву, и рассказывал мне лично о крайнем неудовольствии Столыпина... Я рассчитывал, что Столыпин сколько-нибудь пробудет в Крыму и 28 октября послал ему в Ливадию письмо, а он что-то 29-го уже оттуда уехал... 24-го я поехал в посад, а Столыпин 25 октября, в воскресенье, проехал через Москву в Ливадию. 30 октября уже был на обратном пути, а 31-го проехал через Москву в СПБ. Значит, он пробыл в Ливадии каких-нибудь два дня...

[1] Позднейшая приписка: «Кажется 23 октября, а не 25».

Что такое подписал ему государь столь важное, чтобы скакать столь скоропалительно?

20 декабря. Воскресенье. Вот до какой степени нет у меня времени: почти два месяца не прикасался к дневнику! И какие месяцы: был в Петербурге, а здесь — последние усилия добиться хоть каких-нибудь успехов...

В последнем отношении усилия бесплодны. Подписка идет очень скверно, и вся моя мечта теперь в том, чтобы число подписчиков не уменьшилось сравнительно с Будиловичем... С Будиловичем! Вот как понижен тон моих мечтаний. Объявления тоже еще в ноябре пали, и падение продолжается весь декабрь. Я в лучшем случае могу ожидать, что декабрь сбалансируется без убытка, но всего вероятнее, что будет не менее тысячи рублей убытка.

Несомненно, что я оказываюсь плохим хозяином, очень плохим и все у меня идет бестолково и убыточно. Не умею заставить работать, не умею присмотреть. Себя буквально замучил, да и окружающих, пожалуй, а толку нет, и все скверно идет.

31 декабря. До нового 1910 года осталось около трех часов. По просьбе наборщиков мы заготовили № 1 и сдали его около 7—8 часов вечера, так что они (да и мы) можем встретить новый год спокойно, не на работе.

Моя передовая в этом № 1 такова, что, вероятно, Столыпин рассорится со мной, ибо я начистоту подвожу итоги его политики.

1910 г.

1 января. Пятница. Встретил новый год строго по-семейному. Работу редакционную закончил часов в 8 вечера, по просьбе наборщиков, так что я уже в 11 часов имел № 1 «Московских ведомостей» за 1910 г.

Днем были кой-какие визитеры, хоть и мало, ну, конечно — карточки, телеграммы, в том числе от Столыпина, Кривошеина, Щегловитова, Бельгарда, митрополита Владимира... Я накануне разослал семь десятков телеграмм. Никто из этих гражданских светил однако не может быть доволен моим новогодним №, и когда получат его, то еще неизвестно, какую баталию учинят мне... А я слаб. Слаб я денежно, по добытому в 1909 г.; я слаб также и состоянием издания, так что не могу рассчитывать, чтобы оно имело даже прошлогоднюю устойчивость. Платежей в 1910 г. прибавится 20 тысяч (аренда), а доходов едва ли не убавляется. Странно: в ноябре и декабре совершенно ненормальное падение объявлений. Это удивительно тревожное обстоятельство, угрожающее 1910 году...

Читателей у меня тоже немного. Подписчиков платных к концу 1909 года было 1811 человек. А к 1 январю 1910 подписалось только 1170. Прибавятся ли хоть недостающие 700 чел. за январь. Об увеличении подписки теперь уже немыслимо и думать, и все надежды могут состоять в сохранении полученного за 1909 г. status quo...

Конечно, положение моих «Московских ведомостей» очень сложно: против меня и левые и правые. Между правыми газетами нет ни одной, которая бы меня сколько-нибудь поддерживала, и нет ни одной, которая бы мне не сделал какого-нибудь свинства («Колокол», «Русское знамя», «Вече»). Это дело конкуренции. Но самое главное отсутствие в России читателей, несколько серьезных... Сегодня Савенко (киевский)

пишет мне, что я создал «первостепенную политическую газету», и «очень жаль», что «в СПБ нет ни одной такой»... Да, это на мерку людей его развития. Но их нельзя считать и десятками. Остальным нужна только лубочная мазня, ругань, в лучшем случае «высмеивание» противников.

При таких условиях нельзя иметь подписчиков. Конечно, в «Московских ведомостях» масса недостатков, я это лучше всех знаю..., но газету не читают не вследствие ее недостатков, а вследствие той доли достоинств, которые я успел ей привить.

Если я мог (или могу) держаться, то исключительно благорасположением начальства и верховной власти. Но... вот приходится весь год возбуждать неудовольствие Столыпина, а № 1 за 1910 год, в корне отрицающий его политику, может его и совсем взорвать, и тогда — me miserum! Государь же император, вероятно, и совсем забыл меня. Уже очень, очень давно нет никаких признаков его какой-либо благосклонности...

Итак, вообще говоря, я не сделал за прошлый год никаких успехов. Когда я ехал на редакционное дело, меня провожали наградами, от меня чего-то ожидали важного, крупного. Но ничего ни важного, ни крупного я не сделал, никому не угодил, никого не привлек, не объединил, никого не устрашил... словом, потерпел — хладнокровно рассуждая — полную во всем неудачу...

Сам я лучше понимал дело и не ждал особых успехов. Но действительность оказалась, должен сознаться, еще хуже, чем я ожидал. Я все же думал, что сумею привлечь хоть тысячи три подписчиков... Какое тебе! Теперь чуть не прыгал от радости, когда их число дошло до 1000. Конечно, самое страшное то, что объявления изменяют, уходят. Будь деньги, можно бы было бороться «с равнодушием публики», и постепенно прошибить ее, усталую, поглупевшую, разочарованную... Но когда изменяют деньги — тут уже ничего немыслимо сделать.

Вот тут и спрашивай себя: что год наставший нам готовит?

Мне-то, пожалуй, не страшен никакой провал и даже никакая участь. Не только не гонюсь за славой, а подчас равнодушен и к жизни. Страшно только за семью. Как бы их не увлечь за собой в гибель! А Россия? Что же мне с ней делать, если она хочет покинуть богом благословенные пути, или если даже она просто глупа и изгадилась? Она, эта Россия, мне всю душу вывернула, лишила всякой охоты жить и работать... Что я могу сделать с десятками миллионов? Я не Моисей. Меня, вижу, не бог призывает, а только царь да Столыпин, думавший, может быть, купить и держать в руках... У меня нет силы, ничего не могу я сделать с этой Россией. Моя совесть чиста. Я заморил себя на работе, и ничего не мог сделать.

На нет — суда нет!

Dixi, sed animam non levavi...

Patria perdita spes nulla vivit...

9 января. Ну, подписка моя окончательно определилась. Убыло свыше 400 платных[1] подписчиков. Бесплатных увеличилось на много, но это уже другое дело.

Итак, в результате всех моих усилий публика, посмотревши на меня целый год, отшатнулась. Объявления за январь тоже весьма не блестя-

[1] Было в декабре — 1811. Теперь — 1402 (примечание в подлиннике).

щи. Наконец, и со стороны казенных платежей явились очень нахальные произвольные вычеты.

Повидимому, 1910 год будет для меня годом каких-то переворотов. Я или оставлю газету или обанкрочусь. Хотелось бы хоть маленький базис обеспечить для спасения семьи. Уж не знаю, удастся ли.

Собственно говоря, престранны мои приключения с 1907 года! Совсем не уловишь их смысла. Конечно, я прожил и семья прожила... Но прожили те же годы без всяких приключений и Нольде, и Преображенский и т. д., вообще все. У меня же — что-то странное, заманивающее, будто обещающее, а в результате — ничего ровно, и даже хуже: перспектива таких же приключений, да еще с опасностью гибели. Странно! Смысла ни малейшего нельзя уловить! А ведь живешь только смыслом жизни.

Кстати сказать, и здоровье довольно мерзкое.

17 января. Я не то что нездоров, но совершенно расслаблен. На днях смотрел меня доктор Казанский и грозит, что если я пропущу месяца три без энергичного лечения, то пропаду... Что делать?

За эти дни был кое-кто из политического мира: Саблер, преосв. Серафим. Все смотрят мрачно на будущее, и все не видят никакого исхода. Конечно, все это уныние касается собственно старой России, царской, православной. Россия столыпинская, всеверная, интеллигентно-конституционная, бесцветная и безыдейная — та, может быть, и «образуется»... Да что в ней толку? Ни богу свечка, ни чорту кочерга, если только в конце концов не выйдет действительно чортовой кочергой...

7 марта. Ночь... Много воды утекло с последней записи... Я был в СПБ, вернулся, заболел, и по сей час еще не выхожу.

В СПБ я пробыл с 14 февраля по 21 февр. включительно, т. е. 8 дней. Был там у Столыпина, Кривошеина, Тимашева, Шварца, Щегловитова, Коковцова, Курлова. Разумеется, у Бельгарда, еще у Пихно, митроп. Владимира, еп. Никона, Замысловского, Богдановича, Плеве, Голенищева-Кутузова, ген. Симанского, кн. Ширинского, графини Игнатьевой. Видел у себя или у людей — Савенко, Крупенского, Шечкова, Садовского, Макаревского, депут. Клочкова, сен. Чаплина, адм. Зеленого, Киреева, нового предс. Союза русского народа Римского-Корсакова, Ник. Ник. Ладыженского, Владимира Львова, Пиве, Ламкерта, Панкратьева.

Исходатайствовать для меня аудиенцию у государя Столыпин не нашел способов. Но господь с ним. Я и без того простудился, и по возвращении в Москву (прибыл 22 февраля) — уже со вторника, 23 февраля, заболел. Не оправился и до сих пор. Инфлуенца отразилась на кишках и почках.

Крупнейшее дело, которое я, казалось, устроил в СПБ, — это чтение В. Львова об опасностях церкви от Госуд. думы. Он обещал прочесть его у меня в Москве. Я, несмотря на болезнь, с помощью добрых людей, начал собирать публику, и уже имею 44 человека, изъявивших горячее желание быть на чтении. Епископы, профессора, разные именитые люди, предводители, всякого рода интеллигенция, и это число — стоит продолжить приглашение — в 2—3 дня дойдет до 80.

Но увы! Львов не едет, не отвечает на мой запрос. Боюсь, что остыл и раздумал. Как и из всего, что ни начинаешь, не выходит ни малейшего толка.

Дела издательские — препоганые. Февраль дал убытку 800 р. Начальство не высылает денег (еле-еле старые выслало). Подписка, оказывается, к февралю и марту упала против прошлого года. Tempus et laborem perdidi.

11 марта. Четверг. Состоялось сообщение В. Н. Львова. Было 50 человек. Львов говорил превосходно и, между прочим, вдребезги разбил Ф. Самарина. Вечер был оживленный, и последние гости разошлись в третьем часу.

Архиереи держали себя позорно трусливо. Из шести приглашенных пришли всего два, да и то удрали немедленно по окончании чтения, избегая прений.

14 марта. А денежные дела мои скверны. Издание идет мерзко. Объявлений мало, страшно упали, особенно частные, что составляет опасный признак падения газеты. Да и те не платят, и сумма неоплаченных возросла уже свыше 10 тысяч рублей. Казенные тоже неаккуратно платят. Впрочем сегодня Комитет получил из СПБ извещение о высылке 15 т. р.

Что-то из этого выйдет? Вообще мое издание ни с политической, ни с финансовой стороны не имеет успеха. С политической — особенно. Достопримечательно гробовое молчание, которое хранит вся печать о «Московских ведомостях». Не знаю даже, кто упорнее молчит: правые или левые? Один только Балашов в «Голосе русского» не прекращает ругани, а в последнем № и «Русский вестник» сделал преподлый донос на меня Столыпину. Замечательно, что ни одна «правая» газета не осталась без подложения мне какой-либо свиньи. Если бы у меня было много времени, жизни и денег, то, конечно, я бы пересидел их всех и добился бы своей читающей публики. Но... при наличных условиях они, т. е. главнейшие «правые», конечно, задушат меня и хода не дадут.

Положим, мне, как говорится, наплевать. Русская жизнь так непривлекательна и безнадежна, что ничто не побуждает дорожить успехом или огорчаться разгромом. Не все ли равно? Все равно толку нет.

16 марта. Среда. В субботу, кажется, Восторгов со штатом представлялся государю (подносили икону). Только штат рискованный: архим. Макарий, Орлов — зачем только таскать таких людей? Остальные — ничего (Б. Назаревский, Айвазов, Рагозин), но те двое очень сомнительны. А мне Петр Аркадьевич все не выхлопочет аудиенции!.. Не хочет, значит. Положим, мне это отчасти приятно. Во-первых, здоровье плохо, во-вторых, если сказать правду, — о чем говорить? И для чего говорить? Государь, повидимому, доволен положением, и не расположен к каким-либо шагам, способным его изменить. А тогда и говорить не о чем. Я видел достаточно людей, которые воображали, будто бы им суждено провидением что-то важное, и однако они умерли, абсолютно ничего не сделавши. Поэтому я не доверяю ничуть этим воображаемым «миссиям». Думаю, что и у меня нет никакой (кроме внутренней, как у каждого человека). А тогда стоит ли тратить последнее здоровье, да и деньги, чтобы бесцельно и без последствий тревожить государя? Может быть, Столыпин «не пускает» меня по нехорошим побуждениям, но вероятно мне этим приносит скорее пользу.

Уже жить-то, конечно, осталось немного, и беспокоить себя и других не из чего...

У меня вот другая мечта: думаю — попробовать завтра начать говенье... Но допустит ли господь? Это было бы поважнее.

25 марта. Благовещение. Я что-то опять расклеился. Кишки скверны.

Рассказывал М. А. (Новоселову), что статья «Духовный гастролер», о Григории Распутине, где изображено его гнусное распутство, далеко не произвела впечатления в высших сферах. Видел ли ее государь и как отнесся к ней — неизвестно. Но вряд ли хорошо[1], если правда, что обличительное письмо против Гришки, присланное епископом Ф[еофаном] возбудило его гнев, так что будто бы он его бросил на пол...

Этот Григорий Распутин — развратный и жадный «блаженный старец» (он молод, вряд ли больше 40 лет), но обладает какой-то гипнотической силой чарования, будто бы угадывает мысли и даже «будущее». Вместе с этим он отчаянный «черносотенец», так что сами же «черносотенцы» и рекомендовали его. Это особенно грех епископа Феофана, ректора СПБ академии. Теперь он расчухал, что за штучка Григорий, да уже поздно. Влияние Гришки оказывается сильнее его.

В Петербургском высшем свете—у Танеевых, у Пистолькорс и т. д.— Гришка свой и обожаемый человек. Он действует на чувственность женщин, приучая их к «ангельской чистоте»... Делает мерзости...

Я видел его фотографию: мерзкая рожа с поразительными глазами. Должно быть, в этих глазах страшная сила.

Но какое ужасное время! Какая гниль мистического разврата перемешана с тупым неверием и развратом материалистическим. И вся эта грязная тина обволакивает людей до самых верхов.

Вот что напечатано в № 104 «Утра России» (23 марта):

Новое выступление Илиодора

(*по телеграфу от нашего корреспондента*)

Царицын, 22 марта. Иеромонах Илиодор прочел в церкви письмо «Московским ведомостям», начинающееся так:

«Рассуждая о нападках стервятников-газетчиков на блаженного старца Григория, собрание православных христиан г. Царицына постановило: пригвоздить тебя блудница-редакция, изменившая Гришмуту, к позорному столбу для всей России, а твоего богомерзкого сотрудника Новоселова — высечь погаными банными вениками».

О впечатлении, произведенном этим новым выступлением Илиодора, говорить, конечно, не приходится.

Я в тот же день послал Илиодору телеграмму с оплаченным ответом, спрашивая, правда ли сообщение «Утра России», но ответа доселе не получил. «Письма», о котором говорит газета, тоже еще не получал.

Вот — «Черносотенная Русь»! Что может сделать такая нелепая темная сила? В лучшем случае дико набушевать, а потом, конечно, их увяжет в тороки конституционная атеистическая интеллигенция.

Уж не знаю, как справится церковь. Но монархия, повидимому, погибла, если не явится чудом сильный разумный спаситель с крепкой рукой и крепкой головой... Как думаешь обо всем этом, начинаешь понимать Столыпина. Что делать в самом деле? На что опереться?

28 марта. С Россией я совсем недоумеваю. Стою на своих бастионах, знамени не опускаю, палю из орудий... но положение такое же, как у Стесселя в Порт-Артуре. Пали, не пали — ничего не получается, родная армия уходит от тебя все дальше, и — по разуму человече-

[1] Позднейшая приписка: «Оказалось, что разгневался».

скому — немыслимо и ждать от нее ничего, кроме «Портсмутского мира»...

10 апреля. У меня все это время какие-то неурядицы. Сегодня пришлось взять нового репортера (Ряхина) вместо совершенно обнаглевшего Барсова. В виду сомнительности Янчака — пришлось взять нового корректора (С. П. Матвеев).

Затем поместил отчаянную антистолыпинскую статью Гофштетера (Ипполита). Соблазнил меня идейным родством, хотя абсолютно бесполезно помещать... Увы, монархию уже зарезали, и почти немыслимо ее восстановить, а между тем статья прямо вызывает разрушить всю политику Столыпина, и может его взорвать. Разве именно полное бессилие статьи может его успокоить и заставить ограничиться словами: «Не ожидал я, чтобы Тихомиров был таким идиотом...»

Узнал я, что государь сказал, что «ошибся в своих ожиданиях от Тихомирова». В чем причины разочарования — неизвестно, но можно думать (по совпадению времени), что виноваты статьи Новоселова о Григории Распутине... Ну, уж это как угодно! Не могу я не обличать духовного разврата.

Из событий за это время произошло ограбление Успенского собора, что, может быть, рассорит меня с Филиппом Петровичем Степановым, ибо я пишу в газете о слабости охраны кремлевских святынь (что бьет в первую голову Филиппа Петровича).

Так-то все обстоятельства и события, не привлекая ко мне никого, неустанно ссорят меня со всеми. Мучусь без пользы, стою одиноким... Нередко приходит в голову, что не деятель я, не гожусь, и не организатор...

11 апреля. Вера возвратилась, слава богу, благополучно поговела. О. Герман прислал мне просфорку. Спаси, господи... Но только вот что нехорошо: не помогает мне молитва их. Впрочем, это я глупо написал. Вероятно, помогает; быть может, без них вовсе нельзя было бы жить... Но беда в том, что все-таки тяжко, претяжко: хоронишь Россию и все, о чем думал, чем жил... Конечно, не я один, все так, да легче ли? Они все-таки умудряются не думать. Вот Шечков сегодня заходил (думцы разъезжаются на праздники) — ничего себе, весел. А на что надеется?

У них там в СПБ кто-то (кажется, Келеповский) говорит, что теперь Россия лет на 10 застрахована от революции... Глупо, конечно: я и за 10 месяцев не поручился бы. Но дело в том, что разве в революции вопрос? Ну, не будет революции, а будет только превращение России в маленькую пошленькую «Европу». Да, ведь, это еще хуже.

Скука, бессмыслица!

12 апреля. Ну, повидимому, моему редакторству наступает конец. Столыпин прислал мне свою пометку на доложенную ему статью Гофштеттера: «Возмутительно помещение такой статьи в «Московских ведомостях». П. Столыпин. 10 апреля».

Я ему тотчас послал заказное письмо (с которого, к сожалению, не снял копии), где говорю, что ничего возмутительного нет, статья прекрасная, что я помещаю и другие статьи, освещая вопрос, что все это не мешает утверждению законопроекта, ибо поправки можно сделать и после того. Затем говорю, что я охотно совершенно оставил бы издательство, лишающееся смысла. Ибо без основной политической

силы статья бессильна. Такой силой я считал его, думая, что он будет неуклонно изменять наследие революции, возвращая Россию на исторические основы. Но в этом ошибся. Он думает, что законодательство 1905—1906 гг. взяло верный тон, и не хочет его исправлять. Это кончится худо, революцией, горше прежней. Потеряв единство с ним, я не могу помешать опасности, а потому и мой каторжный труд, дающий мне только неприятности, совершенно бесполезен.

Ну, это значит начало развязки. Я и вправду охотно бы все бросил. Жаль только, что нечем будет кормить семью. В лучшем случае могу иметь 1000 рублей.

А издавать — бессмыслица. Все недовольны. Эти «правые» — дурачье. С ними все дальше расхожусь. Ни одного поддерживающего министра. Царь — «разочаровался»... Но и я со своей стороны во всех них разочаровался, так что делать с ними мне нечего.

25 апреля. Освящение памятника Грингмуту. Я поехал, но, по идиотским порядкам от комитета, не пущен на кладбище, и уехал домой.

27 апреля. Дела очень скверны. Объявлений вообще мало, упадок. В прошлом апреле было 29 000 р., а в этом теперь 22 000 р., и значит, дай бог, дотянуть до 23 000 р. Очень скверно. Подписка не идет. Вообще полное поражение. Нечего и говорить о полной идейной неудаче издания. За что я гублю себя сверхсильным трудом — совершенно неизвестно...

Вообще, очень странна и бессмысленна моя судьба. Не видно никакого разумного объяснения ее.

18 июня. Ночь. Немало у меня проходит событий, имеющих для меня важное значение, но вечно живешь в такой сфере, по большей части неприятной и тяжелой, что некогда, да и не хочется беседовать с собой в дневнике.

В делах у меня ровно ничего хорошего. Подписчики медленно убывают... Прийдется, видно, погибнуть «в борьбе с равнодушием публики», как острили в старину. Объявления это время неслыханно скверны. Сверх того — не платят. Я уж просто грешу, подозреваю, нет ли какой-нибудь нечестности моих служащих. Не умею я вести дела, и через это подозрителен, а в то же время, конечно, обманывать и обворовывать меня очень легко. Вообще — никаких отрадных перспектив. Ну, понятно, что никакого влияния газета не имеет и ни малейшей пользы не приносит. Статьи иногда пишу резкие и положительно хорошие, но никакого толку от них нет. Читают и одобряют меня десяток стариков, постепенно вымирающих. Я — последний могикан. Будущего нет не только у меня, но и у дела моего.

Царя нет, и никто его не хочет, да и сам он не верит ни в себя, ни в свое дело, и притом не хочет ничего делать. Вероятно, чувствует себя в бездействии скорее приятно. Вероятно, совесть немножко тревожит, да что совесть! Зато находит себя безопасным, в чем, вероятно, жестоко ошибается.

Церковь... Да и она падает. Вера-то исчезает. Пожалуй, и вправду песенка старой церкви спета. Положение иерархов сходно с положением царя...

Народ русский!... Да и он уже потерял прежнюю душу, прежние чувства...

А я — ни такому новому народу, ни конституции не хочу служить.

да и не могу. Мне это не интересно. Я нахожу глупой «новую» Россию... Это не Россия, а что-то иное.

Вот каково положение. Ни я ей не нужен, ни она мне. Конечно, в таком соотношении с данной страной, издавать газету глупо и бесполезно. А как же я могу не издавать ее? Во-первых, меня прямо заставили издавать, а во-вторых, все как-то совестно «дезертировать»... А вдруг окажется на что-нибудь нужно? В-третьих, надо же чем-нибудь «жить», т. е. есть — пить. Иной сапоги шьет, иной газету продает.

Стараюсь урываться (по воскресеньям) в посад. Там все-таки лучше: трава, деревья, птицы, собаки, все это прежнее, то, с чем я свой... Бываю иногда в Лавре, у преподобного. Там — все люди переменились, но святыня прежняя, опять же моя... и даже богомольцы (страшно сократившиеся численно) те же, мои, свои мне. Боже мой, сколько там воспоминаний! Каждый камень что-нибудь напоминает, хотя большею частью то, что было, а теперь уже прошло. Все же это частички моей души, пока и я, подобно прочему, не перестану быть.

Об душе бы надо подумать, на покой нужно бы... А тут издавай ненужную газету, тщетно следи за воровством, умудряйся сколачивать деньги, которые от тебя разбегаются во все стороны, как ртутные шарики...

Сегодня у меня статья «Парламентарная Россия». Написано кровью сердца. Столыпин разозлится, царь даже и не прочтет, а если и прочтет, то махнет рукой и пойдет играть с детьми. Два — три старичка меня похвалят. Остальная публика, правая и левая, ничего не поймет и не обратит внимания. Да она и права: стоит ли внимания то, что уже перестает жить, перестало жить?

14 и ю л я. В газете дела скверные. Подписка падает, на объявления и смотреть тошно...

Вообще я начинаю разделять философию Скотинина: с животными лучше, чем с людьми.

Получено известие: вчера, 13 июля, умер Александр Алексеевич Киреев.

Уходят хорошие люди старой России...

15 и ю л я. Телеграмма: умер в Ялте сегодня Клавдий Петрович Степанов...

Все наши умирают, один за другим. А ведь давно ли казался обеспеченным лет на 20 жизни?

Memento mori. Когда-то моя очередь?

19 и ю л я. ...Этот бедный Александр Алексеевич (Киреев) — для меня воспоминание лучшей половины жизни, так печально заканчивающейся... Я не люблю своей молодости: она полна порывов испорченного сердца, полна нечистоты, полна глупой гордости ума, сознававшего свою силу, но недоразвившегося ни до действительной силы мышлений, ни до самостоятельности. Я начинаю любить свою жизнь только с той эпохи (последние годы Парижа), когда я дозрел до освобождения (хотя бы постепенного) от этой ненужной «la hauteur du siècle», стал понимать законы жизни, стал искать и бога... И господь, как будто в помощь мне, послал Александра III, показал, что такое православный царь... Ведь и в личности его не много ярко та-

лантливого, и не сделал многого, что бы должен был сделать гений... Ведь эти нынешние мерзавцы все переврут в истории, все исказят, оклевещут, скроют. Но я-то сам все видел, наблюдал, испытал. Меня нельзя убедить, что не было того, что было, что я видел...

И вот в это время я познакомился с покойным Киреевым. Он тоже не имел никакой остроты ума, искры гения не было. Но какая честная работа мысли!

Он ужасно хорошо подходил к царствованию Александра III, стильно подходил. Я хотя, в первых порывах, заходил немножко далеко в дисциплину (церковную, политическую, семейную), так что Ал. Ал. был «либеральнее» меня, тем не менее был к нему, в сущности, ближе, чем к катковцам. У них эта дисциплина доходила до пренебрежения личностью. Я же всегда выше всего ставил личность, как и Киреев. С ним чувствовал себя легко и приятно. Он же, кстати, открывал мне и в личности своей и в рассказах таинственную для меня область верхней, барской, придворной жизни, так что интересовал.

Мы виделись не часто. Он жил в Павловске, я — в Москве. Но виделись. Навещал и он меня. Мы постепенно вошли в переписку, которая не прекращалась до самой смерти. Иногда она становилась очень оживленной, особенно в худые минуты России.

Ах, они очень скоро наступили! Промелькнуло царствование Александра III. Началось новое царствование. Нельзя придумать ничего более противоположного! Он просто с первого дня начал, не имея даже и подозрения об этом, полный развал всего, всех основ дела отца своего и, конечно, даже не понимал этого, т. е., значит, не понимал, в чем сущность царствования отца. С новым царствованием на престол взошел «русский интеллигент», не революционного, конечно, типа, а «либерального», слабосильного, рыхлого, «прекраснодушного» типа, абсолютно не понимающего действительных законов жизни. Наступила не действительная жизнь, а детская нравоучительная повесть на тему доброты, гуманности, миролюбия и воображаемого «просвещения», с полным незнанием, что такое просвещение.

И вот началась чепуха за чепухой. Начало все распадаться то внутри, то извне...

Общее горе, общая апатия стали меня сближать с Киреевым все более. Я, по незнанию действия центральной пружины, бодрился. Он — стал скоро совсем унывать. Пошла японская война... О, не дай бог никому переживать таких дней... Тюренчен просто убил Киреева: «С Бородина мы не теряли пушек»... Но позор рос. Что такое пушки! Скоро все, все малейшие признаки чести пропали...

И этот гнусный сифилитик душой и телом, этот тип мерзейшего интеллигента, не помнящего духовного родства, — Витте, как отвратительнейший из бесов, возвысился, властвовал, насиловал Россию своим чиновничьим, растлевающим либерализмом и был, как он сам выражался, «престолоначальником»...

Как было русскому, Кирееву, пережить эту постыднейшую из революций, между революциями такую же позорную, как японская война между войнами?

На одну минуту он было ожил духом при третьей Думе. Повторяю,

он не был острым умом, да вероятно уж очень исстрадался и имел потребность поверить во что-нибудь хорошее... Одну минуту он поверил в «русскую» Думу, особенно из-за Н. Хомякова.

Но и эта иллюзия исчезла. Он было воспрянул духом при надежде на церковный собор... Но и это исчезло. Тут мы с ним действовали до последней минуты вместе, ничего не успевая, упорно требуя, стараясь, получая систематически нос ото всех — от царя, Столыпина, архиереев — и все-таки не бросая дела... Так он, наконец, ослеп, а потом и умер.

Боже, боже, сколько ты послал испытаний и страданий, и безнадежность всем, чающим служить твоему делу!

Широкая панорама воспоминаний проходит у меня с Киреевым. Начало — светлая, благоуханная заря возрождения, и потом все хуже, хуже, хуже, все дальше, все глубже вонючее болото, и, наконец, смерть.

11 сентября. Дела у меня мерзки. Издание прямо падает и падает. В довершение я привлекаюсь к суду, по 1034 статье (8 месяцев тюрьмы)...

Это — подлая интрига истинной сволочи комитета по делам печати Истомина (Владимира Аввакумовича), Слепцова и Вознесенского. Эти господа злятся, что я их не печатаю, а что мне делать, когда их статьи — дрянь. Они злятся, что у меня имеет хороший заработок Сидоров, которого ненавидят Истомин и Слепцов. Слепцов — потому что он дрянный чиновник и имеет много неприятностей от Сидорова. А Истомин — потому что Сидоров председатель... Как же: Истомин уже старый дурак, действ. статский, а Сидоров — «мальчишка», коллежский, и вдруг — председатель...

Они тщательно следят, нельзя ли «поймать» «Московские ведомости», и вот нашли глупейшую придирку (якобы нарушение предписания), тайком составили большинство голосов, выбрали такое заседание, когда не было Сидорова и Языкова, и составили «постановление» о привлечении меня к суду. Довольны, радостны, точно сокрушили врага отечества. «Насолили» мне и моему «приятелю», Сидорову... Ужасная дрянь. Но мне-то не легче.

Думаю, что прокурор тоже будет непрочь «насолить» «Московским ведомостям», да и судейские тоже. Люди «либеральные» едва ли воздержатся от удовольствия «закатить» консерватора.

Написал Бельгарду, да он уже и ничего не может сделать, да и вряд ли захочет. Я ведь возбудил гнев самого премьера, и, быть может, не худо меня «проучить»...

Ведь вот курьез мне с этими «Ведомостями». Зачем господь меня кинул в эту каторгу? Не пойму. Пользы — никакой, никому. Мне — одна мука. Какой смысл всего этого?

13 сентября. Сидоров справлялся у прокурора (Брюин де Сент Илер) — о судьбе постановления комитета по привлечению меня к суду. Прокурор ответил, что еще не разобрался в этом деле.

14 сентября. Письмо А. Бельгарда ответное 13. IX 1910 г.

«Глубокоуважаемый Лев Александрович.

И меня привлечение к ответственности «Московских ведомостей» не мало смутило. Сознаюсь, что я был бы гораздо более доволен, если бы комитет занялся другим делом и не поднимал бесцельного скандала из-за «Московских ведомостей», хотя не скрою от вас — я в первую голову предъявляю претензию к вашим сотрудникам,

со стороны которых совершенно непростительно допускать еще более бесцельное нарушение существующего распоряжения и тем вводить в соблазн комитет.

И на старуху бывает проруха — несомненно они проглядели, ибо, если этим прибывшим полкам стоянки назначены по дислокации, значит идет речь о передвижении войск. Сомнение едва ли возможно, что комитет формально мог иметь основание возбудить преследование. Повторяю, что я считаю это бесцельным, и думаю, что было бы гораздо правильнее и полезнее для дела не поднимать шума из-за этой несомненной ошибки «Московских ведомостей». Письмо мое, конечно, имеет столь же частный характер, как и ваше.

Искренно вас уважающий А. Бельгард».

Конечно, безусловно справедливо: глуп комитет, но и мы тоже не умны, проворонивши явное нарушение предписания.

15 сентября. Сегодня день расчетов, самый неприятный, хотя 1-е число еще хуже. Ныне приходится большую часть расходов покрывать казенными объявлениями. Частные крайне захудали по количеству, а уплачиваются еще хуже.

Подписка также каждый месяц систематически уменьшается. Признаюсь, никак не ожидал я такой полной неудачи. Я думал постепенно победить читателей, подобрать свою публику. Но очевидно, что у меня своей публики в России нет совсем. Нескольких сот человек не наберется. Да и сотрудников в моем духе нет. Я — человек прошлого, времен Александра III... Собственно неспособностью своей не могу объяснить неудачи. Редакционная неспособность может и, вероятно, есть. Но ею одной не объясняется дело.

Теперь нужна хлесткость на нервы, а я этого не хочу. Теперь нужна односторонность, а я этого не хочу. Теперь совсем не желают приличия, джентельменства и т. д. А я этого не хочу. Теперь не знают идеала, понятия о нем не имеют, а я его хочу... Разногласия на всех пунктах... При самых гениальных способностях я бы не мог ничего сделать при таком полном разрыве между мною и современной Россией.

21 сентября. Прибыла сегодня Верочка благополучно. Маму она оставила вообще бодрою, но иногда на нее находят жестокие припадки печали. Бедная, сколько близких она схоронила, и все более становится одинокою... Последний раз, после разных странствий, возвратились мы в Новороссийск, кажется, в 1862 г. или 1863. С тех пор 47 лет — это мамина резиденция. Тогда все были молоды, мы были дети... И что осталось? Все уже повымерло, и почти не осталось свежих побегов гнющего корня.

А мама не может, и не хочет, оторваться от своего гнезда, своей старческой хозяйственности, от своих теней, своих могил.

А у меня — больше ли смысла? Нет родов, и мой сохнет. Владимир Соловьев говорил, что у каждого человека есть, по крайней мере, два великих предка — отечество и человечество... Но предков недостаточно: нужно потомство. А потомства этого уже нет ни в отечестве, ни в человечестве, они уже не потомки наши, а что-то новое.

И в этом лесу сухих корней отечества и человечества мой собственный корень также высыхает, и не видать из него свежих побегов... Один Коля может еще продолжить род... но продолжит ли? Да, пожалуй, и к чему мне род, если он должен или погибнуть или присоединиться к судьбам гнющего отечества и человечества?

Третьего дня проехал Столыпин. С ним, в величайшей таинствен-

пости, виделся протоиерей Восторгов. Его ввели для приема и спрятали во внутренней комнате, где он просидел до конца приема, и когда все ушли, был введен к Столыпину, с которым и провел более часа.

Что означает сей сон?

23 сентября. Вчера проезжал Евгений Богданович с женой и, конечно, непременно потребовал, чтобы я с Верой у него завтракали в его неизбежном Дрездене, с неизбежными растегаями от Тестова. Ну, пришлось пойти, потешить старика. Он из Крыма, ничего петербургского не знает, так что ничего интересного... Впрочем, где его взять, интересное. Скучная жизнь русская. Пожалуй, Нилус и прав, что антихрист явится чуть не завтра...

А Столыпин учится летать на аэроплане. Это, по крайней мере, веселый человек и всем доволен.

4 октября. Катя уехала в посад. Сегодня внезапно умер (разрыв сердца) Муромцев. Вот и «левые» сердца не выдерживают... Правда, что Муромцев был достаточно умен, чтобы хоть после пуфа выборгского воззвания сказать: «Кажется, я сделал самый глупый шаг в жизни...» Это мне передавал его добрый знакомый Кузнецов.

Однако все «кадеты» тем паче встрепенулись. Говорят, готовят грандиозные демонстрации на похоронах. Хотят хоронить в Донском монастыре. Путь длинный, можно много нашуметь. Тут были перед самой «революцией» похороны Трубецкого. У революционеров смерти происходят очень удачно. Кн. Трубецкой умер со списком 300 студентов, которых на утро должен был предложить министру арестовать и выслать. Он уже понял, каким отребьем захвачено студенческое движение, ему дорогое только в благородных составных частях. Он уже разочаровался и внезапно умер. Революция блестяще эксплоатировала прах человека, уже отшатнувшегося от нее.

То же самое будет с прахом Муромцева, уже отшатнувшегося от революции...

У меня сегодня был А. А. Нейдгардт. Он очень по виду ослабел и смотрит уныло. Надежды, действительно, блекнут все более. Однако все же воюет и меня подстрекает писать письмо государю... Оно, конечно, отчего не попытать, да что толку? Государь, повидимому, тоже стареет, не находит смелости на какие-нибудь шаги, способные вызвать беспорядки. Он никогда не имел воли, а уж теперь и подавно.

Ничего не может выйти... хотя, может быть, я и напишу для очистки совести. Беда в том, что государю нужны не идеи, которых у него самого достаточно, а сила, которая могла бы за него все сделать. На голос такой силы он бы, может быть, отозвался... Но силы этой нет нигде, и уже, конечно, не я же могу быть или даже казаться ею! Я правду сказал Столыпину, что у меня была единственная надежда — это он, Столыпин, надежда на то, что он изменит взгляды. Он бы мог быть или казаться такой силой. А раз он остается при своей политике, я не вижу ни единого подобия опоры.

Была у меня еще надежда на собор... Я и теперь стараюсь его собрать. Но ведь и собор ничего не сделает без искомого «человека». А «человеков»-то и нет нигде.

То глупы, то тряпки... Не видать ниоткуда человека, по крайней мере человека — божья посланника. Вот разве, скорее, антихрист придет, как говорит Нилус...

Экое подлое, истинно антихристово время!

5 октября. По слухам кадеты ведут очень серьезные приготовления к грандиозной демонстрации на похоронах Муромцева. Говорят, в горячих слоях слышны песни на мотив «Вставай, подымайся, рабочий народ». Из административного мира говорят, слухи, что Адрианов, по его словам, не допустит демонстраций. Модль же, говорят, очень смущен. Епископ Анастасий не знает, как и быть: зовут хоронить, отказаться неловко, а попасть на революционную демонстрацию — тоже мало радости.

13 октября. Насчет издательских дел скверновато. Совсем что-то падает газета. «Московские ведомости» разделяют участь «Русских ведомостей», которые также падают. Мы — дети прошлого, мечтаем об органах серьезных, культурных, но на это нет публики. Публика всех партий требует бойкости, хулиганства, знаний не может ценить, невежества не замечает... А «Русские ведомости», видимо, как и я, не хотят понижаться... и гибнут. Мое положение еще хуже, потому что я не хочу и партийной нечестности, которую «Русские ведомости» широко признают и практикуют. У них есть поэтому все-таки более единства с нынешними читателями. Я же не имею уж прямо ни единой точки, общей с публикой. Вероятно, я погибну все же раньше их.

4 ноября. Сегодня я поставил свой «кабинетский вопрос»: отправил В. А. Дедюлину следующее письмо (конечно, заказное): «Ваше превосходительство, многоуважаемый Владимир Александрович. Предполагая, что во время путешествия очень трудно следить за печатью, я прилагаю при сем четыре №№ «Московских ведомостей» с теми статьями, которые весьма бы желал довести до сведения его величества. Три из них мои передовые по предмету реформы народного при верховной власти представительства. Вместе с тремя статьями прошлого года, которые тут же прилагаю в оттиске, они исчерпывают в общем виде преобразования, которые нам необходимы для того, чтобы намерения государя императора, искаженные его советниками (более заслуживающими названия его изменников), были осуществлены в действительности, не потрясая престола и основ российского государства, но их усовершая и утверждая на славу его императорского величества, как преобразователя.

Четвертая статья есть та важнейшая часть речи члена Госуд. думы Львова, которая была замолчана и в Думе и в печати и которая раскрывает смысл прав церкви в русском государстве и сущность прав государя императора в русской церкви. Эта речь выясняет положение церкви, каковое она должна иметь в прежнем и в преобразованном государстве нашем.

По моему глубокому убеждению, посылаемые мною статьи должны быть доведены до высочайшего сведения.

Вы знаете и верите, конечно, многоуважаемый Владимир Александрович, что я и на службу пошел и за редакторство взялся с единственной целью послужить по мере сил восстановлению нашего политического строя, который при надлежащем усовершении мог бы быть образцом для всех народов земных, а вместо того поставлен на путь разрушения. Тяжкий труд ведения порядочного органа в настоящее время надрывает мои силы с каждым днем больше и, конечно, сократил мою жизнь до какой-то чрезвычайной степени. Он так истощает,

что я лично для себя готов ежеминутно с радостью оставить его, как я это заявил в письме П. А. Столыпину. Если дело восстановления действительно усовершенного царства русского не двинется вперед, если вместо того у нас закрепляется шаг за шагом парламентаризм, подрывающий и царскую власть и православную церковь, то мне нечего делать ни в «Московских ведомостях», ни в какой бы то ни было общественной деятельности, а остается удалиться в тишину и позаботиться о спасении своей души, в очень близком будущем имеющей предстать на суд выше человеческого.

Посему мне так и желательно довести до сведения государя императора означенные статьи.

Я очень желал бы испросить у его величества дозволения лично выслушать его решение моей судьбы. На все его воля, он, а не мы, поставлен на царство. Но и самый малый человек может делать лишь то, что ему указывает совесть и сознание долга. Если то, что мне говорит совесть, по высочайшему решению есть ошибка, то не вижу, для чего я должен истощать силы в бесполезном труде.

Я располагаю приехать в СПБ. Так как все мои дела в столице совершенно зависят от коренного вопроса, выше изложенного, то я бы очень желал знать, могу ли рассчитывать иметь счастье увидеть императора. Не полагаю, чтобы этому могло способствовать мое начальство, не хочу итти без надобности и против начальства. Но воля государя одинаково решительна и для начальства и для меня. Если бы его величество пожелал меня вызвать к себе, то никаких разговоров с начальством не могло бы возникнуть.

Я очень прошу вас, многоуважаемый Владимир Александрович, быть столь обязательным осведомить меня до моей поездки, думаете ли вы, что я мог бы достигнуть осуществления указанного желания моего или, вернее сказать, величайшей нравственной потребности моей.

В заключение свидетельствую и т. д.»

Если государь не пожелает меня вызвать, мне, значит, остается одно: бросить «Московские ведомости», выйти в отставку и удалиться на сухоядение «под сень струй». Конец неведомо зачем бывшим приключениям.

Да и пора. Жаль только, что семья не обеспечена достаточно. Но на «сухоядение» хватит.

7 ноября. Умер гр. Лев Толстой. Странный конец жизни... Тут чувствуется какая-то борьба за душу. Ему как будто хотелось примириться с церковью, но сатана крепко держался за него.

8 ноября. Сегодня Толстой буквально замучил. Известия о возможности снятия отлучения по смерти, без раскаяния, меня взволновали. Я рано утром отправил две телеграммы:

1) СПБ — митрополиту Антонию. «Умоляю ваше высокопреосвященство не допускать деяния, угрожающего расколом церкви».

2) Тула — преосвященному Парфению. «Слухи о возможности панихиды удручают. Это грозит расколом».

Преосв. Парфений ответил телеграммой, что он ничего не разрешал, и вызвал меня на вокзал, где должен быть проездом в СПБ.

Я и был у него в вагоне в 7 часов вечера. Вокзал битком набит студентами и барышнями, стремящимися в Ясную Поляну. Почти невозможно протащиться. Это — депутации и добровольцы. Вообще

интеллигенция Москвы, и в том числе жирное купечество, сходят с ума, их разжигает. Да их легко разжигать.

Парфений сообщил тульское административное известие, что Столыпин, под давлением массы требований, полагает разрешить провоз тела через Москву! Это было бы сверхглупостью.

Однако вечером газета получила объявления университета и Городской думы, что похороны будут 9 числа, т. е. завтра.

Изумительно пустая, легкомысленная страна — нынешняя Россия. Прямо ветром подбитые головы.

Парфений же сообщил, что настояния Столыпина истекли из Царского Села. Государь выразил горячее желание, чтобы Толстой (тогда, конечно, еще только заболевший) был принят в лоно церкви. Ну, понятно, Столыпин стал давить на Лукьянова, Лукьянов на архипастырей, а архипастыри уже известно — «рады стараться». Малые, малюсенькие души. Ну, уж и времена!

9 ноября. Ночь. Ну, вероятно, погребение Толстого кончилось. Оказалось, конечно, вздором, что его повезут через Москву. Впрочем, получены лишь первые телеграммы из Ясной Поляны, как его несут на место погребения — очень нехорошее название: Фанфаронова гора... Теперь, конечно, переименуют как-нибудь повеликолепнее.

В Москве было все тихо. Интелигентные общества посылали телеграммы. Два осла, оба старообрядца, Рахманинов и еще кто-то вывесили на своих двух домах черные знамена, которые были, впрочем, немедленно сняты полицией. В двух местах, около университета и около дома Толстых, кучки молодежи, человек по 150, пытались отслужить какие-то «гражданские панихиды» с пением «вечная память», но полицией были разогнаны и переписаны. «Явное и дерзкое» неповиновение полиции при этом проявили лишь два гимназиста VII гимназии и «регент гражданской панихиды»... Вообще — совершеннейший вздор. Да Дума отсрочила заседание «в знак скорби», и книжные магазины были тоже закрыты...

«Московские ведомости» разошлись в розничной продаже в 2000 экз. вместо обычной 1000. Но думаю, что публика осталась разочарованной. Наверное, ждали какой-нибудь ругани, а я выпустил номер самый «корректный» и даже советую не ругаться и не спорить над могилой.

За одно ныне достаточно возблагодарить господа: что спас церковь от самооплевания. Синод подтвердил свое определение об отлучении Толстого и воспретил служить панихиды и литии по нем.

В первом часу ночи пришли окончательные телеграммы. Толстой предан земле в 4½ часа.

10 ноября. Госуд. совет почтил Толстого вставанием. Завтра будет у меня очень резкая статья по поводу речи Акимова, к этому почти насильно увлекшего совет.

Телефон сообщает о довольно-таки серьезных «толстовских» беспорядках в СПБ. Кричали: «Долой смертную казнь», вывешивали черные, белые (?)[1] и красные флаги. Потребовались атаки конных жандармов, сабли наголо... Здесь, в Москве, градоначальник также расклеивает плакаты с воспрещением толпиться и с угрозами строжайших мер. Наше кисляное правительство, пожалуй, доведет до новой революции скорее, чем я ожидал. Да, повидимому, этот строй не в

[1] Так в подлиннике.

силах ожить и «обречен року и Немезиде», как выражался Карамзин.

Есть за что выступить и Немезиде. Полное забвение каких бы то ни было принципов и исключительно «шкурный» интерес сверху донизу власти. Не пробудишь ни совести, ни разума.

13 ноября. Беспорядки повсюду идут crescendo. Сегодня в университет уже была введена полиция для разогнания самовольной сходки.

На завтра, воскресенье, ждут больших демонстраций. Полиция готовится. В градоначальстве был ночью своего рода «военный совет».

Повидимому, революционные организации начинают снова серьезную работу. Вероятно, нужно набрить по обычаю рекрутов из студенчества... Как это все идет по одному шаблону и однако систематически удается.

Моя статья против Акимова вышла, кажется, убийственной, при полнейшей «корректности» внешней формы. Этот № 261 «Московских ведомостей» я послал в 17 экз. разным лицам в СПБ. Имею порядочно выражений почти восторга. И как всегда при особенно блестящих ударах моих — абсолютное молчание печати. Да и невозможно возразить: уже очень логично я его разнес вдребезги.

Мама выезжает сюда 18 ноября. Не напоролась бы прямо на революцию. Хотя, вероятно, это еще не сразу сфабрикуют. Я, конечно, ждал и жду повторения 1905 г. при Столыпинской размазне, но, вероятно, все же надобен годок, чтобы раскачать публику и главное — подобрать свежие боевые силы, не истрепанные прошлым.

Вчера был у меня проездом Ипполит Гофштеттер с юга в СПБ. Рассказывал, что Гришка Распутин «вполне оправдался» перед царем и царицей, был у них и пользуется «громадным влиянием» и «нежной любовью». Ипполитке это по сердцу, он и сам обожатель Гришки... А мне он всю душу перевернул. Не спастись им. «Мани, факел, фарес». Уж какое тут царство с Гришками Распутиными!

14 ноября. Сегодня были демонстративные шествия, но, повидимому, незначительные. Около нас проходила тоже толпа, которая была прогнана со Страстной площади, и думаю, что она не превосходила человек 300—500, составленных на две трети из студентов университета и трети женщин, 5—6 студентов техников или лазаревцев (золотые вообще), да небольшое количество просто каких-то «штатских». Рабочих не видать.

Часа в 2½ около нас провели человек 20—30 арестованных студентов, под конвоем городовых и трех конных стражников.

Пустячки... Но лиха беда начало: начнет, конечно, разрастаться...

19 ноября. Пятница. Вечер. Через два часа должен двинуться на вокзал. Столыпин назначил мне прием в воскресенье, 12 часов дня. Я собственно не просил его, а только поручил Бельгарду разузнать, расположен ли он видеть меня, когда я приеду? В ответ телеграмма Бельгарда: «Примет в воскресенье, в 12 часов»... Хочешь, не хочешь, поезжай. А от Дедюлина ни звука.

29 ноября. Понедельник. Сегодня в 9¾ утра возвратился из Петербурга. Пробыл там 8 дней, видел немало людей.

Был в Национальном клубе на обеде, потом на концерте.

Наслушался всякой штуки до одурения. Между прочим — сильные интриги против меня...

2 декабря. По приезде сразу погрузился в такой омут дел, что

до сих пор не в состоянии записать своих петербургских впечатлений, вообще отвратительных.

Против меня ведется у Столыпина очевидная интрига, недалеко от которой и мой Бельгард. Столыпину, очевидно, делают самые фальшивые доклады, выбирая отдельные строчки из «Московских ведомостей». Столыпин резко упрекал меня в «революционности» моих статей, в подстрекательстве общества на ниспровержение правительства, в восхвалении силы «кадетов». Слушать тошно...

В подкладке неудовольствия Столыпина лежит однако другое, о чем он не посмел сказать иначе, как мимоходом, а именно мое поведение в отношении нелепых толстовских «увлечений». Оказывается, как я узнал из самых подлинных источников, что во главе этих нелепостей стоял сам Столыпин. Моя же статья против Акимова наделала много шума и подорвала эти глупости, а стало быть, и самого Столыпина. Вот в чем «революция».

Столыпин, воображая, будто бы за Толстого вся Россия, решил «пойти навстречу общественному мнению», чтобы тем предотвратить «увлечения». Чепуха ужасная. Поэтому он опубликовал царскую памятку на докладе о смерти Толстого и подбил Акимова «почтить» Толстого в Госуд. совете. Он же согласился поддержать «национальное чествование» Толстого покупкой на казенный счет Ясной Поляны. На всех этих глупостях он получил поражение. Оказалось, что государь отнюдь не похвалил Акимова, который, конечно, и остался очень недоволен на премьера за внушенную ему глупость. А относительно выкупа Ясной Поляны Коковцов заявил, что не даст 2 миллионов, требуемых Львом Львовичем Толстым. Он отнесся насмешливо к «общественному мнению» и сказал, что, во-первых, никакого «общественного мнения» в данном случае нет, а во-вторых, правительство должно делать свое дело, а вовсе не ходить навстречу общественному мнению. Ясная же Поляна стоит не 2 миллиона, а всего 200 тысяч. Столыпина пугают, будто американский банкир Шифф хочет купить Ясную Поляну и что там устроит народный университет, посредством которого будут бунтовать народ... Все это, сказал Коковцов, просто шантаж. Нет такого дурака, который бы дал за Ясную Поляну 2 миллиона, да и вреда России от этого никто не может делать. Коковцов в том же смысле говорил, очевидно, и с государем и в совете министров начисто отказался давать деньги. И вот Столыпину пришлось, во-первых, скушать это кушанье, а во-вторых, принимать меры, чтобы погасить в Думе им же выдуманное дело. Я слыхал, что в Думе и не будет поднят вопрос о «национальной покупке» Ясной Поляны. Как-нибудь оттянут. Но показано, как нелепо вышло положение Столыпина. Он срезался на Толстом в совете и в Думе.

Понятно, что он не может быть благодарен мне за ту каплю моего «меду», которую я привлек в это дело!

Положение правительства в СПБ самое скверное. Столыпин не умеет объединять министров, и они с ним на ножах, как и между собой. Эта анархия министров отражается и на их чиновниках. Все ждут чего-то скверного, а Столыпин утверждает, будто все обстоит превосходно.

В довершение в Думе значительная часть октябристов согласилась с кадетами, что надо вести Думу к роспуску...

11 декабря. Некогда записывать. Устаю. А между тем масса интересного, хотя на подбор скверного и печального... Ведь вот даже

Петербурга не записал, а теперь уже и не запишу, ибо каждый день приносит новые заботы.

У меня теперь критическое время — подписка. Скверная. Все дни систематически ниже прошлогодней. Сегодня, как бы для того, чтобы бросить мне луч света, сравнялась с прошлогодней, но это какая-то случайность. Несомненно, что в понедельник окажется человек на 40 меньше... Так чуется по общему движению цифр.

12 декабря. А студенческие-то волнения! В Одессе уже дошли до пальбы, кровь городовых уже пролита. Шибко идут. Теперь будут, вероятно, раскачивать рабочих. Ах, Петруша, Петруша, как бы ему не дожить до второй революции.

14 декабря. Ну вот, наконец, мои статистические предвидения начинают осуществляться. Сегодня общая сумма подписчиков уже на 10% ниже прошлогоднего 14 декабря. Завтра жду еще худшего, и, кажется, можно уже почти наверное предвидеть на 20% уменьшение против прошлого года (который в свою очередь дал уменьшение сравнительно с 1909 годом). Умирает газета хронически...

Бельгард говорил мне, что я плохо веду осведомительную часть и оттого, что жалею денег. «Надо, — говорит, — раскошелиться», и сейчас же начал мне навязывать Грибоедова, которого Столыпин приказал уволить из осведомительного бюро за подозрение в причастности к делу Унгерн-Штернберга... Вот они все такие негодяи, эти советчики. Знаю, что каждый желает очень охотно, чтобы я «раскошелился». Да я тоже не дурак...

Осведомление у меня плохо, но беда в том, что это зависит не от денег. Денег бы можно было прибавить. Но людей — не найдешь. Самое же главное, что никаким (доступным мне) осведомлением читателей не привлечешь, пока я держу тон монархический, православный и приличный. Только став на «хулиганскую» почву сплетни и ругани, можно иметь читателей.

А я этого не хочу.

15 декабря. Сегодня вызвал меня Адрианов, «экстренно» и «совершенно доверительно». Оказалось, что в СПБ просят ничего не писать о Распутине-Новых.

Это прямо ужасно. Дело в том, что Столыпин его терпеть не может, так что это идет не от Столыпина... Значит? Значит он опять водворился в Царском Селе. Сведения Гофштеттера значит были верны. Это ужасно. Прямо, полная дегенерация.

25 декабря. Вчера встретили праздник тихо, по-семейному, но впрочем благодушно.

Разговоры-то не очень праздничные. Слухи о «боевых дружинах», о забастовках. Говорят, к февралю готовится возобновление революции. Мудреного нет. Столыпин, кажется, один преисполнен бодрости и уверенности, что все идет к лучшему...

31 декабря. Ну вот и новый год... С 1 часу дня начнется выпуск новогоднего номера. Он очень отрицательного характера в отношении начальства.

Относительно подписки излишне говорить. Вчера она опустилась уже ниже прошлого года, а сегодня, по соображениям, должна еще более опуститься. Как говорилось в старину: погиб в борьбе с равнодушием публики.

Ничего не поделаешь.

1911 г.

1 января. Послал вчера, т. е. 31 дек., поздравительные телеграммы: Столыпину, Щегловитову и Коковцову. Столыпин очень любезно ответил телеграммой же в тот же день около 6 часов. Странная душа! Давно ли мы с ним ругались? Да, он все-таки очень хороший человек, и дай ему господь понятие православное. Это главное, что ему недостает...

15 января. Ну, подписка уменьшилась на 200 человек с хвостом! Дела дрянь. Да и вообще — все нехорошо...

27 января. Сегодня Сидоров возвратился из СПБ и по телефону сообщил, что, по предупреждению Бельгарда, меня скоро должны вызвать в СПБ, именно в Царское Село.

6 февраля. Ну, из СПБ нет никаких приглашений. А я их опять огорчил. Написал статью об о. Илиодоре, начавшем «голодовку» в Царицыне. Статья-то, сам чувствую, хороша, и многие говорят, но в результате я все-таки обвиняю обер-прокурора и говорю, что Илиодора можно оставить на месте. А говорят, будто в Царском Селе очень вооружены против Илиодора, и Столыпин за Лукьянова... Ну, бог с ними, надоели они мне хуже горькой редьки.

3 марта. Третьего дня приехал Бельгард, и хотя ему немедленно написал, прося назначить свидание, до сих пор ни привета, ни ответа, ни звука. А завтра он уже собирается уезжать в СПБ.

Он здесь, кажется, больше из-за «инцидента» графини Толстой. В напечатанном ею томе сочинений мужа (Льва Толстого. есть не допускаемые законом места (крайне дерзкие письма государю). Комитет наложил арест... Бельгард приехал спасти Россию «от европейского скандала», как он выражается. Они прямо помешанные, эти наши власти, в своем холуйстве перед Толстым. Бельгард уже виделся с графиней, ведет какие-то переговоры. Вероятно, спасения России достигнут тем, что из книг вырежут несколько страниц и освободят от ареста, а на экземпляры, уже разошедшиеся, закроют глаза.

Право, кажется, на всем свете нет людей ничтожнее и презреннее современных русских. И подумать, что этим холуйством заражен Петр Аркадьевич Столыпин!.

4 марта. Вечером говорил со мной по телефону Бельгард. Объяснял делами невозможность повидаться, был весьма любезен и звал в СПБ. Неужели там мои шансы не так еще плохи?

7 марта. Часов около 8 получил телеграмму от Тихменева о падении Столыпина. «Несомненный факт: в субботу в Царском Селе премьер вручил прошение об отставке. До сегодня ответа не было, сегодня он выехал опять в Царское Село, где разрешится. Говорят, премьер — Коковцов, внутренних дел — Трепов — Тихменев».

С тех пор и вот до 2 часов ночи не имеем точного подтверждения. По сведениям градоначальника, отставка принята. Но ничего вполне достоверного доселе не получено. О министре внутренних дел слухи разные: говорят о Штюрмере, о Курлове... Есть даже слухи об уходе Кассо, с назначением Платонова...

И все это из-за национальных курий в западном земстве! Ну, Столыпин уходит с честью — за право русского народа.

Получено также известие об убийстве в Пекине русского посла

Коростовца. Деятель был плохой, но событие — крайне усложняющее все дела и отношения [1].

8 марта. Всю ночь не дали спать — телеграммы за телеграммами. Утром установил телефонную связь с СПБ, говорил с Бельгардом. Утверждает, что принятие отставки совершилось. Но не скажу, чтобы я очень доверял Бельгарду. Так он не знал (от меня узнал) о поездке Ширинского в Царское.

Я отправил Столыпину телеграмму:

«СПБ, Петру Аркадьевичу Столыпину. Приношу дань глубокого уважения до конца стойкому защитнику национальных интересов».

Написал даже (завтра явится) передовую, сочувственную Столыпину и порицательную тем, которые из-за желания низвергнуть противника жертвуют национальными интересами. Особенно ругаю Витте.

Вероятно, статья не понравится П. Н. Дурново, но не хочу подличать. Пусть Столыпин увидит, что я сообразуюсь не с успехом, а с правдою. Я не боялся спорить с ним, когда он был всемогущ, и не боюсь защищать его, когда его низвергли.

Был у меня Похвистнев. Он считает возможным, что Коковцова назначат временно до конца Думы, а после того назначат Дурново, который произведет coup d'état, перекроит законы 1906 г. о Думе и совете.

Этому я бы вполне сочувствовал, и тем более рискую, порицая в статье низвержение Столыпина (т. е. Дурново). Но — что делать? Правда обязательнее всего.

9 марта. Ответ Столыпина: «Спасибо на добром слове. — Столыпин».

12 марта. Ф. П. Степанов, возвратясь из СПБ, передал мне, по поручению кн. Ширинского, жесточайшую его ругань за «поддержку» Столыпина и за «клевету» на правых, которые, дескать, и не думали об «интриге» и о низвержении Столыпина... Нехудо! Я отвечаю: «Если они даже об этом не думали, то о чем же они думали?».

Ужасно подумать о страшном разгроме группы Дурново. Сам Дурново и Трепов уволены в отпуск... Это уже даже нехорошо со стороны Столыпина, т. е. глупо. Он начал действовать проскрипциями. Государственный совет унижен. По слухам, Столыпин будет исправлять на будущее время списки членов совета. Это — полное подчинение Столыпину самого монарха. Государственный же совет на-днях должен будет принять законопроект, который он только-что отверг 130 голосами против 23! Возможно ли большее самооплевание?

Можно ли быть такими идиотами, чтобы, имея могущественнейшую фракцию в 71 человек высших «персон», уложить все это в ничто за пять дней? Мыслимо ли было отдавать русских во власт. полякам?

И они, дураки, еще меня ругают! Они ругают Столыпина. Но кого можно ругать, как не эту компанию дураков? И, конечно, Дурново (да и Ширинский) рисковали всем, лишь бы свалить Столыпина. Это — единственное оправдание их безумного поведения. Они все поставили на карту, в том числе свое групповое существование, они откололи от себя 48 человек и дали коалиции 20 лишних голосов. История Мазепы... Но карта бита, и они рухнули во прах!

[1] «На другой день опровергнуто» (примечание в подлиннике).

Столыпин теперь стал тем престолоначальником, каким называл себя когда-то Витте. Собственно говоря, все-таки непостижимо, почему государь отдал всех на расправу Столыпина и сам ему так беспредельно подчинился?

Говорят, Столыпина поддержала вдовствующая императрица. Но зачем же итти так беспредельно далеко?

Теперь трудно себе представить все последствия неслыханного разгрома правой группы совета. Конечно, наряду с рабским страхом перед проскрипциями, кипит жгучая ненависть. Конечно, Столыпину теперь одна дорога — к левым. А дальше? До чего он дойдет? Видно все, действительно, идет к революции 1812 года[1], и в России нет сил этого избежать. Я теперь не вижу ни малейшей на то надежды.

15 марта. События крутятся, как пыльный вихрь. Столыпин решился взять рекорд глупости, начал проскрипции своих врагов, провел законопроект по 87 статье, распустив для этого законодательные учреждения на три дня! Разумеется, Дума стала на дыбы, а Столыпин в довершение этого «государственного озорства» (как сострил повеселевший Дурново) заявляет, что это он «борется с реакцией». Ерунда несосветная! И ко всему этому Столыпин привязал высочайшее имя...

Ну, уж и государственные люди!

Пришлось мне, хотя избегая задирательного тона, отшлифовать своего Петра Аркадьевича...

Еще страшнее было то, что наш ультиматум Китаю несколько дней всех держал в страхе войны. Но, слава богу, кажется, Китай еще слабее нас и — сдрейфил. Надолго ли? Но мы живем теперь завтрашним днем и довольны, если завтра не грозит гибель.

18 марта. Очень важные сведения из СПБ об доносе Столыпина насчет «реакционного заговора»... Хорош заговор! Но все программы монархических союзов явно и печатно требуют восстановления самодержавия. У меня целый ряд статей посвящен доказательствам безусловной необходимости изменения учреждения Думы и избирательных законов. Сам Столыпин их изменил 3 июня. Какой же тут «заговор»? Множество лиц, при всех аудиенциях, единолично и в депутациях, просили государя изменить учреждения 1906 года. Какие же тут «окольные пути»?

Не ожидал я, чтобы Столыпин в пылу борьбы мог унизиться до явно лживого доноса и целое движение, явное, открытое, представить заговором... Вот тебе и рыцарь! Я удивляюсь только одному: как можно было сказать государю о заговоре, как государь мог слушать и верить? Ведь он превосходно знает, что все «правые» кричат и говорят о необходимости изменить законы 1906 года, так что какой же тут может быть «заговор»? Непонятно.

19 марта. Сегодня абсолютно никаких известий из СПБ. Что у них делается, — неизвестно; вероятно, никто еще не успел окончательно оболгать другого.

22 марта. В СПБ все, видимо, приходит в порядок. Оказывается, что все хороши, все заслуживают доверия, все им пользуются. Вообще все обстоит благополучно.

Противное время, тошно о нем думать. И — нет этому конца. Теперь

[1] Так в подлиннике.

видно уже, что нет конца... Мы осуждены влачить это жалкое существование, пока не явится новый руководитель.

24 марта. Идут телеграммы о запросе в Госуд. совете. Интересно... но не спрашиваю себя «что будет?». Я совершенно убежден, ничего не будет. Немножко побранятся в совете, немножко побранятся в Думе, но все стороны останутся на своих местах, никто не полетит, останется и Дурново с прочими «заговорщиками», и Столыпин и

будет править нами
Попрежнему...

Думается мне, что мы осуждены на гниение в своем болоте на неопределенно долгое время... разве случится революция или война. Тогда опять все полетит вверх тормашками, и можно ли надеяться, чтобы хоть тогда Россия вышла на какой-нибудь определенный путь развития? Пожалуй, все-таки нет...

Никогда не было так ясно видно непостижимое могущество самодержавия, которое, кажется, не может разрушить только самого себя. Разве, если допустить кадетов захватить диктатуру и водворить республику гильотиной...

25 марта. Государственный совет постановил сделать запрос. Правительство обдумывает свой ответ, и в промежутке тихо.

А там, в Царицыне, Илиодор не выходит из алтаря, там сторожат его... Посланные от мира хлопочут в синоде с прошением от 13 000 человек об оставлении его. Я сегодня написал статью в защиту прошения, но она явится уже поздно.

27 марта. Какое странное, почти невероятное происшествие! Вчера я телефонировал с ген. Богдановичем — ехать ли мне в СПБ; он ответил, что нужно ехать. Сегодня телефонировал с Бельгардом о том же. Говорит: «Нужно ехать». Я решил ехать во вторник и поручил Бельгарду сказать об этом Столыпину (у него доклад во вторник же).. И вот сажусь готовиться, собираю здесь статьи, отдал распоряжения Шредеру (он заходил утром)...

И вот среди этих хлопот приносит околоточный вызов на 30 марта к судебному следователю по какому-то примирительному разбирательству дела с какой-то Татьяной Архиповной Окулич! Я никакой Окулич и в глаза не видал и не могу даже припомнить такое имя... Что за умопомраченье?..

Сейчас же бросаюсь к телефону спросить у следователя разъяснения, целое утро звонил — не дозвонился, послал записку с рассыльным, и следователь (Добрынин Ник. Павл.) оказался отсутствующим. Итак, полная неизвестность, и ясно только одно, что все планы разрушены.

Но что это за Татьяна? Шантаж, что ли, какой?

Ночь. Сегодня много раз пытался вызвонить следователя, послал ему с рассыльным письмо, и вот так и остался в неизвестности. Нет его дома до сих пор.

28 марта. Наконец, стелефонировался с судебным следователем утром. Оказывается, учительница, обиженная в № 48 «Московских ведомостей» письмом о ее «толстовском» направлении. Ну, это, по крайней мере, ясно. Только, какое же может быть «примирение»?

Следователь согласился отложить дело до моего возвращения из С.-Петербурга.

3 апреля. Утром возвратился из СПБ, куда выехал 29 марта.

Видели там: 1) Бельгарда, 2) Щегловитова, 3) Коковцова, 4) Григоровича (нового морского министра), 5) Толмачева (одесского градоначальника), 6) Кутузова, 7) Богдановича, 8) митр. Владимира, 9) о. Кронида, 10) Роговича, 11) гр. Головина, 12) Недачина, 13) Чарыкова, 14) Замысловского, 15) Шечкова, 16) Тихменева.

Это были дни запроса в Гос. совете, весь СПБ полон этой единственной заботой. Все это страшно мешало чему-либо деловому. Впрочем, кое-что все же сделал. Что касается перипетий «кризиса», — узнал все досконально, и поведение Столыпина, к несчастью, крайне нечестно. В борьбе за власть он окунулся в интригу, ложные доносы, мщение и полную некорректность в отношении товарищей.

Едва ли он сейчас слетит, но он потерпел нравственное поражение, утратил то, чем был силен, — веру в его благородство.

27 апреля. Был на примирительном разбирательстве у судебного следователя. Окулич не пришла, прислала поверенного — некий Овчинников, помощник знаменитого Ледницкого. Конечно, никакого «примирения» не состоялось. Эти господа, очевидно, хотят какого-то политического скандала, а Окулич просто пешка в их руках.

Будет суд.

8 мая. Завтра собираюсь ехать в СПБ. Уже взят билет. Там у меня не радость. Опять ругаться со Столыпиным.

Сегодня неожиданно приехал Бельгард, был у меня часа 1½, и все время спорили.

Вечером был Савенко. Он не идет ко мне, остается в Киеве, подготовляет выборы от националистов, да и сам собирается в 4 Думу.

14 мая. Сегодня возвратился из СПБ.

В СПБ видел многих. Центральный пункт составляет свидание со Столыпиным. Была страшная баталия по поводу моих «нападений» на него. Я тоже разгорячился и доказывал ему необходимость изменения основных законов. Свидание было 13 мая, в 3¾ часа прервано посещением бухарского эмира, возобновилось и продолжалось до 7 часов.

Расстались все-таки без ссоры, и он обещал даже исхлопотать мне представление государю. Он однако прямо сказал, что и раньше говорил обо мне государю (два раза), но государь на это ничего не выразил, т. е., другими словами, вероятно, ему не угодно меня принять. Это ставится в связь с моими статьями против известного «блаженного старца», которого он считает очень хорошим, чуть не святым... Главное же — он не хочет, чтобы об этой личности говорили. Ну, я-то в чем же виноват? Ведь я не знал этой воли государя императора.

Теперь в СПБ положение до невероятности запутанное. Bellum omnium contra omnes. Против Столыпина и Дума и совет. Относительно значения Саблера говорят, будто его выдвинула государыня императрица Александра Федоровна.

Впрочем, некогда всего записывать. Перевидал так много лиц и наслышался так много рассказов, а теперь уже ночь, надо спать.

3 июля. Вот каков мой дневник: по два почти месяца не записываю. Некогда. О делах общественных и политических тошно не только писать, а даже думать. Совсем запаршивела Россия. Интересно знать: способна ли она еще воскреснуть, если наступит другое царствование? Уж и не верится. Да притом это царствование еще долго протянется.

Ну, а лет десяток еще уже старой России и следов не останется. Finis Russiae. И прежалкий. Казалось бы, мы заслуживали чего-нибудь все-таки более приличного.

Ну, а моя газета? Плохо, очень плохо. Чахнет. Не удовлетворяю публику. Да и права она, как прав и я. Самое бы правильное — оставить издание, да и это не легко.

6 июля. Послал Столыпину длинное письмо, в котором советую ему стать во главе реформы законов 1906 г.

Делаю это для ясности положения и отношений, к сожалению, без малейшей надежды на то, что он поймет и согласится.

25 августа. 21 августа явился ко мне Бельгард и объявил, что 23 августа совет министров будет рассматривать законопроект мин. торговли (Тимашев) об отобрании торгово-промышленных объявлений у нас. Столыпин дал поручение Бельгарду узнать, «не будет ли это нам слишком убыточно?»

Я немедленно телеграфировал Столыпину: «Уменьшение прихода на 100 тысяч, недостает 60 тысяч на расход. Невозможно будет вести дело». Вслед за тем послал Столыпину заказное письмо с объяснением, что я немедленно должен буду подать заявление об отказе от аренды, а также объяснил неосновательность этой меры. Копия письма у меня осталась.

Вчера я говорил с Бельгардом по телефону (в СПБ), и он мне сообщил, что 23 августа в совете министров обсуждение было отложено по неизвестным для него причинам. Но сегодня Бельгард должен быть с докладом у Столыпина, и все узнает и мне сообщит.

2 сентября. [Под этой датой в дневнике наклеена телеграмма о покушении на П. А. Столыпина.]

5 сентября. Ночь. Сегодня, в 10 ч. вечера, Столыпин скончался. Провели два томительных дня, особенно сегодня. 2-го и 3-го известия были очень успокоительны. 4 сентября уже пошло ухудшение. Сегодня с раннего утра — известия все более безнадежные. В 5 часов дня известие, что началась агония... Но только в 11½ ночи явилась телеграмма о кончине в 10 часов ночи...

Я чувствую себя разбитым, усталым, в какой-то внутренней апатии с наружной оживленностью. Я его очень любил. Он — один из лучших людей, каких я знал. И безусловно — самый блестящий, какой-то нравственно изящный в каждом поступке. Я постоянно ссорился с ним, и никогда не разрывал. Я его не только любил, но глубоко уважал. И чувствую какую-то отраду от сознания, что и он меня уважал, верил моей искренности. Последнее свидание, когда мы так жестоко спорили, он все-таки сказал. «Я знаю, что, когда я паду, вы ко мне придете еще охотнее»...

Он был лучше, чище, благороднее всех своих соперников: нельзя даже и сравнивать.

У него в политике, по-моему, много ошибок — коренных. Особенно печальна его церковная политика. Но в общем теперь, когда его уже безвозвратно нет, перед Россией открывается какая-то черная тьма неизвестности и, вероятно, жестоких бедствий... Не справится, вероятно, никто с положением.

Туман неизвестности застлал и мой путь. Столыпин был единственный человек, который меня бы поддержал. Теперь меня ждет несомнен-

ное крушение. Если я выскочу из пучины с возможностью пропитания семье, то буду обязан этим ему... Но не знаю, выскочу ли...

8 сентября. Изморился. Толчея. Завтра в Киеве, наконец, похороны Столыпина. Похороны — царские. Да и царей так не хоронили. Только недостает государя, который, слава богу, уже в Крыму. Без него спокойнее.

Но какой быстрый переворот, господи, прямо не очувствуешься.

Я сначала заподозревал какой-нибудь злодейский умысел в среде правительственных соперников. Но, кажется, простая глупость разных Кулябков и их непростительная небрежность... Однако брат Столыпина, Александр, говорит, что Курлов знал о Богрове, т. е. что его впускают в театр... Непостижимо!

Или это закон судеб Поликратов. Перед отъездом в Курск прот. Восторгов заходил ко мне. Это было 31 августа. Говорили о том, о сем. В конце, понятно, перешли к Столыпину. Ведь это был центр русской жизни, как ни один из царей... Разговорились о его удивительном счастье. Сколько глупостей наделал весной, и все обратилось в его же пользу... Мы оба говорили это с веселым сочувствием к... Столыпину. Но вдруг оба как-то омрачились. Я говорю: «Только уверяют, будто все счастливцы кончают непременно страшным несчастьем...» «Да,— говорит Восторгов, — недаром вечный образ Поликрата Самосского...»

Кто мог подумать, что через 24 часа Петра Аркадьевича уже сразит такой нежданный, непостижимый Поликратов рок?

Интересно, что теперь думает этот несчастный государь[1]. Ведь нет у него ни единого человека, на которого он мог бы опереться. Даже Дурново уже не годится... Да он и не любит Дурново... Разве Кривошеин? Теперь едет в СПБ Гондати. Пожалуй, его бы можно попробовать. Он — столыпинского темперамента и, может быть, умнее. Но во всяком случае — дьявольски мерзкое... положение... Может быть, трагическая смерть Столыпина произведет реакцию в обществе, которая временно сдержит революционеров... Но это, во всяком случае, может быть краткой отсрочкой. Ею умный человек может воспользоваться для более солидного укрепления положения, но где этот умный человек? Уж не Коковцов же!.. Его ум совсем иного сорта. На это не годится. Тут лучше бы всего был Дурново, если бы ему десяток лет снять с плеч...

Скверно!.. Все характеры ушли в революцию. Впрочем, и у них только разбойники, а ни единого умного тоже нет. Вот Нилус пророчил на 1913 год антихриста... Пожалуй, если бы пришел, то могли бы все ему поклониться, как избавителю. Но только все это вздор. Не видать еще исполнения пророчеств. А скверно, а скучно, а бессмысленно жить! Даже и просвета не видно. Ведь и конституция не удержится и не умиротворит.

---

[1] Позднейшая приписка: «Говорят, что он не придает этому значения, т. е. не считает особой потерей».

Из записной книжки архивиста

Бисмарк о положении в Европе в 1868 г.

Реакционеры всех национальностей издавна пытаются своим гнусным замыслам дать высшую санкцию и некое идейное оправдание. В этом отношении от столпов, например, русского панславизма, мечтавших о захватнической политике на Ближнем Востоке и об утверждении господства «третьего Рима», ничем не отличаются идейные вдохновители современного фашистского пангерманизма, мечтающие о захватнической политике на Востоке и о мировом господстве «третьей империи». И они нуждаются в обосновании своей политики грабежа. В поисках оправдания своих преступных планов современные фашистские идеологи приходят к старым понятиям «расовой души».

«Мы верим в расовую душу, которая направляет внутренне здоровую нацию на предначертанный ей путь»,— — пишет Альфред Розенберг, прибалтийский немецкий барон и бывший верноподанный русского царя, а ныне фашистский идеолог германского империализма и советник Гитлера по внешнеполитическим делам; он чувствует себя призванным доподлинно разобраться во всех тонкостях этой «расовой души» и в сложном маршруте определяемого ею движения.

Куда же ведет этот предначертанный путь, распознанный фашистскими господами? Наклонности этих господ к графомании дают возможность раскрыть эту тайну еще до того, как германский фашизм отправился в поход по избранному им пути. «Или Германия будет мировой державой, или ее совершенно не будет, — пишет Гитлер в своей книге «Моя борьба». — Но чтобы стать мировой державой, она должна иметь такую величину, которая в настоящее время придаст ей должное значение». Но для этого, как указывает Николаи в своей книге «Государство в национал-социалистском понимании», Германская империя должна включить в свой государственный организм всех немцев: немцев эльзасских, люксембургских, австро-шлезвигских, данцигских, немцев, живущих в Чехословакии, Западной Пруссии, Польше, Верхней Силезии, Мемельском районе, южных немцев, австрийцев, жителей Лихтенштейна, затем немцев, живущих за границей, и прежде всего в Семиградье, Поволжье (!) и Прибалтике. Как видно, германскому фашизму, влекомому своей «расовой душой» к политике захватов чужих земель, предстоит длинный и тяжелый путь. К этому пути он готовится не только в военном, но и в идейно-политическом отношении. Он воскрешает все традиции германского империализма и прусского милитаризма. Он вызывает на помощь тени Фридриха II и Бисмарка. Он выступает как носитель «духа Потсдама» и незавершенной «немецкой миссии».

«Делить Германию с заграницей...,— указывает Энгельс, — вот в чем состояла немецкая миссия Пруссии, начиная с 1740 г.» [1]. Действительно, история внешней политики Пруссии представляет собою длинную цепь предательств, совершенных правящими классами в отношении немецкого народа. Пруссия неоднократно торговала германской территорией, и в этой торговле Франция выступала как старый клиент. То новое, что внес Бисмарк в выполнение этой «миссии», заключалось в том, что эту торговлю германской территорией он сочетал с делом национального объединения Германии.

При этом порабощение других народов, и прежде всего поляков, всегда являлось одной из основ существования феодальной Пруссии, а затем

---

[1] Энгельс, Сила и экономика в образовании Германской империи, М., 1923 г., стр. 31.

буржуазно-юнкерской Пруссии — Германии.

Война в 1864 г. с Данией показала, что дело национального объединения немцев великолепно сочеталось с делом национального порабощения датчан. Через два года — в 1866 г. — прусский юнкер Бисмарк, политические традиции которого до сих пор продолжает чтить германский империализм, показал, как он понимает выполнение своей «немецкой миссии». Крепким военным ударом он выгнал Австрию из Германского союза. На полях Богемии, на родине будущего основателя «третьей империи», Бисмарк сделал второй шаг к национальному объединению Германской империи под верховенством Пруссии. Действуя бонапартистскими методами, Бисмарк при этом предварительно договорился с французским Бонапартом, которому, по старому доброму прусскому обычаю, в качестве компенсации за нейтралитет он обещал уступить Рейнскую Баварию и Рейнский Гессен. Но когда пришел час расплаты, Бисмарк, опираясь на вооруженную силу, отложил выполнение своих обещаний и снова возобновил дипломатическую торговлю с Луи-Наполеоном. Последний, чувствуя себя еще не подготовленным к войне и пытаясь выиграть время, вынужден был пойти на переговоры.

Неудивительно, что позиция Наполеона, как об этом свидетельствует публикуемый ниже документ, давала большое удовлетворение Бисмарку. С другой стороны, Бисмарк крайне опасался, что Австрия в лице ее тогдашнего канцлера Бейста воспользуется создавшейся ситуацией и, усвоив его же собственный политический метод, активно использует существующие международно-политические противоречия и сможет «господствовать над ситуацией, стать своего рода арбитром положения». В то время Бисмарк более всего опасался сближения между все еще враждебной Австрией, которую он только что побил, и пока еще дружественной Францией, которую он уже собирался побить, чтобы окончательно завершить свою «немецкую миссию».

Но на пути выполнения этой «миссии» стояли южногерманские страны и прежде всего Бавария, которая не проявляла особенного энтузиазма при мысли о том, что несет с собою победа прусского сапога. Бисмарк в этом видел проявления клерикализма и, что еще опаснее с его точки зрения, республиканства. Его самые главные опасения, однако, заключались в том, что Бавария, расположенная между Австрией и Францией, может оказаться мостом, соединяющим его врагов в Австрии с его друзьями в бонапартистской Франции. Самый примитивный расчет толкал его к тому, чтобы бить своих соперников и врагов поодиночке; теперь эта славная бисмарковская традиция в фашистском политическом лексиконе называется теорией локализованной войны. Для этого на месте баварского моста нужно было вырыть глубокий стратегический ров. Отсюда удивительные проекты «о создании из Баварии подобия нейтральной страны, вроде Швейцарии или Бельгии». Бисмарк не скрывал, что эти комбинации менее всего оправданы идеей о «национальной миссии», но зато полностью могут быть оправданы его военно-политическими и стратегическими замыслами: «Мы первые выиграли бы от этого, так как ее (Баварии. — *А. Е.*) нейтральность служила бы прикрытием нашего левого фланга».

Так Бисмарк раскрывал свою комбинацию послу царской России, с которым можно было не стесняться: выполняя свою «миссию» национального объединения, Пруссия, как известно, предварительно заручилась поддержкой русского царизма, который троекратно сохранял благоприятный нейтралитет в войнах Пруссии с Данией, Австрией и затем Францией. Общие интересы европейской реакционной политики и борьба с польским движением способствовали созданию общего языка русской и прусской дипломатии. Но в данном случае даже посол царской России, узнав из уст Бисмарка о комбинациях относительно судьбы Баварии, с плохо скрываемым удивлением заявил, что подобного он «до сих пор еще ничего не слышал». И тут Бисмарку пришлось срочно найти своим комбинациям высшее оправдание: носитель политики объединения Германии неожиданно вспомнил, что немцы, населяющие юг Германии, по своей расе «определенно отличны» от остальных немцев. Бисмарк обнаружил поразительное отсутствие дара предвидения: очевидно, основатель германской империи никак не предполагал, что Бавария, народу которой он отказал в принадлежности к немецкой расе, станет тем гнездом, где основатель

«третьей империи» со своими сподвижниками будет вынашивать теории о германской расе, об ее превосходстве над всеми остальными расами.

Расовая теория, которая ныне призвана оправдать стремления германского загнивающего империализма к мировому господству, на заре объединения Германии служила, оказывается, при определенной политической ситуации прусскому юнкеру аргументом в пользу невключения Баварии в германский государственный организм. При другой политической ситуации современные носители прусского милитаризма, выбрасывающие лозунг объединения всех немцев, предупредительно готовы забыть о немцах, проживающих в Польше или к югу от бреннерской границы. Понятие «расовой души» столь широко и необъятно, что в него можно вложить, в зависимости от условий, прямо противоположные политические устремления. Такова та непререкаемая истина «расовой души», границы которой на самом деле слишком подвижны.

Неудивительно, что официальный идеолог захватнических планов германского фашизма Розенберг считает, что «всемирная история должна быть написана заново», но никакая апелляция к прошлому и фальсификация истории не могут, конечно, принести оправдания тем злодеяниям, которые совершаются в настоящем и подготовляются в будущем.

А. Е.

Депеша российского посла в Берлине министру иностранных дел кн. Горчакову от 3 декабря/21 ноября 1868 г. № 189[1].

Господин канцлер,

Кн. Бисмарк только что посетил меня, и мы с ним бегло рассмотрели нынешнее политическое положение. Спешу представить вашему высокопревосходительству содержание нашей беседы.

Франция. Председатель совета [министров] очень доволен как настоящей позицией императора Наполеона, так и образом действий французского правительства. Он находит, что они проникнуты миролюбивыми настроениями.

Австрия. Гораздо менее благоприятно выраженное им мнение относительно австрийской политики и измышлений барона Бейста, вызывающих сожаление даже в Париже, так как они способны поддерживать тревогу в умах и мешать восстановлению серьезной уверенности в прочности политического положения в Европе.

«Австрийский канцлер снедаем тщеславием, — сказал мне между прочим кн. Бисмарк. — Он всегда хочет быть на первом месте, хочет, чтобы все приписывалось ему. Венский кабинет, повидимому, принимает позицию, аналогичную его позиции 1813 года, когда, ведя, с одной стороны, переговоры с Францией, с другой стороны — с Россией и Пруссией, он предоставил свое содействие тому, чьи предложения, по его мнению, были наиболее выгодными для него, однако, с тем условием, чтобы господствовать над ситуацией, стать своего рода арбитром положения. Эта роль, повидимому, улыбается еще и сейчас барону Бейсту, который видит в ней способ выдвинуться и тем удовлетворить свое тщеславие».

Англия. Перемены в английском министерстве не тревожат председателя совета [министров]. Он полагает, что новое министерство — войдет ли в него в качестве министра иностранных дел Кларендон или Вудхауз — будет продолжать, как уже десять лет это делали английские министерства, заботиться главным образом о прессе своей страны и о парламенте. Так что смена системы не вызовет существенных перемен в том направлении политики, которого Англия придерживалась все последнее время.

Испания. События в Испании, по мнению председателя совета [министров] оказывают скорее благотворное влияние на общий ход дел. Это, сказал он, как бы гнойное выделение при хронических болезнях, предохранительный клапан. Этим объясняются выражения тронной речи, произнесенной в Берлине, может быть, необычные в устах прусского короля, но предназначенные главным образом для того, чтобы оказать давление, в некотором роде умиротворяющее, на современные настроения.

Румыния. Что касается Румынии, то кн. Бисмарк полагает, что принц Карл поступит правильно, дав отставку министру Братиану. По его мнению, румынское правительство прежде всего должно заботиться об укреплении положения страны, а не мечтать о

[1] Архив внешней политики, ф. канц. 1868 г., д. № 19. Подлинник на французском языке.

шестимиллионном королевстве, состоящем из дако-румын. Если представится к тому случай, принц Карл может подумать о тех выгодах, которые могли бы ему принести европейские осложнения. Однако сам он не должен становиться источником и объектом этих осложнений. Именно в этом смысле председатель совета [министров] писал еще из Варцина графу Кейзерлингу. Он ему сказал, между прочим, следующую фразу, передающую суть его мысли: «Надо, чтобы Румыния стремилась сделаться как бы второй Бельгией, а принц Карл—вторым Леопольдом». По крайней мере для данного времени это, по его мнению, наилучший пример, на который только он может указать Румынии. Беспорядки же, происходящие последнее время в Румынии, могут быть, частично по крайней мере, приписаны 300 000 австрийских подданных, которых Австрия поддерживает в этих местностях. Возможно, что они не непричастны к беспорядкам в этих областях.

Я сказал кн. Бисмарку, что мне еще неизвестно, как отнесется императорский кабинет к последним мероприятиям принца Карла, но я думаю, однако, что мы их будем приветствовать, ввиду реформ во внутренней политике, которые императорское правительство проводит так же настойчиво, как и удачно, и которые к тому же побудят нас стремиться к сохранению мира. Впрочем, добавил я, такое же желание, думается мне, должно быть и у Пруссии.

«Конечно,—заметил председатель совета [министров], — мы не можем желать войны и ничего бы от нее не выиграли».

Южная Германия. «Юг Германии является до некоторой степени предметом наших забот вследствие тех республиканских и клерикально ультрамонтанских тенденций, которые там господствуют. К тому же эти расы определенно отличны от наших. И если бы дело шло о создании из Баварии подобия нейтральной страны, вроде Швейцарии или Бельгии, то мы первые выиграли бы от этого, так как ее нейтральность служила бы прикрытием нашего левого фланга, и нам пришлось бы тогда защищать лишь проходы в Силезии и Богемии и линию укреплений на Рейне».

Я спросил у его высокопревосходительства, имелась ли в виду подобного рода комбинация, о которой я до сих пор еще ничего не слышал.

Кн. Бисмарк ответил, что по пути ко мне он прочел об этом в газетных вырезках, которые ему доставляет отдел прессы; что ему неизвестно, будет ли эта комбинация серьезно обсуждаться, но что, со своей стороны, он не будет против нее, даже если кабинеты Парижа и Вены возымеют намерение дать ей ход.

На этом закончился наш разговор. Мы коснулись всех главных интересов данного момента.

Резюме. Кн. Бисмарк радуется прекрасным отношениям, существующим между Россией и Пруссией, которые еще более укрепили недавние свидания наших августейших государей. Прежде чем расстаться, он резюмировал свою мысль, подчеркнув, что он доволен Францией, но в гораздо меньшей степени доволен Австрией и направлением политики барона Бейста.

С глубочайшим уважением честь имею и т. д.

П. Убри.

Московский университет в октябрьские дни 1905 г.

При ознакомлении с публикуемыми ниже документами необходимо иметь в виду, что они взяты из архива департамента полиции и потому требуют при своем использовании критического подхода. Документы относятся к осени 1905 г. и характеризуют один из самых острых моментов истории студенческого движения вообще и Московского университета в частности. Студенческое движение 900-х годов под влиянием революционного рабочего движения уже вступило на путь политической борьбы, отказавшись от узко академической платформы 90-х годов.

Следующим неизбежным этапом в развитии студенческого движения была классовая и партийная диференциация. Необходимо отметить, что переход к этому этапу был обусловлен в значительной степени ростом и усилением политической активности рабочего движения. Эти новые особенности

студенческого движения отметил В. И. Ленин в 1903 году в статье «Задачи революционной молодежи»[1].

Наивысшим этапом в революционной борьбе студенчества было объединение революционного студенчества с пролетариатом. В. И. Ленин так оценивает этот момент в статье «Политическая стачка и уличная борьба»: «Соединение пролетариата с революционной демократией, о котором мы не раз говорили, становится фактом. Радикальное студенчество, принявшее и в Петербурге и в Москве лозунги революционной социал-демократии, является авангардом всех демократических сил, которые гнушаются подлостью «конституционно-демократических» реформистов...»[2].

Печатаемые ниже документы отражают именно этот период наивысшего напряжения борьбы радикального московского студенчества, принявшего лозунги большевиков — свержение самодержавия при посредстве вооруженного восстания — и открывшего университет для широких революционных выступлений.

А. Сыромятников.

Донесение ротмистра, состоящего при ярославском губернском жандармском управлении от 13 сентября 1905 г., № 184[3].

В дополнение к донесению моему от 4 августа за № 150 и телеграмме от 1 сентября[4], имею честь доложить вашему превосходительству, что, по имеющимся агентурным сведениям, на состоявшемся студенческом нелегальном съезде собрались представители от 23 студенческих организаций, из которых шесть было партийных. Съезд, ввиду большого разнообразия элемента его участников, признал себя конференцией с решениями чисто совещательного характера. На съезде от некоторых организаций было по два и даже по три представителя, но, несмотря на это, голосование происходило по организациям, так что каждая организация имела по одному голосу. Съезду приходилось менять места своих собраний, так как участниками его было замечено наблюдение со стороны агентов охранного отделения. Съезд имел три заседания: в 1-м каждый делегат докладывал, от какой студенческой организации является он представителем, во 2-м каждый делегат излагал историю студенческого движения того высшего учебного заведения, представителем которого он является, в 3-м обсуждались вопросы об учреждении студенческого бюро и о тактике политической борьбы. Что касается учреждения постоянного студенческого бюро для сношения со всеми высшими учебными заведениями, то съезд единогласно высказался против этого, признав, что студенчество в политической борьбе должно присоединиться к существующим политическим революционным партиям: социалистов-революционеров и социал-демократов. На съезде не было представителей от высших учебных заведений следующих городов: Юрьева, Томска и Владивостока.

Вторым делегатом[1] от Демидовского юридического лицея на съезде был студент лицея Николай Ильич Подвойский.

Приложение: Полученное агентурным путем гектографированное воззвание: «Резолюция съезда представителей организаций русских и польских высших учебных заведений».

Ротмистр Немчинов.

Просят распространять.

Резолюция съезда представителей организаций русских и польских высших учебных заведений[2]

О тактике студенческой борьбы

Обсудив настоящее положение дел в России и признав:

1) что царское правительство будет всеми силами препятствовать освободительному движению народа;

2) что освободить народ от политического гнета и создать наиболее благоприятные условия для освобождения

[1] Ленин, Соч., т. V, стр. 353.

[2] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 294.

[3] ДП, о. о., 1905 г., д. № 3, ч. 25, л. 17. Публикуемые документы подготовлены к печати А. Кобяко.

[4] В указанных отношении и телеграмме сообщалось о предполагаемом съезде студентов для выработки программы действий.

[1] Так в подлиннике. Первым делегатом проходил студент Демидовского юридического лицея Степан Степанович Данилов (кличка «Звонарь»).

[2] ДП, о.о., 1905 г., д. № 3, ч. 25, л. 18 Печатается с гектографированного подлинника.— Заголовок подлинника, над которым напечатано: «Просят распространять».

от гнета экономического можно лишь путем созыва Учредительного собрания на основании всеобщего, равного голосования при прямой и тайной подаче голосов для лиц обоего пола, начиная с 21-летнего возраста, без различия национальности и вероисповедания[1];

3) что такое Учредительное собрание может быть лишь создано революционным путем;

4) что одним из главных средств к этому является приурочивание общей политической забастовки и вооруженного восстания к моменту созыва Государственной думы —

съезд представителей организаций русских и польских высших учебных заведений считает, что студенчество должно принять непосредственное участие в предстоящей борьбе. Для этого студенчество должно сконцентрировать и мобилизовать свои силы в крупных городах и дать возможность использовать высшие учебные заведения для революционной агитации и пропаганды в широких массах населения и предпринять меры к организации партийных студенческих боевых отрядов с тем, чтобы в нужный момент студенчество могло примкнуть к общей политической забастовке и к вооруженному восстанию.

Примечание. Если по местным условиям открытие высших учебных заведений может привести только к мирным занятиям студенчества, то съезд рекомендует местным организациям проведение забастовки с начала 1905/6 академического года.

г. Ярославль, 1905 г. 10 сентября

Рапорт пристава 2 уч. Тверской части московскому градоначальнику от 7 сентября 1905 г., № 487[2].

Сегодня к 10½ ч. утра студенты стали собираться на двор дома университета, выходящий на Моховую улицу, в небольшие группы, а затем подошли к помещению физического института, но там было вывешено объявление, что по случаю ремонта помещение закрыто. Тогда студенты, делая надписи на этом объявлении, собрались в зоологическом музее количеством до 500 человек, но сходка там не состоялась, и к 12 ч. дня все перешли в Новый университет (1 уч. Тверской ч.), где к тому времени собралось до 2 000, а затем студенты группами стали подходить, и в общем их насчитывали свыше 4 000, включая в это число и курсисток до 400. Они заняли все аудитории и коридоры. Особенное скопление было в юридической аудитории № 1, где образовалась такая духота, что студенты снимали верхнее платье и были в рубашках, затем достали ручную небольшую лестницу, подняли ее на руках, и кто-то из студентов по этой лестнице добрался до верхней рамы, отковырял замазку и открыл ее; кроме того, разбили 3 стекла. Между студентами были техники, инженеры сельскохозяйственного института, межевого института и много одетых в штатское платье. Около 4 часов прошли со студентами 10 рабочих. Были и приват-доценты на сходке, а именно: Понятовский и Ярославцев. В аудиториях говорились речи, читались писаные листы и передавались из одной аудитории в другую, говорили и курсистки. В одной аудитории говорило 63 оратора. Кроме того, продавались открытки с изображением нижеследующих картин: река, на берегу стоят царствующие лица всех стран, среди реки плывет льдина, и русский царь, стоя на льдине в разорванной порфире, с короной на голове, в ногах на льдине держава, скатывающаяся в воду, и с другой стороны скипетр — туда же, простирает руки к берегу, как бы прося о помощи. Другая изображает русского царя, замахивающегося огромным мечом на гидру; царю удается отсечь голову гидры, но на ее место вырастает семь голов. — В аудиториях кричали: «Долой царя». «Нельзя приступить к занятиям при самодержавии». «Наследник родился немой и глухой». Говорили, что войска сибирские настолько деморализованы и что пропаганда в них так распространена, что боятся их возвратить сюда и что скоро они сами придут, и тогда будет революция. По рукам ходила родословная дома Романовых, из которой видно, что у нас царствует дом князей Юсуповых, а не Романовых.

Образовались 4 партии:

---

[1] Семью организациями, в том числе депутатами лицея, пункт второй принят в измененной редакции: выражение «для освобождения от гнета экономического» заменено словами «для классовой борьбы» (примечание в подлиннике.)

[2] Московское охранное отделение, 1905 г., д. № 26, 1-а, лл. 79—80.

1) академическая — наука для науки, небольшая;

2) революционно-академическая — наибольшая, к которой примкнули и вновь поступившие, — т. е. можно заниматься науками и принадлежать к революционерам;

3) забастовщики — наименьшая;

4) революционный трибунал — довольно значительная и самая нежелательная, смотрящая на университет, как на источник пропаганды с вооруженным сопротивлением.

Прокламациями буквально засыпали, некоторые образцы при сем представляю[1].

Центральный комитет окончательно провалился, ему выразили на собрании недоверие и порицание за весьма глухой отчет. Отчет центрального комитета читал председатель, весьма энергично руководивший собранием, за неимением звонка громко стучал по столу палкой, водворяя порядок и тишину. Представители печати просили допуска на сходку, но, говорят, это было отклонено. Выбором кн. Трубецкого недовольны и говорили, что при такой автономии никому не следовало из профессоров ставить свою кандидатуру.

Несколько человек высказывали желание устроить манифестацию на улице, но большинство это отклонило, говоря: «Пока мы свободно собираемся и нам не мешают,—для чего тут манифестация?» Председатель собрания доложил, что в манеже казаки и полиция. Говорили, что следующая сходка назначается 9 сентября, в 12 ч. дня, в том же помещении.

Некоторые студенты высказывали после сходки свое мнение, что хотя занятия и начнутся, но партии третья, четвертая и большинство второй объединятся, и тогда трудно будет продолжать занятия.

Никаких уличных беспорядков со стороны студентов проявлено не было.

О чем вашему превосходительству донести честь имею.

Пристав Юрьев.

[1] Распространялись прокламации: «К учащейся молодежи» Московского комитета РСДРП, «К интелигентной молодежи» Московского комитета партии соц.-рев., от группы студентов-евреев, от группы академистов-филологов, прогрессивно-академической партии, московского центрального университетского органа и других организаций.

Резолюция, принятая на сходке студентов Московского университета 9 сентября 1905 г.[1].

Принимая во внимание:

1) что царское самодержавие в России проявляет твердую решимость удержать свою власть во что бы то ни стало;

2) что для достижения этой цели царское самодержавие между прочим организовало ряд погромов: еврейских, армянских, интеллигентских, распространило усиленную охрану, ввело военное положение, предало смертной казни множество геройских борцов за народную свободу и продолжает военной и полицейской силой подавлять всякое открытое требование свободы;

3) что все собравшиеся правительственные комиссии являются попытками правительства задержать рост освободительного движения;

4) что утверждения «Государственной думы» и издание «временных правил» для университетов является, с одной стороны, наглым издевательством над Россией вообще и над пролетарскими слоями в особенности, а, с другой стороны, представляются лишь проявлениями царской политики «разделяй и властвуй», вносящей глубокий разврат в российскую жизнь;

5) что благодаря самодержавию царя и бюрократии страна доведена до состояния полного экономического истощения и умственного застоя;

6) что лишь учреждение демократической республики способно спасти страну от политического и национального гнета и вывести ее на путь свободного развития ее производительных сил и свободной борьбы за экономическое освобождение;

7) что учреждение демократической республики возможно лишь путем созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, предо-

[1] По сообщению московского градоначальника в департамент полиции 9 сентября 1905 г., состоялась сходка студентов университета, на которой значительным большинством голосов была принята резолюция. Публикуемый документ является копией резолюции, написанной карандашом на небольшом клочке бумаги. Архив революции, фонд печатных изданий № 18284.

ставленного лицам, достигшим 20-летнего возраста без различия национальностей, вероисповеданий и пола при гарантировании полной свободы предвыборной агитации;

8) что единственным путем для достижения созыва Учредительного собрания на вышеуказанных основах является революция, на каковой путь уже вступил российский пролетариат и трудовое крестьянство,

мы, студенты Московского университета, собравшись на общую сходку 9 сентября 1905 г., постановили:

1) игнорировать существующий политический строй и осуществлять политические и гражданские права, вопреки закону и помимо закона;

2) считать изменой народу всякое участие в правительственных комиссиях и всякое примирение на «Государственной думе» или на другом представительном учреждении, кроме Всенародного учредительного собрания;

3) открыть университет и, по возможности, не препятствуя желающим заниматься, превратить его в революционную трибуну, т. е. вести пропаганду и агитацию среди студентов и привлекаемых в университет широких масс населения и подготовиться к совместному выступлению на путь активных революционных действий с целью:

а) свержения царского самодержавия;

б) созыва революционным временным правительством учредительного собрания на вышеуказанных основах для учреждения в России демократической республики.

Отношение попечителя московского учебного округа московскому генерал-губернатору от 22 сентября 1905 г., № 20078 [1].

Ректор императорского Московского университета от 22 сего сентября, за № 2339, вошел ко мне с представлением следующего содержания:

«Вчера вечером в восьмом часу в университет вошла толпа свыше 3 000 человек и заняла насильственно аудитории юридического корпуса. По показанию швейцаров, студенты Московского университета составляли меньшинство, остальную часть составляли забастовавшие рабочие (до 1000), женщины (свыше 500) и воспитанники других учебных заведений (в том числе гимназисты). Градоначальник поставил в манеж батальон Екатеринославского полка с боевыми патронами, два жандармских эскадрона и 3 сотни казаков, причем он предупредил меня, что будет действовать оружием в случае каких-либо манифестаций на улице. Он лично заезжал в университет и долго совещался со мною и моим помощником во время заседания советской комиссии. Тем временем сходка начала расходиться, и к 12 часам оставалось всего человек 500. Ввиду постоянного вторжения в университет массы посторонних лиц и систематического нарушения советских постановлений, а также ввиду непосредственной опасности кровавого столкновения, я пришел к заключению, что университет необходимо закрыть на несколько дней. Градоначальник указывал на усиливающееся рабочее движение последних дней, которое несомненно должно питать сходки. Я предложил на обсуждение советской комиссии вопрос о закрытии университета, и она единогласно признала эту меру неизбежной при настоящих условиях. Ввиду этого, на основании ст. 17 устава, я сделал распоряжение о временном закрытии университета, о чем, согласно той же статьи, имею честь довести до сведения вашего превосходительства.

Сегодня 22 сентября в 8 часов вечера в старом библиотечном зале я созываю совет для доклада ему о причинах, вызвавших временное закрытие университета и для обсуждения вопроса о мерах к обеспечению академического порядка на будущее время».

Об изложенном честь имею сообщить вашему высокопревосходительству.

Управляющий округом

В. Исаенков.

Выдержка из письма без подписи. Москва, 22 сентября 1905 г. [1].

На вчерашней сходке в университете с.-р. не выступали, а говорили все с.-д. о Государственной думе... Все

[1] Фонд канц. москов. ген.-губ., 1905 г., д. № 106, л. 46.

[1] Фонд москов. охр. отд., 1905 г., д. № 26, 1-а, л. 263. Из перлюстрированной переписки.

кончили призывом к восстанию... Говорили все сильно, энергично и, конечно, вполне откровенно. Огромнейшее впечатление произвела речь одного большевика. Вот оратор! Это — огонь это — художник слова, это — истинный народный трибун. Тема его речи: двуличность и трусость либералов. Он так их изобразил, что у каждого из слушателей, вероятно, осталось во рту ощущение какой-то гадости от одного представления о либерале. Аудитория вся тряслась от восторга после его речи, и больше никто не решился взять слово. Поздравляю наших большевиков с появлением у них истинного трибуна. Обстановка в университете необычайная: ни сторожей, ни педелей, ни профессоров. Ты идешь словно в цирк, хочешь раздевайся, хочешь нет, в аудиториях сидят в шапках, коридоры и лестницы полны народа, и никому до этой пестрой публики нет дела.

Телеграмма и. д. ректора Московского университета министерству внутренних дел от 11 октября 1905 г. [1]

Совет Московского университета считает своим долгом обратить внимание вашего высокопревосходительства на то, что в настоящее время, особенно после оглашения в газетах постановления совещания министров по вопросу о митингах в высших учебных заведениях, высшие школы оказываются единственным местом, где могут беспрепятственно происходить подобные собрания, в которых вся страна ощущает самую настоятельную потребность. Признавая такое положение совершенно ненормальным и организацию политических митингов в стенах высших школ не соответствующей целям и характеру этих заведений, совет имеет честь просить ваше высокопревосходительство поддержать ходатайство, уже раз возбужденное советом через покойного ректора князя Трубецкого, о необходимости совершенно безотлагательно издать закон, разрешающий русским гражданам широкую свободу политических собраний и гарантирующий неприкосновенность личности. Если издание этого закона почему-либо замедлится, то временно следует предоставить для политических собраний не помещения высших школ, а какие-нибудь другие, более подходящие для этой цели, обеспечив участникам происходящих там собраний ту же неприкосновенность, которую они фактически находят в помещениях высших школ.

Исправляющий должность ректора
Мануйлов.

Телеграмма министра народного просвещения попечителю московского учебного округа от 14 октябр .905 г. [1].

Именным высочайшим указом от 12 сего октября установлены особые правила о публичных собраниях по вопросам государственным, экономическим и общественным; этими правилами в точности определяется порядок разрешения сих собраний, и с изданием их не могут быть долее допускаемы в стенах высших учебных заведений так называемые митинги, или сборища, при участии посторонних лиц. Вследствие сего прошу ваше превосходительство безотлагательно предложить советам и учебным комитетам вверенных вам высших учебных заведений принять меры к недопущению отныне в стенах сих учебных заведений каких-либо сборищ при участии посторонних лиц; при невозможности же достигнуть этого мерами совета или учебного комитета, возбудить по телеграфу ходатайство о закрытии соответствующего учебного заведения, согласно пункта Б параграфа 2 указа 27 августа.

Рапорт пристава 2 участка Тверской части московскому градоначальнику от 14 октября 1905 г., № 606 [2].

Вчера слушавших лекции в старом университете было до 1 000 человек. С 7 ч. вечера в физическом институте заняли место делегаты филипповцы [3], 50 человек. В зоологическом музее фармацевты — 800 человек, в гистологическом институте было до 500 человек (публика разнообразная), в филологической аудитории — инженеры, до 800 человек. На всех собраниях постановлено: «общая забастовка», а инженеры, кроме того, опять собираются снять аппараты на телеграфе и для

[1] ДП, о.о., 1905 г., д. № 3, ч. 32, лл. 90—94.

[1] КМГГ., 1905 г., д. № 106, л. 7. Печатается с копии.

[2] Фонд москов. охр. отд., 1905 г., д. № 26, 1-б, л. 277.

[3] Филипповцы — рабочие булочной Филиппова на Тверской улице.

этой цели войти туда под видом частных лиц с телеграммами. На собраниях были телеграфисты и почтальоны, железнодорожные и рабочие винных складов. Рабочим говорили, что между ними будет разделена земля казенная и помещичья, а фабричным говорили, что следует разделить капиталы фабрикантов и раздать их.

Вообще на вечерних митингах в университете проповедуется революция, вооруженное сопротивление, уничтожение властей, делаются сборы исключительно на покупку оружия.

16 октября, в 8 ч. вечера, в юридической аудитории № 2 состоится вечер с участием Н. А. Рожкова, В. М. Фриче, В. В. Симановского, Н. Н. Русова и др. Цена за вход 25 коп., билеты будут продаваться в чайной 14 октября.

Медики 1 курса собираются в субботу 15 октября, в 11 ч. утра, в аудиторию органической химии для производства выборов делегатов в центральный университетский орган.

В субботу 15 октября читает в техническом училище г. Тан о крестьянском движении.

О вышеизложенном вашему превосходительству донести честь имею.

Пристав Юрьев.

Отношение и. д. начальника московского охранного отделения в департамент полиции от 22 октября 1905 г.[1].

15 сего октября, по распоряжению ректора Московского университета Мануйлова, университет был временно закрыт, о чем вывешены объявления у ворот и калиток университета. Упомянутое объявление не помешало, однако, студентам и посторонней публике начать собираться с утра во дворе и здании университета, и около 2 часов дня начался митинг, на который собралось около 4 000 чел. Около 3 часов дня в Охотном ряду появилась толпа около 1 000 человек забастовщиков с участием небольшого количества студентов, приглашавшая хозяев лавок прекратить торговлю, но была рассеяна приказчиками Охотного ряда, причем последние, преследуя бегущих, почти достигли университета, чем вызвали тревогу среди участников митинга, результатом чего было решение студентов, в целях отражения набега «черной сотни», забаррикадировать университет и защищаться. Для приведения в исполнение своего решения студенты сломали чугунные и железные пожарные лестницы, различную мебель, разобрали слесарный инструмент в физических и механических мастерских и закрыли все ворота, укрепив их, кроме того, досками и другими предметами, разделились на десятки и, вооружившись револьверами, несколькими ружьями и шашками, финскими ножами, железными палками, камнями и т. п., расположились у решеток. Кроме того, из химической и медико-химической[1] лабораторий были разобраны все кислоты и взрывчатые вещества (из которых изготовлено несколько бомб).

Вечером того же дня университет, по моему распоряжению, был оцеплен войсками, и допуск к нему посторонней публики прекращен. Всю ночь собравшиеся провели во дворе университета, разложив костры и производя смену караулов у ворот и в других местах. На другой день, 16 октября, в здании нового университета состоялся профессорский совет под председательством ректора, на котором решили послать к администрации делегатов с просьбой выпустить всех собравшихся без обыска. На означенное условие мною было изъявлено согласие, и собравшиеся разошлись без инцидентов. По некоторым сведениям, имевшееся у студентов оружие и патроны в количестве около 20 ящиков, скрыты в помещениях университета... Убытки, причиненные поломкой мебели, лестниц, инструментов и т. п., еще не определены, но должны быть весьма значительны.

Об изложенном представляю вашему высокопревосходительству в дополнение к телеграмме от 16 сего октября за № 8600.

И. д. начальника отделения ротмистр Петерсон.

[1] Фонд Московского охранного отделения, 1905 г., д. № 26, 1-в, л. 140. Отношение в департамент полиции не было послано. На подлинном резолюция и. д. начальника охранного отделения: «Посылать уже поздно. К делу. 22/X. Петерсон».

[1] Так в подлиннике.

Рапорт пристава 2 уч. Тверской части московскому градоначальнику от 19 октября 1905 г., № 613[1].

В 3½ ч. пополудни около Иверской часовни сошлись две партии, одна с национальными флагами, другая с красными. Ожидалось столкновение, кто-то хотел вырвать национальный флаг, но получил удар по лицу. Преобладающей была партия с красными флагами. Скоро партия с национальным флагом отошла к Охотному ряду, а толпа с красными флагами направилась к Манежу и к Александровскому саду. Один студент около Лоскутной гостиницы выстрелил в толпу из револьвера шесть раз и кого-то ранил. Раненого увезли, за студентом погнался городовой и толпа, но он успел скрыться. Войск не выводил, так как войска безусловно вместе с полицейским нарядом примкнули бы к партии с национальным флагом и непременно произошло бы кровавое столкновение, а газеты на другой день писали бы, что черная сотня во главе с полицией стреляла в манифестантов. В 4½ ч. прошла толпа по Большой Никитской с красными флагами по направлению к Манежу. В университет новый приходят и уходят рабочие, учащаяся молодежь. Там много красных флагов, оставленных еще вчера, и есть слух, что собираются устроить манифестацию. Во всех прокламациях, обильно раздаваемых, проповедуется: вооруженное восстание, да здравствует Учредительное собрание, да здравствует демократическая республика.

В прокламациях союза московских типо-литографских рабочих говорится, что только представители всего народа могут учредить новые порядки. — Нам нечего ждать от правительства; мы сами должны взять дело в руки, мы должны через всенародных представителей учредить новый строй — демократическую республику—и готовиться к вооруженному восстанию. — Типографии Мамонтова, Городская, Троицкого не работают, кроме газетных наборщиков.

В 7½ ч. вечера у Национальной гостиницы собралась толпа до 200 человек, оратор говорил речь, но движение экипажей продолжалось. В это же время у булочной Филиппова собралась толпа до 500 человек; здесь учащиеся, рабочие и крики: «долой полицию». У магазина Брокар по Тверской до 100 рабочих кричат: «долой полицию, бей», свистят, кричат «ура». Вечером положительно опасно стоять на постах городовым. В 8½ ч. вечера прошла небольшая партия мимо дома генерал-губернатора с национальным флагом. Манифестанты подошли к булочной Филиппова, где была большая толпа, и запели: «боже, царя храни». Какой-то телеграфист стал что-то говорить о черной сотне, но был сейчас же удален. Раздаются крики: «царя оставим, а министров всех вон». В 9 ч. вечера толпа небольшая с национальным флагом от булочной Филиппова повернула обратно и у дома генерал-губернатора остановилась и кричала «ура» и пела «боже, царя храни». Прокричав «ура», прошла далее по Тверской. Замечено, что манифестанты в большинстве случаев состоят из подростков. Самая революционная толпа манифестантов, состоящая из учащейся молодежи — евреев, армян — это была вчера у дома генерал-губернатора, выставившая на двух палках белое полотно с надписью «амнистия». В общем замечено, что сегодня число манифестантов уменьшилось. В 10 ч. толпа до 300 человек с национальным флагом шла мимо дома генерал-губернатора, а в это время у Филиппова кого-то качали с красным флагом. Толпы столкнулись, и на этот раз партия с национальным флагом одержала верх, прогнав толпу с красным флагом и вырвав его.

Узнав об этом, боевая дружина, состоящая из студентов, одетых в штатское пальто, под предводительством одетого в студенческую форму студента высокого роста, быстро шла по тротуару (не более 40 человек), а позади шли санитары — трое с сумками. Пройдя Чернышевский переулок, стали сходить с тротуара на мостовую и командир дружины приказал строиться в ряды и когда подошли к Глинищевскому переулку, то боевая дружина сделала 2 залпа по толпе с национальным флагом. Раздались крики, и толпа в разных направлениях стала разбегаться; с Леонтьевского переулка также слышались выстрелы. Говорят, что раненых до 15 человек, санитары боевой дружины перевязывали раненых. Говорят, что двое и из боевой дружины ранены...

В 11 ч. 15 мин. толпа с национальным флагом стояла у дома генерал-губернатора, а затем повернула по направлению булочной Филиппова.

Кончаю рапорт в 12 ч. ночи, так как

[1] Фонд моск. охр. отд., 1905 г., д. № 785, лл 33—34.

толпы разошлись, но небольшие группы еще бродят. Толпа с флагом направилась к Трубной площади.

О вышеизложенном вашему превосходительству донести честь имею.

Пристав Юрьев.

Выдержка из письма с подписью «П. К—в», Москва от 21 октября 1905 г.[1].

Теперь у нас организуются боевые дружины, и 19 октября 20 человек вооруженных дружинников опять разогнали толпу «черносотенников» человек в 200. Идет массовый сбор на вооружение. Жертвуют деньгами, серьгами, кольцами, браслетами. Несколько боевых десятков каждый вечер дежурят в университете и по первому требованию выступают на помощь. Университет действительно обратился в революционный очаг, в военную казарму, там же и наш лазарет...

Работал я в одной организации соц.-дем. большевиков, в качестве техника... Всеобщая забастовка здесь прекратилась на время для организации вооруженного восстания... Какая тут масса военных сочувствует революционному движению! Когда, например, я дежурил на баррикаде в университете, подошли два офицера и по нашей просьбе купили два револьвера. В демонстрации несколько офицеров несли красные знамена. Даже казаки были в демонстрации. Я уверен, что к пасхе разнесут все самодержавное стойло! Ты бы посмотрел, как здесь готовятся к вооруженному восстанию! Пиши, скажи и остальным, чтобы строчили. Обмен мнений теперь необходим.

Отношение ректора Московского университета московскому градоначальнику от 22 октября 1905 г., № 2608[2].

Принимая во внимание опасность вторжения уличной толпы в здания университета, в которых хранятся ценные научные коллекции и приборы, и тревожное настроение лиц, живущих в этих зданиях, совет Московского университета в заседании 21 октября 1905 г. признал необходимым временно, впредь до установления в городе порядка, прибегнуть к военной охране университетских зданий.

Ввиду сего имею честь покорнейше просить ваше превосходительство, не отказать принять надлежащие меры для охраны пехотными войсковыми частями зданий и имущества императорского Московского университета.[1].

Ректор А. Мануйлов.

Секретарь совета

С. Преображенский.

Отношение и. д. начальника московского охранного отделения в департамент полиции от 22 октября 1905 г., № 10383[2].

Вследствие предложения от 7 сего октября за № 13025[3] представляю вашему превосходительству, что на митингах, происходивших последнее время в высших учебных заведениях г. Москвы, действительно почти всегда производились сборы на оружие, причем наряду с деньгами жертвовались кольца, браслеты, серьги и другие ценные вещи. На одном из митингов — 2 сего октября в Московском инженерном училище, — в числе других кружек, поставленных для сбора денег, была одна с надписью «на бомбу Тренову» (отношение московского градоначальника в департамент полиции от 6 октября сего года за № 9736); что же касается изготовления бомб в Московском техническом училище, то хотя слух об этом и циркулирует, но вполне достоверных сведений не имеется.

По имеющимся сведениям, студенты и рабочие, забаррикадировавшиеся

---

[1] Фонд москов. охр. отд., 1905 г., д. № 26, I-в, л. 147. Из перлюстрированной переписки.

[2] Фонд московского охранного отделения, 1905 г., д. № 785, л. 83.

[1] На документе: резолюция московского градоначальника: «Охранное отделение. По соглашению с военным начальством поставить роту. 22 октября».

[2] ДП, о.о., 1905 г., д. № 3, ч. 120, лл. 83—84.

[3] Отношением особого отдела департамента полиции от 7 октября 1905 г. № 13025 предписывалось начальнику московского охранного отделения выяснить поступившие агентурным путем сведения об участии в митингах, устраиваемых ежедневно в Московском техническом училище, значительного числа рабочих, призываемых выступающими ораторами к вооруженному восстанию, и сборам во время митингов денег на оружие и бомбы.

16 сего октября[1] в здании университета, располагали оружием в числе 300 револьверов и 22 ружей одноствольных и двухствольных. С этого времени следует считать сформирование «боевой дружины», которая за последние дни принимает участие во всех противоправительственных демонстрациях, выступая вперед в случаях столкновений с мирными манифестантами, против которых она и действует оружием. При этом из действий «боевой дружины» 21 октября, во время столкновения на Тверской улице у дома Филиппова, видно, что она в известной степени имеет правильную организацию: по рассказам очевидцев, дружина, выступив против манифестантов, построилась в несколько шеренг и стала расстреливать из револьвера манифестантов, причем, когда первая шеренга израсходовала свои патроны, то вторая заступала ее место, первая же заряжала и т. д., а затем когда манифестанты рассеялись, очевидцы слышали команду: «Дружина, стройся! Дружина, направо!», и т. д. Та же боевая дружина выступала и на похоронах Баумана 20 сего октября, заняв место впереди процессии и по обеим сторонам.

Деятельность боевых дружин, проявляющих крайнюю нетерпимость по отношению к патриотическим манифестантам в связи с нападками периодической печати и на последних, отождествляющих их с хулиганами и клеймящих общим названием «черной сотни», вызывает сильное взаимное раздражение, которое со стороны «черносотенцев» перешло вообще на все студенчество. Последнее обстоятельство привело к тому, что в настоящее время, по просьбе ректора Московского университета, последний со вчерашнего дня охраняется войсками. Та же мера должна была быть применена, по просьбе директора, и к Московскому техническому училищу, но вследствие последовавшего со стороны студентов этого учебного заведения протеста директор от первоначального намерения отказался.

К изложенному присовокупляю, что в некоторых высших учебных заведениях, например, в Московском техническом училище, воспитанниками названных заведений производится практическая стрельба из револьверов-браунинг, а также, что имеются сведения, не вполне еще впрочем проверенные, о том, что в Московском университете имеются два помещения с надписями: «склад оружия» и «склад бомб».

Ротмистр Петерсон.

Н. Г. Чернышевский в Вилюйске

7 июля 1862 г. Н. Г. Чернышевский был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. 7 апреля 1864 г. Александр II утвердил сенатский приговор, по которому Чернышевский был присужден к 14 годам каторги, но сократил этот срок вдвое. Имелось намерение заточить Чернышевского в Шлиссельбург, но сам шеф жандармов кн. Долгоруков доложил царю 15 апреля, что «заключение в секретном замке (Шлиссельбургской крепости) преступника, лишая его сношений с родными, предоставляемых законом ссыльно-каторжным, возбудит справедливое нарекание на пренебрежение законов самим правительством». В результате 20 мая 1864 г. Чернышевский был отправлен для отбытия наказания в Восточную Сибирь. Когда истек срок каторжных работ (которых Чернышевский, как и его товарищи по каторге, не нес), и он должен был выйти на поселение, правительство, видевшее в Чернышевском опаснейшего врага, решило обезвредить его, уже не считаясь ни с какими законами. 7 декабря 1871 г. Чернышевский был отправлен из Александровского завода в Вилюйск. Здесь он и находился с 11 января 1872 г. по 23 августа 1883 г., когда был отправлен под надзор полиции в Астрахань.

В Вилюйске Чернышевский был помещен в тюремном замке, под денной и нощной охраной, пользуясь, однако, правом отлучаться из тюремной ограды днем. В зависимости от настроений петербургских, краевых и мест-

[1] Выше это событие датировано 15 октября, что более вероятно, так как, по сообщению пристава 2 уч. Басманной части в московское охранное отделение, на происходившем с 10 час. утра 16 октября митинге в Московском техническом училище обсуждался вопрос о том, как «выручить своих товарищей студентов, находящихся запертыми в стенах университета». (Москов. охр. отд., 1905 г., д. № 26, I-б, л. 303).

ных властей суровый режим то несколько смягчался, то становился совершенно невыносимым и возбуждал в Чернышевском подозрение, что его просто-напросто хотят извести.

В дополнение к опубликованным уже в разное время и в разных изданиях статьям и материалам, относящимся к периоду пребывания Чернышевского в Вилюйске, ниже мы печатаем некоторые документы из б. архивов якутского областного управления и вилюйского окружного полицейского управления — предписания якутского губернатора и донесения вилюйского исправника 1878, 1879 и 1882 гг.

Резолюция предписания якутского губернатора от 23 декабря 1878 г. печатается полностью. (В сокращенном виде она была напечатана в т. II «Литературного наследства», стр. 583.) Предписание губернатора от 23 февраля 1879 г. печатается нами как заключение переписки. Оно было опубликовано там же, стр. 584.

Н. А.

Предписание якутского губернатора вилюйскому окружному полицейскому управлению от 23 декабря 1878 г., № 208 [1].

Совершенно секретно

На донесение от 10 декабря № 2383 поручаю окружному полицейскому управлению объявить Чернышевскому, что доходящие до него слухи несомненно есть клевета, происходящая скорее от глупостей и неразвитости, нежели от какого-либо умысла, и всегда позорящая тех, кто ее распускает. И если Чернышевский укажет, от кого он слышал о желании его смерти, то поручаю произвести удостоверение, а в случае подтверждения этих слухов — произвести и формальное следствие, по окончании коего представить ко мне. Относительно желания Чернышевского обжаловать что-либо г. шефу жандармов, или просить его о чем, то я ему разрешаю и не в виде письма г. Терсинскому [2], а адресуя на имя г. шефа жандармов, но при условии: писать строго проверенную правду и в выражениях, подобающих высокопоставленной особе; такую жалобу, или просьбу, я отошлю по адресу.

Доктор Капелло [1], как каждое приезжее лицо в Вилюйск, не имеющее моего разрешения, не мог видеться с Чернышевским.

Если Чернышевский говорит о медикаментах, посланных при предписании от 5 августа 1875 г. за № 3297, то есть тех, о целости которых донесено мне полицейским управлением от 27 января 1877 г. за № 156, то поручаю полицейскому управлению предложить врачу Доброзракову освидетельствовать таковые, и если он признает их безвредными, то выдать оные Чернышевскому, о чем мне и донести.

Якутский губернатор Черняев.

На этом предписании Чернышевский написал:

«Замечу лишь один пункт в этой бумаге. Ни запрещать, ни разрешать мне писать к г. шефу жандармов якутский губернатор не имеет права. Он будет поступать хорошо, если, прежде чем подписывать относящиеся ко мне бумаги, сочиняемые в областном якутском управлении, будет отдавать их на просмотр людям, более сведущим в законах, нежели чиновники этого управления, очевидным образом, плохо знающие законы.

Содержание этой бумаги послужит содержанием письма моего к Терсинскому, которое напишу, когда найду то нужным.

Н. Чернышевский.

P. S. Г. исправник, потрудитесь отослать эту бумагу якутскому губернатору.

Н. Чернышевский».

Донесение вилюйского окружного исправника якутскому губернатору от 16 января 1879 г., № 2 [2].

На благоусмотрение вашего превосходительства, представляя при сем в подлиннике отзыв государственного преступника Чернышевского, сделанный на предписании вашего превосходительства от 23 декабря м. г. за № 208, относительно дошедших до

[1] Центральный архив революции, фонд вилюйского окружного полицейского управления (ВОПУ), 1876 г., д. № 3, л. 228.

[2] Терсинский — дальний родственник Чернышевского, служащий синода; на его имя Чернышевский посылал письма жене и сыновьям.

[1] Капелло — и. д. инспектора медицинской части, приезжавший в марте 1878 г. в Вилюйск и отказавшийся навестить Чернышевского.

[2] ЦАР, фонд ВОПУ, 1876 г., д. № 3, л. 226.

Чернышевского слухов и о пр., а также записку его, адресованную на мое имя 5 сего января, с передачей находившихся у него лекарств, имею честь почтительнейше донести, что: а) с предписания за № 208 к делам полицейского управления оставлена копия; б) полученные мной от Чернышевского лекарства переданы г. вилюйскому окружному врачу Доброзракову, при отношении от 12 сего января, за № 1, и в) если я относился с вопросом к г. Доброзракову о том, что вредны или безвредны для Чернышевского те лекарства, которые он желал получить, то вопрос этот возбужден был мной по смыслу вышеупомянутого предписания вашего превосходительства за № 208, и поэтому я не дал никакого повода, чтобы Чернышевский прекратил свои требования о выдаче ему нужных лекарств.

[Протопопов].

Предписание якутского губернатора вилюйскому окружному полицейскому управлению от 23/24 января 1879 г., № 10[1].

Надпись на предписании моем от 23 декабря м. г. за № 208 «совершенно секретно» ясно указывала, что подлинное предписание это ни в каком случае не могло быть передаваемо Чернышевскому, т. е. именно тому лицу, о котором делаются секретные распоряжения. Передача Чернышевскому сказанной бумаги и имела последствием неуместную надпись Чернышевским на моем предписании за № 208.

Вследствие сего предписываю полицейскому управлению немедленно доставить мне, в дополнение к представлению окружного исправника от 16 сего января за № 2, объяснения, на каком основании сказанная выше бумага была передана подлинником Чернышевскому, а не объявлено на словах только о содержании ее и именно о том, что Чернышевскому знать следовало.

Независимо сего, донести мне, что сделано по предписанию за № 208, и особо, какой соблюдается порядок по хранению секретных бумаг.

Якутский губернатор Черняев.

[1] ЦАР, фонд ВОПУ, 1876 г., д. № 3, л. 231.

Донесение вилюйского окружного полицейского управления якутскому губернатору от 2 февраля 1879 г., № 4[1].

Во исполнение предписания от 23/24 января за № 10 окружное полицейское управление имеет честь донести на благоусмотрение вашего превосходительства, что во 1) предписание вашего превосходительства от 23 декабря м. г. за № 208 относительно государственного преступника Чернышевского было объявлено ему подлинником, а не на словах, в камере тюремного замка, по той уважительной причине, что Чернышевский, вызываемый в присутствие полицейского управления для выслушания того предписания, отозвался невозможностью явиться в оное по случаю холодной погоды; почему исправник Протопопов, дабы не отлагать объявления предписания, был для этой надобности в тюремном замке, где при бытности жандармского унтер-офицера, и объявил Чернышевскому подлинником предписание за № 208, вследствие требования Чернышевского, который, как должно было заключить, или не удовольствовался словесным объявлением, или сомневался в сущности переданных ему исправником Пропотоповым слов, и сей последний, если решился объявить предписание подлинником, то применяясь к правилам инструкции, данной относительно надзора за Чернышевским, не желая нарушить спокойствие его духа, а тем еще более могущее последовать негодование со стороны Чернышевского и, наконец, в предупреждение и дальнейших неблаговидных последствий; причем исправник Протопопов имел в виду буквальный смысл предписания: «Объявить Чернышевскому», не полагая, что предписание это должно быть объявлено Чернышевскому непременно изустно, и оно состояло в таком содержании, о котором по всей полноте его, по мнению полицейского управления, следовало поставить в известность Чернышевского; во 2) по неуказанию Чернышевским лиц, от которых он слышал о желании ему смерти, обстоятельство это оставлено без последствий; в 3) предписание вашего превосходительства за № 208 в отношении присланных для Чернышевского в 1875 г. лекарств, в чем подлежало, приведено в надлежащее исполнение, и в 4) секретные дела с особой осторожностью члены по-

[1] ЦАР, фонд ВОПУ, 1876 г., д. № 3, л. 232.

лицейского управления хранят в присутственном ящике за замком и печатью; производство по оным в черновых отпусках большей частью делается также членами сего управления, а переписка набело сопровождается под строгим их наблюдением в присутствии полицейского управления и переписка бумаг набело доверяется лицам, испытанным уже в верности, от коих ничего не может изойти в гласность; дела никогда не выносятся из присутствия в канцелярию полицейского управления и в руки посторонних не передаются; находящимся в производстве секретным делам имеется особая опись, входящий и исходящий регистры и разносная тетрадь,— и все эти документы хранятся в одинаковом порядке с делами.

Причем полицейское управление долгом считает доложить вашему превосходительству, что 1) члены оного вменили себе в непременную обязанность — секретные бумаги, до кого бы таковые ни касались, на будущее время объявлять словесно, а не подлинником, хотя бы сего и требовали касающиеся до них лица, в числе их и Чернышевский и 2) хотя Чернышевский и не указал тех лиц, от которых он слышал о желании ему смерти, но чтобы по возможности открыть таковые слухи, членами полицейского управления, и, по поручению оного, жандармским унтер-офицером делаются секретные дознания, и, в случае обнаружения, имеет быть немедленно приступлено к производству следствия.

Окружной исправник

Протопопов[1].

Предписание якутского губернатора вилюйскому окружному полицейскому управлению от 23 февраля 1879 г., № 680[2].

Усмотрев из переписки полицейского управления и объяснения окружного исправника за №№ 2 и 4 с. г., что окружный исправник, вопреки смысла предписания моего за № 208 и надписи на нем «совершенно секретно», передал это предписание в руки государственного преступника Чернышевского, за это мною и сделан исправнику Протопопову строжайший выговор.

Государственного же преступника Чернышевского за то, что осмелился писать на предписании за № 208 и за то, что в писании своем допустил ложные и крайне неприличные выражения, предписываю полицейскому управлению, объявив о сем Чернышевскому, лишить его выхода за ворота тюремного замка в течение трех дней.

Якутский губернатор Черняев.

Рапорт пятидесятника Бродникова атаману якутского казачьего полка от... июня 1882 г.[1].

Имею честь донести вашему высокородию — я был командирован в г. Вилюйск за присмотром государственного преступника Чернышевского, вступил в назначенную обязанность по приказанию господина вилюйского исправника 30 мая сего года. На другой день я пошел из острога, в ретирадном месте снаружи против толчка пониже вырублена капитальная стена в длину полтора аршина и окладное бревно против этого места снаружи шага на два так, что человек может свободно, голову наклонивши, взойти снаружи нужника и потом в острог в большой коридор. А внутри ограды против нужника с ограды поставлены сажен около сорока дров, о которых я господину исправнику докладывал раза четыре в разное время, что это сделано вроде подкопа и кто это сделал просил исследовать — умышленно или неумышленно. Господин исправник не обратил внимания, я даже просил сторожа сменить, так как он полоумный. Печку затопил в кухне и убежал в город; вследствие его недосмотрения может быть пожар; который сторож, кажется, сплетни переносит Чернышевскому и еще кое-что есть, которое при следствии скажу следователю, еще вполне не узнал, о состоянии острога вследствии этих беспорядков лишаюся спокойствия, о чем доношу вам, высокоблагородие, покорнейше прошу вас взойти своим ходатайством, куда следует. При сем еще присовокупляю, ночью комната Чернышевского

---

[1] Протопопов относился к Чернышевскому сравнительно корректно, и Чернышевский порою заходил к нему. См. записку Чернышевского по делу ссыльных Чистоплюевых. (Полн. собр. соч., т. X. стр. 309—317.)

[2] ЦАР, фонд ВОПУ, 1879 г., д. № 5, л. 15.

[1] Из фондов якутского областного архивного управления; дата в подлиннике не проставлена.

не запирается, он ночью ходит в нужник, ночью только запираются большие ворота, калитка и внутренние двери острога на замок.

А другой раз Чернышевский днем прогуливается, уходит в лес версты за четыре, за ним незаметно ему ходим, кто из нас дежурит из двух; таковую прогулку его считаю опасным, о чем покорнейше прошу ваше высокородие куда следует, в сем рапорте подписуюся собственноручно.

Пятидесятник Евтропий Бродников.

Предписание якутского губернатора вилюйскому окружному полицейскому управлению от 16 июля 1882 г. за № 291 [1].

Состоящий на службе при Вилюйском тюремном замке за присмотром Чернышевского пятидесятник Бродников в рапорте своем атаману здешнего казачьего полка изложил, что на другой день вступления в замок, т. е. 31 мая, он заметил в ретирадном месте замка, снаружи, против столчака, пониже капитальной стены, отверстие в длину полтора аршина и против этого места снаружи под сортиром окладное бревно шага на два выкопано, так что человек, наклонивши голову, свободно может войти в сортир, через столчак, поднявши таковой, а оттуда может пройти через большой коридор в замок (следовательно, и обратно). Внутри же ограды против ретирадного места поставлено около сорока саженей дров.

О замеченном он, Бродников, раза четыре докладывал исправнику в разное время и просил исследовать, не умышленно ли сделано означенное отверстие; но г. исправник не обратил на это внимания. Кроме того, он, Бродников, просил исправника сменить сторожа, который оказывается каким-то полоумным: затопит печку в кухне и убежит в город, а вследствие такого недосмотра сторожа может случиться пожар. Наконец что Чернышевский, прогуливаясь днем, уходит иной раз в лес версты за четыре, за незаметным для него присмотром.

Поэтому предписываю полицейскому управлению: во 1-х) если по тщательному осмотру действительно окажется в стене против сортира в замке отверстие, то таковое немедленно накрепко заделать и донести мне, отчего и кем сделано отверстие и почему об этом не было донесено мне полицейским управлением; во 2-х) если по удостоверению подтвердится, что сторож, затопив печь, уходит из замка в город, то уволить его от этой должности, наняв в сторожа другое лицо, вполне благонадежное и пригодное для такой обязанности; в 3-х) если Чернышевский в прогулках своих выходит за город версты четыре, то такие дальние от города прогулки, как в инструкции вовсе неположенные, и не должны быть вовсе разрешены; и в 4-х), донести мне об исполнении изложенного, а также и о том, почему г. исправником не было обращено внимания на заявление Бродникова в таком важном деле, даже не было мне об этом донесено, а между тем члены полицейского управления должны помнить, что за нарушение известных полиции строжайших инструкций по содержанию Чернышевского в замке они будут подвергнуты строжайшей ответственности.

Якутский губернатор Черняев.

Донесение вилюйского окружного полицейского управления якутскому губернатору от 10 августа 1882 г., № 71 [1].

В исполнение предписания вашего превосходительства от 16 июля с. г., за № 291 вилюйское окружное полицейское управление имеет честь донести:

а) что пятидесятник Бродников действительно в июне месяце заявил окружному исправнику об отверстии, сделанном в ретирадном месте при тюремном замке, которым и было поручено помощнику исправника произвести удостоверение, с какой целью и когда сделано отверстие; последним же обнаружено следующее: что в ретирадном месте между бревном были для пропуска воздуха сделаны два узкие отверстия, и бывшее между этими отверстиями бревно отрублено и судя по тому, что срубленное место от времени почернело можно сказать за достоверное, что бревно срублено в давнем прошедшем (а может быть и при самом еще Бродникове, при первом его нахождении при замке), но кем именно, этого не обнаружено, хотя сильно падает подозрение на якута Николая Александровича, очищавшего

[1] ЦАР, фонд ВОПУ, 1879 г., д. № 5, л. 191.

[1] ЦАР, фонд ВОПУ, 1879 г., д. № 5, л. 200.

постоянно сортир в замке, а по всей вероятности вырубившего бревно для более удобного выгребания нечистот, но при спросе из-за боязни не признавшегося в этом. Отверстие это тотчас же было заделано, и обстоятельство это, как не имевшее никакого значения, оставлено без последствий. Бродников же, прежде чем донести г. атаману, обстоятельство это своею рачительностью настолько поставил гласным, что Чернышевский у одного из членов управления спросил, в таких выражениях: «откуда взяли, что я приготовляюсь бежать? Вы сами видите мои приготовления, так к чему же возводить пустяки». Все это и вообще все действия Бродникова приводят членов к тому заключению, что он по легкомыслию своему, при случаях более важных, не токмо не может принести с своей стороны пользу, но напротив, может разрушить все секретные меры, принимаемые для надзора; вообще Бродников видимо не способен сохранить какой-либо секрет, вверенный ему, и управление в будущем не решится доверять Бродникову, исключительно старающемуся выказать свою бесполезную рачительность по службе, выставляя разные беспорядки, тогда как другие чины за присмотром в замке не находят этого.

б) Обстоятельства оставления сторожем затопленной печи и отлучки его из замка не подтверждаются, и унтер-офицер корпуса жандармов Волков никогда не замечал этого и не докладывал, а Бродников питает неудовольствие на сторожа по причине нежелания последнего лично услуживать Бродникову, как это выказалось тем, что Бродников, возвратившись с неводьбы, куда отлучался без всякого разрешения, приказывал сторожу разувать его, но сторож, не исполнив этого, навлек на себя гнев Бродникова, а во устранение на будущее время этих неудовольствий сторож имеет быть ныне же сменен, хотя как человек трезвый и мог бы находиться на этой обязанности.

в) В отношении прогулок Чернышевского управление заверяет, что Чернышевский никогда на расстоянии 4 верст не углубляется в лесу, во-первых, боясь заблудиться и, во-вторых, вероятно, хорошо зная об ограничении его прогулок, а действительно приблизительно за версту от замка ходит в летнее время для собирания грибов, а также по окраине леса гуляет вокруг города в виду оного, незаметный надзор за ним выполняется Бродниковым не согласно инструкции, а совершенно гласно и довольно глупо, ибо при каждом выходе Чернышевского Бродников никогда не следит за ним, как он пишет, а выжидает его возвращения иногда среди улицы, а большею частью выглядывая из-за угла, когда он в городе, и всегда так, что Чернышевский замечает его присутствие и за последнее время видимо весьма тяготится таким надзором; хотя он не высказывает этого, но нельзя не заметить его крайнего нерасположения и раздражения к Бродникову.

Все вышеизложенное, представляя на благоусмотрение вашего превосходительства, вилюйское окружное полицейское управление имеет честь покорнейше просить не отказать сделать распоряжение об увольнении Бродникова от занимаемой им обязанности, как совершенно негодного к несению таковой и вместо его назначить другое лицо, а также неназначении его на будущее время[1].

Помощник исправника
Кокшарский.

Из рапорта пятидесятника Бродникова от 4 августа 1882 г. № 3.

Чернышевский здоров и ни с кем, кроме как с полицейским управлением, переписки не имеет.

Прогулку делает попрежнему по лесу версты за три-четыре в день по два раза, на эту прогулку на случай я от господина исправника Третьякова (находившегося с Чернышевским в плохих отношениях) просил по неаккуратности казачьих пистолетов снабдить из семи ливергеров один снарядом, которые находятся в казарме у казаков. Исправник мне отказал, хотя кремневый пистолет не выпаливает иной раз.

Дыру заглушили весьма непрочно, а дрова не убрали, о чем доложено исправнику. Все известно Чернышевскому, он все знает обо всем, дабы опосля мне не подвергнуть ответственности. В ограде еще дрова, а под дровами до сажени обгорелых головней, откуда они берутся, не знаю. Вследствие сего доношу обо всем вам и прошу взойти куда следует».

„Путешествие из Петербурга в Москву“ А. Н. Радищева и царская цензура.

Александр Николаевич Радищев оставил яркий след в истории русской культуры. За свой смелый протест против самодержавия он подвергся жестокому гонению. Та же участь постигла и его главное произведение — «Путешествие из Петербурга в Москву».

Как известно, «Путешествие» вышло в свет в 1790 г. Резкий протест против крепостного права, самодурства помещиков, угнетения крестьян, юмор, живость и искренность чувства, с которыми описывались картины разнообразных явлений мрачной русской действительности, вызвали «великое любопытство» публики в Петербурге. О книге «говорили по всему городу». Это заставило Радищева насторожиться и, когда арестовали книгопродавца, сжечь все бумаги, относящиеся к этому изданию, и оставшиеся у него экземпляры книги. Поступившие в продажу экземпляры были уничтожены по распоряжению Екатерины II. Однако несколько экземпляров книги уцелело. Не только в столице, но и далеко за ее пределами стали распространяться рукописные копии с нее. По этому поводу А. С. Пушкин писал: «Радищев, рабства враг, цензуры избежал».

Все же гнет царской цензуры более ста лет продолжал тяготеть над произведением Радищева. Все попытки переиздать «Путешествие» были тщетны. Даже после появления в 1868 г. «высочайшего повеления», разрешавшего печатать «Путешествие» на основании общих цензурных правил, могло выйти в свет лишь только одно издание Шигина с пропуском целых глав и со многими искажениями.

В 1870 г. полный текст «Путешествия», изготовленный по изданию 1790 г., был отпечатан П. А. Ефремовым, но в свет не вышел, был задержан цензурой, а затем весь тираж издания уничтожен. В 1888 г. «Путешествие» было издано А. С. Сувориным, но всего лишь в количестве 99 экземпляров. Только в дни первой русской революции 1905 г. стало возможным выпустить общедоступное издание этого произведения.

Октябрьская революция приблизила Радищева к широким массам трудящихся. Включая в свой культурный фонд великое наследство А. С. Пушкина, пролетариат СССР не может забыть и Радищева, о котором гениальный поэт сказал: «вослед Радищеву восславил я свободу...»

Публикуемые ниже документы взяты из дела III отделения царской канцелярии 1859 г., № 215, л. 2, 9—11, они говорят нам о попытке сына Радищева добиться накануне «великой реформы» разрешения выпустить в свет литературное наследство А. Н. Радищева. Александр II не разрешил издания. В том же деле имеются аналогичные документы о вторичной безуспешной попытке сына Радищева в 1861 г. получить разрешение от царя на издание. И только через семь лет после реформы вышеуказанное «высочайшее повеление» сняло с книги запрет многих десятилетий.

Документы поневоле вызывают у читателя и чувство острой досады. Сын А. Н. Радищева, получающий сто рублей «от монарших щедрот» в воздаяние «похвальных чувств преданности престолу и отечеству», очевидно, не унаследовал характера отца, о котором другой его сын, Николай Александрович, писал: «Ал. Ник. был права прямого и пылкого, — все горести сносил с стоической твердостью, никогда не изгибался и был враг лести и подобострастия» [1].

В. Далаго.

Прошение П. А. Радищева Александру II от 5 сентября 1859 г.

Всемилостивый государь.

В 1790 году Александр Николаевич Радищев издал книгу под названием «Путешествие из Петербурга в Москву», где указывал на злоупотребления, замечаемые им дорогою, наиболее вопиял именем угнетенного человечества против крепостного права, под которым стонали миллионы русских, наших братий по вере и по происхождению. Книга эта полезна по многим уверениям: ученый, опытный, гениальный человек, законоведец доводил до правительства неизвестные, может быть, факты, несообразные с

[1] Радищев, Русская классная библиотека, под ред. А. Н. Чудинова, С.-Петербург 1906 г., стр. 206.

веком просвещения. К несчастью, увлеченный сюжетом, он поместил оду, внушенную ему распространившимся в Европе духом революции, бывшей тогда во Франции в самом разгаре, увлекшей самые светлые умы, воображавшие, что золотой век, при светильнике наук и философии, настал для человеческого рода. Эта ода была причиной, что и вся книга почлась опасной, подверглась запрещению, и автор сослан в Илимск. Впоследствии, когда умы успокоились, многие отрывки из этой книги были напечатаны во многих журналах с самого начала этого столетия. Ныне, когда ваше императорское величество осуществили мысль того, кто первый заговорил в России об освобождении крепостных людей, когда уже по одному вашему слову продажа людей прекратилась в России, издание «Путешествия из Петербурга в Москву», за исключением оды, может быть допущено. Я, как товарищ в малолетстве его ссылки, имею право на его духовное наследство и осмеливаюсь просить ваше императорское величество о таковом позволении.

Г. министр народного просвещения Ковалевский запретил поместить в одном журнале портрет Радищева, продававшийся уже более 50-ти лет при его дозволенных сочинениях, стихи Пнина... на его смерть, неоднократно напечатанные, и вид Илимска и его дом, присланные мной в этот журнал, и краткую биографию из напечатанной мной уже прежде. Благоволите, всемилостивейший государь, приказать снять такое запрещение.

Вашего императорского величества верноподданный Павел Радищев. Сентября дня 1859 года.

Жительство имею в Гончарной улице, в доме Безверхова.

Доклад шефа жандармов Долгорукова Александру II от 10 сентября 1859 г.[1].

Коллежский асессор Павел Радищев представил всеподданнейшую просьбу о дозволении ему: 1) напечатать изданную в 1790 г. отцом его, Александром Радищевым, книгу, под названием: «Путешествие из Петербурга в Москву», 2) поместить в журнале «Иллюстрация» портрет его отца, со стихами на его смерть, соч. Пнина, вид города Илимска, дома, где жил отец его, по ссылке в Сибирь, и его биографию.

Присовокупляя к этому, что министр народного просвещения запретил печатание в «Иллюстрации» портрета, стихов Пнина, вида Илимска и биографии, проситель представляет в уважение, что в «Путешествии» отца его, кроме оды, которую он и не предполагает перепечатывать, по нынешнему времени нет ничего запрещенного: ибо прежде казались в этой книге преступными рассуждения против крепостного права, а в наше время подобные рассуждения печатаются во всех журналах; что портрет отца его в продолжении более 50 лет продавался при других дозволенных его сочинениях, что биография отца его также была напечатана.

Сверх того, коллежский асессор Радищев приложил стихи своего сочинения «На заключение мира в Париже 18/30 марта 1856 года» и просит, если эти стихи удостоятся высочайшего воззрения, выдать ему, по крайне недостаточному состоянию и преклонным летам его, вспоможение.

Справка: 1. Отец просителя, Александр Радищев, в 1765 году, по воле императрицы Екатерины II, был послан в числе нескольких других молодых людей за границу слушать лекции в Лейпцигском университете по части правоведения. Возвратившись в отечество, он пользовался общим уважением по службе и как сочинитель и достиг до чина коллежского советника. В 1790 г., когда по случаю французской революции, принимались строгие меры осторожности и в России, Радищев напечатал «Путешествие из Петербурга в Москву». В этой книге он в преувеличенном виде описал несчастное состояние народа, насилие вельмож, презрение к прошедшему, изумление перед своим веком и слепое пристрастие к новизне. Книга Радищева, не имея литературного достоинства, обратила тогда внимание правительства духом своим, напоминавшим французскую философию XVIII века. В той же книге напечатана была ода, вполне революционного содержания. Сочинитель был предан суду, лишен чинов и дворянства и в 1791 г. сослан в Сибирь. Император Павел I возвратил его из ссылки, а император Александр определил на службу в комиссию составления законов. Здесь он вскоре в одном написанном им проекте обнаружил свой прежний образ

[1] III отд. царск. канц., 1859 г., д. № 215, лл. 9—11.

мыслей и в 1802 году, опасаясь ответственности, отравил себя ядом.

Другие сочинения его, дозволенные цензурой, напечатаны в 1807—1811 гг. в шести частях, с портретом сочинителя. Стихи на смерть его, соч. Пнина, не заключают в себе ничего законопротивного и несколько раз печатались. Биографии его помещены в 4-й части словаря достопамятных людей, изд. Бантыш-Каменского, в 7-м томе сочинений Пушкина, изд. Анненкова, и в 23 № «Русского вестника» за 1858 год.

2. Проситель Павел Радищев воспитывался в морском кадетском корпусе, служил с 1800 по 1805 год во флоте, с 1805 по 1807 г. — в департаменте народного просвещения, из которого уволен с чином коллежского асессора. В Отечественную войну служил в ополчении; имеет аттестат на звание домашнего учителя и занимался в разных домах обучением детей. Состояния он никакого не имеет; семейство его осталось в Екатеринославской губернии.

Соображение. Новое издание «Путешествия» Александра Радищева и портрета его было бы лучше отклонить. Стихотворение просителя «На заключение мира 1856 г.» не заключает в себе никаких литературных достоинств, но исполнено похвальных чувств преданности к престолу и отечеству. В уважение этих чувств и преклонных лет Павла Радищева было бы можно исходатайствовать ему от монарших щедрот единовременное пособие [1].

10 сентября 1859 г.

---

[1] На подлинном надпись: «Высочайше повелено исполнить согласно соображению и выдать Радищеву в единовременное пособие сто руб. (серебром), потребовав эти деньги от государственного казначейства. 21 сентября».

ОГИЗ—СОЦЭКГИЗ

Продолжается подписка на 1936 го

на журналы Государственного социально
экономического издательства

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

Орган Института экономики Акаде-

ТИХИЙ ОКЕАН

Орган Тихоокеанского кабине
Института мирового хозяйства
мировой политики.

По недосмотру типографии вкрались следующие опечатки:

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
23	1 снизу	сделать уступку дворянству и так сказать задобрить его, пожертвовав	сколько желание, достигнув главной цели, поставив на своем дело, —
38	15 снизу	этих настроений,	этих нестроений,
148	3 снизу	Мастеровые люди для строения судов по требованию его, капитана	Мастеровых людей по требованию ево, капитана Шпанберха, отправ-
149	27 сверху	Мастеровых людей по требованию ево, капитана Шпанберха, отправ-	Мастеровые люди для строения судов по требованию его, капитана

«Красный архив» № 1 (74)

на 3 мес.— 6 р. 50 к.

КРАСНЫЙ АРХИВ

Исторический журнал Центрального архивного управления СССР и ЦАУ РСФСР—6 книг в год.

Журнал необходим вузам, библиотекам, научным работникам, историческим и краеведческим обществам, отделам Искусства, педагогам, газетным работникам и др.

Подписная цена: на 12 мес.—15 р.
на 6 мес.— 7 р. 50 к.
Цена отдельного номера— 2 р. 50 к.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Центральный краеведческий орга
Центрального бюро краеведения
Центрального научно-исследова
тельского института методов кра
еведной работы.

12 номеров в год

Журнал рассчитан на широкий краеве
ческий актив рабочих, колхознико
учителей, агрономов, учащихся высш
и средних школ.

Подписная цена: на 12 мес.—15 р.
на 6 мес.— 7 р. 50
на 3 мес.— 3 р. 75

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ всеми отделениями, магазинами, кио
ками и уполномоченными Когиза и всюду на почте.

КРАСНЫЙ АРХИВ

2 (75)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАРХИВА СССР и РСФСР

СОДЕРЖАНИЕ

На фронте исторической науки. В Совнаркоме Союза ССР и ЦК ВКП(б). — К истории Парижского мира 1856 г. — Реформа 1861 г. и крестьянское движение. — Студенческое движение в 1901 г. — Поиски драгоценных металлов на Севере в XVII и XVIII вв. — Новые материалы о Н. А. Добролюбове. — Из дневника Л. Тихомирова. — Трудовое казачество Донской области о Брестском мире и о защите Советской страны. — Губернатор в роли проповедника корана. — Из истории Шосткинского завода.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1936

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

На фронте исторической науки

В Совнаркоме Союза ССР и ЦК ВКП(б) 3
Постановление ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР 4
И. Сталин, А. Жданов, С. Киров. Замечания по поводу конспекта учебника по «Истории СССР» 5
И. Сталин, С. Киров. А. Жданов. Замечания о конспекте учебника «Новой истории» 6
Об организации конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР (постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) 8

К истории Парижского мира 1856 т. *С предисловием С. П* 10
Реформа 1861 г. и крестьянское движение. *С предисловием М. Лурье* 62
Студенческое движение в 1901 г. *С предисловием В. Орлова* 83
Поиски драгоценных металлов на Севере в XVII и XVIII вв. *С предисловием А. Бирзе* 113
Новые материалы о Н. А. Добролюбове. *С предисловием Е. Ч.* 145
Из дневника Л. Тихомирова 171

Из записной книжки архивиста

Трудовое казачество Донской области о Брестском мире и о защите Советской страны. *С предисловием Г. Костомарова* 185
Губернатор в роли проповедника корана. *С предисловием П. Русина* 188
Из истории Шосткинского завода. *С предисловием М. Сыромятниковой* 192

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАРХИВ СССР и РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ВТОРОЙ
(СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ)

1936

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1936

На фронте исторической науки

В Совнаркоме Союза ССР и ЦК ВКП(б)

Придавая важное значение надлежащей постановке преподавания гражданской истории в школах СССР, Совет Народных Комиссаров Союза ССР и ЦК ВКП(б) еще 16 мая 1934 года приняли и опубликовали известное постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР». В этом постановлении Совнарком и ЦК ВКП(б) констатировали неудовлетворительность постановки преподавания истории в школах СССР. Совнарком и ЦК ВКП(б) установили, что главным недостатком учебников истории и самого преподавания является их отвлеченный, схематический характер: «вместо преподавания гражданской истории в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей — учащимся преподносят абстрактные определения общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами» (из постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 года).

Совнарком и ЦК указали, что «решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важнейших исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат. Только такой курс истории может обеспечить необходимые для учащихся доступность, наглядность и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящие учащихся к марксистскому пониманию истории».

В соответствии с этим было постановлено подготовить к июню 1935 года новые учебники по истории: а) История древнего мира; б) История средних веков; в) Новая история; г) История СССР; д) Новая история зависимых и колониальных стран.

Совнарком и ЦК ВКП(б) постановили организовать для составления новых учебников пять групп и утвердили персональный состав этих групп.

9/VI 1934 года ЦК ВКП(б) и Совнаркомом Союза ССР был решен вопрос о введении в начальной и неполной средней школе элементарного курса истории СССР и организованы группы по составлению элементарных учебников истории СССР.

14/VIII 1934 года ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР одобрили представленные тт. Сталиным, Кировым и Ждановым замечания по поводу конспектов новых учебников по «истории СССР» и «новой истории».

В этих замечаниях были подвергнуты обстоятельному разбору и суровой критике оба конспекта, причем, как было установлено, особенно неудовлетворительно был составлен конспект по истории СССР, который изобиловал боль-

шим количеством ненаучных, неграмотных, с точки зрения марксизма, определений, страдал крайней неряшливостью, особенно недопустимой при создании «учебника, где должно быть взвешено каждое слово и каждое определение». Крупными, хотя и меньшими, недостатками страдал также конспект учебника по «новой истории».

Замечания тт. Сталина, Кирова и Жданова исчерпывающим образом указывали, в каком направлении необходимо было переработать конспекты и подготовляемые учебники. Однако Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) вынуждены констатировать, что представленные ныне на рассмотрение СНК и ЦК учебники по истории большей частью неудовлетворительны, продолжают страдать теми же недостатками, на которые указано выше. Особенно неудовлетворительно составлен учебник по «истории СССР», представленный группой профессора Ванага, а также учебники по элементарному курсу истории СССР для начальной школы, представленные группами Минца и Лозинского. То обстоятельство, что авторы указанных учебников продолжают настаивать на неоднократно уже вскрытых партией и явно несостоятельных исторических определениях и установках, имеющих в своей основе известные ошибки Покровского, Совнарком и ЦК не могут не расценивать как свидетельство того, что среди некоторой части наших историков, особенно историков СССР, укоренились антимарксистские, антиленинские, по сути дела, ликвидаторские, антинаучные взгляды на историческую науку. Совнарком и ЦК ВКП(б) подчеркивают, что эти вредные тенденции и попытки ликвидации истории как науки связаны в первую очередь с распространением среди некоторых наших историков ошибочных исторических взглядов, свойственных так называемой «исторической школе Покровского». Совнарком и ЦК указывают, что задача преодоления этих вредных взглядов является необходимой предпосылкой как для составления учебников по истории, так и для развития марксистско-ленинской исторической науки и под'ема исторического образования в СССР, имеющих важнейшее значение для дела нашего государства, нашей партии и для обучения подрастающего поколения.

В соответствии с этим Совнарком Союза ССР и ЦК ВКП(б) постановили создать для просмотра и коренного улучшения, а в случае необходимости и для переделки уже написанных учебников по истории, комиссию Совнаркома и ЦК ВКП(б) в составе тт. Жданова (председатель), Радека, Сванидзе, Горина, Лукина, Яковлева, Быстрянского, Затонского, Файзуллы Ходжаева, Баумана, Бубнова и Бухарина. Этой комиссии предоставлено право организовать группы для просмотра отдельных учебников, а также об'являть конкурс на учебники взамен тех, которые будут признаны комиссией подлежащими коренной переделке.

Совнарком и ЦК постановили также опубликовать в печати замечания тт. Сталина, Кирова и Жданова и другие материалы по этому вопросу.

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР

Для просмотра и улучшения, а в необходимых случаях и для переделки написанных уже учебников по истории организовать комиссию в составе тт. Жданова (председатель), Радека, Сванидзе, Горина, Лукина, Яковлева, Быстрянского, Затонского, Файзуллы Ходжаева, Баумана, Бубнова и Бухарина.

Комиссии предоставить право организовать группы для просмотра отдельных учебников, а также об'являть конкурс на учебники взамен тех, которые будут признаны подлежащими коренной переделке. В первую очередь должны быть просмотрены учебники по элементарному курсу истории СССР и по новой истории.

Председатель СНК Союза ССР
В. Молотов.

Секретарь ЦК ВКП(б)
И. Сталин.

26 января 1936 года.

Замечания по поводу конспекта учебника по „Истории СССР"

Группа Ванага не выполнила задания и даже не поняла самого задания. Она составила конспект русской истории, а не истории СССР — т. е. истории Руси, но без истории народов, которые вошли в состав СССР (не учтены данные по истории Украины, Белоруссии, Финляндии и других прибалтийских народов, северокавказских и закавказских народов, народов Средней Азии и Дальнего Востока, а также волжских и северных народов — татары, башкиры, мордва, чуваши и т. д.).

В конспекте не подчеркнута аннексионистско-колонизаторская роль русского царизма, вкупе с русской буржуазией и помещиками («царизм — тюрьма народов»).

В конспекте не подчеркнута контрреволюционная роль русского царизма во внешней политике со времен Екатерины II до 50-х годов XIX столетия и дальше («царизм, как международный жандарм»).

В конспекте свалены в одну кучу феодализм и дофеодальный период, когда крестьяне не были еще закрепощены; самодержавный строй государства и строй феодальный, когда Россия была раздроблена на множество самостоятельных полугосударств.

В конспекте свалены в одну кучу понятия реакция и контрреволюция, революция «вообще», революция буржуазная и революция буржуазно-демократическая.

В конспекте не даны условия и истоки национально-освободительного движения покоренных царизмом народов России и, таким образом, октябрьская революция, как революция, освободившая эти народы от национального гнета, остается немотивированной, равно как немотивированным остается создание Союза ССР.

Конспект изобилует всякого рода затасканными, трафаретными определениями вроде «полицейский террор Николая I», «Разинщина» и «Пугачевщина», «наступление помещичьей контрреволюции в 70-х гг. XIX столетия», «первые шаги промышленного переворота», «первые шаги царизма и буржуазии в борьбе с революцией 905—907 г.» и так дальше. Авторы конспекта слепо копируют затасканные и совершенно ненаучные определения всякого рода буржуазных историков, забывая о том, что они обязаны преподавать нашей молодежи марксистские, научно обоснованные определения.

Конспект не отражает роли и влияния западно-европейских буржуазно-революционных и социалистических движений на формирование буржуазного революционного движения и движения пролетарско-социалистического в России. Авторы конспекта очевидно забыли, что русские революционеры считали себя учениками и последователями известных корифеев буржуазно-революционной и марксистской мысли на Западе.

В конспекте не учтены корни первой империалистической войны и роль царизма в этой войне, как резерва для зап.-европейских империалистических держав, равно как не учтена зависимая роль как русского царизма, так и русского капитализма от капитала западно-европейского, ввиду чего значение октябрьской революции, как освободительницы России от ее полуколониального положения, остается немотивированным.

В конспекте не учтено наличие общеевропейского политического кризиса перед мировой войной, выразившегося, между прочим, в упадке буржуазной демократии и парламентаризма, ввиду чего значение советов с точки зрения мировой истории, как носителей пролетарской демократии и органов освобождения рабочих и крестьян от капитализма, остается немотивированным.

В конспекте не учтена борьба течений в правящей коммунистической пар-

тии СССР и борьба с троцкизмом, как с проявлением мелко-буржуазной контрреволюции.

И так далее и тому подобное.

Вообще надо сказать, что конспект составлен крайне неряшливо и не совсем грамотно с точки зрения марксизма.

Мы уже не говорим о неточном стиле конспекта и об игре в «словечки» вроде того, что Лжедмитрий назван Дмитрием «Названным» или вроде «торжества старых феодалов в XVIII веке» (неизвестно, однако, куда делись и как себя вели «новые» феодалы, если они вообще существовали в это время) и т. д.

Мы считаем необходимым коренную переработку конспекта в духе изложенных выше положений, при этом должно быть учтено, что речь идет о создании учебника, где должно быть взвешено каждое слово и каждое определение, а не о безответственных журнальных статьях, где можно болтать обо всем и как угодно, отвлекаясь от чувства ответственности.

Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР — это во-первых, и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и, вообще, мировой истории,— это во-вторых.

И. Сталин
9.VIII—34 г. А. Жданов
С. Киров

Замечания о конспекте учебника „Новой истории“

Вследствие того, что новая история, самая богатая содержанием, перенасыщена событиями, а также ввиду того, что самое главное в новой истории буржуазных стран, если иметь в виду период до октябрьской революции в России, это победа французской революции и утверждение капитализма в Европе и Америке,— считаем, что было бы лучше, если бы учебник новой истории открывался главой о французской революции. Для связи с предшествующими событиями можно было бы предпослать небольшое введение с кратким изложением основных событий нидерландской и английской революций, отнеся подробное изложение событий нидерландской и английской революций к концу учебника средней истории.

Стало быть, мы предлагаем выкинуть из конспекта первую часть (6 глав), т. е. весь первый раздел, заменив его кратким введением.

Главным недостатком конспекта считаем то обстоятельство, что он недостаточно резко подчеркивает всю глубину разницы и противоположности между революцией французской (буржуазной революцией) и октябрьской революцией в России (социалистической революцией). Основной осью учебника новой истории должна быть эта именно идея противоположности между революцией буржуазной и социалистической. Показать, что французская (и всякая иная) буржуазная революция, освободив народ от цепей феодализма и абсолютизма, наложила на него новые цепи, цепи капитализма и буржуазной демократии, тогда как социалистическая революция в России разбила все и всякие цепи и освободила народ от всех форм эксплоатации,— вот в чем должна состоять красная нить учебника новой истории.

Нельзя поэтому допускать, чтобы французскую революцию называли просто «великой»,— ее надо назвать и трактовать как революцию буржуазную.

Равным образом нельзя называть нашу социалистическую революцию в России просто революцией октябрьской,— ее надо называть и трактовать как революцию социалистическую, революцию советскую.

Сообразно с этим надо перестроить конспект учебника новой истории с подбором соответствующих определений и терминов.

Разбивку новой истории в конспекте на две части считаем мало мотивированной и случайной, произведенной по какому-то непонятному признаку. Мы бы считали целесообразным разбить новую историю на три части:

Первая часть — от французской буржуазной революции до франко-прусской войны и Парижской Коммуны (исключительно). Это будет период победы и утверждения капитализма в передовых странах.

Вторая часть — от франко-прусской войны и Парижской Коммуны до победы октябрьской революции в России и окончания империалистской войны (включительно). Это будет период начавшегося упадка капитализма, первого удара по капитализму со стороны Парижской Коммуны, перерастания старого «свободного» капитализма в империализм и свержения капитализма в СССР силами октябрьской революции, открывшей новую эру в истории человечества.

Третья часть от конца 1918 года (год окончания войны) до конца 1934 года. Это будет период послевоенного империализма в капиталистических странах, экономического и политического кризиса в этих странах, период фашизма и усиления борьбы за колонии и сферы влияния, с одной стороны, и с другой стороны — период гражданской войны и интервенции в СССР, период первой и начало второй пятилетки в СССР, период победоносного строительства социализма в нашей стране, период искоренения последних остатков капитализма, период победы и под'ема в СССР социалистической индустрии, победы социализма в деревне, победы колхозов и совхозов. Мы считаем большой ошибкой, что авторы конспекта обрывают историю на 1923 годе. Эту ошибку надо исправить, доведя историю до конца 1934 г. В соответствии с этим придется произвести переделку и перераспределение материала, разделов и глав.

Хорошо было бы освободить конспект от старых затасканных выражений вроде «старый порядок», «новый порядок» и пр. Лучше было бы заменить их словами «докапиталистический порядок» или еще лучше «абсолютистско-феодальный порядок», а вместо «нового порядка» сказать «порядок капитализма и буржуазной демократии». При таком изменении так называемый «новый порядок», т. е. капиталистический порядок, будет выглядеть уже как порядок с т а р ы й, в сравнении с советским строем в СССР, представляющим высший тип устройства человеческого общества.

Хорошо было бы также освободить конспект от чрезмерного обилия «эпох». «Эпоха консульства», «эпоха Наполеона», «эпоха Директории»,— не слишком ли много эпох?

Нам кажется также неправильным, что колониальному вопросу уделено в конспекте несоразмерно мало места. В то время как Жорж Зандам, Шпенглерам, Киплингам и т. д. уделено достаточно много внимания, колониальному вопросу и положению, скажем, в таком государстве, как Китай, уделено мало внимания.

Было бы также хорошо заменить формулу «об'единения Германии и Италии» формулой «воссоединение Германии и Италии в самостоятельные государства». Иначе может получиться впечатление, что речь идет не о борьбе за воссоединение таких ранее раздробленных государств, как Германия и Италия, а об об'единении этих государств в одно государство.

В общем конспект новой истории составлен, по-нашему, более толково, чем конспект истории СССР, но сумбура в этом конспекте все же достаточно много.

9.VIII—34 г.

И. Сталин
С. Киров
А. Жданов

Об организации конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории

Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б).

Придавая исключительное значение преподаванию в школе исторической науки и созданию марксистских учебников по истории, Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) постановляют:

1. Об'явить конкурс на составление лучшего учебника для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории.

2. Для премирования лучших учебников, представленных на конкурс, установить 4 премии:

первая премия	100 000 рублей,
вторая премия	75 000 рублей,
третья премия	50 000 рублей,
четвертая премия	25 000 рублей.

3. В конкурсе могут принимать участие все желающие, без всяких ограничений, как отдельные лица, так и коллективы (группы авторов, институты и т. д.).

4. Срок представления учебников на конкурс — 1 июля 1936 года.

5. Учебники могут представляться на конкурс за подписью автора или под избранным им девизом.

6. Учебник должен быть рассчитан на учащихся 3-го и 4-го классов начальной, неполной средней и средней школы (10—12-летний возраст учеников).

7. Об'ем учебника не должен превышать 20 печатных листов, из которых 18 листов чистого текста и 2 листа иллюстраций и карт.

8. При составлении учебника авторы должны руководствоваться теми установками, которые даны: а) в решениях Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 года «О преподавании гражданской истории в школах СССР», б) «Замечаниями по поводу конспекта учебника по истории СССР» за подписями товарищей И. Сталина, А. Жданова и С. Кирова от 8.VIII—34 г., опубликованными в «Правде» и в «Известиях» от 27 января 1936 года, и в) статьями товарищей Бухарина («Известия» от 27.I), Радека («Правда» от 27.I) и Быстрянского («Правда» от 1.III—36 г.).

9. При составлении учебника авторы должны, в первую очередь, иметь в виду указания ЦК ВКП(б) в постановлении «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 16.V—34 г., что «решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат» и что «только такой курс истории может обеспечить необходимую для учащихся доступность, наглядность и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящие учащегося к марксистскому пониманию истории».

10. Элементарный курс истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории для начальной школы по своему содержанию и характеру изложений

должен учитывать возрастные особенности учащихся 3-го и 4-го классов, для которых этот учебник предназначается.

11. Учебник должен быть конкретен и исторически правдив. Одновременно с этим изложение должно быть ярким, интересным, художественным и вполне доступным для учащихся указанных возрастов.

12. В конце учебника должен быть помещен словарь трудных и иностранных слов.

13. Для рассмотрения представленных на конкурс учебников и присуждения премий назначить жюри в составе:

А. Жданов (председатель),
К. Бауман,
А. Бубнов,
Н. Бухарин,
В. Быстрянский,
П. Горин,
В. Затонский,
А. Сванидзе,
Файзулла Ходжаев,
Я. Яковлев.

Председатель Совета
Народных Комиссаров Союза ССР
В. Молотов.

Секретарь Центрального
Комитета ВКП(б)
И. Сталин.

3 марта 1936 года.

К истории Парижского мира 1856 г.

Парижский мир 1856 г., которым завершилась так называемая Крымская война 1853—1856 гг., явился поворотным моментом в истории внешней политики царской России. Попытка Николая I захватить Проливы путем войны с Турцией натолкнулась на создание европейской коалиции против России, и русско-турецкая война быстро превратилась в войну европейскую. Падение Севастополя и военное поражение царизма неизбежно повлекли за собой утрату им политического влияния в Европе. Требования, совместно выработанные Англией, Францией, Австрией и пред'явленные последней в качестве ультиматума России, сводились к отказу России от протектората над Молдавией и Валахией, к установлению свободного плавания по Дунаю, к нейтрализации Черного моря и к потере Россией права держать там военный флот. Наконец, Россия должна была отказаться от исключительного права покровительствовать православным подданным Турции. Это право служило царскому правительству предлогом для вмешательства во внутренние дела Турции. Царское правительство вынуждено было принять эти предварительные условия для того, чтобы начать переговоры о мире. Публикуемые ниже документы освещают общий ход переговоров на парижском конгрессе.

Царскому правительству путем заигрывания с Наполеоном III и обещаний содействовать укреплению его династии устранением из статей венского трактата пунктов, направленных против семьи Бонапартов, удалось разбить единый фронт европейской коалиции. Попытка Англии ограничить продвижение царизма на Кавказе за линию реки Кубани и получить от России обязательство не строить заново на восточном побережьи укреплений, покинутых или разрушенных во время войны, не была поддержана Францией. С помощью Валевского, имевшего инструкции, непосредственно шедшие от Наполеона, представителям России удалось также сильно смягчить условия мира в части требования, касающегося исправления европейской границы и сводившегося к отторжению от России примерно одной трети Бессарабии, в чем особенно заинтересована была Австрия. Отторгнутая часть была возвращена России по Берлинскому трактату 1878 г.

Но никакие смягчения условий мира не могли скрыть основного — утрату царизмом господствующего влияния на направление европейской политики. Военный разгром России вскрыл все язвы дореформенного крепостнического строя и отсталость народного хозяйства страны. Нарастание крестьянского движения требовало немедленных шагов для предупреждения революции. В центре внимания становились вопросы внутренней политики.

«Вспыхнувшая теперь в России борьба,—говорит Энгельс,—между господствующим классом и угнетенным сельским населением уже сейчас подрывает всю систему русской иностранной политики. Эта система была мыслима лишь до тех пор, пока в России не замечалось никаких процессов внутреннего развития. Но то время миновало. В результате усилий правительства и дворянства промышленность и сельское хозяйство России достигли такой ступени развития, на которой существующие ныне социальные отношения становятся уже нетерпимыми. С одной стороны, их необходимо совершенно уничтожить. С другой,— для того чтобы осуществить это, нужны насильственные меры. А вместе с тем строем, какой существовал в России от Петра Великого до Николая, рушится и внешняя политика этой России» [1].

---

[1] Ф. Энгельс. Статьи и письма по военным вопросам, изд. «Красная новь», М. 1924 г., стр. 282.

Документы, касающиеся войны 1853—1856 гг., опубликованы А. Зайончковским *. Вышедшие два тома (I в 1907 г., II — в 1912 г.) охватывают период до начала 1854 г.

Публикуемые ниже документы являются извлечением из подготавливаемого Архивом внешней политики сборника документов, который должен будет охватить последующий период до заключения Парижского мира включительно.

Настоящая работа подготовлена к печати М. Я. Бессмертной.

С. П.

Депеша австрийского министра иностранных дел Буоля [1] австрийскому послу в Петербурге Эстергази [2], 16/4 декабря 1855 г. **

Слова, которые ваше превосходительство удостоилось услышать из уст самого императора нашего августейшего монарха, должны были снова подтвердить вам намерения, неизменно направлявшие политику его величества во всех фазах борьбы, так тяжко угнетающей Европу. Всегда верный этим принципам император считал бы, что он не выполнил своего долга по отношению к своим народам и к Европе, если бы он пропустил настоящий момент, когда враждующие стороны принуждены обстоятельствами прервать военные действия, и не сделал бы последней попытки найти новые пути, ведущие к заключению мира, который является самой настоятельной потребностью Европы.

Вполне доверяя искренности так часто повторяемых императором Александром уверений в том, что он готов содействовать заключению всякого мира, не наносящего ущерба ни его достоинству, ни чести его страны, его императорское величество почел своей обязанностью приложить все свои усилия, чтобы выяснить степень взаимности, которую эти настроения могли бы встретить при дворах Франции и Великобритании. В силу этого его величество изволил поручить мне выяснить взгляды на этот предмет парижского и лондонского кабинетов. Хотя мы и убедились, что эти кабинеты проникнуты непоколебимой решимостью не проявлять какой-либо инициативы в деле открытия мирных переговоров, однако, к нашему большому удовольствию, их намерения таковы, что мы позволяем себе надеяться на их согласие рассмотреть и принять такие условия, которые могли бы представить все гарантии надежного и длительного мира и окончательно разрешить вопрос, из-за которого возгорелась война.

Более того, мы позволяем себе выразить надежду, что эти державы, хотя и сохраняют за собой во всей своей силе право предложить такие мирные условия, которые они найдут для себя подходящими, тем не менее они теперь еще склонны следовать принципу, провозглашенному в самом начале борьбы, а именно — не преследовать чьих бы то ни было частных интересов и не простирать своих требований дальше тех, которые необходимы для успокоения Европы, и которые гарантировали бы невозможность повторения такого прискорбного осложнения.

Все эти обстоятельства побудили императорский кабинет взять на себя задачу подробно рассмотреть настоящее положение и сформулировать основания, на которых, по его мнению, могло бы покоиться здание надежного мира. Четыре принципа [3], уже принятые Россией, всегда

---

* Зайончковский, Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой.

** Публикуемые документы хранятся в Архиве внешней политики, в фонде «канцелярия министра». Подлинники на французском языке.

казались нам наилучшей исходной точкой. Только для того, чтобы обеспечить дело мира и в особенности, чтобы избежать тех подводных камней, которые были причиной неудачи последних конференций [4], мы сочли необходимым развить эти четыре принципа сообразно общим интересам Европы и более точной формулировкой облегчить окончательное соглашение.

Результатом этой работы является прилагаемый здесь документ [5]. Если бы воюющие державы приняли его, то он приобрел бы значение прелиминарных условий мира. За подписанием этих прелиминарных условий немедленно последовали бы общее перемирие и окончательные переговоры о мире.

Так как эта работа удостоилась одобрения его величества императора, вы уполномочиваетесь, граф, представить ее на рассмотрение российского двора с настоятельнейшей просьбой взвесить содержание прилагаемого документа и сообщить нам его решение, причем мы считаем чрезвычайно важным узнать это последнее возможно скорее. Если, как мы надеемся, наши предложения встретят благоприятный прием, мы не замедлим горячо рекомендовать дворам Парижа и Лондона принять их, выражая одновременно одушевляющую нас уверенность в том, что своим правом пред'являть особые условия эвентуально при ведении переговоров они воспользуются только в целях общих интересов и в такой мере, чтобы не создавать серьезных препятствий для водворения мира.

Мы настоятельно просим российский двор спокойно разобрать предложения, которые мы передаем на его рассмотрение. Мы не будем распространяться относительно тех серьезных последствий, которые повлекбы за собой отказ вступить на вторично предлагаемый нами путь к почетному примирению, отказ, вследствие которого на него обрушилась бы вся тяжесть громадной ответственности. Мы предпочитаем надеяться, что он благоразумно взвесит все шансы.

Мы думаем, что в этом мы являемся выразителями пожеланий и насущных интересов Европы. Нам остается лишь обратиться к возвышенным чувствам императора Александра, от верховного решения которого зависит судьба стольких тысяч человеческих жизней. Мы твердо надеемся, что его императорское величество остановится на том решении, которое, по нашему мнению, одно только и отвечает действительным интересам его народов и требованиям гуманности.

Примите и пр.

Буоль.

Государственный канцлер Нессельроде [6] австрийскому послу в Петербурге Эстергази, 16/4 января 1856 г.

Ваше сиятельство.

Спешу сообщить вам, что мы принимаем пять предложений, которые формулированы в документе, приложенном к депеше графа Буоля от 16/4 декабря, в качестве проекта предварительных условий и для открытия окончательных переговоров о мире. Я уведомляю князя Горчакова [7] о сообщении, которое я вам делаю, ваше сиятельство, и поручаю ему довести его до сведения вашего двора.

Благоволите и пр.

Нессельроде.

Инструкция государственного канцлера Нессельроде первому уполномоченному на парижском мирном конгрессе графу А. Ф. Орлову[8], 11 февраля/30 января 1856 г.

При обстоятельствах чрезвычайно тяжелых и решительных для будущего России император обращается к вам, чья испытанная преданность престолу заслужила на протяжении 50 лет благоволение трех государей.

Полагаясь на ваш опыт, ваши способности и ваши познания, наш августейший государь соблаговолил назначить вас, г. граф, первым уполномоченным на конгрессе, который будет иметь место в Париже с целью восстановления мира. Благодаря постоянному участию в текущих делах, а также благодаря каждодневному общению с его величеством, ваше превосходительство находитесь не только в курсе политики императорского кабинета, но и у самых истоков ее.

Вот почему достаточно будет здесь ограничиться лишь несколькими указаниями, чтобы обрисовать общее политическое положение. Видимая причина кризиса на Востоке достаточно хорошо известна, и нам нет надобности возвращаться к этому вопросу. Истинными причинами, благодаря которым он разросся до настоящих пределов, были антагонизм Великобритании, личные виды Луи-Наполеона и бессильный эгоизм Австрии. Перед лицом этих трех факторов потерпели крах конференции в Вене, несмотря на самую примирительную позицию, занятую там императорским кабинетом.

С тех пор политический горизонт Европы сделался еще более мрачным, несмотря на то, что в ходе военных событий изменений решающего характера не произошло.

В то время как Швеция, придерживавшаяся до сего времени благоприятной для нас позиции, без всякой нужды встала под покровительство морских держав[9], Австрия в развитие договора от 2 декабря 1854 г.[10] обещала западным державам бросить на чашу весов все свое влияние с целью создать против России европейскую лигу.

Приняв на себя миссию передать предложения, которые должны были служить прелиминарными условиями мира, Австрия угрожала немедленным разрывом, в случае нашего отказа.

Я имею честь препроводить вашему превосходительству при сем прилагаемую копию депеши, которую венский кабинет передал нам с этой целью через своего посланника в Петербурге.

Момент был решительный.

Конечно, если бы мы повиновались только своим чувствам, мы бы не колеблясь бросили перчатку этому правительству, столь же бесчестному, сколь неблагодарному.

Но, с другой стороны, мы не могли терять из виду серьезные последствия, которые повлек бы за собой наш отказ. Он поставил бы Россию перед двойной альтернативой.

Одна заключалась в том, что коалиция, созданная против нас, охватила бы все европейские державы.

Они поставили бы России целый ряд условий, которые связали бы ее в будущем на неопределенное время. Последствием этого была бы общая экономическая блокада. В то же время возросли бы требования наших противников. Отказавшись от принципа, которого они до тех пор придерживались,— не домогаться частных интересов, они поставили бы нам неприемлемые условия и только для того, чтобы вернуться к прежнему положению, утраченному из-за нашего отказа, нам пришлось бы в течение неопределенного времени и до истощения всей

Европы сохранять состояние войны, для того, чтобы отстаивать себя.

Вторая альтернатива заключала в себе не менее опасности. Кто бы мог поручиться за то, что под решительным давлением Англии и Франции у венского кабинета, руководимого близоруким коварством, не возникнет стремление перекроить карту Европы и принять участие в военных действиях, направленных к достижению этой цели? Перед лицом опасностей, сопряженных с каждой из этих альтернатив, наш августейший государь, руководясь лишь чувством любви к своей стране и заботой о будущем своего народа и подавая пример величайшей самоотверженности, счел за должное поручить императорскому кабинету заявить о том, что он безоговорочно принимает австрийские условия.

Вернуть своим народам благодеяния мира, сохраняя при этом условия, необходимые для процветания и величия России в будущем, или же, если бы, против всякого ожидания, эти стремления не осуществились благодаря происках врагов, хотя бы изменить политическое положение так, чтобы не дать войне распространиться дальше наличных пределов, такова благородная мысль, руководившая его императорским величеством и такова двойная задача, которую император соблаговолил доверить испытанному искусству вашего превосходительства.

Для содействия вам его величество соблаговолил назначить вторым уполномоченным на парижский конгресс г. барона Бруннова[11], в настоящее время состоящего послом при германском сейме. Будучи лично вам известен, он не преминет действовать в полном согласии с вами для достижения общей цели, как он уже неоднократно делал это в славные времена наших дипломатических анналов.

Пред лицом столь трудных обстоятельств вы должны будете употребить все усилия, чтобы преодолеть враждебные замыслы, которые будут вам угрожать со всех сторон. Есть однако два обстоятельства, которые, будучи умело использованы, сослужат вам немалую службу.

Первое — это впечатление, произведенное великодушным решением нашего августейшего государя. Переворот, который оно произвело в общественном мнении Европы и даже воюющих стран, есть несомненный факт. Искусству наших уполномоченных предстоит использовать и укрепить его, с тем чтобы воздействовать в этом направлении и на сами правительства. Прямота и искренность наших намерений будут нашим лучшим оружием против наших врагов. Только выказывая нашу решимость искренне принять новое создавшееся для России положение, мы закрепим плоды этого решения, а число сторонников мира и их влияние возрастут.

Вторым благоприятным для нас обстоятельством являются противоречия интересов и стремлений наших противников. Наши уполномоченные слишком хорошо знакомы с политическим положением настоящего времени, чтобы нужно было разбирать его более подробно.

Англия есть и будет нашим действительным и неумолимым врагом. До настоящего времени личная неприязнь министра, стоящего во главе ее политики[12], встречала сочувствие всей нации, стремящейся отплатить за неудачи, которые она потерпела в этой войне, и находила поддержку в личных интересах императора Наполеона. Ныне эти последние, повидимому, удовлетворены. Получив от союза с Англией все выгоды, какие только он мог извлечь, властитель Франции не может следовать за ней в ее воинственных замыслах, где его ждет лишь неизвестность. А это не может входить в цели столь холодного и расчетливого человека, как Луи-Наполеон.

Он не захочет, конечно, окончить теперешнюю войну, порвав свой союз с Англией. Тем более он не захочет враждовать с ней. Но, с другой стороны, естественно, что он будет стараться избавиться от той зависимости, в которой он до некоторой степени находится по отношению к ней. Об этом свидетельствует то, что французский кабинет стремится завязать с Веной все более и более близкие отношения. Наши уполномоченные должны искусно использовать это положение. Недостаточная заинтересованность Франции в содействии целям Англии, преследуемым ею в Азии, а также открывающаяся для французского императора перспектива — стать благодаря союзам твердой ногой на континенте, окажутся в руках наших уполномоченных в ходе конференции средством вызвать в политике Франции поворот, необходимый для того, чтобы Англия отказалась от своих воинственных замыслов. Наряду с основной целью, заключающейся в восстановлении мира, подробные инструкции, при сем прилагаемые, одобренные его величеством императором, а также дополнительные пояснения к ним укажут вам, граф, вопросы, на которые вам нужно будет обратить особое внимание.

Твердо решившись дать искреннее согласие на систему, которую отныне предназначено ввести на Востоке, императорское правительство желало бы внести в нее некоторые изменения как по форме, так и по существу.

А именно следовало бы из'ять из редакции прелиминарных условий все то, что носит унизительный для России характер. Кроме того, следовало бы, развивая некоторые принципы, уклониться от того, что в них есть враждебного и стеснительного для нас на будущее время.

Наконец, императорский кабинет особенно желает изменить, если даже не из'ять совсем, статью об исправлении европейской границы. Славные традиции, связанные с территорией, подлежащей отторжению, а также всякого рода материальный ущерб, обязывают нас поставить этот вопрос прежде всех остальных и даже подчинить ему те выгоды, которые Россия могла бы получить от исправления ее азиатской границы после присоединения столь значительной территории, как Карс.

Кроме того, несмотря на громадные жертвы, принесенные императором ради мира, заключение мира может встретить на конгрессе серьезные препятствия, в виде новых требований, которые наши противники, и главным образом Англия, выдвинут на конгрессе, согласно статье пятой прелиминарного проекта. Эти препятствия могут возникнуть не только из сущности требований, но и из той формы их, в которой захотят сделать их для нас обязательными.

Из протокола, копия которого при сем прилагается и который по нашему предложению был подписан в Вене [13], ваше превосходительство усмотрите, что прелиминарный проект был только парафирован, а подписание окончательного прелиминарного акта предоставлено конгрессу.

Кроме того, по достаточно достоверным сведениям, Англия, прежде чем подписать его, будет настаивать, чтобы ее требования в отношении статьи V были бы нами приняты и включены в прелиминарные условия, как если бы соглашение по ним было достигнуто еще во время переговоров.

Но даже если допустить, что Англия ограничится требованием не возобновлять укреплений Бомарзунда и Аландских островов [14], способ действий этой державы не может быть для нас приемлемым. Причины этого мне нет надобности об'яснять подробно. Правда, мы не собираемся восстанавливать укреплений Бомарзунда и к соглашению по

этому предмету препятствий не будет, но наше согласие в этом вопросе, а также обладание крепостью и пашалыком Карса являются единственным нашим средством при ведении переговоров. Отказаться от него безоговорочно, включив это в прелиминарные условия,— означало бы лишить себя возможности вернуться к вопросу об исправлении европейской границы и разрешения его в более благоприятном для нас смысле. Целью наших уполномоченных будет то, чтобы удержать за собой это преимущество, не допустив разрыва переговоров при столкновении с первым же подводным камнем. Не предопределяя пути, которому они будут следовать, мы считаем полезным наметить здесь тот путь, который кажется нам наиболее выгодным.

Если Англия будет настаивать на том, чтобы условия, проистекающие из статьи V, были бы включены в прелиминарный акт, наши уполномоченные не будут возражать против этого, но в то же время они потребуют, чтобы все спорные пункты были бы подвергнуты предварительному обсуждению, основой которого должен служить принцип справедливой компенсации, формулированный нами в нашем ответе венскому кабинету [15]. Установив таким образом связь между различными вопросами, подлежащими разрешению, они выявят противоречивые интересы участников коалиции и смогут использовать происходящие оттуда разногласия с тем, чтобы добиться благоприятного решения.

Для нас могут представиться две различные комбинации. Одна — это выказать некоторую сговорчивость по отношению к Англии и желание удовлетворить ее специальные виды в Азии. Этим мы рассчитываем изолировать Австрию и добиться, если не полного ее отказа от требования исправления границы, то хотя бы существенного изменения ее позиции сообразно нашим интересам. Другая комбинация — это воспользоваться уже установившимся согласием между Францией и Австрией с тем, чтобы присоединиться к ним и составить таким образом группу союзников, способную парализовать намерения Англии и заставить ее отказаться от чрезмерных требований. В зависимости от значения требований, выдвинутых этой последней, наши уполномоченные и должны будут решить, которой из этих двух комбинаций следует им воспользоваться.

Результат этого обсуждения будет решающим для всего вопроса в целом. Его нужно немедленно зафиксировать в протоколе. Вслед за тем можно приступить или к подписанию прелиминарных условий, измененных соответствующим образом, или непосредственно к заключению окончательного договора о мире.

С нашей точки зрения более желателен второй метод. Очевидно, что нежелательные формулировки, содержащиеся в прелиминарных условиях, не будут фигурировать в окончательной редакции договора, как это доказывают статьи, относительно которых было достигнуто соглашение в Бене [16].

Кроме того из необходимости не откладывать на продолжительный срок заключения договора следует, что урегулирование второстепенных пунктов различных вопросов надо отложить до специальных конференций, которые должны быть созваны после заключения мира. Мы могли бы надеяться в этом случае, что эти вопросы будут разрешены в менее враждебном для России духе.

Как бы то ни было, это соображения второстепенные. Они должны быть подчинены главной цели — восстановлению мира. Из изложенного в начале этой инструкции ваше превосходительство уже ознакомились и с мотивами этого.

Существенно важным для нас является следующее: либо добиться того, чтобы мир был заключен на парижской конференции, либо, если против всякого ожидания это нам не удастся, выявить перед всем миром лойяльность и искренность намерений, руководивших нашим августейшим государем в его благородном решении, так, чтобы не оставалось никаких сомнений в правоте дела, которое нам пришлось бы еще защищать, и для того чтобы отнять у наших врагов возможность вооружить против нас Европу ради своих целей.

Благородная прямолинейность вашего характера, такт и проницательность, неоднократно проявленные вами в ответственных поручениях, являются для его величества верной гарантией того, что и настоящая миссия, хотя и сопряженная с величайшими затруднениями, увенчается полным успехом.

Примите и пр. Нессельроде.

Нессельроде графу Орлову, 11 февраля/30 января 1856 г.

Упоминая в своей главной депеше, адресованной вашему превосходительству, о политических комбинациях и сближениях между отдельными договаривающимися сторонами, императорский кабинет имел в виду лишь указать вам способы, с помощью которых можно было бы парализовать на конференциях недоброжелательство наших врагов и достигнуть нашей главной цели — восстановления мира.

Само собой разумеется, что эти комбинации должны носить лишь временный характер и не связывать нашу свободу действий в будущем.

Более чем когда-либо наш августейший государь не желает связывать своей политики какими-либо окончательными обязательствами.

Восстанавливая среди благодеяний мира свои жизненные силы, Россия не будет понуждаема заключать преждевременные союзы для того, чтобы вернуть себе в Европе то политическое влияние, которым она так долго пользовалась.

Однако, говоря таким образом, мы далеки от мысли о добровольной изоляции, тем более не может быть речи о том, чтобы показывать, что чувство раздражения, для которого впрочем имеется достаточно оснований, руководит политикой императорского кабинета. Это дало бы основание подозревать нас в тайных замыслах и могло бы вызвать восстановление коалиции, которую нам с трудом удалось разрушить.

От искусства наших уполномоченных зависит занять такую позицию, которая позволила бы избежать это затруднение и в то же время не брать на себя несвоевременных обязательств.

В этом отношении мы должны в особенности остерегаться того, кто в данную минуту является вершителем судьбы Франции.

Пребывая в неизвестности относительно планов, которые могли бы появиться у него из-за чувства самосохранения, мы отнюдь не должны заранее связывать себя с его политикой.

Но, с другой стороны, было бы однако разумно заручиться его благорасположением, указав ему на те выгоды, которые он может извлечь при этом, а именно, что без действенного участия России и, независимо от того, каковы бы ни были тенденции остальной Европы, не исключая и Англии, невозможно возникновение и осуществление какой бы то ни было коалиции против династии Наполеонов.

Ваше превосходительство использует эти указания с присущим вам тактом и проницательностью.

Примите и пр. Нессельроде.

Доверительная записка Нессельроде Орлову, 11 февраля/30 января 1856 г.

Главный вопрос, который предстоит решить во время переговоров и решить в более благоприятную для нас сторону, чем это делают австрийские предложения, это вопрос, неточно называемый «исправлением границ Бессарабии». Надо думать, что в этом отношении наибольшие трудности мы встретим со стороны Австрии. Насколько нам известно, ни Англия, ни Франция не слишком в нем заинтересованы. Итак, дело идет в сущности о том, чтобы сломить сопротивление графа Буоля. Быть может, нижеизложенные соображения окажут на него воздействие.

Образ действий, которого придерживается с самого начала настоящего кризиса австрийский кабинет, вызвал в России крайнее раздражение. Не так-то легко простить измену неблагодарного друга. Не в интересах Австрии, чтобы это чувство усиливалось, чтобы враждебные настроения длились. Она может поплатиться за это при тех неожиданностях, которые всегда возможны в настоящем еще не устоявшемся положении Европы. Единственный, имеющийся у нее способ исправить зло, которое она нам сделала, загладить свою вину, это — пойти нам навстречу в вопросе о Бессарабии, отказаться от заведомо непригодного разграничения, ею же самой придуманного, разграничения, которое представляло бы для России самые серьезные затруднения и в то же время не давало бы никаких выгод ни воюющим державам, ни Германии.

Эти соображения, должным образом развитые, может быть повлияют на австрийского уполномоченного.

Нессельроде.

Депеша Бруннова Нессельроде, 19/7 февраля 1856 г.

Господин канцлер.

С тех пор, как я приехал, я уже дважды беседовал с графом Валевским[17] — 14/2 и 16/4 февраля. Для большей ясности я расположу все рассмотренные нами вопросы по темам.

Намерения французского правительства.

Император Наполеон определенно желает в возможно краткий срок притти к заключению мира.

Он высоко ценит чувство, побудившее нашего августейшего государя перенести переговоры в Париж. Он придает громадное значение их успеху. Следовательно, он употребит все усилия, чтобы устранить трудности, могущие либо замедлить их ход, либо сделать их безрезультатными. Затруднения, которые следует предвидеть, будут исходить не от Франции, а от Англии, с одной стороны, и от Австрии — с другой.

Первая с самого начала не проявляла большого желания содействовать заключению мира. Она предпочла бы испробовать счастья в третьей кампании, чтобы восстановить военную репутацию Великобритании, которой был нанесен ущерб первыми двумя кампаниями. К тому же соображения парламентского характера, от которых зависит судьба правительства, находящегося у власти, внушают лорду Пальмерстону сильные опасения в прочности его власти после заключения мира, который не будет пользоваться популярностью в глазах англичан, если он не оправдает надежд, которые правительство Великобритании имело неосторожность возбудить у сторонников войны.

Французский кабинет не без труда преодолел колебания и явное нежелание Англии. И это ему удалось только благодаря его настойчивости. Лично лорд Кларендон [18], расположен благоприятно. Но он всецело во власти общественного мнения, находясь под влиянием газет, боится оказаться не на высоте той доминирующей роли, которую он считает себя призванным играть в глазах Европы. Он чрезвычайно чувствителен ко всему тому, что касается англо-французского союза; он усматривает угрозу для его дальнейшего существования в тех отношениях, которые могут установиться между уполномоченными России и Франции. Отсюда крайняя необходимость для французского кабинета избегать всего, что могло бы вызвать подозрение и недоверие у английского кабинета. Давая ему повод к недоверию, подвергают риску успех переговоров. Граф Валевский с особенным ударением подчеркнул это затруднение.

«Император Наполеон,— сказал он мне,— определенно желает сохранить узы, которые связывают его с Англией. По необходимости ему приходится в сношениях с ней быть крайне осторожным. Он будет вам крайне обязан, если во время переговоров вы будете иметь это в виду. Если возникнут трудности, то для их преодоления он остановится на таких способах, которые, по его мнению, окажутся наиболее для этой цели пригодными, действуя притом с чрезвычайной осторожностью и никого не задевая. Поставив себе задачу добиться примирения, он ее выполнит без всякого сомнения с большим тактом и искусством. Вы можете быть в этом уверены».

Эти сведения подтвердил и г. Фульд [19] в конфиденциальной беседе, которую я имел с ним 16/4 сего месяца. По его мнению, император считает себя призванным играть роль примирителя противных сторон. Его присутствие на конференции, если бы это позволили соображения этикета, сильно способствовало бы установлению полного единодушия в переговорах. Но и не руководя лично этим собранием, он изо дня в день будет следить за его ходом, чтобы обеспечить его успех.

«Если бы мне позволено было высказаться,— сказал мне г. Фульд,— то я посоветовал бы вам доводить непосредственно до сведения императора обо всех тех инцидентах, уладить которые может помочь его личное вмешательство. Для этого он постарается предоставить вам все возможности. С той целью, чтобы члены конференции могли иметь непосредственные сношения с ним, он два дня в неделю уделяет на приемы. Граф Орлов сумеет использовать эти возможности, чтобы обратиться к поддержке императора, когда он найдет это желательным».

Особые затруднения, выдвигаемые Англией.

Ввиду предстоящего приезда генерал-ад'ютанта графа Орлова, я не счел нужным входить в подробный разбор тех особых вопросов, которые будут служить предметом наших совещаний. Я ограничился тем, что только слегка коснулся их, чтобы нащупать почву и быть в состоянии дать первому уполномоченному его величества общий отчет о всех моих предварительных наблюдениях.

Я не думаю, что погрешу против истины, если вкратце изложу их в следующих выражениях.

Представятся следующие затруднения, идущие со стороны английских уполномоченных:

1. Аландские острова. Они будут настаивать на обязательстве не восстанавливать укреплений, разрушенных во время войны. Французский кабинет считает, что и в его интересах поддерживать это требование.

2. Наши границы в Азии. Они будут возражать против всякой комбинации, имеющей своей целью превратить в постоянное владение теперешнюю оккупацию нами Карса и прилегающих к нему областей. Франция присоединится к Англии в ее решимости противиться всякому расширению границ, осуществляемому за счет территории Турции.

3. Черкесы. Британское правительство будет настаивать на том, что оно должно оказывать своего рода моральную поддержку племенам, среди которых оно во время войны старалось вызвать восстание. Англия не хочет, чтобы создалось впечатление, будто она, как только восстановился мир, покинула их и изменила им. Граф Валевский не сформулировал мне точно тех доводов, которые будут развивать английские уполномоченные, но, судя по тому, что он мне сказал, я имею основание полагать, что дискуссия по этому вопросу ограничится скорее всего простыми дипломатическими пререканиями вроде тех, к которым лорд Пальмерстон любит обычно прибегать, причем это не послужит непреодолимым препятствием к мирному заключению прений. Французское правительство на этот путь не станет и не будет поддерживать английских уполномоченных. «Обсуждать этот вопрос мы будем,— сказал мне граф Валевский, — но вам нечего беспокоиться: Англия в этом вопросе не проявит настойчивости». Из этого я заключил, что эта придирка будет фигурировать в английской программе только как парламентский прием для того, чтобы снять ответственность с английских министров.

4. Черное море. До сих пор о Николаеве не упоминалось. Я постарался не давать никакого повода думать, что это предположение приходило мне на ум. Но я полагаю, что не погрешу против истины, если выскажу предположение, что английские министры поднимут дискуссию по вопросу о невосстановлении нами наших фортов вдоль азиатского побережья * Черного моря [20]. Если графу Орлову не предоставлена в этом вопросе некоторая свобода действия, следовало бы, думается мне, восполнить этот пробел, ибо, принимая во внимание расстояние, отделяющее императорский кабинет от места переговоров, ничего не следует оставлять невыясненным.

5. Установление границы Бессарабии. Венский двор с большой ловкостью склонил на свою сторону британское правительство в отношении наших обязательств по вопросу о расширении границ Молдавии. Я считаю, что это — одно из тех затруднений, которые могут неблагоприятно отозваться на ходе переговоров. В самом деле, предполагаемое разграничение получило уже своего рода подтверждение в первой статье прелиминарных условий, на которые наш кабинет в принципе выразил свое согласие. Не легко будет внести изменения в это обязательство; в глазах наших противников оно является одним из основных, относительно которых уже достигнуто соглашение во время происходивших переговоров. Вне всякого сомнения, тот факт, что мы владеем территорией, занятой нашими войсками в Карском пашалыке, дает нам возможность получения компенсации. Но г. Валевский, хотя и признал значение этого аргумента, упомянул о некоторых пунктах восточного побережья Черного моря, занятых турецкой армией, стремясь этим ослабить значение побед, одержанных нашей армией у Карса. Правда, Франция, кажется мне, слабо поддер-

* В подлиннике против этой фразы на полях рукою Александра II сделана помета: «За исключением Новороссийска и Сухума нигде не намерен их восстановлять».

живает как требования Англии в Азии, так и требования Австрии в Бессарабии. Но из опасения задеть интересы как одной, так и другой создается довольно сложное положение, сопряженное, как я это предвижу, с разного рода затруднениями. Англичане делают вид, что поддерживают Австрию в Европе, для того, чтобы она в свою очередь пришла к ним на помощь в Азии. Франция, повидимому, оставляет за собой роль арбитра с тем, чтобы умерять требования одних и оказывать поддержку требованиям других, когда она это найдет нужным или выгодным для себя. Судьба переговоров главным образом зависит от степени проницательности и беспристрастия, которые проявит император Наполеон в добровольно взятой на себя роли арбитра, лестной для его самолюбия. На это соображение я, между прочим, обращу особое внимание графа Орлова, как только он приедет. На мой взгляд, это основная трудность переговоров.

Виды Австрии.

Все внимание сосредоточено на вопросах, касающихся Дуная.

Восточный вопрос для венского кабинета ограничен узким горизонтом княжеств. Такой взгляд на вещи придает австрийской политике мелочной характер, что способствует снижению ее престижа в глазах западных держав. Держась такого взгляда, граф Валевский, кажется мне, не склонен придавать большого значения роли, которую будут играть австрийские уполномоченные. Я думаю, что нам можно будет использовать это обстоятельство для того, чтобы заставить графа Буоля сойти с той выгодной позиции, которую он занимал во время конференций в Вене. Перенеся переговоры в Париж, наш августейший государь лишил главу австрийского кабинета его родной почвы. Эта перемена сразу бросилась мне в глаза. Австрия оказывается снова во втором ряду. Она не приобрела себе права воюющей державы. Она не сумела осуществить право державы-посредницы. Она перестала быть нашим другом и в то же время не стала открытой союзницей наших врагов. Одним словом, она находится в худшем положении, чем другие державы, так как никому доверия она не внушает. Граф Буоль, думается мне, испытывает на себе всю невыгодность политики, предавшей забвению прошлое, трусливой в настоящем и неопределенной в будущем Нам незачем будет облегчать ей роль, которую она сама себе выбрала; но наше поведение, не враждебное, непомнящее зла, должно преподать ей урок, а именно, что старые друзья всегда самые верные *.

Если в результате настоящих переговоров Австрия придет к подобному убеждению, то это убеждение еще может пригодиться венскому кабинету в его будущих сношениях с Россией.

Способ ведения переговоров.

Когда я приехал, то нашел французский кабинет в полной нерешительности относительно способа привести переговоры к быстрому и благоприятному окончанию. Лондонский, парижский и венский дворы, повидимому, уже совещались по этому поводу, но к окончательному соглашению не пришли. Однако, после моего первого свидания с графом Валевским я понял, что они стали на неверный путь, считая необходимым подписание двух договоров: 1) о прелиминарных мирных условиях и 2) окончательного договора о мире.

* В подлиннике против этого места на полях помета Александра II: «Отнюдь на это не рассчитываю».

Я тотчас же постарался опровергнуть эту идею. Прежде всего я доказал, что подписанием только прелиминарного договора главная цель нашей миссии не была бы достигнута. Цель эта состоит в восстановлении мира. История же дипломатии доказывает, что предварительные переговоры иногда оставались безрезультатными. Мы не должны увеличить число таких примеров еще одним. Наши усилия должны быть направлены к быстрому заключению полного мира. На это надеется, этого ожидает и требует весь мир. Нам важно не обмануть этого законного ожидания. Для этого мы должны возможно скорее приттик заключению о к о н ч а т е л ь н о г о мирного договора. Общественное мнение Европы не удовлетворилось бы договором по природе своей временным. Более того, этот договор дал бы повод думать, что мы хотим отсрочить обсуждение настоящих трудностей, будучи уверены в невозможности для нас их преодолеть. Искренность держав была бы тем самым поставлена под вопрос. Казалось бы, что мы ведем переговоры не для того, чтобы привести их к определенному концу, а для того, чтобы выиграть время. Такой расчет был бы самым плохим.

Я настаивал на следующем соображении, а именно: западные державы начнут с того, что выставят возвращение Карса Турции условием sine qua non подписания предварительного договора. Уполномоченные России могут согласиться на это только в том случае, если в обмен на это обещание получат соответственную компенсацию. И все переговоры вращаются вокруг этого пункта. И если нам удастся решить вопрос о равноценной компенсации, то все уже будет подготовлено для заключения мирного договора. Он уже будет налицо. Итак, для заключения окончательного договора потребуется затратить не больше времени и трудов, чем на подписание временного акта.

Эти соображения, изложенные спокойно, но убедительно, произвели, мне кажется, должное впечатление. Граф Валевский сказал мне, что он приложит усилия, чтобы это мнение одержало верх над мнением Англии и Австрии. Со своей стороны он выставил только одно возражение. Оно вызвано текстом последнего венского протокола. Он гласит, что к заключению перемирия и подписанию окончательного мирного договора будет приступлено только после того, как будут подписаны формальные прелиминарные условия мира.

Согласно этому уже установленному порядку, ф о р м а л ь н о с т ь п о д п и с а н и я предварительных условий должна п р е д ш е с т в о в а т ь перемирию и заключению окончательного договора.

Однако, это не является в глазах графа Валевского непреодолимым препятствием. Он думает, что можно было бы его устранить, подписав протокол, который подтвердил бы уже установленные проектом пункты; этот протокол декларировал бы перемирие и констатировал бы единодушное решение уполномоченных — немедленно приступить к обсуждению, долженствующему привести к окончательному умиротворению.

Таково было настроение графа Валевского, когда я его покинул. Как только первый уполномоченный его императорского величества приедет, я буду иметь честь представить ему результат этого обмена мыслей. Он решит тогда, держаться ли в дальнейших переговорах этого направления или его изменить, в зависимости от того, насколько он найдет это сообразным с волей нашего августейшего государя.

Предстоящий приезд графа Орлова побуждает меня отдать отчет императорскому кабинету о той позиции, которую я нашел нужным занять в ожидании приезда первого уполномоченного его императорского величества.

Прежде всего я позаботился сохранить его позицию в полной неприкосновенности.

Я воздержался от подробного обсуждения вопросов, которые предстоит разрешить. Я сказал, что полномочия и инструкции нашего августейшего государя даны нашему первому уполномоченному, всецело удостоенному доверием его императорского величества.

Моя обязанность состояла лишь в том, чтобы ознакомиться с обстановкой, в которой будут протекать переговоры, все выслушивать и ничего не решать, затем дать общий отчет о своих наблюдениях первому уполномоченному, с целью выиграть время и ускорить, насколько возможно, ход наших совещаний.

Это привело к своей цели. Приехав сюда, граф Орлов найдет почву достаточно подготовленной. Все ведение переговоров, как это и должно быть, будет принадлежать ему одному.

Позволяю себе отметить здесь одно соображение, которое я не замедлю предложить на его усмотрение. Император Наполеон, как я на это указывал выше, будет до некоторой степени играть роль примиряющего посредника. Эта ситуация может оказаться выгодной для нас. Для этого, как мне кажется, нам не следует итти на уступки на конференции, чтобы не терять одно за другим средства, находящиеся в нашем распоряжении, для успешного ведения переговоров. Лучше будет,— если того же мнения будет и граф Орлов,— секретно довериться непосредственно императору Наполеону о пределах полномочий, до которых по воле нашего августейшего государя наш первый уполномоченный мог следовать для устранения препятствий, находящихся на нашем пути. Император Наполеон, польщенный этим знаком доверия, употребит свое личное вмешательство, чтобы оказать воздействие на уполномоченных Австрии и Великобритании, с целью справедливого ограничения их требований, согласно воле нашего августейшего государя.

Если наши совещания пойдут по этому пути и если император Наполеон употребит свое личное влияние на другие кабинеты в нашу пользу, то я позволю себе считать мирный исход переговоров — не скажу верным,— но весьма вероятным.

Таково впечатление от тех сведений, которые я был в состоянии собрать в течение недели. В обстановке совершенно новой для меня я тем более стараюсь избегать всяких преувеличений. Я знакомлюсь с фактами, исследую положение вещей, наблюдаю людей без всякой предвзятой мысли. Пока результат моих наблюдений кажется мне определенно благоприятным. Я отдам об этом полный отчет первому уполномоченному его императорского величества, который, как мне передали, приедет вечером 21/9 сего месяца. Он сам уже будет судить, насколько моя первая оценка положения верна. И в дальнейшем он сам доведет до сведения императорского кабинета о тех поправках, какие может быть надо будет внести в эту оценку после более детального изучения положения. Срок, бывший в моем распоряжении, оказался слишком кратким, чтобы я мог охватить все оттенки быстро меняющейся и чрезвычайно сложной в своих подробностях ситуации, сфера действий которой притом так обширна, что ее нельзя охватить с первого взгляда,— это и вызывает необходимость в дальнейшем более углубленном изучении, исправляющем все недочеты первоначальной оценки. И в том и в другом случае я прошу ваше превосходительство быть снисходительным к представляемой мною на ваше суждение работе.

Честь имею... Бруннов.

Нессельроде графу Орлову, 29/17 февраля 1856 г.

Мы с нетерпением ожидали экспедиции, о которой возвестил нам барон Бруннов. Мы ее получили в одно время с телеграммами, в которых ваше превосходительство сообщаете о протоколе первого заседания конференции, устанавливающем перемирие, где также формулировано решение перейти без подписания прелиминарных условий к заключению окончательного договора.

Как ни благоприятным казался этот результат, он не мог однако совершенно успокоить нас относительно дальнейшего хода переговоров. Согласие, установившееся между Австрией и Англией относительно поддержки их взаимных претензий, и желание Франции не задевать ни той, ни другой до того ясно видны уже из первых же впечатлений, полученных бароном Брунновым, что уже тогда трудно было надеяться, что, жертвуя Карсом, мы добьемся уничтожения статьи об исправлении границы.

Телеграмма от 26/14 февраля за № 14[21], которую мы только что получили, с отчетом об особом совещании вашего превосходительства и барона Бруннова с уполномоченными лишь Франции и Англии подтвердила наши опасения.

Императорский кабинет имел, конечно, все основания именно так поставить этот вопрос.

Если эти пять пунктов обязательны для нас, то они обязательны и для других. Если мы не имеем права возвращаться к обсуждению статьи об исправлении границы, то так же точно и другие не имеют права пред'являть претензий, не имеющихся в проекте прелиминарий.

Так как Карс не упоминается в статье об очищении занятой территории, то требовать от нас его оставления значило бы выходить из пределов установленного; это значило бы вместе с тем, что нам предоставляется право взамен требовать справедливую компенсацию. Впрочем таково было и мнение венского кабинета. По крайней мере, в таком смысле поручено было графу Эстергази снестись с нами. Отсутствие графа Буоля на этом совещании впрочем служит тому достаточным доказательством. Преднамеренно оно или нет, но не доказывает ли это, что хотели либо избавить его от постыдного запирательства, либо удалить неудобного свидетеля.

Как бы то ни было, ваше решение обратиться к посредничеству Наполеона мне кажется разумным и вполне основательным. Это покажет, насколько достойно доверия его желание быть нам полезным, которым, как говорят, он одушевлен. Надо сознаться, мы не очень-то надеемся на акцию Наполеона. Ведь ему хочется возможно более блестящего мира. Он не покинет своих союзников. И пока мир не будет подписан, мы будем иметь дело со сплоченной коалицией. Вот истинное положение вещей. Оно и будет определять ход переговоров, как в отношении их формы, так и содержания.

Та или иная форма, конечно, имеет значение для успеха переговоров, она же будет являться исходным пунктом для политических взаимоотношений, которые придется устанавливать после заключения мира. Хотя мы и не можем отсюда давать своим уполномоченным точных указаний в этом отношении, однако мы можем только одобрить тот образ действий, который был ими принят и который состоит в том, чтобы по всем спорным пунктам договариваться на совещаниях представителей трех держав, т. е. договариваться с уполномоченными Англии и Франции. Ведь в конце концов изменений поставленных условий мы добьемся лишь в том случае, если на это согла-

сятся обе морские державы. Вопрос о мире или войне будет решен ими и нами. Следовательно между нами тремя и должны вестись переговоры. Только не задевая самолюбия Англии может, таким образом, проявиться личное влияние Наполеона, если вообще можно на него рассчитывать. Более того, решения, явившиеся следствием этого соглашения между троими, будут окончательными, без всяких излишних и неприятных для нас прений в присутствии австрийских, турецких и сардинских делегатов; конференция принуждена будет внести их в протокол. Итак, насколько мы можем судить отсюда, эта линия поведения имеет свои преимущества.

Окончательное решение этого вопроса зависит от уполномоченных императора; мы сделаем лишь следующее замечание. Для того, чтобы эта линия поведения не повлекла за собой затруднений, чтобы она не привела нас, помимо нашего желания, к невозможным для нас уступкам, что могло бы погубить все дело мира, важно, чтобы представители трех держав согласились тут же и относительно всех спорных пунктов. Эта линия поведения представляет материальные и политические выгоды, которые нам нет надобности перечислять. Раз состоялось соглашение трех держав, то и мир обеспечен. С этого момента все приготовления к войне, до такой степени для всех обременительные, можно будет приостановить, перемирие будет иметь более прочную основу; и, наконец, второстепенные вопросы получат более беспристрастное разрешение.

Во всяком случае, так как придется определенно договориться относительно всех спорных вопросов и определить с той и другой стороны границы, дальше которых идти будет нельзя, мы считаем нужным повторить здесь точку зрения императорского кабинета на все важнейшие вопросы, которые следовало бы включить в это особое соглашение.

Вопросы эти следующие:

Исправление Бессарабской границы; эвакуация Карса.

Статья, касающаяся Аландских островов.

Наконец, статья, касающаяся черкесов.

В тот момент, когда наши уполномоченные получат эту почту, два первых вопроса принципиально будут уже разрешены.

Однако, каково бы ни было решение, мы не думаем, что наше принципиальное согласие на эвакуацию Карса, как мы уже об этом говорили выше, могло бы нас лишить права требовать соответствующую компенсацию.

Эта компенсация заключалась бы в более удобной для нас границе Бессарабии, соответственно нашему достоинству, а также в смягчении других претензий, так, чтобы они утратили характер настоятельных требований.

Что касается исправления границы, то предыдущие инструкции определили уже, какие изменения должны быть внесены в линию границы, намеченную в прелиминарных условиях.

Следовательно, наши уполномоченные должны будут сообразоваться с этими инструкциями при заключении предварительного соглашения между представителями трех государств.

Что же касается других претензий, то в сущности они не имеют практического значения и скорее рассчитаны на то, чтобы удовлетворить тщеславие английского народа и укрепить положение правительства, находящегося у власти в Англии.

Если лорд Кларендон, как он это сказал в парламенте, желает получить «мир почетный для всех заинтересованных сторон, так как

только такой мир имеет шансы быть длительным», — то ему нетрудно будет, подчеркнув, как бескорыстно Россия, по просьбе морских держав, согласилась на эвакуацию такого важного пункта, как Карс, дать удовлетворение общественному мнению Англии, не пред'являя притом условий, имеющих своей целью польстить самолюбию одних, но в то же время оскорбительных для национального чувства других.

В особенности император Наполеон смог бы настоять на том, чтобы эта справедливая точка зрения принята была за основу соглашения между тремя державами.

Однако, так как мы не можем рассчитывать ни на первого, ни на второго, то мы находим нужным дать дополнительные инструкции нашим уполномоченным по этому вопросу.

1. Аландские острова. Требование не восстанавливать укреплений, разрушенных во время последней войны, является одним из тех требований, которые преследуют скорее внешний эффект. Мы понимаем, что после заключения договора со Швецией морские державы желают получить от нас такое обязательство. Но оно в значительной степени лишено реального значения, так как императорское правительство не намерено восстанавливать разрушенных укреплений. Вообще мы не понимаем, что общего между таким условием и договором, имеющим своей целью разрешение восточного вопроса.

Достаточно будет, повидимому, для урегулирования этого вопроса, одновременно с заключением договора, произвести обмен нотами или декларациями между обеими морскими державами и Россией.

Если тем не менее державы будут настаивать, чтобы это обязательство вошло в общий договор, то следует, как мы уже говорили, так смягчить его, чтобы оно потеряло видимость требования. Следующая редакция могла бы удовлетворить этому условию. «Так как императорское российское правительство заявило о своем намерении не восстанавливать укреплений на Аландских островах, договаривающиеся державы приветствуют эту добровольную декларацию, как действительную гарантию будущего мира, и принимают ее к сведению».

2. Второе требование британского кабинета будет касаться несомненно положения дел в западной части Кавказа, с целью получить, как сказал лорд Кларендон, торговые льготы и добиться невосстановления на этом отрезке Черноморского побережья фортов, в данное время нами покинутых, и тем обеспечить безопасность границы Оттоманской Порты.

Ясно, что цель подобного условия — это скорее произвести впечатление на воображение, чем стремление получить практические выгоды. Все, кто знает условия существования мелких народностей, живущих на этом побережье, согласятся с нами, что перемены, которые хотят произвести в их настоящем положении, поведут только к тому, что сделают это море, которое хотят успокоить путем его нейтрализации, предметом смут и раздора.

Что же касается торговли с этими народами, то неоднократные попытки императорского правительства достаточно ясно показали тщетность сделанных в этом направлении усилий. В один прекрасный день горцы разорили устроенные фактории. Еще долгое время вся торговля на этом побережье будет сводиться к продаже рабов и покупке пороха. При свободе торговли одно станет неотъемлемо от другого. Мы не знаем, считает ли Англия в своих интересах, чтобы здесь и дальше продолжалось состояние войны, но общественное мнение в целом, несомненно, будет возмущено продолжением бесчеловечной торговли.

Что же касается фортов, то мы уже писали в одной из предыдущих депеш, что после столкновения, вызванного делом о «Виксене»[22], сами британские министры, во избежание парламентских прений, посоветовали нам приступить как можно скорее к занятию главных пунктов побережья. Однако наш августейший государь не намерен восстанавливать все без исключения сейчас покинутые форты, что потребовало бы такой большой затраты денег и человеческого труда, которая совершенно не соответствовала бы их назначению. Оккупация должна ограничиться лишь несколькими главными пунктами. В действительности предполагается снова занять лишь Новороссийск и Сухум-Кале. Из них первый находится недалеко от Анапы, а второй — в Мингрелии; таким образом оба эти форта лежат на двух крайних точках побережья, которое на всем его остальном протяжении будет не оккупировано. Этих раз'яснений было бы более чем достаточно, если бы дело шло лишь о том, чтобы рассеять опасения за Турцию. Но, к несчастью, не доводами благоразумия и справедливости руководствуются при выработке пунктов будущего договора. Как мы уже говорили, его диктуют личные предубеждения и страсти. Поэтому мы должны ожидать, что они об'единятся также и на этом вопросе, чтобы попытаться причинить нам неприятность. Наши уполномоченные должны приложить все усилия для того, чтобы либо отклонить его, либо смягчить его как в отношении формы, так и содержания.

Таковы наши замечания, вызванные экспедицией барона Бруннова и телеграммами, полученными затем от вашего превосходительства.

Одним словом, мы хотим сказать, что, не будучи в состоянии разделить наших врагов, мы должны войти в особое соглашение с теми из них, от решения которых будет зависеть восстановление мира.

Примите и пр.

Нессельроде.

Депеша графа Орлова Нессельроде, 2 марта/19 февраля 1856 г., № 18.

Господин канцлер.

Приехав в Париж 21/9 текущего месяца в 11 часов вечера, я на другой же день имел свидание с графом Валевским. Он об'явил мне, что император, уже зная о моем приезде, даст мне 23/11 сперва официальную аудиенцию, а затем немедленно удостоит меня беседой наедине в своем кабинете.

В субботу, в два часа, я отправился в Тюльери. Высшие придворные чины, принимая меня, выказали большую предупредительность. Они меня тотчас провели к императору.

Его величество чрезвычайно милостиво принял меня. В кратких словах я изложил ему мнение нашего августейшего государя относительно достижения умиротворения, чего так страстно жаждет вся Европа. Я ему сказал, что император искренне разделяет выраженное ему желание об'единенными усилиями содействовать установлению добрых отношений между обоими кабинетами и укреплению симпатий, существующих между двумя великими нациями, судьбы которых провидение вручило попечению их монархов. В заключение я сказал, что наш августейший государь надеется, что надежный и почетный мир, заключенный между обеими империями, будет содействовать установлению дружественных отношений между обоими государями.

Император Наполеон сказал, что он разделяет эту надежду и желает ее осуществления, затем отпустил свою свиту и пригласил меня последовать за ним в его кабинет.

Его величество, милостиво предложив мне сесть, сел сам и тотчас же приступил к политической беседе.

Уверенный в том, что откровенность и прямота моих речей будет наилучшим способом произвести на него должное впечатление, я начал с заявления, что изложу ему сейчас без всяких умолчаний, уклонений и тонкостей истинное положение вещей и вслед за этим тут же не медля доведу до его сведения, на что я, строго выполняя ясно выраженную волю нашего августейшего государя, уполномочен ответить согласием и на что обязан ответить отказом.

Затем я вкратце изложил, на чем остановились переговоры.

1. Устье Дуная остается свободным и открытым для торговли всех наций. С целью устранить все затруднения для плавания по этой реке, острова, образующие дельту при ее впадении, никем не будут заняты, остаются нейтральными, и ни одно из прибрежных государств не будет иметь там своих сооружений.

Для обеспечения полной свободы торговых сношений по реке и в целях устранить возможность их перерыва, Россия согласна снести укрепления Измаила и Килиа-Нивы, при условии, чтобы Турция со своей стороны снесла укрепления Мачины, Тульчи и Иссакчи.

2. Черное море, как это уже установлено, будет об'явлено нейтральным. Это условие будет выполнено точно во всем его об'еме.

3. Пограничная линия между Молдавией и Бессарабией будет установлена лишь после обстоятельного обсуждения и с общего согласия, так как непреклонная воля императора — точно выполнить взятые на себя обязательства.

Но с другой стороны, следует принять во внимание, что мы завладели крепостью Карсом и той территорией, которую в данное время занимает наша азиатская армия. Этот факт, которого не касались переговоры, имевшие место до сего дня, должен быть, однако, особенно принят во внимание в качестве компенсации.

Я сочту своим долгом особенно настаивать на этом пункте при дальнейшем ведении переговоров. Из этого должно следовать, что если с одной стороны Россия отказывается от обладания крепостью Карсом и его пашалыком, то союзные державы в свою очередь взамен должны отказаться от предполагаемого разграничения в Бессарабии и оставить без изменения существующие в данное время территориальные границы.

Я полагаю, добавил я, что правильно поступил, откровенно изложив непосредственно императору положение вещей так, как оно есть в действительности, без всяких бесполезных фраз и праздных рассуждений, которые обыкновенно лишь усложняют трудности вместо того, чтобы их разрешить.

Наконец, я сказал императору, что постарался дать ему это доказательство доверия, будучи уверен, что если его величество соблаговолит поддержать мои предложения в целом, то с его помощью дело мира завершится в самый короткий срок.

Выслушав меня серьезно и внимательно, император сказал: «А Бомарзунд, согласны ли вы его не восстанавливать?»

Я ответил: «Мне известно, что ваше величество придаете большое значение этому вопросу. Поэтому я нисколько не колеблюсь вам заявить, что мой августейший государь не ставит разрешению этого дела никакого затруднения. Но он желал бы сделать этот пункт предметом особого соглашения, не подлежащего включению в окончательный мирный трактат».

Императору Наполеону, повидимому, понравилась откровенность, с которою я ответил на этот вопрос.

Такое доверие поразило его. Сказав мне по этому поводу несколько лестных слов, он перевел наш разговор на совершенно новую тему.

Он выразил мне те чувства преклонения и уважения, которые он питает к памяти покойного государя, говоря, что несмотря на возникшие между ними разногласия в вопросах политики, он продолжает глубоко и искренне скорбеть о смерти такого великого государя.

Продолжая беседу в тоне все большего доверия и благожелательности, он после минуты раздумья сказал:

«Мне хотелось бы знать ваше мнение о венском трактате. Обстоятельства внесли в него много изменений. На случай, если бы возник вопрос об его пересмотре, мне хотелось бы знать ваши взгляды на этот предмет».

Я ответил, что вопрос такой важности затрагивает интересы всей европейской политики. К тому же он лежит вне моих полномочий и инструкций, и поэтому я не считаю себя вправе высказывать свой личный взгляд на дело, которое по характеру своему входит в прямую компетенцию кабинетов.

Император возразил: «Но это просто разговор». Затем он сказал следующее: «Эта бедная Италия! Ведь в самом деле, не может же она оставаться в своем настоящем бедственном положении. Неужели нельзя ничего для нее сделать? Я говорил об этом графу Буолю. Он мне на это ничего не ответил. Повидимому, это ему нежелательно.

Затем, эта бедная Польша, религия которой подвергается преследованию. Разве государь в своем милосердии не мог бы положить конец тем притеснениям, от которых страдает католическая церковь, не мог бы несколько смягчить судьбу многих несчастных, которые на беду свою позволили вовлечь себя в политические ошибки?»

Я ответил:

«Польша пострадала исключительно по своей вине. Ей были предоставлены все возможности для ее полного благополучия. Она ничем не сумела воспользоваться. Поляки потеряли свои политические права, потому что они нарушили свою клятву и не выполнили своих обещаний.

Что же касается свободы вероисповедания, то уже приняты все меры для успокоения их совести в религиозном вопросе. Конкордат, заключенный с св. престолом, подвергается тщательному рассмотрению, так как имеется в виду ввести его в жизнь. С самого своего вступления на трон император Александр шел навстречу надеждам, вызываемым его милосердием. Не смея высказывать мнение о его намерениях, о которых не мне судить, я полагаю, что государь имеет в виду во время своего коронования еще более облегчить наказание, постигшее виновных».

В ответ на эти мои размышления его величество повторил мне еще раз свое уверение в том, что он рассматривает этот обмен мнений, как простой разговор, и сказал, что моя откровенная речь по поводу происходящих переговоров побудила и его дать со своей стороны доказательства доверия, высказывая мне, как он это только что сделал, свои соображения по некоторым вопросам.

Представляя императорскому кабинету этот краткий отчет, я думаю, что не очень погрешу против истины, утверждая, что мысль о будущем конгрессе, который имел бы своей целью пересмотр статей венского трактата, серьезно занимает императора, являясь в данное время главным предметом его помышлений.

От этой первой беседы у меня осталось впечатление, что император Наполеон умеет под маской искренности скрывать глубокий и в то же время гибкий и острый ум. Он выражает свои мысли ясно, точно, с оттенком скромности, которая подчеркивает то высокое положение, на которое он вознесен событиями.

Примите и пр. Орлов.

Депеша графа Орлова Нессельроде, 2 марта/19 февраля 1856 г., № 22.

Господин канцлер.

В четверг 28/16 февраля я удостоился быть в Тюльери на обеде. После обеда император дал мне аудиенцию весьма продолжительную и заслуживающую всякого внимания. Наша беседа была дружественной, я бы сказал даже, весьма откровенной и многообещающей для будущего, но мало удовлетворительной для настоящего момента.

По интересующему нас вопросу я говорил твердо, но чрезвычайно сдержанно. Я поблагодарил его величество за доверие, мне оказанное, за почет и внимание, которым мы пользуемся; в особенности я остановился на том, какое удовольствие доставил мне оказанный нам всей французской нацией прием и то всеобщее сочувствие, которое я всюду встретил в пользу мира и сближения с Россией. Я добавил, что настал момент, когда мне приходится прибегать к императору; притязания англичан и уловки Австрии возрастают с каждой минутой в такой степени, что я боюсь, как бы они в конце концов не принудили меня прервать заседания конференции.

Император Александр,— продолжал я,— свято выполнит данные им обещания. Если он решился принять австрийские предложения, то это потому, что он думал, на основании некоторых намеков, что наше обладание Карсом окажется в наших руках сильным средством воздействия на ход переговоров и что в этом мы встретим мощную поддержку вашего величества. Наконец, я добавил, что при первом же моем свидании с императором я сказал, что не буду ничего скрывать от него, и, верный данному слову, я в самом деле ничего не скрыл от него и что следовательно мне не в чем упрекать себя.

Император не прерывал меня и выслушал с большим вниманием до конца. Когда я кончил, заговорил он. Сказав сперва много лестного по моему адресу и поблагодарив меня за лойяльность, император добавил, что и его ответ будет такой же сущей правдой.

Затем, перейдя к существу дела, он признал, что действительно в свое время он дал нам понять, будто Карс явится достаточной компенсацией взамен требуемой от нас уступки части Бессарабии, но что он встретил в сопротивлении Англии и Австрии почти непреодолимые препятствия и что только благодаря его решительному противодействию ему удалось отклонить чрезмерные требования Англии, как например, разрушение Николаева, требования относительно Азовского моря и т. д. и другие условия, унизительные для России. Что же касается его обязательств по отношению к союзникам, то его обвинили бы в коварном непостоянстве, если бы он их окончательно порвал. Он понимает, как выгоден для Франции действительный союз, соответствующий ее симпатиям и ее интересам в будущем, но он будет действовать осторожно, ничем не рискуя. В определении же пограничной линии в Бессарабии и вообще в отношении всех условий, на которые уже дано согласие императором Александром, он самолично рассмотрит все трудности, после чего прикажет своим министрам поддерживать нас.

В конце беседы его величество добавил, что дает мне право всегда обращаться прямо к нему.

Таково положение, в котором мы находимся в данную минуту. Из этого я заключаю, что наиболее благоприятный исход мирных переговоров для нас — это осуществление тех четырех пунктов, на которые мы дали уже наше согласие — в Европе и uti possidetis — то, что было до начала войны, — в Азии.

Примите и пр. Орлов.

Депеша графа Орлова Нессельроде, 11 марта/28 февраля 1856 г., № 31.

Господин канцлер.

Со времени моей экспедиции от 2 марта/19 февраля работы конференции заметно продвинулись к своему окончанию. Я об этом вкратце доносил в моих телеграммах.

Теперь я считаю своим долгом представить императорскому кабинету полный отчет о переговорах.

Я начну с тех спорных вопросов, которые нам удалось разрешить; затем я перейду к тем вопросам, которые еще предстоит уладить, и закончу этот отчет общим описанием положения в том виде, как оно мне теперь представляется.

I. Вопросы решенные.

1. Пятый пункт прелиминарных условий, обозначенный как особые условия.

Изо всех вопросов, обсуждавшихся в Париже, вопрос, касающийся пятого пункта прелиминарных условий, несомненно самый трудный и самый важный. Таково же было мнение о нем у нашего августейшего государя. Отсюда его желание — с самого начала устранить этот V пункт, так как его двусмысленная и неопределенная формулировка давала нашим противникам возможность пред'являть чрезмерные требования, на которые нам пришлось бы ответить решительным отказом, что с самого начала положило бы конец всяким переговорам.

Австрия, правда, с целью побудить императорский кабинет принять V пункт как одну из основ прелиминарного проекта, подала нам надежду, что особые условия, выдвинутые Англией и Францией, не зайдут так далеко, что представят угрозу делу мира. Но эти неясные и нерешительные заверения не являлись определенным обязательством, данным западными державами. Венский двор ограничивался тем, что давал нам простое обещание на словах. Его поведение в прошлом показывало, как мало на него можно полагаться.

Об'яснения, данные Францией о значении V пункта, были более удовлетворительными. Эвентуальное применение его они ограничивали двумя специальными вопросами, а именно:

1. Аландскими островами.

2. Рассмотрением положения в азиатских областях, расположенных на восточном побережье Черного моря.

Но неясная редакция этой последней статьи оставляла под сомнением точное значение предмета спора, который Англия казалось выдвинула специально для того, чтобы пред'явлением требований, неприемлемых для России, сохранить за собой возможность помешать успеху переговоров.

Нам важно было, г. канцлер, прямо подойти к этому вопросу и не давать нашим противникам повода думать, что мы опасаемся прений по этому вопросу и потому откладываем их.

Мы начали с того, что сами их вызвали. Поступая таким образом, мы тем самым получили то существенное преимущество, что были в состоянии проникнуть в намерения наших противников и совершенно точно установить, в чем взгляды Англии отличаются от взглядов Франции.

Это привело нас к открытию чрезвычайно для нас важному. В самом деле, от графа Валевского мы узнали, что дело идет ни о чем другом, как о желании Англии поставить под сомнение вообще наше право на территории, лежащие за Кубанью. По мнению Англии, следует или заставить нас признать независимость и нейтралитет стран, лежащих южнее Кубани, или же снова передать их под номинальную власть Порты.

Император Наполеон не дал своего согласия на поддержку комбинаций такого рода. Противодействие, оказанное им в этом вопросе, несомненно имело для нас большое значение. Я должен признать это по всей справедливости.

Раз это стало нам ясным, то, казалось, вступив в дискуссию по вопросу, в котором Франция не была склонна поддерживать Англию до конца, мы могли бы с успехом оспаривать доводы этой последней.

Результат вполне оправдал наши ожидания. Дискуссия началась на заседании 1 марта. Опираясь на трактаты, мы установили, что положение наших владений в Азии, ясно определенное в наших договорах с Портой, а именно IV статьей Адрианопольского трактата и I статьей С.-Петербургской конвенции 1834 г.[23], не давало повода к каким-либо сомнениям или спорам.

Это выступление, основанное на документах и на неопровержимых фактах, дало нам перевес над нашими противниками англичанами. Лорд Кларендон пустился в туманные разглагольствования то касательно Мингрелии, то Абхазии, то черкесов. Мы его опровергли по всем пунктам, обратившись непосредственно к самим турецким уполномоченным с просьбой заявить, правда или нет, что границы обеих империй установлены прямыми договорами.

Великий визирь Али-паша это признал. Он и не пытался оспаривать вышеупомянутую пограничную линию в том ее виде, как ее определяет конвенция 1834 г. Он высказал лишь предположение, что с того времени могли произойти отклонения от этой линии, и сказал, что было бы желательно произвести обследование на местах; что еще до перерыва сношений Порта имела намерение сделать императорскому кабинету предложение в этом смысле, и что теперь ему поручено заявить о желании назначить специальных комиссаров для проведения этой проверки границы и для исправления ее, буде если таковая понадобится, но исправления без ущерба для интересов обеих сторон.

Мы формально установили, что такое исправление не должно быть сопряжено с какой-либо безвозмездной уступкой территории. После установления этого обстоятельства оставалось лишь условиться относительно назначения обоюдных комиссаров. Выбор их мы намеревались предоставить только России и Турции.

Граф Валевский выразил желание присоединить к ним английского и французского комиссаров. Он предупредил нас доверительно, вне конференции, что это личное желание императора Наполеона. Взамен той поддержки, которую он нам оказал во время главных дебатов по поводу пятого пункта, а также ради той реальной пользы, которую нам приносит его хорошее расположение к нам, я признал необходимым принять его совет. Но принимая этот пункт эвентуально, я сделал

оговорку, что представлю его на одобрение нашего августейшего государя.

Депешей вашего превосходительства от 6 марта/23 февраля я был уведомлен о его согласии. Я счел своим долгом довести об этом до сведения конференции.

Таким образом дискуссия по этому предмету окончательно закончена. Для завершения работ комиссии принят восьмимесячный срок. Она соберется *после заключения мира*.

Это обстоятельство даст нам возможность обратить вышеупомянутое обследование в нашу пользу: Порта, вернувшись в свое нормальное положение, почувствует необходимость восстановить с нами добрососедские отношения.

Давая отчет об этой главной части наших дискуссий, я не могу умолчать о той настойчивости, которую выказал лорд Кларендон, стараясь вырвать у нас обязательство, что мы не будем строить заново на азиатском побережьи укреплений, в данное время покинутых или разрушенных. Я категорически высказался против этого требования. Я заявил, что император сохраняет за собой полную свободу вновь строить или не строить этих укреплений, сообразно тому, как он это найдет нужным сделать. Я поддерживал это право, как принцип, с точки зрения абсолютной суверенной власти, которой наш августейший государь обладает на протяжении всей территории, находящейся под его владычеством.

Лорд Кларендон после очень оживленных споров, которые он несколько раз возобновлял, закончил тем, что покинул позицию, которая не нашла поддержки у французских уполномоченных.

Но дело приняло иной оборот, когда речь зашла о возвращении Карса и территорий, занятых в данное время нашими войсками в Азии. Тут представители Англии и Франции действовали за-одно. Оба они заявили, что их обязательства, данные Порте, заставляют их поддерживать целость и неприкосновенность Оттоманской империи.

Инструкции императорского кабинета предписывали мне в особенности воспользоваться оккупацией нами Карса, как средством добиться у наших противников, в качестве компенсации, желательных нам изменений других прелиминарных условий, уже в принципе принятых нашим августейшим государем.

Я сообразовался с этими инструкциями, ведя дискуссию в этом направлении. Для этого я и заявил, что императорский кабинет не будет возражать против возвращения Турции областей, занятых нашими войсками в Азии, но что взамен я вправе ожидать, что это будет учтено при обсуждении других прелиминарных пунктов.

С подобной же оговоркой я заявил о согласии, которое император приказал мне выразить на заключение эвентуального соглашения о невосстановлении Бомарзунда. Кроме того, я определенно заявил, что это постановление не должно являться статьей главного мирного трактата, а должно составить предмет отдельного акта, который имеют заключить между собой Россия и те две воюющие державы, которые одни только и принимали участие в военных действиях на Балтийском море.

Соглашение, достигнутое сейчас и по этому пункту, находится в соответствии с инструкциями императорского кабинета.

Итак, дискуссия о пятом пункте предварительных условий была закончена. С этого момента переговоры, с устранением главной помехи, которая могла бы привести к разрыву, если бы было проявлено меньше твердости и решительности, стали развиваться правильно. Надо было

покончить с неизвестностью, чтобы подойти к уже известным затруднениям. Они состояли в том, чтоб изменить, если возможно, самые основы, и исправить формулировку четырех пунктов прелиминарных условий, принятых за базу для переговоров.

Граф Валевский предложил нам рассматривать эти различные статьи по темам и письменно изложить в самом заседании особые постановления, которые в своей совокупности и составят текст мирного трактата.

Мы из'явили согласие на этот способ ведения переговоров, который делает невозможными всякие бесполезные отступления, сокращает продолжительность конференции и таким образом обещает быстро привести нас к окончательному заключению, если, конечно, вообще возможно будет согласовать различные сталкивающиеся здесь интересы.

2. Нейтрализация Черного моря.

Заседание 4 марта занято было обсуждением статей, трактующих этот вопрос, который является предметом III пункта прелиминарных условий.

В него входило условие, которое с самого начала, казалось, требовало более точной редакции.

Австрийский проект в том виде, в каком он был принят, гласил, что на Черном море не разрешается ни строить вновь, ни сохранять каких бы то ни было военно-морских арсеналов.

Императорский кабинет в свое время в справедливой предусмотрительности озаботился внести в это условие поправки и предложил формулировать его в следующих выражениях: «На побережьи Черного моря никаких военно-морских арсеналов не разрешается ни строить, ни сохранять».

Русский контр-проект, вводя эту поправку, имел в виду не подвергать обсуждению наш морской арсенал в Николаеве.

Наш контр-проект не был принят, и вопрос остался открытым.

Редакция, принятая ныне на конференции, устраняет это неудобство тем, что возвращается к тексту русского контр-проекта. Более того, она представляет то преимущество, что мотивирует приличествующим образом решение, принятое прибрежными державами, не возводить на побережьи военно-морских арсеналов.

В виду чего статья в проекте изложена так:

«Так как по об'явлении Черного моря нейтральным, содержание или учреждение на берегах оного военно-морских арсеналов не имеет цели, то е. в. император всероссийский и е. в. султан обязуются не заводить и не оставлять на сих берегах никаких военно-морских арсеналов».

Точностью формулировки этой статьи должно быть ограждено существование нашего морского арсенала в Николаеве. Во время прений лорд Кларендон дал мне возможность констатировать этот факт с полной очевидностью. Ваше превосходительство найдете тому доказательство при чтении IV протокола. Соблаговолите отметить то значение для будущего, которое имеет мое заявление, что «так как Николаев лежит вдали от берегов Черного моря, то чувство собственного достоинства не позволит России распространить на территории, лежащие в глубине империи, условие, относящееся исключительно к побережью».

Это заявление, формально занесенное в протокол, делает сохранение Николаева не подлежащим какому-либо оспариванию в будущем. Но желая быть верным выразителем воли нашего августейшего государя и дать блестящее доказательство той лойяльности, с которой он

выполняет свои намерения, я считал нужным также заявить, что морской арсенал, остающийся в полной неприкосновенности в Николаеве, будет с этого времени приспособлен для удовлетворения реальных нужд нашей страны, а именно: там будут строиться лишь такие военные суда, право на постройку которых предоставляется нам трактатом и которые предназначены для надзора и охранения наших берегов.

Подчеркивая это решение, я воспользовался этим случаем для того, чтобы заявить, что государь император издал приказ перевести в Балтийское море те два линейных судна, которые строятся в Николаеве.

Это ясное и точное заявление, сделанное добровольно, произвело, смею сказать, на всех участников конференции самое сильное и самое благоприятное впечатление. Лорд Кларендон первым отдал должное прямоте намерений нашего августейшего государя, и я почитаю себя счастливым, что при моем посредстве нам удалось заставить замолкнуть несправедливые подозрения, которые часто высказывались за границей относительно политики России.

Упоминая об этом инциденте, считаю своим долгом обратить внимание вашего превосходительства еще на другое обстоятельство, имеющее также некоторое значение, а именно: отвечая во время дискуссии на интерпелляцию лорда Кларендона, я не преминул отметить самым ясным образом, что постановления трактата о нейтрализации Черного моря отнюдь не относятся к Азовскому морю.

Это изъятие, принятое и признанное всеми членами конференции, было формально подтверждено протоколом V.

Что же касается назначения иностранных консулов в порты, находящиеся на побережьи Черного моря, то необходимость выполнения требуемых формальностей, а именно exequatur'а, подкрепляется словами: «согласно принципам международного права».

В то же время мы сохранили принцип полной взаимности в вопросе о консульских преимуществах, твердо установив то правило, «что иностранные консулы могут требовать себе в России только такие привиллегии, которыми взаимно наши консулы пользуются в других странах».

3. Закрытие Проливов Босфора и Дарданелл.

Этот принцип, будучи древним правилом Оттоманской империи, сохранит свою силу. Особая конвенция по этому вопросу будет приложена к главному трактату. Она заменит конвенцию, подписанную в Лондоне в 1841 году[21].

4. Свобода плавания по Дунаю.

Эта статья — второй пункт проекта прелиминарных условий, принятых императорским кабинетом, подверглась подробному обсуждению еще на венской конференции.

Редакция, выработанная и парафированная в то время (добавление к протоколу V), была почти полностью, с небольшими только изменениями, воспроизведена графом Валевским.

Текст ее, ваше превосходительство, найдете в протоколе совещания 6 марта.

Статьи, относящиеся к этому вопросу, никаких возражений с нашей стороны не вызвали, в виду того, что императорский кабинет соблаговолил одобрить предыдущие работы венской конференции.

Однако довольно оживленные прения возникли между графом Буолем и графом Валевским.

Этот последний предложил, чтобы депутату от Баварии, в качестве

представителя одного из расположенных по берегам Дуная государств разрешено было участвовать в работах исполнительной прибрежной комиссии, обязанной следить за выполнением правил речного судоходства и речной полиции, принятых для урегулирования службы в гирлах.

Граф Буоль оставил за собой право представить свои замечания по этому проекту. Вопрос остался открытым. С той и с другой стороны заметно было некоторое раздражение. Мы не приняли участия в этой полемике, которая ни в коей мере не касалась наших прямых интересов.

II. Вопросы, подлежащие разрешению.

1. Линия бессарабской границы.

Предполагаемое разграничение входит в I статью прелиминарных условий.

Граф Валевский предложил посвятить разбору этого вопроса специальное совещание еще до обсуждения реорганизации княжеств.

Мы, не колеблясь, согласились принять этот порядок, так как уверены, что, выказывая готовность подходить прямо к трудным вопросам, мы производим самое благоприятное впечатление на наших противников; я хочу сказать, что доказываем им при всяком удобном случае наше твердое решение не уклоняться, не отступать, но подходить прямо к самой сути дела для того, чтобы притти, если возможно, к почетному соглашению.

Имея это в виду, мы согласились заняться обсуждением разграничения, хотя по порядку тем этот вопрос стоял не в начале, а в конце статьи I прелиминарных условий.

Этот вопрос касается таких важных интересов и изобилует такими сложными деталями, что, для большей ясности, мне приходится отложить разбор его до следующей депеши.

2. Княжества.

Граф Валевский только слегка коснулся этого предмета дискуссии на шестом совещании 8 марта.

В начале своей речи он заявил, что прежде чем приступить к назначению особого комитета, обязанного представить конференции подготовительную работу относительно будущей организации княжеств, он находит нужным передать на наше рассмотрение предварительный вопрос, а именно:

Следует ли ради общей пользы и ради пользы самих княжеств об'единить Молдавию и Валахию под управлением одного главы государства, господаря и князя, облеченного наследственной или пожизненной властью под верховной властью Порты. Граф Буоль, не высказываясь решительно против этой комбинации, попробовал ее отклонить, находя ее преждевременной.

Али-паша об'явил, что его полномочия не позволяют ему входить в обсуждение этого проекта, что он полагает своим долгом запросить на этот счет предписания у Порты, но что Порта несомненно будет принципиально возражать против об'единения обоих княжеств в одно.

Лорд Кларендон высказался в пользу французского плана, но сердечной поддержки ему не оказал.

Наши инструкции уполномочивали нас эвентуально присоединиться к предложенному плану.

Граф Валевский с некоторой живостью опровергал мнение графа

Буоля. Затем он предложил великому визирю запросить по телеграфу Порту относительно ее распоряжений.

На этом дискуссия остановилась.

3. Прямое соглашение России с Турцией относительно их морских сил на Черном море.

Наши переговоры с визирем, начатые по этому вопросу, до сих пор не пришли к определенному результату. Мой отчет по этому предмету я откладываю до следующей специальной депеши.

4. Религиозные и политические привиллегии христианского населения.

Этот вопрос, четвертый по порядку, в австрийском проекте прелиминарных условий, представляет для нас не только важнейший интерес, но и, смею добавить, является нашим первейшим долгом.

Сообщенные мне директивы нашего августейшего государя в отношении этого вопроса твердо мною усвоены. Доказательство этого его величество изволил заметить в моей предыдущей экспедиции, где я отдавал отчет о начале переговоров.

За этот промежуток великий визирь получил уклончивый ответ из Константинополя.

Мы настаивали и продолжаем настаивать на необходимости включить в текст трактата точное постановление относительно религиозных и политических прав христиан, находящихся под властью султана.

5. Сербия.

Особая статья трактата будет посвящена подтверждению тех привиллегий, которые даны Сербии. Дискуссия относительно этой статьи должна быть отсрочена до тех пор, пока не закончится дискуссия относительно организации княжеств Молдавии и Валахии.

6. Обоюдная эвакуация территорий; амнистия; восстановление мирных отношений между воюющими державами.

Все эти различные статьи, получив окончательную редакцию, будут завершением трактата. То же можно сказать и о предисловии. Граф Валевский предложил отложить его рассмотрение до окончания работ конференции.

III. Беглый взгляд на положение.

Сравнительно с тем, когда мы впервые 25/13 февраля собрались на конференцию, при обстановке для нас очень неопределенной и невыясненной, положение наше теперь значительно прояснилось, и, я бы сказал, в нашу пользу.

Конечно, я не смею считать исход переговоров совершенно обеспеченным. Он зависит от стольких противоположных друг другу интересов, от стольких непредвиденных обстоятельств и, в особенности, от стольких посторонних влияний, лежащих вне сферы моего воздействия, что, мне кажется, в такую серьезную минуту преждевременно делать хоть сколько-нибудь достоверные предположения.

Но для того, чтобы представить нашему августейшему государю теперь же по возможности самый точный отчет о моих личных впечатлениях, я их здесь сейчас кратко и точно изложу.

До сегодняшнего дня все поведение и речи императора Наполеона подтверждали его стремление к завершению мирных переговоров. Если

бы он этого не хотел, он не старался бы умерить требования Англии, относящиеся к V пункту прелиминарных условий. Тогда переговоры неминуемо постигла бы неудача. Наш отказ ответить согласием на несправедливые претензии британского правительства положил бы конец переговорам, причем ответственность за их разрыв не упала бы на императора Наполеона. Одним словом, если бы он хотел не мира, а войны, то ему достаточно было бы хранить молчание. Он не захотел этого.

Он активно, умело, настойчиво вмешивался, стремясь умерить как исключительные притязания Англии, так и корыстные расчеты Австрии. Свое посредничество он употребил не только для того, чтобы по мере сил содействовать восстановлению мира, но и для того, чтобы дать справедливое удовлетворение нашим непосредственным интересам.

Граф Валевский эту мысль его понял и осуществил ее с большим тактом и умением. На конференции я неоднократно замечал его стремление не вызывать неудовольствия английских уполномоченных, что об'яснялось ясно выраженным желанием Франции не порывать резко своих связей с Англией. Вне конференции, в наших доверительных беседах, он всегда высказывал настроение неизменно миролюбивое, я бы сказал, даже дружественное. К нам он всегда относился не как враг, а как пособник. Он сам употребил этот термин и соответственно держал себя в течение всех переговоров.

Позиция английских уполномоченных, как мне казалось, колебалась в зависимости от влияний то Лондона, то Парижа. С самого начала они предпочли бы прервать переговоры, а не довести их до конца. Продолжение войны было, повидимому, в то время более п о п у л я р н о, чем восстановление мира. Постепенно намерения английских уполномоченных претерпевали некоторые изменения, это об'ясняется чисто парламентскими соображениями. Лорд Пальмерстон, повидимому, убедился, что будет в состоянии удержать власть даже в случае заключения мира, если однако ему удастся доказать, что условия этого мира соответствуют ожиданиям страны. С этой целью лорд Кларендон приложил все усилия, чтобы добиться таких условий, которые могли бы польстить самолюбию англичан. Это особенно проявилось в той настойчивости, с которой он добивался провозглашения независимости черкесов, очищения нами фортов на азиатском побережьи, а также в его возражениях против сохранения нами арсенала в Николаеве. Эта тактика не дала ожидаемого результата. Он везде наталкивался на противодействие с нашей стороны, противодействие сдержанное, но твердое. С другой стороны, он не встретил у французского правительства, и в особенности, лично у Наполеона, той помощи, на которую он надеялся. Разочарование, которое он испытал, привело его в смущение, а временами вызывало даже раздражение. Но как только он понял, что он не в силах изменить обстоятельства, он в конце концов им подчинился. Для оправдания своего поведения в глазах парламента ему придется удовлетвориться доводами, которые он почерпнет в актах конференции, причем значение достигнутых результатов будет им сильно преувеличено.

Граф Буоль, лишившись роли, какую он играл, будучи председателем венских конференций, не мог скрыть огорчения, которое ему причинило это падение его политического влияния. Более того, его видимо раздражают те отличия и тот прием, которые оказываются нам, а также те чувства симпатии, которые проявляются, как это он мог видеть, по отношению к представителю нашего императора при дворе, в свете и в армии. Это его беспокоит и создает неуверенность за будущее. Ему

кажется, что это является предзнаменованием более интимного сближения между Россией и Францией. Он знает, что Австрия ничего от этого не выиграет. Это предчувствие — вполне заслуженное наказание для этого государственного деятеля за содеянные им ошибки. Он в одно и то же время испытывает раскаяние за прошлое и боязнь за будущее. Под влиянием этих чувств он в последние дни выказывает как будто желание сблизиться со мной. Я жду первых шагов с его стороны. Я не буду его отталкивать, но не доверяю его искренности.

Уполномоченные Порты так ничтожны, что вызывают чувство жалости.

Таково, господин канцлер, правдивое описание положения. Можно с определенностью сказать, что близится мир. Мы с своей стороны сделали все возможное, чтобы добиться наиболее удовлетворительного результата, какой только оказался возможным, принимая во внимание то серьезное положение, в котором мы находились. Император сам будет судить, насколько нам удалось выполнить его предначертания и оправдать его доверие.

Примите и пр. Орлов.

Депеша графа Орлова Нессельроде, 11 марта/28 февраля 1856 г., № 32.

Господин канцлер.

Прения о линии бессарабской границы во исполнение статьи I венских прелиминарных условий открылись на пятом заседании, 6 марта.

Дабы поставить обсуждение на наименее невыгодную для нас почву, нам казалось полезным вынудить наших противников представить план разграничения ясно обозначенным на карте, оставляя за собою возможность изменить его, насколько то было в нашей власти, сообразно инструкциям императорского кабинета.

Наши противники, упорно отказываясь взять на себя инициативу, ограничились формальным заявлением, что линия, подлежащая проведению от Хотина до озера Сассык, достаточно определена текстом статьи I прелиминарных условий; что она должна итти по направлению горной цепи, пересекающей Бессарабию с севера на юго-восток; что этот план, предложенный Австрией от имени воюющих держав, был безоговорочно принят императорским кабинетом; что, следовательно, конференция не призвана возвращаться к соглашению, рассматриваемому ею как совершившийся факт.

Мы с твердостью оспаривали эту аргументацию. Мы установили, что речь идет не об обсуждении каждой из прелиминарных статей в отдельности; что переговоры составляют о д н о ц е л о е; что, обсуждая статью V, мы определенно оставили за собою право потребовать, чтобы было у ч т е н о данное от имени нашего двора эвентуальное согласие на возврат Карса; что мы сделали ту же оговорку в отношении невосстановления Бомарзунда; наконец, что наше согласие на эти условия станет окончательным лишь при условии, что нам будет дано справедливое удовлетворение по всем другим пунктам переговоров.

Эта дискуссия велась с обеих сторон с большим оживлением. Граф Буоль и лорд Кларендон обнаружили явное недоброжелательство. Граф Валевский воздержался от оказания нам активной поддержки.

Дебаты принимали оборот, который становился очевидно невыгодным для нас. Тогда мы сочли полезным внести предложение об отсрочке заседания. По нашей просьбе было решено, что в протоколе не будет упомянуто о начавшемся обсуждении впредь до того, пока оно не приведет к окончательному заключению. Таким образом мы избегли того

неудобства, чтобы категорические заявления наших противников были занесены в письменной форме, что могло бы составить препятствие к соглашению, более благоприятному для наших интересов.

Предлагая отсрочку, я получал ту выгоду, что имел возможность апеллировать непосредственно к императору Наполеону, чтобы побудить его оказать свое личное влияние на английского и австрийского уполномоченных, дабы склонить их притти к более справедливому соглашению с нами.

События оправдали эти ожидания. Император Наполеон оценил мотивы, заставившие меня прибегнуть к его непосредственному влиянию, и подал мне надежду, что оно будет использовано, дабы умерить требования Англии и Австрии. Но он не скрыл от меня, что обязательства, взятые им на себя перед этими двумя державами, не позволяют ему пойти так далеко, как бы он того желал. Он в частности об'явил мне, что не в его власти высказаться за нас в вопросе об Измаиле. Но он добавил, что приложит все свои усилия, чтобы внести в предполагаемое разграничение исправления в наших интересах.

Эта беседа, о которой я уже имел честь дать отчет нашему августейшему государю, дала мне уверенность, что поддержку императора Наполеона можно в пределах возможного считать обеспеченной, и я поручил барону Бруннову представить на рассмотрение графа Валевского различные проекты разграничения, основанные на инструкциях императорского кабинета.

Ваше превосходительство найдете их на прилагаемых картах №№ 1, 2 и 3[25].

Рассмотрев их, император Наполеон поручил графу Валевскому поддерживать третий.

После этого было условлено с этим министром, что мы будем выставлять последовательно проекты №№ 1 и 2, дабы избежать видимости соглашения, достигнутого между нами изолированно, без ведома других членов конференции. После отказа принять первые два проекта, граф Валевский представил бы и поддержал третий.

Этот план был согласован между нами 7 марта, накануне шестого заседания.

К моему большому сожалению, эта комбинация встретила упорное сопротивление со стороны уполномоченных Австрии и Англии. Перед тем, как итти на конференцию, граф Валевский имел с ними очень оживленное об'яснение. Правда, они отказались от первоначальной австрийской трассы; они отказались от претензии на проведение прямой линии от Хотина до озера Сассык; но они не захотели дать свое согласие на проект № 3, который было поручено поддерживать графу Валевскому.

Вместо этой комбинации они выдвинули два новых плана.

Первый имел бы исходной точкой Липканы и оттуда по прямой линии, проведенной через страну, в направлении к озеру Сассык.

На случай, если бы этот первый проект встретил с нашей стороны непреодолимое сопротивление, они договорились с графом Валевским предложить нам вторую линию, начинающуюся в окрестностях Гуша в Молдавии и доходящую до озера Сассык.

Принимая этот план, уполномоченные Англии и Австрии настаивали однако на необходимости мотивировать отказ от первоначальной трассы, и предложили с этой целью, в виде компенсации, продлить демаркационную линию за озеро Сассык, до озера Алеиби.

Эта компенсация, не имеющая никакой ценности, должна была послужить некоторым образом оправданием отказа австрийских и ан-

глийских уполномоченных от приведения в исполнение первоначальной трассы, указанной в прелиминарных условиях.

Перед заседанием граф Валевский поставил нас в известность относительно изменения, которое он вынужден был внести в план действий, согласованный с нами накануне.

Либо желая облегчить нашу задачу, либо по забывчивости, он совершенно упустил пред'явить на конференции первый австро-английский проект, имеющий своим исходным пунктом Липканы. Он перешел прямо ко второму проекту, идущему от Гуша.

Это упущение вызвало очень резкие возражения со стороны лорда Кларендона. В протоколе не упоминается об этом инциденте. Я должен просто отметить это обстоятельство для большей точности моего рассказа.

С той же целью я представлю на рассмотрение императорского кабинета различные планы разграничения, скомбинированные нашими противниками.

№№ 4, 5, 6.

В первом из них указана демаркационная линия, которая должна была бы являться полным исполнением статьи I прелиминарных условий, начиная от окрестностей Хотина и до озера Сассык.

Здесь я должен отметить, что, по свидетельству графа Валевского, выражение — о к р е с т н о с т и Х о т и н а — первоначально скрывало за собою заднюю мысль австрийцев включить и крепость Хотин в п р е д е л ы молдавской границы. Расчет, на котором основывался этот проект, очевиден. Он бесспорно имел задачей обеспечить военную позицию Австрии по соседству с Буковиной. Результат, которого мы достигли, разоблачив эту заднюю мысль и сохранив нашу границу с этой стороны, императорский кабинет оценит по всей справедливости.

Второй австро-венгерский проект, идущий от Липкан, перерезал бы наш торговый путь между Бельцами и Скулянами и оттуда — на Кишинев. Кроме того, он отнял бы у нас плоскогорье Могура, которое в наших инструкциях указывалось, как имеющее важное значение для оборонительной системы страны.

Наконец, третий проект, от Гуша до озера Сассык, был направлен на то, чтобы отнять у нас почти целиком наши болгарские колонии и разделить пополам часть наших немецких колоний [26]; они отмечены на карте, которою нас снабдил императорский кабинет.

В виду этих соображений мы пришли к мысли о необходимости не высказываться на конференции относительно нового плана разграничения, не запросив предварительно решений императорского кабинета.

С этой целью я имел честь направить вашему превосходительству телеграфную депешу от 8 марта/25 февраля.

Ответ поступил ко мне 11 марта/28 февраля [27].

Тем временем император Наполеон, узнав о результате заседания 8 марта, без обиняков высказал испытываемое им неудовольствие. Он обратился по этому поводу к графу Валевскому с собственноручным письмом. Министр обещал мне его прочесть после подписания мира. В письме ему предписывалось вернуться к трассе, указанной на карте № 3.

В частной беседе в Тюльери, 9 марта, император был так добр сообщить мне о своих положительных намерениях по этому вопросу. В тот же вечер его величество высказал их лорду Кларендону и графу Буолю.

Это прямое вмешательство решило, смею думать, вопрос в нашу пользу. Мы имели случай убедиться в этом по явно смягчившейся, я сказал бы, почти униженной, позиции наших противников.

Принимая предложенную нами линию № 3 и отказываясь от своей трассы № 6, они принялись мелочно торговаться, чтобы получить наше согласие на два изменения.

1. Вместо того, чтобы исходить, как мы предложили, из того места, где Сарацика впадает в Прут, они потребовали, чтобы линия была проведена от Катимор на Пруте и доходила до Сарацика. Минимальная разница, вытекающая из этого изменения, указана на карте № 7.

2. Они предложили продлить линию от озера Алеиби до озера Бурна-Сола. Это изменение тоже отмечено на карте № 7. Со своей стороны, мы позаботились исправить ныне проектируемую линию так, чтобы сохранить обладание Болградом, указанным в наших инструкциях в качестве центра наших болгарских колоний. Наши противники согласились с этим предложением, не понимая, мне кажется, значения этого согласия.

После установления этой трассы в заседании 10 марта, я заявил, что принимаю ее под условием одобрения моим двором.

Я имел честь просить о нем моей телеграфной депешей, написанной тотчас же по окончании заседания.

Резюме, которое я представил императорскому кабинету, дает вам отчет, г. канцлер, о крупных трудностях, с которыми нам пришлось бороться, об упорстве, с каким мы боролись с ними, и наконец о результатах, которых мы добились для уничтожения большей части плана разграничения, составлявшего одну из основ прелиминарных условий, уже принятых императорским кабинетом.

Сравнивая первоначальную австрийскую линию с той, к которой мы пришли, благодаря труду, рвению и упорству, вы изволите заметить, что наши усилия не остались без результатов.

Первый и важнейший из них — это то, что мы заставили Австрию отступить от плана, который, доводя молдавскую границу до Хотина, лишал нас территории, соприкасающейся с Буковиной.

Второй результат тот, что осталась неприкосновенной наша граница вдоль Прута до Катимор.

Третий состоит в ограждении от всякого посягательства на торговый путь, который наши инструкции предписывали нам рассматривать, как главную артерию внутреннего процветания Бессарабии.

Четвертый обеспечивает нам не только стратегическую позицию Могура, но сверх того, полное обладание цепью высот, которая пересекает северную часть и центр Бессарабии и которую австрийский план стремился отнять у нас.

Наконец, пятый результат наших усилий состоит в сохранении большей части наших болгарских колоний, включая их центр Болград, и в сохранении в неприкосновенности всех наших немецких колоний.

Эти соображения дают нам основание надеяться, что, несмотря на несовершенство линии, представляемой в настоящее время на одобрение императорского кабинета, она имеет, по крайней мере, то достоинство, что она лишила наших противников двух третей территории, на которую они уже смотрели, как на свою, в виду нашего согласия на прелиминарные условия.

Они поминутно выдвигали этот аргумент, упрекая нас в возвращении снова к соглашению, на которое уже дано нашим кабинетом принципиальное согласие. Несмотря на эту невыгодность нашего положения, мы принудили наших противников отступить шаг за шагом,

заставив их отказаться от их плана и подписаться в конце концов под нашим.

Когда будет получено утверждение императорского кабинета, то главные трудности, которые мы должны были разрешить, окажутся улаженными, и заседания конференции приблизятся к концу. Граф Валевский смотрит на это, как на дело ближайшего будущего. Он указал нам на 20/8 марта, как на день, предполагаемый императором Наполеоном для подписания мирного договора.

Примите и пр. Орлов.

Нессельроде графу Орлову, 15/3 марта 1856 г.

Государь император с большим интересом прочитал ваши подробные донесения от 2 марта/19 февраля, а равно и последующие телеграммы, в которых вы даете отчет о переговорах.

Наш августейший государь не мог не одобрить направления, которое вы придали ходу переговоров, заручившись благорасположением и поддержкой императора Наполеона. Такое же одобрение государя заслужили искусство и твердость, с которыми ваше превосходительство и ваш коллега так умело отстаивали, среди постоянно возникающих трудностей, порученные вашей защите жизненные интересы.

Для того, чтобы дать вам возможность и дальше итти по избранному вами пути и чтобы облегчить ваши сношения с императором Наполеоном, одновременно посылается вам другая депеша, также доверительная, но тем не менее предназначенная для прочтения, если это может оказать пользу для дела, графу Валевскому или даже самому императору Наполеону. Во всяком случае вы почерпнете из нее указания относительно ответа, какой вам надлежит дать на затронутые вопросы.

Из переданных вами слов императора Наполеона, мы должны вывести заключение, что одной из причин, побудивших его твердо взять в свои руки дело восстановления мира, была надежда на установление более близких отношений с Россией.

Итак, думается нам, что чем больше будем мы поддерживать в нем веру в успех этого, тем сильнее будет его желание предотвратить неудачу переговоров из-за тех непредвиденных затруднений, которые, быть может, поднимет Англия.

Для того, чтобы вы могли при случае действовать в этом смысле, мы считаем необходимым дать вам здесь несколько дополнительных указаний.

В конфиденциальной беседе с вами по вопросу о пересмотре венского трактата император Наполеон вскользь упомянул лишь об Италии и Польше. Мы думаем однако, что не эти два вопроса являются истинными мотивами, по которым он желал бы этого пересмотра. Не следует ли скорее искать эти мотивы в желании укрепить положение своей династии, как внутри страны, так и вне ее, добившись устранения из венского трактата особых статей[28], оскорбительных для Франции и семьи Бонапартов.

Предоставляем вашему превосходительству выяснить, до какой степени это наше предположение основательно.

Если же оно подтвердится, вам предоставляется самому решить, насколько может способствовать успеху переговоров намек с вашей стороны, что мы благожелательно относимся к этому вопросу.

Примите и пр.

Нессельроде.

Депеша графа Орлова Нессельроде, 1 апреля/20 марта 1856 г., № 61.

Господин канцлер.

Весьма доверительная депеша вашего превосходительства от 15/3 марта предоставила мне самому решить, может ли способствовать успеху настоящих переговоров намек, сделанный нами французскому кабинету, о поддержке, которую мы готовы оказать в вопросе об уничтожении особых статей 1814 и 1815 гг., оскорбительных для Франции и семьи Бонапартов.

Однако в течение мирных переговоров, которые ныне уже привели к заключению мира, мне не пришлось воспользоваться свободой действий, предоставленной мне в этом отношении.

Если бы и сейчас еще шла речь об этом, то мне думается, что инициатива, проявленная нами в этом вопросе, будет иметь в глазах Франции даже больше значения после заключения мира, чем если бы это имело место с нашей стороны до окончания мирных переговоров.

По странному совпадению комбинация, о которой шла речь в депеше от 3 марта, также возникла и у венского кабинета. Граф Буоль сказал мне доверительно об этом за несколько дней до подписания трактата.

Я ему ответил, что намерения Вены в этом отношении совершенно совпадают с намерениями императорского кабинета, если осуществление этой мысли выразится в форме акта, заключенного между сторонами, непосредственно заинтересованными.

Так как граф Буоль внушает мне чрезвычайно мало доверия, я не нашел возможным положиться на его точность при передаче им моих слов графу Валевскому.

Посему я и не преминул в дружественной беседе с графом Валевским коснуться этого вопроса, по природе своей весьма щекотливого. В беседе с ним я высказал наше желание открыто выразить наше доброжелательное внимание личности императора Наполеона и содействовать устранению тех статей в прошлых договорах, которые потеряли свое значение, как это неопровержимо доказывают современные события.

Граф Валевский принял это дружественное заявление с тем же доверием, каким оно само было проникнуто. Я не сомневаюсь в том, что он доложил о нем в этом именно духе е. в. императору. Впечатление, произведенное этим шагом, несомненно будет соответствовать тем доброжелательным настроениям, которые его продиктовали. Доказательство тому я вижу в тех знаках внимания и расположения, которые император Наполеон оказывает мне все больше с каждым днем.

С этой целью его величество изволил отложить до подписания мирного договора большой парад, который состоится сегодня на Марсовом поле. Император желал, чтобы я на нем присутствовал. Чувство тонкого такта подсказало ему, что мое положение военного не дозволяло мне присутствовать на параде: Франция пока еще находилась в войне с Россией. В свете было замечено внимание, оказанное мне. Смею обратить на это ваше внимание, так как оно является данью уважению, которое в данном случае император Наполеон проявил к чести русского мундира.

Примите и пр.

Орлов.

Записка * о политическом положении России после заключения мира [29].

Заключение мира создаст для России новое и щекотливое положение. Это положение обрисуется не сразу, ибо пройдет, вероятно, некоторое время, прежде чем материальные последствия мирного договора смогут быть оценены во всем их об'еме. Нейтрализация Черного моря является, например, неизвестным элементом, влияние которого не может быть с точностью определено заранее. Многое будет зависеть от обстоятельств; многое от бдительности и от искусства правительства. Моральные последствия мира поддаются оценке теперь же, ибо они вытекают из войны еще больше, чем из мира, который послужит лишь к большему их выявлению. Они заставляют предвидеть уменьшение преобладания России, а также престижа, окружающего эту державу. Ее будут меньше бояться, в чем не было бы вреда, если бы одновременно научились больше ее любить. Страх не есть чувство, которое следует стремиться внушать, он никогда не приносил пользы какому-либо государству, так как всегда носит в себе зародыши враждебной лиги и угрозу ближайшей катастрофы. В этом отношении Россия, можно сказать, отделалась счастливо, потому что коалиция, которой ей приходилось опасаться и которую она, возможно, могла предвидеть, не была ни столь всеобщей, ни столь опасной, какой бы она могла стать. Россия, избежав большой опасности, выходит однако из борьбы, умаленная в глазах общественного мнения и ослабленная в своей политической деятельности. Надо иметь мужество сознаться себе в этом результате, чтобы постараться найти средства, наиболее способные нейтрализовать последствия этого. Россия не может желать остаться бесконечно под ударом понесенной ею неудачи. Ей надо будет подумать о том, чтобы изгладить неблагоприятное впечатление, оставленное последними событиями, и потребовать для себя долю авторитета и влияния, принадлежащую ей по праву. В этом отношении не может быть расхождения во мнениях; взгляды могут расходиться лишь относительно средств к достижению этой цели.

Могут представляться и казаться заслуживающими предпочтения различные комбинации; но прежде всего надо сказать себе, что самая ловкая, самая глубокая комбинация не даст никаких результатов, пока она не будет основываться на внушительной материальной силе. Одна лишь численность армии не составляет такой силы; поэтому лишь тогда, когда потери, понесенные войной, будут восполнены, когда рессурсы страны окажутся развитыми и когда будут знать, что Россия в случае надобности готова выступить на арену,— лишь тогда она окажется в состоянии вернуть себе прежний авторитет. До тех пор она не могла бы взять на себя слишком ясно выраженной инициативы, не подвергаясь риску ухудшить свое положение. Ей надо уметь примириться и ждать; а так как подчиненная роль ей также не может подходить после того, как ей долго приходилось исполнять первую роль, то надо еще, чтобы она сумела стушеваться и изолироваться впредь до того момента, когда она будет иметь возможность возвысить свой голос с уверенностью в том, что ее будут слушать. Чем больше Россия проявит нетерпения, требуя

---

* Подлинник без заголовка и без подписи. На полях карандашом поставлена дата: «Март 1856 г.».

На лицевой стороне первого листа помета Александра II: «Я прочел эту записку с живейшим интересом и нахожу в ней мысли очень верные и делающие честь автору».

того влияния, которое ей должно принадлежать, тем больше будут склонны оспаривать его у нее. Наоборот, чем больше она проявит безразличия в этом отношении, или незаинтересованности в вопросах, которые будут возникать, тем больше будут стремиться прибегать к ее влиянию *.

А что еще больше должно побуждать Россию к сдержанности — это уверенность в том любопытном и мало-доброжелательном наблюдении, которому она будет подвергаться. Будут следить за всеми ее шагами, за всеми ее проявлениями, будут стараться толковать их на разные лады, задевать ее каждый раз, когда она будет давать повод к этому, принимая слишком повышенный тон. Мелкие державы будут, вероятно, наиболее рьяно показывать свою независимость по отношению к ней. Нет никаких мотивов уступать им в этом и вообще нежелательно, чтобы сопротивление видам России считалось делом легким. Лучшим, а в течение некоторого времени единственным средством избежать подобного сопротивления будет — не вызывать его и, следовательно, держаться в стороне. Итак, положение требует большой сдержанности, большого такта. Прежде чем думать о том, чтобы, так сказать, заявлять о своем присутствии, России придется рассеять остатки несправедливых предрассудков и раз'единить моральную лигу, которая, быть может, появится вслед за вооруженной лигой, против которой ей уже пришлось бороться. Ее политическая система будет сперва возможно более проста **, ибо она будет состоять в том, чтобы ее не иметь ***, не связывать себе рук, не выдвигаться вперед и сохранять свободу действия во всей ее полноте ****.

Моральная изоляция составит ее силу*****,ибо она будет добровольной; и как только увидят, что Россия не ищет никого и не нуждается ни в ком, ее будут со всех сторон побуждать выйти из этого положения. Как бы щекотливым не было это положение, во многих отношениях, оно все же не будет лишено выгод, так как великим благом является отсутствие связанности каким-либо обстоятельством и наличие свободы выбора ******. Эта свобода тем более драгоценна, что в настоящий момент не существует решения, которое было бы вполне хорошим. Политическое положение Европы недостаточно ясно и в результате заключения мира оно, вероятно, подвергнется изменениям. Начинается новая глава, и нельзя еще сказать даже, какое она будет носить заглавие.

Если при нынешних обстоятельствах, может быть, преждевременно принимать определенную политическую систему, то тем менее возможно возвращаться к системе, проводившейся до сих пор *******. Полезно убедиться в этом, чтобы противостоять влияниям, которые не преминут толкать в этом направлении. Этой системой была система солидарности. Она состояла в том, чтобы бесповоротно связать политику с принципом власти, чтобы поддерживать этот принцип вплоть до его крайностей, провозглашать его непогрешимость, подчинять ему все интересы, одним словом — установить тесную солидарность между правительствами и предоставлять им постоянную и безусловную

---

* Последние две фразы отчеркнуты и на полях помета Александра II: «Очень верно».

** Последняя фраза отчеркнута и на полях помета Александра II: «Да».

*** Последние слова подчеркнуты и на полях помета Александра II: «Это нет».

**** Против последних слов помета Александра II: «Да».

***** Против этой фразы на полях помета Александра II: «Однако без крайности».

***** Против этой фразы помета Александра II: «Совершенно несомненно».

****** Против последних слов помета Александра II: «Это также и мое мнение».

поддержку России. Так как этой последней не приходилось опасаться революционных потрясений, то для нее в этой солидарности не было никакой взаимности. Единственной выгодой, которую ей могла давать эта система, было то, что к словам России прислушивалась одна только партия или одна группа; да и эта выгода с полным основанием могла считаться проблематичной, так как она более чем уравновешивалась враждебностью всех остальных партий *. Невыгода же состояла в перенесении на Российское правительство моральной ответственности за ошибки и за малодушие других правительств. Каждая неудача, понесенная этими последними, являлась моральной и политической неудачей для России, осужденной служить пугалом, — она даже не оставляла себе возможности руководить этими правительствами и предотвращать их погибель. Осуждая их поведение, она даже в случаях явной нелойяльности побоялась бы нанести ущерб принципу. Она служила им, и только. Надо ли после этого удивляться, что общественное мнение дошло до приписывания влиянию и подстрекательству России всех произвольных или несправедливых актов правительств, а в конце концов и всех разногласий, возникавших между правителями и управляемыми. Россия таким образом совершенно отвратила от себя общественное мнение. Обеспечила ли она себе, по крайней мере, доброе расположение правительств? Ответ на это дали события. Требуя признания непогрешимости власти, становясь в позу защитницы этого принципа, во что бы то ни стало, Россия, очевидно, зашла дальше цели. Она стала фокусом всяческой ненависти, а в час опасности она оказалась покинутой как раз теми, относительно кого она думала, что может на них рассчитывать с полной уверенностью. Дело в том, что нет принципа, каковы бы ни были его абстрактные достоинства, который бы мог быть доведен до своих крайних пределов, не приводя к гибельным результатам. В этом отношении история показывает памятный пример на судьбе Испании, которая, в прошлом могущественная и разумная, оказалась в очень короткое время погруженной в невежество и ничтожество из-за того, что сделала себя олицетворением принципа власти в религиозной области и усвоила и применила у себя все вытекающие отсюда выводы. Принцип может быть хорош сам по себе, и может тем не менее привести, при слишком абсолютном применении, к злополучным результатам по той простой причине, что несовершенны орудия, призванные дать ему преобладающее господство. Принцип власти в религиозной области, отданный в руки духовенства, стремящегося использовать его к своей выгоде, повел к умственному и материальному обеднению всех тех стран, которые испытали его **. Принцип власти в политической области, предоставленный в конечном счете применению и усмотрению агентов власти, привел бы к таким же последствиям.

Эта система — бесплодная по своим результатам, так как она не помешала революциям разыграться, если отчасти даже не вызвала их, ожесточив умы более, чем сдержав их; эта система, делавшая добрые и честные правительства солидарными с правительствами, не бывшими ни добрыми, ни честными, и отбрасывавшая на всех то неуважение, которое могло быть заслужено только одним из них; эта система ока-

* Против последних слов помета Александра II: «И мы имели достаточно доказательств этого».

** Вся последняя фраза подчеркнута и на полях помета Александра II: «Пусть это служит нам уроком».

зала самое прискорбное влияние на политику России, так как она помешала ей взять на себя ту роль, на которую ее призывали и ее положение, и потребности общества. Эта роль есть роль морального арбитра, которую никакая другая держава не могла бы осуществлять с таким же успехом, как Россия, ибо ни одна из них не имела средств для того, чтобы в той же степени быть умеренной и справедливой *. Очевидно эта роль представлялась императору Александру I, когда был задуман священный союз, но ему очень скоро извратили его идеал, и он отшатнулся от него. Австрия, которой, повидимому, суждено быть злым гением России, постаралась вовлечь ее во все крайности выдуманной ею солидарности. Предоставленные ее внушениям, мы сами работали над тем, чтобы лишить нас самой великой и одновременно самой спасительной роли, которую какой-либо державе может быть дано выполнить, ибо эта роль пошла бы на пользу порядку, дав ему авторитет моральной силы, который во всяком случае был бы более действенным, чем периодические зажимы, за которыми регулярно следуют каждый раз все более сильные взрывы.

Говоря политически, больше всех потеряла Россия, дав себя вовлечь в эту систему солидарности. Можно сказать, что все осуждает эту систему. Она осуждена событиями, раз революционный дух под ее властью лишь возрос. Она осуждена тем злом, какое она причинила России. Она, сверх того, осуждена общественным сознанием. Кроме того, она стала невозможной со времени измены Австрии. Союз с этой державой при нынешних обстоятельствах был бы морально-чудовищным, а эта система требует большего, чем союз **.

Может ли тройственное единение, являвшееся как бы символом этой системы, быть в настоящее время заменено другой политической комбинацией? Какого союза должна искать Россия, и есть ли союз, который мог бы подходить для нее при нынешнем положении вещей? Существует сильно выраженная тенденция в пользу союза с Францией. Надо ли желать его? Едва ли. Эта тенденция является в конце концов лишь выражением общего и естественного желания взять яркий и быстрый реванш после перенесенной неудачи. Между тем нетерпение и поспешность были бы самой большой ошибкой, какая только могла бы быть совершена. Это было бы самым верным средством не достигнуть цели. До тех пор, пока нет готовности итти до конца, следует иметь мудрость воздерживаться, и бесконечно лучше пропустить случай, кажущийся удобным, чем подвергнуться риску затеять предприятие, которое нет уверенности довести до благополучного конца. Преждевременный союз с Францией мог бы заставить Россию связать себя раньше, чем для того наступит время ***.

---

* На полях против последней фразы, повидимому, рукой Нессельроде вписано: «Эта часть меморандума мне представляется немного утопичной. Моральный арбитраж есть расплывчатая идея, эластичность которой может увлечь. Не следует становиться в позу арбитра; но следует ждать, чтобы арбитраж был призван. Россия имеет огромные дремлющие силы. Это связанный силач. Святые намерения императора разовьют и освободят эти силы. Подождем пока это будет сделано, тогда мы сможем говорить голосом России»

Вслед за этим помета Александра II: «Это также и мое мнение».

** Против последних слов помета Александра II: «Да».

*** Против этого места на полях, повидимому, рукой Нессельроде вписано: «Конечно, надо быть осторожными и сдержанными с Францией и обеспечить себе свою собственную деятельность согласно русским интересам. Но было бы неосторожно пренебрегать представляющимся случаем. Тот, который не был бы с нами или который, по крайней мере, не рассчитывал бы на нашу моральную поддержку в определенных обстоятельствах, обращался бы против

Так как Россия еще не будет в состоянии воспользоваться событиями в той же степени, как Франция, то этой последней выпала бы первая роль, а между тем России, в особенности после последних событий, не следует появляться на вторых ролях. Очевидный интерес России состоит в том, чтобы ждать, чтобы дать наступить событиям и не искать союза ни с Францией, ни с какой-либо другой державой *.

Политическая система, как она сложилась в Европе, делает бесполезным и лишенным разумного основания всякий союз, который не был бы заключен с какой-либо специальной целью. Желать заключить его с общей и неопределенной целью, значит рисковать стать орудием того союзника, который имел бы твердую цель. Такова была бы вероятно судьба союза с Луи-Наполеоном. Чем меньше Россия будет проявлять свое нетерпение и свое желание найти себе союзников, тем легче ей будет иметь их **. Россия совершенно свободна в своем выборе. Она не имеет обязательств перед какой-либо державой, даже перед Пруссией, которая несомненно оказала ей услуги, но которая в своем поведении руководствовалась меньше чувством симпатии к России, чем своим антагонизмом по отношению к Австрии ***. Пруссия не имела смелости, даже если она того желала, стать на сторону России и эта последняя ничего не должна ей большего, чем взаимное доброжелательство ****.

Если посмотреть на последние события беспристрастно и без предвзятости, то легко убедиться, что понесенная Россией неудача имеет главным образом моральный характер *****.

Ей пришлось уступить потому, что она была покинута всеми, что мнение всех стран высказалось против нее. Война была делом общественного мнения, и продолжалась, пока это последнее оставалось враждебным. Россия проиграла партию именно на моральной почве и сможет обратно выиграть ее лишь на этой же почве. Это ей может удасться лишь при условии, что за нее будет общественное мнение. В наше время нельзя безнаказанно пренебрегать им. Можно плохо отзываться о нем, можно находить его ложным, лживым, каковым оно часто является; отрицать же его могущества нельзя. Правительства имеют настоящую моральную силу лишь тогда, когда они могут опираться на него. Это верно не только для настоящего времени, но теперь в этом отдают себе отчет лучше, чем в былые времена. Если Екатерина II могла совершить великие дела, то именно потому, что она с'умела завоевать общественное мнение. Если Александр I был одно время арбитром Европы, то потому, что поддерживался общественным мнением. Если император Николай мог с успехом провести войну 1829 г., то потому, что общественное мнение было

нас, особенно, когда дело идет о столь авантюристическом уме, как Луи-Наполеон». Вслед за этим помета Александра II: «Да, но нам надо остерегаться авантюристических склонностей Луи-Наполеона, на которые мы уже имеем некоторые указания».

* Против последних слов на полях вписано рукой Нессельроде: «Такое государство, как Россия, не может политически находиться между небом и землей.— Я избегал бы термина с о ю з, так как он слишком связывает, но доброе и серьезное с о г л а с и е, которое поддерживало бы надежду на содействие, не давая уверенности в нем». Вслед за этим помета Александра II: «Да».

** Помета Александра II: «Очень верно».

*** Помета Александра I: «Это истина».

**** Против последних слов на полях вписано рукой Нессельроде: «Но очень искреннее. Великий монарх сохраняет даже память о полууслугах, оказанных во время несчастья». Вслед за этим помета Александра II: «Да».

***** Помета Александра II: «Совершенно согласен».

подготовлено и желало ее. Дело, разумеется, не в том, чтобы платить пенсии философам, как делала императрица Екатерина; дело также не в том, чтобы добиваться симпатий публики, чтобы делать себя рабом общественного мнения и отдаваться всем течениям. Было бы мало пользы в том, чтобы нанимать журналистов, создавать преданные газеты; все это лишь мелкие средства, которые сами по себе будут всегда недостаточны. Общественное мнение даст завоевать себя только теми же самыми средствами, которые могли бы обеспечить России положение арбитра и которые еще и теперь могут сделать это возможным. Как политическое, так и моральное положение Европы не переставало благоприятствовать установлению морального авторитета; можно даже сказать, что оно требует его. Луи-Наполеон чувствует наличие этой потребности и очевидно стремится выставить себя в качестве наиболее полного, наиболее возвышенного выражения общественного мнения. Политический арбитраж может выпасть ему на долю, но ни истоки его власти, ни средства, которые он должен будет применять, чтобы удержаться, не позволят ему взять на себя роль арбитра в моральных вопросах, которые еще долго будут продолжать господствовать и давать событиям их окраску. Российский император один удовлетворяет всем условиям действительного арбитра, так как ему нет надобности рассматривать себя ни как судью, ни как сторону в вопросах, могущих волновать умы, и так как он более, чем какой-либо другой монарх, является незаинтересованным в вопросах исключительно европейской политики. Эта роль, повидимому, предназначена ему провидением, и он, несмотря на все свои усилия, не в состоянии от нее уклониться. Однако между прошлым и настоящим есть та разница, что в прежнее время эта роль некоторым образом навязывалась России, между тем, как сейчас надо будет ее подготовить с большим тактом и терпением. Пусть Россия устраивается так, чтобы всегда быть на стороне справедливости и правды, и она будет повелевать общественным мнением. Становясь выше страстей, будь то монархических или революционных, сдерживая тщеславие, она приучит мир принимать ее решения и, олицетворяя собою моральный авторитет, она больше сделает для дела порядка, чем потворствуя одной какой-либо партии*. Арбитраж предполагает всецело моральный авторитет, авторитет признанный, а не навязанный. От России будет зависеть обладать им тогда, когда она этого пожелает, и она найдет в нем славу и власть, равной которым не было в истории.

Случаи для осуществления этого арбитража либо на политической, либо на моральной почве не могут быть созданы по желанию. Надо уметь выжидать их, предчувствовать и использовать их. При нынешнем состоянии Европы эти случаи однако не могут замедлить представиться, и более чем вероятно, с одной стороны, что политические осложнения наступят на Западе, с другой,— что религиозный гнет, за отсутствием революционных страстей, вскоре посеет смятение в умах. Наступление католицизма еще не дошло до своего предела, и оно не преминет повлечь за собою сильную реакцию.

В обстановке настоящего момента России, таким образом, не приходилось бы высказываться за какую-либо политическую систему** или, скорее, за какую-либо систему союзов. Она не откажется от свободы действий, приобретенной ею столь дорогою ценою, для того, чтобы

---

* Против последних двух фраз помета Александра II: «Очень верно».

** Против последних слов на полях вписано рукой Нессельроде: «Высказываться — нет, т.-е. не выставлять на показ; но конечно иметь ее, притом вполне отчетливую, которую император сохранил бы в тайном святилище своей мысли». Вслед за этим помета Александра II: «Да».

пойти на обманчивые или недостаточные союзы. Она сделает так, чтобы всегда быть на стороне справедливости и, следовательно, на той стороне, которая в конце концов всегда одержит победу. Привыкнут итти за нею, так как она будет всегда права *, и арбитраж образуется силою вещей и незаметно. Этот арбитраж она сможет затем поставить на службу своих интересов, если она найдет это нужным, и будет уверена в том, что восторжествует.

Нессельроде графу Орлову, 17/5 апреля 1856 г. № 120.

Мирный договор, заключенный в Париже, положив конец войне и, следовательно, коалиции, образовавшейся против России, оставляет нас — не надо скрывать это от себя — в неизвестности относительно наших будущих политических отношений.

После испытаний пережитого кризиса России нужно собраться с силами и стремиться к тому, чтобы исправить бедствия войны совокупным развитием своих внутренних рессурсов.

В течение неопределенного периода времени внешняя политика России должна содействовать выполнению этой спасительной и благодетельной задачи, устраняя возникновение каких-либо препятствий извне.

Эта идея и должна быть по необходимости положена в основу нашей политики, и на ее осуществление должны быть направлены усилия всех агентов императора.

Какой бы простой ни казалась эта задача, она не будет легкой. Россия находится в новом положении по отношению к Европе. Кризис, пережитый ею, глубоко видоизменил ее прежние отношения.

Союз трех северных дворов, который так долго служил противовесом союзу морских держав, порвался. Поведение Австрии разрушило тот престиж, благодаря которому этот союз импонировал Европе.

С другой стороны, Швеция на севере, Турция на юге оказываются по отношению к нам в новых и щекотливых условиях.

Англия, наш настоящий и упорный противник, выходит из этой войны с чувством недовольства и озлобления.

Причины, вызвавшие коалицию, продолжают существовать.

Единственной для нас охраной против возобновления осложнений, которым ныне положен предел заключением мира, и для обеспечения для нас передышки, в которой мы нуждаемся внутри, является благоприятное отношение императора Наполеона. На сохранение его и должны поэтому быть направлены все наши усилия, однако без вовлечения нас в предприятия, пойти на которые проявил бы склонность монарх Франции.

Вашей позицией в Париже, ваше превосходительство, вы заложили первые основы этой политики. Наш августейший государь оценил твердость, с какой, согласно вашей телеграфной депеше № 72[30], вы отклонили обсуждение на конференции всего, что касается польского вопроса, и сдержанность, которую вы сохранили в том, что касается Италии. Мы ожидаем дальнейших раз'яснений, которые ваше превосходительство представите нам, чтобы судить, до какой степени мысли, выраженные графом Валевским, совпадают с проектами, которые будут исходить от Наполеона. В настоящий момент они, как нам кажется, направлены на идею укрепления его династии.

* Против последних слов на полях вписано рукой Нессельроде: «Какой человек может надеяться на это. Стремиться к этому — конечно». Вслед за этим помета Александра II: «Да будет угодно богу, чтобы это было так».

В виду этого император не может не одобрить того, как вы использовали свободу действий, предоставленную вам конфиденциальной депешей от 15/3 марта, о чем вы дали отчет в донесении № 61. Его величество предоставляет вам самому судить, целесообразно ли уже в настоящее время обратиться к мысли об устранении из соглашений 1814 и 1815 гг. постановлений, касающихся семейства Бонапарта, или же было бы лучше оставить этот акт восстановления в качестве перспектив на будущее.

В первом случае его величество не возражал бы против того, чтобы, если на этот счет состоится соглашение с другими державами, вы приступили к подписанию декларации по этому поводу до вашего от'езда из Парижа.

Другим предметом, который его величество поручает вашим заботам, являются отношения Франции с Пруссией. Мы конечно не можем предать забвению тот факт, что из всех великих держав это — единственная держава, которая нам не была враждебна. С Россией ее связывают непосредственные интересы, и мы думаем, что каковы бы ни были наши отношения с Францией в будущем, они выиграли бы, опираясь на этот союз. Впрочем примирительные настроения, проявленные в последнее время со стороны Тюльери по отношению к этой державе, повидимому, подтверждают только-что высказанное здесь мнение.

Ваше превосходительство, имея лучшую возможность оценить это на месте, с'умеете ознакомиться с намерениями французского правительства по этому поводу и сообразно с этим согласовать свои заявления и выступления.

Примите и пр. Нессельроде.

Депеша графа Орлова Нессельроде, 30/18 апреля 1856 г., № 86 *.

Валевский дал мне знать о гарантийном договоре, заключенном 15/3 сего месяца между Австрией, Францией и Англией во исполнение обязательства, сообща принятого на себя названными державами в силу меморандума, подписанного в Вене 14 ноября прошлого года; этот акт предназначен оградить Турцию от всякого посягательства в будущем на ее независимость и целость. Подобная комбинация уже в прошлом году предвиделась нашим кабинетом, причем не в нашей власти было расстроить ее. Теперь, когда она осуществилась, я считаю долгом сообщить вашему превосходительству, как только я узнал о ней. Я потребую от французского кабинета сообщения мне текста подписанного им договора, дабы устранить из наших отношений в будущем всякую видимость недоброжелательной скрытности. Французский кабинет поступил бы более дружелюбно, если бы осведомил нас об этом за полмесяца вперед, и я не премину доложить об этом лично императору Наполеону. Однако, ставя ему это в вину, я должен добавить, что если бы у него и была недоброжелательная задняя мысль, он легко мог бы уклониться от признания перед нами. Если не ошибаюсь, Австрия и Англия, вероятно, выдвинули эту комбинацию нарочно с целью скомпрометировать перед нами Францию и тем самым испортить наши отношения, проявление сердечности которых уже начинало беспокоить венский и лондонский дворы. Мой курьер доставит вашему превосходительству самые полные подробности об этом инциденте, о котором спешу известить вас сейчас же. Орлов.

* В подлиннике помета Александра II: «Это поведение Франции по отношению к нам не очень лойально и должно служить нам мерилом степени доверия, которое может нам внушать Л.-[Наполеон]».

Депеша графа Орлова Нессельроде, 1 мая/19 апреля 1856 г., № 91.

Господин канцлер.

Барон Бруннов накануне своего от'езда в Лондон для выполнения миссии, возложенной на него императором, имел доверительную встречу с графом Валевским. Последний воспользовался этим случаем, чтобы просить его впервые передать мне сообщение о соглашении, заключенном 15/3 апреля между Австрией, Францией и Великобританией со сцециальной целью гарантировать независимость и целостность Оттоманской империи. Сущность об'яснений, которые пожелал дать граф Валевский, с целью мотивировать происхождение и уточнить предмет этого соглашения, изложена в прилагаемом резюме.

Я получил эти сведения в тот момент, когда мой курьер был уже готов к от'езду. Я тотчас же поспешил известить об этом ваше превосходительство моей телеграфной депешей, дубликат которой здесь прилагается.

Позволю себе к этому добавить следующие соображения, которые возникли у меня после продуманной оценки инцидента, сообщенного мне столь неожиданным образом.

Сама по себе комбинация, согласованная между Австрией, Францией и Великобританией, не будет иметь для императорского кабинета ничего неожиданного.

Уже прошлым летом князь Горчаков указывал вашему превосходительству на ее первые зачатки.

Со своей стороны императорский кабинет признал, что не в нашей власти было бы воспрепятствовать трем державам заключить отдельно между собой обязательство, имеющее целью обставить специальной гарантией сохранность Оттоманской империи. Получив в Вене, еще в ноябре 1855 г., предварительную санкцию, теперь это обязательство облечено в форму договора.

Лондонский и венский кабинеты, приводя в исполнение эту идею, без всякого сомнения видели в ней ту выгоду, что, с одной стороны, она укрепляла союзные связи, начинавшие ослабевать, с другой — компрометировала перед нами Тюльери с целью, по возможности, создать препятствия непосредственному сближению между Россией и Францией.

Идея подобной политической комбинации конечно не нова. В данном случае гр. Буоль, вероятно, использовал традиции, шедшие из недр венской канцелярии, где покоятся останки Тройственного союза, который возник в 1814 г., во время венского конгресса [31], благодаря изворотливому уму кн. Меттерниха и г. Талейрана. Но пытаясь подражать примеру устаревшей политики, принадлежащей к исчезнувшей эпохе гр. Буоль должен был бы не забывать, насколько непрочна была эта комбинация. В особенности он должен был бы вспомнить, как почившему императору Александру I удалось расстроить узкие расчеты своих противников, предав их великодушному, но презрительному забвению, когда секрет Тройственного союза попал в его руки.

Этот великий пример великодушной, а потому мудрой политики, встанет, в этом я уверен, перед умственным взором нашего августейшего государя, когда он узнает о факте, о котором мне довелось узнать спустя немного дней после того, как он совершился.

Граф Валевский, решившись рассказать об этом барону Бруннову, обнаружил смущение, смешанное с унижением. Он пытался умалить роль Франции в этой комбинации, подчеркивая, что она восходит к ноябрю 1855 г., т. е. ко времени, когда тюльерийский кабинет не имел

никакой надежды на улучшение непосредственных отношений между Францией и Россией. В настоящее время, под влиянием новых обстоятельств, которых совершенно нельзя было предвидеть, если только гр. Валевский правильно передал свои впечатления, у императора Наполеона явились серьезные колебания на счет выполнения по отношению к Австрии и Англии обязательства, взятого им на себя в Вене в прошлом году в тревожной обстановке. Он, наконец, решился пойти на это под влиянием неоднократных настояний обоих союзных дворов, единственно, дабы не навлечь на себя упрека в нарушении данного им слова.

Какого бы доверия ни заслуживал этот рассказ министра иностранных дел, барон Бруннов, взяв на себя передать мне его устное сообщение, не преминул дать ему почувствовать, что это доверительное сообщение должно было бы во всяком случае предшествовать подписанию договора от 15 апреля, а не следовать за ним.

Гр. Валевский обнаружил готовность сообщить нам самый текст этого договора, намеренно составленный без всякого упоминания о России, дабы не давать ей законного повода к недовольству Францией за подписание его в тот момент, когда эта последняя придавала первостепенное значение тому факту, что вступила по отношению к России на путь примирения, соответствующий действительным интересам страны.

После того, г. канцлер, как я дал отчет о совокупности обстоятельств, изложенных в настоящей депеше, мне остается указать позицию, которую я занял, не имея специальных инструкций нашего августейшего государя.

Я уверен, что встречу его одобрение за тон всегда правдивый и простой, но в то же время твердый. Я намерен воспользоваться своим первым свиданием с императором Наполеоном не для того, чтобы упрекать его за его неправоту, — да он и сам ее признал, — но для того, чтобы дать ему почувствовать последствия совершенной им ошибки. Я выскажу ему, что для того, чтобы отношения между монархами или между кабинетами стали дружественными, они должны быть основаны прежде всего на принципе постоянной откровенности и прямоты. Наш августейший государь со своей стороны подал пример этого. Я был верным выразителем его воли с самого начала переговоров, порученных нам. Я ничего не скрывал от императора Наполеона. Поэтому я был вправе ожидать, что по отношению ко мне и он проявит справедливую взаимность.

Не пред'являя обвинений, но и без излишней щепетильности, я представлю ему положение в истинном свете. Я не буду преувеличивать значение договора, который может быть сведен к нулю первым же стечением случайных обстоятельств. Но я скажу ему и то, что если его повседневная политика подвержена колебаниям, то все же доверие, которое монархи должны питать друг к другу, должно пребывать неизменно.

Я ограничусь этим предупреждением, выслушаю то, что он соблаговолит высказать мне в ответ, и в точности дам в этом отчет его величеству императору перед своим от'ездом из Парижа.

Примите и пр

Орлов.

Резюме *

14 ноября 1855 г., в Вене, представителями Австрии, Франции и Великобритании был подписан меморандум с целью определить порядок действий, согласованный между этими тремя державами в отношении восточного вопроса.

Первая статья этого акта устанавливала предварительные условия, которые венский двор обязывался предложить императорскому российскому кабинету в качестве основы будущих переговоров о мире.

Эти условия находились при меморандуме в форме приложения.

В случае, если они были бы отвергнуты в С.-Петербурге, Австрия обещала разорвать дипломатические отношения с Россией.

Вследствие этого разрыва она обязывалась согласовать с лондонским и парижским кабинетами вопрос об активном участии, которое ей надлежало бы принять в военных операциях.

Было условлено, что берлинский двор будет приглашен присоединиться к этому порядку действий, отозвав своего посланника из С.-Петербурга и согласовав затем с союзниками меры, подлежащие принятию против России для побуждения сей последней к заключению мира.

Венский меморандум содержал еще другие условия, содержание которых до сих пор неизвестно.

Последняя статья этого акта содержала следующее постановление: было условлено, что после подписания окончательного мирного договора, подлежащего заключению с Россией, австрийский, французский и великобританский дворы обязуются подписать между собой специальную конвенцию, с целью гарантировать поддержание независимости и целостности Оттоманской империи; заявить, что нарушение постановлений мирного договора будет рассматриваться тремя державами, как «casus belli», наконец установить, что в подлежащем случае договаривающиеся стороны условятся с Портой о мерах, долженствующих быть принятыми сообща для ограждения Турции от всякого посягательства.

Приводя в исполнение первое из условий меморандума от 14 ноября, венский двор начал с того, что сообщил императорскому кабинету предварительные условия, поставленные России.

Согласие на эти предложения открыло путь к парижской конференции.

Когда результатом последней явилось подписание трактата от 30/18 марта, то Австрия и Англия стали настаивать перед Францией на осуществлении последнего условия венского меморандума, а именно на заключении отдельного гарантийного договора в пользу Оттоманской империи.

Французское правительство сочло долгом не уклониться от исполнения этого, формально принятого в Вене, обязательства.

Вследствие этого через 15 дней после подписания общего мирного трактата, в Париже, во исполнение принятых ранее обязательств, было заключено отдельное соглашение между Австрией, Францией и Англией. Этот акт датирован 15/3 апреля. Он имеет своим предметом:

1) Поставить Турцию под общую гарантию трех договаривающихся держав.

2) Об'явить всякое нарушение мирного трактата от 30 марта как «casus belli» для названных держав.

---

* Приложение к предыдущей депеше.

3) Установить в подлежащем случае обязательство для них договориться с Портой о степени поддержки, долженствующей быть ей оказанной со стороны трех держав.

Французское правительство, подписывая этот отдельный договор, озаботилось тем, чтобы он был редактирован в общих выражениях, без упоминания о России, дабы не дать этой последней справедливого повода к неудовольствию.

Тем не менее французское правительство не могло не сознавать, что самое существование этого акта, если бы Франция пыталась окружить его тайной, могло бы представлять в глазах императорского кабинета недостаток прямоты со стороны французского правительства, когда об этом акте стало бы известно России.

Чтобы предупредить этот упрек, парижский кабинет счел, что не следует оставлять императорский кабинет в неведении относительно обстоятельств, побудивших Францию выполнить обязательство, вытекающее для нее из венского меморандума от 14 ноября, исполнения которого Австрия и Англия потребовали после того, как был заключен мирный договор.

Депеша графа Орлова Нессельроде, 3 мая/21 апреля 1856 г., № 92.

Имел у Наполеона аудиенцию, которой я не добивался. В интимном разговоре он сам затронул вопрос о секретном договоре. Он сказал мне, что сожалеет об обязательстве, взятом по венскому меморандуму, и в особенности о том, что был вынужден настояниями Австрии и Англии подписать договор, являющийся следствием этого меморандума, и который он признает бесцельным и не вызываемым необходимостью, так как, по его словам, общий договор предусматривает все возможные случаи. Я ответил, что мотив англичан и австрийцев очень ясен и заключается в попытке поссорить нас с Францией, чтобы предупредить возможность союза между обеими странами. Император добавил: «Когда я узнал через Валевского, что договор вам еще не сообщен, то я выразил ему свое недовольство этим, так как это похоже на хитрость, на которую я не способен. Я прошу вас уверить в этом вашего августейшего государя. Я впрочем приказал, чтобы вам сообщили все документы, о коих идет речь». Вследствие этого я буду завтра иметь свидание с Валевским. После прочтения этих документов я проверю то, что мне было сказано, и дам отчет об этом по телеграфу. Император был крайне милостив во время этой неожиданной аудиенции.

Орлов.

Депеша министра иностранных дел Горчакова графу Орлову, 4 мая/22 апреля 1856 г.

Телеграфной депешей вашего превосходительства от 30/18 апреля № 86 его величество был извещен о заключении гарантийного договора, подписанного 15/3 сего месяца между Австрией, Францией и Англией и предназначенного оградить Турцию от всякого посягательства в будущем на ее независимость и целостность.

Верно, что обязательство в этом смысле было принято тремя дворами меморандумом, подписанным в Вене 14 ноября прошлого года. Но это обязательство имело в виду совершенно другую ситуацию, чем та, которая открылась перед договаривающимися сторонами, благодаря миру, подписанному в Париже. В то время, при неизвестности относительно исхода войны, дело шло о том, чтобы достигнуть поставлен-

ных себе целей, в случае, если державам, участвующим в войне, не удалось бы договориться об урегулировании 3 пункта. При таких условиях конвенция между тремя дворами восполняла бы гарантии, которых не удалось бы создать на Черном море. При нынешних же обстоятельствах, когда наш августейший государь великодушно предоставил все, что нужно было для обеспечения независимости Турции, поскольку ей могли бы угрожать наши военные силы в этом море, подобная конвенция утратила всякое основание для своего существования.

Мне излишне сообщать вам о впечатлении, вынесенном из этого его императорским величеством. Оно вытекает из самой сущности вопроса.

Впрочем, каковы бы то ни были мотивы, побудившие Луи-Наполеона пойти на акт, столь мало совместимый с настроениями, проявляемыми им по отношению к нам,— вы отметили некоторые из них, которые наводят на след истины,— государь император не намерен делать этот акт, ввиду наличия совершившегося факта, предметом бесполезных обвинений. Его величество удовольствуется тем, что примет это как предупреждение и как преимущество для себя в случае надобности. Предупреждение,— поскольку мы черпаем в нем мотивы для большей сдержанности и осторожности при наших новых отношениях с французским правительством; преимущество, — так как если Луи-Наполеон, при развитии наших с ним отношений, будет пытаться увлечь нас в направлении своих авантюристических планов и могущих у него возникнуть вожделений, то воспоминание об этой конвенции должно заставить его поколебаться, причем умелый намек на ее существование доставил бы нашему представителю в Париже аргумент, который дан самим французским правительством и который не даст завлечь нас на пути, выходящие за пределы наших намерений и наших интересов.

Таково, г. граф, суждение, вынесенное нашим августейшим государем о конвенции от 15/3 апреля. Его величество поручил мне сообщить об этом вам.

Примите и пр.

Горчаков.

Примечания

1. Буоль — Шауэнштейн, граф, министр иностранных дел в Австрии с 1852 по 1859 г.

2. Эстергази, Валентин граф, австрийский посол в Петербурге с 1854 по 1859 г.

3. Четыре принципа или 4 пункта, выработанные Англией и Францией, после присоединения к ним Австрии, были пред'явлены России 4 августа 1854 г. Они включали следующие требования: 1) отказ России от протектората над Молдавией в Валахией, 2) свободное плавание по Дунаю 3) нейтрализация Черного моря (т. е. Россия теряла право держать там военный флот), 4) отказ от исключительного права покровительства православным подданным Турции. В ноябре 1854 г. Горчаков сообщил венскому кабинету о согласии Николая I принять эти 4 пункта и приступить к мирным переговорам.

4. В декабре 1854 г. начались переговоры по обсуждению условий мира. Первая «неофициальная встреча» представителей союзных держав и России состоялась 28/16 декабря, вскоре после подписания Австрией договора о союзе с Англией и Францией (2 декабря 1854 г.). Представителю России Горчакову был сообщен текст меморандума, составленного союзными державами, в котором первоначальные требования, пред'явленные России (см. предыд. примеч.), получили дальнейшее развитие. Во 2 пункте уже фигурировало требование об уступке Россией устьев Дуная. Содержание 3 пункта было расшифровано и прямо говорилось об уничтожении перевеса России на Черном море. На втором, уже официальном, заседании 7 января/28 декабря Горчакову удалось добиться некоторых уступок и наметить соглашение по принципиальным вопросам. Однако никаких положительных результатов переговоры не дали, и представители союзных держав были отозваны своими правительствами. Дальнейшие мирные переговоры возобновились после смерти Николая I и после того как Александр II подтвердил свое полное согласие принять 4 пункта за основу мирных переговоров.

Конференция вновь открылась 15/3 марта 1855 г. (так называемая вторая посольская конференция в Вене). Уже на предварительных совещаниях удалось достигнуть соглашения по первым двум пунктам. Затруднения начались при обсуждении 3 пункта, который был сформулирован французами в виде 7 условий; одним из этих условий было ограничение военного флота России на Черном море. Горчаков категорически отказался принять это условие, после чего конференция была прервана. Она возобновилась для обсуждения австрийского компромиссного предложения, которое заключалось в том, что Россия и Турция непосредственным соглашением между собой должны определить размеры своего военного флота в Черном море, но что он не должен превышать наличного количества там русских военных судов. Горчаков принял это предложение, но представители западно-европейских держав категорически отказались присоединиться к этой формулировке и об'явили свою миссию законченной.

На этот раз переговоры были окончательно прерваны. Они возобновились после падения Севастополя (8 сентября/27 августа), после того как Россия приняла ультиматум, пред'явленный Австрией (см. след. прим.).

5. К депеше приложено «австрийское коммюнике», содержащее 5 условий, пред'явленных союзниками России и составивших прелиминарные условия мира. Приводим текст этих условий:

I. Дунайские княжества.

Полная отмена русского протектората.

Россия не будет пользоваться никаким особым или исключительным правом покровительства или вмешательства во внутренние дела княжеств.

Княжества сохранят их преимущества и льготы под верховной властью султана, и султан, с согласия договаривающихся держав, утвердит в княжествах внутреннее устройство, сообразно с нуждами и желаниями народа.

Княжества, с согласия Порты, введут у себя постоянную оборонительную систему, в соответствии с их географическим положением; принятие ими чрезвычайных мер обороны в случае нападения на них не должно встретить никакого препятствия.

Взамен крепостей и земель, занятых союзными войсками, Россия соглашается на проведение новой пограничной черты с Европейской Турцией. Эта граница, исправленная в видах общих интересов, начнется в окрестностях Хотина, пройдет вдоль горной цепи по юго-восточному направлению до озера

Сассык. Пограничная черта будет окончательно определена мирным трактатом, а уступленная территория будет присоединена к княжествам под верховной властью Порты.

II. Дунай.

Свобода судоходства по Дунаю и его гирлам будет в полной мере обеспечена европейскими комиссиями, составленными из равного числа представителей от всех договаривающихся держав; частные же интересы прибрежных владений будут приняты во внимание на основании правил, определенных актом Венского конгресса по предмету речного судоходства.

Каждая из договаривающихся держав будет иметь право содержать по одному или по два легких морских судна у дунайских устьев, чтобы охранять свободу судоходства по Дунаю.

III. Черное море.

Черное море будет об'явлено нейтральным.

Открытый в него вход для торгового мореплавания всех народов воспрещается военным судом.

Посему там не будут ни заведены, ни оставлены никакие военно-морские арсеналы.

Покровительство торговых интересов всех народов будет обеспечено в соответствующих портах Черного моря учреждениями, сообразными с международным правом и установившимися обычаями.

Обе прибрежные державы условятся между собой на счет числа и силы легких судов, которые они будут содержать в Черном море для несения береговой службы. Конвенция, заключенная между ними по сему предмету, по предварительному принятию ее договаривающимися державами, приложится к общему трактату и будет иметь такую же силу и действие, как если бы она составляла неотделимую его часть.

Она не может быть ни уничтожена, ни изменена без согласия договаривающихся держав.

Закрытие Проливов допустит исключение в отношении стационеров, упомянутых в предыдущей статье.

IV. Христиане, подданные Порты.

Права и льготы христиан, подданных Порты, будут обеспечены без нарушения независимости и достоинства верховной власти султана.

Вопрос об обеспечении религиозных и политических прав христиан, подданных султана, будет обсуждаться между Австрией, Францией, Великобританией и Портой; по заключении мира Россия приглашена будет принять участие в этом обсуждении.

V. Особые условия.

Воюющие державы предоставляют себе право пред'явить на общую пользу Европы особенные условия, сверх четырех прежних.

6. Нессельроде, К. В., граф (1780—1862). Министр иностранных дел с 1822 по 1856. Государственный канцлер с 1844 г.

7. Горчаков, А. М., князь (1798—1883). В 1855 г. посланник в Вене. Назначен министром иностранных дел вместо Нессельроде 29/17 апреля 1856 г. С 1867 г. государственный канцлер.

8. Орлов, А. Ф., граф (1787—1862). При его непосредственном участии был заключен Адрианопольский мир. Первый уполномоченный на парижском конгрессе.

9. Швеция присоединилась к европейской коалиции 9 ноября 1855 г. Договор между Швецией и западными державами носил оборонительный характер. Западные державы должны были притти на помощь Швеции в случае нападения на нее России. Швеция, со своей стороны, обязывалась не уступать ничего из своей территории России, а также не предоставлять ей права рыбной ловли на своей территории и других привилегий.

10. 2 декабря 1854 г. Австрия под давлением Англии и Франции заключила с ними союзный договор. По этому договору западные державы должны были притти на помощь Австрии в случае нападения России на дунайские княжества (Молдавия и Валахия). Австрия же, занимавшая своими войсками эти княжества, обязывалась пропустить через них турецкие войска. По этому же

договору Англия, Франция и Австрия должны были совместно выработать условия для вступления в мирные переговоры с Россией.

11. Бруннов, Ф. И., граф (1797—1875). С 1839 г. занимал различные дипломатические посты. Второй уполномоченный на парижском конгрессе.

12. Пальмерстон, лорд, Генри-Джон (1784—1865). Известный английский государственный деятель. С 1830 по 1851 г. министр иностранных дел, а с 1855 г. до самой смерти почти без перерыва премьер-министр.

13. Приводим точный текст венского протокола.

«Присутствовали: представители России, Австрии, Франции, Великобритании и Турции.

Нижеподписавшиеся, вследствие принятия их дворами пяти предложений, перечисленных в прилагаемом документе, носящем название проекта прелиминарных мирных условий, после парафирования сего последнего, согласно полученным ими на то полномочиям, условились, что все правительства назначат своих представителей, снабженных полномочиями, необходимыми для подписания формальных предварительных мирных условий, для заключения перемирия и окончательного мирного договора. Вышепоименованные уполномоченные соберутся в Париже не позже чем через три недели, начиная с этого дня, или же ранее, если это будет возможно.

Вена. Подписано в пяти экземплярах.

1 февраля/20 января 1856 г.».

Текст приложенных здесь прелиминарных мирных условий см. прим. 5.

14. Бомарзунд — русская крепость на восточном берегу Аландских островов. Бомарзундские укрепления были разрушены союзными войсками в июне 1854 г.

15. В депеше от 5 января 1856 г./24 декабря 1855 г. Нессельроде пытался убедить австрийское правительство отказаться от двух пунктов австрийского ультиматума: статьи V (так называемые «особые условия») и статьи I в части, касающейся исправления бессарабской границы, т. е. отторжения от России около одной трети Бессарабии. Нессельроде указывал при этом, что взамен укреплений и территорий, занятых союзниками, Россия уступает Турции Карс, занятый русскими войсками.

16. Нессельроде имеет здесь в виду, повидимому, соглашение, которое было достигнуто на конференции в Вене (15/3 марта 1855 г.) по первым двум пунктам, причем тогда в 1 пункте не содержалось требования исправления всей бессарабской границы (см. примеч. 3 и 4).

17. Валевский, Флориан, граф (1810—1868), министр иностранных дел во Франции с мая 1855 г. Председательствовал на парижском конгрессе.

18. Кларендон, Джорж Вильерс, граф (1810—1870), министр иностранных дел в Англии, уполномоченный на парижском конгрессе.

19. Фульд, Ахилл, министр двора во Франции.

20. Линия фортов на восточном берегу Черного моря, так называемая Черноморская береговая линия, была оставлена Россией в начале 1854 г., как только союзный флот появился на Черном море. Гарнизоны были вывезены, укрепления взорваны.

21. В этой телеграмме Орлов сообщает, что англичане отвергли предложение русских о том, чтобы рассматривать уступку Россией Карса в качестве компенсации; что уступка части Бессарабии неизбежна и что русские уполномоченные прервали заседание и обратились к посредничеству Наполеона.

22. «Wixen» — английская шхуна, конфискованная с контрабандными товарами у кавказского побережья русскими крейсерами.

23. По Адрианопольскому миру, заключенному после русско-турецкой войны 1829 г., Россия получила все восточное побережье Черного моря от устья Кубани до порта св. Николая (статья IV). С.-Петербургская конвенция 1834 г. была заключена в целях урегулирования выполнения некоторых статей Адрианопольского трактата. I статья конвенции подтвердила и уточнила азиатскую границу России с Турцией, установленную IV статьей Адрианопольского трактата.

24. Лондонская конвенция о Проливах 1841 г. была подписана Турцией, Россией, Англией, Францией, Австрией и Пруссией и устанавливала закрытие Проливов (Босфора и Дарданелл) для военных судов всех наций как во время мира, так и во время войны.

25. К депеше приложены 7 карт, соответствующих различным проектам разграничения, обсуждавшимся в Париже. На каждой из карт обозначена часть Бессарабии, подлежащая отторжению от России. Первые 3 карты соответствуют трем проектам, последовательно выдвинутым Россией. Карты 4, 5 и 6— австрийские проекты. Карта № 7— принятый конференцией проект.

26. Болгары и немцы стали селиться в Бессарабии после присоединения ее

к России (в 1812 г. по Бухарестскому трактату). Болгарские колонии расположены были в юго-западной части Бессарабии, немецкие — в юго-восточной части (Аккерманский уезд).

27. В телеграмме от 8 марта/25 февраля Орлов, сообщая о третьем австрийском проекте изменения границ и о невозможности добиться дальнейших уступок, просит телеграфных инструкций. В ответной телеграмме от 11 марта/28 февраля Несельроде пишет: «Если все средства в переговорах вами исчерпаны, то соглашайтесь на разграничение по линии Гуш—Сассык и озеро Алибеи. Само собой разумеется, что ваши оговорки относительно Карса и Бомарзунда останутся в силе до окончательного урегулирования всех пунктов».

28. Венский трактат 1814 г. содержит около 20 статей, касающихся Наполеона и его династии. Первая из них заключает акт отречения Наполеона и гласит: «Е. в. Наполеон отказывается за себя и своих наследников и нисходящих потомков, равно и за каждого члена своей фамилии, от всякого права на верховную власть и господство как над французской империей и итальянским королевством, так и над всякой другой страной».

29. Мирный договор подписан 30/18 марта 1856 г.

30. В телеграмме от 8 апреля/27 марта № 72 Орлов сообщает о попытках поднять на конгрессе польский вопрос. Благодаря однако об'яснению Орлова с Наполеоном и Валевским в духе его первой беседы с Наполеоном (см. депешу от 2 марта/19 февраля), ему удалось добиться того, что о Польше не было упомянуто на конгрессе. Далее Орлов сообщает о выступлении Валевского по вопросу об угнетенном положении Италии, о поддержке Валевского Кларендоном, о возражениях Буоля, утверждавшего, что обсуждение этих вопросов вне компетенции конгресса. Орлов сообщает, что он воздержался от выступления по этому вопросу, равно как по другим, не относящимся к восточным делам.

31. 3 января 1815 г. (в депеше № 91 указан старый стиль) Австрия, Англия и Франция заключили на венском конгрессе оборонительный союз против России и Пруссии.

Реформа 1861 г. и крестьянское движение

Реформа 1861 г. дала известный толчок к ускорению капиталистического развития России. Но реформа, проведенная руками крепостников, естественно, не могла удовлетворить крестьян, которые «вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам» [1].

Крестьяне были обмануты в своих ожиданиях: огромные земельные площади отрезывались в пользу помещиков. По нечерноземной полосе из общего количества земли в 14 550 тыс. десятин было отрезано в пользу помещиков 1 437 тыс. десятин, или 9%; по черноземной полосе из 14 619 тыс.—3 825 тыс. десятин, или 26,2%.

По отдельным районам это ограбление крестьянства достигло еще большей цифры, так например в украинских губерниях отрезки равнялись 31,6%, в Поволжье — 34,4% и т. д.

В результате крестьяне вынуждены были выкупать принадлежащую им по праву землю по ценам, в несколько раз превышавшим обычные покупные цены. Так например в Петербургской губ. покупная цена десятины земли равнялась 24 руб., стоимость же десятины земли по выкупу — 61 руб. 50 к.; в Московской губ. покупная цена десятины земли была 26 руб., стоимость же десятины земли по выкупу — 51 р. 33 к.; в Тульской губ. покупная цена десятины земли — 32 руб., стоимость же десятины земли по выкупу — 50 руб.

«Русских крестьян,— писал В. И. Ленин,— господа благородные помещики «освобождали» так, что с в ы ш е п я т о й д о л и крестьянской земли было отрезано в пользу помещиков. За свои, пóтом и кровью политые, крестьянские земли крестьяне были обязаны платить в ы к у п, то-есть д а н ь вчерашним рабовладельцам. Сотни миллионов рублей этой дани крепостникам выплатили крестьяне, разоряясь все более и более» [2].

И неудивительно, что реформа была встречена крестьянством массовыми волнениями.

Это была н е о р г а н и з о в а н н а я, н е о с о з н а н н а я, но упорная борьба крестьянства против крепостников-помещиков и помещичьего государства. И в колоссальном большинстве случаев эти выступления подавлялись вооруженной силой.

«В России,— писал Ленин,— в 1861 году народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу. Крестьянские восстания того времени остались одинокими, раздробленными, стихийными «бунтами», и их легко подавляли» [3].

Царский манифест о «свободе» еще не был об'явлен, а помещичье государство уже разрабатывало военно-полицейские мероприятия, направленные к борьбе против возможных и вероятных крестьянских восстаний. По всем губерниям рассылались генерал-майоры и флигель-ад'ютанты, учитывалось количество войск, их места расположения, давались губернаторам указания, откуда, какие воинские части должны быть затребованы для подавления выступлений крестьянства и т. д.

---

[1] Ленин, Соч., т. XV, стр. 109.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 108.

Фактически генерал-майоры и флигель-ад'ютанты были направлены в губернии, главным образом в качестве руководителей подавления крестьянских восстаний.

Самодержавное правительство готовилось к «крестьянской» реформе, как к началу военных действий. И проведение «крестьянской» реформы в действительности превратилось в войну между крестьянством и помещиками.

Товарищ Сталин в своей речи на Первом всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. говорил:

«Революция крепостных крестьян ликвидировала крепостников и отменила крепостническую форму эксплоатации. Но она поставила вместо них капиталистов и помещиков, капиталистическую и помещичью форму эксплоатации трудящихся. Одни эксплоататоры сменились другими эксплоататорами. При крепостных порядках «закон» разрешал продавать крепостных. При капиталистических порядках «закон» разрешает «только» обрекать трудящихся на безработицу и обнищание, на разорение и голодную смерть» [1].

Лишь великая социалистическая революция действительно решила крестьянский вопрос и решила она его так, «чтобы не менять одних эксплоататоров на других, не менять одну форму эксплоатации на другую,—а искоренить всякую эксплоатацию, искоренить всех и всяких эксплоататоров, всех и всяких богатеев и угнетателей, и старых и новых» [2].

Публикуемый нами материал хранится в Архиве внутренней политики, культуры и быта Ленинградского отделения Центрального исторического архива, подобран и подготовлен к печати научными сотрудниками М. Лурье и П. Перепеченовой.

М. Лурье.

Из обзора действий министерства внутренних дел по земскому отделу с 1 января 1861 г. по 19 февраля 1863 г. [1]

Введение

1860 год был последним годом крепостного состояния, прекращенного высочайшим манифестом 19 февраля 1861 г., а 19 февраля 1863 г. окончился двухгодичный период, назначенный для составления уставных грамот.

Высочайшее утверждение Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, последовало 19 февраля 1861 г., но меры к приведению их в исполнение приняты были заблаговременно. Главная из этих мер состояла в предварительном образовании будущих губернских по крестьянским делам присутствий под названием временных комиссий. Состоявшееся о сем 4 декабря 1860 г. высочайшее повеление немедленно сообщено было начальникам губерний. Вместе с сим министр внутренних дел уведомил губернаторов: а) что означенные комиссии предполагается обратить в те высшие губернские учреждения, которые должны быть образованы для введения Положений в действие; б) что сим учреждениям присваиваются обширный круг деятельности и весьма значительные права и в) что от удачного выбора лиц в учреждаемые комиссии будет зависеть не только благосостояние двух сословий, но и спокойствие целого края. Первый всеподданнейший доклад о приглашении членов от правительства

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 527.
[2] Там же.
[1] ЛОЦИА, Земский отдел министерства внутренних дел, 1861 г., д. № 92, гл. 1—27.

в будущие губернские присутствия состоялся 7 января, последний 31 марта 1861 г.; между тем произведены были выборы собраниями предводителей, членов от дворянства. Таким образом ко времени обнародования высочайшего манифеста и Положений о крестьянах губернские присутствия уже были образованы.

В то же время по государственной канцелярии были приняты меры к возможно скорейшему отпечатанию и брошированию огромного числа экземпляров высочайшего манифеста и Положений. Никогда еще в России не было такого издания, которое вышло бы в свет в числе 220 000 экземпляров, в каком был напечатан манифест, и 190 000, в каком потребовались общее Положение о крестьянах и другие Положения и Правила, относящиеся до всех местностей. Местное великорусское Положение было напечатано в числе 140 000 экземпляров.

Принятые энергические меры к скорейшему отпечатанию потребного числа экземпляров Положений дали возможность на третий день после высочайшего утверждения их, циркуляром от 21 февраля, предупредить губернаторов, что они в самом непродолжительном времени получат, при указе правительствующего сената, для обнародования и исполнения экземпляры манифеста и именного распорядительного указа с следующими к ним Положениями и Правилами о крестьянах. При этом министр внутренних дел сообщил губернаторам, что государю императору угодно, чтобы издаваемый манифест и прочие законоположеия о крестьянах тотчас по получении в губерниях сделались известными помещикам и крестьянам, так как этим одним средством могут быть отклонены превратные толки и всякого рода недоразумения. С этою целью министр предложил губернаторам приготовить немедленно все средства для развозки означенных экземпляров по уездам и вообще для быстрого и, по возможности, одновременного доставления их во все приходы и во все помещичьи имения. Для сего никак нельзя (писал министр внутренних дел) ограничиваться обыкновенными способами пересылки пакетов и тюков по почте, но следует отправить нарочных курьеров, жандармов или даже чиновников и вообще употребить все те средства, какие, по ближайшему усмотрению, окажутся необходимыми для своевременной доставки экземпляров кому следует. Еще прежде сего последовало распоряжение о командировании в губернии свиты его величества генерал-майоров и флигель-ад'ютантов для содействия губернским начальствам в распоряжениях их, как по приведению в исполнение означенных законоположений, так и по сохранению при сем в губернии порядка и спокойствия. Сообразно сему помянутые лица были снабжены особою от имени государя императора инструкциею, которою, между прочим, вменялось им в обязанность: об'яснять крестьянам, что, получив новые права, они не могут выходить из повиновения установленным властям, но должны отправлять повинности и вообще пользоваться своими правами в том только порядке, какой указан в высочайшем манифесте и новых Положениях, а в случае неповиновения или ослушания со стороны крестьян, отправляться на место беспорядков и принимать все меры, необходимые для прекращения оных.

Затем обнародование высочайшего манифеста началось с С.-Петербурга и Москвы, где оно совершилось 5 марта (о чем тогда же по телеграфу сообщено во все губернии) и продолжалось в других местах, по мере прибытия туда свиты его величества генерал-майоров и флигель-ад'ютантов, которым поручено было доставление в губернии манифеста в назначенном числе экземпляров. Повсеместное обнародо-

вание кончилось в 28 дней (2 апреля был обнародован манифест в Кишиневе). Вместе с манифестом было отправлено небольшое число готовых экземпляров Положений; отправление же остальных с нарочными курьерами, по мере изготовления, продолжалось с 7 по 18 марта.

Вслед за обнародованием Положений, в виду предстоящего выбора мировых посредников, министр внутренних дел писал губернаторам, что успех возложенного на них избрания мировых посредников составляет одну из первостепенных забот правительства. На посредников возлагаются ближайшие местные распоряжения по введению в действие крестьянских Положений и наблюдению за правильным их исполнением. От удачного выбора сих лиц будет много зависеть успех предпринятого государственного преобразования, которому, по высочайшей воле, выраженной самим государем императором, должно служить основанием улучшение быта крестьян не на словах только и не на бумаге, а на самом деле. В циркуляре этом министр указывал на те качества, которые должны быть соединены в лице мирового посредника.

С обнародованием Положений началась новая эпоха деятельности министерства внутренних дел по крестьянскому делу. Положения о крестьянах, изменив в самом корне старый строй гражданского быта России, ввели впервые в наше законодательство начала, чуждые прежней административной централизации и правительственной опеке.

Несамостоятельное общественное управление, подлежащее надзору правительственных властей, которое до тех пор было известно в нашем законодательстве, заменено самоуправлением, огражденным от постороннего вмешательства. Вместо чиновников, которых определение и увольнение зависит от министерства, для исполнения крестьянского дела открыты особые учреждения, огражденные от произвола административной власти. Во главе их поставлено губернское присутствие, которому вверялось не только разрешение,— большею частию окончательное,— могущих возникнуть недоразумений и споров, но самое применение к местным условиям каждой губернии некоторых из новых постановлений.

Министерству самому предстояло уразуметь свое призвание в крестьянском деле, тем более, что в Положениях о крестьянах об обязанностях министерства нет никаких указаний; а в двух особых законоположениях—19 февраля (об учреждении главного комитета об устройстве сельского состояния) и 14 июня 1861 г. (об обжаловании постановлений губернских присутствий)—находятся только намеки на характер министерской деятельности в настоящем случае. Представлением скромного штата Земского отдела, назначенного для заведывания в составе министерства внутренних дел крестьянским делом, министерство доказало, что оно поняло свое призвание. Штат этот удостоен высочайшего утверждения 27 июля 1861 года. Для заведывания делами 10 миллионов освобожденных крестьян и отношений их к помещикам открыто учреждение с меньшим числом чиновников, чем многие департаменты. Министерство поняло, что оно призвано не управлять освобожденными крестьянами, а охранять права помещиков и крестьян и вновь открытых учреждений и содействовать полному и беспрепятственному пользованию сими правами.

Кроме того, крепостное право входило в общую систему действовавших законов, следовательно, с уничтожением его, соприкасающиеся с ним части общего законодательства оказались невозможными в применении. Посему, вслед за обнародованием Положений, возник целый ряд вопросов об отмене, изменениях и дополнениях разных, написан-

ных при крепостном праве, узаконений. Министерство считало своею обязанностью, по сношении с подлежащими ведомствами, входить с представлением о разрешении означенных вопросов в порядке законодательном.

Согласно сему, министерство в основу своей деятельности по крестьянскому делу положило следующие начала, коими оно руководствовалось в течение двух лет:

1) отклонять все внешние препятствия к успешному и законному ходу крестьянского дела;

2) устранять в решениях губернских присутствий: превышение власти, отступление от закона и разногласия, неоправдываемые местными особенностями, но в то же время не вдаваться в мелочной надзор за действиями местных учреждений и никогда не решать дел по существу, а ограничиваться указанием на подлежащие статьи Положений;

3) охраняя самостоятельность каждого из учреждений по крестьянским делам, преследовать законным путем нарушения ими своих обязанностей;

4) не возбуждать прямо от себя ни одного вопроса о пояснениях Положений, если не было о том представления из губернии;

5) не составлять общих правил при разрешении вопросов исключительных или случайно возбужденных, и потому входить с представлениями в главный комитет или делать общие распоряжения от себя не прежде, как по возбуждении одного и того же вопроса в нескольких губерниях;

6) последовавшие, по возбужденным вопросам, имеющим общий характер, постановления и распоряжения сообщать циркулярами повсеместно, как для однообразного направления дел, так и для предупреждения дальнейшего прилива подобных представлений;

7) способствовать или непосредственною своею деятельностью, или сношениями с другими ведомствами, к разрешению вопросов или оставленных Положениями неразрешенными, или требующих для своего разрешения отмены, изменения или дополнения какой-либо части общего законодательства, и

8) уважая и охраняя права других, оберегать и защищать собственные свои права.

Вышеизложенные основные начала деятельности министерства внутренних дел по земскому отделу, сообразно постепенному ходу и развитию предпринятой реформы и ее последствий, применялись к следующим предметам: к устранению волнений крестьян и неисполнения ими законов; к последствиям уничтожения крепостной зависимости; к открытию и устройству местных по крестьянским делам учреждений; к определению обязательных поземельных отношений крестьян к помещикам; к прекращению означенных отношений; к устройству крестьян в мелкопоместных имениях; к устройству фабричных и заводских людей; к отправлению казенных и земских повинностей; к воспособлению помещикам, большепоместным и мелкопоместным, по устройству их хозяйств; к слитию сельских сословий всех ведомств и к некоторым другим предметам.

В этом первом обзоре правительственной деятельности по освобождению крестьян следует удержаться от попытки представить характер деятельности местных по крестьянским делам учреждений в разных губерниях. Не наступило еще время для того, чтобы подобный приговор был верен и чужд всех случайных обстоятельств, которые пройдут, не оставя за собой следа в истории.

Глава первая.

Устранение волнений крестьян и неисполнения ими законов.

День обнародования манифеста не мог не сделаться в каждом месте днем общего народного праздника.

Обнародование манифеста повсеместно сопровождалось замечательным явлением — особенной воздержностью от вина, несмотря на последний день масляницы, в который обнародовался манифест в Петербурге и Москве, несмотря на первое (сборное) воскресенье великого поста, в которое манифест обнародован в нескольких губерниях и которое во многих местах считается по городам ярмарочным или базарным днем.

За первым впечатлением радости и сочувствия к крестьянской реформе наступила другая пора, самая трудная в крестьянском деле: знакомство 200 тысяч помещиков и 20 млн. крепостных людей с новым Положением, изменение веками сложившихся личных и хозяйственных отношений по новым началам, еще не усвоенным, а уже требовавшим немедленного практического применения. Не легко было помещику ознакомиться вдруг с началами Положений и изменить по ним все прежние хозяйственные расчеты и привычки; еще труднее было это знакомство для безграмотного крестьянина. Из манифеста крестьяне узнали только, что в их судьбе должна произойти перемена к лучшему и что она будет введена не вдруг, а постепенно, но в чем именно заключается это улучшение и постепенность, они сразу понять не могли; для уразумения и оценки их необходим был жизненный опыт. Между тем, на первое время, размер дарованных им улучшений был не велик; важнейшие ожидания их только в будущем. Не видя сразу достаточных немедленных облегчений, крестьяне пришли в недоумение: в чем воля? Об'яснениям помещиков, священников и чиновников они не поверили. Не удовлетворились также тем, что им читали из Положений полуграмотные их чтецы, которых они нанимали целыми деревнями. Чтецы эти, не понимая сами, что читали, путали статьи, относящиеся к разным периодам, толковали их криво и становились невольными подстрекателями. Были также примеры несомненной злонамеренности или корысти. Начались непослушания, неисправность в работах и недоразумения. Для разбора возникших споров и раз'яснения закона был один предводитель дворянства на целый уезд, мировых посредников еще не было; для побуждения к исполнению закона была одна земская полиция, сельских старост и волостных старшин еще не было.

Март прошел спокойно, но с апреля месяца начались и шли, постоянно возрастая в числе, донесения из разных губерний о возникающих между крестьянами недоразумениях и волнениях. Казанский губернатор дал знать 13 апреля по телеграфу: «что в имении Бездне, Спасского уезда, полное неповиновение властям. Раскольник, выдавший себя за пророка и посланника царского, Антон Петров, увлек всех. Со всех почти имений уезда народ собирается в Бездну: там об'является настоящая воля...» Пензенский губернатор телеграфическою депешею 12 апреля сообщил, что «Черногайская вотчина графа Уварова, Чембарского уезда, 2 000 душ взбунтовались; за ней 4 000 соседних; посланная на усмирение рота в опасности: она, убив несколько крестьян, отступила: двинуто войско». В апреле же месяце получены известия о волнении в местностях с малороссийским народонаселением в губерниях Черниговской и Подольской. В первой из этих губерний

беспорядки между крестьянами обнаружились вдруг в 4 уездах: Нежинском, Новгородсеверском, Городницком и Конотопском. В Подольской губ. крестьяне вышли из повиновения законным властям также вдруг в нескольких имениях: сначала Винницкого и вслед за тем Ольгопольского, Ямпольского и Брацлавского уездов. В том же апреле месяце было сообщено о волнениях крестьян Виленской губернии в уездах: Виленском, Ошмянском, Лидском и Свенцянском; в Ковенской — в уездах: Россиенском, Ковенском, Шавельском и Новоалександровском; в Гродненской — в уездах: Белостокском, Брестском, Пружанском, Слонимском, Сокольском, Бельском и Кобринском и в инфляндских уездах Витебской губернии, а вслед за тем Смоленской губернии в Гжатском уезде.

В Казанской губернии, в селе Бездне, Мусина-Пушкина, крестьяне отказались итти на барщину[1].

Возникавшие в то же время и после того беспорядки в других имениях Спасского, Лаишевского, Чистопольского, Тетюшского и Свияжского уездов составляли не более, как простое недоразумение, и потому прекращены были мерами убеждения, кроме одного случая в имении Чемезова в Лаишевском уезде, о котором будет сказано ниже.

Упорный и продолжительный характер приняло волнение в Пензенской губернии, которое из Чембарского уезда распространялось в Керенский и в соседственные с ним уезды Тамбовской губернии Кирсановский и Моршанский, так что волнение обняло сплошную местность четырех уездов, с населением 163 240 душ мужеского пола. Первоначально волнение возникло в сел. Черногае, имении графа Уварова, Чембарского уезда. Крестьяне отказались от всяких работ на помещика и вышли совершенно из повиновения, требуя, с угрозами лишения жизни, от своего приходского священника указа о настоящей воле, который, будто бы, лежит в церкви на престоле с георгиевским крестом, и с криком «воля» возили по улице красное знамя. Примеру черногайских крестьян последовали соседние с ними села и деревни и вскоре в Черногае собралась толпа народа до 4 тыс. человек. После истощения всех способов к вразумлению крестьян, в имение была введена рота солдат, на которую крестьяне, вооруженные кольями, сделали нападение, вследствие чего дан был залп, от которого упало несколько человек, и рота отступила, преследуемая народом. После сего в Черногай послан был целый батальон. Между тем вспыхнуло волнение в с. Кандеевке, имении помещика Волкова, Керенского уезда. Здесь главнейшим подстрекателем был молокан Егорцев, называвший себя великим князем Константином Павловичем. Беспорядки эти по безуспешности мер убеждения, прекращены силою. Произведенными выстрелами убито 8 человек и 26 ранено. Наиболее виновные наказаны, и из них 29 человек сосланы в каторжную работу, а 16 человек — на поселение; подстрекатель же Егорцев успел скрыться, и, как впоследствии было дознано, умер. После этого крестьяне смирились. Восстановление спокойствия в Кандеевке благоприятно подействовало и на другие селения. За сим принятыми мерами водворено спокойствие во всей Пензенской губернии.

В Тамбовской губернии, куда проникло волнение из Чембарского и Керенского уездов, хотя и не было нарушено спокойствие в такой степени, чтобы потребовались экстренные меры, но тем не менее между крестьянами обнаружились нерешительность и неусердие в ис-

[1] Краткое описание бездненских событий нами опускается как известное по другим материалам, помещенным в «Красном архиве».

полнении обязанностей, а в более значительных имениях Моршанского уезда начали проявляться довольно сильные беспокойства, которые все впрочем были прекращены при содействии военных команд мерами убеждения и полицейского взыскания.

Главным пунктом беспорядков в Нежинском и Новгородсеверском уездах Черниговской губернии в первое время служили: в первом селение Безугловка — имение помещика Сидоренки и во втором слобода Каменская — имение помещика Судьенки. Безугловские крестьяне с особенным упорством встретили неоднократно повторенные им увещания местных властей и священников, а равно и советы понятых из соседних казаков. Посему в Безугловку было введено 3 батальона войска, при содействии которого после легкого полицейского наказания 9-ти человек и арестовании 16 главных зачинщиков, спокойствие восстановлено. Водворение порядка в с. Безугловке имело благотворное влияние и на другие имения Нежинского уезда, уклонявшиеся также от исполнения обязанностей. В то же время возникли беспорядки в разных имениях уездов: Новгородсеверского, Городницкого и Конотопского, а вслед за сим в уездах Кролевецком, Новозыбковском и Мглинском. В Новгородсеверском уезде крестьяне слободы Каменской не только сами отказывались от исполнения барщины, но препятствовали силою производству работ и вольнонаемными. По прибытии туда войск, окруженные уже в громаде значительными военными силами, крестьяне повторяли свой отказ и даже не приняли Положений 19 февраля 1861 года. Пример каменских крестьян увлек к беспорядкам 25 селений с 9 тысячами душ. Но когда было приступлено к наказанию и заключению главных зачинщиков в оковы, то крестьяне смирились и просили помилования; вскоре потом были усмирены и прочие волновавшиеся селения. Для прекращения возникавших беспорядков в остальных уездах не требовалось употребления крутых мер; было достаточно введение военных команд для нравственного влияния на крестьян и наказания более виновных.

В Подольской губернии, при самом об'явлении манифеста, в некоторых имениях было замечено нетерпение крестьян по поводу назначенного двухгодичного срока для окончательного устройства их быта. Первое проявление беспорядков обнаружилось в имении Кустовец помещика Гижицкого, Винницкого уезда, и затем беспорядки быстро распространились по 11 уездам. Селения крестьян, вышедших из повиновения, сгруппировались около больших и многолюдных сел и совершенно подчинялись их влиянию. Усмирение главных селений полагало само собою конец беспорядкам и в меньших. Посему для водворения спокойствия в губернии были приняты, по донесению губернатора, не столько строгие, сколько быстрые меры, которыми в половине мая месяца было восстановлено полное спокойствие во всей губернии. Упорство было оказано только в некоторых, и то немногих, главных пунктах беспорядков.

В Смоленской губернии беспорядки между крестьянами происходили в помещичьих имениях трех уездов: Гжатского, Вяземского и Ельнинского. Особенно сильно проявились они в имении князя Голицына, Гжатского уезда, где крестьяне, перестав отправлять работы на владельца, не признавали читанных им манифеста и Положений. По прибытии в имение военной команды, крестьяне, в числе 2 тысяч человек, столпясь в сплошную массу и не слушая увещаний трех священников, вышедших к ним в полном облачении с крестами в руках, об'явили, что повиноваться не будут; бросились на солдат, намереваясь отнять ружья; при этом столкновении, без выстрелов, 3 солдата были

ранены, 22 крестьянина были задавлены натиском толпы и 23 сильно ушиблены. Когда же взято было из толпы до 125 человек и подвергнуто полицейскому наказанию, то крестьяне на коленях просили прощения. В прочих имениях упомянутых уездов порядок восстановлен при содействии военных команд без употребления оружия. Причиною беспорядков в некоторых имениях Вяземского уезда был отставной поручик Полубинский, который, называя себя генералом, посланным от государя, ложно толковал крестьянам об отправлении ими барщины.

В Витебской губернии беспорядки обнаружились первоначально в имениях помещиков: Соколовского, Люцинского и Паулина, Люцинского и Режицкого уездов, потом распространились по другим имениям, как этих, так и Динабургского и Дриссенского уездов. Крестьяне отрицали подлинность Положения и отказывались исполнять повинности. Сопротивление военной силе было оказано только в двух имениях: Паулина (Режицкого уезда) и графа Плятера-Зиберга (Динабургского уезда), где поэтому, для усмирения крестьян, было употреблено оружие, причем ранено 12 человек. В прочие имения хотя также вводились военные команды, но оружие употреблено не было. По прекращении беспорядков в инфляндских уездах министр внутренних дел испросил высочайшее соизволение на прекращение начатых следствий и на освобождение арестованных крестьян с заменою им в наказание времени ареста. В других уездах Витебской губернии беспорядки обнаруживались только в некоторых имениях Суражского и Полоцкого уездов и были прекращены полицейскими мерами.

Возникшие беспорядки в четырех уездах Виленской губернии наибольшие размеры приняли в одном из них — Ошмянском уезде. Здесь крестьяне не только отказывались от отбывания всяких повинностей, но даже нанесли побои тем из одноотчинных поселян, которые не разделяли их мнения. Сборищем волновавшихся крестьян служило местечко Ивье, имение графини Замойской (4 тысячи душ), где, под предводительством двух главных подстрекателей, собрались крестьяне не только из окрестных мест Виленской, но даже и из Новогрудского уезда Минской губернии. Толпа расположилась табором на базарной площади, об'явила, что государь даровал им свободу, и они потому никаких повинностей исполнять не обязаны. Продолжительные увещания не имели успеха. Для прекращения этих беспорядков в местечко Ивье было введено 4 роты солдат, при содействии которых толпа была разогнана и подстрекатели арестованы, после чего крестьяне из'явили полную покорность и дали обещание повиноваться властям и отбывать установленные повинности. С прекращением беспорядков в Ивье восстановилось спокойствие между крестьянами и в других уездах, без употребления строгих мер; только наиболее упорные и подстрекатели были подвергнуты полицейскому наказанию.

В Ковенской губернии беспорядки открылись в Россиенском уезде, в имении Лабгиры, помещицы Кайсаровой, с населением 1 600 душ. Крестьяне этого имения не только отказались от всякого повиновения и исполнения инвентарных повинностей, но и возмутительно действовали на других крестьян отдаленнейших фольварков своей помещицы и соседственных имений. Одновременно с сим проявилось подобное же неповиновение со стороны крестьян: в конфискованном имении Замок, Ковенского уезда; вслед за тем в нескольких имениях Шавельского и Новоалександровского уездов обнаружилось уклонение крестьян от исполнения барщины, не имевшее, впрочем, упорного характера. Посему главное внимание было обращено на имение Лабгиры, куда была введена военная команда, и зачинщики беспорядков под-

вергнуты полицейскому наказанию. По местному удостоверению оказалось, что беспорядки в Лабгирах были вызваны безотчетным требованием от крестьян инвентарных повинностей по распоряжениям управителя имения Козакевича; в видах охранения спокойствия, он тогда же был удален из имения. Неудовольствия крестьян имения Замок возникли оттого, что они состояли на барщине (от которой свободны все прочие государственные крестьяне), так как по неокончании экздивизорского дела о том имении оно не было еще принято окончательно в казну. Хотя в имение Замок, равно в прочие имения также вводились военные команды, но, с распространившимся известием о покорности лабгирских крестьян, не представлялось никакого затруднения к восстановлению нарушенного там спокойствия; для сего было достаточно одного только прибытия войск.

В Гродненской губернии, вслед за обнародованием Положений 19 февраля 1861 г., во многих имениях Белостокского уезда крестьяне отказались от исполнения барщины. Упорное неповиновение было оказано только в одном имении помещика Фрибеса. На все убеждения и внушения крестьяне отвечали с дерзостью, что все увещевающие их лица и духовенство подкуплены помещиками и что прочитанный им манифест недействительный и подложный. Затем они и крестьяне со всех окольных деревень значительными толпами начали стекаться в близлежащее местечко Заблудово, куда отправлен был батальон войск. По прибытии на место войска оцепили местечко, и толпе крестьян были делаемы вновь увещания. Эти меры не имели успеха, поэтому наиболее дерзкие, числом до 100 человек, были подвергнуты наказанию, после чего крестьяне раскаялись в своем заблуждении. Подобный же отказ от исполнения инвентарных повинностей обнаружился со стороны крестьян разных имений Брестского, Пружанского, Слонимского, Сокольского, Бельского и Кобринского уездов, но содействие военных команд для понуждения крестьян к исполнению их обязанностей потребовалось только в некоторых имениях Брестского и Слонимского уездов; в прочих затем имениях порядок восстановлен убеждением и мерами полицейского взыскания.

Все описанные беспорядки были подавлены в самом начале их, долее других волнения продолжались в инфляндских уездах, Витебской губернии, и в некоторых уездах Подольской. В три месяца первой и в шесть второй половины 1861 г. возникали беспорядки во многих других губерниях; но большею частию ограничивались одним имением и прекращались: или посредством убеждений, или посредством полицейских мер, иногда с содействием военной силы, иногда без содействия. Очень часто одно только появление военной команды прекращало возникающее волнение; нередко также полицейское наказание одного или нескольких крестьян останавливало дальнейшее развитие беспорядка.

Всех волнений и беспорядков в 1861 г. было:

в первые после обнародования Положений 3 месяца с (апреля по июль)	647
затем в остальные шесть месяцев	137
Итого . . .	784

Из случаев волнений и беспорядков, бывших во второй половине 1861 г. и прекращенных, хотя без употребления оружия, но при содействии военной команды, надлежит упомянуть о следующих.

Во Владимирской губернии, в имении помещика Казакова, Покровского уезда, крестьяне не хотели исполнять повинностей, считая

их обременительными; когда же временное отделение земского суда распорядилось об арестовании и наказании главного возмутителя, то крестьяне, всем миром, вместе с понятыми оказали явное сопротивление.

В Тамбовской губернии, в имении помещика Чичерина, Тамбовского уезда, крестьяне не соглашались на отрезку из находящихся в их пользовании полей земли для прогона скота, принадлежащего помещику, несмотря на то, что помещик уступал им, взамен того, земли в 5 раз больше и еще отводил в своих собственных полях безвозмездно достаточное количество земли на устройство подобной дороги для прогона крестьянского скота. По прибытии в имение мирового посредника крестьяне, без зова его, явились всем миром с решительным отказом; а когда приказано было арестовать замеченных во вредном влиянии на других, то вся толпа с криками силою освободила арестованных.

В Новгородской губернии, Тихвинского уезда, в имениях помещицы Апрелевой крестьяне отказывались от исполнения следующих с них в пользу помещицы повинностей и, несмотря на присутствие жандармской команды, упорно поддерживали сей отказ, составив заговор не допустить до наказания никого и, в случае употребления оружия, броситься с приготовленными кольями и каменьями и перебить всех. Вследствие сего была усилена военная команда.

В Ковенской губернии крестьяне Дуктанской волости, Новоалександровского уезда, вышли совершенно из повиновения, уничтожили волостное управление и истребили все заведенные в оном дела, книги и бумаги.

В Тульской губернии, в имении помещика Коптева, Каширского уезда, по поводу смены мировым посредником сельского старосты, замеченного в возбуждении общества к ослушанию, и арестования его, крестьяне не хотели повиноваться распоряжениям посредника, буйно требовали возвращения старосты и с дерзостью приступали к нему и волостному старшине; волнение все более и более усиливалось между крестьянами и даже обнаружилось между понятыми сторонними людьми, так что необходимо было прибегнуть к содействию военной команды.

К уменьшению числа и к изменению характера волнений и беспорядков во второй половине 1861 г., без всякого сомнения, много способствовали: вступление мировых посредников в исправление своих должностей и повсеместное открытие сельского и волостного управлений, а введение уставных грамот, которое очень часто вновь волновало крестьян, имело весьма малый успех. До января 1862 г. было введено 2 403 уставных грамот. Малое число беспорядков и изменение характера их дало возможность отозвать из губерний, во второй половине года, свиты его величества генерал-майоров и флигель-ад'ютантов.

Во весь 1862 г. не было ни одного случая волнения, для прекращения которого потребовалось бы употребление силы оружия. Весьма мало было случаев, которые переходили бы пределы одного имения, и немного из них имели своим последствием уголовный суд над главными зачинщиками. В свое время обратили на себя внимание следующие случаи:

а) В первой половине 1862 г.

В Пензенской губернии, в деревне Назарьевке, имении помещика Ахматова, Мокшанского уезда, крестьяне отказывались от принятия уставной грамоты и работ по урочному положению, но не оказывали при этом буйства. Несмотря на личные раз'яснения губерна-

тора, и присутствие военной команды, которою крестьяне конвоировались на работы, они упорствовали в своем отказе. Вследствие сего был учрежден военный суд, по приговору которого 11 человек виновников, по наказании шпицрутенами, присуждены в каторжные работы на заводы от 4 до 6 лет; 52 человека наказаны розгами и из них 26 присуждены к отдаче в арестантские роты гражданского ведомства.

В Казанской губернии, в деревне Янсалах, имении Чемесовых Лаишевского уезда, крестьяне отказались принять полевой надел, желая остаться при одной усадебной оседлости, с получением в дар по одной десятине. Упорство их доходило до того, что никто не занимался даже собственными работами, оставаясь по несколько дней без пищи и без корма скота. Присутствие военной команды не произвело надлежащего влияния; наряд на работы под конвоем также не имел успеха. Поэтому над крестьянами был учрежден военный суд, по приговору которого 8 человек, наиболее виновных, по наказании шпицрутенами, присуждены в каторжные работы на заводах на 4 года. По исполнении сего приговора, крестьяне покорились и приступили к выкупу.

В Вятской губернии, в имении Дурново и некоторых соседственных с ним, Яранского уезда, крестьяне, вследствие ложного толкования Положений, равно ожидания новой воли, отказались от принятия уставных грамот, из опасения снова закрепить себя, и прекратили отбывание повинностей. В имение была введена военная команда, а крестьяне, с своей стороны, отправили в Петербург ходоков для принесения жалобы государю императору на стеснительные будто бы действия вотчинного управления и местных властей. Вслед за тем губернатор просил о высылке отлучившихся крестьян на место, с строгим внушением им повиноваться; а потому ходоки эти были арестованы и отправлены на место жительства, с выдачею им притом от министерства об'явления, что уставная грамота вводится на основании Положений и что крестьяне обязаны непременно исполнять определенные по ней повинности. Но ходоки, по возвращении на родину, начали распространять разные ложные слухи, которыми постоянно поддерживались возникшие в Яранском уезде волнения и беспорядки. Они говорили: «что были приняты государем императором и 3 суток жили во дворце; что его величество изволил лично им сказать, что уставные грамоты вовсе не нужны, потому что оброк крестьяне обязаны платить только два года, со дня утверждения Положения, а по истечении сего срока будет сделано особое распоряжение». Вследствие сего было сделано распоряжение о препровождении упомянутых ходоков в Петербург под стражей, в присутствии одного из сельских начальников, для уличения их в ложности распускаемых ими слухов. Один из них был представлен в сопровождении волостного старшины, а двое других отправились самовольно с новою партиею ходоков в Петербург. В разное время из этих ходоков арестовано было в Петербурге 21 человек и отправлены на место. По изобличении ходоков в ложности их рассказов порядок был восстановлен без принятия особенных мер строгости.

В Саратовской губернии, в деревне Скуратовке, Аткарского уезда, крестьяне не только сами отказались от избрания уполномоченных для поверки уставной грамоты, но увлекли к тому весьма многие из окружных селений, так что Скуратовка сделалась центром волнения. Не мало содействовал также к поддержанию этих беспорядков казенный ездовой двора ее императорского высочества великой кня-

гини Екатерины Михайловны Моисей Михайлов (бывший крестьянин села Дивовки, Аткарского уезда), который занимался сочинением просьб от крестьян, водворенных в месте прежнего его жительства, и вел с ними переписку, выражая в письмах ложные слухи и вести, весьма вредные для общественного спокойствия. Затем, когда командированным в деревню Скуратовку жандармским штаб-офицером было отдано приказание арестовать одного главного зачинщика, то крестьяне с шумом и угрозами воспротивились этому, так что арестование его было достигнуто только после продолжительной свалки и усиленными средствами рассыльных и понятых с угрожавшею для жизни их опасностию. Вследствие сего в Скуратовку была введена военная команда и несколько человек арестованы. Михайлов был отправлен на родину арестованным для производства следствия.

В Киевской губернии, в имении княгини Воронцовой, Черкасского уезда, беспорядки сопровождались буйством и жестокими — поступками со стороны крестьян. Недовольные волостным старшиною,— за несогласие с ними и убеждения о необходимости принять уставную грамоту и исполнять по ней повинности,— крестьяне арестовали его и писаря, губернского секретаря Зозульского, ставили их на колени на разбитые острые кирпичи и морили голодом, а женщины плевали им в глаза; сына старшины, 16-летнего мальчика, привязали к столбу, а дочь его — к возу и волочили. К оружию не пришлось однако же прибегать для прекращения беспорядков. Прибывшие войска обратили буйную толпу в бегство.

В Владимирской губернии, в деревне Березиной, имении помещика Муханова, Александровского уезда, при поверке в марте месяце уставной грамоты, по которой назначено к отрезке значительное количество лугов и сенных покосов, состоявших в пользовании крестьян, крестьяне требовали себе в надел господский луг, никогда, впрочем, не бывший в их пользовании, и перевода их на душевой оброк. Получив отказ в том и другом, крестьяне перестали выходить на работы. Прибытие временного отделения земского суда не имело успеха, и затем в деревню Березину была введена военная команда, под конвоем которой крестьяне в продолжение двух недель отправлялись на работы; 6 человек было арестовано и несколько человек подвергнуто полицейскому надзору. Но и эта мера не могла сломить упорства крестьян, почему в деревню был командирован жандармский штаб-офицер. Затем вследствие данного крестьянами начальнику губернии обещания неуклонно исполнять на будущее время повинности, команда выведена из деревни, но на другой же день после от'езда губернатора крестьяне не пошли на работы и не отбывают никаких повинностей по настоящее время. По уведомлению ревизовавшего по высочайшему повелению Владимирскую губернию сенатора, из 62 ревизских душ крестьян деревни Березиной 13 содержатся в тюремных замках и 7 человек находятся в самовольных отлучках на промыслах: в самой же деревне остаются только два домохозяина, на которых лежит исполнение всех повинностей, и старики, дети и женщины. Содержащиеся в острогах крестьяне преданы суду; к скорейшему окончанию дела о них приняты надлежащие меры.

В Оренбургской губернии крестьяне принадлежащих помещикам Пашковым заводов: Белорецких, Верхнеуральского и Богоявленского с деревнями, Стерлитамакского уезда, вследствие ложного понимания Положений 19 февраля 1861 г. и недоверия советам и внушениям мировых посредников, уклонялись от исполнения повинностей по уставным грамотам и от принятия земельного надела, желая

остаться или при одной усадебной оседлости, или перейти на казенные земли, и с этою целью отправили в Петербург ходоков. Для восстановления спокойствия в означенные заводы были вводимы военные команды, а на просьбы ходоков от министерства внутренних дел послано было особое раз'яснение о незаконности действий крестьян и неосновательности их домогательств.

б) Во второй половине 1862 г.

В Херсонской губернии, Александрийского уезда, в имении графини Толстой, крестьяне, на другой день после введения в действие уставной грамоты, представили ее чрез особо избранных мировому посреднику для принятия обратно, так как она не была ими подписана; но когда посредник отказал им в этом, приказав разойтись, то они с шумом, повторяя свое требование, об'явили, что не только не согласны принимать грамоты, но даже не хотят и знать никаких законоположений и властей, кроме белого царя, и будут ждать случного часу. Центром волнения сделалась деревня Комбурлеевка, в которую поэтому была введена военная команда; при содействии ее зачинщики беспорядков арестованы, после чего крестьяне начали просить помилования, об'явив единогласно, «что они теперь, видя царских солдат, понимают, что на принятие нового закона и уставных грамот есть царская воля».

В Могилевской губернии, в имении Соржицы помещика Глушановского, Сенненского уезда, при введении уставной грамоты, крестьяне отказались выбрать из среды своей уполномоченных для поверки грамот, об'явив, что они ни грамот, ни оброка, ни выкупа не желают, а будут ожидать царского положения или пойдут прямо к царю, так как ничьим раз'яснениям и убеждениям не верят. Посему в имение была введена военная команда, крестьяне поклялись в покорности. Но вскоре, по выходе войска, беспорядки возобновились: крестьяне стали вновь уклоняться от исполнения повинностей и противиться введению уставных грамот, отняли у старост штемпеля, чтобы они не приложили их к грамотам, а одного крестьянина, из'явившего желание принять грамоту, заковали в кандалы. Поэтому в имение была вновь введена военная команда и оставалась там до водворения полного спокойствия.

Всех волнений и беспорядков в 1862 г. было.

в первой половине	300
во второй »	88
Итого	388

Число беспорядков в первую половину 1862 г. оказалось более чем вдвое значительнее сравнительно со второй половиной предыдущего года. Такому увеличению способствовало постепенно усиливавшееся введение уставных грамот. Число введенных в действие уставных грамот было:

в первые три месяца 1862 г.	4278
во вторые 3 месяца	13427

Во второй половине число беспорядков дошло до незначительной цифры 88; а с 1 января до 19 февраля 1863 г. в министерстве не получено ни одного донесения о беспорядках. Такому сначала уменьшению, а потом совершенному прекращению волнений способствовали: об'езды волостей губернаторами и другие меры, о которых будет сказано ниже.

Но один счет случаев волнений и беспорядков не дает еще полного понятия о тех препятствиях к правильному и спокойному ходу крестьянского дела, с которыми должно было бороться правительство. В этот счет входят как единичные случаи волнения, так и бывшие в Казанской, Пензенской и Тамбовской губерниях, которые охватывали собою целые местности, заключающие несколько сотен селений. По имеющимся данным оказывается, что все число волнений и беспорядков (1 172 случая) распространилось на 2 607 селений; но из этого числа в 1861 г. беспорядки и волнения (числом 784) были в 2 034, а в 1862 г. (388 случаев) в 573 селениях. Водворено спокойствие:

в 1861 г.

с действием военной силы	(499 случаев)	в 1 666 селениях
без действия	(285 случаев)	в 368 селениях

в 1862 г.

с содействием военной силы	(298 случаев)	в 449 селениях
без содействия	(90 случаев)	в 124 селениях

В 1861 г. беспорядки и волнения проявились почти во всех губерниях. Не было только донесений об этом из губерний: Олонецкой, Астраханской, Вятской, Курской и Таврической. В этих губерниях, кроме Олонецкой, беспорядки обнаружились впоследствии в 1862 г., а из Астраханской губернии получено было донесение о беспорядке в одном сельском обществе, после 19 февраля 1863 года. Вовсе не было известий о беспорядках в одной Олонецкой губернии (в которой числится крестьян, вышедших из крепостной зависимости,— 5 411 душ). В 1862 г. не было донесений о беспорядках из губерний: Астраханской, Виленской, Вологодской и Олонецкой.

Отчасти из предыдущего изложения было уже видно, что волнения и беспорядки не с одинаковою силою проявились в разных губерниях. Это еще яснее обнаружится при разборе числовых данных. Из общего числа случаев (1 172) и селений (2 607) на 10 губерний[1], волнения в которых проявились с особенною силою вслед за обнародованием Положений, приходится волнений и беспорядков по числу случаев:

в 1861 г.	400
» 1862 г.	148
Итого	548

по числу селений:

в 1861 г.	1 539
» 1862 г.	192
Итого	1 731

Если к этому еще прибавить четыре губернии[2], в которых случаи беспорядков были немалочисленны: или во второй половине 1861, или в 1862 году (случаев 185, селений 281), то в 14 губерниях было волнений и беспорядков:

по числу случаев	733
по числу селений	2 012,

следовательно, средним числом, на губернию: случаев 52 и селений 144.

[1] Казанскую, Пензенскую, Тамбовскую, Черниговскую, Подольскую, Смоленскую, Витебскую, Виленскую, Гродненскую и Ковенскую.

[2] Тульскую, Саратовскую, Киевскую и Могилевскую.

Затем в остальных 28 губерниях[1] волнений и беспорядков было:

по числу случаев	439
по числу селений	595,

следовательно, средним числом, на губернию: случаев 15 и селений 21.

Из приведенных цифр можно видеть, что волнения и беспорядки были особенно многочисленны и сильны: на востоке в черноземных барщинских губерниях и на западе в губерниях, где крестьяне русские (частью литвины и латыши), а помещики (до 19/II 1863 г. также и мировые посредники, полицейские чиновники и волостные писаря — поляки. В первой из двух местностей причины волнений и беспорядков следует искать в том, что крестьяне с обнародованием Положений увидели, что они могут избавиться от барщины только под условием платежа оброка, который для них показался высоким; поэтому там особенно развился способ прекращения обязательных отношений посредством дарового четвертного надела. Руководителями волнений и беспорядков были в первое время раскольники. На западе было также две причины волнений: нежелание оставаться в обязательных отношениях к помещикам-полякам и обременительность существовавших повинностей весьма мало облегченных,— в губерниях северо-западных и инфляндских уездах в ожидании поверочных комиссий, а в губерниях украинских потому, что довольно сильное облегчение было уже сделано в 1848 г. при введении инвентарей. К увеличению числа беспорядков, в западных губерниях, как ныне положительно сделалось известным, много способствовали: самые вопиющие несправедливости со стороны должностных лиц — поляков, которые, кроме одностороннего взгляда на крестьянское дело, желали сделать крестьян виноватыми, чтобы действовать против них именем правительства.

Обращаясь к общему характеру волнений и беспорядков, следует заметить, что в первое после обнародования Положений время, крестьяне, обманутые в своих преувеличенных надеждах, выражали полное недоверие к тому, что им было об'явлено. Они упорно стояли в своем заблуждении, прекращали исполнение всяких повинностей и не шли ни на какие сделки.

За этим наступило другое время (второй период), когда крестьяне горьким опытом убедились в своем заблуждении; но им не хотелось вдруг отказаться от своих преувеличенных ожиданий. Они начали ожидать «второй воли» и «случного часа» — по истечении двухлетнего периода, назначенного на введение в действие Положений; вместе с сим начали исправно отбывать повинности, по прежнему порядку, но не хотели выбирать уполномоченных для поверки грамот, упорно отказывались от перехода на оброк, не признавали повинностей, определенных уставными грамотами, хотя они были легче прежних, не хотели даже жаловаться на неправильность составления уставных грамот, об'являя тем отрицательный протест против всего дела.

В третий период надежда на «вторую волю» и «случный час» начала ослабевать: в иных местах она стала представляться в форме царского выкупа. Вообще же те крестьяне, которые еще не вполне помирились с Положениями, ожидали 19 февраля 1863 г., чтобы совершенно отказаться от своих прежних надежд и ожиданий. Крестьяне начали, по крайней мере во многих местах, немедленно переходить на оброк, стали просить о выкупе угодий, о предоставлении им дарового надела,

[1] В этот счет не вошли земли Области войска донского и губернии Ставропольская, не подчиненные министерству внутренних дел, которое не имело никаких сведений, были ли там беспорядки или нет.

словом, стали искать законного исхода из того положения, которое для них было тягостно. С этих пор начались жалобы и просьбы крестьян. Отказы в жалобах и просьбах, очень часто неправильных, были причинами беспорядков в третьем периоде.

Положительно можно сказать, что, с большею или меньшею силою убеждения, каждый из крестьян прошел через эти три периода. Когда для каждого из них оканчивался один период и начинался другой, крестьяне сами не могли бы сказать. Невозможно также разграничить эти периоды в разных местностях; очень часто случалось, что, при общем спокойствии в той или другой местности, волновалось и упорно стояло в своем заблуждении одно селение. Впрочем, если не принимать в соображение частностей, то двухлетнее время можно разделить на три отдела, сообразно преобладанию одного из трех сейчас об'ясненных характеров.

1-й период — с обнародования Положений до половины 1861 г.

2-й — с половины 1861 до половины 1862 г. и
3-й — с половины 1862 по 19 февраля 1863 г.

Таким образом из 1 172 случаев волнений и беспорядков относится:

К 1-му периоду, заключающему в себе без малого 4 месяца	647
ко 2-му — в 12 месяцев	437
к 3-му — в $7^1/_2$ месяцев	88

В эти разные периоды двухлетнего времени принимались различные меры к прекращению волнений и беспорядков.

В первый период во всех местностях действительны были только одни быстрые и крутые меры: введение военной команды, подавление волнений вооруженною силою, арестование главных зачинщиков, военный суд над ними, немедленная конфирмация приговоров и приведение их в исполнение на месте и т. п. Но в то же время приняты были в соображение бесполезность и даже вред дальнейшего отягчения участи виновных. Поэтому министерство наблюдало, чтобы издержки командирования военных команд не взыскивались с виновных, если они не сопротивлялись вооруженной силе; испрашивало принятие этих издержек на счет казны в тех случаях, когда, по закону, они падали на счет виновных; ходатайствовало о прекращении следствия и суда, когда спокойствие вполне водворялось. Кроме этих мер, было обращено внимание на устранение действительных и основательных поводов к неудовлетворению крестьян. Из мер, принятых в сем последнем отношении, в особенности имели самые благоприятные последствия две, общие для всех местностей: во-первых, немедленное, не ожидая введения уставных грамот, облегчение крестьян, обремененных смешанными повинностями (издельною и оброчною) и чрезмерными оброками, и во-вторых, раз'яснение, что с изданием Положений только те крестьяне обязаны были отбывать повинности, которые были наделены землей, вследствие чего безземельные крестьяне, а равно старики и несовершеннолетние, не наделенные землею, немедленно были освобождены от барщины.

Кроме того, для упрочения спокойствия в малороссийских губерниях, необходимо было дать движение многочисленным прошениям крестьян о принадлежности земель в их собственность; по этому предмету были затребованы отзывы от местных губернаторов и губернских предводителей дворянства. Но особенно замечена была необходимость

облегчения крестьянских повинностей в инфляндской местности и северо-западных губерниях. В инфляндских уездах (Витебской губ.) размеры барщинской повинности уменьшены по высочайшему повелению 7 мая 1861 г., а в северо-западных губерниях, согласно высочайшему повелению, 26 сентября 1861 г., отменены добавочные повинности, с присоединением сгонных дней к пригонам. Не мало также способствовал к успокоению крестьян в северо-западных губерниях об'езд уездов генерал-губернатором, который обнадежил крестьян, что они не будут оставлены на произвол чуждых им по вере и народности помещиков.

В предупреждение вредного влияния на крестьян лиц, уличаемых в подстрекательстве их к неповиновению и беспорядкам, высочайше разрешено было в виде временной меры на 1861 г., — если такие лица не будут обвинены по суду за недостатком юридических доказательств, а между тем возвращение их на место жительства признано будет опасным,— высылать их в другие губернии, под надзор полиции, на срок не более 2-х лет. Мера эта оказала существенную пользу, и потому действие означенных правил было продолжено на 1862 и 1863 год. На основании этих правил, с разрешения министра внутренних дел, были удалены из места жительства в 1861 году 4, а в 1862 году 10 человек.

Министерство циркуляром от 14 мая 1861 г. просило начальников губерний, чтобы во всех случаях упорного неповиновения крестьян безотлагательно принимаемы были решительные меры к восстановлению порядка и повиновения установленным властям. Этим циркуляром окончились распоряжения о принятии строгих мер к подавлению беспорядков между крестьянами.

С наступлением второго периода, отличавшегося, главным образом, уклонением крестьян от исполнения предписанных при утверждении уставных грамот формальностей, от принятия самых грамот и от отправления повинностей по новому порядку, изменился и характер предпринимаемых мер. Все формальности, при утверждении грамот, установлены с целью обеспечения самих крестьян; если они, по недоразумению или упорству, уклонялись от участия в поверке грамот, то нельзя было останавливаться введением правильно составленных грамот. Было бы также неудобно побуждать крестьян мерами наказания к исполнению этих формальностей, в особенности странно было бы заставлять их строгостью наказаний подписывать тот или другой документ. Вследствие сего было постановлено, что уклонение крестьян от выбора уполномоченных для выслушания грамот и для подписания протокола и поверки акта не должны останавливать действий мировых посредников и губернских присутствий в утверждении и введении в действие уставных грамот, а самые грамоты, в случае отказа крестьян от принятия их, должны, по усмотрению мирового посредника, храниться: или при его делах, или в волостных правлениях, впредь до востребования оных крестьянами. При этом вменялось только в обязанность наблюдать за исправным со стороны крестьян отбыванием повинностей; поручалось также благоусмотрению местного начальства, смотря по обстоятельствам: или оставлять крестьян при прежнем порядке отбывания повинностей в ожидании, что они сами поймут невыгоду этого для них самих, или требовать отбывания повинностей по грамотам.

Министерство, имея в виду, что составление и введение уставных грамот имеет весьма существенное значение в совершающейся реформе, циркуляром от 29 августа 1861 г., просило начальников губерний

предложить губернским по крестьянским делам присутствиям принять все законные меры побуждения к представлению владельцами уставных грамот в течение определенного Положениями срока. Для наблюдения же за ходом этого дела начальникам губерний вменено в обязанность доставлять в министерство сведения об уставных грамотах два раза в месяц. Циркулярами от 4 сентября 1862 г. было раз'яснено, что, после истечения определенного для составления грамот помещиками годичного срока, не представляется уже необходимости в возвращении грамот помещикам для исправления. Исправление этой или составление вновь уставных грамот составляло уже обязанность самих посредников; исключение допускалось для тех случаев, когда непосредственное участие в этом владельцев могло способствовать скорейшему окончанию дела. Получаемые сведения об успехе введения уставных грамот публиковались во всеобщее сведение.

Сверх означенных распоряжений предложено было, циркуляром от 2 мая 1862 г., начальникам губерний об'ехать в летнее время волости крестьян, освобожденных от крепостной зависимости, с приглашением для содействия им в этом деле, членов губернских присутствий. При этом было сообщено губернаторам, что главною целью об'езда их должно быть принятие мер к своевременному введению в действие уставных грамот, как к самому надежному средству для рассеяния распространившихся между крестьянами ложных слухов. «Нынешнее лето (сказано было в циркуляре) последнее из двухгодичного срока, назначенного для составления и утверждения уставных грамот. Вашему превосходительству известно то ложное понятие, которое крестьяне составили себе об этом сроке, и которое, к сожалению, до сих пор еще не вполне рассеялось. Правительство убеждено, что самое надежное средство к раз'яснению ложных слухов заключается в своевременном введении уставных грамот и полном их соблюдении. Оно вправе ожидать, что гг. помещики постоянно будут показывать крестьянам пример уважения к закону и, между прочим, те из них, которые, по каким-либо причинам, не представили еще грамот, озаботятся немедленным их представлением. Правительство надеется, что мировые учреждения не ослабеют в благотворной деятельности, которою они до сих пор отличались. Самим делом надо доказать крестьянам, что Положение не остается мертвою буквою, а приводится в исполнение, что оно действует, и что всякое отступление от него с той или другой стороны преследуется как нарушение закона». По отзывам губернаторов, поездки их и личные раз'яснения, которые они делали крестьянам, были весьма благотворны. Крестьяне по большей части охотно высказывали свои сомнения и предположения и с большим вниманием выслушивали из'яснения, делаемые губернаторами, которым они верили.

Наконец, чтобы убедить крестьян в неосновательности распространяемых между ними ложных слухов о новой воле, были распубликованы в циркулярах 2 декабря 1861 г. и 13 ноября 1862 г. слова, которые крестьяне слышали из уст самого государя императора при проезде его величества в Крым и во время пребывания в Москве.

Волнения были подавлены военною силою и строгими полицейскими мерами, бездеятельное сопротивление крестьян введению уставных грамот признано не имеющим силы; уставные грамоты вводились с возрастающим успехом: распространение выкупа угодий и предоставление земли в собственность без содействия правительства быстро развивались; положение крестьян, облегченных в повинностях и ограждённых от произвола помещичьей власти, начало улучшаться на самом деле. Все это вместе взятое заставило крестьян убедиться в законной

силе Положения и в пользе его применения. Они начали жаловаться на несоблюдение правил Положений и просить о восстановлении нарушенных прав. Этим отличался третий период двухлетнего времени.

В течение двухгодичного срока в министерство внутренних дел всех просьб по крестьянскому делу было подано 2 939.

Из них:

от помещиков	988
» крестьян	1 631
» разных лиц	320

По периодам приведенные цифры распределялись следующим образом:

в 1-й период (до половины 1861 г.):

от помещиков	45
» крестьян	9
» разных лиц	23
Итого	77

во 2-й период (до половины 1862 г.):

от помещиков	394
» крестьян	541
» разных лиц	127
Итого	1 062.

в 3-й период (до 19 февраля 1863 г.)

от помещиков	549
» крестьян	1 081
» разных лиц	170
Итого	1 800

Если взять процентные отношения, то обнаружится, что из 100 прошений подано:

	от помещиков	крестьян	разных лиц
в 1-й период	58,44	11,69	29,87
» 2-й »	37,10	50,94	11,96
» 3-й »	30,50	60,05	9,45
во все время	33,61	55,49	10,90

Из этих данных можно видеть, что число прошений, как от помещиков, так и от крестьян, возрастало постепенно, но не в одинаковой соразмерности.

Надо было поддержать обнаружившееся в крестьянах стремление к законному выражению своих неудовольствий и отклонить их от притязаний, не основанных на законе. Для достижения первой цели было принято за правило принимать все прошения и давать им возможно быстрый ход; вторая цель достигалась посредством выдаваемых крестьянам раз'яснительных об'явлений, в наиболее важных случаях за подписанием министра и с препровождением на место через губернаторов для прочтения на полных сходах. Если бы был принят строгий, по буквальному смыслу закона, порядок, то все жалобы на помещиков, мировых посредников и мировые с'езды следовало бы возвращать просителям, как не подлежащие рассмотрению министра; точно так же должно было бы оставлять без рассмотрения прошения, не снабженные доверительными приговорами. Министерство по жалобам, приносимым не на губернские присутствия, приняло на себя скромную обя-

занность — препровождать такие жалобы по принадлежности; иначе крестьяне, мало знакомые с порядком обжалования, могли бы пропустить установленные сроки, иначе неудовольствие, выраженное в форме прошения, могло бы обратиться в явный беспорядок или открытое сопротивление власти. Кроме редких, особенно важных случаев, по такого рода прошениям не требовалось уведомления о дальнейшем их ходе. По жалобам на губернские присутствия министерство, руководствуясь высочайше утвержденным 14 июня 1861 г. Положением главного комитета, ограничивало свою деятельность кассационным характером. Оно никогда не разрешало дел по существу, но ограничивалось указанием законного направления. Уважая придаваемое законом значение местным по крестьянским делам учреждениям, министерство никогда не возбуждало сомнения в достоверности фактов; и в случае спора, заявленного одной из сторон в деле распорядительном, оно обыкновенно предлагало дать такому делу ход, в порядке, установленном для спорных дел. Некоторыми губернскими присутствиями решались спорные дела по существу их, — подобные решения были отменяемы, с указанием, что в спорных делах губернские присутствия имеют власть кассационную. Даже в делах распорядительных, министерство, раз'яснив применение закона, всегда просило губернские присутствия вновь пересмотреть частное дело и постановить решение. В случае затруднений, встреченных на месте в принятии к исполнению министерством предложения, дело обыкновенно вносилось на разрешение главного комитета.

Из 2 630 прошений, поданных в 1862 и 1863 гг. до 19 февраля:

препровождено на законное распоряжение	1 286
потребовано доставления сведений	918
Если эти цифры разделить по полугодиям, то оказывается:	
В первое полугодие 1862 г. препровождено на законное распоряжение	511
потребовано доставления сведений	182
Во втором полугодии препровождено на законное распоряжение	584
потребовано доставления сведений	554
С 1 января по 19 февраля 1863 г.	
препровождено на законное распоряжение	191
потребовано доставления сведений	182

Таким образом из общего числа поданных просьб в первое полугодие 1862 г. ¾ не подлежало рассмотрению министерства; во вторую же половину года и в первые 1½ месяца 1863 г. числа подлежащих и не подлежащих рассмотрению министерства прошений были поровну. Эти данные дают повод думать, что просители постоянно приучаются к установленному законом порядку обжалования.

Студенческое движение в 1901 г.

После массовой студенческой забастовки 1899 г., затронувшей в той или иной мере все высшие учебные заведения России, забастовки, отличавшейся, по признанию министерства народного просвещения, «большим упорством и большою продолжительностью», несмотря на беспощадные репрессии, применяемые, по предложению министра Н. П. Боголепова, к радикальному студенчеству, брожение в университетах не прекращалось. Репрессии не в состоянии были задавить движение, они только обострили недовольство против применявшего их правительства.

Уже в 1900 г. администрация принуждена была считаться с наличием революционного движения в университетах, выразившегося в попытке создать центральную организацию для руководства студенческим движением. 16 июня 1900 г. в Одессе был арестован съезд представителей университетов, посвященный вопросу организации студенчества на почве единой программы требований и действий.

Хотя попытка создать такую организацию не удалась, но уже с осени 1900 г. началось крупное студенческое движение, вылившееся к 1901 г. из стен университетов на улицу, где оно встретилось с движением рабочих.

К этому периоду и относятся публикуемые документы.

К и е в. Киевский университет был центром организации, подготовлявшей студенческий съезд 1900 г.

После Московского и Петербургского университетов Киевский был самым многолюдным. Благодаря особым условиям политической жизни Юго-западного края, в связи с остро стоявшим здесь национальным вопросом, наиболее влиятельными организациями Киевского университета являлись польская, украинская и кавказская [1]. В 90-х годах, когда началось оживление студенческой жизни,—по словам доклада, представленного киевскими делегатами на Одесский съезд,— «жизнь землячеств начинает итти ускоренным темпом и от самообразования она переходит к цели образования общественных деятелей в разных сферах политической жизни, ставя самообразование лишь на степень средства к достижению этой главной цели. Эту цель каждое землячество конечно понимает по своему, но общий дух всех землячеств был более или менее одинаков».

Несмотря на то что Киевский университет был в числе особенно пострадавших при разгроме 1899 г. (число студентов в осенний семестр уменьшилось в нем по сравнению с весенним на 290 человек), настроение киевской молодежи после движения 1899 г., по данным охранного отделения, «оставалось тревожным и неустойчивым».

События осени 1900 г. описаны в «Листках свободного слова», в московском журнале «Студенческая жизнь» и в других нелегальных изданиях. Оценку этим событиям дал В. И. Ленин в статье «Отдача в солдаты 183 студентов» [2].

Извлеченные ныне из архивов документы дают ряд интересных подробностей, до сих пор не появлявшихся в печати.

---

[1] В Киевский университет, наряду с Одесским, преимущественно направлялись уроженцы Кавказа, не имевшие университета в своем родном крае.

[2] Ленин, Соч., т. IV, стр. 69—73.

В руководстве киевским движением принимал участие местный социал-демократический центр. Еще 31 января 1901 г. Киевский комитет РСДРП распространил печатное воззвание ко всем рабочим «по поводу студенческих беспорядков», в котором раз'яснялось политическое значение студенческого протеста. Когда в Киев дошли известия о петербургских, московских и харьковских демонстрациях, Киевский комитет взял на себя инициативу такой же демонстрации в Киеве и особым воззванием пригласил рабочих явиться в воскресенье 11 марта в 12 часов дня на Крещатик.

О грандиозности киевской демонстрации, описанной в № 3 «Искры», можно составить представление и по сухому рапорту прокурора, который печатается ниже.

С. Петербург. Неспокойно протекал осенний семестр 1900 г. и в столице.

В октябре состоялась сходка по поводу исключения после обыска курсистки высших женских курсов Гусевой. 23 ноября в Малом театре произошла демонстрация, учащейся молодежи, протестовавшей против постановки антисемитской пьесы «Контрабандисты». С 24 по 28 ноября происходили в университете сходки.

Движение в Петербурге началось задолго до применения «временных правил». Правление ответило на сходки исключением из университета на разные сроки 31 студента и 12 подвергло «выговору с карцером».

11 января было опубликовано постановление об отдаче в солдаты 183 киевских студентов. Пример вызвал подражание, и в ответ на резолюцию сходки 24 января, постановившей закрыть Петербургский университет и начать обструкцию с 26-го, трибунал, составленный из ректора университета Гольмстена, деканов факультетов Розена, Лебедева, Шевлякова и Платонова, вместе с представителями судебного ведомства и полицейского сыска, 6 февраля приговорил к отдаче в солдаты 27 петербургских студентов.

Крупные демонстрации, подавленные с исключительной для того времени жестокостью, состоялись в Петербурге 19 февраля и 4 марта 1901 г. Они описаны в рапорте прокурорского надзора, который явно стремится затушевать картину зверского избиения демонстрантов.

Харьков. В организации уличной демонстрации в Харькове, как и в Киеве, живое участие приняли оба действовавшие тогда социал-демократические центра—Харьковский комитет РСДРП и «Союз борьбы». Первый выпустил гектографированное, а второй — печатное воззвание к харьковским рабочим с призывом принять участие в демонстрации 19 февраля. Благодаря этому к вечеру того дня, «студенты и вообще интеллигенция терялись уже среди рабочих».

Москва. Наибольшее впечатление на современников произвело уличное движение в Москве, продолжавшееся несколько дней и принявшее широкий размах.

Московское радикальное студенчество к осени 1900 г. не только еще не оправилось от разгрома 1899 г. (число студентов Московского университета в результате разгрома уменьшилось на 312 человек), но и было обезглавлено. После ареста одесского съезда 16 июня был разгромлен Московский исполнительный комитет, действовавший с начала 1900 г.

Поэтому события начала 1901 г. застали радикальное студенчество Московского университета в распыленном состоянии.

Наскоро сколоченный в середине января усилиями социал-демократической группы «Студенческая жизнь», новый исполнительный комитет не успел ни выработать программы, ни наметить плана действий, когда события поставили перед ним задачу поддержать студенческое движение других городов.

На его призыв явиться на сходку 29 января откликнулось всего 308 человек, в числе которых были не только студенты. Об'явленная сходкой забастовка не прошла.

23 февраля исполнительный комитет в полном составе был арестован на сходке, куда, по его призыву, явилось 317 человек.

Участники сходки были препровождены полицией в манеж, вокруг которого два дня расхаживала сочувствующая публика: студенты высших учебных заведений, курсистки, гимназисты, гимназистки.

В ночь с 24 по 25-е на тысячную толпу была призведена атака казацкой лавой, но ни шашек, ни обычных нагаек в ход пущено не было.

В воскресенье 25 февраля студенческая демонстрация была поддержана демонстрацией рабочих, главным образом типографий, и металлообрабатывающих, а отчасти и крупных текстильных, предприятий.

Демонстрации, собравшие до 3 тыс. участников и охватившие значительную часть обширного района бульварного кольца, не прекращались до позднего вечера.

Руководители исполнительного комитета объединенных студенческих землячеств и организаций второго состава испугались размаха политического движения и призвали к прекращению демонстраций и сходок...

По поводу прокламации исполнительного комитета «Искра» (№ 3) писала:

«По верному замечанию одного из корреспондентов, «исполнительный комитет» проявил в данном случае «дикое непонимание», стремясь сузить движение, расширявшееся далеко за пределы студенческой борьбы... Гг. представители «исполнительного комитета испугались развития студенческого протеста в политическое движение и пожелали поставить его опять на профессиональную почву, что на самом деле только ослабило бы его силу. Обычная либеральная близорукость».

Но вопреки руководителям отдельных студенческих организаций, где немалое влияние имели «экономисты», студенческое движение выходило далеко за рамки академических вопросов.

Подводя итоги движению, Ленин 20 декабря 1901 г. писал в «Искре»: «Опыт прошлого года не прошел для студентов даром. Они увидели, что только поддержка народа и главным образом поддержка рабочих может обеспечить им успех, а для приобретения такой поддержки они должны выступать на борьбу не за академическую (студенческую) только свободу, а за свободу всего народа, за политическую свободу. Харьковский Союзный Совет студенческих организаций прямо выразил это уже в своей октябрьской прокламации. Да и студенты Петербурга, Москвы, Киева, Риги и Одессы, как видно из их листков и прокламаций, начали понимать всю «бессмысленность мечтаний» об академической свободе при беспросветном рабстве народа» [1].

На примере Киева и Москвы мы видим, как студенческие демонстрации находят быстрый отклик в рабочих массах и вызывают широкие политические демонстрации рабочих.

«Искра», руководимая Лениным, четко поставила вопрос о необходимости поддержки рабочим классом студенческого движения. «И тот рабочий недостоин названия социалиста,— писал Ленин,— который может равнодушно смотреть на то, как правительство посылает войско против учащейся молодежи» [2]. «Рабочий класс поднял уже борьбу за свое освобождение. И он должен помнить, что эта великая борьба возлагает на него великие обязанности, что он не может освободить себя, не освободив всего народа от деспотизма, что он обязан прежде всего и больше всего откликаться на всякий политический протест и оказывать ему всякую подрежку» [3].

В. Орлов.

---

[1] Ленин, Соч., т. IV, стр. 346.
[2] Там же.
[3] Там же.

I. Отдача в солдаты киевских студентов

(Ноябрь 1900 г.—январь 1901 г.)

Записка товарища министра внутренних дел министру народного просвещения, 16 ноября 1900 г., № 2783 [1].

Милостивый государь
Николай Павлович.

13 сего ноября в унирситете св. Владимира состоялась многочисленная и бурная студенческая сходка. 15 числа сходка повторилась при еще бо́льшем количестве участников и сопровождалась угрозами, ругательствами, свистками и пением песен, причем настроение молодежи было настолько бурное, что учебное начальство не решилось войти в аудиторию, из опасения получить оскорбление действием; ректор, пытавшийся воздействовать увещанием в коридоре, был заглушен свистками, криками и иными неуважительными выходками. Причину первой сходки студенты об'ясняют желанием обсудить уличные проступки товарищей [2], вызвавшие порицание в местных газетах, причина же второй сходки — недовольство против инспектора, рассеявшего первую сходку и тем не допустившего обсуждение поставленных вопросов. Учебное начальство во всех этих доводах не видит достаточных оснований для сходок, волнения и т. п., происходящее же брожение приписывает смуте, полагая, что студенты ищут лишь предлога к продолжению беспорядков. При выходе с последней сходки раздавались крики, призывающие к разбитию редакций газет, и по имеющимся сведениям ожидается повторение сходок.

Об изложенном долгом считаю сообщить вашему высокопревосходительству для сведения.

П. Дурново.

Из прокламации Киевского союзного совета об'единенных землячеств и организаций, 6 декабря 1900 г. [3].

К студенчеству и обществу!

Синклит ученых мужей, носящих звание «правления университета», в своих отеческих попечениях о детках-студентах, решил по поводу сходки 15 ноября применить к пяти «провинившимся» в виде наказания карцер — меру, по их мнению, не строгую, для студентов, не обидную и Немезиду университетскую удовлеворяющую. «Буяны» посидят 5 суток в карцере, правление пожурит их и остальных 32 человека, замешанных в деле; особенного ущерба они не потерпят, а министерский циркуляр о дружески интимном отношении между инспекцией и студентами ad maiorem Карпинского [4] gloriam будет выпол-

---

[1] Д. П., о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 35, л. Е, л. 2.

[2] В киевских газетах появились статьи о том, что два студента Киевского университета из числа так называемых «белоподкладочников» Чудович и Охременко, прокутили около 300 руб. с певичкой в ресторане, а потом ее обобрали. Лучшая часть киевского студенчества, возмущенная поступками «белоподкладочников», созвала университетский суд. 1 декабря 1900 г. была выпущена прокламация: «Приговор студенческого суда университета св. Владимира по делу Чудовича и Охременко», в которой осуждались поступки, не достойные студенчества, и требовалось увольнение Чудовича без права поступления в Киевский университет.

[3] М. Ю., врем. канц., 1900 г., д. № 11717, л. 3.

[4] Карпинский, К. Т.— инспектор студентов Киевского университета.

нен. Оказалось, однако, что у студенчества понятия о чести несколько отличаются от понятий жрецов науки. Те двое из наших товарищей, которым уже был об'явлен приговор, с негодованием отвергли милостивое предложение заботливой инспекции и предпочли быть совсем удаленными из стен университета, чем опозорить их примером добровольного подчинения студентов решению, глубоко возмущающему всех, кому дорога честь студенчества.

Живое сочувствие студенчества к поведению двух упомянутых товарищей выразилось в сходке, состоявшейся 5 декабря и постановившей: потребовать возвращения уволенных товарищей и отмены хитроумного приговора, а в противном случае забастовать и продолжать забастовку после рождества...

Киевский союзный совет об'единенных землячеств и организаций.

Для окончательного решения вопроса о забастовке сходка постановила собраться снова в четверг 7 декабря в 12 часов в 14 аудитории.

Из рапорта прокурора Киевской судебной палаты министру юстиции, 9 декабря 1900 г., № 1066 [1].

В дополнение к рапорту моему от 5 сего декабря месяца за № 1046 [2], имею честь донести вашему высокопревосходительству, что вследствие бывших в университете св. Владимира внутренних беспорядков, сопровождавшихся сходками студентов, правлением университета постановлено: четырех главных зачинщиков подвергнуть заключению в карцере на время от 2 до 5 суток, а 29 остальным из числа наиболее выдававшихся участников беспорядков — сделать строгий выговор. Когда постановление это об'явлено было всем подвергшимся взысканию студентам, то двое из них... наказанные карцером, отказались подчиниться постановлению правления и потому, согласно правилам университетского устава, подлежали исключению из университета. Обстоятельство это вызвало новое брожение среди студентов местного университета, сопровождавшееся бурными сходками 5 и 7 сего декабря, на которых постановлено было требовать от университетского начальства: 1) уничтожения карцера, как меры наказания вообще, и 2) оставления... студентов, подлежащих исключению, как не пожелавших подчиниться постановлению правления...

7 декабря в здании университета вновь собралась сходка и после принятия упомянутых решений студенты сначала через чинов инспекции, а затем через посредство своих выборных требовали к себе ректора для об'явления ему резолюции сходки. Ректор отказался вступать с ними в переговоры и об'явил, что на сходку не придет. После этого половина из числа студентов, бывших на сходке, разошлась, а 406 человек остались, заняли одну из больших аудиторий и об'явили, что они не уйдут до тех пор, пока к ним не явится ректор, хотя бы для этого им пришлось в занятой аудитории просидеть и ночь и даже следующие сутки. Толпа эта запаслась провизией, водкой и вела себя очень бурно: была выломана дверь в соседнюю аудиторию и выбиты стекла в окнах. Когда все меры убеждения со стороны университетского начальства были исчерпаны и не привели ни к каким резуль-

[1] М. Ю., врем. канц., 1900 г., д. № 11717, лл. 7—9.

[2] При рапорте прокурора Киевской судебной палаты от 5 декабря 1900 г. № 1046 сообщалось, что волнения и сходки в университете прекратились, «не вызвав суровых мер со стороны университетского начальства, ограничившегося наложением дисциплинарных взысканий на виновников внутренних беспорядков».

татам, последнее обратилось за содействием к административной власти. Генерал-губернатор вызвал к себе помощника попечителя (попечитель г. Вельяминов-Зернов отсутствовал из Киева по делам службы), ректора университета и инспектора студентов, которые удостоверили перед начальником края, что они бессильны своими мерами подавить беспорядки и просят о содействии. Тогда генерал-ад'ютант Драгомиров [1] поручил вице-губернатору барону Штакельбергу и начальнику Киевского губернского жандармского управления генерал-майору Новицкому взять два баталиона пехоты с сотней казаков, и, если потребуется,— силой восстановить порядок, приказав задержать только тех, которые не пожелают разойтись.

По прибытии властей и войск в здание университета, что было уже около 8 часов вечера 7 сего декабря, оставшимся там студентам предложено было прекратить беспорядки и разойтись по домам. Они обещали исполнить это требование беспрекословно и добровольно, если только к ним выйдет ректор и выслушает их требование, причем обязались быть вежливыми и не наносить оскорблений главе университета. На приглашение барона Штакельберга и генерала Новицкого ректор согласился выйти к студентам и выслушать их заявление. Когда он появился в аудитории перед толпой студентов, к нему подошел студент Кудрявцев, принятый в университет св. Владимира после увольнения из Казанского университета за участие в беспорядках, и в качестве председателя сходки в резкой форме заявил, что его, ректора, несколько раз звали студенты, но он ни разу не явился на их зов, чтобы выслушать их требование, что на сходках решено: потребовать... отмены карцера, как наказания... в противном случае об'явлено будет во все российские университеты о решении сходки и всюду подняты будут волнения. На это ректор возразил, что он является только исполнителем постановления правления, сам своей властью отменять ничего не может и изменять высочайше утвержденный устав не вправе; что постановления сходок незаконны, как и самые сходки, потому он и не являлся их выслушивать, а если теперь пришел, то единственно из желания прекратить беспорядки.

После этого все студенты в числе 406 человек были переписаны поименно, причем в среде их оказалось 3 человека посторонних. Все эти три человека были арестованы, а остальные студенты отправлены по домам, и к 10 часам вечера университет был очищен.

В аудитории, откуда выведены были студенты, между несколькими экземплярами различных прокламаций найден был один экземпляр рукописного воззвания от группы студентов-политехников местного института, в котором последние ободряют товарищей по университету продолжать борьбу и обещают полную поддержку со своей стороны. И действительно, вчера, 8 декабря, состоялась большая сходка в Политехническом институте, на которой участвовавшие в сходке распались на две равные группы — за и против поддержки университетских волнений, и обсуждение этого вопроса студентами института нельзя считать законченным.

Донося об изложенном, долгом считаю доложить вашему высокопревосходительству, что вчера 8 декабря вечером, при моем участии, у генерал-губернатора состоялось совещание о том, какие следует принять меры для прекращения дальнейших беспорядков в местном университете. К совещанию в числе других лиц приглашены были попечитель учебного округа, ректор университета св. Владимира, директор мест-

[1] Драгомиров, М. И.— генерал-губернатор Юго-западного края.

ного Политехнического института, инспектор студентов университета св. Владимира и начальник Киевского губернского жандармского управления. Университетское начальство во главе с попечителем учебного округа высказалось, что все меры к прекращению беспорядков, от них зависевшие, ими исчерпаны и не привели ни к какому результату, в виду чего поднят был вопрос, не надлежит ли прибегнуть к применению высочайше утвержденных 29 июля 1899 года временных правил об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаленными из сих заведений за учинение скопом беспорядков[1]. При обсуждении этого вопроса мной высказано было мнение, что инициатива обращения к г. министру народного просвещения о созыве совещания, учреждаемого на основании временных правил 29 июля 1899 г., должна исходить от местного учебного начальства и, так как попечитель округа заявил, что им уже сделано представление по этому вопросу, то на совещании было решено выждать ответа министра народного просвещения.

По полученным мной сведениям сего числа поступило к попечителю округа распоряжение министра народного просвещения о созыве совещания для применения к виновникам беспорядков временных правил 29 июля 1899 года.

Прокурор судебной палаты Арсеньев.

Из рапорта прокурора Киевской судебной палаты министру юстиции, 24 декабря 1900 г., № 1141[2].

В дополнение к рапорту моему от 9 декабря за № 1066, имею честь донести вашему высокопревосходительству, что 10 декабря мной получено было письмо попечителя Киевского учебного округа от 9 декабря за № 56, в котором он, уведомляя о последовавшем со стороны министра народного просвещения «разрешении» на созыв совещания по правилам 29 июля 1899 года, приглашал меня на 11 декабря к 8 часам вечера в здание университета для предварительного совещания.

Председатель совещания открыл заседание, прочитав депешу министра народного просвещения следующего содержания: «согласно телеграмм вашего превосходительства разрешаю применить закон 29 июля 1899 года». Затем инспектором студентов была доложена прилагаемая при сем в копии «краткая записка о беспорядках в университете св. Владимира в течение осеннего семестра 1900 г.» и список студентов, оказавшихся на сходке 7 декабря при прибытии в университет властей и войска.

В списке этом оказалось записанными не 406 человек, как было донесено мной на основании сведений, полученных от начальника Киевского губернского жандармского управления, а 396 человек...

Председателем было предложено рассмотреть вопрос о том, кто из указанных в списке студентов должен быть признан обвиняемым и подлежащим ведению совещания. Я высказал мнение, что вопрос этот не подлежит обсуждению совещания, которое призвано для рассмотрения обвинения по существу относительно тех воспитанников, которые будут указаны подлежащим начальством, как участники беспорядков. Это мое мнение разделил представитель военного министер-

[1] «Временными правилами» 29 июля 1899 г. министру народного просвещения разрешалось сдавать в солдаты студентов «за дерзкое поведение, за грубое неповиновение начальству, за подготовление беспорядков или производство их скопом в стенах заведений и вне оных».

[2] М. Ю., врем. канц., 1900 г., д. № 11717, лл. 12—19.

ства генерал-майор Конисский, остальные же члены совещания с нами не согласились и большинством голосов нашли нужным постановить, что суждению подлежат 391 человек, записанных на сходке 7 декабря...

Тогда же было решено приступить с 13 декабря к выслушанию об'яснений обвиняемых... и назначить по два заседания ежедневно, одно в 10 часов утра, а другое в 8 часов вечера...

В заседаниях, происходивших ежедневно в течение времени с 13 по 18 декабря включительно, были выслушаны словесные об'яснения 344 явившихся студентов и 28 письменных об'яснений отсутствующих.

19 декабря предположено было приступить к обсуждению виновности участников беспорядков, но по предложению члена совещания декана юридического факультета Романовича-Славатинского заседание было посвящено выслушанию показаний двенадцати помощников инспектора студентов и экзекутора и тогда же были выслушаны словесное об'яснение одного явившегося из отпуска студента и 10 письменных об'яснений.

Данными, бывшими в рассмотрении совещания, подтвердились в общем, как сведения, изложенные в «краткой записке», доложенной инспектором студентов в заседании 11 декабря, так и сведения, представленные мной в рапорте от 9 декабря за № 1066, но в частности не получили подтверждения сведения о том, что на сходке распивали водку. Все студенты в своих об'яснениях энергически отрицали это, помощники инспектора не дали никаких положительных указаний по этому вопросу, а слухи о том, что были найдены бутылки в 13 и 14 аудиториях после удаления из них студентов, в коридоре и ботаническом саду под окнами 13 и 14 аудиторий, оказались ложными. По заявлению инспектора ни одной бутылки найдено не было. Двери из 14 в 13 аудиторию не были взломаны, а были открыты, так как крючок, запиравший их вверху, находится в 14 аудитории, где собралась сходка. В окнах, выходящих в сад, и в коридорах, в обеих аудиториях было выбито 13 стекол, считая здесь и двойные рамы в окнах, выходящих в сад, но это не было проявлением буйства, а сделано было для доставления притока свежего воздуха в переполненное людьми помещение, из которого заправилы сходки не позволяли уходить лицам им неизвестным.

Выбиты были стекла больше всего в верхних полукруглых частях рам очень высоких окон аудиторий, причем орудием послужила длинная щетка, предназначенная для обметания потолков и оказавшаяся в 13 аудитории. Разбито было и одно нижнее стекло в сад насквозь в обеих рамах, зимней и летней, вероятно для той же цели, для которой были разбиты стекла в верхних рамах. Были выбиты по одному нижнему стеклу в двух одиночных рамах, одно в 13 и другое в 14 аудитории и через эти отверстия удалось уйти нескольким участникам сходки, которых не выпускали в дверь.

7 декабря в 12 часов дня в 14 аудитории была назначена лекция профессора Челпанова, последняя в семестре. Когда профессор пришел в коридор к дверям аудитории и от некоторых студентов узнал, что собирается сходка, то он не вошел в аудиторию и удалился, предоставив аудиторию сходке. И из чинов инспекции ни 5, ни 7 декабря никто не сделал ни малейшей попытки убедить собравшихся студентов разойтись, хотя 13 ноября студенты подчинились требованию инспектора и разошлись, и хотя, по показанию помощника инспектора Дроздовского, настроение студентов 5 и 7 декабря было более спокойное, чем 15 ноября, когда тоже никто из чинов инспекции не пытался

об'ясниться с собравшимися студентами. По заявлению инспектора студентов чины инспекции не обращались к собравшимся студентам потому, что были убеждены в полной безуспешности такого обращения.

Некоторые студенты в своих об'яснениях говорят, что приход инспектора вероятно прекратил бы сходку и что для всех студентов было совершенно неожиданным появление административных властей и военной силы.

Данные студентами об'яснения в значительной части шаблонны. Многие из них говорят, что пришли на лекцию профессора Челпанова и не были удивлены количеством собравшихся, так как на лекции профессора Челпанова обыкновенно приходит 300—400 человек (что подтвердил и инспектор студентов), а предстоявшая лекция была в этом семестре последняя и на нее естественно было ожидать наплыва слушателей. Ожидая прихода профессора, они за шумом, стоявшим в аудитории, не заметили, как началась сходка, а когда разобрались в том, что происходит, то уйти уже было нельзя, так как уходящих сперва провожали свистом и клеймили названиями «шпионов, подлецов» и т. п., а позднее не выпускали и физической силой. Некоторые из пришедших на лекцию профессора Челпанова говорят, что остались на сходке, заинтересовавшись тем, что будет происходить, а затем не было уже возможности уйти. Другие об'ясняли, что придя в университет по своим надобностям и услыхав, что в 14 аудитории сходка, пошли туда из любопытства, а выйти не могли, частью по указанным выше причинам, частью же потому, что заправилы сходки распространили слух о том, что чины инспекции записывают уходящих, и представлялось более безопасным уйти после окончания сходки большими группами.

Многие показали, что, будучи на сходке, они участия ни в дебатах, ни в голосовании резолюции не принимали и были простыми слушателями, а еще большая часть утверждала, что при голосовании были против забастовки. Несомненно, что в числе этих об'яснений много неправдивых, так как, по словам почти всех опрошенных, вопрос о забастовке был решен утвердительно, если и не большинством голосов, то значительным числом участвовавших на сходке.

Некоторые из опрошенных, признавая, что они сознательно пришли на сходку, об'яснили, что ими руководило желание не допустить сторонников беспорядка провести на сходке резолюцию о забастовке. Об'яснения шести студентов из этой группы выделяются, по моему мнению, по искренности и сознательному разумному отношению к явлениям университетской жизни. Об'яснения эти приводят к тому, разделяемому педагогическим персоналом университета св. Владимира и подтверждаемому данными дознания о беспорядках 1898/1899 учебного года заключению, что беспорядки текущего года возбуждены незначительной группой из числа так называмых «организованных студентов». Являясь меньшинством, эта группа тем не менее представляет значительную силу по своей организованности, силу, с которой не может бороться неорганизованное большинство сторонников порядка. Сторонники порядка, бывшие на сходке 7 декабря, об'ясняют, что сходки, хотя и запрещены, но до последнего времени собирались и решения, постановленные на них, хотя и незначительным, сравнительно с общей массой студентов, числом участников, влияли на ход университетской жизни, на ход занятий, как и было во время беспорядков 1898/1899 учебного года. Поэтому, опасаясь последствий сходки 7 декабря, в случае если на ней будет постановлено решение о забастовке, они и пошли на сходку, чтобы противодействовать воз-

можности такого решения. Борьба оказалась невозможной, так как на сходке 7 декабря проявилось небывалое деспотическое отношение заправил сходки к товарищам; впервые не допускали никого уходить, кроме лично известных председателю сходки. При этом влияли на более малодушных страхом презрения за уход из аудитории, пугали других опасностью быть записанными педелями, третьим физически преграждали возможность уйти, так как дверь была заставлена скамейкой, на которой сидели студенты из числа заправил сходки, а около них толпились их же сторонники. Шум и крик не умолкали и нельзя было разобрать, сколько голосов было за забастовку, и сколько против. Из числа всех бывших на сходке в начале ее, ушло впоследствии около ста человек, но между ними было незначительное количество противников забастовки, а большинство было сторонников беспорядка, выпущенных председателем сходки частью после того, как около 2 часов дня состоялось постановление о забастовке, а частью позже, когда за воцарившеюся с сумерками темнотой можно было незаметно для большинства выпускать тех, кого желательно было выпустить. Заподозрить правдивость этих об'яснений нет оснований, потому что лица, дающие их, говорят про себя, что остались до конца добровольно, считая невозможным уйти после того, как сознательно приняли участие в сходке; кроме того и инспекция и деканы факультетов аттестуют этих студентов с наилучшей стороны...

Показания помощников инспектора были бессодержательны и не дали материала для суждения о виновности отдельных лиц. По словам помощника инспектора Дроздовского, чины инспекции после того как началась сходка, только «заглядывали» в тот коридор, в который выходит дверь аудитории № 14. Такое боязливое отношение чины инспекции проявляли, как видно из их показаний, потому что, по их словам, от студентов можно было ожидать всего после их поведения 15 ноября. В этот день, удаляясь со сходки (15 ноября) с шумом, криком и песнями, они устроили на площадке лестницы демонстрацию и в это время кто-то из них бросил сырое яйцо, попавшее в одного из служителей. Экзекутор свидетельствовал о количестве разбитых стекол и о том, что одна из дверей, выходящих во двор университета, была открыта студентами силой, чтобы впустить товарищей, возвращавшихся с провизией. Как видно из его показания, в душнике той аудитории, в которой собиралась сходка, была найдена на другой день разрозненная литографированная брошюра, содержащая программу пропаганды революционных идей, в которой между прочим имеются указания на то, что учащаяся молодежь является благодарной средой для такой пропаганды. Кроме этой брошюры в 13 и 14 аудиториях, по удалении из них студентов, было найдено несколько экземпляров гектографированного воззвания «Киевского союзного совета об'единенных землячеств и организаций» от 6 декабря 1900 года «К студенчеству и обществу», один экземпляр которого при сем представляется, и по одному экземпляру представляемых при сем в копиях: воззвания «Киевского комитета российской социал-демократической рабочей партии» и рукописного воззвания «Группы политехников» от 7 декабря. При сем представляется также и копия «приговора студенческого суда по делу Чудовича и Охременко», экземпляр которого был добыт жандармским управлением путем агентуры.

Хотя «Союзный совет» в воззваниях, представленных мной вашему высокопревосходительству 16 и 27 ноября за №№ 984 и 1022, старается придать политическую окраску волнениям, происходившим в университете св. Владимира в текущем году, но в действительности волнения

эти не имели политической окраски и касались вопросов внутренней университетской жизни.

Заседания 20 и 21 декабря были посвящены обсуждению вопросов о том, кто из обвиняемых должен быть признан подлежащим удалению из университета и какой срок службы в войсках должен быть указан по отношению к каждому удаляемому.

При обсуждении этих вопросов декан юридического факультета Романович-Славатинский изложил очерк истории студенческих сходок в университете св. Владимира, которые, по его словам, возникли в 1856 г. при попечителе Ребиндере и развились и укрепились при Пирогове.

Как Пирогов, так и позднее Николаи[1] пользовались сходками для того, чтобы влиять на студентов в желательном направлении. И с того времени студенчество настолько сжилось со сходками, что вывести их очень трудно, и борьба, которая давно уже ведется с ними, не дает результатов. Начиная же с семидесятых годов в студенческие сходки стали вторгаться посторонние, нечистые элементы из внеуниверситетской среды, которые возбуждают волнения без достаточных к тому поводов. Очень сожалея молодежь, он тем не менее не видит данных, чтобы разобраться в том, кто больше и кто меньше виноват в последних беспорядках, и потому полагает, что должны быть признаны виновными все занесенные в список с назначением им кратчайшего из указанных во временных правилах сроков военной службы.

Декан физико-математического факультета Бобрецкий высказал, что до 1863 г. студенчество имело организацию, которая давала возможность здоровым элементам бороться с элементами, склонными к беспорядкам.

Когда ввели в действие уставы, которые смотрят на студенчество не как на организм, а как на собрание отдельных обособленных единиц, в среде студенческой появились тайные незаконные организации, бороться с которыми очень трудно и которые, несмотря на незначительный по численности состав, всегда могут вызвать беспорядки. Затем, перейдя к рассмотрению временных правил 29 июля 1899 г., Бобрецкий высказал мысль, что применение их к дурным студентам, которые и без участия в беспорядках находятся накануне исключения, почти не составляет наказания, так как, будучи удалены на основании временных правил, студенты эти могут воспользоваться облегчением, указанным в 10 статье временных правил[2]; при исключении же их правлением университета они лишаются отсрочки по отбыванию воинской повинности и теряют право поступления в учебные заведения. Для хорошего же студента, пользующегося стипендией и попавшего так или иначе под действие временных правил, удаление из университета является тяжкой карой, которая становится еще тяжелее, если студент этот пользовался льготой по отбыванию воинской повинности.

В виду этого г. Бобрецкий предложил выделить, сравнительно

---

[1] Николаи, А. П. (1821—1899 гг.), принимал участие в разработке университетского устава 1863 г., центральной идеей которого была автономия профессорской корпорации. В 1881 г., только один год, Николаи был министром народного просвещения; с 1887 по 1894 г. состоял председателем департамента законов Государственного совета.

[2] Ст. 10 «временных правил»: «Проступки исправно отбывших службу в войсках на основании настоящих правил предаются полному забвению, и лицам этим предоставляется поступать в учебные заведения и на государственную службу на общем основании» («Правительственный вестник» от 31 июля (12 августа) 1899 г., № 165).

немногих, хорошо аттестуемых студентов, а из остальных покарать строже тех, которые выдаются по своему участию в беспорядках.

С этим предложением г. Бобрецкого согласились и деканы факультетов: медицинского — Тихомиров и историко-филологического — Флоринский... Ректор университета Фортинский полагал признать виновными всех, подвергнув более строгому наказанию более виновных; с этим мнением согласился и попечитель учебного округа тайный советник Вельяминов-Зернов.

Представитель от министерства внутренних дел генерал-майор Новицкий, признавая виновными всех бывших на сходке 7 декабря, предложил выделить тех, которые хорошо аттестуются начальством, и ходатайствовать, чтобы к этим студентам не было немедленно применено наказание, с тем, чтобы если студенты, находясь под особым надзором начальства, не будут замечены ни в чем дурном в течение года или двух, то они будут совершенно освобождены от назначенного им наказания.

Представитель от военного министерства генерал-майор Кониский высказался за признание виновными лишь тех, которые уличены, как деятельные участники беспорядков, а затем, выслушав мои доводы, изложенные в главных чертах в особом моем мнении, генерал Кониский высказал, что разделяет мое мнение.

Копия особого моего мнения при сем представляется [1].

В виду разнообразия высказанных мнений, первым на баллотировку поставлен был вопрос о том, следует ли признавать виновными всех записанных участников сходки. Голоса разделились поровну, но вопрос признан решенным в утвердительном смысле потому, что в числе пяти человек, подавших голос в этом смысле, был председатель особого совещания. Кроме него подали голос за утвердительное решение вопроса инспектор студентов Каршинский, декан юридического факультета Романович-Славатинский, ректор университета Фортинский и генерал-майор Новицкий.

Затем большинством девяти голосов против голоса Романовича-Славатинского было определено назначить студентам Виктору Кудрявцеву и Антонию Минькевичу трехлетний срок службы в войсках, а пяти студентам: Стефану Хелмицкому, Александру Цивцивадзе, Николаю Малиновскому, Алексею Горошко и Вацлаву Липскому, ходившим делегатами к ректору, назначить двухлетний срок службы в войсках.

Всем остальным студентам, занесенным в список участников сходки 7 декабря, определен годичный срок службы в войсках. Последний вопрос решен большинством восьми голосов против голосов: моего и генерала Конискаго.

Никакой резолюции по окончании совещания подписано не было, а председатель заявил, что определение будет изготовлено к 29 или 30 декабря и что тогда он пригласит нас для выслушания и подписи определения.

В настоящее время большинство студентов университета св. Владимира раз'ехалось из Киева на рождественские праздники, тем не менее организация, именующая себя «Союзным советом об'единенных землячеств и организаций», выпустила за последние дни и разослала по почте два воззвания, экземпляры которых при сем представляются.

Одно из них, под заглавием «Новое беззаконие русского правительства», а другое «К обществу и профессуре», оба без обозначения даты.

Прокурор судебной палаты Арсеньев.

---

[1] Копии особого мнения прокурора Киевской судебной палаты в деле не обнаружено.

Из прокламации Киевского союзного совета об'единенных землячеств и организаций, 17 января 1901 г.[1]

№ 183[2]

Мы обращаемся к вам, нашим честным товарищам, которым первым выпало на долю испытать на себе всю силу варварских правил 29 июля 1899 года. Через несколько дней нас разлучат с вами... Те, благодаря которым, вы брошены в казармы, полагают, что ваша участь устрашит и «усмирит» нас, что такой «назидательный» пример остановит нас от всяких попыток выражать когда-либо свое негодование. Нет, глубоко ошибаются те, которые такими мерами стремятся «успокоить» нас. Действительно, пример этот для нас весьма назидателен, но в совершенно ином отношении. Пример этот еще раз иллюстрирует всю тяжесть нашего положения; еще раз указывает нам на все зло правительственного произвола, с которым мы должны бороться, еще раз убеждает нас в стойкости русского студента, в его готовности к самопожертвованию. Такие примеры никогда не изгладятся из нашей памяти; в них мы почерпнем силы для предстоящей борьбы за наше освобождение; они гарантируют нам успех движения. Еще дружнее сплотимся мы, отстаивая нашу независимость, наших пострадавших товарищей; еще ожесточеннее и упорнее будет наша борьба!

Прощайте же, товарищи!..

Мы не устраиваем вам торжественных проводов, зная, что уже приняты меры для устранения «беспорядков» на вокзале. Мы не обратили бы внимания на эту новую выходку Новицкого и к-о, если бы не должны были щадить наши силы для предстоящей борьбы. Одно это, только одно это удерживает нас от исполнения горячего нашего желания — выразить вам свое сочувствие и благодарность демонстрацией при вашем отъезде. Мы знаем, что вы поймете нас и не осудите. Из диких трущоб Закавказья, из глухих деревень Польши и Литвы вы будете прислушиваться к нашей борьбе, будете приветствовать наш успех, будете сочувствовать нам при наших неудачах. Ведь наша борьба — ваша борьба. Дело у нас одно; вы выбываете из строя — мы вас заменяем!

Еще раз, прощайте товарищи!..

Киевский союзный совет об'единенных землячеств и организаций.

Прокламация Союзного совета харьковских об'единенных организаций и землячеств, 11 февраля 1901 г.[3]

ПИСЬМО ПАРИЖСКИХ ПРОФЕССОРОВ ГГ. ПРОФЕССОРАМ УНИВЕРСИТЕТОВ[4]

Многоуважаемые коллеги.

Позвольте нам выразить здесь чувство горестного удивления, которое охватило нас при известии о недавнем событии в Киеве.

---

[1] Фонд нелегальной литературы, инв. № 20260.

[2] 183 студента Киевского университета были сданы в солдаты распоряжением министра народного просвещения 11 января 1901 г.

[3] Д. П., о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 125, т. III, л. 43.

[4] Студенческие волнения в России вызвали большой интерес и сочувствие в Западной Европе; в Париже на собраниях профессоров и студентов были заслушаны доклады о событиях в России и приняты единогласно резолюции, порицающие царское правительство и сочувствующие русским студентам. Такие же собрания происходили в Австрии, Италии, Бельгии, Англии и Швейцарии. Римские и туринские студенты послали телеграмму русским товарищам. В Праге готовилась большая демонстрация протеста, но местные власти ее запретили.

Забота о сохранении или поддержании порядка в университетах во всех странах лежит на самих университетах. Нам кажется, что каков бы ни был политический строй государства, эта привилегия необходима для той высокой моральной функции, которая принадлежит образованию.

Мы не можем ограничиваться одной только передачей знаний,— мы обязаны образовывать (воспитывать) характеры. Университет — употребляем сильное выражение г. Леона Буржуа — воплощает в себе совесть нации. Вот почему нам трудно понять поведение наших киевских коллег.

Когда студенты возбудили инцидент, не имевший особенной важности и, по признанию всех, касавшийся исключительно университета, жандармы и казаки проникли в университет и начали распоряжаться в нем, как хозяева. Профессора не протестовали против такого вмешательства. Некоторые из них даже содействовали этому. Студенты не сопротивлялись и с ними было поступлено, как с бунтовщиками. 183 из них понесли жестокое и не имеющее ничего общего с университетом наказание. Его назначил им административный трибунал, судивший их без соблюдения каких бы то ни было юридических формальностей, в отсутствии обвиняемых, которые были лишены всякой возможности защищаться; профессора в этом трибунале заседали рядом с представителями армии и полиции.

Нам кажется, что университеты всего мира обязаны громко заявить, что они отказываются от всякой солидарности с теми из своих коллег, которые сочли возможным принять и санкционировать такую юрисдикцию. Тот нравственный авторитет профессоров, на котором только и держится образование, неизбежно рухнет, если мы будем итти на подобные компромиссы.

Париж. Подлинное подписали: гг. Рише[1], Ланглуа[2], Сеньобос[3] и другие менее известные.

Обещали свои подписи Лависс[4], Летурно[5], Реклю[6] и др.

Союзный совет харьковских объединенных организаций и землячеств.

II. Демонстрации протеста в Петербурге, Харькове, Москве

(февраль 1901 г.)

Выписка из полученного агентурным путем письма, 22 февраля 1901 г.[7]

19 февраля назначена была демонстрация в 10 часов около Казанского собора, но дня за 4 перед тем арестовано было делегатское от всех высших учебных заведений собрание, в числе 25 человек. На следующий день забрали комиссию, занимавшуюся выработкой проекта

---

[1] Рише Шарль, род. в 1850 г., профессор физиологии в Парижской медицинской школе.

[2] Ланглуа Шарль-Виктор, род. в 1863 г., профессор палеографии и библиографии в Париже.

[3] Сеньобос Шарль, род. в 1854 г., профессор истории в Сорбонне.

[4] Лависс Эрнест, род. в 1842 г., профессор истории в Сорбонне.

[5] Летурно Шарль Жак-Мари (1831—1902 гг.), профессор антропологической школы в Париже.

[6] Реклю Жак-Элизе (1830—1905 гг.), профессор сравнительной географии Брюссельского университета. Член I Интернационала. Участник боев Парижской коммуны в рядах национальной гвардии. Крупный теоретик и организатор анархистского движения.

[7] Д. П., о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 125, л. А. л. 70.

демонстрации 19 февраля, со всеми бумагами и бюллетенями, которые должны были выйти на следующий день... Кроме того была масса арестов разных лиц по подозрению или просто так. Ну вот, как забрали комиссию, то просто не знали, что делать. Бюллетеней нет... как же просвещать народ. А так как чуть ли не весь Петербург уже слышал о будущей демонстрации, то многие, как из учащихся, так и из «Союза писателей» [1], пошли на площадь Казанского собора, хотя 19 числа утром организационный комитет студентов решил ничего не устраивать. Когда я пришла туда, на площади народу не было, все находились в церкви, так как сами решили не устраивать демонстрации, а только отслужить молебен за 28 человек студентов, отданных в солдаты. Все было в высшей степени прилично и обошлось бы спокойно. Но когда после обедни вышли из церкви учащиеся и публика, то не дали им расходиться, а их сейчас же со всех сторон обступила полиция и погнала по Невскому; народу было тысячи две. Потом конные полицейские и жандармы разрезали эту толпу на несколько частей и одну небольшую часть, человек 600, обступили кругом и пешие и конные полицейские, а других разгоняли. Студенты вели себя спокойно, и демонстрация, которую совсем уже не желали устраивать, вполне удалась; отрезанную часть курсисток и студентов еще разрезали пополам и загнали на двор в городскую думу и здесь полицейские начали их бить и топтать лошадьми. Публика, видевшая это и слышавшая крики избиваемых, пришла в негодование и начала громко ругаться, но городовых унять было просто невозможно. Пострадавших было очень много: кому глаз выбили, кому зубы, на снегу видна была кровь, вообще сцены были ужасные. На думском дворе переписали 100 курсисток и студентов, а остальных переписывать отказались; ответили прямо: кого хотим, того и запишем. Потом студенты и публика избитые пошли в участок, позвали туда Карабчевского [2] и составили протокол.

Корреспонденция Редакции «Студенческой жизни», 23 февраля 1901 г. [3].

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ «СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ» № 11 [4]

Я пошла на демонстрацию как зритель, никогда раньше не видавший ничего подобного. Когда мы в начале 1-го часа дня подошли к Казанскому собору, было уже довольно много курсисток и студентов, которые частью расположились на скамейках в прилегающем к собору сквере, частью гуляли или стояли на крыльце собора, разговаривая между собой; некоторые заходили в собор и слушали панихиду по Александре II. Наконец, панихида окончилась, и большая часть собравшейся молодежи столпилась на крыльце храма. Очевидно, здесь не было совершенно организаторов, заранее обдумавших демонстрацию,

---

[2] При Петербургском русском литературном обществе был организован Союз взаимопомощи русских писателей. После распространения прокламации о событиях 4 марта в Петербурге, подписанной рядом известных литераторов, союз по распоряжению петербургского градоначальника от 12 марта 1901 г. был закрыт.

[3] Карабчевский Н. П., присяжный поверенный.

[3] Моск. охр. отд., 1900 г., д. № 592, т. III, л. 214.

[4] «Студенческая жизнь» — студенческая группа, оформившаяся в Московском университете осенью 1900 г. Эта группа в своих изданиях проводила линию экономистов. Редакцией был издан только один номер гектографированного журнала «Студенческая жизнь» — в январе 1901 г. Поступающие затем корреспонденции издавались редакцией как отдельные листовки.

т. к. никто не знал, что делать, и многие уже собирались расходиться по домам, думая, что демонстрация не состоится. Видя нерешительность собравшихся, кто-то из студентов крикнул: «Погодите уходить, пойдем вместе!». «Гг., идемте направо по Невскому». Долгое ожидание наскучило, и все без споров двинулись по Невскому. В это время к группе студентов, шедших впереди, подошел какой-то полковник и просил разойтись; ему возразил студент медицинской академии, что трудно итти всем в разные стороны при таком стечении народа. Полковник (или генерал) ушел, студенты, шумя и громко разговаривая, вышли на Невский. Кто-то предложил запеть «Нагаечку»[1]. Подхватили. Другие просили замолчать. Потом запели «Марсельезу». Слышны были преимущественно девичьи голоса. Не успели спеть и первого куплета, как всех нас окружили конные казаки. Со всех сторон раздался свист студентов. Неизвестно откуда, точно из-под земли, явились целые организованные отряды городовых и стали теснить собравшуюся молодежь к стене. Припертые к стенам и окнам домов, студенты и курсистки не знали, что делать. Вдруг раздался крик ужаса: «Бьют! Бьют!». Кричали со всех сторон. Это оказывается городовые гнали студентов с Невского. Все побежали, сознавая свое полнейшее бессилие перед полчищами городовых. Я оглядывалась несколько раз назад и каждый раз видела искаженные лица девушек, которые еще с каким-то диким отчаянием продолжали петь «Марсельезу». Я видела двух упавших студентов, которых товарищи стали поднимать, а полицейские награждали их за это ударами кулаков. Одна курсистка, должно быть, от ужаса упала в обморок, а студенту, хотевшему поднять ее, до крови разбили лицо. Мы видели над собой поднятые кулаки городовых. Наконец нас втиснули в какой-то двор, где и начали переписывать фамилии и адреса участвовавших. Когда нас записали, мы пошли домой с горьким сознанием своего бессилия перед кулаками городовых, с сознанием, что «у нас еще кулак безнаказанно гуляет по спинам бунтовщиков-студентов». На Невском собралась толпа из нескольких тысяч зрителей, которые смотрели на расправу с молодежью, как на интересное зрелище. Впрочем было много возмущенных «безобразием поведения» учащихся, и лишь очень немногие понимали, что столько уж накопилось обид и унижений, что молчать долее стыдно, позорно.

Еще раз студенты и курсистки стали предметом грубого насилия петербургской полиции. Неужели же товарищи их останутся безучастными?!

На сходку, товарищи!

Участница.

Прокламация Харьковского Комитета РСДРП, 17 марта 1901 г.[2]

Ко всем харьковским рабочим.

Товарищи! 12 января этого года правительство сдало в солдаты 183 киевских студента за то, что они не хотели быть его покорными слугами, сделаться чиновниками, которые обирают народ. Эта крутая варварская расправа взволновала студентов всей России. Они стали устраивать забастовки, уличные демонстрации. С 19 февраля по 11 марта в Петербурге, Москве, Харькове и Киеве они устраивали де-

[1] «Нагаечка» — песня, сложенная по поводу избиения казаками студентов в Петербурге 8 февраля 1899 г.

[2] Фонд нелегальной литературы, инв. № 3579.

монстрации, в которых кроме студентов, участвовало много рабочих. В Петербурге и Москве их было десятки тысяч.

Напуганное такими дружными действиями правительство принялось за старое средство: оно отдало приказ бить непокорных. На демонстрациях были избиты без предупреждения несколько сот человек, много было убито.

Казаки давили народ лошадьми, увечили нагайками. Городовые набрасывались по нескольку на одного, бросали на землю, били шашками, топтали ногами. Били до потери сознания, били лежачих, били даже женщин и детей.

Мы, рабочие, не можем оставить без ответа такое гнусное насилие!

Дело студентов, которые протестуют против отдачи их в солдаты и против насилий полиции, — дело всего русского рабочего люда. Студенты и все честные русские люди борются против нашего общего врага — царского самодержавия,— и нам надо их поддержать! Выйдемте все вместе в воскресенье 18 марта в 12 часов дня на Николаевскую площадь и там покажем нашим врагам, что мы не можем оставаться спокойными, когда проливают кровь наших братьев. Будем только вести себя сдержанно и этим мы покажем лучше всего свою силу.

Долой самодержавие! Да здравствует свобода!

Харьковский комитет российской социл-демократической партии.

Прокламация исполнительного комитета об'единенных землячеств и организаций, 20 февраля 1901 г.[1]

Исполнительный комитет с чувством глубокого удовлетворения отмечает особенно резко проявившееся сегодня бодрое и стойкое настроение студентов и еще раз убеждается в том, что московское студенчество далеко не так солидарно во взглядах с ректором Тихомировым[2], как предполагает этот последний.

Приветствуя это живое проявление смелого протеста, до сих пор глухо чувствовавшегося в массе, исполнительный комитет выражает твердую надежду, что дело, начатое с 29 января[3], будет поддержано и продолжено в самом недалеком будущем на предстоящей сходке 23 февраля.

Исполнительный комитет об'единенных землячеств и организаций.

Прокламация исполнительного комитета об'единенных землячеств и организаций, 25 февраля 1901 г.[4]

БЮЛЛЕТЕНЬ 25 ФЕВРАЛЯ № 2

С радостным чувством исполнительный комитет приветствует успех двух последних дней. В настоящих студенческих волнениях не так

[1] Моск. охр. отд., 1900 г., д. № 592, т. VI, л. 244.

[2] Тихомиров, А. А. (род. в 1850 г., ум. в 1920 г.), профессор Московского университета, окончил юридический факультет и естественное отделение физико-математического. В разгар движения 1899 г. он сменил корректно обращавшегося со студентами ректора Д. Н. Зернова. В тесном единении с попечителем округа и охранным отделением ректор Тихомиров изобретал средства задавить студенческое движение, обнаруживая чиновничью ловкость и иезуитскую изворотливость.
В 1911 г. был назначен попечителем Московского учебного округа; сохранил этот пост до революции 1917 г.

[3] 29 января 1901 г. состоялась сходка студентов Московского университета, на которой 317 чел. постановили начать забастовку как протест против отдачи 183 киевских студентов в солдаты.

[4] Моск. охр. отд., 1900 г., д. № 592, т. III, л. 11.

даже важно то — кто одолеет: правительство ли со своими штыками и нагайками, или студенты своей твердостью и настойчивостью (шансы слишком неравны), а важно то активное сочувствие общества к студенчеству и его требованиям, которое так ясно выразилось в последние два дня демонстрациями на Моховой, Никитской и Тверской улицах, число участников которых доходило до двух или трех тысяч, причем учащаяся молодежь была даже в меньшинстве, — доказали нам с полной очевидностью на чьей стороне сочувствие общества. И давно пора! Пора, наконец пробудиться нашей «публике», сознать свое собственное положение и понять, что правда — не в кулаке, не в штыках, а в свободе и законности. Итак — шаг вперед есть, теперь довольно демонстраций, сходок: наши силы и без того уже истощены, соберемте же остатки и продолжим начатое дело!

Дружно, без споров забастуем и будем держаться до конца; нам не страшны теперь ни ссылка, ни тюрьма, ни солдатчина, ни все те новые «временные» правила и «постоянные», которые может придумать разгулявшаяся фантазия Боголепова и К-о: «привычка великое дело», да к тому же мы теперь убедились, что «не одни мы в поле».

Одно, в чем исполнительный комитет особенно убеждает товарищей: это при всех видах протеста держать себя возможно сдержаннее и корректнее. Все уличные буйства и скандалы, возникшие по вине студентов, могут только отвратить от нас единственного союзника — общество.

Итак наши требования:

1. Отмена временных правил.
2. Возврат всех пострадавших товарищей.
3. Реформа университетского устава в духе устава 63 г.[1], а наше оружие — забастовка!

Исполнительный комитет об'единенного совета землячества и организаций.

Прокламация исполнительного комитета об'единенных землячеств и организаций, 25 февраля 1901 г.[2].

БЮЛЛЕТЕНЬ 25 ФЕВРАЛЯ № 1

Сведения получены непосредственно от арестованных по пути в Бутырки

I. Сведения о числе арестованных в манеже во вчерашнем бюллетене оказались не совсем точными, а именно: всего было взято 764 чел., из них 102 курсистки, 22 из публики и 660 чел. студентов.

II. Из курсисток 5 не пожелали уйти из манежа и шли со студентами в Бутырки. 24-го числа, часов в 8 вечера, к арестованным присоединили еще 3 человек за попытку выбить окна манежа.

III. Вот что сообщили товарищи о своем пребывании в манеже: они

[1] 18 июня 1863 г. был утвержден университетский устав, по которому устанавливалась автономия профессорской корпорации. Совет становился главным органом университетского управления. С этим уставом получили распространение и студенческие организации. Начавшаяся после 1 марта 1881 г. реакция подорвала в корне ростки студенческих об'единений. 23 августа 1884 г. был утвержден новый университетский устав, которым уничтожалась автономия университетов и выборность профессоров и ректора. Над ними стояла почти безграничная власть попечителя учебного округа. Студенты признавались отдельными посетителями университетов и отдавались во власть института инспекторов.

[2] Моск. охр. отд., 1900 г., д. № 592, т. III, л. 10.

ьсе время были оцеплены солдатами. Денег у всех вместе оказалось так мало, что они были израсходованы в первый же день. Страшно измучившись и изголодавшись, они стали требовать или еды или «законных» суточных денег. Им не дали ни того ни другого, а предлагали лишь, хорошо зная, что денег у них нет, покупать еду. От истощения у 23 человек произошли обмороки. Товарищи требовали прокурора для принесения жалобы, но последний не счел нужным «побеспокоиться». Усталые, раздраженные, они дошли до того, что бросились ломать ворота и были встречены «штыками на перевес». Еще несколько минут и могла бы произойти страшная бойня! Но к счастью г. прокурор соблаговолил явиться. Ему была принесена жалоба, после которой все же не появилось ни еды, ни денег.

IV. В 3 часа ночи их стали выводить 3-мя партиями в Бутырки.

Вчера же нами получено письмо от одного из арестованных: «Прощайте, товарищи, вероятно, через несколько дней мы будем солдатами. Почти 1 200 чел. дали подписку, что желают сходки и придут на нее, но пришло лишь 300! Где же были другие? Они своими подписями заставили товарищей притти на сходку и затем струсили и предали их. Прямому отказу притти на сходку они предпочли почему-то Иудино целование! Неужели же ни в ком из них и теперь при виде сотен арестуемых, высылаемых и отдаваемых в солдаты лучших товарищей не проснется совесть?» — Исполнительный комитет с своей стороны спрашивает: «Неужели не проснется?» Вполне разделяя мнение заключенных товарищей и видя для настоящего момента наиболее целесообразный способ протеста — «забастовку», исполнительный комитет еще раз предлагает всем товарищам — немедленно и дружно забастовать!

Арестованные получили бюллетени и осведомлены о ходе событий.

Исполнительный комитет.

Прокламация исполнительного комитета об'единенных землячеств и организаций, 26 февраля 1901 г.[1].

БЮЛЛЕТЕНЬ 28 ФЕВРАЛЯ

Не только студенчество, но и все русское общество переживают знаменательные дни. За все время существования университета никогда еще общество не осмеливалось так явно, так активно выразить свою солидарность с «бунтующими» студентами, свое сочувствие к их положению. Вчера сочувственная демонстрация достигла небывалых размеров. Весь Тверской бульвар с прилежащими улицами, Моховая были переполнены демонстрантами, число которых надо считать тысячами. Громадное большинство составляли фабричные и рабочие, которые подчеркивали свое сочувствие к студентам.

Мы, студенты, особенно должны ценить их присутствие и их сочувствие к нам: ведь у них есть свое дело, несравненно более широкое и неотложное, и они, тем не менее, явились на демонстрацию, рискуя повредить себе. Не раз полиция пыталась разогнать демонстрантов, сбивая мчащимися лошадьми детей и женщин. К вечеру были пущены в ход кулаки и нагайки, причем избивали преимущественно опять-таки детей и женщин. И тут рабочие и фабричные оказались на высоте положения, дружно отстаивая студентов и курсисток и защищая слабейших.

[1] Д. П, о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 125, т. VIII, л. 136а.

Но как ни важно это новое единение, как ни захватывает грандиозность подобных демонстраций, исполнительный комитет все же настоятельно просит студентов воздержаться от повторения их. Наши силы тают: еще вчера полиции удалось выхватить 16 товарищей и почти столько же курсисток, и если так пойдет дальше, все деятельные элементы будут удалены и университет снова обратится в болото. Нас осталось лишь столько, сколько необходимо для проведения забастовки. Пусть только все сочувствующие не сидят дома, но ходят в университет и деятельно пропагандируют ее. Только с проведением забастовки нам удастся чего-нибудь добиться.

Исполнительный комитет.

III. Демонстрация у Казанского собора в Петербурге (4 марта 1901 г.)

Прокламация петербургских студентов, март 1901 г.[1].

Мы, петербургские студенты, выступаем перед русским обществом на защиту попираемых прав личности.

8 февраля 1899 г. над нами было совершено насилие: нас избили нагайками.

Мы выступили с требованием личной неприкосновенности и требовали, чтобы все действия полиции подлежали общему суду.

Поднялась всюду молодежь. Общество сочувствовало. Правительство уступило. Назначена высочайшая комиссия.

Бывший военный министр Ванновский[2] удостоверяет вину полиции. Общество получает выговор, студенты — «временные правила» об отдаче в солдаты за малейшее неповиновение «скопом» начальству. Полиция же не наказана.

Теперь свыше 250 киевских, харьковских[3] и петербургских студентов — солдаты за сходки в университете. Росчерк пера и «священнейшая обязанность защищать отечество» — уже кара: часть граждан — вне «общего устава о воинской повинности». Закон попран.

В ответ на это в Харькове демонстрации. Увечные, раненые, убитые, арестанты — ничто не останавливает протеста. Поднимаются рабочие, выступает публика — студенты не одни. В Москве тысячная толпа на улицах, свалки с полицией. Город изменился. Впервые слышится голос народа в защиту попираемого закона, в защиту унижаемого и оскорбляемого человека. Начинается движение в других университетских городах. Правительство силится подавить эти про-

[1] М. Ю., врем. канц., 1901 г., д. № 10854, л. 2.

[2] Ванновский, П. С. (1822—1904 гг.). В 80—90-х годах — военный министр, проводил политику реакции в армии. 20 февраля 1899 г. был назначен в Комиссию по расследованию причин студенческих беспорядков. С 25 марта 1901 г. по 11 апреля 1902 г.— министр народного просвещения.

[3] «Временные правила» 29 июля 1899 г. к харьковским студентам не были применены. 16 студентов Харьковского университета, участников сходки протеста против отдачи в солдаты киевских и петербургских товарищей, состоявшейся 3 февраля 1901 г., были уволены из университета и высланы из Харькова, на остальных 66 чел. наложены дисциплинарные взыскания. После демонстрации 19 февраля было образовано Особое совещание у попечителя учебного округа при участии прокурора судебной палаты и начальника губернского жандармского управления для выяснения вопроса о применении к арестованным студентам, участникам демонстрации, «временных правил» 29 июля 1899 г. Совещание пришло к заключению, что «по местным условиям» применение «временных правил» представляется нежелательным.

тесты против незаконных «временных правил», пользуясь одинаково незаконными временными правилами — «положением об усиленной охране», уже 20 лет уничтожающим образом [парализующими] действия гражданских законов, хоть немного обеспечивающих личную неприкосновенность.

Не можем и мы, петербургские студенты, оставаться спокойными зрителями. Мы громко заявляем свой протест против полицейского произвола, одинаково гнетущего как нас, так и вас, и зовем вас вместе с нами требовать:

1. Отмены временных правил 29 июля 1899 г.
2. Обеспечения личной неприкосновенности правом обжалования действий администрации суду присяжных.

Да здравствует право, ограждающее права человека.

Рапорт прокурора Петербургской судебной палаты министру юстиции, 4 марта 1901 г., № 2831 [1].

Имею честь донести вашему высокопревосходительству, что в видах полной осведомленности из достоверных источников об ожидавшихся сего числа беспорядках у Казанского собора, по поручению моему, прокурором окружного суда было поручено товарищам прокурора Вогаку и Клингенбергу иметь на самом месте происшествия наблюдение за ними. Во исполнение сего товарищи прокурора Вогак в 10½ часов, а Клингенберг в 11½ часов утра сего числа прибыли на Невский проспект, к Казанскому собору, заходили в последний, затем оставались на площади перед собором до окончания наиболее острого периода беспорядков. О ходе их последовательно доносили прокурору окружного суда, по телефону, а после двух часов результаты своих наблюдений доложили прокурору словесно. Сведениями этими установлено, что на Невском проспекте с 11 часов утра стала скопляться более значительная, чем обыкновенно, толпа, принявшаяся расхаживать по тротуарам в пространстве между зданием думы и полицейским мостом. В толпе заметно было присутствие большого количества учащейся молодежи обоего пола и шел говор о готовившейся демонстрации, о форме которой однако не упоминалось. В сквере перед Казанским собором, на скамьях сидели группы разночинцев, а на паперти храма стояли кучки в общей сложности от 300 до 400 человек любопытных, приведших туда с собой даже детей; в соборе у входа стояла толпа курсисток. Часов около 12-ти перед собором, на паперти и в колоннаде его стали скопляться незначительные кучки студентов и курсисток. Нижние чины полиции находились здесь в это время в обычном, незначительном количестве, и лишь вне обычного порядка присутствовал полицеймейстер Вендорф и несколько офицеров полиции, но никаких мер к тому, чтобы рассеивать группы, препятствовать скоплению народа, не принималось. Постепенно вышеупомянутые отдельные группы стали стягиваться перед ступенями собора и на них; вскоре толпа эта сделалась настолько компактной, что показавшийся внезапно в коляске градоначальник генерал-лейтенант Клейгельс, описав по Казанскому скверу полукруг, с трудом проехал и остановился на Казанской улице. При проезде его из толпы слышались насмешки. В 12¼ часов толпа у Казанского собора состояла из нескольких сотен человек, в значительной части женщины. В центре ее кто-то стал читать

[1] М. Ю., врем. канц., 1901 г., д. № 10854, л. 3—4.

воззвание (экземпляр коего представлен мной вашему высокопревосходительству ранее), в то же время экземпляры воззвания из центра толпы разбрасывались в разные стороны, подхватывались и читались отдельными лицами вслух. Никаких попыток рассеять скопище сделано не было. Затем толпа стала кричать «ура» и одновременно со двора № 3 по Казанской улице выехала на рысях сотня казаков, повернула направо и стала между сквером и собором фронтом к последнему, причем растянулась от одного крыла собора до другого. Таким образом толпа оказалась запертой в полукруге, образуемом фасом Казанского собора, и никакого выхода не имела. При появлении казаков для бегства толпы была свободна сторона соборной площадки, обращенная к Екатерининскому каналу, но маневр казаками был выполнен настолько быстро, что воспользоваться этим выходом могли лишь очень немногие, а масса, как сказано выше, была заперта в мертвом пространстве. Казачья сотня стала надвигаться на толпу, прижала ее к паперти, и частью спешилась, а через несколько минут произошла стычка. Непосредственным поводом к ней, по словам чинов полиции (товарищи прокурора могли наблюдать происходившее только из-за шеренги казаков), послужило то, что брошенным из толпы камнем была нанесена рана командиру сотни есаулу Исееву. Но каков бы ни был повод, столкновение не могло не произойти, вследствие безвыходности положения толпы, к которой требования разойтись своевременно пред'явлено не было и которая сочла себя попавшей в ловушку. Казаки начали бить толпу нагайками, из толпы отвечали им ударами палок и киданьем галош. Схватка имела своей ареной исключительно ступени собора и, то ослабевая, то усиливаясь, продолжалась минут десять; во время нее на паперти было поднято красное знамя с белой надписью, содержание коей товарищам прокурора прочесть не удалось. Толпа была сдвинута на Екатерининский канал и здесь оцеплена и арестована группа человек в тридцать, составлявшая, повидимому, наиболее активный центр. Казаки сели на коней и остались ограждать соборную площадку от наплыва публики, разгоняя отдельные ее кучки. В то же время последовало оцепление и арест значительной части толпы, вытесненной на Екатерининский канал. Затем те группы, которые, оставаясь в соборе и в его колоннаде, не участвовали в столкновении с казаками, сошли на ступени собора. Тогда выдвинулась команда пеших городовых и принялась сталкивать вниз отдельных лиц, судя по костюму, принадлежавших к составу учащейся молодежи. При этом было арестовано около 40 человек. Сцена их ареста не обошлась без нанесения городовыми арестуемым побоев. Далее происходило очищение Казанской площади и прилегающих частей Невского проспекта от толпы любопытных, не сопровождавшееся какими-либо исключительными столкновениями. Часам к пяти вечера наблюдалось только большое скопление на тротуарах народа, еще взволнованного, но уже не склонного к беспорядкам.

К описанной картине необходимо добавить, что во время манифестации у собора имели место отдельные обыденного характера сцены столкновения чинов полиции с окружавшей массой любопытных.

Все арестованные были под пешим и конным конвоем направлены в Казанскую и Спасскую части. У арестованных отобраны три знамени, на двух из коих имеются надписи с требованием об отмене временных правил 29 июля 1899 г. Число арестованных еще не определено, так же, как и количество раненых; раненых же тяжело, повидимому, не имеется.

По последним же телефонным сведениям, полученным из Казанской части, арестовано всего свыше 300 женщин и свыше 650 мужчин, из коих последняя партия направляется: в пересыльную тюрьму — 100 человек, в одиночную — 50 и в арестантские роты — 50.

Прокурор судебной палаты Максимович.

Прокламация организационного комитета петербургского университета (апрель 1901 г.) [1].

5

Сообщаем о мерах наказаний, которым присуждены министром внутренних дел лица, арестованные и высланные за демонстрацию 4 марта. Первая категория лиц — высланные на 3 года без права в'езда в обе столицы, в университетские города и в 19 губерний Европейской России, с отдачей под гласный надзор полиции. Вторая категория — высланные на 2 года без права в'езда в университетские города и в 19 губ. Европейской России с отдачей под гласный надзор полиции. Третья категория лиц — высланные на 1 год без права в'езда в университетские города и в 19 губ. Европейской России с отдачей под гласный надзор полиции. Часть высланных оправдана по «суду» и получила разрешение теперь же возвратиться в Петербург.

Напоминаем товарищам, что 7 апреля в субботу в 12 часов сходка на университетском дворе около химической лаборатории, и просим об этом оповещать всех других товарищей.

Организационный комитет С.-Петербургского университета.

Прокламация «Группы студентов», высланных по делу 4 марта (апрель 1901 г.) [2].

Товарищи!

Мы, выброшенные из вашей среды в борьбе за отмену временных правил, вдали от той среды, в которой находились в продолжение нескольких лет, лишенные возможности теперь принимать непосредственное участие в этой борьбе против произвола правительства, взываем к вашей чести, товарищи!

Нам дорого все, что будет происходить в вашей среде, нам дорог исход этой борьбы, мы душой вместе с вами присоединяемся к общему протесту.

Товарищи! Вам всем памятно 4 марта. Неужели вы через несколько недель успеете позабыть произвол русского правительства, учиненный над нами через подвластные ему полицейские и военные власти, те кровавые сцены, которые разыгрывались перед Казанским собором? Неужели, как только зажили раны и шрамы от нагаек, вы забудете о нравственной пощечине, данной нам жандармами? Неужели вы пойдете на экзамены, бросите своих товарищей, отстанете от протеста?

Нет, мы верим вам; мы знаем, что вам дорого дело и дорога честь пострадавших за это дело ваших товарищей. Мы думаем, что вы бодро несете знамя борьбы, высоко подымаете свой голос правды во всеуслышание всему русскому обществу, против произвола правительства.

На нас лежит долг будить людей, не понимающих ту тяжесть, те тиски, которые их давят. На вас смотрят тысячи людей и ждут от вас

[1] М. Ю., врем. канц., 1901 г., д. № 10854, л. 79.
[2] Д. П., о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 125, т. I, л. 261а.

твердости, гражданского мужества и последовательности в борьбе. Мы верим вам, что вы будете бороться до конца, пока последний воин не сойдет с поля брани, пока останется хотя одна душа, которая в состоянии будет протестовать.

Товарищи! Мы требовали отмены «временных правил», мы требовали возвращения товарищей, отданных в солдаты,— и что делают с нами?

Тысячу человек выслали за то, что они свято боролись против такого произвола правительства. Тысячу людей вырвали из студенческой среды и бросили на произвол судьбы, всеми силами стараясь заглушить последние искры протеста, тлеющие в их груди. Нам не дали возможности бороться до конца, но вы, товарищи, продолжайте борьбу.

Вдумайтесь, товарищи, какое удовлетворение дает нам правительство, чем отвечает оно на наш протест? Оно назначает министром народного просвещения Ванновского, того самого Ванновского, которому было поручено «расследовать всесторонне причины студенческих беспорядков» в памятный 99 год.

Если кто из вас, товарищи, думает, что назначением на пост министра Ванновского правительство пошло навстречу студенчеству, тот жестоко ошибается:— это новая ловушка, чтобы обмануть и успокоить вас. Что из себя представляет Ванновский?

Яркой тому характеристикой служит его доклад по поводу волнений 1899 г.[1]. В своих поисках за причинами беспорядков бывший военный министр, с присущей ему военной выправкой и с дорогими его сердцу запросами чисто солдатской дисциплины, пришел между прочим к следующим заключениям: «Что касается до общих причин беспорядков, то... они лежат в полной беспризорности учащейся молодежи, в предоставлении ее самой себе, в отсутствии за ней надзора со стороны учебного начальства, крайней разобщенности студентов как между собой, так и с профессорами и инспекцией, в переполнении университета слушателями, в недостаточной осмотрительности при выборе профессоров и преподавателей, в числе коих в особенности среди молодых приват-доцентов попадаются люди лжелиберального направления...» (доклад Ванновского по поводу студенческих беспорядков, издание «Рабочего знамени», стр. 25).

А какие способы рекомендует Ванновский для упорядочения академической жизни?

«Установление контроля над занятиями студентов, усиление и преобразование инспекции, так как ныне она в составе инспектора и пяти его помощников... поставлена в невозможность иметь надзор почти за 5 000 чел. студентов, чему мало помогают 11 служителей из нижних чинов, особенно, если взять во внимание обременение инспекции канцелярскими обязанностями...» (доклад Ванновского, стр. 51). И таким же полицейски-казарменным духом веет от всех реформаторских проектов генерала Ванновского! Хотя, по его мнению, «возможно было бы» учреждение студенческой кассы и библиотеки, но лишь «под строгим надзором университетского начальства и при периодической ревизии книг и отчетов». Студенческая автономия даже в пределах самых элементарных интересов университетской молодежи — это жупел для «просвещенного» министра. У «вызываемых самою жизнью и существующих несмотря на воспрещения» студенческих учреждений он мечтает отнять всю привлекательность, «узаконив» их под строгим контролем начальства (доклад, стр. 52). Проникновение всего универ-

[1] Брошюра «Доклад Ванновского по поводу студенческих беспорядков 1899 г.», 1900 г., Изд. «Рабочего знамени», 52 стр.

ситетского и студенческого быта регламентом казарменной субординации — вот к чему сведется опека нового отца-командира, который теперь призван для «корейного пересмотра и исправления» нашего учебного строя.

Можем ли мы в виду такой перспективы безучастно смотреть в будущее? Можем ли сложить руки и ждать даров от наших правительственных данайцев? Нет, товарищи! В настоящий момент слишком много поставлено на карту и никто из вас не должен протянуть нашим врагам руку примирения. Не о зачислении семестров, не о благополучной сдаче экзаменов, не об обеспечении своей жизненной карьеры должны вы думать теперь, товарищи. Ваш настоятельный долг теперь противиться всяким сладким зазываньям!

Правительство всеми силами будет стараться вас успокоить! Правительство будет вам давать разные подачки, возвратит часть пострадавших товарищей, будет обещать вам различные реформы. Но, товарищи, осмотритесь кругом, вдумайтесь глубже в смысл подачек правительства и вы увидите, что это только ловушки, поставленные им, чтобы мы успокоились и чтобы оно могло потом лучше разделаться с нами. История русского студенческого движения богата примерами, подтверждающими наши слова.

Поэтому, товарищи, требуйте не только отмены «временных правил», не только возвращения всех без исключения пострадавших товарищей, но требуйте еще и настоящей реформы нашего академического строя, реформы, которая обеспечивала бы студенчеству корпоративные организации на началах полной автономии, требуйте отдачи под суд и строгого наказания виновников совершенных над нами насилий; требуйте вполне определенных гарантий личной неприкосновенности, не прекращайте борьбы, пока все мы не будем иметь полного убеждения, что позорящему нашу родину царству кулака и нагайки будет раз навсегда положен конец!

Товарищи! Мы шлем вам свое сочувствие и свой братский привет. Будьте стойки и солидарны, не унывайте перед угрозами начальства, не смущайтесь новыми жертвами — эти жертвы не пропадут даром!

Вперед, товарищи, держите высоко знамя борьбы!

Группа студентов, высланных по делу 4 марта.

IV. Рабочая демонстрация в Киеве (11 марта 1901 г.)

Прокламация Киевского союзного совета, 7 марта 1901 г.[1].

Кровавые события последних дней в Петербурге, Москве, Харькове требуют энергичного протеста. В воскресенье 11 марта в 1 ч. дня мы назначаем демонстрацию на Крещатике и приглашаем к участию в ней всех, в ком не заглохло еще чувство человеческого достоинства.

Киевский союзный совет.

Прокламация Киевского комитета РСДРП, 8 марта 1901 г.[2].

Ко всем работницам и рабочим.

События сменяются с головокружительной быстротой; каждый занимающийся день приносит с собой все новые и новые ужасы. Они заставляют содрогаться от негодования самые черствые сердца. Цар-

[1] Д. П., о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 125, т. II, л. 41.
[2] Д. П., о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 125, л. А, л. 24.

ское правительство сбросило маску лицемерия, с наглым бесстыдством выступает оно теперь перед глазами всего мира.

По необ'ятному простору России с бешеной яростью бушует вихрь произвола и насилий. Задушены народности; стонут миллионы разоряемого крестьянства; ссылают на каторгу борцов за рабочее дело, расстреливают стачечников на улицах Домброва, Лодзи, Серпухова, Ярославля, Мариуполя; преследуется свобода совести и убеждений, карается свободное слово, школы превращаются в казармы, сотни честных студентов отданы в солдаты, в грязь затоптано достоинство человеческой личности.

Кровь закипает от негодования при виде совершаемых злодеяний. Прошли века покорного рабства, настает время действия. Среди общего поругания и позора может молчать лишь тот, в ком спит совесть и умерла честь.

В Харькове, Москве и Петербурге уже произошли массовые демонстрации, волнуется народ в Одессе, Казани и Томске; в Екатеринославе заводы и фабрики оцеплены войсками...

«От пролитой крови заря заалела!
Могучая всюду борьба закипела...»

Подымаются русские граждане и смело возвышают свой голос против преступного правительства. В рядах самоотверженных борцов видна мощная фигура рабочего. Вчерашний раб — он сегодня стал гражданином, закаленный годами труда и нужды, он идет на борьбу с гнетом и беззаконием. В Харькове и Москве он занимает центральное место в загоревшейся схватке... Очередь за Киевом. Рабочие и работницы! Присоединяйтесь к общему протесту! В воскресенье 11 марта в 1 час дня назначена демонстрация на Крещатике. Мирным шествием по улицам города будем выражать негодование русскому правительству за совершенные им преступления. Докажите же, что и в вас сильны гражданские чувства и готовность бороться за свободу!

Идите и делайте!
Да здравствует свобода!

Да озарит она своими лучезарными крыльями исстрадавшиеся народы России!

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут...
В бой роковой мы вступаем с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут!
Но мы поднимем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу!

Киевский комитет Российской социал-демократической рабочей партии.

Прокламация Киевского комитета РСДРП, 17 марта 1901 г.[1].

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Ко всем работницам и рабочим.

Три года тому назад, 11 марта 1898 г., в Киеве произошел разгром социал-демократической организации[2]. Одновременно производились

[1] М. Ю., врем. канц., 1900 г., д. № 11717, л. 178.

[2] 11 марта 1898 г. произведены были массовые аресты членов Киевского «союза борьбы за освобождение рабочего класса», захвачена литература и типография союза.

аресты и в других городах. Это было вскоре после образования Российской социал-демократической рабочей партии. Свирепствовала полиция, жандармы хватали рабочих и интеллигентов, происходили массовые обыски, тюрьмы были переполнены. Рука царского правительства нанесла, казалось, смертельный удар рабочему движению в России. В робкие сердца закрадывалось сомнение о возможности дальнейшей борьбы. Но живое и правое дело не умерло. На смену пришли новые поколения бойцов; со свежими силами они бодро принялись за ту же работу — за великое дело освобождения рабочего класса.

Шли годы, все шире и шире разливалась волна рабочего движения, все ярче становилась его политическая окраска. Загорелись грозные стачки в Варшаве, Белостоке, Вильно, Иваново-Вознесенске, Тифлисе. В Польше, на Северо-Западе и в Харькове в день первого мая уже гремела рабочая марсельеза. Рабочие России без различия национальностей — поляки, евреи и русские торжественно отрекались от старого мира насилий, слез и угнетения и под красным знаменем международного социализма шли в бой с экономическим порабощением и политическим бесправием.

«За восьми-часовой рабочий день!», «За свободу слова, печати, союзов, собраний!», «За свободу вероисповеданий и равноправность народностей!» — раздавался их боевой клич. «За политическую свободу!», «За освобождение рабочего класса!» отвечали мы им на своих тайных собраниях, не имея еще достаточно сил выступить с открытым призывом.

Времена переменились. Годы упорной подготовительной работы не прошли для нас даром. В тиши окрепла наша духовная связь, непрестанная борьба за улучшение экономического положения сплотила разрозненные силы, она раскрыла нам глаза на окружающую действительность и поставила нас лицом к лицу с заклятым врагом — с царским правительством. Мы соединялись в союзы и кружки, мы слышали свободную речь; мы читали листки, газеты и книжки, изданные в тайных типографиях, до нас доходило правдивое слово. Лучи знания и истины проникали в массы рабочего люда и разорвали окутывающий их мрак. При свете истины ярко выступили все язвы современного общества и государства: сказочные богатства, довольство, царская роскошь имущих классов, пользующихся всеми благами жизни, и рядом — нищета и необеспеченность трудящегося класса, необходимость борьбы с экономическим гнетом и трудность этой борьбы в стране, где государственная власть сосредоточена в руках бездушных чиновников, состоящих на службе у капиталистов, где гонится свободное слово убеждения, беззащитна личность и царит один лишь произвол. Нам стал понятен каждый общественный акт. Долгие годы унижений и насилий над нами сделали нас чуткими ко всякому притеснению и обиде. Мы научились горячо чувствовать, пылко желать — мы стали гражданами.

Тогда наступило время действия, открытой борьбы за политические права, за права человека и гражданина. И киевский рабочий вышел на улицу и развернул красное знамя с вышитыми золотом словами: «За политическую свободу».

11 марта, в третью годовщину погрома социал-демократической организации, в Киеве происходит первая рабочая демонстрация — грозный протест рабочего класса против зверской политики царского правительства, в частности, против дикой расправы царских опричников над

демонстрантами в Харькове, Москве и особенно в Петербурге, где именем русских законов произведено избиение беззащитной толпы. Отныне киевский рабочий вступает в ряды передового отряда рабочей армии и выходит на широкое поле политической борьбы. Там, близ того места, где некогда в волнах Днепра крестилась Русь, залитый потоками весеннего солнца, он принял теперь другое, гражданское крещение.

День 11 марта! Улицы заполнены народом. Под звуки революционных песен, прерываемых криками «ура», строго, спокойно двигаются тысячные толпы демонстрантов, здесь сошлись все без различия профессий, пола, возраста, национальностей — ремесленники, фабрично-заводские и чернорабочие, мужчины и женщины, старики и подростки, русские, поляки и евреи. На всех лицах — одушевление, в глазах — восторженный порыв к свету и справедливости, страстное желание жить, жить так, как жить подобает человеку, а не придавленному рабу.

Это не бурная вспышка, не бесформенный бунт, движимый слепой ненавистью. Это продуманное спокойное и организованное движение к иным порядкам, к новой жизни, основанной на началах свободы, равенства и справедливости. В одухотворенности — его мощь. В организованности — залог дальнейших успехов. — Товарищи! Нам предстоят еще долгие годы упорной борьбы, но мы владеем теперь сильным оружием — массовым протестом, демонстрацией. При каждом новом злоупотреблении царского правительства мы будем громко протестовать против беззакония во имя человечности и справедливости.

Туда же, на широкие улицы, залитые солнечным светом, мы будем сходиться в день первого мая, в день великого праздника рабочих всех стран и народностей и на глазах у своих врагов производить смотр своим батальонам.

То, что казалось недосягаемым — достигнуто. Подадим же друг другу руки и смело пойдем вперед к новым победам.

Да здравствует наше молодое движение!

Киевский комитет российской социал-демократической рабочей партии.

Рапорт прокурора Киевской судебной палаты министру юстиции, 27 марта 1901 г., № 334 [1].

В дополнение к рапорту от 14 марта за № 280 [2] имею честь донести вашему высокопревосходительству, что производившееся в административном порядке расследование об уличной демонстрации 11 марта этого года в г. Киеве производством закончено, и местным жандармским управлением на этих днях препровождается г. киевскому губернатору для дальнейшего направления в установленном порядке.

Данными этого расследования устанавливается, что уличные беспорядки 11 марта в г. Киеве явились прямым продолжением беспорядков студенческих, возникших в конце прошлого и начале нынешнего года в г. Киеве и отразившихся впоследствии на многих других высших учебных заведениях империи.

Злонамеренные агитаторы, пользуясь общим неспокойным настроением студенческой молодежи, наводнили оба высшие учебные заведения г. Киева прокламациями, в которых всеми мерами старались возбуж-

[1] М. Ю., врем. канц., 1900 г., д. № 11717, лл. 186—188.

[2] В рапорте прокурора Киевской судебной палаты от 14 марта 1901 г. № 280, сообщалось о совещании, созванном генерал-губернатором по поводу передачи им дела о демонстрации 11 марта на расследование в порядке охраны начальнику губернского жандармского управления.

дающе действовать на чувства молодежи, сообщая постоянно извращенные и зачастую неверные сведения об убитых и раненых при беспорядках в С.-Петербурге, Москве, Харькове, напоминая «о жертвах временных правил», томящихся по казармам, и «жертвах произвола, страдающих в тюрьмах», указывая на отсутствие «академической свободы», «гнет рабочих и общее бесправие народа». Ратуя против всех этих «зол» правительственного режима, оба тайные органа агитации «Союзный совет» и «Киевский комитет Российской социал-демократической рабочей партии», требовали от молодежи «ярко выраженного протеста» не в стенах учебных заведений, а на улице, перед толпой, перед «всем обществом», что возможно осуществить только путем уличной демонстрации, которую они и назначили в Киеве на 11 марта в час дня, на главной улице города Крещатике, приглашая туда всех, «в ком,— по их словам,— не заглохло еще чувство человеческого достоинства». Слухи о готовящейся демонстрации усиленно распространялись и среди обывателей города, вследствие чего 11 марта к часу дня на Крещатике собралась огромная, более 10 000 человек, толпа народу, запрудившая на всем протяжении оба тротуара и даже прилегающие к Крещатику улицы. Во втором часу пополудни из толпы, стоявшей на панели, выделилась группа человек в 100—150, преимущественно студентов университета и Политехнического института, и с пением революционных песен двинулась по середине улицы. К манифестантам с обоих тротуаров стали присоединяться разночинцы, рабочие, женщины и с криками «ура», пением марсельезы толпа направилась к зданию городской думы. В центре толпы манифестантов кто-то поднял красный флаг с какой-то надписью, но флаг сейчас же кем-то из публики был сорван и затоптан в грязь, так что когда полиция подняла его, разобрать надписи не было уже возможности, так как большинство букв, вырезанных из серебряной бумаги, было уничтожено. На неоднократные требования г. губернатора толпа демонстрантов расходилась, но сейчас же собиралась в другом месте и продолжала демонстрацию, вследствие чего отдано было распоряжение окружить демонстрантов войсками и всех арестовать. Когда около здания городской думы войска стали окружать бесчинствовавшую толпу, главные зачинщики разбежались, часть прорвалась сквозь цепь и только незначительная часть участников демонстрации осталась в оцеплении. Этих задержанных под конвоем войск и полиции повели в Старокиевский полицейский участок, а громадная масса публики сопровождала шествие вплоть до участка и здесь вновь образовала толпу в несколько тысяч человек. По дороге арестованные силой пытались выбраться из оцепления и бросались на солдат, которые вынуждены были отбиваться прикладами. К 4 часам пополудни порядок на Крещатике был восстановлен, возобновилось движение экипажей и городского трамвая, а у участка толпа продолжала стоять до 6 часов вечера, пока окончилась переписка задержанных и все они были освобождены. Переписано было в участке 108 человек, да раньше чинами полиции арестовано было 8, так что всех привлеченных к расследованию за участие в уличных беспорядках 11 марта оказалось 116 человек, из них студентов университета св. Владимира 16 человек, студентов Политехнического института 6, женщин 23, а остальные 71 человек — разночинцы и рабочие. Из всех 116 человек, допрошенных при расследовании, никто не признал себя виновным в беспорядках, кроме дворянки Ванды Мыслинской (слушательницы Лионских медицинских курсов), которая об'яснила, что она сознательно приняла участие в демонстрации 11 марта с целью выразить протест против «временных правил», все

же остальные утверждали, что попали случайно, будучи стихийно увлечены толпой, из которой нельзя было потом выбраться. Такие об'яснения в большинстве случаев не заслуживают однако доверия и опровергаются целым рядом свидетельских показаний, устанавливающих непосредственное участие в демонстрации многих из числа допрошенных лиц. Вообще по мере активного участия в демонстрации и степени доказанности такового всех привлеченных можно разделить на 4 категории; к категории первой должны быть отнесены 11 человек, в отношении коих с несомненностью установлено, что они принимали самое деятельное участие в беспорядках 11 марта: шли все время впереди толпы демонстрантов, пели революционные песни и на требование полиции разойтись отвечали отказом. К категории второй должны быть отнесены 46 человек, роль которых в демонстрации была более пассивна, но участие в ней в той или иной мере установлено свидетельскими показаниями. Среди лиц этой группы, в особенности между интеллигентной молодежью есть такие, недавнее прошлое коих свидетельствует не в пользу их политической благонадежности и указывает на то, что демонстрация 11 марта соответствовала их целям, а самый факт задержания их в центре беспорядков дает основание предполагать, что они не были чужды движению. К третьей категории надлежит отнести тех 36 человек из числа задержанных 11 марта, против которых нет свидетельских показаний и единственной уликой является факт задержания их среди бесчинствовавшей толпы. Большинство их простые люди, ремесленники и рабочие различных цехов, явившиеся на демонстрацию частью из любопытства, частью несомненно по подговору агитаторов, долженствовавшие изображать «народ» для придания демонстрации большей внушительности. Позолотчики, слесаря, заготовщики, токари, булочники, столяры — все это цехи, более других поддавшиеся влиянию социал-демократической пропаганды, и они-то и составляют главный контингент лиц последней категории. К четвертой категории относятся 19 человек, участие которых в демонстрации 11 марта решительно ничем не установлено и арест их должно об'яснить чисто случайностью, всегда возможной при массовых беспорядках среди многотысячной толпы.

Против этих 19 человек предполагается прекратить преследование. Четыре человека евреев не разысканы и в отношении их расследование будет приостановлено впредь до явки их или задержания, а в отношении вышеупомянутых участников первых трех категорий предполагается применить различные меры административных взысканий от трех месяцев тюремного заключения и двух лет гласного надзора полиции до одного месяца ареста включительно.

Прокурор судебной палаты Арсеньев.

Поиски драгоценных металлов на Севере в XVII и XVIII вв.

Промышленная разработка руд драгоценных металлов в России имеет недавнее происхождение. Сенат в своих проектах организации рудокопного дела неоднократно отмечает, что «в Российской империи издревле известной металл один был — железо, которое ручными домницами плавлено, однако же очень мало, а в протчих металлах и минералах в старые времена из чего что делается не слыхивали» [1].

Несмотря на отсутствие своих рудоразработок, в древней Руси уже в X в. было развито производство изделий из драгоценных металлов. Приток драгоценных металлов в казну древне-русских княжеств являлся результатом грабительских походов, собирания дани и меновой торговли. Крупнейшая новгородская колония — Заволочье, восточная ее часть — Урал, исстари была основной базой, снабжавшей Новгород серебром.

Драгоценные металлы, являвшиеся крупным фактором для установления международного торгового баланса, стекались главным образом, в города, где были сосредоточены торговые люди с их торговыми операциями. Города приобрели особое хозяйственно-экономическое значение. В древней Руси такими городами были: Новгород, Киев и Переяславец на Дунае: «Хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середа в земле моей, яко ту вся благая сходятся: от грек злато, паволоки, вина, овощеве разноличныя, из Чех же, из Угор серебро и комони, из Руси же скора и воск, мед и челядь» [2].

Русские князья особенно стремились к накоплению сокровищ — золота и серебра,— пригодных при всех изменениях рыночной конъюнктуры.

Завоевательная политика Московского государства в XV столетии уже не удовлетворялась обычным для нее способом приобретения драгоценных металлов. Иван III впервые пытался развернуть борьбу за освоение подземных богатств русской земли. Посылая своих послов к венгерскому королю Матиашу, Иван III велел просить: «Да прислал бы к нам мастера, которой руду знает, золотую и серебряную, да которой бы руду умел и разделити с землею, занеже в моей земле руда золотая и серебряная есть, да не умеют ее разделить с землею [3].

В результате дипломатических сношений по рудознатному делу в Москве явились Иоганн да Виктор, которые были отправлены вместе с Андреем Петровым, Василием Ивановым Болтиным и греком Мануилом Иларневым на Печору искать руду.

Серебряная руда, смешанная с медью, была найдена на реке Цильме, впадающей в Печору. Для обработки найденной руды в 1492 г. отправилась экспедиция, в составе: грека Мануила Иларнева и боярских детей Василия Болтина, Ивана Брюха, Андрея Петрова. Результат работы экспедиции остался неизвестным.

Уже исстари на севере носились толки о богатых серебряных россыпях, которые по народной молве находились то на материке, то на каком-то острове.

[1] ГАФКЭ, дело сената 5/1527.
[2] Лаврентьевская летопись под 969 годом.
[3] ГАФКЭ, архив Посольского приказа, книга цесарского двора 1488—1517, Статейный список.

С одной из подобных легенд нас знакомят публикуемые документы; они повествуют о каком-то новгородце, жившем в эпоху Грозного «посадцком человеке, Ваське, прозвищем Живляк».

Этот сородич былинного Васьки Буслаева «покупал серебряные слитки... и оттого был богат вельми». Нечто подобное мы находим в недавно изданных любопытных записках Генриха Штадена, одного из опричников Грозного. Описывая северный путь в далекую, неведомую Московию, он говорит: «Двина — река. На этой реке у Поморья лежит посад по названию Холмогоры... Далее лежит Una Nunnuy; на море — семь островов, по ним бродят олени. Далее течет река Мезень. За ней лежит Лампожня, далее река Цильма. Здесь пластами выходит наружу серебряная руда» [1].

Рост купеческого капитала в XVII столетии и стремление московских правителей итти в ногу с иностранными государствами, заставили их обратить большее внимание на поиски серебряных и золотоносных руд. Это было тем более необходимо, что страна, истощенная войнами, задыхалась от непосильных податей, и казна была пуста.

Рудоискания однако не могли получить широкого распространения в Московском государстве и производились, главным образом, за счет средств местных воеводских канцелярий и сошных людей. Но и воеводы неохотно затрачивали местные средства на подобного рода предприятия.

Так, в 1666 г. указ, разосланный «по городам стольникам и воеводам» о том, что «пошел по государеву указу Новгородской гость Семен Гаврилов и с ним плавильщик иноземец Денис Юрьиц для сыску медной руды в Олонецкой уезд...» предписывал, «что ему Семену к тому рудокопному делу на покупки и на всякие запасы и целовальников и иных каких мастеровых людей и толмачей и то ему давать в Великом Новгороде и Олонце». Но, когда Гаврилов, согласно государева указа «имать государевы казны из Олонца» запросил на раздачу работным людям «сто рублев», воевода Богдан Ордин-Нащокин ему ответил: «пишешь к думным людям непригоже с указом, и за то тебе по указу великого государя учинено будет наказание, будешь бит кнутом нещадно».

В конце XVII в. в разных местах, а также и в Сибири были открыты железные, медные, а в 1691 г. в Нерчинске при реке Аргуни серебряные руды, но эти открытия тогда не получили промышленного развития.

В Московском государстве не было специального учреждения, предназначенного заниматься изысканием и развитием добычи драгоценных металлов. Отсутствовали и рудокопных дел мастера. Все более и более выяснялось, после продолжительной работы по изысканию руды, что «надобны к рудокопному делу мастеровые люди из-за рубежа». Московское правительство вынуждено было поручить специальным людям «для тех мастеровых людей ездить в Свею за рубеж тайным образом». Так, в 1697 г. воевода Василий Андреевич Ржевский послал сына боярского Степана Тупальского «в горные порубежные волости ко князцом Мышану да Когадаю для взятия руд, и они де Степан с товарищи землю раскопали до каменья знаку серебряной руды и тот камень ломали сверху, а просечь в глубину не умели».

Почти все месторождения драгоценных металлов были открыты мелкими искателями-крестьянами, прекрасно знавшими природные свойства своей местности. Но палочная дисциплина феодальной эпохи мало способствовала среди местного населения развитию техники изыскания и обработки подземных богатств страны.

В 1700 г. Петр I учредил особый орган — Рудный приказ, повелевая «оным для пополнения его великого государя казны, золота и серебра в Московском государстве на Москве и в городах сыскивать золотых, серебряных, медных

[1] Г. Штаден, О Москве Ивана Грозного, записки немца опричника, М. 1925, стр. 64.

и иных всяких руд, по коих по сыске золотых, серебряных и медных заводить заводы и делать товары на государя, а железные отдавать на откуп».

В результате начавшегося оживления рудных работ, вследствие привлечения иностранных горных дел мастеров, а также благодаря начавшемуся обучению рудному делу русских мастеров, в Москву было прислано разных металлических руд из 121 пункта. Руды выявлялись: медные — в Олонецком, Кольском, Пустоозерском, Соликамском уездах; в Сибири — в уездах Верхотурском, Кунгурском и Тобольском; серебряная руда — в Нерчинском.

Во второй половине XVIII в., когда были обнаружены месторождения золота одновременно в двух различных пунктах на Урале и в Архангельской губернии, впервые появляется технически организованная эксплоатация золотоносных руд в России. Однако, и в XVIII в. при рудоисканиях инициатива местных жителей была очень значительна.

Среди населения Северного края, особенно богатого болотистой и озерной железной рудой, был широко распространен мелкий кустарный промысел по обработке железных и серебряных руд. В царствование Екатерины II северяне добывали серебряную руду в тундре около Даниловского скита и делали из нее серебряные рубли, по образцу екатерининских. Эти рубли, распространявшиеся по всему Северу, ценились дороже казенных, так как производились из более высокопробного металла.

Наряду с изготовлением рублей, Север был известен местными серебряными поделками: крестами, складнями, серьгами, пуговицами к сарафанам и т. д.

Но мероприятия правительства, выселившего всех жителей монастырей — Даниловского на реке Выге и Лексинского на реке Лексе и окрестных деревень в глухие местности Сибири, надолго уничтожили для государства возможность определить местонахождения руд; крестьяне, боясь разорения, даже если и знали про существование золотых и серебряных руд, держали однако это втайне.

Публикуемые материалы: «Дело приказа Большого дворца об отыскании серебряной руды в Кольском, Двинском и Белозерском уездах в 1671—1681 гг.» [1] и «Дело об отыскании руд на Медвежьем острове и других местах Белого моря 1769 г.» [2], до сих пор еще совершенно неизвестные в печати, рисуют картину состояния и техники рудокопного дела в России в XVII и XVIII столетиях и одновременно вскрывают настойчивое стремление правящих классов раздобыть эти драгоценные металлы. Эти же самые документы с неменьшей яркостью подчеркивают и тот факт, что основную роль в деле отыскания руд играло местное крестьянское население. Во второй половине XVIII в., благодаря постепенному осваиванию специальных знаний по горному делу, начинают применяться более усовершенствованные способы эксплоатации подземных богатств России.

Дело об отыскании серебряной, а по некоторым показаниям даже золотой руды в Северном крае — в Архангельском, Кольском и Двинском уездах — сильно привлекало внимание русского правительства в XVII в. Центральная власть снарядила туда за короткий промежуток времени несколько экспедиций, возглавляемых разными служилыми людьми той эпохи. Довольно полно разные перипетии всего этого предприятия отразились на столбцах обширного архивного дела XVII в., написанного на 329 столбцах, которое носит заголовок: «Дело приказа Большого дворца об отыскании серебряной руды в Кольском, Двинском и Белозерском уездах». Как было тогда в обычае, дело это заключает многочисленные свидетельские показания, излагаемые по нескольку раз почти в одних и тех же выражениях, повторения, пересказы уже приводившихся ранее фактов. При воспроизведении все эти повторения и редубликации, не вносящие новых фактов, здесь нами опускаются. Но все основные, ведущие документы

[1] ГАФКЭ, архив Посольского приказа, д. № 972.
[2] ГАФКЭ, гос. архив, рязряд XIX, дело № 109.

точно приводятся здесь в хронологической последовательности; исключение составляют последние листы дела с расспросными речами крестьян Белозерского уезда, хронология которых нарушена уже в делопроизводстве самого приказа.

А. Бирзе.

Извет и докладная роспись П. Моложенинова в приказ Большого дворца, март 7179 (1671) г.

/л. 3/ 179 году марта в ...[1] день в приказе Болшого дворца боярину и оружейничему Богдану Матфеевичю да стольнику Александру Савастьяновичю Хитрово да дьяком Якову Петелину да Федору Тютчеву да Семену Кудрявцеву Петр Моложенинов подал докладную свою роспись, а в росписи написано.

В прошлом во 177-м году прислана государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца[2] грамота ис приказу Болшого дворца на Белоозеро на Рыбной двор ко мне Петру о сыску серебряные руды с трубником с Любимом Рудаковым, да с ним же Любимом прислал серебряные полаты мастер Тимофей Греков по извету Кирилова монастыря крестьянина Стенки Трофимова, и та руда горячие серы, а не серебряные.

Да в том же во 177-м году извещал великому государю, а мне Петру Моложенинову подал извесную челобитную за рукою на Рыбном дворе устюженец Федка Прокофьев сын Крутынин о ярославской руде в Болобановской волости, и я Петр, не описываяся к великому государю, зимным времянем посылал з Бела озера того серебреника Тимофея Грекова, а с ним подьячево и целовальников и приставов и стрельцов.

И тое руды опыт взяли и привезли ко мне Петру на Бело озеро на Рыбной двор.

И я Петр с тою ярославскою рудою Болобановские волости его Тимофея Грекова на ямских подводах с приставы и с проводниками отпустил к великому государю к Москве в приказ Болшого дворца и писал о той руде и о иных местех подробну, чтоб те места, где колчедан лежит, проходить в глубину и в далину и отыскивать той руды корени, откуда исходит, и потом перепущать, и чтоб прислать с Москвы ко мне Петру и дать к той руде мастеров и работников. И мне Петру мастеров не прислано и работников не дано.

/л. 4/ А после того во 178-м году ис приказу Большого дворца дана мне великого государя грамота, а велено сыскивать в Белозерском и в Ярославском уездех серебряные руды, а мастер мне не дан и людей работных имать не указано.

И я Петр тое руды ярославские, что в Болобановской волости, по нужде не искал.

Да в нынешнем во 179-м году отпущал я Петр живую рыбу и был в Ярославском уезде в той в Болобановской волости в октябре перед заморозом и видел, что лежит в земле слой черной земли, а другой красные.

И ныне по указу великого государя та руда велено ведать Кузьме Патокину да Степану да Максиму Шушериным.

Да в прошлом в 178-м году августа в 25 день — был я Петр на празник в дому пречистыя богородицы успения и преподобного отца Кирила Белозерского чюдотворца, ездил помолитися и звал к себе вина

[1] Число не выставлено.

[2] При воспроизведении дальнейших документов царский титул обозначается сокращенной буквой... (т).

шить того ж Кирилова монастыря серебреника Петра Савостьянова сына каргопольца и говорил ему с челобитьем, чтоб мне помог о взыскании серебряные руды и обещал ему великого государя жалование, потом и от своих крох учинити подаяние. И он мне сказал в то время, заверя, что знает таково человека, которой ведает серебряную руду и чтоб про нево великому государю до тех мест не об'являть, до которых мест он в Кирилов монастырь приедет, а как он приедет и он Петр Савостьянов хотел мне ево об'явить.

И августа с 15 числа да февраля по 24 день ждал я Петр от того серебряника к себе ведомости и, не дождав, поехал к Москве и заехал в Кирилов монастырь к чюдотворцу помолитца и с ним серебреником повидатца.

И в Кирилове монастыре тот серебреник Петр Савостьянов сын каргополец сказал мне Петру, что тот человек не бывал, которой ему про тое руду сказывал, а ведомо де ему учинилося, что он к Москве проехал, а имя де ему Еремей Денисов сын Попов, колмогорец, серебряник, а живет[1] /л. 5/ в Кирилове монастыре у слуги Ивана Иванова сына Шиголева, а ведает де он в достаток про серебряную руду, где та руда родитца и кто ее продавал и кто покупал.

А будет де он колмогорец Еремей такова дела великому государю не об'явит, и мне Петру не скажет, и он де Петр Савастьянов сын каргополец про тое руду отчасти ведает и, что знает, скажет.

А сказал мне Петру, что де в прошлых годех, как был строителем старец Матвей, и при нем де Матвее привезена руда от моря из вотчины монастырские Унбы.

А привезено де ее слитками, а слитки подобны крицам фунтов с тринадцать.

И после де тово вскоре старец Матфей взят был по челобитью братии и крестьян к Москве и был под началом, и потому при нем Матфее той руде испытания не было.

А как де по указу великого государя прислан в Кирилов монастырь болшим строителем старец Ефрем Потемкин и тое руду велел ему Петру́ каргопольцу плавить, и он тое руду переплавил в слитки, и от тех де криц малая убыль в плавке учинилася.

А ис того де плавленого серебра делал он Петр, по приказу болшого строителя старца Ефрема Потемкина, в Кирилов монастырь в соборную церковь успения пречистые богородицы серебряного голубя, а другаго голубя делал в церковь чюдотворца Кирила Белозерского.

А то де серебро в плавке и в деле было мягко и чисто, добре лутчи немецкого серебра.

А слышал де он, что та руда плывет из высокие каменные горы и садитца крицами.

И Ефрем де Потемкин взыскания ради тое руды к морю в вотчину Унбу хотел ехать сам и поехал к Москве, докладу ради, и, приехав де к Москве, занемог, и чают, что за немощию своею не докладывал. А потом государской гнев над ним учинился.

А иные власти /л. 6/ и братья про тое руду, которая из вотчины их, из Унбы привезена и в плавке была, ведают ли или не ведают, и того мне он Петр серебреник не сказал.

А еще де ныне того плавленого серебра в Кирилове монастыре в пруте есть.

А как я Петр приехал к Москве и марта в 23 день посылал по сере-

[1] В подлиннике ошибочно: «женат».

бреника по колмогорца по Еремея и ево роспрашивал против Петровы скаски каргопольца.

И он Еремей у меня на подворье на Москве был и мне Петру Моложенинову сказал, что он в Кирилове монастыре при старце Ефреме Потемкине у плавки того серебра вместе с каргопольцем с Петром Савастьяновым был, да с ними ж де был ево Петров ученик Кирилова монастыря серебреник Степан Михайлов сын Маслов, а ныне он Степан на Москве ж.

А плавили то серебро у старца у Ефрема Потемкина за кельею, а в плавленье он сказал, толко де убыли от 7 фунтов с фунт или с полтора, а сколко де тех криц серебряных было фунтов, того он не ведает.

А такова де он серебра на Руси мяхково и чистово не делывал и не видал.

А сказался он Еремей родом поморец тех стран, попов сын, а того места мне Петру не об'явил, где то серебро родитца, и кто им промышлял, и делал, и продавал.

И старец Матфей Микифоров и болшой строитель Кирилова монастыря старец Ефрем Потемкин и колмогорец Еремей попов ныне на Москве, а Степан Маслов на Москве ж.

И буде великий государь укажет и достоит их допросить.

А в Кирилов монастырь по серебреника по Петра каргопольца и по голуби и по серебро, которое осталося в пруте по нынешнему зимнему пути, подлинного ради свидетельства, послать и о сем взыскании, что великий государь укажет.

/л. 7/... Да в нынешнем во 179—м году декабря в 10 день бил челом великому государю ... (т)..., а на Беле озере на Рыбном дворе мне Петру подал челобитную Белозерского уезду Судцкого стану волости Черные Кьямы Ильинского приходу попов сын Гришка Данилов. Позняков, а урождением белозерец, посадцкой человек о серебряной и об иных рудах, которые в Белозерском уезде есть. И та ево челобитная ниже сего.

/л. 8/ Царю государю ...(т)... бьет челом и извещает сирота твой Белозерского уезду Судцкого стану волости Черные Кьямы Ильинского приходу попов сын Данилов Гришка Позняков, а урожением белозерец посадцкой человек.

По твоему великого государя указу и по грамотам ис приказу Болшого дворца велено Петру Елисеевичю Моложенинову на Беле озере и в Белоозерском уезде сыскивать серебряные руды. И я, сирота твой по твоему великого государя указу и по приказу Петра Елисеевича Моложенинова в нынешнем во 179-м году в сентябре и в октябре и в ноябре ходил в Белозерском уезде в розных станех и сыскивал руды во многих местах и нашол руды в Белозерском уезде в Суцком стану на реке Суде на берегу в Колашемской волости по обе стороны реки Суды. А лежыт та руда и ниже Колашемской волости по реке Суде во многих местах. А какая, государь, та руда, и того я, сирота твой не ведаю. Да в том же, государь, в Судцком стану есть волость Ножема Пустая, да и слобода, словеть, — она же, болшим и диким лесом поросла. А пустеет, государь ото многих лет. И ведомо мне, сироте твоему, учинилося от ведущих людей, что подлинно в той волости есть серебряная руда. А нынешним зимним путем до весны никоторыми обычаи за великими снегами и за болшим и многим и диким лесом искать той серебряные руды не мочно.

Милосердый государь... (т)..., пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, челобитье мое и извет записать и вели, государь, по нынеш-

нему зимнему пути Петру Елисеевичю Моложенинову сыску ради руды ехать в Колашемскую волость и испытания ради тое руды взять, где я сирота твой укажу. А в пустой, государь, Ножемской волости серебряной руды вели, государь, сыскивать весною и летом и как земля ростает. Царь государь, смилуйся пожалуй.

/л. 9/ И против его челобитья в Белозерской уезд в Колашемскую волость для сыску серебряные руды я Петр ездил, и в Колашемской волости в поместье Степана да Ивана Остафьевых детей Зиновьева руды я Петр взял и ис той руды опыт учинен, и тот опыт и руды привез я Петр к Москве с собою.

А он Гришка Позняков приехал ныне со мною Петром к Москве же, потому что в той волости у отца своего в Черной Кьяме жить ему нельзя: многие на него хвалятца за сыск серебра смертным убийством.

/л. 11/ Да я Петр слышал от Семенова крестьянина Капустина Комоневские волости сельца Фомина от Родки Ермолова, а взят он был на Рыбной двор, сыску ради серебряные руды, что де подлинно в той пустой Ножемской волости есть серебряная руда. А слыхал де он от отца своего и от иных старых людей — в прошлых де летех при царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Росии белозерец посадцкой человек Васка, прозвище Живляк, покупал в той волости серебряные слитки крицами и оттого богат был вельми. И та де волость вскоре, богатые ради славы, от разбойников запустела.

И про то ведомо всем живущим людем в городе на Белеозере на посаде и в Судцком стану, что Живляк богат был от покупки серебряных крищ и от продажи.

И сыску ради той руды тот Семенов крестьянин Капустина Родка выпущен с Рыбного двора на поруки. И о сем о всем что великий государь укажет.

Изветная челобитная серебреников Попова и Маслова.

/л. 12/ Царю государю ...(т)... бьют челом и извещают сироты твои колмогорец Еремка Денисов сын попов серебреник да Кирилова монастыря серебреник Стенка Михайлов сын Маслов.

Слух нас, сирот твоих, дошел, что по твоему великого государя указу сыскивает серебряные руды в Белозерском и в иных уездах Петр Елисеевич Моложенинов. И в нынешнем во 179-м году марта в 23 день приехал он Петр к Москве, и мы сироты твои пришли к нему Петру на подворье, где он Петр стоит, известить. В прошлых годех были мы, сироты твои, в Белозерском уезде в Кирилове монастыре при старце Матфее Никифорове, а после ево при болшом строителе старце Ефреме Потемкине. И привезена серебреная руда из их монастырские вотчины из Унбы при старце Матфее Никифорове и переплускал тое руду Кирилова монастыря серебреник Петр Савастьянов сын каргополец. А мы сироты твои были тут же при болшом строителе старце Ефреме Потемкине. И ис тое руды вышло серебро чистое, а из серебра зделали мы церковные утвари в олтари, два голубя, да четыре подсвещника водоосвященных. А остатки того серебра слиты в прутье, а то прутье и ныне в Кирилове монастыре в казне...

Милосердый государь...(т)..., пожалуй нас, сирот своих, вели, государь, о сыску той серебряной руды свой великого государя указ учинить, чтоб се наше сирот твоих челобитье и извет и мы сироты твои у тебя великого государя в забвении не были. Царь государь, смилуйся [1].

[1] На об. рукоприкладство.

Допросные речи б. строителя Белозерского Кириллова монастыря М. Никифорова. 29 марта 7179 (1671) г.

/л. 16/ 179-го марта в 29 день Кирилова монастыря бывшей строитель старец Матвей допрашиван. А в допросу сказал: по иноческому обещанию, как по указу великого государя в Кирилове монастыре был он строителем с 15 лет. И при нем Матвее от соляных приморских промыслов никакие серебряные руды и слитков и ефемков в монастырь не приваживали. А как он во 175-м году из монастыря взят к Москве и после ево в казне было ль что, про то ведают архимарит и казначей з братьею. А у моря де за Соловецким монастырем у соляного промыслу в вотчине их Унбе был старец Анцыфор вологженин с 5 лет, и как умер, и рухлядь ево в монастырь взята ль и какая рухлядь, того он не ведает же.

Чернец Матвей руку приложил.

Допросные речи б. строителя Белозерского Кириллова монастыря Е. Потемкина, 29 марта 7179 (1671) г.

/л. 16/ 179-го марта в 29 день Кирилова монастыря бывшей строитель старец Ефрем Потемкин допрашиван. А по допросу сказал: по иноческому обещанию, как он по указу великого государя был в Кирилове монастыре болшим строителем года з два, и с начала своего ведомства учел у казначея у старца у Иева Сергеева спрашивать про наличную монастырскую хлебную и денежную казну. И казначей де Иев об'явил ему в казне денег пятьдесят рублев, да ефимки в мешке, да три или четыре слитка серебра. А сказал ему, что те ефимки и слитки серебряные взяты в монастырскую казну того же монастыря у старца, которой был в службе за морем у соляного промыслу в монастырской их вотчине в Унбе после ево смерти ис келейные ево рухледи. И он де Ефрем велел сыскать монастырского серебреного дела мастера Петрушку Савостьянова и при нем Ефреме /л. 17/ и при казначее Иеве те слитки плавлены. А ис плавленья вышло серебро чистое. А сколько было ефимков по счоту и в слитках и ис плавленья чистого серебра по весу в чем, и то он велел казначею Иеву описать подлинно в казенные книги. А в описных де книгах описано ж имянно, а после де описи велел он Ефрем ис того плавленого серебра тому же серебренику Петрушке выковать чашку круглую, весом с полфунта, да голубь. И в ковке де то серебро мяхко гораздо. А тот де голубь ныне в соборной церкви, а чашка осталась на Москве на Кириловском подворье промеж ево келейною рухледью. А после де дела то[го] голубя и чашки осталось того ж слиточного серебра три или четыре прута, а сколько весу не ведомо, а описано де в казенной же книге. А другово де голубя при нем не делывано. Да после де того тот же серебреник /л. 18/ Петрушка, по ево ж Ефремову приказу, зделал серебреных же четыре шендана водосвятных да два выносных, а ис того ли слиточного серебра или туто ж прибавлено из ефимков, того он подлинно не ведает, потому что он Петрушко имал серебро у казначея Павла Ремезова, и описано все в книгах казеных. А кованы де шанданы и голуби и чашку не при нем Ефреме самом в монастырской кузнице, в другом Ивановском монастыре. А казначей де Иев и Павел ныне в монастыре. Да он же де Ефрем для подлинного сыску тех серебреных слитков и ефимков посылал из монастыря в ту вотчину Унбу слугу Потапа Ирева и велел про те слитки и про ефимки розыскать подлинно у старца, который был в службе /л. 19/ в Унбе, где и от какова промыслу те слитки и ефимки взялись. И тот де слуга Потап пол-

года спустя писал к нему Ефрему в монастырь неты, а каковы де неты, и он не упомнит. А писано де подлинной в отписке ево. А та де отписка осталась в монастыре в соборной келье, где бывали при нем росправные дела. Да он же Потап прислал к нему в монастырь образец жемчюгу крупного, который добывают в той же вотчине Унбе, и тот де жемчюг он Ефрем показывал на Москве строителю московские службы старцу Корнилию, потому что преж сего у моря у соляного же промыслу бывал он многие годы и про жемчюжную /л. 20/ ловлю ведает. И строитель де Корнилей сказал ему Ефрему, что в Унбе промысл такой жемчюжной есть, и он подлинно ведает. Да он же Корнилей сказал ему Ефрему, что старца того имянем, у которого слитки и ефимки взяты, он знает, а обрасцовай де жемчюг ныне на Кириловском подворье в ево Ефремове келейной рухледи в подголовке, что обит железом. А оприч де тех ефимков и слитков, при нем Ефреме не ис которых соляных приморских промыслов в привозе в монастырь не бывало. А про слитки де серебреные и про плавленье и про дело голубя и чашки и шанданов к великому государю к Москве из монастыря не писал он, потому что в той монастырской вотчине Унбе он Ефрем не бывал. А слуга де Потап писал к нему неты, а сам в монастырь при нем Ефреме не бывал же и подлинно о том ему не ведомо. Про жемчюг де не писал же потому, /л. 21/ что с Москвы писал он Ефрем в монастырь к архимариту з братьею и оне де о том совету не приложили, а про серебренников про колмогорца про Еремку Денисова сына Попова и про монастырского про Стенку Маслова сказал, что у плавки слитков с Петрушкою были два человека работников, а оне ль подлинно, и он их не знает.

[Помета] «179 году марта в 30 день взять к Петрове скаске и к осмотру, а Еремку и Стенку расспросить».

Допрос в приказе Большого дворца серебренников Е. Попова и С. Маслова, 30 марта 7179 (1671) г.

/л. 22/ И против сей пометы в приказе Болшого дворца серебреники колмогорец посадцкой человек Еремка Денисев сын Попов да Кирилова монастыря серебряного дела мастер Стенка Михайлов сын Маслов ставлены и допрашиваны, а в допросе сказали, что в прошлом во 177-м году были они в Кирилове монастыре и по приказу болшого строителя старца Ефрема Потемкина того ж монастыря серебреник Петрушка Савастьянов сын каргополец с ними плавили самородные крицы серебреные а в тех де крицах земля и камень мешался желтой, и выплавили прутье, а из того прутья сделали церковные утвари в соборную церковь успенья пресвятыя богородицы голубь серебреной, да четыре подсвечника водоосвещенных и чашку маленкую питью.

А к тому де кричному серебру прибавливали ефимочного серебра во всякое место по трети для того, что то кричное плавленое серебро мяхко добре и из одного делать было не мочно. А чистотою де то кричное плавленое серебро чисто добре, подобно белому снегу, а привезены де те крицы от моря Кирилова монастыря, из вотчины Унбы тому пять лет из выморочной рухледи старца Анцыфора, которой жил в той вотчине у приказных дел десять лет. А в той де вотчине Унбе две доли крестьян Кирилова монастыря, а третья доля Соло-/л. 23/цкого монастыря.

Да после де Ефрема во 178-м году в июне месяце по приказу архимарита Никиты казначей Павел Ремезов ис того ж кричного плавленого серебра заставил их зделать другово голубя в церковь препо-

добного Кирила чюдотворца, а затем де осталось в монастыре того ж кричного серебра прута с два без ефимочные прибавки.

Да они ж Еремка и Стенка сказали, что преж сего тому года с три тое ж кириловские вотчины Унбы крестьяня продавали такие ж серебреные крицы Стенка Кашаков на Колмагорах в Серебреном ряду серебреником, а видели де те крицы у нево Стенки колмогорцы ж серебреники Пашка да Мишка да Ивашко Гарасимовы и иные многие тово ж ряду серебреники; да у тово ж де крестьянина у Стенки ис тех же купленных самородных криц зделал он Еремка на Колмагорах крест мужской да цепочку женскую.

Да тех же самородных криц Кирилова ж монастыря у слути, которой и ныне на приказе в Унбе, у Федора Пологлаза он же Еремка сделал два креста мужские.

/л. 24/ Да он же Еремка сказал, что тое ж Кириловские вотчины Унбы крестьяне Куземка да Алфимко да Ивашко Халтурины да Андрюшка медник прозвищем Кола да щурин ево Михейко да попа Матвея сын дьячок Афонка в дву местех в горе в камени да на острову, где те крицы серебряные самородны водятся, копали и продавали на Колмагорах в серебряном ряду не по одно время, да и нынешние де серебреные крицы в Кирилов монастырь дошли от промыслу тех же людей, потому что он Еремка ту ведомость слышал от них самих и те серебреные крицы у них видел и ис тех криц делал им на Колмагорах кресты для опыту, а как де они уведали, что прямое серебро, и они учали продавать и в Каргополе, а про то де сказывали ему они ж. А те де серебряного промыслу места от Кириловские вотчины Унбы гора в пяти верстах, а остров от берегу в версте и на тех местах он, Еремка, сам бывал же.

/л. 25/ Да марта в 31 день в приказ Болшого дворца взято на Москве на Кириловском подворье у строителя Корнилия из рухледи келейные бывшего болшого строителя старца Ефрема Потемкина чашка серебреная, а на ней подпись на имя ево Ефремово. А в ней весу полфунта, два золотника.

Грамота из приказа Большого дворца в Кириллов монастырь архимандриту Никите с братьей, 5 апреля 7179 (1671) г.

/л. 26/ От царя и великого князя ...(т)... на Белоозеро в Кирилов монастырь архимариту Никите з братьею.

Ведомо нам, великому государю, учинилось, что в Кирилове монастыре при бывших при строителе старце Ефреме Потемкине да при казначеях при Иеве Сергееве да Павле Ремезове об'явились серебряные руды самородные крицы (четыре слитка серебра чистово)[1] да ефимки, а ис тех криц (а ис старых слитков) и из ефимков зделано в соборную церковь (успенья) пресвятыя богородицы да преподобного Кирила Белозерского чюдотворца два голубя да шесть шанданов (медных) водосвятных и выносных да чашка в полфунта, а затем того серебра, что выплавлено из самородных криц, в остатке три прута, а взяты те крицы и ефимки после смерти старца Анцыфора, которой жил в службу у соляного промыслу в Колмогорском уезде /л. 27/ Кирилова монастыря в вотчине Унбе, и у казначеев у Иева и у Павла, в описных и в казенных книгах то все описано подлинно. И по нашему великого государя указу велено про то сыскать подлинно, а для того послан к вам с сею нашею, великого государя, грамотою нарочно трубник Гарасим Прасолов. И как к вам ся наша, великого государя, грамота

[1] Слова, поставленные в скобки, в тексте зачеркнуты.

придет, и вы б велели в Кирилове монастыре выписать из описных и ис казенных книг, которые были при строителех при Матвее и при Ефреме и при казначеях при Иеве и при Павле или при иных казначеях, по какому прилучаю те серебряные самородные крицы и ефимки в монастырской казне об'явились и у ково взяты и в коем году, и ис тех криц и из ефимков голубь и шанданы и чашка деланы ль и что за тем в остатке прутов, и в той церковной потребе в деле по весу сколко в чем об'явилось, и ефимочное серебро в прибавку х кричному серебру кладено ль, и по сколку ефимок в статью кладено, и про ту серебряную самородную руду розыскивано ль или не розыскивано и зачем, и опричь Умбы из ыных соляных промыслов или из вотчин ефимки в приходе бывают ли? Да к той выписке приложити руки тебе, архимариту и келарю и казначеям и соборным лутчим старцам. Да с тою выпискою прислали бы есте к нам, великому государю, к Москве старца искусна, которой бы про те /л. 28/ серебряные крицы ведал подлинно, да для осмотру серебра из деланых церковных потреб голубь да шендан водосвятной да остаточные ефимки и прутье с тем старцом и с трубником прислали ж на монастырских подводах тотчас без замотчанья, да о том к нам, великому государю, отписали, а отписку и выписку за руками велели подать и старцу и трубнику церковную серебряную потребу и остаточные ефимки и прутье об'явить в приказе Большого дворца боярину и оружейничему нашему Богдану Матвеевичю да стольнику нашему Александру Савостьяновичю Хитрово да дьяком нашим Якову Петелину, Федору Тютчеву, Семену Кудрявцову.

Писан на Москве лета 7179-го апреля в 5 день.

Отписка архимандрита Кириллова монастыря Никиты в приказ Большого дворца, апрель 7179 (1671) г.

/л. 32/ Государю царю ...(т)... твоего царского богомолия успения пречистые богородицы Кирилова монастыря архимандрит Никита, строитель чернец Исаия и соборные черницы з братьею бога молим и челом бьем...

...(л. 34) И по той, твоей великого государя, грамоте мы, богомольцы твои, в описной заручной книге списки Спаса-Каменного монастыря архимандрита Ефросина, да в казенных заручных же книгах казначеев Иева Сергиева и Павла Ремезова и иных казначеев досматривали и серебряные руды самородных крич ни в которых книгах в записке не об'явилось и в присылке к нам в монастырь, от моря из Умбы и из ыных соляных промыслов и из монастырьских вотчин при нас, как мы, богомолцы твои, по твоему, великого государя, указу в Кирилове монастыре владеем, не бывало. И старцу Анисифору смерть случилась, и рухлядь ево из-за моря из Умбы в монастырь привезена до нашего архимаричья и строителского в Кирилов монастырь приезду. А случилась ему, старцу Анисифору, смерть, и рухлядь ево из-за моря из Умбы привезена в монастырь при прежних властях — при архимандрите Моисее да при старце Пахомие Спиридонове, да при келаре Павле Ремезове, и принята та рухлядь в монастырскую казну после смерти старца Анисифора отца ево духовного Анисифорова Соловецкого монастыря священномонаха Васияна, да Умбские волости воскресенского священника Лазаря Георгиева против заручные росписи в прошлом во 176-м году генваря в 12 день. А мы, богомолцы твои, по твоему, великого государя, указу в Кирилов монастырь приехали того же году и месяца в 26 день. А в той, государь, ево Ансифорове в заручной росписи написано — серебра слитков весом шесть фунтов

три чети да сорок шесть яфимков да 7 полуяфимков /л. 35/ да десять четвертин. А самородная ли крица или слиток от огня слился, и где у старца Анисифора взято, в росписи не написано, и мы, богомолцы твои, не ведаем, и сыску про то серебро не бывало. А зделано ис того серебра при нас церковные утвари в церковь успения пресвятыя богородицы да в церковь Кирилла чюдотворца — два голубя весом 3 фунта полчетверта золотника, да чашка в полфунта, и та чашка у прежнего строителя Ефрема Потемкина. А ефимки и иное какое серебро к тому слиточному серебру прибавливано или нет, про то нам, богомолцам, не ведомо. А ведают про то прежней же строитель Ефрем Потемкин, потому что делать то серебро отдавал от себя ис ксыи. и записка тому всему делу у него. А водосвятные, государь, и выносные подсвещники деланы из иного серебра, а не ис того. А того анисифоровского серебра в остатке ныне в казне два прута без чети весом два фунта без трех золотников, да три ефимка, да четвертина весом осмнатцать золотников.

И апреля же в ...день по твоему, великого государя, указу церковных потреб — голубя весом полтора фунта полшеста золотника да водосвятной подсвещник весом семдесят два золотника, да остаточное серебро и ефимки и четвертину и Анисифорове рухляди заручную роспись и серебреника Петра, которой делал заручную же скаску, с монастырским нашим старцом Аврамием умблянином да с трубником з Герасимом Прасоловым, да с слушкою нашим Игнашкою Исаковым к тебе, государю, к Москве за казенною нашею печатью послали, и о том к тебе, великому государю, писали и руки свои к той отписке вместо выписки приложили. А тое отписку /л. 36/ подать и про голубя и оставшее серебро и ефимки объявить велели в приказе Большаго дворца твоим, великого государя, боярину и оружейничему Богдану Матфеевичу да столнику Александру Савастьяновичу Хитрово да твоим государевым дьяком Якову Петелину да Федору Тютчеву да Семену Кудрявцову. А старец Аврамей умблянин и служка Игнашка Исаков посланы к тебе, государю, для того, что тот старец в Умбе и родился, и при старце Анисифоре, как был в мире он Аврамей, и слушка Игнашка в Умбе жили, и хто слиточное серебро нашел, про то нам ныне сказали, что ведают[1].

Роспись келейной рухляди старца Кириллова монастыря Анисифора, оставшейся после его смерти.

/л. 37/ 175-го году марта в 11 день Кирилова монастыря судом божиим праведным преставися старец Анисифор, Умбския волости приказной. И что у него осталось рухляди тому роспись: Божия милосердия складенки на шти дсках, кадилница медная, наверху крест, да книжиц правилных и четих и певчих его писма 23, да денег казенных в мешке 75 рублев, да серебра в слитку весом шесть фунтов 3 четверти, да яфимков 46, да полуяфимков 7, да четвертинок 10, чарка серебряная, уховертка да зуботычка серебряная, да буторинок и вставочек жемчюжку 29 числом, да кунной рухляди 36 куниц, да 18 лисиц, да 58 белок, да пол 2 выдры, да бобрик качажек, да 7 лапок лисих, да 2 зуба моржевых весом пол 7 гривенки, ровдуга деланая, да оленина не деланая, да 3 медведна, да 2-и рукавицы без исподок — одне волчьи, а другие росомачьи без верхов, да рукавицы лиси под сукном тмозеленым держаные хангилопские белые, треух куней верх рясочной,

[1] На лл. 32 об. — 36 об. по склейкам рукоприкладства.

держан, да платья — 2 шубы носильныя, овчины серыя, да шуба одевалная овчины белыя, да шуба одевалная, овчины серыя, да 3 раски ношеныя, да 2 манатьи, да полуманатья, да 3 клобука, шляпа белая, подложена дорогами, ветхая, сапоги борановые, да полуголенки телятинные, да ступни — все держаное, да 2-и вожжи заечи новые, да чемодан, да сумки переметныя ветхия да полсть, да келейных сосудов белых — 2 блюда, да 4 торел- /л. 38/ ки оловянных весом 7 гривенок, да 4 сковортки, да кумган, да яндовка медныя белыя весом 10 гривенок, да 2 горшечка, белой да черной, с кровлями, весом пол 3 гривенки, да свешник весячей с поддоном, зеленая медь в нагалище, да подголовашек дубовой, обит железом, да шкатуня простая, а в ней 9 скляниц, да хлебных запасов — ржи и муки 23 меры, круп запарных 5 мер, рыбы семги осенного лову 200 рыб, да пластей 110 рыб. Да его же старца Анисифора келейных денег 6 рублев 10 алтын. А ис тех денег дано священникам на погребение и на сорокоуст и псалтырь говорить 3 рубля, да ис тех же денег дано ходоку в монастырь с отписками рубль. А тое рухляди досматривали вежнаволоцкой чернец Игнатище Сизимец да отец духовной Анисифоров Соловецкаго монастыря старец соборной священноинок Васьян, да умбской священник Лазарь Георгиев да монастырьския слушки Силуян Григорьев да Петр Семенов, да староста церковной Ларион Максимов, да староста мирской Харитон Агеев Олешин, да крестьянин Иван Родионов Шуга. Тутоже у досмотру был и роспись писал Умбския волости церковной дьячек Афонька Матфеев Попов [1].

Допрос в приказе Большого дворца старца Кириллова монастыря, Титова и слуги того же монастыря И. Исакова, 3 мая 7179 (1671) г.

/л. 40/ И мая в 3 день в приказе Болшого дворца Кирилова монастыря старец Аврамий умленин допрашиван, а по допросу сказал: по иноческому обещанию как в прошлых годех Колмогорского уезду Кирилова монастыря в вотчине Умбе был у рыбного промыслу старец Анцыфор, вологженин девять лет. И на последнем девятом году умер, тому ныне 5 лет. А он де Аврамий родился и жил в той вотчине во крестьянех, а имя ему было Андрей Титов. И то ведает подлинно, что при нем, старце Анцыфоре, до смерти ево за год, тое ж Кириловские вотчины крестьяне Ивашко да Кузка да Анфимко Ермоловы дети Халтурины, да Панка Федоров сын Хутин сказывали ему Андрею, что оне нашли на море на острову Медвежье на краи берегу, где водою поймает, кришное дробное серебро, не в одной крице, а каковы крицы и что в них по весу, того ему не сказали, и те де крицы отдали оне ему Анцыфору за монастырской долговой хлеб. А у тех де крестьян промысл — ходят за зверьми /л. 41/ и ловят рыбу, и по октябрь месяц нынешнего 179-го году живы все были до тех мест, как он Аврамей из Умбы в монастырь поехал для хлеба и постригся в нынешнем же во 179-м году тому ныне дватцать недель. Да он же Аврамей сказал, что остров Медвеже, на котором крицы крестьяне нашли, от Умбы в тридцати верстах, стоит на море промеж берегов с одной стороны от волости от Пурьи губы в восми верстах, а з другой стороны от Которонского Наволоку три версты. А он Аврамей тот остров знает.

А Кирилова монастыря слуга Игнашко Исаков по допросу сказал, что Кирилова ж монастыря в вотчине в Умбе и в Усолье при старце Анцыфоре был он два годы. И слышал он Игнашко тое ж вотчины

[1] На лл. 37 об. — 38 об. рукоприкладства.

от крестьян от Ивашка Холтурина /л. 42/ з братьями, да от Панки Хутина, что будучи оне у морсково промыслу, нашли на острову в Пурье губе слиточное дробное серебро мелкие слитки, а сколько слитков, и что в них весу, не сказали. И то де слиточное серебро отдали оне старцу Анцыфору за свой долг. А как старец Анцыфор умер, и при нем де Игнашке в келейной ево рухледи те мелкие серебреные слитки вешены. А по весу в них объявилось 6 фунтов, и посланы в монастырь. А опричь де тех слитков, про иное находное серебро он не слыхал и тех крестьян не видал и того острова не знает.

Сказка П. Моложенинова в приказе Большого дворца, 16 мая 7179 (1671) г.

/л. 43/ 179-го маия в 16 день в приказе Болшого дворца Петр Моложенинов сказал, будет великий государь укажет быть сыску ради серебряные руды за морем Кирилова и Соловецкого монастырей в вотчине Унбе мне, Петру, и со мною быть серебрeником трем человеком, которые про то серебро известили, — Петру Савастьянову сыну кargополцу, Еремею Денисову сыну колмогорцу, Степану Михайлову сыну Маслову, да двум человеком салдатом, которые ходят в розсылке на государеве белозерском Рыбном дворе, да со мною же будет людей моих пять человек.

А ехать мне, Петру, от Москвы сухим путем до Рогачевской пристани 70 верст, а от Рогачевской пристани до Бела озера водяным путем в судне з двемя серебреники и з своими людми, а третяго серебреника Петра Савастьянова ис Кирилова монастыря и салдат на Белеозере взять и ехать на Вологду сухим путем на ямских подводах. А от Вологды ехать водяным путем реками до Колмогор, а от Колмогор рекою Двиною и морем до Унбы. И в чем водяным путем от Вологды ехать надобно под нас судно с кормщиком и з гребцы, а морем лодейка. А надобно с Колмогор сыску ради серебра взять работных людей человек з дватцать, да к ним в прибавку имать бы работных всяких чинов людей, которые в волосте в Унбе и около того места живут вблизости из Соловетцкого монастыря в вотчине в Сумском остроге у архимандрита. А чем работным людем дватцати человеком сытым быть, которые взяты будут с Колмогор, и которые работники взяты будут сверх тех дватцати человек в тамошних местех сытым же быть, о том, что великий государь укажет.

/л. 44/ А кирки и заступы и ломы и на всякие снасти железа в запас взять на Колмогорах у воеводы.

Серебрeником же надобно серебряного ради сплав[а] по их скаске 10 фунтов буры, 10 фунтов селитры, 2 фунта сулемы, 10 фунтов мышьяку, 10 фунтов нашатырю, 10 фунтов каменья винного, фунт сурьмы, полпуда квасцов, 3 пуда глины коломенской. А те запасы надобны взять на Москве, а на Колмогорах и у города Архангелского мелочью и в розвес тех запасов сказывают, что не продают.

А мне, Петру, надобно с серебрeники и с салдаты и с своими людми всяких запасов и чем тамошними людьми серебро отыскивать: 40 четвертей ржи, 40 четвертей муки ржаной, 20 четвертей овса или муки овсяные, 30 четвертей солоду, 10 четвертей круп овсяных, 10 четвертей толокна, 100 ведр вина, 30 ведр уксусу /л. 45/, 50 пуд ветчины, 5 пуд масла коровя, 10 фунтов перцу, 300 рублев денег.

И 100 рублев указал бы великий государь дать мне Петру здесь на Москве, а 200 рублев на Колмогорах, а запасы на Вологде. И которые запасы и деньги ис тех запасов и из денег издержаны будут, нужных

ради дел великого государя или поспешения ради, которых дел тамошними людьми зделать либо не мочно, и тому будут книги за моею Петровою и тамошних людей за руками.

/л. 46/ И ис того числа, чем меня великий государь пожалует, а будет, чем не пожалует, и великий государь пожаловал бы меня, велел мне дать взаймы тамошняго ради належащаго глада и скудостей, чтоб мне того великого государя дела за скудостью и за недостатками не потерять.

А будет, даст бог, серебро сыщетца, и завод делу пойдет, и чтоб великий государь указал к тому делу имать мне, что понадобитца, и на Колмогорах у воеводы и Соловецкого монастыря в вотчине в Сумском остроге у архимандрита.

А из Умбы к Москве мне Петру ехать с серебренники, или от себя лучитца мне кого послать к великому государю к Москве с отписками мимо Сумской острог Олонецким и Белозерским уездами водяным и сухим путем, а подводы сухим и зимним, а летом водяным путем суды с кормщиками и з гребцы имать от Сумского острогу до Белаозера в селех и в деревнях крестьянские, а от Белаозера до Москвы ямские без прогонов.

А тех трех серебренников женам и их детем, чем сытым быть, в то время как они серебреники у того государева дела будут, о том, что великий государь укажет. А у тех серебренников у Петра Савастьянова жена, двое детей, у Еремея и у Стефана по жене да по сыну.

Грамота из приказа Большого дворца в Кириллов монастырь архимандриту Никите, 9 июня 7179 (1671) г.

/л. 60/ От царя и великого князя ...(т)... на Белоозеро в Кирилов монастырь архимариту Никите з братьею.

По нашему великого государя указу посланы из приказу Болшого дворца жилец салдацкого строю маеор Анофрей Мамкеев в Колмогорской уезд Кирилова ж монстыря в вотчину Умбу для сыску серебряныя руды. А велено ему взять в Кирилове монастыре для писма подьячего добра и бумаги, да для плавки серебра серебреника Петрушку Савостьянова да старца Аврамия умленина, которой послан к Москве с серебром. Да Онофрею к сыску серебряныя ж руды велено в Умбе взять крестьян Кузку, Ивашка, Анфимка Холтуриных, Стенку Кашакова, Панку Хутина, Андрюшку Колу и шурина ево Михейка, да дьячка Афонку и ехать на те места, где есть серебряная руда и крицы и ис тое руды и криц искать и чинить опыт и с тем опытом и, взяв криц и руды, ехать к нам, великому государю, к Москве. А тех мест, где сыщетца серебро до нашего великого государя указу беречь старцу и слугам, которые ис Кирилова монастыря посылаютца в Умбу и тутошным умбовским крестьяном, сколким человеком пригож, чтоб тое руды /л. 61/ до нашего великого государя указу никто не капал.

И как к вам ся наша великого государя грамота придет, а Анофрей Мамкеев в Кирилов монастырь приедет, и вы б для писма подьячего добра и бумаги, сколко пригож, и серебряника Петрушку и старца Аврамия умленина дали тотчас, да в Колмогорской уезд в монастырскую вотчину Умбу к старцу и к слугам и ко крестьяном отписали, чтоб оне в сыску тое серебряные руды Анофрею Мамкееву против наказу чинили вспоможение и были послушны, и хто где ведает какую руду, и они б ему извещали и указывали, а ему Анофрею монастырских крестьян к работе велено наймывать, а без найму не

неволить. А будет ему Анофрею к рудокопному делу что понадобитца сверх того, что ему дано будет на Колмогорах, и вы б ему то все давали из монастыря с роспискою без замотчанья, чтоб рудокопному делу ни за чем мотчанья не было. А по нашему великого государя указу, то все в монастырь заплатят из нашей казны, где вам годно тотчас.

Писан на Москве лета 7179-го июня в 9 день.

Припись дьяка Якова Петелина.

Отписка майора А. Мамкеева в Приказ Большого дворца, 23 июня 7179 (1671) г.

/л. 74/ Государю царю ...(т)... холоп твой, Аношка Мамкеев челом бьет.

По твоему, великого государя, ...(т)... указу послан я, холоп твой, из приказу Большаго дворца и по наказу за приписью дьяка Якова Петелина в Колмогорской уезд Кирилова монастыря в вотчину Умбу для ради сыску серебряные руды и велено мне, холопу твоему, взять в Кирилове монастыре, что на Белеозере, у архимарита з братьею для писма монастырского подьячево добра и бумаги да для плавки серебра серебреника Петрушку Савастьянова.

И я, холоп твой, в Кирилове монастыре подьячего Петра Козина и бумаги пол стопы и для плавки серебра серебреника Петрушку Савастьянова взял.

Да по твоему ж, великого государя, указу и по скаске серебреника Еремки Денисова, что он Еремка по допросу сказал в приказе Большаго дворца, как он жил на Колмогорах, и в то время привез к нему из Кириловской вотчины Умбы Кирилова ж монастыря служка Федка Пологлаз кришнаго самороднаго серебра небольшую крицу, и он Еремка в том самородном серебре, переплавя, зделал крест ему Федке и ныне тот служка Федка Пологлаз в Кирилове монастыре. И я, холоп твой, по твоему великого государя указу и по наказу ево Федку в Кирилове монастыре про то самородное кричное серебро допрашивал и те, государь, допросные речи, я холоп твой, послал к тебе, великому государю, к Москве под сею отпискою, а отписку о том велел подать в приказе Большаго дворца твоему государеву боярину и оружейничему Богдану Матьфеевичю да стольнику Александру Савастьяновичю Хитрово /л. 75/ да дьяком Якову Петелину да Федору Тютчеву да Семену Кудрявцову, а Федку Пологлаза я, холоп твой, взял с собою в Умбу для подлинного сыску серебряные руды, а отписку я, холоп твой, послал к тебе, великому государю, Кирилова монастыря с служкою Игнашкою Васильевым июня в 23 день.

Выпись о сыске серебряной руды майором А. Мамкеевым, 7179 (1671 г.)

/л. 77/ 179-го году июля в 20 день по указу великого государя ...(т)... жилец салдатцкого строю маеор Анофрей Мамкеев приехал в Колмогорской уезд Кирилова монастыря и Соловецкого в вотчину Умбу, крестьян Кузку да Амфимка Халтуриных да Пашку Хутина да Стенку Кошпакова[1] да Андрюшку Колу да Михейка Кирилова да дьячка Афонку Матфеева про самородные серебряные крицы и про руду и про слуду порознь роспрашивал накрепко, и те роспросные

[1] В других местах он назван Кошаков.

речи записаны, а у старосты и у дьячка и у крестьян и, которые живут блиско острова Медвежья, взял скаски за руками и те роспросные речи и скаски и отпись, какову им дал Кузке с товарыщи старец Анисифор подклеяны ниже сего.

И роспрося крестьян Кузку с товарыщи взял с собою на остров Медвежей. Приехав на тот остров с старцем Аврамием и с подьячим и с трубником и с серебреники и с стрелцами и с работными людьми, серебряных криц и руды искал с великим радением на том месте, где они указали, и то место понимает морская вода в судки по-дважды, а осыхает по-дважды ж, и в том месте в мелких каменях, которые от воды из моря высыпались на берег и которые из горы валились преже сего лежат мелкое камение на большом /л. 78/ камени, в яминах нашел три крички серебряные небольшие, а весом в них дватцать девять золотников с полузолотником, меньшую самую кричку нашел в том месте, где,— оне указали,— и преж сего нашли, а те две пониже тово в море по полу сажени. И многижды в том месте и выше того в горе и на горе искал, ломал каменье ломами и кирками, и в тех местех серебряных криц и руды больше того не об'явилося.

А камень на том острову в том месте, где найдены те три крички, все дикой, синей, да меж ево пролил камень белой да камень серой, а кажетца бутто все один камень толко по нем знать, что бутто разседался, а в ыных местех бутто ямины и меж тех разсединок не во многих местех бутто камень колчедан проходил под тем местам, где те крички найдены и повыше того, а в ыном месте красная землица с песком, походит бутто, что руда какая, да меж тово ж большаго камени проходил слоями в воде и выше воды камень синей дреств-ной, а по нем бутто звестки, а иной белой и синей, а в них бутто слуда.

И ис тово колчеданнаго камени и ис красной землицы и из синево из мяхково камени, которые меж слоев ис камени выманы и ис-под того места в море, где те крички найдены и которыя иманы на сухе, велел серебреником многижды при себе чинить опыт плавить /л. 79/ в горшечках. А в те опытные руды клали составы мыло зженое с солью, буру зженную, да тут же прикладывали сулемы, да селитры, почему пристойно, и ис тех руд в плавке серебра ничего не об'явилось.

И потом, как отходит морская вода, на те места, где найдены серебряные крички, клал дрова костры большие и жег огнем, чтоб те камение от огня истрескались, чтоб на тех местех доискатца в подлинно, отчево те крички тут взялися.

И после огней на тех местех ломал камение, как было мочно, и ничего серебряных криц меж тех каменев не об'явилось, а пошел камень вельми крепкой, а меж разседин, где есть на том месте, проходил такой же колчаданной камень толко немного.

А против того места, где те серебряные крички найдены, гора от моря вышиною сто две сажени, а вся каменая, и против того места всходить на нее велми трудно.

И от тово места, где те три крички найдены, сажен со сто меж гор каменых пришла что лощина и на той лощине искал, копал ямы глубокия и в тех ямах камень мелкой с песком и ниже песку, как прокопаешь, приходила иловая земля с водою.

/л. 80/ Да на том же острову два озерка небольшие з болотцами и в тех озерках посередке и в берегах искал, копал ямы во многих приметных местах и в тех ямах в ыном месте, как прокопаешь болотную тину, придет иловая земля да глинка белая, а в ыном месте камешек мелкой с песком.

Да на том же острову борок сосенник и ельничек растет, все по каменю, и в том борку меж каменев, где мочно, и по приметным местам искал, копал ямы глубокие ж и в тех ямах песок и камене мелкие ж.

И ис тех мест, где найдены те три крички серебряные, взял камешков, в которых оне камешках сысканы и, отломав от больших каменев, которыя лежат под мелким каменем, и изо всех приметных мест и ям взял опыты и те три крички серебряные не переплавливал для того, что об'явить на Москве великому государю в приказе Большаго дворца боярину и оружейничему Богдану Матвеевичю да столнику Александру Савастияновичю Хитрова да дьяком Якову Петелину да Федору Тютчеву да Семену Кудрявцову и для ради досматриваться, откель те крички взялися, самородные л или горелые.

А тот остров Медвежей невелик добре, в длину ево версты с полторы, а в ширину /л. 81/ с версту.

А потом и на иных островах был, искал и досматривал и ничего не об'явилось, такие ж все каменные горы.

Да как допрашиван Михейко Кирилов, и в то время принес крицу, а сказал неведомо какая, а нашел де он ее в Умбе близко церкви, и серебреные мастеры Петрушка Савастьянов, Еремка Денисов той крицы досматривали и сказали, что та крица — медь запрудная колоколная, а не серебряная крица.

Сказка мирского старосты и крестьян.

/л. 91/ 179-го году июля в 20 день Колмогорского уезду Кириловя монастыря вотчины Унбы мирской староста Харитон Агеев и все крестьянишка сказали: по святей, непорочней евангелской заповеди господни «еже еси», остров мы Медвежей знаем, потому что мимо его ездим на море для промыслу бити зверей морских, моржей и белуг, а на том острову Медвежье мы не бывали. А тот остров Медвежей от Унбы в тритцети верстах, и мы серебряных крич и руды и иных руд и слуды в ыных местех и на иных островех нигде не видали и не ведаем. А в прошлом во 174-м году слышали мы от Кузки Халтурина с товарищи, что оне нашли на том Медвежье острову серебряные крицы, а какие те крицы, и мы у них не видали, а про те оне крицы сказывали, что отдали оне Кузка с товарищи старцу Анисифору. То наша и сказка, а сказку писал Умбския волости церковной дьячок Афонка Матвеев Попов.

Челобитная строителя Афанасьева монастыря С. Кулебакина, декабрь 7180 (1671) г.

/л. 96/ Царю государю ...(т)... бьет челом твоего царского богомолия успения пресвятые богородицы Кирилова монастыря чернец Сергий Кулебакин, строитель Афонасева монастыря.

В прошлом, государь, во 179-м году взято из Кирилова монастыря к Москве в приказ Большого дворца серебра два пруга без четверти весом два фунта без трех золотников три ефимка да четвертина весом осмнатцать золотников да шандан водосвятной да голуб серебряные да чашка серебряная, которую старец Ефрем Потемкин делал себе из монастырского серебра. И по твоему, великого государя, указу шандан и голуб нам отдано, а серебро и чашка и четвертина и ефимки нам не выдано.

Милосердый государь ...(т)... пожалуй меня богомольца своего вели-

государь, то серебро и чашку из приказу в дом Кирилла чюдотворца выдать; царь государь, смилуйся, пожалуй.

/л. 97/ И против сей челобитной выписано...

И июня в 15 день [прошлого 179-го году] тот голубь и водосвятной шандан отдано в Кирилов монастырь с росписко́ю.

А ныне великому государю бьет челом Кириловского подворья Афонасьева монастыря строитель старец Сергий Колюбакин, чтоб великий государь /л. 98/ пожаловал велел остаточное серебро прутье и ефимки и чашку отдать в Кирилов монастырь.

[Помета дьяка Семена Кудрявцева:]

180 года декабря в 20 день отдать с росписко́ю все, у ково что взято, а протового серебра отсечь и оставить во дворце золотников з 20 и держать до государева указу.

/л. 99/ 180 году генваря 1 день по выписке и по помете дьяка Семена Кудрявцова отдано из приказу Болшого дворца в Кирилов монастырь стряпчему Матвею Булычеву чашка серебряная весом полфунта два золотника да три ефимка да четвертина весом осмнатцать золотников да пруг серебра тянутово весом восемьдесять шесть золотников с полу золотником, да от того ж прута отсечено и оставлено в приказе Болшого дворца до государева указу семнатцать золотников с полу золотником.

Кирилова монастыря стряпчей Матфей Булычов чашку серебряную и ефимки да прут серебра взял и руку приложил.

/л. 100/ А другой прут без чети весом восмьдесят пять золотников серебра в приказе Болшого дворца у сторожей из ящика пропал и за то серебро по сыску на сторожах доправлено денгами и отдано Кирилова ж монастыря стряпчему Матвею ж Булычеву и сыск тому и роспи́ска в денгах в денежном столе.

Челобитная и докладная роспись П. Моложенинова, 11 мая 7181 (1673 г.)

/л. 101/ Царю государю ...(т)... бьет челом холоп твой Петрушка Моложенинов.

Служу тебе, великому государю, я, холоп твой, всякие твои великого государя службы тритцать деветь лет и под Ригою на отходном бою ранен[1] и за тое мое службишко и за кровь и за раны отпущен был я, холоп твой, на Бело озеро. И на Беле озере был у твоих, великого государя, розных дел и, ища тебе, великому государю, прибыли, жил безкорыстно.

Да я ж, холоп твой, по твоему великого государя указу и по грамотам из приказу Болшаго дворца сыскивал серебряные руды и в указных местех той руды не сыскал и после того, радея тебе великому государю, и ища прибыли, во многие места посылал и у многих людей спрашивал и сказали мне, холопу твоему, серебряную руду Кирилова монастыря серебряник каргополец Петрушка Савастьянов да колмогорец Еремка Попов меж Соловецким монастырем и Кольским острогом в кириловских и в соловецких вотчинах и в Кольском уезде.

И я, холоп твой, по их Петрушкиной и Еремкиной скаске, радея тебе, великому государю, тое прямую серебряную руду сыскал своими пожитченки и от того я, холоп твой, ныне в великих убытках.

Милосердый государь ...(т)... пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, тот сыск серебряные руды по моему первому сыску и промышлишку ведать и совершить мне ж, холопу своему, чтоб от иных

[1] Бои под Ригой происходили в октябре 1656 г.

сыщиков, которые посланы будут, мимо меня, холопа твоего, тому твоему государеву делу потеряну не быть, а как даст господь бог та серебряная руда сыщетца, и тогда вели, государь, то серебряное дело ведать кому ты, великий государь, укажешь, чтоб мне, холопу твоему, в моем раденишке и в прежних моих великих убытках и волокитах вконец не погинуть и от твоей, великого государя, службы не отбыть.

А как, государь, то серебряное дело зачалось и в которых местех та серебряная руда сыскана, и тому, государь, под сею моею челобитной роспись. Царь, государь, смилуйся... [1].

/л. 103/ И по указу великого государя тое руду велено было сыскивать мне Петру, и я того ради сыску изготовился ехать совсем.

И в мое Петрово место для опыту тое руды посылан был наскоро маеор Анофрей Мамкеев да с ним серебреники Петрушка и Еремка, которые про тое руду мне Петру сказали. И он Анофрей у моря руды искал толко два дни и привез серебреные руды толко золотников с тритцать. И про тое руду сказали те люди, которые тое руду таят, бутто то горелое серебро, а не руда и бутто де на море горел корабль или ладья и то де серебро выметывает на берег из моря волнами.

А те люди сказали неправду для того, чтобы тое серебряную руду утаить и про то сыску б не быть, и та серебряная руда, которую привез к Москве Анофрей Мамкеев, в приказе Большаго дворца не переплавливана и не свидетельствована для того, что разорители тому делу сказали, бутто то серебро горелое, а не руда.

А в тамошних местех, где та руда имана, горы каменные высоки и великие, не токмо что двемя днями истинно испытать, надобно сыскать и двемя месяцы.

И серебреники Петрушка и Еремка, которые для сыску с Онофреем ездили, сказали /л. 104/ мне Петру после ево Анофреевой посылки, что то серебро, которое привез Анофрей Мамкеев, самородное и сырец, а не горелое.

А тот серебреник Еремка к тому серебру применился гораздо потому, что ис той руды вотчины Кирилова монастыря на Унбовских крестьян и на жон и на детей их многие серебреные дела делал и, как в Кирилове монастыре серебреник же Петрушка такую ж руду плавил и утварь церковную делал, и у того у всего дела был он Еремка, и та де руда, которую привез к Москве Анофрей Мамкеев, такова ж, по каковой зделана церковная утварь, а не горелое серебро.

И чтоб великий государь указал тое руду, которую привез от моря Анофрей Мамкеев, в приказе Большаго дворца переплавить серебренику Еремке колмогорцу при мне, Петре, и при московских серебрениках, которым бы то дело за обычей, и в то время та руда будет познанна, горелая ль или не горелая, а какие признаки у тое руды будут, и про то я Петр и серебреник Еремка объявим у плавки тое руды.

А после перепуску тое руды указал бы великий государь для подлинного сыску послать меня, холопа своего, Петрушку нынешнею весною по полой воде с теми ж серебреники с Петрушкою каргопольцем и с Еремкою колмогорцем, которые про тое руду сказали мне Петру, да и ныне сказывают.

/л. 105/ И Петр Моложенинов у плавки серебряной руды сказал против сказок изветчиков и серебренников Петрушки каргопольца

[1] В дальнейшей части своей челобитной Моложенинов повторяет выше приводимый рассказ о находке серебра на Умбе, о чем ему сообщил серебряник Петр Каргополец и о плавке из нее «тихим обычаем» вещей в Кирилове монастыре.

и Еремки колмогорца, каковы они мне, Петру, сказки дали за руками после посылки Анофрея Мамкеева, как они посыланы были к морю с ним Онофреем и от моря приехали. Та серебряная руда, которую привез Анофрей Мамкеев от моря и которая плавлена в Кирилове монастыре и та руда не горелая, а родица та руда в горе и вывалиается из горы с каменьем на берег к морю, а не из моря ее волнами выбивает и в деле де та руда не бывала, потому что та руда сырец, а в плавке де от тое руды идет дым серы горячие, а как станет та руда кипеть, и на ней бывает пена черная, а как вылить ее в прут, и на том вылитом серебре стоит что измороз, а белостию то серебро подобно бывает снегу, а изломишь тот прут и в изломе то серебро сине, а пожжеш то серебро, и во жженье бывает бело, а в деле далече мяхче и чище ефимочного серебра; а которое деланое серебро и которое горелое, и в том серебре никакова дыму и серого духу и пены не бывает, а после зженья бывает то серебро черно, а и доброе ино пестро.

Да в том же острову, где взяли руду Анофрей Мамкеев, и в ыных островах в Соловецких и в Колском уезде меж Соловецким монастырем и Колским острогом, такая ж руда есть и в камени в белом, и в синем, в красном и в вишневом и в черном и в земле такие ж признаки и искры серебряные есть.

Путь от Москвы до Умбы.

/л. 108/ Роспись куды итить к морю: с Москвы до Рогачевские пристани, сухим путем, а от Рогачевские пристани по рекам по Яхроме и по Сестре и по Дубне до Волги, а Волгою до Кимры на судне Николы чюдотворца Песношского монастыря и Медвежи пустыни а с Кимры до Углеча, а с Углеча до Мологи, а от Мологи до Рыбные, а с Рыбные до Пошехонских сел до Песья, а с Песья до Белозерских волостей, а из Белозерских волостей до города до Бела озера, а на Беле озере имать для сыску серебряные руды ямские подводы и где доведетца государевых волостей и монастырские и дворян и детей боярских крестьянские подводы от волости до волости.

А от города Бела озера к морю через Бело озеро водою 20 верст и от вотчин Покровского девичья монастыря, что в Суздали, до села Ухтомы на ямских подводах, а из села Ухтомы на подводах 33 версты волоку Белозерским же уездом до Чаранские округи до Коротецкие пристани, а с Коротецкие пристани водою судно с кормщиком и с работники з десятью человеки до Каргополя, а ис Каргополя взять судно на перемену с кормщиком же и с работники. А тем дватцати человеком каргопольским и чаронским работником быть со мною, Петром, с своими запасы до моря и за морем во все лето и осень до заморозов и до указу великого государя или пока места от них браты будет им перемена.

/л. 109/ А на Онежском устье взять в Крестном монастыре и в ыных манастырех, которые блиски х Крестному монастырю, и по Онеге реке лодья с кормщиком и с якори, с парусы и со всякими снастми и с работниками. А тем работным людем и кормщиком быть на лодье во все лето и во всю осень до указу же великого государя, покаместа будет им перемена, с своим запасом до зимнево пути. А кузнецов имать в Кириловской и в Соловецкой вотчине в Унбе близ острова и в их Усольях, а железо б и уклад взять на ломовые каменные снасти в Каргополе государева. А будет государева железа нет, и взять бы у посацких людей. А назад будет лучитца самому ехать

или ково послать наскоро к Москве, тем же путем до Бела озера и до Москвы.

Да на Беле озере взять подьячего Ивана Лисина, который наперед сего бывал на Рыбном дворе, а ныне он живет на посаде, а службы никакие нынешней год не служит.

Да на Беле ж озере взять на Рыбном дворе восмь человек салдат, а им быть для розсылки всяких государских дел на Беле озере и до моря и за морем со мною ж, Петром, до указу великого государя, покаместа я, Петр, буду у дела великого государя. Да на Беле ж озере взять в Кирилове монастыре изветчика и серебреника Петрушку каргополыца, а с Москвы Еремку колмогорца [1], а быть им со мною, Петром, по извету своему у сыску серебреные руды в свидетельстве и у плавки.

/л. 110/ А подьячих в прибыль имать из Соловецких и ис Кириловских вотчин, ис поморских и ис церковных дьячков.

А будет, даст бог, где сыщетца на море, на островах или за морем серебряная руда подлинная в каменных горах, и чтобы взять из Соловецкие ж и из Заморские вотчины и с Керети [2] мастера, потому что им в камени дело за обычей, а искусны они камень всякой проходить в слюдном деле.

А работных людей тогда имать в прибыль, как подлинно сыщетца серебрянная руда, не описываяся к великому государю к Москве для умедлиния и далного пути, из государевых и из Соловецких и из ыных монастырских тамошних вотчин, до которых мест о том деле ведомость великому государю учинитца, а после того как и кем то дело делать и кому ево ведать и о том, что великий государь укажет.

А на Колмогоры к боярину и воеводе ко князю Дмитрею Алексеевичю Долгоруково изволил бы великий государь свой государской указ послать, чтобы, мне, Петру, мочно было для сыску серебряные руды и золотые по ведомостем в Колмогорской уезд самому ежать и посылать и подводы бы указал великий государь давать.

/л. 111/ У дела великого государя быть со мною, Петром, Кирилова монастыря серебряницу изветчику Петрушке каргопольцу, с Москвы Еремке колмогорцу да им же и плавить всякая руда и чем им нынешнее лето и осень до зимнево пути у дела великого государя быть, а без них женам их и детем кормитца, подьячему и салдатом осми человеком, которые будут з Бела озера со мною, Петром, чем им быть сытым.

И ис Керети мастера, что указ [3] великого государя.

Челобитная серебренника Е. Попова, июнь 7181 (1673) г.

/л. 112/ Царю государю ...(т)... бьет челом сирота твой колмогорец Еремка Денисов. В прошлых, государь, годех извещал я, сирота твой, с товарищем своим с каргаполцом с Петрушкою Савастьяновым, а изветную челобитную подавали в приказе Болшаго дворца про прямую серебряную руду, что на Соловецком море в Колском уезде на острову Медвежье в высокой горе лежит слоями, такова ж по признакам, каковы и немецкие заморския руды, да промежь тех же слоев находится слитками самородное серебро. А тот, государь, остров от берега

[1] В подлиннике ошибочно: коргаполца.

[2] «Кереть — река и незащищенный посад. Люди кормятся там от стекла, которое добывается из земли. Оно разрывается на тонкие листы, а потом из него делают окна. На русском языке это называется слюда» (Г. Штаден, наз. соч., стр. 64).

[3] Недописано.

морем пять верст. И в прошлом, государь, во 179-го году по твоему, великаго государя, указу, а против нашего, сирот твоих, извету из приказу Болшаго дворца посылан был на тот остров маеор Анофрей Кирьяков сын Мамкеем с нами, сиротами, для досмотру и сыску той прямой серебряной руды наскоро. И был он на том острову толко одне сутки, а нашел в земле в полусажене самородново серебра и с призначным каменьем в слитках с полфунта, а в земле, государь, до прямой серебряной руды до слоя копать не велел неведомо для чево, и то сысканое самородное серебро и с призначным камением в приказе Болшаго дворца покинено ни во что. Да и в Колмогорском, государь, и в Белозерском уезде есть же прямыя серебряныя руды против тех же признаков, и мы, сироты твои, за тем делом волочимся на Москве многое время, а указу нам, ни отказу нет.

Милосердый государь ...(т)... пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, послать в те места против нашего извету для сыску прямово свидетельства прямые серебряные руды стряпчево Афонасья Зиновьева, а ему такия дела за обычей и взять к тому делу мастеровых людей, ково он знает. А сей мой извет ей ей прямая истина, потому что я тово самородново серебра сам делал. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

Показание серебренников о найденной руде.

/л. 118/ По указу великого государя ...(т)... плавили привозного самородново серебра крицку, что привез с моря с Медвежья острова маеор Анофрей Мамкеев, и по извету колмогорца Еремки Денисова да картополца Петрушки Савостьянова, а та кричка в слитке была плотна, а на розсечке об'явилось в ней поло, а в полом месте признак мелкая дресва з желтою ржавчиною, а весу в ней полдесята золотника, а после выплавки вышло чистого серебра шесть золотников с четью. А как тое кричку учали в горну ростапливать, и признаки были дух самой тяжелой с пеною черною, а после того дух был серы горячие, да тут же об'явилось свинцу немного.

А у того плавления были и — впредь надобны будут — к тому делу здесь на Москве и в посылку с Афонасием Зиновьевым — вологжаня посацкие люди к тому делу снискатели и охотники: Яков Петров, Сергей Патрекеев, Омельян Васильев да нижегородец посацкой человек Василей Старцов.

[Внизу помета:] 181-го июля в 1 день послать до сыску серебряной руды Афонасия Зиновьева и охотников против прежняго государева указу.

Грамота в Калугу калужскому воеводе И. Баклановскому из Пушкарского приказа, 18 июля 7181 (1673) г.

/л. 122/ Лета 781-го июля в 18 день по государеву цареву ...(т)... указу думному дворянину Ивану Ивановичю Баклановскому, да дьяком Ивану Амиреву, да Федору Леонтьеву.

Великий государь ...(т)... указал послать из приказу Большого дворца стряпчего Афонасья Зиновьева в Колмогорской уезд Кирилова монастыря в вотчину Умбу для сыску серебра и руды серебряной. А для тое посылки дать ему ис Колуги прежняго серного заводу железныя чюгунныя литыя 2 трубы для того, что блиско тое вотчины Умбы есть серная гора, и без таких труб серебряныя руды начисто плавить будет невозможно.

И о том послать ево великого государя указ в Колугу к воеводе ис Пушкарского приказу.

И по государеву ...(т)... указу думному дворянину Ивану Ивановичю Баклановскому да дьяком Ивану Амиреву да Федору Леонтьеву учинить о том по указу великого государя.

Челобитная П. Моложенинова, 19 июля 7181 (1673) г.

/л. 123/ Царю государю ...(т)... бьет челом холоп твой Петрушка Моложенинов.

В прошлом, государь, во 179-м году против моей Петрушкиной докладной росписи указано было мне, холопу твоему, ехать для сыску серебряныя руды за Соловецкое море. И как я, холоп твой, совсем изготовился ехать, и в то время приходили ко мне, холопу твоему, на московской мой дворишко колмогорцы посацкие люди и росказывали мне путь к морю и за море. И я, холоп твой, спрашивал у них про серебряную руду по реке по Двине и в Колмогорьском уезде. И они мне, холопу твоему, сказали, знает ли де или не знает про то серебряник колмогорец Иван Герасимов, потому что де на Колмогорах отец ево, серебряник же, первой человек и старее ево нет, лет де ему з девяносто, и тот де ево сын Иван Герасимов ныне на Москве. И я, холоп твой, ево Ивана Герасимова, сыскав на Москве, и призывал ево к себе на двор и спрашивал ево о рудах о серебряной и о золотой и обещал ему твое государьское жалованье с отцом и з братьею и со всем ево домом белою землею, да им же обещался податей твоих государьских не платить и служеб не служить, и давал на том слово свое с клятвою. И он Иван сказал мне, холопу твоему: в Колмогорском уезде меж Колмогор и Архангелским городом в стороне от реки от Двины тритцать верст подле озера на берегу в бору в горе серебряную руду. А та де гора не каменная, песочная. Да он же сказывал в том же Колмогорском уезде подле моря в губе золотую руду, а выбивает де ее в той губе из берега волнами, а подобна де она меди зеленой, а вываливаетца де она из горы от волн на берег на приплос слитками, а слитки подобны ядрам затинных пищалей, а гора де глинная, а не каменная. А от города де от Архангелского та золотая руда за сто за пятьдесят верст. И как было мне, холопу твоему, ехать сыскивать серебряные руды за Соловецким морем и про тое руду тебя было великого государя докладывать. А ныне в мое место указано ехать сыску ради за Соловецкое море Афонасью Зиновьеву. /л. 124/ А ему Афонасью ехать мимо Колмогор и Архангельского города не в дальном растоянии от тех руд[1].

Милосердый государь ...(т)..., пожалуй меня, холопа своево, вели, государь, на Колмогорах боярину и воеводе князю Дмитрею Алексеевичю Долгоруково или ему Афонасью про те руды розыскать накрепко. А будет тот серебряник Иван Герасимов в тех своих речах запретца, и вели, государь, ево серебряника Ивана выслать за поруками или за приставом к Москве, и вели, государь, мне с ним дать очную ставку, и я ево обличю, при ком он мне такие речи сказывал, а у меня на то свидетели многие есть, и челобитную было он Иван

[1] Петр Моложенинов, добиваясь вторичной посылки его для розыскания серебряных руд после экспедиции Афанасия Зиновьева, писал в своих челобитных:

«Посылан де был он (Афанасий Зиновьев) с Москвы в осень не в подобное время, после Семеня дни и приехал в Медвежей остров о Филипповых заговеньях. И в то де время в тамошних местех бывают стужи великие и темнота, и был на Медвежье острове одну неделю, и искать было ему Афонасию серебряной руды некогда и нельзя. А хотя бы и в межень искать, ино сыскать в месяца в два или в три, а не в неделю» (л. 218).

извесную написал, а руки за тем не приложил, которой день он написал челобитную, и тот день мне от сыску отказали. А будет он серебряник Иван Герасимов и отец ево и братья серебряную руду или золотую укажут, и вели, государь, меня, холопа своево, ис клятвы вывесть и свое государьское жалованье, а мое обещание и клятву исполнить — дом их обелить, и за их такое дело от тягла их и от своих государьских служеб свободить, чтоб иным твоим государьским людям всяких чинов впредь надежно было тебе, великому государю, служить и радеть, а мне б, холопу твоему, в клятве не погибуть. Царь государь, смилуйся[1].

Челобитная серебреника Е. Попова, июль 7181 (1673) г.

/л. 127/ Царю государю ...(т)... бьет челом сирота твой колмогорец Еремка Денисов в нынешнем, государь, во 181-м году извещал я, сирота твой, про серебряную руду, что на Соловецком море на острову Медвежье и в ыных розных местех в Колмогорском и Белозерском уездех, а имянно тех мест написать невозможно, потому что в те мои изветы, наведався у меня ж, сироты твоего, Петр Елисеев сын Моложенинов вступается напрасно и подал изветную челобитную в приказ Большаго дворца на те ж места, что в прежних моих изветах написаны, а назвал бутто он те места приискал мимо меня, а что написал в извете своем колмогорца Ивана Герасимова сына серебреника и с тем Иваном я ж, Еремка, к нему, Петру, приходил и про такое дело ему, Петру, сказывал, а он Петр нигде таких мест не знает и рудные дела ему, Петру, не за обычей, и бьет челом тебе, великому государю, чтоб ему ехать для сыску собою на Бело озеро и в ыные места и твоя, великаго государя, казна терять напрасно, а самому корыстоватся. А как он, Петр, был на Беле озере, и в то время серебряной руды не нашел, кроме железных, а что я, сирота, по кои места извещаю тебе, великому государю, истиною правдою не ложно, потому что и серебро из тех мест я сам делал и свидетели на те мои изветы будут и против моего, сироты твоего, челобитья и извету посылают для прямово свидетельства и сыску прямой серебряной руды стряпчево Афонасья Зиновьева с товарыщи и как он Афонасей Зиновьев в тех местех будет, и я ему те места буду подлинно указывать и свидетелей ставить и за тем делом я, сирота твой, волочусь, третей год помираю голодною смертью, а толко мне дано твоего, великого государя, денежного жалования на под'ем, как посылан был я в посылку пять рублев, и я бедной в той волоките оскудал безо остатку, а женишко и детишки меж двор скитаются бесприютно и кормятся христовым именем.

Милосердый государь ...(т)... пожалуй меня, сироту своего, не вели, государь, ево Петрову ложному извету и челобитью поверить и на Бело озеро для сыску отпускать, а вели, государь, против прежняго моего и нынешняго извету те все места свидетелствовать ему ж Афонасью Зиновьеву с товарыщи, чтоб в тех розных посылках твоя, великаго государя, казна напрасно не пропадала, а моя б работишко в забвении не была и вели, государь, меня сироту своего, для той далной /л. 128/ посылки пожаловать денежным и хлебным годовым жалованьем, чтоб мне, сироте, в той далной посылке на пусте месте, а женишку и детишкам моим, промеж двор скитаючись безприютно голодною смертью не умереть.

[1] На л. 123 об. помета: «181-го июля в 19 день. Написать Афонасью Зиновьеву в наказ и в Новгородцкой приказ в память».

Наказ А. Зиновьеву, июль 7181 (1673) г.

/л. 130/ Список с дворцового наказу. Лета 7181 июля в ... день по государеву ...(т)... указу Афонасью Дмитриевичю Зиновьеву ехати в Двинской (в Колмогорской) в Двинской уезд Кирилова монастыря, что на Беле озере, в вотчину Умбу для того: в прошлом во 179-м году марта в 24 день в приказе Болшаго двора подал писмо Петр Моложенинов за своею рукою... /л. 137/... да июля в 19 день Петр Моложенинов в приказе Болшого дворца подал человитную за рукою, а в челобитной написано: в 179-м году сказал ему на Москве серебряник колмогорец посацкой человек Иван Гарасимов — в Колмогорском де уезде меж Колмогор и Архангелским городом, в стороне от реки Двины в тритцти верстах подле озера на берегу в бору в горе серебряную руду, а да та де гора песочная, да подле моря в губе золотую руду, а выбивает ее /л. 138/ из берега волнами слитками, а подобна меди зеленой, а слитки де подобны ядрам затинных пищалей. А гора де глинная, а от города Архангелского та золотая руда за 150 верст, и Афонасью взять с собою для указывания мест, где руда родитца, серебряника Еремку Денисова да мастеровых людей против своей росписи: вологжан Якушка Дьяконова, Сергушку Патрекеева, Емелку Васильева, нижгородца Ваську Старцова и ехать на Вологду и на Колмогоры и по государевым грамотам у воевод взять суды и гребцов и рудокопные всякие снасти и кузнецов и печников, сколко человек пригоже, и кирпичю и с Керети слюдного мастера и колмогорца Ивашка Гарасимова и против Петрова челобитья Моложенинова ево, Ивашка, роспросить и ехать в Колмогорский уезд и промеж Колмогор и Архангелского города на призначных местех серебряные и золотые руды искать с великим прилежанием, да где подаст бог какую руду, чинить опыт всячески, а что явитца, о том писать, и опытное серебро или золото и руды, посколко пригож, /л. 139/ запечатать, прислать к великому государю к Москве с нарочными гонцы, а самому дожидатися государева указу на тех же местех, где сыскано будет. А будет колмогорец Ивашко учнет запиратца, и серебряные и золотые руды не укажет, и Офанасью писать о том ко государю ж, а ево, Ивашка, до государева указу дать на крепкие поруки и ехати с мастеровыми людми в Колмогорский же уезд Кирилова монастыря в вотчину Умбу на остров Медвежей и в иные места, где укажет колмогорец Еремка и мастеровые люди и Кирилова монастыря умбовские крестьяне, которые серебряные крички преж сего нахаживали или хто и мимо тех людей об'явит где, и в тех местех серебряных крич и руды искать всячески с великим радением и по призначным местом копать в землю глубоко, чтоб конечно руды или самородного серебра доискатца подлинно, а доискався, по тому ж мастером велети чинить опыт и плавить при себе и смотреть над серебряники накрепко, чтоб в руду не примешали в мыле или в уголье и в иных составех денег ли какова готового серебра. А сколько крич или руды и всяких надобей в плавку положено будет по весу и по цене /л. 110/ и сколко будет чистого серебра или золота, то все записывать в книгу имянно. Да буде де по сыску и по опыту в плавке об'явитца из руды или из самородных крич чистого серебра или золота, о том писать и серебру опыт и руды, посколку пригоже, присылать ко государю тотчас, а отписку подать и серебро и руду оставить в приказе Болшого дворца боярину и оружейничему Богдану Матвеевичу да думному дворянину Александру Савостьяновичю Хитрово да дьяком думному Федору Михайлову, Якову Петелину, Федору Тютчеву, Семену Кудрявцову, Протасью Микифорову

А в которых местех серебряная руда или криц или какая ни есть руда сыщется, и о тех местех в отписках своих писать имянно, а самому ждать государева указу в тех местех, где об'явитца серебро и приказать тех мест беречь Кирилова и Соловецкого монастырей вотчиным крестьяном и старцом и слугам, которые в тех вотчинах у промыслов живут, и сказать им с великим подкреплением, чтоб в тех местех руды не копали нихто и сторонним людям копать /л. 141/ не давали. Да тем же Кирилова и Соловецкого монастырей и иных вотчин крестьяном и всяких чинов людем сказать государев указ: будет хто ведает серебряную и золотую и медную или иные какие руды и слюды и в ыных местех и они б ему, Афонасью, про те места извещали и указывали, не опасаясь никаких убытков и тягостей. А хто такие места укажет, и по их скаске подлинно сыщетца, и великий государь тех людей и их сродников пожалует своим государьским жалованием денежною казною и белыми землями, смотря по службе их. А хто, ведая, утаит, а великому государю учинитца ведомо мимо их, и тем людем быть в смертной казни. А однолично б ему Афонасью великому государю послужить о сыску серебряной и иных руд порадеть всячески, а тамошним жителем всяких чинов людем тягости никакой не учинить и ничем ни х кому не приметыватца и монастырьских крестьян ни х какой рудокопной работе не неволить, а где понадобятца /л. 142/ работныя люди и ему наймывать доброволно, а без найму работать отнюдь не заставливать.

А для того серебряного сыску на наем работных людей дано ему Афонасью ис приказу Болшого дворца сто рублев да Офонасью ж буде что понадобитца сверх тех снастей, что ему дано будет на Колмогорах, и то ему имать по государеве грамоте в монастырьской вотчине Умбе с росписко́ю, а каких снастей нет, и то делать нарочно, чтоб ни зачем остановки не было. А будет он о сыску серебряной руды радеть не учнет или учинит кому какие налоги и убытки, и ему от великого государя ...(т)... быти в опале и в казни.

К сему наказу государева царева и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца печать приложена.

Роспись руды, найденной и привезенной стряпчим А. Зиновьевым.

/л. 172/ 181 года августа в 13 день по указу великого государя ...(т)... для ево великого государя дел послан был на Двину и в Двинской уезд Кирилова монастыря в вотчину Умбу на Медвежей остров и в ыные места из Новгородского приказу стряпчей Афонасей Зиновьев для сыску и досмотру серебряных самородных криц и серебряные и золотые руды и что руд привезено и в которых местех и на чьих землях сыскано и тому роспись.

Кольского уезду на Медвежье острове, где преж сего Кирилова монастыря Умбовские волости крестьяня Кузка да Елфимко Халтурины да Пашка Хутин да Михейко Кирилов и жилец Онофрей Мамкеев и серебряник Еремка Денисов брали серебряные самородные крицы, и на том же прежнем месте набрано руды и с призначным белым камнем четыре пуда дватцеть пять фунтов да камени, которой около той руды лежит слоями промеж дикого красного и черного и серого камени — пуд десять фунтов. А цветом тот камень темноват з звездками, подобен, что руда ж. Да в том же месте сверху в камени в рудном слою в глубину слоя вершька в два найдена самородного серебра крица весом против пяти денег, а где та руда брана и самородного сере-

бра кричка найдена, и то место понимает морскою водою в судки дважды; да на том же острову промеж дикого камени во многих местех слоями в белом камени находитца что слюда мяхка и темна. А тот Медвежей остров Колского уезду Порегубские волости, а не Двинского уезду, и Кирилова монастыря от вотчины Умбы до того острова тритцать верст, а владеют им великого государя крестьяня Колского уезду Порегубския волости да Соловецкого монастыря старцы Пильскогубского усолья. А тот Медвежей остров против Порегубския волости от берега в море стоит верстах в осми, а длиною тот остров с полторы версты, а в широту с версту, и лесу на том острову всякого в длину с версту, а в поперег с пол версты. И на том острове с /л. 173/ восточную сторону гора каменная высокая в высоту с полтораста сажен и с северную сторону в той горе против Порегубския волости преж сего браны и ныне найдена самородныя серебреныя крицы и руда, а в котором месте ныне руда брана, и до того места от малыя морския воды поливныя пять сажен, а в болшия воды выше того места вода поливная по берегу ходит четыре сажени един аршин, а в великия ветры и выше того волны морския на берег всходят.

По извету серебряника Еремки Денисова брана руда Двинскаго уезду Варзужския волости на земле святейшаго патриарха и Спасова Новаго монастыря от устья реки Варзуги и по ней едучи подле берега морского дватцать пять верст на речке Гремяхе на морском берегу, и той руды набрано осмь пуд, а в том месте пришел берег ровн[ой] каменной в высоту сажени с полтрети и та руда лежит в берегу по обе стороны речки Гремяхи слоями пошла сверху прямо подле воды и сверху берега в речку и в берег, а не поперег, и около той руды камень дикой красной и черной крепкой. А морскою прибылою водою тех рудных слоев в речке Гремяхе понимает в высоту прямо в сажень слишком.

И против челобитья Петра Моложенинова и роспросных речей серебряника Ивашка Гарасимова Двинскаго уезду на реке Лае около Корпеха озера и иных речек и озер руды серебряные и никаких руд по досмотру нигде не об'явилось.

Сказка о руде рудознатного мастера иноземца Х. Дробыша, 23 декабря 7183 (1674) г.

/л. 174/ И 183 года декабря в 23 день в Новгородцком приказе саксонские земли иноземец рудознатной мастер Крестьян Дробыш, смотря руды, сказал.

1. Что привез стряпчей Офонасей Зиновьев с Медвежья ж острова светит на медную руду, а серебро де в такой руде не родитца.
2. Кричка де серебряная, что бутто найдена в той руде, и та де кричка плавлена из готового серебра.
3. Камень, которой лежит около той руды, бутто подобен руде, и тот де камень светит на медную руду, и то худо, и ничего из него не будет.
4. Что камень светит звестками и мелкой, тот де камень дикой, ничего из него не будет /л. 175/.
5. Что привез Посолского приказу подьячей Семен Протопопов, и та де прямая медная руда, а не серебряная.
6. Что привез Посолского приказу переводчик Андрей Виниюс — медная руда, и та плоха.
7. Что привез маеор Павел Миниюс, и в той руде будет свинец и медь и серебро.
8. А что де с реки Цылмы прислано, и та де прямая медная руда.

Грамота из приказа Большой казны воеводе кн. В. Одоевскому, 19 мая 7188 (1680) г.

/л. 234/ Лета 7188-го маия в 19 день по государеву цареву и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца указу боярину князю Василью Федоровичю Одоевскому с товарыщи великий государь ...(т)... указал послать ис приказа своей великого государя Болшие казны в Белозерской и в Двинской и в Колской уезды за Соловецкое море для сыску золотые и серебряные руды из дворян Петра Моложенинова, а для розсылки в Белозерский уезд стрелцов пять человек да дву человек приставов велено ему взять на Беле озере у воеводы, да на Беле ж озере взять ему белозерца посадцкого человека Гришку Позднякова, которой извещал о серебряной руде, а буде де ево, Гришку, в местах не будет, и ему взять поручиков ево, которые по нем ручались, взять к себе, покаместь он будет в отлучке, да кузнеца доброго со своею кузнечною снастью. И о том и о всяком споможении указал великий государь послать свою великого государя послушную грамоту на Бело озеро к воеводе ис приказу Болшаго дворца, и по государеву цареву ...(т)... указу боярину князю Василию Федоровичю Одоевскому с товарищи учинить о том по указу великого государя.

Отписка П. Моложенинова в приказ Большой казны, апрель 7189 (1681) г.

/269/ Государю царю ...(т)... холоп твой Петр Моложенинов челом бьет. В прошлом, государь, во 188-м году по твоему великого государя ...(т)... указу и по наказу ис приказу твоей великого государя Болшие казны за приписью дьяка Артемья Степанова велено мне холопу твоему, да со мною племяннику моему Андрею Моложенинову да приказу Болшаго дворца подьячему Василью Берестову и серебряником в Белозерском и в Двинском и в Колском уездех за Соловецким морем сыскивать золотые и серебряные руды и в тамошних местах проведать везде о таких местех, где чают быть золотой и серебряной руде и буде, за помощию божиею, где сыщутца какие признаки руд, и мне, холопу твоему, с таварыщи в тамошних местех велено руды сыскивать с великим радетелством и, сыскав ту руду серебряную, плавить и, что серебряные руды и серебра в сыску будет и в каковых местах, и о том к тебе, великому государю, велено писать имянно и опыты прислать в приказ твоей великого государя Болшие казны.

И в прошлом, государь, во 188-м году июля в 25 день приехал я, холоп твой, на Бело озеро и твою, великого государя, грамоту к воеводе к Илье Загрязскому о белозерце посадцком человеке о Гришке Познякове, которой извещал о серебряной руде в Белозерском уезде и о порутчиках ево и о стрельцах и о приставех и о кузнецах послал того ж числа. И августа в 9 день воевода Илья Загрязской прислал ко мне, холопу твоему, белозерца посадцкого человека Гришку Познякова, да порутчика ево Гришкина болезерские приказной избы подьячего Ивана меншово Тимохова да для розсылки белозерцев посадцких людей, которые ходят в розсылке из приказные избы, дву человек да стрельцов и салдат /л. 270/, которые ходят в розсылке ж с Рыбного двора четырех человек, да кузнеца белозерца посадцкого человека Сенку Чмутова.

И по твоему, великою государя ...(т)... указу и по наказу ис приказу твоей, великого государя, Болшие казны противо извету Гришки

Познякова и противо скаски Хлебенного дворца помяса Якушка Иванова белозерца да колмогорца Еремея Денисова я, холоп твой, с племянником своим Андреем Моложениновым и с подьячим Васильем Берестовым и приказные избы с подьячим же с Ываном Тимоховым и с серебряники з Дмитреем часовником[1] да с Ываном Глазуновым да с Еремеем колмогорцом и с ызветчиком з белозерцом Гришкою Позняковым да с кузнецом с Сенкою Чмутовым и с россылщики и с стрелцы и с салдаты в Белозерской уезд ездил и про золотую и про серебряную руду сыскивал и у волостных людей спрашивал и обыски и скаски имал за руками с великим подкреплением. А в ыные места посылал я, холоп твой, племянника своего Андрея и подьячих и серебряников и в которых, государь, местах про серебряную руду сказывали и места указывали, и в тех местех тех руд имали и плавили и в плавке, государь, в горнах та руда ходит, подобна серебру, и как из горну выйдеть и станеть жестока, и в дело и в тягу нейдеть. А ныне крестьяне против сказок в сыску серебряные руды чинятца противны в роспросех и на очных ставках сказывают и запираютца, а опосле говорят разные речи, а иных и по се число в сыску нет. И за тем, государь, тому сыску на Беле озере учинилось умедление и ис того, государь, дела и ис сказок велел я, холоп твой, выписать, а с ыных изветов списки списать и тое выписку и списки послал я, холоп твой, к тебе великому государю с сею отпискою вместе, запечатав в листу, с племянником своим с Андреем Овдокимовым сыном Моложениновым да с под'ячим с Васильем Берестовым да с серебряником з Дмитрием часовником апреля в 13 день ныне /л. 271/ шняго 189-го года, а отписки, государь, и выписку и списки велел я, холоп твой, подать в приказе твоей, великого государя, Болшие казны. А по тому, государь, делу по сказкам и по изветам довелось сыскивать про серебряную руду и в Олонецком уезде и в Чаронской округе и без твоего, великого государя, указу и без грамот из тех приказов, в которых приказех Олонецкой уезд и Чаронская округа ведомы, ездить мне, холопу твоему, и посылать для розыску, не описався к тебе, великому государю, к Москве, нелзе и впредь, государь, о розыску золотые и серебряные руды в Белозерском уезде и в Олонецком и в Чаранской округе мне, холопу твоему, сыскивать или за Соловецкое море для сыску нынешняго лета ехать и о тех людех, которые запирались, а иные говорили разные речи и о Григорье Раткове, что он Григорей серебряной слиток ко мне, холопу твоему, приносил и место серебряной руды хотел указать, а в скаске про серебряную руду просил сроку до брата своего Федора Раткова и скаскою ко мне, холопу твоему, не бывал, укрываетца, твоему, великого государя, указу чинитца непослушей, и о том, что ты, великий государь, мне холопу своему укажешь?

Сказки на допросе Я. Иванова и Е. Попова, 20 мая 7188 (1680) г.

Список.

/л. 272/ 188-го года маия в 20 день Хлебенного дворца помяс Якушко Иванов сын, белозерец да колмогорец Еремка Денисов сказали Петру Елисеевичю Моложенинову, что в Белозерском уезде в Судцком стану на реке на Суде в Колошемской волости, пониже прихоцкие церкви версты з две, а выше верхние слободки верст с шесть, в луке реки Суды лежит серебреная руда, а которые помещиковы и вотчин-

[1] В другой отписке в этом же деле (л. 196) сказано, что он был «у часов на Тайницкой башне».

никовы крестьяня живут блиско тое серебреные руды и тое руду стерегут тех помещиков и вотчинников крестьяня, и на том месте поставлена у них караулная избушка. А я, Якушко, в прошлых годех на том месте был и серебреную руду видел, а казали де ему тое руду караулные избушки сторожи, а сказали, что та — серебряная руда и нихто б ее без указу великого государя не имал, для того де они и стерегут.

Сказка на допросе Г. Познякова, 9 августа 7188 (1680) г.

/л. 273/ 188-го года августа в 9-й день по указу великого государя ...(т)... и по наказу ис приказа ево великого государя Болшие казны за приписью дьяка Артемья Степанова на Беле озере на с'езжем дворе перед Петром Елисеевичем Моложениновым белозерец посадцкой человек Григорей Данилов сын Попов, Позняков он же, которой живет в Белозерском уезде в Судцком стану в Кьямской волости у церкви пророка Ильи во дьячках, про серебряную руду допрашиван, а в допросе он, Григорей, сказал: в прошлых де годех по указу блаженные памяти великого государя ...(т)... и по грамоте из приказу Болшого дворца велено де Петру Елисеевичю Моложенинову на Беле озере и в Белозерском уезде сыскивать серебряные руды. И ево де, Григорья, посылал Петр Елисеевич для проведывания серебряные руды в Белозерской уезд и сказывал ему Григорию Белозерского уезда Судцкого стану Судцкой волости, что на крае Васильев крестьянин Григорьева сына Смолнянинова, деревни Пекина Ларка Онтонов, что в Белозерском уезде в Судцком стану в Ножемской волости в Старой пустой слободе есть серебряная руда, а места де ему, Григорью, тот Ларка в Ножемской волости в Старой пустой слободе и по се де число не указал, говорил де безпрестанно, что укажет, и от того де он, Григорей, тому крестьянину Ларке делал серги новые да другие починивал безденежно, да ему ж де дал соли тритцать гривенок безденежно ж и для де того он, Григорей, надеяся на него, Ларку, в прошлом в 179-м году известную челобитную Петру Елисеевичю и подал и после де подачи той ево Григорьевы челобитной тому лет с восмь — приношивал де к нему, Григорью, тот же крестьянин Ларка руды фунта с полтора /л. 274/, чтобы ему плавить, не серебро ли де будет, и он де Григорей той руды не плавил для того, что де ему он Ларка места не указал. Да к нему ж де к Григорью приносил Ножемской волости Старые пустые слободы деревни Федоровской Иевлев крестьянин Данилова сына Бутурлина Лучка Мокеев осарков белых, подобны де серебру, и говорил, чтоб де ему Григорью переплавить и с ним Лучкою розделить пополам; и он де Григорей у него Лучки спрашивал, где он те осарки взял и руду где знаеть, и тот де Лучка ему Григорью не сказал, где руду взял и осарки, и для де того он Григорей у него Лучки тех осарков не взял и не плавил, что де ему места не сказал и не указал.

Да он же Григорей сказал в прошлом де во 186-м году о Ильине дни от Григорьевы жены Раткова приносила крестьянка ево Агрипенка Иванова дочь слиток серебряной с фунт, чтоб де ему Григорью сделать на крест, и он де Григорей крестов не делал и отдал де тот слиток той же крестьянке для того, что было время пахотное, а ис того де слитка отломал де он Григорей кусок, золотника с три, и клал де в горшок и из горшка де вылил крест, толко де тот крест был не так, как из чистого серебра, ломоват. И после де того он Григорей видел Григорья Раткова и не в одно время и тот де Григорей Ратков

говорил ему, чтоб и ево Григорья Раткова к тому делу в долю принять Петру Елисеевичю, и тот Григорей Ратков той серебряной руды место хотел указать и по се де число ему Григорью Познякову того места серебряные руды он не указывал.

/л. 275/ Да он же Григорей сказал: в нынешнем де в 188-м зимою, в великий мясоед, приезжал де к нему Григорью в Кьямскую волость князь Борисов крестьянин княж Михайлова сына Вадбалского Ивашко Савельев дважды и сказывал, что у них в выставке на Пондале есть серебряная руда, и он де, Григорей, к тому крестьянину Ивашку Савельеву приехал, и тот де крестьянин Ивашко с ним, Григорьем, пришли в деревню Слободу к Григорьеву крестьянину Раткова к Дениску Яковлеву и про серебряную руду он Григорей тем крестьянам говорил, чтоб ему указали тое серебряную руду, где емлет Григорей Ратков, и они де меж себя с Ывашком договорилися, и дал де он Григорей Ивашку Савелеву корову свою да кожу яловичью деланую, а Дениску ж Яковлеву дал крест серебряной. И для того, что б про иск серебряной руды не познали соседи их, он Григорей с тем крестьянином с Ивашком Савельевым сменял лошадь свою на ево Ивашкову лошадь, а корову де и кожу деланую дал он Григорей ему Ивашку бутто в придачю к своей лошади. И ночною де порою тот крестьянин Дениско взял ево Григорья с собою и ходил де на лыжах за реку Иводу на гору и взял де он Дениско руды с полчетверика и говорил, что де помещик ево Григорей руду емлет в том месте, и как де он Григорей з Дениском пришли в деревню Слободу и тот Дениско да Ивашко Савельев меж себя говорили чютцким языком, а что де они говорили меж себя, того де ему Григорью не ведомо, потому что де он Григорей чютцкого языка не знает, и тое де руду он Григорей в железном горну плавил и, как де руда учала сливатца, подобна де серебру, и как де из горну тое руду вынял и слилась де та руда кусем осарками с фунт, иные осарки белы подобны серебру, толко жестоки, а умягчити де /л. 276/ он Григорей того не знает чем.

Да про руду ж де сказывали ему Григорью, что есть тем же подобием руда в Олонецком уезде в Мегорском погосте в выставке Куштозере, и для де того нынешняго 188 году весною приходил он Григорей Белозерские приказные избы к подьячему к Ивану Тимохову, потому что де он Иван с товарищи в сыску того дела по нем Григорье поручил[ись], и про то ему сказывал, чтоб он Иван написал ему Григорью челобитную о сыску серебряной руды. А он де Иван в то время был на Вологде у писма розборных книг с столником со князем Григорьем Васильевичем Тюфякиным и подьячей де Иван Тимохов челобитную ему Григорью написал и к Москве де ево Григорья послал с опытом той пондалской руды. И он де Григорей на дороге заскорбел и весною де к Москве итти за болезнью не мог, а как де ему Григорью стало легче и летом де он Григорей к Москве не пошел для того, слушно де ему Григорью учинилось, что по указу великого государя с Москвы Петр Елисеевичь Моложенинов для сыску серебряные руды на Белое озеро отпущен, и подал он Григорей слитков весом с фунт, которой выплавил с пондалской руды.

Новые документы о Н. А. Добролюбове

В 1936 г. Советский Союз отмечает столетие со дня рождения Добролюбова и три четверти века со дня его смерти.

По словам Ленина, Добролюбов дорог «всей образованной и мыслящей России...» как писатель, «страстно ненавидевший произвол и страстно ждавший народного восстания против «внутренних турок»— против самодержавного правительства» [1].

Не видя еще той решающей революционной силы, которая позднее выросла в лице пролетариата, Добролюбов всегда верил в активность, в силу трудящегося народа.

Время не убило Добролюбова, не стерло красок с его творчества, не ослабило мужественной энергии, которой пропитаны его произведения. Сейчас, в годы победы социализма, победы колхозного строя, он вырастает перед нами как революционер, как критик, как человек. Его боевые традиции стали традициями советской литературы, которая в своем боевом арсенале сочетала революционную страсть, ненависть к произволу, любовь к трудовому народу, отличавшие Добролюбова, и то пролетарское мировоззрение, опирающееся на теорию и практику Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, которого у Добролюбова еще не могло быть.

Публикуемые документы не открывают каких-либо новых черт в биографии великого революционера-демократа, но все же они представляют известную ценность, существенно дополняя многие стороны этой биографии.

«Добролюбов в педагогическом институте» — эта серия документов рисует нам Добролюбова-разночинца, после от'езда в Питер и смерти отца, теряющего связь со средой духовенства. Тяжелые материальные лишения и забота о беспризорной семье ложатся на его плечи в юношеские годы. Чтобы помочь своим братьям и сестрам, вынужденным после смерти родителей жить у чужих людей («горек чужой хлеб»,— пишет Добролюбов), он работает с огромным напряжением и хочет пройти окончательные испытания, прослушав только три курса в Главном педагогическом институте. С трудом удается ему получить возможность пройти и последний, 4-й, курс института.

Необходимость прошений на имя «власть имущих», полуголодное существование, боль о близких родных, неприютных и неустроенных,— все эти тяжести легли на плечи Добролюбова. Но личные страдания не заняли решающего места в его жизни. Они не вызвали в его сердце стадной ненависти к окружающим и подлого стремления выбраться к почету и власти по спинам и плечам других, униженных и обездоленных, людей. Он сумел увидеть и понять горе и боль народа. Он сумел сохранить в себе горячую уверенность в силу масс. С юношеских лет он проявляет упорство в достижении поставленных им перед собой целей. Ведомость его успехов с каждым годом становится лучше. Мешает поведение! Революционная натура Добролюбова проявляется уже в институте в борьбе с институтским начальством, и это не проходит даром.

[1] Ленин, Соч., т. IV, стр. 346.

Добролюбов умирает 25 лет. Умирает с сознанием своей правоты, уверенный, что он шел по прямому пути.

«Милый друг, я умираю.
Но спокоен я душою...
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею».

Добролюбов жил и боролся недаром. Он оставил яркий след как писатель и борец.

Основным мотивом его творчества были страстные поиски сильной личности, героя-революционера, который мог бы повести русский народ к борьбе за его освобождение. Добролюбов видел «темное царство», окружавшее его, видел то смрадное болото, в котором гибли силы, воля, талант лучших людей страны. Но не умирала в нем вера в активность массы. Даже Обломов, говорит Добролюбов, «не есть существо, от природы совершенно лишенное способности произвольного движения. Его лень и апатия есть создание воспитания и окружающих обстоятельств» [1].

Указывая, что в жизни образованного общества еще нет «Штольцев, людей с цельным, деятельным характером, при котором всякая мысль тотчас же является стремлением и переходит в дело», Добролюбов добавляет: «в массе такие люди беспрестанно попадаются» [2].

Добролюбов горячо нападает на Тургенева за то, что он в романе «Накануне» не сумел найти русского героя, русского человека, борца за свою идею.

«Итак, великим идеям, великим сочувствиям нет еще места среди нас? Все героическое, деятельное должно бежать от нас, если не хочет умереть от бездействия или погибнуть напрасно? Не так ли?...»,— спрашивает Добролюбов. И отвечает:

«Мы все-таки думаем, что теперь в нашем обществе есть уже место великим идеям и сочувствиям и что недалеко то время, когда этим идеям можно будет проявиться на деле» [3].

Вся деятельность, вся жизнь Добролюбова была доказательством этой мысли. И он сам был тем героем, какого он так страстно искал в литературе и в жизни (Чернышевский изобразил его в художественном образе Левицкого в романе «Пролог»).

Его жизнь не заглохла бесследно в ужасающем окружении крепостнической России. Похороны Добролюбова, демонстрации на Волковом кладбище в двадцатипятилетие его смерти, прокламации, разосланные по всем городам России (в их составлении принимал участие Александр Ульянов), борьба царской цензуры против Добролюбова, продолжавшаяся до конца XIX столетия,— все это показывает, что имя Добролюбова и его труды были боевым знаменем, собиравшим революционные силы для борьбы с произволом, с самодержавием и реакцией.

Добролюбов яростно боролся против прекраснодушных либералов.

Ленин писал в «Очередных задачах Советской власти»:

«Современным «социал-демократам» оттенка Шейдемана или что́ почти одно и то же, Мартова, так же претят Советы, их так же тянет к благопристойному буржуазному парламенту, или к Учредительному собранию, как Тургенева 60 лет тому назад тянуло к умеренной монархической и дворянской конституции, как ему претил мужицкий демократизм Добролюбова и Чернышевского» [4].

Семьдесят пять лет, прошедших после смерти Добролюбова, были периодом самым значительным в истории человечества и в частности России. Победа пролетариата и беднейшего крестьянства в октябре 1917 г., гражданская война, строительство социализма, победа колхозного строя, гигантский про-

[1] Добролюбов, Соч. т. II, стр. 501, изд. Сойкина.
[2] Там же, стр. 523.
[3] Там же, т. III, стр. 297.
[4] Ленин, Соч., т. XXII, стр. 466—467.

мышленный рост Советской страны — на месте старой России создали новую великую страну. Сотни освобожденных народов в братском союзе строят радостную счастливую жизнь, о которой мечтал и за которую боролся Н. А. Добролюбов.

Е. Ч.

I. Добролюбов в Педагогическом институте

Прошение Н. Добролюбова в Главный педагогический институт 14 августа 1853 г.[1].

Желая продолжать свое образование в Главном педагогическом институте, покорнейше прошу допустить меня к приемному испытанию. Документы мои: метрическое свидетельство и аттестат — будут представлены в непродолжительном времени. К сему прошению ученик высшего отделения Нижегородской духовной семинарии Николай Добролюбов руку приложил.

Выписка

из списка воспитанников, выдержавших приемное испытание в Главный педагогический институт[2]

№	Имена и фамилии	Лета	Происхождение	Место первоначального воспитания
	По историко-филологич. факультету			
3	ДОБРОЛЮБОВ, Николай	17	Сын священника	В Нижегородской семинарии

Директор Иван Давыдов.

Ведомость

об успехах воспитанников семинарий и гимназий по приемному испытанию в Главный педагогический институт в августе 1853 года[3]

Испытание началось 3 августа

№ №	Фамилии и имена	Из какой гимназии или семинарии	Закон божий	Русская словесность	Русская история	Всеобщая история	География	Физика	Математика	Греческий язык	Латинский язык	Французский язык	Немецкий язык	Средний вывод
52	Николай ДОБРОЛЮБОВ	Нижегородской семинарии	5	4½	4	4	3½	3	3	5	4	1	5	3.81

Инспектор А. Тихомандрицкий.

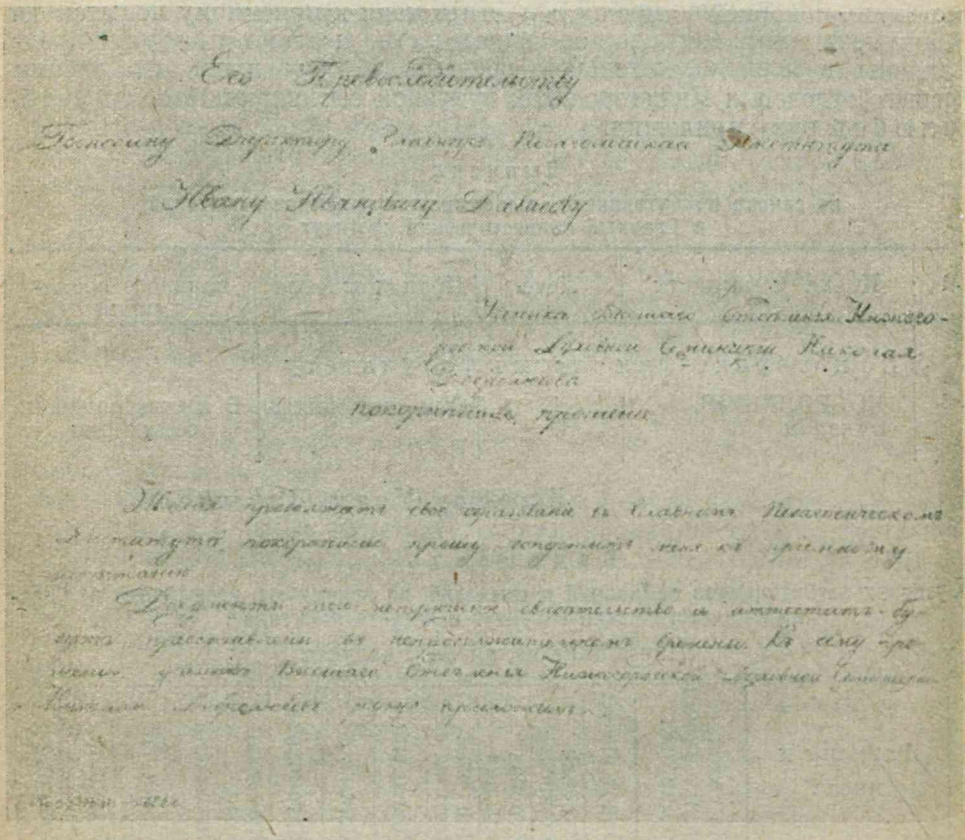
31 августа 1853 г.

[1] Лен. обл. архив (1-ИА), ф. № 13, св. 43, д. № 2564, 1853 г., л. 97.
[2] Лен. обл. архив д. 2562, 1853 г., л. 149.
[3] Там же, св. 43, д. № 2562, 1853 г., л. 119.

Прошение Н. Добролюбова директору Главного педагогического института И. Давыдову, 9 августа 1854 г.[1]

Внезапная кончина моего отца, происшедшая 6 числа сего августа, тяжело поразивши мое сердце, еще не успокоенное после недавней смерти матери, произвела во мне расстройство здоровья, которое препятствует мне явиться в институт к назначенному сроку. Честь имею покорнейше донести об этом обстоятельстве вашему превосходительству; засвидетельствование же врача представлю лично по приезде.

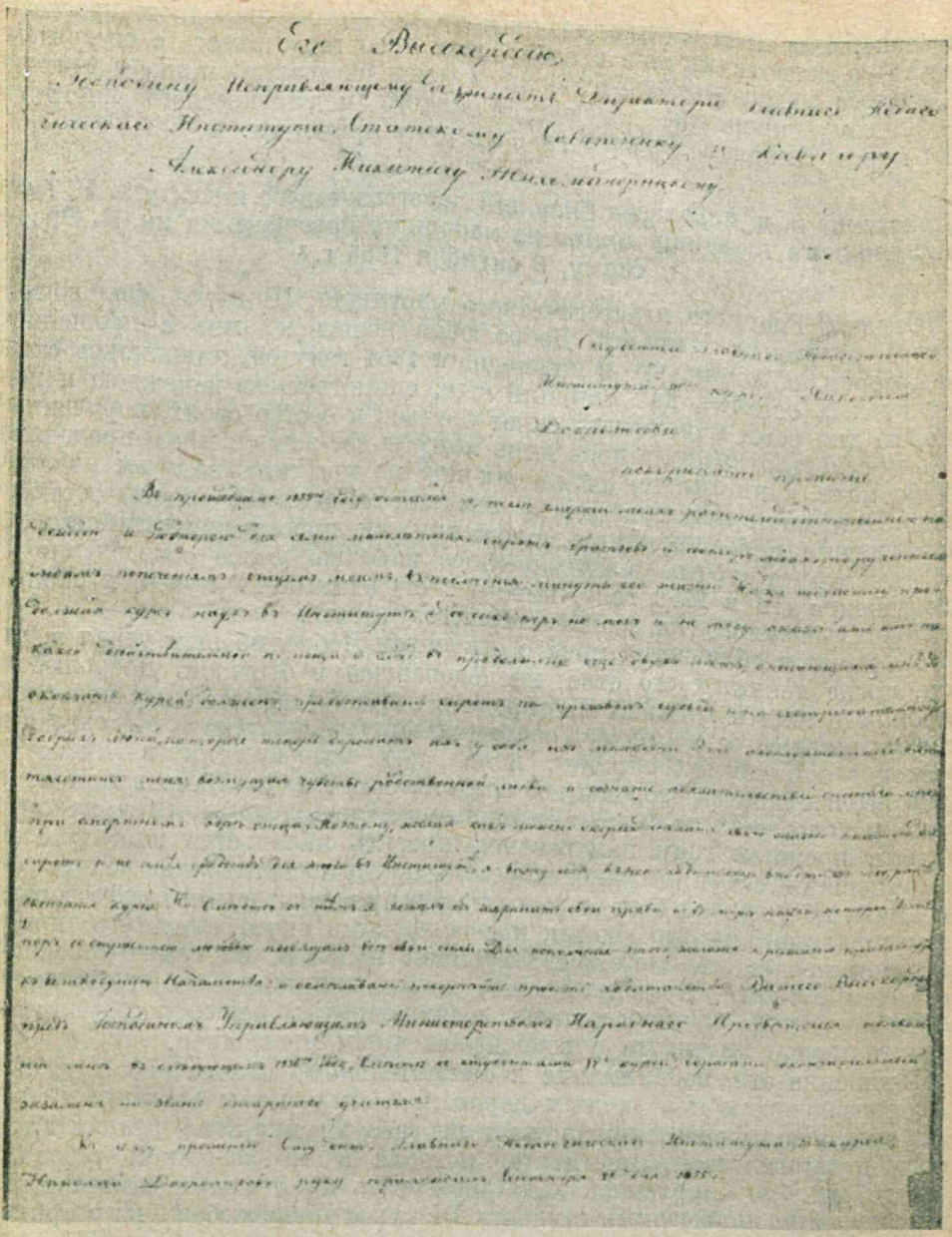
К сему рапорту студент Главного педагогического института Николай Добролюбов руку приложил.



Прошение Н. Добролюбова и. д. директора Главного педагогического института А. Тихомандрицкому, 25 сентября 1855 г.[2]

В прошедшем 1854 году остался я, после смерти моих родителей, единственною надеждою и подпорою для семи малолетних сирот — братьев и сестер моих, порученных моим попечениям отцом моим в последние минуты его жизни. Но к несчастью, продолжая курс наук в институте, я до сих пор не мог и не могу оказывать им никакой действительной помощи и следственно в продолжение еще двух лет, остающихся мне до окончания курса, должен предоставить сирот на произвол судьбы

[1] Лен. обл. архив, св. 45, д. № 2594, 1854 г., л. 24.
[2] Там же, св. 46, д. № 2612, 1855 г.



и на сострадательность добрых людей, которые теперь держат их у себя из милости. Это обстоятельство вдвойне тяготит меня, возмущая чувство родственной любви и сознание обязательства, данного мною при смертном одре отца. Поэтому, желая как можно скорее сделать свою жизнь полезною для сирот и не имея средств для этого в институте, я вижу себя в необходимости выйдти из него ранее окончания курса. Но вместе с тем я хотел бы сохранить свои права и в мире науки, которой до сих пор со страстною любовью посвящал все свои силы. Для исполнения этого желания я решаюсь прибегнуть к великодушию начальства и осмеливаюсь покорнейше просить ходатайства вашего

высокородия пред г. управляющим министерством народного просвещения — о дозволении мне в следующем 1856 году, вместе с студентами IV курса держать окончательный экзамен на звание старшего учителя.

К сему прошению студент Главного педагогического института III курса, Николай Добролюбов руку приложил.

Донесение и. д. директора Главного педагогического института А. Тихомандрицкого товарищу министра народного просвещения кн. П. Вяземскому, 8 октября 1855 г.[1]

Студент Главного педагогического института, III курса, филологического отделения Николай Добролюбов вошел ко мне с прошением, в котором, об'ясняя, что в прошедшем 1854 году он, лишившись своих родителей, остался, как старший сын, единственною надеждою и подпорою для семи малолетних сирот братьев и сестер своих, порученных его попечениям отцом в последние минуты его жизни, и что, продолжая курс наук в институте, он до сих пор не мог оказывать им никакой действительной помощи, между тем как малолетние сироты остаются совершенно в беспомощном положении, он просит исходатайствовать у вашего сиятельства милостивейшее начальническое соизволение на допущение его в 1856 году, вместе с студентами IV курса, к окончательному экзамену на звание старшего учителя.

Из личных об'яснений моих с студентом Добролюбовым узнал я, что он, после кончины его отца, последовавшей в бытность Добролюбова прошлого года в Нижнем Новгороде в отпуску, обращался с покорнейшею просьбою к местному епархиальному начальству об оказании помощи оставшимся сиротам; потом, по возвращении в институт, употреблял с своей стороны все средства для исходатайствования помещения некоторых из сирот в казенные заведения, но не успел; наконец еще в прошлом году намеревался просить начальство института об определении его в должность уездного учителя где-либо вблизи его родины, но удержан был от этого намерения некоторыми профессорами института, потому что своими превосходными способностями и прилежанием подает до настоящего времени надежду на самое успешное окончание курса. Но в настоящее время, как видно из прилагаемой об'яснительной записки, вновь вынужденным нашелся обратиться к начальству института с вышеизложенным прошением.

Прошение это, во внимание к стеснительному положению семейства Добролюбовых и к отличным дарованиям и успехам студента Добролюбова, я долгом счел предложить на рассуждение конференции Главного педагогического института, которая в чрезвычайном собрании 4 сего октября определила ходатайствовать пред вашим сиятельством о позволении подвергнуть студента III курса Добролюбова, не в пример другим, окончательному испытанию вместе со студентами IV курса в конце текущего учебного года и, если он выдержит это испытание хорошо, то предоставить ему права окончившего полный курс в институте и звание старшего учителя.

Такое заключение конференции, с приложением об'яснительной записки студента Добролюбова, имею честь почтительнейше представить вашему сиятельству на начальническое благоусмотрение.

Исправляющий должность директора, инспектор

А. Тихомандрицкий.

---

[1] Департ. нар. просвещ., Гл. пед. инст., отд. 1, стол. 1, д. № 124339, карт. 3635, 1855 г., лл. 1, 2.

Об'яснительная записка Н. Добролюбова, 6 октября 1855 г.[1]

В марте месяце прошлого 1854 г. умерла мать моя — от родов; в августе умер и отец — от холеры, оставивши на мои попечения все семейство, состоявшее тогда из 6 сестер и 2 братьев. Отец мой был в Нижнем Новгороде священником, служил 20 лет безукоризненно, пользовался вниманием начальства и величайшею общею любовью прихожан. Поэтому я считал себя вправе тотчас обратиться прямо к епархиальному начальству с просьбой о вспомоществовании. Преосвященный нижегородский Иеремия предложил было отдать моих сестер в монастырь, но я не решился согласиться на эту меру, не зная, будет ли у моих сестер, когда они вырастут, расположение к монастырской жизни. После этого, несмотря на все просьбы не только мои и других родных, но и всех прихожан, духовное начальство ничего уже не сделало для сирот. Я хотел тогда еще остаться при семействе, выпросивши себе место уездного учителя где-нибудь в Нижегородской губернии, но добрые прихожане моего отца приняли в детях самое родственное участие, почти насильно заставили меня продолжать курс учения и принялись хлопотать о помещении куда-нибудь моих сестер и братьев. Троих взяли к себе родственницы тетки, троим досталось жить у чужих, одну из девочек успели, в конце прошлого года, определить в симбирское духовное училище. Одна из сестер, которой пришлось поместиться в чужом доме, в нынешнем году уже умерла. Теперь остаются у меня сестры: Анна и Антонина — 14 л., Екатерина — 11 л., Елизавета — одного году; братья: Владимир — 6 и Иван — 3 лет.

Что касается до состояния моего отца, оно все заключается в доме, дающем до 500 р. в год дохода. Но на нем до сих пор числится до 3 000 р. сер. казенных и частных долгов, и так как на одни проценты и на застрахование дома нужно употребить в год 368 р., то остается всего 132 р., которые нужно распределить и для ремонта по дому, весьма значительного, и для уплаты долгов, и для воспитания сирот, и для обеспечения будущей судьбы их...

Казенный долг моего отца взят был им при постройке дома, из строительной комиссии. Выплачивая ежегодно определенную часть капитала и процентов, отец мой взнес уже сумму, превышающую взятый им капитал, но все еще, в продолжение 9 лет, остается нам взносить ежегодно по 200 р. сер. Так как по особому положению об устройстве Нижнего Новгорода, может быть выдаваемо бедным обывателям даже безвозмездное пособие для постройки домов, то опека решилась обратиться к главноуправляющему путей сообщения с просьбою о нетребовании с нас остального долга, так как бы ссуда, данная отцу моему, была беспроцентная. Но и в этой просьбе было отказано.

Таким образом собственных средств для содержания у семейства нет; добрые люди, взявшие сирот к себе, обещают держать их у себя несколько лет, но не хотят и не могут обещать устроить судьбу их окончательно; родственники, у которых находятся мои сестры, даже теперь тяготятся их содержанием, хотя и говорят, что готовы разделить с ними последний кусок хлеба. Но горек чужой хлеб,— и я не простил бы себе, если бы не сделал всего, что только в силах сделать, для избавления сирот от их тяжелой доли. Вот что заставляет меня употребить чрезвычайное усилие для скорейшего выхода из института.

Студент Главного педагогического института Н. Добролюбов.

---

[1] Департ. нар. просвещ., Гл. пед. инст., отд. 1, стол. 1, д. № 124339, карт. 3635, 1855 г., л. 3.

Отношение товарища министра народного просвещения кн. П. Вяземского нижегородскому епископу Иеремии, 12 октября 1855 г.[1]

Ваше преосвященство.

Студент Главного педагогического института Николай Добролюбов, сын умершего в прошлом году священника Николаевской в Нижнем Новгороде церкви, оставшись по смерти родителей своих единственной подпорою семи малолетних братьев и сестер, обратился к своему ближайшему начальству с покорнейшей просьбою о доставлении ему каких-либо зависящих от него средств к устроению существования сирот. Начальство Главного педагогического института, само по себе не имея средств, обратилось ко мне с представлением об увольнении студента Добролюбова из института до окончания им полного курса наук в этом высшем заведении, с тем, чтобы, получив по испытании должность учителя, мог он оказывать некоторую помощь сиротам. Вместе с этим я лично от исправляющего в настоящее время должность директора, инспектора института узнал, что студент Добролюбов по своим превосходным дарованиям, неутомимому прилежанию и отличным успехам подает надежду на самое счастливое окончание им полного курса наук, так что впоследствии обещает представить собою министерству народного просвещения одного из ревностнейших и благонамереннейших деятелей общественного просвещения.

По долгу звания, высочайше мне дарованного, желая сохранить для министерства народного просвещения молодого человека, подающего собою прекрасные надежды в будущем сделаться достойным наставником юношества, предоставив ему и время и средства для полного своего образования в Главном педагогическом институте, обращаюсь к вам, преосвященнейший, с покорнейшею просьбою принять отеческое участие в судьбе оставшихся сирот. Священник Александр Добролюбов в епархии вашего преосвященства прослужил церкви 20 лет, был удостаиваем особенной доверенности и за ревностное исполнение своих обязанностей высочайших наград, и студент Добролюбов получил начальное развитие дарованных ему богом способностей в нижегородской духовной семинарии; поэтому оставшиеся сироты имеют смелость надеяться на отеческое покровительство вашего преосвященства, и сочтут себя вполне обеспеченными в своем существовании, если, по всегдашнему почти и всеобщему примеру чадолюбивых архипастырей русских, предоставите Добролюбову право и дадите благословение приискать достойного человека для занятия какого-либо священнического места в самом Нижнем Новгороде со взятием в замужество одной из его старших сестер, а до ее совершеннолетия по вашему соизволению приискать священника, который бы на известных и вашим преосвященством утвержденных условиях мог исправлять службу в церкви и разные требы в приходе. Таким образом и сироты будут успокоены, и студент Добролюбов усугубит свое старание, с тем чтобы сделаться вполне достойным попечений о нем его начальства. А что касается до меня, то исполнение этой просьбы сочту для себя особенным одолжением, причем не могу не сказать, что не столько я лично, сколько само министерство народного просвещения, в видах общего и всем дорогого блага истинного просвещения в нашем отечестве, имеет надежду на удовлетворение

[1] Департ. нар. просвещ. Гл. пед. инст., отд. 1, ст. 1, д. № 124339, карт. 3635 1855 г., лл. 5—6.

вашим преосвященством единственного и вместе справедливого дозволительного желания оставшихся сирот.

Князь Вяземский.

Об'явление [1]

В Главном педагогическом институте, на основании § 72 высочайше утвержденного устава оного, в назначенные при сем по расписанию дни, по утрам, с 11 часов, имеют быть студентам десятого выпуска, окончившим полный курс учения, публичные испытания, на которые любители отечественного просвещения сим почтительнейше приглашаются.

11 мая 1857 г.
С. Петербург

Предметы испытаний

I. Историко-филологического факультета

15 мая, в среду

Всеобщая история — Ординарный профессор Ф. Ф. Лоренц.

17 мая, в пятницу

Славянские наречия — Ординарный профессор, академик И. И. Срезневский.

20 мая, в понедельник

Политическая экономия и статистика — Ординарный профессор К. И. Бессер.

21 мая, во вторник

Латинская словесность — Ординарный профессор Н. М. Благовещенский.

23 мая, в четверг

Греческая словесность — Ординарный профессор И. Б. Штейнманн.
Дипломация и международное право — ад'юнкт-профессор М. М. Михайлов.

28 мая, во вторник

Русская история — Ординарный профессор, академик Н. Г. Устрялов.

29 мая, в среду

Русская словесность — Экстраординарный профессор И. И. Лебедев.

3 июня, в понедельник

Педагогика — Экстраординарный профессор Н. А. Вышнеградский.

4 июня, во вторник

Польская словесность — Экстраординарный профессор П. Н. Дубровский.

[1] Лен. обл. архив (1-ИА), ф. № 13, св. 49, д. № 2679, 1857 г., лл. 25—26.

Список

сочинений, поданных студентами Главного педагогического института, окончившими полный курс наук по избранным факультетам [1]

I. Историко-филологического факультета

А. Отделения филологического

Николай ДОБРОЛЮБОВ	1. О славянском переводе хроники Георгия Амартола. 2. О Плавте и его значении для изучения римской жизни. 3. Историческое обозрение иезуитских школ.

Инспектор Института А. Тихомандрицкий.

1 июня 1857 г.

Ведомость

о поведении и прилежании студентов Главного педагогического института, окончивших полный курс наук в 1857 году, за все время нахождения их в институте [2]

Историко-филологического факультета

I. ОТДЕЛЕНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО

Николай ДОБРОЛЮБОВ	Трудолюбив, требователен, не сочувствует распоряжениям начальства, холоден в исполнении религиозных обязанностей, заносчив, склонен к ябеде, подвергался аресту.

Инспектор Института А. Тихомандрицкий.

2 июня 1857 г.

Прошение Н. Добролюбова управляющему министерством народного просвещения кн. П. Вяземскому, 13 июня 1857 г. [3]

Окончивши курс в Главном педагогическом институте по историко-филологическому факультету, я удостоен конференциею института, 6 июня сего 1857 г., звания старшего учителя. По некоторым делам, касающимся моего семейства, и, главным образом, для продолжения своих занятий, я имел желание и нужду остаться в Петербурге. Не имея в виду никакого штатного места в Петербурге, на которое бы я мог поступить, я осмеливаюсь, с дозволения г. попечителя Санктпетербургского учебного округа, покорнейше просить ваше сиятельство о причислении меня сверхштатно к одной из здешних гимназий, по филологическим предметам, впредь до открытия штатной вакансии, на которую начальство округа сочтет возможным определить меня.

Письмо кн. А. Куракина кн. П. Вяземскому, 14 июня 1857 г. [4].

М. г. князь Петр Андреевич.

Желая иметь учителя для занятий с двумя сыновьями моими и зная г. Добролюбова, который, еще будучи студентом, довольно долгое время уже давал им уроки, честь имею покорнейше просить ваше сиятельство о разрешении г. Добролюбову продолжать занятия учителя с моими детьми.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем к вам почтении и таковой же преданности.

Князь Александр Куракин.

---

[1] Лен. обл. архив (1-ИА), ф. № 13, св. 49, д. № 2679, 1857 г., л. 51.

[2] Там же, лл. 60—69.

[3] Департ. нар. просвещ., д. № 126258, карт. № 3707, 1857 г., л. 10.

[4] Департ. нар. просвещ., Гл. пед. инст., отд. 1, ст. 1, д. № 126244, карт. 666, 1857 г., л. 39.

Донесение директора Главного педагогического института И. Давыдова товарищу министра народного просвещения кн. П. Вяземскому, 6 июня 1857 г.[1]

По окончании испытаний студентам Главного педагогического института, окончившим ныне полный курс, конференция в чрезвычайном заседании 6 сего июня, на основании §§ 73 и 76, рассуждала об удостоении их. Принимая в соображение ведомости о поведении студентов, о прилежании и успехах их в течение всего курса, о педагогических способностях, выказанных на пробных лекциях, о достоинстве практических упражнений на заданные темы и ответов на окончательных испытаниях конференция составила им список по относительному их достоинству и на основании принятых ею в прежние годы правил удостоила: I. звания старших учителей гимназий: по филологическому отделению: ...Николая Добролюбова...

О сих удостоениях и наградах конференция имеет честь почтительнейше представить вашему сиятельству на начальническое утверждение и испросить разрешения совершить акт выпуска студентов из института 21 сего июня.

Директор, член главного правления училищ И. Давыдов.

Ведомость

о поведении и успехах студентов Главного педагогического института IV курса историко-филологического факультета, отделения филологического, за полный курс[2]

№	Фамилии и имена	Поведение	Педагогика	Русская словесность	Славянские наречия	Латинская словесность	Греческая словесность	Средний вывод за полный курс	Средний вывод по экзаменам	Вспомогательные предметы	Окончательный вывод	Удостоиваются звания
2	ДОБРОЛЮБОВ Николай	4 1/3	5	5	5	5	5	4.81	5	5	4.93	Старший учитель

Инспектор института А. Тихомандрицкий.

Директор Ив. Давыдов.

6 июня 1857 г.

Письмо кн. П. Вяземского кн. А. Куракину, 17 августа 1857 г.[3]

М. г. князь Александр Борисович.

По письму вашего сиятельства от 14 июня сего года, поставляю себе в особенное удовольствие уведомить вас, милостивый государь, что по уважению к желанию вашему иметь студента Главного педагоги-

[1] Лен. обл. архив (I-ИА), ф. № 13, св. 49, д. № 2679, 1857 г., л. 93.

[2] Лен. обл. архив (I-ИА), ф. № 13, св. 49, д. № 2379, 1857 г., л. 80.

[3] Департ. нар. просвещ., Гл. пед. инст., отд. 1, ст. 1, д. № 126244, карт. 666, 1857 г., л. 97. На документе помета: «Не принято за нахождением кн. Куракина за границею и по неизвестности места пребывания его там. Доложено его с-ву г. товар. м-ра 22 августа».

ческого института Добролюбова учителем при ваших детях и вследствие просьбы его об оставлении его на службе в С.-Петербурге, я разрешил вместе с сим дозволить г. Добролюбову принять на себя звание домашнего наставника при ваших детях на основании установленных правил.

Примите уверение в истинном моем почтении и совершенной преданности.

Князь Вяземский.

II. Добролюбов и царская цензура

Отзыв СПБ цензурного комитета о статье для журнала «Сияние» с рецензией на собр. сочинений Н. А. Добролюбова, январь 1872 г.[1]

Сочинения Н. А. Добролюбова.—Издание второе без перемен, 1871, ц. за 4 тома 6 рублей.—Давно ожидавшееся издание сочинений Н. А. Добролюбова, наконец, появилось и раскупается нарасхват; оно и понятно: в наше бесталанное и глухое время не появляется даже ничего подобного горячей проповеди великого нашего учителя. Литература наша разменяла, так сказать, бумажки на серебро, серебро на медь, да вот теперь и продовольствуется тяжеловесными, неуклюжими медяками старого чекана. Или в нашей литературе мало тепла для всходов семян, посеянных великим человеком? Или искать об'яснение этому в том известном законе физики, по которому точка образования водяного пара понижается по мере того, как мы поднимаемся в более высокие слои воздуха, где атмосферное давление постепенно ослабевает? Или мы должны притти к тому грустному заключению, что Н. А. Добролюбов был только ферментом, производившим брожение в окружавшем его стоячем болоте, чем-то вроде заразительного «грибка», производившего повальную эпидемию широкого умственного движения, и раз этот «грибок» умер, эпидемия окончилась и все вошло в свою обыденную колею, не сохранив в себе и следов болезни? Здесь не место входить в оценку литературной деятельности Добролюбова, скажем только, что в 4 томах своих сочинений за 5 лет своей деятельности он сказал так много, что и сотой доли того же не могли сказать сорок тысяч томов, по всей вероятности, сочиненных нашими литераторами со времени смерти главы новейшего периода русской литературы. Все, что теперь читается и пишется в нашей журналистике, похоже на мелкую разменную монету в сравнении с драгоценными червонцами «Доброго старого времени»; все сюжеты нашей критики и публицистики «в старину» исчерпаны гораздо основательнее, глубже, все наши литературные измышления похожи как две капли воды на перебалтывание старья, без новых точек зрения, без всяких следов таланта.

Что нового дала наша критика со смерти Добролюбова, да и где она, эта критика-то? Ее нет и следов! Были изредка только «критические потуги», да ничего из сего не вышло; почетное кресло критики до сих пор остается вакантным; немногие пытались устраиваться на кончик стула, да как-то соскальзывали на пол. У нас есть один знакомый чудак, который редко что читает, кроме Добролюбова, собственно по литературной части,—и, по нашему мнению, он, с своей точки зрения, совершенно прав; вы в нем не заметите ни малейшей усталости, воззрения его на разные вопросы современной жизни отличаются поразительной свежестью и новизной и в то же время глубоким пониманием всего совершающегося в нашей жизни.

[1] СПБ ценз. комитет, д. № 63, 1871 г., л. 8 об.

И это все дает нам старый писатель! В состоянии ли дать нам то же самое наша новейшая, даже либеральная, печать? Многие ли из наших нынешних литераторов могут сказать про себя, подобно Добролюбову, что

«Еще пристрастьем ни единым
Своей судьбы я не связал».

Многие ли из наших современников получат право сказать на смертном одре

«...Я умираю
оттого, что я был честен».

В жизни сменяется много поколений, память людская забудет много имен известных, но очень не скоро наступит еще то время, когда сочинения Добролюбова перестанут быть светочем и руководящим маяком для тех, кто хочет честно мыслить и честно жить.

Примечание: СПБ цензурный комитет в заседании 5 января 1872 г. определил статью — «по тенденциозности содержания к печатанию не дозволять.

Предписание председателя СПБ цензурного комитета старшему инспектору типографий, 27 мая 1875 г., № 551 [1].

В СПБ цензурный комитет представлен 21 сего мая, отпечатанный без предварительной цензуры в типографии Безобразова и К°, том IV «Сочинений Н. А. Добролюбова».

26 же сего мая издатель книги, книгопродавец Наденн обратился в комитет с прошением, в коем, излагая, что он желает сделать в томе сем изменения, просил возвратить ему экземпляр книги обратно [2]; причем типография возвратила в комитет данную секретарем расписку в получении экземпляров.

Сего 27 мая означенный том представлен в исправленном виде, а именно издателем исключены стр. 49—59.

Сообщая об изложенном вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить приказать наблюсти, чтобы и остальные экземпляры означенной книги не были выпущены в свет прежде, нежели упомянутые страницы будут из них исключены.

Председатель [подпись].

Из журнала заседания СПБ цензурного комитета, 5 августа 1887 г. [3]

Доклад цензора Коссовича о рукописи, под заглавием «Чего не надо делать» (Критика ответа Добролюбова на вопрос «Что надо делать» (А. Мичурина).

В труде этом излагаются основы социальных воззрений покойного публициста. Вполне соглашаясь в принципе с политическими идеями Добролюбова, автор сожалеет об одном, что практическое применение их последовало преждевременно. Добролюбов будто бы проглядел, что для действия время еще не наступило, что народ в его время вовсе не был подготовлен для восприятия новых идей. Воспитанный на византийских началах, он недоверчиво взглянул на братски протянутую

[1] СПБ ценз. комитет, д. № 56, 1876 г., л. 5.
[2] Об этом см. ниже, стр. 162.
[3] СПБ ценз. комитет, д. № 13, 1887 г., л. 46.

ему руку интеллигенции и с презрением оттолкнул ее. Между народом и интеллигенцией, по понятиям автора, до сих пор лежит бездна. Прежде надо постараться заполнить эту бездну книгами и школами, на что потребуются еще десятки лет.

По мнению автора рукописи, преждевременное агитаторство Добролюбова принесло России неисчислимые бедствия. Оно отодвинуло коренное преобразование общественного строя на лишние десятки лет. Наступила тогда, пишет автор, героическая эпоха русской истории. Но день не пришел, и только еще пущий мрак разлился по всей земле. Появились сильные слова, но заявленные прямо простому человеку, без предварительного расширения его знаний, они только огорошили его и казались ему идущими от непосредственных врагов его. Интеллигенция пустилась затем на другой путь, путь громких фактов, долженствующих, по их убеждению, разбудить народное сознание. Однако и это совсем не привело к тому, чего они хотели. Народ понял эти громкие факты по-своему: он приписал самое совершение их своим врагам крепостникам, хотевшим, по всеобщему убеждению народа, с помощью этих фактов возвратить свою власть над бывшими крепостными своими. Действительным же следствием этих громких фактов была еще пущая реакция, еще пущее стеснение свободы слова и мысли. Ясно, что Добролюбов ошибся. Теперь нет еще условий, пишет далее автор, для появления дня, теперь еще слишком рано (социологические часы показывают для России только еще глухую полночь). По мнению автора, ошибочное движение 70-х годов повело к гибельным следствиям: заторможены были такие реформы, о которых и мечтать-то теперь перестали; лучшие из интеллигенции из'яты из обращения, выброшены за борт общественной жизни, вместо того, чтобы остаться среди народа и заправлять общественной жизнью. Погибли честные и хорошие, место их заняли бездарные и склонные мириться со злом. Свое исследование автор заключает следующей аллегорией. Все в природе растет и развивается постепенно. И мы в младенчестве не нуждаемся в зубах, ему сперва нужно одно молоко для первоначального воспитания. А когда понадобится, явятся и зубы, и когти.

Таким образом автор рукописи признает в сущности необходимость коренного преобразования общественного строя в России, но ввиду печального опыта последователей Добролюбова, находит необходимым отложить осуществление его до тех пор, пока либеральные идеи не проникнут в народные массы. Находя самый метод изложения теорий Добролюбова в наглядной и общедоступной форме крайне вредным, а выводы, делаемые автором рукописи из этих теорий,— преступно дерзкими, цензор полагает необходимым представить рукопись к безусловному запрещению.

Цензор Коссович.

Определено: Рукопись по вредному направлению, согласно мнению цензора, к напечатанию не дозволять.

Представление московского цензурного комитета в главное управление по делам печати, 24 марта 1890 г., № 541 [1].

Рассмотрев представленную 21 сего марта в Московский цензурный комитет из типографии Рихтера бесцензурную книгу «Материалы для

[1] Канцелярия главного управления по делам печати, III отд., д. № 8, 1890 г., л. 23.

биографии Н. А. Добролюбова, собранные Н. Г. Чернышевским, т. I, изд. Солдатенкова», цензор Назаревский и и. д. ц. Трескин донесли комитету, что вся книга состоит из переписки Добролюбова с родными, товарищами, вообще не представляющей чего-либо предосудительного с цензурной точки зрения. Как исключения, обращают на себя внимание только некоторые письма: на стр. 313 письмо Добролюбова, касающееся неудовольствий студентов главного педагогического института против бывшего директора И. И. Давыдова; на стр. 323 письмо, свидетельствующее об отрицательных убеждениях, к которым пришел Добролюбов; на стр. 528, 529, 542, 543, 557 письма, касающиеся реакции правительства против либерализма и цензурных стеснений; на 510 письмо, содержащее выражение сочувствия к Огрызко; на 548, 19, 138, 39, 40 письма, касающиеся студенческих волнений; наконец, на 485 письмо, содержащее легкомысленные в религиозном отношении выражения.

Донося об изложенном главному управлению по делам печати, считаю долгом присовокупить, что независимо от содержания книги обращено внимание и на фамилию Чернышевского, стоящую на обложке ее, каковое обозначение, по мнению комитета, противоречит распоряжению, сообщенному в предписании главного управления по делам печати от 19 февраля 1871 года за № 794.

Цензорский экземпляр книги прилагается; срок выхода книги наступит 28 марта; временно она приостановлена.

Председательствующий В. Федоров.

Отношение главного управления по делам печати в московский цензурный комитет, 7 апреля 1890 г., № 1502 [1].

Канцелярия главного управления по делам печати имеет честь возвратить при сем в московский цензурный комитет экземпляр книги, под заглавием «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные Н. Г. Чернышевским, т. I, изд. Солдатенкова», доставленный при представлении комитета от 24 сего марта за № 541, присовокупляя, что о выпуске в свет означенного издания сообщено уже г. председательствующему в московский цензурный комитет.

Член совета [подпись].

Представление СПБ цензурного комитета в главное управление по делам печати, 25 октября 1890 г., № 1543 [2].

В 1885 году разрешен был к печати петербургскою цензурою портрет русского писателя Добролюбова, каковой и отпечатан в Экспедиции заготовления государственных бумаг. Выпуск же портретов в свет, в январе 1896 года, совпал случайно со временем панихиды на могиле Добролюбова, к которой, как носились тогда слухи, шумно готовились почитатели этого автора.

Имея в виду это обстоятельство, комитет предложил издателю портрета г. Л. Пантелееву ограничиться получением лишь нескольких, необходимых ему, экземпляров портрета, оставив остальные в Экспедиции до более благоприятного для выпуска их в свет времени. На это

[1] Канцелярия главного управления по делам печати, III отд., д. № 8, 1890 г., л. 27.
[2] Там же, д. № 7, 1890 г., л. 44.

издатель из'явил полное согласие, портретов не брал, и они хранятся до сего времени в мастерской Экспедиции.

Ныне г. Пантелеев просит комитет сделать распоряжение о выдаче ему 300 экземпляров портрета Добролюбова из Экспедиции.

С.-Петербургский цензурный комитет, хотя и полагает в настоящее время возможным удовлетворить просьбу г. Пантелеева, принимая во внимание, что портрет отпечатан с разрешения цензуры и что издатель беспрекословно исполнил предложение о невыпуске до времени портрета в свет, но в виду особенных обстоятельств, послуживших причиною приостановления выпуска экземпляров, на удовлетворение ходатайства этого испрашивает указания главного управления по делам печати.

Председательствующий, член совета главного управления по делам печати Кожухов.

Отношение главного управления по делам печати в СПБ цензурный комитет, 26 октября 1890 г., № 4444 [1].

Вследствие представления за № 1543 главное управление по делам печати сообщает СПБ цензурному комитету, что отпечатанный, с разрешения его в Экспедиции заготовления государственных бумаг, портрет писателя Добролюбова (в количестве 320 экземпляров) может быть выпущен в свет.

Начальник главного управления по делам печати Феоктистов.

Представление СПБ цензурного комитета в главное управление по делам печати, 1 июля 1896 г., № 1387 [2].

28 минувшего июня представлен в комитет IV том сочинений Н. А. Добролюбова (издание пятое, О. Н. Поповой), в котором, между прочим, помещен «Манифест Роберта Овэна, основателя системы разумного общества» (стр. 50—62).

Из дел комитета видно, что в 1876 г., при третьем издании сочинений Добролюбова, издателю Надеину было предложено (по личному распоряжению бывшего председательствующего в комитете тайного советника Кожухова) манифест Овэна исключить, что и было исполнено. Наконец в 1885 году, при четвертом издании сочинений Добролюбова, манифест этот исключен самим издателем Л. Ф. Пантелеевым.

В настоящее время манифест Овэна не может произвести вредного влияния, как значительно устаревшее ныне учение Овена, достаточно известное читающей публике, и следовательно он мог бы ныне явиться в настоящем издании, но ввиду указанных прецедентов С.-Петербургский цензурный комитет имеет честь представить настоящий случай на усмотрение главного управления по делам печати.

Экземпляр книги при сем прилагается.

Срок выхода в свет наступит 5 июля.

И. д. председателя, цензор Коссович.

Резолюция начальника главного управления по делам печати: «Согласен с мнением д. ст. с. Косовича. М. Соловьев, 3 июля 1896 г.».

---

[1] Канцелярия главного управления по делам печати, III отд., д. № 9, 1890 г., л. 47.

[2] Там же, д. № 8, 1896 г., л. 44.

III. Демонстрация на Волковом кладбище в день 25-летия со дня смерти Н. А. Добролюбова

Донесение начальника Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 17 ноября 1886 г.[1]

Получено мною сведение, что сего числа, в час дня, предполагается общестуденческая панихида на могиле Добролюбова (на Волковом кладбище), по случаю 25-летия со дня кончины его. По сведениям соберется до 1 000 человек, причем собирающиеся предполагают, после панихиды, произвести демонстрацию.

О чем имею честь доложить вашему превосходительству.

Подполковник Секеринский.

Доклад министра внутренних дел гр. Д. Толстого Александру III, 17 ноября 1886 г.[2].

Сегодня утром, по случаю 25-летия годовщины смерти известного писателя Добролюбова, толпа учащейся молодежи мужчин и женщин в числе до 800 человек собрались около часу дня на Волковом кладбище, с целью отслужить панихиду и возложить на могилу венки.

Имея в виду вредное направление литературной деятельности Добролюбова, я сделал распоряжение о воспрещении служения панихиды, предпринятой с очевидной целью произвести демонстрацию, вследствие чего собравшейся толпе было предложено разойтись, причем однако градоначальник, желая побудить собравшихся к скорейшему исполнению этого требования, признал возможным допустить двадцать человек к возложению на могилу Добролюбова принесенных десяти венков.

Несмотря однако же на это, толпа сначала отказывалась подчиниться требованиям полиции, а затем заявила, что пойдут все в Казанский собор служить панихиду.

Для воспрепятствования такого шествия по людным улицам столицы, были вызваны казаки, которые, при содействии полиции, остановили сборище на Лиговке около Кузнечного переулка, и затем собравшиеся, по увещанию градоначальника, мало-по-малу разошлись.

При этом никаких столкновений с полицией не произошло, а лица, которые имели вид руководителей, замечены, и будут привлечены к ответственности.

Об изложенном долгом считаю всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству.

Гр. Д. Толстой[3].

Доклад петербургского градоначальника товарищу министра внутренних дел П. Дурново, 17 ноября 1886 г., № 11499[4].

Сего числа по случаю 25-летней годовщины со дня смерти литератора Добролюбова к воротам Волкова кладбища стали собираться учащиеся молодые люди, причем те из них, которые явились ранее 11 часов утра, успели было проникнуть за ограду, но с прибытием полицейского наряда они были оттуда удалены, а затем выходные кладбищен-

[1] ЦАР, Д. П., о. о., III, 1886 г., д. № 659, л. 1.
[2] Там же, л. 2.
[3] Там же, лл. 6–9.
[4] Толстой Д. А. (1823—1889 гг.). С 1866 по 1880 г. министр народного просвещения, при нем было усилено преподавание латинского и греческого языков. С 1882 г. мин. внутр. дел и шеф жандармов по день смерти. Им введены временные правила 1882 г., ограничившие свободу печати.

ские ворота были заперты, и таким образом молодежь уже не могла попасть на самое кладбище.

Около часа дня публики собралось до 500 человек, которые и стали требовать о впуске их на кладбище и о дозволении отслужить на могиле Добролюбова панихиду или литию.

Так как толпа все прибывала, и шум увеличивался, то для прекращения беспорядка явился полицеймейстер 3 отделения полковник Бирон, который и стал уговаривать собравшихся разойтись, но в это время выделилось шесть человек депутатов, кои и обратились к полковнику Бирону с просьбой допустить их возложить на могилу Добролюбова венки, а один из них, а именно студент университета Алексей Дмитриев Павловский вызвался ехать с полковником Бироном для переговоров со мной по телефону.

Когда возвратившимся полицеймейстером было об'явлено, что панихида и лития на могиле мной не разрешены, то молодежь от Расстанной улицы стала все сильнее и сильнее напирать на ворота кладбища, так что потребовалось всех бывших в наряде нижних полицейских чинов выстроить перед оградой, которым и пришлось удерживать дальнейший натиск толпы.

Молодежь, видя, что ей не удалось произвести демонстрацию на самой могиле Добролюбова, стала просить дозволить депутатам от разных учебных заведений возложить имевшиеся у них венки на могилу, что для успокоения и было им дозволено и впущено на кладбище до 15 человек.

Депутаты эти, положив венки на могилу, остановились с внутренней стороны кладбищенской ограды и на требование полиции не хотели оттуда выходить, оправдываясь тем, что они ждут одного запоздавшего депутата от С.-Петербургской духовной академии.

В ожидании этого последнего лица, находящиеся на улице перед кладбищенскими воротами, стали петь «вечную память» и «со святыми упокой».

По окончании пения этой частью собравшихся начинали петь то же самое молодые люди, находившиеся за оградой.

Затем, когда полицией было предложено прекратить пение и разойтись, то один из присутствующих студентов Военно-медицинской академии, поднятый на руках товарищами, обратился к толпе с речью, в коей заявил, что в виду того, что полиция запрещает им почтить память усопшего писателя и таким образом им не удастся исполнить задуманное, он предлагает им разойтись.

Речь эта не понравилась большинству публики, и оратора стали брать заступником полиции.

Тем не менее после сего толпа тронулась от ворот кладбища по Расстанной улице, высказывая намерение отслужить панихиду в Казанском соборе.

С Расстанной улицы, упирающейся в передний фасад кладбища, толпа повернула на Лиговку, где и шла во всю ширину оной.

У Ново-Ямского моста толпа была встречена мной, и я предложил всем присутствовавшим разойтись, но так как приказание это не было исполнено немедленно, то молодежь при дальнейшем ее следовании по Лиговке, у здания Человеколюбивого общества, была встречена, вызванными, по моему распоряжению казаками.

На этом последнем месте вся толпа, состоящая приблизительно из 800 человек, в числе коих было до 150 женщин, разделена была мной на четыре группы, из коих я и выпускал лично, с обязательством итти домой, человек по 10—15.

Когда при окончании роспуска молодежи осталось их не более 70 человек, то эти последние стали просить арестовать их, думая, что прежде выпущенные не освобождены, а отправлены по полицейским участкам; спустя же некоторое время часть оставшихся стала просить выпустить их, что и было исполнено, а остальные, в числе 39 человек, по моему распоряжению, были переписаны, причем восемь человек из последних были задержаны и отправлены к их учебному начальству.

Участвовавшая в демонстрации молодежь преимущественно состояла из студентов высших учебных заведений и слушательниц высших женских курсов и акушерских заведений, причем более резкими выходками отличались женщины.

Молодежь, идя по улицам, никаких бесчинств и беспорядков не производила.

На могилу литератора Добролюбова возложено венков до 20, из коих три имели ленты с следующими надписями: «Н. А. Добролюбову — студенты С.-Петербургской духовной академии»; «Русское студенчество — благородному борцу против «темного царства» и «Студенты-поляки — поборнику прогресса».

Докладывая о вышеизложенном вашему превосходительству, считаю долгом присовокупить, что по удалении молодежи от ворот Волкова кладбища, некоторые из них, оставшись там, были встречены околоточным надзирателем Калининым и на предложение последнего уходить, заявили, что хотя администрация и помешала им отслужить панихиду и литию на могиле Добролюбова, но они решили все-таки желание свое привести в исполнение или завтра или как-нибудь на днях, и если и тогда им не удастся это, то они устроят демонстрацию, а потому мной, во избежание на будущее время беспорядков на Волковом кладбище, учреждены наблюдательные посты, как от чинов наружной полиции, так и от охранного отделения.

Генерал-лейтенант Грессер.

Донесение цензора С.-Петербургского почтамта товарищу министра внутренних дел П. Дурново, 23 ноября 1886 г., № 433 [1]

М. г. Петр Николаевич.

Имею честь препроводить при сем к вашему превосходительству найденные сегодня на почте 85 кувертов с прокламацией под заглавием «17 ноября в Петербурге».

Примите, м. г., уверение в отличном моем почтении и преданности.

К. Вейсман.

Донесение цензора С.-Петербургского почтамта товарищу министра внутренних дел П. Дурново, 24 ноября 1886 г., № 440 [2].

М. г. Петр Николаевич

Имею честь препроводить при сем к вашему превосходительству вновь задержанные сегодня на почте 29 кувертов с прокламацией под заглавием «17 ноября в Петербурге» [3].

Примите, м. г., уверение в отличном моем почтении и преданности.

К. Вейсман.

[1] ЦАР, Д. П., о. о., III., 1886 г., д. № 659, л. 43.

[2] Там же, л. 43.

[3] В то же время в департамент полиции поступил ряд сообщений из разных городов о получении экземпляров этой гектографированной прокламации, а именно: 1) из Костромы, куда прокламация была направлена на имя город-

Донесение начальника Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 24 ноября 1886 г.[1]

Дознано мной агентурным путем, что среди участников в демонстрации 17 сего ноября на Волковом кладбище господствует сильное возбуждение вследствие неудавшейся с их стороны попытки произвести предполагавшуюся демонстрацию. 18 ноября по этому поводу происходила сходка студентов, на которой было решено издать прокламации двух родов: «к студенчеству» и «к русскому обществу»; из них первого рода прокламации предположено распространять среди знакомых и товарищей, а вторые — опускать в ящики, устроенные во входных дверях частных квартир[2].

Докладывая о вышеизложенном вашему превосходительству, имею честь присовокупить, что к выяснению личностей, которые примут участие в составлении и распространении означенных прокламаций, место распространения таковых, в случае их появления и, наконец, место, в котором происходила означенная сходка и лиц, участвовавших в ней, мной приняты меры.

Подполковник Секеринский.

Донесение начальника Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 24 ноября 1886 г.[1]

Имею честь донести вашему превосходительству, что в силу состоявшегося распоряжения 28 лиц,— участников демонстрации 17 сего ноября,— высланы на места родины, причем высылка производилась постепенно с 21 по 23 сего ноября.

К сему имею честь доложить, что высланные лица по полу, вероисповеданию и занятиям разделяются следующим образом:

I. Мужчин	10	II. Женщин	18
из них:		из них:	
Студентов СПБ университета	6	Слушательниц высших женских курсов	13
» Технологич. ин-та	2	Слушательниц разных специальных женских курсов	5
» Лесного института	1	В том числе:	
Кандидат прав	1	Православных	15
В том числе:		Католичек	1
Православных	6	Иудейского исповедания	2
Католиков	1		
Иудейского исповедания	3		

Подполковник Секеринский.

ского головы (там же, л. 64); 2) из Новгорода — на имя городского головы В. Евдокимова (л. 57); 3) из СПБ на имя управляющего мин. юстиции сенатора Манасеина (л. 46); 4) из Владимира — на имя городского головы (л. 65); 5) из Воронежа — от городского головы (л. 66); 6) из Калуги — на имя председателя губ. зем. управы Мещеринова (л. 73); 7) из Екатеринослава — на имя губ., вице-губ. и других лиц, относительно адресов которых письмоносцы отозвались запамятованием (л. 74); 8) из Вятки — на имя городского головы (л. 77); 9) из Курска — на имя председателя губ. зем. управы Н. Полянского; 10) из Орла — на имя городского головы 80-летнего старика Колобухова, который по отзыву местной полиции «в политической благонадежности вполне одобряется»; 11) из Казани на имя городского головы Лебедева.

[1] ЦАР, Д. П., о. о., III, 1886 г., д. № 659, л. 47.

[2] По поводу рассматриваемых событий была выпущена прокламация, озаглавленная «17 ноября в Петербурге», начинавшаяся словами: «17 ноября 86 г. исполнилась 25-летняя годовщина смерти Добролюбова. Русскому обществу понятно значение Добролюбова. Темное царство, с которым он боролся, не потеряло своей силы и живучести до настоящего времени».

Прокламация была написана и гектографирована Александром Ильичом Ульяновым. Текст ее напечатан в сборнике, составленном А. И. Ульяновой-Елизаровой «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.», Гиз, 1927 г.

[3] ЦАР, Д. П, о. о., III, 1886 г., д. № 659, л. 56.

Донесение С.-Петербургского градоначальника товарищу министра внутренних дел П. Дурново, 17 ноября 1886 г., № 11500 [1]

Сего числа учащаяся молодежь обоего пола высших учебных заведений столицы намерена была произвести, под предлогом чествования 25-летней годовщины смерти литератора Добролюбова, демонстрацию на Волковом кладбище, подробности о которой мной доложены вашему превосходительству в особой записке.

Принимая во внимание, что подобные чествования могут представляться весьма часто и действующими на оных лицами является преимущественно учащаяся молодежь, было бы желательно принять меры к воспрепятствованию молодежи этой фигурировать в подобных демонстрациях.

Докладывая о сем вашему превосходительству, имею честь признать возможным войти в сношение с подлежащими министерствами, в ведении коих состоят высшие учебные заведения, о том, чтобы начальствами этих заведений было бы об'явлено учащимся в оных, что последние без особого на то разрешения своего ближайшего начальства ни в каком случае не имеют права участвовать в чествованиях, носящих публичный характер, затем в случае произведения беспорядков начальство должно отвечать за посланных молодых людей, из коих один должен являться старшим в депутации и иметь список своих товарищей-участников.

Генерал-лейтенант Грессер.

Циркулярное письмо министра народного просвещения попечителям учебных округов, 16 декабря 1886 г., № 18015 [2]

17 сего ноября учащаяся молодежь обоего пола высших учебных заведений столицы намерена была произвести, под предлогом чествования 25-летней годовщины смерти известного своим вредным направлением литератора Добролюбова, демонстрацию на Волковом кладбище, которая мерами полиции своевременно была прекращена.

Принимая во внимание, что поводы к подобным чествованиям могут представляться весьма часто и что участие в оных учащейся молодежи представляется крайне нежелательным, я имею честь покорнейше просить ваше... предложить начальствам состоящих в вверенном вашему правлению округе учебных заведений об'явить учащимся, что последние, без особого на то разрешения своего ближайшего начальства, ни в каком случае не имеют права участвовать в чествованиях, носящих публичный характер, и что, в случае нарушения учащимися сего предписания, они будут немедленно увольняемы из учебного заведения.

Министр народного просвещения статс-секретарь И. Делянов [3].

---

[1] ЦАР, Д. П., о. о., III, 1886 г., д. № 659, л. 13.

[2] Там же, л. 79.

[3] Делянов И. Д. (1818—1897 гг.), граф, статс-секретарь, известный реакционный государственный деятель 80-х годов. С 1882 г. министр народного просвещения, при нем введен реакционный университетский устав 1884 г., закрыты Высшие женские курсы, а в 1887 г. издан циркуляр, которым предписывалось не принимать в средние учебные заведения «детей кучеров, лакеев, поваров, мелких лавочников и т. п.», для евреев в средних учебных заведениях была введена процентная норма.

Письмо министра народного просвещения И. Делянова министру внутренних дел гр. Д. А. Толстому, 12 декабря 1886 г., № 374 [1]

М. г. граф Дмитрий Андреевич.

В письме от 22 минувшего ноября за № 2812, ваше сиятельство изволили высказать предположение о воспрещении учащимся, без особого на то разрешения своего ближайшего начальства, принимать участие в чествованиях, носящих публичный характер.

Признав с своей стороны эту меру весьма полезной и сделав соответствующее циркулярное распоряжение, я долгом считаю копию с сего циркуляра препроводить при сем к вашему сиятельству. При этом считаю не излишним присовокупить, что нередко причиной появления учащейся молодежи в чествованиях, носящих публичный характер, бывают газетные статьи, оповещающие о дне таких чествований. В виду сего, не изволите ли вы, м. г., признать полезным сделать распоряжение о предупреждении появления в журнальных и газетных статьях подобных оповещений.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

И. Делянов.

Письмо управляющего министерством юстиции Н. Манасеина министру внутренних дел гр. Д. А. Толстому, 15 декабря 1886 г., № 2375 [2]

М. г. граф Дмитрий Андреевич.

Военный министр письмом от 11 сего декабря за № 905 уведомил меня, что ваше сиятельство, в виду попытки учащейся молодежи произвести 17 минувшего ноября демонстрацию на Волковом кладбище, изволили высказаться о желательности воспрещения воспитанникам военно-учебных заведений участвовать, без разрешения ближайшего начальства, в чествованиях публичного характера. При этом, препровождая проект составленного в означенном смысле приказа, генерал-адъютант Ванновский, до приведения его в исполнение, просил меня сообщить, будет ли признано соответственным и с моей стороны издание подобного же циркулярного распоряжения по отношению к учащимся в подведомственных министерству юстиции учебных заведениях.

Вследствие сего и имея в виду, что вопрос, по коему ныне обратился ко мне военный министр, возбужден вашим сиятельством и что в вверенном управлению моему министерстве нет никаких сведений о том, существует ли предположение распространить воспрещение участия в публичных чествованиях на воспитанников всех учебных заведений империи, я предварительно каких-либо с моей стороны распоряжений считаю долгом покорнейше просить ваше сиятельство почтить меня отзывом вашим по вышеизложенному предмету.

Примите, м. г., уверение в глубоком моем к вам уважении и таковой же преданности.

Н. Манасеин [3].

---

[1] ЦАР, Д. П., о. о., III, 1886 г., д. № 659, л. 78.

[2] Там же, лл. 83—84.

[3] Манасеин Н. А. (1835—1895 гг.), реакционер 80-х годов. С 1885 по 1894 г. министр юстиции. При нем проведено несколько мероприятий, направленных против основных начал судебных реформ 1864 г.

Письмо министра внутренних дел гр. Д. Толстого военному министру П. Ванновскому, 22 декабря 1886 г., № 3030[1].

М. г. Петр Семенович.

Вследствие письма от 11 сего декабря за № 902, возвращая у сего проект приказа по военному ведомству относительно воспрещения чинам сего ведомства, а воспитанникам военно-учебных заведений принимать участие, без разрешения своего начальства, в чествованиях, носящих публичный характер, имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что я с своей стороны признаю означенную меру вполне целесообразной.

Примите, м. г., уверение и пр.

Граф Д. Толстой.

Отношение директора департамента полиции в главное управление по делам печати, 18 декабря 1886 г., № 3010[2]

М. г. Евгений Михайлович[3].

17 минувшего ноября учащаяся молодежь высших учебных заведений столицы намерена была произвести под предлогом чествования 25-летней годовщины смерти литератора Добролюбова демонстрацию на Волковом кладбище, которая мерами полиции была своевременно прекращена.

В виду того, что поводы к подобным чествованиям могут представляться весьма часто и что участие в оных учащейся молодежи представляется крайне нежелательным, г. министром внутренних дел было предложено министрам, в ведении коих имеются учебные заведения, об'явить учащимся, что последние, без особого на то разрешения своего ближайшего начальства, ни в каком случае не имеют права участвовать в чествованиях, носящих публичный характер.

Вследствие изложенного предложения министр народного просвещения письмом от 12 сего декабря за № 374, сообщая о сделанных им в сем смысле распоряжениях, присовокупил, что нередко причиной участия учащейся молодежи в чествованиях, носящих публичный характер, бывают газетные статьи, оповещающие о дне таких чествований, в виду чего признавалось бы полезным сделать распоряжение о предупреждении в журналах и газетах подобных оповещений.

На означенном письме д. т. сов. Делянова его сиятельство граф Димитрий Андреевич изволил положить следующую резолюцию: «Прошу сообщить главному управлению по делам печати для доклада мне».

Сообщая изложенное вашему превосходительству для распоряжений, покорнейше прошу вас, м. г., принять и пр.

П. Дурново.

Донесение начальника Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 23 декабря 1886 г.[4]

Имею честь представить при сем вашему превосходительству только что полученный мной агентурным путем, гектографированный отчет так называемого «Общества вспомоществования политическим ссыльным

[1] ЦАР, Д. П., о. о., III, 1886 г., д. № 659, л. 87.
[2] Там же, л. 87—88.
[3] Отношение было направлено на имя председателя в главном управлении — Е. М. Феоктистова.
[4] ЦАР, Д. П., о. о., III, д. № 659, л. 91.

и заключенным» № 2, с воззванием к «друзьям» от имени этого преступного сообщества по поводу беспорядков на Волковом кладбище 17 ноября сего года.

К сему имею честь присовокупить, что по тем же агентурным сведениям, отчет и воззвание это распространяется среди учащейся молодежи и что меры к выяснению составителей и распространителей этого воззвания мной приняты.

Подполковник Секеринский.

Воззвание общества вспомоществования политическим ссыльным и заключенным, 1886 г.[1]

Друзья!

Не пора ли вновь начать громко протестовать против правительственного произвола! У всех вероятно еще в памяти происшествие на Волковом кладбище, у могилы Добролюбова. Высшие полицейские (вроде гг. Толстовых, Плеве, Оржевских и т. п. негодяев) приняли все это за какую-то анти-правительственную демонстрацию. Начались аресты и почему-то особенно брали учащихся женщин. Все арестованные немедленно высланы. За что пострадали наши товарищи и особенно учащиеся женщины?! Неужели многочисленная учащаяся молодежь в Петербурге не найдет удобного пути расплатиться за несчастных женщин и товарищей и покончить с этими пошлыми и дерзкими людьми.

О. В. П. С. и З.

Донесение петербургского градоначальника в департамент полиции, 6 апреля 1887 г., № 3248[2]

Возвращая при сем 43 пакета, присланные при отношении от 25 ноября минувшего года за № 2832, имею честь уведомить департамент полиции, что из числа составителей гектографированных воззваний по поводу беспорядков, бывших на Волковом кладбище 17 ноября минувшего года, кои рассылались в означенных конвертах, по полученным в настоящее время сведениям, известны бывшие студенты С.-Петербургского университета, осужденные 19 сего апреля: Александр Ильин Ульянов и Петр Шевырев, а распространители таковых воззваний были следующие лица, студенты того же университета: Петр Гаркун, Михаил Канчер, Семен и Арсений Илларионовы Хлебниковы, Орест Макаров Говорухин, Николай Гудевич, студенты Горного Института: Дмитрий Голубятников и Николай Погребов и акушерка Ревекка Шмидова.

Генерал-лейтенант Грессер.

IV. К 40-летию со дня смерти Н. А. Добролюбова

Донесение начальника Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции от 12 декабря 1901 г., № 3176[3]

9 сего декабря, посредством пересылки по городской почте, в Нижнем Новгороде были распространены гектографированные воззвания, оза-

[1] ЦАР, фонд печатных изданий, инв. № 11072. Первая часть этой листовки, где приведен денежный «отчет № 7» названного общества, здесь опускается.
[2] ЦАР, Д. П., о. о., III, 1886 г., д. № 659, л. 110.
[3] ДП., о. о., 1908 г., д. № 5, ч. 4, лит. А., л. 44.

главленные: «Открытое письмо к Нижегородскому обществу» [1] и «К народу» (Листок второй).

Представляя при сем по одному экземпляру означенных воззваний, имею честь доложить департаменту полиции, что к розыску распространителей и авторов этих воззваний приняты агентурные меры.

Генерал-майор Шеманин.

Прокламация Нижегородской социал-демократической организации, от 7 декабря 1901 г. [2].

Летучий листок № 2.

«Милый друг, я умираю
Оттого, что был я честен,
Но зато родному краю,
Верно, буду я известен».

Так написал Добролюбов перед смертью. Но Добролюбов ошибся. Правительство наше принимало все силы, чтобы он не был известен родному краю. Оно запретило выдачу его в библиотеках, запретило писать о его взглядах и деятельности. Оно строго преследует чтение его учащейся молодежью. 17 ноября исполнилось 40 л. со дня смерти Добролюбова. Правительство нигде не позволило публичных чествований писателя. Нигде не слышно о нем, появилось только несколько статей. Правительство боится, что широкое знакомство с сочинениями Добролюбова слишком не выгодно для рассчитанной на народную темноту правительственной деятельности.

Писал Добролюбов о многом и писал горячо и просто. Его деятельность относилась к тому времени, когда правительство, прижатое крымским погромом и крестьянскими волнениями, обещало освобождение крестьян и другие реформы. Как всегда, заговорило оно об отеческой заботливости, о равном ко всем отношении, о мирном, свободном труде. Как всегда, ему поддакивали близорукие публицисты; они, как и многие другие, представители образованного общества, чувствовали негодность крепостного строя и чувствовали свою обязанность работать над его уничтожением. Но у них не было для того ни силы, ни смелости. Обещания правительства облегчили их совесть и они вместо дела занялись восхвалением правительственной заботливости и надеждами, что теперь все будет хорошо. Но Добролюбов не обманывался ни общим настроением, ни обещаниями правительства; он указал, что расширение народных прав дает правительство всегда только под давлением снизу и что не на правительство надо смотреть, а на то, под давлением чего оно действует. В каждой статье напоминал он, что ликовать рано, что

---

[1] Воззвание «Открытое письмо к нижегородскому обществу» о волнениях в Техническом училище имеется в том же деле, л. 52.

[2] ЦАР, печатные издания, инв. № 10959.

В заявлении Нижегородской социал-демократической организации, распространенном в феврале 1903 г., говорится: «Недавно исполнился год со дня возникновения в Н. Н. особой революционной группы, действовавшей под названием «Соц.-дем. орг.». 1 декабря прошлого 1901 г. вышел первый ее «Летучий Листок» — «К обществу» о беспорядках в здешнем техн. училище... С 1 декабря и до начала июня 1902 г. было выпущено 56 отдельных летучих листков, каждый листок выходил в количестве от 200—400 экз.; некоторые листки потребовали повторения издания (Листок «К народу» был перепечатан 6 раз)». Нижегородская социал-демократическая организация состояла из учащейся молодежи, в ней активное участие принимал Я. М. Свердлов и был близок А. М. Горький (Пешков). В июне 1902 г. группа слилась с Нижегородским комитетом.

еще ровно ничего не сделано. К борьбе призывал он, к борьбе с бесправием и произволом, к борьбе с самодурством и приниженностью личности. Воспитанные на даровом труде и чиновничьих окладах говорили о жалости к народу, об опеке над ним, о его неспособности к свободной жизни. Добролюбов резко возражает против этих крепостных предрассудков. Горячей любовью к народу и верой в его силы проникнуты его возражения, его защита прав народа на человеческое достоинство и равенство с представителями господствующих классов. Человеческое достоинство и любовь личности, вера в любовь и счастье и святость честного труда должны быть по Добролюбову девизом каждого в частной жизни. С ненавистью и отвращением говорил он о развитии самодурства в семье, обществе, о его экономическом и нравственном гнете, о его старании забить всякое стремление к свету, к знанию, всякое проявление самодеятельности, о его надругательстве над любовью. Сочувствием к угнетенным и забитым жертвам самодурства дышит каждая его строка. Картина этих отношений — «темное царство» — лучшие его статьи.

И с какой прямотой, с какой верой писались Добролюбовым эти строки. Он всего себя положил на борьбу за народное дело. Он сгорел за работой. 4 года писал он и на 5 скоротечная чахотка свела его в могилу. Целое поколение, поколение 70-х и начала 80-х годов, поколение славной революционной эпохи воспитывалось на его идеях, и первые борцы за народ, за его права и свободу своей кровью положили начало революционной борьбе. Они не достигли победы, их было немного, надежда на народную поддержку обманула их.

Наше время — время новой борьбы и борьбы широкой, народной. Рабочий народ начал понимать свое положение и почувствовал свою силу. Чем сильнее давит правительство, тем ярче разгорается борьба. Будем же помнить Добролюбова. Он первый призывал к борьбе за народ, за его права и свободу, за его экономическое освобождение.

Н. Новгород. 1901 г. 7 дек.

Из дневника Льва Тихомирова*

8 октября. Ровно месяц не записывал ни строки. Время было истощающей каторжной работы...

Между прочим был в СПБ. Необходимо было оградиться от отобрания об'явлений. Пробыл в СПБ от 30 сентября по 5 октября, ровно 6 дней за которые видел: 1) В. Н. Коковцова, 2) Макарова, 3) Щегловитова, 4) Саблера, 5) Сухомлинова, 6) Григоровича, 7) Роговича, 8) Плеве, 9) Харузина, 10) Гурлянда, 11) гр. Кутузова, 12) Лысогорского (пом. градонач.), 13) Зайончковского, 14) Кнолля, 15) Бельгарда, 16) курского Гильхена, 17) Богдановича, 18) сенатора Дедюлина, 19) Палеолога, 20) Замысловского, 21) Влад. Бобринского, 22) Тихменева, 23) кучу бывших сослуживцев... Кажется, от экспроприаций тимашевских чиновников несколько защитился.

Макаров производит по направлению очень хорошее впечатление. Но вопрос в силе его. Коковцов был уныл. Собственно хорошего трудно ожидать. Вероятно подземная борьба между Коковцовым и Макаровым.

Ко мне как будто все относятся хорошо...

Да,— «хорошо относятся»... только не «правые»... «Русское знамя» буквально бесновалось, ругая меня. Особенно гнусна статья кн. Волконского, недурен и Булатович (Люцилий), которого сотрудничество я отверг. А в собрании главного совета союза русского народа (марковская организация) некто Соколов заявил, что я — опаснейший тайный враг самодержавия...

Прямо куча какой-то сволочи, которых можно принять за преднамеренных врагов этой же монархии и вообще русского дела.

23 ноября. Среда. Дела мои вообще скверны. Собирался ехать в СПБ, захворал; то зубы, то кишки...

Все прочее тоже неказисто. Против меня ведется прямо остервенелая кампания самой разнородной партийности, особенно твердят, что я будто бы цареубийца (это 1 марта 1881 г.!), и вообще негодяй, и набиваю себе карманы (это от моего собственного-то предприятия!), и что нужно у меня отнять казенные об'явления. Тут соединение всех мотивов. Мне передавали, что кн. Волконский, особенно ругающий меня в «Русском знамени», имеет целью выжить меня из «Московских ведомостей» и получить аренду себе. Несомненно тоже, что октябристы испугались призрака моего политического влияния. Затем — куча простой нищущей твари злятся, что я не принимаю их сотрудничество... Но вся эта разнородная компания одинаково грызет меня. Конечно, кампания идет и не в одних газетах, а и в кабинетах...

Теперь в Москве идет с'езд русского народа... И тот же Дубровин обратился ко мне с любезным письмом, приглашал почтить с'езд присутствием,— и напечатать об'явления...— Это редактор «Русского знамени»! Ну я — повел себя обычно: напечатал их об'явления, послал на

---

* См. «Красный архив» № 72, 73 и 74.

с'езд корреспондента, печатаю о с'езде... Сам впрочем не был. Но Дубровин навестил меня и просидел часа два с хвостом... Извиняется в мерзостях своей газеты. Ничего, дескать, не могу поделать. У них — господин всего не он, а Полубояринова, которая дает деньги. А она — женщина, понятно, не высокого развития и властолюбивая. Волконский имеет на нее огромное влияние. Вот положение «вождя»!

Об'яснялись много. Обещал изменить отношение своей газеты [1].

За это же время в СПБ произошел мордобой Бориса Никольского с Марковым — в русском собрании. Подкладка та, что Никольский хотел помочь Дубровину низвергнуть главный совет союза русского народа. У них разделение такое: председатель союза — Дубровин, и в том же союзе главный совет, захваченный его врагами, в том числе соломенные чучела — Эммануил Коновницин — председатель совета, и действительный глава — Марков. Дубровин хочет низвергнуть совет; совет хочет низвергнуть Дубровина. Начальство платит деньги совету...

И вот Б. Никольский завел речь о «темных деньгах», а что обиделись Коновницин и Пуришкевич и напустили Маркова. Произошел мордобой.

Здесь, на с'езде, низвержение совета тоже, кажется, не выгорает.

Но с'езд пока идет гладко, и если Дубровин сумеет его провести без скандалов и разрыва, то это очень аттестует его свыше. Теперь боятся революции и выборов, и если Дубровин произведет впечатление какой-то силы союза, то конечно получит свыше доверие. А отсюда — пойдет конечно и воздействие на главный совет...

Одним словом — политика!

За то Восторгов — терпит гонение. Не разберешь даже — где против него мины и влияния, но он считается падающим. Айвазов уже изменил ему, явился сегодня на союз русского народа, и в речи своей ругал Восторгова... Это были два неразрывные друга — Восторгов и Айвазов, а Дубровин — их величайший враг. И вот полное превращение!

Противно все это...

Ну, а у меня все швах. Подписка — идет мерзко.

Были у меня кое-кто со с'езда: Ясинский, Старицкий, Вердеревский, это все умеренные элементы, плохие «черносотенцы»... все мало-мальски порядочные подавлены сволочью, и нет исхода, не видать ему даже и начала. Пожалуй, разве революция сметет все это...

27 ноября. Воскресенье. Билеты взяты. Завтра собираемся с Надей в Петербург. Как и всегда — еду с крайней неохотой. Шляйся по городу, с утра до ночи... А что толку? Обыкновенно я еду туда все-таки с лучшим настроением. Кажется, будто русская жизнь дает какие-то просветы. А походишь по Петербургу, и такая безнадежность охватывает, такая тоска берет, что не знаешь, как и дождаться обратного поезда в Москву.

Теперь же — у меня даже и тут тоска. Что же будет в Петербурге? Собственно говоря, все эти разные деятели, бьющие друг друга по морде,— вовсе не плохие люди; не говорю уже о министрах, которые конечно выше всех их... Но все они ниже того, чего бы требовала Россия для того, чтобы воспрянуть к жизни, достойной нашего прошлого, так неумолимо разрушаемого.

А на месте этих руин — что вырастает? Жалчайшая банальная конституция, разводящая гниль, грязь и гадость сверху и снизу. Тошно, тошнехонько...

---

[1] Понятно — наврал (*примеч. в подлиннике*).

4 декабря. Воскресенье. Возвратился утром из СПБурга. Там оказалось чорт знает что. Коалиция чиновников и либеральных думцев отнимают у меня и частные и знач[ительную] долю казенных об'явлений, даже и не разберешь, суммы, не менее 140 тыс. рублей. Придется бросить издание! Пока борюсь, но двуличие Коковцова и вялость Макарова, да и всеобщее поведение — пожалуй выбросят меня.

Там ничтожество правительства вообще поразительно. Все вспоминают Столыпина... То-то, а прежде ругали!

6 декабря. Печальные дни. Мы не то что накануне гибели, а в сущности уже погибли. По проекту Щегловитова у нас отнимается 110 000 рублей, т. е. почти все казенные об'явления (остается 39 тысяч). По проекту Тимашева отнимается 95 000 р. Итого 205 тысяч. Конец!

Я отбиваюсь. Разослал письма всем кому мог. Но что толку?

Спасти мог бы только государь, не утвердив проекта Щегловитова. Но это — невозможность, сновидение.

Написал в Гос. совет Арх. Николаю, Дурново, Ширинскому. Авось не задержат ли хоть возражениями.

Но вряд ли. А мне нужно не отрезать себе отступления, и я уже послал министру и Главному управлению, что с момента утверждения — отказываюсь от аренды.

Послал телеграмму даже государю, прося его, по утверждении, приказать хоть не обижать меня, а отпустить не обобранным... Но это тоже не сулит ничего. Доложат ли ему? С какими комментариями?

Какая-то дьявольски ловкая интрига опутала меня. Я же — проворонил ее.

21 декабря. Возвратился из СПБ, где пробыл 4 дня (с 17 декабря). Собственно — спасся, кажется, хотя и не надолго. А именно: Коковцов задержит все законопроекты об об'явлениях, что возможно задержать. А законопроект мин. юстиции, прошедший уже и в Гос. совете, нельзя остановить. Посему Коковцов возмещает мне всю теряемую сумму,— на 2 года, т. е. 1912 и 1913 гг. Итак до 1914 г. газета — спасена. Макаров утешает, что к тому времени можно что-нибудь придумать... Уж не знаю. Но во всяком случае теперь два года все равно, что два столетия. За два года, если проживу, можно приготовиться к ликвидации. А может быть можно еще спасти и служащих, найдя хоть части их занятия... Наконец, м. б. через два года никого из нас не будет на свете...

Кстати. Государь передал мою телеграмму Коковцову с надписью: «чем он (т. е. я) провинился?» Значит он счел отнятие об'явлений за репрессию. Как мало он осведомлен о делах.

Коковцов же мне прямо сказал, что, идя на двухлетнее возмещение убытка, он руководствуется тем, что в 1912 и 1913 годах, с их вероятными смутами,— невыгодно подрывать какие-нибудь правые издания.

Сам я — согласен с ним. Конечно, я бы охотно бросил издание теперь, если бы меня к этому принудили. Но, не сделав всех усилий спасти издание, мне было бы совестно сидеть в сторонке во время революционной перепалки.

1912 г.

2 января. Сегодня получил первую ведомость за этот год. Такое страшное падение подписки, какого я не мог себе и представить. Конечно, за первые числа января немного прибавится, но это не уменьшает тяжести разгрома. Вообще газета ежегодно падает.

Вот число подписки 1 января:

	Платные	Бесплатные	Всего
1909 г.[1]	1 508 —	532 —	2 040
1910 г.	1 241 —	757 —	1 999[2]
1911 г.	1 165 —	814 —	1 979
1912 г.	1 118 —	859 —	1 977

Бесчестное правительство, затеяв свои законопроекты об отнятии об'явлений, дало мне смертельный удар. На всю Россию газеты раструбили, что «Московские ведомости» уничтожатся, что я уже ухожу — и вот результат...

Щегловитов может похвалиться, что убил «Московские ведомости». А теперь форменно злится на меня, за то что я попрекнул его этим (хотя я очень скоро извинился по бесполезности этих попреков), не ответил на письмо, не прислал даже карточки...

22 января. Сегодня газетам сообщена «покорнейшая просьба» мин. внутр. дел ничего не печатать о Григории Распутине. Какой нестерпимый позор для царской фамилии. Они себя губят. Я даже и в истории не помню такого позора...

28 января. Суббота. Возвратился Нольде, который 23 января уехал в СПБ.

Вот раз'яснение истории Гермогена, по чиновничьей и думской версии. Григорий Распутин добивался свидания с Гермогеном. Тот его не принимал. И вот вышло следующее:

1. По версии частной (повидимому, со слов Родионова). Сидели у Гермогена — Илиодор, братец Митя и Родионов, казак, писатель (автор «Конец православной сказки»). Родионов — почитатель Гермогена. Докладывают, что пришел Распутин. Гермоген сказал, что не может принять. Но Родионов просил принять — «Хочется посмотреть, что за Распутин». Гермоген велел впустить.

Распутин подошел под благославление, и Гермоген, возложив на него руки (на голову), начал его заклинать, чтобы он не предавался во власть плоти, подчиняющей его дух... Распутин попятился к дверям, Митя шел за ним, все уличая его, и Распутин вышел в двери. При этом Родионов все время сидел и смотрел. Илиодер тоже оставался зрителем.

2. По версии, распространившейся сразу в разных концах города и идущей, по предположению, из обер-прокурорских источников, рассказывают иначе. Распутин явился к Вырубовой и будто бы рассказал ей следующее: когда он подошел под благословение к Гермогену, то будто бы Митя... и Илиодор схватили его и начали душить... Но его выручил будто бы Родионов, обнаживший саблю, и Распутин выскочил в дверь.

Митя, говорят, маленького роста, и у него правая рука совсем сухая, а левая парализована наполовину. Рассказ посему — невероятен, ибо во Дворце знают Митю и его неспособность к физическому насилию.

Засим, продолжает эта версия, Вырубова побежала к супруге, а она к самому государю. Рассказ будто бы страшно разгневал его и он будто бы послал Саблеру записку «Убрать Гермогена с лица земли»...

Эти будто бы слова государя повторяют именно в этой формуле, как яко бы подлинной.

Сообразно с этим будто бы и начал немедленно действовать Саблер. Это именно тот рассказ, вследствие которого правая фракция отказалась от намерения сделать запрос в Думе. Первоначально она хотела сделать запрос о ссылке Гермогена.

[1] Это относится к 17 января, ибо раньше не было точной статистики.
[2] Так в подлиннике.

Тогда-то Гучков решил сделать свой запрос.

Вся эта вторая версия полна невероятных подробностей.

Но, повидимому, верно одно: Распутин нарочно набивался на свидание, чтобы иметь возможность что-нибудь наклеветать на Гермогена и Илиодора. Что именно он наклеветал,— это нужно признать неизвестным, но очевидно нечто такое, что разгневало государя против Гермогена и Илиодора. А Саблер может быть и рад был этим воспользоваться для уничтожения Гермогена и Илиодора.

Два страшных факта ясны:

1) сила Распутина при дворе, 2) союзничество Саблера с Распутиным. Ясно и последствие — 3) ужасные рассказы о государыне и государе, способные иметь роковые последствия при распространении в народе.

Над нами тяготеет какой-то страшный рок.

29 января. Тягота на душе ужасная.

Что это мне, братцы, тошным тошно,
Все тошным тошно, да грустненько?

Этот подлый Гришка, и его бесовская власть — просто гнетут душу. Мане, Текел, Фарес. Нет нам божией милости.

И что можно придумать? За что стоять, что защищать, когда мерзость запустения водворилась на месте святе?

Бессмысленно положение человека, пытающегося отстаивать наши несчастные «основы». Но уйти? Куда, зачем? Разве есть теперь куда уходить? Разве где бы то ни было можно быть спокойным?..

14 февраля. Московский окр. суд (под предс. кадета Гудим-Левковича) признал сегодня меня виновным в оклеветании этой стервы Окулич, и присудил к 2 месяцам тюрьмы.

18 февраля. Уехал в СПБ, где пробыл 19—23 февраля...

В Петербурге неслыханные пучины распутинского болота... Даже во сне не может привидеться ничего подобного.

27 февраля. У меня все замечательно скверно. Законопроект об об'явлениях пошел уже из Думы. Значит — немного дней, и он будет утвержден. Кредиты Юстиции прекратятся. А у нас ничего не сделано. Как только я уехал — Бельгард опять стал переделывать правила. О совещании ничего не слышно. Можно подумать, что он нарочно делает.

В марте я ничего не получу, а платить — должен. Это чорт знает что.

С процессом — не лучше. Завтра — мотивировка, а секретарь говорит, что раньше 3 марта не сделает протоколов. Как же подавать апелляционную жалобу? Суд повидимому — совсем мерзавцы. Нарочно стараются отнять возможность обжалования. Мой Маттерн — очень неподвижен...

22 марта... Собирался на пасху послать отказ от аренды.

Но вчера получил телеграмму, заставляющую думать, что все еще уладится...

2 апреля... Приближается срок окончательно устраивать новый контракт. Закон мин. юст. утвержден государем (23 марта)... может быть даже опубликован. А наши правила не приняты еще и министрами. Макаров кейфует в Ялте — до 9 апреля. Туда же зачем-то уехал Бельгард. Коковцов со вчерашнего дня в Москве, и куда уедет — неизвестно. Пожалуй туда же — к теплу и свету юга...

8 апреля. Через несколько часов я должен ехать в СПБ — хлопотать об окончании контракта или совсем отказаться от аренды. Закон мин. юстиции вчера опубликован, значит вошел в законную силу...

17 апреля. Три дня назад возвратился из СПБ, ничего не добившись. Тошно и записывать. Все так глупо у нас, так лишено мысли, что не выразить. Теперь Коковцов задерживает, он, который сам же и заявил в декабре, что не хочет допустить, чтобы я оставил издательство!..

Но все это теперь уж неинтересно. Я уехал 14 апреля из СПБ с тем, чтобы возвратиться через три дня и так или иначе покончить: оставаться или уходить. Так об'явил, как было решено.

Но это было три дня назад, а кажется, что это было когда-то очень давно. Все изменилось за три дня. Из-за истории на Ленских приисках — целое революционное движение. В Петербурге забастовки и демонстрации. Сейчас Тихменев говорил по телефону, что бастующих рабочих уже 50 000 человек! Из-за забастовки типографий — некоторые газеты завтра не выйдут (между прочим «Земщина»). Возможно, что начинается новый 1905 год.

В Москве ведется агитация, прокламации. В университете уже пели «вечная память» — убитым ленским рабочим.

Что будет завтра?

Неустойчивое равновесие завершается логически: перекувыркнемся снова. Вот тебе и «умиротворение» и «успокоение»!

21 мая. Говорят, завтра, в воскресенье, назначены демонстрации — но по какому случаю — неизвестно. М. б. Ленская история?

18 мая. Сегодня мною и гр. С. С. Татищевым (новым начальником главн. упр. по делам печати) подписаны дополнительные правила к договору 1909 г.— эта бесконечная канитель — замучавшая меня и состарившая на несколько лет — завершилась.

Теперь — я имею аренду до 1 января 1914 года... Только. Но, вероятно, это, приблизительно, на всю жизнь.

Эта «трагедия казенных об'явлений», как справедливо выразился какой-то хулиган «Русского слова» завершилась тем, что я буду иметь возможность 1½ года кормить человек 150—200, приютившихся около издания. Смысла же общественного издание уже не имеет, ибо какое политическое дело можно начинать на 1½ года? Нелепость!

Сущность договора состоит в том, что убыток от отнятых об'явлений мин. юстиции возмещается полностью прямой субсидией. Но высчитывать убытки страшно сложно, и берет массу сил и времени — и это все для поддержания жизни на 1½ года...

30 августа. Сейчас (около 12 ч. ночи) гремят колокола: это от'езд государя. Кончились торжества...

Одно было темное пятно. На параде (Ходынка) при обходе государем фронта Софийского полка — какой-то рядовой внезапно вышел из фронта и подошел к государю, подавая какое-то прошение. Государь, говорят, был поражен этим и только сказал «Оставьте, оставьте меня»... Но кажется кто-то взял прошение. Это была жалоба на незаконное будто бы привлечение к воинской повинности. Говорят, командиры батальона и роты уже смещены. Рядовой по закону подлежит арестантским ротам...

30 октября. Как глупо проходит время. По два месяца не находишь минуты записать что-нибудь в дневник. И сказать бы — со смыслом уходит время. Но нет: суетишься с утра до ночи — и абсолютно без толку. Ни радости, ни пользы.

А ведь события какие прошли за это время: Балканская война началась и почти кончилась. Думу избрали. Очень вероятно, что теперь начнутся серьезные события уже у нас, из-за обеих причин.

Балканскую войну теперь придется так или иначе ликвидировать державам, в том числе нам. Мы же «не готовы», а потому стараемся чего-нибудь достигнуть тем средством, в отношении которого наименее «готовы», т. е. дипломатической мудростью. Разумеется, опять окажемся в дураках, и вероятно — навеки провалим себя в восточном вопросе. Теперь бы нужно без колебаний брать Константинополь и стать во всю широту за славян и греков. Да где нашим слизнякам!

Ну — Дума, при помощи правительственного искусства — вышла ни в мать, ни в отца, в проезжего молодца. Номинальных «правых» прибыло, но господь их ведает, кто они окажутся. У октябристов провалился Гучков. Но может быть это — к лучшему для него. Может быть и преднамеренно не старался... Дело в том, что разных левых очень достаточно, около 30% состава, да еще и октябристы, пожалуй, хоть частично поддержат. Говорят, план такой: сделать запрос о незаконномерности действий правительства на выборах и потребовать ответственности министров. Если не дадут — то всем «независимым» демонстративно сложить полномочия. Рассчитывают, что это выйдет около половины Думы. Тогда Дума станет невозможной, ее придется распустить. Новые выборы — будут «оппозиционные» и тогда власть очутится в руках Думы и революции.

Гучков тогда может явиться спасителем отечества. Весь скандал пройдет без его участия, и он легко явится «честным маклером» — посредником между троном и революцией.

О возможной роли Гучкова — это моя личная догадка. Относительно же запроса и отказа от полномочий — это установленный план, в котором принимают участие и октябристы, по крайней мере калужские. Мне это рассказал Толмачев.

Правительство такое — что с ним все возможно. А пропаганда в войсках и подготовка рабочих все время идет. Все может быть. Конечно, с бестрепетным сердцем и твердой рукой,— все это легко бы было разрушить в зародыше. Но при данном персонале людей вскоре может быть дождемся и своего 1793 года. Ведь у нас революция идет по французскому — масонскому рецепту...

Не даром Столыпина убили. Он хотя и конституционалист, но человек «прусского образца», и по энергии характера не дал бы монарха в обиду. А теперь — людей нет, и вероятно куча прямых предателей. В народе же даже и для Вандеи нет уголка. Не Курская же губерния со своими правыми?

Несчастнейший монарх. Мне его до смерти жалко. Я лично, признаюсь, потерял всякую веру в спасение...

24 декабря. Много происходит разных мелких событий, но некогда даже и отметку сделать. Занят с утра до ночи, и нет мне ни отдыха, ни срока...

Отвратительно идет и подписка на газеты. По нынешний день едва 4/5 прошлогодних. Уходят подписчики. Не гожусь я для них.

В материальном отношении я, в сущности, обеспечен. Но тяжело сознавать свою непригодность, свое расхождение с современниками, если даже считать себя правым, а их ошибающимися.

30 декабря. Вечер. Николай уехал в Царицыно на прогулку на лыжах и только что вернулся, весь день прошлялся. А там, на редакционной половине происходит елка для детей служащих... Все наши там. Слышны песни детей... Кажется, веселятся. А я тут лежу один в кабинете. Устал да не знаю чего. И ничего мне не хочется...

А из-за чего эта истощающая работа? Кому нужна, для чего?

Указатель имен к дневнику Л. Тихомирова *

Адрианов, А. А. (1862—1918), ген.-майор свиты, московский градоначальник (1908—1915).

Айвазов, И. Г. (1872), миссионер, профессор Московской духовной академии.

Акимов, М. Г. (1847—1914), председатель Государственного совета (с 1907 г.).

Александра Федоровна (1872—1918), императрица, жена Николая II.

Алексей, епископ таврический.

Алексей Алексеевич, см. Садовский.

Анастасий, епископ серпуховской, викарий московской епархии.

Антоний (Вадковский, 1846—1912), митрополит петербургский.

Антоний (Храповицкий, 1863), архиепископ волынский член Государственного совета по выборам от черного духовенства (1906—1907).

Арбузов, А. Д. (1859), директор департамента общих дел министерства внутр. дел.

Арсеньев, А. А. (1849), тульский губернский предводитель дворянства, потом член Государственного совета.

Балашев, В. А., московский черносотенный журналист, редактор-издатель газеты «Вестник русского патриота».

Барсов, репортер «Московских ведомостей».

Бартенев, Ю. П. (1866—1908), цензор в Москве, сын издателя «Русского архива», член монархических организаций.

Башмаков, А. А. (1858), чиновник особых поручений при министре внутр. дел, главный редактор «Правительственного вестника».

Бельгард, А. В. (1861), начальник главного управления по делам печати (1905—1912).

Бисмарк, Отто (1815—1898), князь, прусский государственный деятель, канцлер Германской империи.

Блажчук, М. И., чиновник особых поручений при министре внутр. дел.

Бобринский, В. А. (1867), граф, член II, III и IV Государственной думы от Тульской губернии, националист.

Богданович, А. В. (1845—1914), урожд. Бутовская, жена Е. В. Богдановича, автор дневника «Три последних самодержца».

Богданович, Е. В. (1829—1914), ген.-от-инфантерии, член совета министра внутр. дел, издатель патриотических брошюр.

Богров, Д. Г., социал-революционер, бывший секретным сотрудником киевского охранного отделения; убийца П. А. Столыпина.

Бострем, И. Ф., контр-адмирал, товарищ морского министра, потом главный командир Севастопольского порта.

Бочаров, царицынский полицеймейстер.

Брюин-де-Сент-Илер — ошибочно вместо Брюн-де-Сент-Ипполит.

Брюн-де-Сент-Ипполит, В. А. (1871—1918), прокурор Московского окружного суда (1909—1912), потом директор департамента полиции (1914—1915).

Будберг, А. А. (1854—1914), барон, главноуправляющий канцелярией прошений, приносимых на высочайшее имя, член Государственного совета.

Будилович, А. С. (1846—1908), профессор, славист, член совета министра народного просвещения, с 1907 г. редактор «Московских ведомостей».

Бурцев, В. Л. (1862), народоволец, потом эсер, издатель «Былого». В 1917 г. поддерживал авантюру ген. Корнилова. После Октябрьской революции — белый эмигрант.

Варзар, 1) В. Г. (1851), инженер-технолог, статистик, фабричный ревизор, и 2) Ф. Г., старший ревизор департамента гражданской отчетности.

Варнава, иеромонах, «старец» Зосимовой пустыни.

Введенский, А. И. (1861—1913), профессор Московской духовной академии по кафедре философии и логики, сотрудник и секретарь редакции «Московских ведомостей».

Вебер, С. Ф., директор департамента государственного казначейства.

Вердеревский, член черносотенных организаций.

Витте, С. Ю. (1849—1915), граф, бывший председатель совета министров (1905—1906).

Владимир (Богоявленский, 1848—1918), митрополит московский (1898—1912), петербургский (1912—1915) и киевский.

Владимиров, В. В., директор департамента духовных дел иностранных исповеданий.

Вознесенский, А. И., член московского комитета по делам печати.

Волконский, М. Н. (1860), князь, сотрудник «Нового времени» и черносотенных сатирических журналов («Виттова пляска» и др.).

Воронов, Л. Н., секретарь редакции «Московских ведомостей».

---

* См. «Красный архив», №№ 72—75.

Воронцов-Дашков, И. И. (1837—1916), граф, генерал-ад'ютант, бывший министр двора (1881—1897), наместник на Кавказе с 1905 года.

Восторгов, И. И. (1866—1918), протоиерей, деятель монархических организаций, председатель союза русского народа в Москве, издатель газеты «Русская земля» и др.

Вырубова, А. А. (1884), урожд. Танеева, ближайший друг царской семьи и Г. Распутина.

Вязигин, А. С. (1867), профессор Харьковского университета, председатель харьковского отдела «Русского собрания», член III Государственной думы, председатель фракции правых.

Герасимов, О. П. (1867—1920), московский педагог, товарищ министра народного просвещения (1905—1908).

Гермоген (Долганев, 1858—1919), епископ саратовский, черносотенец, покровитель иеромонаха Илиодора.

Гершельман, С. К. (1854—1910), ген.-от-инфантерии, командующий войсками Московского военного округа и московский генерал-губернатор (1906—1909), потом командующий войсками Виленского военного округа (1909—1910).

Герье, В. И. (1837—1919), профессор Московского университета, историк, член Государственного совета.

Гильхен, курский монархист.

Голенищев-Кутузов, А. А. (1848—1913), граф, секретарь императрицы Марии Федоровны, обер-гофмейстер, поэт, почетный академик.

Голенищев-Кутузов, П. А. (1845), граф, бывший цензор, публицист.

Головин, И. В. (1856—1916), граф, правитель дел канцелярии главного управления по делам печати.

Гондатти, Н. Л. (1863), приамурский генерал-губернатор с 1911 года.

Горемыкин, И. Л. (1839—1917), председатель совета министров (1906), член Государственного совета, в 1914 г. был вторично председателем совета министров.

Гофштеттер, И. А., публицист, сотрудник реакционных газет, редактор-издатель «Крестьянской газеты».

Грибоедов, сотрудник правительственного «Осведомительного бюро».

Григорович, И. К. (1853), адмирал, товарищ морского министра (1909—1911), морской министр с 1911 года.

Грингмут, В. А. (1851—1907), деятель монархических организаций, редактор «Московских ведомостей».

Гудим-Левкович, А. П., товарищ председателя московского окружного суда.

Гурлянд, И. Я. (1868), бывший журналист и профессор Демидовского юридического лицея, истории права, с 1907 г. член совета министра внутр. дел, редактор-издатель официозной газеты «Россия».

Гурьев, А. Н., финансист, сотрудник газеты «Россия».

Гучков, А. И. (1862—1936), крупный промышленник, член III Государственной думы, с 1908 г. председатель ее, октябрист, в 1917 г. военный и морской министр временного правительства. Белоэмигрант.

Дедюлин, В. А. (1858—1913), генерал-ад'ютант, с 1906 г. дворцовый комендант.

Дедюлин, Н. А., сенатор.

Джунковский, В. Ф. (1865), флигель-адъютант, московский губернатор (1905—1913), потом товарищ министра внутренних дел, командир отдельного корпуса жандармов.

Диков, И. М., адмирал, генерал-ад'ютант, морской министр, член Государственного совета.

Добрынин Н. П., судебный следователь в Москве.

Доррер, В. Ф., граф, курский губернский предводитель дворянства, крайний монархист, член III Государственной думы от Курской губернии.

Дубровин, А. И. (1875—1922), врач, один из основателей союза русского народа, почетный и действительный председатель его, редактор газеты «Русское знамя», организатор еврейских погромов и политических убийств (убийство Иолоса, Герценштейна и др.).

Дурново, П. Н. (1845—1915), министр внутренних дел (1905—1906), статс-секретарь, сенатор, член Государственного совета, где был председателем правой группы, в 1911 г. за оппозицию Столыпину уволен в заграничный отпуск.

Евлогий (Георгиевский, 1868), епископ люблинский, викарий варшавской епархии, член II и III Государственной думы, известный черносотенец.

Евреинов, П. М. (1875), столоначальник министерства внутр. дел.

Елизавета Маврикиевна (1865—1927), вел. кн., жена Константина Константиновича.

Зайончковский, Н. Ч. (1859—1918), педагог, бывший попечитель Оренбургского учебного округа, с 1906 г. член совета министра внутр. дел.

Замысловский, Г. Г. (1872), чиновник судебного ведомства, потом присяжный поверенный, член III и IV Государственной думы, член союза русского народа.

Зеленый, Н. А (1844), отставной адмирал.

Игнатьева, С. С., графиня, рожд. княжна Мещерская, вдова ген.-адъютанта графа А. П. Игнатьева.

Извольский, А. П. (1856—1923), министр. иностр. дел (1906—1910), посол в Париже (1910—1917).

Извольский, П. П. (1863—1928), обер-прокурор синода (1906—1909), член Государственного совета с 1909 года.

Илиодор Труфанов, иеромонах Почаевской лавры, проповедник-демагог, ярый противник революционного движения в 1908 г., переведен в Царицын, за упорное неисполнение распоряжений синода сослан в Флорищеву пустынь, впоследствии начал борьбу против Распутина, был расстрижен и эмигрировал.

Иннокентий (Беляев, 1862—1913), епископ тамбовский, потом экзарх Грузии.

Исидор, монах Зосимовой пустыни.

Истомин, В. А., отставной дейст. стат. советник, причисленный к московскому комитету по делам печати.

Казанский, Л. И., врач казенных театров.

Карамзин, Н. М. (1766—1826), автор «Истории государства Российского».

Кассо, Л. Ар. (1865—1914), профессор Московского университета, юрист, директор Московского лицея, министр нар. просвещения (1910—1914), получивший известность своими реакционными мероприятиями по высшей и средней школе.

Катенин, А. А. (1849), член совета главного управления по делам печати и председатель петербургского цензурного комитета.

Катков, П. М. (1859), полковник, сын известного реакционного публициста.

Кауфман, П. М. (1857—1926), министр народного просвещения (1906—1908), член Государственного совета.

Келеповский, С. И. (1873), херсонский землевладелец, член II и III Государственной думы, националист.

Киреев, А. А. (1833—1910), ген.-лейтенант, состоящий при вел. кн. Александре Иосифовне, писатель по церковным вопросам.

Кисловский, Л. Л. (1860), московский монархист.

Клочков, С. Н. (1869), помощник вологодского епархиального миссионера, член III Государственной думы от Вологодской губернии, правый.

Кнолль. И. Г., правитель канцелярии П. А. Столыпина.

Коковцов, В. Н. (1853), министр финансов (1906—1914), председатель совета министров (1911—1914). Активный участник борьбы против советской власти. Белоэмигрант.

Колобов, В. И., председатель кавказского цензурного комитета.

Кологривов, член монархических организаций.

Коновницын, А. И. (1855), граф, председатель одесского союза русского народа (1905—1911), организатор погромов.

Коновницын, Э. И. (1850—1915), граф, председатель совета союза русского народа, почетный председатель петербургского отдела союза, организатор черносотенных боевых дружин.

Константин Константинович (1858—1915), вел. кн., начальник военно-учебных заведений, президент Академии наук, поэт (К. Р.).

Коростовец, И. Я., посланник в Пекине.

Красовский Н. Т., московский член союза русского народа.

Кривошеин, А. В. (1858—1923), товарищ министра финансов (1906—1908), главноуправляющий земледелием и землеустройством (1908—1915), член Государственного совета с 1906 г. Активный участник борьбы с советской властью. Возглавлял правительство Врангеля. Белоэмигрант.

Кривцов, Я. В. (1859), инженер, член III Государственной думы от Курской губернии, правый.

Крупенский, П. Н. (1863), отставной гвардии полковник, крупный бессарабский землевладелец, член II, III и IV Государственной думы от Бессарабии, националист.

Крыжановский, С. Е. (1861), товарищ министра внутр. дел (1906), сенатор (с 1907 г.), государственный секретарь (1911—1917).

Кузнецов, Н. Д., московский присяжный поверенный, писатель по церковным вопросам.

Кузнецов, приказчик, член союза русского народа в Москве.

Купябко, Н. Н. (1873), подполковник, начальник охранного отделения.

Курлов, П. Г. (1860— 1923), ген.-лейтенант, товарищ министра внутр. дел и командир отдельного корпуса жандармов (1909—1911), после убийства Столыпина в Киеве уволен в отставку.

Кутузов, граф, см. Голенищевы-Кутузовы, графы.

Ладыженский, Н. Н. (1842), чиновник особых поручений при обер-прокуроре синода.

Ламкерт, О. И., член совета гл. упр. по делам печати.

Лаппо, М. Р., цензор центрального комитета цензуры иностранной.

Ледницкий, А. Р. (1866—1935), московский присяжный поверенный, член I Государственной думы от Минской губернии, кадет.

Леонтьев, К. Н. (1831—1891), беллетрист, критик и публицист крайне консервативного направления.

Литвинов-Фалинский, В. П. (1868), инженер-технолог, управляющий отделом промышленности министерства торговли и промышленности (1905—1915).

Лихачев, Н. П. (1862), помощник директора публичной библиотеки в Петербурге, историк.

Лукьянов, С. М. (1855), доктор медицины, профессор Военно-медицинской академии, сенатор, член Государственного совета, обер-прокурор синода.

Лысогорский, В. В. (1866—1924), помощник петербургского градоначальника (1907—1917).

Львов, В. Н. (1872), член III и IV Государственной думы от Самарской губернии, октябрист, в 1917 г. член временного правительства. Эмигрировал за границу, в 1921 г. примкнул к «сменовеховцам».

Львов, Н. Н. (1867), член I, III, IV Государственной думы, прогрессист.

Майков, А. А. (1866), сын известного поэта, один из основателей и член главного совета союза русского народа, организатор черносотенной боевой дружины.

Макарий (Гневушев), архимандрит, настоятель Высокопетровского монастыря в Москве.

Макарий (Невский, 1835), архиепископ тобольский, потом митрополит московский, известный черносотенец, вдохновитель томского погрома в 1905 году.

Макаров, А. А. (1857—1919), товарищ министра внутр. дел (1906—1909), государственный секретарь (1909—1911), потом министр. внутр. дел

Маклаков, В. А. (1870), московский присяжный поверенный, член II, III и IV Государственной думы от Москвы, правый кадет. В 1917 году назначен послом в Париж. В годы гражданской войны — представитель правительств Деникина, Колчака и Юденича в Париже.

Марголин, М. А., назван так ошибочно вместо Морголи.

Мария Павловна (1890), вел. кн., дочь вел. кн. Павла Александровича, с 1908 г. жена принца шведского Вильгельма.

Мария Федоровна (1847—1928), императрица, вдова Александра III.

Марков 2-й, Н. Е. (1866), крупный помещик, член III и IV Государственной думы от Курской губернии, товарищ председателя фракции правых, член главного совета союза русского народа; в 1910 г., разойдясь с Дубровиным, образовал новый союз русского народа. Белоэмигрант.

Матвеев, С. П., корректор «Московских ведомостей».

Матросов, И. С., член московских черносотенных организаций.

Маттерн, Э. Э., московский присяжный поверенный.

Милюков, П. Н., историк и публицист, лидер кадетской партии, основатель и фактический редактор газеты «Речь», член II, III и IV Государственной думы, в 1917 г. член временного правительства. После Октябрьской революции активный участник всех контрреволюционных выступлений на юге России. Белоэмигрант.

Митрофан, епископ пензенский.

Модль, В. Ф. (1871), полковник, помощник московского градоначальника (1908—1915).

Морголи, М. А., секретарь И. Г. Кнолля.

Муромцев, А. В., член совета главного управления по делам печати.

Муромцев С. А. (1850—1910), бывший профессор Московского университета, юрист, присяжный поверенный, председатель I Государственной думы, кадет.

Назаревский, Б. В., педагог, член московских черносотенных организаций.

Назаревский, В. В., председатель московского комитета по делам печати.

Нейдгардт, А. А. (1832—1915), тайный советник.

Николай Николаевич (1856—1929), вел. кн., главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, верховный главнокомандующий в начале мировой войны.

Николай (Зиоров), архиепископ варшавский.

Никольский, Б. В. (1870—1919), преподаватель училища правоведения (1907—1917), один из деятельнейших членов черносотенного русского собрания, сторонник Дубровина в союзе русского народа.

Никон (Рождественский, 1851—1918), епископ вологодский (1906—1912), член Государственного совета с 1907 года.

Нилус, С. А., писатель-антисемит.

Новоселов, М. А., бывший толстовец, писатель по церковным вопросам.

Нольде, А. Э., барон, секретарь редакции, потом редактор «Московских ведомостей».

Овчинников, Б. М., помощник присяжного поверенного в Москве.

Олег Константинович (1892—1914), князь, сын вел. кн. Константина Константиновича.

Оловенников, В. В., редактор-издатель черносотенной газеты «Вече».

Олсуфьев, Д. А. (1862), граф, член Государственного совета от Саратовской губернии с 1906 г., октябрист.

Орлов, В. Г., ревизор движения Московско-брестской железной дороги, председатель главного совета «отечественного патриотического союза», деятель союза русского народа и «палаты Михаила архангела», организатор погромов.

Орлов, В. Н. (1868), кн., флигель-ад'ютант, потом ген.-майор свиты, начальник военно-походной канцелярии Николая II.

Павлов, Н. А., крупный землевладелец Саратовской губернии, сотрудник «Московских ведомостей» и «Гражданина»; подписывал свои статьи «дворянин Павлов».

Палеолог, С. Н. (1878), чиновник министерства внутр. дел.

Парфений, епископ тульский.

Перевозников, московский рабочий.

Петрункевич, И. И. (1844), земский деятель, один из лидеров кадетской партии, член I Государственной думы.

Пистолькорс, А. А. (1885), урожд. Танеева, сестра А. А. Вырубовой.

Пихно, Д. И. (1853—1913), профессор Киевского университета, редактор газеты «Киевлянин», член Государственного совета, правый.

Плевако, Ф. Н. (1842—1908), известный московский присяжный поверенный, выдающийся оратор, член III Государственной думы от Москвы, октябрист.

Плеве, Н. В. (1871), помощник управляющего (1906—1910), потом управляющий (1910—1914) делами совета министров.

Погодин, А. Л. (1872), профессор Варшавского университета по кафедре славянской филологии.

Полубояринова, Е. А. (1864), вдова полковника, владелица книжного склада и типографии, член главного совета и казначей союза русского народа, с 1907 г. издательница органа союза — газеты «Русское знамя», сторонница Дубровина.

Похвиснев, В. Б., московский почт-директор.

Пуришкевич, В. М. (1870—1920), крупный помещик, чиновник особых поручений при министре внутр. дел (1904—1906), член II и III Государственной думы от Бессарабии и IV от Курской губернии, один из основателей и товарищ председателя совета союза русского народа, член совета русского собрания, основатель монархической организации «палаты Михаила архангела». После Октябрьской революции был во главе офицерского контрреволюционного заговора.

Рагозин, член московской черносотенной организации.

Распутин-Новых, Г. Е. (1872—1916), тобольский крестьянин, в молодости конокрад, пользовался громадным влиянием на царя и царицу. Убит группой монархистов в декабре 1916 г.

Рахманинов, московский старообрядец (вероятно, назван так ошибочно вместо Рахманов).

Рейценштейн, Н. К. (1854), вице-адмирал, член Адмиралтейского совета.

Римский-Корсаков, А. А. (1850), сенатор, с 1909 г. председатель главного совета союза русского народа.

Родионов, И. А., писатель-черносотенец; почитатель Илиодора.

Руднев, астраханский черносотенный журналист, временный редактор газеты «Русская правда».

Ряхин, репортер «Московских ведомостей».

Саблер, В. К. (1845—1929), член Государственного совета с 1905 г., обер-прокурор синода (1911—1915).

Савенко, А. И. (1874), публицист, постоянный сотрудник «Киевлянина», основатель и товарищ председателя клуба националистов в Киеве, член главного совета всероссийского национального союза, впоследствии член IV Государственной думы.

Садовский, А. А., правитель дел канцелярии главного управления по делам печати.

Самарин, Ф. Д. (1858—1916), крупный землевладелец, публицист, член Государственного совета от Московской губернии, правый (1907—1908).

Серафим (Чичагов, 1856), епископ можайский, викарий московской епархии.

Серафим, епископ орловский.

Сергей Михайлович (1866—1918), вел. кн., ген.-инспектор артиллерии.

Сергей (Старогородский), архиепископ финляндский.

Сидоров, А. А., председатель московского комитета по делам печати.

Симанский, П. А. (1866), ген.-майор, бригадный командир 35-й пехотной дивизии.

Скворцов, В. М. (1859), чиновник особых поручений при синоде, миссионер, редактор журнала «Миссионерское обозрение», газеты «Колокол» и других черносотенных изданий.

Скрыдлов, Н. И., вице-адмирал, член Адмиралтейского совета.

Слепцов, П. А. (1869—1919), член московского комитета по делам печати, беллетрист (псевдоним П. А. Досужинин), автор статей по сельскому хозяйству и народному образованию.

Соколов, В. П. (1880), инженер, один из учредителей союза русского народа, товарищ председателя совета марковского союза русского народа, организатор боевой дружины.

Соколов, Н. В., служащий московской университетской типографии.

Соловьев, В. С. (1853—1900), философ и поэт.

Старицкий, член черносотенной организации.

Стахович, М. А. (1861—1923), орловский губернский предводитель дворянства, с 1909 г. член Государственного совета от орловского земства.

Степанов, К. П. (1854—1910), художник, академик, член московской черносотенной организации, редактор-издатель газеты «Московский голос».

Степанов, Ф. П. (1857), прокурор московской синодальной конторы.

Столыпин, А. А., журналист, сотрудник «Нового времени».

Столыпин, П. А., (1862—1911), министр внутренних дел и председатель совета министров в эпоху реакции. Убит сотрудником охранки Богровым.

Стессель, А. Н. (1848), ген.-лейтенант, комендант крепости Порт-Артур во время японской войны.

Сухомлинов, В. А. (1848—1926), ген.-ад'ютант, военный министр (1909—1915).

Сучков, Н. Н., член московской черносотенной организации.

Сыромятников, С. Н., публицист, сотрудник «Нового времени» (псевдоним Сигма) и официозной газеты «Россия».

Таганцев, Н. С. (1843—1923), профессор Петербургского университета, криминалист, член Государственного совета.

Танеев, А. С. (1850), главноуправляющий собственной канцелярией императора, отец А. А. Вырубовой.

Татищев, С. С. (1872—1915), граф, саратовский губернатор (1906—1910), начальник главного управления по делам печати (1912—1915).

Тимашев, С. И. (1858—1920), министр торговли и промышленности (1909—1915).

Тиханович-Савицкий, Н. Н., купец в Астрахани, владелец музыкального магазина, председатель астраханской народной монархической партии, автор воззвания, напечатанного в «Русской правде» (в Астрахани), против новых основных законов.

Тихменев, Н. П., журналист, сотрудник черносотенной газеты «Земщина».

Тихомирова, Х. Н. (1828), урожд. Каратаева, мать автора дневника.

Толмачев, И. Н. (1863), одесский градоначальник (1907—1911).

Толстая, С. А. (1844—1919), графиня, урожд. Берс, жена Льва Николаевича Толстого.

Толстой, Л. Л. (1869), граф, писатель, сын Льва Николаевича Толстого.

Торопов, А. Д. (1851—1927), библиограф, редактор «Книжных новостей».

Торопов, И. В., московский домовладелец, член черносотенной организации, участник убийства Иоллоса.

Трепов, В. Ф. (1860—1918), член Государственного совета с 1908 г., уволен в 1911 г. в заграничный отпуск за оппозицию Столыпину.

Трубецкой, С. Н. (1862—1905), князь, профессор по кафедре философии и ректор Московского университета.

Тьер, Адольф (1797—1877), французский политический деятель и историк, глава исполнительной власти, потом президент Французской республики, в 1871 г. с необычайной жестокостью подавил Парижскую коммуну.

Унгерн-Штернберг, барон, был обвинен в шпионаже.

Феофан (Быстров, 1873), епископ ядовский, викарий петербургской епархии и ректор Петербургской духовной академии (1909—1910), потом епископ таврический (1910—1911); ввел Распутина в придворные сферы, а затем разочаровался в нем и сделался его врагом.

Филипп, французский гипнотизер и спирит; был приглашен в Россию и некоторое время имел влияние при дворе.

Фредерикс, В. Б. (1838), барон (позднее граф), ген.-ад'ютант, министр двора (1887—1917).

Харитонов, П. А. (1852—1916), государственный контролер (1907—1916).

Харузин, А. Н. (1863—1932), директор департамента духовных дел иностранных исповеданий (1908—1911), товарищ министра внутр. дел (1911—1913).

Хомяков, Д. А. (1841—1919), сын поэта, публицист правого направления.

Хомяков, Н. А. (1850), сын поэта, член II и III Государственной думы, председатель III Думы.

Чаплин, Н. Д., сенатор, товарищ министра юстиции, заведующий межевой частью.

Чарыков, Н. В. (1855), гофмейстер, бывший товарищ министра иностр. дел, посол в Константинополе.

Шарапов, С. Ф. (1856—1911), черносотенный публицист, издатель-редактор газеты «Русское дело», противник финансовой политики Витте.

Шванебах, П. Х. (1846—1908), государственный контролер (1906—1907), член Государственного совета, правый.

Шварц, А. Н. (1848—1915), профессор Московского университета, попечитель московского учебного округа, потом министр народного просвещения (1908—1910).

Шереметев, С. Д. (1844—1918), граф, крупнейший помещик, член Государственного совета, монархист, историк-дилетант.

Шечков, Г. А. (1856), крупный землевладелец, член III Государственной думы от Курской губернии, правый.

Шипов, И. П. (1865), министр торговли и промышленности, член Государственного совета.

Ширинский-Шихматов, А. А. (1863), князь, обер-прокурор синода (1906), затем член Государственного совета.

Шифф, Я., американский банкир.

Шредер, С. Ф., управляющий конторой «Московских ведомостей».

Штюрмер, Б. В. (1848—1918), член Государственного совета с 1904 г.; впоследствии председатель совета министров и министр внутр. и иностр. дел.

Щегловитов, И. Г. (1861—1918), министр юстиции (1906—1919). Вдохновитель процесса Бейлиса; был тесно связан с черносотенными организациями.

Эссен, Н. О. (1860—1915), адмирал, помощник начальника морских сил в Балтийском море (1908—1915).

Юшкевич, С. С. (1868—1917), писатель.

Языков, Д. Д., библиограф, секретарь редакции «Московских ведомостей», прикомандированный к московскому комитету по делам печати.

Янчак, репортер «Московских ведомостей».

Янышев, И. Л. (1826—1910), протопресвитер, духовник царской семьи.

Ясинский, член черносотенной организации.

Из записной книжки архивиста

Трудовое казачество Донской области о Брестском мире и о защите Советской страны

Пролетариат Донской области и беднейшие массы донского казачества вместе с пролетариатом и крестьянской беднотой Советской России, под руководством героической партии Ленина-Сталина, вписали не мало прекрасных боевых страниц в историю Великой пролетарской Октябрьской революции.

В самые тяжелые периоды в жизни Советской республики, когда Донская область была захвачена всякого рода белогвардейскими бандами контрреволюционных генералов, нашедших поддержку среди кулацкого населения донского казачества, беднота и трудящиеся массы казачества, во главе с пролетариатом Ростова, Донбасса и других рабочих центров, героически сражались за власть советов. Об этом красноречиво говорят многочисленные архивные материалы.

Собравшийся в апреле месяце 1918 г. в чрезвычайно сложной обстановке первый с'езд советов Донской области[1] наряду с вопросами организации области, вопросами внутреннего характера, обсудил важнейший вопрос, от которого зависело тогда существование советской власти — вопрос о войне и мире.

Делегаты, представлявшие на с'езде интересы революционного пролетариата, казачества и всех трудящихся Донской области, по этому чрезвычайно актуальному вопросу шли по ленинско-сталинскому пути, решительно отвергли контрреволюционные установки левых эсеров и смыкавшейся с ними группы левых коммунистов во главе с Сырцовым.

Подавляющее большинство делегатов с'езда высказалось за одобрение заключенного Советским правительством Брестского мира. В резолюции, предложенной тов. Орджоникидзе и принятой большинством голосов делегатов с'езда, говорится: «Первый с'езд советов Донской республики присоединяется и одобряет мирную политику Совета народных комиссаров. В ответ на открытый поход контрреволюционных генералов, Каледина, Алексеева и др., в ответ на выступление авантюристов Богаевского, Голубова, Фетисова, несмотря на все попытки меньшевиков и эсеров, в том числе и левых, обмануть трудовые массы казачества и совлечь их с ленинско-сталинского пути нашей партии, трудящиеся казаки, делегаты с'езда, поклялись в том, что они всеми средствами будут отстаивать советскую власть, а если потребуется, то и отдадут свою жизнь за пролетарскую диктатуру. Эту клятву, данную на своем первом с'езде советов, донские казаки с честью выполнили, сражаясь в 1 Конной армии, руководимой тт. Ворошиловым и Буденным.

Годы, прошедшие после боев и побед гражданской войны, укрепили энтузиазм и боевую готовность трудового казачества, что нашло свое яркое выражение в письме казаков Дона, Кубани и Терека великому вождю ленинской партии и народов нашей социалистической родины — товарищу Сталину.

«И только, дорогой товарищ Сталин, кликни тревожный клич,— говорится в этом письме,— соколами слетимся на защиту родных границ. Не только мы, но и наши жены, сестры и матери непоколебимой стеной станут на защиту своей великой родины.

Мы клянемся, что все казачье население наших станиц станет могу-

---

[1] Первый с'езд советов Донской области открылся 9 апреля 1918 г. 8 апреля состоялось частное совещание делегатов с'езда, на котором были обсуждены вопросы о политическом положении Донской области и о положении в Новочеркасске.

На с'езде присутствовало 713 делегатов с решающим и 125 с совещательным голосом. В порядке дня стояли следующие вопросы: а) текущий момент, б) организация власти на Дону, в) о земле.

чим резервом Рабоче-Крестьянской Красной армии и если враг посмеет на нас напасть, в рядах непобедимой Красной армии мы будем гнать, рубить и уничтожать врага, чтобы победить врага на его территории, чтобы и на западе, и на востоке покончить с врагами навсегда»[1].

Мы публикуем выдержки из стенограммы речей делегатов Первого с'езда советов Донской республики, выступавших по первому вопросу о войне и мире. Делегаты с мест подвергли резкой критике предательскую тактику левых эсеров и единодушно высказывались за то, чтобы воспользоваться хотя бы временной передышкой для организации боеспособной Красной армии, налаживания народного хозяйства и окончательного разгрома очагов внутренней контрреволюции.

Публикуемые нами выдержки приводятся по стенограмме Первого с'езда советов Донской республики, хранящейся в Центральном архиве Октябрьской революции, ф. № 1940, 1918 г., д. № 26, оп. 2.

Г. Костомаров.

Выдержки из стенограммы Первого с'езда советов Донской республики 9 апреля 1918 года.

С'езд решил дать высказаться по одному представителю от каждого округа, для выяснения взглядов населения на местах на войну, предоставив каждому оратору 10 минут.

Председатель с'езда тов. Ковалев читает приветственную телеграмму от Донецкого окружного совета следующего содержания: «Об'единенное заседание Исполнительного комитета Донецкого окружного совета совместно с Каменским Исполнительным комитетом, представителями от войсковых частей Каменского гарнизона и представителями от профессиональных союзов шлет горячий привет товарищам казакам, крестьянам и рабочим с'езда, как верховной власти молодой Донской республики. Мы надеемся, что областной с'езд положит конец контрреволюции и навсегда закрепит на Дону советскую власть, власть трудящихся. Да здравствует Донской областной с'езд! Да здравствует Донская советская Республика! Да здравствует социализм![2].

Тов. Хохлачев (Сальский округ). — Товарищи! Здесь борьба двух партий большевиков и левых эсеров. Вопрос стоит ребром: война или мир Наши левые эсеры очень храбры, не боятся, что их убьют. Хорошо воевать под красными знаменами, но никто не хочет итти в окопы. Я недавно уволен с полиции и потому это знаю. Я думаю, что каждый из нас хозяин знает, что десятины не вспашены. Хлеба в Сальском округе нет. Нас никто не бьет. Мы сами себя бьем, здесь в Донской области мы будем биться с нашими контрреволюционерами до последней капли крови. Здесь представители Украины говорили, что они надеятся, что протянутая ими рука не повиснет в воздухе, но мы три дня тому назад признали советскую власть, а она заключила мир. Мы должны его признать.

Петрушенко (Ростовский округ). — Товарищи! Война и мир ставится ребром, мы здесь скажем последнее слово. Меня сейчас выбрал Совет от Ростовского округа. За последние дни мне пришлось много испытать, и я как практик скажу, что сейчас невозможно вступать в войну. Признавая власть, признавая подписанный мир, мы уже ни с кем не воюем. Брестский мир мы признаем, и если на нас будут наступать, мы все способные носить оружие станем на защиту Донской республики и будем укреплять в ней советскую власть.

Товарищи! Все, кто из присутствующих был солдатом, знают, возможно ли сейчас призвать на службу солдата, который много увидел за последнее время. В Ростовском округе до 30 тыс. жителей. В нем 8 тысяч солдат, но под моим руководством сейчас только 30—40 красноармейцев. Согласны воевать только 40 человек. Разве с ними можно что-либо сделать? Когда на нас подымутся германцы, придут в Донскую область, мы все подымемся как один человек, чтобы не дать нарушить распозорнейший мир, подписанный Советом народных комиссаров, не дать уничтожить советскую власть...

Алаев (Усть-Медведицкий округ). — Товарищи! У меня короткий и определенный наказ от населения; в лице своих представителей оно просило меня передать одно: с войной покончено, воевать мы не будем, мир заключен, но заявляем, что всякое посягательство на революцию и свободу, мы будем отражать всеми средствами, вплоть до того, что с вилами в руках пойдем бороться. (Гром аплодисментов.)

Рыжков (Донской округ).—Братья-казаки, крестьяне и рабочие! Пред нами стоит серьезной важности вопрос, быть или не быть нам. Представители не могут определенно выразить настроение населения. У нас никогда не-

[1] «Правда» № 77 (6683) от 18 марта 1936 г.

[2] Приветственная телеграмма вписана в текст другим почерком.

обсуждался вопрос о войне и мире, но общее положение наметилось, казаки и крестьяне решили, что Брестский договор признавать, конечно, приходится, мы признаем мир. В заключение мы говорим, что с германскими и австрийскими пролетариями воевать не будем, но общее настроение I Донского округа наметилось в том смысле, что свою республику мы защищать будем. (Аплодисменты.)

Зеленский (Морозовский округ). — Товарищи! Пред нами ставится вопрос, мирную или военную политику мы одобрим? Его нужно решить в зависимости от того, от мирной или военной политики зависит успешный ход нашей революции. Мнение населения нашего округа такое, что война не принесет нам ничего хорошего, что нам нужно считать войну с Германией законченной. Мы должны признать позорный и тяжелый мир, который вынуждено было подписать[1] правительство. Но мы думаем, что только тогда германский и международный пролетариат пойдет вместе с нами, когда увидит силу и военную мощь. Для того, чтобы создать ее, нам сейчас нужно строить жизнь внутри страны, и нашими первыми задачами должны быть: организация на местах рабоче-крестьянского правительства, борьба с нашей хозяйственной разрухой, организация местной Красной армии.

Тов. Пареев (Донецкий округ). — Мне поручено заявить всем делегатам первого с'езда, что Донской округ никогда не согласится вести эту войну. У нас нет хлеба, продовольствия, разрушен транспорт, нет вооружения; но Донецкий округ говорит, что если кто будет разгонять советы и итти против советской власти, то мы поднимемся на защиту завоеваний революции.

Тов. Ларин (Черкасский округ). Оглашает резолюцию, принятую по вопросу о войне и мире на Черкасском окружном с'езде, выражавшем настроение всего округа[2].

«С'езд признает, что заключение мира с Германией не исключает возможности и необходимости, образовав Донскую республику, дать наступающим украинско-гайдамацким контрреволюционным войскам должный отпор, если указанные войска двинутся на Дон, — для чего с'езд призывает все советы на местах к организации Красной армии, единственной опоры в борьбе как с внутренними, так и с внешними врагами Советской власти».

[1] Далее зачеркнуто: «наше».

[2] Далее резолюция в виде газетной вырезки без указания газеты, в которой резолюция была напечатана.

Тов. Новодарский (Армейский областной комитет). — Товарищи! Я — член армейского областного комитета. Армейский комитет составляется из представителей от всех боевых частей — казачьих, солдатских и рабочих, какие только сейчас есть на Дону. К нам в армейский комитет поступали разные требования на аммуницию, оружие и другие военные предметы. Но всего этого у нас сейчас нет. Относительно того, итти на Украину или нет — все части заявили, что дальше Новочеркасска они не пойдут. (Смех.) Но если враг придет на Донскую республику, тогда не нужно будет об'являть мобилизации, тогда все подымутся и пойдут на защиту Дона.

Председатель. — Запись ораторов по этому вопросу предполагается прекратить.

(С'езд принимает предложение). Слова просит представитель от мусульман тов. Булушев.

Тов. Булушев. — Вопрос о войне и мире сейчас стоит очень тяжело. Каждый из нас знает, что мир позорный. Но как бы то ни было, мы должны признать этот мир, ибо если мы станем нарушать его, мы об'явим новую войну немецкому империализму. Тогда немцы не станут с нами церемониться, они займут Донскую республику. Чтобы избежать этого, нам необходимо признать мир, как бы тяжел он не был, и заняться строительством своей жизни, не дать немцам раздавить Советскую республику.

Представитель от ст. Тихорецкой обращается с приветственной речью к с'езду[1].

Председатель предлагает послать телеграмму всем советам с просьбой местными силами помочь произвести весенние работы на полях оторванных от труда делегатов. (Оглашается текст телеграммы[2]; предложение единодушно принимается.)

Тов. Гришин (От с'езда Кубанской области) — суммирует все сказанное предыдущими ораторами и заканчивает речь призывом голосовать за резолюцию большевиков.

Резолюция, принятая Первым с'ездом советов Донской республики по предложению тов. Орджоникидзе.

Первый с'езд советов Донской республики присоединяется и одобряет мирную политику Совета народных комиссаров и рассматривает Донскую республику как часть РСФСР, считает для себя Брестский мирный договор обязательным. Революция на Дону, свергнув всю власть помещиков

[1] Речь в подлиннике не приведена.

[2] Телеграмма не приводится.

и генералов, поставила у власти трудовые элементы, сплотившиеся в своей борьбе вокруг рабочего класса. Свержение режима казацких генералов является лишь началом победы революционного союза рабочих, беднейших крестьян и трудового казачества. Для полного торжества советского правительства необходимо победоносно закончить разрастающуюся на Дону борьбу с кулацкими элементами казачества. Главной задачей рабоче-крестьянского правительства в данный момент является создание революционно-советской армии и привлечение всех сил к борьбе с хозяйственной разрухой. Советская власть должна быть готова к тому, что империализм всех стран не остановится перед новым нападением на нее, и ни одна минута не должна пропасть даром.

С'езд заявляет перед всем миром, что, признавая Брестский мирный договор, трудовое казачество, крестьяне и рабочие не остановятся ни перед чем для защиты границ РСФСР, Донской республики, и все, как один, с оружием в руках встанут в случае вторжения в пределы Донской республики чужеземных войск. Необходимо в данный момент напряжение всех сил и всей энергии. Необходима самая энергичная работа в налаживании народного хозяйства и в воссоздании на развалинах капиталистического строя новой социалистической России. С'езд уверен, что нынешнее затишье на арене борьбы пролетариата с мировым капиталом есть затишье перед бурей, что недалек уж тот момент, когда на помощь пролетариату России придут трудящиеся всего мира. С'езд приветствует грядущую победоносную мировую социалистическую революцию.

За резолюцию 348, против 106, воздержавшихся 42.

Резолюции голосовались в порядке поступления со следующими результатами:

За резолюцию левых с.-р. голосует 126
Против 336
Воздерживается 41
За резолюцию большевиков голосует 348
Против 106
Воздержавшихся 42
За резолюцию меньшевиков[1] голосует 2
Против . . . . . все
Воздерживается 6

Председатель об'является, что принята резолюция большевиков.

Губернатор в роли проповедника корана

Позорная история российского самодержавия, его кровавая, грабительская политика угнетения народов, населявших Россию, широко отражена в документах, хранящихся в наших архивах.

Публикуемый нами документ показывает, как в грозные минуты народного восстания представители правящих классов использовали для борьбы с восстанием все средства, как царские генералы вопреки своим убеждениям становились проповедниками других религий для того, чтобы добиться осуществления своих реакционных целей.

В 1916 г. военный губернатор Ферганской области генерал-лейтенант Гиппиус выступил с кораном в руках, в качестве проповедника ислама.

С другой стороны, этот документ разоблачает политику местного духовенства — мулл, которые охотно заключили союз с губернатором, чтобы обмануть трудящиеся массы узбеков и вместе с тем избавить себя от мобилизации.

В середине второго года империалистической войны царской армии срочно потребовалось на тыловые работы один миллион человек. Царизм решил использовать людские резервы коренного населения своих средне-азиатских колоний. К тому времени царизм успел выколотить на военные нужды из Средней Азии (не считая денежных поборов): десятки тысяч лошадей и верблюдов, сотни тысяч баранов, десятки тысяч квадратных аршин войлока, тысячи юрт; был вывезен весь хлопок, шерсть и кожа. Все это делалось при одновременном резком сокращении ввоза в край самых необходимых продуктов. Ко всему этому в первых числах июля 1916 г. по всей Средней Азии было об'явлено знаменитое, так называемое, «высочайшее повеление от 25 июня о реквизиции инородцев на тыловые работы в действующую армию». Коренное население края восстало против царского империализма, уничтожая свою и русскую местную власть и чиновников.

9 июля 1916 г. началось восстание в Фергане. Ферганский губернатор Гиппиус отдал приказ о расстреле

[1] При оглашении меньшевиком Гросманом своей резолюции в зале поднялся невероятный шум и протесты с требованиями немедленного удаления Гросмана из зала заседания. Под крики: «долой», «вон», «сволочь», Гросман покидает зал.

восставшего народа и потребовал дополнительного ввода войск. Но временно исполнявший должность туркестанского губернатора—генерал Ерофеев предложил ферганскому губернатору обходиться своими силами, так как восстание охватывало уже весь край, и войск нехватало. Тогда Гиппиус об'явил набор добровольцев. Об'явления об этом, отпечатанные на узбекском и русском языках, во многих тысячах экземпляров были разосланы по области. По этой причине восстание в Фергане пошло на убыль. Ободренный этим, генерал Гиппиус стал самолично об'езжать города области и уговаривать коренное население записываться добровольцами. В результате почти месячной работы записались всего лишь несколько сотен добровольцев, а от области надо было срочно выставить 50 тысяч рабочих. Тогда Гиппиус по сговору с муллами решился на необычайные для губернатора приемы агитации среди возбужденного населения Ферганы.

«Надев на себя сартовский[1] халат,— доносит начальник туркестанского охранного отделения директору департамента полиции, — и тюбетейку, его превосходительство самолично изволил что-то читать собравшимся сартам из корана, который затем поцеловал. В качестве зрителей присутствовало немало русских, которые были этим удивлены и с негодованием ушли с места произнесения речи»[2].

Вскоре после этого в газетах появились корреспонденции о том, как в Намагане ферганский губернатор собрал население в местную джами-мечеть, явился туда сам, одетый в абу, с чалмой на голове и с посохом в руке. Генерал Гиппиус в это время уже был в Петрограде, где высшие инстанции потребовали от него об'яснения поведения в Фергане.

Ниже приводится об'яснительная записка генерала Гиппиуса по существу о том, как изрядно струсивший губернатор стал проповедником ислама и как муллы охотно пошли на явное оскорбление иноверцем корана в надежде на освобождение себя от мобилизации.

П. Русин.

Военный губернатор Ферганской области Гиппиус министру внутренних дел[3]

Мной составлена записка о мотивах моего поведения 23 июля с. г. в г. Намангане, в мечети джами, — собственно для начальника главного штаба. В виду того, что в означенной записке мне пришлось упомянуть ваше имя, считаю своим долгом представить при сем один экземпляр также и вашему высокопревосходительству.

А. Гиппиус.

Записка военного губернатора Ферганской области Гиппиуса

Беспорядки по поводу набора рабочих происходили почти во всех городах и разных селениях Ферганской области и в промежуток от 9 июля до 17 июля и прекратились лишь с 18 июля, со дня рассылки мной моего 2 воззвания к туземному населению. Для оказания своего нравственного воздействия на туземное население я, по собственному почину, раз'езжал по всем городам Ферганской области в промежутке от 11 до 26 июля, после чего был вызван в Ташкент и с тех пор больше не возвращался в Ферганскую область.

Вскоре же после первых беспорядков стало ясно, что дело грозит перекинуться на почву религиозную, так как во время моих раз'ездов мне неоднократно докладывали, что туземцы ссылаются на коран, якобы не допускающий им давать рабочих для нужд русской армии. Ранее нежели начать вести свои беседы с населением, я неоднократно пытался, во всех городах, беседовать с лицами ученого мусульманского сословия, с муллами, мударисами, аглямами, муфтиями и просил их раз'яснить населению, что в коране нет таких запретительных постановлений и не может быть, потому что коран написан за тысячу лет до начала нынешней войны; я просил их перевести населению те места корана, где говорится про необходимость подчинения властям; ведь ключи к раз'яснению того, что написано в коране, находятся у них, только у ученого сословия, которое знакомо со священным языком корана, и сведения о том, что собственно написано в коране, может проникать в население только через мусульманских ученых. Я отлично понимал, что в такой моей просьбе заключался укор, ибо никто иной, как сами же гг. муллы, открыли собою серию беспорядков в Ферганской области, вышедши 9 июля в Андижане из мечети джами толпой с протестом против набора рабочих; толпа выросла от присоединения других туземцев, в результате чего были вызваны войска и оказалось, кажется, 11 человек раненых. Сам уездный начальник, полковник Бржезицкий, едва выбрался из толпы: его экипаж был окружен и дрожал от наседания бунтарей.

[1] Так в подлиннике.
[2] Д. П., IV, д. № 130, ч. I, т. II, л. 44.
[3] Д. П., IV, № 130, ч. I, т. IV, лл. 19—23.

В своих разговорах с этими господами я все время чувствовал упорное с их стороны сопротивление и понятно почему: ведь ни закон о реквизиции 3 августа 1914 года, ни телеграмма министра внутренних дел от 29 июня 1916 года не упоминали про какие-либо изъятия или льготы для мулл, а муллы как раз подходят, все — сплошь, под объявленный призывной возраст от 19 до 31 года, к физической же работе чернорабочих они не только не привыкли (да и не годятся), но смотрят на нее с презрением.

В ответ мне эти ученые мусульмане или молчали, или говорили, что никак не могут исполнить моей просьбы по следующим причинам; мусульманский закон запрещает объяснять или разъяснять населению коран, его можно только читать, но так как коран написан на арабском языке, которого население совсем не понимает, то читать выборки из корана нет смысла, — население все равно ничего не поймет; переводить же коран на туземный язык также запрещается мусульманским законом.

Такой ответ был безусловно верен; однако для меня, как губернатора, было по тогдашним условиям и обстоятельствам весьма важно, в интересах охранения общественного порядка, в интересах правительственных и государственных, пробить столь несокрушимое средостение между администрацией и управляемым туземным населением. Если бы гг. ученым мусульманам было выгодно пробивать в июле сего года означенное средостение, то, я думаю, они отлично сумели бы справиться с задачей, несмотря на все мусульманские законы, но им самим это было невыгодно, и, по всей вероятности, сами же они и распускали или поддерживали такие слухи; во всяком случае им было выгоднее молчать, а никак не разъяснять.

Убедившись после 10-дневных разговоров с учеными и мусульманами, что дело не подвигается вперед, я, наконец, им заявил, что если мусульманский закон запрещает мусульманским ученым разъяснять коран населению и переводить его тексты на туземный язык, то я обойдусь и без мулл, а как знающий арабский язык, все сам один устрою и скажу населению, что в коране нет указаний против нынешнего набора рабочих, и прочту те места корана, где говорится про подчинение властям. Поэтому я просил (это было, кажется, в Коканде) этих ученых господ оказать мне только следующее содействие: через два дня, 23 июля, приготовить мне в Наманган несколько изданий корана, так чтобы я мог выбрать привычный мне шрифт и заложить страницы, где говорится про необходимость подчинения властям.

К приятному своему изумлению, я встретил полнейшую охоту гг. ученых все, как я приказал, в точности исполнить и, действительно, 23 июля, когда я прибыл в Наманган, все было исполнено: на дворе мечети была собрана тысячная толпа туземцев, для меня приготовили удобное место на паперти мечети, возвышающейся над слушателями, а позади моего места, более в глубь мечети, ближе к молитвенной комнате, был поставлен большой стол, а на нем лежало несколько книг разных форматов.

Сказав слушателям вступление, я заявил, что сейчас я прочту подходящие места корана и переведу эти места с арабского языка на обыкновенный язык, понятный слушателям-туземцам; но так как они арабского языка не знают и могут подумать, что и я его не знаю, то я сначала прочту им первую молитву корана, которую всякий мусульманин знает наизусть, а потом прочту и места про подчинение властям.

Я встал с своего места, подошел к столу, на котором были разложены разные издания корана, стал выбирать знакомый мне шрифт и тут же увидел на столе сложенный халат, а на халате чалму. Я не придал этому никакого значения и сначала не понял, к чему тут на столе халат и чалма. Выбрал себе коран и хотел вернуться к своему месту. В этот самый момент один туземец взял со стола халат с чалмой, а другой туземец, с умным и интеллигентным лицом, стал рядом и, обращаясь ко мне, сказал только одно слово: «таксыр» (в переводе: «господин»), рукой указывает мне на коран, а глазами на крышу мечети. Тут только я вспомнил, что коран нельзя публично читать без чалмы и халата, но вместе с тем понял и западню, какую приуготовили мне господа хитрые муллы, замыслившие поразить меня неожиданностью, конечно, в расчете, что не наденет же на себя военный губернатор чалмы и халата, а, следовательно, не придется ему и корана читать. Это было очень умно задумано и исполнено, и я сразу несколько смутился, но из положения на глазах тысячной толпы, уездного начальника, чинов судебного ведомства и других чиновников надо было моментально найти правильный выход.

Что случилось бы, если бы я, остановившись перед внезапным препятствием, отказался от чтения? Мог последовать общий смех: не суйся, мол, г. губернатор, не в свое дело. А что случилось бы, если бы я просто от-

верг чалму и халат и стал бы в мечети читать коран в своем форменном одеянии? Я рисковал возбудить против себя всю[1] толпу (быть может уже заранее подстроенную в этом смысле), а в лучшем случае не произвести впечатления: после моего ухода те же восточные политики-муллы могли бы, смеясь, распространять слухи: да, мы ему нарочно подсунули ненастоящий коран, отлично зная, что не наденет же он чалмы, а в настоящем-то коране и сказано, чтобы не давать для русской армии рабочих.

Уже впоследствии 10 сентября, когда я был у министра внутренних дел и все это рассказывал, А. А. Хвостов выразил мысль, что можно бы, разве, еще предложить одному из мулл прочесть коран. Однако, в действительности это было собственно мне невозможно сделать по следующей причине. Я привык читать коран, но не привык слушать его в чужом чтении, к тому же у всякого свое произношение. Я обучался арабскому языку у подлинного араба, у профессора Нафаля, в Петрограде и усвоил себе его произношение, а ферганские муллы читают коран с различным произношением, то бухарским, то ферганским и так же, как и я, умеют только читать и понимать читаемое, но никто из них не владеет разговорным арабским языком, и, следовательно, не выработалось общего произношения, понятного каждому при устном чтении. Если бы я поручил читать коран первому попавшемуся мулле, то я, вероятно, не понял бы того, что он читает, а, следовательно, не мог бы перевести. Значит, я должен был все же, сам заглядывать в книгу, — заглянуть же без чалмы опять нельзя, — а если бы мулла с намерением пропустил именно нужные мне места, то мне пришлось бы вступать с ним в препирательства. Все это крайне неудобно на глазах тысячной толпы, и впечатление было бы испорчено, мне же важно было не само по себе чтение, а именно впечатление на слушателей.

Я вышел из трудного положения сразу же, не задумываясь и без малейшего видимого замешательства, и даже предупреждая еще и другой мусульманский обычай, сказал очень спокойно, как дело мне известное и понятное: «хорошо, надену чалму, накиньте мне халат; я привык читать коран; очень люблю эту вашу священную книгу и, будь я мусульманином, даже поцеловал бы ваш коран и приложил бы ко лбу раньше, нежели начать читать». Затем я сел на свое место и спокойно провел всю свою программу. Окончив чтение корана, я снял чалму и надел фуражку, а сзади скинули с меня халат. Все вышло очень спокойно и серьезно, царила мертвая тишина, а некоторые старики даже плакали от умиления.

Общее настроение было превосходное.

Гг. ученым муллам я не дал себя провести.

Остается добавить, что с толпой говорил не я непосредственно, а говорил, громким голосом, только мой переводчик; я только следил за правильностью перевода; переводчику же я говорил не повышая голоса.

Я поставил мусульманскую ученую братию в положение такое, что потом они сами стали привирать для оправдания своего провала в столкновении со мной. Я сужу об этом по корреспонденции в московскую мусульманскую газету «Сов». Самой корреспонденции этой я не читал, а сужу о ней по прилагаемой у сего вырезки из петроградской газеты «Современное слово» от 17 августа с. г., № 086. Там утверждается, будто я вышел с посохом в руках (на самом деле я был в Намангане в мечети без оружия, а с тросточкой), явился с чалмой и в халате и т. д. Этим враньем муллы, вероятно, желали себя как-нибудь оправдать в том, что допустили публичное чтение корана губернатором, да еще допустили перевод корана на туземный язык. Однако, и при всем таком вранье, в корреспонденции удостоверено хорошее впечатление от моей речи и моих действий; а мне только это и надо было.

Впоследствии я узнал, что на меня был подан донос. 22 августа я прочел в Ташкенте донесение товарища прокурора Скобелевского окружного суда г. Френкеля. Он, вероятно, по своей неопытности, совершенной неподготовленности к службе на окраине, незнанию туземного языка, ничего не понял из того, что происходило у него на глазах; и все представил в превратном виде. 23 августа за № 164 я представил туркестанскому генерал-губернатору свои об'яснения собственно по пунктам донесения г. Френкеля, а копию означенного № 164 вручил 6 сего сентября начальнику главного штаба, которому тогда же на словах доложил и мотивы своих действий, так, как они выше изложены.

Генерал-лейтенант А. Гиппиус.

---

[1] Всего за десять дней до 23 июля пришлось в том же Намангане и поблизости той же мечети усмирять туземцев пулеметами; были убитые и ранены, кажется, до 36 человек *(Прим. в подлиннике)*.

Из истории Шосткинского порохового завода

Публикуемый документ, извлеченный из дела департамента полиции — «о волнениях и стачках среди рабочих по Черниговской губернии», хранящегося в Центральном архиве революции, относится к истории Шосткинского казенного завода, одного из первых пороховых заводов в России. Пороховой завод на реке Шостке в Черниговской губернии был основан в 1739 г. и был в ведении гетманов Украины, поставляя свою продукцию и на российские полки. В 1764 г. он был закрыт, согласно указу Екатерины II, по которому все пороховые заводы на Украине должны были быть ликвидированы.

Однако в 1771 г. Шосткинский завод снова был пущен, как завод, принадлежащий казне.

Открытие завода вызвано было военными потребностями. Кроме того на его сравнительное процветание сильно влияло то обстоятельство, что по-близости к нему находился ряд местностей, занятых кустарным селитренным производством. Шосткинский завод был одним из крупных заводов первой половины XIX столетия. В 1802 г. на заводе было 253 рабочих, а в 1860 г. — 330. Общая продукция его составляла 53,4 тыс. пудов в 1860 г. В 1854 г. во время Крымской кампании он давал пороху 40,9 тыс. пудов, а в 1855 г. — 134,3 тыс. пудов.

В 1871 г., в год столетнего юбилея завода, он получил наименование Михайловского Шосткинского завода[1].

Несмотря на то, что завод с 1872 г. окончательно перешел на вольнонаемную рабочую силу, он, как все казенные заводы, пользовавшиеся крепостной рабочей силой, и после 1861 г. надолго сохранил крепостнические пережитки.

Рабочие таких заводов пользовались от завода землей либо бесплатно, либо за пониженную цену, но благодаря этому чрезвычайно понижалась их заработная плата; заводы получали «своих», привязанных к заводу, дешевых рабочих.

В 1902 г. Шосткинский завод находился в непосредственном ведении главного артиллерийского управления; начальником его был генерал-майор Пылков. Поселок, образовавшийся около завода еще в 60-х годах прошлого столетия, насчитывал в 1902 г. 8 тыс. населения.

[1] Оглобин, Архив Шостенського порохового заводу, в журнале «Архивна справа», кн. 1(12), Харьков, 1930 г., стр. 1—11.

Публикуемая ниже корреспонденция, направленная в «нелегальную прессу», рисует грубую эксплоатацию рабочих, произвол, казнокрадство, взяточничество, которые особенно сильны были в таком глухом захолустье, а условия военной обстановки, военной дисциплины, при царизме подавляли малейший протест и затрудняли развитие революционного движения среди рабочих-солдат.

Сведения, сообщаемые в данной корреспонденции, частично дошли до редакции газеты «Искра» и нашли выражение в небольшой заметке, помещенной в № 22 «Искры» от 1 июля 1902 г.[1]

К началу 1900-х годов картина на заводе и в прилегающем к нему поселке начинает меняться; автор приводимой ниже корреспонденции сообщает о начавшемся среди рабочих завода революционном движении. И — что особенно важно — корреспонденция подчеркивает, что рабочее движение с весны 1902 г. приняло организованный характер и проявилось открыто, что было отмечено также редакцией «Искры» в указанной уже заметке.

Имеющееся в том же деле департамента полиции, из которого взята публикуемая корреспонденция, донесение начальника Черниговского жандармского управления в департамент полиции от 12 июня 1902 г. за № 2379 подтверждает ряд фактов, сообщаемых в корреспонденции, как, например, кражу платиновых чаш, факт смерти рабочих, как результат тяжелых бытовых условий на заводе, а также появление рабочей организации и выпуск ею агитационных листовок[2].

М. Сыромятникова.

Корреспонденция за границу о пороховом заводе поселка Шостка, Глуховского уезда, Черниговской губернии, 13 мая 1902 г.[3]

Долгие годы монотонно шла заводская жизнь нашего порохового завода. Долгие годы совершались безобразия

[1] «Искра», вып. III, стр. 140, изд. Истпарта ЦК ВКП(б).

[2] Д. П., о. о., 1898 г., д. № 4, ч. 12, лит. А, лл. 25—27. Листовки, отпечатанные на гектографе, хранятся в деле Д. П., о. о., 1898 г., № 5, ч. 11, лит. В, л. 3 и под арх. инв. № 9733.

[3] Д. П., о. о., 1898 г., д. № 4, ч. 12, лит. А, л. 16. — Печатается с оригинала письма, подписанного псевдонимом «Петухов» и отправленного по адресу:

заводским начальством: казнокрадство, притеснения рабочих, грабеж их в самых разнообразных видах — процветали в нашем захолустье, быть может, так, как нигде на других казенных заводах, благодаря тому, что наш завод заброшен среди болот восточной части Черниговской губернии, и еще не так давно пробираться туда на почтовых приходилось чуть ли не с опасностью для жизни. Недавно мимо Шостки провели железную дорогу; начался более живой обмен рабочих масс, и в настоящее время в этом году местная организация шостенских рабочих решила начать борьбу с заводским начальством и приступила к широкой агитационной деятельности. Появились прокламации и нелегальная литература. Но прежде, чем перейти к изложению текущих событий, мы считаем себя нравственно обязанными предать огласке кое-какие факты из недавнего Шостки. Эти факты довольно ярко рисуют, насколько политика русского правительства следует девизу гнуть все в бараний рог, хотя бы и самому правительству от этого пользы из'ять было бы нельзя. До 1872 г. на нашем заводе был исключительно солдатский труд. Пригоняли сюда новобранцев, отбывали они свой срок и, по желанию, могли оставаться жить в поселении, которое мало-по-малу образовалось возле завода. Бывшие солдаты, продолжавшие работать на заводе, получали надел, возводили жилые и нежилые строения по определенному типу и масштабу, пользовались правом завещать имущества после смерти, одним словом, владели наделом, как бы своей полной собственностью, хотя не имели никаких документов, так как никакой юридической формельной сделки начальство не заключало: все это делалось по-домашнему. В 1872 году начальство эти наделы перестало выдавать. Рабочие продолжали владеть землей и к тому времени, когда артиллерийское ведомство опомнилось, что оно не имеет никаких документов, доказывающих его права на землю, а по праву давности рабочие являются полноправными владельцами наделов, население Шостки так свыклось с мыслью о полной принадлежности земли, так сжилось со своими насиженными гнездами, что даже мысль о непринадлежности им земли казалась прямо-таки несуразной. Так или иначе, в начале 90-х годов артиллерийское ведомство предлагает жителям Шостки подписать арендные контракты, т. е. тем самым признать, что земля не их, а артиллерийского ведомства, которую они только арендуют. Начались судебные процессы. Пригласили рабочие адвоката, к сожалению, очень неудачного, тратили, тратили на процесс, судились в нескольких инстанциях, но в конце концов потерпели фиаско, плюс еще судебные издержки на каждый двор, чуть не по 100 рублей. Да и немудрено было проиграть дело. Нужно только удивляться, на какие ухищрения пускалось заводское начальство. Например, пристав не доставлял рабочим повесток о разборе дела в суде, о котором они узнавали стороной, так что был даже такой случай: является в суд поверенный завода капитан Кох, и к своему большому удивлению, видит в зале суда представителей рабочих. «Вы как здесь?» — не удержал восклицания бравый защитник прав артиллерийского ведомства. Правдами, или неправдами, но артиллерийское ведомство получило санкцию окружного суда на несколько десятин земли. Оно теперь, конечно, уже не стесняется показать, что оно — законный владелец отнятой земли. Назначается срок, в который должны быть подписаны контракты. Народ не хочет подписывать. Начинается целая сеть мелких придирок, расчет с завода, штрафы и т. п. Публика volens-nolens начинает сдаваться, начинают подписывать контракты. Остается неподписавшихся только 14 душ, главным образом старики, пользующиеся наделами еще с николаевских времен. Они упорно не подписывают. Назначается последний срок 15 ноября 1900 года; если не будут подписаны контракты, дома будут сносить. Первый дом, подлежащий сносе — это дом Емельянова. Приходит 15 ноября. Тот же Кох ведет местную команду, собралась полиция из окрестных мест, исправник и все прочие на место действия. Ищут Емельянова, чтобы последний раз предложить ему подписать отказ от владения. Его нет. К месту действия собирается народ. Из дома раздаются стоны и плач

«Hern Fechheimer, Berlin, W. Ludwigskirchplatz, 8, Германия, Deutschland», с почтовым штемпелем на конверте: «Киев, 13 мая 1902 г.». Данный адрес не был одним из известных условных адресов какого-либо нелегального периодического издания того времени и являлся, очевидно, передаточным.

Документ этот, вместе с копией его, хранится с сопроводительным отношением начальника особого отдела департамента полиции начальнику Черниговского губернского жандармского управления от 31 мая 1902 г. за № 3847.— Документ подготовлен к печати Е. Горелкиной.

беременной жены и детей Емельянова. Слышится команда: «ломай». Солдаты лезут на крышу и начинают срывать доску за доской. Взрыв негодования собравшейся толпы уже готов был разразиться. Уже одна баба замахнулась топором на Коха, и только случай спас его... Но неуместное появление Емельянова и выказанная им слабость — он подписал контракт — помешали вылиться народному правосудию и предотвратили кровавую расправу. Жена Емельянова родила мертвого ребенка... Начальство решило, что после этого и остальные 13 подпишут контракт. Но нет, те отказались наотрез. Понадобились еще войска, приезд губернатора, ряд ужасных угроз. Остальные сдались, и артиллерийское ведомство празднует победу. Оно отняло несколько десятин земли, которую раньше подарило. Продолжаем дальше историю злоупотреблений местной администрации. Мы оставим в покое то, что было до описанного момента, оставим потому, что — много бы нужно было исписать бумаги и чернил, чтобы хоть сколько-нибудь полно охарактеризовать колоссальные злоупотребления, которые бывали раньше. Многих преступников уже нет на свете, а других прогнали со службы, хотя довольно еще есть и таких, которые стоят у дел, хотя о них и известно, что они воровали да не проворовывались. А разве трудно русскому чиновнику воровать и не проворовываться. Итак, оставим то «славное старое время», когда брали, не стесняясь, брали, сколько душе только угодно, и обратим внимание читателей на ту сравнительно тонкую систему воровства, казнокрадства, грабежа, которые создало начальство в конце XIX и начале XX века. Что начальство ворует, знали все. Но проворовалось оно совершенно случайно и, не будь пропажи платиновых чаш стоимостью 60 тысяч рублей, пожалуй еще долгие годы сокращало бы для своего кармана 2 000 000 заводский бюджет чуть ли не на 25%. Кража чаш в высшей степени характерный факт, достаточно ярко рисующий, с одной стороны, местные порядки, с другой стороны, нашу бюрократию. В августе 1901 г. разнеслась весть, что украдены чаши. Когда, кто украл,— никаких данных нет. Виновника нет, но он должен быть. Чаши находились в отделе эфира и кислот, начальником которого состоял капитан Мамышев: этот капитан, как очень часто он сам иронизировал, в Шостку приезжал только в отпуск; все остальное время проводил он в Киеве. Собственно, какое он имел фактическое отношение к заводу, сказать трудно: подписать несколько бумажек, сократить число рабочих, сократить их желания, покричать — вот и все. Этот отдел самый нищенский по рабочей плате. За 4—5 лет он таким образом насобирал достаточно остаточных сумм, а что такое остаточные суммы, мы думаем, понятно всякому: их можно употребить на фонтаны, цветники, кушетки и т. п; а, может быть, и еще на что-нибудь. Незадолго до описываемой кражи этот самый Мамышев еще сократил штаты, рассчитал лишнего сторожа, дежурившего около сарая, где хранились чаши. Украли чаши. Украли поразительно ловко, прямо, можно сказать, совершена одна из исторических краж; все цело: замки, печати, окна, крыша, а чаш нет. Читатель пусть не думает, что чаши были совсем без охраны; их охраняли сторожа, которых еще у нас довольно осталось. Мамышев, по обыкновению, уехал «в отпуск». Кто же виноват? По нашему, главный виновник Мамышев. Он виновен в том, что совсем не желал никакого касательства иметь к заводу и на все смотрел сквозь пальцы; но виновник должен же быть, и вот жребий пал на несчастного чиновника В. Прокофьева. Мы не беремся судить, сколько виноват он в краже, но склонны думать, что не больше Мамышева. Однако Прокофьев арестован, а Мамышев попрежнему у дел. Вообще у нас на заводе так; если виноват офицер, то постараются всегда свернуть на чиновника. Начинают искать чаши, ищут, ищут, а найти не могут... Чаш нет, но нашли нечто другое, пожалуй, даже интереснее, чем чаши... Конечно, с точки зрения общественной, но не начальства. Нашли ни больше ни меньше, как записную книжку поставщика угля, серы и пр. предметов купца Гиля!.. И вот, как волшебник, перед удивленными зрителями по мановению волшебной палочки показывает чудеса, так и Гиль перед изумленным и негодующим начальством раскрыл грандиозную картину казнокрадства и взяточничества за пять лет, с 1894 по 1900 год. Оказывается, что, как вполне акуратный коммерсант, он по двойной итальянской бухгалтерии вел все счеты и, конечно, так как взятки представляют достаточно крупную сумму, то было бы с его стороны большой ошибкой не записывать их в приход и расход. И вот появляется богатый материал для следователя. Вопиющие злоупотребления не позволяли замолчать о грандиозной системе кражи. Будем кратки. У Гиля в книжке нашли место почти все высшие служащие завода. Первое место принадлежит полковнику Пашкевичу (председатель хозяйственной комиссии), по приблизительному

подсчету получавшему до 600 рублей в год. Дальше полковник Кобекко помощник начальника завода. Член от артиллерийского ведомства полковник Андреев, полковник Карташев. Затем следуют еще чиновники и офицеры, получавшие и правильное месячное жалованье от Гиля и воздаяние единовременно, кто сотни рублей, а кто фунты конфет. Все они, за исключением Машкевича, остаются на своих местах и вершат заводские миллионные дела. Мы надеемся еще поговорить о них, когда кончится процесс. Есть основание думать, что это дело о воровстве канет в Лету; тем более считаем важным появление хотя бы таких кратких сведений в нелегальной литературной прессе. Русское правительство хорошо знает пословицу: «рука руку моет». Мы думаем, что читатель легко может себе представить, что не менее систематически обворовывали и рабочего. Брали с подрядчика за поставку неудовлетворительного материала, брали и с рабочего. Мастера и чиновники брали за предоставление рабочим работы, брали натурой, брали и деньгами (иногда больше месячного жалованья). Штрафовали, но куда шли эти деньги, неизвестно. Наши заводы находятся в ведении фабричной инспекции. Чины повыше сокращали число рабочих, взваливая работу 15 на пятерых. Последствием такого сокращения было два случая несчастий подряд, в январе и феврале настоящего года. В мастерской «пресса» случился пожар с человеческими жертвами: один сгорел, два обгорели. Начальство терялось в догадках и пустилось на разные ухищрения в рапортах по этому инциденту. То обвиняли «песчинку», которая попала в пороховую массу и, проходя через отверстие пресса, дала искру, то еще что-то не менее мудреное выдумали... А ларчик просто открывался. Рабочий не мог досмотреть и предотвратить несчастия потому, что ему приходилось исполнять обязанности двух или даже трех. Та же причина смерти и другого товарища. Он исполнял работу нескольких, почему приходилось бросаться из стороны в сторону; он поскользнулся на ступеньке лестнички, попал под колесо и там нашел свою смерть. Обеспечения никакого у нас не полагается ни калекам, ни вдовам; все судебные процессы не имели успеха. Не думаем, чтобы не было сумм; суммы то, кажется, есть, об израсходовании их, быть может, даже докладывают, куда следует, но куда они идут? Очевидно, все в тот же бездонный карман начальства. Долго может терпеть русский человек притеснения, но есть и его долготерпению конец... Месть народная может быть ужасна, она может быть еще ужаснее, если правительство будет попрежнему бояться пускать в народ, в деревню книжку и вообще задерживать культурную борьбу с деревенской тьмой. Мы ужасаемся перед той картиной, которую представит наше отечество, когда голодный мужик поднимет дубину на «пана». Это будет жестокая страница в истории. Судя по нашей округе, мы недалеко уже от этого момента. Товарищи! Мы, живущие скорее в деревне, чем в городе, видим рост негодования сельских масс, мы призываем вас работать и в деревне. Нужно выработать приемы, тактику и план социалистической пропаганды в деревне. Деревня гораздо больше принесет городу, чем принято думать, ей только нужно об'яснить, чего хочет город. Как было уже сказано, весной у нас появились прокламации. Вышло 3 №. Местная организация рисует картину наших заводских порядков и призывает рабочих для борьбы не только за улучшение своей участи, но, говоря о 1-майском празднестве, она призывает присоединиться местных рабочих к общерусской политической борьбе рабочих. Доказывает, что существующие безобразия и скверное положение рабочих на заводе является естественным результатом царизма. Поэтому и у нас должен раздаться лозунг современных революционеров: «Долой самодержавие»! Организация не считает возможным открыто праздновать в этом году 1 мая. Она выставляет в прокламациях необходимость организованной сознательной борьбы и предостерегает рабочих от бунтарской формы проявления протеста. Наш город видит злоупотребления, чувствует прижимки, поборы панов, чиновников, мастеров, полиции, которые закон молчаливо одобряет. Он тогда сам на себя берет роль правосуда и расправляется жестоко. Безнаказанные поборы побудили какого-то смельчака стрелять в мастера Криворученко (подозревают одного рабочего, он уже арестован). Криворученко ранен. Прокламации, затем покушение создали панику среди местного начальства. Оно позаботилось об охране, и вот, незадолго перед пасхой, появились 8 рот солдат. Заканчиваю корреспонденцию более отрадными фактами. Кроме прокламаций местной организации и подписанных организацией рабочих Шостенского завода, у нас появились стихи, пасквили, каррикатуры и т. п... Мы с радостью поделимся с товарищами тем успехом, который нашла, хотя и кратковременная, но очень плодотворная деятельность местной организации. Мы также

с радостью можем констатировать факт того, насколько уже теперь, в таком захолустьи, как наша Шостка, прокламации встречают колоссальное сочувствие. Наши прокламации разошлись по соседним селам; было три или четыре случая чтения их на сходах, не говоря уже, что чуть ли не во всех прилежащих селах они читались. Были случаи, когда ее вывешивали в волости. Подводя итог, мы должны сказать, что деревня тоже нуждается в прокламациях, ее там прочтут, она там полезна и даже необходима...

Мы постараемся и на будущее время делиться с товарищами тем, чему нас научит практика революционной деятельности, таким образом уже вышедшая из границ поселения Шостки и захватившая территорию, радиус которой 30 верст. Мы просим товарищей оказывать возможное содействие присылкой нелегальной литературы, приспособленной не только для заводских рабочих, но и для крестьян. Как результат действия прокламаций, мы можем указать на колоссальный под'ем духа. Прокламации окончательно дискредитировали в глазах рабочих воров-начальников, они пробудили в них стремление критики и способствовали поднятию чувства человеческого достоинства. На начальство они произвели не менее сильное впечатление. Оно боится бурного проявления народной мести и позаботилось о присылке с о л д а т. Арестов не было.

О получении известить немедленно открыткой по известному адресу.

П е т у х о в.

Ответственный редактор **Я. Берзин.**
Редакционная коллегия: **В. Максаков.** (зам. ред.), **С. Пашуканис, Ф. Ротштейн**

Сдано в производство 28/III 1936 г. Подписано к печати 14/IV 1936 г. Стат-фор. Б 176×250. 12¼ п. л. 60 480 зн. в п. л. С.-Э. (п.) № 14. Зак. 439. Уполномоченный Главлита Б 19819. Выпускающий А. Налимов. Тираж 3 475.

18-я типография треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., 10.

К О Г И З — С О Ц Э К Г И З

Продолжается подписка на 1936 год

НА ЖУРНАЛЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ АКАДЕМИИ НАУК СССР. 6 НОМЕРОВ В ГОД.

Журнал рассчитан на экономистов, учащихся высших учебных заведений и руководящий партийный актив.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес.—12 р., на 6 мес.—6 р.

КНИГА и ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ЖУРНАЛ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

12 НОМЕРОВ В ГОД.

Журнал рассчитан на парткабинеты, библиотеки, инженерно-технических работников, научных сотрудников, писателей, преподавателей и учащихся литературных вузов и техникумов, литературные кружки и на широкие слои партийно-советского-чит тельского актива.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес.—26 р. 40 к., на 6 мес.—13 р. 20 к., на 3 мес.—6 р. 60 к.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ СССР И ЦАУ РСФСР.

6 КНИГ В ГОД.

Журнал необходим вузам, библиотекам, научным работникам, историческим и краеведческим обществам, отделам Истпарта, педагогам, газетным работникам и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес.—15 р., на 6 мес.—7 р. 50 к.
Цена отдельного номера—2 р. 50 к.

ТИХИЙ ОКЕАН

ОРГАН ТИХООКЕАНСКОГО КАБИНЕТА ИНСТИТУТА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ.

4 НОМЕРА В ГОД

Журнал рассчитан на научных работников, журналистов, вузовцев восточных факультетов, руководителей кружков, пропагандистов и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес.—13 р., на 6 мес.—6 р. 50 к., на 3 мес.—3 р. 25 к. Цена отдельного номера—3 р. 25 к.

МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ ИНСТИТУТА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ.

12 НОМЕРОВ В ГОД.

Журнал рассчитан на научных работников, журналистов, вузовцев, пропагандистов, руководителей кружков и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес.—24 р., на 6 мес.—12 р., на 3 мес. 6 р.
Цена отдельного номера—2 р.

СОВЕТСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО КРАЕВЕДЕНИЯ И ЦЕНТРАЛЬНОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА МЕТОДОВ КРАЕВЕДНОЙ РАБОТЫ.

12 НОМЕРОВ В ГОД.

Журнал рассчитан на широкий краеведческий актив рабочих, колхозников, учителей, агрономов, учащихся высших и средних школ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес.—15 р., на 6 мес.—7 р. 50 к., на 3 мес.—3 р. 75 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

всеми отделениями, магазинами, киосками и уполномоченными Когиза и всюду на почте.

КРАСНЫЙ АРХИВ

3 (76)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАРХИВА СССР и РСФСР

СОДЕРЖАНИЕ

Волнения в Харьковской губ. в годы империалистической войны. — Революционное казачество в борьбе с контрреволюцией. — Документы о ходынской катастрофе 1896 г. — Рабочее движение на заводах Петербурга в мае 1901 г. — К истории „Союза якутов". — Первые железные дороги в России. — К истории Бурятии в XVII в. — Поиски драгоценных металлов на Севере в XVII и XVIII вв. — „Шифр" Н. Г. Чернышевского. — Запрещение царизмом чествования памяти Т. Шевченко. — К биографии П. Г. Зайчневского. —

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1936

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Волнения в Харьковской губернии в годы империалистической войны. С предисловием *П. Билык* 3

Революционное казачество в борьбе с контрреволюцией. С предисловием *Г. Костомарова* 24

Документы о ходынской катастрофе 1896 г. С предисловием *А. Кобяко* 31

Рабочее движение на заводах Петербурга в мае 1901 г. С предисловием *М. Сыромятниковой* 49

К истории «Союза Якутов». С предисловием *М. Константинова* 67

Первые железные дороги в России. С предисловием *М. Крутикова* 83

К истории Бурятии в XVII в. С предисловием *С. Окунь* 153

Поиски драгоценных металлов на Севере в XVII—XVIII вв. *(окончание)* 192

Из записной книжки архивиста

«Шифр» Н. Г. Чернышевского. Сообщил *Н. Алексеев* 221

Запрещение царизмом чествования памяти Т. Шевченко. С предисловием *Н. Бельчикова* 226

К биографии П. Г. Зайчневского. С предисловием *А. Спировой* . 230

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАРХИВ СССР и РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ТРЕТИЙ
(СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ)

1936

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1936

Волнения в Харьковской губернии в годы империалистической войны

Революционная борьба крестьян не прекращалась в годы империалистической войны. Наоборот, она еще более обострилась, несмотря на жестокий разгул военно-полицейского произвола, несмотря на то, что из деревень были вырваны наиболее революционные силы.

Царское правительство в годы войны продолжало проводить столыпинскую политику. Пользуясь уходом на фронт значительной части мужского населения деревни, кулаки, путем взяток и подкупа оставшиеся в тылу, стремились выйти на отруба и захватить лучшие земли общины. Это стремление встречало полную поддержку у царских чиновников. Малоземельные, безлошадные, безпосевные крестьяне все сильнее чувствовали кабальную зависимость от деревенских богатеев. Эта кабала усугублялась политическим бесправием трудящихся масс Украины, жестоким национальным гнетом.

Тяжесть империалистической войны — мобилизация большой части мужского населения, реквизиции за бесценок рабочего скота, рост налогового гнета, вздорожание предметов первой необходимости, безземелье, крепостнические пережитки и т. п. — все это тяжелым бременем ложилось на пролетариат и на трудовые массы крестьян. Помещики и кулацкая часть села наживались на войне. Малоземельное крестьянство разорялось, оно вынуждено было сбывать кулакам за бесценок свои небольшие земельные наделы. Война ускорила диференциацию на селе и углубила классовую борьбу внутри самого крестьянства. Рабочие, в первые дни войны попадавшие в деревню, находили благоприятную почву для противовоенной революционной агитации.

Рост идейного влияния и организующей роли большевистской партии за годы войны определил дальнейшее революционизирование крестьянства. Воззвания и листовки, изданные большевистскими партийными организациями промышленных центров, с ленинскими лозунгами борьбы за превращение империалистической войны в войну гражданскую доходили до села. Солдаты-крестьяне, брошенные вместе с рабочими на фронт, под влиянием работы армейских большевистских организаций продвигали революционные большевистские лозунги в массы крестьянства. Крупную роль в этом отношение играли солдатские письма с фронта. С другой стороны, сведения о крестьянских волнениях в тылу и жестоких расправах при подавлении их быстро доходили до действующей армии и вызывали там целый ряд демонстраций и протестов, добровольный переход в плен, массовое дезертирство и т. п.

На Харьковщине в годы империалистической войны произошел ряд крестьянских революционных выступлений. Так, в сентябре 1914 г. возникло крестьянское волнение в селе Новой Астраханке Старобельского уезда, в марте 1915 г.— крупное крестьянское выступление в селе Удах, Харьковского уезда; в апреле того же года — в селе Боромля, Ахтырского уезда; весной 1915 г.— в селе Меловом, Змиевского уезда.

Но наиболее характерным по активности и революционному под'ему, наиболее крупным по числу участвующих было выступление в с. Нижней Сыроватке, Сумского уезда, происходившее в начале апреля 1915 г.

Напуганные размахом движения местные власти мобилизовали все силы и жестокими репрессиями подавили это волнение. Даже во время «судебного разби-

рательства», ровно через полгода, когда 43 наиболее активных участника и инициатора выступления были арестованы, власти направили в г. Сумы наряды полиции «для содействия и поддержания порядка внутри здания окружного суда» и для «предупреждения скопления толпы у здания...», иначе говоря — для ограждения себя от крестьян, которые могли прибыть в г. Сумы в день разбора дела и сорвать судебный процесс.

Н.-Сыроватское крестьянское восстание имело большое политическое значение. Весть о нем быстро распространилась среди крестьянства смежных сел. Она дошла и до фронта, вызвав там демонстративный переход в плен солдат-крестьян из Н.-Сыроватской волости.

Жены солдат-бедняков были не только непосредственными участницами выступлений, но и их инициаторами, и на их головы в первую очередь сыпались удары жестоких репрессий.

Крестьянство, особенно беднота, в тылу и на фронте все более и более проникалось ненавистью к господствующим классам, затеявшим империалистическую войну. Солдаты горели желанием поскорее кончить кровавую бойню и, вернувшись с фронта, отобрать и разделить помещичьи земли. Антагонизм крестьян и помещиков, с одной стороны, бедноты и кулачества — с другой, становился все более острым. «Расслоение крестьянства усилило классовую борьбу внутри него, пробудило очень многие политически спавшие элементы, приблизило к городскому пролетариату сельский... Но антагонизм «крестьянства» и Марковых — Романовых — Хвостовых усилился, возрос, обострился. Это такая очевидная истина, что *даже* тысячи фраз в десятках парижских статей Троцкого не «опровергнут» ее. Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под «отрицанием» роли крестьянства понимают *нежелание* поднимать крестьян на революцию! А в этом сейчас гвоздь»,— писал Ленин в ноябре 1915 г. в статье «О двух линиях революции» [1].

В 1916 г. на Харьковщине прошла новая волна выступлений, так называемых «продовольственных беспорядков». Наиболее крупные волнения на этой почве произошли в гг. Старобельске и Сумах. Участие в них принимали тысячные массы городской и сельской бедноты. Эти волнения сопровождались разгромом магазинов, избиением полиции и т. д.

Разруха всей хозяйственной жизни страны, ажиотаж и спекуляция на рынке усиливали и без того крайне тяжелое положение трудящихся масс. «Война всей своей тяжестью обрушилась на плечи рабочих и крестьян. Массы все больше и больше охватывало революционное возмущение. Страна стояла перед взрывом. Империалистская война оказалась могучим ускорителем революции» [2].

Самодержавие, буржуазия и помещики затеяли кровавую империалистическую бойню с целью задушить революционную борьбу трудящихся внутри страны, обессилить авангардную силу революции — пролетариат, завоевать новые рынки. «Из империалистской войны, из империалистского мира вырвала *первую сотню миллионов людей* на земле *первая большевистская революция*» [3].

★

Теперь социалистическая Харьковщина цветет большевистскими колхозами. Сумский ее район, где 20 лет назад происходило крупное крестьянское восстание, превращается на наших глазах в цветущий индустриально-колхозный сад. За колхозами по великому сталинскому колхозному уставу навсегда закреплена земля. Партия Ленина — Сталина вырастила из рабочих и колхозников десятки тысяч лучших, людей, героев нашей великой сталинской эпохи, стахановцев, лучших ударников социалистической промышленности и колхозных полей.

[1] Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 317—318.
[2] «История гражданской войны в СССР», т. I, стр. 33.
[3] Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 28—29.

Украинский народ вместе со всеми братскими народами поднимает свое благосостояние и крепит могущество Советского Союза. Укринские пролетарии и колхозники стоят на страже своего свободного труда, своих новых заводов, колхозов, электростанций, на страже своей обновленной великой родины.

П. Билык.

Из рапорта и. д. Змиевского уездного исправника харьковскому губернатору, 31 июля 1914 г. [1].

28 сего июля землевладелец Дмитрий Михайлович Скляров, проживающий в собственном хуторе при слоб. Тарановке вверенного мне уезда, заявил приставу 2 стана, что служащий у него рабочим крестьянин Черниговской губерни, Новозыбковского уезда, Новоропской волости и села Александр Владимиров Грецкий, 19 лет, во время мобилизации армии и флота распространял среди других рабочих слухи о том, что война начинается совершенно напрасно и лучше было бы, если бы все мобилизованные войска вместо того, чтобы итти на войну, потребовали от правительства равноправия, так как народ страдает, и для России будет гораздо лучше, если она будет побеждена.

На дознании, произведенном приставом 2 стана вверенного мне уезда, заявление землевладельца Склярова подтвердили его сестра Евдокия Михайловна и его сын Всеволод, а также рабочий крестьянин Яков Трофимов Тахтулов, другой же бывший при том рабочий Савелий Никаноров Сапрыкин факт произнесения Грецким вышеозначенных слов отрицает, а Александр Грецкий виновным себя в этом не признал и об'яснил, что Скляровы оговорили его из мести за неоднократно высказываемое им недовольство пищей и требование расчета ранее срока найма.

Дознанием моим, произведенным 31 сего июля, я пришел к убеждению, что Александр Грецкий — натура испорченная, за время службы своей на разных рудниках в Бахмутском уезде мог заразиться различными противоправительственными воззрениями, а при мобилизации, слыша газетные чтения в семье Склярова, дерзко высказал 19 сего июля пожелание поражения нашей армии, в нелепом ожидании от этого улучшения жизни для рабочих и достижения равноправия...

Донося о вышеизложенном, с представлением копии постановления о задержании Грецкого в порядке 26 ст. положения о чрезвычайной охране, протокола дознания пристава 2 стана и произведенного мною дополнительного дознания, имею честь просить ваше превосходительство, не будет ли признано возможным наложить на крестьянина Александра Грецкого административное наказание по §§ 37 и 38 обязательных постановлений, изданных вашим превосходительством 27 июля сего года, за распространение ложных слухов, возбуждающих в населении враждебное отношение к правительственным установлениям и тревогу о правительственных распоряжениях.

И. д. уездного исправника Гедройц.

Рапорт сумского уездного исправника харьковскому губернатору, 13 августа 1914 г. [2].

27 июля сего года на волостном сходе в с. Писаревке старшиною Коваленком было пред'явлено собравшимся крестьянам воззвание о пожертвовании на больных и раненых воинов. Участвовавшие в этом сходе выборные крестьяне с. Писаревки той же волости Яков Анисимович Козулица 66 лет, д. Корчатовки Писаревской волости, Никита

[1] ЦАР УССР, канц. харьков. губернатора, секретный стол, 1914 г., д. № 402.
[2] Там же, д. № 845.

Михайлов Гробовой 56 лет и с. Алексеевки Писаревской волости Степан Романов Кузьменко 62 лет начали сообщать собравшемуся сходу ложные сведения, возбуждающие враждебное отношение к правительству, о том, что пожертвованные в русско-японскую войну некоторыми обществами деньги не достигли своего назначения, и убеждали сход не производить пожертвований. Благодаря такому убеждению со стороны Козулицы, Гробового и Кузьменко сход отказался произвести пожертвование из общественных сумм в пользу больных и раненых воинов.

Донося о вышеизложенном с представлением произведенного по сему делу дознания ходатайствую перед вашим превосходительством о наложении на Козулицу, Гробового и Кузьменка взыскания в административном порядке согласно § 37 обязательных постановлений изданных 27 июля сего года.

Сумский исправник Преображенский.

Рапорт богодуховского волостного старшины земскому начальнику 2 участка Богодуховского уезда, 18 августа 1914 г.[1]

18 сего августа, в 2 часа по полудни, в здание волостного правления с шумом и криком ворвалась толпа жен запасных нижних чинов, призванных на войну, из коих крестьянки поселка Засенявский мост— Егения Осипова Денчикова, Анастасия Емельянова Сластинова и Евдокия Павлова Гарбузова вели себя крайне вызывающе, организовав толпу этих жен около 50 душ, внушая каждой как можно свободнее себя держать и кричать в присутствии моем, начали требовать выдачи пособия из какого-то, как они выражались, «дарственного капитала», якобы находящегося в моем распоряжении в сумме около 800 руб., причем означенные зачинщицы этого аграрного беспорядка, несмотря на мое раз'яснение и внушение, что никаких денег, предназначенных для пособия женам, у меня не имеется, что таковые по получении от казны будут выданы немедленно без задержки, так как за этим беспокоится и само правительство — все ж таки продолжали требовать денег, подговаривая к тому и остальных женщин.

На предупреждения мои выйти из здания волостного правления и не производить шума и беспорядка в присутственном месте — те же Гарбузова и Сластинова и в особенности первая, не подчиняясь моим требованиям, еще более начали кричать и шуметь, назвав при этом меня «сукиным сыном», говоря «купуй, сукин сын, на те деньги землю». При задержании Гарбузовой для заключения под арест толпа оказала сопротивление и по выходе с волостного правления разбила окно. После чего остановились около крыльца и продолжали подобные выражения по моему адресу, а по выходе моем на крыльцо намеревались стянуть с крыльца и снять брюки, чему были свидетелями Архип Кононов Капустьян, житель хутора Сухинов, сторож и рассыльные сего правления — Мартын Тимченко, Тимофей Ивченко и Давид Панченко, служители богодуховской больницы Спиридон Иванов Марченко, Евдокия Акимовна Харченко и Анастасия Тарасовна Шептунова. Причем докладываю, что, кроме всего изложенного, после выхода из волостного правления буйствующих женщин, двери парадного хода были затворены на крючок, но они, возмутившись этим, еще более начали стучать в двери с криком «отворяй» до такой степени, что последние оказались поврежденными.

О чем доношу вашему высокоблагородию на распоряжение.

Волостной старшина Христенко.

[1] ЦАР УССР, канц. харьков. губернатора, секретный стол, 1914 г., д. № 473.

Рапорт сумского уездного исправника харьковскому губернатору, 15 октября 1914 г.[1].

28 сентября сего года на сельском сходе в с. Большой Чернетчине волостным писарем Щербаковым было предложено собравшимся крестьянам произвести пожертвования в пользу раненых воинов. Бывшие на сходе Петр Митрофанов Абравит, 56 лет, и Леонтий Никифоров Литвиненко, 48 лет, там же начали говорить: Абравит, что надобности в пожертвованиях нет, что раз он (подразумевая государя императора) погнал солдат на убой, то и должен их сам пользовать, а не давать повод своим хамлам грабить народ... Литвиненко же поддерживал Абравита и заявлял на сходе, что наше воинство не может своею грудью защищать их имущество, так как имущества они, крестьяне, никакого не имеют и что, например, ему Литвиненку коноплю негде посеять.

Донося о вышеизложенном с представлением произведенного по сему делу дознания, ходатайствую перед вашим превосходительством о наложении на Абравита и Литвиненка взыскания в административном порядке согласно § 37 обязательных постановлений, изданных 27 июля сего года.

Сумский исправник Преображенский.

Прокламация группы харьковских большевиков, 27 ноября 1914 г.[2].

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи солдаты, к вам слово РСДРП.

Правительство Кровавого Николая вовлекло наш народ в братоубийственную войну-бойню, и миллионы наших братьев гибнут в чужих краях, проливая свою кровь за неведомые им интересы. Товарищи, война нужна лишь капиталистам, которые в безудержной погоне за наживой не стесняются в средствах и насильственным путем захвата стремятся и стремились приобрести себе новые рынки для сбыта там своих товаров. И правительство жадных и бездушных капиталистов посылает все новые и новые армии рабочих и крестьян на бойню, насильственным путем заставляет их итти проливать кровь, прикрываясь маской славян и «отечества». Товарищи солдаты, неужели не довольно пало наших братьев, обманутых царским правительством' Неужели мало крови пролито для кровожадных капиталистов! Неужели мало страданий в нашей стране, мало слез детей по погибшим отцам, жен по мужьям, сестер по братьям! Голодный призрак разорения страны и наших семей надвигается с возрастающей силой и царское правительство не в состоянии обеспечить семьи, предоставляя им холод и голод. Пусть же русский народ, русские солдаты поймут, в интересах кого ведется война, ради чьих выгод льются реки народной крови. Пусть они знают, что сражаются не за родину, не за свои семьи, а ради благосостояния кучки богачей, помещиков и их слуги — правительства, ради увеличения их капиталов. Пора уже перестать русскому народу быть рабами. Пора перестать проливать кровь за интересы и выгоды своих поработителей. Пусть русский солдат знает, что, одев шинель и положив ружье на плечи, он остается все тем же крестьянином и рабочим. Пусть он чутко прислушивается к голосу, идущему из своей страны. Близко то время, когда он должен наставить свои ружья

[1] ЦАР УССР, канц. харьков. губернатора, секретный, стол. 1914 г., д. № 943.
[2] ЦАР УССР, Харьков. губерн. жанд. упр., д. № 1426, л. 78.

на того, кто посылает его. Истерзанный, измученный народ должен громко сказать: Довольно крови, довольно издеваться над нами, долой кровавую бойню-войну! Товарищи солдаты, от вас зависит многое в судьбе народа. Вы знаете, куда идет наше гнусное самодержавие. Из последних событий вы ясно видите его цели и замыслы. Арест соц.-демокр. депутатов раскрыл его закулисные желания. С ним нужно бороться не медля и самыми энергичными мерами. Вы должны вместе с народом прекратить войну и расправиться с ним. Довольно уже свистать нагайками самодержавия над истерзанными спинами измученного народа. Довольно крови, довольно произвола! Уже загорается красная заря свободы. Пусть из вашей груди вырвется могучий и грозный крик, пусть он внесет смятение в ряды кровавых палачей — буржуазии и ее лакея — правительства. Пусть этот крик будет: Долой войну, да здравствует вторая российская революция! Долой монархию! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует об'единительница народов — социал-демократия!

Да здравствует Рос. соц.-дем. раб. партия!

Харьковский комитет.

Отношение харьковского губернатора главнокомандующему армиями юго-западного фронта, 28 марта 1915 г.[1].

Купянский уездный исправник донес мне, что крестьянин с. Кременной, Купянского уезда, Василий Григорьев Хмельницкий позволил себе распространять о войне ложные слухи, возбуждающие общественную тревогу в населении.

При производстве по этому делу дознания выяснено, что Хмельницкий, получая из действующей армии от родственника Владимира Яковлева Плотникова, находящегося в 69-й артиллерийской бригаде, письма возмутительного характера, старался распространять нелепые слухи о том, что якобы наши войска, действующие против неприятеля на Карпатах, отказываются повиноваться распоряжениям начальства и не хотят исполнять их требований и что вообще военные дела плохи. Подобный слух был распространен Хмельницким 8 сего марта на ярмарке в слоб. Кременной и вызвал немалое возмущение среди населения.

Подвергнув крестьянина Василия Хмельницкого, на основании действующих в Харьковской губернии обязательных постановлений, аресту на 15 дней, я о действиях нижнего чина Владимира Плотникова с препровождением копий трех его писем, считаю долгом довести до сведения вашего превосходительства.

Губернатор Катеринич.

Рапорт земского начальника 5 участка Сумского уезда харьковскому губернатору, 12 апреля 1915 г.[2].

Мне приходилось читать письма, присылаемые солдатами из действующей армии своим родным, в коих они высказывались, что настоящая война их совершенно переутомила, но зато по окончании таковой они прийдут домой и тогда отберут у «панов» всю землю.

О вышеизложенном считаю своей обязанностью довести до сведения вашего превосходительства.

Земский начальник 5 участка Сумского уезда Краснянский.

---

[1] ЦАР УССР, канц. харьков. губернатора, секретный стол, 1915 г. д. № 237.
[2] Там же, д. № 761, т. II.

Отношение прокурора Сумского окружного суда харьковскому вице-губернатору, 18 апреля 1915 г.[1].

Вследствие отношения от 15 сего апреля за № 26, имею честь сообщить вашему превосходительству следующее: 12 сего апреля в слободе Нижней Сыроватке, Сумского уезда, в помещении волостного правления и на территории, прилегающей к таковому, местными крестьянами, собравшимися в количестве до 2 тысяч человек, были убиты их односельчане Кирилл Стахно и Егор Пташник; теми же крестьянами были нанесены тяжкие повреждения помощнику сумского уездного исправника Лавровскому, полицейским стражникам Ивану Бабяшу и Ивану Михайлюку и крестьянину Ивану Стахну, легкие раны — непременным членам харьковской губернской землеустроительной комиссии Серебрякову и сумской уездной Монтримовичу, землемеру той же уездной комиссии Харченку и местному полицейскому урядник Оношку, и легкие побои — приставу I стана Сумского уезда Хижнякову, городовому сумской полиции Батраку, потомственному почетному гражданину Трегубову и волостному писарю Курасову.

Обстоятельства, предшествовавшие этому событию и сопровождавшие таковое, заключаются в следующем: 8 того же апреля в Нижнюю Сыроватку прибыли названный выше землемер Харченко и и. об. земского начальника Петрищев с тем, чтобы произвести предварительные землемерные работы по выделению из общинного землевладения на отрубные тех из местных крестьян, которые из'явили на это желание; однако назначенной работы не произвели, так как явившиеся к ним жены призванных в действующую армию нижних чинов решительно заявили, что они не допустят нарезки земли впредь до возвращения их мужей в семьи.

Не желая возбудить среди населения неудовольствия и полагая, что возникшее без достаточного основания волнение прекратится само собой, названные Петрищев и Харченко перенесли работу на следующий день. Однако такое же заявление и в такой же решительной форме было сделано женами призванных и в этот день. Последствием этого явилось командирование в слободу непременного члена губернской землеустроительной комиссии Серебрякова и, для оказания ему содействия, помощника уездного исправника Лавровского и станового пристава Хижнякова; сюда же были вызваны пять полицейских стражников, городовой Батрак и урядник Оношко.

Все поименованные лица явились 12 апреля в помещение волостного правления, причем для обсуждения вопроса о предстоящих работах по распоряжению Серебрякова были приглашены два уполномоченных от части населения, сочувствующей идее выхода на отруба,— крестьяне Кирилл Стахно и Егор Пташник, и два уполномоченных от сторонников общинного землепользования. При этом Серебряков об'явил уполномоченным, что в настоящее время, в виду призыва многих домохозяев на военную службу, нарезки отрубной земли производиться не будет.

Между тем около здания волостного правления стала собираться толпа, в том числе и жены призванных в армию, которая стала держать себя вызывающе. Тогда Петрищев и Серебряков вновь подтвердили перед толпой, что никаких работ производиться не будет, однако собравшиеся не переставали волноваться, а затем вдруг двинулись к крыльцу волостного правления, но у входа были встречены стражниками.

[1] ЦАР УССР, канц. харьков. губернатора, секретный стол, 1915 г., д. № 258.

Последние тогда же приняли меры к удержанию толпы, но толпа, двинувшись массой, смяла их, разоружила. В этот момент из внутренних комнат вышел пристав Хижняков, который и обратился было к толпе с увещанием, но тотчас же был схвачен за пальто, которое и осталось в руках схвативших и затем разорвано на части. В виду этого названный пристав возвратился в волостное правление, а следом за ним двинулась и толпа. Тотчас же ворвавшиеся стали выламывать дверь в одну из комнат, предоставленную в распоряжение волостного суда, куда скрылись перед тем неугодные большинству населения состоятельные и открытые сторонники отрубного землепользования — названные Стахно и Пташник, а вместе с ними и другие лица. В то же время оставшиеся на площадке и на дворе волостного правления стали бросать в окна здания кирпичи. Не имея возможности противостоять толпе, чины полиции принуждены были спасаться через окна от одних и попадать под удары других. Наконец, дверь, ведущая в помещение суда, была выломлена, и тогда скрывшиеся здесь Стахно и Пташник были убиты, а прочие указанные выше лица получили повреждения, причем дальнейшие насильственные действия прекратились лишь с моментом прибытия вызванной из г. Сум дополнительной полицейской команды.

При последующем осмотре места происшествия оказалось следующее: все стекла в оконных рамах здания волостного правления выбиты, причем разломаны и самые рамы, повреждена обстановка помещения, разбросаны дела, книги и наряды волостного суда, из коих некоторые залиты кровью, разбито зерцало; в самом здании и около него найдены: разорванная и залитая кровью шинель полицейского стражника, разорванные фуражки нижних чинов полиции и сломанные предметы вооружения; доска, покрытая кровью, с приставшими к ней волосами, на которой, повидимому, лежала голова избиваемого.

Предварительное следствие по этому делу начато того же апреля 12, причем по производстве необходимых следственных действий, для выяснения обстоятельств дела, по настоящее время привлечены и допрошены в качестве обвиняемых по признакам ст. 263, 269 — 1 и 1 459, ч. 2 улож. о наказ. 26 человек мужчин и женщин из числа населения сл. Нижней Сыроватки, причем мерою пресечения способов уклониться от суда и следствия в отношении всех обвиняемых избрано содержание их под стражей в Харьковской губернской тюрьме.

В дальнейшем предстоит привлечение и других обвиняемых в зависимости от хода следствия.

Прокурор Сумского окружного суда Науменко.

Из рапорта харьковского вице-губернатора харьковскому губернатору, 19 апреля 1915 г.[1].

Честь имею доложить вашему превосходительству, что в связи с беспорядками, происшедшими в слоб. Нижней Сыроватке, Сумского уезда, я, вследствие личного вашего распоряжения, днем 12 сего апреля экстренным поездом выехал на место происшествия.

Прибыв туда около 11 часов вечера, я немедленно же занялся выяснением виновных и, когда достаточно убедился в причастности к делу 22 человек, сделал распоряжение об их аресте. Так как подлежащие аресту лица жили в разных концах слободы, то для удобства и успешности дела слобода была разделена на три района, порученные ведению трех приставов, которые и производили аресты каждый в своем

[1] ЦАР УССР, канц. харьков. губернатора, секретный стол, 1915 г., д. № 258.

районе в ночь на 13 число по списку, выданному каждому из них, в сопровождении отдельных отрядов стражи.

Утром 13 апреля я сделал распоряжение собрать сельский сход, который состоял больше из стариков и женщин. Сходом от имени местных жителей мне был поднесен хлеб-соль, принять каковой я отказался, заявив им, что мне, как представителю высшей губернской административной власти, не подобает принимать хлеб-соль от бунтовщиков, оказавших сопротивление властям. После этого сход стал на колени, из'явил раскаяние и просил прощения. Раз'яснив сходу преступность действий бунтовщиков, я об'явил им об аресте виновных и о последствиях их деяний. Сход, вторично став на колени, вновь просил прощения, об'ясняя, что виновными были молодежь и солдатки, которых обещали выдать властям.

Распустив сход, я приказал приставу Бурковскому произвести дознание, а от всех должностных лиц, согласно телеграммы вашего превосходительства, потребовал подробные сведения и об'яснения по поводу выказанного ими бездействия власти, переписку при этом представляю.

Что теперь выяснило предварительное следствие, производимое судебным следователем по важнейшим делам, я не знаю (сведения затребованы от прокуроров), но из опроса при дознании лиц пострадавших и очевидцев установлено, что беспорядки произведены на почве землеустроительных работ в Нижней Сыроватке по поводу отрубов, выделявшихся крестьянам, причем повышенное настроение жителей слоб. Нижней Сыроватки в довольно резкой форме стало проявляться там еще 8 апреля, когда в слободу приехал земский начальник Петрищев вместе с землемером Яковом Харченко для подготовительных работ; в этот же день жены запасных категорически заявили, «что до возвращения мужей с войны отрубных участков резать не дадут».

То же повторилось в более резкой форме и 9 апреля с угрозами по отношению к оставшемуся в Нижней Сыроватке землемеру Харченко. По получении донесения старшины о бунте собравшимися до 500 солдаток с «сапочками» в руках у волостного правления и квартиры землемера земский начальник, не выезжая на место, ограничился личным приказанием старшине «помнить присягу» и «прекратить беспорядки». Так же отнесся земский начальник к продолжавшимся беспорядкам и 10 апреля, прибыв в Н. Сыроватку лишь в 4 часа дня, повидимому, по предложению уездного предводителя дворянства, вместе с приехавшими туда помощниками исправника Лавровского и и. д непременного члена землеустроительной комиссии Монтримовичем.

Убедившись лично в серьезном положении дела, земский начальник, по его словам, в тот же день выехал в Харьков для доклада вашему превосходительству. Затем, в воскресенье 12 апреля, в 7 часов утра, по означенному делу в волостное правление слоб. Нижней Сыроватки прибыли непременный член губернской землеустроительной комиссии П. А. Серебряков и и. обяз. непременного члена землеустроительной комиссии Монтримович, землемер Харченко, земский начальник Петрищев, помощник сумского исправника Лавровский, становой пристав Хижняков, 5 стражников, городовой и урядник.

Около волостного правления собралась большая толпа народа, преимущественно женщин, которая вела себя вызывающе и, несмотря на об'яснения непременного члена и земского начальника, а также и уполномоченных общинников о том, что нарезка отрубов приостановлена, когда полиция предложила толпе разойтись, последняя устремилась с площади на крыльцо волостного правления и во двор.

Сильным натиском толпы полиция была смята и потому не могла оказать сопротивления. Ворвавшись в здание волостного правления, бунтовщики принялись громить мебель и избивать всех там присутствующих, и в то же время окружившая волостное правление толпа стала громить самое здание.

При этом пострадали: уполномоченные от отрубщиков крестьяне Кирилл Стахно и Егор Пташкин были убиты; тяжело ранены: помощник сумского исправника Лавровский, стражник Бабяш и Михайлюк и крестьянин Нижней Сыроватки Иван Стахно; легко ранены: непременный член землеустроительной комиссии Серебряков, землемеры Харченко и Монтримович и урядник Оношко; избиты: пристав 1 стана Сумского уезда Хижняков и городовой Батрак. Совсем не пострадал земский начальник Петрищев, скрывшийся в расположенной напротив церкви, где в это время происходило богослужение. Туда же убежал и пристав Хижняков.

Пострадало также и здание волостного правления, в котором выбиты окна, разобрана часть фундамента, а находящаяся внутри обстановка уничтожена; документы волостного правления сохранились, за исключением старых дел.

Помощник исправника со стражником отбивались в продолжение 3 часов, запершись в одной комнате. Явные беспорядки прекратились с прибытием присланных лишь к 2 ч. дня 15 стражников и наряда городской полиции. Исправник Преображенский и пристав Хижняков, а также земский начальник Петрищев, по моему мнению, проявили значительное бездействие власти.

О происшедшем своевременно было дано знать прокурору Сумского окружного суда, под наблюдением которого два следователя и приступили к производству предварительного следствия; причем из числа арестованных по моему распоряжению 34 человек судебным следователем привлечены по 263, 269 и 1459 ст. ст. улож. о наказ. 26 человек, которые ныне и содержатся в Харьковской губернской турьме по постановлениям судебного следователя по важнейшим делам Сумского окружного суда, а остальные 8 человек, как арестованные по охране, содержатся в той же тюрьме по моему постановлению, как действовавшего «за губернатора».

К этому присовокупляю, что по всем признакам беспорядки возникли хотя и на почве землеустройства, но, повидимому, под чьим-то подстрекательством и затем, несмотря на об'явление об отсрочке землеустроительных работ и уничтожения так сказать мотива, продолжались с особым упорством, также, повидимому, под чьим-то преступным влиянием и подстрекательством...

Харьковский вице-губернатор Масальский.

Рапорт начальнику жандармского управления помощника начальника в Сумском районе[1].

В дополнение к донесению моему в департамент полиции от 13 сего апреля за № 222, копия коего представлена вашему превосходительству от того же числа апреля за № 223, доношу, что произведенные мною негласные расследования разыгравшегося в Н. Сыроватке, Сумского уезда, события выяснили следующее:

Еще в 1912 году население Н. Сыроватки было против выхода крестьян из общины на отрубные участки и не дало приговора тем 17 дворам, которые тогда пожелали выделиться, находя, что жить в общине

[1] ЦАР УССР, канц. харьков. губернатора, секретный стол, 1915 г., д. № 258.

лучше и выход на отруба пользы не принесет; в доказательство правоты своего рассуждения крестьяне приводили то обстоятельство, что надел отдельного крестьянина составляет в среднем полторы десятины земли, причем в это число входят пахотная земля, усадьба, сенокос, а, выделившись на участок, каждый крестьянин принужден будет пасти скот только по своей собственной земле и, кроме того, нанимать отдельного пастуха, что казалось им неудобным.

Означенные выше 17 дворов все же были выделены, что вооружило население как против выделившихся, так особенно против членов землеустроительной комиссии.

В 1913 и 1914 гг. тоже происходили трения между общественниками и отрубщиками, т. е. теми, которые желали выделиться из общины.

В текущем году против выхода отдельных крестьян на отрубные участки были особенно жены крестьян, взятых на военную службу, и событие 12 апреля местное население называет «бабьим бунтом» в виду значительного преобладания среди толпы крестьянок.

Солдатки (или как их называет местное население, «гусарки») боялись как бы отрубщики, пользуясь отсутствием их мужей, не захватили лучшие участки. Кроме того, солдатки изучили и привыкли к своим наделам, правда, часто разбросанным мелкими кусками на большом пространстве, но этими частями они пользовались годами и были уверены, что отрубщикам комиссия сделает нарезку земли в их наделах, а им отведет другие участки на новом незнакомом месте и с землей худшего качества.

По словам земского начальника Петрищева, солдатки еще 8 апреля просили его работы по выделению крестьян отложить до окончания войны, т. е. до возвращения их мужей, и об этой просьбе крестьянок он, Петрищев, своевременно доложил г. харьковскому губернатору.

Как я указывал в своем донесении в департамент полиции, из 2 100 дворов Н. Сыроватского сельского общества в текущем году пожелало выделиться из общин 106 дворов, причем уполномоченными последних были крестьяне Егор Денисов Пташник, Кирилл Семенов Стахно, Иван Семенов Стахно и некоторые другие. Убитые толпой Егор Пташник, Кирилл Стахно и жестоко избитый Иван Стахно давно были нелюбимы своими односельчанами, которые видели в них «деревенских кулаков». Действительно, будучи людьми состоятельными, братья Стахно по дешевой цене, с правом укрепить за собой, закупали земли тех крестьян, которые переселялись в другие края и окончательно ликвидировали свою движимость и недвижимость.

По показанию местного полицейского урядника Оношко, вышеозначенным путем братья Стахно приобрели 25 наделов земли в количестве 38 десятин, причем своей крепостной земли у них имелось 90 десятин, но земли братьев Стахно были разбросаны во многих местах сравнительно небольшими кусками, и, желая иметь их в одном месте, они больше других хлопотали о выделении.

При выходе на отруба братья Стахно могли продавать за 500—600 рублей те земли, что сами случайно и дешево приобретали. Малоземельные крестьяне и солдатки были озлоблены против отрубщиков вообще, а против братьев Стахно и Егора Пташкина в особенности, чем и об'ясняется как безжалостная расправа толпы с ними, так и радостные крики «ура» после совершения над ними самосуда.

По показанию как полицейских чинов, так и г. Петрищева, 8 апреля около здания Н. Сыроватского волостного правления собралось много крестьянок-солдаток, вооруженных лопатками, палками. Крестьянки заявили, что они ни за что не позволят землеустроительной комиссии

произвести работы по выделению отрубщиков, причем солдатка Мария Шульгина кричала из толпы: «Пусть они (члены землеустроительной комиссии) режут отрубные участки, а им голову отрежут», о чем г. Петрищевым (по его же словам) был составлен протокол и того же 8 числа вечером им о словах Шульгиной и волнении крестьянок сообщено непременному члену комиссии Монтримовичу.

9 апреля волостной старшина Петр Токарь довел до сведения г. Петрищева, что в с. Н. Сыроватке бунтуют около 500 солдаток, которые вооружены лопатами, кольями. Далее старшина Токарь сообщал, что часть крестьянок расположилась в поле, где предполагались работы комиссии, а часть — около волостного правления, но вечером того же дня крестьянки разошлись по домам. 10 апреля солдатки, вооруженные кольями и лопатами, предложили землемеру Харченко бросить работы и уехать из Н. Сыроватки.

Того же числа солдатки, в присутствии помощника Сумского уездного исправника Лавровского просили земского начальника Петрищева никого на отруба не выделять, так как они не найдут новых участков. Собравшаяся в этот день около волостного правления толпа нанесла побои отрубщику крестьянину Косину, когда он проходил среди нее, направляясь в волостное правление, причем из толпы раздавались крики: «Не позволим комиссии работать, голову оторвем». Кем-то был среди крестьян пущен слух, что отрубщики братья Стахно и Егор Пташник надеются без согласия крестьянского общества при помощи землеустроительной комиссии получить участки земли там, где хотят, и притом на лучших мстах. Эти слухи сильно волновали противников выхода из общины.

Землеустроительная комиссия и полиция не могли не знать настроения крестьян, но, по всей вероятности, событиям, имевшим место 8, 9, 10 апреля, не придали особенно большого значения, иначе трудно об'яснить прибытие 12 апреля в Н. Сыроватское волостное правление землеустроительной комиссии с небольшим нарядом полиции.

Местное население, увидя членов комиссии и полицию, предположило, что землеустроители будут работать под охраной полиции, и недовольство толпы как теми, так и другими стало сильно возрастать. Пока члены комиссии совещались в помещении волостного правления, толпа, состоявшая большею частью из крестьянок, со всех сторон осадила здание волости, и настроение ее сделалось угрожающим. Землеустроительная комиссия решила, в виду недовольства большинства крестьянского населения, работы по выделению отрубщиков отложить, о чем толпе об'явили сначала уполномоченные, а потом земский начальник Петрищев и член комиссии Серебряков, но толпа уже не слушала ни тех, ни других и стала ломиться в здание волости, где в судейской комнате заперлись уполномоченные от отрубщиков крестьяне братья Стахно и Егор Пташник.

Революционная подготовка толпы к описанным действиям ничем не подтверждается. За три-четыре недели до этого случая Н. Сыроватское сельское общество горячо откликнулось на призыв послать подарки воинам и собрало солидную сумму денег и пожертвовало большое количество с'естных припасов. Среди арестованных по Н. Сыроватскому делу находятся два баптиста — Серяк и Волк, но в чем выразилось их участие в этом деле, сведений у меня не имеется. Священник Покровской церкви с. Н. Сыроватки, Сумского уезда, о. Николай Стефановский привлечен к следствию за агитацию среди крестьян вышеупомянутого села судебным следователем Сумского окружного суда по особо важным делам Малининым и в настоящее время находится в г. Харькове,

где был вызван своим духовным начальством. 12 сего апреля в 5 часов утра священник Николай Стефановский совершал в своей церкви богослужение «утреню», во время которой сказал молящимся речь, в коей как будто выразился: «Солдатки, защищайте свою землю от насильников богачей, которые хотят отнять у вас ее, и не давайте землеустроительной комиссии производить нарезку земли», слова эти подтверждают несколько крестьянок, которые допрашиваются в настоящее время вышеупомянутым судебным следователем.

По другой версии священник Стефановский, напротив, призывал крестьян к спокойствию, и земский начальник Петрищев дал мне о нем самый лестный отзыв.

По показанию очевидцев, толпу на расправу с помощником исправника Лавровским толкнули выстрелы, раздавшиеся в сборщицкой комнате, что действительно несколько выстрелов из револьвера вверх произвел г. Лавровский, очевидно, предполагая тем испугать толпу, которая избивала уполномоченных. Но выстрелы эти произвели обратное действие, и толпа с криком: «В нас стреляют, бей их» — ворвалась в сборщицкую комнату и жестоко избила г. Лавровского.

Расследование выяснило, что враждебное отношение населения к отрубщикам и членам землеустроительной комиссии не было минутным явлением, а развивалось постепенно, и это было известно как последним, так и полицейским властям, но те и другие не придали должного значения настроению крестьян. По словам земского начальника, г. Петрищева, когда он о волнении среди крестьянок сообщил члену комиссии Монтримовичу, последний ответил, что «такие протесты населения — обычное явление при выделении отрубщиков». Подтверждением изложенного может служить и то обстоятельство, что члены комиссии, не считаясь с воскресным и базарным днем, прибыли в полном составе 12 апреля в слободу, где насчитывается более 15 000 населения. Крестьянская семья, на которую особенно тяжело давит война, подозрительно относится ко всякому переустройству их жизни, тем более, если это делается без надлежащей подготовки массы и отсутствия истинного понимания настроения населения со стороны землеустроителей, что безусловно имело место в данном случае.

Ротмистр Майборода.

Рапорт начальнику Харьковского жандармского управления помощника начальника в Сумском районе, 30 апреля 1915 г.[1]

Унтер-офицер, находящийся на пункте в г. Ахтырке, донес мне, что в сл. Боромля, Ахтырского уезда, имело место следующее происшествие.

11 сего апреля туда прибыли два землемера из состава Ахтырской землеустроительной комиссии для производства подготовительных работ по землеустройству. Узнав об этом, жены крестьян, принятых на военную службу, в числе 200 душ 13 апреля собрались во дворе волостного правления и стали кричать, что не позволят делить земли до возвращения их мужей с войны. Находящийся среди солдаток крестьянин той же слободы Алексей Михайлович Романика сказал им, что солдаткам не мешало бы дать хороших плеток. Солдатки набросились на Романику, который, получив два удара в голову, спасся бегством. Вышедший к толпе сельский староста Петр Тыченко об'яснил собравшимся, что землемеры будут производить дележ отрубных участков на плане, а нарезку земли по окончании войны, после чего солдатки успокоились и разошлись по домам.

[1] ЦАР УССР, канц. харьков. губернатора, секретный стол, 1915 г., д. № 399.

22 апреля в сл. Боромля выезжали для производства расследования этого дела ахтырский уездный исправник С. Ф. Хижняков и член ахтырской землеустроительной комиссии Криницкий. Из толпы особенно протестовали крестьянки-солдатки: Евфросинья Кондратьевна, Баева, Марфа Никифоровна Баева, Наталия Семеновна Емцова, Татьяна Марковна Белоконь; кроме названных лиц, отмечен находящийся на поправке раненый нижний чин Давид Григорьевич Шаповалов, который кричал из толпы: «Не давайте делить землю и не выходите на отруба; бейте землемеров; кто будет делить землю, я сам из них пять человек уложу, и с ними то же самое, что было в Сыроватках».

Мною получено другое, почти однородное с изложенным, донесение от унтер-офицера, находящегося на пункте в г. Лебедине, о происшествии в сл. Аннине, Лебединского уезда.

В названную слободу в средних числах сего апреля (время точно не указано) прибыл землемер Макаренко, командированный туда непременным членом лебединской землеустроительной комиссии Племянниковым для разверстки крестьянской надельной земли на отрубные участки тем 22 домохозяевам, которые изъявили желание выделиться из общины.

Когда крестьянки-солдатки узнали о прибытии землемера Макаренко, то, собравшись в числе 40 душ и вооружившись сапками и лопатами, явились к нему и попросили работы по выделению отрубщиков прекратить до возвращения их мужей с войны, причем предупредили, что если их просьба не будет уважена — могут «произойти неприятности». Землемер Макаренко немедленно выехал в Лебедин, и, по сведениям, работы по выделению отрубщиков отложены на некоторое время.

Донося о вышеизложенном, присовокупляю, что в данное время к работам землеустроительных комиссий громадное большинство населения (особенно солдатки) вверенных моему наблюдению уездов относится не только отрицательно, но и враждебно, так как большая часть крестьянок-хозяев на войне, и в их отсутствии переустройства земли хотят лишь немногие.

Ротмистр Майборода.

Из письма начальнику штаба верховного главнокомандующего ген. Алексееву [1]

Копия.

О том, что именно заставило нас сложить оружие и перейти на сторону неприятеля.

Землеустроительная комиссия поручила сумскому исправнику Преображенскому выселить принудительно из собственных домов и усадеб на отрубные участки 80 солдаток из с. Сыроватки, мужья которых находятся в окопах на войне. Солдатки, не имея от своих мужей на то распоряжения, начали просить исправника и начальствующих лиц отсрочить выселение впредь до возвращения с войны их мужей или же дать им хотя несколько дней срока, пока они письменно испросят от своих мужей согласие и указание, где им они укажут поселиться, так как на отведенных для них отрубных участках не было никаких построек, а на дворе были весенние холода. Но исправник и подписавший распоряжение о выселении были неумолимы и, не взирая на мольбы и вопли несчастных солдаток и их детей, брали каждую из них

[1] Из неупорядоченной россыпи документов канцелярии харьковского губернатора за 1915 г.

и силой тащили в арестантскую волостного правления. Забилось сердце у русского мужика, видя истязание и поругание солдатской семьи, бросились около 2 тысяч на полицию и волостное правление, и, разгромивши его, освободили несчастных, а двух местных крестьян-богачей, купивших гнезда солдаток, и в угоду которых учинил исправник усердное выселение, толпа убила. Потом через три дня прибыл в с. Сыроватку губернатор и, не разобравшись с виновностью, арестовал 80 солдаток и отправил их в Харьковскую тюрьму, а действительных виновников не привлек к ответу. Прекрати выселение, не было бы такого прискорбного случая, и не было бы вызвано протеста со стороны рабочих 7 заводов, расположенных в г. Сумах...

Но обиднее всего для солдат то, что русские богатые, подлежавшие к призыву вместе с нами, остались дома, не призваны — Наседкины, Феоктист Кулеш, Котенко, живущий в здании сумского казначейства, Федор Свиридов призыва 1898 года, 4 сына купца Шульгина, 5 сыновей Константина Пашкова, 5 сыновей купца Коваленко, Зубченко и другие. Вот тот источник, откуда исправник сотни тысяч нажил, благодаря покровительству предводителя дворянства.

Вот эти картинки с краткими описаниями, но с фактами, говорящими сами за себя, возбудили как в окопах на войне, так и дома и среди солдат ропот и негодование.

Бить и выгонять и сажать в тюрьму солдаток, освобождать богатых сотнями от призыва, скрывать врагов и их имущества на миллионы за мзду, тогда как на поле брани потоками, от миллионов солдат, льется кровь, — тоже не легкое преступление, [они] должны [быть] наказаны в пример прочим, и такое наказание послужит погашением того, что сделали. Желательно, чтобы наше раскаяние дошло до брата-солдата.

Прошение это направляется через колониста Шольца чеха, через колонии Бабье и Тынзе, Ковальского уезда. В прошении этом за зорким за нами досмотром и неграмотностью некоторых из нас доверили расписаться чеху Шольцу.

Сложившие оружие и сдавшиеся добровольно в неприятельский плен нижние чины из крестьян Н. Сыроватской волости, Сумского уезда. Павел и Степан Шевелевы, Емельян Быйбатько, Емельян Котелевцев и Федор Поляков. Подпись Иоган Шольц.

Письмо председателя 2 уголовного департамента Харьковской судебной палаты В. Гриневича харьковскому губернатору Н. В. Протасьеву 10 сентября 1915 г.[1].

Милостивый государь Николай Васильевич.

На 4 ноября текущего года в г. Сумах, в здании Окружного суда, назначено к слушанию в судебном заседании Харьковской судебной палаты, по 2 уголовному департаменту, с участием сословных представителей, дело о сопротивлении власти, оказанном 12 апреля сего года крестьянами слоб. Нижней Сыроватки и сопровождавшееся убийством 2 крестьян и причинением насилия, побоев, поранения и увечий помощнику уездного исправника, нижним чинам полиции и другим должностным лицам.

Дело это, по которому в судебное заседание вызывается 43 подсудимых и свыше двухсот свидетелей из числа жителей слоб. Нижней Сыроватки, судебное рассмотрение коего продлится несколько дней, вызывает естественно острый интерес среди местного населения, почему и в

[1] ЦАР УССР, канц. харьков. губернатора, секретный стол, 1915 г., д. № 193, лл. 184 — 185.

виду незначительности расстояния, отделяющего названную слободу от города, возможно ожидать прибытия в Сумы в день разбора дела большого количества жителей этой весьма населенной слободы.

Сообщив сумскому уездному исправнику о командировании на 4 ноября и на последующие дни усиленного наряда полиции для содействия к поддержке порядка внутри здания Окружного суда, я вместе с тем считаю долгом о вышеизложенном довести до сведения вашего превосходительства, на предмет зависящих от вас распоряжений местной полиции по принятию мер к предупреждению скопления толпы у здания Окружного суда и возможности нарушения уличного движения, порядка и общественного спокойствия.

Пользуясь настоящим случаем, прошу ваше превосходительство принять уверение в совершенном почтении и преданности.

В. Гриневич.

Рапорт пом. нач. Харьковского жандармского управления в Сумском районе начальнику Харьковского жандармского управления, 3 ноября 1915 г.[1].

Доношу вашему превосходительству, что отношение крестьян к войне в настоящее время не вылилось в какую-либо определенную форму, так как наряду с видимою усталостью и желанием мира, все еще есть сознание довести войну до победоносного конца.

Предоставленная сама себе, деревня в большинстве случаев живет слухами, часто далеко не соответствующими действительности, а возвращающиеся с войны раненые освещают события с точки зрения того небольшого участка, на котором им приходилось действовать; отсюда угнетенное настроение, к поднятию которого абсолютно никаких мер не принимается.

Нетактичные действия землеустроительной комиссии по проведению в жизнь отрубного хозяйства привели в минувшем апреле к беспорядкам в селе Нижней Сыроватке, в результате которых были избиты чины полиции, в том числе и помощник сумского исправника, и убито двое крестьян, и хотя в настоящее время земельный вопрос острого характера не имеет, но, повидимому, крестьяне рассчитывают на некоторые, после войны, земельные компенсации.

Какую после войны форму примет земельный вопрос, сказать теперь затруднительно, весьма возможно, что выразится в аграрных беспорядках; один из находящихся в действующей армии крестьянин Сумского уезда по этому поводу пишет к себе в деревню, «что когда война кончится, и они вернутся домой, то отберут от панов землю».

Ротмистр Майборода.

Рапорт помощника начальника Харьковского жандармского управления в департамент полиции 1916 г.[2].

В дополнение телеграммы от 16 сего мая за № 527 доношу, что разгром принадлежащего Кулишеву магазина произошел при следующих обстоятельствах: часов в 8 утра 16 сего мая, в означенный мага-

[1] ЦАР УССР, Харьковск. губерн. жанд. управл., 1915 г., д. № 65.
[2] ЦАР УССР, канц. харьков. губернатора, секретный стол, 1916 г., д. № 167.

зин явилась за покупкою сахара какая-то дама, которой и было отпущено 6 фунтов рафинада и 4 фунта песку. Присутствующие при этой покупке несколько женщин обратились с просьбой продать им сахару, но им в этом было отказано, и когда они указали на то, что покупательницам в шляпках продают, а им нет, то их из магазина удалили, а самый магазин заперли.

Между тем собравшаяся перед магазином толпа требовала продажи сахара Кулишевым, отказываясь покупать таковой рядом, в магазине Кенига, открытом по распоряжению пристава города Сум.

Чтобы успокоить толпу, полицией было предложено ей выбрать двух мужчин и двух женщин для осмотра магазина Кулишева, дабы убедиться в том, есть ли там сахар, или нет. Выборные, осмотрев магазин, заявили толпе, что сахару нет. Но толпа им не поверила и чуть их не избила; в закрытые железные жалюзи окна магазина и находившуюся на втором этаже квартиру Кулишева полетели камни.

Толпа увеличивалась и явно выражала намерение двинутья на квартиру Кулишева для расправы; малочисленный наряд полиции — 12 пеших городовых и 5 стражников — преградили путь и увещеваниями сдерживали некоторое время толпу, численность которой возросла до 2 тысяч человек: появились вооруженные кольями и снятыми с возов оглоблями.

Воспользовавшись тем, что внимание полиции было обращено на квартиру Кулишева, какой-то подросток отвернул петлю жалюзи окна, случайно оказавшуюся незапертой на замок; при криках «ура» жалюзи поднялись; окно было осыпано камнями и к нему бросилась часть толпы с целью проникнуть в магазин; наряд полиции, в свою очередь, поспешил туда же и начал оттаскивать пытавшихся лезть в окно.

Во время описываемых событий толпа продолжала выворачивать булыжники мостовой и бросать их в дом Кулишева. Одним из камней, отскочившим от стены, был ушиблен в голову помощник сумского исправника Широкий; при виде появившейся у него крови толпа закричала «ура».

Широкий скомандовал вынуть шашки. Наряд обнажил оружие; толпа от магазина отхлынула, в это время раздались крики: «Бей полицию».

Спустя несколько минут Широкий от полученного в голову ушиба упал; несколько городовых бросились его поднимать, толпа, воспользовавшись поисшедшим в народе замешательством, прорвалась в магазин, и разгром начался.

Обстоятельство усложнялось еще тем, что в городе по случаю призыва новобранцев, коих было две тысячи, и базарного дня находилось много пришлого люда.

Ввиду невозможности прекратить буйство силами полиции, было прибегнуто к содействию войск, но в наличности оказалась только слабосильная команда без ружей и патронов, которых не было и в распоряжении сумского уездного воинского начальника. За ружьями пришлось обратиться в расположенный за городом кадетский корпус, и в 2 часа дня было доставлено на извозчиках 50 человек, под командой воспитателя корпуса подполковника, но к этому времени магазин Кулишева был разгромлен, толпа не расходилась и держала себя вызывающе.

Около 3 часов дня в толпе начал циркулировать слух, что Кулишевым заперты в подвал ходившие на осмотр магазина женщины. Тогда находившийся тут же судебный следователь по важнейшим делам Малинин предложил толпе выбрать из своей среды двух женщин и двух мужчин, с которыми он подробно осмотрел не только магазин Кули-

шева, но и весь двор с надворными постройками, причем были вскрыты все бочки и ящики, что делалось также с целью обнаружить наличность сахара.

Во время этого осмотра, одна из понятых женщин, назвавшаяся крестьянкой Сумской волости Дарьей Валериановной Федоренковой, обращаясь к следователю заявила: «Теперь уже поздно взялись искать сахар, мы сами будем искать, а то нам не дадут ни сахару, ни обуви, ни одежды».

Узнав о результатах осмотра, толпа успокоилась и начала расходиться, остались лишь ожидавшие очереди для покупки сахара в магазине Кенига.

Кроме помощника исправника Широкого, рана которого оказалась легкой, были нанесены побои не тяжкие попавшему в толпу редактору местной газеты «Сумский вестник» Ивану Григорьевичу Ильченко, которого приняли сначала за Кулишева, и крестьянину Черниговской губ. Ивану Петрову Холуяка, ударившему нагайкой одну из грабивших женщин.

Главное участие в разграблении магазина принимали женщины и подростки.

Точно определить сумму понесенных Кулишевым убытков, за неимением описи товара, не представляется возможным, но можно полагать, что она достигает 50 тысяч рублей. Кулишев вел оптово-розничную торговлю черно-бакалейным товаром. Произведенными в городе и окрестных деревнях розысками обнаружено большое количество награбленного у Кулишева товара.

Следствие ведется следователем по важнейшим делам Малининым, виновные выясняются.

Обращаясь к причинам, вызвавшим погром, необходимо притти к заключению, что таковыми являются — беззастенчивая спекулятивная деятельность купцов, с одной стороны, а с другой — инертное отношение к нуждам населения городской управы и небезгрешность последней в делах с сахаром.

Переходя по этому вопросу к первому положению, нужно заметить, что торгующие сахаром купцы, не выпуская его на местный рынок, продавали большими партиями на сторону, чем занимался и Кулишев; подобного рода проходящая на глазах населения деятельность и послужила причиной озлобления, приведшего в конце концов к погрому, после которого отсутствующий ранее на рынке сахар нашелся, и за два дня его было продано 8 тысячам покупателей.

Что же касается городской управы, то из представляемой при сем вырезки местной газеты «Сумский вестник» от 7 сего мая усматривается необ'яснимая комбинация управы с принадлежавшим земству сахаром, сданным управе на хранение.

Кроме изложенного, замещающий в настоящее время городского голову Николай Степанович Крамаренко, участвующий в комиссиях по борьбе с дороговизной, сам был замешан в спекуляции с сахаром, о чем производилось дознание.

К изложенному докладываю, что о предшествовавших погрому фактах ходят разные разноречивые слухи, и что в действительности послужило толчком к погрому, установить пока не представилось возможным, но можно предполагать, что изложенная выше версия продажи сахара из магазина Кулишева одним лицам и отказ другим, достаточно правдоподобна, так как таковые факты, как уже установлено, имели место в дни до погрома.

Полковник Леваневский.

Рапорт начальнику Харьковского губернского жандармского управления[1]

Унтер-офицер Дуброва доносит, что 30 мая с. г. в г. Старобельске произошли беспорядки при следующих обстоятельствах. Жена судебного пристава Матрена Сыроваткина, будучи около 10 часов утра на базаре, купила у крестьянки слоб. Чмыровки, Старобельской волости, того же уезда Екатерины Григоренко десяток яиц и хотела заплатить по таксе 25 коп. Григоренко отказалась дать яйца менее 35 коп. Сыроваткина обратилась к городовому Ясенко, который, в виду того, что Григоренко не хотела верить в существование таксы, пригласил ее в полицейское управление. В то время, когда Ясенко, Григоренко и Сыроваткина подходили к полицейскому управлению, на них набросились крестьяне той же слободы Чмыровки Григорий Верхмоводов и Александра Григоренко и, сбив с ног городового Ясенко, стали его избивать. Городовому Ясенко удалось вырваться и забежать во двор полицейского управления, куда он потащил за собою и Екатерину Григоренко. В это время к полицейскому управлению сбежалась толпа народа, причем главным образом в этой толпе, около 200 человек, были женщины. На этот шум к толпе вышел исправник Коронацкий. Толпа, окружив его, потребовала освобождения Екатерины Григоренко и выдачи городового Ясенко. Первое требование было исполнено, а второе нет. Толпа пришла в ярость и стала теснить исправника Коронацкого. К этому времени прибыли 13 конных стражников, которые разогнали толпу. Когда исправник вошел в полицейское управление, то толпа стала бить окна в квартире исправника, помещающейся в одном здании с полицейским управлением, а затем стала бросать камни в стражников. Последние стали удаляться от толпы, так как стражникам не было разрешено употреблять в дело оружие для защиты себя. К полицейскому управлению прибыл с конвойной командой уездный воинский начальник полковник Козлов. К этому времени толпа рассыпалась по городу и стала бить стекла в магазинах и в частных квартирах. При этом из толпы раздавались крики: «Бей полицию и магазины», «На наши продукты паны устроили таксу, а в магазинах продают товары по чем хотят». Толпой побиты были окна в доме купца Руднева, в доме наблюдающего за базарными ценами по назначению городского самоуправления Тремпольцева, в доме Пучкова; некоторые из женщин ворвались в квартиру городового Ясенко и учинили там разгром. Затем толпа вернулась к полицейскому управлению, но здесь полковнику Козлову и исправнику Коронацкому удалось толпу уговорить, и толпа разошлась мало-по-малу. Пострадавших ни со стороны чинов полиции, ни со стороны народа нет. Такса установлена харьковским совещанием по продовольственному делу. Донося о вышеизложенном, добавляю, что такса вообще вызывает крайнее озлобление среди крестьян положительно во всех уездах.

Крестьяне, указывая на полное отсутствие таксы для товаров в магазинах, говорят: «Паны позволяют купцам грабить, а в то же время нас заставляют продавать по таксе». Эти слова повторяются не отдельными лицами, а положительно массами крестьянского населения.

Причем зачастую агитируют среди крестьян и их подбивают местные торговки, которые при существовании таксы положительно лишаются возможности заниматься скупками и перепродажами.

Подполковник Давыдов.

---

[1] ЦАР УССР, Харьков. губерн. жанд. управл., 1916 г., д. № 172.

Из сводной записки Харьковского губернского жандармского управления о революционном движении и настроении населения в период с мая по июль 1916 г.[1].

Общее недовольство населения дороговизной жизни на почве спекуляции торговцев начинает принимать характер, угрожающий спокойствию, и выливаться в форму, крайне опасную: погромов магазинов и открытого сопротивления чинам полиции при подавлении беспорядков. Так, толпами в тысячу и более человек, состоявшими главным образом из женщин и подростков, произведены были погромы магазинов: 16 мая в г. Сумах — Кулишева и 19 мая в с. Юнаковке, Ахтырского уезда — Мирененки и Лазебного, причем в обоих этих случаях толпами оказано было сопротивление чинам полиции и в них бросали камни. (Об этих происшествиях подробно изложено в сообщениях в департамент полиции помощника моего в Сумском, Ахтырском и Лебединском уездах 21 и 23 мая сего года за №№ 546 и 564). Кроме того, 30 мая сего года в г. Старобельске из-за понуждения полицией продавать продукты на базаре по установленной таксе подобной же толпой произведены были беспорядки, выразившиеся в разбитии оконных стекол в здании уездного полицейского управления и в некоторых частных домах. Об этом происшествии подробно изложено в копии донесения помощника моего в Изюмском, Старобельском и Купянском уездах, препровожденной в департаменте полиции от 4 июня сего года за № 3276.

Главной причиной указанных выше беспорядков послужило нарастающее озлобление населения против торговцев за крайне поднятые ими цены на все товары, главным образом предметы и продукты первой необходимости, и уверенность, что правительство не в состоянии вести правильную борьбу с дороговизной жизни. Нормировка цен на продукты первой необходимости в той форме, в какой она ныне производится, т. е. без участия представителей от населения, и полное отсутствие таковой на товары, являющиеся также предметами первой необходимости, как-то: обувь, материалы для платья и пр., вызывают среди населения нежелательные толки о том, что «паны» установили цены на продукты и тем заставляют продавать их по известной цене в ущерб интересам крестьян, тогда как в магазинах на товары цены не установлены. Таким образом начинает развиваться недовольство крестьян интеллигенцией вообще и в частности — администрацией и полицией, как органов правительственной власти, тем более, что к полиции, приводящей в исполнение обязательные представления по вопросу о дороговизне жизни, население относится с полным недоверием в смысле ее неподкупности. Такое положение не может быть признано нормальным и требует, по моему мнению, принятия быстрых и решительных мер против спекуляции торговцев, так как в противном случае погромы магазинов могут широкой волной разлиться по губернии, принося с собой не только разорение отдельных лиц, но и подорвать торговлю вообще. Кроме того тыловые беспорядки не могут, конечно, не воздействовать отрицательно на дух нашей армии, если они примут широкие размеры и к тому же будут подавляться вооруженной силой.

[1] ЦАР УССР, Харьков. губерн. жанд., управл. 1916 г., д. № 1662, л. 69.

Отношение харьковского губернатора главному начальнику Киевского военного округа, 4 июля 1916 г.[1].

В последнее время, в связи с продовольственным кризисом, в разных местах губернии возникают беспорядки, для подавления которых в наличности имеется очень мало сил. Так например, когда возникли беспорядки в Сумском уезде, то пришлось туда командировать из г. Харькова 40 конно-полицейских стражников, а в Харькове осталось всего 60 человек.

В случае, если бы в это время возникли беспорядки и в других местах губернии, и из г. Харькова, как единственного резерва, пришлось бы отвлечь еще некоторые силы, то такой крупный центр остался бы совершенно без кавалерийской части. Кроме Харькова, во вверенной мне губернии имеется очень большой уездный город Сумы, в котором насчитывается до 60 000 человек жителей. Этот город, с выходом из него расположенного там драгунского полка на театр военных действий, охраняется в настоящее время всего 25 конно-полицейскими стражниками и 60 городовыми. Когда возникли в этом городе и в уезде беспорядки, то пришлось стянуть туда до 100 конно-полицейских стражников, обнажив некоторые уезды губернии от всякой охраны.

В предупреждение того безвыходного положения, в котором может оказаться Сумский уезд в случае возникновения там беспорядков, которые тем легче возникают, что население более убеждено в недостаточности сил для их подавления, я покорнейше прошу ваше превосходительство, не найдете ли вы возможным снестись с главным начальником Московского военного округа о разрешении перевести в Сумы одну роту саперного батальона, расположенного в Харькове; помещения же для роты будут приготовлены Сумской городской думою в казармах драгунского полка.

Равным образом необходимо иметь не менее одного эскадрона или сотни в г. Харькове, дабы гражданская власть не оказалась в таком безвыходном положении, как это было в 1905 году, во время бывших там крупных беспорядков.

Поэтому покорнейше прошу сношения вашего высокопревосходительства или с начальником Одесского округа о переводе в г. Харьков сотни из г. Луганска, или же с главным начальником Московского военного округа о расквартировании здесь какой-либо кавалерийской части Московского округа. Это представляется крайне необходимым в ограждение города от каких-либо крупных беспорядков, которые в настоящее время, при отсутствии продуктов первой необходимости и при чрезвычайной дороговизне жизни, всегда легко могут возникнуть.

Считаю долгом при этом пояснить, что если я настаиваю на командировании именно кавалерийской части в г. Харьков, то делаю это по тем соображениям, что пехота может действовать только оружием, тогда как кавалерия имеет возможность прекращать возникающие беспорядки путем натиска на толпу и действия нагайками, прибегать же к употреблению холодного огнестрельного оружия лишь в крайних случаях.

Прошу по этому делу не отказать меня уведомить.

Вице-губернатор и. д. губернатора [Фон-Розен].

---

[1] Из неупорядоченной россыпи документов канцелярии харьковского губернатора за 1916 г.

Революционное казачество Дона в борьбе с контрреволюцией

В первый период существования Советской власти буржуазно-помещичья контрреволюция, разбитая в основных решающих пролетарских центрах, сосредоточила свои силы на окраинах России, особенно, на Дону и на Кубани.

Стягивание казачьих частей на Дон началось после провала корниловской авантюры. Контрреволюция видела в казачьих частях свою реальную опору рассчитывая, что имевшее особые привилегии казачество, издавна использовывавшееся царизмом для колонизации окраин, легко будет увлечь на борьбу против Советской власти.

Помещичья и кулацкая часть казачества, угнетавшая и эксплоатировавшая крестьянскую бедноту и трудовые массы казачества, являлась базой для формирования белогвардейских частей, брошенных на борьбу против власти Советов. Развернувшаяся еще в дооктябрьский период классовая борьба внутри казачества приобрела особо ожесточенную форму после установления Советской власти. Беднота и наиболее сознательная часть трудового казачества выступила против своих верхов за признание и поддержку советов. Борьба с Калединым революционных казаков была реальным подтверждением этого факта.

«Против Каледина,— говорил В. И. Ленин,— стоит явно большинство крестьян и трудового казачества даже на Дону»[1].

Попытки вооруженного нападения на Советы со стороны донской контрреволюции встретили ожесточенное сопротивление в среде самого казачества. Революционная часть казачества вместе с отрядами рабочей красной гвардии отбивала атаки калединцев и других белогвардейцев.

Борьба за власть Советов в Донской области носила ожесточенный характер. Рабочим, крестьянам и трудовому казачеству области пришлось пережить зверский террор и жестокую расправу белогвардейских генералов и казачьих атаманов. Революционное трудовое казачество под руководством Коммунистической партии весь период гражданской войны твердо отстаивало рабоче-крестьянскую власть, и вместе со всеми трудящимися нашей социалистической родины, в результате великой пролетарской революции, добилось огромных побед социализма, открывших новую счастливую и радостную жизнь для трудовых масс нашей страны.

Постановление советского правительства об отмене для казачества всех ранее существовавших ограничений в отношении их службы в рядах рабоче-крестьянской Красной армии было встречено с величайшим под'емом всеми казачьими станицами Дона, Терека, Кубани и т. д.

Жизнь трудового казака при царе, при Временном правительстве и при других белогвардейских правительствах была исключительно тяжела. Только в стране победоносного социализма трудовое казачество получило счастливую радостную жизнь. Об этом красноречиво говорят казаки, выступавшие на митингах, посвященных постановлению правительства о снятии ограничений

---

[1] Ленин, Соч., т. XXII, стр. 148.

службы казаков в рядах Красной армии. Так например, донской казак Спичак заявил:

«Служил, братцы, царю, Керенскому. Все четыре «Георгия» висели на моей груди, но они не могли скрасить моих дум о бедности и голодании оставленной бедняцкой казачьей семьи. По морде били сотники «георгиевских кавалеров»... Я буду счастливейшим человеком в мире, если удастся, защищая страну, получить орден Советской страны, той страны, где партия под руководством товарища Сталина вывела меня и миллионы таких, как я, из нищеты»[1].

Не менее характерно заявление старого казака, члена колхоза им. Молотова т. Лосева:

«Меня,— заявил т. Лосев,— да и многих из наших нынешних колхозников белые генералы хотели сделать врагами советской власти. В 1918 году генерал Краснов, посылая нас в бой, говорил: «Вот ваш враг. Если красные возьмут Дон, то они заберут вашу землю, скот, а вас сотрут с лица земли». Я еще тогда понимал, что генералы и офицерье обманывают. Перешел к красным, окончил командные курсы, командовал кавалерийским взводом. С 1929 года я в колхозе. В нынешнем году заработал 620 трудодней. Есть у меня все для того, чтобы жить счастливо. Поэтому пусть знают враги, что и мы, старики, еще не разучились держать в руках острую казацкую саблю!».

В публикуемых ниже документах отражена борьба революционной части донского казачества с бандами белогвардейцев, пытавшихся задушить советскую власть и восстановить диктатуру буржуазии и помещиков. Хронологически печатаемые документы относятся к первому периоду существования советской власти. В этих документах, главным образом, резолюциях и постановлениях станичных с'ездов и собраний казаков и некоторых казачьих частей вскрывается имевшая место глубокая внутренняя борьба в среде казачества.

Документы подобраны и подготовлены к печати сотрудником ЦАОР т. Орентлихер. Документы хранятся в фондах Центрального архива Октябрьской революции.

Г. Костомаров.

Телеграмма председателя исполнительного комитета 1 армии Войтова в Ставку главковерха т. Крыленко, 1 декабря 1917 г., № 515.[2]

Просим разрешения послать на Дон казачий полк, в революционности которого армиском не сомневается. Постановление полкового комитета: сместить правительство Каледина, ведущего ложную политику и толкающего казацкую рядовую демократию на братоубийственную войну с революционной красной гвардией. Инициатива исходит от самого полка. Армиском принципиально за посылку. Казаки готовы к погрузке, ждут разрешения. Повезут много агитационной литературы.

Председатель армискома (подпись).

Телеграмма начальника революционного полевого штаба Ставки Тер-Арутюнянца главнокомандующему советскими войсками на юге России Антонову-Овсеенко, 23 декабря 1917 г., № 221.[3]

Кавказский и 2 Хоперский казачьи полки просят отправить их в Царицын с оружием. В полках произведены выборы начальства, имеется постановление полка о признании власти Народных комис-

[1] «Правда» от 23/IV—36 г.
[2] ЦАОР, ф. 375, 1917/18 г., д. № 12, л. 6.
[3] Там же, л. 35.

саров и Совета, идут против Каледина, оставляют заложников. Со стороны главковерха препятствий не встречается. Ждем вашего решения.

Начальник революционного полевого штаба Ставки [подпись]. [1]

Революция Воронежского с'езда советов раб., солд., крест. и каз. деп. совместно с представителями трудового казачества 7—9 января 1918 г. [2]

По докладу тов. казака Кудинова: Трудовое казачество и революция. В то время, как по всей России идет борьба между трудовым классом и буржуазией, и в то время, как эта борьба увенчалась переходом власти в руки трудящихся, власть на Дону продолжает оставаться в руках войскового правительства, которое состоит преимущественно из офицеров, помещиков и духовенства и не отражает интересов трудового казачества, так как оно было выбрано в то время, когда трудовое казачество было на фронте. А меж тем воля трудового казачества и всего трудового народа ясно сказалась в многочисленных решениях Донской области, которые признали власть Совета народных комиссаров и приветствовали его мероприятия; помещичье-генеральско-войсковое правительство, офицерский войсковой круг, несмотря на то, что под их крыло и к ним на помощь сбежались контрреволюционеры со всей России — Корнилов, Алексеев, Родзянко и др.— вынуждено было под напором трудящихся признать свою слабость и поднять вопрос о соглашении с зажиточным крестьянством. Это соглашение является обманом, которым войсковое правительство хочет одурачить трудящихся Дона, ибо мужицкий кожух призван прикрыть прореху в царском мундире генерала Каледина. Под прикрытием этого соглашения контрреволюционеры мобилизуют все свои силы, чтобы подавить волю трудового Дона, потом двинуться на север и сковать генеральские, помещичьи цепи и на всю русскую революцию. Совещание трудового населения Донской области обращается с призывом ко всему трудовому казачеству об'единиться с крестьянами и рабочими и единым революционным фронтом повести борьбу против Новочеркасского гнезда контрреволюционеров. В целях быстрого перехода власти на Дону Совету казачьих, крестьянских и рабочих депутатов и в целях уничтожения искусственного разделения меж трудовым казачеством и остальным населением области, которым пользуются помещики и капиталисты в своих интересах, совещание считает необходимым: немедленное и повсеместное создание советов казачьих депутатов, которые отстранили бы от управления на Дону все чиновничьи и буржуазные элементы, враждебные трудовому казачеству. Для борьбы с партизанскими отрядами и для защиты совместно с рабочими рудников совещание признает желательным создание революционных казачьих отрядов, каковой вопрос предлагает обсудить казачьему с'езду в Каменской.

Долой власть эксплоатации!

Да здравствует власть трудящихся!

Да здравствует единение всех трудящихся!

Да здравствует власть Советов раб., кр. и каз. депутатов!

---

[1] Имеется телеграмма от 28 декабря 1917 г., № 357, с резолюцией т. Антонова-Овсеенко: «указанные полки пропустить через Поворино—Царицын—Тихорецкую». ЦАОР, ф. 375, 1917/18 г., д. № 12, л. 34.

[2] ЦАОР, ф. 393, оп. 26, 1918 г., д. № 29б, лл. 220—221.

Радиотелеграмма главнокомандующего советскими войсками на юге России Антонова-Овсеенко в Совнарком, 13 января 1918 г.[1]

Всем, всем, всем.

Совету народных комиссаров особо.

Революция на Дону.— 8 января в станице Каменской открылся с'езд фронтового казачества, на нем присутствовали представители 21 полка, 5 батарей и 2 запасных полков.

На с'езд прибыли в полном составе участники открывшегося 6 января в Воронеже совещания трудового казачества. Каледин приказал разогнать с'езд и арестовать его организаторов. С'езд единогласно постановил об'явить войну Каледину и захватить всю власть в Донской области в свои руки. Был избран военно-революционный комитет. Посланы отряды для занятия станции Лихая и Зверево. Арестованы 18 высших военных властей. При занятии станции Зверево штабы бежали вместе с полковником Михайловым[2]. В помещении штаба найдена записка Каледина об об'явлении железной дороги на осадном положении. Посланный для ареста 10 полк опоздал. На следующий день в Каменской был грандиозный митинг. Казаки горят энтузиазмом. Они стремятся покончить с Калединым своими руками. Армия революции, армия рабочего и крестьянского правительства Народных комиссаров приветствует пробуждение казачества, она удвоит усилия, чтобы положить конец буржуазной реакции на Дону, чтобы привести к победе великую революцию.

Народный комиссар [Украины] [подпись].

Телеграмма председателя бюро областного военно-революционного комитета Донской области Совету народных комиссаров, 29 января 1918 г., № 7203.[3]

На Дону казачий с'езд в станице Каменской 10 января об'явил войсковое правительство и Каледина низложенными, всю власть на Дону передал впредь до образования трудовой власти избранному им областному донскому казачьему военно-революционному комитету, который стал работать совместно с областным военно-революционным комитетом Донской области. Из Ростова-на-Дону и с донецким окружным советом казачьих, рабочих, крестьянских и солдатских депутатов 13 января приезжала делегация войскового правительства во главе с председателем войскового круга Агеевым. Честным именем атамана Каледина делегаты уверяли комитет, что войсковое правительство не допустит гражданской войны против трудового казачества и предлагали прислать в Новочеркасск делегацию для мирного улаживания конфликта, но трудовое казачество было предательски обмануто генеральско-помещичьим войсковым правительством. Делегация военно-революционного комитета была задержана в Новочеркасске и по приказу войскового правительства офицерской и юнкерской банды головореза Чернецова напали врасплох 16 января на фронтовое казачество. Не подозревая измены и застигнутые врасплох полураз'ехавшиеся казачьи части были оттеснены со ст. Лихой и Зверево. Казачьим частям пришлось отойти из ст. Каменской. К этому времени революционные казачьи части соединились с рабочими и крестьянскими отрядами первой Южной революционной армии. 20 января партизан-

[1] ЦАОР, ф. 375, 1917/18 г., д. № 12, л. 51 и об.
[2] В тексте «Михайловским».
[3] ЦАОР, ф. 1235, 1918 г., оп. 52, д. № 401, лл. 1—3; ф. 130, оп. 12, д. № 31, лл. 9, 10.

ские банды обошли Глубокую и подвергли жестокому обстрелу революционные войска; последние на минуту дрогнули, затем бесстрашным отпором отразили отчаянный натиск калединцев. Доблестными и решительными действиями революционных войск отряд Чернецова был смят и обращен в бегство. Сам Чернецов и 40 офицеров были взяты в плен. По дороге Чернецов пытался стрелять в конвоировавшего его председателя казачьего областного военно-революционного комитета, за что им был убит. Бой был необычайно жесток, калединцы добивали раненых; так ими размозжен череп у легко раненого доблестного рабочего Шалаева, исполнявшего обязанности командира, которого они сильно ненавидели за его твердую преданность рабочему делу. В этом жестоком сражении революционные войска потеряли 45 товарищей убитыми и 65 ранеными. Потери у калединцев были значительные; в результате боя уцелевшие остатки чернецовской банды разбежались в панике. Путь к отступлению им был отрезан революционными полками. Поведение революционных войск, особенно казачьих 27 и 44 полков, батарей, а также донских и луганских рабочих, проявивших пролетарское бесстрастие и самоотверженность, выше похвал. 29 января в 22 час. с фронта передают, что положение на фронте благоприятное. Калединский отряд под начальством генерала Усачева отступает из Дебальцева, и из штаба Саблина сообщают, что Зверево и Сулан заняты революционными войсками.

Председатель бюро областного военно-революционного комитета Донской области [подпись].

Постановление общего собрания казаков и крестьян хутора Паршикова Кумшацкой станицы, 9 февраля 1918 г.[1]

Мы, граждане казаки и неказачьего сословия, в собрании хутора Паршикова Кумшацкой станицы в составе 150 человек, вынесли настоящее постановление, что мы вполне признаем организацию только военно-революционный комитет. Только чтобы названный Комитет выражал волю трудового народа. И считаем нужным отозвать своих представителей из войскового округа.

Председатель собрания [подпись].

Постановление собрания Кумылженской станицы Хоперского округа, 10 февраля 1918 г.[2]

Собрание населения станицы Кумылженской в присутствии членов областного и Хоперского окружного военно-революционного комитетов под председательством И. М. Карнеева обсуждали вопросы событий текущего времени и, принимая во внимание высказывавшихся ораторов по существу вопросов, единогласно постановили: признать власть вновь организовавшихся демократических организаций областного Донского и Хоперского окружного военно-революционных комитетов, как органов, действительно заботящихся о благе трудового народа, а войсковое правительство Донской области в настоящем его составе, во главе с Калединым, считать неправомочным потому, что оно пошло вразрез мирным пожеланиям фронтовых казачьих частей и создало братоубийственную бесцельную войну, чем и заставляет думать, что оно всегда заботилось не о благе трудового народа, а исключительно о своей собственной шкуре. Кроме того, на ближайшем общественном

[1] ЦАОР, ф. 1940, 1918 г., оп. 2, д. № 1, л. 3.
[2] Там же, л. 4.

станичном сборе избрать по два представителя и послать в областной и Хоперский окружной военно-революционные комитеты для общей работы по созданию порядка в области и нашем Хоперском округе.

Настоящее постановление уполномачиваем подписать президиуму настоящего собрания и копию вручить членам областного и окружного военно-революционных комитетов.

Председатель собрания [подпись].

Постановление общего собрания казаков и крестьян Кумшацкой станицы, 12 февраля 1918 г.[1]

Мы, граждане станицы Кумшацкой Донской области, собравшиеся на общее об'единенное с крестьянами собрание, под председательством вахмистра Никиты Ботакова, слушали доклад делегатов 2 Донского казачьего полка о присоединении к военно-революционному казачьему комитету, постановили: признать законною властью в Донской области военно-революционный казачий комитет, одобриваем его действия и вполне присоединяемся к нему, только чтобы названный комитет вполне выражал волю трудового народа, и считаем нужным отозвать своих представителей из войскового округа.

Председатель собрания [подпись].

Резолюция общего собрания жителей слободы Большой Орловки 1 Донского округа с прилегающими к ней хуторами, 13 февраля 1918 г.[2]

Мы, граждане слободы Большой Орловки с прилегающими к ней хуторами, как-то, Мало-Орловский, Больше-Мечетновский, Мало-Мечетновский, Топилин, Комаров, Штрахов, Четырех-Ярский, Павлов, Сальско-Кагальницкий, Ново-Сатковский, на общем собрании, состоявшемся 13 февраля 1918 г., заслушав доклад товарищей агитаторов, посланных со ставки большевиков военно-революционного комитета, по делу агитации в 1 Донском округе Донской области (Крамаренко и Назаров), принимая во внимание настоящее тяжелое положение трудящихся, как казаков, так и крестьян, Донского населения, находящихся под монархическим давлением, признаем правительство Народных комиссаров и Советскую власть, как выразителей воли народа трудящихся масс. Шлем вам, товарищи, привет и идем навстречу вам для подавления и окончательного разрушения монархии в России. Итак, долой монархию и долой насильников трудового народа; да здравствует земля и воля, братство и равенство и да здравствует правительство Народных комиссаров и советская власть. Да здравствует казачество и трудовое крестьянство.

Председатель собрания [подпись].

Резолюция общего собрания станицы Топикинской, Хоперского округа, 13 февраля 1918 г.[3]

Общее собрание граждан станицы Топикинской под председательством казака Семена Просвирова сего числа, выслушав доклады делегатов казаков о поддержке Хоперского окружного военно-революционного комитета и о выражении ему доверия, общее собрание единогласно постановило: признать в нашем Хоперском округе временною

[1] ЦАОР, ф. 1940, 1918 г., оп. 2, д. № 1, л. 5.
[2] Там же, л. 6.
[3] Там же.

властью образовавшийся военно-революционный комитет, как основанный на демократических началах и идущий на помощь трудовому казачеству, и выразить настоящим ему доверие. Для совместной работы с ним назначаем из среды себя делегатов — казака Нефеда Абрамова Кавылина, урядника Абрама Анисимова Зятькова, которых и уполномачиваем на работу в интересах трудящегося казачества.

Председатель собрания С. Просвиров.

Резолюция общего собрания хутора Балабанова, 13 марта 1918 г.[1]

Мы, граждане хутора Балабанова, собравшись для обсуждения вопросов о текущем моменте и заслушав доклад пропагандиста военно-революционного комитета товарища Мишарева и ознакомившись с приказами и программами, исходящими от военно-революционного комитета области, и обсудив всесторонне последнее на общем собрании, постановили:

1) Признать власть советов как в центре, так и на местах. Приветствовать энергичных борцов за право народа, товарищей, стоящих во главе военно-революционного комитета товарища Подтелкова и секретаря Кривошлыкова, а также весь состав областного комитета.

2) Бороться с врагами трудового народа путем слова, а также если потребуется активное вооруженное выступление, то и в данном случае применить все свои силы.

Председатель С. Зубков.

Просим все редакции г. Ростова напечатать в газетах.

Протокол общего собрания Михайловского волостного исполнительного комитета Усть-Медведицкого округа, 25 марта 1918 г.[2]

1918 года марта 25 дня общее собрание Михайловского волостного исполнительного совета под председательством Ивана Алексеевича Прокудина при секретаре Чурюмове и при наличии 32 членов обсуждали нижеследующее:

1) Слушали телеграмму областного военно-революционного комитета об об'явлении штатной федеративной республикой Донскую область. Совет постановил: послать приветствие военно-революционному комитету по случаю об'явления Донской области федеративной республикой. Общее собрание Михайловского волостного исполнительного совета Усть-Медведицкого округа приветствует военно-революционный областной комитет за решение об'явить себя Донской республикой. Да здравствует Донская республика в единении с Советской федеративной республикой.

2) Вся земля как помещичья, удельная, монастырская должна поступить в полное распоряжение трудового казачества и крестьянства без всякого выкупа.

3) Принять все надлежащие к тому меры к поддержанию советской федеративной власти на всех ее демократических началах и бороться всеми имеющимися у нас силами против капиталистов и бандитов, насильственно подрывающих авторитет советской власти.

За председателя Михайловского волостного исполнительного совета [подпись].

---

[1] ЦАОР, ф. 1940, 1918 г., оп. 2, д. № 1, л. 33.

[2] Там же, № 26, л. 4.

Документы о ходынской катастрофе 1896 г.

18 мая 1896 г. во время «народного гулянья» на Ходынском поле было задавлено 4 000 чел.

Погибшие были виновны только в том, что они доверчиво пошли на организованные правительством, по случаю коронования Николая II, «народные празднества», пошли за обещанным по этому случаю «царским подарком».

Московский ген.-губ. Сергей Романов, министр двора гр. Воронцов-Дашков и вся московская полиция были непосредственными виновниками этого массового убийства.

«Безответственность и произвол чиновников и полная безгласность самого населения порождают такие вопиющие злоупотребления власти чиновников и такое нарушение прав простого народа, какое едва ли возможно в любой европейской стране» [1],— эти черты нашли свое яркое и полное отражение в ходынской катастрофе.

8 марта 1895 года было учреждено «Особое установление по устройству коронационных народных зрелищ и увеселений», в обязанности которого входило составление точного плана народного гулянья и производство всех работ, связанных с будущими празднествами. Зимой 1895/96 года строились балаганы, буфеты, палатки на территории Ходынского поля. Из буфетов предполагалось раздавать населению царский подарок: сверток с дешевым угощением, эмалированную кружку с царскими инициалами и фунтовую сайку; намечалось раздать 400 000 таких подарков. Весной обнаружили, что местность у буфетов неровная, изрыта ямами, канавами, колодцами. Однако, никто не позаботился привести в порядок место будущего гулянья, никем не были приняты меры к регулированию движения народа к буфетам.

С 16 мая к Ходынскому полю начало стягиваться население Москвы и подмосковных деревень, располагаясь в четырехугольнике одной версты Ходынского поля, замкнутого шоссе, рекой Москвой, военным лагерем и буфетами.

В течение двух дней собралось около полутора миллиона человек. Пришедшие первыми оказались в западне,— новые толпы не позволяли уйти с поля. К рассвету 18 мая люди стали падать от изнеможения и недостатка воздуха.

Вместо 10 часов, по инициативе артельщиков, раздача подарков началась в 6, но это не помогло. Перед буфетом гибли тысячи раздавленных напором толпы.

По официальным данным на Ходынке погибло 1 350 чел. Эти данные явно преуменьшены. Нелегальная литература тех дней называла более верную цифру в 4 000—4 800 человек.

По повелению царя каждой осиротевшей семье должно было быть выдано пособие в 1 000 рублей, но когда обнаружилось, что убитых не десять и не сто человек, а тысячи, то найдены были разные уловки и причины, по которым пострадавших на Ходынском поле лишали и этой царской подачки. Кому давали сотню, кому и того меньше. Значительная часть суммы ушла в карманы чинов-

[1] Ленин, Соч., т. I, стр. 462.

ников. Всего на дело помощи пострадавшим отчислено было 90 000 рублей, из них около 12 тысяч в возмещение убытков по похоронам жертв «Ходынки» получила Московская городская управа.

Следствие по поводу «ходынских беспорядков» вел судебный следователь по особо важным делам Кейзер. Во время судебного следствия был произведен подробный опрос свидетелей, как из состава полиции, так и оставшихся в живых свидетелей ходынских ужасов. Но следствие выявило такую неприглядность состояния царской администрации, в дело было замешано столько «высоких» чиновников, что суд не состоялся. Дело разрешил указ Николая II правительствующему сенату. Назвав ходынскую катастрофу — «тяжким несчастьем», т. е. каким-то стихийным бедствием, Николай признал, «что причину несчастья следует искать в том, что московские власти... не приняли своевременно должных мер для направления массы народа». Наказан был из московских властей один и. д. московского обер-полицеймейстера Власовский — увольнением без прошения и... пожизненной пенсией в размере 3 000 рублей в год. Относительно «других должностных лиц, виновных в неисполнении своего долга», в указе повелевалось «принять... иные, указанные нами, меры взыскания, соответствующие обнаруженным упущениям». Но никаких указаний ни на какие «меры взыскания» не последовало.

Еще более туманен был второй указ, в котором происшедшее 18 мая «несчастное событие» об'яснялось соперничеством, вызванным «желанием второстепенных исполнителей присвоить себе несоответствующее значение» и повелевалось всем министрам, генерал-губернаторам и иже с ними «направлять свои действия и распоряжения к единству и оказывать друг другу содействие, для пользы службы...»

13 июня во время в'езда царя в Петербург в разных частях города происходили рабочие демонстрации. Протестуя против ходынской бойни, демонстранты тушили иллюминационные плошки, разбивали царские вензеля и избивали отдельных полицейских.

Члены Московского рабочего союза выпустили листовку с призывом поддержать питерских рабочих.

Публикуемые документы рисуют картину ходынской катастрофы.

Протоколы допросов и постановление судебного следователя Кейзера взяты из двух томов следственного материала «По делу о ходынских беспорядках», хранящихся в фонде канцелярии московского генерал-губернатора.

Фотоснимки трупов на Ходынском поле сделаны со стереоскопических снимков, которые продавались в г. Николаеве по 1 рублю за штуку. По словам начальника Херсонского губернского жандармского управления снимки производили на население «удручающее» впечатление и были им конфискованы. Помещенный ниже снимок плана Ходынского поля напечатан в «Русских ведомостях» № 137 от 20 мая 1896 г. Многочисленные фотоснимки «ходынских ужасов» были помещены во французской газете «L'Illustration» за 13 июня 1896 г. при статье Normand'a, описывающей катастрофу. Газета была привезена в Россию нелегально в ограниченном количестве экземпляров и распространялась только среди знакомых привезшего ее книгопродавца.

А. Кобяко.

Программа народного гулянья на Ходынском поле 18 мая 1896 г.[1]

По высочайшему его императорского величества повелению, 18 сего мая имеет быть на Ходынском поле народный праздник.

Допуск народа на праздник через проходные буфеты начнется с 10 час. утра, музыка с 11 час. и представление на театрах с 12 час. дня.

Каждому посетителю в проходных буфетах будут выдаваться платок со сластями, пряником, колбасой, эмалированной кружкой и программой увеселений. Кроме того при этом прилагается фунтовая сайка. Для угощения пивом и медом устроены особые буфеты на окраине поля.

Праздник окончится в 8 часов вечера и будет заключен фейерверком на Воробьевых горах.

За час до начала фейерверков будут пущены сигнальные ракеты.

Об'являя о вышеизложенном, особое установление по устройству коронационных народных зрелищ и празднеств[2] просит всех гостей на народном празднике соблюдать порядок и во всем подчиняться указаниям распорядителей игр и увеселений.

Телеграмма министра внутренних дел в редакцию «Правительственного вестника» 19 мая 1896 г.[3]

Правительственное сообщение. С вечера 17 сего мая, в Москве, вокруг Ходынского поля, начали собираться массы городского и пришлого народа в несколько сот тысяч человек, для участия в гулянье 18 мая.

Начало празднества и раздача подарков были назначены с 10 часов утра, но толпа, не дождавшись этого времени и прибытия всех лиц, долженствовавших руководить праздником, с неудержимой силой, ранее 6 часов утра, бросилась в беспорядке в узкие проходы между деревянными палатками, где помещались буфеты, при чем многие повалены на землю и задавлены нахлынувшей массой народа.

Беспорядочное движение толпы продолжалось недолго, после чего немедленно были приняты меры к подаче помощи пострадавшим и к выяснению числа жертв.

При этом было поднято: мертвых 979 и тяжело раненых — 459 лиц, из числа сих последних многие в безнадежном положении.

Министр внутренних дел Горемыкин.

---

[1] ЦАР, канц. моск. ген.-губ., 1896 г., д. № 81, т. IV, л. 88.

[2] «Особое установление по устройству коронационных народных зрелищ и празднеств» было образовано 8 марта 1895 г. приказом по министерству императорского двора.

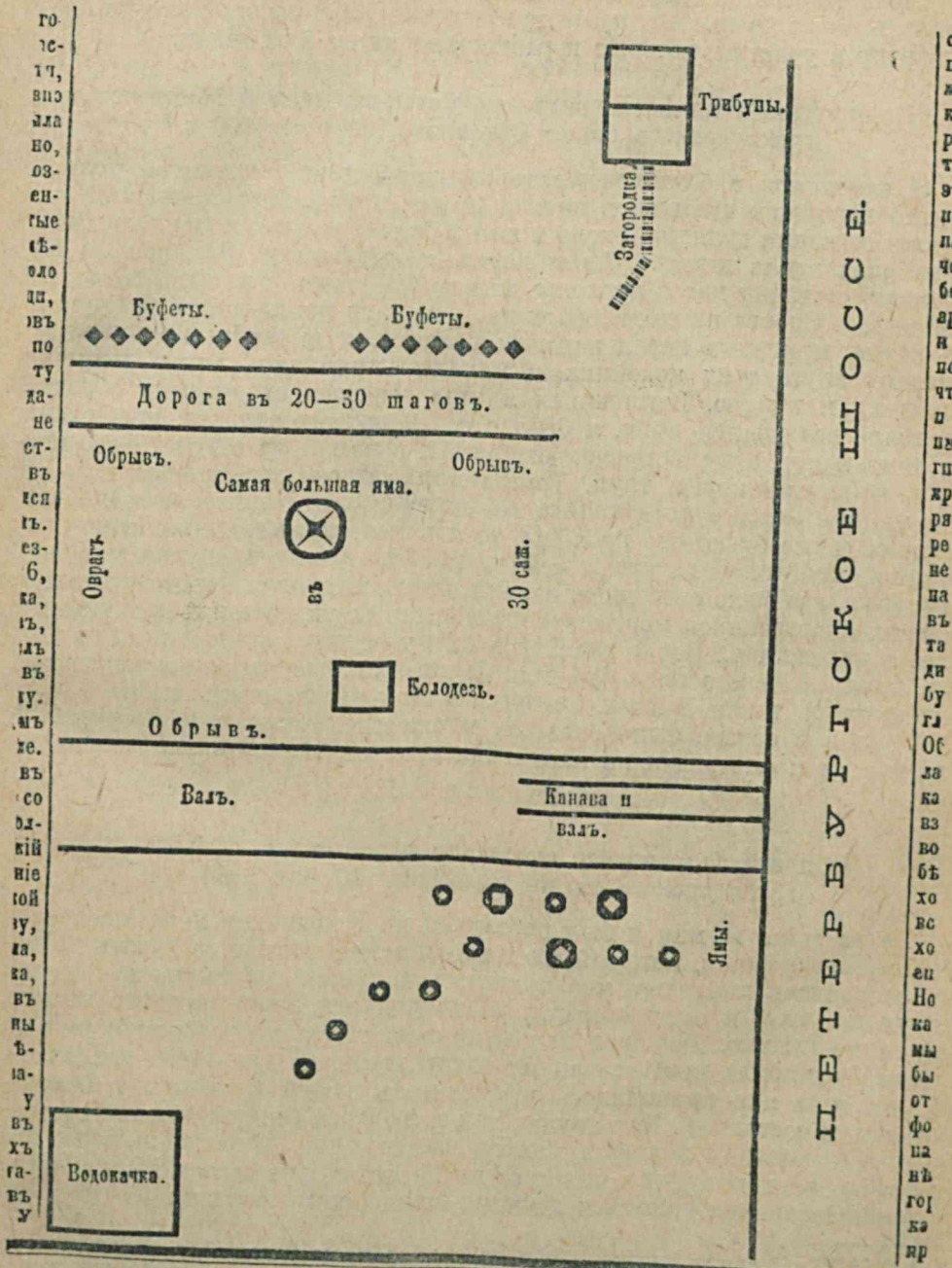
[3] ЦАР, ДП, III, 1895 г., д. № 1422, т. VI, л. 6.

Сведения о числе умерших и больных, доставленных с Ходынского поля к 3 ч. 20 м. дня 22 мая 1896 г. [1].

	Умерших	Больных
Больницы: Старо-Екатерининская	152	209
Ново-Екатерининская	392	39
Мариинская	2 в больнице	74
1-я Городская	53	29
2-я Городская	28	39
Басманная	—	89
Яузская	—	113
Мясницкая	—	—
Серпуховская	58	—
Голицынская	27	—
Императора Павла I	45	16
Университетская клиника Левшина	1 в клинике	30
Анатомический институт клиник.	56	—
Больница при фабрике Прохорова.	71	6
Приемные покои при полицейских домах:		
Городской части	—	—
Тверской	6	—
Мясницкой	—	—
Пятницкой	23	—
Якиманской	33	—
Арбатской	60	—
Пречистенской	67	—
Хамовнической	19	—
Пресненской	78	—
Сущевской	125	—
Басманной	—	—
Сретенской части	24	—
Яузской »	—	—
Мещанской »	7	—
Рогожской »	23	—
Лефортовской »	10	—
	1360	644

18 мая с Ходынского поля было доставлено в больницы (исключая больницы императора Павла I, куда привезено 45 трупов, и частных домов, куда прямо с Ходынки привезено 4 трупа, а всего 49) и приемные покои при полицейских домах 1 282 умерших. Общая же цифра выражалась 19 мая в 1 331 умерших. Затем цифра эта увеличилась доставкой скончавшихся от тяжелых увечий в больницах и к 22 мая, к 3 ч. 20 м. дня выражается в 1360 умерших. Из этого количества на Ваганьковском кладбище погребено в братских могилах 896 человек,

[1] ЦАР, Московск. охр. отд., 1896 г., д. № 369, л. 77. Заголовок подлинника.


Трибуны.
Загородка.
Буфеты.
Буфеты.
Дорога въ 20—30 шаговъ.
Обрывъ.
Обрывъ.
Самая большая яма.
Овраг.
въ
30 саж.
Колодезь.
Обрывъ.
Валъ.
Канава и валъ.
Ямы.
Водокачка.
ПЕТЕРБУРГСКОЕ ШОССЕ.

остальные же частью взяты родственниками и частью погребены на других московских кладбищах [1].

Что же касается цифры больных, то таковая каждодневно изменяется, так как до сих пор являются больные Ходынского поля из своих квартир в участки, которые и размещают их по больницам.

Из протокола допроса свидетеля унтер-офицера 8 Московского гренадерского полка Степанова, 30 мая 1896 г. [2]

Я находился в батальоне, который прибыл на Ходынское поле на место народного гулянья в ночь с 17 на 18 мая. Меня поставили снаружи площади гулянья, около 2 или 3 будки от угла, в том ряду, который шел вдоль шоссе. Затем народ, мало-по-малу напирая на нас, солдат, оттеснил нас в проходы, между буфетами, а затем и во внутрь площади. Сперва приходилось вытаскивать из толпы людей без чувств, а затем, незадолго перед началом раздачи, я вытащил из толпы во-внутрь круга трех покойников: молодую прилично одетую девушку, старуху и нищую. Вытаскивал я этих мертвых следующим образом: в толпе раздавался крик, я брал с собой другого солдата, пробирался к тому месту, откуда доносился крик, и вытаскивал оттуда через проход во-внутрь круга, труп. Трупы приходилось мне вытаскивать не далее, как из 3, 4 ряда толпы. Когда началась раздача, и толпа двинулась через буфетные проходы, то я видел, как мертвецы, стиснутые толпой двигались вместе с ней и, пройдя проходы внутри площади гулянья, где было свободнее, падали, освободясь от стискивания толпы. Таких двигающихся мертвецов я насчитал штук двадцать в том месте, где я находился... После раздачи я был у оврага, который идет от шоссе, вдоль крайнего ряда буфетов. Овраг этот был наполнен мертвыми, лежавшими также в ямах, которых в этом овраге очень много.

Трупов в овраге было большое множество. Колодца я в овраге не видал, да и смотрел я на него с края, не спускаясь вниз.

Феодосий Петрович Степанов.

Из протокола допроса свидетеля ефрейтора 8 Московского гренадерского полка Болабана, 30 мая 1896 г. [3]

На рассвете 18 мая я был поставлен на Ходынском поле, посередке того ряда буфетов, который идет вдоль шоссе. Минут за десять до начала раздачи подарков мне пришлось вытащить из толпы три трупа: двух девушек и одну старуху. Женщины эти были простого звания, судя по платью. Девушек передала сама толпа по головам с рук на руки, а старуха вывалилась из толпы, которая для этого раздалась. Ранее того мне приходилось вытаскивать людей из толпы в бесчувственном состоянии. Как трупы, так и людей в бесчувственном состоянии я относил во внутрь круга. На рассвете, еще до раздачи, я был два раза в овраге, который тянется от шоссе, вдоль крайнего к Москве ряда будок. Овраг был наполнен людьми, ожидавшими раздачи. Толпа в ов-

[1] В № 33 «Летучих листков», издаваемых фондом вольной русской прессы в Лондоне под редакцией Ф. Волховского, помещены сведения о числе жертв на Ходынском поле: 4 800 человек по подсчетам московского корреспондента и 4 000 чел. по словам французского корреспондента. На одном Ваганьковском кладбище московские корреспонденты насчитывали 1 800 трупов, положенных в гробы, иностранные корреспонденты повышают эту цифру до 2 100—2 375 и более.

[2] ЦАР, канц. моск. ген.-губ., 1896 г., д. № 81, т. IV, лл. 12—13.

[3] Там же, лл. 13—14.

раге была настолько густая, что трудно было итти, а в конце концов, ближе к шоссе, итти дальше нельзя было совсем, и мы, т. е. солдаты взвода, должны были выйти из оврага. Во время раздачи я видел, как стиснутые толпой трупы выносились ею через проходы во внутрь круга, где трупы падали на землю. Таких стоячих трупов было очень много. После раздачи я ходил в овраг, о котором вам уже говорил, и видел там массу трупов. Среди трупов были живые люди, кричавшие о помощи. В одном месте ближе к концу, который к Ваганьковскому кладбищу, лежало, по моему мнению, до 500 тел. Люди эти, судя по их положению, были задавлены в самом овраге. Колодцев я не видел. Больше показать ничего не имею, показанное готов подтвердить под присягой. Протокол прочитан и по неграмотности Болабана им не подписан.

Судебный следователь Кейзер.

Из протокола допроса свидетеля, московского цехового живописного цеха Розанова, 30 мая 1896 г.[1]

18 мая я отправился около трех часов утра на народное гулянье, интересуясь посмотреть, как будет происходить раздача угощений и праздник; итти к буфетам, чтобы получить угощение, я не предполагал, а хотел посмотреть на раздачу. Я вышел из города через Тверскую заставу, и, дойдя по шоссе до того места, где начинается линия палаток, параллельная шоссе, свернул вниз от шоссе, к палаткам. Народу было очень много и он все прибывал; не доходя шагов 150 до палаток, я остановился, потому что дальше итти было бы слишком тесно. Между тем толпа все прибывала; часам к пяти утра я очутился в такой тесноте, что невозможно было выбраться из толпы. Около шести часов утра неожиданно началась раздача; кто велел начинать раздачу, мне неизвестно, и народ не требовал, чтобы раздавали немедленно; толпа вообще вела себя спокойно. Когда началась раздача, народ устремился к палаткам; давка была ужасная, были слышны в толпе крики, раздавался треск, повидимому, от сломанных костей, сдавленных в толпе людей; толпа топтала тех, кто падал, и мне самому пришлось пройти по нескольким трупам; некоторых, повидимому умерших, толпа тащила с собой. Мы постепенно придвигались к палаткам, причем меня самого настолько помяли в толпе, что пришлось потом обратиться к доктору. На некотором расстоянии от палаток (на каком именно, не могу сказать) я услышал в толпе, шагов на 15 впереди себя, крики нескольких людей: «Батюшки, колодезь провалился». Я сам колодца не видел, потому что толпа при этом крике стала рваться из стороны в сторону, и я не прошел по тому месту, где кричали, что провалился колодезь. Я не могу сказать, на каком расстоянии от палаток слышался этот крик; было это несколько не доходя до тех палаток, которые обращены к шоссе; оврага в этом месте нет. Больше я ничего не слыхал о колодезе и продолжал продвигаться в страшной давке, причем мне пришлось для спасения себя от смерти вскочить на плечи одному человеку и пройти некоторое расстояние по головам народа. Наконец, я попал в узкий проход между палатками, налету схватил брошенную кружку и угощение, которые артельщики не только раздавали, но и перекидывали через других. Впрочем далеко в толпу артельщики не бросали подарков, а перебрасывали тем, которые не могли тянуть руки вплоть к самому буфету. Пройдя, наконец, через проход на площадь гулянья, я поскорее постарался выбраться из

[1] ЦАР, канц. моск. ген.-губ., 1896 г., д. № 81, т. IV, лл. 24—26.

толпы и уйти. Я видел многих задавленных, но не могу сказать, сколько, потому что очень испугался, и торопился выбраться из толпы. На месте гулянья я видел несколько человек казаков и солдат, очень немного, а полицейских увидал, уже возвращаясь домой, недалеко от Пресненской заставы. В девятом часу утра я уже вернулся домой. Показанное готов подтвердить под присягой.

Петр Иванов Розанов, московский цеховой живописного цеха.

Из протокола допроса свидетеля крестьянина Московской губ. Пузырева, 31 мая 1896 г.[1]

Я с сыном своим, Николаем Васильевым, отправился из деревни нашей в Москву, чтобы быть на народном празднике. Выехали мы вечером 17 мая, ехали всю ночь и в половине второго прибыли в Москву. Поставив лошадь на постоялом дворе, мы отправились на Ходынское поле, где через овраг пробрались в толпу, стоявшую между оврагом и рядом будок, идущим от шоссе. Против меня приходилась середина ряда. Было пять часов утра. Когда я проходил через овраг, то хотя он и был полон народа, но большой тесноты не было, и народ стоял вразброд так, что мы прошли и поднялись на гребень оврага без всякого труда. После с гребня, нам было видно, что и в овраге сгущается народ. В нашем месте теснота, давка началась с раздачей гостинцев; до того было настолько свободно, что некоторые даже сидели на земле. Было же это за четверть часа до начала раздачи, которая началась приблизительно в 6-м часу утра. Узнали мы об этом потому, что в передних рядах в протянутых руках толпы, появились узелки. Тут толпа двинулась вперед к будкам. Сделалось страшно тесно, не хватало возможности дышать, я тянулся кверху из толпы. Передо мной были две женщины средних лет, упавшие от дурноты на землю; они как стояли, так и сели на землю. Я сделал усилие, чтобы миновать их, но от напора толпы не мог удержаться и упал на них, а рядом со мной мой сын. На нас стала падать масса людей, и я чувствовал, как по нашей куче идет народ. Кто-то даже стоял на моей голове минуты три, и я хотел его ущипнуть, но не мог освободить руки. Лежали мы минут десять в куче. Больше мы бы не перенесли и умерли бы, если не от тяжести людей, то от недостатка воздуха. Освободил нас какой-то господин, палкой разогнавший народ. Когда мы поднялись, то я заметил, что из нашей кучи — человек пять остались на месте мертвыми. Две женщины, которые первые упали, были в числе мертвых. Я спустился в овраг и лег в яму в холодный песок, от чего немного пришел в себя. Затем мы с сыном отправились домой. У колодцев я не был. Больше показать ничего не имею, показанное готов подтвердить под присягой.

Василий Егоров Пузырев.

Из протокола допроса свидетеля, владельца водопроводной мастерской Захарова, 31 мая 1896 г.[2]

В 12 часов ночи 17 мая я отправился к месту народного гулянья на Ходынском поле, с целью ожидать раздачу гостинцев. Мне удалось пробраться очень близко к будкам, в середине того ряда, который тянется от шоссе вдоль оврага. В 3-м часу утра, или может быть в чет-

[1] ЦАР, канц. моск. ген.-губ., 1896 г., д. № 81, т. IV, лл. 54—55.
[2] Там же, лл. 53—54.

вертом, я находился от буфетов в расстоянии приблизительно шагов 10-ти. В виду страшной тискотни я решил, что в толпе здесь оставаться опасно, и стал пробираться назад. В овраге было гораздо свободнее, хотя и тут была масса народа, наполнявшая весь овраг. На противоположном склоне оврага я присел отдохнуть. Около 4-х часов утра я видел, как двое мужчин — бежавших в толпе, спешившей по направлению к будкам, сбегая со склона оврага, упали один вслед за другим в имеющийся здесь колодезь, от которого я находился на расстоянии четырех сажен, почему мне было хорошо видно, как эти двое людей падали в колодезь. Я не видел, чтобы они сами выкарабкались из колодца, а равно не знаю, вытащил ли их кто-нибудь оттуда. Сидел я в этом месте около получаса и в это время не видел, чтобы упавшим в колодезь кто-нибудь из народа помог выбраться. Сам я не мог им помочь, потому что был страшно измучен и опасался упасть сам в колодезь. Стоявшие в овраге за колодцем к буфетам, видя сбегавший по склону народ, кричали ему: «Тише, колодезь, колодезь!», но бежавшие ни остановиться, ни обратить внимание на крики не могли. Посидев недалеко от колодца, как я вам говорил, около получаса, я отправился домой. Был я в тот же день опять на Ходынке, в 3 часа дня, разыскивая своих рабочих: я хозяин водопроводного заведения. Был я около того колодца, в который на рассвете упали двое мужчин. Колодезь был окружен полицией, казаками и народом, так что я к нему и не проходил.

Тимофей Игнатьев Захаров.

Из протокола допроса помощника пристава 2 уч. Сретенской части фон Глазенап, 31 мая 1898 г.[1]

18 мая к 5-ти часам утра я прибыл на Ходынское поле к тому месту между левой эстрадой и буфетами, где по приказу был назначен сборный пункт нашему наряду. К моему району относились буфеты, идущие вдоль оврага. Когда я прибыл к сборному пункту, то я нашел, что наряд наш уже собирается. Я полюбопытствовал узнать, что делается в буфетах, и отправился к идущему вдоль шоссе ряду, где в будках осматривал узелки. Внутри площади был народ, но много ли его было, сказать не могу, так как он был разбросан по всему громадному полю. Около 6-ти часов утра началась раздача; народ бросился в проходы, и в одном из них я был застигнут толпой. Лица людей в толпе были какие-то бессмысленные, тупые. Я обратился к двинувшейся толпе с увещанием не спешить, проходить между буфетами понемногу, но я видел, что толпа моих слов не понимает.

Находился я по середине этого ряда в эту минуту. Толпа меня вынесла через проход. Тут в течение десяти, пятнадцати минут продолжалась страшная свалка, после которой, когда толпа немного раздалась, я увидел на земле много мертвых. Казаки и городовые со сборного пункта бросились в толпу, но сомневаюсь, чтобы они могли тогда оказать какую-либо помощь или даже просто пробиться в середину толпы. В этой давке мне казалось, что я слышу треск костей. Народ, заметив мертвых, вскоре притих, и им овладело страшное возбуждение против полиции. Один бестактный поступок полицейского повлек бы за собой для него неизбежную смерть. Я слышал крик народа: «Разорвать на части Власовского»[2]. Вообще всю полицию толпа страшно ругала. Я стал обходить мертвых, как только немного толпа поредела. Мертвые лежали везде, но преимущественно их было много на неровных местах: в ямах, рытвинах и канавах, которыми покрыта местность за крайними к Москве буфетами, идущими от шоссе по направлению к Ваганьковскому кладбищу.

В 7-м часу утра я спустился в овраг. Мне кто-то из публики сказал, что поблизости колодезь, в который попадали люди. Я подошел к колодцу в овраге, расположенному у правого его склона, если стоять лицом к шоссе. Об этом колодце я до этой минуты не имел никакого понятия. Около колодца стоял народ, тут же лежало на земле много трупов, вытащенных, как мне сказали, из колодца, который народ нашел наполненным трупами. Полиции здесь не было. Я заглянул в колодезь и увидел, что в нем лежат трупы на глубине не более двух аршин от отверстия. Кто-то из народа мне сказал: «Один из покойников, ваше благородие, убежал». Из рассказов публики я узнал, что среди мертвецов, вытащенных из колодца, попался один человек, оказавшийся живым. Я около колодца пробыл не более трех минут и отправился к своему ряду буфетов, через который надо было пропускать народ, прибывавший из Москвы. Дела тут было очень много, так как являлись фабричные со своими старостами, которым, кажется, было назначено являться не раньше девяти часов утра. Затем вторично около колодца в овраге я был часа в два дня. Около него толпился

---

[1] ЦАР, канц. моск. ген.-губ., 1896 г., д. № 81, т. IV, лл. 56—58.

[2] Власовский — и. д. московского обер-полицеймейстера, слыл в народе по своим делам «держимордой», и на него первого пало обвинение в нераспорядительности во время народного гулянья 18 мая. По окончании следствия «о беспорядках на Ходынском поле» был от должности московского обер-полицеймейстера уволен без прощения и обеспечен, по резолюции царя, пожизненной пенсией в размере 3 000 руб. в год.

народ, стояли жандармы и пожарные, бросавшие в колодезь арканы — вероятно, как я заключил, для извлечения трупов. К колодцу я тогда не подходил, а потому и не видел, как вытаскивались из него тела.

Владимир Евгеньевич фон Глазенап.

Из постановления следователя по особо важным делам Кейзера, 7 июня 1896 г.[1]

1896 года июня 7 дня судебный следователь по особо важным делам Кейзер, рассмотрев дело о беспорядках на Ходынском поле в Москве, во время народного гулянья, нашел, что обстоятельства его следующие: по высочайшему повелению государя императора, 18 мая 1896 года должен был состояться народный праздник на Ходынском поле, устройство которого, согласно приказу по министерству императорского двора от 8 марта 1895 года, было поручено действительному статскому советнику Беру I, с учреждением при нем особого временного делопроизводства. Права и обязанности этого «особого установления по устройству коронационных народных зрелищ и увеселений» изложены в параграфе 13 «предварительного расписания предметов ведения министерства императорского двора по приготовлениям и по устройству торжества священного коронования их императорских величеств», утвержденного министром императорского двора 31 марта 1895 года. На основании пунктов: 12, 13, 17 и 23 означенного 13 упомянутого «предварительного расписания», на обязанности «особого установления» лежало составление общего плана и программы народных увеселений, производство строительных работ, определение количества угощаемого народа при народных гуляньях, обеспечение порядка и организация санитарного надзора.

Дополнительным приказом по министерству императорского двора в состав этого «особого установления» были назначены: в качестве архитектора — гражданский инженер Владимир Владимирович Николя и чиновники особых поручений: полковник (ныне генерал) Иванов и титулярный советник Петров. Общий план гулянья, а равно и чертежи проходных буфетов для угощения народа на этом гулянье были составлены означенным архитектором Николя и представлены на утверждение министра императорского двора, но никакой надписи об утверждении, как на общем плане гулянья, так равно и на детальном чертеже буфетов, предполагавшихся к постройке на этом гулянье, по осмотру, произведенному на предварительном следствии, не оказалось, а имеется на них лишь подпись Николя — от 23 августа 1895 г. и 27 января 1896 года. Хотя из показания Николя, данного им на предварительном следствии, видно, что упомянутый общий план гулянья был им составлен на основании плана гулянья 1883 года, во время священной коронации императора Александра III, но показанием свидетелей очевидцев гулянья 1883 года, а также показанием архитектора Бадера, производившего все строительные работы на том гулянье, это заявление Николя несколько опровергается, как относительно формы площади, избранной для гулянья (круглой в 1883 г. и четырехугольной — в 1896 г.), так равно и относительно места расположения буфетов, большая часть которых (120 и 150) на гулянье нынешнего года были расположены со стороны Москвы вдоль оврага, изрытого ямами и имеющего на дне своем колодезь, тогда как на гулянье 1883 года часть буфетов хотя и была расположена также со стороны Москвы, но пол-

[1] ЦАР, канц. моск. ген.-губ., 1896 г., д. № 81, т. IV, лл. 210—220.

ходила к этому оврагу лишь одним концом своим. Документальных данных в подтверждение этого обстоятельства следствием не добыто, так как на генеральном плане гулянья 1883 года, также не имеющем никакой надписи об утверждении его и подписанном лишь одним архитектором Бадером, место расположения буфетов не обозначено. Все постройки гулянья нынешнего года, в том числе и проходные буфеты для угощения народа, начатые осенью 1895 года, были произведены под непосредственным наблюдением архитектора Николя и окончены уже весной 1896 года, причем количество проходных буфетов было значительно увеличено против предположенного числа их; всех буфетов было выстроено 150.

Афиша «особого установления» об этом народном празднике была выпущена лишь 17 мая 1896 года, тем не менее весть о нем еще задолго до этого дня широко распространилась даже за пределами Москвы, и народ стал стекаться на Ходынское поле еще с вечера 16 мая, а к 4 ч. 45 м. дня 17 мая прилив народа настолько усилился, что комендант Ходынского лагеря, капитан Львович, имевший в своем распоряжении для исполнения своих военно-полицейских обязанностей 12 казаков, 2 урядников и военный караул из 46 человек, тогда же по телеграфу обратился в распорядительное отделение канцелярии московского обер-полицеймейстера и просил доложить последнему о приливе народа на Ходынское поле с присоединением просьбы о присылке в распоряжение его, Львовича, 30 казаков и нескольких околоточных надзирателей. Наплыв народа продолжался затем в увеличивающейся прогрессии. Прибывающий, преимущественно со стороны Москвы, народ располагался сначала бивуачными группами на всей площади между линией буфетов и местом бывшей промышленной выставки, а потом все ближе и ближе продвигался к буфетам и, хотя настроение толпы было совершенно мирное, в толпе раздавались песни и звуки гармоник, тем не менее скопление народа уже к 10 часам вечера стало принимать угрожающие размеры; к 12 часам ночи толпу, по показанию очевидцев, нужно было считать десятками тысяч, а к 2—3 часам — сотнями тысяч людей, и, несмотря на это народ продолжал все прибывать и прибывать, двигаясь по направлению к Ходынскому полю целыми группами, не только по близлежащим городским улицам, но даже и в таких местностях, которые отстоят от Ходынского поля на 8 и на 10 верст, а между тем на Ходынском поле полиция отсутствовала, и не было лица, которое приняло бы целесообразные меры к возможному регулированию и более правильному размещению прибывающего на гулянье в несметном количестве народа.

Ходатайство лагерного коменданта Львовича о присылке полицейского наряда, выраженное им в упомянутой телеграмме в распорядительное отделение канцелярии обер-полицеймейстера, посланной еще в 4 ч. 45 м. дня 17 мая, по мере накопления народа перед буфетами, в течение вечера 17 мая и ночи на 18 мая, было повторено перед московским обер-полицеймейстером многократно в более энергичной форме по телефону разными лицами, как находившимися в то время на Ходынском поле по обязанностям своей службы, так равно и другими, имевшими так или иначе какое-либо отношение к этому народному празднику, а именно: тем же Львовичем — около 9 часов вечера, поручиком 7 гренадерского Самогитского полка Беляковичем в 10 часов вечера, полицеймейстером кремлевских дворцов Солини, по поручению г. министра императорского двора два раза — в 11½ часов вечера,

секретарем того же министра в 12 часу ночи, чиновником особых поручений при «особом установлении» Петровым — в начале 2-го часа ночи упомянутым уже полицеймейстером кремлевских дворцов Солини (в 3 раз)—около 2 часов ночи и, наконец, снова лагерным комендантом Львовичем — около 3 часов ночи. Результатом этих 9 ходатайств о немедленной высылке усиленного полицейского наряда, необходимого для поддержания порядка и охранения буфетов и царского павильона, было лишь распоряжение и. д. московского обер-полицеймейстера о командировании на Ходынское поле полицеймейстера барона Будберга с сотней казаков; сам же полковник Власовский явился туда в 8½ часов утра 18 мая уже по получении им сведений о происшедшей катастрофе и о необходимости присылки линеек для уборки трупов. Сказанное распоряжение полковника Власовского никакой пользы не принесло, так как не только высланная им сотня казаков, но даже рота Самогитского полка, вместе с батальоном Московского полка, о вызове которых на место было сделано распоряжение лагерным комендантом Львовичем, по собственной его инициативе, еще в 10 ч. вечера, не могли ничего сделать с народом, скопившимся перед буфетами и настолько сплоченным, что некоторые счастливцы, которым в борьбе за свою жизнь удавалось вскарабкаться на плечи соседей, затем свободно по головам толпы уже добрались до проходов между буфетами.

Все усилия того небольшого количества войска, которое явилось на Ходынское поле, благодаря распорядительности лагерного коменданта, на обязанности которого вовсе не лежало охранение порядка вне района лагеря, были направлены лишь к спасению отдельных личностей, сдавленных толпой поблизости от проходов между буфетов; попытки же проникнуть хотя несколько внутрь толпы не могли привести ни к чему, и на расстоянии 5 шагов от буфетов по показанию капитана Московского полка Иванова, в толпе уже нечем было дышать, а над всей толпой стоял пар от испарений несметной толпы, казавшийся зловещим облаком каждому постороннему наблюдателю. Давка в толпе была настолько сильна, что уже с 2—3 часов ночи среди нея оказываются лишившиеся чувств и мертвые, из которых ближайшие к проходам вытаскиваются солдатами на внутреннюю площадь гулянья, а мертвецы, находящиеся дальше в глубине толпы остаются на своих местах, наводя панический ужас на соседей, тщетно стремящихся отстраниться от них и тем еще более увеличивающих давку. Такое положение дела побудило капитана Львовича в последнем своем телеграфном сообщении обер-полицеймейстеру присоединить к ходатайству о немедленной присылке полицейского наряда еще и ходатайство о предоставлении права немедленно начать раздачу угощения. Последствием этого телефонного сообщения была присылка обер-полицеймейстером своего помощника полковника Руднева, прибывшего на место гулянья в 4½ ч. утра, на полчаса ранее срока, назначенного ему в приказе обер-полицеймейстера на 18 мая.

Ходатайство о разрешении начать раздачу подарков ранее определенного времени (10 ч. утра) было высказано батальонным командиром Под'япольским, купцом Лепешкиным[1] и тем же Львовичем начальнику «особого установления» Беру, приехавшему на гулянье в 5 час. утра. Бер сначала не соглашался начать раздачу ранее определенного срока, но когда, при личном обходе буфетов, у него на глазах из толпы выкинули в один из проходов 2 трупа и когда артельщики, принявшие на себя безвозмездно раздачу угощения народу, заявили, что если не будет разрешена выдача немедленно, они вынуждены будут покинуть свои места, опасаясь за свою жизнь, то в половине 6-го часа утра Бер разрешил начать раздачу. Распоряжение это являлось положительно необходимым, так как, по показанию многих свидетелей, каждая минута промедления должна была увеличивать количество жертв в толпе, которой становилось нечем дышать.

Как только весть о раздаче начала через артельного старосту Максимова распространяться по буфетам, толпа с страшной силой устремилась в проходы между буфетами, и тут произошла невообразимая свалка, увеличившаяся еще вследствие того обстоятельства, что народ, успевший набраться на самую площадь гулянья, ничем не огражденную со стороны Всехсвятской рощи и Ваганьковского кладбища, также бросился к буфетам, навстречу внешней толпы. Все усилия некоторых полицейских чинов, начавших собираться к этому времени, согласно приказу обер-полицеймейстера на 18 мая, казаков и жандармов ослабить давку, могли принести пользу лишь единичным лицам из толпы, но предотвратить несчастье в полном его об'еме было уже поздно, так как в это время численность толпы на Ходынском поле, по единогласному показанию всех свидетелей, простиралась свыше 500 тыс. чело-

[1] Лепешкин В. Н. принимал участие в распоряжениях «особого установления», в частности в составлении артелей для приема и раздачи коронационных подарков.

век. Самая раздача угощения продолжалась от 20 минут до часа, в разных проходах, а когда толпа стала редеть, то вся местность у буфетов со стороны Москвы, а равно и у соприкасающейся с ними под углом буфетов, расположенных вдоль шоссе, оказалась усеянной трупами и изувеченными людьми. Наибольшее количество трупов оказалось в проходах буфетов, расположенных у угла передней и левой границ гулянья (если стоять на шоссе лицом к площади гулянья). Трупы были находимы не только у буфетов с внешней и с внутренней стороны их, но были рассеяны и в разных местах оврага, изрытого ямами и имеющего на левом склоне своем колодезь. Доски, прикрывавшие прежде с 1883 года этот колодезь, во время движения толпы, под тяжестью ее подломились, и допрошенные в качестве свидетелей крестьяне Захаров и Розанов[1] удостоверили: первый, что он видел падение в этот колодезь двух людей, а второй, что он слышал крик в толпе: «Батюшки, колодезь проломился!». Следствию однако, несмотря на все принятые меры, не удалось добыть данных в подтверждение народной молвы об извлечении из колодцев, расположенных в этой местности, до 28 трупов. При этом заслуживает особого внимания факт, установленный предварительным следствием, что ни «особое установление» в лице своих членов, ни и. д. московского обер-полицеймейстера полковник Власовский ни разу не позаботились осмотреть местность, окружающую площадь гулянья.

Таким образом является очевидным, что люди, с одной стороны, гибли от давки в толпе и проходах, а с другой — падали и были затаптываемы той же толпой в канавах, ямах, колодце и в овраге, находившихся в весьма недалеком расстоянии от буфетов, расположенных по левой границе гулянья.

По собранным предварительным следствием сведениям, от священников всех кладбищенских церквей, из приемных покоев, больниц и лечебниц, находящихся в Москве, а равно от всех больниц и лечебниц, расположенных в Московском уезде, число пострадавших во время народного гулянья на Ходынском поле определяется в две тысячи шестьсот девяносто человек, из которых 1389 человек умерли, остальные же получили более или менее тяжкие повреждения. Ко всему изложенному следует присовокупить, что по единогласному утверждению всех свидетелей-очевидцев и начальствующих лиц, наблюдавших толпу, последняя была не только мирно настроена, но и послушна малейшим указаниям лиц, пытавшихся ею руководить, ввиду чего смерть и увечье вышеуказанных 2690 человек никоим образом не могут быть отнесены к последствиям проявления грубых и необузданных инстинктов толпы или к вине отдельных личностей из народа.

Переходя затем к разрешению вопроса о причинах описанного горестного события, омрачившего светлые дни священного коронования их императорских величеств, нельзя не притти, на основании данных, добытых предварительным следствием, к тому выводу, что такими причинами являются нерадение и бездействие власти, как со стороны тех лиц, на которых было возложено устройство народного гулянья, так и со стороны московской столичной полиции, призванной к охранению общественной безопасности на основ. 681, 949, 951, 961 и 1 примеч. к ст. 316 общ. губ. учрежд. т. II св. зак. Произведенными на предварительном следствии осмотрами местности, планов и чертежей построек на народном гулянье 1896 года, а равно заключением экспертов установлено, что расположение большей части буфетов (120 из 150) по линии гулянья,

[1] Показания Розанова и Захарова см. выше.

идущей вблизи оврага, изрытаго ямами до 6 аршин глубиной, колодцами и подходящего к буфетам в некоторых местах до 8 аршин, не говоря уже о промоинах и ямах, находящихся у самых буфетов, а также соприкосновение 2 линий буфетов под углом, препятствовавшее возможности правильного распределения идущего на гулянье народа, является нерациональным по отношению к характеру местности и к ожидавшемуся движению имевшего прибыть на гулянье народа. Кроме того, эксперты признали, что устроителями гулянья, при устройстве всей площади его, не были соблюдены надлежащие условия для того, чтобы выработанный и утвержденный тип буфетов, а также выбранные для постановки их места вполне удовлетворяли целям общественной безопасности, так как не вся площадь гулянья была окружена забором с устройством в нем надлежащих выходов. Такое ограждение значительно облегчило бы принятие необходимых мер для предупреждения встречного движения к проходам между буфетами, хотя одна ограда сама по себе, конечно, не могла служить препятствием для доступа толпы на площадь гулянья... [1]. Если бы толпа была правильно распределена к имевшимся 150 проходам, возможно было бы пропустить на площадь гулянья 18 000 человек в минуту или 540 000 человек в 1/2 часа, т. е. раздать заготовленные 400 000 подарков в 23 минуты и что вообще при данном приеме устройства буфетов правильными и своевременными мерами регулирования движения толпы могла быть устранена опасность...[2].

Обращаясь затем к образу действия полиции в данном случае, усматривается, между прочим, что, начиная с июня 1895 года, чины «особого установления» Петров, Иванов и Бер последовательно три раза обращались к и. д. обер-полицеймейстера Власовскому с предложением совместного обсуждения мер, которые нужно было принять для охранения безопасности на народном гулянье 1896 года, но каждый раз эти предложения были отклоняемы последним, заявлявшим, что забота о порядке касается исключительно одного его. И. д. московского обер-полицеймейстера при допросе его на предварительном следствии отрицает справедливость показаний вышеупомянутых лиц, между тем эти показания находят себе подтверждение отчасти в показании свидетеля Перлова, а равно и в том обстоятельстве, что характер отношений полковника Власовского к «особому установлению» и ее начальнику Беру нисколько не исключал возможности подобного словесного обращения к нему по упомянутому вопросу, как это видно из свидетельских показаний и имеющейся в деле переписки между «особым установлением» и полковником Власовским. С другой стороны, следует однако признать, что подобное уклонение и. д. московского обер-полицеймейстера Власовского от совместного обсуждения с «особым установлением» этих мер нисколько не освобождало «особое установление» в лице его начальника Бера от обязанности донести своему высшему начальству о вышеозначенном уклонении Власовского, для побуждения его к совместному обсуждению тех мер, которые «особое установление» находило необходимым принять для охранения общественного порядка (п. 3, ч. 13 предварительного расписания)... [3].

В данном же случае усматривается, что и. д. московского обер-полицеймейстера, полковником Власовским, и «особым установлением», в

[1] Опущено рассуждение о целесообразности избранной для буфета формы трапеции.

[2] Опущено сравнение формы буфетов, устроенных в коронацию Александра III в 1883 году, с буфетами 1896 года.

[3] Опущено сообщение о часах явки на место гулянья полицейского наряда.

лице генерала Бера и архитектора Николя...[1] ...никаких мер для обеспечения и охранения общественной безопасности и порядка принято не было. Полковник Власовский, при допросе на предварительном следствии, говорит: «Сам я местности, занятой площадью народного гулянья и окружающей его, не осматривал. О том, что параллельно главной линии буфетов и в близком расстоянии от них идет глубокий ров, весь изрытый ямами и имеющий на дне своем колодезь, не засыпанный и ничем не огражденный, мне вовсе известно не было, так как местность эта находится в 3 стане Московского уезда».

Эти слова полковника Власовского, характеризуя самым рельефным образом его отношение к вопросу об охранении общественной безопасности во время народного гулянья...[2]. Если даже допустить, что полковник Власовский считал себя не в праве произвести осмотр местности, находящейся в ведении московской уездной полиции (каковое обстоятельство не находит однако себе подтверждения в данных предварительного следствия), то и в таком случае, казалось бы, что на его прямой обязанности лежало сообщить г. московскому губернатору о возложении этого поручения на московского уездного исправника, но он и этого не исполнил.

Нельзя не остановиться также на факте недостаточного количества на месте гулянья воды (2 бака — по 50 ведер в каждом) и полного отсутствия санитарных и медицинских средств и врачебной помощи, несмотря на ожидавшееся скопление народа в количестве minimum 400 000 человек. Ярким доказательством бездействия власти, имевшего важные последствия, со стороны московской столичной полиции служит вполне установленный предварительным следствием факт непринятия ею никаких решительных мер к своевременной встрече постепенно прибывающего на Ходынскую площадь народа, размещение его на самой площади и перед буфетами, с целью воспрепятствования чрезмерному скоплению его в известных пунктах и ограждения внутренней площади гулянья от преждевременного доступа туда народа, обусловившего впоследствии усиление давки в проходах...[3].

Во всех таких случаях личное присутствие начальника полиции на месте, во время беспрерывного и постепенного прилива народа к данной местности, является положительно необходимым, так как нет возможности заочно предусмотреть всех тех обстоятельств и условий, которые создают потребность в принятии немедленных и экстраординарных мер и избавляют от траты времени на какие бы то ни было сношения (хотя бы по телеграфу и по телефону), могущие влечь за собой роковые последствия. Беспомощность и растерянность толпы, обусловливаемые бездействием полицейской власти, толпы, по меткому выражению некоторых свидетелей (Семена Лепешкина — л. 156—159 и Алексея Федорова — л. 426—427), ждавшей появления полиции, звавшей ее для проявления распорядительности и оказания надлежащей помощи и вместо того увидавшей перед своими глазами массу трупов, внезапно перешло в чрезвычайное озлобление и явилось поразительным контрастом с тем мирным настроением, в котором она находилась до катастрофы.

Следствием кроме того установлено, что полицеймейстер полковник барон Будберг и чиновник особых поручений подполковник Померан-

[1] Опущено указание на заимствование формальной стороны порядка коронации 896 г. из планов и приказов коронации 1883 г.

[2] Опущено доказательство необходимости осмотра Власовским эстрад и буфетов.

[3] Опущено сравнение с мерами, принятыми против давки в коронацию 1883 г.

цев, из которых первый в 12-м часу ночи, по поручению полковника Власовского, прибыл на Ходынское поле с сотней казаков, а последний — согласно полицейскому приказу на 18 мая, обязан был явиться во вверенный ему район к 5 часам утра, не исполнили возложенных на них обязанностей. Барон Будберг, явясь с сотней казаков в 1-м часу ночи и сделав соответствующие распоряжения, затем в 3 часа ночи самовольно уехал в Москву и, хотя в показании, данном на предварительном следствии, он заявил, что с дороги не более как через час вернулся обратно, тем не менее обстоятельство это не находит себе достаточного подтверждения в данных следствия, так как определенные указания на присутствие Будберга на месте относятся к 7 часам утра. Померанцев, не отрицая своего прибытия на вверенный ему пост лишь к 8 часам утра, причиной своего опоздания выставляет свою своевременно никому не заявленную болезнь, но никаких доказательств в подтверждение этого не представляет (л. 428).

Все вышеизложенные обстоятельства указывают на бездействие власти и нерадение со стороны: и. д. московского обер-полицеймейстера полковника Власовского, начальника «особого установления» действительного статского советника Бера, инженера-архитектора коллежского советника Николя, московского полицеймейстера полковника барона Будберга и чиновника особых поручений при московском обер-полицеймейстере подполковника Померанцева, предусмотренные по отношению к первым трем лицам, в виду особенно важных последствий, происшедших от их бездействия, 411 и 2 ч. 341 ст. ст. улож. о нак., а по отношению к последним двум—411 и 1 ч. 341 ст. ст. того же уложения.

Принимая во внимание, что возбуждение уголовного преследования за преступления по должности должно итти в порядке, указанном 1086 и 1087 ст.ст. уст. угол. судопр., судебный следователь по особо важным делам Кейзер постановил: настоящее дело со всеми приложениями представить на распоряжение г. прокурора Московской судебной палаты.

Судебный следователь Кейзер.

Рабочее движение на заводах Петербурга в мае 1901 г.

Публикуемые ниже документы относятся к одному из наиболее значительных периодов в истории революционного рабочего движения в России.

Бурный под'ем промышленности в России в 1892—1898 гг. к началу XX в. сменился глубоким кризисом, который к 1901 г. охватил почти все отрасли производства.

Углублявшийся экономический кризис повлек за собой безработицу и общее ухудшение положения рабочего класса и условий его борьбы.

В начале 90-х годов «рабочее движение переходит в открытую политическую борьбу...» [1]. Этот переход был подготовлен предшествующей стачечной борьбой и деятельностью революционной социал-демократии, от пропаганды в узких кружках перешедшей к широкой экономической и политической агитации. Ленинская «Искра» вела непримиримую борьбу с экономистами, стремившимися ограничить рабочее движение узкими рамками экономических требований.

За период с 1895 г. по 1900 г. по политическим и внеэкономическим причинам бастовало 3,8% общего числа стачечников, с 1901 г. по 1904 г.— 13,2%.

1901 год — начало больших демонстраций и открытых выступлений рабочих масс.

Особо обращают на себя внимание выступления петербургского пролетариата в мае 1901 г. Упорное сопротивление полиции и войскам со стороны рабочих Обуховского завода, оказанное 35 лет тому назад 7 мая, известно в истории рабочего революционного движения под именем «Обуховской обороны» [2].

Первые баррикадные бои пролетариата с войсками и полицией во время Обуховской обороны опровергли оппортунистическое положение о том, что уличная борьба против современного войска невозможна и безнадежна. «Уличная борьба возможна, безнадежно не положение борцов, а положение правительства, если ему придется иметь дело с населением не одного только завода. Рабочие при схватке 7-го мая не имели ничего, кроме камней,— и уж, конечно, не запрещение же градоначальника помешает им и в следующий раз запастись другим оружием» [3].

Майские выступления пролетариата в 1901 г. оказали влияние на последующий ход событий и сыграли большую роль в истории рабочего движения и в подготовке революции 1905 г.

Публикуемые документы являются некоторой иллюстрацией майских выступлений рабочих наиболее крупных петербургских заводов.

---

[1] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 424.

[2] Ленин и «Искра» придавали огромное значение этому выступлению петербургского пролетариата. Ленин посвятил этому событию статьи: «Новое побоище», «Каторжные правила и каторжный приговор», напечатанные впервые в №№ 5 и 10 «Искры» за 1901 г. (Ленин, Соч., т. IV). В «Искре» помещены были две корреспонденции: в № 5 — июнь 1901 г. и № 6 — июль 1901 г. («Искра», изд. ЦК ВКП(б), вып. 1, стр. 103 и 118—119).

[3] Ленин, Соч., т. IV, стр. 117—118.

В 1901 году петербургская социал-демократическая организация усиленно готовилась к празднованию 1 мая, призывая рабочих на майскую демонстрацию 22 апреля.

Кроме упоминаемой во втором публикуемом документе листовки, в апреле 1901 г. выпущен был майский листок «Искры» за подписью: «Организация «Искры» [1]. Листок редакции «Искры» обнаружил тактические расхождения Ленина и Плеханова по вопросу об открытых уличных выступлениях. «На улицу звать рабочих не следует... По-моему, первого мая надо сидеть дома, а потом, неожиданно для правительства, в один из царских дней, сделать огромную манифестацию с тушением плошек и т. п.»,— писал Плеханов 19 апреля 1901 г. в письме мюнхенской части редакции «Искры» [2].

Однако искровская прокламация как на одну из форм выступления в день 1 мая указывала на демонстрацию. В случае неудачи демонстрации 1 мая рабочим предлагалось расстроить иллюминацию в царский день 6 мая.

В письме от 21 апреля 1901 г. Ленин писал Плеханову об этой листовке: «Листок «Искры» ведь довольно осторожен насчет прямого призыва — или Вы все же считате и это опасным» [3].

Кроме указанных первомайских листовок, Петербургский комитет РСДРП перед первым мая распространил две прокламации «К рабочим» и «К русскому обществу» с приглашением на демонстрацию в день 22 апреля, на Невском, в 12 часов дня [4].

Правительство напряженно готовилось к разгрому революционных выступлений в день 1 мая.

18 апреля в Петербурге был произведен «неслыханный полицейский разгром». «Число арестованных считают в 300, обысков произведено не то 600, не то 800. На одном Путиловском заводе взято 50 рабочих»,— сообщали из Петербурга в газету «Искра» [5].

Первомайская демонстрация 22 апреля не удалась, но это не помешало нарастанию революционной борьбы петербургского пролетариата.

После 1 мая движение охватило широкие слои пролетариата, перейдя в открытые уличные выступления, протекавшие под политическими лозунгами.

Публикуемый доклад П. Д. Святополк-Мирского «об итогах расследования о ходе и причинах беспорядков, происходивших на петербургских фабриках и заводах», рисует картину рабочего движения, начиная с 1 мая. Нужно помнить, что доклад этот написан командующим отдельного корпуса жандармов товарищем министра внутренних дел; степень достоверности сообщенных в нем фактов относительна. Например, количество убитых и раненых рабочих при столкновении с полицией и войсками у Обуховского завода в докладе преуменьшено: «убит 1 и ранено 8 человек», тогда как М. Розанов по сведениям, полученным от непосредственных участников этого собрания, сообщает следующее:

«Стало известно, что во время схватки убиты кроме Панко, Максимова и трех ребят еще рабочий Рожков и зарублен шашкой у своего дома 62-летний старик Христофоров; серьезно ранены Николай Осипов, чернорабочий чугунно-меднолитейной мастерской, чертежник Обуховского завода и девушка Серафима Сергеева. На перевязку пошло 18 человек.

Все эти случаи зарегистрированы амбулаторией. Кроме того много раненых, побоявшись ареста, не пошло к врачу» [6].

---

[1] См. «Красная летопись», 1925 г., № 2, стр. 166—167.

[2] См. III Ленинский сборник, стр. 157.

[3] Ленин, Соч., т. XXVIII, стр. 221.

[4] Последняя прокламация была напечатана в № 4 «Искры» — май 1901 г. («Искра», изд. Истпарта ЦК ВКП (б), вып. 1, стр. 91).

[5] Об этом напечатано было в № 4 «Искры», в статье «Первое мая в России» в отделе «Из партии» («Искра», изд. ЦК ВКП(б), вып. 1, стр. 90).

[6] М. Розанов, Обуховская оборона, «История пролетариата СССР», 1933 г., № 2, стр. 86.

Доклад констатирует также необыкновенное упорство рабочих в отстаивании своих требований. Стремясь доказать неосновательность требований рабочих, автор доклада однако не может пройти мимо некоторых сторон их тяжелого положения: необеспеченность в старости, произвол администрации, мастеров и их помощников, плохие жилищные условия и т. п.

Доклад представляет интерес в другом отношении: отмечает наличие революционной организации рабочих, которая руководила движением. Правда, жандармы пытаются ослабить и преуменьшить ее значение, давая озлобленную полицейскую характеристику молодых рабочих-революционеров как людей «некультурных» и «весьма ничтожных в умственном отношении».

Но даже жандармы были вынуждены признать, что рабочий-революционер по своему политическому развитию быстро обгонял рядовую рабочую массу и становился ее руководителем в борьбе против царизма.

И именно об'единение этих рабочих-революционеров, создание партии рабочего класса, по указанию Ленина, являлось главной и основной задачей революционной социал-демократии. «Без такой организации,— писал Ленин,— пролетариат не способен подняться до сознательной классовой борьбы, без такой организации рабочее движение осуждено на бессилие, и одними только кассами, кружками и обществами взаимопомощи рабочему классу никогда не удастся исполнить лежащую на нем великую историческую задачу: освободить себя и весь русский народ от его политического и экономического рабства» [1].

М. Сыромятникова.

Циркуляр директора департамента полиции начальникам губернских жандармских управлений, 4 апреля 1901 г., № 1122.[2]

По примеру последних лет, действующие в пределах империи революционные группы разных оттенков заняты в настоящее время усиленной агитацией с целью подстрекательства рабочих ознаменовать в текущем году день 1 мая нового стиля (18 сего апреля) массовыми стачками и забастовками, а в некоторых местностях также устройством уличных демонстраций и шествий по наиболее людным улицам с распущенными красными знаменами и пением революционных песен, причем предполагается пред'явить от имени рабочих требования не только экономического, но и политического свойства, как-то: свободы сходок, забастовок, сообществ, слова, печати и, наконец, замены самодержавного образа правления — конституционным.

Так как подобные попытки в предшествующие годы завершались в большинстве случаев неудачей, то агитаторы озабочены ныне принятием всевозможных мер к обеспечению на сей раз успешного осуществления их предприятия и притом в небывалых до сего размерах. С этой целью подготовляется масса воззваний, предназначенных к самому широкому распространению среди рабочих, учащейся молодежи и сочувствующих революционному движению интеллигентов, а для привлечения к манифестации возможно большего числа несознательных участников, в виде праздного люда и любопытствующей публики, предполагается перенести празднование с 18 апреля, приходящегося в будний день, на одно из ближайших воскресений, 22, 29 апреля или 6 мая. При этом на случай насильственных действий со стороны полиции и войск участники демонстрации предполагают запастись ножами, кастетами и палками с свинцовыми набалдашниками.

В виду изложенного департамент полиции, озабочиваясь предотвра-

[1] Ленин, Соч., т. IV, стр. 58.

[2] Печатаемые ниже документы хранятся в Центр. архиве революции и подготовлены к печати Е. В. Горелкиной.— ДП., о. о., 1893 г., д. № 4, ч. 22, л. 108.

щением всяких попыток к устройству беспорядков, просит вас, м. г., буде во вверенном вашему наблюдению районе имеются организованные кружки, занимающиеся пропагандой среди рабочих, принять немедленно меры к скорейшему определению их состава, обратив особое внимание на лиц, могущих по своему направлению и по прикосновенности к революционной агитации вообще выступить в данном случае в качестве зачинщиков, руководителей и подстрекателей. По надлежащем выяснении все такие лица должны быть обысканы, арестованы и привлечены при вверенном вам управлении к расследованию в порядке положения о государственной охране, причем желательно, в видах устранения возможности агитаторам вновь сорганизоваться, чтобы день ликвидации был приурочен возможно ближе к 18 апреля.

Равным образом, в виду полученных указаний, что многие серьезные революционные деятели из провинции намереваются ко дню 18 апреля отправиться в столицы, департамент просит усилить наблюдение на вокзалах и в случае от'езда в Петербург или Москву лиц, известных вам по своему революционному направлению, извещать о том по телеграфу департамент полиции и подлежащего начальника охранного отделения.

Директор Зволянский.

Донесение начальника Петербургского охранного отделения в департамент полиции от 15 апреля 1901 г., № 174 [1].

Рабочий Владимир Сонин принес вечером 14 апреля в конспиративную квартиру по Шлиссельбургскому тракту образцы: 1) листка «Первое мая», издания Российской социал-демократической рабочей партии, 1901 г., отпечатанных на белом большом листе в типографии «Искры». Листок этот, начинающийся воззванием: «Долой царское самодержавие», призывает рабочих ознаменовать день 1 мая демонстрацией и пред'явить требования: «8-часового рабочего дня» и «политической свободы». В конце листка имеется заметка: «Этот листок составлен и издан от имени Российской социал-демократической рабочей партии С.-Петербургским, Одесским, Киевским, Николаевским и Харьковским комитетами партии и организациями «Южного рабочего» и «Искры» [2], 2) брошюры: «Майские дни в Харькове», типография «Искры», январь 1901 г.

По заявлению руководителей интеллигентов главный транспорт этих изданий будет доставлен для распространения во вторник, 17 апреля.

Полковник Пирамидов.

Доклад товарища министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского Николаю Романову, 1901 г. [3].

Беспорядки на Никольской мануфактуре акционерного Общества «И. А. Воронин, Лютш и Чешер»

Среди рабочих Никольской мануфактуры, еще с половины апреля сего года, начались разговоры о необходимости какой-нибудь демонст-

[1] ДП, о. о., 1898 г., д. № 5,ч. 6, л. 69.

[2] Оригинал указанной листовки хранится в Архиве революции под инв. № 10410. Текст ее без указания на составителей и издание и без указанных лозунгов опубликован в «Летописи Революции», 1923 г., № 4, стр. 237—240. Листовка эта была принята на конференции нескольких южных комитетов в начале февраля 1901 г.

[3] ДП, VI, 1902 г., д. № 7-а, л. 135—152. Публикуемый доклад, отпечатанный в типографии без подписи и даты, сохранился в деле как приложение к по-

рации в день 1 мая. В ночь на это число 500 ночных рабочих без всякой причины оставили работу и заявили управляющему фабрикой требование: 1) восьмичасового рабочего дня, 2) прибавки 30% к существующим расценкам и 3) устройства школы и больницы. Администрация ответила категорическим отказом.

Около 4 часов утра должна была заступить дневная смена, но стачечники не допустили ее к работам, и фабрика остановилась, причем рабочие держались спокойно. Увещевания прибывшего фабричного инспектора не имели успеха, и толпа не расходилась. Около 10 часов утра прибыл наряд полиции в составе пятидесяти городовых и отделения конно-полицейской стражи. При появлении сего наряда в толпе послышались крики: «Оставайся на месте, не расходись, крепко стой за народ и свободу!». Тем не менее через некоторое время рабочие стали расходиться, не производя беспорядков.

Засим весь день 1 мая прошел довольно спокойно, но забастовщики к работам не приступали. На другой день несколько усиленный наряд полиции, с 5 часов утра, наблюдал за началом работ на фабрике Чешера и соседних с нею, причем на большинстве этих фабрик было заметно сильное брожение. Часть рабочих хотела присоединиться к стачечникам, другие же, несмотря на желание приступить к работе, не решались на это, из боязни репрессий со стороны забастовавших.

В виду такого положения и желая обеспечить свободу действий благоразумных рабочих, полицеймейстер IV отделения около 11 часов утра вызвал к Выборгской части эскадрон жандармского дивизиона, усилив наряд полиции частью конно-полицейской стражи и полицейским резервом.

Благодаря этому Самсониевская набережная была настолько обеспечена, что все пожелавшие стать на работу начали таковую в 2 часа дня. Недовольные же рабочие, оттесненные от Самсониевской набережной, кинулись в ближайшие переулки в районе своих квартир, где и засели в домах и за заборами, захватив с собой камни из мостовой, кирпичи с производящихся построек, а равно и разные металлические предметы, взятые с фабрик; самая же большая толпа двинулась на взвод жандармов и отделение конно-полицейской стражи. Местный пристав повел конные части навстречу, с целью рассеять скопище, но из-за заборов и окон ближайших домов посыпался такой град камней, что испуганные и побитые лошади повернули назад, а пристав, отрезанный выскочившими из засады рабочими, едва спасся в выломанное окно пустой квартиры. Видя это, полицеймейстер спешил конный наряд и очистил таким образом дворы и квартиры, занятые бунтарями. Немного спустя, подошла вызванная ранее рота лейб-гвардии Московского полка, с прибытием которой порядок был окончательно восстановлен, и вся местность оцеплена войсками, причем задержано на месте беспорядка около 200 человек. Засим на всех фабриках были вывешены об'явления градоначальника с предложением приступить к работам 3 мая. Не ставшие на работы 3 мая были задержаны в количестве до 300 человек и высланы на родину.

О беспорядках 2 мая возбуждено судебное производство, но предварительное следствие еще не окончено.

В жандармском взводе получили ушибы камнями: 3 офицера и 23 нижних чина, из коих один — тяжелый.

становлениям состоявшегося 9 марта 1902 г. особого совещания министров, созванного по распоряжению царя от 27 декабря 1901 г., для обсуждения вопросов о полицейском надзоре на фабриках и заводах и об условиях быта рабочих. В деле имеется указание, что этот доклад составлен товарищем министра внутренних дел князем Святополк-Мирским (л. 3).

Обращаясь к изысканию причин, вызвавших описанные беспорядки, нельзя не признать, что главные требования рабочих не имели оснований: расценки на фабрике Чешера и других однородных с нею были понижены вследствие экономических причин еще в 1896 году и с тех пор не изменялись и не вызывали жалоб со стороны рабочих, требование же восьмичасового рабочего дня, как я убедился из расспроса большого количества мастеровых разнообразных типов, для них непонятно.

Из ознакомления с общими условиями работы на этой фабрике нельзя не признать их нормальными и не могущими вызвать какие-либо претензии. Таким образом следует придти к убеждению, что единственная причина беспорядков — подпольная агитация.

Переходя к оценке действий должностных лиц, нельзя не признать, что сведения о настроении рабочих до беспорядков были крайне ограниченны. Трудно предположить, чтобы означенный беспорядок, выразившийся столь определенно и в резкой форме, не был заранее подготовлен, а между тем у полиции не было надлежащих сведений для принятия предупредительных мер. Кроме того казалось бы, что 2 мая уже возможно было с утра озаботиться, чтобы волнения рабочих не возобновлялись. Для сего надлежало лишь обеспечить непокойный фабричный район достаточной полицейской или даже воинской силой.

Беспорядки на Обуховском сталелитейном заводе.

27 апреля сего года по разным мастерским Обуховского завода было разбросано большое количество «Рабочего листка», издаваемого «Комитетом рабочей организации» [1], в котором мастеровые настоятельно приглашались устроить 1 мая демонстрацию.

На другой день рабочие узнали, что по случаю отпуска начальника завода генерал-майора Власьева в исправление его должности вступит помощник его подполковник Иванов. К последнему рабочие уже давно питали неудовольствие за его требовательность, приписывая ему же и уменьшение расценок. В то же время стали распространяться среди мастеровых превратные толки о понижении поштучной платы, о выдаче на руки лишь половины заработка, об отмене обычных наград некоторым служащим к рождеству христову и св. пасхе. Молва приписывала и эти, будто бы, принимаемые меры тому же подполковнику Иванову. Чины местной полиции своевременно извещали заводоуправление о разных неверных толках среди рабочих.

1 мая, до полудня, все рабочие были на местах, а с обеда многие не явились; из числа последних небольшая часть получила увольнительные билеты, остальные же не пришли самовольно. Подполковник Иванов сообщил на словах местному приставу, что неявившихся на послеобеденные работы было 100—150 человек и что слух об окончательном увольнении с завода 800—1 000 рабочих неверен, так как предназначено к расчету всего 19 мастеровых, уже ранее замеченных в дурном поведении.

Из числа последних 10 человек были рассчитаны 3 мая, вследствие чего 70 их товарищей заявили, что «если уволили десять, то и они требуют себе расчета». Приказав заготовить просимый расчет, подполковник Иванов уволил сверх десяти еще 16 человек. Это распоряже-

[1] «Комитет рабочей организации» образовался в 1898 г. как продолжение Петербургской организации «рабочемыслецев» (литературной группы «экономистов», издававшей газету «Рабочая мысль»).

Характеристика «листков» «Комитета рабочей организации» дается в № 3 «Искры» в апреле 1901 г. в статье «Из партии» («Искра», изд. Истпарта ЦК ВКП (б), вып. 1, стр. 69—70).

ние, по мнению компетентных лиц, и послужило ближайшим поводом к забастовке 7 мая, завершившейся последующими печальными событиями.

В этот день, вскоре после полудня, мастеровые обратились к появившемуся на заводе генерал-майору Власьеву с просьбой — не поручать подполковнику Иванову исправление должности начальника завода. Генерал-майор Власьев старался успокоить рабочих и, не дав им определенного ответа, уехал.

Неудовлетворенные ответом генерал-майора Власьева рабочие почти во всех мастерских стали волноваться и около 2 часов дня начали оставлять работу, о чем было сообщено по телефону местному полицеймейстеру полковнику Палибину. В 3 часа мастеровые без ведома администрации силой заставили подать два тревожных свистка, а затем массами двинулись на Шлиссельбургский тракт, причем охранявший калитку сторож был отброшен и ранен одним из рабочих.

Предварительно описания дальнейшего хода беспорядков следует коснуться топографии местности по Шлиссельбургскому тракту. От села Александровского до Обуховского завода, по направлению к С.-Петербургу, с правой стороны улицы расположены жилые строения завода до переулка; далее идут жилые строения рабочих карточной фабрики, за которыми начинаются здания Александровского сталелитейного завода, разделенного проспектом на две половины. Подвоз материалов и угля в обе половины производится вагонами по узкоколейной железной дороге, которая для обеспечения движения по проспекту ограждена двумя шлагбаумами. Левая сторона того же тракта, против Обуховского завода и далее к шлагбаумам, застроена частными домами, в которых живут рабочие Обуховского и Александровского заводов.

На Шлиссельбургском тракте образовалась 4-х тысячная толпа, к которой примкнуло весьма много праздного народа и рабочих соседних фабрик. Заняв дворы и строения по обе стороны тракта и овладев обоими шлагбаумами, рабочие криками и бранью встретили прибывшие наряды конной и пешей полиции и жандармского эскадрона.

Чтобы рассеять буйную толпу, полицеймейстер со взводом жандармов направился к шлагбаумам; но лишь только взвод тронулся от завода, как из-за забора стали осыпать его камнями, а из верхних этажей карточной фабрики было сделано несколько выстрелов. Большинство лошадей закинулось, и команда расстроилась. Затем полковник Палибин два раза пытался проникнуть в ворота жилых домов карточной фабрики, причем был ранен острым камнем в голову и ушиблен в ногу. В наряд было вновь сделано несколько выстрелов, не причинивших, как и первые, никакого вреда.

Видя невозможность прекратить беспорядок силами полиции, полковник Палибин вызвал две роты Омского пехотного полка. Между тем до прибытия войск толпа, ободренная отступлением полиции, стала сама наступать, заметно увеличиваясь и продолжая бросать камни. К этому времени подоспела команда, расположенная на противоположном берегу Невы и состоявшая из матросов, командируемых на завод для ознакомления с изготовленными орудиями; 20 человек этой команды, в виду неспокойного состояния рабочих в столице перед 1 мая, были снабжены ружьями. Полковник Палибин приказал им открыть огонь. На первый и второй залпы, сделанные вверх, толпа ответила криками «ура» и смехом, а после третьего быстро разбежалась. Всего выпущено 71 пуля, причем в толпе убит 1 и ранено 8 человек, из них двое — тяжело. В полицейском наряде получили ушибы околоточный надзиратель и 11 городовых, из коих 7 — более серьезные.

Через полчаса рабочие, несмотря на испытанные потери, снова начали собираться, и даже было брошено в полицейский наряд несколько камней, но к этому времени подошли вызванные роты, и беспорядок прекратился. Арестовано 121 человек из числа обративших на себя внимание полиции... Завод по распоряжению начальства был закрыт.

9 мая генерал-майор Власьев приказал вывесить об'явление, что он вступил в должность и предлагает с 11 мая начать работы. Для переговоров с рабочими о их законных желаниях и причинах беспорядка предложено выбрать по одному уполномоченному из каждой мастерской. К этому об'явлению мастеровые отнеслись иронически, говоря, что власть, нуждаясь в рабочих руках, сама будет в них заискивать.

11 мая работы на заводе возобновились, а уполномоченные представили генерал-майору Власьеву требования рабочих, изложенные в 14-ти пунктах, а именно:

1) удалить подполковника Иванова с завода;
2) просить об освобождении арестованных 7 мая за беспорядки;
3) ввести день 1 мая в табельные дни праздников;
4) установить уполномоченных от мастерских для облегчения передачи начальнику завода личных просьб и жалоб мастеровых;
5) отменить сверхурочные работы ночные и праздничные;
6) учредить восьмичасовой рабочий день;
7) отменить правила, по которым мастеровые, получившие расчет, вновь поступают только лишь через 3 месяца;
8) повысить цеховую плату всем рабочим;
9) не изменять раз назначенную цену поштучной работы до окончания всего подряда; такое распоряжение вывесить на видных местах завода;
10) урегулировать штрафы за опоздание, как это сделано на других заводах;
11) подмастерьям вменить в обязанность обращаться с рабочими не так грубо, как до сего времени;
12) выдавать увольнительные записки безразлично — вперед и за прошлое число;
13) работающим в артелях поштучно рассчитывать пропорционально цеховой плате и
14) об'явить, в каком положении находится штрафной капитал.

Ожидая ответа, рабочие выражали уверенность, что «по примеру студентов, и им должны уступить» [1].

Соглашаясь удовлетворить требование мастеровых относительно учреждения уполномоченных, неизменения расценок до окончания подряда, урегулирования штрафов за опоздание, надзора за обращением подмастерьев, генерал-майор Власьев за разрешением вопросов о восьми-часовом рабочем дне, о праздновании дня 1 мая и об увеличении рабочей платы — обратился по просьбе депутатов к управляющему морским министерством. После этого на заводе было вывешено об'явление, что эти три просьбы вице-адмирал Тыртов передал министру внутренних дел; относительно же просьбы об освобождении арестованных рабочих начальник завода обещал просить с.-петербургского градоначальника.

Предварительное следствие о вооруженном сопротивлении на Обуховском заводе уже закончено, но будет слушаться лишь во второй половине сентября [2].

---

[1] Повидимому, имеется в виду отмена правительством введенных в июле 1899 г. «временных правил» о сдаче студентов в солдаты за «учинение скопом беспорядков».

[2] Дело разбиралось 24—27 сентября 1901 г. в особом присутствии Петер-

Работы на заводе продолжались до 7 июля, когда мастеровые снова забастовали по случаю возвращения подполковника Иванова из командировки; эта забастовка вынудила администрацию завода закрыть его. После увольнения около 150 наиболее беспокойных рабочих и об'явления, что требования мастеровых об увольнении подполковника Иванова не будут исполнены, на заводе 12 июля вновь приступили к работам.

Прискорбные события на Обуховском заводе, помимо многолетней внешней агитации, об'ясняются главным образом отсутствием надзора за рабочими и недостатками внутреннего распорядка в полицейском отношении.

Деятельность наружной полиции ограничивается наблюдением за рабочими лишь вне завода, так как, по настоянию заводоуправления, чинов общей полиции на заводе не имеется. Между тем администрация, повидимому, не имела сведений о том, что происходит на заводе. Так например: чертежники, кладовщики, браковщики и служащие по бухгалтерии, в числе более 300 человек, входят на завод без номеров. При таком порядке на завод являются разные неблагонадежные лица, и сама администрация приписывает беспорядки 7 мая воздействию интеллигентов, успевших проникнуть на завод. Несомненно, таким же путем распространяются среди рабочих и преступные издания, находимые в больших количествах по мастерским. При обнаружении подобных случаев заводоуправление весьма неохотно делилось сведениями с чинами полиции; даже о брожении среди рабочих 7 мая было сообщено местному приставу уже в самый разгар волнения, т. е. в такое время, когда предупредительные меры были уже неприменимы.

На заводе издавна существуют технические вечерние классы для взрослых рабочих, где бесплатно читает лекции, несомненно, неблагонадежная молодежь, в том числе и студенты. Вредное влияние этих классов ныне признает сам генерал-майор Власьев и предполагает осенью их более не разрешать [1].

В течение зимы устраиваются на заводе любительские спектакли, где происходит сближение молодых рабочих с учащимися высших учебных заведений, причем студенты являются иногда переодетыми в костюм рабочих. Вообще не подлежит сомнению, что пропаганда на Обуховском заводе сделала значительные успехи...

Обращаясь к действиям администрации завода во время происходивших в мае месяце волнений и беспорядков, нельзя, к сожалению, не признать, что таковые были несколько слабы. Удовлетворение большей части претензий рабочих и некатегоричный отказ в явно незакон-

---

бургской судебной палаты с участием сословных представителей при закрытых дверях. Обвинительный акт по делу о «майских беспорядках на Обуховском заводе» был опубликован в № 9 «Искры», октябрь 1901 г. («Искра», изд. ЦК ВКП(б), вып. II, стр. 30—36). Арестованные участники были судимы с исключительной строгостью: из 37 человек оправдано 8, остальные приговорены были к каторге от 4 до 6 лет, к арестантским ротам—от 4 до 5 лет и к тюремному заключению. Несовершеннолетняя Марфа Яковлева приговорена была к 3 годам тюрьмы, а все другие несовершеннолетние—к 1½ годам тюрьмы. (Приговор по делу опубликован в сборнике «Обуховская оборона в 1901 г.», состав. П. Ф. Куделли, изд. Ленинградск. истпарта, 1926 г., стр. 44—67. Там же, стр. 71—72, опубликована и листовка по поводу приговора, выпущенная в октябре 1901 г. Петербургским комитетом РСДРП.)

[1] Н. К. Крупская и ряд других членов Петербургского союза борьбы были учителями в технической и воскресной школах для рабочих по Шлиссельбургскому тракту (в Петербурге) в 90-х годах и вели революционную работу среди рабочих.

ных требованиях с об'явлением, что они переданы на рассмотрение совершенно чуждого ведомства, не могли не вызвать в среде рабочих сознания своей силы и пригодности самоуправных протестов.

Что же касается действий полиции, то за неполучением в свое время сведений о происходящем на заводе, она лишена была возможности заблаговременно принять соответствующие меры, для быстрого подавления беспорядка в самом его начале.

Беспорядки на Невском судостроительном заводе.

12 мая, в 11½ часов утра, рабочие пароходо-механической мастерской Невского судостроительного завода самовольно прекратили работы, причем некоторые из них бросились по другим мастерским, принуждая всех бастовать. Большинство мастеровых, опасаясь насилий, но не желая принимать участия в стачке, разошлись по домам.

Названная мастерская и часть примкнувших к ней молодых рабочих из других цехов потребовали сокращения рабочих часов, обращения заводской лавки в общественную на паях, устройства ссудо-сберегательной кассы для рабочих и отмены штрафов за опоздание на десять минут утром и после обеда Администрация завода тотчас согласилась уменьшить рабочий день на полчаса, ограничив его десятью часами, остальные же требования обещала представить в правление.

На другой день мастеровые своевременно приступили к работе, но, по об'явлении им через выборных о решении заводоуправления, они потребовали убавить работу еще на полчаса, и, когда им было отказано, все ушли с завода. 15 мая снова все явились в мастерские и небольшая часть взялась за работу, но, как и накануне, часть молодежи стала угрожать работавшим, вследствие чего все рабочие вышли из мастерских во двор. Переговоры с прибывшим фабричным инспектором, убеждавшим их приступить к работам, не имели успеха, и мастеровые ушли с завода.

16 мая на заводе было вывешено об'явление градоначальника с требованием приступить к работе 17 мая или получить расчет. Таким образом 17 мая работы на заводе возобновились и продолжались до 6 июня, когда рабочие вновь забастовали, недовольные отказом в их требованиях. Вследствие такого упорства завод был закрыт, и все рабочие рассчитаны. После сего, администрация завода приступила к новому найму рабочих, но уже не принимая мастеровых, замеченных в неодобрительном поведении. 22 июня работы начались лишь в некоторых мастерских, а с 1 июля были в полном ходу.

Невский судостроительный и механический завод до недавнего времени принадлежал разным акционерным компаниям и при постоянной смене администрации был доведен до крайней степени распущенности и своеволия как мастеров, так и рабочих. Такое состояние завода отразилось неблагоприятно на качестве его изделий, и за последнее время администрация установила более строгий контроль над мастерами и рабочими в лице вновь учрежденных должностей корабельных инженеров. Новый порядок вещей не понравился мастеровым, привыкшим работать небрежно, и противоправительственная агитация, конечно, не упустила случая этим воспользоваться, подстрекая рабочих к стачке. Забастовка на заводе не перешла однако же в беспорядок, и рабочие держали себя сравнительно сдержанно; поэтому можно предполагать, что если бы на первое их заявление скопом они получили категорический отказ с указанием на незаконность формы обращения, стачка не имела бы места.

Беспорядки на Александровском механическом заводе Николаевской железной дороги.

17 мая в вагонных мастерских Александровского механического завода Николаевской железной дороги еще с утра замечалось волнение, а после обеденного перерыва на работы явилась только половина мастеровых. Остальные собрались толпой за воротами и пред'явили требования: прекращения личного обыска при выходе из мастерских, окончания работ в кануны праздников часом раньше, увеличения заработной платы и другие, менее значительные.

На другой день стачечники силой принудили большую часть рабочих примкнуть к забастовке, причем достигалось это бросанием камней в окна мастерских, где еще продолжалась работа. Подоспевший наряд полиции разогнал буянов, мастерские же, по распоряжению начальника Николаевской дороги, были закрыты до 23 мая.

21 мая на заводе было вывешено об'явление, что начальник дороги, соглашаясь удовлетворить просьбу мастеровых об отмене обыска и некоторые другие, вопрос о сокращении работ накануне праздников представит на разрешение высшей инстанции.

Такая поспешность в удовлетворении просьб рабочих, заявленных не только скопом, но и сопровождаемых буйством, не может быть оправдана, так как убеждает рабочих в практичности стачек. Если какое-либо требование рабочих, как например, отмена личного обыска по выходе из мастерских,— могло быть так легко удовлетворено, то почему это не было сделано ранее, если осмотр бесцелен для дела и обиден для рабочих.

Беспорядки на Балтийском судостроительном заводе.

28 мая утром рабочие механической мастерской Балтийского судостроительного завода заявили помощнику начальника оного инженеру Павлову, что они недовольны заведывающим мастерской и сверх того требуют общей прибавки заработной платы. В тот же день начальник завода генерал-майор Ратник получил анонимное письмо с жалобой на неравномерную прибавку платы и с просьбой распределить ее на всех. Помимо этого, просили уволить инженера Павлова и несколько других лиц из администрации и установить восьми-часовой рабочий день. Приказав доставить сведения о сделанных прибавках платы за последнее время, генерал-майор Ратник об'явил 29 мая выборным годовым депутатам, что таковая прибавка уже была сделана более, чем половине рабочих, и что увеличить плату всем без исключения он не имеет права.

30 мая до обеда работы на заводе шли своим порядком, но в 3¼ часа пополудни механический цех внезапно забастовал, и мастеровые в количестве около 600 человек собрались во дворе. Часть их направилась по остальным мастерским и, угрожая камнями и ножами, требовала прекращения работ; другая же часть буянов пыталась прорваться к эллингу строившегося броненосца «Император Александр III», но была удержана командой матросов под начальством лейтенанта Реммерта.

Генерал-майор Ратник по желанию рабочих вышел к толпе, спокойно собравшейся во дворе, и предложил выбрать депутатов, которые могли бы определенно высказать ему желание большинства. Однако же, опасаясь обоюдного побоища между рабочими, начальник завода приказал дать свисток к их выходу.

Местной полиции было сообщено о начавшемся беспорядке в 3½ часа, и вскоре прибыл к заводу полицеймейстер подполковник барон Нолькен с 30 городовыми. Наряд этот никаких мер по своей малочисленности не предпринимал, и полицеймейстером вызваны были по телефону отделение конно-полицейской стражи и рота Красноярского пехотного полка.

Между тем бушующие рабочие, выйдя из завода, разбились на три группы и стали ломать заборы и бить стекла на писчебумажной фабрике Паллизена и на заводах Пульмана и проволочно-гвоздильном. В это время прибыли вызванные части, и порядок к 5 часам был восстановлен.

31 мая с 5 часов утра вблизи завода был сосредоточен усиленный наряд пешей и конной полиции с эскадроном жандармского дивизиона. День этот прошел относительно спокойно. Мастеровые собрались на завод, но не работали. К ним вышел генерал-майор Ратник и призвал к себе выборных от цехов.

По пред'явлении выборными требований рабочих генерал-майор Ратник обещал часть претензий удовлетворить, по остальным же, как от него не зависящим,— дать ответ впоследствии...

1 июня были приняты те же полицейские меры охраны, как и накануне.

Рабочие собрались в урочное время на завод и разошлись по своим мастерским, но к работам не приступили. Они заметно волновались и выражали неудовольствие на то, что им не об'явили обещанного решения начальника завода. Немного спустя, они с шумом и свистом вышли во двор, желая говорить с генерал-майором Ратником и требуя освобождения своих товарищей, арестованных в ночь на 31 мая по указанию администрации завода.

Тем временем было написано от имени начальника завода об'явление, которое, как особенно характерное, позволяю себе привести в подлиннике:

«По различным пунктам просьб мастеровых, переданных мне вчера 31 мая их выборными, по которым я словесно давал об'яснения выборным, часть, касающаяся упорядочения расценок, устранения указателей из задельных работ, восстановления хорошего обращения с мастеровыми, переиспытания учеников, срочности до полугода пребывания без права перевода в мастерские, прибавления содержания многим малоплатным мастеровым, остававшимся продолжительное время без прибавок, и устранения некоторых особенно вооруживших своим обращением с мастеровыми лиц от дальнейшего общения с рабочими—мной будет, согласно словесных обещаний, исполнено, в пределах справедливости, а по другим частным жалобам — рассмотрено и по мере основательности налажено. Но на все это требуется некоторое время работы, свободное от отвлечений нынешними волнениями.

По отмене обыска при выходе из завода, я должен войти в более подробное рассмотрение мер к устранению под надзором самих мастеровых злостного выноса заводского имущества.

По остальным вопросам общего характера, как-то: поголовная прибавка жалованья мастеровым и рабочим, введение восьми-часового труда и другим, не подлежащим моему решению, на-днях будет изложено в письменном моем докладе, который будет передан другим высшим властям. Начальник завода К. Ратник. 1 июня 1901 года».

Об'явление это не удовлетворило рабочих, и они продолжали шуметь, снова требуя освобождения арестованных товарищей.

Около 8 часов утра было составлено другое об'явление о том, что ге-

нерал-майор Ратник «вследствие настояния мастеровых» переговорил по телефону с подлежащими лицами об освобождении арестованных, но градоначальник ответил, что они могут быть освобождены только по окончании следствия. Полицеймейстер убедил администрацию в нецелесообразности подобного сообщения, и оно не было вывешено.

Рабочие между тем вновь разошлись по мастерским, производя везде разгром, а в судостроительную мастерскую ворвались рабочие другого цеха и тяжко избили находившихся там мастера и двух указателей.

По мнению генерал-майора Ратника, это последнее буйство приняло большие размеры исключительно по отсутствию на заводе вооруженной силы. С прибытием же двух полурот 14 флотского экипажа рабочие успокоились; тут же было об'явлено о закрытии завода и увольнении всех рабочих, после чего они постепенно разошлись.

После нового найма мастеровых завод возобновил работы 12 июня.

Дело о беспорядках на Балтийском заводе разрешено в административном порядке, причем 21 человек высланы на родину, под гласный надзор полиции, а 340 человекам воспрещено жительство в Петербурге на один год.

Происходившие на Балтийском заводе беспорядки менее всего можно об'яснить неудовлетворительным положением мастеровых. Следовательно и здесь необходимо притти к убеждению, что требования рабочих и беспорядок явились плодом усилий все той же агитации. Это подтверждается и заявлением самого генерал-майора Ратника, да оно ясно вытекает и из характера самых требований, вроде восьми-часового рабочего дня, увольнения нелюбимых должностных лиц и освобождения арестованных товарищей.

Повидимому, агитация прочно утвердилась среди рабочих и этого завода; к сожалению, даже среди служащих есть лица не вполне благонадежные, о коих в настоящее время производится расследование в порядке положения о государственной охране.

Разбирая действия должностных лиц, нельзя не вывести заключения, что генерал-майор Ратник слишком был уверен в своем влиянии на рабочих. Быть может, к этому и были некоторые основания, что и доказывается появлением его среди буйной толпы; но если бы начальник завода менее полагался лично на себя, он, конечно, заранее принял бы надлежащие меры охраны, не дав затянуться беспорядкам на несколько дней.

Кроме того, недостаточная твердость в ответах генерал-майора Ратника рабочим внушила им опасные понятия о их силе: об'явление же мастеровым, что вопрос о восьми-часовом рабочем дне будет передан высшей власти, следует признать уже вполне неуместным.

Что касается действий полиции, то таковой в вину могло бы быть поставлено лишь допущение разгрома близлежащих заводов 30 мая; но это об'ясняется поздним получением сведений от начальства Балтийского завода и недостатком времени для сосредоточения соответственного наряда.

Изложив некоторые частные поводы к беспорядкам на отдельных заводах и фабриках, осмеливаюсь представить вашему императорскому величеству вытекающие из расследования общие причины, могущие оказывать влияние на возбуждение рабочих.

В ряду таких причин важнейшей необходимо признать неустанную работу революционных элементов. Поставив себе конечной целью создать из рабочих организованные массы для борьбы с правительством за осуществление своих идей, агитаторы, к сожалению, значительно

в этом успели. Систематически ведя свою пропаганду, они, как видно из дознаний о государственных преступлениях, образовали среди наших юношей-мастеровых вполне законченный вид [1] революционера-рабочего, правда, далеко не культурный и весьма ничтожный в умственном отношении.

Пользуясь всеми удобными способами для воздействия на рабочую молодежь, революционеры обратили особое внимание на всякого рода просветительные учреждения для рабочих, и при содействии неблагоприятных условий столицы в последние три-четыре года из добродушного русского парня выработался своеобразный тип полуграмотного интеллигента, почитающего своим долгом отрицать религию и семью, пренебрегать законом, не повиноваться власти и глумиться над ней. Такой молодежи, к счастью, имеется на каждом заводе еще немного, но эта ничтожная горсть террористически руководит всей остальной инертной массой вполне легальных рабочих.

Признавая главной причиной беспорядков на заводах в С.-Петербурге противоправительственную агитацию, я не могу не отметить, что в самой жизни рабочих есть немало условий, облегчающих пропагандистам их разрушительную деятельность. Главнейшим из таких условий представляется совершенная необеспеченность мастеровых с наступлением старости или за неспособностью к работе по болезни.

Простой русский человек, за редкими исключениями, не склонен к сбережениям, особенно в виду соблазнов городской обстановки. Поэтому было бы весьма желательно устройство разного типа ссудо-сберегательных касс; последние, конечно, должны быть под строгим контролем правительственной власти. Было бы еще лучше, если бы впоследствии можно было перейти на обще-государственное страхование рабочих при участии работодателей.

Министерство финансов коснулось вопроса обеспечения рабочих и составило проект «кассы вспомоществования рабочим при временной потере трудоспособности вследствие болезни», но дело это нуждается в дальнейшем развитии. Имущего и обеспеченного в будущем мастерового уже труднее подвинуть на какой-нибудь легкомысленный и рискованный шаг

Из жалоб рабочих на условия их труда обращают на себя внимание отношения к ним низших служащих заводоуправления. Не говоря о мастерах и их помощниках, всякий старший, поставленный над рабочим, может по своему произволу дать ему невыгодную работу или уменьшить заработок и, наконец, даже вовсе удалить его. Приносить единоличные жалобы рабочие не решаются, будучи не без основания уверены, что даже в случаях удовлетворения вполне справедливых жалоб, они все же в непродолжительном времени будут уволены.

Недостаточный надзор за низшими служащими как на частных, так и на казенных заводах, служит постоянным источником мелких неудовольствий мастеровых, что также благоприятствует агитации.

Было бы полезно предоставить рабочим право избирать из своей среды постоянных доверенных для переговоров с заводоуправлением или фабричной инспекцией. Просьбы и заявления, облеченые в законную форму, уже не имели бы тогда характера протестов, опасных для спокойствия. Порядок избрания таких доверенных, их права и обязанности должны быть определены подлежащей властью. Мера эта, по

[1] Так в подлиннике.

соглашению министерства внутренних дел и финансов, предполагается к осуществлению в ближайшем будущем.

Из бытовых условий жизни рабочих также заслуживают внимания их квартиры. Только помещения в домах, принадлежащих фабрикам и заводам, можно признать отвечающими требованиям гигиены и средствам мастеровых. Большинство же нанимает их у частных домовладельцев за крайне высокую цену, при полном отсутствии самых примитивных удобств, хотя бы для необходимого отдыха. Конечно, квартиры рабочих в С.-Петербурге все-таки лучше помещений большинства крестьян; но последние, оставляя избу, пользуются чистым воздухом деревни, чего столичные рабочие не имеют и в праздники. К тому же потребности рабочего в городе быстро повышаются, особенно в столице.

Устройство квартир при заводах и фабриках весьма желательно; оседлое помещение заставило бы рабочих более дорожить своим положением и в то же время облегчило бы надзор за их настроением и попытками внешних воздействий. К устройству мастеровых помещений стремится большинство заводоуправлений, но осуществление этого требует столь больших затрат, что оно возможно лишь в более или менее отдаленном будущем.

Неудовольствия рабочих, имеющих сравнительно небольшой заработок, иногда вызываются и постоянно возрастающими ценами предметов первой необходимости. Поэтому все мастеровые желают иметь свои заводские лавки, устроенные на началах потребительных обществ. Небольшое число подобных лавок уже существует, но цены их мало разнятся от вольной продажи. Сверх того, было несколько примеров ликвидации таких предприятий по недобросовестности приставленных к ним выборных лиц. Тем не менее, не следовало бы отказывать рабочим в устройстве названных лавок, при неудаче они сами убедятся в неосновательности их желаний.

Немалым пробелом в быту рабочих является, по их мнению, отсутствие низших школ при фабриках и заводах. Вынужденные отдавать своих детей в крайне отдаленные городские школы, они предпочитают их вовсе не учить до 12—14 летнего возраста, и дети, оставаясь без всякого надзора, уже в эти годы приучаются к разгулу и праздной жизни. Министерство финансов проектирует «технические и ремесленные мастерские и курсы», польза которых несомненна, но рабочие нуждаются в начальной школе, где их дети обучались бы только грамоте. Надзор за преподаванием в таких школах должен быть особенно строг, в виду постоянного стремления противоправительственных групп проникнуть в начальную школу.

Почти в той же мере необходимы рабочим и правильно организованные библиотеки. Жажда к чтению развилась у мастерового далеко не пропорционально тому печатному материалу, какой находится ныне в его распоряжении. Это главным образом и об'ясняет чрезвычайный успех нелегальных изданий... При невозможности критики читатели-рабочие принимают на веру всякие измышления подпольных авторов, и в этом заключается весь вред такой литературы. В противовес ей желательна для рабочих правительственная газета, в которой сообщались бы законоположения о фабриках и заводах, усовершенствования по технике различных производств, известия о состоянии промышленного рынка и так далее.

Из расспросов многих рабочих я убедился, что они находятся в совершенном неведении законов, ограждающих их права, и не знают, на-

пример, что взыскиваемые с них штрафы идут на составление капитала для выдачи пособий самим же рабочим.

Разобрав условия быта рабочих, могущие до некоторой степени порождать их неудовольствие, перехожу к тем недочетам в деятельности подлежащих должностных лиц, которые едва ли не более влияют на резкую форму беспорядков.

В этом отношении рельефнее всего представляется ненормальное положение местной власти, по закону ответственной за сохранение порядка и спокойствия в столице. Казалось бы, что власть, отвечающая за всякое нарушение порядка, должна об'единять в себе все условия как для предупреждения беспорядков, так и для борьбы с ними. Между тем чины фабричной инспекции, особенно же администрации казенных заводов, не поставлены по отношению к этой власти в положение, дающее ей возможность в должной степени влиять на их действия по обеспечению мирного течения фабричной жизни.

Что касается фабричной инспекции, то закон вполне точно указывает на подчиненность ее местной административной власти. Статья 48 устава о промышленности гласит, что «надзор за соблюдением на фабриках и заводах должного благоустройства и порядка возлагается на местное губернское начальство и осуществляется им при содействии губернского по фабричным делам присутствия, чинов фабричной инспекции и полиции».

На практике же установились совершенно иные отношения, частью по недостаточной требовательности губернской власти, отчасти же вследствие ошибочного понимания чинами фабричной инспекции, что принадлежность их к ведомству министерства финансов исключает, будто бы, всякую подчиненность губернаторам.

Для устранения этого, казалось бы, целесообразнее направлять все распоряжения министерства финансов, касающиеся взаимоотношений рабочих и фабрикантов к губернатору, который уже от себя принимал бы зависящие меры к их исполнению. Засим такому ненормальному положению способствует еще и совершенное устранение губернаторов от обсуждения вопросов, как например: о числе фабричных инспекторов, месте их пребывания и районе действий.

Еще более в неблагоприятных условиях, в смысле единения, находится высшая на месте правительственная власть с администрацией заводов, принадлежащих казне. Заводы эти сам закон устраняет от надзора губернской власти, возлагая однако же на нее самые существенные обязанности по прекращению всякого рода волнений на таких заводах. Это в интересах порядка не может быть допустимо. Власть, обязанная прекращать беспорядок, должна обладать в полном об'еме и всеми средствами для их предупреждения, а для этого представляется безусловно необходимым: промышленные предприятия всех ведомств подчинить губернаторам, поскольку это касается мер охранения порядка.

Затем самую форму прискорбных событий последнего времени в рабочей среде С.-Петербурга надо отчасти приписать безнаказанности явно противозаконных и буйных действий скопом. Из-за желания в начале беспорядков устранить поводы к ним, часто прибегают к удовлетворению некоторых требований рабочих, что внушает им уверенность в целесообразности такого способа заявлений. Независимо сего, наказуемость означенных преступлений является недостаточно строгой и быстрой. Так, например, только о трех беспорядках на заводах возбуждено судебное преследование, но ни одно из них еще не окончено,

остальные же разрешены в административном порядке высылкой части виновных в места их родины.

Удовлетворение насущных и возможных в пределах закона нужд рабочих до начала волнений и категорический отказ в требованиях, хотя бы и легальных с наступлением беспорядков, при строгой и быстрой репрессии несомненно убедят рабочих в невыгоде всяких своевольных выражений своего недовольства.

Относительно участия полиции в предупреждении и прекращении беспорядков представляется несколько весьма серьезных пробелов. Так, замечается недостаточное знакомство ее с настроением рабочих, благодаря чему она большей частью лишена возможности заблаговременно принять какие бы то ни было предупредительные меры. Затем по недостаточности состава полиции фабричные районы С.-Петербурга охраняются вообще весьма слабо; поэтому громадное большинство вполне благонамеренных рабочих не обеспечены от нападений своих товарищей, стремящихся путем насилий достигнуть нелегальных и неразумных целей. Наиболее чувствуется недостаточный состав полиции при необходимости быстрого подавления беспорядка в самом его зародыше. На обстоятельство это я дерзаю обратить особое внимание вашего величества, так как быстрота в прекращении всякого самоуправства толпы служит вернейшим способом борьбы с ним; между тем средства столичной полиции далеко к сему недостаточны.

Из рассмотрения ведомости о наряде с.-петербургской полиции усматривается, что в случае рабочих беспорядков может быть выслано, не нарушая правильного отправления постовой службы, лишь сто городовых. К этому надо прибавить еще около 150 человек конно-полицейской стражи и жандармский дивизион, также обремененных усиленными нарядами. Безусловно, средства эти весьма ничтожны, если принять во внимание, что лишь на одном Шлиссельбургском тракте сосредоточено свыше ста тысяч рабочих. В виду сего представляется вполне необходимым усилить состав с.-петербугской полиции учреждением полицейских резервов в фабричных районах столицы. Мера эта, конечно, вызовет большой расход, и могла бы быть заменена расположением войсковых частей в наиболее угрожаемых пунктах.

Приведя наиболее веские факторы в беспорядках, я вновь позволяю себе остановиться на главнейшем из них — преступной агитации. Систематическая и энергичная борьба с этим злом является в настоящее время вопросом первостепенной важности. Мерами органов, подведомственных министерству внутренних дел, постоянно ликвидируются активные революционные группы, из коих выбывают более или менее видные деятели, задерживаются массы подпольных изданий, а время от времени — и самые типографии. Но убыль тотчас же пополняется новыми силами, подготовленными к революционному делу в разных тайных «кружках саморазвития», «землячествах», «обществах помощи ссыльным и заключенным» и тому подобных.

Одним из действительнейших средств к распространению противоправительственных идей служат, по словам самих агитаторов, «воскресные школы», школы «Русского технического общества» и другие просветительные учреждения сего рода.

Политически неблагонадежные студенты и курсистки стремятся безвозмездно поступать в названные учреждения в качестве преподавателей, лекторов и библиотекарей. Самые школы находятся иногда под негласным руководством целого кружка неблагонамеренных лиц, члены коего, не принадлежа к официальному персоналу школы, читают лекции по вечерам. Такой порядок дает возможность лицам революци-

онной среды проникать в школы и знакомить слушателей со своими идеями. Более способных учеников они часто приглашают к себе или сами их посещают, успевая таким путем совершенно подчинить их своему влиянию.

Дознания последних годов свидетельствуют, что усилия революционеров не пропали даром, и, благодаря их стараниям, преступные учения пустили в школах для рабочих прочные корни, сделав из них открытые рассадники пропагандистов. Большинство агитаторов-рабочих и главарей разных стачек посещали эти школы, где под руководством так называемых «интеллигентов» усвоили себе противоправительственный образ мыслей, распространяя его потом с возрастающим успехом среди своих товарищей.

Для приведения означенных школ в соответствие их целям необходимо учредить фактический контроль за преподаванием, по возможности усилив религиозно-нравственное воспитание учеников. Преподавателей и других должностных лиц в школы следует выбирать из числа опытных педагогов, вполне благонадежных в политическом отношении, а доступ к преподаванию учащейся молодежи обоего пола совершенно прекратить.

Резюмируя все вышеизложенное, почитаю священным долгом всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, что попытки к беспорядкам на заводах и фабриках С.-Петербурга, несомненно, будут иметь место, так как зло пустило уже достаточно глубокие корни. Но вместе с сим смею высказать уверенность, что если рабочий будет знать о постоянном стремлении удовлетворить справедливые и законные его желания; если, с другой стороны, в нем будет уверенность, что посредством беспорядков он ничего добиться не может, а напротив всякое действие скопом, как противозаконное, будет тотчас подавлено, каких бы жертв это ни стоило; если наготове всегда будет достаточная сила действительно исполнить это в самый кратчайший срок; если высшая местная власть, т. е. градоначальник, будет поставлена в нормальное положение ко всем подлежащим органам заводоуправлений, и если полицейская охрана в столице будет доведена до размеров, вызываемых современными потребностями,— беспорядки примут минимальные размеры, которые не будут служить развращающим примером для массы благонамеренных рабочих.

К истории „Союза якутов“

Публикуемые ниже архивные документы из VII делопроизводства департамента полиции относятся ко времени разгрома царской властью революционного движения 1905 года. Революционное движение в Якутии,— как можно судить по многочисленным источникам,— приняло к началу января 1906 г. значительный размах, захвативший не только городское, но и наслежное — деревенское — население обширнейшего края. Однако помещаемые здесь документы — преимущественно телеграфная переписка местной влаги с центром — не дают общей картины движения. Исключительное внимание в них уделено лишь одной общественно-политической организации — «Союзу якутов».

Что это был за «союз» и какое место он занимал в движении 1905 г. в Якутии? Если судить по приводимой ниже переписке департамента полиции и якутского губернатора, царские чиновники сверху донизу приписывали «Союзу якутов» значение народной революционной организации. Об этом легко судить по той растерянности, которой отличаются донесения местного губернатора. Как местное, так и центральное начальство пугало то обстоятельство, что к «Союзу якутов» примкнули широкие круги деревенского населения, которое прибегло даже к практическому проведению в жизнь требований, пред'явленных «Союзом якутов» царскому правительству. Действительно, «Союзу якутов» удалось на определенный, исторический, хотя и крайне непродолжительный отрезок времени увлечь за собой довольно широкие круги городского и, особенно, наслежного населения. Однако по своей социальной и политической природе «Союз якутов» не мог явиться действительным выразителем интересов якутского крестьянства. По составу основного ядра этого «союза» и, особенно, его руководящей верхушки, первое место в которой принадлежало родовитому тойону из Дюпсюнского улуса Вас. Вас. Никифорову, а также и по тактике, которую Цк союза проводил, можно считать, что «Союз якутов» — это тойонская партия в национально-освободительном движении якутов.

Тойонат воспользовался развивавшимся революционным движением в крае в своих классовых интересах, стараясь опереться для успеха своего дела на якутские народные массы. Трудовая эксплоатируемая масса якутов терпела двойную эксплоатацию — русского царизма и тойонов. Назревавшая в трудящихся массах якутской деревни потребность избавиться от этой эксплоатации толкала ее на путь революции. «Союз якутов» выставив требования: 1) передачи всех земель края в собственность якутов, 2) самоуправления якутов без царской полиции и 3) национальное якутское представительство в Гос. думе, не раскрывал перед деревенскими массами, на каких основах, в каких формах будет якутский народ распоряжаться землей, как и кому будет дана земля. «Союз» в своем стремлении обеспечить себе господство над деревней и свободу от вмешательства власти, должен был выступить с общенациональными требованиями.

«Союз якутов» не успел и не мог пустить глубоких корней в народную толщу. Его влияние было кратковременным. К тому же главные участники «союза», члены ЦК, во главе с В. В. Никифоровым, были арестованы полицией и попали на скамью подсудимых.

Отходу трудовых масс якутского наслега от «Союза якутов» содействовало несколько обстоятельств, но решающим из них, наряду с глубокими классовыми противоречиями между трудящимися деревни и тойонатом, было усилившееся влияние в Якутии с 1906 г. с.-д. большевиков.

В Якутии большую роль среди рабочих, солдат, городских служащих и учащейся молодежи играла с.-д. группа «Маяк», оформленная в начале 1906 г. как местная с.-д. организация, в которой ведущую роль играли большевики. Большевикам приходилось в этой организации вести упорную борьбу с меньшевиками и, распространяя свое влияние на деревню, разоблачать тойонскую сущность «Союза якутов». Для этого разоблачения «союз» давал достаточно убедительный материал, открыто вступая в компромиссы с царизмом.

А пролетарская социалистическая революция 1917 г. и гражданская война, с огромной силой развернувшаяся на территории Якутии и втянувшая все местное население наслегов, окончательно поставили бедняцко-середняцкую, закабаленную тойонатом, якутскую деревню под руководство пролетариата и его партии.

М. Константинов.

Телеграмма директора департамента полиции якутскому губернатору, 8 января 1906 г.[1].

Комитет союза инородцев якутов, в составе Попова, Никифорова, Говорова, Афанасьева, Васильева, Аммосова, Артаманова, Слепцова, Готовцева, Скрыбинина, обратился к председателю Совета министров с телеграммой, заявляя, что союз не получил ответа на ходатайство о допущении представителя от якутов в Государственную думу и потому постановил требовать права избрания в Думу своего представителя, признания всех земель, находящихся во владении инородцев, а также казенных, монастырских и отведенных ссыльным — собственностью якутов, скорейшего введения земского самоуправления и передачи функций окружных полицейских управлений в заведывание самих инородцев. До удовлетворения этих требований союз приостанавливает платежи всех податей и повинностей. Министр внутренних дел приказал всех членов комитета, подписавших телеграмму, посадить в тюрьму, привлечь к ответственности и привести якутов к повиновению властям. О последующем телеграфируйте.

Директор Вуич.

Телеграмма якутского губернатора министру внутренних дел, 10 января 1906 г.[2].

Вчера вечером толпа около двухсот якутов ремесленников, черни, сформированная заранее, руководимая бывшими политическими —

[1] ДП., VII, 1906 г., д. №2, ч. 17, л. 3. Документ подготовлен Е. В. Горелкиной
[2] Там же, л. 245.

Олениным, Сабунаевым, Приютовым, вторглась[1] на заседание городской думы; поддержанная гласным Никифоровым, некоторыми другими, потребовала, чтобы дума сложила полномочия, как избранная порядком, не признаваемым народом. Гласные большинством голосов постановили отказаться от должностей, продолжив службу лишь до выбора новых всем населением города. Затем, та же толпа явилась на общественное собрание, желая присутствовать при обсуждении возбужденного на митингах вопроса о передаче земли во всеобщее пользование. Заседание было закрыто; толпа разошлась. Неожиданность появления, исчезновения толпы не позволили вызвать воинскую команду. Усиленная агитация, ведущаяся среди черни, особенно якутов, бывшими поднадзорными, некоторыми влиятельными инородцами, во главе с Никифоровым, дает основание ожидать дальнейших насилий. Полиция, состоящая из 20 городовых, бессильна, казаков мало, безоружны, деморализованы, совершенно ненадежны. Военную силу составляет лишь местная команда 130 человек, могущая уделить человек пятьдесят. Испрашиваю содействия немедленной присылке на подводах, ввиду наступления распутицы, хотя двух сот солдат при офицере, если возможно и пулемета. Начальник команды телеграфировал командующему войсками округа.

Губернатор Булатов.

Телеграмма якутского губернатора министру внутренних дел, 11 января 1906 г.[2].

Некоторыми из здешних инородцев, главным образом под влиянием якута Никифорова, образован союз, комитет которого прислал на днях телеграмму председателю Совета министров, пред'явив различные требования, до удовлетворения отказывается платить подати, повинности; влияние, видимо, распространилось на часть округа. Подати поступают очень слабо, принял меры понуждения, назначил расследование, но от арестов вынужден воздержаться по недостатку военной силы, до прибытия просимого подкрепления местной команды.

Губернатор Булатов.

Телеграмма якутского губернатора министру внутренних дел, 12 января 1906 г.[3].

Якутская тюрьма крайне ветха, тесна, совершенно переполнена, изоляция невозможна. Уверен, что арест, содержание здесь указанных в телеграмме директора департамента полиции десяти влиятельных в городе и округе инородцев вызовет массовое возмущение якутян и городской черни под влиянием агитации руководящих митингами оставшихся здесь бывших политических ссыльных, причем возможны нападение на тюрьму для освобождения арестованных и другие наси-

[1] Это «вторжение» в городскую думу не следует относить на счет деятельности «Союза якутов», хотя руководство последнего поддерживало его. Вторжение было организовано под флагом «Союза мелких торговцев», которым руководили оставшиеся в г. Якутске ссыльные народники. Об'единение мелких торговцев, домовладельцев, ремесленников и т. п. было вызвано непосредственно деятельностью высокоцензовой городской думы, в частности чрезвычайно тяжелыми арендными ценами за помещения на рынке и высокими налогами. Руководящая головка этого «вторжения» в городскую думу, Сабунаев, М. В., Оленин, П. В., Гаммерштадт, М. Я. и др. поплатились за свое участие в этой думской истории от 2 месяцев и до 1 года тюрьмы по суду.

[2] ДП., VI, 1905 г., д. № 2, ч. 17, л. 246.

[3] Там же, л. 6.

лия. Кроме ничтожных полицейских средств, могу рассчитывать, как телеграфировал, лишь на пятьдесят солдат. Не имея возможности предотвратить могущие возникнуть серьезные безпорядки, вновь ходатайствую о немедленном увеличении местной команды. Испрашиваю разрешения не подвергать комитет союза якутов аресту, передать дело судебной власти.

Губернатор Булатов.

Телеграмма министра внутренних дел якутскому губернатору, 13 января 1906 г.[1].

Имеющихся у вас войск [illegible] для водворения порядка и арестования зачинщиков. Предлагаю действовать силой оружия без всякого снисхождения. Прошу немедленно восстановить авторитет власти.

Министр внутренних дел Дурново.

Телеграмма якутского губернатора директору департамента полиции, 14 января 1906 г.[2].

Прошу сообщить распоряжение министра на телеграмму мою от 12 января о передаче дела союза якутов судебной власти без арестования.

Губернатор Булатов.

Телеграмма якутского губернатора министру внутренних дел, 15 января 1906 г.[3].

На телеграмму от 13 января доношу. Кроме представленных мной оснований, крайне затрудняюсь арестом комитета союза якутов с привлечением к судебной ответственности, потому что судебная власть может освободить арестованных, чем безусловно подорвется авторитет администрации. Поэтому вновь прошу разрешения направить дело прокурору без арестования. Ввиду же усиливающегося брожения тайной агитации, тревожного состояния населения и для поддержания авторитета власти, ходатайствую о введении в Якутске, округах Якутском и Олекминском положения усиленной охраны. Докладываю: подкрепление команды необходимо.

Губернатор Булатов.

Телеграмма якутского губернатора министру внутренних дел, 16 января 1906 г.[4].

Положение крайне серьезно. Улус в тринадцать наслегов, с населением свыше пятнадцати тысяч, с участием должностных лиц, присоединился к союзу якутов, открыл комитеты, отказался от сношения с полицией [от взноса] податей, натуральных повинностей; присоединяются другие улусы. Арестование десяти членов Якутского центрального комитета вызовет открытое восстание, к которому подготовляются, и насилия, защититься от коих, не только подавить, имеющимися силами решительно нельзя. Настоятельно необходима экстренная присылка войск ближайших команд, об'явление усиленной охраны. Доношу по совещании с прокурором суда.

Губернатор Булатов.

---

[1] ДП., VII, 1906 г., д. № 2, ч. 17, л. 7.
[2] Там же, л. 10.
[3] Там же, л. 247.
[4] Там же, л. 248.

Телеграмма министра внутренних дел якутскому губернатору 17 января 1906 г.[1]

Об'явление области на усиленной охране едва ли удобно. Прошу вас для водворения порядка принять все меры, какие считаете необходимыми, так как на основании общих законов имеете на то право.

Министр внутренних дел Дурново.

Телеграмма министра внутренних дел иркутскому генерал-губернатору, 17 января 1906 г.[2]

Прошу вас, если возможно, помочь водворению порядка в Якутской области.

Министр внутренних дел Дурново.

Телеграмма якутского губернатора министру внутренних дел, 19 января 1906 г.[3]

Шесть членов центрального комитета союза якутов арестованы; остальные находятся в округе; об аресте распоряжения сделаны. Достаточно полное дознание, по предложению прокурора палаты, передается судебному следователю.

Губернатор Булатов.

Телеграмма якутского губернатора министру внутренних дел, 23 января 1906 г.[4].

К союзу якутов присоединились в округе три полные улуса и часть наслегов остальных пяти. За отсутствием войска никаких средств привести к повиновению не имею; посылать за сотни верст небольшую местную команду, оставив город беспомощным, невозможно. Если судебная власть освободит арестованных, особенно главаря Никифорова, дело еще более ухудшится. Союз тайно поддерживают бывшие поднадзорные, особенно командированные императорским Географическим обществом Оленин, Сабунаев, Приютов. Без об'явления усиленной охраны арестовать, выслать их, также прекратить митинги не могу. Ходатайствую о немедленной присылке войска, появление которого отрезвит якутов.

Губернатор Булатов.

Телеграмма министра внутренних дел иркутскому генерал-губернатору, 21 января 1906 г.[5].

Не признаете ли возможным командировать в Якутск какого-либо генерала или полковника, который решительными действиями прекратил бы там смуту и арестовал виновных.

Полномочия этому лицу будут посланы немедленно по телеграфу, как только состоится назначение. О последующем прошу телеграфировать.

Министр внутренних дел Дурново.

---

[1] ДП., VII, 1906 г., д. № 2, ч. 17, л. 12.
[2] Там же, л. 13.
[3] Там же, л. 14.
[4] Там же, л. 250.
[5] Там же, л. 16.

Телеграмма якутского губернатора министру внутренних дел, 23 января 1906 г.[1]

Четыре члена комитета союза якутов при всех усилиях полиции еще не найдены в округе, видимо скрываются населением. Арестованные шесть просят прокурора палаты о выпуске из тюрьмы, вероятно будут освобождены. Это окончательно подорвет авторитет власти, развьет действия союза, поведет к полному неповиновению, может быть, к открытому восстанию, подавить которое даже при усиленной охране наличным малочисленным войскам невозможно.

Губернатор Булатов.

Телеграмма директора департамента полиции якутскому губернатору, 23 января 1906 г.[2]

На депешу 12 января. Министр просил временного генерал-губернатора Иркутска помочь, насколько возможно, водворению порядка в Якутске. В остальных благоволите руководствоваться данными вам указаниями.

Директор Вуич.

Телеграмма министра внутренних дел якутскому губернатору, 25 января 1906 г.[3]

Если арестованные члены комитета союза якутов получат освобождение от прокурора, продолжайте безусловно содержать их под стражей в порядке положения охраны. В видах устранения возможности побега или насильственного освобождения при первой возможности с соблюдением всех мер осторожности отошлите арестованных для содержания в тюрьме в Иркутск. Перед отправкой этих арестантов снестись с иркутским генерал-губернатором, которого вместе с сим телеграммой прошу выслать навстречу арестованным для сопровождения несколько вооруженных людей. Настоятельно требую с вашей стороны действий смелых, твердых.

Министр внутренних дел Дурново.

Телеграмма министра внутренних дел якутскому губернатору, 28 января 1906 г.[4]

Прошу вас действовать твердо и решительно и не стесняясь подвергать тюремному заключению для высылки в Туруханский край всех, оказывающих сопротивление вашим распоряжениям.

Дурново.

Доклад якутского губернатора министру внутренних дел, 13 февраля 1906 г., № 160.[5]

В дополнение к телеграфным донесениям моим по поводу образовавшегося в г. Якутске и округе его противозаконного союза инородцев, считаю долгом донести вашему высокопревосходительству, на основании данных, выяснившихся произведенным по этому делу полицейским дознанием, нижеследующее.

---

[1] ДП., VII, 1906 г., д. № 2 ч. 17, л. 249.
[2] Там же, л. 25.
[3] Там же, л. 26.
[4] Там же, л. 35.
[5] Там же, л. 262—272.

Мысль об образовании помянутого союза зародилась у основателей его, по всему вероятию, еще в конце октября или начале ноября минувшего года, во время с'езда в Якутске представителей от инородческого населения трех южных округов области (Якутского, Олекминского и Вилюйского), вызванных, по распоряжению иркутского военного генерал-губернатора, для участия в учрежденном под моим председательством особом совещании по вопросу о введении в области земских установлений; причем с уверенностью полагаю, что инициатива замысла в значительной степени принадлежала бывшим политическим ссыльным и государственным преступникам, в большом числе находившихся тогда в Якутске.

В донесении своем от 23 декабря м. г. за № 2161 я доложил уже вашему высокопревосходительству, в общих чертах, как отразилось на известной среде населения Якутска об'явление милостей, дарованных высочайшим манифестом 17 октября м. г., и какое значение имела в этом случае та масса политических ссыльных, которая, получив освобождение от надзора полиции и ссылки, наполнила город перед выездом своим из области.

С этим именно временем совпал и вышеупомянутый с'езд в Якутске на совещание о земстве представителей от городских, крестьянских и инородческих обществ.

К прискорбию, должен отметить, что население области, которому главным начальником края было предоставлено право избрать из своей среды представителей на совещание, отнеслось к этому важному делу крайне невнимательно и допустило, как оказалось, в составе своих представителей часть весьма неблагонадежных лиц, имевших близкое отношение к проживавшим в области государственным и политическим ссыльным и, несомненно, зараженным их противоправительственными идеями. Так в число представителей были избраны: от одной из волостей Олекминского округа занимающий в ней обязанность писаря, местный житель, освобожденный от надзора полиции, Родионов, от некоторых улусов Якутского округа инородцы Никифоров, Говоров, Попов (впоследствии члены центрального комитета союза якутов), от г. Вилюйска пользующийся дурной репутацией казак Корякин (бывший семинарист) и т. п. Затем часть представителей инородческого населения оказалась или совершенно не говорящей по-русски, или с трудом понимающей русскую речь, несмотря на категорическое требование мое, чтобы к участию в совещании были избраны лица, владеющие русским языком.

На первом назначенном мной заседании совещания представители от инородческого и крестьянского населения обратились с ходатайством о разрешении им, предварительно, в течение нескольких дней познакомиться со всеми относящимися к рассматриваемому вопросу материалами и существующим в Европейской России положением о земских учреждениях, что и было им разрешено, а на следующем заседании представители от инородцев и части крестьян, через уполномоченных своих Никифорова и Родионова, заявили совещанию, что, не зная или плохо понимая русский язык и стесняясь выражением своих мнений в совместных заседаниях с начальствующими лицами и представителями казенных ведомств, они не могут принять участие в общем совещании, а желают обсудить вопрос о введении земства на частных своих собраниях и представить свое мнение на обсуждение совещания в форме особого проекта, о разрешении чего и обратились уже с телеграфным ходатайством к главному начальнику края. Хотя лично я и члены совещания не находили приведенные доводы, заслуживающими уважения, о чем я и телеграфировал, в свою очередь, генерал-губерна-

тору, но главный начальник края признал возможным разрешить представителям инородцев выработать свой проект земских установлений, поручив мне продолжать совещания по этому вопросу с остальными представителями населения и казенных ведомств. Совещания представителей инородцев и отчасти крестьян происходили в частных домах недели две или три и результатом их явилось два проекта о земстве: представителей инородцев, почти буквально списанный с небольшими лишь изменениями с проекта, составленного с'ездом бурят Иркутской губернии, и некоторых представителей крестьян, также списанный с проекта общих положений о земстве в Сибири, составленного в Томске соединенными обществами: юридического при университете, сельского хозяйства Западной Сибири и др. Эти проекты представители от инородцев и крестьян представили от себя председателю Совета министров, а в копии генерал-губернатору и мне, заявив, что, исполнив таким образом свое дело, они считают уже излишним принимать участие в общих совещаниях с другими представителями от населения и казенных ведомств и раз'езжаются по домам.

Впоследствии обнаружилось, что на совещании представителей от инородцев приглашались в качестве сведущих людей и некоторые из находившихся в городе политических ссыльных, советами которых, вероятно, и пользовались составители проектов. Во время с'езда и совещаний по вопросу о введении земства получен был здесь, по телеграфу, высочайший манифест 17 октября. Под впечатлением всемилостивейше дарованной свободы слова, собраний и союзов и приносимых телеграфом, а затем и газетами, известий о событиях, происходящих в Европейской России и других частях Сибири, стали и в Якутске образовываться различные союзы и устраиваться собрания и митинги, руководимые главным образом наполнявшими город амнистированными политическими ссыльными. Не осталось чуждым этому общему настроению и инородческое население, особенно городское, находящееся под непосредственным влиянием некоторых из своих сородичей, имевших тесное общение с освобожденными поднадзорными. Бывшие на с'езде по вопросу о земстве представители инородческого населения развезли по своим улусам (главным образом по Якутскому округу, от которого было наибольшее число представителей) вместе с составленным на с'езде проектом о земстве и внушенные им в Якутске превратные идеи о дарованных свободах и, как я уверен, мысль о необходимости организовать общий инородческий союз для достижения различных прав и льгот. Таким образом почва была подготовлена.

Находящиеся в Якутске главные руководители с'езда инородцев, не теряя времени, сплотились в тесную группу и, при участии, конечно, оставшихся здесь бывших поднадзорных, составили ядро союза инородцев, вербуя в него все большее число членов; выработали представляемую при сем в копии программу, указывающую цели союза и способы действий его, и напечатали эту программу (в форме постановления) на гектографе в огромном количестве экземпляров для широкого распространения между инородческим населением. Постоянное общение между собой городских и проживающих в округе якутов, родственные их связи и раз'езды живущих в городе по разным улусам округа облегчали возможность приобрести себе соучастников и сотрудников даже в отдаленных, за несколько сот верст от города, улусах и наслегах, а начавшаяся с половины ноября почтово-телеграфная забастовка, совершенно отрезавшая область, почти на полтора месяца, от Европейской России и остальной Сибири, породившая различные нелепые слухи и вызвавшая в высшей степени тревожное состояние во всем населении, как нельзя более содействовала успешной деятельности аги-

таторов союза. Душой последнего явился инородец Василий Никифоров (частный поверенный), который, состоя гласным городской думы и членом общественного собрания и почти всех здешних обществ и частных учреждений, пользуется большим влиянием между сородичами как в городе, так и округе. Никифоров и еще девять городских инородцев, отчасти по сочувствию и сознательно, а некоторые, как оказалось, под влиянием других, составили в Якутске центральный комитет союза инородцев, привлекли к участию в союз, на собраниях в частных домах и простым подписанием прилагаемого в копии постановления, значительную часть городских инородцев, разослали своим единомышленникам и лично развезли по улусам массу тех же постановлений для привлечения в союз сельских инородцев и образования улусных и наслежных комитетов и, распространив, таким образом, действие союза почти по всему округу, послали 6 января известную вашему высокопревосходительству телеграмму председателю Совета министров с дерзкими требованиями, вытекающими из постановления о союзе, и извещением о прекращении, до исполнения их, взноса всех податей и повинностей.

Еще задолго до отправления этой телеграммы, в декабре месяце, как я доносил вашему высокопревосходительству, в городе стали циркулировать слухи, что населению, особенно инородческому, внушается мысль о возможности и необходимости прекратить всякие казенные платежи и не исполнять повинностей. Справки о количестве поступивших в казначейство податей и земских сборов в декабре (когда они здесь главным образом вносятся) удостоверили действительно крайне слабое поступление всех казенных платежей, а затем мне стало известно из частных источников, что приезжающие в город из улусов с податями инородческие старшины и сборщики, не являясь в полицейское управление, под влиянием Никифорова и других городских инородцев, уезжают обратно, не внося податей в казначейство [1]. Приказав точно проверить это, я вместе с тем поручил окружной полиции принять самые строгие и настоятельные меры понуждения инородцев к уплате податей. О телеграмме, посланной инородцами председателю Совета министров, я узнал дня через три, так как, по об'яснению начальника почтово-телеграфной конторы, согласно существующим телеграфным правилам, телеграфные депеши составляют строгую тайну и на выдачу засвидетельствованной копии с депеши должно последовать особое разрешение, за которым начальник конторы и обратился к начальнику почтово телеграфного округа. Истребовав однако ж пока не заверенную копию с телеграммы, я тотчас же распорядился производством дознания о союзе как в городе, так и в округе и донес об этом по телеграфу вашему высокопревосходительству. Вслед за сим я получил переданное в депеше директора департамента полиции приказание арестовать подписавших депешу членов комитета, привлечь к ответственности и привести якутов к повиновению властям.

Общее настроение населения как в городе, так и в округе было в то время весьма тревожно. Благодаря, усиленной тайной агитации, к союзу якутов примкнуло не только городское, но и разбросанное на сотни верст сельское инородческое население почти всех улусов округа. Инородцы без разрешения, по произволу, собирали улусные и наслежные сходы, избирали местные комитеты союза, отказывались от платежа податей и сношения с полицейскими чиновниками, прекратив отпуск под проезд их лошадей, даже за прогоны (один из земских за-

[1] Впоследствии, произведенным дознанием это вполне подтвердилось (Прим. в подлиннике).

седателей был таким образом задержан в улусе четыре дня)[1]; в городе циркулировали упорные слухи о вооружении якутов, что находило подтверждение в засвидетельствованном торговцами факте о настоятельном желании инородцев Никифорова и Попова (председателя центрального комитета союза) купить сто штук огнестрельного оружия, которое не было им продано за неимением разрешения полиции; со стороны бывших политических ссыльных, устроителей митингов, выражалось явное сочувствие инородческому движению и его руководителям, а поведение направляемой этими лицами толпы, состоявшей из черни и значительного числа якутов, проявилось дерзким вторжением в здания городской думы и общественного собрания[2]; вообще внешнее настроение, обыкновенно очень скромного, инородческого населения заметно изменилось, сделавшись независимым и даже вызывающим. При подобном положении дела вполне возможно было ожидать, что административный арест влиятельных инородцев, составляющих Якутский комитет союза, вызовет массовое возмущение инородцев и городской черни, под влиянием руководящих ею агитаторов, и попытки к освобождению арестованных из деревянной, ветхой и крайне тесной тюрьмы, переполненной, к тому же, уголовными арестантами. Для подавления могущего возникнуть крупного беспорядка в распоряжении администрации имеются, как я доносил, только ничтожный по численности состав городской полиции (в 25 человек), несколько десятков весьма ненадежных, почти невооруженных и необученных военному делу казаков здешней команды Якутского городового полка и 50—60 солдат местной команды, представляющей собой единственную военную силу. Если эти средства, в общей сложности, можно было считать достаточными для охраны города, то для прекращения массового беспорядка в округе, с инородческим населением свыше ста тысяч человек, не было никаких способов, так как уделить для этого хотя бы часть местной команды, оставя беззащитным город, не представлялось возможности.

В виду всего изложенного я счел долгом донести о таком положении дела вашему высокопревосходительству и ходатайствовать: 1) о скорейшем удовлетворении, обращенной еще в декабре к начальнику иркутской местной бригады, просьбы моей и начальника якутской местной команды об усилении состава последней, 2) об об'явлении временно в Якутске и округах Якутском и Олекминском положения об усиленной охране, которое дало бы мне бóльшие права и уверенность действий, и 3) о разрешении передать дело о союзе инородцев судебной власти, не арестуя комитет союза административным порядком. Это последнее ходатайство, возбужденное после об'яснения с прокурором окружного суда, имело в глазах моих весьма важное значение в том соображении, что арестованные по моему распоряжению члены комитета, с передачей дела судебному следователю, могли быть тотчас же освобождены из тюрьмы им же или судебным местом, с принятием какой-нибудь другой меры пресечения способов уклоняться от суда и следствия, а такой выпуск совершенно подорвал бы авторитет административной власти и содействовал бы укреплению и усилению беспорядков.

Вместе с тем однако же я сделал все подготовительные распоряжения к аресту и дальнейшим, в случае надобности, действиям.

---

[1] На судебном заседании по делу «Союза якутов» прокурор сообщил, что «заседателю Скретневу не давали в Вост.-Кангаласском улусе лошадей, и заседатель должен был пробыть в управе 5 дней под арестом».

[2] О чем мной доложено в донесении от 8-го с. февраля за № 143 (Прим. в подлиннике).

Получив 18 января указания о праве моем применить 29 ст. положения об охране, я приказал полиции в ту же ночь, одновременно, арестовать всех членов центрального комитета союза, с производством в квартирах их тщательного обыска, что и было вполне успешно исполнено. Арестовано было шесть человек, четверо же находилось в округе, почему арест их был поручен земской полиции. Вместе с тем были сделаны следующие распоряжения: в городе увеличен временно состав городовых, часть казачьей команды, живущей на заимках и по квартирам, получила приказание находиться наготове и вооруженной в полковом ее помещении, а остальная быть готовой по домам, местная команда также подготовлена на случай надобности; все чины земской полиции раскомандированы одновременно по улусам округа для розыска и ареста главарей союза, собрания инородческих сходок и пред'явления на них моего об'явления населению о противозаконности союза, ответственности за участие в нем, произведенном уже аресте членов центрального комитета и подавления беспорядка, в случае его продолжения, военной силой; такие же об'явления были опубликованы и в городе.

Меры эти и неожиданность ареста якутских главарей союза повели к весьма благоприятным последствиям, показавшим, что громадное большинство инородцев было вовлечено в союз влиятельными сородовичами и агитацией, шедшей из Якутска, и многие подписывали или прикладывали свои печати под постановлением о союзе, не зная или не понимая его содержания.

Вскоре же ко мне стали являться инородцы с письменными и личными выражениями раскаяния и отказом от участия в союзе, а затем, по мере действия чинов полиции в округе, делаемых ими раз'яснений на сходах, распространения моего об'явления и арестов еще нескольких из наиболее влиятельных агитаторов, инородцы начали составлять наслежные и даже улусные приговора, отказываясь от участия в союзе, обязуясь впредь не вступать ни в какие сообщества и исправно уплачивать подати и повинности. Вместе с тем начался и усиленный взнос податей в казначейство из всех улусов округа: с 18 января по 7 февраля поступило около 28 тыс. руб., а всего в январе внесено в подати и повинности по области свыше 37 тыс. руб., лишь на 9 700 руб. менее, чем в тот же месяц в минувшем году. Взыскание податей продолжается, и на это дело обращено мной самое строгое внимание полиции.

Произведенное полицией дознание о противозаконном союзе инородцев, признанное достаточно полным, передано было, через два-три дня после арестов, по распоряжению прокурора судебной палаты, судебному следователю, который признал возможным освободить из тюрьмы на поручительство двоих из числа арестованных членов комитета союза: инородца Готовцева и почетного гражданина Васильева (гласного городской думы и директора областного тюремного комитета). Из них первый, 22-летний молодой человек, избранный в члены комитета заочно и подписавший, по об'яснению его, телеграмму председателю Совета министров бессознательно, по настоянию других влиятельных лиц, вслед за тем, еще до производства дознания, письменно отказался от помянутой обязанности и всякого в союзе участия, которого в действительности и не принимал, а второй, принес чистосердечное раскаяние в необдуманном вступлении в союз, не только отказался от него, но и дал обещание склонять к тому же других сородичей.

Ввиду сего и признавая с своей стороны этих двух лиц совершенно не опасными и даже могущими способствовать восстановлению поряд-

ка, я счет возможным не заключать их вновь в тюрьму в порядке положения об охране.

За арестованием еще двух членов центрального комитета (находившихся при аресте остальных в округе) и двух членов союза, принадлежащих к числу наиболее серьезных агитаторов в округе, в настоящее время содержится в тюрьме восемь человек и намечены следователем к арестованию еще несколько из находящихся в округе главных, как выяснило дознание, распространителей союза.

Последние два члена центрального союза все еще скрываются в округе и, несмотря на усилия полиции, не разысканы.

Ходатайство арестованных об освобождении их из тюрьмы прокурором судебной палаты отклонено. Затем, как мне известно, они обращались с той же просьбой, по телеграфу, в Иркутскую судебную палату, но последняя, не удостоверившись представленными телеграфом же сведениями судебного следователя, потребовала от него представления постановлений его почтой.

Со своей стороны, я признаю крайне желательным, чтобы арестованные уже и имеющие быть арестованными главные инициаторы и руководители союза не были освобождены из тюрьмы впредь до судебного рассмотрения дела, при каковом условии можно надеяться, что искусственно созданный ими, видимо распавшийся ныне, противозаконный союз не возобновится.

Губернатор Булатов.

Проект программы союза якутов 1906 г.[1].

Мы, нижеподписавшиеся, собравшись... признали необходимым, в виду настоящих условий государственной и общественной жизни в России, образовать союз инородцев-якутов на следующих началах:

1) Союз инородцев-якутов имеет целью соединенными силами своих членов прочно установить свои гражданские и экономические права.

2) Для достижения этих целей союз обязан добиваться: а) признания всех земель, находящихся в пользовании инородцев, а также владеемых казной в виде оброчных статей, монастырями, церквами и ссыльными, поселенными по распоряжению правительства без согласия инородцев, собственностью самих инородцев; б) скорейшего утверждения положения о земском самоуправлении, выработанного всеми представителями инородцев Якутской области; в) предоставления права якутам иметь своего отдельного представителя в Государственной думе; г) немедленного уничтожения опеки полиции над инородческими общественными учреждениями и прекращения всякого сношения с ними администрации, предоставив такое сношение через особо уполномоченных лиц от всего инородческого населения впредь до утверждения земского самоуправления, с ассигнованием им содержания из сумм, платимых инородцами в губернскую земскую повинность на содержание областных и уездных управлений в сумме 4 666 р., на содержание исправников и других чинов полиции в сумме 4 550 р. и, наконец, запасных сумм в размере 10 509 р., а всего 19 725 рублей.

3) Способами, которыми союз может достигнуть удовлетворения своих целей, являются: а) пред'явление означенных выше требований местной и высшей администрации; б) отказ от всякого сношения с чинами полиции; в) отказ от платежа податей и повинностей.

4) Для руководства и об'единения деятельности союза избирается в г. Якутске центральный комитет, а в каждом улусе и наслеге, по мере образования достаточного числа членов, местные комитеты.

[1] М. Ю., III уг. отд., 1910 г., д. № 430, л. 8.

5) Число членов центрального комитета определяется общим собранием всех членов союза, а число членов местных комитетов — общим собранием членов союза данного района.

6) На обязанности центрального комитета — в особенности, и каждого местного — в частности лежит: а) созыв общих собраний членов союза; б) выполнение всех постановлений собраний; в) сношение со всеми лицами и учреждениями по делам союза; г) организация пропаганды задач союза среди населения путем командировок уполномоченных лиц и д) ознакомление населения с делами и задачами земского самоуправления.

7) На обязанности общих собраний союза инородцев лежит: а) организация взаимопомощи и самозащиты между всеми членами союза; б) изыскание средств и способов защиты каждого из своих членов от всякого притеснения и насилия, от посягательства на неприкосновенность личности и жилища и от имущественного ущерба и в) изыскание новых способов борьбы для достижения намеченных союзом целей.

8) Все постановления общих собраний членов союза принимаются простым большинством голосов.

9) Все решения общих собраний членов союза почитаются обязательными для каждого из его членов.

10) Во всех непредусмотренных в настоящих правилах случаях союз действует согласно указаниям общих собраний, а также общие собрания в случае необходимости могут изменять и дополнять настоящие правила.

11) Каждое лицо, подписавшее один экземпляр настоящего постановления, считается вступившим членом союза.

12) Членами центрального комитета избираются: 1) Афанасьев, Петр Алексеевич, 2) Васильев, Иван Гаврилович, 3) кандидатом к нему Артамонов, Василий Фомич, 4) Говоров, Иннокентий Степанович, 5) Готовцев, Николай Андреевич, 6) Никифоров, Василий Васильевич, 7) Аммосов, Иван Иванович, 8) Слепцов, Петр Вонифатьевич, 9) Скребыкин, Николай Николаевич, 10) Попов, Илья Алексеевич.

Отношение земского заседателя третьего участка Вилюйского округа Сунтарской народной управе, 6 февраля 1906 г. № 11 [1].

По частно полученным мной сведениям, числа 10 мин. января в Сунтарской управе был сход родоначальников и доверенных Сунтарского улуса, и на сходе этом была ими составлена петиция на высочайшее имя, коей они ходатайствуют, между прочим, об освобождении инородцев от уплаты ясака и о передаче в собственность их, инородцев, соляных источников (Кемпендийских и Бапинских) и золотых приисков. Вследствие сего предписываю управе представить мне в трехдневный срок копию означенной петиции [2] с подробным донесением, по чьему распоряжению или инициативе был собран сход и составлена помянутая петиция.

Земский заседатель 3 участка Вилюйского округа Горловский.

Общественный приговор.[3]

1906 года 16 февраля мы, нижеподписавшиеся, инородцы 2-го Мельжахсинского наслега Мегинского улуса, Якутского округа и области,

[1] ДП., VII, 1906 г., д. № 2, ч. 83, л. 11.

[2] Петиция, оригинал которой хранится в деле департамента полиции, ДП VII, 1906 г. № 2, ч. 83. лл. 8—10, опубликована в сборнике «100 лет якутской ссылки», изд. политкаторжан. 1934 г., стр. 242.

[3] М. Ю., III уг. отд. 1910 г., д. № 430, л. 152.

быв сего числа на общем своем собрании, имели обсуждение о наших нуждах, затронутых «союзом якутов» и пришли к следующему заключению.

1) В виду того, что якуты составляют основной и преобладающий элемент населения Якутской области, при своеобразном укладе жизни и быта, мы считаем необходимым иметь своего отдельного представителя в будущей Государственной думе.

2) В виду того, что при отводе якутских земель разным ссыльно-поселенцам и пр. происходят разорительные для нас притеснения в виде отводов, помимо нашего согласия, насиженных и лучших участков, носит довольно произвольный характер, мы считаем необходимым, чтобы земельный вопрос в нашей области высшим правительством был разрешен не в разорительной для нас форме.

3) В виду того, что мы якуты несем непосильные с нашим бюджетом разного рода и увеличивающиеся из года в год государственные подати и повинности и свои внутренние повинности, как денежные, так и натуральные, считаем необходимым для поднятия нашего экономического благосостояния, чтобы ныне взимаемая с нас по 12 коп. с ревизской души государственная подушная подать, давно уже отмененная в Европейской России и временно оставленная у нас в Сибири, была совершенно отменена в нашей области.

А посему определили возбудить ходатайство перед его высокопревосходительством г. председателем Совета министров: 1) о допущении в Государственную думу особого от нас якутов Якутской области представителя, 2) о неотводе лучших и насиженных участков без нашего согласия при наделении землей ссыльно-поселенцев и пр. и 3) об отмене подушной подати в Якутской области.

Что же касается до пунктов требований якутского союза, то мы пришли к заключению, что члены союза в своих основных пунктах требования коснулись наших насущных нужд, приведенных в этом приговоре, и во всяком случае не за это подверглись они каре. Мы думаем, что они посажены в тюрьму и отданы под суд по какому-нибудь несчастному недоразумению в связи с посланной ими на имя вашего высокопревосходительства телеграммой, опираясь на высочайший манифест от 17 октября 1905 г., каковой, может быть, неправильно поняли. Посему мы, внося подати и вполне подчиняясь общегосударственным законам и властям, высоко ценим высочайший манифест от 17 октября как гарантию всякой свободы и в том числе свободы личности, и на этом основании всепокорнейше просим ваше высокопревосходительство об освобождении лучших наших людей из тюрьмы и тем дать нам возможность встретить дарованную с высоты престола свободу не с печалью в сердцах, а с радостью.

Независимо от сего, всепокорнейше просим ваше высокопревосходительство о сем нашем ходатайстве повергнуть на милостивое благовоззрение его величества государя нашего и вместе с тем выразить его величеству нашу беспредельную благодарность по поводу дарования манифестом его величества от 17 октября общей гражданской свободы и новой зари жизни. В чем единогласно подписуемся инородцы якуты[1].

По безграмотству и по личной их просьбе за их руку приложил Иннокентий Пасельский.

В действительном составлении настоящего приговора подписавшимися лицами и в точности подтвердили в том 2-е Мельжахинское родо-

[1] Далее следует 134 фамилии якутов.

вое управление Мегинского улуса свидетельствуют 16 февраля 1906 г. старшины: Николай Корякин, Василий Пестерев, Яков Колесов, за писаря Иннокентий Пасельский.

Отношение иркутского генерал-губернатора министру внутренних дел, 18 апреля 1906 г., № 2797 [1].

В дополнение к сообщениям якутского губернатора от 20 минувшего февраля и от 12 февраля за № 160 [2], уведомляю ваше высокопревосходительство, что, по полученным мной донесениям от якутского губернатора, по арестовании главарей якутского союза и привлечения их к судебной ответственности последний распался; брожение же якутских казаков, о котором доносил губернатор, благодаря принятым мерам, в настоящее время прекратилось и в области довольно спокойно [3]. В обеспечение большей безопасности в Якутске, вследствие моего ходатайства, командующий войсками Сибирского военного округа назначает в Якутск полуроту стрелков с двумя офицерами, которая имеет быть отправленной по открытии навигации.

Дело о беспорядках в городе Якутске в настоящее время окончено следственным производством, виновные привлекаются к ответственности по 125 ст. уг. ул. За дальностью расстояния, требовать выезда военного суда в Якутскую область при очень ограниченном составе Иркутского военного суда и массе дел я не решился, а потому не признал возможным и ходатайствовать перед вами о предании виновных военному суду и передал дело прокурору судебной палаты для направления в нормальном порядке. Но если бы гражданским судом виновные были приговорены к такому наказанию, после отбывания которого они могут остаться на жительстве в г. Якутске, или же будут оправданы, то я признавал бы необходимым для окончательного успокоения области, воспретить, по крайней мере, главарям революционного движения, пребывание в г. Якутске и выслать их в северные округа области по моему усмотрению, на что испрашиваю вашего разрешения.

Исполняющий обязанности иркутского военного генерал-губернатора,
генерал-лейтенант Алексеев.

Прокламация 27 апреля 1906 г. [4].
Якутскому народу

5 января 1906 года образовался союз якутов, поставивший целью добиваться: 1) признания всех земель, находящихся в пользовании якутов, а также казенно-оброчных, церковных и отведенных ссыльным без согласия общества, собственностью самих инородцев; 2) скорейшего введения земского самоуправления на началах, выработанных представителями трех округов, и 3) предоставления якутам права избрания одного представителя в Государственную думу.

Избранный союзом центральный комитет за пред'явление вышеозначенных требований правительству 19 января был арестован, привле-

[1] ДП., VII, 1906 г., д. № 2, ч. 17, л. 386.

[2] Сообщения якутского губернатора от 20 февраля не обнаружено в делах департамента полиции, а сообщение за № 160 см. в публикуемом выше докладе якутского губернатора от 13 февраля за тем же № 160.

[3] Повидимому, речь идет о вышеописанных волнениях якутов в начале 1906 г. под руководством «Союза якутов», в состав членов которого входило несколько человек местной команды казаков.

[4] ДП., о. о., 1905 г., д. № 1255, ч. 9, л. 34.

чен к ответственности и заключен в тюрьму, где содержится до сих пор. Между тем, по последним телеграфным сообщениям, стало известным, что Государственным советом утверждено дополнительное положение о допущении в Государственную думу представителя от Якутской области. Таким образом одна из главных целей союза якутов достигнута, а достижение остальных двух в сильной степени будет зависеть от того, какой человек будет избран представителем в Государственную думу, насколько он будет разделять необходимость достижения намеченных целей и насколько умело и энергично будет добиваться их.

Поэтому обращаемся ко всем тем инородцам, которые сознают всю неприглядность настоящего своего положения, порождающего нищету и бедствие, и потому стремятся к скорейшему его улучшению, с предложением приложить все свое старание, всю свою энергию к тому, чтобы подготовить к избранию на предстоящих выборах в выборщики, т. е. которые в свою очередь будут выбирать представителя, таких лиц, которые действительно знают нужды и желания своего народа и заботятся о них и которые, собравшись вместе, могли бы подать голос за такого человека, которого они знают и на которого надеются, что он позаботится об их нуждах, а не за такое лицо, которое не дорожит интересами своего народа и готов предать их из-за личных выгод, как Иуда Христа. Местная администрация также, может быть, будет препятствовать избранию таких лиц, которых желает само население, как это делалось в России, но необходимо бороться с такими препятствиями и настаивать на своем. Нужно твердо помнить, что в настоящее время наступает такой момент, когда необходима борьба, без которой ничего не достигается. Уверенность в этом утешает и тех, которые томятся в тюрьме в борьбе за счастье своего народа.

Первые железные дороги в России

Развитие капитализма, быстрый рост промышленности и товарооборота поставили на очередь вопрос о новом виде транспорта. Впервые эта задача была разрешена в Англии. В 1814 г. по Киллингвортскому фабричному пути Дж. Стефенсон провел своею первою машиною 8 вагонов, нагруженных 30-ю тоннами угля каждый. Скорость движения равнялась четырем английским милям в час [1]. В 1815 г. на этой же линии ходило уже пять таких паровозов. Через 10 лет, 27 сентября 1825 г., на открытии железной дороги Стоктон-Дарлингтон [2] Стефенсон вел своим новым паровозом «Experiment» поезд из 34-х вагонов. Двадцать восемь вагонов были заняты четырьмястами пассажиров, а шесть — углем. Новый транспорт, столь необходимый для процветания развивающегося капитализма, был найден.

Англия, быстрее других европейских стран шедшая по пути капиталистического развития, своевременно оценила первостепенное значение путей сообщения в хозяйственной жизни страны. «Весьма остроумная система торговых дорог для Англии была предложена, и потом частью и выполнена, знаменитым инженером Тельфордом, с которого и начинается первенство Англии перед другими народами относительно дорог» [3]. В 1767 г. «цены на железо были так низки, что в рудниках Кольбрук — Дельских (Colebrook — Dale) из изготовленных больших масс чугуна придумали сделать полосы с отверстиями для гвоздей и покрыть ими одну из тамошних дорог [4] в ожидании случая более выгодного сбыта. Оказалось, что тяжесть, приводимая в движение по таким рельсам одною лошадью, до того значительна, а издержки на содержание этой дороги до того ничтожны, что решено было не только оставить ее и на будущее время, но устроить и другие, ей подобные» [5]. К 1825 г. в Англии было уже в ходу 29 таких конно-железных дорог с общим протяжением в 256 км. К этим путям нужно еще добавить 3 100 миль каналов с паровыми судами, и отмеченный выше, новый сухопутный паровой транспорт. Распространению последнего вначале несколько мешали интриги владельцев каналов, торгового флота, откупщиков шоссе и извозопромышленников [6], которые боялись конкуренции как в скорости, так и в дешевизне перевозок. Но, как говорит Маркс, «...революция в спо-

---

[1] Около 6½ километра. Английская миля = 1609 метрам.

[2] Протяжением в 40,2 км.

[3] Вебер, Общепонятное описание устройства железных дорог, их подвижного состава и управления ими в историческом, техническом, административном и статистическом отношениях, перевод под руководством И. Вишнеградского, СПБ, 1859, стр. 8.

[4] Англичане первые, еще в 1650 г., проложили по поверхности земли те деревянные рельсовые дороги, которые использовались ранее только под землею — в рудниках и копях. Наверно об этих дорогах и говорит автор.

[5] Вебер, цит. соч., стр. 11—12.

[6] Среднее годовое движение по шоссе в Англии в 30-х годах XIX в. составляло 358 миллионов пассажиро-миль и 60 миле-тонн товаров. Доход от этого движения составлял в среднем в год 20 500 тыс. фунт. стерл. См. И. Б. Розенфельд, Первая железная дорога в России. II, 1917, стр. 2.

собе производства промышленности и земледелия сделала необходимой также революцию в общих условиях общественного процесса производства, т. е. в средствах сношения и транспорта», так как «...средства транспорта и сношений, завещанные мануфактурным периодом, скоро превратились в невыносимые тормоза для крупной промышленности с ее лихорадочным темпом производства, ее массовыми масштабами, с ее постоянным перебрасыванием масс капитала и рабочих из одной сферы производства в другую и с новосозданными ею связями мирового рынка. Поэтому не говоря уже о парусном судостроении, претерпевшем полный переворот, в деле сношений и транспорта при помощи системы речных пароходов, железных дорог, океанских пароходов и телеграфов совершилось постепенное приспособление к способу производства крупной промышленности» [1].

Это было характерно конечно не для одной только Англии, и через 10 лет после первого рейса стефенсоновского «Experiment» железнодорожная сеть уже протянула первые нити своей паутины по территориям промышленных стран европейского континента и Америки.

Железнодорожная сеть в 1835 г. [2]

	Англия	Франция	Германия	Австрия	Бельгия	С.-Штаты
Протяжение железных дорог (с паровой тягой)	Около 200 км	149 км	6,04 км	198 км	20 км	1 283 км [3]

Результатом было развитие мировых торговых связей. Если в 30-х годах XIX в. сумма оборота английской внешней торговли равнялась 85,5 млн. фунт. стерл., то в 1842 г. оборот уже составлял сумму в 116 млн. фунт. стерл., а в 1855 г.—260 млн. фунт. стерл. Убедившись на блестящем опыте Стоктон-Дарлингтонской дороги в исключительных выгодах парового транспорта, Англия не упустила времени, чтобы не потерять денег и положения на международном рынке. «Поспешим, милостивые государи, поспешим: необходимо установить паровые сообщения от одного конца государства нашего до другого, если только Великобритания желает удержать на свете свое положение и свое первенство»,— говорил Роберт Пиль в 1834 г. на митинге в Тамфорте [4].

Передовые, «просвещенные», капиталистические страны Европы спешили с развитием «паровых сообщений». Железнодорожная горячка охватывала все

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 432—433, изд. 1934 г.

[2] И. Б. Розенфельд, цит. соч., стр. 17.

[3] Вот что писал об этих дорогах цитированный уже нами Вебер: «Ни в самой Америке, ни за границей не достало бы столько прочных и крепких рельсов, сколько требовалось здесь на колоссальные дороги; потому, пользуясь изобилием лесов, стали делать плоские легкие рельсы и прибивать их на целые системы продольных и поперечных деревянных лежней. Так образовалась американская система. Стали возводить деревянные мосты неслыханных доселе размеров, механический талант развился в народе до высокой степени и произвел прекраснейшие, сообразные потребностям, постройки новой формы. «Самое необходимое» и «вперед»,— вот два лозунга американских дорог, проявляющиеся везде и во всем» и «...в России, где железные дороги должны открыть источники богатства, способствовать настоящему развитию могущества и силы обширного государства,— всего бы лучше могла быть применена скорая и недорогая система американская». Вебер, стр. 47 и 49.

[4] Aug. Perdonnet, Traité élémentaire de chemins de fer, 1858, tome I, page 28. Цитирую по статье В. В. Салова, Начало железнодорожного дела в России 1836—1855 гг., гл. I, стр. 222 в журн. «Вестник Европы», т. II. См. о том же у Г. Цехановского, Железные дороги и государство, Киев 1869, стр. 7.

большие и большие круги дельцов. В это время, в 1835 г., российская крепостная монархия решилась допустить опыт применения этой «заморской затеи» в общественно-экономических и климатических условиях своей страны. Возможность использования железнодорожного транспорта в России должна была показать небольшая дорога от Петербурга до Павловска.

Приводимые ниже документы вскрывают тесную связь этого опыта с постройкой железной дороги от Петербурга до Москвы. Инициатива опыта принадлежала не правительству, а частной предприимчивости. Неблагожелательное отношение к железным дорогам многих членов правительства значительно усложняло проведение опыта. Нелегко было новому капиталистическому начинанию преодолеть косность крепостнического общества.

Первые сведения о рассмотрении в России проектов железных дорог относятся к 1804 г. 19 сентября этого года англичанин Фауген прислал из Лондона товарищу министра морских сил вице-адмиралу П. В. Чичагову проект чугунных дорог для перевозки тяжестей. Кроме описания, к этому проекту были приложены: модель чугунной дороги с повозками и части этой дороги в натуральную величину. Полученный материал П. В. Чичагов отправил графу Н. П. Румянцеву, бывшему тогда министром коммерции. Министр коммерции наряду с делами промышленности и торговли ведал и делами транспорта (тогда, главным образом, водного). Что было сделано с этим проектом,— неизвестно [1].

Через год, в 1805 г., было опубликовано составленное Л. Вакселем «Описание чугунной дороги, учрежденной в графстве Суррей в Англии», обратившее внимание русского общества на возможность существования железных дорог наряду с каналами [2].

В 1810 г. в Колыванском горном округе начала функционировать первая в России конная железная дорога протяжением в 1 версту 366 саж. По чугунным рельсам этой дороги одна лошадь доставляла со Змеиногорского рудника на завод три телеги с грузом в 500 пудов в каждой [3]. Этот факт в самой стране оставался мало известным. Казалось бы, дорога, устроенная на Колыванском заводе, принадлежавшем царскому кабинету, должна быть известной Александру I. Однако он как на новинку смотрел на демонстрируемую ему в 1816 г. инженером Жозефом Баадером в Мюнхене модель чугунной дороги, по которой маленькая собачка на шелковом шнуре свободно везла тяжесть в 350 фунтов [4].

С 1825 г. в русской периодической литературе начинают появляться статьи о чугунных дорогах. Так, в том же журнале, где описано демонстрирование модели дороги Александру I, на стр. 310 неизвестный автор пишет: «Может быть, мы доживем до того времени, что в самых просвещенных государствах Европы введены будут чугунные дороги и одержат верх над каналами».

В 1830 г. в промышленной газете «Северный муравей» была напечатана статья профессора физики Петербургского университета Н. П. Щеглова «О железных дорогах и преимуществах их над обыкновенными дорогами и каналами» [5], где автор разбирает выгоды применения этих дорог для России. Н. П. Щеглов писал,, что груз с одной баржи может быть доставлен из Твери в Петербург на шести хороших лошадях по «металлической» дороге в 10—12 дней, а по водным путям груз попадет оттуда в столицу или ее порт почти через год. Он отмечал, что по такой «металлической» дороге лошадь может провести в 20 раз боль-

[1] См. «Краткий исторический очерк развития и деятельности ведомства путей сообщения за 100 лет его существования 1798—1898 гг.», СПБ, 1898, стр. 23.

[2] И. Б. Розенфельд, Первая железная дорога в России, II, 1917, стр. 38, или же статьи в «Журнале путей сообщения»—1917, кн. I, II, III.

[3] См. ст. Н. П. Щеглова, О железных дорогах и преимуществах их над обыкновенными дорогами и каналами, газ. «Северный муравей», 1830 г., № 1 и 27.

[4] См. журнал «Сын отечества», 1825 г., т. 101, стр. 311.

[5] «Северный муравей», 1830 г., № 1—2.

шую тяжесть в 2½—3 раза скорее, чем по санному пути, и в 30 раз скорее, чем этот же груз будет следовать по водным путям.

В ответ на эту статью инженер Морис Дестрем в 1831 г. прочитал в институте путей сообщения публичную лекцию на тему «Об относительных выгодах каналов и дорог с колеями, и приложение выводов к определению удобнейшего для России способа перевозки тяжестей», где подчеркивал невыгодность железных дорог в сравнении с водным транспортом. Продолжая полемизировать на эту тему с профессором Н. П. Щегловым, М. Дестрем напечатал в «Журнале путей сообщения» статью «О неприменимости железных дорог к средствам и потребностям России [1]. Автор писал, что предпочтение железных дорог водным путям «по справедливости возбуждает удивление всех сведующих в искусствах людей».

Почти так же, как в Колыванском горном округе, прошел стороной и мало чем помог внедрению в России нового вида транспорта опыт железной дороги с паровой тягой на Нижне-Тагильском заводе Демидовых. В 1833 г. механик этого завода Михаил Черепанов со своим сыном построил небольшой «сухопутный пароход», который со скоростью 12—15 верст в час возил по чугунным «колесопроводам» повозку с 40 пассажирами и более 200 пудов груза. В том же году, совершенствуя новый паровоз, Черепановы построили следующий, который мог уже везти груз в 1 000 пудов [2].

Водные пути попрежнему оставались основными магистралями товарооборота стране. Учитывая это и превращая железную дорогу в подсобное предприятие для водного транспорта, статский советник Бестужев в 1834 г. подал главноуправляющему путей сообщения и публичных зданий проект устройства конножелезной дороги между Волгой и Доном. Дорогу эту автор проекта предполагал возможным устроить силами государства при поддержке дворянства, купечества и заводчиков с использованием труда казенных и удельных крестьян. Однако и этот проект, казалось бы, содействовавший дальнейшему развитию водного транспорта и импонировавший управлению путям сообщений, все-таки был оставлен без внимания [3].

В том же году, в «Журнале общеполезных сведений», издаваемом членом Вольно-экономического общества Наркизом Атрешковым, появились две статьи неизвестных авторов. В статье «О выгодах, доставляемых каналами, реками и железными дорогами для перевозки и сплава тяжестей» [4], указывалось, что, по расчетам французского инженера Флашета [5] лошадь по железной дороге может (в среднем) везти груз в 135 пуд., а по каналу (тоже в среднем)—3 125 пуд., и, таким образом, утверждалась безусловная выгодность водного транспорта. В другой статье «Чугунные дороги», с описанием их устройства в Англии, где «на всех почти дорогах чугунных устроены паровые машины, ходящие с едва вероятною скоростью, таща несколько фур одна за другою с огромным грузом», автор старается защитить значение и выгоды железных дорог [6].

При таких неблагоприятных для железнодорожного вопроса условиях, когда он никак не мог сдвинуться с места, появился в 1834 г. в России, по приглашению начальника штаба корпуса горных инженеров К. В. Чевкина, строитель и концессионер первой на европейском материке железной дороги между Дунаем

---

[1] «Журнал путей сообщения», 1831 г., кн. 21, стр 1—90. Эта же статья напечатана в сборнике сочинений Мориса Дестрема под заголовком «Mémoires sur divers objets à la science de l'ingénieur», СПБ, 1835 г., стр. 106—174.

[2] См. «Коммерческую газету», 1835 г., № 69 и 98; также И. Б. Розенфельд, Первая железная дорога в России, II, 1917, стр. 88.

[3] Боричевский, Предположения частных лиц об устройстве жел., дорог, поступившие в Главное управление пут. сообщения и публ. зданий до 1860 г., «Журнал путей сообщения», 1863 г.

[4] «Журнал общеполезных сведений», 1834 г., ч. I, стр. 52—54.

[5] «Connaissances utiles», 1833 г., № 2.

[6] «Журнал общеполезных сведений», 1834 г., т. I, стр. 307—309.

и Молдавою — Франц Антон Риттер фон Герстнер, профессор геометрии и землемерного искусства Венского политехнического института.

Обследуя горное дело на Урале, он ознакомился с огромной территорией страны и исключительно слабо развитой сетью ее путей сообщения. 6 января 1835 г. Герстнер подал Николаю I записку о пользе построения железных дорог в России.

Противники железных дорог постарались свести проект Герстнера об устройстве первой сети железных дорог в России к постройке в качестве опыта небольшой пригородной Царскосельской дороги, имеющей цель «как игрушки праздных: скорое и гладкое катание, воксал, пляска и песни цыган, потешные огни, роскошные явства и пития». Но доказать значение железных дорог для хозяйства страны эта пригородная дорога «из столицы в кабак», как говорил про нее Канкрин, конечно, не могла, и, как только новыми проектами поднимался вопрос о постройке больших магистралей, вновь вставали вопросы о их пользе и рентабельности. Единственно, что отпадали ссылки на неподходящие климатические условия, но и то частично, так как всегда указывалось, что небольшой 25-верстный участок очистить зимою возможно, но проделать это на пути в 500 верст будет крайне трудно и потребует очень больших затрат.

Таким образом, открытая в 1837 г. Царскосельская железная дорога почти не имела влияния на решение проблемы применения железнодорожного транспорта в дореформенной России.

Благоприятному решению этих вопросов помог не опыт пригородной дороги, а иные обстоятельства.

Во второй четверти XIX в. Россия втягивается в общую систему мировых капиталистических отношений. Значительный рост капиталистической промышленности, интенсификация помещичьего хозяйства, в целях приспособления его к расширяющейся торговле хлебом, связанный с этим рост товарооборота в стране — все это привело к необходимости решить вопрос о транспорте.

О росте товарооборота в стране свидетельствуют данные о количестве грузовых судов, прошедших по рекам и каналам: в 1825 г. таких судов было 23 749, а в 1844 г.— 59 069. Об этом же росте говорит и увеличение шоссейного сбора: в 1835—1839 гг. шоссейного сбора было получено 100,4 млн. руб. сер., а в 1840—1844 гг.— 271,7 млн. руб. сер.[1].

Однако этот рост был далеко не достаточен.

Дороговизна перевозок приводила к значительному сниженню сбыта. Так, перевозка железа с уральских заводов к местам спроса удорожала железо в несколько раз и делала его недоступным для мелкого хозяйства. В связи с малой подвижностью и дороговизной транспорта металлургическая промышленность России 30—40-х годов XIX в. начала терять внешние рынки. Падение же цен на железо в Англии почти совсем закрыло эти рынки для уральского железа.

Не лучше было и с хлебной торговлей. В 30—40-х годах XIX в. цена на рожь в Саратовской губ. была 98 коп. за пуд, а в Эстляндской губ. эта рожь, благодаря перевозкам, стоила уже 4 руб. 23 коп. Хлеб, который шел караванами с низовьев Волги, попадал в Петербург только через 7 месяцев, т. е. проходил две навигации. Такая медленность транспортировки сказывалась и на внешней торговле хлебом. Цены на хлеб на внешнем рынке были гораздо более подвижны, чем это было удобно русскому хлебному экспортеру. Хлеб, купленный в Симбирской губ. по 9 руб. 65 коп. за четверть, привезенный на второй год в Петербург, стоил купцу не менее 18 руб. четверть[2]. Везти же хлеб сухим путем такие

---

[1] Гулишамбаров, Итоги торговли и промышленности России в царствование имп. Николая I, стр. 24; Зябловский, Российская статистика 1842 г., ч. II, стр. 139—145.

[2] Тенгоборский, О производительных силах России, 1843—1854 гг., т. II, стр. 46 и сл.

порте в указанное время стоила 0,05, то сухопутная доставка с пудо-версты обходилась 0,20—0,45 коп. К тому же состояние дорог было таково, что извозчики, иногда из-за невозможности вывезти обозы из грязи, складывали грузы по обочинам дороги и уезжали по своим деревням. Купцам нередко приходилось разыскивать свои товары, сложенные грудами вдоль дорог в деревнях или городах [1].

Общая маломощность и отсталость транспортных средств влияла, таким образом, на дальнейшее развитие товарооборота в стране, а значит на оборот и рост капиталов. Медлительность в обороте капиталов была типичным явлением в крепостной России. Случаи, когда капитал имел более одного оборота в год, были исключением. Такие условия мало подходили для развивавшегося в стране капитализма. Необходимо было изменить если не всю систему хозяйства, то хотя бы систему транспорта и сношений. В поисках выхода из этого положения предпринимаются: дополнения системы каналов, постройка шоссированных дорог и, наконец, открытие пароходства по Неве и Волге. Но этого было мало. Передовая группа российских предпринимателей-капиталистов мечтала о новинке в области транспорта — железных дорогах с паровою тягой. Удачный опыт с Царскосельской железной дорогою окончательно убедил их как в возможности эксплоатации их в климатических условиях России, так и в безусловной выгодности. В связи с этим правительство стало получать разнообразные предложения по устройству железных дорог в России. Эти предложения облекались в форму «всеподданнейших записок» Николаю I, который отправлял их на рассмотрение в главное управление путями сообщений и публичных зданий.

В 1838 г., 21 марта, московскому генерал-губернатору кн. Голицыну было передано первое из таких предложений — проект Аг. В. Абазы. Автор его имел в виду постройку железной дороги от Петербурга до Москвы на акционерных началах. Эта записка была рассмотрена в специально для этого созданном комитете, где было решено не спешить с этим делом и наблюдать за тем, «какой будут иметь успех предпринимаемые ныне или предполагаемые в разных местах (за границей) работы сего рода» и что «между тем и способ устройства железных дорог усовершенствуется». Нужно сказать, что из всех поданных тогда предложений это было наиболее разработанным. В нем находим ряд ценных сведений по экономическому состоянию России того времени, а также довольно полную картину о положении торговли в стране. По сравнению с этим проектом все последующие стояли много ниже и были значительно менее обоснованы.

Проект отставного поручика Антона Голиевского [2] рисует целую сеть первоначальных железных дорог, связанную с интересами внешней и внутренней торговли страны. Главною магистралью являлась прямая линия между Петербургом и Одессою (минуя Москву). Эта линия пересекалась другой, идущей от Москвы до Варшавы. Кроме этих двух основных линий автор проектировал еще одну — от Белой Церкви к австрийской границе [3]. Указывая на значение этих линий для торговых операций страны, Голиевский ставил на первое место, среди прочих выгод, быстрое передвижение войск «к пределам империи без малейшего изнурения сил». Одновременно автор предлагает и способы реализации своих проектов. Так, рабочую силу для строительства он предполагал создать из выставленных по 1 человеку с топором и лопатой от каждых 500 душ крестьянского населения 15 губерний, по которым должны были пройти намечае-

---

[1] Аксаков, Исследование о торговле на украинских ярмарках, стр. 15.

[2] См. фонд комитета министров, приложения к журналам комитета, 1839 г., апрель, ч. II, кн. № 1259. Этот документ как неимеющий непосредственного отношения к истории постройки железной дороги Петербург — Москва в публикуемых документах не приводим.

[3] «Через Умань, Балту и далее», — как говорится в проекте.

мые дороги. Продовольствие этих рабочих должны были обеспечить местные землевладельцы. Расход же по сооружению Голиевский считал возможным покрыть путем разложения его на все остальное население России, причем у него выходило, что каждые 500 душ облагались 72 рублями.

Этот проект, рассмотренный в главном управлении путей сообщения и публичных зданий, вызвал полное осуждение во всех своих частях. Девятилетний срок, в который по проекту предполагалось устроить эти дороги, был сочтен «ни с чем не сообразным», а расчет расходов, «не имеющим решительно никакого основания». «Наши пути сообщения, — говорил главноуправляющий путей сообщения и публичных зданий граф Толь,— требуют улучшения, однако, это не значит, что необходимы железные дороги».

Почти одновременно с проектом Голиевского была подана и записка тайного советника Николая Назарьевича Муравьева. Его первое предложение сводилось к постройке на казенные средства железнодорожного пути между Петербургом и Москвой, а затем «и до Полангена и до Казани и до Моздока». На этой записке Муравьев не остановился; им было подано еще четыре, причем в последней он уже говорил о железной дороге до озера Байкала. Эти проекты были также оставлены «без последствий».

Отклонение всех проектов приняло определенную форму бойкота железных дорог в высших сферах правительства. Этот бойкот поддерживали все промышляющие в извозном и водном транспортах. Введение железных дорог грозило последним колоссальными убытками и даже разорением. «Первоначальное заведение дилижансов», возившее публику между столицами, должно было остаться без пассажиров, а между тем в процветании подобных компаний была близко заинтересована группа титулованных особ: князь Меньшиков, генерал-ад'ютант кн. Воронцов-Дашков, кн. Лобанов-Ростовский; графы же Гурьев, Татищев, Бутурлин и другие были их пайщиками. Годовой доход от извозного промысла был равен почти 100 миллионам рублей ассигнациями.

К противникам введения железных дорог примыкали реакционные хозяева-крепостники, иногда и крупных, но отсталых промышленных предприятий, базировавшихся на крепостном труде. Привыкшие к тепличным условиям протекционизма в тарифной политике [1], крепостные фабрики не были, да и не могли быть подготовлены к расширяющейся конкуренции — спутнице капиталистического производства. Владельцы ряда фабрик боялись железных дорог, благодаря которым на русские рынки начала бы внедряться иностранная продукция.

Неблагосклонно встречала железные дороги и часть российских помещиков-крепостников, предпочитавшая вести хозяйство по старинке — крепостным даровым работником.

Но капитализм развивался в России. Железные дороги были весьма важным оружием его дальнейшего наступления, и это предрешило их постройку.

В середине 1841 г. по приказанию Николая I была создана секретная комиссия, которой было поручено разработать проекты и сметы по постройке железной дороги от Петербурга до Москвы.

Ускорению вопроса о постройке дороги способствовало и то обстоятельство, что железная дорога позволила бы отказаться от необходимости строить промышленные предприятия около городов. В докладной записке комиссии по «устроению железной дороги между Петербургом и Москвой» мы читаем: «Железная дорога Московская даст средство предупредить излишнее в столицах сосредоточие фабричного населения. Сосредоточие это, вредное для нравственности народной, убыточно для фабрикантов по большей в столице дороговизне в жизненных потребностях и в содержании людей, но оно есть последствие необходимых частых взаимных сношений и сближения фабриканта с купцом, продающим его изделия; когда же учредится железная дорога, фабрики, возведенные

[1] Чем они были обязаны своему покровителю — министру финансов Канкрину.

вдоль линий оной, сохранят все выгоды удобного и быстрого сообщения, устраня между тем неудобства столичной дороговизны и безнравия».

Во время работ этой комиссии было получено еще одно предложение, исходившее уже из-за границы. Лейпцигские банкиры Дюфур и Гаркорт предложили построить железную дорогу между столицами путем образования акционерного общества. При этом они просили правительство гарантировать им 6% дохода на капиталы, которые будут расходоваться при постройке дороги. Слишком высокий процент послужил причиною отказа.

Секретная комиссия дала очень солидные доказательства возможных выгод от проектируемой дороги, но представленные министрам и главноуправляющему путей сообщения и публичных зданий материалы комиссии вызвали новые споры о предполагаемых доходах и общей пользе намеченной дороги.

Возможность использовать этот вид транспорта, удобного своей простотой и мощностью, на случай войны примирила штаб крепостной монархии с необходимостью железных дорог в России.

М. Крутиков.

№ 1. Записка главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями гр. К. Ф. Толя, 17 февраля 1835 г.*

Прибывший в Россию из Австрии иностранец Герстнер[1] в поданном 6 минувшего генваря письме на высочайшее имя его императорского величества из'яснил, что, по приезде его в августе прошлого 1834 г. в Петербург, он немедленно отправился во внутренность империи и, проехав даже за Казань, он нашел, что к числу заведений, кои бы могли принести России величайшую пользу в отношении к промышленности и торговле, принадлежит сооружение железных дорог. Для достижения сей же цели Англия, Франция, Германия и особливо Соединенные штаты Америки ввели у себя системы железных дорог и в продолжение последних десяти лет увидели такие от того последствия, кои за 30 лет пред сим почли бы невозможными. В Англии четыре года тому назад окончили дорогу на протяжении 45 верст, в прямом почти направлении, между Манчестером и Ливерпулем, стоящую 25 миллионов рублей. Сия железная дорога не только привлекла к себе всю перевозку, которая в течение 80 лет производилась по двум каналам и реке, между упомянутыми городами находящимися, но произвела в сей части королевства движение и промышленность, неизвестные дотоле в Англии, где, как известно, торговля находится в весьма цветущем состоянии. 15 миллионов пудов в год, доставляемые прежде водою, перевозятся теперь по сей железной дороге и, кроме того, более полумиллиона путешественников, которые проезжают в паровых экипажах со скоростью по 30 верст в час. По упомянутой дороге перевозится также в устроенных нарочно для того повозках и скот, доставляемый из Ирландии. Во время бывших в Ирландии беспокойств английское правительство часто пользовалось железными дорогами, перевезя из Манчестера в Ливерпуль в два часа времени, на расстоянии 45 верст, многие полки для отправления их в Ирландию. Все письменные почты идут по сей железной дороге, и правительство сберегло чрез то две трети издержек на сей предмет против

---

* Копия. Канцелярия комитета и строительной комиссии СПБ. — Моск. жел. дороги, д. «О бумагах после покойного графа Сперанского найденных о железных дорогах», 1839 г., лл. 4—24.

прежнего. Означенная железная дорога, хотя устроена совершенно на счет акционера, доставила однако же не только торговле, но и правительству столь много выгод, что составились многие новые общества, которые уже начали разные предприятия сего рода на сумму около 200 миллионов рублей. Во Франции также устроены уже весьма большие железные дороги и беспрестанно составляются новые проекты для оных. Бельгийское правительство разделило всю свою страну системою железных дорог, и государственный заем доставит великие капиталы для приведения сего предприятия в исполнение. Но подобные сооружения в Америке далеко превосходят все то, что в сем роде сделано в Европе. Там на многие тысячи верст железные дороги уже окончены и еще в большем числе продолжают строить оные.

Хотя часть железных дорог в Америке построена в климатах очень суровых, со всем тем однако ж противники сего нового изобретения не переставали беспрестанно утверждать, что оно неудобо исполнительно в климате весьма холодном, где бывает много снега.

Сии возражения были причиною, что с 1805 г., когда был сочинен проект, откладывали до 1824 г. исполнение сего проекта для сооружения железной дороги между Дунаем и Молдавою, долженствовавшей произвести сообщение в прямой линии между морями Черным и Немецким.

Но император австрийский даровал в 1824 г. вышеупомянутому Герстнеру привиллегию на 50 лет для сооружения сей железной дороги, которую он строил сначала на собственный свой счет, а потом в обществе с акционерами. Сия железная дорога лежит в смежности с большим Богемским лесом и простирается по высоким, составляющим границу между Богемиею и верхней Австриею, горам, коих самая высшая точка находится на 1 050 футов над поверхностью Молдавы и на 1 400 футов над поверхностью Дуная: страна сия от 5 до 6 месяцев в году покрыта снегом.

План и прилагаемое при сем отделение первой части сей железной дороги, построенной Герстнером, доказывает, сколь великие трудности надлежало превозмочь в грунте земли, чего, конечно, нигде не встретится на главных торговых дорогах в России, покрытой гораздо более равнинами. Означенная железная дорога окончена уже три года тому назад всего на протяжении 120 верст. Перевозка товаров производится беспрерывно зимою и летом, а это и доказывает самым убедительным образом, что железные дороги могут быть без затруднений делаемы в самых суровых климатах.

Естьли представляется возможность к таковому предприятию посредством частных людей, то для чего же в одной только России не употребить сего полезного способа сухопутного сообщения, тогда как во всех прочих образованных землях обращены уже сотни миллионов на сооружение железных дорог, которые почти все были предприняты частными людьми. Железная дорога, построенная с величайшим совершенством между Москвою и Петербургом, дала бы возможность в 20 и 24 часа доезжать от одной столицы к другой и с тою же удобностью перевозить войска и огромные с'естные запасы в продолжение двух или трех дней. Если же продолжить дорогу до Нижнего-Новгорода, или лучше до Казани, и завести правильное паровое судоходство по Волге и Каспийскому морю, тогда товары могли бы перевозиться из Петербурга даже к пристани Каспийского моря в 10 или 15 дней. Сим скорым, дешевым и надежным сообщением азиатская торговля была бы упрочена для России и удалила бы сильное совместничество Англии.

Кроме того, железная дорога из Петербурга чрез Москву до Казани много бы способствовала к ободрению земледелия, к распространению средств продажи и перевоза произведений земли; она была бы лучшим средством для снабжения столицы и войск припасами за самую сходную цену и могла бы одна, в отношении к главным предметам ввоза, упрочить выгодный для России торговый баланс.

Ни в какой стране света железные дороги не могут быть ни столь выгодны, ни столь необходимы, как в России, потому что они сближают отдаленные расстояния посредством скорости переезда. Благодеяния, изливаемые его императорским величеством на своих подданных, принесут всю желаемую его величеством пользу в такой неизмеримой стране, как Россия, тогда только, когда повеления государя императора посредством железных дорог будут достигать в три дня из Петербурга в Казань или Одессу.

Движимый мыслию, что подобное предприятие было бы полезно для выгод правительства и частных людей, Герстнер принял смелость представить его императорскому величеству проект исключительной привиллегии на 20 лет строить железные дороги во всей России, всеподданнейше прося о дровании ему сей привиллегии и представляя, что испрашиваемые им условия суть почти те же самые, кои ему дарованы императором австрийским 7 сентября 1824 г. Вместе с сим Герстнер, желая довести до высочайшего сведения все подробности сего предприятия, произведенного в Австрии, представил государю императору все документы, относящиеся к дарованной ему привиллегии, и изданную в 1824 г. в свет меморию о железных дорогах.

Главные пункты испрашиваемой привиллегии заключаются в следующем: в продолжение 20 лет никто другой не должен иметь права нигде в России предпринимать сооружение железных дорог ни для правительства, ни для частных людей; железным дорогам, построенным Герстнером, должны быть предоставлены те же права и преимущества, как и сооружениям правительства; в случае транспортов, отправляемых правительством, цена за оные по всем железным дорогам будет уменьшена до половины обыкновенной цены, платимой за провоз; каждая железная дорога между двумя губернскими городами должна быть в состоянии перевести, после предварительного за 24 часа об'явления, по крайней мере 5 000 человек пехоты, 500 конницы, со всею артиллерией, обозом и лошадьми, потребными для означенного числа войск, и притом чрез расстояние 200 верст в сутки; железные дороги останутся на всегда собственностью компании строителей, но по прошествии 20 лет исключительная привиллегия на сооружение упомянутых дорог прекращается.

Герстнер присовокупляет, что привиллегия уничтожается, если он в четыре года, считая со дня выдачи привиллегии, не построит железной дороги на 100 полные версты из полос английских, в случае разрешения на ввоз оных; или если он не построит дороги на означенном протяжении в шесть лет из полос русских. В сих отношениях введение в России железных дорог так, как и привиллегия испрашиваемая, не должны представлять ни малейшего затруднения, ибо казна не обязывается выдавать на сей предмет никакой суммы, а торговля между тем приобретет многие выгоды. Остается об'яснить, почему Герстнер испрашивает для одного себя исключительную привиллегию на такое предприятие, которое далеко превосходит способы одного человека; но причины на сие суть те же самые, которые побудили императора австрийского к выдаче привиллегии 7 сентября 1824 г.

Введению железных дорог в России должны предшествовать самые точные изыскания касательно местностей, а именно, где больше транспортов на малом расстоянии, и где грунт земли представляет меньше затруднений. Для сего должно об'ехать страну, обмерить и пронивеллировать места, благоприятствующие для такового предприятия, и составить смету потребным издержкам. Тогда только можно приступить к небольшому сначала сооружению дороги и, в случае совершенного успеха, можно начать сооружение железной дороги между С.-Петербургом и Москвою. Герстнер полагает все сии операции произвесть на свой счет при помощи искусных инженеров, так же как он сделал это же самое в Австрии, а к составлению большой компании акционеров приступить не прежде, как через два года, если практическая возможность строить в России железные дороги будет достаточно доказана.

Наконец, в доказательство своих способностей Гестнер представляет, что он в 1819 г. определен императором австрийским в профессоры геодезии, что оставил сие место, дабы заняться строением железной дороги между Молдавою и Дунаем, что в последние три года был профессором механики в Праге и в то же время занимался изданием большого сочинения о механике относительно к промышленности, в коем заключается все то, что он заметил о промышленности и механике во время трех своих путешествий в Англии и во Франции в 1822, 1827 и 1829 годах. Причем представил диплом на пожалование его императором австрийским в кавалеры и члены Богемских штатов. Письмо свое Герстнер заключает тем, что он познания свои, приобретенные долговременным опытом, свою деятельность и свое время приносит его императорскому величеству для выполнения такого предприятия, которое достойно славного царствования государя императора и которое может споспешествовать к благоденствию подданных его императорского величества.

Вышеизложенное письмо Герстнера с проектом привиллегии и прочими приложениями по высочайшему повелению доставлено было генерал-губернатором графом Бенкендорфом к главноуправляющему путями сообщения и публичными зданиями, которым все означенные бумаги подвергнуты были рассмотрению особой комиссии, составленной из генерал-лейтенанта Потье, генерал-майора Готмана и двух штабофицеров корпуса путей сообщения [2].

Означенная комиссия рассматривала сей предмет в двух отношениях: 1) в отношении искусственном и 2) в отношении государственном.

По первому вопросу комиссия нашла:

1) Пример железной дороги, устроенной Герстнером в Богемии, доказывает, что снега и большие морозы не могут быть значительными препятствиями в учреждении подобных дорог. Ровная же большею частью местность России благоприятствует расположению железных дорог, требующих вообще самых малых скатов по длине.

2) Определение изменений составных частей железной дороги и общего ее расположения зависит большею частью от назначения движителей по дороге, т. е. лошади или подвижной паровой машины, а выбор того или другого из сих движителей может быть, повидимому, следствием главной цели или частного назначения дороги, т. е. для транспорта произведений или для перевозки путешественников. Заключение сие основано на следующих соображениях. Движение паровых машин требует скатов не более $^1/_{90}$; машины сии уносятся со скоростью от 25 верст (средним числом) до наибольшей скорости 80 верст в час. Сколь значительная скорость при большой тяжести машин производит самое разрушительное действие на железные полосы дороги, особенно

же в точках их упора и соединения; оказавшееся раз повреждение быстро усиливается действием содарений в испорченных местах, а потому начальное учреждение и ремонт дороги, назначаемой для паровых машин, стоят гораздо дороже тех дорог, где лошадь употреблена движителем, и которые могут иметь простейшее расположение и меньшие измерения в составных частях, так что по сие время признано выгоднейшим устраивать дороги для действия лошадьми во всех тех случаях, где можно ограничиваться наибольшею скоростью от 12 до 15 верст в час; но как сей случай есть довольно общий для перевозок произведений промышленности или товаров, то можно безошибочно допустить, что употребление подвижных паровых машин должно, вообще говоря, ограничиться перевозкою путешественников, а что торговые пути должны быть располагаемы для действия лошадьми. Некоторые писатели принимают отношение чисел 6, 84; 1, 77; 1, 13 для относительной ценности перевозок по дорогам обыкновенным, чугунным и каналам.

Второй вопрос, а именно о привиллегии, испрашиваемой Герстнером, приведен был к тому, что после многих взаимных между им и комиссиею возражений и об'яснений Герстнер согласился сделать в представленном им проекте изменения, но за всем тем комиссия не могла согласиться на следующие его предположения.

1) Дозволить ему исключительно строить железные дороги вообще во всей России, не ограничивая сего никакими частными случаями. По мнению комиссии, дать привиллегию Герстнеру можно только на устройство железной дороги между двумя известными, им избранными, пунктами и по известному, им избранному, направлению.

Испрашиваемое Герстнером право беспошлинного ввоза железных полос из Англии и других мест, хотя и не произведет помешательства в обработке железа в России, но как вещи сии, по удостоверению заводчика Берда, могут скоро и в надлежащем виде приготовляться и у нас, особливо в Сибири, то и нет причины думать, чтобы привоз дорожных железных полос из иностранных государств был так необходим, как полагает Герстнер.

2) Он требует также (2-м пунктом привиллегии), чтобы земли, где будет проходить железная дорога, были уступлены ему под оную и под заведения, при сем нужные, даром, естьли они окажутся принадлежащими казенным крестьянам, которых казна может взамен сего наделить другими землями, и чтобы право безденежного приобретения подобных земель было ему предоставлено и для устройства боковых железных дорог, примыкающих к главной дороге.

По мнению комиссии, сколь ни важны сии выгоды, но они могут быть дарованы Герстнеру с тем однако ж, чтобы для устройства и боковых дорог или ветвей главной дороги было, наперед для каждой из таковых ветвей, испрашиваемо особое дозволение правительства, причем обязанностию Герстнера будет означать, откуда и куда он предполагает ее направить.

3) Сверх сего, иностранец Герстнер требует права строить везде при сооружаемых им железных дорогах гостиницы, или трактиры, на расстоянии не более одной версты в сторону от дороги, испрашивая притом, чтобы для оных уступаема ему была на том же основании, как и для самой железной дороги, земля даром, естьли она принадлежит казенным крестьянам. Естьли же земля будет принадлежать частным лицам, застроенная или незастроенная, то он просит привиллегию приобретать землю в обоих случаях в свою собственность с уплатою по 20% сверх того, во что она будет оценена на законном основании

(законом постановлено: за имущества, отходящие от частных лиц для государственного благоустройства, выдавать немедленно владельцу не только деньги, определенные по соображению оценки, но, сверх того, пятую часть оных в вознаграждение убытков).

Комиссия, замечая, что безвозмездная уступка казенной земли для заведений Герстнера, необходимых даже для существования железной дороги, есть уже важное преимущество, находила совершенно несообразным его требование: а) чтобы подобная уступка земли также делаема была для трактирных его заведений, б) чтобы для сего же предмета он мог отбирать собственность у частных людей на предлагаемых им основаниях и в) чтобы ему дана была исключительная привиллегия строить упомянутые гостиницы, ибо сего не требует общая польза, между тем как это разрушило бы частные выгоды.

Наконец, комиссия находила несообразным и то условие, предлагаемое иностранцем Герстнером, чтобы в течение 12 лет, на которые дана будет ему привиллегия, воспрещено было всем, кто бы то ни был, строить во всей России железные дороги без дозволения его, Герстнера, и чтобы, в противном случае, устроенные таковые дороги обращались в его собственность. Комиссия полагала, что таковое воспрещение может иметь место относительно устройства кем-либо железной дороги только по линии, избранной Герстнером между двумя известными пунктами.

Главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями всеподданнейшим докладом его императорскому величеству от 3 сего февраля, доводя о последствии совещаний упомянутой комиссии с иностранцем Герстнером до высочайшего сведения, присовокупил, что он также вследствие высочайшего повеления входил лично с иностранцем Герстнером в рассуждение о всех подробностях настоящего предмета и находит:

1) Что по смыслу первого проекта привиллегии, который Герстнер принял смелость представить государю императору, он приобретал бы право, как замечает комиссия, под железные дороги и под заведения, к оным принадлежащие, обращать земли, на коих находятся весьма значительные казенные здания, как, например, Александровское мануфактурное заведение, Литейный завод и пр.

2) Что по второму проекту привиллегии, измененному иностранцем Герстнером в некоторых только пунктах, вследствие возражений комиссии, он, Герстнер, приобретал бы право во всей России, как в городах, так и вне оных, вынуждать себе уступку земли и строений там, где бы он вздумал производить свои железные дороги. А потому, естьли бы таковая дорога им была предпринята по какому-либо ошибочному соображению, то в сем случае, не принеся никакой пользы государству, он многим бы причинил расстройство, и закон за выданною Герстнеру привиллегиею не мог бы уже оказать им покровительства. Но предположив даже, что предпринятая Герстнером железная дорога и могла бы в общем виде быть полезна для государства, главноуправляющий находит однако ж, что предоставляемое им себе право не только заводить по сей дороге трактиры, но и отбирать для оных застроенные и незастроенные земли на расстоянии с каждой стороны дороги на одну версту имело бы вид явного нарушения прав собственности. Притом, это условие Герстнера о заведении гостиниц не имеет с устройством железных дорог никакого отношения.

3) Герстнер, испрашивая неограниченную, исключительную привиллегию строить железные дороги вообще во всей России, ссылается на привиллегии, данные заводчику Берду и страховому от огня обществу,

первому заводить в России на реках пароходы [3] вообще неограниченно, а последнему брать на страх все вообще здания в обеих столицах и других местах империи [4]. Но между сими двумя привиллегиями и тою, которую испрашивает Герстнер, представляется очевидная разница, ибо первые упомянутые две привиллегии не стесняли ничьих прав собственности: пароходы могли действовать на всех водах империи, и никто из владельцев земель, прилежащих к сим водам, не опасался вынужденно уступить свою собственность; страховое общество может брать на страх всякого рода здания в означенных городах, но и здесь никакая собственность не подвергается вынужденному отчуждению.

4) Естьли же можно дать Герстнеру привиллегию на устройство в России железных дорог, то не иначе, как под тем условием, чтобы он представил предварительно на рассмотрение правительства, между какими именно пунктами империи, по какому главному направлению и какого именно рода железную дорогу он предполагает устроить, дабы само правительство могло видеть ту пользу, какую она может принести государству, и стоит ли сия польза тех пожертвований, которые будут сделаны и казною и частными людьми, отчуждаемыми строителем дороги от собственности. Наконец,

5) данная привиллегия Герстнеру должна следовательно ограничиваться предоставлением ему исключительного права строить железные дороги, хотя в разных местах и направлениях, но только между двумя поименованными для каждой из сих дорог пунктами, а не распространяться неопределенно на сооружение таковых дорог во всей империи.

На сибирских наших заводах уже устроены некоторые железные дороги [5]. Коль же скоро была бы Герстнеру дана требуемая им неограниченная исключительная привиллегия на счет устройства железных дорог во всей России, то сие воспрепятствовало бы распространению и усовершенствованию сих дорог даже на вышеозначенных сибирских заводах.

Засим, не останавливаясь на требовании Герстнера касательно вывоза из Англии в Россию железных дорожных полос, так как сей предмет подлежит соображению министерства финансов, главноуправляющий остается в том мнении, что полосы сии в Сибири могут быть сделаны так же хорошо, как и в Англии. А потому, кажется, и следовало бы обработку полос предоставить нашим фабрикантам, дабы доставить им более способов к сбыту железа.

Независимо от вышесказанной исключительной привиллегии строить в продолжении 12 лет железные дороги, Герстнер просит права пользоваться в течение 50 лет без всяких податей, как землею, взятою под железные дороги, самыми дорогами и принадлежащими к оной заведениями, так и всеми доходами от его предприятия. По окончании же 50-летнего срока компания Герстнер предоставляет себе право располагать по произволу означенными дорогами и заведениями и, естьли она удержит за собою все упомянутые сооружения и общая польза от предприятия оной будет доказана, то компания требует, чтобы данная ей привиллегия была возобновлена.

Главноуправляющий полагает, что право не платить никаких податей с железной дороги и искусственных заведений, к ней принадлежащих, не может быть распространено на трактирные заведения, естьли таковые будут уже ему дозволены. Что же касается до возобновления привиллегий по прошествии 50 лет, т. е. спустя 38 лет по истечении первой 12-летней привиллегии, то он, главноуправляющий, полагает,

что таковое возобновление, могущее быть весьма стеснительным для успехов будущей внутренней промышленности, не может быть допущено, как обязательство правительства на столь отдаленное время, обстоятельства коего ныне ему вовсе неизвестны.

Таковые соображения главноуправляющий, представив на высочайшее государя императора благоусмотрение, испрашивал высочайшего повеления: дело о просимой Герстнером привиллегии рассмотреть в Государственном совете, так как сей предмет главнейше относится до внутреннего благоустройства империи.

В искусственном отношении устройство железных дорог иностранец Герстнер предоставляет исключительно себе, на праве акционера, и в сем отношении, т. е. как именно должно строить железную дорогу, главноуправляющий думает, можно положиться на Герстнера, известного, как по своим познаниям, так и по тем отличным работам, которые были уже произведены под его непосредственным руководством.

Государь император, удостоив рассмотрения сей всеподданнейший доклад главноуправляющего и проект привиллегии, представленный Герстнером, изволил собственноручно сделать на сем проекте высочайшие отметки, а вслед затем его императорскому величеству благоугодно было дать главноуправляющему изустные по сему предмету высочайшие наставления и повелеть, чтобы на основании упомянутых отметок и наставлений главноуправляющий составил проект привиллегии для Герстнера, войдя с ним о сей привиллегии в дальнейшие об'яснения [6].

Вследствие сего главноуправляющий приглашал к себе неоднократно Герстнера и после многих взаимных с ним об'яснений предложил ему к подписанию проект привиллегии, измененный согласно с высочайшею волею. В упомянутый проект не внесены некоторые из прежних требований Герстнера, от которых он согласился отказаться, и вставлены главноуправляющим некоторые прибавления, сообразные с выгодами России.

Таковой, вновь составленный и Герстнером подписанный проект привиллегии главноуправляющий имел счастие 12 сего февраля представлять государю императору.

Его императорское величество, удостоив оный высочайшего рассмотрения, повелеть изволил, чтобы привиллегия, о коей идет дело, не распространялась на княжество Финляндское, имеющее особые законы, с предоставлением впрочем Герстнеру просить на введение железных дорог в сем княжестве особую привиллегию.

Вместе с сим его величеству благоугодно было повелеть, чтобы вопрос об устройстве железных дорог в России, как предмет особенной важности, прежде окончательного решения на оный, был рассмотрен в особом Комитете, в коем присутствующими государь император изволил назначить председателя Государственного совета действительного тайного советника Новосильцева и членов сего совета министра императорского двора князя Волконского, главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями графа Толя, военного министра графа Чернышева, министра финансов графа Канкрина, генерал-ад'ютанта графа Бенкендорфа, действительного тайного советника Сперанского и министра внутренних дел тайного советника Блудова.

Заключение. Главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями, изложив весь ход дела об испрашиваемой иностранцем Герстнером привиллегии на сооружение в России железных дорог и прилагая присем перевод на русский язык окончательно исправленной и Герстнером подписанной привиллегии на упомянутое

сооружение, считает долгом присовокупить, что естьли в оной и допускаются в пользу Герстнера разные выгоды и преимущества, то это для того, чтобы ободрить его предприятие и чтоб чрез то, независимо от успеха и последствий оного, привлечь в Россию иностранные капиталы, оборот коих может иметь благоприятное влияние на нашу промышленность. Но, при допущении исключительного права в пользу Герстнера, приняты и предосторожности, какие только в настоящем положении предусмотреть было можно, для ограждения прав российских подданных и для соблюдения вообще в сем случае выгод России.

Главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями генерал-ад'ютант граф Толь.

№ 2. Комитет 1835 года о железной дороге.

Из современных записок статс-секретаря барона М. А. Корфа о заседании особого комитета по рассмотрению предложений и привиллегий Франца-Антона фон Герстнера*.

В исходе 1834 г. приехал в Петербург очень известный в то время в Европе и еще более сделавшийся известным впоследствии австрийский дворянин, или, как он называл себя по мальтийскому ордену, «кавалер» Герстнер, создатель первой железной дороги на европейском материке между Молдавою и Дунаем, от Будвейса до Линца. Многие не признавали в нем никакого достоинства и считали его за простого шарлатана,— участь, нередко постигающая пролагателей новых и смелых путей в области науки. Коротко с ним познакомясь, я никак не мог разделить этого мнения. Герстнер был человек с большим умом, с пылким воображением, с огромными теоретическими сведениями, но вместе — плохой счетовод. Порывы воображения часто увлекали его в область воздушных замков, а оттого на бумаге выходило одно, а на деле же совсем другое, а все оканчивалось дефицитами и начетами.

В то время железные дороги были в целой Европе предметом еще довольно новым, а в России даже совершенно неизвестным, как вдруг Герстнер, сильный своею репутациею, даром слова и всем могуществом глубокого убеждения, явился к нам с блестящим предложением: устроить железную дорогу между обеими столицами и покрыть потом сетью таких же дорог всю Россию. Мысль эта нашла тотчас жаркого поборника в главноуправляющем путями сообщения графе Толе[7] и столь же жаркого противника в министре финансов графе Канкрине[8]. Между тем Герстнеру, с помощью тогдашнего австрийского посла при нашем дворе, графа Финкельмона, особенно ему покровительствовавшего, вскоре удалось найти доступ к государю, а для императора Николая, в сочувствии его ко всему великому и полезному, довольно было увидеть и услышать Герстнера, чтобы обратить живое внимание на блестящие его замыслы и осуществление их признать предметом первостепенной важности. Но при оппозиции Канкрина и при сложности окружавших дело вопросов, государь почел нужным обсудить и разобрать их сперва со всею подробностию в личном своем присутствии. К этому совещанию призваны были, сверх Толя и Канкрина, тогдашний председатель Государственного совета граф Новосильцев, военный министр граф Чернышев, министр императорского двора князь Волконский, главноуправлявший II отделением собствен-

* «Император Николай в совещательных собраниях». Из современных записок статс-секретаря барона Корфа. Том 1, издано в «Сборнике имп. русского исторического общества», т. 98, СПБ., 1896 г., стр. 124—128.

ной канцелярии граф Сперанский, шеф жандармов граф Бенкендорф, министр внутренних дел Блудов (тогда еще не граф), и, в качестве производителя, я. Герстнер просил дозволения образовать компанию на акциях и дать ей привиллегию на 50 лет. Бумаги его и составленная о них графом Толем пространная записка[9] были разосланы ко всем упомянутым лицам, и когда они все прочитали, Комитет собрался вечером 28 февраля 1835 г. Государь изобразил в живой и увлекательной речи все выгоды, какие, по его мнению, принесло бы устроение у нас железных дорог в большом размере, особенно для внезапных, когда понадобится, передвижений войск, и заключил ее, в шуточном тоне, тем, как приятно ему было бы в какой-нибудь светлый день «прокатиться отсюда в Москву отобедать к князю Дмитрию Владимировичу (Голицыну) и потом вернуться опять к ночи назад». Предложив после сего к обсуждению Комитета два вопроса: 1) о пользе дороги и 2) об удобстве принять предлагаемые Герстнером условия, государь дал волю говорить всем и каждому. Суждения, происходившие по сим вопросам, не лишены интереса в настоящую эпоху. По новости предмета, тогда, слишком двадцать лет тому назад, рассуждаемо было о многих таких предметах, в которых последующий опыт давно уже уничтожил всякое сомнение и о которых теперь кажется странным и непонятным, как можно было даже минуту колебаться.

Первый вопрос — о пользе — по замечаниям членов разделился на два: о пользе учреждения вообще и о пользе по отношению к возможности исполнения.

Вопрос о пользе железных дорог вообще все члены и тогда единогласно признали не подлежащим сомнению. Канкрин пытался, было, возражать, что от этого понесет значительные убытки и расстройство обширный крестьянский промысел извоза, а, может быть, и водяного сплава. Ему отвечали, что железные дороги устроятся не вдруг; следовательно, труду будет время разместиться по другим промыслам, а сверх того, впоследствии, скорость и дешевизна сообщений откроют новые источники занятий и новые пути сбыта, которых польза разольется на все население.

Вопрос о возможности исполнения в отношении техническом был признан также не подлежащим сомнению, по удостоверению о том особой ученой комиссии[10], которой граф Толь поручал рассмотреть предварительный проект Герстнера.

Но тот же вопрос, о возможности исполнения в отношении финансовом, т. е. о возможности собрать нужные огромные капиталы и потом, по устроении дороги, выручать движением транспортов и пассажиров достаточные суммы на ее содержание и на покрытие вкладов процентами, прошел не так легко. Во-первых, граф Канкрин и с ним князь Волконский заметили, что капиталы на это дело, без сомнения, употребляются иностранные, а, следовательно, и все доходы навсегда будут принадлежать иностранцам, и правительству не прежде, как через 50 лет, откроется возможность вступить с ними в некоторое участие посредством налогов. Возражение на сие прочих членов, предводимых Сперанским, государь привел к тому выводу, что и теперь во внешней нашей торговле обращаются большею частию капиталы иностранные, однако ими питается и усиливается наша внутренняя промышленность; что капиталы, употребленные на устроение дорог, останутся у нас в народе, ибо материалы и работа будут наши; что, обращаясь в России, эти капиталы сами собою будут приносить свои проценты и свои прибыли; что таким образом прибыль от капиталов,

рассеянных в народе, будет наша, а прибыль от дорог только частию пойдет в пользу иностранных акционеров, частию же также будет наша, ибо облегчит сообщения, и что, следовательно, здесь будет обмен прибылей, но обмен, очевидно, более выгодный нам, нежели иностранным капиталистам. Во-вторых, некоторые члены заметили, что по количеству тяжестей, двигающихся по дорогам в России, и по дешевизне у нас способов перевозки, едва ли можно с вероятностию ожидать, чтобы сборы дорожные покрыли издержки содержания и еще, сверх того, принесли доход вкладчикам. Граф Толь находил, что это дело самих вкладчиков, но государь, не выжидая мнения прочих членов, уже сам от себя отвечал, что если в частных предприятиях расчет выгод и убытков есть, конечно, дело участников, то однако же в предприятии таком огромном, об'емлющем целую Россию и столь тесно сопряженном общими выгодами государства, правительство должно быть дальновиднее и великодушнее частных людей и не допускать подобного предприятия, не удостоверясь сперва, что оно может совершиться не только с собственною его выгодою, но и без разорения вкладчиков. «Этого,— продолжал государь,— требует достоинство правительства и требуют также и материальные его интересы, потому что с разорением вкладчиков вся тягость содержания такого огромного предприятия легла бы на казну, а самим вкладчикам открылся бы весь повод жаловаться, что они были вовлечены в заблуждение моим словом и данною по моему приказанию привиллегиею. Оттого необходимо бы, кажется мне, войти сперва в личное об'яснение с Герстнером и вразумить его насчет предвидимых в проекте неудобств. Это скорее всего покажет, до какой степени справедлив его расчет, и можно ли полагать веру в его надежды».

Второй вопрос об условиях привиллегии также возбудил разные замечания уже не одного Канкрина, по которым государь в самом заседании отметил карандашем на проекте Герстнера разные перемены, представившиеся нужными для большей его ясности и определительности. Суждения по этим второстепенным предметам были продолжительны, но не спорны. «Одного только я непременно требую,— сказал государь,—Герстнеру, по всей вероятности, понадобятся для его дела знающие и опытные иностранцы, пусть он их и выписывает, только не иначе, как по предварительном сношении о каждом с Александром Христофоровичем [графом Бенкендорфом], да сверх того, чтобы отнюдь не было между ними ни одного французского подданного: этих господ мне не нужно. Но если Герстнеру понадобится кто-нибудь из чиновников австрийской службы, то об'явить ему, что они будут переведены в нашу теми же чинами».

Заседание этого комитета не имело, впрочем, положительного результата. Прежде окончательного решения, государь велел другому небольшому комитету, составленному из Новосильцева, Толя, Сперанского и меня, пригласив Герстнера и войдя с ним самим в подробные по всем вопросам об'яснения, представить отзывы его с своим заключением. Вместе с тем, по малоизвестности дела, приказано было графу Толю командировать офицера корпуса путей сообщения для обозрения устроенной Герстнером Молдаво-Дунайской дороги [11], а графу Канкрину собрать через агентов министерства финансов сведения о том, какие выгоды принесла эта дорога, на деле, для торговли и промышленности.

Но сии меры, как равно дальнейшие сношения с Герстнером, не имели желанного им последствия. Вместо осуществления исполинского плана, простиравшегося на всю Россию, или, по крайней мере, на сое-

динение обеих столиц, ему разрешено было по докладу нашего маленького комитета, без созвания уже вновь большого, построить только на первый раз, в виде опыта, Царскосельскую или, лучше сказать, Павловскую дорогу с увеселительным на ее оконечности вокзалом...»

№ 3. Проект ответа председателя особого комитета М. Сперанского Фр. фон Герстнеру, июль 1835 г.*

С тех пор, как опыт доказал пользу железных дорог, введение этого вида сообщения в России естественно привлекло внимание правительства. Много ранее того, как вы представили ваши записки по этому вопросу, правительству была указана вся польза, которую такая обширная страна, как Россия, могла бы извлечь из этих сооружений, но в то же время было отмечено, что предприятия такого рода принадлежат скорее к области частного предпринимательства, чем к непосредственным задачам государственного управления.

Руководствуясь этими принципами и будучи всегда расположен принимать с благожелательством и интересом всякую попытку нового развития промышленности, император, поручив рассмотреть ваши записки особому комитету, приказал мне сообщить вам, что его величество не откажется предоставить все льготы, которые будут совместимы с законами империи, если явилась бы компания капиталистов с капиталами и кредитом, достаточными для того, чтобы предпринять путем акционирования постройку железных дорог или между двумя столицами или на расстоянии более значительном. Разумеется, впрочем, что выбор строителя или инженера, а также и исчисление расходов и расчет возможных прибылей, все это войдет в компетенцию компании и будет зависеть от ее предварительных изысканий. Правительство, не беря на себя ни инициативы, ни ответственности, оставляет только за собой право координировать предложения, которые ему будут представлены, с общими интересами страны и поддерживать компанию в тех привиллегиях, которые ей будут предоставлены.

Имею честь быть и т. д.

[М. Сперанский]

№ 4. Письмо Фр. фон Герстнера председателю особого комитета М. Сперанскому **.

Ваше превосходительство.

Со времени получения письма от графа Новосильцева [12] от 21 декабря прошлого года я немедленно приступил к выполнению условий, предъявленных мне для получения привиллегии на две железные дороги в Царское Село и в Петергоф.

Принципиально я имел в виду два пункта:

1) Образовать общество из таких акционеров, чтобы по возможности избежать ажиотажа.

2) Поставить во главе предприятия в качестве директоров на время постройки железной дороги и первых трех лет ее эксплоатации таких

---

* Подлинник на франц. яз. Канцелярия комитета и строительной комиссии СПБ. — Моск. жел. дороги, д. «О бумагах после покойного графа Сперанского найденных о железных дорогах», 1839 г., лл. 116—117.

** Перевод с франц. Канцелярия комитета и строительной комиссии СПБ. — Моск. жел. дороги, д. «О бумагах после покойного графа Сперанского найденных о железных дорогах», 1839 г., лл. 133—134.

лиц, которые благодаря их влиянию пользуются полным доверием как в высшем обществе, так и в коммерческих кругах.

Наконец, я имел счастие достигнуть своей цели, представив сегодня вместе с графом Бобринским, Бенедиктом Крамером и Конрадом Плиттом председателю Государственного совета об'явления, копию которых имею честь при сем приложить[13]. Хотя граф Новосильцев нас уверил, что условие его императорского величества этим документом выполнено, и, следовательно, предприятие может быть начато без отсрочки, однако я позволяю себе просить ваше превосходительство оказать нам свое высокое покровительство в этом деле, позволив мне представить на ваше благоусмотрение следующие замечания:

Г. Бенедикт Крамер — русский подданный. Он является основателем и до сего времени состоит директором первого страхового от огня общества и общества пароходства; он был директором американской компании, состоит коммерции советником и пользуется самым выгодным доверием в России.

Г. Плитт — консул в Франкфурте. Он устраивает здесь очень важные дела и можно утверждать, что он пользуется во всех частях Европы очень почтенной репутацией как за свою честность, так и за свои знания. Поэтому я считаю себя вправе утверждать, что финансовая часть предприятия доверена в очень верные руки.

Граф Бобринский — молодой человек с большими связями, который ищет дела и, следовательно, будет весьма полезен. Нам не достает еще другого члена правления, принадлежащего к высшему обществу, однако мы надеемся найти его в скором времени.

Все акции на 3 миллиона рублей действительно расписаны, однако мы дали многим лицам менее акций, чем они желали и, таким образом, остается еще некоторое число их, которое назначено для членов Государственного совета и для других покровителей предприятия.

По этому случаю я позволяю себе спросить ваше превосходительство, не хотели бы вы взять несколько акций для себя или для своих родных. При этом я позволяю себе заметить, что сейчас платится только 20%, 1 мая — 40%, 1 июля — последние 40%; стоимость каждой акции составляет 200 рублей серебром. Прошу ваше превосходительство сообщить мне о своем решении в течение нескольких дней[14].

Я позволяю себе надеяться, что распределение акций между известными лицами получит одобрение вашего превосходительства. Если бы я устроил открытую подписку, без сомнения, было бы подписано в три или четыре раза более необходимой суммы. Но тогда можно было бы дать каждому лишь третью или четвертую часть желаемого количества акций, не принимая во внимание звание этих лиц. Таким образом и ваше превосходительство, если бы пожелало взять несколько акций, было бы поставлено на один уровень с биржевыми игроками, чего я ни в коем случае не мог допустить. Причем последствием этого была бы немедленная продажа этих акций на бирже, так как эти биржевые игроки, вероятно, заняли 20% лишь до того времени, когда они получат возможность продать эти акции. Наоборот, существующее общество состоит без сомнения из лиц, которые сберегут свои акции, по крайней мере, до дня открытия железной дороги, т. е. до 1 октября сего года.

Осмеливаюсь также просить ваше превосходительство разрешить мне явиться к вам в назначенный для этого день и час. Через несколько дней я уезжаю в Англию, чтобы заказать там необходимые предметы для нашей железной дороги, и не могу покинуть Петербурга,

не выразив вашему превосходительству, насколько я тронут вашим высоким покровительством.

Остаюсь с чувством благодарности, с которым буду пребывать всю жизнь,

Вашего превосходительства нижайший и покорный слуга Герстнер.

№ 5. Заявление председателю Гос. совета гр. Н. Новосильцеву гр. А. Бобринского, Бенедикта Крамера, Франца фон Герстнера и Ивана-Конрада Плитта на привиллегии для образования компании Царскосельской жел. дороги, 3 февраля 1836 г.*

Нижеподписавшиеся имеют честь покорнейше донести, что по прочтении и внимательном соображении почтеннейшего письма вашего сиятельства от 21 декабря 1835 г. к австрийскому дворянину г. Герстнеру касательно привиллегии на построение железных дорог в Царское Село и Петергоф, равномерно по зрелом обсуждении записки г. Герстнера о построении железной дороги в Царское Село, они убедились:

1) В том, что построение сей дороги во многих отношениях принесет жителям столицы большую пользу, сократив до 30 или 40 минут путь в Царское Село, отстоящее ныне на два часа езды, и доставив столичным жителям возможность проживать летом в селе, отличном по здоровому положению места;

2) Что успех сей дороги послужит наилучшим доказательством пользы, какой можно ожидать от введения железных дорог в России, и что, следственно, должно споспешествовать сему предприятию всеми мерами;

3) Что успех сего предприятия зависит преимущественно от открытия дороги 1 октября 1836 г. от Фонтанки до Царского Села и от беспрерывного проезда по ней пассажиров в продолжении всей зимы 1836 на 1837 год.

4) Что дорога может быть открыта 1 октября 1836 г. только в том случае, если г. Герстнер немедленно отправится в Англию, закажет там для дороги шины, паровые машины и другие предметы и пригласит нужных для построения дороги мастеров. Скорый отъезд г. Герстнера тем необходимее, что по газетным известиям цена железа в Англии возвышалась двумя фунт. ст. на тонну, по причине многих заказов для железных дорог, и что французское правительство намеревается дозволить ввоз английских железных шин. Следственно, при дальнейшем промедлении должно опасаться, что нужные для здешней дороги шины не будут поставлены во-время, и дорога не откроется ранее 1837 г.; таким образом и решение вопроса о возможности пользования железной дорогою зимою было бы отложено на целый год.

Удостоверившись в справедливости изложенного мнения, нижеподписавшиеся совещались с г. Герстнером обо всем, касающемся до построения железной дороги, и с общего согласия положили, чтобы построение произведено было на условиях по правилам, из'ясненным в записке г. Герстнера.

Так как выдача привиллегии, вследствие почтеннейшего письма вашего сиятельства, зависит единственно от условия, чтобы потребный на построение дороги капитал был собран по подписке, то нижеподп-

* Канцелярия комитета и строительной комиссии СПБ. — Моск. жел. дороги, д. «О бумагах после покойного графа Сперанского найденных о железных дорогах», 1839 г., лл. 135—136.

писавшиеся сим об'являют: что они берут для себя и для некоторых других лиц, от имени коих подписываются, все акции Царскосельской железной дороги суммою на три миллиона рублей ассигнациями, что они имеют в готовности пятую часть всей суммы на покрытие издержек и что они твердо решились вести построение таким образом, чтобы дорога от Фонтанки до Царского Села была открыта, если возможно, 1 октября 1836 г., если правительство окажет им с своей стороны содействие в сем предприятии.

Содействие, о котором нижеподписавшиеся сим ходатайствуют, состоит в следующем:

1) чтобы сие об'явление было признано достаточным для выдачи компании привиллегии,

2) чтобы дозволено было немедленно напечатать прилагаемое извещение в издаваемых в С.-Петербурге газетах.

В заключение нижеподписавшиеся имеют честь присовокупить, что немедленно по воспользовании благоприятного решения приступят к избранию пятого члена правления и представят на усмотрение и утверждение правительства устав компании[15].

Граф Алексей Алексеевич Бобринский, Бенедикт Крамер, Франц фон Герстнер, Иван-Конрад Плитт.

№ 6. Представление министра финансов гр. Е. Канкрина в комитет министров, 7 апреля 1836 г.*

Главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями при отношении от 23 марта сего года сообщил министру финансов положение об учреждении общества акционеров для сооружения железной дороги от С.-Петербурга до Царского Села с продолжением до Павловска, с надписью, что государь-император на приведение сего положения в исполнение изволил из'явить высочайшее соизволение.

В 61-м номере академических «Ведомостей» 15 марта сего года от составившейся по означенному случаю компании опубликовано в первый раз, что как по третьему пункту высочайшей резолюции на учреждение компании обязана она покупать потребное для построения дороги железо в России, если оно при надлежащем качестве и потребной форме обойдется не более 15% дороже английского, с поставкою последнего в С.-Петербург, то правление компании и об'являет, что имеет надобность в 110 тыс. пудах плющенных шин и 40 тыс. пудах чугунных подушек, и в 100 каретных ходах с чугунными колесами и ступицами и железными осями, с тем, что половинное количество сих вещей должно быть поставлено в С.-Петербурге не позже последнего числа майя, а остальные в половине августа, почему и приглашает желающих принять на себя поставку означенных вещей такого качества и формы, как они получаются из Англии, и в назначенные сроки явиться с предложениями в правление компании до 31 марта сего года.

Министру финансов неизвестно, явились ли желающие к поставке означенного железа и чугуна, но предполагать можно, что по отдаленности наших заводов от С.-Петербурга и по краткости срока, таковая поставка невозможна, ибо для сего надобно было бы сделать заказ за год вперед, а окончание дороги предназначено к 1 октября сего года. Впрочем, очевидно, что и сама компания не ожидала поставки

* Комитет министров. Приложения к журналам комитета, 1836 г. (апрель), № 1051, лл. 446—448.

железа из России, ибо в изданной учредителем оной иностранцем фон Герстнером брошюрке касательно сей дороги сказано, что он намеревался еще в феврале нынешнего года отправиться в Англию для необходимых заказов.

По таможенному уставу, собственноручно высочайше утвержденному, пошлина составляет за привозимое сухопутно железо, также чугун в деле 12 руб. серебром с берковца, морем же привоз того и другого запрещен, а за кузнечную работу, к которой надлежит причислить приготовленные плющенные шины, так как они прикрепляются к чугунным подушкам, привозная пошлина сухопутно назначена 36 р. серебром с берковца, морем же ввоз таковой равномерно воспрещен[16].

Из закона, собственноручно высочайше утвержденного, не может быть сделано изъятие по одному об'явленному высочайшему повелению.

До министра финансов еще не дошло требование компании о пропуске иностранного железа и чугуна, но частно известно, что фон Герстнер отправился уже отсюда за границу.

Соображение и заключение. Министр финансов, имея в виду одно об'явление и условное высочайшее разрешение о сем предмете и взяв в соображение, что, по всему вероятию, по близкому открытию навигации могут прибыть вскоре из Англии для означенной компании железные и чугунные изделия для избежания остановки и простоя, долгом считает благовременно испросить окончательное высочайшее повеление на беспошлинный пропуск выписываемого компаниею железа, чугуна и повозок в об'явленном оною при вызовах к торгам количестве, о чем имеет честь представить на разрешение комитета г.г. министров.

Министр финансов генерал-от-инфантерии граф Канкрин.

№ 7. Представление министра финансов гр. Е. Канкрина в комитет министров, 29 июля 1837 г.*

По высочайшему повелению вашего императорского величества статс-секретарь Лонгинов препроводил 27 сего июля к министру финансов всеподданнейшее прошение учредителей общества Царскосельской железной дороги графа Бобринского, Крамера, Плитта и Герстнера о ссуде обществу полтора миллиона рублей по примеру подобных ссуд на разные общеполезные постройки, на 37-летних правилах, без вычета премии, под залог железа, машин и строений, принадлежащих обществу.

В прошении сем изложено следующее:

На основании привиллегии капитал общества построения Царскосельской железной дороги определен в 3 500 000 р. Между тем со времени составления сметы на устройство дороги цены на железо в Англии возвысились; владельцы земель, отходящих под дорогу, потребовали значительных сумм; строения обошлись дороже сметного исчисления; перенесение заведений на Волковом поле и церкви лейб-гвардии Семеновского полка не были вовсе в виду, и, кроме сего, потребовались некоторые непредвиденные расходы. Таким образом капитал 3½ миллиона рублей оказался недостаточным для довершения всего предприятия, и хотя настоящие способы общества позволяют открыть дорогу от площади у полковой церкви лейб-гвардии Семеновского

* Комитет министров. Приложения к журналам комитета, 1837 г. (август), № 1121, лл. 94—102. На документе резолюция Николая I: «Согласен».

полка в течение будущего августа месяца, если погода будет благоприятствовать, но для продолжения оной и до пункта, назначенного в привиллегии, т. е. до Фонтанки, надлежит приобрести место, построить здание для сбора публики, завести полное число паровозов, экипажей и прочих принадлежностей, на что потребуется еще 1 500 000 р.

Учредители общества Царскосельской железной дороги, ревнуя вполне привести к окончанию предприятие, приемлют смелость всеподданнейше просить о всемилостивейшем соизволении ссудить капитал полтора миллиона рублей, по примеру подобных ссуд, произведенных на разные общеполезные постройки, на 36 *-летних правилах, без вычета премии, под залог железа, машин и строений, принадлежащих обществу, с тем, чтобы из собираемого дохода, прежде выдачи дивидента, 90 т. р. были ежегодно обращаемы на уплату процентов и капитала.

При поездке, бывшей в Павловске в минувшем июне месяце, в один день проезжало по железной дороге до 4 500 особ, посему можно предполагать, что по открытии дороги от С.-Петербурга несколько благоприятных дней могут покрыть весь годовой платеж на просимую сумму.

В доказательство, что ценность Царскосельской железной дороги, простирающаяся машинами и железом на 1 418 699 р., строениями на 486 022 р. и приобретенною землею на 102 428 р. всего же на 2 030 149 р., представляет достаточное обеспечение на ссуду 1½ миллиона р., учредители общества приводят письмо банкира Бетмана **, в котором он из'являет намерение свое вступить в сношение с обществом относительно ссуды по прошествии некоторого времени, когда настоящие всем известные стесненные обстоятельства торговли переменятся.

Когда же дорога будет приведена к совершенному окончанию, то помянутое обеспечение увеличится до трех миллионов рублей.

Доверенность иностранцев к предприятию общества доказывается вполне тем, что они приняли в нем участие на сумму около полутора миллиона рублей, и учредители общества повергают на высочайшее воззрение полученное ими от саксонских акционеров мнение, в котором они, между прочим, из'являют согласие на заключение займа для продолжения железной дороги от Царского Села до Ижоры.

Окончание всех железных дорог в чужих краях было произведено с помощью дополнительных займов под залог дороги. В Англии казначейство производит ссуды за 3 и 4 процента, под залог дороги, коль скоро две трети оной приведены к окончанию. Во Франции правительство не только расположено для устройства железных дорог производить ссуды, но даже предлагало капиталы безвозмездно; для дороги от Парижа до границ Бельгии было выдано 20 миллионов франков, а при построении дороги от Лиона до Марселя правительство поручилось за 4-процентный платеж на капитал в 70 миллионов франков.

В заключение учредители общества Царскосельской железной дороги представляют, что главная цель сего предприятия, состоявшая в разрешении сомнения относительно влияния климата на возможность существования железных дорог в России, вполне достигнута. Несмотря на общее мнение, что снег будет непреодолимым препят-

---

* Ошибка в тексте; надо: «37-летних». — *М. К.*

** Письма банкира в делах нет. — *М. К.*

ствием к зимнему сообщению по железной дороге, опыты, произведенные зимою на расстоянии 7½ верст от города Павловска до села Кузьмина, при всех изменениях погоды, без малейшего повреждения шин и насыпи, удовлетворительно разрешили все бывшие по сему предмету сомнения.

Таким образом Царскосельская железная дорога может почитаться началом всех будущих дорог от С.-Петербурга, и, если продолжить оную до Ижоры, то исполнение сие будет служить основанием Московской железной дороги и поощрит введение сего нового и полезного способа сообщения в других местах России.

Справка.— В последние годы по высочайшим указам произведены были из заемного банка, на счет земских сборов и городских доходов, некоторые ссуды на общественные постройки, как-то: на улучшение системы королевского канала*, на планирование и мощение улиц в городе Киеве и на устроение разных шоссе.

Заключение.— Сообразив сию просьбу, министр финансов находит:

1) С одной стороны, открывается, что если общество не будет иметь достаточного капитала, то, по крайней мере в нынешнем году, не может продолжить железной дороги до Фонтанки, устроить дом для сбора проезжающих и обзавестись достаточным числом локомотивов; заем же капитала в чужих краях не заключает определительного удостоверения.

2) С другой стороны, поставляется на вид:

а) что государственное казначейство не может сделать столь значительной ссуды; по правилам же банков, оная составила бы из'ятие, особливо относительно обеспечения;

б) что мнения людей на счет будущей пользы железных дорог, кои,— как писал и граф Сент-Альдегонд из Англии,— только там могут быть прибыльны, где весьма большое передвижение людей — раздельны;

в) стремление же к устройству таковых дорог с участием правительств, а еще более к ажиотажу акциями, есть явление времени, не представляющее доказательства успеха;

г) что о здешней именно железной дороге мнения также различны; что железные шины с оной, в случае неудачи по условиям привиллегий, не могут быть проданы в России;

е) что по сим уважениям нет ручательства в достаточности ни материального залога, ниже того, который бы мог произойти от успехов и дохода сего предприятия.

По всем сим доводам министр финансов, удерживаясь дать по сему делу решительное мнение и не присваивая частному своему убеждению преимущественной уважительности, приемлет долг представить на высочайшее благоусмотрение, не благоугодно ли будет вашему императорскому величеству разрешить внесение сей записки, с просьбою общества и всеми приложениями, на обсуждение комитета министров[17].

Генерал-от-инфантерии граф Канкрин.

№ 8. Письмо московского военного ген.-губернатора кн. Д. В. Голицына Николаю I, 21 марта 1838 г.**

Статский советник Абаза, известный мне и многим по хорошим его нравственным качествам и расчетливому уму во всех коммерческих

* Канал герцога Виртембергского.

** Соб. е. и. в. канцелярия, 1838 г., д. № 6241, л. 347.

делах, доставил ко мне составленный им проект об устройстве железной дороги от С.-Петербурга до Москвы, прося меня повергнуть оный на высочайшее благоусмотрение вашего императорского величества.

Всеподданнейше представляя при сем упомянутый проект в том виде, в каком оный мне представлен, с тремя приложениями, на всемилостивейшее вашего императорского величества усмотрение, я приемлю смелость при том доложить, что так как сооружение железной дороги между столицами есть предмет весьма важный, и мнение об оном требует вернейших доказательств на все представляемые Абазою выводы и расчеты, то не благоугодно ли будет вашему императорскому величеству, ежели мысль об устройстве этой дороги удостоится высочайшего одобрения,— повелеть означенный проект по просьбе самого сочинителя рассмотреть в особом комитете и, для сокращения времени, приглашать в оный, когда надобность встретится, для личных об'яснений Абазу.

Московский военный генерал-губернатор князь Голицын.

№ 9. Проект учреждения акционерного общества устройства железной дороги от С.-Петербурга до Москвы, 21 марта 1838 г.*

Устройство дороги сей, по необыкновенному влиянию на торговлю, промышленность, земледелие и вообще государственное благосостояние, столь важно, и, по мнению нашему, столь необходимо, что для исполнения требует всех усилий и покровительства всемилостивейшего государя нашего и деятельного участия всех благомыслящих граждан и капиталистов.

Надеясь, что с сей точки зрения мысль наша или, лучше сказать, мысль народная, заслужит высочайшее одобрение, мы постараемся доказать, что она может быть исполнена в техническом отношении и доставит на употребленные капиталы 10% на рубль чистой прибыли, ежели на дороге сей устроятся двойные колеи: одни для быстрой почтовой езды самодвижными паровыми машинами, другие для дешевой перевозки тягостей лошадьми. Значительный барыш, который приобретется на сих последних колеях, поддержит расходы, требующиеся для содержания всего состава этой дороги.

Всем известны причины, почему мудрый преобразователь России основал С.-Петербург в столь отдаленном краю. Настоящее внутреннее и внешнее наше могущество доказало, что он не ошибся, сблизив русских через Петербург с просвещенною Европою. Но Великий Петр, предвидя в этой мысли зародыш будущего благоденствия любезной ему России, видел также и неудобства, сопряженные с отдалением своей резиденции от средины государства. Чтобы помочь этому, он устроил Вышневолоцкий канал и шлюзы, учредил ямские слободы между Москвою и С.-Петербургом для почтовой гоньбы и построил каменные и деревянные мостовые, стараясь чрез сии в то время лучшие удобства сообщений сократить сколь можно путь к новой своей столице. Великая Екатерина и в особенности незабвенный наш государь Александр Павлович также всемерно заботились усовершенствованием Вышневолоцкой судоходной системы, устройством Тихвинского и Мариинского каналов и, наконец, Московским шоссе приблизить свою прекрасную столицу к центру государства.

Теперь настало время подвинуть ее еще более к России посредством железной дороги и, следуя за прочими совершенствами промышлен-

* Соб. е. и. в. канцелярия, 1838 г., д. № 241, лл. 348—376.

ности, ознаменовать настоящее славное царствование исполнением такого предприятия, которое столь же быстро разовьет дальнейшее внутреннее благосостояние наше, как быстро несутся паровозы. Сила паров мощною рукою поставит Петербург в средине государства и, тесно соединив между собою две столицы, раскроет неисчислимое множество новых источников богатства и благоденствия между всеми сословиями.

Время есть драгоценнейшее достояние человечества. Железные дороги его сберегают и самую жизнь нашу делают длиннее, предоставляя нам пользоваться тем временем, которое мы бесполезно теряем на скучных наших дорогах. Удобство переезжать и перевозить скоро к С.-Петербургскому порту ценные товары, для заграничного отпуска требующиеся, умножит везде производительную деятельность и особенно откроет заводской, фабричной и торговой промышленности возможность употреблять гораздо менее денег для оборотов своих. Если же оборотный капитал уменьшится, то и цена на отпускные товары наши понизится в Петербурге, с чем вместе откроется более возможности сбывать оные за границу, не опасаясь соперничества иноземного. Железные дороги во всей Европе и наипаче в Северной Америке, производящей часть тех же самых сырых товаров, кои отпускаются из России, до такой степени понижают цену там на товары сии, что весьма скоро требование оных от нас может уменьшиться, ежели мы не возьмем в помощь того же оружия, которым иностранцы стараются победить нашу торговую промышленность.

Само правительство извлечет при устроении этой дороги многие удобства и экономию в государственных расходах. Не говоря уже о второстепенных выгодах: скором сообщении между двух столиц, дешевизне перевозки комиссариатских потребностей, обеспечении продовольствия С.-Петербурга в случае мелководья и прочее, мы упомянем, что, имея железную дорогу от Москвы чрез Тверь и Вышний Волочек до С.-Петербурга, можно всегда удовлетворять нашими произведениями экстренные требования иностранцев и доставить правительству возможность в несколько дней собрать в Петербург большую массу войск, расположенных в Московской и окрестных губерниях, где продовольствие их обойдется едва ли не вдвое дешевле, чем в северных губерниях, и откуда наши западные границы ближе чем от Петербурга. Наконец, что всего важнее, обожаемый нами монарх чрез быстрое сообщение получит более возможности наблюдать за скорым и точным исполнением священной, всегда справедливой его воли для благоденствия народного.

Назад тому 35-ть лет народонаселение С.-Петербурга не превышало 250 т. человек. Тогда одной Вышневолоцкой системы, доставлявшей всего 20 миллионов пудов разных тягостей, достаточно было для перевозки туда из внутренних губерний продовольствия жителям и российских произведений для заграничного отпуска. Ныне народонаселение возросло в С.-Петербурге до 500 т. человек и, хотя деятельность сей системы увеличилась перевозкою еще излишних 10 миллионов пудов, однако и два новые водяные пути доставляют в Петербург от 15 до 20 миллионов пудов ежегодно. В сей соразмерности умножилось и число проезжающих между двух столиц. Следовательно, ежели в течение прошедших 35 лет потребности новой столицы и проезды в ней более нежели удвоились, то весьма правдоподобно, что прибавляющееся там народонаселение, торговля и промышленность скоро потребуют туда из внутренних губерний чрез Нижний-Новгород, Москву

и Гжатские пристани ежегодно до весьмидесяти миллионов пудов тягостей и значительно увеличат число проезжающих *.

Конечно, нам на это скажут, что по мере надобности в сообщениях благодетельное правительство усилит и водяные пути; но для сего надобно вновь употребить безвозвратно огромные казенные капиталы, не достигнув ни малейше удобств железной дороги, по которой, кроме скорой и верной перевозки небольшого количества дорогих тягостей, требующихся за границу, водворится быстрое сообщение для проезжающих между двух столиц. Мудрено соорудить нам столько каналов, сколько вырыто оных в Англии, Франции и Голландии. На них употреблены неисчислимые суммы, и хотя они считались тогда совершеннейшими сообщениями, но великое открытие летучего пути по железным дорогам заставляет теперь всю Европу и Америку обращаться к сему способу сообщений, более сообразному с настоящими народными нуждами **. Раскрыв историю прошедших времян, мы удостоверимся, что ни одно из человеческих изобретений не распространилось столь быстро, несмотря на то, что ни одно не требовало столько капиталов. Англия, отечество железных дорог, начав первый опыт устроения Ливерпульской дороги в 1827 г., теперь покрыта уже во всех направлениях сетью оных. Америка, воспользуясь примером Англии и соединив железные дороги с пароходством по многочисленным своим рекам открыла скорое сообщение с самыми отдаленными странами и, быстро умножа чрез сие производительную деятельность малочисленного народонаселения, возвысила цену собственностей во всем государстве. Франция построила также несколько таких дорог, и в эту минуту предполагается там устроить оные по многим направлениям: от Парижа к Брюсселю, и чрез Страсбург к границам Германии; из Ормана в Бордо; из Лиона в Марсель и прочее. Бельгия покрывается также сими дорогами, от Брюсселя во все стороны. Пруссия устраивает железную дорогу из Берлина в Потсдам. Германия, несмотря на расчетливость свою и недостаточные средства, построила уже некоторые железные дороги и теперь строит из Лейпцига в Дрезден, из Франфурхта *** в Маянц ****; из Аусбурга в Мюнхен и из Вены в Боснию. Сия последняя дорога, на протяжении 425 верст, наипаче заслуживает наше внимание, сколько по близости своей к российским границам, столько и по расчетливому плану устроения. Она обойдется меньше 60 т. рублей верста в две колеи. Словом сказать, все постигли важность этого полезного изобретения и спешат им воспользоваться при помощи науки и опыта, открывающих ежедневно способы к дешевейшему устройству железных дорог.

Мы не станем оспаривать мнение многих, что вообще Россия, исключая столиц, еще не довольно заселена для железных дорог. По этой причине мы и предлагаем устроить нашу дорогу между С.-Петербургом и Москвою, и не с одними почтовыми колеями. Мысль наша соединить с ними, на одной насыпи, колеи для перевозки лошадьми дорогих тягостей, наиболее требующихся в С.-Петербург для заграничного отпуска, делает устроение этой железной дороги и у нас возможным. Расчет, нами представляемый,

---

* Теперь через Нижний-Новгород и Гжатские пристани доставляются туда от 50 до 60 миллионов пудов. (Примеч. в подлиннике.)

** Известно, что там теперь возят тягости только по тем каналам и рекам против течения, по коим могут ходить пароходы. Во всех же прочих случаях водяные пути заменяются железными дорогами. (Примеч. в подлиннике.)

*** Франкфурт на Майне. — *М. К.*

**** Майнц. — *М. К.*

о количестве денежного сбора с проезжающих и провоза товаров, равно и расходов, для содержания дороги сей потребных, ясно это доказывают. Да и может ли быть иначе? Дорога сия соединит 850 т. жителей двух столиц обширного и сильно возрастающего государства; соединит для быстрых сношений центр внутренней торговли с первым нашим портом и пособит главной линии нашего судоходства с тех пунктов, где природа представляет неудобства для водяного пути.

Итак, обнаружив, что потребности Петербурга и проезды к оному ежегодно увеличиваются, и что сближение сей новой столицы нашей к центру России принесет величайшую пользу всему государству, кажется нам, необходимо последовать примеру всех других промышленных народов и учреждать у себя между двух столиц железную дорогу. Если дороги сии устроили в чужих краях, где нет почти зимы, то как же нам не помогать ими водяным сообщениям, открытым у нас для судоходства только половину года, не помогать самому зимнему пути, который увеличивающееся между двух столиц сильное движение обозов делает неудобным и медленным, от бесконечных ухабов в средине зимы и от недостатку на шоссе снегу в начале и конце зимы?

Мы не мыслим, чтобы дешевые хлебные и продовольственные товары могли предпочтительно перевозиться по железной дороге, особенно если учредится пароходство завозами от Нижнего до Рыбинска, и когда увенчается счастливым успехом предпринятое умным и деятельным начальством путей сообщения улучшение судоходства по Волге от Рыбинска до Твери; но мы желаем доставлять в С.-Петербург, из числа 50 миллионов пудов, чрез Нижний-Новгород плывущих, с Моршанской, Орловской и других внутренних на Оке пристаней до 3 миллионов пудов: пшеницы, сала и прочих дорогих тягостей. Товары сии по окончании предназначенного правительством устройства на Москве-реке шлюзов и боковых плотин могут доставляться с сих пристаней прямо в Москву, дешевле чем в Рыбинск. Мы желаем также отправлять из Москвы вместо Гжатских пристаней, нередко осыхающих: сала, пеньки, конопляного масла и пр. до 4 миллионов пудов *; а всего от водяных путей мы не мыслим и не надеемся отделить для нашей дороги более 7 миллионов пудов ценных товаров, предпочтительно требующихся для заграничного отпуска. Остальные же чрез Нижний-Новгород и с Гжатских пристаней идущие до 53 миллионов пудов разных тягостей и все количество, которое в течение восьми лет, до устроения железной дороги, потребует прибавляющееся народонаселение в С.-Петербурге, доставляться будет, без сомнения, по прежнему дешевыми водяными путями, исключая экстренных требований, необыкновенного мелководья и ранней зимы. Тогда все товары, доплывшие только до Твери, могут считаться уже пришедшими в Петербург. Железная дорога никаких препятствий не боится и по ней, во всякое время года, от Твери до С.-Петербурга перевозиться могут все товары в несколько дней. Но всего полезнее и всего важнее есть то, что, отделив от судоходных сообщений помянутые семь миллионов пудов дорогих тягостей для перевозки оных в С.-Петербург,

---

* Товары сии перевозятся теперь зимою из Курска и Орла на Гжатские пристани, кои оттуда до 100 верст далее Москвы. Следовательно перевозка их на железную дорогу в Москву обойдется дешевле 15 коп. за пуд, которые, взамен того, торгующие охотно заплатят обществу, обязанному доставлять их товар во всякое время года в несколько дней из Москвы в Петербург, не дороже 50 коп. за пуд. (Примеч. в подлиннике.)

дешево на лошадях * по той же самой железной дороге, по которой с значительными издержками быстро летать будут на самодвижных паровых машинах проезжающие между двух столиц, мы откроем возможность к сооружению этой дороги не только для общего блага государства и для исполнения любимой народной мысли, но и с выгодою для капиталистов, кои в сем деле участвовать пожелают.

Устроение дороги сей в техническом отношении, равно и проезды зимою не представляют также затруднений. Опыты по Царскосельской железной дороге должны разрешить это общее сомнение удовлетворительно. Сверх того известно, что в Северной Америке, где зима тоже довольно сурова, устроены в некоторых местах железные дороги единственно для того, чтобы возить по ним товары и ездить зимою в течение четырех месяцев, когда судоходные реки замерзают. Там не мешает снег и мороз. Но если бы у нас, иногда, в лютую, снежную зиму, на короткое время, сообщение по железной дороге и могло бы прекратиться (чего мы не предполагаем), то это временное неудобство не может до такой степени быть убыточным, чтобы заставило потерять все выгоды, приобретаемые в течение целого года. На железной дороге не будет ходить обозов на санях, без подрезов, кои раскатами и беспрерывною ездою во время самых мятелей образуют ухабы. И ежели теперь, при этом неудобстве, 2 т. человек военно-рабочих с малою постороннею помощью содержат 675 верст Московского шоссе в порядке, то как же не оградить от снегу железную дорогу, где на каждых 125 саженях учреждена будет, оседлым образом, в четыре раза многочисленнейшая стража, обязанная чистить снег и лед беспрерывно. Мы еще повторяем, что на дороге сей не будет ухабов, а рыхлые сугробы очищать не трудно, когда на каждой версте будет для этого постоянно 16 человек рабочих.

Все сии статистические и на опытах основанные соображения обнаруживают, что устроение упомянутой железной дороги у нас возможно и принесет неисчислимую пользу России, Москве и С.-Петербургу. Теперь нам остается только доказать цифрами, что и самые капиталы, для сего употребленные, дадут достаточный доход акционерам, ежели всемилостивейшему государю нашему угодно будет утвердить это предприятие своим высочайшим покровительством.

Не определив линии железной дороги и не сделав нивеллировки местоположения, конечно, трудно, с точностию, назначить капитал, для сооружения оной потребный. Но приняв за основание, что по прямой линии от С.-Петербурга до Волочка и оттуда чрез Тверь до Москвы пространство не будет превышать 600 верст и что дорога сия проходить должна по местам довольно ровным, не требующим ни тонелей, ни слишком высоких насыпей, ни покупки дорогой собственности, можно приблизительно назначить и цену, во что она обойдется.

По сему соображению и по сведениям о настоящем сооружении железных дорог в чужих краях на устроение от С.-Петербурга до Москвы нашей дороги, с двойными колеями для почтовых самодвижных паровых машин и для перевозки тягостей лошадьми, потребуется не более 120 миллионов рублей или со всеми посторонними издержками около 200 т. руб. на версту. Все железные дороги в иностранных государствах, в две колеи, по сложности за нашу версту, обошлись: в Англии, исключая Ливерпульской дороги, построенной с необыкновенною роскошью, 87 т. рублей; во Франции 160 т. руб.; в Бельгии

* По железным дорогам в иностранных государствах одна лошадь возит 10 тонн, или 630 пудов. Мы предполагаем возить 500 пудов по горизонтальной дороге. (Примеч. в подлиннике.)

66 т. руб.; в Германии до 60 т. руб.; в Америке еще дешевле. Если же для перевозки тягостей лошадьми сделать колеи деревянные, обогнутые листовым котельным железом, то нет сомнения, что наша дорога может быть сооружена с значительною экономиею против предварительной, слишком нами увеличенной, сметы. Сверх того, возможность ограничиться в расходах наших тем вероятнее, что мы не будем иметь нужды в таких поспешных распоряжениях, какие видели при постройке Царскосельской железной дороги, и обойдемся без иностранных инженеров. По мнению нашему, одним из первых хозяйственных распоряжений Общества должно быть приглашение г. Кокриля * или другого подобного ему лица, европейскою славою пользующегося, в число своих акционеров для учреждения вообще с ним в России собственного заведения, чтобы плющить рельсы и приготовлять машины. Хозяйство есть душа всякого торгового дела. Заведение сие должно быть в таком виде, чтобы сверх первоначального устройства предположенной дороги, оно могло впоследствии изготовлять для оной запасные машины, экипажи и вагоны, ремонтируя и исправляя все повреждения, а при дальнейшем устроении других железных дорог в России выполняло все для них требования. Это же заведение может быть, на счет Общества Московской железной дороги, устроено с таким планом, чтобы изготовлять и другие машины, в коих фабричная наша деятельность имеет постоянную нужду и получение коих теперь из чужих краев сопряжено с огромными издержками и затруднениями.

Таким образом, приняв за основание, что на сооружение этой дороги достаточно будет 120 миллионов руб., исчисленных в представляемой примерной смете, можно составить предлагаемое общество и собрать сей капитал, выпустив 200 т. акций в 600 руб. каждую, на следующем основании:

1) Сбор этого капитала разделить на шесть лет,— время, назначаемое для сооружения всей дороги,— так, чтобы в каждый год взносилось за акцию по 100 руб. Если же по учинении формальных смет, основанных на местных соображениях и изысканиях, равно и принятии способа устроения нашей дороги по дешевому австрийскому способу обнаружится, что на сооружение оной между Москвою и С.-Петербургом нужно будет меньше 120 миллионов руб., значительно из осторожности нами увеличенных, тогда и акции выпустить только на ту сумму, которая действительно потребуется.

2) Всеподданнейше просить его императорское величество, чтобы он осчастливил Общество личным своим участием в сем деле и соизволил взять некоторое количество акций на собственное имя.

3) Остальные затем акции разделить на две части: одну разослать для раздачи по губерниям, а на другую пригласить подписчиков в обеих столицах. Но ежели в течение одного года от высочайшего утверждения состава Общества все 200 т. акций не разберутся в России, тогда предложить участие в приобретении оных иностранным капиталистам. Мы не смеем, однако ж, думать, чтобы при рассмотрении дела этого со стороны общей пользы в числе 60 миллионов жителей нашего любезного отечества не было для сего желающих. Напротив того, мы надеемся, что, согласясь с мнением правительства и нашим, без сомнения найдется в России 200 т. человек, кои, устраня личные выгоды, возьмут по одной акции, хотя бы это было в виде пожертвования для государства. Надежды наши, сверх того, подкрепляются еще тем, что самый взнос по 100 рублей за акцию в течение шести лет доступен для всех сословий, и что ни один народ

* Джон Коккерилль (Cockerill).

в мире не любит столько свое отечество, не стремится столь пламенно к его желанию и славе с непоколебимым самоотвержением, как россияне.

4) Высочайше пожаловать Обществу привиллегию пользоваться доходами этой дороги с исключительным правом возить по оной пассажиров и всякие тягости, не только паровыми машинами и лошадьми, но и другими силами, ежели бы оные впоследствии наука приспособила употреблять с выгодою по дорогам. Такая привиллегия никакой монополии не представляет. У нас останутся для перевозки тягостей водяной путь и зимний полоз, а для приезжающих ямщики и шоссе. Соперничество между сими путями и нашею дорогою всегда достаточно обеспечит дешевизну проездов и провозов.

5) Благодетельное правительство в особенном внимании к составу этого полезного Общества и для облегчения сбора столь огромной суммы доставит дворянству, нуждающемуся более купечества ныне в капиталах, следующие преимущества: а) каждому владельцу недвижимого имения, заложенного в Опекунских советах, желающему вступить в число акционеров Общества, выдавать из тех советов, сверх нынешних займов, еще на каждую душу прибавочных по 50 руб. и отсылать все деньги сии в правление Общества железной дороги *. Прибавкою по 50 руб. на душу и новым залогом на сем основании незаложенных еще деревень, единственно для покупки помянутых акций, могут воспользоваться только те помещики, которых имения, по действительной ценности, утвержденной дворянским предводителем, стоят за душу сто рублей дороже банковой настоящей оценки. б) Так как Опекунские советы сделались почти исключительным кредитным установлением для дворянства, то сии прибавочные займы производить только из одних советов с.-петербургского и московского; а чтобы они не стеснены были в обороте капиталов, то отделить для сего только по пяти миллионов рублей ежегодно в течение шести лет. в) По получении уведомления из советов о таковых займах правление Общества железной дороги выдает помещикам то количество акций, которое на следующие из Опекунских советов деньги причитаться будет. г) Возвратное поступление в Опекунские советы таковых сумм, обеспеченных имением, распределить от самых владельцев, на общих правилах займов.

6) Чтобы вообще все акционеры Общества могли воспользоваться тотчас доходом на вложенные суммы, то уплачивать им с первого года по пяти процентов на весь капитал, который ими взноситься будет в правление Общества за акции, в назначенные сроки. Для этого потребуется до семи миллионов рублей из самого капитала в течение первых трех лет до устроения дороги от С.-Петербурга до Волочка **. В остальные же затем три года, пока окончится дорога до Москвы, доходы с пассажиров и провоза тягостей от Волочка до С.-Петербурга достаточны будут для платежа по пяти процентов на всю взнесенную по то время сумму. Это распоряжение, обеспечивая акционеров в получении пяти процентов на их капитал во время построения дороги, приохотит участвовать в сем деле тех, кои живут доходами с капиталов своих, в кредитных учреждениях обращающихся.

---

* Подобным пособием пользуются уже по милости государя некоторые фабриканты и заводчики для поддержания их промышленности. Как же не надеяться новому Обществу на высочайшее покровительство в этом государственном предприятии? (Примеч. в подлиннике.)

** Сумма сия отделена в смете расходов из 120 миллионов руб., назначенных для содержания дороги (Примеч. в подлиннике.)

7) В последующие затем годы Общество при полном действии устроенного сообщения станет разделять всю прибыль, исчисленную примерно в приложенном соображении, составленном из настоящего и ожидаемого движения торговли и проездов. По сему соображению за перевозку семи миллионов пудов ценных товаров, отделяемых от северных водяных путей, и семи миллионов пудов, сухопутно ныне перевозимых от Москвы до С.-Петербурга и обратно, разных для мануфактурной промышленности и торговли иностранных товаров и продовольственных припасов, поступит до 9 100 000 руб. и от проезда 80 т. пассажиров в С.-Петербург и обратно в Москву, такого же количества в экипажах и 30 т. рабочего народа из Московской и соседних губерний в открытых вагонах до 12 000 000 руб.; а всею от провоза тягостей и проездов по этой дороге может поступать ежегодно до 22 000 000 рублей *; за отделением же из сего количества 10 270 000 руб., исчисленных в представляемом соображении на расходы, остаться может чистой прибыли до 11 730 000 руб., или на 120 миллионов капитала около 10 процентов на рубль. Сих выгод слишком довольно для поощрения всех соотечественников наших принять участие в деле, столько пользу государству обещающем. Если же мы возьмем в соображение возрастающее в России и обеих столицах народонаселение и промышленность, равно и умножение взаимных сношений чрез быстрое и дешевое сообщение, то нет сомнения, что доходы Общества превзойдут настоящие расчеты и надежды. Мы должны далеко уйти от примеров целой Европы. Там с открытием железных дорог движение усиливается не меньше шести раз. Но там и расстояния не столь велики. Следовательно, там и до железных дорог движение было значительнее нашего, и ежели оно там умножилось в шесть раз, то, конечно, у нас оно умножится гораздо больше. Теперь 700 верст беспокойного четырехсуточного пути и беспечность ямщиков, подвергающих нас стольким несчастиям, редко кого заставят ехать из Москвы в Петербург без самой крайней необходимости. По железной же дороге кто не захочет покойно прокатиться 15 или 20 часов единственно для того, чтобы посмотреть с народною гордостью на лучшее украшение русского царства **.

8) Акции сего общества принимать в залог по всем казенным подрядам, поставкам и откупам в половину биржевого на них курса и не выше половины именовательной их цены.

9) Высочайше пожаловать Обществу право покупки недвижимой собственности для железной дороги у владельцев на основании узаконения приобретать в казну частные имения для общеполезных учреждений.

10) По вышеизъясненному плану перевозиться будут в Петербург до

---

* Цены за провозы и проезды назначены ниже настоящих сухопутных и с небольшим повышением против водяных путей. (Примеч. в подлиннике).

** В расчете нашем мы предположили, что движение умножится у нас против настоящего только в четыре раза. Теперь между Москвою и Петербургом проезжает 10 т. экипажей или до 40 т. человек. Если же судить по примеру прошедшего времени, то оно через 8 лет, и без железной дороги, может усилиться на одну пятую доли. Следовательно, движение это умножится только с небольшим в три раза против того, как оно должно быть в то время, когда железная дорога будет открыта. Известно также, что и самая перевозка тягостей по железным дорогам против обыкновенных дорог в чужих краях значительно увеличилась. Предлагаемая же нами дорога, сверх вышеисчисленных выгод, будет верным вспомогательным средством нашему судоходству в случае нужды от Твери до С.-Петербурга. Но мы не приняли сего в расчет наш, хотя надежда на это составляет весьма важный запас к усилению доходов с Московской железной дороги. (Примеч. в подлиннике.)

11 миллионов пудов тягостей из Москвы и из С.-Петербурга в Москву до 3 миллионов пудов разных товаров по железной дороге на лошадях *. На ней устроятся на каждых 25 верстах двойные раз'ездные колеи, где учреждены будут станции и сборные пункты для принятия на вагоны тягостей из прилегающих к дороге мест, а отправляемые на лошадях из Москвы товары ежедневно раз'езжать станут с идущими из Петербурга и порожними вагонами. Сим порядком все тягости могут доставляться из Москвы в Петербург на переменяемых в 6 дней, или на одних лошадях в 12 дней, не страшась ранней зимы, опасности водяных путей и боровицких порогов **. Что же принадлежит до второй линии особенных рельсов (колеи), которые на сей же дороге устроятся для почтовой езды на самодвижных паровых машинах, то, чтобы дать возможность пассажирам ежедневно отправляться из Москвы и Петербурга, сделаны будут в Вышнем-Волочке также двойные колеи для раз'езда экипажей. Там в это время переменят паровозы, а пассажиры отдохнут в обширной гостинице Общества. Распоряжение это совершенно обеспечит проезжающих от несчастных последствий при встрече экипажей. По сим же почтовым колеям могут доставляться из Москвы в Петербург и обратно в 15 или 20 часов и самые дорогие товары, фрукты, овощи и прочее. Это быстрое сообщение сделает Москву первым нашим портом, а Петербург центром государства, водворя там желаемую дешевизну.

11) Для надзора за исправностию дороги, очистки снегу и льду и передачи телеграфических сведений, по всему протяжению от С.-Петербурга до Москвы, учредить стражу из отставных военных чинов. Таким образом 8 т. человек наших заслуженных воинов получат покойное, новое занятие с хорошим жалованьем. Для помещения стражи сей устроить малые казармы или теплые будки, подобные полицейским в С.-Петербурге, по четыре на каждой версте, и учредить на них небольшие телеграфы для передачи в один час времени из С.-Петербурга в Москву не только всякого рода сведений и приказаний надзирателей за дорогою, но и воли самого правительства. В особенности же сии телеграфы полезны будут для предосторожности на случай неожидаемых в пути остановок при проезде с пассажирами самодвижных паровых машин и вагонов с товарами.

12) По составе Общества предоставить оному войти в сношение с учредителями Царскосельской железной дороги, и, ежели возможно будет, на обоюдно выгодных условиях присоединить сию дорогу к Московской.

В заключение сего нам остается только сказать, что ежели бы сей краткий проект о устроении железной дороги между С.-Петербургом и Москвою удостоился высочайшего внимания, то мы осмеливаемся просить сделать тогда следующие предварительные распоряжения: а) составить особенный комитет для рассмотрения сего проекта; б) еже-

---

* Таким образом взамен настоящей почтовой гоньбы и извозов ямщики Московской, Тверской, Новгородской и С.-Петербургской губерний заработают ежегодно на своих лошадях до двух миллионов рублей, исчисленных в представляемом соображении. Сверх того, занятия их умножаются от перевозки товаров на железную дорогу с боковых обыкновенных дорог. В нравственном отношении ямщики при этом также ничего не потеряют. Постоянное, определительное занятие на железной дороге приучит их к труду, точности, порядку и избавит от пороков и бедности, неразлучных спутников праздного ожидания работы у почтовых дворов. (Примеч. в подлиннике.)

** Опасность эта наипаче важна для пеньки и пшеницы, более ценным и гибели подверженным от воды товарам. (Примеч. в подлиннике.)

ли комитет сей найдет предположения наши основательными и устроение железной дороги между С.-Петербургом и Москвою за 120 миллионов руб. возможным, по примеру иностранных дорог, то сделает надлежащие распоряжения о производстве инженерных изысканий, необходимых для сооружения сей дороги от С.-Петербурга по прямой линии до Волочка и оттуда чрез Тверь до Москвы; в) чтобы выиграть время изыскания, таковые поручить раздельно нескольким лучшим офицерам с приказанием окончить работы сии непременно в два года; г) в это же время отправить в чужие края одного из самых отличных и опытных офицеров корпуса путей сообщения для собрания во всей Европе необходимых, на опыте основанных, сведений о сооружении железных дорог; д) все расходы сего вояжа, нивеллировки, смет и планов, сделанные правительством, Общество Московской железной дороги примет на свой счет; е) когда проект сей заслужит одобрения комитета, и он сделает все помянутые предварительные распоряжения, то дозволить нам на вышеизложенных основаниях составить подробный проект устава Общества Московской железной дороги и представить оный на высочайшее утверждение; ж) вместе с тем самый сей проект на счет наш напечатать для предварительного сведения публики и для приглашения желающих доставлять в комитет свои против проекта замечания. Дело это слишком важно, слишком большое имеет влияние на государственное и частное благосостояние, а потому и требует основательного со всех сторон обсуждения и расчета; з) тогда же дозволить учредителям собирать подписки на акции, частным образом, без взноса денег, для того только, чтобы выиграть время к скорейшему образованию Общества; и) первоначальным подписчикам предоставить преимущество в получении подписанного числа акций пред теми, кои из'явят желание участвовать в разборе оных после высочайшего утверждения устава Общества; і) так как чрез сооружения этой дороги выигрывает более всех Москва, где, кроме других выгод, ценность собственности должна значительно возвыситься, то мы считаем весьма полезным просить московского военного генерал-губернатора князя Дмитрия Владимировича Голицына принять на себя звание почетного учредителя Общества Московской железной дороги. Покровительство его доставит способы для раздачи большего количества акций московским капиталистам, всегда готовым разделять благодетельные виды правительства и своего любимого градоначальника.

Такие предварительные распоряжения, открыв вполне все основание, все данности, необходимые для сооружения этой общеполезной дороги, совершенно обеспечат правительство и акционеров в возможности оную устроить, и если бы в отечестве нашем не нашлось для этого довольно денег (чего мы не предполагаем), то положительность соображений, сими распоряжениями обнаруженных, без сомнения привлечет в Россию иностранные капиталы для дальнейшего развития внутренней нашей производительной деятельности. Наконец, и самые сии 120 миллионов руб., на устроение дороги требующиеся, мы не отдадим в чужие руки, а станем рассыпать их в течение шести лет между русским народом, которого руками эта драгоценная дорога, оберегающая время и уничтожающая расстояние, сооружиться должна к вечной славе ныне царствующего государя.

Статский советник Аггей Васильев сын Абаза[18].

№ 10. Замечания главноуправляющего путей сообщения и публичных зданий гр. Толя на проект А. Абазы, апрель 1838 г. *

1) Число пассажиров по Московскому шоссе полагается в 40 т.— это преувеличено.

2) Предположение, что по устройстве железной дороги это число пассажиров учетверится, тогда как издержки проезда на одно лицо будут простираться до 75 р., также преувеличено, ибо эта цена равняется почти тому, что платят ныне средним числом за место в дилижансе, а по самым простым правилам политической экономии известно, что число людей, пользующихся за деньги удовлетворением какой-либо их надобности, возрастает только при уменьшении цены, платимой за таковое удовлетворение.

Одним словом, вычисления г. Абазы о доходе с пассажиров столь преувеличены, что они никоим образом не могут быть приняты в основание.

3) Предположение г. Абазы, что по устройстве железной дороги от судоходной клади отделится до 7 миллионов пудов, которые будут доставляться упомянутою дорогою, платя за проезд по 50 коп. с пуда, также неосновательно, ибо известно, что за перевоз клади даже из Рыбинска до С.-Петербурга, по Мариинской и Вышневолоцкой системам, платится от 30 до 40 коп. за пуд, а с Гжатских пристаней платится до С.-Петербурга еще менее. Следовательно, никто не повезет кладь по железной дороге, зная, что водяным путем можно доставлять ее дешевле. Соображения же, что по железной дороге эта кладь перевезется скорее, ни к чему не поведут, ибо товары, отправляемые в чужие края, в числе коих пенька и сало занимают первое место, приходят с Гжатских пристаней в С.-Петербург и ныне водою при самом начале лета, и именно к той поре, когда фрахт в Балтийском море самый дешевый. Затем платить излишние деньги за то, чтобы означенные товары привезти еще скорее, без всякой в том надобности, есть напрасная утрата капиталов.

4) С.-Петербург соединен с внутренними губерниями империи превосходнейшими водяными сообщениями, кои за всем тем могут еще быть значительно улучшены; если же судоходство по ним идет медленно, то это оттого, что судоотправители рассчитывают, как бы кладь доставить дешевле, а не как бы доставить ее скорее, ибо самые эти сообщения по ближайшей справке доставляют полную возможность доставить кладь в С.-Петербург в два с половиною или три месяца, даже с пристаней реки Чусовой, как отдаленнейших от Петербурга. Затем, когда из самого опыта оказывается, что главное условие, коему подчинена внутренняя торговля земледельческих произведений в России, есть дешевизна, а не поспешность перевозок, то, кажется, еще не время приступать к таким предприятиям, кои основаны на совершенно противном правиле и в пользу коих можно привести некоторые только случаи из'ятий, а не главную массу торговых сношений.

5) Из всего этого остается заключить, что доходы от железной дороги между С.-Петербургом и Москвою в настоящем положении промышленности далеко не вознаградят за употребление на это дело 120 миллиардов руб., а если предположить, как это весьма вероятно по опыту Царскосельской дороги, что расходы на устройство сей железной дороги превзойдут значительно этот капитал, то неизбежным послед-

* Управление Николаевской жел. дорогой. Канцелярия комитета и строительной комиссии С.-Петербурго-Московской жел. дор., св. № 174, арх. № 9/99, лл. 17—20.

ствием предприятия г. Абазы будет совершенная неудача оного, и неудача тем более чувствительная, что чрез нее устранится из оборотов предприимчивой промышленности более 120 миллионов руб., которые при нынешнем стремлении к улучшениям, будучи употреблены на другое полезное дело, могли бы значительно подвинуть вперед Россию в государственном ее хозяйстве.

№ 11. Замечания министра финансов гр. Е. Канкрина на проект А. Абазы, апрель 1838 г.*.

При прочтении проекта г. Абазы о железной дороге в Москву министру финансов встретились следующие примечания:

1) Хотя проект сей об'ясняется риторическим слогом о пользе железных дорог, но, повидимому, неизвестны были последние заключения знающих людей о том, в каких случаях действительно полезны железные дороги. Тут весьма важен рапорт бельгийского министра о мере пользы железных дорог в Бельгии; не должно смешивать истинных убеждений со страстью биржевой игры и принимать за оконченные дороги, которые только предположены на бумаге для биржевых спекуляций. Нынешний кризис в Северной Америке, между прочим, происходит и от того, что преждевременно положено излишнее множество капиталов на постройку дорог и каналов, не приносящих соразмерного дохода.

2) Последний результат, кажется, тот, что железные дороги на длинных дистанциях подвержены большим сомнениям.

3) Расчеты об издержках дороги не имеют никакого положительного основания.

4) Не упоминая о том, что вообще акции за срочными платежами не благонадежны, весьма сомневаться должно, чтобы в России собрать 120 миллионов руб., а если бы и были оные собраны, то должны бы быть истребованы из банков, где наиболее находятся частные капиталы. Обратиться к иностранным капиталам было бы вредно для России, если бы в самом деле они приносили 10%. Вообще же можно ли согласиться допустить, чтобы в настоящем положении нашего отечества употреблено было 120 миллионов на предприятие, совершенно рисковое и по опытам чужих краев и у нас, по всему вероятию, неудачное?

5) Исчисление доходов от предполагаемой дороги менее, нежели гадательно.

6) Прибавить акционерам по банковым займам по 50 руб. на душу с одной стороны доказывает, что сам г. Абаза не полагает довольно свободных капиталов в России, а с другой, не упоминая о риске, где возьмут банки капиталы, когда капиталисты потребуют своих вкладов, а акционеры-помещики потребуют увеличенных ссуд?

7) Трудно разрешить Обществу право владеть крепостными людьми.

8) Полагается учредить стражу 8 т. человек отставных солдат, а как одна сия издержка, полагая по 250 р. на человека, станет 2 миллиона рублей в год, то легко можно судить, как дорого обойдется содержание дороги вообще.

№ 12. Мнение комитета по предложению А. Абазы, 5 апреля 1838 г.*.

Его императорское величество высочайше повелеть соизволил для рассмотрения всеподданнейше представленных его величеству москов-

---

* Управление Николаевской ж. д. Канц. комитета и строительной комиссии СПБ-Московской жел. дор., св. № 174, арх. № 9/99, лл. 17—20.

** Соб. е. и. в. канцелярия, д. 6241, лл. 377—386.

ским военным генерал-губернатором предложений статского советника Абазы об учреждении Общества на акциях для сооружения железной дороги от С.-Петербурга чрез Вышний-Волочек и Тверь до Москвы, составить комитет из генерала-от-инфантерии Ермолова, главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями, министра финансов, генерал-ад'ютанта графа Бенкендорфа и министра внутренних дел с тем, чтобы комитет окончил сие дело и представил свое заключение его императорскому величеству непременно к 10 числу сего апреля месяца.

Сия высочайшая его императорского величества воля об'явлена членам комитета статс-секретарем Танеевым 25 минувшего марта, причем препровожден к генералу-от-инфантерии Ермолову для внесения в комитет проект статского советника Абазы с следующими к оному расчетами и письмом его к московскому военному генерал-губернатору... *

Комитет, исполняя высочайшую его императорского величества волю, имел совещания по сему предмету 28 и 30 минувшего марта и 5 сего апреля. Рассмотрев с вниманием и во всей подробности предположения статского советника Абазы и приняв в уважение словесные в присутствии комитета 5 сего апреля об'яснения его, а равно и особенные замечания, некоторыми членами представленные, комитет признал единогласно, что, не отвергая пользы, которую могла бы принести железная дорога чрез облегчение способов перевозки во всякое время и в оба пути товаров, особенно тяжеловесных, ибо по всей вероятности сие имело бы немаловажное влияние на ход нашей внутренней, а частию и внешней торговли, нельзя однако ж согласиться, чтоб должно было ожидать больших выгод от умножения быстроты переездов частных между двумя столицами проезжающих, которые и теперь уже при нынешнем устройстве шоссе довольно быстры и удобны, а доселе, как из всех собранных комитетом сведений о железных дорогах в других землях видно, главнейшие доходы на оных получаются от проезжающих. Посему, едва ли можно надеяться всех обещаемых от железной между Москвою и С.-Петербургом дороги выгод. Сверх того, комитет находил, что проект статского советника Абазы в том виде, в коем он представлен его императорскому величеству и потом подвергнут рассмотрению комитета, не содержит в себе достаточных удостоверений и ручательства, чтоб сие важное, хотя и частному обществу предоставляемое, но по обширности его и огромности потребных капиталов, государственное предприятие действительно могло быть с успехом приведено в действо и доставило с одной стороны — государству, а с другой — акционерам те выгоды, которые исчисляет статский советник Абаза. Как из проекта, так равно и из личных об'яснений сочинителя оного видно, что представленная им смета издержек на устроение железной дороги составлена примерно и гадательно, что таким же примерным и гадательным образом определены им и издержки содержания оной и доходы, от проезда пассажиров и перевозки тяжестей ожидаемые. Следственно, не без основания опасаться можно, что первоначальная постройка и ежегодное содержание сей дороги превзойдут предположенный им размер и что доходы не только будут поступать в том количестве, в каком статский советник Абаза ожидает их, но даже не сравняются и с теми, коих в коммерческом, соединенном с опасностью, предприятии по всей справедливости можно требовать. В том и другом случае Общество неминуемо подвергнется более или менее важным убыткам, а, может быть, сделается и вовсе не в со-

* Далее опущено изложение проекта Абазы. — *М. К.*

стоянии окончить и поддержать свое предприятие. По отзыву главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями определяемое двухгодичное для изысканий время едва ли достаточно на столь большом пространстве; если же предположить (а сие весьма вероятно), что Общество и вообще не успеет совершить сего устроения согласно с предположением в течение шести лет, то сие одно обстоятельство повлечет уже за собою значительные для акционеров потери, может быть и совершенное расстройство Общества, ибо замедления и какие-нибудь неожиданные, важные затруднения в исполнении могут встретиться и сделаться известными прежде шестилетнего срока, то есть, прежде, нежели Общество получит сполна все свои капиталы, некоторые акционеры или по несостоятельности, или по опасению могут отказаться от дальнейших взносов, и сим Общество лишить не малой части сумм, необходимых для продолжения своих работ и действий. Как не было изысканий на предполагаемой линии железной дороги и не составлены правильные сметы расходам для устроения оной, то и никакое исчисление по сему предмету не может быть признано верным или даже достаточно вероятным, а с другой стороны, и количество сбора с проезжающих и товаров может определить только время и опыт; но уже и одно сомнение в успехе столь огромного, требующего столь значительных расходов предприятия, кажется, должно остановить всякое предположение об оказании оному правительством особенного покровительства и содействия, коего испрашивает статский советник Абаза. Правительство, дозволяя учреждение какого-либо Общества, не ручается за успех его, но, принимая открытое деятельное участие в предприятии особенно важном, оно до некоторой степени примером своим ободряет других к такому же участию и, в случае неудачи, сопряженной с значительными для акционеров убытками, дает повод к жалобам, не совсем неосновательным.

По сим соображениям комитет не осмеливается из'явить с своей стороны согласия на предположения статского советника Абазы, тем более, что устройство железных дорог и в Европе и в Америке есть дело весьма еще новое; что слишком кратковременные в том опыты еще не сильны убедить, соразмерны ли употребляемым на них суммам как польза их, так и прибыли акционеров, и что кажется лучше и благоразумнее ожидать, чем окончатся и какой будут иметь успех предпринимаемые ныне или предполагаемые в разных местах работы сего рода; сие будет иметь еще и ту важную выгоду, что между тем, без сомнения, и способ устройства железных дорог усовершенствуется и, может быть, найдены будут средства уменьшить требующиеся на сие расходы. Во всяком случае комитет признает неудобным и небезопасным допустить, как желает статский советник Абаза, и прием акций Общества в залог по казенным откупам, подрядам и поставкам, хотя и в половину биржевой им цены и не выше половины цены именовательной, и еще более выдачу дворянам для покупки акций прибавочных на заложенные уже и не заложенные в Опекунских советах имения 50 руб. на душу сверх обыкновенной банковой оценки. Сия мера имела бы уже решительно вид особенного желания правительства привлечь частные лица к участию в предприятии Общества, и, в случае неуспеха сего предприятия, повлекла бы к новому почти непомерному обременению имений дворянства, и без того уже едва ли не повсюду отягощенных долгами.

Сии мысли и рассуждения комитет положил повергнуть на высочайшее его императорского величества усмотрение с приложением и

подлинного проекта статского советника Абазы и письма его к московскому военному генерал-губернатору.

Алексей Ермолов, граф. Карл Толь, граф. Е. Канкрин, Граф Бенкендорф, Д. Блудов.

№ 13. Письмо и первая записка Н. Муравьева Николаю I, 5 декабря 1838 г.*.

Всемилостивейший государь!

В то время, когда у нас всюду думают, говорят, рассуждают, пишут и печатают о чугунных путях сообщения, я, в моем благодарнейшем чувстве верноподданного вашего императорского величества, упадаю к освященным стопам вашим с малою картиною этого предмета, начертанною от многолетнего опыта и разумения моего русского. Может быть, должностные лица в их бесчисленных заботах, в их особенных видах не представляют ее одинаково с лицом частным, свободного размышления и опыта.

Благословенный августейший предшественник ваш оставил вам, великий государь, еще недоконченную насыпную дорогу (шоссе) между Петербурга и Москвы. А в ваши 12 лет эти насыпные пути уже где не пролегли в России по благодетельному мановению вашего величества!

Отсюда в 30 лет Россия ваша, всемилостивейший государь, будет иметь 90 000 000 жителей, и эти насыпные пути будут ей недостаточны. Итак, с путями чугунными надобно итти навстречу к этим 90 миллионам жителей и их надобности.

Первая игрушка чугунной дороги на 25 верстах между Петербурга и Павловска отверзла очи смышления каждого русского. Тут цель, как игрушки праздных: скорое и гладкое катанье, воксал, пляска и песни цыган, потешные огни, роскошные явства и пития. В целой России она другая, полезнейшая, не роскоши, но дела надобного 100 млн., 250 млн. жителей, наступающему государству русскому великому чаду великого русского царя.

Бог даст, ваше императорское величество, еще более 40 лет будете здравствовать и от великого опыта и разума своего будете повелевать в России. Тогда изволите увидеть, как Московская государственная чугунная дорога сама от себя родит подобные ей дороги: и до Паланцена, и до Ковно и до Варшавы, и Калиша, и до Одессы и до Моздока, и до Казани, удовлетворяя явной потребе надобностей увеличившегося народонаселения. К собственным домашним способам устроения этих путей следует благовременно изготовиться. 36 лет назад тому я был свидетель первых опытов, в окрестностях Лондона, и судов пароходных и дорог чугуноколейных. А ныне, как уже усеяна ими Европа и ее моря, как уже перерезывается она ими! Но огромные чугунные государственные дороги нигде столь не нужны, как в России. И здесь они ни под каким видом не должны быть собственностью частных обществ. Это кроме того, что дух торгашества малыми паями, очевидно, подкапывает драгоценное свойство трудолюбия и делает его картежно-корыстолюбивым, сводя его в то же время в пристрастные общества единомыслия и предрассуды, никогда и нигде благоприятные существующему порядку государства.

---

* На письме Муравьева резолюция Николая I: «Г. Толю на рассмотрение» Комитет министров, приложения к журналам комитета, 1839 г. (январь), ч. I, д. № 1249, лл. 433—438.

Великий государь! Следует очень благовременно начать итти навстречу надобностям нашего великого потомства, чтоб не остаться в нем, с нашим делом, позади. С коликим верноподданническим сокрушением предусматривать сие провидение неба судит мне у ног вашего императорского величества, моего августейшего благодетеля!..

Николай Муравьев, тайный советник.

Село Покровское.

Записка Н. Муравьева Николаю I.

Замечу здесь о постепенностях путей сообщения в населениях человеческого общества *.

В малочисленности, а следовательно и рассеянности этого общества указатель этих путей была сама природа, течение вод, высоты гор, их покатости, их логи. По ним образовались орудия этого сообщения: плоты, челны, ладьи, пешеходство человек и животного, дровни, влачуги, телеги о двух, о четырех колесах. Размножилось общество человека, и надобности его сообщения умножились. Начали расчищать течения рек, начали расширять дороги, начали их мостить. С уменьшением лесов начали мостить дороги камнем. С умножением человеческого общества начали придумывать уравнивать, облегчать эти пути сообщения. Родились каналы, их плотины, соединяющие между собою реки, озера, моря, родились гладкие насыпные дороги (шоссе).

Далее размножается человеческое общество, далее размножаются его образованные надобности: домоводства, торговли. Далее стали вымышлять удобства его путей сообщения, и в последние 40 лет времени воды земли усеялись пароходами и пути сухопутные полегли чугунными, гладкими, ровными колеями.

В России благодетельные ее государи помышления свои прилагали к путям ее сообщения. Их государственные доходы доставляли им тут способы. Так быстро идет у нас устроение сплавных каналов и сухопутных насыпных дорог.

Умножение рода человеческого в его образованных обществах, народах, государствах идет ускорительно, неравномерно. Россия этому пример. Насыпная дорога (шоссе) между С.-Петербурга и Москвы в 1818 г. казалась государственною роскошью; теперь эти пути сообщения почитаются народною, необходимою надобностию. Так началась железная дорога между С.-Петербурга и Павловска на 25 верстах протяжения. Тут искали вознаграждения за издержку ее построения, тут ищут себе ее местных выгод, мало думая о всей России.

Но игрушка эта убеждает, что, имея в мыслях очевидное быстрое умножение населения России, надобно браться за устроение чугунных дорог всюду в ней, и на том же основании, на котором в ней устроялись дороги деревянные, каменные, насыпные (шоссе). За эти — вознаграждения были и народу и государственной сокровищнице в образовании промышленностей. То же будет и за чугунные.

Посмотрите, как вознаграждают каналы: Мариинской, Тихвинской и насыпь Московской дороги, в первой четверти XIX столетия сделанные, и другие улучшения путей на пространстве Российской империи. В начале этого столетия правительство имело государственного годового дохода 100 милл. руб., а теперь этого государственного годового более 550 милл. руб. Пусть те 100 милл. руб. стоили 250 милл. нынешних. Следовательно в 35 лет они более чем удвоились. Что же будет

* Записка никакого заголовка не имеет и начинается прямо с этой фразы. — *М. К.*

с быстротою чугунных дорог. Богатство власти от богатства подвластных.

Признаюсь, я не вижу добра для России в торговых (мелочных) пайствах. Они приучают необдуманность человека к беструдному, к бессмысленному рублю, во всех жизни акциях. Русских замашка есть и должна быть другая. Это идет от замашки их отечества.

Пути сообщения народа, государства должны быть всевозможно свободные, независимые от частных замыслов и, конечно, собственность народа, государства. С ними в России должно итти во сретение ускоряющемуся размножению русского народа на всех направлениях. Но в это же время надобно начать дома приготовлять и шины, и паровозы. Улучшения их дома же пойдут за этим быстро.

Железная дорога от С.-Петербурга до Москвы обещает годового чистого дохода не 9 милл. руб., а 100 милл. руб. Безопасно можно издержать для нее 300 милл. руб. из источника Ассигнационного банка, от которого Россия давно уже желает поизобильнее настоящего. Все драгоценные грузы наших сплавов Вышневолоцкой и Тихвинской системы пойдут по этой дороге. Каждой их пуд от Твери до С.-Петербурга и отсюда до Твери будет стоить не более шести копеек. Хозяева этих товаров миллионах пудов готовы будут платить за них по 26 коп., лишь бы только поставить их оттуда или туда летом дней в шесть вместо шести недель сплава. Так пошла бы и крупичатая мука, и пенька, и сало, и масло, и поташ, и медь, и сахар, и кофе и пр. и пр. Так что 20 коп. с пуда пришло бы в доход дороги. И как неопределимо от этого удобства чугунной дороги, сбыт этих русских товаров распространится за границу. И как ход по ней неопределимо увеличится, и в своей мере увеличит доход от нее.

Дорогу эту следует устроить на русской розмах, то есть три пути конных и три пути паровозных, чтоб один из них шел в одну сторону, другой в другую встречную, и чтоб третий был запасный, для исправлений. Это дело потребует конечно не менее 15 лет, разумеется, из своего русского чугуна и с паровозами, в России построенными.

От этой дороги в 40 лет времени отсюда пролягут пути до всех границ России полуденных и западных и возьмут свое прочное начало в ее восточные области. И возвеличенная жизнь России будет в них быстро течь, как до того она двигалась в ее путях обыкновенных и насыпных.

Внутренние пути сообщения народа, государства, так как народ самый, государство самое, не должны быть собственностью иного, как народа, государства, государя: они — сосуды кровотечения народа, государства, в них — течение, движение их жизни, которая составляет цель ее ангела-хранителя — государя. Нет частного ни лица, ни общества, которое бы от неба было предоставлено сюда. Нигде на земле это не столь решительно не столь очевидно, ощутительно, как в нашей дрожайшей и благословенной России.

Господи, вседержитель, сохрани ее так на веки!

Николай Муравьев[19].

№ 14. Доклад главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями гр. К. Толя Николаю I, 25 декабря 1838 г. *.

По высочайшему повелению вашего императорского величества стать секретарь Танеев препроводил ко мне на рассмотрение предположения тайного советника Муравьева об устройстве в России железных дорог.

* Соб. е. и. в. канцелярия, № 6241, лл. 439—441.

Основываясь на том, что настоящее благосостояние России обещает ей быстрое увеличение народонаселения и быстрое развитие народной промышленности, тайный советник Муравьев находит, что железные дороги будут необходимостью для этого будущего периода российского государства, в особенности железная дорога от С.-Петербурга к Москве, на устройство коей, по его соображениям, можно даже ныне издержать безопасно до 300 милл. руб.

Это совершенно справедливо, что умножение народонаселения, развитие промышленности в государстве и умножение чрез то взаимных в народе сношений соделывают тут необходимым улучшение внутренних путей сообщения, но вопрос, как улучшить эти сообщения, не так прост, чтобы в каждом случае и во всякой местности было разрешить его ответом: построить железную дорогу.

Опыт доказывает, что есть случаи и местности, где надобность промышленности удовлетворяется вполне чрез устройство самой простой дороги, а также и такие, где открытие водяного сообщения представляет несравненно большие выгоды, нежели устройство какой бы то ни было железной дороги.

Железные дороги наиболее выгодны в мануфактурной стороне, где есть деятельный сбыт фабричных изделий.

Запрос на эти изделия увеличивается или уменьшается, смотря по ходу торговли, в которой нет ничего постоянного, в особенности в заграничной.

Затем, чтобы при всяком неожиданном изменении в количестве запроса можно было удовлетворить всем надобностям торговли, необходимо: или иметь огромные запасы фабричных изделий в пунктах сбыта, или соединить сии последние пункты с фабричными заведениями самыми быстрыми и постоянными сообщениями.

Второй случай есть самой выгодной, ибо он дозволяет: а) не иметь мертвого капитала в запасах, б) не издерживать излишних сумм на устройство фабрик, так как барыши зависят тут более от беспрестанного и скорого сбыта изделий, нежели от первоначального огромного заведения этих фабрик, и в) сохранить некоторую постоянность в продажных ценах на изделия.

Этот случай применяется во всех отношениях к положению Ливерпуля и Манчестера, и вот почему первая железная дорога в Европе, стоившая больших денег, устроена была между сими городами; но в России, обладающей самыми удобными водяными сообщениями и довольно продолжительным зимним путем, я не вижу еще местности, где бы подобное применение железной дороги могло быть сделано с верным успехом.

Россия есть еще земледельческое государство, и все почти продукты, составляющие главнейший предмет нашей внутренней и заграничной торговли, суть сырые произведения земли, для коих скорая и срочная доставка по большей части не нужна.

На фабрике, при скорой выручке денег, изделия вырабатываются несколько раз в год на один и тот же капитал, но в земледельческой промышленности, где земля производит только один раз в год, эта скорая выручка денег, сопряженная всегда с излишними издержками, не есть еще необходимый элемент успеха.

Вот и причина, ваше императорское величество, по которой нахожу неосновательным мнение тайного советника Муравьева, якобы в России огромные железные государственные дороги более нужны, нежели где-либо в других государствах.

Засим, что касается собственно до железной дороги от С.-Петербурга к Москве, то я признаюсь вашему императорскому величеству, что есть некоторые умозрения в пользу сей дороги, но эти умозрения в статистическом отношении еще столь неопределенны и столь неверны, что на них нет возможности основать такого огромного предприятия, каково есть устройство упомянутой дороги.

Притом я не вижу особенной надобности в этом предприятии, так как Петербург соединен с Волжским бассейном тремя удобными водяными путями, где главное управление для ускорения судоходства имеет еще в виду сделать весьма важные улучшения.

Эти улучшения состоят: для Мариинской системы — в устройстве канала около Белого озера, а по Вышневолоцкой системе — в устройстве на верховье Волги запасных водохранилищ, кои бы дозволили во время хода караванов от Рыбинска до Твери снабжать Волгу водою, независимо от вышневолоцких резервуаров, и затем привести в шлюзную систему реку Тверцу.

Этим улучшениям, по моему распоряжению, уже оканчиваются проекты, и на все это потребуются самые незначительные издержки в сравнении с тем, что нужно для железной дороги, между тем этим удовлетворятся все надобности торговли к С.-Петербургу и на будущее время, сколько о будущем предоставлено судить человеку, основываясь на положительных расчетах.

Таковые соображения мои касательно устройства железных дорог в России приемлю смелость всеподданнейше повергнуть на высочайшее благоусмотрение вашего императорского величества.

Главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями генерал-адъютант граф Толь [20].

№ 15. Отношение управляющего III отделения гр. А. Бенкендорфа к главуправляющему путей сообщения и публичными зданиями гр. Толю 8 марта 1841 г. *

М. г. граф Карл Федорович.

Государю императору благоугодно, чтобы ныне же учрежден был комитет для предварительного составления и рассмотрения проекта о железной дороге от С.-Петербурга до Москвы в отношении техническом и расчетах коммерческих, в которые должны входить все предметы торговли, перевозимые из одной столицы в другую и обратно, начиная с предметов продовольствия. Комитет сей должен быть составлен, под моим председательством, из членов: свиты его величества генерал-майора Чевкина, инженер-полковников Крафта и Мельникова, бывших в Америке, и шталмейстера графа Бобринского [21]. Его величеству благоугодно, чтобы в комитет сей были приглашены депутаты со стороны с.-петербургского и московского купечества. Для предупреждения же всяких толков и суждений действия комитета должны быть, сколько возможно, негласны. По окончании своих занятий комитет обязан будет соображения свои представить государю императору, а после его величество передает оные вашему сиятельству и министру финансов и потом в комитет министров.

Сообщая сию высочайшую волю вашему сиятельству, имею честь покорнейше просить вас дозволить г.г. Крафту и Мельникову явиться ко мне для предварительного словесного совещания.

Граф Бенкендорф.

* Главное управление путей сообщения и публ. зданий. Особ. канцел. главноуправл. 1 ст., арх. № 28. лл. 1—2.

№ 16. Донесение Николаю I комиссии [22] по устройству железной дороги между Петербургом и Москвой, 15 сентября 1841 г. *

Ваше императорское величество высочайше повелеть нам соизволили составить соображение об устроении железной дороги между С.-Петербургом и Москвою.

По значительности предприятия сего мы сочли долгом войти в самое обстоятельное рассмотрение оного, тем более, что за непроизводством еще надлежащих с'емок и изысканий, требующих много времени и издержек, представилась токмо возможность сделать соображения примерные.

Соображения эти, подносимые при сем на благоусмотрение вашего величества в 48-ми отдельных приложениях, об'емлют с возможною обстоятельностью все предметы, относящиеся до сооружения, обзаведения и движения Московской железной дороги, а сходно с сим в них исчислены: 1) расходы первоначальные, для полного устройства дороги потребные, 2) расходы ежегодные, для движения и содержания оной нужные, и 3) доход, от нее ожидаемый.

При исчислениях сих имелось постоянно в виду, что главная их цель — определить, в какой мере возведение Московской железной дороги может представиться выгодным или безвыгодным; поэтому издержки расчитаны с избытком доходы же, напротив того, исчислены с умеренностью. Впрочем везде приняты в основание или данности официальные, коль скоро представлялась возможность их собрать, или сведения, из источников уважительных почерпнутые и опытом подтвержденные.

Таким образом подносимые соображения, хотя суть примерные, могущие в частности подлежать изменениям, но в сущности и совокупности своей они могут быть признаны близкими к истине и достаточными для раз'яснения степени выгодности предприятия.

Приемлем долгом изложить здесь главные черты оных.

РАСХОДЫ ЕДИНОВРЕМЕННЫЕ

Общие положения. Московскую железную дорогу предполагается устроить паровозную, а не конную, потому что возка лошадьми была бы впятеро медленнее и втрое дороже паровой, как видно из подробных расчетов, в отдельном соображении № 12 изложенных.

Путь предполагается двойной, т. е. двуходный, по причине значительности ожидаемого на нем движения, для вящей безопасности коего предназначены еще с каждой стороны, через всякие 7½ верст, раз'езды в сто сажен длины.

Дорогу полагается вести по кратчайшему направлению, минуя Новгород и Торжок, чрез что путь вместо 675 верстного протяжения по шоссе сократится до 590 верст и пересечет Валдайский хребет в месте, повидимому, более удобном, чем при шоссе.

Вместо этих 590 верст принято, однако, в расчет при исчислении строительных расходов 620 верст и таким образом прибавлено 30 верст, на извилины пути, раз'езды оного и отрасли его по станциям.

Земляные работы. Для определения с возможною вероподобностию земляных работ, составляющих главнейшую статью расходов по-

* На подлинном написано: «Один из деятельнейших сотрудников наших инженер-подполковник Мельников находится ныне в отсутствии по делам службы. (Примеч. в подлиннике.)

Копия. Мин-во внутренних дел. Канцелярия министра, 1841 г., арх. № 218 «Б», лл. 421—465.

строения дороги, взяты были в основание планы и нивеллировки Московского шоссе, в главном управлении путей сообщения имеющиеся. По них составлены надлежащие для железной дороги продольный и поперечный разрез, по коим исчислена, согласно урочному положению, выемка, насыпка, возка, и утрамбовка земли. В той части, где линия железного пути отклоняется от шоссе, именно на прямом протяжении от Чудова до Волочка, так как, за неимением никаких нивеллировок, нельзя было составить и примерного даже разреза, сделано по топографическим тех мест с'емкам сличение с частями Московского шоссе, наиболее по виду сходствующими, и сообразно сему выведен надлежащий по числу верст расчет.

При составлении примерного для железной дороги продольного разреза все под'емы от Москвы, т. е. с той стороны, откуда ожидается $^4/_5$ всего движения, срезаны до такой степени, что не превышают нормального восстания $^1/_{400}$, за исключением немногих в горах Валдайских точек, на коих, однако, под'ем нигде не превосходит $^1/_{100}$. Условие малых под'емов для дорог железных весьма важное, ибо машина, перевозящая по горизонтальному железному пути 10 000 пуд., может при под'еме этого пути на $^1/_{400}$ часть основания перевезти токмо 6 000 пуд., а при под'еме в $^1/_{100}$ менее 3 000 пуд. Поэтому, когда под'емы на железной дороге неизбежны, то стараются делать их сколь можно отлогими, а в этом отношении хотя покатости, допущенные на примерном разрезе Московской дороги, по сравнении со многими существующими путями сего рода, уже довольно выгодны, но нет сомнения, что при надлежащих на месте изысканиях найдется возможность обойти почти все под'емы крутые и, вообще, избрать линию еще более выгодную, чем шоссейная, определенная при условиях, гораздо менее строгих, чем для железной дороги нужно.

Таким образом сделано с возможною приблизительностью полное исчисление земляных работ всего пути по направлению в виду для него имеющемуся, и по исчислению сему причитается: 10 437 900 руб. серебром за 5 163 708 куб. сажен выемок и насыпей, для коих потребны 31 626 096 рабочих дней.

Для усмотрения, с каким избытком сделано это исчисление, достаточно сказать, что по оному количеству земляных работ, причитающееся в сложности на каждую версту, более одною *третью*,—*значительнейшей части* английских дорог и слишком втрое более дорог бельгийских. Цены же оного противу сложных цен последних лет на Динабургском, Бобруйском и Нижегородском шоссе выше 63% для выемки земли, 17% для отвозки и 22% для утрамбовки, как видно из особой сравнительной ведомости, при соображении № 4 приложенной. Несмотря однако на это, прибавлено еще с общей для земляных работ суммы 10% на непредвидимые расходы.

Мосты и водоотводные трубы. Подобно земляным работам исчислен примерный расход на мосты и водоотводные трубы; он составляет 3 467 000 руб. сер., включая один миллион рублей серебром на мосты: Волховский, Мстинский и Волгский. Мосты предположены на каменных устоях деревянные; впрочем цены столь избыточны, что по ним значительная часть может быть возведена и каменная. Трубы водоотводные положены все каменные и размеров больших, чем на шоссе. Поверх земляного полотна назначена насыпь в три фута вышины из щебня или иного материала, удобно пропускающего воду и могущего чрез то предохранить путь от порчи, влаги и мороза. На большей части иностранных дорог железных и даже в Северной Америке, где стужа не менее нашей, щебенный слой насыпан токмо около двух

фут или менее; на Московской же путь положено для вящей полноты и прочности три фута и на это исчислено 3 624 300 руб. сер.

Верхнее устроение. На верхний насыпной слой установлены будут дорожные шины на досчатых лежнях и деревянных поперечинах, к коим они прикрепятся чугунными подушками и железными костылями по одному из способов, признаваемых ныне наиболее удобными. Расход на эту статью исчислен в 9 046 900 руб. сер., в том числе 6 867 500 руб. за 4 807 000 пуд. железных дорожных шин, полагая их по 5 руб. ассигнациями пуд, т. е. слишком в полтора раза дороже, чем можно получить их ныне из Англии. Это допущено с тою главнейшею целью, чтобы преподать нашим горным заводчикам средство к поставке возможно большего количества рельсов; впрочем заметить должно, что при слишком высокой для рельсов доброте и цене нашего уральского железа, при неимении у нас еще вовсе надлежащих для приготовления их устройства и по самому даже свойству поставки, требующей большой поспешности и особых усилий на немногие лишь годы, нельзя полагать, чтобы мы могли обойтись без железа иностранного, тем более, что общее количество этого металла, для Московского пути требующееся, равняется почти полной годичной производимости оного во всей империи, и потребование столь огромного количества в течение немногих лет неминуемо бы возвысило в весьма значительной мере цену железа к ощутительному ущербу всей прочей промышленности народной; между тем, как самые заводчики горные извлекли бы из этого лишь соразмерно малую пользу по причине экстренности поставки.

Здания. На здания, для станций, для надзора, для управления и для прочих потребностей железной дороги нужные и предполагаемые главнейшие деревянные, но прочной на каменном фундаменте постройки, исчислено по расчету вообще избыточному и по сему достаточному во многих случаях для зданий каменных — 2 915 200 руб. сер., в том числе на две столичные станции 1 милл. руб. сер., на дом главного управления 150 т. руб. сер., на особое в С.-Петербурге механическое заведение для постройки паровозов и прочих до движения по железной дороге принадлежностей 300 т. руб. серебром, на два других заведения в Москве и Волочке для починки паровозов и вагонов по 100 т. руб. сер., на 4 товарных, 12 пассажирских и 39 водяных станций, на 79 рабочих казарм и 264 караульных изб 1 265 200 руб. сер.

Паровозы. Число паровозов расчитано сообразно предполагаемому движению пассажиров и товаров и соразмерно принятому для московского железного пути нормальному восстанию $^1/_{400}$. К этому числу, для вящей полноты и на случай неравномерного прихода к дороге товаров, прибавлено на каждые сто действующих машин по 59 запасных, прибавлено еще надлежащее число машин для пособия при подъемах круче чем $^1/_{400}$ и для очистки снега и, таким образом, получено общее число 362 паровозов, для коих назначено 3 984 900 руб. сер.

Экипажи и вагоны. Пассажирские экипажи и товарные вагоны исчислены с большим еще избытком: на первые назначено запаса 100%, а на последние — почти 200% против предположенного числа пассажиров и количества груза. Это допущено, как для полноты исчисления, так и на случай неравномерного прибытия к дороге пассажиров и груза. Экипажи предположены восьмиколесные, представляющие более вместимости и безопасности; на приобретение их и 9 100 вагонов исчислено всего 3 827 100 руб. сер.

Разные другие расходы. Сверх означенных главных издержек, исчислены еще подробно в отдельных статьях надлежащие расходы: на технические изыскания, на приобретение земли, на очистку

оной от леса и пней, на устройство переездов чрез железную дорогу или под оную, на засев откосов, насыпей и выемок, на устройство вдоль пути заборов и на управление во время постройки пути. На все эти статьи положено 2 112 200 руб. сер., и таким образом весь единовременный расход на сооружение и обзаведение Московской железной дороги сочтен в 39 114 500 руб. серебром.

Проценты во время постройки. Но к сумме сей представилось справедливым причислить и проценты, причитающиеся на оную за то время, в продолжение коего капиталы будут оставаться в оборотах строительных, а равно и те расходы, которые в случае возведения дороги частными лицами причтется уплатить за банкирскую комиссию. При невозможности определить с точностью эти статьи осталось ограничиться примерным положением 10 процентов со всего исчисленного на устроение и обзаведение дороги капитала. Положение это по сравнению с некоторыми иностранными дорогами, именно венскими, на несколько сот верст уже построенными и строящимися, можно считать достаточным; там уплата акционерам процентов на внесенные ими деньги обошлась за все время построения от 3 до 7½, следовательно в сложности 5½ процентов полного израсходованного капитала; если прибавить к сему 1½% на комиссию, то и тут оказывается, что исчисленные 10% можно, по всему вероятию, считать достаточными, коль скоро сроки денежных взносов будут надлежаще соображены с выгоднейшим распределением и ходом работ. Впрочем в дополнение к исчисленным выше 10% должно принять еще в расчет доход с тех участков железной дороги, которые будут открыты до полного окончания всего пути.

Общая сумма единовременных расходов. Таким образом, общая сумма, на полное содержание и обзаведение Московской железной дороги нужная, может простираться, со включением комиссии и процентов на потребные капиталы, до 43 026 000 руб. сер., что составляет на каждую из 600 верст протяжения, между столицами предполагаемого, 71 666 руб. сер.

Исчисление это, основанное на возможно обстоятельных и избыточных расчетах, может быть признано в общем виде своем сполна достаточным, как удостоверяет пример нескольких тысяч верст, построенных уже в Англии, Бельгии и Германии дорог железных, по коим верста обошлась в сложности около 61½ тыс. руб. сер., т. е. слишком на 16% дешевле, чем исчислено для Московской дороги.

РАСХОДЫ ЕЖЕГОДНЫЕ

Общие положения. Подобно расходам единовременным, исчислены с возможною достоверностью и полнотою расходы ежегодные. Для них взяты в сравнение примеры многих действующих дорог и приняты в основание следующие положения.

Число пассажиров ограничено 270 т., но на случай неравномерности прибытия их расчет сделан достаточный и для 300 т. пассажиров.

Количество товаров, включая в то число и рогатый скот, принято сообразно торговым соображениям в 25 милл. руб., из коих 21 милл. от Москвы до С.-Петербурга, а 4 милл. от С. Петербурга в Москву и небольшою частью в Тверь.

Распределение этого груза, по времени прибытия его к дороге, предположено не равномерное, так что вместо общей для московской клади месячной сложности 1 750 000 пуд. взято 2 800 000 пуд. Число рабочих дней в году положено токмо 350; прочие же 15 дней оставлены в запасе на случай остановок, хотя впрочем расход исчислен на полный год.

Груз клади, поднимаемый каждым паровозом, допущен лишь в 5 640 пуд., а там, где под'емы круче 1/400, положены еще для всех полных поездов вспомогательные машины; между тем, машины американские, образец коих имеется в виду для товарной возки на дороге Московской, поднимают уже, судя по новейшим сведениям, до 10 т. пуд., при условиях, одинаковых с теми, кои нами приняты.

Скорость езды определена для пассажиров 35 верст, а для товаров 15 верст в час.

Топливо. Для топлива предположены дрова, как собственное нашего края произведение, в пособие коему может впрочем служить при необходимости и каменный уголь иностранный, при дешевизне его в С.-Петербурге и удобстве доставлять оный по всему железному пути, на коем 3/4 вагонов должны возвращаться отсюда порожними в Москву. Топливо положено количеством почти на 15% более, чем на Царскосельской дороге, а ценою около 10% выше с.-петербургских, между тем большая половина пути Московского пролегать будет через лесистые места Новгородской и Тверской губерний, где дрова втрое дешевле здешнего и могут быть доставляемы до самой Москвы почти без расхода на обратных вагонах. При столь широких положениях статья эта, главнейшая из расходных статей годичных, исчислена в 565 700 руб. сер.

Содержание паровозов. При исчислении годичного на починку паровозов расхода взята с избытком сложность многих дорог Америки и Англии и дороги Царскосельской, и, сверх того, прибавлено 10% стоимости самого паровоза, на возобновление его. Между тем предназначенное учреждение механических заведений даст средства к значительным сбережениям по сей важной статье, исчисленной в 447 900 руб. сер. в год.

Сверх починки паровозов, исчислено еще для них, сообразно опыту английских, американских и Царскосельской дорог, на снабжение водою, мазью, инструментами и другими мелкими принадлежностями 56 600 руб. сер.

Машинисты. Машинистов и кочегаров или помощников их положено 724, по числу паровозов, и им определено содержание в полтора раза более производимого ныне иностранцам на Царскосельской дороге; но и эта существенная статья, составляющая в год 382 700 руб. сер., может быть значительно сокращена, когда приготовятся исподволь к сим должностям русские, для чего особенно полезны могли бы быть горные кантонисты или заводские мастеровые.

Содержание экипажей и вагонов. Для починки и возобновления экипажей и вагонов положено, согласно примеру многих дорог, особенно американских, по 3 1/2 процента в год с начальной цены, при следовании порожнем, и по 20% при следовании с полным грузом; поэтому пришлось в год 216 900 руб. сер., а с присовокуплением полагаемых на мазь и мелкие потребности 177 200 руб. сер., всего исчислено годичного расхода на экипажи и вагоны 394 100 руб. сер.

Кондукторы при поездах. Кондукторов и их помощников при поездах пассажирских и товарных положено 696, так что по числу 8 904 поездов, в году быть имеющих, и считая по 4 человека на каждый поезд, вся сложность работы их в течение целого года будет токмо от 104 до 120 суток. Оклады же им назначены сообразно Царскосельской дороге от 500 до 1 600 руб. ассигнациями в год, так что на эту статью исчислено всего расхода годового 130 300 руб. сер.

Грузка товарных вагонов. Сверх людей, назначенных предпочтительно для сопровождения поездов пассажирских и товарных,

положено еще особою статьею на выгрузку и нагрузку вагонов товарных, при пособии под'емных кранов и других вспомогательных устройств, 120 000 руб. сер. в год.

Содержание пути. Расход на материалы для ремонта железного пути исчислен, сообразно опыту других дорог, и на полное протяжение 620 верст в 194 700 руб. сер. ежегодно.

Кроме сего на досыпку земляного полотна и содержание засевов по откосам оного исчислено 110 т. руб. сер. также ежегодно, хотя расход этот по роду своему должен потребоваться не долее первых десяти лет.

На содержание переездов, мостов, водоотводных труб, поворотных кругов и кюветов на очистку снега (кроме особо положенных паровозов), на поземельную плату, на содержание, страхование, отопление и освещение зданий и на разные мелочные расходы исчислено отдельными статьями, надлежаще раз'ясненными, 254 700 руб. сер. в год.

Рабочие и сторожа. Независимо от работ, исчисленных выше, положено иметь для сооружения пути и станций, для караула оного и для сигналов по всей дороге 2 320 человек с окладами, равными производимым на Царскосельской дороге, где содержание по близости столицы гораздо дороже, чем на московском пути. На эту статью исчислено в год 241 900 руб. сер.

Управление. Наконец, на управление, как частное, так и общее, и на непредвидимые расходы положено 250 500 руб. сер., и, таким образом, полная сумма, на годичное содержание, возобновление и движение Московской железной дороги потребная, простирается до 3 150 000 руб. сер.

Совокупность расходов ежегодных. Сумма сия составит в сложности на каждую из 600 верст московского пути 5 260 руб. сер., т. е. 13% более, чем действительно израсходовано в минувшем году на Царскосельской железной дороге, коей положение гораздо невыгоднее, по соседству и дороговизне столицы, по краткости протяжения, при коем все вообще расходы падают на 25½ верст и, наконец, по причине возки одних токмо пассажиров.

Если же вместо общего поверстного сличения сравнить расходы, причитающиеся на каждую версту, пройденную всяким поездом, то оказывается, что на каждую версту всякого поезда Московской дороги причитается по допущенному для годичных расходов той дороги исчислению 59 коп. сер.; по последним же отчетам нижеследующих более пространных дорог заграничных причитается: на бельгийских — 66 коп., на дрезденских — 61 коп., на северной венской 50 коп., в сложности же 59 коп., как и на Московской. Но должно заметить, что на путях, в пример приведенных, перевозятся поныне предпочтительно пассажиры, коих возка дороже товарной, и что на дрезденской и венской дорогах топливо по чрезмерной дороговизне его поглощает 40% всех расходов, тогда как на московском пути статья эта, при всей избыточности расчисления ее, составляет едва 18%.

Выводы эти приводят к тому заключению, что исчисления, для ежегодных расходов московского железного пути принятые, представляются, особенно в их совокупности, весьма достаточными.

ДОХОДЫ

Общие положения. Исчисление доходов Московской железной дороги представило для вывода определительного более еще трудностей, чем расходы. Оно однако до возможности основано на данностях официальных и предпочтительно главного управления путей сообще-

ния; только при неимении сих данностей прибегнуто к соображениям частным и сведениям торговли.

Доход расчитан: 1) с проезжих, коих предположено от одной столицы до другой в один путь 270 т.; 2) со скота, коего предположено от Москвы до С.-Петербурга 80 т. голов, весом до 2 милл. пуд., и 3) с товаров, коих предположено: от Москвы и частию от Твери до С.-Петербурга 18½ милл. пуд., а от С.-Петербурга до Москвы и малою частию до Твери 4 милл. пуд., вообще 22½ милл. пуд.

Цены положены: 1) с проезжих: первого разряда 15 руб. сер., второго разряда 10 руб. и третьего разряда 3 руб. сер. за полное от одной столицы до другой расстояние; 2) скота по 5 руб. сер. с каждой головы или около 20 коп. сер. с пуда за полное же от Москвы до С.-Петербурга расстояние и 3) с товаров: первого разряда по 16 коп. сер. с пуда между столицами или по 14 коп. с пуда между С.-Петербургом и Тверью, а второго разряда по 12 коп. между столицами или по 10 коп. от Твери до С.-Петербурга.

Таким образом, общий годовой доход предположен в следующем виде:

От С.-Петербурга до Москвы или обратно	проезжих первого разряда 50 т. по 15 руб. сер. с каждого	750 000 р.
	проезжих второго разряда 100 т. по 10 руб. сер. с каждого	1 000 000 р.
	проезжих третьего разряда 120 т. по 3 руб.	360 000 р.
От Москвы до С.-Петербурга	скота 80 т. голов по 5 руб. серебром каждая, весом всего до 2 милл. пуд. по 20 коп. серебром	400 000 р.
От С.-Петербурга до Твери	товаров первого разряда 1 милл. пудов по 14 коп. сер.	140 000 р.
От С.-Петербурга до Москвы	товаров первого разряда 3 милл. пуд. по 16 к. сер.	480 000 р.
От Москвы до С.-Петербурга	товаров первого разряда 9½ милл. пуд. по 16 коп. сер.	1 520 000 р.
	товаров второго разряда 5 милл. пуд. по 12 к. сер.	600 000 р.
От Твери до С.-Петербурга	товаров первого разряда 2 милл. пуд. по 14 к. сер.	280 000 р.
	товаров второго разряда 2 милл. пуд. по 10 к. сер.	200 000 р.
	Итого	5 730 000 р. с.

Исчисление это основано на нижеизложенных основаниях.

Проезжие. Число проезжающих, за неимением вовсе официальных о нынешнем их движении данностей, определено по следующим соображениям. По отчетам шоссейного на Московской дороге сбора за 1839 и 1840 годы проехало в год лошадей почтовых и дилижансовых, платящих и неплатящих, 52 348; полагая кругом по одному человеку на лошадь, это составит более 50 т. проезжих почтовых и дилижансовых, принимая же, что движение от учреждения Московской дороги увеличится не в шесть или семь раз, как было на большей части прочих железных дорог, а токмо в три раза, получится свыше 150 т. пассажиров, из коих положено 50 т. в первый разряд с платою 15 руб. сер. и 100 т. во второй разряд с платою 10 руб. сер., т. е. по ценам в половину или одною третью дешевейшим нынешних почтовых и дилижансовых переездов. Но, кроме пассажиров почтовых и дилижансовых, имеются проезжие на ямских и при обозах, да, сверх того, значительное число простолюдин, приходит пешком в С.-Петербург весною для заработок и возвращается в свои селения в начале зимы. Подобных ра-

бочих приходит ежегодно в С.-Петербург, по донесению обер-полицеймиейстера, около 70 т. человек, и по сему представилось возможным предположить, что всех этих людей обратиться на железную дорогу до 60 т. в год, так что, считая ход в оба пути, получится даже без увеличения движения 120 т. проезжих третьего разряда, с коих плата предполагается токмо по 3 руб. сер. за суточный переезд из одной столицы в другую, т. е. за перевозку чрез такое протяжение, для коего пешие должны употребить до трех недель и в это время, кроме потери времени и заработка, должны издержать на пищу и ночлег не менее полагаемых за провоз трех рублей.

По сим уважениям принятое для Московского железного пути число 270 т. проезжих нельзя не признать умеренным, и умеренность эта еще более явствует, если взять во внимание: 1) что везде, где был учрежден дешевый по железным дорогам провоз, число пассажиров увеличивалось вшестеро, всемеро, местами вдесятеро и даже более; 2) что у нас в одних столицах народонаселение до 850 т. душ; движение же по железным дорогам между значительными городами досель большею частью равнялось их народонаселению, если не превосходило оное; 3) что расположение Московской железной дороги между двумя многолюдными столицами представляет в этом отношении особо выгодное условие, на ней самый даже проезд с промежуточных мест не столь мало уважителен, как бы с первого взгляда казаться могло, ибо дорога пересечет несколько раз главный из водяных путей столицы и пролегать будет чрез уезды довольно населенные, где, за исключением столичных уездов, числится жителей обоего пола до 700 т. душ; 4) наконец, что чрез Москву лежит дорога к С.-Петербургу для 40 слишком милл. русских подданных; в какой же степени значительны сношения обеих столиц с внутренностию государства, показывают, между прочим, отчеты почтового ведомства. По ним видно, что в 1839 г. из общего числа 7 086 000 писем частных, отправленных через почтовые конторы всей империи, было по одним губерниям С.-Петербургской и Московской 1 982 000, т. е. 28%; посылок же частных из 219 500 были по столичным губерниям 95 500, т. е. 44%. Следовательно, одна треть всего почтового движения частных сношений целой империи сосредоточена в столичных губерниях. О казенных пакетах здесь не упоминается, ибо естественно, что там, где средоточие правительства, сношения должны быть самые деятельные.

Провоз скота. Крупного рогатого скота пригоняется ежегодно в С.-Петербург, как видно из отчета обер-полицеймейстера, свыше 125 т. голов и в том числе около 90 т. быков, так называемых черкасских, т. е. из южной России. Скот этот, по мере поступления его на с.-петербургский скотопригонный двор, два раза в неделю продается в тот же день мясникам и обращается немедля на продовольствие; поэтому в пригоне его весьма важна точность и постепенность, соразмерная действительной потребности и возможному оного потреблению; но, напротив того, пригон до крайности различествует по временам года, как видно из ведомости за 1840 г. здешнего скотопригонного двора, на коем поступило в марте месяце лишь 1 117 быков, а в сентябре 23 300, да, сверх того, еще 1 070 баранов, в пять же месяцев с июня по ноябрь поступило 83 076 быков и 28 920 баранов, а в остальные семь месяцев 28 922 быка и 1 213 баранов. Столь чрезмерная разница ясно показывает, что, кроме постов и соленого и мерзлого мяс, имеет весьма значительное влияние на пригон и потребление в столице скота неудобство и дороговизна прогона его в течение семи месяцев в году. Это явствует также из об'яснений некоторых из главных здешних ско-

топромышленников, по коим оказывается: 1) что самая дешевая летняя доставка в С.-Петербург скота обходится от Москвы, включая путевую утрату веса, не менее 18 руб.; зимою же и осенью иногда вчетверо дороже; 2) что при удешевлении зимнего пригона скота потребление оного должно возвыситься в мере, более соответственной потреблению летнему; 3) что если на московском пути установится привоз скота по железной дороге, то путь этот по своей определительности и быстроте представит гуртовщикам во всякое время уважительное удобство, а в течение почти двух третей года, где нет достаточного на полном пути корма подножного, представит он им сбережение в расходах, иногда весьма значительное; 4) что поэтому гурты черкасского скота, обращаемые ныне мимо Москвы во избежание излишнего накопления на Московскую скотопригонную дорогу, или для обращения их на винокурные Западных и Остзейских губерний, найдут более удобства воспользоваться железным путем в Твери и Москве, прокармливая скот на ближних винокурнях или пастбищах в Верхней Волги и Оки; 5) что с открытием привоза скота по Московской железной дороге откроется удобство учредить вновь или усилить пригон оного с таких мест, откуда доставка в С.-Петербург была досель невыгодна, напр. из Астраханской и Оренбургской губерний; 6) что перевозка по железной дороге в течение двух с половиной или трех дней скота нашего, даже и степного, не может представить особых неудобств ни в отношении корма, для коего можно всегда иметь сено или даже овес, ни в отношении дикости его, ибо он большею частью езжалый и вообще ручной; и 7) наконец, что, кроме 140 т. быков, пригоняется еще в С.-Петербург ежегодно до 15 т. коров, до 30 т. баранов да несколько тысяч лошадей, идущих главнейше Московским трактом и коих доставка по железному пути за умеренную плату будет во многих отношениях выгодна хозяевам.

Соображения эти показывают, что предположение, что на Московской железной дороге будет провозимо ежегодно до 80 т. голов разного крупного скота по средней цене 5 руб. сер. может быть признано умеренным и правдоподобным. Самая умеренность провозной платы этой выказывается еще из сличения цен на говядину о обеих столицах: по именному указу, последовавшему в сем году на имя военного министра, цены на 1841 г. назначены за пуд мяса в С.-Петербурге — 2 р. 36 коп. сер., а в Москве — 1 руб. 73 коп. — разница 63 коп. сер. на пуд, что составило бы на каждую скотину, полагая в ней по сложности токмо 14 пуд., 8 руб. 82 коп. сер.; провозная же плата полагается лишь в пять рублей.

Провоз товаров. Главная часть доходов Московской железной дороги предполагается от возки товаров. Из числа таковых товаров, в С.-Петербург прибывающих или из оного отпускаемых, могут иметь отношение к железной дороге Московской те, кои отправляются: 1) по Московскому шоссе, 2) по Тихвинскому водяному пути из С.-Петербурга на Волгу, 3) с пристаней Гжатских и Верхневолгских в С.-Петербург, 4) с Средней Волги, т. е. с пристаней, между Тверью и Рыбинском лежащих, 5) с Рыбинска и низовых мест, 6) с Оки и впадающих в нее рек Цны и Мокши и 7) с Тверцы, Мсты, Ловати и верхней части Волхова. Взгляд на прилагаемую карту всем этим сообщениям укажет ближе соотношения их к Московскому железному пути. Рассмотрим в отдельности каждую из сих статей.

Гужевая по шоссе перевозка. По официальному отчету о денежном на Московском шоссе сборе за минувший 1840 г. значится, что

лошадей собственно обозных * проехало в том году 445 121 и за них поступило сбору 117 189¼ руб. сер., в том числе 49 т. руб. с небольшим в зимние месяцы и 68 т. руб. в летние, но как сбор установлен зимою по 2, а летом по 4 коп. ассигнациями с лошади за каждые десять верст, то вся поступившая сумма соответствует проезду 216 т. лошадей на полное от одной столицы до другой протяжение. Если взять в расчет, что на Московском шоссе сложный груз, возимый обозною лошадью, принимается обыкновенно в 35 пуд., то исчисленные выше 216 т. лошадей представят совокупную кладь в 7 560 т. пуд., за которые ныне платится свыше 30 коп. сер. с пуда за 16-дневную доставку и вдвое более за десятидневную перевозку. На железной же Московской дороге высшая провозная цена товарам полагается лишь 16 коп. сер. с пуда за доставку от одной столицы до другой в три дни. При столь значительной выгоде во времени и в цене можно бы с достаточным правдоподобием считать, что вся нынешняя по шоссе гужевая перевозка обратится на железную дорогу, однако для большей умеренности принято токмо 6 милл. пуд.

Провоз из С.-Петербурга на Волгу. В течение лета отправляется ныне из С.-Петербурга Тихвинскою водяною системою на Волгу, особенно для Нижегородской ярмарки, разных товаров до миллиона пуд. в год, ценою от 12 до 15 милл. руб. ассигнациями, и за доставку этой клади до Нижнего платят ныне, как видно из последних (за 1838 и 39 годы) официальных видов внутреннего судоходства, от 1 руб. 20 коп. до 2 руб. 50 коп., следовательно в сложности 1 руб. 65 коп. ассигнациями за пуд. По железной дороге полагается взимать за доставку товарную от С.-Петербурга до Твери по 14 коп. сер., или 49 коп. ассигнациями с пуда, а на дальнейшую вниз по Волге доставку до Нижнего нужно с небольшим 30 коп., так что сбережется с пуда почти рубль ассигнациями, независимо от значительного выиграния во времени. Поэтому можно было допустить с полною вероятностию, что миллион пуд. ценных товаров, ныне отправляемых из С.-Петербурга на Волгу водою, обратится до Твери или Шоши по железной дороге.

Провоз с Верхневолгских пристаней. Третья статья о товарах, ныне с верховья Волги отправляемых, заслуживает особое внимание. Тут, как и во всех вообще соображениях о водяных провозках, приняты главнейше в основание последние изданные главным управлением путей сообщения за 1838 и 1839 годы виды внутреннего судоходства, но как в издании этом, составляющем впрочем лучший для подобных соображений источник, возникает иногда сомнение, что в число общего груза, показанного отправленным с какой-либо пристани, вошел немалою частию и проходной чрез эту пристань товар, лишь случайно или временно на оной остановившийся, то для большей достоверности в расчетах составлены особые ведомости об отправленных с каждой судоходной дистанции товарах, за из'ятием тех, которые можно было предполагать проходными, и для сего из показанного по видам судоходства отпуска везде вычитаемо было все то количество однородных предметов, которое значилось в привозе по той же дистанции.

Товаров отправлено с Гжатских и Верхневолгских пристаней по сложности последних двух лет и почти все в С.-Петербург свыше 7 милл. пуд. в год ценою на 36½ милл. руб. ассигнациями. Товары эти состоят

* Т. е. независимо от дилижансовых, почтовых, неупряжных и всех не уплативших на заставах шоссейных по причине следования по казенной надобности или взятия пропускных ярлыков в столицах. (Примеч. в подлиннике).

частью из хлебных и других жизненных избытков ближайших уездов Тверской и Смоленской губерний всего миллиона на два рублей, а затем предпочтительно из пеньки, сала, масла и разных других ценных произведений, привозимых гужем зимою на Гжатскую и более еще на Зубцовскую пристань с таких главнейше мест губерний: Орловской, Курской, Тульской и соседственных, откуда по открытии железной дороги доставка может скорее и сходнее совершиться в Москву, особенно водою по Оке и Москве реке. Ныне сухопутная, с тех губерний доставка до Верхневолгских пристаней стоит в сложности с пуда не менее 80 коп. (из Курска до 1 руб. 20 коп.) ассигнациями; средняя цена водяной доставки от Верхней Волги до С.-Петербурга показана 37 коп., следовательно в совокупности доставку до С.-Петербурга можно считать теперь в 1 руб. 17 коп., но с верховья Оки цена водяной доставки пуда до Москвы значится от 14 до 40 коп.; в сложности же около 27 коп., присовокупя к этому высшую провозную по железной дороге плату 16 коп. сер. или 56 коп. ассигнациями за пуд, то до С.-Петербурга всего обойдется с пуда по 83 коп. ассигнациями, т. е. дешевле на 29%. Буде же предположить отправку с места гужем в Москву, то, полагая оную в сложности по 60 коп. с пуда (что при удобстве получить в Москве обратную кладь можно считать ценою достаточною), вся перевозка обойдется хотя и мало ниже нынешних чрез Гжать цен, но за то доставится гораздо вернее и поспешнее, что для этого рода товаров, к заграничному отпуску главнейше предназначаемых, существеннее еще небольшого сбережения на провозные платы, тем более, что чрез ранюю к С.-Петербургскому порту доставку может представиться для них значительнейшее сбережение в морском фрахте и застраховании. По сим уважениям оказалось возможным допустить с достаточною вероятностью, что из числа семи милл. пуд. ценою на 36½ милл. руб., отправляемых ежегодно в С.-Петербург с Гжатской и Верхневолгских пристаней, обратится до 4 миллионов пуд. наиболее ценных товаров на Московскую железную дорогу.

Провоз с Средней Волги. Товаров, отправляемых в С.-Петербург с пристаней, лежащих на Средней Волге от Рыбинска до Твери, было в год, по сложности последних двух лет 1838 и 1839, около 4½ милл. пуд. ценою на 15 милл. руб.; товары эти состоят значительною частью из сала, крупчатки, разных круп, семени, полотен и других ценных произведений, кои могут с большею выгодою быть обращены в Твери или Шоше на железную дорогу. Этим путем они выиграют значительно во времени и безопасности, без ощутительного возвышения цены провозной, ибо от Шоши и Твери до С.-Петербурга плата по железной дороге полагается с пуда: первого разряда по 14 коп., а второго разряда по 10 токмо коп. сер.; до Шоши же доставка обойдется около 8 коп. ассигнациями. Между тем из видов внутреннего судоходства последних лет усматривается, что водяная доставка в С.-Петербург с пристаней, от Рыбинска до Твери лежащих, обошлась по 40 коп. ассигнациями, а при экстренных отправлениях до 80 коп. и даже до 1 руб. 50 коп. Поэтому положить можно было с достаточным правдоподобием, что из помянутых 4½ милл. пуд., на 15 милл. руб. отправляемых ныне ежегодно с пристаней, лежащих между Рыбинском и Тверью, обратится на железный путь в сем последнем городе или в Шоше, до 2 милл. пуд. товаров более ценных, для коих провоз по всему пути будет частью дешевле и, во всяком случае, гораздо быстрее, вернее и удобнее.

Провоз с Оки, Цны и Мсты. С Верхней Оки, от Орла до Рязани, отправляется в год свыше 12 милл. пуд., на 18 милл. руб., из коих

менее двух третей идет в Москву, а прочее к Нижнему и далее на Рыбинск. Цены провозные с этой части Оки до Нижнего были от 24 до 45 коп., в сложности 34½, да от Нижнего до С.-Петербурга не менее 60 коп., всего 94½ к. ассигнациями с пуда. Сложная цена из Орла, Калуги, Рязани с промежуточных пристаней до Москвы менее 24 коп., к коим, если присовокупить высшую даже плату железной дороги 56 коп. ассигнациями, составится всего до С.-Петербурга 80 коп. с пуда, т. е. слишком 15% дешевле нынешнего. Расстояние раздельной точки сих двух путей от гор. Коломны составляет до С.-Петербурга водою чрез Рыбинск и Тверь 2 600 верст, а по Москве реке и по железной дороге с небольшим 760; первый путь требует четыре месяца, последний потребует неделю. Те же самые соображения имеют полное применение и к товарам мокшанским и моршанским: их бывает в год около 15 милл. пуд. на 23 милл. руб., из коих малая лишь часть (по видам судоходства за 1838 г.— на 8 000, а за 1839 г.— на 227 000 руб. ассигнациями) идет в Москву, а прочее обращается на Волгу к Рыбинскому. От впадения Цны в Оку расстояние до С.-Петербурга водою чрез Нижний и Тверь около 2 300 верст, а по Оке, Москве и железной дороге с небольшим 1 060 верст. Цены провозные значатся от Мокшанска до Рыбинска 42 к., да оттоль до С.-Петербурга 40 к., всего 82 коп. ассигнациями с пуда; до Москвы же от Мокшанска цена показана от 5 до 34 коп., в сложности 29½, да прибавя среднюю по железной дороге плату 49 коп., выйдет всего 78½ коп., т. е. 6% дешевле нынешнего, кроме значительного выигрыша во времени. Все это показывает, что за надлежащим снабжением Москвы идет с Оки и Цны на Волгу почти 20 милл. пуд. на сумму около 30 милл. рублей, что для следования этого груза нынешний водяной путь чрез Нижний и Тверь, протяжением с лишком в 2½ раза длиннее, времени требует вдесятеро более, а ценою от 6 до 15% дороже; поэтому можно было предположить без преувеличения, что из помянутых выше 20 милл. пуд., идущих ныне с Оки и Цны на Рыбинск, обратится в Москву на железный путь до 6 млн. пуд. товаров более ценных.

Провоз с Нижней Волги. От Нижнего-Новгорода или, точнее сказать, чрез Нижний значится (по сложности 1838 и 1839 годов) отправляемых ежегодно товаров на 4 800 судах, ценою свыше 70 милл. руб., из коих токмо на 6 милл. руб. обращается в Москву; остальное количество идет главнейше в С.-Петербург чрез Рыбинск. Расстояние от Нижнего до С.-Петербурга водою чрез Рыбинск и Тверь более 1 900 верст, а по Оке, Москве и железной дороге токмо 1 430 верст. Привоз по первому пути требует до 3½ месяцев, а по второму потребуется около одного месяца. Цены от Нижнего чрез Рыбинск в С.-Петербург — низшие 60 коп. ассигнациями, но при срочных доставках до 90 и 1 руб. 20 коп. с пуда. Цены из Нижнего в Москву бывают от 29 до 32, в сложности 30½ коп.; присовокупя же среднюю по железной дороге плату 49 коп., будет всего 79½ коп. Но когда предназначенное улучшение судоходства на Москве реке придет в действие, то плата эта уменьшится, по крайней мере, до 70 коп., и тогда уже много товаров ценных и биржевых найдут, конечно, выгоду обратиться к ближайшему через Москву пути. Подобным образом для всех ценных и срочных товаров, идущих из Рыбинска и с пристаней, между Нижним и Рыбинском лежащих и с коих отправляется в год более 1 милл. пуд., слишним на 7 милл. руб., может представиться выгода в отправлении чрез Шошу или Тверь по железной дороге. Протяжение от Твери до С.-Петербурга водою 1 060 верст, а по железной дороге менее 450; первый путь требует около шести недель, последний же — три дня. Цена от Ры-

бинской пристани до Шоши около 11 коп. (в 17 дней), а присовокупя среднюю предполагаемую на железной дороге плату 42 коп. ассигнациями, будет всего 53 коп. за доставку одного пуда из Рыбинска до С.-Петербурга в 20 дней; сложные же цены последних лет значатся за перевозку из Рыбинска в С.-Петербург по Вышневолоцкой системе (в 2 месяца) 40¾ коп., по Мариинской системе (в 2 месяца) 42½ коп., по Тихвинской системе (в один месяц) 69 коп. ассигнациями с пуда. Средняя цена этих трех путей составляет 51 коп. ассигнациями, т. е. почти равняется цене провоза по железному пути. Если засим вспомнить, что ежедневно из Рыбинска отправляется на север товаров до 37 милл. пуд., на 93 милл. руб., из коих более двух третей приходит в С.-Петербург, то можно без преувеличения допустить, что из этого последнего количества, т. е. из 25 милл. пуд., обратится на Московскую железную дорогу, кроме отчисленных выше с Оки 6 милл., еще 3½ милл. пуд. товаров срочных и ценных, которые пойдут либо из Нижнего в Москву, либо из Рыбинска в Шошу или Тверь.

Количество товаров, отделяемых от водных путей. Таким образом общее количество товаров, кои могут с выгодою отделиться с водяных путей для следования в С.-Петербург по железной дороге, есть следующее:

Из 7 милл. пуд. на 36½ милл. руб. нынешних Гжатских караванов	4	милл.	пудов
Из 4½ милл. пуд. на 15 милл руб., отправляемых ныне с пристаней, выше Рыбинска до Твери лежащих .	2	»	»
Из 20 милл. пуд. на 30 милл. рублей, идущих ныне с Оки и Цны чрез Нижний	6	»	»
Из 9 милл. пуд. ценою около 55 милл. руб., проходящих ныне чрез Нижний и Рыбинск в С.-Петербург . .	3½	»	»
Итого . .	15½	милл.	пудов

Провоз с Тверцы, Мсты и части Волхова. Кроме сего, могут обратиться с выгодою на железную дорогу многие товары, отправляемые по судоходным дистанциям, лежащим между Тверью и Сосницкою близь Чудова пристанью, которые во многих местах подходят и даже пересекают железную дорогу. На этих дистанциях и на смежной с ними дистанции Холмской, за озером Ильменем лежащей, отправляется ежегодно свыше 9 милл. пуд., ценою до 20 миилл. руб. В какой же мере может быть им выгодно предпочесть железную дорогу водяному пути, показывают следующие данности: до С.-Петербурга расстояние по железной пути от Твери 437 верст вместо 1 060 верст водяного пути; от Волочка оно составляет 324 версты вместо 880; от пересечения Мсты повыше Устволенской пристани 176 верст вместо 490; от Сосницкой пристани в 50 верстах ниже Новгорода 118 верст вместо 292; цены же за водяную доставку с этих дистанций до С.-Петербурга значатся в сложности около 27 коп. ассигнациями с пуда, что по соразмерности расстояния превышает плату, для железной дороги предполагаемую, составляющую менее одной копейки меди на каждые 10 верст. Статья эта однако при исчислении дохода с провоза товаров вовсе в расчет не принята.

Второстепенные статьи дохода. Подобным образом не включены в исчисленном выше доходе и некоторые второстепенные статьи, как-то: за провоз экипажей путешественников, за излишнюю против установленной меры поклажу их, за перевозку небольших посылок и мелкой спешной клади. Статьи эти могут со временем быть весьма уважительными и на некоторых дорогах они составляют уже до 10% всего дохода, требуя между тем лишь самого малого дополнитель-

ного расхода. Наконец, заметить еще должно, что при исчислении расходов товар полагался идущим не от Твери, как считано в доходе, а от самой Москвы; вес же скота принят был для расхода в 2½ милл. пуд., а при доходе токмо в 2 милл. Все это показывает, с какою вообще умеренностью исчислен доход и с каким избытком допущен расход.

Рассмотрев в отдельности каждую из статей дохода Московской железной дороги, обязываемся присовокупить, что вышеизложенные соображения представляются не в виде безусловном, но токмо как правдоподобные выводы, основанные на тех данностях официальных, кои возможно было собрать. Тем не менее общее количество 15½ милл. пуд., отделяемое для железной дороги от путей водяных, едва ли может подлежать сомнению, ибо совокупность груза товаров, провозимых ежегодно в С.-Петербург по внутренним водяным сообщениям, можно принять положительно в пятьдесят слишком милл. пуд., ценою до 170 милл. руб., а из них более двух третей приходит с таких мест или чрез такие места, где и по цене и по времени и по верности доставки они могут с удобством и выгодою воспользоваться железным путем. Взирая на предмет с этой точки, предположение, что 15½ милл. пуд. обратятся от водяных путей на железную дорогу, можно, конечно, признать и правдоподобным, и умеренным.

Весь доход. Таким образом годовой доход Московской железной дороги может быть принят, как означено выше, в 5 730 000 руб. сер. Сумма же эта равняется той, которая потребна на покрытие всех исчисленных годовых расходов и, сверх того, на уплату 6% с основного капитала 43 милл. руб. сер., на сооружение и обзаведение пути сосчитанного.

Таким образом соображения, выведенные со всевозможною обстоятельностью и верноподобностью, показывают, что при самом даже исчислении расходов с избытком, а доходов с умеренностью, московской железной путь может сам себя выкупить в течение не свыше 37 лет, если считать проценты по 5 на сто.

Представив вашему императорскому величеству выводы подробных соображений наших о расходах и доходах Московской железной дороги и поднося при сем для удобнейшего обзора совокупности их краткую ведомость или общий вид всех этих расходов и доходов, приемлем долг из'яснить еще некоторые суждения, к коим мы приведены были при исследовании сего важного и многостороннего предмета.

О пользе железных дорог. Железные дороги, по недавности своей, были доселе столь малоизучены, что об них встречаются поныне самые противоположные суждения; противники их полагают, что они для перевозки тяжестей неспособны, что вообще относятся более к роскоши, чем к пользе, и что поглощают огромные капиталы образом, бесплодным для края. Лучшим против сего возражением пример Северной Америки и почти всех государств европейских, где более 2 т. милл. руб. употреблены едва в пятнадцать лет на возведение свыше десяти тысяч верст железных путей, и где предприятия сего рода беспрестанно еще размножаются. Столь разительное единство действия со стороны народов и правительств, совершенно разнствующих по духу, по местности и по обычаям, можно ли приписать увлечению, тогда как дело идет о расчете денежном, доведенном ныне до высшей степени. Не справедливее ли признать, что железные дороги обязаны своим изумительным развитием тому токмо, что они удовлетворяют одной из главных потребностей нынешнего века: быстроте, точности и удобству сношений, важных для сбережения ценного времени, для облегчения оборотов и размножений капиталов.

В начале железные дороги, особенно более видные, обратились к возке одних пассажиров, но вскоре принялись мало-по-малу и за товары. Лучшим же доказательством всей пользы их для сего последнего рода возки служат многие каменноугольные округи английские, особенно близь Ньюкастля; там железные дороги до того удешевили каменный уголь, что он, несмотря на удаление копей от моря, может продаваться в С.-Петербурге с небольшим по 20 коп. ассигнациями пуд. На всех пассажирных железных дорогах, где токмо учрежден был провоз товарный, статья эта составила в немногие годы значительную часть дохода; на многих даже из них возка товаров увеличилась столь быстро, что доход товарный превзошел пассажирный; так, например, дорога из Ньюкастля в Карлеиль в 89 верст получила в 1839 г. за пассажиров около 30 т. фунтов стерлингов, а за товары почти 52 т., в 1837 же году товары принесли ей лишь 25½ т., следовательно, в два года доход товарный удвоился. В самой Америке на некоторых дорогах товарный доход считается главным и основным; там возятся по многим железным путям даже малоценные, сырые произведения, и движение сие было бы, конечно, гораздо значительнее, если б все пути эти были в устройстве своем лучше приспособлены к возке тяжестей, ныне затруднительной на многих из них по допущенным крутостям под'емов и поворотов. В Пенсильвании однако, где (при населении менее 2 милл.) имеется до полуторы тысячи верст окончательных каналов и около 800 верст железных дорог, в последнее лишь десятилетие возведенных, движение товаров по сим двум родам путей столь значительно увеличилось, что в 1839 г. общий товарный груз был слишком вдвое более, чем в 1834 г.

В Северной Америке развитие железных дорог произошло и продолжается, несмотря на значительность числа протяжения и движения каналов сей страны. Так напр., на канале Ерие, длиною в 500 верст, проходит в год около 40 т. судов с грузом до 100 милл. пуд., а между тем параллельно его направлению построено по частям несколько железных дорог на такое же протяжение и, сверх того, строится еще железная дорога в 700 верст, для скорейшего сообщения Нью-Йорка с озером Ерие. Огромные эти работы предприняты одними средствами небольшого владения Нью-Йорского, имеющего едва 2½ милл. жителей, но сообщения обогатили его: официальные донесения показывают, что частное в нем имущество с 1825 г. по 1835 г., т. е. с открытия Ерийского канала и за ним несколько железных дорог, удвоилось, тогда как в предшествовавшем десятилетии приращение составило едва 6%. Таковы были плоды улучшения сообщений, а между тем пред учреждением оных было множество противников; особенно канал Ерие, при 500-верстной длине его, называли предприятием бедственным; ныне канал этот, начатый в 1817 г. и конченный в 1825 г., прямыми доходами своими с избытком уже окупился и дал средство устроить другие улучшенные сообщения; косвенным же влиянием он удвоил богатство целой страны. Вот разительный пример всей производительной пользы приличного улучшения сообщения. Другое доказательство почерпнуть можно из актов английского парламента, где при обсуждении некоторых предположений о железных дорогах люди, известнейшие по своим знаниям в политической экономии, признали, что дороги эти и каналы, в Англии возведенные, принесли народному достоянию приращение, конечно, в десять раз превосходящее сумму, на постройку их употребленную; сумма же эта исчисляется до 2 500 мил. руб. ассигнациями.

В производительной пользе улучшенных сообщений нельзя сомневаться, коль скоро сообщения эти надлежаще устроены и приноров-

лены к местным обстоятельствам. В последнем этом отношении Северная Америка представляет поучительное явление: в 1817 г. владение Нью-Иоркское начало свой 500-верстный канал Ерийский (в то время паровозные дороги почти не существовали); в 1835 г. оно приступило к расширению сего канала, коего движение далеко превзошло ожидания; ныне же, когда постепенное улучшение железных дорог, а особенно паровозов, поставило эти пути на настоящую степень совершенства, строится уже в том же, почти как и Ерийский канал, направлении железная дорога в 700 верст длины. Подобные сооружения железных дорог, по направлению или взамен каналов, видны и в других владениях Северного Американского союза; они допускаются для того, чтобы избегнуть неудобств, сопряженных с остановкою судоходства от замерзания. Не показывает ли это, что в климатах суровых дороги железные представляют сообщение более постоянное, определительное, быстрое и следовательно, удобное, чем каналы и шоссе. Истина эта особенно применена быть может в России.

Климатическое преимущество железных дорог. В Англии, во Франции и в других умеренных климатах водяные сообщения судоходны слишком 11 месяцев; в Америке 7½, у нас едва 5; и в это еще время судоходство самое неравномерное. Официальные донесения показывают, что к главной из внутренних пристаней наших, к Рыбинску, приходит в мае 10½ милл. пуд., в июне 8½, в июле 11, в августе же токмо 4, а в сентябре лишь 1 милл. пуд. Весь водяной из внутренности империи привоз к С.-Петербургу, составил в 1838 г. 60 милл. пуд. на 143 милл. руб. ассигнациями, а в 1839 г.— 81 милл. пуд. на 197 милл. руб.; разница от одного года до другого слишком на 35%. Самым даже количеством привоз С.-Петербургской сравнительно менее, чем в других больших столицах; в Париже, например, привозится водою ежегодно свыше ста милл. пуд и почти столько же сухопутно. Причиною этому — наиболее естественные трудности наших водных, главнейше речных, сообщений, допускающих лишь медленный, большею частью в одну токмо сторону, ход, подвергнутый, сверх того, разным случайностям и самой зимовке. Подобная же медленность и неопределительность не могут не препятствовать развитию промышленности.

Шоссейные дороги в северном климате нашем теряют тоже большую часть их преимущества; зимою они под снегом уподобляются простым путям, осенью же, а особенно весною, они требуют значительных исправлений и по несколько недель с трудом лишь доступны для тяжестей, затем остается едва шесть месяцев летних, но это время по причине сельских полевых работ и по обычаям нашего извозного промысла, у нас малоудобно для гужевых подвозов, большею частию через крестьян производимых, а по сему самые лучшие шоссе, далеко не приносит у нас, особенно для торговли, той пользы, что за границею. В этом удостоверяет пример Московского шоссе, где в лучшем для сего рода путей месяце, в августе, проехало (прошлого года) 19 т. лошадей, а в декабре 76 т.; вообще же в четыре зимние месяца, с ноября по март, проехало 225 т. лошадей, а в остальные восемь месяцев только 220 т. В противоположность столь значительных, но естественных неудобств шоссейных и водяных сообщений в нашем климате, достаточно сказать, что опыт Царскосельской железной дороги оказал, сколь пути сего рода совместны с нашими зимами, ибо в течение четырех лет не было ни одного дня остановки; то же показал и многолетний опыт множества американских железных дорог, которые, как видно из нарочно произведенного исследования, были по сложности

в остановке не свыше двух дней в году, хотя многие пути проведены в местах гористых и сильным мятелям подверженных.

Суждения эти приводят к тому заключению, что по климатическим свойствам северной особенно части России железные дороги должны иметь ощутительное преимущество не токмо над речным сообщением, но и над каналами, а равно над шоссеями, особенно для сношений торговых. Это относится сполна и к Московской железной дороге.

Но от дороги сей предстоят еще многие прямые выгоды, особенно в отношении торговом и промышленном.

Облегчение торговых оборотов. Продукты плодородных и низовых губерний наших редко доставляются в С.-Петербург прежде десяти месяцев, считая от времени покупки, и медленность эта, происходящая от образа сообщений наших, заставляет терять в торговых оборотах время значительное и тем более ценное, что у нас при недостатке частного кредита капиталы гораздо дороже, чем за границею. В Москве, центре нашей промышленности, и почти повсеместно в России векселя лучших купеческих домов учитываются от 10 до 12% в год, а потому при задержке на руках товаров тягостные проценты сии ложатся на их цену и ощутительно возвышают ее. Иностранцы, рассчитывающие обыкновенно свои капиталы только по 4% или 5% в год, употребили однако особое усилие в течение последних 25 лет для сбережения в торговых оборотах времени чрез учреждение каналов, пароходства и железных дорог; средства эти доставили им возможность передавать в самый короткий срок товары из рук производителей в руки потребителей. Скорость эта признается теперь первою торговою необходимостью, ибо способствует удешевлению и сбыту товаров. Московская железная дорога и речное пароходство могут привести и нас к тем же последствиям. Тогда купец наш, учитывающий деньги по одному проценту в месяц и употребляющий теперь для перевозки своих товаров на продажу нередко более полугода, будет в возможности при удобстве скорой доставки отдать их по цене умереннейшей, обратит свой капитал на другое полезное предприятие; скорость сообщений облегчит и умножит торговые обороты и значительные капиталы, ныне втуне лежащие во время медленных перевозок и зимовок, обратятся на другие полезные отрасли народной промышленности.

Внутренний торг хлебом. Учреждением Московской железной дороги главный рынок С.-Петербурга Рыбинск получит верное вспомогательное средство для скорой и срочной торговли, ибо привезенные оттуда до Шошы или Твери товары могут считаться уже поступившими в С.-Петербург, находясь от оного лишь в двухдневном расстоянии; с другой стороны, Москва сделается вторым рынком с.-петербургским, и, в случае неурожая в низовых местах, доставляющих свои произведения в Рыбинск, губернии замосковные, через Москву и железную дорогу, станут удобно продовольствовать С.-Петербург. Тогда уже не может случиться того, чему мы были свидетелями в прошлом году, что обратно из С.-Петербурга и из чужих краев привозился хлеб и спирт в Москву, Рязань, Тулу и Орел. Скорость и верность перевозки откроет возможность иметь значительные запасы хлеба в Москве, откуда они не только в С.-Петербург по железной дороге, но и во все стороны могут по мере требования передвигаться с полною удобностию.

Торговля хлебом за границу. Московская железная дорога может оживить и нашу заграничную через С.-Петербург торговлю хлебом, составляющим одну из главных отраслей нашей производительности. Настоящая медленность сообщений лишает нас возможности пользоваться случайным возвышением цен на хлеб в Северной Евро-

пе. Неурожай там обнаруживается в июне месяце, а как доставка с внутренних пристаней наших не может совершиться до С.-Петербурга прежде августа следующего года, когда уже новый хлеб в чужих краях родился, то мы с этой стороны почти исключены из европейских рынков, именно по такому продукту, который составляет одну из самых важных частей нашего народного богатства. Когда же от Москвы до С.-Петербурга будет существовать железная дорога, тогда замосковные хлебородные наши губернии, Рязанская, Тульская, Тамбовская, Воронежская, Орловская и Курская, могут по мере требования дешево и скоро доставлять через Москву в С.-Петербург свой хлеб для отправления за границу в надлежащее время.

Сбережения казенных расходов. Соперничество двух хлебных рынков, рыбинского и московского, должно представить при казенных заготовлениях ощутительную выгоду; сверх того, казенные расходы за разные перевозки и отправления для флота и войск, в столицах и округ их расположенных, должны с открытием Московской ж. д. значительно сократиться, а расходы за возку между столицами почт, составляющие ныне до ½ млн. рублей в год, почти вовсе прекратиться.

Сбережения барочного леса. С обращением на Московскую железную дорогу значительной части нынешней водяной клади сберегутся леса, для построения барок употребляемые, особенно на Гжатских и Верхневолгских пристанях, где постепенное убавление лесов едва ли не содействует к сокращению важного для судоходства срока стояния высоких весенних вод на Волге, и где цены баркам ежегодно возвышаются.

Предупреждение вредного средоточия фабричного населения. Железная дорога Московская даст средство предупредить излишнее в столицах сосредоточение фабричного населения. Сосредоточие это, вредное для нравственности народной, убыточно для фабрикантов, по большей в столицах дороговизне в жизненных потребностях и в содержании людей, но оно есть последствие необходимых частых взаимных сношений и сближения фабриканта с купцом, продающим его изделия; когда же учредится железная дорога, фабрики, возведенные вдоль линии оной, сохранят все выгоды удобного и быстрого сообщения, устраня между тем неудобства столичной дороговизны и безнравия.

Сближение С.-Петербурга с центром России. Но одною из главных польз Московской железной дороги будет особенно сближение С.-Петербурга с недрами России: Волгою, Москвою, Окою, через которые откроются ему удобные и скорые торговые пути к значительнейшей части внутренних губерний. При настоящем же положении сообщений и движения С.-Петербургской столицы с внутренностью государства нельзя не признать, что движение это ограничивается лишь приливом в оную, обратно же от нее ничего почти не разливается, и это главнейше, конечно, по недостатку нынешних сообщений, ибо можно ли сомневаться, что из столицы, представляющей средоточие правления, просвещения и торговли, так сказать почти всей государственной жизни России, не было более случаев, более надобности к частому и быстрому размену сношений. Но преградою к удобству и быстроте сих внутренних сношений — самое естественное положение С.-Петербурга, удаленного на одном из пределов государства, удобно лишь к сношениям внешним. В нынешнем состоянии С.-Петербург может быть токмо главою России; когда же он соединится железным путем с Москвою, он вместе с нею будет и сердцем русским.

Граф Бенкендорф, Константин Чевкин, граф А. Бобринский, Агей Абаза, Николай Крафт.

№ 17. Заключение комитета при главном управлении путей сообщения и публичных зданий, 10 октября 1841 г.*

Управляющий министерством внутренних дел генерал-ад'ютант граф Строганов при отношении от 19 сентября препроводил к его превосходительству господину товарищу главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями всеподданнейшее государю императору донесение об устройстве железной дороги между С.-Петербургом и Москвою с следующими к тому донесению приложениями, а г. генерал-ад'ютант граф Бенкендорф отношением от 16 сенятября об'явил господину товарищу главноуправляющего высочайшее его императорского величества повеление, чтобы он по рассмотрении сих бумаг, доставил к нему, генерал-ад'ютанту графу Бенкендорфу, не позже как к 15 октября для представления государю-императору заключение главного управления о выгодности или безвыгодности вышеозначенного предприятия.

Г. товарищ главноуправляющего, находя необходимым рассмотреть этот многосложный предмет во всей его подробности и основать заключение главного управления по сему делу на самых фактах, признал нужным для раз'яснения всех обстоятельств, заключающихся в настоящем деле, составить под председательством управляющего комиссиею проектов и смет корпуса инженеров путей сообщения генерал-лейтенанта Дестрема I, особый комитет, членами коего назначены: директор первого департамента главного управления путей сообщения и публичных зданий генерал-майор Рокасовской и корпуса инженеров путей сообщения майор Кебердз, а со стороны министерства внутренних дел, по сношению г. товарища главноуправляющего с генерал-ад'ютантом графом Строгановым, член совета помянутого министерства, действительный статский советник Переверзев.

Впоследствии, именно 27 сентября, назначен в члены сего же комитета корпуса инженеров путей сообщения полковник Головинский.

Главную обязанность комитета (как сказано в отношении г. товарища главноуправляющего к председателю комитета от 20 сентября за № 171) долженствовала составлять поверка в техническом и статистическом отношениях всех данных и всех выводов, заключающихся в соображениях комиссии, составлявшей предположения об устройстве железной дороги от С.-Петербурга к Москве.

На случай же, если бы комитет признал нужным иметь точнейшие и подробнейшие об'яснения от самого купечества о торговле к С.-Петербургу от Рыбинских и Верхневолжских пристаней, дано знать комитету о находившихся здесь некоторых лицах, занимающихся главнейшею торговлею с помянутых пристаней, и предоставлен войти с сими лицами в сношение по настоящему делу, буде в том встретится надобность.

Комитет 22 сентября приступил к возложенным на него занятиям и немедленно занялся поверкою всех технических и статистических данных, заключающихся во всеподданнейшем донесении комиссии, составлявшей предположения об устройстве железной дороги между С.-Петербургом и Москвою, причем, по встретившейся надобности в некоторых ближайших сведениях и пояснениях о торговле к С.-Петербургу от Верхневолжских и Рыбинских пристаней, сии сведения и пояснения сообщены Комитету приглашенными в заседании оного 27 сентября главнейшими торговцами: коммерции советником Хавички-

* Мин. внутр. дел, канцелярия министра, 1841 г., д. № 218 «Б», лл. 55—62.

ным и почетными гражданами: Кемиловым, Тюменевым, Полежаевым и Кирилловым.

Затем, постепенное подробное рассмотрение и поверка представленных комиссиею для устройства дороги технических данных указали необходимость в некоторых по сему предмету изменениях, о коих прилагается здесь особая пояснительная записка с следующим к ней определением данных для исчислений и три общие свода, заключающие в себе исчисление расходов на первоначальное устройство и обзаведение железной дороги, также на содержание ее и движение по ней во-первых, в том виде, как предполагала комиссия с изменениями токмо в техническом отношении по принятым комитетом нормам, а во-вторых, в той степени движения по железной дороге, какое ожидается на основании выведенных по сему предмету статистических соображений, согласно с коими ожидаемое движение по железной дороге и доход от сего движения представляются в следующем виде...

По предложениям комиссии		По соображениям комитета	
1) От С.-Петербурга до Москвы или обратно:		1) От С.-Петербурга до Москвы или обратно:	
Пассажиров первого разряда 50 т. по 15 руб. сер. с каждого	750 000 р.	Пассажиров первого разряда 40 т. по 15 руб. сер. с каждого	600 000 р.
Пассажиров второго разряда до 100 т. по 10 руб. сер. с каждого	1 000 000 р.	Пассажиров второго разряда 80 т. по 10 руб. серебром с каждого	800 000 р.
Пассажиров третьего разряда до 120 т. по 3 руб. сер. с каждого	360 000 р.	Пассажиров третьего разряда 60 т. по 3 руб. сер. с каждого	180 000 р.
2) От Москвы до С.-Петербурга за провоз 80 т. голов рогатого скота по 5 р.	400 000 р.	2) От Москвы до С.-Петербурга за провоз 30 т. голов рогатого скота по 5 р.	150 000 р.
3) От С.-Петербурга до Твери взамен отправления Тихвинским водяным путем на Волгу в Нижний-Новгород 1 милл. пуд. товаров первого разряда по 14 коп.	140 000 р.	3) От С.-Петербурга до Твери взамен отправления Тихвинским водяным путем товаров первого разряда 800 т. пуд. по 14 коп.	112 000 р.
4) От С.-Петербурга до Москвы взамен части гужевой перевозки по шоссе товаров первого разряда 3 милл. пудов по 16 коп.	480 000 р.	4) От С.-Петербурга до Москвы взамен части гужевой перевозки по шоссе товаров первого разряда 3 милл. пуд. по 16 коп.	480 000 р.
5) От Москвы до С.-Петербурга	9½ милл. р.	5) От Москвы до С.-Петербурга:	
а) 3 милл. пуд. взамен гужевой по шоссе перевозки по 16 коп.	1 разр. по 16 к.	а) 3 милл. пуд. взамен гужевой перевозки	—
б) 4 милл. пуд., отделяемых от пристаней Гжатских и Верхневолжских	1 520 000 р. и 5 милл. пуд.	и б) 1 милл. пуд. сала, всего 4 милл. по 14 коп.	640 000 р.
в) 6 милл. с Оки и Цны и	2 разр.		
г) 1½ милл. пуд. с низовых пристаней чрез Рыбинск	по 14 коп.— 600 000 руб.		
и 6) От Твери или Шоши до С.-Петербурга взамен:			
а) 2 милл. пуд., отправляемых с средней Волги по 14 коп. с пуда	280 000 р.		
б) 2 милл. пуд. второго разряда, идущих чрез Рыбинск с низовых мест по 10 коп.	200 000 р.		
Итого	5 730 000 р. с.	Итого	2 962 000 р. с.

Взгляд на сей доход и на издержки, потребные как для первоначального устройства и обзаведения железной дороги, так равно на содержание ее и движение по ней, приводит к следующим результатам:

1) По техническим нормам, принятым комитетом, и при статистических предположениях комиссии полное устройство и обзаведение железной дороги со включением 10% на издержки до окончания работ обошлось бы в 44 655 871 руб. сер.

Ежегодный расход на содержание дороги и движение по ней составлял бы 3 808 147 руб.

Ожидаемый комиссиею доход простирается до 5 730 000 руб.

За исключением из коих ежегодного расхода оставалось бы чистой прибыли 1921 853 руб., т. е. до 4% на капитал долженствовавший употребляться на устройство и обзаведение дороги и

2) по тем же техническим нормам с изменениями сообразно статистическим данным, выведенным комитетом, полное устройство и обзаведение железной дороги может обойтись в 37 474 755 руб. сер.

Ежегодный расход на содержание дороги и движение по ней составит 2 172 702 руб. сер.

Ожидаемый доход от проезда пассажиров да от провоза рогатого скота и товаров простирается до 2 962 000 руб. сер.

За исключением из коих ежегодно расхода останется чистой прибыли 789 298 руб. сер., т. е. до $2^{11}/100$% на капитал, долженствующий употребиться на устройство и обзаведение железной дороги.

К сему комитет считает долгом присовокупить, что по вниманию к обширности и самому свойству работ, потребных к производству для устроения железной дороги от С.-Петербурга к Москве, он вполне разделяет изложенное во всеподданнейшем донесении комиссии мнение о том, что за непроизводством еще надлежащих с'емок и изысканий, представилась токмо возможность сделать соображения примерные о стоимости сего предприятия.

В заключение комитет положил: предоставить председателю своему сообщить его превосходительству г. товарищу главноуправляющего настоящий журнал и при особой описи следующие к нему приложения, равно бумаги, препровожденные его превосходительством к председателю комитета при отношении от 20 сентября за № 171; копию же с настоящего журнала и со всех к оному приложений выдать члену комитета действ. ст. сов. Переверзеву для представления г. министру внутренних дел.

Генерал-лейтенант Дестрем, генерал-майор Рокасовский, действительный статский советник Переверзев, полковник Головинской, майор Кербедз*.

№ 18. Журнал особого совещания комитета министров 13 января 1842 г.**.

13 января сего 1842 года, в присутствии государя-императора, собраны были для обсуждения предположения о Московской железной дороге нижепоименованные лица, ознакомившиеся уже предварительно со всеми бумагами, к предмету относящимися.

Государь наследник цесаревич, председатель государственного совета генерал-ад'ютант князь Васильчиков, министр императорского двора генерал-ад'ютант князь Болконский, главноуправляющий путями сообщения генерал-ад'ютант граф Толь, военный министр генерал-адъ-

* Между двумя верхними подписями рукою генерал-лейтенанта Дестрема приписано: «при особом мнении» (в подлиннике отметка).

** Фонд статс-секретаря по делам Царства польского, Н. Милютин. 1842 г., л. 1

ютант граф Чернышев, министр финансов генерал от инфантерии граф Канкрин, генерал-ад'ютант граф Бенкендорф, председатель департамента экономии государственного совета генерал-ад'ютант граф Левашев, начальник главного морского штаба генерал-ад'ютант князь Меншиков, министр государственных имуществ генерал-ад'ютант граф Киселев, министр внутренних дел гофмейстер Перовский, корпуса инженеров путей сообщения генерал-лейтенант Дестрем, товарищ министра финансов тайный советник Вронченко, начальник штаба корпуса горных инженеров генерал-майор Чевкин и состоящий в должности шталмейстера граф Бобринский.

Государь император изволил предложить к постепенному обсуждению следующие вопросы: 1) Полезно ли для России проведение железной дороги от С.-Петербурга до Москвы, особенно в видах соединения северной столицы с недром России. 2) Какие могут быть препятствия к учреждению сей дороги. 3) Строить ли оную через частное общество или от правительства и 4) Какие к сему выгоднейшие финансовые меры.

По выслушании многосторонних по сим предметам об'яснений положено было и повелено е. и. в.: железную дорогу между С.-Петербургом и Москвою необходимо устроить на счет казны; для этого ныне же сделать сперва обозрение удобнейших местностей для пути сего предполагаемых, а потом подробные по оным технические изыскания; между тем для покрытия потребных денежных расходов обратиться к займу или к иным выгоднейшим мерам, о коих поручить министру финансов внести свои предположения в финансовый комитет. За сим частные замечания, к исполнению настоящего проекта относящиеся, представить лицам в суждении участвовавшим, сообщить по принадлежности для приобщения их к общему делу и для принятия их на вид при дальнейшем выполнении проекта [23].

[Подписи всех участвовавших.] *

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Прибывший в Россию по приглашению начальника штаба корпуса горных инженеров К. В. Чевкина Франц-Антон Герстнер (Rittr von Gerstner, 1795—1840), — был сыном пражского профессора Франца-Иосифа фон Герстнера, специалиста по прикладной механике, основавшего чешский политехнический институт в Праге и являвшегося автором проекта соединения рек Молдавы и Дуная колейною дорогою. Уже в 1818 г. Франц-Антон фон Герстнер был известен, как профессор геометрии и землемерного искусства в Венском политехникуме, а в 1819 г. он напечатал свое первое сочинение «Lehrgegenstände der praktischen Geometrie» (Wien).

В 1822 г. Герстнер, увлеченный проектом отца по соединению Молдавы с Дунаем, предпринял поездку в Англию для изучения развивавшегося там железнодорожного дела. По возвращении, бросив профессуру, Герстнер приступил к организации акционерного общества и постройке на собранные этим обществом капиталы деревянно-железной дороги между Будвейсом и Линцом. Капиталов хватило только на половину пути и, в связи с тем, что акционеры признали нужным продолжать постройку дороги на более дешевых началах, Герстнер вышел из общества, и дорога достраивалась уже без него. В этот период деятельности Герстнера им напечатано: «Uber die Vortheile der Aulage einer Eisenbahn zwischen der Moldau und Donau» (Wien, 1825), «Sammlung der Aktenstüke in Betriff der Ausführung der ersten österreich Eisenbahn zwischen der Moldau und Donau» (Wien. 1827), «Uber die Vortheile der Unternehmûng einer Eisenbahn zwischen der Moldau und Donau im Febrûar 1829» (Wien, 1829,). За это же время Герстнер успел побывать еще два раза в Англии (в 1826 и 1829 гг.), где тогда паровая тяга на железных дорогах сменяла конную. Поездки в Англию дали ему возможность пополнить

* Журнал этот, по поручению императора Николая I, составлен был генералом Чевкиным. На нем написано рукою государя: «Исполнить» и сделана пометка графа Бенкендорфа: «16 января 1842 г.» (Отметка в подлиннике).

новыми данными труд его отца, который он переиздал в 1832—1834 гг. в трех томах под названием «Handbuch der Mechanic, mit Beiträgen von neuen englichen Constructionen» (Leipzig). В этой работе, между прочим, изложены наблюдения Герстнера-сына над постройкой Ливерпуль-Манчестерской железной дороги.

После выхода из общества по постройке вышеупомянутой будвейской железной дороги, Герстнер безуспешно старался организовать акционерную компанию по использованию силы шлюзов на канале между Миланом и Павией.

В 1834 г. Герстнер, по приглашению К. В. Чевкина, приехал в Россию для обозрения уральских горных заводов. Ознакомившись с колоссальной территорией страны, Герстнер, хорошо уяснил себе то значение, которое могут иметь в России железные дороги. В связи с этим, Герстнер, на собственный счет, произвел нивеллировку Московского шоссе, а через австрийского посла графа Финкельмона и шефа жандармов Бенкендорфа подал на имя Николая I записку о сооружении железных дорог в России с просьбой о выдаче ему на это привиллегии. Спустя некоторое время Герстнер пишет еще одну — «Mémoire sur l'avartage de l'introduction des chemins de fer en Russie». Но все эти записки с проектами крупных железнодорожных магистралей завершились предположением о постройке, в качестве опыта, железной дороги от Петербурга до Павловска, на что, после образования акционерного общества, Герстнер получил разрешение. Дорога строилась с 1 мая 1836 г. по 30 октября 1837 г. За это время, в связи с нуждами строительства дороги, Герстнер ездил в Германию, Бельгию, Францию и Англию, заказывая там рельсы, «ходы», паровозы и пр. Техническим руководителем стройки был также сам Герстнер, и он же был машинистом на первых пробных поездах. Об этой дороге им напечатан ряд книжек: 1) «О выгодах построения железной дороги из С.-Петербурга в Царское Село и Павловск. высочайше привилегированною е. в. компанию» (СПБ, 1836), 2) «Uber die Vortheile der Aulage einer Eisenbahn von St.-Petersburg nach Zarskoe Selo und Pawlowsk, (St. Pbg, 1836), 3) «Berichtüber den Stand der Unternehmung der Eisenbahn von St.-Petersburg nach Zarskoe Selo und Pawlowsk (Leipzig, 1838), а также отчеты о постройке этой дороги (на французском и английском языках).

В 1836 г. Герстнер просит разрешить ему произвести на его счет нивеллировку для предполагаемой железной дороги из Москвы на Коломну и тогда же публикует в газетах об устройстве железной дороги из Петербурга в Ораниенбаум. По поводу просьбы о нивеллировке пути из Москвы в Коломну состоялось совещание в комитете министров, на журнале которого (11 августа 1836 г.) Николай I пометил: «Сим делом нечего торопиться, а подождать возвращения кн. Голицына». [Д. В. Голицын был московским генерал-губернатором]. Кроме [того], г. Герстнер публиковал в газетах об устройстве им железной дороги через Петергоф в Ораниенбаум, о чем тамошние помещики ничего и знают и вряд ли дадут сво согласие, ежели вздумаем проводить дорогу через сады Петергофские».

Ни Коломенская, ни Ораниенбаумская дорога, ни тем более крупные, предложенные Герстнером, железные дороги не были утверждены, и Герстнер в 1838 г. уезжает из России в Америку, где в 1840 г. он умер.

2. В делах никаких материалов по работе этой комиссии не найдено. Можно предположить, что упоминаемые, как члены этой комиссии, два штаб-офицера — это, бывшие в то время инженер-подполковниками, П. П. Мельников и Н. О. Крафт.

3. Привиллегия «первому заводить в России на реках пароходы» была выдана Берду в 1817 г.

Шотландец Чарльз Берд прибыл в Россию в 1786 г. вместе с инженером Гаскойном, приглашенным для усовершенствования пушечного производства на Александровском заводе (г. Петрозаводск). Берд был помощником Гаскойна и до 1789 г. работал с ним на заводе.

В 1792 г. Чарльз Берд вступил в товарищество с мелким петербургским заводчиком французом Морганом. Предприимчивый, хорошо вооруженный техническими знаниями, используя заказы морского, военного и др. департаментов, Берд скоро преобразовал небольшое заведение Моргана в большой литейный и механический завод с корабельными верфями. С этих верфей в 1815 г. впервые был спущен на Неву колесный пароход. Балансирная машина Уатта в четыре силы, поставленная Бердом на простую тихвинскую лодку, оказалась вполне пригодной для передвижения этой лодки по воде. 3 ноября 1815 г. этот первый в России пароход от пристани на р. Неве в 2¾ часа совершил путь до Кронштадта, делая по 5 морских миль в час. (Пароход Берда описан в статье «Отимбот на Неве», в № 38 газеты «Сын отечества» за 1815 г., а первое плавание парохода — в статье адмирала Рикорд «Первая поездка на пароходе из Петербурга в Кронштадт и обратно в 1815 г.», в той же газете, в № 46.)

В 1820 г. между Петербургом и Кронштадтом ходило уже четыре парохода Берда, причем один из них имел машину в 32 силы. После получения привиллегии Берд образовал компанию, в числе участников которой был ярославский помещик

Д. П. Евреинов, приобревший впоследствии от Берда права на учреждение пароходства по Волге. На р. Мологе в 1820 г. был спущен первый пароход Евреинова, предназначенный для рейсов между Нижним-Новгородом и Астраханью. Развитие пароходства на Волге тормозилось одновременным ростом числа коноводных машин, способных проходить по мелкой воде, что было недоступно для глубокосидящих пароходов Евреинова.

4. В России страхование имущества от огня началось производиться по распоряжению Екатерины II Государственным заемным банком с 28 июля 1786 г. Банк этот «в обоих столицах и во всех городах состоящие каменные дома принимал на свой страх также каменные заводы и фабрики от всех хозяев». Для этого при банке была учреждена «страховая экспедиция». 18 декабря 1797 г. распоряжением Павла I страховая контора была открыта также и при Ассигнационном банке, но оба страховых учреждения развивались весьма слабо.

Страхование имущества от огня стало расти в России сравнительно быстрее с открытием около 1800 г. в Петербурге агентства английского страхового общества «Феникс». Развивающееся страховое дело английского агентства побудило и русских капиталистов вложить капиталы в подобное предприятие. 22 июня 1827 г. было утверждено частное общество — под названием «Первое русское страховое от огня общество», одним из основателей которого являлись банкир барон Штиглиц и Б. Б. Крамер. Общество пользовалось 20-летнею привиллегиею на производство страхования в губерниях: Петербургской, Московской, Эстляндской, Курляндской, Лифляндской и в г. Одессе. Кроме того, общество было освобождено от всяких налогов за исключением страховой пошлины.

В 1835 г. было организовано «Второе российское страховое от огня общество», пользовавшееся подобными же льготами и занимавшееся страховым делом в 40 губерниях, не входящих в привиллегию первого общества.

5. Из упоминаемых здесь железных дорог на «сибирских» заводах нам известна только одна — под'ездная с конной тягой — функционировавшая в 1801 г. на заводе в Колыванском горном округе. Может быть, к «сибирским» железным дорогам причислялась и построенная в 1833 г. «чугунная» дорога с «сухопутными пароходами» на Нижне-Тагильском заводе Демидовых.

6. Сделанные Николаем I пометы на записке Герстнера неизвестны, так как ни самой записки, ни ее копии, где были бы повторены пометы Николая I, в делах не сохранилось.

7. М. А. Корф совершенно ошибочно приписывает главноуправляющему путями сообщения и публичными зданиями графу К. Ф. Толю эпитет «поборника» железных дорог. Вся дальнейшая политика Толя по отношению к железным дорогам говорит о совершенно противоположном. В ней можно усмотреть, что Толь был больше сторонником развития водных путей сообщения, чем железнодорожных. Так в характеристике Толя, данной В. В. Саловым, высказывается предположение, что он находился под влиянием взглядов весьма авторитетного в то время инженера Мориса Дестрема, ярого противника железных дорог. 14 января 1835 г. на докладе Николаю I Толь отвечал, что вопрос о выгодах железных дорог был предметом обсуждения в комитете при главном управлении путями сообщения и публичными зданиями уже несколько лет раньше, но в виду существования в России удобных водяных путей и неподходящего климата страны, вопрос этот был решен не в пользу железных дорог (В. В. Салов, Начало железнодорожного дела в России, «Вестник Европы» 1899 г., кн. 3, стр. 229. Кроме того, подобную же характеристику взглядов Толя можно вывести непосредственно из приводимых нами документов, как например, его мнения по проектам А. В. Абазы и Н. Н. Муравьева).

8. Характеристика отношения министра финансов графа Е. Ф. Канкрина к железным дорогам, приводимая М. А. Корфом, совершенно справедлива. Канкрин являлся сторонником протекционистской политики и в данном случае, протестуя против железных дорог, защищал интересы промышленников, боявшихся с введением железных дорог усиления конкуренции со стороны импортеров на внутренних рынках страны.

О постройке Петербургско-Московской жел. дороги Канкрин говорит: «Все разумные люди за границею того мнения, что она не будет приносить никакого дохода, испортит нравственность и убьет непроизводительно капиталы, которые могли бы быть употреблены с большею пользою. На вопрос, почему же иностранные правительства строят также железные дороги, отвечают, что необходимость заставляет сделать уступку этой современной болезни и подражать соседям, чтобы они не могли присвоить себе преимуществ в промышленном отношении. Так смотрят на это в Пруссии и в Австрии». (Божерянов, Граф Е. Канкрин, СПБ, 1897, стр. 233; В. В. Салов, op. cit., стр. 229.).

9. Документ № 1 и является этой, упоминаемой Корфом, запиской.

10. Ученая комиссия — комиссия, упомянутая в записке Толя (см. док. № 1), состоявшая из четырех членов: директора института инженеров путей сообщения

генерал-лейтенанта К. И. Потье, профессора этого же института генерал-майора А. Д. Готмана и двух штаб-офицеров корпуса путей сообщения.

11. В 1835 г. для обозрения железной дороги, устроенной Герстнером на границе Богемии и Верхней Австрии между реками Дунаем и Молдавою, был послан подполковник корпуса инженеров путей сообщения Н. О. Крафт. Перед своей командировкой он получил инструкцию, по которой он должен был провести это обозрение. В инструкции первым параграфом стоит вопрос: «Получила ли фабричная или мануфактурная промышленность более движения и торговые обороты более распространения от сооружения означенной дороги, и в какой именно степени». Далее спрашивается, действительно ли уменьшилась цена товара, провозимого по дороге, и на какую сумму его вообще провозится по ней. Неуверенность в пригодности железных дорог в северном климате заставила особо обратить внимание «не бывает ли во время зимы помешательств и затруднений от вьюг и мятелей», и сколько требуется рабочих на зимнее время, чтобы содержать «колеи и самую дорогу» в исправном для проезда состоянии. Крафту же поручалось согласно инструкции, выяснить, какой доход приносит дорога акционерам, и сколько этот доход составляет процентов с капитала, затраченного на ее постройку. Дальше в инструкции идет ряд вопросов технического порядка: какую тяжесть может везти по этой дороге лошадь, как уложены шпалы, каково «действие трения над железными полосами», как скреплены эти полосы (рельсы) и т. д. и т. п. К сожалению, в делах комитета и строительной комиссии СПБ.-Моск. жел. дороги, где была найдена эта инструкция, не нашлось отчета Крафта по этой командировке.

Документ этот находится в деле «О бумагах после покойного графа Сперанского, найденных о железных дорогах», 1839 г., лл. 83—86. (Фонд комитета и строительной комиссии СПБ-Моск. жел. дороги.)

12. Ни упоминаемого в тексте письма графа Новосильцева Герстнеру, ни его отпуска в делах не сохранилось.

Предпринимая строительство такой дороги, Герстнер надеялся убедить, с одной стороны, правительство в возможности при климатических условиях России заводить железнодорожный транспорт, с другой — держателей капиталов в доходности таких предприятий и тем подвинуть дело создания крупного акционерного общества с большими капиталами, необходимыми для сооружения больших запроектированных им железнодорожных магистралей.

13. Упоминаемые в тексте «об'явления» приведены в документах под № 5.

14. По существу предложение, сделанное Герстнером Новосильцеву «взять несколько акций для себя или для своих родных», несмотря на то, что тут же указывается цена этих акций, очень близко к замаскированной взятке, так как распределение акций было закрытым и проходило в исключительно тесном кругу лиц.

15. Решение было благоприятным для общества, и устав 23 марта 1836 г. был утвержден. Устав, или положение общества, был напечатан Герстнером в его книге «О выгодах построения железной дороги из Петербурга в Царское Село и Павловск», СПБ, 1836 г., стр. 69—72.

16. Приводимая в документе, предусмотренная таможенным уставом, мера ограждения интересов русской металлургической промышленности вызывалась значительным падением ее продукции. В деле «О бумагах после покойного графа Сперанского найденных о железных дорогах» (л. 60) мы находим таблицу, наглядно рисующую это падение.

Выполнено чугуна в России:

В 1830 году	11 170 000	пудов
» 1831 »	11 000 000	»
» 1832 »	9 900 000	»
» 1833 »	9 700 000	»

Итого в 1833 г. менее против 1830 г.— почти на полтора миллиона пудов.

15%, которые обязаны были приплачивать строители дороги при заказах русским заводчикам, об'ясняются сложностью и дороговизной транспортировки с Уральских заводов, значительно превышавших перевозку из Англии.

17. Просимая акционерами ссуда, после обследования финансового положения общества чиновниками министерства финансов и главного управления путей сообщений и публичными зданиями, была утверждена комитетом министров и выдана. Чиновники, обследовавшие финансовые операции общества, между прочим, доносили:

«.....с) Общество имеет на себе долга 242 387 р. и, сверх того, предстоящих расходов для совершенного окончания всех частей дороги с принадлежностями на 1 163 585 р. 57 к. Из сих двух сумм требуется на окончание строений 375 т. руб. и большая часть сей последней суммы на предметы, так сказать, прихотливые, но как наибольшие выгоды ожидаются не от перевоза тяжестей, а от пассажиров,

которые будут предпринимать поездки для удовольствия, то в сем отношении предметы прихоти в постройках могут войти в категорию вещей необходимых, тем более, что сии строения начаты уже в том виде, прочие же статьи предстоящего расхода признаются существенно необходимыми». (Комитет министров, журналы комитета, октябрь 1837 г., кн. № 1124, лл. 529—544.)

18. «Записка», или проект Аг. В. Абазы была представлена им кн. Голицыну при письме, в котором он указывал на то, что этот вопрос о постройке железной дороги от Петербурга до Москвы является не новым, и что до него представляли подобные проекты Герстнер, де-Ригель и др.

К сожалению нам не удалось найти каких-либо материалов по предложениям «де-Ригель и др.». Даже упоминаний о них не встречалось ни в одном из ранних просмотренных архивных документов.

Из письма Абазы узнаем, что эти проекты намечали различные дороги: от Петербурга до Москвы, до Рыбинска и даже до Одессы. Но здесь же автор оговаривает, что эти проекты, разобранные «особым комитетом», «нашлись недостаточными».

Заканчивает автор письмо просьбой довериться его «опытным сведениям о русской промышленности и государственном хозяйстве» и представить его проект на рассмотрение Николаю I.

О работе Абазы над этим проектом мы находим некоторые сведения у А. И. Дельвига в его записках. Вот что он пишет об этом: «Аг. В. Абаза... был человек очень большого ума, хорошо образован, весьма тонкий и ловкий. Его ум был постоянно занят большими предприятиями. Последнее время его пребывания в Москве он был очень занят мыслью об устройстве железной дороги между Москвою и Петербургом и часто говорил со мною об этом предмете. Я не имел понятия о железных дорогах, так как в начале 30-х годов в строительном курсе института инженеров путей сообщения только упоминалось в общих выражениях о постройке железной дороги между Ливерпулем и Манчестером, но познания мои в механике достаточны были для того, чтобы делать Абазе замечания о несообразности некоторых из его исчислений. Вследствие моих замечаний он мне отдал для исправления этих неточностей составленную им записку, которую по приезде в Петербург напечатал под заголовком «Мысли московского жителя о соединении столиц железным путем» и вместе с графом А. А. Бобринским начал хлопотать об осуществлении этого проекта. Эти хлопоты были главною побудительною причиною к устройству железной дороги между столицами, которую правительство решило строить на свои средства, тогда как Царскосельская железная дорога была устроена акционерным обществом» (А. И. Дельвиг, Мои воспоминания, т. I, гл. III, стр. 240—141).

Относительно самого проекта необходимо указать, что нами ощущены несколько листов, посвященных Абазою «краткой смете о расходах, потребных на устроение дороги» и «примерное соображение о ежегодном сборе» по железной дороге. Эти листы ничего нового, отличающегося от текста проекта, не дают и являются только сведением всех цифр в одно целое, в «смету» доходов и расходов. Указанные ощущенные нами листы являются теми приложениями, о которых упоминал кн. Д. В. Голицын в своем письме царю, препровождавшем проект Аг. В. Абазы на рассмотрение Николаю I.

19. В течение 1839 г. тайный советник Н. Н. Муравьев написал еще четыре докладные записки царю.

Муравьев очень советовал завернуть дорогу к Ильмень-озеру, с заливных лугов вокруг него он намечал поставку в Петербург ежегодно нескольких миллионов пудов сена. Между прочим, здесь же выясняется, что у него об этих местах самые точные сведения, — «я их знаю от опыта хозяина Новгородской губернии (он был одно время новгородским губернатором.— *М. К.*) и от опыта хозяина на моих землях, там лежащих».

Комиссия проектов и смет при главном управлении путей сообщения и публичных зданий, изучавшая проекты Муравьева, замечает, что ей приходится рассматривать «одни только об'яснения и предположения», основанные на «умозрениях и мечтаниях».

(Все пять записок Муравьева были «оставлены без последствий». Все записки Муравьева находятся в делах канцелярии комитета и строительной комиссии СПБ. Московской жел. дороги, 1842 г., связка № 174, арх. № 9/99.)

20. Доклад царю главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями графа К. Ф. Толя был представлен вместе с запиской Н. Н. Муравьева в комитет министров, который присоединился в своем заключении к мнению Толя. На журнале заседания комитета по этому вопросу (10 января 1839 г., № 84) — резолюция Николая I: «Не лишне будет однако поручить г. Толю ныне же заняться всеми нужными соображениями для устройства железной дороги от Рыбинска в СПБ, ибо выгоды сей дороги, кажется, были бы неоспоримы». Графом Толем в ответ на эту резолюцию был представлен Николаю I доклад, где Толь приходит к следующим выводам: «Отсюда истекает заключение, что главные выгоды и цель железных дорог — есть пере-

возка пассажиров, коих значительного числа никак нельзя ожидать между Рыбинском и С.-Петербургом. Тут рабочий народ отправляется по Тихвинской системе в так называемых народных лодках, участвуя в гребле и в тяге судна и следовательно почти без всякой платы.

Один из новейших писателей Мишель Шевалье, наблюдая в Европе и в Североамериканских штатах влияние железных дорог на благосостояние и просвещение государств, замечает, что перевоз пассажиров по означенным дорогам, есть самое демократическое учреждение, какое только можно было бы придумать для преобразования государства.

Признаюсь вашему императорскому величеству, что это замечание сего писателя мне кажется совершенно справедливым, впрочем в этой части я могу и ошибаться. В России же желательно бы было видеть повсюду усовершенствование водяных сообщений; эти сообщения не разольют в государстве демократических идей и наклонностей, но при гидрографическом положении империи они будут способствовать развитию промышленности и распространению материального в народе благосостояния несравненно более, нежели какие-либо железные дороги». (Канцелярия комитета и строительной комиссии СПБ.-Моск. жел. дороги, 1842 г., св. № 174, арх. № 9/99, лл. 131—145.)

Угроза, распространения «демократических идей и наклонностей», повидимому, помогла Толю: вопрос о Рыбинской дороге более не поднимался.

21. Согласно секретного отношения Бенкендорфа к Толю от 29 марта 1841 г., по распоряжению Николая I в число членов этого комитета был назначен и Аг. В. Абаза. (Гл. упр. пут. сообщ. публ. здан., особ. канц., 1841 г., арх. № 28, л. 9.)

Представленная последним 30 мая этого же года записка или, как он называл «Соображение», и позаимствования из этого «Соображения», внесенные во «всеподданнейшее донесение об устроении железной дороги между Петербургом и Москвою», говорят о том, что Абаза сыграл весьма большую и активную роль в вопросе о постройке этой дороги.

22. «Комиссия о возведении железной дороги между Петербургом и Москвою» то же самое, что и «комитет для составления и рассмотрения проекта о железной дороге от С.-Петербурга до Москвы».

23. 1 февраля 1842 г. был издан указ Николая I о сооружении Петербурго-Московской железной дороги и одновременно учреждены: 1) Комитет Петербурго-Московской железной дороги и 2) Строительная комиссия, в конце 1842 г. перешедшая в созданный при главном управлении путей сообщения и публичных зданий департамент железных дорог, который и занимался строительством дороги.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

АБАЗА, Аггей Васильевич (1782—1852), автор одного из проектов сооружения железной дороги от Петербурга до Москвы, член особого комитета, разрабатывавшего по заданию Николая I проект этой дороги. В 1842 г. А. В. Абаза — член учрежденной Николаем I комиссии «для обсуждения предмета о сооружении железной дороги от Москвы к р. Оке», собиравшейся под председательством Московского военного ген.-губ. кн. Д. В. Голицына.

БЕНКЕНДОРФ, Александр Христофорович (1783—1844), граф генерал-от-кавалерии. С 1826 г. шеф жандармов и начальник III отделения.

БЕРД, Чарльз (ум. 1843 г.), шотландец, прибыл в Россию в 1786 г. вместе с инженером Гаскойном, приглашенным для усовершенствования пушечного дела на Александровском заводе. В 1794 г. Берд приступил к основанию собственного завода, который впоследствии вырос в огромный литейный и механический завод с корабельными верфями при нем. С этих верфей Бердом были спущены первые в России пароходы.

БЕТМАН (Bethman), банкирская фамилия во Франкфурте на Майне. Из числа членов этой фамилии особенно известен Симон Мориц Бетман (1763—1826) своими торговыми и банкирскими операциями; Александром I он был назначен русским генеральным консулом во Франкфурте на Майне.

Кто именно из его наследников предлагал ссуду обществу Царскосельской железной дороги, установить не удалось.

БЛУДОВ, Дмитрий Николаевич (1785—1864), граф, с 1839 г. главноуправляющий II отделением соб. е. и. в. канцелярии. В последние годы своей жизни был председателем Государственного совета.

БОБРИНСКИЙ, Алексей Алексеевич (1800—1868), граф, член совета министерства финансов. Крепостник-миллионер, крупнейший землевладелец-предприниматель Тульской и Киевской губерний. В Тульской губ. имел 40 000 десятин земли с 12 000 душ крепостных крестьян. В Киевской губ. имел несколько свеклосахарных заводов, в числе которых крупнейший рафинадный завод в м. Смеле. Как на этих заводах, так и в сельском хозяйстве вообще вводил в употребление машины и новые технические приемы производства.

Будучи одним из членов-учредителей общества железной дороги от Петербурга до Царского Села, вложил в акции этого общества 250 000 рублей. В дальнейшем Бобринский являлся активнейшим сторонником развития железнодорожного транспорта в России. В 1842 г. был назначен членом комитета Петербурго-Московской железной дороги. В этом комитете им была представлена записка об устройстве порта на Гутуевском острове с проведением до него ветки Петербурго-Московской жел. дороги.

ВОЛКОНСКИЙ, Петр Михайлович (1776—1852), светл. кн., генерал-фельдмаршал, с 1825 г. министр имп. двора и уделов.

ВРОНЧЕНКО, Федор Павлович (род. 1780). С 1844 г. министр финансов.

ГЕРСТНЕР фон, Франц-Антон (1795—1840), профессор геометрии и землемерного искусства Венского политехникума, строитель и концессионер железной дороги между реками Дунаем и Молдавою в Австрии, строитель и концессионер первой в России железной дороги от Петербурга до Царского Села.

ГОЛИЦЫН, Дмитрий Владимирович (1771—1844), светл. кн., генерал-от-кавалерии. С 1820 г. ген.-губ. Москвы.

ГОТМАН, Андрей Данилович (1781—1865), инженер-генерал, первый русский директор Института инженеров путей сообщения. За время своей долголетней деятельности Готман принимал участие в огромном количестве строительных работ ведомства путей сообщений и публичных зданий по всей стране. В одном только Петербурге он принял широкое участие в ряде гидротехнических сооружений, как например в устройстве Обводного канала, канала на Каменном острове и др.

ЕРМОЛОВ, Алексей Петрович (1772—1861), генерал-от-инфантерии. Как член гос. совета Ермолов по назначению Николая I принимал участие в работах комитета

ДЕСТРЕМ Морис Гуго (в России — иногда Морис Гугонович, иногда Гуго Морисович), (1787—1855), генерал-лейтенант, инженер.

В России Дестрем выполнял разные работы, связанные со строительством портов. Им проектировались Евпаторийский порт и гидротехнические здания в Одесском порту.

Позже Дестрем был назначен директором департамента проектов и смет при главном управлении путей сообщения и публичных зданий. К этому же времени относятся выступления Дестрема против введения железных дорог в России. Будучи специалистом по водным сообщениям, Дестрем недооценивал значения железных дорог, предпочитая водный транспорт всем видам сухопутного.

На эту тему им написан ряд статей: 1) «Considérations générales sur les avantages relatifs de canaux et de chemins á ornieres et application etc» (Ж.П.С 1831 г., в. XXI, перевод Васильева), 2) «Sur le mode de transport le plus avantageux pour la Russie.» (Ж.П.С. 1831, в. XXI, перевод Васильева) и др.

КАНКРИН, Егор Францевич (1774—1845), граф, министр финансов (1823—1844).

КИСЕЛЕВ, Павел Дмитриевич (1788—1872), граф, генерал-ад'ютант, генерал-от-инфантерии, министр государственных имуществ, посол в Париже.

Назначенный в 1842 г. как министр государственных имуществ в члены комитета Петербурго-Московской железной дороги, Киселев принимал участие в решении вопроса о направлении железной дороги от Петербурга до Москвы. Об его участии в работах комитета см. «Исторический очерк развития железных дорог в России с их основания по 1897 г. включительно», вып. 1, СПБ. 1898 г., стр. 60—61).

КОККЕРИЛЛЬ (Cockerill) Джон (1790—1840), англичанин, крупнейший промышленник своего времени, владелец знаменитого машиностроительного завода в г. Серен. Всего предприятий у Коккерилля было до 60. В 1839 г. Коккерилль, для новых предприятий, отправился в Россию, но развернуть свою деятельность не успел,— в 1840 г. Коккерилль умер.

КОРФ, Модест Андреевич (1800—1876), граф. Присутствовал на совещании как статс-секретарь; непосредственного отношения к железнодорожному делу не имел.

КРАМЕР, Бенедикт Бенедиктович (1768—1849), коммерции советник, учредитель акционерного общества по сооружению железной дороги от Петербурга в Павловск, директор Русско-Американской компании, один из учредителей «Первого страхового от огня общества».

КРАФТ, Николай Осипович (1798—1857), генерал-майор, инженер путей сообщения.

В 1835 г. Крафт был командирован в Австрию на обследование железной дороги между реками Молдавою и Дунаем (от Будвейса до Линца), а в 1839 г. вместе с инженером П. П. Мельниковым был послан в США для ознакомления с теорией и практикой значительно развитого там уже в то время железнодорожного строительства. По возвращении в Россию оба эти инженера привлекаются к работе в комиссии по проектированию железной дороги между Петербургом и Москвою, а с 1842 г. в комитете по сооружению этой дороги.

ЛЕВАШЕВ, Василий Васильевич (1783—1848), граф, генерал-ад'ютант, генерал-от-кавалерии.

В 1842 г. Левашев как председатель департамента экономии Государственного совета, был назначен в члены комитета Петербурго-Московской железной дороги.

ЛОНГИНОВ, Николай Михайлович (1798—1853), сенатор, член Гос. совета, статс-секретарь, заведующий всеми благотворительными и учебными заведениями ведомства Александры Федоровны.

МЕЛЬНИКОВ, Павел Петрович (1804—1880), инженер, генерал-лейтенант, министр путей сообщения (1862—1869).

В 1839 г. он был командирован вместе с инженером Крафтом в США для изучения железнодорожного транспорта. По возвращению, в 1840—1841 гг., он участвовал в комиссии по разработке Петербурго-Московской железной дороги.

В «Журнале путей сообщения» за время с 1832—1860 гг. им написан ряд статей, а в 1856 г. была выпущена его книга о железных дорогах.

МЕНЬШИКОВ, Александр Сергеевич (1787—1869), светл. князь, генерал-ад'ютант, адмирал. Принимал участие в совещании как начальник главного морского штаба. Принадлежал к противникам железнодорожного транспорта, защищая личные интересы как акционер общества дилижансов, которому с введением железных дорог грозило разорение.

МУРАВЬЕВ, Николай Назарович (1775—1845), новгородский губернатор, статс-секретарь (при Николае I), сенатор.

Записки о необходимости постройки в России железных дорог Муравьев писал, уже будучи не у дел, проживая в своем имении Покровское в Новгородской губернии. Этим, между прочим, об'ясняются настойчивые предложения его провести железную дорогу по линии Петербург — Новгород — Тверь — Москва, а не по прямой Петербург — Тверь — Москва.

НОВОСИЛЬЦЕВ, Николай Николаевич (1761—1836), граф. С 1832 г. председатель Гос. совета и комитета министров.

ПЕРЕВЕРЗЕВ, Федор Лукич (179...—1861), присутствовал в комитете как представитель от министерства внутренних дел, где был членом совета.

ПЕРОВСКИЙ, Лев Алексеевич (1792—1856), граф, с 1841 г. министр внутренних дел и одновременно товарищ министра уделов.

ПЛИТТ, Иван Конрад. консул во Франкфурте.

ПОТЬЕ, Карл Иванович (1786 (1790)—1855). Инженер, генерал-лейтенант. Француз, воспитанник Парижской школы мостов и дорог, был прислан по просьбе инспектора Института инженеров путей сообщения А. А. Бетанкура для преподавания в Институте. С 1824 по 1836 г. был членом совета главного управления путями сообщения и публичных зданий и одновременно (до 1834 г.) управляющим комиссией проектов и смет. С 1834 по 1836 г. был директором Института инженеров путей сообщения.

СПЕРАНСКИЙ, Михаил Михайлович (1772—1839), граф, член Госуд. совета 1821—1839).

СТРОГАНОВ, Александр Григорьевич (1795—1891), граф, генерал-ад'ютант, член Госуд. совета. В обсуждении вопроса о постройке Петербурго-Московской железной дороги Строганов принял самое активное участие. Будучи управляющим министерством внутренних дел (1839—1841), он получил для ознакомления сводные материалы комиссии, разрабатывавшей «предположения» по устройству дороги. Рассмотрев их, Строганов старался доказать невыгодность железнодорожного транспорта для России, критикуя все выкладки и наметки комиссии, и приводя свои цифры, которые должны были иллюстрировать неминуемый, с его точки зрения, крах всех расчетов комиссии. Критикуя со всех сторон предположения об устройстве железной дороги между двумя столицами, Строганов всеми путями вел дело к тому, чтобы железным дорогам в России был бы предпочтен дешевый водный транспорт. Указ Николая I о постройке Петербурго-Московской железной дороги прекратил дальнейшие нападки на нее Строганова (См. д. канцелярии министра вн. дел. 1841—1842 гг., д. № 218 «Б».)

ТОЛЬ, Карл Федорович (1777—1842), граф, генерал-ад'ютант, генерал-от-инфантерии, член Госуд. совета. С 1833 по 1842 г. главноуправляющий путями сообщений и публичными зданиями.

ЧЕВКИН, Константин Владимирович (1802—1875), генерал-лейтенант, главноуправляющий путями сообщений и публичными зданиями. В 1834 г. назначен начальником штаба корпуса горных инженеров. В 1835 г. пригласил из Австрии в Россию в качестве консультанта по горному делу Франца Антона фон-Герстнера, а в 1836 г. сам поехал за границу, где ознакомился с новыми достижениями в горном деле. В 1840 г. ездил опять за границу с целью осмотра иностранных железных дорог. По возвращении принял самое горячее участие в разработке проекта Петербурго-Московской железной дороги. С 1853 г. по 1862 г., был главноуправляющим путями сообщений и публичными зданиями.

ЧЕРНЫШЕВ, Александр Иванович (1786—1857), светл. князь, генерал-ад'ютант, генерал-от-кавалерии. С 1827 г. по 1852 г. военный министр, с 1848 г. председатель Гос. совета.

К истории Бурятии в XVII в.

«История бурят-монгольского народа полна кошмарных страниц, писанных кровью» [1].

Уже с первых годов XVII в., с того момента как Московское государство «проведало», что «братцкая земля богаче и людей в ней много», Бурято-Монголия превращается в арену для кровопролитных боев между бурятами и царскими колонизаторами.

Рост экспорта русских товаров и в частности сибирской пушнины, особенно усилившийся с развитием торговых связей с Голландией, толкал Московское государство на дальнейшие колониальные захваты, в частности на захват бассейна «великой реки Лены», где находились «лутшие соболиные места».

Движению на восток способствовали и слухи о полном сказочных богатств Богдойском царстве, т. е. о Китае. В это время Московское государство всячески стремилось стать единственным посредником между рынками Европы и азиатского востока.

«Что касается персидских и восточных товаров,— писал в 1629 г. Михаил Федорович Людовику XII, — то мы будем так дешево продавать их вашим поданным, что им не будет нужды ехать за ними куда либо» [2].

Китайские товары сулили колоссальные барыши. Кроме того, на востоке от Енисея, по слухам, имелись богатые залежи серебра, столь необходимого Московскому государству, переживавшему острый дефицит в драгоценных металлах. «Еще в 1935 г., — указывает К. В. Базилевич, — пониженная денежная стопа была установлена в 3 рубля из гривенки серебра в 48 золотников. Дальнейшее понижение веса монет произошло, повидимому, в конце царствования Василия Шуйского. При Михаиле Федоровиче, в 1613 г. и позже, была принята стопа в 4 руб. из гривенки серебра. После 1616 г., но не позже 1626 г., вес монеты был еще понижен и стопа была доведена до 4½ р.» [3].

Кризис 40-х годов XVII в. усилил стремление Московского государства к дальнейшим захватам Сибири. Войны на юге России требовали больших расходов. Их должна была компенсировать сибирская пушнина. И кризис денежной системы, вынудивший прибегнуть к выпуску медной монеты, требовал усиленной компенсации драгоценными металлами.

Дальнейшее продвижение на восток рисовалось как разрешение всех противоречий, сулило такие же богатства, как в свое время завоевание Сибирского царства. Недаром енисейский воевода Пашков, предлагая проект построения военных острогов в Забайкалье и по Амуру, писал царю о том, что в этих районах можно привесть под «государеву царскую высокую руку многих земель людей» и что «в тех... новоприводных землях будет другое Сибирское царство» [4].

Опорными пунктами, откуда началось продвижение против бурят, были Енисейский и Красноярский остроги, основанные в 1618 и 1628 гг.

Из Енисейского острога шли по Ангаре, а из Красноярского — вверх по Кане.

Уже в первых сведениях, полученных русскими о бурятах, они вырисовыва-

---

[1] Из речи т. Ербанова на приеме делегатов Бурято-Монгольской АССР руководителями партии и правительства.

[2] «Торговля и торговый капитал в Московском государстве», Л., 1926 г., стр. 121.

[3] К. В. Базилевич, Денежная реформа Алексея Михайловича, «Известия Академии наук», 1935 г., № 3, стр. 201.

[4] ГАФКЭ, Сибирский приказ, 1655 г., столб. № 6388/344, лл. 571—589.

ются не только как скотоводы, но и как земледельцы. Сеяли буряты по преимуществу просо. Часть проса они обменивали у тунгусов на пушнину, в частности на соболей, которые шли «в Мугалы». В составленной в 1640—1641 гг. росписи рек точно отмечается, что «серебро в браты идет из Мугал, а покупают братцкие люди то серебро у Мугал на соболи» [1].

К Бурятам из Мугал шло не только серебро, но и другие товары в частности очевидно, бухарские и китайские. Уже в 1627 г. Максим Перфирьев сообщал о том, что у бурят «соболи и лисицы и бобры и бухарских товаров дорогов и киндяков и зенделей и шелков и белья много» [2].

Часто буряты после сильных поражений, нанесенных им русскими казаками, сразу не уплачивали ясак, а «упрашиваются в ясаке до осени». Это является показателем активного обмена, который велся бурятами с соседними племенами. С балаганских бурят в 1655 г. Дмитрию Фирсову не удалось получить ясака именно по этой причине. Как сообщал Фирсов, бурятские князцы просили в «ясаке дать сроку до осени 163 году, а ныне де, государь, ясака дать тебе, государю, им нечево: которые де, государь, у них были соболи и с весны де, государь, рано до поставки твоего государства нового Балаганского острогу торговали они с мугальскими людьми и соболи свои все променили им на их мугальские товары» [3].

Буряты оказывали стойкое сопротивление завоеванию их Московским государством. Оно проявилось сперва в длительной активной борьбе с казачьими отрядами, затем в бесчисленных восстаниях и нападениях на укрепившихся в острогах и севших на пашню колонизаторов, и наконец, приняло форму массовых откочевок в Монголию.

«Опрично де, государь, тех брацких воинских людей,— доносили казаки,— во всей Ленской земле таких воинских людей тебе непослушных нет» [4].

Бурятские воины, судя по казачьим отпискам, были храбрыми, хорошо вооруженными всадниками. «А приходят де брацкие люди,— сообщали служилые Верхоленского острожка,— под острог войною на конях, збруйно в куяках и в шишаках, а бой у них лучной и копейной и сабельной».

По словам казаков, размер бурятских отрядов достигал иногда «боевого люду человек тысячи с две и больше».

Вооружение бурят, а порою даже превосходство вооружения бурятских отрядов по сравнению с царскими (особенно в том случае, когда у последних нехватало «огненного боя»), неоднократно подчеркиваются местными документами. «А те государь брацкие люди, — доносил ленский воевода, — с ними, служилыми людьми, на боях бьются с броны в куяках и в наручах и в шеломах, а они де, служилые люди, из своих худых пищаленок ничего оным не учиняют и их куяков мало пробивают» [5].

Бурятские воины, эхириты и булагаты, очевидно, были хорошо снабжены металлическими доспехами, ибо после каждого удачного с ними сражения мы имеем указания о том, что захвачены куяки, шеломы и пр.

Для самозащиты бурятские воины, кроме того, имели щиты, под прикрытием которых и производилось нападение.

Бои, как правило, были продолжительны и упорны. Сын боярский Алексей Бедарев встретился выше реки Орленги 31 октября 1646 г. с отрядом бурят. «Дрались с ними, — писали казаки, — с полдни до вечера». В ходе боя со стороны бурят было «три выпуска», т. е. три атаки. В результате боя число убитых русских превышало число убитых бурят. Произошло это потому, как об'ясняли впослед-

---

[1] «Дополнения к актам историческим», т. II, стр. 248.
[2] ГАФКЭ, Сибирский приказ, 1627 г., столб. № 605/12, стр. 87—89.
[3] Там же. 1655 г., столб. № 6399/344, лл. 633—642.
[4] Там же, 1647 г., столб. № 274, лл. 338—352.
[5] Там же

ствии казаки, что «те служилые и охочие люди были безодежны, пансырей и куяков ни у ково не было».

Упорное сопротивление бурят привело местную администрацию к выводу, что существовавший до того времени метод посылки отдельных, не всегда хорошо вооруженных и немногочисленных карательных отрядов против бурят ни к каким результатам не приводит.

Действительно, опыт борьбы говорил о том, что после самого сильного разгрома с уходом карательного отряда буряты вновь оказывали упорное сопротивление сборщикам.

«И только де тех братцких людей войною не смирить»,— писал в 1647 г. ленский воевода Пушкин в Сибирский приказ, понимая под войною эпизодическую посылку вооруженных отрядов.

В Верхоленском остроге Пушкин предлагал сформировать отряд в 200 человек конных, снабдив их из Москвы панцырями и ружьями. Кроме того, предполагалось прислать в Верхоленский острог из Москвы же 300 мушкетов для «охочих» людей, которые пойдут воевать с бурятами не из-за жалованья, а из-за военной добычи.

Вербовка торговых, промышленных и прочих «охочих» людей для борьбы с бурятами проходила на Илимском волоке весьма успешно. Участие в подобной военной экспедиции сулило бо́льшие барыши, чем торговые операции, ибо «охочие» получали не только «погром», как предлагал Пушкин, но и жалованье.

По сведениям конца 20-х годов XVII в., буряты даже в ближайших к русским поселениям районах оставались еще независимыми и «ясаку с них не имывали».

В росписи «рекам, и новым землицам, и князцом, с которых государев ясак сбирается в Енисейский острог» [1], датируемый серединой 1630 г., упоминаются лишь буряты, живущие «на вершине Тассевы реки» у устья Уды и по р. Оке.

С 1641 г. по 1650 г., как сообщал Курбат Иванов, были им «об'ясачены братцких князцей и улусных людей человек тысячи полторы». И хотя, по его словам, «те братцкие люди и тунгусы учинились ныне под государевою царскою высокою рукою в прямом холопстве и ясак учали давать», рассматривать захваченные районы как районы ясачные не приходится.

Казаки недаром писали, что «тот государев ясак с тех новых людей с тунгусов и с братов по вся годы имали за саблею и за кровью» [2].

Размеры взыскиваемого ясака определялись в конечном счете соотношением сил туземцев и сборщиков.

За отдельные годы удается собрать полностью ясак, сообщить в Сибирский приказ о полной замиренности бурят, о их желании «повсягодно ясак давать», но из тех же районов в следующем году казаки сообщают о резком сопротивлении туземцев и о полной невозможности собрать с них пушнину.

Победа над бурятами и возможность их эксплоатации были достигнуты не только при помощи военных отрядов, но и при помощи заселения бурятских земель пашенными крестьянами.

Закрепление захваченной территории было одной из существенных задач, которую должны были выполнить русские поселения, создав местную продовольственную базу и тем самым удешевив содержание войск и стоимость администрации в новой колонии. Посаженный на экспроприированную у туземцев пашню, наделенный отнятым у них скотом, будучи постоянно в окружении враждебно настроенного местного населения, подобный крестьянин должен был явиться не только «пахарем», но и «легионером», охраняющим захваченные территории, углубляющимся и осваивающим такие районы, куда вооруженные казаки порою и не заходили.

---

[1] ГАФКЭ, Сибирский приказ, 1627 г., столб. № 6056/12, лл. 475, 478—481.
[2] Там же, столб. № 6446/402, лл. 182—195.

Выбирая место для острога, царские колонизаторы, в первую очередь, руководствовались наличием в этом районе «пашенных мест» и «сенных покосов». Были случаи переноса острога с места на место в виду недостаточности в выбранном для острога месте годных для земледелия участков.

По представленной Курбатом Ивановым в начале 40-х годов XVII в. «росписи пашенным местам и сенным покосам», имеющимся вокруг предполагаемого устройства у устья реки Куленги острога, можно судить, какой размер предполагалось придать поселениям пашенных крестьян, и какое количество наиболее плодородных земель было экспроприировано у бурят уже в первые годы колонизации.

На расстоянии от усть Куленги до усть Куты было зарегистрировано 2 270 десятин пахоты и сенокоса на 13 950 копен сена [1].

Исходя из предполагаемой нормы надела «в 30 десятин человеку в пахоту и под двор и под скотину тут же, да сенных покосов по 200 копен» [2], следует сделать вывод, что уже в 40-х годах в этом районе предполагалось посадить 70 слишним человек. При этом следует иметь в виду, что часть пашенных крестьян пользовалась наемной рабочей силой в несколько человек.

Таким образом, вместе с семьей и работниками получалась солидная по тем временами и по условиям того района армия. Эти хозяйства, отстоявшие на некотором расстоянии друг от друга, являлись укрепленными крепостями, способными выдержать довольно длительную осаду бурят.

Государева пашня в целом себя не оправдала. Наблюдался колоссальный отсев «саженных» на пашню крестьян, который вызывался главным образом злоупотреблениями местной администрации, жестоко эксплоатировавшей присланных крестьян, но все же из среды пашенных крестьян вырастал ростовщик, державший в экономической кабале туземцев, а в случае надобности и с оружием в руках выступавший на борьбу с ними. Этот слой поселенцев и должен был гарантировать московскому правительству возможность систематической эксплоатации колонии и возможности дальнейших колониальных захватов.

Буряты в допросе в Иркутском остроге говорили: «Илимского уезду каменские и олонские служилые и посацкие люди и пашенные крестьяне нас бьют и увечат и с островов Иркутского острогу, на которых островах преж сего кочевали деды и отцы наши, зжили и кочевать нам по тем островам не дают и по тем островам они, каменские и олонские, илимские сено косят, да они ж де, каменские и олонские, вина сидят и по нас братцких мужиках ездят и продают и нас они бьют и увечат беспрестанно и нас они згонили с островов два годы» [3].

Процесс земельной экспроприации, начавшийся с первого момента проникновения царизма в Бурятию, к началу XIX в. принял особенно циничные формы.

Непрерывный процесс вытеснения бурят с «угожих» мест переселенцами из России в начале XIX в. завершился знаменитым «обменом» между хоринцами и царским правительством, по которому буряты лишились свыше ста тысяч десятин наиболее плодородных земель, «взамен» которых им были предоставлены голые степи, вдобавок им же и прежде принадлежавшие. Как доносил землемер, производивший обмежевание, «принятые хоринцами земли суть степи, годные единственно для скотоводства подле тунгуских кочевьев и между хоринских стойбищ находящиеся, которые зимними жилищами хоринцы и те прежде беспрепятственно занимали» [4].

Дальнейшее наступление на земельные угодья бурят не прекращалось вплоть до падения самодержавия.

Прямой грабеж, характерный для периода активной борьбы царизма с буря-

---

[1] ГАФКЭ, Сибирский приказ, 1647 г., столб. № 274, лл. 287—289.
[2] Там же.
[3] Там же, 1686 г., столб. № 6791/747, лл. 52—55.
[4] ЛОЦИА, ф. 977, 1807 г., д. № 323, лл. 30—39.

тами, постепенно сменяется замаскированным грабежом — как со стороны чиновников из туземной верхушки, так и министерских чиновников.

Один лишь гражданский губернатор Трескин успел под видом подарков себе и своей «супруге» получить с бурят в течение девяти лет (с 1811 г. по 1819 г.) мехами, наличными деньгами и прочим на 85 650 рублей — сумма по тем временам колоссальная. Не отставали от чиновников и туземные верхи, которые быстро превращались в царских прислужников.

Жалобы на притеснения тайшей следственными властями, как правило, «не подтверждались», наоборот, туземная верхушка получала всяческие награды и поощрения, за активную помощь в эксплоатации своего народа, за активное участие в насильственном крещении и т. д.

Обреченную на вымирание в условиях царизма страну преобразила Великая социалистическая революция. Из отсталой царской колонии Бурято-Монголия превращается в передовую республику Страны советов.

Плодороднейшие земли и тучные пастбища, которые столько лет были об'ектом грабежа царских чиновников, отныне принадлежат трудящимся Бурято-Монголии. «Окончательно закреплена вековая мечта нашего народа — получил он земли и богатые пастбища в вечное пользование»,— заявил секретарь обкома Бурято-Монгольской республики на приеме в Кремле.

Народ, который столько лет был об'ектом чудовищной эксплоатации, стал в первые ряды борцов за построение нового бесклассового общества, являющегося единой братской семьей равноправных народов. «Бурято-Монголия,— говорил т. Молотов,— по своей настойчивости в создании новой социалистической жизни, по работе колхозов и развитию культурных начинаний относится к передовым советским республикам».

Созданная по инициативе товарища Сталина Бурято-Монгольская автономная республика достигла под руководством коммунистической партии и ее гениального вождя, небывалого расцвета и имеет крупнейшие достижения, как в экономическом, так и в культурном отношениях.

Государственный план по животноводству — ведущей отрасли народного хозяйства в Бурятии — в 1935 г. не только выполнен, но и перевыполнен. Страна индустриализируется: вырастает ряд крупных промышленных предприятий, заканчивается строительство паровозо-ремонтного завода-гиганта.

В республике, где до пролетарской революции не было ни одной национальной школы, ныне имеется 283 учебных заведения. В республике, где число грамотных едва достигало 8%,— ныне грамотных 70,2% всего населения.

«Бурято-Монголия находилась под гнетом царизма в течение 300 лет, и только лишь Октябрьская революция, наша славная коммунистическая партия во главе с великими Лениным и Сталиным освободила Бурято-Монголию от векового гнета и дала возможность образовать свою Автономную Советскую Социалистическую Республику» [1].

Настоящая публикация является частью подготовленного к печати Ленинградским отделением Центрального исторического архива сборника документов по истории Бурято-Монгольской АССР.

С. Окунь

1. Выписка, составленная в Сибирском приказе, о походах стрелецкого сотника Петра Бекетова в «братцкую землю» и о количестве собранного в 1629—1633 гг. с бурят ясака *

В прошлом во 137 году писал блаженные памяти к великому государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии из

[1] Из речи т. Ербанова на приеме делегатов Бурято-Монгольской АССР руководителями партии и правительства.

* Гос. архив феодально-крепостной эпохи (ГАФКЭ), Сибирский приказ, столб. № 6446/402, лл. 120, 119, 118, 117, 116, 115, 114.

Сибири из Енисейского острогу воевода Василей Аргамаков. В прошлом де во 136 году посылал он служилых людей сбирать государева ясаку в Енисейской уезд по ясачным книгам на 136 год да, сверх того ясачного сбору, посылал он для государева ясачного сбору, чтоб государю перед прежними учинити прибыль, в дальние новые землицы и по Тунгуске вверх на рыбную ловлю, где сбираются ясачные люди, Петра Бекетова с служилыми людьми, потому, что тунгуские люди под государевою царскою высокою рукою еще не укрепились и ясаку с себя дают мало и то с подарки, а не окладом, а иные ничево не дают и служилых людей побивают, и убили служилых людей да целовальника 3 человек[1]. И велел ему тут острожек поставить. И Петр Бекетов с служилыми и с промышленными людьми острожек поставили и, призвав в острожек тунгуских людей и аманатов, у них и под тех аманатов ясак взяли перед прежним с прибылью, а что с них государева ясаку собрано и то писано в ясачных книгах подлинно.

А в енисейских ясачных книгах [за]прошлой 137 год, каковы присланы ко государю из Сибири из Енисейского острогу за рукою воеводы Василия Аргамакова написано. Взял государева ясаку вновь, ездя в Тунгуску острожку ставить на рыбной ловле, Петр Бекетов с служилыми людьми с князцы Ирканья с товарыщи 2 сорока[2] 36 соболей да 10 пластин собольих да 2 шубы собольи.

Да в прошлом же во 138 году писал к государю из Сибири из Енисейского острогу воевода Василий же Аргамаков. В прошлом де во 137 году посылал он из Енисейского острогу для государева ясаку под Брацкой порог енисейских служилых людей Петра Бекетова, а с ним енисейских казаков 19 человек. И Петр Бекетов с служилыми людьми в Тунгуске под Брацким порогом собрал государева ясаку 15 сороков 2 соболя, а из под Брацкого порогу ходил он, Петр, с служилыми людьми для государева ясачного сбору в Брацкую землю 7 недель, чтоб государю в ясачном сборе учинити прибыль, и уговаривал брацких людей, чтоб они, брацкие люди, были под государевою царскою высокою рукою и ясак с себя давали[3]. И ходя в Брацкой земле терпели голод, ели траву и коренья и, уговоря брацких людей, привели под государеву, царскую высокую руку князцей Кодогоня, да Кулзаза, да Алдая с товарыщи на том, что им, князцем и брацким людем, быть под государевою царскою высокою рукою вперед неотступным и ясак с себя платить в Енисейской острог, и взяли с брацких людей государева ясаку на 137 год 2 сорока 3 соболей.

А в енисейских ясачных книгах прошлого 137 году, каковы присланы ко государю из Сибири из Енисейского острогу за рукою воеводы Василия Аргамакова написано. Взято государева ясаку с новых землиц под Брацким порогом с тунгусов и с брацких людей на 137 год сбору Петра Бекетова с служилыми людьми 17 сороков 9 соболей, да пластина лисья, да 2 подволоки лыжные бобровые.

А что той мяхкой рухледи обоих сборов Петра Бакетова 136 и 137 году сибирская и московская цена, того выписать не из чево, потому что в ценовной сибирской росписи енисейская ясачная мягкая рухледь с старых и с новоприскных ясачных людей списана ценою вместе, а не порознь.

Да в прошлом же во 140 году писал к государю из Енисейского острогу воевода Ждан Кондырев. В прошлом де во 139 году послан* на государеву службу из Енисейского острогу на великую реку Лену для государева ясачного сбору и приписку новых землиц Петр Бекетов, а с ним енисейских служилых людей 30 человек.

* В оригинале «послал».

И в прошлом во 143 году писал к государю из Енисейского ж острогу воевода Ондрей Племянников и прислал под отпискою своею Петра Бекетова и служилых людей новоприисканым землицам и непослушным ясачным людем и зсачному сбору послушной список. А в послушном списку написано: Петр Бекетов с служилыми людьми ходил в Брацкую землю вверх Лены реки, на усть Ону реку, к брацким и к тунгуским людем для государева ясаку, которые преж того государева ясаку не оплачивали, и те де брацкие и тунгуские люди государю учинились непослушны и хотели их служилых людей побить, и они де, Петр с товарыщи, от тех брацких людей сидели в осаде 3 дни и божиею милостию и государевым счастием он Петр с служилыми людьми тех брацких людей побили и убили их на розных боех и на приступах 90 человек брацких и якуцких и тунгуских людей, а брацкие люди на тех боях ранили служилых людей 3 человек да 2 тунгусов, которые у них были в вожах. И после того те брацкие и тунгуские ясачные люди учинились под государевою царскою высокою рукою на веки неотступны. И взяли с тех, с новых ясачных людей, государева ясаку на 140 да на 141 год 23 сорока 31 соболь, да лисицу красную, да в аманаты князца.

2. Челобитная ленского воеводы Пушкина и других, поданная в Сибирский приказ, 1645—1646 гг. *

Государю, ...(т)... холопи твои Васка Пушкин, Кирилко Супонев, Петрушка Стеншин челом бьют.

В нынешнем, государь, во 154 году сентября в 18 день писали к тебе государю, ...(т)... к Москве мы, холопи твои, с ленскими служилыми людьми с Трофимком Федоровым с товарищи по отписке из Верхоленского братцкого острожку пятидесятника Курбатка Иванова, что в прошлом государь во 153 году братцкие люди, которые были под твоею государевою царскою высокою рукою, от розгрому атамана Васки Колесникова с товарищи, тебе, государю, изменили и ясаку с себя платить не учали [4]. И преж того твоих государевых служилых людей, выманя из острожку в свои улусы, а иных, которые посыланы были для твоего государева ясачного збору, и на Ламе Семенку Скороходова с товарыщи побили. И под Верхоленской острожек не по одно время войною приходили, и кони и коровы у служилых людей отгоняли, и пашенного крестьянина Оверку Елизарьева раззоряли, и работников-ево руских пяти человек побили, и сена прижгли, и хлеб розсыпали, и пашенной завод розвезли.

И после, государь, того, как мы, холопи твои, о тех брацких людей измене писали к тебе, государю, к Москве, пришед под тот же Верхоленский братцкой острожек со многим собраньем, и служилых людей в острожке осадили, и достальной скот, кони и коровы отгонили, и сена прижгли, а оборонитца де государь было в Верхоленском брацком острожке им служилым людем от тех брацких людей за безлюдством некем, потому что в том брацком острожке их служилых людей было всего и с целовалником 27 человек. А нам, государь, холопем твоим, с Ленского Илимского волоку на прибавку к тем служилым людем в Верхоленской брацкой острожек вскоре послать было-неково ж, потому, которые, государь, служилые люди из Тобольска 50 человек с нами, холопи твоими, на твою государеву службу на Лену посланы, и в Енисейском остроге для твоего государева сыскного дела 20 человек взяты, и те, государь, все служилые люди шли с хлебными

* ГАФКЭ, Сибирский приказ, 1647 г., столб. № 274, лл. 338—352.

запасы, их же тобольских служилых людей оклады и пашенных черкас дву годовые месечные кормы, которые из Енисейского острогу отпущены, и на Илиме реке у верхнево порогу с теми запасы и замерзли. А мы, государь, холопи твои в своих судах людишками своими шли на Ленской волок для поспешеня поскорее.

И писал, государь, к нам, холопем твоим, на Илимской ленской волок из Верхоленского брацкого острожку тот же пятидесятник Курбатка Иванов, что брацкие де люди, видя их безлюдство, идут на низ Лены реки на Орленгу, где было поселился вновь пашенной Офонка Долгой, и на усть Куты реки, где твои государевы служилые люди пашут на тебя, государя, пятнадцать десятин, и соляная варница, в которой на тебя государя соль варят, их роззорять и с Илимского Ленского волоку дорогу отымать и нас, холопей твоих, на Лену не пропустить. И мы, государь, холопи твои, на ленском Илимском волоку на твою государеву службу в Верхоленской брацкой острожек на брацких людей войною в поход велели сыну боярскому Олексею Бедареву прибирать к себе в полк из промышленных и из гулящих людей. И собралось, государь, на ленском Илимском волоку на твою государеву службу на брацких людей с сыном боярским с Олексеем Бедаревым приезжих сибирских городов и промышленых гулящих людей по росписи 82 человека, да к тем же к новоприборным людем в прибавку дал к тому сыну боярскому Олексею Бедареву ленских и тобольских служилых людей, которые немногие люди с нами пришли, а иные, государь, к нам холопем твоим с отписками встречю, из Якутского острогу пришли всего 31 человека. Да мы ж, государь, холопи твои, для безлюдства ж дали своих людишек: я, Кирилко, 4 человек, а я, Петрушка, 5 человек. И всего, государь, служилых и наших, холопей твоих, Кирилковых и Петрушкиных людишек и гулящих охочих людей было с сыном боярским 123 человека. И, дав им для твоей государевы службы из твоей государевы казны по фунту зелья, свинцу тож, да вперед на запас дали сыну боярскому Олексею Бедареву на иных новоприборных охочих людей, которые приберутся вновь на усть Куты и на Орленге, полпуда зелья, свинцу тож, потому что, государь, у тех гулящих людей своево зелья и свинцу не было, и за тем было на твою государеву службу иттить не хотели, в том числе было служилых и наших людишек и охочих человек с 50 ссыльных. И тому сыну боярскому Олексею Бедареву, дав наказную память, отпустили мы, холопи твои, к ним тех твоих государевых служилых и гулящих охочих людей на твою государеву службу по первому зимнему пути октября в 6 день нынешнего 154 году.

А велели, государь, по той наказной памяти тому сыну боярскому Олексею Бедареву с теми служилыми людьми в Верхоленской брацкой острожек на прибавку к верхоленским брацким служилым людем итить с Ленского волоку с великим поспешением днем и ночью, не мешкая нигде ни часу, с великим бережением, учиня перед собою яртаул и дневные и ночные крепкие караулы, чтоб над ними брацкие люди на переходе, пришод безвесно, какова дурно не учинили. А из Верхоленского, государь, брацкого острожку тому сыну боярскому Олексею Бедареву да с ним пятидесятнику Курбатку Иванову, взяв из твоей государевой казны, которые тут есть куяки с наручни, шеломы, и с теми со всеми служилыми и с новоприборными охочими людьми, оставя в Верхоленском острожке для сбереженья от брацких людей немногих людей, сколько мочно, велели им, прося у бога милости, итить войною на тех твоих государевых изменников на брацких людей и над ними промышлять, сколько милосердый бог помочи подаст.

И как, государь, сын боярской Олексей Бедарев с служилыми и с новоприборными людьми пришли на усть Куты реки и октября де в 20 день встретились с ним и с служилыми и новоприборными людьми ленские служилые люди, которые, государь, посланы были из Якуцкого остроцу в провожатых за твоею государевою ленскою соболиною казною до Ленского волоку 49 человек, и сказали им, что де твоя государева ленская соболиная казна до усть Куты замерзла, не дошед за десять ден, а до ленского Илимского волоку за пол трети недели против Чичюйского волоку, на займище пашенного крестьянина Панфилка Яковлева. И встретясь, государь, они с теми служилыми людьми того ж числа и розошлися: сын боярской Олексей Бедарев с служилыми и с новоприборными охочими людьми пошли на твою государеву службу в Верхоленской брацкой острожек, а те ленские служилые люди пошли на ленской Илимской волок к нам, холопем твоим.

И в нынешнем же, государь, во 154 году ноября в 29 день на ленской Илимской волок писал к нам, холопем твоим, из походу сын боярской Олексей Бедарев, что октября ж де в 31 день, с усть Куты к Верхоленскому острожку на полудороге, в урочищах выше Орленги речек...* в тесных местах встретили их воинские брацкие многие люди человек с пять сот и больши, и у них с ними бой был, дрались с ними с полдни до вечера и, божиею милостию и твоим государским счастием от тех брацких многих людей они, служилые малые люди, устояли, а на том бою убили у них брацких людей 3 челавек добрых брацких мужиков, в том числе брацкого ондово и лутчево мужика убили Котогорского роду наезника, которой к ним в наезде напущал с людьми все 3 напуска, князца Магахчюкова, брата Баатура, и, убив ево, у них взяли со всем в куяке с наручи и в шишаке и с саадаком. А иных де, государь, многих брацких людей и под ними коней испе[ре]ранили, а у них де, государь, служилых людей на том бою из охочих вольных людей убито пять человек да два человека ранено. Потому что де, государь, те служилые и охочие люди были безодежны, панцырей и куяков ни у ково не было. И с того де, государь, бою те брацкие люди, как у них того наезника мужика убили, побежали. А сказывали де, государь, им сыну боярскому и служилым людем тунгусы, с которыми пришли к ним на встречю после того бою на другой день, Чидчулко да Дорыга,— бежали де мимо их, тунгусов, брацкие люди и сказывали, что пошли де было они на Орленгу и на усть Куты к соли твоих государевых всяких руских людей побивать, и пашенных крестьян раззорять, и деревни пустошить, и хлеб и сена жечь — Колготорского роду князец Мукунчак, а с ним многих родов люди Болоцкого роду князца Тонлоя дети, которой взят был в аманаты и сидел в Верхоленском брацком острожке да тут и пропал. Да с Укичи и с Осы князец Багул, да Дюгуд с людьми своими, да букушурские люди с верх Уды да с Оки реки икинятские люди, а было де, государь, тех брацких людей в собранье больше пятисот человек И только б, государь, мы, холопи твои, на Илиме реке, собрав охочих новоприборных людей, с сыном боярским с Олексеем Бедаревым в нынешнем во 154 году по первому зимнему пути в Верхоленской брацкой острожек не послали, и твои, государевы, служилые люди с теми брацкими людьми не встретились, и те, государь, брацкие люди на Орленге промышленых людей всех, которые в те поры тут были, а на промыслы не розошлись, человек с сорок и больши, и на усть Куты твоих, государевых, служилых и пашенных, которые на тебя, государя, пять человек с работными людьми твою, государеву, пашню

* Слово не разобрано.

пятнадцать десятин пахали, и варничного усолья целовальника и служилых людей, которым тут трем человеком приказано, и работных людей—соловара и подварка и дроворубов и промышленых же людей, которые в то время тут были, всех бы побили и деревни раззорили и твой бы, государев, хлеб пожгли. И над твоею, государевою, соболиною казною, которая к тебе государю из Якуцкого послана ниже той усть Куты за десять днищей замерзла, от тех же брацких людей чаять было дурна большого, потому что от усть Куты вниз по Лене, где твоя, государева, соболиная казна была в заморозе недалече и обойти было с тою твоею, государевою, соболиною казною мимо того усть Куцкого места к нам на Ленской волок иною дорогою отнюдь некуду и негде. А у той, твоей, государевы, соболиной казны служилых людей, которые за тою твоею, государевою, соболиною казною из Якуцкого острогу посланы в провожатых до Москвы, с Миткою Вяткою с товарыщи и с целовальники, всего было человек с сорок. А как, государь, с тою твоею, государевою, соболиною казною тот Митка Вятка с служилыми людьми пришли к нам, холопем твоим, на ленской Илимской волок, и мы, государь, холопы твои, того Митку Вятку роспрашивали, для чего он Митка от твоей государевы соболиной казны служилых людей, которые с ним из Якуцкого острогу посланы были до Ленского волоку в провожатых, их от себя отпустил и к нам на Илим за Ленской волок наперед себя задолго прислал, и кем было ему от тех твоих государевых изменников от брацких людей в остереганье быть. И тот Митка Вятка нам, холопем твоим, в роспросе сказал, что де ему в Якуцком остроге стольник и воевода Петр Головин в наказной памяти велел написать, будет где их на Лене реке с тою твоею, государевою, соболиною казною замороз застанет, и ему Митке велел за хлебною скудостью тех провожатых служилых людей, которые посланы до Ленского волоку, отпустить наперед себя на ленской Илимской волок. А у них де, служилых людей, с собою зелья и свинцу было мало, а у иных и не было, потому что де им в Якуцком остроге твоево государева зелья и свинцу не дано. А как, государь, на твою государеву службу после того брацкого бою сын боярской Олексей Бедарев с служилыми людьми в Верхоленской брацкой острожек пришли ноября в 8 день и из Верхоленского ж, государь, острожку на твоих государевых изменников на брацких людей войною ходили два похода, и всего, государь, они в Верхоленском брацком острожке жили и в походы на брацких людей войною ходили и как и из Верхоленского брацкого острожку назад к нам на Илимской ленской волок марта по 19 число осмнадцать недель. И о тех, государь, они свои походех писали к нам, холопем твоим. И как тот сын боярской и пятидесятник Курбатко Иванов с служилыми людьми на Илимской ленской волок пришли и в послушном в походном де своем списку и в роспросе перед нами, холопи твоими, сказали, как де, государь, они служилые люди, сын боярской Олексей Бедарев и пятидесятник Курбатко Иванов, со всеми служилыми с новоприборными охочими людьми, оприч тех, которые оставлены были в острожке, подшод на брацкие улусы, которые тебе государю изменили, в твоем государеве ясаке отказали и войною под острог приходили Икирежского роду, и в тех де, государь, икирежских юртах и первом походе взяли тридцать баб, в том числе Икирежского князца Бурина жена, а осмнадцать робенков, да одиннадцать куяков, восемь шеломов, семеро наручи, да твоей государевы казны пансырь, да лоскутье пансырное, что побиты на Ламе твои государевы служилые люди Семенка Скороходов с товарыщи. Да в тех же, государь, юртах нашли пищальную натруску казачью, да

киот образовую, да пашенного Оверки Елизарьева ральник, да рубашку холщевую и многой де, государь, отгонной скот у тех брацких людей Верхоленского брацкого острожку служилые люди опознавали.

И декабря, государь, в 31 день приехали от того Икирежского роду от Буры князца в Верхоленской острожек ясачные два тунгуса да с ними брацкой мужик и били челом тебе, государю, чтоб ты, государь, их пожаловал — велел жену ево Бурину и иной ясырь * отдать на выкуп. И привезли тебе, великому государю, от него, Буры, и того ж Икирежского роду с иных брацких людей с Булгуя да с дорогая и с их улусных людей, которых они служилые люди громили, твоево государева ясаку десять сороков соболей, ожерелье брацкое соболье шито, в нем четыре пластины, лисиченко красная.

Да как они, служилые ж люди из Верхоленского ж брацкого острожку, ходили в другой поход на брацких людей Сипугайского роду, и божиею милостию и твоим государским счастьем в том другом походе того Сипугайского роду брацких людей погромили и многих на бою побили, и после, государь, того погрому тех брацких людей князца Челгодона и с ево улусных людей взяли на тебя, государя, ясаку семдесят семь соболей, два недособоля да четыре ожерелья брацких. И февраля де, государь, в 20 день приехали в острожек Икирежского роду Булуй, Бурин брат, да Кунчюк, да Булгадайского роду Торымовых улусов меншово брата сын Цоронхай, а с собою привез тебе, государю, ясаку тридцать три соболи, два кошлочишка да Булгадайского роду Содок прислал тебе государю ясаку с своих улусных людей тридцать соболей да одирок лисичейка красного. И они де, государь, сын боярской Олексей Бедарев да пятидесятник Курбатко Иванов, икирежского князца Буры жену ево к нему отпустили без выкупу, а иной ясырь давали на выкуп на лошади и на скот, а тех мужиков взяли всех в аманаты, а к нам, холопем твоим, на Илим привезли дву аманатов [5] Икирежского князца Буры брата ево, Булуя, да сипугайского мужика, которого взяли на погроме Чекора, а в Верхоленском де, государь, в брацком острожке оставили в аманатех Икирежского роду Бунчюка, да Сипугайского роду Цонгодонова сына Уртегу да Булгадайского роду Цоронхоя.

А тот, государь, они ясак, что с брацких людей погромя и с них на тебя, государя, взяли тринатцать сороков, двадцать соболей, два недособоли, пять ожерелей брацких собольих, два кошлочишка, лисенко красное с лапы без хвоста да одирок лисиченка красного привезли к нам же на волок, и пришлем к тебе, государю, мы, холопи твои, из Иркуцкого острогу с ыным твоим государевым нынешнего 154 году ясачным сбором вместе.

И марта ж, государь, в 22 день писал к нам, холопем твоим, из Верхоленского брацкого острожку казачей десятник Васка Бугор: как де сын боярской с служилыми людьми и с аманаты из Верхоленского брацкого острожку пошли к нам на Илимской волок и февраля в 28 день, пришод под острог ночною порою, брацкие люди те же икирежские и сипугайские Булгадайского роду человек с 70 и их погромной кони и скот, что были у них на погроме взяты и на ясырь выкупу взяли, отогнали весь к себе назад. И мы, государь, холопи твои, тем брацким мужиком, которые привезены в аманатех Икирежского роду Булуя да Сипугайского роду Чекору, выписав из прежних верхоленских отписок пятидесятника Курбатка Иванова и ево Курбатка и иных служилых людей, про их измены роспрося и тому учиня письмо, в с'езжей избе перед собою те их все измены выговорили, как по твоему

* Ясырь — пленник.

государеву указу стольник и воевода Петр Головин с товарыщи во 149 году посылал на них брацких людей твоих государевых ратных людей и у них брацких людей в улусех лутчево их брацкого мужика Куржума на бою взяли, и он Куржум тебе, государю, перед Петром Головиным с товарыщи шерть дал, что ему Куржуму быть с своими икирежскими роды с улусными людьми под твоею государевою царскою высокою рукою в вечном холопстве на веки неотступным и ясак с себя тебе, государю, давать и иных брацких князцей и улусных людей под твою государеву царскую высокую руку приводить и во всем тебе, государю, он Куржум хотел служить и прямит и радеть. И как после того тот Куржум дал в аманаты сына своего Чевдока, тебе, государю, изменил, приехав от Петра Головина в Верхоленской брацкой острожек твоих государевых служилых людей Максимка Кислокваса да толмача Гаврилка с товарыщи шти человек, выманя из острожку для того, что будто ево улусных людей для твоего государева ясаку переписать, приведчи в свой улус, побил до смерти и [от] того сына своево в аманатех отступился. И как, государь, приходили ево Куржума уговаривать из Верхоленского острожку твои государевы служилые люди, толмач Федка Степанов да Данилко Скробыкин, и тот Куржум того Федку да Данилка хотел до смерти побить же. И тот Федка да Данилка, видя над собою от того Куржума смертное убивство. как их учали уже вязать, и они того Куржума да другово мужика Шугожуна в их юртах от себя ножи зарезали, и то он Куржум пропал за свою неправду. И после того, как на Ангару реку посыланы твои государевы служилые и промышленые люди Семенка Скороходов с товарыщи, и они своровали же, из тех служилых из промышленных людей, осмнатцать человек до смерти побили ж.

А того, государь, побою у них Икирежей в улусе в нынешнем погроме сыскал твой государев пансырь.

И после того во 152 году, тому ныне два года, как твои государевы служилые люди, пятидесятник Курбатко Иванов с служилыми людьми, на твоих государевых непослушных брацких людей на мужика на Гонлоя, и после того погрому они, Булуй, да Бунчук, да Онгоев брат, да Ильчин, да Булгадайского роду мужик Торым с братом своим с Наерхем, приехав в Верхоленской острожек, тебе, государю, шерть свою дали на том, что было им брацким людем с своими улусными людьми быть под твоею государевою царскою высокою рукою в прямом холопстве без измены навеки неотступным и ясак с себя и со всего роду своего улусных мужиков платить полной по вся годы бесперевотно. И он, Булуй и брат ево Бура, и их улусные брацкие мужики после той своей шерти своровали ж, тебе, государю, изменили, ясак по немногу даючи по своей воли, и во 153 году под Брацкой острожек приходили зимою войною двожды: в октябре месяце о Дмитриевской суботе да генваря в 1 число, а в третей летом июня в 9 число, и что было у служилых коней и коров и иного скоту, то все отогнали без остатку ж и сена пожгли, и того отгонного скоту в их улусех в нынешнем же погроме служилые люди опознали много, и то их воровство ж. Да они ж, брацкие люди, приходили в урочище на Тугуру реку и пашенного, которой был тут поселился вновь, Оверку Елизарьева, разоряли, и русских у него работных людей пяти человек до смерти побили, и кони и скот отогнали, и пашенной завод розвезли, и хлебные запасы розсыпали, и сена прижгли.

Да в прошлом же государь во 153 году все они, брацкие люди Икережи, тебе великому государю изменя, и в ясаке отказали и ясаку с себя платить не учали. И за то по твоему государеву указу мы, холопи твои, пришод на Илимской волок, посылали на них сына бояр-

ского Олексея Бедарева с небольшими служилыми людьми, а велено их за измену войною пострастить с пощадою, чтоб они вперед в своих винах тебе, государю, добили челом, вину свою принесли и были бы под твоею государевою царскою высокою рукою попрежнему в прямом холопстве на веки неотступны и покорны и не до конца раззорены.

И того сына боярского с служилыми людьми они ж, брацкие люди, пошод на твою государеву землю на Орленгу и на усть Куты на пашенных войною большими своими людьми, на твоей государеве земле на Лене реке, в урочищах повыше Орленги у речек Ботод встретясь, дрались и твоих государевых служилых людей пять человек убили, и как после того из Верхоленского острожку сын боярской Олексей Бедарев с служилыми людьми на их улусы ходили и их икирежские улусы громили с пощадою и людей до смерти не побивали, а которых их жон и детей и брата ево Бурину жену взяли и тот ясырь служилые люди на выкуп им отдали, а брата ево Бурину жену отдали им и без выкупу. Да он же, Булуй, как в Верхоленской брацкой острожек приехали, о которые было, с собою привел коней добрых выкупать достальной ясырь, и он те лошади назад отослал, а после их из под острожка кони и скот весь, за ним же аманатом пришед, их же брацкие люди весь отогнали, и то их измена ж. И довелись было они по твоему государеву указу за ту их за многую измену раззоренья большово, а он Булуй и брат ево Бура довелись и смертной казни повесить, для того что тому всему дурному делу в измене заводчики и иных брацких людей научали он, Булуй, и брат его Бура.

И как, государь, мы, холопи твои, тем аманатом ту измену выговорили, и те аманаты икирежской мужик Булуй и сипугайской мужик Чекор били челом тебе государю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Росии, чтобы ты государь их пожаловал, те их вины велел им отдать и казнить их смертною казнью не велел и своим государевым служилым людям их улусы воевать и роззорять не велел же, и пожаловал бы ты, государь, их, велел отпустить в Верхоленской брацкой острожек, а они де, брацкие мужики, с своими улусными людьми под твою государеву царскую высокую руку быть рады и ясак с себя тебе, великому государю, платить учнут по вся годы, и чтоб ты, государь, их и в том пожаловал, которого году они соболей в твой государев ясак на свой скот купить не добудут, и за тот их ясак велел бы ты государь у них имать коньми и скотом, потому что они люди степные и сами собольми не промышляют, а покупают соболи [на] свой скот у тунгусов. А которые де буде иных улусов и родов брацкие люди учинятся тебе государю непослушны, и они де с твоими государевы служилыми людьми на тех непослушных брацких людей учнут стоять за один и под твоих государевых служилых людей с своих улусов кони и вожей давать учнут и отгонные кони и скот, что без них будет их улусов брацкие люди отогнали, сыскать весь велят, отдать, пригнав, в Верхоленском брацком острожке служилым людем. И мы, государь, холопи твои, аманатом Булую и Чекору твое государево великое слово сказали, только будет они в прямом тебе государю в тех своих винах своими улусными людьми добьют челом и ныне на том дадут тебе великому государю свою прямую шерть что им вперед быть под твоею государевою царскою высокою рукою в прямом холопстве без измены на веки неотступным и ясак с себя полной платить учнут беспереводно, и ты, государь, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии их пожалуешь, прежние их изменные вины отдать им велишь и казнить их ныне смертною казнью не велишь, и на том тебе великому государю перед нами, холопи твоими, те аманаты и шерть свою дали.

Да били челом тебе, государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии, твои государевы служилые люди, которые ходили на тех брацких людей войною в поход, сын боярской Олексей Бедарев, да Верхоленского брацкого острожку пятидесятник Курбатко Иванов, да десятник и рядовые Павлик Малафеев и во всех товарищев своих Верхоленского брацкого острожку служилых людей место, а нам, государь, холопем твоим, в с'езжей избе подал челобитную, а в челобитной их написано. По твоему де, государеву указу, ходили они на твоих государевых изменников и непослушников, на брацких людей войною в два похода, и божиею милостию и твоим государевым счастием тех твоих государевых изменников погромили, и ясак на тебя государя с них и аманатов взяли, и те де брацкие люди за своими аманаты, дав свою шерть, в правде своей не стоят и аманатов своих преже сего отступались, и их служилых людей, выманя к себе в улусы за аманаты побивали, и ныне де своих аманатов выдают же. После де, государь, того, как они из Верхоленского брацкого острожку с теми их аманаты пошли на Илимской волок к нам, холопем твоим, без них под острожек те же брацкие люди изгоном приходили и их погромной кони и скот опять назад отогнали. И только де тех брацких людей войною не смирить, и от них в том твоем государеве в Верхоленском брацком острожке за безлюдством от них брацких людей отнюдь быть не уметь, и чтоб ты, государь, их пожаловал, велел своих государевых служилых людей в тот Верхоленской брацкой острожек послать с прибавкою да из охочих и гулящих людей, что будет приберется, чтоб на тех твоих государевых непослушных брацких людей опрично тех, которые тебе государю в винах своих добьют челом и будут посланы на иных изменников и непослушников, весною итти и их войною смирить и под твою государеву царскую высокую руку привесть и укрепить и от таково их воровства от измены унять. И пожаловал бы ты, государь, их служилых людей, велел в том в Верхоленском брацком острожке устроить их братьи служилых людей против Красноярского острогу конных двести человек да на тех же служилых людей прислать с Москвы своего государева ружья двести карабинов да двести панцырей да на пеших из охочих гулящих людей, которые вперед учнут прибиратся, триста мушкетов. А на тех твоих государевых служилых людей, которых ты, государь, пожалуешь, велишь в конную службу в том острожке устроить, кони мошно им взять войною у тех же непослушных брацких людей, потому что те брацкие люди конные и многоскотные. А как де, государь, то твое государево ружье, мушкеты, на Лену присланы будут и к тому ружью учнут из гулящих охочих людей прибиратца люди и многие без твоего государева жалованья из одного их погрому, потому которые, государь, с Руси ис сибирских городов на Лену гулящие охочие люди приходят, и они за ружьеми, за зельем и за свинцом на тех твоих государевых непослушных брацких людей не прибираютца, для того что у них ружья и зелья и свинцу нет. А те де, государь, брацкие люди с ними служилыми людьми на боях бьются с броны в куяках и в наручах и в шеломах, и они де служилые люди из своих худых пищаленок ничево оным не учиняют и их куяков мало пробивают.

А тот де, государь, Верхоленской брацкой острожек тебе, государю, вперед годен, как в нем твои государевы служилые немалые люди будут и тех твоих государевых непослушных брацких людей, которые близко того острожку живут, войною смирят и под твоею государевою царскою высокою рукою в вечном холопстве укрепить мощно. А живут де, государь, те брацкие люди около того Верхоленского брацкого

острожку блиско, днищей в трех и в четырех и в пяти и шести а и[х] дальние улусы и Лама озеро всего в семи днищех, и в ясачном зборе с тех брацких людей тебе, государю, прибыль будет многая и вперед де, государь, будет твоей государеве соболиной казне, которая из Якуцкого острогу через ленской Илимской волок учнет посылатца, твоим государевым служилым людем проводить и с Илима за волок твоим государевым воеводам и служилым и торговым и промышленым людем с своими торги и на лишне свои промыслы для своих промыслов и на ленском Илимском волоку и на Муке и на усть Куты реки соболиною мяхкою рухлядью торговать и на тебя, государя, десятую сбирать и назад им торговым и промышленным людем в сибирские и в руские города ходить будет и под тем Верхоленским брацким острожком пашенных устроить и от острожку вниз Лены до усть Куты реки в урочищах на Тугуре и на Орленге, где пашенные для пашни заняли заимки и у соляной варницы целовальником и работным людем за теми служилыми людьми, которые в том Верхоленском брацком острожке устроены будут, за их остереганьем жить будет бестрашно мошно ж. И твоя де государева жалованья вотчина, Ленская земля, только тех воинских брацких людей по твоему государеву указу теми твоими государевыми служилыми людьми войною умирить, распространится, потому что опрично де, государь, тех брацких воинских людей во всей Ленской земле таких воинских людей тебе, государю, непослушных нет.

И мы, государь, холопи твои, велели в тот Верхоленской брацкой острожек к тем, которые в том Верхоленском острожке оставлены были с сыном боярским с Олексеем Бедаревым да с пятидесятником с Курбатком Ивановым, послать и в том Верхоленском брацком острожке для оберегания учинить всех пятьдесят человек.

Да тому ж сыну боярскому Олексею Бедареву да пятидесятнику Курбатку Иванову ныне на усть Муки реки из гулящих охочих людей на брацких непослушных людей велели прибрать гулящих и охочих людей, а сколько будет, государь, человек приберетца и того сына боярского Олексея Бедарева да пятидесятника Курбатка Иванова с теми брацкими аманаты да с ними ж служилых и из гулящих охочих новоприборных людей нынешние весны 154 году с усть Куты реки пошлем, государь, мы, холопи твои, их в Верхоленской брацкой острожек тотчию и над непослушными твоими государевыми изменники брацкими людьми, опрично тех, которые будут под твоею государевою царскою высокою рукою, прося у бога милости, велим промышлять и войною их смирять, сколько милосердный бог помочи подаст. А опрично, государь, тех служилых пятидесят человек в прибавку послать было, государь, нам, холопем твоим, иных неково, потому что по роспросу тех же твоих государевых служилых людей немного, и по твоим государевым службам для ясачного сбору вперед розсылать будет неково, которые де в дальние места посылались человек по тритцати и в тех ныне местах всего 10, а в иных и в самых дальних местах человек по пятнадцати и по двадцати, а в иные, государь, места за безлюдством и ленских воевод Петра Головина с товарыщи меж ими рознью и непосланы. А иные служилые люди тебе, государю, били челом, а к нам, холопем твоим, приносили челобитные, чтоб ты, государь, их пожаловал, велел их отпустить на свою государеву службу в иные дальние места на Собачью и на море в дальние сторонные реки для приписку и приводу под твою государеву царскую высокую руку и ясачного сбору иных новых немирных землиц. И тех твоих государевых служилых людей, что ныне на Лене и в Якуцком остроге, вперед будет мало для новых немирных землиц

иноземцов, где ныне проведаны и вперед проведаются для приписку и под твою государеву царскую высокую руку приводу и для ясачного сбору, россылать будет неково, а которые, государь, гулящие охочие люди на твоих государевых непослушных людей и без твоево государева жалованья прибираются из погрому, а бьют челом тебе государю о ружье и о зелье и о свинцу, и нам, государь, холопем твоим, твоего государева ружья им давать нечево, потому что и твоево государева запасного... анного* ружья и карабинов и мушкетов на Лене в Якуцком остроге и в Верхоленском брацком острожке и на Илимском Ленском волоку в твоей государеве казне нет, и о том ружье к тебе, государю, мы, холопи твои, наперед сего писали ж и о том что ты, государь, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии нам холопем своим укажешь.

На обороте документа пометы: «Государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси 155 г. сентября в 26 день подал козак Юрья Лукьянов, в Сибирской приказ».

«Выписать, что добыто и взято в полон брацких людей и что с них ясаку взято и сколько побито государевых людей и распроси[ть], а после и спросить, сколько и где на Лене служилых всяких людей наперечень. А к ленским воеводам писать, то учинили они добро, что государеву ленскую казну оберегли, посылали по нее, и привезли на Ленской волок до приходу брацких людей, и на брацких людей посылали и поиски над ними учинили, а вперед малыми людьми на брацких людей в посылку посылать не велеть и за в ...** с брацкими людьми не вчинять, только оберегать себя в Верхоленском острожке, и будет придут под Верхоленской острожек, и в ту пору над ними промышлять, чтоб над ними поиск учинить, а себя уберечь и воеводам ясачных людей, которые государю послушны и ясак платят, не дать».

3. «Роспись службам» пятидесятника Курбата Иванова с описанием борьбы бурят и тунгусов с русскими и количества взысканного с бурят и тунгусов ясаку с 1641—1649 гг.***

В прошлом 147 году по указу блаженныя памяти великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси послан я был на ево государеву дальную службу на великую реку Лену с стольники и воеводы с Петром Петровичем Головиным с товарыщи. И в прошлом же во 149 году стольники и воеводы Петр Петрович Головин с товарыщи сентября в 5 день послали меня на государеву службу с пятидесятником с Василием Витезевым да тунгуским толмачем с Федкою Степановым десятью человеки с Ленсково волоку в верх по Лене реке под братцкие неясашные улусы к тунгуским ясашным князцом и к их улусным людем для того что те тунгуские князцы и их улусные люди государеву ясаку не платили по два годы во 147 и во 148 годех. Да мне же было велено писать тунгуские распросные речи про ленские вершины, и про Байкал, и про новые земли, и про братцких людей, и чертежи чертить с усть Куты реки и до Ленских вершин, и Байкалу и в них падучим сторонним рекам, и по Лене реке пашенным местам и сенным покосам смету и роспись против чертежу, где и в котором месте сколько мочно посадить пашенных крестьян.

И мы шли в верх реки, не дошед Куленги реки за пять дней, поставили зимовье на усть Ильги реки, потому что учал быть замороз. И осе-

---

* Начало слова оборвано.
** Слово не разобрано.
*** ГАФКЭ, Сибирский приказ, ст. № 6446/402, лл. 182—195.

нью по первому пути четыре человеки, поделав лыжи и нарти, пошли в верх по Лене реке до устьев Куленги реки к тунгусом и под брацкие неясашные люди, ходили пять недель и нужу и голод терпели и с тех вер[хо]ленских тунгусов государева ясаку собрали девяносто четыре соболи с Няляцкого роду. И с братцкими людьми сходилися и братцким людем говорили, что, они, братцкие люди, пришли под государеву царскую высокую руку и были бы под государевою царскою высокою рукою в прямом холопстве на веки неотступно и ясак бы с себя давали с своих улусных людей по вся годы беспереводно. И они, братцкие люди, в ясаке государю отказали и нас тунгусом велели побить, и мы от тех тунгусов откупились своими товаришки и от тех братцких людей отошли в зимовье здорово. И из зимовья пришли на Илимской волок к стольником и воеводам к Петру Петровичю Головину с товарыщи и, отдав государев ясак, подал в с'езжей избе чертеж и против чертежу роспись с устья Куты реки до вершины Лены реки и Байкалу самого ж и в них падучим рекам и пашенным местам и сенным покосам сметной список и роспросные речи тунгусково князца Мажоуля про Мугалин и про Китайское государство и про братцких людей за своею рукою. И тот чертеж и роспросные речи и роспись за моею, Курбатковою, рукою стольники и воеводы Петр Петрович Головин с товарыщи послали блаженныя памяти к великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии к Москве.

Да я же с пятидесятником и рядовыми служилыми людьми били челом блаженныя памяти великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси на Илимском волоку, в с'езжей избе стольником и воеводам Петру Петровичю Головину с товарыщи подали челобитную, чтоб нас те государевы стольники и воеводы Петр Петрович Головин с товарыщи послали нас на твоих государевых ослушников и непокорных братцких войною, чтоб тех братцких людей смирить и привесть под государеву царскую высокую руку, чтобы те братские люди государю были покорны и послушны и ясак бы с себя давали во веки беспереводно и в верх великие реки Лены на усть Куленги реки серед братские земли поставить острог, потому что прилегли многие пашенные места и всякие угодья рыбные и звериные, и впредь та государева земля была пространна и прочна и стоятельна.

И стольники и воеводы Петр Петрович Головин с товарыщи послали сына боярсково Василия Власьева и меня, Ивашка, а с нами сто человек служилых людей, велели итти на тех государевых ослушников и непокорных братцких людей и смирить тех братцких людей войною. И мне, Ивашку, велено итти перед войским в переднем яртауле во днище и в двух для языков десятью человеки. Изговев великого поста неделю, пошли в поход с Илимсково волоку в верх по Лене реке, и я, Ивашко, на усть Тугуры реки пришед десятью человеки, поимали пять человек тунгусов в языки и с тех тунгусов выбрали в вожи лутчево мужика. Да в другом месте поимали тунгусов же на усть Куленги реки да в третьем месте, не дошед братцких людей за полдница, поимали тунгусов же и взяли с собою в вожи и, дождався войска, прося у бога милости, пошли ночью на удар на пятой неделе великого поста на четверг, на утреной ранней зоре, и божиею милостию и государевым счастием, братцкого князца и ево улусных людей погромили. И тот князец Чепчюгай сел в юртех в осаде, и многих служилых людей из юртов переранили и ево. Чепчюгая в юртах убили и многих братцких людей на улусах побили и ясырь жен их и детей и скот взяли и пошли на отход. И братцкие люди, собрався многим людьми, и на отходе приступали и служилых людей человек з десять переранили, а их братцких

людей на тех приступех мы многих побили и переранили и, укрепяся накрепко на кошеве сновали, жили шесть недель и подозвали братково князца Куржума, Чепчугуева брата, и взяли его в аманаты и служилыми людьми весною, поделав плоты, по полой воде и сплыли на усть Куты к стольником и воеводам Петру Петровичу Головину с товарыщи все здоровы и тово аманата Куржума отдали стольником и воеводам Петру Петровичю Головину с товарыщи.

И он, стольник и воевода, послали с тем братцким аманатом с Куржумом вверх Лены реки до усть Куленги реки Березового города пятидесятника Мартына Васильева да с ним 50 человек служилых тобольских и березовских и енисейских и велел им, Мартыну с товарыщи, поставить на усть Куленги реки острог и, поставя острог, збирать государев ясак с братцких и тунгуских князцов и с их улусных людей, и, собрав ясак, того аманата выпустить, а в его место посадить сына его. И он, Мартын, не дошед до усть Куленги, поставил острог и ясак государев собрал с братских людей с икиреж и с тунгусов 25 сороков соболей и того аманата Куржума выпустил, а в ево место взял сына ево в аманаты, да с ним же Куржумом отпустил во братские улусы шесть человек служилых людей. И тот князец Куржум и с улусными людьми блаженные памяти великому государю, (...т...) тех служилых людей убили и прочь отложились и ясак отказали.

Да в прошлом же во 149 году по указу блаженныя памяти великого государя (...т...) стольники и воеводы Петр Петрович Головин с товарыщи велели мне, Ивашку, из Якутцково острога вниз по Лене реке в Жиганское и в Молотцкое зимовье к якутцким и к тунгуским князцом и к их улусным людем для государева ясашнова сбору и прииску новых неясашных людей. И я, Ивашко, в Жиганском и в Молотцком зимовью собрал государева ясаку на 150 год со жиганских, и с молотцких, и с якутов, и с тунгусов против прошлого 149 году с прибылью, прибрал 3 сорока 20 соболей. Да я ж, Ивашко, призвал неясашных тунгусов вилюских Калтакухсково роду князца Селючу с ево улусными людьми под государеву, царскую высокую руку и взял с нево, князца, и с его улусных людей вновь государева ясаку 20 соболей да шубу соболью, и те тунгусы почали государю ясак платить по вся годы. Да, я ж, Ивашко, по государеву указу и по наказной памяти стольников и воевод Петра Петровича Головина с товарыщи чертил чертеж великую реку Лену с вершины и до устья и в нее падучим рекам от Витим, и Киренку, и Алдан, и Вилюй, и в них падучим рекам, и по Лене реке пашенным местам и всяким угодьям и сторонным рекам Анге реке и на Собачье рекам на Лене и по Мае реке на Ламу и на Мо реку не ходили служилые люди Дмитрея Копылова и Байкал и в Байкал падучим рекам. И в прошлым же во 150 году июня в 24 день, приехав из Житан в Якутцкой острог, я, Ивашко, с государевою соболиною казною и тут государеву соболиную казну отдал в государеву казну и ясашные книги и чертеж великой реке Лене и сторонным рекам и в них падучим рекам и против чертежу роспись за моею рукою подал в Якутцком остроге в с'езжей избе стольником и воеводам Петру Петровичу Головину, с товарыщи. Да в прошлом же во 150 году августа в 24 день стольники и воеводы Петр Петрович Головин с товарыщи велели мне, Ивашку, ехать из Якутцкого острогу в Верхоленской братцкой острожек на перемену к пятидесятнику Мартыну Васильеву и, приехав, взять у нево, Мартына, острог, и острожные ключи и снаряд пушешной, и зелье и ядра, и служилых людей, и аманат, и хлебные запасы, и всякие государевы дела. И велено мне, Ивашку, с тунгуских и с братцких князцов и с их улусных лю-

дей государев ясак сбирать на 150 год и впредь их тунгуских и братцких князцов и их улусных людей, которые государю ясаку не дают, призывать под государеву, царскую высокую руку и с них государев ясак имать по прежнему, а которые тунгусы и братцкие люди учинятся сильны и непокорны и ясаку с себя и с своих улусных людей не учнут давать, и на тех непокорных братцких неясашных людей велено мне, Ивашку, ходить войною с служилыми людьми. А которые братцкие люди, во 149 году ясак дав государю, и после того служилых людей побили, и их велено войною смирить и привесть под государеву царскую высокую руку.

И в прошлом во 151 году марта в 24 день с Ленсково волоку в Братцкой острог прислан пятидесятник Василей Горемыкин с служилыми и с охочими людьми с 30 человеки, и я, Ивашко, с ним, Васильем, и с служилыми и с охочими людьми, прося у бога милости, на государевых изменников Икирежского роду на братцких людей в поход пошли с 94 человеки на лыжах и нартах с великою нужею, и апреля в 2 день на самое светлое воскресенье, на утреной заре, божиею милостию и государским счастием, тех государевых изменников погромили и князца Болбока взяли на бою ранена и ясырю скота взяли и с тех юртов сошли версты з две здорово и засеки засекли, укрепяся накрепко. Почали те братцкие люди приезжать и ясаку сулить обманом, и мы их почали с ясаком ждать и в одиннацатой день на утряной зоре, рано собрався, те братцкие люди, икережи и булгадай, войною сот с шесть подняли щиты и обошли щитами кругом, почали на нас стрелять из-за щитов. И мы, прося у бога милости, и с теми братцкими людьми поставили с ними бой, и братцкие люди скотишко у нас в засеке переранили, и я, Ивашко, с служилыми людьми вышол на выласку, у братцких людей щиты отбили, и тех братцких людей на приступе на побеге многих побили и переранили, и копья и луки и саадаки и шоломы у многих с голов отбили, и на том бою меня, Ивашка, в левую руку ранили. И они, братцкие люди, с бою побежали, друг друга не взведали, и после того бою со всеми служилыми людьми пошли в отход и в острожек дошли все здоровы.

Да в прошлом же во 151 году послал я, Ивашко, из Верхоленского братцково острошку на усть Куты для государевых хлебных запасов служилых людей Семенку Скороходова да Семенку Черкашенина с товарыщи и велел им на усть Куты прибрать охочих промышленых и гулящих людей на государеву службу на Байкал и на Ламу. И те служилые люди, Семенка Скороходов с товарыщи, на усть Куты кликали охочих служилых промышленых и гулящих людей и прибрали сорок восемь человек, и я, Ивашко, тех промышленных и гулящих людей охочих поднимал на государеву службу своими крошишками, и всего моего под'ему на ту государеву службу пошло на двесте на семьдесят на один рубль на дватцать на один алтын на две денги. И пошол на ту государеву службу из Верхоленского острошку братцкого июня в 21 день, а служилых людей со мною 26 человек да охочих промышленых и гулящих людей 48 человек и всех со мною служилых и промышленных и гулящих людей пошло на государеву службу на Байкал 74 человека. Июля в 2 день пришли мы край Ламы со всеми ратными людьми здорово и велел делать край Ламы суды и к братцким людем к ясашным и коринцом и батулинцом посылал с тунгусом служилого человека Федку Мещерякова, чтоб те братцкие люди пришли под государеву царскую высокую руку и принесли бы государю ясак с себя и с своих улусных людей. И те братцкие люди князцы Обугалгдей сказал: я де принесу

государю ясак в осень с себя и с своих улусных людей. И я, Ивашко, тех братцких людей и не воевал, но, делав струги, перевезся с ратными людьми на Олхой остров и на острову многие братцкие люди собрався и поставили с нами бой и учали с нами дратца и сели о крепких местах в каменных городках, а со мною, Ивашком, на острову было ратных людей только 40 человек, а 30 человек оставили на коше. И божиею милостию и государевым счастием, тех братцких людей из городков выгнали, и братцкие люди побежали на побег, и мы их побили и переранили, а иных живых поймали и ясырь и скотишко у них поймали. И после того те братцкие люди почали с нами миритца и государев ясак сулить, и которых взяли живых, и тех братцких людей многих больши душ 50 отпустили и больше тово их не воевали, а в аманаты от равново человека не поймали, потому, что лутчие люди розбежались. Да я ж, Ивашко, оставил край Ламы служилых людей 6 человек, десятника Семенку Скороходова с товарыщи, да 30 человек охочих и промышленных и гулящих людей и дали им в аманаты в вожи тунгусково князца Канвигирского роду, именем Юногу, и велел им итти в верх по Ламе на усть Ангары и поставить зимовье, имать на государя ясак с тех тунгусов на 152 год, а я, Ивашко, з достальными людьми пошол в Верхоленской острог и пришли в Верхоленской острог и Байкалу написан чертеж и роспись и падучим рекам в Байкалу и землям, роспросные речи и послал в Якутцкой острог к стольникам и воеводам к Петру Петровичю Головину с товарыщи. А пришел я, Ивашко, к Байкалу во 152 году сентября 4 день, а государева хлебнова и денежново жалованья на 152 год нам не дано, служили мы без государева хлебнова и денежнова жалованья 9 месяцов и голод и нужу терпели, что скотинишка бог подаровал на государеве службе на Байкале, душу свою скверними, опричь великого поста, мясо ели по вся дни, а в великой пост ели сосну, а государев ясак собрал против прошлого 151 году.

Да в прошлом же во 152 году посылал я, Ивашко, из Верхоленсково острожку для государева ясаку сбору в верх по Куленге реке к тунгусом служилых людей трех человек Мишку Сорокина с товарыщи и велел им, Мишке Сорокину, послать к братцким людем неясашным Готелского роду князцу Тоглою, чтоб те братцкие люди, князец Тоглой с своими улусными людьми, пришли под государеву, царскую высокую руку и ясак государю с себя и со своих улусных людей дали, и оне братцкие люди служилым людем отказали, ясаку де мы не дадим, а придут де служилые люди к нам по ясак, мы де служилых людей побьем, а вас де тунгусов в котле сварим. И я, Ивашко, на тех братцких неясашных людей велел на Илимском волоку прибрать охочих и гулящих и промышленых людей, и прибрали на Илимском волоку человек с 30 и на тех братцких людей ходило со мною служилых людей 21 человек да охочих промышленых и гулящих 27 человек. И как мы на тех братцких неясашных людей, князца Тоглоя с улусными людьми, пришли, и тех братцких людей человек с 200 поставили с нами бой, и милостию божиею и государским счастием, мы тех братцких людей многих на бою побили и переранили и князца Тоглоя поймали неранена и ясырю взяли душ за 70, а громили 40 юртов и, розгромя, их же братцкими юртами и арбами, мы задернули городок и жили два дня. И братцкие люди почали к нам копитца, и на третей день укрепяся мы в острог пошли, и братцкие люди на дороге скопяся к нам приступали, и мы от тех братцких людей отошли здорово. И после тово те братцкие люди иных розных родов князцы булгудай и икирежи, слыша ту победу, в острог приезжали и блаженныя памяти великому государю, царю и ве-

ликому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси по своей вере шертвовали, что впредь им братцким людем быть под государевою царскою высокою рукою в прямом холопстве неотступно и ясак государев давать по вся годы бесперевод но.

Да в прошлом во 153 году октября в 23 день приходили под острог многих родов братцкие люди, Готели и Конготоры, и коней у служилых людей отогнали и у меня, у Ивашка, в то время отогнали 14 лошадей, и я в той на государеве службе одолжал великими долги, а те кони мы добывали своими головами, а иные покупали дорогою ценою рублей по 30 и с 5 и по 20 рублев для государевых служеб. Да те же братцкие люди в другой поем пришли под острог многими людьми сот с пять генваря в 1 день и острог осадили, а в остроге со мною, Ивашком, служилых людей всего 27 человек и против тех государевых ослушников братцких людей выехать было не с кем, и сена около острогу обожгли и сидели мы в осаде 10 дней. И как братцкие люди с острогу прочь отходили, и я, Ивашка, писал на Илимской волок к сыну боярскому к Олексею Бедареву, чтоб прислал в Верхоленской братцкой острожек на прибавку служилых людей на тех братцких людей войною, для того послал я двух человек служилых людей. И сын боярской Алексей Бедарев прибрал на Илимском волоку из гулящих и с промышленых людей 100 человек и прислал в Верхоленской братцкой острог с служилым человеком с Олексеем Оленем. И я, Ивашко, с служилыми и промышленными людьми ходил на тех государевых изменников в два похода и тех братцких людей сойти не могли безвесно, потому что братцкие люди остереглися, а ходили пехотою, у охочих и промышленых людей коней не было, а у служилых лошаденки были и те нужны, и на государевых службах нужу и голод терпели и одолжали великими долгами. И служивой человек Алексей Олень, с промышленными людьми пришед в Верхоленской острог, сплыл на Илим, и я, Ивашко, остался в братцком острожке невеликими людьми.

Да в прошлом же по 153 году все братцкие люди, которые государю и ясак давали, икирежи и булгадай и иных многих розных родов блаженные памяти великому государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии и государю, царю и великому князю Алексею Михаиловичю всеа Руси изменили, скопясь под острог пришли, и что было у служилых людей скота, коней, коров отгонили, сена прижгли. И в другой поем генваря в 1 день те ж братцких людей ста с два ходило на Тугуру и пашенново крестьянина Оверку Елизарьева розорили пять человек руских убили и скот и живот и хлеб розвезли, и стояли братцкие люди десять дней под острогом, а вытти было против их не с кем из острогу, всего нас сидело в остроге в осаде 25 человек.

И в прошлом же во 154 году, как пришли на Ленской волок государевы воеводы Василей Никитич Пушкин, да Кирило Осипович Супонев, да дьяк Петр Стеншин, и я, Ивашко, из Братцково острошка писал на Ленский волок к государевым воеводам к Василью Никитичю Пушкину с товарыщи, что я сижу от братцких людей и с невеликими людьми в Верхоленском остроге в осаде, а братцкие люди всею землею в скопе хотят итти вниз по Лене реке на пашенных крестьян на Орленгу и на усть Куты реки, а в то время приходит на усть Куты реки из Якутцково острогу государева соболиная ленская казна. И в том же во 154 году октября в 6 день по моим Ивашковым отпискам воевода Василей Никитич Пушкин с товарыщи прибрал на Ленском волоку охочих служилых и промышленных людей 130 человек и послал ко мне, Ивашку, в Верхоленской братцкой острог с теми ратными людьми сына

боярского Алексея Бедарева и велено ему Алексею, пришед ко мне Ивашку в Верхоленской острожек, и мне с ним Алексеем с верхоленскими служилыми людьми, взяв в Верхоленском острожке из государевы казны куяки с наручми и шеломы и пансыри на служилых людей, итти на тех государевых изменников на немирных братцких людей, которые государю изменили и ясаку платить не учали. И сын боярской Алексей Бедарев с ратными служилыми людьми пошел с усть Куты реки в верх по Лене реке, и как будет выше Орленги реки на другом днище с ратными людьми, и с ним Алексеем стретились многие братцкие воинские люди, а шли те братцкие люди до усть Куты, а в то время усть Куты была государева четверогодная соболиная казна, и поставили с ними бой, и братцкие люди убили на бою руских людей 5 человек, а иных служилых людей многих переранили, а их братцких людей государевы противу служилые люди убили лутчево братцково князца Мугулчюкова брата и иных братцких людей убили и переранили. И после тово бою сын боярской Алексей Бедарев, укрепяся накрепко, с ратными людьми пошол в острог, а братцкие люди с тогож бою воротились в свои улусы. И ноября в 8 день сын боярской Алексей Бедарев с ратными людьми в Верхоленской острог пришол, и я, Ивашко, с ним, Алексеем, с верхоленскими служилыми и со всеми ратными людьми, взяв из государевы казны куяки с наручми и шеломы и пансыри на служилых людей и укрепяся накрепко с крепкими сторожами, пошли на тех государевых изменников на Икиреж на Сипугат и ходили два похода зимою и те братцкие улусы погромили и взяли скота и ясыря. И после тово братцкие люди почали миритца и государев ясак на 154 год принесли весь сполна. Да мы взяли в аманаты двух человек Икирежского роду князца Булуйка да Осибугатского роду Чекорка.

И изговев великою поста неделю, сын боярской Алексей Бедарев да я, Ивашко, с государевою соболиною казною и с аманаты и братцкими людьми пошли на Ленской волок к государевым воеводам к Василью Никитичю Пушкину с товарыщи, а в Верхоленском остроге оставили казачья десятника Василья Буграда, с ним служилых и охочих гулящих людей 70 человек. И после нас те братцкие люди скопясь пришед под Верхоленской острожек, и что было у служилых людей скота коней и коров, и все отгонили. И воевода Василей Никитич Пушкин с товарыщи велел мне, Ивашку, на Ленском волоку прибрать на государеву службу в Верхоленской братцкой острог промышленых и гулящих людей полтораста человек. И воевода Василий Никитич Пушкин с товарыщи послали с теми ратными людьми в Верхоленской братцкой острог на тех государевых изменников братцких людей воеводы Кирила Осиповича Супонева племянника ево Козму Супонева да сына боярского Алексея Бедарева да меня Ивашка с ними в товарыщах. И мы ходили из Верхоленского братцкого острожку в поход на тех государевых изменников братцких людей Осипугатцкого роду 170 человек и их братцкие улусы погромили, на бою человек с 30 братцких людей убили и на отходе на юртах ясырю скота коней и коров взяли и в Верхоленской острог со всеми ратными людми пришли здорово. Да мы ж ходили в другой поход за теми ж государевыми изменники за братцкими людьми и за Ангарою братцких людей сошли, князца братцково Содока улусы погромили, на бою человек с 20 братцких людей убили, а у нас братцкие люди против убили служилово человека, и ясырю и скота и коней и коров взяли и с тех улусов назад отошли и за Ангару реку перевезлись с ясырем и скотом с коньми

и с коровами и пошли в острог. И идучи дорогою, скопясь брацкие многие люди с куяшнова тысечи с две, и пришли на нас безвестно, и мы с ними билися сильным боем накрепо и убили у нас братцкие люди 17 человек да человек с 10 переранили, а мы у них братцких людей против убили человек с 40, а у иных многих братцких людей коней переранили. А что у нас было погромново скота, коней, коров и овец, то у нас те братцкие люди отбили и отогнали к себе. И после того бою и отошли мы с ратными людьми в Верхоленской острог, и Козма Супонев и сын боярской Алексей Бедарев с новоприборными ратными людьми поплыли вниз по Лене реке в Якутцкой острог, а я, Ивашко, остался в Верхоленском братцком острожке, а велено было мне быть для государева ясашново сбору на 155 год весною, и я, Ивашко, на 155 год государев ясак собрал против прежних годов весь сполна.

Да в прошлом же во 155 году весною прибрал я, Ивашко, на усть Куты реки гулящих и промышленых людей 100 человек из Верхоленского братцкого острогу с служилыми людьми и с охочими и промышленымы и гулящими людьми 100 с 30 человеки ходил на государеву службу к Ангаре реке на государевых непослушников братцких людей, которые государю преж сего братцкие люди ясаку не плачивали, Булгудайсково роду на князца на Кумайка. И те братцкие улусные князцы Кумайка погромили и ево, Кумайка, взяли жива и посадили в аманаты и на бою человек с 20 братцких людей убили и ясырю душ с 40 взяли и скота, коней и коров, взяли же, а у нас против тово братцкие люди человек с пять ранили, и я, Ивашко, с тех улусов пришол в Верхоленской острог со всеми ратными людьми здорово. Да мне же воевода Василей Никитич Пушкин с товарыщи велели поставить Верхоленской братцкой острог на новом месте выше старово острогу на усть Куленги реки, потому что старой острог поставлен не на угожем месте, а на усть Куленги реки место к острогу угоже пашенными местами и сенными покосы и рыбными и звериными угодьи. И я, Ивашко, с верхоленскими служилыми и с новоприборными охочими людьми из походу пришел, на усть Куленги реки в новом месте острог поставил и бани и амонатцкой двор и круг острогу надолбы устроил.

Да в прошлом во 156 году в октябре собрався ясашные братцкие люди, Готея и Комготоры, ста с три под острог приходили и скот кони и коровы у служилых людей отгонили. И я, Ивашко, собрався невеликими людьми 64 человеки, генваря с тридесятого числа середь зимы в лютые морозы за теми братцкими людьми в поход ходил и тех братцких людей, Готел, на улусах сошли и те братцкие улусы погромили, на бою мужиков с десять братцких людей убили, а иные братцкие мужики розбежались. И ясырю душ с 30 взяли и скота коней и коров взяли и отошли в острог со всеми ратными людьми здорово.

Да в прошлом же во 157 году братцкие люди, которые государю давали ясак Булгудайсково роду и Саган князец Содок и Сипугат и Конготоры, скопясь со многими воинскими людьми, в осень пришед под Верхоленской острог, служилых 3 человек убили, 12 человек ранили и под острогом сена и хлеб обожгли. Да те ж братцкие люди на Тугуру приходили и на Тугуре государев хлеб пожгли и пашенных крестьян хлеб и сена пожгли и служивого человека и пашенного крестьянина с женою и с детьми убили, а иных служилых людей переранили. И как пришел на Ленский волок воевода Дмитрей Ондреевич Фрязбеков да дьяк Осип Стефанов и велели мне прибирать на Илимском волоку охочих служилых и промышленых и гулящих людей, и прибралось служилых человек с 50 да охочих и промышленых людей человек с 50 же, и служилые люди покупали кони дорогою ценою, должася рублей

по 15 и по 17 и по 18. И с теми ратными людьми послал воевода Дмитрей Ондреевич Фрязбеков государева жильца Василья Нефедьева и меня Ивашка с ним в товарыщах и велели итти с Илимского волоку в Верхоленской братцкой острог, а из Верхоленского братцкого острогу на тех государевых изменников братцких людей и смирить их войною. И мы, пришед в Верхоленской братцкой острог из Верхоленского острогу, за теми государевыми изменниками ходили и их братцких людей сойти не могли, потому что им братцким людем весть пала преже, и оне, братцкие люди остереглись и розбежались и мы отошли назад, в острог, и те братцкие люди с собя и с своих улусных людей на 156 год государева ясаку не дали. И Василей Нефедьев с ратными людьми из Верхоленского острогу с государевою казною пошол на Илимской волок зимою, а мне, Ивашку, велено быть до перемены в Верхоленском остроге с служилыми людьми.

А которые прошлом во 157 году братцкие люди Бухгадайсково роду князцы Тором и Содок и с своими улусными людьми отложились, дав ясак, государю изменили и под острог в два пойма проходили и служилых людей 3 человек убили да 12 человек ранили и скот кони и коровы отогнали и хлеб и сена пожгли и на Тугуру пришед служивого человека и пашенново с женою убили и государев хлеб пожгли и у пашенных крестьян хлеб и сена пожгли, и я, Ивашко, будучи в Верхоленском остроге, и тех государевых изменников братцких людей Булгадайсково роду князцей Торома и Содока и с их улусными людьми призвал под государеву царскую высокую руку государскою грозою и ласкою, и государев ясак с тех братцких людей и князцех с Торома и Содока и с их улусных людей на 157 год по сту соболей против прошлого 156 году сполна.

И служил я, Ивашко, блаженныя памяти в Илимском государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии и государю царю и великому князю Алексею Михаиловичю всеа Русии при их государевых стольниках и воеводах при Петре Петровиче Головине, да при Матвее Богдановиче Глебове, да при дьяке Еуфимье Филатове, да при воеводах при Василье Никитиче Пушкине, да при Кириле Осиповиче Супоневе, да при дьяке Петре Стеншине, да при Дмитрие Ондреевиче Фрязебекове, да при дьяке Осипе Степанове в верх великие реки Лены во братцкой новой землице восемь лет и в верх великие реки Лены серед братцкие землицы, на усть Куленги реки, государев острог поставил на угожем месте и пашенным местам и рыбным и звериным промыслом и вниз по Лене реке от острогу в полутуторе днище на усть Тугуры реки поселили ссыльных пашенных черкас десять семей в государеву пашню блаженныя памяти великому государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии и великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси. Во 149 году и по 158 год моею, Ивашковою, службишкою в те годы государева ясаку в сборе с новых людей с тунгусов и с братцких людей с розных родов 260 сороков соболей, а тот государев ясак с тех новых людей с тунгусов и с братов по вся годы имали за саблею и за кровью. И привел я, Ивашко, под государеву царскую высокую руку новых неясашных людей тунгусов с 300 человек да братцких князцей и улусных людей человек с тысечи с полторы, и те братцкие люди и тунгусы учинились ныне под государевою царскою высокою рукою в прямом холопстве и ясак учали давать. Да те же братцкие и тунгуские князцы и их улусные люди в те годы для государского величества сносили мне 2 сорока соболей да ожерелье собольи пластинные лисицу бурую, и я, Ивашко, те соболи и ожерелья и лисицу поло-

жил в государеву казну, и писаны те соболи и ожерелье и лисица в ясашных книгах по годам порознь статьями, кто что принес. Да моею же ко государю службишкою и с походов божиею милостию и государским счастьем скотом, коньми и коровы, пашенные крестьяне и всяких чинов люди наполнились, а в прежние годы которые кони были по 40 и по 50 рублев, а нынче те кони рублев по 10 и менши, а коровы, которые были рублев по 30, а нынче рублев по 6, и тем скотом, коньми и коровы, завелись многие пашенные крестьяне по великой реке Лене. И хлеб почал быть дешев, в прежние годы при стольниках и воеводах при Петре Петровиче Головине с товарыщи в Якутцком остроге пуд муки по 5 рублев покупали, а нынче в Якутцком остроге пуд муки по 10 алтын и по полуполтине.

А те наши службишка писаны ко государю к Москве в послужных списках, а те послужные списки и челобитные в Сибирском столе у боярина у князя Алексея Никитича Трубетцково. А которые служилые люди охочие промышленые служили со мною, Ивашком, государевы службы, вверх великой реки Лены острог ставили и в походы ходили по вся годы на государевых изменников и непослушных братцких людей войною, и тем служилым людем имяна в послужных списках, а тех охочих и гулящих промышленых людей подымали мы коньми и ружьем и порохом и свинцом и хлебными запасы своими крошишками. И служил я, Ивашко, вверх великие реки Лены 8 лет, а всей моей службы с Тобольска 12 лет.

4. Челобитная сына боярского И. Похабова, поданная в Сибирский приказ, с описанием походов против бурят в 1644—1647 гг. *

Царю, государю... (т)... бьет челом холоп твой Енисейского острогу сынишко боярской Ивашко Похабов. В прошлом, государь, во 152 году по указу отца твоего государева блаженные памяти великого государя... (т)... посылал меня холопа твоего из Енисейского острогу воевода Осип Аничков на вашу государеву службу в Братцкой острог для твоего государева ясачного збору и для приписку новых землиц.

И я, холоп твой, в том Братцком остроге собрал твой государев ясак с братцких людей с тынгусов против прошлых годов и с прибылью и круг старого острошку новый острог поставил и надолобы круг острогу поза рву зделал и, оставя в том остроге служилых людей для береженья 8 человек ходил я, холоп твой, вверх по Ангаре реке до Осы и до Беленя и до Куданской и до Иркута рек и на Байкало озеро для приписку новых землиц, а со мною, холопом твоим, было служилых людей 30 человек и с охочими людьми. И перешедчи я, холоп твой, Байкало озеро и шел по Селенге реке вверх два дни и на Ангаре и на Байкале озере и на Селенге и по всем тем рекам находил многих неясачных людей и тех людей под твою государеву высокую руку призывал, чтоб они под твою государевою рукою были послушны и ясак с себя тебе государю давали. И они иноземцы с нами, холопы твоими, бились, и мы, холопи твои, божиею милостию и твоим государевым счастием, многих у них людей побили и ясырю, женок и робят, живых поймали болше 40 человек, и после бою те иноземцы говорили: ныне де летом дать ясаку нечево, а дадим ясак зимою.

И пришел ко мне, холопу твоему, того ж лета во 153 году на перемену из Енисейского острогу в Братцкой острог енисейской сотник стрелецкой Максим Перфирьев.

---

* ГАФКЭ, Сибирский приказ, 1644 г., ст. №№ 226—228, лл. 259—261.

А что я, холоп твой, собрал твоего государева ясаку в Братцком остроге з братцких людей и с тынгусов, и тот ясак послал я, холоп твой, в Енисейский острог с енисейскими служилыми людьми с Фомкой Кириловым с товарыщи. А с новоприискных людей, что я, холоп твой, собрал твоего государева ясаку, и тот ясак привез в Енисейской острог и отдал воеводе Федору Уварову да подьячему Василью Шпилкину. И про те, государь, новые землицы я, холоп твой, воеводе Федору Уварову и подьячему Василию Шпилкину в с'езжей избе сказывал, а преже, государь, меня, холопа твоего, на той Селенге реке ихто не бывал, проведал тое реку я, холоп твой.

И в прошлом, государь, во 154 году писал из Братцкого острогу Максим Перфирьев в Енисейской острог к воеводе к Федору Уварову и к подьячему к Василью Шпилкину, что братцкие люди почали быть непослушны и государев ясак почали давать несполна. И воевода Федор Уваров да подьячей Василий Шпилкин посылали меня, холопа твоего, на тех ослушников братцких людей и приискивать новых землиц и серебряные руды и проведать Китайския государства. А со мною, холопом твоим, посылано служилых людей 64 человека, да собою я, холоп твой, поднимал 6 человек, да охочих было 26 человек. И пришел я, холоп твой, в Братцкую землю на Ангаре на Осинском острову острог поставил выше братцких ясачных людей осмью дни, и те новоприискные люди аманатов и ясаку с себя тебе, государь, давать не учали, и я, холоп твой, с теми людьми бился и многих людей у них по Осе реке побили, а люди, государь, многие и учинились сильны, жить стали в скопе, а братцкого, государь, острогу ясачные люди твой государев ясак почали давать сполна потому, что им от Осинского острогу стало опасно.

И во 155-м, как лед скрылся, и я, холоп твой, оставя в том Осинском остроге служилых людей Федку Мешенина с товарыщи 17 человек, ходил по Ангаре реке и на Байкало озеро и на Селенгу и на Уду реки с служилыми людьми 14 недель, и бои с иноземцы у нас, холопей твоих, по тем рекам и на Байкале озере были многие и на тех боях мы, холопи твои, многих людей били и ясырю у них поймали женок и робят болше 70 человек, и под твою государеву высокую руку тех людей привести и чтоб они тебе государю ясак с себя давали, нашие мочи столко не стало, потому что люди многие и конны, а живут в скопе и от рек откочевали. И мы, холопи твои, идучи назад Селенгою рекою и Байкалом озером, и на Байкале озере в Култуке я, холоп твой, поставил острог и ходил войною в зиме на Иркут реку на братцких людей и на тынгусов, которые тебе государю ясаку не давали, и божиею милостию и твоим государевым счастьем, взял на бою иркутцкого князца Нарея и из за того князца взял с тех людей тебе государю ясаку пять сороков шестнадцать соболей да лисицу бурую.

Да посылал я, холоп твой, служилых людей Федку Годарина с товарыщи 14 человек приискивать людей, которые тебе государю ясаку не платят, по Байкалу озеру к Селенге реке, и нашли они на Погромной речке людей и с теми людьми у них бой был и взяли у них на том бою мужика да 7 человек женок и робят да мяхкой рухляди взяли у них 34 соболя и тот они ясырь и соболи в Култутцкий острог ко мне привезли.

И пришел ко мне, холопу твоему, от черных мунгал от царева зятя от Табуная тобольской служилой человек Якунка Кулаков, которого послал Енисейского острогу атаман Василей Колесников к царю к Цысану для проведыванья серебряной руды, а с ним, Якункою, пришли братцких людей два человека, чтоб под того Якунку Кулакова и под

товарыщев ево под двух человек, которые оставлены у Табуная — Ганка толмач да Васка Власов тот ясырь и соболи, которые на бою взяли служилые люди Федка Годарин с товарыщи, отдал, а сказал Якунка Кулаков: только де того ясырю я холоп твой не отдам и тех де людей, которые у Табуная, не выпустят и убьют. И я, холоп твой, с служилыми людьми 14 человек ходил к Табунаю на лыжах, шел 15 дней и под того Якунку и под товарыщев ево Табуная тот ясырь и соболи отдал, и того Якунку с товарыщи мне холопу твоему он Табунай отдал. И дал я, холоп твой, тому Табунаю пять пар соболей да два аршина с четью сукна красного, а сказал ему, что твоего государева жалованья. И ходил я, холоп твой, к мунгальскому царю к Цысану для проведыванья серебяные руды и Китайского государства, а ехал я, холоп твой, до царя Цысана два месяца и поднес к нему царю в подарках два сорока соболей да пять аршин сукна аглинского красного да аршин сукна кармазину вишневого да кутухте шесть пар соболей да два аршина с четью сукна аглинского красного. А давал я, холоп твой, им царю и кутухте то свое, а сказывал им, что твое государево жалованье, и против того царь Цысан и кутухта и Турукой Табунай послали к тебе к государю к Москве со мною, холопом твоим, а что послали, к тому от воеводы роспись под отпискою. А про серебряную руду царь Цысан сказал мне, холопу твоему, серебряные де руды у него нет, и в Китайское государство меня, холопа твоего, не пропустил и дал мне холопу твоему своих послов чеырех человек и отпустил к тебе, ко государю, к Москве. И тех мунгальских послов я, холоп твой, поил и кормил, до Енисейского идучи, своим. И из Култуцкого острогу иркутцкого князца Нарея взял я, холоп твой, с собою ж, и сшодчись на Тунгуске реке Енисейского острогу с сыном боярским с Иваном Галкиным, и того князца Нарея я, холоп твой, ему Ивану Галкину отдал.

А идучи я, холоп твой, к мунгальскому царю к Цысану нужду великую и голод терпел и пихту и сосну ел и душу свою в постные дни скверних, и в иных в улусех хотели меня, холопа твоего, и служилых людей побить и с голоду поморить и живот отнимали. И будучи я, холоп твой, на той твоей государевой службе и что поднимал собою 6 человек, обнищал и одолжал великим неокупным долгом. Милосердный государь... (т)...пожалуй меня холопа своего за тое мою холопа твоего службу и за великую нужду и терпение своим государевым прибавочным денежным и хлебным жалованьем к прежнему моему окладу, как тебе милосердому государю обо мне бедном бог известит. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте документа помета: «157 г. февраля в 9 день выписать службы и роспросить служилых людей, которые с ним были, чьи он соболи и сукно и оную рухлядь в подарках давал».

5. Челобитная пятидесятника П. Задубина, поданная в Илимской с'езжей избе, со сведениями о походах против бурят с 1651 по 1653 гг. 7 июня 1654 г.*

Царю, государю (...т...) бьет челом холоп твой дальной твоей государевы Сибирской украины Верхоленского братцкого острошку пятидесятник Пронка Задубин.

В прошлом, государь, во 159-м году при воеводе Тимофее Шушерине в Верхоленском братцком острошке ясашные братцкие люди Булгуданскова роду князцы Чедок да Дарбай с своими улусными людьми

---

* ГАФКЭ, Сибирский приказ, 1655 г., ст. № 6388/344, лл. 250—253.

от твоей царской милости отложились и на 159-й год твоего государева ясаку не дали и тебе, праведному государю, изменили. И по твоему государеву, ...(т)... указу и по наказной памяти твоего государева воеводы Богдана Денисьевича Оладина послан был я холоп твой, из Илимского острогу в Верхоленской братцкой острожек, а из Верхоленского братцкого острошку велено мне, холопу твоему, ходить с войсками с Верхоленскими с служилыми людьми войною с огнянным оружием в брацкие немирные землицы. И велено мне, холопу твоему, тое братцкие немирные землицы князцей и их улусных людей приводить и призывать под твою царскую высокую руку немирных братцких людей, кои тебе государю непокорны и непослушны и ясаку с себя не дают, а приходят по многие годы под твой государев Верхоленской братцкой острожек и на Тугуру и под Верхоленским братцким острошком служилых людей и побивают и скот отганивают и сена жгут и ясачных братцких людей от твоей царской милости отгоняют и разоряют и на Тугуре твоих государевых пашенных крестьян побивают и десятинную пашню разоряют и на пашнях хлеб жгут и коньми топчут и во всем тебе, праведному государю, чинятца силны.

И в прошлом, государь, во 160-м году из Верхоленского братцкого острошку ходил я, холоп твой, с Верхоленскими с служилыми людьми с войною с огнянным оружьем в братцкую немирную землицу за Ангару реку на немирных на братцких князцей и на их улусных и на братцких людей, которые тебе, государю, непослушны и непокорны и ясаку с себя тебе, государю, не дают. И божиею милостию и твоим царским счастием, а раденьем и промыслом твоего государева воеводы Богдана Денисьевича Оладина и нашею к тебе, государю, службишкою я, холоп твой, тех братцких князцей Чедока и Дарбая с их улусными людьми, кои князцы от тебя, государя, отложились, во 159-м году под твою царскую высокую руку привел в вечное холопство и ясак с них на тебя, праведного государя, на прошлые на 159 и на 160 годы взял полной 200 соболей и тех братцких князцей Чедока и Дарбая с их улусными людьми к шерте привел и в вечное холопство тебе, праведному государю, их братцких людей учинил.

И в прошлом же, государь, во 161-м году по твоему ж государеву ...(т)... указу и по наказной памяти воеводы Богдана Денисьевича Оладина ходил я, холоп твой, из Верхоленского братцкого острошку с Верхоленскими служилыми людьми с войною с огнянным оружьем в братцкую немирную землицу за Ангару реку на немирных и не на ясачных на братцких людей, кои тебе государю непокорны и непослушны и ясаку с себя не дают, и ходечи в поход, божиею милостию и твоим царским счастием, а раденьем и промыслом твоего государева воеводы Богдана Денисьевича Оладина и нашею к тебе государю службишкою, призвал я, холоп твой, тех батрацких неясачных людей Цаганского роду князца Багуна с ево улусными людьми 100 человек под твою царскую высокую руку в вечное холопство. И тот князец Багун с своими улусными людьми ясак дал на 161 год 50 соболей да на нынешней на 162 год 90 соболей и впредь, государь, тот князец Багун с своими улусными людьми ясак тебе, государю, хочет давать по 100 соболей на год.

Да я ж, холоп твой, с служилыми людьми призвал вновь же неясачных же братцких людей Куркутцково роду князца Мохона с ево улусными людьми 20 человек и под твою царскую высокую руку привел в вечное холопство и ясак с него тебе государю взял на 161 год 20 соболей, да на нынешней на 162 год 20 же соболей. Милосердый государь... (т)... пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, в Илимском

остроге в с'езжей избе сю мою челобитную принять воеводе Богдану Денисьевичу Оладину и, приняв подклея под отписку, послать к тебе к государю ...(т)... к Москве, что те мои службишка тебе государю были вестимы. Царь, государь, смилуйся.

6. Челобитная ясачных бурят, поданная в Енисейской с'езжей избе о насилиях, производимых сыном боярским И. Похабовым *.

Государю, царю (...т...) бьют челом сироты твои иноземцы ясачные людишки князцы брацкие Бахайко з братом своим Толтохаем да с сынишком Дунайком, да Лунка Дахаева улусу, да Конко Акалкан Каканчей, да Шадра Гоголев да Даркейко с женишком Кудукою, да князец же Абачейко, да Лукайко, да князец же Даху, да улусной мужик Хабарко, князец Турундугайко и вместо всех иноземцов достальных ясашных людишек жалоба, государь, нам Енисейсково острогу на сына боярсково из Брацково острогу на приказново человека, на Ивана Похабова.

В нынешнем, государь, во 166 году, будучи на твоей государеве службе в Брацком Нижнем остроге, тот Иван Похабов чинил нам великие обиды и всякие насильства и во всем изгоняет и утесняет, и жен наших и детей емлет к себе на постелю сильно для блуда и нас ясачных иноземцов бьет и мучит и животы наши грабит, и всякими же страстьми угрожает, а как мы с тое боязни принесем к нему Ивану в Брацкой острог соболи и бобры и лисицы добрые и черные, и тот Иван те соболи и бобры и лисицы, похватя у нас нечесно мечет под порог, а говорит нам: с чем де вы ко мне пришли на поклон и кому те соболи и лисицы годны? Приезжайте де вы ко мне с женами своими и везите де соболей по десяти, а перед де сего наша братья приезжали к вам хуже меня и вы де им приносили на поклон соболей по сороку и больше, а соболей де вы преже меня отнюдь никому служилым и иным никаким людем не продавайте. А которые лисицы мы иноземцы приносили платить в твою государеву казну ясаком и тех Иван, приметався к нам бездельным умыслом, и те лисицы у нас имал к себе в корысть, а не в твою государеву казну **... он же Иван у меня Бахая три бобра да три лисицы, а мучил меня и сынишка моего Дунайка в колоде и угрожал кнутом напрасно и вымучил коня доброво куяшново. Да у меня Лунка Дахиева улусу вымучил он же Иван коня доброво и впредь угрожает мне большею мукою, хочет вымучить другово доброво коня, и от такие от ево смертные угрозы нам и женам нашим и детям житья не стало и ездить с ясаком в Брацкой острог не смеем. И только, государь, тому Ивану Похабову вскоре перемены не будет, и нам бедным по нуже отступить в иные улусы от ево насильства быть не мощно, что он поругаетца на постеле женам нашим, их обида стала великая. Милосердый государь (...т...) пожалуй нас сирот своих ясачных людишек всех иноземцев, вели, государь, из Брацково острогу тово приказново человека Ивана Похабова переменить и про те ево всякое насильство и про многие обиды и про грабеж обыскать всяких чинов людьми и по тому обыску вели государь с ним Иваном милостивой свой государев царской указ и оборон учинить, чтоб нам твоего государева ясачново платежу не отстать и от брацково острогу не отбыть в ясачном недоборе в твоей государеве пене и в жестоком наказанье не быть и до конца не пропасть. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

---

* ГАФКЭ, Сибирский приказ, ст. № 589, лл. 86, 85.

** Строки внизу челобитной оборваны.

7. Выписка из допросов ясачных бурят о грабежах и убойствах, причиняемых им служилыми и пашенными крестьянами, 1680 г. *

В допросе Иркуцкого острогу ясашные брацкие люди Адайко Борчи и все улусные ево люди по своей вере по шерте сказали. Илимского де уезду в Олонской деревне пашенные крестьяне Кирюшка Минин, Алешка Краснояр, Сенька, прозванием Молодой, ныне и преж того вино беспрестанно курят, а кому де они то вино продают, про то сказали не ведают. А они де, Адайко с товарищы, у них олонских пашенных крестьян вина ни на што не купливали, и грабежу и убойства никакова им Адайку с товарыщи от них не бывало. А в иных де деревнях Илимского уезду, где вино курят ли и кому продают или кому какие насильства и грабежи и убойства чинят, про то сказали не ведают же. А толмачил те их допросные речи иркуцкой толмач казак Мишка Епифанов. Того ж числа Иркуцкого острогу брацкие мужики Онкитей, Онбокой, Борки, Зилбуга, Бужай, Мухор, Хаарай, Соско, Бозинту допрашиваны, а в допросе сказали по своей вере вправду. Илимского уезду каменские и олонеские служилые и посацкие люди и пашенные крестьяне нас бьют и увечат и с островов Иркуцкого острогу, на которых островах преж сего кочевали деды и отцы наши, зжили и кочевать нам по тем островам не дают и по тем островам они, каменские и олонские илимские, сена косят, да они ж де, каменские и олонские, вина сидят и по нас брацких мужиках ездят и продают и нас они бьют и увечат беспрестанно и нас они згонили с островов два годы. А на Каменке и на Олонке был приказной человек Оникей Волов, и нас Оникей бил батоги неведомо за что и в тюрьму садил, и мы ныне от них живем в нужных местах, и ныне у нас скотишко падет для их изгони.

Того же числа иркуцкой брацкой мужик Аласа Конколой допрашиван по своей вере вправду, а в допросе сказал. На Олонках и на Каменке всякие люди курят де вино и продают беспрестанно и возят по нас брацких мужиках и меняют на кони и нас грабят они олонские и каменские служилые люди и лошадей у нас они отымают и с кочевок наших, где наши отцы жили, они каменские зжили, и ныне у нас скот припропал для их изгони.

Тогож числа илимские верхоленские брацкие мужики Бабуга, Нохончей, Сяга допрашиваны по своей их вере в вправду и в допросе сказали, Илимского уезду на Олонках и на Каменке жители вино де курят и по нас брацких мужиках возят и продают беспрестанно и у нас они олонские пашенной Алексей да Семен, нас бьют и увечат, а вино де возят по нас зимою и летом беспрестанно, на мягкую рухлядь и на скот меняют,

8. Челобитная ясашных «Братских иноземцев», поданная на енисейского письменного голову Х. Кафтырева, 1695—1696 гг. **

Великим государем, царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцам, бьют челом, извещают холопи ваши Брацкого острогу ясашные иноземцы Асихибайко Дердиев, Аткуйко Комколов, Андрюшка Азигидаев, Осейко Дахуев, Оболтуйко Грошев, Болдойко да Моколдойко да Бозейко Кадаевы, Касамайко Тарчиев, Санкирко Букучин Боглойко Барсаев, Заректуйко Борчиев, Даганко Баранов, Забурко

* ГАФКЭ. Сибирский приказ, 1686 г., ст. № 6791/747, лл. 52—55.
** ГАФКЭ, Сибирский приказ. 1689 г., ст. 1254, л. 717.

Ириндиев, Хагайко Илкиев, Колочейко Табеев, Максимко Камнаев, Урмакейко Наирев, Дочиканко да Ханзик Мумуеговы, Садойко Нарекаев, Сегдейко Сундукуев, Тебендейко Кусылев, Мусыкейко Кылтуев, Умудыкейко Уныгенов, Кекуйко Ланцаев, Бодолчейко Никонов жалобы, великие государи, нам, холопям вашим, Брацкого острогу на приказного енисейского письмянного голову на Христофора Юрьевича Кафтырева.

В прошлом, великие государи, в 203 и в нынешнем в 204 годах посылал он, Христофор, для покупки себе соболей и всякой мяхкой рухляди в ясашное время на наших, холопей ваших, подводах в Удинский острог, и в тех подводах конишка наши, холопей ваших, пали две лошади. Да он же, Христофор, посылал и нас, холопей ваших, на Варлуцкую заставу с енисейскими казаками с Тихонком Кирилловым, с Костькой Борисовым 9 человек на наших же, холопей ваших, конех и [бы]ли мы на той Барлуцкой заставе 4 недели, помирали голодной смертью.

Да он же, Христофор, в нынешнем в 204 году выкосил наши, холопей ваших, сенные покосы и то сено велел он, Христофор, метать в стоги нам же, холопям, на нашех же конях, и скотишко наше, холопей ваших, вовсе выпало с голоду.

Да он же, Христофор, в нынешнем в 204 году выкосил наши, холопадками корову, а мы, холопи ваши, Урмакейко, Сегдейко, Бедендейко, Мусыкейко, Умыдыкейко ставили ему, Христофору, из-за мученья полтораста копен. Да взял он же, Христофор, с нас, холопей ваших, быка большово, а у нас, холопей ваших, Гозейки и Ханзика взял четыре быка больших. Да он же, Христофор, взял у меня, холопа вашего, Содойка Нареканова жеребца доброво, а у меня, холопа вашего, Какуйка жеребца ж шерстью пегово. И теми своими он, Христофор, нападками и мученьем разорил нас, холопей ваших, в конец и впредь нам, холопям вашим, вашего великих государей ясаку промышлять будет не на чем и купить нечем. Милосердые великие государи, (...т...) пожалуйте нас, холопей своих, велите, великие государи, сию нашу, холопей ваших, изветную челобитную в Брацком в приказной избе енисейским десятнику казачью Дмитрею Кирилову да казаку Данилу Терентьеву принять и велите, великие государи, им Дмитрею и Данилу писать в Енисейск к стольнику и воеводе Михайлу Игнатьевичю Римскому Корсакову и челобитную нашу холопей ваших, послать (под) [от]пискою, чтоб нам, холопям вашим, от нево, Христофора, и впредь от иных приказных людей в конец не разоритца и вашего великих государей ясаку не отбыть и в рознь не разобресть. Великие государи, цари смилуйтеся, пожалуйста.

9. Челобитная братских людей, поданная в Сибирский приказ по поводу захвата принадлежавших им земель и «обид», причиняемых им русскими: 1703 г. *

Великому государю, царю и великому князю Петру Алексеевичу, (...т...) бьют челом холопи твои нерчинские, ясашных брацких людей разных родов: Ганзуцкого роду зайсан Баданко Чуракин, да Карагаиацкого роду зайсан Дакийка Водороев, да Бодогуцкого роду зайсан Ачихайко Сахдаев, да разных родов и улусов шуленги Шаракинко, Гозейка, Кондохойко, Басутайко, Баендайко, Тацурко, Абундайко, Окинко, Учирко, да ясаулы Баданова улусу Болтурийко, Дасеева улусу Адайко, Ачихаева улусу Атарайко, Кондоехова улусу Номойко, Басу-

* ГАФКЭ, Сибирский приказ, № 1372, лл. 168—171.

таева улусу Ногшикойко, Баендуева улусу Кемзейко, Тацурова улусу Сорийко, Уенгуева улусу Далайко, Шуптурова улусу Атарайко, Абундаева улусу Харандайко, Окинеева улусу Танкайко, Учирова улусу Ногочийко и все рядовые ясашные брацкие люди. Жалоба, великий государь, нам, холопем и сиротам твоим, Иркуцкого присуду на Селенгинских удинских служилых и на всяких чинов людей.

В прошлых, великий государь, годех деды и отцы наши жили за мунгальскими тайшами, и не похотя за ними жить, и со всеми своими родами вышли под твою великого государя высокую самодержавную руку в Нерчинской при батюшке твоем блаженные памяти при великом государе, (...т...) и били челом мы, холопи и сироты твои, в Нерчинском при бывшем прикащике Павле Шульгине на порожные свои земли кочевать, где жили прадеды и деды и отцы наши, и жить под твоею великого государя державою в вечном холопстве и в ясашном платеже. И после нас и иные роды наши вышли под твою великого государя высокую руку в вечное ж холопство и в ясашной платеж, а породные наши земли, кочевные места вниз по Селенге, по Уде, по Курбе реках, на тех наших кочевных местах удинские казаки многие заимками поселились по правую сторону и ниже Чикою реки, по Хинку, по Темную, по Уде, по Итанце, подле Байкала моря, по правую ж сторону Селенги реки Кудуринская степь. И против челобитья нашего прикащык вышеписанной из Нерчинска отпустил нас на порожные свои кочевные места близ Селенги реки и в Ытонцинское зимовье, и служим мы, холопи твои, тебе великому государю в Ытонцинском зимовье многие непрестанные службы радетельно и ясак в твою великого государя казну платим по вся годы без недобору с прибылию. А ныне, великий государь, ту нашу породную Кудуринскую степь Иркуцкого присуду селенгинские, и удинские служилые и всяких чинов люди отняли у нас холопей и сирот твоих наши породные Кудуринские степи, лутчие кочевные места наши, зимныя и летния стойбища и всякие угодья и звериные промыслы, кормовые теплые места подле лесами, простроили себе заимки для хлебной пахоты. А горожба у них около пашен плохая и около сена горожба плохая ж, и в их хлебных и сенных протравах были нам от них разорения, обиды и налоги большие, брали у нас холопей твоих головщины непомерные насильством, своими руками разоряют нас в конец. И от тех их головщын мы, холопи и сироты твои, жен и детей своих испродали и в заклады иззакладывали и сами меж дворы скитаемся и от твоего великого государя ясаку отстали.

И в прошлом, великий государь, 204 году послали мы, холопи твои, к тебе великому государю к Москве с нерчинским сыном боярским с Микитою Варламовым в тех их налогах и обидах и в разорениях на селенгинских и удинских служилых и всяких чинов людей челобитную, и по твоему великому государя указу и грамоте велено их с той Кудуринской степи с наших породных кочевных мест свесть, а те заимки и ныне у них не сведены, и облыжным они челобитьем тебе великому государю били челобитьем, чтоб быть нам холопем твоим в Ыркуцком присуде под Удинском городом, а из Нерчинского зимовья аманатов детей наших и братей взять в Удинск, а Ытонцинское зимовье свесть. А мы, холопи твои, в Нерчинском уезде в Ытонцинском зимовье многие годы служим с Нерчинскими старыми казаками тебе великому государю за едино радительно без пороку и против неприятельских воинских людей бьемся, нещадя голов своих, тако ж и ясак в твою великого государя казну платим по вся годы без недобою с прибылью. А под Иркуцким при[с]удом нам, холопем твоим, быть невозможно ни-

которыми делы, потому что за Байкалом морем и нам много дале Нерченского.

Да в прошлых де, великий государь, годех полномочный посол боярин и воевода Федор Алексеевич Головин с товарищы будучи на Селенге по твоему великому государя указу призвал многих мунгальских тайшей, тайшу Бинтухая с товарищы во многолюдстве и из сих тайшей многих со всеми родами их во многолюдстве под Селенгинской город и под Удинской в ясашной платеж. И боярин Федор Алексеевич Головин с товарищы принял тех вышеописанных тайшей, твоим великого государя жалованьем их пожаловал, и оне тайши детей своих и братей в Селенгинской город отдали в аманатство и твой великого государя ясак они платили во вся годы. И селенгинские и удинские служилые люди тех тайшей и с родами их со всеми улусы отогнали своими обидами и налогами, и они тайши, не мога их обид и налог терпеть, покиня детей и братей своих в аманатстве, приклонились к китайскому хану, а после того, которые от них тайшей останцы в Селенгинском и Удинском и в Ильинском и в Кабанском и по заимкам, всех их прибили и бросали в Селенгу реку, а жен и детей и живот их по себе раздуванили и распродали, а которые из тех останцов с побою пришли к нам холопем твоим под Нерчинской присуд и до ныне с нами тебе великому государю ясак по вся годы платят с нами. А они селенгинцы и удинцы тех вышеписанных аманатов отпустили в их земли к вышеписанным же тайшам и нас, холопей твоих, також разорить хотят в конец и от твоего великого государя ясашного платежу и с породные нашей земли отлучить. А как мы, холопи и сироты твои, с нерчинскими с Ытонцинскими казаками боярина и воеводы Федора Алексеевича Головина в полку служили тебе великому государю радетельно и твоею великого государя милостию пожалованы были золотыми, а и ныне мы, холопи и сироты твои, служим тебе великому государю всякие твои великого государя в Ытонцинску многие непрестанные службы радетельно и твой великого государя ясак платим без недобору сполна в Нерчинск. Милосердый великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич, всеа Великая и Малыя и Белыя Росии самодержец, пожалуй нас, холопей и сирот своих, вели, великий государь, за наши радетельные многие непрестанные службы и ясачной платеж быть под Нерчинском по прежнему в наших породных землях и кочевных вышеписанных местах по правую сторону Селенги реки, а с Кудуринские степи их селенгинских и удинских служилых всяких чинов людей с заимками свесть по другую сторону Селенги реки, чтоб нам холопем и сиротам твоим от их налог и обид в конец не раззоритца и твоей великого государя службы и ясаку не отбыть а быть бы под Нерчинском присудом в Ытонцинском зимовье в вечном платеже и под твоею великого государя самодержавною высокою рукою в вечном холопстве под Нерчинском городом в Ытонцинском зимовье. Великий государь, смилуйся.

10. Челобитная приказных письменных голов И. Синявина и И. Ипатьева, поданная в Сибирский приказ о количестве собранного ясака и прочих сборов с тунгусов и бурят за 1704 и 1705 гг. *

Великому государю, царю и великому князю Петру Алексевичю, (...т...) холопи твои Ларион Синявин да Иван Ипатьев челом бьют.

В нынешнем, государь, 1705 году по твоему великого государя указу собрано в Иркуцку и из острогов твоей великого государя ясачной и

* ГАФКЭ, Сибирский приказ, 1705 г., д. № 1423, лл. 135—136.

поминочной казны по окладным и по сборным книгам и неокладного доходу и выменных иркуцкого, идинского, селенгинского, баргузинского, баунтовского, кучинского, ангарского, верхоленского сборов с тунгусов и с улусных брацких людей и с мунгальских выходцов и с соетов на нынешней 1705 год и из доимки на прошлой 1704 год 67 сороков 21 соболь с хвосты, в том числе 3 пары 3 соболя вешних, одна пара битых, 9 соболей из доимки на прошлой 1704 год, 12 соболей выменных в острогах на скот, 12 соболей выменных на муку, а что за те вышеписанные соболи скота и муки дано, о том из острогов прикащики в Ыркуцк к нам холопам твоим не писали.

В том же числе 57 соболей взято у промышленных людей, которые промышляли по речкам без твоего великого государя указу и отпуску, да от вышеписанных, государь, соболей пупков собольих то ж вышеписанное число.

А которые, государь, ясачные люди за немочью и за скудостию соболей не промыслили, и с тех вместо соболей собрано 105 рысей в козках с лапы, в том числе 2 рыси пороты, одна рысь без передних лап, 305 лисиц красных, в том числе 3 лисицы черночеревых, 5 лисиц сиводушчатых с лапы и с хвосты да одна лисица чернобурая, вымененая на муку, а дано 4 пуда; 100 розсомак в козках с лапы, в том числе одна поротая, в том же числе одна розсомака из доимки на прошлой 1704 год, 15 выдр в козках, 19 волков, в том числе 4 волка поротых, 5549 белок серых.

И тое твою великого государя сборную ясачную вышеписанную казну, в Ыркуцку разобрав, ыркуцкими служилыми и посадцкими и разных городов служилыми ж и торговыми людьми оценили и по разбору написали ценовную роспись, а по оценке, государь, вышеписанных разного чина людей, той твоей великого государя сборной ясачной соболиной казны и иной мяхкой рухляди на 10 251 рубль на 5 алтын. Да к тому, государь, с иноземцев же с тунгусов и с брацких людей и с мунгальских выходцов и с мехачин, которые за немочью и за скудостью соболей и вместо соболей и иных зверей не упромышляли, по самой нужде собрано за ясак за соболиное число и принято к плохим соболям и к иным зверям в придачю деньгами 2162 рубли 5 алтын.

Да за 56 соболей взято в Ыркутском, в Ыдинском, в Верхоленском вместо денег 112 рублев, 28 быков по 7 и по 6 лет, да 62 соболя взято вместо денег же 124 рублев, 62 быка по 5 и 4 лета, которые быки посылаютца на смену соболей в Баргузинские остроги, 14 концов китайки нюцкой за 3 рубли за 18 алтын за 2 деньги.

И всего, государь, в Ыркуцком с остроги ясачные и сборные соболиные казны и всякой мяхкой рухляди и быков и китаек по цене и за ясак денег приказного сбору нынешнего 1705 году на 12.652 рубли на 28 алтын на 2 деньги. А вместо, государь, соболей собрано всего вышеписанных рысей и лисиц и розсомак и выдр и волков 544 зверя, 5549 белок, 14 концов китаек, а за сколько, государь, числом соболей той мяхкой рухляди и китаек и быков взято и денег принято порознь, и о том, государь, ведомо будет впредь по сборным ыркуцким с остроги ясачных книгам в сметных списках.

Да по письму, государь, ыркуцкого таможенного головы Петра Соловарова покупных соболей нынешнего 1705 году 16 пар без пупков, а за те соболи дано из таможни из продажи товарной казны 100 рублев да из продажи ж карт 72 рубли 16 алтын 4 деньги.

И по твоему великого государя указу и по грамоте из Сибирского приказу, которая прислана в прошлом 204 году августа в 8 день, оставили мы холопи твои из вышеписанной твоей великого государя ясач-

ной казны сбору нынешнего 1705 году в Ыркуцку в твоей великой государя казне в посылку для продажи и мены в Китайское государство с купчиною по вышеписанной ценовной росписи ыркуцкого сбору с остроги 105 рысей в козках, в том числе 2 пороты, одна рысь без передних лап, 5549 белок, 14 концов китайки по выписанной оценке на 392 рубли 9 алтын на 1 деньгу да ясачных же для соболиные мены 90 быков за 236 рублев да прошлых лет 5 быков без цены.

А вышеписанную ж, государь, сборную ыркуцкую с остроги ясачную и выменную и взятую у промышленных людей соболиную казну 67 сороков 21 соболь с хвосты и от тех соболей то ж число пушки, 305 лисиц, 100 розсомак с лапы, 15 выдр, 19 волков, по ыркуцкой розборной цене на 9.862 рубли на 14 алтын с деньгою да таможенных покупных 16 пар соболей по покупной цене на 172 рубли на 16 алтын на 4 деньги и взятые за ясак 2162 рубли 5 алтын... деньги и твоей великого государя ясачной казне выше писанную ценовную роспись за своими и разного чину ценовщиков руками послали к тебе, (...т...) к Москве мы, холопи твои, августа в 12 день нынешнего 1705 году с ыркуцкими выборными служилыми людьми с селенгинским отставным сыном боярским Иваном Корытовым да с ыркуцкими с конным с Андреем с Терховым, с пешим с Васильем Клюкиным за их приемом. Соболи в 7 ящиках, обшиты кожами, а пушки, и лисицы, и розсомаки, и выдры, и волки в 5 мешках холщевых, запечатав твоею, великого государя, ыркуцкую печатью с ярлыками, а деньги в 4 ящиках окованных, обшиты кожами ж с твоею великого государя остаточною 1704 году денежною казною за твоею ж великого государя ыркуцкою печатью, а таможенные покупные соболи со ярлыками и за твоею великого государя ыркуцкою ж таможенною печатью. А сю, государь, отписку и ценовную роспись велели подать и вышеписанную твою великого государя, казну об'явить в **Сибирском приказе** дьяком Ивану Чепелеву, Афонасью Гарасимову.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Взимание ясака «не-окладом», т. е. несистематически и не в определенном размере, а «с подарки», т. е. в обмен на различные нужные туземцам предметы (железные ножи, иглы и пр.), или на привлекавшие их безделушки, говорит о том, что в данном случае туземцы еще не были полностью покорены.

2. Соболи, подбираемые по качеству, связывались пачками по 40 штук и назывались «сороками».

3. Более или менее точные сведения о бурятах, о многочисленности и богатстве которых ходили легендарные слухи, были впервые получены русскими, очевидно, от тюркских племен, живших в районе Каны и зависевших от бурят.

В 1623 г. в бурятскую землю снаряжается первая экспедиция, о которой мы не имеем никаких сведений.

В 1627 г. вверх по Ангаре отправляется отряд казаков во главе с М. Перфирьевым, которому однако ясак с бурят получить не удалось.

Систематические походы против бурят начинаются с 1628 г.

4. В 1644 г. атаман В. Колесников, шедший из Енисейска, поставил у устья р. Осы укрепленный острожек, где и остался на зимовку. Несмотря на то, что с находившихся поблизости острога бурят ясак был уже взыскан казаками Верхоленского острожка, Колесников грабил бурятские улусы и требовал вторичной уплаты ясачного сбора. В 1645 г. Колесников дошел до Байкала, грабя по пути бурят.

Ответом на безудержную эксплоатацию и в частности на действия Колесникова явилось начавшееся в 1645 г. восстание бурят.

5. Аманаты — заложники, бравшиеся с туземцев как гарантия покорности и своевременности внесения ясака. Взятие аманатов считалось одним из самых надежных способов для предотвращения восстаний и для гарантии безопасности отправляемых в туземные селения сборщиков. Однако в процессе продвижения на восток царские чиновники очень скоро убедились, что мера эта применима не ко всем народам, и что некоторые из них аманатов своих «не держатся» и, несмотря на взятие с них заложников, не прекращают активного сопротивления. С подобным явлением пришлось столкнуться и у прибайкальских бурят. Как сообщает ниже в настоящей челобитной ленский воевода Пушкин: «те де брацкие люди за своими аманаты, дав свою шерсть, в правде своей не стоят и аманатов своих прежде всего отступались и их служилых людей, выманя к себе в улусы, за аманаты побивали и ныне де своих аманатов выдают же». Однако, судя по тому, что и в дальнейшем практиковался захват аманатов, следует сделать вывод, что явление это было эпизодическим.

Поиски драгоценных металлов на Севере в XVII и XVIII вв. [1]

Окончание

Отписка в приказ Большой казны П. Моложенинова, допросные сказки, распросные речи и очные ставки старост и крестьян Белозерского уезда волостей: Андопольской, Комоневской, Крайской, Куйской, Кьямской, Ножемской, Пандольской, Судской и Чужбойской, август 7188 — март 7189 (1680—1681) гг.

(л. 277) И по указу великого государя и по наказу из приказу ево великого государя Болшие казны Петр Елисеевич Моложенинов для сыску серебряные руды с племянником своим с Ондреем Моложениновым и с подьячими приказу Болшого дворца с Васильем Берестовым да Белозерские приказные избы с Ываном Тимоховым и серебреники з Дмитреем часовником да с Ываном Глазуновым да с Еремеем колмогорцом да з белозерцы з Григорьем Позняковым, с Семеном Чмутовым и с приставы и с салдаты и с стрелцы з Бела озера поехал в Белозерской уезд августа в 10 день.

И Заозерского стану в Куйскую волость приехали августа в 15 день и в той волости у церкви Николая чюдотворца помещику Григорью Федорову сыну Раткову и розных поместей и вотчин старостам и крестьяном о сыску серебряные руды великого государя указ Петр Елисеевич Моложенинов сказать велел и наказ вычесть всем вслух и, выслушав великого государя указ, той волости старосты и крестьяне подали скаску за рукою и та скаска подклеена ниже сего, а помещик Григорей Федоров сын Ратков сказал словесно, что де он Григорэй о серебряной руде принесет скаску особую.

(л. 278) 188 году августа в 15 день Петру Елисеевичю Моложенинову Белозерского уезда Заозерского стану Куйские волости Никольского приходу розных поместей старосты и крестьяне [далее следует перечень лиц] сказали — по святей непорочной евангельской заповеди господни еже ей ей — в Белозерском уезде в Заозерском стану в Куйской волости золотая и серебряная руда естьли или нет, того мы не ведаем, а Колашемская и Ножемская волости и Старая Пустая слобода в Судцком стану от нас удалело, и в тех волостях золотая и серебряная руда естьли или нет, того мы не ведаем же и про сторожевую избу меж Колашемскою и Слободцкою волостми мы не слыхали, ведают ли про то тех волостей старосты и крестьяне. А про то мы слыхали издавна от старых крестьян, что на реке на Иводе, на устье у Великие реки меж озерами Шолским и Левинским живали немцы и серебро делывали, а где серебряную руду имали, на реке ли Иводе или где инде, про те места ни от кого не слыхали...

...(л. 283). И противо скаски своей волосные люди Пондальские выставки крестьяне Андрею Моложенинову с товарыщи места указывали, где руда есть, и те руды для опыту взяли за рекою Иводою на горе за деревнею Слободою да в другом месте за деревнею Киндяевою да за деревнею Аксеновою по Каргозерской дороге, да в третьем месте по Сяргозерской дороге на князь Борисове земле Вадбальского под

[1] См. «Красный архив», № 2 (75).

хоневым болотом на ручью подле нивы; всего в трех местех руды взяли с четверик и привезли к Куйскую волость к Петру Елисеевичю Моложенинову, и в тех местах руда тем же подобием, что и на Иводе реке внизу против Куйской волости. И Григорьева крестьянина Ратькова Дениска Яковлева выслали к Петру Елисеевичю Моложенинову, а князь Борисова крестьянина Вадбальского Ивашка Савельева в доме не сказали.

(л. 284) И Петр Елисеевич Моложенинов в Куйской волости в деревне Каине велел зделать горн и в горну те руды плавить серебреником Дмитрею Максимову, Еремею Денисову, Ивану Глазунову и Григорью Позняковy; и ис тех руд осарки вышли видением таковы ж, каков опыт принес изветчик белозерец Григорей Позняков, и те осарки клали в горшки и плавили и заметы заметывали и в горшках те осарки растопилось, и ходило подобно серебру, а как учнут лить из горшка в излоиницу, и все пойдет розно на мелкие зерна, а которые сольетца и больше, и то в дело в тягу нейдет.

Петр Елисеевич Моложенинов с подячими и с серебреники ис Куйской волости поехали в Кьямскую волость августа в 20 день, а племянника своего Андрея Моложенинова да салдата Спирку Назарова послал в Каргополь з государевою грамотою и с отпискою к воеводе к Борису Степанову сыну Карсакову о лодье и о работниках и о запасе.

И в Кьямской волости великого государя указ о сыску серебряной руды старостам и крестьяном розных поместей сказан, и они подали скаску за рукою, а в скаске их написано: один человек староста, четырнатцать человек крестьян (л. 285) сказали, в их Кьямской волости и в ыных волостях золотая и серебряная руды есть ли или нет, того де они не знают. А Колошемская де и Ножемская волости Старая пустая слобода от них удалели и в тех волостях золотая и серебряная руда есть ли или нет, того де они не знают и меж де Колошемскою и Слободцкою волостми про серебряную руду и про сторожевую избу они ни от кого не слыхали и сами не ведают.

(л. 286) 188-го года августа в 22 день перед Петром Елисеевичем Моложениновым Белозерского уезда Судцкого стану Судцкие волости Васильев крестьянин Григорева сына Смолнянинова деревни Пекина Ларка Антонов в допросе сказал.

В прошлых де годех тому лет з десять Белозерского уезда Судцкого стану Комоневские волости Лаврентьев крестьянин Капустина деревни Саутина Васка Карпов принес де к нему Ларке в деревню на Пекино в кошеле руды, чтоб де ему Ларке тое руду переплавить, не серебряная ли де та руда будет, и он де Ларка с тем крестьянином Васкою у себя в деревне Пекине в кузнице в горне, где плавят железную руду, тое руду плавили и выплавили де ис той руды с фунт, вышло де бело подобно серебру, толко де жестоко, а слилось де в розные куски и те де слитки того де году он Ларка снес в Новозерской монастырь на ярманку и на той де ярманке показал серебренику белозерцу посадцкому человеку Сергею Иванову сыну Реутову и спрашивал, что тот слиток серебряной ли, или иной какой руды. И на ярманку де понес он Ларка те слитки по совету с тем крестьянином Васкою, и Сергей де Реутов велел ево Ларку отвести на государев Рыбной двор на Бело озеро и про то де он Ларка на Рыбном дворе перед Петром Елисеевичем Моложениновым распрашиван и с Рыбного де двора отпущен он Ларка за порукою, а где де тое руду крестьянин Васка Карпов взял, того де ему Ларке не сказал.

И после де того, как он Ларка с Рыбного двора отпущен, приходил де он Ларка в Кьямскую волость к церковному дьячку к Григорью

Познякову и принес де ему Григорью той же де остаточной руды неплавленной, которую к нему, Ларке, принес Васка Карпов, и велел де ему, Григорью, той руды испытать, не серебряная ль та руда есть. И Григорей де тое руду плавил ли или нет, того де он Ларка не знает, толко де ему Ларке говорил он Григорей, что та руда не серебряная де, а принес де он Ларка той неплавленной руды к Григорью фунта с полтора.

А в Старой де в пустой слободе серебряные руды (л. 287) он Ларка не знает де и место де в Пустой слободе он Ларка не знает и Григорью де того не говаривал, что ему место серебряные руды в слободе укажет.

А ныне де крестьянин Васка Карпов з женою своею и з детьми живет в Судцкой волости в деревне Афонине у Дмитреевых крестьян Товаркова на подворье и где де он Васка руду взял, про то де он Васка сам скажет, а ему де Ларке про то место не сказал, и он де Ларка у него Васки про то место не спрашивал.

Августа в 22 день Комоневские волости Лаврентьевского поместья Капустина деревни Саутина Васка Карпов — живет де он Васка ныне в Судцкой волости в Дмитрееве поместье Товаркова в деревне Афонине у крестьянина у Игнашки Андреева на подворье з женою своею и з детми для того: после де Лаврентья Капустина сын его Семен Лаврентьев сын Капустин отдал де ево Васку за сестрою своею в приданые Алексею Богданову сыну Палицыну без земли, и для де того он Васка и живет в деревне Афонине у Дмитреева крестьянина Товаркова у Игнашки Андреева, что деревни Саутины земля променена иному помещику, а в прошлых де годех, тому лет с восемь иль болши, как де он Васка жил в Комоневской волости за прежним своим помещиком за Семеном Капустиным в деревне Саутине и косил де он Васка сено на государеве оброчной земле Комоневские волости на пустоше Пыреме и на пожнях по рекам по Иводе и нашел де он Васка на той реке Иводе на берегу руду, подобна де зженому-каменю, лежит кусками, иные красные, а иные де куски черные, и набрал де он Васка той руды в кошель гривенок с пять и принес де он Васка тое руду в Судцкую волость в деревню Пекино к Васильеву крестьянину Смолнянинова к Ларке Антонову того же де году осенью и плавил де тот Ларка тое руду с ним Васкою в деревне Пекине в ево Ларкине кузнице в железном горну и выплавили де ис той руды мелкие куски белые, находят де на серебро, толко де жестоки, а сколко де весом выплавили, того де он Васка не знает, потому что де они не весили, и розделили де он Васка с ним Ларкою те куски пополам и ему де Ларке он (л. 288) Васка сказывал, что взял тое руду он Васка на реке на Иводе, а болши де того он Васка тое руды не имывал и к нему Ларке и к иному ни к кому не принашивал и от него де Васки тое руды у того Ларки не осталось, а какую де руду тот Ларка Григорью Познякову давал и где ее имал, того де он Васка не знает и о том де он Васка с ним Ларкою не советовал, что слитки нести на ярманку в Новозерской монастырь для продажи, а на Новозеро де на ярманку тот Ларка какие слитки носил ивоцкие ли де руды, которую с ним Васкою жег или иные какие руды, того де он Васка не знает. А как де про него Ваську в тех же прошлых годах была присылка з Бела озера з государева Рыбного двора по роспросным речам того ж крестьянина Ларки в том же деле, и ево де Васки дома не было, бродил де в мир кормитца христовым имянем. А куски, которые де ему Васке достались ис той руды ево Васкины половины, у него Васки неведомо де где пропали в то время как де его Ваську из

деревни Саутины перевозили в деревню Якутинскую старую, что на долгом. А никому де он Васка тех кусков не отдал и не продал.

А в Старой де пустой слободе и в ыных местах он Васка серебряные руды не знает нигде и не от кого де про серебряную руду не слыхал.

И противо роспросных речей Алексеева крестьянина Палицына Васьки Карпова Васильев крестьянин Смолнянинова Ларка Антонов роспрашиван, а в роспросе сказал, которую де руду к нему Ларке принес в прошлых годах Васька Карпов, и тое де руду всю они сплавили, а у него де Ларки той руды не осталось, а сказывал де ему Ларке тот Васка, что де имал он Васка тое руду в Комоневской волости на реке на Иводе, а в котором месте, того де ему не сказал, и места де того он Ларка не знает, а что де ис той руды выплавили белых кусков и половину де взял Васка Карпов к себе, а другая де половина осталась у него Ларки, и то де говорили меж себя, что те слитки нести на ярманку к серебряником для испытания, а что де он Ларка дал в прошлых годех руды белозерецу Григорью Познякову, и тое де руду взял де он Ларка в Ножемской волости в Старой пустой слободе блиско пустоши Климовские в острову, а в том де острову лес березник да ельник. А ходил де он Ларка в Старую слободу серебряные руды сы[скать] (л. 289) потому, что де слыхал про серебряную руду, что в Старой пустой слободе серебряная руда есть. А Григорей Позняков тое руду плавил ли или нет, того де он Ларка не знает, толко де ему Ларке Григорий Позняков говорил беспрестанно, чтоб ему Григорью то место в Старой пустой слободе указать, и для того дал де ему Ларке он Григорей соли, чтоб то место ему указать, и по се де число он Ларка ему Григорью того места не указывал.

Да ему же де Ларке сказывал Иевлев крестьянин Данилова сына Бутурлина Ножемские волости Старые пустые слободы Рождественского приходу Лучка Мокеев, что в Ножемской волости в Старой пустой слободе серебряная руда есть, и то де ему Ларке тот Лучка сказывал же, что де он Лучка тое серебряную руду имал и носил де к белозерцу к Григорью Познякову, и Григорей де тое руды у него Лучки не плавил для того, что де он Лучка ему Григорью того места, где лежит серебряная руда, не указал, и тот де Лучка тое серебряную руду снес в Колошемскую волость к серебрянику прозвище Хренчаку, и тот де серебряник, прозвищем Хренчак, ис той руды выплавил де ему Лучке чистое серебро, а как де тому серебрянику Хренчаку имя и чей крестьянин и в которой деревне живет, того де он Ларка не знает, скажет де про него серебряника Хренчака Иевлев крестьянин Бутурлина Лучка Мокеев, который ему Ларке про серебряную руду и про серебро сказывал, а в первом де роспросе он Ларка про то не сказал для того, чтобы ему Ларке от того не быть в разорении и домишку своего не отбыть, а про серебряную де руду, что в Слобоцкой волости есть, сказывал де ему Ларке крестьянин Лучка Мокеев при отце ево Ларкине при Антонке Митрофанове. А Григорей де Позняков серги ему Ларке делал и починивал, а деньги взял ли или безденежно, того не упомнит.

(л. 290) Петр Елисеевичь Моложенинов с подьячими и с серебряники и с приставы для сыску серебряные руды ис Кьямские волости поехал в Ножемскую волость в Старую пустую слободу августа в 24 день и крестьян Ларку Антонова, Ваську Карпова приставом и салдатом велел взять с собою для указыванья мест серебряные руды. И как приехали Комоневскую дорогу до перечневой дороги, и Ларка Антонов сказал та де дорога из Крайской волости на пустошь Ондрю-

шино, и пошел он Ларка с пустоши Ондрюшины на пустошь Климовскую и походил около той пустоши и искал серебряные руды и пустоши Кулней и говорил он Ларка, что де он то место, где имана прежде сего руда забыл, чтоб на то место взять Иевлева крестьянина Данилова сына Бутурлина ис Старой пустой слободы Ножемской волости Лучку Мокеева, он Лучка то место знает и укажет. А в то время были понятые люди Кьямские волости Матфеев крестьянин Бердяева Ивашко Григорьев, Максимко Тиханов Федоров, крестьянин Бердяева Карпушка Кирилов Иванов, крестьянин Варсобина Ивашко Антипин Осипов, крестьянин Бердяева Никитка Иванов Дмитреев, крестьянин Моложенинова Ипатко Иванов.

(л. 291) И Иевлев крестьянин Данилова сына Бутурлина Лучка Мокеев в роспросе сказал: к белозерцу де к посадцкому человеку, которой живет в Кьямской волости у церкви пророка Ильи в дьячках к Григорью Познякову руды серебряные он Лучка не нашивал и серебряные де руды в Старой пустой слободе и нигде не знает и в Колошемскую де волость к серебрянику, прозвище Хренчаку, серебряные руды он Лучка не нашивал и серебра де ему Лучке серебряник Хренчак не плавливал и Васильеву де крестьянину Смолянинова (л. 292) Ларке Антонову он Лучка про то не сказывал, то де на него Лучку Григорей Позняков и крестьянин Ларка Антонов говорят напрасно. А в Колашемской де волости серебряника Хренчака он Лучка знает, Никиткою де ево зовут, живет в деревне Суровцеве горе во крестьянех за Иваном Григорьевым сыном Япанчиным. Да он же Лучка, постояв немного, сказал в прошлых де годах, как де он Лучка жил за прежним помещиком, за Дмитреем Товарковым в Белозерском уезде в Судцкой волости в деревне Новинке и тому де лет з десять дал де ему Лучке Судцкие ж волости Великие Березы Ивана Иванова сына Юрлова и брат... ево крестья...[1] Петрушка Евсеев прозвище Кука осарков в плату завязано с фунт, чтоб де ему Лучке те осарки нести в Кьямскую волость к дьячку к Григорью Познякову и испытать, не серебро ли де будет. А те де осарки были белы. И того ж де году, как де он Лучка жил в деревне Новинке, в Кьямскую волость к Григорью Познякову приходил и те осарки приносил, и Григорей де Позняков осарков у него Лучки имал немного и при нем Лучке у себя в дому в горне плавил и не вышло де из тех осарков ничего. И говорил де ему Лучке он Григорей, что де те осарки не серебряные, и ничего де из них нет, и он де Лучка досталные осарки, вышед от него из двора, бросил на улице в Попове деревне в снег. А где де те осарки крестьянин Петрушка взял, того де ему Лучке не сказал. А в Старой де пустой слободе серебряные руды он Лучка не знает.

И Григорей Позняков противо роспросных речей крестьянина Лучки Мокеева сказал, что де приносил к нему Григорью тот крестьянин Лучка осарки белые, подобны де серебру, тому лет с пять из Слободцкой волости, а не из деревни Новинки и говорил де он Лучка, что де тое руду взял он Лучка в Старой пустой слободе, а места де ему Григорью не сказал, и он де Григорей у него Лучки тех осарков не взял и не плавил, что ему места не сказал.

И крестьянин Лучка Мокеев противо Григорьевых речей Познякова сказал, что де он Григорей тех осарков плавил или нет, того он Лучка не упомнит, потому то время давное, а помнитца ему Лучке, что де он носил из деревни Новинки, как жил за Дмитреем Товарковым.

---

[1] Недописано.

(л. 293) Августа в 25-й день Петр Елисеевичь Моложенинов Васильева крестьянина Смолнянинова Ларку Онтонова из деревни Федоровские для сыску серебряные руды в Ножемскую Пустую слободу послал с салдаты с Ывашком Киприановым да с стрельцом с Оскою Митрофановым да с ним же послан серебряник Иван Глазунов, и где тот крестьянин Ларка серебряную руду укажет, и им тое руду велено взять и принесть и ево Ларку с собою привесть к Петру Елисеевичю Моложенинову в деревню Федоровскую.

И того ж числа к вечеру в деревню Федоровскую серебряник Иван Глазунов с товарыщи пришли и крестьянина Ларку Онтонова привезли и сказали, что де он Ларка водил их по лесу и места серебряные и иные никакие руды не указал.

И Ларка Онтонов роспрашиван, для чего он серебрянику Ивану Глазунову с товарыщи серебряные руды не указал. И он Ларка сказал, где де он хотел то место серебряные руды указать, и ныне де запаметовал и не упомнит и сыскать того места не мог...

(л. 296) Васильев крестьянин Смолнянинова Антонко Митрофанов противо речей сына ево Ларки роспрашиван, а в роспросе сказал.

У сына де ево у Ларки с Ыевлевым крестьянином Бутурлина с Лучкою Мокеевым познать была, Лучка де к сыну ево прихаживал и прашивал мехов для дутья железные руды, а про серебреную де руду речей никаких у них Лучки и у Ларки он Антонко не слыхал. И Иванов крестьянин Юрлова Петрушка, прозвище Кука, серебреные руды сыну ево Ларке давал ли или нет, того де он Антонко не знает, и как де сын ево Ларка Лаврентьевского поместья Капустина с крестьянином с Васкою Карповым руду плавили, того де он Антонко не знает и у сына де ево у Ларки той руды, что де дал ему Петрушка Кука есть ли в землю положено или нет, того де он Антонко не знает и не слыхал.

Иевлев крестьянин Данилова сына Бутурлина Комоневские волости деревни Окатовские Евсевейко Семенов в роспросе сказал: в прошлых де годех, а колко тому лет, того не упомнит, взял де он Евсевейко руды меж Комоневскою и Куйскою волостми на реке на Иводе блиско Пыремских сенных покосов немного кусков для того: слыхал от старых людей, что де на той реке Иводе есть серебреная руда и, взяв де, он Евсевейко тое руду и разговорился де Судцкие волости деревни Великие березы с Ывановым крестьянином Юрлова с Петрушкою Евтифеевым, прозвище Кукою, что у него Евсевейка иводцкая руда есть и Петрушка де ему Евсевейку за тое руду посулил чюлки и он де Евсевейко тое руду тому крестьянину Петрушке отдал. Хотел де он Петрушка тое руду нести к серебреником для испытания, впрям ли де (л. 297) та руда серебреная, а чюлков ему Евсевейку и по се число не давывал, и он же Евсевейко у того Петрушки после тово про тое руду не спрашивал, кому он Петрушка тое руду отдал и какая та руда и после де того он Евсевейко той руды не имывал и никому не давывал, а где де он Евсевейко тое руду имал, и то де место он Евсевейко ныне укажет.

(л. 298) И того же числа Петр Елисеевичь Моложенинов Васильева крестьянина Смолнянинова Антонко Митрофанова для сыску серебряные руды, которую сын ево Ларка сказал в земле в деревне Пекине, послал Судцкой волости с пятидесятцким с Ывашком Васильевым и, сыскав тое руду, велел им принести для подлинного розыску к себе

Ножемские волости в Рождественский приход Старые пустые слободы в деревню Федоровскую.

Августа в 29 день к Петру Елисеевичу Моложенинову Белозерского уезда Судцкие волости Васильев крестьянин Смолнянинова Антонко Митрофанов да пятидесятцкой Григорьев крестьянин Товаркова Ивашко Васильев принесли руды фунта с три и сказали: нашли де они тое руду в Судцкой волости за Васильевою поместною землею Смолнянинова деревни Пекина другой половины той деревни на земле Петра Юрлова с товарыщи за полем и за речкою Шогдою, край болота, в лесу и та руда с рудою ж, которая была имана близ реки Иводы противо Куйской волости, сходитца.

...(л. 302) Чюжбойские ж волости Рождественского приходу один человек сотцкой да тое же волости розных поместей шесть человек старост сказали. В Белозерском де уезде в Чюжбойской волости золотая и серебряная руда есть или нет, того де они не ведают и промеж Колашемскою и Слобоцкой волостми золотые и серебряные руды они не ведают же и меж Колашемскою и Слободцкою волостми сторожи серебряной руды и сторожевой избы не помнят и ни от кого не слыхали.

Против скаски Колашемской волости розных поместей старост и крестьян и Чюжбойской волости Ильинского приходу, что в слободке на реке на Суде взяли руды подьячей Василей Берестов с товарыщи в Колашемской волости против земли Степана Зиновьева да в Чюжбойской волости в слободке у деревни Авжи вотчины дьяка Ивана Протопопова в обеих местех с полчетверика, и тое руду привезли в Ножемскую волость Рождественского приходу в деревню Федоровскую к Петру Елисеевичу Моложенинову, а про Иванова крестьянина Япанчина про Хренчака того поместья и крестьянин Якушка Кирилов сказал приставу Васке Алешину, что де ево дома нет: сшел в Новогородцкой уезд до ево приставова приезду.

И по досмотру та руда такова ж, какова на реке Иводе.

(л. 303) Августа в 30 день в деревне Федоровской к Петру Елисеевичу Моложенинову Васильев крестьянин Смолнянинова Ларка Антонов пришел и бил челом словесно, чтоб ево Ларку отпустил для сыску серебряные руды около пустоши Климовские на пустошь Кулни, он де Ларка то место ныне, где руду имал, сламятовал и укажет, чтоб с ним послать пристава и салдата и серебряника.

И августа в 31 день из утра Петр Елисеевич Моложенинов с под'ячими и серебреники поехал из Ножемские волости ис Старые пустые слободы из Рожественского приходу в Кьямскую волость и крестьянина Ларку Антонова для сыску серебреные руды послал и велел сыскивать против ево Ларкиных речей. И тот крестьянин Ларка, идучи из Ножемской волости из Старой пустой слободы, едучи х Комоневской волости, проехав пустошь Климовскую и Крайскую дорогу, стал называть прозваньем Кулнями, а нива ли де или пустошь, того де он Ларка не знает, и в том месте он Ларка искал серебреной руды и не сыскал и говорил он же Ларка, то ли де место, где он преже сего руду имал, то де он Ларка запаметовал.

(л. 304) 188-го года августа в 31 день Петр Елисеевичь Моложенинов из Ножемские волости ис Старые пустые слободы из Рождественского приходу приехав в Кьямскую волость, и против роспросных речей Алексеева крестьянина Палицына Васки Карпова да Иевлева кре-

стьянина Бутурлина Евсевейка Семенова тех крестьян Васку и Евсевейка для сыску серебреные руды на реку на Иводу послал, а с ними посланы серебреник Иван Матвеев сын Глазунов да салдат Оска Митрофанов.

И 189-го года сентября в 1 день к Петру Елисеевичу Моложенинову серебреник Иван Глазунов да салдат Оска Митрофанов и крестьяня Васка Карпов да Евсевейко Семенов принесли руды в дву пестерях и сказали, что де тое руду взяли те крестьяне на реке на Иводе, оба в одном месте, у Пыремских сенных покосов, и та руда складывана с рудою ж, которую принес Васильев крестьянин Смолнянинова Антонко Митрофанов, видением такова же.

(л. 305) 189-го года сентября в 4 день в Белозерском уезде в Кьямской волости перед Петром Елисеевичем Моложениновым Белозерского уезду Кьямские волости Дмитреев крестьянин Иванова сына Моложенинова деревни Савинские Сенка Федоров, прозвище Пятунка, сказывал: в Белозерском уезде в Ножемской волости в Старой пустой слободе пустошь Кулни есть, идучи ис Комоневской волости в Старую пустую слободу за пустошми за Ондрюшкинскою и за Климовскою, перешед речку Шомицу от пустоши Климовские, за болотом гора де велика, а около той горы припаши, как де итти с пустоши Климовские дорогою в Ножемскую волость в Жилую, дорога меж пустоши Климовские и Тимофеевские в ельник, да придет тут осинник[1], и около де той пустоши есть старые ямы кузнечные и руда, а какая руда, того де он Сенка не знает, а на той де пустоши Кулнях исстари жил крестьянин богатой, ворота де у него были железные, от Старой слободы будет де от церкви рождества христова версты с три, а что де сказывают пустошью Кулнями, не доходя пустоши Андрюшкинские и пустоши Климовские у речки Шомицы на Комоневской стороне, и то де разве другие Кулни или припаши кулневские.

(л. 306) 189-го году сентября в 5 день в Куйскую волость к Петру Елисеевичу Моложенинову белозерской пристав Васка Алешин да салдат Оска Митрофанов да Куйские волости пятидесятцкого Никифора Ефимьева Фомки Ермолова брат Якушко Ермолов привели Пондальские выставки Ильинского приходу князь Борисова крестьянина княжь Михайлова сына Вадбальского деревни Микоевы горы Ивашка Савельева да Григорьева крестьянина Федорова сына Раткова деревни Слободы Дениска Яковлева.

И те крестьяне роспрашиваны про серебряную руду.

А в распросе князь Борисов крестьянин княжь Михайлова сына Вадбальского Ивашка Савельев в роспросе сказал: в прошлом во 188-м году зимою говорил де ему Ивашку белозерец, что живет в Кьямской волости у церкви пророка Ильи в дьячках Григорей Данилов сын Позняков, чтоб де ему Ивашку проведать про серебряную руду в Пондалские волости, и он де Ивашко про серебряную руду проведал и в Пондалской же де волости услышал де он Ивашко у Григорьева крестьянина Раткова деревни Слободы у Дениска Яковлева, что в их Пондалской волости на реке на Иводе есть такая руда, в прошлых годах имали де тое руду крестьяне делать железо и железа де ис той руды (л. 307) не вышло. И он де Ивашко ему Дениску про Григорьевы речи Познякова говорил, и тот крестьянин Дениско велел де ему Ивашку ево Григоря привести к себе и той руды ему дать

---

[1] Так в подлиннике.

и место указать. И Григорей Позняков с ним Ивашком к тому крестьянину Дениску приходил, и тот де крестьянин Дениско с Григорьем Позняковым ходил на лыжах из деревни Слободы от того крестьянина Дениска за реку Иводу и взял де руды с полчетверика, а он де Ивашко в то время был у того крестьянина Дениски в избе и, как де у них тое руду Григорей Позняков взял и дал де ему Ивашку за тое руду телятину, а Дениску де Яковлеву дал крест серебряной, а коровы де он Григорей ему Ивашку за тое руду не давывал. Корову де он Григорей да свою лошадь променил ему Ивашку на ево Ивашкову лошадь, а никому де иному он Ивашко тое руды не давывал и больши де того, что в скаске волостных крестьян написано про такие руды, он Ивашко не знает и ни от кого не слыхал.

Того же числа Григорьев крестьянин Федорова сын Раткова деревни Слободы Дениско Яковлев в роспросе сказал.

В прошлом де во 188-м году осенью помещик ево Григорей Ратков строил де на Пондале мелницу и ходил де в лес с пищалю для птиц и ево де Дениска имал с собою. И за деревнею де Слободою и за рекою Иводою на горе, у реки Иводы нашли де (л. 308) руду. И помещик де ево Григорей говорил ему Дениску, не та ли де серебряная руда, потому что де про серебряную руду слух идет, и посмотря де он Григорей тое руду, к себе не имал и не жег. И после де того говорил ему Дениску князь Борисов крестьянин Вадбалского Ивашко Савельев о серебряной руде, чтоб указал место Кьямские волости дьячку Григорью Познякову, и он де Дениско про тое руду тому крестьянину Ивашку сказал и з Григорьем Позняковым к себе ево Ивашка звал и зимным де времянем тот крестьянин Ивашко к нему Дениску с Григорьем Позняковым пришли, и он де Дениско к той руде з Григорьем Позняковым ходили на лыжах и руды взяли с полчетверика. А Ивашка де Савельев в то время был у него Дениска во дворе и за тое де руду дал де ему Дениску Григорей Позняков крест серебряной, а Ивашку де Савельеву что дал, того де он Дениско не знает, а иному де никому он Дениско той руды не давывал. И как де ныне Петр Елисеевичь Моложенинов для сыску серебряные руды приехал, и в Пондалской де волости крестьяне и он Дениско про тое руду и про иные места сказали и скаску дали, а иных де мест серебряной руды он Дениско не знает и никому не говаривал, что иные места серебряные руды есть ли.

И к сим роспросным речам тот крестьянин Дениско Яковлев, не приложа руки, из-за сторожи белозерского пристава Ганки Логинова бежал.

(л. 309) Сентября в 5 день Петр Елисеевичь Моложенинов в Куйской волости в Григорьево поместье Раткова в деревню Заболотье для крестьянина ево Григорьева Дениска Яковлева, которой после роспросу из-за сторожи пристава Ганки Логинова бежал, посылал пристава Ваську Алешина да пятидесятцкого брата Якушка Ермолова, да Петрова крестьянина Языкова Еремку Якимова да Андреева крестьянина Ржевского Исачка Леонтьева да Семенова крестьянина Загрязского Анофрейка Иванова; и пристав и понятые сказали, что Григорьева мать Раткова вдова Анна им сказала, что де крестьянина Дениска Яковлева у них нет, а староста и крестьяне того Григорьева поместья Раткова разбежалися и ухоронилися и подвод не дали, чинятца силны при них понятых и при дьячке Куйской волости при Иване Иванове сыне Попове.

А про Григорья Раткова мать ево вдова Анна сказала, что он Григорей с'ехал на Вологду.

(л. 310) Сентября в 6 день Петру Елисеевичю Моложенинову белозерец посадцкой человек Григорей Данилов сын Позняков сказал: проведывал де он Григорей серебряные руды в Белозерском и в Олонецком уездех и сказывал де ему Григорью Олонецкого уезда Оштинского погосту выставки Ладвы кузнец, Максимком зовут, а чей сын, того не упомнит, что в той выставке Ладве на ручью Мутяном есть серебряная и медная руды по обе стороны того ручья Мутяного, а того де ручья ему Григорью не указал, просил де от того пять рублев денег, и чтоб ево Григорья для проведыванья и опыту в тот погост отпустили и дать ему денег для того сыску. И Петр Елисеевичь Моложенинов ис Куйские волости Григорья Познякова отпустил для сыску тех серебряной и медной руд в Олонецкой уезд в Оштинской погост в выставку Ладву, и дано ему Григорью для сыску серебряные и медные руды государевых казенных денег пять рублев и, как он Григорей тое руду сыщет и опыт возмет, и ему Григорью с тем опытом притти к Петру Елисеевичю Моложенинову тотчас, а буде ему Григорью серебряные или медные руды не об'явят и опыту взять не дадут, и ему Григорью с теми деньгами притти пороже к Петру Елисеевичю Моложенинову, не замотчав, и деньги в государеву казну пять рублев заплатить.

А позади подлинной скаски написано: Гришка Позняков денег пять рублев взял и руку приложил.

(л. 311) Ноября в 17 день на Беле озере перед Петром Елисеевичем Моложениновым об'явился белозерец посадцкой человек Григорей Данилов сын Позняков и сказал: ходил де он Григорей из Белозерского уезда в Олонецкой уезд для подлинного проведыванья серебряные руды, что де ему Григорью наперед сего сказывал выставки Ладвы кузнец Максимко, что де есть серебряная и медная руда в Олонецком уезде в Оштинском погосте в выставке Ладве на ручье Мутяном, и в той де выставке Ладве того кузнеца Максимка он Григорей не изшел, а видел де он Григорей в той выставке крестьянина прозванием Долской, имяни де ему Долскому и чей сын и которой деревни, того де он Григорей не знает, и хотел де тот Долской ево Григорья посадить в воду с каменем и камень де приносил и говорил, чтоб де ему Григорью впредь в Ладву для сыску серебряные и медные руды не приходить. И как де он Григорей ис той выставки Ладвы пошел в Белозерской уезд, и настигли де ево Григорья на дороге два человека, незнаемые люди, с топориками и хотели де ево Григорья убить и в воду посадить и смотрели де у него Григорья в сумке серебряные руды и, смотря, говорили, есть ли бы де у него Григорья в сумке руда была, и они бы де ево Григорья в воду посадили, и то де говорили, буде де он Григорей впредь к ним в Ладву для руды придет, и ево де Григорья они живого не спустят и для де того болши он Григорей в тое Ладву для сыску серебряные и медные руды ходить не смел, бояся себе смертного убивства, и что де ему Григорью дано из государевы казны денег пять рублев, и те де деньги ныне принес он Григорей с собою на Бело озеро.

Да он же Григорей сказал, как де он Григорей шел домой из Ладвы и начевал де он Григорей Оштинского ж погосту выставки Шимозерской в деревне Кленозере у крестьянина у Кондрашки, а чей сын Кондрашка — того де он Григорей не знает. А тое же де (л. 312) ночи начевал в той же де деревне в другой избе Белозерского уезда Но-

жемской волости Леонтьевской поп Иоаким Пиминов сын и говорил де с крестьяны про него Григорья, что де он Григорей ходил в Ладву проведывать про серебряную руду и имать опыту, и тот де крестьянин Кондрашка, слыша речи от попа Иоакима, говорил ему Григорью, что де он Кондрашка в Ладве серебряные руды опыт возмет и к нему Григорью принесет и чтоб де ему Кондрашке с ним Григорьем в том деле быть в половине. И тот де крестьянин Кондрашко к нему Григорью в Белозерской уезд в Кьямскую волость по ево Григорьев поход, как он Григорей пошел на Бело озеро не бывал, а без него де Григорья тот крестьянин Кондрашка в Кьямскую волость приходил ли, и опыт серебряной руды приносил ли или нет, того де ему Григорью не ведомо, а та де деревня Кленозеро от Кьямские волости во штидесяти верстах, а на Бело де озеро он Григорей долгое время не бывал для того, что заскорбел. И деньги пять рублев он Григорей Позняков Петру Елисеевичю Моложенинову заплатил.

Да он же Григорей сказал, как де ныне шел он Григорей на Бело озеро и на дороге де сшелся Куйской волости выставки Пондаль с Васильевым крестьянином Кузмина с Якушком Горбуном, и он де Якушко говорил ему Григорью, что де на Пондале, как приезжал Петр Елисеевичь Моложенинов в Куйскую волость и присылал к ним племянника своего Андрея с товарыщи, и той де выставки Пондаль крестьяне руду указывали не в том месте, а где имал руду Григорей Ратков, того де места не указали. Да он же сказал, что де ис Кьямские волости деревни Савинские Дмитреев крестьянин Моложенинова Сенка Пятуня хотел с ним Григорьем итти в Пустую Ножемскую волость на пустошь Болшие Кулни, что за пустошью (л. 313) Климовскою и указать ему Григорью ямы, где будто встарь имали серебряную руду, да тут же де есть и домницы, и он де Сенка Пятунин с ним Григорьем на тое пустошь Кулну не пошел, а сказал, что де он Сенка итти не может, потому что заскорбел...

Генваря в 27 день в Белозерской уезд в Заозерской стан в Куйскую волость и в Пондальскую выставку по смолнянина рейтарского строю по Григорья Федорова сына Раткова да по крестьянина Дениска Яковлева, которой к роспросным речам руки не приложил, да по князь Борисова крестьянина Вадбалского по Ивашка Савельева да по Васильева крестьянина Кузмина по Якушка Горбуна посыланы площадной подьячей Петр Иконников с товарыщи.

А в доезжей их памяти написано: Григорья де Раткова в доме не[т], из'ехали, а мать де ево Григорьева вдова Анна сказала словом, что де сын ее Григорей с'ехал к Москве генваря в 15 день, а крестьянин де ево Дениско Яковлев з братьею из двора выбежал с топорки и с рагатины отбились и взять не дались, учинились силны. А князь Борисов крестьянин Вадбалского Ивашка Савельев да Васильев крестьянин Кузмина Якушко Горбун и с иными тех поместей крестьяны заперлись в домех, учинились силны.

(л. 314) Февраля в 3 день на Бело озеро на с'езжей двор к Петру Елисеевичю Моложенинову вдовин Аннин человек Федоровские жены Раткова Якушко Ларионов привел Григорьева крестьянина Раткова Белозерского уезда Куйской волости с Пондалы деревни Слободы Дениска Яковлева и сказал для де того он Дениска привел, что приезжали по него з Бела озера подьячей и пристав и салдаты для сыску серебряные руды к подлинному розыску, и он де Дениско от посыщиков бежал...

И того ж числа приводной человек Белозерского уезда Куйской воло-

сти с Пондалы деревни Слободы Григорьев крестьянин Раткова Дениско Яковлев роспрашиван, для чего он в Куе, к роспросным своим речам, не приложа руки, из-за пристава бежал и где серебряную руду знает.

И он Дениско в роспросе своем сказал: к роспросным де своим речам не приложил руки для того, что почали де ему тут в Куе крестьянки говорить своим чуцким языком, что хотят де ево ковать, и ты де у них уйди, и он Дениско для того из-за караула бежал домовь в деревню Слободу, а болши де того мест серебряные руды он Дениско не знает, про которые места наперед сего в Куйской волости в роспросе он сказал, а как де по него Дениска приезжал площадной подьячей Петр Иконников с товарыщи, и он де Дениско ушел в лес, убоявся себе бою и увечья.

(л. 315) 189-го года февраля 8 дня на Беле озере на с'езжем дворе Петру Елисеевичю Моложенинову Белозерского уезду Судцкого стану Судцкие Крайские волости Георгиевского приходу Васильев крестьянин Григорьева сына Смолнянинова деревни Пекина Ларка Антонов сказал: в прошлом в 188-м году августа в... день взят он Ларка по челобитью и по извету белозерца посадцкого человека Кьямские волости церковного дьячка Гришки Познякова перед Петра Елисеевича Моложенинова в Кьямскую волость в сыску серебряные руды, и он Ларка сказал Петру Елисеевичю, что знает серебряную руду в Судцком стану в Пустой в Ножемской волости и где та руда лежит, хотел он Ларка место указать Петру Елисеевичю, и как Петр Елисеевичь приехал с товарыщи своими, с подьячими и с серебрянниками московскими и с приставы и с салдаты в Пустую в Ножемскую волость и с околними людьми и места у него спрашивал, где та руда лежит, и он Ларка места не указал, опасаяся помещика своего Василия Смолнянинова, потому что отец де ево и мать и жена ево Ларкина и дети ево живут за помещиком ево за Васильем Смолняниновым, и ныне он Ларка хотя великому государю послужить место серебряные руды в Пустой в Ножемской волости укажет и что б великий государь ево Ларку пожаловал, ис тюрмы ево велел свободить на поруки и не велел бы ево ларкину помещику Василью Смолнянинову впредь с отцом ево Ларкиным и с матерью и з женою ево и з детми головою выдать.

А лежит де та серебреная руда в Пустой в Ножемской волости на пустоши Кулнях край реки Шомицы. А от старых де людей он Ларка слыхал, что в Ножемской волости в Пустой слободе серебряная руда есть, а которую де он Ларка руду Григорью Данилову сыну Познякову приносил и та де руда имана на реке Иводи,— а не в Пустой в Ножемской волости. А дал де ему Ларке тое руду Иванов крестьянин Юрлова Петрушка Слепой.

Да он же де Ларка ведает в Крайской волости есть руда, лежит на реке на Шонде в берегу в пустом месте в диком лесу, а около тое руды пашенные места и сенные покосы, а та руда видением лежит бела, а на железное дело нейдет, потому что и железо от нее станет ломко, а в оное не дымывали.

А то место от их деревни Пекины верстах в четырех...

(л. 318). 189 года марта в 10 день сказал Васильев крестьянин Смолнянинова Ларка Антонов, есть де в Судцком стану в Крайской волости в деревне Осташеве, а та деревня Татьяны Григорьевской жены Смолнянинова з детми с Васильем, с Онисимом, с Костянтином, с Михайлом, и в той их деревне Осташеве живет крестьянин, Конанком зовут, Дементьев. Знаю, что он Конанко дмет руду, а из нее выходят слитки золотников по пяти и по шти белы подобны серебру,

а серебро или олово, и тово я Ларка не ведаю. А где он Конанко тое руду емлет, и того мне он Ларке не об'явил и чтоб ево Конанка указал великий государь взять на Бело озеро перед Петра Елисеевича Моложенинова и велел ево распросить, а будет он Конанко станет запиратца, и ево б Конанка указал великий государь роспросить в застенке.

Петр Елисеевич Моложенинов для сыску серебряные руды послал с крестьянином Ларкою Антоновым в Белозерской уезд племенника своего Андрея Моложенинова с товарыщи, а в сыску их написано.

189-го года марта в 14 день Белозерского уезду Судцкого стану Судцкие волости Егоргиевского приходу, что на Крае Костянтинов да Михайлов крестьянин Григорьевых детей Смолняниновых деревни Осташевы Конанко Дементьев роспрашиван противо извету и скаски Васильева крестьянина Смолнянинова Ларки Антонова, что он Ларка в ызвете своем на него Конанка сказал, что де он Конанко дмет руду, а из нее де выходят слитки золотников по пяти и по шти, белы, подобны де серебру, а серебро или де олово, того де он Ларка не ведает, а где де он Конанко тое руду емлет, того де ему Ларке от него Конанка не ведомо. И он Конанко Дементьев, выслушав тот Ларкин извет Антонова и скаску, в расспросе сказал: Васильева де крестьянина Смолнянинова Ларку Антонова он Конанко знает, а руды де таковы, ис которые б выходили слитки золотников по пяти и по шти, белы, подобны серебру или олову, он де Конанко не дмет, и Ларке де Онтонову он Конанко таковы руды и слитков таковых он де Конанко не казывал и словами де ему Ларке про тое руду и про таковы белые слитки он де Конанко не сказывал, и то де он Ларка сказал на него Конанка напрасно, и бил челом он, Конанко, чтоб великий государь велел с ним Ларкою в том дать очную ставку.

(л. 319). И того ж числа он Ларка Онтонов с ним Конанком Дементьевым ставлен с очей на очи и на очной ставке он Ларка Антонов ево Конанка Дементьева уличал и сказал, что де ему Ларке про дутье руды он Конанко сказывал и ис тое де руды слитки белы, золотников по пяти и по шти, подобны де серебру или олову он Конанко ему де Ларке казал на дому в деревне Осташеве и ему де Ларке те слитки он Конанко давал носить на дом и после де того те слитки пришед он Конанко к нему Ларке на дом к себе де он Конанко и взял, а те де слитки серебро ли или де олово, того де он Ларка не ведает.

И Конанко Дементьев на очной ставке сказал, руды де он Конанко дул тому де есть лет с шесть и ис той де руды выходили де слитки по золотнику и менши, беловаты, а серебро ли де или олово, или свинец или иное что, ис тое руды выдували в те слитки, того де он Конанко не ведает, а нашел де он ту руду, ходя за зверем в Белозерском уезде в Судцком стану в Судцкой волости за деревней Пустошкой вниз реки Суды в берегу тое реки Суды на низ по правую сторону и тут де он Конанка тое руду в то время и брал, а та же руда не зженная — красна, а зженная та руда станет буравата, и тое де руду и место он Конанко укажет и ис той де руды те слитки он Конанко ему Ларке Антонову и казал, а таковых де слитков золотников по пяти и по шти он Конанко ему Ларке Антонову не казывал, потому де он Конанко в роспросных своих речах про дутье тое руды и про слитки и не сказал.

189-го году марта 17-го дня Андрей Евдокимов сын Моложенинов с серебрeником з Дмитреем Максимовым сыном с часоводом и с во-

лостными двумя Судцкие волости с сотцким с Остафьевым крестьянином Казанцова с Васильем Андроновым да с Семеновым крестьянином Синцова с Титом Елизаровым, да с Григорьевыми крестьяны Синцова с Михайлом Ивановым да с Кузмою Герасимовым да с Ывановыми крестьяны Лескова с Ываном Зиновьевым да с Ываном Макаровым да с Кондратьевыми крестьяны Шарова з Григорьем Федоровым да с Ываном Нефедовым да Воскресенского приходу с Ывановыми крестьяны Кобылина с Прокофем Макаровым да с Андреем Семеновым приезжали того ж Судцкого стану за деревню Пустошку на реку на Суду против роспросных речей Костянтинова да Михайлова крестьянина Григорьевых детей Смоляниновых Конанка Дементьева для сыску на реке Суде руды, какову он Конанко в роспросных своих речах сказал и указать хотел и при тех волостных людех ему Андрею Евдокимову сыну Моложенинову и серебряннику Дмитрею часоводу тот Костянтинов, и Михайлов крестьянин Смоляниновых Конанко Дементьев указал руду и место, где лежит та руда в Белозерском уезде в Судцком стану Воскресенского приходу край реки Суды от деревни Погорелиц вниз на правой стороне (л. 320) верстах в дву на земле Андрея Юрьева сына Абрамова от берегу и от воды в лесе в унизом месте в ляге за пятнадцать сажен подле сухово места сенных покосов противо могилного кургана, которой могилной курган на другой стороне реки Суды по скаске волостных людей, а в том месте та руда копана и метана подле ям в груды местах в десяти и болши в давных летех и по той копаной руде вырос великой лес ельняг и березник. А в том месте, где та руда копана и ямы есть и того места вдоль на десять сажен, а поперег на пять сажен, а та руда незженая — красна, а зженая буровата, и подле тех ям при тех волостных людях по той ево Конанкове скаске тое руды на опыты брали, которая руда ис тех ям метана в груды, а вновь в том месте копать ям и руды взять было не мочно, потому что вода отняла, и сколко в толщину в том месте тое руды лежит под землею, того знать не по чему, потому что ям вновь копать для воды не мочно ни которыми делы, и он Конанко Дементьев про то де сказать подлинно не ведает, что де он Конанко брал тое руду подле тех ям, копаную же ис тех же груд, а ям сам де он Конанко не копал, и тое руду зженую он Конанко Дементьев при Андрее Евдокимове сыне Моложенинове и при серебрянике при Дмитрее часоводе да Судцкие волости при сотцком при Василье Андронове в кузничном горну дул и вышел ис тое руды слиток беловат в восемьдесят золотников и тот слиток серебряник Дмитрей часовод плавил и сказал он Дмитрей часовод Андрею Евдокимову сыну Моложенинову, что де ис того слитка ничего серебра не вышло, а что из остатков ис той руды он же Конанко Дементьев выдул слитки беловаты, весом те слитки фунт с четвертью фунта и те слитки Андрей Евдокимов сын Моложенинов привез для опыту в город на Бело озеро к Петру Елисеевичу Моложенинову, а плавил он серебряник Дмитрей часовод тот слиток при Андрее Евдокимове сыне Моложенинове...

И против тех слитков ис тое ж руды, которую руду привез он Ондрей Моложенинов с крестьянином с Конанком Дементьевым на Беле озере на с'езжем дворе при Петре Елисеевиче Моложенинове плавили и выплавили ис тое руды слитки видением таковы ж, каковы слитки привезли с собою из Судцкого стану Андрей Моложенинов с товарыщи.

(л. 321) И марта ж в...[1] день на Беле озере на с'езжем дворе перед Петром Елисеевичем Моложениновым Дмитреев крестьянин Моложенинова деревни Савинские, Сидорко Пятунин сказал: отец де ево Сидоркин умре в нынешнем во 189-м году в марте месяце, а в котором числе, того он Сидорко не упомнит, а что де отец ево Сидоркин Сенка Пятунин, как был в живых и на Кьяме в скаске своей про серебряную руду Петру Елисеевичу Моложенинову сказал, что в Ножемской волости в Пустой слободе на пустоши Болших Кулнях домницы и ямы и серебряная и медная и оловянная или иная какая руда есть ли или нет, того де он Сидорко не ведает и от отца своего Сенки про такое дело не слыхал же.

И того же числа Дмитреев крестьянин Моложенинова Сидорка Пятунин з Бела озера с с'езжего двора отпущен домовь в Кьямскую волость в деревню свою Савинскую для того: как с пол снег сойдет, и ему, Сидорку итти на пустошь Кулни Болшие, которые за пустошью Климовскою и на той пустоши Кулнях искать ям, где преже сего имывана руда и где стаивали домницы мест посмотрить и, будет сыщутца мы и домницы, и ему то место указать Ильинскому церковному дьячку Григорью Познякову и с ним Григорьем взять той руды опыт и привесть на Бело озеро и об'явить на с'езжем дворе Петру Елисеевичу Моложенинову.

(л. 322) И марта в...[1] день по приказу Петра Елисеевича Моложенинова Белозерского уезду Судцкого стану Судцкие волости Георгиевского приходу, что на Крае Костянтинов да Михайлов крестьянин Смолняниновых деревни Осташева Кононко Дементьев з Бела озера отпущен домовь в Суцкой стан, а как ево Кононка по указу великого государя спросят, и ему на Беле озере на с'езжем дворе перед Петром Елисеевичем Моложениновым стать тотчас.

189-го года марта в...[1] день на Беле озере на с'езжем дворе перед Петром Елисеевичем Моложениновым Белозерского уезду Судцкого стану Андопалские волости деревни Шушки Иванов крестьянин Никонова сына Зайцова Савка Иванов сын в роспросе сказал: делает де он Савка и дмет железную руду, а серебряные де и иные никакие руды не делает и не знает, а сын де ево Савкин Антипка серебреное делает из готового серебра и из меди кресты и персни и серги и иное серебреное дело, хто что принесет. А про серебреную руду сын его Савкин Антипка знает ли или нет, того де он Савка не знает, а от сына своего Антипки не слыхал и бил челом он Савка словесно, что де он Савка сына своего Антипку на Беле озере на с'езжем дворе перед Петром Елисеевичем Моложениновым для допросу про серебреную руду поставит после светлого христова воскресения, как снег с пол сойдет.

И по приказу Петра Елисеевича Моложенинова Савка Иванов з Бела озера отпущен по сына своего Антипку.

(л. 323) В нынешнем во 189-м году марта в 10 день по указу великого государя и по наказу из приказу ево великого государя Болшие казны за приписью дьяка Артемья Степанова по наказной памяти Петра Елисеевича Моложенинова ездил племянник его Петра Елисеевича Моложенинова Андрей Евдокимов сын Моложенинов да Дмитрей серебреник для сыску серебряные руды по скаске Васильева кре-

[1] Число не указано.

стьянина Смолнянинова Ларки Онтонова в Белозерской уезд в Судцкой стан в Пустую Ножемскую слободу на пустошь Кулни со многими околными волостными людьми, и он, Ларка на той пустоши Кулнях край реки Шомицы и нигде серебряные и никакие руды и места где б была руда Андрею Евдокимову сыну Моложенинову и Дмитрею серебрянику не указал, а сказал он Ларка ему Андрею при тех волостных околных людех, для того он Ларка серебряной руды на той пустоши Кулнях нигде указать не может, потому что он Ларка серебряной руды места сам не знает, а сказал де он Ларка Антонов на Беле озере перед Петром Елисеевичем Моложениновым про тое серебряную руду и про место на той пустоши Кулнях край реки Шомицы по наученью и по скаске Иевлева крестьянина Данилова сына Бутурлина Лучки Мокеева.

И марта в ...[1] день на Беле озере на с'езжем дворе перед Петром Елисеевичем Моложениновым на очной ставке с Васильевым крестьянином Смолнянинова с Ларкою Антоновым Иевлев крестьянин Бутурлина Лучка Мокеев сказал, что де он Лучка в Белозерском уезде в Судцком стану в Пустой Ножемской слободе на пустоши Кулнях край реки Шомицы и инде нигде в Судцком стану серебряные и никакие руды и места, где б была руда, не знает, а про ту де серебряную руду на него Лучку он Ларка сказал напрасно...

А Васильев крестьянин Смолнянинова Ларка Онтонов против Иевлева крестьянина Бутурлина Лучкиных речей Мокеева с ним Лучкою на очной ставке сказал, что будто де он Лучка ему Ларке такие речи сказывал в Белозерском уезде Судцком стану в Пустой Ножемской слободе на пустоши Кулнях край реки Шомицы про серебряную руду и про место он Лучка знает и тем де он Ларка ево Лучку в таких своих речах поклепал напрасно и в том де он Ларка перед великим государем виноват и в той ево Ларкине вине, что государь великий укажет...

(л. 324) И по сему делу Васильев крестьянин Смолнянинова Ларка Антонов, Иевлев крестьянин Бутурлина Лучка Мокеев, Григорьев крестьянин Раткова Дениско Яковлев до указу великого государя посажены в тюрьму, потому что они поручных по себе записей не собрали для того, что никто по них не ручаетца, а белозерец Гришка Позняков и иные крестьяне, которые по тому делу роспрашиваны, отданы на поруки.

Рапорт архангелогородского губернатора Е. Головцина[2]

Всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице самодержице всероссийской государыне всемилостивейшей
архангелогородского губернатора Головцина
всеподданнейший рапорт.

(л. 1) Колского уезда села Кандалакши крестьянин Филип Полежаев прислал ко мне об'явление, что в минувшем июле месяце был он Двинского уезда в Умбской волости и по народному о имевшейся на Умбском наволоке серебряной руде разговору для лутчаго об оной знания, быв на том наволоке, нашел серебряной руды жилу в расстоянии от Умбы две версты между Умбою рекою и Карабелною губою, которой жилы как в ширину, так и в длину есть немало;

[1] Число не указано.

[2] Печатаемые ниже документы относятся ко второй половине XVIII в. и извлечены из ф. Гос. архива, разр. XIX, д. № 109, 1769 г.

а руды во оной жиле ширины четверти три, а глубины познать (л. 1 об.) не можно, на коем наволоке леса еловые и березовые и приезжая большими судами стоять безопасно можно. Да в Колском уезде, миновав село Порьегубу, на наволоке обыскана им же рудная жила, а медная ль оная или другова какова рода, того он не знает, но толко видно, что и напредь сего та жила ломана, и руда доставана была; почему из обоих тех мест сколко можно было имевшим при себе молотом руд и он достал и ко мне на пробу прислал. И тем рудам бывшим здесь при рудокопных заводах саксонской нации маркшейдером, а ныне в городе Архангельском жительствующим публичным натариусом Христианом Кондрадием, которой по долговременному своему при рудокопных делах упражнению знание имеет, учинена по искусству (л. 2) горнему чрез огонь при мне проба, и по той ево пробе оказалась первая — свинцова с серебром, называема шпат и кварц, смешена с кизом, а вторая — медная с серебром, называемой черной глимбер, з белым шпатом, смешана с кизом же, чему им и записка учинена, которую в орегинале на высочайшее вашего императорского величества разсмотрение всеподданнейше поднесть дерзновение беру. Да того ж села Кандалакши крестьянин Афонасей Полежаев же об'явил мне, что он знает серебряной руды жилу в разстоянии от Кандалакши в 20 верстах при вараке, называемой Гремяхе, и в развалившейся той жилы щеле видны были мяхкие два прута, о чем покойной отец ево ему сказывал, что оные тянуты были, но как гнутца, а не ломятца (л. 2 об.) вытянуть невозможно было. Да от той же Кандалакши в 60 верстах между Керетью и Кандалакшою ко острову, называемому Великому, над Черною рекою прилегла губа, которой в горе видимы болшие и малые камешки цветом светлозеленые, кои, егда в воду положены будут, распускаютца, и являетца из них светлозеленая краска, и как он, так равно и другие того села Кандалакши жители таковые камешки збирают для крашения оконнишних рам и ставней. Но таковых камешков в натуре на пробу он ничего не представил. Сверх же того на Медвежьем острову по прошествии зимы весною и летом с восточной стороны на берегу между мелкими камешками находят Порьегубского села обыватели целного серебра слитки. Да и он (л. 3) Полежаев, быв на том месте Сороцкой волости с покойным крестьянином Иваном Собинским, у коего он в работе находился, таковые слитки нахаживал и ему Собинскому, отдавал. В сходственность котораго ево Полежаева о сей последней руде об'явления и архангелогородской купец Петр Крылов по верноподданнической к вашему императорскому величеству и отечеству ревности об'явил мне, что Сороцкой волости житель Егор Собинский, которой, как мне известно, был Ивану брат, у коего Афонасей Полежаев в работе живал и оному Егору обще с архангелогородцами Федором Чирцовым и Федором Прядуновым дозволено было по имянному блаженныя и вечнодостойныя памяти государыни императрицы Анны Иоанновны указу (л. 3 об.) обыскивать в Приморье рудные места, назадь тому с шесть лет, будучи здесь в городе Архангельском, сказывал ему Крылову в разговорах, что реченного Медвежья острова на восточной стороне выкидывает из моря штуки серебра, которые по обсушении воды между протчим каменьем он Собинской нахаживал и для посмотрения из тех найденных штук ему Крылову одну самородного серебра с камнем отдал, которая у него налицо и состоит; почему он Собинской и примечал, что конечно на той восточной стороне рудной жиле быть надобно, и склонил ево к обысканию той жилы, в спомоществование денежной суммы коей он Крылов тысячу рублев и положил, но за пересечением

Чертежъ части бѣлаго моря слѣдующимъ начиная Медвежьимъ островомъ въ Сторожевскомъ Заливѣ на которомъ находилось натрое сего натраль ная серебро и признаки свинцовыхъ и серебряныхъ рудъ а вокругъ острова на томъ Медвежьемъ острову и вокругъ оного лежащихъ мѣстахъ то натраль ное серебро и признаки находились Значитъ тогдашъ

1. первая и вторая шахты в которыхъ добывалось натральное серебро кругомъ которой и серебряная руда находилась и пространство всѣ имѣла вѣлебъ. Здобрыми признаки 2-я и третія шахта в ней признакъ простиралися с добрыми надеждою 3. шкифъ в коемъ оказывалися добрые признаки и чего доказывалось что та жила с первою согласна и лежитъ в бокъ оттоковъ 4. Признакъ серебряной руды которой тогда еще ни разведанъ Зазимянымъ Ерминымъ 5. рудоносителями находится натральное серебро в 3х шпигахъ но не разработывано Зазимянымъ Ерминымъ

Около оныхъ свинцовыя признаки.

6. налѣвъ острова разстояніемъ у медвежьяго острова в 1½ верстѣ 7. напрямомъ противъ Ерминой в 8. на которомъ наволокѣ 9. у Кондалашскомъ Заливѣ на которомъ же наволокѣ 10. на Кандалашскомъ Мысу 11. близъ Умбской слободы у медвежьяго острова в 30 верстахъ

ево Собинского жизни совершенного окончания не возымело (л. 4), а тысяча рублев при том на всякие надобности, без чего оботтитца было невозможно, употреблена без остатка; и вышеписанную серебра штуку, кою он от Собинского получил, тож из данного ему Собинскому с товарищами ево Чирцовым и Прядуновым имянного указу копию ко мне представил, которые копию, руду, тако ж и оставшей от пробы натариусом Конрадием руды ж к вашему императорскому величеству з здешним прокурором Нарышкиным отправить, а при том вашему императорскому величеству всеподданнейше донесть не преминул, что в разстоянии от города Архангелского в 10 верстах за Двиною рекою при реке Заострове в деревне Валдушке напредь сего были шаховские плавилные заводы, на коих с 1737 года (л. 4 об.) бывшей генерал берг директор Шенберг по данной ему тогда привилегии плавил руды серебряную, медную и свинцовую, которые доставаны были Двинского уезда в трех островах на Лопарской стороне, а с Медвежьего острова доставанную серебрянную руду, о которой вышеписанные Полежаев и Крылов ныне об'являют, что между каменьем находят слитки серебра, отправлял он Шенберг неплавленную в кабинет ея императорского величества. Но как оное рудное дело Шенберхом производилось и чего для и по каким резонам оставлено, о том по губернской канцелярии никакова знания нет, ибо была при нем особливая здесь кантора, а о сем я только по любопытству своему чрез вышеписанного маркшейдера Конрадия, которой в точном ево тогда (л. 5) ведении при том деле состоял разведать мог.

Да Двинского уезда ведомства Сумского острога в деревне Войце рудокопная яма более тридцати лет в действии состоит, из которой находящиеся ведомства берг коллегии горные служители достают золотую и медную руды, к которой работе употребляютца крестьяне приписные к Петровским заводам и по вынятии из той ямы руды, очищая, отправляют для сплавливания в Олонецкой уезд на Петровские заводы в разстоянии от Войцы с триста верст. А оная яма, откуда помянутые руды достают, глубиною до семидесят сажен, из коей воду выливают насосами, но какая от того полза происходит, о том государственная берг коллегия известна (л. 5 об.). Но как означенная яма весма глубока и воду из оной выливают насосами, а не машиной, каковые в Венгрии и в протчих рудокопных глубоких ямах на выливание воды употребляютца, коими до 24 000 ведер в сутки из ям воды выливаетца, тут нет, то не препятствует ли без выливания машиною воды реченные руды доставать, да и может ли оная яма столко ползы приносить, чтоб таковую машину к тому употребить, и от государственной берг коллегии чрез искуснейших людей были ль в том чинены достоверные свидетельствы, мне совсем то неизвестно. И для того, осмеливаюсь вашему императорскому величеству сим всеподданнейше представить, не соизволите ль ваше императорское величество высочайше повелеть государственной (л. 6) берг коллегии как для описания вышеиз'ясненных в Умбском наволоке в Порьегубской волости на Медвежьем острову мест и изыскания и свидетельства по искусству точно руд знающих в том деле людей отправить, которые ежели и о находящейся в Войце рудокопной яме пред сим в самую подробность свидетельств чинено не было и ту яму проездом, яко оная от большей лежащей к Умбской волости дороги в стороне только в 80 верстах обстоит, осмотреть бы могли.

А у меня для точного вышеоб'явленных показанных вновь крестьянами Полежаевыми и купцом Крыловым мест обыскания и описания по горному искусству людей и подлежащих инструментов

(л. 6 об.), равно же и денег на то нет, а чтоб поморских мест и всей Архангелогородской правинции жители, естьли где рудные жилы имеютца, не тая и не опасаясь ничего, об оных об'являли мне, подтверждение от меня учинено.

Всемилостивейшая государыня вашего императорского величества всеподданнейший и всенижайший раб
Егор Головцин.

Архангельск. Генваря 31 дня 1769 году.

Указ Анны Иоанновны 15 марта 1733 г.

Копия.

(л. 8) Божиею милостию мы, Анна императрица и самодержица всероссийская, и прочая, и прочая, и прочая.

Об'являем сей наш всемилостивейший указ верным нашим подданным, кому о сем ведати надлежит. В нынешнем 1733 году марта 12 дня явились нам архангелогородцы посацкие люди Федор Прядунов, Федор Чирцов, Егор Собинской, которые имели позволение искать свинцовую руду и ныне при всеподданнейшем своем прошении об'явили нам сысканные ими в Поморье на Медвежьем острову выплавленного из серебряной руды серебра чистого до тритцати пяти фунтов и несколко натуралной серебряной руды, которая руда по свидетельству явилась весма к прибыли государственной полезная, и об оной они не токмо по совести своей сущую правду об'явили, но и к далнейшему приску надежду подают и в том со всякою верностию и ревностию поступать обещают; того ради за помянутой их прилежной и полезной труд и приобретение всемилостивейше пожаловали, указали выдать им в награждение денег три тысячи рублев, и при том их всемилостивейше обнадеживаем и до кого (л. 8 об.) сие принадлежит повелеваем: 1) Ежели по их прилежному старанию оная серебряная руда хотя жилою или гнездами найдется в таком доволстве, что возможно будет полезной и прибыточной завод учинить, то по публикованной в 1719 году по генералной печатной привелегии за принесенное ими серебро заплачены будут денги, и они яко первые изобретатели тех руд обнадеживаются, что они и их наследники к прибыли того завода допущены будут. 2) Как в вышеоб'явленном месте, так и впредь в других местах империи нашей, где они к сысканию таковых подземных богатых руд могут уведать и сыскивать, им в том старание и труд иметь в надежде получения от нас императорской милости, и в том никому им возбранения и препятствия не чинить, и во всем поступать как вышеозначенная генеральная привилегия и пополнителные о том указы повелевают. 3) Ради опасности в том приске руд, когда понадобитца, брать им из архангелогородских салдат, требуя от губернатора кого пожелают, человека по два и по три на полковом жалованье, которым в той службе быть им послушным. (л. 9) 4) Для проезду куда случитца на рудное место или для приску потребных к тому мастеров и протчего давать им и под инструменты и припасы ямских, а где ямов нет — уездных, до пяти или до десяти подвод за их собственные прогоны по плакату и указом. 5) Для бурения и подрывания горного камня давать им из Архангелогородской губернии пороху, сколко когда понадобитца за их деньги. 6) На те места, где рудной промысл ныне есть и впредь вновь обыщется, какие потребны будут хлебные и харчевые и другие для содержания работников припасы, пропущать без пошлин на каждой год до тысячи рублев. 7) Горных и других заводцких мастеровых людей в способное время,

когда от них какие потребуются, давать с Олонецких Петровских заводов или откуда способнее усмотрят и содержать при том деле на казенном жалованье, а ныне по требованию их посылаются с ними для того приску и произведения руд с Олонецких Петровских заводов вице-берг-мейстер Цымерман, да унтер-штейгер Филип Трейгер. 8) Оных Прядунова с товарыщи домы их и детей их от постою и от выборов в службы (л. 9 об.) до указу, покамест оные руды в действе будут, уволить и без указу в салдаты и никаких излишних поборов (кроме подушного окладного платежа) с них не брать, а подушные денги имать по указу, а болше не накладывать. 9) Что же хотя по данному ис комерц-коллегии указу велено им построить свинцовой завод, а ныне за вышеозначенным приисканием по требованию их от строения того свинцового заводу уволняются. 10) Сверх же того определенным нашим вышним и подчиненным управителям и каждому, до кого сие касатся будет, всемилостивейше повелеваем помянутых рудообыскателей во всем охранять и в потребном случае, что к ползе нашей и государственной принадлежит, чинить им надлежащее вспоможение и во всем поступать, как о том вышеозначенная публикованная в 719 году генералная привилегия и пополнителные указы и сие наше всемилостивейшее к ним призрение повелевает непременно, чего ради для уверения и надлежащаго исполнения сей наш указ за собственноручным нашим подписанием дан им в Санкт-Петербурге 1733 году марта 15 дня.

Подлинной подписан собственною ея императорскаго величества рукою тако:

Анна.

Письмо С. М. Козьмина к графу А. Е. Мусину-Пушкину, 17 февраля 1769 г.

(л. 10) Государь мой, граф Аполлос Епафродитович.

Ея императорское величество повелеть мне изволила приложенной при сем рапорт от архангелогородского господина губернатора отослать к вашему сиятельству с тем, чтоб вы оной изволили разсмотреть и мнение свое ея величеству представить. В нем вы изволите увидеть найдение разных руд, кои при сем же прилагаю. Ея величеству весьма бы приятно было, естьли бы можно было от сих руд по нынешним военным обстоятельствам получить серебро, и упоминаемые в помянутом репорте Шаховские плавильные заводы возобновить, оставя приискание руд вольным людям с тем, чтоб они за некоторую плату привозили оные на оной завод для переплавки. Сверх того не можно ли к сему доставанию руд употребить и таких, кои осуждены к каторжной работе.

17 февраля 1769 г. Спб.

Письмо графа А. Е. Мусина-Пушкина к С. М. Козьмину, 26 мая 1769 г.

(л. 2) Милостивой государь мой, Сергей Матвеевичь.

В согласие высочайшаго ея императорскаго величества повеления, прописанного в письме вашем ко мне от 17 числа февраля сего года, о заведении рудопромышленничьей компании удалось мне согласить к заведению онаго промысла около Архангелскаго города и в других местах людей, сколко мне об них известно, надежных, которые и прозбу к ея императорскому величеству с приложением своих кон-

дициев мне отдали, которую при сем и прилагаю, почитая дело то весма полезным, но толко надлежит договор тот с некоторыми подробностями горных и плавиленных обстоятелств ограничить, а сверх того, хотя и закон на то есть, но как оной доныне исполняем не был, да и по нынешнему государственному положению соображения требует, то и необходимо оное поручить достойной доверенности особе, я ж имею честь с искренным почтением именоватца

Вашего превосходительства всепокорнейший слуга
граф Аполлос Мусин-Пушкин.

26 майя 1769 года.

Рапорт президента берг-коллегии графа А. Е. Мусина-Пушкина.

(л. 11) Всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице и самодержице всероссийской

берг-коллегии от президента всеподданнейший рапорт.

По сообщенному мне статским действителным советником и кавалером Сергеем Матвеевичем Кузминым высочайшему вашего императорского величества повелению, разсмотрев присланной от архангелогородскаго губернатора рапорт и собрав сколько нашлось по берг-коллегии, и по сведениям от бывших там работников и окольных людей всех тех мест и других бывших там рудных работ и приисков прежняго и нынешнаго оных состояния карту и екстракт с примечанием и мнением вашему императорскому величеству при сем поднесть щастие имею.

Всемилостивейшая государыня, вашего императорского величества всеподданейший раб граф Аполлос Мусин-Пушкин.

Февраля 23 дня 1769 года.

Екстракт[1]

(л. 12) Описанныя архангелогородским губернатором на Медвежьем острове и другия места около Белого моря, также и на плотной земле по заявкам Собинского с товарищи в 731 годе, когда еще берг-коллегия с коммерц-коллегиею были вместе свидетельствованы, и по пробе свинцом оказались богаты; почему в 732 годе, в генваре месяце в построении завода оным приискателям Собинскому с товарищи и дан был указ; но только оными заводу построено не было, а одна малая добыча руд от их происходила. В 733 годе блаженныя памяти императрице Анне Иоанновне выплавлено ими из серебряной руды чистого серебра 35 фунтов и несколько самородного об'явлено; почему и о приискании руд дан был им имянной указ, с котораго копию губернатор сообщил, а сверх того послан был для описания тех мест и к произведению работ вице-берг-мейстер Циммерманн, которой как оныя описал, так и еще вновь приискал в оном острове и около Кандалакши, всего в десяти местах.

А в 734 годе для произведения работ посылан был обер-гитен фервалтер Милюков, которой вместе с обер-мейстером Конрадом Детравесом работу ту и производил, (л. 12 об.) серебра ж в бытность Милюкова в его работах августа с 16 734 года по генварь 735 года добыто как самороднаго, так и из руды 16 пуд 2 фунта 2 золотника.

У Детравеса во все же его бытность 19 пуд. 29 фунтов 61 золотник,

[1] Заголовок подлинника.

а в 735 годе отправлены были на тот остров артилерии обер-кригс-камисар Унковской и морской капитан Беер.

В 736 годе гитен-мейстер Улих, которой добычу тамошних мест весьма утверждал.

В 737 годе апреля 4 дня по силе имянного ея императорскаго величеству указу генерал-берг-директор барон фон Шемберг, которой послан для исследования обретающихся в Российской империи гор, и рудокопных заводов, причем был и на оном Медвежьем острове, и к им был послан принятой же в службу ея императорскаго величества Милс фон Пселандер гаупт-манном.

Да 738 годе в генваре месяце в генерал-берг-директориум в приеме оказалось... [1] привезенного с Медвежьяго острова (л. 13) щетом 18 штук весом 8 пуд 23 фунта 63 золотника, которое отдано в том же годе в силу имяннаго указу в придворную кантору на дело сервизу, за которое из соляной канторы деньги по шестнатцати копеек с половиною золотник и приняты.

А всего во все время добыто в тех местах 44 пуда 15 фунтов 30 золотников.

А потом в том же 738 годе в марте месяце оныя в Лапландии на островах лежащия, и впредь обретаемыя рудныя места, кроме Медвежьяго острова, пожалованы вышеозначенному генерал-берг-директору Шембергу, и состояли во владении его по 742 год.

А в том году по имянному ж указу велено от его Шемберга отобрать и отдать в вольное содержание надежным людям; но только от берг-коллегии в правительствующий сенат представлено, что оныя места к прочности не надежны, понеже де все оныя рудокопныя места пресеклись, а самородная жила ушла в море, и от того горная работа стала быть не благонадежна. Чего ради велено там рудники оставить и далее работы не производить, а горных служителей свесть к городу Архангельскому на Шаговской завод для переплавки добытых (л. 13 об.) медных руд, а по переплавке тех руд и тот Шаговской завод за неспособностью оставить же, и приписных к тем заводам работников отдать в ведомство архангелогородской губернской канцелярии по прежнему и отпустить в домы.

Почему как на Медвежьем острове и в Лапландии у речки Русенихи рудные места работою оставлены, так по переплавке на Шаговском заводе из руд медь продана, и те заводы, и все, что в их имелось, отданы в ведомство архангелогородской губернской канцелярии прапорщику Гадунову в 748 годе, которыя и ныне находятся в ведомстве оной канцелярии. Крестьян к оным местам приписано было из монастырских 1300 душ.

Воецкой рудник, на котором добывается золото и медь, обыскан в 744 годе, а золота получается с небольшим по 2 фунта, медь же за углублением работ до 70 сажень и за небогатым (л. 14) содержанием становятся до 28 рублев пуд, потому что употребляется одних водоливов в каждой раз по 42 человека, а конной машины за твердостию камня внутри уместить не можно, в верьху же фелд-гестенг зделать не менее 12000 рублев станет, что при безнадежном возврате заводить не можно, то об уничтожении того в 757, в 764 и в 766 годах представлено, чтоб того рудника работу уничтожить. На что в 766 годе указом от правительствующаго сената знать дано, что о уничтожении Олонецких заводов и с ими того Воецкаго рудника особо трактуется, и в свое время берг-коллегии знать дано будет.

[1] Пропуск в подлиннике.

Но после того об оном указа никакого в получении не было.

А в 767 годе на тот же Воецкой рудник для освидетельствования оного, какия там при добыче руд затруднения происходят, и чаятельно ль впредь быть какой способности, послан берг-мейстер (л. 14 об.) Лейман, которой, быв там, ныне уже следует обратно.

Нынешнее же серебристых рудных мест состояние за неимением по берг-коллегии о том сведений, сколько я от бывших на тех работах людей, и около тамошнаго места жительствующих по разведываниям собрать мог, есть следующее.

Остров Медвежий, лежащий в Белом море, от Которoскаго мысу 15, а от Умбы 35 верст, окружностию не более трех верст, имеет лес сосновой, березовой и еловой, только не в большом числе. На оном рудных мест три разработанных, и несколько ширфов не разработанных.

№ 1. Имянуемой Надежда рудник, котораго шахта разстоянием от моря в дву саженях в твердом камне, глубиною до 15 сажен, в нем две штольны, в оных добывана была гланцовая серебриная в кварце и шпате руда и самородное серебро бурованием с порохом по твердости (л. 15) берг-арта оставлен за пресечением гланцоваго признака, несмотря на то, что кварцовая жила продолжается, и за тем, что от моря во время штурмов сквозь стены рудника ударение волн слышно, и во время приливу сквозь щели воды идет несколько, которыя в сутки набирается сверьх подошвы до аршина, что никакого уважения кажется не стоило.

№ 2. Имянуемой Щастие, от первого в разстоянии 10 сажен, глубиною только сажени 4, в нем штолен нет, а добывалась так же гланцовая руда и самородное серебро. Оставлен за теми же резонами.

№ 3. Имянуемой Орел, к средине острова в горе от моря в 70 саженях, глубиною 30 сажень, имеет в себе две штольны, жила гланцовая в кварце и шпате, шириною до полу аршина и более, в шахте идущая в подошву с большим разширением; почему оной шток-верском назван быть может. При оставлении работы те же признаки имел и воды в оном нимало не было.

(л.15 об.) Остров Хед гораздо менее Медвежьяго, так же имеет несколько такого ж рода лесу. На оном шахта глубиною бита до десяти сажен, в ней две штольны длиною сажень по пяти. Блейгланцовой в таком же берг-арте признак идет жилою ширины в четверть аршина и более, как обычайно в твердом камне бывает. Оставлен с протчими, имея еще признак, работа сухая же.

Близь Умбы на Еханданском волоке бита шахта глубиною сажен до десяти, руда блейгланцовая жилою так же, шириною в четверть и более, как и на Хедском острове. Работа сухая, и так же оставлена с признаком.

На мысах же: Прядунихе и Которoцком ширфы биты, и признаки гланцовой руды и были, а работано ли далее, не известно.

А сверьх того в Умбе реке находятся жемчужные раковины, и сказывают, прежде сего вольные тем промышляли, а (л. 16) после и от казенной стороны около 730 и 736 годов запрещения были, но от какого правления, не известно; так же в горах Каретцкой волости добывалась прежде около двух аршин листами, а ныне менее, слюда, но по берг-коллегии о том сведения никакого нет.

Лес для оплоты и укрепления гор на оныя два острова, где добыча серебряных руд производилась, доставлялся с великаго острова, разстоянием от Медвежьяго в дватцати верстах плотами; при том привозилась и лучина для освету в рудниках, и уголь для кузницы, где починивались горные инструменты. Оное все исправляемо было кре-

стьянами, коих как при горной работе, так и при всем оном бывало до трех сот человек, да горных служителей до ста человек, выбранных из тех же крестьян. Провиант для оных поставлялся подрядом: пуд муки по 25 копеек, а мясо продавано приезжающими промышленниками за весьма низския цены, говядина по 40 копеек, аленина по 30 копеек, пуд рыбы, как ими самими в празднишное время добывалось без труда множество, так и промышленниками продавано за весьма малые цены.

(л. 16 об.) Вешным временем, а особливо при первом переселении туда горных людей многие подвержены были скорбутической сильной болезни; но при изыскании противу того способу питьем топленых в воде сосновых шишек и коры скоро освобождены были и после уже таковых припадков не имели, впротчем воздух здоровой и легкой.

Примечание[1]

(л. 17) Не естественное вдруг во всех местах пресечение и несходное об'явление тамо работавших с поданным в 742 годе в сенате представлением берг-коллегии, так же и ныне присланныя от господина Головцына руды оставление тех мест весьма сумнительным делают, которое мне кажется произошло от того, что, как определенные к делу тому бывшим генерал-берг-директором Шемберхом были по болшой части им произведены и ему обязанные, так же и чужестранцы никакой подпоры, кроме ево, неимевшие; увидя его по отданным Гороблагодатским заводам и Лапландским приискам великим щетам подверженна, и наконец заключенна; отчасти по прилепленности к нему, а отчасти боясь и сами иметь таковое же дело, будучи в тех же обстоятельствах, потому что по разному качеству руд горные одного рода разходы с другим равны быть не могут, все за лучшее признали ко спасению себя, места те назвать негодными и себя от дела того избавить. Я инова резону не нахожу, потому что, хотя шахта знатнейшая по самородному серебру именуемая Надежда и блиска моря, и руда оной обратились в море; но то за уважение к остановлению работы довольно служить не может (л. 17 об.), хотя б то и в самом деле действительно так было. В воду рудной жиле уйти не можно, а надлежит сквозь плотной грунт стремление свое взять ко дну, почему, хотя б в том месте, где работаю остановилось, и так близко к морю подайдено, что опасно, чтоб вода, ворвавшись в рудник, не затопила работающих; но как острова щитать должно между горами, а гора всякая коническую или пирамидическую фигуру имеет и всегда в низу своем шире поверхности; то не выходит ли из того, что чем глубже бы работа производилась, тем толще бы от моря стены рудника были, что уже об'явлением работавших там на пятнатцатисаженном углублении подтверждается, то есть что во время приливу только сверху капель бывает; да хотя б и то помыслить, что сверху прорвавшись вода тем более нижних потопит, то и в таком случае остается еще способ от третьей шахты, весьма отдаленной от моря, в которой и руда есть, углубясь под те прежния с самородью работы подойтить штольною, чтоб уже ни малой опасности и не оставалось; сверх же оного острова, места на Хед острове и на плотной земле с признаком, где уже таковых обстоятельств и совсем не было, за чем оставлены, да и сверх того, смотря на ужасные всех тех мест и Финландские горы и великой тягости разбросанныя каменья — не должно ли заключать, что

[1] Заголовок подлинника. Печатаемая записка написана другим почерком, подписи автора не имеет. Вероятно она составлена Мусиным-Пушкиным.

в местах тех сильная естественная (л. 18) революция была, следственно и действие внутренняго огня было сильное, что медные, железные, свинцовые, карандашные и серебреные по всем моря того лудам признаки подтверждают, и ныне вновь требуют, чтоб места те освидетельствованы были наиприлежнейшим образом. Мое заключение об оных, мне кажется, надежно; так же и протчие горы Российской империи испытания достойны; чего для опосылке для того горных офицеров при коллежской должности как предписание пути, так карты и сметы при докладах для поднесения вашему императорскому величеству мною генерал-прокурору отданы.

Мнение

Из приложеннаго екстракта и примечания ваше императорское величество, усмотрев тамошних мест состояние, естьли за благо положить изволите работы там возобновить, и так как мне от Сергея Матфеевича[1] высочайшее ваше соизволение сообщено, чтоб воспользоваться оным для нынешних военных обстоятельств, то необходимо должно, наперед осмотрев точность тех мест, таковы ли оныя, как мне об оных сказано, работу ту начать казенными горными людьми, коих человек до ста пятидесят при Воецком Олонецком руднике находится; уничтожа оной бесплодной рудник, которой с начала беспорядочно зачат, а к им, чтоб (л. 18 об.) не потерять время, в прибавок определить из прежде бывших в приписке крестьян и определить к тому честнаго и способнаго человека, чтоб по прежнему место то без резону оставлено не было; которому о приохачивании вольных работников чрез добрую заплату и приласкание поручить из Устюжской и Вятской провинцей, в чем архангелогородской и казанской губернаторы ему спомоществовать должны; потому что из тех мест надежнее иметь людей, яко обыкших уже по заводам бродить, нежели из окрестнаго тех мест народа, яко по климату флегматическаго и лениваго и уже сделавшаго привычку к поморским промыслам. А здесь между тем не только в тех местах, но и в Финляндии и около города к рудному без из'ятия всех металлов промыслу заводить с хорошим основанием рудную кампанию, в чем верно успех будет, и ваше величество в сем доказать изволите, что без отягощения народнаго великия предприятия заводить можно. Места же те и предприятие сие столь лестно и уважения стоющее, что я осмелюсь сказать, оно достойно попечения великой государыни, потому что, естьли бы с начала о нем помышляемо было, и естьли другия какия обстоятельства тому не препятствовали, не дарили бы даром лесу тому, не переселяли б из России людей в Сибирь и не истощали б государственныя силы по (л. 19) степям, но были бы совокупно тут, где им прилично; а затем сколько б коммерческих и других выгод последовало, которых же к делу тому употреблять по дикости и разстоянию мест невозможно, доколе точнаго места, где болшая работа производиться будет, не определится, да и к тому потребна будет великая для караулов команда, а без оной во вред коммерции и промыслам тамошним могут завестись разбои, коих по лесистым тамошним местам и островам истреблять будет трудно; а хотя б их работаю серебро и дешевлее становилось, но содержание потребных для них караулов цену оного возвысит гораздо болше, нежели наемными людьми, или крестьянами то добывать.

---

[1] С. М. Козьмин.

Прошение купцов Походяшина и Губкина на имя Екатерины II, 1769 г.

(л. 20) Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая.

В Архангелогородской губернии, на Медвежьем острову, наперед сего имелся из рудокопных ям промысел серебра, но за неспособностию или по другим каким неизвестным нам обстоятельствам оставлен и состоит поныне без всякаго действия.

И потому, всемилостивейшая государыня, составя мы компанию, восприяли дерзновение всеподданнейше просить ваше императорское величество, чтоб всемилостивейше повелено было, сей промысел и з другими в тех местах приисками пожаловать нам, присовокупя к тому, что естли нами, и во всей Архангелогородской губернии, так же в Казанской, Сибирской, Оренбургской и Астраханской губерниях на неотведенных к заводам местах, как на островах, так и на матерой земле обысканы будут золотые и серебряные рудники, то оным, по тому ж остатся за нами.

(л. 20 об.) Мы предпринимаем сие для того во-первых, чтоб доказать вашему императорскому величеству всеподданнейшую нашу ревность и усердие и послужить для ползы государственной, а при том может быть сыщем и свое щастие — когда всемилостивейше пожаловать нам соизволите за собственноручным вашего императорскаго величества подписанием привелегию, в которой в предписании мы совершенно надежны, что как для государства, так и для целости компании, никакая полза не утаится от просвещения вашего императорскаго величества.

Всемилостивейшая государыня вашего императорского величества всеподданнейшия раби.

Обер-инспектор Никита Щенякин.

Верхотурской купец и заводчик Василей Походяшин.

Калужской купец Андрей Губкин. (л. 21)

Апреля . . . дня 1769 года.

Экстракт

О промысле золотых и серебряных рудников по выплавке из оных металлов, так же и об отдаче оного в казну и по каким ценам.

1-е.

В Архангелогородской губернии назад тому несколько лет найденные на Медвежьем острову серебреные рудники, ис которых тогда ж и выработано, некоторая часть, но за неспособностью оставлены, а ныне оные рудники, и з другими на островах и на матерой земле приисками отдать компании, и при том позволить им в Архангелогородской, Казанской, Сибирской, Оренбургской и в Астраханской губерниях не на отведенных к заводам местах, помянутых рудников искать как на островах, так и на матерой земле и что где оною компаниею приискано, или розведано будет и окажутся те руды такими, что можно из них, с пользою доставать золото и серебро, в таком случии позволить им в тех или в других удобных местах, строить и заводить по разсуждению компании все то, что принадлежит к промыслу руды и очищению металлов. (л. 21 об.)

2-е.

Что когда достатно будет ими чистого золота и серебра, то оное принимать от них в казну с платежем за золото и серебро по цене, как в регламенте положено.

3-е.

Чтоб отдалено было всякое сумнение и избежание неправедных доносов в продаже того золота и серебра на сторону; в таком случии повелеть, где построены будут ими для добывания золота и серебра заводы, то на оные берг-коллегии определять по разсмотрению на каждой потребное число казенных смотрителей, поруча им в том надлежащее смотрение.

4-е.

Как обыкновенно почти находится в рудах соединено золото и серебро вместе, то определенным с казенной стороны смотрителям, по выплавке и очиске того золота и серебра по окончании каждого года или прежде, когда компания того пожелает, отправлять оное с пристойным канвоем в Санкт-Петербург для разделения и разделять оное в казенном месте на коште компании, а по разделении, сколько чего (л. 22) явится, то немедленно выдавать за то по вышеописанной цене наличными денгами.

5-е.

Что ж принадлежит по приискании ими рудников в отводе им земли и лесов, в том берг-коллегии или в Екатеринбурге горному начальству, где от компании о том будет требовано, в том поступать так, как доныне отдаются места и леса заводчикам, по разсуждению требуемого к тому количества.

6-е.

Естли же компания изищет рудники и других металлов, яко то медные, оловянные, свинцовые, железные и всяких минералов и пожелает для того строить заводы, то оное им позволить на основании берг-коллегии регламента.

7-е.

В разсуждении таких металлов, как то золото и серебро, хотя обыкновенно таковых руд промышленники привозят руду на казенные заводы и по переплавке получают за то денги, но сие только можно (л. 22 об.) как в Нерчинские и в Колывании, потому что уже там есть заводы и руда по близости оных, и стоит одного толко неболшаго провозу; напротив же того компания неизвестно где отискать может, и лехко случится, что найдется от заводов тысячах в двух или болше верстах, а потому и не будет способу привозить рудою, окроме как должно будет построить вновь заводы, то и вопрошается, что можно будет и там построить заводы ис казны, но когда вычесть ис того сколко надобно будет время на пересылку, на осмотр и на смету, то может быть произойдет столко время, что не достанется и работать, то не лутче ли, чтоб оные строила компания, ускоряя то, как для ползы государственной, так и собственно для себя; что ж надлежит до казны, то не все ли равно, что ис казны или от компании построенном заводе производить работу, ибо когда надобна какая предосторожность в разсуждении, чтоб золото и серебро верно доходило в казну, в том компания отнюдь не противуречит, какая б то ни была зделана предосторожность; а естли отищутся (л. 24) такие рудники по близости казенных заводов, то компания имеет оные руды привозить на те казенные заводы толко с тем при том, чтоб не далее двух сот верст, и чтоб руды такого провозу с прибытком стоили, а по переплавке, за вычетом на то казенных издержек, выдавать наличными денгами по той же цене, как

в регламенте положено. Естли же такая перевоска окажется убыточна, то в таком случии, на тех местах строить потребное к тому от компании.

8-е.

Естли поныне где обысканы золотые и серебреные рудники, и об'явленные уже в горных начальствах, но за долностию х казенным заводам, или за неспособностию оставлены без действия, то оные отдать компании, где она по неспособности и завод для того построить имеет, производя на оных работу волными людми.

9-е.

По благополучном окончании нынешней войны позволить компании в Астраханской губернии, от тамошних пограничных народов (л. 24 об.) камерческим способом получать от них на мену российских товаров тамошнюю их руду и, привозя оную в удобное место или когда будут по близости казенные заводы, то на оные привозима быть имеет; и потому ж равным образом как и протчую, переплавливать и чистой металл отдавать в казну на вышеписанном основании.

10-е.

Естли иногда золотые и серебреные руды, так же оловянная (которая в разсуждении государственной ползы ничем не хуже, как бы и самое золото) найдутся в таких местах, что никоим образом в скорости волных работников достать будет не можно, в таком случии с казенной стороны учинено б было пристойное вспоможение.

11-е.

Когда случится кому в означенных губерниях всякаго звания людям обыскать таковые рудники, то оным позволить об'являть компании, а компания должна будет тем людям за приск платить, как по регламенту берг-коллегии положено. (л. 25)

12-е.

Лежащия ныне на Медвежьем острову, или где оные под ведомством состоят, оставшие от тогдашнего времени всякие материалы и инструменты отдать компании те, которые ей годны будут, по оценке, чего оные будут стоить, за которые заплачено будет наличными деньгами.

13-е.

Компании необходимо потребно завестись собственными своими горными мастеровыми и другими искусными людьми, то для сего позволить ей купить крестьян до пяти сот душ, ибо из них годных не болше выберется, как до ста человек, которых можно будет употребить для научения горному искуству, а в случае надобности потребно будет иногда послать для сего и в другия государства, а ежели б во умножении искусных людей не было нужды, то б компании не было б нужды и просить о покупке помянутых крестьян.

14-е.

У города Архангельского для всяких переездов, как для поисков на островах и по берегам, так и перевозу материалов и припасов позволить построить из лиственичного дерева несколько мореходных судов, хотя до пяти. (л. 25 об.)

15-е.

И когда все сие апробуется и всемилостивейше пожалована будет компании привилегия, то о сем во означенных губерниях повелеть обнародовать, дабы всяк был о том сведом, и чтоб во изыскани таковых рудников не было какого-либо помешательства.

16-е.

По новости сего дела всех околичностей предписать никоим образом не возможно, а по вступлении в дела может быть окажется, такия дела, которые потребны будут для ползы государства и для необходимости в сем промысле; в таком случии позволить компании со об'яснением о том представлять, и когда найдется за полезно, то оное им и позволять.

Обер-инспектор Никита Щенякин.
Верхотурский купец и заводчик Василей Походяшин.
Калужской купец Андрей Губкин.

Из записной книжки архивиста

„Шифр“ Н. Г. Чернышевского *

7 июля 1862 г. Н. Г. Чернышевский был арестован и заключен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Десять дней спустя был тщательно обыскан его кабинет, опечатанный при аресте; при этом были изъяты, как говорится в акте обыска, «восемь запрещенных книг, три пакета с письмами и тетрадь, писанная стенографическим способом, и алфавитный ключ на 4 картонных палочках» (т. е. полосках).

7 августа следственная комиссия по делу Чернышевского постановила: «шифрованные бумаги для распоряжения о прочтении оных передать члену комиссии, управляющему III отделением собственной его императорского величества канцелярии», т. е. ген. Потапову. Потапов отправил бумаги для расшифровки в министерство иностранных дел, и 10 августа товарищ министра иностранных дел Муханов уведомил его, что «приложенный к оным [бумагам] указатель, повидимому, совершенно к ним не принадлежит; к тому же он весьма не полон; засим не представляет возможности разобрать написанное в бумагах, но должно полагать, что они составлены вовсе не шифром, но только с условными сокращениями, и потому будут сделаны еще некоторые опыты для раскрытия смысла оных. Исполнить это вскоре нельзя и даже обещать вполне успех невозможно, но будут приложены все старания...»

Целых три месяца подозрительная рукопись оставалась в министерстве иностранных дел, и только после напоминания Потапова была возвращена III отделению с расшифровкой небольшой части ее при следующем отношении от 14 ноября 1862 г. за № 189:

«Вследствие отношения вашего превосходительства от 2 сего ноября, за № 3381, препровождая при сем доставленные ко мне при отношении вашем за № 2079 две тетради и равно разбор части оных, имею честь присовокупить, что рукописи эти, как предполагалось и прежде, писаны не шифрами, но только с сокращениями и употреблением часто вместо слов, слогов и букв особых знаков.

При всем желании, при множестве текущих, не терпящих отлагательства дел, не было никакой возможности разобрать до настоящего времени всю рукопись, но из содержания разобранного можно думать, что слог сей имеет условный смысл.

Между тем, в предположении, что кроме видимого содержания рукописи, могло находиться написанное симпатическими чернилами, были употреблены разные способы для открытия этого, но такового письма не оказалось.

О получении прилагаемых тетрадей покорнейше прошу ваше превосходительство почтить меня уведомлением.

Товарищ министра иностранных дел Н. Муханов».

Рукопись, побывавшая в министерстве иностранных дел,— часть саратовского дневника Н. Г. Чернышевского 1852—1853 гг. Расшифрованные министерскими чиновниками страницы ее составляют начало второй тетради его «Дневника моих отношений с тою, которая теперь составляет мое счастье». В расшифровке много пробелов и погрешностей. Для примера приведем отрывок, привлекший к себе особое внимание следственной комиссии, и непосредственно следующие за ним строки; правильную расшифровку даем в скобках.

«Хорошо, я не могу жениться уже по одному тому, что я не знаю... сколько времени пробуду я на свободе... Меня каждый день могут взять. Какая будет тут моя роль? У меня ничего не найдут, но друзья у меня весьма сильные (подозрения против меня будут весьма сильные). Что могу я другое делать? (Что же я буду делать?) Сначала я буду молчать и молчать. Но наконец, когда ко мне будут приставать долго, это мне надоест, и я выскажу свое мнение прямо и резко. И тогда я едва ли уже выйду из крепости. Видите, я не могу жениться. Не знаю, поверила ли она этому,— кажется, мало, потому что подобные вещи для нее мало привычны. Мы пошли танцевать. Я танцевал с нею (другими) или говорил с Гавр. Мих. и т. п., с нею не могу

---

* Цитируемые в настоящей заметке документы находятся в деле следственной комиссии и сенатском деле о Чернышевском.

теперь (почти) припомнить, что я говорил, кроме... (повторений), что все-таки я привязан к ней, что если бы это было (если это будет) продолжительнее (продолжаться так), то я наконец не был бы (не буду) в состоянии рассудить, и т. п.» (шифр этого отрывка рис. 1).

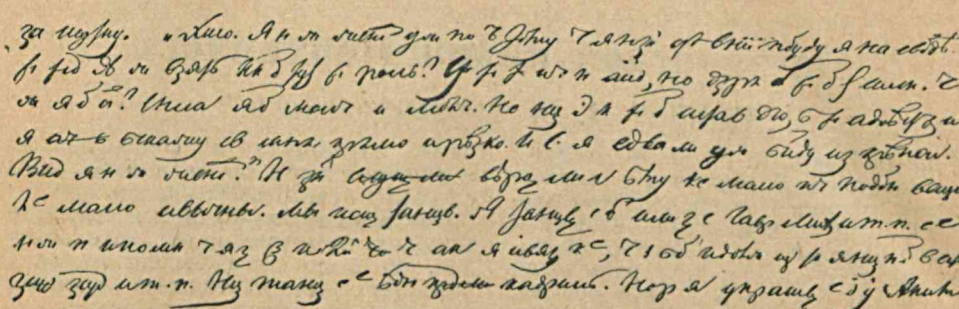


Рис. 1.

Дефекты расшифровки и заключение министерств иностранных дел, что «слог сей имеет условный смысл», позволили Чернышевскому утверждать, что попавший в руки властей дневник повествует вовсе не о нем самом, а является черновым материалом для будущих беллетристических произведений. В своем заявлении в сенат (от 25 сентября 1863 г.) Чернышевский писал:

«Комиссия видела недостаточность подозрений, возводившихся на меня бумагами, бывшими в ее руках во время первого допроса (30 октября). Потому после этого допроса (16 ноября) были доставлены ей тетради моего дневника с картонными лоскутками, которые в бумаге, передающей их комиссии, названы «указателями шифра», которым писаны тетради моего дневника, хотя в это время уже было удостоверение от министерства иностранных дел, что дневник мой писан не шифром.

Политическую сторону введения в дело вещей, подобных моему дневнику, я раз'ясняю в другой моей просьбе. Здесь я оставляю политическую сторону без рассмотрения.

Способ сокращенного писания, подобного моему, употребленному в дневнике, употребляется, в большей или меньшей удачности сокращения, почти всеми студентами университетов записывающими лекции. Это служит заменою стенографии, а не тайным письмом. Я с детства писал очень много и еще в семинарии записывал таким образом лекции, и тетради этого периода, еще детского, находятся в моих бумагах. В университете привычка развилась у меня[1]. Из того периода в моих бумагах есть, между прочим, весь «Герой нашего времени» Лермонтова, переписанный таким способом. И после я точно так же писал почти все, что писал для себя (например, в деле черновые списки с моих писем к профессору Андреевскому, оставленные у себя мною для будущих справок). Все это было в руках и перед глазами лиц, разбиравших мои бумаги. И все-таки дневник мой выдается за написанный шифром, даже после уверения министерства иностранных дел, что он писан не шифром.

Что такое этот дневник? Министерство иностранных дел нашло, что не следует понимать его в смысле обыкновенного дневника. В бумаге, присланной в комиссию, это мнение передается словами: «можно думать, что слог этот имеет условный смысл». Я не знаю, до какой степени точно передан этот отзыв министерства в этой бумаге; подлинного отзыва министерства в деле нет[2].

---

[1] В доме-музее Н. Г. Чернышевского в Саратове хранится много рукописей Чернышевского, писанных такою же скорописью, что и дневник: семинарские записки, запись университетских лекций проф. Куторги по истории, проф. Фишера по философии, проф. Никитенко по русской словесности и др., между прочим студенческая повесть Чернышевсвого «Теория и практика». В Петропавловской крепости Чернышевский писал таким же «шифром» значительную часть черновика романа «Что делать» и повести «Алферьев».

[2] Чернышевскому был пред'явлен, очевидно, не подлинный отзыв, а изложение его в нижеследующей «выписке из журнала высочайше учрежденной в С.-Петербурге следственной комиссии, от 16 ноября 1862 г.».

Разбиравшим бумаги мои должно было знать, что они разбирают бумаги литератора. При разборе бумаг они могли бы заметить, что им попадаются повести, писанные моею рукою. Если б они потрудились заметить эти два обстоятельства, мне не пришлось бы утруждать правительствующий сенат об'яснением факта, которому не следовало бы попадать в дело.

Я издавна готовился быть, между прочим, и писателем беллетристическим. Но я имею убеждение, что люди моего характера должны заниматься беллетристикою только уже в немолодых годах — рано им не получить успеха. Если бы не денежная необходимость, возникшая от прекращения моей публицистической деятельности моим арестованием, я не начал бы печатать романы и в 35-летнем возрасте. Руссо ждал до старости, Годвин также. Роман — вещь, назначенная для массы публики, дело самое серьезное, самое стариковское из литературных занятий. Легкость формы должна выкупаться солидностью мыслей, которые внушаются массе. Итак, я готовил себе материалы для стариковского периода моей жизни. Мною написаны груды таких материалов — и брошены; довольно написать, хранить незачем, цель — утверждение в памяти — уже достигнута. Но я не мог уничтожить некоторых моих черновых работ, потому что они были писаны на одних листах с вещами, которые я считал интересными для меня. Тетради, внесенные в дело, именно таковы: среди материалов для будущих романов набросаны кое-какие отметки из моей действительной жизни (например, список дней, когда я в первый раз говорил с моею невестою, когда она дала мне слово).

Надобно об'яснить, что у меня, как почти у всех беллетристов, порядок возникновения романа таков: берется факт, отдается на волю фантазии, она играет им — это самый важный период так называемого «поэтического творчества». Итак, тут, в моем дневнике, вольная игра моей фантазии над фактами. Я ставлю себя и других в разные положения и фантастически развиваю эти вымышленные мною сцены.

Что же я вижу в деле? Берут одну из этих сцен и дают ей юридическое значение. На этом основан весь ход моего процесса до передачи его в правительствующий сенат.

Сцена состоит в том, что какое-то «я» говорит девушке, что может со дня на день ждать своего ареста, и если его будут долго держать, то выскажет свои мнения, после чего уже не будет освобожден. В тех же тетрадях есть многие другие «я». Одного из этих «я» бьют палкою при его невесте. Можно удостовериться справкою, что ни тогда, ни вообще когда-либо со мною, Чернышевским, ни при невесте, ни без невесты не случалось ничего такого.

Я могу об'яснить, из каких фактов взята мною, как литератором, сцена, вошедшая в дело с таким важным влиянием на него. Это прикрашенный идеализацией случай из жизни Иоганна Кинкеля (известного немецкого ученого, о котором тогда много писали в газетах), приспособленный мною, как романистом, к рассказу, незадолго перед тем слышанному мною от Николая Ивановича Костомарова (не имеющего ничего общего с г. В. Костомаровым) — он был арестован в то время, как собирался жениться (за шесть лет перед тем).

Два очень простые соображения могли бы показать, что сцена, созданная мною, литератором, для будущего романа, не могла относиться к моей действительной жизни: 1) у меня, Чернышевского, не было тогда не только друзей, даже близких знакомых между важными людьми; в этой сцене действует человек, имеющий за себя сильных в правительстве друзей; 2) тогда (весною 1853) не было в России, не только в Саратове, где я жил уже два года, даже и в столицах, никакой политической жизни, не только тайных обществ. Это факт, принадлежащий истории».

«Управляющий III Отдел. соб. е. и. в. канцелярии при отношении от 15 сего ноября, № 3509, препровождая в комиссию переданные ему, согласно постановлению ее, из'ясненному в журнале 7 августа, шифрованные две тетради содержащегося под арестом тит. сов. Николая Чернышевского, уведомляет, что тайный советник Муханов с возвращением их, по рассмотрении в мин. ин. дел, вместе с разбором части оных, отозвался, что рукописи эти писаны не шифром, а только с сокращением и употреблением вместо слов, слогов и букв особых знаков, что по множеству спешных дел в министерстве могла быть разобрана только часть оных, но что уже по содержанию разобранного можно заключить, что слог этот имеет смысл условный. Положено: передать означенные две тетради с следующим к оным указателем и разбором мин. ин. дел для рассмотрения члену комиссии С. Р. Жданову».

Та часть «Дневника» Н. Г. Чернышевского, которая фигурирует в его деле, была полностью расшифрована и напечатана в 1906 г. в полном собрании сочинений Н. Г. Чернышевского, его сыном М. Н. Чернышевским; М. Н. Чернышевский расшифровал и остальные части «Дневника», который полностью был издан в 1928 г. Госиздатом в 1 томе «Литературного наследия Н. Г. Чернышевского». Но М. Н. Чернышевский не оставил ключа к «шифру» этой и других рукописей своего отца, и для составления его пришлось проделать весьма кропотливую работу по сличению сделанной расшифровки с оригиналом «дневника» и печатного текста романа «Что делать» с первоначальным черновым текстом, наполовину писанного шифром. При этом выяснилось, что многие сокращения, применяемые Н. Г. Чернышевским для отдельных слов, соответствуют русским словам в переводе на латинский или другие языки. Так, слово «теперь» передается латинской буквой p (лат. nunc), «столь-, ко» — двумя латинскими t (лат. tot), «сколько» — qt (лат. quot), «чем» — q (лат. quam), «часто» — f (немецкое oft), «по крайней мере» — w (немецкое wenigstens), и т. п.

Трудности расшифровки скорописи Чернышевского зависят от следующих обстоятельств:

Чернышевский обычно писал чрезвычайно мелким почерком. Отдельные слова порою слиты. Знаки препинания часто вовсе отсутствуют. Особые обозначения для различных глагольных форм часто пропускаются. При сокращении слов иногда употребляются одинаковые сокращенные начертания для слов, имеющих разное значение.

Помимо русского алфавита употребляется и латинский, иногда греческий и — в очень редких случаях — арабский.

Вообще Чернышевский не строго следует придуманной им системе скорописи.

В чем же состоит эта система, которою Чернышевский пользовался и в семинарии, и в студенческие годы, и в последующее время, включая пребывание в Петропавловской крепости. Выбрасываются буквы и слоги то начала, то средины, то конца слова. Некоторые слова обозначаются одной буквой. Для ряда слов придуманы особые знаки. Употребляются особые знаки для обозначения глагольных форм.

Но система не выдерживается, слова сокращаются как попало, при густом письме случаются описки, и все это затрудняет расшифровку. Однако при известном навыке трудности преодолимы.

Укажем особые знаки, которыми пользовался Чернышевский (см. рис. 2) и значение обычных в его рукописях сокращений слов:

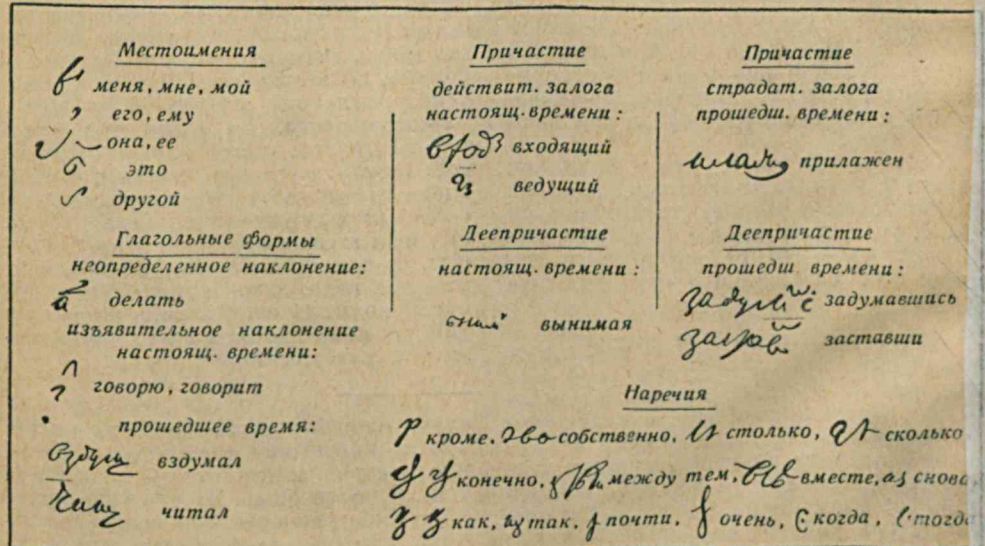


Рис. 2.

а — делать
ас — однако
ак — однако
б — без
бы
был
будет
быть
бог
бк — бесконечный
бо — благо
бохие — благодушие
бч — большею частью
ве — выражение
вя — время
вн — внешний
внь — внешность
вl — вместо
вlѣ — вместе
взгрде — вознаграждение
v — истина
w — по крайней мере
г — всегда
д — должно
добрый
достойный
q — вести
дq — подводит
дд — добродетель
дс — действовать
дда — друг друга
дсвтей — действователей
dсто — противостоит
противоречие
d — против
евно — естественно
ж — может
жво — могущество
жд — каждый
з — здесь
зкы — законы
змы — размышлять
знь — разность
зкдтл — законодатель
здзнв — распознавать
ич — ничего
ис — присоединить
ищ — пришел
im — непосредственный
in — внутренний
iобрет — приобретение
jаподобие — правдоподобие
is — довольно
к — который
ка — книга
кжа — книжка
ко — кажется
кч — кончить
q (ку латинск) — чем
lo — место
м — сам, самый
мы — мыслить
мыь — мысль
ня — нельзя
нло — начало
нсз — несознательно
нхь — необходимость
нхся — находится
латинское n — теперь, ныне
обнь — об'ективность
ослабе — ослабление
п — писать
пк — приказ
пр — и проч.
пра — природа
пча — причина
получает
псо — пространство
пся — прося
nos — посмотрим
птрво — притворство
пизходе — происхождение
р — раньше, пред
рл — различный
рн — прежний
рш — совершенно, решительно
рид — предыдущий
рае — растение
рлие — различие
ршае — совершает
са — сделать
сь — степень, ступень
сва — свойства
ста — система
счи — счастии
ссс — согласиться
сунь — суб'ективность
сщее — существующее
свно — совместно
s — если, смотреть
ткс — отказаться
тчи — отчасти
тише — отношение
тх — отдых
удле — удаление
yise — удовлетворение
us — снова
фк — философский
фия — философия
ха — душа
хъ — дух, способ
хн — способный
хни — способности
хр — характер
ць — церковь; царь.
чн — частный
чцы — частицы
чувя — чувствования
ш — лучше
щ — вообще
щв — общество
щччк — общечеловеческий
ъхие — единодушие
ze — основание
zвс — основывается

Н. Алексеев.

Запрещение царизмом чествования памяти т. Шевченко

Художественное творчество Тараса Шевченко, великого поэта Украины и революционного демократа, борца против самодержавно-крепостнического строя, сразу же привлекло к себе внимание царского правительства и цензуры. Участие в тайном обществе дало царю повод для жестокой расправы с поэтом, который осмелился выразить гневный протест закрепощенного крестьянства и его стремление сбросить с себя рабство, тяжесть бесправия и нищеты. Преследованиями со стороны власти отмечена личная жизнь великого поэта. Но и после его смерти царское самодержавие крепко помнило своего врага, боялось его стихов, их революционизирующего влияния и решительно пресекало всякую попытку напомнить обществу о существовании поэзии Шевченко.

В ряде архивных документов имеются следы того, как правительство в лице III отделения и цензуры зорко следило за появлением в печати произведений т. Шевченко и при всяком удобном случае искажало их смысл, вычеркивало содержащиеся в них по адресу царя и помещиков угрозы, и даже вовсе запрещало, задерживало появление в свет.

Нет ничего удивительного в том, что исполнившаяся в феврале 1914 года столетняя годовщина со дня рождения т. Шевченко побудила правительство принять заранее меры, преградившие возможность публичного чествования памяти поэта. Приводимые ниже документы — телеграммы, которыми обменялся департамент полиции и Киевский генерал-губернатор,— свидетельства таких предупредительных шагов со стороны власти. Любопытно, что даже ходатайство Трепова, предлагавшего правительству «разумные» меры для выхода из тупика, в котором оно очутилось со своим абсолютным запретом, не встретило одобрения. Департамент полиции боялся выступлений и не знал других мер, кроме одной — «запретить».

Но, как видно из последующих документов, «запрещение» не удержало напора общественного движения.

Сообщения о студенческих выступлениях в Петербурге и Киеве рисуют обычную, довольно робкую, не единодушно принятую студенческой массой, попытку отметить «день Шевченко» — 25 февраля. Больше организованности придали этому выступлению рабочие Южно-русского машиностроительного завода в Киеве.

Н. Бельчиков.

Справка по делам департамента полиции по поводу запрещения чествования памяти Шевченко [1].

20 февраля 1914 г. за № 145, шефом жандармов, генерал-майором Джунковским разослана была генерал-губернаторам и градоначальникам циркулярная телеграмма нижеследующего содержания:

«Ввиду поступающих ко мне запросов по поводу чествований памяти Шевченко, сообщаю для сведения, что к разрешению чествований вообще препятствий не встречается, но при условии допущения их в закрытых помещениях с соблюдением правил о собраниях 4 марта 1906 года.

Никакие демонстрации, уличные выступления и сборища допущены быть не могут».

По получении вышеприведенной циркулярной телеграммы за № 145, киевский генерал-губернатор прислал на имя Джунковского телеграмму от 21 февраля, следующего содержания:

«Ваше превосходительство шифрованной телеграммой № 145 уведомили меня касательно допущения чествования поэта Шевченко. Считаю своим долгом сообщить, что вновь возникшееся Свято-владимирское братство, Русское собрание, педагогическое всероссийское общество имени Ушинского, Киевское отделение всероссийского национального союза телеграммами от 19 и 20 сего февраля обратились к министру внутренних дел, обер-прокурору св. синода, видным членам Государственной думы и св. синода с просьбой о недопущении чествования Шевченко, подробно мотивируя недопустимость публично государственных празднований Шевченко с точки зрения русских государственных интересов. Полученное распоряжение вашего превосходительства стоит в полном противоречии с настроением благомыслящей национально-правой части населения юго-западного края и внесет сильное смущение в их сердца.

Предварительно приведения в исполнение распоряжения вашего превосходительства, считаю долгом об изложенном довести до вашего сведения, прося об окончательном решении министерства мне телеграфировать. № 2093.

Генерал-губернатор Трепов».

В ответ на это 22 февраля Джунковским была послана нижеследующая телеграмма:

«Моя депеша № 145 вызвана постановлением совета министров. Ввиду

[1] ЦАР, ДП. II, 1914 г., д. № 56, л. 46. Документы подобраны А. Кобяко.

столь категорического заявления вашего высокопревосходительства депеша ваша № 2093 будет подвергнута особому обсуждению, о результатах коего вам будет немедленно сообщено».

И действительно, того же числа киевскому генерал-губернатору было сообщено по телеграфу: «По обсуждении телеграммы вашего высокопревосходительства, № 2093, признано возможным, дабы не отменять сделанное уже вами циркулярное распоряжение на имя губернаторов, оставить его в силе. Джунковский»

Прокламация (Киевского комитета) Р. С. Д. Р. П. февраль 1914 г.[1]

Российская социал-демократическая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТОВАРИЩИ.

Прошло сто лет, как родился великий народный поэт Украины Тарас Григорьевич Шевченко... Сто долгих лет,— терзающих народ бесправием и гнетом правительства.

«Кати внушаются над нами,
А правда наша п'яна спить»

писал Шевченко. Не переставая издевается правительство и до сих пор над бесправным государством, преследует и угнетает всякую национальность.

Последнее время особенно излюбленным орудием борьбы с рабочим движением является травля крепостническо-дворянским правительством всех национальностей. Организуя «патриотическо-русские» общества, преследующие человеконенавистнические цели, проводя постыдные процессы вроде дела Бейлиса, правительство стремится национальной рознью раздробить силы пролетариата, натравив одну часть общества на другую. Та же политика ведется и в связи с чествованием памяти народного поэта. Так поступало правительство всегда, когда народ хотел чтить память лучших сынов своих.

Тарас Григорьевич Шевченко был не только украинский народный поэт. В своих произведениях он отразил весь гнет крепостнического строя, весь ужас народного бесправия. Гонения и ссылка пали на долю певца. Рабочий высоко чтит память поэтов демократов. В их скорби он чувствует свою скорбь, их призывам к борьбе за право он находит отклик в своем сердце.

Сто лет минуло... и пролетариат не спит, как спал народ во времена Шевченко, придавленный крепостниками-помещиками. Пролетариат ведет героическую борьбу с капиталистическим строем. Из года в год рабочее движение становится все шире и глубже, связываясь в широкую интернациональную семью, рабочий борется против угнетения всех наций. В широком размахе борьбы за свое освобождение он вмещает лозунг—свобода всем национальностям. Социал-демократия, истинный проводник рабочих идей, на своих боевых знаменах начертала: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Этот клич широко разнесся по всему миру, и миллионы рабочих идут под знамена свои на защиту попранных капиталистами прав.

В день памяти поэта вы, товарищи, присоединяйтесь к общему протесту против правительственного угнетения, протестуйте против поработителей ваших прав и прав нации. Только с падением самодержавного строя будет легче рабочему бороться за свою долю, о которой так часто упоминал покойный поэт. В день памяти поэта-трибуна вспомните о светлом грядущем строе, о социализме. Помните, что в борьбу за социализм против угнетателей всех наций идет рабочий класс —пролетариат.

Крепче связывайте, товарищи, борьбу воедино. Куйте прочные связи классовой солидарности.

Долой самодержавие!
Да здравствует демократическая республика!
Да здравствует социализм!
Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия!

Отношение киевского губернатора министру внутренних дел, 28 февраля 1914 г., № 1081[2].

В дополнение к телеграмме от 26 сего февраля, по поводу происшествий, имевших место в г. Киеве 25 и 26 февраля, по случаю столетия со дня рождения поэта Шевченко, доношу вашему высокопревосходительству, что для предупреждения могущих быть беспорядков мною, в помощь крайне малочисленной вообще городской полиции, были вызваны стражники Киевского уезда, три сотни казаков и пять рот пехоты. Однако к помощи пехотных войск и одной сотни казаков, за отсутствием в том необходимости, прибегать не пришлось. В течение того и другого дня я лично наблюдал по городу за действиями полиции. Во всех выступле-

[1] ЦАР, ДП, о. о., 1914 г., д. № 305, л. Б, л. 40. Печатается с гектографированного подлинника.

[2] ЦАР, ДП, IV, 1914, г., д. № 112, л 19—22.

ниях, заключавшихся в пении группами на улицах «вечной памяти», принимала участие исключительно учащаяся молодежь.

25 февраля с утра во всех высших учебных заведениях большинство лекций состоялось, хотя и при уменьшенном количестве слушателей, и никаких инцидентов ни в университете, ни в Политехническом институте, ни на Высших женских курсах не было. В Коммерческом институте, где собралось до 1 500 человек студентов, до 11 часов утра было спокойно. Около 12 часов дня там состоялась сходка студентов, причем часть студентов внутри здания пропела «вечную память». Это вызвало протест студентов-академистов, и между отдельными группами студентов произошли столкновения, не имевшие однако серьезных последствий. По введении в здание института наряда полиции демонстрация прекратилась, причем у зачинщиков таковой полицией были отобраны входные билеты.

Одновременно с сим у расположенного рядом с Коммерческим институтом Владимирского собора собралась значительная толпа учащихся, часть которой вошла в собор с целью отслужить панихиду. После того как в этом было духовенством отказано, часть студентов, выйдя из собора, запела «вечную память»; в то же время вышли с пением «вечной памяти» и студенты из Коммерческого института. Принятыми полицией мерами соединения этих двух групп допущено не было, и обе группы были рассеяны, причем у института было задержано 20 студентов зачинщиков. Некоторые из студентов убежали обратно в институт, и здесь своей массой разломили в коридоре контрольную будку с входными билетами, но затем они по одиночке разошлись из института. Равным образом без труда и каких-либо столкновений были удалены и те учащиеся, которые не успели выйти из собора и до очищения площади оставались внутри его.

От института и Владимирского собора все студенты и курсистки направились группами по тротуарам на Фундуклеевскую и Владимирскую улицы, смешавшись с гулявшею публикой, массой заполнявшей все улицы, ввиду исключительно хорошего весеннего дня. Двигаясь по тротуарам, студенты разновременно, то здесь, то там, где наряд полиции был слабее или находился в некотором от них отдалении, снимали фуражки и начинали петь «вечную память», но при приближении полиции сейчас же умолкали. Пение это в большинстве случаев было настолько тихо, что часто полиция замечала его только по снятым фуражкам. Из числа певших «вечную память» особо выделявшиеся зачинщики каждый раз задерживались. С Фундуклеевской улицы демонстранты намеревались пробраться на Крещатик, но этого допущено не было. Точно так же не были допущены и на Софиевскую площадь студенты, шедшие по Владимирской улице и намеревавшиеся пройти к памятнику Богдана Хмельницкого.

Такого рода выходки, нигде не сопровождавшиеся никакими серьезными эксцессами, имели место и на Прорезной улице, где также были произведены аресты зачинщиков.

С 3 часов дня публика стала постепенно расходиться и наступило полное спокойствие, так что в шестом часу явилась возможность отпустить казаков и снять часть нарядов полиции.

За весь этот день было только два более выдающихся столкновения с полицией. У Золотоворотского сквера, около 2 часов дня, группа демонстрантов, окружив начальника конных городовых Москаленко, пыталась стащить его с лошади, причем как он, так и лошадь получили удары палкой, но быстро прискакавшие конные городовые и казаки сейчас же рассеяли толпу. Затем на Пушкинской студент Коммерческого института Захарченко ударил лошадь конного городового перочинным ножом, причинив ей легкий порез, но тотчас же был задержан.

26 февраля в стенах высших учебных заведений никаких выступлений не было и занятия в них происходили, причем в университете все лекции прошли при нормальном количестве слушателей, за исключением медицинского факультета, который бастовал. В Политехническом институте около 10 часов утра в главном здании появились прокламации от имени «Коалиционного совета высших учебных заведений г. Киева», призывавшего к уличному выступлению 26 февраля в знак протеста против произведенных 25 февраля массовых арестов. Таких прокламаций найдено 7 экземпляров.

В 6½ часов утра на Южнорусский машиностроительный завод явилось около 700 человек рабочих, но они к работам не приступили и, заявив, что в этот день работать не будут, просили разрешить им пропеть «вечную память» поэту Шевченко. После отказа в этом все рабочие вышли во двор и здесь, сняв шапки, пытались пропеть «вечную память», но тотчас же были удалены со двора на улицу и сейчас же разошлись. Никаких дру-

гих инцидентов на заводе не произошло, и в уличных демонстрациях рабочие участия не принимали[1]. На всех остальных заводах и фабриках работы шли нормально и никаких выступлений не наблюдалось.

К 11 часам утра по Б. Васильковской улице, у римско-католического костела стали собираться студенты, явившиеся с целью отслужить в костеле панихиду по Шевченко. Когда же они узнали, что духовенство служить панихиду отказалось, то направились обратно по Васильковской улице; на углу М. Благовещенской улицы, где образовалась сплошная масса, двигавшаяся по тротуару, они были рассеяны. Затем до 3 часов дня в разных местах на центральных улицах были такие же попытки группами петь «вечную память», как и 25 февраля, но все эти демонстрации без особого труда были полицией в самом начале прекращаемы...

За два дня арестовано 104 человека, из коих 6 освобождены. Для выяснения степени виновности каждого из остальных я просил начальника губернского жандармского управления полковника Шределя образовать особое совещание при участии бывших в местах беспорядков подведомственных мне чинов губернской администрации, чинов жандармского управления и чинов полиции. Согласно с заключением этого совещания мною в административном порядке за нарушение обязательных постановлений наложены на задержанных лиц следующие взыскания: 1) пять человек, из коих 4 студента Коммерческого института и одна слушательница Фребелевского института, подвергнуты аресту на три месяца и в отношении их, как главарей движения, проходивших помимо сего по делам жандармского управления, будет возбуждено ходатайство об исключении из учебных заведений; 2) из 89 человек, принимавших участие в пении «вечной памяти», 23 человека подвергнуты аресту на полтора месяца, 19 человек аресту на один месяц и 47 человек аресту на две недели; и 3) четырем вменено в наказание время, проведенное под арестом со дня задержания в течение трех дней...

Губернатор шталмейстер высочайшего двора Суковкин.

[1] В одном перлюстрированном письме из Киева в Кишинев от 2 марта 1914 г. говорится: «26 были демонстрации рабочих. Я был свидетелем первой схватки. Толпа занимала площадь всего квартала, далеко разносились звуки «Марсельезы» и «вечной памяти».

Записка Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 26 февраля 1914 г. № 5399[2].

В дополнение записки от 25 сего февраля за № 5259, имею честь доложить вашему превосходительству о нижеследующем:

За последнее время в редакцию весьма популярной студенческой газеты «Студенческие годы»[3] от различных студенческих украинских групп и землячеств высших учебных заведений г. г. С.-Петербурга и Москвы стали поступать письма с просьбою их напечатать. Содержание означенных писем приблизительно было таково:

«Запрещение чествовать память поэта Шевченко является одним из звеньев общей русской реакции, ввиду чего студенчество призывается к упорной борьбе с существующим политическим укладом».

26 сего февраля, по инициативе Украинского землячества императорского С.-Петербургского университета, в главном коридоре университета, около 5 аудитории, в 1 ч. дня, состоялась летучая сходка, имевшая целью выразить протест правительству против запрещения чествовать память поэта Шевченко. Вначале собралась группа студентов, приблизительно около 80 человек, и запела «вечную память». Вскоре к ним присоединились и другие и толпа около 250 человек, с пением «вечной памяти», прошла взад и вперед по коридору. Около проходной комнаты из толпы выделился один из студентов и закричал:

«Товарищи, выразим протест правительству за неразрешение служить панихиду по Шевченко и об'явим на сегодняшний день забастовку».

После этого толпа снова запела «вечную память», а затем опять прошлась по коридору с пением: «Вставай, подымайся, рабочий народ» и «Вы жертвою пали». С пением последней сошли в шинельную комнату, откуда и стали расходиться группами по несколько человек...

В Психо-неврологическом институте сего же числа, в 1 час дня, состоялась летучая сходка, на которой присутствовало около 500 человек. Сходку открыл товарищ председателя совета студенческих представителей Лагун, предложив прекратить занятия на сегодняшний день в виде протеста против запрещения чествовать память Шевченко, а к 3 часам дня собраться

[1] ЦАР, ДП, IV, 1914 г., д. № 112, л. 59.

[2] Газета «Студенческие годы», орган демократического студенчества, выходила в Петрограде в 1914 и 1915 гг.

у Казанского собора, где будет учащимися отслужена панихида.

На С.-Петербурских сельско-хозяйственных курсах (Каменный остров) 24 сего февраля собирались подписи под протестом за неразрешение почтить память поэта Шевченко, а 25 сего февраля, в 12 часу дня, в помещении 1 аудитории, состоялась летучая сходка, на которой пропели «вечную память» и вынесли резолюцию об однодневной забастовке на 25 февраля.

На Высших историко-литературных и юридических женских курсах Раева 25 февраля во время перерыва лекций слушательница Дворская сказала приблизительно такую речь:

«Товарищи! Помните, сегодня исполнилось 100 лет со дня рождения великого поэта Шевченко. Сегодняшний день мы должны были праздновать, но у нашего правительства очень узкие взгляды, оно не разрешило праздновать этот день даже украинцам, и хотя им дали некоторые льготы, но они не желают принимать подачки и чтут память великого поэта в своих сердцах. Что остается нам делать? Мы не можем и не должны оставлять всего этого без протеста».

После этого Дворская предлагала подписывать лист, лежавший на ее столе, поясняя, что он будет направлен в Государственную думу[1].

На Высших женских Бестужевских курсах 25 сего февраля предполагался литературный вечер в память Шевченко, в организации коего принимал участие «Украинский кружок». Ввиду того, что администрация курсов сократила программу вечера, решили отказаться от устройства вечера. 26 сего февраля, около 3 час. дня, в актовом зале состоялась летучая сходка, постановившая выразить протест против реакционной политики правительства, запрещающего чествовать память великого поэта, после чего под протестом стали собирать подписи. Во время сходки пропели «вечную память».

В Технологическом институте 26 сего февраля, от $8^1/_2$ до $9^1/_2$ час. вечера, в присутствии директора и инспектора института, состоялся литературный вечер, посвященный памяти Шевченко, на котором присутствовало около 200 человек студентов. По окончании вечера, группа студентов около 40 человек, в вестибюле института, где помещается вешалка, запела «вечную память» и пыталась с пением выйти на улицу, но, заметив находившийся наряд полиции, стала расходиться.

Так как среди учащихся еще накануне циркулировали слухи о том, что сегодня, в 3 часа дня, в Казанском соборе будет отслужена панихида по Шевченко, то к означенному времени около собора собралось до 200 человек учащихся, преимущественно студентов университета, Горного института и курсисток. Сначала священник заявил, что панихиду служить запрещено, после чего толпа стала редеть и понемногу расходиться. В 3 ч. 15 м. явившийся настоятель собора протоиерей Орнатский отслужил панихиду по Шевченко, во время которой пел хор учащихся и присутствовало около 100 человек. По окончании панихиды все спокойно без песен группой направились по Невскому проспекту к Николаевскому вокзалу, где и были рассеяны нарядом полиции.

Полковник Попов.

К биографии П. Г. Зайчневского

Реформа 1861 г. обманула ожидания крестьян, но она явилась мощным толчком, который пробудил крестьянство от его векового сна и направил на борьбу против крепостников-помещиков. Ответом на царский манифест, на «волю» были многочисленные волнения крестьян, ярким образцом которых являются например события в Бездне.

Эти крестьянские движения вызвали у некоторых представителей радикально настроенной интеллигенции уверенность в том, что в данное время как раз настал долгожданный момент для того, чтобы организовать всеобщее крестьянское восстание.

Представителем крайней радикальной интеллигенции того времени был П. Г. Зайчневский, один из видных революционеров 60-х годов. По своим убеждениям и взглядам Зайчневский был революционером якобинского типа, сторонником решительных революционных действий, беспощадной кровавой революции, осуществляемой интеллигенцией при поддержке всенародного восстания. Эти взгляды отражены в известной прокламации «Молодая Россия», написанной им в тюрьме и вышедшей в мае 1862 г.

[1] «Запрос министру внутренних дел по поводу запрещения предстоящего чествования памяти поэта Шевченко» был внесен социал-демократической фракцией в общее собрание Государственной думы 11 февраля 1914 г. за подписью 33 членов Государственной думы. Запрос обсуждался в заседании Государственной думы 5 марта, признан спешным и отклонен.

Будучи в Орловской губернии весной 1861 г., Зайчневский вел среди крестьян агитацию за захват помещичьих земель. Его переписка с Аргиропуло, относящаяся к этому периоду, показывает, что эти два человека по-разному относились к задачам пропаганды, по-разному оценивали политическое положение в России после реформы 1861 г. В то время как Зайчневский был сторонником решительных действий, Аргиропуло настаивал на необходимости мирной пропаганды. В публикуемом ниже письме к Аргиропуло Зайчневский излагает свои планы и программу действий, призывает к совместным действиям, считая, что момент для крестьянского восстания подходящий и что задача интеллигенции руководить этим восстанием.

На копии публикуемого ниже письма имеется следующая помета Александра II: «Письмо это столь преступного и опасного содержания, что считаю необходимым арестовать немедленно и того и другого и выслать их со всеми их бумагами сюда. Желаю при этом знать, кто они такие».

Зайчневский и Аргиропуло были арестованы 22 июля 1861 г. При обыске у Зайчневского был взят неоконченный черновой набросок письма к Аргиропуло, от 27 июня[1].

Публикуемое письмо от 1 июля по началу аналогично черновому наброску, но дальнейший текст и развитие основной мысли иные и вносят некоторые новые моменты в биографию Зайчневского.

А. Спирова

Выписка из письма П. Зайчневского, из Орла, от 1 июля 1861 г., к П. М. Аргиропуло, в Москву[2].

«Ога e sempre»—таков девиз Мадзини и всей юной Италии. Не должен ли он быть и нашим девизом? Мы, социалисты, не обязаны ли «теперь и всегда» проводить те идеи, которые и в настоящее время составляют достояние весьма и весьма немногих? Ты и сам говоришь, что мы обязаны проповедывать. Социалисты явились даже в правительстве, но из всех их действий ни одно не было известно в России: здесь все, с детства запуганы социализмом, который строго преследовали, и теперь еще не могут отрешиться от страха при этом имени; им является каким-то страшным пугалом жизнь социальная, где и трудиться должны все, и капиталов-то почти нельзя будет нажить, да и наследства нет... Эта-то жестокость и эта-то грубость и производит скандалы. Проповедывать обязаны мы все, но проповедывать не значит бунтовать, а только приготовлять к бунту... Впрочем есть вещи, о которых проповедывать народу,— значит то же, что бунтовать. Да, злейший враг народа не мог поступить иначе, как поступали в Неаполе агенты тайной полиции при Бурбонах, восстановляя некоторых против силы, с которой они не в состоянии сладить, пока они одни.

Если мы начнем проповедывать против силы, то, по моему крайнему разумению, нельзя еще сразу всему крепостному народонаселению Российской империи собраться на одной площади, построить кафедру, с которой им демагоги стали бы проповедывать. А я тут же говорю мужикам, что поступать так, как поступали до сих пор бунтовавшие, т. е. выходить и подставлять лоб свой под пулю — и глупо, и ни к чему не ведет; что прежде всего нужно запастись оружием,— а откуда его взять? Люди образованные, которые пристанут к ним, вероятно, принесут им на помощь одну только голову свою да руки... Не капиталисты, не богачи-помещики, не купцы пристанут к ним и станут во главе движения, а по большей части, так называемые в Германии, естественные пролетарии, т. е. люди образованные, которым душно при теперешнем порядке дел, которым связаны их руки, а они чувствуют, что и они способны на что-нибудь при другом порядке дел. Вот и я советую крестьянам, если они только взбунтуются, то итти на город, где успех уже будет на их стороне и где они добудут и оружие и денег. Я твердо уверен, что если крестьяне нескольких окрестных деревень взбунтуются, если они займут город и пошлют ходаков и «письма» в другие деревни, так после пристанут и войска, и крестьяне других деревень... А какую громадную пользу принесли бы мы, если бы все в совокупности составили манифест по случаю новых положений; отпечатали бы его в виде книжки, разослали бы с ходебщиками по деревням! Не нужно в нем печатать воззвание к прямому бунту с оружием в руках, а выяснить бы им правильные понятия о государе, земле и народе. Теперь мужики жалуются, что они ничего не знают, и думают, что государь старался сделать все в их пользу, но мало-по-малу разочарование начинается, и уже, хотя робко и несмело, начинают поругивать его. Какую пользу принес бы подобный манифест, или скорее, подобная программа действий

[1] См. «Красный архив», том I, стр. 277.

[2] Архив революции, III отд., канц. е. и. в., 2 секр. арх., карт. № 13, письмо № 430.

социальной партии, доставив им материал для споров, в которых более и более выяснялся бы правильный взгляд...

По твоему мнению, между действиями неаполитанских агентов и моими находится тождество. Разница та, что агенты вперед выстраивали где-нибудь войска, совсем готовили к бою, и потом наводили народ на них. Я же говорю, что надо итти, в случае бунта, на город и запастись там вещами, необходимыми для успеха — оружием и деньгами, — и заранее уверен в успехе предприятия!

Если проповедь сама по себе справедлива и направлена против силы, то я не вижу, что же несправедливого, что же нехорошего в этой проповеди? Всякая проповедь, направленная против правительства, - опасна, опасна, primo, тем, которые ее произносят, secundo, тем, которые слушают ее и не доносят. Я знаю, что проведение идеи редко проходит даром и потому, если я человек хотя несколько последовательный, то должен ли смущаться всеми последствиями? Стать во главе народного движения можно двояким образом: или так, как Луи Блан, проникнуть в массы народа и бросать в рабочих брошюрами, нападать и на конкуренцию и на торговлю, и на все, что стесняет его и убивает и нравственно и физически; или же как Барбес — стоять во главе всякого движения, сделать имя свое именем всей партии настолько популярным, чтобы к нам обращался народ в случае нужды за предводителями. Деятельность Луи Блана у нас еще в настоящее время невозможна. Остается деятельность Барбеса, а она требует много пожертвований, требует еще и того, чтобы сочувствующие ей люди всегда были готовы на всякое дело, как бы опасно оно ни было! В будущем письме разовью последний вопрос обширнее. Хочу ответа и на это и на первое письмо.

Ответственный редактор Я. Берзин.
Редакционная коллегия: В. Максаков. (зам. ред), С. Пашуканис, Ф. Ротштейн

Сдано в производство 2/VI 1936 г. Подписано к печати 16/VI 1936 г. Статформ. Б. 176×250. 14½ п. л. 60 480 зн. в п. л. С.-Э. (п.) № 26. Зак. 745. Уполномоченный Главлита Б—24583. Выпускающий А. Налимов. Тираж 3 750.

18-я типография треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., 10.

К О Г И З — С О Ц Э К Г И З

ВНИМАНИЮ ПОЛУГОДОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ

Не забудьте заблаговременно возобновить подписку
НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ 1936 г.
НА ЖУРНАЛЫ:

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ АКАДЕМИИ НАУК СССР. 6 НОМЕРОВ В ГОД.

Журнал рассчитан на экономистов, учащихся высших учебных заведений и руководящий партийный актив.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес.—12 р., на 6 мес.—6 р.

КНИГА и ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ЖУРНАЛ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

12 НОМЕРОВ В ГОД.

Журнал рассчитан на парткабинеты, библиотеки, инженерно-технических работников, научных сотрудников, писателей, преподавателей и учащихся литературных вузов и техникумов, литературные кружки и на широкие слои партийно-советского-читательского актива.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес.—26 р. 40 к., на 6 мес.—13 р. 20 к., на 3 мес.—6 р. 60 к.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ СССР И ЦАУ РСФСР.

6 КНИГ В ГОД.

Журнал необходим вузам, библиотекам, научным работникам, историческим и краеведческим обществам, отделам Истпарта, педагогам, газетным работникам и др

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес.—15 р., на 6 мес.—7 р. 50 к.
Цена отдельного номера—2 р. 50 к.

ТИХИЙ ОКЕАН

ОРГАН ТИХООКЕАНСКОГО КАБИНЕТА ИНСТИТУТА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ Академии наук СССР

4 НОМЕРА В ГОД

Журнал рассчитан на научных работников, журналистов, вузовцев восточных факультетов, руководителей кружков, пропагандистов и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес.—13 р., на 6 мес.—6 р. 50 к., на 3 мес.—3 р. 25 к. Цена отдельного номера—3 р. 25 к.

МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ ИНСТИТУТА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ. Академии наук СССР

12 НОМЕРОВ В ГОД.

Журнал рассчитан на научных работников, журналистов, вузовцев, пропагандистов, руководителей кружков и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес.—24 р., на 6 мес.—12 р., на 3 мес. 6 р.
Цена отдельного номера—2 р.

СОВЕТСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО КРАЕВЕДЕНИЯ И ЦЕНТРАЛЬНОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА МЕТОДОВ КРАЕВЕДНОЙ РАБОТЫ.

12 НОМЕРОВ В ГОД.

Журнал рассчитан на широкий краеведческий актив рабочих, колхозников, учителей, агрономов, учащихся высших и средних школ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес.—15 р., на 6 мес.—7 р. 50 к.,
на 3 мес.—3 р. 75 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

всеми отделениями, магазинами, киосками и уполномоченными Когиза в Главной конторе подписных и периодических изданий Когиза, Москва, Маросейка, 7, и всюду на почте

КРАСНЫЙ АРХИВ

4 (77)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАРХИВА СССР и РСФСР

СОДЕРЖАНИЕ

Правительственное сообщение о смерти А. М. Горького.— Проект Конституции Союза ССР.— Письма рабочих в «Звезду» и «Правду». — Нелегальная работа большевистской фракции IV Государственной думы. — Кронштадтское восстание 1906 г. — Крепостные крестьяне села Барашева-Усада в I половине XIX в. — Волнения крепостных крестьян села Красный Кут. — Строительство Днепровской верфи в XVIII в.— Неопубликованные письма А. С. Пушкина. — Пролетарский Красный крест в Петрограде. — Александро - Невская лавра накануне свержения самодержавия. — К вопросу об имущественном положении декабриста кн. С. Г. Волконского.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

КОГИЗ — СОЦЭКГИЗ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ 1936 г.
НА ЖУРНАЛЫ:

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ АКАДЕМИИ НАУК СССР. 6 НОМЕРОВ В ГОД.

Журнал рассчитан на экономистов, учащихся высших учебных заведений и руководящий партийный актив.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес.—12 р., на 6 мес.—6 р.

КНИГА и ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ЖУРНАЛ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

12 НОМЕРОВ В ГОД.

Журнал рассчитан на парткабинеты, библиотеки, инженерно-технических работников, научных сотрудников, писателей, преподавателей и учащихся литературных вузов и техникумов, литературные кружки и на широкие слои партийно-советского-читательского актива.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес.—26 р. 40 к., на 6 мес.—13 р. 20 к., на 3 мес.—6 р. 60 к.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА СССР И РСФСР.

6 КНИГ В ГОД.

Журнал необходим вузам, библиотекам, научным работникам, историческим и краеведческим обществам, отделам Истпарта, педагогам, газетным работникам и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес.—15 р., на 6 мес.—7 р. 50 к.
Цена отдельного номера—2 р. 50 к.

ТИХИЙ ОКЕАН

ОРГАН ТИХООКЕАНСКОГО КАБИНЕТА ИНСТИТУТА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ Академии наук СССР

4 НОМЕРА В ГОД

Журнал рассчитан на научных работников, журналистов, вузовцев восточных факультетов, руководителей кружков, пропагандистов и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес.—13 р., на 6 мес.—6 р. 50 к., на 3 мес.—3 р. 25 к. Цена отдельного номера—3 р. 25 к.

МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ ИНСТИТУТА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ. Академии наук СССР

12 НОМЕРОВ В ГОД.

Журнал рассчитан на научных работников, журналистов, вузовцев, пропагандистов, руководителей кружков и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес.—24 р., на 6 мес.—12 р., на 3 мес. 6 р.
Цена отдельного номера—2 р.

СОВЕТСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО КРАЕВЕДЕНИЯ И ЦЕНТРАЛЬНОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА МЕТОДОВ КРАЕВЕДНОЙ РАБОТЫ.

12 НОМЕРОВ В ГОД.

Журнал рассчитан на широкий круг краеведческий актив рабочих, колхозников, учителей, пионеров, учащихся высших и средних ш

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес.—15 р., на 6 мес.—7 р. 50 к.
на 3 мес.—3 р. 75 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

всеми отделениями, магазинами, киосками и уполномоченными в Главной конторе подписных и периодических изданий Ког. Москва, Маросейка, 7, и всюду на почте

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАРХИВ СССР и РСФСР

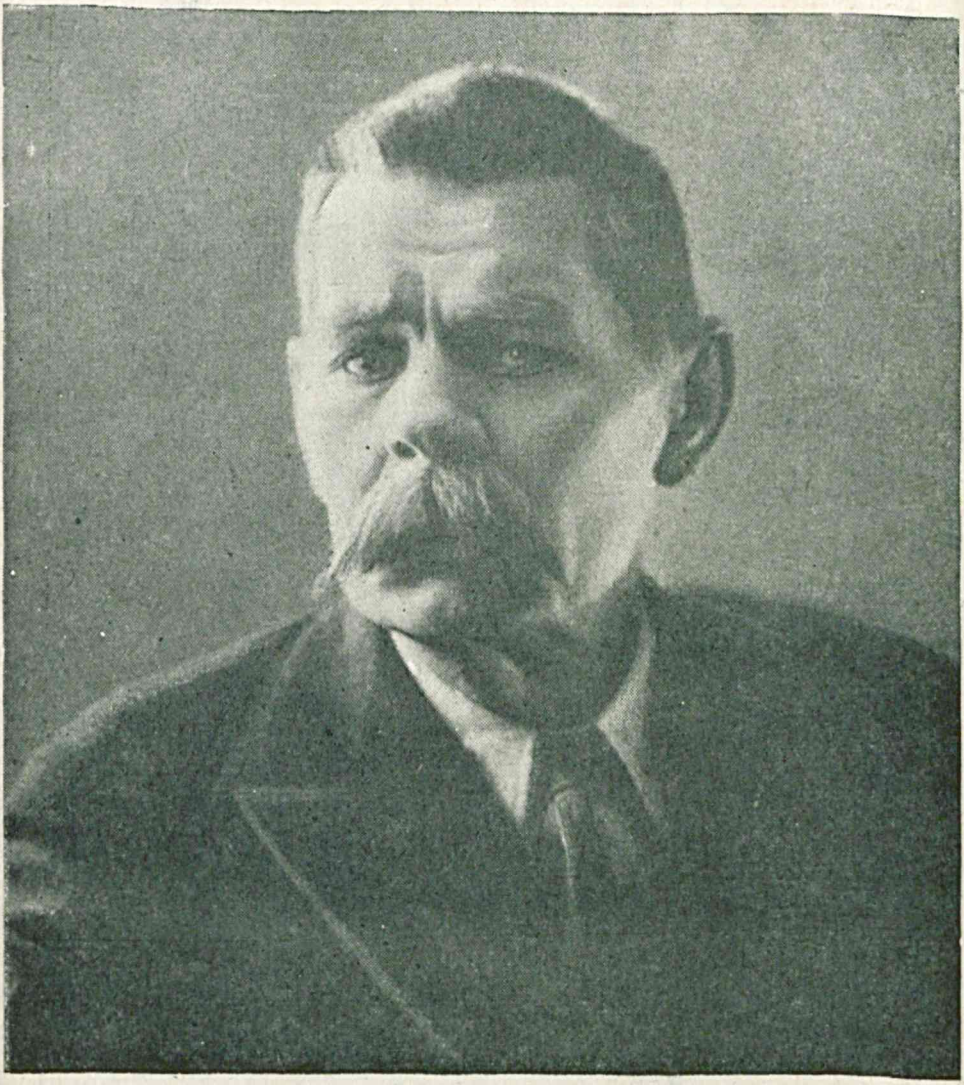
КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ
ЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ)

1936

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1936



Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров Союза ССР с глубокой скорбью извещают о смерти великого русского писателя, гениального художника слова, беззаветного друга трудящихся, борца за победу коммунизма — товарища

АЛЕКСЕЯ МАКСИМОВИЧА ГОРЬКОГО,

последовавшей в Горках, близ Москвы, 18 июня 1936 года

Центральный Комитет ВКП(б)
Совет Народных Комиссаров Союза ССР

Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР с глубокой скорбью извещает всех трудящихся о смерти члена Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР — великого русского писателя, любимого друга трудящихся — товарища

АЛЕКСЕЯ МАКСИМОВИЧА ГОРЬКОГО,

последовавшей в Горках, близ Москвы, 18 июня 1936 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР

О Конституции Союза ССР

Заслушав доклад Председателя Конституционной Комиссии тов. **Сталина** о проекте Конституции СССР, Президиум ЦИК Союза ССР постановляет:

1. Одобрить проект Конституции Союза ССР, представленный Конституционной Комиссией ЦИК Союза ССР.

2. Созвать Всесоюзный с'езд советов для рассмотрения проекта Конституции Союза ССР.

3. Срок созыва Всесоюзного с'езда советов установить 25 ноября 1936 года.

4. Опубликовать проект Конституции Союза ССР для всенародного обсуждения.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР М. КАЛИНИН

И. о. Секретаря Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР И. УНШЛИХТ

Москва, Кремль, 11 июня 1936 года.

ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ СОЮЗА ССР,

ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ КОМИССИЕЙ ЦИК СОЮЗА ССР И ОДОБРЕННЫЙ ПРЕЗИДИУМОМ ЦИК СОЮЗА ССР ДЛЯ ВНЕСЕНИЯ НА РАССМОТРЕНИЕ ВСЕСОЮЗНОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ

КОНСТИТУЦИЯ
(основной закон)
Союза Советских Социалистических Республик

ГЛАВА I

ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

СТАТЬЯ 1. Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян.

СТАТЬЯ 2. Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата.

СТАТЬЯ 3. Вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся.

СТАТЬЯ 4. Экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплоатации человека человеком.

СТАТЬЯ 5. Социалистическая собственность в СССР имеет либо форму государственной собственности (всенародное достояние), либо форму кооперативно-колхозной собственности (собственность отдельных колхозов, собственность кооперативных об'единений).

СТАТЬЯ 6. Земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи, организованные государством крупные сельскохозяйственные предприятия (совхозы, машинотракторные станции и т. п.), а также основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах являются государственной собственностью, то-есть всенародным достоянием.

СТАТЬЯ 7. Общественные предприятия в колхозах и кооперативных организациях с их живым и мертвым инвентарем, производимая колхозами и кооперативными организациями продукция, равно как их общественные постройки составляют общественную, социалистическую собственность колхозов и кооперативных организаций.

Каждый колхозный двор имеет в личном пользовании небольшой приусадебный участок земли и в личной собственности подсобное хозяйство на приусадебном участке, жилой дом, продуктивный скот,

птицу и мелкий сельскохозяйственный инвентарь — согласно устава сельскохозяйственной артели.

СТАТЬЯ 8. Земля, занимаемая колхозами, закрепляется за ними в бессрочное пользование, то-есть, навечно.

СТАТЬЯ 9. Наряду с социалистической системой хозяйства, являющейся господствующей формой хозяйства в СССР, допускается законом мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключающее эксплоатацию чужого труда.

СТАТЬЯ 10. Личная собственность граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, равно как на предметы личного потребления и удобства — охраняется законом.

СТАТЬЯ 11. Хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственным народно-хозяйственным планом в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного под'ема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности.

СТАТЬЯ 12. Труд в СССР является обязанностью каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест».

В СССР осуществляется принцип социализма: «от каждого по его способностям, каждому — по его труду».

ГЛАВА II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

СТАТЬЯ 13. Союз Советских Социалистических Республик есть союзное государство, образованное на основе добровольного об'единения равноправных Советских Социалистических Республик:

Российской Советской Федеративной Социалистической Республики,
Украинской Советской Социалистической Республики,
Белорусской Советской Социалистической Республики,
Азербайджанской Советской Социалистической Республики,
Грузинской Советской Социалистической Республики,
Армянской Советской Социалистической Республики,
Туркменской Советской Социалистической Республики,
Узбекской Советской Социалистической Республики,
Таджикской Советской Социалистической Республики,
Казахской Советской Социалистической Республики,
Киргизской Советской Социалистической Республики.

СТАТЬЯ 14. Ведению Союза Советских Социалистических Республик в лице его высших органов власти и органов государственного управления подлежат:

а) представительство Союза в международных сношениях, заключение и ратификация договоров с другими государствами;

б) вопросы войны и мира;

в) принятие в состав СССР новых республик;

г) контроль за исполнением Конституции СССР и обеспечение соответствия Конституций союзных республик с Конституцией СССР;

д) утверждение изменений границ между союзными республиками;

е) организация обороны СССР и руководство всеми вооруженными силами СССР;

ж) внешняя торговля на основе государственной монополии;
з) охрана государственной безопасности;
и) установление народно-хозяйственных планов СССР;
к) утверждение единого государственного бюджета СССР, а также налогов и доходов, поступающих на образование бюджетов союзного, республиканских и местных;
л) управление банками, промышленными и сельскохозяйственными учреждениями и предприятиями, а также торговыми предприятиями — общесоюзного значения;
м) управление транспортом и связью;
н) руководство денежной и кредитной системой;
о) организация государственного страхования имущества;
п) заключение и предоставление займов;
р) установление основных начал землепользования, а равно пользования недрами, лесами и водами;
с) установление основных начал в области просвещения и здравоохранения;
т) организация единой системы народно-хозяйственного учета;
у) установление основ законодательства о труде;
ф) законодательство о судоустройстве и судопроизводстве; уголовный и гражданский кодексы;
х) законы о союзном гражданстве; законы о правах иностранцев;
ц) издание общесоюзных актов об амнистии.

СТАТЬЯ 15. Суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах, указанных в статье 14 Конституции СССР. Вне этих пределов каждая Союзная республика осуществляет государственную власть самостоятельно. СССР охраняет суверенные права союзных республик.

СТАТЬЯ 16. Каждая Союзная республика имеет свою Конституцию, учитывающую особенности республики и построенную в полном соответствии с Конституцией СССР.

СТАТЬЯ 17. За каждой Союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР.

СТАТЬЯ 18. Территория союзных республик не может быть изменяема без их согласия.

СТАТЬЯ 19. Законы СССР имеют одинаковую силу на территории всех союзных республик.

СТАТЬЯ 20. В случае расхождения закона Союзной республики с законом общесоюзным, действует общесоюзный закон.

СТАТЬЯ 21. Для граждан СССР устанавливается единое союзное гражданство.

Всякий гражданин Союзной республики является гражданином СССР.

СТАТЬЯ 22. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика состоит из краев: Азово-Черноморского, Дальне-Восточного, Западно-Сибирского, Красноярского, Северо-Кавказского; областей: Воронежской, Восточно-Сибирской, Горьковской, Западной, Ивановской, Калининской, Кировской, Куйбышевской, Курской, Ленинградской, Московской, Омской, Оренбургской, Саратовской, Свердловской, Северной, Сталинградской, Челябинской, Ярославской; автономных советских социалистических республик: Татарской, Башкирской, Дагестанской, Бурят-Монгольской, Кабардино-Балкарской, Калмыцкой, Карельской, Коми, Крымской, Марийской, Мордовской, Немцев Поволжья, Северо-Осетинской, Удмуртской, Чечено-Ингушской, Чувашской, Якутской;

автономных областей: Адыгейской, Еврейской, Карачаевской, Ойротской, Хакасской, Черкесской.

СТАТЬЯ 23. Украинская Советская Социалистическая Республика состоит из областей: Винницкой, Днепропетровской, Донецкой, Киевской, Одесской, Харьковской, Черниговской и Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики.

СТАТЬЯ 24. В Азербайджанской Советской Социалистической Республике состоят Нахичеванская Автономная Советская Социалистическая Республика и Нагорно-Карабахская автономная область.

СТАТЬЯ 25. В Грузинской Советской Социалистической Республике состоят: Абхазская АССР, Аджарская АССР, Юго-Осетинская автономная область.

СТАТЬЯ 26. В Узбекской Советской Социалистической Республике состоит Кара-Калпакская АССР.

СТАТЬЯ 27. В Таджикской Советской Социалистической Республике состоит Горно-Бадахшанская автономная область.

СТАТЬЯ 28. Казахская Советская Социалистическая Республика состоит из областей: Актюбинской, Алма-Атинской, Восточно-Казахстанской, Западно-Казахстанской, Карагандинской, Южно-Казахстанской.

СТАТЬЯ 29. Армянская ССР, Белорусская ССР, Туркменская ССР и Киргизская ССР не имеют в своем составе автономных республик, равно как краев и областей.

ГЛАВА III

ВЫСШИЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

СТАТЬЯ 30. Высшим органом государственной власти СССР является Верховный Совет СССР.

СТАТЬЯ 31. Верховный Совет СССР осуществляет все права, присвоенные Союзу Советских Социалистических Республик согласно статьи 14 Конституции, поскольку они не входят, в силу Конституции, в компетенцию подотчетных Верховному Совету СССР органов СССР: Президиума Верховного Совета СССР, Совета Народных Комиссаров СССР и Народных Комиссариатов СССР.

СТАТЬЯ 32. Законодательная власть СССР осуществляется исключительно Верховным Советом СССР.

СТАТЬЯ 33. Верховный Совет СССР состоит из двух палат: Совета Союза и Совета Национальностей.

СТАТЬЯ 34. Совет Союза избирается гражданами СССР по норме: один депутат на 300 тысяч населения.

СТАТЬЯ 35. Совет Национальностей составляется из депутатов, выделяемых Верховными Советами союзных и автономных республик и Советами депутатов трудящихся автономных областей: по десять депутатов от каждой союзной республики, по пять депутатов от каждой автономной республики и по два депутата от каждой автономной области.

СТАТЬЯ 36. Верховный Совет СССР избирается сроком на четыре года.

СТАТЬЯ 37. Обе палаты Верховного Совета СССР: Совет Союза и Совет Национальностей равноправны.

СТАТЬЯ 38. Совету Союза и Совету Национальностей в одинаковой мере принадлежит законодательная инициатива.

СТАТЬЯ 39. Закон считается утвержденным, если он принят обоими палатами Верховного Совета СССР простым большинством каждой.

СТАТЬЯ 40. Законы, принятые Верховным Советом СССР, публикуются за подписями председателя и секретаря Президиума Верховного Совета СССР.

СТАТЬЯ 41. Сессии Совета Союза и Совета Национальностей начинаются и заканчиваются одновременно.

СТАТЬЯ 42. Совет Союза избирает председателя Совета Союза и двух его заместителей.

СТАТЬЯ 43. Совет Национальностей избирает председателя Совета Национальностей и двух его заместителей.

СТАТЬЯ 44. Председатели Совета Союза и Совета Национальностей руководят заседаниями соответствующих палат и ведают их внутренним распорядком.

СТАТЬЯ 45. Совместные заседания обоих палат Верховного Совета СССР ведут поочередно председатели Совета Союза и Совета Национальностей.

СТАТЬЯ 46. Сессии Верховного Совета СССР созываются Президиумом Верховного Совета СССР два раза в год.

Внеочередные сессии созываются Президиумом Верховного Совета СССР по его усмотрению или по требованию одной из союзных республик.

СТАТЬЯ 47. В случае разногласия между Советом Союза и Советом Национальностей вопрос передается на разрешение согласительной комиссии, образованной на паритетных началах. Если согласительная комиссия не приходит к согласному решению или если ее решение не удовлетворяет одну из палат, вопрос рассматривается вторично в палатах. При отсутствии согласного решения двух палат, Президиум Верховного Совета СССР распускает Верховный Совет СССР и назначает новые выборы.

СТАТЬЯ 48. Верховный Совет СССР избирает на совместном заседании обоих палат Президиум Верховного Совета СССР в составе: председателя Президиума Верховного Совета СССР, четырех его заместителей, секретаря Президиума и 31 члена Президиума.

Президиум Верховного Совета СССР подотчетен Верховному Совету СССР во всей своей деятельности.

СТАТЬЯ 49. Президиум Верховного Совета СССР:

а) созывает сессии Верховного Совета СССР;

б) дает толкование действующих законов, издавая соответствующие указы;

в) распускает Верховный Совет СССР на основании 47 статьи Конституции СССР и назначает новые выборы;

г) производит всенародный опрос (референдум) по своей инициативе или по требованию одной из союзных республик;

д) отменяет постановления и распоряжения Совета Народных Комиссаров СССР и Советов Народных Комиссаров республик в случае их несоответствия закону;

е) в период между сессиями Верховного Совета СССР освобождает от должности и назначает отдельных Народных Комиссаров СССР по

представлению председателя Совета Народных Комиссаров СССР с последующим внесением на утверждение Верховного Совета СССР;

ж) награждает орденами СССР;

з) осуществляет право помилования;

и) назначает и сменяет высшее командование вооруженных сил СССР;

к) в период между сессиями Верховного Совета СССР об'являет состояние войны в случае военного нападения на СССР;

л) об'являет общую и частичную мобилизацию;

м) ратифицирует международные договоры;

н) назначает и отзывает полномочных представителей СССР в иностранных государствах;

о) принимает аккредитование дипломатических представителей иностранных государств.

СТАТЬЯ 50. Совет Союза и Совет Национальностей избирают мандатные комиссии, которые проверяют полномочия депутатов каждой палаты.

По представлению мандатной комиссии палаты решают либо признать полномочия, либо кассировать выборы отдельных депутатов.

СТАТЬЯ 51. Верховный Совет СССР назначает, когда он сочтет необходимым, следственные и ревизионные комиссии по любому вопросу.

Все учреждения и должностные лица обязаны выполнять требования этих комиссий и представлять им необходимые материалы и документы.

СТАТЬЯ 52. Депутат Верховного Совета СССР не может быть привлечен к судебной ответственности или арестован без согласия Верховного Совета СССР, а в период, когда нет сессии Верховного Совета СССР, — без согласия Президиума Верховного Совета СССР.

СТАТЬЯ 53. По истечении полномочий или после досрочного роспуска Верховного Совета СССР Президиум Верховного Совета СССР сохраняет свои полномочия вплоть до образования вновь избранным Верховным Советом СССР нового Президиума Верховного Совета СССР.

СТАТЬЯ 54. По истечении полномочий или в случае досрочного роспуска Верховного Совета СССР Президиум Верховного Совета СССР назначает новые выборы в срок не более двух месяцев со дня истечения полномочий или роспуска Верховного Совета СССР.

СТАТЬЯ 55. Вновь избранный Верховный Совет СССР созывается Президиумом Верховного Совета СССР прежнего состава не позже, как через месяц после выборов.

СТАТЬЯ 56. Верховный Совет СССР образует на совместном заседании обоих палат Правительство СССР — Совет Народных Комиссаров СССР.

ГЛАВА IV

ВЫСШИЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

СТАТЬЯ 57. Высшим органом государственной власти Союзной республики является Верховный Совет Союзной республики.

СТАТЬЯ 58. Верховный Совет Союзной республики избирается гражданами республики сроком на четыре года.

Нормы представительства устанавливаются Конституциями союзных республик.

СТАТЬЯ 59. Верховный Совет Союзной республики является единственным законодательным органом республики.

СТАТЬЯ 60. Верховный Совет Союзной республики:

а) принимает Конституцию республики и вносит в нее изменения в соответствии со статьей 16 Конституции СССР;

б) утверждает Конституции находящихся в ее составе автономных республик и определяет границы их территории;

в) утверждает народно-хозяйственный план и бюджет республики;

г) пользуется правом амнистии и помилования граждан, осужденных судебными органами Союзной республики.

СТАТЬЯ 61. Верховный Совет Союзной республики избирает Президиум Верховного Совета Союзной республики в составе: председателя Президиума Верховного Совета Союзной республики, его заместителей и членов Президиума Верховного Совета Союзной республики.

Полномочия Президиума Верховного Совета Союзной республики определяются Конституцией Союзной республики.

СТАТЬЯ 62. Для ведения заседаний Верховный Совет Союзной республики избирает своего председателя и его заместителей.

СТАТЬЯ 63. Верховный Совет Союзной республики образует Правительство Союзной республики — Совет Народных Комиссаров Союзной республики.

ГЛАВА V

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

СТАТЬЯ 64. Высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти Союза Советских Социалистических Республик является Совет Народных Комиссаров СССР.

СТАТЬЯ 65. Совет Народных Комиссаров СССР ответственен перед Верховным Советом СССР и ему подотчетен.

СТАТЬЯ 66. Совет Народных Комиссаров СССР издает постановления и распоряжения на основе и во исполнение действующих законов и проверяет исполнение.

СТАТЬЯ 67. Постановления и распоряжения Совета Народных Комиссаров СССР обязательны к исполнению на всей территории СССР.

СТАТЬЯ 68. Совет Народных Комиссаров СССР:

а) об'единяет и направляет работу общесоюзных и союзно-республиканских Народных Комиссариатов СССР и других подведомственных ему хозяйственных и культурных учреждений;

б) принимает меры по осуществлению народно-хозяйственного плана, государственного бюджета и укреплению кредитно-денежной системы;

в) принимает меры по обеспечению общественного порядка, защите интересов государства и охране прав граждан;

г) осуществляет общее руководство в области сношений с иностранными государствами;

д) определяет ежегодные контингенты граждан, подлежащих призыву на действительную военную службу, руководит общим строительством вооруженных сил страны.

СТАТЬЯ 69. Совет Народных Комиссаров СССР имеет право по отраслям управления и хозяйства, отнесенным к компетенции СССР, приостанавливать постановления и распоряжения Советов Народных Комиссаров Союзных республик и отменять приказы и инструкции Народных Комиссаров СССР.

СТАТЬЯ 70. Совет Народных Комиссаров СССР образуется Верховным Советом СССР в составе:

Председателя Совета Народных Комиссаров СССР;
Заместителей председателя Совета Народных Комиссаров СССР;
Председателя Государственной плановой комиссии СССР;
Председателя Комиссии советского контроля;
Народных Комиссаров СССР;
Председателя Комитета заготовок;
Председателя Комитета по делам искусств;
Председателя Комитета по делам высшей школы.

СТАТЬЯ 71. Правительство СССР или Народный Комиссар СССР, к которым обращен запрос депутата Верховного Совета СССР, обязаны не более чем в трехдневный срок дать устный или письменный ответ в соответствующей палате.

СТАТЬЯ 72. Народные Комиссары СССР ведают отраслями государственного управления, входящими в компетенцию СССР.

СТАТЬЯ 73. Народные Комиссары СССР издают в пределах компетенции соответствующих Народных Комиссариатов приказы и инструкции на основании и во исполнение действующих законов, а также постановлений и распоряжений Совета Народных Комиссаров СССР и проверяют их исполнение.

СТАТЬЯ 74. Народные Комиссариаты СССР являются или общесоюзными или союзно-республиканскими.

СТАТЬЯ 75. Общесоюзные Народные Комиссариаты ведают порученной им отраслью государственного управления на всей территории СССР или непосредственно или через назначаемые ими органы.

СТАТЬЯ 76. Союзно-республиканские Народные Комиссариаты ведают порученной им отраслью государственного управления через одноименные Народные Комиссариаты союзных республик.

СТАТЬЯ 77. К общесоюзным Народным Комиссариатам относятся Народные Комиссариаты:

Обороны;
Иностранных дел;
Внешней торговли;
Путей сообщения;
Связи;
Водного транспорта;
Тяжелой промышленности.

СТАТЬЯ 78. К союзно-республиканским Народным Комиссариатам относятся Народные Комиссариаты:

Пищевой промышленности;
Легкой промышленности;
Лесной промышленности;
Земледелия;
Зерновых и животноводческих совхозов;
Финансов;
Внутренней торговли;
Внутренних дел;
Юстиции;
Здравоохранения.

ГЛАВА VI

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

СТАТЬЯ 79. Высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти Союзной республики является Совет Народных Комиссаров Союзной республики.

СТАТЬЯ 80. Совет Народных Комиссаров Союзной республики ответственен перед Верховным Советом Союзной республики и ему подотчетен.

СТАТЬЯ 81. Совет Народных Комиссаров Союзной республики издает постановления и распоряжения на основе и во исполнение действующих законов СССР и Союзной республики, постановлений и распоряжений Совета Народных Комиссаров СССР и проверяет их исполнение.

СТАТЬЯ 82. Совет Народных Комиссаров Союзной республики имеет право приостанавливать постановления и распоряжения Советов Народных Комиссаров автономных республик и отменять решения и распоряжения исполнительных комитетов советов депутатов трудящихся краев, областей и автономных областей.

СТАТЬЯ 83. Совет Народных Комиссаров Союзной республики образуется Верховным Советом Союзной республики в составе:

Председателя Совета Народных Комиссаров Союзной республики;
Заместителей председателя;
Председателя Государственной плановой комиссии;
Народных Комиссаров:
- Пищевой промышленности;
- Легкой промышленности;
- Лесной промышленности;
- Земледелия;
- Зерновых и животноводческих совхозов;
- Финансов;
- Внутренней торговли;
- Внутренних дел;
- Юстиции;
- Здравоохранения;
- Просвещения;
- Местной промышленности;
- Коммунального хозяйства;
- Социального обеспечения;

Уполномоченного Комитета заготовок;
Начальника Управления по делам искусств;
Уполномоченных общесоюзных Народных Комиссариатов.

СТАТЬЯ 84. Народные Комиссары Союзной республики ведают отраслями государственного управления, входящими в компетенцию Союзной республики.

СТАТЬЯ 85. Народные Комиссары Союзной республики издают в пределах компетенции соответствующих Народных Комиссариатов приказы и инструкции на основании и во исполнение законов СССР и Союзной республики, постановлений и распоряжений Совета Народных Комиссаров СССР и Союзной республики, приказов и инструкций союзно-республиканских Народных Комиссариатов СССР.

СТАТЬЯ 86. Народные Комиссариаты Союзной республики являются союзно-республиканскими или республиканскими.

СТАТЬЯ 87. Союзно-республиканские Народные Комиссариаты ведают порученной им отраслью государственного управления, подчиняясь как Совету Народных Комиссаров Союзной республики, так и соответствующему союзно-республиканскому Народному Комиссариату СССР.

СТАТЬЯ 88. Республиканские Народные Комиссариаты ведают порученной им отраслью государственного управления, подчиняясь непосредственно Совету Народных Комиссаров Союзной республики.

ГЛАВА VII

ВЫСШИЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ АВТОНОМНЫХ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

СТАТЬЯ 89. Высшим органом государственной власти Автономной республики является Верховный Совет АССР.

СТАТЬЯ 90. Верховный Совет Автономной республики избирается гражданами республики сроком на четыре года по нормам представительства, устанавливаемым Конституцией Автономной республики.

СТАТЬЯ 91. Верховный Совет Автономной республики является единственным законодательным органом АССР.

СТАТЬЯ 92. Каждая Автономная республика имеет свою Конституцию, учитывающую особенности Автономной республики и построенную в полном соответствии с Конституцией Союзной республики.

СТАТЬЯ 93. Верховный Совет Автономной республики избирает Президиум Верховного Совета Автономной республики и образует Совет Народных Комиссаров Автономной республики, согласно своей Конституции.

ГЛАВА VIII

МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

СТАТЬЯ 94. Органами государственной власти в краях, областях, автономных областях, округах, районах, городах, селах (станицах, деревнях, хуторах, кишлаках, аулах) являются Советы депутатов трудящихся.

СТАТЬЯ 95. Краевые, областные, автономных областей, окружные, районные, городские, сельские (станиц, деревень, хуторов, кишлаков, аулов) Советы депутатов трудящихся избираются соответственно трудящимися края, области, автономной области, округа, района, города, села сроком на два года.

СТАТЬЯ 96. Нормы представительства в Советы депутатов трудящихся определяются Конституциями союзных республик.

СТАТЬЯ 97. Советы депутатов трудящихся руководят деятельностью подчиненных им органов управления, обеспечивают охрану государственного порядка, соблюдение законов и охрану прав граждан, осущест-

вляют местное хозяйственное и культурное строительство, устанавливают местный бюджет.

СТАТЬЯ 98. Советы депутатов трудящихся принимают решения и дают распоряжения в пределах прав, предоставленных им законами СССР и Союзной республики.

СТАТЬЯ 99. Исполнительными и распорядительными органами краевых, областных, автономных областей, окружных, районных и городских Советов депутатов трудящихся являются избираемые ими исполнительные комитеты в составе: председателя, его заместителей и членов.

СТАТЬЯ 100. Исполнительным и распорядительным органом сельских Советов депутатов трудящихся в небольших поселениях, в соответствии с Конституциями союзных республик, являются избираемые ими председатель и его заместители.

СТАТЬЯ 101. Исполнительные органы Советов депутатов трудящихся непосредственно подотчетны как Совету депутатов трудящихся, их избравшему, так и исполнительному органу вышестоящего Совета депутатов трудящихся.

ГЛАВА IX

СУД И ПРОКУРАТУРА

СТАТЬЯ 102. Правосудие в СССР осуществляется Верховным Судом СССР, Верховными Судами союзных республик, краевыми и областными судами, судами автономных республик и автономных областей, специальными судами СССР, создаваемыми по определению Верховного Совета СССР, народными судами.

СТАТЬЯ 103. Рассмотрение дел во всех судах осуществляется с участием народных заседателей, кроме случаев, специально предусмотренных законом.

СТАТЬЯ 104. Верховный Суд СССР является высшим судебным органом. На Верховный Суд СССР возлагается надзор за деятельностью всех судебных органов СССР и союзных республик.

СТАТЬЯ 105. Верховный Суд СССР и специальные суды СССР избираются Верховным Советом СССР сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 106. Верховные Суды союзных республик избираются Верховными Советами союзных республик сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 107. Верховные Суды автономных республик избираются Верховными Советами автономных республик сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 108. Краевые и областные суды, суды автономных областей избираются краевыми или областными Советами депутатов трудящихся или советами депутатов трудящихся автономных областей сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 109. Народные суды избираются гражданами района на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании — сроком на три года.

СТАТЬЯ 110. Судопроизводство ведется на языке союзной или автономной республики или автономной области с обеспечением для лиц, не владеющих этим языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступать на суде на родном языке.

СТАТЬЯ 111. Разбирательство дел во всех судах СССР открытое, поскольку законом не предусмотрены исключения, с обеспечением обвиняемому права на защиту.

СТАТЬЯ 112. Судьи независимы и подчиняются только закону.

СТАТЬЯ 113. Высший надзор за точным исполнением законов всеми Народными Комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР возлагается на Прокурора СССР.

СТАТЬЯ 114. Прокурор СССР назначается Верховным Советом СССР сроком на семь лет.

СТАТЬЯ 115. Республиканские, краевые, областные прокуроры, а также прокуроры автономных республик и автономных областей назначаются Прокурором СССР сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 116. Районные прокуроры назначаются прокурорами союзных республик с утверждения Прокурора СССР сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 117. Органы прокуратуры осуществляют свои функции независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только Прокурору СССР.

ГЛАВА X

ОСНОВНЫЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ГРАЖДАН

СТАТЬЯ 118. Граждане СССР имеют право на труд — право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством.

Право на труд обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительных сил советского общества, отсутствием хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы.

СТАТЬЯ 119. Граждане СССР имеют право на отдых.

Право на отдых обеспечивается сокращением рабочего дня для подавляющего большинства рабочих до 7 часов, установлением ежегодных отпусков рабочим и служащим с сохранением заработной платы, предоставлением для обслуживания трудящихся широкой сети санаториев, домов отдыха, клубов.

СТАТЬЯ 120. Граждане СССР имеют право на материальное обеспечение в старости, а также — в случае болезни и потери трудоспособности.

Это право обеспечивается широким развитием социального страхования рабочих и служащих за счет государства, бесплатной медицинской помощью, предоставлением в пользование трудящимся широкой сети курортов.

СТАТЬЯ 121. Граждане СССР имеют право на образование.

Это право обеспечивается всеобще-обязательным начальным образованием, бесплатностью образования, включая высшее образование, системой государственных стипендий подавляющему большинству учащихся в высшей школе, обучением в школах на родном языке, организацией на заводах, в совхозах, машинотракторных станциях и колхозах бесплатного производственного, технического и агрономического обучения трудящихся.

СТАТЬЯ 122. Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни.

Возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату

труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских ясель и садов.

СТАТЬЯ 123. Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом.

Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения — караются законом.

СТАТЬЯ 124. В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами.

СТАТЬЯ 125. В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется:

а) свобода слова,
б) свобода печати,
в) свобода собраний и митингов,
г) свобода уличных шествий и демонстраций.

Эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления.

СТАТЬЯ 126. В соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самодеятельности и политической активности народных масс гражданам СССР обеспечивается право об'единения в общественные организации: профессиональные союзы, кооперативные об'единения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества, а наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся об'единяются в коммунистическую партию СССР, являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных.

СТАТЬЯ 127. Гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора.

СТАТЬЯ 128. Неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняются законом.

СТАТЬЯ 129. СССР предоставляет право убежища иностранным гражданам, преследуемым за защиту интересов трудящихся, или научную деятельность, или национально-освободительную борьбу.

СТАТЬЯ 130. Каждый гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию Союза Советских Социалистических Республик, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития.

СТАТЬЯ 131. Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и мо-

ущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся.

Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа.

СТАТЬЯ 132. Всеобщая воинская повинность является законом.

Воинская служба в Рабоче-Крестьянской Красной Армии представляет почетную обязанность граждан СССР.

СТАТЬЯ 133. Защита отечества есть священный долг каждого гражданина СССР. Измена родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж в пользу иностранного государства — караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние.

ГЛАВА XI

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА

СТАТЬЯ 134. Выборы депутатов во все Советы депутатов трудящихся: Верховный Совет СССР, Верховные Советы союзных республик, краевые и областные Советы депутатов трудящихся, Верховные Советы автономных республик, Советы депутатов трудящихся автономных областей, окружные, районные, городские и сельские (станицы, деревни, хутора, кишлака, аула) Советы депутатов трудящихся,— производятся избирателями на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

СТАТЬЯ 135. Выборы депутатов являются всеобщими: все граждане СССР, которым в год выборов исполняется 18 лет, имеют право участвовать в выборах депутатов и быть избранными, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав.

СТАТЬЯ 136. Выборы депутатов являются равными: каждый гражданин имеет право избирать и быть избранным независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности.

СТАТЬЯ 137. Женщины пользуются правом избирать и быть избранными наравне с мужчинами.

СТАТЬЯ 138. Граждане, состоящие в рядах Красной Армии, пользуются правом избирать и быть избранными наравне со всеми гражданами.

СТАТЬЯ 139. Выборы депутатов являются прямыми: выборы во все Советы депутатов трудящихся, начиная от сельского и городского Совета депутатов трудящихся вплоть до Верховного Совета СССР, производятся гражданами непосредственно путем прямых выборов.

СТАТЬЯ 140. Голосование при выборах депутатов является тайным.

СТАТЬЯ 141. Кандидаты при выборах выставляются по избирательным округам.

Право выставления кандидатов обеспечивается за общественными организациями и обществами трудящихся: коммунистическими партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативами, организациями молодежи, культурными обществами.

СТАТЬЯ 142. Каждый депутат обязан отчитываться перед избирателями в своей работе и в работе Совета депутатов трудящихся и может быть в любое время отозван по решению большинства избирателей в установленном законом порядке.

ГЛАВА XII

ГЕРБ, ФЛАГ, СТОЛИЦА

СТАТЬЯ 143. Государственный герб Союза Советских Социалистических Республик состоит из серпа и молота на земном шаре, изображенном в лучах солнца и обрамленном колосьями, с надписью на языках союзных республик: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Наверху герба имеется пятиконечная звезда.

СТАТЬЯ 144. Государственный флаг Союза Советских Социалистических Республик состоит из красного полотнища, с изображением на его верхнем углу у древка золотых серпа и молота и над ними красной пятиконечной звезды, обрамленной золотой каймой. Отношение ширины к длине 1 : 2.

СТАТЬЯ 145. Столицею Союза Советских Социалистических Республик является город Москва.

ГЛАВА XIII

ПОРЯДОК ИЗМЕНЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ

СТАТЬЯ 146. Изменение Конституции СССР производится лишь по решению Верховного Совета СССР, принятому большинством не менее $^2/_3$ голосов в каждой из его палат.

Письма рабочих в „Звезду“ и „Правду“

Печатаемые ниже документы — корреспонденции, написанные в редакции газет «Звезда» и «Правда» за период времени с 1912 по 1914 г. Корреспонденции рабочих являлись неотъемлемой частью всего содержания большевистских газет.

Большевистские газеты «Звезда» и «Правда» неотделимы от партии и от ее вождей Ленина и Сталина, под непосредственным руководством которых они были созданы. На их страницах Ленин и Сталин вели неустанную работу по пропаганде великих идей коммунизма и по организации восстания рабочих масс для свержения самодержавия и капитализма.

Публикуемые ниже письма рабочих представляют большой интерес, так как подчеркивают те крепчайшие нити, которые быстро установились между рабочей легальной печатью, руководимой Лениным и Сталиным, и революционными рабочими массами. Связь рабочей печати с массами сыграла огромную роль в деле углубления и расширения революционного под'ема 1912—1914 гг.

Все эти письма получены не обычным путем. Это не письма, взятые со столбцов газет «Звезда» и «Правда», которые в большом количестве, как известно, помещались в этих газетах. Это письма, перехваченные органами охранки, перлюстрированные департаментом полиции, причем известная часть их дальше органов охранки и департамента полиции не шла, с других же снимались копии, адресаты их подвергались розыскам и репрессиям, а письма, чтобы «не спугнуть бдительности» адресатов, снова заклеивались в конверты и направлялись как ни в чем не бывало по назначению.

Эта иезуитская тактика, широко применявшаяся департаментом полиции, иногда давала возможность в течение длительного времени следить за перепиской отдельных лиц, корреспондентов «Правды» и «Звезды», с редакциями, для того, чтобы иметь возможность лучше выловить «крамолу», узнать точные имена адресатов, расшифровать те подписи, которые помещались под коллективными письмами и сборами, и т. д.

Помещаемые ниже письма — лишь небольшая часть того огромного количества рабочих корреспонденций, которые из всех уголков тогдашней России, где слышалось биение революционного пульса, направлялись рабочими корреспондентами в «Звезду» и «Правду».

Особенно красочны, а иногда даже прямо трогательны, корреспонденции, уведомляющие о сборе средств на свои пролетарские газеты. Несмотря на грошевую зарплату, исключительно тяжелые материальные условия труда, бесчеловечную эксплоатацию, а часто и безработицу, широкие массы читателей рабочей печати сколачивают свои трудовые гроши, превращая в рубли, иногда десятки рублей,— и шлют в адрес рабочих газет. Справедливо опасаясь, что деньги не дойдут по адресу, они часто посылают их окольным путем, через знакомых, с просьбой передать эти кровью и потом добытые гроши на поддержку своей рабочей прессы — этого острейшего орудия пролетариата.

Насколько большое значение придавал Ленин именно коллективным сборам, справедливо видя в них «сумму совместной массовой энергии» [1], решимость орга-

[1] Ленин, Соч., т. XVI, стр. 47.

низованно бороться за рабочую печать, показывают его неоднократные указания редакции «Правды» и та весьма тщательная статистика рабочих взносов, которую он неоднократно помещает на страницах «Правды». В своей статье «Итоги полугодовой работы», посвященной итогам выпуска ежедневной рабочей газеты «Правда» за период времени между 29 июля и 2 августа 1912 г., Ленин пишет: «Газета, основанная на пятаки, собранные маленькими заводскими и фабричными кружками рабочих, во много раз солиднее, прочнее, серьезнее поставлена (и с точки зрения финансовой, и — что всего важнее — с точки зрения развития рабочей демократии), чем газета, основанная на десятки и сотни рублей, внесенные сочувствующей интеллигенцией» [1].

Именно это обстоятельство обусловливало то, что большевистская «Правда», при поддержке тысяч мелких взносов организованных пролетариев, в противовес ликвидаторскому «Лучу», имевшему своей базой сравнительно солидные взносы буржуазной интеллигенции, являлась колоссальной силой; именно это обстоятельство давало возможность «Правде» продолжать свое существование, несмотря на бешеные репрессии. С другой стороны, эти взносы показали, что именно «Правда» и большевики пользуются бесспорной поддержкой широчайших революционных масс, а не ликвидаторы.

Читая письма, мы видим, какими крепкими и нерушимыми нитями связывались рабочие корреспонденты и организаторы сборов с нашими большевистскими газетами, какое близкое участие принимали они в определении задач, стоящих перед рабочей печатью, как непосредственно связывали успех «Звезды» и «Правды» с успехом всей дальнейшей революционной борьбы.

Так, рабочие Ленинградского металлического завода Гейслер в своем обращении в 1914 г. приветствуют свою родную «Правду», «стоящую на строго классовой точке зрения». Но не только передовики металлисты приветствуют ее,— все более горячими сторонниками газеты становятся и отсталые слои.

А вот голос из Риги. Рабочие-правдисты пишут в редакцию «Правды» в 1912 г.: «Пусть ей не страшны будут никакие репрессии, никакие штрафы, пусть знает, что за нее горой стоит весь рабочий класс». И мы прекрасно понимаем, что это не жест, что рабочие действительно стоят горой за свою пролетарскую печать, что на каждую конфискацию и штрафы они отвечают новым сплочением вокруг своей большевистской прессы, организацией кружков по ее распространению, организацией коллективной подписки, устройством коллективных взносов. «Мы получили милость от нашего либерального цехового начальника г. Бранда — по гривеннику, — пишут рабочие Чечелевки, Брянского завода, Екатеринославской губернии, — и решили послать эти гривенники также в фонд рабочих газет: московской — 2 р. 85 к., и в газету «Правда» — 2 р. 85 коп.».

Рабочие Кронштадтского порта, находящиеся в исключительно тяжелых материальных условиях, пишут в ответ на упрек одного из рабочих корреспондентов в том, что там очень трудно проходит сбор и что отсутствует рабочая солидарность: «В настоящее время, как получаем одну газету, стали читать и сознавать, что от каких-нибудь грошей не разбогатеешь, и решили стараться по возможности посылать для процветания газеты «Правда».

Группа матросов 2 Минной дивизии из Гельсингфорса пишет в «Правду» от февраля 1913 г.: «Мы, группа матросов 2 Минной дивизии, шлем всем сотрудникам газеты «Правда» свой товарищеский привет и горячо приветствуем издателя газеты товарища Бадаева.

Товарищи! Мы — тоже рабочие и крестьяне, только одеты в мундиры и вооружены винтовками для защиты интересов дворян-помещиков, вернее сказать, для защиты от врагов внутренних, в лице которых стоим мы, рабочие... Тя-

[1] Ленин, Соч., т. XVI, стр. 46.

жела наша жизнь в железных ящиках-квартирах...» Но «как ни строг глаз начальника-дворянина, следящего за чтением вредных газет низшими чинами, но всячески попадает к нам и наша рабочая газета «Правда», одна единственная защитница пролетарских нужд». И далее следует обычное «Шлем свою посильную помощь в фонд рабочей газеты».

Доходит голос и из далекой Бессарабии, из г. Болграда, группа рабочих которого пишет про «Правду», что «учит она, кто наш враг и кто друг».

Нам нет нужды перечислять многочисленных адресатов и указывать, как сама жизнь и революционная борьба связывают их с правдистской прессой и большевистской партией.

Но из помещаемых ниже писем, являющихся, как мы сказали, лишь небольшой частью всей рабочей корреспонденции, видно, как им близки их «Звезда» и в особенности «Правда». Мы видим, какой широкий круг вопросов и проблем вызывает чтение этих газет.

Вот ряд рабочих корреспонденций откликаются на ленские события в 1912 г., клянут преступное самодержавие, присоединяют свой голос к общему голосу возмущенного рабочего класса и опять шлют свои рабочие гроши.

Вот ряд писем, разоблачающих преследования рабочей прессы, преследования рабочих корреспондентов, наглое издевательство над читателями и особенно над распространителями «легальных» газет в Петербурге. Вот целый поток писем, характеризующих развитие стачечного и революционного движения, повествующих об упорной классовой борьбе, рассказывающих о конкретных фактах повседневной борьбы, повествующих о насилиях хозяев, директоров заводов.

Со всех концов России шлют пробудившиеся к политической жизни рабочие свои протесты, выражают свои политические симпатии, заявляют о своей солидарности с лозунгами «Звезды» и «Правды». Они подчеркивают, что «Звезда» и «Правда» — это их газеты, это их знамя. Они разоблачают попытки ликвидаторов свести революционное рабочее движение с единственно правильного пути. Они через свою газету, через политическую борьбу, через политический опыт, усваиваемый ими на примерных уроках повседневной классовой борьбы, закаляются, вырастают в подлинных пролетарских революционеров, правдистов-большевиков, в ту будущую непобедимую армию борцов, мощными усилиями которых впоследствии подготовляется победа Великой пролетарской октябрьской революции.

М. Савельев.

I. Борьба за рабочую печать*

Письмо группы рижских наборщиков в газету «Звезда», 23 апреля 1912 г.[1]

Многоуважаемый редактор.

Посылаю вам почтой по переводу 4 руб., собранные среди нас, рижских наборщиков (9 чел.), в пользу рабочей газеты «Правда», и вместе с тем прошу поместить в следующем очередном номере вашей популярной газеты «Звезда» следующие строки:

«Мы, группа рижских наборщиков (9 чел.), посылаем в пользу рабочей газеты «Правда» свою посильную лепту в сумме 4 руб. Мы приветствуем выход рабочей газеты, которая раз навсегда отвлечет нас от

---

* Документы подготовлены к печати М. Сыромятниковой.

[1] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (апрель), л. 324. Воспроизведено с оригинала письма по адресу редакции газеты «Звезда» в Петербург, Разъезжая ул., 10, кв. 14, с почтовым штемпелем на конверте: «Рига, 23 апреля 1912 г.».

чтения буржуазных газет, именующих себя защитниками рабочих, но на самом деле являющихся нашими опаснейшими врагами. Мы желаем, чтобы газета была доступна по своей цене широкой массе, чтобы она будила сознание рабочих и способствовала их об'единению для борьбы за улучшение нашей рабской жизни. Мы также присоединяемся к читателям газеты «Звезда» о выпуске дорогого номера в 15—20 коп. в пользу рабочей газеты [1].

Группа рижских наборщиков (9 чел.)».

С товарищеским приветом А. Медальe.

Письмо электротехнических рабочих г. Тифлиса в редакцию газеты «Правда», 11 мая 1912 г. [2]

Мы, группа электро-технических рабочих г. Тифлиса, узнав о выходе ежедневной рабочей газеты, приветствуем добрые начинания и шлем свою посильную лепту — 4 р. 75 к.

Мы, группа электро-технических рабочих г. Тифлиса, возмущенные зверским избиением рабочих на Лене, посылаем свою скромную лепту (4 р. 75 к. через Мамуда) вместе с протестом других групп.

Письмо Н. Сурина из Харькова в редакцию газеты «Правда», 15 мая 1912 г. [3]

Являясь горячим сторонником осуществления идеи о создании дешевой рабочей прессы и газеты «Правда», как органа такой прессы, я, тем не менее, нахожу в ней некоторые дефекты. Так, например, многих и многих наших рабочих крайне интересует вопрос, о чем пишут «умные люди» в разных «толстых» журналах, о которых они слышали, но не имеют действительного понятия. По-моему, для удовлетворения такой вполне понятной потребности, не дурно было бы в одной, двух, или трех фельетонных статьях каждый месяц дать обзор содержания наших главнейших журналов. Если не для «Правды», то для «Звезды» это необходимо. Хотел бы еще отметить, что жизнь окраин почти совсем не отражается в рабочей газете; это, правда, можно устранить привлечением сотрудников-интеллигентов с мест. В общем я думаю, что «Правда» с успехом осуществит поставленные себе задачи. Со своей стороны я предложил бы ввести в газете «почтовый ящик» для ответа лицам, запрашивающим редакцию о чем-нибудь, но не могущим прислать вам своего адреса или марок для ответа. Если для осуществления моего первого пожелания (обзор журналов) нехватает сотрудников, то я могу предложить мои услуги. Но по условиям моей личной жизни и не зависящим от меня, я не могу дать своего адреса. Если редакция найдет нужным ввести почтовый ящик, то просил бы, в случае согла-

---

[1] В № 11 «Звезды» от 3/16 апреля 1912 г. было помещено «письмо в редакцию» от группы читателей «Звезды» с предложением выпустить номер «Звезды» не за 5 коп., а по цене 15 или 20 коп. для поддержки фонда «своей» ежедневной газеты. («Звезда», вып. VI, стр. 59).

[2] ДП, Перлюстрация, 1912 г., № 1027. Воспроизведено с копии приложения к перлюстрированному департаментом полиции письму Е. Д. Стасовой, за подписью «Леля» из Тифлиса от 11 мая 1912 г., Д. В. Стасову в Петербург, Фурштадтская, 20, кв. 7.

[3] ДП, Перлюстрация, 1912 г., № 1051. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма, с приложением статьи, которая с небольшими изменениями была напечатана в № 18 «Правды» от 20 мая 1912 г. под заголовком: «Украинские прогрессисты» за подписью: «Сурин» («Правда», вып. I, стр. 262—263).

сия на мое предложение, ответить мне приблизительно так: Харьков, Н. С.— пришлите обещанное или что-нибудь вроде этого. Конфискованные №№ сюда не доходят. Если ответ поместите в таком №, то прошу поместить в другом. Вместе с этим письмом я посылаю вам статейку: «О платформах украинских прогрессистов». Если найдете возможным, прошу поместить ее в «Правде» или же передать в «Невскую звезду» — может быть для нее окажется подходящей.

Из письма из Твери в редакцию газеты «Правда», 19 июня 1912 г.[1]

Вы, дорогие товарищи, пишете о том, чтобы мы из провинции сообщали о житье-бытье. Да, действительно, мы должны сообщать, что делается в провинции. Это для столицы важно, но трижды важнее для нас самих — провинциалов — почитать ту газету, где пишется о нашем житье. А газету эту получить трудно, потому что наши рабочие газеты кому-то не нравятся... и ни за какие деньги не получите ни в киоске, ни у газетчиков. А если спросите, почему не держите, разве невыгодно? Получите ответ: оне для нас очень выгодны, если только не конфискуют, а это бывает очень редко, бились, бились, так и бросили выписывать. На комиссию не дают, потому что мы слыхали редакция сама бедна. Остается нам только одно: выписывать на свое имя по почте, но наша почта так доставляет аккуратно, что за месяц получишь номеров десять; виновата она или нет, один Аллах ведает. Да выписывать на свое имя в большинстве запуганные рабочие не решаются, потому что на некоторых фабриках за одно чтение прогрессивных газет, не говоря рабочих, становишься подозрительным. Поэтому более и не пишут, ибо оно не достигает главной цели, потому что этой газеты не почитаешь. Да и рабочий наш еще не привык писать, полагаясь на кого-то, кто-то за него напишет или сделает. А писать необходимо, ибо злоупотреблений накопилось более, чем достаточно. Но рабочие поговаривают выписывать газету на надежный адрес. И еще отрадное явление, что рабочие и крестьяне, хотя и трусят, но не те, что было десять, восемь лет раньше. Теперь сознание гораздо яснее, и, встречаясь, начинают говорить сразу, о чем следует. Но об этом до другого раза.

Труженик М. Тверской.

Из письма секретаря союза рабочих механического производства в Баку в редакцию газеты «Правда», 4 июля 1912 г.[2]

Дорогие товарищи.

Раньше я вас просил высылать газету на имя Александра Бутузова, а теперь послал телеграмму, в которой прошу вас приостановить высылку газеты до следующего сообщения. Дело в следующем: в ночь со 2 на 3 июля по ордеру охранки арестован Бутузов у себя на квартире и квартира опечатана, где находилось много оставшихся газет, которые только что сосчитала ревизионная комиссия и думали через несколько времени продать, как только найдется покупатель, но все это не удалось. Кроме газет, также забрана переписка и все записи, по которым

[1] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (июнь), л. 130. Воспроизведено с оригинала письма с почтовым штемпелем на конверте — «Тверь, 19-VI-1912 г.».

[2] Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (июль), л. 52. Воспроизведено с оригинала письма по адресу: Петербург, Николаевская, 37, кв. 18, с почтовым штемпелем на конверте: «Черный город, Баку, 5-VII-1912 г.».

отпускались газеты и собирались деньги... Теперь из всех лиц, распространявших газеты, остался только один, который боится получать газеты на вокзале, поэтому я и просил остановить присылку газеты, ибо ее некому получать. Теперь перед нами стоит задача организовать все снова, и мне поручено войти в соглашение со всеми союзами и обществами, не исключая и потребительских, и организовать междусоюзную комиссию по распространению литературы. К этому я пока и приступил, а временно пока будем получать через какой-либо киоск. Когда найдем, тогда вам сообщим. На-днях, думаю, соберу несколько подписчиков и вышлю подписную плату.

Секретарь союза рабочих механического производства С. Якушев.

Письмо И. Тяпкина из Брянска в редакцию газеты «Правда», 6 сентября 1912 г.[1]

Вы спрашивали читателей, что лучше: увеличить ли газетный лист или понизить цену до 1 коп.[2]. Кто высказывался за первое, кто за второе, но никто не написал за улучшение нашей газеты. Социал-демократическая рабочая газета не должна быть такой. Эта газета не может поднять духа рабочего на том основании, что рабочий и так изнурен за целый день работой, а тут еще газета, в которой только и есть, что плач и жалобы на безработицу и нищету, на притеснения рабочих и проч. Все это производит удручающее впечатление на изнуренного рабочего и заинтересовать его надолго не может. Социал-демократическая газета, по-моему, должна не ныть, а протестовать, должна отмечать все, что знаменует наступление новых форм общественной жизни и растущее возмущение против устарелых порядков; должна следить за признаками новой эры и сопоставлять эти признаки так, чтобы рабочий почувствовал себя заодно с зачинающимся бунтом против несправедливости. По-моему, только такая газета может заинтересовать рабочих, а раз ею будут интересоваться, то она найдет поддержку среди читателей социал-демократов.

Письмо Г. Пирумова из Тифлиса в редакцию газеты «Правда», 10 сентября 1912 г.[3]

Хотя многие читатели «Правды» против понижения цены на газеты и даже высказываются, что лишняя копейка не разорит читателя, но все-таки есть много рабочих, которым дорога каждая копейка. Очень многие рабочие отказывают себе в вашей газете и покупают «Копейку».

Я уверен, что каждому сознательному читателю «Правды» желательно привлечь как можно больше малосознательных рабочих, поэтому необходимо понизить цену. Но ввиду того, что и увеличить ее тоже следует, вводя новые отделы, а по воскресеньям выпускать иллюстрированное приложение, что будет не по карману редакции, то мы все сочувствующие и желающие распространения газеты «Правда» должны оказать редакции материальную помощь. При сем прилагаю 50 коп. в фонд газеты.

---

[1] ДП, Перлюстрация, 1912 г., кор. 92, № 1909. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

[2] Вопрос к читателям газеты «Правда» о том, увеличить ли газетный лист, или понизить цену на газеты до 1 копейки, был поставлен в статье М. Ольминского под заголовком: «О газете «Правда», напечатанной в № 101 «Правды» от 26 августа 1912 г. («Правда», 1912 г., вып. IV, стр. 302—307).

[3] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1572. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

Письмо из Баку в редакцию газеты «Правда», 15 сентября 1912 г.[1]

После обсуждения вопроса об уменьшении платы пришли к следующему заключению. Необходимо уменьшить плату газеты до 1 коп., оставив размер прежний, но вести последовательно в марксистском духе. Она должна отвечать ясно на все политические, экономические и общественные вопросы, выдвигаемые моментом дня. Все направление должно служить для читающих рабочих руководящим в повседневной жизни. По цене она должна быть самой доступной. Этим она приобретет самую широкую массу, вытеснит ненужную литературу и будет доступна и передовому рабочему. Нам, рабочим, помимо ежедневной газеты, нужна и еженедельная «Невская звезда», журнал «Просвещение»[2] и масса другой литературы, столичной и местной. Все это необходимо приобретать, за всем следить, нужно участвовать в организациях: политических, профессиональных и просветительных. Всем и везде необходимо платить и если все это будет дорого, то плохо отразится на бюджете рабочих. Товарищам, предлагавшим увеличить плату, советуем пожертвовать лишние копейки на рабочую литературу. Вообще долг каждого сознательного рабочего пожертвовать побольше денег для поддержки своей газеты.

Для беллетристики, научных и других необходимых для рабочего статей предлагаем выпускать раз в неделю с приложением с повышенной платой. Вообще, все нужное для рабочего нельзя вместить в ежедневной газете, для этого нужны журналы: научные, юмористические и другие.

В обсуждении участвовало 11 человек.

Письмо уполномоченных от столяров мастерской И. Ю. Дукель в Москве в редакцию газеты «Правда», 11 ноября 1912 г.[3]

В своем письме от 6 ноября я вам писал, что надеюсь на сбор в пользу «Правды» от столяров Дукельской мастерской, и вот вчера мои надежды оправдались хоть отчасти, удалось собрать 7 руб. 95 коп. Шлем эти деньги вам для нужд нашей «Правды». Вчера я прочел своим товарищам из «Правды» статьи, в которых описываются так ярко митинги за границей против войны[4]. Я указал им, что мы, русские рабочие, не можем этого сделать, потому что у нас нет организации профессиональных союзов, нет единения, мы не читаем и не распространяем наших рабочих газет. Человек восемь заявили согласие читать «Правду». Вышлите нам вашу газету в пачке в том количестве, в каком она будет заказана; таким путем я думаю, что, может быть, нам удастся избежать частой конфискации. Если это не поможет, то тогда сообщим адрес каждого. Ответьте по адресу: Москва, Бутырки, Царский проспект, дом 5, кв. 1, Н. Заема.

Уполномоченные Н. Заема, И. Мошкин.

---

[1] ДП, о. о., 1912 г., д. № 5, ч. 6, лит. Б., л. 73. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма за подписью «М. Арова».

Начальник Бакинского охранного отделения сообщил в департамент полиции 8 ноября 1912 г. за № 4372, что «с именем М. Арова по центральному адресному столу прописанным на жительство никто не значится» (Там же, л. 89).

[2] «Просвещение» — легальный большевистский журнал, издававшийся в Петербурге с декабря 1911 г. по июнь 1914 г.; всего вышло 6 номеров.

[3] Моск. охр. отд., разр. 1912 г., д. № 19, л. 67. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

[4] Повидимому, речь идет о письмах из Лондона, 18 ноября н. ст. и из Берлина, напечатанных в №№ 164 и 165 «Правды» от 9 и 10 ноября 1912 г. под заголовком «Митинги протеста» (в отделе «За рубежом») против войны, в связи с событиями на Балканах («Правда», вып. VII, стр. 100 и 113).

Резолюция чертежников и конторщиков Московского общества электрического освещения в редакцию газеты «Правда», 7 декабря 1912 г.[1]

Посланные вам от имени Иосифа Праневича[2] 10 р. 31 коп. назначаются в фонд московской газеты. Просим напечатать в вашей газете следующее письмо:

«Мы, чертежники и конторщики Московского о-ва электрического освещения 1886 г., присоединяемся к мнению группы московских рабочих, высказавшихся в газете «Правда» о необходимости создания в Москве ежедневной газеты[3].

Кроме того, считаем нужным [заявить] всем московским товарищам, имеющим дело с конторской работой, что рабочая газета важна не только для тех, кто добывает средства к жизни черными мозолистыми руками, но и для нас, ибо вид работы еще не делает нас существенно отличными от рабочих. Мы такие же рабочие: нас сравнивает степень эксплоатации и отношения к нам хозяев-капиталистов. Будем же с одинаковой энергией помогать созданию московской рабочей газеты.

Посылаем 10 руб. 31 к. в фонд «Московской рабочей газеты».

Письмо из Риги в редакцию «Правды», 22 декабря 1912 г.[4]

Высылаю три рубля в фонд газеты «Правда» и два рубля в пользу осужденных соц.-дем. депутатов II Думы[5]. Надо верить, что «Правда» и в дальнейшем будет самоотверженно служить интересам последовательной демократии, что она попрежнему будет будить уснувших и звать к борьбе всех угнетенных и оскорбленных за лучшее будущее. Пусть ей не страшны будут никакие репрессии, никакие штрафы, пусть знает, что за нее горой стоит весь рабочий класс. Мы же с своей стороны должны напрягать все свои усилия, чтобы всячески ее поддерживать как материально, так и духовно. Пусть же все не останется одними словами, дружно возьмемся за дело все те, кому дороги интересы рабочего класса. Мы должны всеми силами постараться, чтобы формат газеты «Правда» был увеличен. Для этого нужны средства, но не остановимся перед этим. Покажем же нашим врагам, что пролетариат умеет отстоять свое кровное дело, что он на свои кровные гроши

---

[1] Моск. охр. отд., № 455, л. 1. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

[2] И. Ю. Праневич — чертежник электрической станции в Москве.

[3] Письмо группы московских рабочих напечатано было в № 176 «Правды» от 24 ноября 1912 г. в разделе «Рабочая газета в Москве».

[4] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (декабрь), л. 195. Воспроизведено с копии перлюстрированного письма, с пометкой департамента полиции: «к выдаче в редакцию газ. «Правда» в Петербурге».

[5] В конце 1911 г. вскрылась провокационная роль правительства, подстроившего процесс 55 социал-демократических депутатов II Государственной думы в ноябре 1907 г. По этому поводу социал-демократическая фракция III Государственной думы внесла запрос, который оглашен был в заседании Гос. думы 15 ноября 1911 г., но большинство III Государственной думы, которое получило свои думские мандаты благодаря государственному перевороту 3 июня, не допустило открытого обсуждения этого запроса (см. «Звезда», № 30 от 20 ноября (2 декабря) 1911 г., вып. III, стр. 103—113). В связи с запросом проведена была большая политическая кампания за освобождение с.-д. депутатов II Думы. «Звезда» посвятила этой кампании ряд статей. Систематически шли денежные сборы среди рабочих в пользу осужденных депутатов-втородумцев. Об этих сборах сообщала на своих страницах газета «Правда». Так например, за декабрь 1912 г. напечатано было в № 184 от 4 декабря о сборе от рабочих Василеостровского парка и в № 204 от 30 декабря от рабочих машиностроительного завода «Феникс».

сумеет создать свой орган, который будет путеводной звездой для многих и многих миллионов людей.

С приветом Ю. Д-ой.

Письмо от издательства «Северное печатное дело» в Архангельске в контору газеты «Правда», 23 декабря 1912 г. [1]

В г. Архангельске и его провинции, на многочисленных лесопромышленных заводах до сего времени нет в продаже вашей уважаемой о.-д. газеты. Между тем спрос на таковую огромный: рабочие требуют, но у газетчика нет, и он в силу необходимости старается сбыть другую газету, дабы что-нибудь продать, таким образом приходится заменять, что не всегда удается.

Мы предлагаем вам распространять вашу газету в г. Архангельске и его уезде, а в летнее время, благодаря удобному сообщению во всей Архангельской губ., в наиболее населенных пунктах. Покорнейше, убедительно просим вас, если вы не находите препятствий, то высылайте газеты по получению сего письма со следующего номера ежедневно по 150 экземпл. или 200 экз. Расчет за высланные номера произведем через ½ месяца по получению от вас счета.

Газеты (посылку) адресовать: Северные жел. дор., Архангельск, пристань, т-ву «Северное печатное дело». Торговля газетами производится в экспедиции (оптовая), киосках и у собственных артели газетчиков.

В ожидании высылки газеты и приятного ответа пребываем

С совер. почт. Распорядитель П. В. Сергеев.

М. г. Мы не сомневаемся и уверены, что газета будет иметь успех. С нашей стороны будут приняты все меры распространения «Правды» среди рабочих как в городе, так и окрестности.

Сергеев.

Письмо рабочих доменного цеха Брянского завода из Чечелевки Екатеринославской губ. в редакцию газеты «Правда», 10 января 1913 г. [2]

Рабочие доменного цеха решили не отставать от своих близких товарищей по заводу, которые собрали и послали 21 р. 06 к. в фонд московской рабочей газеты. Мы получили милость от нашего либерального цехового начальника г. Бранда по гривенному и решили послать эти гривенники также в фонд рабочих газет: московской — 2 р. 85 к. и в газету «Правда» — 2 р. 85 к.

Товарищи, последуйте этому симпатичному и необходимому примеру помочь гривенниками, пятачками, не стесняйтесь в том, что это маленькая лепта. Нет, товарищи, это великая лепта — из пятачков и гривенников составляются рубли. Жертвуя пятачками и гривенниками мы себе и товарищам открываем свет, ибо рабочий не может жить без рабочей газеты. Эта газета является как зеркало, которое освещает всю исключительно пролетарскую жизнь.

Получив эти гривенники в прошедшие годы, мы зашли бы в кабак и пропили бы их и пользы никакой не имели бы.

---

[1] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (декабрь), л. 201. Воспроизведено с оригинала письма, написанного на бланке издательства «Северное печатное дело», с адресом его: «Архангельск, Воскресенская, 16».

[2] Моск. охр. отд., разр. 1911 г., д. № 19, л. 81. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

Корреспонденция рабочего ткацкой фабрики Ясюнинских в с. Кохме Владимирской губ. в редакцию газеты «Правда», 18 января 1913 г.[1]

С 1 января 1913 года здесь двое рабочих получают газету «Правда». С первого же дня получения газеты начались ухаживанья «старателя» табельщика за этими рабочими. «Старатель» табельщик всячески разубеждает рабочих, что эта газета вредна, да притом же ее постоянно конфискуют, а скоро и совсем закроют, а затем спрашивает, почему вы выписали «Правду» а не другую? Лучше бы «Копейку». Теперь мы знаем, что вы социал-демократы. Что ваша «Правда» даст хорошего, кроме вранья, и т. д. Мы со своей стороны скажем «радетелю буржуа», что мы, рабочие, многое можем почерпнуть из газеты «Правда» в сравнении с бульварной «Копейкой», здесь мы услышим дословно речи рабочих представителей с трибуны Государственной думы, здесь мы можем учесть рабочее движение, можем заранее знать, какие будут внесены запросы социал-демократической фракцией в Государственной думе. В «Правде» мы опишем все нахальные действия подобных «старателей» с уверенностью, что корреспондент будет в тайне. Может ли дать все это бульварная «Копейка», которая старается замаскировать глаза рабочего либеральными карикатурами, в которых мы видим одно развращение, и прочими прибаутками. Пусть знает «старатель» табельщик, что рабочие не боятся закрытия газеты «Правда», они созиждут на свои средства новую рабочую газету, для чего рабочие, не жалея трудовых грошей, шлют в фонд рабочей газеты посильную лепту. Немало старается и начальник почты, когда посылают деньги на газету «Правда», он всячески старается доказать, что она бесполезна, в ней одни забастовки, ее конфискуют и скоро закроют. Предлагаем начальнику почты исполнять свои обязанности, а рабочие знают, что им выписать, что для них полезно и что вредно.

Письмо рабочих спичечной фабрики т-ва А. и Я. Зубаревых из Котельнич, Вятской губ., в редакцию газеты «Правда», 3 февраля 1913 г.[2]

Мы, группа рабочих спичечной фабрики «т-ва А. и Я. Зубаревы», горячо приветствуем газету «Правда», как истинную выразительницу наших нужд и нашего об'единения.

Признавая, что рабочая газета может существовать только при дружной поддержке ее самих же рабочих, посылаем свою посильную помощь в фонд «Правды» — 4 р. 65 к.

Всем сотрудникам газеты шлем свой товарищеский привет и сердечное пожелание вперед бодро работать за общее дело газеты.

Группа рабочих.

Уважаемые товарищи! Одновременно с этим сделан вам перевод 4 р. 65 к. от С. С. Грехнева. С получением денег просим не отказать поместить наше приветствие.

---

[1] ДП, Перлюстрация, 1913 г., д. № 1 (январь), л. 215. Воспроизведено с оригинала корреспонденции А. А. Чугунова в редакцию «Правды», Петербург, Ямская, 2, ул. Кузнечного, кв. № 14, с почтовым штемпелем на конверте: «Муром — Нерехта, 18-1-13 г.». Вторая корреспонденция его под заголовком: «Ткацкая фабрика Якюнинских», посланная одновременно, публикуется ниже.

[2] ДП, Перлюстрация, 1913 г., № 255. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

Письмо группы матросов 2 Минной дивизии из Гельсингфорса в редакцию газеты «Правда», 22/9 февраля 1913 г.[1]

Мы, группа матросов 2 Минной дивизии, шлем всем сотрудникам газеты «Правда» свой товарищеский привет и горячо приветствуем издателя газеты товарища Бадаева.

Товарищи! Мы — тоже рабочие и крестьяне, только одеты в мундиры и вооружены винтовками для защиты интересов дворян-помещиков, вернее сказать, для защиты от врагов внутренних, в лице которых стоим мы, рабочие. Считая себя в данном случае совершенно оторванными от жизни, мы не имеем возможности следить за жизнью вообще, и рабочих в частности. Но как ни тяжела наша жизнь в железных ящиках-квартирах, как ни строг глаз начальника-дворянина, следящего за чтением вредных газет низшими чинами, но всячески попадает к нам и наша рабочая газета «Правда», одна единственная защитница пролетарских нужд.

Горячо приветствуем газету «Правду» и желаем ей впредь стойко служить делу народа. Шлем свою посильную помощь в фонд рабочей газеты. Советуем всем товарищам рабочим и военным читать и распространять газету «Правда».

Товарищи! Может ли «Правда» писать о жизни матросов и солдат? Прошу ответ в «Правде» для «А. Э.».

Группа матросов 2 Минной дивизии.

Письмо из Елизаветполя в редакцию газеты «Правда», 2 марта 1913 г.[2]

В последние годы безвременья, всеобщего упадка и уныния, в годы широкого разгула реакции и бесправия газета «Правда» явилась единственным светлым лучом, вливающим бодрость в уставших, освещающим настоящим светом все запросы жизни и призывающим к новой неустанной работе на ниве народной.

Только «Правда» является действительной выразительницей интересов рабочего класса и только она одна достойна быть истинным проводником пролетариата в его славной борьбе за лучшее будущее.

Шлем сердечный привет всем сотрудникам «Правды» и выражаем надежду, что при общей энергичной поддержке «Правда» разгорится в сильное яркое пламя.

Вместе с сим переводим по почте в фонд рабочей газеты «Правда» 11 р. 04 коп.

Письмо группы мастеровых и рабочих Кронштадтского порта в редакцию газеты «Правда», 20 марта 1913 г.[3]

Мы, группа сознательных мастеровых и рабочих, решили собрать между собой для выписки обожаемой нами рабочей газеты «Правда», которая всегда стоит на страже рабочего интереса и всего российского пролетариата. Собранные деньги высланы 17 марта в контору газеты «Правда» — 5 руб. 60 коп.— для высылки нам газеты впредь с 1 ап-

[1] ДП, Перлюстрация, 1913 г., д. № 1 (февраль), л. 122. Воспроизведено с оригинала письма на имя члена Государственной думы А. Е. Бадаева, с почтовым штемпелем на конверте: «Гельсингфорс, 22.II.1913 г.»).

[2] ДП, о. о., 1913 г., д. № 5, ч. 24, лит. Б., л. 1. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма от 25 человек, сочувствующих «Правде».

[3] ДП, Перлюстрация, 1913 г., д. № 1 (март), л. 255. Воспроизведено с оригинала письма «в контору газеты «Правда», в Петербург, Ямская ул., д. 2, угол Кузнечного переулка» с почтовым штемпелем на конверте: «Кронштадт, 20.III.13».

реля на 3 месяца, а остальные деньги для нужд безработных товарищей и фонда газ. «Правда». Нас работает около 100 чел., но в сборе участвовало 41 челов. Надеемся присоединить к следующему времени остальных, которые колеблются туда и сюда. В заключение этого просим г. редактора опровергнуть № 5 газеты от 6 января, в котором была помещена статья, что на форту остались одни только подхвостники, не имеющие никакой солидарности[1]; наоборот, есть люди даже хорошо сознательные, но так как большая часть семейные и получают маленькое жалованье, потому и не могут уделять копейки, но в настоящее время как получаем одну газету, стали читать и сознавать, что от каких-нибудь грошей не разбогатеешь, и решили стараться по возможности посылать для процветания газеты «Правда».

Кронштадт, форт «Император Петр I».

Письмо группы рабочих фабрики Дербенева в Гавриловом посаде Владимирской губ. в редакцию газеты «Правда», 24 марта 1913 г.[2]

Мы, группа мастеровых столярной и слесарной мастерской, 11 человек, идя навстречу нуждам редакции «Правда», приносим свою посильную помощь: на увеличение фонда и расширение формата шлем 1 руб. 35 к. Вместе присоединяясь к мастеровым, мы, рабочие ткацкого отделения, приветствуем нашу родную выразительницу наших нужд и надеемся, что несправедливости отношений нашей администрации будут ярко освещены на страницах названных газет... Шлем на доблестный подвиг от 9 человек сознательных рабочих 1 руб. 65 к., соединивши с мастеровыми группа предприятия в Гавриловом посаде Владимирской губ. Дербенева Василия Александровича.

Г. посад, Владимирской губ., ф-ка Дербенева, рабочих проживает около 2 000 человек обоего пола, рабочие безропотно работают сменные по 9½ часов в условиях труда, без привычки невыносимых; капитал до того сжал рабочих в свой кулак, что рабочие не в силах вырваться из гибельного режима. Рабочие не организованы, не идут ни в какие общества; некоторые поговаривают, как бы улучшить свое крайне бедственное положение. До 1907 года рабочие получали процент и 1 р. 25 коп. квартирных, но при поступлении покойного Зорина[3] управляющим фабрикой безжалостно все эти рабочие копейки отняты. И в настоящее время все гигиены очень плохо усовершенствованы, температура доходит до 28 градусов.

Муравьев.

Письмо из Перми в редакцию газеты «Правда», 11 мая 1913 г.[4]

Под бесправным гнетом капитала, изнывая физически и морально, задыхаясь невежеством в далекой провинции, мы, как утопленники, ищем надежды на спасение и в отчаянии хватаемся за каждую соломинку. И только газета «Правда» дает нам светлый луч надежды на

---

[1] В № 5 (209) газеты «Правда» от 6 января 1913 г. была помещена в отделе «По России» заметка об увольнении 17 ноября 1912 г. 82 рабочих с форта «Император Петр I» под заголовком: «Кронштадтский порт».

[2] ДП, Перлюстрация, 1913 г., д. № 1 (март), л. 348. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма, с пометкой департамента полиции: «К выдаче в контору редакции «Правда» в Петербург, 27 марта 1913 г.

[3] Так в подлиннике.

[4] ДП, ф. о., 1913 г., д. № 5, ч. 56, лит. Б., л. 87. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

то, что прошел XIX век и наступает XX век, век классовой солидарности сознательного пролетариата...[1] и что единственным защитником наших прав будет снова наш класс.

Пермь, Петропавловская, дом Синакевича, № 13, бывший Барановой, П. М. Белову.

Письмо рабочих Людиновского завода, Калужской губ., в редакцию газеты «Пролетарская Правда», 21 января 1914 г.[2]

Мы, группа рабочих марксистов Людиновского завода, горячо приветствуем нашу славную и дорогую защитницу, газету «Пролетарская Правда». Мы желаем ей быть маяком, освещающим и облегчающим наш тернистый путь к лучшему будущему. Мы видим, что путь ее есть путь наш. Мы видим, что наша рабочая газета может существовать только при поддержке самих же рабочих. И вот мы, собравшись в числе 11 человек, решили ежемесячно поддерживать материально нашу защитницу «Пролетарскую Правду».

Шлем в ее фонд 1 р. 43 к. Просим товарищей следовать нашему примеру.

Перевод с деньгами послан от имени Андрея Ивановича Службина[3].

Резолюция Киевского комитета РСДРП для газеты «Пролетарская Правда», 21 января 1914 г.[4]

Рабочий класс России давно сознал и понял, каким могучим орудием классовой борьбы, могущественнейшим средством в деле сплочения и организации рабочих сил является рабочая печать, что рабочий класс, выступивший на широкую арену общественной деятельности, без печати существовать не может. Исходя из того, что, во-первых, — драконовский законопроект о печати крепостнически-буржуазного правительства, внесенный в IV Государственную думу[5], есть обычный ответ реакции на пробуждение пролетариата, что, во-вторых,— вся сущность законопроекта направлена почти исключительно против рабочей печати,

---

[1] Многоточие в подлиннике.

[2] ДП о. о., 1914 г., д. № 5, ч. 54, лит. Б., л. 5. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

[3] Помета департамента полиции. Начальник Калужского губернского жандармского управления, в отношении своем в департамент полиции от 12 апреля 1914 г. за № 115, высказывает предположение, что фамилия «Службина» вымышлена, так как «А. И. Службин в с. Людинове не проживает и не проживал». (Там же, л. 9).

[4] ДП, о. о., 1914 г., д. № 307, лл. 148—149. Воспроизведено с копии резолюции в перлюстрированном департаментом полиции следующем письме из Киева на имя депутата Государственной думы Г. И. Петровского:

«Товарищ Петровский! Резолюция, посылаемая Вам, принята руководящей группой целиком, а другой группой, упоминаемой там, приняты ее тезисы, причем решено стилистически переделать и приспособить ее для напечатания в легальных рабочих газетах. Если бы можно было ее напечатать в оригинале в «Пролетарской Правде», было бы нам очень важно. Попытайтесь это сделать. Как видите, резолюция состоит из двух частей. Вторая часть принята как пожелание и решено запросить вас, то есть фракцию, каково ее мнение и как она думает повести кампанию о печати. Мы ждем Вашего ответа, чтобы знать, как нам действовать. Адрес для ответа я вам пришлю. Между прочим скажу, что здесь намечены доклады о печати на всяких собраниях. То же самое намечено и по отношению о 8-часовом рабочем дне. Всякие другие новости сообщу. С товарищеским приветом К. К.».

[5] Правительственный законопроект нового устава о печати, внесенный в Госуд. думу 27/14 октября 1913 г. министром внутренних дел Маклаковым, был направлен главным образом против рабочей печати. В связи с законопроектом и гонениями на печать предполагалось общее выступление печати, которое не состоялось. Большевиками же был организован день рабочей печати, приуроченный к двухлетней годовщине существования «Правды». Идея празднования «дня печати» нашла живой отклик среди рабочих и проходила под знаком усиления денежного фонда газеты и расширения связи с рабочими массами.

которая благодаря сознательному отношению и героической борьбе пролетариата продолжает существовать и расти, несмотря на всеобилие скорпионов, сыплющихся на нее,— мы, группа организованных рабочих, представители профессиональных и политических организаций, выражаем свой протест и негодование против всех гонений на рабочую печать и заявляем вместе с рабочим классом всей России, что будем бороться всеми мерами борьбы и отстаивать право на печать, завоеванную борьбой пролетариата в 1905 году и всех последующих годов, и говорим, что законопроект этот не должен стать законом.

Мы, группа организованных рабочих, предлагаем социал-демократической фракции внести в Думу законопроект о свободе печати. Не питая никаких иллюзий насчет третьеиюньского режима и вполне сознавая, что полная свобода печати, как и другие политические вопросы пролетариата, может быть осуществлена только при коренном изменении существующего политического режима, внесением законопроекта преследуются двоякие цели: 1) законопроект создаст платформу, которая об'единит рабочих России в борьбе против законопроекта, придаст ей яркий единообразный и выдержанный характер; 2) как всякий социал-демократический законопроект, его можно будет использовать в целях широкого политического воспитания масс, выяснив им, чего мы хотим, и что нам дают.

Письмо группы рабочих г. Болграда, Бессарабской губ. в редакцию газеты «Путь Правды», 12 февраля 1914 г.[1]

Приветствие газете «Путь Правды» от группы рабочих г. Болграда, Измаильского уезда. И до нашего глухого городка, находящегося на окраине России, доходит слово русского сознательного рабочего, доходит рабочая газета, руководительница всех рабочих России. И нас, едва лишь теперь просыпающихся от долгой спячки, учит она, кто наш враг и кто друг, учит мужеству и стойкости, которой так много проявил русский рабочий. Большое спасибо за то посылаем нашей газете и желаем ей и впредь также могущественно и стойко учить и руководить рабочим классом России. Посылаем в фонд газеты «Путь Правды» 6 руб. 60 коп.

Николай Буянов.

Письмо рабочих оренбургских железнодорожных мастерских в редакцию газеты «Путь Правды», 15 февраля 1914 г.[2]

В трудной повседневной борьбе горячо приветствуем родную нашу газету «Путь Правды». Шлем в фонд ее: от никелировщиков 3 чел.— 1 р. 19 к., слесарей вагоно-классного цеха 10 чел.— 1 р. 07 к., токарного цеха 15 чел. — 3 р. 24 к., кузнечного 3 чел. — 2 р. 50 к. Итого — 8 руб.

Товарищи, у нас хотят отнять нашу газету, наше кровное детище. Одной ногой уже наступили на горло и душат. Неужели мы, товарищи, позволим погибнуть ей! Где тогда мы услышим могучее смелое пролетарское слово? Где будем набираться бодрости и энергии? Кто укажет нам правильный путь борьбы? Кто во-время разоблачит и предостережет нас от скрытых и явных врагов? Кто огненным словом заклеймит

---

[1] ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, ч. 25, лит. В., л. 14. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма в контору газеты «Путь Правды», Загородный пр., д. 6, кв. 8. «Путь Правды» — одно из названий газеты «Правда», под которым она выходила с 22 января по 21 мая 1914 г.

[2] ДП., о. о., 1914 г., д. № 5, ч. 53, лит. 1. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

предательство «друзей» пролетариата? Это сделает только рабочая строго выдержанная марксистская газета «Путь Правды». Ни одно пролетарское требование она не растеряла, не урезала и не разбавила водой. Под старым боевым знаменем она ведет настоящие батальоны сознательных пролетариев по пути к победе. Тяжелыми трудами и жертвами создали мы нашу жемчужину — газету. Поддерживать ее сборами, коллективной подпиской наша прямая обязанность. «Освобождение рабочего класса есть дело самих рабочих». Крепко запомните это, товарищи. Иного выхода нет. Только при этом условии бешеные атаки реакции будут бессильными задушить пролетарскую газету.

Резолюция группы банковских конторщиков Харькова в редакцию газеты «Путь Правды», 17 февраля 1914 г.[1]

Товарищ Матвей!

Препровождаем при сем в фонд «Путь Правды» руб. 11.46.— (одиннадцать руб. 46 к.) от группы банковских конторщиков в 45 человек, настоящим просим передать эти деньги в редакцию с таким приветствием: «Приветствуя «Путь Правды» за яркую борьбу с черными силами, держащими в руках великую страну, мы, видя в нем «Буревестника», который своим огненным словом спаяет пролетарские батальоны к новой борьбе за лучшую долю, посылаем свои трудовые гроши и верим, что никакими штрафами и конфискациями не удастся убить нашу «Путеводную звезду».

Одновременно прошу вас, товарищ Матвей, по напечатании приветствия прислать 5 номеров газеты на имя Русско-Азиатского банка, не указывая никаких фамилий.

Также настойчиво прошу исполнить то, о чем писалось вам недавно в заказном письме.

Пока привет.

Письмо астраханских рабочих конопатчиков в редакцию газеты «Путь Правды», 18 апреля 1914 г.[2]

В 2-х летний юбилей титанической борьбы за интересы рабочего класса мы, астраханские рабочие конопатчики, приветствуем защитницу наших интересов и вместе с тем протестуем против маклаковского[3] законопроекта против рабочей печати и призываем рабочих сплотиться вокруг нашей газеты «Путь Правды», создав железный фонд для борьбы с врагами рабочего класса.

[Подписи].

Посылаем посильную лепту 27 руб. 50 коп. в фонд газеты «Путь Правды».

С тов. почтением Чулков.

---

[1] ДП, о. о., 1914, № 307, л. 402. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма, на имя М. К. Муранова, члена с.-д. думской фракции.

[2] ДП, о. о., 1914 г., дело № 5, ч. 5, лит. Б., л. 23. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

[3] Маклаков Н. А., министр внутренних дел с декабря 1913 г. по июнь 1915 г.

Письмо «группы друзей» из посада Большие Соли, Костромской губ. в редакцию газеты «Путь Правды», 21 апреля 1914 г.[1]

Приветствуя защитницу интересов пролетариата, посылаем 3 руб. в фонд газеты. Пусть существует она и впредь, преодолевая невзгоды и препятствия на своем пути, развивая сознание масс и увеличивая ряды борцов за народное дело. Пусть служит она памятником всем погибшим товарищам в борьбе за народное дело. Хочется крикнуть на весь мир: Братья, победа наша. Смотрите: вот она, газета, ваши дружные усилия дали этот плод: сильное смелое слово вливает воодушевление в массы, наполняет могуществом слабые тела упавших духом. Пусть горит неугасаемый огонь сознания в сердце каждого рабочего. Спасибо всем руководителям рабочего класса, помогающим ему стать на верный и безошибочный путь борьбы.

Посылая марками 44 коп., прошу вас выслать по адресу Б. Соли, Костромской губ., сельско-хозяйственный склад — 3 экз. газеты от 22 апр. и 1 экз. «Истории рабочей печати в России».

Группа друзей (4 человека).

Письмо политзаключенных работниц г. Риги в редакцию газеты «Путь Правды», 22 апреля 1914 г.[2]

Мы, группа административно осужденных и заключенных товарищей — работниц г. Риги, шлем горячий привет своей любимой газете и выразительнице наших идей «Пути Правды» в день ее юбилея. И к нам, вырванным из наших рядов, проникает живое слово и связывает нас тысячами нитей с той жизнью, которой живет весь наш пролетарский класс и вселяет в нас в минуты душевного упадка новые силы и веру в победу наших идей.

Прилагаем при сем продовольственные деньги для железного фонда — 3 рубля.

Группа (21 человек).

Резолюция рабочих петербургского завода Гейслер, апрель 1914 г.[3]

Мы, рабочие завода Гейслер, приветствуем юбилей газеты «Путь Правды» как выход первой ежедневной последовательной марксистской рабочей газеты, стоящей на строго классовой точке зрения последовательного марксизма и не изменившей старому знамени, написанному рабочим движением 1905 года.

Привет тебе, «Путь Правды», выражающей волю большинства сознательного пролетариата России, на твоем тернистом пути к намеченной цели.

---

[1] ДП, о. о., 1914 г., д. № 16, лит. Б, л. 7. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

[2] ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, ч. 40, лит. Б, л. 13. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

[3] Фонд веществен. доказат., кор. 13, № 482. Воспроизведено с оригинала резолюции, написанной карандашом, без указания даты и без подписей.

II. Ленский расстрел и под'ем рабочего движения

Письмо П. Трубнина с резолюцией рабочих трубопрокатного завода в г. Екатеринославе, принятой на митинге 12 апреля 1912 г., в редакцию газеты «Звезда» [1]

Мы, рабочие трубопрокатного завода, собравшись на митинге 12 апреля 1912 г., с негодованием выражаем свой протест по поводу гнусного и наглого расстрела рабочих Ленских приисков. Мы присоединяем свой голос ко всему протестующему российскому пролетариату и находим, что только решительная организованная борьба рабочего класса с существующим политическим режимом и капиталистической эксплоатацией может положить конец ленским бойням. В знак траура протеста мы об'являем однодневную забастовку.

Вечная память павшим товарищам, жертвам капитала и политического режима [2].

P. S. Просим с.-д. фракцию огласить нашу резолюцию в Государственной думе.

P. S. Сегодня утром забастовали все рабочие завода в знак траура. Бастует около 3 000 человек. Не обошлось без избиений со стороны деревенских стражников. Рабочие спокойно разошлись по домам, унося с собой глубокую думу по расстрелянным товарищам.

П. Трубнин.

Письмо рабочих г. Гельсингфорса в редакцию газеты «Звезда», 13 апреля 1912 г. [3]

Глубоко возмущенные кровавой расправой над товарищами — рабочими Ленских приисков, мы, группа русских рабочих г. Гельсингфорса, считая применение военной силы при стачках рабочих недопустимой и варварской, поручаем социал-демократической фракции Государственной думы внести немедленно спешный запрос и требовать государственного обеспечения семей безвинно погибших и наказания героев кровавой расправы [4].

[Подписи].

Резолюция рабочих с. Армавира в газету «Звезда», 17 апреля 1912 г. [5]

Товарищ редактор!

Прошу напечатать в газ. «Звезда» нижеследующее:

Глубоко взволнованные кровавой ленской трагедией рабочие различных предприятий в сел. Армавире, собравшись в количестве 40 человек, постановили следующее:

---

[1] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (апрель), л. 236. Воспроизведено с фотокопии письма.

[2] В № 31 «Звезды» от 17/30 апреля 1912 г. есть только телеграфное сообщение о постановлении этого митинга («Звезда», вып. VI, стр. 223).

[3] ДП, Перлюстрация, 1912 г., вход. № 765. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма, с указанием на отправителя его: «А. П. Кувалкин, Гельсингфорс, Мариинская ул., 18».

[4] В № 30 «Звезды» от 15/28 апреля 1912 г. есть указание на получение данной резолюции среди других перечисленных резолюций протеста («Звезда», вып. VI, стр. 188).

[5] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (апрель), л. 319. Воспроизведено с оригинала письма с почтовым штемпелем на конверте: «Ростов — Владикавказ, 19 апреля 1912 г.».

«Выразить горячий протест против такого беззакония и азиатской жестокости, как дикое побоище безоружных рабочих, жертвой чего стало 270 невинно убитых и 250 искалеченных товарищей!

До глубины души потрясенные столь обильно политою святой кровью наших дорогих товарищей за улучшение тяжелых жизненных условий и облегчение адского труда и на произвол судьбы оставленных семей погибших,— выражаем чувство глубокого негодования тому ненавистному строю, который порождает подобные зверства, так часто вносящие кровавые страницы в мрачную историю русского рабочего движения.

Пусть этот тяжелый кошмар русской действительности, пусть это ужасающее событие на тернистом пути русского борющегося пролетариата, раны коего так щедро излечиваются свинцовым пластырем сатрапами самодержавия, послужат наглядным примером и лучшим уроком к об'единению рабочего класса для дружной и организованной борьбы, чтобы сокрушить и смести те устои, кои тяжелым бременем ложатся на весь обездоленный трудящийся класс».

По поручению от собрания председатель собрания

Михаил Андриасани.

Письмо-корреспонденция из Харькова в редакцию газеты «Звезда», 17 апреля 1912 г.[1]

Сообщаем подробности харьковской забастовки — протеста против Ленского расстрела. В понедельник 9 [апреля] весь день рабочие паровозостроительного и других заводов были сильно взволнованы Ленскими событиями. Всюду толковали, что делать, как протестовать. Глубокое возмущение и злоба кипели, но в большинстве не дошло до дела; рабочие здесь мало организованы. Во вторник 10 апреля на паровозном возбуждение продолжалось; наконец, один цех за другим бросили работу и собрались в сборном цехе. В некоторых цехах прочитана была резолюция, посланная потом в «Звезду» и в с.-д. фракцию (текст есть у вас, значит), с протестом против расстрелов, как системы вмешательства правительства в борьбу рабочих с капиталом и против суда над с.-д. фракцией II думы, с призывом об'единяться, бороться и т. д.[2]. Все сошлись в сборном цехе и после краткой речи была прочитана и принята та же резолюция и об'явлена однодневная забастовка. Потом все вышли во двор, администрация открыла ворота и все, как один человек, ушли. Между прочим полицеймейстер упрекал директора завода, зачем тот разрешил открыть ворота до его приезда. Уже не хотел ли он расправиться по-ленски?!

Полиция и казаки появились с опозданием. Интересно отметить

---

[1] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (апрель), л. 258. Воспроизведено с оригинала письма с почтовым штемпелем: «Харьков, 17 апреля 1912 г.».

[2] В № 30 «Звезды» от 28/15 апреля 1912 г. напечатана следующая резолюция, составленная самими рабочими и принятая на собрании в сборном цехе 10 апреля: «1) Мы, рабочие харьковского паровозо-строительного завода, протестуем против зверства, учиненного над нашими братьями—рабочими ленских приисков. 2) Принимая во внимание неоднократную расправу с рабочими зверскими приемами при защите своего хозяйничанья в стране, при защите капиталистов от натиска рабочих, мы предлагаем депутатам с.-д. фракции в Государственной думе неустанно призывать российский пролетариат к об'единению. 3) Мы требуем пересмотра дела депутатов-втородумцев. 4) Как выражение нашего протеста, мы об'являем однодневную забастовку» («Звезда», вып. VI, стр. 187).

поведение директора завода. Увидя, что рабочие бросили работу и стоят толпой, он стал грубо кричать на «ты»: «Я приказываю идти на места», и т. п., толкать ближе стоящих и грозить им первым расчетом, ругать рабочих бараньем и т. д. Но вскоре он получил должный отпор, где ему указали, что эта брань больше подходит к нему. Попытки узнать имена ближе стоящих, дававших отпор и пытавшихся говорить, крики «я приказываю» и т. д. не увенчались успехом. Рабочие то смеялись, то требовали не мешать говорящим. Некоторые отвечали, что его угрозы и приказания подействуют на них не больше, чем на столбы, кто-то указал жестом на обнаженную грудь, как бы говоря: «Стреляйте, и то я не уйду».

На другой день несколько человек были рассчитаны (за дерзость и т. д.), причем директор говорил с ними с браунингом в руках (вообще он никогда не вынимает руки из кармана, как видно, там спрятан браунинг). Напрасно, г. директор, рабочие достаточно выросли, чтобы бороться с капиталом путем срезывания веточек, они понимают, что надо бороться с корнем, путем организации.

В следующие дни к полицеймейстеру были вызваны человек 30—40 рабочих, на основании чего выбранные неизвестно, так как там были...[1] и известные черносотенцы. Им было об'явлено губернаторское «прощение» на этот раз,— хоть «вины»-то и не было,— а если впредь на заводе что-нибудь случится, то вы, мол, первые получите по 3 месяца тюрьмы и высылку. Бастовал также завод Пильстрема (Конторская ул.), оттуда рабочие тоже вызывались к полицеймейстеру и некоторых спрашивали, кто начал? Но рабочие на это не пошли, подтвердив факт, что как-то все начали. Бастовали еще и др. более мелкие мастерские (Закржевского, например) и предприятия, но местная пресса, боясь штрафов, не пишет даже о совершившихся фактах. Вокруг завода Гельферих-Саде — казаки и солдаты для «предупреждения забастовки», ибо и там настроение неспокойно, только после долгого застоя и разобщения трудно начинать. Все говорят: «Мы готовы, но пусть кто-нибудь начнет, позовет». Чувствуется остро потребность в организации.

Старый работник.

Из корреспонденции из Риги в редакцию газеты «Звезда», 19 апреля 1912 г.[2]

Часть демонстрантов (около 1 000), рассеянных на Ревельской ул., собралась опять на Романовской ул. и продолжала демонстрацию, но опять была рассеяна и многие арестованы. В третий раз демонстранты собрались на Суворовской ул. и беспрепятственно шествовали с пением революционных песен около 15 минут, после чего разошлись.

По всему городу в ночь были распространены в большом числе первомайские и по поводу Ленского расстрела воззвания на латышском, русском и литовском языках, подписанные Центральным комитетом с.-д. латышского края.

---

[1] В оригинале сокращенно написано два слова, буквы которых нечетки.

[2] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (апрель), л. 276. Воспроизведено с оригинала письма. Согласно сообщения начальника Лифляндского губернского жандармского управления по Прибалтийскому району заведующему особым отделом департамента полиции от 2 мая 1912 г., за № 995, «выяснить автора данного документа не удалось» (ДП, о. о., 1912 г., д. № 23, ч. 40, л. 14).

В ночь с 17 на 18 апреля были выкинуты на деревьях в окрестностях и в центре города в царском лесу красные флаги, общим числом около 10 [1].

Kencis.

Из письма рабочего из Харькова в газету «Звезда», 22 апреля 1912 г.[2]

Когда в газетах появились сообщения о кровавой расправе над рабочими Ленских приисков, мы, паровозники, не могли не содрогнуться перед этой действительно зверской драмой.

Если показать свежие холмы над убитыми, то и самый отъявленный негодяй, самый подлый из подлецов — и тот потупит свой глаз перед ними. Какой урод в человеческом образе может обвинить убитых? Найдется ли гнусный негодяй, который скажет, что они виноваты? Разве за то, что человек требует от человека гуманного отношения — разве за это его должно убивать? А Ленские рабочие разве не требовали «вежливого обращения?»... Разве их требование «расчет наличными вместо талонов» не есть повторение того, что написано в 155 статье устава о промышленности? Эта статья под угрозой денежного штрафа запрещает заведующим расплачиваться с рабочими — «вместо денег условными знаками, хлебом, товаром и иными предметами». А Ленское товарищество кровопускателей или золотоискателей — расплачивалось талонами своего изделия. И убитые требовали уничтожения такого расчета, но... «удовлетворили» их пулями. Рабочие виноваты, они требовали того, что повелено законом.

И мы, паровозники, 10 апреля бросили работать: в то время, когда по прихоти эксплоататоров проливается кровь наших братьев-рабочих, мы должны заявить, что кровь невинных — наша кровь.

Когда мы стали собираться в общую группу, пришел директор завода со своим помощником.

— «Расходись по местам!» — заорал он.

Рабочие ни с места.

— «Я приказываю: начинай работать!»

Никто ни шагу.

— «Вы делаете мне убыток. Я приказываю: начинай работать».

Он стоял в гуще людей числом в 200—300 человек. И «приказывал». Он и его помощник были меж нами, как два воробья в стае орлов. Они два были не в своем лагере. Но он «приказывал». Как будто он для того и родился, чтобы «приказывать».

Оратор начал говорить: «Он» и ему «приказывает» замолчать. Тот снисходительно улыбнулся, посмотрев на него, и спокойно сказал:

— «Товарищи, директор мешает мне говорить».

— «Не перебивайте оратора!» — как море простонала толпа. Директор с'ежился, оглянулся кругом и противно осклабился. Такое выражение бывает на лицах у «них», сильных, когда они видят свое ничтожество.

Оратор продолжал говорить. А «он», который минуту назад «приказывал», стоял против него и тупо глядел ему в лицо. Была принята

---

[1] В № 33 «Звезды» от 5 мая (22 апреля) 1912 г. помещена другая корреспонденция «1 мая в Риге» за той же подписью: «Kencis» («Звезда», выш. VI, стр. 287).

[2] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (апрель), л. 328. Воспроизведено с оригинала письма, адресованного в редакцию газеты «Звезда» со след. запиской, написанной другой рукой: «Посылаю вам хорошее, но очень длинное письмо одного рабочего. Может быть, вы используете его для «Рабочей газеты», сократив как-нибудь, или хоть заимствовав факты, переделав. Посылаю без переделки.— Е. П.». На конверте почтовый штемпель: «Харьков, 22. IV. 1912 г.».

резолюция протеста против бойни на Лене, и рабочие направились к выходу. Решили один день не работать. Не обратили внимания на «приказание» и ушли по домам. Тихо стало в мастерской. Жизнь остановилась в ней. И грозный «повелитель» — директор стоял меж замершими станками беспомощным, жалким. Те, которым он «приказывал» ушли, как великаны, как богатыри, они оставили его, маленького, беспомощного. Они оставили его как что-то им ненужное. Ушли они, и «он» стал повелителем без повелеваемых. Машины ему не повинуются, станки тоже. А стоило бы вернуться нам, и снова колеса закружились бы, снова заскрипели бы станки, снова жизнь проснулась бы в заводе. И «он» начал бы «приказывать» нам, и он стал бы нашим грозным могучим повелителем. Но мы ушли по домам. Мы решили прекратить создание богатства и ушли по домам.

Мы повелители, мы можем приказывать, мы могучи действительно, а не «он», не «он» один. Если мы не хотим повелевать машинами, станками, то «он», жалкий повелитель, умрет от голода. Он не может создать для себя ничего, что дает жизнь человеку. Станки и машины поржавеют, сам он зачахнет от голода. Но мы можем снова вычистить станки, снова пустить их в ход и снова начать творить богатства. Без «него». И некому будет «приказывать» нам. Мы сами знаем, что для того, чтобы жить, нужно трудиться. И это относится не только к нам, но ко всем рабочим всего мира. Если бы рабочие всех стран сплотились в одну дружную семью, то все, кто теперь является для них повелителями, все стали бы ничтожны, не нужны. Тогда рабочие были бы сами над собой повелители. Жили бы сами для себя, а не для тех, что приказывают; работали бы на самих себя, а не на тех, кто только «приказывает», но ничего не делает. Для этого нужно организоваться. Рабочие каждого завода должны сплотиться с рабочими других заводов, каждый город должен сплотиться с рабочими других городов, а рабочие всех стран должны сплотиться в одну общую согласную армию. Тогда они могут на несколько дней сложить руки, оставить работу, и повелители падут у их ног.

Пока «они» падут у ног рабочих, а теперь еще мы чувствуем на каждом шагу «их» гнет. За стачку мы все оштрафованы на ½ дневный заработок. Два человека рассчитано без предупреждения. «За дурное поведение» их рассчитали. А это «дурное поведение» выразилось в том, что их двух администрация обвинила больше остальных за стачку. Итак, рабочие паровозного завода — да вообще это должен помнить каждый рабочий — не должны забывать, что протестовать против убийства их братьев-рабочих есть «дурное поведение». Если бы паровозники кричали ура, когда пришли известия о расстреле рабочих на Лене, то их не оштрафовали бы и не были бы рассчитаны с завода два товарища, и, наконец, никого бы не вызывали к полицеймейстеру для дачи подписи, что в будущем не будет принимать участия в забастовках.

Г. директор! В чем выражается «хорошее» поведение? Об'ясните рабочим завода, дабы они точнее имели понятие о нем; а то, ведь, возможно, что где-нибудь опять расстреляют забастовщиков, а рабочие вашего завода снова будут протестовать.

Лицемеры вы, господа угнетатели. Вы боитесь говорить истину, зная, что она погубит вас. Вот вы, г. директор паровозного завода: почему вы перед тем, как наложить штраф на всех рабочих завода, не заявили им, что пока рабочие не организованы, до тех пор вы будете их штрафовать, рассчитывать даже и за такие вещи, как проявление ими человечности. Ну, скажите, «благородный» господин директор: ведь вы прекрасно понимаете, что Ленские рабочие расстреляны в угоду золото-

промышленной банде угнетателей, ведь вам известно, что человеческие чувства и разум возмущаются перед этим зверством... Впрочем, куда вам понять это последнее: если бы вы были действительно суб'ект благородный, гуманный, то вы не оштрафовали бы рабочих завода за протест, вы не назвали бы «дурным» поведением их голос возмущения против зверства. Штрафом вы их не запугаете, а сплотиться поможете. Вы нападаете, а они обязаны защищаться.

Товарищи рабочие-паровозники! Вспомните свое положение в 1905—1906 гг., вспомните тогдашние расценки, вспомните тогдашнее обращение администрации с вами и подумайте: тогда вы вели себя так, как теперь? А ведь положение-то ваше тогда было в несколько раз лучше, чем теперь, а ведь теперь, собственно говоря, поведение ваше «хорошее» из хороших. Чтобы с вами не сделали, вы молчите; отнимут у вас расценок, вы молча гнете спины за ничтожные гроши. А в те годы ваш заработок был, можно сказать, сносен, но это потому, что там вы вели себя дурно, т. е. вы добились своей комиссии, вы могли давать отпор всякому посягательству со стороны администрации на ваши интересы, вы в те годы были об'единены, организованы, готовые каждую минуту встать на защиту друг друга. Теперь же ничего подобного нет меж вами: вы теперь разбиты, раз'единены, не солидарны.

Вы вспомните недавнюю стачку английских углекопов, вспомните, как дружно велась она и за что.

Ведь прямо удивительно: они требовали установления минимума заработной платы, т. е. требовали установления законом такого размера поденной платы, ниже которого не имеет права ни один хозяин давать рабочему и ниже которого не должен брать ни один рабочий. А разве это требование нужно только английским рабочим? Разве рабочие французы, немцы, американцы, мы, русские, и пр., разве не хотят, чтобы получать за свой труд достаточную плату? Об'единяйтесь, товарищи, нужно об'единяться, об'единяться. Только об'единение наше может вывести нас из жизни, полной постоянной нужды, голода, мрака. Мы являемся творцами всех благ на земле, мы создаем своим трудом богатства в жизни человечества и разве мы за это должны вечно страдать? Нет! Нет! Нет! Мы имеем право жить полной радости и света жизнью, мы имеем право на счастье, но чтобы добиться этого права, мы должны об'единиться, мы должны последовать примеру английских углекопов, имеющих свой огромнейший союз. Довольно же, товарищи, ходить с опущенными руками, пора взяться за дело об'единения. Нам только будут приказывать работать, только будут понижать расценки, штрафовать, а лучшей жизни никто нам не даст никогда. Только мы сами можем ее добиться, только мы сами можем завоевать ее на земле, которую всю захватили в свои руки те, которые вечно ничего не делают. Кто хочет жить, тот пусть трудится, но жить на шее у другого — никто не должен. Человек живет трудом безгласной скотины, но часть людей живет нашим трудом, нашу кровь и пот присваивает. У нас, братья рабочие, есть разум, у нас есть слова. Разум говорит нам, что мы живем рабами у капитала, что мы даем жизнь лентяям, угнетающим вечно нас. Так говорите же друг другу, что этого не должно быть, что никто не должен присваивать себе чужого труда.

Только там нет бедности, голода и страданий, где люди живут братьями, где нет господ и рабов. Только там счастье рабочих, где признано их право жить полной человеческой жизнью.

Да здравствует единение рабочих всего мира!

Дедушка Олег.

Резолюция рабочих Донецко-Юрьевских металлургических заводов, Екатеринославской губ. для газеты «Звезда», 24 апреля 1912 г.[1]

Члену Государственной думы Г. С. Кузнецову.

При сем прилагаю на имя социал-демократической фракции протест рабочих завода, за подписью 116 человек, который просим огласить с думской трибуны и передать для напечатания в «Звезде» или в «Правде». Такое небольшое число подписей об'ясняется тем, что невозможно было распространить протест в широких массах вследствие полицейских репрессий. Недавно я получил письмо с Дмитровского поселка об избирательной кампании, полагаю, что письмо послано вами, которое нами принято к сведению, а также сообщим содержание письма в ближайшие рудники... Пишите, что у вас нового, когда вас попросят уйти из Таврического дворца.

«Мы, рабочие Донецко-Юрьевских металлургических заводов, глубоко возмущены кровавым событием на берегах далекой Лены, наше сердце дрогнуло при первом известии о кровавой расправе баронов Гинсбургов и Тимирязевых[2] над мирно боровшимися стачечниками за улучшение своего бесправного и тяжелого существования.

Эта кровавая расправа эксплоататоров-капиталистов над беспомощным пролетариатом, как нельзя лучше показала, что жизнь рабочего не может продолжаться, находясь под игом всевозможных несправедливостей и жестоких репрессий; не может подчиняться больше существующему варварскому строю России. Нет, дальше нельзя продолжать путь, усеянный такими грозными препятствиями, как событие на Ленских приисках.

Поэтому мы, сознательные рабочие Юрьевского завода, присоединяемся к протесту всех товарищей против существующего политического строя, поддерживаемого прихвостнями большинства III Государственной думы, созданной законом 3 июня, и требуем полной свободы: коалиции, стачек, союзов, собрания; кроме того требуем жестоко наказать виновных в гибели наших товарищей, заброшенных в тундры далекой Сибири.

Требуем полного обеспечения осиротелых семей, не вознаграждения, как думает компания Гинсбургов и Тимирязевых, а обеспечения, так как, лишившись своего кормильца, семья лишается и [возможности] дальнейшего существования.

Павшие же товарищи в «борьбе роковой» пусть послужат почвой для дальнейшей борьбы за социалистический строй.

Мир же вашему праху, дорогие и честные товарищи».

[Подписи].

Из письма горнорабочих Успенского рудника Рутченковских каменноугольных копей для газеты «Звезда», 24 апреля 1912 г.[3]

Мы, горнорабочие Успенского рудника Рутченковских каменно-угольных копей, выражаем протест против расстрела наших товарищей на

---

[1] ДП, о. о., 1912 г., д. № 307, л. 195. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма за подписью «Юрьевский гражданин», адресованного меньшевику Г. С. Кузнецову.

[2] Гинсбург, барон,— директор-распорядитель Ленского товарищества; В. И. Тимирязев — бывший министр промышленности и торговли, председатель правления акционеров Ленского товарищества.

[3] ДП, Перлюстрация, 1912 г., 889. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма, посланного из Юзовки, Екатеринославской губ. на имя члена Госуд. думы меньшевика Г. С. Кузнецова.

Лене, требуем наказания виновных. Жертвуем свою лепту осиротелым семействам в сумме 11 рублей. Посылаем эти 11 р. — единственным защитникам — социал-демократической фракции Государственной думы... и просим направить эти деньги пострадавшим и напечатать в газете «Звезда» о получении и отправлении на место назначения в хронике рабочего движения.

Письмо рабочих машиностроительного завода в Юзовке в газету «Звезда», 24 апреля, 1912 г.[1]

Просим редакцию уважаемой нами газеты «Звезда» поместить в рабочем движении следующее:

Юзовка, Екатеринославской губ. Машиностроительный завод Э. А. Боссе.

16 апреля мы, рабочие завода Боссе, протестовали против расстрела Ленских товарищей однодневной забастовкой.

На другой день приступили к работе и организовали сбор в пользу сирот и вдов, в сборе принимали участие все цехи, за исключением черносотенного цеха котельного, рабочие которого Витченко, Миньков и Дятлов, как лучшие прихлебатели администрации этого цеха, — тормозили вообще сбор[2]. Мы, рабочие механического и литейного и модельного цеха, клеймим позором этих рабочих, презираем всей глубиной своей души и приглашаем остальных котельщиков вступить в профессиональный союз не взирая на прихлебателей.

Рабочие.

Резолюция рабочих армавирских типографий в газету «Звезда», 25 апреля 1912 г.[3]

Снова пролита кровь рабочих. В глухой сибирской тайге на Ленских приисках власти расстреляли безоружных рабочих за то, что они добивались улучшений в своей каторжной жизни, за то, что они требовали соблюдения законов. И мы знаем, что это случилось не по ошибке, не случайно. Сам министр внутренних дел заявил в Государственной думе громогласно: «Так и надо было поступить с рабочими, так и впредь будут поступать».

---

[1] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (апрель), л. 357. Воспроизведено с оригинала письма с почтовым штемпелем «Юзовка, Екатеринославской губ., 25.IV.1912 г.».

[2] Рабочими завода Боссе были собраны 44 р. 50 к., женами их — 4 р. 15 коп., о чем свидетельствует письмо из Юзовки от 25 апреля 1912 г., сохранившееся в копии в делах департамента полиции. ДП, о. о., 1912 г., д. № 342, т. I, л. 136.

«Машиностроительный завод Э. А. Боссе.

Мы, жены мастеровых и рабочих завода Боссе, возмущены кровавой расправой над Ленскими рабочими, протестуем против этих нечеловеческих расправ и требуем наказания виновных.

Жертвуем свою небольшую лепту 4 р. 15 к. в пользу сирот и вдов и просим членов Государственной думы социал-демократической фракции, как защитников трудящихся, направить эти деньги ленским вдовам и сообщить печатно через газету «Звезду» о получении от нас денег».

[3] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (апрель), л. 369. Воспроизведено с оригинала письма, напечатанного на машинке с штемпелем на конверте: «Армавир, Кубанской области, 25.IV.1912 г.».

Мы, рабочие армавирских типографий, протестуем против зверского расстрела наших товарищей. И в ответ на эти бесстыдные слова министра об'являем: «Против гнета и насилий правительства мы будем бороться всеми доступными для нас способами».

[Подписи].

Письмо бакинских рабочих в газету «Звезда», 28 апреля 1912 г.[1]

Батум.

Мы, рабочие завода «Нобель» и других, числом более 200, протестуем против зверства, учиненного над нашими братьями-рабочими и требуем немедленного привлечения к ответственности «героев» этого события и полного обеспечения семей невинно павших рабочих. Просим занести в социал-демократическую фракцию.

Вечная память безвооруженно погибшим, жертвам алчного капитала.

Группа рабочих.

Корреспонденция рабочего из Переяслава, Полтавской губ. в редакцию газеты «Правда», 11 июля 1912 г.[2]

Наши портные.

Рабочие от штучно мастерских Цыбульского и Рохлина на устроенном ими собрании обсудили свое положение и пришли к тому выводу, что для улучшения занимаемого ими положения они должны бы пред'явить ряд экономических требований, как в улучшении заработной платы, так и улучшения в гигиеническом отношении.

Рабочие Цыбульского работают в кухне, которая представляет собой комнату длиной аршин в 7, а шириной в 5 арш.; почти половинную часть кухни занимает печь, а в остальной части должны работать 8 человек, где от пота, жары воздух становится нечистым, спертым, вредно отзывающимся на здоровьи рабочих. Но особенно бывает жарко по пятницам и перед праздниками, когда топят по два раза в сутки; хотя рабочие пользуются постоянно бесплатной баней, но эта баня дает о себе знать, особенно в последнем случае, чувствуя, что когда они пред'явят, кроме экономических, еще и другие требования, то они не в силах будут выдержать забастовку и ограничились тем, что пред'явили только о прибавлении на расценочную плату 16%. Хозяева их сейчас после пред'явления выразили свое согласие, но ссылались на то, что им предварительно нужно между собой поговорить. Хотя они живут в мирных отношениях, но один к другому не пожелал итти на дом, а выжидали удобного момента для встречи, чтобы поговорить меж собой. Но ожидать момента им понадобилось 4 дня. После разговора они, как видно, решили не торопиться, «авось», рабочие не в силах будут выдержать и придут сами на работу, но, как видно, они изменили своей тактике, ибо, на пятый день послали за рабочими и сказали, что согласны удовлетворить их требования. Рабочие Рохлина приступили к

---

[1] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (май), л. 28. Воспроизведено с оригинала письма с почтовым штемпелем на конверте: «Батум, 28.IV.1912 г.».

[2] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (июль), л. 81. Воспроизведено с оригинала письма-корреспонденции с почтовым штемпелем на конверте: «Переяслав, Полтавской губ., 11.VII.1912 г.».

работе, а рабочие Цыбульского не пожелали, ибо он пред'явил, что не желает одного рабочего. Последние были не согласны с этим и попросили расчет; расчет им дали. На шестой день их всех позвали, и они приступили к работе.

Рабочий.

Корреспонденция из Либавы в редакцию газеты «Правда», 19 июля 1912 г.[1]

Рабочее движение в Либаве.

Волна забастовки, поднявшаяся по всей России, не миновала и г. Либавы. Рабочее движение за последние два месяца было такое сильное, что Либава такого движения не видела с 1905 г. В средине мая забастовали рабочие анилиновой фабрики в числе 150 человек. Поводом забастовки послужило давно практикующееся в Либаве увольнение старших рабочих и принятие на их место новых с целью убавки жалованья. Было отпущено 3 рабочих. Рабочие потребовали их принятия и чтобы вновь принятым платили столько же, сколько и старым. Рабочие не были приняты; состоялись переговоры с администрацией, которая обещала вперед никого не увольнять и вновь принятым платить такое же жалованье, как и старым. Забастовка продолжалась полтора дня.

28 мая забастовали плотники и рабочие по постройке деревянных работ, потребовав: 1) восьмичасовой рабочий день, 2) плотникам — 2 р., рабочим — 1 р. 50 к. в день, 3) вежливое обращение со стороны мастеров, 4) при несчастных случаях лекарство и врач. помощь бесплатно и полдневное жалованье, 5) в случае болезни лекарство и врачебная помощь бесплатно, 6) за пробастованные дни полное жалованье, 7) по случаю забастовки никого не увольнять, 8) особое помещение для обеденного отдыха, 9) жалованье платить на месте работы и во время работы без всякой задержки. Добившись улучшения своего положения, рабочие на другой неделе принялись за работу, а у некоторых мастеров, как например, у Бике, рабочие, не добившись удовлетворения своих требований, бастовали три недели.

29 мая забастовали кирпичники и вспомогательные рабочие, потребовав для кирпичника — 35 к., а для рабочего — 25 к. в час; остальные требования такие же, как у плотников. После полутора-недельной забастовки некоторые мастера начали добавлять жалованье: кирпичникам было добавлено 2 и 5 коп. в час, а рабочим от 10 до 30 коп. в день. Мастер же Риге отказался рабочим уступить, и рабочие бастовали 5 недель. Фирма Риге тогда послала своих агентов в центральную Россию для найма рабочих сил.

30 мая забастовали столяры Кличмана и Демме, а в начале июня присоединились к ним и другие мастерские столяров. Требование увеличить заработную плату удовлетворено.

14 июня забастовали портовые рабочие, занятые выгрузкой соли и искусственного навоза, потребовав вместо 2 р. 50 к. — 3 р. в день. Требование удовлетворено. Надо заметить, что либавские портовые рабочие пользуются 8-часовым рабочим днем, который они отстояли во все годы реакции.

14 июня забастовали рабочие, занятые на лесных складах, потребовав вместо 1 р. 50 к. — 2 р. в день. После 4-х до 15-дневной забастовки — требование было удовлетворено.

[1] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (июль), л. 157. Воспроизведено с оригинала письма с почтовым штемпелем на конверте: «Либава, 19.VII.1912 г.».

18 июня забастовали рабочие фабрики Плутон, потребовав: 1) принятия уволенных рабочих, 2) 8-часового рабочего дня, 3) повышения заработной платы: рабочим 1 р. 50 к., кузнецам 2 р., а ученикам прибавить по 20 к. в день, 4) помещения для обеденного отдыха, 5) введения во всех помещениях вентиляции, 6) приличного обращения со стороны мастеров и некоторых более мелких требований по отношению аккордных работ. Когда временный директор (главный директор сидит в тюрьме за искалечение рабочего) отказался исполнить вышеназванные требования, рабочие, в числе 300 человек, бросили работу, пробастовав три недели. Забастовка окончилась неудачно для рабочих. Неудача об'ясняется тем, что не был подыскан удобный момент, потому что неделю спустя после забастовки у фабрики был годовой учет, по которому фабрика обыкновенно закрывается на 2 недели.

20 июня забастовали рабочие, занятые при выгрузке сельдей, потребовав 3 р. в день. После нескольких часов забастовки требование удовлетворено. Бастовали всего в Либаве в течение двух месяцев приблизительно около 2 100 человек, что составляет для общего числа рабочих 25—30%.

Маруся.

Письма агентов фирмы швейных машин компании «Зингер» в Тифлисе в редакцию газеты «Правда», 10 августа 1912. [1]

Многоуважаемый товарищ редактор!

Присылая от 10 августа 1912 года 21 руб. 20 коп., просим распределить следующим образом: 20 руб. просим передать бастующим товарищам фирмы К-о Зингер [2], а на оставшиеся 1 руб. 20 коп. выслать вашу уважаемую газету на следующие адреса: 1) Леону Сукиасову, Тифлис, Боронская ул., № 16, кв. 11; 2) Сергею Тавдшвили, г. Тифлис, Вокзальная ул., № 10, аптека Шихинова; 3) Тифлис, Авлабар, К-о Зингер, Кахетинская ул., г-ну Ананову. Газету просим выслать с 1 августа, а в следующие месяцы деньги будут переведены аккуратно.

С товарищеским приветом агенты К-о Зингер.

Деньги высланы сегодня же в 10 час. утра.

М. г. редактор!

Просим поместить нижеследующее:

Испытывая всю тяжесть неимоверной эксплоатации фирмы «Зингер», мы, агенты компании «Зингер» г. Тифлиса, шлем товарищеский привет товарищам петербуржцам; не имея возможности [ ] [3], ввиду исключительных условий, царящих в нашем крае, агенты г. Тифлиса, постановили систематически поддержать по силе возможности.

Агенты К-о Зингер г. Тифлиса.

Просим эту заметку огласить, если только будет возможно.

Агенты К-о Зингер.

---

[1] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (августа), л. 123. Воспроизведено с оригинала письма с почтовым штемпелем на конверте: «Тифлис, 10.VII.1912 г.».

[2] О забастовке служащих фирмы «Зингер и К°», начавшейся 16 июля, сообщалось в № 67 «Правды» от 17 июля 1912 г. («Правда», вып. III, стр. 193). О тяжелых условиях труда служащих фирмы швейных машин «Зингер и К°» и их требованиях имеются корреспонденции в «Правде» №№ 34, 57, 71 и 77 от 8 июня, 5, 21 и 28 июля 1912 г. («Правда», вып. II, стр. 102 и вып. III, стр. 55, 248 и 334). О продолжении забастовки см. корреспонденции в № 69, 72 и 75 «Правды» от 19, 22 и 26 июля 1912 г. («Правда», вып. III, стр. 220, 262, 305).

[3] Повидимому, пропущены слова: «об'явить забастовку».

Протест

Мы, агенты К-о Зингер г. Тифлиса, из'являем свое глубокое возмущение и протеста против тех либеральных газет («Речь», «Современное слово»), которые поместили об'явление в своих газетах и тем пришли на помощь вербованию штрейкбрехеров. На гроши продали народные интересы. Нам, рабочим, нужно хорошо запомнить, как господа либералы ценят народные и тем более рабочие интересы.

Агенты К-о Зингер.

Корреспонденция о стачечном движении в Финляндии в редакцию газеты «Правда», 18 августа 1912 г.[1]

Стачечное движение в Финляндии и в частности в Гельсингфорсе все разрастается. Самое крупное из них на бумажных фабриках общества «Кюми» (около 3 000 человек) продолжается уже второй месяц. На состоявшемся на-днях общем собрании стачечников не нашлось ни одного голоса за прекращение стачки. В Гельсингфорсе стачка строительных рабочих около 6 000 чел. и ломовых извозчиков протекает удивительно единодушно; продолжается тоже второй месяц. Также протекают стачки пекарей в Вааге, жестяников и медников в Таммерфорсе, каменщиков в некоторых каменоломнях и пр. и пр.

Теперь в субботу, 17 августа н. ст. в Гельсингфорсе об'явили стачку все рабочие электро-механических предприятий, пред'явив ряд требований, из которых важнейшие: 9-часовой рабочий день (теперь 10-часовой), минимальная заработная плата должна быть 45 пенни (17 коп.) в час за первый год работы, за второй год — 50 к., за третий год — 60 к., за четвертый — 70 к. и за пятый — 75 к.; за сверхурочные часы 50%, а за праздничные и ночные работы 100% (ночь считается с 10 часов вечера до 7 часов утра); за командировки, кроме обычной платы и проездных, должны платить 3 м. (1 р. 75 к.) порционных; ежегодно двухнедельный отпуск с сохранением жалованья. Кроме того, в тариф (договор) должны быть включены пункты о праздновании 1 мая, о свободном дне при выборах в сейм, признание рабочего союза, третейского суда, и выборных от рабочих, каковой тариф должен иметь силу до 1 августа 1917 года. Требования эти были пред'явлены около месяца тому назад, и владельцы предприятий в своем ответе рабочим от 22 июля высказались об этих требованиях, как о требованиях, «подлежащих ближайшему обсуждению», т. е. не нашли в них ничего «лишнего», но только не хотят подписать этот договор с союзом металлистов, а желают эти же условия подписать в отдельности с каждым рабочим. Но рабочие решили настаивать на своем, и таким образом стачка превратилась в чисто принципиальную. Стачка не касается городской электрической станции, прокладки подземного кабеля, уста-

[1] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (август), л. 80. Воспроизведено с оригинала корреспонденции П. Данилова, с приложением следующего его письма из Гельсингфорса:

«Уважаемый тов. редактор.

Произошло, повидимому, недоразумение. Вы, кажется, обещали мне высылать газету постоянно, но получил я сначала номеров двадцать сразу, а потом приносили дня четыре и с 1 августа прекратили. Устройте, пожалуйста, регулярную посылку. Отдельно о деятельности Рабочего дома очень трудно что-либо достать, ибо вся работа партии и профсоюзов и есть деятельность дома, так как все учреждения пролетариата сосредоточены в этом доме. Кое-что мне все же обещали достать и тогда пришлю.

С тов. приветом П. Данилов».

новки счетчиков там, где проводка уже готова и включена в городскую сеть освещения частных абонентов, но малейший ремонт и исправление проводов воспрещен. Стачка, повидимому, будет не продолжительной, так как время для стачки самое невыгодное для предпринимателей, ибо обычно при наступлении темных вечеров начинается самое горячее время для электротехников.

В последней своей корреспонденции я упомянул о приказе выборгского коменданта о высылке двух бывших финляндских лоцманов. Но так как приказ этот — незаконный, т. е. противоречит финляндской конституции, то лоцмана отказались подчиниться этому приказу.

Теперь по распоряжению недавно приговоренного судом к штрафу в 1 200 м. выборгского губернатора фон Пфалера их выслали силой. В субботу 17 августа наряд полиции из нескольких десятков человек явился на квартиру бывш. лоцмана Вирандера и, пред'явив ему приказ губернатора, приказал следовать за ними. На требование Вирандера выдать ему удостоверенную копию приказа ответили отказом, хотя накануне обещали. Когда Вирандера арестовали и повели, жена ободряла его словами: «Будь настоящим финном, хотя бы на виселицу повели». Когда же полиция пришла к дому другого высылаемого Германа Пуса, прослужившего в лоцманах около 40 лет, уважаемого во всей округе старика, то дом его был полон народу. На его вопрос: — «куда нас поведут?» — ему ответили, что за 7 верст от крепости. Провожать высылаемых собралась полутысячная толпа. Когда их повели к пристани, женщины украсили обоих цветами, толпа пела прощальные песни до самого берега; лавки по пути в знак протеста закрывались, по словам очевидцев, полицейские чувствовали себя очень нехорошо при исполнении этого нелепого приказа.

П. Данилов.

Корреспонденция тверских типографщиков в газету «Правда», 18 августа 1912 г.[1]

От тверских типографов[2]

У нас хоть и уездный[3] город, но царит полный хозяйский произвол,— хозяева, что хотят, то и делают; положим, ведь, у нас рабочий забитый и покорный, потому что имеют свои домики, и любят побалдить. А расценок очень даже мизерный: наборщики у нас получают от 14 р. до 22 р. (самое большое жалованье); сверхурочные часы развиты, но оплачиваются очень скудно, от 8 до 12 коп. Житье мальчиков тоже не очень радостно, они живут у родных и очень распущены. А жалованье получают первый год 1 р. или 1 р. 50 коп. в месяц, а потом, хоть взять в газете, мальчик работает по 12, если двое, а если один, то 20 к. и еще приходится ходить на станцию, потому что сторож и экспедитор одно лицо. А потом в следующих номерах газеты «Правды» опишу более точные сведения со всех мастерских, но все-таки товарищам тверитянам пора бы, Пантелей, постыдиться людей.

Г. Исаев.

---

[1] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (август), л. 141. Воспроизведено с оригинала письма с почтовым штемпелем на конверте: «Тверь, 18.VIII.1912 г.».

[2] В подлиннике помета: «Печатать заголовков не надо».

[3] Так в подлиннике.

Корреспонденция из Риги в редакцию газеты «Правда», 3 ноября 1912 г.[1]

Всеобщая стачка рижских печатников.
(См. № 157 «Правды».)[2]

В четверг 1 сентября[3] состоялось второе собрание делегатов от рабочих и хозяев по поводу всеобщей стачки рабочих печатного дела. К соглашению делегаты не пришли, и рабочие решили продолжать забастовку, которая проходит весьма дружно.

Немецкие издатели здешних четырех больших газет об'единились вместе и выпускают небольшой листочек под названием «Rigascher Nachrichtenblatt». Русская газета «Рижская мысль» выходит только для подписчиков в виде писчего листа, отпечатанного на одной стороне литографским способом. «Прибалтийский край» и «Рижский вестник» выходят на клочках бумаги в 16-ю долю листа. Латышские газеты выходят аккуратно, так как они удовлетворили требования рабочих. В общем, удовлетворили требования около 10 рижских типографий и переплетных. В этих предприятиях рабочие согласились отчислять 10% с заработка в пользу бастующих. Администрация начала преследовать бастующих рабочих, в первую голову попали еврен. Некоторые из них были арестованы, затем освобождены с лишением права жительства в Риге. Из других крупных типографских центров Прибалтийского края получаются утешительные известия: в Юрьеве и Ревеле продолжают упорно бастовать, не соглашаясь ни на какие уступки. В воскресенье, 4 ноября, состоится общее собрание рижского отделения рабочих печатного дела, где будет обсуждаться вопрос о дальнейшей тактике бастующих рабочих[4].

Корреспонденция рабочего ткацкой фабрики Ясюнинских в с. Кохме, Владимирской губ. в редакцию газеты «Правда», 18 января 1913 г.[5]

Здесь 16 января табельщик М., обходя фабрику со списком, предлагал подписать сколько-нибудь. Список выпущен от Владимирского Красного креста со следующей надписью: «Просим пожертвовать на сооружение больницы в память 300-летия дома Романовых в губернском городе Владимире». Результат получился «печальный». По подсчету суммы оказалось 4 р. 10 к.; подписали человека 3 подмастерьев, сам табельщик и шлихтовальный мастер, трое помощников ткацкого мастера и запасные подмастерья, последние, можно считать, поневоле. Многие рядовые рабочие говорили, что если бы на народный дом в с. Кохме, не жаль подписать и 50 к. Группа рабочих собрала в пользу пострадавших товарищей за профессиональный союз села Кохмы 5 руб., которые и будут переданы по назначению (не все уплатили).

Уполномоченный по выборам в IV Государственную думу Алексей Андреев Чугунов, ткацкая фабрика, постоянный подписчик «Правды».

Прошу подписать «Удалой».

---

[1] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (ноябрь), л. 61. Воспроизведено с оригинала письма, с почтовым штемпелем на конверте: «Рига, 3.XI.1912 г.».

[2] В № 157 «Правды» от 1 ноября 1912 г. была помещена заметка без подписи под заголовком: «Всеобщая забастовка печатников в Прибалтийском крае».

[3] В оригинале «сентября», следует — «ноября».

[4] Забастовка типографщиков в Риге закончилась 19 ноября, продолжалась она 3 недели и один день. Рабочие добились введения коллективно-тарифного договора, что и было целью забастовки (см. корреспонденцию из Риги в № 175 «Правды» от 23 ноября 1913 г.).

[5] ДП, Перлюстрация, 1913 г., д. № 1 (январь), л. 215. Воспроизведено с оригинала письма, с почтовым штемпелем на конверте: «Муром—Нерехта, 18.I.1913 г.».

Так же прошу ответить, можно ли подписывать анонимом «Удалой» следующие корреспонденции, а то мы опасаемся вскрытия на почте корреспонденций, что было нами уже замечено.

Здесь на фабриках вывешен закон страхования рабочих, который раздавали в большом количестве экземпляров на ситцевой фабрике.

Письмо 20 членов профсоюза металлистов в Ростове-на-Дону в редакцию газеты «Правда», 31 января 1913 г.[1]

Ввиду слияния двух крупных табачных фабрик Асмолова и Кушнарева, администрация соединенных фабрик ввела новый распорядок для рабочих. Рабочие считают новые правила для себя неприемлемыми и об'являют места гильзо-мундштучных слесарей под бойкотом. Бастуют 35 человек[2].

О вышеизложенном просят напечатать в газете.

Корреспонденция в редакцию газеты «Правда» о забастовке токарей завода Гуревича в Херсоне, 20 февраля 1913 г.[3]

18 сего месяца в понедельник, в 9 ч. утра, забастовали токаря (12 человек) механического цеха завода И. З. Гуревича. Слишком долго терпели и, наконец, после выходки директора завода Барского, решили, что больше ждать нечего. Дело в следующем. Недавно приехали по приглашению инженера цеха из-за границы 3 токаря. Каждому из них был поручен станок, на котором они и работали до 18 сего месяца. В означенный день по распоряжению Барского одному русскому токарю предложили обменяться станками с токарем-чехом. Подобных явлений не происходило до сих пор и, столковавшись между собою, токаря решили, что подобного не должно происходить, и, если поддаться одному, то тоже будет проделано и с остальными. Предложено тотчас было директору снять это распоряжение, но он в ответ предложил приступить к работам. Все стояли и не расходились. Тогда Барский, вынув свои часы, снова заявил: «Или немедленно приступить к работам, либо в течение 5 минут очистить (!) цех». Токаря «послушными» оказались и поспешили ретироваться. Сегодня третий день, как токаря не показываются на завод, и, вероятно, будет им заявлен расчет. Настроение бодрое среди токарей. Будет выставлен целый ряд других требований, о которых будет сообщено своевременно, а также и о многом другом.

С товарищеским почтением Диомид И. Самарский.

P. S. Прошу в ближайшем номере «Правды» напечатать это письмо и об'явление товарищам токарям, что все места под бойкотом.

---

[1] ДП, о. о., 1913 г., д. № 5, ч. 21, лит. В, л. 11. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

[2] Забастовка на табачной фабрике Асмолова в Ростове-на-Дону началась 31 января, ввиду того что администрация фабрики предложила слесарям перейти с месячного жалованья на сдельную оплату. 3 февраля договор найма был возобновлен на прежних условиях, и забастовавшие вновь встали на свои места (Донесение начальника Донского охранного отделения в департамент полиции от 23 февраля 1913 г. за № 874, там же, л. 19).

[3] ДП, Перлюстрация, 1913 г., д. 1 (февраль), л. 311. Воспроизведено с оригинала письма.

Корреспонденция из Новгорода в редакцию газеты «Правда», 26 февраля 1913 г.[1]

Начавшаяся забастовка в типографии «Труженик» 25 февраля продолжается. Настроение бастующих (10 человек) бодрое. Работает один штрейкбрехер Алексей Семенов (глухой). Администрация на переговоры не идет, но зато все сделано, чтобы запугать бастующих. 26 утром полиция вызвала всех бастующих в полицейское управление и «пытала» с пристрастием, кто есть квалифицированный зачинщик. Каждый допрашиваемый называл зачинщиком сначала себя, а потом перечислял остальных. К содействию полиции обратился и давал убийственные показания управляющий типографией Федорова местный общественный деятель, гласный городской думы, Владимир Апполонович Иванов, он же пытается набрать штрейкбрехеров из юнцов.

Что-ж, трудись, трудись Апполоныч!

Вывешен аншлаг: «Требуются наборщики и печатники».

Места бастующих под бойкотом, просят товарищей не занимать места бастующих.

Мелешин.

Корреспонденция из Киева в редакцию газеты «Правда», 20 февраля 1913 г.[2]

Международный женский день в Киеве[3].

Что-либо открытое — собрание или лекцию — устроить не было никакой возможности. В различных частях города состоялся ряд групповых собраний (10—20 чел.), большинство которых прошло оживленно и с под'емом. Участвовали до 150 рабочих. За несколько дней до 17-го была распространена анкета «Правды», 17-го же листок. Резолюция была принята на всех собраниях следующая: «Мы, киевские работницы, участницы собраний, посвященных международному женскому дню, приветствуем установление этого дня и присоединяемся к протесту работниц всех стран против женского бесправия, против всего капиталистического строя, являющегося главной причиной всех наших бед. Мы считаем: 1) что только организованная борьба всего рабочего класса за такой общественный строй, при котором не будет частной собственности на средства производства, а значит и угнетения человека человеком, может освободить нас женщин-работниц, 2) что добиться политических прав и улучшить свое положение в пределах существующего строя мы может только в тесном единении со всем рабочим классом, под знаменем передового отряда рабочего движения — социал-демократии.

А. И.

Корреспонденция рабочего из Риги в редакцию газеты «Правда», 2 июля 1913 г.[4]

(По водопроводному и центральному отоплению у А. И. Банкина).

Как сообщалось, 26 июня утром рабочие... забастовали, пред'явив экономические требования (16 пунктов).

---

[1] ДП, Перлюстрация, 1913 г., д. № 1 (февраль), л. 367. Воспроизведено с оригинала письма.

[2] Там же. Воспроизведено с оригинала письма.

[3] «Женский день» в России праздновался открыто первый раз в 1913 г., 17 февраля.

[4] ДП, Перлюстрация, 1913 г., д. № 1 (июль), л. 39. Воспроизведено с оригинала письма, с почтовым штемпелем на конверте: «Рига, 2.VII. 13».

28-го к забастовке примкнули и рабочие Неймана, всего бастовало около 120 чел. До 1 июня забастовка протекала дружно, 1-го утром собрались все рабочие, решили продолжать забастовку до выполнения пред'явленных требований, но вопреки этому решению нашлись лакеи, которые, кроме своей рабочей силы, продали хозяину свою личность и товарищескую солидарность; 1 июля после обеда штрейкбрехеры: Зорин, Кронталь, Пурин и Ягер согласились поехать на работу в Юрьев. После этого другие прислужники Банкина, работавшие у Неймана — Сал., Лаз. и Бел. взялись самым решительным образом срывать забастовку. 2 июля большинство рабочих стало работать на старых условиях (выдано за удержанный час, из-за которого произошел конфликт). Более сознательные рабочие около 30 человек взяли расчет. Насколько в адских условиях работают рижские рабочие по этой профессии, видно из того, что, кроме Банкина, в ряде других фирм предполагаются забастовки, как-то: Лангензиппен и К-о, Шурп и др. уже пред'явили требования, и вот в такой решительный момент, когда они от нас ожидали поддержки, наши штрейкбрехеры поступили так позорно. Таким образом, ввиду неорганизованности и стараниями штрейкбрехеров забастовка проиграна. Помните товарищи, что в единении сила, записывайтесь в свой профессиональный союз металлистов, и читайте рабочие газеты, которые укажут истинный путь.

Бастующий рабочий.

Письмо работниц чаеразвесочной фабрики «В. Высоцкий и К-о» в редакцию газеты «Северная Правда», 26 августа 1913 г.[1]

После заметки в № 17 «Северная Правда», наша администрация начинает метать свою власть направо и налево[2]. В поисках корреспондента заметки приняты все меры. Конторщик из развески без всякого повода уволен скорострельно. Вечером его попросили в нижнюю контору и выдали жалованье за две недели вперед и попросили оставить фабрику.

Начинают сортировать с верхов, а что с нами, работницами, будет, пока сказать трудно.

Дорогие подруги! Нужно нам сомкнуть свои ряды и не позволять администрации чинить над нами произвола.

Стыдливый и 3 работницы.

---

[1] ДП, Перлюстрация 1913 г., № 1163. Воспроизведено с фотоснимка письма, хранящегося в делах департамента полиции вместе с фотоснимком следующего письма за подписью «Ринзо», написанного тем же почерком и адресованного также в контору газеты «Северная Правда». Загородный, 6, кв. 5, с тем же почтовым штемпелем на конверте: «Петербург, Николаевский вокзал. 26.VIII. 1913 г.».

«Обращаюсь к вам, как к целебному источнику, от которого зависит моя жизнь. Я служил на одной из фабрик Петербурга и за распространение рабочей литературы и пропаганды среди рабочих уволен. В расцвете лет без работы — жизнь каторга. Не знаю, на что теперь решиться. На самоубийство? Но это глупость. Прошу вашего совета Я желал бы посвятить свою жизнь на пользу человечества. О, я был бы счастлив, если бы своей смертью мог принести хоть каплю пользы в борьбе «низших» с сильными мира сего.

На страницах газеты «Северная Правда» соблаговолите дать краткий совет.

Ринзо».

[2] В № 17 «Северной Правды» от 22 августа 1913 г. была напечатана корреспонденция в отделе «Женский труд» о низкой зарплате и антигигиенических условиях на чаеразвесочной фабрике «В. Высоцкий и Ко» за подписью: «Рабочий и 3 работницы». «Северная Правда» — одно из названий газеты «Правда», под которым она выходила с 1 августа по 7 сентября 1913 г.

Убедительно просим поместить корреспонденцию на страницах уважаемой газеты.

Из корреспонденции работницы из Варшавы в редакцию газеты «Правда Труда», 28 сентября 1913 г.[1]

25 сентября еврейские рабочие Варшавы пережили необычайный день.

Уже за несколько недель до суда Бейлиса[2] было организовано собрание представителей всех профессиональных союзов, где был поставлен вопрос, как реагировать на кошмарное дело Бейлиса. Единогласно был решен вопрос об однодневной всеобщей забастовке в знак протеста. Сейчас были организованы три комиссии по 35 человек, куда вошли представители следующих профессий: металлисты, портные, сапожники, заготовщики, кожевники, переплетчики, булочники, наборщики, шапочники и др. Работа закипела, были организованы собрания, где указывалось, что делом Бейлиса реакция желала оправдать свою националистическую политику и т. д. Во многих фабриках и мастерских произошли собрания по поводу суда Бейлиса; была принята единогласно резолюция 25 сентября забастовать. Следует отметить, что рабочие охотно встречали представителей рабочих; из нескольких отделений фабрики рабочие сходились в одну комнату и жадно слушали ораторов...

25 сентября с утра забастовали в большинстве вышеназванных профессий[3]. На тех фабриках и мастерских, где работали после того, как проходили рабочие и об'ясняли значение забастовки, рабочие охотно бросали работу. До полудня стало известно, что бастуют до 20 тысяч рабочих. Бастовали также около 300 польских рабочих. В рабочих кварталах с утра толпами прогуливались рабочие. В три часа дня на углу Дикой и Новолипки произошла манифестация в несколько сот рабочих. Полиция разогнала манифестантов. Рабочие с пением разошлись по другим улицам. Настроение у всех было бодрое, приподнятое. Это был протест против всей реакции последних лет. Не дремала полиция, которая 24 сентября уже останавливала прохожих рабочих, требуя паспорта и обыскивая. 25-го с утра по рабочим кварталам были усиленные отряды полиции; многих арестовали. В 8 часов вечера закрыли ворота всех домов, дабы в случае демонстрации, демонстрантам некуда было скрыться от полиции.

Следует отметить еще один факт. 24 сентября рабочие зашли в редакцию «Момент», зовя рабочих примкнуть к забастовке. Это — газета, которая столько «слез» пролила по поводу дела Бейлиса. Зная, для чего пришли рабочие, администратор этой желтой газеты обругал одного рабочего нецензурными словами и четырех арестовал. Рабочие возмущены этим фактом, так как наша желтая пресса либеральничает до кармана[4]. А как дело доходит до кармана, сама готова всех пре-

---

[1] ДП, Перлюстрация, 1913 г., д. № 1 (сентябрь), л. 91. Воспроизведено с оригинала письма, адресованного в Петербург, Свечной, 11, 2-й этаж, комн. 84, «Правда труда», с почтовым штемпелем на конверте: «Варшава, 28.X.13».

[2] Дело Бейлиса — всемирно известный нашумевший процесс по обвинению Менделя Бейлиса в убийстве с религиозной целью мальчика Андрея Ющинского. Инсценировка этого процесса царским правительством имела своей целью сплотить все реакционные элементы и подготовить еврейские погромы. Процесс происходил в сентябре — октябре 1913 г. в Киеве и вызвал сильное общественное возбуждение и демонстрации протеста. Бейлис был оправдан.

[3] Так в подлиннике.

[4] Так в подлиннике.

дать и продать. Этот урок не пройдет для рабочих даром, они научатся ценить только свою рабочую прессу.

Работница П-н а.

Корреспонденция из Ревеля в редакцию газеты «За Правду», 16 октября 1913 г.[1]

Сегодня 16 октября, день 8 годовщины поминовения безвременно погибших товарищей на городской площади, прошел довольно оживленно, несмотря на ненастный день[2]. Во многих фабриках и заводах еще 15 октября было решено: 16-го совсем в завод не приходить. Из 1 900 человек рабочих завода «Двигатель» пришло только человек 150 и то только для того, чтобы демонстративно уйти обратно, что и было блестяще проделано. Полицейские наряды всюду были усилены, по улицам города раз'езжали конные городовые, у ворот всех фабрик и заводов стояли «молодцы», которых на время пригнали из окрестностей города. Наша полиция настолько усердствует, что не разрешила хоронить в этот день товарища, умершего 10 октября.

Забастовка плотников завода «Двигатель» продолжается, 12-го получили расчет и постановили не итти ни на какие уступки до полного удовлетворения всех требований. Места и работа под бойкотом.

Корреспонденция из Риги в редакцию газеты «За Правду», 13 ноября 1913 г.[3]

Рижская фабрика трансмиссии «Мотор».

6 ноября в 9 час. утра рабочие бросили работу в знак протеста против суда над бастующими рабочими и устроили собрание. Говорилось о беззаконном действии администрации (по поводу суда над рабочими), о том, что правительство идет рука об руку с хозяевами, что доказывает наложение штрафов за последние забастовки. Собрание решило, в случае наложения штрафа, пред'явить экономические требования. В конце приняли резолюцию против суда над бастующими рабочими (принята единогласно). Участвовало 260 человек.

Круглый.

Корреспонденция из Петербурга в редакцию газеты «Пролетарская Правда», 31 декабря 1913 г.[4]

Извозчики просыпаются.

Всеобщий под'ем рабочего движения захватил с собой и долго спавший отсталый элемент...

---

[1] ДП, Перлюстрация, 1913 г., д. № 1 (октябрь), л. 83. Воспроизведено с оригинала письма, адресованного в контору редакции газеты «За Правду», Петербург, Ивановская, 11, кв. 8, с почтовым штемпелем на конверте: «Ревель, 17.X.13». «За Правду» — одно из названий газеты «Правда», под которым она выходила с 1 октября по 5 декабря 1913 г.

[2] В Ревеле в дни восстания и всеобщей забастовки 14—17 октября 1905 г. были многочисленные столкновения с войсками; было много убито и ранено (см. хронику «Революционные дни в России» в № 24 газ. «Пролетарий», от 7 ноября (25 октября) 1905 г.; «Вперед» и «Пролетарий», изд. Истпарта ЦК ВКП(б), вып. VI, стр. 84).

[3] ДП, о. о., 1913 г., д. № 23, ч. 40, лит. Б, л. 90. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

[4] ДП, о. о., 1910 г., № 5, т. 3, л. 277. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма Алея Умова — А. П. Устинова. Согласно записки Петербургского охранного отделения за № 5 от 4 января 1914 г. Устинов — по профессии легковой извозчик (там же, л. 276); «Пролетарская Правда» — одно из названий газеты «Правды», под которым она выходила с 7 декабря 1913 г. по 21 января 1914 г.

Так, на второй день рождества возник конфликт у содержателя легкового извоза А. В. Воронина, живущего в собственном доме на Огородной улице по Лиговке за полотном Царско-Сельской железной дороги. Тут новоиспеченные хозяева захотели запугать рабочих, позвали полицию в лице помощника пристава, околодочного и господина в гороховом пальто...

Товарищи извозчики, теперь очередным вопросом является организация в союз...

Итак, товарищи извозчики, организуйтесь в кружки и затем организуйте свой профессиональный союз.

Алей Умов.

Корреспонденция из Риги в редакцию газеты «Путь Правды», 4 апреля 1914 г.[1]

Задвинские рабочие с 4 апреля.

Двина, протекающая через г. Ригу, пересекает ее на две части. Она же разделяет рабочую Ригу. За Двиной, как-то меньше развито классовое самосознание рабочих масс. Здесь слабее и меньше организация, реже стачки и чаще их поражение и вообще как-то все движение здесь слабее. Это мы замечали в течение трех лет нашего возрождения. Но четвертый год возрождения идет большими скачками, чем прошлые три года. Это мы видим опять-таки в самой жизни. Задвинские рабочие, не поспевшие шествовать за своими товарищами, за большинством рижских пролетариев в течение трех лет, на текущей неделе доказали, что они догоняют своих товарищей и, если еще не совсем сравнялись со всем рижским пролетариатом, то почти что сравнялись, но раз сравнялись, больше не отстанут.

Под'ем настроения в рабочих массах нельзя не заметить, ибо он растет не по дням, а по часам. Я уже заметил, что задвинские рабочие в течение трех лет нашего возрождения считались от всего рижского пролетариата отсталыми: там, кроме слабых организаций и слабого сопротивления, еще и заработная плата ниже других мест, но все же рабочие задвинские показали нам, что рабочие могут перенести все трудности и что их боевого рвения не могут остановить никакими средствами. Доказательством этому служит то, что за Двиной 1, 2 и 3 апреля, за эти три дня, у многих больших фабрик состоялись митинги. Вечером, выходя из фабрики, рабочие останавливались у ворот и выражали свой протест против всего режима и создателей братских могил, и также выразили свою готовность на решительную борьбу за неурезанные лозунги. Мне удалось собрать пока сведения только из следующих крупнейших фабрик: резиновая фабрика «Каучук», машиностроительный завод «Мантель», проволочная фабрика «Толов», ножевая «Маузнер», Засенгофская бумаго-прядильная и ткацкая мануфактура, лаковый завод «Кох», машиностроительный «Шмидт», гвоздильная фабрика Стар и К-о, замочная Германгауз, фабрика шерстяных изделий «Текстиль» и то же шерстяных изделий, бывший Гозм. В этих фабриках приблизительное число рабочих больше 10 000, а сколько еще мне неизвестных...

У всех одиннадцати поименованных предприятий говорились речи на русском и латышском языках и большинство из этих митингов оканчивалось пением «Варшавянки», похоронного марша и других

[1] ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, ч. 40, лит. Б, лл. 7—8. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма. «Путь Правды» — одно из названий газеты «Правда», под которым она выходила с 22 января по 21 мая 1914 г.

революционных песен. У завода «Мантель» сам хозяин с городовыми кричал: «Арестовать, всех арестовать». Но этот крик остался вопиющим в пустыне. У «Текстиль», где работают большинство женщин, полиция хотела взять «черного цыгана», так они звали русского оратора, но и это не удалось. Работницы сомкнулись дружными рядами, так крепко сцепили свои иссохшие от труда и голода руки, что полиция не могла разорвать их. Употребить оружие, видно, нехватило смелости блюстителям порядка. Городовые рвутся, работницы не пускают, а мужчины рабочие одни женщинам помогают, другие следят за блюстителями порядка, дабы не зарывались.— «Пустите»,— кричат полицейские. «Нет не пустим»,— отвечают работницы. Сказано и сделано. Митинг состоялся, несмотря на вмешательство полиции. Рабочие и работницы с пением революционных песен разошлись по домам. Так подготавливались рижские рабочие к дню 4 апреля — памяти расстрела своих ленских товарищей. В этот день мы вспоминаем и другие братские могилы.

Станислав Рижский[1].

Письмо группы кондитеров «Провиданс» из Нижнего-Новгорода в редакцию газеты «Путь Правды», 5 апреля 1914 г.[2]

Мы, группа кондитеров, узнав о тяжелом положении петербургских товарищей, пострадавших от локаута, шлем в пользу их два рубля и присоединяем свой голос протеста всего русского пролетариата[3].

Товарищ, нельзя ли выяснить теперь же литературу в память дня рабочей печати[4], как ее можно выписывать и сколько будет.

Резолюция рабочих портных г. Москвы в редакцию газеты «Правда», 5 июля 1914 г.[5]

Мы, рабочие портные, выбранные от разных мастерских (32 человека), шлем свой братский привет товарищам бакинцам и самые наилучшие пожелания в вашей тяжелой борьбе с капиталом, а также глубоко возмущены и протестуем против действий власти администрации, которая ополчилась против вас. Боритесь, братья, лучшие дни все же наступят.

---

[1] В № 5 газеты «Правда Труда» от 15 сентября 1913 г. была напечатана за подписью «Станислав Рижский» корреспонденция из Риги под заголовком: «Как хозяева делают выборы».

[2] ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, ч. 48, лит. Б, л. 4. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

[3] В Петербурге с начала марта 1914 г. началась политическая стачка в знак протеста против гонения на рабочую печать, преследования рабочих организаций и в связи с об'яснениями правительства по поводу запроса о Ленском расстреле (Заседание Госуд. думы 12 марта 1914 г.). Собрание петербургских заводчиков и фабрикантов решило ответить на забастовки рабочих локаутом; 20 марта заводы были закрыты, и до 70 тысяч рабочих было выброшено на улицу.

[4] «День рабочей печати» впервые организован был большевиками 5 мая/22 апреля 1914 г. в день двухлетнего юбилея выхода первого номера газеты «Правда» (22 апреля 1912 г.).

[5] Моск. охр. отд. разр. 1914 г., д. № 18, л. 377. Воспроизводится с копии перлюстрированного письма за подписью 32 рабочих, присланной департаментом полиции в московское охранное отделение. «Путь Правды» — одно из названий газеты «Правда» — выходил с 22 января 1914 г. и был закрыт 21 мая 1914 г. С 23 мая по 8 июля 1914 г. «Правда» выходила под названием «Трудовая Правда».

Резолюция рабочих фабрики Погонышева в Москве в редакцию газеты «Трудовая Правда», 6 июля 1914 г.[1]

Уважаемый товарищ редактор, просим поместить нашу корреспонденцию в нашей защитнице, рабочей газете.

Мы, рабочие фабрики Погонышева, чутко прислушиваясь к событиям рабочего движения, не можем не выразить нашего горячего протеста против насилий и вооруженной силы действующей полицейской власти над нашими товарищами-рабочими по поводу выступлений их в Баку[2] и Петербурге. Мы выносим резолюцию протеста против всех полицейских репрессий и повторяющихся зверских расправ с рабочими, этих Ленских расстрелов, которые и до сих пор не прекращаются.

Эта резолюция принята единогласно всеми рабочими за исключением ниже перечисленных лиц, которые категорически отказались поддержать наше глубокое возмущение, дорожа своим поденным заработком. За что мы и презираем их и будем бойкотировать. Эти лица следующие: из шлифовки — Михайлов А., Самароков Е., Пуздраков В., из малярного отделения Богачкин Я., Антинов П., из медного Калинин, довольно-таки подлая личность, и один столяр Евдокимов И.

Корреспонденция из Петербурга в редакцию «Трудовой Правды», 8 июля 1914 г.[3]

Столярно-мебельная мастерская М. М. Мотылева, Боровая ул., 14. У нас в мастерской работают 12 человек подмастерьев и 8 учеников. Рабочий день 10 часов и это г. Мотылеву кажется мало. У нас два хозяина, и оба целый день ходят от верстака к верстаку, чтобы подмастерья не стояли. А если увидят это, то начинают говорить: «Если ты не желаешь работать, то можешь взять расчет». Подмастерья получают от 1 р. 10 к. до 1 р. 70 к. в день. Сознательных товарищей почти нет, в союзах и обществах состоят очень мало. Большинство стоит за то, чтобы рабочих газет не читать, а делать складчину на сороковку. 7 июля была однодневная забастовка против расстрела и был сбор в фонд защитницы наших интересов «Трудовой Правды» и собрали 2 р. 20 к. Некоторые товарищи давали на газету с неохотой, говоря, что у них самих мало. Стыдно, товарищи! Пора проснуться и стать на защиту своих интересов.

Свой.

Резолюция рабочих Каспийского машиностроительного и котельного завода в редакцию «Трудовой Правды», 9 июля 1914 г.[4]

По поводу забастовки Бакинских рабочих.

Товарищи, просим напечатать нашу резолюцию. Мы, рабочие Каспийского машиностроительного и котельного завода, обсудив всесто-

[1] Моск. охр. отд. разр. 1914 г., д. № 18, л. 316, Воспроизводится с копии, присланной в московское охранное отделение, перлюстрированного департаментом полиции письма, адресованного на имя члена Государственной думы Г. И. Петровского.

[2] Речь идет о всеобщей забастовке нефтепромышленных рабочих в Баку, начавшейся 29 мая 1914 г. 30 мая забастовавшие подверглись расстрелу при попытке агитировать за забастовку.

[3] Фонд веществ. доказ., кор. 3, № 502. Воспроизведено с оригинала письма Владимира Ватажнова. В. Д. Ватажнов был арестован 8 июля 1914 г. в помещении редакции газеты «Трудовая Правда», где происходило «совещание руководителей и представителей местных (петербургских) с.-д. большевистских групп и организаций по делу о происходивших в начале июля сего года в Петербурге уличных выступлениях рабочих» (ДП, VII, 1914 г., д. № 1654, лл. 15—16).

[4] ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, ч. 6, лит. Б, л. 17. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма в редакцию «Наша рабочая газета».

ронне создавшееся положение товарищей бастующих, протестуем против произвольного действия бакинской администрации во главе с Мартыновым[1]. Приветствуем вас, дорогие товарищи, в вашей упорной борьбе, в знак протеста об'являем двухдневную забастовку и отчисляем в фонд бастующих поденное жалованье.

Просим товарищей передать корреспонденцию и в редакцию «Трудовой Правды».

Резолюция представителей профессиональных и культурно-просветительных организаций Киева в редакцию газеты «Трудовая Правда», 12 июля 1914 г.[2]

Просим поместить нижеследующую резолюцию:

Мы, представители профессиональных и культурно-просветительных организаций Киева, присоединяем свой голос к горячему протесту всего Российского пролетариата против насилий над мирными стачечниками г. Баку и против расстрела петербургских рабочих[3].

К этой резолюции присоединилась руководящая группа приказчиков марксистов, группа организованных столяров и группа организованных металлистов (15 человек).

С товарищеским приветом Д. К.

III. Большевистская фракция Думы и рабочие массы

Резолюция группы оренбургских марксистов для газеты «Звезда», 19 марта 1912 г.[4]

Мы, нижеподписавшиеся, в собрании, состоявшемся 18 марта сего 1912 года, вынесли следующую резолюцию по поводу выхода депутата Белоусова из социал-демократической фракции. Просим социал-демократическую фракцию III Государственной думы сделать г. Белоусову гласное порицание за его неблаговидный поступок и просить его, даже от имени всего рабочего класса России потребовать от него сложения своих депутатских полномочий[5].

Просим настоящую резолюцию поместить в ближайшем № «Звезды».

Группа оренбургских марксистов.

---

[2] Мартынов П. И. был градоначальником г. Баку.

[2] ДП, о. о., 1914 г., л. № 5, ч. 32, лит. Б, л. 113. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма.

[3] Речь идет о расстреле 3 июля 1914 г. митинга рабочих Путиловского завода по поводу Бакинской стачки.

[4] ДП, о. о., 1912 г., д. № 307, л. 88. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма, посланного в социал-демократическую фракцию III Государственной думы.

[5] В. И. Ленин написал статью: «По поводу ухода депутата Т. О. Белоусова из с.-д. думской фракции», которая была опубликована в № 17 «Звезды» от 26/13 марта 1912 г. за подписью «Т.». Депутат от Иркутской губ. Т. О. Белоусов, будучи выбран в Госуд. думу «под знаменем с.-д.» и пробыв в с.-д. фракции 4 года, вышел из фракции в феврале, за несколько месяцев до новых выборов, оставаясь членом думы. Ленин в своей статье называет подобный поступок предательством и призывает рабочих требовать ухода Белоусова из думы («Звезда», вып. V, стр. 133—136; Ленин, Соч., т. XV, стр. 411—414).

Корреспонденция из Астрахани в редакцию газеты «Правда», 21 октября 1912 г.[1]

Выборы по Астраханской губернии закончились. Среди 44 выборщиков был один от рабочих — социал-демократ. Он был выбран 23 уполномоченными, которые все были также социал-демократы или сочувствующие социал-демократам. Несмотря на то, что организации партийной здесь нет уже с 1908 г., но среди рабочих сохранилось влияние социал-демократов. Накануне выбора выборщиков от рабочей курии местная группа социал-демократов выпустила обращение ко всем уполномоченным с приглашением голосовать за социал-демократов. В обращении были выставлены лозунги сторонников «Правды». Выбранный выборщик — также сторонник «Правды». По второй городской общей курии прошел выборщиком сочувствующий рабочей демократии доктор Нариманов. Кандидат конституционалистов-демократов, присяжный поверенный Дайхес, получил меньше трети поданных голосов. По второй русской курии кандидаты левых — приказчик социал-демократ и доктор социал-революционер — получили больше трети голосов. И это несмотря на то, что их кандидатуры были выставлены в самую последнюю минуту и никакой агитации за них не велось. В то время как бюллетени конституционалистов-демократов, как и правых, свободно распространялись, бюллетени левых были конфискованы. Выборы по Астрахани доказали с несомненностью, что население значительно полевело. Выбранные депутаты в общем левее прежних депутатов. Ввиду неопределенности положения на собрании выборщиков и существовавших сомнений, что могут пройти правые, рабочий выборщик, как и трое других выборщиков, сочувствовавших с.-д., дали свои голоса кадетам. Как показали результаты голосования опасения эти были напрасны. Можно было не пачкаться и не голосовать за кадетов.

Прошу верить, пишет ссыльный товарищ ленинец.

Адрес свой сообщу как-нибудь особо.

Резолюция группы рабочих г. Ярославля для газеты «Правда», 15 февраля 1913 г.[2]

Товарищи депутаты!

Возмущенные до глубины души наглым поступком Петербургской охранки, в поисках «крамолы» ни с чем не считающейся, ворвавшейся

Решение фракции по этому делу было напечатано в заметке «К уходу из думской с.-д. фракции Белоусова» в № 12 «Звезды» от 23 февраля 1912 г. («Звезда», вып. V, стр. 16—17).

Письмо Белоусова о причинах выхода из социал-демократической фракции опубликовано в № 27 «Звезды» от 8/21 апреля 1912 г. в тексте корреспонденции из Красноярска за подписью «Один из рабочих», с указанием, что это письмо, напечатанное в № 65 «Сибирской жизни», вызвало негодование красноярских рабочих, которые считают, что к «выходу Белоусова из фракции нет никаких причин, кроме личных».

[1] ДП, Перлюстрация, 1912 г., д. № 1 (октябрь), л. 264. Воспроизведено с оригинала письма со след. пометой департамента полиции на перлюстрированной копии этого письма (л. 263): «Приложение: гектографированное воззвание «Астраханской группы РСДРП» с припиской чернилами: «Просим переслать Вл. Ил-чу» [Ленину]».

[2] ДП, Перлюстрация, 1913 г., д. № 1 (февраль), л. 227. Воспроизведено с оригинала письма, написанного И. Воиновым на имя члена Государственной думы А. Е. Бадаева.

среди ночи в квартиру депутата социал-демократической фракции Государственной думы Петровского, разделенные расстоянием в несколько сот верст, мы, группа сознательных рабочих Ярославля, не имея иных способов выражения своего негодования, всеми фибрами возмущенной души протестуем против столь наглого нарушения права неприкосновенности личности и звания депутат. В то же время сознавая то, что депутаты социал-демократической фракции Государственной думы, призванные выразить волю всего пролетариата, будучи изолированными во вражеском стане, бессильны единично защитить свою личность от подобных нарушений элементарных прав депутата, человека и гражданина.

Рабочий класс всей России, пославший своих представителей в Думу, должен оградить неприкосновенность своих депутатов и выразить свой гнев не одними только бумажными резолюциями.

Группа сознательных рабочих Ярославля: Ив. Воинов, Иван Минеев, Алексей Вонифатов, Александр Бараев, рабочий свинцово-белильного завода Оловянишникова.

Товарищ Бадаев! Настоящую резолюцию протеста просим огласить в рабочей печати.

Иван Воинов.

Резолюция группы латышских марксистов г. Вендена, Лифляндской губ. в редакцию газеты «Правда», 11 марта 1913 г.[1]

Рассмотревши во всей совокупности отношение социал-демократической фракции IV Государственной думы к рабочей печати и идейное соотношение двух ныне существующих рабочих газет «Луча» и «Правды», в связи с последующим выступлением четырех членов фракции из числа сотрудников «Луча», мы, группа сознательных латышских марксистов, признаем поступок четырех членов социал-демократической фракции вполне обоснованным[2].

Обоснованным не словесными формулами, а требованиями самой партийной жизни — борьбой за великое дело самоосвобождения рабочего класса из под гнета капитала. «Раскола» со стороны четырех депутатов здесь нет, да и быть не может. Разве в том случае, если их сотрудничество в ликвидаторской газете продолжалось бы. Мы хорошо понимаем, сколь дорого может обходиться пролетариату такое «единство», где при одной и той же конечной цели, ведется двойственная, противоречащая тактика борьбы; знаем, сколь вообще единство для политической партии необходимо, но смело утверждаем, что нужно витать в облаках, чтобы полагать, что люди, укрепляющие рабочую партию и — отрицающие ее, могут сочетаться в единство. Этому противоречат партийные интересы. Неблагоразумно, соединяясь с ликвидаторами, поощрять отрицательное отношение к подполью, в котором впервые создалось политическое сознание своей мощи рабочего, и которое всегда оправдывал опыт классовой борьбы, увековеченный кровью пролетарских праведников.

Пусть думают над этим остальные семь депутатов: не является ли их сотрудничество в «Луче» невольной попыткой к расколу, ибо они

---

[1] ДП, Перлюстрация, 1913 г., д. № 1 (март), л. 162. Воспроизведено с оригинала письма.

[2] Рабочие депутаты, большевики тт. Бадаев, Петровский, Самойлов, Шагов, выступили 1 февраля 1913 г. в «Правде» с открытым письмом к редакции ликвидаторской газеты «Луч» с требованием снять свои подписи из числа сотрудников газеты, выразив протест против ликвидаторской линии газеты, полной нападок на партию.

поддерживают ликвидаторов. Ликвидаторство и рабочее движение — две вещи несовместимые, друг другу враждебные. Между тем каждое крупное разногласие вызывает злорадные усмешки врагов социал-демократии, вселяет раздор и удручающе действует на местах; общее дело оскверняется чуть ли не личной перебранью.

Принято единогласно (33 человека).

От имени товарищей прошу напечатать вышеизложенное в вашей газете.

В. Пелец.

Нелегальная работа большевистской фракции IV Государственной думы

(По документам департамента полиции)

В конце 1913 г. депутаты-большевики образовали в IV Госуд. думе самостоятельную фракцию, порвав с меньшевистской «семеркой» депутатов. С самого начала работ IV Госуд. думы депутаты-большевики, ведя огромную думскую и внедумскую работу за сплочение и организацию масс вокруг неурезанных, революционных лозунгов, встречали упорное сопротивление со стороны депутатов-меньшевиков («семерки»). «Семерка — колеблющиеся в сторону ликвидаторства люди, вчера шедшие вполне за Даном, сегодня с тоской переводящие свои взгляды с Дана на Троцкого и обратно,— писал В. И. Ленин.— Ликвидаторы, это — отколовшаяся от партии группа легалистов, проводящая либеральную рабочую политику. В виду отрицания ими «подполья», ни о каком единстве с этой группой в делах партийного строительства и рабочего движения не может быть и речи. Кто думает иначе, тот глубоко заблуждается, не учитывая глубины происшедших после 1908 года перемен [1].

«Кто не понял до сих пор, почему и зачем РСДР Фракция отделилась от социал-демократической фракции, мирившейся с легализмом и оппортунизмом, тот пусть учится теперь на отчете судебного процесса о работе Муранова и Петровского. Эту работу вели не только эти двое депутатов, и лишь безнадежно-наивные люди могут мечтать о соединимости подобной работы с дружелюбным, терпимым отношением к «Нашей Заре» или к «Северной Рабочей Газете», к «Современнику», к О. К. или к Бунду»,— писал Ленин в статье «Что доказал суд над Р. С.-Д. Р. Фракцией» [2].

Самое замечательное в деятельности депутатов-большевиков IV Гос. думы заключалось в том, что они, создав самостоятельную думскую большевистскую фракцию, сумели превратить ее в один из центров нелегальной партийной работы.

Внедумская работа занимала большое место в деятельности большевистской думской фракции. Больше того, вся думская деятельность (запросы, думские речи) депутатов-большевиков фактически служила целям и задачам внедумской работы. Своими речами депутатам-большевикам удалось превратить думскую трибуну в средство массового политического просвещения и организации миллионов пролетарских и трудящихся масс.

С трибуны черносотенной IV Государственной думы не раз звучали слова великого Ленина в речах депутатов-большевиков. Речь Г. И. Петровского по национальному вопросу (20 мая 1913 г.), речь А. Е. Бадаева о политике министерства народного просвещения (4 июня 1913 г.), речь Н. Р. Шагова об аграрной политике самодержавия (9 июня 1913 г.) и т. д. были написаны Владимиром Ильичем Лениным.

Рабочим депутатам не удавалось целиком оглашать ленинские произведения. Их речи прерывались криками с правых скамей, одергиванием председателем октябриста М. Родзянко. А на завтра миллионы рабочих в легальной большевистской «Правде» читали стенограмму речи депутата-большевика, произведения, оглашенную с думской трибуны рабочим депутатом.

---

[1] Ленин, Соч., т. XVII, стр. 389.
[2] Там же, т. XVIII, стр. 131.

Вся думская деятельность большевистской фракции была подчинена задачам борьбы рабочего класса. Рабочие депутаты точно следовали директивам сталинского наказа «петербургских рабочих своему рабочему депутату»: ...«Чтобы рабочий класс мог с честью выполнить роль вождя народного движения, — писал в наказе товарищ Сталин,— он должен быть вооружен сознанием своих интересов и большой организованностью.

Думская трибуна и является одним из лучших средств при данных условиях для просвещения и организации широких масс пролетариата.

Именно для этого и посылаем в Думу нашего депутата, поручая ему и всей соц.-дем. фракции IV Думы широкое распространение с думской трибуны наших требований, а не пустую игру в законодательствование в Государственной Думе. Мы бы хотели, чтобы соц.-дем. фракция IV Думы и наш депутат в частности высоко держали знамя рабочего класса во враждебном им лагере черной Думы.

Мы бы хотели, чтобы с высоты думской трибуны громко раздавались голоса соц.-дем. фракции о конечной цели пролетариата, о полных и неурезанных требованиях пятого года, о русском рабочем классе, как вожде народного движения, о крестьянстве, как наиболее надежном союзнике рабочего класса, о либеральной буржуазии, как изменнице «народной свободы».

Мы бы хотели, чтобы в своей работе на почве вышеупомянутых лозунгов соц.-дем. фракция IV Думы была единой и сплоченной. Чтобы она черпала свою силу в постоянном общении с широкими массами. Чтобы она шла нога в ногу с политической организацией рабочего класса в России» [1].

Каждое более или менее значительное событие в российском рабочем движении было поддержано с думской трибуны большевистскими депутатами (запросами, речами и т. д.). Их речи с трибуны черносотенной Думы всегда являлись призывным кличем к борьбе с самодержавием и буржуазией. В свою очередь запросы в Думе депутатов-большевиков, их выступления с думской трибуны поддерживались массовыми забастовками российского пролетариата и в первую очередь — петербургского его отряда.

В день открытия IV Государственной думы, по призыву большевиков, в Петербурге бастовало до 50 000 рабочих. Это был протест рабочего класса против всего третьеиюньского режима и против черносотенной IV Государственной думы.

14 декабря 1912 г., когда в Государственной думе обсуждался запрос социал-демократической фракции о преследовании профессиональных союзов и с речью выступал депутат петербургских рабочих большевик А. Е. Бадаев, петербургский пролетариат по призыву большевиков об'явил в этот день однодневную забастовку поддержки запроса социал-демократической фракции Думы и выступления своего рабочего депутата.

В ноябре 1913 г. большевистская фракция Думы разработала законопроект о восьмичасовом рабочем дне. Это был один из первых шагов деятельности большевистской «шестерки», после того как она стала самостоятельной думской фракцией. Законопроект в Думу внесен не был, но, опубликованный в большевистской «Правде», он обсуждался на сотнях рабочих собраний и митингов. Сотни резолюций рабочих, приветствовавших этот шаг рабочих депутатов, получила большевистская фракция в ноябре—декабре 1913 г. Ряд партийных организаций (Петербургская и др.) выпустили специальные листовки к рабочим с призывом поддержать законопроект большевистской фракции Думы.

[illegible]ступал петербургский пролетариат и в мартовские дни 1914 г., когда чер[illegible]ая Дума обсуждала запросы о ленских расстрелах и о массовом отрав[illegible]ниц и рабочих на «Треугольнике» в Петербурге и на «Проводнике»

[illegible]еятельность большевиков связывалась с открытой борьбой проле[illegible]лась в средство просвещения и организации миллионов тру[illegible]революцию под знаменами большевиков.

Владимир Ильич в беседах с рабочими депутатами во время краковского совещания ЦК РСДРП с партийными работниками говорил:

«Рабочие депутаты должны использовать думскую трибуну для агитационных выступлений, для того, чтобы двигать вперед революционное движение в стране путем разоблачения и царского правительства и всей фальши так называемых либеральных партий. Рабочего депутата должен слышать весь рабочий класс России... Большевистская шестерка как часть единого партийного целого должна вести огромную работу вне Думы. Создание партийных организаций, руководство ими, партийная печать, работа в профессиональных обществах — все это является первейшей обязанностью рабочих депутатов, требующей от них огромного напряжения и энергии. Рабочий депутат должен находиться в постоянной связи с широкими рабочими массами, со всеми рабочими легальными и нелегальными организациями, которые должны видеть в думцах-большевиках своих руководителей и организаторов революционной борьбы...» [1].

Депутаты-большевики выполнили директиву вождя партии. Большую работу развернули они по руководству рабочими выступлениями, восстановлению и укреплению большевистского подполья и т. д.

Публикуемые нами документы, несмотря на их полицейский источник, дают представление о тех неслыханных трудностях, в которых работали рабочие-депутаты (неотступная слежка, провокация и т. д.), и вместе с тем о той колоссальной работе, которую они проделали, несмотря на все эти трудности.

Петербургский пролетариат и его большевистская партийная организация, воспитанные и закаленные в боях под личным руководством Ленина и Сталина, шли в авангарде борьбы российского пролетариата. Депутатская неприкосновенность депутата петербургских рабочих А. Бадаева широко использовалась большевистской партийной организацией в целях нелегальной партийной работы.

А. Бадаев руководил забастовкой текстильщиков в конце 1912 г. и начале 1913 г., забастовками на казенных заводах (Обуховский, Ижорский и др.), выступлениями протеста против массовых отравлений на «Треугольнике», выступлениями петербургского пролетариата накануне войны 1914 г. и т. д.

Огромную работу среди рабочих Донецкого бассейна проводил депутат екатеринославских рабочих Г. И. Петровский.

Каникулярные перерывы заседаний Государственной думы использовались им для об'езда рабочих районов, для организации, налаживания и укрепления работы подпольных большевистских организаций и др.

Он вел переписку с рабочими десятков шахт, он помогал их борьбе советами, моральной и материальной поддержкой и др. Десятки фактов об этом имеются в донесениях начальников жандармских управлений.

Рабочие-депутаты вели работу по подготовке созыва предполагавшегося за границей партийного с'езда в 1914 г., по раз'яснению решений Краковского и Поронинского партийных совещаний 1913 г.

В первые недели войны члены большевистской фракции Думы, часть которых входила в состав русского бюро ЦК, предприняли об'езд Поволжья, Закавказья и т. д. для восстановления большевистского подполья.

Их заслугой точно так же является созыв ноябрьской партийной конференции 1914 г.

Настоящие документы не вскрывают обстоятельства ареста депутатов-большевиков в ноябре 1914 года, следствия и суда над ними. Как известно, вместе с депутатами был арестован Каменев. На предварительном следствии и на суде Каменев солидаризировался с социал-патриотом Иорданским и вместе с тем открещивался от солидарности с большевистским Центральным комитетом и с линией партии на превращение войны империалистической в войну гражданскую, заявляя, что «содержание приобщенных к делу документов, в которых излагается отношение РСДРП к военным событиям, решительно противоречит его взглядам на

[1] А. Бадаев, Большевики в Государственной думе, стр. 69, Партиздат, 1935 г.

текущий момент». В. И. Ленин тогда же сурово заклеймил эту гнусно-трусливую, предательскую позицию двурушника Каменева, ставшего заклятым врагом партии и вместе с Троцким и Зиновьевым, в союзе с Гестапо, — руководителем презренной банды убийц тов. С. М. Кирова и организатором террористических актов против вождей ВКП(б) и советского государства.

Иначе была оценена В. И. Лениным позиция депутатов-большевиков.

«Заметим,— писал В. И. Ленин, что по отчету «Дня» (№ 40) — официального и полного отчета о суде не имеется — тов. Петровский заявил: «В тот же период времени (в ноябре) я получил резолюцию Центрального Комитета... и, кроме того, мне были представлены резолюции рабочих из семи пунктов об отношении рабочих к войне, совпадающие с отношением Центрального Комитета».

Это заявление делает честь Петровскому. Шовинизм кругом был очень силен. Недаром в дневнике Петровского имеется фраза о том, что даже радикально-настроенный Чхеидзе с воодушевлением говорил об «освободительной» войне. Этому шовинизму депутаты Р. С. Д. Р. Ф. давали отпор, когда они были на воле, но отгородиться от него было их задачей и на суде». И далее: «Отчет о нелегальной работе Муранова и записки Петровского останутся надолго образцом той работы, которую мы должны были усердно скрывать и в значение которой будут теперь внимательнее и внимательнее вдумываться все сознательные рабочие России»[1].

Публикуемые нами документы, ввиду их полицейского источника, требуют несомненно особо критического подхода к достоверности сообщаемых в них фактов. Но даже через это кривое зеркало жандармских донесений видна колоссальная деятельность депутатов-большевиков: А. Е. Бадаева, М. К. Муранова, Г. И. Петровского, Ф. Н. Самойлова и Н. Р. Шагова.

Их нелегальная работа, связь с широкими пролетарскими массами и руководство открытой классовой борьбой является классическим образцом большевистской работы в буржуазном парламенте.

«Подняться выше — к званию влиятельного в «обществе» депутата или министра — таков на деле был смысл «европейского» (читай: лакейского) «социалистического парламентаризма, — писал В. И. Ленин. — Спуститься ниже — помочь просветить и об'единить эксплоатируемых и угнетенных — вот какой лозунг выдвинут образцами Муранова и Петровского»[2].

Публикуемые нами документы хранятся в Центральном архиве Революции в Москве и являются частью подготовленного нами к печати сборника документов «Большевистская фракция IV Государственной Думы», под редакцией А. Е. Бадаева.

М. Л. Лурье.

Из донесения харьковского губернатора в департамент полиции, 17 января 1913 г. № 1828[3].

13 декабря минувшего года из города С.-Петербурга прибыл в г. Харьков член Государственной думы от рабочих Харьковской губернии мещанин г. Полтавы Матвей Константинович Муранов.

По сведениям харьковского уездного исправника, 15 и 16 декабря Муранов где-то в г. Харькове, но где именно, точно не установлено, имел совещание с лицами, руководящими забастовкой на Харьковском паровозостроительном заводе; по сведениям же начальника Харьковского губернского жандармского управления, Муранов, ознакомив-

[1] См. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 129—130.

[2] Там же, стр. 131.

[3] ЦАР, ДП, IV, д. № 274, 1912 г., лл. 205—206.

шись с положением бастующих рабочих Харьковского паровозостроительного завода, раз'яснял им значение экономических забастовок вообще и рекомендовал рабочим не приступать к работам до тех пор, пока администрация завода не из'явит согласия на пред'явленные рабочими требования. Он же знакомил рабочих с отзывами заграничной прессы о забастовках. Об'яснения Муранова с рабочими паровозостроительного завода происходили, по сведениям генерал-майора Рыковского, вечером 17 декабря в рабочем доме по Петинской улице в помещении общества христиан-трезвенников.

6 сего января, в 8 часов утра, Муранов явился в мастерские харьковского городского электрического трамвая, где предлагал находившимся там рабочим, числом до 20 человек, сделать в одну из получек сбор в пользу бастующих рабочих паровозостроительного завода. Кроме того, он рекомендовал рабочим... отстаивать восьмичасовой рабочий день. Затем Муранов рассказал, что в гор. Москве в каком-то заводе были введены казаки, которые употребляли насилие, избив рабочих, что этот случай будет обсуждаться в Государственной думе по докладу одного из членов Думы, бывшего московского рабочего и, что он, Муранов, тоже рабочий, почему и просил, в случае каких-либо насилий со стороны администрации, писать ему в С.-Петербург.

7 сего января заведывающий мастерскими депо харьковского городского электрического трамвая инженер Подхалюзин заявил приставу 1 участка г. Харькова, что по распоряжению главного инженера Лутохина в 6 часов вечера 7 января должны были собраться в кондукторское помещение кондуктора трамвая для обучения их новому поясному тарифу. В 5½ час., когда явилось до 20 человек кондукторов, между ними оказался и Муранов. Об этом немедленно было доложено по телефону привратником инженеру Подхалюзину, который, вызвав Муранова из кондукторского помещения во двор, просил его сейчас же оставить помещение, на что Муранов ответил, что он должен дать отчет о IV Государственной думе и что его, как представителя народа, никто не может лишать слова. Вскоре после этого из кондукторского помещения вышло во двор несколько служащих кондукторов, которые просили Муранова остаться, на что последний согласился, несмотря на категорическое требование Подхалюзина удалиться. Тогда инженер Подхалюзин заявил Муранову, что об этом он сейчас же сообщит в полицию и направился к телефону, но когда возвратился обратно, то Муранова уже не оказалось. Негласно выяснено, что в промежуток разговора инженера Подхалюзина по телефону Муранов успел предложить кондукторам бороться за восьмичасовой рабочий день, мотивируя это тем, что при девятичасовом дне физически невозможно без перерыва работать. Настроение кондукторской бригады трамвая после того было несколько повышенное...

Об изложенном имею честь сообщить департаменту полиции.

Губернатор, двора его величества камергер Катеринич.

Из донесения начальника Харьковского губернского жандармского управления директору департамента полиции, 25 апреля 1913 г., № 2172[1].

По полученным агентурным сведениям, 14 апреля сего года около 11 часов утра в лесу Рубинштейна, в окрестностях г. Харькова, член Государственной думы, социал-демократической фракции, Матвей Константинович Муранов, на собрании делал доклад о деятельности названной фракции...

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 307, 1913 г. (прод. 1), лл. 10—11.

На собрании этом Муранов говорил о существующем во фракции расколе (7/6)[1], поддерживая взгляды «большевиков». По его словам, началом раздора во фракции послужил выпуск в Петербурге листков с призывом к демонстрации в день открытия сессии Государственной думы IV созыва[2]. Листки были изданы от имени «инициативной группы» легальных профессиональных обществ, но без ведома местного комитета социал-демократической рабочей партии, а также «организационного бюро» ликвидаторского направления.

Петербургский комитет на собрании представителей этих организаций при участии членов Государственной думы, социал-демократов, а также представителей рабочих газет «Правды» и «Луча» высказался сочувственно по поводу выпуска листков, «организационное же бюро» — напротив. К первому мнению присоединились представители газеты «Правда» и члены Государственной думы — большевики (последние в числе 5), а остальные к мнению организационного бюро...

Благодаря численному перевесу во фракции «ликвидаторов», эти последние всегда пользуются преимущественно[3] при решении вопроса о выступлении с трибуны Государственной думы и пр...

За начальника отделения О ш е в и ч.

Из донесения харьковского губернатора в департамент полиции, 5 мая 1913 г., № 15473[4]

Изюмский уездный исправник донес мне, что рабочий Краматорского железоделательного завода Томаш Зноек ведет переписку с членом Государственной думы от рабочих Харьковской губернии Мурановым. Полицейскому надзирателю Краматорских заводов Осауленко удалось агентурным способом добыть копию с двух писем Муранова к рабочему Зноек, каковые копии отосланы помощнику начальника Харьковского губернского жандармского управления в Изюмском уезде ротмистру Давыдову. Полученными от Муранова письмами рабочий Зноек

---

[1] Меньшевистская «семерка» и большевистская «шестерка».

[2] За 3 дня до открытия IV Государственной думы на фабриках и заводах Петербурга была распространена листовка «К рабочим г. Петербурга» за подписью: «Петербургская центральная социал-демократическая группа профессиональных работников», «Группа социал-демократов», «Группа революционных социал-демократов» с призывом к однодневной забастовке-протеста в день открытия Думы — 15 ноября 1912 года.

Против забастовки-протеста сразу же выступила меньшевистская петербургская «инициативная группа», опубликовав в «Луче» (№ 49, 13 ноября 1912 г.) заметку о том, что слухи о демонстрации являются «безусловным вымыслом» и неизвестно кем сделанной попыткой использовать повышенное настроение рабочих в каких-то своих целях. В течение оставшихся до открытия Думы двух дней ликвидаторский «Луч» продолжал «предостерегать» против выступления-протеста петербургских рабочих.

15 ноября — в день забастовки-протеста — в «Луче» (№ 51) и «Правде» (№ 169) появилось заявление за подписью социал-демократической фракции Думы с призывом к рабочим воздержаться от забастовки-протеста и демонстраций, так как призыв к выступлению «не исходит ни от одной из авторитетных петербургских социал-демократических групп».

Несмотря на эти «предостережения», политическая забастовка 15 ноября охватила в Петербурге несколько десятков заводов и фабрик и до 50 000 рабочих.

Выступление фракции против ноябрьской забастовки вызвало протест со стороны петербургских рабочих. Впоследствии большевистская «шестерка» признала ошибочность своей позиции в этом вопросе и выступила с соответствующими заявлениями на ряде рабочих собраний.

[3] Так в подлиннике.

[4] ЦАР, ДП, IV, д. № 274, 1912 г., л. 223.

делился с теми служащими на заводе, которые отличаются левым направлением.

19 апреля сего года полицейским надзирателем Краматорских заводов Осауленко были получены сведения о прибытии в Краматорскую того же числа члена Государственной думы Муранова. Получив такие сведения, надзиратель Осауленко через посредство городовых установил наблюдение за появлением Муранова в том или ином месте.

В 7½ часов вечера в дер. Петровке, находящейся вблизи Краматорской, в квартиру названного уполномоченного от рабочих Зноек начали сходиться рабочие. Услышав через окно, закрытое ставней, следующее: «принадлежа к социал-демократической рабочей партии, я всеми силами поддерживаю фракцию», затем голос Зноек, спрашивавшего: «Как нам действовать на месте?»,— надзиратель вместе со старшим городовым Соколовым зашел в помещение, где оказался член Государственной думы Муранов и 14 человек рабочих. Собрание надзирателем немедленно было закрыто, участники его переписаны.

При составлении протокола Муранов, отказавшись дать показания о цели устроенного им, без надлежащего разрешения, собрания, заявил, что приехал в Краматорскую к выборщику Зноек погостить, а приход туда рабочих, по словам Муранова,— простая случайность. От подписи на протоколе Муранов отказался. Протокол произведенного дознания надзирателем передан помощнику начальника Харьковского губернского жандармского управления в Изюмском уезде, а копию изюмским исправником поручено передать уездному члену окружного суда 2 участка Изюмского уезда для привлечения Зноек к судебной ответственности по 39—3 ст. уст. о наказ. за допущение в квартире неразрешенного собрания.

Губернатор, двора его величества камергер Катеринич.

Циркуляр департамента полиции губернаторам, градоначальникам и варшавскому обер-полицеймейстеру, 9 мая 1913 г., № 99577—99953 [1].

Члены социал-демократических фракций Государственной думы, а также и трудовой группы, как неоднократно наблюдалось, пытались использовать перерывы в занятиях Думы и пребывание свое в местностях, от которых они избраны, с целью оглашения своих противоправительственных взглядов под видом ознакомления избирателей с деятельностью Государственной думы, а некоторые из них, рассчитывая на особые гарантии неприкосновенности личности, установленные для членов законодательных учреждений, переходили к явно агитационной деятельности и распространяли суждения, возбуждающие

[illegible]

преступлений, предусмотренных действующими уголовными законами.

Что же касается вопроса о порядке привлечения членов Государственной думы к ответственности, то считаю необходимым преподать нижеследующие указания; в силу статьи 15 учреждения Государственной думы, члены ее могут быть привлекаемы в качестве обвиняемых лишь к предварительным следствиям, а не к формальным до-

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 30, 1913 г. (прод. 1), л. 50.

знаниям, так как по точному смыслу означенной статьи члены Государственной думы подвергаются лишению или ограничению свободы, являющимся неизбежным последствием привлечения к делу в качестве обвиняемого, не иначе, как по распоряжению судебных властей.

Однако в случаях, предусмотренных статьей 16 того же учреждения, а именно когда члены Государственной думы застигнуты при самом совершении преступления или не позже, как на следующий день, чины общей и жандармской полиции могут, согласно разъяснению уголовного кассационного департамента правительствующего сената от 22 мая 1907 г., подвергать членов Государственной думы личному задержанию в порядке 257 ст. уст. уг. судопр.

При этом однако необходимо тщательно взвешивать все обстоятельства, могущие служить основанием к привлечению членов Государственной думы к уголовной ответственности, и принимать указанные выше меры против них лишь в том случае, если имеются вполне основательные данные предполагать, что судебные власти признают собранные против членов Думы улики достаточными для привлечения их к судебной ответственности.

При всех случаях задержания чинами полиции членов Государственной думы надлежит также неуклонно руководствоваться 250 статьей уст. уг. судопр. и немедленно передавать задержанных в распоряжение судебных властей.

Министр внутренних дел Ник. Маклаков.

Из донесения начальника Харьковского губернского жандармского управления директору департамента полиции, 3 сентября 1913 г., № 4753 [1].

За деятельностью и партийными сношениями члена IV Государственной думы из «шестерки» социал-демократической фракции, мещанина города Полтавы Матвея Константинова Муранова было установлено с момента прибытия его из С.-Петербурга в г. Харьков, 3 июля сего года, до выезда его за границу, 15 сего сентября, агентурное освещение при наружном наблюдении; в наблюдении он — «Мурый»; результат агентурного освещения и наружного наблюдения не дал данных к применению в отношении Муранова — «Мурого» циркуляра департамента полиции (по особому отделу) от 15 мая сего года за № 99765.

Агентурные сведения указывали, что местная социал-демократическая организация... возлагала надежды на Муранова в деле сорганизования цельной (общегородской) организации и предоставления ей партийных работников, но установленное за Мурановым тщательное наблюдение не давало ему возможности активно участвовать в работе, а агентурное освещение парализовало его в предоставлении организации пришлого активного элемента, так как таковой представлялось возможным *своевременно* из'ять.

Так, 21 июля, по инициативе Муранова, предполагалось на Лысой горе, в лесу, собрание преставителей и членов местных социал-демократических групп, а равно представителей заводов и других предприятий; на этом собрании Муранов предполагал прочесть док[лад] о работе членов социал-демократической фракции Государственно[й думы], выяснить ход работы на местах, а равно использовать момент [для об]единения групп; принятыми мерами наружного наблюдения с [участием] чинов наружной полиции, из каковых были установлены [наряды], собрание это не было допущено; причем сам Муранов, заблаго[временно] явившись на место собрания, предупреждал собравшихся о в[озможности]

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 307, 1913 г. (прод. 2), лл. 241—243.

сти из-за него, Муранова, провала. Далее Муранов хотел было прибегнуть к использованию обеденных перерывов на заводах и фабриках; так 29 июля Муранов явился на завод масляных красок Григория Бочарова на Большой Гончаровской улице, в доме № 18, в час дня, в столовую, где было до 40 человек рабочих, и, назвав себя членом Государственной думы от рабочих, стал говорить им о работе социал-демократической фракции; пробыл он на заводе около получаса, причем одним из рабочих был задан ему вопрос, почему он, Муранов, не испросил разрешения на собрание всех рабочих; на это от Муранова последовал ответ, что это сопряжено с большим затруднением. По этому поводу было произведено надлежащее расследование, были опрошены рабочие и в дальнейшем, по докладе г. харьковскому губернатору, последовало от него распоряжение об ответственности управляющих заводами и фабриками за допущение посторонних лиц к созыву таковых собраний.

Таким образом и этот способ использования пребывания Муранова в г. Харькове был для него закрыт (представление от 2 августа сего года за № 3939).

Все же 14 августа в 9 часов вечера Муранову удалось созвать в лесу за Лысой горой собрание из 7 человек; на собрании этом Муранов познакомил присутствовавших с работой в Государственной думе социал-демократической фракции — в целом и «шестерки» — в частности, говорил о школе пропагандистов; собрание это не было ликвидировано, так как оно произошло внезапно: инициатором его был близкий пособник Муранова, слесарь в депо южных дорог Николай Максимов Кабаненко, каковой в ночь на 23 августа был подвергнут обыску, а по опросе его заключен под стражу в Харьковскую губернскую тюрьму, с возбуждением о нем охранной переписки (представление от 27 августа за № 4299)...

7 сентября Муранова посетил проездом член IV Государственной думы Григорий Иванов Петровский, в наблюдении «Пройдоха»; установленное за Мурановым и Петровским наблюдение партийных связей по г. Харькову не отметило (представление от 9 сентября за № 4474).

А. Казак.

Письмо начальника Екатеринославского губернского жандармского управления директору департамента полиции, 27 сентября 1913 г., № 6631 [1].

Ваше превосходительство, милостивый государь, Степан Петрович.

Вследствие письма вашего превосходительства от 14 сентября сего года за № 104122 доношу вашему превосходительству, что о принятии надлежащих мер наблюдения за деятельностью на местах членов социал-демократической фракции Государственной думы, в частности же депутата от вверенной моему наблюдению губернии Григория Иванова Петровского, в связи с указаниями циркуляра департамента полиции от 15 мая сего года за № 99722 мною были преподаны соответственные указания как чинам управления, так равно и начальникам уездной и городской полиции.

Направленная в связи с сим агентура управления отметила в последних числах июля месяца сего года приезд Петровского в Екатеринослав, а равно и незамедлительный выезд его 30 того же июля в г. Киев для участия в кооперативном с'езде, причем в тесное общение

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 307, 1913 г. (прод. 2), лл. 214—215.

с местными рабочими Петровский должен был войти по возвращении своем из Киева путем созвания совещания местных рабочих для обсуждения положения дел и заслушания доклада о думской работе и желательности создания южной областной конференции РСДРП.

О выезде Петровского в Киев мною было сообщено начальнику Киевского губернского жандармского управления телеграммой от 2 августа сего года, за № 5156, с просьбой о сопровождении Петровского наблюдением при возвращении его в Екатеринослав, но наблюдение это осуществлено не было.

Петровский прибыл в Екатеринослав между 10 и 15 августа, побывав по дороге в Кременчуге, где ему удалось устроить собрание местных рабочих, 15 же августа по его инициативе должны были собраться некоторые рабочие заводского и заднепровского районов.

На собрание это явилось около 10 рабочих в большинстве известных управлению по своей предыдущей партийной деятельности.

Петровский сделал доклад о думской деятельности, затем поставил на обсуждение вопрос о необходимости восстановления подпольной организации, предложив для нее форму организования сверху, и высказал желательность создания стачечной волны как в городе, так и в шахтном районе, приведя пример рабочих Баку, Чиатур, Петербурга Лодзи и других, упрекая при этом местных рабочих в инертности.

От обсуждения последних вопросов собравшиеся однако отказались, мотивируя свой отказ необходимостью предварительного обсуждения их в массе. В силу этого собрание было перенесено на 18 августа, когда и состоялось, но при участии уже новых рабочих. Собрание это к каким-либо определенным вопросам не пришло и вскоре начало расходиться, но явившаяся, по моему распоряжению, на место собрания полиция часть участников переписала. Лица эти были затем, по моему распоряжению, арестованы впредь до выяснения обстоятельств дела.

Вопрос о конференции на собраниях этих не поднимался.

При дальнейшем своем пребывании в Екатеринославе Петровский совершенно не поддавался связному последовательному филерскому наблюдению, и 6 же сентября выбыл из Екатеринослава в Харьков в сопровождении филеров, передавших его для дальнейшего наблюдения филерам Харьковского губернского жандармского управления (донесение департаменту полиции 7 сентября за № 6129).

Список рабочих, вошедших в связь с Петровским, при сем представляю.

Что касается Донецкого бассейна, то о посещении такового депутатом Петровским сведений как от помощников моих, так и чинов общей полиции не поступило, ввиду же появившихся в рабочей прессе заметок об об'езде Петровским некоторых заводских и рудничных пунктов мною приняты меры к проверке сего, по результатам донесу дополнительно.

Покорнейший слуга А. Критский.

Донесение начальника Херсонского губернского жандармского управления директору департамента полиции, 3 января 1914 г., № 9[1].

Вследствие телеграммы от 17 декабря 1913 г., за № 1532, доношу вашему превосходительству, что с поездом жел. дор., приходящим в г. Николаев в 12 ч. 48 мин. ночи, 25 декабря прошлого года приехал член Государственной думы Петровский и по сведениям агентуры

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 307, 1914 г. (прод. 1), лл. 15—16.

в тот же день в 8 час. вечера устроил собрание в квартире крестьянина Смоленской губ., Ельнинского уезда Николая Трофимова Родченко на углу переулка Б. и Новосельской ул.... Обсуждались вопросы: 1) о летнем совещании партийных работников [1], 2) о положении дел фракции [2], 3) местные дела, 4) 9 января, 5) южная конференция, общий с'езд, 6) газеты и журналы, 7) социалистический конгресс, 8) обсуждение предложения по вопросу об'единения, 9) о восьмичасовом рабочем дне.

1) По первому вопросу делал доклад Петровский; он указал, что летнее совещание правильно оценило все последнее движение рабочих и под'ем рабочих и указало правильный путь практической работы, т. е. оставаться верным старым традициям партии — сохранение нелегальной партии. Доклад принят целиком, с тем чтобы были присланы печатные материалы.

2) По второму вопросу Петровский отметил, в чем именно разошлись 6-ка и 7-ка депутатов, указал, что 7 депутатов отступили от программы партии.

3) О местных делах докладывали неизвестный, Сорокин и Гордиенко; говорилось о забастовке, кем она была организована, по каким причинам возникла, о результатах ее и об отношении к легальным обществам рабочих.

4) По вопросу о 9 января Петровский указал, чтобы в этот день не работали и выпустили бы листки; на это последовал ответ, что по мере возможности это выполнят.

5) О созыве южной конференции Петровский указал как на необходимость и просил вынести постановление об общем с'езде [3], причем доложил, что в центральной России, в Петербурге и Москве с той же целью организуются конференции, на это было заявлено Петровскому, что прежде чем начать организацию конференции, нужно самим сорганизоваться на местах.

6) Петровский настаивал на выписке только своих марксистских газет и журналов.

7) В будущем 1914 г. в Вене предполагается социалистический конгресс [4]; Петровский сказал, что необходимо будет послать туда своего

---

[1] Речь идет о состоявшемся в Поронине совещании ЦК РСДРП с партийными работниками 22 сентября — 1 октября 1913 г. В целях конспирации Поронинское совещание было названо «летним». Петровский, делавший доклад о «летнем» совещании на нелегальном собрании в г. Николаеве, был участником этого совещания.

[2] Речь идет об образовании самостоятельной большевистской фракции под названием: «Российская социал-демократическая рабочая фракция».

[3] На Поронинском совещании ЦК РСДРП с партийными работниками было вынесено решение о созыве партийного с'езда. «Совещание ставит на очередь вопрос о созыве партийного с'езда, — гласила резолюция совещания «По организационному вопросу и о партийном с'езде». — Рост рабочего движения, назревание политического кризиса в стране, необходимость об'единенных выступлений рабочего класса во всероссийском масштабе делают и необходимым и возможным созыв такого с'езда — после достаточной его подготовки» (Сб. «ВКП(б) в резолюциях», часть I, стр. 234. Партиздат, 1932 г.).

Работа по созыву партийного с'езда была возложена на большевистскую фракцию Государственной думы. В целях восстановления подпольных организаций на местах, созыва областных партийных конференций и выбора делегатов на партийный с'езд члены большевистской фракции Думы совершали об'езд крупнейших партийных организаций. Приезд Петровского в г. Николаев лежал в плане этой работы.

[4] Речь идет о предполагавшемся международном социалистическом конгрессе в августе 1914 г. в Вене.

На Поронинском совещании в сентябре — октябре 1913 г. было решено принять активное участие в работе конгресса и приурочить к этому времени созыв за границей партийного с'езда.

делегата, причем добавил, что если такового не будет, то уведомить его об этом заблаговременно, и он сам найдет подходящее лицо, которому надо будет передать тогда право решающего голоса.

8) Петровским было предложено обсудить на местах вопросы, по каким именно из них можно было бы притти к соглашению с ликвидаторами и другими течениями в с.-д. организации, с тем чтобы по этим вопросам были бы сделаны необходимые резолюции.

9) По вопросу о восьмичасовом рабочем дне Петровский настаивал на широком толковании этого вопроса и о возможно большем собрании подписей под этими резолюциями [1].

На другой день с поездом, отходящим из Николаева в 5 ч. 2 м. утра, Петровский выехал из г. Николаева неизвестно куда.

В виду столь короткого времени пребывания его в Николаеве и поспешного от'езда агентуре не представилось возможным выяснить, откуда Петровский приехал в Николаев и куда именно он направился, а равно по той же причине не удалось за ним установить и наружного наблюдения.

Личности присутствовавших на собрании устанавливаются, по выяснении будет доложено г. николаевскому градоначальнику на предмет ликвидации.

Району сообщено сего числа за № 10.

Вр. и. д. начальника управления подполковник Иванов.

Из донесения начальника Владимирского губернского жандармского управления директору департамента полиции, 14 января 1914 г., № 73 [2].

Имею честь доложить вашему превосходительству, что 7 сего января на один день из г. Кинешмы в г. Иваново-Вознесенск приезжал член Государственной думы Федор Никитин Самойлов, где останавливался в квартире крестьянина дер. Репнова, Тейковской вол., Шуйского уезда, Алексея Ефимова Пчелина, содержащегося под стражей и привлеченного к переписке в порядке положения о государственной охране (лит. Г., 19 декабря 1913 г. за № 11645), куда пригласил ковровского мещанина Андрея Карпова Серова (письмо от 31 мая 1913 г. за № 6132) и некоего Виноградова и сообщил им, что 1—3 сего января в Лондоне состоялся с'езд международного социалистического бюро, на этом с'езде был, с правом совещательного голоса, один из России (не член Государственной думы); резолюции с'езда еще не отпечатаны и будут присланы потом; на с'езде был намечен второй с'езд, который должен состояться в этом году (время и место точно не определилось).

Самойлов по поводу раскола в с.-д. фракции Государственной думы сообщил, что большевики на основании анкеты выяснили, что подавляющее число рабочих на их стороне; так в Петербурге в их пользу подало 280 тысяч голосов, кроме того, от Петербурга прислано во фракцию Думы много резолюций, в их пользу с 9569 подписями, ликвидаторы же едва набрали 5 тысяч подписей под резолюциями, осуждающими большевиков. К сожалению, от Владимирской губ. прислано лишь 2 резолюции с 11 подписями, в то время, как от Костромской губ.— 4 резолюции с 4 тысячами подписей.

[1] В ноябре 1913 г. большевистская фракция Думы разработала проект закона о восьмичасовом рабочем дне. Законопроект, напечатанный в большевистской «Правде», вызвал колоссальное движение в стране. В ноябре — декабре 1913 г. большевистская фракция Думы получала сотни резолюций от рабочих различных промышленных районов, в которых они приветствовали этот шаг фракции.

[2] ЦАР, ДП, о. о., д. № 307, 1914 г. (прод. 1), лл. 60—61.

Самойлов сообщил, что в Петербурге партийное дело стоит очень хорошо и прочно, комитет организации неуязвим, несмотря на частые аресты, работа идет непрерывно: комитет имеет связи с заграницей, с Москвой и фракцией Думы. Материальные дела Петербургской организации блестящи. Самойлов — казначей фракции, и к нему во фракцию сдаются все партийные взносы и пожертвования и так их много, что приходится сдающим деньги ожидать долгой очереди; нередки дни, когда сразу поступает до 800 руб. Вообще рабочие в Петербурге образцовы, в партийном смысле, достаточно распропагандированы.

Адрес Самойлова (донесение 11 декабря 1913 г. за № 6966) оказался не проваленным, и потому он им будет пользоваться по-старому.

Самойлов также сообщил, что приезжавший в гор. Иваново-Вознесенск в конце октября или же начале ноября 1913 г. неизвестный, с которым он послал в Ивановскую с.-д. организацию деньги (агентурные сведения сообщены в район 16 ноября за № 6834), есть член Московского комитета.

Самойлов Серову и Виноградову дал несколько номеров «Социал-демократа» и «Извещение и Резолюции летнего 1913 г. совещания Центрального комитета РСДРП с партийными работниками» и обещал прислать литературу..., а также хотел прислать из фракции денег для арестованных.

Полковник Немирович-Данченко.

Из донесения начальника Петербургского охранного отделения директору департамента полиции, 12 марта 1914 г., № 132[1].

11 сего марта мной были получены агентурные сведения, что предполагая внести 12 марта в Государственную думу вопрос к правительству об ускорении ответа на пред'явленный уже ранее запрос о положении расследования дела о ленских событиях, социал-демократическая фракция большевиков Государственной думы обратилась к Петербургскому комитету РСДР партии с просьбой о поддержке означенного выступления в Думе организацией демонстративных выступлений со стороны рабочих. Сведения эти, как усматривается из появившихся сегодня в обращении среди рабочих прокламаций РСДР партии[2] и поступающих донесений о настроении рабочих, вполне подтверждаются.

Из означенной прокламации, обращенной к рабочим и работницам Петербурга, видно, что в связи с предположенным 12 марта в Государственной думе выступлением социал-демократической фракции, рабочие призываются поддержать таковое 13 марта общей забастовкой рабочих Петербурга. Одновременно с сим получены секретные сведения о том, что в целях поддержки означенного выступления в Думе, завтра, 13 марта, предполагают провести забастовку полным составом рабочих следующих крупных заводских предприятий: Невского судостроительного и механического завода (просп. села Смоленского, д. 1) — 4374 чел.; С. Петербургского металлического завода (Полюстровская наб. 19) — 3572 чел.; электромеханического завода Сименс и Шуккерт (Московское шоссе, д. 4) — 1 000 чел.; механического завода Артур Коппель (там же, д. 5) — 750 чел.; машиностроительного завода «Старый Лесснер» (Сампсониевская наб., д. 3) — 930 чел.; механического завода Гейслер (Грязная ул., д. 12) — 1 000 чел. и кожевенного завода Осипова

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 307, 1914 г. (прод. 2), л. 86.

[2] Речь идет о листовке Петербургского комитета большевиков «К товарищам рабочим и работницам Петербурга», в которой петербургский пролетариат был призван к однодневной забастовке для поддержки запроса социал-демократической фракции Думы о ленских расстрелах.

(Голодаев пер., 3) — шорное отделение 300 чел. из 1 000 чел. рабочих завода. При этом среди рабочих С.-Петербургского металлического завода циркулируют слухи, чтобы с об'явлением забастовки двинуться всей массой к зданию Государственной думы.

Означенные сведения о готовящейся общей забастовке рабочих также подтверждают имевшиеся указания агентуры на то, что рабочие выступления, предположенные означенной революционной организацией к осуществлению в начале апреля месяца, перенесены ныне на ближайшее время, ввиду того, что день годовщины ленских событий — 4 апреля — приходится на пятницу страстной недели. Работы в этот день производиться уже не будут и, по случаю чтимого религиозного дня, рабочие выступления в этот день признаны неуместными, хотя вопрос этот в центре окончательно еще не решен. В виду перенесения, таким образом, рабочих выступлений на ближайшие дни, мной принимаются меры к ликвидации более видных партийных работников и агитаторов в рабочей среде.

Полковник Попов.

Из донесения костромского губернатора министру внутренних дел, 23 июня 1914 г., № 272[1].

Начавшаяся в мае месяце на фабрике Томна, Кинешемского уезда, забастовка охватила ныне весь фабричный район Костромской губернии (кроме г. Костромы), о чем я имел честь доложить вашему высокопревосходительству в письме моем от 14 сего июня за № 244.

12 июня член Государственной думы от рабочих Костромской губернии большевик с.-д. Шагов прислал рабочим фабрики на Томне телеграмму, приветствующую их в начатой борьбе и вслед за сим приехал на место стачки. Раз'езжая за сим по всему району, он призывает рабочих к забастовке; из разных пунктов по телефону (и междугородному) он делает мне разные заявления, пред'являя претензии и жалобы. На фабрике в Родниках, где он состоит рабочим, он был допущен на собрание рабочих; на собрании же рабочих других фабрик он, по распоряжению моему, не допускается. В виду этого он организует недозволенные собрания в лесу, каковые мерами полиции рассеиваются, но, очевидно, не все собрания обнаруживаются, и поэтому влияние Шагова растет ежедневно.

Противостоять этому влиянию я считаю своей первейшей задачей. Одним из доступнейших способов приобрести влияние на рабочих заключается в речах на собраниях, и поэтому ранее всего мне надлежало установить свою позицию относительно самого допущения собраний.

К сожалению, существующие законы довольно слабо вооружают в этом отношении административную власть.

По закону 4 марта 1906 г. собрания разделяются на публичные и непубличные.

Вторые никакому ограничению (ст. 1) не подлежат. Признать собрания рабочих принадлежащими к этой категории невозможно, так как это было бы попустительством к безграничной агитации, хотя бы уже потому, что если признать их непубличными, то нет законного основания к пред'явлению требования о присутствии на них чина полиции. Суждения же и решения рабочих без этого сдерживающего начала, очевидно, пойдут по пути, совершенно недопустимому. Кроме того, нет решительно никакой гарантии, чтобы на этих собраниях не появлялись

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 307, 1914 г. (прод. 3), лл. 315—318.

лица и не из числа рабочих, а именно приезжие агитаторы, и в том числе и Шагов и другие. Полагаю, что в квалификации собрания рабочих, как публичного, достаточно юридических оснований, так как рабочие, строго говоря, не составляют «законно существующего общества или союза», так как связь их зиждется лишь на договорном отношении к третьему лицу, т. е. фабриканту.

Следовательно практически и юридически собрания рабочих надо почитать публичными. Таковыми я их и признал, но если они публичные, то они доступны «неопределенному числу лиц», причем даже «неизвестных устроителям собрания». В таком случае на них может присутствовать всякий, в том числе и Шагов.

Тем не менее участие его в собраниях недопустимо, и мной отдано распоряжение на собрания его не допускать, а в ходатайствах по этому поводу я отказываю.

Мне отлично известно, что Шагов принадлежит к числу решительнейших революционеров и, следовательно, его задачи только и могут быть революционными. Мне докладывали, что на бывшем в Родниках собрании Шагов будто бы вел себя не только лояльно, но даже упрекал рабочих там, где они позволили себе какие-нибудь эксцессы, но с другой, — мне известно, что на недозволенном собрании он проводил такую теорию: добиться от фабрикантов более или менее значительной уступки, стать на работу, затем через некоторое время вновь забастовать и вновь добиться уступок, пока все требования (достигающие самых невозможных размеров и нелепости) будут удовлетворены. Словом, теория его заключается в том, чтобы все время держать рабочих и фабрикантов в тяжелом напряжении, создающем атмосферу для всяких крайностей. Когда настроение рабочих будет доведено до последних пределов напряжения, то начнутся эксцессы и естественно вызываемые ими репрессии, и движение рабочих масс, направленное против капиталистов, направится против правительства. Нельзя забывать, что Шагов не только рабочий, но в гораздо большей степени революционер. Но по какому бы то ни было пути ни пошел Шагов, его влиянию должен быть положен предел. Если бы даже и деятельность [его] протекала вполне легально, не выходя по видимости из сфер экономических, тем не менее, в случае успеха его деятельности, он создает себе здесь положение рабочего диктатора, с которым власти придется считаться.

Когда он даст рабочим то, чего они хотят и то, что он им обещал, то они увидят в нем единственную власть, которая улучшает их быт, и он будет им диктовать свою волю, и с ней власти придется считаться, так как от него будет зависеть держать ли рабочую массу в спокойствии или бросить ее в ту или другую крайности.

Сдать своей власти я не хочу и не могу и поэтому Шагова никуда не пускаю и всюду буду ему ставить палки в колеса, но не могу не высказать при этом опасения, чтобы деятельность моя не встала в коллизию с законами, с чем рано или поздно придется считаться.

Ища юридической почвы для своих распоряжений, я и остановился на следующем. Закон говорит, что публичные собрания, цель которых угрожает общественному спокойствию и безопасности, воспрещаются.

Собрания рабочих, на которых обсуждаются условия мирной забастовки, общественному спокойствию и безопасности не угрожают, но появление на них лица, официально принадлежащего к с.-д. партии, ставящей своим знаменем ниспровержение существующего строя, тем более, когда это лицо облечено обаянием звания члена Государственной думы и избирается рабочими председателем собрания, является уже угрожающим общественному спокойствию.

Если такое мышление может быть признано правильным, то с меня будет снят гнет опасения в признании деятельности моей незакономерной со всеми последствиями сего, что, конечно, будет способствовать необходимому спокойствию духа.

Если ходатайство мое, выраженное в письме от 14 сего июня о введении в фабричных уездах губернии усиленной охраны, будет осуществлено, то вопрос о собраниях разрешился бы гораздо проще. Высказанные в том письме опасения мои вполне оправдались. Забастовочное движение ныне уже охватило Владимирскую губернию.

Мне известно, что есть лица, относящиеся к забастовочному движению совершенно безразлично, и как бы привыкнув к нему, не обращают на него внимания.

Этого оптимизма я не разделяю. Когда забастовки в течение нескольких дней охватывают целый район, когда рабочими по трафарету пред'являются одинаковые требования, когда требования эти, очевидно, неисполнимы, то совершенно ясно, что рабочим движением руководит чья-то невидимая и пока недосягаемая рука. Овладев рабочим движением, рука эта в свое время направит пролетариат туда, куда она захочет и, очевидно, к выполнению социальной революции.

Не могу при сем не отметить, что Костромская губерния считается четвертой по числу рабочих внутренних губерний империи, почему исключительное мое внимание к рабочему движению во всем его об'еме полагаю своею обязанностью.

Если бы в ближайшем будущем забастовки в Костромской губернии уменьшились, и пессимизм мой видимостью не оправдался, то это обстоятельство нисколько не разубедило бы меня в правильности своего взгляда. Движение может прекратиться в виду принятых мер, но смотр пролетарской армии и проверка ее дисциплины были сделаны, и руководителями ее установлена готовность пролетариата отвечать дружно на их призыв.

Должен отметить, что в числе других мер мной, согласно циркуляра департамента полиции от 28 июля 1913 г. за № 18769, было созвано собрание фабрикантов забастовочного района. К сожалению, это совещание ничего не дало. Насколько рабочие дружны, смелы и сорганизованы, настолько подавляющее большинство фабрикантов малодушно и идет вразброд. Ясно было видно, что у них только и было одно желание,— да будет мне позволено так выразиться — «подсидеть» соседа.

Я неоднократно задумывался над мыслью непосредственного сношения с рабочими. Но результаты совещания с фабрикантами заставили меня отказаться от этой мысли.

Если бы они решили не делать никаких уступок, то я и заявил бы об этом рабочим и посоветовал бы им встать на работы. Этого совета я теперь дать не могу. Опрометчиво будет, если губернатор скажет рабочим: «Бросьте забастовку, вам ничего не прибавят», а на следующий день фабрикант эту прибавку даст. Правы тогда будут рабочие, если скажут: «Лучше верить Шагову, чем губернатору». Другое обращение губернатора к рабочим могло бы быть: «Бастуйте, сколько хотите, но эксцессов, насилий, застращиваний я вам не позволю». Но первую половину этой фразы, однако логически необходимую для вывода, заключающегося во второй, я нахожу недопустимой в устах губернатора, так как она как бы поощряет забастовку. Если забастовки ныне и не запрещены законом, то все-таки они принадлежат к тем явлениям, мимо которых можно пройти, но не останавливаться на них невозможно.

Все приведенное я излагаю под живым впечатлением поездки, только что совершенной в забастовавший район. Не могу к сему не присово-

купить, что видимость экономических условий быта рабочих вполне благоприятна.

На фабрике Красильникова в с. Родниках прядильщик зарабатывает 186 руб. в год, ткач — 254 руб., а рабочий механического цеха — 357 руб. На меньших фабриках условия заработка несколько ниже...

Все это укрепляет в мысли, что недовольство здесь создано искусственно.

Прошу не поставить мне в вину, если я дополню это представление одним примером почти анекдотического свойства, но столь красочным, что я не могу его не отметить.

Когда я от'езжал от фабрик в Родниках, а равно под'езжал к Тезину, то видел целые группы рабочих, играющих в футбол в специальных желтых спортивных костюмах.

И это угнетенный пролетариат!

Присовокупляю к сему, что при об'езде района мной подтверждены указания исправникам неотступно следить за Шаговым, что, как дошло до моего сведения, уже послужило для него поводом для жалобы на имя вашего высокопревосходительства.

Покорнейше прошу и т. д.

Стремоухов.

Из донесения начальника Тульского губернского жандармского управления директору департамента полиции, 26 июня 1914 г., № 6702[1].

21 сего июня я получил агентурные сведения, которые и были сообщены департаменту полиции 22 июня за № 6472, о том, что в Тулу в скором времени ожидается приезд члена Государственной думы Петровского, что здесь он будет видеться с Павлом Галаниным и другими членами сорганизовавшейся в текущем июне «руководящей группы» и что приют в Туле он себе найдет в квартире еврейки Блюмы Абрамовой Либерман (урожденной Зон), проживающей по Калужской улице в доме Редкина, № 23.

Имея в виду циркуляры департамента полиции от 30 ноября 1913 г. за № 107322, от 1 марта сего года за № 167664 и от 2 минувшего мая за № 170836, я установил с утра 22 июня наблюдение за прибытием лиц в дом Редкина и проследку за Галаниным, полагая этим путем, при содействии агентуры, обнаружить в Туле г. Петровского.

Наблюдение за домом Редкина в течение 22 июня и последующих дней появления сюда неизвестных ему лиц не заметило; наблюдение за квартирой Галанина, проживающего по Коммерческой улице в доме Фандина, было также безрезультатным: 22, 23 и 24 июня Галанин в своей квартире не жил, ибо выходов и проходов его сюда также замечено не было.

23 июня в 7 часов утра я был извещен по телефону со станции «Тула», Московско-Курской жел. дор., агентом Московского охранного отделения... о том, что выехавший из Москвы ночью 22 июня с билетом до г. Харькова член Государственной думы Петровский сошел в Туле и, сдавши свои вещи на хранение, направился со станции пешком под наблюдением другого агента... в город и что в виду трудности наблюдения по безлюдным улицам за Петровским, проверяющим всех идущих за ним и встречающихся ему по пути лиц, они решили: одному — сопровождать его в город, а другому — наблюдать за лицами, которые могут прибыть на станцию «Тула» за вещами Петровского.

---

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 307, 1914 г. (прод. 3), лл. 300—302.

По получении этих сведений я... лично доложил его превосходительству г. тульскому губернатору о приезде сюда члена Думы Петровского, указав, что по отношению г. Петровского, в дни пребывания его в Туле, я буду строго руководствоваться правилами, преподанными в конце циркуляра департамента полиции от 30 ноября 1913 г. за № 107322, что и было его превосходительством одобрено.

В 11 часов утра 23 июня в управление явился филер... и доложил мне, что наблюдаемый член Думы Петровский утерян им на Хлебной площади при следующих обстоятельствах: выйдя около 7 часов утра с вокзала, г. Петровский направился в город по Суворовской, Технической, Старо-Павшинской и Посольской улицам; перейдя через мост на реке Упе, наблюдаемый пошел по Больничной набережной до Госпитальной улицы; отсюда он пошел обратно по этой же улице через мост на реке Упе и далее на Воздвиженскую улицу, где просидел 10 минут на лавочке у дома № 15; после этого Петровский направился по Менделеевской, Никитской, Троицкой, Посольской и Тургеневской улицам до Гоголевской, и отсюда вышел по Пироговской улице на Хлебную площадь.

Выйдя на середину площади, Петровский долго осматривался, а потом быстро добежал до свободного извозчика, стоявшего на углу Площадной улицы и площади, у трактира, и на нем уехал по Пироговской улице по направлению к Воронежской; наблюдавший за ним ... не мог следовать за Петровским, так как свободных извозчиков здесь поблизости больше не было.

Во все время хождения по городу, в продолжении более 3 часов, Петровский, видимо, проверял наблюдение, останавливаясь на поворотах за углами и зорко всматриваясь в лица мимо проходивших.

В 4 часа этого же дня я получил агентурные указания о том, что приехавший в Тулу член Думы Петровский, по его словам, еще по пути из Москвы заметил наблюдение за ним и в Туле, желая избавиться от последнего, вынужден был ходить по городу более 3 часов...

Скрывшись... Петровский, по тем же сведениям, приехал в чайную профессионального общества металлистов, на Пятницкой улице, где его уже поджидал Павел Галанин, с которым он и направился в 3 часть гор. Тулы, но к кому именно,— агентура указать не могла.

Во избежание обнаружения места пребывания Петровского в Туле Галанин и другие члены «руководящей группы», решили вывезти Петровского на ночлег на какую-то дачу, в 3—4 верстах от Тулы, что и было ими выполнено.

24 июня вечером агентура подтвердила вышесказанное и добавила, что члены «руководящей группы»... провели ночь под 24 июня и весь последующий день вне Тулы, в обществе г. Петровского, дали ему все сведения о положении тульских рабочих и о налаживающейся здесь социал-демократической работе, причем они просили Петровского сделать хотя бы краткий доклад на собрании о деятельности Государственной думы, о положении дел в центрах партии и о работе на местах.

Выступление Петровского на собрании члены «руководящей группы» хотели использовать в целях под'ема настроения среди тульских рабочих; предполагалось также вручить Петровскому на этом же собрании, при возможно торжественной обстановке, мандат на делегирование его от Тульской организации на предполагающийся в этом году за границей партийный с'езд (циркуляры департамента полиции от 1 марта и 2 мая 1914 г. за №№ 167664 и 170836).

Сам Петровский не из'являл особой готовности выступить на многолюдном собрании, очевидно, не желая могущих произойти от сего осложнений, хотя и не отказывался категорически от этого; учитываясь с настроением г. Петровского, окружающие его лица обещали принять все меры осторожности и провести его на собрание только в том случае, если не будет никаких указаний на осведомленность полиции о месте и времени собрания.

Собрание было назначено на опушке Щегловской засеки (в 3—4 верстах от г. Тулы) за патронным заводом, от 9 часов вечера; пароль для идущих на собрание был об'явлен: «Где найти Герасима?»

О предполагающемся собрании мною было доложено вице-губернатору, действительному статскому советнику В. М. Страхову (тульский губернатор, действительный статский советник А. Н. Тройницкий, выехал в этот день по делам службы в г. Новосиль).

Сделавши учет всем данным и настроению массы тульских рабочих, г. вице-губернатор высказался после моего доклада за то, чтобы собрание это было предупреждено высылкой в Щегловскую засеку конно-полицейских раз'ездов.

К 8 часам вечера я прибыл совместно с и. д. тульского полицеймейстера, поручиком Толпыго, в Щегловскую засеку, где на опушке ее, у соединения двух дорог, идущих к засеке — одна севернее, а другая — южнее патронного завода, застал толпу молодежи, до 50 человек, видимо, чего-то поджидавших. По южной же дороге видны были густые группы, в два-три и более человека, направляющиеся к Щегловской засеке. В то время, когда мы под'езжали к опушке засеки, от этой группы молодежи отделились и направились по северной и южной дорогам два велосипедиста, которые, как было видно, и начали предупреждать всех, идущих по направлению к засеке, о нашем появлении.

Встречавшиеся с велосипедистами поворачивали обратно, а собравшаяся уже здесь группа постепенно разошлась, направившись в своем большинстве, порознь, в город.

Проехавшими по засеке конно-полицейскими раз'ездами никаких группировок там замечено не было.

К филерам, поставленным у пороховых погребов и у патронного завода с целью опознать Петровского, обращались неоднократно проходившие мимо них с вопросом — «Товарищи, где можно видеть Герасима?», что подтверждает, что сведения о намеченном в Щегловской засеке собрании были правдивы.

В 5 часов утра 25 июня Петровский прибыл на ст. «Тула», Московско-Курской жел. дор., откуда и отбыл с поездом № 9 по направлению к Харькову под наблюдением двух филеров Тульского управления.

Имея в виду, что г. Петровский мог остановиться еще в гг. Орле и Курске, я предупредил шифрованной телеграммой начальников управления с просьбой принять его от филеров в том случае, если он остановится в одном из этих городов.

Начальник Курского губернского жандармского управления полковник Мрачкевич уведомил меня телеграммой за № 879, что г. Петровский в Курске не остановился, а проехал в г. Харьков.

26 июня я получил от агентов, сопровождавших Петровского, телеграмму о том, что он сдан в г. Харьков под наблюдение Харьковского губернского жандармского управления.

О вышеизложенном доношу вашему превосходительству.

Подполковник Павлов.

Из донесения начальника Харьковского губернского жандармского управления директору департамента полиции, 30 июня 1914 г., № 2679 [1].

Ордером от 27 сего июня за № 389 я обратился к приставу 4 участка г. Харькова с просьбой о производстве в ночь на 28 июня самого тщательного и всестороннего обыска, в порядке охраны, у проживающих в доме № 83 по Клочковской улице мещан г. Курска Михеля и Мани Мордуховых Терлецких, известных департаменту полиции по совершенно секретным достоверным источникам.

Пристав производство обыска поручил помощнику своему Бондаренко.

При осмотре вещей помощником пристава Бондаренко был обнаружен на шкафу, во второй комнате квартиры Терлецких, портфель с бумагами, каковой он, Бондаренко, признал принадлежащим Израилю Мордухову Терлецкому, отсутствовавшему из квартиры; портфель был осмотрен, в нем оказалась фотографическая карточка члена Государственной думы IV созыва Григория Ивановича Петровского, прибывшего в Харьков 25 сего июня и остановившегося на квартире у члена Государственной думы Матвея Константинова Муранова, в доме № 49 по Кладбищенской улице. В портфеле, кроме того, было, как значится в протоколе помощника пристава Бондаренко: 1) Устав членов Государственной думы, 2) свод законов, 3) записная книжка, 4) в конверте около 50 шт. почтовых 7 коп. марок юбилейных, 5) 10 штук открыток 3 коп., 6) 9 штук статистических открыток о ходе страхования рабочих в Европе, 7) сверток ваты, 8) несколько конвертов чистых и почтовая бумага, 9) справочник для членов Государственной думы и 10) на нескольких полулистах, отпечатанных на пишущей машинке, отчет членов Государственной думы Рос. Соц.-демократической рабочей фракции.

В момент производства следственных действий вошел в квартиру Г. И. Петровский и, пред'явив помощнику пристава Бондаренко депутатский билет и визитную карточку, обратился с просьбой о возвращении ему портфеля с бумагами, как его собственности.

Помощник пристава Бондаренко послал бывшего на обыске околоточного надзирателя Вильчинского к телефону для получения соответствующего распоряжения, но, ввиду настойчивого требования Г. И. Петровского, настолько растерялся, по собственному его признанию, что, не дожидаясь возвращения Вильчинского, выдал портфель с документами Г. И. Петровскому без всякой росписки, не приняв в соображение, что Г. И. Петровский в этой квартире не проживает, в квартиру явился сам, без всяких приглашений, обыску он не подвергался, вещей от него не было отобрано и сам он не задерживался, портфель же был найден в частной квартире в момент обыска.

Подполковник Финке.

Из донесения начальника Варшавского охранного отделения директору департамента полиции, 9 июля 1914 г., № 4918 [2].

30 минувшего июня, в 3 ч. 5 м. дня, согласно телеграммы начальника Киевского губернского жандармского управления от 29 того же июня за № 137, был взят в наблюдение прибывший из Киева в Варшаву поездом № 3, в сопровождении двух филеров упомянутого управления... депутат Государственной думы Григорий Иванович Петровский, кличка наблюдения «Телеграфный». Проводив Петровского в Варшаву..., филеры, при сдаче его наружному наблюдению вр. вверенного

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 307, 1914 г. (прод. 3), лл. 339—340.
[2] Там же (прод. 4), л. 1.

мне отделения, заявили, что указанный в той же телеграмме неизвестный, выехавший из Киева вместе с Петровским, остался в Сарнах. Из наблюдения за Петровским по г. Варшаве усматривается, что он, по прибытии поезда на станцию «Варшава-Ковельская», вышел из вагона с каким-то неизвестным, по виду евреем, и в извозчичьей карете проехал с ним на Венский вокзал, где оба, расплатившись с извозчиком, разошлись в разные стороны. При этом наружное наблюдение отметило, что совместный переезд Петровского с упомяным неизвестным с одного вокзала на другой состоялся, повидимому, в экономических целях, почему последний был оставлен без наблюдения. Сдав свои вещи на хранение, Петровский отправился в кофейную, находящуюся в д. № 2, на площади Железной Брамы, где выпил кофе, а затем пошел в иллюзион, помещающийся в д. № 106, на Маршалковской ул., откуда через 2 ч. 15 м. возвратился на Венский вокзал, а отсюда курьерским поездом, отходящим в 11 ч. 35 м. вечера, в сопровождении филеров вр. вверенного мне отделения... отбыл на пограничный пункт «Граница», где наблюдение установило от'езд его за границу.

Вр. и. д. начальника отделения
помощник его, ротмистр Гелимбатовский.

Из донесения начальника Костромского губернского жандармского управления директору департамента полиции, 19 июля 1914 г., № 496 [1].

Член социал-демократической фракции IV Государственной думы Николай Романов Шагов, в ночь с 15 на 16 июля, приехал в г. Кострому, не будучи замеченным моим наружным наблюдением, и 16 июля, от 10 до 12 ч. ночи, в 6 верстах от города, в лесу, состоялось собрание из 10—12 лиц местной группы с.-д., на котором Шагов сделал свой доклад. На собрание это приглашаемые лица попадали из города при особо конспиративных условиях, так что, при существующем у меня слабом составе наружного наблюдения, обнаружить его я не мог.

На собрании Шагов, рассказав сначала в кратких чертах о деятельности с.-д. фракции в Государственной думе..., стал доказывать необходимость нелегальной работы, говоря, что только такой работой можно выдвинуть и поставить на очередь различные вопросы, которые уже затем, пользуясь известными обстоятельствами, можно провести и легальным путем. Ввиду этого всем собравшимся настоятельно советовал развивать на месте, насколько возможно, нелегальную кружковую работу и указывая при этом, как на пример, на г. Петербург, говорил, что образцово поставленная там кружковая нелегальная работа постоянно поддерживает в широких слоях населения интерес к соц.-дем. принципам. Советуя собравшимся принять пока все меры к возможному расширению и усилению здесь кружковой нелегальной работы, Шагов предложил иметь в виду, что в настоящее время он едет по всему фабричному району Костромской губернии для докладов на местах и для выработки условий собрания в ближайшем будущем конференции от с.-д. группы этой губернии, с целью выработать на этой конференции условия дальнейшей совместной работы этих групп и с.-д. фракции IV Государственной думы. Затем Шагов сказал, что по окончании предпринятого им об'езда всего фабричного района Костромской губернии он, может быть, приедет еще раз в Кострому,

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 307, 1913 г. (прод. 1), лл. 341—342.

чтобы сказать, когда и где собрать предполагаемую конференцию. После этого Шагов советовал собравшимся содействовать принятию рабочими нового предполагаемого закона о фабричном страховании, который должен быть принят, но стараться провести его с теми поправками, которые имеются в разосланном им по Костромской губ. издании, под редакцией Данского, «Рабочий устав больничной кассы».

Из присутствовавших на собрании говорили только Шагов, а по окончании его доклада известный департаменту полиции Максим Павлов Новиков, заявил, что собравшиеся, от лица всех единомышленников, не могут не высказать упрека членам с.-д. фракции IV Государственной думы за то, что они все дали подписку участвовать, в качестве сотрудников, в газете «Луч», зная ее ликвидаторское направление, а затем сказал: «От лица всех собравшихся приношу вам, товарищи, благодарность за то, что побывали у нас», из чего делается заключение, что Шагов приезжал сюда не один.

Установить точно число всех собравшихся и кто они такие, не представлялось возможным, вследствие того, что говорили только Шагов и Новиков, и благодаря темноте, бывшей в лесу в такое время — от 10 до 12 час. ночи...

17 июля в 12 ч. дня Шагов был замечен наружным наблюдением, когда садился на пароход об-ва «Кавказ и Меркурий», отходящий из г. Костромы вниз по Волге, но замечен был настолько поздно, что агент, наблюдавший на пристанях, не успел сесть для его сопровождения.

О выезде Шагова я телеграфировал помощнику моему в г. Кинешма, предлагая направить имеющуюся у него агентуру к установлению времени и цели приезда туда Шагова.

Докладывая об изложенном на распоряжение вашего превосходительства, имею честь присовокупить, что из значительного количества фабрик Костромской губернии, которые видимо предполагает об'ехать Шагов, в настоящее время освещены до некоторой степени внутренним наблюдением только фабрики в самом г. Костроме и в г. Кинешме. Остальные же такового освещения теперь не имеют, и в будущем я предвижу для себя значительные затруднения в осуществлении на них такового наблюдения, за полной почти невозможностью выезда моего из г. Костромы, ввиду неимения в этом городе помощника — офицера, который мог бы заменить меня при выезде.

Прошу указаний вашего превосходительства, как надлежит поступить в будущем, в случае возможного обнаружения собрания в присутствии Шагова, принимая во внимание вышеуказанный характер таковых собраний и циркуляр департамента полиции от 15 мая сего года № 99728, и надлежит ли вообще держать Шагова под неотступным наблюдением.

Полковник Семигановский.

Из донесения начальника Астраханского губернского жандармского управления в департамент полиции, 25 августа 1914 г., № 4234[1].

Мною получены агентурные сведения, что 18 сего августа неожиданно приехал в Астрахань член Государственной думы известный Бадаев и что под его председательством состоялось собрание местных представителей Российской социал-демократической рабочей партии, посвященное вопросу о предполагавшемся, якобы, с'езде членов этой партии. Бадаев на следующий же день 19 выехал в Баку.

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 307, 1914 г. (прод. 4), л. 140.

Ввиду несколько позднего поступления ко мне означенных сведений, не представилось возможным установить наблюдение за Бадаевым и лишь о выезде его в Баку было телеграфировано начальнику Бакинского губернского жандармского управления от 21 сего августа за № 4180.

Полковник Федоренко.

Из донесения начальника Бакинского губернского жандармского управления в департамент полиции, 31 августа 1914 г., № 4570 [1]

21 сего августа мною была получена телеграмма из Астрахани нижеследующего содержания: «19 августа из Астрахани выехал в Баку член Государственной думы Бадаев, № 4180. Ротмистр Звайзгне».

В целях учреждения наблюдения за Бадаевым 21 того же августа были командированы филеры управления на вокзал и пристани к приходящим поездам и пароходам, но наблюдением приезд его отмечен не был.

22 сего же августа ко мне поступили агентурные сведения о том, что Бадаев накануне прибыл в Баку пароходом и 22 того же августа предполагает познакомиться с некоторыми местными социал-демократическим деятелем, свидание с которыми им было назначено в тот же день вечером на бульваре.

По получении означенных сведений на бульвар было командировано наблюдение, которым Бадаев замечен не был.

На другой день агентура указала, что в указанный выше вечер Бадаев на бульвар не являлся, а познакомился с местными социал-демократами в квартире тифлисского гражданина Саркиса Николаева Мартыкяна в доме № 1 по Гоголевской улице...

На этом совещании Бадаев сообщил, что цель приезда его ознакомиться с партийной работой на месте, выяснить отношение партийных кругов к предполагавшейся и отложенной на время войны общепартийной конференции и, кроме того, образовать в Баку центр, с коим можно было [бы] сноситься Петрограду.

Бадаев предполагал пробыть в Баку около недели и за это время намеревался организовать собрания рабочих в Балаханах, Биби-Эйбате и Черном городе.

В целях недопущения Бадаева продолжать агитационную деятельность было учреждено с 23 сего августа неотступное густое наблюдение, каковое Бадаев, видимо заметив, отправился в «Северные» номера по Романовскому проспекту, где пред'явил свой документ, переночевал и, не сходясь более ни с кем, 24 сего августа вечером, под наблюдением филеров управления... выехал по направлению Ростова-на-Дону.

На ст. «Беслань» Владикавказской железной дороги дальнейшее наблюдение за Бадаевым было передано филерам Терского областного жандармского управления.

По указанию агентуры Бадаев предварительно приезда в Баку посетил несколько приволжских городов и особенно остался доволен положением дела в Астрахани, где ему, якобы, удалось организовать большое собрание рабочих.

Из Баку Бадаев, по тем же агентурным сведениям, предполагал отправиться в Тифлис, но в виду того, что неотступное наблюдение

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 307, 1914 г. (прод. 4), ЛЛ. 142—143.

за ним в Баку препятствовало деятельности его, он изменил намерение и выехал в Петроград.

Счета филеров... на сумму 52 руб. 20 коп. будут оплачены из сумм вверенного мне управления.

Полковник Леонтьев.

Из донесения начальника Астраханского губернского жандармского управления в департамент полиции, 2 сентября 1914 г.[1]

В дополнение к донесению моему и выписке из агентурных сведений по Российской социал-демократической рабочей партии от 25 и 31 минувшего августа за №№ 4234 и 4382 докладываю вашему превосходительству, что по поступившим во вверенное мне управление новым агентурным сведениям член Государственной думы Бадаев на обратном пути из Баку вновь посетил Астрахань. На воскресенье 31 августа была назначена за кладбищем массовка рабочих, которая однако не состоялась, так как мною об этом были предупреждены чины полиции, пославшие раз'езды. Вместо этого было, при участии Бадаева, небольшое совещание у присяжного поверенного Романа Аствацатурова. Здесь Бадаев высказался против войны, но ему оппонировал присяжный поверенный Михаил Васильев, и Бадаев оказался как бы разбитым. По агентурным сведениям, цель поездки Бадаева — пропаганда о необходимости прекращения войны, о чем он хочет поднять вопрос на, якобы, открывающейся в сентябре месяце сессии Государственной думы, и по обсуждении этого вопроса в Думе, пред'явить об этом требование правительству; в случае отказа, выразить протест забастовками, выпуском прокламаций к солдатам и пр. Так как о возвращении Бадаева из Баку других сведений, кроме агентурных, ко мне не поступало, то и на этот раз его приезд в Астрахань не мог быть обследован с достаточной полнотой, т. е. наружного наблюдения за Бадаевым поставить не удалось. На запрос же мой по телеграфу начальнику Бакинского губернского жандармского управления, подтвердились ли сведения вверенного мне управления о приезде Бадаева в Баку, полковник Леонтьев телеграфировал в утвердительном смысле; подробности он сообщает почтой.

Повидимому, вчера Бадаев выехал пароходом вверх по Волге, о чем мною и телеграфировано начальнику Саратовского управления...

Полковник Федоренко.

Справка департамента полиции о А. Е. Бадаеве, декабрь 1914 г.[2]

Бадаев, Алексей Егоров, член социал-демократической фракции Государственной думы от рабочих Петроградской губернии.

При производстве в Петрограде 18 апреля 1913 г. ликвидации Петроградского комитета ленинского направления Российской социал-демократической рабочей партии был произведен обыск в редакции рабочей газеты «Правда», являвшейся центром для партийных сношений членов комитета с представителями отдельных петроградских социал-демократических организаций, в целях розыска документов, относящихся к деятельности упомянутого комитета. В числе предметов, найденных при обыске оказались: 1) Статья «Ко всем товарищам» социал-демократического направления, приготовленная к печати, члена

[1] ЦАР, ДП, о. о., д. № 307, 1914 г. (прод. 4), л. 146.
[2] Там же, д. № 5, 1914 г., л. 103-б.

Государственной думы Бадаева; 2) две расписки Бадаева в получении денег от некоего Герба для передачи казначею социал-демократической фракции Тулякову; 3) в пакете на имя Бадаева 4 корректурных оттиска, присланных из типографии «Товарищества художественной печати»; 4) 2 бланка редакции «Правда» с подписью «Издатель А. Бадаев».

В газете «Правда» от 26 апреля 1913 г. за № 95 помещена за подписью А. Бадаева статья «Товарищам рабочим Петроградской губернии», в каковой статье автор, отказываясь от участия в губернском присутствии по делам страхования рабочих по приглашению администрации, об'ясняет свой отказ нежеланием играть роль «бессловесных пешек» в правительственном учреждении, ввиду постоянных стеснений власти, воздвигаемых для рабочего класса при свободном обсуждении им страховых мероприятий и свободном избрании в страховые учреждения своих представителей.

9 сентября 1913 г., во время похорон на Митрофаньевском петроградском городском кладбище двух рабочих, погибших от несчастного случая на минном заводе, Бадаев пытался держать речь к собравшимся товарищам покойных, а при удалении толпы рабочих полицией, уговаривал первых не исполнять требований полиции, за что на него, Бадаева, в административном порядке был наложен штраф, вызвавший в первых числах декабря месяца ряд забастовок петроградских рабочих, протестовавших этим против означенной меры взыскания.

В годовщину событий 9 января 1905 г. Бадаев, 9 января 1914 г., участвовал в возложении венка на братскую могилу, погибших в этот день лиц, с надписью «от русской социал-демократической фракции IV Государственной думы».

Из постановления начальника Эстляндского губернского жандармского управления от 11 апреля 1914 г. по делу о ликвидации членов «ревельской об'единенной группы социал-демократов» усматривается, что Бадаев выслал привлеченному к переписке в порядке охраны Васильеву революционные воззвания, посвященные дню 9 января.

По сведениям начальника отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. Петрограде, в забастовочном движении в столице в июле 1914 г. Бадаев проявлял серьезную агитационную деятельность, которая находилась в связи с усилением деятельности представителей революционного подполья, стремившихся поднять настроение и наладить организационную работу в передовых рабочих кругах, в виду предстоявшего осенью сего года за границей международного социалистического конгресса.

Организуя загородные, под видом научных экскурсий, собрания рабочих, Бадаев и наблюдаемые в связи с ним лица, систематически освещая цели и задачи предстоящего социалистического конгресса, поднимали вопрос о Бакинской стачке, агитировали за желательность солидарности между отдельными группами рабочих и указывали на крайнюю необходимость поддержания бастующих соответствующими мерами, как морального, так равно и материального характера.

По поводу бывших 3 июля 1914 г. выступлений рабочих Путиловского завода имеются указания на то, что Бадаев, получив сведения о выступлениях рабочих названного завода, отправился к месту беспорядков.

Опоздав явиться своевременно к месту беспорядков и потерпев неудачу при попытке командовать и распоряжаться в помещении полицейского участка, депутат Бадаев отправился в помещение ночной редакции своего фракционного органа и здесь, определенно зная, что среди путиловских демонстрантов пострадавших не имеется, заведомо ложно нарисовал страшную картину, якобы, виденных им обстоя-

тельств, нападения полиции на «мирных» и «безоружных» рабочих, подчеркнув при этом, что он лично видел убитых, десятки раненых и более ста арестованных, над которыми издевалась полиция; эти ложные сведения были затем напечатаны в газете «День», произвели на рабочих сильное впечатление и послужили толчком к дальнейшим беспорядкам.

Явно в данном случае искажая действительную картину событий, названный депутат не постеснялся уверить своих слушателей, что наблюдавшаяся им обстановка усмирения путиловских рабочих ничем не отличается от картин ленских событий, и умышленно подчеркнул, что действия правительственных властей не должны остаться безответными со стороны остальных трудящихся г. Петрограда.

Кроме сего, Бадаев, высказывал желание попытаться организовать 7 минувшего июля в Петрограде уличную демонстрацию в знак протеста уже не против бакинских событий, а против последствий, созданных 4 июля самими революционными кругами, беспорядков.

По сведениям начальника отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Петрограде по делу происшедшего 4 июля на Забалканском проспекте столкновения рабочих с полицейским нарядом, последствием чего явилось поранение пяти рабочих и нескольких чинов полиции, возбуждено предварительное следствие, причем, по мнению начальника отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Петрограде, фактическим виновником этого столкновения является депутат Бадаев, все сведения о преступной провокационной деятельности коего полковником Поповым сообщены для сведения прокурору Петроградской судебной палаты.

Во время производства 7 сего июля в Петрограде обыска в редакциях социалистических газет «Трудовая правда» и «Наша рабочая газета», с целью ликвидации предполагавшегося там партийного собрания, туда явился депутат Государственной думы Бадаев с выражением протеста, после чего его попросили удалиться, а о его посещении был составлен протокол.

Справка департамента полиции о М. К. Муранове, декабрь 1914 г.[1]

Муранов, Матвей Константинов, член Государственной думы IV созыва, социал-демократической фракции от Харьковской губернии (по рабочей курии), мещанин сел. Основы, Харьковского уезда.

В 1909 г. харьковский губернатор представил в министерство внутренних дел переписку, произведенную в порядке положения о государственной охране, об арестованном в сел. Ивановке, Харьковского уезда, Муранове с ходатайством о высылке названного лица из Харьковской губернии.

Из представленной переписки оказалось, что Муранов принадлежал к Харьковскому комитету Российской социал-демократической рабочей партии и что по произведенному у него в мае 1909 года обыску обнаружено значительное количество революционной литературы, наличность коей подтверждает принадлежность Муранова к социал-демократической партии.

По рассмотрении обстоятельств дела в особом совещании, образованном согласно ст. 34 положения о государственной охране, г. министр внутренних дел постановил подчинить Муранова гласному надзору полиции на один год в избранном им месте жительства вне столиц, столичных и Харьковской губерний.

---

[1] ЦАР, ДП., о. о., д. № 5, 1914 г., л. 103-в.

По отбытии срока надзора в г. Екатеринославе Муранов вернулся в Харьков и вновь начал заводить партийные связи с рабочими вагонных мастерских.

По избрании в члены Государственной думы, Муранов 13 декабря 1912 г. прибыл из Петрограда в Харьков, где имел совещание с лицами, руководящими забастовкой на Харьковском паровозостроительном заводе, а также раз'яснял бастующим рабочим Харьковского паровозостроительного завода значение экономических забастовок вообще и не рекомендовал приступать к работам до тех пор, пока администрация завода не из'явит согласия на пред'явленные рабочими требования; об'яснения Муранова с рабочими происходили 17 декабря в рабочем доме по Петинской улице в помещении общества христиан-трезвенников...

2 февраля 1913 г. в г. Выборг прибыли члены Государственной думы социал-демократической фракции в числе 9 человек, среди которых был и Муранов. Встреченные на вокзале депутацией местных социал-демократов во главе с секретарем редакции газеты «Туо» Ялмаром Кирьяринди, они проследовали в рабочий дом, где состоялось собрание финских социал-демократов, на каковом собрании члены Государственной думы обещали полную поддержку финским социал-демократам.

18 апреля 1913 г. Муранов в партийных целях посетил в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, поселок Краматорский и прилегающую к нему деревню Петровку, где в квартире бывшего выборщика в Государственную думу Зноенка был застигнут полицейским надзирателем поселка на сходке рабочих в числе 15 человек, которые и были названным надзирателем на месте переписаны. На этой сходке Муранов говорил рабочим по поводу деятельности социал-демократической фракции Государственной думы и при этом подчеркнул, что он твердо держится своей социал-демократической фракции и по мере сил поддерживает фракцию этой партии в Государственной думе. Далее он говорил рабочим по поводу направления газет «Правда» и «Луч» и раскола между лицами, стоящими во главе редакций этих газет. Муранов советовал также рабочим выбрать из своей среды старост для об'яснения с администрацией завода в целях защиты интересов рабочих и добавил, что после этого рабочие смогут приступить и к образованию союза в целях сплочения рабочих масс.

29 июля 1913 г. Муранов, находясь в Харькове, явился в столовую завода масляных красок Бочарова, где в это время обедали около 40 человек рабочих, и, назвав себя, приступил к устному изложению хода работы социал-демократической фракции. В это время один из рабочих предложил Муранову вопрос, почему он не испросит надлежащего разрешения на собрание всех рабочих и не познакомит их со своей деятельностью в Думе; на это Муранов ответил, что испрошение означенного разрешения сопряжено с большим затруднением и что он без разрешения побывает на всех заводах и даст рабочим об'яснение.

О посещении Мурановым завода Бочарова при Харьковском губернском жандармском управлении произведено было расследование и по содержанию его доложено харьковскому губернатору, причем губернатором было сделано распоряжение об ответственности управляющих заводами и фабриками за допущение посторонних лиц и устройство ими собраний, подобных устроенному Мурановым.

За неделю до окончания сессии Государственной думы Муранов выехал в июне 1914 г. на Урал.

Справка департамента полиции о Г. И. Петровском, декабрь 1914 г.[1]

Петровский, Григорий Иванов, член Государственной думы IV созыва, социал-демократической фракции от Екатеринославской губернии, крестьянин Харьковской губернии, Волчанского уезда, ныне 36 лет.

20 июля 1900 г. Петровский был привлечен при Екатеринославском губернском жандармском управлении к дознанию по делу об «Екатеринославском комитете российской социал-демократической рабочей партии», ввиду результатов произведенного у него обыска, по которому была обнаружена рукопись преступного содержания, воззвания к рабочим, а также сведений, указывавших на сношения его с лицами политически неблагонадежными.

На основании высочайшего повеления, воспоследовавшего 22 мая 1903 г., в разрешение упомянутого дознания Петровский был подвергнут тюремному заключению на шесть месяцев.

По отбытии заключения Петровскому, на основании утвержденного 3 декабря 1903 г. постановления особого совещания, образованного согласно ст. 34 положения о государственной охране, было воспрещено жительство в столицах и столичных губерниях на пять лет.

2 февраля 1913 г. в г. Выборг прибыли члены Государственной думы социал-демократической фракции, в том числе и Петровский, причем эти лица вместе с несколькими членами финляндского сейма и некоторыми местными агитаторами финляндской социал-демократической партии присутствовали на собрании в выборгском городском рабочем доме. Хотя на этом собрании каких-либо речей с той или другой стороны произнесено не было, но во время общей беседы финляндцы предложили членам Государственной думы установить более тесное общение между социал-демократическими фракциями Думы и сейма и работать совместно в целях организации протеста против «националистической и насильственной политики правительства в отношении Финляндии».

4 февраля те же члены Думы прибыли в Гельсингфорс, причем посетили сеймовый дом, где происходило собрание из 40 депутатов сейма.

В ночь на 10 февраля чинами отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. Петрограде был произведен осмотр квартиры членов Государственной думы Петровского и Шагова, проживавших по 9 Рождественской улице, д. № 39, в целях проверки самоличности частных лиц, проживавших в этой квартире. Во время осмотра в помянутой квартире обнаружены были ночующими без прописки: не имеющая права жительства в столице дочь купца Клавдия Новгородцева и видный член Российской социал-демократической рабочей партии мещанин Яков Свердлов, высланный в Томскую губернию под гласный надзор полиции и скрывавшийся из места водворения.

По постановлению петроградского градоначальника, изложенному в приложении к приказу по градоначальству от 15 февраля 1913 г. за № 38, Петровский и Шагов были подвергнуты в административном порядке штрафу в 300 рублей каждый с заменой, при неуплате, арестом на 2 месяца каждый квартирохозяин: Петровский — за неизвещение домовой администрации о прибытии в его квартиру 2 лиц и проживавший в той же квартире Шагов — за допущение в занимаемое им помещение лица, нерасполагающего правом жительства в Петрограде.

---

[1] ЦАР, ДП., о. о., д. № 5, 1914 г., л. 103-і.

Вместе с тем, было указано приставу 2 участка Рождественской части, что в случае неуплаты названными лицами штрафа, арест может быть произведен не ранее окончания их полномочий, как членов Государственной думы.

1 декабря 1913 г. в Петрограде из квартиры Петровского стали выносить кипы брошюр и нагружать на воз. Так как подвода не имела установленной жестянки, то воз был задержан вместе с сопровождавшими его мальчиком подростком и дворником. Последние показали, что все книги, перевозимые ими, были пожертвованы депутатом Петровским обществу «Синего креста». По осмотре задержанных брошюр, весом около 35 пудов, оказалось, что таковые имеют 23 различных наименования и все значатся в указателе книг и брошюр, арест на которые утвержден судебными установлениями.

Из имеющейся по этому делу копии представления прокурора Петроградского окружного суда к прокурору Петроградской судебной палаты от 14 декабря 1913 г. за № 2535 видно, что 14 декабря 1913 г. прокурором Петроградского окружного суда предложено судебному следователю 9 участка г. Петрограда приступить к производству предварительного следствия по признакам преступления, предусмотренного 132 ст. уг. ул. по делу о доставлении на квартиру депутата Петровского книг и брошюр преступного содержания и дальнейшем распространении сих изданий.

9 января 1914 г. на Преображенском кладбище, где погребены убитые при подавлении уличных беспорядков 9 января 1905 г., явились члены Государственной думы Петровский и Бадаев и возложили на так называемую братскую могилу венок, обвитый черной лентой, с надписью «От Российской социал-демократической рабочей партии IV Государственной думы». По уходе означенных депутатов ленты были удалены полицией.

Справка департамента полиции о Ф. Н. Самойлове, декабрь 1914 г.[1]

Самойлов, Федор Никитин, член Государственной думы IV созыва, социал-демократической фракции.

В октябре 1907 г. у Самойлова, состоявшего в то время председателем правления профессионального общества рабочих ситцепечатных фабрик г. Иваново-Вознесенска, был произведен обыск, по коему найдены прокламации, брошюры, разные заметки и подписной лист для сбора денег в пользу бывшего члена Государственной думы Жиделева и печатный отчет профессионального общества ситцепечатников.

В феврале 1909 г. Самойлов был привлечен к формальному дознанию при Владимирском губернском жандармском управлении по обвинению в революционной деятельности в профессиональном обществе ситцепечатных фабрик г. Иваново-Вознесенска и арестован 19 мая 1909 г. Приговором Московской судебной палаты 28 октября 1911 г. Самойлов признан по суду оправданным.

8 ноября 1912 г. Самойлов, выбранный в члены Государственной думы, уезжая на сессию Государственной думы, обратился на ст. Иваново, Северных железных дорог, к провожавшим его рабочим с речью, в которой обещал, состоя в Государственной думе, исполнять данный ему рабочими наказ, т. е. требовать амнистии политическим заключенным, конституции для Финляндии, автономии для Польши и проведение в жизнь свобод, обещанных манифестом 17 октября 1905 г., причем добавил, что свободы эти не даются даром, а берутся силой.

За устройство упомянутого публичного собрания без надлежащего заявления Самойлов был привлечен к уголовной ответственности по

[1] ЦАР, ДП., о. о., д. № 5, 1914 г., л. 103-д.

обвинению в преступлении, предусмотренном 39—3 и 39—4 ст. ст. уст. о нак., и дело это находилось в производстве у уездного члена Владимирского окружного суда по г. Иваново-Вознесенску.

В феврале 1913 г. помощник начальника Владимирского губернского жандармского управления в Шуйском и Ковровском уездах донес департаменту полиции, что он, согласно предписания начальника Владимирского губернского жандармского управления, возбудил в порядке 1035 ст. уст. уг. суд. дознание по обвинению Самойлова в преступлении, предусмотренном 129 ст. уг. ул. за произнесение упомянутой выше речи.

В марте 1913 г. прокурор Московской судебной палаты уведомил департамент полиции, что рассмотрев формальное дознание о произнесении 8 ноября 1912 г. речей на площади возле станции Иваново, Северных железных дорог, при от'езде члена Государственной думы Самойлова, он поручил прокурору Владимирского окружного суда внести это дознание в губернское совещание на прекращение за недостаточностью улик.

3 декабря 1913 г. в газете «За правду» помещена заметка за подписью депутата Самойлова под заглавием «Российская социал-демократическая рабочая фракция», заключающая жалобы ссыльных Олонецкой и Пермской губ. на неправильную выдачу кормовых денег.

Из справки департамента полиции о Н. Р. Шагове, декабрь 1914 г.[1]

Шагов Николай Романов, член Государственной думы IV созыва, социал-демократической фракции...

На состоявшемся в период от 25 сентября по 1 октября 1913 г. за границей в Галиции совещании членов Ленинского Центрального комитета российской социал-демократической рабочей партии в числе других принимал участие и член Государственной думы Шагов. На этом совещании было решено принять все меры для усиления недовольства рабочих, укрепления партийного строительства и окончательного отмежевания от меньшевиков «ликвидаторов».

Затем 18 мая 1914 г. в дачной местности «Юкки» приставом 2 стана Петроградского уезда было застигнуто собрание из 200 приблизительно лиц. На вопрос пристава о цели путешествия присутствовавшие заявили, что они участники общества «Наука и жизнь», и пред'явили утвержденный 2 мая 1913 г. петроградским градоначальником устав этого общества. Имея в виду, что об этой экскурсии не была поставлена в известность полицейская власть, пристав предложил им разойтись. Тогда из среды экскурсантов выступил член Государственной думы Шагов, пред'явивший в удостоверение личности билет за № 413, и заявил приставу, что уставом общества экскурсии предусмотрены и что требование его разойтись ни на чем не основано. После этого Шагов пожелал узнать фамилию пристава и записал таковую, а собравшиеся тотчас же разошлись.

14 июля 1914 г. Шагов выбыл из Петрограда в сел. Родники Костромской губернии и 16 июня вышел из дому в лес, намереваясь присутствовать на собрании рабочих, которое однако не было допущено нарядом войск и полиции; в тот же день вечером Шагов выехал в сел. Тезени, где в то время происходила забастовка рабочих.

21 июня Шагов выехал вновь из сел. Родников в дер. Юдинку, Нерехтского уезда, близ фабрики Орлова, с целью устроить собрание рабочих, но собрание это местным исправником допущено не было.

---

[1] ЦАР, ДП., о. о., д. № 5, 1914 г., л. 103-д.

Кронштадтское восстание 1906 г.

1 августа (19 июля по ст. ст.) исполнилось 30 лет со дня вооруженного восстания в Кронштадте. Это восстание нельзя рассматривать оторванно от ряда других выступлений, имевших место в то время. Свеаборгское восстание, Кронштадтское, выступления крейсера «Память Азова» и некоторых других судов Балтийского флота — являются звеньями одной цепи.

Основная масса публикуемых документов — рапорты, донесения командиров экипажей, офицеров — написаны на другой день после Кронштадтского восстания, под живым впечатлением пережитых событий. На основании этих документов составлялся тот сводный материал (обвинительный акт, заключения и т. п.), который в основном нам уже известен [1]. Но эти документы, написанные под непосредственным впечатлением событий, могут для нас представить несомненный интерес, несмотря на то, что они составлены командным офицерским составом, принимавшим прямое участие в подавлении восстания. Они помогут изучению отдельных деталей восстания и событий, с ним связанных. Так напр., записка помощника прокурора военно-морского суда Кронштадтского порта Твердого о расстреле семи минеров без всякого следствия и суда ярко рисует картину жестокой расправы с восставшими матросами. Вся процедура военно-полевого суда была заменена вынесением решения комиссией из трех генералов и одного полковника, присуждавшей матросов к смертной казни, без какой-либо попытки произвести расследование и установить хотя бы степень причастности их к восстанию.

Ряд документов настоящей публикации выясняет мероприятия командования, направленные к предупреждению возможности революционного выступления.

В этом отношении особое внимание привлекает докладная записка командира учебного судна «Африка» Муравьева. Правильно связывая восстание в Кронштадте с общим революционным движением в стране, автор записки видел в рабочем классе наиболее опасного врага для самодержавного строя и предлагал прежде всего изолировать матросскую массу от влияния петербургских рабочих. Для этого он считал необходимым поставить под строгий контроль всех приезжавших Кронштадт, наводнив город охранниками, и отпускать матросов на берег лишь в те дни, когда рабочие заняты на предприятиях. Для устрашения масс Муравьев предлагал жестоко расправиться с восставшими и создать особый «дисциплинарный режим» как для матросов, непосредственно участвовавших в восстании, так и для тех из них, которые находились в то время в восставших частях. Признавая низкий уровень офицерства, наличие недовольства в унтер-офицерской прослойке, Муравьев требовал новых льгот и новых благ для командного офицерского состава и особых привилегий для командного состава дисциплинарных частей. Для подавления восстания во флоте он предлагал создать особую морскую пехоту по пирмеру английского флота, которая должна была быть совершенно изолированной от матросской массы и находиться на особо привилегированном положении.

Ход событий 19—20 июля нам известен. Свеаборгское восстание, вспыхнувшее 17 июля, ускорило вооруженное выступление в Кронштадте.

На выступление отчасти повлияла авантюристская политика эсеров, уверявших, что к Кронштадту идут четыре судна. На самом деле, связь с судовыми командами почти отсутствовала, суда находились в море, вопрос о их выступле-

[1] См. «Военные восстания в Балтике в 1905—1906 гг.», изд. Центрархива, Партиздат, 1933 г.

нии не был решен. Стихийные массовые выступления в Свеаборге и Кронштадте были обречены на неудачу, поскольку они не смогли связаться с революционным движением пролетариата и трудового крестьянства всей России.

Ленин, отмечая летом 1906 г. новую «приближающуюся волну стихийного народного гнева» [1], требовал тщательной подготовки к вооруженному восстанию.

«... Никаких преждевременных призывов к восстанию! Никаких торжественных манифестов к народу. Никаких пронунциаменто, никаких «провозглашений». Буря сама идет на нас. Не надо бряцать оружием.

Надо готовить оружие,— и в прямом, и в переносном смысле слова. Надо готовить прежде всего и больше всего сплоченную и крепкую своим сознанием, своей решимостью армию пролетариата. Надо удесятерить работу нашей агитации и организации среди крестьянства — и того, которое голодает в деревне, и того, которое послало на военную службу прошлой осенью своих сыновей, переживших великий год революции. Надо сорвать все и всякие идеологические прикрытия и затушевывания революции, надо устранить всякие сомнения и колебания. Надо просто, спокойно, в самой доступной народу, бесхитростной форме сказать как можно громче и ярче: борьба неизбежна. Пролетариат примет бой. Пролетариат все отдаст, все силы свои бросит в это сражение за свободу. Пусть знает разоренное крестьянство, пусть знают солдаты и матросы, что решается судьба русской свободы» [2].

Когда началось восстание в Свеаборге, Ленин в проекте постановления испол. комиссии СПБ. комитета РСДРП писал: «1) послать немедленно в [Свеаборг] делегацию...;

2) поручить этой делегации принять все меры для тщательного выяснения положения дел на месте;

3) поручить ей повлиять на местных членов партии и революционеров и население в том смысле, чтобы добиться отсрочки выступления, если только это возможно без крайних жертв со стороны населения в смысле ареста прав[ительст]вом уже намеченных лиц;

4) поручить той же делегации в случае полной невозможности остановить взрыв, принять самое деятельное участие в руководстве движением, т. е. помочь выступившим на борьбу массам организоваться самостоятельно, разоружить и истребить реакцию, предпринять по надлежащей подготовке решительные наступательные действия и... выступить с правильными и действительно революционными, способными увлечь народ, лозунгами» [3].

Кронштадтское восстание не было подготовлено и организовано.

На собрании представителей всех частей, происходившем 19 июля в связи с известиями о восстании в Свеаборге, решено было выступить. Собрание закончилось в 2 часа дня, к полночи решено было выступать, а за остающееся время нужно было известить части о выступлении, подготовить их, осведомить об общем плане, указать каждому свое место и задачи.

На деле оказалось, что Енисейский полк, выступлению которого на стороне революции в плане восстания отводилось большое место, не только не выступил, но даже участвовал в подавлении восстания. 2-я флотская дивизия, дружно выступившая с 11 часов вечера, по плану должна была, взяв машинистов, отправиться на форты для захвата их. В момент построения ко 2-й дивизии подошла, столь же дружно выступившая 1-я флотская дивизия, направлявшаяся к казармам Енисейского полка. Вместо выполнения своего плана 2-я дивизия присоединилась к 1-й.

Момент для десанта был упущен, так как катера кем-то были уведены. Захват арсенала не мог изменить положения,— оружие и патроны енисейцев были обращены против восставших. Того, что удалось захватить в арсенале, было со-

[1] Ленин, Соч., т. X, стр. 370.

[2] Там же, стр. 371.

[3] Цитир. по сборнику «Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП», Партиздат. М. 1932, стр. 251—252.

вершенно недостаточно. Исход восстания был предрешен. После первых же столкновений с правительственными войсками отряды начали распадаться. Попытка вновь собраться на Красной ул. и захватить почтово-телеграфную контору потерпела неудачу. После ряда стычек разрозненные отряды моряков постепенно редели, возвращались в казармы, чтобы из окон расстрелять последние патроны по правительственным войскам. К 10 часам утра 20 июля правительственными войсками было закончено разоружение команд флотских экипажей.

Минеры выступили в назначенное по плану время, арестовали офицеров, захватили береговое укрепление «Литке» и на захваченном поезде, стоявшем на «Литке», направились для захвата форта «Константин», что им удалось без всякого сопротивления со стороны находившихся там двух рот артиллеристов. Но восставшие оказались без снарядов, и вместо четырех, условленных по плану выстрелов, которые они должны были произвести из орудий форта, удалось произвести только один.

Попытка захвата береговых батарей на «Косе» окончилась неудачей, — выступивший отряд вынужден был вернуться в форт под обстрелом подошедшего второго крепостного батальона, а в 6 часов утра сдался. Ввиду попытки восставших выбраться из форта на катерах, комендантом крепости приказано было эскадренному броненосцу «Александр II» послать вооруженные баркасы «на пересечку их курса». Однако команда броненосца отказалась выполнить это приказание, и начальство вынуждено было отметить его.

В 5 часов дня 20 июля по постановлению военно-полевого суда были расстреляны семь минеров — первые жертвы начавшегося террора.

Кронштадтское восстание было разбито.

Военная организация при петербургском к-те РСДРП, оценивая уроки Кронштадтского восстания, писала: «В Кронштадте тьма победила свет. Почему? Потому что кронштадтские товарищи солдаты не стерпели, не дождались общероссийского движения...

И в самом Кронштадте многие рабочие, солдаты и матросы думали, что сейчас рано восставать. Восстание вышло не дружное. Колеблющаяся часть армии и флота не знала, за кого стоять. Все для нее вышло слишком неожиданно» [1].

Предвидя возможность выступления, начальник Кронштадтского жандармского управления доносил, что войска из лагеря были вызваны за два часа до восстания. Но еще задолго до восстания, под живым впечатлением событий октября 1905 г., командование предпринимает ряд мер для предупреждения возможных выступлений.

Так, командир крепости (ген.-лейт. Беляев) ставит вопрос об уничтожении сквозных проходов через дворы офицерских флигелей на Екатерининской ул., а калитки от казарменных дворов предлагает держать всегда запертыми, о чем он просит сделать распоряжение [2] в своем письме главному командиру от 14 марта 1906 г.

В штабе Кронштадтской крепости разрабатывались мероприятия на случай революционного выступления на судах флота и появления их у Кронштадта. Для этого от штаба Кронштадтского порта были затребованы сведения о судах, команды которых являются более неблагонадежными, сведения о вооружении судов, о мероприятиях, проектируемых морским командованием на случай восстания. Намечается установление связи наблюдательной вышки над зданием Морского инженерного училища с Главной сухопутной станцией и фортом «Меньшиков» и для корректирования стрельбы с береговых батарей по гаванам и рейдам, в случае необходимости производства таковой по «мятежным» судам [3].

Со стороны морского командования были даны инструкции командиру находившегося в гавани транспорта «Ангара» капитану II ранга Гагману для приня-

---

[1] «Первая конференция В. Б. О. РСДРП», стр. 302.
[2] МИА, ф. № 930/24, 1906 г., д. № 343, л. 253.
[3] Там же, л. 302.

тия мер на случай самовольной разводки паров на миноносцах и стремления выйти без разрешения в море, «вплоть до потопления неповинующихся миноносцев» [1].

В конце июня главный командир в письме морскому министру проектирует изменение способов хранения винтовок и патронов в экипажах [2] с целью предупреждения возможности захвата их восставшими.

16 июля 1906 г. в Кронштадт «для обеспечения спокойствия» прибыл 2-й батальон лейб-гвардии Финляндского полка, который принял активное участие в подавлении восстания.

Несмотря на неудачу Кронштадтского восстания, оно сыграло свою роль в деле развития революционного движения, оно обогатило боевой опыт российского пролетариата.

«Свеаборг и Кронштадт показали настроение войска» [3].

В 1917 г. кронштадтские моряки и рабочие были застрельщиками борьбы за власть советов, были в первых рядах тех отрядов, которые пошли за партией большевиков.

И с полным правом Военная организация петербургского к-та РСДРП писала: «Слава вам, кронштадтские братья! Вы смело поднялись на поддержку Свеаборга, вы не жалели своей жизни! Не бойтесь суда,—Россия за вас. Вы в плену, а не в тюрьме. Русский народ победит. И молва о подвигах ваших, как и о делах всех борцов за народ, перейдет из уст в уста, ко внукам и правнукам» [4].

Ф. Петров.

Донесение начальника Выборгского отделения жандармского полицейского управления Финляндских железных дорог с.-петербургскому губернатору, 15 мая 1906 г. [5]

Вчера, 14 мая в 12 часов дня прибыл на Лисий Нос из Кронштадта пароход под названием «Сестрорецк», на котором прибыло 180 пассажиров, в числе коих было около 60 матросов: 16, 17 и 18 флотских экипажей, команды с судов: «Донской», «Дон», «Рига», «Слава», учебного артиллерийского экипажа, человек 35 Кронштадтской крепостной артиллерии и человек 25 Кронштадтского крепостного пехотного полка. Все прибывшие пассажиры, за исключением двух, севших на поезд, направились в густой лес около Лисьего Носа, в одной версте от железной дороги, где к ним присоединилось сестрорецких рабочих, студентов, курсисток, всего до 500 человек. На митинге произносились речи студентами, в числе 4 человек и 5 вольноопределяющимися флота. В речах говорилось, что Государственная дума разогнана, государь уехал и народ подбивался к беспорядкам. Моряки говорили, что нужно выждать время, когда они выйдут в море и что тогда все будет зависеть от них, все будет в их руках; митинг окончился около 6 часов вечера и решено было вновь собраться на это же самое место в следующий праздник. На митинг этот был послан унтер-офицером вверенного мне отделения Лупандиным железнодорожный сторож, снявший с себя форменную одежду и сообщивший все вышеизложенное. По имеющимся сведениям, нижние чины Кронштадтского гарнизона уезжают оттуда без всякого разрешения начальства.

Подполковник Легат.

---

[1] МИА, ф. 930/24, 1906 г., д. № 343, л. 172.
[2] Там же, л. 177.
[3] Ленин, Соч., т. X, стр. 25.
[4] «Первая конференция В. Б. О. РСДРП», стр. 303.
[5] МИА, ф. 930/24, 106 г., д. № 343, л. 287.

Отношение начальника штаба Кронштадтского порта контр-адмирала Петрова в штаб Кронштадтской крепости, 26 мая 1906 г.[1]

В дополнение отношения от 26 сего мая, за № 301,[2] штаб, по приказанию и. д. главного командира, сообщает для доклада его превосходительству коменданту крепости о нижеследующем: в политической неблагонадежности морских команд, находящихся в данное время на судах, не представляется возможным сомневаться[3], так как они своей политической неблагонадежности ничем не высказали, а потому не имеется оснований считать какие-либо суда подозрительными.

Артиллерийское вооружение судов показано в прилагаемой ведомости. Боевые запасы, принятые на суда, указаны в отношении от 26 мая за № 301.

Для устранения возможности произвольного открытия огня с судов из орудий калибра 8 и 12 дюймов можно было бы сделать распоряжение о сдаче в морской арсенал грибовидных стержней от замков и каморных колец, а у пушек меньших калибров можно снять ударники и сдать их в тот же арсенал, но прибегать к таковой мере крайне рискованно, так как этим недоверием можно, во-первых, возбудить совершенно напрасно всех верных долгу присяги нижних чинов и, во-вторых, мы имеем пример бунта в Севастополе, когда «Ростислав», благодаря во-время полученным ударникам принял значительное участие в подавлении бунта, открыв огонь по «Очакову». Имея в виду, что суда готовятся к плаванию и в каждый должный момент должны быть в полной боевой готовности уйти в море, упомянутую меру главный командир взять на себя без разрешения морского министра не может.

Для того, чтобы ни одно из мелких судов не могло сняться с якоря или уйти с рейда, сделано распоряжение не разводить паров без разрешения начальников отрядов и командиров судов; в случае же нарушения или сопротивления в этом направлении приказано немедленно принять самые решительные меры, включительно до потопления неповинующегося судна.

Десантные пушки и пулеметы в настоящее время находятся на судах, и весьма незначительная часть неисправных находится в арсенале. Как те, так и другие пушки не могут быть переданы крепости без разрешения морского министра.

Единственная мера для быстрой передачи с рейда или из гавани о случаях каких-либо мятежных попыток на отдельных кораблях, может быть следующая: суда, рядом стоящие и не принимающие участия в мятеже, обязаны дать знать сигналом по книге свода морских сигналов морскому телеграфу (вышка над инженерным училищем), откуда о случае будет сообщено по телефону или через рассыльного в штаб крепости.

Относительно пропуска на морской телеграф одного из сухопутных чинов, главный командир полагает, что эта мера может породить крупные недоразумения вследствие неправильно понятого движения судов или не точно переданного известия, а потому пропуск может быть выдан только с разрешения морского министра. К сему штаб добавляет, что на морском телеграфе ежедневно дежурит офицер.

---

[1] МИА, ф. 930/24, 1906 г., д. № 343, лл. 293—294.

[2] Отношением от 26 мая за № 301 начальник штаба Кронштадтского порта препровождал в штаб Кронштадтской крепости схематический чертеж расположения судов в гаванях, список судов, стоящих на рейдах, а также сведения о боевых запасах, находящихся на судах.

[3] Так в подлиннике.

Что же касается постоянных мер для воспрепятствования сборищ команды на гласисах крепости, то для устранения этого будут по праздничным дням высылаться на гласис ружейные обходы под командою кондукторов. Внутренняя же охрана казарм в настоящее время ведется в том же направлении, как она была преподана комендантом крепости после 26 октября.

Начальник штаба контр-адмирал Петров.

Рапорт командира 4 флотского экипажа капитана I ранга Попова старшему флагману 1 флотской дивизии контр-адмиралу Паренаго 28 мая 1906 г.[1]

27 числа в 11 час. 50 м. ночи мне было передано по телефону дежурным офицером по 1-му флотскому экипажу мичманом Арнаутовым, что в столовой 4 экипажа было собрание нижних чинов, и когда он туда пришел, то все они разбежались.

Я сейчас же пошел в экипаж, где был встречен дежурным офицером по 4 экипажу лейтенантом Кареевым, который мне доложил, что в столовой 1 и 4 экипажей около 11½ час. ночи собрались какие-то матросы, и когда они вместе с мичманом Арнаутовым пошли узнать, в чем дело, то, придя в кухню, они нашли двери запертыми, и когда начали стучать, то все матросы разбежались. В столовой боцман Краснов нашел чью-то фуражку с ленточкой «Адмирал Спиридонов»[2], которая и передана была дежурному офицеру по 1 экипажу.

После этого мною были опрошены:

Боцман Краснов, который видел только, что матросы выбежали из кухни; в лицо же он не мог никого заметить, так как было темно и он знает очень мало команды, ибо очень недавно поступил в экипаж. Дежурный по кухне машинист 2 статьи Рублев показал, что часу в одиннадцатом пришли на кухню человек 10 матросов как бы за чаем, и когда он впустил их, то они его и дневального Прозорова оттерли от дверей и окон и заявили, чтобы они молчали, а то плохо будет, в то же время стали собираться матросы и набралось человек от 70 до 100 и начали говорить что-то о черной сотне, и он так испугался, что никого не заметил да и разглядеть было трудно, так как было темно. Дежурный по кухне 1 экипажа комендор Михайлов, с которым то же было проделано, что и с Рублевым, но Михайлов доложил, что он понял, что говорили о том, как бы себя огородить от черной сотни, рассказывают, что будет здесь погром и, хотя матросов не будет, но все взвалят на них. В экипаже, когда я был, все было совершенно спокойно.

28 утром мною было поручено капитану Скворцову совместно с лекарским помощником 1 экипажа осмотреть команду всего экипажа, не было ли у кого-нибудь ссадин на руках, так как в кухне оказались разбитые стекла, и люди могли себе поранить руки, но поранений не нашлось. После справки 27 оказался нетчиком матрос 2 ст. Аркадий Шведов.

Капитан 1 ранга Попов.

---

[1] МИА, ф. № 930/343, лл. 140—141.

[2] Фуражка принадлежала машинисту 7-й роты 1-го экипажа Илье Лагиреву, переведенному из Каспийского экипажа.

Отношение коменданта Кронштадтской крепости А. Адлерберга и. д. главного командира флота и портов и начальника морской обороны Балтийского моря А. Сиденснеру, 11 июля 1906 г.[1]

Начальник штаба порта доложил мне, что г. морским министром сделано распоряжение, чтобы ни одно судно, находящееся в плавании, не прибывало в Кронштадт без его разрешения.

В виду сего, на случай, если это приказание его высокопревосходительства будет нарушено каким-либо судном, признаю необходимым принять соответствующие меры, а потому прошу ваше превосходительство не отказать в распоряжении, во избежание недоразумений и могущих произойти от этого серьезных последствий, своевременно ставить меня в известность о каждом судне, прибывающем в Кронштадт, следует ли оно с вашего разрешения или же считать его вышедшим из повиновения начальства, дабы в последнем же случае иметь основание приказать открыть по нем огонь из орудий крепости.

Прошу принять уверение в моем совершенном почтении и глубокой преданности.

А. Адлерберг.

Рапорт временно командующего 1 флотским экипажем капитана II ранга Николаева I и. д. главного командира флота и портов и начальника морской обороны Балтийского моря А. Сиденснеру, 20 июля 1906 г.[2]

Вчерашнего 19 июля я был очередным наблюдающим экипажным командиром в 4 служительском флигеле, занимаемом экипажами 1 дивизии. До справки команда веселилась, плясала под гармонию и вообще была в хорошем настроении; я сам подходил смотреть на пляску и разговаривал со многими, видел тут же находившихся капитана по адмиралтейству Скворцова и шт.-кап. Армфельдта. Справка, на которой я присутствовал в своем экипаже, прошла вполне благополучно. После нее я находился в канцелярии своего экипажа и стал подписывать послужные списки офицеров, состоящих в 1 экипаже. Около 9½ часов ко мне пришел с вечерним рапортом старший дежурный по сводному экипажу штабс-капитан инженер-механик Ильютович и просидел у меня, вероятно, до начала одиннадцатого часа, затем я стал заниматься тем же.

Часов же около одиннадцати или в самом начале 12-го часа ко мне явился дежурный по 1 экипажу фельдфебель Рак и доложил, что все экипажи внезапно переоделись в фланелевые рубахи, сняли чехлы с фуражек и спешно выходят на двор. Я, взглянувши в окно, действительно увидел на дворе выбегающую из здания команду, и понял, что это видимо организовано, и далеко не шуточно, и опасаясь, как бы не прервали телефонов, не выходя к команде, тут же в канцелярии вызвал по телефону начальника штаба и доложил ему, на что получил ответ, что он даст знать флагману 2 дивизии. Затем я хотел выйти на двор, но бывшие в канцелярии мои писаря и дежурный квартирмейстер Казаков настойчиво стали убеждать меня не выходить к команде, так как наверное убьют, потому что, видимо, уже разобрали в экипажах винтовки, в чем я и сам убедился, видя на дворе в общей массе команды уже вооруженных. Тогда я снова стал вызывать по телефону начальника штаба, но сразу соединиться с ним не мог, так как, по сообщению станции, он говорил в это время с главным коман-

[1] МИА, ф. № 930/24, 1906 г., д. № 343, л. 397.
[2] Там же, д. 173, л. 502.

диром. Когда же меня снова с ним соединили, то я только успел ему проговорить: «Команда разобрала винтовки», — как телефон прервали, и я больше уже по телефону ни с кем говорить не мог. За это время команда растворила ворота, ведущие в 11 и 20 экипажи, послышались выстрелы, вначале одиночные, а потом залпами и крики: «Бей всех, кто не выходит». Вместе с этим команда быстро начала двигаться по двору по направлению к Павловской улице; залпы продолжали раздаваться еще некоторое время, и слышно было, как выгоняли из камер всех людей, крича: «Лучше выходи, а то всех перебьем».

В начале первого часа ночи почти вся команда уже ушла через ворота на Павловскую улицу, на дворе остались только перебегающие отдельные личности, видимо не желавшие принимать участие в бунте и прятавшиеся даже друг от друга. Изредка слышались отдельные выстрелы. Все происходившее перед глазами при моем болезненном астматическом состоянии настолько нервно меня потрясло, что я во втором часу ночи решил выйти из экипажа, где мое присутствие уже не могло иметь значения, и, имея ключ от калитки в 4 офицерский флигель, я перешел в квартиру капитана I ранга Родионова (моего товарища), чтобы оставаться вблизи; на время же этого перехода, так как я был в белом, то, чтобы не быть слишком видимою целью для сновавших по двору людей, я накинул матросское платье. Оправившись от нервного удушья, я в 7 часу утра пошел в дивизионную канцелярию, чтобы узнать что-либо о происходящем в городе. Бывшим же со мною старшему писарю Плотникову и квартирмейстеру Казакову я велел итти в экипаж и дал им записку, что они все время беспорядков были со мною. В 11 часов утра сего 20 июля я был в 1 экипаже во время арестования команды л.-гв. Финляндским полком и убедился, что имевшиеся у меня в цейхгаузе ружья и патроны все остались целы и взяты только офицером этого полка.

О вышеизложенном доношу вашему превосходительству.

Капитан II ранга Николаев I.

Рапорт временно заведывающего 4 флотским экипажем капитана I ранга Митурич в штаб Кронштадтского порта, 20 июля 1906 г.[1].

В среду 19 сего июля в 11 часов вечера некоторыми нижними чинами порученного мне экипажа произведен совместно [с нижними чинами] других экипажей бунт. Когда в этот день около 3 часов пополудни я обходил ротные помещения экипажа и разговаривал с некоторыми нижними чинами, то все они держали себя дисциплинарно, и поведение их не вызывало каких-либо подозрений. На вечерней перекличке был капитан Скворцов и также не заметил никакого проявления чего-либо подозрительного в поведении нижних чинов. После переклички около 9 часов он ушел из экипажа; в ротах было все спокойно. До переклички капитан Скворцов находился на дворе экипажа среди гуляющей на дворе команды и слушал песенников.

Узнав о происшедшем в экипаже возмущении поздно, я не мог попасть в экипаж до 10 часов утра.

По приходе в экипаж, переписал оставшихся в экипаже нижних чинов и оставался до 3 часов пополудни, когда был потребован к главному командиру, а затем, по арестовании и отводе всех оставшихся в здании экипажа нижних чинов под конвоем в 5 служительский флигель, перешел туда. Оставшиеся в экипаже люди показали.

[1] МИА, ф. № 930/24, 1906 г., д. № 173, л. 475.

что около 11 часов вечера в роты и канцелярию прибежали нижние чины из других экипажей, некоторые с винтовками, погасили в канцелярии на столе у писарей лампы, взяли ружья, которые в числе 20 штук находились в пирамиде близ стола экипажного командира для караульных, и, угрожая приколоть неповинующихся, выгоняли людей из рот на двор, почему и они должны были выбежать на двор, но, не желая принимать участие в бунте, попрятались кто куда мог: под койки, на дворе за разными пристройками, в ватер-клозете и других местах. Донося об этом при сем представляю список нижних чинов, оставшихся в экипаже.

Капитан I ранга Митурич.

Рапорт штабс-капитана 5 флотского экипажа Армфельдта командиру 1 сводного экипажа 1 флотской дивизии, 20 июля 1906 г.[1]

19 июля с. г. я пришел в экипаж около 8 с половиной часов вечера. На дворе около театра стояла толпа матросов. Один из матросов играл на гармонике, а несколько человек танцевали русского. Около их стоял и капитан Скворцов. Налюбовавшись их премилым времяпрепровождением, я пошел в экипажную канцелярию приготавливать бумаги к вечернему докладу. Вскоре заиграли на справку и вскоре пришел командир экипажа. По обыкновению я поднялся в роту, куда пришел и командир экипажа капитан II ранга Добровольский. Поднимаясь по трапу, я взошел в музыкантскую команду, которой в этот вечер было мало, так как ученики находились в карауле. Как в роте, так и в музыкантской команде все обстояло благополучно и на вечерней перекличке находились все. Командир экипажа по списку проверил всех людей, ходивших в этот день гулять и затем спустился в канцелярию. Я остался в роте, присутствовал во время производства наряда на службу, несколько минут поговорил с командой о службе и затем пошел в канцелярию делать вечерний доклад командиру. Командир в этот вечер ушел из экипажа ранее обыкновенного времени. Он ушел в начале одиннадцатого часа. Я же остался еще в канцелярии доканчивать канцелярские дела. Без нескольких минут 11, закончив дела, я вышел на двор, направляясь на Павловскую улицу, дабы проверить обход на этой улице, так как я был дежурным по городским обходам.

Выйдя на двор, я заметил у театра несколько матросов в черных шапках и затем, посмотрев направо и налево, увидел такие же черные шапки у под'езда 3 и 7 экипажей. Подойдя к под'езду 7 экипажа, я обратился к этим матросам в черных чехлах с вопросом, откуда они прибыли в такой поздний час, на что получил ответ одного матроса «мы запасные». Не добившись от них настоящего ответа, я быстрыми шагами пошел в 10 экипаж доложить об этом дежурному офицеру и справиться у сего офицера, какие это могут быть запасные. Поднявшись в канцелярию названного экипажа, и входя в оную, я совершенно неожиданно был встречен несколькими такими же матросами в черных шапках с ружьями на руку и двумя матросами с поднятыми на меня револьверами. Дуло одного револьвера коснулось моего лба. Приставляя к моему лбу револьвер, матрос с ленточкою на шапке «Россия» сказал: «Город и крепость в наших руках, именем закона вы арестованы, отдайте оружие, или будете убиты». В это же время кто-то сорвал с меня плащ. Я крикнул: «Именем какого закона?

[1] МИА, ф. № 930/24, 1906 г., д. № 173, лл. 469—470.

Опомнитесь, братцы!» Но мои слова остались не услышанными; они наговорили мне дерзостей и, наконец, силою потащили в дежурную комнату, где уже находились арестованные офицеры, дежурные по сводному экипажу — штабс-капитан Ильютович и его помощник мичман Леванда. К нам был приставлен часовой и караул из пяти человек. Старший караульный что-то нам говорил, но я не запомнил его слов. Он коснулся о нашей прежней жизни и сравнивал ее с нашей будущею.

В дежурной комнате тускло горела лампа. На дворе было темно. Вскоре на дворе с ружьями стали выстраиваться матросы и ими покомандовал какой-то матрос. Все были в черных шапках. Сдвоенными рядами вышли эти люди на Павловскую улицу и затем повернули налево к Владимирскому собору. На дворе осталось еще много ружейных матросов и безружейных, коим в экипажах ружей не хватило. Среди них было несколько штатских и какая-то женщина. Иногда на дворе слышны были одиночные выстрелы. Оставшимися на дворе людьми командовал какой-то матрос. Он собирал их в команду, давал советы и предлагал команде выбрать себе начальников, слушаться выборных и итти строем в арсенал за ружьями. В толпе раздавались ругательства и принудительные возгласы, из коих я хорошо запомнил слова: «Если не пойдешь, все равно убьем»; «Мы должны постоять за народ и спасти свою родину, вся крепость и город в наших руках».

Кой-как, уже на Павловской улице, была собрана эта команда, повелительный голос какой-то женщины резко выделялся среди общего шума и, наконец, каким-то неопределенным строем команда двинулась по направлению Народного дома. Впереди шли ружейные. Дойдя до Народного дома, вся эта команда в панике, давя друг друга, побежала обратно, бросаясь в ворота 20 и 5 экипажа, крича: «Армейцы, армейцы!». Несколько раз собиралась затем эта команда и несколько раз, уговоренная этим же предводителем, порывалась она вновь итти за ружьями и в конце концов куда-то скрылась.

Как первая ружейная команда, так и вторая безружейная, была не менее 200 человек. Все вышесказанное произошло до 12 с половиной часов ночи. На дворе у ворот оставалось еще человек 100, в том числе несколько человек ружейных. К этим людям в 12 с половиной часов ночи подошел прибывший, вероятно, через калитку командир 5 экипажа капитан II ранга Добровольский. Добровольский обратился к толпе со следующими словами: «Братцы! Опомнитесь, что вы делаете и на какое вы дело пошли, вернитесь к присяге!» В ответ на эти слова послышались слова какого-то матроса: «Довольно мы терпели. Много вы нашей крови попили, теперь попьем мы вашу». Капитан II ранга Добровольский, продолжая уговаривать, немного возвысил голос, за что, подойдя к нему, один из толпы, матрос сильно ударил по лицу. Тут же, вероятно, он был ранен, так как, побежав к своему 5 экипажу, он упал и сильно застонал. После этого последовало несколько выстрелов, и стоны прекратились. Когда стало светло, матросы вынесли убитого на Павловскую улицу.

У Народного дома и у маленького переулка, соединяющего Павловскую улицу с Северным бульваром, обрисовалась пехотная цепь от 94 пехотного Енисейского полка. Одиночные выстрелы повторялись довольно часто. Но когда цепь поднялась и пошла вдоль Павловской улицы, то матросы все бегом попрятались в казармы. Цепи двигались под командою офицеров. Видя все последнее, караульный начальник поставленного к нам караула явился к дежурному офицеру штабс-капитану Ильютовичу с вопросом, что ему теперь делать? Дежурный офицер приказал сдать оружие. Приказание было исполнено. Таким

образом мы были освобождены. После этого я потребовал к себе своего фельдфебеля, приказал ему переписать всех наличных в роте людей и сам пошел в свой экипаж. Проверив роту и обойдя все помещения экипажа, я отправился в комендантское управление коменданта города. Доложив о случившемся коменданту города, я вновь возвратился в экипаж, куда вскоре явилось пехотное начальство с двумя ротами л.-гв. Финляндского полка. В дополнение всего вышеизложенного доношу вашему высокоблагородию, что все помещения роты и музыкантской команды, в виду арестования всех людей, лично мною запечатаны, за исключением экипажной канцелярии, где находится караул от л.-гв. Финляндского полка.

Штабс-капитан Армфельдт.

Рапорт и. д. командира 11 флотского экипажа капитана II ранга Берлинского в штаб Кронштадтского порта, 20 июля 1906 г.[1]

19 июля на справке было совершенно тихо, никакого брожения среди матросов не замечалось. При перекличке нетчиков не оказалось. До 11 часов была совершенная тишина и около этого времени без всякого инцидента был посажен в карцер матрос Путилов. Ровно в 11 часов вечера команда стала выходить на двор без чехлов, но пока еще и без оружия. Толпа матросов, между которыми было несколько вооруженных винтовками, ворвалась в канцелярию 11 экипажа и стала вооружаться экипажными винтовками, которые хранились в пирамиде, разбила ящик у часового от денежного сундука, в котором хранились патроны, необходимые для экипажа, и быстро выходила на двор, где строились. Та часть команды, которая вошла в канцелярию вооруженная, бросилась на дежурного по группе офицера штабс-капитана Стояновского, потащила его в прихожую и там нанесла тяжкие раны штыками, от которых штабс-капитан Стояновский и умер через три часа в лазарете. Покончив с этим, команда во дворе встретила капитана I ранга Родионова и с расстояния приблизительно десяти шагов со словами: «Сдавайтесь лучше, ваше высокоблагородие», — несколькими выстрелами убила его. Позади капитана I ранга Родионова шел контр-адмирал Беклемишев, в которого команда, покончив с капитаном I ранга Родионовым, также стала стрелять; после первого выстрела контр-адмирал Беклемишев повернулся и вбежал в первый под'езд. В это время еще несколькими выстрелами адмирал был ранен. Он был снесен несколькими матросами во временный кабинет экипажного командира и затем спрятан там же в цейхгаузе. Часа в 4 утра контр-адмирал Беклемишев был отправлен в госпиталь.

Покончив с начальством, команда нашей дивизии соединилась с первой дивизией, и вооруженные шайки вошли в казармы и силой и угрозами стали выгонять команду на двор и со двора на улицу, причем у ворот были поставлены ружейные часовые, которые уже не впускали команду обратно в экипаж. Около 1 часа ночи кто-то из матросов крикнул громко: «Казаки»,— после чего вся толпа бросилась в полной панике через забор в ворота и пряталась где кто мог. После этого момента толпа уже больше не собиралась в большую кучу и только были единичные появления нижних чинов. Так продолжалось с 4 часов до прибытия войск. В 4 часа приблизительно командир 16 флотского экипажа капитан I ранга Хомутов приказал команде выйти на двор для проверки. Когда команда построилась и начали

[1] МИА, ф. № 930/24, 1906 г., д. № 173, л. 444.

проверять людей, из окон 1 дивизии раздались выстрелы в командира и команду почти залпами, после чего капитан I ранга Хомутов распустил команду по ротам. Раненых при этом не было. После этого команда легла спать, и управление экипажем перешло к сухопутным войскам.

Капитан II ранга Берлинский.

Рапорт командира 19 флотского экипажа капитана II ранга Соловьева и. д. главного командира флота и портов и начальника морской обороны Балтийского моря А. Сиденснеру, 20 июля 1906 г.[1]

В ночь с 19 на 20 июля до 11 часов вечера во флигелях занимаемых командами 12, 14 и 19 экипажа было все тихо, и команда спала. Около 11 часов послышались в отдалении выстрелы, и команда стала одеваться и подходить к окнам. В это время толпа на улице шумела около арсенала, но за темнотой нельзя было видеть, что там делается. Когда раздались на улице залпы сухопутных частей войск по толпе, бывшей около арсенала, то команда в экипажах начала кричать ура и свистать, и многие бросились на двор экипажа. Я тогда пошел в помещение 16 сводной роты и стал уговаривать команду успокоиться и не выходить на двор. В том помещении, где я был, мне удалось удержать команду в камере, но из противоположного флигеля, где помещаются 12 и 14 экипажи, часть команды выскочила на двор и бросилась к воротам. Видя, что ворота заперты, толпа, оттолкнув дежурных у ворот, ломом от пожарного инструмента, стоявшего под воротами, сломала замок, но на улицу не вышла, или, если выходила, то тотчас же вернулась обратно.

Часть команды 19 экипажа через черный ход тоже выскочила на двор экипажа; все выскочившие на двор нижние чины были одеты во все черное и со снятыми чехлами с фуражек, что доказывает, что они знали, в какой форме надо быть бунтовщикам.

Капитан II ранга Паттон пошел уговаривать команду 12 и 14 экипажа, выскочившую на двор и стоявшую у крыльца своего флигеля; поговоривши с ними, он повернулся и пошел к 19 экипажу, и в это время, повидимому, из толпы, стоявшей у крыльца 12 и 14 экипажа, раздался выстрел, судя по звуку револьверный, и капитан II ранга Паттон упал раненый в руку.

Его временно перенесли в помещение карцера, под охрану караула, и было послано за носилками в 12 экипаж. По приносе носилок, он был уложен в них и отправлен в госпиталь.

Команда со двора скоро разошлась по своим камерам и тотчас же приказано мною было произвести перекличку, причем в 12 экипаже оказалось три нетчика: матрос Николай Косарев, Илья Бабичев и кочегар Петр Меркулов и в 19 экипаже нетчик машинист Столбов, оказавшийся раненым в госпитале.

Также были осмотрены ружья караула и проверены патроны. Ружья оказались не стрелявшими и патроны все в целости.

О чем штабу порта доношу.

Капитан II ранга Соловьев.

---

[1] МИА, ф. 930/24, 1906 г., д. № 173, лл. 477—478.

Рапорт заведующего командою учебно-артиллерийского отряда, оставшейся на берегу, подполковника Миклашевского и. д. главного командира Кронштадтского порта и начальника морской обороны Балтийского моря А. Сиденснеру, 20 июля 1906 г.[1]

19 июля вечером, уйдя из отряда, я был в часу 11 вызван к телефону дежурным кондуктором в следующих выражениях: «Я вас прошу прибыть в отряд, поспешить на извозчике». Я в отряде нашел все тихо. Кондуктор мне доложил, что команда не ложится спать и бродит; кроме того, по Павловской прошли армейские и крикнули нашим матросам в окно: «Готовься, Черноморская эскадра идет». Я с дежурным кондуктором и двумя фельдфебелями, которые были потребованы кондуктором раньше, обошел камеры, и все было спокойно; действительно, некоторые не спали и были пустые койки, но это я постоянно замечал, койки пустовали находящихся на службе, а в жару не только команда ложилась поздно, но даже спала на дворе. Сказав, чтобы команда ложилась, я вполне нашел ее спокойной, почему и удалился. В 12 часу ночи телефонировали мне, что в отряде скандал, но когда я сам подошел к телефону, то ответа не получил. Сейчас взял извозчика и поехал в отряд по Николаевскому проспекту. Навстречу мне бежала масса толпами матрос без чехлов и воротников, как будто их кто-то преследовал. Я не останавливался, но кричал им: «Куда вы, вернитесь». Некоторые замедляли бегство, но сейчас опять и продолжали бежать. Остановясь у отряда, я застал весь первый белый двор заполненным людьми без ружей и видимо только матросов. Я вошел в толпу и стал говорить: «Уходи, ребята, из моего отряда к себе в экипажи», беря близ стоящих к себе за рукав; с первого раза некоторые стали уходить, но когда я стал приближаться к крыльцу, один из чужого экипажа с нашивками сначала сказал мне: «Довольно пить нашу кровь», а потом схватил меня с другим, вытащил за ворота, прямо кинул на извозчика, который еще не от'ехал, причем говорил: «Убирайся, ваше высокоблагородие, по добру-по-здорову домой». Извозчик повернул и в меня полетело несколько камней, и я услышал два выстрела.

По близости я отправился к коменданту, которого застал на дворе, и обо всем доложил, прося послать немного конницы и всех разогнать. Конницы не было, а стягивались батальоны, которые сейчас же отправляли. Прибыл я к коменданту в 1 часу, а вернулся в отряд во 2 часу, где застал все тихо, людей в беспокойстве; кондуктор был обезоружен, отнята сабля. Чужие матросы произвели обыск, отняли часть винтовок, и некоторые винтовки оставили свои. Взяли только около 20 патронов, остальные были спрятаны, ничего не портили, только побили стекла и поломали рамы в нижнем этаже; по словам кондуктора, это делали армейские солдаты. Ранили выстрелами в коридоре двух матросов. Остальное все время я оставался в отряде. На утренней перекличке не оказалось дома 18 человек. В 8 часов утра сухопутные войска (Финляндский полк) заняли отряд.

О вышеизложенном доношу вашему превосходительству.

Подполковник Миклашевский.

[1] МИА, ф. 930/24, 1906 г., д. № 173, лл. 451—452.

Рапорт корпуса флотских штурманов капитана Политаева заведующему командой учебно-минного отряда, оставшейся на берегу, 20 июля 1906 г.[1]

Доношу вашему высокоблагородию, что 19 сего июля был на справке в обоих ротах отряда при полном спокойствии команды. Около 10 часов вечера пошел к себе на квартиру и через час услыхал выстрелы, почему вышел из дома с офицером Кронштадтской артиллерии Глязгером, с которым, дойдя до Гостинного двора от Соборной улицы, и затем поехал в отряд на Павловскую ул. Против учебно-артиллерийского отряда была большая толпа возмутившихся матросов и вольных людей, и производилась стрельба, почему не мог попасть в отряд. Проехать со стороны стрельбища тоже не удалось, так как был толпой оттеснен, после чего я отправился в штаб порта, но по дороге был задержан с тыла вооруженными людьми и у арсенала заметил вооруженную команду матросов и вольных более 150 челов., где оказался также задержанным капитан II ранга Криницкий, и мы вместе с ним стали невольными свидетелями дальнейшего беспорядка, оба были без огнестрельного оружия. Арсенал уже был разгромлен. Вскоре появилась между 12 и 19 флотских экипажей рота Енисейского полка, которая, произведя пачками стрельбу по возмутившимся, дала возможность присоединиться к роте, за которой мы оба следовали ее движениям. До рассвета стояли у летнего помещения главного командира, а после пошли с ротой, которой были произведены осмотры и аресты у арсенала и Поморской улице. Затем у арестного помещения я отделился и пошел в отряд, но, в виду еще продолжавшейся стрельбы по Павловской улице, остался у 1 Кронштадтского крепостного пехотного батальона. Около 6 часов утра вошел в отряд, где все было в порядке. Часовой у денежного сундука стоял на своем посту, печати целы, дежурные и дневальные на своих местах, а ворота заперты; команда вставала, больных и раненых не было; нетчиков 7 человек.

Вскоре в отряд прибыла 11 рота л.-гв. Финляндского полка, которая была встречена миролюбиво.

Капитан Политаев.

Рапорт начальника штаба Кронштадтского порта капитана 1 ранга Андреева и. д. главного командира флота и портов и начальника морской обороны Балтийского моря А. Сиденснеру, 20 июля 1906 г.[2]

19 сего июля в 11 часов вечера мне было доложено по телефону флаг-капитаном 1 флотской дивизии о том, что в командах экипажей, расположенных на Павловской улице, не спокойно, нижние чины переодеваются во все черное, разбирают ружья и выходят на двор. Мною тотчас же было доложено о происходящем вашему превосходительству, а также и. д. коменданта крепости, от которого был получен ответ, что распоряжение о высылке войск для прекращения беспорядков уже сделано. В то же время мною было передано о начавшихся волнениях и. д. старшего флагмана 2 флотской дивизии контр-адмиралу Беклемишеву. Немного погодя телефонные провода, идущие в экипажи обеих флотских дивизий, расположенных на Павловской улице, были, видимо, обрезаны за исключением одного провода, в 20 флотском экипаже, командир которого капитан 1 ранга Родионов в то же время,

[1] МИА, ф. № 930/24, 1906 г., д. № 173, л. 467.
[2] Там же, лл. 487—488.

вероятно, был уже убит, так как на мой вызов отвечал писарь, которому место нахождения командира не было известно. Таким образом я лишился возможности получать какие-либо сведения о происходящем на Павловской улице.

Около 12 часов ночи со стороны Павловской улицы была слышна беспорядочная стрельба, а затем большая толпа, состоящая из мастеровых и вольных людей, двинулась по Княжеской и Петровской улицам. Выйдя воротами к летнему морскому собранию на Петровскую улицу, я увидел, что большая толпа вольных и мастеровых подошла к помещению центральной электрической станции, шумела и требовала, чтобы караул вышел на улицу, в противном случае будет разбита станция. Я тотчас по телефону передал и. д. коменданта и просил прислать роты и доложил об этом вашему превосходительству. Спустя некоторый промежуток времени послышались залпы, как мне послышалось со стороны машинной школы. Толпа, стоящая у станции, побежала через площадь на Петровскую улицу к арсеналу. Встреченная подошедшими частями 94 пехотного Енисейского полка толпа была оттеснена к помещению портовой столовой и пошла по направлению к арсеналу. Затем я находился все время у телефона, принимая приказания как вашего превосходительства, так и и. д. коменданта крепости. Так в 4 часа ночи мною было получено от последнего приказание выслать вооруженные баркасы с эскадренного броненосца «Император Александр II», чтобы действовать во фланг, если бы желающие убежать с форта «Константин» направились бы на южный берег на паровых баркасах, но приказание это командою названного броненосца исполнено не было под предлогом, что они не станут стрелять по своим. В 6 часов утра мною было получено от и. д. коменданта крепости приказание послать миноносец пограничной стражи № 105 на северный фарватер, так как имелись сведения, что там находится паровой баркас с мятежниками, бежавшими с форта «Константин». Не имея карт северного фарватера, миноносец не мог пройти на самый фарватер, но пройдя насколько было возможно дальше, убедился, что на северном фарватере никакого парохода не видно, о чем мною было доложено вашему превосходительству и коменданту крепости.

К рассвету около 2—3 часов утра беспорядки в морских командах и на улицах были прекращены, и по телефону из 20 экипажа дежурным писарем было передано, что в казармах все спокойно.

В 4 часа утра, при осмотре сторожем при даче начальника штаба порта матросом 19 флотского экипажа Семеном Денисимовым были найдены спрятавшимися в будке сторожа летнего сада два матроса 7 флотского экипажа команды крейсера «Посадник» — машинист Алексей Девятов и матрос I ст. Яков Галушка. Оба были в фуражках без чехлов. В это время матрос 10 экипажа Александр Гончаров, находящийся при мне ординарцем, привел ко мне спрятавшегося в сторожке летнего морского собрания матроса 4 экипажа Петра Гончека. Все поименованные нижние чины были препровождены в 19 флотский экипаж и сданы дежурному по экипажу офицеру.

О всем вышеизложенном вашему превосходительству доношу.

Капитан I ранга Андреев.

Рапорт заведующего портовым полицейским надзором Васильева и. д. главного командира флота и портов и начальника морской обороны Балтийского моря А. Сиденснеру, 20 июля 1906 г.[1]

Сего числа утром мне доложил сторож портового полицейского надзора Даниил Ильин, что вчера 19 сего июля поздно вечером он наблюдал из окна своей квартиры, которая находится в стенке у мясного склада морских команд, как толпа матросов, многие с ружьями, совместно с прочими вольными людьми, собралась возле морского мясного склада и начала что-то обсуждать; о чем именно говорили, расслышать он, Ильин, не мог, но только видел, что через несколько времени по направлению от госпиталя под'ехали две двухколесные тележки, на которых находилось очень много, видимо, патронов. Вся толпа направилась к тележкам и стала набирать себе патроны, а затем часть людей из толпы, перекрестившись, направилась по Северному бульвару к казармам и на Песочную улицу; минуты через три или четыре после ухода толпы раздался первый выстрел. Выйти из квартиры, чтобы дать кому-либо знать, он, Ильин, не мог потому, что часть людей еще оставалась некоторое время, как бы для наблюдения, что не явится ли кто-либо посторонний, чтобы об этом предупредить. Старшина же портового полицейского надзора Лука Фролов, проживающий в будке на Якорной площади у моста Большой Екатерининской улицы, доложил, что выстрелы единичные как бы сигнальные раздавались с постройки Морского собора и из Екатерининских парков.

При сем считаю долгом доложить вашему превосходительству, что я сам наблюдал из портовой столовой следующее: около 11½ часов вечера я услышал первые выстрелы как бы в отдаленности и сейчас же послал дворника портовой столовой Василия Иванова узнать причину стрельбы, но тот возвратился и сказал, что по близости ничего нет, но вслед за этим уже залпы участились и было ясно, что люди, стреляющие из ружей, приближаются все ближе и ближе. Загасив огни, я стал внимательно наблюдать из окна и хотя было темно, но заметить можно было, что толпа матросов, а с ними несколько других вольных людей, повидимому, мастеровых, пробежали по направлению морского арсенала и уже с этого момента стрельба была сильная, но непродолжительная. Затем в четвертом часу утра видел, как сухопутное войско возвращалось обратно от арсенала, с забранными людьми, как матросами так и вольными, и попутно осмотрело двор и помещение портовой столовой, причем около столовой была поднята винтовка, брошенная матросами.

О вышеизложенном доношу вашему превосходительству для сведения.

Титулярный советник Васильев.

Рапорт коменданта города Кронштадта капитана Скворцова и. д. главного командира флота и портов и начальника морской обороны Балтийского моря А. Сиденснеру, 21 июля 1906 г.[2]

19 сего июля, около 8½ часов вечера, я совместно с капитаном II ранга Шумовым, лейтенантом Петровым 7 экипажа вошел через калитку из офицерских флигелей на двор сводного экипажа 1 флотской дивизии; офицеры эти вошли в канцелярию 7 флотского экипажа, а я пошел по двору, где встретил матроса 4 флотского экипажа

[1] МИА, ф. № 930/24, 1906 г., д. № 173, лл. 441—442.
[2] Там же, лл 503—504.

Ермакова, который с малой гармонией в руках подходил к подмосткам домашнего театра сводного экипажа.

Около театра Ермаков с другим нижним чином, который умел подыгрывать на листе зеленого лука разные мелодии, развлекали игрой нижних чинов, и развлечение это приняло более широкие размеры, так как к играющим присоединились и танцующие, все это продолжалось до справки и имело чисто домашнюю обстановку, доставляя истинное, как мне казалось, удовольствие и участвующим и присутствующим. Особенно забавлял всех оригинальным исполнением малороссийского танца матрос 4 экипажа Орлов, за что награждался дружными аплодисментами всей группы нижних чинов, среди которой не видно было в нетрезвом виде нижних чинов. Через несколько времени к группе веселящихся подошел и капитан II ранга Николаев. В 9 часов вечера заиграли на справку, и все в полном порядке разошлись по ротам. Я присутствовал на справке постепенно во всех ротах 4 флотского экипажа; в 8-й машинной (вверенной мне роте) пел, как всегда, с командой молитву. В этот день нетчиков ни в одной из рот 4 флотского экипажа не было, а равно и нижних чинов в нетрезвом виде.

По окончании пения молитв в 8 роте я подписал билеты увольняемым на другой день в город нижним чинам, снес их в канцелярию экипажа, где и положил на письменный стол командира, кроме этого, подписал выписку из журнала взысканий на боцманмата Волокитина и несколько рапортов.

По моем выходе из канцелярии матрос Ермаков обратился ко мне с просьбою итти послушать еще его игру, но я, весь этот день по службе отсутствовавший из дому, сказал, что мне нужно итти домой и от этого удовольствия должен отказаться. Это было уже более 9½ часов вечера. Среди нижних чинов, находившихся в это время на дворе, я не заметил ничего подозрительного, прошел по Павловской улице на Николаевский проспект к себе на квартиру.

В 11 часов вечера лег спать и едва заснул, как был разбужен своей прислугой. В это время на улице был слышен крик и беспорядочная ружейная стрельба. Придя на угол Павловской и Николаевского проспекта, я узнал, что толпа взбунтовавшихся матросов, частью с ружьями прошла по Павловской и Соборной улицам, но обстоятельств беспорядка я еще не знал. Я тотчас же поднялся в свою квартиру и по телефону просил соединить меня с 10 флотским экипажем, где состоял писарь временно вверенного мне управления Беляев. Телефонист мне об'яснил, что остались неповрежденными провода лишь в 8 и 20 флотских экипажах, а все остальные провода взбунтовавшими испорчены. Отказавшись говорить по телефону, я решил лично итти в сводный экипаж 1 флотской дивизии. Выйдя на Павловскую улицу, я видел, как л.-гв. Финляндский полк расставлял посты и цепи для отражения взбунтовавшихся команд. Так как вдоль Павловской улицы финляндцами производились одиночные и пачками выстрелы, то я пошел по Владимирской улице, дойдя по которой до дома Коклюшкина, я пытался пробраться в сводный экипаж 1 флотской дивизии, но в это время был остановлен бывшим матросом моей роты, ныне зачисленным в запас флота, который, взяв меня за локоть руки, сказал: «Зачем вы пойдете туда, ваше высокоблагородие, вас там убьют, как убили адмирала Бекламишева и двух штаб-офицеров или арестуют». В это время я стал на углу Владимирской и Без'именного переулка. По Северному бульвару я прошел до Николаевского проспекта, по Николаевскому проспекту и по Екатерининской ул. я пошел во временно вверенное мне управление

(6 офицерский флигель) и на Екатерининской улице встретил роту 1 Кронштадтского крепостного пехотного батальона под командой капитана Герасимова.

Придя в управление, я по телефону справился в казначействе, все ли там благополучно, потом в военно-морской следственной тюрьме и, наконец, говорил с дежурным по арестантскому лазарету офицером, которому приказал особенно следить за тем, чтобы все камеры были заперты и лично осмотреть все наружные посты; это было в 1 час 50 мин. ночи. Получив отовсюду донесения о благополучном состоянии караулов, я пошел к 3 северной казарме, где встретил 94 Енисейского полка капитана Федорова, который, как он мне сказал, только что входил в казармы сводных экипажей 2 флотской дивизии, где арестовал несколько ружей, револьверов и патронов. Я тотчас же просил капитана Федорова сделать это и со сводным экипажем 1 флотской дивизии, но капитан Федоров, спросив меня о приблизительном количестве находящихся там нижних чинов, за малочисленностью находящихся в его распоряжении людей, не рискнул это сделать. Тогда я по Северному бульвару пошел к арестантскому лазарету; в это время в том же направлении несли тело убитых одного из капитанов II ранга и матроса. Так как Северный бульвар в том конце, где госпиталь, патрулями не охранялся, то я просил у подпоручика 2 Кронштадтского крепостного пехотного батальона Бурасова дать мне с ружьем сопровождающего; тот назначил мне старшего унтер-офицера, каптенармуса неприкосновенного запаса.

У здания мясного склада я встретил офицерский патруль под командой подпоручика 94 пехотного Енисейского полка Лобановского. В арестантский лазарет прибыл около 5 часов утра, где, проверив караулы и дав указания поставить часовых у дверей анатомии, где сложены были трупы убитых, я направился сначала в госпиталь, а затем во временно вверенное мне управление, где, подписав срочные бумаги, отправился с докладом вр. и. об. главного командира. В 7 час. 45 мин. утра проверял караул при морском арсенале и казначействе, куда прибыл также и дежурный по караулам 1 Кронштадтского крепостного батальона штабс-капитан Никитин.

Еще раньше около 7 часов утра, когда я был в управлении, прибыл вр. и. об. ад'ютанта вверенного мне управления штабс-капитан Армфельд, который и доложил мне подробно о всем случившемся с ним в эту ночь, о чем мною приказано было ему донести мне отдельным рапортом.

Около 9 часов утра двор сводного экипажа был занят командами л.-гв. Финляндского полка. Я просил командира означенного полка дать мне разрешение войти в казармы, дабы узнать состояние команды 4 флотского экипажа, в чем мне сначала было отказано, но через значительный промежуток времени я был туда допущен, переписал всех находящихся налицо и оказавшихся четчиков. Команды были арестованы л.-гв. Финляндским полком и переведены в казармы 11 и 20 флотских экипажей, а имущество оставлено в старых помещениях. Во время прибытия моего в арестантский лазарет Николаевского морского госпиталя дежурный офицер 1 Кронштадтского крепостного пехотного батальона подпоручик Денисов доложил мне, что матросы мясного склада ночью сняли чехлы с фуражек и имели воротники форменных рубах спрятанными под фланелевку.

О чем вашему превосходительству и доношу.

Капитан Скворцов.

Из служебной записки и. д. флаг-капитана штаба 2 флотской дивизии капитана II ранга Криницкого и. д. главного командира флота и портов и начальника морской обороны Балтийского моря А. Сиденснеру, 22 июля 1906 г.[1]

Во исполнение словесного приказания вашего превосходительства доношу, что 19 сего июля, окончив в дивизионной канцелярии письменные занятия, сделав распоряжения о нарядах по дивизии на следующий день и поручив штабс-капитану Булычеву (и. д. флаг-офицера) проверить по отпечатании на машинке список нижних чинов, которые подлежали отправлению на суда гардемаринского отряда, я около 8 часов вечера ушел из канцелярии домой. Занявшись дома чтением газет и журналов, я, поужинав, собирался ложиться спать, но услышав шум на улице, подошел к окну и увидел кучку матросов с ружьями, человек 30—40, спешно направлявшихся от Красной улицы мимо 12 флотского экипажа к Морскому собранию. Я оделся в пальто, положил в карман револьвер (браунинг), вышел на улицу и, чувствуя что-то не совсем обыкновенное, так как прошедшие матросы были без чехлов и без белых рубах, направился за ними. По выходе на улицу их уже нигде не увидел. Тогда я пошел к Морскому собранию узнать, в чем дело. Огни в собрании оказались потушенными, калитка заперта и возле нее стоял лакей в белом кителе (полный старик). К нему я обратился с вопросом: «Что случилось, отчего погашены огни?» Он мне ответил, что начался бунт и что господа офицеры потребованы по своим частям. Он же сообщил, что флагман адмирал Беклемишев уехал в дивизию. Это было приблизительно около ¾ двенадцатого часа ночи. Тогда я сел на ехавшего мимо извозчика и приказал везти себя в дивизионную канцелярию. Извозчик поехал, но заявил, что туда ехать очень опасно, так как там могут убить. Я все-таки приказал ему ехать. На дороге встретил одного матроса с папкой в белой рубахе, остановил и спросил, куда и зачем он идет. Оказалось, что это рассыльный штаба порта, идет с телеграммой, подписанной капитаном I ранга Андреевым. Я отпустил его дальше, так как подпись была не поддельная. Дальше я встретил еще двух матросов 19 флотского экипажа возле этого экипажа также в белых рубахах и белых шапках и приказал им немедленно итти в экипаж. Они ответили «есть» и пошли к воротам. Я приказал извозчику после этого ехать скорее. На улицах не было ни души. Когда я проехал мост через Екатерининский канал, то между западной и восточной частями Екатерининского парка у ларька мой извозчик был остановлен толпой встречных мятежных матросов. Сбоку толпы шло несколько штатских. Передняя шеренга матрос стала при этом целиться в мою голову из винтовок. Тогда я, отдав извозчику бывший у меня в руках полтинник, соскочил с пролетки и стал возле извозчика, и, увидев тут же рядом ларек, перешел за него, чтобы иметь за спиной препятствие и стеснить свободу действий врага. Тут толпа матросов быстро окружила меня и, так как стрелять уже им при таком моем положении было невозможно без риска подбить «товарища», то они стали действовать штыками, да и то только в ограниченном районе. Я же с своей стороны, отбивая их штыки руками, стал усовещевать их в гнусности их поступка, когда они вооруженные со штыками набрасываются целой огромной толпой на одного только человека, георгиевского кавалера, защитника Порт-Артура, выходившего с одним только миноносцем «Сильный» на десять японских судов и разбивавшего их, причем один брандер и один миноносец были утоплены мною, то из толпы последовало приказание

[1] МИА, ф. №930/24, 1906 г., д. № 173, лл. 449—450.

оставить меня в живых и взять под конвой. Успев во время этой борьбы только слегка поранить меня за ухо и в грудь, и руки, толпа опустила ружья и, подхватив меня под руки, с искаженными,— может быть, даже искусственно,— физиономиями потащили меня за двинувшейся далее колонной. На мосту один залез ко мне в карман пальто и, нащупав браунинг, закричал: «Товарищи, да у него браунинг». На это последовало приказание отобрать и дать сюда. Браунинг, а потом и кортик были сейчас же отобраны и переданы в толпу. Затем я вырвал свои руки из матросских, сказав им, что я пойду сам. Они ничего на это не ответили, руки мои выпустили, но приставили сзади ружейных конвойных.

При повороте на Княжескую улицу я увидел, что, кроме меня, в этой толпе неподалеку также идет арестованный офицер корпуса штурманов Политаев. Эта мятежная толпа, проследовав по Княжеской, Петровской, и Красной улицам, подошла к артиллерийскому морскому арсеналу и остановилась у ворот его на Поморской улице. Большинство безоружных перелезли через забор и стали хозяйничать на дворе арсенала, а потом и в самом арсенале, а вооруженные ружьями около 80 человек остались на улице, собрались вместе со штатскими в кружок, выслав женщину в коричневом гладком платье, высокую и стройную без шляпки и без платка за угол, и стали о чем-то совещаться. Из этой толпы от времени до времени подходили ко мне матросы с заявлением мне неудовольствия, что я их арестовывал и наказывал за хождение по улице в позднее время, так же и за хождение в парках: в Екатерининском и Петровском. Один из них небольшого роста с довольно большими усами при одном из таких заявлений сорвал с меня погоны, сказав, что они мне больше не понадобятся. На это я ему заметил, что утром ему придется раскаиваться в своем поступке.

В это время из-за угла показалась женщина, быстро подошедшая к совещавшимся, а вскоре за нею показались и армейские солдаты с офицерами, которые, быстро развернувшись, дали залп по скрывавшимся под тьму аллеи бунтовщикам. Этим залпом был подбит приставленный ко мне бунтовщиками часовой. Тут кстати нужно упомянуть еще одну подробность. Когда эта толпа бунтовщиков шла по Петровской улице, то встреченные раньше мною, когда я ехал на извозчике, два матроса 19 экипажа все еще шатались по Петровской улице, и толпа их также захватила с собой. У арсенала одному из них была дана винтовка, и он приставлен был ко мне часовым вместо тех, которые меня конвоировали по дороге. Этот нижний чин, будучи приставлен ко мне, заявил, что он от меня понапрасну пострадал 14 июня; ни за что высидел 30 суток в тюрьме, так как хотя фальшивый билет, отобранный мною у одного нижнего чина в 2 часа ночи на Нарвской площади был и с его фамилией, но он про это ничего не знал и спал себе в экипаже, а владелец билета, убежавший от меня, был совсем другой. Впрочем, заявил он мне, он никакого зла за это на меня не имеет. Почти вслед за этим разговором последовал залп армейцев, и этот часовой, охая, свалился. Упал и подполковник [1] Политаев. Я же после залпа, сняв шапку и показывая ею вправо от себя, куда следовало стрелять, пошел на правый фланг армейской цепи. Стрелки дали еще залп, затем стали стягиваться во взвод и пошли по Поморской улице. Я подошел к подполковнику, руководившему выступлением, и представился.

Наступавшие на мятежников войска оказались ротой Енисейского полка. Я присоединился к ней. Когда подошли к упавшим при залпе часовому и подполковнику [1] Политаеву, последний благополучно поднял-

[1] Так в подлиннике.

и заявил, что он упал для того, чтобы его не подстрелили. Затем енисейцы двинулись вдоль Поморской улицы к пароходному заводу, дав предварительно залп вдоль улицы. В это время [одно] из деревьев справа у ворот арсенального двора зашевелилось. Енисейцы быстро дали по нем залп, и оно успокоилось. Там утром оказался убитым в сидячем положении с ружьем один из мятежников 5 флотского экипажа, судя по ленточке на шапке. Пройдя по Поморской улице, рота свернула на Петровскую и подошла к дому главного командира. Отсюда часть ее команды была посылаема для осмотра 19 экипажа и выяснения положения раненого капитана II ранга Паттон, командующего 19 флотским экипажем, а затем эта рота енисейцев была послана для осмотра артиллерийского двора. При осмотре барж у Артиллерийской пристани было задержано на баржах несколько нижних чинов бунтовщиков, одетых в черные шапки и без синих воротников, а также несколько вольных. Осмотрев баржи, суда и все закоулки этой части порта, а также сараи и здания, енисейцы пошли вдоль Поморской улицы к своим казармам для сдачи в арестное морское помещение задержанных...

И. д. флаг-капитана штаба старшего флагмана 2 флотской дивизии капитан II ранга Криницкий.

Рапорт командира эскадренного броненосца «Император Александр II» капитана I ранга Петрова командующему практическим отрядом Балтийского моря контр-адмиралу Цывинскому, 20 июля 1906 г.[1]

Сего числа около 4 часов утра, получив приказание начальника штаба спустить баркасы и, установив на них пушки Барановского, отправить к форту «Константин», команда была разбужена [с] приказанием стать на тали, отказалась это сделать и, несмотря на уговоры ее, убеждения, демонстративно ушла на бак. Мною раз'яснилась команде вся ответственность ее за неповиновение, были прочтены статьи закона, я приказывал ей именем государя императора, но она молчала и приказания не исполнила. Об этом мною было доложено по телефону начальнику штаба, который мне ответил, чтобы баркасов не спускать. При моих разговорах с командою она молчала, и никто из них со мной в разговор не вступал. Все последующее время до прибытия вашего превосходительства, команда исполняла обычные работы, как-то: был спущен паровой катер, скачивалась палуба, чистилась медь и проч.

До сегодняшнего дня в команде никакого брожения не замечалось, и на мои воскресные опросы претензии не заявлялось. Указать на агитаторов не могу, считаю всю команду, переведенную с крейсера «Громобой», ненадежной, о чем мною было доложено при самом ее назначении; в среде основной команды найдется тоже незначительное количество человек, над которыми был постоянно строгий надзор.

Ввиду всего вышеизложенного [считаю] необходимым разоружить теперь же броненосец.

Капитан I ранга Петров.

Доклад помощника прокурора военно-морского суда Кронштадтского порта штабс-капитана Твердого прокурору суда, полковнику Алабышеву, 20 июля 1906 г.[2]

Доношу вашему высокоблагородию, что в 8 ч. 4 м. утра сего числа я получил приказание главного командира прибыть немедленно к вр. и. д. коменданта Кронштадтской крепости г.-м. Адлербергу. Испол-

[1] МИА, ф. № 930/24, 1906 г., д. № 173, л. 454.
[2] МИА, ф. № 147, 1906 г., д. № 183, л. 3.

нив в точности и с надлежащей поспешностью это приказание, я явился к генералу Адлербергу и ожидал его возвращения с форта «Константин». По прибытии генерала Адлерберга я явился лично его превосходительству и получил приказание ехать в Минный лагерь и, за отсутствием военного прокурора, дать надлежащие юридические справки г.-м. Ракинту, разбирающему дело об убийстве в минувшую ночь полковника Александрова и капитана Кочеровского (если не ошибаюсь в последней фамилии), а также в поранении г-жи Якоби. Получив таковое приказание в 12 ч. дня, я отправился в штаб порта, сообщил о том начальнику штаба и доложил по телефону лично его превосходительству главному военно-морскому прокурору. Затем я поехал по назначению и явился в 1 ч. 30 м. пополудни генералу Ракинту, который предложил мне дать указания, какими статьями воинских уставов предусмотрены преступления семи нижних чинов, уличенных свидетелями и частью сознавшихся на дознании в совершении вышеозначенных убийств и поранения. Кроме того, генерал Ракинт спросил, в какой статье в. с. устава указан обряд смертной казни. Таковые справки были мною даны. После чего генералы Ракинт, Шульман, Павлов и полковник Гулин составили протокол (без названия его) о том, что такие-то нижние чины минной роты уличены в вышеприведенных преступлениях, караемых смертной казнью. Посему и согласно приказания августейшего главнокомандующего, переданного генералом Адлербергом помянутой комиссии (3 генерала и полковник) семь вышеозначенных нижних чинов подлежали немедленной смертной казни через расстреляние, что и последовало в 5 часов пополудни [1].

Я при исполнении казни не присутствовал и в обряде таковой не участвовал. Расстрелянные закопаны на месте казни.

Штабс-капитан Твердый.

Докладная записка командира учебного судна «Африка» капитана II ранга Муравьева начальнику главного морского штаба, 1 августа 1906 г. [2]

Для уврачевания недуга, переживаемого флотом, в виде мятежей, надо прежде всего найти причины, повлекшие за собою упадок дисциплины, а затем и беспорядки.

Ближайшие причины последних беспорядков следующие: 1) Общее социальное брожение во всем государстве. Здесь нужна жестокая, беспощадная борьба с анархистами и революционерами, но это не в руках морского министерства. 2) Внешняя агитация среди морских команд, причем к каждой морской части приставлены специальные агитаторы, которые в пределах Финляндии действуют совершенно в открытую и безнаказанно, да и Кронштадт, находившийся на военном положении, ими кишел. 3) Профанированное военное положение Кронштадта. Военное положение в Кронштадте длилось 8 месяцев и выразилось для морских команд в сидении в экипажах без живого дела, без воинского обучения, причем не было ни одного строевого ученья. Престиж старших морских начальников, как экипажные и судовые командиры, постоянно ронялся через совершенно ненужное сидение в экипажах и даже с ночевкой в них, что было похоже на какой-то арест, что вме-

[1] Михаил Алексеев, Оскар Пурвинг, Вениамин Казаков, Иван Бакланов, Михаил Мазеров, Алексей Якушев, Михаил Василла. ДП, о. о., д. № 8, т. IV, л. А, 1906 г. (А. Дрезен, Моряки в восстании 1905—1906 гг., Ленгиз, 1926 г., стр. 74, примеч. 3).

[2] МИА, ф. № 930/24, д. № 344, лл. 2—5.

сте с крайним недостатком младших офицеров и частыми переводами их из одной части в другую, в особенности с начала кампании, не могло создать ни на берегу, ни на судах сплоченной части. 4) Постоянная травля газетами офицерского состава не могла не подорвать доверие и уважение к ним со стороны нижних чинов. 5) Не было принято в Кронштадте серьезных мер для ограждения этого оплота столицы от агитаторов и других вредных элементов. В Кронштадте следует иметь многочисленную и хорошо поставленную охранную полицию, чтобы ни одно лицо не могло бы проникнуть в крепость, порт и казармы незамеченным. Не было установлено никакого досмотра на пристанях за от'ездом на северный, южный берег и в Петербург нижних чинов, билеты их никем на пристанях не проверялись, и ездить мог всякий, кто только хотел. Досмотр и охрана, вероятно, были проводимы более или менее целесообразно с военным положением только в крепостных частях острова, да и то, как показал бунт 19 июля, не в достаточной степени. Причем при подавлении мятежа обращает внимание страшно малое число жертв со стороны мятежников, что является тревожным симптомом: в войсках стреляли не в бунтовщиков, а вверх, и этот факт в будущем может быть учтен мятежниками в свою пользу. 6) Увольнение нижних чинов 1901 г., а вместе с ними наиболее лучших и дисциплинированных людей, в числе которых ушла значительная часть унтер-офицеров, почему оставшаяся масса, лишившись лучших элементов, стала в общем более недисциплинированной и несдержанной. 7) Чересчур мягкое отношение и почти заигрывание с нижними чинами; все и вся было проникнуто улучшением быта нижних чинов: хорошая кормежка, бывшая прежде, считалась худой; стали кормить, как говорится, на убой; удовлетворение нужд и требований нижних чинов шло широким потоком, но вместе с этими симпатичными мерами строгость дисциплины не поддерживалась, наоборот: дисциплина все падала и падала, нижние чины чувствовали, что власть слабеет, что многое теперь можно, наглость скрытая стала в разных видах проявляться вьявь. Для команды устраивались чтения, спектакли, команды хорошо кормили и развлекали, но воинского дела, при котором только и возможна воинская дисциплина, не было. Команда скучала от безделья, пропагандировалась агитаторами внутренними и внешними, терроризовала унтер-офицерский состав и наглела. 8) Медленное, слишком мягкое возмездие за беспорядки, бывшие 26 октября прошлого года, причем масса участвовавших в беспорядках, и, по всей вероятности, наиболее виновных, остались не наказанными и уверовали и в будущую безнаказанность свою. 9) Неудовлетворительный офицерский состав во всем своем об'еме и мало подготовленный к делу воспитания команд в истинно воинско-патриотическом и верном долгу духе. 10) Очень неудовлетворительный и даже плохой унтер-офицерский состав, без твердых устоев знаний, престижа перед нижними чинами, без высокого понятия о долге перед царем и родиной, который к тому же малочислен, легко терроризуется и представляющий из себя плохих помощников офицеров.

Таковые, по моему мнению, причины мятежного духа морских команд, и меры к устранению их и оздоровлению команд, по моему убеждению, должны заключаться в следующем:

1) Жестокая и быстрая расправа как с убийцами офицеров, так и с обнаруженными зачинщиками мятежей;

2) Образование по высочайшему повелению из бунтовавших частей дисциплинарно-воспитательных батальонов с понижением всех нижних чинов этих частей в матросы 2 статьи, хотя бы и не принимавших участия в бунте, но виновных в недонесении о готовящемся бунте и не

принявших участия в противодействии ему, что является преступлением против присяги; отправление этих батальонов из Кронштадта в село Медведь, Шлиссельбург, Архангельск и пр., для производства каких-либо работ, хотя бы для ирригационных целей. Эти батальоны должны быть разоружены. Кроме работ, в них должны производиться строевые ученья, толковое изучение уставов, обучение грамоте и должно быть обращено внимание на патриотическо-нравственное и религиозное воспитание. Офицерский и унтер-офицерский состав должны получать вдобавок к береговому содержанию по береговому положению морское довольствие, командиры батальонов, как командиры судов II ранга, ротные командиры — как старшие специалисты и субалтерн-офицеры — как вахтенные начальники, причем офицеров следует менять таким образом: первую треть через полгода, вторую треть — через год и последнюю треть через полтора года и т. д. Службу офицеров в этих батальонах удваивать для пенсии и давать, не вычитая из суммы, 4-месячный отпуск по прослужению в батальоне полутора лет. Эти батальоны должны быть охраняемы сухопутными частями, которые не должны иметь сношений с ними, и должны сменяться не реже одного раза в месяц, чтобы не устанавливалась связь между ними и бунтовавшими частями морских команд. Оставление в Кронштадте, а также на судах бунтовавших частей только потому, что судебное разбирательство не сможет добыть достаточных улик против многих, принимавших деятельное участие в бунте, укрепит этих последних в убеждении, что даже мятеж остается без наказания, и это побудит не только их, но и других колеблющихся быть более дерзкими и в недалеком будущем повторить опыт мятежа более уверенно и, вероятно, с более печальными последствиями. Кроме того, бунтовавшие части, когда увидят всю неприглядную сторону положения, в которое попали, вероятно выдадут еще многих коноводов, которые должны быть судимы военными судами. Эту меру я считаю безусловно необходимой по отношению к бунтовавшим частям и ее необходимо провести немедленно, подобно тому, как это было сделано с первым батальоном Преображенского полка[1]. Если бы не нашлось достаточно офицеров флота для службы в этих батальонах, необходимо пригласить таковых из армии. Возвращение из этих батальонов для службы во флот не должно иметь места ранее одного года и то под ответственность командиров батальонов, которые должны быть вполне убеждены, что возвращают вполне хороших людей. В юридическом отношении здесь не может быть сомнений, так как эта мера принимается относительно бунтовавших частей, почему придирок на беззаконность ее не будет иметь места.

3) Является другой вопрос, что делать с людьми, не проявившими активно своих дурных инстинктов, которые, вероятно, намеревались принять участие в бунте, но по тем или другим причинам не успевшие в этом, а также относительно людей вообще неблагонадежных и нежелательных среди команд. Таких людей наберется несколько сот. Их следует также удалить из Кронштадта на один из имеемых транспортов «Терек», «Дон» и пр., который следует назвать учебно-воспитательным кораблем. (Эта идея была высказана на совещании под председательством вашего превосходительства). Орудия и учебные снаряды

[1] Первый батальон Преображенского полка за отказ итти пешком в Петергоф для несения охраны и подачу петиции политико-экономического характера (см. «Большевики и армия в 1905—1917 гг.», Истпарт, изд. «Красная газета», 1929 г., стр. 267) приказом по гвардейскому корпусу от 16 июня был переименован в особый пехотный батальон и лишен прав гвардии.

должны быть на этом корабле, но вместо зарядов учебные балванки. Ружей и револьверов, кроме учебных (для сборок и разборок), не должно быть. На этом корабле должно быть достаточное число хороших, верных и с сильным характером инструкторов-кондукторов и унтер-офицеров, между которыми все нижние чины должны быть росписаны так, чтобы каждый инструктор мог знать каждого матроса своей смены и наблюдать за ней. Этот корабль должен быть на паровом отоплении, и нижние чины не должны получать морского жалованья. Инструктора же по возможности из сверхурочно-служащих должны получать добавочные в значительном размере. Командир и офицеры должны получать морское довольствие по I рангу, а береговое — по Сибирскому положению [1]. Для охраны и несения караульной службы на этом корабле должна быть назначена сухопутная часть из вполне верных и надежных людей, как казаки, к тому же наиболее знакомые с водой, реками и пр. Они должны быть вооружены, иметь своих офицеров, которые подчиняются командиру корабля. Их следует держать совершенно отдельно от морской команды, с которой не должно быть у них соприкосновения. Этот корабль должен быть поставлен на мертвый якорь в аванпорте порта императора Александра III или Виндаве. Служба на нем должна быть суровая, строго по уставу. Нижние чины должны быть постоянно заняты: по утрам все, не исключая унтер-офицеров, должны быть на гребле, затем производство артиллерийских учений, строевых, пожарного, водяной тревоги, обучение мастерствам, занятия по специальностям, учение с толкованиями уставов, чтение и толкование евангелия (нужен священник богослов), обучение грамоте, изучение географии и русской истории, преимущественно морской, в патриотическо-национальном духе. Спуск на берег должен быть ограничен 20 человеками ежедневно, причем нижним чинам следует об'явить, что малейший проступок на берегу, опоздание явиться в срок и пр. повлечет за собой полное прекращение увольнения на берег не только произведших это нарушение, но и всех остальных, а может быть следует выработать какую-нибудь систему круговой поруки. Я считаю эти меры необходимыми, которые должны быть проведены немедленно, иначе повторения беспорядков будут неизбежны, тем более что весьма вероятен массовый уход офицеров из флота.

4) Всех обер-офицеров, числящихся за морским корпусом, служащих в министерстве и находящихся в отпусках, следует призвать для службы в строю. Офицеры должны быть обязательно прикреплены к своим частям и командам, и переводы их из одной части в другую не должны допускаться до тех пор, пока не установится прочно нормальный порядок, иначе дисциплину в командах не поднять, ибо для этого прежде всего нужно, чтобы офицеры знали команду, а нижние чины своих офицеров. Если офицеров будет недостаточно, то следует произвести корабельных гардемаринов теперь же. Службу следует обставить строго, без всякой поблажки, и, главное, необходимо, чтобы нижние чины были постоянно заняты или работой или ученьями и военно-строевым образованием. Для нижних чинов, находящихся на берегу, нужно почаще устраивать строевые ученья с музыкой (в прошлую зиму не было).

5) Следует оставлять на сверхурочной службе всех хороших людей, из'явивших на это согласие, обязав подпиской прослужить не менее 2 лет и с возобновлением подписки за 4 месяца до окончания 2-лет-

[1] В сравнении с морскими частями в Балтийских портах на 20—40% больше. Свод морских постановлений (продолжение) 1907 г., стр. 15, ст. 2, книга XIII, приложение к ст. 2, стр. 691.

него срока опять на 2 года; в особенности это следует широко применить к машинной команде, комендорам и минерам, ибо образование каждого из этих нижних чинов стоит очень дорого казне, почему часть денег, затрачиваемых на образование их, пойдет на покрытие расходов за сверхсрочную службу, и, кроме того, флот останется в громадной выгоде, имея опытных людей и в такое время испытания хороших.

6) Все суда, не требующие капитального ремонта, следует оставить в вооруженном резерве, причем большую часть их следует держать в порте императора Александра III, как более теплом.

7) На берегу в Кронштадте должны остаться только школы, команды ремонтирующихся судов и команды зимующих в Кронштадте миноносцев, где всюду должно быть достаточное число офицеров, причем в школы должно приниматься такое число учеников, чтобы на каждую смену в 25 человек был один офицер-учитель. Если будет какая-либо возможность, то следует оставить функционировать офицерские классы, хотя бы с ограниченным числом слушателей, ибо ощущается большой недостаток в специальностях, хотя на первое место нужно поставить требование достаточного числа офицеров в каждой части.

8) Немедля, в этом же году нужно начать создание палубных офицеров, метров из числа лучших, желающих остаться на службе, нижних чинов (проект кап. I ранга Небольсина, М. сб., № 5 за 1906 г.) по преимуществу из минных, артиллерийских и машинных квартирмейстеров.

9) Обучение низших специалистов следует возложить на больших судах на судовой состав, освободив обремененные в настоящее время школы, причем универсальности нужно избегать, напротив, нужно создать массу мелких специальностей, так, минер, приставленный к палубному освещению, пусть его только и знает, да и то на своем только корабле; приставленный к 75-мм [пушке] должен ее одну только и знать и т. д.

10) Молодых матросов будущего призыва следует обучать при Гвардейском экипаже или, если это ему будет непосильно, создать из них особый экипаж с организацией школы строевых квартирмейстеров или бывшего учебного экипажа, назначив инструкторами матросов Гвардейского экипажа и учебно-стрелковой команды. Отнюдь не следует их обучать при сухопутных частях, как это было с призывом 1906 г., что дало неудовлетворительно и недостаточно дисциплинированных нижних чинов, привезших из разных концов России все худое и зараженных пропагандой.

11) В Кронштадте следует создать хорошо организованную сыскную или охранную полицию, которая была бы в состоянии пресечь в самом начале всякую начинающуюся извне агитацию среди нижних чинов.

12) Увольнение нижних чинов из Кронштадта по праздникам, когда мастеровые всюду не работают, должно быть совершенно прекращено; можно допустить это увольнение в будни и то только тех нижних чинов, каких поведение вполне безупречно, причем на пристанях должно быть дежурство, проверяющее билеты отъезжающих.

13) В ближайшем же будущем необходимо будет создать, по примеру искушенной в бунтах среди морских команд Англии, морскую пехоту, которая одна только и должна быть вооружена ручным огнестрельным оружием, опираясь на которую поддерживается дисциплина в английском флоте.

14) Рабочие мастерских Кронштадтского порта, обставив хорошо, следует поставить в положение арсенальных рабочих французского флота.

Капитан II ранга Муравьев.

Крепостные крестьяне села Барашева-Усада в первой половине XIX в.*

Публикуемая ниже переписка ярко обрисовывает положение крестьянства в период кризиса и разложения крепостного хозяйства. Во введении «К критике политической экономии» К. Маркс дает классическое определение сущности кризиса общественно-экономических формаций: «На известной ступени своего развития,— пишет Маркс,— материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или, что является только юридическим выражением этого, — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы» [1].

Эти слова Маркса вполне приложимы к характеристике крепостной системы в России в первой половине XIX в., когда под влиянием развивающегося капитализма созрела необходимость слома старых крепостных отношений.

Показателем развития капитализма в первой половине XIX в. в России являлось увеличение числа вольнонаемных рабочих, которое составляло: в 1816 г.— 187 тыс. человек, в 1825—210 тыс. и в 1860 г. — 565 тыс.; из них процент вольнонаемных был равен в 1825 г. — 54,0%, а в 1860 г. — 87,0%.

Развитие капиталистической фабрики и вольнонаемного труда требовало слома, препятствовавшего их развитию, крепостничества.

Следует при этом иметь в виду, что капиталистические отношения касались не только промышленности,— они захватывали собой и сельское хозяйство, так или иначе влияя на разложение барщинной системы.

В первой половине XIX в. наряду с сложившимся довольно значительным внутренним рынком, развернулась широкая торговля хлебом на внешнем рынке. Рост внутреннего рынка был неизбежен в связи с ростом городского населения, которое в 1846 г. составляло 5,5 млн. человек. К этому следует добавить население, занятое кустарным ремеслом. По данным статистики того времени (Арсеньева [2]), оно составляло 700 тыс. человек. Если к этому прибавить еще потребление хлеба в тех с.-х. районах, где нехватало своего хлеба, то мы увидим, что на внутреннем рынке в первой половине XIX в. обращается значительное количество хлеба. Семенов [3] считает, что в нечерноземных районах требовалось не менее 43 млн. четвертей, по вычислению Струве [4], на потребление го-

---

* От редакции: Публикуемые материалы представляют собой извлечение из дипломной работы окончившего курс Историко-архивного института М. М. Семина, проведенной им в 1935 г. под руководством проф. И. В. Кузнецова. Документы хранятся в ГАФКЭ, ф. гр. Бобринских. Из материалов по разным имениям гр. С. Бобринской печатаются главным образом документы по Симбирскому имению — Барашева-Усада.

[1] К. Маркс, К критике политической экономии, Партиздат, 1935, стр. 38.

[2] Арсеньев К., Начертание статистики Российского государства.

[3] Семенов, Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности.

[4] Струве, Крепостное хозяйство.

родского населения шло 18 млн. четвертей, винокурение — 10 млн. четвертей, из общего производства хлеба в 250 млн. четвертей.

Ежегодный средний вывоз хлеба за границу в первой половине XIX в. по 4 важнейшим хлебам (пшеница, рожь, ячмень, овес в тыс. пудов) составлял:

1801—1805 гг.	19 873 тыс.	1821—1825 гг.	10 071 тыс.
1806—1810 »	5 120 »	1826—1830 »	23 950 »
1811—1815 »	9 122 »	1831—1835 »	18 465 »
1816—1820 »	29 655 »	1836—1840 »	28 831 »

1841—1845 гг.	27 205 тыс.
1846—1850 »	51 211 »
1851—1855 »	45 396 »
1856—1860 »	69 254 »

Из таблицы видно, что перед реформой вывозились за границу до 70 млн. пудов.

Таким образом, в первой половине XIX в. крепостное, барщинное хозяйство, натуральное по своей основе, оказалось широко вовлеченным в орбиту рыночных отношений. Преследуя цель наживы и расширения своих торговых операций, помещики стремились как можно больше выжать из крестьян, уменьшая крестьянские наделы, повышая до предела барщину, увеличивая барскую запашку. Ленин дал исчерпывающую характеристику этому положению. Он писал:

«Возьмем за исходный пункт дореформенное крепостническое хозяйство.

Основное содержание производственных отношений при этом таково: помещик давал крестьянину землю, лес для постройки, вообще средства производства (иногда и прямо жизненные средства) для каждого отдельного двора, и, предоставляя крестьянину самому добывать себе пропитание, заставлял *все прибавочное время* работать на себя, на барщине. Подчеркиваю: «все прибавочное время», чтобы отметить, что о «самостоятельности» крестьянина при этой системе не может быть и речи. «Надел», которым «обеспечивал» крестьянина помещик, служил не более как *натуральной заработной платой*, служил всецело и исключительно для эксплоатации крестьянина помещиком, для «обеспечения» помещику рабочих рук, никогда для действительного обеспечения крестьянина.

Но вот вторгается товарное хозяйство. Помещик начинает производить хлеб на продажу, а не на себя. Это вызывает усиление эксплоатации труда крестьян, — затем, затруднительность системы наделов, так как помещику уже невыгодно наделять подрастающее поколение крестьян новыми наделами, и появляется возможность расплачиваться деньгами» [1].

Особенно важно подчеркнуть вторую часть высказывания В. И. Ленина, где он указывает на то, что помещик начинает производить хлеб для продажи, а не только для собственного потребления. С оброчных крестьян помещик увеличивает сумму оброка.

Характерный материал в этом отношении дают настоящие документы. Бобринская и ее управляющие не довольствуются чрезмерным (при нищенстве крестьян) оброком, но пользуются всяким случаем для нового обложения крестьян. Из документов видно, что после бунта крестьян на них был наложен штраф по 1 р. 50 к. серебром с тягла. В целом ряде предписаний по этому поводу строжайшим образом предлагается выслать штрафную сумму в размере 253 р. 50 коп., причем главная контора не довольствуется уже наложением штрафа, а угрожает увеличить его вдвое.

«Я не признаю,— пишет главноуправляющий,— самостоятельности мирского общества и строго подтверждаю тебе, староста, по получении сего приказа со-

[1] Ленин, Соч., т. I, стр. 367—368.

брать в течение трех дней наложенный мною на все общество штраф по 1 р. 50 к. сер. с тягла, и с первою отходящею почтою выслать деньги ко мне с приложением особого с тебя штрафа 50 руб. сер. за ослушание моему приказу. Если же ты осмелишься еще не выполнить в точности этот мой приказ, то я наложу вместо 1 р. 50 к. сер. по 3 р. сер. с тягла и особо с тебя 100 руб. сер.».

Чтобы выколотить с крестьян эти деньги, Бобринская и ее управляющий не останавливаются ни перед чем. Характерна угроза управляющего сдать в солдаты сыновей старосты, если он не соберет этого штрафа.

С неменьшей энергией выколачивался и оброк. Крестьяне-оброчники не имели средств для уплаты оброка, а знаменитый их горшечный промысел, по признанию самого начальства, не обеспечивал дохода, но никаких уступок не допускалось.

23 февраля 1847 года управляющий села Барашева-Усада доносил: «О сборе же остального оброка не только в скорости, даже к 1 числу апреля с некоторых получить нет возможности, ибо на таких остается, у коих уже ни лошади, ни коровы не имеется, а заработать негде». Однако управляющий пишет, что он «прилагает все свое старание». В результате и без того нищие крестьяне буквально пускаются по миру. Для уплаты оброка продается их ничтожнейший скарб.

Типично прошение от 29 марта 1849 года старосты и крестьян села Барашева-Усада, в котором они пишут:

«По приходе сего зимнего времени осмеливаемся беспокоить ваше сиятельство вторичным прошением о своей крайней бедности и о тягостном сего года неурожае хлеба. И все вашего имения крестьяне из своих жительств своего имущества лишились на ваш положенный оброк». Лицемерием после этого звучит то место в письме графини Бобринской, где она упрекает своего управляющего в том, что он допустил крестьян до нищенства.

Если в отношении оброчного крестьянства стремление помещика шло по пути выколачивания все увеличивающегося оброка, то в отношении барщинных крестьян помещик, как уже говорилось выше, шел по пути расширения барской запашки, сокращения земли, находящейся в пользовании крестьян, и увеличения барщины.

По данным Семевского[1], в конце XVIII в. в пользовании крестьян находилось $^2/_3$ пахотной земли, и $^1/_3$ находилась под барской запашкой, перед реформой же 1861 г. в подавляющем числе районов это соотношение изменилось. Помещики, идя по пути расширения своей запашки, увеличили ее от 50 до 85% по разным районам.

Хотя публикуемые материалы не освещают нам истории расширения барской запашки Бобринских в их селе Барашеве-Усаде, тем не менее и в них мы видим факты, отражающие эту тенденцию помещиков. Видим, что управляющий Бобринской при всяком случае отнимает землю у крестьян, отводя ее под барскую запашку.

Так, в ответ на жалобу крестьян, управляющий Баулов доносил: «Земли у крестьян по полудесятине с тягла я никогда не отбирал и не имел надобности», а дальше добавляет: «А для господской запашки оставлено 70 десятин и 3 осминника, к которой еще прибавлено мною $1^1/_4$ десятины такой земли, которую крестьяне всем миром отдавали деревни Сойниной удельного ведомства крестьянам за бесценок или, лучше и справедливее сказать, пропивали. Чтобы прекратить это зло, я не дозволил крестьянам более ее пропивать, а прирезал к господской пашне». Дело, конечно, не в предлоге, каким мотивировал управляющий факт захвата крестьянской земли, а в самих действиях, направленных к расширению помещичьей запашки.

Прирезка земли под барскую запашку вызывалась потребностью выбросить на рынок больше хлеба для увеличения своих доходов. Расширяя запашку, по-

[1] Семевский, Крестьяне в царствование Екатерины II, т. I, стр. 37.

мещик естественно увеличивал барщину, заставлял крестьян работать на себя лучшие дни. Крестьянская земля постепенно забрасывалась. Обработка ее доходила до примитивности; неурожаи становились хроническими и все более учащались. Обеспечения на случай неурожая в виде общественных запашек или хлебных магазейнов ничего не давали, так как и эти ничтожные запасы грабились помещиком.

Выборка неурожайных лет дает крайне наглядную картину роста развития крепостного хозяйства. Неурожаи были в 1833, 1834, 1835, 1839, 1843, 1844, 1845, 1850, 1851 годах и т. д. Годы неурожая еще больше подрывали и без того развалившиеся крестьянские хозяйства.

Значительная часть публикуемых документов рисует нам яркую картину нищенства, систематических голодовок крестьянства. Крестьяне Барашева-Усада в 1832 г. дошли до того, что не в силах были молотить хлеб. Неурожаи были не только следствием неблагоприятных метеорологических условий, а являлись прямым результатом господства крепостников, следствием непрерывного усиления эксплоатации крестьян. Невозможность для крестьянина своевременно обработать свою землю заранее предопределяла невысокий урожай, а при малейших неблагоприятных условиях и полный неурожай и голод.

Документы дают интересный материал также в части характеристики крайней рутинности крепостной техники. В обзоре главноуправляющего Дудышкина мы читаем, что крестьяне «всякого рода зерновой хлеб жнут, а не косят, сушат в овинах и молотят,— рожь, ячмень, овес цепами, а пшеницу мнут лошадьми, гоняя их связанными вокруг по постланному хлебу на ток; зерно провевают на открытых токах, потом подсевают сквозь большие решета; землю никогда не удобряют, по причинам, о которых сказано ниже, не двоят, с осени не подымают яровище...» и т. д.

То же самое донесение главноуправляющего дает яркий облик крепостного крестьянства, в частности его отношения к работе на барщине. В разделе «Нравственные и физические качества крестьян» говорится, что «крестьяне к церкви нерадивы, обряды ее исполняют неохотно, к работе неретивы, и нравом грубы, по большей части бедны»...

«Неретивость к работе» на барщине, выполняемой крестьянином только в силу внеэкономического принуждения, — понятна. Попытки помещиков повысить производительность увеличением числа барщинных дней не могли, конечно, дать желаемых результатов. Это показывало, что крепостная система исчерпала себя и подлежала слому. Не случайно, что наиболее передовые помещики отказывались от крепостного труда и переходили к применению вольнонаемного труда.

Разложение крепостничества, происходившее под влиянием развития товарно-денежных отношений, нашло свое выражение также и в том, что среди крепостного крестьянства намечались элементы диференциации, наиболее сильные среди государственных и оброчных крестьян, но захватившие также, в известной мере, и барщинное крестьянство.

При этом происходила также резкая пауперизация значительной части крестьян. Но вместе с тем наблюдались случаи применения отдельными крестьянами труда батраков, приобретения экономической запашки и пр. Так, в Барашеве-Усаде «97 работников, которые числятся в 80 тяглах, обрабатывают на 72 десятины (экономических) в каждом поле, и должно бы ожидать от них большого дохода, но вот причины, которые ограничивают это ожидание: а) непризор за правильным ходом работы и сбережением зерна; б) недостаток рабочих лошадей (только 60 работников имеют по одной лошади, а остальные 37 без лошадей)».

Верхушка крестьянства состояла, разумеется, из единиц; развитию ее мешало господство крепостников, распоряжающихся личностью и имуществом крестьян. Крепостная система была препятствием развитию капитализма.

Основная масса крестьян приходила все к большему и большему обнищанию. Крестьяне в прошении от 25 апреля 1842 года, пишут: «барщинские же крестьяне, отягощенные барскою работой, пришли в крайнее разорение тем, что у двадцати домов, у тридцати тягол нет ни одной лошади, и от сего-то разорение. Все почти крестьяне ходят по миру»...

Такое положение крестьянства приводило к тому, что неимущий крестьянин, лишенный всяких средств производства, не мог быть производительной силой и уже является в известной мере обузой для помещика. Все это вместе взятое способствовало возникновению среди некоторой, правда, еще ограниченной, части помещиков идеи необходимости отмены крепостничества. Однако основным аргументом, который заставил крепостников пойти на отмену крепостничества, было опасение нового пугачевского восстания.

Характеризуя сущность кризиса общественно-экономических формаций, Маркс не ограничивался только одной экономической стороной дела, а брал и политическую сторону, говоря, что при кризисе формации складывается революционная обстановка.

Просматривая под этим углом зрения обстановку в России, мы должны отметить, что ухудшение положения крестьянства, которое можно наблюдать по материалам этого периода, ухудшение, являющееся результатом кризиса и развала крепостничества, привело к резкому обострению борьбы крестьянства против помещичьей власти. Крестьянские волнения нарастали ежегодно. Что это так — видно из следующих данных:

1826—1834	гг.	148 волнений
1835—1844	»	216 »
1845—1854	»	348 »
1856—1861	»	471 »

В публикуемых документах мы находим интересный материал для характеристики этой стороны дела. Донесения показывают, что среди крестьян Барашева-Усада было непрекращающееся, изо дня в день нарастающее недовольство, которое привело к прямому бунту в ноябре 1852 г., причем расправа не изменила настроения крестьян. Документы с исключительной яркостью показывают, что крестьяне не желают больше терпеть крепостных порядков. Вот любопытная характеристика «нравственных» качеств крестьян, даваемая управляющим: «Нравственность крестьян. К обязанностям христианским нерадивы, грубы, своевольны, подчиненности не терпят и потому местных начальников не только не признают за власть над собою, но подчиняют их своему беспорядку. Староста, особенно настоящий, пользуется только этим именем, а в самом деле управляют им во всех делах. Доказательством этому служит то, что он не смел заплатить в срок оброк свой. Они требуют, чтобы все приказы были им известны. Они хотят участвовать в распоряжениях, присваивают себе самостоятельность, короче говоря, они — русские французы».

Особенно любопытно здесь выражение «русские французы», означающее стремление крестьян к уничтожению крепостничества.

Далее документы показывают, что дело не ограничилось скрытым, пассивным недовольством крестьян своим положением. Издевательство над крестьянами управляющего привело к открытым крестьянским волнениям, повлекшим за собой жестокую расправу.

Лицемерный и лживый приговор полностью оправдал управляющего, который, как пишут крестьяне: «По одержимым его болезням сумасшествия и падучей в таком виде, без разбора и всякого дела, кто только не попадается в глаза, бьет без всякой пощады, большей частью кнутом, плюхами и розгами, только и говорит, что всех загоню в гроб, — и угрожает каждому отдачею в рекруты и арестантские роты и налагает почти на каждого безвинный штраф». Виновными оказались, конечно, крестьяне, из которых 4 человека были осужде-

ны на 5 лет арестантских рот, 36 человек на 2 года и к наказанию розгами, остальные к наказанию розгами. Помещица еще наложила штраф на крестьян.

Так кончилось волнение крестьян Барашева-Усада. Оно демонстрировало общее недовольство крестьянских масс накануне реформы 1861 г. Вместе с тем оно иллюстрировало положение, что крестьянство без гегемонии пролетариата не в состоянии победить.

И. Кузнецов.

Из донесения старосты и крестьян села Барашева-Усада гр. С. Бобринской и ее управляющему В. Компанейщикову, 8 ноября 1832 г.[1]

Доносим мы, государи, вам, что относились мы, государи, вам о двух отписках, получены вами или нет, а нам наоборот от вас, государи, предписания нету, что просим мы вас, государи, всемирно, что пожалуйте нам, вашей господской ржи прикажите раздать по крестьянам вашим почему, потому не поморите нас гладом, а нам взять негде и купить не на что.

Сделайте, государи, милость для нас бедных о хлебе, государи, вам мы доносим нашим господским, что хлеб ваш мы начали молотить, но однако доносим мы, государи, о сем, хотя и начали молотить, да остановку до будущего время остановили почему, потому что работать стало крестьянам вашим стало нечем, хлеба нету, и было вам, государи, ото всего мира донесено и прошено ото всего миру для предписания вашего господского хлеба в обеих отписках...[2]

Приказ старосты Ольшанской вотчины гр. С. Бобринской Ф. Глазкова крестьянам села Барашева-Усада от 7 декабря 1832 г.[3]

Ее сиятельство гр. Софья Прокофьевна изволила получить два донесения: первое от 8 ноября, писанное от тебя, староста, и от всех крестьян, в котором вы просите ее сиятельство, чтоб приказать вам раздать господской ржи и не поморить бы вас голодом, потому что вам взять оной негде и купить не на что. О господском же хлебе доносите, что хотя вы и начали его молотить, да сделали остановку до будущего время для того, что работать вам стало не с чем, хлеба нет...

Ее сиятельство изволила мне предписать, чтоб я на таковые ваши донесения сделал вам приказание следующего содержания: для ее сиятельства весьма прискорбно, что у вас нет хлеба, и вы, как в донесении своем прописываете, до такой степени уже дошли, что не в состоянии и господского ее сиятельства хлеба обмолотить, чему верить вам никак нельзя, потому: неужели уже вы в столь короткое время до того все вообще дожили, что и господского хлеба обмолотить не кому и не в силах. Следовательно по таковому вашему явно несправедливому донесению наперед надобно нанять работников и обмолотить господский хлеб и тогда-то уже вам оного выдать сколько же вам оного надобно выдать и кому именно. Неужели, вам вообще, о чем в донесении своем ничего не упоминаете, а притом и сколько у вас находится господского хлеба, какого именно также напишите.

По получении же сего приказываю именем ее сиятельства выдать господской ржи на каждое тягло по одной четверти, но только тем самым крестьянам, которые точно не имеют у себя хлеба и не имеют никакого способа достать и купить оного. Господскую же рожь всю

[1] ГАФКЭ, ф. 176, св. 10, д. № 21, лл. 2—3.
[2] Подписи отсутствуют.
[3] ГАФКЭ, ф. 176, св. 10, д. № 21, лл. 2—3.

обмолотить и сколько оной у вас имеется на лицо, и сколько роздано будет обо всем донести ее сиятельству в село Бобрики, а мне дайте знать Орловской округи в село Ольшан [1].

Из донесения управляющего села Барашева-Усада П. Яковлева гр. С. Бобринской, 24 ноября 1835 г. [2]

Сиятельнейшая графиня, милостивая государыня, Софья Прокофьевна.

... 5 сентября я доносил вашему сиятельству, что по крайней необходимости должен был оставить пост свой в Симбирской вашей вотчине по следующим причинам:

1) Вам уже известно, что имение сие я нашел по приезде моем, в совершенном беспорядке, как в отношении доходов, так и самих себя.

2) Исправление всего беспорядочного вооружило против меня сих, всегда сварливых людей, и они, чтобы иметь прежнюю свою волю и делать то, что они, как вам известно, прежде делали, старались меня, как препятствие, оттуда вытеснить, почему и сделали буйство, соединясь с крестьянами Сергея Федоровича [3] и прочими разночастными, которое неповиновение продолжалось около пяти ден с большими угрозами относительно нашей жизни. Мы же, видя, что у нас все тащут и многое растащили уже, вынуждены были отправиться в Москву, дабы лично у ваших сиятельств просить себе защиты и лично донести вам обо всем...

Донесение старосты села Барашева-Усада главноуправляющему имениями гр. С. Бобринской В. Компанейщикову, 25 мая 1838 г. [4]

Ваше сиятельство, милостивейший государь, Василий Алексеевич.

По последнему вашему предписанию о продаже разного хлеба и вместе с тем приказали взыскивать складочные деньги 350 рублей, и я, по получении приказания, сделав сходку и об'явил им вашу волю, то они тут же меня начали ругать скверно матерными словами за то, что я донес вашему сиятельству о складочных деньгах и даже один из самовольно пришедших крестьян Павел Семенов Сутылин меня ударил железною кочергою так сильно, что я не мог даже устоять на ногах, а упал, и потом прочие еще 5 человек начали меня гнать из конторы и всячески ругать и стремить и выгнали из конторы вон и напоследок приступили с требованиями, чтобы я отдал им отчет. Тогда я, ничего не споря, стал отдавать в деньгах отчет и сдал избранному ими новому старосте Гурьяну Григорьеву Козлову и, когда отбирали денежную сумму, тогда послали они за священником, чтобы он пришел и запечатывал бы хлебные амбары и что и было священником, по просьбе их, исполнено. И спустивши несколько дней призван был я старостою Козловым для перемерки хлеба, когда уже они пшеницу роздали, но я тогда к перемерке не приступал, так как уже он Козлов сим делом руководствовал.

И небезызвестно было вашему сиятельству, что озимы посеяны были в другой раз и по вскрытии весны оказались очень плохи, я хотел было распорядиться в пользу вашу — те десятины перепахать и засеять пшеницею, то они начали противу меня делать неповиновение и только я с большим трудом перепахал и засеял 5 десятин, а теперь я полагаю еще осталось до 20 десятин, с которых нельзя будет собрать

[1] Подпись отсутствует.
[2] ГАФКЭ, ф. 176, св. 10, д. № 21, л. 31.
[3] Соковнина.
[4] ГАФКЭ, ф. 176, св. 10, д. № 21, л. 69.

половинного количества семян, и я обо всех сих обстоятельствах об'являл словесно г. земскому исправнику Николаю Дмитриевичу Рыбушкину, на что он мне сказал, что он может их усмирить, только я без приказания вашего не осмелюсь и за нужное почел об'яснить всех бунтовщиков поименно: 1. Павел Семенов Сутылин. 2. Филипп Морозов. 3. Иван Кузьмин Бердяев. 4. Яков Молотцов. 5. Самсон Токарев и вместе с ними теперь избранный староста Гурьян Григорьев Козлов, а прочие все живут теперь покойно и смирно, а только сии именованные делают буйство, как противу меня, так и старшин.

[Подписи]

Приказ главноуправляющего имениями гр. С. Бобринской В. Компанейщикова старосте и крестьянам села Барашева-Усада, 16 апреля 1839 г.[1]

Определенный по воле моей управлять вами Василий Алексеевич Баулов вторично доносит, что вы не исполняете должным порядком работу, а еще более против него делаете ослушание, в особенности отделенные на оброк, и более всего Иван Морозов, Яков Фадеев и Григорий Алексеев. Весьма прискорбно мне было сие слышать, но полагаю, что оное происходит от какого-либо недоразумения, а потому и предписываю вам быть у него в полном повиновении и послушании и все назначенные господские работы исполнять с усердием. Оброчную сумму в назначенные сроки платить бездоимочно, не домогаясь земли из господских полей, но быть довольным своею тягловою, против положенного оброка превышающею. Естли же и за сим кто окажет неповиновение, то я вынужден буду поступить с вами, как с ослушниками[2].

Из донесения управляющего села Барашева-Усада В. Баулова в главное вотчинное управление гр. С. Бобринской, 14 июня 1839 г.[3]

...Во обязанность себе поставил довести до сведения вашего: сего июня 11 числа отправлены от меня по усиленной просьбе всех крестьян от мира с просьбой к ее сиятельству. Выбраны ими два человека: бывший староста Иван Седякин и рядовой Яков Фадеев. Просьба их состоит в том, как от них слышал на мирской сходке, что они положили просить ее сиятельство, чтоб оброчных обратить на пашню или всех на оброк, с тою целью, чтоб земля господская пришла в их руки. И все таковые выдумки и вредные в миру советы происходят как от Ивана Морозова, равно и от Якова Фадеева. Доказательство, что они сами отправились ходоками к ее сиятельству и уверили весь мир, что о сделанных вами распоряжениях ее сиятельству неизвестно. Это-то меня и понудило отпустить посланных, полагая, что они побывают и в Москве. И уверен, что они без награждения[4] не возвратятся, и после того уменьшится их своевольство, а, может, и вовсе истребится, что очень нужно...

Управляющий Василий Баулов.

Донесение управляющего села Барашева-Усада В. А. Баулова в главное вотчинное управление гр. С. Бобринской, 18 апреля 1842 г.[5]

Апреля 5 доносил я о буйстве крестьян, которые совершенно вышли из повиновения. Возвратившиеся из Москвы Григорий Савинов и Прокофий Леонтьев Зеленов большое сделали возмущение в крестьянах.

---

[1] ГАФКЭ, ф. 176, св. 10, д. № 21, л. 119.
[2] Подпись отсутствует.
[3] ГАФКЭ, ф. 176, св. 10, д. № 21, л. 119.
[4] Без наказания розгами (прим. ред.).
[5] ГАФКЭ, ф. 176, св. 10, д. № 8, лл. 8—9.

Сего же месяца 9 числа собран был сход для раскладки тягол. В это время Савинов столько наделал мне грубостей, которых я более переносить не в состоянии. При всем сходе кричит: что ее сиятельство ему приказала выгнать из Барашева и отобрать от меня мою собственность, чему я никак не верю, чтоб ее сиятельство решились меня обидеть неимеющего никакого состояния и еще того более остановить безвинно гонение, ничего нестоящее для ее сиятельства [1] и уверили крестьян, что ее сиятельству совсем не известно, какое вы сделали в бытность вашу по селу Барашеву распоряжение и что обещали прислать приказ на имя крестьян о нарезке им из господских полей по одному осминнику на тягло оброчным, и потому платеж оброка по многом требовании остановили до получения приказа, а в то же самое время, когда раскладывали тягла, старосту Филиппа Карпова выгнали из конторы и выбрали самовольно из тех, которые ходили в Москву, Прокофья Леонтьева.

Если таковое их возмущение и дерзкие их поступки будут прощены, тогда уже совершенно управлять ими никакой не будет возможности, и мои приказания никогда не могут быть выполнены в точности. Три года все было спокойно, но эти бездельники возмутили крестьян и лишили меня спокойствия, даже и здоровья. Я через великую силу могу вам писать. Я желал бы, чтоб вы поместили в вашем предписании просить мне у станового пристава взойти в мое положение и исследовать чрез чужие барщины о моих беспорядках. Может быть, оное не подействует ли на них. В противном случае, я вынужден буду отказаться. Деньги за проданный хлеб, по нездоровью моему, не могу ехать на почту, еще не отправил. А как сколько-нибудь сделается мне легче, то с первой же почтой отправлю.

Управляющий Василий Баулов.

Из письма алатырского станового пристава Ф. Чертакова главноуправляющему имениями гр. С. Бобринской В. Компанейщикову, 19 апреля 1842 г. [2]

...Я решился довести до сведения вас, м.г., что ее сиятельства имение, состоящее в селе Барашева под управлением г. Баулова, совершенно крестьяне противу управляющего выходят из послушания: делают разные грубости, собирают потайные сходы, чинят разные заговоры и хотят г. управляющего из имения выгнать, который каждый день находится в большом огорчении и опасности, которое именне состоит в вверенном мне стане. Я, с своей стороны, делаю нередкие наблюдения за тишиной и спокойствием... Главным виновником состоит крестьянин Григорий Савинов и другой Прокофий Зеленов, которые возмутили многих крестьян и самопроизвольно удалили хорошего старосту Филиппа Карпова и среди себя выбрали Прокофья Зеленова. Входя в положение сих обстоятельств, всепокорнейше прошу вас, м. г., взойти в положение старика г. Баулова. Успокойте его. Сделайте крестьянам строгое предписание, чтобы они повиновались и все приказания г. Баулова исполняли, а до того времени спокойствие и тишины быть не может. Поспешите сделать свое распоряжение. Я уверен, что вы сие примете в настоящем виде.

Становой пристав Федот Чертаков.

---

[1] Так в подлиннике.

[2] ГАФКЭ, ф. 176, св. 10, д. № 8, лл. 10—11.

Прошение крестьян села Барашева-Усада главноуправляющему имениями С. Бобринской В. Компанейщикову, 25 апреля 1842 г.[1]

Ваше благородие, Василий Андреевич.

Мы, крестьяне села Барашева, на присланное вами письмо посылаем справедливое об'яснение.

Мы посылали к ее сиятельству, с общего между нами согласия, с прошением крестьян Прокофья Леонтьева Морозова и Григория Васильева Савинова, которые доказали в прошении ее сиятельству все справедливо, о чем вы нам писали. Теперь, описавши справедливое, мы обращаемся к вам, Василий Андреевич, с прискорбным прошением: не оставьте нас бедных, пришедших в крайнее почти разорение. Будьте милосерды для нас бедных, как отец наш небесный милосерд есть, сделайте отцовскую милость — прикажите из кладовых ее сиятельства, находящихся в нашем селе, выдать хлеба нам бедным для засеяния земли на каждое тягло, сколько вам заблагорассудится; а мы по урожае внесем заемный у ее сиятельства хлеб в кладовые ее сиятельства, находящиеся в нашем селе, и будем вечно благодарить вас, Василий Андреевич. Необходимость заставляет нас занимать хлеба у ее сиятельства; крестьяне наши оброчные от разорения не в состоянии платить оброк ее сиятельству, желают лучше обрабатывать землю вместе с барщинскими крестьянами; барщинские же крестьяне, отягощенные барскою работою, пришли в крайнее разорение тем, что у двадцати домов, у тридцати тягол нет ни одной лошади, и от сего-то разорение. Все почти крестьяне ходят по миру, изыскивают себе пропитание именем христа, — и все, как барщинские, так и оброчные, не имеют у себя никаких семян для засевания земли.

Еще касательно старосты. Мы уведомляем вас: мы все крестьяне, с общего между нами согласия, избрали себе в старосты нашего крестьянина Ивана Никитина Седякина, а бывшего перед Седякиным старосту сменили за то, что он не имел у себя ни господских нащет хлеба бирок, ни наших крестьянских расходов. И мы по сие время от управляющего Василия Алексеева и бывшего старосты Филиппа Карпова Морозова отчет никаковой не получаем, тогда как у нас бывшие управляющие имением имели у себя книги записные касательно господского хлеба, а старосты имели бирки и мирские расходы.

Из села Барашева от крестьян, с общего между ними согласия.

Донесение управляющего села Барашева-Усада В. Баулова главноуправляющему имениями гр. С. Бобринской В. Компанейщикову, 25 апреля 1842 г.[2]

На предписание ее сиятельства главного вотчинного правления от 30 марта прошлого месяца, последовавшего по жалобе крестьян села Барашева, честь имею об'яснить:

Земли у крестьян по полудесятине с тягла я никогда не отбирал и не имел надобности. Они остаются и до сего времени на том самом положении, какое сделано самим г. главным управляющим, в бытность его в селе Барашеве в декабре месяце 1838 года, а именно: крестьянам как оброчным, так и пахотным определено по 5 осминников на тягло, а для господской запашки оставлено 70 десятин и 3 осминника, к которой еще прибавлено мною 1¼ десятин такой земли, которую крестьяне всем миром отдавали деревни Сойниной удельного ведом-

[1] ГАФКЭ, ф. 176, св. 10, д. № 8, лл. 12—13. На прошении подписи отсутствуют.

[2] Там же, лл. 14—15.

ства крестьянам за бесценок или, лучше и справедливее сказать, пропивали.

Чтобы прекратить это зло, я не дозволил крестьянам более ее пропивать, а прирезал к господской пашне, отчего и составился участок господской запашки 72 десятины. Остальную затем землю, причитающуюся собственно крестьянам, как выше об'яснено, по 5 осминников на тягло они сами засевают не всю, а большую половину отдают тем же удельным крестьянам за бесценок, а сами занимаются по большей части горшечною работой, изделия которой развозят и продают каждую неделю по разным [деревням], вырученные за это деньги все пропивают. Другие тоже по лености, нерадению к домоводству и привычке к пьянству, уклоняясь от земледелия, нанимаются в волжскую судоходную работу и в Уральск к казакам на плавню. Землю свою отдают всю без остатку, не оставляя себе для пропитания семейств ни одного засеянного загона. Вследствии сами возвращаются в дома свои с просроченными билетами и без денег, а поэтому жены и дети их принуждены поневоле бродить по миру, к чему они сделали уже привычку и почитают это за ремесло. Такое зло возникло у них от своевольства и частой перемены крестьянами начальников.

Последние, как не имеют для распоряжения ими уполномочия, не могут искоренить этого зла никакими мерами, ибо им доверенностями не предоставленно прав ни отдавать их в смирительные дома, ни в зачет будущих наборов в рекруты, а если самим наказывать, в таком случае всякий начальник опасается и правительства, и буйства народа, способного на всякое злодеяние.

Вот причины, отчего крестьяне ходят по миру и отчего не имеют семян для посева полей своих... О чем и имею честь донести; извините: по болезни моей, едва лежу.

Управляющий Василий Баулов.

Приказ главноуправляющего имениями гр. С. Бобринской В. Компанейщикова крестьянам села Барашева-Усада, 22 мая 1842 г.[1]

Сообразив поданное вами ее сиятельству прошение с об'яснением на оную управляющего Василия Алексеевича Баулова, которым он доносит, что вы все описываемые вами в прошении обстоятельства выдумали, ко избежанию платежа возложенных на вас невзначительности повинностей и от обрабатывания земли и к довершению еще без дозволения его и моего сменили старосту; самого его желаете выгнать из селения и находящую под господским посевом землю раздаете на весь мир и хлебопашество уничтожаете. Каковые ваши поступки я и предоставил рассмотреть г. становому приставу с тем, если он найдет справедливым, то главных возмутителей спокойствия Григория Савинова и Прокофия Зеленова предать законному суждению, равным образом и еще кто откроется. А вам предписываю быть в должном повиновении, исполнять возложенные на вас обязанности. Если же и за сим не исполните, то и вы подвергнетесь оному, и годные будут отданы в зачет будущих наборов в рекруты, а неспособные сосланы на поселение в Сибирь.

Вам свою благодетельную помещицу своими поступками в другой раз огорчать стыдно, потому что хлебопашенные крестьяне обрабатывают только по одной десятине в поле, а оброчные платят по 48 руб. ежегодно, за что более 1500 дес. остается в вашем владении и, вероятно, ни у кого из соседственных помещиков крестьяне такой льготы

[1] ГАФКЭ, ф. 176, св. 10, д. № 8, л. 20. Подпись отсутствует.

не имеют, какую вы, чрез что и приобретаете себе заработками значительную в свою же пользу выгоду.

Выбранного вами в старосты я не желаю, а слушаться должны того, кто назначен будет Васильем Алексеевичем, и, если из вас кто-либо осмелится сделать какие неприятности Василию Алексеевичу, то также подтверждаю за самомалейшую [вину] будет строго наказан и в селении со всем семейством не останется [1].

Насчет выдачи на посев хлеба от меня предписано г. Баулову, с тем, чтоб он роздал только тем, которые имеют действительную надобность и не имеют не от лености или других причин. Но ослушникам и неповинующимся не давать.

Присланному от вас с прошением Прокофью Зеленову ни в чем не верьте, потому что ее сиятельством ему ни на бумаге, ни на словах приказано ничего не было.

Из обзора вотчины гр. С. Бобринской села Барашева-Усада, Алатырского у., Симбирской г. [2]

Местность. Село Барашево-Усад, Симбирской губернии, Алатырского уезда, отстоит от городов Симбирска в 120 верстах, Алатыря — 35 в., Ардатова — 44 в. От торгового села Промзина, принадлежащего Александру Михайловичу Потемкину, в 12 верстах.

В нынешнем состоянии дача села Барашева заключает 3662 десятины 1391 сажень и разделяется между владельцами в следующем порядке: графине Софье Прокофьевне Бобринской — три части, Сергею Федоровичу Соковнину — полторы части; Андрею Николаевичу, Марии Николаевне Соковниным и Александру Сергеевичу Жилину — полторы части.

В трех частях, принадлежащих ее сиятельству, считается угодий:

Пашни	1 087 дес.	1 600 саж.
Сенных покосов	95 »	300 »
Леса заповедного	180 »	—
» на Малой горе в особом участке	8 »	—
» и кустарника	324 »	1 200 »
Пещаного места в пашнях	29 »	800 »
Под усадьбами и выгоном	54 »	1 706½ »
» церковью и кладбищем	— »	400 »
» проселочными дорогами	9 »	400 »
» полуречками и водоройками	26 »	169 »
Церковной земли	16 »	1 320 »
Итого:	1 831 дес.	695½ саж.

Угодья эти состоят в чересполосном владении и разбросаны участками по всей даче.

Общая дача села Барашева имеет фигуру продолговато-искривленную, длина ее площади идет по направлению от северо-востока к юго-западу; селение неправильными линиями и в отдельных слободах расположено на северном краю дачи; с северо-востока и частию с севера примыкает к глубокому оврагу.

Местоположение. Гористое, пересекаемое оврагами. Овраги эти только весною наполняются водою от стаявших снегов, летом же сухи.

Леса. Дуб, липа, клен, ясень, береза. На Малой горе — строевой. В урочище заповедном строевого небольшая часть, остальной годен

[1] Далее зачеркнуто: «в чем и уверяю вас».

[2] Обзор помечен январем 1913 г. и составлен главноуправляющим имениями гр. С. Бобринской, Н. Дудышкиным, ГАФКЭ, ф. 176, св. 2, д. № 2, лл. 75—86.

только на жерди и, наконец, кустарник. Дубу много посохло и вообще лес от самовольных порубок дурно сбережен.

Свойства земли. Дача обильна мягким белым камнем, который в мелких кусках покрывает поля во многих местах, и горшечною, хорошего свойства, глиною белого, желтоватого и зелено-дикого цвета. Грунт на поверхности земли чернозем.

Народонаселение. Состояло по VIII ревизии душ: крестьян мужского пола — 299; женского пола — 324; дворовых мужского пола —10, женского пола — 7.

Теперь состоит в наличных:
крестьян мужского пола — 326, женского пола — 329, дворовых — 1.

Следовательно после ревизии прибыло крестьян мужчин — 27 душ, женщин — 5 и дворовых убыло мужчин — 9, женщин — 7.

Общественные здания и жилища. В селе Барашеве две деревянных церкви, одна ветхая с колокольнею во имя святителя Николая, другая поновее во имя владимирской божией матери. Обе церкви в самом бедном состоянии, выстроены в близком друг от друга расстоянии в середине села и ничем не огорожены. Крестьянские избы построены из бревен, покрыты на два ската соломою и редко тесом, дворы невелики, проулки все застроены, поселки крестьян одного владельца прерываются поселками крестьян другого и только из 97 домов, принадлежащих ее сиятельству, 28 стоят друг возле друга без перерывки.

Господский дом состоит из двух изб, разгороженных сенями, в одной половине, белой, помещается управитель, в другой — его кухня, контора и сборная. При дворе, обнесенном бревенчатым забором, есть два сарая, конюшня, погреб и две клети; на огороде баня, на гумне рига и сарай из плетня, два овина на краю села, четыре небольших амбара. Вот все экономические здания Печь в овине, выстроенном посреди риги, дурно расположена и один только бог хранит от несчастия.

Селение, брошенное в беспорядке на пустыре, не оттененном ни одним деревцом, кажет какой-то унылый вид, а вдобавок кучи позема перед домами и в оврагах, накопившиеся с давнего времени, должны неминуемо весною и летом испарениями своими заражать воздух и придавать селению еще большее безобразие.

Способы к постройкам. Материала для кирпича в даче находится в изобилии. Готовой обоженный кирпич продается в селе Промзине по 15 рублей за тысячу. Сосновый строевой лес продается в имении графини Орловой в селе Чеборине в 15 верстах от села Барашева от 400 до 500 рублей за десятину, бревно сосновое длиною 10½ аршин, толщиною от 7—8 вершков по 2 рубля 50 копеек, доски и тес продаются в городе Ардатове, доски от 40—100 рублей за сотню, тес от 25—40 рублей за сотню.

Нравственные и физические качества крестьян. Крестьяне к церкви нерадивы, обряды ее исполняют неохотно, к работе не ретивы, и нравом грубы, по большей части, бедны, на вид крепкого сложения, на вид рослы, оба пола одеваются не слишком опрятно.

Казенные повинности и земские обрядности. В течение 1842 года по двум квитанциям алатырского уездного казначейства казенных податей заплачено 1463 руб. 11 коп.; поэтому на каждую ревизскую душу легло по 4 рубля 89⅓ коп., а на тягло приходится по 10 руб. 16 коп.

Рекрутская повинность отправляется в натуре, отдают не очередного, но того, кто дурно ведет себя.

Для содержания в исправности по большой Симбирской дороге моста с 1841 года по 1845 год нанят, по частному условию г-на Потемкина, крестьянин Петр Иванов за 600 рублей за все четыре года и деньги крестьянами всех владельцев села Барашева заплачены подрядчику в 1842 году сполна вперед. С части ее сиятельства пришлось по расчету за 308 душ по 1 руб. 4 коп. с души — 321 руб. 36 коп.

В обязанность всех владельцев села Барашева поставлено ежегодно выставлять на шесть недель в село Княжуха двенадцать лошадей для раз'ездов членов земской полиции. Для выполнения этой обязанности наняты крестьяне: Сергея Федоровича Соковнина — Леонтий Никифоров Кудряшев и г. Жилина села Княжухи Василий Васильев Смолин; с части ее сиятельства приходится в 1843 году заплатить по 26 коп. с души или 80 рублей 34 коп.

Прочие расходы по земским делам незначительны.

Мирские сборы и расходы в 1842 году

Следовало получить:

Окладных	в 1 половину	с 139	тягл по 10 р. 50 к.	с тягла	1 459 р. 50 к.
»	2 »	140	» 7		980
			Итого . . .		2 439—50
В то число получено окладных					2 430—75
» » за оброчные статьи					99—00
			Итого . . .		2 529—75
К 1843 году осталось в недоимке окладных					—8—75
В течение года израсходовано					2 320—62
Затем осталось на лицо					209—13
На текущий 1843 год по смете расходов назначено собрать подушного в обе половины года по 15 рублей 50 коп. с тягла, мирская сумма должна в кассу ее сиятельства за 1841 г.					108—94

Доходы ее сиятельства, ожидаемые в 1843 году

64 тягла платят каждое по 48 рублей в год	3 072—00
За 355 четвертей 3 четверика ржи (считая вес каждой четверти в 8 пудов 36 фунтов) или за 3016 пуд. по 80 коп. пуд	2 412—80
За 325 четвертей 6 четвериков яровой пшеницы (считая вес каждой четверти в 9 пудов 16 фунтов) или 3059 п. 85 коп. за пуд	2 600—15
За 8 четвертей ячменя по 4 рубля 40 коп. четверть .	35—20
Итого . . .	8 112—15

По расчету выйдет, что тягло, состоящее на барщине, даст дохода 63 рубля 10 коп., а оброчное только 48 рублей.

К итогу дохода следует еще прибавить ожидаемые к уплате недоимки:

За 2 половину 1841 года	81 р. 15 к.
» 1842 год	662 р. 34 к.
Из мирской суммы долгу	108 р. 94 к.
Итого . . .	852 р. 43 к.

и тогда доход ее сиятельства в 1843 году будет простираться до восьми тысяч девятисот шестидесяти четырех рублей 58 коп.

Сверх этого на вотчине числится следующая недоимка:

По счетам, заключенным в 1835 году

Оброка	3 454—17
За столовой запас	2 323—66 ¾
Итого	5 777—83 ¾

Ржи	262 четв.	2 чет.
Пшеницы	97 »	5 »

С 1841 года

Ржи	77 »	
Пшеницы	4 »	2 »
Ячменя	60 »	—

97 работников, которые числятся в 80 тяглах, обрабатывают по 72 десятины (экономических) в каждом поле, и должно бы ожидать от них большего дохода, но вот причины, которые ограничивают это ожидание:

а) Непризор за правильным ходом работы и сбережением зерна. б) Недостаток рабочих лошадей (только 60 работников имеют по одной лошади, а остальные 37 без лошадей).

в) Удобрение по тамошнему обычаю выбрасывается в овраги, а на поле не вывозится.

Методы хлебопашества. Трехпольная. Сеют более яровую пшеницу, рожь, немного ячменя, редко овес, а гречу никогда. На местах возвышенных пшеница родится лучше, нежели на низменных. Севы яровых хлебов оканчиваются к 15 числу мая, а озимой ржи к 20 числу августа. Всякого рода зерновой хлеб жнут, а не косят, сушат в овинах и молотят, — рожь, ячмень, овес цепами, а пшеницу мнут лошадьми, гоняя их связанными вокруг по постланному хлебу на ток; зерно провеивают на открытых токах, потом подсевают сквозь большие решета; землю никогда не удобряют по причинам, о которых сказано ниже, не двоят, с осени не подымают яровище; словом, каждый пахарь хочет взять что-нибудь от земли, ничего ей не давая. Лен и огородные овощи сеют только для своего обихода.

Сенные покосы лежат по большей части около болот и дают сено качества не совсем хорошего. Садоводством никто не занимается и в целом селении не увидите ни одного дерева, даже и дикого.

Сбыт хлеба. В село Промзино на целую зиму приезжают купцы и скупают у жителей хлеб не мерою, а весом. По местному расчету четверть ржи должна иметь 10 пуд. 5 фунт., а пшеница ровно 10 пуд. Пшеница считается лучше та, которая имеет зерно желтоватое, как бы прозрачное, кругловатое и называется «вощанкою». Зерно тощее, цветом похожее на рожь, не уважается и разница на пуд между обоими сортами от 1 руб. 10 коп. до 85 коп.

В нынешнем году четверть пшеницы в 8 четвериков имеет вес 9 пуд. 16 фунт., а ржи 8 пуд. 36 фунт., следовательно к торговой четверти должно дополнить пшеницы 24 фунта или ½ четверика, а ржи 1 пуд 9 фунтов или 1 четверик 25—30 гарнца. Цена ячменя по 4 рубля 40 коп. четверть, овса по 3 рубля 50 коп. четверть. Настоящие цены хлебу в селе Промзине устанавливаются с 15 числа января, а до тех пор торговля производится мелочная.

Промыслы крестьян. Крестьяне все без из'ятия хлебопашцы и горшечники; из них во всей вотчине только 12 человек плотников и один красильщик, который красит в синий цвет льняные и шерстяные ткани, употребляемые в одежду крестьянками. Барашевские горшки считаются лучшими в околодке, потому что глина, добываемая в

этих дачах, имеет все условия для лучшего изделья посуды. Недавно два крестьянина выучились глазуровать свои изделия, но ремесло их еще далеко до совершенства. Если бы крестьяне постоянно занимались этою промышленностью и правильно вели бы свою торговлю, они по крайней мере, были бы сыты, не трогая своих запасов, но, к несчастью, они ленивы и многие из них едва, едва слепят себе горшок.

Если в господской экономии, где есть управитель, староста и выборный, хлебопашество идет дурно, то можно вообразить, в каком оно упадке у крестьян. Однако ж, обвиняя хлебопашцев в нерадении, можно в их оправдание привести одно обстоятельство: 589 десятин (экономических) пахотной земли, которая остается на долю крестьян, разделяется на малые участки или загоны и не составляют постоянной собственности хозяина, но каждый год переходит из рук в руки между крестьян всех владельцев села Барашева; следовательно, кому нужно удобрять участок, который на другое лето достанется другому? Таким образом неимение земельной постоянной собственности многих отвлекло от хлебопашества; одни нерадиво только по привычке берутся за соху, а другие, передав за бесценок свой участок земли, отправляются в приволжские города для сгона барок и в станицы уральских казаков, но этот промысел, основанный на расчете избавиться от надзора и учета сельского начальства, вовлек молодых людей в пороки и вместо пользы принес неоценимый вред нравственности. Из целой вотчины ее сиятельства можно указать только на четырех домохозяев, которые, не имея земли, сеют в избытке хлеб и получают порядочные выгоды. Это обстоятельство доказывает, что земля ждет трудов пахаря, чтобы плодами своими вознаградить их с избытком.

Сельское управление. Управитель не имеет никакого морального влияния на крестьян. Они его не уважают. Староста и выборный не смеют знать, а управитель не хочет знать, что делается в вотчине, и дела текут сами собой без вождя. Вот основа крестьянских жалоб. Все отчеты от безграмотства управителя сделались непроницаемыми для аккуратной поверки, староста на каждый вопрос отвечает: «Не знаю, батюшка, там записано», а в записках этих иное вовсе не записано, иное записано без всякого смысла, отговоркой же всему служит то старость, то недогадка или незнание. Вот один образец, как там собирается оброк: если крестьянин вздумает принести деньги, у него их не берут и говорят: «Куда торопишься? Ведь никто еще не несет» и таким образом по день ревизовки именья, то есть по 25 число декабря 1842 года не было собрано: вполне оброк за 2-ю половину 1841 года, подушное за 2-ю половину 1842 года, а оброк за весь 1842 год и не начинали собирать. Между тем в крестьянах есть один замечательный обычай, резко выказывающий их грубость и невежество; там кто победнее, тот явно негодует и даже грозит зажиточным за то, что он во время платит свои повинности. В таком же беспорядке дела идут в поле, на гумне и в амбарах. Зерно при молотьбе не бережется, в амбары ссыпается не чистое, дурного качества и в той мере, в какой бог даст. О хозяйственном учете хлеба никто и не думает. А управитель говорит, что ему ходить на гумно холодно... Следствием этого оказался недочет 426 руб. 31 коп. господской и мирской суммы, 6 четвертей 7 четвериков пшеницы, 34 четверти 3 четверика ячменя, овес сдохся, пшеница, которая теперь вымолочена, качеством далеко отстала даже и от крестьянской.

Есть еще одно зло, которое расстроило много семейств крестьян: сперва были допущены самовольные разделы, потом просто по грубой прихоти хозяин выгоняет безотчетно какую-нибудь вдову, свою невестку с детьми, и они на задворках, а иногда и в улице строят себе

кое-как хижину, называют ее кельею и живут в ней мирским подаянием, свыкаясь в такой жизни с недостатками и пороками, делаются как бы отпадшими членами общества. Об этом имении, в теперешнем его состоянии, можно выразиться одним словом: это сирота без призора.

Просьбы крестьян. Крестьяне на общей сходке просили единодушно повергнуть милостивому рассмотрению ее сиятельства следующие просьбы:

а) Всемерно стараться окончить размежевание с прочими владельцами, дабы каждый домохозяин вотчины ее сиятельства ведал свою поземельную собственность.

б) Из числа 241 руб. 45 коп., заплаченных в 1842 году из мирской суммы вольнопрактикующемуся землемеру за снятие на план окружной межи барашевской дачи, хотя половину, т. е. 120 руб. 72 коп. принять на счет ее сиятельства.

в) За бывшие пожары домохозяинам, не получившим никакого пособия, оказать льготу в сравнении с теми, которые воспользовались милостию ее сиятельства.

Главноуправляющий Дудышкин.

Из донесения управляющего села Барашева-Усада В. Лопаткина в главное управление имениями гр. С. Бобринской, 21 февраля 1845 г., № 8 [1]

Становой пристав Павел Михайлович Кадышев по приглашению сего февраля 19 числа в селе Барашеве был, которому главные зачинщики беспорядков при полной сходке, 15 человек, представляемы были, из коих Григория Васильева Савинова пятью, Дмитрия Васильева Михинова тремя ударами розгами сделал. Отчего все согласились назначенный главным правлением подушный оклад за обе половины полностью вносить, а потому прочих наказывать остановился. До приезда же г. станового сии предписания мирской сходке об'явили, не только недоимочные, даже с первой половины назначенного полностью взнесть не хотели, говоря: «Много нам в казну, столько не требуется». Касательно ж до благодарности г. станового предлагаемо было, на что отозвался, что для ее сиятельства могу содействовать без всего.

Управляющий Василий Лопаткин.

Из донесения управляющего села Барашева-Усада В. Лопаткина в главное управление имениями гр. С. Бобринской, 23 февраля 1847 г., № 6 [2]

...О сборе же остального оброка не только в скорости, даже к 1 числу апреля с некоторых получить нет возможности, ибо на таких остается, у коих уже ни лошади, ни коровы не имеется, а заработать негде; наем на Волгу по 11 руб. работнику, которыми едва подушный оклад может заплатить. По каковым обстоятельствам главное правление распоряжения ожидаю и до того по возможности в сборе все старание без упущения приложу...

Ее сиятельства крестьяне вторую неделю в контору ежедневно всем миром собираются просить выдачи хлеба казенного или экономического. Так, например, неимущие и имущие, барщинские и оброчные, которую ни казна, ни главное правление не разрешено выдачею, что

[1] ГАФКЭ, ф. 176, св. 10, д. № 8, л. 246.
[2] Там же, св. 11, д. № 7, л. 11.

каждый сход об'является им потерпеть до разрешения. И затем, особенно оброчные и состоятельные, сего февраля 21 и 22 числа сошлись при полной сходке: Григорий Васильев Савичов, Егор Потапов Савинов и подобные им. Старосту и старшин из конторы ко мне в горницу взойти не пускали, говоря им: что вы продавать нас идете.

Главному правлению на рассмотрение представляю к распоряжению. Барщинским крестьянам и частью оброчным крайне нужно хлеб выдавать. Повсеместно помещики покупают и выдают неимущим. Благоволите, главное правление, распоряжением снабдить в скорости.

Управляющий Василий Лопаткин.

Из обзора вотчин гр. С. Бобринской [1]

В деревне Фоминской [2] жили два брата — Афанасий и Тихон Матвеевы Титовы, в разных избах, но под одною кровлею.

Братья через женщин своих семейств давно не ладили между собою. Наконец, старшему брату Афанасью весною 1847 года вздумалось отломать свою избу из общей связи и переставить на пустом месте.

Дело сделано. Глазков [3] не знает, что крестьянин строится вовсе не на месте и без его позволения.

Тихону после сломки братом своей избы необходимо было поправить свою и приделать к ней сени. Он ее раскрыл и начал переспрявлять. Тут бдительность Глазкова очнулась, он проявил свой гнев за самовольный раздел таким образом: у Тихона взял на господский двор девять бревен из стен избы, а остальные велел разобрать. Гнев Глазкова продолжался до крещенья 1848 года. В это время, по неоднократным просьбам Тихона, гнев смягчен. Велено было бревна возвратить и постройка разрешена. Едва Тихон накрыл избу потолком, как снова последовал приказ — печь разломать и остановить постройку. Изба эта и до сих пор стоит без кровли накрытая сверху потолка соломою и землею, как черкесская сакля.

Между тем Тихон, не имея крова во время осени и зимы, скитался то у соседей, то у родных. В этой бродячей жизни невестка его, солдатка Настасья Исаева с горя и нужды — умерла. Лошадь околела, прочий скот от непризора истощался, хлеб не мог быть прибережен, как следует. А брат его Афанасий, главный виновник в разделе, жил на новом месте спокойно. В нынешнее мое посещение вотчины я вошел в непокрытую избу Тихона и видел двух женщин и двух девочек его семьи, которые в безмолвном горе пали на землю и рыдали. По призыву моему Глазков с улицы вошел в избу и видел эту сцену.

Из'явление обиженным в таком виде своего глубокого горя не могло быть подготовлено, потому что никто не знал, что я приду к ним.

Я сужу это дело так. Глазков жестоко и несправедливо поступил с Тихоном, потому что это не он отделился от брата, а брат от него, а воля старшего брата неподсудна младшему. И чем прибегать к таким тяжелым мерам против непослушания крестьян, не лучше ли было пресечь зло в самом начале, запретив Афанасью отламывать избу из-под общей кровли. Не видать же или, по крайней мере, не знать,

---

[1] Обзор помечен маем 1848 г. и составлен главноуправляющим имениями гр. С. Бобринской, Н. Дудышкиным — св. 8, д. № 24, л. 279. Подпись отсутствует.

[2] Дер. Фоминская — владение гр. С. Бобринской в б. Орловской губ.

[3] Ф. Глазков — управляющий орловскими имениями гр. С. Бобринской, одно время исправлял обязанности управляющего и в селе Барашеве-Усаде.

что крестьянин избу свою ломает, для управителя дело невозможное, а тем более для Глазкова, который 35 лет держал крестьян в раболепном страхе и знает все мелочи, на которые начальнику неприлично обращать внимание.

До сих пор я удерживался утвердительно сказать вашему сиятельству, что жена Глазкова вмешивается в дела управления, потому что передававшие мне эти сведения не заслуживали большого доверия, и я боялся суждения свои подчинить сплетням. Но теперь утвердительно могу сказать вам, что это действительная правда. Эта женщина судит и рядит вотчинные дела и не без пользы для себя, а Глазков раболепно исполняет ее резолюции. Он на вопрос мой, справедливы ли эти слухи, отвечал так, что к этому порядку вещей давно привыкла вотчина, и до него был управитель, которого жена делала то же. И что все дела, которые решила жена его, Глазкова, решены и исполнены гораздо лучше, чем им самим.

Прошение старосты и крестьян села Барашева-Усада гр. С. Бобринской от 29 марта 1849 г.[1]

1) По приходе сего зимнего времени осмеливаемся беспокоить ваше сиятельство вторичным прошением о своей крайней бедности и о тягостном сего года неурожае хлеба. И все вашего имения крестьяне из своих жительств своего имущества лишились на ваш положенный оброк и которые добропорядочные крестьяне хотели было соблюсти на свою тягловую землю, а по приходе сего времени не осталось никаких яровых семян, а и скота в редком доме остается, едва живы лошади[2]. И просим мы вас, чтоб соединить в одном положении, а будет без сего соединения, то остановится ваша господская работа, и положенный оброк останется в недоимке, и на пропитание нам своих семейств добыть негде.

2) Просим вашей милости староста и старшины не в силах исправить вашей должности по крестьянской недостаточности жителей и отставить нас от сей должности, потому что вашего имения крестьяне нас утружают своими недостатками. За каждый день собираются сходами в вашу господскую контору об своих недостатках.

3) Просим ваше сиятельство об своих недостатках соблаговолите хотя небольшое милосердие нам немогутным крестьянам, хотя заложить свою тягловую землю за малую цену или озимый свой посев, но только хотя разноместным крестьянам, а в вашем имении крестьяне нас всех бедных не смотрят, потому что и достаточных жителей несколько[2].

4) О запасном магазейном хлебе разрешения никакого не видим и от вас милосердия не об'яснено. И помилосердуйте об нас, неимущих крестьян, на пропитание наше семейств хлебною наградою, сколько можете, а нам избавиться никак невозможно и добыть сего негде, и работы все остановились, потому по неурожаям хлебным.

Из донесения управляющего села Барашева-Усада В. Лопаткина в главное управление имений гр. Бобринской, 2 апреля 1849 г.[3]

2) Главному правлению от 15 января и 23 февраля сего года донесено: по неимению экономического хлеба для выдачи крестьянам ее сиятельства по неурожаю прошлого лета на пропитание их с семей-

---

[1] ГАФКЭ, ф. 176, св. 11, д. № 7, л. 15. Подписи отсутствуют.
[2] Так в подлиннике.
[3] ГАФКЭ, ф. 176, св. 11, д. № 7, л. 8.

ствами по распоряжению главного правления количество четвертей покупкою приобресть равно и по поданному в комитет народного продовольствия прошению выдачи и доныне не последовало. По каковым обстоятельствам ее сиятельства крестьяне до крайней нужды дошли в пропитании себя и корме лошадей, которые колеют, а на оставшихся по худоте их выехать нельзя; по сим причинам в контору являются просить хлеба, почти ежедневно одно говорят: весной пахать будет нечем. Мудрено встретится без поддержки их недостатки [1], а потому главное правление благоволите немедля с назначением количества четвертей хлеба покупкою приобресть. А между тем соблаговолено бы снестись с предводителем г. Жилиным. До разрешения комиссии народного продовольствия сколько можно магазейного хлеба выдачею разрешил.

3) Крестьяне многократно просят позволения продавать лошадей или землю, засеянную рожью, у некоторых экономическою и под яровой пар, в чужие руки заложить для поддержки себя пропитанием, а лошадей кормом, что строго запрещается.

А как в прошении их ее сиятельству явствует: староста и старшины от должности просятся, главному правлению в рассмотрение и распоряжение об'ясняю.

Управляющий Василий Лопаткин.

Из прошения старосты, старшин и крестьян села Барашева-Усада гр. С. Бобринской, 25 мая 1849 г. [2]

1. Неоднократным прошением осмеливаемся беспокоить ваше великое графское сиятельство о своей необходимости крайней бедноты, потому что приближается ваш положенный с нас, ваших подданных крестьян, оброк, петровская половина. Не в силах сей вашей повинности исправить, платежа сего. Дабы были исправными всякими силами, то и не беспокоили бы ваше сиятельство в том вас и беспокоим, что уже и сил наших недостигает по сей неурожайный год и с сего времени и стало очень трудно, притом же и промыслы все без хлебного урожая остановились...

3. При оном же донесении ваше сиятельство, всемилостивейшая Софья Прокофьевна, о своей недостаточной бытности потому, что расчислены вашего имения крестьяне в разных местах половинное число на оброке, а вторая на вашей господской работе, а земля наша вам известная, каковое количество, в том и делается во всяких местах недостатки. В том вас и просим соблаговолите вашей милости соединить во одно место и, буде соедините во одно место, то исполнено дело, ваш оброк или работа. И буде сию милость явите и не будем беспокоить ваше сиятельство никакими отписками.

4. Вашего имения которые крестьяне на вашей господской работе и очень нуждающие всякими потребностями. Важнее всего, большая и главная нужда — недостаток хлеба, и земля наша запустела бессемянно.

Из прошения старосты и крестьян села Барашева-Усада гр. С. Бобринской, 29 мая 1850 г. [3]

Осмеливаемся беспокоить ваше сиятельство о своей бедности. Просим освобождения на несколько времени со обождением по возмож-

---

[1] Так в подлиннике.

[2] ГАФКЭ, ф. 176, св. 11, д. № 7, лл. 18—19. Подписи отсутствуют.

[3] Там же, св. 10, д. № 14, лл. 55—56. Подписи отсутствуют.

ности вашей и соблаговолите отеческой милости, ваше сиятельство, как мати сожалевает о детях своих, тако и ваше сиятельство. Приходит время — собирается ваш положенный с нас оброк за 1850-й год за 1-ю половину.

При том же открылось летнее время очень тягостное, о засеве ярового хлеба и всходов не оказывается и с небес дождев на их рос[т]ит на землю, по божью повелению, не создано за прегрешения наши. А мы вас просим: сожалейте, по таковым несчастным неурожаем и пропитаться нам никак невозможно. Таковыми вашими служителями Никандром Михайловичем и Васильем Федоровым заобижены всякими большими непорядками и прошлый год пропитаны были общинским хлебом, а теперь избавиться никак невозможно, а теперь обчественного хлеба не имеется. Милостей ваших не видим, приказы ваши нам не об'являются, в том вас и просим, и прежде было донесено вашему сиятельству, чтоб вы приказали нам сделать верную подворную ведомость нашему крестьянскому имуществу, на ответ ничего не видим.

4. О пропитании немогутных крестьян как прошлого 1849 года из'яснено от вашего сиятельства, нам награды на посев нашей земли яровой пшеницы на оборот — того ничего не дано и земля наша навсегда пустеет бесполезно и теперь только надежду имеем на князя Долгорукова пребыванием питаны некоторые с вексельными расписками на заложных бумагах[1].

5. Просим ваше сиятельство о соединении нас во едино место и земля причислилась бы за нас всех, то и будем уплачивать навсегда оброк безнедоимочно и, буде вам невероятно в том и подписуемся друг за друга и, буде явите своей милости, и будем просить за ваше здоровье всевышнего создателя, дабы господь продлил долгие века на сем свете, и на сие будем ожидать разрешения вашего.

Из обзора села Барашева-Усада[2]

Народонаселение. По нынешней IX ревизии 312 душ. Количество земли. В общей даче с прочими совладельцами 3 662 дес. 1391 саж., из коих на часть вашего сиятельства следует половина, т. е. 1831 дес. 695½ саж., следовательно, на каждую ревизскую душу достается более 5½ дес., 144 тягла обрабатывают 589 дес. 40-й меры, сталопо 4 дес. с небольшим на тягло во всех полях.

Свойство земли. Почва глинисто-черноземная и способная воспроизводить хлеба, но истощена голодною пахотою. Удобрение там сваливается в овраги.

В недрах земли скрывается мрамор.

Состояние лесов. Самое жалкое: истребляются безумным образом. Есть лес заповедный, но он только носит это название, а в сущности топор из него не выходит.

Нравственность крестьян. К обязанностям христианским нерадивы, грубы, своевольны, подчиненности не терпят и потому местных начальников не только не признают за власть над собою, но подчиняют их своему беспорядку. Староста, особенно настоящий, пользуется только этим именем, а в самом деле управляют им во всех делах. Доказательством этому служит то, что он не смел заплатить в срок оброк свой. Они требуют, чтобы все приказы были им известны. Они хотят участвовать в распоряжениях, присваивают себе самостоятельность, короче говоря, они — русские французы.

---

[1] Так в подлиннике.

[2] Обзор помечен июлем 1850 г. и составлен главноуправляющим имениями гр. С. Бобринской, П. Виолевым — св. 10, д. № 14, лл. 128—131.

Состояние их. Большая часть бедных. Многие не имеют лошадей и раскрытые дворы. В работе ленивы и потому многие, отдав свой участок в чужие руки, почти за ничто отправляются на сторону под предлогом заработков для платежа оброков, но часто возвращаются ни с чем.

Хотя почти все крестьяне занимаются горшечным изделием, но это ремесло, по отсутствию надлежащего познания в нем, доставляет им скудный промысел, а дров уничтожают много. Впрочем сильно способствует неблагосостоянию крестьян чересполосное владение землей.

Скотоводство. У 144 тягл — 100 лошадей, 56 коров, 34 телят, 85 овец, 36 свиней, 311 штук всего. По одной штуке почти на каждую ревизскую душу.

Домогательство крестьян.

Крестьяне на мирском сходе единодушно просили соединить их в одно, т. е. всех оставить на оброке с господскою землею или обратить в барщину.

Соображение по этим предметам.

По 1-му. На господской пашне 80 тягл. От урожая хлеба с обрабатываемой ими земли 72 дес. в поле с 1843 по 1847 год, точнее в 6 лет получено дохода 24 832 руб. 35½ к. асс.; 64 тягла на оброке и они заплатили в 6 лет 18 432 руб. асс., следовательно господская запашка принесла против оброчных более 6 403 руб. 35½ к. асс. Итак, выгода остается на стороне пашни.

По 2-му предмету. В настоящем составе владения землею не исполнимо домогательство их. Земли для господской пашни увеличить нет возможности (по чересполосности), а посадить все 144 тягла на барщину — значит усилить в них еще более заманчивый порок — леность и нерадение, под ярмом которых они и теперь живут.

Необходимость в покупке части совладельцев.

Если ваше сиятельство желает оставить барашевских крестьян за собой, то для поправления их нет другого средства, как приобресть покупкой продающиеся части и отмежевать г. Жилина к одному месту. Тогда земля разверстается между крестьянами поровну, ибо крестьяне в продаваемых частях больше имеют земли против ваших и при уничтожении чересполосности можно будет расчистить из-под кустарников земли для пашни; кроме этого, крестьяне должны будут удобрять свои поля, имея в постоянном владении свой участок без всякого страха лишиться его. Иначе лучше продать вам крестьян своих, нежели оставлять их в настоящем положении.

Необходимость в местном управителе.

Староста безграмотный. Он по увольнении Лопаткина нанял как для переписки ревизских сказок, так и для ведения книг бывшего удельного голову Кабаевского, который взял деньги вперед и до приезда моего не принимался за них и конторские книги перепортил; следовательно, он не благонадежен; а кроме его, никого нет. К тому ж, как выше сказал, что крестьяне не признают старосту начальником над собою и не крестьяне у старосты в зависимости, а он у крестьян. И потому для поддержания порядка в вотчине, по мнению моему, необходим местный управитель. Жаль только, что трудно найти человека твердого и добросовестного.

Повергая все силы изложения и копию с моих на месте распоряжений в благоусмотрение вашего сиятельства, я имею честь испрашивать вашего разрешения.

Виолев.

Из прошения крестьян села Барашева-Усада главноуправляющему имениями гр. С. Бобринской П. Виолеву, 6 декабря 1850 г., № 135 [1]

По выслушанию нами приказа вашего высокоблагородия от 11 прошлого ноября за № 117, в котором видно, что вы приказываете нам навозить господскую землю 62 дес. и по которому приказу вашему нас староста Морозов весьма принуждает навозить и причиняет нам чрез сие крайние обиды, несмотря на наши отговоры, а потому и просим ваше высокоблагородие всепокорнейше освободить нас хотя нынешнюю зиму возкою навозом, потому что из среды нас теперь много крестьян, по случаю неурожая сего хлеба, живут весьма в бедном состоянии, даже у некоторых нет ни скота, ни хлеба почему и ходят по миру и питаются милостынею. А буде сего сделать вам невозможно, просим, не благоугодно ли будет нас соединить всех в одном, то есть на оброк или всех на барщину. А впрочем, куда вам заблагорассудится, а только мы желаем быть все сединены в одно, на что и будем ожидать от вашего высокоблагородия милостивейшей резолюции, в чем и подписуемся [2], а вместо их за неумением грамоте по их личной просьбе села Гулюшева удельный крестьянин Степан Артамонов руку приложил.

Из приказа главноуправляющего имениями гр. С. Бобринской П. Виолева старосте села Барашева-Усада А. Морозову, 15 декабря 1850 г. [3]

Что же касается до просьбы крестьян, то я лично на мирском сходе в бытность мою в Барашеве об'являл им всем, чтобы они, помимо тебя, не входили ко мне с просьбами. И потому об'яви им, чтобы они впредь не осмеливались нарушать уставного порядка. Из просьбы их между прочим вижу я, что многие крестьяне вместо того, что снискивать средства к жизни трудом, ходят по миру для испрашивания милостыни. И ты позволяешь им это? Если это справедливо, то твоя обязанность указать им работу на стороне, которая гораздо больше принесет им пользы, нежели праздношатательство. Итак, займись этим предметом со всею заботливостью и отыщи им труд во время зимы до весны, и донеси мне о твоих по сему действиях.

Из рапорта старосты села Барашева-Усада А. Морозова главноуправляющему имениями гр. С. Бобринской, 3 января 1851 г., № 6 [4]

...О крестьянах же я моей госпожи села Барашева действительно дознал, что точно есть таковые бедного состояния, как писали крестьяне в прошении, которые не могут со своими семействами себя пропитывать, а именно: Степан Тимофеев, Василий Егоров, Иван Петров и Моисей Михайлов, из которых я и определил до будущей весны в работы одного Степана Тимофеева в удельное селение в село Налитово к удельному крестьянину Герасиму Рузаеву ценою за 2 руб. серебром сроком до 1 числа апреля 1851 года...

К сему рапорту вместо старосты Андрея Морозова по безграмотству его руку приложил писец Степан Артамонов.

---

[1] ГАФКЭ, ф. 176, св. 10, д. № 14, лл. 173—174.
[2] Далее идет перечисление 17 фамилий крестьян.
[3] ГАФКЭ, ф. 176, св. 10, д. № 14, л. 177. Подпись отсутствует.
[4] Там же, д. № 11, л. 7.

Из донесения управляющего села Барашева-Усада В. Белявского главноуправляющему имениями гр. С. Бобринской П. Виолеву, 4 августа 1851 г., № 8[1]

Крайность заставила обеспокоить особу вашу неприятным моим донесением. Июля 24 дня, пред начатием жнива, крестьяне тягловые были собраны на поле; желанием моим было разделить по 40 человек. По усмотру моему не более продолжали бы жниво 5 дней. Напротив, они ослушались и поступили со мной так, о чем не могу при сем упомянуть. 30 человек оставили барщину и ушли домой. Но дома не работали, а все вместе просидели на улице весь день. Видя такую остановку, об'явил им работать по прежнему обыкновению. Оброчные крестьяне были требованы для помощи жнитва, но никто не явился...

Покорнейше прошу особу вашу, не оставьте меня. Дайте приказ, дабы были в повиновении до приезда вашего в Барашево.

Покорнейший слуга особы вашей Викентий Белявский.

Из приказа главноуправляющего имениями гр. С. Бобринской П. Виолева управляющему села Барашева-Усада В. Белявскому, 15 августа 1851 г., № 130[2]

Получив сию минуту, по возвращении моем из подмосковной вотчины, донесение ваше от 4 сего августа № 8 об оказанном со стороны крестьян ослушании вашим распоряжениям при уборке хлеба в разделе, разрешаю вам об'явить всем крестьянам на мирском сходе: 1) мой строгий выговор за оказанное ими вам ослушание и 2) строжайший приказ быть в полном повиновении у вас, иначе жестоко наказаны будут мною в приезд мой в Барашево, в половине сентября.

Между тем при об'явлении сего уполномачиваю вас наказать на мирском сходе и до моего приезда зачинщика ослушания распоряжением начальственным.

Из прошения крестьян Барашева-Усада главноуправляющему имениями гр. С. Бобринской П. Виолеву, 16 июня 1852 г.[3]

Ваше высокоблагородие, милостивый государь, Петр Васильевич.

Крайность и нестерпимые обиды заставили об'явить вашему высокоблагородию поступки определенного вами управляющего имением графини нашей в селе Барашеве Викентия Ивановича г. Белявского. Он стеснил нас до того, что каждый выходит из терпения.

1. Из числа оброчных крестьян состоятельных посадил на барщину, а бедных на оброк, которые решительно платить оброка не в состоянии, и они этого не желали.

2. По одержимым его болезням сумасшествия и падучей в таком виде, без разбора и всякого дела, кто только не попадется в глаза, бьет без всякой пощады, большей частью кнутом, плюхами и розгами, только и говорит, что — всех загоню в гроб — и угрожает каждому отдачею в рекруты и арестантские роты и налагает почти на каждого безвинный штраф, которого набрал до 15 руб. серебром.

В нынешнюю светлую пасху во время заутрени первого дня сделал в церкви такие неблагопристойности, о которых даже совестно доложить вашему высокоблагородию: в церкви учинил испражнение, а 9 чи-

---

[1] ГАФКЭ, ф. 176, св. 10, д. № 11, л. 110.
[2] Там же, л. 116. Подписи отсутствуют.
[3] Там же, св. 11, д. № 5, лл. 47—48.

сла мая во время престольного праздника нашего, в день Николая чудотворца, когда духовенство пришло к нему с иконами для молебна, в это время он обругал как святыню, так и духовенство скверно матерными словами; поэтому священник с причтом поступки его хотели довести до сведения начальства, но мы обществом, во избежание приезда чиновников, упросили их помолчать впредь до вашего распоряжения.

По прибытии его на работу он от горячности войдет в сумасшествие и начнет бить, кто только попадется, и кричит — удушу. В таком положении много обидел жестоко женщин, малолетних мальчиков, не говоря уже о совершеннолетних.

3. Заставляет караульщику каждый день быть на дворе и гонять с флигеля, так и всего надворного строения птицу, как-то: голубей, галок, воробьев и тому подобных, а если караульщик этого не досмотрит, то наказывает за это розгами.

4. С нами как о наших нуждах, так и ни о чем не говорит и к себе не допускает. Сидит один в комнате и всегда запертый.

5. ...Время он много провел в бесполезной работе, молотил с крыш солому, чего совсем не должно.

Жестокие его обращения и нераспорядительность заставили нас много думать и нести печаль и, посоветовавшись на целом обществе, решили все прописанные действия г. Белявского довести до сведения вашего высокоблагородия и покорнейше просить от вас защиты и покровительства. Затем остаемся нижайшие ваши слуги.

Села Барашева графини Софьи Прокофьевны Бобринской крестьяне.

Из донесения управляющего села Барашева-Усада В. Белявского главноуправляющему имениями гр. С. Бобринской П. Виолеву 8 ноября 1852 г. [1]

Будучи в расстроенном положении от полученного от управляемых мною крестьян неизъяснимого оскорбительного на весь век пятна, я не могу в настоящее время распространить письмо свое к вам. По крайней мере, спешу донести вам о важном обстоятельстве, смею по своей справедливости предупредить вас, что я как прежде, так и в этом обстоятельстве могу оправдать себя пред вами, что докажет в оригинале следствие, произведенное ныне временным отделением. Обстоятельство это следующее. 5 числа ноября месяца отправлялся я в город Алатырь для взноса в тамошнее казначейство казенных податей, но в отсутствие мое 8 человек самовольно порубили из лесной дачи лес, который до приезда моего в имение доставлен был полесовщиками в контору. Но из них Иван Григорьев, в небытность же мою, с детьми своими, взяв самовольно порубленный лес с барского двора, разбоем увез оный в дом свой. Приехав в Барашево и узнавши обо всем подробно, вызвал в контору всех порубщиков и об'явил им, по мере вины каждого, штраф, исполняя этим в точности приказание ваше. Но напротив того, не доставив оный 23 числа сего месяца, из них Алексей Тимофеев и Андрей Михайлов явились также без штрафа в контору, и на требование мое, они неистовым образом требовали сани свои, которые были на господском дворе, говоря, что они штраф платить не хотят, причем кучер мой Аким Иванов секретно от меня в сенях флигеля, как я сам слышал, сказал Тимофееву и Михайлову, чтоб они, не смотря на меня, взяли сани свои, как и помянутый Иван Григорьев, разбоем. За каковые слова кучера наказал я розгами (10 ударами), как это казалось и при

[1] ГАФКЭ, ф. 176, св. 11, № 6, лл. 1—4.

освидетельствовании временного отделения, а также и Тимофеева и Михайлова розгами: первого 10, а последнего 15 ударами за их поступки. Но вдруг, сделавши без ведома моего тревогу, пришло в неистовстве в контору множество народа из управляемых мною крестьян и других помещиков, и за справедливые мои по имению поступки и за исполнение приказаний ваших сковали меня, нововыбранного старосту и десятника в железа, разбили окна и другие дома принадлежности, причинив мне и побойство. Таким образом был я в оковах трое суток до временного отделения, которое ныне производит следствие. Представьте себе, м. г., в каком положении был я от поступков крестьян, будучи справедлив. Надеюсь, что следствием буду я вполне оправдан, а потому, вероятно, и вами. Я не в силах выразить обиду, сделанную мне за свою верность и во всех отношениях справедливость. Обида эта для меня чувствительна и неизгладима вечно. Зачинщиками обнаруживаются следствием пойманные с лесом крестьяне, а в заключении меня в оковы — крестьяне г. Соковнина. Если возможно будет, постараюсь по окончании следствия доставить вам с оного копию. Сверх того, при моем несчастном положении пришедший в контору староста г. Соковнина Николай Гайдуков обижал меня всячески, говоря: «Вот ты не послушал меня отпустить крестьянам крупного леса для дров. Петр Васильевич далеко, а ты здесь и прожил бы 10 лет, если бы послушал меня...»

Покорнейший слуга особы вашей Викентий Белявский.

Из копии с постановления Симбирской уголовной палаты по делу о волнении крестьян села Барашева-Усада, Симбирской губернии, 22—23 ноября 1852 г.[1]

Управляющий имением графини Бобринской в селе Барашеве дворянин Белявский в ноябре 1852 года был закован тамошними обывателями в железа и находился в таком положении в течение двух суток.

Поводом к сему происшествию были следующие обстоятельства: по распоряжению управляющего Белявского были отобраны дровни у крестьян гр. Бобринской Алексея Тимофеева и Андрея Михайлова, оказавшихся виновными в самовольной порубке леса в заказной лесной даче. Когда же 23 ноября перед вечером Тимофеев и Михайлов явились в вотчинную контору, обратились к Белявскому с просьбой о возврате отобранных у них дровней, и на требование его об уплате штрафных за порубку денег, отозвались несостоятельностию, то Белявский велел наказать их розгами. В это время находившийся в конторе крестьянин Аким Иванов между разговора сказал Тимофееву и Михайлову, что они напрасно просили Белявского о возврате им дровней, а взяли бы их самовольно с барского двора. За сии неуместные слова Белявский приказал также наказать Акима Иванова розгами. Но когда было дано Иванову около 10 ударов, он впал в беспамятство и появились потом какие-то признаки судорог. Белявский, заметив это, велел прекратить наказание, вспрыснуть Иванова водой и положить на лавку. Когда же подымали Акима Иванова с пола и клали на лавку, вошла нечаянно в контору жена Иванова Дарья Сергеева и, предположив, что мужа ее засекли, побежала из конторы домой и потом вскоре возвратилась в контору вместе с братом мужа ее Трофимом Ивановым и прочими семейными.

---

[1] ГАФКЭ, ф. 176, св. 11, д. № 6, лл. 86—91. Подпись отсутствует.

Наконец, Трофим Иванов стал упрекать Белявского, что он засек брата его до смерти, а Белявский, озлобясь на это, распорядился также подвергнуть Трофима Иванова наказанию розгами, то Дарья Сергеева, испугавшись сего, снова убежала из конторы на улицу и закричала караул. А находившиеся невдалеке крестьянские мальчики ударили в набат в церковный колокол.

Вследствие сей тревоги собралось на улице много крестьян и, узнав по распространившемуся слуху о засечении, будто бы, Акима Иванова, они бросились в вотчинную контору, и таким образом управляющий Белявский, равно и наказывавшие, по приказанию его, Акима Иванова крестьяне Иван Никитин, Петр Филиппов и Гурьян Григорьев были схвачены и заключены в железа. При следствии управляющий Белявский сказал, что он не помнит, кто именно из обывателей села Барашева схватил и заковал его в железа и кто был зачинщиком всего этого, так как он от испуга пришел в беспамятство. Полицейский же сотник Федор Красильников отозвался, что когда он, получив известие о засечении, будто бы, крестьянина Акима Иванова, пришел в вотчинную контору, то застал там много народа, который единогласно потребовал, чтобы управляющий Белявский и наказывавшие, по приказанию его, крестьяне были скованы. Он сначала не соглашался на это, но когда толпа народа снова повторила, чтобы сковать Белявского и прочих, то он уступая силе и желанию народа, вынужден был принести конские железа, которыми одножители его Иван Мухин, Никифор Дергоусов, Иван Татаринов и Сергей Аверин заковали Белявского и прочих. Но Мухин, Дергоусов, Татаринов и Аверин при спросе сознались только в бытности в вотчинной конторе, но отреклись от принятия личного участия в закковании Белявского в железа. Подобным образом отозвались и прочие бывшие в вотчине обыватели села Барашева.

Напротив конторщик Стефан Артамонов и крестьяне Иван Никитин, Петр Филиппов и Гурьян Григорьев удостоверили, что точно Мухин, Дергоусов, Татаринов и Аверин схватили управляющего Белявского и заковали в железа. Таким образом, хотя не обнаружено по произведенному следствию главных виновников или зачинщиков сделанного против управляющего Белявского насилия, ибо судя по показанию сотника Красильникова должно предположить, что целая толпа народа потребовала закования Белявского в железа, но во всяком случае из подсудимых Мухина, Дергоусова, Татаринова и Аверина должно по обстоятельствам дела признать участниками в закковании Белявского, а сотника Красильникова и прочих, бывших в конторе, крестьян графини Бобринской—попустителями сего преступления. Обращаясь же к определению самого рода сего преступления и принимая на вид, что Белявский, управляя имением графини Бобринской по законной доверенности, представлял через то лицо самой помещицы, то и должно заключить, что сделанное Белявскому личное насилие следует отнести и против установленной правительством власти и так как главные виновники или зачинщики сего не обнаружены следствием, то принимавших в сем случае личное участие Мухина, Дергоусова, Татаринова и Аверина должно подвергнуть определенному в I подразделении 287 статьи уложения наказаний и всех прочих крестьян госпожи Бобринской назначенному в той же статье для попускателей сего преступления более строгому наказанию по важности нарушенных ими личных обязанностей. Что же касается до крестьянки Дарьи Сергеевой, которая по при-

ходе в вотчинную контору, усмотрев мужа своего Акима Иванова лежащим на полу и выбежав потом на улицу, закричала караул и чрез это произвела народную тревогу, то нельзя признать ее умышленной виновницей народного волнения, ибо она, вообразив мужа своего мертвым и придя в испуг, действовала в сем случае почти бессознательно. Почему и представляется возможным ограничиться только сделанием ей надлежащего внушения, применяясь к 116 ст. уложения. Точно так же следует поступить и с крестьянскими мальчиками Сергеем Федоровым, Иваном Лаврентьевым и Егором Егорьевым, которые, услышав произнесенный Дарьей Сергеевой крик и прибежав к церкви, ударили в колокол и произвели тревогу. Почему палата, руководствуясь сими соображениями и принимая во внимание запирательство главных виновников по делу, определяет из подсудимых Ивана Петрова Мухина — 42 лет, Никифора Алексеева Дергоусова — 49, Ивана Иванова Татаринова — 60 и Сергея Михайлова Аверина — 60 лет, лишив всех собственных личных и по состоянию присвоенных им прав и преимуществ, наказать через полицейских служителей розгами 75 ударами каждого и отдать в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на 5 лет, в случае же неспособности их к работам в сих ротах поступить с ними по 83 ст. уложения, а по истечении срока работ возвратить в жительство под особый полицейский и общественный надзор. Прочих же затем Федора Васильева Красильникова — 39, Михаила Андреева Морозова — 25, Прокофия Матвеева Морозова — 47, Василья Исаева Лучкова — 40, Абрама Иванова Козьмичева — 50, Тихона Иванова Морозова — 40, Петра Ефимова Татаринова — 55, Авдея Карпова Рябова — 38, Ефима Филиппова Суренкова — 21, Семена Тимофеева Седякина, Сергея Епифанова Татаринова — 35, Леонтия Стефанова Татаринова, Якова Фадеева Молодцова — 60, Ивана Тимофеева — 37, Ивана Никифорова Седякина — 45, Ивана Стефанова Мирясова — 57, Егора Филиппова Мачихина — 47, Козьму Иванова Нерускова — 60, Василия Павлова Колабаева — 25, Федора Павлова Сутырина — 45, Василия Гаврилова — 60, Кузьму Иванова Шмарина — 40, Прокофия Потапова Савинова — 50 лет, Кузьму Прокофьева Котлова — 40, Егора Потапова Савина — 42, Ивана Григорьева Козлова — 40, Никиту Иванова Волкова — 38, Федора Андреева Леонтьева — 34, Ивана Веденеева Борисова — 65, Федора Михеева Калябидина — 45, Григория Антонова Калябидина — 30, Ивана Михайлова Кирильцева — 35, Григорья Лазарева Кирильцева — 45, Ивана Петрова Волкова — 43, Петра Николаева Емелина — 27, Федора Павлова Погодина — 45, Василья Козьмина Молодцова — 40, Ивана Прокофьева Морозова — 24 и Александра Герасимова Волкова — 66 лет, — лишив по 53 статье уложения некоторых особенных прав и преимуществ, вместо выдержания в смирительном доме на первый раз 2 года, за теснотою помещения в нем, наказать согласно 88 статьи через полицейских служителей розгами 60 ударами каждого и отдать под особый полицейский надзор на основании 54 статьи. Независимо от сего взыскать со всех них похищенные, по словам Белявского, во время закования в железа из вотчинной конторы деньги 60 руб. 60 коп., а также издержки следователей. Затем бывших также в вотчинной конторе графини Бобринской крестьян помещика Соковнина; не принимавших никакого личного участия в заковании Белявского в железа и не обязанных по закону никакими особенными отношениями к лицу Белявского, освободить по 1169 статье XV тома законов уголовных от ответственности, а Дарье Сергеевой, Сергею Федорову, Ивану Лаврентьеву и Егору Григорьеву сделать строгое внушение быть впредь осмотрительнее.

Из приказа главноуправляющего имениями гр. С. Бобринской П. Виолева старосте села Барашева-Усада А. Морозову, 19 февраля 1853 г., № 135 [1]

Ее сиятельство графиня Софья Прокофьевна Бобринская изволила передать на мое рассмотрение и разрешение твою жалобу на г. управляющего Белявского в невыдаче им квитанции на 425 руб. асс. и донос крестьян, что г. Белявский не об'явил будто им предписания о вывозе его в Москву, что он много истратил напрасно из господской и мирской суммы денег, оттого не доверили ему и оброк...

Что ж касается до глупейшего и гнуснейшего доноса крестьян всего мирского общества, то не видя под ним никакой подписи, я невольно утверждаюсь в мысли, что эту ябеду писал какой-нибудь мерзавец по наущению буянов, негодяев и подлецов. Потому она не стоит ни малейшего доверия. Но расправу с ними за нее сделаю я по приезде моем в Барашево. А между тем по воле ее сиятельства определяю на всю вотчину штраф по рублю пятидесяти копеек серебром с каждого тягла за произведенное буйство 24 ноября минувшего 1852 года.

И потому приказываю тебе собрать этот штраф в течение трех дней со всех 169 тягл, всего 253 рубля 50 коп. серебром и немедленно представить эти деньги ко мне при особом донесении, записав их на господской кассе в приход и расход особыми статьями.

Если же ты замедлишь выполнить, то сверх этого штрафа внеси в господскую кассу другой штраф собственно за себя 50 руб. серебром за неисполнение в точности моего приказа. Обращаясь к доносу мирского общества, в котором и ты участвуешь, потому что он приложен к твоей просьбе, я нахожу бездельное стремление в вас вмешиваться в обязанность управляющего. Подтверждаю тебе и всем крестьянам, что ваше дело заниматься хлебопашеством и безусловно повиноваться поставленному над вами начальству, что по вашему желанию никогда не будет, что хотя г. Белявский и просит увольнений от должности, но не увольняю его потому только, что вы этого хотите. И он пошлется мною обратно в Барашево для управления вами попрежнему. Но взыскание означенного штрафа ты обязан произвести в точности и в назначенный мною срок до приезда г. Белявского.

Из прошения крестьян села Барашева-Усада гр. С. Бобринской, 28 февраля 1853 г. [2]

...Все вышеписанные села Барашева крестьяне, будучи при собрании в Барашевском вотчинном правлении на мирской повальной сходке, где слушали присланный приказ старосте Андрею Иванову Морозову за № 36, в котором назначена ответственность на крестьянское наше общество о взыскании с нас штрафа в течение трех дней по 1 руб. 50 коп. серебром с тягла, всего 253 руб. 50 коп. и о скорейшей высылке оного в Москву. По выслушании коего согласно приговорили обществом сим донести к сведению его высокоблагородию г. главноуправляющему Петру Васильевичу.

1) Как не предвидим за собой никаких причин и потому такого штрафа заплатить мы не в силах, ибо из приказа того видно, что гнев этот последовал на нас будто за произведение нами буйства. А как мы причиною тому никогда не были, да и никто из нас при оном не участво-

---

[1] ГАФКЭ, ф. 176, св. 11, д. № 6, лл. 31—32. Подпись отсутствует.
[2] Там же, лл. 42—43.

вал в каковом, чистосердечную делаем признательность в невинности производимого буйства.

2) Бунт же этот произошел и возродился более от сумасшествия управителя Белявского, от жестокого наказания им крестьянина Акима Иванова, по каковому наказанию по наслышимости необыкновенного крика и жалостного плача из крестьян г. Соковнина, в то время множество стеклось народа и, видя таковое беспощадное наказание крестьянина Иванова под опасением от жестокого наказания и лишения вечной жизни крестьяне г. Соковнина ударили в то время в набат, от того самого и последовал этот бунт. И потому видно, что причина вся — управителя нашего г. Белявского, о чем справедливо и прежде было нами донесено.

3) А что относительно до поданной нами жалобы от 4 февраля ее сиятельству графине Софье Прокофьевне Бобринской, которая нами была со всего мирского согласия чрез посредство Сергея Федоровича Соковнина, причиною тому побудило нас более, что управитель Белявский при от'езде своем просил в Промзинской почтовой конторе г. почтмейстера, чтоб от нас не принимать денежных посылок и посылаемых жалоб. Более сие запрещение заставило нас таковую жалобу отправить через посредство Сергея Федоровича, в которой чистосердечную делаем нашу признательность, и в том [просим] великодушно нас простить, и впредь того делать никогда не будем, и вместе с тем нижайшие рабы вашего высокоблагородия соблаговолите сделать ваше благодетельное содействие от возложенного на нас безвинно штрафа от платежа оного избавить.

4) Как в жалобе нашей были пояснены поступки управителя Белявского, о котором и ныне скажем истинно, что он [негоден] на управление по хозяйственной части по причине бывшего с ним часто временного сумасшествия. Какой же этот управитель? Может ли он по сумасшествию своему быть на управлении? Хотя в насланном приказе изволите упоминать, что Белявский будет прислан обратно на управление, это есть в воли вашей. По описанным же причинам полезного будет мало, кроме одного вреда и неудовольствия вотчине.

К сему приговору вместо вышеписанных крестьян за неумением грамоты, по их личной просьбе руку приложил села Промзина крестьянин Федор Новиков.

Из приказа главноуправляющего имениями гр. С. Бобринской П. Виолева старосте села Барашева-Усада А. Морозову, 10 марта 1853 г., № 55[1]

...Донесение твое от 4 марта, журнал повседневным работам по экономии и приговор мирского общества села Барашева-Усада, составленный 28 февраля текущего года, я получил. Но как ты осмелился представить этот глупейший приговор мирского общества? Кого ты должен слушаться — мирского ли общества или главного твоего начальства? Я послал тебе от 19 минувшего февраля № 36 приказ о взыскании со всего мирского общества штраф по 1 руб. 50 коп. серебром с тягла, за участие в буйстве крестьян 24 ноября минувшего 1852 года. Назначил срок взысканию — три дня, а ты, вместо точного исполнения этого моего приказа, вошел с приговором мирского общества о невиновности будто вашей в позорном для всей вотчины событии. Я не признаю самостоятельности мирского общества и строго подтверждаю тебе, староста, по получении сего приказа собрать в течение трех дней наложенный

[1] ГАФКЭ, ф. 176, д. № 6, лл. 45—46.

мною на все общество штраф по 1 руб. 50 коп. сер. с тягла, и с первою отходящею почтой выслать деньги ко мне с приложением особого с тебя штрафа 50 руб. сер. за ослушание моему приказу. Если же ты осмелишься еще не исполнить в точности этот мой приказ, то я наложу вместо 1 руб. 50 коп. сер. по 3 руб. сер. с тягла и особо тебя 100 руб. сер. Мирских же приговоров ни в каком случае не представлять ко мне и не составлять на мирской сходке.

Что касается до наглой просьбы вашей об увольнении г. Белявского и определении другого управителя, то ваше дело — исполнить приказания, а не рассуждать. Г. Белявский, по вашему мнению, не полезен только тем, что запрещает воровать вам общественный лес. Но знайте, что ваше желание не примется мною дотоле, пока вы не исправитесь от своеволия.

Из донесения старосты села Барашева-Усада А. Морозова главноуправляющему имениями гр. С. Бобринской П. Виолеву, 18 марта 1853 г.[1]

...Два приказа вашего высокоблагородия от 10 марта за №№ 55 и 56 мною получены, из коих вижу, что наложенный на общество штраф по 1 руб. 50 коп. сер. с тягла мною по предписанным приказам в точности не исполнен, о причине коего я имел честь и прежде вам доносить, а равно и ныне сказываю; что по неоднократному мною с них требованию крестьяне денег этих мне не платят, да и от платежа совершенно отказались. Что же мне делать? А вы за неисполнение оного изволили наложить на меня штраф 50 руб. сер. Сделайте милость, взойдите в мое положение. Чем же я тут причиною? Конечно, это все состоит в воле вашей. Как вы имеете власть не только в моем имуществе, равно и во мне самом, как угодно будет поступить со мною беспричинно,— должен возложенный гнев перенесть, а потому всепокорнейше прошу, не благоугодно ли будет на предмет оного для разобрания дел прибыть вам самим в Барашево. Тогда вполне все претензии можете усмотреть на ревизации.

Наконец этого крестьяне об'яснили мне следующее: буде же штраф этот вашим высокоблагородием с них не постигнет и простительности, в таком случае намереваются они вскоре отправиться лично в Москву к ее сиятельству графине Софье Прокофьевне Бобринской и просить о пощаде оного милости.

Штрафу же одного вскоре собрать никак невозможно потому самому, что я с трудом большим едва мог собрать за вторую половину текущего года подушные, в число следующей суммы в уплату в казначейство по закладке мною еще не собрано. Подушные состоят на крестьянах в недоимке.

В вотчине нашей состоит благополучно.

Староста Андрей Морозов.

Из приказа гр. С. Бобринской старосте села Барашева-Усада А. Морозову, 27 марта 1853 г., № 75[2]

...Главноуправляющий моими вотчинами Петр Васильевич Виолев представил мне в подлиннике донесение твое от 18 марта о невзыскании тобою с крестьян положенного на них штрафа по 1 р. 50 копеек сер. с тягла за допущение буйства и позорного действия с г. Белявским.

[1] ГАФКЭ, ф. 176, св. 11, д. № 6, л. 49. Подпись Морозова на этом документе и ниже, по безграмотности Морозова, проставлена лицом, писавшим эти документы.

[2] Там же, л. 51. Подпись отсутствует.

Штраф этот наложен Петром Васильевичем на вас по моей воле. Я убеждена совершенно, что если бы не участвовали вы в злоумышлении, то ни в каком случае не могли бы пять человек крестьян привесть его в исполнение.

И потому приказываю тебе об'явить это всем крестьянам и взыскать с них положенный штраф в назначенный срок непременно, со взносом сверх этого собственно твоего штрафа 50 рублей сер. за неисполнение приказа начальника вашего, который уполномочен мною над вами. Все его распоряжения означают мою волю и потому подтверждаю вам беспрекословно повиноваться ему во всем.

Что же касается до намерения крестьян явиться в Москву ко мне с просьбою о прощении штрафа, то я не хочу видеть их: они не заслуживают ни малейшего снисхождения, а в случае потворства им с твоей стороны дети твои, несмотря от освобождения их от рекрутской повинности, будут подвергнуты оной без всякой очереди.

Из донесения старосты села Барашева-Усада А. Морозова главноуправляющему имениями гр. С. Бобринской П. Виолеву, 4 апреля 1853 г.[1]

...Два приказа вашего высокоблагородия от 27 истекшего марта за №№ 75 и 76 получил, из числа которых один за подписью ее сиятельства графини Софьи Прокофьевны Бобринской, которые подробно всем крестьянам мною об'явлены.

Что ж касается до взыскания с крестьян наложенного штрафа я относился к вам и прежде, чем по неоднократным мною с них требованиям они совершенно мне от платежа оного отказались. При об'явлении мною им вышепоясненных приказов приступал к требованию оного неотступно, то они самое мне сказали, что денег у нас на платеж этого штрафа нет. Что ж мне тут делать, когда они не повинуются мне? Наконец оного вижу из посланных ко мне приказов, что будто это делается все по моему потворству. Это совсем напротив. И больше я на предмет сего и писать не могу. А по приезде вашем в Барашево тогда можете вполне по данной вам власти сделать ваше распоряжение. Но как я к сбору этого штрафа нагло приступить не могу, потому, как они отказываются, что будто в наличности не имеют денег, да и не в силах оного заплатить. Надобно уже приняться для этой уплаты, продать у них скот или хлеб, который приготовлен для посева яровины, но и сего сделать тоже без приказа вашего не смею. Если будет угодно ее сиятельству, а равно и вашему высокоблагородию поступить с ними таким образом, то прошу снабдить меня на сие вашим предписанием, тогда уже я могу исполнить вполне ваше требование.

В вотчине нашей состоит благополучно, о чем по должности моей рабски сим честь имею донести староста Андрей Морозов.

Из приказа главноуправляющего имениями гр. С. Бобринской П. Виолева старосте села Барашева-Усада А. Морозову, 24 апреля 1853 г., № 100[2]

Донесение твое от 4 апреля о невозможности будто взыскать штраф за допущение буйства в вотчине выражает новый знак наглого твоего потворства крестьянам и упорствовать даже приказу ее сиятельства заодно с ними.

Доказательством этому служит то, что ты в состоянии заплатить штраф и показать собою в этом пример покорности распоряжениям ее

---

[1] ГАФКЭ, ф. 176, св. 11, д. № 6, лл. 53—54.

[2] Там же, лл. 55—56. Подпись отсутствует.

сиятельства. Не платишь сам по общему согласию твоему с крестьянами в ослушании. Вы думаете, что этот штраф когда-нибудь простится вам. Но я подтверждаю тебе, что не только взыщу этот штраф, но даже и старую недоимку, числящуюся на вас с давнего времени 1782 руб. серебром, которая до сих забыта была, а теперь велено ее сиятельством принять меры к непременному пополнению оной с вас. Не хотели заплатить малого, взыщется с вас многое. А всему этому ты, староста, виноват. Если бы ты не был заодно с крестьянами в упорстве их и по уплате тобою штрафа и по внушению тобою им долга покорности, то, разумеется, что не нужно бы было и прибегать к мерам обращения вашего к крестьянскому долгу подчиненности и безусловного повиновения начальству. Но до приведения этих мер в исполнение приказываю тебе тотчас внести за себя штраф и взыскать с тех, кто, по твоему мнению, в состоянии заплатить, и тотчас донести мне.

Вот еще мера испытания твоей покорности распоряжениям госпожи вашей. Посмотрю, как ты будешь оправдывать свою обязанность против нее...

Из донесения старосты села Барашева-Усада А. Морозова главноуправляющему имениями гр. С. Бобринской П. Виолеву, 6 мая 1853 г.[1]

...Два приказа вашего высокоблагородия: первый от 23 апреля за № 99, второй от 24 апреля за № 100 имел честь получить, на которые спешу по должности моей отвечать.

1. Из коих вижу во отношении невзысканного мною с крестьян села Барашева наложенного ее сиятельством на них штрафа за допущение буйства. Вся причина возложена вашим высокоблагородием на меня без всякой с моей стороны причины. Строжайшие предписания ваши совершенно привели меня единственно от одной только думы до потери рассудка. И не знаю, что впоследствии времени со мною воспоследует, а к пособию оному не имею никакой возможности.

2. По получении мною означенных приказов за нужное поставил об'явить оные подробно всем крестьянам. Наконец того неотступно начал требовать и исполнять волю вашего высокоблагородия о взыскании с них означенного штрафа. Но крестьяне такую неограниченную имеют закоснелость, что не могли оного внести вполне, не токмо из бедных народов, но и достаточные крестьяне, которые имеют у себя в наличности деньги, и те от платежа остановились, одногласно все сказали мне, что мы не хотим платить этот штраф до приезда Петра Васильевича, а когда не терпишь, то ступай, бери и продавай наш скот, чего я сделать без приказа вашего не осмелюсь. Что мне тут делать, ваше высокоблагородие, когда уже они не повинуются определенным над ними властям, а требование мое с них ни во что полагают.

По каковому случаю прошу и умоляю ваше высокоблагородие — сделайте ваше снисходительное милосердие — возьмите на сие терпение впредь до прибытия вашего в Барашево, тогда по данной вам власти можете лично сделать на сие ваше распоряжение.

Но что относится с моей стороны. Поверьте ваше высокоблагородие, я с ними союзу и потворства совершенно никакого не имею, чистосердечно открываюсь в этом, как пред богом моим, а равно и пред вами, надеюсь, что мне в том не отдавать ответственности...

3. Из назначенного штрафа внесено мною за себя с 2½ тягл 13 руб. 12½ коп. и крестьянином Прокофием Леонтьевым тоже заплочено с 2½ тягл — 13 руб. 12½ коп. следующего с него штрафа. Всего ассигна-

[1] ГАФКЭ, ф. 176, св. 11, д. № 6, лл. 57—58.

циями 26 руб. 25 коп., которые записаны сего месяца по окладному журналу на приход. Но из прочих крестьян ни одна душа не обратила на то внимания к уплате оного, а все от закоснелости и непокорности оставили в забвении впредь до прибытия вашего и надеются, что будто этот штраф с них будет вами прощен.

В вотчине нашей состоит благополучно, о чем с покорностью моею рабски сим имею честь донести.

Староста Андрей Морозов.

Из приказа главноуправляющего имениями гр. С. Бобринской П. Виолева старосте села Барашева-Усада А. Морозову, 15 мая 1853 г., № 120 [1]

...Донесение твое от 6 мая заключает в себе изложение о закоренелом с твоей стороны потворстве крестьянам в неплатеже наложенного на них штрафа.

Но я писал уже тебе, что никаких не приму отговорок в неисполнении тобою приказа ее сиятельства.

Верно ты не дорожишь детьми своими, которые отвечать будут за твое ослушание лбами своими. Изменять приказа госпожи вашей я не могу и потому строго предписываю тебе взыскать штраф в назначенный срок.

Он не может быть прощен никогда и ни по какому случаю. Подлые поступки ваши требуют удовлетворения. Ты избран в старосты миром, следовательно, твои нелепые отговорки явно изобличают тебя не только в потворстве крестьянам, но и во внушении им духа непокорности распоряжениям ее сиятельства.

Подлая сходка ваша не увидит меня среди себя. Если я приеду в Барашево, то не для свидания с мерзавцами, а потому нет причины отсрачивать им платеж штрафа до моего приезда.

В июне настанет платеж оброка за 1 половину текущего года. Стало, тогда гораздо будет тяжелее платить им вдруг и штраф и оброк. Эй, староста, опомнись! Иначе наживешь себе много бед от потворства крестьянам, которые не могут пропитывать сами себя, так как они миром избрали тебя в начальники над собою. Ты пишешь, что у вас засуха. Сам господь прогневался на вас, окаянные, за буйные поступки ваши, что не посылает дождя. Вы ждете с неба росы, но молились ли вы отцу небесному об орошении ваших полей и о благословении трудов ваших? Наверное полагаю, что закоснелость ваша в своеволии и самонадеянности отвлекает вас от исполнения христианской молитвы о вашем благосостоянии.

[1] ГАФКЭ, ф. 176, св. 11, д. № 6, лл. 59—60. Подпись отсутствует.

Волнения крепостных крестьян села Красный Кут

В годы, предшествовавшие реформе 1861 г., усиливаются случаи волнений крепостных крестьян. Об этом говорят многочисленные донесения правительственных чиновников. Частым явлением становятся массовые отказы от выполнения барщины, уплаты оброков, бегство крепостных и упорные сопротивления властям.

Боязнь растущего в стране массового крестьянского движения вызвала появление известного указа Николая I, от 4 ноября/23 октября 1853 г., изданного после вооруженного подавления движения крестьян помещика Калантарова в с. Маслов Кут Ставропольской губернии.

Секретный циркуляр министра внутренних дел всем предводителям дворянства указывал, «что Калантаров позволил себе обременять крестьян непомерными налогами и тягостями. Между прочим он заставил крестьян, вместо определенных по закону в пользу владельца трех дней в неделю, работать в течение нескольких недель сразу, предоставляя ровное число дней в пользу крестьянина, но тогда уже, когда удобное для работ время прошло, а также посылал крестьян для господских работ в дальние места, насчитывая в их пользу те дни, которые они провели в следовании туда и обратно. Государь император, опасаясь, что подобные случаи злоупотребления могут быть и в других местах, изволил признать необходимым циркулярно подтвердить предводителям дворянства, чтобы они сами наблюдали и при всех случаях внушали помещикам о непременном соблюдении закона, по коему крестьяне обязаны работать в пользу помещика только 3 дня в неделю»[1].

Высказываясь против чрезмерного угнетения крепостных крестьян из боязни их возмущения, помещичий бюрократический аппарат, с другой стороны, немедленно приводился в движение при первом известии о малейшем выступлении крестьян против помещиков.

В августе 1853 года Николай I, узнав о нерешительности полковника Дуве, при усмирении крестьян баронессы Вревской в Задонском уезде Воронежской губернии, приказал тотчас послать флигель-адъютанта полковника Крейца для расследования причин бунта и оставаться там до совершенного его подавления. Генерал-губернатору предписал действовать решительно, а бунтовщиков судить военным судом, приводя приговор немедленно в исполнение[2].

Публикуемые нами документы содержат интересные факты из жизни села Красный Кут, где на протяжении одного 1853 г. два раза — в июле и октябре — крестьяне восставали против власти помещиков.

А. Шапиро.

Рапорт командующего резервною бригадою 21 пехотной дивизии генерал-майора Зарецкого Николаю I, 27 июня 1853 г., № 4372[3]

Исправляющий должность екатеринославского гражданского губернатора, вице-губернатор коллежский советник Броуншвейг, отзывом от

[1] ЛОЦИА, министерство внутренних дел, департамент полиции исполнительной, 1853 г., д. № 820, л. 62.

[2] Там же, д. № 845, л. 4.

[3] Там же, д. № 844, лл. 4—5.

19 сего июля за № 8119, основываясь на донесении временного отделения Славяносербского земского суда, по эстафету им полученному, от 16 числа сего же месяца № 71 уведомляя меня, что крестьяне наследников умершего помещика Славяносербского уезда, генерал-майора Папкова, села Красного Кута, оказали неповиновение назначенному дворянскою опекою к сему имению опекуну ротмистру барону Фитингофу, и что хотя для приведения крестьян в должное повиновение отправлялось в село Красный Кут временное отделение означенного земского суда, и по требованию оного прибывала туда назначенная мною сводная рота из 3 обер и 20 унтер-офицеров и 80 рядовых, но крестьяне, несмотря на все увещания членов временного отделения и приглашенного ими священника, пользуясь бессилием воинской команды по недостаточному числу людей, решительно отказались от исполнения требований отделения, угрожая в случае принуждения стать противу действия роты вооруженными,— поэтому временное отделение поставлено было в необходимость, отозвав сводную роту на место прежнего ее квартирования, удалиться из места происшествия.

Почему исправляющий должность екатеринославского гражданского губернатора предложил состоящему в городе Екатеринославе корпуса жандармов генерал-майору Рындину отправиться немедленно в село Красный Кут, для принятия мер совокупно с Славяносербским уездным предводителем дворянства, к прекращению неустройств в означенном селе, просит о назначении туда воинской команды, если генерал-майор Рындин признает это нужным и в требуемом им числе.

Генерал-майор Рындин отношением от 23 июля за № 1 просил меня сколь возможно поспешнее откомандировать в село Красный Кут от командуемой мною бригады две сводные роты в полном составе в числе 500 человек нижних чинов, при должном комплекте обер-офицеров, под начальством одного штаб-офицера.

Вследствие этого требования и на основании 459 и 463 ст. I кн. 3 части св. воен. постан., сформировав от командуемой мною бригады сводный экзекуционный батальон, в числе штаб-офицера — 1, обер-офицеров — 6, унтер-офицеров — 32, барабанщиков — 8, горнистов — 8, рядовых — 400 и фельдшера — 1, всего 449 человек нижних чинов, отправил 24 числа этого месяца в село Красный Кут форсированным маршем под командою командира 6 резервного батальона Самурского пехотного полка майора Шейна, коему предписано, не входя в село Красный Кут, на последней станции в селе Хвощевке, расстоянием от села Красного Кута в 7 верстах, разместить людей для ночлега, а самому майору Шейну лично или кому-либо из офицеров порученного ему батальона явиться к генерал-майору Рындину за приказанием и тогда действовать по его распоряжению, сообразно с правилами, изложенными в выданной ему на сей предмет инструкции из статей 7 т. св. воен. постан.

О чем вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу.

Сел› Троицкое
Бахмутского уезда.

Отношение военного министра министру внутренних дел, 8 августа 1853 г.[1]

Государь император, по прочтении всеподданнейшего донесения командующего резервною бригадою 21 пехотной дивизии, № 4372, о не-

[1] ЛОЦИА, департамент полиции исполнительной, 1853 г., № 814, л. 3.

повиновении крестьян села Красного Кута, Славяносербского уезда, Екатеринославской губернии,— высочайше повелеть соизволил: препроводить копию с сего донесения к вашему высокопревосходительству и сообщить вам, что его императорскому величеству угодно, чтобы с крестьянами этими было поступлено во всем согласно с повелением, сообщенным вам, в отношении моем от 5 сего августа № 6136, о бунтующихся в Воронежской губернии крестьянах баронессы Вревской, и чтобы о последствиях по сему делу было доведено до сведения его величества.

Высочайшую волю эту честь имею сим исполнить.

Военный министр, генерал-ад'ютант князь Долгоруков.

Из рапорта екатеринославского гражданского губернатора Фабра Александру II, 9 ноября 1855 г.[1]

Беспорядки, бывшие в октябре месяце, сопряженные с необузданным упорством крестьян в требовании об освобождении из-под стражи и о возвращении на место жительства преступников, преданных военному суду за первое возмущение, составляя новое и совершенно отдельное дело, тем еще важнее, что, будучи повторением первого, после усмирения оного, выказывали какую-то закоренелость в непокорности духа и что при влиянии сего нового возмущения в Красном Куте начали было возникать беспорядки в других, по близости, имениях, как например у помещиков Голуба и Констана. Главными зачинщиками в этом новом, совершенно отдельном октябрьском деле и были те семеро крестьян, о которых последовал на месте особый суд и расправа, на основании 661 ст. св. воен. пост., ч. V, кн. II.

В промежуток времени этих двух возмущений, в бозе почивший государь император, по прочтении всеподданнейшего донесения командующего резервною бригадою 21 пехотной дивизии о неповиновении крестьян села Красного Кута, высочайше повелеть соизволил: «строго приказать губернатору действовать в сем деле решительно и бунтовщиков судить военным судом, приведя приговор немедленно в исполнение».

На основании таковой высочайшей воли, переданной мне в предписании г. министра внутренних дел от 8 августа 1853 года № 120, я, получив в октябре месяце донесение местного начальства о возникшем вновь возмущении крестьян села Красного Кута, лично отправился туда, а с тем вместе прибыла в селение и экзекуционная команда сводного батальона резервной дивизии отдельного кавказского корпуса, более 600 чел., в боевой аммуниции и с нужным числом боевых патронов, и присутствием оной в таком виде крестьяне, в начале было разбежавшиеся, но потом собранные, были приведены в должную покорность, а главные зачинщики, участвовавшие, как оказалось впоследствии, и в деле первого возмущения в общих действиях толпы, преданы военному суду и судились,— о чем я имел честь пояснить выше,— не как только крестьяне, возмутившиеся против владельцев и подлежавшие мере наказания по содержанию 951 ст. св. зак. о сост., т. IX (по VI прод.) на основании уг. ул., но как бунтовщики, высочайше признанные таковыми и, по свойству преступлений, подлежащие наказанию в высшей мере.

Вникнув в причину такого двукратного, в короткое время, неповиновения означенных крестьян, я удостоверился, что она заключается главнейше в неодобрительной их нравственности.

[1] ЛОЦИА, департамент полиции исполнительной, 1853 г., № 814, лл. 19—21.

Устроив в селе Красном Куте фабрики, помещик Папков обратил на них в рабочие часть своих крестьян за задельную плату, так что в одном и том же семействе встречались и землепашцы и фабричные. Последние, приобретя привычки, с бытом земледельца не совместные, перенесли их в свои семейства и тем ослабили их трудолюбие и всякое прилежание к сельскому хозяйству. Впоследствии генерал-майор Папков упразднил свои фабрики и обратил работавших на них крестьян попрежнему в земледельцев, но отвыкнув уже от плуга и приучась к занятиям менее тягостным, фабричные люди стали приискивать легких заработков на стороне, увлекая за собою и свои семейства. Еще за жизнь Папкова были неоднократные примеры самовольных и продолжительных отлучек его крестьян значительными партиями, даже за пределы губернии, к которым прилегает его имение. Закоснев таким образом в полубродяжской жизни, крестьяне помещика Папкова, домогаясь свободы по причине, что он умер бездетным, искали только предлога уклониться от помещичьей власти, предвидя, что новые их владельцы не дозволят им продолжать теперешней беспорядочной их жизни.

Гражданский губернатор Фабр.

Рапорт генерал-ад'ютанта Анненкова министру внутренних дел, 21 марта 1855 г.[1]

Екатеринославский гражданский губернатор представил ко мне военно-судное дело, произведенное при тамошнем гарнизонном батальоне над пятнадцатью человеками крестьян помещика Славяносербского уезда селения Красного Кута, принадлежавшими генерал-майору Папкову, сужденными по высочайшему повелению за неповиновение, в числе прочих, назначенному по смерти владельца их Папкова к имению его опекуном отставному ротмистру барону Фитингофу и законным властям.

Обстоятельства дела сего следующие:

Славяносербская дворянская опека, получив сообщение тамошнего уездного предводителя дворянства, что по смерти помещика генерал-майора Папкова в имении его, селении Красном Куте, развивается между крестьянами неповиновение в исполнении определенной законами барщины назначенному к тому имению опекуном, мужу одной из наследниц Папкова, отставному ротмистру барону Фитингофу, предписала славяносербскому земскому исправнику привести их в должное повиновение.

Хотя исправляющий должность земского исправника, непременный заседатель земского суда Виргилев, по прибытии в селение Красный Кут, 8 июля 1853 года, собрал крестьян и, прочитав указ дворянской опеки, внушал им о должном повиновении опекуну Фитингофу, но они единогласно отозвались, что как помещик их Папков умер, то они повиноваться никому не будут и не хотят, чтобы Фитингоф был опекуном Краснокутского имения, и чем более Виргилев уговаривал и убеждал их оставить это упорство, тем более они оказывали сопротивление и, не признавая над собою никакой власти, не дали никого взять из среды себя для спроса о причине неповиновения, о чем исправлявший должность исправника, уведомив земский суд, просил распоряжения о назначении для того временного отделения и воинской команды.

Вследствие чего назначенное временное отделение, прибыв в село

[1] ЛОЦИА, департамент полиции исполнительной, д. № 844, лл. 24—29.

Красный Кут 10 июля, приказало сотскому об'явить крестьянам о прибытии к ответу: по каким именно причинам не повинуются они определенному дворянскою опекою опекуну Фитингофу, почему учинили ослушание исправлявшему должность земского исправника и кто возбудил их к таковым противузаконным поступкам? Но из них никто не явился: между тем, устранив произвольно избранного прежде ими и назначенного покойным генералом Папковым атамана, назначили на место его другого и вместе с тем большая половина их не стали выходить на господские работы, а выходившие выполняли ее с крайнею леностию.

12 же июля, в воскресенье, когда приходской священник, вследствие словесного предложения временного отделения, по совершении божественной литургии, в полном облачении обратился к крестьянам с словом, в намерении из'яснить им обязанности и внушить послушание властям законным, то они при начале сего слова удалились из церкви до возглашения государю императору и членам императорского дома многолетия, этим преждевременным выходом нарушили тишину в храме, а 13 числа, узнав чрез своих посыльных о назначении в селение Красный Кут воинской команды, собрались близ господского дома до 30 человек и, вызвав чрез атамана, исправлявшего должность земского исправника и уездного стряпчего, об'явили, что все они, если введена будет в селение воинская команда, бросят свои жилища и уйдут в соседние станицы войска Донского; на убеждения же оставить это и обратиться к должному повиновению повторили прежний свой отзыв: что как помещик их генерал Папков умер бездетным и при жизни своей не об'явил, кому они должны принадлежать, а потому и считают себя от крестьянства свободными и повиноваться опекуну Фитингофу не будут; что же относится до уборки хлеба, то таковой уберут, как сами знают.

Между тем 15 июля прибыла в селение Красный Кут назначенная для экзекуции сводная кадровая рота, и хотя временное отделение распорядилось было расставить солдат по квартирам, по три человека на каждую, с тем, чтобы хозяева оных кормили солдат улучшенною пищею, но крестьяне, собравшись толпою, не дозволили десятским указывать квартир и об'явили, что никакого постоя к себе не примут и кормить солдат не будут, угрожая, в случае принуждения их к тому, брать хлеб, баранов и птицу из господской экономии и стать противу действия роты вооруженными, так как и у них есть ножи. Засим по требованию неповинующихся крестьян, собравшихся толпою на площади возле церкви, в числе до 200 человек, прибыло туда временное отделение и уже при сборе роты уговорило означенных крестьян не шуметь, а потом по скомандовании на караул, вновь прочитало указ опеки, но они, выслушав таковой, опять повторили прежде об'явленные ими слова: что не станут повиноваться опекуну барону Фитингофу, хотя бы всех их подняли на штыки, и из среды себя никого не выдадут, при усилии же и они употребят усилия, ибо помещик их генерал Папков умер бездетным, и они по смерти его должны быть свободными и не признают себя кому-либо принадлежащими в крестьянство, что об'ясняли с дерзостью и криком, прочитанный же им указ признали недействительным.

Посему временное отделение, по духу неповиновения крестьян и их угрозам противодействовать силою, признавая присланную воинскую команду недостаточною для достижения спокойствия, распорядилось о выводе оной на прежние ее квартиры, и обо всем этом донесло начальнику Екатеринославской губернии, прося распоряжения о коман-

дировании для содействия к приведению краснокутских крестьян в повиновение двух рот; причем временное отделение присовокупило, что главным действователем и зачинщиком между неповинующимися крестьянами замечен им крестьянин Иван Ориненко.

До получения на это донесение разрешения из крестьян Иван Нижальский (он же Ориненко), Евгений Хорольский, Данило Жигалко и Самойло Величко, желая отыскать человека, который бы написал просьбу об исходатайствовании им свободы, 22 июля первоначально все ходили в экономическую контору и требовали на эту надобность денег, а потом Нижальский обращался с таковым же требованием к управляющему имением о даче пары экономических лошадей с повозкою, но получив в том и другом отказ, Нижальский при последней об'явил: «все равно, я сам возьму»; того же дня самовольно взял экономическую лошадь с повозкою и упряжью и с крестьянином Евгением Хорольским отправились в город Бахмут; но 24 числа были настигнуты дворовым опекуна Фитингофа человеком Токаревым и при помощи полицейских служителей задержаны и представлены в Бахмутскую градскую полицию, в которой на допросе, скрыв все прописанное, показали, что они отлучились в город Бахмут с дозволения управляющего имением Панкова на данной им якобы экономической лошади и повозке, для покупки себе и продажи другим смолы и бичевы, но как Токарев в поданном в полицию, с представлением их, об'явлении написал, что они из числа суть возмутившихся крестьян селения Красного Кута, то, несмотря на таковое их показание, отобраны от них лошадь с повозкою и упряжью и отданы под расписку Токареву с отысканными при них 13 руб. 60 коп. серебром и затем переданы по принадлежности.

Между тем начальником губернии командирован был находившийся в Екатеринославе корпуса жандармов генерал-майор Рындин, с дачею ему отношения на имя командующего резервною бригадою 21 пехотной дивизии, о назначении в случае необходимости в достаточном числе воинской команды, к чему приглашен и славяносербский уездный предводитель дворянства.

Вследствие сего временное отделение 25 июля приказало сотскому села Красного Кута об'явить крестьянам собраться на другой день к дому умершего владельца их генерала Панкова, а сотским соседних деревень послало приказы о прибытии их к тому же времени с назначенным числом понятых.

Генерал-майор Рындин обще с славяносербским уездным предводителем дворянства 26 июля читали и об'ясняли крестьянам села Красного Кута статьи из свода гражданских законов об обязанностях крестьян к их владельцам и опекунам, а также о наказаниях, какие определены за неповиновение, и потом об'явили указ дворянской опеки с требованием повиновения, но они в продолжение более трех часов времени, не внимая никаким убеждениям с криком отказывались от повиновения опекуну Фитингофу, основываясь на том, что как помещик их Панков умер бездетным и при жизни своей не об'явил, кому они по смерти его должны принадлежать, а потому и считают себя свободными. После какового отзыва, повторенного при неоднократных убеждениях как со стороны означенных лиц, так и приходского священника, генерал-майор Рындин и предводитель дворянства Сомов, не видя готовности крестьян к повиновению, приказали вступить в село Красный Кут заблаговременно истребованному сводному батальону резервной бригады 21 пехотной дивизии и окружить неповинующихся; когда это было исполнено, то крестьянам вновь об'явлено, что если они про-

должать будут свое упорство и не из'явят покорности законной власти, то принудят их к тому строгими мерами и виновнейшие преданы будут суду.

При таковых убеждениях и вразумлениях сказанных крестьян, того же села крестьянки, втеснившись между понятыми, кричали: «не поддавайтесь» и криком этим произвели в крестьянах волнение; когда же приказано было отделить крестьянок, то крестьяне бросились бежать и человек до 70-ти ушло, а остальные 160 удержаны и перевязаны; в каковое время неизвестно кем из уходивших брошено сзади воинской команды несколько небольших камней и два из них попало в солдат, не причинив впрочем опасных ран, а на господском гумне загорелась одна скирда соломы и распространившимся огнем истреблено 43 скирды таковой, заключавших в себе до 150 саженей.

Военный суд, признавая виновных подсудимых крестьян: Ивана Нижальского (он же Ориненко), Евгения Хорольского, Данилу Жигалку, Самойлу Величку, Григория Жадченку, Лукьяна Матяша, Федора Кремнева, Фому Колесниченку, Федора Шевелева, Федора Соколова, Петра Панкова, Данилу Гончаря, Гаврилу Гущенку, Федора Ткаченку и Ивана Кремнева в неповиновении законным властям,— на основании свода военных постановлений части 5 книги 1 статей: 84, 98, 101, 107, 108, 233, 234 и 534 и уложения о наказаниях уголовных и исправительных ст. 283—286 — приговорил всех поименованных подсудимых, кроме двух последних, наказать шпицрутенами, прогнав Нижальского, как главного виновника, чрез тысячу человек шесть раз, а остальных каждого чрез пятьсот человек по шести раз; Ивана же Кремнева и Федора Ткаченку, коим в 1853-м году было от роду только по 15 лет, наказать розгами каждого по триста ударов, и затем по лишении всех прав состояния, сослать в каторжную работу на заводах: Кремнева, Гончаря и Гущенку на четыре года, а остальных двенадцать человек на шесть лет; причем заключил прикосновенность к делу сему крестьян: Федора Желудка, Семена Смирного, Ивана Яницкого, Гаврилы Временного, Григория Шрамченки, Василия Цищика, Тараса Чеха, Матвея Жадченки, Степана Велички, и крестьянки Агафьи Просенковой, виновных в равной степени явного неповиновения с подсудимыми, предоставить рассмотрению гражданского начальства, а употребленные по сему делу прогонные, суточные и кормовые деньги, всего 295 руб. 53¾ коп. серебром и могущие еще открыться расходы по сему предмету, взыскать с имущества подсудимых и прикосновенных к оному крестьян.

Строительство Днепровской верфи в XVIII в.

На том месте, где теперь высится Днепрогэс, в давние времена был перевоз, через который переправлялись «херсониты из Руси и печенег в Херсонес». Это место называли «крарийской переправой» вплоть до XVI в., когда закрепляется новое название — то Кочкос, Кучкас, то наконец Кичкас.

Эта местность была диким полем почти до конца XVIII века. Академик Зуев, путешествовавший из Петербурга до Херсона, свидетельствует, что в то время (1786 г.) в Кичкасе стояла единственная хата, в которой проживал запорожец [1]. И только в конце XVIII в. эта местность заселяется немцами, вызванными Екатериной II из Данцига и Эльбинга и основавшими в 1789 г. свою колонию Айнлаге-Кичкас.

В хозяйственных и политических расчетах крепостнической империи освоение степной части Украины, так называемого «Новороссийского края», имело первостепенное значение. Водные пути, соединявшие главным образом производительные центры с морскими портами, уже тогда стали притягивать к себе общее внимание.

Многоводный Днепр, соединяющий основные земледельческие районы Украины, но имеющий огромные препятствия для передвижения судов в виде больших и малых порогов, со второй половины XVIII в. начинает занимать большое место.

Мысль о расчистке порожистой части Днепра с целью «истребления... неудобства в рассуждении плавания» впервые принадлежала Петру I, который вскоре однако «начатое чищение оставил», считаясь с тем, что «по тогдашнему времени еще нельзя России надеяться той пользы, какой бы от толикого труда ожидать надлежало» [2].

Екатерина II через своего новороссийского наместника гр. Потемкина приказывает французскому инженеру Деволану и елисаветградскому купцу Фалееву принять все меры к обеспечению свободного и беспрепятственного передвижения через Днепровские пороги. В 80-х годах XVIII в. Фалеев приступил к постройке каналов на первых четырех порогах, в том числе и на самом крупном из них — Ненасытницком.

Остатки этих каналов являются ярким памятником безнадежной борьбы со стихией Днепра, свидетельствуя об убожестве техники того времени. Упомянутый выше академик Зуев, лично наблюдавший строительство каналов, говорит, что Фалеев «по всем опасным порогам срывает верхи торчащих под водою каменьев, просверливая оные и заряжая порохом посредством нарочно сделанных из жести длинных трубок. Труднейшая работа есть бурить камни под водою, и потому не без ужаса смотреть должно, как солдаты и работники, по два человека на плотине, зацепясь за камень, посреди столь сильной быстрины и шуму держатся, сидят как чайки и долбят в оной. Продолбивши на известную глубину, становят жестяную с порохом трубку, к коей приложа фитиль отплывают. По прошествии некоторого времени разрывает камень под водою и оные обломки работники после подбирая должны вывозить на берег...

---

[1] В. Зуев, Путешественные записки, СПБ, 1787, стр. 260.
[2] Там же, стр. 256.

Все принадлежащие к сей работе орудия заказывает он делать в Туле, откуда выписывает и мастеровых людей. Работников, по разным порогам распределенных, всех числом бывает от полутораста до трех сот человек, смотря по времени и нужде. Мне сказали, что все издержки по порогам на жалованье, за работу, инструменты и прочие надобности становятся Фалееву в рабочий месяц по десяти тысяч рублей...» [1].

Но напрасны были хлопоты, человеческие жертвы, огромные денежные расходы. Фалеевские каналы никому не принесли никакой пользы.

Однако необходимость расчистки рек Дона, Донца и главным образом Днепра с порядка обсуждения не снимается и в первой половине XIX в., несмотря на безуспешные попытки в XVIII веке. Так, в 1826 г. еще настойчивее говорится об осуществлении фалеевских затей в более широких размерах, и в 1833 году разрешается, наконец, строить обходные каналы почти на всех девяти порогах.

Один из современников с восторгом писал, что «всем бедствиям на Днепровских порогах суждено прекратиться... Благодетельные следствия от расчистки порогов будут простираться не только на Новороссийский край, но и на всю западную Россию. Бедный литвин тогда почувствует всю цену своих дремучих лесов, которые теперь отнимают у него даже насущный хлеб. Благодатный Днепр принесет ему всю роскошь Востока, все удовольствия западной Европы. В Новороссийских степях возникнут новые города и села, явятся фабрики и заводы, все одушевится торговлею и промышленностью. Малороссиянин будет увлечен промышленным потоком. Наши сметливые немцы [2], получивши легчайший способ сбывать свои прекрасные произведения, почувствуют новую ревность к сельскому хозяйству, и вполне раскроют свои торговые способности. Промышленный еврей, из коих многие и теперь в Днепре находят золотое дно, тогда откроет для себя новые, никому неведомые источники богатства, — словом, Днепр для всех будет разливать изобилие и богатство и приблизится к своей великой сестре Волге» [3].

Но и на этот раз днепровские работы сколько-нибудь ощутительных результатов не имели. Постройка каналов, стоившая свыше 2-х миллионов рублей, опять оказалась бесплодной затеей; по этим каналам при маловодье и короткое время ходили только плоты, руководимые лоцманами. В 1853 г. корреспондент «Кронштадтского вестника» утверждал, что «для судов эти каналы оказались негодными по трем причинам: во-первых, по незначительности глубины: для судоходства нужно иметь по крайней мере шесть футов, но для этого нужно было местами углублять сплошной гранит, лежащий на дне реки; во-вторых, вследствие того, что самое пространство между порогами загромождено множеством камней; в-третьих, по причине необыкновенной силы воды в весеннее время, которая не дает возможности направлять суда в каналы, устроенные сбоку, а не по самой середине реки... В настоящее время, — заключал корреспондент, — суда идут через Кодак [4] только сверху вниз и тем же первобытным способом, как то было во времена древних руссов».

Дальнейшие мероприятия по расчистке фарватера Днепра во второй половине XIX в. не выходили по существу за пределы нескольких планов и теоретических пожеланий.

★

Мало известная в литературе Кичкасская верфь строилась по инициативе новороссийского наместника Платона Зубова.

Освоение захваченных земель и обеспечение дальнейших завоеваний на юге России понуждали царскую Россию к открытию такого рода промышленных заве-

[1] В. Зуев, Путешественные записки, стр. 256—258.
[2] Имеются в виду немцы-колонисты б. Новороссийского края (Екатеринославская и Херсонская губернии).
[3] Г. Титов, Письма из Екатеринослава, Одесса, 1849 г., стр. 99—100.
[4] Название первого порога.

дений, которые могли бы удовлетворить в первую очередь нужды армии, находясь вблизи театра военных действий.

Уже со второй половины XVIII в. усиленно строятся новые верфи: в 1775 году гавань и верфь на Днепровском лимане, в Глубокой пристани, в 1778 г. на Азовском море [1] и др. Старые верфи, не отвечающие уже торговым и стратегическим целям, например у Мошнах на Киевщине, либо совсем закрылись, либо переводились на новые места — на Днестр, Ингул, Николаев и Херсон [2]. С этой целью производились нужные исследования, выписывались из-за границы квалифицированные мастера.

К этому времени относится и проект Зубова о постройке верфей на Днестре, на Дону, на Тамане, в Тавриде и в первую очередь в Кичкасе на Днепре [3].

«Малоимение судов как морских, так и речных в полуденной империи делает великое стеснение торговли,— писал Зубов Екатерине II,— и кроме того,— добавлял он,— вся почти коммерция заморская производится на судах, иностранцам принадлежащих». Вот то основное, чем мотивировалось учреждение Кичкасской верфи. Проект Зубова со стороны Екатерины II не встретил никаких возражений.

Строительство верфи, начатое в апреле — мае 1796 г. и находившееся в ведении черноморского адмиралтейства, поручено было Дерибасу. Рабочие, которых в декабре 1796 г. насчитывалось 361 чел. [4], состояли из вольнонаемных мастеров, служащих адмиралтейства и крепостных солдат, отбывавших долголетнюю повинность. Вольнонаемных мастеровых (до 150 чел.) по контракту обязывался, между прочим, «поставить» кременчугский купец Ребров [5].

В документах имеются смутные упоминания и о борьбе рабочих верфи против насилий и издевательств начальника ее Макрюкова и «смотрителя колонистов» фон Бракеля. В одном случае рабочие верфи поломали руку сопротивляющемуся часовому, в другом — толпа рабочих верфи и рабочих, строивших немецкую кирху, намеревались отрубить голову Бракелю [6].

Кичкасская верфь, которая, по определению Зубова, должна была «освободить торговлю от вредного для нее стеснения», просуществовала фактически один год, сделав всего лишь два транспорта.

Павел I, не входя ни в какие подробности дела, 20 июля 1797 г. приказал «Кичкасскую верфь, равно и состоящую при верфи контору, упразднить», поскольку она «по расположению своему не весьма удобна, а в рассуждении тамошнего края есть излишняя» [7].

Публикуемые документы хранятся в Архиве армии и флота в Ленинграде (фонд «канцелярии Черноморского адмиралтейского правления», д. № 579, лл. 116 — 155) и дублируются в копиях в Днепропетровском историческом архиве (фонд «Екатеринославского наместничества», д. № 8035, лл. 711—763).

П. М.

---

[1] ПСЗ. т. XX, № 14408, 14764.
[2] Скальковский, Хронологическое обозревание, Одесса, 1836, ч. I, стр. 2.
[3] Упоминает о существовании Кичкасской верфи: Скальковский, цит. соч., ч. I, стр. 246; ч. II, стр. 11 и др.; Новицкий, С берегов Днепра, сборник статей Екатер. научн. о-ва, 1905, стр. 171, 196; Каргопольцев, Путеводитель по Днепру и его притокам, 1888 г., стр. 129.
[4] Ленинградский архив армии и флота, д. № 579, л. 166.
[5] Днепропетр. историч. архив, фонд нам-ва, д. № 8459, лл. 1—4.
[6] Там же, д. 8459, лл. 1—4; № 8463, лл. 1—5.
[7] ПСЗ, т. XX.

Донесение Новороссийского наместника графа П. А. Зубова Екатерине II, 22 июля 1796 г.

Всемилостивейшая государыня!

Входя в рассматривание всех надобностей, относящихся до торговли всемилостивейше вверенным мне губерниям, нахожу я между прочим, что распространению оной важнейшее затруднение делает то, что доныне нет в том краю никаких заведений для пособия в постройке судов частным людям, производящим торг по Черному морю. Сие обстоятельство, а равно и недостаток в судах, нужных для перевозки соли из Таврических портов в учреждаемые в полуденных губерниях запасные соляные магазейны, понудило меня поручить вице-адмиралу Дерибасу[1], по известности ему всех тамошних местоположений, отыскать удобное к учреждению верфи место. Он, обозрев лично берега реки Днепра, нашел способным к тому селение Кичкас, лежащее ниже последних порогов на правом берегу реки Днепра и отстоящее от губернского города Екатеринослава не далее 80 верст. Сие местечко, населенное менонистами, имеет все те выгоды, кои потребны для устроения столь важного заведения. Здравость воздуха и вод, как в самом Днепре, так и в протекающих через сие приятное местоположение ручьях, которые, пробегая с великим стремлением через имеющиеся тут каменистые утесы, очищаются и делаются для употребления легкими и здоровыми, делает оное место по единому естественному его положению перед другими преимущественным. Берег, на котором находится местечко Кичкасы, столько возвышен, что в самое большое разлитие вод не бывает наводняемо и потому, как самое селение, так и предполагаемая верфь со всеми принадлежащими к оной магазейнами и запасами строевых лесов, кои имеют быть тамо заведены, не подвергнется никогда вышеупомянутому приключению, а в то же самое время высотою своего местоположения будет предохранено от вредных паров, причиняемых в низких местах остающеюся от разлития рек водою. Глубина реки Днепра при том месте, где учреждена верфь, не бывает никогда, даже во время самых низких вод, менее как от 9 до 10 фут, так что можно тамо производить строение всякого рода судов, кои при спуске не более берут в глубину как 6½ футов. Сия глубина есть та самая, которая находится во время мелководья при устье Днепра, ниже Херсона, неподалеку от Глубокой пристани; всякое же судно, которое по конструкции своей долженствует в полном грузе итти в глубину на 11 футов, не принимает никогда при спуске на воду более 6 футов. Впрочем при провождении судов, строющихся при Кичкасах и самых тех, кои строятся при Херсонской верфи через устье днепровское, можно избежать затруднений, причиняемых от мелей, тут находящихся, самыми простыми и неубыточными способами, не употребляя немелей, коих построение стоит толиких сумм. Можно помянутые суда привести в ровную киль и проводить во время полноводия весною или осенью без малейшей опасности; причем должны быть байдаки, на которых отправляется обыкновенно для сих судов разная провизия, артиллерия, якори, канаты и все, что для полного их вооружения бывает нужно.

К вышесказанным выгодам новоучреждаемой при Кичкасах верфи присовокупляется следующее:

---

[1] Неаполитанский «волонтьер», находившийся на службе у русского царизма с 1780 г. в черноморском флоте. В дальнейшем с 1794 по 1800 г. отличается в качестве строителя крепости «города Одессы» и составителя проекта укреплений Кронштадта.

1) Дешевизна строевых лесов, как дубовых, так и сосновых, уверенность в удобном всегда получении оных.

2) Пригоняемые леса с верху Днепра и со впадающих в его реки Припети и Березиной ныне обыкновенно складывают в Каменке выше последнего порога за 70 верст от Кичкас, и как провождение их далее в отдаленные места бывает единственно весною, потому что никто не отваживается осенью предпринимать дальнего пути, то случается часто, что оные остаются тут иногда по году и по два, через что причиняется для производимых в Херсоне и других местах построений судов существенный вред. Напротив того новоустраяемая верфь не подвержена неудобности; находясь в том близком расстоянии от Каменки, оная всегда может легко оттуда получить потребные для построений своих леса; поелику без затруднений и без больших издержек можно препровождать их сюда как весною, так и осенью, а сверх того, если бы какие-либо леса не успели быть туда доставлены водою, то, дабы не остановить производящихся на верфи строений по близкому оной от места складки лесов расстоянию, не составит больших расходов, перевести те леса и сухопутно зимою; а дабы не перевозить с нужными ненадобных лесов, карабельной мастер может приехать в Каменку с мастеровыми и там выбрать и обделать потребные ему штуки, чрез что, во-первых, избавиться можно перевозки ненужных лесов и чрез то излишних расходов, а во-вторых, обделанные штуки, быв гораздо легче, удобнее могут быть зимою перевозимы.

3) Местное положение Кичкас представляет еще другие выгоды. Сие место, находясь от Екатеринослава не больше, как на 80 верст расстояния, может с особливою удобностию получать потребныя оному пособия от тамошного губернского начальства, а при том многие надобные для верфи вещи находятся в сем городе, чрез что торгующие в оном обрящут прибытки свои, торговля и ремесла получат приращение и самое поселение умножится. Мастеровые всякого рода находятся в сих местах в великом изобилии, предпочитая производить тут работы свои третьею частию дешевле, нежели в Херсоне, Николаеве или в Одессе, поелику не в отдаленности находятся от своих домов; и что с'естные припасы тамо несравненно дешевле противу цен, кои в упомянутых местах существуют. Менонистское селение прийдет без сомнения в цветущее состояние, имея свое положение подле самой верфи; сии трудолюбивые люди будут в состоянии продавать выгодным образом свои произведения, и находящиеся между ими хорошие столяры и кузнецы найдут тамо себе прибыточное упражнение; потребный же для кузниц верфи уголь можно получать из лесов, при р. Самаре растущих, с удобностию и несравненно выгоднейшими противу Херсона ценами.

4) Кроме того, место Кичкасы имеет еще ту выгоду, что имеется при оном из давних времен установленный перевоз через реку Днепр; сим путем из всех почти полуденных губерний проезжают в Таганрог, отстоящий от Кичкас не более как на 300 верст; способом такового беспрерывного с сим городом сообщения можно оттуда легко и недорого доставлять сухопутно в способное время сибирское железо и другие вещи, привозимые извнутри государства в помянутый город рекою Доном, куда из Волги оные перевозятся на небольшом расстоянии сухим путем; множество промышленников, идущих в Тавриду для получения соли из озер, близ Арабата и Ениколи лежащих, проезжают обыкновенно Днепр через перевоз, при Кичкасах учрежденный, и таковое стечение народа с фурами и волами может быть для верфи много полезным. От Александровской крепости, где бывают ярмонки, богатые множеством пригоняемого туда на продажу рогатого скота, селе-

ние Кичкасы отстоит на 8 верст, а от места, где вновь открыт в Павлоградском уезде земляной уголь, на 200 верст с небольшим, каковое близкое расстояние оного места от Кичкас весьма полезно не токмо собственно для сего селения, но и для Херсона и Одессы и для общего повсюду употребления, ибо гораздо легче и способнее получать уголь через сие место Днепром, нежели из Таганрога морем.

5) От Кичкас до самого устья Днепра плавание по сей реке не затрудняется ни порогами, коих тамо вовсе нет, ниже другими каковыми-либо препятствиями, а хотя и находятся начиная от острова Хортицы до устья небольшой речки Бугая 14 милей или подводных камней, но глубина на самых тех местах, где сии подводные камни скрываются, бывает всегда более футом противу отмелей, между Херсоном и Глубокою находящихся; следственно, все сии отмели не могут быть ни малым помешательством для проходу судов при Кичкасской верфи построенных.

6) И как по описанным выше выгодам сего места можно производить на учрежденной при оной верфи постройку не только партикулярных судов, но для гребного флота Черноморского фрегатов, батарей, канонирских и прочих транспортных судов тем с большею удобностью, что можно оные беспрепятственно проводить для вооружения на Глубокую, не подвергаясь тем помешательствам, которые случились с судами, построенными в Белоруссии на Соже, кои по причине в прошлом лете малой в Днепре воды, принуждены были зимовать в Киеве и дожидаться настоящей весны, чтобы пройти пороги.

7) Есть ли при сем месте устроен будет лесной депо или запасныя, нужных для судостроения лесов, магазейны, к чему подают великую удобность впадающия в Днепр большия реки, при которых растущий лес по снятии с корня без труда может быть сплавляем и доставляем в показанное место, то уверительно полагать могу, что цены всякого роду лесов не токмо при верфи, но и во всех местах, где производится построение судов, прийдут в умеренность, ибо как долг верфи есть установлять всем лесным материалам цены, то оная, зделав разчисление, во сколько ей обойдутся собственно леса, может с накладкою некоторых процентов не только продавать оныя для строения судов частным людям, но и поставлять для казенных надобностей в Херсон, Николаев и Одессу, и когда будет определена цена за провоз оных лесов, тогда можно привести в точную известность цену лесов во всех оных местах, что послужит к великой для казны выгоде, ибо по сие время леса для построения кораблей и других судов, в тех местах строющихся, получаются прямо из лесов и часто весьма отдаленных; покупка, приуготовление и перевоз оных стоит чрезвычайных сумм и часто из одного места платятся совсем разные цены, так что никогда цена двум кораблям одного ранга не была одинаковая. Сверх того, часто к надлежащему времени леса не поспевали, отчего происходила в нужнейших строениях остановка: из ведомостей же черноморского адмиралтейского правления не видно, чтобы лесных запасов тамо находилось большое количество. Следственно с устроением при Кичкасах запасного лесного магазейна не токмо будут приведены в понижение цены лесам, но и каждое из вышеупомянутых мест возможет получать для своих строений благовременно леса, просохшие и приуготовленные, лишь бы в надлежащия времена производили о том свои требования. Моим же старанием будет то единое, чтобы по соображению надобностей в судопостроении по всему тамошнему краю приуготовлено было такое количество разного сорта лесов, какое для полуторогодовой пропорции на самые большие построения судов, как казенных, так и частных, надобно будет, не воспрещая впрочем частным

людям покупать леса для строения при сей верфи судов, где они сходнее для себя найдут.

8) Все мною сказанное о лесах относится также необходимо на канаты и на паруса; сии важныя в сооружении судов части долженствуют быть приведены в такую же известность, как и заготовление лесов. Удобность доставления пеньки из Белоруссии, изобилующей сим произрастанием, подает верный способ к заведению при Кичкасах канатных и ревендучных фабрик; устроение тут таковых фабрик по многим отношениям признается полезным: во-первых, всяк строющий тамо суда в то же время может получать для вооружения оных готовые канаты и паруса или заготовлять оные нарочно, с тем что естьли пожелает, то не воспретится ему иметь и присмотр, дабы сие лучшим образом было зделано; также для преподания всевозможной выгоды заключающим с верфиею договоры о построении каковых-либо судов дозволено будет заготовлять потребные для тех судов канаты и паруса из собственных их материалов с умеренною заплатою в пользу фабрик; во-вторых, когда вышесказанныя фабрики будут заведены, то легко можно будет установить цену сим вещам для всех тех мест, где судопостроение производится, подсобно тому, как в предыдущей статье о лесах сказано.

9) Хотя Кичкасы от новоустрояемого литейного завода[1] отстоит на 280 верст, однако сие разстояние несравненно есть ближайшее тех мест, из которых ныне в места строения судов получаются железные вещи; следовательно, и сие обстоятельство, с прочими другими взяв в уважение, надлежит ожидать, что по устроении при Кичкасах верфи, при порядочном присмотре и управлении сим делом, вскоре сие заведение прийдет в цветущее состояние, ибо вышеизчисленные выгоды не токмо привлекут всякого строить суда преимущественно в сем месте, а не в другом, но при том многия, увидев, коль полезно есть иметь собственные свои суда, кои и удобно и недорого можно иметь без всякого сумнения, будут на сей верфи оные строить и судопостроение со временем получит весьма знатное приращение.

10) Малоимение судов как морских, так и речных в полуденном крае империи вашего императорского величества делает великие стеснения торговли, а особливо, что вся почти коммерция заморская производится на судах, иностранцам принадлежащих, которых однакоже не великое количество тамо находится, так что при надобности во многом числе судов ни за какую цену отыскать оных не можно, сколько нужно, что случилось прошлого лета при перевозке соли из Тавриды в одесския запасные соляные магазейны. Г. вице-адмирал Дерибас, на которого возложена сия перевозка, при всем своем старании не мог достать потребного числа вольнонаемных судов и вышесказанныя магазейны не могли быть наполнены по сей причине всем количеством соли в прошедшем году, как сие предполагаемо было. Но когда сделано будет предполагаемое заведение верфи, то суда время от времени размножаясь, платимая ныне чрезмерная цена за наем иностранных судов унизится без всякого сомнения, и торговля освободится от вредного для нея стеснения, а тем самым и дешевизна во всех вещах установлена будет. Со временем же, когда страховой банк для обеспечения морской торговли учрежден будет собственно у нас, то торговля еще вящее одобрение и распространение получит, о чем не оставлю я всеподданнейше представить вашему императорскому величеству плана, по коему сие полезное для коммерции учреждение к величайшей выгоде всего полуденного края может быть произведено в действо.

[1] Имеется в виду строившийся в Луганске с 1795 г. литейный пушечный завод, выделывавший и различные железные строительные материалы.

Все вышеизложенные выгоды и преимущества местечка Кичкас подают надежду несомненную, что устроение при сем месте верфи принесет в скором времени как для судопостроения особенно, так и для торговли и вообще для тамошнего края величайшие пользы. А потому, приняв все сие во всемилостивейшее уважение, не благоугодно ли будет вашему императорскому величеству изъявить на учреждение при местечке Кичкас верфи со всеми к ней принадлежащими заведениями высочайшую вашу волю, дозволив употребить на устроение всего оного сумму из доходов вверенных мне губерний; а сверх того, как для сей верфи, по изображенному выше сего предположению, нужно будет запасти довольное количество материалов, которые, обращаясь в постройку судов казенных и частных, будут приносить положенной доход верфи, назначить в капитал ея до 100 000 рублей единовременно из тех же доходов с тем, что сия сумма равно и употребленная на содержание ея по прилагаемому при сем штату должны по приведению в действо работ, и когда уже оная верфь будет получать свои доходы, непременно по частям в течение нескольких лет из остатков будет возвращаться в общие доходы оных губерний, до того же времени, покуда верфь сия надлежащим образом не устроится и не будет получать от строения судов прибыли столько, чтобы могла содержать жалованьем полагаемых при ней чинов, отпускать первоначально в сию штатную сумму из помянутых же губернских доходов ежегодно. На каком основании оной верфи быть должно, прилагаю при сем на ваше императорское величество утверждение статьи, составленныя мною, применяясь к тем, которые в помянутом данном сенату 1874 года февраля 21 дня указе для здешней санктпетербургской городской верфи изображены, с присовокуплением к тому и примерного штата той Кичкасской верфи, где означено, сколько на годовое ее содержание потребно суммы, так же образцов договора, какие могут быть заключены между верфию и частными людьми о постройке судов. А дабы распространить подобные сему заведению и в других местах вверенных мне губерний, полагаю я учредить на сем же основании верфь на Днестре, на Дону, на Тамане и в Тавриде, где отыщутся удобные к тому местоположения с тем, однако, что сии верфи зависеть будут от Кичкасской, где назначается главная кантора, но к устроению оных не прежде приступлю, как по приведении в надлежащее действо верфи Кичкасской, и тогда, когда бы необходимая того востребовала надобность, на что предварительно испрашиваю высочайшего вашего величества разрешения.

В подносимых статьях изволите ваше императорское величество усмотреть, что вместо того, что здешняя санктпетербургская городская верфь, подчинена городовому магистрату, полагаю я Кичкасскую верфь поручить особо определенному начальнику верфи. Отмена сия делается потому, что здешняя верфь, яко в пользу сего города собственно заведенная, зависит от магистрата, ибо и вся потребная для оной сумма заимствуется из городских доходов, а Кичкасская верфь, учреждаясь не для одного какого-либо города частно, а для пользы целого тамошняго края, где предполагается строить суда не только всяких частных людей без изъятия, но главнейше для казны, не может примерно тому быть по сведениям купеческого общества. По обширности дел, которые она в предмете своем будет иметь, имея в своем управлении и все прочия верфи, которые со временем предполагается учредить в полуденном крае, изъемлю я оную верфь и от начальства екатеринославского губернатора, который, быв обязан многими другими должностями, не в силах будет иметь за оною такой присмотр и надзирание, какого требует сия важная и по времени могущая быть весьма пространная

часть; а полагая, токмо, чтоб губернатор, яко хозяин губернии во всем, что до пользы сей верфи касаться может, подавал пособие и помощь по отношениям к нему помянутого начальника верфи. Сей же должен быть из чиновников, не только нужные сведения в строении как мореходных, так и прочих больших и малых судов имеющий, но и знающий совершенно науку мореплавания, также сведущий о положении тамошных морей, рек и о свойстве растущих тамо лесов, и откуда оные могут удобнее быть доставляемы, а что всего более разумел бы обращение с тамошними народами и был испытанной честности и безкорыстия человек, какового и не примину я, избрав, об определении его к помянутой должности вашему императорскому величеству представить.

Князь Платон Зубов[1].

Статьи для учреждаемой при Днепре в селении Кичкасах верфи[2].

1

Число и звание людей назначается при верфи в примерном стате. Верфь сия заводится для пользы и распространения плавания на Черном море и по рекам, в оное впадающим, посредством коих торгующие делают транспорты товаров в разные места полуденной страны. В каком числе людей и какого звания учреждается оная верфь означено в примерном ее стате, при сем под буквою *А* прилагаемом, в котором уважены главнейшие ее надобности; и по которому положенными при верфи людьми можно производить постройку десяти судов в одно время. В случае же, когда потребуется большое число мастеров, предоставляется нанимать их добровольно.

2

Верфь сия долженствует состоять в ведении особого от ее императорского величества определенного главного начальника под непосредственным управлением екатеринославского генерал-губернатора и зависеть от хозяйственного распоряжения оного главного начальника, который обязан прилагать попечение о содержании в добром порядке и исправности сего заведения и всех принадлежащих к нему строений и вещей, и, смотря по надобности, о распространении оного, с ведома и дозволения генерал-губернатора.

3

Прочих для верфи сей потребных людей главный начальник избирает из желающих определиться на добровольных условиях, а поелику некоторые из них должны иметь сведения, званию их свойственные, для того главному начальнику принимать их неиначе, как по испытании их в искусстве, заключая с ними договор на время по взаимному соглашению.

4

Буде из определившихся к верфи сыщутся такие, кои окажутся в должности их не радивы или же учинят какое-либо упущение, злоупотребление, похищение или иное уголовное преступление, таковых главный начальник от должности отрешает, а смотря по вине, и к суду отсылает, донося о всем этом генерал-губернатору.

---

[1] Новороссийский наместник после Потемкина. Один из фаворитов Екатерины.
[2] Заголовок подлинника.

5

Как преступления и упущения без взыскания и наказания, так и особливое прилежание и искусство без воздания оставляемы не долженствуют, почему и может главный начальник, с дозволения генерал-губернатора, отличившимся радением и искусством делать некоторое денежное награждение, соразмерно пользе, от того происходящей.

6

Поелику случиться может, что многие из служителей при верфи наняты будут за меншую плату, и от того в сумме статской положенной учинится остаток: то посему дозволяется главному начальнику остатки употреблять или на принятие сверх стата для верфи потребных людей, буде в том окажется нужда или польза, или на прибавку окладного жалования отличившимся трудолюбием и знанием или на единовременное таковых награждение, смотря только, чтобы вообще издержки не превосходили суммы, положенной на содержание верфи.

7

Во всех сих расходах главный начальник обязан дать отчет генерал-губернатору, книги же приходные и расходные да отошлются в казенную палату для надлежащего свидетельства.

8

Главный начальник имеет пещися о собрании чертежей мореходным и речным большим и малым судам с принадлежащею к ним оснасткою и пропорциею парусов, как все то в России, или у инных народов употребляется. Собрание сие необходимо нужно, во-первых, для желающих строить на верфи, дабы каждый мог удобнее выбрать род и величину судна, и строение оного, сходственным для себя образом расположить, отменяя, прибавляя или убавляя что-либо по совету корабельного мастера, при верфи находящегося; второе, для учащихся при верфи корабельному и оснасточному искусству коим мастера на чертежах могут удобно толковать выгоды и недостатки, всякому роду судов свойственные.

9

Черноморскому адмиралтейскому правлению снабдить тотчас оную верфь всеми чертежами, принадлежащими до строения кораблей с инных морских и речных больших и малых судов по отношению главного начальника верфи, а и впредь, буде какие новые по сей части открытия или изобретения учинены будут, доставлять для той верфи чертежи с подробными и ясными описаниями, да и вообще упомянутому правлению делать всякое зависящее пособие сей верфи, как полезному для государства заведению.

10

Буде для флотов черноморских потребно будет построить какого-либо роду суда военные или транспортные, то черноморское адмиралтейское правление, не приступая к таковому построению, посылает к главному начальнику Кичкасской верфи чертежи тех судов и требует во что оные могут обойтится постройкою при сей верфи; главный начальник должен немедленно послать черноморскому адмиралтейскому

правлению исчисление, в какую сумму обойдутся потребные для оного суда с присовокуплением 10% в пользу верфи, и к которому времени совершенною отделкою окончены быть могут; и естьли правление найдет, что построение надобных ему судов может быть в Кичкасах произведено невыгоднейшим для казны образом и оные к надлежащему времени поспеть не могут, то препоручается сие построение главному начальнику над верфью, который, по получении третьей части, следующей на все построение суммы, немедленно к тому самым делом приступает, досталные же деньги правление обязано доставлять в контору Кичкасской верфи по отделке каждого судна без всякого удержания.

11

На сем основании и прочия казенные места, имеющие надобности в перевозных судах для перевозки разных казенных кладей, должны производить построения оных на сей верфи с платежами той цены, в какую те суда для верфи обойдутся и с прибавлением 10% в пользу верфи, как выше о том сказано.

12

Дозволяется впрочем всякому частному строить суда мореходные и речные большие и малые, их оснащивать и починять, где кто пожелает, и в том никому никакого препятствия или принуждения не чинить.

13

А буде кто из частных лиц пожелает строить суда на сей верфи, то дабы в том никакое недоразумение, обман или иное злоупотребление не происходили, строение сие желающими не инако производимо быть долженствует, как по заключаемым частным договорам, которым образцы при сем приложены под буквами *Б* и *В*.

14

Договоры, заключаемые между верфию и желающими на оной строить суда, долженствуют прежде утверждения их взнесены быть на рассмотрение главного начальника, который обязан рассматривать их прилежно, и буде найдет что-либо ко вреду или невыгоде верфи клоняцееся или противное установленному порядку, или неясность, могущую причинить спор, сомнение или замешательство, то стараться исправить и дело привесть в ясность с согласия того, кто предприемлет строение; когда же все приведено будет в надлежащий порядок, тогда дает позволение верфи заключать договор.

15

Должность главного начальника будет установлять при верфи цены: 1) платежа за строения судов, находящимся при верфи материалам и служителям, которую обращать на пользу и содержание верфи, ибо те мастера и служители имеют положенное им жалования кроме корабельного мастера, которому с каждого тонна строимого им судна полагается ниже сего особое награждение; 2) за наем галленгов, сараев, амбаров для складки припасов, такелажей, блоковой, кузницы, чертежной для разбивания планов, паров для изгибания досок, кирихтера, крана для постановления мачт, словом, всех строений, к верфи принадлежащих; 3) назначенным для продажи вещам.

16

При назначении цен главный начальник наблюдает, что показанное в первых двух отделениях может надолго остаться непременным, а означенное в третьем отделении долженствует распоряжаемо быть, смотря по временам и соразмерно настоящим ценам, что для верфи полезно, чтобы все сии цены умеренны были, дабы тем более приохотить частных людей предпочтительно на сей верфи строить их суда и, наконец, что тут не долженствует происходить ни для кого ни малейшее притеснение или принуждение.

17

В случае спора и неудовольствий строящих на верфи свои суда, о доброте вещей или о прочности строения, главный начальник, как хозяин верфи, в разборе оных не вступает, но для решения да изберут с обеих сторон по два человека российских или иностранных купцов, свои собственные суда имеющих, кои пригласят себе в помощь их находящихся в ближнем порте шкиперов двух человек; и ежели посредники согласны, то приговор их будет исполнен беспрекословно; а буде посредники будут мнениями несогласны, то главный начальник требует разрешения от генерал-губернатора, который дело сие, яко времени не терпящее, приводит к концу без малейшего медления. Сие разумеется о судах частных людей; что же касается до построенных для флотов черноморских и для других казенных мест судов, кои бы паче чаяния оказались не добротными, то по надлежащем освидетельствовании, главной начальник подвергнется тяжкому взысканию, и новое судно на его щет имеет быть построено.

18

Для внутренняго управления сего верфею учреждается при оной особая кантора; и буде в других местах в полуденном краю учредятся по надобности верфи, оные должны зависеть от сей канторы и особенно состоять под управлением главного над Кичкасскою верфию начальника. В канторе Кичкасской верфи присудствовать надзирателю верфи и корабельному мастеру, коему быть и начальником при верфи в звании интенданта с потребным числом служителей.

19

Канторе верфи дела свои отправлять на купеческом основании кратко и ясно, не затрудняя их канцелярским пространным порядком, который тут не свойствен и только в остановку дела обращать может.

20

Кантора верфи обязана иметь над верфию точное смотрение, чего ради мастера, подмастерья, ученики, работники и все служители ей подчинены быть и ее приказания исполнять долженствуют. Она обязана вести порядочные записки в даваемых ей от главного начальника книгах прихода и расхода денег и вещей, в продажу назначенных, и оные по прошествии года подавать к главному начальнику, который по поверке и свидетельстве в исправном и законном употреблении дает расписку; то в противном же случае утраченное или недостающее число денег или вещей взыскивает с тех, от кого похищение, утрата или злоупотребление произошло; а с виновными поступает

по законам; впрочем, главный начальник может во всякое время, когда ему рассудится, делать свидетельство денежной казне и материалам, наблюдая, чтоб все хранилось в целости.

21

Кантора Кичкасской верфи должна иметь сведение о всех мореходных судах, принадлежащих купцам или мещанам и всякого звания людям, в портах черноморских живущим из российских подданных, где бы те суда строены не были. В следствии сего хозяева при отправлении их в море обязаны уведомлять кантору сей верфи, куда они и с какими товарами назначены и на каких условиях так называемые сертепартии[1] их заключены; а при том по получаемым известиям, где они находится будут, дабы в случае нужды всякое место могло от канторы сей верфи получить о том сведение и сообразно оному зделать свои распоряжения.

22

Для удобнейшего получения таковых сведений и во облегчение торгующих в сих сношениях канторе верфи иметь одного сведущего маклера, которому поручить собрание сих уведомлений.

23

Канторе верфи поручается сверх того свидетельства чрез корабельного мастера при верфи определенного, мореходных судов, к оному месту извнутри земли по Днепру без надлежащих одобрений приходящих и назначенных к отправлению в море. А как таковое свидетельство полагается для утверждения доверия к российским судам, то кантора верфи обязана самым прилежным и точным образом наблюдать за верностью даваемых корабельным мастером одобрений, а как скоро увидит тому противное, участвующих в оном представить главному начальнику для отсылки в суд к осуждению и наказанию по законам; во взятие же пошлин, при таковом свидетельстве положеных, поступать по силе 163 статьи 1 части устава о водоходстве.

24

Поелику недостаток в российских корабельщиках или судовщиках принуждает часто хозяев для управления кораблями или судами их нанимать чужестранцев, коих ни поведение, ни искусство им неизвестны, отчего многие российские мореходные суда могут подвержены быть крушению,— то, для предохранения хозяев российских кораблей или судов от несчастий и убытков, контора верфи, в коей, как выше сказано, заседать будут люди, знающие мореплавание, долженствует стараться о доставлении хозяевам российских кораблей или судов надежной помощи, свидетельствуя чужестранных корабельщиков или судовщиков в знании во всех частях мореплавания, буде нанимающие их того пожелают.

25

Свидетельства, даваемые: 1) судам строенным на сей верфи, и тем, кои знатную починку при оной имели, как-то: киеванье, или перетимберованье; 2) приходящим из внутренности земли без надлежащих

[1] Письменный договор между хозяином корабля и кладчиком.

одобрений; 3) корабельщикам или судовщикам, также и представляемым для экзамена от частных людей,— должны записаны быть в канторе в особо зделанную на то книгу с показанием о судне, какого оно роду, яко то: бригантин[1], фрегат, или галист[2] и прочее, во сколько тоннов или ластов длинны его по килю[3] и через штевены[4] его, широты его, глубины интрюма, из какого лесу построено, когда, кто был при оном корабельной мастер, и кому оное принадлежит; о корабельщике, какого он звания, имеет ли на то потребные сведения, сколько лет служит, и о прочих подробностях до сего относящихся.

26

Для удобнейшего по сему исполнения корабли, назначенные для иностранного торгу, должны записаны быть в особую книгу от тех, которые употребляются на реках для перевозу.

27

По зделании такого различия, каждой род судов должен разделен быть на 3 статьи, смотря по доброте и по состоянию их починке, как например: все суда крепкие и новые и коих снасти и такелаж совершенно хороши и прочны, поместить в первую статью. Суда, построенные из соснового лесу и служившие от 4 до 7 лет, так же и те, кои были в большой починке, или перетимберованы, должны считаться во второй статье. Сосновые суда, служившие от 7 до 9 лет, которые не были в большой починке, или перетимберовании, поставлять в третьей статье. Сосновые суда, служившие свыше 9 лет, которые не были в большой починке и не перетимберованы, могут почесться не благонадежными для дальнего мореплавания. При таковом расположении по статьям рассматривать должно, в каких местах оные плавали, не подвержены ли были червоточению, с надлежащим ли рачением были сохраняемы и не оказывается ли какая гнилость или повреждение в досках или тимберсах.

28

Для вящего поощрения частных людей к строению на верфи всякого рода судов и для поспешества работе иметь при верфи запас некоторых материалов, коих иногда достаточного числа в том месте найти трудно. Сии материалы продавать строителям судов по установленным ценам с приложением к настоящей 10% в пользу верфи и на содержание амбаров и людей, к смотрению за ними определенных. Они состоять должны в железе сортовом, в гвоздях разных мер, в якорях, в свинце, готовых блоках, бакауте, дубе разных сортов, сухих сосновых досках, всяком сосновом лесе и других тлению и скорой гнилости не подверженных вещах, а равномерно при заведении канатных и ревендучных фабрик, можно и из сих вещей за употреблением в дело оставлять в запасы достаточное количество для продажи на вышеиз'ясненном основании, стараясь только, чтобы не было запасено сих вещей несоразмерное противу расхода количество, дабы оные от непродажи не могли в убыток верфи обратиться.

---

[1] Небольшое двухмачтовое судно.
[2] Трехмачтовое военное судно.
[3] Четырехгранный брус из нескольких штук по длине судна, служащий его основой.
[4] Толстые деревянные брусья, служащие основанием кормы или носа корабля.

29

Когда таковой запас для продажи при верфи заведен будет, тогда канторе той верфи наблюдать: 1) чтоб продажа сия вещам произведена была по ценам, установленным на основании ст. 13 с прибавлением не более 10%, а ежели заготовление и закупка таких вещей будут деланы в удобное время оптом и на наличные деньги, то и самая сия накладка будет еще гораздо дешевле против вольной покупки; 2) вырученные за вещи деньги употреблять на благовременную закупку новых на место проданных, наблюдая потребную хозяйственную бережность, и чтоб сии вещи были превосходных доброт; 3) продавать сии вещи только тем, кои будут строить или килевать, или тембировать при верфи свои суда соразмерно надобности на сие строение, кроме якорей; ибо верфь обязана сими последними снабжать не только российские мореходные суда, но и чужестранные, кои за недостатком их иногда терпят в отправлении в море великую остановку, сберегая же однако некоторое количество онных для собственного употребления; 4) продажа вещей при верфи не должна служить поводом к запрещению частным людям покупать те вещи и по вольным ценам, где кому дешевле и выгоднее покажется.

30

Поелику для строения судов многие вещи употребляются только на малое время, а потом для частных строителей судов делаются ненадобными, как-то домкраты для помощи движения при корабельном спуске, гинблоки с их канатами для валянья при киевании, стелы, при таковом же случае употребляемые, заливные трубы при обжигании судов и другие: то для пособия строителям судов и для сокращения их издержек, а при том и для собственной пользы верфи нужно есть, чтобы она имела в запасе сии вещи для отдачи их в наем за установленную плату с условием, на случай повреждения вещей поставить в верфь новые и прочныя, оставляя испорченныя в пользу тех, кто новые поставит.

31

Все вещи для верфи потребные, в продажу и в наем назначенныя, содержать в пристаных местах с должною бережливостью под присмотром определенного к тому верфоваго анбарного надзирателя, которого для записки прихода, расхода и найма вещей с означением времени употребления надлежащими книгами снабдить от канторы верфи.

32

Буде не все анбары при верфи заняты будут припасами, к той верфи принадлежащими, в таком случае остающиеся праздными отдавать в наем частным людям с платежом помесячно цены, главным начальником положенной, на основании 13 ст., но токмо на то время, покуда строение, килевание, или перетимберование судов продолжается; по прошествии сего приказывать им оные очищать, дабы всяк, желающий строить или починять судно, мог иметь при готовом геллинге и магазейне для складки своих припасов.

33

Желающие строить на верфи мореходные и другие суда, частные люди должны подавать в канторы верфи требование, прописав в оном какой длины по килю и через штевены широты судно строить хотят,

из какого лесу, приложа при оному план и назнача время, к которому судно готовым иметь желают. Сии требования кантора верфи рассматривает подробно, и буде найдет их выгодными, представляет на рассмотрение главного начальника, как выше изображено. Но естьли предлагаемые условия будут для верфи не выгодны, или неудобоисполнительными или состоять будут в выражениях темных, либо двоесмысленных, тогда контора верфи призывает к себе желающих строить, встретившиеся обстоятельства им об'ясняет, а потом и в требовании их отказывает. Но естьли бы отзывом канторы верфи строитель судна был не доволен и зделал бы свои возражения, тогда оная обязана, прописав все обстоятельства, представить главному начальнику, от которого и требовать должна разрешения, принять ли предлагаемые условия, или, следуя прежнему своему мнению, отказать в оных.

34

Условия, заключаемые между канторой верфи и строящими на оной суда частными людьми, могут быть двояки: 1) будет строитель судна нанимать для сего на верфи геллинг с приналежащими к тому сараями, анбарами и другим потребным строениям, доставляя для сего собственные свои материалы и производя работу вольнонаемными плотниками, кузнецами, конопатчиками и другими мастеровыми, однако ж под надзиранием корабельного мастера, при верфи определенного, коему строитель судна, на каких бы условиях договор его сделан не был, обязан по окончании строения и по благополучном спуске на воду дать в награждение с каждого тонна по 25 коп.; 2) буде строитель судна пожелает оное отдать на подряд верфи, и сделает с оною условие с согласия, как выше сего сказано, главного начальника, не запрещается ему однако быть при строении, или назначить к таковому надзиранию корабельщика, которому он намерен препоручить судно в управление, или другого от себя поверенного человека.

35

Буде при сем последнем случае сам хозяин, или корабельщик, или судовщик, или поверенный усмотрит, что при строении употребляется лес худой, гнилой и не совершенно высушенной, или железные вещи будут деланы из хрупкого и не доверенного железа, а особливо рулевыя петли и вантпутенсы[1], то может, остановя употребление оных, просить кантору верфи о переменении непрочного, которая долженствует тотчас осмотреть, на что жалоба приносима будет; и буде найдется, что требование хозяина, или корабельщика, или судовщика, или поверенного было основательно, приказать подчиненным своим оное исправить.

36

Кантора верфи должна постановляемого договора между ею и хозяином судна по образцам, при сем под буквами *Б* и *В* прилагаемым, зделать за подписанием обеих сторон, из которых один оставить у себя, а другой отдать предприемлющему строение, и не прежде оные уничтожить, как по совершенном исполнении в нем написанного.

37

Для разобрания споров между канторой верфи и судостроителем, могущих быть при определении числа тоннов в построенном вновь

[1] Железные цепи, идущие от блоков к борту корабля.

судне, предлагается следующее правило: буде купеческое судно, строенное на верфи, иметь длины от форштевена[1] по нижней палубе 112 футов, шириною в середине корабля 32 фута, глубины интрюма 16 футов, то должно длины корабля 112 футов вычесть 5 ширины, что составит 20 футов; за тем, остающееся число 29 умножить шириною корабля 32, и произведение умножить глубиною корабля 16; потом вышедшее разделить на 94, частное же число 510.10/34 почесться может вместительностью груза в тоннах.

38

При всяком строении судов, производимом на верфи, верфовой начальник и мастера по частям, их званию соответствующим, наипрележнейше смотреть должны, чтоб употребляемые в строении материалы были превосходных доброт, равномерно и работа была бы прочная и соразмерная предлагаемым расширениям, ибо сей есть единственный способ к утверждению несомненного доверия частных людей к судам, на сей верфи построенным, от которого и умножение дохода зависеть будет.

39

Когда судно плотничною и кузнечною работами окончено будет, тогда корабельной мастер, прежде нежели дно мазать обыкновенным составом, обязан о том дать письменное известие канторе верфи, почему все присутствующие в оной, нимало не мешкая, имеют осматривать как доброту, так прочность строения и качество материалов и, найдя оные в надлежащем порядке, позволяют корабельному мастеру дно вымазать и приготовить к спуску, а при том размеряют все расширения судна, и определяют по предписанному правилу число тоннов, в оном содержащихся, по которому деньги при разщете от хозяина судна получаются.

40

Заседающие в канторе верфи должны непременно находиться при спуске судна и быть тому свидетелями, оставляя впрочем распоряжение корабельному мастеру, ибо он один при сем случае за весь причинившийся вред ответствовать обязан.

41

Когда судно благополучно спущено будет на воду, то хозяин повинен по зделанному им с канторой верфи договору, тотчас взнести в оную достальные деньги; и коль скоро сие исполнено будет, то кантора верфи надписывает на договоре, находящемся у хозяина судна, что все должные деньги за наем или за подряд и материалы получила сполна и никаких более требований не имеет; напротив чего и хозяин надписывает на договоре, в канторе верфи хранящемся, что он свое судно на воде получил в исправном состоянии и более никаких требований делать не будет.

42

Буде же в договоре между канторой верфи и хозяином судна, сверх отстройки оного, положено будет его и оснастить, тогда таковое взаимное надписание на договорах делать по освидельствовании чрез ботсманов, при верфи определенных.

[1] Кривообразное дерево, основа передней части корабля.

43

По взаимном подписании договоров, как выше сего сказано, кантора верфи во уверение о доброте построенного судна, при отдаче его во владение хозяину, дает ему свидетельство, «что купеческое судно, бригантин, или фрегат, или галиот именуемой... мачтах (прописать все подробности измерений), имеющий... листов, построен... году, на Кичкасской верфи из дубового, лиственничного или соснового дерева, чистою, прочною и крепкою работою, что железные вещи скованы из хорошего и неломкого железа, и судно связано крепко книсами [1], стандерсами [2], выконопачено выше и ниже водяной черты, и способно для перевозу товаров через открытые моря». Но буде судно сверх сего при верфи оснащено, то прописать «что такелаж [3], и парусы положены наилучшей доброты и при том мачты, реи [4], марсы [5] и стенги уделаны из хорошего дерева в надлежащую соразмерность». Что же касается до крепости на новопостроенное судно, то поступать в сходственность 163 статьи 1 части устава о водоходстве.

Указ Екатерины II новороссийскому наместнику графу П. А. Зубову, 30 июля 1796 г.

Приемля за благо представление ваше о учреждении в Екатеринославской губернии при Днепре верфи для производства строения судов как в пользу частных людей, так и для наших флотов черноморских, и для других по службе нашей надобности, наипачеже для распространения в полуденной стране империи нашей вообще мореплавания и торговли, повелеваем учреждение предполагаемой верфи исполнить самым делом, устроив оную со всеми принадлежащими к ней заведениями при местечке Кичкасах, для чего, утвердив поднесенныя от вас штат сей верфи, статьи, на которых она долженствует иметь свое существование, и образцы договоров, какие могут быть заключены между верфью и частными людьми о постройке судов, и оные при сем препровождая, повелеваем потребную сумму как на построение для верфи надобных зданий, так равно и на содержание положенных при оной чинов, заимствовать из доходов вверенных управлению нашему губерний, стараясь, чтобы по проведению на верфи в действо работ могла она содержать себя современем из собственных своих доходов. Произвождение в чины за отличную службу и труды до примиер-майоров зависеть имеет от вас; о поступающих же в высшие степени представлять к нам, почитая старшинством их на ровне с служащими в наших черноморских флотах. Ради составления нужных сей верфи запасов как в лесах, так и в такелаже, позволяем отделить в капитал ее из тех же доходов 100 000 рублей, которыя по умножении присыльных от имеющихся производиться тамо работ и других оборотов сумм должны по лучшему распоряжению вашему паки в губернския доходы возвращены быть. И, наконец, для распространения подобных сему заведений и в других местах вверенных вам губерний, предоставляем вам по вашему благоусмотрению учредить на сем же основании верфи на Днестре, на Дону, на Тамане и в Тавриде, где отыщутся способные к тому места, подчинив оные, для лучшего их управления начальству Кичкасской верфи.

Екатерина.

---

[1] Железное колено для сцепления корабельных частей.
[2] Приборы для сцеплений по борту корабля.
[3] Веревочные приспособления на корабле.
[4] Веревки на мачте, к которым прикрепляются паруса.
[5] Деревянная площадка у вершины мачты.

Штат учреждаемой на Днепре в Кичкасах верфи [1]

	Число людей	Им в год жалованья	
		Одному	Всем
		Руб. Коп.	Руб. Коп.
Главный начальник верфи, определенный от ея императорского величества	1	1 800 —	1 800 —
Ему на стол	—	1 200 —	1 200 —
Карабельный и судовой мастер	1	1 000 —	1 000 —
Оному быть при верфи и в звании интенданта и присутствовать в конторе			
Корабельных и судовых подмастерьев	2	250 —	500 —
» » »	2	150 —	300 —
Из которых первым двум быть при строении мореходных судов, последним же двум при строении малых яхт, буеров, ботов и других малых ботов	—	— —	— —
Мастеров:			
Ластовых	2	350 —	700 —
Буерных, яхтенных и шлюбочных	2	300 —	600 —
Корабельных учеников 1 класса	6	80 —	480 —
» » 2 »	6	50 —	300 —
Камендоров	4	60 —	240 —
Плотников:			
Корабельных и ластовых	52	40 —	2 080 —
Шлюбочных, буерных и яхтенных	36	40 —	1 440 —
Пильщиков	24	40 —	960 —
Мачтовых мастеров	2	200 —	400 —
Учеников 1 класса	2	60 —	120 —
» 2 »	2	30 —	60 —
Плотников	12	40 —	480 —
Парусных мастеров	2	200 —	400 —
Учеников 1 класса	2	60 —	120 —
» 2 »	2	30 —	60 —
Матросов, знающих парусное дело	12	40 —	480 —
Кузнечных мастеров	2	150 —	300 —
» подмастерьев	2	80 —	160 —
» »	2	60 —	120 —
Работников	20	40 —	800 —
Блоковых мастеров	2	150 —	300 —
» плотников	8	40 —	320 —
» токарей	4	40 —	160 —
Разного дела подмастерьев	2	60 —	120 —
Резчиков	8	60 —	480 —
Весельного дела учеников 1 класса	2	60 —	120 —
» » плотников	4	40 —	160 —
Конопатного дела подмастерьев	2	70 —	140 —
Конопатчиков	24	40 —	960 —
Молярного дела учеников	2	40 —	80 —
Моляров или работников	8	30 —	240 —
Столярного дела подмастерьев	2	60 —	120 —
Столярей	8	60 —	480 —
Верьфовой надзиратель	1	400 —	400 —
Верьфовых сержантов из морских нижних чинов	2	80 —	160 —
Шкипер	1	250 —	250 —
Ботсманов	10	40 —	400 —

[1] В оригинале помета: «На подлинном подписано собственною рукою: «Быть по сему». В Царском селе, июля 30 дня 1796 года».

Продолжение

	Число людей	Им в год жалованья	
		Одному	Всем
		Руб. Коп.	Руб. Коп.
Квартирмейстеров	10	40 —	400 —
Матросов знающих	30	20 —	600 —
Для сбору с отпускаемых верфских судов денег из старослужащих и доброго поведения офицеров	2	100 —	200 —
В помощь к ним унтер-офицеров	3	30 —	90 —
При магазейнах:			
Анбарной надзиратель	1	150 —	150 —
При нем писарь	1	40 —	40 —
Работников	4	30 —	120 —
Для стражи и содержания верфи в чистоте инвалидов	24	30 —	720 —
Итого . . .	—	—	22 310 —
В конторе верфи:			
Секретарь	1	400 —	400 —
Бухгалтер	1	250 —	250 —
Канцеляристов	4	— —	— —
Копеистов	8	на всех	1 000 —
Писцов	8	— —	— —
На канцелярской расход	—	— —	200 —
Итого . .	—	—	1 850
На починку строения и на прочие мелочные расходы	—	—	500
А всего	387	—	24 660 —

Князь Платон Зубов.

В Царском селе
Июля 22 дня 1796 года

Из предписания новороссийского наместника графа П. А. Зубова главному начальнику Екатеринославской Днепровской Кичкасской верфи контр-адмиралу Воиновичу, 7 сентября 1796 г.

... Потребную же на сие сумму на наем, отправление подвод 3 000 и на путевое продовольствие 1 000 руб., так как и 5 000 р. на покупку нужных для верфи инструментов получите вы здесь из моей канцелярии. Равным образом по неимению в Кичкасах домов для жительства вашего и чинов, к верфи принадлежащих, согласен я на покупку и сплавку Днепром домов из Кременчуга, на что и приказал я к вам отпустить до 15 000 руб., надеясь, что вы купите домы прочные и выгодным для казны образом, о всех же оных деньгах предоставить имеете ко мне подробный отчет. Прочими же людьми, в записке вашей не назначенными и в штате положенными, снабдит вас по требованию

вашему черноморское адмиральтейское правление, о чем ему от меня и дано предписание. Относительно же аглинского пильного дела мастера, находя весьма полезным иметь оного при новоустрояемой верфи поручаю вам войти с ним в договор, и отобрав от него, на каких кондициях пожелает он тамо служить, представить ко мне на утверждение.

2) Отправясь потом отсюда немедленно сами, имеет вы вместе с корабельным мастером, взяв и других интендантского ведомства людей по вашему разсмотрению, предпринять путь ваш через Минскую и Волынскую губернии и осмотреть наиприлежнейшим образом растущие тамо леса, особливо при больших реках и в оныя впадающих, способные к судостроению, и зделав обстоятельные замечания, какого сии леса качества, в каком числе, какого ведомства и на какое количество строения достаточны быть могут, из каких именно мест, каким путем и какими способами легче и удобнее оные к екатеринославской днепровской верфи можно доставлять и не можно ли к выгоде казенной иметь в перевозке оных, хотя в некоторыя расстояния, земских тамошних начальств пособия, и во что может путь обойтиться, представить все сие ко мне подробно и ясно; и как уже по высшему ея императорского величества повелению в 1795 году посланы были для осмотру лесов в означенные губернии от черноморского адмиральтейского правления офицеры и отчасти сделали оные описания, то и для соображения вашего как мои по сему делу к вице-адмиралу Мордвинову и... Тутолмину отношения так и их на оные ответы в точных копиях, уведомляя вас при том, что о преподавании вам от тамошних земских начальников при исполнении ныне вам препорученного осмотра лесов должных пособий к означенному генералу и кавалеру от меня ныне писано. Равным образом препровождаю при сем донесение... Беклешова и о лесах Акулицкой волости, состоящей в Орловской губернии, желая, чтобы вы на все сии сведения сообразили и представили ко мне, из которых мест предпочтительнее и как для верфи, так и для казны полезнее быть может получать для надобностей оной потребные леса.

3) По прибытии вашем к екатеринославской днепровской верфи и по обозрении тамо места приступить к разположению устроения всех до верфи принадлежащих зданий и заведений, для чего, сообразив местное положение ее с способами, как оная может иметь от прочих окрестных мест и посредством Днепра, учинить всем строениям планы и сметы и оные ко мне представить, имея в предмете, чтобы учреждаемые заведения служа к приведению верфи в цветущее состояние, не были бы обременительны и для казны; для чего и должны располагать так, чтобы по приведении тех заведений в действие, казна могла употребленные на них издержки возвратить с прибытком, что от хозяйственных ваших распоряжений и ваших о пользах казенных попечений будет зависеть.

4) Открытие канторы для внутреннего управления верфи представляется вам учинить тогда, когда чины, в оной присутствовать долженствующие, определены будут, которым жалование требовать из Екатеринославской казенной палаты, коей надлежащее предписание от меня дано, а тогда же, по донесению вашему, назначена от меня будет и определенная в капитал верфи сумма: ибо кантора сия будет иметь то место, где сии суммы храняться и на основании установления употребляться долженствуют, впрочем какая вам в продолжении служения вашего в сем звании предлежать будет должность, о том ясно изображено в высочайше утвержденных для оной верфи статьях, по коим вы и поступать обязаны во всей точности.

Чтож принадлежит до представленных от вас пунктов, то в разрешение на оные даю вам знать.

5) Устроение гофшпиталя для пользования больных при оной верфи зависеть будет от вашего распоряжения, для чего и представьте ко мне, какая будет потребна сумма как на заведение сего гофшпиталя, так и на содержание оного и надобных при нем медицинских чинов, стараясь, естьли можно, все сие завести из могущей оставаться экономической суммы.

6) Для стражи при сей верфи не нужно назначать особой команды, а расположится в Кичкасах двуротная мушкетерского полка команда, которая и будет содержать тамо караулы при всех постах, о командировании и расположении той канторы вскоре последует надлежащее распоряжение, о чем и вы тогда извещены будете.

7) А устроение при Каменке анбара для выгрузки подверженных порче вещей до наступления перевозу в Кичкасы зимнего пути и определения тут 10 человек служителей при одном уряднике и при одном писаре зависеть будет от вас же, употребив на сие людей к вышеозначенной команды, а о сумме на построение анбара представив вообще с прочими.

8) Построение в Кичкасах канатного завода и парусной фабрики признаю я весьма полезным, а для того вы, быв на месте, не оставите об оном, сообразясь со всеми обстоятельствами, до сего относящимися, зделать ко мне представление.

9) Построения машины для выбивания гвоздей нет надобности; ибо гвозди выбивать и лить будут на новом заводе, в Екатеринославской губернии учреждаемом, откуда как оными, так и прочими железными вещами верфь снабжать себя достаточно может.

10) Что принадлежит до заведения на противулежащей стороне Кичкас и реки Днепра кожевни, селения мяс для войск и прочего, то мысль сию, по многим отношениям весьма полезную, относя к особенной вашей чести, прошу о всем оном, войдя с подробностию по прибытии вашем на место и по соображении всех обстоятельств до сего касаться могущих учинить по тому общее представление, по которому я не премину зделать надлежащего рассмотрения, впрочем, что касается до пособий, которые вам могут быть нужны при устроении верфи от земского начальства Екатеринославской губ. и прочих, управлению моему вверенных, предписана от меня гражданскому губернатору Хорвату, оные вам подавать без всякого медления и во всех случаях быть вам споспешником. Наконец, о успехе дел, на нас возложенных, имеете как можно чаще мне доносить, дабы я, видя течение оных, мог преподать в случае надобности зависящие от меня пособия.

Князь Платон Зубов.

Дом Гончаровых в Яропольце

Неопубликованные письма А. С. Пушкина

До настоящего времени последним, дошедшим до нас письменным памятником сношений А. С. Пушкина с тещей его Наталией Ивановной Гончаровой [1] считалось письмо к ней поэта от конца августа 1834 г.[2]

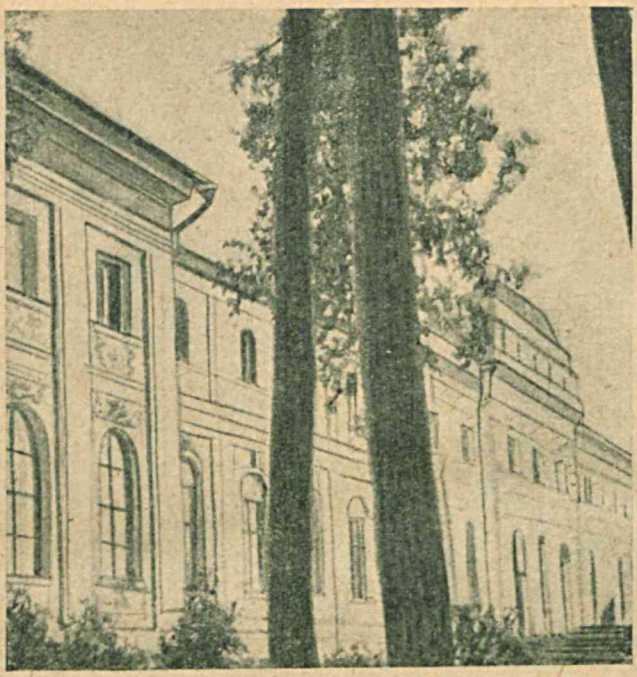
Документальных данных, говорящих нам о взаимоотношениях Пушкина с Н. И. Гончаровой, по существу мы знаем немного. Сохранившиеся письма, оставшиеся от их переписки, дошли до нас в очень ограниченном количестве (поэта — от 1.V. 1828 г., 4.IV. 1830 г., 26.VI. 1831 г., от конца августа 1834 г.; Нат. Ив. — от 4.XI. 1833 г. и 14.V. 1834 г.).

Как эти письма, так и дошедшие до нас свидетельства современников [3] рисуют тещу Пушкина в очень непривлекательном виде, отношение ее к дочерям суровым

[1] Наталия Ивановна Гончарова, р. Загряжская (22.X—1785 г.—2.VIII—1848 г.), дочь Александра Артемьевича Загряжского и второй его жены—француженки, 27.I—1807 г. вышла замуж за Николая Афанасьевича Гончарова, правнука первого владельца парусинных и полотняных фабрик в Калужской губ. А. А. Гончарова.

[2] «Переписка», под ред. и с примеч. В. И. Саитова, т. III, стр. 162—163, № 863.

[3] См. «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым», М. 1925 г., стр. 62—64, 139—140 и сб. статей «Яропольц», изд. 1930 г., ст. М. А. Цявловского: «Пушкин и Наталия Ивановна Гончарова», стр. 1—15.



Дом Чернышевых в Яропольце

и взбалмошным, а ее роль в отношении к Пушкину,— сначала жениху, потом мужу ее дочери,— чрезвычайно неблаговидной. Наталия Ивановна очень не сочувствовала выходу замуж своей дочери за нечиновного и небогатого «сочинителя». Недоброе вмешательство Н. И. в жизнь молодых Пушкиных было причиной того, что поэт, бросив только что отделанную квартиру в Москве в доме Хитровой, в середине мая 1831 г. уехал с женой в Петербург. «Я был вынужден оставить Москву, во избежание разных дрязг, которые в конце концов могли бы нарушить более чем одно мое спокойствие; меня изображали моей жене, как человека ненавистного, жадного, презренного ростовщика; ей говорили: с вашей стороны глупо позволять мужу и т. д. Сознайтесь, что это значит проповедывать развод»,— об'ясняет теще свое бегство из Москвы Пушкин в письме к ней от 26.VI. 1831 г.[1].

С течением времени (возможно, что этому всего более способствовала невозможность для Н. И. вмешиваться непосредственно в жизнь Пушкиных) острые углы как будто бы начали сглаживаться, и даже, по свидетельству современницы Наталии Ивановны и Пушкина, кн. Е. А. Долгоруковой[2], Наталия Ивановна полюбила поэта и слушалась его.

Публикуемые здесь два новых письма[3] Пушкина относятся уже к 1835 г. В это время Наталия Ивановна жила в своем фамильном имении с. Яропольце, Волоколамского уезда, Московской губернии[4].

---

[1] «Переписка», под ред. и с примеч. В. И. Саитова, т. II, стр. 259, № 556.

[2] См. «Рассказы о Пушкине», записанные Бартеневым.

[3] ГАФКЭ, ф. № 38, Автографы Пушкина.

[4] Пожалованное в конце XVII в. (1684 г.) гетману П. Д. Дорошенко (1627—1698 гг.), оно затем, после его смерти, распалось на две части, из которых одна, через сына Дорошенко Александра и дочь последнего Екатерину Александровну, перешла к А. А. Загряжскому, отцу Н. И. Гончаровой, а другая досталась брату Дорошенко, П. П. и была продана им в 1717 г. гр. Г. П. Чернышеву.

Нам известно только одно посещение Пушкиным Наталии Ивановны в Ярополье, именно в конце августа 1833 г., по пути в Оренбургскую губ., где он собирал сведения для «Истории пугачевского бунта».

Печатаемые письма являются как бы подтверждением слов Е. А. Долгоруковой о примирении Пушкина в последние годы жизни с Наталией Ивановной. Письма носят дружеский и до известной степени интимный характер. Поэт находит нужным поделиться с Наталией Ивановной своими планами на ближайшее будущее, сообщает о поездке в Тригорское, куда Пушкин ездил, чтобы посоветоваться с любимой им П. А. Осиповой о своем переезде в деревню.

Сообщая нам некоторые сведения из быта и жизни Пушкиных, письма, вместе с тем подтверждают и другое свидетельство Е. А. Долгоруковой — о суровом обращении Н. И. с дочерьми. Маленький эпизод с возвращением шляпы, боязнь Пушкина передать жене записку ее матери — в этом отношении чрезвычайно характерны.

М. Светлова.

16 мая [1835 г. С-Петербург] [1].

Милостивая Государыня Матушка
Наталья Ивановна

Имею счастие поздравить Вас со внуком Григорьем [2], и поручить его Вашему благорасположению. Наталья Николаевна родила его благополучно, но мучилась долее обыкновенного — и теперь не совсем в хорошем положении — хотя слава Богу, опасности нет никакой. Она родила в мое отсутствие, я принужден был по своим делам с'ездить во Псковскую деревню [3] и возвратился на другой день ее родов. Приезд мой ее встревожил и вчера она пострадала; сегодня ей легче. Она поручила (л. 1 об.) мне испросить Вашего благословения ей и новорожденному.

Вчера получил от Вас ящик с шляпою, и с запискою, которую я жене не показал, чтоб ее не огорчить в ее положении. Кажется, она не удовлетворительно исполнила вашу комиссию, а по записке она могла бы заключить, что Вы на нее прогневались.

Целую ручки Ваши и имею счастие быть с глубочайшим почтением и душевной преданностию

Вашим покорнейшим слугою и зятем
А. Пушкин.

На обороте 2-го листа:

«Ее Высокоблагородию М. Г. Наталье Ивановне Гончаровой. В Волоколамск (в Москв) * в с. Ерополиц **

---

* Зачеркнуто в подлиннике.
** Слова: «в с. Ерополиц» — написаны не рукой А. С. Пушкина.

16 мая

Милостивая Государыня Матушка

Наталья Ивановна

Имѣю щастіе поздравить Васъ со внукомъ Григорьемъ, и поручить его Вашему благорасположенію. Наталья Николаевна родила его благополучно, но мучилась долго обыкновеннаго — и теперь не совсѣмъ въ хорошемъ положеніи — хотя слава Богу, опасности нѣтъ никакой. Она родила въ мое отсутствіе, и принужденъ былъ по своимъ дѣламъ съѣздить во Псковскую деревню, и возвратился на другой день ея родовъ. Приѣздъ мой ее встревожилъ, и вчера она простуда; сегодня ей легче. Она поручила

мне испросить Вашего благословенія
ей и новорожденному —

Вчера получен отъ Вас. Ивана
Свиньиною, и съ запискою, которую
я жена непоказалъ, чтобъ ея не
огорчить въ ея положеніи. Кажется
она не удовлетворительно исполнила
вашу комиссію, а по записки она
могла бы заключить что Вы на
нее противились.

Целую ручки Вашей и имѣю
щастіе быть съ глубочайшимъ почтеніемъ
и душевной преданностью

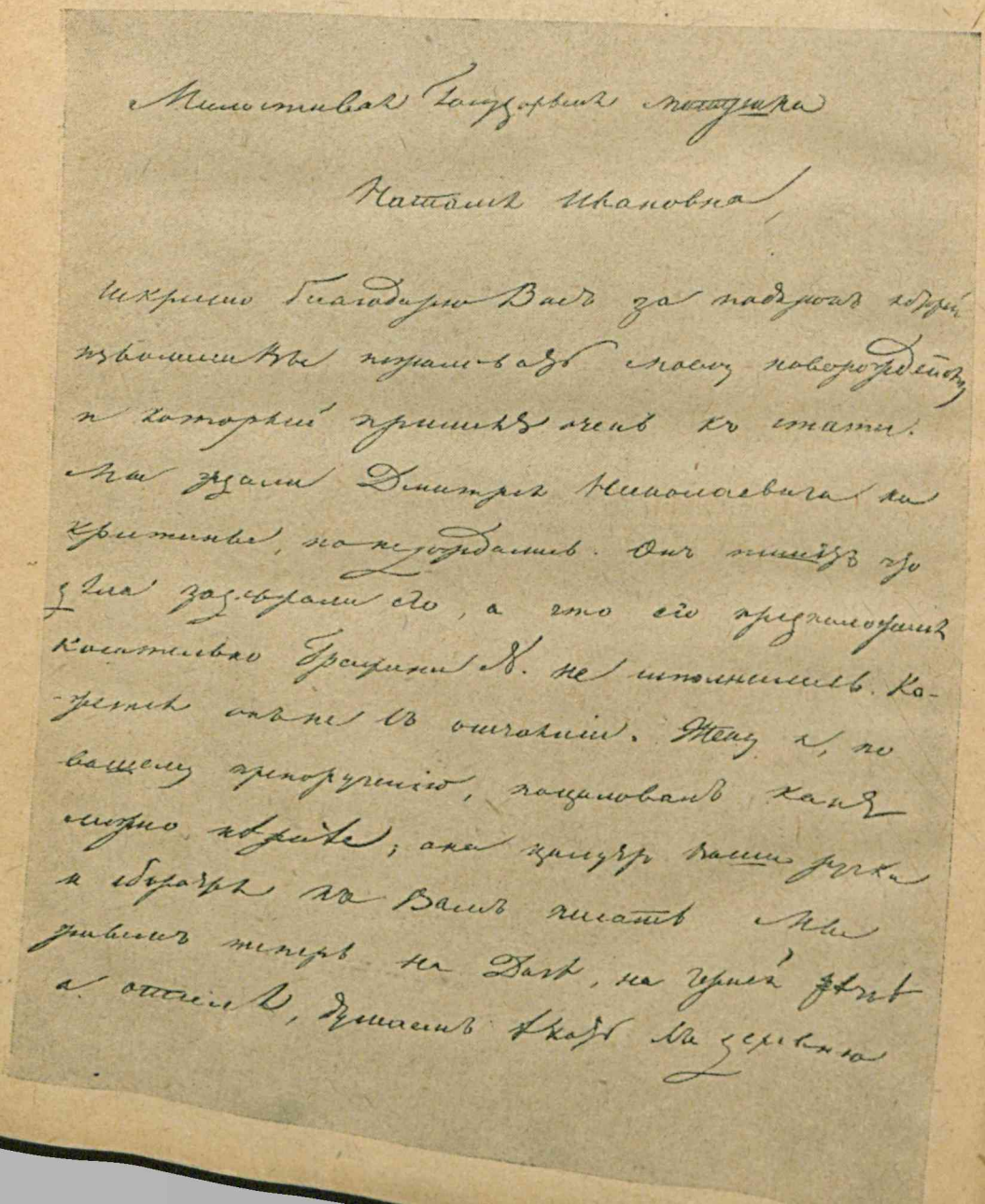
Вашимъ покорнѣйшимъ
слугою и зятемъ

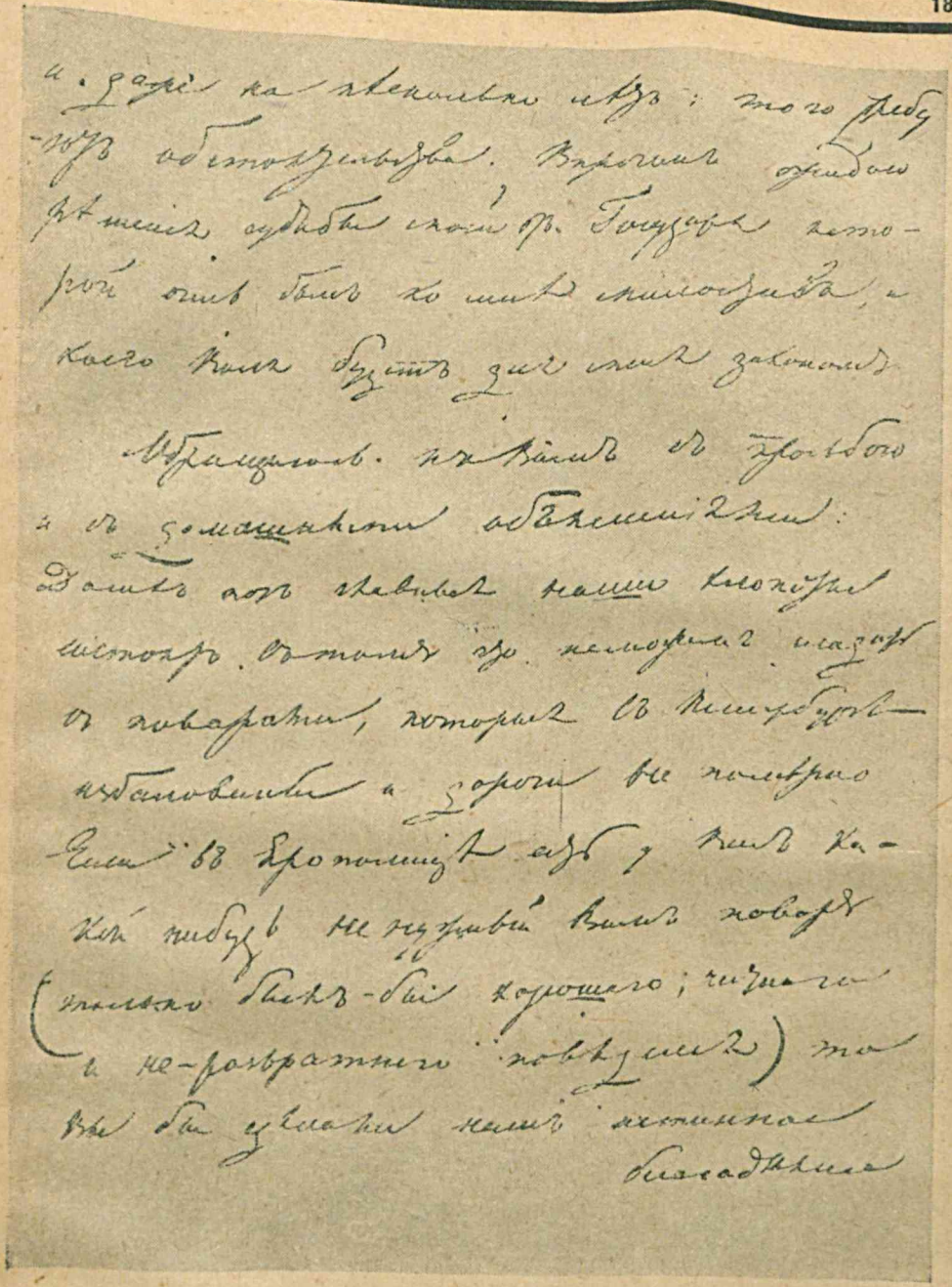
А. Пушкинъ

[14 июля 1835 г., С.-Петербург] [4].

(л. 3) Милостивая Государыня матушка
Наталия Ивановна,

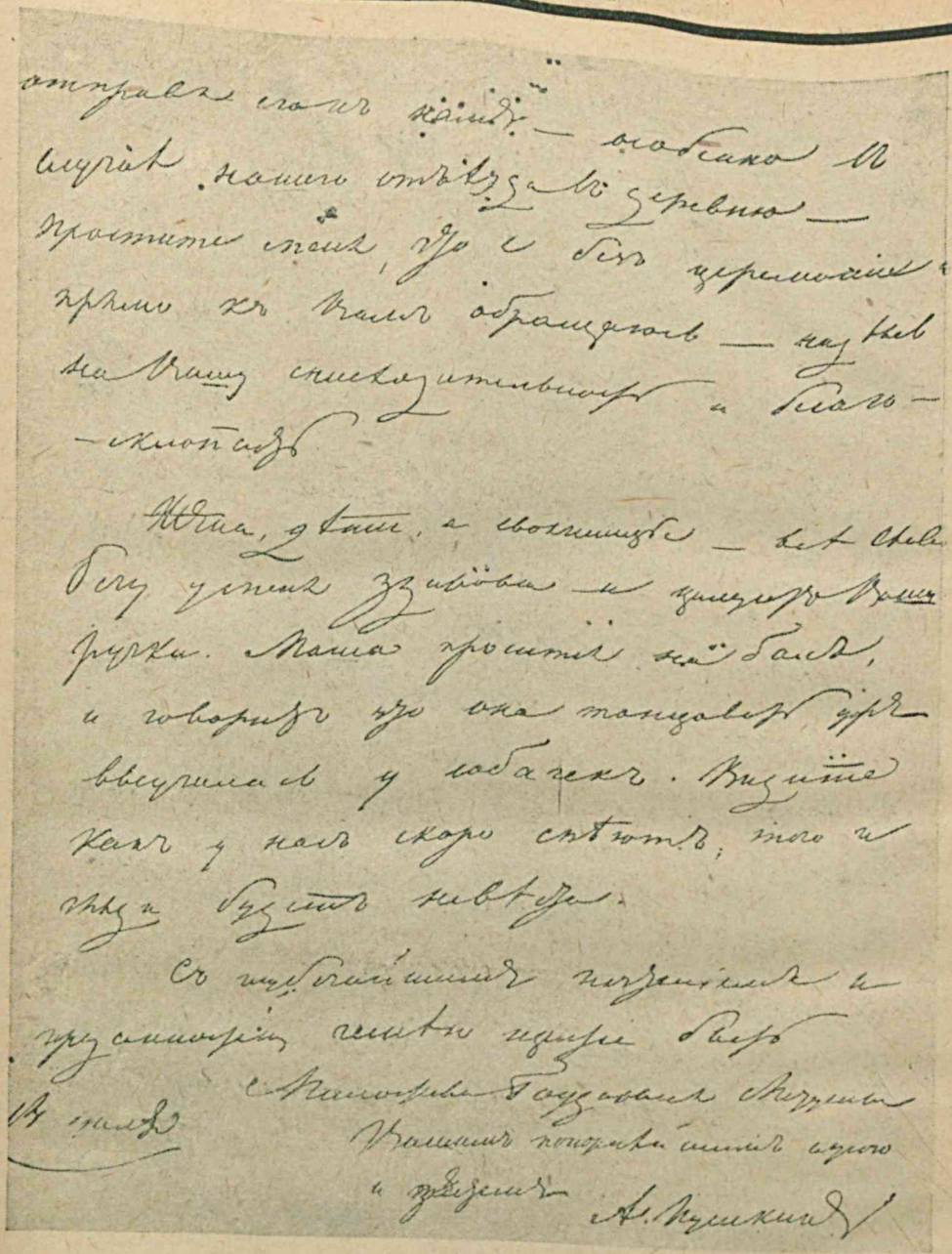
Искренно благодарю Вас за подарок, который изволили Вы пожаловать моему новорожденному и который пришел очень кстати. Мы ждали Дмитрия Николаевича [5] на крестины [6], но не дождались. Он пишет, что дела задержали его, а что его предположения касательно





графини N[7], не исполнились. Кажется он не в отчаянии. Жену я, по вашему препоручению, поцеловал как можно нежнее; она целует Ваши ручки и собирается к Вам писать. Мы живем теперь на даче[8], на Черной речке, а отселе, думаем ехать в деревню (л. 3 об.) и даже на несколько лет: того требуют обстоятельства[9]. Впрочем ожидаю решения судьбы моей от государя, который очень был ко мне милостив и коего воля будет для меня законом.

Обращаюсь к вам с просьбою и с домашними об'яснениями: до сих пор главные наши хлопоты состоят в том, что не можем сладить с пова-



рами, которые в Петербурге избалованы и дороги непомерно. Если в Ярополице есть у Вас какой-нибудь не нужный Вам повар (только был бы хорошего, честного и не развратного поведения), то Вы бы сделали нам истинное благодеяние (л. 4), отправя его к нам — особенно в случае нашего от'езда в деревню.— Простите меня, что я без церемонии и прямо к Вам обращаюсь — надеясь на Вашу снисходительность и благосклонность.

Жена, дети [10] и свояченицы [11] — все слава Богу у меня здоровы и целуют Ваши ручки. Маша [12] просится на бал и говорит, что она

танцевать уж выучилась у собачек. Видите, как у нас скоро спеют, того и гляди будет невеста.

С глубочайшим почтением и преданностию имею счастье быть
Милостива[я] государыня матушка
Вашим покорнейшим слугою и зятем
А. Пушкин

14 июля.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Два листа белой, слегка шероховатой, писчей бумаги без вержировки (1 фабричный лист), хранящей следы поперечного и продольного сгибов вшестеро, в форме конверта. Написаны чернилами.

Водян. зн. «А. Гончаров», г. «1832» — в орнаментированном лиственном картуше по краям листов. Размер: 262 × 208 мм.

Записаны две страницы. Адрес на обороте 2-го листа. «В Волоколамск» надписан сверху над первоначально написанным и зачеркнутым «В Москв». Остаток гербовой печати красного сургуча; при распечатывании была вырвана часть второго листа без повреждения текста. Почтовый штемпель: «С.-Петербург. Отделен. почт. (1835) май 17».

[2] Второй сын А. С. Пушкина — Григорий Александрович, родился 14.V — 1835 г., ум. 5.VIII—1905 г.

[3] В село Тригорское, Псковской губернии, имение П. А. Осиповой, в 3 верстах от с. Михайловского. Пушкин уехал из Петербурга 5.V и вернулся обратно 15.V, пробыв таким образом в от'езде 10 дней.

Мотивы поездки Пушкина в Тригорское были непонятны его родным, и Надежда Осиповна, мать Пушкина, раздраженно писала своей дочери Ольге Сергеевне Павлищевой 7 мая: «Сообщу тебе новость — третьего дня Александр уехал в Тригорское, он должен вернуться не позднее 10 дней, ко времени разрешения Наташи. Ты, может быть, подумаешь, что он по делам — вовсе нет, только ради удовольствия путешествовать и в такую плохую погоду. Мы были очень удивлены, когда он накануне от'езда пришел с нами проститься. Его жена очень этим опечалена. Надо сознаться, что твои братья большие оригиналы и никогда не перестанут быть таковыми». («Лит. насл.», сб. 16—18, стр. 792, М. 1934 г.).

[4] Два листа белой писчей бумаги, слегка пожелтевшей от времени, без вержировки (1 фабричный лист), с золотым обрезом по краям, хранящей следы поперечного и продольного сгибов вчетверо. Написаны чернилами.

Водян. зн. «А. Г.» «1834». Размер: 256 × 204 мм.

Записаны три страницы.

[5] Дмитрий Николаевич Гончаров, старший сын Н. А. и Н. И. Гончаровых, брат Наталии Николаевны Пушкиной (род. 1808, ум. 1850 г.), живший после смерти деда Афанасия Николаевича Гончарова (8.IX—1832 г.) в майоратном имении Гончаровых Калужской губ., Медынского у.— Полотняном заводе.

[6] 22 мая 1835 г., крестным отцом был В. А. Жуковский, матерью — Екатерина Ивановна Загряжская (1779—1842) — сестра Н. И. Гончаровой.

[7] Надежда Григорьевна Чернышева (1813—1853 гг.), дочь гр. Григория Ивановича Чернышева и Елизаветы Петровны, младшая сестра декабриста З. Г. Чернышева, в 1838 г. вышедшая замуж за кн. Г. А. Долгорукова, ближайшая соседка Гончаровых по Яропольцкому имению, бывшая в течение 3 лет предметом увлечения Дмитрия Гончарова. Еще в 1833 году 26 августа Пушкин, после своего посещения Ярополья, писал из Москвы Наталии Николаевне: «Теперь, женка, послушай, что делается с Дмитрием Николаевичем. Он, как владетельный принц влюбился в гр. Н. Чернышеву по портрету, услыша, что она девка плотная, чернобровая и румяная. Два раза ездил он в Яропольц в надежде ее увидеть, и в самом деле ему удалось застать ее в церкви. Вот он и полез на стены. Пишет из заводов, что он без памяти от la charmante et divine comtesse, что он ночи не спит et que son charmant image etc., и непременно требует от Наталии Ивановны, чтобы она посватала за него la charmante et divine comtesse; Наталия Ивановна поехала к Кругликовой и выполнила комиссию. Позвали la divine et charmante, которая отказала наотрез. Наталья Ивановна беспокоится о том, какое действие произведет эта весть. Я полагаю, что он не застрелится. Как ты думаешь?..» («Переписка», под ред. и с примеч. В. И. Саитова, т. III, стр. 36, № 738).

Вскоре после 1835 года Д. Гончаров женился на княжне Елизавете Егоровне Назаровой.

[8] Под Петербургом, дача Миллера, где Пушкины жили с середины июня 1835 г. до сентября того же года, на набережной Черной речки, на углу Языкова пер., теперь участок № 55. Самая дача в настоящее время уже не существует.

[9] 25.V—1834 г. Пушкин подал просьбу об отставке. Эта просьба возбудила гнев Николая I. Тем не менее отставка была принята, но с запрещением работать в архивах, «так как право сие может принадлежать единственно лицам, пользующимся особым доверием начальства», как сообщал Пушкину А. Х. Бенкендорф в письме от 30 июня. Невозможность пользоваться архивами была для Пушкина очень серьезной угрозой, этим была бы обречена на неудачу задуманная им «История Петра I», немыслимы становились и другие исторические труды.

Настойчивое вмешательство Жуковского и глубоко огорчивший Пушкина результат просьбы заставили поэта взять свою отставку обратно. Тем не менее, мысль о переселении в деревню как единственном выходе из нетерпимого долее положения продолжала стоять перед ним неотступно. Летом 1835 года Пушкин решил уже просить не об отставке, а о разрешении ему удалиться на 3—4 года в деревню. «Александр едет на 3 года в деревню, не зная сам куда,— писала 19 июня 1835 г. Надежда Осиповна Пушкина дочери Ольге.— Так как я надеюсь на будущий год, если господь отпустит мне жизни, поехать в Михайловское, то мы не сможем ему его предоставить на все это время. В наши расчеты совсем не входит лишиться и этого последнего утешения». То же повторял дочери и Сергей Львович: «Знаешь ли ты,— писал он ей в письме от того же числа,— что Александр в сентябре месяце уезжает на три года в деревню, он уже получил отставку, а Наташа совсем покорилась...» («Лит. насл.», вып. 16—18, стр. 793.)

В действительности Пушкину не был разрешен и продолжительный отпуск. Вместо этого, ему была предложена для поправления расстроенных дел ссуда из казны в 30 000 рублей.

Пушкин вынужден был на нее согласиться, и этот новый долг, присоединившись к прежним долгам поэта, составившим к этому времени уже около 60 000 руб.,— что далеко превышало его ограниченные средства,— ставил Пушкина в безвыходное положение. В довершение всего самая ссуда была выдана на-руки поэту неполностью. «Из Государственного казначейства выдано мне, вместо 30 000 р., только 18 000, за вычетом разных процентов и десять тысяч рублей (10 000) выданных мне заимообразно на напечатание одной книги. Таким образом я более чем когда-нибудь нахожусь в стесненном положении, ибо принужден оставаться в Петербурге с долгами неоплаченными и лишенный 5 000 руб. жалования»,— писал Пушкин министру финансов гр. Е. Ф. Канкрину 6 сентября 1835 г. («Переписка», под ред. и с примеч. В. И. Саитова, т. III, стр. 225—226, № 928.)

[10] К этому времени у Пушкина, кроме родившегося 14.V — 1835 г. Григория, было двое детей: Мария (19.V—1832 г.—7.III—1919 г.) и Александр (6.VII—1833 г.—19.VII—1914 г.)

[11] Две сестры Натали Николаевны Пушкиной: Екатерина (1809—1843), впоследствии (с 10.I—1837 г.) жена барона Дантеса Геккерна, и Александра (1811—1870), в замужестве баронесса Фризенгоф, жившие вместе с Пушкиными с 8 сентября 1834 г.

[12] Старшая дочка Пушкина — Мария. В апреле 1860 г. вышла замуж за ген.-майора Л. Н. Гартунг (1834—1877); в начале 60-х годов с нею был знаком в Туле Л. Н. Толстой, взявший некоторые ее черты для внешнего облика Анны Карениной.

Из записной книжки архивиста

Пролетарский красный крест в Петрограде

(Октябрь 1917 г.— июнь 1918 г.)

До сих пор почти неизвестна история организации и деятельности Пролетарского Красного креста, обслуживавшего Красную гвардию в дни Великой социалистической революции и начала гражданской войны.

В атаке Зимнего дворца, в первых боях под Петроградом против войск Керенского — Краснова, в борьбе Красной гвардии против гайдамаков, калединцев, польских легионеров и войск немецкого империализма Красную гвардию сопровождали санитарные отряды Пролетарского Красного креста.

Пролетарский Красный крест зародился в дни октябрьских боев на большевистской Выборгской стороне.

24 октября Выборгский районный совет разослал заводским комитетам следующее обязательное постановление:

«Согласно телеграмме Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов и Революционного комитета, Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов Выборгского района и штаб Красной гвардии настоящим предлагает вам немедленно реквизировать все автомобили и принадлежности к ним (бензин). Кроме того немедленно взять на учет все амбулаторные перевязочные средства и установить дежурства в амбулаториях».[1]

В тот же день был создан на Выборгской стороне центральный санитарный пункт; он положил начало организации санитарной помощи всем сражавшимся отрядам Красной гвардии.

Вслед за Выборгским районным советом штаб Красной гвардии Выборгской стороны издал 24 октября приказ № 5, в котором он предписывал заводским комитетам: «Немедленно представить в санитарный пункт при штабе Красной гвардии Выборгского района (Лесной проспект 18, квартира 3) все имеющиеся при заводе медикаменты и перевязочный материал, как-то: бинты, марлю, вату, иод, спирт, бензин и т. д...»[2]

Получив помощь от заводов, центральный пункт Выборгского района приступил к формированию отрядов для отправки на фронт.

Главной опорой Пролетарского Красного креста являлись рабочие и работницы. К 1 ноября 1917 г. из 79 работников центрального пункта 65 человек составляли рабочие и работницы, только что оставившие свои фабрики и заводы.

Публикуемый ниже доклад показывает, какую огромную помощь оказывал Пролетарский Красный крест Красной гвардии в ее борьбе за власть советов и утверждение диктатуры пролетариата и сообщает много неизвестных данных о численном составе войск, обслуживаемых отрядами Пролетарского Красного креста. Эти отряды работали в трудных и опасных условиях.

* * *

Публикуемые ниже документы хранятся в деле № 2, фонда Пролетарского Красного креста Архива народного хозяйства ленинградского отделения Центрального исторического архива, лл. 2—12.

М. Л.

ДОКЛАД

«Об организации и деятельности Пролетарского Красного креста», представленный в Совет народных комиссаров 10 июня 1918 года Центральным управлением Пролетарского Красного креста.

(Созданный Октябрьской революцией в дни всеобщего врачебно-санитарного саботажа Пролетарский Красный крест, соединившийся в январе 1918 г. с санитарным отделом Всероссийской коллегии по организации и управлению рабоче-крестьянской Красной армии и, в силу постановления Народных комиссаров в марте с. г. об эвакуации правительственных учреждений, перенесший свое центральное управление в Москву и выделивший для обслуживания Петроградского военного округа организацию под названием санитарный отдел рабоче-крестьянской Красной армии Петроградского округа.)

Мысль о создании рабочего Красного креста возникла еще тогда, когда был поднят вопрос в рабочих кругах о создании Красной гвардии, и осуществилась в момент, когда рабочий класс, выступая как вооруженный авангард, оказался в критическом положении благодаря саботажу буржуазных медицинских организаций.

---

[1] Райистпарткомиссия Выборгского района, материалы по Красной гвардии.

[2] Там же.

Поэтому решено было создать пролетарскую организацию, могущую в любой момент оказать медицинскую помощь Красной гвардии. В Выборгском районе был открыт районный центральный пункт. Образовался пункт и в Петроградском районе. Началась запись санитаров и санитарок рабочего класса для подготовки их к оказанию первой медицинской помощи, на что откликнулись все заводы и фабрики. Не имея однако в руках ни материальных, ни денежных средств, нам пришлось обратиться в Выборгский районный штаб Красной гвардии, который отозвался ни минуты не медля, благодаря чему организация смогла начать функционировать. Штаб потребовал из завода военно-врачебных заготовлений несколько ящиков перевязочного материала, отпустил на хозяйственные расходы 250 рублей; кроме того, некоторые заводские комитеты прислали как перевязочные средства, так и другие вещи, необходимые для оборудования пункта и организации летучих отрядов. Исполнительный комитет районного совета рабочих и солдатских депутатов Выборгского района также отпустил 100 р. на нужды летучих отрядов. Штабом были предоставлены легковые автомобили и грузовики (санитарных не имелось), которые были использованы для перевозки раненых и убитых, а также для доставления провианта для отрядов, находящихся на фронтах.

Первые отряды были посланы 25 октября 1917 г. к Зимнему дворцу, Невскому проспекту и т. д., где оказывали помощь раненым.

В первые дни работало от 50 до 200 человек. В состав отряда входили фельдшера, медички, сестры милосердия и, главным образом, санитары и санитарки из рабочей среды.

С 26 октября начали функционировать пункты скорой помощи на вокзалах: Царскосельском, Николаевском, Балтийском и Финляндском, работа которых заключалась в том, что отряды принимали больных и раненых с фронтов и распределяли по лазаретам Петрограда, попутно оказывая помощь населению, так как существовавшие пункты скорой помощи при вокзалах в то время были кинуты железнодорожным врачебным персоналом.

Центральным пунктом оказывалась помощь круглые сутки как на месте, так и посылкой отрядов. Также было установлено дежурство в помещении штаба.

В дни прекращения боев на фронте Керенского общее число личного персонала, занятого нашей организацией, было сокращено до 79 человек.

В ближайшие дни начали функционировать районные санитарные курсы, которые и дали возможность отправлять на фронты более подготовленный санитарный персонал.

Вслед за наступившим успокоением в Петрограде, начались отправки Красной гвардии на гражданский фронт, к которой прикомандировывались санитарные отряды. Прибывавшие из Финляндии и Кронштадта эшелоны моряков обращались непосредственно в нашу организацию за санитарной помощью. Так штаб Красной гвардии Выборгского района не мог далее поддерживать организацию, функции которой расширялись уже за пределы Петрограда и его окрестностей. Постановлением Военно-революционного комитета центральный пункт Выборгского района перешел в ведение его медико-санитарного отдела.

Необходимость сохранить пролетарскую организацию явилась потому, что в дни, когда наша организация только начала функционировать, мы, видя, что своими силами не можем справиться, обратились к организации Красного креста, в некоторые госпитали, лазареты и т. д. с просьбой оказать поддержку выдачей (на время) носилок, отпуском медикаментов, автомобилей или посылки своих отрядов на места, но на все наши просьбы получали или уклончивый ответ, вроде — подождите, мы поговорим с главным комитетом, председателем и т. д., или получался прямой отказ. Были и такие ответы, как например 1 госпиталя, которые заключали в себе предложения действовать захватным правом.

Но что было самое тяжелое и ужасное для организации — это отказ принимать раненых в лазареты и госпитали, которые не принимали по одному виду рабочей куртки, или просто вид штемпеля Пролетарского Красного креста на сопроводительной бумаге закрывал перед больным дверь, так что приходилось действовать вооруженной силой с помощью Красной гвардии, что например имело место в Военно-медицинской академии, где по прибытии больных заявляли, что нет свободных мест, но по проверке Красной гвардией оказалось 260 свободных коек.

Принимая все это во внимание, Военно-революционный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, признавая, что ликвидировать Пролетарский Красный крест, с таким трудом созданный, есть преступление против самодеятельности пролетариата, и констатируя недостаточность средств в нашем районе, постановил передать центральный пункт в ведение своего медико-санитарного отдела, создав таким образом центральную организацию, которая объединила все районы, а приказом Комиссариата по военным делам центральному пункту Пролетарского Красного креста, во избежание разрозненных действий санитарных отрядов и отдельных лиц, предписано было сконцентрировать все руководство по отправке летучих отрядов на гражданский фронт, так как началась беспорядочная отправка летучек, в которой снова приняли участие все районы Петрограда.

Нужно указать, с каким трудом доставала наша организация перевязочный

материал и медикаменты. В первые дни Октябрьской революции, как было указано, материал отпускался из амбулатории заводских комитетов. Когда явилась, например, первая необходимость организовать, для отправки с эшелонами моряков в Могилев для ликвидации ставки санитарный отряд, то в нашем распоряжении не оказалось достаточного количества медикаментов и инструментария, и только благодаря содействию врача из заводского комитета (завод Барановского) было взято из его амбулатории все необходимое для отряда, и летучка была организована. Этот отряд в Витебске из склада Красного креста, по требованию начальника эшелона, получил большой запас медикаментов и перевязочного материала, так что по возвращении из Могилева можно было снабжать следующие отряды. Из критического положения в дальнейшем выручали эшелоны матросов и красногвардейцев, которые привозили из мест боев реквизированный и отбиваемый у неприятеля перевязочный материал и медикаменты и сдавали в нашу организацию и, таким образом, получалась возможность санитарным отрядам обслуживать другие эшелоны, отправлявшиеся один за другим на гражданский фронт.

Еще хуже обстояло дело с обмундированием отрядов. В зимнее время отряды отправлялись неодетыми и необутыми вплоть до рваных сапогов и туфель, так как обувь отпускалась интендантством только Красной гвардии, которой нехватало даже обуть половину отправляющихся красногвардейцев. В большинстве случаев персонал получал по пути следования эшелона реквизированное обмундирование.

В таком положении находилась организация, принимая активное участие в Петрограде и Москве, куда в первые дни переворота были отправляемы отряды с эшелонами вплоть до того времени, когда положение организации упрочилось настолько, что по официальным требованиям материал уже отпускался из складов Красного креста и с 12 декабря через медико-санитарный отряд Смольного с санкции т. Подвойского из завода военно-врачебных заготовлений.

Выше было указано, что отряды состояли почти исключительно из рабочих и работниц заводов и фабрик в качестве санитаров и сестер милосердия, получивших начальную подготовку к оказанию первой медицинской помощи.

Ввиду беспрерывных требований на санитарные отряды, параллельно с отправкой одной партии подготовленного персонала шла подготовка следующих к отправке. Лекции и практические занятия вели в районах медички. Врачи отсутствовали, за ничтожным исключением партийных работников. Ответственными лицами приходилось посылать фельдшеров и фельдшериц, а также медичек старшего курса.

Сознавая дальнейшую невозможность обслуживать в медицинском отношении весь гражданский фронт, была сделана последняя попытка обратиться с воззванием к врачам, фельдшерам и сестрам милосердия принять участие в организации помощи отправляющимся эшелонам, но на призыв ответа не последовало. Приходилось обходиться своими силами. Некоторое время спустя Выборгской районной управой было поручено группе лекторов прочесть курс лекций для санитарного персонала, что и было выполнено в одной из аудиторий Военно-медицинской академии, слушателями которой были рабочие и работницы. Отряды отправлялись согласно выработанному плану в таком составе: к эшелону в 1 000 человек прикомандировывался отряд в составе одного или двух фельдшеров, четырех-шести сестер милосердия, двенадцать-четырнадцать санитаров. Отряды находились при эшелонах, обслуживая их как в пути следования к месту назначения, так и во время боев.

Принимая во внимание обстановку, в которой находились эшелоны в борьбе с контрреволюцией, с отрядами отправлялись партийные работники с соответствующей литературой, которые вели агитационную работу и несли ответственность за работу отрядов. Медицинскому же лицу передавались функции чисто врачебного характера.

Что касается финансового положения организации, то до 1 января штабом Красной гвардии Выборгского района оплачивался персонал центрального пункта, а отряды оплачивались заводами. С 1 января [1918 г.] содержание шло от Пролетарского Красного креста, получая по смете из Главного штаба Красной гвардии со времени работы в санитарном отделе Рабоче-крестьянской Красной армии.

Управление Пролетарского Красного креста состояло из выборных лиц. 24 ноября 1917 г., общим собранием Выборгской районной организации Пролетарского Красного креста было избрано бюро из шести лиц, выделившее из себя коллегию из трех лиц. Затем бюро было пополнено представителями районных организаций Пролетарского Красного креста и, таким образом, состав был из четырнадцати человек, распределивших между собою организационную работу.

Помещение, в котором протекала работа, состояло из двух комнат в Михайловском артиллерийском училище, так как здесь размещены были все рабочие организации Выборгского района. Другого помещения не было возможности подыскать и приходилось обходиться двумя комнатами, одна из которых была отведена под перевязочную амбулаторию, ввиду наплыва больных и раненых. Тут же помещалось несколько коек для красногвардейцев, находившихся в ожидании размещения их по лазаретам. Во второй комнате протекала вся организационная работа; там помеща-

лись канцелярия, склад, дежурные отряды и т. д.

Выше было указано, с каким трудом удавалось размещать больных и раненых по лазаретам. Отношение медицинского персонала к больным красногвардейцам было невозможно, нужно указать на один из фактов, который заставил прийти к заключению [о] необходимости приобретения лазарета для нужд Красной гвардии. С пункта, находившегося на Царскосельском вокзале, была отправлена в Обуховскую больницу партия раненых красногвардейцев. На следующий день на вокзал явился на костылях сбежавший из больницы красногвардеец и просил поместить его в другую больницу, где он был бы гарантирован от насмешек медицинского персонала, и куда нужно было бы перевести других товарищей. В Обуховскую больницу тотчас же была отправлена комиссия для составления протокола. В Мариинской больнице у тяжело раненых нами было установлено непрерывное дежурство и помощь врача.

Поиски лазарета не приводили к желаемым результатам, пока случайно от одного из служащих в Союзе городов не получили извещения о закрытом лазарете № 224, находившемся на окраине Выборгского района, который был отдан в наше распоряжение только по истечении месяца. Союз городов прямо ответил, что закрытие лазаретов не предвидится и сведений о лазаретах дать не может. Затем по распоряжению Красной гвардии перешли в казармы Московского полка с лазаретом на 300 коек, который и стал заполняться больными красногвардейцами. Поиски помещения для организации не менее были затруднительны.

Только в феврале месяце [1918 г.] удалось занять дом Паниной на Фонтанке, занятый складом Красного креста. Склад был переведен в другое место и с этих пор работа происходила на Фонтанке вплоть до настоящего времени, в более нормальной обстановке. Во второй половине января с. г. [1918 г.] созданием Красной армии, в основу которой легла Красная гвардия, при Всероссийской коллегии по организации и управлению Рабоче-крестьянской Красной армии, декретом Совета народных комиссаров было образовано несколько отделов, одним из которых намечен был санитарный отдел, основой которого явился Пролетарский Красный крест, после чего принявший название санитарный отдел Рабоче-крестьянской Красной армии (основание-приказ Народного комиссариата по военным делам от 29 января 1918 г. за № 116).

Приказом Военного комиссариата к санитарному отделу перешел бывший «особый отдел имп. Александры Федоровны» с четырьмя санитарными поездами и Царскосельским лазаретом, переименованным в настоящее время в лазарет № 1 Рабоче-крестьянской Красной армии, благодаря чему явилась возможность эвакуации раненых и больных санитарными поездами. Поезда были отправлены на гражданские фронты: Южный, Псковско-Лужский и Финляндский и по настоящее время совершают рейсы, эвакуируя из Петрограда детские колонии, раненых и больных, а также военнопленных: из Германии—русских и в Германию — немецких. Регулярная отправка на Псковско-Лужский фронт в период наступления немцев, сначала была нарушена вмешательством медико-санитарного отдела Смольного, который отправкою неорганизованных отрядов по 30—40 человек создал для работы на фронте невозможную обстановку. Но в скором времени медико-санитарный отдел ликвидировал свою работу по обслуживанию фронта и по настоящее время все обслуживание фронтов: Псковско-Лужского, Нарвского, Финляндского и Южного лежит на санитарном отделе Красной армии, который работал и работает в контакте с военным комиссариатом и высшими санитарными ведомствами (главное санитарное управление и комиссариат здравоохранения Петроградской трудовой коммуны). Для руководства и управления делами санитарного отдела, Советом врачебных коллегий 6 марта [1918 г.] была образована коллегия из трех лиц — представителей от: совета врачебных коллегий, главного санитарного управления Пролетарского Красного креста.

При эвакуации правительственных учреждений из Петрограда в Москву, коллегия санитарного отдела всероссийской коллегии по управлению и организации Рабоче-крестьянской армии выделила для обслуживания Петроградского округа организацию под названием санитарный отдел Рабоче-крестьянской Красной армии Петроградского округа, для управления которым была образована коллегия в составе представителей от: санитарного отдела всероссийской коллегии по организации и управлению Красной армией, петроградского окружного военно-санитарного управления и медико-санитарного отдела Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.

Считаем своим долгом указать на самоотверженную работу санитарных отрядов, что доказывается следующими фактами: на Южном фронте было несколько человек убитых и раненых, а под Новозыбковым два отряда попали в плен благодаря тому, что все время работали в боевой линии, из которых один пропал без вести, из другого отряда одна сестра (Зубарева) была расстреляна белогвардейцами, часть пропала без вести и лишь несколько человек смогли, после мытарств по тюрьмам, бежать из плена. На Финляндском фронте во время боя под Таммерфорсом, будучи окруженными белой гвардией, попали в плен два отряда, из которых лишь нескольким удалось вырваться, остальные сидят по финским тюрьмам, погибая вместе с красногвардейцами от голода и мытарств, так как белая гвардия не считает для себя обязательным не только обхо-

диться с пленными по-человечески, но явно преследует цель довести пленных до голодной смерти. По заявлению бежавших, пленные размещены по тюрьмам и сараям вместе с заразными больными (в Финляндии свирепствует тиф и оспа), не получая ни пищи, ни воды (подробные сведения будут представлены назначенной нами следственной комиссией).

Организация тыла в санитарном отношении

При каждом районном штабе в Петрограде организованы санитарные отделы, ведающие обслуживанием расположенных в районе воинских частей.

Таких отделов в Петрограде 14:

1) Адмиралтейский район в составе:	1 врача, 2 лекарских помощников, 4 сестер, 5 санитаров.
2) 1 Городской » »	2 врачей, 3 лекарских помощников, 3 сестер, 4 санитаров.
3) 2 Городской » »	2 врачей, 3 лекарских помощников, 3 сестер, 4 санитаров.
4) Василеостровский » »	1 врача, 3 лекарских помощников, 4 сестер, 4 санитаров.
5) Выборгский » »	3 врачей, 6 лекарских помощников, 14 сестер, 5 санитаров.
6) Московско-Заставский район в составе:	1 врача, 2 лекарских помощников, 4 сестер, 3 санитаров.
7) Петергофский » »	1 врача, 2 лекарских помощников, 4 сестер, 3 санитаров.
8) Петроградский » »	1 врача, 2 лекарских помощников, 6 сестер, 4 санитаров.
9) Новодеревенский » »	1 врача, 3 лекарских помощников, 6 сестер, 10 санитаров.
10) Невский » »	1 врача, 2 лекарских помощников, 6 сестер, 3 санитаров.
11) Спасский » »	1 врача, 2 лекарских помощников, 1 сестры, 3 санитаров.
12) Рождественский » »	1 врача, 2 лекарских помощников, 1 сестры, 3 санитаров.
13) Обуховский » »	1 врача, 1 лекарского помощника, 3 сестер, 4 санитаров.
14) Пороховский » »	1 врача, 4 лекарских помощников, 4 сестер, 4 санитаров.

Неоднообразность районных санитарных отделов вызывалась различными требованиями районов. В одних приходилось организовать приемные покои, зубоврачебные кабинеты и комиссии по освидетельствованию вновь принимаемых красноармейцев, в других же, вследствие наличности лазаретов, оставшихся не свернутыми, или меньшего количества воинских частей, увеличивать персонал не являлось необходимым.

Поэтому сорганизовать санитарные отделы при штабах по одному образцу не было возможности.

Санитарным отделам вменялось в обязанность информировать санитарный отдел Петроградского округа о количестве формируемых частей и численном их составе. Исходя из получаемых сведений о мест, санитарный отдел прикомандировывал к той или иной формируемой части определенное количество лиц медицинского персонала по плану обеспечения строевых воинских частей мирного времени — 1 роту в 200 чел.,— 1 лекарского помощника и 2 санитаров.

За последнее время в Петрограде были сформированы нижеследующие воинские части, обслуживаемые нашим медицинским персоналом:

1) 1 легкая артиллерийская бригада	(627 чел.)
2) 1 мортирный артиллерийский дивизион	(658 чел.)
3) 1 дивизион легкой артиллерии бригады корпуса Красной армии	(627 чел.)
4) Отряд социалистической армии при центральном совете фабрично-заводских комитетов	(147 чел.)
5) 1 пехотный отдельный батальон	(399 чел.)
6) Автотранспортная рота 1 корпуса	(421 чел.)
7) Особый отряд Красной армии	(675 чел.)
8) Эстонский коммунистический пехотный полк	(742 чел.)
9) 1 железнодорожный подрывной отряд	(400 чел.)
10) 1 Путиловский стальной артиллерийский дивизион	(200 чел.)
11) 2 Петроградский сводный отряд	(1258 чел.)
12) Путиловский батальон	(664 чел.)
13) Отряд Красной армии Выборгского района	(189 чел.)
14) Отряд Красной армии 2 Городского района	(452 чел.)
15) 2 дивизион 1 легкой бригады	(692 чел.)

16) Отряд Красной армии Обуховского района . . . . . (498 чел.)
17) Сестрорецкий отряд Красной армии . . . . . (205 чел.)
18) Рождественский пехотный стрелковый отряд . . . . . (218 чел.)
19) Полк Красной армии Выборгского района . . . . . (1689 чел.)

Для правильного распределения по лазаретам больных и раненых, прибывающих с фронтов, устроены распределительные пункты.

С октября [1917 г.] на Финляндском вокзале [работают] 3 лекарских помощника, 8 сестер, 4 санитара. В связи с последними событиями в Финляндии (форт ИНО и Мурманское побережье), по предписанию комиссариата здравоохранения открыты питательно-перевязочно-амбулаторные пункты на Приморском вокзале, а также на Охте. Последний не функционировал благодаря приостановке военных действий, но готов в любой момент приступить к работе.

Обслуживание фронтов

На Псковско-Лужском фронте находится до 1 500 пограничной стражи. Стража обслуживает участок в 50—60 верст. Главная база пограничной стражи находится в Трошине. Там для обслуживания ее находится санитарный отряд д-ра Ивянского в составе: 1 врача, 6 лекарских помощников, 30 санитаров и 2 сестер милосердия. Отрядом организован в Трошино амбулаторный прием для приходящих больных, как для красноармейцев, так и для беженцев, инвалидов, и военнопленных, приходящих в громадном количестве через Трошинский приемный покой на 15—20 коек для легко раненых, нуждающихся в более продолжительном лечении. Для этой цели в распоряжении врача имеется 3 санитарных вагона типа летучки. Впереди Трошино для обслуживания пограничной стражи выделены 5 лекарских пунктов, по 1 лекарскому помощнику и 2 санитара в каждом:

при 3 отдельной пограничной Трошинской роте,
» 4 отдельной Кронштадтской роте,
» 2 Лужской пограничной роте,
» эскадроне 9 драгунского запасного полка,
» 1 Эстонской пограничной роте.

Эти лекарские пункты оказывают медицинскую помощь раненым красноармейцам и направляют их в главную базу в распоряжение врача, который решает дальнейшую эвакуацию в тыл.

По такому плану организованы санитарные отряды на всех фронтах.

Ямбургский фронт.

На Ямбургском фронте насчитывается до 4 000 чел. Организация санитарного дела поручена на Ямбургском фронте избранной коллегии в составе трех врачей — Гипеля, Зимана и Абрамовича.

Ими принят целый ряд мер по упорядочению санитарного дела фронта по Трошинскому плану. Из отряда д-ра Брикмана в составе 2 врачей, 10 лекарских помощников, 9 сестер милосердия и 20 санитаров и отряда д-ра Зимана из одного врача, 5 лекарских помощников, 2 сестер милосердия и 2 санитаров, выделены летучки — фельдшерские пункты в составе 1 лекарского помощника и 2 санитаров

1) в м. Каскалово,
2) » м. Гаково,
3) » м. Куровицы,
4) » м. Тихвинка,
5) » м. Дубровка.

Необходимость в Дубровском пункте вызвана расположением его на магистрали железных дорог Ямбург — Нарва, где периодически сосредоточивается от 200 до 300 беженцев.

В самом Ямбурге при штабе и при главной воинской базе организованы: приемные покои на 15—20 коек для больных и раненых красноармейцев, амбулаторный прием для приходящих больных, зубоврачебный кабинет и эвакуационный пункт.

В Ямбурге приняты меры к улучшению водоснабжения и поднятия санитарии на должную высоту. Коллегия врачей работает в контакте с медико-санитарным отделом Ямбургского совдепа.

При штабе Скоробогача идет запись и формирование Красной армии. Каждый раз, как сформировывается та или иная боевая единица, ямбургский штаб Красной армии ставит в известность нас через коллегию врачей.

В Ямбурге сформированы нижеследующие воинские части, к которым прикомандирован медицинский персонал:

1) 1 сводный отряд т. Наумова . . .	1	лекарский	помощник	и 2	санитара
2) Нарвский отряд	3	»	»	» 6	»
3) 1 партизанский отряд т. Окулова	1	»	»	» 2	»
4) 1 Ямбургский отряд т. Быкова .	1	»	»	» 2	»
5) 6 Белгорайский батальон	2	»	»	» 4	»
6) Нарвский партизанский эскадрон	2	»	»	» 2	»

В распоряжении ямбургской коллегии врачей имеется несколько санитарных вагонов.

Восточно-Карельский фронт.

На Восточно-Карельском фронте оперирует 1 сводный корпус в составе 500 чел. В последнее время численность строевого войска дошла до 3 000 чел. Организация санитарного дела на фронте поручена д-ру Иванову по плану, выработанному для Трошина и Яубурга. В отряде д-ра Иванова имеется 35 человек медицинского персонала.

Главное ядро отряда расположено на ст. Лемболово, Карельской железной дороги, где открыт амбулаторный прием для больных. На 7 верст в тыл — приемный покой на 10—15 коек. Впереди Лемболово на важнейших оперативных направлениях находятся санитарные отряды, а центр обслуживается тремя лекарскими пунктами в составе одного лекарского помощника и санитаров, на каждом из них. Таким образом Карельский перешеек обслуживается двумя врачами, 14 лекарскими помощниками, 6 сестрами и 18 санитарами.

В боевой линии Петрозаводска работает отряд, в составе 1 врача, 6 лекарских помощников, 8 сестер милосердия и 14 санитаров, организующий в настоящее время подвижной лазарет.

Во время боев в Выборг, Тавазгус, Кавансари, Антреа и Тали были периодически посылаемы санитарные отряды в определенном составе персонала. Часть санитарного персонала погибла вместе с Финской красной гвардией, которую обслуживала, 2 отряда попали в плен, а остальная часть распалась на небольшие группы и оказывала уцелевшим частям финской Красной гвардии медицинскую помощь до последнего момента пребывания Красной гвардии в Финляндии.

В Финляндии, между Петроградом и Гельсингфорсом, курсировали санитарные поезда, №№ 1001 и 102, эвакуируя больных и раненых, регистрируемых финско-русской комиссией.

Южный фронт. С первых дней Октябрьской революции и начала гражданской войны санитарные отряды, в количестве 18, периодически были отправляемы в распоряжение — сначала начальников эшелонов, затем штабов тт. Антонова и Сиверса. В данное время в Брянске в распоряжении т. Соболева, начальника 1 сводного отряда Красной Балтики, находятся 2 санитарных отряда, с 2 врачами, 2 лекарскими помощниками, 8 сестрами милосердия и 16 санитарами.

1 санитарный отряд в составе 1 врача, 1 лекарского помощника, 5 сестер милосердия и 7 санитаров прикомандирован в блиндированный поезд морского эшелона по требованию Брянского совдепа.

В хуторе Михайловском, Семеновке и Новозыбкове работали по отряду, но сведений от них в настоящее время нет, за исключением 1 Новозыбковского отряда, который попал в плен и частью расстрелян.

Один отряд в настоящее время отправлен с 1 Советским батальоном, сформированным в Москве, в распоряжение т. Сатина в Брянск, в составе 1 врача, 3 лекарских сестер милосердия и 3 санитаров.

Заключение.

В заключение всего вышеизложенного считаем своим долгом указать причины продолжительной деятельности Пролетарского Красного креста. С одной стороны, полный саботаж старого медицинского аппарата и военно-санитарного ведомства в дни Октябрьского переворота, с другой — упорное стремление Пролетарского Красного креста перестроить основы старой медицины на демократических началах, влив в старые аппараты возможно больше живого революционного элемента, который один может уничтожить рутину старых медицинских учреждений и поднять санитарное дело на должную высоту, но главным образом — привлечь широкие массы пролетариата к самодеятельности в области начальной медицины, столь насущной в жизни беднейшего класса.

Вплоть до настоящего времени в Пролетарский Красный крест поступает целый ряд требований от советских организаций всей республики и воинских частей на фронтах, получаются сведения об организации на местах Пролетарского Красного креста.

Потому Пролетарский Красный крест не считает себя в праве оставить фронты без моральной поддержки и санитарной помощи.

С другой стороны, считая роль Пролетарского Красного креста, которую он взял на себя в период борьбы за советскую власть, в настоящее время законченной, представляем Совету народных комиссаров решить вопрос о дальнейшем существовании и развитии организации или ликвидации ее.

В настоящее время предлагаем, впредь до сконструирования центрального медицинского учреждения Советской федеративной республики, признать Пролетарский Красный крест в лице его центрального управления в Москве (б. санитарный отдел при всероссийской коллегии по организации Рабоче-крестьянской Красной армии) и окружного в Петрограде, подведомственным Народному комиссариату по военным делам.

Член коллегии (подпись).

Приложение к отчету № 1

ВЕДОМОСТЬ

отрядов, лазаретов и санитарных поездов, находящихся в ведении Пролатарского Красного креста

Число единиц	Состав персонала	Обслуживаемый район	Название обслуживаемой части и характер работы
2 отряда	2 врача, 2 лекарских помощника, 8 сестер милосердия и 16 санитаров	Гор. Брянск	Сводный отряд Красной армии под начальством тов. Соболева
1 отряд	1 врач, 1 лекарский помощник, 5 сестер милосердия и 8 санитаров	Направление к Брянску	Блиндированный поезд моряков красной Балтики
1 отряд	1 врач, 1 лекарский помощник, 4 сестры милосердия и 8 санитаров	Хутор Михайловский, Смоленской г.	При Штабе Красной армии тов. Сиверса
1 отряд	1 врач, 1 лекарский помощник, 4 сестры милосердия и 8 санитаров	М. Семеновка, Смоленской губ.	1-й Курский революционный отряд
1 отряд	1 лекарский помощник, 3 сестры милосердия, 3 санитара	Направлен в Екатеринбург (Урал)	Обслуживает разведочный отряд комиссара Павлова
1 отряд	1 врач, 7 лекарских помощников, 2 сестры милосердия, 30 санитаров	Ст. Трошино (Псковско - Лужский фронт)	1. 3 пограничная Трошинская рота 2. 2 Лужская пограничная рота 3. Эстонская пограничная рота 4. 4 отдельная Кронштадтская рота 5. Эскадрон 9 Драгунского полка
1 отряд (отделения отряда)	Коллегия из 3-х врачей, руководящая обслуживанием воинских частей	Ямбургский фронт	При Штабе Красной армии Скоробогача
1/а	1 лекарский помощник и 2 санитара	» »	1 сводный отряд Наумова
1/б	3 лекарских помощника и 6 санитаров	» »	Нарвский отряд
1/в	1 лекарский помощник и 2 санитара	» »	1 партизанский отряд Окулова
1/г	1 лекарский помощник и 2 санитара	» »	1 Ямбургский отряд Быкова
1/д	1 лекарский помощник и 2 санитара	» »	Нарвский партизанский отряд
1/е	2 лекарских помощника и 4 санитара	» »	6 Белгорайский батальон
1 отряд	1 лекарский помощник, 2 сестры и 4 санитара	М. Каскалово	Амбулаторное обслуживание вновь организ. воинских частей вокруг Ямбурга
1 отряд	1 лекарский помощник, 2 сестры и 4 санитара	М. Гаково	
1 отряд	1 лекарский помощник, 2 сестры и 4 санитара	М. Куровицы	
1 отряд	1 лекарский помощник, 2 сестры и 4 санитара	М. Тихвинка	
1 отряд	1 лекарский помощник, 2 сестры и 4 санитара	М. Дубровка	
1 зубоврачебный кабинет	1 врач	М. Ямбург	Обслуживает приходящих красноармейцев

Число единиц	Состав персонала	Обслуживаемый район	Название обслуживаемой части и характер работы
отряд	2 врача, 14 лекарских помощников, 6 сестер и 18 санитаров	Ст. Лемболово (Восточно - Карельский фронт) вокруг Лемболово	Амбулаторный прием для Красной армии
3 отряда	3 лекарских помощника и 9 санитаров	—	1 Сводный корпус и другие части
подвижной лазарет	1 врач, 6 лекарских помощников, 6 сестер милосердия, 14 санитаров	Гор. Петрозаводск	Красноармейские части
1 дезинфекционный отряд	1 врач, 2 лекарских помощника, 2 отв. дезинфектора, 8 санитаров	Ст. Бологое	Воинский распределительный пункт и воинские поезда
1 отряд	1 лекарский помощник, 4 сестры, 8 санитаров	Новозыбково	Эшелон Красной гвардии (в плену)
отряд	1 лекарский помощник, 4 сестры, 8 санитаров	Под Новозыбковом	Эшелон Красной гвардии
2 отряда	4 лекарских помощника, 12 сестер милосердия, 20 санитаров	Таммерфорс (Финляндия)	Красноармейские части
1 отряд	1 врач, 2 лекарских помощника, 4 сестры, 8 санитаров	Нарвский фронт	Отряд стального артиллерийского дивиз.

САНИТАРНЫЕ ПОЕЗДА

Название поездов	Их состав					Обслуживаемый район
	Врачи	Лек. пом.	Сестры	Санитары	Зав. хоз.	
Военно-санитарн. поезд № 61 . . .	2	3	3	29	1	Эвакуируют раненых, больных, инвалидов и военнопленных
» » » № 81 . . .	2	2	3	29	1	
» » » № 1001 . .	2	4	7	45	1	
Поезд склада № 1	1	2	—	6	1	Обслуживает Южный фронт

Состав медицинского персонала лазаретов и распределительных пунктов

	Врачи	Лек. пом.	Сестры	Санитары	Низш. мед. персон.	Канцелярские служ.
Сестрорецкий лазарет	5	4	4	2	—	—
Московский (Моск. Каз.) . . .	3	3	18	4	—	—
Царскосельский-лазарет № 1 Рабоче-крест. Красной армии	2	—	6	16	6	2
Финляндский распределительный пункт	1	3	8	8	—	—
Распределительный пункт Приморского вокзала	1	3	4	6	—	—

Член Коллегии (подпись).

Александро-Невская лавра накануне свержения самодержавия

История Александро-Невской лавры в последние годы царизма — это не только история монашества и духовенства, это не только история одного из центров православия и религиозного мракобесия. Лавра, стремившаяся подчинить трудовые массы своему влиянию и авторитету, в то же время была теснейшим образом связана с правительственными верхами, с российским самодержавием. Связь церкви и самодержавного режима достаточно известна и ясна, но никогда, пожалуй, не обнаруживался с такой ясностью истинный смысл этой связи, никогда так не обнажалось истинное содержание царизма и православия, как в годы войны, распутинщины и разложения самодержавия.

В эти годы на фронте сотнями тысяч умирали русские солдаты — рабочие и крестьяне, умирали почти безоружные, брошенные без сапог, без винтовок и пулеметов, без снарядов и патронов, ежечасно предаваемые и продаваемые царскими генералами.

А в «святом месте» — Александро-Невской лавре — идут попойки, сюда приезжают Распутин, министры, отсюда идут указания царю и царице — кого назначить министром, как обмануть трудовой народ и продлить существование умирающей монархии.

В публикуемых документах поражает откровенная жажда использовать возможность обогащения, неприкрытая жадность церковников — митрополита Питирима и его прислужников.

В дни кровавого ужаса мировой войны, в дни величайших военных поражений «отечества», Питирим заботится только о величине своего денежного довольствия, он беззастенчивой рукой забирается в казну лавры и отгребает себе львиную долю из ее доходов.

Народ всегда смотрел на попов, как на людей, отличавшихся обжорством, пьянством, лицемерием и т. д. Но народ не знал о том, что творилось в стенах лавры. Лавра являлась своего рода негласным правительственным центром, связанным с Распутиным и царским двором. В Лавре между попойками и блудом намечалась политика самодержавия. Но к чему сводились все вожделения ее вдохновителей? Прожить еще год, месяц, день, час. Отсрочить на мгновение неизбежную гибель, продлить возможность узаконенного всем режимом и строем грабежа и обогащения за счет трудящихся масс.

Крестьянские поля покрываются сорной травой, заводы останавливаются. Голод проникает в города и села.

А духовные и светские верхи заботятся только о своем благополучии. Государственная казна — это их казна. Митрополиты, министры, капиталисты, под эгидой насквозь прогнившей, но еще существующей монархии, спешат грабить, наживаться, кутить — «хоть час, да мой», «после нас хоть потоп!».

Крепнет сознательное возмущение рабочего класса. Зреет негодование солдатской массы. Но митрополиты и министры, в тесном союзе с Распутиным и представителями буржуазии, стремятся использовать последние минуты, которые они остаются у власти.

Для этих священнослужителей нет ничего святого. Единственная реальность, признаваемая ими, — это акции и кредитный билет. Их патриотизм — это патриотизм сейфа. Их логика и закон борьбы — грабить и не давать ограбить себя.

С чувством невольного омерзения и отвращения читаешь сейчас эти документы прошлого нашей страны.

И тем сильнее становится огромная гордость за настоящее. Под водительством коммунистической партии рабочий класс и трудящееся крестьянство создали свою страну, подняли на невиданную высоту и укрепили социалистическое отечество во имя своего счастья и счастья трудящихся всего мира.

Е. Чернявский.

Протокол допроса директора канцелярии обер-прокурора синода В. И. Яцкевича судебным следователем по особо важным делам Петроградского окружного суда Александровым, 25 мая 1917 г.[1].

Я состою директором канцелярии обер-прокурора святейшего синода с 1910 года, а до этого, начиная с 1888 года, провел в разных должностях в той же канцелярии. Прежде чем дать вам какие-либо указания на состояние дел в Александро-Невской лавре, я долгом считаю сообщить вам сведения о личности бывшего в последнее время митрополитом петроградским и священно-архимандритом этой лавры преосвященного Питирима. Еще в 1907 году, когда мне пришлось быть по делам служебным в г. Вильне, покойный архиепископ литовский Никандр говорил мне, что преосвященный Питирим не прочь был снабжать деньгами начальствующих лиц, могущих помочь в деле служебного возвышения. Это обстоятельство уже в то время указывало мне на особую черту характера Питирима — на способность, путем искательства, добиваться карьеры. Это снабжение деньгами выражалось в посылке, насколько припоминаю, 500 рублей на Богословскую школу. Как усматривается из ревизорского отчета по Тульской епархии бывшего обер-секретаря

[1] Публикуемые документы хранятся в ГАФКЭ: ф. В. И. Яцкевича, директора канц. обер-прокурора синода. Подготовлены к печати М. А. Ганжа-Неберо.

святейшего синода Мудролюбова, преосвященный Питирим, находясь на Тульской кафедре, опустошил тульский архиерейский дом при посредстве своего любимчика келейника, бывшего в свое время ужасом епархии и притчей во языцех всего города Тулы, а подробности этого дела могут быть извлечены непосредственно из имеющегося в святейшем синоде дела с ревизорским отчетом.

Перемещенный на тульскую кафедру и привезший с собою того же келейника, преосвященный Питирим особенно заявил себя близостью с последователями секты Стефановцев-подгорницев и приобрел особую их любовь к себе, возведенный чуть ли не в святые. Подгорницы представляются разновидностью секты хлыстов. Подробности такого рода деяний Питирима можно видеть в особом деле по ревизии Стефановского движения, произведенной ныне большим почитателем преосвященного Питирима, известным миссионером Василием Михайловичем Скворцовым, состоявшим в то время чиновником особых поручений при обер-прокуроре св. синода.

Из Курска преосвященный Питирим был переведен во Владикавказ. Здесь около него появляется ныне всем ведомый, в качестве секретаря, кажется по имени Иван Зиновьевич Осипенко. Чтобы оформить положение его во Владикавказе, для него, Осипенки, было очищено место секретаря при епархиальном преосвященном, для чего был изгнан из Владикавказа надворный советник Василий Иванович Венецкий, состоящий в настоящее время причисленным к канцелярии обер-прокурора св. синода. Одни считают Осипенко сыном Питирима, а другие усматривают между ним и Питиримом еще более «близкие» отношения.

По моим сведениям, знакомство Питирима с Распутиным началось во время его состояния на самарской кафедре (около 4—5 лет тому назад). В центральных учреждениях св. синода определенно говорят, что это знакомство состоялось в квартире бывшего обер-секретаря св. синода Петра Васильевича Мудролюбова. Есть все основания утверждать, что назначение преосвященного Питирима в экзархи Грузии совершилось благоволением Распутина. Я имею документ, утверждающий, что избрание Питирима в экзархи совершилось, вопреки всяким ожиданиям ведомства православного исповедания, вне всякого порядка, бывшим царем. В зимнюю сессию 1915 года преосвященный Питирим был вызван в Петроград личным волеизлиянием бывшего царя. Бывший в то время обер-прокурор Волжин, представлявший предварительно на благовоззрение царя список предположенных в сессию преосвященных, выражал опасения приказа вызова Питирима и не ошибся в своих опасениях. В списке рукою бывшего царя начертан «Питирим», вместо зачеркнутого другого. В конце 1915 г. скончался митрополит киевский Флавиан. Волжин высказывал опасения, что заместителем его будет навязан Питирим, и высказывал мысль, что могут настоять на переводе в Киев Владимира и постановления на его место Питирима. Готовясь к одному из докладов бывшему царю, на котором предполагалось обсудить вопрос о митрополичьей кандидатуре, Волжин ознакомился со всеми делами, касающимися деятельности преосвященного Питирима. Эти сведения им доложены были бывшему царю, но через самое короткое время весь доклад Волжина был известен Питириму. Сделавшись митрополитом петроградским, Питирим окружил себя компанией лиц определенной окраски, обычным посетителем лавры и митрополичьих покоев был Гришка Распутин и его «присная». Первые митрополичьи именины были отпразднованы в присутствии следующих лиц: архимандрита Филарета, епископа тобольского Варнавы, ныне уволенного на покой, Осипенко, П. В. Мудролюбова, Н. В. Соловьева (казначея синода) и Гришки Распутина (эти сведения мне сообщены преосвященным Варнавою). Определенно говорили о происходивших в стенах [illegible] с участием цыганских певиц и пляс[illegible] выходивших из лавры особым ходом через Владимирскую церковь. Точно так же говорят и о том, что Распутин во всякое время проникал в лавру особым ходом с проулочка около лавры.

Есть сведения, что преосвященный Питирим имел большую дружбу и с корреспондентами газет (Паозерским), воспевавшим его славу («Вечернее время»). К концу 1916 г. после думских речей о митрополите Питириме в ведомстве православного исповедания определенно говорили, что Питирим сделал незаконное позаимствование лаврских средств (75 000 рублей) для платы долговых обязательств перед Гришкою Распутиным, как за получение кафедры, так, в особенности, за благодарность за последовавший в то же время рескрипт с похвалами деятельности и с пожалованием предносного креста. Эти деньги взяты в качестве одной трети валового лаврского дохода, вместо обычно получаемой митрополитами одной трети кружечного лаврского дохода. Передают, что для покрытия «особых митрополичьих расходов» привлечена и митрополичья по Варшавской железной дороге дача, в виде какой-то незаконной операции, не то продажи, не то залога, но точно сказать не могу. В лавре возбудил против себя особое негодование произведенный митрополитом Питиримом разгон неугодных ему лиц (архимандрита Моисея и др.) на почве несочувствия его незаконным действиям.

Кроме перечисленных выше конкретных случаев злоупотреблений со стороны преосвященного Питирима по деятельности его в Александро-Невской лавре, мне более ничего неизвестно.

Настоящее показание мною прочитано, я удостоверяю, что оно записано правильно с моих слов. Ничего более к сказанному прибавить не имею.

Тайный советник В. Яцкевич.

Состоящий в комиссии по обревизованию Александро-Невской лавры Александров.

Из протокола показаний правителя дел Александро-Невской лавры иеромонаха Всеволода судебному следователю по особо важным делам Петроградского окружного суда Александрову.

... Митрополитом при моем поступлении был Владимир, который спустя месяца два после моего перехода на службу в лавру, ушел в Киев.

Такой уход Владимира из столичной епархии находился в связи с предоставлением места его Питириму, экзарху Грузии. Да и сам Владимир понимал свой уход как обиду, какового обстоятельства не скрыл от братии при своем прощании.

Назначение Питирима в Петроград об'яснили влиянием, с одной стороны, Григория Распутина при царском дворе, а с другой, близостью Питирима к Распутину. Это обстоятельство нашло себе полное подтверждение в дальнейших фактах, о которых я скажу сейчас. Не могу утверждать, но полагаю, что с Питиримом был ранее знаком наместник лавры Филарет, это подтверждается нижеследующими фактами. Когда Питирим был назначен в лавру, то Филарет, бывший в то время только экономом, сразу, как говорится, воспрял духом и, действительно, с назначением митрополитом Питирима Филарет был назначен из экономов сразу в наместники — скачок редкий и, пожалуй, и небывалый. Когда Питирим получил назначение митрополита, то он не сразу переехал в лавру и некоторое время проживал в Благовещенском подвории, на Васильевском острове, и Филарет его посещал там. Дальнейшее подтвердило близость к Питириму и наместника Филарета.

Что касается особой близости Питирима к Распутину, чем и об'яснялось назначение Питирима в Петроград, то это вполне подтвердилось: во-первых, Питирима неоднократно посещал в лавре Распутин. Секретарь Питирима Иван Зиновьевич Осипенко посещал Распутина. К характеристике этого Осипенко тут уместно привести такой факт. Осипенко, видимо, уклонялся от воинской повинности и был устроен в Красный крест, так что носил военную форму Красного креста, по виду был совершенно здоровый краснощекий мужчина. К нам он относился с величайшим пренебрежением. Приведу вам такой факт: как-то посетил Питирима Протопопов, министр, зимою 1916/1917 г. Я ожидал в швейцарской митрополичьего дома, кажется, поджидая наместника. В этот момент спускался вниз Протопопов в сопровождении Осипенко, который стал давать мне знаки, чтобы я ушел, попросту говоря, спрятался, чтобы не попал на глаза, и так как я этого не успел сделать, то Осипенко мне говорил: «Вы разве не видите — министр идет, я вас вышлю в 12 часов». Питирим вообще не любил, чтобы видели, кто его посещает; этому служит такой факт: в швейцарскую выходило какое-то окно, в которое однажды заглянул эконом митрополичьего дома Евгений в тот момент, когда кто-то выходил от Питирима, и вот за это Евгений был смещен сразу с двух должностей и уволен на покой, несмотря на то, что он был почтенный, заслуженный старик. Ныне он на покое в лавре. Мне как-то случайно пришлось ехать и разговаривать с извозчиком; зашел у меня с ним разговор о дороговизне, и извозчик мне вдруг и говорит: «Как не быть дороговизне, когда не царь правит Россией, а Гришка Распутин, да этот Гришка и к вам в лавру ездит, вот я его возил недавно». А Распутин ни к кому другому, как я в этом убежден, приезжать и не мог, как к Питириму. Был, например, и такой факт. Не помню, как-то келейник мой Василий зачем-то пошел по делу, понес ли бумаги для подписи или пошел за подписанными бумагами к наместнику Филарету и наткнулся на такую сцену, что выскочил красный, как бомба. По его словам он застал Филарета и Питирима в обществе Распутина и какой-то дамы, причем кто-то кому-то целовал руки. Полагаю, Василий сам расскажет этот случай точнее и подробнее, как очевидец виденного.

Затем известно, что Питирим с Осипенкою неоднократно ездил в Царское, это видно даже из счетов, которые имеются в делах лавры и из которых видно, что для этих поездок почему-то на счет лавры покупали железнодорожные билеты. Об'ясняли эти поездки как представления бывшему царю, но в действительности они ездили в Царское село для свиданий с Распутиным и Вырубовою. Довольно частым посетителем Осипенко и Питирима, последние двое составляли одно неразрывное целое, был Манасевич-Мануйлов. Это хорошо известно было и Филарету. Далее посещал Питирима обер-секретарь синода Мудролюбов. При обер-прокуроре он был смещен, но благодаря влиянию Питирима получил высшее назначение помощника управляющего канцелярией синода вместо Степана Григорьевича Рупкевича (Звенигородская, 12).

Когда были нападки на Питирима в Государственной думе и положение Питирима было поколеблено, то вдруг Питирим получил предношение креста при богослужении — это об'ясняли исключительно влиянием Распутина, иначе уже говорили об уходе Питирима, и такое препод-

ношение было в полном противоречии с поколебнутым положением Питирима.

Из дам, посещавших наместника Филарета, была Гущина, она ранее жила на Тележной улице, в доме, принадлежащем лавре, а затем переехала на Невский, дом 151, принадлежащий лавре. Я ошибся, по Тележной она жила не в лаврском доме.

Вот я описал вам про образ жизни Питирима и его близость с Распутиным.

Что касается материального положения митрополита вообще и в частности Питирима, то могу вам сообщить нижеследующее:

Материальное положение митрополита определяется указом св. синода от 29 марта 1897 года, как настоятеля лавры (номер указа № 2).

1. Прежде всего митрополит получает жалование от казны, в размере (приблизительно) 4 000 рублей.

2. Во-вторых, он получает третью часть братских доходов (за требы), каковая часть однако выдается фактически из экономических сумм (экономическими называются суммы, составляемые из доходов арендных статей, кулевого сбора); за каждый куль, выгруженный на земле лавры хлебных грузов, установлен сбор, который и делится пополам между городом и лаврою.

3. Наконец митрополит должен получать третью часть с чистой прибыли с экономических сумм.

4. Третью часть с доходов от неприкосновенного братского капитала (деньги, жертвуемые на вечное поминовение и др.).

Жалование предшественники Питирима получали по полугодиям, а Питирим — помесячно. Третья часть с братских доходов получается обычно ежемесячно. Третья часть с доходов с неприкосновенного капитала получается два раза в год. Что же касается третьей части с чистой прибыли от экономических сумм, то естественно, эта часть может определяться лишь по истечении бюджетного года, когда только и может быть определена чистая прибыль, с которой и исчисляется третья часть. Возможно ведь такое положение: в течение года получено много денег примерно за могильные места, за аренду, но в конце года, ввиду превышения расхода над доходами, получится дефицит, и, конечно, в таком случае священно-архимандрит лавры ничего не получит. Так это было, например, за 1915 год.

В октябре 1916 года в одном из заседаний духовного собора наместник лавры архимандрит лавры Филарет сообщил собору о том, что митрополит Питирим находит способ выдачи третьей части лишь по окончании года неправильным и несоответствующим указу синода, в котором будто бы срока не указано и, ссылаясь на практику тех епархий, которыми он ранее управлял, требует, чтобы на будущее время выдавали расчленения экономических сумм на две части: одна, содержащая в себе такие доходные статьи, которые, по его мнению, уже являются при самом поступлении уже «чистым доходом» и потому допускают выделение третьей части в любой момент года. К таким статьям митрополит отнес доход от продажи могильных мест и от отдачи в аренду лаврских земельных участков. Ко второй части остальные статьи. И вот Питирим потребовал выдачи третьей части (по третям года) с доходов, не ожидая окончания бюджетного года... Против такого толкования, как неправильного, пробовал было возражать бывший в то время казначеем арх. Гедеон. Но Филарет дал понять, что требование Питирима как митрополита обязательно для собора и должно быть исполнено.

Тогда было указано Филарету, что для подобной выдачи нет денег, ввиду выяснившегося дефицита и, действительно, таковой к концу года и оказался в размере свыше 20 000 рублей; на это Филарет указал, что у лавры имеется капитал, полученный в 1912 году за отчужденную для Николаевской железной дороги землю лавры в сумме 656 265 руб. 56 коп., на каковой капитал с 1912 года наросли проценты, и вот из этих-то процентов Питирим и предлагает выдать ему деньги. Конечно, это было неправильно, ибо чистого-то дохода не было. Но, конечно, я как не член собора, не имел права возражать. Согласно приказанию Питирима, переданному Филарету, я составил проект доклада, в котором все-таки указал и свои соображения, и когда передал Филарету, то он чрез дня два вернул его обратно, передав, что советовался с Осипенкою Иваном Зиновьевичем, который высказал ему, что «нечего митрополита учить, и нужно исполнить его приказание». После этого я прямо уже составил пред'явленный мне доклад в том именно содержании, какое было мне приказано Филаретом; я перепечатал на машинке и передал Филарету во время заседания. Не помню, был ли он читан мною или нет, не помню даже, оглашал ли его Филарет; этот доклад был дан для подписи всем членам собора и ими подписан. Размер за 9 месяцев был определен в сумме 70 324 рубля, т. е. треть 210 982 руб. 12 коп. Сумма эта была определена так: каждые пол-месяца казначей представляет в духовный собор отчет о суммах, полученных от аренды земель, квартир, амбаров, кладовых. Доход с могильных мест был определен чрез контору. Я подвел итог за 9 месяцев, и разделил его на три части. По моему глубокому убеждению, такое требование Питирима, я, хотя как лицо подчиненное и исполнил, но оно неправильно, ибо чистый доход, с которого третью часть он требовал, в октябре не мог быть определен и, как это оказалось, чистого дохода за 1916 год был дефицит, и, следовательно, митрополит Питирим ничего и не мог получить.

Что же касается за три месяца, то Питириму было вычислено только с одних земель (так как он отказался сам от третьей части с доходов от продажи могильных мест, о чем имеется пред'явленный

мне рапорт) в 14 117 руб. 07 коп. Во время революции, уже лежа в больнице после ареста в думе, Питирим позвал меня,— это было первое мое с ним свидание,— и интересовался, почему не выдают ему должной части за три месяца. Не помню, что я ему ответил, но так этих денег ему и не выдали.

Иеромонах Всеволод.
Александров.

Из протокола допроса эконома лавры иеромонаха Афанасия судебным следователем по особо важным делам Петроградского окружного суда Александровым, 25 мая 1917 г.

...Питирим..., как-то крадучись, прибыл к нам в лавру. Его близость к Распутину была настолько очевидна для всех, что иначе его и не называли, как «распутинец».

Личным секретарем у Питирима был Иван Зиновьевич Осипенко, человек недостойный, захвативший в свои руки власть. Осипенко относился презрительно, грубо и с пренебрежением к духовенству, позволяя себе кричать и ругать, забывая при этом, что он был человеком светским и дерзкое отношение его было оскорблением духовного сана. С одной стороны, наместник Филарет был близок с Распутиным, с другой, и Питирим был близок с Распутиным, и вот в лавре и была своя, так сказать, компания: Питирим, Филарет и Распутин, при участии, конечно, Осипенко. Передавали, не помню кто, о бывших оргиях у Питирима и Филарета, но оговариваюсь, сам я очевидцем этого не был. Известно мне лишь о посещениях Питирима Распутиным, Вырубовою и сожительницей Филарета Гущиной.

Питирим совместно с Филаретом и Осипенко совершали поездки в Царское село, зачем именно ездили, я не знаю, но Филарет приказывал мне брать билеты для них троих на счет лавры, это можно видеть из представленных мною счетов в делах лавры, из каковых счетов видно, что они трое ездили за счет лавры. Вообще Филарет был очень близок к Питириму и во всех поездках сопровождал Питирима.

Сам я Распутина не видел, но передавали мне, что он часто посещал Питирима.

Вообще лавра близко стояла к Распутину и, когда убили Распутина, то был послан присутствовать при извлечении Распутина из проруби епископ Исидор, он же и отпевал. Ночью Исидор был разбужен и вызван к наместнику Филарету, и когда явился, то там был Осипенко, и было отдано распоряжение Исидору отпевать Распутина, что он и исполнил. Исидор был настоятелем монастыря в Вятской губернии и у него произошла какая-то неприятная история, за которую он был лишен панагии, о чем доносил преосвященный Никандр, об этом имеется дело в синоде, и впоследствии, благодаря Распутину и Вырубовой, ему восстановили его права и устроили ему даже прием у бывшей царицы. Гущина играла тоже роль большую у Распутина, и снята на карточке вместе с Распутиным и она, как близкий Филарету человек, путем влияния у Распутина устраивала дела и для Филарета.

Ключи от монастырских ворот, собственно говоря, должны быть у меня; тут двое ворот; одни так называемые святые — главные (средние с площади), а вторые экономские (боковые); так вот ключи от главных ворот всегда после 10 часов вечера передавались мне; что же касается боковых, то при Питириме этих ключей мне не передавали, и они находились у привратника (их переменилось в последнее время несколько), так как Осипенко возвращался поздно ночью; в котором часу Распутин возвращался от Питирима, я не знаю.

Вообще должен заметить, что при Питириме просто опасно было что-либо спросить, сейчас подозревали в каком-то сыске. Как-то в январе этого года, вечером около 9 часов, я проходил по коридору, проверяя порядок, и когда проходил мимо парадной митрополичьей, мне повстречался Осипенко, который провожал Протопопова и, увидев меня, грубо закричал на меня: «Что вы тут подсматриваете за нами, завтра же вас не будет в лавре...»

Иеромонах Афанасий.
Пав. Александров.

Из протокола допроса Гаранькина[1] следователем по особо важным делам Петроградского окружного суда Александровым, 8 июня 1917 г.

...Приходилось видеть, как у Питирима были Распутин, Вырубова (дама полная, немного прихрамывает), Осипенко, Филарет и две барышни, не то сестры милосердия, не то нет, в белых платьях, сказывали, будто сестры милосердия; во время обедов Осипенко посылал меня к наместнику Филарету за вином, я и сбегал и притащил две бутылки какого-то вина, не знаю, был ли то коньяк, или другое вино; я пронес, спрятав под пиджак, потому что нужно было нести по коридору, и могли меня заметить, что я несу вино...

Гаранькин.

Из протокола допроса Максимова[2] следователем по особо важным делам Петроградского окружного суда Александровым, 7 июня 1917 г.

...Когда приезжал к Питириму Распутин, было угощенье как следует быть, и вино пили, коньяк, я видел только, что за коньяком все ходили келейники и приносили, при мне и посылал келейников Осипенко и говорил: «Подите к наместни-

[1] Служил плотником.
[2] Служил поваром.

жу Филарету и принесите коньяку»,— и действительно, приносили бутылки. Ну, келейники ходили и приносили по две, по три бутылки, и их выпивали в покоях, конечно, не келейники.

...[Питирим] никогда ничего не ел на постном масле, так и в великом посту и на страстной неделе по его приказанию я готовил всегда на скоромном масле...

Максимов.
Александров.

Из протокола допроса иеродиакона Пантелеймона следователем по особо важным делам Петроградского окружного суда Александровым, 13 июня 1917 г.

...У Питирима по вечерам собирались гости. Бывало, как я замечал, как только приходит Распутин, так сейчас покои освещались и было видно, что собиралось у Питирима многолюдное общество — офицеры, дамы, сестры милосердия. Иногда, чтобы это не бросалось в глаза, опускались шторы.

...Происходила у нас в лавре картежная игра, занимались рукоблудством.

У Филарета имеется его сожительница, у которой многие из духовенства записывали и целовали у нее руку. В церкви для нее был приготовлен особый ковер.

Иеродиакон Пантелеймон.
Александров.

Из протокола допроса И. Манасевича-Мануйлова следователем по особо важным делам Петроградского окружного суда Александровым, 11 июня 1917 г.

...В начале 1916 г. у одного из петроградских журналистов состоялась вечеринка, на которую был приглашен Григорий Распутин. Я не виделся со знаменитым «старцем» несколько лет, и отношения у нас были наискверные. Дело в том, что как-то раз я, по поручению «Нового времени», интервьюировал Григория, и он весьма подробно рассказал мне о том, как несколько светских дам прибыли к нему в деревню, с целью поклониться ему и «приблизиться к богу».

Тогда Григорий решил повести этих дам в баню, раздел их и заставил ему мыть ноги. «Они,— понимаешь ты,— говорил он,— унизились перед простым русским мужиком, а ведь бог-то любит и ласкает только маленьких, с кого спиблена человеческая гордыня».

Моя статья в «Новом времени» вызвала много разговоров и немало обозлила Григория, который чрез некоторых знакомых стращал меня выслать в Сибирь и «сделать из меня кашу».

За эти несколько лет Григорий сильно изменился: лицо его было изборождено глубокими морщинами; небольшие, бесцветные глаза провалились; он держался сутуловато и во всей его внешности появлялась чрезвычайная нервная усталость. Он был одет в яркосинюю рубаху и щеголял лакированными сапогами. Увидав меня, он взглянул исподлобья и сказал:

—«Я те все говорил для души, а у тя вышло все для гумаги».

Присутствие двух актрис,— одной, гордившейся своим родством с покойником[1] Победоносцевым, и другой, ничем не гордившейся,— должно было вносить вместе с вином веселье. Григорий много пил, обменивался с дамами своими впечатлениями, но, несмотря на все усилия хозяина, что-то не клеилось. После нескольких рюмок мадеры Григорий опьянел.

—«Понимаешь,— говорил он, смотря куда-то вбок,— не до веселья, потому — смерть возле меня. Она ко мне лезет, как потаскуха... Уже много раз я ее гнал... Потому у меня своя звезда... сият».

Он пил нехотя и быстро опьянел.

—«Что обидно, это то, что убивать-то хочет, понимаешь, свой, мною вскормленный... Я ведь ездил в Нижний-Новгород смотреть на него и дал ему все... только живи...».

И, уж совсем пьяный, со слезами в голосе, резко жестикулируя руками, он воскликнул.

—«И кто убить-то хочет... Толстопузый... Алешка Хвостов».

На завтра мне пришлось увидеть ближайшего друга Григория Распутина Арона Симановича, который подтвердил мне, что опасения Распутина относительно организованного на него покушения на убийство очень серьезны и что дело может принять весьма серьезный оборот, если правительство не обратит на него соответствующего внимания. Несмотря на всю чудовищность того обстоятельства, что министр внутренних дел может быть вдохновителем убийства, я счел нужным о всем мною слышанном доложить тогдашнему председателю совета министров, Б. В. Штюрмеру, который как раз на завтра был вызван по какому-то делу к императрице Александре Федоровне. Около 12 часов ночи я был принят Штюрмером. Он отнесся к моему докладу с немалым скептицизмом.

—«Милейший Алексей Николаевич Хвостов... в роли убийцы. Это напоминает водевиль!».

Несмотря на полное недоверие к сообщенным мною данным, Штюрмер приказал мне заняться этим делом и тут же заметил, что переговорит по этому поводу с императрицей, которая от Григория наверное уже слышала некоторые подробности. Председатель совета министров пожелал, чтобы я на завтра доставил к нему Симановича, от которого он пожелал непосредственно услышать что-либо конкретное. Симанович был принят в моем присутствии Штюрмером, причем он так растерялся, что не мог путно сказать несколько слов.

Симанович впрочем ничего нового для

[1] Так в подлиннике.

меня не сообщил главе правительства, хотя тут, у Штюрмера, он впервые назвал фамилию Ржевского, который, по его словам, и должен был совершить убийство Григория.

По выходе от Штюрмера, Симанович передал мне, что его знакомый инженер Владимир Владимирович Гейне, бывший в дружеских, почти интимных отношениях с Ржевским, может рассказать мне все подробности задуманного министром внутренних дел покушения на жизнь Григория Распутина. В тот же день я имел возможность видеть этого инженера Гейне. Он рассказал мне, что журналист Ржевский, одно время находившийся в Нижнем-Новгороде, еще там сблизился с А. Н. Хвостовым,— бывшим тогда губернатором,— и эти отношения, по словам Гейне, возобновились в Петрограде.

Гейне говорил, что Хвостов сразу приблизил Ржевского, стал давать ему деньги, и по его приказанию, за счет департамента полиции, был организован в столице клуб, причем Ржевский явился главным организатором и деятелем этого собрания, которое должно было оказывать услуги правительству, освещая общественное настроение. Гейне смеясь заметил, что на это дело было выдано 8 000 рублей, что все кончилось тем, что в этом клубе в течение целой ночи ведется азартная игра. По словам моего собеседника, дела Ржевского, благодаря покровительству Хвостова, очень и очень поправились, и он расцвел пышным цветом: переехал на новую квартиру, завел свой шарабан и, видимо, зажил на широкую ногу, за счет императорского правительства.

Коснувшись деятельности Ржевского, Гейне сказал:

—«Хвостов постоянно звонит ему по телефону и дает самые ответственные поручения... Да вот, хоть бы например, организация покушения на убийство Распутина...».

И Гейне продолжал:

«Раз как-то Ржевский, под большим секретом, сообщил мне о том, что он был вызван министром внутренних дел Хвостовым, который, поделившись с ним своими взглядами на настоящий политический момент, сказал, что Россия гибнет благодаря Григорию Распутину, который пользуется совершенно сверхъестественным влиянием при дворе. В дальнейшем Хвостов дал понять Ржевскому, что лицо, которое так или иначе сумеет избавить Россию от Распутина, окажет великую услугу народу».

Далее Гейне утверждал, что Ржевский был командирован Алексеем Хвостовым в Христианию для переговоров с Иллиодором, так как убийство Григория должно было быть совершено под флагом Иллиодора.

— «На это дело,— говорил Гейне,— Хвостов ассигновал более 60 000 рублей, причем выдал Ржевскому ассигновку из канцелярии министра внутренних дел, которую он, Ржевский, никак не мог перед своим от'ездом разменять. Эта ассигновка и посейчас находится у Ржевского, а если не у него, то у его любовницы».

В это время Ржевский был уже арестован по ордеру товарища министра внутренних дел сенатора Белецкого, содержался в доме предварительного заключения. За несколько дней до моей беседы с Гейне я был у Белецкого и там, в приемной комнате, видел Ржевского, который выскочил из кабинета Белецкого крайне расстроенный и видимо недовольный результатом беседы с товарищем министра. Вскоре после этого Ржевский и был арестован.

Допрос Гейне был мною доложен председателю совета министров. На этот раз Штюрмера я застал крайне встревоженным, так как в Царском Селе уже были известны все подробности задуманного покушения. Императрица Александра Федоровна несколько раз вызывала Штюрмера, желая получить от него детали. Хвостов продолжал чуть не по два раза в день бывать у главы правительства, но Штюрмер не решался говорить с ним о деле Ржевского. Из ставки верховного главнокомандующего прибыл государь, который был тотчас же осведомлен о намерениях Хвостова. Царь, как и царица, взволновался и экстренно вызвал Штюрмера в Царское Село, поручил ему расследовать дело. Председатель совета министров тотчас же обратился к ближайшему своему сотруднику Гурлянду, который и взял на себя все расследование дела.

Ржевский несколько раз был допрошен Гурляндом, причем все это происходило в квартире председателя совета министров. Ржевский откровенно рассказал все подробности, но в последний момент картина резко изменилась. Дело в том, что как-то раз Ржевский остался наедине с Гурляндом и начальником охранного отделения генералом Глобачевым. По приказанию Штюрмера им был сервирован завтрак и Гурлянд угостил Ржевского большой рюмкой мадеры. Совершенно опьяневший Ржевский вдруг изменил свои показания и заявил, что был командирован министром внутренних дел Хвостовым в Христианию для переговоров с Иллиодором, относительно приобретения его книжки, посвященной Распутину. Ржевский утверждал, что 60 000 рублей предназначались никому иному, как Иллиодору. По поручению того же Штюрмера, я допрашивал любовницу Ржевского. Она подробно рассказала мне о сношениях министра внутренних дел с ее гражданским мужем и в категорической форме подтвердила, что Ржевский был командирован в Христианию для получения от Иллиодора благословения на убийство Григория. Любовница Ржевского представила в мое распоряжение хранившуюся у нее ассигновку из канцелярии министра внутренних дел на сумму 60 000 рублей.

Хвостов, конечно, был в курсе всего происходящего. Он очень многое знал от ге-

нерала Комиссарова и, главным образом, от Белецкого. Как-то раз, вечером, двоюродный брат министра внутренних дел И. С. Хвостов телефонировал мне, что министр желает меня видеть и просит приехать на Миллионную в квартиру графа В. С. Татищева. Я доложил об этом Штюрмеру, и, получив от него согласие, отправился на это таинственное свидание. Хвостов тотчас же начал говорить о деле Ржевского, причем старался всячески свалить вину на Белецкого, утверждая, что все разговоры об организации им покушения на Григория Распутина являются ничем иным, как плодом фантазии.

Григорий переживал очень тяжелые дни.

— «Понимаешь,— говорил он,— они, окаянные, уже сговорились с Иллиодоркой, а тот нашел царицынцев, которые согласились меня убить... Могут проморгать... Сегодня я был в Царском и видел самого папу, и он на меня орал и попрекал за Толстопузого... А я ему ответил: а разве Христос Июду ко столу не звал и не считал за своего...».

Далее Григорий говорил:

—«Толстопузый — сам не свой... Он уже несколько раз подсылал к Аннушке, а вчера был у нее... Он стал на колена и просил прощения... Аннушка — нюня... Она пригласила его на завтра обедать и пошла на перемирие, но я все сломал... Хотя он и не убил, но был уже возле крови, а потому министром ему больше оставаться нельзя...».

Несколько дней спустя А. Н. Хвостов был уволен... Императрица Александра Федоровна однако на этом не успокоилась. По ее приказанию Штюрмер командировал одного из состоящих при нем офицеров в Христианию, для свидания с Иллиодором и получения от него некоторых сведений касательно задуманного, но неудавшегося, поручения. Офицер этот разыскал Иллиодора и тот подтвердил ему, что к нему действительно приезжал Ржевский, который переговаривался с ним о необходимости, путем террористического акта, покончить с Григорием.

Некоторое время спустя в Петроград прибыла гражданская жена Иллиодора, которая тотчас же направилась к Григорию, имея к нему письмо от Иллиодора. Она сообщила Григорию массу подробностей, которые вполне подтверждали весь план организации и покушения на него и одновременно возбудила вопрос о разрешении Иллиодору прибыть в столицу.

—«Я еще раз,— сказал Григорий,— вытолкал смерть... Но она придет снова... Как голодная девка пристает...».

Назначение Штюрмера министром внутренних дел не обошлось без участия Григория.

—«Нужно, чтобы старикашка,— говорил он,— имел бы все в своих руках... Только тогда можно будет спать спокойно».

Вскоре после удаления с поста министра внутренних дел Хвостова, в Сибирь был послан Ржевский, и этим было ликвидировано все дело.

Политическое положение внутри России было крайне напряженным, но Горемыкин, стоявший во главе правительства, стремился держать правый курс, и, как в петроградских салонах, так в обществе и в печати, стали упорно говорить о возможности разгона Государственной думы.

— «Понимаешь,— говорил Григорий,— дедушка-то ходит все с ключами и хочет думу запереть... Я-то — против этого... Потому когда русский человек орет, он никогда злое не сделает, а вот когда молчит, когда у него на сердце, то держись...».

Митрополит Питирим, с которым я беседовал о создавшемся политическом моменте, был в высшей степени обеспокоен: он считал, что роспуск Государственной думы повлечет за собою большие внутренние потрясения, и из разговора с ним я вынес впечатление, что он может сыграть большую роль в дальнейших политических событиях.

Когда разговор коснулся возможных кандидатов на пост председателя совета министров, то находившийся тут секретарь владыки Иван Осипенко, хитро улыбаясь, упомянул фамилию Штюрмера.

Я знавал Штюрмера со времени Плеве, когда он был во главе департамента общих дел министерства внутренних дел. Несколько лет я его совсем не видел. Когда я услыхал упоминание его фамилии, как возможного главы правительства, я решил ему позвонить по телефону. Штюрмера не было дома, он находился в Английском клубе. И когда я ему сказал о том, что мне многое известно, он тотчас же назначил мне свидание у себя на квартире на Конюшенной улице.

Вечером я был у Штюрмера, и он подробно развивал свой взгляд на данный момент, причем говорил, что роспуск Думы являлся бы крупнейшей государственной ошибкой.

—«Необходимо найти соглашение,— говорил он,— я берусь установить доброе отношение...».

Разговор со Штюрмером был мною передан митрополиту Питириму, который высказал желание лично потолковать со Штюрмером. На завтра это свидание состоялось, причем Штюрмер заявил, что он всецело стоит на необходимости продолжения работ Государственной думы и что в этом направлении он вполне согласился с воззрениями Питирима.

Вскоре я узнал, что Питирим послал телеграмму царю, прося его дать ему аудиенцию. Николай II тотчас же ответил, что ждет его.

Питирим уехал в ставку верховного главнокомандующего, увозя с собою подробную записку об общем положении вещей, причем он уже обо всем условился со Штюрмером. Через два дня митрополит Питирим возвратился из ставки, и назначение Штюрмера было делом решенным.

Несколько дней спустя Штюрмер полу-

чил собственноручную записку от царя, в которой он приглашал его в Царское Село.

В первые же минуты вступления Штюрмера на пост председателя совета министров, пресловутый Илья Гурлянд стал полным хозяином положения.

Григорий, несомненно, был в курсе всего происходящего. Он говорил.

—«Старикашка ко мне шлялся, когда я жил еще в Английском проспекте... Он тогда хотел быть обером и угощал меня обедами, вместе со своею бабой».

Назначение Штюрмера его, безусловно, обрадовало.

—«Все будет... Потому,— хозяйничать будет свой».

Штюрмер решил обратить главное внимание на дамскую половину Царского Села, и, с первых же дней, между ним и Вырубовой установились дружеские отношения, причем он очень часто виделся как с императрицей Александрой Феодоровной, так и с Вырубовой.

Императрица почти каждое свидание, как мне передавал Штюрмер, говорила о Григории и просила Штюрмера оказывать ему всякое покровительство.

Распутин часто виделся с главой правительства. Несколько свиданий состоялось в Александро-Невской лавре.

Как только Штюрмер был назначен, Григорий увеличил свой «прием» и у него на Гороховой, в небольшой, грязной квартире, в среднем, бывало до 60 человек в день. Кого, кого только нельзя было встретить у знаменитого «старца». Большая часть посетителей являлись с прошениями.

Григорий пристально всматривался в лицо просителя и говорил:

— «Не роняй слезу... «Штритер (вместо Штюрмер он называл Штритер) все сделает».

На каждое свидание «старец» приготовлял целую массу прошений и передавал их председателю совета министров.

Штюрмер всегда обещал все исполнить, но большая часть прошений оставалась без всякого движения.

— «Собака... Поганый старикашка,— горячился Григорий, крестился, что все будет делать, а сам ни с места».

Когда на Гороховую являлась фрейлина Никитина, то Григорий на нее набрасывался и, стуча кулаком о стол, кричал.

—«Да что он о двух головах... Все обещает и ничего не делает... Он, поди, думает, что мама ему мирволит, и он может обойтись без меня... Если я только скажу слово — и старика погонят».

Отношения между Распутиным и Штюрмером с первых же дней стали натянутыми.

Председатель совета министров со своей стороны, говоря о Распутине, замечал:

—«Не могу же я исполнять все его желания... Он захотел автомобиль,— и я это устроил... Кроме того, я ему оказал целую массу любезностей».

Григорий однако не успокаивался и продолжал ругать Штюрмера.

Когда Штюрмер был назначен министром иностранных дел, Григорий был вне себя:

—«Какой же он хозяин в иностранных... Собака,— все себе забрать хочет... Хвастат, что румынцы пошли благодаря ему...» Они и без него бы пошли... А он, понимашь, эти... папу за горло схватил и оборудовал все там у него так, что мама даже ничего не знала... Вишь, как зазнался,— даже не пожелал посоветоваться с самой... Теперь все пойдет шиворот на выворот, и старикашке не удержаться... А тут еще старика Хвостова сунули во внутренние... Макарову дали юстицу... Понимашь,— Макарову... Врагу... Он меня, собака, из столицы выслать хотел, а теперь ему портфелью дали. Юстица и внутренние должны быть свои... Так и будет».

Однажды у Распутина особенно волновались действиями Макарова.

—«В тартарары его,—кричал Григорий,— коль не понимашь ничего. Мама ему пишет... Просит, а он, собачий сын, отвечат без внимания... Когда мама получила ответ, вся тряслась. Кого назначить... Юстицу особенно трудно... Арошка говорит про Добровольского... Говорит, что — свой... Пойдет, куда хочешь... Сделат, что хошь... Я его видел... Был у него на Каменноостровском... Шустрый... В глаза не смотрит... Арошка рекомендует... Арошка и отвечает... Через два дня будет гумага».

Два или три дня спустя, Григорий ругал последними словами своего близкого друга Арона Симановича:

—«Кого ты, собачий сын, в юстицу тянешь... Сегодня мне от мамы во как попало... Мама узнала много нехорошего... Твой старикашка не чист на руку...».

Знаменитый Арон старался всячески успокоить Григория:

—«Пустяки... Все чиновники берут. Чего ты горячишься... По крайней мере, будет — свой».

—«В глаза не смотрит,— отвечал Григорий,— одно слово, варнак... Он всю юстицу продаст... Смотри, Арошка... Еще нас надует...».

Следующее свидание Добровольского с Григорием несколько успокоило последнего.

—«Варнак-то умный... Обещал больше не грешить...».

Назначение Н. А. Добровольского состоялось уже после убийства Григория Распутина, причем весьма значительную помощь в этом деле оказал великий князь Михаил Александрович.

Мысль об убийстве все последнее время не покидала Григория Распутина.

Знаменитые «приемы» были отменены.

—«Боюсь,— говорил он,— чтоб кто-нибудь не пырнул ножем».

Вообще он проявлял большую нервность.

—«Все не так... Папа сам не знат, что хочет... С мамой нелады... Аннушка мечется как угорелая... Штритер напутал... В последний момент взял иностранные и думал ими прикрыться. Полез туда, куда не следовало... Чорт его попутал... Душа у меня все время неспокойна... Протопопов не пра-

вит, а танцует. Все звонит, совета спрашивает... Когда ж ему давали продовольствие, и папа на все согласился, он понятился назад...».

Иван Федорович Манасевич-Мануйлов.

Александров.

Из протокола допроса иеродиакона Игнатия[1] прикомандированным к представителю обер-прокурорской власти Е. Г. Даниловым, 14 июня 1917 г.

...О. наместник Филарет играл при митрополите Питириме большую роль, и недаром он и назначил его наместником. Между тем Филарет по своим нравственным качествам никоим образом не заслуживал этого места, так как не мог служить братии должным примером. Именно, все мы знали, что у него имеется сожительница Гущина и по словам многих, у него был даже от нее сын; Филарет предавался раньше открыто пороку — алкоголизму, и нередко можно было видеть в прошлые времена пьяным; да и это не секрет, так как за пьянство и за драку в пьяном виде он был сослан митрополитом Антонием в Серафимовский скит, а ранее за те же недостатки в киновию. Должен прибавить, что Филарет подозревался братией, в бытность его экономом, в том, что он не особенно осторожно обращается и с денежными суммами, т. е., устраивая сделки с подрядчиками, получает от них известные проценты; эти слова я могу подкрепить тем, что Филарет почему-то стремился лишь один, без всяких помощников, управлять довольно большим имуществом лавры и, хоть ему полагался помощник экономa, в лице иеродиакона, он не считал нужным назначить такового, а уверял, что справится один. Так он один был эконом, без помощника, года три-четыре, в каковое время производились самые капитальные ремонты лавры к двухсотлетнему ее юбилею, и, мне думается, что делал он это неспроста и, что несомненно, приобрел от этого материальную выгоду. Не могу не указать также на то обстоятельство, что в бытность Филарета экономом он был председателем строительной комиссии по постройке новой ризницы. Постройка этой ризницы всем известна и стяжала, можно сказать, скорее печальную известность, а именно: первоначально на ее постройку, по расчетам архитектора, было ассигновано около 150 000 рублей, между тем как после того, как возводится лишь фундамент и первый этаж, денег этих уже нехватает; ассигновывается на дальнейшую постройку новая сумма, но и ее нехватает, так как появляется желание выстроить ризницу в три этажа, вместо предполагаемых двух; приходится вновь производить ассигнования и таким образом ризница, вместо 150 000 рублей, обходится чуть ли не в 500 000 рублей.

Интересно отметить, что вся постройка носила совершенно хаотический характер и что несомненно в этом попользовался председатель строительной комиссии Филарет, или, как мы его называли, «строитель». Филарет заведывал также постройкой лаврского дома на Невском проспекте, лет пятнадцать-шестнадцать тому назад, и о характере этой постройки также ходили не совсем хорошие слухи. Так нынешний казначей о. Геннадий был назначен ревизором лаврского имущества; производил ревизию очень серьезно и нашел непорядки; когда на очереди стояло обревизование дома, строенного Филаретом, то последний, опасаясь строгого ревизора, добился того, что о. Геннадия услали в почетную командировку, по случаю 25-летнего освобождения болгар от турецкого ига, в Шипку, хотя митрополитом Антонием предназначался к этой командировке правитель дел о. Никифор. Так и постройка дома оказалась необревизованной. Слухи ходили, что архитектор, строивший этот дом, да он же, кажется, строил ризницу, построил и себе домик. Понятно, что и Филарет, по слухам, не остался обиженным и построил себе дачу в Парголове. Не лучше Филарета является и новый эконом о. Афанасий. Прежде всего он назначен на должность экономa по протекции Гущиной, так как мне достоверно известно, что Филарет и Афанасий были врагами, между тем как вдруг получает ответственную должность экономa. Я сам был очевидцем того, что накануне своего назначения о. Афанасий пробыл очень продолжительное время на квартире о. Филарета, в то время как он находился в отъезде с митрополитом Питиримом в имении лавры и в квартире оставалась лишь Гущина и ее прислуга. Свое предположение о протекции Гущиной я подтверждаю еще тем, что о. Афанасий старался все время после своего назначения посылать ей всевозможные припасы, принадлежащие лавре, например: рыбу, коренья и т. п.

...Посылал о. эконом Афанасий Гущиной и поросят и кур, и вообще хотел снискать себе благодарность Гущиной.

На ваш вопрос, какие мне еще известны злоупотребления в лавре, отвечаю, что о. иеромонах Герасим и о. иеродиакон Валентин сообщали мне следующее: подрядчик по столярной части Николаев подал счет о. эконому на четыре тысячи рублей (4 000 рублей), между тем, как этот же счет оказался впоследствии представленным в духовный собор уже в четырнадцать тысяч рублей. Этот счет касался ремонта квартир о. наместника, Гущиной, б. о. казначея Гедеона, о. экономa Афанасия, о. благочинного Стефана. Об этом факте перемены счета говорили о. Валентин, помощник экономa о. Дионисий. Последний также говорил о. Валентину, что подрядчики вообще жаловались ему на притязания, совершенно незаконные, о. экономa Афанасия, который всегда говорил под-

[1] Был смотрителем келий.

рядчикам: «Пишите, что хотите, а мне дайте».

..Добавляю, что мне известно, что у о. наместника Филарета неоднократно бывал Григорий Распутин и что на квартире Гущиной происходили веселые ужины, на коих присутствовали: епископ Исидор, Григорий Распутин, секретарь митрополита Иван Зиновьевич Осипенко, синодский чиновник Мудролюбов. На все эти ужины поставлялся из лавры необходимый провиант.

Иеродиакон Игнатий.
Данилов.

Из протокола допроса иеромонаха Герасима прикомандированным к представителю обер-прокурорской власти Е. Г. Даниловым, 21 июня 1917 г.

... Вскоре после назначения митрополита Питирима, наместником лавры был назначен архимандрит Филарет. Назначение это было не по душе братии и было встречено очень несочувственно, так как о. Филарет был очень груб с братией да и по своему прошлому не отвечал высокому званию подающего пример братии наместника: 1) он был сослан митрополитом Антонием за драку с послушником в лаврский скит на ст. Преображенская, 2) у него имеется как бы названная сестра, некая Гущина и племянники; однако вряд ли это его сестра, так как отношения их как-то загадочны. Я могу лишь сказать, что Гущина пользовалась большим влиянием на о. Филарета, часто бывала у него и вообще была в курсе всех дел лавры. Когда Гущина являлась в церковь, то богомолки определенно называли ее «пришла Филаретиха»; в церкви для нее стлали специальный коврик. Я ее презирал за ту тень, которую она своими отношениями к Филарету наводит на всю лавру.

Иеромонах Гераснм.
Е. Данилов.

Из протокола допроса К. Данилова[1] прикомандированным к представителю обер-прокурорской власти Е. Г. Даниловым, 30 июня 1917 г.

... Обыкновенно ремонтными работами заведывал лаврский эконом; при мне таковым был о. Филарет. Все счета я пред'являл через о. эконома в духовный собор на утверждение, а деньги выплачивал мне казначей. После того, как обыкновенно я получал деньги за свои счета, я являлся немедленно к о. Филарету и давал ему деньгами, в качестве подарка, не менее десяти процентов с полученного счета.

Если же я опаздывал на один, другой день и не приносил о. эконому Филарету этих, в виде подарка, денег во-время, о. Филарет был страшно сердит, ругался неприличными словами при встрече и сильно нажимал, так что по всему видно было, что хочешь не хочешь, — а деньги на подарок скорей давай. Так за мою работу по подрядам в лавре пришлось дать в виде взяток о. экономе Филарету не менее 10 000 рублей.

Записано с моих слов правильно.

Константин Данилов.
Е. Г. Данилов.

Из протокола допроса С. Нечаева[1] прикомандированным к представителю обер-прокурорской власти Е. Г. Даниловым, 1 июля 1917 г.

... С последним [о. Филаретом] я имел уже дело, когда он был заведывающим постройкой дома № 153 по Невскому проспекту. По этой его должности у меня с ним вышло столкновение, так как он прижимал меня, и я пожаловался о. наместнику Корнилию, который защитил меня и признал правым.

Поэтому, когда назначен был экономом Филарет, сразу же в первый же день вступления в свою новую должность, приказал мне устраниться от работ в лавре. Я принужден был этому подчиниться. Однако кто-то из подрядчиков, сейчас не помню кто, посоветовал мне прямо дать о. Филарету взятку и тогда я наверное буду опять приглашен для работ. Я побоялся дать ему деньги прямо в руки, а сделал следующее: завернул в конверт около двухсот рублей, написал свою фамилию на записочке и опустил этот пакетик в ящик для писем у дверей о. Филарета. На следующий день ко мне на квартиру явился о. эконом Филарет и разрешил мне сразу приняться за работу.

Таким образом я снова очутился подрядчиком столярных работ в лавре. Пробыл я таковым все время нахождения о. Филарета в должности эконома. Однако при нем способ скидывания с представляемых мною счетов совершенно изменился, а именно: все суммы, написанные в счете мною, проходили и утверждались собором; когда же я получал деньги наличными от казначея, то со всякого счета я старался немедленно нести в виде взятки о. экономе Филарету зафиксированную сумму, в размере десяти процентов счета. Бывало, если не отнесешь этих десяти процентов в день получки, то на следующий день — хоть не являйся на работы, ибо десятники прямо кричат, что о. эконом ругается площадной бранью и что они боятся при таких условиях работать и прямо отказываются. Но стоило лишь отнести эти деньги о. экономе, и он тотчас же умиротворялся. У рабочих моих так и выработалась поговорка, что если о. эконом ругается, то значит не получал. Так я ему, о. экономе

[1] Лаврский подрядчик.

[1] Подрядчик столярных работ.

Филарету, платил указанные десять процентов со счетов, в виде взятки, все время его нахождения в должности экономa, и это был закон не только для меня, но и для всех других подрядчиков.

Когда о. Филарет был назначен наместником, а на его место о. Афанасий, то я, считая, что уплата десяти процентов экономy является, ввиду дороговизны рабочих рук, тяжким бременем, решил этих взяточных денег не платить. Но не тут-то было. Не пожелал я уплатить по одному счету зафиксированных процентов о. экономy Афанасию, как он сейчас же приказал мне оставить работы в лавре, очистить тут же в один день мастерскую, а работы без всяких торгов передал подрядчику Николаеву.

Нечаев.
Е. Данилов.

Содержание, полученное Питиримом в 1916 г.

1. Штатное содержание от казны	4000 р.
2. Из ежемесячного раздела братских доходов:	
Январь	1 707—29
Февраль	1 683—10
Март	1 884—59
Апрель	2 151—72
Май	1 928—24
Июнь	1 525—84
Июль	1 320—58
Август	1 470—71
Сентябрь	1 458—03
Октябрь	1 773—72
Ноябрь	1 934—66
Декабрь (средняя цифра)	1 500—50
Итого	20 338—98
% полугодичные деньги	9 700—00
3. Третью часть из доходов лавры	70 327—37
А всего . .	100 466—35 к.[1]

Сведения даны о. наместнику.

Иеродиакон Корнилий.

К вопросу о имущественном положении декабриста кн. С. Г. Волконского

Сведения об имущественном положении декабристов вообще чрезвычайно скудны; что же касается декабристов Южного общества, то таких сведений еще меньше. Некоторый сводный материал в этом отношении (хоть и не вполне достоверный) дает составленная Следственной комиссией «Записка о состоянии и положении домашних обстоятельств преступников»[1]. При такой ограниченности приходится особенно ценить каждый документ, проливающий некоторый свет на хозяйство декабристов.

Публикуемый материал ценен тем, что освещает имущественное положение одного из виднейших членов Южного общества — кн. С. Г. Волконского.

Этот документ хранится в Полтавском краевом архиве в фонде фамильного архива кн. Репниных[2], в связке № 232, д. № 10. Это дело озаглавлено: «Две записки Сергея Григорьевича...». Из трех документов этого дела — два имеют одинаковый заголовок — «Записка по делам, матушке поручаемых».

Именно эту записку мы и публикуем. Из двух экземпляров этой «записки» одна писана рукой автора, имеет его собственноручную подпись; другая является точной копией первой. Каждый экземпляр написан на двух листах почтовой бумаги, по 4 страницы текста.

Сам документ не дает прямого указания на дату его написания. Но отдельные места в «записке» позволяют приблизительно установить время. Прежде всего можно сказать, что документ составлен не раньше конца 1825 г. Автор говорит об оброке за вторую половину 1825 г., о «полном отчете» за 1825 г., о недоимках за 1825 г., говорит о предполагаемых доходах на 1826 г. Вместе с тем есть указание в будущей форме на 1 мая 1826 г. (§ 18). Все эти данные позволяют притти к заключению, что «записка» написана зимой — весной 1826 г. Это мог быть канун ареста, сам арест и заключение в С.-Петербурге, в Петропавловской крепости. Аресту князь подвергся в последних числах декабря 1825 г. в Умани; перед этим он сжег свои

[1] «Красный архив», 1926 г., т. XV, стр. 164; Е. Щепкина, Извлечение из материалов о помещичьем хозяйстве декабристов, сб. «Декабристы и их время», 1932 г.; А. Козаченко, Декабрист кн. С. Г. Волконский, як помищик, «Записки Исторично-филологичного виддилу Укр. акад. наук, т. XVII; «Листи Волконьских», сб. «Рух декабристи», изд. ЦАУ.

[2] Малороссийский военный ген.-губ. кн. Н. Г. Репнин (Волконский) был родной брат декабриста. Ему как внуку умершего фельдмаршала кн. Н. Б. Репнина Александр I присвоил фамилию деда.

[1] Сумма подсчитана неправильно, следует 100 366 р. 35 к. (Прим. подлинника).

бумаги, так как после ареста Пестеля (13 декабря) ожидал и своего ареста.

Николай I приказал арестовать князя С. Г. Волконского 24 декабря 1825 г. «Тайный Комитет для изыскания соучастников возникшего злоумышленного сообщества к нарушению государственного спокойствия» 25 декабря 1825 г. сделал распоряжение об аресте Волконского [1].

Отсюда понятно назначение «записки»: она содержит ряд распоряжений доверительного характера, одновременно с рядом сведений о доходе, долгах и т. д. Волконский упоминает о делах в Одессе, Тульчине, Петербурге, т. е. везде, где он обыкновенно проживал и где во время написания документа не имел возможности лично провести называемые мероприятия. Возможно, что «записка» написана из крепости, куда Волконский был помещен с 15 января 1826 г. по личному приказанию Николая I так, что об этом было неизвестно даже смотрителю Алексеевского равелина. Неудивительно, что в тоне документа есть иногда нотки даже завещательного характера (§ 9, 11, 12 и т. д.). Во всяком случае, «записка» написана, очевидно, в промежутки времени от кануна до первых дней ареста и пребывания Волконского в Алексеевском равелине Петропавловской крепости.

Мать декабриста — кн. Александра Николаевна Волконская (дочь фельдмаршала кн. Н. В. Репнина) — фрейлина двора. Неудивительно, если именно о ней подумал Волконский, составляя свои имущественные распоряжения, часто требовавшие ходатайства влиятельных особ. В январе 1826 г. мать Волконского была в Петербурге.

Из упоминаемых вотчин князя — одна была в Нижегородской губ. (Каширинская), другая — в Ярославской (Заозерская) и частично в Московской губ. (Углицкий уезд). Значительная часть из этих вотчин перешла по наследству после смерти отца — кн. Гр. С. Волконского. В документе многие слова недописаны, встречаются места не вполне ясные, так как «записка» писана близкому для автора человеку, и он не считал нужным входить в подробные раз'яснения своих хозяйственных планов.

А. Козаченко.

Записка по делам, матушке поручаемых [2]

Статья I. О имении.

1. Нижегородской и Заозерской моими вотчинами управляет губ. рег. Ив. Алекс. Алексеев; живет в Ниж[нем]-Новгор[оде]. Позвольте ему непосредственно к вам относиться, он честной и усердной человек, ему известен весь ход дел. Вероятно, он ко мне входил с представлениями, на которые не мог получить ответа; предоставляю оные вашему разрешению. Буде по оным нужно взойти в сношение с Таврическом моем имением вы о сем распорядитесь с тестем [1].

2. В нижегород[ской] вотч[ине] оброк с души — по 30 руб. Годового дохода 45 000. В Зюзерье — по 25 руб., и по сему 16 075. Дробных по сим же имениям дохода может еще будет до 2 000, но оные имеют в оных же и назначение.

3. Из оброка второй половины года я получил только перед моим от'ездом 5 000, а соображаясь с сделанными мною назначениями, я полагаю мне недоставленными с Ниж[егородского] — 11 500 руб.; с Заозер[ской] — 6 787—50, сл. 18 287—50; ежели еще не были мне высланы и получены тестем, то ему доставить. От Алексеева же истребовать за 1825 год полный отчет, мною неполученный.

4. Уведомляю, что в Нижгородской вотчине окончательной раздел по частям сенокосных мест еще не кончен, в чем крестьяны весьма затрудняются.

5. Вам известно, что в учиненном с братьями [2] разделе в конце 1824 зделано только предварительная условная запись, окончательной акт необходим, в особенности в случае залога или продажи имения.

6. По сему же разделу назначено мне к уравнению моего удела пополнительное число душ; до моего от'езда я не имел о окончательном исполнении сего по имению донесения.

7. По сему же разделу поступило мне, как вам известно, определенное число душ из Тамалы, о чем необходим также акт; по неимению которого встречались уже мне затруднения; при совершении оного прошу доставить оной к тестю.

8. Братья и я имеем иск по следуемому нам наследству от княжне Н. Е. Волконской [3]; хождение по сему делу поручено в Москве Василью Васильевичу Чередееву, от которого последним уведомлением получил известие, что дело поступило в общее собрание сената моск. депар. Дело примите в ваше попечение.

9. По Заозерской вотчине есть запрещение по известному вам делу. Сие обстоятельство по вашему попечению приводилось к окончанью; не оставьте сие дело без вашего ходатайства.

10. Я приобрел покупкой от тайного советника и сенатора Григ. Нико. Рахманова

---

[1] ГАФКЭ, Журналы Тайного комитета, № 26, ф. XXI, п. I, протокол IX, л. 21.

[2] В тексте оригинала встречается несогласование в падежах, очевидно, в результате влияния литературного французского языка, а также и влияния местного языка.

[1] Генерал Раевский.

[2] Никита Григорьевич Волконский и Николай Григорьевич Репнин-Волконский.

[3] Об этом разделе см. работу А. Козаченко, Декабрист С. Г. Волконский, стр. 287 и др.

пустопорожнею степь [1], Таврической губернии Днепровского уезда, и введен во владение оной, но до ныне Рахманов находится в затруднении совершить купчею крепость, в чем встречаются большие неудобства. Приведение сего к должному окончанию необходимо по приближении десятилетнего срока. Я уверен, что Рахманов, по приглашению вашему приступит к совершению купчей крепости; желал бы, чтоб оная была сделана на имя моей жены [2], что согласно будет с другим моим распоряжением; ваше же заверение полагаю для Рахманова достаточным, но обстоятельство сие, до приведения к окончанию, не делать гласным ни жене, ни ее семейству. В силу условия, пошлины на мой щет. Если же Рахманов не даст вам положительного ответа на совершение купчей крепости, хотя и на мое имя, то нужно будет начать иск. По условию положено 160 000 неустойки, в которой он один виновен, мною ему сделаны своевременные уплаты. Сверх сего, он обязан будет пополнить убытки по сделанным расходам в имении на устроение оного.

Статья II. О назначении по доходу 1826 года.

11. Как выше об'яснено, выслано будет вам дохода 61 075 рублей. В апреле — 30 537 р. 50 коп., из которых поступит в дополнение высланных вами — 5 000; прошу выслать к тестю еще 8 000; остальные же 17 537 р. 50 коп. поступят на уплату процентов в ломбард. В октябре еще 30 537 р. 50 к., из оных тестю выслать 20 000, остальные же 10 537—50 на назначение по вашему усмотрению.

12. Вторично прошу, чтоб недоимычные за 1825 год были высланы по назначению к тестю. По моему назначению, ему предстоит много уплаты, по моим долгам, и желаю охранить от затруднения.

Статья III. По долгам и нужных сведений.

13. К составлению ведомости о долгах и к соображению средств о уплате оных нужны мне пояснения, по получению которых и по известности о прочих статей составлю и представлю, общий свод о счетных моих делах.

14. Я имею с сестрой [3] счет по уплатам за меня ею сделанным, так и по переводу при расчетах на меня долгов. О сем, как и по партикулярным Петербургских моих долгах — поверхностное имею только понятие, доверив сие сестре. Вы же получите об оном сведение из счетных дел сестры и по отчетам покойного Карина [1], которому в конце 1824 года дал я полную записку о следуемых платежам в Петербурге.

15. Нужно мне знать, приведен ли в исполнение заем известных вам 90 000 р. и согласна ли сестра на сделанные мною предложения, по нашим счетам, чем бы оказала большое пособие к устроению дел. При самом первоначальном расчете о уплате из займа назначено удовлетворить в Одессах г-жу Кирике — мой долг 21 000 руб., что полагаю уже не отменяемым; убедительно прошу из сего же займа уплатить в Одес. купцу Федору Никол. Ергарду 8 000 руб. и в Тульчине еврею Рувину Незгурицеру 10 000. Остальную же сумму займа распределить по возможности на уплату сестре и необходимейших петербургских партикулярных долгов и счетов, и прошу только уведомления, уплочены ли будут поясненные долги в Одессах и Тульчине, какие будут оставаться долги сестре и сколько именно буду должен еще по счетам и партикулярным займам в Петерб[урге].

16. О уплате г-же Кирике и о распоряжении вашем по долгам Ергарду и Незгурицеру уведомить тестя: ежели последует уплата, то через него и выслать им деньги; ежели же другое распоряжение, то для об'явления им о оном — прося вас в сем случае по оным велеть обратиться к вам и представить виды для удовлетворения при возможности.

17. Я имел в Одес. счет с конторою Никол. Ники. Демидова, по которому в 1824 году было сделано в петер[бургскую] кант[ору] Карином удовлетворение, но, полагаю, не сполна. Сведение о окончательном расчете прошу доставить.

18. Нужно мне сведение, можно ли ожидать скорого окончания по делу о запрещении по Заозерской вотчине, и невозможно ли обеспечить иск, наложенной свидетельством на Одесской мой дом, оцененной в 98 000 руб. в незгараемых матер... [2] и каковое свидетельство было принято по торгам в Киевской казенной палате и с 1 мая будет свободным, одесские дома имеют по залогам те же примущества, как дома в столице.

19. Для соображения нужно мне знать, сколько по разделу 1824 года назначено мне пополнительных число душ и при передаче поступят ли оные очищенны от долгов или запрещений — или с какими имянно [3].

---

[1] Купленная у Рахманова (приблиз. 1816 — 1819 гг.) степь — 10 тыс. десятин в Таврической губ. — осталась за С. Г. Волконским; здесь он начал строить имение — Ново-Репьевку.

[2] Мария Николаевна, урожденная Раевская.

[3] София Гр. — была замужем за кн. П. М. Волконским — из другой линии, б. начальником главного штаба при Александре I и министром двора Николая I.

[1] Карин — поверенный С. Г. Волконского в Петербурге.

[2] В подлиннике не дописано.

[3] Т. е. можно ли будет пустить эти души снова в залог.

20. Желаю иметь сведение, сколько на мне казенного долга, на каких залогах и с какого срока. В Нижег., или Заозер. вотчины есть ли свободные залоги или вскоре очистятся. Также когда именно платеж процент. по казенным и партикулярным долгам в Петербурге.

21. Ежели приступить необходимо будет к продаже Заозерской вотчины, по чему, полагаете, можно продать, считая цену по ревиз. душе.

22. Ежели денежные мои счеты с вами не приведены к окончанию, в чем именно они заключаются — итогом.

Кн. Сергей Волконский.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Правительственное сообщение о смерти А. М. Горького . . . . . —

Проект Конституции Союза ССР 3

Письма рабочих в «Звезду» и «Правду». С предисловием *М. Савельева* 19

Нелегальная работа большевистской фракции IV государственной думы (по документам департамента полиции). С предисловием *М. Л. Лурье* 61

Кронштадтское восстание 19[illegible] г. С предисловием *Ф. Петрова* . . . 91

Крепостные крестьяне села Барашева-Усада в первой половине XIX в. С предисловием *И. Кузнецова* 117

Волнения крепостных крестьян села Красный Кут. С предисловием *А. Шапиро* 151

Строительство Днепровской верфи в XVIII в. С предисловием *П. М.* 169

Неопубликованные письма А. С. Пушкина. С предисловием *М. Светловой* 181

Из записной книжки архивиста

Пролетарский Красный крест в Петрограде. С предисловием *М. Л.* 191

Александро-Невская лавра накануне свержения самодержавия. С предисловием *Е. Чернявского* 200

К вопросу об имущественном положении декабриста кн. С. Г. Волконского. С предисловием *А. Козаченко* 211

Ответственный редактор **Я. Берзин.**

Редакционная коллегия: **В. Максаков.** (зам. ред.), **С. Пашуканис, Ф. Ротштейн.**

Сдано в производство 2/VIII 1936 г. Подписано к печати 27/VIII 1936 г. Статформ. Б. 176×250. 13½ п. л. 60 480 зн. в п. л. С.-Э. (п.) № 33. Зак. 1012. Уполномоченный Главлита Б—24590. Выпускающий А. Налимов. Тираж 3 850.

18-я типография треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., 10.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

ЦЕНТРАРХИВ СССР и РСФСР

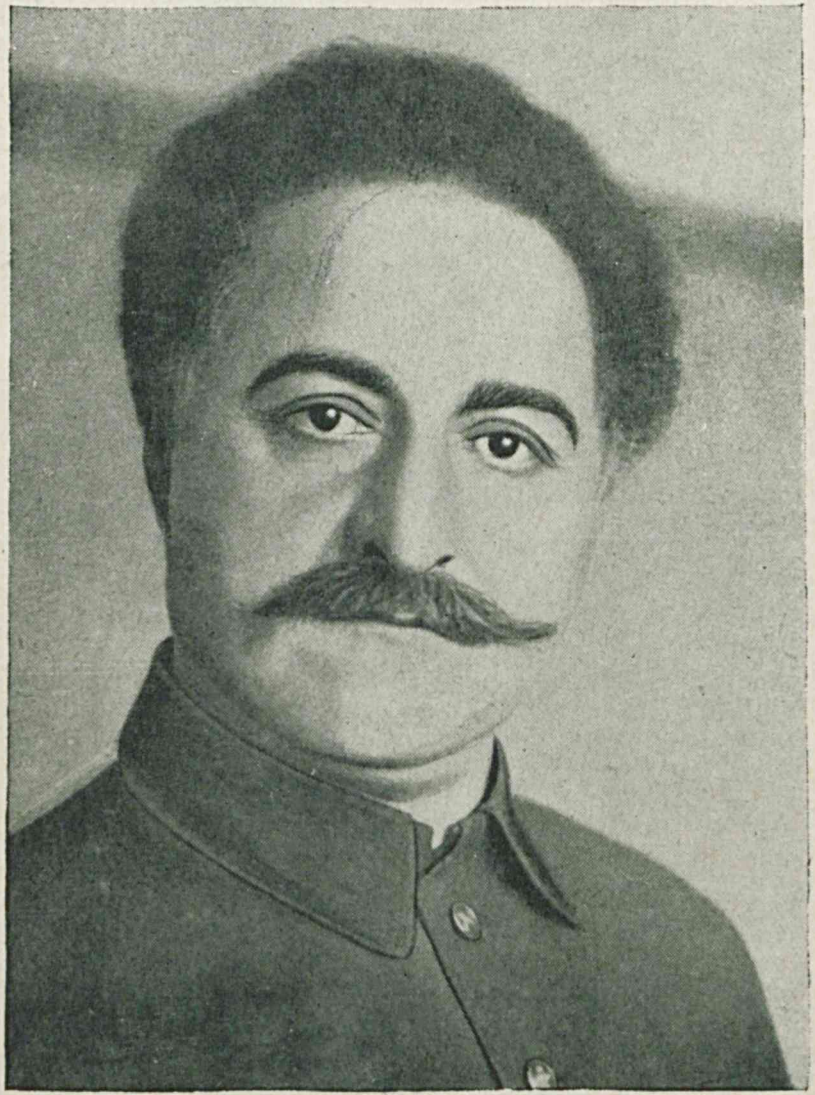
КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ПЯТЫЙ
(СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ)

1936

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1936



Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ

Товарищу **ОРДЖОНИКИДЗЕ,**
Григорию Константиновичу.

Дорогой Григорий Константинович,

Центральное архивное управление СССР и редакция журнала „Красный архив" горячо приветствуют Вас в день Вашего пятидесятилетия.

Ваш боевой жизненный путь большевистского подполья, гражданской войны и строительства социализма служит лучшим примером верности принципам нашей великой Коммунистической партии, мужества и большевистской непримиримости в борьбе, умения ставить великие задачи и осуществлять их в реальной действительности

Желаем Вам, верному соратнику Ленина и Сталина, долгих лет жизни и работы, неразрывно связанных со строительством и победами социализма.

Центральное архивное управление СССР.

Редакция журнала „Красный архив".

К деятельности Г. К. Орджоникидзе в годы гражданской войны

(Из документов Центрального архива Октябрьской революции и Центрального архива Красной армии)

Декрет Совета Народных Комиссаров о чрезвычайном Комиссариате южного района 11 апреля 1918 г., № 1345 [1]

Чрезвычайному комиссару Совета Народных Комиссаров тов. С. Орджоникидзе поручается организовать под своим председательством временный чрезвычайный Комиссариат южного района, об'единяющий деятельность Крыма, Донской области, Терской области, Черноморской губернии, Черноморского флота и всего Северного Кавказа до Баку.

Цель Комиссариата: неуклонное проведение директив центральной Советской власти на суше и на море, концентрированная борьба с буржуазной контрреволюцией, упрочение Советской власти в районе своей деятельности, поддерживание прямой связи областей с Советом Народных Комиссаров.

Чрезвычайный Комиссариат составляется из председателя и из представителей областей и флота, по одному от каждой, по соглашению между полномочными органами областей и председателем Комиссариата.

Чрезвычайный Комиссариат имеет право контроля над деятельностью всех советских учреждений в районе. Совнаркомы, Совдепы, ревкомы, ревштабы района, как и полномочный орган флота действуют в полном контакте с чрезвычайным Комиссариатом как представителем центральной Советской власти в районе.

Председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ульянов (Ленин).

Народные комиссары: И. Сталин. Чичерин. Луначарский.

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров Вл. Бонч-Бруевич.

Секретарь Совета Н. П. Горбунов.

Телеграмма тов. Орджоникидзе В. И. Ленину, 3 октября 1918 г.[2]

Москва — Ленину, Царицын — Сталину, Совдепу и всем всем.

Станицы Карабулакская, Асинская, Троицкая и Нестеровская в наших руках; в казачьих станицах мобилизованы от 20 до 45 лет; вчера ночью на 18 сентября станция Михайловская и курорт Серноводск были заняты нами; настроение наших и казаков боевое; командующий крестьянской Красной армии Сунженской линии Терской республики — Дьяков; 16 сентября на город Грозный казаки наступали густыми колоннами, но оставив более 1 000 человек убитыми и ране-

[1] ЦАОР, ф. 1235, оп. 52, д. № 70, ч. II, 1918 г., л. 1.
[2] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. № 17, 1918 г., лл. 71—72.

ными, 150 человек пленными, отступили назад; большинство пленных заявляют, что они не хотели воевать против Советской власти, но их гнали на бой насильно; грузинское правительство вступает в переговоры с Алексеевым, уполномочив на это Гегечкори.

Орджоникидзе.

Телеграмма тов. Орджоникидзе В. И. Ленину, 15 ноября 1918 г.[1]

После очищения Грозненской станицы 13 утром, три сотни казаков с гаубицей, красным знаменем перешли на нашу сторону [от] ст. Самашинской, после чего сама станица была занята без выстрела, следующие станицы Романовская и Ермоловская сдались также без боя. Сегодня утром из Владикавказа в Грозный прибыл наш бронированный поезд, было взято нами девять орудий, два бронированных поезда, бронированный автомобиль, 1 000 снарядов, масса винтовок, патронов, 12 пулеметов, бомбометов, минометов, зарядных ящиков, перевязочных материалов и прочее военное имущество, количество которого продолжается выясняться. Среди казаков полное разложение. Полковник, руководивший операциями контрреволюционных банд, застрелился. Другие офицеры бежали. Трудовое казачество встречало советские войска красным знаменем и хлебом с солью.

Среди Терского казачества решительный перелом. Продолжаем дальнейшее развитие наших операций. Подожженный офицерскими бандами резервуар потушен. Старые промысла в Грозном нами заняты. Приступаем к тушению нефтяных пожаров на новых промыслах и к организации добычи нефти.

В связи с победами в Владикавказе были митинги и манифестации. Настроение Красной армии великолепное. Казаки массами записываются в Красную армию.

Орджоникидзе.

Телеграмма тов. Орджоникидзе В. И. Ленину 1 декабря 1918 г.[2]

Нашими войсками заняты станицы Эльдарово, Наурская, Мекенская, Калиновская, Николаевская. Население всюду восторженно встречает наши войска.

Оживленный бой с остатками бичераховских банд. Взято одно горное орудие, 500 винтовок, масса патронов, снарядов. Нами обезоружено несколько осетинских сел, являвшихся гнездом офицерских банд; взято пять орудий и бронированный автомобиль. Подсчет винтовок идет. Наши славные красноармейцы каждый день наносят мощные удары бичераховским бандам. Надеемся через несколько дней совершенно очистить Терскую область от контрреволюционных банд.

Орджоникидзе.

Телеграмма тов. Орджоникидзе В. И. Ленину, 7 февраля 1919 г.[3]

Бой вокруг города Владикавказа и в Ингушетии продолжается 7 день; все ингуши, как один человек, восстали на защиту Советской власти; Красная армия, Курская и Молоканская слободки героически отражают натиск контрреволюционных казачьих банд; на с'езде воору-

[1] ЦАКА, д. № 50—373, л. 5.
[2] ЦАКА, д. № 50—373, л. 110.
[3] ЦАКА, д. № 50—564, л. 35.

женного ингушского народа 4 февраля, по моему предложению, провозглашена независимая Горсоветская Республика; Чечня совместно с красноармейцами отражает банды, вокруг города Грозного казаки Сунженской линии под командой тов. Дьякова твердо держатся за Советскую власть, громя артиллерией контрреволюционные станицы; среди ингушей — небывалый под'ем духа, ждем вашей помощи для окончательного сокрушения контрреволюции на Северном Кавказе.

Орджоникидзе.

Телеграмма тов. Орджоникидзе тов. Сталину [ноябрь 1919 г.] [1].

Реввоенсовет XIV армии от души поздравляет Вас с великой наградой орденом Красного Знамени, полученной Вами во 2 годовщину торжества Советской власти.

XIV армия гордится вами и убеждена, что под вашим товарищеским руководством она вместе с другими армиями южфронта раз навсегда сокрушит банды генерала Деникина. Крепко целуем вас.

Командарм Уборевич.

Член РВС Орджоникидзе.

Приказ войскам XIV армии, 7 ноября 1919 г. [2]

Товарищи красноармейцы!

Сегодня вся трудовая Россия и весь трудящийся мир празднует годовщину Великой Октябрьской Революции.

25-го Октября восстанием рабочих, крестьян и солдат, была свергнута ненавистная народу власть Керенского. Власть была вырвана из рук буржуазии и перешла к Советам. Советская власть дала крестьянам землю, отобранную у помещиков, уничтожила частную собственность капиталистов на фабрики, заводы, дома и банки.

Все это стало достоянием трудящихся.

Советская власть об'явила беспощадную борьбу против господствующих классов России и всего мира.

С тех пор, с октября 1917 года, вот уже два года идет жестокая гражданская война.

На одной стороне рабочие и крестьяне, на другой помещики и капиталисты, русские и иностранные хищники, которые хотят вернуть себе жирную добычу и поработить русский трудовой народ.

Товарищи красноармейцы, два года идет война за счастье трудящихся, за их власть и права.

Вам, Красной армии, принадлежит в этой войне первое место и это место вы должны за собой сохранить, стоя неизменно в авангарде Революции.

Два года Революции стоят рабочему люду неисчислимых жертв, вы должны их оправдать.

Два года строится здание коммунистического рабочего государства.

На вас ложится обязанность его защитить от врагов.

Два года помещики и капиталисты, опираясь на международных разбойников империалистов, терзают тело Советской России. Ваша обязанность их уничтожить и тем кончить гражданскую войну.

---

[1] ЦАКА, д. № 16—031, л. 190.

[2] ЦАКА, ф. № 96, д. № 2.

Товарищи красноармейцы! Вся трудовая Россия, весь рабочий мир ждет от вас победы.

Вы можете и вы должны ее дать.

Вспомните славные походы против вампиров Корнилова, Каледина, Краснова, Скоропадского, Петлюры, Колчака.

Красная армия имеет за собой не мало побед над подлыми царскими генералами.

Деникин — последний из них.

Уготовьте ему судьбу его предшественников.

Эта судьба уже поджидает его.

На всех фронтах Красная армия неудержимой лавиной движется вперед, уничтожая и рассеивая врага.

А ей навстречу из донских и кубанских степей, из кавказских гор, из Украины, подымется могучая волна рабоче-крестьянских восстаний.

А там на западе рабочий крепко держит в руках хищную буржуазию, бессильную помочь своему лакею Деникину, и скоро свалит ее совсем в пропасть по примеру русских рабочих и крестьян.

Товарищи красноармейцы! Никогда еще положение врага не было так отчаянно, ни разу еще победа окончательная, последняя победа не была так близка.

Вас ждут рабочие и крестьяне Украины, Дона, Кубани и Кавказа.

Вся Советская Россия ждет от вас подарка к великому Октябрьскому празднику.

Подарите рабочим и крестьянам победу, уничтожьте Деникина.

На бой кровавый, святой и правый.

Вперед к победе.

Реввоенсовет XIV армии Уборевич. Орджоникидзе.

Брянск.

Приказ войскам XIV армии, 13 ноября 1919 г.[1]

Червонные казаки прорвали фронт в районе Ржава — Фатеж, разбив корниловцев и офицерский батальон, и всей массой двинулись на Льгов, действуя по тылам противника.

Для полного разгрома противника приказываю: всем начдивам и комиссарам принять самые решительные меры к энергичнейшему продвижению вперед.

Ни ночь, ни непогода не должны останавливать части к достижению полного разгрома офицерско-деникинских банд, что возможно и очень легко, если стремительным ударом части дивизии будут гнать противника на действующую в его тылу нашу кавалерию.

Командарм XIV Уборевич.
Член РВС Орджоникидзе.

Приказ войскам XIV армии, 31 декабря 1919 г., № 179[2]

С новым годом, дорогие товарищи красноармейцы, командиры и комиссары.

Минувший 1919 год прошел под знаком решительной борьбы и гражданской войны с врагами рабочего класса и трудящихся масс России,

[1] ЦАКА, д. № 205—168, л. 70—71.
[2] ЦАКА, ф. 96, д. № 2.

Г. К. Орджоникидзе.
1919 г. Южный фронт.

Украины, Латвии и других народов, с крепостниками, помещиками, насильниками-генералами и угнетателями-капиталистами, все время поддерживаемыми мировой контрреволюцией, и все время стремившимися свергнуть рабоче-крестьянскую власть и установить свое дикое господство и свою дикую тиранию.

Под ударами этой черной рати погибли молодые советские республики в Латвии, Литве, Белоруссии, Венгрии и Баварии. Генералу от иностранной российской контрреволюции и душителю рабочих и крестьян, Деникину временно было удалось установить господство помещиков и капиталистов на Украине и грозить сердцу мировой социалистической революции — Советской Москве.

Это временное господство генералов, помещиков и капиталистов покрыло свой путь кровавыми и дикими расправами над рабочими и крестьянами юга России: пытками, расстрелами женщин и детей, зверскими расправами над революционными рабочими и крестьянами.

Рабоче-крестьянская Красная армия, остановив движение деникинских орд и разбив их в славных исторических битвах, освободила большую часть Украины от помещичьей, капиталистической тирании. Теперь, когда рабоче-крестьянская Красная армия неудержимо движется вперед, освобождая Донецкий бассейн, Дон, Украину и Сибирь, когда российская контрреволюция рассыпается как пыль, Революционный Военный Совет XIV армии пламенно приветствует вас, красные герои, с наступающим новым 1920 годом, призывает вас напрячь все силы для окончательного, смертельного удара врагам Советской власти.

Товарищи красноармейцы! Окончательная победа Советской власти в России будет означать скорую победу рабочего класса во всем мире.

Да здравствует рабоче-крестьянская Красная армия, на своих штыках несущая освобождение всего мира.

Да здравствует мировая Советская власть.

Командарм XIV: Уборевич.

Члены Реввоенсовета: Орджоникидзе. Рухимович.

Телеграмма РВС армий Кавказского фронта В. И. Ленину, 26 марта 1920 г., № 1075/п [1].

Грозный занят, необходимо подвозить нефть, серьезные повреждения мостов, для восстановления которых необходима срочная высылка двух горемов [2], о чем ходатайство уже возбуждается. В настоящее время необходимость в них более увеличилась, почему РВС фронта просит ускорить разрешение этого вопроса. Вместе сим РВС просит о доставке порожняка цистерн по мере надобности.

РВС фронта: Тухачевский. Орджоникидзе.

Приказ войскам Кавказского фронта, 26 марта 1920 г., № 418 [3].

Об'является копия телеграммы Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов.

«Командующему кавфронтом Тухачевскому, члену РВС кавфронта Орджоникидзе.

---

[1] ЦАКА, д. № 175—891, л. 207.

[2] Горем — головной отряд ремонтных мастерских.

[3] ЦАКА, ф. № 111, д. № 1, ч. I.

Р.С.Ф.С.Р. 1538

8-й Всероссийский Сезд Советов ~~Рабочих~~ крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов.

АНКЕТНЫЙ ЛИСТ

1/Фамилия имя и отчество Орджоникидзе Григорий Константинович.

2/№ делегатского билета Фем.

3/ Возраст 34

4/Национальность Грузин

5/К какой партии принадлежите РКП

или сочувствуете

6/От какого Совета делегированы

А/ Губернского Кавказского Сезда

б/ уездного

в/районного

г/волостного

д/сельского

7/Как производились выборы

а/от сезда

б/от совета

в/от Исполкома

г/от ревкома

д/от дивизии

На митинге

8/От какого количества избирателей население

9/Участвовали ли Вы в предыдущих сездах Советов в 1-м/2-м/ 2-м 4-м, 5-м, 6-м, 7-м

10/Какое образование получили Академия

11/Какую Советскую работу в настоящее время выполняете

Член РВСкавфронта

12/Пострадали ли вы от контр-революции ———

ПРИМЕЧАНИЕ:

Подпись Гр. Орджоникидзе

22/XII 20 г.

Товарищи, руководимые вами красные войска геройским наступлением разбили последний оплот помещичьей и буржуазной контрреволюции. Уничтожив банды Деникина, вы увенчали дело армии, [для] которого рабочие и крестьяне России в течение 2 лет приносили неисчислимые жертвы, и завоевали для всех трудящихся России возможность мирного труда во имя коммунизма. Вы выполнили свой долг. Слава красноармейцам, командирам и комиссарам кавказского фронта. Да здравствует Красная армия. Да здравствует Советская власть от Черного моря до Ледовитого и Тихого Океана».

Командующий фронтом и член Революционного военного совета

Тухачевский.

Приказ войскам Кавказского фронта, 1 апреля 1920 г., № 395[1].

Кубанское казачество не связало своей судьбы с авантюрой Деникина и, сознав свое заблуждение, отказалось от борьбы с Советской Россией и при действиях Красной армии в Кубанской области массами начали сдаваться добровольно, складывая оружие. Революционный совет фронта постановил: всех пленных кубанских казаков, вахмистров, урядников, приказных и казаков, за исключением вступивших в ряды деникинской армии добровольно, распустить по домам для предстоящих полевых работ, вместе с тем Революционный совет фронта предупреждает, что в случае если кто-либо из освобожденных с оружием в руках встанет против Советской России, то виновные будут беспощадно расстреливаться, а жилье их уничтожаться. Приказ ввести в действие по телеграфу и опубликовать во всех органах печати.

Командующий фронтом Тухачевский.
Член РВС фронта Орджоникидзе.

Телеграмма тов. Орджоникидзе В. И. Ленину[2].

Освобождение от белых всего Северного Кавказа, Кубани, Ставрополя и Черноморья, Терской, Дагестанской областей стало совершившимся фактом. Осетины, ингуши, кабардинцы, дагестанцы, балкарцы проникнуты полным сознанием могущественности Соввласти и безграничным доверием к ней. Революционное настроение масс во многих местах достигает такого напряжения, что еще задолго до прихода к ним Красной армии население, по собственной инициативе, сбрасывает власть белых, избирает ревкомы, всегда состоящие исключительно из одних коммунистов. Владикавказ, Грозный, Дербент изгнали белогвардейцев, создав свои повстанческие ревкомы ранее прихода Красной армии. Старые работники выходят из подполья и руководят повстанческим движением. Население жаждет прибытия представителей центральной Соввласти, требуя распоряжений и инструкций от центра и только центра. Командующему повстанческими войсками тов. Гикало вручен орден Красного Знамени. Повстанческий отряд,— великолепно дисциплинированная войсковая часть, влился в регулярную армию, представлен к Красному Знамени; в Черноморье все время действовал организованный повстанческий отряд во главе с ревсоветом из старых наших партийных товарищей. С отрядом поступлено на общих основаниях.

Орджоникидзе.

Телеграмма тов. Орджоникидзе В. И. Ленину[3]

2 апреля в Грозном был созван тов. Гикало с'езд чеченцев со всех аулов, по три представителя от каждого. Настроение революционное и определенно советское. Заслушав мои и тов. Кирова приветствия, доклад о текущем моменте и задачу Соввласти на Северном Кавказе, с'езд единогласно высказался за восстановление на Чечне Соввласти

---

[1] ЦАКА, д. № 174—744, лл. 224—225.
[2] ЦАОР, ф. 130, оп. 19, д. № 44, лл. 2—23, 1920 г. На подлиннике помета: «Принята в Москве 2 апреля 1920 г., 9 ч. 48 мин.».
[3] ЦАОР, ф. 130, оп. 19, д. № 44, 1920 г., лл. 4—5. На подлиннике помета: «Принята в Москве 7 апреля 1920 г., 1 ч. 57 мин.».

и порядка и выразил желание скорейшего разрешения земельного вопроса. Назначен ревком из пяти лиц, исключительно чеченцев, которому поручено установление твердого революционного порядка и представить в недельный срок проект и материалы по земельному вопросу. Быстрая ликвидация векового угнетения горцев казаками парализует в корне пропаганду последователей Узум-Ходжи, сторонников бывшего горско-дагестанского правительства, и Нури-паши, находившихся, по слухам, в горах Дагестана. На с'езде принята резолюция, вам уже посланная. Искренне революционным сильным под'емом масс и красными знаменами мы были встречены на ст. Назрани. Представителями всей Ингушетии так же, как и в Чечне, назначен ревком из пяти лиц ингушей. Мы об'ехали разрушенные казаками крупные аулы Сурхоя и Экажево. Настоятельно необходимо оказать им помощь, как финансовыми так и строительными материалами для восстановления этих аулов. Посланные в мое распоряжение два миллиона аршин мануфактуры предполагаю распределить между детьми горцев, которые ходят буквально в рубищах.

Орджоникидзе.

Телеграмма предревкома Терской области В. И. Ленину, 30 апреля 1920 г.[1]

Передаю копию телеграммы, полученной от тов. Орджоникидзе: «С 27 на 28 в два часа ночи власть в Баку перешла Азербайджанскому ревкому, провозгласив Советскую республику; в 4 час. вышли наши бронепоезда следить за Черноморским побережьем, сообщите Ильичу. Орджоникидзе».

Предревком Терской области [подпись].

Телеграмма командарма XIV тов. Орджоникидзе, 30 апреля 1920 г.[2]

Передается телеграмма на ваше имя.

«30 апреля 1920 г., г. Кременчуг. Дорогой тов. Орджоникидзе, не откажите передать следующее: Реввоенсовет XIV армии от имени всей армии с чувством величайшей радости встретил весть о свержении капитала и водружении Красного знамени над дымящимися вышками Баку. Пусть Красный Баку, подобно дымящейся лавине источников, привлекших внимание народов Востока, ходивших на поклонение, станет красным факелом для угнетенного империализмом Востока. Героизм же и неустрашимость бакинского пролетариата, взявшего власть в свои руки, в твердыне английского капитала, да содрогнет старый мир и возрадует сердце трудящихся мира.

Да здравствуют славные вожди Красного Азербайджана.

Да здравствует мировая революция. № 357.

Командующий XIV армией Уборевич.

Член Реввоенсовета Рухимович».

Приказ войскам Кавказского фронта, 11 мая 1920 г., № 770[3].

10 мая 1920 года я произвел смотр войскам XI армии, находящимся в Баку. С глубоким удовлетворением констатирую высокие боевые качества виденных мною войск. Несмотря на грандиозный переход с боями от Астрахани до Баку, части поражали своим бодрым видом и выправкой. Бойцы Красной армии, покрывшие себя неувядае-

[1] ЦАКА, д. № 76—746, л. 89.
[2] ЦАОР, ф. 130, 1920 г., оп. 19, д. № 44, л. 29.
[3] ЦАКА, ф. № 111, д. № 1.

мой славой на поле брани, на смотру показали себя прекрасно дисциплинированными и организованными боевыми единицами.

Солдаты Красной XI армии.

Кровью вы запечатлели свою верность делу революции и Советской власти. Вашими тяжкими боевыми трудами достигнута блестящая победа и положен один из основных устоев здания хозяйственной мощи нашей страны.

Ваши подвиги бессмертны. Они войдут в историю.

Сегодня же пусть будет вашей наградой приветственные крики ликующих граждан родной нам Азербайджанской Советской республики, видящих в вас друзей и братьев.

За смотр выражаю всем красноармейцам, командирам и комиссарам свое товарищеское спасибо.

Командующий фронтом Тухачевский.

Член революционного военного совета Орджоникидзе.

Телеграмма тов. Орджоникидзе В. И. Ленину, 13 июля 1920 г.[1]

Мир между Грузией и Азербайджаном подписан. Восстание в Карабахе ликвидировано, захвачено 8 орудий с упряжью, лошадьми, 26 пулеметов, большие склады огнеприпасов, винтовок и пулеметов. Вожаки движения, во главе с Нури-пашей, бежали. Спровоцированное темное крестьянство, после оставления их вожаками, взялись за помещичьи дома, их поселки. Сегодня в 12 часов первое торжественное заседание бакинского совета. После завтра выезжаю в Северный Кавказ.

Орджоникидзе.

Телеграмма тов. Орджоникидзе в РВС Кавфронта, декабрь 1920 г.[2]

Только-что получено из Эривани сообщение: старое правительство свергнуто, вся власть передана военному командованию до прибытия ревкома. Ревком в настоящее время в Делижане. Итак еще одна Советская Республика. Да здравствует Советская Республика Армении.

Орджоникидзе.

Выписка
из протокола № 29 заседания Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов от 19 мая 1921 г.[3]

Слушали	Постановили
О награждении тов. Орджоникидзе Орденом Красного Знамени. (Внесено тт. Фрунзе и Ворошиловым.)	Утвердить.

[1] ЦАКА, д. № 119—099, л. 95.
[2] ЦАКА д. № 248—555, л. 224.
[3] ЦАОР, ф. 1235 оп. 31 д. № 38, 1921 г., л. 53.

№ 7642.9
1905
ДѢЛО
ДЕПАРТАМЕНТА
ПОЛИЦІИ.
ДѢЛОПРОИЗВОДСТВО
О Григоріи Орджоникидзе
Начато 19 I 190 года
Кончено 190 года
4 листахъ

Некоторые даты подпольной партийной работы Г. К. Орджоникидзе[1]

1903—1912 гг.

1903—1905 гг.

Г. К. Орджоникидзе в 1903 г. вступил в РСДРП и состоял во фракции большевиков; работал в Западной Грузии в качестве пропагандиста-агитатора; в 1905 г. принимал деятельное участие в революционном движении в м. Гудаутах (Сухумский округ, на Кавказе); «на митингах произносил речи, призывающие к ниспровержению существующего государственного строя».

(«Правда» № 255 за 1926 г.; «Известия» № 256 за 1926 г.; донесение помощника начальника Кутаисского губернского жандармского управления в Сухумском округе в департамент полиции, 31 декабря 1906 г., № 670.— ДП, VII, 1905 г., д. № 7642, лл. 11—12.)

24 декабря.

Арестован близ м. Гудауты на берегу моря, в числе 10 лиц, во время выгрузки оружия и патронов «несомненно для целей революционного движения». На месте ареста найдены программа РСДРП и письмо

[1] Составлено М. Сыромятниковой по материалам следующих архивных фондов: Департамента полиции, Московского и Петербургского охранных отделений.

комитета Армянской с.-д. партии «гнчакистов» в м. Гудаутах на имя гудаутской организации с.-д. рабочей партии.

Содержался в Сухумской тюрьме.

(Сведения пом. нач. Кутаисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 7 января 1906 г., № 4 и донесение его от 31 дек. 1906 г., № 670, с описью вещественных доказательств.— ДП, VII, 1905 г., д. № 7642, ч. 9, лл. 1—2 и ДП, VII, 1905 г., д. № 7642, лл. 4 и 11—12.)

30 декабря.

Привлечен Кутаисским губернским жандармским управлением к дознанию по 2 ч. 126 ст. уг. ул.

(Там же, л. 6.)

1906 г.

25 мая.

Освобожден из тюрьмы на поруки под залог 500 рублей.

(Уведомление Кутаисского губернского жандармского управления в департамент полиции 25 мая 1906 г., № 270.— Там же, л. 3.)

До окончания дознания скрылся за границу.

(Донесение помощника начальника Кутаисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 31 декабря 1906 г., № 670.— ДП, VII, 1905 г., д. № 7642, лл. 11—12.)

Проживал в Берлине 4 месяца.

(Сведения Бакинского губернского жандармского управления в департамент полиции, 12 ноября 1907 г., № 2563 — ДП, VII, 1907 г., д. № 7889, лл. 5—6.)

19 ноября.

Привлечен к дознанию дополнительно по 1 ч. 129 ст. уг. ул. в связи с делом о выгрузке оружия.

(Донесение помощника начальника Кутаисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 31 декабря 1906 г., № 670.— ДП, VII, 1905 г., д. № 7642, лл. 11—12.)

29 декабря.

Прокурором Кутаисского окружного суда мера пресечения изменена на содержание под стражей.

(Уведомление помощника начальника Кутаисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 29 декабря 1906 г., № 660.— ДП, VII, 1905 г., д. № 7642, ч. 9, л. 4.)

1907 г.

Проживая нелегально в Балаханах (Баку), являлся «довольно видным партийным работником Бакинской организации РСДРП».

(Донесение Бакинского губернского жандармского управления в департамент полиции, 6 ноября 1907 г., № 4861.— ДП, VII, 1907 г., д. № 7889, л. 7.)

18 июня.

Разыскивался циркуляром департамента полиции от 18 июня 1907 г. за № 150032/9.

(Розыскные циркуляры за 1907—1909 гг., л. 48 об.)

3 ноября.

Произведен обыск в квартире Г. К. Орджоникидзе, в Черном городе (Баку); была найдена «переписка», указывающая на принадлежность его к Бакинской организации РСДРП, листовки Бакинской организации, нелегальные брошюры и газета «Вперед» №№ 12—13 и 14, от 29 августа и 10 сентября 1907 г., а также паспортные бланки.

(Сведения Бакинского губернского жандармского управления в департамент полиции 12 ноября 1907 г., № 2563 и опись вещественных доказательств.— ДП, VII, 1907 г., д. № 7889, лл. 4—6.)

4 ноября.

Арестован и содержался в Бакинской тюрьме.

(Сведения помощника начальника Бакинского губернского жандармского управления в департамент полиции 12 ноября 1907 г., № 2563.— ДП, VII, 1907 г., д. № 7889, лл. 5—6.)

1908 г.

27 марта.

Тифлисской судебной палатой приговорен был к лишению прав состояния и к ссылке на поселение.

(Сведения министерства юстиции в департамент полиции 5 ноября 1908 г., № 2365.— ДП, V, 1908 г., д. № 3217, лл. 1—2.)

5 ноября.

Выслан в Сибирь и поселен в дер. Потоскуй, Пинчугской волости, Енисейского уезда.

(Справка департамента полиции 8 января 1913 г.— ДП, VII, 1912 г., д. № 1461, лл. 46—47 и справка из розыскного циркуляра от 30 ноября 1910 г., № 126048—119.— ДП, V, 1908 г., д. № 3217, л. 6.)

1909 г.

(Первая половина года.)

Входил в инициативную группу по организации «Союза политических ссыльных на Ангаре». Союз широко проявлял свою деятельность по снабжению политссыльных литературой, составлению библиотек, устройству лекций, образованию новых районных отделов союза и оказанию материальной, юридической и медицинской помощи политссыльным.

(Донесение Енисейского губернского жандармского управления в департамент полиции 18 октября 1909 г., № 1499.— ДП, о. о., 1909 г., д. № 5, ч. 16, лл. 33—37.)

(Сентябрь.)

Бежал из ссылки.

(Отношение Петербургского охранного отделения в департамент полиции 6 июня 1912 г., № 481 — раз., 1912 г., д. № 158, лл. 24—25.)

1910 г.

Июнь.

Вел партийную работу в Балаханах, будучи «видным членом с.-д. организации».

(Донесение Тифлисского губернского жандармского управления в департамент полиции 23 мая 1912 г., № 6274.— ДП, о. о., 1911 г., д. № 5, л. 317.)

30 ноября.

Розыскивался циркуляром департамента полиции за № 126048, как скрывшийся из ссылки.

(Справка департамента полиции 8 января 1913 г.— ДП, VII, 1912 г., д. № 1461, лл. 46—47.)

1911 г.

Июнь.

Был в числе учащихся «первой общепартийной школы РСДРП» по подготовке пропагандистов и агитаторов, организованной под руководством Ленина заграничным центром партии в м. Лонжюмо (18 километров от Парижа).

Московское охранное отделение, характеризуя слушателей школы, отмечает, что «Серго — ярый ленинец по убеждениям».

(Донесение заведующего заграничной агентурой в Париже 22 июня/5 июля 1911 г., № 837 и агентурная записка Моск. охр. отд. 29 августа 1911 г.— ДП, о. о., 1910—1914 гг., д. № 5, ч. 1, лит. Т — Ш, лл. 125 и 140—151.)

Июль—август.

Командирован В. И. Лениным «с особыми инструкциями» в Россию.

(Агентурная записка Московского охранного отделения 29 августа 1911 г.— ДП, о. о., 1910—1914 гг., д. № 5, ч. 1, лит. Т—Ш, л. 146.)

6 августа.

Как уполномоченный Заграничной организационной комиссии[1], сделал доклад в комитете бакинской организации РСДРП «о заграничных делах»; привез резолюции пленума ЦК РСДРП 1910 г. и письмо организационной комиссии «Ко всем с.-д. парт. организациям, группам и кружкам», по поводу немедленного созыва Всероссийской конференции[2].

Исполнительный комитет бакинской организации присоединился к предложению докладчика о выборе своего представителя в Российско-организационную комиссию и признал ее правомочной в созыве всероссийской конференции.

(Агентурные сведения Бакинского охранного отделения от 20 августа и 17 сентября 1911 г. и резолюция, принятая по докладу.— ДП, о. о., 1911 г., д. 5, ч. 6, лит. Б, лл. 23—24, 38—39 и 22.)

18 августа.

В письме к ростовской группе большевиков указывал на успехи большевиков и настаивал на необходимости энергичной работы их на местах.

(Копия письма за подписью «Серг.» от 18 августа 1911 г.— ДП, VII, 1912 г., д. № 1200, л. 55.)

---

[1] Г. К. Орджоникидзе был направлен в Россию, как уполномоченный Организационной комиссии по созыву конференции, иначе называемой «Заграничной организационной комиссией», созданной июньским совещанием членов ЦК РСДРП в 1911 г. в Париже.

[2] Письмо Заграничной организационной комиссии от 1 августа 1911 г.— см. Ленин, т. XV, стр. 584 — 597.

Август—сентябрь (первая половина).

Вошел в состав «Российской организационной комиссии», как представитель от Екатеринослава.

(Донесение Московского охранного отделения в департамент полиции 11 января 1912 г., № 291295.— ДП, о. о., 1911 г., д. № 5, л. 19.)

19 сентября.

Был в Петербурге.

(Копия перлюстрированного департаментом полиции письма за подписью «Федя» — из Петербурга к Н. К. Крупской в Париж, от 19 сентября 1911 г., с припиской «Серго».— ДП, о. о., 1911 г., д. № 5, ч. 57, лит. Б, т. II, л. 141.)

26 сентября.

Возвратился в Баку, где предполагалось созвать в конце сентября совещание Российской организационной комиссии [1].

(Сводка агентурных сведений Кавказского районного охранного отделения по партии с.-д. в Баку, 3 декабря 1911 г., № 13848.— ДП, о. о., 1911 г., д. № 5, ч. 6, лит. Б, лл. 57—58.)

29 сентября.

Был на собрании членов бакинской организации РСДРП в клубе «Наука»; в момент прихода полиции для производства обыска ему удалось скрыться, и он уехал из Баку.

(Там же.)

Половина октября.

Участвовал в совещании Российской организационной комиссии по созыву Всероссийской конференции. Заседания совещания происходили в Тифлисе на квартире рабочего в течение 3 дней [2].

(Справка департамента полиции 8 февраля 1912 г. и донесение Московского охранного отделения в департамент полиции 11 января 1912 г., № 291295.— ДП, о. о., 1911 г., д. № 5, лл. 19—20, 57.)

27—28 октября.

По приезде в Париж кратко информировал Р. О. К. о положении дел за границей.

(Копия письма в Петербург по адресу Юркевича, 11 ноября н. ст. 1911 г.— ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, прод. II, л. 78.)

[1] В № 24 «Социал-демократ» от 18/31 октября 1911 г. было краткое сообщение о состоявшемся совещании РОК.

[2] В. И. Ленин придавал большое значение этому совещанию: «Впервые после четырех лет развала и разброда собрался—вопреки невероятным преследованиям полиции и неслыханным «подножкам» голосовцев, впередовцев, примиренцев, поляков и tutti quanti—русский с.-д. центр. Впервые вышел в России листок к партии от этого центра. Впервые работа по восстановлению нелегальных организаций на местах систематически и цельно охватила (за какие-нибудь три месяца, с июля по октябрь 1911 года) обе столицы, Поволжье, Урал, Кавказ, Киев, Екатеринослав, Ростов, Николаев,- ибо Росс. Орг. Ком. собралась после об'езда всех этих мест, ибо ее первое собрание имело место рядом с восстановлением Петербургского Комитета и устройства им ряда рабочих митингов, с резолюциями московских районов за партию и т. д.» (Ленин, т. XV, стр. 293).

Текст обращения и резолюции совещания см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях с'ездов, конференций и пленумов», ч. 1, 1936 г., стр. 171—174.

30 октября.

В письме «Моисееву» в Николаев (Херсонской губернии) требовал немедленной посылки делегата на общепартийную конференцию; возмущался предательством примиренцев и представителей с.-д. Польши и Литвы, обвинявших Р. О. К. в фракционности.

(Копия химического письма, перлюстрированного департаментом полиции, за подписью «Серго» из Парижа по адресу Порецкого, 12 ноября н. ст. 1911 г.— ДП, о. о., 1911 г., д. № 5, т. I, л. 135.)

23 ноября.

От имени Р. О. К. обратился к ЦК с.-д. Латышского края с предложением возможно скорее выбрать делегатов на общепартийную конференцию, чтобы была возможность перед конференцией устроить собрание Р. О. К. с представителями национальных организаций.

(Фото письма за подписью: «Уполномоченный Р. О. К. Николай»[1] от 6 декабря н. ст. 1911 г.— ДП, о. о., 1911 г., д. № 5, лл. 98—101.)

1912 г.

6—17 января.

В качестве делегата от Тифлиса присутствовал на общепартийной (Пражской) конференции РСДРП, заседания которой происходили в помещении дома чешских профессиональных организаций, № 7, по Губернской ул. в Праге.

(Донесение Московского охранного отделения в департамент полиции 27 января 1912 г., № 291905.— ДП, 1911 г., д. № 5, лл. 50—52.)

На конференции делал доклад о работе Российской организационной комиссии.

(Доклад и. д. директора департамента полиции 12 апреля 1912 г.— ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, продол. II, лл. 231—233.)

Избран на конференции членом ЦК РСДРП «с обязательством жить и работать в России».

(Там же.)

Избран в члены Русского бюро ЦК («Исполнительное Бюро»), куда вошли, кроме него, «Коба» — И. В. Сталин, «Тимофей» — С. Спандарьян и «Филипп» — Голощекин Ф. И.

(Агентурная записка Московского охранного отделения 9 февраля 1912 г.— Моск. охр. отд., аг. отд., 1912 г., д. № 3, л. 44 об.)

Январь.

Вошел в состав образованной новым ЦК РСДРП «Разъездной комиссии», имевшей задачей отправку участников конференции обратно в Россию, а также распределение, кому и где именно сделать доклады о работе общепартийной конференции.

(Там же.)

Февраль (1 половина).

Выехал из Парижа в Петербург, где должен был прочесть доклад о состоявшейся общепартийной конференции.

(Доклад и. д. директора департамента полиции 12 апреля 1912 г.— ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, продол. II, лл. 231—233.)

---

[1] «Николай» по расшифровке департамента полиции был «Серго» (Г. К. Орджоникидзе). (Донесение заведующего заграничной агентурой в Париже в департамент полиции 25/12 января 1912 г. № 54—ДП, о.о., 1911 г., д. № 5, л. 139).

24 февраля.

В письме из Киева в заграничный большевистский центр сообщал о своей поездке к «Ивановичу» — И. В. Сталину[1]. «Окончательно с ним столковались. Он остался доволен исходом дела».

Копия химического текста перлюстрированного департаментом полиции письма, без подписи, в Париж, по адресу Гайдамовича 11 бис, Валь-Грас, 11 от 24 февраля 1912 г. — Моск. охр. отд., раз-ка, 1912 г., д. № 158, л. 4.)

Март.

В ЦК партии под ответственность «Серго» прислана была из заграницы в рукописи «избирательная платформа РСДРП» для выборов в IV Государственную думу[2].

(Донесение Московского охранного отделения в департамент полиции 28 марта 1912 г., № 294740, ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, продол. II, л. 218.)

Март.

Как представитель «Исполнительного бюро» нового ЦК РСДРП, производил об'езд местных партийных организаций.

(Донесение Московского охранного отделения в департамент полиции, 5 апреля 1912 г., № 295076.— ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, продол. II, лл. 224а—224б.)

Март.

Проездом из Тифлиса оставил в Баку следующие листовки РСДРП: 1) Резолюция Киевской организации за январь 1912 г., 2) «Избирательная платформа РСДРП» и 3) «За партию» — листок РСДРП.

(Агентурные сведения Бакинского охранного отделения по РСДРП от 12 апреля 1912 г., № 1455.— ДП, о. о., 1912 г., д. № 5, ч. 6, лл. 25—26.)

Март — начало апреля.

С приездом «Серго»[3] в Москве появились следующие издания ЦК РСДРП: 1) «За партию», 2) «Избирательная платформа РСДРП», 3) «Программа и устав РСДРП».

(Донесение Московского охранного отделения в департамент полиции 12 апреля 1912 г., № 295446.— ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, продол. II, л. 236.)

4 апреля.

Взят под наблюдение московской охранкой, которой установлено, что он предполагает выехать в Петербург для проведения ряда предварительных «нелегальных» собраний в связи с избирательной кампанией в IV Государственную думу.

---

[1] И. В. Сталин в это время был в ссылке в Вологде, откуда бежал 29 февраля 1912 г. (Донесение Вологодского губернского жандармского управления в Московское охранное отделение 5 марта 1912 г.—Моск. охр. отд., 1912 г., д. № 3-а, л. 83.)

[2] «Избирательная платформа РСДРП отпечатана была в количестве 5 000 экз. Донесение Моск. охр. отд. 5 апреля 1912 г. № 295076.—ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, продол. II, л. 224а.)

[3] Департамент полиции и охранка вплоть до ареста Г. К. Орджоникидзе 12 апреля 1912 г. не знали точно, кто скрывается под кличкой «Серго» (ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, продол. II, л. 294.)

Март.

Производил об'езд местных партийных организаций.

(Донесение Московского охранного отделения в департамент полиции, 5 апреля 1912 г., № 295076. — ДП, о.о., 1910 г., д. № 5, продол. II, лл. 224а—224б.)

7 апреля.

Встретился с «Кобой» — И. В. Сталиным, приехавшим в Москву из Баку.

(Донесение Московского охранного отделения в департамент полиции 9 апреля 1912 г., № 295320.— ДП, о. о., д. № 5, продол. II, л. 234.)

9 апреля.

Выехал вместе с И. В. Сталиным в Петербург.

(Там же и копия срочной телеграммы Московского охранного отделения в Петербургское охранное отделение 9 апреля 1912 г. — Там же, л. 235.)

14 апреля.

Арестован в Петербурге под фамилией Наврус-Оглы Гусейнова.

(Отношение департамента полиции в Московское охранное отделение 28 апреля 1912 г., № 100430 — Моск. охр. отд., раз-ка 1912 г., д. № 158, л. 19 и донесение Петербургского охр. отд. в департамент полиции 24 апреля 1912 г., № 6032.— ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, продол. II, лл. 249—251.)

9 октября.

Приговорен Петербургским окружным судом в каторжные работы на 3 года по обвинению по 1 ч. 313 ст. ул. наказ., 4 п. 242 ст. 2 ст., 2 п. 238 и 2 п. 264 ст. уст. о ссыльных и 977 ст. улож. о наказ.

(Отношение Енисейского губернского жандармского управления в департамент полиции 13 декабря 1912 г., № 10220.— ДП, V, 1908 г., д. № 3217, л. 10.)

Даты жизни и деятельности А. М. Горького*

Публикуемые ниже даты жизни А. М. Горького составлены по документам, хранящимся в Архиве Революции, преимущественно по фонду Департамента полиции. Они охватывают период от рождения Горького до свержения самодержавия. Методично, шаг за шагом следят органы полиции за жизнью и деятельностью великого писателя.

Жизнь и труды Горького неразделимы. Он был редким, в условиях царизма, образцом писателя, который в полной мере осуществлял в жизни свои идеи. Горький не только дал массам героический образ Буревестника, он сам был одним из буревестников приближавшейся великой социалистической революции.

И потому для каждого, изучающего произведения Горького, необходимо внимательное, подробное изучение всей его литературной и политической деятельности.

Даты жизни А. М. Горького внимательному читателю дают не только внешнюю хронологию жизни А. М.

В своей связи и последовательности они рисуют замечательную, кипучую, революционную деятельность великого писателя и борца. Поражает прежде всего

* Публикуемый ниже материал составлен по следующим архивным фондам: департамента полиции, министерства юстиции, Московского и Петербургского охранных отделений, Нижегородского жанд. губ. управления и Московского цензурного комитета.

необыкновенная подвижность А. М. Он непрестанно пересекает страну,— из города в город, из деревень на полустанки, из области в область. И всюду стремится разжечь огонь непримиримой ненависти к самодержавию, к рабству, ко всему, что заставляет примиряться с рабством.

Естественная у писателя страсть к наблюдению у Горького вырастала в огромную потребность бродить по миру и наблюдать мир. Страсть к путешествиям сказывается с раннего детства.

При чтении материалов может возникнуть вопрос: почему так тщательно, так подробно следили жандармы за деятельностью Горького? Почему они так методично и пунктуально отмечали каждое его движение, каждое слово, попадавшее в сферу их наблюдения? И даты дают нам ответ на этот вопрос. Горький представлял собою такое яркое явление, он проявлял такую страстную ненависть к самодержавию, он умел так горячо заражать этой ненавистью окружающих, что жандармское око внимательно присматривалось к нему и наблюдало за ним бдительно и неустанно.

С девятнадцати лет он работает в Казани в булочной, по выражению жандармов, «с весьма подозрительными целями, сущность коих, однако, не представилось возможным выяснить».

Отдавая все силы революционной работе, А. М. не заботится о своем личном благополучии, о своей личной «карьере». Он работает писцом у присяжного поверенного, существуя на заработок в 20 рублей, и все свободное время посвящает рабочим кружкам, революционной деятельности.

Во время первого ареста (1889 г.) он проявляет свой неукротимый нрав — «на первом допросе в жандармском управлении держал себя в высшей степени дерзко и нахально».

В 1892 г. А. М., живя в Тифлисе «главенствует» в кружке молодежи, «подавляя всех своею начитанностью и умением спорить, высказывая крайние и резкие суждения».

Горький рано понял огромное значение знания, науки и художественного слова. Он «усиленно был занят самообразованием, попытками заняться литературным делом».

Добившись осуществления поставленной перед собой задачи, гениальный писатель свое новое оружие обращает против всех врагов партии большевиков. Его произведения прорывают цензурные и политические сети; будучи запрещены, они перепечатываются на гектографе, на машинке, переписываются от руки и проникают в массы.

Имя Горького становится знаменем борьбы с самодержавным произволом. Правительство высылает его из Москвы, из Нижнего-Новгорода, и поезда, везущие опального Горького, молодежь и рабочие на станциях встречают восторженными овациями.

Горький оказывает большую денежную помощь партии. Он связывает рабочие массы с революционной молодежью, с передовой интеллигенцией. Тяжелая болезнь не останавливает его деятельности. И пребывание в тюрьме не может прервать его работы. В тюрьме он изучает исторические труды Тита Ливия, Гиббона, Шлоссера, «Историю новой философии» Канта, книгу Гюйо об искусстве В. Петропавловской крепости он пишет пьесу «Дети солнца».

Для Горького характерна непримиримая ненависть к классовым врагам пролетариата к мещанству, обывательщине. Все его художественное творчество было направлено на защиту интересов рабочего класса. Ленин писал о том, что Горький связал себя своими произведениями с рабочим движением России и всего мира.

Ленин горячо боролся за Горького, как великого пролетарского писателя и борца, за чистоту его большевистских взглядов, за его мировоззрение (см. «Письма Ленина Горькому»). Связь Горького с Лениным осталась незамеченной жандармами и потому не нашла должного отражения в «датах». Оканчиваются они естественно,— окончанием «деятельности» жандармского управления за ликвидацией всего самодержавного режима.

Надо учитывать возможность одностороннего, а подчас и неверного освещения жандармскими наблюдателями жизни и деятельности А. М. Горького.

Не отличаясь абсолютной полнотой (читатель заметит пропуски сообщений о выезде или приезде в тот или иной город), даты все же могут принести большую пользу при изучении жизни Горького в период до февральской буржуазно-демократической революции 1917 года.

Задача наших историков и литературоведов — всесторонне осветить образ «беззаветного друга трудящихся и вдохновителя борьбы за коммунизм» [1], смерть которого, по словам тов. Молотова,— «после Ленина... самая тяжелая утрата для нашей страны и для человечества» [1].

Материал подготовлен к печати М. А. Сыромятниковой.

Е. Чернявский.

1868 г.

14 марта.

Алексей Максимович Пешков — «Максим Горький» родился в Нижнем-Новгороде.

(Сведения об А. М. Пешкове Нижегородского губернского жандармского управления, 15 октября 1889 г.— Нижегородское губ. жанд. управление, 1889 г., д. № 108, лл. 18—19.)

1879 г.

Должен был оставить училище вследствие недостатка средств.

(Там же.)

1880—1886 гг.

Жил в Нижнем-Новгороде, работая в Грузинском пер. у дяди — чертежника В. С. Сергеева.

(Донесение помощника начальника Нижегородского губернского жандармского управления в Нижегородском и Макарьевском уездах начальнику Нижегородского губернского жандармского управления, 30 окт. 1889 г., № 66.— Нижегородское губ. жанд. управление, 1889 г., д. № 108, л. 32.)

1887 г.

Апрель.

Выехал из Нижнего-Новгорода в Казань.

(Там же.)

1887—1888 гг.

Апрель 1887 г.— июнь 1888 г.

В Казани служил разносчиком хлеба в булочной С. И. Деренкова, на углу Бассейной ул. и Безымянского пер. в д. Степанова. «Булочная эта была с весьма подозрительными целями, сущность коих однако не представилось возможным выяснить» [2].

(Отношение Казанского губернского жандармского управления начальнику Нижегородского губернского жандармского управления, 13 октября 1889 г., № 1530.— Там же, лл. 25—28.)

---

[1] «Правда» от 21 июня 1936 г.

[2] Булочная основана была с целью добыть средства на революционную работу, и заведывали ею представители революционно настроенного кружка. Она была местом собраний казанских революционеров. Здесь впервые А. М. познакомился с народниками и марксистами. «Революционный путь Горького по материалам департамента полиции», изд. Центрархива, ГИХЛ, 1933 г., стр. 128.

Участвовал на собраниях революционной учащейся молодежи в совместных чтениях «тенденциозных сочинений и статей» для саморазвития «в противоправительственном духе». Носил кличку «Грохало».
(Там же.)

1888 г.

7 июля.

Уехал в с. Красновидово, Свияжского уезда, Казанской губ. для пропаганды среди крестьян[1].
(Там же.)

Сентябрь.

Возвратился в Казань.
(Там же.)

Конец сентября.

Выехал «неизвестно куда».
(Там же.)
Служил в товарной конторе ст. Борисоглебск на Грязе-Царицынской железной дороге.
(Донесение Тифлисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 11 мая 1892 г., № 378.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 10.)
В Борисоглебске был членом революционного кружка, состоявшего преимущественно из рабочих и служащих в эксплоатации Грязе-Царицинской железной дороги.
(Донесение Донского областного жандармского управления в департамент полиции, 6 ноября 1892 г., № 1241.— ДП, III, 1892 г., д. № 950, лл. 13—21.)

1889 г.

Конец апреля.

Возвратился в Нижний-Новгород и поселился на Жуковской ул., в доме Лик, у состоящего под негласным надзором А. Чекина[2], куда приехал и С. Сомов[3], жили они на «коммунных началах». Существовал на заработок в 20 руб., работая в качестве писца у присяжного поверенного Ланина.
(Донесение начальника Нижегородского губернского жандармского управления в Нижегородском и Макарьевском уездах начальнику Нижегородского губернского жандармского управления, 30 октября 1889 г., № 66.— Нижегор. губ. жанд. управление, 1889, д. № 108, лл. 18 и 32—33.)

Конец мая.

Выезжал на короткое время в Казань в целях укрепления связи между революционерами Нижнего-Новгорода и Казани.

---

[1] См. примечание М. Горького к опубликованным архивным документам, журнал «Былое», 1921 г., № 16, стр. 185.
[2] А. В. Чекин — бывший преподаватель городского училища в Казани, уволенный со службы за «неблагонадежность»; считал себя марксистом. Вел занятия с членами революционного кружка в Казани в 80-х годах. «Превосходный пропагандист»—говорил о нем А. М. Горький. «Былое», 1925 г., № 4, стр. 220.
[3] С. Г. Сомов — организатор общинного марксистского кружка молодежи в Казани, где познакомился с ним и Горький. После отъезда Сомова в Н.-Новгород во главе этого кружка встал Н. Федосеев.

(Донесение Казанского губернского жандармского управления начальнику Нижегородского губернского жандармского управления, 13 октября 1889 г., № 1530.— Там же, лл. 25—28.)

В ночь с 12 на 13 октября.

Ввиду совместного его жительства с С. Сомовым, был обыскан и арестован; содержался под стражей в 1 корпусе нижегородского тюремного замка.

(Сведения Нижегородского губернского жандармского управления.— Там же, лл. 18—19.)

13 октября.

Нижегородским губернским жандармским управлением возбуждена была переписка по обвинению А. М. Горького «в укрывательстве С. Сомова», арестованного в Казани по делу революционного кружка.

(Доклад департамента полиции особому совещанию об А. М. Пешкове, 13 августа 1901 г.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 20 об.)

На первом допросе в жандармском управлении «держал себя в высшей степени дерзко и нахально»[1].

(Донесение Нижегородского губернского жандармского управления нижегородскому губернатору, 1 ноября 1889 г., № 755.— Нижегор. губ. жанд. управление, 1889 г., д. № 108, лл. 35—36.)

16 октября.

Освобожден из тюрьмы под особый надзор полиции по месту жительства в Нижнем-Новгороде.

(Уведомление начальника Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 16 октября 1889 г.— Там же, л. 20.)

17 ноября.

Перешел на жительство в дом Малышева по Больничной улице.

(Донесение нижегородского полицеймейстера начальнику Нижегородского жандармского управления, 17 ноября 1889 г., № 383.— Там же, л. 50.)

18 ноября.

Переписка по обвинению А. М. Горького была прекращена.

(Копия отношения нижегородского губернатора начальнику Нижегородского губернского жандармского управления, 18 ноября 1889 г., № 586.— Там же, л. 37.)

21 ноября.

Вследствие имевшихся сведений «о сомнительной политической благонадежности Алексея Пешкова» за ним, по распоряжению департамента полиции, учрежден негласный надзор.

(Отношение Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 21 ноября 1889 г., № 1389.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, лл. 4—6.)

[1] Протокола допроса Алексея Максимовича в делах, хранящихся в Архиве Революции, не имеется.

1891 г.

Весна.

Предпринял путешествие «пешком», предполагая пробраться во Францию, но когда ему не удалось перейти границу, решил направиться в Тифлис.

(Из доклада прокурора Тифлисской судебной палаты в министерство юстиции, 17 июня 1898 г., № 426.—МЮ, вр. канц., 1897 г., д. № 11488, л. 17.)

29 апреля.

Выехал в Царицын, Саратовской губернии.

(Уведомление Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 30 апреля 1891 г., № 326/532.—ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 71а.)

1 ноября.

Приехал в Тифлис.

(Донесение Тифлисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 11 мая 1892 г., № 378.—Там же, л. 10.)

13 декабря.

Поступил отметчиком железно-дорожных мастерских с жалованием в 35 руб.

(Там же.)

1892 г.

14 февраля.

В письме из Тифлиса на имя Г. А. Плетнева[1] в Казань сообщал о своей работе в кружках рабочих и учащихся.

(Выписка из письма от 14 февраля 1892 г.—Там же, л. 7.)

Май.

Жил в Тифлисе по Ново-Арсеньевской ул., д. № 7, в квартире Ф. Афанасьева, ведя «довольно обширное знакомство с молодежью». Афанасьев снимал одну общую квартиру в компании с несколькими лицами, среди которых Пешков «главенствовал», подавляя всех «своею начитанностью и умением спорить», высказывая «крайние и резкие суждения», «много и резко говорил об эксплоатации рабочих».

(Донесение Тифлисского губернского жандармского управления, 11 мая 1892 г., № 378 и доклад прокурора Тифлисской судебной палаты в министерство юстиции, 17 июня 1898 г. № 426.—Там же, л. 10; МЮ, вр. канц., 1897 г., д. № 11488, л. 16.)

21 сентября.

Уволился с работы и выехал из Тифлиса в Нижний-Новгород.

(Донесение Тифлисского губернского жандармского управления начальнику Нижегородского губернского жандармского управления, 16 апреля 1898 г., № 996. Нижегор. губ. жанд. управление, 1898 г., д. № 2/9, л. 64.)

6 октября.

Приехал в Нижний-Новгород.

---

[1] Плетнев, Г. А.—студент Казанского университета, привлекавшийся «к делам политического характера». (Там же, л. 9.)

№ 765
1901 г.
Том 1-й
ДѢЛО
ДЕПАРТАМЕНТА
ПОЛИЦІИ.
Дѣлопроизводство.
Начато 17 Ноября 1901 года.
Кончено 12 Апреля 1903 года.
На 67 листахъ.

(Уведомление Нижегородского губернского жандармского управления, 7 октября 1892 г., № 993/1556.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 72а.)

25 октября.

Выслал Афанасьеву свою фотокарточку со следующей надписью: «Дорогому Феде Афанасьеву на память от Максимыча. 1892 г., октября 25».

(Заключение прокурора Тифлисской судебной палаты по делу с.-д. организации в Тифлисе и Батуме, 12 января 1899 г.— МЮ, вр. канц., 1897 г., д. № 11488, л. 46.)

1894 г.[1]

В Нижнем-Новгороде жил по Полевой ул. в д. № 65, Казанского.

(Доклад департамента полиции особому совещанию 13 августа 1901 г. Справка департамента полиции от 10 марта 1901 г.,— Там же, л. 21; ДП, о. о, 1901 г., д. № 33, л. 2.)

13 сентября.

Был у Короленко[2].

(Дневник наблюдения по Нижнему-Новгороду.— ДП, III, 1894 г., д. № 382, л. 54.)

[1] За 1893 г. сведений об А. М. Горьком среди документов Архива Революции не обнаружено.

[2] Короленко, В. Г. жил в Н.-Новгороде по возвращении из ссылки в Якутскую область. В 1900 г. переехал в Полтаву.

24 сентября.

Ходил к Буровым в д. № 36, по Студеной ул. (Там же, л. 55 об.)

13 октября.

Был у Анненского[1] в д. № 50, по Полевой ул. (Там же, л. 57 об.)

1895 г.

20 февраля.

Выехал в Москву.
(Сведения Нижегородского охранного отделения с 1 ноября 1894 г. по 1 июля 1895 г.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 67.)

13 марта.

Московской полицией учрежден за А. М. Горьким негласный надзор.
(Секретное прибавление к приказу по московской городской полиции, 13 марта 1895 г., № 10.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 1.)

Май.

Приехал в Самару «на постоянное жительство», где сотрудничал в «Самарской газете».
(Донесение Самарского губернского жандармского управления в департамент полиции, 26 мая 1895 г., № 459. Сведения Самарского губернского жандармского управления, полученные при наблюдении с 1 января по 1 ноября 1894 г.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, лл. 72 г, 65—66.)

1896 г.

14 мая.

Выехал из Самары.
(Сведения Самарского губернского жандармского управления с 1 января по 1 июля 1897 г.— Там же, л. 63.)

16 мая.

Приехал в Нижний-Новгород.
(Уведомление нижегородского губернатора в департамент полиции, 17 мая 1896 г., № 1102.— Там же, л. 72 д.)

29 августа.

Выехал в Самарскую губернию.
(То же от 1 сент. 1896 г., № 2175.— Там же, л. 72 б/1.)

2 сентября.

Возвратился в Нижний-Новгород.
(То же от 26 сентября 1896 г., № 2485.— Там же, л. 72 б/5.)
Жил в Нижнем-Новгороде по Вознесенской ул., в д. Гузеевой.
(Извещение пристава нижегородскому полицеймейстеру 31 января 1897 г., № 31.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1897 г., д. № 54, т. IV, л. 1.)

---

[1] Н. Ф. Анненский — литератор, сотрудник «Отечественных записок», член редакции «Русского богатства», один из организаторов народно-социалистической партии

1897 г.

12 января.

Уехал из Нижнего-Новгорода в Крым.
(Там же.)

16 января.

Приехал в Крым и поселился в Ялте.
(Уведомление Таврического губернского жандармского управления в департамент полиции, 25 января 1897 г., № 151.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 72 б/6.)

Январь—май.

Жил в Алупке, Ялтинского уезда, помещаясь «в пансионе негласно поднадзорной Е. Токмаковой, дающей приют неблагонадежным лицам».
(Сведения Таврического губернского жандармского управления, полученные при наблюдении с 1 января по 1 июля 1897 г. Доклад департамента полиции особому совещанию, 13 августа 1901 г.— Там же, лл. 62 и 21.)

8 мая.

Выехал в Полтавскую губ. в г. Кременчуг.
(Сведения Самарского губернского жандармского управления с 1 января по 1 июля 1897 г.— Там же, лл. 62, 63.)
Поселился в м. Мануйловке, Кременчугского уезда[1].
(Уведомление Полтавского губернского жандармского управления в департамент полиции, 5 июня 1897 г., № 1562.— Там же, л. 72 б/7.)

23 октября.

Выехал из Полтавы в Нижний-Новгород.
(То же от 11 ноября 1897 г., № 2949.— Там же, л. 72 б/4.)

Конец октября.

Приехал в Тверскую губернию и поселился в с. Каменке, Новоторжского уезда.
(Уведомление Тверского губернского жандармского управления в департамент полиции, 20 ноября 1897 г., № 1671.— Там же, л. 72 б/8.)
Сотрудничал в журнале «Новое слово».
(Из доклада департамента полиции особому совещанию, 13 августа 1901 г.— Там же, лл. 20—21.)

1898 г.

15 января.

Выехал из Твери в Нижний-Новгород.
(Уведомление Тверского губернского жандармского управления в департамент полиции, 23 января 1898 г., № 106.— Там же, л. 72 б/1.)

22 января.

Приехал в Нижний-Новгород.
(Уведомление Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 23 января 1898 г., № 98.— Там же, л. 73 д/10.)

[1] Мануйловка — хутор доктора Орловского. Место дачного отдыха А. М. Горького. О пребывании своем в Мануйловке летом 1900 г. А. М. писал А. П. Чехову,— см. «М. Горький.— Материалы и исследования», т. II, изд. Академии наук СССР, стр. 197—198.

15 апреля.

Привлечен к дознанию по делу Тифлисского социал-демократического кружка.

(Постановление № 72 Тифлисского губернского жандармского управления от 15 апреля 1898 г.— Нижегор. губ. жанд. управление, 1898 г., д. № 2/9, лл. 65—66.)

26 апреля.

Предложено обыскать, арестовать и препроводить А. М. Горького в Тифлис в распоряжение Тифлисского губернского жандармского управления.

(Отношение Тифлисского губернского жандармского управления начальнику Нижегородского губернского жандармского управления от 26 апреля 1898 г., № 996.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1898 г., д. № 2/9, л. 70.)

29 апреля.

Выехал из Нижнего-Новгорода в Сызрань.

(Донесение Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 30 апреля 1898 г., № 588.— ДП, III, 1898 г., д. № 1096, л. 73/2.)

3 мая.

Предложено обыскать и арестовать А. М. Горького в Сызрани.

(Телеграмма Нижегородского губернского жандармского управления начальнику Симбирского губернского жандармского управления от 3 мая 1898 г.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1898 г., д. № 2/9, л. 72.)

В ночь с 6 мая на 7-е.

Арестован в Нижнем-Новгороде по требованию Тифлисского губернского жандармского управления в связи с арестом 26 июня 1897 г. в Тифлисе Ф. Афанасьева и других членов социал-демократической организации в Тифлисе и Батуме.

(Доклад прокурора Тифлисской судебной палаты в министерство юстиции, 17 июня 1898 г., № 426.— МЮ, вр. канц., 1897 г., д. № 11488, лл. 8—19.)

7 мая.

Отправлен в Тифлис в сопровождении двух жандармов.

(Телеграмма Нижегородского губернского жандармского управления в Московское губернское жандармское управление, 7 мая 1898 г., № 614.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1898 г., д. № 2/9, л. 78 об.)

7 мая.

Получил «суточные» — 15 коп. и 55 коп. из его личных денег, находящихся на хранении у жандармов.

(Расписки-автографы А. М.— Там же, лл. 83, 84.)

8 мая.

Доставлен был в Московское губернское жандармское управление вместе с пакетом на имя начальника Тифлисского жандармского управления и вещественными доказательствами.

(Квитанция Моск. губ. жанд. управления, 8 мая 1898 г., № 4583.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1898 г., д. № 2/9, л. 82.)

9

2 Август № 1775

27.84

Начальнику Нижегородскаго Губернскаго Жандармскаго Правленія

Алексѣя Максимовича Пѣшкова

Заявленіе

Изъ подъ стражи въ г. Тихорецкѣ я освобожденъ 31-го Мая 1-го Іюня выѣхалъ въ г. Самару куда прибылъ Іюня 11-го Имѣя надобность переѣхать изъ Самары въ Нижній-Новгородъ на постоянное жительство. - 22-го Іюля подалъ Начальнику Самарской губерніи прошеніе о разрѣшеніи переѣзда. Канцелярія Начальника Самарской губер. объявила мнѣ, что разрѣшенія это внѣ власти губернатора и что я долженъ обратиться съ моей просьбой въ Самарское Жандармское Управленіе. Послѣднее, сжеслось по телеграфу съ Управленіемъ Тихорецкимъ и 25-го Іюня я получилъ отъ Самарской полиціи извѣщеніе что къ переѣзду моему въ Нижній препятствій нѣтъ. Изъ Самары выѣхалъ 28-го Іюля прибылъ въ Нижній 31-го въ тотъ-же день явился въ полицію заявить о прибытіи, а на другой день - 1-го Августа - передалъ полиціи проходное свидѣтельство выданное мнѣ полиціей г. Самары а взамѣнъ его получилъ отъ мѣстной полиціи свидѣтельство на проживаніе въ г. Нижнемъ

Алексѣй Максимовичъ Пѣшковъ

Августа 2-го 1878.

12 мая.

Привезен в Тифлис и заключен в Метехский замок.

28 мая.

Освобожден из тюрьмы и отдан под особый надзор полиции по месту жительства.
(Доклад прокурора Тифлисской судебной палаты в министерство юстиции, 17 июня 1898 г., № 426.— МЮ, вр. канц., 1897 г., д. № 11488, л. 18.)

31 мая.

С «проходным свидетельством» выехал в Самару по маршруту: от Тифлиса до Баку по железной дороге, от Баку до Астрахани на пароходе, от Астрахани до Самары тоже.
(Сообщение тифлисского полицеймейстера самарскому полицеймейстеру, 4 июня 1898 г., № 259.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1898 г., д. № 61, лл. 1б и 3.)

11 июня.

Приехал в Самару, поселился на даче М. С. Позерн на Вознесенской ул.
(Справка самарского полицеймейстера, 27 июня 1898 г.— Там же, л. 6.)

26 июня.

Сообщил самарскому полицеймейстеру о переезде с дачи Позерн на дачу Шумовой, № 8.
(Заявление-автограф от 26 июня 1898 г.— Там же, л. 8.)

22 июля.

Подал заявление самарскому губернатору о разрешении переехать в Нижний-Новгород «на постоянное жительство».
(Заявление А. М. начальнику Нижегородского губернского жандармского управления от 2 августа 1898 г.— Там же, 1898 г., д. 2/9, л. 89.)

23 июля.

Получил разрешение переехать в Нижний-Новгород.
(Расписка от 23 июля, с подписью-автографом А. М.— Там же, 1898 г., д. № 61, л. 12.)

24 июля.

Получил «проходное свидетельство» для переезда в Нижний-Новгород.
(Проходное свидетельство и расписка в получении его, с подписью-автографом.— Там же, лл. 9 об. и 18.)

28 июля.

Выехал из Самары.

(Заявление А. М. Горького начальнику Нижегородского губернского

жандармского управления от 2 августа 1898 г.— Там же, 1898 г., д. № 2/9, л. 89.)

31 июля.

Приехал в Нижний-Новгород, остановился в номерах почтовой гостиницы, по Чернопрудскому переулку, 2 части, 4 участка.
(Сведения, подписанные А. М. Горьким и данные полицеймейстеру 1 августа 1898 г.— Там же, 1898 г., д. № 61, л. 16.)

31 июля.

Ночевал в квартире присяжного поверенного Ланина, дом Бышевских на углу Ошарской ул. и Грузинского пер.
(Заявление о выдаче временного вида на жительство, с подписью-автографом.— Там же, 1898 г., д. № 61, л. 16.)

1 августа.

Получил временный вид на жительство в Нижнем-Новгороде.
(Заявление и расписка в получении свидетельства. Там же.)

2 августа.

Переехал из гостиницы в дом № 4, Пименова, на Гребешковской ул., 1 ч., 4 уч., 8 околотка.
(Справка пристава, 3 августа 1898 г.— Там же, л. 17.)

11 августа.

Переехал в дом Ржосницкого, на Новой ул., 1, Кремлевской части, 2 уч.
(Донесение пристава нижегородскому полицеймейстеру, 26 августа 1898 г., № 222.— Там же, л. 21.)

29 сентября.

Переехал в дом Каменева на Новоникольской ул., 1 ч., 4 уч.
(Справка пристава, 30 сентября 1898 г.— Там же, л. 22.)

4 ноября.

Жил в д. Курепина, № 20, на Полевой ул. 1 ч., 2 уч.
(Справка пристава.— Там же, л. 23.)

1898—1899 гг.

Состоял в числе сотрудников газеты «Нижегородский листок».
(Политический обзор Нижегородской губ. за 1899 г. от 13 марта 1900 г., № 507.— ДП, III, 1900 г., д. № 1, ч. 42, лит. А, л. 12.)

1899 г.

14 марта.

Получил разрешение выехать для лечения в Ялту на 2 месяца.
(Предписание нижегородского губернатора нижегородскому полицеймейстеру от 14 марта 1898 г. № 1176.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1898 г., д. № 61, л. 25.)

14 марта.

Дал подписку в том, что выедет в Ялту в 4 часа дня через Москву, обязуясь не отклоняться от маршрута и не останавливаться нигде.

в случае же необходимости в остановке заявить немедленно об этом местной полиции; тогда же заявил об утере свидетельства на жительство.

(Подписка от 14 марта 1898 г.— Там же, л. 26.)

14 марта.

По проходному свидетельству за № 478 выехал в г. Ялту.

(Расписка с подписью-автографом А. М., 14 марта 1898 г., справка пристава от 15 марта 1898 г.— Там же, лл. 26, 28.)

19 марта.

Приехал в Ялту и получил свидетельство для проживания до 14 мая 1899 г.

(Листок негласного надзора и свидетельство, выданное Ялтинским полицейским управлением 19 марта 1899 г. за № 35.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 73/13; Нижегор. губ. жанд. упр., 1898 г., д. № 61, л. 31.)

Март.

Проживая в Ялте, «поддерживал близкие сношения с поднадзорными».

(Сведения Нижегородского губернского жандармского управления с 1 января по 1 июля 1899 г.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 59.)

15 апреля.

Выехал в Нижний-Новгород по проходному свидетельству из Ялты до Севастополя на пароходе и от Севастополя до Нижнего-Новгорода по железной дороге.

(Донесение ялтинского уездного исправника нижегородскому полицеймейстеру, 15 апреля 1899 г., № 164, и проходное свидетельство.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1898 г., д. № 61, лл. 29, 30.)

19 апреля.

Приехал в Нижний-Новгород и поселился на прежней квартире в д. Курепина.

(Справка пристава от 20 апреля 1899 г.— Там же, л. 32.)

10 июня.

Подал заявление в Нижегородское губ. жанд. управление о выезде в Васильсурск.

(Отношение начальника Нижегородского губернского жандармского управления нижегородскому полицеймейстеру от 16 июня 1899 г., № 871.— Там же, л. 33.)

23 июня.

Дознание по делу тифлисской социал-демократической организации в отношении А. М. Горького «за недостаточностью улик» прекращено.

(Отношение министра юстиции главноначальствующему гражданской частью на Кавказе 24 июня 1899 г., № 1601.— МЮ, вр. канц., 1897 г., д. № 11488, лл. 103—104.)

24 июня.

Получил разрешение на выезд в Васильсурск.

(Отношение начальника Нижегородского губернского жандармского управления нижегородскому полицеймейстеру от 24 июня 1899 г., № 594.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1898 г., д. № 61, л. 34.)

26 июня.

Вызван был в Нижегородское жандармское управление в 11 час. дня. Дал подписку нижегородскому полицеймейстеру в том, что выедет в Васильсурск в 2 ч. дня «на собственный счет», обязуясь не уклоняться от маршрута и нигде не останавливаться.

(Подписка (подпись-автограф) от 26 июня 1899 г.— Там же, л. 35.)

С проходным свидетельством за № 556 выехал на дачу в имение Кильчевского, Васильсурского уезда, Нижегородской губернии.

(Справка пристава от 29 июня 1899 г.— Там же, л. 36.)

15 сентября.

По возвращении в Нижний-Новгород проживал на Полевой улице, д. Курепина.

(Там же, 1897 г., д. № 54, т. IV, л. 4.)

16 сентября.

Ввиду прекращения дознания получил паспорт.

(Расписка с подписью-автографом А. М. от 16 сентября 1899 г.— Там же, 1898 г., д. № 61, л. 2.)

26 октября.

Выехал из Нижнего-Новгорода в Самару.

(Уведомление Нижегородского губернского жандармского управления, 28 октября 1899 г., № 1962.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 73/6.)

Октябрь—ноябрь.

Был две недели в Петербурге. На литературном вечере в память Чернышевского, устроенном «в пользу слушательниц курсов Лесгафта», читал «свое произведение «О проститутках», не пропущенное цензурой» [1].

(Доклад департамента полиции особому совещанию, 13 августа 1901 г.— Там же, л. 21.)

6 ноября.

Приехал в Нижний-Новгород на прежнюю квартиру.

(Уведомление Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 7 ноября 1899 г., № 2011.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 73/15 и справка пристава в г. Нижнем-Новгороде, 10 ноября 1899 г.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1897 г., д. № 54, т. IV, л. 6.)

2 декабря.

Выехал из Нижнего-Новгорода в Смоленск [2].

(Уведомление Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 4 декабря 1899 г., № 2148.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 73/7.)

---

[1] В списке сочинений А. М. Горького в книге С. Балухатого, Литературная работа М. Горького, изд. «Academia», 1936 г., произведения под таким наименованием не значится.

[2] А. М. Горький ездил в Смоленск для участия в концерте в пользу местного союза печатников. Литературно-музыкальный вечер состоялся 4 декабря. (Письма А. М. Горького А. П. Чехову в сентябре — ноябре 1899 г. «М. Горький.— Материалы и исследования», т. II, изд. Академии наук СССР, 1936 г., стр. 118, 179—182.)

8 декабря.

Возвратился в Нижний-Новгород.
(То же от 8 декабря 1899 г., № 2163.—Там же, л. 73/19.)

1899—1900 гг.

Сотрудничал в газете «Северный курьер» и продолжал сотрудничать в «Нижегородском листке».
(Справка департамента полиции от 10 марта 1901 г.—ДП, о. о., 1901 г., д. № 33, л. 3.)

1900 г.

12 января.

Уехал в Москву.
(Справка пристава г. Нижнего-Новгорода от 13 января 1900 г.—Нижегор. губ. жанд. упр., 1897 г., д. № 54, т. IV, л. 7.)

16 января.

Приехал в Нижний-Новгород на прежнюю квартиру.
(То же от 16 января 1900 г.—Там же, л. 8.)

11 марта.

Уехал в Ялту.
(Справка пристава, 14 марта 1900 г.—Нижегор. губ. жанд. упр., 1897 г., д. № 54, т. IV, л. 9.)

16 марта.

Приехал в Крым и поселился в Ялте.
(Уведомление Таврического губернского жандармского управления в департамент полиции, 19 марта 1900 г., № 800.—ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 73/21.)

28 мая.

Уехал из Крыма в Терскую область.
То же от 31 мая 1900 г., № 1621.—Там же, л. 73/16.)

11 июня.

Возвратился в Ялту.
То же от 14 июня 1900 г., № 1762.—Там же, л. 73/31.)

13 июня.

Уехал из Крыма в Полтавскую губернию.
(Уведомление Таврического губернского жандармского управления в департамент полиции 15 июня 1900 г., № 1790.—Там же, л. 73/17.)

24 июня.

Приехал в Полтавскую губернию и поселился в с. Мануйловке, Кременчугского уезда.
(Уведомление Полтавского губернского жандармского управления в департамент полиции, 17 июля 1900 г., № 2289.—Там же, л. 73/27.)

20 августа.

Выехал из Полтавы в Нижний-Новгород.
(То же от 9 сентября 1900 г., № 3049.—Там же, л. 73/18.)

3 сентября.

Приехал в Нижний-Новгород и поселился в д. Лемке на Новой ул. 1.
(Справка пристава г. Нижнего-Новгорода.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1897 г., д. № 54, т. IV, л. 10.)

4 сентября.

Приехал в Москву и поселился в Большой Московской гостинице во 2 уч. Тверской части.
(Донесения пристава 2 уч. Тверской части в Московское охранное отделение, 6 и 8 сентября 1900 г., № 853 и 902 — Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, лл. 7—9.)
У него были В. А. Поссе, издатель журнала «Жизнь», и К. П. Пятницкий, поверенный А. М. по изданию его произведений.
(Там же.)

5 сентября.

Выехал в Петербург.
(Там же.)

7 сентября.

Вернулся в Нижний-Новгород.
(Отношение Нижегородского губернского жандармского управления московскому полицеймейстеру, 17 сентября 1900 г., № 1800.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 12.)

23 сентября.

Выехал в Москву.
(Уведомление Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 26 сентября 1900 г.—ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 73/22.)

30 сентября.

Вернулся в Нижний-Новгород на прежнюю квартиру.
(Справка пристава г. Нижнего-Новгорода, 2 октября 1900 г.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1895 г., д. № 54, т. IV, л. 12.)

25 октября.

Выехал в Москву.
(Уведомление Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 26 октября 1900 г., № 2109.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 73/23.)

28 октября.

Приехал в Москву и поселился в Большой Московской гостинице, в номере, занимаемом В. А. Поссе.
(Донесение начальника Московского охранного отделения в департамент полиции, 30 октября 1900 г., № 1193.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 6, лит. Н, л. 13.)

2 ноября.

Выехал в Петербург.
(Уведомление московского полицеймейстера в департамент полиции, 9 ноября 1900 г., № 12227.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 73/24.)

4 ноября.

Приехал в Нижний-Новгород.

(Уведомление Нижегородского жандармского губернского управления в департамент полиции, 5 ноября 1900 г., № 2154.— Там же, л. 73—33.)

1900—1901 гг.

А. М. Горький состоял в числе сотрудников журнала «Жизнь»[1], издававшегося в Петербурге.

(Доклад департамента полиции особому совещанию от 29 мая 1901 г.— ДП, о. о., 1898 г., д. 13, ч. 17, лл. 16—19.)

В Нижнем-Новгороде был близок к революционному кружку молодежи.

(Донесение Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 28 февраля 1901 г., № 445.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 10, лл. 69—73.)

1901 г.

5 февраля.

В письме Н. Телешеву[2] из Нижнего-Новгорода в Москву настаивал на необходимости «заступиться за киевских студентов» и составить текст петиции об отмене «временных правил»[3].

Начало февраля.

В письме В. Брюсову в Москву возмущался по поводу применения «временных правил», как «идиотской меры обожравшихся властью прохвостов».

(Доклад департамента полиции особому совещанию от 13 августа 1901 г.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, лл. 20—23.)

16 февраля.

Выехал из Нижнего-Новгорода через Москву в Петербург.

(Справка пристава г. Нижнего-Новгорода, 17 февраля 1901 г.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1897 г., д. № 54, т. IV, л. 14.)

19 февраля.

Приехал в Петербург «специально для присутствия 19 февраля, в день сорокалетней годовщины освобождения крестьян, на заседании союза писателей, на котором были произнесены речи крайне противоправительственного содержания». После заседания в «союзе» участвовал на банкете в ресторане Палкина, где произносились «революционные» речи и был вынесен проект организации «общества молодых писателей» «для помощи в составлении студенческих бюллетеней, сообща с представителями от кассы взаимопомощи С.-Петербургского университета».

(Доклад департамента полиции особому совещанию от 13 августа 1901 г.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, лл. 20—23.)

---

[1] «Жизнь»— журнал легальных марксистов, издававшийся с 1899 г. в Петербурге под фактическим редакторством В. А. Поссе. Апрельская книжка 1901 г. была последней. 8 июня 1901 г. «Жизнь» была запрещена. А. М. помещал свои произведения в «Жизни» и в 1899 г. («Фома Гордеев» и другие рассказы).

[2] Телешев, Н. Д.— писатель-беллетрист. В настоящее время директор музея Московского художественного театра.

[3] «Временные правила», которыми предусматривалась отдача студентов в солдаты за «учинение скопом беспорядков», опубликованные в 1889 г., были впервые применены в декабре 1900 г. к киевским студентам за участие в сходке.

22 февраля.

Поселился в Петербурге, в д. № 11 по Надеждинской ул., кв. 10, 2 уч. Литейной части.

(Уведомление петербургского градоначальника в департамент полиции, 4 марта 1901 г., № 3080.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 73/34.)

4 марта.

В числе других литераторов и общественных деятелей подписал протест «союза писателей» на имя министра внутренних дел против насилий, произведенных во время демонстрации 4 марта у Казанского собора; текст «протеста» был воспроизведен на гектографе под заголовком: «письмо из Петербурга»; широко распространялся путем посылки в редакции газет и разным лицам; напечатан был во многих иностранных газетах.

(Оригинал протеста-письма с подлинными подписями и вырезки из иностранных газет.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 125, т. I, лит. Б, лл. 29—30, 46, 48 и др.)

Март.

Перед от'ездом из Петербурга составил «опровержение на правительственное сообщение о 4 марта 1901 года», «крайне дерзкое по содержанию».

(Из справки департамента полиции от 29 мая 1901 г.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 13, ч. 17, л. 33.)

Внес 2 000 руб. на партийную работу, столько же «в агитационный студенческий фонд» и агитировал в обществе молодежи «против применения «временных правил».

Принадлежал к числу членов «общества помощи политическим ссыльным и заключенным» и участвовал в революционных организациях, содействуя их развитию путем создания для них благоприятных условий, превращая «всякое легальное дело в «революционное».

(Доклад департамента полиции особому совещанию об А. М. Пешкове от 13 августа 1901 г.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, лл. 20—23.).

9 марта.

Выехал в Москву.

(Уведомление петербургского градоначальника в департамент полиции, 18 марта 1901 г.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 73/26.)

11 марта.

Уехал из Москвы в Нижний-Новгород, приобретя мимеограф для издания листовок «к рабочим Сормовских заводов» с призывом к «беспорядкам» и отправив его 10 марта в Нижний-Новгород по адресу В. Н. Кольберг.

(Телеграмма директора департамента полиции начальнику Нижегородского губернского жандармского управления, 12 марта 1901 г.— ДП, VII, 1901 г., д. № 235, л. 8.)

12 марта.

Приехал в Нижний-Новгород и поселился в доме Лемке на Канатной ул., 1 части.

(Справка пристава г. Нижнего-Новгорода от 13 марта 1901 г.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1897 г., д. № 54, т. IV, л. 15.)

По возвращении в Нижний-Новгород занимался пропагандой среди

Сормовских рабочих и учащихся, причем агитировал за устройство празднования 1 мая.

(Из справки департамента полиции от 29 мая 1901 г.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 13, ч. 17, л. 34.)

Был близко связан с некоторыми членами нижегородского комитета РСДРП.

(Из донесения Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 11 декабря 1901 г., № 3165.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 4, лит. А, л. 41.)

31 марта.

В департаменте полиции решено «очень следить за Горьким», что поручить «вниманию Нижегородского губернского жандармского управления».

(Резолюции директора департамента полиции и товарища министра внутренних дел на копии письма В. Морковина, из Нижнего-Новгорода, М. Н. Русецкой в Москву от 16 марта 1901 г.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 125, т. 17, л. 1.)

Начало апреля.

Распространялось отлитографированное, составленное А. М. Горьким «опровержение правительственного сообщения по поводу демонстрации 4 марта у Казанского собора» [1].

(Справка департамента полиции, 10 апреля 1901 г.— ДП, о. о., 1901 г., д. № 333, лл. 1—6.)

Запрещено цензурой произведение А. М. Горького «Весна», предназначенное к печати в № 4 (апрель) журнала «Жизнь», где опубликована была только часть его: «Песня о Буревестнике». Произведение произвело сильное впечатление.

(Справка департамента полиции 2 июня 1901 г.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 13, ч. 17, лл. 32—34.)

В Н.-Новгороде читал в кружке молодежи свои «новейшие произведения, запрещенные цензурой, «О писателе, который зазнался» и «Весна» («Весенние мелодии»). «Первая вещь ему не нравится самому и он летом напишет новую, где гораздо полнее охарактеризует наше общество».

«Из Горького вырабатывается теперь общественный деятель новой молодой России. Он — представитель демократии великого свободного русского народа, который начинает просыпаться от своей вековой спячки, и не далеко то время, когда разогнет он свою спину и стряхнет с себя иго присосавшихся к нему эксплоататоров».

(Письмо Б. В. Морковина [2] из Нижнего-Новгорода с подписью «Б» в Москву, Л. Г. Булкиной от 6 апреля 1901 г.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 10, лл. 90 и 94.)

---

[1] А. М. Горький по поводу «опровержения» сообщил следующее: «Опровержение» писалось, кажется, троими, в их числе и мной. Мой текст был отвергнут». См. примечание М. Горького к статье А. Свободова, «М. Горький и студенческое движение 1901 г.», «Каторга и ссылка», 1927 г., № 6, стр. 74, примечание 1-е.

[2] Морковин, Б. В., студент Московского университета, за участие в студенческом движении был арестован и выслан из Москвы в Н.-Новгород 8 марта 1901 г. В 1901—1902 гг. привлекался Нижегородским губернским жанд. управлением за принадлежность к нижегородской соц.-дем. организации.

(Дело о Б. В. Морковине — Моск. охр. отд., 1911 г., д. № 492, лл. 20, 41, 44.)

4 апреля.

Был на студенческом вечере в Нижегородском коммерческом клубе, где пели революционные песни и обсуждался вопрос о предполагаемой на 8 апреля с участием Сормовских рабочих демонстрации, приуроченной к годовщине самоубийства (самосожжения) в 1899 г. в Бутырской тюрьме студента Ливена.

(Донесение Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 9 апреля 1901 г., № 627.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 125, т. 17, лл. 18—21.)

7 апреля.

В помещении Всесословного клуба участвовал в совещании учащейся молодежи совместно с общественными деятелями по вопросу о демонстрации, где категорически высказывался за широкую демонстрацию (не только студенческую) и пред'явление требований правительству об амнистии всех пострадавших во время студенческих выступлений.

(Копия протокола совещания и отношение прокурора Нижегородского окружного суда к министру юстиции от 30 апреля 1901 г., № 154.— МЮ, вр. канц., 1901 г., д. № 10949, лл. 16—28 и 14—15.)

В ночь с 16 на 17 апреля.

Был обыскан, арестован и привлечен к «расследованию в порядке охраны по делу об устройстве демонстрации и недозволенных сборищ и изготовления на гектографе, в сообществе с другими, сборника тенденциозных произведений».

Заключен под стражу в 1 корпус нижегородской тюрьмы.

(Доклад департамента полиции особому совещанию, 13 августа 1901 г.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, лл. 20—23.)

17 апреля.

Привлечен в качестве обвиняемого по 250 ст. ул. о нак. ввиду того, что он, «занимаясь совместно с кружком лиц противоправительственной пропагандой среди Сормовских рабочих с целью возбудить их к революционному движению, заготовляет в этих видах преступного содержания воззвания».

(Копия постановления Нижегор. губ. жанд. упр. и прокурора окр. суда об аресте М. Горького, 17 апреля 1901 г., № 2.— ДП, VII, 1901 г., д. № 235, л. 23.)

Был допрошен, причем не признал себя виновным по пред'явленному ему обвинению.

(Отношение прокурора Нижегородского окружного суда министру юстиции, 17 апреля 1901 г., № 124.— МЮ, вр. канц. 1901 г., д. № 10949, лл. 6—7.)

В ночь с 17 на 18 апреля.

Значился в списке лиц, предназначенных к обыску и аресту в Петербурге в ночь с 17 на 18 апреля, с пометой о том, что послана телеграмма об его аресте в Москву 18 апреля и отметкой, что он арестован в Нижнем-Новгороде.

(Список при записке Петербургского охранного отделения от 21 апреля 1901 г., № 186.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 15, ч. 6, лит. Б, т. II, лл. 78 и 98.)

24—25 апреля.

В тюрьму А. М. Горькому были переданы следующие книги: Шлоссер, «История XVIII и XIX столетия до падения французской империи», т. I; Э. Гиббон, «История упадка и разрушения Римской империи», ч. IV; Тит Ливий, «Римская история от основания города».

(Отношения Нижегородского губернского жандармского управления начальнику 1 корпуса нижегородской тюрьмы 24 и 25 апреля 1901 г., №№ 811 и 823.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1901 г., д. № 8, лл. 49 и 52.)

30 апреля.

Имел свидание с Е. П. Пешковой.

(Отношение Нижегородского губернского жандармского управления начальнику 1 корпуса нижегородской тюрьмы о разрешении свидания на 30 апреля от 29 апреля 1901 г., № 887.— Там же, л. 70.)

2 мая.

Был освидетельствован тюремным и городским врачами: «врачи никакой серьезной болезни у него не нашли и не усмотрели оснований предполагать опасные для его жизни последствия от дальнейшего содержания его под стражей».

(Отношение прокурора Московской судебной палаты в министерство юстиции, 4 мая 1901 г., № 989, и протокол освидетельствования 2 мая 1901 г.— МЮ, вр. канц., 1901 г., д. № 10949, лл. 13 и 33.)

5 мая.

Министром внутренних дел разрешено производить осмотр и выемку почтовой и телеграфной корреспонденции для А. М. Горького.

(Отношение директора департамента полиции в Главное управление почт и телеграфов, 5 мая 1901 г., № 2339.— ДП, VII, 1901 г., д. № 235, л. 20.)

8 мая.

Разрешено свидание с К. П. Пятницким.

(Отношение начальника Нижегородского губернского жандармского управления начальнику 1 корпуса нижегородской тюрьмы от 8 мая 1901 г., № 100.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1901 г., д. № 8, л. 87.)

9 мая.

В тюрьму А. М. Горькому переданы книги: Гюйо, «Искусство с социологической точки зрения»; Кант, «История новой философии», т. IV; «Жизнь» за апрель, кн. IV.

(Отношение начальника Нижегородского губернского жандармского управления начальнику 1 корпуса нижегородской тюрьмы, 9 мая, № 1028.— Там же, л. 100.)

16 мая.

Был освидетельствован консилиумом врачей; единогласным заключением их было, что А. М. Горький «страдает хроническим туберкулезом обеих легочных верхушек»; болезнь «требует исключительно климатического лечения»; «дальнейшее пребывание его под стражей может губительно повлиять не только на его здоровье, но и на жизнь».

(Протокол врачебного освидетельствования, 16 мая 1904 г.— Там же, лл. 121—122.)

17 мая.

Освобожден из тюрьмы, но «тюрьма заменена была домашним арестом».

(Доклад департамента полиции особому совещанию, 13 августа 1901 г.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, лл. 20—23.)

3 июня.

Освобожден от домашнего ареста и отдан под особый надзор полиции по месту жительства в Нижнем-Новгороде, Канатная ул., д. Лемке.

(Отношение прокурора Нижегородского окружного суда министру юстиции, 4 июня 1901 г., № 264.— МЮ, вр. канц., 1901 г., д. № 10949, л. 38.)

8 и 14 июня.

Получил через Нижегородское губернское жандармское управление девять писем.

(Собственноручные расписки в получении писем.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1901, д. № 8, лл. 177—178, 183—184, 188.)

Около 20 июля.

Выехал из Нижнего-Новгорода на дачу «Моховые горы» Семеновского уезда.

(Отношение начальника Нижегородского губернского жандармского управления семеновскому уездному исправнику, 26 июля 1901 г., № 189, и донесение семеновского уездного исправника в Нижегородское губернское жандармское управление от 30 августа 1901 г., № 92.— Там же, лл. 253 и 277.)

8 августа.

Был допрошен в качестве обвиняемого по содержанию отобранного у него при обыске воззвания «Опровержение правительственного сообщения» и стихотворения на нем «на мотив марсельезы», причем «в составлении их виновным себя не признал и вообще отозвался незнанием составителей».

(Отношение прокурора Нижегородского окружного суда, 10 августа 1901 г., 332.— МЮ, вр. канц., 1901 г., д. № 10949, л. 42.)

13 августа.

По постановлению особого совещания подлежал высылке из Нижнего-Новгорода.

(Справка департамента полиции.— ДП, VII, 1901 г., д. № 235, л. 37.)

27 августа.

Выехал с дачи в Нижний-Новгород.

(Донесение семеновского уездного исправника в Нижегородское губернское жандармское управление, 4 сентября 1901 г., № 92.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1901 г., д. № 8, л. 284.)

4 сентября.

В Петербурге в университетской студенческой столовой производилась «негласная» продажа произведения М. Горького «Весенние мелодии», изданного на мимеографе, по 30 коп. за экземпляр.

(Записка Петербургского охранного отделения, 4 сентября 1901 г., № 329.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 150, т. I, л. 6.)

17 сентября.

Выслан из Нижнего-Новгорода в Арзамас.

(Отношение нижегородского губернатора нижегородскому полицеймейстеру, 17 сентября 1901 г., № 2240.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1901 г., д. 8, л. 311.)

21 сентября.

Об'явлено под расписку о высылке его из Нижнего-Новгорода под надзор полиции до окончания дела.

(Постановление департамента полиции от 7 сентября 1901 г., № 12158.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 30.)

2 октября.

Разрешено жить временно в Нижнем-Новгороде «в виду действительно болезненного состояния» и предложено полицеймейстеру «производить периодические освидетельствования его здоровья».

(Донесение нижегородского губернатора в департамент полиции 2 октября 1901 г., № 2393.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 29.)

16 октября.

Департаментом полиции разрешено выехать на южный берег Крыма, кроме Ялты, до 15 апреля 1902 г.

(Отношение департамента полиции начальнику Нижегородского губернского жандармского управления от 16 октября 1901 г., № 5294.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1901 г., д. № 8, л. 316.)

27 октября.

Об'явлено под расписку об окончании дознания по его обвинению.

(Расписка с собственноручной подписью от 27 октября 1901 г.— Там же, л. 357.)

3 ноября.

Был встречен «шумными овациями на студенческом вечере» в Н.-Новгороде.

(Из листовки за подписью: «Нижегородцы» от 6 ноября 1901 г.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 43.)

5 ноября.

Присутствовал на прощальном обеде-банкете, устроенном оппозиционной группой местной интеллигенции, высланными студентами и курсистками, где был прочтен ему адрес и говорились «смелые вызывающие речи». Обед сопровождался «овациями, оказанными ему не только как талантливому писателю, но и как борцу за свободу, несправедливо гонимому правительством».

(Та же листовка и донесение начальника Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции от 19 января 1902 г., № 159.— ДП, о. о., 1901 г., д. № 987, лл. 18—19.)

6 ноября.

Распространялась прокламация с призывом к демонстрации в день от'езда А. М. Горького: «Пускай же путь борца за свободу человеческой личности будет триумфальным шествием победителя, и еще раз смелым и открытым протестом общество откликнется на этот вызов правительства».

(Копия гектографированной листовки за подписью «Нижегородцы» 6 ноября 1901 г.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 43.)

6 ноября.

Сделал следующую надпись на своей фото-карточке, предназначенной З. Свердлову: «На добрую память о днях совместной жизни — веселой жизни!— за каменной стеной».

(Фото-карточка М. Горького нижегородской фотографии Карелина с надписью-автографом. — ДП, VII, 1901 г., д. № 763, т. II, л. 1-е).

7 ноября.

Распространена была листовка в связи с проводами М. Горького, с протестом против его высылки, за подписью: «Защитники народа против его угнетателей».

(Оригинал гектографированной листовки от 7 ноября 1901 г., изданной в Н.-Новгороде.— ДП, VII, 1901 г., д. № 763, т. II, л. 1-в.)

Выдано было «проходное свидетельство» в Крым за № 872/874.

(Отношение нижегородского полицеймейстера начальнику Нижегородского губернского жандармского управления, 8 ноября 1911 г., № 872. — Нижегор. губ. жанд. упр., 1901 г., д. № 8, л. 358.)

Уехал в Крым, проводы его «сопровождались шумными овациями многочисленной публики на вокзале с произнесением речей и разбрасыванием прокламаций», а также организованной уличной демонстрацией после отхода поезда.

(Донесение нижегородского губернатора в департамент полиции, 9 ноября 1901 г., № 2723.— ДП, о. о., 1901 г., д. № 750, л. 18.)

«Проводы Максима Горького было нечто грандиозное: все улицы были запружены учащимися со знаменами...»

(Копия письма 120 родителей учащихся Нижнего-Новгорода министру народного просвещения (без даты) с копией листовки с выражением негодования по поводу высылки Горького, за подписью: «Защитники народа против его угнетателей» от 7 ноября 1901 г. при отношении м-ва нар. просв. от 6 февр. 1902 г.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 225, лл. 49—50.)

8 ноября.

В Москве на вокзале А. М. Горького ждала толпа около 500 человек; он был арестован среди пути в вагоне; М. Горькому было об'явлено, что он не может быть допущен в пределы столицы и его заставили проехать прямо с Нижегородской дороги на Курскую.

(Отношение Московского охранного отделения попечителю Московского учебного округа 11 ноября 1901 г., № 14141. — Моск. охр. отд. 1895 г., д. 80, лл. 53—55.)

Приехал в Подольск, где ожидал семью до вечернего поезда.

(Там же.)

Телеграммами в Тулу, Харьков, Курск, Орел и Симферополь предупреждены были губернаторы о проезде А. М. Горького в Крым, с предложением не допускать «по пути демонстраций».

(Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 40.)

9 ноября, в 10½ ч. вечера.

В Харькове студенты высших учебных заведений устроили «демонстративную овацию» перед проходящим поездом, в котором ехал А. М. Горький.

(Донесение Харьковского губернского жандармского управления в департамент полиции, 10 ноября 1901 г., № 9994.— ДП, о. о., 1901 г., д. № 750, л. 21.)

9 ноября.

В Нижегородском театре произнесена была речь с протестом против ареста и высылки М. Горького.

(Постановление Нижегородского губернского жандармского управления от 16 ноября 1901 г.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1901 г., д. № 15, л. 17.)

11 ноября.

Приехал в с. Мисхор, Ялтинского уезда, где за ним учрежден был гласный надзор полиции.

(Донесение Таврического губернатора в департамент полиции, 24 ноября 1901 г., № 6957.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 32.)

14 ноября.

Вторично в Нижегородском театре произнесена была речь с протестом против высылки и ареста М. Горького.

(Донесение Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции от 17 ноября 1901 г.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1901 г., д. № 15, л. 18.)

После 17 ноября.

Переехал из Ялты в местечко Олеиз, близ Алупки, на дачу Токмакова; «много работает».

Вырезка из «Киевской газеты» от 22 ноября 1901 г., № 323.— ДП, о. о., 1901 г., д. № 33, л. 19.)

Ноябрь.

Среди рабочих завода Алафузова в Казани распространялось произведение М. Горького «Весенние мелодии» «без цензурных сокращений» с добавлением от редакции о том, что правительственная цензура вымарывает такое произведение, как опасное и вредное, заражающее «ядом свободы умы русских рабов».

(Донесение казанского губернатора от 9 ноября 1901 г.— ДП, о. о., 1898, д. № 5, ч. 23, лит. Б, л. 131.)

Среди студентов Киевского университета распространялось отпечатанное на пишущей машинке произведение Горького «О писателе, который зазнался», издание комитета пострадавшим студентам-политехникам, Киев, 1901 г.

(Донесение начальника Киевского губернского жандармского управления в департамент полиции, 2 декабря 1901 г., № 7224.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 150, т. IV, л. 166.)

29 ноября.

Получил через помощника начальника Таврического губернского жандармского управления книгу на английском языке и два письма.

(Расписка с собственноручной подписью 29 ноября 1901 г.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1901 г., д. № 8, л. 367.)

Декабрь.

Часто виделся с Л. Н. Толстым, проживавшим в имении Паниной в Ялтинском уезде.

(Донесение Таврического губернского жандармского управления в департамент полиции, 15 декабря 1901 г., № 455.—ДП, о. о., 1898 г., д. № 349, т. I, л. 213.)

1902 г.

Январь.

Произведение А. М. Горького «Весенние мелодии» помещено было в № 2 нелегального гектографированного журнала «Сеятель», издававшегося учениками Казанского земледельческого училища.

(Копия перлюстрированного департаментом полиции письма без подписи (И. В. Захаров) из Казани, учителю А. В. Захарову, в Васильеву слободу, Балахнинского уезда, Нижегородск. губ., 23 января 1902 г.—ДП, о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 155, т. I, л. 8.)

До 13 февраля.

Живя в Нижнем-Новгороде, «находился в постоянной переписке» с редакцией «Искра» за границей.

(Донесение помощника начальника Ковенского губернского жандармского управления в Поневеже в департамент полиции, 3 марта 1902 г., № 332.—ДП, о. о., 1902 г., д. № 1295, лл. 12—13 и 50.)

21 февраля.

В соединенном заседании отделения русского языка и словесности Академии наук избран был в «почетные академики разряда изящной словесности».

(Вырезка из газеты «Новое время» от 1 марта 1902 г., № 9335.—ДП, о. о., 1901 г., д. № 33, л. 20.)

5 марта.

Распространялась гектографированная листовка «товарищам горным студентам», с лозунгом: «долой самодержавие, да здравствует свобода», без подписи, с эпиграфом из произведения Горького «Песня о соколе»: «Безумству храбрых пою я славу».

(Оригинал листовки, с датой входящего № 2702 от 5 марта 1902 г.—ДП, о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 150, т. I, лит. В, л. 107.)

10 марта.

Выборы А. М. Горького в почетные академики об'явлены «недействительными» ввиду того, что он привлечен к дознанию по политическому делу.

(Вырезка из «Правительственного вестника» от 10 и 12 марта 1902 г., № 56 и № 57.—ДП, о. о., 1901 г., д. № 33, л. 24.)

13 марта.

В Петербурге распространялось произведение «Разрушенный мол» за подписью М. Горького, которое «продавалось по 30 коп. в пользу высылаемых студентов» [1].

(Записка Петербургского охранного отделения от 13 марта 1902 г., за № 185.—ДП, о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 140, т. I, л. 59.)

---

[1] А. М. Горький в 1905 г. опроверг свое авторство. (Дело Московского комитета по делам печати о брошюре, с оригиналом ее. Моск. Ком. печати, 1906 г., д. № 565.)

17 марта.

По распоряжению нижегородского губернатора с художественной выставки в доме нижегородского дворянского собрания удален был бюст А. М. Горького, в предупреждение готовившейся перед бюстом демонстрации.

(Донесения нижегородского губернатора в департамент полиции от 27 и 29 марта 1902 г. за №№ 720 и 739.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 9, ч. 2, лит. Б, лл. 4—6.)

21 марта.

В Петербурге среди студентов распространялось произведение М. Горького «О беспокойной книге», отпечатанное на гектографе [1].

(Записка Петербургского охранного отделения от 21 марта 1902 г., за № 216 и копия произведения — ДП, о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 150, т. I, лл. 80 и 84—86.)

30 марта.

В студенческой столовой в Казани распространялась брошюра за подписью «М. Горький» с произведением его: «Перед лицом жизни» [2] и произведением «Разрушенный мол».

(Донесение Казанского губернского жандармского управления в департамент полиции, 4 апреля 1902 г., № 1137.— ДП, о. о., 1905 г., д. № 6, ч. 642, л. 1.)

4 апреля.

В студенческой столовой Петербургского университета распространялось произведение М. Горького «Перед лицом жизни», изданное на гектографе «кассой радикалов».

(Записка Петербургского охранного отделения от 4 апреля 1902 г., № 2552 и оригинал произведения. — ДП, о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 150, т. I, лл. 129, 130 а (арх. инв. № 245593.)

25 апреля.

Утром приехал в Москву и вечером выехал в Нижний-Новгород.

(Телеграммы Московского охранного отделения нижегородскому губернатору, 24 и 25 апр. 1902 г., №№ 4940 и 5100.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, лл. 73 и 76.)

26 апреля.

Приехал в Нижний-Новгород и остановился в номерах «Россия», во 2-ой Кремлевской полиц. части.

(Донесение нижегородского полицеймейстера начальнику Нижегородского губернского жандармского управления, 26 апреля 1902 г., № 425.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1901 г., д. № 8, л. 403.)

4 мая.

Запрещен цензурой иллюстрированный альбом художника Клана «Босяки» с карикатурами на персонажи произведений Горького, «в виду вызванного за последнее время в нашем обществе произведениями М. Горького приподнятого интереса к миру «бывших людей».

[1] Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок» № 357 от 29 декабря 1900 г.

[2] Впервые напечатано в газете «Нижегородский листок» № 354 от 25 декабря 1900 г.

(Ведомость сочинений, запрещенных Московским цензурным комитетом в 1902 г.— Моск. ценз. комитет, 1902 г., д. № 419, л. 86.)

5 мая.

Выехал из Нижнего-Новгорода на жительство в г. Арзамас (место его высылки).

(Донесение нижегородского полицеймейстера начальнику Нижегородского губернского жандармского управления, 7 мая 1902 г., № 425.— Там же, л. 412.)

Май.

Проживая в Арзамасе, занимался литературным трудом.

(Сведения из наблюдений Нижегородского губернского жандармского управления с 1 января по 1 июля.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 50.)

5 июня.

В письме из Арзамаса Д. Никитину в Кореиз (Крым) сетовал, что «живется не очень приятно, так как полиция очень уже явно о нем заботится, залезая в окно и двери без зазрения совести»[1].

(Копия письма Д. Никитина (врача Л. Н. Толстого) Е. А. Гонтареву по адресу Я. Г. Дольбышева в Москву, от 5 июня 1902 г.— ДП, о. о., 1902 г., д. № 1420, л. 1.)

29 июля.

Дознание 1901 г. по делу о демонстрации в Нижнем-Новгороде в отношении А. М. Горького прекращено.

(Отношение министра внутренних дел министру юстиции, 29 июля 1902 г., № 3661.— ДП, VII, 1901 г., д. № 235, л. 48.)

10 августа.

Освобожден от особого надзора полиции по распоряжению прокурора Московской судебной палаты.

(Отношение прокурора Московской судебной палаты начальнику Нижегородского губернского жандармского управления, 10 августа 1902 г., № 1979.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1901 г., д. № 8, л. 438.)

16 августа.

Об'явлено под расписку постановление об отмене особого надзора полиции.

(Расписка с собственноручной подписью от 16 августа 1901 г.— Там же, л. 446.)

17 августа.

Получил, как состоящий под гласным надзором полиции, разрешение приехать на 7 дней в Нижний-Новгород.

[1] В это же время из Арзамаса А. М. писал А. П. Чехову: «Здесь воюю с полицией, чем никогда не занимался. Некий полициант Данилов, всего, только пристав, захотел показать мне, сколь он сильный человек на земле арзамасской, и вот однажды, нахальнейшим образом, ввалился ко мне в квартиру и стал, не менее нахально, спрашивать: кто у меня в гостях?..

Под окнами моими гуляет полицейский, а изредка проезжает и сам Данилов верхом на коне, при этом он зорко и внимательно всматривается в нутро моей обители, очевидно, желая знать, как успешно делаю я революцию, конституцию и прочие несъедобные вещи. Курьезно, но и возмущает». («М. Горький.— Материалы и исследования», изд. Академии наук СССР, 1936 г., т. II, стр. 239—240.

(Отношение нижегородского губернатора начальнику Нижегородского губернского жандармского управления 17 авг. 1902 г., № 2187.— Там же, л. 459.)

18 августа.

Приехал из Арзамаса в Нижний-Новгород и остановился в гостинице «Восточный базар».

(Рапорт пристава Рождественской части нижегородскому полицеймейстеру, 18 августа 1902 г., № 253.— Нижегор. губ. жанд. упр., д. № 54, т. IV, лл. 16—17.)

23 августа.

Переехал в гостиницу «Россия» на Благовещенской площади. (То же, 23 авг. 1902 г., № 259.— Там же, л. 18.)

27 августа.

Возвратился в Арзамас.

(Справка пристава г. Нижнего-Новгорода.— Там же, л. 19.)

Август.

Произведения А. М. Горького: «Весенние мелодии» и «Писатель, который зазнался», перепечатывались нелегально для распространения среди работающих в Бронницких артиллерийских парках.

(Копия перлюстрированного департаментом полиции письма за подписью «К» (Н. Ф. Карцев, ученик Саратовского земледельческого училища) из Бронниц, А. А. Яблонскому, в Москву, 26 июля 1902 г., и протокол показаний В. Ф. Пешехонцева в Бронницком жандармском управлении, 16 августа 1902 г.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 3, ч. 155, т. I, лл. 119 и 124.)

5 сентября.

Выехал из Нижнего-Новгорода в Москву.

(Уведомление Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции 7 сентября 1902 г., № 3672.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 74/2.)

7 сентября.

В Москве остановился в Большой Московской гостинице и в тот же день выехал обратно в Нижний-Новгород.

(Донесение пристава 2 уч. Тверской части в Московское охранное отделение, 8 сентября 1902 г., № 518.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, лл. 96—97.)

8 сентября.

Возвратился в Нижний-Новгород и остановился в гостинице Масленникова «Россия», откуда перешел в д. Киршбаум, на Ковалихе, 2 Кремлевской части.

(Справка пристава г. Нижнего-Новгорода, 11 сентября 1902 г.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1897 г., д. № 54, т. IV, л. 21.)

26 сентября.

Выехал из Нижнего-Новгорода в Москву.

(Уведомление начальника Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции 5 октября 1902 г., № 4039.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 74/3.)

30 сентября.

Приехал в Москву и поселился в доме Скирмунта, по Гранатному пер., 1 уч., Арбатской части у самого домовладельца[1].

(Донесение московского полицеймейстера в департамент полиции, 7 октября 1902 г., № 10511.— Там же, л. 38.)

8 октября.

Состоялось свидание А. М. Горького с представителями организации «Искры» в Москве и Московского комитета РСДРП в доме Горчакова, по проезду Страстного бульвара, в кв. 95, Розенберг, на котором он заявил, что всецело разделяет точку зрения «Искры», готов всемерно поддерживать организацию и систематически помогать деньгами, в количестве не менее 5 000 в год.

(Донесение Московского охранного отделения в департамент полиции, 12 ноября 1902 г., № 11741.— ДП, о. о., 1901 г., д. № 825, т. X, лл. 196—197, 249, 272.)

14 октября.

Дал обязательство срочно выехать из Москвы и не приезжать без разрешения.

(Копия подписки, данной А. М. на ст. Подсолнечной Николаевской ж. д., в имении «Колпашево».— Моск. охр. отд., 1895 г., д. 80, л. 149.)

14 октября.

В Москве распространялась листовка «К обществу» за подписью «Группа интеллигентов г. Москвы» по поводу суда 29 октября над участниками демонстрации 5 мая в Нижнем-Новгороде, отпечатанная на гектографе. По предположению Московского охранного отделения написана А. М. Горьким.

(Отношение Московского охранного отделения в департамент полиции от 19 дек. 1902 г., № 12810 и копия листовки.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 5, лит. 7, лл. 7—8.)

15 октября.

Выехал в Нижний-Новгород.

(Донесение московского полицеймейстера в департамент полиции, 15 октября 1902 г., № 11157.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 39.)

31 октября.

Уехал из Нижнего-Новгорода в Москву.

(Уведомление начальника Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 2 ноября 1902 г., № 4343.— Там же, л. 74/4.)

1 ноября.

Приехал в Москву и поселился по Гранатному пер., 1 уч. Арбатской части, в квартире Скирмунта.

[1] С. А. Скирмунт был владельцем книжного склада и магазина «Труд» в Петербурге, где производилась торговля брошюрами, преимущественно социал-демократического направления, часто изданными нелегально, а часто запрещенными к продаже. В 1902 г. он привлекался к делу о Московском комитете РСДРП; так как на его имя получались нелегальные издания, был выслан в Олонецкую губ. на 5 лет. В 1905 г. он был официальным редактором большевистской газеты «Борьба», в которой сотрудничал А. М. Горький (газета выходила легально в Москве с 27 ноября по 6 декабря 1905 г.).

(Донесение московского полицеймейстера в департамент полиции, 9 ноября 1902 г., № 11670.—Там же, л. 40.)

6 ноября.

Выехал в Петербург. (Там же.)

18 ноября.

Приехал в Петербург и поселился в доме № 4, кв. 8, по Николаевской ул., 1 уч. Московской части.
(Уведомление петербургского градоначальника в департамент полиции, 27 ноября 1902 г., № 22408.—Там же, л. 74/15.)

26 ноября.

Выехал из Петербурга в Москву.
(То же от 10 дек. 1902 г., № 22876.—Там же, л. 74/5.)

30 ноября.

Приехал в Москву; поселился в квартире Скирмунта.
(Донесение московского полицеймейстера в департамент полиции от 3 декабря 1902 г., № 12337.—Там же, л. 74/16.)

2 декабря.

Запрещен был цензором сборник: «А. Чехов, М. Горький и Л. Н. Толстой — Вечные вопросы. Мысли».
(Отношение отдельного цензора по внутренней цензуре в Одессе в Московский цензурный комитет, 2 декабря 1902 г., № 1115.—Моск. ценз. комитет, 1902 г., д. № 419, л. 58.)

6 декабря.

Приехал в Нижний-Новгород.
(Донесение Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 7 декабря 1902 г., № 4724.—ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 72/17.)

11 декабря.

Выехал из Нижнего-Новгорода в Москву.
(То же от 13 декабря 1902 г., № 4794.—Там же, л. 74/6.)

24 декабря.

Выехал из Москвы в Нижний-Новгород.
(Донесение пристава 1 уч. Арбатской части в Московское охранное отделение, 24 декабря 1902 г., № 392.) Моск. охр. отд. 1895 г., д. № 80, л. 94.)

27 декабря.

Приехал в Нижний-Новгород.
(Справка пристава г. Нижнего-Новгорода, 28 декабря 1902 г.—Нижегор. губ. жанд. упр., 1897 г., № 54, т. IV, л. 22.)

1903 г.

7 января.

Выехал из Москвы в Нижний-Новгород.
(Сообщение московского полицеймейстера в департамент полиции, 7 января 1903 г.—ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 74/7.)

15 января.

Выехал в Москву.
(То же от 15 января.— Там же, л. 74/8.)

16 января.

Приехал в Москву и остановился в гостинице «Славянский базар».
(Донесение полицейского надзирателя 1 уч. Яузской части в Московское охранное отделение, 16 января 1905 г.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 102.)

24 января.

Приехал в Москву и поселился в д. Скирмунта.
(Донесение пристава 1 уч., Арбатской части в Московское охранное отделение, 24 января 1903 г., № 62.— Моск. охр. отд., 1895 г., д № 80, л. 103.)

31 января.

Приехал в Нижний-Новгород.
(Уведомление Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 2 февраля 1903 г., № 360.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 74/20.)

4 февраля.

Выехал из Москвы в Нижний-Новгород.
(Уведомление московского полицеймейстера в департамент полиции, 7 февраля 1903 г., № 1316.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 74/10.)

19 февраля.

Из'ята цензурой рецензия на том V рассказов М. Горького, помещенная в февральской книжке журнала «Русская мысль».
(Отношение Московского цензурного комитета старшему инспектору. 20 февраля 1902 г., № 538.— Моск. ценз. ком., ст. инсп., 1902 г., д № 6, л. 11.)

20-е числа февраля

Во время постановки «Мещане» Горького произошла демонстрация в театре в Белостоке с участием рабочих, с возгласами: «Да здравствует поднадзорный Горький» и разбрасыванием листовок с лозунгом «Долой самодержавие». Вызваны были войска, произведены аресты и избиение.
(Копия письма с надписью «Соня» (С. М. Лейбович) из Белостока.— ДП, о. о., 1903 г., д. № 1208, л. 3.)

28 февраля.

Выехал из Н.-Новгорода в Крым (г. Ялта).
(Справка пристава г. Нижнего-Новгорода.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1897 г., д. № 54, т. IV, л. 27.)

4 марта.

На Курском вокзале в Москве А. М. Горького провожали Долгополов[1], Н. И. и С. А. Скирмунт.

[1] Врач А. М. Горького.

(Донесение Московского охранного отделения в департамент полиции, 10 марта 1903 г., № 2333.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 4, лит. В, л. 109.)

6 марта.

Приехал в Крым и поселился в Ялте.
(Уведомление начальника Таврического губернского жандармского управления в департамент полиции, 10 марта 1903 г. № 1060.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 74/21.)

11 марта.

Уничтожена в типографии Кушнарева и К-о вырезанная из февральской книжки «Русская мысль» рецензия о V томе сочинений М. Горького.
(Протокол уничтожения рецензии, 11 марта 1902 г.— Моск. цензком., ст. инсп., 1902 г., д. № 6, л. 15.)

18 апреля.

Выехал из Ялты в Нижний-Новгород.
(Донесение ялтинского уездного исправника нижегородскому полицеймейстеру, 21 апреля 1903 г., № 225.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1897 г., д. № 54, т. IV, л. 30.)

23 апреля.

Приехал в Нижний-Новгород и поселился в д. Киршбаум на Мартыновской ул.
(Справка пристава г. Нижнего-Новгорода, 25 апреля 1903 г.— Там же, л. 29.).

Апрель.

Статья М. Горького издана была в виде листовки под заголовком: «По поводу кишеневского погрома», с призывом «на помощь евреям».
(Листовка, напечатанная на гектографе за подписью «М. Горький»— инв. № 13322.)

7 мая.

Выехал из Нижнего-Новгорода в Москву.
(Уведомление Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 9 мая 1903 г., № 1343.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 75/11.)

8 мая.

Приехал в Москву и поселился в д. Скирмунта.
(Уведомление московского полицеймейстера, 12 мая 1903 г., № 5168.— Там же, л. 75/2.)

10 мая.

Выехал из Москвы в Петербург.
(Там же, л. 75/12.)

11 мая.

Приехал в Петербург и поселился в доме № 4, по Николаевской ул., 1 уч. Московской части.
(Уведомление петербургского градоначальника в департамент полиции, 27 мая 1903 г., № 8698.— Там же, л. 75/3.)

20 мая.

Выехал из Петербурга в Москву.
(То же от 9 июня, № 9779.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 75/13.)

21 мая.

Приехал в Нижний-Новгород в д. Киршбаум.
(Справка пристава г. Нижнего-Новгорода от 21 мая 1903 г.— Нижегор. губ. жанд. упр., 1897 г., д. № 54, т. IV, л. 31.)

8 июня.

Выехал по Волге на Кавказ.
(Рапорт пристава 2 части нижегородскому полицеймейстеру, 10 июня 1903 г., № 196, и справка пристава от 12 июня 1903 г.— Там же, лл. 31 и 33.)

21 июня.

Выехал из Тифлиса в Батум, откуда 24, 25 июня предполагал вернуться опять в Тифлис. В ознаменование его приезда в Тифлис было представлено 24 и 25 июня «На дне».
(Телеграмма Тифлисского охранного отделения в департамент полиции 24 июня 1903 г. и отношение его же от 3 июля 1903 г. № 450.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 9, ч. 72, л. 42.)

Июнь.

Пожертвовал 300 р. в Тифлисский комитет РСДРП. (Там же, л. 42.)

27 июля.

Возвратился в Нижний-Новгород.
(Уведомление Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 31 июля 1903 г., № 2983.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 75/4.)

11 августа.

Приехал в Москву и поселился в д. Скирмунта.
(Уведомление московского полицеймейстера в департамент полиции, 13 августа 1903 г., № 8024.— Там же, л. 75/5.)

13 августа.

Выехал из Москвы на ст. «Итларь», Ярославской ж. д.
(Донесение Московского охранного отделения начальнику Нижегородского губернского жандармского управления, 16 августа 1903 г., № 8102.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 115.)

30 августа.

Из окна поезда на линии Рига-Орловской ж. д. между станциями Жуковка и Дубовка выброшен был сверток листовок со следующими лозунгами: «Да здравствует Горький», «Долой самодержавие», «Да здравствует свобода».
(Оригинал листовки формата визитной карточки с напечатанными на машинке указанными лозунгами и донесение орловского отделения Моск.-Рижского жандармского управления жел. дорог в департамент полиции, 3 сентября 1903 г., № 185.— ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 42, лит. б, лл. 102 и 105.)

15 сентября.

Приехал в Москву и поселился в д. Долгова по Георгиевскому пер. 1 уч. Арбатской части.
(Донесение пристава 1 уч. Арбатской части в Московское охранное отделение 16 сентября 1903 г., № 511.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 117.)

19 сентября.

Выехал из Москвы в Петербург.
(Донесение пристава 1 уч. Арбатской части в Московское охранное отделение 19 сентября 1903 г., № 525.— Там же, л. 118.)

23 сентября.

Вернулся в Москву.
(Донесение пристава 1 уч. Арбатской части в департамент полиции 23 сентября 1903 г., № 537.— Там же, л. 120.)

27 сентября.

Выехал из Москвы в Нижний-Новгород.
(Донесение московского полицеймейстера в департамент полиции, 2 октября 1903 г., № 9688.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 75/16.)

3 октября.

Приехал из Нижнего-Новгорода в Москву.
(Донесение пристава 1 уч. Арбатской части в Московское охранное отделение, 3 октября 1903 г., № 570.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 124.)

8 октября.

Возвратился в Нижний-Новгород.
(Там же, л. 125.)

20 октября.

Приехал в Москву и поселился в д. Долгова.
(Уведомление московского полицеймейстера в департамент полиции, 23 октября 1903 г., № 10396.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 75/7.)

23 октября.

Выехал из Москвы в Нижний-Новгород.
(То же от 28 октября 1903 г., № 10629.— Там же, л. 75/17.)

17 ноября.

Выехал из Нижнего-Новгорода в Москву.
(Уведомление Нижегородского губернского жандармского управления в департамент полиции, 19 ноября 1903 г., № 5475.— Там же, л. 75/18.)

18 ноября.

Приехал в Москву на ту же квартиру.
(Донесение пристава 1 уч. Арбатской части в Московское охранное отделение, 18 ноября 1903 г., № 649.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 131.)

20 ноября.

Выехал в Петербург.
(То же от 20 ноября 1903 г.— Там же, л. 132.)

22 ноября.

Приехал в Петербург и поселился в д. № 4, по Николаевской ул., 1 уч. Московской части.
(Уведомление петербургского градоначальника в департамент полиции, 2 декабря 1903 г., № 20581.— ДП, III, 1889 г., д. № 1096, л. 75/9.)

11 декабря.

Выехал из Петербурга в Москву.
(То же от 14 декабря 1903 г., № 21467.— Там же, л. 75/19.)

29 декабря.

Приехал в Москву из Нижнего-Новгорода и поселился в д. Долгова.
(Донесение пристава 1 уч. Арбатской части в Московское охранное отделение, 29 декабря 1903 г.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, № 135.)
Принимал активное участие в устройстве «Народного дома» (общедоступного театра) в Н.-Новгороде; внес для этой цели значительную сумму денег; был избран почетным членом названного дома [1].
(Донесение начальника Нижегородского охранного отделения в департамент полиции, 5 марта 1905 г., № 285 и анонимный донос на имя министра внутренних дел, 22 января 1904 г.— ДП, о. о., 1904 г., д. № 695, лл. 76 и 62.)

1904

3 января.

Выехал из Москвы в Нижний-Новгород.
(Отношение Московского охранного отделения в Нижегородское губернское жандармское управление, 8 января 1904 г., № 229.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 136.)

28 февраля.

Московский цензурный комитет, «принимая в соображение вредное направление» сочинений Горького, запретил вышедшую 25 февраля книгу под заглавием «Иностранная критика о Горьком» (сборник статей английской, французской, немецкой, шведской и др. печати), будучи уверен, что она «может получить широкое распространение и служить подновленной рекламой для сочинений Горького».
(Отношение Московского цензурного комитета в главное управление по делам печати, 28 февраля 1904 г., № 645.— Моск. ценз. ком., 1904 г., д. № 435, лл. 1—2.)

4 сентября.

Приехал в Москву, остановился в доме Московского страхового общества.
(Телеграмма пристава в Московское охранное отделение, 4 сентября 1904 г.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 641.)

7 сентября.

Выехал из Москвы в Петербург.
(Телеграмма пристава в Московское охранное отделение 7 сентября 1905 г.— Там же, л. 140.)

[1] Постройка «Народного дома» была закончена в сентябре 1903 г.

27 октября.

Цензор высказался против печатания произведения М. Горького «На дне».

(Доклад цензора Венкстера в Московский цензурный комитет 27 октября 1904 г.— Моск. ценз. ком., 1904 г., д. № 435, л. 4.)

5 ноября.

Приехал в Петербург из Москвы и поселился по Знаменской ул., в д. № 20, кв. 29, К. П. Пятницкого.

(Справка полицейского надзирателя, 5 января 1905 г.— Петерб. охр. отд., дневники наружного наблюдения, 1905 г., № 245 а.)

20 ноября.

В Петербурге был раут в зале Павловой под председательством В. Г. Короленко, где А. М. Горький в своей речи указал на необходимость «самых крайних и радикальных способов борьбы с правительством». «Если 28 ноября будет демонстрация на улице, то не давать себя бить нагайками и топтать. Пускать в ход револьверы, кинжалы и собственные зубы, лишь бы произвести большой переполох среди полиции, стоящей на страже современного полицейского правительства,— иначе уличные демонстрации не имеют смысла».

(Справка департамента полиции, январь 1905 г.— ДП, о. о., 1901 г., д. № 923, л. 34—39.)

(Записка Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 27 ноября 1904 г., № 423.— ДП, о. о., 1904 г., д. № 1250, л. 63.)

20 ноября.

В день 40-летия судебных уставов подписал вместе с другими 676 участниками резолюцию, принятую на банкете представителей интеллигентных профессий г. Петербурга, с требованием реорганизации всего государственного строя, созыва учредительного собрания и амнистии по политическим делам.

(Копия резолюции с подписями.— ДП, о. о., 1904 г., д. № 1250, лл. 69—71.)

21 ноября.

Принял участие на литературно-музыкальном вечере в зале Тенишева, на Моховой ул.

(Записка Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 21 ноября 1904 г., № 413.— ДП, о. о., 1904 г., д. № 3, ч. 10, т. I, л. 39.)

1905 г.

4 или 5 января.

Приехал в Петербург.

(Протокол допроса А. М. Горького, 17 января 1905 г.— ДП, VII, 1905, д. № 882, л. 11.)

Январь.

Посылал крупные суммы денег на издание газеты «Вперед» (орган большевиков).

(Отношение директора департамента полиции в Петербургское жандармское управление, 28 января 1905 г., № 889.— ДП, о. о., 1905 г., № 4, ч. 1, т. II, л. 141.)

8 января.

На собрании в помещении редакции газеты «Наши дни» принял участие в обсуждении вопроса о предполагаемом на другой день шествии к царю; по его предложению на собрании была избрана депутация к министру внутренних дел, в состав которой вошел и он сам, чтобы осведомить министра и потребовать принятия мер для предотвращения столкновения рабочих с полицией и войсками.

(Там же.)

8 января вечером.

В числе депутации был у товарища министра внутренних дел Рыдзевского и председателя комитета министров с требованием принять меры к устранению столкновения войск с рабочими, намеревавшимися итти к Зимнему дворцу 9 января.

(Записка прокурора Петербургской судебной палаты, 25 января 1905 г.—МЮ, I д-во, 3 уч. отд., 1905 г., д. № 18240, л. 5.)

9 января (до 3 часов дня).

Был на улицах Петербурга, видел все ужасы расстрела рабочих масс, шедших ко дворцу. «Я в этот день должен был проехать большой конец по Петербургу—от Знаменской улицы до Академии Художеств. Возвращаясь из Академии, у дворцового моста я должен был сойти с извозчика и, идя пешком, видел, как у Полицейского моста драгун выстрелил в упавшего человека около меня...» «В три часа дня я вернулся домой с улицы, потрясенный видом раненых и общим возбуждением обезумевшей от страха толпы».

(Показания А. М. Горького на допросе 27 января 1905 г.—ДП, VII, 1905 г., д. № 882, л. 36.)

9 января 3 часа дня.

Написал воззвание «Ко всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств» по поводу событий 9 января с призывом к борьбе с самодержавием.

(Там же.)

9 января вечером.

Был на собрании в Вольно-Экономическом обществе.

(Протокол допроса А. М. Горького 27 января 1905 г.—ДП, VII, 1905 г., д. № 882, лл. 36—37.)

После 9 января.

За подписью: «М. Горький» под заголовком: «Он прощает» [1] была издана комитетом Московской-Казанской ж. д. всероссийского союза железнодорожных служащих и рабочих листовка по поводу 9 января.

(Листовка, напечатанная на мимеографе.—Моск. губ. жанд. упр., 1905 г., д. № 252, л. 32.)

Подписные листы и удостоверения уполномоченных по сбору в пользу рабочих и их семейств, пострадавших во время событий 9 января 1905 г., были подписаны М. Горьким.

(Записка Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 15 января 1905 г., № 752.—ДП, о. о., 1905 г., д. № 4, ч. I, т. II, л. 40.)

[1] А. М. Горький отрицал свое авторство.—См. Балухатый, Литературная работа М. Горького, стр. 122.

10 января.

На квартиру Горького приходило много «неизвестных лиц из мужчин и женщин, которые также побывав и уходили». С 7 часов вечера наблюдение за квартирой Горького было оставлено, так как было прекращено электричество, движение конок остановилось; рабочие собирались группами.

(Дневник наружного наблюдения, 10 января 1905 г.— Петербург. охр. отд., № 245а.)

10 января.

Подлежал аресту, но выехал в Ригу.

(Записка Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 11 января 1905 г., № 32.— ДП, о. о., 1905 г., д. № 4, ч. 1, л. 91.)

10 января.

Департамент полиции сделал распоряжение об аресте А. М. Горького в числе других литераторов и о доставлении в Петропавловскую крепость.

(Отношение департамента полиции петербургскому градоначальнику, 10 января 1905 г., № 204.— Там же, л. 65.)

В ночь на 11 января.

Арестован в Риге и отправлен в Петербург.

(Телеграмма Рижского губернского жандармского управления в департамент полиции, 11 января 1905 г., № 4587.— Там же.)

При обыске у него обнаружена рукопись, излагающая события 9 января, в заключении которой «автор приглашает всех граждан России к немедленной упорной и дружной борьбе с самодержавием». Автор ее был А. М. Горький.

(Справка о революционной деятельности Горького от февраля 1906 г. и текст воззвания.— ДП, о. о., 1901 г., д. № 33, лл. 80—81; ДП, VII-1905, д. № 882, лл. 4—6.)

11 января.

На основании пункта 9 высочайшего указа от 11 января 1905 г. воспрещено А. М. Горькому проживать в пределах петербургского генерал-губернаторства без обозначения срока.

(Отношение Петербургского охранного отделения в Московское охранное отделение, 19 сентября 1905 г., № 16641.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 164.)

Во время последнего акта представления пьесы Горького «Дачники» в Кишиневе были разбросаны гектографированные листовки, с возгласами «Долой самодержавие».

(Телеграмма начальника Кишиневского жандармского управления в департамент полиции, 12 января 1905 г., № 1732.— ДП, о. о., 1904 г., д. № 1250, т. II, л. 260.)

12 января.

Привезен в Петропавловскую крепость и «заключен в камеру № 39 здания Трубецкого бастиона».

(Донесение коменданта Петропавловской крепости в департамент полиции, 12 января и 9 февраля 1905 г., № 41 и 183.— ДП, о. о., 1905 г., д. № 882, ч. 1, лл. 5 и 38.)

15 января.

А. М. Горький был привлечен к дознанию при Петербургском губернском жандармском управлении.

(Сведения Петербургского губернского жандармского управления в департамент полиции, 4 февраля 1905 г., № 1964.— ДП, VII, 1905 г., д. № 882, ч. 1, лл. 2—3.)

17 января.

На допросе в Петербургском жандармском управлении признал, что воззвание по поводу событий 9 января составлено им.

(Протокол допроса 17 января 1905 г.— Там же, лл. 11—12.)

24 января и 25 января.

Разрешены были постоянные свидания с Е. П. Пешковой и К. П. Пятницким.

(Отношения департамента полиции начальнику Петербургского губернского жандармского управления, 24 и 25 января, 1905 г., №№ 463 и 496.— Там же, лл. 10 и 13.)

25 января.

Разрешено в крепости иметь письменные принадлежности, но не разрешалось носить собственное платье и белье.

(Уведомление коменданта Петропавловской крепости в департамент полиции, 27 января 1905 г., № 126.— Там же, л. 29.)

27 января.

Был допрошен в Петербургском губернском жандармском управлении.

(Протокол допроса А. М. Горького, 27 января 1905 г.— ДП, VII, 1905 г., д. 882, лл. 36—37.)

Январь.

От редакции газеты «Berliner Tageblatt» поступило письмо министру внутренних дел за многочисленными подписями представителей литературы, науки, искусства, промышленности и общественных деятелей Германии с настойчивой просьбой освободить Горького.

(Письмо на французском языке.— ДП, о. о., 1901 г., д. № 33, лл. 43—62.)

1 февраля.

На допросе в Петербургском губернском жандармском управлении давал об'яснения относительно адресованного ему письма из Парижа от 24 января, доставленного Петербургским почтамтом в Петербургское губернское жандармское управление.

(Протокол допроса 1 февраля 1905 г.— ДП, VII, 1905 г., д. № 882, лл. 40—41.)

Корреспондент лондонских и американских газет Лонг обратился к министру императорского двора с просьбой разрешить посетить Петропавловскую крепость в виду распространяющихся в иностранных газетах сведений о плохом обращении с М. Горьким и другими политическими заключенными.

(Заявление Лонга на имя министра императорского двора, 1 февраля 1905 г.— ДП, VII, 1905 г., д. № 882, ч. 1, л. 26.)

Комендант Петропавловской крепости разрешил А. М. Горькому заниматься при электрическом освещении до 2 часов ночи.

(Донесение коменданта Петропавловской крепости в департамент полиции 1 февраля 1905 г., № 146.—Там же, л. 39.)

5 февраля.

Директор департамента полиции разрешил А. М. Горькому «написать комедию с тем, чтобы этот литературный труд был представлен в департамент полиции для просмотра».

(Отношение директора департамента полиции коменданту Петропавловской крепости, 5 февраля 1905 г., № 714.—Там же, л. 35.)

Во время представления пьесы М. Горького «Дачники» разбросаны были в Киеве, в театре Соловцева, листовки с требованием «свободы Горькому, борцу за волю, певцу свободного слова»; одновременно раздались возгласы: «Да здравствует учредительное собрание! Да здравствует Горький. Да здравствует свобода! Долой самодержавие!»

(Донесение Киевского охранного отделения в департамент полиции 8 февраля 1905 г., № 663.—ДП, о. о., 1904 г., д. № 5, ч. 3, лит. А, т. II, лл. 233—234.)

(Оригинал листовки с портретом М. Горького.—Там же.)

9 февраля.

Согласно просьбе Е. П. Пешковой, освидетельствован был врачем, который констатировал, что у А. М. «катарр верхней доли левого легкого».

(Рапорт врача коменданту Петропавловской крепости 9 февраля 1905 г., № 4 и свидетельство ординатора Петропавловской больницы.—ДП, VII, 1905 г., д. № 882, ч. 1, лл. 39 и 54.)

12 февраля.

В виду болезни А. М. Горький переведен был в петербургский дом предварительного заключения; написанное им произведение «в 2-х тетрадях» было передано в департамент полиции[1].

(Донесения коменданта крепости директору департамента полиции 12 и 14 февраля 1905 г., №№ 192 и 198.—Там же, лл. 43 и 46.)

13 февраля.

Получил приветственную телеграмму от Гейдельбергского вольного студенчества.

(Телеграмма 13 февраля 1905 г., на немецком языке.—Там же, л. 44.)

14 февраля.

Общее собрание и комитет Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым («Литературный фонд») ходатайствовали за освобождение Горького.

(Письмо министру юстиции за подписью председателя А. Вейнберга 14 февраля 1914 г.—МЮ, 1 д-во, 3 уч. отд., 1905 г., д. № 18240, л. 14.)

14 февраля.

Освобожден под залог 10 тыс. руб. при условии проживания в Риге.

[1] В Петропавловской крепости написана была пьеса «Дети солнца». Фото первой страницы рукописи см. в книге С. Балухатый, Литературная работа М. Горького, стр. 114—115.

(Уведомление в департамент полиции, 24 февраля 1905 г., № 3313.— ДП, VII, 1905 г., д. № 882, л. 2.)

14 февраля вечером.

Выехал в Ригу.
(Записка прокурора Петербургской судебной палаты, 15 февраля 1905 г.— МЮ, 1 д-во, 3 уч. отд., 1905 г., д. № 18240, л. 16.)

16 февраля.

В Казани в городском театре разбросаны были листки следующего содержания: «Присоединяйтесь к петиции иностранцев об освобождении М. Горького. Такие люди нужны русскому народу».
(Донесение казанского губернатора в департамент полиции, 19 февраля 1905 г., № 946 и листок, размноженный через копирку (арх. № 4342).— ДП, о. о., 1905 г., д. № 5, ч. 27, лл. 85—86.)

1 марта.

А. М. Горький приехал в Эдинбург (на рижском взморье).
(Донесение начальника Лифляндского губернского жандармского управления в департамент полиции, 1 марта 1905 г., № 1399.— ДП, VII, 1905 г., д. № 882, ч. 1, л. 48.)

10 марта.

Согласно обвинительному акту А. М. Горький подлежал суду Петербургской судебной палаты без участия сословных представителей по 1 п. 132 ст. уг. ул.
(Копия обвинительного акта Петербургской судебной палаты, 10 марта 1905 г.— Там же, лл. 65—68.)

21 марта.

Выехал из Риги в Москву.
(Телеграмма рижского полицеймейстера московскому градоначальнику, 21 марта 1905 г.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 143.)

22 марта в 3 ч. дня.

Московский градоначальник, находя «совершенно нежелательным» пребывание Горького в Москве, запросил через департамент полиции указания министра, кем разрешен приезд в Москву.
(Срочная телеграмма московского градоначальника на имя директора департамента полиции, 22 марта 1905 г., в 9 ч. утра, за № 430706.— ДП, VII, 1905 г., д. № 882, ч. 1, л. 50.)

27 марта.

Уехал из Москвы, отметившись в Ялту.
(Сведения агентурных наблюдателей в Московское охранное отделение, 27 марта 1905 г., и сообщение Московского охранного отделения прокурору Петербургской судебной палаты, 28 марта 1905 г., № 2868.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, лл. 148 и 150.)

29 марта.

Приехал в Ялту, где за ним «учреждено негласное наблюдение».
(Донесение Таврического губернского жандармского управления в департамент полиции, 1 апреля 1905 г., № 1321.— ДП, VII, 1905 г., д. № 882, ч. 1, л. 55.)

21 апреля.

Петербургским губернским жандармским управлением возбуждено дознание по поводу опубликования в № 117 газеты «Слово» от 6 апреля 1905 г. «воззвания, за составление которого был привлечен А. М. Пешков (Максим Горький)».

(Уведомление Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 21 апреля 1905 г., № 7039.— ДП, VII, 1905 г., д. № 1981, л. 1.)

4 мая.

Департаментом полиции А. М. Горькому разрешено было пребывание в Крыму для лечения с тем, чтобы «за ним и деятельностью его было установлено на месте внимательное негласное наблюдение».

(Отношение департамента полиции начальнику Таврического губернского жандармского управления, 4 мая 1905 г., № 2139.— ДП, VII, 1905 г., д. № 882, ч. 1, л. 73.)

7 мая.

Выехал из Ялты в Петербург.

(Донесение Таврического губернского жандармского управления в департамент полиции, 10 мая 1905 г., № 1921.— Там же, л. 75.)

Июнь—июль.

Жил на даче в Финляндии, на ст. Куоккола, Выборгск. губ., мыза Линтула, дача Эрстрема.

(Дневник наружного наблюдения за 24, 25 и 28 июня и 8 июля 1905 г. — Петербург. охр. отд., 1905 г., д. № 245а.).

11 июня.

Отправил из Куоккола Е. П. Пешковой в Ялту пять экземпляров сочинения «Песни свободы», изд. 1905 г., в одном из которых были листовки за подписью «Центрального комитета российского освободительного союза».

(Отношение Центрального комитета иностранной цензуры в главное управление по делам печати, 7 июля 1905 г., № 2277 и оригиналы типографских листовок.— ДП, VII, 1905 г., д. № 882, ч. 1, лл. 78 и 79—81.)

10 июля.

Присутствовал на собрании русских художников, писателей и журналистов в Куоккола.

(Донесение начальника Финляндского жандармского управления в департамент полиции, 14 июля 1905 г.— ДП, о. о., 1905 г., д. № 9, ч. 10, л. 229.)

30 июля.

Участвовал в литературно-музыкальном вечере в Териоках (Финляндия), организованном артисткой московского Художественного театра М. Ф. Андреевой при участии писателей Андреева и Куприна. Присутствовало на нем до 800 человек публики; сбор был до 3 000 руб. «Все стихотворения, декламации и мелодекламации носили явно тенденциозный характер, и публика сильно волновалась, выражая свои одобрения исполнителям». После вечера особенно чествовали Горького, который на вечере прочел свое произведение «Человек». Часть сбора поступила в пользу Петербургского комитета РСДРП. Во время антракта шли

сборы: 1) в пользу семейств сестрорецких рабочих, 2) социал-демократического комитета, 3) «на активное действие» и пр.

(Донесение Финляндского жандармского управления в департамент полиции, 3 августа 1905 г., № 2166, и записка Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 5 августа 1905 г., № 14332.— ДП, о. о., 1905 г., д. № 9, ч. 10, т. II, лл. 42—43, 44—47.)

6 августа.

Выехал из Куоккола в Москву.

(Донесение Финляндского жандармского управления в департамент полиции, 9 августа 1905 г., № 2204.— ДП, VII, 1905 г., д. № 882, ч. 1, л. 83.)

16 августа.

Возвратился в Куоккола и остановился на даче Эрстрема.

(Донесение начальника Финляндского жандармского управления начальнику Московского охранного отделения, 20 августа 1905 г., № 2322.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 162.)

1 сентября.

Выехал из Куоккола в Петербург с тем, чтобы через несколько времени выехать в Москву.

(Донесение Финляндского жандармского управления в департамент полиции, 9 сентября 1905 г., № 2507.— ДП, VII, 1905 г., д. № 882, ч. 1, л. 84.)

12 сентября.

Переехал из Городского участка в дом Российского общества № 4/7, кв. 20 (в Москве).

(Донесение пристава 1 уч. Тверской части в Московское охранное отделение, 14 сентября 1905 г., № 290.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 165.)

4 ноября.

Дело по обвинению А. М. Горького Петербургской судебной палатой прекращено «без всяких для него последствий» и с отменой залога в 10 000 руб.

(Отношение прокурора Петербургского окружного суда в канцелярию московского градоначальника, 18 ноября 1905 г., № 21108, и донесение начальника Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 14 июня 1912 г., № 9576.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 166; ДП, о. о., 1912 г., д. № 9, т. III, л. 90.)

30 ноября.

Имел свидание с В. Л. Шанцером, приехавшим в этот день из Москвы для участия на предполагаемом 8 декабря с'езде социал-демократов [1].

(Донесение Петербургского охранного отделения в департамент по-

[1] Шанцер В. Л. «Марат», представитель ЦК РСДРП, выехал из Петербурга в Москву 1 декабря и 7 декабря 1905 г. был арестован в Москве, в д. Соловьева по Косому пер., на собрании федеративного совета представителей соцдемократов, соц.-революционеров и железнодорожного союза. (Донесение Моск. охр. отд. в департ. полиции, 11 января 1906 г., № 222— ДП, о. о., 1905 г., д. № 2203, л. 98.)

лиции, 15 декабря 1905 г., № 22470.— ДП, о. о., 1905 г., д. № 2467, л. 2.)

Начало декабря.

В дни вооруженного восстания А. М. Горький был в Москве. По сведениям Московского охранного отделения он «способствовал увеличению денежных средств для вооруженного восстания, выступая в качестве лектора на платных вечерах, часть сбора с коих отчислялась на заведомо революционные цели».

(Донесение начальника Московского охранного отделения в департамент полиции, 11 января 1906 г., № 222.— ДП, о. о., 1905 г., д. № 2203, лл. 98—99.)

(Доклад заведующего заграничной агентурой в Париже в департамент полиции, 17/4 декабря 1909 г., № 656.— ДП, о. о., 1909 г., д. № 5, ч. 84, прод. л. 145.)

15 декабря.

Выехал из Москвы в Петербург.

(Донесение пристава 1 уч. Тверской части в Московское охранное отделение, 8 марта 1905 г., № 78.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 168.)

Декабрь.

Жил в Петербурге в д. № 20, кв. 29, по Знаменской улице.

(Справка департамента полиции, 19 февраля 1906 г.— ДП, о. о. 1906 г., д. № 9, ч. 10, л. 68.)

Оказывал активное содействие в издании большевистской первой легальной газеты «Новая жизнь» [1].

(Протокол показаний Н. П. Шмита в Московском губернском жандармском управлении, 21 декабря 1905 г.— Моск. охр. отд., 1905 г., д. № 839, л. 38.)

1906 г.

19 января.

Участвовал вместе с Скитальцем и М. Ф. Андреевой в музыкально-литературном вечере, устроенном в финском национальном театре в г. Гельсингфорсе, доход с которого должен был поступить в пользу лиц, пострадавших во время «беспорядков» в России.

А. М. Горький прочел произведение под заглавием «Товарищ», посвященное вооруженному восстанию в Москве («целая кипа» этого рассказа тут же в театре, особой брошюрой, с переводом на финский и шведский языки «вмиг» была продана). Он встречен был «громкими криками «ура!», и ему оказаны были «особые овации». Один ученик поднес ему лавровый венок. При выходе из театра публика встретила его возгласами: «Да здравствует Максим Горький, брат свободы!» и провожала его по всему городу с пением марсельезы.

(Донесение начальника Финляндского жандармского управления в департамент полиции, 21 января 1906 г., № 58 и отношение департа-

[1] «Новая жизнь»— издавалась в Петербурге при ближайшем постоянном участии Максима Горького; № 1-й ее вышел 27 октября (10 ноября) 1905 г. С № 6 от 2 (15) ноября редактировалась непосредственно приехавшим из-за границы В. И. Лениным. Закрыта на № 28 от 3 (16) декабря 1905 г., после напечания манифеста Петербургского совета рабочих депутатов. В №№ 1, 4, 12 и 18 были опубликованы «Заметки о мещанстве», в которых А. М. Горький разоблачал и бичевал буржуазных интеллигентов, мещан за их трусливую, предательскую политику.

мента полиции начальнику Петербургского охранного отделения, 26 января 1906 г., № 1308.— ДП, о. о., 1906 г., д. № 9, ч. 10, лл. 31 и 36.)

22 января.

Демонстрация перед гостиницей «Кемп» (в Гельсингфорсе), где остановился А. М. Горький, который при выходе приветствовал толпу возгласом: «Да здравствует свободный финский народ»; студенческая молодежь сопровождала его в гостиницу «Фелия», где он говорил речь.
(Доклад Петербургского охранного отделения министру внутренних дел, 26 января 1906 г., № 2041 — ДП, о. о., 1901 г., д. № 33, л. 66.).

26 января.

Выехал в Ригу.
(Донесение начальника Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 16 февраля 1906 г., № 2077.— ДП, о. о., 1906 г., д. № 9, ч. 10, л. 64.)

3 февраля.

Жил в Гельсингфорсе в гостинице «Патриа». «Максим Горький ведет сношения с финляндским революционным комитетом и руководит собраниями русских революционеров, для чего устраивает ежедневно собрания беглых латышей на Генриховской улице, в доме № 24 или на их конспиративной квартире на даче в дер. Уопалахти и сам посещает эти собрания. Максим Горький также ежедневно навещает ночлежный дом на углу Альбертской и Боцманской».
(Донесение Финляндского жандармского управления командиру отдельного корпуса жандармов, 3 февраля 1906 г., № 90.— ДП, о. о., 1906 г., д. № 9, ч. 10, л. 51.)

7 марта.

Выехал в Берлин.
(Доклад заведующего розыскной агентурой в Финляндии в департамент полиции, 7 марта 1906 г., № 29.— ДП, о. о., 1 отд., 1906 г., д. № 34, лл. 36—37.)

До 11 марта.

В письме «к товарищам» оценивал итоги революции 1905 г., как укрепление сил пролетариата. «Пролетариат не побежден, хотя и понес потери. Революция укреплена, новые надежные кадры ее увеличились колоссально... Русский пролетариат подвигается вперед к решительной победе...».
(Копия перлюстрированного департаментом полиции письма А. М. без указания адресата, с обращением: «Товарищи!», вх. № 43 от 11/III 1906 г.— ДП, о. о., д. № 9, ч. 60, л. 22.)

Около 9 апреля.

Приехал «с неделю тому назад» в Нью-Йорк. «Ему был приготовлен самый торжественный прием, в котором принимали участие такие наши литераторы, как Марк Твэн и Дон Хоуэльс, звезды первой величины, чрезвычайно влиятельные».
(Копия перлюстрированного департаментом полиции письма П. А. Деменса из Лос-Анжелос (Калифорния) М. М. Стасюлевичу в Петербург, 16 апреля 1906 г.— ДП, перлюстрация 1906 г., с. с. 2757.)

Апрель.

Послал «публичную» телеграмму Мойеру и Хейвуду, двум вождям «Wester Miners' Federation», сидящим в тюрьме и ожидающим суда за убийство [1].

(Копия перлюстрированного департаментом полиции письма П. А. Деменса [2] из Лос-Анжелоса М. М. Стасюлевичу в Петербург 16 апреля 1906 г.— ДП, перлюстрация 1906 г., с. с. 2757.)

Апрель.

А. М. Горький послал телеграмму следующего содержания: «Сердечно благодарим. Элекен (да здравствует) любимая Финляндия, Элекен Красная гвардия. Дружеский привет всем товарищам. Элекен дух человеческой свободы», в ответ на полученное им от с'езда представителей финляндской Красной гвардии, состоявшегося в апреле в г. Гельсингфорсе, сочувствие в виду «низкого обращения» с ним «американской буржуазии».

(Донесение Финляндского жандармского управления командиру отдельного корпуса жандармов, 17 апреля 1906 г., № 173.— ДП, о. о., II отд., 1906 г., д. № 9, ч. 10, л. 132.)

Апрель—сентябрь.

Выступал в Америке (Нью-Йорк) на собраниях (митингах), где «собирались пожертвования на революционные цели».

(Донесение помощника начальника Варшавского жандармского полицейского управления железных дорог на пограничном пункте Сосновицы, 23 октября 1906 г., № 167.— ДП, о. о., I отд., 1906 г., д. № 840, л. 80.)

22 июня.

Написал письмо, касающееся отношений Англии к России, опубликованное частично в газете «Daily Chronicle» от 22 июня 1906 г.

(Вырезка из газеты с заметкой под заголовком: «Максим Горький. Взгляд романиста на русский кризис. Обращение к Англии», с выдержками из письма Горького.— ДП, о. о., 1901 г., д. № 33, л. 99 и перевод статьи, лл. 92—93.)

Август.

Обратился к французским рабочим с призывом о помощи русским рабочим в их борьбе с самодержавием: «Час всеобщего восстания в России уже близок. Если не хотите, чтобы ваши товарищи шли в бой с голыми руками, жертвуйте им деньги на оружие и аммуницию, этим вы лучше всего поможете им в борьбе за свободу» [3].

---

[1] «Wester Miners, Federation»—«Западная федерация рудокопов» в США—профессиональная организация, руководившая забастовками. Вильям Хейвуд, рабочий-рудокоп (1869—1928), член «Федерации», принимал деятельное участие в стачках; после одной из них был под арестом 15 месяцев по обвинению в убийстве губернатора, но по суду оправдан в силу выступления рабочих. С 1908 г. был членом Ц. К. соц. партии; возглавлял антимилитаристское движение. В 1920 г. приехал в СССР и до конца жизни работал в Москве.

[2] Деменс — литературный псевдоним П. А. Дементьева; в 1862 г., будучи предводителем дворянства в Тверской губернии и мировым посредником, он подписал заявление, осуждавшее политику правительства, за что был арестован на 2 года; после освобождения эмигрировал за границу.

[3] «Воззвание к французским рабочим» опубликовано в «Красном знамени» (Париж), 1906 г., № 4, июнь, стр. 3—6 (см. С. Балухатый, Литературная работа М. Горького, 1936 г., стр. 131).

(Вырезка из газеты «Курьер Львовский» с телеграммой из Парижа, при отношении Подольского губернского жандармского управления в департамент полиции, 28 августа 1906 г., № 4772.— ДП, о. о., 1 отд., 1906 г., д. № 5, ч. 55, л. 10.)

Октябрь.

Приехал в Неаполь (Италия).

(Отношение президента прусской полиции в департамент полиции, (27 октября/9 ноября 1906 г.— ДП, о. о., 1906 г., д. № 300, лит. А, л. 116.)

Капри.

29 ноября.

А. М. Горький в ответ на нападки на него за его памфлет «Прекрасная Франция» написал письма французским журналистам и профессору-историку Олару, опубликованные во французской газете «L'Humanité» от 11 декабря 1906 г., в первом из которых Горький резко подчеркнул, что «мы враги, и враги непримиримые, ...честный писатель всегда будет врагом современного общества... Ваша любовь для меня, социалиста,— только глубокое оскорбление...».

(Вырезка из газеты «L'Humanité» с переводом на русский язык писем.— ДП, о. о., 1906 г., д. № 33, лл. 82—85.)

Конец года.

Напечатано в разных итальянских газетах, в № 6 «Красного знамени» воззвание — «манифест» к итальянскому народу А. М. Горького, с выражением благодарности за оказанные ему внимание и гостеприимство.

(Секретная депеша русского посла в Риме в министерство иностранных дел, 22/9 января 1907 г., № 1.— ДП, о. о., 1901 г., д. № 33, л. 86.)

1907 г.

До 9 января.

Проживал на о. Капри в Италии, занимаясь литературным трудом. Вокруг него группировались русские революционеры. Ему было послано приглашение председательствовать на митинге в Риме в ознаменование воспоминания о 9 января 1905 г.

(Секретная депеша русского посла в Риме в министерство иностранных дел, 22/9 января 1907 г., № 1.— ДП, о. о., 1901 г., д. № 33, лл. 67—70.)

Январь.

Написал письмо известному финляндскому художнику Галлену об угнетении Финляндии царизмом, с призывом итти рядом с русскими революционерами.

(Фото-снимок письма, при отношении начальника Финляндского жандармского управления в департамент полиции, 28 января 1907 г.— ДП, о. о., 1901 г., д. № 33, лл. 94 и 97.)

Январь.

Написал статью для газет Англии, Франции и Италии об угнетении Финляндии русским правительством и необходимости протеста против этого со стороны лучших представителей европейских государств.

(Копия статьи, приложенная к письму А. М. Горького финляндскому художнику Галлену.— ДП, о. о., 1901 г., д. № 33, лл. 95—96.)

13/1 мая по 1 июня.

Присутствовал на V с'езде РСДРП в Лондоне[1].

(Донесение заведующего заграничной агентурой в Париже в департамент полиции, 2/15 мая 1907 г., № 165.— ДП, о. о., 1907 г., д. № 5, ч. 80, т. II, 124—125.)

А. М. Горький постоянно поддерживал деньгами большевиков и отказался иметь дело с меньшевистским ЦК РСДРП, соглашаясь дать свое поручительство для займа денег на расходы по партийному с'езду только при условии, если ЦК будет «большевистский»[2].

(Донесения заведующего заграничной агентурой в Париже в департамент полиции, 17/4 и 25/12 мая 1907 г., № 170 и 187.— Там же, лл. 153—154 и 205—206.).

1908 г.

Февраль.

Был в числе сотрудников намеченной к выходу русской большевистской газеты в Женеве при участии В. И. Ленина[3].

(Копия перлюстрированного департаментом полиции письма за подписью «Твоя Ида» из Женевы на имя А. Д. Клионского, в Киев от 18 февраля 1908 г.— ДП, о. о., 1908 г., д. № 5, ч. 21, л. 10.)

Горький в широких кругах известен как социал-демократ, который «много помогает своей партии как деньгами, так и интеллектуальным трудом».

(Копия письма П. М. Семенова-Батушкина начальнику Ярославского губернского жандармского управления, 8 сентября 1908 г.— ДП, о. о., 1908 г., д. № 9, ч. 77, л. 54.)

1909 г.

21 января.

Петербургский окружной суд постановил разыскать через публикацию А. М. Горького, в виду обвинения его по ст. 129 и 73 уг. ул. по поводу издания товариществом «Знание» повести «Мать» в сборнике «Знание», 1907 г., кн. XVIII.

(Отношение прокурора Петербургской судебной палаты в департамент полиции, 16 июля 1913 г., № 8878.— ДП, VII, 1913 г., д. № 5, ч. 73, лл. 64—65.)

30 января.

А. М. Горький разыскивался полицией, согласно циркуляра департамента полиции от 30 января 1909 г., за № 105406.

(Справка департамента полиции в мае 1913 г.— ДП, VII, 1913 г., д. № 5, ч. 73, л. 61.)

---

[1] А. М. был на V партс'езде в числе делегатов с совещательным голосом. (Протоколы V с'езда РСДРП, Партиздат, 1935 г., стр. 480, 658.)

[2] Сведения департамента полиции о нежелании Горького оказывать финансовую поддержку меньшевистской части V с'езда подтверждаются прениями на закрытом заседании с'езда от 23 (10) мая для заслушания отчета хозяйственной комиссии. (Протоколы V с'езда РСДРП, Партиздат, 1935 г., стр. 686—691.)

[3] Речь идет о газете «Пролетарий», издание которой с № 21-го в феврале 1908 г. перенесено было из России в Женеву. В. И. Ленин предполагал сделать в «Пролетарии» постоянным литературно-критический отдел и поручить его А. М. Горькому. (Письмо В. И. Ленина А. В. Луначарскому, 13 февраля 1908 г. Ленин, Соч., т. XXVIII, стр. 521.)

5 марта.

В письме В. В. Воровскому[1] в Одессу, в связи с организацией школы на о. Капри[2], писал: «Скоро, по весне, соберется здесь много публики разной, знакомой вам. Настроены высоко, живут здесь рабочие, прекрасные парни».

(Копия перлюстрированного департаментом полиции письма. — ДП, перлюстрация 1909 г., с. с. 1382.)

Оказывал содействие в организации школы на о. Капри.

(Циркуляр департамента полиции от 12 июля 1909 г., № 133289, отношение департамента полиции от 12 декабря 1909 г., № 141046, донесения Московского охранного отделения в департамент полиции от 19 марта 1909 г. и от 13 марта 1910 г. №№ 39 и 249405, доклад заведующего заграничной агентурой в Париже в департамент полиции, 17/4 декабря 1909 г., № 656.— ДП, о. о., 1909 г., д. № 271, лл. 17 и 205, 1, 253; ДП, о. о., 1909 г., д. № 5, ч. 84, прод., лл. 142—145.)

19 октября.

Сделано распоряжение об аресте учеников каприйской школы.

(Циркуляры департамента полиции, 19 октября и 21 ноября 1909 г. за №№ 137644 и 139435. — ДП, циркуляры 1909 г., д. № 173, лл. 102 и 116.)

19 октября.

А. М. Горький разыскивался циркуляром особого отдела департамента полиции от 19 октября 1909 г., № 137644.

(Справка департамента полиции в мае 1913 г.— ДП, VII, д. № 5, ч. 73, л. 61.)

21 ноября.

Разыскивался циркуляром особого отдела департамента полиции от 21 ноября 1909 г., № 139435.

(Справка департамента полиции в мае 1913 г.— ДП, VII, 1913 г., д. № 5, ч. 73, л. 61.)

До 9 декабря.

Ученики школы на о. Капри выехали в Париж для прослушания лекций В. И. Ленина.

---

[1] Воровский, В. В. (литературный псевдоним П. Орловский)—один из видных деятелей ВКП(б). Сотрудник старой «Искры», член редакции большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий» и ряда последующих большевистских изданий. В 1908—1909 гг. был членом Одесского городского Комитета РСДРП. После Октябрьской социалистической революции — представитель РСФСР в Швеции, полпред в Италии. В 1923 г. был представителем РСФСР на Лозаннской конференции, где был убит белогвардейцем Конради.

[2] Школа на о. Капри организована была группой отзовистов, ультиматистов и богостроителей (Богданов, Алексинский, Луначарский). В период организации школы руководители новой фракции тщательно скрывали свои замыслы от партии. В ответ на просьбу учеников школы принять участие в чтении лекций в школе В. И. Ленин вскрыл антипартийные взгляды организаторов школы и их попытку прикрыть школой свои фракционные планы. (См. письма В. И. Ленина к организаторам Каприйской школы, 18 августа 1909 г., и к ученикам школы, 30 августа 1909 г.—Ленин, Соч., т. XIV, стр. 116—117 и 118—123.) Ленин подчеркивал, что указанная группа пытается использовать для своих фракционных целей литературный авторитет М. Горького.—Ленин, Соч., т. XIV, стр. 298—299.

(Отношение департамента полиции начальнику Петербургского охранного отделения, 9 декабря 1909 г., № 140001.— ДП, о. о., 1909 г., д. № 271, л. 184.)

1910 г.

Февраль.

Решено было организовать типографию Российской социал-демократической рабочей партии в Финляндии «при ближайшей материальной помощи финнов и при ближайшем литературном участии Максима Горького».

(Агентурные сведения, поступившие в особый отдел департамента полиции 12 октября 1910 г., № 24631.— ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, л. 160.)

Февраль—март.

Организовал в Италии группу содействия «Комитету помощи русским политическим заключенным» в ответ на призыв к этому «Комитета» от 31 января 1910 г.

(Донесение заведующего заграничной агентурой в Париже, 5/18 апреля 1910 г., № 350.— ДП, о. о., 1910 г., д. № 258, лл. 32—35.)

Июнь.

В предполагаемый к выходу осенью социал-демократический легальный сборник для рабочих должна была войти статья М. Горького «О писателях самоучках».

(Перлюстрированное департаментом полиции письмо из Парижа в книжный магазин «Звено» в Москву от 18 июня 1910 г.,— ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, т. III, л. 205.)

Август.

Намечен был к печатанию большой роман «Тираны» из эпохи революции 1905 года в предполагаемом к изданию социал-демократическом журнале «Свобода России», при активном содействии финнов, которые «желали видеть и редактором его М. Горького».

(Агентурная записка в департамент полиции, 13 августа 1910 г., № 19093.— ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, ч. 1, лит. А, прод., лл. 46—48.)

До 29 ноября.

Прислал «восторженное» письмо в редакцию «Рабочей газеты» (орган большевиков) с приложением 500 франков в виде субсидии газете.

(Доклад заведующего заграничной агентурой в Париже в департамент полиции, 12 декабря/29 ноября 1910 г., № 1103.— ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, л. 211.)

1911 г.

Март.

В ответ на просьбу редакции газеты «Жизнь», издававшейся в Симбирске, взять газету под покровительство партии — ответил отказом в помощи, так как газета эта кажется ему «вредной», не самостоятельной.

(Копия письма за подписью А. Пешкова при сводке агентурных сведений по РСДРП в Симбирскую губернию за март 1914 г.— ДП, о. о., 1911 г., д. № 5, ч. 70, лит. Б, лл. 4—5, 6.)

Конец марта.

Приехал в Париж и вел переговоры с В. И. Лениным относительно постановки «большой» социал-демократической газеты.

(Копия перлюстрированного департаментом полиции письма. — ДП, перлюстрация, 1911 г., д. № 1, апрель, л. 182.)

22/9 апреля.

Выехал на о. Капри.

(Телеграмма заведующего заграничной агентурой в Париже в департамент полиции, 15 апреля 1911 г., № 698.— ДП, о. о., 1906 г., I отд., д № 115, т. II, пр. 7, л. 94, вх. № 11200.)

22 апреля.

Состоялось определение окружного суда о розыске (сыске) А. М. Горького, обвиняемого по ст. 129 уг. ул. по поводу издания книги: П. Кропоткин, «В русских и французских тюрьмах».

(Отношения прокурора Петербургской судебной палаты в департамент полиции, 6 апреля и 16 июля 1913 г., №№ 4280 и 8878.— ДП, VII, 1913 г., д. № 5, ч. 73, лл. 57, 64—65.)

Апрель.

Вошел в состав редакции журнала «Современник», выходивший с января 1911 г.[1]

(Копия письма Н. С. Сперанской из Парижа, 19/6 мая 1911 г. — ДП, перлюстрация, 1911 г., д. № 1 — мая, л. 108.)

Май.

Вел переговоры с книгоиздательством Сытина относительно субсидирования задуманного им издания с.-д. журнала под названием «Новая Россия».

(Отношение директора департамента полиции начальнику Главного управления по делам печати, 7 мая 1912 г., № 100819.— ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, т. III, прод. I, лл. 157—158.)

25 ноября.

В № 6 газеты «Будущее», издаваемой В. Бурцевым, помещена статья М. Горького «Письмо монархисту», где он говорит, что «монархизм вообще кажется ему заблуждением, а для России особенно пагубным»[2].

(Справка департамента полиции от января 1912 г.— ДП, о. о., 1911 г., д. № 200, л. 13.)

Был в числе сотрудников легальной большевистской газеты «Звезда», издававшейся ЦК РСДРП при участии В. И. Ленина в Петербурге.

(Донесение Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 5 марта 1911 г., № 38.— ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, т. III, лл. 5—8.)

1912 г.

4 февраля.

На анкету от английского общества «За Персию» по вопросу об отношении Англии и России к Персии, ответил, что «действия русского

---

[1] А. М. Горький принял на себя редактирование литературного отдела в журнале «Современник» осенью 1912 г., но в 1913 г. отказался от редактирования в виду буржуазной платформы редакции журнала. Журнал выходил с 1911 г. до конца 1915 г.

[2] Адресат «письма» В. И. Бреев, председатель нижегородского отдела «Союза русского народа». Он прислал А. М. письмо, в котором убеждал А. М. «покаяться» и просить разрешения вернуться в Россию. «Письмо» опубликовано в книге: «М. Горький. — Материалы и исследования», изд. Академии наук СССР, 1934 г., т. I, стр. 53—60.

правительства в Персии в национальном отношении вредны для русского народа, оставляя совершенно в стороне то, что по отношению к персам они бесчеловечны».

(Перевод заметки под заголовком «Максим Горький о персидском вопросе» в «Русском бюллетене» в Берлине, № 13 от 7 марта 1912 г.— ДП, перлюстрация, 1912 г., д. № 1, февраль, лл. 238—239.)

Апрель.

Напечатано было произведение Горького «Рождение человека» в первой книжке легального журнала «Заветы», арестованной по распоряжению Петербургского комитета по делам печати.

(Донесение заведующего заграничной агентурой в Париже в департамент полиции, 4/17 апреля 1912 г., № 457 и донесение Петербургского охранного отделения от 14 июня 1912 г. с об'явлением от журнала «Заветы».— ДП, о. о., 1906 г., д. № 115, ч. 17, л. 6; ДП, о. о., 1912 г., д. № 9, т. V, лл. 96—97.)

Апрель.

Обещал свое фактическое сотрудничество газете «Правда» и дал 2 000 руб. на нее.

(Справка департамента полиции 1912 г.— ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, т. III, л. 11.)

Июль.

Был в Аляччио (в Италии).

(Телеграмма заведующего заграничной агентурой в Париже в департамент полиции, 19 июля 1912 г., № 811. — ДП, 1906 г., д. № 115, ч. 17, л. 207, вх. № 21658.)

До 9 октября.

Написал статью о братстве народов и о замечательных свойствах украинского народа, которая нанесла удар шовинистической великодержавной пропаганде. Выдержки из нее напечатаны были в статье «М. Горький о великой России», опубликованной в № 41 газеты «Парижский вестник», издающейся в Париже [1].

(Вырезка из газеты при отношении департамента полиции от 9 октября 1912 г., № 104234.— ДП, о. о., 1912 г., д. № 250, лл. 102 и 99.)

10 октября.

На собрании в Париже по поводу выражения протеста против избиения политических заключенных в Кутомарской тюрьме было прочтено «письмо» А. М. Горького, в котором он говорит, что «русские должны освободить сами себя, не ожидая помощи от Европы. Надо Карфаген самодержавия разрушить» [2].

(Письмо из Парижа «товарищу Николаю» на имя М. В. Петрова в Москву, 11 октября 1912 г.— ДП, перлюстрация, 1912 г., д. № 1, октябрь, л. 33.)

---

[1] Статья Горького под заголовком «О русской интеллигенции и национальных вопросах» (ответ на анкету «Украинской жизни») опубликована в книге «М. Горький. — Материалы и исследования», изд. Академии наук СССР, т. I, стр. 64—67.

[2] Речь идет о статье А. М. Горького «В пространстве», напечатанной впервые в газете «Будущее» в Париже, № 36, 13 октября 1912 г.; опубликована в книге: «М. Горький. — Материалы и исследования», изд. Академии наук СССР, т. II, стр. 95—99.

1912—1914 гг.

Состоял в числе сотрудников большевистской газеты «Правда», выходившей легально в Петербурге.

(Доклад петербургского градоначальника министру внутренних дел, 29 августа 1912 г., № 14295.— ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, т. III, прод. I, лл. 253—262.)

1913 г.

4 апреля.

Прокурором Петербургской судебной палаты предложено Петербургской судебной палате прекратить дело по обвинению А. М. Пешкова (Горького), обвиняемого по 2 пункту, 1 ч. 129 ст. уг. ул.

(Отношение прокурора Петербургской палаты в департамент полиции, 6 апреля 1913 г., № 4318.— ДП, VII, 1913 г., д. № 5, ч. 73, л. 54.)

6 апреля.

Прокурором Петербургской судебной палаты предложено Петербургской судебной палате прекратить дело по обвинению А. М. Пешкова (Горького), обвиняемого по 1 п., 1 ч., 129 ст. уг. ул.

(То же от 6 апреля 1913 г., № 4280.— Там же, л. 57.)

9 апреля.

Петербургской судебной палатой в силу указа от 21 февраля 1913 г. (амнистия) прекращено дело по обвинению А. М. Пешкова (Горького) по 1 п., 1 ч., 129 ст. уг. ул. и по ст. 132 по поводу издания брошюр: «Маркс и Энгельс — Манифест коммунистической партии». П. Кропоткин, «В русских и французских тюрьмах», и по ст. 51 и 129 уг. ул. по поводу издания книг: а) «Литературно-художественный альманах», изд. «Шиповник», кн. I, 1907 г., б) такой же альманах, кн. I, 1911 г. и в) «Серафимович», Рассказы, т. III.

(Отношения прокурора Петербургской судебной палаты в департамент полиции, от 25 апреля и 16 июля 1913 г., №№ 4916 и 8878.— ДП, VII, 1913 г., д. № 5, ч. 73, л. 64.)

20 июля.

Петербургской судебной палатой постановлено оставить в силе «со всеми его законными последствиями» розыск через публикацию А. М. Пешкова (Горького), обвиняемого по ст. 73 уг. ул. по поводу его повести «Мать» в XVIII томе сборника «Знание».

(Отношение прокурора Петербургской судебной палаты в департамент полиции, 1 ноября 1913 г., № 12832 и справка департамента полиции от 24 декабря 1913 г.— ДП, VII, 1913 г., д. № 5, ч. 73, лл. 71 и 75.)

Июнь.

Намечен был в числе лекторов в предполагаемую парт. школу в сентябре 1913 г., задуманную Ц. К. большевиков к организации в Закопане (близ Кракова), где жил В. И. Ленин.

(Записка по РСДРП Московского охранного отделения в департамент полиции, 15 августа 1913 г. без №.— ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, прод. 4, лл. 102—109.)

31 декабря 11 ч. 35 м. утра.

Приехал в Петербург из-за границы и в тот же день выехал на ст. Мустамяки по Финляндской железной дороге, откуда на лошадях отправился в дачную местность Керевало на дачу Рито.

(Донесение Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 3 января 1914 г., № 2072.— ДП, о. о., 1911 г., д. № 200, л. 32.)

1914 г.

11 января.

Распоряжение департамента полиции об установлении «неотступного» наблюдения за приехавшим в Россию М. Горьким.
(Отношение департамента полиции начальнику Финляндского жандармского управления, 11 января 1914 г., № 165469.— Там же, л. 35.)

18 января 6 ч. 20 м. веч.

Выехал со станции Мустамяки в Петербург.
(Донесение Финляндского жандармского управления в департамент полиции, 24 января 1914 г., № 275.— Там же, л. 41.)

18 января.

Выехал из Петербурга в Москву «без наблюдения».
Телеграмма Петербургского охранного отделения в Московское охранное отделение, 19 января 1914 г., со следующей резолюцией: «надо установить местожительство и осторожное наблюдение». «Установить контроль, поставить в известность всех вокзальных надзирателей».— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 170 и 1905 г., д. № 740, л. 66.)

22 января.

Находился в имении И. Д. Сытина[1] «Берсеновка» в Клинском уезде близ станции Поваровка, Николаевской железной дороги, откуда предполагал наездами посещать Москву.
(Отношение Московского охранного отделения начальнику Московского губернского жандармского управления, 22 января 1914 г., № 296717.— Моск. охр. отд., 1905 г., д. № 740, л. 80.)

27 января, 1 ч. 30 м. дня.

Приехал со ст. Поваровка в Москву, в меблированные комнаты Елисеева, по Тверской ул., в д. Елисеева, кв. № 8, во 2 уч. Тверской части.
(Телефонное сообщение полицейского надзирателя, 27 января 1914 г.— То же дело, л. 80.)

28 января.

Выехал из Москвы на ст. Поваровка.
(Донесение пристава 2 уч. Тверской части в Московское охранное отделение, 28 января 1914 г., № 19.— Там же, л. 83.)

4 февраля.

Приехал в Москву, в дом № 40, в меблированные комнаты Елисеева, по Тверской ул., кв. № 8.
(Донесение пристава 2 уч. Тверской части в Московское охранное отделение, 5 февраля 1914 г., № 19.— Там же, л. 86.)

14/27 февраля.

За прочитание лекции о Максиме Горьком из Берлина выслан был Луначарский.

[1] Сытин, И. Д.— известный книготорговец и издатель.

(Телеграмма в газете «Le Temps», 27/14 февраля 1914 г.—ДП, о о., 1911 г., д. № 200, л. 57.)

16 февраля.

Выехал из Москвы на ст. Поваровка.
(Донесение пристава 2 уч. Тверской части в Московское охранное отделение 17 февраля 1914 г., № 19.— Моск. охр. отд., 1905 г., № 740, л. 89.)

22 февраля.

Выехал из Москвы в Петербург «без наблюдения».
(Телеграмма Московского охранного отделения начальнику Петербургского охранного отделения, 23 февраля 1914 г., № 289078.— Там же, л. 90.)

25 февраля.

Осматривал памятники в Александровском парке и Караванном сквере; посетил музей Александра III.
(Дневник наружного наблюдения 1914 г.—Петерб. охр. отд., 1914 г., д. № 229, л. 33.)

26 февраля.

Посетил «выставку картин» в д. № 2, по Инженерной ул.
(Там же, л. 38.)

27 февраля.

Посетил «весеннюю выставку» в здании Академии художеств на Васильевском острове.
(Там же, л. 45.)

3/16 марта.

Был в Гельсингфорсе.
(Донесение начальника Финляндского жандармского управления в департамент полиции, 19 июня 1914 г., № 2163.— ДП. о. о., 1911 г., д. № 200, л. 46.)

4 марта, 10 ч. вечера.

Приехал в Петербург с Финляндского вокзала.
(Дневник наружного наблюдения.— Петерб. охр. отд., 1914 г., д. № 229, л. 47.)

5 марта.

Осматривал новый храм в память 300-летия дома Романовых на Полтавской улице.
(Там же, л. 46.)

7 марта.

Посетил зоологический сад.
(Там же, л. 51.)

Первая половина марта.

Снял в Петербурге квартиру, № 7 в доме № 23, по Кронверкскому проспекту.

(Справка полицейского надзирателя от 14 марта 1914 г. — Петерб. охр. отд., дневник наружного наблюдения в 1914 г., д. № 229, л. 56.)

25 марта.

Был в Сестрорецке.

(Донесение Финляндского жандармского управления в департамент полиции, 19 июня 1914 г., № 2163.—ДП. о. о., 1911 г., № 200, л. 46.)

Начало июня.

Снял в Финляндии для постоянного проживания в деревне Кирьявала дачу Ланге на целый год.

(Донесение начальника Финляндского жандармского управления в департамент полиции, 7 июня 1914 г., № 1872, с резолюцией директора департамента полиции: «ведение постоянного наблюдения за А. М. Пешковым не представляется небходимым, но надлежит периодически проверять наличность и пребывание его на указанной даче».— Там же, л. 72.)

19 июня.

Выехал в Петербург.

(Донесение начальника Финляндского жандармского управления в департамент полиции, 6 июля 1914 г., № 2410.— Там же, л. 80.)

27 июня.

Приехал из Финляндии с дачи в деревне Неувола в Петербург.

(Дневник наружного наблюдения.— Петербург. охр. отд., 1914 г., д. № 229, лл. 66—67.)

28 июня.

Вернулся в Мустамяки и уехал на свою дачу.

(Донесение начальника Финляндского жандармского управления в департамент полиции, 6 июля 1914 г., № 2710. — ДП. о. о., 1911 г., д. № 200, л. 80.)

По 30 июля.

Жил в Финляндии, занимаясь литературным трудом.

(Донесение Финляндского жандармского управления в департамент полиции, 3 августа 1914 г., № 3445.— Там же, л. 81.)

24 октября.

Выехал со станции Мустамяки в Киев через Петербург.

(Донесение Финляндского жандармского управления в департамент полиции, 3 ноября 1914 г., № 476.— Там же, л. 90.)

С 24 октября по 17 ноября.

Жил в Киеве в д. 6, кв. 65, по Анненковской улице; рабочими, представителями профессиональных союзов, поднесен был ему адрес с приветствиями по случаю его приезда.

(Донесение Киевского губернского жандармского управления в департамент полиции, 16 декабря 1914 г., № 2809, и от 5 января 1915 г., копия письма П. Л. Куниной из Киева в Нарым от 24 ноября 1914 г.; агентурные записки Киевского губернского жандармского управления от 22 декабря 1914 г.— ДП, о. о., 1911 г., д. № 200, л. 92; ДП, о. о., 1914 г., д. № 28, т. II, лл. 195 и 178; ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, ч. 32, лит. Г, л. 143.)

19 ноября.

Приехал из Киева в Москву, остановился в гостинице «Боярский двор».

(Донесение пристава Городского участка, 19 ноября 1914 г., № 95.— Моск. охр. отд., 1905 г., д. № 80, л. 171.)

25 ноября, 10 ч. веч.

Выехал из Москвы в Петербург «без наблюдения».

(Телеграмма Московского охранного отделения начальнику Петербургского охранного отделения, 25 ноября 1914 г., № 289522.— Там же, л. 172.)

29 ноября, 10 ч. утра.

Уехал с Финляндского вокзала.

(Дневник наружного наблюдения 1914 г.— Петерб. охр. отд., 1914 г., д. № 229, л. 78.)

15 декабря.

Приехал в Мустамяки и поселился на даче Ланге в деревне Неувола.

(Донесение Финляндского жандармского управления в департамент полиции, 22 декабря 1914 г., № 5706.— ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, л. 376.)

Конец декабря.

Был в Петербурге на совещании, организованном Кусковой [1] по еврейскому вопросу в связи с войной и о создании печатного органа.

(Агентурная записка № 5 Московского охранного отделения от 18 января 1915 г.— ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, ч. 46, лит. Б, л. 10.)

Состоял сотрудником журнала «Просвещение» [2].

(Донесение Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 6 августа 1914 г., № 1816.— ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, ч. 57, лит. Б, прод. 1, л. 123 об.)

1915 г.

9 января.

Выехал из Москвы в Петербург вместе с А. Н. Тихоновым [3].

(Отношение начальника Московского охранного отделения в Петербургское охранное отделение, 12 января 1915 г., № 296278.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 177.)

3 февраля.

Подписал широко распространявшееся письмо — обращение к публике ответить на прилагаемые вопросы по антисемитизму (помещенное в утреннем выпуске газеты «Биржевые ведомости» от 3 февраля

---

[1] Кускова, Е. Д. — автор известного «Credo», вызвавшего резкий протест со стороны 17 представителей революционного крыла социал-демократии во главе с Лениным. С группой своих единомышленников (Прокопович, Богучарский и др.) издавала журнал «Без заглавия», который выступал прямым противником классовой политики пролетариата. Ярый враг советской власти. В настоящее время в белой эмиграции.

[2] «Просвещение» — большевистский журнал; издавался легально в Петербурге с декабря 1911 г. по июнь 1914 г. А. М. Горький принимал участие в редактировании журнала, руководя беллетристическим отделом его.

[3] Тихонов, А. Н. — издатель журнала «Летопись»; руководитель издательства «Парус».

1914 г.), в целях агитации в обществе в пользу предоставления евреям всех прав[1].

(Письмо, отпечатанное на мимеографе, адресованное в редакцию газеты «Астраханский листок» от 14 февраля 1915 г., и донесение начальника Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 5 марта 1915 г., № 708.— ДП, о. о., 1915 г., д. № 334, лл. 19—21; ДП, о. о., 1915 г., д. № 343, отд. 4, л. 77.)

18 февраля.

Приехал из Финляндии в Петербург и поселился в д. 23, кв. 10, по Кронверкскому проспекту.

(Донесение начальника Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 7 марта 1915 г., № 6571.— ДП, о. о., 1911 г., д. № 200, л. 96.)

Февраль—март.

Жил на даче в Финляндии в деревне Неувола, Новокиркского прихода, Выборгской губернии, часто на короткое время выезжая в Петербург.

(Донесение начальника Финляндского жандармского управления в департамент полиции, 1 апреля 1915 г., № 2092.— ДП, о. о., 1915 г., д. № 245, т. II, л. 38.)

27 марта.

Приехал в Москву и остановился в гостинице «Боярский двор» на Старой площади вместе с И. П. Ладыжниковым[2]. Были в цирке Никитина.

(Донесение Московского охранного отделения в департамент полиции, 31 марта 1915 г., № 298721.— ДП, о. о., 1911 г., д. № 200, л. 97.)

29 марта.

Выехал в Петербург.

(Там же.)

9 апреля, 12 ч. 30 м. дня.

Приехал из Петербурга в Москву, остановился в гостинице «Боярский двор» вместе с С. В. Познером и М. Ф. Андреевой.

(Донесение Московского охранного отделения в департамент полиции, 11 апреля 1915 г., № 299085.— ДП, о. о., 1911 г., д. № 200, л. 98.)

9 апреля, вечером.

В Московской консерватории на литературно-музыкальном вечере, устроенном в пользу московского еврейского общества помощи жертвам войны, прочел отрывок из своей повести «Детство».

(Там же.)

10 апреля.

Выехал в Петербург с Познером и Андреевой.

(Там же.)

---

[1] Как результат разбора полученных ответов на эту анкету была напечатана статья А. М. Горького «По поводу новой анкеты» в № 1 (январь) журнала «Летопись», 1916 г., стр. 189—220.

[2] Ладыжников, И. П.— работал в 90-х и 900-х годах в Н.-Новгороде; позднее издатель сочинений А. М. Горького в Берлине.

11 апреля.

Приехал в Петербург в д. № 23, кв. 10, по Кронверкскому проспекту.
(Донесение Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 18 апреля 1915 г., № 8831.— Там же, л. 99.)

28 апреля.

Выехал из Петербурга в Финляндию «без сопровождения наружным наблюдением».
(Донесение Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 30 апреля 1914 г.— Там же, л. 100.)

До 7 мая.

Написана для легальной печати, но не дозволена к печатанию статья «Каковы задачи печати во дни войны».
(Копия статьи и агентурные сведения Московского охранного отделения, 7 мая 1915 г.— ДП, о. о., 1915 г., д. № 9, ч. 46, лит. Б, л. 154; ДП, о. о., 1915 г., д. № 9, ч. 46, лит. Г, л. 9.)

3 сентября, 10 ч. утра.

Был на совещании в помещении конторы книгоиздательства «Парус» по Лиговской улице, в д. № 44[1].
(Дневник наружного наблюдения за 1915 г.— Петерб. охр. отд., 1915 г., д. № 84, лл. 9—10.)

3 сентября, 4 ч. 20 м.

Выехал из Петербурга в Финляндию до станции Мустамяки.
(Там же, л. 5.)

21 сентября.

Посетил книгоиздательство «Парус», книжный склад «Разум» по Владимирскому проспекту, д. № 19, контору редакции журнала «Русские записки» по Басковой улице, д. № 9, кв. 5 и в 5 ч. 15 м. уехал на Николаевский вокзал.
(Там же, лл. 14—18, 21.)

23 сентября.

Приехал в Москву, остановился в гостинице «Боярский двор».
(Донесение полицейского надзирателя в Московское охранное отделение, 23 сентября 1915 г.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 188.)

25 ноября, 9 ч. вечера.

Присутствовал на собрании общества «Братский отклик» для вспомоществования жертвам войны, состоявшемся в помещении адвокатского кружка в д. № 2, по Басковой ул. В своем выступлении А. М. Горький указал, что «надо теперь же совершить революцию внутри страны».
(Записка Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 26 ноября 1915 г., № 222.— ДП, о. о., 1915 г., д. 67, лл. 91—94.)

Декабрь.

Состоял фактическим редактором журнала «Летопись», первый № которого вышел в декабре 1915 г.

[1] «Парус» — издательство, возникло по инициативе А. М. Горького в Петербурге в [illegible]

(Отношение начальника главного управления по делам печати в департамент полиции, 17 января 1917 г., № 417.— ДП, о. о., 1911 г., д. № 200, л. 150.)

1916 г.

Июль.

Московские студенты подготовляли адрес А. М. Горькому с выражением своего сочувствия за твердо отстаиваемую им позицию по отношению к войне.

(Агентурная записка Московского охранного отделения № 10, 7 июля 1916 г.— ДП, о. о., 1916 г., д. № 59, ч. 46, лит. Б, л. 17.)

28 сентября.

Приехал из Нижнего-Новгорода в Москву и остановился в гостинице «Славянский базар» по Никольской ул.

(Справка полицейского надзирателя Городского уч. в Москве, 15 ноября 1916 г.— Моск. охр. отд., 1895 г., д. № 80, л. 182 об.)

27 октября.

Выехал из Петербурга в Москву «без наблюдения».

(Донесение Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 30 октября 1916 г., № 22543.— ДП, о. о., 1911 г., д. № 200, л. 144.)

7 ноября.

Выехал в Киев.

(Справка полицейского надзирателя Городского участка в Москве 15 ноября 1916 г.— Там же, л. 182 об.)

1917 г.

Февраль.

Наружным наблюдением Петербургского охранного отделения были установлены встречи А. М. Горького с Е. Д. Стасовой [1].

(Донесение начальника Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 21 февраля 1917 г., № 668.— ДП, о. о., 1916 г., д. № 5, ч. 25, лит. Б, л. 120.)

---

[1] Стасова, Е. Д.— профессиональная революционерка-большевичка; начала принимать участие в с.-д. движении с 1898 г. После ареста в 1912 г. была выслана в Сибирь, но перед революцией 1917 г. ей было разрешено временно приехать в Петербург вследствие болезни. В марте 1917 г. она организовала в Петербурге секретарское бюро Ц. К. Все время работает на ответственной партийной работе; в настоящее время председатель ЦК МОПР.

Борьба за землю в 1917 г.

(по Казанской губ.)

Борьба трудового крестьянства за землю с первых дней февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. приобрела особую остроту. Большевистские лозунги о решении земельного вопроса революционным путем быстро охватили широкие слои трудового крестьянства и, в первую очередь, крестьянскую бедноту.

В. И. Ленин писал: «Крестьяне, солдаты, рабочие — огромное большинство в государстве. Это большинство х о ч е т, чтобы все земли немедленно перешли в руки Советов Крестьянских Депутатов. Никто не сможет помешать большинству, е с л и оно хорошо организовано (сплочено, об'единено), е с л и оно сознательно, е с л и оно вооружено» [1].

В адрес Временного правительства поступают донесения губернских комиссаров и других представителей местной власти о развертывающемся аграрном движении и требования крупных владельцев прекратить «аграрные беспорядки».

На многочисленные требования крестьян о немедленном разрешении земельного вопроса Временное правительство вместе с эсерами и меньшевиками отвечало карательными экспедициями и предложениями ждать решения земельного вопроса до Учредительного собрания.

Разоблачая контрреволюционную политику Временного правительства, товарищ Сталин еще в апреле 1917 г. писал: «Нас не удивляет такой ответ. Правительство фабрикантов и помещиков иначе и не может относиться к крестьянам, что им крестьяне, здравствовали бы помещики! Мы обращаемся поэтому к крестьянам, ко всей крестьянской бедноте всей России — взять свое дело в свои собственные руки и двинуть его вперед. Мы призываем их организоваться в революционные крестьянские комитеты (волостные, уездные и пр.) и, забрав через них помещичьи земли, самовольно обрабатывать их организованным порядком. Мы призываем сделать это немедля, не дожидаясь Учредительного Собрания, не обращая внимания на реакционные министерские запрещения, ставящие палки под колеса революции» [2].

Деревня, проснувшаяся от долголетнего гнета, нищеты и разрухи, горячо откликается на большевистские призывы. Вопрос о земле становится самым насущным вопросом сегодняшнего дня. В деревне организуются волостные комитеты, отстраняется старая власть в лице урядников, старшин, становых, приставов и прочих агентов царского режима.

Крестьяне конфискуют барский инвентарь, передают его в общественное пользование, пытаются организовать в бывших помещичьих усадьбах общественную обработку земли.

Они передают в общественное пользование церковные, монастырские и помещичьи покосы, пашни и леса, запрещая помещикам и кулакам рубить и свозить лес. Они отбирают коннозаводские предприятия, прекращая постановку конского молодняка на фронты империалистической войны.

По мере того, как Временное правительство разоблачает свои стремления укрепить господство буржуазии,— растет недовольство широких масс и растет крестьянское движение. Под руководством пролетариата солдатская масса и беднейшее крестьянство организуются для борьбы за советскую власть.

---

[1] Ленин. Соч., т. XX, стр. 171.

[2] «Правда» от 14 апреля 1917 г.

Под влиянием развития революции, крестьянство расслаивается. Об этом говорил товарищ Сталин на VI с'езде партии.

«Мелкая буржуазия расслоилась, низы уходят от верхов, пролетариат организуется...» [1].

Революционный под'ем крестьянской бедноты имел громадное значение для всего будущего революции. Он обеспечивал рабочему классу резервы многомиллионных трудовых масс деревни.

Товарищ Сталин, развивая ленинское положение о возможности построения социализма в одной стране, говорил:

«Задачей этих революционных классов (т. е. пролетариата и беднейшего крестьянства.—*Ред.*) явится тогда напряжение всех сил для взятия государственной власти в свои руки и для направления ее в союзе с революционным пролетариатом передовых стран к миру и к социалистическому переустройству общества» [2].

Борьба деревенской бедноты и трудового крестьянства за землю на окраинах, в национальных районах была тесно связана с борьбой за права угнетенных народов.

С необычайной силой под влиянием большевистской пропаганды и агитации развивается движение в татарской деревне.

Казанский губернский, комиссар Чернышев, в своей телеграмме министру внутренних дел, жалуется, что даже в «глухих уголках Казанской губернии, населенных малопросвещенными инородцами, не поняли значения свобод, какие были об'явлены Временным правительством... Этим не преминули воспользоваться большевистские агитаторы, принявшие на себя роль политических просветителей национальной деревни. Они стали на путь преступной агитации. Эксцессы в Чебоксарском уезде (где национализирована вся земля у помещиков) были именно деятельностью большевистских агитаторов» [3].

Временное правительство издало специальное постановление от 28 сентября 1917 г. об образовании особого комитета по земельным делам в Казанской губернии и по борьбе с революционным движением татарских и чувашских крестьян.

Агенты Временного правительства ответили на движение татарской деревни арестами большевиков, рабочих и крестьян. Казанский губернский комиссар в особом донесении от 16 августа 1917 г. на имя министра внутренних дел пишет: «Располагая материалами командированных из Казани на места представителей общегубернских организаций и достойных доверия местных чебоксарских организаций, я распорядился задержать всех большевиков и передать их в распоряжение судебной власти» [4].

Руководящая роль пролетариата и большевистской партии в борьбе крестьян с помещиками особо пугала Временное правительство, меньшевиков и эсеров. Ими запрещались собрания и митинги рабочих и предотвращалась возможность связи рабочих и крестьян. В этом отношении характерна, например, следующая телеграмма:

«В Казани,— телеграфирует губернский комиссар Чернышев Временному правительству,— из опасений каких-либо выступлений рабочих и связи их с революционными крестьянами, на соединенном совещании при участии командующего войсками и моем, было принято решение не допускать публичных манифестаций и митингов» [5].

Но контрреволюционные мероприятия Временного правительства не могли остановить развивающейся революции. Пролетариат под руководством партии

---

[1] Шестой с'езд РСДРП(б), август 1917 г. Москва. Партиздат, 1934 г., стр. 139.

[2] Там же, стр. 228. См. также «История гражданской войны в СССР», стр. 185, 186.

[3] ЦАОР, ф. 398/I, д. № 31, 1917 г.

[4] Там же.

[5] Там же.

Ленина — Сталина уверенно шел к завоеванию власти, ведя за собой солдатскую массу и крестьянскую бедноту.

«Национальный и аграрный вопросы,— писал Ленин,— это — коренные вопросы дня мелкобуржуазных масс населения России в настоящее время. Это неоспоримо. И по обоим вопросам пролетариат «не изолирован» на редкость. Он имеет за собой большинство народа. Он о д и н способен вести такую решительную, действительно «революционно-демократическую» политику по обоим вопросам, которая сразу обеспечила бы пролетарской государственной власти не только поддержку большинства населения, но и настоящий взрыв революционного энтузиазма в массах...» [1].

М. Р.

Телеграмма министерства внутренних дел в Казань губернскому комиссару, 20 марта 1917 г. [2]

Передается для зависящих распоряжений депеша от 15 марта землевладельца Михаила Сергеевича Силантьева из села Турминского: что «в селе Кармале Тетюшинского уезда, Казанской губернии, народ возбужден, угрожают лишением жизни, производят бунт, меры против этого принимаются; милиции нет, окажите содействие. Землевладелец Михаил Сергеевич Силантьев».

За МВД Леонтьев.

Телеграмма помещицы М. Молоствовой председателю министров кн. Львову, 7 апреля 1917 г. [3]

Умоляю спасти жизнь моему управляющему Зарину, арестованному крестьянами вопреки распоряжения уездного комитета; угрожают самосудом, признан не виновным комитетом безопасности города Спасска Казанской губернии; положение угрожающее, всех экономических служащих крестьяне сняли с должности, посев производить не дают, сами тоже не сеют.

Землевладелица села «Трех озер» Мария Молоствова.

Телеграмма зам. министра внутренних дел Урусова казанскому губернскому комиссару, 3 апреля 1917 г., № 15263 [4]

По полученным сведениям в имениях Молоствовых при селе Три озера Спасского уезда местные крестьяне арестовали управляющих, прогнали служащих, требуют даром землю. Благоволите принять меры восстановлению порядка путем командирования авторитетного лица для раз'яснения населению незакономерности действий, грозящей ответственности.

За МВД Урусов.

Постановление общего собрания Совета Крестьянских Депутатов Казанской губ., 13 мая 1917 г. [5]

1) Впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием, в интересах успеха революции и для обеспечения страны продо-

[1] Ленин, Соч., т. XXI, стр. 254.
[2] ЦАОР, ф. 398/1, оп. 1, д. № 32, л. 84. Публикуемые документы хранятся в Центральном архиве Октябрьской революции и подготовлены к печати тт. Мартыновым и Регельсон.
[3] ЦАОР, 1917 г., ф. 406, 2 отд., д. № 57/15, ч. 36, л. 9.
[4] Там же, л. 4.
[5] ЦАОР, ф. 398, от. 1, д. № 31, лл. 57—58.

вольствием, после того как будут организованы волостные и сельские комитеты, Совет крестьянских депутатов находит необходимым все пахотные земли и луга — помещичьи, казенные, удельные, монастырские, церковные, кабинетские, городские — передать в распоряжение волостным комитетам.

Примечание: Земли, скупленные у отрубников (а также леса и луга) в одни руки частным владельцем, считаются помещичьими.

Земля передается в распоряжение только тех волостных комитетов, которые правильно организованы.

Как организовать правильно волостной комитет.

Чтобы правильно организовать волостной комитет, надо в каждой деревне, селе, собрать сельский сход из лиц обоего пола, достигших 18 лет, и избрать депутата. Если деревня или село большие, то надо избрать одного депутата на каждые 200 человек населения обоего пола от 18 лет. Каждая деревня, как бы она ни была мала, должна иметь своего депутата. Все избранные депутаты с'езжаются на волостной с'езд с приговорами от обществ, их избравших. Волостной с'езд избирает волостной комитет. Волостной комитет должен иметь не менее 3-х лиц: 1-го председателя (который исполняет все обязанности волостного старшины) и двух товарищей председателя. Если в комитете более 3-х лиц, то, кроме председателя и двух товарищей председателя, есть и члены волостного комитета. Вот в распоряжение такого комитета и передается вся помещичья, казенная, монастырская, удельная, церковная, кабинетская и др. земля волости.

2) Все угодья и леса отдаются под контроль губернского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Волостные комитеты не могут сами рубить лес, ни запрещать рубку, если есть разрешение на рубку со стороны совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Дает разрешение и следит за правильной рубкой совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

3) Весь инвентарь, весь скот и хозяйство помещиков должны быть по описи переданы в распоряжение волостных комитетов.

Опись инвентаря, скота и хозяйства должна составляться подробно, в присутствии помещика или его уполномоченного, а также в присутствии понятых. Опись должна быть всеми подписана. Опись передается помещику, а копия, заверенная, оставляется при волостном комитете.

4) Губернский с'езд крестьянских депутатов для всех земель, отошедших в распоряжение волостных комитетов, устанавливает отдачу их всем желающим издольно или устанавливает стоимость обработки их и уборки, по которой волостные комитеты должны обработать и убрать. Все зерно и сено должно быть передано в распоряжение государства.

Казанский совет крестьянских депутатов установит и сообщит, из какой доли должны обрабатывать землю. Если у волости не хватит сил обрабатывать всю землю, то желающие из других волостей на тех же условиях обрабатывают землю. Никаких разделов земли производить нельзя. Весь хлеб, который остается от доли, передается государству через волостной комитет. Совет крестьянских депутатов решил: если станет комитет производить дележ земли теперь же, не выжидая решения Учредительного собрания, то выйдет много ссоры, обиды, неправды. Да и что подумают на фронте солдаты. Подумают, что без них делить хотят, а их в стороне оставить. Поэтому совет крестьянских депутатов и решил, что землю никто делить не будет, а только пользоваться ею до решения Учредительного собрания через волостные комитеты.

5) В исключительных случаях малоземелья волостные комитеты должны озаботиться о предоставлении продовольствия малоземельным. Если у кого мало очень земли и жить на ней тяжело, то все-таки не надо делить, а надо через волостные комитеты хлопотать, чтобы из нового урожая отпустили продовольствие.

Так вот, товарищи крестьяне, как решил совет крестьянских депутатов с землей. Так и надо сделать временно до Учредительного собрания. А потом новые законы пойдут. Пока же только вся земля должна уйти из чужих рук и должна быть передана в распоряжение выбранных вами волостных комитетов.

Телеграмма казанского губернского комиссара в главное управление милиции, 18 мая 1917 г.[1]

Сообщаю данные за время с 22 апреля.

1) Аграрное движение в губернии продолжается, причем попытки самоуправных действий в некоторых местах принимают характер серьезного перераспределения земельных ценностей, не ожидая законодательных об этом актов. Прежде всего крестьянское население сосредоточивает внимание на необходимости использования трудящимся крестьянством частновладельческих земель теперь же; в Спасском и Лаишевском уездах, а частью в Чистопольском, где имеется более помещиков, недоразумения выпукло подтверждают создающееся фактическое положение. В Спасском уезде на почве малоземелья возникли недоразумения в имении Молоствова «Три озера», в некоторых имениях сняты с работ пленные рабочие и служащие; в имении Бутлеровка определением волостного комитета сняты рабочие с намерением отобрать скот и землю; в имении Дубровского отбирается яровое и пар, кроме того, потрава озими, рубка сада; во всех случаях приняты меры к внесению успокоения и законности. В Лаишевском уезде, в имении Нератовой толпа разгоняет служащих и вносит панику, в имении Степанова Красногорка захвачена часть земли с запретом помещику сеять; в имении Лихачева пред'явлено требование об удалении управляющего и лесничего. Об'ясняется это значительной зависимостью малоземельных крестьян от управления имения; по той же причине имели место недоразумения и в имении Кульга светлейшей Грузинской; в селе Емельяновке у Дунаева расхищено вино и на этой почве возникли беспорядки; туда послана воинская команда и уполномоченный член исполнительного комитета для внесения порядка. В Пановке был случай разгрома имения, хлеб, службы сожгли; близ Лаишева сгорели запасы села и кирпичные сараи, причины пожара выясняются. В Чистопольском уезде в имениях Горталовых — самовольные запашка и засев. В некоторых местах губернии крестьяне мирно просят владельцев передать им в аренду свои земли по устанавливаемой оценке, бывают нередкие случаи улаживания земельных вопросов добровольным соглашением помещиков с крестьянами. Во всех уездах, где имеются леса, обнаруживается массовый характер запрещения вырубки самими владельцами лесов; мною по всей губернии выяснено, в каких случаях допустима рубка именно для собственного хозяйства, на оборону, на выполнение заказов учреждений и организаций. В Цивильском и Свияжском уездах в некоторых приходах самоуправно отбираются церковные земли. В некоторых уездах заметно стремление общинников поделить землю хуторян. По требованию губернского комиссариата на местах внушается необходимость установления спо-

[1] ЦАОР, 1917 г., ф. 406, 2 отд., д. № 15, ч. 36, лл. 29—34.

койствия и полного порядка, должного подчинения законности; всюду настоятельно требую воздержаться от захватов и самочинных действий, указывая, что земельные вопросы до Учредительного собрания решаться без взаимного соглашения сторон не могут.

Поступающие заявления и жалобы на бесчинства и самоуправства направляю судебным властям для расследования и привлечения виновных к ответственности.

2) Торговая жизнь губернии не нарушается, но всеми чувствуется недостаток продовольствия, фуража в продаже; настроение поэтому, а также в силу дороговизны, приподымается.

3) Открытого возбуждения одной части населения против другой ныне не обнаруживается, отмечен только случай в Чебоксарском уезде, который тщательно выясняется и о результатах будет сообщено дополнительно; в том же уезде ради успокоения масс начальник милиции Грасис заменен лицом, пользующимся доверием большинства. В общем заметно стремление групп к согласованности действий. Состояние землевладельцев угнетенное в виду проявляемой крестьянами поспешности поделить землю.

4) Правонарушения земельной собственности выступают резко, иные правонарушения слабее и без выдающихся фактов.

5) Под влиянием необходимости организоваться бывают случаи самовольного осуществления явно недопустимых действий; так в Чистополе были произведены аресты уездного комиссара, головы и других должностных лиц. Принятыми мерами состоялось немедленное освобождение как комиссара, так и головы. В Лаишевском уезде был арестован член Государственной думы Рындовский, затем освобожден, по моему и уездного комиссара требованию. Частое переизбрание в уездах ответственных перед властью лиц служит помехой укреплению быстрого и крайне нужного твердого порядка и законности.

Губернский комиссар Плотников.

Телеграмма помощника казанского губернского комиссара в министерство внутренних дел и земледелия, 25 мая 1917 г.[1]

Сообщаю:

1) Аграрное движение в губернии продолжается, поступают заявления хуторян об отобрании общинниками земель, изредка арендаторам делаются заявления, что урожай должен принадлежать обществу. В последнее время участились случаи пред'явления претензий об использовании казенных лесных пространств для пастбища скота, бывают случаи самовольной пастьбы. Выгон с культур или посевов вызывает озлобление, обращения лесной администрации не действуют, устанавливается мнение, что лес и земли не казенные, а общественные. Наблюдается самовольное удаление крестьянами из лесных дач стражи с заявлением, что дача принадлежит им. Был случай принуждения заведующего лесничеством подать прошение об отставке, закончившийся решением выяснить дело в Казани. По данным местного управления земледелия, в Ядринском лесничестве крестьянами избит и арестован лесник за то, что загонял скот, задержанный на потраве, и задерживал крестьян с похищенными дровами. Охрана поручена избранным. Во всех случаях срочно сношусь с начальником управления земледелия, которого прошу выработать популярное оповещение населению о тех распоряжениях Временного правительства, кои касаются предоставления крестьянскому населению льгот по пастьбе скота, к сеноко-

[1] ЦАОР, 1917 г., ф. 406, 2 отд., д. № 15, ч. 36, лл. 42—46.

шению и о порядке возбуждения об этом ходатайств; о всех возникающих на местах осложнениях сообщаю уездным комиссарам для расследования, принятия мер к установлению законности и недопущению самоуправства. В Спасском уезде самовольный захват земли в имении Макашина, поручено комиссару расследовать, виновных привлечь к судебной ответственности. В Лаишевском уезде, по заявлению владельца Лебедева, в крупном имении, селе Каипы, признаки намерения крестьян распорядиться имуществом. Для предупреждения предписал уездному комиссару принять энергичные меры к недопущению самоуправства и нарушения права собственности. В том же уезде возникшие в селе Емельяновке у Дунаева беспорядки на почве расхищения вина ликвидированы личным влиянием командированного члена губернского исполнительного комитета. На той же почве ожидались беспорядки в этом уезде на заводе Макашина, куда послана команда 25 человек, а в село Шумбут отправлена воинская команда для охраны спирта; в имении Забродина в этом уезде рубят лес, травят луга. Комиссару предложено принять экстренные меры, виновных привлечь к ответственности. В случае необходимости обратиться за содействием к местной воинской власти. Получены сведения, что в имении Щетинина Лаишевского же уезда увольняют служащих, уводят рабочих, производят насилия, рубят лес. Предложено волостному комитету и уездному комиссару принять срочные меры к установлению законности и порядка. В имении Лихачева снятые было служащие оставлены на своих местах.

2) Выдающихся отрицательных явлений в заводской, торгово-промышленной жизни нет.

3) Выдающихся случаев агитации против Временного правительства и местных властей ныне не наблюдается. На лицо только возбуждение крестьян против землевладельцев. Партийная рознь мало заметна.

4) В прочих областях правонарушения не заметно.

5) Аресты реже, а последние дни их не было, по делу об аресте члена Государственной думы Рындовского производится дознание.

Помощник губернского комиссара Чернышев.

Телеграмма казанского губернского комиссара министру внутренних дел, юстиции и земледелия, 4 июня 1917 г., № 957 [1].

Сообщаю:

1) В Спасском уезде 29 и 30 мая состоялось совещание делегатов и уполномоченных волостей, вынесших незакономерное постановление о немедленном отобрании у крупных собственников земель, лесов, лугов в пользу крестьян, бесплатной реквизиции у помещиков сельскохозяйственных орудий, а также кузниц, установили пониженную твердую цену на хлеб прежних урожаев, настаивают на реквизиции семян овса не дороже рубля 75 коп. за пуд, требуют замены племенного скота помещиков. Просим крестьянским намерением [2] реквизировать у них весь рогатый скот, оставив не более трех голов; раз'яснил уездному комиссару телеграфно и особо почтой недопустимость осуществления всего этого; ныне принимаю меры к командированию на места уполномоченных для раз'яснения опасности принятых постановлений и невозможности осуществлять их до решения Учредительного собрания; воззвание Временного правительства по земельному вопросу экстренно в большом количестве распространяю по губернии, в особенности

[1] ЦАОР, ф. 406, ч. 36, 2 отд., д. № 57, лл. 61—70.
[2] Так в подлиннике.

в этом уезде; при первом самоуправстве снесусь с судебными властями, прося содействия в деле привлечения к ответственности виновных; подробности сообщаю почтой министру внутренних дел и земледелия. В уездах Свияжском, Цивильском, Чебоксарском и других уездах крестьяне в казенных лесах совершают самовольные порубки; хищения дров хозяйственной заготовки, бывают насилия; требую от уездных комиссаров решительных мер к недопущению эксцессов самоуправства; во многих уездах население не допускает рубки леса и вывозки дров при наличности разрешения комиссаров; недоразумения эти пока улаживаются моими настоятельными обращениями непосредственно к волостным комитетам; отбираются хуторские участки; по отдельным жалобам требую от комиссаров восстановления права собственности, виновных в самоуправстве обязываю передавать судебной власти. В Спасском уезде пока единоличные случаи захвата земель и устранение землевладельцев от хозяйства, по поводу чего сношусь с уездным комиссаром, прося расследовать, виновных привлечь к ответственности. В Лаишевском уезде беспокойство продолжается, равно жалобы на самоуправство; землевладелица Нератова вторично указывает на своеволие крестьян; дело передал прокурору палаты и уездному комиссару; в имении Догеля захват земли, в имении Обуховой кражи, в имении Алексеевой захват земли под угрозой ареста и снятия пленных; в имении Жадовской при Бетьках вносится расстройство хозяйства; по всем случаям предписываю уездному комиссару расследовать, виновных привлечь к ответственности. В Цивильском уезде Шоркисринское общество препятствует вывозу дров, закупленных для города Оренбурга, потребовал воздействия уездного комиссара лично, по телефону предложив районному начальнику милиции принять решительные меры к погрузке и вывозке дров для Оренбурга, где чувствуется острый дровяной кризис; в Лаишевский уезд, где почти всюду неспокойно, командирован член губернского исполнительного комитета для выяснения и улажения недоразумений на местах и для успокоения личным влиянием; независимо от того предписал уездному комиссару в угрожающие спокойствию пункты лично вызвать для установления порядка. В Тетюшском уезде в имении Горемыкина препятствуют заготовке дров и кольев для фруктового сада Яшевскую контору Теренинных[1]; крестьяне Красного поля села Яшевки, по заявлению жалобщика, силой вытребовали полевые планы с намерением разделить землю и поставить своего заведующего, но инцидент улажен; в имении при дер. Христофоровке Семеновой ломают заборы, чинят насилие, пасут скот в саду; в имении Куприяновой намерены отобрать землю. О всех случаях телеграфно поставлен в известность уездный комиссар, которому даны руководящие указания, с требованием водворить законность. В Чистопольском уезде получены сведения, что в имении Корвин-Круковских разогнали служащих, запрещают продажу скота. В Мамадышском уезде между крестьянами двух обществ на почве недоразумения о срочной земле — драка, закончившаяся расхищением орудий; потребовал от уездного комиссара расследования, привлечения виновных к ответственности; настаиваю также на обеспечении засева.

2) Заметных нарушений заводской и торгово-промышленной жизни нет, но свидетельствую, что торговля в губернии заметно уменьшается, некоторые фирмы закрываются либо сокращают обороты, недостаток продуктов очень чувствителен, продовольственных припасов недостаточно.

[1] Так в подлиннике.

3) Выдающиеся случаи агитации против Временного правительства и местных властей наблюдаются лишь по Ядринскому, Мамадышскому уездам. Были жалобы на священников, допускающих в своих проповедях раздражение местного населения на почве усвоения понятия о свободе и значении присяги. Оба случая переданы для расследования. Наблюдается, хотя изредка, агитация большевистского направления, главным образом лицами, приехавшими из Кронштадта. Предложил уездным комиссарам тщательно следить и виновных привлекать к ответственности.

4) В прочих областях жизни правонарушения не заметно; за последнюю неделю в Лаишевском уезде арестованы населением врач Алексеев и монахиня Тамара за возражения против бесчинств; Пановскому волостному комитету и уездному комиссару предписано немедленно арестованных освободить, виновных в самовольном аресте привлечь к ответственности, — и арестованные освобождены. Командированный в Лаишевский уезд член комитета доложил: массовых аграрных беспорядков не наблюдается, есть лишь единичные случаи хищения отдельными лицами: у Нератовой — несколько кур; у Лебедева — две серебрянные ложки; виновные привлекаются к ответственности. Для борьбы с преступностью необходимо увеличить уездную милицию конной милицией. Земельные захваты в большинстве случаев вызываются владельцами, которые не хотят входить в переговоры с волостными комитетами, не считая повидимому их органами власти; волнуют население агитаторы большевистского направления.

Губернский комиссар Чернышев.

Телеграмма министерства внутренних дел в Казань, 11 июня 1917 г., № 2305 [1]

Постановления общего собрания казанского совета крестьянских депутатов 13 мая, устанавливающие переход частновладельческих земель и инвентаря в распоряжение волостных комитетов и вмешательство последних в управление хозяйствами, противоречат постановлениям Временного правительства и являются противозаконными. Примите решительные меры к недопущению исполнения этих постановлений на местах. Лица, допускающие самовольный захват чужой собственности и инвентаря, подлежат законной ответственности по суду. Широко оповестите об изложенном население. О принятых мерах немедленно донесите мне.

За МВД Леонтьев.

Из телеграммы казанского губернского комиссара министру-председателю, в министерство внутренних дел и земледелия, 28 июня 1917 г. [2]

Сообщаю:

1) Аграрное движение заметно особенно в Спасском уезде, где 24 июня состоялся с'езд делегатов селений волостей, вынес постановление: Крестьянский совет признать чрезвычайно нужным и важным, в борьбе за право крестьян советы эти поддерживать всеми средствами и способами, не останавливаясь ни перед чем, к голосу его прислушиваться, постановления его проводить в жизнь. По вопросу о земле определили: испольный порядок заменить арендным; плата устанавли-

[1] ЦАОР, ф. 39/I, д. № 31, л. 78.
[2] Там же, ф. 398, оп. I, д. № 31, лл. 104—115.

вается волостными комитетами; уборка хлебов, посеянных помещиками, поручается волостным комитетам. Председателем Спасского уездного продовольственного комитета вновь избран Гордеев, допустивший незакономерное постановление такого же с'езда в Спасске 29 и 30 мая, о чем Вам донесено почтой 3 июня, причем избранному Гордееву вменено Спасским с'ездом не оставлять поста, не обращая никакого внимания на требования нынешнего состава губернского продовольственного комитета; мною предложено Гордееву не вступать должность. Тем же с'ездом избран в уездные комиссары вместо отказавшегося Геркена гражданин Мохов, а в помощники Фахрутдинов.

В том же уезде у землевладелицы Аристовой крестьяне отобрали пастбище, принудили помещиков мельницы отказаться покупки с возвратом задатка; увезли хворост в имении Демидовке; у Симонова разобрали лошадей, сбрую, инвентарь; в Красной слободе Демидова рубят дрова, лыки, берут лошадей; Ромадановский волостной комитет запрещает возить хлеб, намерен делить землю помещиков. По поводу всего этого принимаются меры, ограждающие интересы собственников, предупреждаются самоуправные действия и беспорядки, в нужных случаях передаю дела прокурорской власти.

В Трех озерах Константина Молоствова часть лошадей конского завода выведена с содействием солдат в Казанскую конюшню, остальных лошадей крестьяне настаивают оставить в имении. В Спасске предводитель дворянства Лев Молоствов избит белобилетниками... туда направлено 50 конных, 50 пеших солдат...

В Чебоксарах 22 июня избит кронштадтским матросом Халапсиным, солдатом Хабаровым и другими и временно арестован комиссар временного комитета Государственной думы студент Россоловский; ныне Россоловский свободен, прибыл в Казань. Возбуждение в городе вносит бывший начальник милиции Грасис, привлечении которого к ответственности сношусь с прокурором. В Чебоксары командированы уполномоченные для выяснения; команда солдат, не служащая для граждан защитой от эксцессов, отзывается, заменяется другой; председатель уездного продовольственного комитета Козленков, ввиду возбуждения против него толпы, угроз и оскорблений, отказался от обязанностей; местный совет солдатских депутатов выразил недоверие уездному комиссару Прохорову, которому предлагает сложить обязанности; дело это передано прокурору.

В имении Вынчал Зарубиных — захват земли; в Лаишевском уезде, в имении Каипах Лебедева — пожар, предполагается поджог; захваты земли в имениях Алексеева, Ковалева, также Багратион, где сняли и служащих; в Зюринской и Пановой волостях отобрали арендную землю; при деревне Михайловке при имении Евсеньева и в деревне Верхней Серды — то же; в имении Шишовой Пановой горде самовольная порубка леса, расхищение имущества; Пановский комитет постановил реквизировать всю землю, весь инвентарь Цепелевой; в имении Старинкевич — захват части пахотной земли, лугов, с берез сняли кору; в имении Кашкарова при Травино — захват лугов; во 2-м Лаишевском удельном имении крестьяне Мансурова запрещают покупателям рубку леса; Урахчинский волостной комитет также запрещает рубку Демидову; в селе Серды — самовольная пастьба скота на земле причта; Аркатовский волостной комитет устанавливает налоги; по поводу всех самочинных действий и незакономерности нужные распоряжения сделаны, но ответов с мест не получено; в имение члена Государственной думы Рындовского, против которого возбуждение, отряжено для охраны 5 солдат. В Козмодемьянском уезде в имении Зубовой рубят лес,

захват скота, имущества; приняты меры к возвращению; ныне выяснилось, что была порубка липняка не с целью хищения, а вследствие острой нужды населения материалов для обуви, недоразумения вызываются отсутствием такта со стороны управляющего имением. В городе Козмодемьянске избит толпою заведывающий отделом продовольствия Соловьев, производится дознание. Чистопольский уезд — хозяйство Шашиной в имении при деревне Николаевке по описи крестьянам из'ято из ее ведения, имущество охраняется; в селе Ермакове выселяют под угрозой ареста священника Кудрявцева; соответствующие по сему раз'яснения даны волостному комитету.

В Цивильском уезде наблюдаются частые захваты хуторских земель и переделы; в Кошелеевской волости отобрали скот, лошадей; в селах Табурданово, Чутеево, Старый Шимкус отобрали причтовые земли, в последнем выселяют священника; в Хормалинской волости в селе Климово отобрали у Максимова землю, сад, рубят лес; в Кошелеевской волости — порубка казенного леса, необходимые меры воздействия приняты. В Казанском уезде Советом семи пригородных поволжских селений постановлено разделить луга, принадлежащие городу и женскому монастырю; Собакинский волостной комитет устанавливает на землевладельцев налог; в селе Красная горка захват дров, приготовленных Казанским Спасо-Преображенским монастырем в собственном лесу для своих потребностей; незакономерность всех действий надлежаще раз'яснена. В Мамадышском уезде в деревне Букенях Омарской волости захват мельницы, земли на лугах, самовольная пастьба; в деревне Ташла Илги захват участков; у крестьян Вятской губернии, Зюринской волости захват хуторских участков. В Тетюшском уезде в деревнях Старый Курбаш, Малькеевой, Болтачевой захват земель; крестьяне деревни Торловки отобрали мельницу с участком земли: в деревне Ерыклы захват укрепленного участка Вахтера, 258 полевого резервного гурта, у Емельянова в имении Марковой порубка леса, в имении Дельвиг Свияжского уезда гонят служащих, в деревне Мало Клянчиной Свияжского уезда захватный передел крестьянских земель; в Убеевской волости Ядринского уезда население отбирает причтовую землю. Во всех указанных случаях мною сделаны надлежащие распоряжения о восстановлении права собственности, о выяснении виновных в самочинных действиях и принятии мер установления должного порядка законности и спокойствия. В Царевококшайском уезде с 14 июня — времени последнего донесения — значительных недоразумений, эксцессов не было.

2) Заметных нарушений заводской, торгово-промышленной жизни нет; но обязан доложить, что продуктов потребления особенно в Казани недостаточно, цены на предметы первой необходимости подымаются, это повышает настроение малоимущих.

3) Выдающихся случаев агитации против Временного правительства нет, но деятельность матроса Халапсина влияет отрицательно; получены сведения, что председатель Урахчинского комитета Лаишевского уезда Соломаткин отрицает власть Временного правительства, допускает незакономерности; предписано чебоксарскому уездному комиссару обратить внимание на деятельность Халапсина, а лаишевскому — выяснить виновность Соломаткина и дело передать судебной власти.

4) В прочих областях жизни правонарушений не заметно; указанные в первом пункте арестованные освобождены.

Губкомиссар Чернышев.

Из телеграммы казанского губернского комиссара в управление по делам милиции, 1 июля 1917 г., № 1469 [1].

В Цивильском уезде крестьяне села Турмышей отняли надел у Соловьева, состоящего священником Симбирской губернии...

Дело проведения в жизнь закона о хлебной монополии [2] среди крестьян многих волостей, в особенности Казанского, Ядринского и Мамадышского уезда, частью Лаишевского уезда, встречает крепкое противодействие. В пункты, угрожающие осложнением и неподчинением, командируются, помимо делегатов и эмиссаров, воинские вооруженные команды; на ряду с этим в пределах уездов [наблюдается] значительное число дезертиров, в особенности, в Казанском, Мамадышском уездах, в виду чего туда направлены усиленные команды солдат.

2) Заводская торгово-промышленная жизнь прогрессивно падает, производительность труда на заводах заметно понизилась, в продовольственном деле заметных улучшений нет, недостаток продуктов чрезвычайный, запасов нет, подвоз ничтожный.

3) Новых случаев агитации против Временного правительства нет, за исключением однако сильного противодействия в деле хлебной монополии, с чем энергично борется и губернский продовольственный комитет.

4) Самочинных арестов за последнее время не было.

За Губкомиссара К. Хасанов.

Телеграмма землевладельцев Казанской губернии председателю совета министров, председателю Государственной думы и др., 23 июля 1917 г. [3]

Обращения правительства прекратить захваты земель, посевов, инвентаря не оказывают во многих местах действия: в Свияжском уезде началась и развивается полная и окончательная ликвидация частных хозяйств удалением владельцев и пользованием даже домашними вещами. При таких действиях хозяевам трудно исполнять приказ министра продовольствия, даже под угрозой привлечения суду по 29 статье ул. Усердно просим экстренных и действительных мер для осуществления на местах указания министра продовольствия.

Председатель Совета Мельников.

Члены Еннатский, Геркен, Н. Медведев.

Отношение канцелярии Временного правительства председателю Юридического совещания, 28 сентября 1917 г., № 9720/64 [4].

Временное правительство, обсудив в заседании 28 сего сентября вопрос о мерах борьбы с растущей анархией в стране и, в особенности, с аграрными беспорядками, возникшими в некоторых губерниях Европейской России (в особенности в Казанской), признало необходимым образовать в указанных губерниях особые комитеты, на обязанность коих было бы возложено принятие неотложных мероприятий по ликвидации возникающих на местах недоразумений и по ограждению порядка и законности в сфере земельных отношений. В состав означенных комитетов Временное правительство признало целесообразным ввести представителей центральной власти на местах, как-то: управляющих казенными палатами, прокуроров окружных судов, предста-

[1] ЦАОР, ф. 406, д. № 25, ч. II, лл. 29—31.
[2] Собрание узаконений и распоряжений Временного пр-ва, 1917 г., № 85.
[3] ЦАОР, 1917 г., ф. 4, оп. I, д. № 61, л. 6.
[4] Там же, ф. 6, оп. I, д. № 343, л. 1.

вителей министерства труда и т. д.; представителей местного самоуправления (председателей губернских земских управ, городских голов, председателей губернских продовольственных комитетов и т. д.), а также представителей местных общественных организаций, имеющих непосредственное отношение к вопросам, касающимся разрешения земельных отношений. По мнению Временного правительства, означенные комитеты должны являться авторитетным совещательным органом, опираясь на который губернские комиссары, а в случае если губерния об'явлена на военном положении, то военные власти могли бы, располагая всей полнотой имеющихся в их распоряжении средств, принимать необходимые меры к подавлению аграрных беспорядков и к прекращению всякого рода насилия и грабежей.

Выработку соответственного положения об означенных комитетах Временное правительство постановило поручить юридическому совещанию с тем, чтобы последнее представило проект означенного положения на обсуждение Временного правительства в течение самых ближайших дней.

Об изложенном канцелярия Временного правительства считает долгом поставить Вас в известность.

За управляющего делами Временного правительства Анф. Кайстра.

Аграрное движение в Черниговской губ. в 1905—1906 гг.

Касаясь сущности классовых противоречий в деревне, Ленин писал: «У десяти миллионов крестьянских дворов 73 милл. дес. земли. У двадцати восьми тысяч благородных и чумазых лендлордов — 62 милл. десятин. Таков основной фон того поля, на котором развертывается крестьянская борьба за землю» [1].

Весь ход борьбы крестьянства в революции 1905 г. ярко подтверждает эти слова Ленина.

Крестьянство выступило против помещиков в борьбе за землю, в борьбе за уничтожение помещичьего гнета. На этой основе по всей стране широкой волной разлилось аграрное движение, выразившееся в том, что крестьяне жгли помещичьи усадьбы, захватывали землю, скот, рубили помещичьи и казенные леса и т. д.

Публикуемые материалы дают картину широкого развития крестьянского революционного движения в Черниговской губ., повлекшего за собой разгром помещичьих имений.

В секретном донесении начальника Черниговского губернского жандармского управления говорится, что «с осени 1905 г. до января месяца в Суражском уезде разграблено до 35 помещичьих имений, в числе коих есть весьма крупные, вырублено множество лесов, и громадное количество произведено разных мелких нарушений собственности и насилий, при чем значительная часть крестьян, увлеченных такой преступной деятельностью, стала отвергать власть, оказывая массовые сопротивления малейшим попыткам этой власти проявить свои действия».

То же происходит и в других местах. Согласно донесения черниговского генерал-губернатора от 13 апреля, в Новозыбковском уезде, в селах Кирилловке и Куршановичи, усилились лесные порубки и кражи заготовленного лесного материала. 1 июля черниговский губернатор телеграфировал товарищу министра, заведывавшему полицией, что «беспорядки в Новозыбковском уезде усиливаются» и т. д. Аналогична картина и по другим уездам.

Для подавления крестьянских волнений местное начальство — губернатор — просит войска. Управляющий министерством внутренних дел Дурново, соглашаясь с этим, пишет Витте, что он испрашивает «высочайшее повеление» об об'явлении «всей Черниговской губернии в положении усиленной охраны» и просит командировать туда особоуполномоченных «по непосредственному его императорского величества выбору, одного из лиц его свиты». Известно, что выбор пал на Дубасова, который после расправы в Черниговской губернии был назначен московским генерал-губернатором и подавлял московское вооруженное восстание рабочих. Но, не дожидаясь Дубасова, по селам и деревням Черниговской губернии уже гуляли отряды казаков, жандармов и полиции. Особой жестокостью отличался начальник Черниговского губернского жандармского управления. Своими зверскими расправами он терроризировал крестьян и принуждал их наказывать своих же товарищей.

Распыленность и неорганизованность крестьянства приводила его к поражению.

---

[1] Ленин, Соч., т. XI, стр. 337.

В заключение чрезвычайно важно отметить, что на развитие движения в деревне оказала прямое влияние борьба рабочего класса. Рабочие, связанные с деревней, вели за собой крестьянство. По данным публикуемых материалов, «подстрекателями» революционного движения в деревне являлись шахтеры. Эти связи укрепляли союз рабочего класса и крестьянства, их совместную борьбу под руководством партии большевиков против самодержавия, закончившуюся его свержением в 1917 году.

И. Кузнецов.

Донесение черниговского губернатора министру внутренних дел, 22 января 1905 г., № 53 [1].

По заявлению землевладельца хутора Михайловского, Новозыбковского уезда, купца Терентия Аврамова о краже у него более 20 саженей дров из леса, чинами полиции было предпринято 4 января производство обыска у крестьян с. Куршанович, Новозыбковского уезда; дрова были обнаружены во дворах некоторых крестьян, но собравшаяся толпа не только не допустила производства дальнейшего обыска, но и освободила из-под стражи арестованных при волостном правлении лиц, а также были нанесены побои лесным сторожам.

На место происшествия выехали новозыбковский исправник, а 10 января судебный следователь по важнейшим делам, который 14 января и окончил предварительное следствие при сохранении в селе полного порядка, причем из главных зачинщиков четверо подвергнуты предварительному аресту, а трое отданы под особый надзор полиции.

В настоящее время в с. Куршановичах спокойно. Об изложенном доношу вашему высокопревосходительству.

Губернатор Хвостов.

Донесение черниговского губернатора министру внутренних дел, 13 апреля 1905 г., № 2732 [2].

Вследствие предложения от 21 марта сего 1905 года за № 3522, имею честь доложить вашему высокопревосходительству, что, на основании донесений подведомственных мне чинов полиции и административных органов, а также и заявлений местных землевладельцев, настроение крестьянского населения вверенной мне губернии, за исключением некоторых только местностей, в настоящее время хотя и отличается от настроения прежних лет, но несмотря на это нарушения крестьянами имущественных прав частных владельцев в текущем году в отношении потрав и самовольных порубок частновладельческих полей и лесов не имеют острого характера. В некоторых же местностях губернии отношения крестьян к местным землевладельцам значительно натянуты и имеют довольно острый характер, вследствие недовольства и возбужденного состояния крестьян. Первое место по натянутости взаимных отношений крестьян с местными землевладельцами занимает та часть Новозыбковского уезда, в которой находится имение бывшего черниговского губернатора предводителя дворянства А. А. Муханова [3], а именно: в селах Внуковичи и Синий Колодезь, среди крестьян которых циркулировали слухи о том, что будто бы А. А. Муханов и председатель черниговской губернской земской управы А. А. Свечин, вла-

[1] ЦГИА, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 4. Документы подготовлены к печати В. В. Дмитриевым.
[2] Там же, л. 9.
[3] Муханов, А. А. — предводитель дворянства Черниговской губ., крупный помещик, имевший свыше 23 000 дес. земли.

деющий имением в Городнянском уезде, возбуждали в губернском земском собрании вопрос о ходатайстве перед высшим правительством о закрепощении вновь дворянами всех бывших помещичьих крестьян. Слухи эти обостряют существующие и без того враждебные отношения крестьян к помещику А. А. Муханову, по причине полной экономической зависимости от него крестьян, стесненных выпасом и водопоем для скота, а также вследствие установившихся в управлении имением весьма строгих правил к предупреждению самовольного пользования водопоем, пастбищем и пр. Между крестьянами и экономией с издавна установились враждебные отношения, вызывавшие в 1901 и 1902 годах у крестьян попытки добиться самовольного завладения землями А. А. Муханова, имевшие последствием своим вызов в эту местность в 1902 г. войск. С тех пор крестьяне относятся к владельцу с затаенной злобой, которая усиливается ежегодно весною при заключении между крестьянами и управлением имениями А. А. Муханова, за сравнительно высокую цену, договоров на пользование речкой для водопоя их скота и на пастьбу его на отводимых для этого участках земли.

Этому делу я придаю настолько важное значение, что предполагаю поручить его выяснить на месте вице-губернатору Н. М. Родионову[1] и непременному члену губернского присутствия М. Н. Шрамченко[2].

Несколько обостренный характер отношений местных крестьян к землевладельцам замечается еще в одной местности Новозыбковского уезда, а именно: в селах Кирилловке и Куршановичах, в имениях купцов Терентия Аврамова и Ивана Суровцева, в которых усилились лесные порубки и кражи заготовленного лесного материала. Мною приняты меры к урегулированию взаимных отношений через местного земского начальника. Вторым пунктом по возможности возникновения беспорядков среди крестьян вверенной мне губернии я считаю Нижневскую волость, Стародубского уезда, и именно село Медведовка[3] — местность, в которой расположено имение Александры Васильевны Бороздны[4]. Причиной могущих возникнуть здесь беспорядков является следующее обстоятельство: 10 лет тому назад Медведовское крестьянское общество получило план генерального межевания на свои земли, на котором ошибочно, по какому-то недоразумению, был показан участок около 100 дес. замежевания за крестьянами, хотя от самого размежевания им владела Бороздна. Спор об этом участке был предъявлен крестьянами в суде, и правительствующим сенатом дело это разрешено в пользу Бороздны с присуждением ей с крестьян 500 рублей судебных издержек (еще пока не взысканных). Решение состоялось пять лет тому назад, и крестьяне не трогали означенной земли, но месяца 2—3 как уже стали поговаривать, что весною завладеют землей. За этой местностью учреждено мною самое тщательное наблюдение через местных земского начальника 1 участка Стародубского уезда Д. А. Чарнолусского и полицию.

Опасаться в Глуховском и Мглинском уездах, в которых в феврале и

---

[1] Родионов, Н. М. — с января 1903 г. черниговский вице-губернатор; в январе 1906 г., после покушения на черниговского губернатора А. А. Хвостова, был назначен на его место.

[2] Шрамченко, М. Н. — землевладелец Козелецкого у., бывш. земский начальник; с 1901 по 1907 г. — непременный член черниговского губ. присутствия. Впоследствии — нижегородский и вологодский губернатор. Расстрелян в Чернигове при советской власти за контрреволюционную деятельность.

[3] В некоторых документах с. Медведовка называется с. Медведово.

[4] Бороздны — крупнейшие помещики Суражского у., владевшие до 15 000 дес. земли.

марте месяце текущего года были беспорядки, ограничившиеся сожжением и разгромом Михайловского завода Терещенко[1], каких-либо новых осложнений, по моему мнению, нет оснований, тем более, что местное население в настоящее время выражает полное раскаяние в совершенном и отчаяние по поводу лишения верного и хорошего заработка, который давал завод всему окрестному населению.

В заключение имею честь доложить вашему превосходительству о получаемых мною из многих местностей вверенной мне губернии уведомлений должностных лиц о заметно вредном влиянии, оказываемом на население некоторыми периодическими изданиями, а именно: «Русь», «Новости», «Биржевые ведомости» и особенно «Сын отечества», после прочтения которых крестьяне превратно истолковывают высочайший указ 18 февраля сего 1905 г. и программу занятий высочайше образованной под председательством д. т. сов. Горемыкина[2] комиссии, понимая, что все это направлено к принудительному отчуждению земли от помещиков для наделения ею крестьян.

Считаю долгом присовокупить, что указанные мной предположения относительно тревожного положения в селе Медведовке, Стародубского уезда, в настоящее время подтвердились, так как только-что мной получена телеграмма о том, что крестьяне приступили к самовольной запашке земли А. В. Бороздны. Распоряжения мной сделаны, о чем и доношу телеграммой.

Губернатор А. Хвостов.

Из донесения начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 25 апреля 1905 г., № 2551[3].

В селе Спиридоновой Буде, Новозыбковского уезда, 19 сего февраля крестьяне сожгли и разграбили две сторожки в имении Розенбаха. Ввиду принятых администрацией мер дальнейшие беспорядки прекращены и, согласно донесению командированного туда, по распоряжению начальника губернии, вице-губернатора, спокойствие восстановлено.

По имеющимся у меня сведениям, беспорядки эти вызваны не экономическими условиями, а подстрекательством со стороны лиц, стремившихся возбудить крестьян к разгрому частновладельческих имений. Расследование производится.

Полковник Рудов[4].

Телеграмма черниговского губернатора в департамент полиции 27 апреля 1905 г., № 1745[5]

В дополнение к телеграмме моей министру от 21 апреля сообщаю, что вице-губернатор возвратился. В Новозыбковском уезде, имении Розенбаха, беспорядки не повторялись, население успокоилось. Произведено несколько арестов подстрекателей. В Стародубском уезде, имения

[1] Терещенко — крупный банкир и сахарозаводчик, министр финансов, министр иностранных дел Временного правительства.

[2] Горемыкин, И. Л. (1839—1917) — министр внутренних дел (1895—1899), председатель совета министров в 1906 г., после ухода Витте; руководил борьбой с революционным движением во время I Думы.

[3] ДП., о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 14.

[4] Рудов, Н. П. — начальник Черниговского губ. жандармского управления в 1899—1912 гг.; отличился жестокой и зверской расправой с восставшими крестьянами, за что был произведен из полковников в генерал-майоры и получил благодарность от царя и адрес от местных землевладельцев.

[5] ДП. о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 17-а.

Бороздны, владелица восстановлена в своих правах, приступила к пахоте захваченной крестьянами земли. Крестьяне спокойно подчинились, подробно почтой.

Губернатор Хвостов.

Телеграмма начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 15 июня 1905 г., № 1136 [1].

В селе Ущерпье, Суражского уезда, крестьяне, возбужденные пропагандой, готовились к разгрому экономии. Население успокоилось по прибытии казаков и усилении полиции, приступлено к производству дознания.

Полковник Рудов.

Донесение начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 15 июня 1905 г., № 4081 [2].

В дополнение телеграммы от 15 сего июня доношу, что, получив сведения о возбужденном состоянии крестьян села Ущерпья, Суражского уезда, под влиянием пропаганды, я, по соглашению с начальником Черниговской губернии, выехал туда для ознакомления на месте с положением дела, причем предварительным расследованием было выяснено, что в течение месяца крестьяне без всякой видимой причины пьянствовали, а затем в названном селе стали появляться посторонние лица, призывавшие крестьян к разгрому экономии местного помещика Листовского, и крестьяне ожидали лишь прибытия руководителей с толпами грабителей из г. г. Гомеля и Новозыбкова. По сведениям, пропаганда велась преимущественно в домах крестьян Лавренко, Ширапко, Сусика, Садленко, Шкоды и Пастухова. Когда по распоряжению местной полиции производились обыски в домах заподозренных крестьян, то у одного из них — именно у названного выше Пастухова — обнаружена была пачка бумаг, на которых замечено было заглавие «О земле». Пастухов с другими, подоспевшими ему на помощь крестьянами, вырвав из рук урядника эти бумаги, уничтожил их и не дал возможности окончить обыск, силой удалив из своего дома чинов полиции. Местному становому приставу толпа, собравшаяся в числе около 300 человек, нанесла оскорбление словами, причем из этой толпы слышны были крики: «Бейте полицию». В ночь на 9 июня неизвестно кем сожжен был навес над пустым погребом; каковое обстоятельство, повидимому, имело целью отвлечь внимание полиции и спокойной части населения, но благодаря усиленному наряду полиции этот пожар не вызвал активных беспорядков, а на другой день, когда прибыли казаки, население стало успокаиваться, и до настоящего времени никаких насилий не произведено. Личности двух интеллигентов, посетивших 6 и 7 июня село Ущерпье и заподозренных в пропаганде, пока не выяснены, но имеется основание предполагать, что это — воспитанники новозыбковского сельско-хозяйственного училища.

В настоящее время приступлено к производству дознания, которое поручено помощнику моему в Стародубском уезде, подполковнику Протопопову.

Полковник Рудов.

---

[1] ДП. о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 41.

[2] Там же, л. 49; в подлиннике на полях резолюция: «Жандармы бездействуют; 19/VI».

Телеграмма начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 17 июня 1905 г., № 1350 [1].

В селах Крапивне и Листвене спокойно, в Ущерпье брожение продолжается, губернатором сделано распоряжение об увеличении наряда казаков и аресте зачинщиков. В ближайший город Новозыбков вызвано две роты.

Полковник Рудов.

Донесение начальника Черниговского губернского жандармского Управления командиру отдельного корпуса жандармов, 18 июня 1905 г., № 4221 [2].

Утихшее одно время брожение среди крестьян м. Ущерпья, Суражского уезда, вновь усилилось, но никаких проявлений открытых беспорядков и насилий не было, хотя происшедший там 13 сего июня пожар, при котором сгорело шесть домов, об'ясняют поджогом со стороны лиц, сочувствующих беспорядкам.

Ввиду тревожного положения начальник губернии сделал распоряжение об усилении 25 человеками казачьего наряда, находящегося в м. Ущерпье, и содержании под стражей, в порядке охраны, главных зачинщиков; кроме того, вызваны в г. Новозыбков, как центральное по положению место, две роты пехоты.

Полковник Рудов.

Телеграмма черниговского губернатора товарищу министра внутренних дел, заведующему полицией, 18 июня 1905 г. [3]

Получил сведения о возникновении еще в пяти селениях Новозыбковского уезда среди крестьян брожения, с требованием поднятия поденных цен; предупредительные меры приняты, исправник об'езжает села, командированы казаки, две роты пехоты мной ввиду сего задержаны в Новозыбкове.

Губернатор Хвостов.

Из донесения начальника Черниговского губернского жандармского Управления командиру отдельного корпуса жандармов, 23 июня 1905 г., № 4412 [4].

В настоящее время среди крестьянского населения Черниговской губернии восстановилось спокойное течение жизни, и в тех пунктах, где обнаружено было брожение, таковое понемногу улеглось, несмотря на то, что с 15 по 22 июня в 4 уездах об'явлена была мобилизация, которая прошла спокойно, без крупных нарушений запасными порядка. В частности, в смысле возникновения волнений среди крестьян, выделялось с. Ущерпье, Суражского уезда. Теперь это волнение утихло, и крестьяне снова принимаются за работу на помещичьих землях. Обстоятельство это об'ясняется, главным образом, арестом главных зачинщиков и руководителей, а отчасти присутствием казаков. Предварительное следствие о сопротивлении чинам полиции ведется судебным следователем по важнейшим делам.

В с. Семеновке, Новозыбковского уезда, брожение выразилось в про-

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 46.
[2] Там же, л. 51.
[3] Там же, л. 59.
[4] Там же, л. 62.

тивоправительственной демонстрации, после которой порядок не был нарушен.

О селах Листвене и Крапивном донесено мной за №№ 4258 и 4262; порядок в этих селах восстановлен. Что же касается Городни, где помощником исправника нанесены были побои запасному, о чем донесено мной было телеграммой, то там случай этот никаких дальнейших беспорядков не вызвал, и запасные нижние чины вели себя спокойно.

Об изложенном выше случае в настоящее время возбуждено формальное следствие, о результатах которого донесу дополнительно.

Полковник Рудов.

Донесение начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 25 июня 1905 г., № 4469 [1].

На второй день заседаний подкомиссии волостные старшины, в числе 20 человек, из 49 явившихся для опроса их по делам крестьянского населения, подали начальнику губернии заявление о том, чтобы, при выработке проекта закона о крестьянах, они были сравнены в правах с прочими классами населения. Повидимому, заявление это было сделано не без постороннего влияния, в силу которого представители крестьян настаивают об отмене обособленного правового положения крестьянского населения. Представляя начальнику губернии упомянутое выше заявление, старшины просили о прочтении его в заседании подкомиссии, каковая просьба была поддержана председателем Черниговской губернской управы Свечиным. Начальник губернии не признал возможным чтение заявления, вследствие чего подписавшие его представители крестьян удалились из зала заседаний, на которое более и не появились. После этого, на первом же совещании заявление было в присутствии членов его и оставшихся представителей крестьян прочитано. Копия заявления при сем представляется.

Демонстративное оставление крестьянами залы заседания не произвело на общество никакого впечатления.

Полковник Рудов.

В Черниговское губернское совещание по пересмотру законодательства о крестьянах заявление [2].

Мы, представители от сельских обществ Черниговской губернии, вызваны в Чернигов для участия в работах подкомиссии губернского совещания по пересмотру законодательства о крестьянах; собравшись вместе сегодня 17 июня 1905 г., пришли к заключению, что благоустройство жизни жителей деревни может быть достигнуто только тогда, когда нас перестанут считать особыми созданиями, для которых нужны специальные законы об управлении и суде, а признают такими же людьми, как и все другие.

Мы, выборные от крестьян, зная, что наш всемилостивейший государь император в указе сенату 12 декабря 1904 г. указал уже, что крестьяне должны перестать быть людьми, исключенными из общего порядка управления и суда, считаем себя вправе надеяться на возможно скорое уничтожение исключительных для нас законов, а тем более на невозможность создания новых таких же исключительных законов, так как такие законы, унижая крестьян сравнительно с другими

[1] ДП. о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 63.
[2] Там же, л. 64 — заголовок подлинника.

подданными русского царя, при отсутствии достаточного количества земли, которая служит основою крестьянского достатка, привели к непосильному обременению разными налогами и повинностями, а взамен этого не дали даже возможности научить своих детей грамоте.

Ввиду всего этого, мы, как верноподданные его величества, признаем бесцельным подавать свои мнения по отдельным вопросам проекта закона, исключающего крестьян из круга общих законов, равных для всех подданных русского царя, и уверены, что, при призыве нашим всемилостивейшим царем выборных от населения представителей для составления законов, он, батюшка, даст возможность и нам, крестьянам, наравне с другими участвовать в выборе этих представителей, которые выработают и представят царю справедливые законы, равные для всех его подданных.

Подписано 40 представителями от крестьянских обществ.

Телеграмма начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 29 июня 1905 г., № 2065 [1].

Брожение крестьян в Новозыбковском уезде продолжается, угрозами разгоняют прислугу помещиков, в двух селах оставлены казаки, установлены раз'езды, в Любече спокойно.

Полковник Рудов.

Телеграмма черниговского губернатора товарищу министра внутренних дел, заведующему полицией, 1 июля 1905 г. [2]

Беспорядки в Новозыбковском уезде усиливаются, был пожар владельческой усадьбы, подозревается поджог, признал необходимым выехать туда лично, усилив войска еще двумя ротами.

Губернатор Хвостов.

Телеграмма начальника Черниговского губернского жандармского управления департаменту полиции, 1 июля 1905 г., № 37 [3].

Вследствие продолжающегося брожения среди крестьян Новозыбковского уезда и пожара в селе Кривцах, по предположению поджога, и я сегодня выезжаю в Новозыбков, куда вызвано еще две роты.

Полковник Рудов.

Из донесения черниговского губернатора товарищу министра внутренних дел, заведующему полицией, 1 июля 1905 г., № 600 [4].

В дополнение к представлениям от 20 и 25 июня сего года за №№ 564 и 575 докладываю вашему превосходительству, что в некоторых местах вверенной мне губернии заметно усилилось брожение крестьян, в особенности в Новозыбковском уезде: по заявлению землевладельца деревни Малого Кривца Заворотнова, крестьяне явились к нему толпой и вручили письменное требование об увеличении заработной платы и изменении условий работы; когда же им в этом было отказано, они прогнали всех рабочих Заворотнова и угрожали никого не пускать на работы до тех пор, пока он не войдет с ними в соглашение. Такое

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 68.
[2] Там же, л. 76.
[3] Там же, л. 78.
[4] Там же, л. 99.

же требование, по словам Заворотнова, было пред'явлено крестьянами села Большого Кривца местному землевладельцу Кузовлеву.

В с. Белом Колодезе землевладелец Ивановский остается без рабочих и прислуги, и крестьяне этого села открыто заявили приставу, что никого не допустят на работы к помещику впредь до принятия им пред'явленных ему требований.

В с. Великой Тополи, по полученным негласно сведениям, по воскресеньям начали собираться крестьяне разных селений для составления противоправительственных сходок, которыми руководят приезжающие из г. Новозыбкова студенты; такая сходка предполагалась 26 июня; на ней подлежал разрешению вопрос разгрома экономии княгини Долгоруковой; благодаря, однако, своевременному командированию в Великую Тополь пристава с 25 казаками, там никаких осложнений не произошло.

Для предупреждения могущих возникнуть, вследствие усиленного брожения среди крестьян, беспорядков в селениях Белом Колодезе, Манюках, Малом Кривце и х. Золотницком, Новозыбковского уезда, командирован уездный исправник с казаками и усилен наряд полиции.

В с. Куршановичах, Новозыбковского уезда, у местных владельцев были произведены кражи лесного материала, причем при производстве обысков приставу было оказано сопротивление; дело об этом передано судебному следователю.

В с. Петровской Буде, Суражского уезда, со стороны крестьян были самоуправства и поджоги, на место выезжал уездный исправник, виновные привлечены к ответственности.

Сегодня мной получены телеграммы из Новозыбковского уезда о том, что беспорядки там усиливаются, произошел пожар владельческих построек в с. Большом Кривце, по подозрению от поджога.

В виду сего я признал необходимым лично принять меры и сегодня выезжаю в Новозыбковский уезд, вызвав туда еще две роты пехоты.

Губернатор А. Хвостов.

Телеграмма директора департамента полиции начальнику Черниговского губернского жандармского управления, 2 июля 1905 г.[1]

Товарищ министра, заведующий полицией, предлагает вам принять безотлагательно энергичные меры к задержанию агитаторов беспорядков в Новозыбковском уезде.

За директора П. Рачковский.

Телеграмма черниговского губернатора товарищу министра внутренних дел, заведующему полицией, 3 июля 1905 г.[2]

При расследовании пожара в селении Кривец, Новозыбковского уезда, не имеет связи с аграрным брожением, в большинстве селений отношения уладились, сельские работы возобновились, шесть человек зачинщиков в разных местах арестованы, завтра об'езжаю неуспокоившиеся селения, потом еду в село Медведки, Стародубского уезда, оказать содействие следственной власти в аресте виновников бывшего сопротивления властям.

Губернатор Хвостов.

---

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 74.
[2] Там же, л. 80.

Телеграмма черниговского губернатора товарищу министра внутренних дел, заведующему полицией, 6 июля 1905 г.[1]

В Новозыбковском уезде аграрно-экономическое движение после моего об'езда, раз'яснений на сходах почти прекратилось, крестьяне вошли в соглашение с владельцами, работы возобновились, за исключением Белого Колодца, имения Ивановского, где соглашение не состоялось, но проявления насилия прекратились. Виновных в пропаганде арестовано трое, задержано семь человек, дознание производится. Вчера в Медведовке, Стародубского уезда, несмотря на мои увещания, сельский сход не допустил ареста по требованию следователя шести обвиняемых, поэтому признал необходимым арестовать сто тринадцать человек, которых под конвоем казаков привели в Новозыбков для распределения по разным тюрьмам до окончательного успокоения населения, насильственных мер не было употреблено. Арест произвел благотворное впечатление. Возвращаюсь в Чернигов, из других уездов особо тревожных известий не получалось. В Любече графа Милорадовича спокойно, войска оттуда отпущены.

Губернатор Хвостов.

Донесение начальника Черниговского губернского жандармского управления командиру отдельного корпуса жандармов, 19 июля 1905 г., № 5205[2].

В начале июля месяца в некоторых пунктах Новозыбковского уезда возникли волнения среди крестьян, вызванные отчасти желанием изменить условия аренды частновладельческой земли, а отчасти, вследствие требований об увеличении платы за полевые работы. Сопровождая начальника Черниговской губернии при об'езде пунктов, охваченных волнениями, я лично, на месте, путем расследования, пришел к несомненному выводу, что все эти волнения, вызванные благодаря постороннему влиянию, носят совершенно аграрно-экономический характер. Пропаганды противоправительственных партий не установлено, исключение из этого составляет село Риловичи, о котором вместе с этим сделано особое представление.

Наиболее резкий характер имели волнения в селе Малом Кривце и Белом Колодезе; в остальных же пунктах, как д. Скоробогатовой слободе, Манюках, х. Золотницком, д. Великая Тополь и д. Крутобережки, путем взаимных уступок, землевладельцы и крестьяне пришли к полному соглашению, и порядок восстановлен губернатором и местными земскими начальниками.

Что касается с. М. Кривца, то крестьяне, пред'явившие требования об изменении условий найма земли, прибегали к насильственным действиям по отношению к лицам, не желавшим подчиниться. Наиболее видными руководителями толпы явились местные жители в числе 4 человек, которые были арестованы и препровождены в г. Новозыбков. По дороге толпа их односельчан, в числе около 100 человек, отняла от стражников арестованных, но была встречена нарядом казаков и рассеяна, а арестованные доставлены по назначению. При рассеянии толпы ни насильственных с ее стороны действий, ни употребления оружия казаками не было. В отношении лиц, изобличенных в отнятии арестованных от чинов полиции, возбуждено уголовное преследование.

В с. Скоробогатовой слободе и Белом Колодезе постороннее на крестьян влияние выразилось в пропаганде — в первом пункте со стороны

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 101.
[2] Там же, лл. 109—110.

служащего рабочим на Полесской железной дороге крестьянина Дробязки, а во втором — сына местного землевладельца Ивановского, который возбуждал крестьян пред'явить к его отцу требования. Об этих обоих случаях возбуждено дознание, и Ивановский арестован. В настоящее время спокойствие во всех названных выше пунктах восстановлено, отчасти благодаря раз'яснениям, данным начальником губернии о незаконности действия крестьян, в тех случаях, когда они прибегают к насилию, отчасти по взаимному соглашению, а также и аресту руководителей движения, каковое обстоятельство привело крестьян к убеждению, что право собственности не может быть нарушено.

Во всех случаях местная полиция и земские начальники проявили должную энергию и распорядительность, предупредив возможность открытых беспорядков и приняв меры к взаимным соглашениям землевладельцев и крестьян в тех случаях, когда пред'явленные требования найдены были основательными.

Полковник Рудов.

Донесение начальника Черниговского губернского жандармского управления командиру отдельного корпуса жандармов, 20 июля 1905 г., № 5245 [1].

Крестьяне села Медведовки, Стародубского уезда, ссылаясь на полученный ими около 20 лет тому назад план, считали своей собственностью около 90 десятин земли владелицы Бороздны. Хотя судебный процесс был ими проигран во всех инстанциях, а план признан неправильным, крестьяне в начале лета запахали 18 десятин спорной земли. Возбужденное по этому поводу уголовное преследование выяснило виновность 6 человек, обвинявшихся в самоуправстве.

Эти шесть человек подлежали, по постановлению судебного следователя, заключению в тюрьме, но односельчане отказались их выдать, причем оказали сопротивление чинам полиции при попытке ее выполнить требование судебного следователя. Вследствие этого начальник губернии выехал в село Медведовка, где накануне его приезда крестьяне самовольно вспахали и свезли рожь на 33 десятинах земли Бороздны. По приезде губернатора он был встречен хлебом-селью, от принятия чего отказался, и обратился с речью, указывая на незаконность действия крестьян и ответственность за самоуправство и неисполнение законных требований власти.

Пользуясь впечатлением своих слов, начальник губернии вызвал из толпы лиц, подлежащих аресту. Когда они вышли, то приказано было стражникам отвести их в г. Стародуб. Такое распоряжение вызвало волнение в толпе, которая, бросившись к арестованным, смешалась с ними, а в селе начался набатный звон.

Принимая во внимание, что толпа, увеличившись, могла прибегнуть к насильственным действиям, губернатор приказал казакам окружить всех и повернуть на Новозыбков, куда дорога проходила по селениям, не заинтересованным в аграрном движении медведовских крестьян.

По дороге в Новозыбков (60 верст) многие стали отставать, придя к убеждению, что сопротивление невозможно; на 20-й версте осталось 135 человек; после чего, по разрешению губернатора, земским начальником освобождено было еще 22 человека, из'явивших раскаяние.

В Новозыбково доставлено было 113 человек, из которых там часть менее виновных отпущена, а остальные 79 человек арестованы. Затем по просьбе родных, ручавшихся за арестованных с обещанием не на-

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 112.

рушать порядка, было отпущено еще 60 человек, а остальные содержатся под стражей впредь до выяснения степени их виновности. Проход арестованных под конвоем казаков по некоторым пунктам Стародубского и Новозыбковского уездов произвел благоприятное впечатление на их население, убедив в невозможности сопротивления власти.

В настоящее время в селе Медведовке порядок восстановлен, и для обеспечения его на будущее время владелица Бороздна изъявила желание сделать некоторые уступки крестьянам.

Полковник Рудов.

Донесение начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 2 сентября 1905 г., № 6700[1].

Получены сведения, что между крестьянами села Творишина, Суражского уезда, и местным землевладельцем Петром Суриным возник спор, доходящий до захватов земли и урожая в сем году, по следующему поводу.

По выходе крестьян села Творишина из крепостной зависимости земли их не были размежеваны от владельческих земель, а был составлен общий план крестьянских и владельческих земель в общем одном отрубном участке.

Согласно имеющейся у крестьян данной они наделены полными наделами в отрубной даче при хуторе Ганновке, в количестве 1 858 десятин 1 200 кв. сажень, в том числе при хуторе Ганновке 36 дес.; кроме того, владелица дарит им 93 десятины с тем, что если у них окажется земли более, чем указано в данной, то владелица излишек земли должна себе дорезать от урочищ Студенец и Липовой горы. В данной указано, что в отрубной участок крестьян при селе Творишине входят урочища Шилино Болото, Чекуло и Грива, но так как у них полюбовного размежевания не было, то от этих урочищ, как отдаленных и неудобных, крестьяне отказались и со дня выхода из крепостной зависимости не владеют, почему считают, что у них, выключив означенные урочища, недостает полного количества надельной земли; владелец же лет 20 тому назад, находя, что у крестьян со включением урочищ: Шилино Болото, Чекуло и Грива земли более, чем указано в данной, самовольно завладел бывшим в крестьянском владении урочищем. Отрезок, который в настоящее время уходит клином в их землю, чем образует чересполосицу.

Кроме того, от с. Творишина к реке Ипути и далее к отдаленным участкам, на протяжении нескольких верст, идет узкая полоса земли, под названием Прогон, на ней лет семь тому назад пролегала дорога, которая и нанесена на частном плане владельца Сурина; с проведением же Суражским земством от с. Творишина к реке Ипути дамбы, дорога эта сама собой упразднилась и заросла травой. Крестьяне утверждают, что прогон этот существовал и существует для прогона скота к реке Ипути, и в дальнейшем их участком и должен быть в общем пользовании, а владелец Сурин завладел им, уничтожил дорогу, косит на нем сено и сеет картофель, овес и пр. Никаких документов о Прогоне ни с одной стороны не имеется. Владелец утверждает, что Прогон принадлежит ему и носит это название, как урочище, но это идет в разрез с данной, так как Прогон проложен по крестьянским землям, разделяет их и образует чересполосицу. На этом прогоне, до посевов, крестьяне прогоняют и пасут свой скот, и никогда владелец Сурин на это не претендовал; когда же он часть Прогона, в количестве 7 дес.,

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 112.

продал купцу Георгию Константиновичу Сапожкову, то последний возвысил плотину при своем Ипутском хуторе, заливая этим крестьянские луга, и не позволяет крестьянам прогонять скот, а в текущем году, за потраву до 9 мая, пред'явил к обществу крестьян села Творишина иск в 240 рублей. Главным образом это и послужило [поводом к] волнению среди крестьян, они заявляют,— если бы Сурин не продал бы части Прогона купцу Сапожкову, который им житья не дает, то не позволили бы они самоуправия и продолжали бы искать своих прав судебным порядком, в настоящее же время чаша переполнилась, они просудили около трех тысяч рублей, более средств не имеют, и решили самоуправно завладеть спорной землей, как завладел ею бывший отец настоящего владельца, надеясь этим путем обратить внимание правительства, которое и размежует их правильно по закону, согласно их данной.

Еще крестьяне указывают, что урочище Старая кирпичня тоже принадлежит им и самовольно захвачена отцом настоящего владельца.

Крестьяне села Творишина около 20 лет вели процесс с владельцем и дошли до правительствующего сената и г. министра, но жалобы их ни к чему не привели.

Главными руководителями в самоуправии крестьян села Творишина являются их уполномоченные по ведению судебных дел: Петр Анисов Коротченок, Аким Андреев Капитонов и крестьяне: Лазарь Пименов Никитенок и Петр Зиновьев Мелешенок.

В настоящее время суражский исправник доносит, что 29 августа крестьяне с. Творишина: Спиридон Касьянов, Анисим Игнатов Меземенко и др., в числе около 30 человек, самовольно забрали на земле владельца Петра Иванова Сурина, в урочище Старая кирпичня, 18 копен гречихи и 16 копен овса, оказав сопротивление полиции, выраженное действиями и угрозами стражникам и урядникам Хондожко и Насветникову, о чем возбуждено судебным следователем 2 участка Суражского уезда следствие. Кроме того, в село Творишино вызвано несколько человек казаков, куда выехал и суражский исправник.

О дальнейшем буду доносить дополнительно.

Полковник Рудов.

Телеграмма начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции от 4 сентября 1905 г., № 311 [1].

При задержании суражским исправником в селе Творишине четырех подстрекателей в захвате урожая владельца Сурина толпа крестьян с кольями напала на сопровождающих полицейских и казаков, отбила арестованных, нанеся полицейским побои. По распоряжению губернатора в Творишино отправлены войска, командирован вице-губернатор, я выезжаю в Творишино.

Полковник Рудов.

Из донесения начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 17 сентября 1905 г., № 7128 [2].

В дополнение представления от 2 сентября сего года за № 6700 доношу, что в селе Творишине уполномоченные от общества по ведению судебных дел крестьяне... начиная с 24 июля, помимо сельского старосты, собирали незаконные сходы, на которых подстрекали своих односельцев насильственным путем забрать урожай и косить сено на

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 135.
[2] Там же, лл. 141—142.

спорных земельных участках, принадлежащих землевладельцу Сурину и купцу Сапожкову, причем отбирали подписи на приговоре и возбуждали, таким образом, население против существующего порядка. Вследствие чего самоуправно был скошен сенокос на урочище Отрезок и Прогон, а на урочище Старая кирпичня самоуправно свезены гречневые и овсяные копны, причем здесь же недопускавшим к самоуправию [1] чинам полиции 29 августа было оказано вооруженное сопротивление.

Суражский исправник, вызвав к себе через сельского старосту вышеозначенных уполномоченных, арестовал их, в порядке охраны, и отправил в Суражский тюремный замок при шести казаках 1 казачьего Урупского полка и полицейских стражниках.

Конвой с арестованными, пройдя мимо села Творишина, вошел в узкий проулок, ведущий в д. Паньковичи, откуда наскочила толпа в несколько сот человек, вооруженная топорами, железными вилами и кольями, остановила конвой и с криками: «бей их» силой освободила арестованных, и начала наносить удары отступающей полицейской страже и казакам, как бывшим в конвое, так и прибывшим в помощь остальному взводу, преследуя их до усадьбы владельца Сурина; здесь исправник с приставом, желая не допустить толпу в усадьбу, угрожал револьвером бросившемуся на него с колом крестьянину Николаю Мелешенкову, говоря, если он не остановится, то будет убит; на это остановившийся Мелешенков стал ругать исправника площадной бранью, крича: «убей меня», «чего ты приехал защищать Сурина, бей всех». После увещеваний толпа разошлась. В толпе участвовало много женщин, вооруженных железными вилами и кольями. Во время нападения на конвой был сбит ударом кола по лошади урядник, у него был вырван пакет с актами о задержании арестованных, и все бумаги порваны на клочки.

Толпа, остановленная у усадьбы, понемногу разошлась. Приехав вместе с вице-губернатором, я застал судебного следователя, приступившего, под наблюдением прокурора Стародубского окружного суда, к производству следствия, по которому выяснилась виновность 19 человек в нападении на стражу и насильственном освобождении арестованных. Обвиняемые, вместе с 3 человеками, задержанными по распоряжению вице-губернатора, были арестованы и под конвоем препровождены в Суражскую тюрьму, причем никакого беспорядка крестьянами произведено не было.

По приезде вице-губернатора, крестьяне, собравшись вместе, явились с выражением покорности и раскаяния, выразив при этом просьбу о прощении. В настоящее время спокойствие восстановлено, и оставшийся в селе Творишине непременный член по крестьянским делам привел к взаимному соглашению владельца Сурина и крестьян относительно спорных участков земли.

Полковник Рудов.

Телеграмма черниговского губернатора товарищу министра, заведующему полицией, 8 октября 1905 г., № 22 [2].

В селах Слабине, Андреевке, Черниговского уезда, крестьяне произвели самоуправные действия во владельческих усадьбах, для усиления полиции командировал роту пехоты. В селе Соловьевке, хуторе Михайловском крестьяне села Куршанович, Новозыбковского уезда, со-

[1] Так в подлиннике.
[2] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 157.

вершили скопом грабеж леса в имениях Аврамова, полиция усилена, ожидаю ответа прокурора на телеграмму для командирования войск для содействия судебной власти, так как полиции недостаточно.

Губернатор Хвостов.

Донесение начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 11 октября 1905 г., № 7907 [1].

В дополнение телеграммы от 9 сего октября о беспорядках, произведенных крестьянами села Куршановичей, Новозыбковского уезда, доношу, что этими крестьянами в течение последних месяцев совершались систематически кражи у местных землевладельцев лесных материалов и хлеба с полей, и при попытках полиции к производству обысков для установления виновных крестьян, собираясь толпами по несколько сот человек, оказывали сопротивление чинам полиции и наносили им побои. Ввиду этого в названном селе усилен был состав полиции, путем откомандирования туда стражников из других пунктов губернии. В течение августа и половины сентября месяцев там находилось 6 урядников и 40 стражников. За это время не было случаев нападения на частновладельческие усадьбы и краж, хотя настроение крестьян было настолько возбужденное, что судебный следователь по важнейшим делам не решался подвергнуть заарестованию лиц, изобличенных в оказании сопротивления местному становому приставу. С уменьшением состава полиции кражи и поджоги вновь возобновились, и не только местное население, но и сами потерпевшие отказываются от указания на виновных, так как, будучи терроризированы, не решаются давать какие-либо сведения, опасаясь мести со стороны виновных или их единомышленников. Между 16 сентября и 3 октября крестьянами села Куршановичей произведено пять краж и поджогов, причем, совершая кражи, они являются вооруженными толпами, благодаря чему сопротивление им и задержание виновных представляется непосильным как для потерпевших, так равно и для чинов полиции. По распоряжению начальника губернии, там вновь усилен наряд полиции и в помощь им отправлено 50 казаков и рота пехоты и затребован еще батальон. По прибытии войск, туда выезжает командированный начальником губернии вице-губернатор, с которым выезжаю и я. В настоящее время, ввиду прекращения движения поездов, встречается препятствие к этому выезду и своевременному сбору всех войск.

Полковник Рудов.

Телеграмма черниговского губернатора товарищу министра, заведующему полицией, 17 октября 1905 г., № 68 [2].

В Куршановичах, Новозыбковского уезда, из главных руководителей вооруженного грабежа вице-губернатор арестовал пятьдесят человек, десять заковал в кандалы, разыскивается еще шестнадцать, переезжает село Соловьевку, где были такие же грабежи. Получил телеграмму сегодня ночью, что толпа крестьян внезапным нападением разрушила, сожгла экономию графа Мусина-Пушкина в селе Макошине, изыскиваю средства направить туда экстренным пароходом роту пехоты.

Губернатор Хвостов.

---

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, лл. 213—214.
[2] Там же, л. 159.

Телеграмма новозыбковских помещиков Перских министру внутренних дел, 25 октября 1905 г.[1]

Крестьяне грабят наши экономии Ражны, Суражского уезда, Черниговской губ. Усиленные наши хлопоты у губернатора об охране остаются тщетными, умоляем соблаговолить распорядиться о защите.

Перские.

Телеграмма начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 26 октября 1905 г., № 3992[2].

В Новозыбковском, Суражском уездах сильно развиваются аграрные беспорядки, вызваны полк пехоты и кавалерии.

Полковник Рудов.

Телеграмма суражского предводителя дворянства, председателя земской управы и городского старосты статс-секретарю графу С. Витте, 27 октября 1905 г.[3]

Всеобщий погром продолжается, власть отсутствует, паника, живем под страхом потери имущества, жизни. Озабоченные судьбой уезда, настойчиво просим предоставить нам военную силу для водворения порядка, законности, арестования громил, отобрания награбленного; необходимо сейчас огласить в церквах манифест с благожелательными пояснениями.

[Подписи.]

Письмо председателя совета министров графа С. Витте управляющему министерством внутренних дел П. Дурново, 28 октября 1905 г.[4]

М. г., Петр Николаевич.

Препровождая при сем вашему превосходительству две только-что полученные мной телеграммы черниговского и саратовского губернаторов, покорнейше прошу вас, ввиду крайней тревожности известий, особенно из Черниговской губернии, экстренно переговорить о положении дел с г. военным министром и уведомить меня о принятом вами решении.

Прошу принять уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

С. Витте.

Письмо управляющего министерством внутренних дел П. Дурново графу С. Витте, 28 октября 1905 г.[5]

М. г., граф Сергей Юльевич.

Вследствие письма от 28 сего октября, считаю долгом сообщить вашему сиятельству, что по поводу ходатайств черниговского и саратовского губернаторов об оказании им содействия в деле прекращения возникших крестьянских беспорядков присылкою войск, я, ввиду от-

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 169.
[2] Там же, л. 194.
[3] Там же, л. 198.
[4] Там же, л. 229.
[5] Там же, л. 204.

каза командующего войсками Киевского военного округа в командировании в Черниговскую губернию войсковых частей в том количестве, как ходатайствовал губернатор, просил военного министра немедленно прислать необходимые войска хотя бы из состава других военных округов.

Для прекращения же беспорядков в Саратовской губернии была сообщена военному министру просьба о командировании туда войск в том количестве, в коем губернатор признает это необходимым для водворения порядка, причем о присылке войск в надлежащем числе в Саратовскую губернию было также сообщено по телеграфу командующему войсками Казанского военного округа.

Ныне при личном об'яснении моем с военным министром по поводу крайне тревожных известий о крестьянских беспорядках в Черниговской и Саратовской губерниях, генерал-лейтенант Редигер [1] обещал мне сделать распоряжение о немедленном командировании в названные губернии новых войсковых частей в подкрепление находящихся уже там для усмирения крестьянских волнений.

Затем по отношению к Черниговской губернии ввиду происходящих там беспорядков, угрожающих полным разгромом экономий частных владельцев, мной представлен всеподданнейший доклад о том, что представляется необходимым об'единить принятие требуемых к подавлению беспорядков мер в руках одного лица. В сих целях испрашивается высочайшее повеление на об'явление всей Черниговской губернии в положении усиленной охраны и командировании туда, по непосредственному его императорского величества выбору, одного из лиц свиты его величества, коему и предоставить как чрезвычайные полномочия губернской администрации в местностях, об'явленных в положении усиленной охраны, так и право командования находящимися в пределах Черниговской губернии войсками.

П. Дурново.

Телеграмма суражских помещиков Скорнякова и др. председателю совета министров графу С. Витте, 29 октября 1905 г. [2]

Имения Софийск, Ивановск-Петровский, Петрово-Будской волости, и села Кулачах, Суражского уезда, Черниговской губернии,— крестьяне разогнали служащих, забирают зерно, сено, жгут постройки, рубят леса, забирают лесные материалы, берут скот, нет сил удержать местной властью, покорнейше просим дать содействие войсками иначе будет все уничтожено.

[Подписи.]

Телеграмма В. Зенченко министру внутренних дел, 29 октября 1905 г. [3]

С 24 октября в Черниговской губернии, в Суражском уезде, Петрово-Будской волости [крестьяне] разграбили, спалили десять помещичьих имений, продолжают [грабить]. Народ озверел, войск нет, просим защиты жизни.

Всеволод Зенченко.

---

[1] Редигер, А. Ф. — ген.-лейт., управляющий военным министерством, затем военный министр с 1905 по 1909 г.

[2] ДП, о. о., 1905 г., д.№ 2550, ч. 22, л. 223.

[3] Там же, л. 244.

Телеграмма управляющего министерством внутренних дел командующему войсками Киевского военного округа, 30 октября 1905 г., № 407 [1].

Черниговский губернатор, получив на всю губернию лишь 550 кавалеристов, просит, ввиду крайне тревожного положения губернии, о командировании целого полка кавалерии. Не откажите, ваше превосходительство, в удовлетворении, если возможно, ходатайства губернатора.

Временно управляющий министерством Дурново.

Донесение начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 2 ноября 1905 г., № 8317 [2].

23 октября сего года на хутор Петровск, Суражского уезда, сделано нападение крестьянами села Петровской Буды, которые разгромили усадьбу Нехаевского, наполовину разрушив все постройки и уничтожив находившееся в них имущество. При нападении на усадьбу крестьяне, крича: «это наша земля, подавай ее нам», стреляли из принесенных с собой ружей и револьверов во владельца и всех бывших в усадьбе; стрельба обошлась без человеческих жертв, благодаря ночному времени. Предотвратить нападение не было никакой возможности ввиду внезапности его, а равно и потому, что нападавших было свыше ста человек, служащих же в экономии и других лиц, сдерживавших нападение, было не более десяти человек. Убытки приводятся в известность. Несколько человек нападавших уличено свидетелями; нападение это учинено с целью отобрания у владельца недвижимой собственности. Дознание по этому делу производится.

Полковник Рудов.

Донесение начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 28 ноября 1905 г., № 8662 [3].

Сего числа по телеграфу получены сведения, что в Стародубском уезде разграблена крестьянами Десятухинская экономия Гусева, а в с. Медведовке того же уезда сожжены экономические постройки.

Полковник Рудов.

Из телеграммы черниговского губернатора министру внутренних дел, 29 ноября 1905 г., № 1114 [4].

Тревожное настроение сельского населения усиливается, подожжены две усадьбы в Стародубском уезде, подожжена тюрьма в Стародубе, началась рубка казенных лесов близ Шостки, Глуховского уезда; в Новгородсеверском уезде крестьяне сняли рабочих одной экономии. Имеющихся войск не могу передвинуть без ущерба для районов их пребывания, драгуны в Козелецком уезде охраняют границу Полтавской губернии, где идут беспорядки, ходатайствовал перед вашим высокопревосходительством, чтобы из вновь формируемых казачьих полков одна сотня была немедленно прислана в Конотоп, другая в Козелецкий уезд. Ныне ходатайствую еще о двух сотнях для Стародубского, Новгородсеверского уездов, где местных сил недостаточно.

Губернатор Хвостов.

---

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 236.
[2] Там же, л. 293.
[3] Там же, л. 311б.
[4] Там же, лл. 307—308.

Из письма черниговского губернатора министру внутренних дел, 30 ноября 1905 г.[1]

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь, Петр Николаевич.

Долгом считаю в кратких выражениях изложить вашему высокопревосходительству о положении высочайше вверенной мне Черниговской губернии.

Страшные аграрные преступления, обрушившиеся на Суражский, Городненский и Черниговский уезды, были мною приостановлены принятыми решительными мерами с приходом того количества войск, которое было мне наконец дано после усиленных моих ходатайств. Засим приезд высочайше командированного генерал-ад'ютанта Дубасова[2]; аресты, мною произведенные на основании усиленной охраны, начавшееся энергично судебное следствие, самосуд крестьянского населения над громилами, приговоры обществ относительно удаления порочных членов — все это, казалось, остановило общее движение; так надеялся и я в начале ноября...

События в Курской губернии и Полтавской волнуют все соседние с ними уезды Черниговской губернии. Деятели крестьянских союзов устраивают организации по деревням союзов, полиция почти бессильна бороться одновременно во всех селениях уезда. Авторитет земских начальников, местных землевладельцев, бессилен в аграрных делах, так как крестьяне видят в них людей, заинтересованных в вопросе права на землю...

Народ в деревнях не удовлетворен манифестом 17 октября[3], каковой ими не понят и дал повод к самым разнообразным толкованиям. Манифест 3 ноября[4], к сожалению, опоздал, он мог произвести впечатление 17 октября, но не после разгрома землевладельческих усадеб. Платеж податей половины оклада в 1906 г. является сомнительным так же, как уплата недоимок за нынешний год. Более же всего, повидимому, смущает крестьянское население — это возможность изменения высочайшего манифеста 6 августа[5]. Этот манифест народом понят и усвоен, выбор представителей на волостных сходах народ понимает; опасается только, что более одного представителя из крестьян от губернии им не удастся провести в Государственную думу. Об этом волостные старшины заявили генерал-ад'ютанту Дубасову во время представления в Чернигове; видимо, опасаются, что крестьяне, попавшие в списки землевладельцев, на с'езде окажутся в меньшинстве. Задержка созвания Думы, а также коренное изменение способов выбора представителей, по моему определенному мнению, может вызвать только самое сильное возбуждение крестьян против других классов. На вопросы, ко мне обращаемые со всех сторон, я об'ясняю, что манифест 17 октября, подтверждающий основания выборов в Думу, определенных манифестом 6 августа, указывает только на дополнение состава

---

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, лл. 315—321.

[2] Дубасов, Ф. Н. (1845—1912) — ген.-ад'ютант; 2 ноября 1905 г. был командирован в Черниговскую, Полтавскую и Курскую губернии, где крайне жестокими мерами, не останавливаясь перед уничтожением жилищ и имущества, подавлял революционное движение крестьян. В конце 1905 г. был назначен московским генерал-губернатором и руководил разгромом декабрьского вооруженного восстания в Москве.

[3] Манифест от 17 октября о свободах. В день опубликования указанного манифеста войска на улицах Петербурга избивали и расстреливали по приказу ген. Трепова от 14 октября безоружное население.

[4] Манифест от 3 ноября и указы о сложении выкупных платежей и о расширении операций Крестьянского поземельного банка.

[5] Манифест от 6 августа об утверждении Государственной думы.

представителей от таких элементов народа, которые ранее были обойдены. Между тем происходящие совещания правительства с разными общественными деятелями, известными всем как сочувствующие совершенно другим началам избрания состава Думы, заставляют сомневаться в том толковании, что высочайшие повеления 6 августа и 17 октября не могут быть изменены до созыва Думы. Эта неопределенность вместе с аграрными движениями и под влиянием безусловно развращающих газет, в которых оправдываются преступления и подстрекают к восстанию,— все вместе дает простор злонамеренным людям возбуждать население.

Необходимо энергичными и последовательными мерами остановить движение. Необходимо:

1) Обуздание многих газет.

2) Немедленное усиление войска в Черниговской губернии, главным образом, кавалерии; без этого остановить и подавить беспорядки трудно. Войска должны остаться на долгое время или же быть окончательно размещены в пределах губернии.

3) Об'явление о скором созыве Государственной думы на основаниях 6 августа и 17 октября. Всякое коренное изменение уже понятого народом основания избрания вызовет новые беспорядки. При об'явлении о созыве Государственной думы необходимо обнародовать, что первый вопрос и первая задача Думы будет «земельный вопрос». До этого решения немедленно об'явить, что разгромленные имения никогда не будут проданы или отданы соседним крестьянам (участвовавшим в их разгроме), а будут приобретены Крестьянским банком, если владельцы не пожелают вновь возобновить свои хозяйства, с тем, чтобы поселить на этих землях малоземельных крестьян непременно других губерний. Такому определенному об'явлению правительства я придаю исключительно важное значение. Крестьяне поймут, что вместо владельца, дающего им заработок, они получат соседей — новую деревню, которая не только не дает им земли и заработка, но еще урежет поденную цену на все работы в этой местности. Если же хотя одно разгромленное имение попадет в руки соседней деревни, тогда всем будет понятно, что крестьяне шли верным путем для приобретения соседней земли.

4) Принятие строгих мер обуздания элементов, волнующих и организующих разные союзы: учителей, земских служащих и друг., устраивающих под разными предлогами с'езды и т. п.

5) Поддержка законных действий губернской администрации и ее представителей, несущих теперь непосильный труд борьбы с революцией в то время, когда революционные газеты осыпают их ложью, клеветой и неосновательными обвинениями. Опровергать всю преднамеренно печатаемую ложь нам некогда и нет средств.

В дополнение к ходатайству моему об увеличении выдела в пределах Черниговской губернии долгом считаю обратить внимание вашего высокопревосходительства на прилагаемый при сем в копии рапорт конотопского исправника. Событие это должно произвести весьма пагубное впечатление на население. Арест агитатора необходим, но ничего сделать нельзя, пока не будет достаточного количества войск. Посему вновь подтверждаю мое усиленное ходатайство, изложенное в двух телеграммах (копии при сем прилагаются ввиду возможности, что они еще не дошли до Петербурга)[1] о необходимости неотложной присылки в мое распоряжение батальона пехоты и четырех сотен казаков или четырех эскадронов драгун. Находившиеся в губернии отряды

[1] Приложение здесь опущено.

пехоты почти растаяли после увольнения запасных. В самом Чернигове осталось от всего полка только 300 человек. Из всех уездов ежедневно просят присылки подкрепления.

Вместе с сим ходатайствую перед вашим высокопревосходительством о выдаче мне денег на расходы по происходящим беспорядкам. Разъездных денег давно нет. На все мои просьбы министерство отказывает. Мне приходится давать командированным мною чинам под'емные деньги из моих личных средств. Также личными моими деньгами я оплачиваю за подводы по перевозке войск и за проезд на пароходах. Уплата за подводы производится казной спустя долгое время, а между тем нерасплата за подводы дает право крестьянам уклоняться от подводной повинности, и без того им неприятной. В отдельном рапорте я испрашиваю у вашего высокопревосходительства выдачи 5 000 рублей, из коих я считаю необходимым усилить канцелярские средства уездных полицейских управлений, употребивших большую сумму на посылку телеграмм за все время беспорядков, когда других способов сношения не было по случаю прекращения железнодорожного движения.

Означенное письмо я решился отправить с нарочным полицейским чиновником, ввиду невозможности доставить письмо по почте и неуверенности, что мои телеграммы дошли до министерства.

Вашего высокопревосходительства
покорный слуга А. Хвостов.

Донесение начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 2 декабря 1905 г., № 8721 [1].

В ночь с 27 на 28 ноября сего года в Стародубском уезде толпа крестьян с ближайших к хутору Десятуха сел напала на этот хутор; выгнав всех служащих и выпустив скот, крестьяне разгромили хутор, разграбили хлеб и сожгли все постройки. По сведениям погибло хлеба до 10 000 пудов.

Того же числа в селе Медведовка, Стародубского уезда, таким же образом крестьянами сделано нападение и разграбление имений владельцев Бороздны и Янжула.

Полковник Рудов.

Из телеграммы черниговского губернатора министру внутренних дел, 22 декабря 1905 г. [2]

Положение в уездах Стародубском, Новгородсеверском, Кролевецком весьма тревожное. Идут сплошные рубки леса, угрозы землевладельческим усадьбам; войска совершенно недостаточно, о чем я телеграфировал и доносил письменно вашему высокопревосходительству, непрестанно ходатайствую перед генерал-ад'ютантом Пантелеевым [3] и командующим войсками об увеличении войска, из других уездов передвинуть не могу, так как нельзя оставить без охраны, вместо усиления войска постепенно уменьшаются отзывом частей к своим полкам, уходом запасных, нужно необходимо три новых сотни казаков или три эскадрона в эти три уезда; при отсутствии войск, свободных в киев-

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 365.
[2] Там же, л. 360.
[3] Пантелеев, А. И. — ген.-ад'ютант, помощник шефа жандармов (1897—1900), командир отдельного корпуса жандармов (1898—1900), иркутский военный ген.-губернатор (1900—1903); в конце 1905 г. был командирован в Черниговскую, Полтавскую и Курскую губ. для подавления крестьянского движения.

ском округе, убедительно прошу ваше высокопревосходительство ходатайствовать у военного министра [прислать] остальные эскадроны Кинбургского драгунского полка, или три сотни казаков; тогда можно прекратить волнение, успокоить землевладельцев.

Губернатор Хвостов.

Донесение начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 24 декабря 1905 г., № 9070 [1].

Крестьянские беспорядки в Новозыбковском уезде, главным образом, проявляются в селах Манюках, Б. Колодезе, Семеновке, Сытой Буде и Спиридоновке и выражаются в самовольных порубках частновладельческих лесов и разгромах экономий. Ввиду незначительного состава полиции она не в силах своевременно принять меры к предупреждению беспорядков; находящиеся для этой цели в распоряжении гражданского начальства войска постоянно передвигаются в зависимости от возникновения беспорядков. В селе Сытой Буде крестьяне изгнали полицию и назначили сторожей для наблюдения за приходом войск, чтобы затем оказать открытое сопротивление, в случае ареста руководителей и организаторов беспорядков. Многие из руководителей бежали и скрываются крестьянами; в селе Семеновке же некоторые из них арестованы при содействии драгун.

Генерал Рудов.

Телеграмма начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 25 декабря 1905 г.[2]

В некоторых селах Новозыбковского уезда крестьяне образовали банды, открыто сопротивляющиеся властям, отказываются платить налоги, грабят экономии, пытаются освободить арестованных агитаторов; в Семеновке напали на волостное правление, были отбиты казаками. Необходимо усиление войск. Имеющиеся ныне малочислены и разбросаны мелкими частями в разных пунктах.

Генерал Рудов.

Телеграмма черниговского вице-губернатора министру внутренних дел, 30 декабря 1905 г.[3]

В виду непрекращающегося аграрного движения в Новозыбковском уезде, для подавления беспорядков мною командирован на место начальник губернского жандармского управления генерал Рудов, которому подчинены все находящиеся в Новозыбковском уезде военные части, чины полиции. Ему же поручено также в случае особой важности проехать соседние Суражский, Мглинский уезды для принятия решительных мер.

Управляющий губернией вице-губернатор Родионов.

Телеграмма Злынковского спичечного фабриканта Осипова министру внутренних дел, 2 января 1906 г.[4]

Подтверждая телеграмму свою от 30 декабря, всепокорнейше прошу ваше высокопревосходительство сделать распоряжение о военной охра-

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 394.
[2] Там же, л. 380.
[3] Там же, л. 397.
[4] ДП, о. о., 1906 г., д. № 700, ч. 55, л. 16.

не и защите моих софиевских фабрик и лесов. Крестьяне окружных сел сегодня — более 1 500 подвод — явились в лес, рубят его и угрожают громить фабрику, где большой запас спичек и материалов, не вывезенных по случаю забастовок дорог. Ради бога, ваше высокопревосходительство, внемлите моей просьбе и распорядитесь о немедленной военной защите моих имений, иначе понесу миллионные убытки, и тысячи рабочих останутся без заработка.

Федор Игнатьевич Осипов.

Телеграмма черниговского вице-губернатора министру внутренних дел, 3 января 1906 г.[1]

Сообщения из Стародубского уезда преувеличены, поджогов, разгромов усадеб было 4 случая, идет массовое хищение леса крестьянами. В уезд назначен новый исправник, которому даны подробные инструкции действовать решительно; посылаю из Клинцов взвод драгун, будет командирован непременный член для водворения порядка.

Управляющий губернией Родионов.

Телеграмма директора департамента полиции управляющему Черниговской губернией, 4 января 1906 г., № 24[2]

Министр поручает вам принять решительные меры против расхищения крестьянами леса малолетнего Сапожкова.

Директор [Подпись.]

Телеграмма начальника Черниговского губернского жандармского управления департаменту полиции, 5 января 1906 г.[3].

Прибыв 1 января в Новозыбков, второго числа отправился в имение Розенбаха Карпиловку. Разграблены 29 декабря крестьянами селений Карпиловки, Денисковичи: спирт винокуренного завода, большие запасы ржи, овса, сельско-хозяйственный инвентарь; убытки исчисляются до 50 000. За два часа до моего прибытия в Спиридонову Буду толпа денисковских крестьян в несколько сот двинулась в Спиридоновку освобождать арестованных, но залпами взвода драгун, отряда стражников была отбита, есть раненые. Дальнейшими арестами, моими распоряжениями, личными внушениями на сельских сходах крестьяне приведены к сознанию преступных их деяний и неизбежной тяжкой ответственности. В Карпиловке возвращают награбленное. Денисковцы обязались возвратить немедленно. Сходы обоих селений составляют приговоры о ссылке разбойников, воров, вообще порочных, обыски полицией с содействием драгун производятся. Арестовано тридцать, дознание ведется приставом Куцевичем, крестьяне Больших и Малых Щербинич, Шурубовки частью революционизированы, частью терроризованы местным революционером крестьянином Мосягиным, укрывающимся от ареста, тщательные розыски его продолжаются.

Генерал Рудов.

Телеграмма начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 12 января 1906 г.[4]

Сегодня в Смяльчах, не встретив попытку сопротивления, после надлежащего внушения сходу, выданы подстрекатели насилия, воров-

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, л. 17.
[2] ДП, о. о., 1906 г., д. № 700, ч. 55, л. 15.
[3] Там же, лл. 28—29.
[4] Там же, л. 44.

ства. Арестовал 9 человек. Сход, сознав всю преступность своих действий, приступил при мне к свозке награбленного леса, обязался войти в соглашение их претензий за порубку, обещал составить приговор о высылке порочных членов, выдать скрывающихся. В назидание населения признал необходимым сжечь гумно с награбленным материалом скрывавшегося главного зачинщика, грабителя крестьянина Кушелева в присутствии схода; впечатление потрясающее, но благотворное; посетил Писаревку, где на сходе сделал надлежащее внушение. Сход сознал вину, обязался немедленно возвратить ворованный лес, удовлетворить претензии владельцев. Арестовал одного. Завтра выезжаю вглубь уезда, посещу все тревожные местности.

Генерал-майор Рудов.

Телеграмма генерал-ад'ютанта Пантелеева военному министру, 17 января 1906 г., № 128[1].

Наилучшее использование войск, командируемых для содействия гражданским властям, представляется для губернаторов, как людей не военных, непосильной работой. Зачастую войска чрезмерно дробятся: нижние чины посылаются без офицеров и целые роты и сотни растаивают.

В виду этого, не признаете ли возможным командировать по одному штаб-офицеру генерального штаба в Курск и Чернигов, которые могли бы руководить распределением войск по указаниям губернаторов. Полтавский губернатор будет пользоваться содействием начальника штаба 2 сводной казачьей дивизии.

Генерал-ад'ютант Пантелеев.

Письмо военного министра министру внутренних дел, 21 января 1906 г., № 3500[2].

Милостивый государь, Петр Николаевич.

В течение декабря 1905 года и января сего года от Черниговского губернатора и Стародубского городского головы неоднократно возбуждались ходатайства об усилении войск в Черниговской губернии.

Между тем, по донесению командующего войсками Киевского военного округа, видно, что в этой губернии ныне находится 7½ батальонов, 8 эскадронов, 8½ сотен и 7 батарей, то-есть такое количество войск, при наличии коих и при надлежащем их употреблении, порядок в губернии должен быть восстановлен.

Препровождая при сем копию телеграммы генерал-ад'ютанта Пантелеева от 17 сего января, за № 128, уведомляю, что распоряжение о посылке офицеров генерального штаба сделано.

Прошу принять уверение в совершенном уважении и преданности.

Редигер.

Из телеграммы начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 21 января 1906 г.[3]

Из Ущерпья выехал в Петровскую Буду, которая участвовала в разгромах владельческих экономий, стала рубить лес. Здесь на волостной сход прибыли общества: Перетина, Малоудельного, Великоудельного,

[1] ДП, о. о., д. № 700, ч. 55, л. 54.
[2] Там же, л. 53.
[3] ДП, о, о., 1906 г., д. № 2550, ч. 22, лл. 411—414.

последняя в ночь на 12-е грабила экономию Шефтелевича. В селах этих шла агитация, между прочим, не платить податей, но накануне моего приезда усиленно начали вноситься подати. ...Признал необходимым принять энергичные меры к подавлению смуты. Волостной сход в Петровской Буде, видя пример наказания в Смяльчи, выслушав надлежащее внушение, принес раскаяние, выдал четырех смутьянов, которых подверг телесному наказанию, обещал [выдать] скрывшихся односельцев, подлежащих высылке. Отсюда приехал на ночлег в Попову гору; здесь сельскому сходу были доставлены из Ширюк три подстрекателя к неплатежу податей; наказав их, сделал сходу внушение, получил обещание немедленного безнедоимочного взноса податей, подстрекателей выдавать. 13 прибыл в Лотаки, куда доставили сходу четырех подстрекателей по разгрому экономии Изкустов; подвергнув их наказанию при сходе, приказал доставить на обратном пути скрывшихся шахтеров, вносивших смуту среди населения. Сход решил представлять властям агитаторов. Отсюда выслал в Кибиршину таманских казаков... В Кибиршине пущены глубокие корни агитации скрывшимся сыном местной заведующей винной лавки Петром Нечаевским, пропагандирующим громить экономии, снимать рабочих, не повиноваться властям, почему винокуренный завод два месяца бездействует. Прибыл в Кибиршину в час дня; командир Таманской сотни смертельно ранил крестьянина Беляцкого, бросившегося с топором, крестьянин Кулеш, бросившийся на казака с колом, застрелен. Сход не собрался, вынужден был для примера сжечь четыре избы, три гумна главных виновных, приказав старшине приготовить сход с выдачей подстрекателей. На другой день вечером того же дня на место моего ночлега прибыли уполномоченные Кибиршины, прося пощады. Вновь прибыл в Кибиршину 14, застал сход в полном сборе на коленях, с восемью выданными сходом подстрекателями. Тут же подвергнув их тяжелому телесному наказанию, сход принес полное раскаяние и уверения, что больше беспорядков не будет. Возвратился на ночлег в имение земского начальника Стоша горы.

В ночь на 15 прибыл сюда могилевский губернатор для свидания со мной, просил водворить порядок в Бирюлях, Горах, Дерновой, Стадках, Марьиной Буде, пограничных селах Могилевской губернии, зараженных преступной пропагандой. Находя возможным удовлетворить просьбу губернатора, так как из этих сел агитаторы распространяли свою деятельность в Суражском уезде, распорядился все общества, кроме Бирюлей, Марьиной Буды, собрать утром 16 в Горах, доставив виновных, а сам выехал в Бирюли — разбойничье гнездо. Сход представил двух главных агитаторов; подвергнув их наказанию, передал в руки местной полиции, при этом признал необходимым сжечь гумно сельского старосты, покровителя грабителей.

16 утром в Горах собрался сход остальных сел Могилевской губернии; выдал трех агитаторов, подвергнув их наказанию, сход, после сделанного внушения, принес раскаяние, обещав возвратить владельцам награбленное имущество. Того же числа выехал в Марьину Буду, Могилевской губернии, где общество разграбило 700 пудов сена владельца Битерлиха, живущего в Суражском уезде, потребовав удаления Битерлиха из хутора через три дня. После внушения сходу, подвергнув наказанию выданных обществом подстрекателей, сход принес раскаяние, при мне стал возвращать награбленное сено. Отсюда выехал на ночлег в Кургановку, где были сняты рабочие на винокуренном заводе, устанавливали произвольную оплату на дрова, агитация велась местной чайной. Созвав сход, сделал надлежащее внушение, закрыв чайную, подвергнув наказанию шесть подстрекателей, выданных

обществом; сход принес раскаяние, уверение, что больше беспорядков не повторится.

17 выехал в Ларневск в имение Терещенко, где сельский сход выдал одного зачинщика, подвергнув наказанию; сход принес раскаяние, обещание возвратить владельцу награбленный лес. Отсюда приехал вторично в Лотаки, где сход доставил шесть шахтеров — главных бунтовщиков, а полиция представила из Великоудельного пять громил экономии Шефтелевича; подвергнул их наказанию; сход вторично принес искреннее раскаяние.

Того же числа прибыл в Заборье. Здесь был собран волостной сход, доставлены громилы экономии Сутевского и князя Баратова из Медведей; поблагодарив заборцев за примерное поведение, наказал громил; Медведское общество принесло раскаяние, обещав удовлетворить владельцев. Отсюда выехал на ночлег в Душатин, имение Кулябко-Корецкой, где 18-го на волостной сход доставлены шесть главных виновных, державших арендатора в осадном положении, вынудивших его дать подписку перед моим приездом, что арендатор не имеет претензий к обществу; подвергнув их наказанию, сход принес уверение, что больше беспорядков не повторится, агитаторов сами будут выдавать. Отсюда выехал в Гордеевку, где был собран волостной сход. Поблагодарив гордеевцев за примерное поведение, наказал громил, доставленных сходу Петровской Буды, Великоудельного, Поповки. Общества этих сел дали обещание больше беспорядков не повторять, ограбленное имущество возвратить; в тот же день выехал в Творишин, где с весны прошлого года беспорядки не прекращаются, образовалось разбойничье гнездо, влияющее на окрестные селения; владельца Сурина ограбили, 50 стогов сена сожгли, угрожали уничтожить усадьбу владельца Сапожкова, рубят лес; к моему приезду доставлено сельскому сходу только семь виновных в грабежах, остальные скрылись. Подвергнув их наказанию, нашел необходимым для примера прочим сжечь четыре избы, разорить 18 изб, сжечь одно гумно скрывшихся главных агитаторов-грабителей. Приказав на другой день собрать вновь сход, выехал на ночлег в Гордеевку.

19-го снова приехал в Творишин, застал сход на коленях, просившего пощады [1], принесшего раскаяние, что больше беспорядков не повторится, виновные будут доставлены местному владельцу. При мне стали пополнять убытки деньгами. Затем приехал в Кисичи, где разорены, разграблены мельница и сукновальня Ерченко, тоже разбойничье гнездо; сюда явились сходы деревень: Субович, Песчанки, участвовавших в разорении хутора Речное, в грабеже в Кисичах; подвергнув наказанию восемь человек главных подстрекателей, сходы принесли раскаяние, обещание удовлетворить владельцев. Отсюда проследовал в Душатин, в имение Кулябко-Корецкой. Сюда на волостной сход доставлены главные подстрекатели в разгромах и грабежах из Душатина, Кобыленки, Михайловки, Рудовки — 26 человек; подвергнув их наказанию, получил уверение от сходов: больше беспорядков не чинить, возвратить награбленное имущество. Выехал на ночлег в Сураж.

20-го посетил пригородную деревню Калинка, разбойничье гнездо, державшее в панике Сураж. Собраны были сходы: Калинок, Старого Дрокова, Нового Дрокова, Лубенек, Кашовки, доставили виновных 24 человека в грабежах, в разгроме помещичьих усадеб, в рубке леса, в воровстве хлеба, сена, подвергнув наказанию восемь человек коноводов. Сходы выслушали на коленях мое внушение, покаялись, дав

[1] Так в подлиннике.

обещание возвратить награбленное и вести себя примерно. Выехал в Мизиричи, где были 21-го собраны сходы Голубовки, Гнилуши, Рудни, Смолевич, Кулаг, Добрика, Жемердеевки, Княж, участвовавших в грабежах леса, сена, в разгромах экономий; сходами доставлены главных виновных 18 человек, подвергнув их наказанию. Сходы принесли раскаяние, [обещали] награбленное имущество возвратить владельцам, внести подати. Закончил проезд по этим зараженным местам Суражского уезда; по заявлениям владельцев, принятые мною меры произвели надлежащее впечатление. Крестьяне образумились, поняв, что есть власть, не допускающая насилия, неплатившие податей стали усиленно платить по всему уезду; полагаю, что проезд мой внесет успокоение уезда. Выезжаю в Чернигов.

Генерал-майор Рудов.

Из донесения начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 28 января 1906 г., № 652 [1].

В дополнение телеграммы доношу о деятельности моей по Суражскому уезду.

С 10 по 21 января включительно посещены мною самые зараженные пункты Суражского уезда. В этих пунктах были собираемы сельские и волостные сходы. Об'езд этот, собирание на местах сведений о происходивших беспорядках, личные беседы как с потерпевшими, так и с мятежниками и разбойниками и с увлеченной ими массой населения, а равно начальствующими над крестьянским населением земскими начальниками, представителями и исполнительными органами полиции — дали мне ясное представление о происходившем и привели к несомненному убеждению, что возникшие ужасы не могли бы так разрастись при наличности на местах умелой, твердой руководительной и карающей, близкой к народу власти. Только отсутствие такой власти и могло дать возможность невежественным, никакого значения в народе не имеющим, но энергичным и до нахальства смелым агитаторам революции увлечь темную народную массу крестьянства бессмысленными толкованиями дарованных в последнее время народу милостей, увлечь не только до попрания существующих законов, но и до забвения законов божьих, соблюдение которых составляло для народа святыню...

Разрослись в Суражском уезде преступления против чужой собственности, выразившиеся в разгромах помещичьих имений, грабежах помещичьего имущества, хозяйственных продуктов и инвентаря, рубке частновладельческих лесов, грабежах лесных материалов и дошедшие до нападений и грабежей по проселочным дорогам проезжающих и проходящих разного звания людей, в том числе и крестьян.

С осени 1905 г. до января месяца в Суражском уезде разграблено до 35 помещичьих имений, в числе коих есть весьма крупные, вырублено множество лесов и громадное количество произведено разных мелких нарушений собственности и насилий, причем значительная часть крестьян, увлеченных такой преступной деятельностью, стала отвергать власть, оказывая массовые сопротивления малейшим попыткам этой власти проявить свои действия. При проявлении же однако этой власти с должной силой и непреклонной твердостью прекратить и покарать это, это самое преступное, буйное и дерзкое крестьянское население является перед властью вполне покорным и молящим пощады. Так встретило меня все население Суражского уезда, где я появлялся.

[1] ДП, о. о., 1905 г., д. № 2550, ч. 22, лл. 418—419.

В телеграмме от 21 января из Клинцов я докладывал о каждом пункте, мною посещенном, докладывал о каждой встрече, сделанной мне преступными крестьянами, везде одинаковая покорность, везде раскаяние, ужас и страх кары за содеянное, и только лишь в одном случае 13 января в селе Кибирше при вступлении в село казаков один из крестьян набросился с топором на командира сотни и был смертельно ранен, а другой — с колом на казака и был убит выстрелом, но и это случилось до моего прибытия, так как казаки вступили в село раньше. Покорившиеся и раскаявшиеся крестьяне не только каялись на словах, но выдавали своих главарей и руководителей по преступлениям, своих агитаторов. Я не мог не верить этому раскаянию, я видел доказательства их покаяния,— они возвращали награбленное, они уплачивали потерпевшим убытки деньгами, тем не менее я не признавал возможным только в силу такой покорности и покаяния оставлять без возмездия содеянные преступления, поколебавшие государственный порядок и подорвавшие во многих уверенность в силе и строгости правительственной власти; посему мне пришлось прибегать в большинстве посещенных мною пунктов к тяжелым репрессиям, о коих подробно изложено в упомянутой выше телеграмме моей от 21 января. Прибегал я к телесным наказаниям агитаторов-вожаков, подстрекателей и главарей содеянных преступлений, злодеев, которых сами же увлеченные ими же крестьяне, не признавая возможным оставлять без наказания, выдавали мне; ...[1] Твердо уверенный, что совершенный мною по Суражскому уезду об'езд, с применением на местах предоставленных мне уполномочий, оказал благотворное влияние не только на посещенные мною пункты, но решительно на весь уезд и внес успокоение для благонамеренной части населения, терроризованной мятежниками, смею доложить, что поддержание дальнейшего порядка [в] пораженном мятежом пункт[е] исключительно будет зависеть от энергии, умелости местной на местах власти при предоставлении таковой возможно большей активной силы для подавления беспорядков в самом их зачатке, с строгой для такой власти ответственности за бездействие.

К изложенному докладываю, что в виду оказавшегося на Суражский уезд влияния агитаторами и главарями, прилегающих к этому уезду поселений Чериковского уезда, Могилевской губ., и в виду личного ко мне обращения во время моего пребывания в Суражском уезде могилевского губернатора об оказании ему содействия при подавлении пограничных с Суражским уездом местах беспорядков в Чериковском уезде, я 15 и 16 января отвлекался из Суражского уезда в Чериковский для совместного с могилевским губернатором принятия соответствующих мер, и о моих действиях в Могилевской губернии подробно доносил в телеграмме от 21 января.

Генерал-майор Рудов.

Из телеграммы ген.-ад'ютанта Пантелеева Николаю II, 28 января 1906 г.[2]

Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству, что за истекшую неделю из Орловской губернии донесений о проявлении аграрных беспорядков не поступало. Начальник Черниговского губернского жандармского управления генерал-майор Рудов вернулся в Чер-

[1] В дальнейшем тексте документа в нескольких фразах отдельные слова и части слов вырваны.

[2] ДП, о. о., 1906 г., д. № 700, ч. 55, л. 57.

нигов, совершил с войсками обширный проезд по Суражскому уезду. После примерного наказания некоторых разбойничьих гнезд, везде сходы на коленях молили о пощаде. По просьбе могилевского генерал-губернатора, генерал-майором Рудовым восстановлен порядок в пяти пограничных селениях. Теперь поступают донесения о возобновившихся взносах податей, перевозке обратно помещикам срубленного леса и награбленного имущества.

Генерал-ад'ютант Пантелеев.

Телеграмма черниговского губернатора министру внутренних дел, 15 июня 1906 г., № 381 [1].

Все возможные меры для предупреждения беспорядков в губернии приняты; ниоткуда не получалось тревожных указаний; распространению слухов об ожидаемых погромах способствует само еврейское население, напуганное белостокскими событиями [2], также освободительными газетами, измышляющими известия о возмущениях в войсках.

Губернатор Родионов.

Телеграмма черниговского губернатора министру внутренних дел, 20 июня 1906 г., № 395 [3].

В последний месяц настроение населения значительно ухудшается. В нескольких уездах крестьяне насильственно заставляют помещиков понижать аренду, несоразмерно повышать заработки, самовольно захватывают пастьбы. Были случаи поджогов экономий, сопротивления полиции, войскам. Члены Думы ведут личными приездами и перепиской деятельную агитацию среди крестьян, возбуждая против правительства, склоняя писать требования, приговоры. Ложные известия газет о беспорядках, отчеты думских прений о казаках вредно отражаются на войсках, особенно на казаках второй очереди. Такое ухудшающееся положение вещей грозит большими беспорядками. Ко времени уборки хлебов наличного войска недостаточно для поддержания порядка. Усиленно ходатайствую командировать в губернию казачий полк первой очереди или драгунский.

Губернатор Родионов.

Отношение товарища министра внутренних дел командующему войсками Киевского военного округа, 24 июня 1906 г., № 6408 [4].

Черниговский губернатор телеграфирует, что за последнее время настроение сельского населения значительно ухудшилось, причем в нескольких уездах крестьяне насильственно заставляют помещиков понижать аренду, несоразмерно повышать заработную плату, самовольно захватывают пастьбы, поджигают экономии и оказывают сопротивление чинам полиции и войскам.

Вместе с сим губернатор указал, что ложные известия газет о повсеместных беспорядках и отчеты прений Государственной думы о казаках вредно отражаются на войсках, особенно на казаках второй очереди.

Подобное ухудшающееся положение дел в губернии грозит большими беспорядками, причем ко времени уборки хлебов наличный состав войска окажется недостаточным для поддержания порядка. Ввиду чего д. ст. сов. Родионов усиленно ходатайствует о командировании в его

[1] ДП, о. о., 1906 г., д. № 700, ч. 55, л. 111.
[2] Еврейский погром в Белостоке, спровоцированный правительством, был 1—3 июня 1906 г.
[3] ДП, о. о., 1906 г., д. № 700, ч. 55, л. 119.
[4] Там же, л. 124.

распоряжение казачьего полка первой очереди или одного из драгунских полков.

Сообщая об изложенном, имею честь обратиться к вашему превосходительству с покорнейшей просьбой не отказать по возможности удовлетворить вышеприведенное ходатайство черниговского губернатора и о последующем почтить меня уведомлением.

За министра внутренних дел товарищ министра Макаров.

Телеграмма командующего Киевским военным округом министру внутренних дел, 28 июня 1906 г., № 918 [1].

В Черниговскую губернию вместо установленных особым совещанием под председательством Витте восьми эскадронов мною назначено пятнадцать сотен; взять конницу из других губерний не представляется возможным; пехота может быть усилена после прибытия с Дальнего Востока 9 корпуса.

Сухомлинов.

Из донесения начальника Черниговского губернского жандармского управления в департамент полиции, 1 августа 1906 г., № 5835 [2].

В дополнение представления за № 5659 доношу, что произведенным дознанием о происшедших 24 сего июля в с. Новом Ропске, Новозыбковского уезда, беспорядках, выразившихся в том, что толпа крестьян, собравшаяся в тот день на ярмарку в с. Новый Ропск, напала на находившийся там отряд казаков, которые, отбиваясь от толпы, произвели несколько выстрелов и ранили двух крестьян, выяснено: посланный командиром 3-й сотни в раз'езд по селениям Локомобудской и Новоропской волостей взвод казаков, в составе 20 человек, 24 июля прибыл в с. Новый Ропск, где была ярмарка; по требованию пристава Морозова об оказании чинам полиции содействия к поддержанию на ярмарке порядка, командовавший взводом урядник Шкуришин выделил из взвода патруль семи спешенных казаков для обхода ярмарки с полицейским урядником Авраменко; когда патруль этот проходил по ярмарке, то собралась толпа крестьян, окружила казаков с урядником и стали наносить им оскорбления ругательствами. Это заметили проезжавшие верхом на лошадях в другом конце ярмарки пристав Морозов и казачий урядник Шкуришин; прискакав к толпе, они быстро прорвали столпившихся крестьян и дали возможность патрулю из 7 казаков и уряднику Авраменко выбежать из толпы и удалиться к своей квартире, где были их лошади; в уходивших казаков, как равно и в бывших на лошадях казачьего урядника Шкуришина и пристава Морозова, крестьяне бросали камнями и палками. Казачий урядник Шкуришин, по прибытии на квартиру патруля казаков, распорядился, чтобы они, как равно и бывшие на отдыхе казаки, сели на лошадей и с полным взводом выехал к толпе, надвинувшейся уже к квартире казаков, бросая в них камнями, палками, весовыми гирями и нанося удары кольями лошадям, а некоторые из крестьян пытались стащить казаков с лошадей; казаки отбивались сначала нагайками, но так как толпа не уступала и делалась наглее и дерзче, то произвели несколько выстрелов, которыми двое из крестьян ранены; это воздействовало на толпу, и она разбежалась.

Произведенное по сему дознание передано судебному следователю 3 уч. Новозыбковского уезда.

Генерал-майор Рудов.

[1] ДП, о. о., 1906 г., д. № 700, ч. 55, л. 137.
[2] Там же, л. 155—156.

К истории борьбы самодержавия с аграрным движением в 1905—1907 гг.

В ответ на январские расстрелы (1905 г.) петербургских рабочих по всей стране прокатилась волна массового возмущения и протеста.

Движение не ограничивалось только пролетарскими центрами страны. Вслед за выступлением пролетариата в феврале — марте 1905 г. в целом ряде губерний Европейской России происходили массовые выступления крестьянства.

«Пролетарская борьба,— писал В. И. Ленин,— вызвала большое брожение, частью и революционное движение, в глубинах пятидесяти-ста-миллионной крестьянской массы, крестьянское движение нашло отзвук в армии и повело к солдатским восстаниям, к вооруженным столкновениям одной части армии с другою. Таким образом колоссальная страна со 130 миллионами жителей вступила в революцию, таким образом дремлющая Россия превратилась в Россию революционного пролетариата и революционного народа» [1].

Характерно, что уже в эти ранние месяцы революции массовое крестьянское движение было связано с развернувшейся борьбой рабочего класса и происходило под руководством пролетариата и пролетаризировавшейся части деревни [2].

Напуганные размахом движения, помещики начали предлагать министру внутренних дел различные проекты мероприятий по борьбе с крестьянскими выступлениями.

Одна из мер борьбы с крестьянским движением, применявшаяся уже с 1902 г., фигурировала во всех докладных записках и письмах,— это имущественная ответственность крестьянства за разгром барских имений.

Авторы записок и писем предлагали взыскивать с крестьян убытки, причиненные помещикам в результате разгрома их имений, путем распродажи движимого и недвижимого имущества крестьян, включая и надельные земли. Обезземеленных же крестьян переселять в Сибирь и другие «не столь отдаленные» районы России.

Курский губернский предводитель дворянства граф В. Доррер в докладной записке на имя министра внутренних дел от 3 марта 1905 г. писал: «Как только будет выяснено, кто именно участвовал в грабеже, немедленно приступить ко взысканию с имущества виновных всей причитающейся суммы убытков, причем все имущество виновных, как-то: дом, все постройки, усадьбы и скот, подлежит обязательной продаже...» [3].

Такие проекты присылались десятками в министерство внутренних дел. Предлагая эту меру, которая являлась не чем иным, как массовым грабежом крестьянства, крепостники-помещики считали ее самой действительной, наряду с применением вооруженной силы.

Русское самодержавие пошло навстречу желаниям дворянства. Указом правительствующему сенату от 10 апреля 1905 г. было поручено министру внут-

---

[1] Ленин, Соч., т. XIX, стр. 345.

[2] «Красный архив» № 6 (73), 1935 г., стр. 126—170.

[3] ЛОЦИА, Архив внутренней политики, культуры и быта. Фонд земского отдела министерства внутр. дел, д. № 116, «Об аграрных крестьянских беспорядках», 1905 г., л. 3.

ренних дел, для выяснения «лиц, участвовавших в преступных скопищах крестьян, в целях привлечения участников в беспорядках, независимо от их наказания по суду, привлекать к имущественной ответственности, обращая взыскание на все их движимое и недвижимое имущество, без исключения» [1], создавать временные уездные комиссии в тех губерниях, где происходили беспорядки.

16 апреля 1905 г. министром внутренних дел была утверждена «инструкция о порядке действия временных уездных комиссий» [2].

В течение апреля были утверждены временные комиссии в губерниях Витебской, Воронежской, Курской, Орловской и Черниговской.

В мае — июле 1905 г. министерством внутренних дел был разработан и внесен на утверждение комитета министров проект правил «о порядке приведения в действие указа 10 апреля».

Инструкция и правила делали ответственными за произведенные разгромы имений не только непосредственных участников движения, но и всех присутствовавших в толпе крестьян.

Таким образом применение этой меры привело бы к массовому обезземеливанию миллионов крестьянства, к разграблению крестьянской земли и всего крестьянского хозяйства.

Между тем размах движения летом и особенно осенью 1905 г. принял невиданные еще размеры. Если в мае — августе 1905 г. крестьянским движением было охвачено лишь 20% всех уездов Европейской России, то в сентябре — декабре 1905 г. крестьянским движением было охвачено уже 52% всех уездов Европейской России. Широкой рекой разлилось крестьянское восстание по всей стране. В движение было втянуто много сотен тысяч крестьян. Убытки, причиненные разгромом барских гнезд, превысили много десятков миллионов рублей.

Вооруженные силы царизма: полиция, жандармерия, войска не были в состоянии справиться с разгоревшейся крестьянской войной. Царизму было не до списков участников крестьянских восстаний, не до подсчитывания причиненных убытков. Деятельность временных комиссий, созданных указом от 10 апреля 1905 г., потеряла всякое реальное значение. Массовые крестьянские восстания смели их со своего пути.

Это было вынуждено признать и само правительство. 1 декабря 1905 г., в самый разгар крестьянского движения, министр внутренних дел, предлагая соответствующее разъяснение и дополнение к указу от 10 апреля 1905 г., писал, что с взыскать с крестьян «убытки возможно в громадном большинстве случаев только при условии продажи всей их надельной земли, а это сопряжено с выселением целых обществ, то-есть с фактическим превращением в таборы бродяг. Ввиду этого, сколь ни желательно установить действительную имущественную ответственность сельского населения за произведенные им грабежи, но при современном нашем строе это едва ли осуществимо. Единственный, по моему мнению, способ удержать крестьян в рамках законности — суровая уголовная кара...» [3].

Об этом же писал в своей докладной записке председателю совета министров министр внутренних дел от 28 февраля 1906 г.

«... последствием этой меры (т. е. имущественной ответственности крестьян.— *М. Л.*), — писал П. Дурново,— должно быть полное обезземеление некоторой части крестьянства. Смягчить ее последствия предполагалось посредством переселения лишенных земли крестьян в Сибирь на казенные земли. Сравнительная незначительность аграрных беспорядков ко времени воспоследования указа 10 апреля и, следовательно, малочисленность виновных вполне допускала фактическое осуществление установленного означенным указом порядка взыскания...

---

[1] Фонд земского отдела министерства внутр. дел, д. № 27, 1905 г., л. 9.
[2] Там же, л. 26—27.
[3] Там же, л. 39.

Засим, в октябре и ноябре возникли вновь беспорядки в сельских местностях. Число участников в этих беспорядках достигло столь значительного числа, что применение к ним меры, установленной указом 10 апреля, а именно — обезземеление виновных — ныне фактически неосуществимо. Оно привело бы к образованию бродяжнических шаек и, конечно, лишь усилило бы крестьянское движение. Одновременно, понесенные землевладельцами от погромов имений убытки достигли столь больших размеров, что ни в коем случае не могут быть возмещены в сколько-нибудь значительной части виновниками погромов».[1]

Исходя из всего этого, министр внутренних дел предлагал предоставить помещикам взыскивать с крестьян причиненные убытки от разгрома имений в общем судебном порядке, а государству оказать «пострадавшим землевладельцам» денежную помощь.

По представлению министра внутренних дел, государственный совет 10 марта 1906 г. вынес решение, получившее «высочайшее одобрение» 15 марта, об отпуске 8 миллионов рублей из средств государственного казначейства для субсидирования помещиков, имения которых были разгромлены в 1905 г.

По официальным данным земского отдела министерства внутренних дел, общая сумма убытков от разгрома помещичьих имений в течение 1905 г. по Европейской России выразилась в сумме 47 122 446 руб.

Впереди всех губерний идет Саратовская (сумма убытков 10 541 402 руб.), затем Лифляндская (5 422 354 руб.), Курляндская (5 003 000 руб.), Черниговская (4 900 006 руб.), Самарская (3 915 067 руб.), Таврическая (3 417 213 руб.) и т. д.

Соответственно этому были изменены цели и задачи временных уездных комиссий. Их функции были ограничены лишь установлением размера убытков. Кроме того, была снята круговая ответственность всей деревни за разгром имений. По новому проекту министерства внутренних дел, привлечению к имущественной ответственности подлежали лишь фактические участники разгромов помещичьих имений. Причем интересна мотивировочная часть этого изменения. Особая комиссия министерства внутренних дел по этому поводу писала:

«При огульном возложении имущественной ответственности на все общество, раз хоть один его член оказался участником беспорядков, у лиц, участия в беспорядках не принимавших, не может не возникнуть обидное чувство незаслуженности постигшего их взыскания, легко способное перейти в крайне опасное сожаление о том, что они не сумели своевременно воспользоваться чужим добром, подобно своим однообщественникам... Таким образом привлечение к ответственности неучаствовавших в беспорядках членов сельского общества наравне с действительно участвовавшими не только, казалось бы, не может обратить их к противодействию преступным наклонностям более беспокойных элементов, но скорее произведет противоположное действие» [2].

К началу 1906 г. были созданы и работали 140 временных уездных комиссий. Число комиссий по отдельным губерниям, в зависимости от наибольшего развития крестьянского движения, доходило до 10 и более, так например: Витебская губ.—9 комиссий, Курская губерния —10, Могилевская губ.—10, Воронежская губ.—11, Черниговская губ.—11, Орловская губ.—12 и т. д.

Крайне любопытно, что помещики основательно злоупотребляли этими законами. Подавая заявление о возмещении убытков от разгрома имений, помещики сильно увеличивали сумму убытков. Это был вынужден признать и сам министр внутренних дел П. Дурново.

В письме от 14 января 1906 г. статс-секретарю Д. М. Сольскому министр внутренних дел П. Дурново сообщал, что размер убытков от разгрома помещичьих имений по 1811 имениям (23 губернии) равняется 35 451 542 р. 31 коп.

---

[1] Фонд земского отдела министерства внутр. дел, д. № 27, 1905 г., л. 52 об.
[2] Фонд совета министров, д. № 86, 1906 г., л. 4.

«Следует однако иметь в виду,— писал он,— что в действительности цифра эта, по всей вероятности, должна была значительно понижена, так как она основана преимущественно на заявлениях самих потерпевших» [1]. И в доказательство злоупотреблений со стороны помещиков он приводит следующие данные: в связи с разгромом помещичьих имений во время крестьянских волнений в феврале и марте 1905 г. в Орловской, Курской и прочих губерниях помещиками были даны заявления: по Курской губ. на 283 707 р. и по Орловской губ.— на 949 190 р., временными же уездными комиссиями сумма убытков была установлена в гораздо меньших размерах: по Курской губ.— 165 280 р. и по Орловской губ.— 382 520 р.

Все принимаемые царским правительством меры, разумеется, не остановили наступательного хода революции.

«Крестьянское движение осенью 1905 г. достигло еще больших размеров,— писал В. И. Ленин.— Б о л ь ш е т р е т и уездов по всей стране было тогда охвачено «крестьянскими беспорядками» и настоящими крестьянскими восстаниями. Крестьяне сожгли до 2 тысяч усадеб и распределили между собой жизненные средства, награбленные дворянскими хищниками у народа.

К сожалению, эта работа была слишком мало основательна! К сожалению, крестьяне уничтожили тогда только пятнадцатую долю общего количества дворянских усадеб, только пятнадцатую часть того, что они д о л ж н ы были уничтожить, чтобы до конца стереть с лица русской земли позор феодального крупного землевладения. К сожалению, крестьяне действовали слишком распыленно, неорганизованно, недостаточно наступательно, и в этом заключается одна из коренных причин поражения революции» [2].

Размах крестьянского движения был еще недостаточен, чтобы без остатка смести с лица нашей земли российский феодализм. Но все же под ударами огромной волны рабочего и крестьянского движения зашатался трон российского деспотизма. Царское правительство вынуждено было «отменить» царский указ от 10 апреля 1905 года.

Публикуемые ниже документы хранятся в Архиве внутренней политики, культуры и быта Ленинградского отделения Центрального исторического архива.

М. Льв. Лурье.

Указ Николая II сенату, 10 апреля 1905 г.[3]

В текущем году в некоторых сельских местностях возникли беспорядки, сопровождавшиеся разгромом и грабежом преступными скопищами крестьян владельческих усадьб, торговопромышленных заведений и движимого имущества.

Такое злонамеренное нарушение имущественных прав не может быть терпимо. Всякая частная собственность неприкосновенна и охранение ее от незаконного посягательства, а тем более от насилия, составляет первейшую обязанность правительства и необходимое условие мирного и спокойного преуспеяния общественной жизни.

В целях вящего развития в народном сознании твердого убеждения как в неприкосновенности частной собственности, так и в том, что за всякое посягательство на чужое имущество виновные будут неуклонно подвергаемы суровой каре и привлекаемы к имущественной ответственности, мы повелеваем:

1) Предоставить министру внутренних дел учреждать, по мере надобности, в уездах, где произошли беспорядки, временные уездные комис-

[1] Фонд совета министров, д. № 64, 1905 г., л. 56.
[2] Ленин, Соч., т. XIX, стр. 353—354.
[3] Фонд земского отдела министерства внутр. дел, д. № 34-б, 1905 г., л. 1.

сии, под председательством уездных предводителей дворянства, из председателей уездных земских управ, уездных исправников, земских начальников и податных инспекторов, в участках коих произошли беспорядки, а также приглашаемых в комиссию одного или двух гласных уездного земского собрания, проживающих в ближайших к месту происшествий местностях,

2) Возложить на означенные в п. 1 комиссии выяснение лиц, участвовавших в преступных скопищах крестьян, а также исчисление размеров причиненных ими убытков, для привлечения к имущественной ответственности, с обращением взыскания на все без из'ятия движимое и недвижимое имущество всех членов сельских и селенных обществ участвовавших в скопищах крестьян, коими произведены разгромы и грабежи,

3) Предоставить министру внутренних дел преподать упомянутым временным комиссиям подробные указания о порядке их действий, а также командировать особо назначенных для сего министром лиц, для руководства действиями сих комиссий,

4) Поручить министру внутренних дел выработать и, по сношении с министрами юстиции и финансов и государственным контролером, внести на наше утверждение, через комитет министров, проект правил о порядке осуществления меры, указанной в п. 2, и возмещения убытков потерпевшим, а также об оказании воспособления выдачей ссуд из казны тем из потерпевших владельцев, кои оказались бы не в состоянии собственными средствами немедленно восстановить свои усадьбы или приобрести необходимый для ведения в них хозяйства инвентарь.

Правительствующий сенат не оставит учинить, к исполнению сего, надлежащее распоряжение.

Николай.

Проект временных правил[1]

1. Участвовавшие в произведенных преступными скопищами разгромах и грабежах в сельских местностях привлекаются к имущественной ответственности и подвергаются имущественному взысканию за причиненные ими вред и убытки на общем основании, с соблюдением нижеследующих правил (ст. ст. 2—20).

2. Присужденное с привлеченных к имущественной ответственности лиц (ст. 1) взыскание может быть обращаемо, в числе прочего, принадлежащего им, имущества, также на состоящие в их пользовании надельные земли, равно как на земли, купленные ими, лично или в составе сельских обществ, отдельных поселений, либо крестьянских товариществ, и заложенные в крестьянском поземельном банке. Не освобождается от взыскания и принадлежащая означенным лицам движимость, необходимая в крестьянском хозяйстве.

3. Размер и границы земельных участков (надельных и вненадельных), состоящих в постоянном (не арендном) пользовании домохозяев, привлекаемых к имущественной ответственности на основании настоящих правил, — как при общинном пользовании, так и при подворном, а равно и при общем владении землей, — определяются, при описи, оценке и продаже их, по действительному пользованию домохозяев. Однако, по требованию взыскателя, общество при общинном пользовании и совладельцы при владении общем — обязаны выделить при-

[1] Ф. земского отдела министерства внутр. дел, д. № 27, 1906 г. лл. 80—82.

менительно к ст. 12 общ. пол. о крест. соответственное количество земли в отдельные участки или участка меньшей чересполосности.

4. При оценке участков, принадлежащих привлеченным к ответственности лицам, принимаются во внимание также и выгоды, доставляемые домохозяевам правом их участвовать в пользовании общественными землями. Но ценность такового права особо не определяется.

5. Стоимость по оценке участков земли, заложенной в крестьянском поземельном банке, не может быть определена в размере, меньшем приходящейся на означенные участки доли продажной цены, указанной в купчей крепости. Для определения величины этой доли, производящий оценку судебный пристав сносится с местным отделением банка.

6. Сельскому или селенному обществу предоставляется право оставить за собою в сумме оценки, под условием единовременной уплаты этой суммы, земельные участки, на которые обращено взыскание (ст. 3). Участки, от оставления которых за собою общество отказалось, поступают в продажу с публичного торга.

7. Земельные участки, заложенные в крестьянском поземельном банке (ст. 2), могут быть оставляемы за подлежащими обществами, поселениями, либо товариществами, при их на то согласии, в сумме оценки, под условием единовременной уплаты из этой суммы той ее доли, которая превышает упадающий на такие участки непогашенный долг банку. При несогласии сельского или селенного общества право оставить участок в своем распоряжении переходит к крестьянскому поземельному банку за единовременную уплату разницы между оценкой участков и приходящейся на них долей ссуды, выданной банком.

8. В случае отказа общества, поселения или товарищества, а также крестьянского поземельного банка (ст. 7) от оставления за собою участков, на которые обращено взыскание, производится продажа сих участков с публичного торга.

9. Принадлежащие отдельным, привлеченным к ответственности лицам участки земли, заложенные в крестьянском поземельном банке, назначаются в продажу лишь при несогласии банка оставить их за собою с единовременной уплатою разницы между суммою оценки и ссудой, выданной банком под залог сих участков.

10. При производстве описи и оценки участков из состава земель сельского или селенного общества, владеющего наделом на общинном праве, может присутствовать уполномоченный от сельского общества или отдельного поселения, а при описи и оценке участков из состава земель, заложенных в крестьянском поземельном банке,— уполномоченный от общества, поселения или товарищества. О времени производства описи и оценки судебный пристав обязан известить сельское общество, отдельное поселение или крестьянское товарищество особою повесткою.

11. Кроме упомянутых в предшедшей (10) статье уполномоченных, к описи и оценке земельных участков, заложенных в крестьянском поземельном банке, приглашается особою повесткою представитель местного отделения банка.

12. Торги на обращенное в продажу имущество производятся: на движимое имущество — по возможности на месте его нахождения или при волостном правлении, а на недвижимое имущество, оцененное ниже пятисот рублей, — при волостном правлении, на оцененное же в пятьсот рублей и выше — при уездном с'езде.

13. В случае неуспешности первых торгов на продажу надельной земли или вненадельной, если она заложена в крестьянском поземельном банке, обязательно назначаются вторые торги не позже срока.

указанного в статье 1143 устава гражданского судопроизводства, о чем делается оговорка в об'явлении о первых торгах.

14. В торгах на надельные земли могут участвовать только лица приписанные или имеющие право приписаться к сельским обществам

15. В торгах на земли, заложенные в крестьянском поземельном банке, могут участвовать только лица, имеющие право приобретать землю при содействии банка, причем к торгам на участки, входящие в состав земель, заложенных в крестьянском поземельном банке крестьянскими товариществами, допускаются только члены тех товариществ, часть земли которых продается.

16. При безуспешности вторых торгов на обращенное в продажу недвижимое имущество, остаются в сумме оценки: надельные земли — за казною, а вненадельные, на которых лежит долг крестьянскому поземельному банку, — за банком.

17. Лица, купившие на торгах участки из состава надельных земель сельского или селенного общества, владеющего наделом на общинном праве, пользуются означенными участками, в размере и границах, указанных в ст. 3 настоящих правил, порядком, установленным для владения подворно-наследственными участками, причем как они, так и приобретатели подворно-наследственных участков, а равно правопреемники тех и других участвуют в пользовании общественными угодьями на принятых в обществе условиях. На тех же основаниях пользуются приобретенною землею и лица, купившие на торгах участки из состава вненадельных земель, принадлежащих сельским обществам или отдельным поселениям.

18. Поступившие в заведывание казны участки надельной земли общинного землепользования выделяются к одному месту крестьянскими учреждениями в ближайший по возможности срок по выяснении окончательных результатов торгов. Чистый доход от эксплоатации оставшихся за казною участков надельной земли, а также в случае их продажи казною, вырученная продажная цена, за покрытием понесенных расходов, выдается взыскателям.

19. Участки из состава земель, заложенных в крестьянском поземельном банке, оставшиеся за банком, могут быть им проданы лицам, не принадлежащим к обществу, поселению или товариществу, хотя бы со стороны последних не было из'явлено на то согласия. Остаток от продажной суммы, за вычетом долга крестьянскому поземельному банку и понесенных им расходов, выдается взыскателям.

20. Проданные с публичного торга земли укрепляются за приобревшими их лицами на основании действующих по сему предмету правил, за исключением участков, приобретенных из состава земель крестьянского товарищества, заложенных в крестьянском поземельном банке. На эти участки не выдается особых данных, а делаются лишь соответствующие отметки в имеющихся у товариществ крепостях.

Из представления министерства внутренних дел в комитет министров, 10 июля 1905 г., № 15580[1].

Весною 1902 года в некоторых местностях Константиноградского и Полтавского уездов Полтавской губернии, а также Валковского и Богодуховского уездов Харьковской губернии произошли беспорядки, выразившиеся в том, что толпы крестьян, нередко в несколько сот человек, совершили ряд открытых нападений на усадьбы соседних помещиков и богатых казаков. При этом крестьяне отбирали сено,

[1] Фонд совета министров, д. № 64, 1905 г., лл. 144—157.

картофель, зерновые запасы и сельскохозяйственные орудия, угоняли скот, разбирали и уносили по частям заводские машины, разбивали амбары и другие экономические постройки, грабили движимость, разоряли жилые дома и несколько усадьб сожгли.

По поводу этих исключительных событий воспоследовал именной высочайший указ правительствующему сенату 11 мая 1902 г., коим независимо от наказаний, наложенных в уголовном порядке на виновников беспорядков в названных губерниях, ответственность за произведенные погромы владельческих усадьб и за понесенные владельцами убытки была возложена не только на лиц, непосредственно участвовавших в нападениях и грабеже, но и на сельские общества, своим преступным попустительством способствовавшие развитию беспорядков. При этом государю императору благоугодно было, в виде особой милости и во внимание к затруднительному материальному положению владельцев, возместить им убытки, немедленно по их исчислении, из сумм государственного казначейства, не дожидаясь взыскания причитающихся в возврат сих сумм сборов с сельских обществ. В соответствии с сим упомянутым указом высочайше повелено: «1) отпустить из государственного казначейства, сверхсметным кредитом по отделу чрезвычайных расходов 1902 года, 800 000 рублей на вознаграждение потерпевших землевладельцев Константиноградского, Полтавского, Валковского и Богодуховского уездов за убытки, непосредственно причиненные им означенными беспорядками; 2) возложить исчисление таковых убытков и назначение лицам, заявившим о том ходатайство, соразмерного, по соображении с указанною суммою, вознаграждения, на особые временные комиссии, образуемые под председательством полтавского и харьковского губернаторов, при участии губернских предводителей дворянства и других должностных лиц местного финансового и по крестьянским делам управления; 3) предоставить министрам внутренних дел и финансов, по взаимному соглашению, определить состав и порядок действий означенных комиссий и свои по сему предмету предположения внести на высочайшее утверждение через комитет министров, и 4) для возмещения государственному казначейству указанной в п. 1 суммы установить с сельских обществ и селений, крестьяне коих принимали участие в беспорядках, дополнительный к существующим окладной сбор, с тем, чтобы ежегодный размер оного и срок его взыскания были определены, для отдельных обществ и селений, порядком, указанным выше в п. 2, и чтобы взимание этого сбора, на общем с прочими окладными платежами основании, было начато не позднее второй половины текущего года».

Засим, в исполнение п. 3 приведенного высочайшего указа, министры внутренних дел и финансов 25 мая 1902 г., за № 10427, вошли в комитет министров с представлением, в коем изложили свои предположения о порядке действий Харьковской и Полтавской особых временных комиссий. В означенном представлении, наряду с предположениями относительно личного состава комиссий и процессуального порядка производства в них дел, статс-секретари Плеве и Витте высказали, между прочим, следующие соображения:

1) Для пред'явления потерпевшими ходатайств о вознаграждении необходимо установить возможно краткий срок ввиду того: а) что чем позже будет сделано заявление об убытках, причиненных беспорядками, тем труднее будет его проверить и оценить убытки, и б) что, предварительно назначения в каждом отдельном случае вознаграждения, необходимо будет сопоставить общий итог исчисленных по надлежащей проверке убытков лиц, заявивших ходатайство о вознагражде-

нии, с кредитом в 800 000 р., назначенным из казны для их возмещения, дабы определить, в каком процентном отношении к действительно понесенному этими лицами материальному ущербу от беспорядков может быть выдано им вознаграждение из казны.

2) Оценке должны подлежать только такие убытки, которые явились прямым последствием беспорядков и возникли в самый момент беспорядков, а не в последующее, хотя бы непосредственно вслед за ними, время. Например, если в каком-либо имении крестьяне отобрали и не возвратили запасов яровых семян, то оценке подлежит собственно стоимость этих семян, по обычной во время года для данной местности цене, а не переплата при вынужденной спешной их покупке владельцем, или убытки, которые он мог впоследствии понести от несвоевременного посева яровых; точно так же, если крестьянами угнан и не возвращен рогатый скот владельческой экономии, то вознаграждение должно быть исчисляемо по соображению со стоимостью уведенных животных, но не с уменьшением дохода от временного сокращения маслоделия или сыроварения в имении; если на сахарном заводе поломаны или разобраны и унесены по частям машины, разграблены запасы заготовленных материалов и уже изготовленного сахара, то оплате вознаграждением подлежит ценность похищенного имущества, а не убытки, которые могли произойти от временного приостановления действия завода или от лишения владельца возможности продать отобранные у него запасы сахара по возвысившейся почему-либо вслед засим цене и т. п.

3) Раскладку между сельскими обществами и селениями дополнительного окладного сбора в возмещение выданных из казны вознаграждений за причиненные беспорядками убытки целесообразно возложить на временные комиссии. С этой целью и дабы обеспечить возможность соблюдения требования п. 4 указа 11 мая о том, чтобы взимание дополнительного сбора начато было с плательщиков во второй половине 1902 года, каждая комиссия, по выяснении итога исчисленных ею по губернии вознаграждений, должна немедленно приступить к предварительной разверстке его между теми, находящимися в пределах губернии, обществами и селениями, обыватели коих участвовали в беспорядках. При этом, так как размер убытков, причиненных отдельным владельческим экономиям и усадьбам, весьма различен, с другой же стороны, в шайках, производивших беспорядки, участвовали нередко члены разных обществ и селений, необходимо руководствоваться обоими этими признаками, т. е. как непосредственною стоимостью ущерба, причиненного каждой шайкой, так и долею участия в ней населения каждого из соседних обществ. При таких условиях возможно будет достигнуть, в известном, по крайней мере, отношении, некоторой в этом деле справедливости, именно, наибольшие абсолютные суммы, подлежащие погашению в порядке дополнительного обложения, падут на те сельские общества и селения, большинство членов коих принимали участие в преступных действиях тех шаек, которые нанесли наиболее вреда. Тем же обществам и селениям, которые поставили меньшее число участников беспорядков, а также тем, члены коих входили в состав шаек, причинивших меньше материального ущерба, будут назначены и меньшие суммы для погашения. Указанными двумя руководящими основаниями нельзя однако ограничиться в настоящем случае. В действительности может оказаться, что наиболее значительные убытки нанесены отдельным экономиям членами немногих и при том небольших сельских обществ, возмещение коими этих убытков даже при рассрочке на весьма продолжительное время будет для таких обществ непосильным. С другой стороны, обще-

ства и селения, по почину коих начались беспорядки, могут оказаться в льготном положении, если убытки, причиненные членами этих обществ, невелики. Наконец, необходимо предвидеть, что некоторые владельцы или вовсе не возбудят ходатайств о вознаграждении, или заявят их по истечении установляемого для сего срока. Если убытки, им причиненные, не будут вовсе приняты в расчет при раскладке, то может случиться, что крестьяне, причинившие наибольший материальный ущерб своими преступными действиями, будут менее других обложены дополнительным сбором по совершенно случайной причине. Ввиду изложенного, для устранения могущей произойти при подобных условиях неравномерности карательного воздействия установленной указом 11 мая меры, необходимо, чтобы временные комиссии при разверстке общих сумм исчисленных ими вознаграждений между сельскими обществами и селениями принимали в соображение: 1) кроме указанных выше двух главных оснований, также и другие местные условия, могущие выясниться по обстоятельствам дела, и 2) весь материальный ущерб, причиненный беспорядками, в том числе и убытки, о возмещении коих не поступят своевременно ходатайства. Эти последние убытки не подлежат, очевидно, подробной оценке, а лишь примерному, по имеющимся сведениям, исчислению. Одновременно с предварительным распределением капитальной, так сказать, суммы подлежащих возмещению населением затрат казны по ликвидации последствий беспорядков, временные комиссии должны будут определить число лет, в течение коих погасительный окладной сбор должен взыскиваться с каждого сельского общества и селения, и в зависимости от сего годовой оклад этого сбора для каждого общества и селения. Руководящим при этом основанием должен служить размер той общей капитальной суммы, которая при разверстке назначена для данного сельского общества или селения, с тем, чтобы тем из них, коим определены наиболее крупные суммы, был предоставлен наиболее продолжительный срок взимания дополнительного окладного сбора, хотя бы в пределах принятого для выкупных платежей 49-летнего срока. Только этим способом возможно будет избежать установления непосильных и даже разорительных для населения дополнительных окладов.

Засим в заседании комитета министров товарищ министра внутренних дел, сенатор Дурново, в дополнение к изложенным в представлении от 25 мая 1902 года, за № 10427, соображениям о порядке раскладки и взимания с сельских и селенных обществ установленного высочайшим указом 11 мая 1902 года дополнительного сбора об'яснил, что руководящим при этом основанием для комиссий будет служить размер той общей капитальной суммы, которая при разверстке назначена для данного сельского общества или селения, с тем, чтобы обществам, коим определены наиболее крупные суммы, был предоставлен наиболее продолжительный срок взимания сбора. Только этим способом возможно будет избежать установления непосильных и даже разорительных для населения дополнительных окладов. Но наряду с этими комиссиями будет принят во внимание и особый карательный характер настоящей меры, при коей наказание должны понести прежде всего сами непосредственные виновники происшедших беспорядков, а не их потомство. Поэтому определенные ко взиманию суммы будут разверстываемы комиссиями с таким расчетом, дабы наложенные взыскания произвести с нынешних поколений. Тем не менее при различии в возрасте лиц, принимавших участие в беспорядках, полное достижение указанной задачи представляется совершенно недоступным, и единичные случаи распространения на потомство действия принимаемой карательной меры являются по существу дела неизбежными. Во вся-

ком случае, пользуясь правом производить разверстку по соображении со всеми местными условиями, комиссии эти несомненно озаботятся распределить налагаемые платежи таким образом, чтобы взыскиваемые суммы были уплачены действительными виновниками волнений и тем сократят до возможного предела число вышеуказанных из'ятий из сего общего порядка.

По рассмотрении представления министров внутренних дел и финансов от 25 мая 1902 года, за № 10427, в связи с изложенными об'яснениями товарища министра внутренних дел, сенатора Дурново, комитетом министров были установлены и удостоились 31 того же мая высочайшего утверждения следующие «Правила о порядке приведения в действие именного высочайшего указа 11 мая 1902 года об имущественной ответственности сельских обществ и селений, крестьяне коих принимали участие в происходивших в последнее время в некоторых местностях Полтавской и Харьковской губерний беспорядках»:

1) Полтавская и харьковская временные комиссии состоят, каждая под председательством местного губернатора, из губернского предводителя дворянства, вице-губернатора, управляющего казенной палатой, одного из непременных членов губернского присутствия, по избранию губернатора, а также уездных предводителей и податных инспекторов тех уездов и земских начальников тех участков, в пределах коих весною сего года происходили беспорядки.

2) Делопроизводство временных комиссий возлагается на входящих в состав их непременных членов местных губернских присутствий и канцелярий сих присутствий.

3) Просьбы о вознаграждении на счет казны землевладельцев, потерпевших убытки во время означенных беспорядков, принимаются полтавским и харьковским губернаторами в течение двух недель со дня напечатания настоящих правил в местных губернских ведомостях.

4) По каждой просьбе, поступившей в течение указанного в предшедшей (3) статье срока, временная комиссия поручает местному земскому начальнику или податному инспектору, или же обоим этим должностным лицам совместно, под руководством уездного предводителя дворянства, произвести расследование на месте и оценку непосредственно беспорядками причиненных просителю убытков.

5) Расследование и оценка убытков представляются уездным предводителем дворянства с его по оным заключением временной комиссии, которая, по дополнении и исправлении, в случае необходимости, оценки, утверждает оную и свое по сему предмету постановление препровождает в министерство внутренних дел.

6) По выяснении общей суммы исчисленных на указанных выше основаниях убытков и соображении ее с размером кредита, разрешенного в п. 1 именного высочайшего указа 11 мая сего года, министерство внутренних дел, определив, по соглашении с министерством финансов, в какой доле означенные убытки могут быть возмещены на счет упомянутого источника, сообщает о сем полтавскому и харьковскому губернаторам, для выдачи, распоряжением подлежащей временной комиссии, причитающихся согласно сему вознаграждений по принадлежности.

7) Общая сумма исчисленных временною комиссиею по губернии вознаграждений, немедленно по ее выяснении и не ожидая получения упомянутых в предшедшей (6) статье указаний министерства внутренних дел, разверстывается предварительно комиссиею между теми находящимися в пределах губернии сельскими обществами и селениями, обыватели коих производили беспорядки, по соображении с числом участвовавших в них жителей селений и обществ, размером причинен-

ного при их участии материального ущерба и другими местными условиями. При этом принимаются в расчет не только убытки, коим произведена была оценка, но и весь вообще материальный ущерб, причиненный непосредственно беспорядками в пределах губернии. Вместе с тем комиссия определяет также предварительно число лет, в течение коих предположенная для каждого сельского общества и селения сумма должна быть возмещена государственному казначейству и, сообразно с сим, исчисляет годовой по обществу и селению оклад установленного на сей конец (п. 4 именного высочайшего указа 11 мая сего года) дополнительного сбора. По получении же означенных выше указаний министерства, предположения о разверстке, а также о сроке и окладах дополнительного сбора исправляются комиссиями для согласования с таковыми указаниями.

8) Окончательные постановления временных комиссий по предметам, поименованным в ст. 7, представляются на утверждение министров внутренних дел и финансов.

9) В каждом обществе и селении, обложенном дополнительным сбором на из'ясненных выше основаниях, годовой оклад сего сбора раскладывается ежегодно между плательщиками подлежащим сходом, а в случае уклонения схода от исполнения этой обязанности — уездным с'ездом.

Вскоре однако потребовались дополнительные раз'яснения к приведенным правилам, так как харьковская и полтавская особые временные комиссии встретили затруднения по некоторым отдельным вопросам, касающимся: 1) освобождения некоторых сельских обывателей, не принимавших участия в беспорядках, от всякой ответственности по уплате причитающегося с данного сельского общества или селения дополнительного сбора по возмещению причиненных беспорядками убытков; 2) ответственности в отношении уплаты сего сбора тех принимавших участие в беспорядках лиц, которые не принадлежат к составу местных сельских обществ, и 3) порядка производства подлежащими сельскими и селенными сходами ежегодной раскладки дополнительного сбора.

По поводу сего министры внутренних дел и финансов вошли в комитет министров с представлением от 25 октября 1902 г., за № 23924, в коем об'яснили, что при беспорядках, происходивших в марте и апреле месяцах 1902 г. в Харьковской и Полтавской губерниях, некоторые сельские обыватели не только лично не участвовали в таковых, но и лишены были всякой возможности принять с своей стороны какие-либо меры к предотвращению беспорядков по отсутствию в то время из селения, болезни, дряхлости и т. п. В то же время, как это установлено произведенными расследованиями, некоторые крестьяне, а в особенности местные должностные лица крестьянского общественного управления оказывали, по мере сил, должное противодействие своим однообщественникам, производившим таковые беспорядки, за что и были удостоены награждения. Ввиду сего всех таких лиц следовало бы признать совершенно непричастными к произведенным беспорядкам, а следовательно, и свободными от всякой имущественной ответственности за причиненные беспорядками убытки. Посему, в целях ограждения этих лиц, представляется необходимым постановить, чтобы при производстве в порядке п. 7 высочайше утвержденных 31 мая 1902 года правил разверстки между сельскими обществами и селениями общей суммы исчисленных по губернии вознаграждений были прежде всего приведены в известность все те лица, кои на указанных основаниях подлежат освобождению от всякой имущественной ответственности за причиненные беспорядками

убытки и соответственно сему не могут быть привлекаемы подлежащим сходом к участию в уплате сих убытков путем обложения их вместе с другими плательщиками при установленной п. 9 правил раскладке дополнительного сбора.

Что касается, засим, вопроса об ответственности виновных в беспорядках лиц за причиненные их действиями убытки, то в сем отношении необходимо заметить, что, при выяснении личностей виновников беспорядков, было установлено, что в последних принимали участие и лица других сословий, а также и крестьяне других губерний, т. е. совершенно посторонние для сельских обществ и селений тех местностей Харьковской и Полтавской губерний, в коих произведены были беспорядки. Ввиду сего представляется необходимым установить и порядок ответственности таких посторонних лиц за причиненные ими убытки. Несомненно, что за такие убытки не могут являться ответственными местные сельские общества и селения и что возмещение сих убытков должно быть отнесено исключительно на личную ответственность виновных. В этом отношении представлялось бы вполне соответственным, чтобы по определении размера причиненных указанными лицами убытков и причитающейся на возмещение последних денежной суммы, таковая была распределена между сими лицами на тех же основаниях, как и при разверстке в порядке п. 7 высочайше утвержденных 31 мая 1902 г. правил общей суммы вознаграждений между отдельными обществами и селениями, обыватели коих производили беспорядки, т. е. по соображении числа участников, размера причиненных ими убытков и других местных условий. Применяя этот общий порядок разверстки к возмещению убытков, причиненных исключительно только лицами, не принадлежащими к местным сельским обществам и селениям, необходимо однако принять во внимание, что громадное число беспорядков было произведено при участии местных крестьян. В этом последнем случае и разверстка общей суммы следуемого за нанесенные убытки вознаграждения должна быть произведена между участниками беспорядков на общем основании, и причитающаяся с каждого постороннего лица доля вознаграждения должна подлежать взысканию непосредственно с самого виновного, без всякой ответственности в сем взыскании того сельского общества или селения, к коему принадлежат его соучастники. При этом, ввиду необходимости разверстки общей суммы вознаграждения за причиненные убытки между всеми участниками беспорядков, нельзя не признать, что и высший размер такового вознаграждения, причитающегося с каждого из указанных посторонних лиц, не должен превышать среднего размера убытков, нанесенных каждым из других участников в беспорядках по губернии, принадлежащих к местных сельским обществам и селениям.

Наконец, в отношении самого порядка раскладки дополнительного сбора министерства внутренних дел и финансов находили, что ввиду исключительности условий, вызвавших установление указанного сбора, и особого характера такового, как определяющего денежную ответственность сельских обществ и селений за убытки, причиненные беспорядками жителей сих обществ и селений, представляется необходимым допустить некоторые из'ятия и в самом производстве раскладки сего сбора. Означенный сбор, установленный (п. 4 именного высочайшего указа 11 мая 1902 г.) под наименованием дополнительного к существующим окладного сбора, взимается согласно означенного проекта, на общем с прочими окладными платежами основании. Таким образом на этот сбор должен распространяться и общий порядок, указанный положением 23 июня 1899 года о порядке взимания окладных сборов с надельных земель сельских обществ, касающийся производства рас-

кладки, одним из главных условий коего является уравнительность раскладки с применением ко всем домохозяевам одинаковых оснований обложения. Независимо сего, положение 23 июня 1899 года предоставляет сходу, при установлении общих оснований раскладки окладных сборов (ст. 14), понизить платежи некоторых домохозяев и даже совершенно освободить от таковых вследствие исключительно неблагоприятных хозяйственных условий (ст. 16). Представляется вполне вероятным, что, при производстве указанной в п. 9 высочайше утвержденных 31 мая 1902 года правил раскладки дополнительного сбора, подлежащие сходы, ввиду исключительного характера самого сбора и особого стремления членов схода, виновных в беспорядках, по возможности сложить с себя уплату такового, могут допустить при раскладке такого рода неправильности и уклонения от установленного в сем отношении порядка, которые, в случае если большинство схода составится из участников беспорядков, будут иметь своим последствием прямое нарушение законных прав и интересов меньшинства, путем возложения на последних несоответственной доли уплаты дополнительного сбора. В видах устранения подобного рода неправильностей представлялось бы соответственным установить особый контроль над производством означенной раскладки, каковой мог бы найти себе надлежащее выражение в форме представления раскладочных приговоров местными земскими начальниками, с их подробными по существу сих приговоров заключениями, на утверждение губернского присутствия.

Вместе с тем представлялось бы вполне соответственным и разрешение жалоб на указанную раскладку возложить на губернское присутствие, установив на подачу таковых тридцатидневный со дня постановления приговора о раскладке срок.

Принимая засим во внимание, что в случае уклонения подлежащего схода от раскладки дополнительного окладного сбора, таковая, согласно п. 9 высочайше утвержденных 31 мая 1902 г. правил, производится уездным с'ездом, следует признать, что в целях установления единообразного в сем отношении порядка и наибольшей гарантии плательщиков дополнительного сбора, таковая раскладка должна также подлежать утверждению губернского присутствия.

На основании изложенного министерства внутренних дел и финансов полагали в изменение и дополнение высочайше утвержденных 31 мая 1902 года правил постановить:

1) при производстве установленной (п. 7) разверстки общей суммы исчисленных по губернии вознаграждений между сельскими обществами и селениями, все обыватели, не принимавшие участия в беспорядках и при том, за отсутствием, болезнью или дряхлостью, не имевшие возможности им противодействовать, а равно те из членов названных обществ, которые оказали противодействие развитию сих беспорядков, освобождаются от всякой имущественной ответственности за причиненные последними убытки и не могут подлежать обложению при производимой в установленном п. 9 порядке раскладке дополнительного окладного сбора по приговору подлежащего схода.

2) Убытки, причиненные теми участниками в беспорядках, которые не принадлежат к составу сельских обществ местностей, где произведены были беспорядки, подлежат особому определению с таким расчетом, чтобы размер их, по отношению к каждому из подобных участников, не превышал размера убытка, причиненного в среднем каждым из всех участников в беспорядках по губернии. Соответственные в возмещении сих убытков суммы взыскиваются с каждого из этих лиц в отдельности, в срок, установленный для сего подлежащей временной

комиссией, без возложения ответственности за поступление оных на названные сельские общества.

3) Приговор подлежащего сельского общества или селения о произведенной на основании п. 9 раскладке дополнительного сбора представляется местным земским начальником, с его заключением по существу приговора, на утверждение губернского присутствия, разрешению коего подлежат также и поданные в тридцатидневный срок жалобы на означенную раскладку.

4) Уездный с'езд произведенную им в предусмотренном п. 9 случае раскладку дополнительного сбора между отдельными плательщиками общества или селения представляет на утверждение губернского присутствия.

При рассмотрении означенного представления в комитете министров, в связи с письменным по сему делу отзывом министра юстиции, бывший министр внутренних дел заявил, что, согласно точному смыслу именного высочайшего указа 11 мая 1902 года, вся отпущенная из государственного казначейства сумма на вознаграждение потерпевших от беспорядков землевладельцев Харьковской и Полтавской губерний должна быть возмещена с сельских обществ и селений, крестьяне коих приняли участие в беспорядках. Вследствие сего он, статс-секретарь Плеве, считал возможным присоединиться к высказанным министром юстиции в отзыве по сему делу и поддержанным в настоящем заседании комитета сенатором Манухиным соображениям о том, что к возмещению таковой суммы должны быть привлечены те сельские общества, члены коих признаны виновниками в беспорядках, разверстка же платежей в среде общества должна быть сделана на общем основании. В случае же, если бы было с полною достоверностью установлено, что те или другие из сельских обывателей не только никакого участия в беспорядках не принимали, но оказали развитию оных противодействие, а между тем, принадлежа к составу сельских обществ, подлежащих имущественной ответственности за причиненные беспорядками убытки, привлечены к уплате дополнительного окладного сбора по приговору подлежащего схода, то он, министр внутренних дел, будет иметь возможность, в интересах восстановления справедливости, исходатайствовать в путях монаршего милосердия всемилостивейшее его императорского величества соизволение на освобождение таковых лиц от уплаты причитающихся с них, по произведенной сельским обществом раскладке, долей дополнительного сбора, или, в случае уплаты ими таковых долей,— на возмещение им сделанных взносов из средств государственного казначейства.

Не встречая препятствий к такому направлению дела, комитет министров полагал, в дополнение высочайше утвержденных 31 мая 1902 года правил, постановить:

1) Приговор подлежащего сельского общества или селения о произведенной на основании п. 9 означенных правил раскладке дополнительного сбора представляется местным земским начальником, с его заключением по существу приговора, на утверждение губернского присутствия, разрешению коего подлежат также и поданные, в тридцатидневный со дня постановления приговора о раскладке срок жалобы на означенную раскладку;

и 2) Уездный с'езд произведенную им в предусмотренном п. 9 упомянутых правил случае раскладку дополнительного сбора между отдельными плательщиками общества или селения представляет на утверждение губернского присутствия.

Государь император, в 20 день декабря 1902 года, положение комитета высочайше утвердить соизволил.

В следующем 1903 году харьковская и полтавская временные особые комиссии представили в министерство внутренних дел, для окончательного по соглашению с министерством финансов утверждения, постановления свои относительно разверстки между сельскими обществами и селениями, крестьяне коих участвовали в беспорядках, дополнительного сбора. Из означенных постановлений усматривалось, что при определении причитающихся с отдельных обществ и селений окладов дополнительного сбора названные временные комиссии руководствовались различными основаниями. Полтавская временная комиссия, установив, по соображении с суммою возмещенных казною по Полтавской губернии убытков (78 281 руб. 32 коп.), что каждым участником беспорядков, в отдельном случае участия, причинено ущерба в среднем на 14 р. 90 коп., исчислила оклады дополнительного сбора по каждому обществу и селению в отдельности путем умножения указанной средней цифры на число случаев участия в беспорядках крестьян данного общества или селения. С своей стороны, харьковская временная комиссия при определении окладов дополнительного сбора прежде всего приняла во внимание платежеспособность участвовавших в беспорядках сельских обществ и селений, и, на сем основании, произвела между ними разверстку ассигнованного из казны на вознаграждение землевладельцев Харьковской губернии кредита (252 930 руб. 05 коп.) соразмерно количеству состоящей в пользовании сих обществ и селений надельной земли, лишь отчасти при этом повышая или понижая степень их ответственности в зависимости от числа выделенных данным обществом или селением участников беспорядков и размера причиненных убытков.

Принимая во внимание, что, согласно п. 7 высочайше утвержденных 31 мая 1902 г. правил, суммы выданных землевладельцам Полтавской и Харьковской губерний вознаграждений подлежат, по определениям временных комиссий, разверстке между сельскими обществами и селениями, обыватели коих производили беспорядки, по соображении с числом участвовавших в них жителей селений и обществ, размером причиненного при их участии материального ущерба и другими местными условиями, министерство внутренних дел находило, что приведенным требованиям закона вполне удовлетворяет лишь способ разверстки дополнительного сбора, усвоенный полтавскою временною комиссиею; принятое же харьковскою комиссиею основание разверстки того же сбора, более соответствующее платежеспособности отдельных сельских обществ и селений, чем степени участия их в беспорядках и размерам причиненных убытков, представляется несогласным с упомянутыми выше правилами.

Об изложенном министерство внутренних дел сообщило на заключение министерства финансов, полагая, с своей стороны, постановление полтавской временной комиссии утвердить, а харьковской временной комиссии поручить произвести новую разверстку дополнительного сбора на точном основании п. 7 правил 31 мая 1902 года.

Однако с таким направлением дела министерство финансов не согласилось, находя, что постановление полтавской временной комиссии, исчислившей оклады дополнительного сбора по отдельным обществам и селениям путем умножения средней по губернии цифры убытков, причиненных каждым участником беспорядков (14 руб. 90 коп.), на число случаев участия в беспорядках крестьян данного общества, причем каждый случай участия в расхищении трактуется «как бы за отдельное лицо», отличается искусственностью и страдает полным игнорированием платежных сил населения. Вследствие сего назначенные полтавскою комиссиею оклады дополнительного сбора совершенно не со-

размерны с податными силами крестьянского населения и по некоторым селениям достигают 220% остальных окладных платежей. Несомненно, уплата столь значительной суммы ляжет тяжелым бременем на крестьянское население и повлечет за собою полное его разорение, ибо доходность надельной земли не может окупить таких платежей. При таких условиях очевидно или экономическое положение крестьян будет окончательно подорвано, что едва ли может соответствовать видам правительства, или же взыскание сборов окажется вовсе безуспешным, и цель высочайшего указа 11 мая 1902 г. не будет достигнута.

С другой стороны, основания, принятые харьковскою временною комиссиею для определения окладов дополнительного сбора, представляются более правильными, как с точки зрения высочайшего указа 11 мая 1902 г., так и с точки зрения интересов фиска, ибо означенная комиссия приняла прежде всего во внимание платежеспособность участвовших в беспорядках сельских обществ и, ввиду сего, произвела между ними разверстку ассигнованного из казны на вознаграждение землевладельцев Харьковской губернии кредита соразмерно количеству состоящей в пользовании сих обществ и селений надельной земли. При этом однако были приняты в соображение и степень участия общества в беспорядках, и размер причиненных убытков, а именно временная комиссия признала, что средняя цифра обложения десятины земли в 3 р. 21 к. для отдельных сельских обществ может быть повышаема до 7 р. или понижаема до 1 р. 60 к. в зависимости от степени проявления злой воли и участия в беспорядках, количества причиненного ими ущерба, экономического положения и платежной способности каждого общества и селения. Стремясь таким образом сберечь платежные силы населения и убедившись в невозможности достигнуть более или менее равномерного и неразорительного обложения на основании каких-либо других признаков, комиссия имела в виду достичь и карательного воздействия установленной высочайшим указом 11 мая 1902 г. меры, и успешности поступления в казну выданных ею за счет виновных крестьян денежных вознаграждений. Не усматривая поэтому в произведенной харьковскою комиссиею разверстке каких-либо отступлений при приведении в исполнение высочайшей воли об определении ответственности селений и обществ, принимавших участие в беспорядках, и не находя поэтому оснований к отмене постановления названной комиссии, министерство финансов не считало вместе с тем возможным возбуждать и вопрос об отмене постановления полтавской комиссии, несмотря на указанные выше недостатки его, и полагало лишь поручить этой комиссии подвергнуть пересмотру предположенные по отдельным селениям сроки уплаты в видах несколько более близкого согласования окладов сбора с платежеспособностью населения.

С таким заключением согласилось и министерство внутренних дел, вследствие чего, по увеличении полтавскою временною комиссиею сроков взыскания дополнительного сбора по некоторым сельским обществам, постановления обеих комиссий были утверждены. Согласно означенным постановлениям из причитавшихся по Полтавской губернии 78 281 руб. 32 коп. только 1 907 руб. 20 коп., распределенные между 29 сельскими и селенными обществами, подлежали окончательному погашению к 31 декабря 1903 г., взыскание же остальных 76.374 руб. 12 коп. было рассрочено на более или менее значительное число лет до 1924 года включительно. Засим, для уплаты 252 390 руб. 5 коп. по Харьковской губернии назначены сроки от 2 до 8 лет, т. е. погашение должно было окончиться в 1905—1913 гг. Как видно из письма министра финансов от 21 апреля 1905 г., за № 3632, назначен-

ные к поступлению в 1903—1904 гг. платежи по дополнительному окладному сбору поступали очень неисправно и значительная часть их осталась в недоимке, а засим управляющий делами комитета министров отношением от 11 августа 1904 года, за № 2314, уведомил министерство внутренних дел, что в представленный его императорскому величеству председателем комитета министров предварительный проект всемилостивейшего манифеста, воспоследовавшего 11 августа 1904 года, составленный на основании бывших в заседаниях комитета 3 и 7 того же августа суждений, государю императору благоугодно было собственноручно включить особое постановление о прекращении взимания дополнительного окладного сбора, установленного именным высочайшим указом 11 мая 1902 г. с сельских обществ в некоторых местностях Полтавской и Харьковской губерний, вследствие чего дальнейшее взыскание этого сбора было прекращено.

Весною текущего года в некоторых сельских местностях вновь возникли беспорядки, аналогичные с теми, которые произошли в 1902 году в Харьковской и Полтавской губерниях. Как усматривается из имеющихся в министерстве внутренних дел сведений, беспорядки эти и по площади захваченных ими районов, и по размерам причиненных потерпевшим убытков представляются более значительными по сравнению с происшедшими в 1902 г. Так, в Дмитриевском уезде Курской губернии с 17 по 22 февраля скопищем крестьян произведены нападения на Ярославский хутор Прилеповской экономии, Дмитриевский, Калиновский, Елизаветовский и Алексеевский хутора Хомутовской экономии вдовы генерал-майора Шауфус, хутор Мокренький, владельческие экономии при селах Дубовицы, Романово, Гламаздино, Доброе поле, Хомутово, Сучкино, Богословка, а также на дома и лавки частных обывателей и на казенную винную лавку. Засим, часть участвовавших в нападениях крестьян перешла в Севский уезд, Орловской губернии. В Орловской губернии в конце февраля и начале марта подверглись разгрому и разграблению имения Погребы и Позднышевка, завод и имение Хинель, хутора Георгиевский и Литворево и деревни Бардоковка и Бобылевка (в Севском уезде), экономия его высочества великого князя Сергия Александровича в селе Долбенкине, Лобаново тож, и хутора этой экономии Фирезевский, Авиловский и Лобановский (в Дмитровском уезде), экономия купца Житкова при селе Плюскове, усадьба Высокая и хутор при селе Алешники (в Трубчевском уезде). В Глуховском уезде, Черниговской губернии, 22 февраля крестьяне разграбили и сожгли сахарный завод при хуторе Михайловском. При этом крестьяне грабили хлеб и имущество, жгли и разрушали экономические постройки и заводы, портили сельскохозяйственные и заводские машины и т. п., чем причинили владельцам весьма значительные убытки, которые, например, по одной Долбенской экономии достигают 200.000 рублей, а в Михайловском сахарном заводе, где были разграблены и сожжены сотни тысяч пудов сахара и хлеба,— гораздо больших размеров.

Само собою разумеется, что такие насильственные со стороны крестьян действия над частною собственностью, нетерпимые ни в каком благоустроенном государстве, не могли оставаться безнаказанными. Вместе с тем надлежало также, в интересах справедливости, всячески облегчить потерпевшим владельцам возможность возмещения понесенных ими убытков.

Однако достигнуть в полной мере и соответствующего важности проступка наказания всех участников в беспорядках и возмещения причиненных ими убытков исключительно путем применения действующих уголовных и гражданских законов не представлялось

возможным. Не подлежит, конечно, никакому сомнению, что главные виновники и участники беспорядков будут привлечены к ответственности в уголовном порядке. Но вместе с тем общеизвестно, что процент лиц, привлеченных к уголовному следствию, а тем более лиц, присужденных к тому или другому уголовному наказанию, оказывается обычно, в случаях массовых беспорядков, весьма низким по сравнению с общим числом действительных участников. Поэтому, и в настоящем случае те или иные уголовные кары падут лишь на десятки единичных личностей, преступная деятельность которых проявилась особо резко и освещена потому достаточным количеством улик. Весьма многие из лиц, бивших, грабивших и поджигавших, по неимоверной трудности разобраться в сложности всего события разгрома, произведенного толпой в несколько тысяч человек, ввиду отсутствия несомненных доказательств учинения ими того или иного определенного деяния, подходящего под все требуемые законом признаки состава уголовного правонарушения, ускользнут от заслуженного уголовного наказания. Это положение станет вполне очевидным, если принять в соображение всю трудность производства предварительного следствия по делу, в котором за показаниями о преступной деятельности того или иного лица придется обращаться к самой же действовавшей толпе, ибо растерявшиеся и защищавшие свою жизнь во время погрома служащие владельческих экономий и заводов едва ли дадут в своих показаниях обстоятельную и полную картину события, а равно отчет о степени участия в нем отдельных лиц. Наконец, и те участники преступного скопища, которые почему-либо воздержались от активных действий, также по смыслу законов уголовных (ул. нак., ст. 121 и 126) подлежат уголовной репрессии как пособники или, по крайней мере, недоносители. Однако, практический опыт указывает, что такие лица даже в случае предания их суду будут или совершенно освобождены от наказания, или присуждены к самым незначительным наказаниям.

С другой стороны, и потерпевшие владельцы, в силу действующих узаконений, имеют право отыскивать понесенные ими убытки судебным порядком. Так, согласно статье 644 законов гражданских, виновный в совершении какого-либо преступления или проступка, безразлично, с предумышлением или без оного учинено им сие преступление, обязан вознаградить за все непосредственно причиненные его деянием вред и убытки, а по силе ст. 645 тех же законов, если притом будет доказано, что преступление или проступок совершены именно с намерением причинить какие-либо более или менее важные потерпевшему от него убытки или потери, то виновный обязан вознаградить не только за убытки, непосредственно происшедшие от сего деяния, но и за все те, хотя более отдаленные, которые им действительно, с сим намерением, причинены. Указанная ответственность простирается на все имущество должника, а если он не в состоянии заплатить следуемого с него взыскания и если по вопросу о вознаграждении причиненных убытков между сторонами не произойдет особого соглашения, то суд предоставляет истцу поступить с виновным, как несостоятельным должником (ст. 646, т. X, ч. I и ст. 62 ул. нак.). При этом имущественная ответственность нескольких участников одного и того же проступка должна быть солидарной. Так, по смыслу ст. 648 зак. гражд., «когда преступление или проступок учинены несколькими лицами, по предварительному их между собою на то согласию, то все согласившиеся на участие в совершении сего проступка или преступления платят поровну вознаграждение за причиненный оным вред и убытки, и буде кто-либо из них окажется несостоятельным, то сле-

дующая с него часть разлагается на прочих участвовавших в совершении сего преступления или проступка».

Однако, по смыслу приведенных статей законов гражданских, а также статьи 59 ул. нак., гражданский иск об убытках, причиненных лицами, совершившими преступление и проступки, может быть предъявлен только к признанным виновными в уголовном порядке. Между тем, как указано выше, следует ожидать, что число таких лиц будет сравнительно незначительно, а следовательно, имущества их окажется слишком недостаточным для покрытия понесенных владельцами убытков. Вместе с тем возможность рассмотрения гражданских исков об убытках лишь по окончании дел уголовных, равно как сложность и длительность судебного процесса вообще, служили бы серьезным препятствием к успешному и быстрому удовлетворению исковых требований владельцев.

Наряду с этим и самое взыскание по искам, судом удовлетворенным, едва ли представлялось бы возможным в общем порядке. На основании существующих специальных о крестьянах узаконений, надельные крестьянские земли, а равно движимость, составляющая необходимую принадлежность крестьянского хозяйства, не могут быть обращены на пополнение следуемых с крестьян взысканий по судебным решениям. Так, согласно ст. 20 общ. пол., обращение взысканий на надельные земли по решениям судебных мест и продажа оных на основании таких решений допускаются только для удовлетворения претензий по закладным, в установленном порядке совершенным до обнародования высочайше утвержденного 14 декабря 1893 г. мнения государственного совета о некоторых мерах к предупреждению отчуждения крестьянских земель, а согласно решению гражданского кассационного департамента правительствующего сената 1896 г. № 37, удовлетворение взысканий по решениям судебных мест, по долгам вообще, обращается на надельную землю только в случае возникновения долгов до вступления в силу упомянутого закона.

Засим, по правилам, изложенным в ст. 6 общ. пол. и приложений к ней (правила о порядке взыскания частных долгов с крестьян и крестьянских обществ по решениям судебных мест), каковые правила, согласно раз'яснению, преподанному в решении общего собрания и кассационных департаментов от 29 октября 1884 г. и указа правительствующего сената 8 мая 1885 г. № 446, должны быть применяемы ко взысканию с крестьян убытков, причиненных уголовными преступлениями и проступками вообще, — денежные взыскания с крестьян производятся применительно к ст.ст. 384—407 устава о благоустройстве в казенных селениях, по силе коих на пополнение взысканий может быть обращена только та часть принадлежащего крестьянам движимого имущества, которая, не расстраивая хозяйства и не останавливая земледельческих и промышленных занятий, достаточна на удовлетворение взыскания, и тем освобождаются от продажи земледельческие орудия, семена для посева, рабочий скот и т. п. (циркул. М. В. Д. 9 августа 1875 г. № 22). Таким образом имуществом, могущим служить к удовлетворению взысканий о вознаграждении за вред и убытки, причиненные крестьянами во время беспорядков, в действительности оказывается лишь вненадельная крестьянская земля и движимость, не составляющая необходимой принадлежности крестьянского хозяйства.

При таких условиях предоставленное владельцам действующими узаконениями право возмещения убытков, понесенных во время беспорядков, в действительности практически неосуществимо, и нет сомнения, что большинство потерпевших владельцев совершенно отка-

жутся от возбуждения исков об убытках, зная заранее их безрезультатность. Между тем оставить потерпевших владельцев в таком безнадежном, в отношении возможности взыскания хотя части понесенных убытков, положении было бы крайне несправедливо.

При таких условиях представлялось настоятельно необходимым принять исключительные и соответствующие чрезвычайности самих вызвавших их событий меры, подобные тем, которые были уже применены к виновникам беспорядков в Харьковской и Полтавской губерниях.

Однако, как показал опыт, принятые в названных губерниях репрессивные меры почти не достигли тех результатов, какие имелись в виду при их установлении. Прежде всего меры эти оказались недостаточно строгими по отношению собственно к действительным виновникам и участникам волнений и, благодаря этому, не получили в сознании населения значения непосредственного и заслуженного наказания за совершенные проступки. Произошло это от того, что к взысканию причитавшегося владельцам вознаграждения привлекались все без исключения члены сельских и селенных обществ, независимо от того, принимали ли они активное участие в волнениях или нет. Правда, статьею 7 высочайше утвержденных 31 мая 1902 г. правил было установлено, что общая сумма вознаграждений разверстывается между сельскими и селенными обществами по соображении с числом участвовавших в беспорядках жителей селений и обществ и размером причиненного при их участии материального ущерба, но наряду с этим было указано также руководствоваться и «другими местными условиями». Как видно из вышеизложенного, это последнее добавление повело к тому, что в действительности, главным образом по настоянию министерства финансов, в основу разверсток дополнительного сбора, произведенных временными комиссиями, были положены прежде всего платежеспособность участвовавших в беспорядках сельских обществ и селений, размеры их наделов и другие условия, определяющие хозяйственное положение прикосновенных к делу крестьянских общественных единиц. Что же касается количества участников беспорядков и размера непосредственно причиненного ими материального вреда, то эти признаки сохранили лишь значение корректива, то повышающего, то понижающего до некоторой степени пределы дополнительного обложения в отдельных случаях. При указанных условиях именной высочайший указ 11 мая и правила 31 мая 1902 г. получили значение не столько карательной меры, сколько фискальной. Вследствие сего общества, выделившие наибольшее число виновных, причинивших особенно значительный ущерб владельцам, нередко облагались сбором в низшем размере по сравнению с обществами, менее активными в преступных проявлениях, но более состоятельными.

Такая постановка дела, достаточная для удовлетворительного разрешения — в более или менее, однако, отдаленном будущем — вопроса о погашении отпущенного тогда казной на вознаграждение потерпевших владельцев кредита, едва ли могла оказать желательное влияние на крестьянскую массу, в смысле проведения в таковую сознания репрессивного характера упомянутого мероприятия и укрепления этим путем в умах крестьян убеждения о нетерпимости совершенных ими проступков и суровом отношении к последним правительственной власти.

Затем, необходимо иметь в виду, что зажиточные крестьяне, и в отдельности и вместе, обыкновенно менее других склонны к нарушению чужой собственности. Поэтому при разверстке сбора между всеми без исключения членами общества и преимущественно зажиточными, у тех

из них, кои участия в беспорядках не принимали, должно было возникнуть, и действительно возникало, не только обидное чувство незаслуженности постигшего их взыскания, но и крайне опасное сожаление о том, что они не сумели попользоваться, по возможности, чужим добром, подобно своим однообщественникам, большинство которых при этом успело избежать и скамьи подсудимых в суде уголовном. Участь «не грабить и все же платить» не может логически не навести на мысль, что «лучше предварительно грабить и тогда платить». Таким образом, привлечение к ответственности неучаствовавших в беспорядках членов сельского общества не только не предотвращало их от противодействия преступным наклонностям более беспокойных элементов, но скорее производило противоположное действие.

Вместе с тем эта мера являлась недостаточно справедливою и в том отношении, что последствия ее распространялись не только на наличное взрослое поколение прикосновенных к беспорядкам крестьян, но, ввиду необходимости рассрочки платежа (в некоторых случаях на десятки лет), также и на подрастающее поколение.

Наконец, едва ли не самым существенным недостатком предпринятых в 1902 г. мер является отсутствие в них интенсивности карательного воздействия. Денежное взыскание, производимое при том в возмещение убытков помещиков, не может, конечно, само по себе иметь характера уголовного наказания. Однако, собственно для крестьян, благодаря имущественной их малодостаточности, и денежное взыскание, сколько-нибудь значительное, несомненно получило бы значение кары, что и имелось в виду как высочайшим указом 11 мая 1902 г., так и правилами 31 того же мая. Между тем, в зависимости от указанных выше особенностей практического осуществления этой репрессивной меры взыскания, даже в том случае, когда они падали на действительно виновных, не были слишком чувствительны для хозяйственного положения облагаемых и потому едва ли могли явиться в их сознании соответствующими размеру материального ущерба, причиненного потерпевшим владельцам и тем более высокой степени преступности и опасности для государственного порядка и спокойствия совершенных крестьянами деяний. В конечном результате мера эта сводилась к отбыванию рассроченного на несколько лет повышенного обложения и чем дальше она применялась бы, тем более утрачивалось бы в сознании крестьян ее карательное значение, и она, наконец, обратилась бы в привычное отбывание специального налога.

Таким образом, опыт применения именного высочайшего указа 11 мая 1902 г. и высочайше утвержденных того же 31 мая правил с очевидностью показал, с одной стороны, нецелесообразность огульного привлечения к имущественной ответственности всех, в том числе и совершенно не причастных к беспорядкам, членов сельских и селенных обществ, а с другой — необходимость наложения на участников в беспорядках такого имущественного взыскания, которое являлось бы действительно суровою карою и не было бы мерою, осуществление коей представляется фактически невозможным. Препятствием к достижению этой последней цели не могли, конечно, служить те указанные выше статьи действующего закона, коими установлены ограничения относительно обращения частных взысканий на движимое и недвижимое крестьянское надельное имущество. Охранительные по отношению к сему имуществу меры, будучи направлены к поддержке крестьянского благосостояния и ограждению его от опасностей, неминуемых в области свободного гражданского оборота, и преследуя при этом цель по возможности облегчить экономически и культурно слабую мас-

су населения от эксплоатации ее другими, превосходящими ее в обоих указанных отношениях, элементами, рассчитаны, очевидно, только на мирное течение общественной жизни. Поэтому применение упомянутых ограничительных статей закона при нормальных условиях жизни безусловно необходимо и полезно для крестьян и в то же время не приносит никакого ущерба лицам некрестьянского сословия, так как, само собою разумеется, они всегда имеют в виду и, конечно, учитывают привилегированное положение крестьянского надельного движимого и недвижимого имуществ при заключении с крестьянами добровольных сделок, договоров и обязательств. Но вне сферы обычных житейских отношений охранительные законы по отношению к крестьянскому имуществу уже не имеют действия. Так, на основании отдела VI закона 12 марта 1903 г. (собр. узак. 1903 г., ст. 356), при взыскании недоимок окладных сборов допускается по отношению к общинникам отобрание на известный срок у неисправного домохозяина земли, а по отношению к подворным владельцам — даже продажа участка с публичного торга. Тем более действие указанных охранительных постановлений совершенно неуместно там, где непреложное их соблюдение влечет за собою искусственно созданную, и притом самими же мерами правительства, фактическую безответственность крестьянской массы за причиненный преступными проявлениями материальный ущерб. Едва ли можно сомневаться в том, что в случаях, подобных событиям последних крестьянских беспорядков, глубоко деморализующее крестьянские массы действие оказывает сознание, что с крестьян, благодаря специальной охране их надельного имущества, все равно взять нечего. Сознание это, несомненно, весьма благоприятствует восприимчивости крестьян к преступной пропаганде. В самом деле, какое бы явное неуважение к принципу неприкосновенности чужой собственности не проявил крестьянин, он отлично знает, что, в порядке существующей имущественной его ответственности, он обеспечен, на точном основании закона, от разорения своего достатка, так как центр последнего (надел, усадьба, инвентарь и пр.) останется неприкосновенным. С этими укоренившимися в крестьянских массах представлениями необходимо всячески бороться. Поэтому отмена специальной охраны крестьянского надельного имущества и солидарность ответственности за причиненные убытки являются необходимыми условиями привлечения к имущественной ответственности крестьян, участвовавших в беспорядках, так как только при такой обстановке дела мера эта получила бы действительно карательный смысл, и могла бы оказать надлежащее воздействие и на самих участников, и на окружающую их среду.

При таких исключительных обстоятельствах воспоследовал именной высочайший указ правительствующему сенату 10 апреля сего года...

В исполнение пункта 4 приведенного высочайшего указа настоящее представление вносится на рассмотрение комитета министров [1].

Министр внутренних дел, гофмейстер А. Булыгин.

Управляющий отделом В. Гурко.

---

[1] Это представление министра внутренних дел не было рассмотрено комитетом министров, так как согласно указа 6 июня 1905 г. «издание новых законов, не исключая и временных правил, имеющих значение закона, а также изменение, дополнение и отмена законов происходят не иначе, как в законодательном порядке» (ф. земского отдела министерства внутр. дел, д. № 34-б, 1905 г. л. 194).

Из письма управляющего министерством внутренних дел П. Дурново статс-секретарю графу Д. М. Сольскому, 1 декабря 1905 г., № 25 300 [1].

М. г., граф Димитрий Мартынович.

Именным высочайшим указом от 10 апреля сего года государю императору благоугодно было предоставить министру внутренних дел учреждать, по мере надобности, в уездах, в коих произошли беспорядки, временные уездные комиссии и возложить на эти комиссии выяснение лиц, участвовавших в преступных скопищах крестьян, а также исчисление размеров причиненных ими убытков, для привлечения к имущественной ответственности, с обращением взыскания на все без из'ятия движимое и недвижимое имущество всех членов сельских и селенных обществ, участвовавших в скопищах крестьян, коими произведены разгромы и грабежи.

Вместе с тем означенным указом было поручено министру внутренних дел выработать и, по сношении с министрами юстиции и финансов и государственным контролером, внести чрез комитет министров, на высочайшее утверждение проект правил о порядке осуществления упомянутой меры и возмещения убытков потерпевшим, а также об оказании воспособления выдачей ссуд из казны тем из потерпевших владельцев, кои оказались бы не в состоянии собственными средствами немедленно восстановить свои усадьбы или приобрести необходимый для ведения в них хозяйства инвентарь.

Вследствие сего бывший министр внутренних дел, гофмейстер Булыгин, 10 июля сего года, за № 15581, представил проект означенных правил в комитет министров, но проект этот не был внесен на рассмотрение комитета министров ввиду воспоследовавшего, высочайше утвержденного 6 июня, мнения государственного совета, в силу коего все проекты новых законов должны быть вносимы на обсуждение государственного совета.

Ныне, по воспоследовании высочайшего манифеста 17 октября, проект упомянутых правил не может подлежать непосредственному обсуждению и государственного совета. Вместе с тем и по существу издание исключительных для отдельных местностей правил об имущественной ответственности за участие в беспорядках не соответствовало бы тем основным началам, которые возвещены манифестом 17 октября.

Наряду с этим нельзя не принять во внимание, что после издания указа 10 апреля сего года аграрное движение среди крестьян не прекратилось; наоборот, движение это, вновь возникшее в конце минувшего октября в связи с исключительными текущими событиями, в последние дни получило особенное распространение. Ныне им охвачены несколько губерний, причем местные власти не имели достаточных средств оградить неприкосновенность имущества частных собственников, благодаря чему разгромленные и разграбленные владельческие усадьбы исчисляются уже не единицами, а десятками. Понесенные при этом владельцами, без всякой с их стороны вины, убытки весьма значительны и, конечно, не могут быть полностью взысканы с виновных не только в общем судебном порядке, при соблюдении действующих специальных ограничительных законов, не допускающих продажи всего надельного имущества крестьян на пополнение частных взысканий, но даже и при обращении взыскания, согласно указу 10 апреля, на все без из'ятия имущество участников преступных скопищ, ввиду его сравнительно невысокой стоимости. С другой стороны, и страховые общества, ссылаясь на исключительные обстоятельства,

[1] Фонд земского отдела министерства внутр. дел, д. № 34-б, 1905 г., лл. 212—214.

при которых произошло истребление застрахованного имущества огнем, отказываются от выдачи страховых премий, пред'явленные же потерпевшими к обществам иски по сему предмету оставляются без удовлетворения.

При таких условиях значительное большинство потерпевших землевладельцев будет несомненно лишено возможности ныне же восстановить свои усадьбы и продолжать ведение в своих имениях сельского хозяйства. Это прежде всего поведет к прекращению на более или менее значительное время, а в некоторых случаях и навсегда, полезной деятельности культурных сельскохозяйственных центров, важное значение коих, как в общей экономической жизни государства, так в частности и для самих крестьян, вне всякого сомнения. Затем преступными скопищами крестьян нередко открыто высказывалось, что разгромы и грабежи частновладельческих имений производятся ими с целью лишить помещиков возможности вести хозяйство и, вынудив их удалиться из деревни, насильно завладеть их землями. При недостатке же средств на восстановление усадьб и сельскохозяйственного инвентаря это именно и произойдет, так как многие владельцы будут вынуждены либо продать свои имения, либо, по крайней мере на первое время, сдать их в аренду, может быть, даже тем же крестьянам, которые произвели разгром. Это обстоятельство легко может укрепить в среде крестьян уверенность в целесообразности подобного рода насильственных действий и на будущее время. Насколько потерпевшие владельцы нуждаются в скорейшей материальной помощи, можно судить по тому, что в министерство внутренних дел поступило уже несколько ходатайств, как от отдельных потерпевших, так и от депутатских дворянских собраний, о распространении действия указа 10 апреля 1905 г. на местности, в коих в последнее время произведены разгромы и грабежи преступными скопищами крестьян. По изложенным соображениям немедленное возмещение потерпевшим владельцам понесенных ими вследствие разгрома и грабежа их имений убытков представляется крайне необходимым; достигнуть же этого, при настоящем положении дела, возможно только выдачею потерпевшим вознаграждения из средств казны.

Мера эта представлялась бы прежде всего справедливою, так как охрана порядка и общественной безопасности, а также целости и неприкосновенности имущества частных собственников составляет во всяком государстве первейшую обязанность правительства, на котором поэтому и лежит долг вознаградить потерпевших от беспорядков. Вместе с тем означенная мера несомненно имела бы благоприятное моральное воздействие на население, так как показала бы, что собственность не может быть приобретаема путем насилия и что всякие, учиненные преступными скопищами разгромы и грабежи наносят вред не отдельным частным собственникам, а всему государству.

Вследствие сего надлежало бы указ 10 апреля отменить, как не отвечающий основным началам высочайшего манифеста 17 минувшего октября, а убытки, понесенные частными владельцами вследствие недостаточной со стороны правительства охраны их имущества от грабежей и разгрома, произведенных преступными скопищами крестьян в сельских местностях, возместить потерпевшим из средств государственного казначейства...

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем уважении и искренней преданности.

П. Дурново.

Представление министра внутренних дел председателю совета министров, 28 февраля 1906 г., № 5412[1].

Высочайшим указом 10 апреля 1905 г. установлен весьма суровый порядок взыскания с крестьян, участвовавших в сельских беспорядках, причиненных ими убытков. Взыскания эти, согласно означенному указу, обращаются на все без исключения имущество виновных, в том числе и на их надельную землю. При этом участвовавшими в беспорядках признаются не только лица, признанные виновными в сем по суду, но и те, кои будут признаны таковыми особыми, учрежденными тем же указом, уездными комиссиями. Таким образом последствием этой меры должно быть полное обезземеление некоторой части крестьянства. Смягчить ее последствия предполагалось посредством переселения лишенных земли крестьян в Сибирь на казенные земли. Сравнительная незначительность аграрных беспорядков ко времени воспоследования указа 10 апреля и, следовательно, малочисленность виновных вполне допускала фактическое осуществление установленного означенным указом порядка взыскания. Существует полное основание полагать, что энергичное и быстрое осуществление положений сего указа оказало бы отрезвляющее действие на крестьянское население и тем предотвратило бы массовое распространение грабежей частновладельческих усадеб, чем и была бы достигнута главная цель издания названного государственного акта. К сожалению, составленный министерством внутренних дел на точном основании указа 10 апреля и внесенный им в июне месяце в комитет министров проект правил о порядке взыскания убытков с лиц, участвовавших в беспорядках, встретил столь решительное и единодушное несочувствие со стороны всех заинтересованных ведомств, что не только не был комитетом одобрен, но даже и не подвергался ближайшему его рассмотрению. Поводом к этому для комитета послужило то, что, в силу высочайше утвержденного, 6 июня 1905 г., мнения государственного совета, все узаконения, даже временного характера, подлежат рассмотрению сего последнего. Однако и это положение, с правильностью коего я не могу согласиться, так как в самом указе 10 апреля было определенно сказано, что означенные правила подлежат представлению на высочайшее утверждение через комитет министров, а, между тем, на основании ст. 70 основных законов, общее законодательное постановление не отменяет сепаратных законов, — не было облечено в письменную форму: комитет ограничился изложением своих взглядов присутствовавшему в его заседании бывшему министру внутренних дел гофмейстеру Булыгину, и засим представление министерства внутренних дел было ему возвращено без об'яснения причины. Обстоятельство это лишило министерство внутренних дел возможности войти с выработанным им проектом и в государственный совет, так как последний, несомненно, отказался бы от его рассмотрения, ввиду категорического, заключающегося в указе 10 апреля, повеления — о представлении проекта на высочайшее утверждение чрез комитет министров.

Засим, в октябре и ноябре возникли вновь беспорядки в сельских местностях. Число участников в этих беспорядках достигло столь значительного числа, что применение к ним меры, установленной указом 10 апреля, а именно — обезземеление виновных — ныне фактически неосуществимо. Оно привело бы к образованию бродяжнических шаек и, конечно, лишь усилило бы крестьянское движение. Одновременно понесенные землевладельцами от погромов имений убытки до-

[1] Фонд земского отдела министерства внутр. дел, д. № 27, 1906 г., лл. 52—54.

стигли столь больших размеров, что ни в каком случае не могут быть возмещены в сколько-нибудь значительной части виновниками погромов. Наряду с этим судебные власти, разрешавшие дела о беспорядках в сельских местностях, отказались рассматривать их иски, признавая таковые, ввиду указа 10 апреля 1905 г., себе неподсудными. Между тем многие из землевладельцев, находясь ныне в безвыходном положении, будут вынуждены за отсутствием средств прекратить ведение хозяйства и сдавать землю в аренду за пониженную цену тем же, производившим грабежи, крестьянам, что еще более убедит последних в выгодности для них учинения погромов.

Вследствие такого положения дела мною повергаемо было на высочайшее его императорского величества благовоззрение о необходимости принять следующие меры:

1) Указ 10 апреля 1905 г. отменить.

2) Убытки, причиненные частным владельцам преступными скопищами крестьян, производившими разгромы и грабежи в сельских местностях, возмещать из средств государственного казначейства.

3) Поручить министру внутренних дел, по соглашению с министром финансов, выработать и внести чрез совет министров на высочайшее утверждение правила о порядке исчисления и возмещения потерпевшим упомянутых в предшедшем (2) пункте убытков.

По выслушании означенного доклада государь император изволил указать, что возмещение из средств казны убытков, причиненных частным владельцам преступными скопищами крестьян, производившими разгромы и грабежи в сельских местностях, безусловно справедливо и крайне желательно. Вместе с тем, ввиду того, что осуществление этой меры вызовет отпуск значительных сумм из государственного казначейства, государю императору благоугодно было высочайше повелеть обсудить настоящий вопрос в особом, под председательством графа Сольского, совещании, которому и поручить войти со всеподданнейшим докладом как о личном составе сего совещания, так и о порядке его действий.

Учрежденное в силу такового высочайшего повеления, под председательством графа Сольского, особое совещание пришло, прежде всего, к заключению, что действие высочайшего указа 10 апреля распространяется на все случаи беспорядков, имевших место и после обнародования означенного указа.

Посему, в уверенности, что означенное особое совещание немедленно же разрешит вопрос о порядке исполнения указа 10 апреля 1905 г. во всем его об'еме, мною, циркуляром от 1 февраля сего года, № 6, предложено было губернаторам тех местностей, где имели место крестьянские беспорядки, открыть уездные временные комиссии, установленные п. 1 указа 10 апреля. При этом я указал, однако, что комиссии должны заняться лишь определением размеров причиненных погромами убытков; что же касается до выяснения лиц, принимавших участие в погромах, то таковое я счел невозможным поручить комиссиям ввиду того, что деятельность их в этой части должна быть сообразована с теми правилами, которые подлежат высочайшему его императорского величества утверждению согласно п. 4 указа 10 апреля 1905 г. Между тем, в последующих заседаниях совещание признало нужным ограничиться лишь обсуждением вопроса о размерах сумм, потребных на выдачу, в силу 2-й части пункта 4 высочайшего указа 10 апреля 1905 г., в воспособление, в виде ссуд, потерпевшим от погромов владельцам. Таким образом и ныне вопрос о порядке возмещения на основании указа 10 апреля 1905 г. убытков, причиненных в сельских местностях погромами, остается неразрешенным, между тем

лица потерпевшие лишены даже возможности отыскивать свои убытки общим судебным порядком.

Из всего изложенного явствует, что скорейшее составление и утверждение правил о порядке возмещения виновными в погромах причиненных сими последними убытков лицам потерпевшим в настоящее время представляется безусловно необходимым, ибо без них невозможно исполнить указа. Поставляю обязанностью сообщить вашему сиятельству, что проект этих правил ныне, по моему приказанию, составлен с возможно меньшими отступлениями от общего гражданского процесса, причем, ввиду обширного распространения беспорядков в сельских местностях, предположено возлагать возмещение убытков исключительно на лиц, признанных по суду виновными. Рассмотрение сих правил должно однако замедлиться, всегда очень длительным сношением с ведомствами, требуемым однако указом 10 апреля 1905 г. Посему я признаю нужным ныне же учредить при министерстве внутренних дел комиссию из представителей министерств юстиции, финансов, государственного контроля и внутренних дел, а равно главного управления землеустройства и земледелия[1], причем полагаю, что окончательно установленный проект правил должен быть повергнут на высочайшее утверждение, на точном основании указа 10 апреля 1905 г., чрез комитет министров.

Ранее осуществления сего моего предположения считаю долгом покорнейше просить ваше сиятельство внести настоящий вопрос на обсуждение совета министров.

Министр внутренних дел П. Дурново.

Проект правил о порядке исчисления убытков, причиненных помещикам при разгроме их имений, и о привлечении к имущественной ответственности крестьян, участвовавших в разгроме поместий[2].

I. В уездах, где имели место крестьянские беспорядки, выразившиеся в погромах и грабежах частновладельческого имущества, министром внутренних дел, по соглашению с министром юстиции, учреждаются уездные комиссии для содействия судебной власти на основании нижеследующих правил:

1) Уездные комиссии учреждаются под председательством уездного предводителя дворянства из председателя уездной земской управы (или одного из непременных членов уездной управы по делам земского хозяйства, по приглашению председателя), уездного исправника и приглашенных, по соглашению губернатора с губернским предводителем дворянства, двух гласных уездного земского собрания (или земских гласных от уезда в губернском комитете по делам земского хозяйства), а также старшины и председателя суда той волости, в пределах коей расположено разгромленное имущество. Если должности волостного старшины и председателя волостного суда замещены одним лицом, то в состав комиссии входит и старший по возрасту член волостного суда. Председателю уездной комиссии предоставляется приглашать в ее заседания, с правом совещательного голоса, земских начальников или соответствующих им должностных лиц и податных инспекторов.

---

[1] Заседания означенной комиссии происходили 17 и 20 марта 1906 г. После длительного обсуждения комиссия приняла «проект правил», разработанный министерством внутр. дел.

[2] Фонд земского отдела министерства внутр. дел, д. № 27, 1906 г., лл. 97—99.

Примечание. В составе комиссии не могут участвовать лица: а) потерпевшие от беспорядков и б) состоящие в особых отношениях к потерпевшим, указанных в ст. 195 уст. гр. суд.

2) На уездные комиссии (ст. 1) возлагается исчисление вреда и убытков, понесенных частными владельцами от погромов и грабежей, произведенных в сельских местностях преступными скопищами.

3) Уездные комиссии собирают сведения о сумме причиненных частным владельцам убытков всеми зависящими от них способами. Правительственные места и лица обязаны оказывать им содействие.

4) Постановления комиссий о размере убытков выдаются пострадавшим от грабежей и погромов по их о том ходатайствам.

II. Установить нижеследующие «временные правила» о порядке привлечения к имущественной ответственности лиц, участвовавших в преступных скопищах, производивших погромы и грабежи в сельских местностях.

1) Взыскание убытков с имуществ лиц, участвовавших в преступных скопищах, производится по искам потерпевших в общем судебном (гражданском или уголовном) порядке, причем потерпевшие могут представлять суду постановления уездных комиссий о размере убытков. Суд принимает означенные постановления для рассмотрения в ряду прочих судебных доказательств.

2) Имущественные взыскания по судебным решениям могут быть обращаемы, кроме имущества, подлежащего продаже на общем основании закона, также и на: а) полевые участки надельной земли общинного пользования, б) надельные подворные участки, в) вненадельные земли, купленные обществами без содействия крестьянского поземельного банка, г) земли, состоящие в залоге крестьянскому поземельному банку, и д) движимое имущество, составляющее необходимую принадлежность крестьянского хозяйства.

3) Участки полевой земли общинного пользования, на которые обращено взыскание, сдаются в аренду с торгов, в соответствии с порядком, указанным в ст.ст. 4 и 5 отд. VI закона 12 марта 1903 года об отмене круговой поруки, с тем, что сельскому обществу, в состав надела которого входит сдаваемый участок, предоставляется преимущественное право взятия его в аренду. Выручаемые от арендного пользования доходы, за пополнением лежащих на участке окладных и мирских сборов, обращаются на удовлетворение взыскателя.

4) Прочие, перечисленные в ст. 2 сего отдела, виды земельных владений при обращении на них взыскания подлежат продаже. При этом, если взыскание обращается на земли, приобретенные вне надела в составе сельских обществ, как состоящие в залоге крестьянскому поземельному банку, так и купленные без его содействия, а равно на те состоящие в залоге банку земли, кои приобретены в составе крестьянских поземельных товариществ без указания в товарищеском договоре долей владения отдельных товарищей, то продаже подвергаются участки земли, находящиеся в фактическом пользовании или владении тех лиц, с которых присуждено взыскание.

5) Лица, купившие на торгах участки земли подворного пользования или участки из состава вненадельной земли, состоящей в собственности сельских обществ, селений, либо товариществ, участвуют в пользовании общими угодьями на принятых в обществе, селении или товариществе основаниях.

6) Не подлежат взысканию из числа движимого имущества ответчика: иконы, образницы, киоты с иконами, богослужебные и учебные

предметы и книги, знаки отличия и почетные кафтаны, ежедневная одежда и совершенно необходимая утварь, хлеб и овощи, необходимые для продовольствия семьи в течение трех месяцев, топливо на трехмесячное отопление жилья семьи, пенсии, пожалованные за раны, вспомоществование, назначенное на погребение родителей, жены или детей, либо по случаю пожаров и других несчастных случаев, трехрублевое пособие, выдаваемое из казны нижним чинам и ратникам ополчения, и пособие семействам нижних запасных чинов, призванных на действительную военную службу. При обращении взыскания на заработную плату и на иные денежные суммы, соблюдаются требования, изложенные в ст.ст. 292 и 293 общ. пол.

7) Если в погроме или грабеже принимал участие старший член крестьянского двора (дворохозяин), взыскание обращается на имущество всего двора. Во всех прочих случаях взыскание обращается на имущество всего двора лишь в том случае, если члены крестьянского двора, в какой бы то ни было мере, воспользовались плодами учиненного одним из его членов преступного деяния.

8) Взыскание обращается прежде всего на движимое имущество ответчика, не составляющее необходимой принадлежности в крестьянском хозяйстве, а в случае недостатка сего имущества, на имущество недвижимое и притом сперва на вненадельное, а затем на надельное. При обращении взыскания на недвижимое имущество допускается распространение сего взыскания, в случае надобности, и на движимость, составляющую необходимую принадлежность крестьянского хозяйства.

9) При оценке участков, принадлежащих привлеченным к ответственности лицам, принимаются во внимание также и выгоды, доставляемые домохозяевам правом их участвовать в пользовании общественными землями.

10) Стоимость по оценке участков земли, заложенных в крестьянском поземельном банке, не может быть определена в размере, меньшем приходящейся на означенные участки доли продажной цены, указанной в купчей крепости.

11) В торгах на продажу надельных земель могут участвовать только лица, приписанные или имеющие право приписаться к сельским обществам.

12) В торгах на продажу земель, заложенных в крестьянском поземельном банке, могут участвовать только лица, имеющие право приобретать землю при содействии банка.

13) Торги производятся на общих основаниях, причем в случае, если на вторых торгах имущество не будет продано в сумме оценки, то допускается продажа и в низшей сумме.

14) Земля, заложенная в крестьянском поземельном банке, не может быть продана ниже суммы остающегося непогашенным долга банку, лежащего на земле, и недоимок в платежах по погашению сего долга. В случае несостоявшихся при сем условии вторых торгов такие земли остаются в той же сумме за банком.

15) Участки из состава земель, заложенных в крестьянском поземельном банке, оставшиеся за банком, могут быть им проданы лицам, не принадлежащим к обществу, поселению или товариществу, хотя бы со стороны последних не было из'явлено на то согласия. Остаток от продажной суммы, за вычетом долга крестьянскому поземельному банку и понесенных им расходов по управлению участком и продаже его, выдается взыскателям.

III. В исполнение п. 4 высочайшего указа 10 апреля 1905 года постановить:

Взыскание убытков с лиц, подлежащих имущественной ответственности на основании высочайшего указа 10 апреля 1905 г., производится в порядке, установленном в отд. II сего узаконения.

Министр внутренних дел П. Дурново.

Выписка из журнала чрезвычайного общего собрания государственного совета по делу «о привлечении к имущественной ответственности участников в погромах и грабежах», 17 апреля 1906 г.[1]

Государственный совет, в чрезвычайном общем собрании, рассмотрев настоящее дело, принял во внимание, что именным высочайшим указом 10 апреля 1905 года министру внутренних дел было предоставлено учреждать, по мере надобности, в уездах, где произошли беспорядки, временные уездные комиссии для выяснения лиц, участвовавших в преступных скопищах крестьян, а также для исчисления размеров причиненных ими убытков, в целях привлечения их к имущественной ответственности, с обращением взыскания на все без из'ятия движимое и недвижимое имущество всех участвовавших в преступных скопищах лиц (п.п. 1 и 2). При этом пунктом 4 сего указа на министра внутренних дел было возложено выработать и, по сношении с ведомствами, внести на высочайшее утверждение, чрез комитет министров, проект правил о порядке осуществления указанной выше меры. При исполнении сего последнего поручения выяснилось однако, что означенные правила могут быть изданы не иначе, как в законодательном порядке. Между тем высочайше утвержденным 15 марта сего года мнением государственного совета по делу об оказании материального вспомоществования частным лицам и предприятиям, пострадавшим вследствие происходивших в различных местностях империи беспорядков, министру внутренних дел было поручено принять меры к безотлагательной разработке правил о привлечении к имущественной ответственности участников погромов и грабежей и ко внесению проекта этих правил на рассмотрение государственного совета, с соблюдением порядка, установленного для обеспечения единства действий министерств по делам законодательным.

Во исполнение означенных высочайших повелений, министром внутренних дел составлен ныне и внесен на рассмотрение государственного совета проект соответственных правил, коими имеется в виду определить способ исполнения вышеприведенных постановлений именного высочайшего указа 10 апреля 1905 г. с наименьшим отступлением от общего установленного законом порядка имущественной ответственности лиц, причинивших кому-либо своими действиями ущерб и убытки. Существо этих правил заключается в том: 1) чтобы взыскание убытков с участников погромов и грабежей производилось, по искам потерпевших, в судебном порядке (ст. 1); 2) чтобы потерпевшим, по их ходатайствам, выдавались постановления уездных комиссий, образованных на основании пункта 1 высочайшего указа 10 апреля 1905 г., и постановления эти подлежали рассмотрению судов наряду с прочими судебными доказательствами (ст. 2), и 3) чтобы взыскания, присужденные по искам потерпевших, обращались на все принадлежащее участникам погромов и грабежей имущество, на которое по силе действующих узаконений вообще распространяется ответственность за частные долги, причем по отношению означенных взысканий не должны быть применяемы правила, изложенные в приложении к статье 6 общего крестьянского положения.

---

[1] Фонд земского отдела министерства внутр. дел, д. №27, 1907 г., лл. 112—114.

Обсудив эти правила, государственный совет по поводу первого из них заметил, что оно не содержит нового законодательного определения. Так как высочайшим указом 10 апреля 1905 г. судебный порядок для дел о вознаграждении потерпевших за причиненные им погромами и грабежами убытки не был отменен, то порядок этот, очевидно, должен оставаться в силе и после учреждения уездных комиссий согласно пункту 1 упомянутого указа. Тем не менее нельзя не считаться с тем обстоятельством, что судебные места, в виду образования комиссий, на которые возложена обязанность выяснения лиц, участвовавших в скопищах крестьян, а также исчисление размеров причиненных ими убытков для привлечения к имущественной ответственности, отказывали потерпевшим в принятии исков о возмещении убытков, причиненных им погромами и грабежами, признавая такие дела себе неподсудными. Правительствующий сенат, в случаях восхождения таких дел на его рассмотрение, мог бы, конечно, раз'яснить подлежащим судебным местам точный смысл указа 10 апреля 1905 г., но ожидание соответственных определений сената неизбежно было бы сопряжено с значительным замедлением в разрешении дел, возбуждаемых исками потерпевших от погромов, что представляется крайне нежелательным. Посему государственный совет считает полезным раз'яснить в издаваемом узаконении, что привлечение на основании пункта 2 высочайшего указа 10 апреля 1905 г. к имущественной ответственности лиц, участвовавших в скопищах, коими истреблены, повреждены или расхищены имущества в сельских местностях, производится потерпевшими от сего в судебном порядке.

Обращаясь засим к рассмотрению прочих постановлений проекта, государственный совет рассуждал, что содержание статьи 2 проекта надлежит ограничить лишь правилом, на основании коего копии постановлений уездных комиссий, упомянутых в пункте 1 указа 10 апреля 1905 года, должны быть выдаваемы заинтересованным лицам по их ходатайствам. Заключающееся же в этой статье указание, что означенные постановления подлежат рассмотрению суда в ряду прочих судебных доказательств, представляется излишним, так как суд имеет право принимать к своему рассмотрению всякого рода документы, представляемые сторонами. Оценка доказательной силы этих постановлений должна зависеть от суда, что, конечно, имелось в виду и министерством внутренних дел. Между тем изложение статьи 2 может дать повод к неправильному заключению, что закон признает за постановлениями уездных комиссий особую доказательную силу.

Останавливаясь далее на статье 3 проекта, государственный совет находит, что обращение взысканий убытков, причиненных погромами и грабежами, между прочим и на движимое имущество крестьян, которое составляет необходимую принадлежность их хозяйства, равносильно окончательному разорению крестьянских хозяйств и может только способствовать обострению враждебных отношений между крестьянами и помещиками. Притом следует заметить, что цель, имевшаяся в виду министерством внутренних дел при начертании правила, допускающего такое из'ятие из действующих законов, не могла бы быть достигнута одним только постановлением о неприменении правил, изложенных в приложении к статье 6 общего положения о крестьянах, так как и по отношению к взысканиям убытков, причиненных погромами и грабежами, оставался бы в силе пункт 10 статьи 973 устава гражданского судопроизводства, согласно которому движимость крестьян, признаваемая необходимою в крестьянском хозяйстве, не подвергается аресту ни в каком случае. Между тем изменять в чем-либо для рассматриваемой категории дел правила судебных уставов

было бы весьма нежелательно. Вследствие сего государственный совет признает необходимым устранить из статьи 3 проекта указание на неприменение к предусматриваемым в ней взысканиям правил приложения к статье 6 общего положения о крестьянах.

В виду сказанного, государственный совет полагает:

I. Раз'яснить, что привлечение на основании пункта 2 высочайшего указа 10 апреля 1905 года к имущественной ответственности лиц, участвовавших в скопищах, коими истреблены, повреждены или расхищены имущества в сельских местностях, производится потерпевшими от сего в судебном порядке.

II. В изменение и дополнение подлежащих узаконений, постановить:

1) Копии постановлений уездных комиссий, означенных в пункте 1 именного высочайшего указа 10 апреля 1905 г., выдаются заинтересованным лицам, по их о том ходатайствам.

2) Взыскания, присужденные по искам потерпевших от погромов и грабежей (отд. I), обращаются на все принадлежащее участникам сих погромов и грабежей движимое и недвижимое имущество, на которое по силе общих гражданских законов и особых о крестьянах узаконений распространяется ответственность за частные долги.

В заключение государственный совет принял во внимание, что обсуждаемый проект определяет условия и порядок исполнения постановлений именного высочайшего указа 10 апреля 1905 г. Поэтому настоящее узаконение должно быть издано также в виде высочайшего указа. При этом, в виду последовавшего в государственном совете разномыслия по содержанию издаваемых правил, представляется более удобным проект указа правительствующему сенату поднести к высочайшему подписанию по разрешении его императорским величеством означенного разногласия.

На основании приведенных суждений государственный совет в чрезвычайном общем собрании постановил мнение, удостоенное высочайшего его императорского величества утверждения [1].

Государственный секретарь бар. Икскуль.

[1] Мнение государственного совета было утверждено Николаем II 26 апреля 1906 г. и опубликовано в виде указа сенату того же 26 апреля 1906 г.

Царская Россия и Гавайские острова

Попытка завладеть Гавайскими или Сандвичевыми островами, предпринятая от имени царской России в начале XIX в., не являлась анархическим поступком некоего проходимца, как это впоследствии представляли официальные источники, но была реализацией тщательно продуманного плана, разработанного Российско-Американской компанией и одобренного царским правительством. Лишь вследствие ряда неудачно сложившихся обстоятельств, Гавайские острова не стали в этот период, наряду с частью Калифорнии, «землей российского владения», а врач московской городской полиции Шеффер — «российским Коломбом».

Российско-Американская компания, возникшая в конце XVIII в., уже в первые годы XIX в. начала вести активную экспансию в Тихом океане. Эта экспансия особенно усилилась в 1809—1810 гг. Обострение англо-американских отношений, приведшее вскоре к вооруженному столкновению, восстание в Мексике, полностью парализовавшее какое бы то ни было сопротивление со стороны Испании, и, наконец, наполеоновские войны, не дававшие возможности большинству европейских держав сосредоточить свое внимание на событиях, развертывавшихся в восточном полушарии, открывали перед царской Россией возможности усиления сферы своего влияния на Тихом океане.

После частичного овладения прибрежной полосой Калифорнии и основания в 1812 г. колонии «Росс», компания сделала попытку осуществить план захвата Гавайских островов.

Гавайские острова были промежуточным пунктом, куда неизбежно заходили суда, следовавшие из Америки в Азию и, в частности, в Китай, таким образом владение островами отдавало в руки царской России контроль над Тихоокеанской торговлей. Кроме того Гавайские острова были богаты колониальными товарами и хлопком.

Кое-какие разведки по поводу Гавайских островов делались Российско-Американской компанией еще в 1806 г., когда корабль компании «Нева» под командою Лисянского пристал к острову Атуваю (Гауаи-Кауаи).

Король Атувая — Томари, собиравшийся в это время воевать с королем острова Овайги (Гавайи) Томи-Оми, пытался прибегнуть к помощи русских, в частности просил снабдить его порохом и оружием, но служившие у компании офицеры не рискнули вмешаться в борьбу гавайских царьков.

В 1809 г. тот же корабль «Нева» под командой лейтенанта Гагенмейстера пристал к острову Атуваю, и на этот раз король Томари обратился за помощью к России, прося оставить на острове русских поселенцев для защиты его от Томи-Оми.

В 1814 г. к Гавайским островам было отправлено компанейское судно «Беринг», но оно потерпело крушение у самых берегов Атувая.

Благоприятствовавшая вначале царской России политическая конъюнктура с каждым годом ухудшалась. Наполеон был разбит, а окончившаяся англо-американская война дала возможность и англичанам, и американцам обратить внимание на действия Российско-Американской компании.

В этот период три державы — Англия, Соединенные Штаты и Россия — зорко следили друг за другом, опасаясь, чтобы кто-нибудь из них раньше не захватил Гавайских островов. Они стремились временно сохранить независимость островов,

так как не имели возможности открыто захватить и сохранить острова за собой. Это обстоятельство очень усиливало туземных царьков, ибо каждая держава пыталась подкупить их и с их помощью утвердить свое господство на островах.

Томи-Оми, именовавшийся впоследствии Камехамехи I, при помощи английских агентов расправился со всеми остальными царьками и стал фактически правителем всех Гавайских островов, за исключением Атувая и Нигау, где утвердился Томари.

Окруженный иностранцами (даже губернатором о. Овайги был беглый английский матрос Джон Юнг), Томи-Оми вел тонкую дипломатическую игру, склоняясь, в сторону той державы, которая в данный момент была представлена на островах наиболее сильно. Когда в 1794 г. к острову Овайги прибыл капитан Ванкувер, Томи-Оми об'явил себя подданным Англии, что не помешало ему после ухода Ванкувера отдать исключительно американским торговцам монопольное право на вывоз любых товаров.

Сент-Джемский кабинет лишь в 1812 г. ответил Томи-Оми, отказав ему в подданстве Англии из опасения, что ввиду обострения англо-американских отношений одно подозрение о принадлежности Гавайских островов Англии, даст Америке повод к их захвату.

В свою очередь Томари при помощи американцев вооружил свою армию, завел несколько орудий и мечтал о заведении флота для борьбы с Томи-Оми.

Такая ситуация была к 1815 г., когда Российско-Американская компания решила предпринять шаги к захвату Гавайских островов.

Непосредственную реализацию этого плана правитель русских колоний в Америке — Баранов — предполагал поручить лейтенанту Лазареву, находившемуся с кораблем «Суворов» на о. Ситхе. Однако, недоразумения между Барановым и Лазаревым привели к тому, что Лазарев вместе с судном ушел из Ситхи в Кронштадт.

Тогда овладение Гавайскими островами Баранов поручил комиссионеру компании — доктору Шефферу, единственному из состава корабля «Суворов» оставшемуся в колониях.

Для большей конспиративности решено было отправить Шеффера на американском судне «Изабелла», которое в октябре 1815 г. доставило его к острову Овагу (Вагу), а в марте 1816 г. для «размена» с туземцами к Гавайским островам прибыли два хорошо вооруженных русских судна — «Кадьяк» и «Открытие».

Шеффер, официально приехавший на Гавайские острова для приема имущества погибшего русского судна «Беринг», решил действовать через Томи-Оми. Однако, как сообщается в путевом журнале «...прежде нежели мог Шеффер быть на берегу, некоторые капитаны или шкипера, бывшие прежде в наших колониях, а потом пришедшие туда со своими судами, а наиболее старый Эбен Гунт Адамс и старый Джон Юнг, давно живущий на сем острове в качестве губернатора и имеющий великое влияние на короля, успели уже Томи-Оми и многих лучших островитян уверить, что прибытие его, Шеффера, и ожидаемые им вскоре из Ново-Архангельска компанейские суда суть неприязненные намерения русских, почему письмо с медалью, наперед присланное Томи-Оми, было не распечатано и возвращено» [1].

Тем не менее Шефферу все же удалось высадиться на берег. Он сумел стать лейб-медиком короля Томи-Оми и, якобы в «благодарность» за оказанную медицинскую помощь получил плантации на острове Овагу, где уже находились американские плантации братьев Виншен. На этих плантациях Шеффер выстроил несколько домов и начал разводить табак и разные растения, расширяя свою территорию за счет скупаемых у туземцев земель.

Активная деятельность Шеффера очень быстро восстановила против него американских торговцев, ибо Шеффер явно претендовал на монопольное владе-

[1] ЛОЦИА, ф. департ. торговли и мануфактур, 1819 г., д. № 406, лл. 35—37.

ние всем сандальным деревом. Поэтому американцы всячески пытались воздействовать на Томи-Оми «расстраивали короля Томи-Оми и даже довели его до согласия убить его, Шеффера».

Только прибытие компанейских судов спасло жизнь Шеффера, который с этого момента решительно изменил курс и начал ориентироваться на короля островов Нигау и Атувай — Томари, противника Томи-Оми.

Спасаясь от преследования, Шеффер покинул о. Овагу, оставив для охраны русской фактории нескольких служащих компании.

На компанейском судне «Открытие» Шеффер перебрался на остров Нигау, а затем на Атувай, где находился Томари. Шеффер отмечает в своем журнале, что король Томари принял его «хотя и дружелюбным образом, однако же замечено было в нем некоторое замешательство, как после открылось, от таковых же неприязненных внушений североамериканских шкиперов, каковые были сделаны и у Томи-Оми». Но, очевидно, Томари учел, что помощь русских будет для него весьма существенна в борьбе с Томи-Оми, поэтому он внезапно резко изменил свое отношение и просил исходатайствовать ему покровительство русского императора. 21 мая 1816 г. Томари принял русское подданство.

Одновременно, «король передал еще в дар компании на всегдашние времена целую область, содержащую около 400 семейств индейцев, которая служить может для построения плантажей, фабрик и т. п.» [1].

От имени Российско-Американской компании Шеффер заключил с Томари четыре конвенции. Согласно первой конвенции Томари предоставлял компании исключительные права на вывоз сандального дерева с о. Атувая и разрешал ей повсеместно строить фактории и устраивать плантации «с помощью островитян». По второй конвенции Томари уступал «на вечность в пользу компании половинную часть острова Вагу (Овагу) с жителями и что есть в земле оного». Но так как о. Овагу пока еще принадлежал Томи-Оми, то компания должна была «сделать королю помощь под управлением того доктора Шеффера в звании шефа его войск из 500 человек для возвращения отторгнутых у него островов Вагу, Ранай Мауви, Маранай и прочих, кои король также покоряет высокому покровительству государя императора». Согласно третьей конвенции компания обязывалась купить на свой счет у бостонского капитана Витмора вооруженное судно для экспедиции против короля Томи-Оми, причем Томари обязывался выплатить за это судно сандальным деревом. Судно это действительно было куплено Шеффером за 200 тысяч рублей, а счет к оплате переслан к правителю колоний Баранову. И наконец, по четвертой конвенции Томари «дарил» Баранову на о. Овагу три гавани «без взимания для себя податей» [2].

Решительные действия Шеффера встретили громогласное одобрение правления компании и молчаливую поддержку Александра I. По получении сообщений о его деятельности, компания 20 августа 1817 г. посылает Шефферу инструкции: «о защите короля Томари от других островных владельцев, ежели токмо оные случатся не по влиянию какой-либо европейской нации или не от нее самой... в уважении сего короля столько, сколько требует образ дикой его жизни...»

25 августа о похождениях Шеффера и о том, что Томари, подлинная присяга которого будет прислана особо, ходатайствует о принятии его в русское подданство, было доложено Александру, и сообщение это не встретило с его стороны никаких возражений.

Шеффер активно продолжал свою политику, направленную к полному овладению Гавайскими островами при помощи короля Томари, и деятельно готовился к войне с Томи-Оми.

Обо всем этом совет компании 19 января 1818 г. сообщил управляющему министерством иностранных дел. Но ситуация в течение этого, хотя и непро-

[1] ЛОЦИА, ф. департ. торговли и мануфактур, 1817 г., д. № 350, л. 8 об.
[2] Там же, лл. 19 об. 20.

должительного времени, изменилась. В международной политике большое место занял в этот период вопрос, об испанских колониях в Америке. Это заставляло царское правительство воздержаться от санкции на захват Гавайских островов. Российско-Американской компании предлагалось придерживаться в своих сношениях с Гавайскими островами общих правил, принятых для других государств.

Но, не имея возможности дать санкцию на захват Гавайских островов, царское правительство в то же время не имело намерения упускать их из виду. Задача состояла в том, чтобы выбрать наиболее удачный момент.

Уже 5 августа 1818 г. по представлению Российско-Американской компании Александр «соизволил признать за нужное, для поощрения оных сношений, пожаловать тамошнему владельцу по имени Томари золотую медаль на Анненской ленте для ношения на шее, с надписью «владетелю Сандвичевых островов Томари, в знак дружбы его к россиянам», да сверх того, в виде подарка, кортик с приличною оправою и кармазинный плащ с золотыми кистями и таким же позументом».

13 августа 1818 г. правление Российско-Американской компании передало министерству внутренних дел содержание письма Шеффера, полученное 20 сентября 1817 г. из Макао, в котором он сообщал, что «через политические обстоятельства принуждены были русские оставить остров Атувай» [1], а сам Шеффер направиться в Петербург.

Подобная неудача постигла Шеффера вследствие решительного вмешательства американских купцов в дела Гавайских островов.

Вначале американцы вели с русскими борьбу чисто экономического характера. Помимо факторий бр. Виншеп на о. Овагу во владениях короля Томи-Оми, американцы, учитывая, что Шеффер пытается воспользоваться междуусобицами между Томи-Оми и Томари, устроили свою факторию и во владениях последнего. Стараясь заинтересовать Томари торговлей, американцы покупали у него то, что он уже продал и за что получил соответствующую плату от представителя Русско-Американской компании.

Затем американские купцы переходят к более решительным действиям.

Когда шхуна Шеффера прибыла ко владениям Томи-Оми, то оказалось, что первая русская фактория на острове Овагу, где находилось несколько служащих компании, разгромлена туземцами, возглавлявшимися Джоном Юнгом, «министром» Томи-Оми, подкупленным американскими купцами. Служащие компании под угрозою убийства были посажены на шхуну и отправлены на Атувай.

Таким образом кончилась история фактории на Овагу, «подаренные и проданные семейством Томи-Оми земли обратились во власть прежних владельцев», — меланхолически пишет Шеффер в своем журнале [2].

Но и на Атувае представители Российско-Американской компании оставались недолго. В мае 1817 г. с Овагу на Атувай были посланы американцами 5 ботов с туземцами, после чего, как пишет Шеффер, «началась революция против русских».

На одном из зашедших в Гонолулу иностранных судов Шеффер добрался до Кантона и оттуда прибыл в Петербург, где надеялся «сыскать подкрепление прав своих на здешние острова» [3].

После приезда Шеффера в Петербург компания принимает всяческие меры для популяризации в правительственных кругах своих соображений о необходимости вторичного захвата Гавайских островов. Помимо записок Шеффера, подаваемых им лично Александру, члены компании обивали пороги правительственных учреждений, рассылая «мнения правления», где пытались доказать, что Гавайские острова должны принадлежать именно царской России. В обоснование этого положения компания прибегает к доказательству от противного,

---

[1] ЛОЦИА, фонд департ. торговли и мануфактур, 1817 г., д. № 350, л. 38.
[2] Там же, 1819 г., д. № 406, лл. 35—37
[3] Там же, 1817 г., д. № 350, л. 45.

утверждая, что ни испанцы, ни англичане, ни американцы не имеют права на приобретение этих островов. Испанцы, несмотря на то, что они в начале XVIII в. первыми открыли эти острова, не могут, по мнению компании, и не будут препятствовать захвату островов, ибо они и раньше не претендовали на владение ими. Что касается англичан, то хотя Кук и Ванкувер раньше приставали к этим островам и названы они по имени лорда Сандвича — Сандвичевыми, тем не менее, англичане не могут претендовать на эти острова, ибо само английское правительство в 1812 г. отказало королю Томи-Оми в принятии его в английское подданство. И наконец американцы, для которых острова удобны, как транзитный путь в Китай, по мнению компании, не имеют прав на владение ими, поскольку до сих пор они официально не заявляли о своих притязаниях на эту территорию.

Отсюда компания считала, что единственно, кто имеет право на Гавайские острова — это царская Россия.

Российско-Американская компания продолжала посылать на Гавайские острова свои корабли; так например, в 1819 г. на Гавайские острова был направлен вновь купленный бриг «Брутус», капитан которого имел задачей встретиться с Томари,— но никаких существенных результатов компания не добилась.

* * *

Два об'емистых тома, хранящиеся в фонде департамента торговли и мануфактур, вмещают почти все сохранившиеся материалы, касающиеся попыток Шеффера утвердиться на Гавайских островах.

Однако, извлекая для публикации ряд документов, мы вынуждены ограничиться по преимуществу материалами, относящимися к периоду после изгнания Шеффера с Гавайских островов.

Предшествующие материалы отсутствуют потому, что архив Главного правления Российско-Американской компании не сохранился. Таким образом об отдельных моментах деятельности Шеффера на Гавайских островах мы узнаем лишь из сводной записки. Помимо записки Российско-Американской компании и лично Шеффера, мы даем те замечания, которые были сделаны на этот проект в департаменте торговли и мануфактур. При этом следует иметь в виду, что эти замечания писались опять-таки в тот период, когда удержать захваченные Российско-Американской компанией земли на Гавайских островах царское правительство не имело возможности.

С. Окунь.

Акт, подписанный королем двух Сандвичевых (Гавайских) островов Томари о принятии им русского подданства, 21 мая 1816 г.[1]

Его величество Томари Тае-евич, король островов Сандвических, лежащих в Тихом Северном океане, Атувай и Нигау, урожденный принц островов Овалу и Мауви, просит его величество государя императора Александра Павловича, самодержца всероссийского и пр. и пр. и пр. принять его помянутые острова под свое покровительство и хочет быть навсегда российскому скипетру с своими наследниками верен; в знак верности и преданности принял российский флаг от корабля «Открытие», Российской-Американской компании принадлежащего.

Знак короля X Томари

Переведена на сандвический язык и обнародована самим королем жителям островов Атувай и Нигау.

---

[1] ЛОЦИА, ф. департ. мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1817 г., д. № 350, л. 5.

Российский императорский коллежский ассесор, Российской компании комиссионер, медицины и хирургии доктор Егор де Шеффер Читана на корабле «Открытие» при собрании всего экипажа людей 38.

Корабельного экипажа флота лейтенант и кавалер Подушкин.

Мнение совета Российско-Американской компании о необходимых мерах по укреплению торговых связей компании с Сандвичевыми островами, 26 марта 1818 г.[1].

1818 г. марта 26 дня состоящий под высочайшим его императорского величества покровительством Российско-Американской компании совет, слушав отношение его высокопревосходительства, г. действительного тайного советника, сенатора, члена государственного совета, министра внутренних дел и кавалера Осипа Петровича Козодавлева, присланное на имя главного правления Российско-Американской компании от 13 числа текущего марта под № 65, коим предлагает, чтобы правление компании представило все обстоятельства со всею подробностию на рассмотрение сего совета к исполнению высочайшей его императорского величества воли, об'явленной ему г. министру от 24 минувшего февраля в сообщении управляющего министерством иностранных дел, его сиятельства графа Карла Васильевича Нессельрода, касательно акта, полученного от Томари Таеевича, короля двух Сандвичевых островов Атувая и Нигау, коим сей король просит, чтобы его императорское величество удостоил принять его с народом и теми островами под высочайшее свое покровительство, обещаясь быть верным со всеми будущими своими наследниками; высочайшая же его императорского величества воля изображена графом Карлом Васильевичем в следующих словах: «что государь император изволит полагать, что приобретение сих островов и добровольное их поступление в его покровительство не только не может принесть России никакой существенной пользы, но напротив во многих отношениях сопряжено с весьма важными неудобствами и потому его величеству угодно, чтобы королю Томари, из'явя всю возможную приветливость и желание сохранить с ним приязненные сношения, от него помянутого акта не принимать, а только ограничиться постановлением с ним вышепомянутых благоприязненных сношений, в каковых он находится с другими независимыми государствами, и действовать к распространению с Сандвичевыми островами торговых оборотов Американской компании, поколику оные сообразны будут сему порядку дел. На сем единственно правиле компания должна в тех местах располагать своими предприятиями». Сверх сего его сиятельство присовокупил: «что хотя полученные донесения от доктора Шеффера доказывают необдуманные поступки его, подавшие уже повод к некоторым неблагоприятным заключениям, при всем том его величество, не приступая еще ни к какому положительному разрешению, соизволил признать нужным дождаться наперед дальнейших по сему предмету известий».

Вследствие сей высочайшей воли совет слушал так же и дело, по оному предмету начавшееся в главном компании правлении и нашел: 1) Когда получено было в оном правлении прямо с Сандвичевых островов, чрез Кантон и Данию предварительное сведение от комиссионера ее, доктора Шеффера, что помянутый король повергает себя в вы-

[1] ЛОЦИА, ф. департ. мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1817 г., д. № 350, лл. 17—24.

сочайшее покровительство, при коем доставлена и копия с врученного ему королем акта, оригинал, которого Шеффер обещал доставить на российском корабле; тогда же и именно 15 августа минувшего года при всеподданнейшем его императорскому величеству от правления компании донесении чрез г. министра внутренних дел представлена та копия с письмом означенного доктора Шеффера, при коем оная приложена была. А в ожидании на событие сие высочайшей резолюции, и как уже доктор Шеффер, бывший при помянутых островах с двумя судами Российско-Американской компании получил в пользу ее от означенного короля для плантажей земли, заключил особые с ним конвенции, застроил факторию,— то правление компании, чтобы сии начатые с королем Томари дружеские и коммерческие связи не расстроить, а облегчить для будущего времени, ежели на то последует дозволение государя императора, нужным почло послать наставление с отправляющимся тогда же из Кронштадта кругом света казенным фрегатом «Камчаткою», полагая, что сей фрегат может пристать к означенным островам. Сие наставление адресовано тому лицу, которое начальствует отрядом русских, на помянутых островах находящихся, а в нем от 20 августа предписаны правила: а) О защите короля Томари от других островных владельцов, ежели токмо оные случатся не по влиянию какой-либо европейской нации, или не от нее самой; б) о уважении сего короля столько, сколько требует образ дикой его жизни; в) в спорах и делах, могущих случиться между русскими и индейцами, самим не управляться без отношения к королю и требования его правосудия; г) о неделании островитянам ни малейших обид в присвоении их собственности и женского пола; д) о неупотреблении островитян в работы без платы и принужденно и е) о производстве торговых связей на том порядке, как до того происходило, пока получатся оттоль обстоятельные сведения и даны будут по оным надлежащие предписания. Потом и сведения сии получены правлением компании чрез Охотск 15 октября, быв посланы туда на бостонском для компании фрактованном судне «Брутус» от управляющего компанейскими колониями г. Баранова, при коих приложен и оригинальной акт короля Томари о подданстве его. В них заключается следующее: 1) Четыре конвенции сего короля с доктором Шеффером от имени Российско-Американской компании: одна о возвращении ей пограбленного, года за три пред тем, груза, оставшегося с разбитого при острове Атувае корабля ее, о производстве исключительной торговли сандальным благовонным деревом, растущим на том острове, с одною только компаниею,— о дозволении ей строить во всех местах фактории и заводить плантажи с помощию островитян. Другая,— о уступке на вечность в пользу компании половинной части острова Вагу с жителями, и что есть в земле оного, а в замену того компания должна сделать королю помощь под управлением того доктора Шеффера в звании шефа его войск из 500 человек, для возвращения отторгнутых у него островов Вагу, Ранай, Мауви, Маранай и прочих, кои король также покоряет высокому покровительству государя императора. Третие, чтобы американской компании купить на свой щет у бостонского капитана Витимора военное судно за какую бы то ни было сумму, которое употребить для помянутого возвращения островов, а взамен сей покупки король заплатит компании благовонным деревом; и четвертая, что король дарит г. Баранову на острове Вагу, при гавани Ганнарау королевскую деревню, без взимания себе податей. 2) Что доктор Шеффер, вследствие сих конвенций, купил уже у бостонца военное судно «Эван» на щет компании, а в пользу короля за 200 тыс. рублей и перевел платеж к г. Баранову, но сей той покупки не апробовал и от платежа отказал,

потому что он его на все такие дела не уполномочивал, а поручал токмо высвободить пограбленный груз, а буде можно, завести и торг сандальным деревом; следовательно, и принятие в подданство короля совершенно далеко за пределы его власти, и подарки его компании, и оседлости аппробуются ли верховным правительством или нет, также неизвестно, а до того времени запрещает г. Баранов Шефферу входить в каковые-либо дальнейшие спекуляции, требуя от него возвращения бывших с ним судов «Кадьяка» и «Ильмены», экипажей их и о представлении щета о всем вверенном ему капитале, коего у него числится около 200 тыс. рублей. Сии сведения г. Баранов получил на возвратившемся от помянутых островов корабле «Открытие». Суперкарг Торопогрицкий уверяет, что он видел построенную Шеффером на острове Атувае компанейскую факторию, состоящую в доме и магазинах, а сам Шеффер уведомляет г. Баранова, что он не может скоро возвратиться к нему для отчета потому, что данную компании королем землю засеял, засевает и насаживает всякою огородною зеленью, табаком, хлопчатою бумагою, сахарным тростником, кокосовыми деревьями, бананами, тарою, картофелем, арбузами, орехами, куркумою, виноградом, ананасами, померанцами и что он скоро будет принимать целую губернию, королем компании подаренную на острове Ваге. Из сего заключить должно, что он Шеффер отправится на сей остров с войском Томари на купленном для него судне, или на другом компанейском, не дождавши на то одобрения своего начальства. Сии события определением сего совета 19 генваря текущего года поручено правлению компании довести до сведения управляющего иностранным министерством, что им того же числа и исполнено, причем представлен и вышепоминаемый акт короля Томари о его покорении. А по получении нынешнего предложения от г. министра внутренних дел, с об'явлением высочайшей воли, оно при исправлении обыкновенной своей годовой в нынешнем марте месяце переписки по всем своим делам с главноуправляющим нашими колониями г. Барановым, от 15 числа марта немедленно предварило уже оного г. Баранова о помянутом высочайшем соизволении, препроводив к нему с отношения г. министра внутренних дел скрепленный список. А до сождания, какое по оному последует дальнейшее сего совета рассуждение, предписало ему г. Баранову, чтобы он доктора Шеффера, яко поступившего в действиях своих на Сандвичевых островах с величайшею легкомысленностию и потому заслуживающего непременного оттоль вызова, дабы не допустить его наделать и еще каких не позволенных поступков, и тем удалить все могущие быть неприятности, а особливо в приведении в исполнение высочайшей воли, ныне об'явленной, постарался принять все меры к вызову его к себе и не дозволил бы ему далее властвовать там ко вреду прочих полезных для компании видов, а потом бы выпроводил его и сюда чрез Охотск. Но как он иностранец и, разочтяся с компаниею, может быть, пожелает сам по себе опять обратиться на Сандвичевы острова, дабы обладать подаренною ему землею от другого короля Томи-Оми, в чем ему, без явного нарушения прав его свободы, воспрепятствовать неможно, особенно, когда узнает он, что король Томари не принят в покровительство России, то ежели бы случилось, что он подлинно предпринял обратиться паки на те острова на иностранных судах и, может быть, еще под благовидным каким предлогом, то бы постарался г. Баранов соделать его дружественным для компании, которой он в противном расположении может наделать много вреда, в чем бы советовался с г. Гагенмейстером, начальником отправленной компанией в 1816 г. кругом света экспедиции, и г. Головниным, начальником военного фрегата «Камчатка», который намеревался непременно быть на

Сандвичевых островах и в нашем Ново-Архангельске. Из всего сего совет, усматривая, что к точному исполнению высочайшей его императорского величества воли в отношении установления торговых связей с Сандвичевыми островами сделаны уже от правления Американской компании надлежащие распоряжения, в дополнение к оным полагает:

1) в рассуждении возвращения королю Томари акта его, когда оный будет возвращен в главное компании правление, поручить сему правлению отослать его к г. Баранову с тем, чтобы он, ежели застанет еще там начальника экспедиции г. Гагенмейстера, отправил с ним сей акт королю Томари, и в лице его, как штаб-офицера императорской службы и человека благоразумного, об'явил владетелю Атувая, «что государь император, как отец своего народа, никогда не оставит покровительствовать и защищать своих верноподданных, обращающихся по делам торговым и промышленным в отдаленных частях света, будучи уверен, что они во всяком случае окажут себя достойными подданными его императорского величества как в соблюдении спокойствия, не нарушающего ничьих народных прав, так и дружеских взаимных связей, с кем бы не имели дело; а в сем уверении и ожидая, с другой стороны, равного и справедливого возмездия и дружеских расположений к его верноподданным как от самого владетеля островов, так и подвластных ему обитателей оных, всемилостивейше оставляет его в полной независимой свободе, желая токмо, чтобы в такой же свободе искренней дружбы и для взаимной пользы были принимаемы им русские подданные, торгующие и промышляющие в составе Российско-Американской компании и под ее флагом». Ежели же на то время не случится г. Гагенмейстера, то поручить сие исполнить другому надежному офицеру, знающему английский язык, на котором и Томари несколько из'ясняется, или в случае неимения такого, то умнейшему из прикащиков компании, и особенно Торопогрицкому, бывшему уже на оных островах, следовательно, знающему тамошние островские обыкновения. По исполнении же сего поручения было бы донесено главному компании правлению с подробностию о чувствах и расположении, с коими король Томари примет сей монаршей отзыв.

2) В рассуждении оказания всей возможной приветливости владетелю Томари, просить г. министра внутренних дел, дабы исходатайствовал у государя императора всемилостивейшее соизволение на пожалование ему при из'явлении вышеизложенного отзыва, золотой медали с надписью «Королю или владетелю Сандвичевых островов Томари, в знак дружбы его к россиянам», которую и вручить ему именем его императорского величества с Анненскою лентою для ношения на шее, также ежели благоугодно будет его величеству, то можно присовокупить к сему знаку и подарок, состоящий в кортике и в кармазинном плаще с золотыми кистями и газом; в прочем совет всеподданнейше предоставляет все сие в монаршее его императорского величества соизволение.

3) Относительно торговых действий Российско-Американской компании с Сандвичевыми островами, чтобы оные производимы были согласно об'явленной высочайшей воли, и чтобы нужные для безопасности торговли приобретения земли на сих островах могли быть поддерживаемы, ежели заключается в них существенная польза по ее видам, предоставить главному компании правлению ныне же, не упуская время к удобному достижению в Охотск и отправлению оттоль в Ново-Архангельск судов, послать к г. Баранову ордер, в коем, сверх предписанного уже ему предварительно от 15 числа сего марта, включить и вышеизложенное совета заключение, а относительно вызова доктора Шеффера подтвердить ему г. Баранову, чтобы он непременно удалил

его с Сандвичевых островов, а на место его к спокойному управлению теми торговыми и хозяйственными производствами, какие уже там к взаимной пользе компании и островитян начаты и впредь без малейшего опасения или прекословия могут быть продолжаемы точно на основании вышеизображенной высочайшей воли, определил другого человека надежного, умного и скромного, и в подробности, каким образом ему поступать, дал бы ему инструкцию, сообразно тому наставлению, которое послано уже на лицо управляющего тамошнею факториею от главного компании правления.

И наконец 4) сие совета постановление в копии представить г. министру внутренних дел от имени главного компании правления.

Подлинный подписали: Иван Вейдемейер, Гаврила Сарычев, Яков Дружинин, Михайла Булдаков, Венедикт Крамер, Андрей Северин и правитель канцелярии Зеленский.

Извлечение из представленного Г. Шеффером журнала его пребывания на Сандвичевых островах [1]

Доктор Шеффер, приглашенный главным колоний наших правителем, отправился на Сандвичевы острова, имея главнейшее поручение выручить мирным образом ограбленной груз с разбившегося в начале 1815 года у острова Атувая компанейского брига «Беринга». Сей груз стоил около 100 тыс. рублей, и присвоен островитянами, вопреки желания короля Томари, нынешнего владельца двух токмо островов. В октябре того ж 1815 года приплыл он на американском судне «Изабелле» к самому большому из южных сей купы острову Овайги, на коем жительствует другой король Камегамеа или Томи-Оми [2].

Главный правитель колоний, знав, что сей король Томи-Оми во всем сильнее короля Томари, имеет маленькую флотилию, пушки и войско, хотел чрез него принудить последняго к возвращению ограбленного, ежели бы добровольно не удовлетворил компанию, а потому при почтительном письме своем послал к нему медаль имянем его величества государя императора для ношения на шее на Владимирской ленте, но прежде, нежели мог Шеффер быть на берегу, некоторые американские капитаны или шкипора, бывшие прежде в наших колониях, а потом пришедшие туда со своими судами, а наиболее старой Эбец Гунт [3] Адамс и старой Джон Юнг, давно живущий на сем острове, в качестве губернатора [4] и имеющий великое влияние на короля, успели уже

[1] ЛОЦИА, ф. департ. мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1819 г., д. № 406, лл. 35—37.

[2] Сей король весьма стар. Он был владетелем небольшой северной части сего острова, но по суровому своему нраву и по алчности к обогащению и грабежу, при помощи поселившихся у него иностранцев, беглых из Новой Голландии, тирански умертвил короля южной половины и прочих королей и их родственников других островов, ныне ему подвластных, а в том числе и короля Дажио, управлявшего островами: Вагу, Мауви, Ранаем, Атуваем и Нигау, также умертвил. Сын его Томари спасся убегом на Атувай, где и остался управлять двумя островами, к северу и далеко от Овайги лежащими. (Примечание в подлиннике).

[3] О дурных поступках сего шкипора Гунта или Ханта, соделанных в нашем Новоархангельском порте, правление компании представили г. управляющему иностранным министерством его сиятельству графу Нессельроде от 26 апреля прошлого 1817 г. для доведения до сведения его императорского величества. (Примечание в подлиннике).

[4] Сей престарелой Юнг, беглой английской матрос с корабля, давно живет на острове Овайги. Злодейскою своею нравственностью приобрел у Томи-Оми великую доверенность. Он достоин был в отечестве своем виселицы за

Томи-Оми и многих лучших островитян уверить, что прибытие его, Шеффера, и ожидаемые им вскоре из Ново-Архангельска суда, суть неприязненные намерения русских, почему письмо с медалью, наперед посланное к Томи-Оми, было не распечатано и возвращено [1].

Когда Шеффер улучил время с'ехать на берег в урочище Кайруа, где Томи-Оми имел тогда жительство, и его уверить в противном о неприязненных внушениях американских капитанов, то сей владелец сделался благосклоннее. Он церемониально и стоя на коленях принял от Шеффера и возложил на себя присланную ему медаль, обещал давать ему провизию, построить для него несколько соломенных домиков для жительства, что и исполнил, а потом, когда Шеффер выпользовал от болезни королеву Кагуману и самого короля от простудной горячки, то и довольно много сблизил себя с ним, но более тем, что попустил ему самовольно брать у него из его гардероба и из компанейского имущества вещи, какие хотел. Его же семейство: королев, шурина и некоторых важных островитян, обещавших убедить короля Томари возвратить компанейский груз, о чем к нему именем Томи-Оми послали сказать, одарил он вещами, за что получил и от них подарки в землях для плантаций на другом острове Вагу и владетельные на них грамоты. В ожидании прибытия из Ново-Архангельска назначенных к Шефферу судов проходило около 6 месяцов, в которое время Шеффер подаренные ему земли на урочище Ваймея, преимущественно же на другом острове Вагу, куда король дозволил ему с'ездить и купить у королевы Кагуманы еще землю под плантаж, осмотрел и нашел их способнейшими к возделыванию для многих предметов, изобильными разными строевыми лесами и сандальным деревом, водою, рыбою, дикими быками и прочим. Он на подаренных землях сделал уже и насаждения многих статей. Между тем северо-американцы с помощью злодея старого Юнга расстраивали короля Томи-Оми и даже довели было до согласия убить его, Шеффера. Может быть, сие и совершилось бы, но ускорившее прибытие компанейского корабля «Открытие», а вскоре за сим и другого «Ильмены», зашедшего туда с берегов Нового Альбиона, не допустило сего сделать.

Оставив заведенные им на Вагу при одной гавани под 21°21' северной широты и 157°58' западной долготы от Гренвича плантации в смотрение промышленного Кичерева, сам отправился на «Открытии» к острову Атувай, где король Томари принял его хоть и дружелюбнейшим образом [2], однакож замечено было в нем некоторое замешательство,

---

злодейское угождение королю в подношении ему мяса младенцев, им убиваемых нарочно тогда, когда жестокий король сей вздумает ловить удою рыбу, которая всего лучше любит наживку человеческого мяса. Ныне он тайным агентом у северо-американцев. Такой же изверг из английских матросов живет и на Атувае. Он бежал с корабля с прочими товарищами, убив капитана одного. (Примечание в подлиннике.)

[1] Еще в 1809 г., когда корабль компании «Нева», под начальством лейтенанта Гагенмейстера приставал к Овайги, то северо-американские шкипора разносили тогда слух по всем островам, будто русские хотят притти и завладеть оными. Английской фрегат «Коронвалис» из Ост-Индии нарочно заходил к сим островам узнать, не поселились ли на оных русские. (Примечание в подлиннике.)

[2] Еще в 1806 г., когда компанейский корабль «Нева» под начальством Лисянского, приставал к сему острову, то Томари, умеющий довольно хорошо об'ясняться на английском языке, просил офицеров наших снабдить его оружием и порохом для защиты против Томи-Оми, когда он нападает на него; однакож в том было ему отказано. Он крайне был прискорбен, когда корабль сей отплыл, ибо тогда слухи носились, что Томи-Оми собрал до 10 тыс. войска и готовился плыть на Атувай. Случившиеся в войске сем болезни и недостаток в продовольствии отвратили сие нападение. Когда сей же корабль вторично в 1809 г. был у сего острова под начальством Гагенмейстера, то

происходившее, как после открылось, от таковых же неприязненных внушений северо-американских шкиперов, каковые сделаны и у Томи-Оми. Он обещал письменными актами заплатить за пограбленное у компании имущество сандальными и благовонными деревьями; вести торг с одними русскими, дать компании под плантаж на вечные времена земли целой губернии, дозволить на Атувае завести фактории, где понадобится, потом пожелал предать себя вечно покровительству его величества государя императора и сие последнее утвердил торжественным образом в виду своего народа, выпросив для сего нарочно с корабля «Открытие» российский флаг, который выставлял он всякий раз у своего дома, также выпросил и мундир морского офицера, который на себя и надел. Сие событие правление компании имело уже счастие довести до сведения вышнего начальства и получило высочайшее его императорского величества соизволение, чтобы компания ограничилась тем благоприятным с сим королем сношением, в каковом находится он с другими независимыми государствами, и действовать к распространению на тех островах торговыми оборотами, поколику оные сообразны будут сему порядку дел. Сверх того, его величество соизволил повелеть королю Томари, за ласковый прием русских, оказать приветливость присланными из кабинета подарками, состоящими в богатых епанче, кортике и золотой медали. Г. Шеффер уверяет, что тот король на приверженность свою к его величеству при торжественном об'явлении пред своим народом даже присягал, положив правую руку на евангелие и крест.

При том благоприязненном расположении короля Томари доктор Шеффер в продолжении 14 месяцев выстроил на Атувае с помощию данных от короля островитян в Вегмейской долине несколько домиков для фактории и завел сады, а для магазина король дал каменное строение; по его же приказанию старшины провинции, в которой гавань Ганнарей, торжественно сдали оную Шефферу с населяющими оную 30 семействами. Он осмотрел сию гавань, реку Вагмею, озера и все местоположение, заложил на трех возвышенностях крепости, назвав одну Александровскою, другую Елисаветинскою и третию именем Барклая, а долину Ганнарейскую по желанию короля наименовал по своему имени Шефферовою, равно и прочие урочища, речки, озера и людей переименовал он русскими именами. К строению оных крепостей король давал своих людей. Сия провинция изобильна малыми речками, богатыми рыбами, поля, горы и вообще местоположение пленительное, почва же земли благонадежнейшая к насаждению винограда, хлопчатой бумаги, сахарного тростника, которых он несколько и рассадил, заводя сады и огороды для многих нежных плодов. Урожай оных удостоверил Шеффера о великой пользе, которую сие место и вообще все острова приносить могут России, и даже вычислил интерес из того урожая, который он видел от своего насаждения. А как сие сделал он более умозрительно, где и по какой цене можно сбывать то самую вероятность можно полагать хотя четвертою долею менее исчисленных им выгод, то и тогда довольно значительная польза может быть, включая тут сандальные и благовонное дерево, для которого можно начать и особенное лесоводство.

Между тем как Шеффер упражнялся в Ганнарее, прибыла к Атуваю иностранная несколько военная шкуна, «Леди», которую Шеффер по желанию короля купил для него и отдал ему, но платеж за оную должен быть со стороны компании, которая за то должна получить

Томари из'являл великое желание допустить поселиться у него людям, кои бы могли защищать его против мстительного Томи-Оми. (Примечание в подлиннике.)

возмездие сандальным деревом, которое, по уверению короля, было почти уже готово. Сия шкуна, по желанию Шеффера, посылана была на остров Вагу осведомиться, в каком состоянии находится тамошняя фактория. По возвращении ее возвратились и все те компанейские люди, кои там были для насаждения, ибо индейцы, по наущению изверга Джона Юнга и других северо-американцев, требовали удаления и угрожали убийством. Таким образом кончилась наша фактория на Вагу, и подаренные и проданные семейством Томи-Оми земли обратились во власть прежних владельцев.

А как старой Юнг и северо-американцы не удовольствовались уничтожением сей фактории, но желали, чтоб уничтожить и русских выгнать из Атувая, конечно, из боязни, чтоб король Томари, приобретший себе военное судно, при помощи наших людей, не сделался сильным, то и в сем они успели. Они не один раз покушались сорвать выставленный у дома Томари русский флаг, до чего однако ж он не допускал, но наконец, по сильному убеждению сих злодеев, с 8 маия 1817 года открыл он неприязненное расположение, угрожающее Шефферу и всем нашим людям потерянием жизни. Выставленный на место российского другой флаг, на коем означались пушечные ядра, то ясно об'яснял.

Наконец потребовано, чтоб все русские удалились на свое судно, с которого уже никого на берег не пускали и всякое сношение воспрещено, почему Шеффер решился удалиться. Сам на иностранном судне отплыл в Кантон, чтоб скорее достигнуть сюда и донести о всех событиях, а судно «Открытие» с людьми отправил в нашу Новоархангельскую колонию. Следовательно ни за прежде пограбленное и за то, что раздарено было вновь и по конвенциям торговым назначено получить сандальным деревом, всего на все около 200 т. руб. осталось присвоенным королем Томари. А как сверх судна «Открытия» прибыло из Ново-Архангельска на остров Вагу и другое судно «Кадьяк», но по сделавшейся в нем великой течи и гнилости исправить оного было не можно, то и сие судно осталось также брошенным на берегу и будет гнить или дикие разломают и разграбят.

Правитель канцелярии надворный советник Зеленский.

Записка, представленная г. Шеффером Александру I, о выгодах, приобретаемых Россией в случае ее укрепления на Сандвичевых островах, февраль 1819 г.[1]

Сандвичевы острова, находящиеся на Тихом океане между 19 и 22 градусами северной широты и около 160 западной долготы, достойны обратить на себя внимание России. Жители сих островов, по преданию, рассказывают, что несколько тому веков назад пристали к острову Мауви иноземцы; по суеверию сочли их за богов, и народ признал их своими главами; потомки сих пришельцев и поныне пользуются верховною властью и отличными преимуществами не на одном Мауви, но и на прочих островах. Они различаются от коренных станом тела, видом лица, горбоватым носом и, кажется, означают тем гишпанское свое происхождение. По сказаниям, архипелаг сей состоит из 13 островов, а главнейшие из них называются: Овайги, Мауви, Ранаи, Маранай, Вагу и Атувай.

В отношении выгод физических

Самый большой и весьма плодоносный из них есть Овайги. Он изобилен сандальным лесом и горючею серою, на западной оного стороне

[1] ЛОЦИА, ф. департ. мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1819 г., д. № 406, лл. 1—6.

находится пристань, к которой с надежностию приставать могут суда в 300 и 400 бочек. Мауви также плодоносен, но пристани не имеет. Вагу и Атувай суть самые из них плодоноснейшие и также имеют пристани спокойные и надежные для военных судов. На Мауви, Вагу и Атувае находятся в изобили жизненные потребности: соль и великое множество рыб, на них ловятся морские сайги, жемчуг и жемчужные раковины. По царству животных имеются лошади, быки, овцы, козы, дикие гуси, морские и лесные кулики и можно развести и пчел. По царству ископаемому: сера горючая, соль, мыльная глина и известковая земля. По царству растений: корень тары, ялиса, индейское пшено, пашаты, бобы, капуста, салат, лук, брюква, морковь, дыни, арбузы, тыквы, кокосовы орехи, перец, имбирь, земляника, малина, ананасы, лимоны, апельсины, бананы, плоды дынного дерева, хлеб древесный, виноград, табак, сахарный тростник чрезвычайной толщины и пр.

Посредством сих естественных богатств европейская промышленность доставать может величайшие выгоды. Я обрабатывал рейнской меры десятину земли, на оной три раза в год снял индейское пшено и в год получил 540 пудов оного, а с посаженного виноградника после 9 месяцев получил виноград.

Не сомневаюсь, что таковой же имел бы успех и в насаждениях гвоздики, мускатных орехов, корицы, кашенили, ванили, индиго, хины, опиума, шелковичного дерева для разведения шелковых червей, кофею, какао и, словом, всяких пряных и лечебных растений, которые с удобностию прозябают между тропиками.

Опыт, учиненной мною с хлопчатою бумагою, весьма замечателен. На пространстве 10 квадратных сажен, я собрал в год 5 пудов чистой бумаги, то-есть, совершенно очищенной от семян. 3¾ пуда составляют пино китайского веса, а пино бумаги доброты, каковая мною была получена, продается во всякое время в Кантоне и не меньше как 18 до 20-ти гишпанских пиастров. Следственно десятина земли доставлять может в год более 1 000 фунтов, или 8 китайских пинов бумаги, стоящих по меньшей мере 160 пиастров. Ежели же употребить на разведение хлопчатой бумаги все те земли на сих островах, кои к сему удобны, то можно будет одною сею промышленностию приобретать от 4 до 5 миллионов пиастров в год.

В отношении выгод торговли

На сих островах 30 или 40 лет как заведен меновый торг и наиболее производим американцами, которые в обмен за с'естные припасы и сандальное дерево дают островитянам пушки, купеческие суда, огнестрельные орудия, пули, ядры, порох, железные изделия и пр. Промен сей делают они, едучи к северозападному берегу и на возвратном пути. Сим торгом наиболее пользуется владетель острова Овайги. В 1817 прибыло с английским флагом судно, прозванное «Кагуману» и именовавшееся прежде «Форестер», для произведения торга на счет сего владетеля, которое и нагружено было сандалом и назначено в Кантон, но поелику англинским коммерческим советом, в Китае находящимся, запрещено было таковое употребление флага, и судовщик Адамс, не получив позволения подняться вверх реки, то весь сей груз был признан контрабандою и распродан. Таким образом предприятие сие имело неудачу и без сомнения имело бы щастливейший успех, естли б предпринято было под защитою другого правительства, которое своим старанием умело бы обогатить сии острова произведениями чужеземными и теплому климату свойственными. Известно, сколько можно приобре-

тать от хлопчатой бумаги. Жизненные потребности почти ничего не стоят. Климат для мануфактур удобен. Надлежит токмо вызвать из Бенгала несколько фабрикантов, и тогда значительная часть россиян могут быть одетыми бумажным изделием. Выгоды очевидные. Можно развести тутовые деревья и пригласить для поселения китайцов для выделки шелку и шелковых тканей, и в сем выгода явная; также от исправления овец мериносами выделываться может добротное сукно, и до сего исправления можно из тамошней шерсти, выделываемой толстыми сукнами, по окрашении их в синий или черный цвет, одевать жителей северозападного берега или служить им вместо одеял. Можно завести фабрики для выделки сахару, ибо начальный материал там имеется. Из корня Ти выгоняется горячее вино, а чтоб споспешествовать всем сим выгодам, потребно снабжать островитян токмо железом, которого столько в России. Для доставления же вящей им значительности надлежит завести у них фабрики, и тогда сии острова претворятся в драгоценное сокровище, которое доставлять будет российским заведениям, на Тихом океане и на американском берегу устроенным, безопасность, и благоденствие.

В отношении политическом

Доставление надлежащего покровительства российским заморским владениям зависит от приобретения надежного места в южном море. Усилие, для сего Россиею сделанное, от зависти не удалось. Тама-амага или просто Тама-гами или Тамиами, владетель острова Овайги, и иностранцы, боясь лишиться собственных выгод, опасались, чтоб на сих островах не завелся бы владетель российской на острове Атувае. Первый боялся, потому, что лишится плода, приобретенного им убийством законного своего государя, завладением верховной себе власти на Овайге с принадлежностями и надежды присвоить себе также и Атувай с принадлежащими к нему землями, а последние, то-есть иностранцы, не хотели лишиться торга, которым они одни без совместничества пользуются на сих островах. Тама-амага уступил в лице капитана Ванкувера 23 февраля 1794 г. все права свои на остров Овайги великобританскому королю, но Сент-Джемский кабинет не искал сим воспользоваться, как то видно по письмам, отправленным из Лондона 1812 г. за подписанием лордов Ливерпуля и Батурста и чрез новую Голландию дошедшим на остров Овайги в декабре 1816.

Можно надеяться, что Россия в таковом же случае не так поступит и что приступит в самоскорейшем времени к деятельнейшим мерам, дабы воспользоваться данными ей правами на острова Атувай. Владетель сего острова просил о покровительстве, ему пожалован флаг российский, который он видел на крепости поставленной и которой он сам помогал россиянам построить на время более годового, он уступил за товары и за судно, от меня ему выданные Американско-Российской компании между прочими землями Ганнарею с ее пристанью и весь сандальный лес на Атувае растущий, но смущаемый Тама-амагой и его приверженцами Томари не сдержал ни одного из своих обязательств. Владетель подвластный осмелился учинить оскорбление российскому флагу, угрожать смертию поверенному Американской нашей компании и принудить его искать спасения на американском корабле, на котором прибыл в Макао в Китай.

Должна ли Россия стараться вступить вновь в то владение? Сего требует и честь и польза ее. Ей должно занять Атувай со всеми прочими островами. Она на сие имеет право. Томари ее подвластный, а Тама-амага — враг России. Занятием Сандвичевых островов Россия

обеспечивает себе возможность производить ей одной торг мехами на северо-западном берегу и воспрепятствует американцам оным пользоваться, но как сии острова, так и заведения России и торговля ее без оных будут для ней потеряны в сих странах света. Тама-амага и Томари повелевают на всех сих островах, жителей же на оных не более 100 000. Я уверен, что его императорское величество не пожелает для сего употребить недостаточных мер, но повелит с деятельностию все острова сии занять, разом, с такою воинскою силою, которая достаточна будет как для сбережения их за собою, так и для внушения уважения. Сим способом враги будут во страхе и приверженные в безопасности. Для произведения сего в действие потребно токмо два фрегата и несколько транспортных судов. Издержки за сие будут одним годом вознаграждены от произведений особенно же сандалом, растущим на Атувае, Ваге и Овайге, который скоро и верно распродается в Кантоне. В сие место на судах, в Атувае построенных, посылается сандал и на сем же острове имеется годный для судов лес. Тогда появится в Кантоне флаг российской.

Я на исполнение сего надеюсь, также полагаётся на сие и г. Льюнгстед, агент шведской компании, который меня уверил, что ежели до сего времени не было позволено приставать в Кантон с российским флагом, то сие делано было ухищрениями других наций.

Для поддержания своего политического веса в Англии России нужны Сандвичевы острова. В скором времени европейские государи спознают о необходимости потребной для восстановления равновесия в сей части света, где от 30 до 40 миллионов обывателей богатством своим угрожают Европе и споспешествуют распространению в Азии владычества чужеземного. Кто может остановить таковое честолюбие и кто бы не захотел пользоваться прибыльною торговлею?

Из Сандвичевых островов Россия возможет предла[га]ть свои союзы Китаю, Японии, Лиукейре и американским владениям, от гишпанского ига освобожденным, возможет вспомоществовать Филиппинским островам, Тимору, Яве, Гое и между тем произведения из Сандвичевых островов, равно как и российские, и их промышленность в сих странах распространяться.

Неудовольствия жителей на островах Овайги, Мауви, Ранае, Маранае и Ваге от нынешнего их правления достигли до вышней степени.

Народ находится в крайней скудости, угнетении и страхе от своего похитителя. Сей нещастный народ, будучи без защиты, с упалым духом оставил уже и надежду на получение лутчаго правления и сносит всевозможные бедствия до того даже, что из его выбираются жертвы, приносимые идолам, вместо диких зверей.

Единственная им надежда остается та, что когда-нибудь могут быть они освобождены от сего ужасного ига какою ни есть европейскою державою. Они меня часто просили, чтоб я исходатайствовал от его императорского величества им избавления от их тирана и чтоб взяты были они под его власть и что будут довольны и тем, когда им для пропитания оставлено будет позволение рассаживать в полях тару. Не взирая на короткое мое пребывание на острове Вагу, я успел приобресть совершенное сведение, в каком здесь все находится состоянии.

Пристань Ганнеруа на острове Вагу лежит под 21° 58″ 40″ северной широты и 157° 58′ западной долготою от Гренвича. Справка по компасу в открытом море — 8¾ широты морской, а вышней пролив при полнолунии спустя 2 мин. 20 сек. — в 7 футов. Остров Вагу может сделаться счастливейшею страною под благоразумным человеколюбивым и кротким правлением, ибо плодоносная на них земля в изобилии приносит все, что для человеческой жизни потребно, даже и для роскоши.

В сей стране произрастает хлеб на дереве и на земле всякого рода плоды в величайшем изобилии. В лесах множество дичи и реках рыбы. Повсеместные или заразительные болезни (бичи для человечества) вовсе неизвестны, даже и самая оспа. Не находится там никаких ядовитых гад, ни хищных зверей, опасных для человека. Но нещастные жители такой земли стонут в ужаснейшей неволе. Токмо под скипетром государя, подобного Александру, столь же великом, сколь и великодушном, могут произвести здесь мануфактуры, и бедные жители наслаждаться плодами трудов своих, а надлежащими и деятельными мерами можно достигнуть сей цели без пролития капли крови. Я обязанностию почту произвести в действие сие предприятие и покорить вашему императорскому величеству все сии Сандвичевы острова, буде благоволите мне оное поверить, и, хотя я и не воинского звания, однако ж оружие мне довольно известно, и притом имею столько опытности и мужества, чтобы отважить мою жизнь для блага человечества и пользы России, которую я почитаю отечеством. Для удобнейшего сего завоевания я привез с собою двух человек, которым все места сих островов совершенно известны и которые знают индейской язык. Один из них глава острова Уналашки, России покоренного: его отец доставил уже России весьма знатные услуги и в разных случаях доказал свою к ней приверженность. Сын его, который теперь со мною, вызывается в случае надобности доставить несколько тысяч людей. Другой из них — солдат российской, служащий Российско-Американской компании, человек предприимчивой, беспримерной храбрости и который много времени жил на сих островах и потому знает все места, где можно приставать и делать нечаянные нападения.

Я бы мог обо всем представляемом сообщить дальнейшие подробности, но воздерживаюсь, дабы не увлекать драгоценного времени от вашего императорского величества, и я почту себя счастливым, ежели короткое сие описание удостоено будет вашего одобрения и послужит залогом моих желаний о благоденствии империи вашего величества и благе человечества.

Георг Шеффер.

Замечания департамента мануфактур и внутренней торговли на отдельные пункты записки г. Шеффера, февраль 1819 г.[1]

Содержание 1 пункта	Замечания
1. Сандвичевы острова лежат на Тихом океане между 19 и 22 град. северной широты и около 160 град. восточной долготы.	1. Географическое положение широты и долготы оных согласуется с новейшею географиею Мальт Брюна.
2. Островитяне рассказывают по преданиям, что иностранцы их посещают с давняго времяни, вера у них идолопоклонническая, иногда по обрядам своим приносят в жертву идолам людей.	2. Мальт-Брюнь рассказывает также согласно с г. Шеффером, что островитяне идолопоклонники и приносят иногда в жертву людей.
3. Архипелаг сей состоит из 13 островов, из коих главные называются Owahi, Mauwi, Rany, Maronay, Vahon et Attovay.	3. На карте помянутого географа острова сии названы Owhyhi, Mowi, Ranno, Marotoy, Oniheow и Necker, но число их верно не означено.

[1] ЛОЦИА, ф. департ. мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1819 г., д. № 406, лл. 16–20.

Физические сведения

1. Остров Овайги есть самый больший из прочих островов, изобилует сандальным деревом и серною землею. Имеет купеческую гавань. Остров Мауви изобилен, но не имеет гавани. Вагу и Атувай самые плодоносные и сей последний имеет удобный и верный порт для военных кораблей.

2. Острова Мауви, Вагу и Атувай изобилуют солью, рыбною ловлею и жемчужными промыслами.

3. Из царства произрастений на островах сих находится корень таро, маи или индейской хлеб, перец, инбирь, банановое и хлебное деревья, сахарный тростник, виноградные лозы и прочие огородные растения.

4. Хлопчатая бумага родится там в великом изобилии и по сделанному опыту на пространстве 10 сажен собрано было $3^1/_2$ пуда чистой бумаги, ежели же засеять оную по всем островам, то считать можно будет от того ежегодной продажи на 4 или 5 миллионов пиастров, отвозя товар сей в Китай и Японию. Разведение саго (индейской хлеб) и винограда было сделано так же с великим успехом.

5. Излагается счастливый успех в разведении на сих островах гвоздики, мускатных орехов, корицы, кашенили, ванели, индиго, опиуму, шелковичных деревьев, кофею и всех прочих пряностей.

Торговые сведения

1. Островитяне сии производят меновую торговлю с американцами, которые привозят на Сандвичевы острова пушки, огнестрельные оружия, ядра, пули и порох, а выменивают сандальное дерево и с'естные припасы.

2. Владетель острова Овайги более прочих пользуется таковою торговлею. В 1817 году прибыл с его

Физические сведения

1. Вообще известно, что Сандвичевы острова изобилуют только сандальным и красным деревом; что же касается до находящегося на острове Атувай порта, к коему бы могли приставать и военные корабли, то о сем еще нет достоверного сведения.

2. Жемчужные ловли на сих островах также не были известны.

3. Весьма быть может, что все растения счастливого климата могут родиться и на сих островах, лежащих под тропиками.

4. Ежели и действительно справедливо, что там хлопчатая бумага родится изобильно, то остается вопрос, кем ее обрабатывать с выгодою и куда сбывать без непосредственной торговли с Японией и Китаем.

5. Предположение о успешном разведении пряностей не есть также благонадежно, ибо растения оных требуют великих забот, трудов, времяни и издержек. Выкладка, сделанная на счет хлопчатой бумаги, и величайших от того доходов, не имеет также основательного ручательства.

Торговые сведения

1. Видно, что меновая торговля сих островитян находится в руках американцов, которые как их соседи сильные на море, всякую другую державу, не имеющую в тех морях флоту, к сей связи не охотно допустят.

2. Продажа в 1817 году корабельного груза, принадлежащего владельцу острова Овайги в Кан-

грузом (состоящим из сандала) корабль под англинским флагом для продажи в Кантон, но англинский коммерческий совет не только сему воспрепятствовал, но и запретил строго на таковые случаи употребление флага своей нации, груз продал яко контрабанду и тем совершенно уничтожено начало сей торговли.

3. Климат Сандвичевых островов благоприятствует к заведению там мануфактур, а потому предполагается, принять только меры выписать из Бенгал фабрикантов, в надежде что будущая хлопчатая бумага доставит изделия для половины России, от чего и выгоды представлены не маловажными. При сем еще предполагается завести шелковичные деревья, вызвать из Китая работников, которые бы занялись воспитанием шелковичного червя и впоследствии учредить шелковые фабрики, наконец по разведении мериносов, Шеффер надеется выделывать хорошее сукно и даже со временем устроить сахарную фабрику.

Политические сведения

1. Сандвичевы острова послужить могут пунктом усиления владения наших на тамошних морях.

2. Тама-ама в 1794 году предлагал остров свой Овайги и свои права чрез капитана Ванкувера подданству Великобритании, но Сент-Джемский кабинет не принял оного, как видно из лондонских писем 1812 года подписанных лордами Ливерпулем и Батурстом.

3. Шеффер надеется, что российский двор примет решительные и скорые меры, чтобы завладеть островом Атуваем, где был

тоне, яко контрабандного, по настоянию английского коммерческого совета, находящегося в Китае, некоторым образом показывает, можем ли и мы за будущую нашу хлопчатую бумагу выручать англинские и китайские деньги.

3. Климат нужен не для заведения мануфактур, но для заведения плантации. Мудрено будет устроить правительству мануфактуры на островах, в другом полушарии находящихся, которые от ближайших русских владений то-есть, Алеутских островов находятся почти за 2 000 верст, сии последние от Санкт-Петербурга за 12 000 вер., следовательно, распоряжения по управлению сему будут насылаться за 14 000 вер.

Политические сведения

1. Покушение о занятии острова Атувая, коего владелец и сам на то был согласен, судами Российско-Американской компании было весьма неуспешно и послужило только к раззорению там заведенной Российско-Американской фактории и потери некоторого компанейского имущества.

2. Конечно, были достаточные политические причины и для англинского кабинета не принять в свое владение обладателя острова Овайги.

3. В феврале месяце прошлого 1818 года управляющий министерством иностранных дел, граф Карл Васильевич Нессельрод, уве-

уже русский флаг, по завладении коим, может взять и прочие острова, и основать там власть свою и чрез то иметь исключительную торговлю пушными товарами.

Число жителей на сих островах простирается до 100 тысяч человек, для охранения коих надлежит иметь достаточные военные силы, впрочем Шеффер думает, что два военные фрегата и несколько транспортов могут завоевать их. Издержки сего предприятия оплатятся продуктами первого года и особенно сандальным деревом и русский флаг окажется с благонадежностию и в самом Кантоне.

Чтобы утвердить политическое равновесие в Азии, Россия имеет надобность в Сандвичевых островах, по завладении коими предложить может дружбу свою Китаю, Японии, американским колониям, освободившимся от ига испанцев, как равномерно и покровительство островам Филиппинским и прочим народам.

4. Угнетение, в котором находятся жители островов Овайги, Мауви, Ранае, Ваге и пр., подает верную надежду к освобождению их из сего ужасного ига; Шефферу поручено испросить у его императорского величества о том, что бы взяты были острова сии во владение России.

5. Под скипетром великодушного монарха островитяне сии могут наслаждаться благоденствием, основать мануфактуры и производить торговлю. Скорые и верные меры доведут до сей цели без пролития крови. Ежели его императорскому величеству угодно будет доверить Шефферу завоевание Сандвичевых островов, то он надеется, несмотря на то, что не находится в воинском звании, исполнить сие с успехом, а чтобы с большею достоверностию произвесть таковое завоевание, то он привез с собою двух человек, имеющих подробные сведомил г. министра внутренних дел, что государь император изволит полагать, что приобретение двух Сандвичевых островов и добровольное поступление владельца оных Томари в его покровительство не только не может принесть России существенной пользы, но напротив, во многих отношениях сопряжено с весьма важными неудобствами, а потому его величеству угодно, чтобы с королем Томари ограничиться только постановлением благоприязненных сношений, в каковых он находится с другими независимыми государствами и действовать к распространению с Сандвичевыми островами торговых оборотов Российско-Американской компании, поколику они нужны будут, присовокупляя притом, что полученные донесения от доктора Шеффера доказывают необдуманные поступки его, подавшие уже повод к некоторым неблагоприятным заключениям.

4. Предположение о завоевании сих островов, опровергается вышеизъясненною волею его императорского величества.

5. Сей пункт заключает нескромное о себе мнение доктора Шеффера и по неосновательной его надежде на двух его помощников, тайона острова Уналашки и компанейского солдата, не заслуживает опровержения.

дения о географическом положении и языке сих островов. Один из них тайон острова Уналашки, готовый доставить несколько тысяч человек к услугам России, а другой солдат Российско-Американской компании, отличной храбрости.

Нач. От. Павел Острогорский.

Добавление, представленное Шеффером к записке, поданной им Александру I, 2 марта 1819 г.[1]

Если б потребно было знать, полезны ли для государства торговля Российско-Американской компании и самая сия компания или нет, то запрос сей разрешился бы сам собою тем, что торговлею сей компании за меховой американский товар приобретаются большие прибытки и еще больших оная ожидать может впоследствии времени от благоприятных случаев, самим временем доставляемых. И обстоятельства нынешние, как я о том изъяснил в моей записке, не могут быть благоприятнее, чтоб торговле сей доставить самым деятельнейшим средством прочное, надежное и благоуспешное распространение в сей части света, как самой торговле, как и колониям ее, занятием Сандвичевых островов. Без сего средства мы лишимся колониальных наших владений на северозападном береге Америки, и в скорости завладеют оными американцы Соединенных Штатов. С другой стороны, англичане ежегодно продолжают распространять свои владения в Азии, и Россия вскоре найдется принужденною прибегнуть к насильственным мерам, чтоб удерживать [выгоды], доставляемые ей ныне торговлею с Китаем, Америкою и иными частями в Азии. Американцы Соединенных Штатов под разными предлогами давно уже тем только и занимаются, чтоб нам учинять всякие препятствия в наших предприятиях в сей части света, употребляют даже для сего ложные донесения и разглашения, как-то якобы мы с ними находимся в войне и по сему вынуждены будем оставить Сандвичевы острова. Гражданин Бульфинк в Бостоне обнародовал ложь, что большая часть занимаемых Российскою компаниею в Америке селений уже учинилась его с товарищами собственностию. Они хитрят против нас в Китае, и об'явление 5 декабря сего 1818 их военным секретарем Колгуном публикованное, не оставляет ни малейшего сомнения в намерении их, чтоб уничтожить нашу торговлю между Азиею и Америкою. Зная сие их недоброжелательство, мы с г.-м. лейтенантом Подушкиным, руководствовались в торговых наших сношениях на Сандвичевых островах всякими благоразумными средствами, дружественно и условливаясь во всем непринужденно с островитянами. Англичане отказали в покровительстве, просимом владетелем Тама-амагою на острове Оваге — все же острова сии были открыты гишпанцами, которые никогда ими не занимались. Владетель же Томари на островах Атувае, Нигае и др. добровольно сам согласился быть зависящим от России и, конечно, не европейцы имеют право сими островами располагать, но сами островитяне. Стоит токмо взглянуть на карту, чтоб усмотреть все те

[1] ЛОЦИА, ф. департ. мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1819 г., д. № 406, лл. 24—25. Печатается по переводу с немецкого.

выгоды, каковых Россия ожидать может от обладания сими островами, но надлежит сие предприятие совершить в наискорейшем времени, ибо спустя с год в промедлении, уже будет поздно. При сем и то, что единственно от владения сими островами Россия сделается независимою по многим предметам, за которые платит иноземцам знатные суммы и каковые ей доставлять могут сии острова, как-то: сахар, кофе, пряности, лекарственные растения, красильные и прочие статьи, учинившиеся необходимыми для всех почти народов в свете. К тому же ни на Курильских островах, ни в Камчатке, ни в Охотске, ни на Алеутских островах и ни на наших берегах северозападной Америки не имеется ни соли, ни хлеба, а острова Сандвичевы изобилуют оными и по тому сими важными предметами споспешествовать могут ко благоденствию обывателей сих мест.

Георг Шеффер[1].

Записка главного правления Российско-Американской компании по вопросу о присоединении к России Сандвичевых островов, представленная в департамент мануфактур и внутренней торговли 18 марта 1819 г.[2]

Нельзя отвергать той великой пользы не для одной Российско-американской компании, но вообще для России, каковую может приносить обладание тропическими Сандвичевскими островами, или хотя одним из них. Благорастворенный воздух, неимение эпидемических болезней и опасных хищных животных, изобилие кокосовых и хлебных деревьев, хлебного плода тары, сладкого корня та-ги, из коего делается ром, дикого табаку, инбирю, кассии, красильной вохры, орехов кукусе, употребляемых в медицине, жемчугу, сандального и душистого дерева, из коих последнее любят китайцы для своих идолов, разного строевого лесу, в том числе есть род бакаута, соли, диких быков, свиней, растения, из коего делают веревки, также первоначальный опыт доктора Шеффера, показавший на возделанных и посеянных им землях, кои подарены и куплены были на Вагу и Атуае, что хорошо родятся: маис, сахарный тростник, бананы, виноград, померанцы, лимоны, табак, хлопчатая бумага, пшеница, все огородные овощи, и даже деликатные плоды — дыни, арбузы, ананасы; довольство рек, речек и озер, изобильных рыбами, некоторых островов хорошие пристанища, из коих на Атуае гавань Ганнареа может допускать суда довольно хорошей величины,— словом, все сие, вместе взятое, токмо в первоначальном обозрении, а не в том смысле, что может еще добавить к тому полезного новые опыты учреждения, попечительность и труды, составляют вероятнейшее соображение, что все вышеимянованные статьи дадут, несомненно, великие выгоды для торговли и довольствия, как северозападных наших колоний, так и Камчатки и Охотска, где жизненные припасы и соль необходимо нужны и оными со временем можно снабдевать оба сии края с изобилием. Одно отдохновение при сих райских островах идущим кругом света кораблям, которого нигде инде с лучшею благонадежностию в здоровье людей, в запасении продовольствия и совершенном покое иметь не нужно, делает уже бесценным обладание оных. Обогнув мыс Горн и идя к экватору, можно отдыхать токмо при Перуанских берегах, но смутные тамошние обстоятельства, подверженные, может быть, на долго мятежам, да и вообще тамошнее испанское пра-

[1] Помета: «Перевод верен. Пальмов».

[2] ЛОЦИА, ф. департ. мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., д. № 406, лл. 29—34.

вительство, неблагоприятствующее торговле иностранцев, весьма стеснительно для них, чего при Сандвичевых островах иметь уже неможно, даже и тогда, когда бы оные не были российскими.

Теперь предложат вопрос: по какому праву можно обладать сими островами. Ответ состоит в следующем:

а) Сии острова в первой раз открыты испанцами, ибо английский адмирал Ансон в начале минувшего столетия, когда полонил испанский галион, на пути из Акапулки в Маниллу, нашел между прочими бумагами карту, на которой в параллели 18° и 23° северной широты означены были оные острова. Вероятность сего подтверждается и тем еще, что они высочайшую на острове Овайги гору назвали по своему (La meza), что значит стол, ибо вершина сей горы и от самих диких называется Моуна-Роа, т. е. столовая. Но гишпанцы ни прежде, ни тогда, ни после не имели на них ни малейшего влияния.

б) В том же минувшем столетии приставал к ним известный английский капитан Кук, но ни он не об'явил их принадлежностью своего отечества, ни английское правительство не сделало своего на них притязания.

в) После Кука приставал к сим островам английской же капитан Ванкувер, который оные описал. Он думал по уважению тому, что как отечество его всегда старается искусною манерою приобретать значительные места, положить начало обладания теми островами в пользу Великобритании и для того не только назвал купу оных, в честь мецената своего лорда Сандвича Сандвичевскими, но и внес в журнал свой, будто нынешний обладатель оных Томи-Оми об'явил себя вассалом Англии, однако ж великобританское правительство также не сделало до ныне никакого шагу к присвоению себе оных. Хотя на них живет несколько человек беглых из Новой Голландии английских матросов, в числе которых давно уже поселился на Овайги такой же беглец зверонравный английский матрос Джон Юнг, но все они не от правительства посланы, и занимаемые ими земли приобрели покупкою. Что сии острова Англия не почитает своею принадлежностью, видно из писем, присланных к королю Томи-Оми в 1812 году из Лондона от лордов Ливерпуля и Батурста, в коих уведомляли его именем принца-регента, что предписано всем командирам британского флота маленькое мореходное суденышко, принадлежащее сему королю, признавать за его собственность, так же и другое еще небольшое судно, желаемое им иметь, велено построить в Новой Голландии и к нему оное прислать. Сии письма в копии читал доктор Шеффер у английского консула Вилькокса, пребывающего в Кантоне, чрез которого оригиналы доставлены к Томи-Оми.

г) Северо-американских Штатов шкиперы, отправляющиеся к нашим северозападным берегам, на пути своем всегда пристают на оные острова для освежения и подкрепления своего провизиею, равно и назад идучи или в Кантон, с приобретенными в наших колониях тайною торговлею пушными мехами, также пристают к оным для отдохновения, или для покупки у помянутых королей сандального и душистого дерева, которое, как выше об'яснено, очень любят китайцы. Но и сия нация никакого к обладанию сими островами предположения не сделала.

Следовательно остаются оные ни от кого независимыми. По сему поводу и уважая великую пользу, какую можно извлечь для России, особенно же для наших северозападных колоний, камчатского и охотского краев от изобилия тех островов и благоприятствующей почвы земли, доктор Шеффер, узнав желание королей Томи-Оми и Томари допустить русских людей к поселению и заведению факторий и плантажей, сделал к тому первый шаг; но зависть северо-американских шки-

перов и боязнь, что при водворении тамо русских они долженствуют весьма ограничить свои выгоды, особенно же облаготворенный ими престарелый, достойной презрения матрос Джон Юнг, имеющий большое влияние на короля Томи-Оми, человека бесхарактерного, дикого, злонравного, жадного к богатству и грабежу, деспота над своими однородцами, им притесненными до высочайшей степени, расстроили начатое тамо русских водворение.

Правлению компании известно, что северо-американские коммерсанты в Нью-Йорке и Бостоне, отправляющие корабли свои к нашим северозападным в Америке колониям, и вообще в Южное и Тихое моря, всегда избирают в шкиперы людей, самых бесчестных; ибо от честных не надеются иметь выгод. Сии снабжают себя экипажами из людей такого же сорта, как сами. Ежели сии убегут от них, они берут индейцов или сманивают с других судов. Для них нет ничего святого, кроме приобретения корысти, каким бы то не было образом. Вероятно, что и самое правительство их не знает ни про действия их, ни об них самих. В случае надобности употребляют они чужие флаги и готовы выдавать себя за принадлежащих тем нациям. От такого сорта людей чего можно ожидать? Кроме описанного случая на Сандвичевых островах, они и в самых колониях наших довольно оказали наглостей и злонамерений, о коих правление компании в разные времена доводило до сведения вышняго правительства, которое препоручило, находившимся в Филадельфии российским резидентам Дашкову и графу Палену внушить тамошнему республиканскому правительству, но не получили ниже удовлетворительных ответов; они же об'яснились довольно подробно на щет плавающих в Южном и Тихом морях шкиперах оной нации.

Принимая в уважение, что расстройка заведенных Российско-Американскою компаниею на островах Вагу, Атувае и Нигау факторий и возделанных насаждений, от которых в самом начале и при малых токмо опытах можно было ожидать изрядных польз, последовала токмо от самовольных неприязненных внушений и интриг вышеупомянутых северо-американских шкиперов, и особенно от старого Эбеца Гунта (о поступках которого в нашей Новоархангельской колонии правление компании доводило до сведения управляющего иностранным министерством от 26 апреля 1817 года), Адама и старого Джона Юнга, которые для корысти своей внушили обоим неблаговоспитанным и в первобытном состоянии человека живущим королям, презрение и к самим англичанам, которых они называют своими рабами; то легко надеяться можно, что при вторичном покушении завести с королем Томари торговые связи, основанные на ласке и благоприятстве, будут иметь успех и на самое прочное водворение, для которого уже не для права сильного, как доктор Шеффер предполагает, можно назначить два судна в транспорт и одно для прикрытия и до ста человек русских промышленных, из коих половина была бы в гарнизоне, а другая трудилась над насаждениями и разными заведениями, распространяющими безопасность, пользу и выгоду. Между тем, как все сие будет допущено, промышленные заведут родственные связи с островитянами, и, может быть, удастся им внушить и святость христианской религии, укрощающей зверские нравы. Словом теми же кроткими правилами, коими компания достигла тишины и спокойствия на островах Уналашке и во многих других местах — и ныне оными руководствуется, — не безнадежно достигнуть до желаемой цели. Прикрытие вооруженного судна, а особливо, ежели предназначенным государем императором к отправлению кругом света в каждый год по одному казенным военным судам, повелено будет заходить туда же для необходимых релашей и обозре-

вать действия наши, то, кажется, можно быть уверенными в совершенном успехе и в прекращении интриг неприязненных шкиперов, которые действуют отнюдь не по воле своего правительства, и которым можно дать то заметить. Повод же к сему есть самый благоприятнейший и именно доставление королю Томари всемилостивейше пожалованных в подарок вещей, получение которых и обязанность, врученная им самим доктору Шефферу на преданность его государю императору, должны убедить его в пользу русских. Между тем, может быть, престарелых короля Томи-Оми и Джон Юнга нет уже на свете, следовательно, и обстоятельства должны перемениться и сделать лучше для короля Томари, а тогда целить можно о заведении связей и на других островах — может быть, удастся и купить один которой-либо остров, которого и довольно будет для пользы и видов компании. Впрочем все сие предается на благоизволение его величества государя императора, пекущегося о пользе своих подданных.

Что принадлежит до доктора Шеффера, берущагося исполнять присвоение означенных островов вооруженною рукою, правление компании не имеет сведения о его в том способностях, но для исполнения заведения оно могло бы желать его тамо пребывания, ежели он согласен на то будет.

Первенствующий директор и кавалер Михайло Булдаков. Венедикт Крамер. Директор Андрей Северин.

Правитель канцелярии Зеленский.

Письмо управляющего министерством иностранных дел графа К. В. Нессельроде министру внутренних дел О. П. Козодавлеву, 24 июня 1819 г.[1]

Милостивый государь Осип Петрович.

Имев честь получить почтеннейшее отношение вашего высокопревосходительства под № 128 с приложением поступивших к вам бумаг от доктора медицины Шеффера и от главного правления Российско-Американской компании, о пользе и разных способах присоединить Сандвичевы острова к российскому скипетру, я докладывал о содержании сих бумаг государю императору.

Его императорское величество, к сожалению, изволил усмотреть из оных, что столь успешно начавшиеся дружественные и торговые связи компании с теми островами так скоро уже рушились и самым неприятным при том образом.

Обратив особое внимание на мнение правления, его величество изволил видеть, что несмотря на то, компания надеется, во-первых, восстановить благоприязненные сношения с владельцем Томари и, во-вторых, приобрести потом и распространить на оных островах собственное водворение миролюбивыми средствами.

Рассматривая представление компании в сем двояком отношении, его императорское величество повелел мне сообщить вам, милостивый государь, следующие замечания: главному правлению компании известно, что при самых благоприятнейших, как казалось, обстоятельствах, когда помянутый владелец, по собственному побуждению, сам просил о принятии его с подвластными ему островами в подданство Российской империи, то его императорское величество и в то время, устранив от себя сие добровольно предоставляемое ему право обладания, повелеть

[1] ЛОЦИА, ф. департ. мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1919 г., д. № 406, лл. 52—55.

изволил, чтобы компания, отклонив оное предложение, ограничила себя только постановлением таковых же благоприязненных и торговых с ним сношений, в каковых он находится с другими независимыми государствами. Сия высочайшая воля была основана на твердых уважениях, соображаясь с коими и ныне его императорское высочество тем менее признает за нужное переменять означенное правило, что самые последствия доказали, до какой степени оно основательно, и опыт подтверждает, сколь мало должно надеяться на прочность такового водворения.

Что ж касается до намерения компании стараться о восстановлении с теми островами дружественных сношений, то одобряя оное и желая полного успеха, его императорское величество уверен, что при благоразумных распоряжениях и осмотрительном выборе со стороны ее правления скромных и осторожных по делам исполнителей, компания приобретет сими средствами с большею благонадежностью те же выгоды и пользу, коих ожидает от непрочного сими островами обладания.

На сей конец его императорское величество соизволяет:

1) Чтобы компании было предоставлено употребить, по ее благоусмотрению, известные подарки, назначенные от высочайшего имяни владельцу Томари по прежним ее представлениям.

2) Чтобы в случае успеха, когда восстановятся ее сношения, она непременно руководствовалась теми только правилами, кои по высочайшей воле, об'яснены в отношении моем к вашему высокопревосходительству от 28 февраля прошлого 1818 года.

3) Чтобы для успеха в своих предприятиях, и особенно в сем деле, она поступала с наивозможною осмотрительностию при выборе людей, ею употребляемых, снабжая их притом самыми точными и ясными предписаниями и отнюдь не позволяя действовать произвольным образом, подобно последнему комиссионеру ее Шефферу, который при всех своих сведениях и усердии, не имея, как кажется, нужной осторожности, и через то подвергнув себя и компанию столь многим неприятностям, не может в тех местах употреблен быть с пользою.

4) Чтобы она была обнадежена, что всем начальникам отправляемых отсюда кругом света военных судов будет предписано, об'являть везде в тех отдаленных местах, что компания пользуется особенным покровительством его императорского величества, но что тем же начальникам будет предписано собирать наиточнейшие сведения и доносить сюда о действиях ее там поверенных.

Его императорскому величеству угодно, чтобы ваше высокопревосходительство об'явили о сем главному правлению компании для нужного исполнения.

Примите, и пр.

Гр. Нессельроде.

Из истории сношений казахов с царской Россией в XVIII в.

В XVI в.— «киргиз-кайсацкие орды» об'единились под главенством хана Хакк-Назара. Об'единение носило название Уч-Юз.

Персидский автор истории «Тариха-Хайдери» (1611 г.) называет Хакк-Назара государем казахским и киргизским.

О нападениях на ногайские улусы «казацкой орды» Хакк-Назара царя, Шигая царевича и Челыеса царевича — доносит посланный к ногайцам от царя Ивана Грозного Семен Мальцев.

Впервые о казахах заговорили в Московском государстве в XVI в. К казахскому хану был послан Иваном Грозным посланец Третьяк Чебуков. Посол не добрался до казахского хана и в 1573 г. был взят в плен близ Камы племянником сибирского хана Кучума — Маметкулом.

В дальнейшем Иван Грозный ограничился посылкой грамоты братьям Строгановым о беспошлинной торговле с «киргиз-кайсаками» (30 мая 1574 г.).

Во главе «киргиз-кайсаков» после Хакк-Назара стал двоюродный брат Шигай. В 1582 г. хан Шигай с «киргиз-кайсаками» участвовал в походе на Баба-Султана вместе с Абдуллою.

В борьбе с Баба отличился сын Шигая Султан-Тевкель. По окончании войны Султан-Тевкель получил от Абдуллы пожалование богатой одеждой и деньгами и богатый удел.

В 1586 г. Султан-Тевкель, пользуясь отсутствием Абдуллы, напал на Туркестан, Ташкент и Самарканд, но подошедшие из Самарканда войска во главе с братом Абдуллы Султаном-Ибадуллою отогнали отряды Султана-Тевкеля.

К 1594 г. относятся сведения о Тевкеле как о полновластном хане казахского народа.

В 1594 г. хан Тевкель пишет грамоту царю Федору и просит принять в вассалы «под царскую руку». Грамоту повез посол Кульмамет.

Посол хана Тевкеля добился встречи в Москве с кизылбашским послом Галибеком. Обратно с послом Кульмаметом были на два года посланы к хану Тевкелю переводчик Вельямин Степанов и служилые татары, а также толмач Гриша Мельников.

При от'езде Степанову было указано наедине сказать хану, чтобы «Тевкель царь и братья его царевичи — все были под царской рукой, а государь царь и великий князь учнет их от всех недругов оберегать и стояли бы они на бухарского и на Кучум царя и послал бы царь сына Усейна, а царь Ураз-Маметя царевича отпустит».

Послу Степанову велено было подробно разузнать о местах кочевий «киргиз-кайсаков», о числе разных людей и об их сношениях с Бухарой и с Кучумом.

30 мая 1595 г. московский посол Вельямин Степанов достиг кочевья хана Тевкеля и вручил грамоту и подарки, а через два месяца повез ответ от хана с его сыном Муратом царевичем и прежним послом Кульмаметом.

Путь был трудный и безводный. На Самару вышли только 21 сентября. 1 октября прибыли в Тетюши.

К сожалению до сих пор не обнаружено в архиве феодально-крепостнической эпохи письменных источников после 1594 г., относящихся к казахам. Известно только, что после смерти хана Тевкеля об'единение трех казахских орд (Большой, Средней, Малой) было нарушено. Хан Ишим, брат Тевкеля, сидел в Туркестане и Турсун-хан — в Ташкенте.

После смерти в конце 1628 г. хана Ишима в «киргиз-кайсацких ордах» утвердились следующие султанские фамилии, возглавляющие их: в Малой орде — род Булакай-Кулков или Усяков, в Средней — Ядикова или Шигаева и в Большой орде — Юльбарса.

Между тем, двигаясь с юга, узбеки захватили Ташкент. В 1630 г. образовалось Джунгарское ханство во главе с контайшей Эрдени-Батур-Убуши. Наиболее заманчивыми для джунгарцев оказались казахские степи. Завязалась борьба, растянувшаяся на полтора столетия. Сын хана Ишима хан Джеангир во время борьбы попал в плен к джунгарцам. Однако вскоре хану Джеангиру удалось освободиться. В 1643 г. хан Тайцза-Батур двинулся с 50-тысячным войском в казахские владения.

Однако Джеангиру удалось разбить армию Тайцза-Батура.

В конце XVII в. казахские ханы снова начали борьбу между собой.

В это время с юго-запада стали нападать волжские калмыки, с севера — башкирцы и с востока — джунгары.

В 1715 г. хан Абулхаир обратился к Петру I по вопросу об обмене пленных. Через два года «киргиз-кайсацкие» ханы — Тявка, Каип и Абдулхаир обратились за помощью к России. Петр I немедленно отдал распоряжение сибирскому губернатору кн. Гагарину войти в сношение с казахами и помочь им в борьбе с Джунгарией. Переговоры не привели к положительным результатам.

В 1723 г. джунгарский хан овладел Туркестаном. Средняя и Малая орда киргиз-кайсаков» откочевали к северу и западу к реке Эмбе.

Петр I внимательно следил за положением дел в Средней Азии и приготовился послать к «киргиз-кайсакам» старшего переводчика по секретным делам Мемешева (Алексея Ивановича Тевкелева). Петр I говорил «и буде оная орда в точное подданство не пожелает, то стараться, несмотря на великие издержки, хотя бы до мелиона издержать, но токмо, чтобы только одним листом под протекциею Российской империи быть обязать».

Находясь в 1722 г. в Астрахани во время Персидского похода, Петр, по словам Тевкелева, «чрез многих изволил уведомиться об оной орде,... всем азиатским странам и землям оная де орда ключ и врата и той ради причины оная де орда потребна под Российской протекцией быть, чтобы только чрез их во всех странах комоникацию иметь и к Российской стороне полезные способные меры взять».

От времени Петра I сохранилась грамота 1717 г. 12 сентября о приезде в Тобольск к сибирскому губернатору двух посланцев из «киргиз-кайсацкой орды» с прошением: 1) примириться с ними и воевать вместе против контайши, 2) дозволить строить города и прислать удостоверяющую о сем грамоту.

В 1726 г. снова делается попытка завязать связи с Россией. Из «киргиз-кайсацкой орды» приезжает Кабар Кобяков с прошением о размене пленных и о позволении кочевать около Яика.

Абулхаир, хан Малой орды, просил российское правительство построить город на реке Яике при устье реки Ори, обещаясь послать от каждого рода по одному человеку в город для разбора судебных дел «киргиз-кайсаков».

Тевкелев добился отправки аманата в Россию в лице ханского сына Нурали салтана. Ханы Каракалпацкой и Средней орды также послали в 1734 г. своих представителей для переговоров о переходе в русское подданство.

Российское правительство усиленно строило крепости: Тевкелев брод (Новосергиевка), Переволоцкую, Чернореченскую, Ельшанскую, Каролайскую, Иргульскую, Бердскую, Губерлинскую. В 1739 г. по приказу кабинета министров

велено «город Оренбург строить по Красной горе, а прежний Оренбург назвать Орской крепостью».

Малая орда перешла в вассальную зависимость в 1730—1738 гг. Средняя — в 1740—1742 гг. Большая орда окончательно была приведена в вассальную зависимость в 80-х годах XVIII в.

Несомненный интерес представляет публикуемое донесение Тевкелева от 8 октября 1748 г. в государственную коллегию иностранных дел, которое вскрывает положение «киргиз-кайсаков» в XVIII в.

Грабительская политика Российской империи — тюрьмы народов, сказалась прежде всего в наложении большого ясака на перешедших в «вассальное подданство» в XVIII в. «киргиз-кайсацкие орды». Нам известно, что по договору 1730 г. Абулхаир хан обязан был ежегодно уплачивать ясак — 4 000 лисиц, зять его Батырь Махомет салтан — «1 000 лисиц да 1 000 корсаков», сын его хан Нурали салтан — 1 000 лисиц. Взимание аманатов, постройка крепостей на казахских землях (1738 г.), указ о выжигании в осеннее время Астраханских степей (1748 г.), наказание за виновного казаха его родичей и целого улуса (1749 г.), организация особого пограничного суда в Оренбурге (1787 г.) — все это вскрывает грабительскую сущность колониальной политики царизма.

Угнетение местными ханами казахов и колониальный гнет вызывали возмущение и сопротивление. Известны их участие в пугачевском восстании и волнения казахов под руководством Сырыма.

В. Лебедев.

Грамота императрицы Анны киргиз-кайсацкому хану Абулхаиру, февраль 1731 г.[1]

(л. 1). По указу ея императорского величества в коллегии иностранных дел решено х киргизскому Абулхаир хану и ко всему войску с посланцы их, сюда присылаемыми, послать ея императорского величества грамоту и посылаемому к ним переводчику Тевкелеву дать инструкцию и с ним послать особую грамоту следующего содержания:

Божиею поспешествующею милостию мы всепресветлейшая державнейшая великая государыня Анна Иоанновна императрица и самодержица всероссийская (п. т.)... киргиз-кайсацкой орды Эбулхаир хану, старшине и всему кайсацкому войску нашего императорского величества милость.

(л. 1 об.) Понеже мы великая государыня наше императорское величество из писания твоего Эбулхаир хана чрез посланцов твоих Кутлумбетя Коштаева да Сейткула Куйдагулова усмотрили желание твое со всем твоим владением быть в подданстве нашем и с поддыными российскими с башкирцами быть в миру, а те посланцы твои, Эбулхаир хана, словесно здесь доносили, что желаешь ты, хан, с войском касацким быть в подданстве у нас на следующих пунктах:

1) Обещаетесь нашему императорскому величеству служить верно и платить ясак так, как служат башкирцы; 2) чтоб от подданных российских обид и раззорения вам никакова не было; 3) ежели на вас касаков будут нападать какие неприятели, чтоб вы могли от того нашим и-го в-ва защищением охранены быть и счислять бы вас с подданными российскими; 4) чтоб ясырей, взятых от вас башкирцами и протчими российскими подданными, вам возвратить, а вы обещаете взятых россиян отдать, и з башкирцами и с калмыки быть в миру, и мы, великая государыня, наше и-е в-во тебя, киргис касацкого Эбулхаир хана, старшину (л. 2) и все киргиз-касацкое войско пожаловали,

[1] ГАФКЭ, МИД, «Сношения России с киргиз-кайсаками», 1731 г.

повелели по прошению вашему принять вас в подданство на вышеизображенных требуемых вами пунктах, и потому надлежит вам хану и всему войску, касацкому содержать себя всегда в постоянной верности нашему и-му в-ву и к нашим наследником; и когда по указу и-го и-го в-ва будет вам наряд куда на службу нашу з другими подданными российскими, з башкирцы и с калмыки, тогда вам с ними вместе в определенные места ходить со всякою охотою; на башкирцов, и на яицких казаков, и на калмык, и на других русских подданных никаких нападений, набегов и обид весьма не чинить и жить с ними мирно и безсорно; такожде купцам российским подданным, ездячим из Астрахани и из других мест с караваном и особь к вам и чрез ваши жилища и кочевья в другие места, никакова препятствия и обид не делать, но напаче оных от всяких опасных в пути случаев охранять и в проездах их потребное вспоможение чинить.

Посланцы твои Эбулхаир хана допущены были пред нас, и в бытность их в Москве довольствованы кормом и на отпуске (л. 2 об.) пожалованы нашим жалованьем и отпущены к тебе, Эбулхаир хану, и подводами и в дорогу на корм такожде удовольствованы. В прочем на милость нашего им-го в-ва быть тебе, Эбулхаир хану, надежну [1].

Инструкция посланному к киргиз-кайсакам М. Тевкелеву, февраль 1731 г. [2]

Инструкция государственной колегии иностранных дел переводчику ориэнтальных языков Маметю Тефкелеву, данная в нынешнем 1731-м году февраля в... день, по которой ему чинить надлежит. 1. Ехать ему в киргис-касацкую орду, где обретатись будет главной их и первой хан Эбулхаир, того хана с посланцы Кутлумбеть Коштаевым да Сеиткул Куйдагуловым, присланными от него сюда и отпущенными с ним, Тефкелевым, вместе; 2) и приехав, ему Тефкелеву к тому Эбулхаир хану быть у него и говорить: понеже ко всепресветлейшей государыне Анне Иоанновне императрице и самодержице всероссийской к ея и-му в-ву нашей всемилостивейшей государыне прислал ты Эбулхаир хан посланцов своих Котлумбетя Коштаева да Сеиткула Куйдагулова с листом своим и с словесным прошением о принятии тебя хана со всем твоим владением в подданства российсское, и быть бы вам с подданными российскими в миру, и ея и-е в-во всемилостивейшая государыня императрица вас киргис-касацкого хана Эбулхаира, (л. 3) старшину и все киргис-касацкое войско пожаловали, повелели по прошению вашему в подданство российское принять, о чем к тебе Эбулхаир хану и ко всему войску касацкому ея им-го в-ва грамота с посланцы твоими прислана, и копия на татарском языке приложена, и в подтверждение того и в знак своей императорской милости ея им-е в-во всемилостивейше соизволила и меня с своею им-го в-ва грамотою к вам отправить и указала мне вас обнадежить, что ея в-во вас Эбулхаир хана и все киргис-касацкое войско в неотменной своей

[1] Конец грамоты отсутствует. В том же деле в пересказе этой грамоты читаем: «и что он Тефкелев имянем и по указу нашему будет говорить и предлагать, и в том ему тебе Эбулхаир хану и всему войску касацкому верить и по тому исполнять, и ево возвратно к нам отпустить с таким ответом, как мы о твоей Эбулхаир хана и всего войска касацкого к нам великой государыне к нашему и-му в-ву верности по справедливости уповать имеем. А во знак вящей нашей и-го в-ва милости посылается к тебе Эбулхаир хану с ним Тефкелевым нашего им-го в-ва жалованья — кафтан, шапка, и сабля, и сукна, и протчее по приложенной при сем росписи. Дан в Москве лета 1731 февраля 19-го дня, государствования нашего 2 год.»

[2] ГАФКЭ, МИД, «Сношения России с киргиз-кайсаками», 1731 г., лл. 1—6.

милости содержать будет и надеется взаимно, что и вы хан и все войско к ея им-му в-ву всегда в такой непоколебимой верности содержать себя будете, как то по вашему обещанию и верным подданным надлежит. И во знак же ея им-ой милости прислана со-мною особливо другая ея им-го в-ва грамота к тебе хану да жалованья — сабля, шуба соболья, да шапка с лисицею черною и сукна, и протчее. И тое грамоту ему хану подать и жалованье об'явить и отдать же. Также, ежели при том Эбулхаир хане будут (л. 3 об.) протчие ханы, и ему Тефкелеву тех ханов такожде обнадежить ея им-го в-ва милостию, и приличное жалованье дать, разведав о каждом из них, кто чего достоин; 3) посем ему Тефкелеву стараться, яко о найглавнейшем деле, дабы в верности к ея им-му в-ву оной Эбулхаир хан со всеми другими ханы и с старшиною и с протчими всеми киргис-касаки присягу по своей вере на алкаране учинили, и тое руками своими подписали и ему Тефкелеву отдали; 4) и когда они сие учинят, тогда ему Тефкелеву, будучи тамо между ими, усматривать и розведать, желательно ль они в то подданства вошли, и буде желательно все к тому приступили, тогда ему Тефкелеву чинить и следующее. Понеже в листу того Эбулхаир хана написано только о сем, что он хан со всем своим владением желает быть у ея им-го в-ва в подданстве, а присланные ево словесно доносили, что хотят служить и ясак платить так, как служат и платят оной ясак башкирцы, когда же те посланцы спрашиваны, что для уверения о их верности дадут ли ханы из своих детей или из свойственников в оманаты, и они ответствовали, что надеются дать в оманаты из знатных людей на Уфу, ежели им определены будут (л. 4) кормовые деньги. Сего ради ему Тефкелеву после подания грамоты Эбулхаир хану и обнадеживания ево милостию ея им-го в-ва, и по учинении присяги быть у него хана на иной день и говорить, что, понеже он Эбулхаир хан со всем войском касацким учинился ныне в подданстве у ея им-го в-ва всероссийской, как и башкирцы, и во знак верности своей учинили присягу по закону своему на алкаране, то надлежит им и пункты, каковы в грамоте ея им-го в-ва, к нему присланной, описаны, руками своими подписать, как все подданные ея им-го в-ва то чинят, и как башкирцы, показуя свое верное подданство, платят ясак и аманатов дают на Уфу, так бы и они, показуя верность свою, ясак платили и аманатов на Уфу дали. И к сему приводить ево Эбулхаир хана добрым способом, представляя им пристойные резоны; 5) а ежели по тому ево Тефкелева представлению и домогательству он Эбулхаир хан к платежу ясака и в даче на Уфу аманатов будет не склонен, и то опустить и усильно о том не домогатца, только старатися, чтоб он Эбулхаир (л. 4 об.) хан с протчими начальными пункты подписали и жили в верности; 6) и ежели он Эбулхаир хан взаимно будет у него Тефкелева требовать таких же пунктов за ево Тефкелевою рукою, и ему сказать, что хотя таких пунктов ему Тефкелеву давать было не для чего, ибо те все пункты описаны в грамоте ея им-го в-ва, к нему хану присланной, однако ж он Тефкелев по желанию ево хана учинит, и такие пункты ему Тефкелеву за своею рукою [готов] дать и теми с ними розменяться; 7) буде же он Эбулхаир хан по представлению и домогательству ево Тефкелева и пунктов дать не похочет, и ево к тому приводить и склонять, дабы он хан в ответной свой лист к ея им-му в-ву (которой ему хану с ним Тефкелевым прислать надлежит) те пункты внес и обещал бы оные содержать и подписал бы тот свой лист он хан и, ежели возможно, и другие начальные, а ежели и того он не похочет, то хотя б он так в листе своем написал, что все то, что в грамоте ея

им-о в-ва, к нему присланной, написано, содержит. Также предлагать (л. 5) ему хану, чтоб он прислал в Москву посланцов своих и оным велел здесь жить для предложения о ево ханских и войсковых делех и обнадежить ево хана, что те посланцы ево здесь содержаны будут во всяком довольстве, и корм и квартиры будут им даваны; 8) ему ж Тефкелеву говорить ему Эбулхаир хану и домогатца о свобождении российских пленных, сколько их тамо есть, дабы при бытности ево Тефкелева все были собраны и ему отданы, представляя ему хану, что чрез сие свобождение пленных покажется к ея им-му в-ву ево Эбулхаир хана истинная подданическая верность и служба, за что он наибольше от ея им-го в-ва имеет быть пожалован; 9) как туда едучи, так и назад возвращаяся, иметь ему Тефкелеву журнал или повседневную записку, а наипаче пути, которым он имеет ехать от Уфы и 1) описать о башкирцах, какие они имеют жилища или кочевья, городы, села или деревни, и какое их правление и состояние и промыслы и пожитки, 2) между теми (л. 5 об.) башкирцы далеко ль разстояние, какие где жилища есть и какие званием и великостью реки и иные воды, и чрез оные где и какие переплавы, леса и степи, и далеко ль одно от другова разстоянием, и не имеетца ль каких засек или перекопей или других каких ко обороне их крепостей, 3) о тех самых киргисцах усматривать и розведать, а особливо о начальном их киргис-касацком Эбулхаир хане какова состояния он есть, сколько владения ево городов и мест, дворов, кибиток или числом людей, и, кроме ево хана, кто имяны другие ханы, и имеют ли они особые свои городы или места или кочевья, и сколько которой имеет, и каким званием, и при городах и при жильях имеется ль пашня, сады и иные какие промыслы, и ханы и владетели кочевные и городовые послушны ль главному Эбулхаир хану, и наследные ль или обиранные, и ясак или иные какие зборы с подчиненных их они собирают ли, и посколько в год тех зборов главному Эбулхаир хану и протчим бывает, и все ль один магометанский закон держат или суть из них других каких законов люди, и посланцов сюды Эбулхаир хан с согласия ль других ханов и всего народа присылал, и народу приятно ль сие, (л. 6) что они приняты в подданство ея им-го в-ва, купечество они какое и с какими соседними народы имеют ли, и с того какие на хана доходы бывают ли, и ремесла какие, а особливо оружейные, и заводы селитренные и пороховые имеют ли, и умеют ли они сами пушки лить, и иное ружье делать, а буде они сами пушек и ружья и пороху не делают, то откуда получают и за деньги ль купят или на какие товары меняют, жилища и кочевья их касацкие с кем граничат и с кем они ныне в миру и с кем в войне, и кроме того пути, которым он будет ехать, другие от которых российских городов имеется ль дороги, и способны ль те дороги к проезду; 10) сие ж все ему Тефкелеву разсматривать и розведывать и записывать искусным способом, не дая никому знать, что чинит по указу или по инструкции, но яко бы сам собою, хотя ведать для себя, дабы о сем, что он делает по указу, не токмо тамошние народы, но и ис тех, кои с ним Тефкелевым посланы будут, не признали; 11) ежели аманатов Эбулхаир хан с ним Тефкелевым (л. 6 об.) отправит, тех оставить на Уфе и приказать их содержать, как в пунктах написано или чего еще сверх того будет хан требовать; освобожденных из плена такожде отдать на Уфе воеводе, а ему оных роспустить в домы их, где кто жил, а сюда привести им имянную роспись со обстоятельными ведомствами, а особливо о российских, кто какова чина и которого города, и давно ль, и кем взят был в полон; 12) учиня то все вышеписанное и возвратясь

в Москву, подать в колегии иностранных дел всему тому обстоятельную записку и о росходе посланной с ним казне ведомость за рукою своею. А грамоты отпустить без подписи, только за среднею печатью под кустодиею.

Канцлер граф Головкин. Андрей Остерман.

Проезжая по городам, данная Тевкелеву из коллегии иностранных дел, 19 февраля 1731 г.[1]

(л. 30) По указу ея им-го в-ва самодержицы всероссийской и пр. и пр. и пр.

По ея им-го в-ва указу послан с ея им-го в-ва грамотою киргис-касацкой орды к Эбулхаир хану государственной колегии иностранных дел переводчик Маметь Тефкелев и с ним послано ея им-го в-ва жалованья ему Эбулхаир хану и другим ханам и старшинам, мяхкая рухлядь и товары в 3-х паках за колежскою печатью. И от Москвы по надлежащему тракту до Казани и до Уфы господам генералом-губернатором, губернатором, воеводам и протчим воинским и гражданским управителем и на заставах учрежденным того переводчика Тефкелева с людьми, посланными с ним, и киргиских посланцов, и башкирцов, и в конвое посланных, и при них обретающихся ундер-офицера, солдат и толмачей, (л. 30 об.) и пожалованье им посланцом и покупные здесь вещи, которые по приложенной при данной им особливой проезжей и росписи здесь ис камор-колегии осматриваны и запечатаны таможенною печатью, пропускать и подводы по поддорожным ямской канцелярии давать везде без задержания. И ежели в котором городе пожелают для чего остановитца, и им давать на время квартиру и в протчем чинить вспоможение, и наипаче, ежели где имеется в пути в проезде опасность, в таком случае давать им к определенному конвою в прибавок салдат или городовых служилых людей, сколько где потребно, с ружьем какие где есть. И прочитая сей указ и в городех списывая с него копии, отдавать переводчику Тефкелеву, а об отправлении ево Тефкелева с Уфы в киргис-касацкую орду брегадиру и воеводе господину Бутурлину учинить по особливо посланному к нему ея им-го в-ва указу.

Канцлер граф Головкин.
Секретарь Иван Аврамов.

Перевод с письма киргиз-касацкого Абулхаир хана, полученного в городе Уфе через посланца ево Абулхаир хана Сиюн-дюк багатура к переводчику Маметю Тефкелеву[2].

(л. 127) Высокостепеннейшую и славнейшую государыню возшествием на золотой престол поздравляю. Ежели ея в-во высокую десницу на нас положит, а мы главы свои приклонять будем, и какую службу на нас положить соизволит, от всего нашего сердца и со всею душою служить будем. И с помощию божию махометанского закона знатной бухарской хан Аблфеиз хан отдался в мою волю, брат мой хивинской хан Албас хан отдался в мою ж волю, качующие по реке Хадже Ченнет Дарьяс Ак батур бей в мою ж волю отдался, Барак хан, владение ево 4000, город Ташкент, Торкостан в наших руках (л. 127 об.) понеже несколько пленников имеетца в их руках, а несколько пленников имеетца в наших руках, и оным пленником так

[1] ГАФКЭ, МИД, «Сношения России с киргиз-кайсаками», 1731 г., лл. 30—31.
[2] Заголовок подлинника. ГАФКЭ, МИД, «Сношения России с киргиз-кайсаками», 1731 г. л. 127. — Об этом письме см. ниже, стр. 1 6.

трудитца ко имени нехорошо[1] воля ее государыни, чтоб их купцы к нам приезжали, а наши бы к ним ездили, а плачющих увеселять пристойно к славе ея государыни, а бухарцы в моей воле, а с Ургачем обсылатца в моей же воле. Тако сие письмо и написал, а в протчем словесно об'явит вам Сиюн-дюк багатур.

Донесение М. Тевкелева в коллегию иностранных дел, 26 августа 1731 г.[2].

(л. 116) В нынешнем 1731 году апреля 30 числа из государственной коллегии иностранных дел отправлен я нижайший с ея им-го в-ва всемилостивейшей государыни императрицы грамотою в киргис-кайсацкую орду к Абулхаир хану. И прибыл я нижайший в город Уфу и при мне киргиз касацкия посланцы минувшего июля в 4 день благополучно. Того же числа ея им-го в-ва из государственной коллегии иностранных дел указ брегадиру и уфимскому воеводе господину Бутурлину об отправлении моем в киргиз-касацкую орду подал. И по оному указу господин брегадир Ботурлин из уфимской правинциальной канцелярии августа 14 числа прислал ко мне для караулу в киргиз-касацкую орду салдат 10 человек, а для конвою 10 человек дворян, 10 человек казаков, 30 человек башкирцов да в подводы 10 лошадей, 10 верблюдов; а оные лошади и подводы взяты с мещереков, и з тептерей, и з бобылей, то есть мещереки татара сходцы из давных лет из верховых городов, податей в город Уфу никаких не платят, токмо де из давных лет по наряду служили службу, а тептери те ж татара сходцы же из Казанской, из Воронежской губерен, живут из найму на башкирцких землях, в город Уфу платят ясак по малому числу, бобыли — беглые татара, чуваша, черемиса — живут на башкирцких же землях из найму, податей никаких не платят, а некоторые де из них куншной и медовой ясак пла[тя]т.

Июля в 7 день пришел ко мне нижайшему башкирец Алдар бай и при нем (л. 116 об.) киргиз-касацкого Абулхаир хана один знатной человек, а имя ему Махаметь Ходжа, у которого де в киргиз-касацкой орде дяды в духовенстве первой человек, которого все ханы и киргиз-касацкие старшина в великом почтении содержат. И оной ходжа об'евил мне нижайшему, что киргиз-касацкой орды Абулхаир хан обретаетца при реке Торгай и при реке Иргизь, которые реки ростоянием от Уфы недель 5 или 6; и желает де Абулхаир хан со всею своею охотою быть в подданстве ея им-го в-ва. И другие де ханы кочуют при нем. Июля 8 был у меня он же башкирец Алдар бай, между протчих слов говорил я ему Алдару, не будет ли опасность в пути от набегов киргиз-касаков и протчих тамошных народов нам обиды, ежели не будет знать о призде моем Абулхаир хан. И оной башкирец Алдар бай сказал: конечно надобно послать наскора, ежели де в пути что зделаетца, чтоб он Абулхаир хан неведением не отговаривался. Того ради июля 9 числа отправил Алдар бай своего сына да одного из киргиз-касацких посланцов, называемого Росбая, а я нижайший от своей стороны отправил одного доброжелательного башкирца Кидиряса Моллакаева, которой был в Москве с киргиз-касацкими посланцы. И приказал я нижайший оному башкирцу Кидирясу доведоватца искусным образом о намерении Абулхаир хана и протчих ханов и киргиз-касацких старшин, суще ль они в том намерении содержатца, о чем послали своего посланца Кутлумбетя Коштаева, или иную какую намерению имеют, понеже оной

[1] Так в подлиннике.

[2] ГАФКЭ, МИД, «Сношения России с киргиз-кайсаками, 1731 г., лл. 116—119 об.

башкирец (л. 117) Кидирясь Моллакаев зело к российской стороне доброжелателен и человек неглупой. Июля в 14 день Абулхаира хана посланец Кутлумбеть Коштаев об'евил мне нижайшему, что после де ево от'езду из киргиз-касацкой орды в Москву многократно набегами ездили башкирцы в киргиз-касацкую орду, брали в плен людей и отгоняли лошедей и верблюдов немалое число, а от них де киргиз-кайсаков напротив того башкирцам такими же набегами никакого разорения не учинено, чтоб ему посланцу Коштаеву оных взятых башкирцами в плен ясырей, лошадей, верблюдов возвратно отдать ныне, на что я нижайший ему посланцу Коштаеву ответствовал следующее: что взятых башкирцами у киргиз-касаков ясырей, лошадей, верблюдов ныне ему посланцу Коштаеву отдать невозможно за многи притчинами, Первое, что ближе 3 или 4 месяцев ясырей, лошадей, верблюдов за дальностию их четырех дорог от башкирцов, отобрать отнють невозможно, и за тем жить в городе Уфе ему Тефкелеву и посланцу Коштаеву будет немалое продолжение; второе, может быть, и киргиз-касаки у них башкирцов тако ж де брали в плен ясырей и отгоняли лошадей, и оные от обеих сторон обиды розысковать прежде времени невозможно. А как он Абулхаир хан и протчие ханы и киргиз-касацкие старшина ея им-го в-ва в подданстве быть присягою своею (л. 117 об.) утвердятца и росиских пленников возвратят, и их взятые башкирами ясыри и лошади возвращены будут. А что ныне в киргиз-касацкую орду башкирцам войною и набегами не ходить и взятых ясырей на сторону не продавать, и им киргиз-касакам на окоп не отдавать до указу, ко всем башкирцам ея им-го в-ва всемилостивейшей государыни императорицы указ пошлетца. И оной посланец Коштаев тем учинился доволен.

Сего августа в 22 день оной мой посланной в кизгиз-касацкую орду доброжелательной башкирец Кидирясь Моллакаев и с ним посланцы от Абулхаир хана и от Батур солтана 4 человека прибыли, а главному посланцу имя Сиюн-дюк. И оной Кидирясь мне словесно об'евил, что он у Абулхаир хана был и о прибытие моем и посланцов ево в город Уфу об'евил. И Абулхаир хан безмерно де радовался, и он Абулхаир хан ему Кидирясу сказал, что слышал де он, бутто ево посланцы были в Рассии одержаны и ея им-е в-во всемилостивейшая государыня императрица ево Абулхаир хана в подданство принять не указала, к тому же де башкирцы (л. 118) многократными набегами ясырей в плен брали, лошедей отгоняли, и он де Абулхаир хан думал тако, что башкирцы на них набегают, не сабою знатно, по указу ея им-го в-ва, и были де в великом опасении, того ради откочевали было дале. И он башкирец Кидирясь ему Абулхаир хану об'евил, что де сказывали, якобы ево посланцы в Рассии одержаны и ея им-ое в-во в подданство всероссиское принять ево Абулхаир хана не указала, то де неправда, понеже он башкирец Кидиряс сам был с ево посланцами в Москве и посланцы его приняты в Москве милостию и жалованием ея им-го в-ва награждены довольно, и в росиских городех одержаны никогда не бывали, а что в Казани они жили, ожидали Тефкелева и тамо были во всяком довольстве, о чем он Абулхаир хан известен быть может чрез своего посланца Росбая, которой приехал к нему Абулхаир хану с ним башкирцом Кидирясом. (л. 118 об.) И как де уведомился он Абулхаир хан, что ея им-ое в-во всемилостивейшая государыня императрица милостиво соизволила указать ево Абулхаир хана в подданство всероссиское принять, и для того де отправлен к нему Абулхаир хану переводчик Тефкелев, и возвратился де он Абулхаир хан со всеми своими улусы паки назат к реке Иргизу, и наредил де сына своего Нурали салтана да зятя своего Батур салтана навстречю ко мне

нижайшему с тысечью человеки, и будут де сын ево и зять встречать на границе, тово ради, чтоб мне не было от киргиз-касаков или от других народов какия в пути нападения. И с оным посланцом Сиюн-дюком прислал Абулхаир хан ко мне письмо за ево печатью, которого письма с переводом, при сем посылаю. При том же оной посланец ево Абулхаир хана подал мне нижайшему неписаной лист за двума ево Абулхаир хана печатью и об'явил словесно, присланой де оной неписаной лист в такой силе, якобы он Абулхаир хан, показуя свою верность, не токмо, что он желает быть в подданстве всеросийском, но трудитца и других народов привести в подданство ея им-го в-ва, чтоб я на том неписаном листе к ея им-му в-ву написал своею рукою именем ево Абулхаир хана, об'явля верность ево, и что де он Тефкелев (л. 119) напишет, Абулхаир хан спорить не будет. Такожде оной посланец Сиюн-дюк об'явил мне нижайшему словесно же, что в Хиве ныне ханом брат двоюродной ево Абулхаир хана и желает де быть в подданстве ея им-го в-ва всемилостивейшей государыни императрицы всеросиской, такожде и другие владельцы, которые написаны в присланном письме ко мне нижайшему от него Абулхаир хана в подданстве быть всеросиском желают же де. Ежели ж письмо Абулхаир хана и словесной ево ко мне приказ будет правда и подлинно пожалают бухарской хан и хивинской хан и протчие владельцы ея им-го в-ва быть в подданстве, а сами к нему Абулхаир хану не будут и пришлют своих посланцов для договору и для присяги просить меня в Бухар и в Хиву, мне нижайшему туды ехать ли или требовать у них, чтоб они прислали своих полномочных посланцов за руками их и за печатьми грамоту, учинить с ними договор и присягою утвердить у Абулхаир хана. А по моему слабому мнению, пока я нижайший у Абулхаир хана буду и достоверно уведомлюсь, что бухарской хан и хивинской хан подлинно желают быть в подданстве ея им-го в-ва, или то неправда, до того времени бухарского посланника из Москвы отпустить не надлежит, а ежели ж хотя из Москвы он и отправлен, то можно ево и в Астрахани удержать, чтоб он, приехав туда, не учинил какое помешательство, а как я нижайши прибудут ко бухаир хану и уведав подлинно, в государственную коллегию иностранных дел с нарочным немедленно писать буду. Однако ж других владельцов усмотря ко интересу ея им-го в-ва всемилостивейшей государыни пользу в подданство принимать и присягою утверждать буду. Бухар и Хива от Абулхаир ха[на] ростоянием недели 2 или 3.

Того ради высокоучрежденную коллегию иностранных дел всепокорнейше прошу о вышепоказанных о немедленной резолюции, и для того оставил я нижайший у уфинского воеводы (л. 119 об.) полковника господина Кошелева 2-х доброжелательных башкирцов. Ежели соизволит государственная коллегия иностранных дел ко мне нижайшему повелительные указы отправить, и оные башкирцы до меня привезут в целости. А отправился я нижайший из Уфы в киргиз касацкую орду сего августа в 26 день.

Мамет Тефкелев.

Донесение М. Тефкелева в коллегию иностранных дел, 5 января 1732 г.[1]

(л. 10.) Минувшего октября 2 дня прошлого 1731 году от Абулхаир хана навстречю ко мне прислан был сын ево Нуралы салтан с знатными людми к реке Иртынь и того ж октября 6 дня в урочище Манигубе я нижайший к Абулхаир хану по полудни во втором часу прибыл, а

[1] ГАФКЭ, МИД, «Киргиз-кайсацкие дела», 1732 г., лл. 10—35.

встреча мне была от кибитки Абулхаир хана в 2 верстах. Того ж числа в полночь Абулхаир хан прислал ко мне тайно, чтобы я к ним шел или он ко мне тайно придет, а киргиз-казацкие старшина знатные приставили тайно караул, чтобы Абулхаир хан со мною не видался, как около ево, так и около моей кибиток везде люди караулили и меня не допускали к хану и хана ко мне, только между нами ходил тайно башкирец Кидирясь Моллакаев, которой ныне отправлен от меня на почте. Однако хан всеми мерами трудился, чтоб со мною до утра видеться, и хану никоим образом ко мне в кибитку притти было невозможно, и приказал (л. 11.) ко мне чрез оного ж башкирца Кидиряса, чтобы я надел платье самое худое, якобы простой человек и шол к нему, а ежели де он со мною ныне ночью не увидитца и в словах де с ним не согласимся, то де нам обеим с ним будет немалая трудность. И я, надеяся на господа бога и счастие ея императорского величества, отважился к нему хану иттить, надел на себя киргис-касацкое худое платье, з башкирцом Кидирясом пришел в поле и говорил с ним доволно и между протчими разговоры об'явил мне он Абулхаир хан, что он пожелал (л. 11 об.) быть в подданстве ея императорского величества всемилостивейшей государыни императрицы всероссийской один без согласия других ханов и салтанов и знатных старшин и напротиву ево Абулхаир хана слов я спросил, чего ради он один без согласия других ханов и салтанов и знатных старшин то учинил, и ему то противно не будет ли и что тому притчина. На то он Абулхаир хан ответствовал тако: Об'являю де тебе яко богу сущую свою правду, чего ради один он без согласия других пожелал быть в подданстве всероссийском. (л. 12.) Первое притчина: из древних лет предки ево и он Абулхаир хан владели городами Ташкент, Туркустант, Саирам с принадлежащими деревнями и киргис-казаками; и учинилась у него Абулхаир хана война с хонтайшою многия годы и не мог с ним управиться, принужден был он, вышепоказанные городы оставя, выехать х качевным народам киргис-казакам и потом многия годы имели с ним хонтайшою войну и, недовольствуяся тем, стали воевать с вольскими калмыками и Оральскими башкирцами и з бухарами и с Хивою и с четырех сторон стали ему Абулхаир хану все неприятели (л. 12 об.), того ради он и городов своих от хонтайши выручить не мог; однако де ныне з Бухариею помирились, а в Хиве учинился ханом брат его двоюродной Элбас хан; токмо остались неприятели ево вольские калмыки и башкирцы, а с калмыками, как скоро мирятся, так скоро и война живет, мир их бывает несостоятелен, а башкирцы де без указу ея императорского величества с ними миритца не хотят, того ради он Абулхаир хан к ея императорскому величеству послал посланцов своих просить протекцию, чтоб ему с вольскими калмыками и башкирцами быть в миру, а от хонтайши (л. 13.) отыскивать свою реванжу было ему свободно. Третие — можно де видеть, как Аюка хан, так и башкирцы, ежели не могут управитца с неприятелми, то охранены бывают протекциею ея императорского величества; тако ж де б и он Абулхаир хан был охранен протекциею ея императорского величества; ежели де калмыки и башкирцы будут в миру и в покое, то он надеется отыскать свою реванжу от хонтайши.

И говорил мне Абулхаир хан, чтобы я не вдруг их принуждал к присяге, сперва де надобно знатных старшин довольствовать подарками, чтоб они тем умягчились, (л. 13 об.), а ежели знатные старшина нашу партию будут держать, и киргис-касацкие народы от старшин отстать не могут. И многократно тем меня нижайшего утверждал, что [б] я ничего не жалел и их старшин дарил, понеже де киргис-касацкие народы — люди дикие, вдруг их в путь наставить не возможно, так надобно с ними поступать, как уменьем ловят диких зверей.

И как я от него Абулхаир хана такие слова услышал, что он учинил сие один, кроме других, стал я ему Абулхаир хану говорить, чего ради посланцы его неправедно словесно предложили (л. 14) в Москве: Абулхаир хан де желает быть в подданстве ея императорского величества всероссийского с согласия всех ханов и всего войска касацкого, а ныне стало то ложь, токмо один ты собою зделал. На то Абулхаир хан сказал посланцом своим словесно приказал об'явить он, якобы, с согласия всех ханов и старшин войска касацкого для того, ежели б ево посланцы об'явили в Москве токмо об одном Абулхаир хане, а о других бы не об'явили, то б де, может быть, ея императорское величество тебя отправить не соизволила, а ныне слава богу, как ты приехал сюда, то (л. 14 об.) всеми мерами буду стараться ея императорскому величеству показать услугу и верность, чтоб привести их в подданство всероссийское, понеже он Абулхаир хан их обычей знает. И я нижайший у него хана спросил, ежели они на то склонны не будут и в подданстве всероссийском быть не похотят и привести их к тому будет невозможно, не будет ли от народов твоих мне какой опасности. И он хан мне на то сказал, ежели де знатных старшин подарками удоволствуем, то де никакой опасности не будет и в подданство привести их будет (л. 15) не трудно.

Потому я нижайший у него хана спросил, когда он у меня примет ея императорского величества всемилостивейшей государыни императрицы всероссийской грамоту, и он хан сказал, о том де пришлет известие, как он хан переговорит з знатными старшинами, и пошел я от него к себе в кибитку, а поутру хан прислал ко мне тайно собственного своего человека, чтоб я прислал к нему, как можно поскоряя, сукон, бобров, выдр и протчее, что есть у меня, для подарения старшинам. И я на то ему сказал: прежде присяги ему хану жалованья ея императорского величества (л. 15 об.) милостивые знаки отдать не могу, и вторично он хан ко мне прислал, чтоб я поскоряе прислал к нему товаров как ни есть уловить старшин, а ежели де не пришлешь то ему и мне будет немалая опасность; того ради принужден был я обещать ея императорского величества жалованья з грамотою к нему хану вместе принести, а знаки милости ея императорского величества всемилостивейшей государыни императрицы шубу, шапку и саблю не отдал, пока он хан к присяге не придет и пункты не подпишет, а как посланной ханской от меня отошел, тотже час киргис-касацкие старшины ко мне прислали, чтобы я шол с ея императорского величества грамотою и жалованьем. (л. 16) Я к нему пришол, где были все знатные старшина и речь выговорил, и ея императорского величества грамоту хан, с места встав, принел, на голову поднел и подле себя положил и подарки: сукна, бобры, выдры, юфть, лисицы, чай принять приказал; и посадил меня хан подле себя по левую руку и потом спустя с четверть часа велели мне вытить ис ханской кибитки и, как я пошел в свою кибитку того же часу стали дуван дуванить ея императорского величества жалованье, что прислано было к Абулхаир хану, с великим криком и дракою и ис кибитки ханской все, что есть, вынесли на поле и стали делить с великою дракою, плетми и саблями между собою бились. А потом стали думать, чтоб меня убить, и услышел оное один башкирец, прибежал ко мне и сказал, здумали де киргис (л. 16 об.)-касацкая орда тебя убить и ограбить.

И я, как такое их злонамерение услышел, призвал к себе своих знатных башкирцов Алдар бая Исикеева, Таймана Шамова, Касямиша Батыря, Беку Качина, Образая Ободенова, Кидиряса Моллакаева и спросил их, каким образом их киргис-касацкое злое намерение отвратить; и оные башкирцы мне сказали, никакого способу к спасению не знают, кроме одного что имеетца у них знатные старшины Букембат Батырь

да зять ево Эсет Батырь, да брат ево двоюродной Худай Назар Мурза, которые де изо всех их лутчие и сильные и умные люди и доброва состояния, надобно де их подарить довольным числом. Надеемся де от них нам польза (л. 17) будет, а ежели де они к нам не склонятца, то де ни от кого нам надежды нет кроме бога, однако ж я послал об'явить о том хану, что народ их имеет такое злое намерение меня убить, чтоб он хан мог меня от такого злого киргис-касацкого намерения освободить; он хан посланному от меня сказал, чтоб мог сыскать Букембат Батыря, кроме де ево спасения нет, понеже и он стал им подозрителен. Потом спросил я оных башкирцов, чтоб ево Букембат Батыря как можно искусным образом ко мне привести, и из башкирцов один тамо Шамов имел с ним издавна дружбу и поехал сыскал его з зятем и з братом на степи и, уговоря их, ко мне привел в вечеру. И стал им говорить Букембату Батырю с зятем (л. 17 об.) и з братом тако: уведомился я, что ваша киргис-касацкая орда имеет злое намерение меня убить, чего ради они так хотят зделать, понеже, я сюда прислан по указу ея императорского величества всемилостивейшей государыни императрицы всероссийской по прошению Албухаир хана, також де и вашей, а не так, чтоб я прислал неволею в подданство привесть, а ежели вы меня хотя и умертвите и тем россиской империи нималого ущерба учинить не можете, токмо такова славного монарха приведете в злобу, не токмо с российскою империею иметь войну, но не можете сыскать (л. 18) места от онех от росийских подданных, от калмык и от башкирцов, а ежели же надо мною что учините, то всемилостивейшая государыня императрица всероссийская кровь мою вам так оставить не соизволит и тем можете вы за неповинную кровь мою со всею своею ордою разоритца. И ежели вы не хотите быть в подданстве ея императорского величества всемилостивейшей государыни императрицы, и вы меня отпустите добрым порятком паки назад в Росию. И он Букембат на то мне сказал: в Хиве Бековича убили, что де не могли реванжа отыскать, и так де пропало. И я ему сказал, правда хивинцы з Бековичем поступили по-варварски, ибо под солнцом нигде такова обычая нет, чтобы послов умерщвлять [1]. А они (л. 18 об.) то учинили над Бековичем не человечески, но по скотцки, а что от хивинцов реванж неотыскан за многими притчинами, понеже когда Бековича убили, в то время продолжилася война многие годы в России со шведом, и многия иныя подобныя притчины я им пред'являл, а потом в 1726 году прислал хивинской хан посланца своего с повинною грамотою и оной посланец от нас с награждением паки возвращен в Хиву, а ежели вы Букембат Батырь трудами своими покажете к ея императорскому величеству всемилостивейшей государыне императрице верную услугу и своих киргис-касаков от злаго намерения уговорите и их успокоите (л. 19) и в подданство всероссийское приведете и ханскую партию держать будете, и за такую вашу верную услугу обещаю, что вы милостию ея имп. величества награждены будете довольно и причтены между добрых и верных слуг будете и впредь до смерти вашей оставлены не будете, понеже лутче жить в покое, нежели в разорении и лутче за доброе дело получить награждение, нежели по злодейству получить злое нападение.

И они Букембат Батырь з зятем и з братом к моим словам склонились и обещали их казаков привести в подданство всероссийское и ясак платить будут и аманатов дадут, и я им обещал дать на 500 руб. товаров, с тем от меня и поехали. Того же (л. 19 об.) октября 10 числа призван я был к ним на собрание, где был и Абылхаир хан, и спросила

[1] Об убийстве в Хиве в 1717 г. кн. А. Бековича Черкесского см. С. Соловьев, История России, т. XVIII, стр. 11—15.

меня киргис-касацкая старшина, зачем я к нему приехал. И я ему ответствовал: отправлен я по указу ея имп. величества в. государыни им. всероссийской с всемилостивейшею грамотою к Абулхаир хану и к вам киргис-касацким старшинам и ко всему войску киргис-касацкому против письменного прошения Абулхаир хана и по словесному предложению посланцов ваших, и можете известны быть во ответной грамоте, которая прислана чрез посланцов ваших Котлумбетя Коштаева да Сейткула Кайдагулова. И потом касацкая старшина стала (л. 20) со мною говорить с великим сердцем: тако мы де Абулхаир хану просить подданства всероссийского грамот писать и посланцом словесно об'явить, якобы ясак платить и аманатов дать,— того мы не велели, токмо мы киргис-касацкая старшина присоветовали послать посланцов, чтоб быть с Росиею в миру, а не в подданстве, а и ныне в подданстве быть не хотим, и надобно де тебя за то убить до смерти. И как я нижайший от киргис-касацкой старшины такие противные слова услышал, и стал им з серцем же говорить тако: понеже росийская империя в свете славное государство, и такому славному монарху с вами яко с темными зверьми быть в миру неприлично, ибо росийская империя от вас никакого опасения не имеет (л. 20 об.) и в вас нужды нималой нет, а вам от подданных российских великая опасность, первое от калмык, второе от башкирцов, третие от яицких казаков, четвертое от сибирских городов, и всегда вы от них побеждены и разорены бываете и, ежели вы не пожелаете быть в подданстве всероссийской империи, и я с вами мирнова договору чинить не буду и такова беславия росийской империи не принесу. Или вы гнушаетесь, чтоб быть вам в подданстве всероссийской империи, не токмо, вы яко степные звери, но многие самовластные цари и ханы в подданстве всероссийском имеютца: первое — царь грузинский, Аюка хан калмыцкой, Аликула хан Усми хан Кагацкой, — и многие к тому (л. 21) приличныя я им слова говорил. И как они касацкая старшина от меня слова выслушали и, выступя из них Букембат Батырь стал говорить Абулхаир хану: по желанию твоему быть в подданстве всероссийском желаем и в том себя присягою утвердим. И Абулхаир хану и Букембат Батырь и протчие знатная старшина того числа учинили присягу, а большая часть не присягали, стали быть противны; потом меня отослали в свой обоз, и противные партии стали умножаться с того числа и об'являти мне на каждой день смерть, и Абулхаир хан чрез два или три дни и Букембат Батырь ко мне прихаживали и со мною советывались, как с киргис-касацкими (л. 21 об.) старшинами поступать и увещевали меня, чтоб я знатных старшин 30 человек подарками удовольствовал, которых я нижайший суконами, бобрами и протчими товарами удовольствовал и оные 30 человек стали держать Абулхаир хана партию и Букембат Батыря.

Того ж октября 20 числа в полночь прислали ко мне Абулхаир хан, чтоб я прислал к нему сукна 60 аршин всякого цвету да карамазинного 50 аршин, 20 бобров, 40 выдр, 20 юфтей, красных кож 5, косяков камки 5, чернобурых лисиц 3, тюня китайки для роздачи знатным киргис-касацким старшинам и приказал ко мне чрез своего человека, ежели я к нему вышепоказанных товаров не пришлю, то де заутра (л. 22) нас с ним предадут смерти, и паки вторично прислал с тем, ежели к нему вышеоб'явленного числа товаров не пришлю, то де он хан велит отнять насильно, за то де на него хана всемилостивейшая государыня и-ца гневатца не будет, понеже де он хан трудитца, яко диких людей привести в подданство всероссийское; и вышепоказанных товаров отослал я з башкирцом Тамосом Шамовым, и оные товары хан киргис-касацким старшинам роздал все без остатку, и оные старшина, которые от хана и от меня подарками довольствованы, те учинили

присягу, чтоб быть в подданстве всероссийском и, ежели хто на то будет противен (л. 22 об.), и противу тех, чтоб не жалеть своего живота. А после того явилася другая противная партия и два раза на меня и на хана приступали, чтоб меня убить до смерти. Однако с помощиею божиею в обозе ничего они мне учинить не могли, и напали на меня при море Аральском, когда стали кочевать, чтоб меня убить до смерти или поймать живьем да замучить, и при кочевье ничего учинить не могли, токмо, поймав, увезли от меня одного знатного башкирца Тамоса Шамова и мучили ево тирански. Потом послал Букембат Батырь брата своего Худа Назар Мурзу к тем противным касаком, чтоб их от злаго намерения уговорить и башкирца Тамоса от них свободить. И он Худа Назар оных противных касаков от злаго намерения уговорил, и башкирца Тамоса от них свободил, и знатных старшин привел к хану, которых я подарками удовольствовал, и оные старшина в подданстве всероссийском быть присягали и к пунктом свои знаки приложили. И как Абулхаир хан и Букембат Батырь. Малую орду успокоили, и отправили в Среднюю орду Худа Назару Мурзу к Шемяхи хану с тем, что Малая Орда в подданстве всероссийском быть все присягали и ясак платить обещали, а имянно Абулхаир хан своего владения четыре тысячи лисиц, зять его Батырь Махометь салтан своего владения 1 000 лисиц, (л. 23) да 1 000 корсаков, да сын Абулхаир хана Нурали салтан своего владения 1 000 лисиц, чтоб и он Шимяхи хан, уговоря своих старшин, принял подданство всероссийское, и он Шемяхи хан на разсуждение Худа Назара Мурзы склонился быть в подданстве всероссийском, в том и присегал и ясак платить с своего владения обещал, а именно 2 000 лисиц, да 1 000 корсаков, на что дал письменное обезательство, а других ханов, салтанов и старшин в Средней орде к тому склонять, чтоб привести в подданство он Шемахи хан обещал, понеже киргис-касацкая орда из древних лет разделена на три части, а имянно Болшая, Средняя и Малая Орда (л. 24) Улуюз, Ортаюс, Кичеюз. Большая орда кочюют за бухарами в дальном разстоянии, и с Среднею, Малою ордою не с'езжаютца, у них же хан особливой. Средняя орда кочует около Тобольска, а ханами у них Шемяхи хан, да Кочек хан, двое салтанов Борак салтан, да Оболмаметь салтан, а в Малой орде один Обулхаир хан, да двое салтанов зять ево Батырь Махометь салтан, да сын ево Нурали салтан. Городов у них никаких нет и вся орда киргис-касацкая кочевная, а довольствуютца скотом, но и больше ловят лисиц и корсаков довольно, а хлеба не пашут. А в Среднюю орду за дальностию ныне зимою я не поехал, а поеду к нему весною и что другия ханы ясак платить обещать будут, в том у них возьму письменное (л. 24 об.) обязательство и буду ханов и салтанов и знатных старшин приводить к присяге.

Абулхаир хан между протчими ханами у них был в великом почтении, а ныне на него Абулхаир хана все злобятца за то, что он просил быть в подданстве всероссийском один, и подлинное намерение Абулхаир хана чрез многия разговоры узнал[и], и он мне об'явил чего ради он один без согласия других просил быть в подданстве всероссийском. Первое, ханы у них несамовластные; второе, — не наследные, а он Абулхаир хан желает, чтоб протекциею ея императорского величества быть ему самовластным и дети б ево по нем были наследники так, как Аюка хан волен над своими (л. 25) калмыками и ежели впредь неиспортитца Абулхаир хан ныне так верно поступает к стороне росийской как надлежит доброму человеку и верному слуге, а как Букембат Батырь в бытность мою в киргис-касацкой орде стал верные услуги казять, понеже от Букенбат — человек доброй совести и умной, и я нижайший от смерти избавился им, понеже с приезду моево в киргис-ка-

сацкую орду декабря по 25 число 731 году всегда киргис-касаки имели намерение, чтоб меня и хана убить до смерти, токмо спаслись охранением Букембат Батыря, о чем пространно о верных службах Букембат Батыря и на меня о вседневных нападениях об'явлено будет во вседневной моей записке. И взяли меня и хана (л. 25 об.) он Букембат з братом и зятем в свои улусы, чтоб киргис-касаки не учинили мне какой противности, и ныне живем у них, и киргис-касацкая орда склонилась в подданстве всеросийском быть чрез добродетельное старание ево Букембат Батыря, и об'явил он мне Букембат Батырь свою тайность и просил меня, ежели де, паче чаяния, киргис-касацкая орда не состоит в слове и отстанут от подданства всеросийского, то он Букембат Батырь и зять ево Есеть Батырь и брат ево Худай Назар Мурза от них киргис-касаков отстанут и желают быть под рукою ея императорского величества всеросийского и кочевать бы им было вольно по реке Яику. И оное их (л. 26) намерение ея и. в. угодно будет ли, и ежели же протчия киргис-касаки будут нападать на них, чтоб для споможения им Букембату Батырю указ на Уфу к башкирцам и яицким казакам пришлетца ль, то он Букембат Батырь з зятем обещают киргис-касацкую орду привести в подданство всеросийское, в два года саблею, а владения у них Букембая Батыря з братом и зятем ево будет 7 000 кибиток, а ежели де киргис-касацкая орда по присяге своей будет крепка стоять в подданстве всеросийском, то он Букембат Батырь з зятем ево будут с ними киргис-касаками жить мирно и постоянно, на что я их Букенбай Батыря з зятем обнадежил намерение (л. 26 об.) их ея и. в. милостивно за благо принять соизволит, и на Уфу башкирцам и яицким казакам, и где кому способно будет им споможение чинить, указы пришлютца. И по том Абулхаир хан и Букенбай Батырь и зять ево Есет Батырь и брат ево Худа Назар Мурза в том намерении себя крепко и верно утвердили и вторично присягали, а мое слабое мнение, чтоб Абулхаир хана и Букенбай Батыря з зятем и з братом ево всеконечно надобно со обнадеживанием от киргис-касаков оторвать, ибо я у них видел, буде Букенбай Батырь з зятем от них киргис-касаков отстанут, то киргис-касацкая надежда вся пропадет однако ныне (л. 27) как можно видеть, что вся орда утишилася, только я еще с протчими в Средней орде ханами не видался, с салтанами и старшинами, а в майе месяце всегда у них живет собрание, где будут ханы, салтаны и знатная старшина, и я сего 732 году в майе месяце со всеми увижусь, а которые ханы и салтаны присягали и обязались письменно, чтоб быть в подданстве всеросийском и ясак платить каждой что из своего владения, и просили меня что с тем известием желают они отправить к ея и. в. посланцов своих: Абулхаир хана посланец — свойственник Букембат Батыря — Баке Батырь, с одним служителем, а от Шемяхи хана (л. 27 об.) двое посланцов: Кулбака Теленгут, а другой — Яи Лган и при них один служитель Амаллык; от зятя Абулхаир хана Батыря салтана посланец Махомет Ходжа с одним служителем, от сына Абулхаир хана Нурали салтана посланец Чека Теленгут, жены Абулхаир хана — посланец Машкар. И оных посланцов пожаловать, наградить, понеже то приятно будет другим ханом и салтанам подданство всероссийское принять; посланцу Абулхаир хана свойственнику Букембат Батыря Баке Батырю, да Шемяхи хана посланцу Кулбаке Теленгуту по 50 руб. по 5 аршин хорошего сукна, да по чернобурой лисице человеку (л. 28). Шемяхи ж хана посланцу, другому и Батырь салтану посланцу по 40 руб. и по 4 аршина сукна и по одной лисице человеку, Нуралы салтана посланцу, и жены Абулхаир хана посланцу по 30 руб. по 4 аршина сукна и по одной лисице человеку, 3-м кощеем по 10 рублев человеку, особ-

ливо Абулхаир хана посланца Баке Батыря надобно пожаловать тайно, сверх той дачи, еще тритцатьт рублев, да сукно, чтоб Букенбаю было то приятно, а кормовых денег первым двум персонам по 15 коп., а протчим 4 человеком по 12 коп., а 3-м кощеем по 7 коп. на день человеку, а на дрова и на свечи опричь кормовых, а при от'езде (л. 28 об.) пожаловать им кормовых денег на два месяца; да с оными ж посланцами соблаговолят пожаловать прислать киргис-касацким владельцам за доброе их намерение, что они подданство всероссийское приняли, милость ея императорского величества несколька товаров, сукна, черныя лисицы, выдры, юфть, а именно Абулхаир хану на 100 руб., Шемяки хану на 100 руб., Батырю салтану на 70 руб., Нурали салтану на 50 руб. и оное им зло принято будет; на то смотря, другие ханы и салтаны будут в подданство всероссийское проситься и ясак платить с великою охотою и мне совершить свою комисию (л. 29) будет очень легко. И государственная колегия иностранных дел соблаговолит, особливо пожаловать ко мне, прислать с башкирцом Кидрясом, да з дворянином Кирилою Барабанщиковым на 300 руб. товаров ис казамазинных сукон, краснова 40, зеленова 20 аршин, ценою по 2 руб. по 50 коп., ис простых сукон, краснова 20, да зеленого 20 аршин, пять лисиц черных по 10 руб. лисица, да 5 лисиц по 5 руб., выдр, лисиц 10, порешень 10, юфтей, красных кож на дачю в Средней орде ханам, салтанам и старшинам, понеже у меня не осталось ничего товаров и свои вещи и платья с плечь все роздал и тем их в подданство всероссийское привел, (л. 29 об.) и от злаго намерения утишил. Да на содержание мое пожаловать прислать червонных, понеже я у себя не имею, денег ни копейки, и пропитания имею в долг, чтоб мне, здесь живучи, не принять посрамления, а с приезду моего и поныне от страху, от голоду и холоду приемлем несносную трудность, того ради что в киргис-касацкой орде мне корм не дается, и я у них прошу, и тем их не озлобляю, понеже де они киргис-касаки преж сего такова обычая не имели и ныне едва приходят на истинной путь. А что Абулхаир хан писал ко мне в Уфу, якобы бухарской и хивинской ханы просили чрез него, Абулхаир хана, чтоб быть в подданстве всероссийском и то неправда (л. 30). А от бухарского хана к нему Абулхаир хану прошения такого не было, токмо от хивинского хана к нему Абулхаир хану при мне прислан был посланец, и я с ним виделся, и о том разговоров никаких не было, а наивяще оной посланец возмущал киргис-касацкую орду, чтоб они подданства всероссийского не принимали, а меня бы убили; однако ж оной посланец мне учинить ничего не мог. Токмо де он Абулхаир хан в ту меру писал, что он желает Бухар и Хиву в подданство всероссийское привести не волею, а ныне он Абулхаир хан послал сына своего Нурали салтана к брату своему в Хиву с тем, чтоб он конечно принял подданство всероссийское, тако ж договоритца о комерции, что бухарские (л. 30 об.) и хивинские купцы в Росию ездили чрез киргис-касацкую орду. На то я ему Абулхаир хану в разсуждение предлагал, что [бы] на то ево склонить, понеже чрез киргис-касацкую орду комерции быть невозможно: киргис-касаки — люди дикия и непостоянныя и страху от ханов не имеют, буде купцам какую пакость зделают, то будет вам ханам безславие,— разве учинить так, буде бы Абулхаир хан просил у ея императорского величества, чтоб милостиво указать соизволила на устья реки Ор, где впала в реку Яик, зделать крепость, и в той крепости надлежит тебе хану зимовать и из киргис-касацких старшин изо всякого роду по одному человеку быть тут во оном же городе (л. 31) у киргис-касацких дел судьями погодно; ежели кто из киргис-касаков провинитца, чтоб они судьи по указом ея и. в. учинили тем пристойное наказание, и потом можно надеяться,

киргис-касацкая орда будет жить спокоем и купцам обид чинить не будут, и тебе хану будет беспечально. На что он Абулхаир хан склонился и с радостию за благо принял, а по моему слабому мнению, на устья реки Ор всеконечно надобно зделась фортецию, для того первое, что киргиз-касаки аманатов давать на Уфу из детей старшин отказали, а как они из самих старшин из каждого роду по одному человеку учинят яко судьями у киргис-касацких дел в том городе жить, ясак збирать и в Москву отсылать погодно, то они будут вместо политичных аманатов, и киргис-касаком пакости делать росийским подданным будет невозможно, понеже оная крепость будет им касакам великой страх, а росийским (л. 31 об.) подданным превеликое охранение, и ежели оная крепость построена будет, то в Бухар, в Хиву, в Ташкент, и в Торкустан караванам ходить будет зело способно, ибо от Уфы Хива ближе, нежели от Астрахани, понеже устья реки Ор от города Уфы разстоянием 550 верст, а Хива от того ж устья 600 верст, а до Бухар от того устья 800 верст, и дорога зело способная, воды довольные, о чем впредь об'явлено будет в ланткарте ясно,— а ныне ланткарты зделать было никак не возможно,— и опасности купцам не будет, понеже в конвое для провожания будут киргис-касаки сами.

Да прошедшего декабря 26 дня 731 году призван я был к Абулхаир хану где были и старшина касацкая, и об'явили мне: в прошлом де 729 году от него Абулхаир хана отправлен был посланец Бексулат с товарыщи 4 человека в Табольск, которой и поныне держитца под караулом в Тобольску, и тем они меня многократно упрекали, на то я им сказал, оной посланец зачем от них послан был в Табольск и за какую притчину он одержан, о том я и известия не имею, знатно за ним посланцом ваши киргис-касаки учинили росийским подданным какую пакость, может быть, по вашему обычаю (л. 32.) и одержен был, понеже у вас то над послами делаетца. И при той конференции о полонениках с ними я имел разговор, чтоб росийских пленников они отдавали, а которыя есть от них в полону в Руси, и те им отданы будут без окупу, и к тому многия пристойныя резоны им говорил, и на то ханы склоняются, токмо народ киргис-касацкий того не желают, а желают, чтоб как великоросийских, так и киргис-касацких пленников, положа цену, отдавать на выкуп, токмо я без позволения государственной коллегии иностранных дел о цене с ними договариваться не смею. Однако сколько возможно будет, (л. 32 об.) домогатца, представляя пристойные резоны, чтоб безденежно возвращали.

А как я нижайший до владения каракалпацкого доехал, тогда каракалпацкий хан прислал ко мне письмо и при том для договору прислал три человека из духовных да пять человек из знатных старшин просить, чтоб ему своею ордою всемилостивейшей государыни и всероссийской быть в подданстве и ясак платить не желают, токмо из них один знатной старшина, называемой Уразак Батырь, обещался (л. 33) домогатца их каракалпак привести к тому, чтоб и они ясак платили. И имелися у них, каракалпак, завоеванные тому назад с 60 лет, наши башкиры двести кибиток, и они мне оных отдать обещали, а о росийских пленниках я им довольно говорил, чтоб они, показуя первую верность к ея и. в., росийских пленников отдавали, и то б было ея и. в. зело приятно, и еще на то не склоняются, ибо скоро их на истинной путь привести отнюдь не возможно, понеже оныя народы люди дикие. (л. 33 об.) И государственная коллегия иностранных дел ежели вышеоб'явленное Абулхаир хана и Букенбай Батыря намерение за благо принять соизволит, чтоб в запас на Уфу к башкирцам и яицким казаком и где кому способно будет для споможения Букенбай Батырю и зятю ево Есет Батырю прислать ея и. в. указы, и о строении на устье

рски Ор города Абулхаир хана обнадежит ли, а о вышесказанном посланце Бек Булате с товарыщи четыре человека в Тобольск соблаговолит послать ея и. в. указ, чтоб привесть (л. 34.) их в город Уфу неумедля, а меня нижайшаго уведомить, за что оной посланец одержан был в Тобольску, чтоб я в собрании в майе месяце киргис-касакам о том мог ясно пред'явить, и оного посланца из Уфы им отдать ли, а ежели отдать, то им будет очень противно; и о пленниках, ежели не склонятся безденежно возвращать, денежною ценою договариватца ль, а посланцов Абулхаир хана и протчих соблаговолит возвратить к майю месяцу, а ежели оныя посланцы к майю месяцу не возвратятся, то в договорах учинится превеликая остановка, то дожидатца мне будет другова году; покорно (л. 34 об.) прошу государственной коллегии иностранных дел присланного от меня дворянина Кирилу Барабанщикова за многия ево верныя службы и всеусердныя труды пожаловать ево Барабанщикова в Уфимския дворянския роты вахмистром и о том в Уфу послать ея и. величества указ, понеже он Барабанщиков человек доброй не токмо что в ундер, но и в обор-офицеры достоин. А башкирцу Кидрясу Моллокаеву пожаловать пятьдесят рублев денег и на кафтан сукна, понеже он Кидряс во интересах ея императорского величества верной слуга (л. 35.) и многократно видел смерть и зело доброжелателен к росийской стороне, и ежели он будет награжден то и протчия башкирцы, которыя имеютца при мне, на то смотря, будут во интересе ея и. величества, не жалея живота своего, со усердием служить, а киргис-касацкая орда будет числом 40 000 кибиток, каракалпацкая орда числом 10 000 кибиток.

Из Аральского моря.

Переводчик Маметь Тефкелев.

Донесение М. Тефкелева в коллегию иностранных дел, 20 июня 1732 г.[1].

(л. 152.) Понеже указ ея императорского величества всемилостивейшей государыни императрицы из государственной коллегии иностранных дел, отпущенной из Москвы декабря 2 дня прошлого 1731 года, в касацкой орде получен апреля 9 дня сего 1732 году, в котором написано, чтоб по отправлении врученной мне в козацкой орде комиссии с'ехаться у Аральского моря с полковником от артиллерии господином Гарбером, которой отправлен в Хиву и в Бухары и, с'ехався о предложениях и желаниях бухарского и хивинского ханов о подданстве их к ея императорскому величеству обстоятельно (л. 152 об.) сообщить и ехать с ним полковником для того дела в Хиву и в Бухары, понеже ему полковнику помянутых ханов в подданство ея императорского величества принять велено и во всем ему полковнику чинить всякое споможение. А я нижайший, будучи в касацкой орде о нежелании бухарского и хивинского ханов к ея императорского величеству в подданство уведомился подлинно, понеже от Абулхаир хана декабря 19 числа прошлого 1731 году послан был сын ево Нурали салтан к хивинскому хану и всей Хивинской Речи Посполитой, чтоб и они были в подданстве империи росийской, а возвратился Нуралы салтан в касацкую орду марта 2 дня сего 1732 г. от хивинской Речи Посполитой (л. 153) с великим недовольством и озлоблением за то, что он Абулхаир хан с своею ордою пошел в подданство росийское, токмо он Абулхаир хан за ту обиду сына своего об'явил с хивинцами войну и послал сына

[1] ГАФКЭ, МИД, «Киргиз-кайсацкие дела», 1732 г., лл. 152—159.

своего Нуралы салтана, сообщась с оральским ханом, Хиву воевать. А марта 28 дня сего 1732 году уведомился я чрез Абагай салтана, что господин полковник Гарбер, не доезжая Хивы, кайсаками ограблен таким образом: понеже он Абагай салтан ездил с Батырь салтаном в трухменскую землю воевать трухменцов, а войска при нем Батырь салтана было 1750 человек и, едучи в Трухмен, от него Батырь салтана отстал один из противной партии (л. 153 об.) старшина Бахтыбай и с ним касаков 150 человек, которые поехали к вольским калмыком, чтоб отогнать лошадей, а Батырь салтан, ведая, что калмыки в подданстве ее императорского величества, отправил от себя со известием двух человек к калмыцким владельцам, чтоб от оного Бахтыбая были опасны. И наехал оной вор Бахтыбай на господина полковника Гарбера и осадил ево на степи в безводном месте и сидел де он господин Гарбер от него в осаде 12 дней; а Батырь салтан как возвратился назад, уведомились при нем войско касацкое, что оной вор осадил полковника Гарбера, поехали к оному вору в помочь, а он салтан от такого их намерения унять не мог, понеже они (л. 154) касаки люди вольныя и ханов мало слушают. И как приехали ко оному Бахтыбаю и вознамерились, соединясь с ним Бахтыбаем, его Гарбера розбить и пожитки разграбить, а самих в полон побрать; токмо он Батырь салтан да один доброжелательной старшина Тягриберди их кайсаков до того не допустили и уговорили их, чтоб они кайсаки взяли у него Гарбера пожитку половину и на том помирились, и дал де им кайсакам Гарбер 250 верблюдов с товарами, а 250 верблюдов с товарами взял себе. И как он Батырь салтан приехал в касацкую орду, уведомился Абулхаир хан и все знатная старшина, что касаки такую пакость учинили (л. 154 об.), жестоко на него Батыря салтана осердились, токмо он Батырь салтан от того со свидетельством оправился, якобы он тому не виноват, и о том доброжелательныя старшина зело имели сомнение, что плуты чинят такия пакости, а ее императорское величество на них де на всех гнев держать будет, токмо я доброжелательных старшин обнадеживал тако: понеже указом ея императорского величества за дела плутов добрыя люди наказаны не бывают, ибо всяк по своим делам ответствует, и на то все доброжелательныя старшина обратились и наивящее себя в верности утвердили, а Батырь салтан многократно просил меня со слезами, чтоб я отписал об нем в государственную колегию иностранных дел (л. 155) ево оправдать, понеже хотя зделали такую пакость касаки, а злое слово осталось на него; тако ж де Букембай Батырь советовал мне, чтоб я в собрании не прилежно оной табор претендовал, понеже де противныя касаки еще не вовсе в подданстве росийском утвердились, а как де утвердятся, то де и после можно на них взыскать. Да в феврале месяце сего году касаки поехали к калмыкам вольским, чтоб отогнать лошадей, а Букенбай Батырь, показуя верность к ея императорскому величеству, послал от себя к калмыцкому владельцу Доржи Назарову со известием 7 человек, чтоб они от касаков были опасны, которых на дороге поймали яицкие казаки, а он Букенбай Батырь о измене к ея императорскому величеству калмыцкого владельца Доржи Назарова с сыном тогда не знал и просил меня он Букембай Батырь, чтоб я отписал в коллегию иностранных дел, дабы оныя касаки 7 человек за ево верныя к ея императорскому величеству службы были освобождены и присланы б были для отдачи в город Уфу. Да прошедшаго майя в 11 день в касацкую орду к Абулхаир хану приехали от калмыцких владельцов от Доржи Назарова и от сына ево Лобжи два человека калмык с письмами называемые Берген Хашка, Даменко, которыя присланы от них владельцов в касацкую орду нарочно возмущать

Абулхаир хана и Букембай Батыря, Есеть Батыря и всю касацкую орду, чтоб они не шли в подданство росийское и дали б кайсацкого войска, соединясь с калмыками (л. 156) Доржи Назарова, воевать российския городы и сына Аюкай хана Черендундука, а наибольше возмущали итти воевать росийския городы, понеже российской народ — люд не воинской, яко сорты, сиречь посацкия или пахотныя мужики, а Доржи Назарова сын Лобжа почитает росийских людей вместо мышей и может де он Лобжа руских людей отдать, взяв за уши. Тако ж де оныя Доржи Назарова с сыном присланныя калмыки тяжко поносили высокую и дражайшую персону ея им-го в-ва всемилостивейшей государыни императрицы везде в публичных местах и об'явили оныя калмыки кайсакам, что Доржи Назарова сын Лобжо столько побил росийского войска, что их калмыки ездили не на земле, но по телам российского войска и об'явили оныя посланцы Абулхаир хану (л. 156 об.), что владелец их Лобжа желает отдать дочь свою за сына Абулхаир хана и дает де приданова... и всякого скота довольное число; також де обещает Букембаю Батырю и Есеть Батырю по 200 лошадей и по 100 верблюдов. И потом я стал в разсуждение говорить Абулхаир хану и Букембаю и Есеть Батырям, чтоб они к ея им-у в-ву всемилостивейшей государыни императрицы всероссийской многие свои верныя в привождению касацкого народа в подданство росийское труды не теряли и на слова неосновательныя и возмутительныя калмыцких посланцов не смотрели и плутовским бы обманом не верили и не отложились бы они от росийской империи и стояли б по присяге своей крепко и постоянно, понеже (л. 157) российская империя в свете славное государство яко не поколебимой столп, и когда касацкой народ увидит на себя от неприятелей нападения, то может вся орда касацкая спастися высокою протекциею российской империи и жить будет спокоем, а оныя плуты и изменники Доржа Назарова с сыном Лобжою, яко ветры, не токмо, чтоб другому народу помогать могли, и себе основания не имеют и преж сего они охранены от неприятеля бывали высокою протекциею ея им-го в-а и потому можно знать, что он Доржа токмо с сыном плутуют, а главной их калмыцкой Аюки хана сын Черендундук стоит и ныне ея императорскому величеству во всякой верности, а он изменник Доржа с сыном своим Лобжою будут за их противныя поступки указом ея императорского величества наказаны, а присланныя (л. 157 об.) калмыки за продерзостныя слова будут повешены. И на то Абулхаир хан и Букенбай и Есеит Батыри сказали, что они сами знают, что калмыцкая орда — ветр, а российская империя — не поколебимой столп и от российской империи до смерти своей руки своей не отымать и до капли своей крови ея им-у в-ву по присяжной своей должности служить верно будут. И при отпуске оным калмыцким посланцом об'явил Абулхаир хан тако, что он Абулхаир хан со владельцом их Доржою Назаровым и с сыном ево Лобжою единомышленно российских городов воевать не будет и своего киргис-касацкого войска к ним не пошлет и дочь владельца Лобжи за сына своего не возьмет (л. 158) и на великие приданыя не соблазнится для того, что он владелец Лобжа стал быть ея им-у в-ву противен, и присягу свою не нарушит и тем изменническое имя себе не примет; и Букембай Батырь к нему владельцу Доржe Назарову по письму ево не поехал. И ежели за такия их противности повелено будет указом ея им-го в-ва владельца Доржу Назарова и сына ево Лобжу разорять, то он Абулхаир хан пойдет со всем своим касацким войском разорять оных владельцов со всяким своим усердием, а числом кайсаков в Средней и в Малой орде имеется 80 000 кибиток. И в приезд оных калмыцких посланцов столько трудился Абулхаир хан и Букембай и Есеит

Батыри, чтоб, смотря (л. 158 об.) на слова калмыцких посланцов, касацкая орда не возмутилася, хотя б всякое российское подданное, по своей должности возымел такия труды, понеже уже многия касацкая старшина на возмутительныя слова калмыцких посланцов обратилися было, однако, слава богу, трудами Абулхаир хана и Букембай Батыря вся орда утишилася и до такой злой причины не допустили и оных калмыцких посланцов хотели самих послать к ея им-у в-ву, токмо того им зделать было нельзя, понеже калмыцкия владельцы удержали у себя касаков из старшин 5 человек, пока их посланцы возвратятся, да и в Среднюю орду отправлены от него ж владельца Доржи Назарова с сыном (л. 159) два ж человека калмык для возмущения ж и просить войска воевать российских городов и отговаривать, чтоб Средняя орда не шла в подданство российской империи. Токмо минувшего майя в 21 день приехал ко мне из Средней орды знатной старшина Чак Чак Букембай Батырь, и он Букембай Батырь, как уведомился чрез меня, что калмыцкие посланцы поехали для возмущения в Среднюю орду, и отправил от себя наскоро в Среднюю орду к знатным старшинам, чтоб они на возмущение калмыцких посланцов не смотрили и соблазным бы словам их не верили, и надеется он Чак Чак Букембай Батырь, что в Средней орде старшина их возмутительные калмыцкия (л. 159 об.) слова не примут и Российской империи злое мыслить не будут. А для моей комисии Средняя и Малая орда собрание в майе месяце отложили до июля месяца для того, что не приехали их посланцы из Москвы, а письма калмыцкого владельца Доржи Назарова и Лобжина Абулхаир хан посылает чрез своего посланного при листе своем. Покорно прошу оного посланного от Абулхаир хана милостиво приказать наградить, понеже то будет Абулхаир хану и всем доброжелательным старшинам приятно и наивящее будут к ея им-у в-ву служить верно.

Ис касацкой орды, от реки Иргин, июня 20 1732 году о сем доносит

переводчик Маметь Тефкелев.

Из краткого описания о положении и состоянии киргиз-кайсацкого народа [1].

(л. 32) Первее всего надлежало бы здесь показать о начале и происхождении киргиз-кайсаков, следовательно, и о первобытном их состоянии, так и о том, с которого времяни зделались они известны россиянам, но сего по делам, у генерала-прокурора производимым, а частию и по другим сведениям, из которых сие описание извлечено, не видно, ибо до 1782 года все дела, до сего народа относящиеся, ведомы и производимы были в коллегии иностранных дел, где между другими обстоятельствами есть, может быть, в оной и о сем достоверное сведение; в том же 1782 году по случаю выбора в Средней киргиз-кайсацкой орде ханом султана Вали и посылки от него ко двору ея и. в. нарочных с прошением высочайшего утверждения его в том достоинстве, его сиятельство г. действительный тайный советник граф Александр Андреевичь Безбородка сообщил (л. 32 об.) покойному действительному тайному советнику князю Александру Алексеевичу Вяземскому в письме от 3 генваря того года, что ея и. в. по прочтении о том репорта в коллегию иностранных дел от правившаго тогда должность генерала-губернатора иркутского и колыванского генерала-порутчика Якоби ото-

[1] ГАФКЭ, МИД, «Киргиз-кайсацкие дела», 1793 г., лл. 32—68 об. Заголовок подлинника. Документ даты не имеет, на основании разных мест текста должен быть отнесен к 1796 г.

зваться изволила, что орда сия в числе подданных ея величества состоит, то и не свойственно департаменту, постановленному для отправления внешних дел, вступать в распоряжения, кои не инако, как внутренними почестся долженствуют. Известно, что прежде зависели от коллегии иностранных дел многие подданные народы и провинции, но ея и. в., находя сие вовсе несходствующим с образом управления, оные из той зависимости из'ять и губернаторам и протчим военным и гражданским начальникам подчинить соизволила; (л. 33) следуя тому, повелевает ея величество и о сих от подданной ей Средней киргизской орды присылаемых нарочных: 1) чтоб их не именовать, как прежде бывало, посланниками, но депутатами; 2) чтоб от правящего должность генерал-губернатора препровождены они были к генералу-прокурору так точно, как и все ко престолу монаршему от губерний присылаемые депутаты препровождаются; 3) чтоб генерал-прокурор, приняв их прозьбы и желания, представил их ея величеству обыкновенным порядком и о доставлении им в прошениях их монаршей резолюции имел старание; 4) чтоб в разсуждении найма квартир таковым от орд присылаемым депутатам, содержания их, подарков при приезде и отпуске — поступлено было по прежним примерам, получая о том сведение от коллегии иностранных дел; 5) чтоб коллегия сия по требованиям генерала-прокурора не только таковое сведение (л. 33 об.) доставляла, но чтоб по надобности на то время в переводчиках, толмачах и других людях подавала всякое пособие; 6) но что принадлежит до донесений ей о сих народах по политической части и по соседству и связи их с прочими пограничными империи всероссийской, в том поступать по прежнему. На каковом основании с того 1782 года поныне и поступается. И так обо всех особливого примечания достойных о киргиз-кайсаках обстоятельствах и произшествиях, какия с вышеупомянутого 1782 года поныне у генерала-прокурора известны, и какия высочайшия повелении последовали, из'ясняется в нижеследующем с показанием во-первых разделения сего народа, границ, числа их, нрава и законов яко то [1]:

1

(л. 34) Весь народ киргизской разделяется на три орды: на Большую, Среднюю и Меньшую, из коих последния две состоят в подданстве ея им-го в-ва, а именно Средняя пришла в подданство, как из Оренбургской истории видно, в 1740 и 1742 годах, а Меньшая — в 1730 и 1738 годах; каждая же орда разделяется на особливые роды, а некоторые из оных на разныя колена; каким же случаем и почему сии орды на три части под вышесказанными имянованиями разделены, по делам неизвестно, так как и в упомянутой истории сказано, что сведения об оном не получено.

2.

Из сих орд граничат Меньшая к Оренбургской линии, и киргизцы сей орды кочуют на двух речках, имянуемых одним имянем Бурсуки, на вершинах Орь реки и по рекам Илеку, Эмбе и в оную впадающим. (л. 34 об.) Также и ниже Уральского городка на речках, вна-

[1] В протчем видеть можно многия любопытныя о киргиз-кайсаках обстоятельства и сведения из истории и топографии Оренбургской в ежемесячных сочинениях при здешней Академии Наук первой в 1759, а другой в 1762 годах напечатанных. (Прим. подлинника.)

Здесь имеется в виду «История Оренбургская», составленная — П. И. Рычковым, который с 1734 по 1777 г. заведывал перепиской главных начальников Оренбургского края.

дающих в реку Урал, до Гурьева городка и до Каспийского моря. Средняя орда, прилегая к Сибирским линиям, кочует по рекам Тоболу, Ишиму, на вершине реки Иртыша и при урочище называемом Кук-Тау. Большая же Орда в которых точно местах кочует, по делам у генерала-прокурора сведения нет, а из вышеупомянутой Оренбургской истории видно, что смежна она с зюнгорцами позади Ташкента и Туркестана.

3.

Касательно числа народа, состоящаго в обеих вышеозначенных Меньшой и Средней ордах, то в 1783 году г. генерал-порутчик Апухтин [1] писал, что о сем хотя подлинного сведения и нет, однако ж достоверно полагать можно, что ежели бы повиновались они начальствующим и имели бы между собою связь (л. 35), то могло бы их собраться годных к вооружению тысячь до ста, но как они род против рода имеют всегда между усобную ненависть, то и не могут никогда составить из себя общества в великом числе [2].

5.

(л. 35 об.) Закону все они хотя магометанского, но менее всех правила его содержат по весьма малому об этом сведению, ибо из числа грамотных людей никого почти нет, для чего и имамов, или попов собственных своих они не имеют, а посылают к ним по большой части как для отправления по их закону службы, так и писарской должности оренбургския и уральския, грамоте умеющие, татара, а равно и из других мест ими призываются, из коих первым и жалованье производиться от Оренбургской пограничной экспедиции, ибо грамоте знающих людей из их народа прежде у них не было, да и ныне нет, кроме нескольких султанов, имевших случай обучиться у вышесказанных татар.

6.

Живут они все скотоводством, а многие из них и ловлею зверей промышляют, в чем их и главное богатство и торг состоит, хлебопашества же никакого не имеют и ни к каким учениям и художествам не прилежат.

7.

(л. 36) Народ киргизской упомянутых двух Меньшой и Средней орд управляется ханами, султанами, биями и старшинами; закона однако же политического или гражданского на письме никакого они не имеют, да и иметь за неумением, как выше значит, грамоте нужды не находят, и для того письменно никогда не судятся, но на словах по образу третейского суда, и то естьли обе стороны похотят сами;

---

[1] Оной находился тогда в должности генерала-губернатора Уфимского. (Прим. подлинника).

[2] Из Оренбургской же истории в 1762 году, как выше значит, напечатанной видно, что о числе людей в двух подданных ордах хотя точного известия и нет, но то не сумнительно, что от 40 000 до 50 000 к воинскому делу способных людей легко может собраться, почему, ежели сие и г-на Апухтина показание достоверно, можно судить, коликое приращение в том народу в течении 20 лет последовало, а Большая орда людством против других орд гораздо менее и убожее. (Прим. подлинника.)

в противном же случае никто и ниже сам хан не может к суду принудить; а дабы обидчика заставить самаго искать суда, то весь род обиженного делает над улусами его репресаль и забирает от него скота такое количество, что б могло его самого принудить искать суда. И так выбирают уже третьих, которыя судят их по натуральным правам, обвиняя почти всегда начальщика ссоры. Хотя же на суд сей и никакой нет (л. 36 об.) апелляции, но обвиненной редко повинуется судейскому приговору, а получает обиженной удовольствие захватом же скота, в каковом случае и другия делают иногда оправданному помощь; но по большой части, естьли обвиняемой сильного рода, то оправданной остается всегда без удовольствия. Во отвращение каковых безпорядков, по безпримерному ея им-го в-ва милосердию и о сем народе, учрежден в Оренбурге для разбирательства дел киргиз-кайсаков Меньшой орды пограничной суд, и в самой той орде несколько расправ, так как об оном подробнее ниже сего в своем месте об'яснено будет.

8.

Ханы выбираются самим народом на основании высочайших ея им-го в-ва повелений, главным пограничным начальником даваемых, и обвестительных к народу грамот, утверждаются же (л. 37) они торжественным образом высочайшими ея им-го в-ва за государственною печатью грамотами в присудствии тех же начальников по особливым обрядам. О каковом утверждении и народ извещается особливыми также грамотами, от имяни ея им-го в-ва из Сената посылаемыми, за государственною же печатью. При сем случае возлагаются на ханов знаки ханского достоинства, отсюда посылаемыя, яко то: соболья шуба с шапкою и сабля с следующею на ней насечкою золотыми литерами на одной стороне на российском, а на другой на татарском языке: «божиею милостию Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссийская, жалует сею саблею подданного своего (такого-то) хана киргиз-кайсацкой (такой-то) орды при утверждении его в сие достоинство (месяц) « » дня « » года». В 1793 году при случае утверждения бывшаго (л. 37 об.) пред сим в Меньшой орде хана Эрали установлены уже в правительствующем сенате формуляры обрядов избрания и утверждения ханов киргиз-кайсацких и на будущее время, кои и прилагаются здесь в копиях под буквами *А* и *Б*.[1] — Ныне в сих ордах ханами состоят: в Средней — Вали, а в Меньшой — старшей сын умершаго хана Нурали подполковник от армии ея им-го в-ва султан Ишим, которой избран ханом в прошедшем только 1795 году по смерти Эрали, и высочайше повелено в оном достоинстве его Ишима утвердить, по каковым же вследствие сего формулярам заготовляются в правительствующем сенате для отправления к тамошнему пограничному начальнику обвестительная грамота для народа и патент для хана так, как и присяга, и с их формуляров прилагаются при сем копии под буквами *В*, *Г* и *Д*.

9.

(л. 38). В обеих ордах городов нет, а кочуют киргизцы по степям улусами в так называемых ими кибитках, переходя с места на место, где удобнее скот свой продовольствовать они могут. И хотя в раз-

[1] Приложения, о которых упоминается здесь и ниже, нами не воспроизводятся.

суждении Меньшой орды, по представлениям г. генерала-аншефа барона Игельстрома, в данном ему высочайшем ея им-го в-ва от 3 июня 1786 года [указе], между протчим, сказано в 4 пункте: «разделение степи для киргизцов сперва на три части и построение там городов, тако ж, где прилично для главных их родов, мечетей, школ и гостинных дворов весьма нужны и полезны и, чем скорее вы к сему приступите, тем более нам приятно будет», в 13: «заводимые в степи города надлежит стараться прежде всего обрыть рвом и укрепить валом, дабы и работы в них успешнее производимы и оборона на случай воровских покушений (л. 38 об.) удобнее найдена быть могла, но при всем сем наблюдать крайнюю осторожность, чтоб толь диких народов не потревожить и не отвратить, а потому и во внушениях им о пользе и надобности сих городов и о нужде вперед для охранения их далее построить города или укрепления поступать с осмотрительностью, что вам, по пребыванию вашему на месте, гораздо способнее предвидеть, и так в том изворотиться, как лучше для службы нашей и спокойствия края вам вверенного сходне». Но было ли относительно сих городов, мечетей и школ какое от него Игельстрома или после от губернатора уфимского распоряжение, по делам у генерала-прокурора о сем ничего не видно; сколько же известно от приезжающих сюда из тамошняго края, то внутри обеих Средней и Меньшой орд городов, как выше сказано, еще нет, а равным образом и школ.— На основании же особливого высочайшего ея им-го в-ва указа, данного покойному г. действительному (л. 39) тайному советнику князю Александру Алексеевичу Вяземскому от 8 июля 1782 года, построены одни мечети по соглашению правящих должность генералов-губернаторов тамошних и командовавшего на Сибирских линиях, первая при Оренбурге, как по причине близости кочевья бывшаго тогда в Меньшей орде хана Нурали, так и в разсуждении приезжающих туда ежегодно киргизцов и других азиатских народов для мены товаров, вторая — при Верхне-Уральске по случаю расположения противу Верхнеуральской дистанции всех знатных старшин, а третья и четвертая — на Сибирских линиях, при Троицкой и Петропавловской крепостях в разсуждении продолжаемой в них торговли для лучшего по сему поводу приохочения к безпрерывному всех азиатцов приезду, а не менее и в разсуждении близости тогдашняго пребывания Средней орды хана. На построение сих мечетей ассигновано было 20 000 руб. в течение четырех лет и вследствие высочайших ея в-ва повелений, в письмах к тем гг. начальникам губерний от генерала-прокурора об'явленных, таковое построение их назначено было учинить не внутри упомянутых крепостей, а вне селений сколько можно ближе к самой границе для того, дабы тем более подать удобности тамошним иноверцам к отправлению по их закону службы.

10.

Относительно произшествий от киргиз-кайсак, то Меньшая орда, как писал сюда в 1783 году генерал-порутчик Апухтин, с самого вступления ее в подданство ея им-го в-ва всегда обращались в продерзостях отгоном скота, грабежем людей попавшихся иногда между фарпостами в малом числе или об'ездов, а что всего сожалительнее,— увозом подданных ея им-го в-ва, которых продают киргизцы в азиатские великой Татарии области за немалую цену, где они употребляются на тягчайшие, а не соответствующия силам человеческим работы, с тиранским принуждением, побоями, без одежды, с малою, но при том негодною к употреблению (л. 40) пищею, которых по об'явлениям выку-

паемых по высочайшему милосердию ея в-ва от тиранских рук пленников в Хиве только и Бухарии около 10 000 душ в тогдашнее время в мучительной неволе находилось, исключая женского пола, коих по большей части киргизцы оставляют у себя в орде и по той причине, что платят они за национальных своих жен великой калым, или вывод, а сии достаются им безденежно, и которых во всех киргизских улусах немалое количество находится; так великое число сих нещастных, не могло бы быть от частного воровского киргизцами похищения, но увеличилось оное во время бывшаго в тамошнем краю замешательства, когда уральские казаки оставили во многих местах линию без стражи, а киргизцы во многом числе, прорвавшись и около Самары реки, сверьх захвата людей на полях, несколько целых селениев разорили и всех людей, кроме спасшихся бегством, забрали и увезли.

Притчина сему — образ (л. 40 об.) беспорядочного правления начальствовавших тогда над ними, ибо они ни хану, ни султанам, у которых роды их под начальством, не только ни малого повиновения не оказывали, но иногда и у самого хана лошадей и скот отгоняли. Но всему сднако ж их своевольству большею притчиною состояли сам хан и султаны, которыя, имея тот же корыстолюбивый нрав, никакого правосудия в подчиненном им народе не сохраняли, но все их правление основано было на мздоимстве и корыстолюбии, для чего подчиненных им киргизцов не только не удерживали от воровства и их за то не наказывали, но для получения себе добычи и попущали еще их на злодейство, а в случае здешнего требования об отдаче похищенного и наказания воров, о которых правительству известно было, не только похищенного не возвращали и не наказывали похитителей, но еще и защищали их, обращая вину на те роды, которыя им противны, а хотя они и давали некогда знать о воровских предприятиях киргизцов (л. 41), но о тех только, от которых не думали иметь себе корысти или по неподчинению им, или о тех, кои по силе своего рода и сами их презирали; равно же и захваченных людей, как сам хан, так и султаны хотя иногда и выдавали, но не прежде, как по захвате из похитительских родов знатного людей количества, так как и в высочайшем ея им-го в-ва указе от 3 июля 1783 года, ему генералу-порутчику Апухтину данном, между протчим предписано, что ежели бы ханы или султаны, получа извещение от него или от оренбургского обер-коменданта, отклоняли или упорствовали доставить удовлетворение потерпевшим, в таком случае можно прибегнуть к репресалии над киргизцами. При всем том выдачу наших пленных производили они с таким безстыдным договором, чтоб всех захваченных киргизцов освободить, а они вместо того торгуются выдать (л. 41 об.) двух, трех или четырех человек, смотря по числу от них захваченных из похищенных киргизцами здешних людей, как бы они им-то уже нооспоримо и неот'емлемо принадлежали.

Сверьх того, нередко грабили киргизцы и купеческие караваны, проходящие чрез степь как сюда из азиатских соседственных с ними областей, яко то: Хивы, Бухарии и Ташкента,— так и со здешней стороны в сии области, и удовлетворение со стороны киргизцов, потерпевших[1] сей грабеж, можно сказать никогда почти в полной мере не выполнялось, а по таковым обстоятельствам такой по высочайшей воле ея им-го в-ва учинен был в 1784 году от покойного князя Александра Алексеевича Вяземского к хану Нурали отзыв, с оного прилагается при сем (л. 42) копия под буквою *Е*. Прежде до 1770 года браны

[1] Так в подлиннике.

были из орды на здешнюю сторону аманаты из детей ханских, но с того времяни как тот же генерал-порутчик Апухтин в 1783 году донес ея им-у в-ву, [что] их уже не находится по той причине, что прежде того двое, в том числе последний в 1769 году, от оспы померли, и хан, коим был тогда Нурали, с того времяни от дачи детей своих в аманаты уклонялся, да и тогда, когда они там содержаны были, никакой пользы от них не происходило (л. 42 об.) по неповиновению к нему киргизцов. И как неудовольствие и жалобы на сего хана возрастали от большой части старшин и народа, ему подвластного, которые, отложась от него, желали низложить его, и на место его возвесть другого, то во время начальствования в тамошнем краю генерала-аншефа барона Игельстрома, яко-то в 1785 году, доведены они были распоряжениями его г. Игельстрома до того, что тогда за рекою Уралом при речке Джанбычки состоялось под руководством старшины Сырым Батыря, начальствовавшаго до того в течение (л. 43) трех лет во всех хищничествах, всеобщее собрание народа, в котором старшины и народ дали клятвенное обещание над алкораном быть вечно верными, добрыми и послушными подданными ея им-го в-ва и более никаких своевольств и вредностей другим подданным не чинить; в прежних же своих продерзостях всемилостивейше от имяни ея им-го в-ва, они прощены. А хан Нурали, вследствие высочайшего ея им-го в-ва указа от 27 ноября 1785 года, вызван был в 1786 году в Уфу, где под предлогом собственной его безопасности от киргизцов и был удерживан до самой его кончины, которая последовала в 1790 году.— Между же тем в 1785 году народ, разделясь на три части или главные роды, имянующияся Каракисяцкой, Байулинской (л. 43 об.) и Семиродской, избрали для управления себя трех сильных по достоинствам старшин, а начальным во всех по орде обстоятельствах советником — упомянутого старшину Сырыма, которой награжден потом был разными вещами и тарханским достоинством [1], так как и многие другие из знатнейших султанов и старшин получили разныя от ея им-го в-ва награждения. По убеждениям сих старшин и народа со стороны правившего должность генерала-губернатора, на основании высочайших рескриптов, данных генералу-порутчику Апухтину от 2 майя 1784 и барону Игельстрому от 3 июня 1786 года, так как выше в статье упомянуто, для большаго приведения киргизцов Меньшой орды в спокойствие, учреждены к разбирательству одних судных гражданских и уголовных дел, с киргизцами случающихся, в Оренбурге пограничной суд, в коем заседают члены, избираемыя из киргизцов и российских чиновников, также мещан башкирцов и мещеряков, а в самой орде в главных их родах — расправы. При главном же в Уфе (л. 44) начальнике положено быть в виде депутатов от каждого рода по одному старшине, кои переменяются чрез каждыя три года, и всем заседающим от стороны киргис-кайсак в суде и в расправах так, как и старшинам, при генерале-губернаторе находящимся, производится положенное жалованье [2]. За всем тем по смерти хана Нурали, когда благоугодно было ея им-у в-ву предписать бывшему губернатору уфимскому генералу-порутчику Неутлингу высочайшим указом от 29 генваря 1791 года, дабы для сохранения в орде киргизской устройства и порядка избран был там ханом, на место его, Нурали другой, к чему назначен был султан Эрали, старшей брат умершаго хана, которой действительно был избран

[1] В чем имянно сие достоинство заключается, о сем прилагается здесь особливая выписка под буквою *Ж*. (Прим. подлинника.)

[2] Что имянно в разсуждении пограничного суда, расправ, также и депутатов при главном начальнике в упомянутых рескриптах предписано, о сем прилагается здесь выписка под буквою *З*. (Прим. подлинника.)

и утвержден с придачею к нему для (л. 44 об.) совета двух султанов и шести человек старшин, самими киргизцами избранных, коим и жалованье определено,—тогда поступки вышеозначенного старшины Сырыма начали подавать сумнения в его усердии и верности, ибо при сказанном выборе ханом султана Эрали, которой также в 1794 году умер, он Сырым с сообщниками своими уклонился от собрания киргизцов, для того выбора бывшаго, сколько к тому приглашаем ни был, а потом пустился и на дерзости против границ наших и против повинующихся хану так, что в течение 1792, 1793 и 1794 годов, сколько по доставленным от губернатора сведениям видно, захвачено было киргизцами из-под разных крепостей российских подданных 116 человек и немалое количество лошадей и рогатого скота отогнано.—И хотя в 1792 году бывшей (л. 45) губернатор уфимской генерал-порутчик Неутлинг, по прозбе Эрали, предпринимал учинить незапныя походы на зимния тех злодеев кочевья отрядами регулярных и нерегулярных войск, однако ж по высочайшей воле ея величества генерал-прокурор сообщил ему от 2 декабря 1792 года, что всемилостивейшей государыне угодно, дабы таковую предпринятую посылку войск он остановил, а чтобы тот дерзостной киргизец Сырым не мог ничего вредного зделать по границе, то взял бы надлежащую предосторожность и изыскал другие к пересечению вредных его поведений способы. После того по прошению начальников Меньшой киргис-кайсацкой орды, противную в орде партию составляющих, в том числе и вышеозначенного Сырыма, доставленному в 1793 году к его светлости г. генералу-фельдцейхмейстеру и кавалеру князю Платону Александровичу Зубову, посылан был в орду, вследствие высочайшаго ея им-го в-ва соизволения, находящийся здесь родственник их секунд-майор султан Ширгази; однако же и сия посылка спокойствия и согласия в орде водворить не могла, ибо как со стороны противной хану партии многие открыты неудовольствии на хана и приверженных к нему, равно как и на здешнее пограничное начальство, так, напротив того, от хана и прочих придерживающихся ему и усердствующих к стороне здешней принесены жалобы на султана Ширгази и на упомянутых противников в разных учиненных от них несправедливых и не пристойных по орде разглашениях, о чем губернатор уфимской писал сюда обстоятельно. (л. 46) Наконец по определению в 1794 году в должность генерала-губернатора уфимского г. генерала-порутчика Вязмитинова, когда по воле ея им-го в-ва сообщено ему было от генерала-прокурора при письме от 30 декабря того года обо всех по Меньшой орде обстоятельствах сведение с тем, чтобы он вошел в подробное разсмотрение, из какого числа и каких людей состоит в Меньшой орде развратная партия киргизцов, имеют ли какое основание приносимые от некоторых из них жалобы и прозбы и нет ли возможности обратить их добрым образом на путь истинный, представил он ея им-у в-ву от 3 апреля 1795 года, что вся Меньшая орда разделяется на две главныя партии, первая из них придерживается Ишима[1] и кочует ближе к границам нашим; вторая (л. 46 об.) недовольная пограничным здешним начальством и удаляющаяся в степь, в которой пребывают султаны Абулгазид и Буркан братья Ширгазиевы и дети Каип хана, бывшаго в сем достоинстве в Бухарии, да Нуралиев сын Исенгалы, но руководствует оною Сырым, и сия последняя не столь многочисленна как Ишимова.—Некоторыя из жалоб киргизских хотя и не без основания, но повод к иным из тех случаев, при которых возчувствовали они

[1] Оной есть султан, сын умершего хана Нурали, которой, как выше значит, избран уже ныне ханом (Прим. подлинника.)

оскорбление, подан ими же самими; по делам же видно, что пограничное начальство старалось о доставлении им удовлетворения, а в полной ли мере они его получили, того — по несовершенной удостоверенности в справедливости их претензии, утвердительно сказать нельзя, а не мало прошедшее время подвергает многим неудобствам возобновление о том изследований, хотя и можно заключить, что поступки уральских (л. 47) казаков недовольно обнаружены и воздержаны.— Под безпрестанным о сих жалобах напоминанием чуть ли не сокрывается Сырымово намерение подстрекать приверженцов своих к неудовольствию к российской стороне и, делаясь за них ходатаем, держать их в некоторой зависимости. К сему немалым поводом быть может потеренное им со здешней стороны уважение и изключение его в 1793 году из числа главных старшин. Между тем все требования нашей управы над злодеями остаются без выполнения, и нет в орде ни повиновения к своим начальникам, ни твердости и усердия сих последних к возстановлению оного. Впоследствие же предрасположения его г. Вязмитинова к обращению ординцов благим образом на путь истинный, о котором в том представлении из'яснено, как сие известно из вышеупомянутого письма его к генералу-прокурору от 3 апреля, (л. 47 об.) получа он в разрешение высочайший ея в-ва указ от 30 июня прошедшего 1795 года, учинил при бывшем выборе хана Меньшой орды такие распоряжения, что сей выбор пал на одобряемого им и бывшим губернатором Пеутлингом упомянутого султана Ишима, которого, как от г. Пеутлинга прежде донесено было, и самые противники желали, доведя пред тем враждующих между собою султанов и старшин до того, что и кочующия в самых отдаленных в степи местах приверженцы Сырымовы, и он сам находились не в весьма большом разстоянии от кочевья Ишима, делая между собою пересылки, как и где им видеться; при чем, как донесено от него г. Вязмитинова ея им-у в-ву от 9 октября прошлого 1795 года, воспользуясь он случаем собрания всего, что есть в орде лучшаго и знаменитого, убедил их, что они клятвенно обещались употреблять неусыпные старания об отыскании и (л. 48) возвращении похищенных россиан, коих, по прежнему его уведомлению, считалось невыданных с 1782 года 505 человек, также и других от здешней стороны претензий, помышляющих же на дерзости и злодеяния от того воздерживать и не допускать. А между тем хан, испрося к себе претерпевших ощутительные потери разграблением товаров, при бытности еще с ними посланного от него г. Вязмитинова, старался о удовлетворении их исков, из коих одни совсем удовольствованы, а о других учинены сходные с желаниями претендующих мероположении.— При отпуске ж собрания раз'ехаться по своим местам видел уже он собрание сие в примирении между собою, и род Алимулинской, в котором всегда держались враждующия противу нынешнего хана, оказывающим свою к нему приверженность так, что достижение водвориться (л. 48 об.) в Меньшой орде тишине и спокойствию кажется быть благонадежным; но при письме к генералу-прокурору от 10 генваря сего года сообщил г. Вязмитинов копию со всеподданнейшего к ея в-ву донесения, в котором между протчим из'яснено, что от 29 сентября прошлого 1795 года имел он щастие всеподданнейше доносить, что известный Сырым оставался еще без раскаяния, и что впредь следующее время не упустит он из виду его начинаний, пребудет ли еще сей киргизец в закоснелости, или, видя себя оставленного от всех почти своих и важнейших приверженцов, прибегнет к раскаянию, а потому и употреблял он прилежныя способы, чтобы вызвать его в Оренбург, от чего однакож он Сырым под

разными видами уклоняется, опасаясь, может быть, чтоб там задержан не был.

Когда, после выбора нового хана, кочуя он с небольшим числом кибиток не в дальности (л. 49) от линии, подвинулся аулами своими в степь, то поручено от него г. Вязмитинова надежным людям вести под рукою примечание, около которых мест сей киргизец возимеет на зимнее время свое пребывание, с каким количеством людей, и не будет ли учреждать поведение свое в добром порядке, или же по прежнему обращаться в противных замыслах. Вследствие чего и получил уведомление, что Сырым имел расположение между реками Эмбою и Сыр-Дарьею близь отрога Аральского моря, с некоторым небольшим числом людей, замыслы оставались еще в неизвестности. Между тем получено и собственно от него Сырыма к нему г. Вязмитинову представление, подписанное купно с ним десятью его сообщниками, которые, устремляя мету свою на подарки, яко бы для них там полученныя, и наполняя оное лживыми сплетениями, просят о выдаче жалованья ему Сырыму,— коего хранится при экспедиции пограничных дел удержанного у него за нерачительное исправление им должности (л. 49 об.) своей, и за другия непристойныя поступки по день выключки его из старшинского звания четыреста рублей,— также о исходатайствовании оного вновь султану Исянгалию, Чункай бию, во уважение доброго их яко бы управления подчиненными им киргизцами, и о выдаче жалованья ж Сигизбай бия с товарищи всего трех человек наследникам их, у которых также удержано оное за попущение ими подчиненных своих на похищение российских людей и на грабеж имущества их. А как вслед за сим Меньшой орды хан известил г. Вязмитинова, будто Сырым обще с известным злодеем Табынцем Дасыбараком, пригласив к себе (л. 50) из воров человек до 200, умышляют учинить нападение на калмык, переведенных из-за Волги к Индерским горам, то дондеже удостоверено будет о подлинности Сырымова поступка, удерживается он г. Вязмитинов некоторым удовлетворением его прозьбы и самым учинением ему отписания, а между тем к отвращению удачи злоумышляющих приняты надлежащия меры.

Относительно упомянутых в сем донесении калмык обстоятельство в разсуждении их и в разсуждении самих киргизцов Меньшой орды (л. 50 об.) по переселению тех калмык есть следующее: ея им-е в-во на всеподданнейший доклад г. генерала-аншефа и кавалера Ивана Васильевича Гудовича о кочевье калмык кавказского наместничества и о содержании от них кордонской стражи против киргис-кайсаков в высочайшем рескрипте, данном ему г. генералу-аншефу от 19 апреля 1793 года, как видно из копии письма его к г. генералу-порутчику Вязмитинову от 2 июля 1795 года, к генералу-прокурору доставленной, предписать соизволила: «Перевод калмык с (л. 51) горной стороны Волги на луговую признаем мы полезным в разсуждении собственной их выгоды, обуздания киргизцов и сбережения казны от излишних расходов, на содержание стражи употребляемых, почему и желаем, чтоб вы усугубили старание склонить большую их часть на таковой переход; доколе однако ж не совершится сие предположение самым делом, нужно составляемую из калмык ведомства кавказского наместничества кордонскую стражу против киргис-кайсак продолжать, переведя ее от Ахтубы к реке Узеню, дабы чрез то сократить цепь, закрыть Елтонское и другие соленые озера и ближайшую составить связь с уральским войском». (л. 51 об.) Во исполнение чего, учиня он г. аншеф надлежащия предписания о склонении калмык, находившихся на местах, войску Донскому принадлежащих, к переходу на луговую сторону на твердое и всегдашнее их пребывание с нужными для них выгодами, пред-

ложил по сему случаю и уральской войсковой канцелярии, что к перепуску впредь на внутреннюю сторону киргизского скота в зимнее время для паствы назначены от него места выше Индерских гор, ибо тут будет против их двойной кордон, а ниже Индерских гор, где будет кордон от уральского войска, (л. 52) положено их не пропускать, а дабы киргизцы к переходу в запрещенныя места допускаемы не были, о том от бывшаго губернатора уфимскаго Пеутлинга предписано было оренбургской пограничной експедиции предложить учрежденному в орде ханскому совету, так как в сие время хана еще избрано не было, также расправам, султанам, и старшинам, управляющим родами, а равным образом от него г. Пеутлинга сообщено и командовавшему тогда оренбургским корпусом покойному генералу-порутчику Реку о учинении пособия уральскому войску в случае сильного покушения на то киргизцов. Хотя же от упомянутаго учрежденнаго в орде ханскаго совета и вступило (л. 52 об.) представление по прозьбам от киргизцов, в немалом количестве вниз реки Урала кочующих, что по запрещению перегона скота ниже Индерских гор, и как на их стороне не токмо скот вместить, но даже и улусам их, якобы, теснота быть может, киргизцы, лишась чрез то способа к размножению скота своего, легко обратиться могут к худым предприятиям, и ханской совет имеет опасение, дабы они не нашлись принужденными отложиться от границ наших и приобщиться к киргизцам, в степных местах пребывающим, ибо сии последния внушают им, дабы они от Урала удалились и обще (л. 53) с ними поступали по своему произволу,— но как оренбургская пограничная експедиция из'яснила г. Пеутлингу в своем о том представлении, что с состояния о перепуске киргизского скота на внутреннюю сторону высочайшаго ея им-го в-ва соизволения еще не более минуло 10-ти лет[1], а до того времяни киргизской скот всегда содержался на степной стороне и внутрь ни в котором по линии месте отнюдь перегоняем не был, и что по зделанной токмо привычке пользоваться выгодными для них местами кажется им прискорбно вдруг лишиться оных, то он г. Пеутлинг и предписал помянутой експедиции учинить ханскому совету отзыв и внушить киргизским султанам, старшинам и народу, что перегон скота ниже Индерских гор, по безпримерному милосердию и великодушию всемилостивейшей государыни, позволен им был единственно на то время, когда степи, лежащия там, были пустопорожние и никем из российских (л. 53 об.) верноподданных не занимаемыя, ныне ж, по премудрому ея им-го в-ва распоряжению, признано необходимо потребным переменить оные места назначением перепуска киргизскому скоту выше Индерских гор, а потому бы они киргиз-кайсаки, повинуясь высочайшей ея им-го в-ва воле, на переход со скотом в запрещенныя места не усиливались, а обратились с оным туда, где во всякое время позволение им дано быть имеет. При определении же в должность генерала-губернатора уфимскаго вышеупомянутаго г. генерала-порутчика Вязмитинова сообщено ему было по воле ея им-го в-ва от генерала-прокурора и в разсуждении означеннаго перегона киргизскаго скота на внутреннюю сторону, дабы он, вникнув в прозьбы киргизцов, касающиеся до сего перепуска их на внутреннюю сторону ниже Индерских гор и выше до Илецкаго городка и сообразив все местныя сего перепуска обстоятельства, (л. 54) не произведет ли настоящее запрещение действительно каких-

[1] Какое точно, когда и кому повеление об оном дано было, сего по делам генерала-прокурора не видно, кроме того, что в 1786 году барон Игельстром по прозьбе общества старшин и протчих, в верности присягу учинивших, в безпрепятственном пропуске скота их на внутреннюю сторону, дал им знать, что о том ведение его, кому надлежит, дано. (Прим. подлинника.)

либо невыгодных для здешней стороны следствий, учинил сношение с г. генерал-губернатором кавказским и потом, что будет положено на мере, представил бы на высочайшее ея им-го в-ва разрешение. Вследствие чего и сообщил г. Вязмитинов упомянутому г. генералу-аншефу в апреле месяце 1795 года, что по соображении всех касающихся до перепуска киргизцов обстоятельств в относительности тамошних мест, находит он, что, по великому множеству содержимого ими скота, необходимую они имеют надобность зимою в кормовых местах на внутренней стороне, по нижне-уральской линии лежащих. Доказательно сие тем, что в позволенных ныне им, стесненных противу прежняго урочищах, между Индерской крепости и Уральского городка, перепущено ими онаго внутрь границ более 700 000, следовательно, означенныя их прозьбы (л. 54 об.), по мнению его, и кажутся быть не без основания; будучи ж сей народ удостоен оказываемою ему по всемилостивейшему соизволению ея им-го в-ва со здешней стороны благопризрения, заслуживают они внимания тем более, что в течение 10 лет киргизцы, пользуясь пажитною для скота своего паствою ниже Индерских гор, не только сами к кочеванию там зделали привычку, но даже, сколько известно, и скот их в осенния ненастныя времена уходить в те места стремится, и что, отказав им навсегда в прежнем на то позволении, легко поселиться может в строптивыя их сердца неудовольствие, а с тем вместе и повод к нарушению в орде спокойствия и к причинению безпокойства границам. При чем из'явлено от него г. Вязмитинова, что как неизвестны ему обстоятельства касательно распоряжений, каковыя упомянутым (л. 55) г. генералом-аншефом учинены в разсуждении переселения калмык от Волги на вновь назначенныя места, то сообща ему о том, что касается до оренбургских обстоятельств, просил его г. генерала-аншефа, по соображении оных с первыми, не оставить уведомлением, полезнейшим ли для дел и спокойствия граничнаго признает он г. генерал-аншеф предпринятое переселение калмык, или разрешение запрещенного ныне киргизцам перегона скота ниже Индерских гор, или же по благоусмотрению его не может ли найтиться посредство в размерении выгод по тому и другому предметам. Что ж касается до перепуска киргизского скота от Уральска выше к Илецкому городку, то дал он ему г. генерал-аншефу знать, что подвержено сие совершенным неудобствам, по причине занятия бывших тут степей казачьими хуторами и самым городком, от котораго крепость Разсыпная состоит в 20 только верстах, и разныя селения Оренбургской (л. 55 об.) округи находятся в близском к линии разстоянии, а в таком тесном соседстве по своевольству киргизцов родились бы всеконечно многия и разные вредныя приключения.

В ответ на сие отношение упомянутой г. генерал-аншеф уведомил г. генерала-порутчика Вязмитинова письмом от 2 июля, о котором выше сего из'яснено, что, по мнению его, г. Гудовича, поселение по силе высочайшаго повеления на тех местах, о коих киргис-кайсаки просят, спокойных калмык с употреблением их на службу и содержанием кордонной стражи зделает несравненно больше пользы, нежели позволение там кочевать киргиз-кайсакам, а посему и прозьбы оных о даче им вообще всем позволения к перекочеванию на Рынь-пески удовлетворять не следует, кроме как из числа их одним тем, кои действительно состоят в подданстве ея им-го в-ва (л. 56) и в верности непоколебимы, которых пропущать теперь, по мнению его, можно и ниже Индерских гор, поколико по новому расположению кардона и ниже оных опять будет двойной кардон, но только с согласием на то калмык, и что таковым образом удовлетворится могут калмыки и благонамеренные киргизцы, отвратится опасность от их наглостей, и не потеряют они

ничего в разсуждении запрещеннаго прежде перепуска их ниже Индерских гор, вопрошая при том г. Вязмитинова, согласен ли он на сии положения и пропуск киргиз-кайсаков для дел и спокойствия границ, кому имянно и в коликом числе производить нужно, также не может ли чрез то вытти каковых-либо злоупотреблений и от тех киргиз-кайсаков, кои по надежности иметь будут таковое позволение. На сие г. Вязмитинов между протчим ответствовал ему г. генералу-аншефу в письме от 20 августа, что вся Меньшая киргиз-кайсацкая орда числится в подданстве ея им-го в-ва, но не может он ни ручательства зделать, не выдет ли злоупотребления от тех, кои иметь будут позволение переходить ниже Индерских гор, (л. 56 об.) ни сказать того, кому имянно и в коликом числе тот пропуск производить нужно; следуя ж предположениям его г. генерала-аншефа можно будет предписать оренбургской експедиции пограничных дел, чтоб она всякой раз, благовремянно истребовав от учрежденнаго в Меньшей киргиз-кайсацкой орде, по высочайшему ея им-го в-ва соизволению, ханскаго совета или их хана сведение, каких родов киргиз-кайсакам, в добром учреждении своего поведения благонадежным, дано быть может позволение перепускать скот их ниже Индерских гор, и в коликом числе,— доставляла оное к кавказскому г. правителю наместничества, которой может по соображениям дать свои относительно до того перепуска на кардонную стражу, ниже Индерских гор содержанную, предписании, на что и просил он г. Вязмитинов удовольствия его г. генерала-аншефа. А между тем правитель кавказскаго наместничества (л. 57) войска уральскаго атаману бригадиру Доскову и в оренбургскую експедицию пограничных дел в отношении из'явил, что как калмыки Дербетева улуса переправлены уже на Волгу для кочевья на степях между Волгою и Большим Узенем, а от онаго по Камыш-Самаре до реки Урала по Индерския горы, то бы посему киргиз-кайсаки от Индерских гор вниз до Гурьева городка ни под каким видом перепущаемы не были. Вслед же за тем Меньшой киргиз-кайсацкой орды хан Ишим в представлении к нему г. Вязмитинову из'яснил, что той орды разных родов старшины, бии, мурзы и батыри принесли к нему прозьбу, что вольские калмыки с их аулами, перейдя чрез реку Волгу к Бухарской стороне не расположились, от чего киргиз-кайсакам со скотом своим в зимнее время кочевать уже нет возможности, и просили о его ходатайстве, дабы, расположение помянутых калмык между Волгою и Уралом (л. 57 об.) в урочище Рынь-пески отставить, а по-прежнему позволить кочевать тут одним киргизцам, почему и просил он хан тем калмыкам приказать перекочевать обратно, а места, на которыя они теперь перешли, оставить для одних киргизцов, и, буде самому ему г. Вязмитинову сего зделать не можно, то учинил бы об оном всеподданнейшее ея им-му в-ву донесение. Но он ответствовал хану, что по известным уже ему чрез отписании пограничнаго начальства в 1794 и 1795 годах, причинам, по коим воздерживается перепуск киргиз-кайсацкого скота ниже Индерских гор на внутреннюю сторону, просимаго им позволения дано быть не может, но что не возбраняется перегон скота выше Индерских гор, в местах позволенных. После чего сообщил он г. Вязмитинов при письме к генералу-прокурору от 1 декабря прошедшаго 1795 года, и копию с отзыва (л. 58) к нему г. генерала-аншефа Гудовича на вышеозначенное письмо к сему последнему от 20 августа, в котором между протчим из'яснил он ему, что как перекочевавшие прежде с земель кавказского наместничества на Дон Дербетьева улуса калмыки по высочайшему повелению в продолжении прошедшаго лета перешли уже с донских земель на назначенныя им на луговой стороне реки Волги места, и ежели б позволить переходить

туда в большом числе и киргиз-кайсакам, могли бы переселенные калмыки потерпеть от того утеснение, то по уважению того, полагая перепуск киргиз-кайсакам ниже Индерских гор делать во всем сходно с положением своим, из'ясненным в письме к нему Вязмитинову от 2 июля, тем только, которые состоят в подданстве (л. 58 об.) ея им-го в-ва и в верности непоколебимы, с согласия на то калмык с обязательством киргиз-кайсаков, чтобы во время их на местах, калмыкам принадлежащих, кочевья не делали ни малейших обид и притеснений, согласуется он г. Гудович с мнением его г. Вязмитинова, поручить по предположению его оренбургской експедиции пограничных дел, чтобы она при случае прозьб киргиз-кайсаков на пропуск их на Рынь-пески, отобрав от ханскаго совета сведение, какого рода киргиз-кайсаки, в каком числе просят таковаго пропуска, и благонадежные ли они люди, давала о том знать г. правителю кавказского наместничества, которому о даче предписания кордонным начальникам по соображению обстоятельств на перепуск их от него генерала-аншефа Гудовича и предписано. Вслед за сим получил генерал-прокурор от г. (л. 59) Вязмитинова письмо от 3 генваря сего года, в котором из'яснил он, что киргиз-кайсаки на внутреннюю сторону в запрещенные места между Индерской крепости и Гурьева городка чинят весьма усиленныя покушении, так что едва линейною стражею от того удерживаются, а хан Меньшой орды поновляет свою прозьбу, дабы по тесноте назначенных к перегону скота мест, отчего, как из'яснено в письме к нему г. Вязмитинову, с котораго доставлена копия, доведены киргизцы до крайняго разорения, употреблено было ходатайство в пользу их о помянутых запрещенных местах, или б позволено было самим им о том просить, на что также он г. Вязмитинов в отзыве своем хану, помещая те же причины, по коим в просимыя ими урочищи воздерживается перепуск скота, рекомендовал ему, дабы он всему киргиз-кайсацкому народу подтвердил о прекращении усильняго напряжения (л. 59 об.) к перегону скота в места запрещенныя и о произвождении онаго там, где позволено, и что впротчем не уклоняется он выполнить желания их всеподданнейшим представлением ея им-му в-ву прошения их. Все сие предложено было генералом-прокурором на разсуждение совету и согласно с положением онаго генерал-прокурор по воле ея им-го в-ва сообщил г. Вязмитинову в письме от 10 апреля нынешняго 1796 года, что вышеозначенной первой отзыв его хану Ишиму о невозможности дать позволения киргизцам к переходу в запрещенныя места, ея в-во изволит находить весьма приличным, так как и другой от него ему учиненной; но при том соизволяет всемилостивейшая государыня, чтобы и вышеозначенное предложенное им о перепуске на внутреннюю сторону (л. 60) киргизцов, в верности благонадежных, распоряжение, которое, будучи одобрено и вышеупомянутым г. генералом-аншефом, служит к доставлению вящей удобности киргизцам, не имеющим, может быть, действительно довольного пространства для пастьвы скота выше Индерских гор, приведено было в надлежащее исполнение, отвращая при том всякое притеснение и обиды, кои бы иначе последовать могли калмыкам от перепуска киргиз-кайсаков на желаемыя ими места; но буде бы и за сим облегчением стали киргизцы устремляться на непозволенной переход, на таковой случай ея им-е в-во нужным почитать изволит, чтобы со стороны его г. (л. 60 об.) Вязмитинова, яко начальствующаго на линии, приняты были все зависящие от него меры к испроверженню таковых продерзостей надлежащим отпором и возмездием; но между тем каково от него г. Вязмитинова доставлено к генералу-прокурору при письме, от 5 марта полученное им еще от хана и учрежденнаго при нем совета прошение, к тому же перепуску относящееся,

с онаго, а равно и с того письма так, как и с выписок, доставленных от него при письмах от 12 и 26 числа марта о произшествиях, какия случились уже между киргизцами и переселенными калмыками, прилагаются при сем для лучшего усмотрения копии под буквами *И*, *І* и *К*.

11

(л. 61) Что касается до внутренняго состояния и пограничных обстоятельств по Средней орде, то оная, как писал сюда в 1793-м году генерал-порутчик Апухтин, находилась тогда в порядке, и таких продерзостей, какия от Меньшой орды при оренбургских границах бывают, не происходит, чему причиною, полагал он, хорошее правосудное управление хана, султанов, биев и старшин, и что на внутренней стороне нет таких народов, которые б оную орду безпокоили и подавали повод к продерзости или иногда и к отмщению, ибо всю почти дистанцию около границ на внутренней стороне занимают селениями земледельцы и казаки, по большей части упражняющиеся в том же ремесле, из российскаго народа, в каковом положении, в разсуждении спокойства по границе сибирских линий, находится сия орда и поныне, ибо не было оттуда донесений, чтобы там произошли от киргиз-кайсак какия-либо чрезвычайныя дерзости. (л. 61 об.) Но в разсуждении хана сей орды Вали, которой возведен был в сие достоинство в 1782-м году, правивший должность генерала-губернатора Иркутскаго и колыванскаго генерал-порутчик Якобий доносил ея им-му в-ву о непослушании сего хана в удовлетворении по обязательству его разных претензий за отца его Аблай хана, так как и не в отдаче нескольких человек отсюда бежавших и киргисцами захваченных, в чем и зделано ему Вали от покойнаго действительнаго тайнаго советника князя Александра Алексеевича Вяземского по воле ея им-го в-ва примечание при сем случае отпуска бывших от него здесь в 1784 году депутатов, на которое зделал он ответ, что предписанное ему исполнить не оставит. После того приносили на него жалобы двое старшин той орды, в 1788 году здесь бывшие, в разных наносимых (л. 62) им и протчим усердствующим стороне здешней старшинам грабительствах и обидах. По поводу оных дан был указ бывшему на сибирских линиях генералу-порутчику Огареву, дабы за поступками Вали хана делано было наблюдение. Наконец и генерал-порутчик Штрандман, ныне там командующий, доносил сюда в 1792 году, что хан Вали по уходе в 1771 году из российскаго подданства немалаго числа вольских калмык, которые захватили с собою насильственным образом от Астрахани россиян и под покровительством России живущих там трухменцов, сих, последних, которые от калмык в Средней орде киргисцами отбиты, удерживал у себя в противность верноподданическому его долгу более 20 лет в неволе. Однако же они при пособиях, от него Штрандмана употребленных, в числе 320 человек оттуда вышли (л. 62 об.) и потом вследствие высочайшаго ея им-го в-ва указа, даннаго ему Штрандману от 20 декабря 1792 года по желанию их переведены на прежнее их жилище к Астрахани. По об'явлениям же их о недоброхотстве к здешней стороне и продерзостных поступках хана Вали предписано было и ему г. Штрандману в упомянутом указе удерживать сего хана в пределах должности способами, в оном указе из'ясненными. А между тем и еще в начале 1793 года принесены были на него Вали жалобы от нескольких старшин в разных также причиненных им от него грабительствах и обидах. И как за выходом означенных трухменцов оставалось в степи имение их и свойственники, которых хан содержал сверх того по дошедшим сведениям в неволе и российских людей до 25 человек (л. 63),

а при том и вольских калмык, за всеми со стороны г. Штрандмана настояниями и убеждениями чрез нарочные к нему посылки не отдавал, и принял было намерение всех их разделить по степи, то под прикрытием посыланной в степь в 1793 году под предлогом рубки дров воинской команды и упомянутыя оставшияся в орде достальныя трухменцы в числе 38-ми человек на здешнюю сторону вышли и также переведены уже к Астрахани; но от сего родилось неудовольствие хана и братьев его на генерала-порутчика Штрандмана в том, что чрез посылку упомянутой команды причинены, якобы киргисцам многии разорении и что и сказанные достальные трухменцы не есть будто бы российские подданные, в чем однако ж при произведенном в Омске следствии депутаты, от хана (л. 63 об.) присланные, никаких ясных доказательств не зделали; по поводу же принесенных от него хана во всем том на генерала-порутчика Штрандмана жалоб, так как и изветов по сему случаю, учиненных от находившагося на линии генерала-майора Баувера, высочайше позволено было от ея им-го в-ва приехать ему Вали по желанию его для об'яснения тех жалоб самому в здешную столицу, а по уклонности его от сего приезда позволено наконец прислать избранных от него депутатов. А между тем, покуда происходили с обоих сторон обсылки в разсуждении отправления оных, что продолжалось слишком год, хан Вали уведомил между протчим г. генерала-порутчика Вязмитинова в письме[1], присланном (л. 64) к нему в исходе прошедшего 1795 года, что он Вали с находящимися на сибирских линиях начальствующими генералом Штрандманом и бригадиром Шрейдером, командующим брегадою и пограничностию на тобольской и ишимской линиях, находится уже в согласии и спокойствии. И так депутаты от хана, хотя уже сюда и прибыли, но не более как с прошением его, заключающимся только в том, чтобы ему прибавлено было жалованье, так как он получает сего менее хана Меньшей орды, и чтоб депутатов его позволено было отправлять ко двору ея в-ва с прошением от него во всякое время безпрепятственно. Генерал же порутчик Штрандман,— так как хан в разсуждении сказанной прибавки ему жалованья и к нему настоит прозьбою,— в репорте своем свидетельствует, что по смерти брата того хана, султана Чингиса, которой, пользуясь доверенностию (л. 64 об.) его, по склонности своей к дерским поступкам, старался и в хане поселять равные пороки, оказывается в поступках сего хана великая перемена, и что теперь основывает он себя с лучшим к Российской империи доброходством, в подтверждение чего и вышеупомянутой бригадир Шрейдер при случае отправления тех депутатов из'яснил в письме к генерал-прокурору от 1 февраля сего года между протчим следующее: что он при начале командования там нашол, что вся Средняя орда разными интригами, большею частью прежде возникавшими от упомянутаго бывшаго ханскаго брата Чингис султана, разделена была на разные, одну против другой противные партии, а чрез то происходило непрестанно у киргисцов междуусобное грабительство, как следствие того раззорения, от котораго народ их дошол до совершенной бедности, приумножа тем природную склонность (л. 65) к воровству на получение добыч, особливо в пропитание свое снискиваемых, что навлекало и для границ безпокойство, к прекращению чего старался он Шрейдер паче всего иметь с ханом Вали в собрании лучших старшин личное свидание, на что он в прошедшую осень и согласился, и Шрейдер, пользуясь тем, имел успех возстановить между всеми ими совершен-

[1] С сего письма доставлена от г. Вязмитинова к генералу-прокурору копия при письме его от 1 декабря. (Прим. подлинника.)

ное согласие, получив при том от самого хана Вали в упомянутом собрании старшин такое обещание, что он без сношения с нашим пограничным начальством не только ничего в орде сам собою один никогда не предпримет, но при помощи того начальства стараться будет утвердить навсегда прочное спокойствие, и сие доказывает ныне тем, что в претензиях, киргисцами между собою имеемых, производит справедливые разбирательства, не попущая уже, по их обыкновению, как прежде было, управляться силою и грабежем; (л. 65 об.) да и для возвращения всяких иногда убытков, причиняемых на границах наших, выдает всех тех киргисцов, которые в воровстве приличатся, а что такое расположение его в отношении к общему правлению с начальством тамошним отныне впредь непоколебимо будет, и что он наиболее утверждает верноподданническую свою должность в засвидетельствование всего онаго при отправлении сюда вышесказанных депутатов послал в числе оных сына своего родного султана Бич-Гали. В протчем со стороны той части киргис-кайсак Средней орды, которые прилегают кочевьем своим к левому флангу Оренбургской линии и состоят под начальством некоторых султанов и старшин, произошли в начале 1795 года дерзости неоднократными вторжениями их внутрь линии с причинением людям до несколько человек убивства, увозом нескольких с собою и захватом у башкирцов Челябинской и Верхо-Уральской округ многочисленных (л. 66) конских табунов и рогатого скота, то причиною сему, как по разведываниям и перепискам со стороны генерала-порутчика Вязмитинова с означенными султанами и старшинами открылось: своевольствовавшие киргисцы ставят — якобы башкирцы разных волостей в течении 1793 и 1794 годов во время самовольных переездов за линию (что действительно происходило, и некоторые из них уже наказаны) отогнали у киргисцов до 10 000 лошадей и когда они неоднократно приносили о том жалобы тамошнему пограничному начальству, то не получили будто никакого удовольствия и потому сами они принуждены были учинить над башкирцами взаимную, так называемую ими, баранту или захват, и хотя сии киргисцы из опасения от башкирцов удалились было от линии в степь далее, но по убеждениям от г. Вязмитинова начальников их, яко то султана Абулгазия и Барака батыря, что от башкирцов никакого вреда учинено им (л. 66 об.) быть не может, в чем от него Вязмитинова учинены, кому следовало, строжайшие предписания, разположились они опять на прежния места, уверяя, что они злаго против России умысла не имеют, кроме сохранения спокойствия, о чем уведомил г. Вязмитинов генерала-прокурора письмом от 21 ноября прошедшаго 1795 года, и с того времяни, чтобы произошли с обоих сторон какие-либо шалости, известиев сюда поныне не доходило. Между тем о возвращении похищенных теми киргисцами людей и скота он г. Вязмитинов перепискою своею с ханом Вали и упомянутыми начальниками оных настоит сильнейшим образом. И как старшины, против Оренбургской линии разполагающияся для производства мены, между протчим в отношениях своих к нему г. Вязмитинову требованию его о сем возвращении всего ими с здешней стороны похищеннаго удовлетворить отрекаются, отзываясь, что и у них отогнано лошадей (л. 67) не мало и предлагая по неудобности взаимнаго возвращения оставить обоюдныя претензии без взыскания и находиться в покое, но ныне, согласно с разсуждением совета, генерал-прокурор сообщил ему по воле ея им-го в-ва в письме от 10 числа апреля, что всемилостивейшей государыне благоугодно было повелеть дать ему знать, что хотя сии киргисцы и уклоняются от предложеннаго им справедливаго рощета и удовлетворения требований здешним, но тем не менее нужно, чтобы

он г. Вязмитинов продолжительно старался пристойным образом убеждать их на добровольное возвращение всего ими захваченнаго, обещая с здешней стороны взаимно оказать в основательных требованиях их все возможное удовлетворение.

Наконец — 12-е.

Что принадлежит до Большой киргис-кайсацкой орды, то в вышеозначенном высочайшем ея им-го в-ва рескрипте, данном от 2 маия 1784 года правившему тогда должность (л. 67 об.) генерала-губернатора уфимскаго г. генералу-порутчику Апухтину предписано было между протчим в 10-м пункте и об оной следующее: «Стараться Большую киргис-кайсацкую орду и каракалпаков приласкать и обратить в подданство наше, а хотя до сего времяни в разсуждении первой почиталось препятствием, что в оной начальствуют. султаны, произшедшие от хивинскаго хана, которой варварским образом поступил с известным князем Бековичем, но преступление предка не навлекает мщение на потомки его, и особливо, когда уже оно самим времянем в забвение приведено, почему и не может быть никакое помешательство в принятии сего султана в подданство наше и в утверждении ему ханскаго чина. Но было ли после от него Апухтина или от других бывших там после него начальников какое-либо по сему обстоятельству к ея им-му в-ву представление, по делам у генерала-прокурора не известно, кроме того (л. 68), что по поводу данного командовавшему прежде на Сибирских линиях генералу-порутчику Огареву от 15 июля 1788 года высочайшаго указа, чтобы по прозьбе некоторых киргиз-кайсацких старшин в принятии их из дальних степей во внутренную российскую сторону сим прошением удовлетворять, принят был в вечное российское подданство той самой Большой орды султан Чурыгей, которому под поселение близ Усть-Каменогорской крепости вследствие высочайшаго имяннаго указа от 28 февраля 1789 года и место отведено, и которой, следуя своему обязательству, согласил перейти на российскую сторону в особливое российское подданство Сиван-Кирейской волости киргисцов до 4 000 и 16 человек ташкинцов. Да сверх того в 1793 году просил о принятии в вечное российское подданство той же Большой орды султан Тугум с подвластным ему народом, во сте кибитках состоящим, к которым мог по об'явлению ево присоединить еще столь же, котораго по сему генерал-порутчик Штрандман и велел перепустить внутрь границ.

Записки Н. П. Балабина

Автор печатаемых ниже записок — дворянин-помещик Самарской и Черниговской губерний, современник так называемой эпохи «освобождения крестьян». В своих записках автор сообщает о себе кое-какие биографические сведения. 16 лет он числился на государственной службе, но по собственному признанию автора в это время «более 12 лет занимался с большим успехом лощением петербургских паркетов». Наскучив этим, он предпринимает путешествие по разным европейским странам, а затем по приезде в Россию пытается в своих имениях на практике применить те знания, которые он приобрел во время своего заграничного странствования. Его рассказы об этом, написанные бойким пером, читаются не без интереса и являются своеобразным историческим документом эпохи. Автор записок — сторонник обязательного государственного выкупа крестьян, причем те средства, которые получат помещики, по мысли автора, должны быть пущены в оборот, на устройство разных промышленных предприятий и начинаний. А что такое устройство вполне возможно и достижимо, автор доказывает тем, что сам начинает заводить фабрики и заводы. Цель записок — показать выход дворянам к более интенсивному использованию своих привилегий и находившейся в их руках огромной земельной собственности. Известно что «раскрепощение» крестьян на самом деле было особенно выгодно для помещиков, в руки которых теперь переходили лучшие части наиболее удобных для ведения сельского хозяйства земель, но все же большинство крепостников-владельцев боялось отмены крепостного права.

«Положение помещиков чрезвычайно грустное, все духом упали» («Красный архив», т. 74, стр. 14),— говорит один; «Треть помещиков, по крайней мере, сотрется с лица земли»,— вторит другой (там же, стр. 25).

Записки Балабина выявляют настроение той части землевладельцев, которые пытались приспособиться к «новым» условиям путем развития промышленных предприятий, перерабатывающих продукты сельского хозяйства. Однако большинство из них оказывались мало рентабельными; будучи связаны главным образом с отдельными имениями, они занимались переработкой сырья и имели характер мелкопромышленных заведений. Для их развития нехватало большого капитала, крупного коммерческого размаха, свободных рабочих рук и широкого рынка.

Из журнала Н. П. Балабина о земледелии и промышленности в России [1]

Часть 1

Великая для России эпоха, в которую мы живем, открыв много новых до сих пор неведомых путей для нравственных, промышленных, торговых сил и способностей нашего отечества, возбудила в нем деятельность небывалую. И зашагала Россия по новому широкому пути, как шагает она всегда, когда не связаны члены ее: что ни шаг, несколько верст как не бывало. Сотни дорог разбегаются перед ней в разные стороны, каждая из них манит к себе, каждая сулит впереди богатство и счастие, каждая обещает привести к желанной цели. Которую ж выбрать? Хотелось бы и на эту, и на ту, и на третью, и на десятую. Все стремятся к этим путям, все хотят действовать, и многие останавливаются в раздумьи на распутии, другие, очертя голову, избирают себе путь на авось, и платятся за это тяжкими потерями и горьким разочарованием; очень немногие выбирают себе путь сознательно. Впрочем недолго длится раздумье, а потери и разочарование не останавливают своим примером. Оно так и быть должно: опыт никому не доставался даром, и горечь его никого еще не останавливала, а только поучала и направляла на путь истинный. Деятельность наша растет, деятели множатся и не по дням, а по часам.

Великий переворот, к которому готовится Россия, вследствие распоряжений правительства об улучшении и новом устройстве быта помещичьих крестьян, значительно увеличит число деятелей всеми помещиками, которые дремали до сих пор в об'ятиях прадедовской рутины, которым благодаря крестьянскому оброку и не было нужды искать себе какой бы то ни было деятельности. И они теперь проснулись, и они уже осматриваются. Эта деятельность, это движение вперед заметны у нас везде и во всем; беспрестанно возникают новые промышленные торговые компании и товарищества, новые предприятия, везде только и разговора, что о новых предположениях, проектах. Заговорили печатно такие люди, которые никогда и во сне не видывали печатного станка, а перо брали в руки только для того, чтоб проверить счет или подписать приказ управляющему или прикащику.

Эта пробудившаяся деятельность однако ж тогда только может вполне развиться, принести огромную пользу отечеству, так сказать, переродить Россию, когда вопрос об освобождении крестьян разрешится верно, отчетливо, удовлетворительно, безобидно для обеих особенно заинтересованных в этом деле сторон: для помещиков и крестьян; в руках правительства теперь вся будущность России, и от его распоряжений зависит ответ: быть или не быть.

Из разнородных предприятий моих по развитию новых отраслей отечественной промышленности, из частых, беспрерывных сношений и столкновений со всеми классами нашего народа у меня образовалось твердое, непоколебимое убеждение, что эмансипация необходима и именно в настоящее время. Но я не разделяю мнения большинства моих сограждан, которые полагают, что последствия эмансипации будут благодетельны преимущественно крестьянам; наши крестьяне не в состоянии еще, как следует, воспользоваться ею, потому что у них нет вовсе тех нужд, тех потребностей, которыми двигаются вперед по пути развития образованные народы. Нашему крестьянину все равно, когда, где и что поесть, где и как выспаться; он беззаботен и беспечен; себя не бережет, не бережет и свою скотину, не накормит ее во время, не почистит, не обработает поля своего, как следует, не подумает

[1] РАФКЭ, ф. 353, д. № 372.

о том, как бы избавить его от сорных трав. Более полугода он ест постное, другую же половину года празднует. Нажитая им копейка идет в пользу откупщика, потому что вино составляет для него единственное развлечение и удовольствие; об улучшении же своего хозяйства, своего внутреннего быта, и думы у него нет. Как и чем за него взяться, право, не знаешь. Покажите ему в пример блаженствующую возле него немецкую колонию, тщательно обработанные поля колонистов, опрятные их домики, занавески у окошек, перины, пуховики, переходящие от деда к внукам. Много говорили о благих последствиях вольного труда по освобождении крестьян, много об этом и писали; вольный труд без сомнения есть первое условие благосостояния народов; но надо уметь им пользоваться; в настоящее время более половины крестьян в России располагают свободно своим трудом и временем, ие платят ни оброка, ни барщины не правят, и могли бы, кажется, действовать самостоятельно, улучшать понемногу свой быт, должны бы жить лучше, в большем довольстве, чем помещичьи, а между тем те и другие живут совершенно одинаково. Помещичий крестьянин, говорят, ленив, потому что знает, что в случае неурожая помещик его накормит; оттого-то, говорят, и запасов у него нет. А есть ли запасы, кроме казенных магазинов, у вольных крестьян, берегут ли они копейку на черный день? Нет, лишь были бы сыты в настоящую пору, а о будущем и заботы нет. — Помещики тоже живут некоторым образом день за день, мало кто из них думает о будущем... Беспечность, леность, поощряемая даровым трудом крестьян,— вот причина их бездействия, апатии. И потому не столько крестьянам, сколько этим вечным соням, эмансипация будет особенно благодетельна. При даровом труде крестьян они родились в постели и не вставали с нее; их поили, кормили даром; к чему им было ломать себе голову какими-нибудь думами, заботами! Отымите у них даровой крестьянский труд, как они расшевелятся! Не до забав, не до клубов, не до картежной игры им тогда будет. Сколько деятелей тогда явится на сцену, какими гигантскими шагами пойдет тогда вперед Россия, ими руководимая, а за ними потянутся и крестьяне. Но при эмансипации крестьян эти деятели тогда только могут принести величайшую пользу отечеству, когда взамен отнятой у них рабочей силы они будут снабжены соответственным ей капиталом для продолжения своих занятий по заведенному ими хозяйству в своих имениях. Весьма у немногих из них есть в запасе деньги, а ведь земля без капитала все равно, что локомотив без паров, ветряная мельница без ветра, корабль на мели. Одни помещики при теперешнем даровом труде крестьян доставляют хлеб для армии, для вывоза за границу и для тех частей России, где по суровости климата своего хлеба недостаточно. Не снабдить помещика капиталом — значит все приостановить, потому что на хлебопашество одних крестьян надеяться нечего: они, за весьма малыми исключениями, производят хлеба столько, сколько им нужно для себя, а в губерниях малоземельных и самим им хлеба нехватает. Крестьянину нужна же копейка, хоть небольшая, при хозяйстве для мелочных расходов, для уплаты податей; откуда же он возьмет ее, если помещики не будут иметь денег, которыми они могли бы привлечь его к себе на работу? В теперешнем положении даровая рабочая сила занимает огромное место и имеет в государстве громадное производительное значение. Если помещики не будут снабжены капиталом (и при том щедро, потому что полумеры не годятся), которым они могли бы поддержать эту силу, то она может погибнуть, приняв совершенно другое пагубное направление: не находя денег у помещиков, крестьяне бросятся на заработки по разным промыслам, хлебопашество погибнет

или исчезнет, и потеря будет огромна, неоценима для нашего отечества. Отчего же не пожертвовать теперь хоть чем-нибудь значительным, чтоб сохранить все; не лучше ли теперь принести в жертву миллионы рублей, чтоб потом не потерять миллиардов? Много говорят о пожертвованиях со стороны помещиков; я сам первый готов бы был на это; но кому принесут пользу эти пожертвования? Мы только скорее погибнем от них. Если должен кто пожертвовать, так это правительство, потому что оно же и причиною нынешнего гнусного положения помещичьего и крепостного быта. Все наши законы и правительственные меры издавна стремились к тому, чтоб утвердить это положение, придать ему законную силу. Правительство обязано многим пожертвовать, конечно, не из сострадания к тем лицам, у которых отымается даровой труд (они до сих пор этого сострадания ничем не заслужили), а для того, чтоб спасти все государство. Уничтожить почерком пера даровой труд, не вознаградивши помещиков за потерю, значит отнять у крестьян возможность зарабатывать деньги у первых. Обе стороны будут бедствовать, негодовать, и последствия этого всеобщего негодования неизобразимы. Полагают наложить на крестьян долг в пользу помещиков; но чем первые заплатят его, если им не будет открыт источник для заработка денег? Если деньгами, говорят, они не могут выплатить его, то заплатят его работой; но чем и как их к тому понудить? При нынешней помещичьей власти, с каким трудом, какими угрозами вынуждают их к самому ничтожному платежу оброка или исправлению работ; по освобождении же их из-под власти помещиков никакая сила не вытянет у них ни гроша, не понудит к малейшей работе. Они возьмут верх своей инерцией и неподвижностью. Нечего опасаться, что помещик, вознагражденный деньгами от правительства за отнятый у него даровой труд, промотает их. Нет, он поймет, что второй раз ему не заплатят. Если прежде он вел разгульную жизнь, так только потому, что надеялся на даровую работу своих крестьян, которая никогда не прерывалась и ежегодно доставляла ему средства жить беззаботно, сложа руки. Итак, пожертвование со стороны правительства необходимо, и от верного, умного разрешения этого государственного вопроса зависит полное развитие богатства России.

Уповая на мудрые распоряжения правительства, я с радостью смотрю на нынешнее пробуждение сил моего отечества, но в то же время скорблю за новых неопытных деятелей его, предвидя те промахи, жертвы, разочарования, которые во множестве предстоят им. Я уже сказал, что они неизбежны, что их бояться не следует, и упоминаю о них не для того, чтоб испугать новых деятелей, чтоб помешать движению, которому от всей души сочувствую, но для того, чтоб предостеречь, чтоб подать посильный совет. Пройдя многое путем не совсем сладкого опыта, я знаю и многие из препятствий, встречающихся на промышленном пути, и указать на них моим согражданам считаю делом честным и патриотическим.

Прежде всего однако ж прошу у читателей позволения познакомить их несколько с моею личностью, как для того, чтобы приобресть моею откровенностию их доверие, так и потому еще, что в портрете моем узнают себя очень многие из моих собратьев дворян-помещиков. Ведь все мы более или менее похожи друг на друга.

Я — помещик двух губерний Самарской и Черниговской. С ранних лет, как и все дворяне, я готовился к службе и потому в воспитание мое не вошло ничего такого, что могло бы пригодиться мне вне службы, как будущему владельцу населенных поместий. Служил я более шестнадцати лет, более двенадцати занимался с большим успехом лощением петербургских паркетов, думая только об издержках, да как бы

получше изводить деньги, покупал все, что мог, лишь бы не-русского изделия, и никогда не знал, как наживается копейка, да и не думал о том. Семейные обстоятельства заставили меня выйти в отставку. Я отправился за границу и шесть лет раз'езжал по белому свету, изредка возвращаясь в отечество и всякий раз нещадно критикуя все русское. Критика моя частью была справедлива, хотя я и не отдавал себе отчета, отчего русское дурно, отчего свое хуже заграничного.

Утомившись бесцельными странствованиями и так называемыми заграничными развлечениями, я пришел, наконец, к той мысли, что не худо бы употребить мое пребывание в просвещенной Европе на что-нибудь дельное, на изучение чего-нибудь такого, что я мог бы с пользою применить в моем отечестве. Вот и принялся я изучать земледелие, приглядываться к промышленным предприятиям; но в то время своего отечества я вовсе не знал и, следовательно, сравнительной точки зрения не мог иметь.

В этом занятии провел я еще несколько времени за границей, и, наконец, возвратился в отечество с убеждением в своих более или менее обширных сведениях и с твердым намерением употребить их с пользою на родине.

Прямо из Гренады, с живописных полей Испании, из-под жгучих лучей южного солнца, из-под волнующих кровь взглядов чернооких гренадинок, перенесся я в необозримые степи Самарской губернии, в мое поместье. Приехал я к посевам, т. е. к концу апреля, и принялся хозяйничать. У нас озимая пшеница не сеется, а только яровая, белотурка. Весна была дождливая, что в нашем крае считается величайшим счастием. В начале мая посевы кончились, а дождичек все продолжал перепадать. Я удивился, что кончили посевы в такое время года, когда в иных губерниях их еще не начинали. Стал я расспрашивать о причинах такой поспешности; мне отвечали, что в это время года дожди обыкновенно прекращаются; посеять же пшеницу без дождя, значит, бросить зерно, без всякой пользы.

— Но,— возразил я,— в нынешнем году весна не обыкновенна, отчего же не воспользоваться обстоятельствами?

Мужички почесывались, и не знали, повидимому, что отвечать.

Приписывая упорство их какому-нибудь закоренелому предрассудку, я употребил в дело мою помещичью власть и приказал сеять без дальнейших отговорок, еще в продолжение одной недели, а чтоб воспользоваться продолжавшимися дождями, присоединил к своим плугам, сколько мог набрать, наемных от окрестных мужичков, вспахал еще и засеял для себя десятин с триста. Кроме того, я роздал семена крестьянам, желая побудить их последовать моему примеру: своими семенами они рисковать не решались. Дожди продолжались, и пшеница моя взошла вся. Сами крестьяне признались, что они редко видывали подобные всходы. Лучшие всходы были позднего посева и они скоро переросли ранние. С гордостию раз'езжал я на коне среди вызванных мною к жизни нажитей; мужички с удивлением смотрели на невиданные ими до тех пор чудеса и приписывали их часто перепадавшим дождям. При всем том они толковали о какой-то мгле: «солнце,— говорили они,— сделается красным и мгла спустится на землю».

Пшеница раннего и позднего посева начала колоситься в одно и то же время. Фомы неверные все еще покачивали головой.

— «Да, барин,— говорили они,— хорошо-то хорошо, да посмотрим, как господь довершит».

Я же был уверен, что если и появится мгла, то ни той, ни другой пшенице не спастись.

У нас смеются обыкновенно над деревенскими приметами, укоренившимися с незапамятных времен, называют их предрассудками, считают их глупостью; я сам долго разделял это мнение, но потом убедился, что эти приметы не всегда заслуживают презрения. Как ни смешны кажутся они с первого взгляда, но большею частью в основе их лежит истина.

В одно прекрасное утро я проснулся при солнечном восходе, встал, подошел к окну, взглянул на небо, и вижу — солнце словно красный шар и заслонено небольшим туманом. Скоро однако ж солнечные лучи рассеяли этот туман.

Цвет на пшенице в то время уж пропадал; на посеянной позже он был несравненно гуще и лучше, нежели на ранней; колос поздней пшеницы был также крупнее. Несколько дней сряду солнце всходило красное, среди небольшого тумана, который скоро рассеивался. На пятый день слово «захватило» разнеслось по всему селению.

Что «захватило», кого «захватило»,— я никак не мог понять. Я отправился в поле. Под'ехав сперва к ранней пшенице, я сорвал колос и вскрыл его: зерно было полно, крупно и предвещало обильный урожай. Под'ехал я к позднему посеву — вид его был несравненно величественнее. Необычайного роста пшеница гордо стояла на корне. Коня моего не было видно в ней. Гордостью забилось сердце мое, а взор с наслаждением погружался в это пшеничное море. С самоуверенностью сорвал я колос, вскрыл его — пуст! Срываю другой, третий, четвертый — пусты! все пусты! Слезаю с лошади и вижу, что стебель покрыт чем-то вроде ржавчины; нагнувшись, замечаю, что сапоги мои покрыты красным порошком, собранным мною при проезде сквозь густую пшеницу. Мгла, бедственная мгла все захватила! Тут только я понял, что посеянное зерно, труды и деньги, заплаченные за наем соседей,— все пропало, пошло прахом. Ранний же посев, предупредивший врага несколькими только днями, успел сформировать зерно, которое, достигнув полного своего налива, имело силу устоять против губительных действий мглы. Тут я невольно вспомнил нашу народную пословицу: «не спросясь броду, не суйся в воду».

Неудачный посев пшеницы и происшедшая от того потеря денег и труда, который дороже денег в нашем многоземельном и относительно малонаселенном крае, не остановили моего желания заниматься новыми опытами.

У нас пашут по одному только разу в продолжение целого лета, исключая мая месяца; употребляют для этого плуги, в которые впрягают три, четыре, даже пять пар волов. Весною стараются разом и как можно быстрее взборонить, а потом засеять всю подготовленную к посеву пашню, чтоб зерно застало землю еще сырою. Удобрение почвы у нас совсем неизвестно, хотя местами она начинает уже выпахиваться. Да и трудно у нас удабривать, потому что край безлесный, а навоз употребляют крестьяне для топлива, приготовляя его в виде кирпичей, известных под названием кизяков. Несмотря на все это, я решился однако ж удобрить несколько десятин, но уже не триста, а три — и был опять наказан. И в этот раз дело испортило солнце, с характером и свойствами которого я еще не имел чести коротко познакомиться. Благодаря лучам его, которые отличаются у нас летом весьма значительною силою, весь хлеб, посеянный на удобренных десятинах, сгорел, между тем как на неудобренной земле пшеница уродилась очень хорошо.

Вздумал я также подготовить землю для посева по европейскому, т. е. дважды вспахал ее, взборонил, посеял и потом укатал землю катком так же ровно и гладко, как на лучших бельгийских или англий-

ских полях. Сделал я это с тою целью, чтобы употребить в дело жатвенную машину, о которой много хорошего уже начинали поговаривать в Европе. Мысль эта родилась во мне вполне логически. Жатва принадлежит в нашем крае к числу самых дорогих работ, машина же могла бы значительно сократить издержки. Поле я укатал потому, что на кочковатой пашне машина не могла бы действовать так удобно: она не жала бы, а стала бы вырывать стебли, вследствие прыжков, которые заставляла бы ее делать кочковатая почва.

Что же, думаете вы, вышло из моего нововведения, в пользе которого я имел случаи лично убедиться за границею?

Лишь начало солнышко сыпать огненные лучи свои, на посеве образовалась до такой степени твердая кора, что ростки не могли пробиться сквозь нее на божий свет. Я принужден был еще раз отказаться от нововведения и оставил пашню попрежнему, т. е. кочковатою, неровною.

Однако ж первые безуспешные попытки не помешали мне сделать еще одну: я попробовал употребить в дело переносные молотильные машины, но убедился, что и они не вполне удовлетворяют нашим потребностям и не приносят ожидаемой пользы. Молотильные машины хороши в тех местах, где молотят цепами и при том в продолжение всей зимы; в наших же обширных полях добывают зерно с помощью лошадей, и мне кажется, что этот способ до сих пор, по крайней мере, самый лучший. Замечу кстати, что у нас лошадиных ног гораздо больше, нежели человеческих рук; каждый крестьянин имеет пять или шесть лошадей, а иногда и более. Пшеницу раскладывают на земле, заставляют по ней бегать лошадей кругообразно, привязывая голову одной к хвосту впереди бегущей, и таким образом добывается зерно. Всего лучше вымолотить все количество посева тотчас после жатвы, потому что добытое в эту пору зерно получается суше, нежели с зимней молотьбы, лучше сохраняет свой золотистый цвет и скорее покупается купцами, которые дают за него хорошую цену, бо́льшую нежели за зерно, получаемое от зимней молотьбы. Эта разница в цене бывает иногда достаточна для покрытия расходов на молотьбу. Все эти обстоятельства составляют местные условия; о них не только за границей, но и в большей части России мало кто имеет понятие.

После неудачных попыток улучшить в моем самарском имении земледелие, я стал осторожнее поступать и в Черниговской губернии, т. е. оставил все попрежнему, лишь с самыми маловажными и дешевыми улучшениями. Пищи тут для деятельности было мало, и я стал раздумывать, чем заняться мне, чтоб и другим принести пользу, и себе выгоду. После долгих размышлений, я решил, что все-таки мне следует приняться за какую-нибудь еще нетронутую у нас отрасль промышленности, заняться обработкою тех наших сырых произведений, которыми особенно изобилует наше отечество, между тем как различного рода изделия из них привозятся к нам из-за границы. Я уже тогда был вполне уверен, что вся будущая сила и богатство России зависят именно от рациональной выработки из наших сырых произведений множества самых разнородных изделий не только для удовлетворения местной потребности, но и для отправки их в значительном количестве за границу. Решился я заняться производством таких предметов, которые не нуждаются в покровительстве тарифа, именно развитием нашей сельской промышленности. Народ наш любит те промыслы, которые приносят ему ежедневно хотя небольшие, но верные деньги. К деньгам он так привязан, что без сожаления оставляет родину и отправляется в дальние места на заработки. При развитии сельской промышленности возвысится и земледелие, подымутся цены на деревенские

произведения, и крестьянин, получая хорошие деньги за них дома, тогда будет более привязан к своей деревне и сельским занятиям.

Но Россия — особняк в Европе, о ней нельзя судить по западным, европейским государствам. Англия, Бельгия, например,— настоящие муравейники, деятельные силы там сосредоточены; стоит чихнуть,— и тысячи голосов наперерыв закричат: здравия желаем! Рассейте тот же муравейник на несколько десятин — вот вам Россия. Чихайте тут, сколько душе угодно, даже эхо не ответит. Вот в какой средине нам надо работать и все создавать; а суровый климат, а огромные расстояния, а дурные дороги, а устарелые законы, а народ наш, хотя смышленный, ловкий и хитрый, способный ко всему, но беспечный, ленивый, без всяких нужд и потребностей. Вот в какой средине и с чем приходилось мне бороться. Борьба — жизнь, и я принялся за дело.

I. Добывание угля, древесной кислоты и пр.

Прежде всего обратили на себя мое внимание наши громадные дремучие леса и огромное количество дерев, гниющих на корне, именно в тех местах, где сплава нет, а вывозка леса невозможна. Мысль моя состояла в том, чтобы устроить печи для добывания угля и всех прочих составных частей дерева и таким образом, уменьшив об'ем его, облегчить и удешевить вывозку его. Один мой знакомый привел ко мне какого-то немца, который представил мне удостоверение в отличных своих познаниях в добывании из леса превосходного угля, древесной кислоты, дегтя, канифоля и пр. Я схватился за него как за спасителя от бездействия. По его расчетам выгод представлялось в этом предприятии на 600 процентов. По химическому разложению составных частей дерева количество угля, древесной кислоты и всего прочаго было верно по его расчету, также и продажные цены оным, как оказалось по собранным мною справкам, назначены были им верно. Я сбросил 550 процентов на непредвиденные случаи, на ошибки, могущие произойти в новом деле; оставалось все-таки 50% чистого барыша: значит, стоило хлопотать, трудиться. Я заказал аппараты по планам моего немца. Печи были чугунные, составные из многих частей, и должны были вмещать в себе каждая по 7 кубических саженей дров; холодильники были вышиной едва ли не с Александровскую колонну; все прочее устройство было в таком же колоссальном размере. Выбрали мы место для устройства нашего завода в Новгородской губернии, в Тихвинском уезде, где лес и топливо были весьма дешевы. Начинаем стройку. Вижу — химик мой оказывает большое искусство по строительной части. Я желал выстроить простые сараи, а он выводит нечто вроде дворца, деньги льются рекой,— время проходит.— Но наконец, наши постройки кончены, печи и холодильники поставлены, начинаем операцию. Печей было три, операций в них должно было происходить в каждой печи по две в неделю, а так как во всякую из них входило 7 кубических саженей дров, а во все три — 21 саж., то следовательно в неделю мы должны были превращать в уголь и другие продукты до 42 кубических саженей дров. Начинаем топку; дистилляция идет изрядно, уголь выходит отличный, какого не бывало еще в России, но нагрузка дров, сама операция, охлаждение печей и выгрузка угля продолжаются для каждой печи две недели, т. е. ровно в четыре раза более обещанного, да еще при помощи усиленного числа рук. Капитала на все устройство было употреблено в три раза более, чем предположено по сметам, так что уже не 550 процентов следовало выкинуть из обещанных выгод, а почти все 600, да кроме того, некоторые неожиданные препятствия, неминуемые в девственном еще крае, так на-

зываемые сюрпризы, обратили мне действия завода в чистейший убыток.

Чтоб приблизиться хоть немного к первоначальным расчетам, необходимо было стараться производить топку печей и оканчивать операции, по крайней мере, хоть один раз в неделю. Топим жарче и сильнее, две-три топки удались хорошо, но на четвертую, печь не выдержала сильного жара, лопнула, и от нее дворец и службы — все и все сгорело. По всем дальнейшим справкам,— но увы! весьма поздним,— оказалось, что мой химик был просто архитектор! Мне стало ясно тут, что единственною причиною такой ужасной оплошности с моей стороны была моя простодушная доверчивость к людям, совершенно противная духу и началам предприятий.

Впоследствии я узнал, что некоторые лица стали заниматься тем же делом и, знакомые с моими ошибками, умели избежать их, так что дело пошло у них очень хорошо, и они извлекли из него значительные выгоды.

Однако жить одним только добыванием пшеницы на обширных самарских полях или оброком крестьян, значило бы заснуть в об'ятиях лени и бездействия,— и я опять обратил свое внимание на пшеницу, но не с земледельской точки зрения, а с промышленной.

II. Крахмальный завод

Чрезвычайно обидна была для меня цена, за которую мы отдаем купцам на волжских пристанях пшеницу, приносящую таким образом нам, помещикам, незначительную пользу; цена эта вдвое и даже более чем вдвое ниже цен петербургских. Правда, что самим купцам привоз до места назначения каждого куля пшеницы обходится довольно дорого; у нас кулей нет, пшеница сыплется прямо в судно, из которого в Рыбинске зерно выгружается и пересыпается в кули. Огромное пространство, проходимое пшеницею до Петербурга, возвышает первоначальную цену ее вдвое и более. Это обстоятельство долго занимало меня; размышления мои привели меня, наконец, к решимости отыскать средство к уменьшению об'ема и веса пшеницы, и, убавив таким образом расходы за провоз, приобресть возможность продавать ее за более выгодную цену. Известно, что из пшеницы добывается крахмал. У нас много употребляется так называемого английского крахмала.

Отчего же английский, а не самарский? — подумал я и решился производить крахмал, потому что мог этим удовлетворить двум моим потребностям: достигнуть выгодного сбыта пшеницы и открыть новую отрасль чисто русской промышленности в большом размере в крае, где подобного ничего еще не было.

Первою заботою моею при этом, конечно, было отыскать хорошего крахмального мастера, и я обратился к одному знакомому мне ситцевому фабриканту с просьбою найти такого человека. Узнав мое намерение, фабрикант об'яснил мне, что предпринимаемое мною производство окажет огромную услугу всем ситцевым фабрикантам, сильно нуждавшимся в хорошем крахмале, и обещался написать о высылке хорошего крахмального мастера в Мюльгаузен, центр лучших французских ситцевых фабрик, а следовательно и крахмальных заводов.

Очевидно, после всего этого, что мысль моя устроить большой крахмальный завод со всеми современными усовершенствованиями, и при том в таком крае, где пшеница дешева, была как нельзя более практична и должна была при исполнении своем, кроме выгод мне, принести существенную пользу ситцевым фабрикантам и улучшить у нас производство ситцев.

Я решился завести крахмальный завод в моем самарском имении. В непродолжительном времени нашли мне в Мюльгаузене хорошего мастера, человека опытного, знающего отлично свое дело, но, к сожалению, он не мог тотчас же оставить своего места, а чтоб не терять времени, выслал мне план завода, по которому я немедленно принялся за постройку. Когда здания были окончательно отстроены, мой крахмальный мастер известил меня, что он раздумал и ехать ко мне уже не намерен. Что было мне делать? Я стал искать крахмального мастера в Петербурге, и так как в то время один из здешних крахмальных заводов прекратил свои действия, то мне и удалось найти нужного человека. Он показал образцы своего мастерства; я нашел их вполне удовлетворительными, договорился с ним и, не теряя времени, увез его к себе в самарское имение, на завод. Начались пробные работы: я наблюдаю и вижу, что дело что-то не спорится: то баки не так расположены, то сушильня не так устроена; перемещаем, переделываем,— крахмал все выходит плохой. Я терялся в догадках о причине такой неудачи.

В имении моем есть дубовый лес, состоящий из вековых деревьев, годный для постройки экипажей. Лес этот особенно нравился моему мастеру, был для него любимым местом прогулки и служил ему темою самых восторженных дифирамбов. Дифирамбы моего мастера надоели мне, я стал допытываться причины его пристрастия к дубовому лесу и узнал, что он восхищается им потому, что лес этот напоминает ему его прежнее настоящее мастерство: мой крахмаловар был обанкротившийся каретник! Не зная, что с собою делать после банкротства, он поступил на крахмальный завод в Петербург, работал на нем, приобрел несколько практических сведений и этими сведениями ослепил меня. Вот каковы были первые шаги мои в крахмальном производстве.

Убедившись, что человек, которому я поручил мой крахмальный завод, был каретником, я пришел в крайне затруднительное положение. На мое счастье, однако, я получил в это время от мэра городка Тана, лежащего неподалеку от Мюльгаузена, письмо, в котором он извещал меня, что нашелся знающий свое дело мастер, согласный на отъезд в Россию, с тем однако ж, чтоб ему позволено было взять с собою жену и детей. Как ни тяжело было это условие, но я поспешил согласиться, потому что завод мой два года уже стоял без действия, благодаря каретнику.

Пишу, чтоб немедленно выслали мастера со всею его семьею. Является мой мастер в Петербург, а я, не давши ему опомниться, отправляю его в самарское имение. Вслед за ним поехал и я сам через Нижний-Новгород, куда посланы были мною разные новые крахмальные принадлежности, между коими были насос заграничный и трубы, к оному из гутаперчи; все эти вещи уложены были в одиннадцать ящиков. Зная хорошо путаницу, часто происходящую на пароходах с посылаемыми вещами, я старался не терять их из вида. В Нижнем сел я на пароход, а одиннадцать ящиков моих поместили на баржу за пароходом. Прошу главного приказчика на барже особенно беречь мои вещи и заботиться о сохранности их. Он обещал, что все будет в целости и порядке. У Хвалынска меня сажают в лодку, и я пристаю к берегу. «Одиннадцать мест»,— кричу я с берега.—«Одиннадцать»,— отвечают с баржи. Считаю: счет верен. Тут же нанимаю подводы и отправляю вещи в свою деревню. Приезжаю туда сам и с удовольствием вижу, что все одиннадцать мест находятся налицо. Откупориваем ящики, и я хвастаюсь перед мастером, что привез ему насос с принадлежностями, каких не бывало. Добираемся до ящика, где должен быть насос, откупориваем его, и увы! что я вижу! Вместо насоса

в ящике целая кипа разных нот для полного оркестра! Раскрываем еще один, в который положены были трубы; вместо их я нахожу контрабас. Не мало удивлены были, я думаю, и получившие мой насос, и бедный музыкант — мои трубы. Что было делать? Пароход поплыл уже к Астрахани, и как потом ни добивался я узнать участь, постигшую мои вещи,— ничего не узнал. Принялись делать насос и трубы домашним образом.

К счастию, мастер-француз оказался на этот раз настоящим мастером своего дела. Наконец, мой крахмальный завод пущен в ход. Крахмал выходит отличный, мой мастер воспевает пшеницу, говорит, что подобной еще не видывал. Целые полгода работа идет отлично, а ситцевые фабриканты, которым я доставляю мой крахмал, в восторге от него, и свидетельствуют мне письменно, что я, открыв мой завод, сказал им важную услугу.

Но внезапно завод принужден прекратить свои действия: испортился насос, доставлявший ему воду.

Посылать чинить его в Самару было далеко, в Саратов еще дальше (до первого города 160 верст, до второго 250). Не надеясь более на свою самодельщину, решаюсь послать в ближайший городок Хвалынск, стоящий при Волге. Там живут насосники, снабжающие самодельными насосами мимо проходящие барки. Дело было зимой; насосникам делать в это время нечего. Я не сомневался, что получу желаемое, но посланный возвратился без насосника и об'явил, что без задатка никто не едет.

Послал задаток. Жду день, другой, неделю, и не знаю, чему приписать такое замедление. Наконец, возвращается посланный и привозит мастера.— «Что ж вы там так долго делали?» — спрашиваю я.— «Да мастер не ехал»,— отвечает посланный:— «получив задаток он загулял и тогда только решился ехать, когда у него не осталось ни гроша». — «Ну так принимайся же поскорее за работу»,— говорю я мастеру.— «Нельзя-с!» — отвечает он.— «Как нельзя,— отчего?» — «Бурав в городе забыли, надо в город ехать».— «Так поезжай скорее!» — «Да без денег бурава не отпустят, ведь он не мой». — Делать нечего, даю денег, но не ему в руки, а моему служителю, человеку верному, непьющему. Опять прошла неделя: владелец бурава, получив деньги, стал угощать нанятого мною мастера, и прогуляли мои друзья целую неделю. А завод мой все в бездействии; принимается, наконец, мой насосник за работу, ставит насос. Начинают качать, насос не действует. Мастер ошибся. Впрочем ошибку можно поправить: работают, переделывают; но в это время является жена мастера и требует у мужа денег для уплаты податей. Муж, разумеется, ко мне с требованием: «Дайте, барин, денег,— говорит,— а не то, уеду». Нечего делать, даю, а к вечеру, глядь: и насосник, и жена, и его помощник — все пьяны. Пришлось прогнать всех их со двора и послать в Самару за сто шестьдесят верст.

Два месяца стоял мой завод в бездействии; два месяца! — легко сказать. В это время можно было добыть две тысячи пятьсот пудов крахмала! Нескольких тысяч рублей лишился в эти два месяца и все из-за пьяного мастерового, из невозможности найти в нашем отдаленном крае хорошего и трезвого мастера.

Между тем московские и петербургские ситцевые фабриканты были принуждены приняться за прежний свой крахмал, что, разумеется, нисколько не способствовало утверждению кредита моего предприятия.

Вот с какими неожиданными затруднениями приходится бороться, когда принимаешься за дело в глуши, куда впрочем заманивает вас

дешевизна первобытного продукта. Не знаешь право, что делать: где все удобства, там все дорого, а где дешево, там нет никаких средств и приходится все создавать самому.

III. Альбуминные заводы

Возясь с моим крахмальным заводом, я познакомился, благодаря производимому мною крахмалу, с действием ситцевых фабрик. Один из известнейших петербургских фабрикантов об'яснил мне, что он и его товарищи нуждаются еще в одном произведении, в альбумине, который они выписывают из-за границы за дорогую цену.

Альбумин добывается из яичного белка и употребляется при набивке материи голубою краскою, известною под названием ультрамарин. Эта краска, разведенная на альбумине, отличается необыкновенною прочностью, и чем сильнее кипяток, в котором стирается материя с узорами, наведенными ею, тем узоры становятся ярче и красивее.

Принимаясь за альбуминное производство, я был одушевляем надеждою открыть для моего отечества новую отрасль промышленности, мне хотелось вытеснить из нашей внешней торговли еще одну дорогую привозную статью.

Дешевизна у нас яиц внутри России, где им нет постоянного сбыта, представляла возможность употреблять их с выгодою на выделку альбумина. Решившись приняться за производство его, я обратился за необходимыми мне сведениями по этому делу в Париж. Один из достойнейших учеников знаменитого Паэна выслал мне подробнейшее описание производства альбумина. Для опыта я устроил при крахмальном заведении в моем имении небольшое альбуминное заведение и об'явил окрестным поселянам, что готов скупать у них яйца. Вместе с тем я назначил им постоянную цену, хотя довольно умеренную, но вполне удовлетворительную для продавцов, которым в глуши некуда было девать яиц. Со всех сторон стали носить и привозить ко мне яйца, и я начал производство альбумина.

Так как на производство альбумина употребляется один только белок яичный, то на первых же порах возник довольно важный вопрос: что делать с огромным количеством остающихся желтков? Я принялся варить гигантские яичницы и кормить ими крестьян. Они сначала принялись есть с большим аппетитом, похваливали и меня благодарили, но скоро яичницы без белков оказали не совсем приятное действие на желудки. К тому же наступил Петровский пост, приготовление яичниц сделалось невозможным, и стал я с горя откармливать желтками свиней. Опыт этот удался как нельзя лучше, свиньи разжирели, а мясо их получило чрезвычайно приятный вкус. Чего же лучше, думал я, стану откармливать свиней, а потом продавать их; но, отправив откормленных яичными желтками свиней в уездный городок, я не мог получить за них ни гроша лишнего против цены, платимой за обыкновенных свиней.

Между тем Петровский пост прошел, и я было опять принялся за яичницы, но крестьяне уже более не являлись для их истребления. Тогда я решился ехать в Хвалынск посмотреть на производство так называемого яичного казанского мыла, которое, как меня уверяли, делается на яичных желтках. Приезжаю в Хвалынск, являюсь на завод и вижу, что яичное мыло варится на желтой краске, а о яичном желтке нет и помина. — Зачем же — спрашиваю я — вы обманываете народ, зачем не употребляете вы яичного желтка, как в Казани? Мне отвечают, что это обошлось бы слишком дорого. Предлагаю хвалынским мыловарам желтки за четверть цены, они принимают предложение, но

требуют, чтобы я выслал им первую бочку желтков даром, для пробы. Я соглашаюсь, посылаю сначала одну бочку, потом другую, третью; желток мой идет в дело, но денег мне за него не высылают. Желтая краска, говорят мне, обходится все-таки дешевле, а мыло на желтке выйдет дороже той цены, которую покупатели привыкли платить за мыло. Впрочем брать даром ваши желки, если угодно, мы будем, только провоз пусть будет уже на ваш счет.

Вот вам и сбыт желтков с пользою! За границею, особенно же во Франции, делают много альбумина, несмотря на дороговизну яиц; но во Франции желток не пропадает даром, а употребляется для приготовления тонкой лайки для перчаток.

Франция славится своими лайковыми перчатками, потому, что одним только яичным желтком придается ей нежность, мягкость и эластичность. Французские перчатки продаются дорого, следовательно, во Франции возможны значительные расходы на обработку лайки; а попробуй-ка у нас в России устроить хороший лайковый завод, приготовлять дорогую лайку с помощью яичных желтков и делать из нее перчатки. Их покупать не станут. Фи! закричат все, ведь это русская лайка, и будет с перчатками то же, что было с откормленными мною свиньями: придется продавать их себе в убыток.

Между тем альбуминный мой завод действовал изрядно и послужил поводом к довольно интересному явлению.

Известно, что по деревням раз'езжают торгаши с мелочным товаром, который они не без труда сбывают крестьянам за деньги; с открытием моего альбуминного завода, они стали менять его на яйца, уверившись, что могут наверно сбыть яйца мне за цену, заранее им известную. Яйца, имевшие до того времени ничтожную ценность, приобрели промышленное значение. Следствием этого было усиление мелочной торговли, польза и крестьянам, которые приобрели возможность сбывать один из своих продуктов и покупать нужные для себя вещи, не развязывая, как говорится, кошелька.

Сколько я ни бился, сколько ни думал о том, как бы найти постоянный и верный сбыт желтку, для того чтобы иметь возможность приготовлять хороший альбумин не дороже заграничного и этим прекратить вывоз его к нам из-за границы, но не мог придумать ничего лучшего, как употребить его на производство мыла. Придя к этому убеждению, я отправился в Казань, в столицу русских мыловаров, познакомиться с тамошним способом мыловарения.

Первый мыловаренный завод, который я посетил, привел меня в ужас: толпа женщин и ребятишек сидели вокруг огромной кучи яиц, били их, отделяли желток, который выносился ушатами и вливался в кипящий мыловаренный котел; белок же собирался в ведра, в лоханки, во что ни попало, и уносился детьми.

— «Куда же вы несете это?» — спросил я.

— «На кухню, блины печь».

— «Блины!» — повторил я с удивлением,— а отчего же не делают из него альбумина? Но никто из присутствовавших не имел понятия об альбумине, не слыхал даже этого слова.

Осмотрел я другой, третий завод, везде та же история: белок отдается женщинам и детям в счет поденной платы, т. е. за бесценок. Нашел я однако ж одного фабричного парня, который сказал, мне, что предлагали им употреблять в дело белок, а на Нижегородской ярмарке хотели даже открыть секрет этого дела, да уж больно дорого просили: вот вам мерка предприимчивости наших промышленников.

Больно мне было смотреть на огромную потерю такого драгоценного предмета, как яичный белок, между тем как альбумин продолжали вывозить к нам за дорогую цену из-за границы.

Сообразив все вышеприведенные обстоятельства, я положил устроить альбуминный завод в Казани. Принимаясь за производство совершенно нового продукта в России, я не решился сразу купить места и устроить большой альбуминный завод, а взял сначала место на аренду для постройки на нем, в виде опыта, маленького завода; при этом со мной случилось довольно забавное приключение. На заарендованном месте находился большой сарай, который оказался мне необходимым для хранения яиц; он был под замком, и хозяин не смел его мне отпереть, в нем хранился разобранный кит, который некогда возился на показ по всей Европе, был в Петербурге, в Москве, наконец, попал в Казань, где владелец обанкротился. Полиция описала кита, сложила в сарай и держала его под замком. Не раз назначаемы были торги на него, чиновники собирались, но как охотников на покупку не являлось, то они расходились, ничем не кончивши дела. Сарай мне был нужен, и потому я вздумал купить кита. По моей просьбе назначили новые торги, на которые явились, кроме меня, и другие желающие; торги состоялись; стали продавать с молотка. Сперва продали мебель, на которой помещался оркестр, игравший в желудке кита, потом железные подставки, медные винты, скреплявшие китовые ребра; но когда очередь дошла до самого остова кита, то аукционист пришел в недоумение; дело в том, что в описи числилась целая груда костей огромной величины, но цены им не было назначено, как вещам никуда не годным,— а между тем это были вещи редкие, отлично сохранившиеся, все в целости. Я предлагаю цену порядочную, совестно было дать копейку, но мне одному не отдают, а из присутствующих все молчат; для формы надо было еще с кем-нибудь торговаться, с трудом подговорил я кого-то прибавить копейку; уверяю, что не отстану; он крикнул копейка, я прибавил другую, и остов остался за мною. Надо было теперь мне сбыть куда-нибудь его. Хотел сперва в нем устроить сушильни для альбумина, но жаль стало кита. Предлагаю университету в подарок, но с тем условием, чтобы он выстроил на свой счет особый сарай для него; университет не согласился: сумм не нашлось свободных; я вошел в переписку с с.-петербургскою кунсткамерой, там согласились принять подарок и даже заплатить, что следует, за провоз. Когда кит мой доставлен был на место, меня спросили, что я хочу за него вместо денег. Что было мне просить? Я хотел, чтобы подарок мой остался настоящим подарком, а потому попросил только, чтоб сделали надпись на ките: подарок от такого-то. Согласились, написали мне бумагу, где изъявили мне благодарность, а кита... сложили на чердак.

Но возвратимся к самому производству альбумина. Так как покупать белок у тех баб, которым отдавали его мыловары, не было никакой возможности, потому что они слишком небрежно отделяли его от желтка, я решился на довольно рискованную финансовую операцию: скупать все привозимые в Казань яйца, бить их для отделения белка на своем альбуминном заводе, а желтки продавать мыловарам. Но решившись на такую операцию, должно было строго наблюдать, чтобы, с одной стороны, не навлечь на себя негодования казанских жителей возвышением цен на яйца,— с другой стороны, чтобы заставить мыловаров покупать желтки, т. е. продавать их по низкой сравнительно с целыми яйцами цене. Нанял я дом, устроил временные сушильни, начал дело. Когда распространился слух о назначенной мною постоянной неизменной цене за яйца, мне начали привозить их со всех сторон,

мыловары стали охотно покупать желтки по дешевой цене, и дело пошло хорошо.

Зная по опыту, что у нас в России менее чем где-нибудь развит дух предприимчивости, а слепое и бессознательное подражание нововведениям часто губит самые верные и полезные предприятия, я положил испросить привилегию на введение в России заграничного способа приготовления альбумина. После бесконечных формальностей и борьбы с внезапно явившимися соперниками я получил, наконец, из департамента мануфактур и внутренней торговли привилегию, которая спасла всю будущность начатой мною новой отрасли промышленности.

Под защитою моей привилегии альбуминный завод в Казани начал действовать успешно. Альбумин выходил превосходный, желтки сбывались на мыловаренные заводы. Впрочем в сбыте желтков скоро произошли затруднения. Сбыв первые полтора миллиона, я уже не мог более сбывать их. Это, разумеется, удивило меня, тем более, что действия мыловаренных заводов не прекращались. Стал я доискиваться причин этого странного явления и узнал, что только весьма немногие мыловары варят настоящее яичное мыло из желтков, и то в небольшом количестве. Большая же часть их варит так же, как и хвалынские, с одною желтою краскою.

Вот отчего не только в Казани, но и в целой России мало хорошего яичного мыла; вот отчего огромное количество яичного желтка оставалось без употребления на моем альбуминном заводе.

Что ж приходилось мне делать с яичными желтками? Уж не до яичниц было и не до свиней. Пришлось опять ломать себе голову. Случалось мне слышать о каком-то яичном масле, употребляемом будто бы в аптеках. Вздумал и я добывать его, завел прессы и добыл из желтков масло отличного качества. Я обрадовался этому результату и обратился в столичные аптеки. В петербургских аптеках, по собранным мною сведениям, расходовалось его от четырех до пяти пудов в год, не более, в московских — и того менее. Посылаю пробы за границу: хвалят масло, но не знают, что из него делать... А у меня могло выделываться его несколько сот пудов. Куда же мне было девать такое огромное количество?

Долго раздумывал я, как решить этот вопрос, наконец, нашел ответ. Как казанские мыловаренные заводы навели меня на мысль завести в Казани альбуминный завод, так точно альбуминный завод заставил меня подумать о мыле, но не о таком, какое делалось до сих пор в Казани, а о лучшем.

IV. Косметический завод

Французское марсельское мыло и вообще все помады делаются на оливковом масле, которое, конечно, имеет свои достоинства, но далеко не те, какими отличается яичное масло. Вот почему решился я делать мыло и помаду на яичном масле, и тут, как и в прежних моих предприятиях, я мог достигнуть двух целей: развить и улучшить косметическую отрасль промышленности в моем отечестве, и вместе довести произведения ее, вырабатываемые из продуктов высокого достоинства, до такой степени совершенства, чтоб они могли с успехом соперничать с заграничными косметическими изделиями.

Еще в то время, когда я безотчетно называл невежеством неуменье казанских мыловаров употребить в дело яичный белок, удивлялся я также тому, что они не стараются придать мылу сколько-нибудь европейскую, удобную для употребления, форму, а продают его в лубках и деревянных ящиках. Впоследствии я понял, для чего они это

делают: в лубках и ящиках скрывается целая надувательская система. В мыло, выливаемое в эти неуклюжие формы, стараются во время варки вогнать как можно больше воды, потому что вода, как известно, вещь очень дешевая везде, кроме наших степных губерний, а между тем значительно увеличивает собою вес куска мыла. Полежит мыло год, смотришь, тот самый кусок, который прежде весил фунт, теперь весит уже только три четверти фунта: вода испарилась.

Французское мыло, в виде плиток, совершенно сухо и должно быть таким, потому что иначе его нельзя было бы и формировать; оно продается дороже казанского, но в сущности равно ему по цене, потому что вместе с казанским мылом покупаете вы и воду, ровно ничего не стоющую. Прибавьте цену за испарившуюся воду, к цене казанского мыла, и сами увидите, что оно вовсе не так дешево, как кажется с первого взгляда.

Все эти несовершенства, равно и желание найти сбыт желткам, накоплявшимся в изобилии на моем альбуминном заводе, побудили меня основать мыловаренный завод по европейскому образцу. Из химических сочинений я узнал, что в пуде желтков заключается около семи фунтов жирных частей, способных обращаться в мыло, все же прочие части яичного желтка при способе варки мыла, употребляемом в Казани, должны быть отделены посредством щелоков в самом котле и выброшены; масла же добывал я из пуда желтков около шести фунтов; следовательно все масло мое могло обратиться в мыло, и я, не раздумывая долго, принялся за дело. Пробы, сделанные мною в виде опыта, удались хорошо. Зная свойства яичного желтка очищать голову и придавать мягкость и лоск волосам, я вздумал приготовить из яичного масла помаду; и здесь опыт удался прекрасно. Эти удачно произведенные мною опыты удостоверили меня в отличных свойствах яичного масла, а также в возможности приготовлять из него мыло и помаду в значительном размере, так как желтков накоплялось у меня огромное количество. Но для того нужно было устроить уже целый косметический завод, необходим был истинный знаток — мастер косметического дела, и потому я поспешил написать в Париж о высылке мне такого человека. В то же время я подал просьбу в департамент мануфактур и внутренней торговли о выдаче мне привилегии на приготовление из яичного масла мыла и помады, потому что был уверен, что иначе явились бы подделыватели, которые ввели бы публику в заблуждение своими дурными поддельными изделиями, и если бы не погубили предприятия моего в самом его зародыше, то наверное много бы помешали полному его развитию и успеху: непременно явилась бы на сцену желтая краска, как в альбумине песочек.

Улыбнулись в департаменте мануфактур, прочтя мою просьбу; там не имели настоящих сведений о том, как делается казанское мыло. Приказали обнародовать в газетах мое прошение, а между тем написали в Казань, чтоб узнать, как делается яичное мыло. Долго ждал я; наконец, к величайшему удивлению моему, узнал, что на меня поступила жалоба казанских мыловаров, в которой они просят не выдавать мне привилегии, потому что они давно уже делают мыло на яичном масле. Можете представить, каково было слышать это мне, в памяти которого еще живо было их удивление, когда я заговорил им о яичном масле и о способе его добывания. Я попросил нарядить следствие; оказалось, что никто из казанских мыловаров не только не приготовляет мыла на яичном масле, но и понятия не имеет о яичном масле, и что они у меня в первый раз видели его. Привилегию мне выдали, но увы! вся эта история продолжалась девятнадцать месяцев! Впрочем раньше еще дело мое приняло самый приятный и лестный для меня оборот. В то время,

когда уже почти отчаивался получить привилегию и ломал себе голову, каким бы образом оградить мне от подделки изобретенное мною мыло на яичном масле, я представил ко двору образцы моих изделий и удостоился получить от ее императорского величества Марии Александровны, с высочайшего соизволения государя императора, исключительное право именовать мыло на яичном масле, изготовляемое на моих заводах,— царским.

Я находился тогда в Петербурге и очень кстати получил известие из Парижа, что выслан ко мне мыловар, который в то же время и парфюмер, истинный мастер своего дела, человек, которого превозносили мне до небес. Вслед за известием явился и сам будущий великий преобразователь русского мыловарения и парфюмерного искусства: видный здоровый мужчина, одетый по последней моде. Его изящный вид и аристократически нежные руки ввели меня сначала в сомнение (надо вам сказать, что я имею особый странный способ судить о достоинстве рабочего человека — по об'ему и грубости рук). Скоро однако ж я успокоился, потому что в разговоре со мной он высказал самые обширные и разнообразные по косметической части сведения, которые я способен был оценить, потому что не задолго перед тем был в Париже, где осмотрел все главнейшие косметические заводы, познакомился с устройством их и тамошними способами производства. При том же француз мой говорил как книга. Он до того увлек меня своим красноречием, так убедительно доказывал мне выгоды приобрести машины и все необходимые для моего завода принадлежности из первых рук, т. е. за границей, что я тотчас же собрался ехать в Париж, да и его взял с собою. На пароходе я продолжал восхищаться моим французом и часто вступал с ним в ученые прения, которые иногда заходили так далеко, что я становился втупик и только слушал. Хотя я и знаю химию, но специально ею никогда не занимался, и потому моему собеседнику было нетрудно, как говорится, загонять меня. С нами на пароходе был молодой артиллерийский офицер, ехавший за границу для усовершенствования своих познаний в химии; я попросил его сблизиться с французом и, под рукой, испытать его. Завязался у них разговор о составлении разных щелоков, о различных кислотах; лицо офицера мало по малу приняло выражение сильнейшего удивления. Порой он не знал, что отвечать, а француз мой так и сыпал словами, на все находя ответ и возражение. Наконец, я отвел моего земляка в сторону.

— «Ну что?» — спросил я его.

— «Или я ничего не знаю,— отвечал он,— или ваш француз ничего не смыслит».

Я немного приуныл, но скоро успокоил себя мыслью, что француз не решился бы покинуть родину и ехать в далекую неизвестную страну (в Казань), не имея нужных по своему делу сведений. Притом же мыловару и парфюмеру нет надобности знать химию до тонкости; ехал он в Россию не уроки давать, где мог бы врать безнаказанно, а работать: на деле не обманешь. Иные мыловары знают свое дело отлично, а о химии и не слыхивали, иной и при отличном знании химии не сумеет сварить мыла. Все эти рассуждения окончательно меня успокоили, тем более, что я вспомнил, как однажды старался я сварить с одним очень ученым химиком мыло и как вместо него вышла у нас какая-то бурда. По приезде в Париж исчезла во мне и тень сомнения, потому что мой француз, по мнению людей, у которых мы закупали нужные для моего завода материалы, выказал в этом деле обширнейшие сведения.

В это же пребывание мое в Париже я испросил себе там полную привилегию на все косметические изделия, выделываемые на яичном мас-

ле, да и в Брюссель послал прошение по тому же предмету. Обе привилегии получены были мною в самое короткое время, в две недели, что немало обрадовало меня, и вот почему именно: некоторые из наших специалистов по косметической части уверяли меня, что в Париже давно уже приготовляются изделия на яичном масле; теперь посредством моих привилегий я мог доказать им, что честь помянутого изобретения принадлежит собственно мне.

Кончив закупки, мы возвратились в Петербург. Я немедленно отправил моего француза в Казань, поручив его там одному моему знакомому. Началась постройка завода. Пишут мне, что деньги льются рекой. Дело было зимой, а француз мой беспрестанно требует то, чтоб оштукатурили его покои, то, чтобы переделали трубу, перестроили бы лестницу в подвал; плотники не понимали его, а он сердился. Все это стоило много труда и денег, а между тем, несмотря на письма мои, он отказывается употреблять в дело яичное масло, говоря, что оно не годится, и делает пробы своего мыла по-своему. Я пишу, чтоб он осмотрел способ мыловарения в Казани и старался бы усовершенствовать его, а он отвечает, что осматривать русские заводы унизительно для его достоинства. Одним словом мои послания не производят на него ни малейшего действия, так что, наконец, я вынужден был сам ехать в Казань. Долго прожить я там не мог, однако ж успел уговорить строптивого француза, чтобы он сделал пробы варить мыло на яичном масле; между тем он показал мне свои собственные изделия, которые были очень плохи, хотя сам он превозносил их до небес. Чувствуя недостаточность моих сведений в косметическом деле, я взял себе в товарищи человека специально знакомого со всем, что касается косметической части. Когда он приехал в Казань, я об'яснил ему мое дело. Пригласил я его с двоякою целью: во-первых, чтоб, он, как сведущий человек, оценил изделия моего художника; во-вторых, чтоб впоследствии иметь в нем посредника между моими произведениями и публикой. Недостаточно уметь производить, надо еще уметь продать, а мы люди не торговые, не мастера на это. Я испытал это не раз на себе, когда мне приходилось показывать моим знакомым образцы моего мыла на яичном масле, которое было несравненно выше обыкновенного казанского мыла и даже, по внутренним своим достоинствам, превосходнее французского; со мной происходили такие комические сцены, что я совершенно убедился в моей неспособности быть представителем произведений моего завода перед публикой.

Один англичанин, желая послать на родину что-нибудь русское, просил меня достать ему несколько кусков казанского яичного мыла; приготовляя яичное мыло на собственном заводе, я послал ему кусок высшего сорта; англичанин мой остался недоволен: ему непременно хотелось мыла в лубках. Я купил кусок такого мыла в мелочной лавке; мыло было не казанское, а охтенское, было сварено на желтой краске, а не на яичном желтке, и англичанин мой остался совершенно доволен.

Один мой знакомый уверял меня, что мне, вероятно, невыгодно производство мыла: «кусок небольшой, а как долго держится; моешься, моешься, а все конца ему не видать». Другой, напротив, доказывал мне, что мыло мое должно приносить мне большие барыши. «Оно хорошо, я не спорю,— прибавлял он,— да уж очень скоро выходит; не успеешь несколько раз вымыться, смотришь, кусок уже и весь». А наши барыни! Господи, что пришлось мне вытерпеть от них! Одна говорила, что любит только то мыло, которое делается из одних розовых листочков; другая удивлялась, что мое хваленое мыло желтого цвета, тогда как лучшее французское коричневого, третья забраковала мое мыло за то, что оно было глянцевитое. А сколько надавали мне наши дамы

советов! «Продавайте дорого, потому что если будете продавать дешево, подумают, что ваши произведения никуда не годятся!» «Продавайте дешево, потому что иначе никто не будет покупать у вас вашего русского изделия; уж если платить дорого, так за французское!» — «Смотрите, не забудьте сделать на вашем мыле французские этикетки, чтоб приняли его за парижское!» А если б знали наши барыни, что им продают в Париже: пудр-де-ри, это алебастр с картофельной мукой, туалетные уксусы — ртуть с древесной кислотой. А покупают! Как не купить чего-нибудь французского!..

Изделия моего мастера вовсе не понравились моему новому товарищу, одному из наиболее известных в Петербурге торговцев косметическими изделиями. Я наконец допытался истины у моего мастера. Известно, что французы народ говорливый, что француз в карман за словом не полезет, du'ils ont la langue bien pendue; но из всех говорливых французов, не исключая из этого числа адвокатов и членов законодательного корпуса, самые бойкие говоруны принадлежат, без сомнения, к знаменитой во Франции касте, известной под названием commis voyageurs, странствующих комиссионеров или прикащиков. Нет в мире людей, которые умели бы подавать товар лицом лучше этих господ. Это дипломаты в своем роде: в малом виде Талейраны и Меттернихи; дела то они не знают, но так много терлись около него, так часто слышали о нем, что человеку мало опытному могут показаться глубочайшими знатоками, потому что умели схватить и усвоить себе все верхушки дела, всю блестящую его поверхность. Вот к одному-то из таких господ и попался я в лапы: мой Талейран-парфюмер был просто странствующий комиссионер по косметической части,— как я о том узнал позже по слухам.

Я, разумеется, отказал ему, посоветовал убираться во-свояси, но он окрысился и стал требовать неустойку.

— «Какую неустойку,— спросил я с удивлением,— в контракте нашем о неустойке нет ни слова!»

— «Я приехал в Россию на пять лет,— отвечал он,— рассчитывал приобрести здесь 100 000 франков, заплатите мне 25 000 рублей, и я уеду».

При этом наглом требовании я не мог удержаться от смеха. «Обратитесь к вашему посольству,— сказал я ему,— если оно решит, что ваше мнение справедливо, я заплачу вам». Только этим и мог я его выжить из Казани.

Я считал эти неприятности конченными, как вдруг, совершенно неожиданно, получил от министерства иностранных дел запрос, могу ли я удовлетворить претензию, пред'явленную на меня бывшим моим мыловаром? Я отвечал, что не вижу к тому никакого побудительного повода, и дело тем кончилось. Все это однако ж мне было чрезвычайно неприятно, потому что мыловар выставил меня перед своим посольством совершенным извергом.

Вот как осторожно должно поступать при выборе иностранных мастеровых. Наткнешься на невежду, еще расплачивайся с ним и терпи от него неприятности.

Не без труда выжив моего Меттерниха из Казани, мы стали осматривать выбранную мною для косметического завода местность и рассчитывать все представляемые ею выгоды и невыгоды. Оказалось, между прочим, следующее: помадные банки, например, делаются единственно в удельном селе Акжеле[1], близ Москвы, откуда и приходилось бы их выписывать по невозможности достать на месте: а так как весною

[1] Гжель, Московской губ.

и осенью дорог нет, пришлось бы выписывать банки два раза в год большими партиями, и таким образом деньги, употребленные на них, обращались бы в течение значительной части года в мертвый капитал. Приняв к тому же в соображение стоимость провоза пустых банок и потом наполненных помадою, мы увидели, что заказывать их в Акжеле крайне невыгодно. По расчету оказалось, что, несмотря на сравнительную дешевизну в Казани первоначальных материалов, рабочих, топлива, производство косметических изделий обошлось бы там все-таки дороже, чем в Петербурге или в Москве. Тут убедился я еще раз в истине, уже и прежде мною дознанной: нельзя осуждать местных производителей при теперешнем положении нашего отечества в том, что они не вводят у себя тех усовершенствований, которые давно уже известны и применены к делу за границей. Россия — особняк в Европе, она не похожа на другие страны, и основывать в ней новые отрасли промышленности надо с величайшею осторожностью и осмотрительностью. Правы казанские мыловары, вливая мыло в ящики и лубки, правы они и в том, что не делают помады: они знают хорошо местность, на которой действуют. Мне могут возразить, что в Казани явились бы заводы помадных банок, если б явилась в них потребность. Да, в других странах это бывает так, но не у нас. Вот вам и доказательство.

В окрестностях Казани есть стеклянные заводы; вздумал я пустить помаду в стеклянных банках. Обращаюсь к одному стеклянному заводчику, который снабжает аптекарскими стклянками всю Сибирь. Предлагаю поставлять на мой завод стеклянные помадные банки, на сумму приблизительно до 20 000 рублей в год. Богатый бородач задумался, потом обещал прислать прикащика на следующий день. Прикащик явился через три дня, взял форму и сделал банку удачно. Но когда дело дошло до заказа, мой бородач — на попятный двор, стал отговариваться, что у него и без того много работы, рук нехватает, надо будет людей принанять и пр. и пр. В Европе только задумай, и десять заводов явятся к услугам, а у нас бегай, ищи, кланяйся и то часто ничего не добьешься. Да, Россия — особняк в Европе, и подводить ее под общий европейский итог никак нельзя.

Наконец, решились мы перенести завод наш в Петербург. Нам удалось выписать из Парижа двух отличных мастеров, и дело пошло на лад. Привилегия на производство мыла и помады на яичном масле дана была мне на пять лет[1], но из такого короткого срока сколько времени у меня пропало, сначала, пока не убедился я на деле, что Казань по своему положению вовсе не представляет для моего производства тех выгод, которые я было ждал от этой местности; потом я ошибся в мастере, должен был выписать другого; сколько денег и времени пропало!

V. Несколько слов о привилегиях

Для устройства альбуминного завода я хотел купить в одном городе место, все в оврагах, и которое на городском плане было показано негодным к постройке. Я намерен был, купивши его, выровнять его на свой счет, но местное начальство не решилось продать мне его, и дозволить на нем строить, а предложило мне подать формальное прошение о моем желании, и дело по этому предмету полагало внести в государ-

[1] Как приготовление косметических изделий на яичном масле есть собственное мое изобретение, то я имел право ходатайствовать о выдаче мне привилегии на 10 лет, но мне отсоветовали просить на такой дальний срок, утверждая, что иначе мне отказали бы вовсе в привилегии. *(Прим. в подлиннике.)*

ственный совет. Какое любезное предложение! Как удобно и выгодно было мне ждать конца этого дела, при коротком сроке моей привилегии! — Пришлось мне купить другое место у частного лица, не столько для меня удобное по своему положению, как первое, да при том за дорогую цену.

В другом городе С. первые попытки мои устроить альбуминный завод были не удачнее. Не вполне знакомый с этим краем, я не хотел сразу покупать места. Нанял дом с садом у одного помещика в самом городе, выстроил в саду небольшой заводец и начал производство. Опыт вышел удачный, и я готовился уже нанять тот же дом и на другое лето, как вдруг узнаю, что помещик продал свой дом с садом, а новый владелец требует, чтоб я завод мой снес. Это случилось весною в самое удобное время для выделки альбумина. Досадно мне было, но нечего делать, приказал завод мой разобрать и перенести куда-нибудь, а сам явился в город с намерением уже не нанимать чужого дома для завода, а купить пустопорожнюю землю и на ней устроить альбуминное заведение. Но к кому не обращаюсь я, все требуют с меня цену непомерную, да к тому же присоединилось еще затруднение: на каждое место для постройки дома утвержден был начальством план, по которому мне вовсе неудобно было устраивать завод. Время между тем идет да идет, и целое лето пропало без пользы. Наконец, благосклонное местное начальство предлагает мне отвести городское место за законную плату и законным порядком, т. е. назначить на это место торги и пр. Я принимаю с благодарностью предложение, оставляю доверенность, а сам уезжаю по другим делам. Дело должно было кончиться зимой, и, следовательно, в продолжение ее можно было бы поставить вновь разобранный завод и начать работы с следующей весны. Вышло иначе. Мне вдруг пишут из С., что дело выходит спорное; что половина отведенного мне места принадлежала некогда каким-то лицам, которые теперь отыскивают свои права на него. Пишу в С., чтоб у них купили эти права; мне отвечают, что никто не может еще разобрать, кто именно владетели места, а время между тем проходит, наступает весна когда уже поздно думать о постройке и о производстве работ. Отправляюсь сам в город С., покупаю место за дорогую цену и выстраиваю на нем завод. За самое же производство альбумина я мог приняться только в следующую весну. И так три года пропало даром. Весною отправляю прикащика и мастериц. Прикащик, рекомендованный мне со всех сторон, как человек честный, оказался горьким пьяницею, прогулял все деньги, врученные ему на покупку яиц. Надо было отправить другого, а между тем наступило уже лето, а потому мы успели приготовить лишь небольшое количество альбумина.— Вот вам малый образчик неожиданных затруднений и препятствий, встречаемых учредителем какой-нибудь новой отрасли промышленности в России, где так скупы на привилегии и даже еще на выдаваемые на короткий срок.

У нас вообще неохотно выдают привилегии, считая их монополией, как будто три, шесть и десять лет, сроки, на которые они выдаются, можно назвать этим именем. Этот срок едва достаточен для основания новой отрасли промышленности в таком обширном и девственном государстве, как Россия. Только привилегиями и можно побудить к предприимчивости, потому что они ограждают предприимчивого человека, которому и без соперников, без конкурентов есть с кем и с чем бороться. У нас каждое дело приходится начинать с аза, у нас нет под рукою никаких средств к его развитию, все надо создавать самому. Трудно передать даже бесчисленные препятствия, встречаемые учредителями какого-нибудь нового производства в нашем отечестве. Каково же испытывать их, особенно когда они представляются так неожиданно и на

каждом шагу: едва успел устранить одно, смотришь возникло другое; поборол это, готово третье и т. д. У нас каждое нововведение, как заграничное, так и собственного изобретения, есть задача, и задача — трудно разрешимая. Тысяча обстоятельств, которых нет возможности предвидеть заранее, раскрываются только при самом ходе дела. Отлично идущее предприятие за границей может погибнуть в России, где применение его подвержено множеству местных, неожиданных случайностей, где нет возможности заранее рассчитать расходов хоть приблизительно.

Спрашивается, как при этих условиях не оградить привилегией изобретателя и нововводителя хоть от одной опасности, именно от того, чтобы другие не воспользовались даром его мыслию, трудами и усилиями...

В нашем отечестве, так сильно нуждающемся в развитии промышленности, основание каждой новой отрасли ее до того важно, что смело можно выдавать привилегии на долговременные сроки; такая привилегия поощрит новых промышленных деятелей, даст им возможность вполне развить свое предприятие, а Россия до того громадна, столько в ней препятствий и неудобств для каждого нового дела и так мало средств, что подобное развитие требует времени, усилий, издержек вдвое более, чем за границей; следовательно, с одной стороны, польза России, с другой — справедливость необходимо требуют дать изобретателю возможность и время вознаградить себя за первоначальные свои потери.

В заключение этой части моих записок, я считаю необходимым сказать еще несколько слов о моем крахмальном заводе в самарском имении. Действия его были до того успешны, что требования на мой крахмал с каждым годом все возрастали, и завод по малой величине своей едва мог удовлетворять их. Я стал думать об устройстве нового завода в гораздо большем размере и при том в таком месте, которое по своему положению представляло бы более удобства и выгод для крахмального производства, нежели в моем имении. Это имение лежит в степи, в 60 верстах от Волги, и потому лес для топлива и бочек приходилось перевозить гужем, точно так же и бочки, наполненные крахмалом, доставлялись с завода тем же способом к пристани; да к тому же еще не было случая покупать вблизи дешевую пшеницу, что возможно только в центрах большого привоза ее. Все эти обстоятельства заставили меня прекратить действия завода в имении. Я решился устроить новый завод в обширном размере в г. Самаре, представляющем по своему положению лучшее и удобнейшее место во всей России для крахмального производства. При новом заводе я устроил паровую лесопильню для распилки бревен на тонкие доски для бочек и мукомольную мельницу по американской системе для приготовления крахмала из муки. Крахмальные выжимки и отруби пойдут на откармливание скота, мясо которого, изготовленное впрок, будет отправляться за границу, а из глютена будут приготовляться крупа, макароны и пр. Рассказом об устройстве нового крахмального завода я начну вторую часть моих записок и полагаю, что встреченные мною и в этом предприятии затруднения и препятствия покажутся читателю не менее странными, невероятными, жалко забавными, как и в 1-й части.

Из записной книжки архивиста

Обращение В. И. Ленина к тульским рабочим

Письмо Тульским Губкомпарту, Губисполкому, 21 декабря 1919 г.[1]

Дорогие товарищи!

Героическими усилиями Красной армии разбиты Колчак и Юденич. Очередной задачей является окончательное сокрушение Деникина. Для разрешения с наименьшей затратой времени и сил этой задачи, обеспечивающей быстрое окончание войны и возможность приступления к мирному социалистическому строительству, пришлось все транспортные средства республики употребить на военные цели. Вследствие этого Москва лишена возможности снабжаться продовольствием из отдаленных местностей, и в особенно безвыходном положении очутилось ее рабочее население, на плечи которого падала и падает главная часть борьбы с контрреволюцией. При таких условиях является абсолютно необходимым доставка продовольственных продуктов и прежде всего картофеля из ближайших местностей. Все партийные, все советские силы губернии должны проникнуться той мыслью, что спасение московских рабочих от голодной смерти есть спасение революции и что дело этого спасения в их руках. Обстоятельства требуют быстрой помощи, следовательно революционной, решительной деятельности по немедленному усилению заготовок и немедленной же доставке заготовленного в Москву. Мне известно, что тульские рабочие в лице Рабочкома проявили прекрасную заготовительную деятельность. Необходимо эту работу расширить, углублять. Тульские рабочие должны притти на выручку московским. В это критическое для Москвы голодное время следует закрепить союз тульских и московских рабочих. Организуйте быструю помощь Красной Тулы Красной Москве. В десятидневный срок губерния должна дать Москве не менее четырехсот вагонов картофеля. До полного исполнения этого задания приостанавливается выполнение иных нарядов. Подача вагонов, отправка грузов Наркомпутем обеспечиваются. Энергично добивайтесь на местах исполнения этой гарантии. От ваших успехов, энергии, решительности зависят спасение рабочего класса, укрепление завоеваний революции, дальнейшие ее успехи и окончательное ее торжество.

С коммунистическим приветом
В. Ульянов (Ленин).

От Тульского Губернского Исполнительного комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов[1]

Во исполнение предложения тов. Ленина организовать быструю помощь Красной Тулы, Красной Москве посылкой картофеля, Тульский Губернский Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов постановляет: 1) об'явить по всей Тульской губ. с 25 декабря 1919 года по 8 января 1920 г. картофельный двухнедельник по заготов-

---

[1] Публикуемая листовка издана Тульским Губкомом РКП(б) в декабре 1919 г. Листовка озаглавлена «Обращение т. Ленина к тульским рабочим, к Тульскому Губкому РКП(больш.) и Тульскому Губисполкому Советов рабоч., крест. и красноарм. депутатов». В текст листовки включено: а) письмо В. И. Ленина к Тульскому Губкому и Губисполкому от 21 декабря 1919 г.; б) обращение Тульского Губисполкома и в) обращение Тульского Губкома РКП(б). Текст письма В. И. Ленина, вошедший в публикуемую листовку, опубликован в «Ленинском сборнике» XXIV, стр. 145.

Опубликование листовки с письмом В. И. Ленина совпало с исключительно тяжелым продовольственным положением рабочих Москвы. Листовка сыграла огромную мобилизующую роль среди рабочих и крестьян Тульской губернии в деле быстрой организации продовольственной помощи рабочим Москвы и Красной армии.

[1] ЦАОР, Газетно-плакатный отд., № 1200.

ке, погрузке и доставке картофеля для рабочих Москвы. 2) Продорганам Тульской губ. обратить исключительное внимание на выполнение данного постановления и до максимума усилить заготовку картофеля. 3) Всем Уисполкомам, Волсоветам и Сельсоветам мобилизовать все силы для выполнения целиком всей картофельной разверстки. Отделам Управления незамедлительно выполнять все наряды на подводы и людей. Губвоенкому и Уездвоенкомам предоставлять продорганам все свободные воинские части в качестве рабочей силы. 4) Всем железнодорожным организациям, комиссарам, Утчека, железнодорожным сотрудникам и агентам сделать все необходимое для быстрой погрузки, отправки и продвижения картофеля в Москву. 5) Предложить Совету Профсоюзов и Тульскому Совету Рабочих и Красноармейских Депутатов откомандировать для этой работы лучших работников.

Председатель Тулгубисполкома Григорий Каминский.

Всем укомпартам, всем партийным организациям Тульской губ., всем членам Р. К. П. (большевиков)[1]

Дорогие товарищи! В своем письме к тульским рабочим, Губернскому комитету партии и Губисполкому тов. Ленин говорит нам о неимоверных лишениях, которые терпят рабочие Москвы в своей героической борьбе за интересы рабочего класса.

«Тульские рабочие должны притти на выручку московским,— говорит тов. Ленин.— В 10-ти дневный срок Тульская губерния должна дать Москве не менее 400 вагонов картофеля».

Наш ответ тов. Ленину и московским рабочим может быть только один — мы должны доставить этот картофель в Москву во что бы то ни стало.

Но надо смотреть правде в глаза: задача эта чрезвычайно трудная, требующая неимоверных усилий и организованности. Тут словами не поможешь, — необходима немедленная организация дела, без потери единой минуты.

Быстрота действий есть первое условие успешного выполнения задачи.

Но эта быстрота, вызываемая остротой положения, не может быть выполнена обычным ходом продовольственной работы.

Усилий одних продовольственных работников недостаточно, — надо вокруг этого дела, как вокруг главнейшей и очередной задачи, сосредоточить внимание всей рабочей массы, всех партийных и советских организаций.

Надо повести это дело в порядке массовой политической кампании — это второе условие успеха.

Тульский Губернский Исполнительный Комитет Советов об'явил с 25 декабря 1919 г. по 8 января 1920 г. картофельный двухнедельник помощи Красной Тулы — Красной Москве.

Две недели по губернии должна итти заготовка картофеля исключительно для Москвы.

Две недели усиленной напряженной работы.

Первые 10 дней этой работы должны дать не менее 400 вагонов картофеля Москве.

Проведение картофельного двухнедельника есть боевая задача тульской партийной организации,— вокруг нее и нужно сосредоточить все силы, все внимание рабочих и партийных масс и всех организаций.

Это массовое сосредоточивание, эта массовая политическая кампания, этот картофельный двухнедельник должен пройти весьма организованно.

Двухнедельник надо начать с немедленного об'яснения массам, почему заготовка и отправка картофеля стала первой задачей. Все партийные, советские, профессиональные организации, Уисполкомы, Волсоветы должны обсуждать и практически решать, как лучше, как скорее выполнить это боевое задание.

Надо добиться массового внимания к этому вопросу, массовой самодеятельности и инициативы.

Партийные субботники, советские воскресники, организация общетрудовой повинности должны получить массовое, разумное, организованное, скованное дисциплиной применение к заготовке и отправке картофеля.

Новые члены партии должны быть первыми привлечены к этой работе, должны быть на ней обучены и проверены.

Все Укомпарты, Уисполкомы, Правления профессиональных союзов должны провести усиленную мобилизацию своих членов: одних для усиления продовольственной работы вообще, других — посылая временно для проведения картофельного двухнедельника, третьих — мобилизовать частично, не отрывая совершенно от обычной работы.

Особое внимание должно быть обращено на усиление партийными товарищами железнодорожных организаций. От энергичной и правильной работы транспорта зависит половина успеха.

Аппарат учета и проверки работы должен быть образцовым. Следить, проверять работу нужно не только отдельным центрам и организаторам работы, — проверка работы должна вестись всеми членами партии и советами.

Работа должна обсуждаться массовым путем во время самого ее хода. Только

[1] ЦАОР, Газетно-плакатный отд., № 1200.

тогда возможна быстрая массовая помощь, и только тогда не опасны ошибки.

Информация должна быть точной и быстрой. Никакие затяжки и проволочки недопустимы. Надо широко и срочно оглашать для примера образцы лучшей работы, надо выставлять наружу образцы худшей работы, лень, дезорганизацию, неряшливость, для подтягивания, для исправления работы.

Печать, агитаторы должны оперировать в эти дни с цифрами, с фактами, не покладая рук.

С широким обсуждением и проверкой всеми всей работы должна быть проведена и личная ответственность, каждому должен даваться трудовой урок, каждый работник и каждая организация должны отвечать за порученное им дело. Должна существовать твердая сознательная дисциплина.

Массовая кампания, массовое привлечение и сосредоточение сил, массовое обсуждение и проверка, быстрота действий, энергия, энтузиазм, широкое развитие инициативы и самодеятельности — вот методы и путь практической организации картофельного двухнедельника.

Товарищи! Вам ясно, что 400 000 пудов картофеля мы добудем и дадим.

Пусть трудности необычайны, пусть мы видим, что они сегодня усугублены морозом, метелью, заносами на железных дорогах, пусть много их и они без конца — мы все-таки преодолеем их, ибо мы хотим победить, мы идем на помощь московским рабочим.

Мало того, в этих трудностях мы получим колоссальный опыт: мы проверим свои силы, мы вскроем наши ошибки, недочеты, перебои наших советских аппаратов. Мы проделаем репетицию к еще более трудной и более сложной задаче — закончить все разверстки текущей продовольственной кампании в Тульской губернии к 1 марта 1920 года.

Все за работу, все к напряжению. Ни одного уклоняющегося.

Все с радостью за новый труд, ибо в нем мы получим новый закал, новое боевое крещение.

Тульский Губернский Комитет РКП (большевиков).

А. М. Горький и издательское дело

Публикуемый ниже документ — докладная записка А. М. Горького об издании русской художественной литературы — свидетельствует о большом и постоянном интересе великого пролетарского писателя к делу издания книг. В течение всей своей многогранной, кипучей жизни А. М. Горький активно, инициативно участвовал в издательских делах. Это вытекало из его взглядов на роль писателя — борца за освобождение трудящихся от гнета капитализма, это вытекало из его взглядов на книгу — на печать, как на острое орудие борьбы угнетенных за их освобождение, за создание новой человеческой культуры.

Такой взгляд нашел отражение и в художественном творчестве А. М. Горького, и в его практической деятельности. В ряде рассказов и особенно в романе «Трое» он дает волнующие страницы о роли книги в формировании человеческого сознания.

А. М. Горький участвует в ряде издательских мероприятий как организатор, инициатор, советчик, защитник.

Известна организующая роль его в создании писательского издательства «Знание». Не менее активно было участие Алексея Максимовича в издании ряда партийных журналов (в период после 1905 года). Переписка В. И. Ленина с Горьким не раз касается издательских планов и их практического осуществления. Живя в отдалении, на о. Капри, в Сорренто, Алексей Максимович письмами, личным сотрудничеством и своими средствами помогает ряду издательских начинаний.

Но особенно активна его деятельность в этом направлении после Октября. Сразу же после Октябрьской социалистической революции по его инициативе и при его личном участии создалось издательство «Всемирная литература» (в докладной записке он называет его «Мировая литература»). Перед этим издательством Алексей Максимович ставит широчайшие задачи — дать трудящимся массам все лучшие достояния мировой литературы. Задачи и планы разрабатывались так широко, что они впоследствии легли в основание работы Государственного издательства и, надо сказать, что полностью они не осуществлены даже до сих пор. То же можно сказать и об издании серии «Русская литература», о которой А. М. пишет в публикуемой докладной записке. Осуществление такой серии начиналось в недрах того небольшого изд-ва, каким была «Всемирная литература» в 1918/19 году, потом перешло к Госиздату — Отиз и впоследствии к Государственному издательству художественной литературы (ГИХЛ — Гослитиздат). Но как законченное издательское мероприятие, с теми целеустремленными, глубокими установками, о которых говорит А. М. Горький в своей

докладной записке, — это дело так и не осуществлено полностью и может быть поставлено как цель, как задача для ближайшего будущего.

Инициатива А. М. Горького вызвала появление ряда новых издательств и на историческом фронте. Под его руководством и при ближайшем его участии созданы издания: «История гражданской войны», «История фабрик и заводов». В наших архивах мы найдем еще несколько документов, подобных печатаемой докладной записке, свидетельствующих о том, как великий пролетарский писатель своим творческим участием активно организовал дело издания книг в стране социализма.

Н. Накоряков

Докладная записка А. М. Горького об издании русской художественной литературы, 19 декабря 1918 г.[1]

Издательство «Русская литература», идейно и организационно связанное с издательством «Мировая литература», ставит себе следующие задачи:

1) По возможности в кратчайший срок сделать доступной народным массам художественную литературу XVIII и XIX вв. и

2) Дать единой трудовой школе необходимые ей пособия по русской литературе.

Более или менее удовлетворительно эти задачи могут быть выполнены только при централизованной работе по систематически выполняемому плану.

На рынке изданий русских классиков совершенно нет, а встречающиеся у антикваров идут по спекулятивным ценам. Издания Комиссариата народного просвещения не могут удовлетворить насущную нужду деревни и города в книгах по русской литературе, потому что эти издания, не говоря уже о том, что над ними не проделано никакой редакционной работы, слишком громоздки и потому недоступны для широкого демократического читателя. Новому читателю нужны не «полные собрания сочинений»: он тонет и путается в десятках громоздких томов Чернышевского, Чехова, Жуковского и др. Конечно, полные собрания сочинений необходимы, но работа по их изданию должна быть предоставлена особому ученому учреждению, напр. II отд. Академии наук, освеженному и подкрепленному новыми силами. Эти издания — типа академических собраний сочинений Пушкина, Державина, Ломоносова — должны выпускаться в свет только после серьезной академической работы над текстом автора по рукописям и должны лечь в основу изучения русской литературы.

Но для нужд широкого читателя нужно создать библиотеку русских классиков, в которую вошли бы все более или менее выдающиеся писатели XVIII и XIX вв. И в этом издании нет нужды преследовать абсолютную «полноту». Достаточно, если каждый автор будет представлен в наиболее ярких его произведениях, ценных абсолютно или по тому влиянию, которое они оказали на ход нашего литературного и общественного развития. Новый читатель не разберется в десятитомных изданиях Лескова, Чернышевского, ему нужно притти на помощь, выделивши наиболее существенное и яркое.

Рядом с основной «библиотекой русских классиков» должна стоять серия народных изданий — отдельных, небольших по размеру произведений авторов, вошедших и не вошедших в основную серию.

К собранию избранных сочинений каждого автора (в основной серии) должны быть даны: биография, портрет и одна-две критических статьи (Белинского, Добролюбова, Чернышевского и др.) с краткой оценкой их исторического значения. Краткие биографии могут быть предпосланы и народным изданиям, если автор не вошел в основную серию (если же вошел, тогда можно ограничиться ссылкой на соответственный том основной серии).

Мы полагаем, что книги основной серии главным образом пойдут в библиотеки — сельские, заводские, полковые и ротные, морских и речных судов, поездов дальнего следования, больниц, школьные и т. п. Издания же второй серии — для разносной продажи и для продажи на вокзалах, в коммунальных лавках (даже не книжных, особенно в деревнях, в которых нет книжных складов).

Для нужд школы должны быть изданы в самом спешном порядке те произведения, которые указаны в примерной программе Комиссариата народного просвещения союза коммун Северной области. И в этой серии нужно выйти за пределы XVIII и XIX вв., издать произведения более ранних эпох, в частности ряд сборников устной поэзии, которые, конечно, могут быть использованы и для нужд внешкольного чтения.

Насущной задачей является издание для школ и художественно-иллюстрированных произведений русской литературы. Современная техника позволяет сделать их доступными и для широких демократических масс, а не только для нескольких сотен эстетов и снобов, как это было в пору хозяйничанья буржуазии. Здесь в первую очередь речь может итти, конечно, о переиздании старого, а во вторую о создании нового. Из старых изданий можно было бы повторить, напр., такие: иллюстрации Бенуа к Пушкину («Пиковая да-

[1] ЦАОР, ф. 2306, оп. 3, д. № 6, 1919 г., лл. 26, 27. Сообщено Г. Костомаровым.

ма», «Медный всадник»), Врубеля к Лермонтову, Агина и Боклевского к Гоголю, Островскому, Кардовского к Грибоедову, Трутовского к Крылову и т. п. И такие издания были бы на своем месте в каждом школьном кабинете родного языка литературы.

При сем прилагается примерный проспект издательства по сериям.

М. Горький.

К истории ссылки Н. Г. Чернышевского на поселение

В героической истории борьбы трудящихся за свержение самодержавия всегда будет жить имя Н. Г. Чернышевского, страстного, непримиримого борца против царизма, великого ученого, критика и публициста.

Оценивая роль и значение Н. Г. Чернышевского в революционном движении, В. И. Ленин указывал, что Чернышевский был «революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей» [1].

Понятны и та жестокая расправа, которую, не останавливаясь перед провокацией и подлогом, совершило над Чернышевским правительство Александра II, и последующие стремления правительства сгноить Н. Г. в Сибири, не дать ему возможности после окончания срока каторжных работ вернуться в Россию.

Как известно, Н. Г. Чернышевский 7 апреля 1864 г. был приговорен сенатом, как виновный «в сочинении возмутительного воззвания (прокламации «к барским крестьянам».— В. С.), передаче оного для тайного печатания, с целью распространения и в принятии мер к ниспровержению существующего в России порядка управления», по лишении всех прав состояния (т. е. гражданской казни, вскоре, 19 мая 1864 г., совершенной над ним на Мытнинской площади в СПБ), к ссылке на каторжные работы на семь лет и затем к вечному поселению в Сибири.

Публикуемый документ ярко показывает, как самодержавие боялось влияния Чернышевского на массы и как оно всемерно стремилось не допустить выезда Н. Г. Чернышевского из Сибири после окончания срока каторги.

Революционеры 70-х годов неоднократно пытались организовать освобождение Чернышевского из Сибири.

При процессе каракозовцев в 1866 г. выяснилось, что член «Организации» Странден в сопровождении распропагандированного рабочего ездил, правда неудачно, в Сибирь с целью устройства побега Н. Г. Чернышевского с каторги.

1 февраля 1871 г. в Иркутске был арестован Лопатин, в начале 1871 г. по подложному паспорту на имя почетного гражданина Любавина, приехавший в Восточную Сибирь для организации побега Чернышевского.

Все эти моменты нашли яркое отражение в публикуемом документе 1871 г., проекте резолюции комитета министров, представленном Александру II об обращении Н. Г. Чернышевского из разряда каторжных в разряд ссыльно-поселенцев.

Составитель этого проекта, помощник управляющего делами комитета министров д. с. с. Н. Н. Селифонтов, писал, что «отзыв генерал-губернатора Восточной Сибири (Н. П. Синельникова.— *В. С.*) о невозможности отвечать за побег государственного преступника Чернышевского, в случае обращения его, в общем порядке из разряда каторжных в разряд поселенцев, с освобождением от тюремного заключения, заслуживает особенного внимания правительства, как в виду важности совершенного Чернышевским целого ряда государственных преступлений, так и, в особенности, вследствие нравственных его качеств и того влияния, коим он пользовался в кругу молодежи, а отчасти и ныне пользуется по удостоверению шефа жандармов».

Проект предлагает изыскать меры для ссылки Н. Г. в такое место, откуда бы его не могли освободить. В результате Чернышевский, ожидавший летом 1871 г. освобождения из каторги и выезда в Россию или за границу, просидев в тюрьме до конца 1871 г., был, по секретному предписанию правительства, 2 декабря 1871 г. сослан в г. Вилюйск, Якутской области.

Только в августе 1883 г. преждевременно состарившимся, больным человеком Н. Г. мог вернуться в Россию и под надзором полиции поселиться в Астрахани.

И только перед самой смертью, в 1889 г. вернулся к себе на родину в Саратов Н. Г. Чернышевский, чье имя глубоко чтит великий советский народ.

Подлинник проекта резолюции по делу Н. Г. Чернышевского хранится в Костромском отделении Ярославского облархива, в фонде б. пом. упр. делами комитета министров, затем тов. министра путей сообщения и сенатора Н. Н. Селифонтова (1836—1900 г.), дело № 4. К проекту приложена выписка статей № 809, п. 1, 808, 826, св. зак. т. XIV, уст. о ссыльных (изд. 1857 г.), предусматривающих наказания за побег из Сибири.

В. Самойлов.

---

[1] Ленин, Соч., т. XV, стр. 144.

Проект резолюции по делу Чернышевского 8—15 сентября (1871 г.)[1]

Во исполнение высочайшей вашего императорского величества воли, выслушав настоящее дело, комитет [министров] находит, что отзыв генерал-губернатора Восточной Сибири[2] о невозможности отвечать за побег[3] государственного преступника Чернышевского, в случае обращения его, в общем порядке, из разряда каторжных в разряд поселенцев, с освобождением от тюремного заключения, заслуживает особого внимания правительства, как в виду важности совершенного Чернышевским целого ряда государственных преступлений, так и в особенности вследствие нравственных его качеств и того влияния, коим он пользовался в кругу молодежи, а отчасти и ныне пользуется по удостоверению шефа жандармов[4]. Необходимость полного, недопускающего ни малейших опасений охранения[5] молодежи от увлечений, легко могущих зародиться с появлением в их среде[6] или заграницей такого преступника, как Чернышевский, по мнению комитета, столь настоятельно, что не следует останавливаться[7] перед[8] необходимыми для сего материальными жертвами, как о том заявил в заседании и сам министр финансов[9].

С другой стороны, по убеждению комитета, не менее существенным и важным представляется изложенное во всеподданнейшем докладе замечание генерал-ад'ютанта графа Шувалова, что продолжение содержания Чернышевского в месте каторжных работ, в заключении было бы отягощением присужденного ему наказания.

Чернышевский был приговорен судом к 14 годам каторжных работ. Высокому милосердию вашего императорского величества благоугодно было тогда же сократить срок работ на половину и затем, по всемилостивейшему манифесту от 1866 г. еще на 1 год и 9 месяцев[1], а всего на 8 лет[2] и 9 месяцев, так что в настоящее время состояние Чернышевского в разряде ссыльно-каторжных прекращается и в силу оказанной уже ему вашим величеством милости и по закону, указывающему[3] обращение его на поселение в отдаленных местах Сибири, без заключения в тюрьме.

Имея в виду вышеизложенное и принимая в соображение, что отзыв генерал-губернатора Восточной Сибири о невозможности отвечать за побег[4] Чернышевского, основан[5] на предположении генерал-лейтенанта Корсакова[6], что обращение сего преступника в разряд поселенцев будет подчинено общеустановленному для всех порядку, не применимому к столь вредному и опасному ссыльному, комитет приходит к убеждению о необходимости продолжив временно заключение Чернышевского в тюрьме в месте настоящего его пребывания, немедленно приступить к изысканию всех возможных мер к обращению сего преступника, согласно закону, в разряд ссыльно-поселенцев в такой местности и при таких условиях[7], которые бы устранили всякие опасения насчет его побега и тем самым сделали бы невозможным новые со стороны молодежи увлечения к его освобождению[8].

Вследствие сего комитет полагает ограничиться в настоящее время поручением шефу жандармов снестись с генерал-гу-

---

[1] Заголовок подлинника. Год датировки документа «1871» (при отсутствии датировки документа в подлиннике годом) — установлен нами, исходя из того, что сам Н. Г. Чернышевский, как известно, ожидал окончания каторги и своего освобождения летом 1871 г., а также и на основании того, что в документе имеется указание о том, что «отзыв генерал-губернатора Восточной Сибири (очевидно, вновь назначенного.— *В. С.*) о невозможности отвечать за побег Чернышевского, основан на предположении генерал-лейтенанта Корсакова», который был генерал-губернатором Восточной Сибири по 1870 год включительно.

[2] Ген.-губ. Восточной Сибири — Синельников Н. П. (1805—1894 гг.), управлял Восточной Сибирью с 1871 по 1874 г. (назначен на должность указом от 21 января 1871 г.).

[3] Слово «побег» надписано над зачеркнутым «целость».

[4] Шувалов П. А., граф генерал-от-кавалерии (1827—1889 гг.). С 1866 г. по 1874 г. был шефом жандармов и главноуправляющим III отделением.

[5] Слово: «охранения» надписано над зачеркнутым «обеспечения».

[6] Слова: «молодежи... их среде» рукою Н. Н. Селифонтова написаны на полях.

[7] Зачеркнуто: «ни».

[8] Зачеркнуто: «какими».

[9] Рейтерн М. Х., граф (1820—1890 гг.). С 1862 г. по 1878 г. был министром финансов.

[1] Слова: «1 год и 9 месяцев, а всего» написаны над зачеркнутыми: «1/4, т. е.».

[2] Слова: «8 лет» написаны над зачеркнутым: «1 год».

[3] Далее зачеркнуто: «за истечением всех сроков».

[4] Слово: «побег» написано над зачеркнутым: «целость».

[5] Далее зачеркнуто: «по всей вероятности».

[6] Корсаков М. С.— ген.-лейт. (1826—1871 гг.) с 1861 г. по 1870 г. был ген.-губ. Восточной Сибири.

[7] Далее зачеркнуто: «чтобы государство было вполне обеспечено не только от его побега, но и от всяких покушений к его освобождению со стороны других».

[8] Слова: «которые бы устраняли... к его освобождению» рукою Н. Н. Селифонтова написаны на полях.

бернатором Восточной Сибири о доставлении предположений о всех тех мерах и денежных средствах[1], кои он признает необходимыми к безопасному водворению Чернышевского на поселении, каковые предположения, со своим заключением и мнениями министров внутренних дел[2] и финансов, повергнуть через комитет министров[3] на высочайшее вашего императорского величества воззрение.

Поступало 8 }
Слушано 15 } сентября.

Усадьба начала XIX в.

Три поколения архитекторов Бакаревых оставили обширные рукописные и исторические материалы. Из них наиболее интересны «Записки» Владимира Алексеевича Бакарева (1800—1872 гг.). Его отец, А. Н. Бакарев, был учеником крупнейшего русского архитектора XVIII в.— М. Ф. Казакова. В. А. работал архитектором в усадьбе кн. Куракина в 1820—1828 гг. Приводимая нами часть «записок» рисует быт и экономику дворянской усадьбы начала XIX в. Естественно, что Бакарев, приближенный князя, рисует его личность в преувеличенно восторженном тоне. Однако его «записки» содержат целый ряд фактических данных, полезных для историка, начиная с указания огромной убыточности имения, которая покрывалась за счет государства предоставленной Куракину рыбной арендой. «Записки» Бакарева хранятся в Государственной академии истории материальной культуры. Подготовлены к печати Н. А. Кожиным.

Из записок архитектора В. А. Бакарева

Но обращусь к К[уракину]; ...посмотрим как хозяина, как дворянина — и тут много кое чего найдется, о чем можно с удовольствием поговорить.

В отношении хозяина, князь имел состояние; если взять в соображение его знатность происхождения, его представительность и те посты, какие он занимал в государстве, то состояние его было весьма ограничено, хотя всех крестьян было у него до 5 000 душ, если даже не менее; но они не могли удовлетворить его нужд, так, если бы не аренда рыбных ловль в Астрахани на Волге (пожалованы ему покойным государем Павлом Петровичем), то ему бы нельзя было бы жить так, как приличествует жить столбовому боярину и верховному сановнику русскому; и потому-то после его кончины осталось долгу до 7 млн. руб. Прежде нежели об'ясню причины такого долга, должен сказать, в чем и как устроено было его хозяйство. Главное имение находилось в Орловской губернии, Малоархангельского уезда, в 5 от г. Орла и в 18 верстах от Малоархангельска; через него проходила почтовая дорога из г. Орла в Малоархангельск, и другая — большая Киевская дорога. Состав этого имения заключался в 4 000 душах, все они были на барщине, при обрабатывании полей, на работах в усадьбах и на винокуренном заводе; в этом количестве душ заключалось более 1 000 тягол, и до 800 душ обоего пола и всех возрастов дворовых людей.

Администрация имения состояла: из главноуправляющего, главной вотчинной конторы, которая была в зависимости от главного управления, но все действия свои производила не иначе, как по предписаниям и постановлениям князя, которому доставляла отчеты по имению: недельные, ежемесячные, полугодовые и годовые. В этих ведомостях показывалось все, начиная от самой важной вещи до самой ничтожной; и надо присовокупить, что иногда отчеты были так огромны, что за отправление по почте платили несколько десятков рублей. Для показания сущности сих отчетов стоит только сообразить, что князь каждую ведомость читал с начала до конца; вот тому несколько доказательств (они остались у меня в памяти, потому что довольно забавны): против статьи одной ведомости князь написал: «Не удивляюсь, что так много израсходовано квасу: вероятно, им потчуют разночинцы гостей своих, приходящих в непозволительное время»; в другой: «Для составления чернил отпущено из уксусного завода погону ведро; человек, которому это поручено, половину погону употребил для себя с приятелями» (здесь подразумевается, что делатель будто выпил погон вместо водки, но погон этот был уксусной). Таких и подобных им замечаний не было конца; князь говорил: «Если я взыскиваю за малость, то что должны ожидать, когда я взыщу за большое». Нельзя, он был человек, а человек и умный может ошибаться, с тою только разницей, что его ошибки могут быть вреднее ошибок глупца. Такие взыскания и замечания заставляли начальство имения быть весьма осмотрительным, ибо у князя ничего не ускользало из виду: если вы взяли десять гвоздей, то обязаны дать отчет, куда именно и для скольких досок или тесу,— иначе с вас взыщут

---

[1] Слова: «денежных средствах» рукою Н. Н. Селифонтова написаны на полях.

[2] Тимашев А. С., ген.-лейт. (1818—1893 гг.). В 1868—1872 гг. был министром внутренних дел.

[3] Слова: «через комитет министров» рукою Н. Н. Селифонтова написаны на полях.

без церемонии, кто бы вы не были. Если вам нужна деревянная ложка, напр. для госпиталя, для кухни, для стола, то вы должны принести осколок старой ложки, без чего новой ложки вам не дадут, и, сверх того, вам хотя и дадут новую ложку вместо изломавшейся, но не иначе, как по требованию, подписанному смотрителем; требование вы доставьте прежде всего в главную вотчинную контору, там его рассмотрят и утвердят, с ним вы отправитесь к тому ключнику, у которого хранятся как новые ложки, так и старые, к концу дня ключник приходит к помощнику бухгалтера и показывает требования, по которым он отпускал вещи, а этот сверяет их и записывает в приходо-расходную алфавитную книгу. Если нужны веревки, то таже история; принеси хоть клок, да старые. Целые кладовые наполнены были старыми изломанными и ни к чему негодными вещами, как-то: осколки деревянных лопат, ложек и пр. и груды обрывков всех сортов веревок, и всему этому велись счеты, и все это показывалось на отчете — по ведомостям. Вот на чем вращалась администрация; как поступалось с ничтожными предметами, так точно обращались и с большими. Одним словом, никто не мог поступить вопреки установлений и вновь насылаемых распоряжений; всякое место и всякое лицо были один с другим связаны ответственностью. Никто не мог действовать самовольно или свыше данной ему власти, все именне представляло паутину, а князь ее центр. Князь знал все, даже и то, что ему знать не следовало бы.

В имении находились фабрики: суконная, коверная, кружевная и швейная; все три последние работали для домашнего потребления; первая же действовала отдельно, под особым управлением, и содержала себя на свои обороты, которые однако не весьма были цветущи, и потому заставили Куракина впоследствии времени закрыть фабрику при понесении убытка до 150 тыс. руб.

Сверх фабрик были заводы: винокуренный, паровой, который устроил Полевой (мне уверяли, что не брат, а сам писатель, который всем известен. Однако я его видел один только раз, и он очень похож на портрет, который я впоследствии видел...). Завод этот также управлялся отдельно, но как и суконная фабрика под главным начальством главной вотчинной конторы; второй конской, состоящий из более нежели одиннадцати маток с двумя прекрасными английскими жеребцами, из коих одного («Олень») привели при мне; он долго имел привычку, стоя в стойле, кататься, что говорили произошло от корабля; за него Куракин заплатил семь тыс. рубл.; третий овчарной, на котором овец было до 3 тыс. голов и до 1 000 голов рогатого скота, который размещен был почти во всех именях; четвертый — скотные дворы с прекраснейшими коровами; одна корова, купленная для заводу, заплочена была тысячу рублей, и, признаюсь, что я подобной ей корове до сего времени не видал; я помню, что она принесла телушку, которая с матерью лежала в прекрасном отделе, и обе они представляли обворожительную картину. Князь был страстный охотник до коров, и их берегли пуще глазу; и пятый — была пасека, т. е. пчельник в прекрасной, почти девственной или первобытной роще, разбросанной по берегам крутого и романического оврага. Роща эта отстояла от резиденции имения, т. е. от села Куракина, верстах в 5, и находилась в стороне, не соединялась ни с какою усадьбой: мне только один раз случилось быть на пасеке, и нас едва было не съели пчелы, но какой мы ели мед (соты), то признаюсь, что ничего не может быть лучше и здоровее; это был какой-то аромат, это была просто манна. Уверяю всех и каждого, что соты, если их есть на пасеке, то это ничем изобразить нельзя; я пробовал есть соты привозные в Москву,— они казались мне каким-то медикаментом.

В отношении роскоши имения, то она была в особенности в садоводстве; здесь были сады: фруктовые (с которых получалось до 2 000 рублей доходу), английские рощи, обращенные в сады, ботанические и рассадники для всех кустарных деревьев; любимым деревом князя был тополь душистый, серебряный и итальянский, или тульчинский (пирамидальный), целые огороды с грядами превосходнейших сортов клубники. Померанцевые оранжереи, в которой были пальмосы о 3 000 и 4 000; я видел, что два снятых пальмоса и сваренных в сахаре едва помещались в огромной суповой чаше. Оранжерея эта была с одной стороны двухсветовой большой залой, а с другой ее стороны был зимний сад,— зимою двери зала растворялись в обе половины, и я помню, что видимая от того картина поражала всех. В зимнем саду при 20 градусах мороза цвели цветы, зеленели лишки и другие деревья и порхали птички, распевая свои неподражаемые песни. В отдельном длинном каменном корпусе помещались персиковые, абрикосовые, сливные и вишневые деревья. Две большие ананасные теплицы и при них воздушные парники, в которых произрастали прекрасные арбузы и дыни.

Сады резиденции стояли на прудах, из них в главном или, как он назывался, в Красном, где он находился, тут прежде было болото, поросшее большим тростником, в котором лавливали лисиц,— этих он [Куракин] сам травил, когда был молод. Пруд Красный точно был красный; в нем всегда вода стояла в полноте — чистая без тростника, зеленого цвета, местами пруд был очень глубок; он наполнялся водой истоком речки Масловки, которая через него струилась; пруд был огражден с двух сторон гатями и плотинами;

в нем водились огромные карпии; последних саживали в пруд из реки Неручи — осенью — от 600 до 700 штук, чему я был неоднократный свидетель; в первый раз это меня поразило, но после я узнал, что карпии в реке Неручь более, нежели в другой реке.

Каждую субботу был в селе базар, на котором, кроме сельских изделий и полевых произрастаний, продавалось: сахар, чай, кофе, овощные и бакалейные товары, а также ситцы, коленкор, ленты, серьги, кольца и пр., для чего устроен был большой корпус, в котором помещался постоялый двор с приличными квартирами; на базар с'езжались купцы из г. Малоархангельска и из других соседних городов. На базар вывозили даже сукно и притом очень изрядное; одним словом, на базаре можно было купить все нужное для обыкновенной жизни, кроме роскоши. На базар с'езжались из дальних мест крестьяне и даже мелкопоместные помещики; у содержателя базара можно было во всякое время достать ром, виноградное вино (конечно, средственное) и особенно донское городское, которое было превосходно: оно было густое, красное с игрою и платилось по пятиалтынному за небольшую бутылку. Содержатель базара имел ежедневно открытую овощную лавку, платил за все сие порядочную сумму с правом отдавать лавки в базарные дни приезжающим и получать за то плату. Учреждение этого базара доставляло многие выгоды и удобства жителям, которые большею частью состояли из дворовых людей и разночинцев. Кроме вышепоименованного, продавались: иконы в ризах и без оных, табак обоих сортов, сапоги, башмаки, шапки, шляпы, ружья, порох, дробь, дичина, платки, помада, даже духи, конская сбруя, одежда; летом арбузы, виноград и пр. фрукты, даже персики и абрикосы, деревянная посуда, деготь, слесарные, кузнечные вещи и пр. Базарный день — был днем отдыха для всех и каждого, его нередко посещал и сам князь; даже на нем были такие вещи, которые вдруг могли быть нужными: я помню, он при мне велел купить несколько кусков коленкору для сделания из него живописных стор в окна. Базар знакомил людей, и некоторым образом действовал на образованность их, в чем главную роль играли люди князя, ибо они приезжали и уезжали с ним в Петербург и оттуда привозили новые покрои платьев, новые обычаи в жизни, что все замечалось сельскими жителями с жадностью и постепенно вводилось между ними; иногда это распространялось даже на самих помещиков разумеется, тех которые безвыездно жили в деревне, но подражания эти доходили иногда до смешного.

Во всем Орловском имении было пять церквей (из коих одна домовая), две из них были в селе Куракине: одна круглая летняя, другая продолговатая — зимняя; одна в селе Александровском и одна в селе Алексеевском (мною выстроенная вместо бывшей деревянной). Круглая была не только великолепно украшена снаружи и особенно внутри: она замечательна была и по тому (цепному) своду, который покрывал ее внутренность и разделял высоту ее на две части, что поистине представляло прекрасный и вместе поразительный вид. Не знаю, кто делал рисунки этой церкви, но построена она была до меня за 30 лет И. Емел. Измайловым, который однако не был никогда архитектором, но более 50 церквей выстроил в свою жизнь, и это истинная правда. В воскресные и праздничные дни обедни пели певчие, у которых были прекрасные голоса, особенно женские.

В имении ежегодно приготовляли: прекрасный кирпич жженый; делали сырцовый без обжога кирпич, который употребляли для холостых строений и заборов и клали на глине. Кирпич этот приготовляли так: избиралось место, изобилующее вязкой, красной глиной, которая накапывалась ручными железными лопатами и ломами и сбрасывалась в яму, в эту же глину прибавляли рубленой соломы и песку, и все это поливалось водой и мялось быками, покуда не обратится все это в одну массу; потом выносили сию глину из ямы и наполняли ее деревянные станки, состоящие из четырех досок; длина кирпича простиралась, смотря по качеству глины, от 8 до 10 верш., а толщина и ширина — соразмерно длине. Изготовленный таким способом кирпич клали по земле с продушинами или с промежутками и постепенно высушивали на солнце; иногда таковые кирпичи были так крепки, что их обсекали топорами, если где нужно было убавить их величину. Построенные из сырцового кирпича холостые строения на каменном фундаменте и покрытые соломой на глине с известью существовали, без больших починок, от 12 до 20 лет, чему я был очевидный свидетель.

В двух хозяйствах имения были устроены превосходные и даже богатые ветряные мельницы; одна из них — огромная каменная, на ней вымешивалось разного хлеба от 50 до 60 четвертей в сутки; сверх того были крупчатки и маслобойный завод (водяные мельницы были ничтожны и принадлежали более крестьянам).

В состав хозяйства входили мастерские: столярные, слесарные, шорные, кузнечные, малярные, стекольные — и в них были отличные мастера, особенно столяры и слесаря; все эти мастерские заняты были экономическими работами, как новыми, так и починкой старых предметов; в мастерских делали даже мебель из дубового дерева и возобновляли старые экипажи, которыми огромные сараи набиты были, кроме тех экипажей, которые употреблялись князем, его семейством, управляющим и чиновниками.

Я уже сказал, что в церкви пели певчие, они были и музыканты; все они до-

стались князю после брата его Степана Борисовича, который был любитель музыки и которого музыка едва ли не первая была в Москве; в числе их были и вновь обученные и были такие, которые игрой своей доставляли удовольствие.

Надо присовокупить, что каждый певчий и каждый музыкант имел сверх того какую-нибудь должность по экономии: так, напр., некоторые были смотрителями при домах, кладовых, при лесных материалах, учителями в училищах, официантами, дежурными при домах и в прислугах у приезжих гостей; из них некоторые были парикмахерами; певчие же девицы занимались на швейной фабрике.

Из произрастаемых в имении фруктов варились превосходные варенья, не уступавшие киевским, — все приготовлялось своими мастерицами или мастерами кондитерского искусства.

Огромные два подвала наполнены были прекрасными винами (виноградными) всех почти сортов и качеств.

Главный доход имения состоял в значительной продаже зернового хлеба, особенно пшеницы (рожь же почти вся употреблялась на винокурение и на продовольствие дворовых), пеньки, конопли и гречихи и от поставки в казну вина. Каждую осень и весну приготовлялось огромное число сажень болотного торфу, который весь употребляли на завод и на топку кухонных печей, ибо Орловская губерния — безлесная, так что в имении князя всего на всего лесу было — и то дубового — до 1 000 десятин, что в отношении почти 30 тыс. десятин было ничтожно.

На каждую дачу, на каждое отдельное в нем хозяйство имелись подробные и верные планы — так Дубовицкую из них дачу, содержавшую около 8 тыс. десятин, снимал при мне отставной землемер Н. Ф. Фомин. Он также делал с'емки и с других частей имения; и беда ему была, если где-нибудь пропущен был мостик через канавку, или самая канавка, хотя бы она была ничтожная: до того внимателен был князь и аккуратен. К счастью еще, что землемер Фомин был преаккуратнейший человек и притом совершенно знающий свое дело. Каждому строению, какое где находилось в имении, непременно был и план, а иногда и фасад; всем строениям имелся у князя составленный мной альбом, которого листы были одинаковой формы и меры — масштабы изменялись смотря по величине строений; все рисунки альбома сделаны были в красках и большая часть их с воздухом и декорациями; в числе сих рисунков, состоящих кроме церквей, домов, оранжерей, беседок, скотных дворов и пр., помещены были фасады целым селениям (например, Мокрецам или Борисоглебску), где почтовая станция по Киевскому тракту. Рисунки эти составлялись мною в свободное время (как указано было в предписании на имя мое), всех их составлялось,— считая, по крайней мере, на каждый год, примерно 36,— до 280 если не более.

Когда предполагалось что-либо произвести вновь или что уже было начато, то потребные для того материалы отпускались не иначе, как по требованиям, доставляемым в главную вотчинную контору, а по хозяйствам — в местные конторы; этот порядок строго соблюдался, как по строительной, садовой, так и по всем прочим частям, составлявшим состав экономии. На каждое лицо, заведывавшее малым или большим каким бы то ни было изделием, мастерством или хозяйством, должно было отдать полный и подробный отчет в отпущенных ему материалах, вещах и в числе работавших людей, как временно насылаемых и постоянно у него занимавшихся рабочих мастеровых. Все же таковые работы не иначе производились, как по годовому бюджету, т. е. по предварительному назначению и ассигновке суммы, и всякий предмет разрешался (если он был новый) предписанием князя; одним словом, все действия экономии производились систематически по правилам, единажды принятым, и изменялись также одними только предписаниями князя.

Сверх улучшенного садоводства и хлебопашества при резиденции были учреждены: прекрасные огороды с парниками, хмельники и бакши; на сих последних произраставшие огурцы сдавались на откуп; хмель же поступал на винокуренный завод; овощи, арбузы и дыни — частью для стола и госпиталя, а частью продавались на базаре.

Из добываемого со скотных дворов скопа молока изготовлялось превосходное чухонское или сливочное масло, а также и коровье; сверх того, приготовлялся домашний сыр, но оный до тех пор был хорош, покуда его делала своя крестьянская баба; когда ж устроили завод и поручили его швейцарцу, то весь изготовленный им сыр сгнил и выброшен вон; от сего завода убытку понесла экономия до 5 000 р. ассигнациями. Огромное пространство земли было изобильно болотами, где водились во множестве разных сортов красная дичь, как-то: бекасы, вальдшнепы, дупеля; кроме диких уток, чирят (маленьких уток), гагар и гусей, в полях же стадами витали: дрофы, стрепеты, перепела, голуби и др.; дичи столь изобильно было, что свой ученый егерь в два месяца набил оной (и то одной только красной) более нежели 700 штук, которые все употреблены были к столу князя. За исключением птиц, травили зайцев, но не иначе, как с позволения; никто не смел во всем имении князя ни стрелять дичи, ни травить зайцев и лисиц, которые также водились, но в очень малом числе, а об волках слышно было только в лесистых местах и то редко; стреляли дичь один егерь и лица, имевшие на то право; посторонним же никому не дозволялось; травлю зайцев делали одни приказчики, охотники, имевшие у себя собак,

и некоторые из почтеннейших дворян соседей, которые однако делали сие не иначе, как в год один раз и всегда в присутствии управляющего. Я несколько раз был на стрельбе дичи в болотах и на травле зайцев в поле; обе сии охоты не возбудили во мне никакого к себе пристрастия; другие же товарищи мои были вне себя от пойманного собаками зайца; особенно это поражало помещиков соседей, тут они начинали говорить, ибо во всем другом они совершенно бессловесны. Многие из моих сослуживцев имели собственные ружья, но они стреляли почти на ветер; егерь (старик) Егор, или как его прозвали «леший», был такой мастер в стрельбе, что убивал разом двух птиц (из двухствольного своего ружья) и при том тех самых птиц, по которым дано было господами один за одним несколько пуделей, т. е. выстрелов, не попавших в предмет.

Князь желал, чтобы в экономии его все было то, что может служить к ее пользе; на сем предположении им были заведены: плужные хозяйства, трехпольные поля; посев клевера, веяльные и молотильные машины, по новым системам овины, посев льна, белильни полотен, породы тирольских коров, разные породы домашней птицы; разведены были всех возможных сортов и наименований ягоды, фрукты и цветы. В имении безвыездно жил очень хороший живописец (ливенский мещанин) Тихон Иванов, который расписывал то церкви, то дома, то писал прекрасные в окна транспаранты, и его живопись тем только и была хороша, что он сам работал.

На даче «Кинь грусть» был зверинец, в котором содержались олени и кролики.

Кладбища, бывшие на большой дороге, перенесены в стороны от оной.

Деревня Мокрецы — Борисоглебск тоже на большой Киевской дороге, в 55 вер. от Орла и в 7 от резиденции, т. е. от села Куракина, имевшая 60 домов, вся построена по высочайше утвержденному плану, и каждый дом имел свой фасад, различный от других, так как деревня сия имеет станцию (крестьяне же оной все почти извозчики как при возке пассажиров, так и при возке разных тяжестей во все стороны по России). А потому князь намеревался построить станционный дом с гостинными помещениями, на что уже последовало высочайшее разрешение (как перестройка всей помянутой деревни, так и проект станционного дома произведены были мною), впрочем он не был построен, хотя фундамент и был сделан: дело остановилось за смертью князя.

В селе Липовка, Алексеевское тож, князь построил на свое иждивение каменную церковь, которую я и окончил с оштукатуркой внутри, освящена же она была в небытность уже мою при экономии; на постройку ее пошло одного кирпича более миллиона.

В селе Каменка добывался прекрасный дикий (гранитный) камень, который однако более употреблялся в фундаменты, нежели в наружные работы. Торф, добываемый в болотах, в одном отведенном для того месте сжигался и обращался тем в красный порошок, который употреблялся на посыпку дорожек садов, а частью на краску из масла железных и деревянных крыш, на которых довольно долго держался.

Из винного погона приготовляли прекрасный уксус в особо устроенной для того теплице — его даже продавали за ведро до 2 р. Все проезжие дороги как почтовые, так и те, кои соединяли главные пункты хозяйств, были окопаны и обсажены березами и ракитами, что представляло безопасное сообщение зимой и прекрасную защиту от жара летом. Мосты верстовые и проворотные столбы были образцовые и всегда содержались в отличной исправности, как равно и самые дороги.

В селе Александровке 30 августа была ежегодно узаконенная ярмарка, на которую с'езжались окружные дворяне и купцы с товарами из ближайших городов.

В городе Орле на Московской улице был дом, в котором жил Иван Федорович Михайлов, он исполнял все комиссии князя, относящиеся до имения, как его, так и дочери князя графини Зотовой (дом сей построен мною, он был поставлен на каменном фундаменте с мезонином и балконом на колоннах). Все усадьбы, все сады, все огороды, все пастбища были обнесены живыми заборами, канавками и глубокими рвами. Резиденция, село Куракино, в ночное время охранялась 25 сторожами при чугунных досках, над которыми наблюдали очередные из дворовых людей, обходчики и конные об'ездчики — это составляло милицию, над которой имел заведывание как равно и за пожарными инструментами так называвшийся полицеймейстер и при нем помощник; оба они были чиновники, служившие в военной службе. Улицы усадьбы украшались палисадниками пред домами с деревьями тополя, по другим улицам были бульвары.

Ни цель сих моих записок, ни время, ни даже место не дозволяют мне распространить описание всех помянутых уже частей экономии, так и других, которые входили в состав оной. Но чтобы дать несколько понятия, в каком все это было виде и изобилии, стоит только вспомнить, что граф А. А. Аракчеев, посетив имение князя в 1824 году, отозвался об оном с большою похвалой и нашел его в отличном положении. Об тех же лицах, которые приезжали в гости к князю или по делам службы, то их удивление к обширности и устройству экономии можно смело отнести или от обычая хвалить все, не понимая ничего, или же из предосторожности прослыть профанами бояр судить — ибо не надеялись отстаивать свои суждения, а другие, как невежды, из одной мести. Но я знал людей, из них одни говорили: «У

вас (или здесь) недостает только зеленой лошади и птичьего молока»; другие: «Только князь Алексей Борисович может иметь это... и это...»; иные: «Да, правда, здесь так хорошо, что не расстался бы, но вот беда: здесь только можно гулять, наслаждаться приятно, спокойно, но не приобретешь избытка... Здесь... никто столько не заботится ни о чем, как сам почтенный хозяин — иначе вся гармония экономии исчезнет без возврату» (что после смерти князя и было). Все они говорили сущую правду, более или менее близкую к истине. Сами постоянные жители туземцы почти все не могли нахвалиться и налюбоваться, во-первых, прекрасным хлебопашеством, скотоводством и многими другими жизненными удобствами, которые им почва земли и климат страны изобильно давали; во-вторых — приятными местоположениями, прекрасными жилищами своими, богатейшими господскими усадьбами, представлявшими вроде маленьких местечек.

Сам князь говаривал, что село Куракино — «парадиз», и подлинно он не ошибался в этом нисколько. Не говорю о весне: это время там истинный рай,— лето несколько жарко, осень бывала обворожительна, редко ненастна, но даже самая зима с ее вьюгами, непроезжими дорогами и иногда жестокими морозами (не помню, в какой именно год, 6 января был сильный ветер при 50 градусах мороза) много имела своего приятного, ибо во время зимы и природа и люди отдыхали. Если и работали, то только для сбыта прибытка. Притом же зима там поздно начиналась и рано сходила. Не было праздника пасхи, чтобы женщины не ходили в одних платьях (это мне очень памятно). Правда, летом бывали грозы и нередко большие и нередко производившие пожары, об смертности от молнии не было даже и слухов. Бывали грозы с градом, но милостию божиею эти случаи были также редки и всегда местами или полосами. Бывали ранние морозы, которые поражали, но также не везде, но главное — от них страдала гречиха. Об эпидемических болезнях не было и слуху. Народ вообще был здоровый, хотя и не слишком рослый; общий тип был: русый цвет волос; более темно-голубоватые глаза; походка смелая, речь с мыслью, выговор и наречие приятные — с какою-то неизъяснимою учтиво-робкою живостью; более трезвой жизни и довольно трудолюбивые, нравственность обыкновенно крестьянская, но более похвальная, и особенно в зажиточном быту; было несколько молокан и скопцов, но об сих сектах почти и не слышно было, так они ничтожны были.

Число обоего пола дворовых людей простиралось до 800 душ, то и следует пояснить, почему составилось оное: после смерти брата Степ. Борисовича досталась К. музыка, большая часть музыкантов были семейные, и уже немолодых лет, а также и другого рода дворовые люди; потом такие же точно люди достались ему после смерти другого брата Александра Борисовича; одних он отдал сыну своему Борису Александровичу, себе же оставил более семейных и уже в летах бывших людей. Сверх того при Орловском имении у него свои были дворовые люди, как доставшиеся от родителя его, так и вновь взятые им до получения упомянутых наследств; от всех этих трех дворен в течение 50 лет образовалась одна каста дворни в числе до 800 душ. Но все они более или менее приносили собою какую-нибудь пользу своему владетелю; например, все из них начиная с 12 (почти) до 65 лет были у дела: мужчины находились писарями в конторе имения, достойные из них были давно бухгалтерами, архивариусами, стряпчими, приказчиками, смотрителями, потом из них же образован был прекрасный хор певчих и оркестр музыки; затем — прислуга, как-то: официанты и все камердинеры, лакеи, повара, кондитеры, егдовые, берейторы, конюха, садовники (два старших и прекрасно знавших свое дело), огородники, скотники, столяры, кузнецы, слесаря (один из них удивительный мастер был), фельдшера и лабораторщики, мастерицы, егеря, птичницы, коровницы, мастерицы сказанных фабрик — девки на тех же фабриках; суконщики, прачки, пасники, рыболовы, лесничие, пенсионеры, вдовы, кондитерши, швейки, портные, парикмахеры и пр. и пр. Все эти люди и лица были заняты своей должностью, своей работой, так что никого из них убавить или исключить не было возможности, ибо все они составляли звенья целого здания. Впоследствии все это было разрушено. Все эти люди помещались в слободах, для них собственно устроенных... И если князь видел громадность оной, и что она его почти разоряла, но не мог долго решиться на убавление оной по сим причинам, а именно: одних не мог он отменить, ибо они были необходимы для собственного его лица; 2) другие были необходимы для существования его экономии; 3) за преклонностью лет, тех из них, которые служили еще старшим его родственникам; 4) за вдовством и 5) по необходимости иметь при доме прислугу, приличную его сану и званию, а музыку и певчих для удовольствия. Но за несколько лет до кончины своей князь начал селить тех дворовых, кои были взяты из крестьян и по роду своих занятий не переменили первоначального своего быта и привычек; он им дал отдельные земли и большие льготы; этим он избавил себя от многих тунеядцев, а к хлебопашеству прибавилось значительно рабочих, постепенно и нечувствительно от него отторгнутых временем и случаем.

Умножение дворовых иногда происходит и от того: природные способности, заставляющие приближать к себе столь полезных людей, но главное фаворитство и родство с фаворитами. В отношении дворовых князь имел свою политику, он видел и понимал, что многие из них освоили себе мысль на уважение других как по летам

своим, так по заслугам, а наиболее по умственным способностям, которым князь обязан многим в продолжение своей свыше семидесятилетней жизни; как по сему, так и по собственному сознанию верной и усердной их службы он постановил навсегда и об'явил это в приказе по имению: что такие-то лица приобрели навсегда его личное уважение; другие освобождаются от всяких штрафов и взысканий, третьи — от ругательств и побоев, четвертые — от телесного наказания. Следовательно, каждый из дворовых видел, как отличается верная и усердная служба и тем вместе старался достигать степеней подразделения отличия и боялся очень своротить с какой-нибудь из оных, ибо князь в сем случае был очень строг: бывали примеры, что провинившиеся лишались его милостей и обращались в первобытное состояние, а иногда поступали в солдаты; главной причиной к тому были — пьянство, которого он не мог терпеть, и доказанное воровство.

В отношении хлебосольства оно было в полной мере русское. Ежедневный обед, — ужина никогда не бывало,— начинался во всякое время года в три часа и состоял без гостей из горячего, холодного соуса из зелени, из жаркого и хлебного,— после подавался десерт: летом ягоды со сливками, простокваша с разными прибавлениями и фрукты; зимой: варенье, сушеные фрукты и орехи; за столом всегда стояло виноградное превосходное вино, олонецкое и мценское пиво, первое покупалось прямо с корабля, а последнее доставлялось из Мценска и было так превосходно, что я уже нигде подобного не пил. В постные дни были рыбные блюда за столом, но это было тогда только, когда князь получал рыбу из астраханских своих ловель; круглый год стол был скоромный, кроме первой и последней недели великого поста. Когда же были гости, то к столу подавали вместо одного по два блюда каждого кушанья, и редко оно чем-либо отличалось от ежедневного стола, потому к столу подавались и без гостей различные блюда с кушаниями разных именований и вкусов; все это делалось по запискам метрдотеля, утвержденным князем, и всегда сообразно с временем года и дням, для которых оно готовилось; следовательно, стол всегда был сытный, вкусный и деликатный; таким столом нередко князь угощал нечаянно приехавших гостей и притом тогда уже, когда не было средств изменить назначенные к столу блюда; когда были гости, то за столом подавалось вино с подноса в рюмках: мадера, эрмитаж, рейнвейн, а иногда и шампанское и всегда почти розовое. Князь же кушал пять блюд кушанья, которые все вдруг подавались на стол в особо сделанном для того фарфоровом судке и состояли в столь легких кушаньях, что их можно было давать грудным детям; это происходило оттого, что у князя вовсе зубов не было, а если и были, то мало и все ненадежные (но искусственных не носил), а главное — он был великий диэтист и без совета доктора ничего не делал; кушанья запивал водой и шампанским. За столом всегда играла духовая музыка, в дни имянин его или супруги его — инструментальная, которая помещалась в зимнем саду, бывшем рядом со столовой.

Князь любил угощать, и его надо огорчить было, если не взять какого-либо кушанья; мне случалось, по его поручению, угощать гостей, сидевших далеко от князя, и он беспрестанно присылал камердинеров напоминать мне, чтобы я угощал хорошенько гостей. Но закончу о хлебосольстве: все приезжие и их прислуга, даже лошади, были всем довольны в изобилии; иногда другие гости живали по несколько дней и по несколько раз в лето; каждому из них отводилась прекрасная квартира — отдельная, наполненная всеми удобствами и потребностями; всякому гостю назначалась прислуга, а в случае надобности — экипаж. Всякому гостю ежедневно подавался утром кофе или чай, завтрак и ужин (если кто из них ужинал) и притом с приличным вином. Приезжали и такие гости, кои лечились у докторов в экономии и, разумеется, жили на счет князя.

О лицах аристократических, посещавших князя, скажу в своем месте. А здесь только упомяну о дворянах, соседях князя, из которых многие были едва ли не хуже последнего лакея князя. Все они были такие невежи, такие дураки, что было совестно; но как бы то ни было, со всеми умел князь обходиться и никого из них ни словом, ни делом не отчуждал от себя; даже заметно было, что он старался сблизить их с собой и тем самым сколь возможно обтесать их пустые башки; но они до того одичали в своих захолустьях, что походили более на медведей, нежели на людей; когда они входили, когда растворяли рты, чтобы промычать какую-нибудь пошлость, глупость или когда они садились за роскошный обед князя, то надо было иметь бы всегда под рукою Гогарта, который один мог бы изобразить эти жалкие лица, их странные одежды, их смешные кривляния, их удивление при всем и на все. К сожалению, во всем этом была сущая правда. Я и другие мои товарищи и некоторые из образованных гостей прозвали многих из сказанных антиков, как например «дупельшнепом» (по носу), кого «Соломон Соломоновичем» (по его глупейшим суждениям) кого «перепелом» (по его внезапным крикам)... и т. п.

Вся прислуга князя и при его лице, и при его доме всегда одета была не иначе, как в белых галстуках, в белых камзолах и во фраках, а лакеи — в ливрейной, гербовой, княжеской форме; вся она обращалась вежливо и с достоинством. Сам князь никогда не обедывал в сюртуке и не любил, кто надевал его, даже вне его дома. Вечером гости собирались к князю пить чай и слушать музыку, которая почти редкий вечер не давала концерты на ка-

ком-либо инструменте; эти концерты давались и стариками и молодыми их учениками; один из стариков превосходно играл на скрипке, другой — на виолончели, третий — на флейте, четвертый на гобое, пятый — на волторне, а сам капельмейстер — на скрипке и кларнете. Таким образом шла почти ежедневно жизнь при князе. Здесь он ежедневно являлся во всем блеске дворянина, т. е. жил более не для себя, как для дворянства своего уезда, которое всегда видело в нем и государственного сановника, и радушного хозяина и представителя своего и благодетеля. Не мне говорить о тех неисчисленных благах, которые, несомненно, проистекали бы, если бы дворяне, каждый сообразно значению своему в обществе и средствам своим поступали бы только для одной общей пользы, нисколько не заботясь о своих и для себя прибытках. Но этого трудно дождаться.

Чтобы закончить о качествах, которые имел князь в отношении дворянина, помещика, должен я прибавить ежегодный бюджет его расхода, который здесь изображаю, как могу вспомнить и показать:

Главноуправляющий имением	7 000 р. ассигн.
Главный правитель конторы	1 200
Вотчинный бухгалтер	1 000 чиновн.
Контора:	
Полиция в усад. полицеймейстер . .	600
Полиция в усад. помощник его . . .	200
При главной вотчинной конторе:	
Архивариус, помощники бухгалтера и по шести человек писцов на всех	1 000 крепл. люди
Доктор при князе от 8 до 12 тыс., в средн.	10 000
Вотч. штаб-лекарь	2 000
Госпиталь:	
Фельдшеры, ученики, лаборатор щики, рабочие на всех .	500 крепл. люди
Садовник немец	200
При князе:	
Француз	3 000
Русский, секретари	2 000 чиновн.
Вроде чиновника особых поручений	5 000 чиновн.
Берейтор англичанин	1 000
Архитектор	1 500
Жалованье .	38 600 р.
Содержание, считая и жалованье, в Орле дома, комиссионера, с прислугой и расходами	2 000
Садоводство с рабочими . . .	5 000
Трех камердинеров и мальчиков	2 500
Метрдотели и до 8 чел. поваров и учеников	2 000
Вотчина госпит. и аптека . .	3 000
Фабрики: кружев., швейн. и коверн.	2 000
Строительн. часть (средн. чис.)	15 000
Мастерские и мастер	2 500
Музыка и певчие (без жалов.)	300
Содержание дворовых, кроме прислуги	4 000
Приказчики, писцы по имению, кроме главной конторы . . .	5 000
	43 300
На стол князя, считая круглый год, с винами и десертами, застольной прислуги	70 000
На наем дома в С.-Петербурге с дровами	15 000
На экипаж, лошадей и корм их в С.-Петербурге, на ежегодный приезд из С.-Петербурга в Орловское имение	15 000
На гардероб людей, на освещение	10 000
	110 000
Всего . .	191 900

Здесь не включены те суммы, которые бы составились от того хлеба, масла, кож, сукна и пр. домашних приготовлений, кои все расходовались на содержание дворовых

Примечание. В эту массу не могло поступить по неопределительности, как-то:

а) Уплата долгов капиталами

в) Уплата одних процентов

с) Непредвиденные расходы, как-то:

1. Покупка хлеба для семян и прокормления крестьян

2. Покупка заводских лошадей, на строительную часть и

3) Воспомоществование бедным, на подарки дочери и другие непредвиденности, на все это смело можно положить от 300 до 400 р. в год 350 000

541 000 в год.

Этот эскизный счет может подтвердиться тем, что в один год князь, живши в Орловском имении, проживал в месяц, как мне то случилось знать, с уплатою процентов и долгов до 50 тыс. ассигн., следовательно до 600 тыс. в год. Но жить в С.-Петербурге и жить в деревне — разница. Следовательно, без ошибки можно сказать, что князь средним числом проживал в год на нынешние деньги до 200 тыс. руб. серебром и эта сумма не будет преувеличена. Но как бы то ни было, а он жил уже несколько десятков лет так скромно, что никаких не давал в Петер-

бурге балов, обедов, кроме обычной и приличной его сану жизни; и для той не мог иметь средств, ибо всегда занимал и платил старые долги, а потому получавшегося с имения дохода недоставало на покрытие расходов; к тому ж рыбная аренда была в большом расстройстве: она прежде или с самого начала приносила им с братом Александром Борисовичем до 500 тыс. р. ассигн., но как они оба много лет не платили в казну процентов, которые составили впоследствии огромную сумму, то с аренды сей весьма малый получался доход, как за уплатой процентов, так из-за понижения цен за содержание оной, смотря по лову рыбы, которая не всякий год одинакова. К тому же князь имел долги непредвидимые для него: зять его граф Николай Иванович Зотов (отец жены военного министра Чернышева, Елизаветы Николаевны) вздумал когда-то взять на откуп несколько городов для продажи в них нивы. Князь, разумеется, поручился за него, и когда кончилась операция, то князь должен был заплатить за графа более 500 тыс. руб. К тому же дочь его (покойная), бывшая за Салтыковым, имела приватных детей, им князь дал имя, звание, наградил их, это ему стоило более 300 тыс. руб. Сын его (покойник), не имевши своего состояния, наделал долгов посредством актрисы m-me Жорж и карт, тоже более 500 тыс. руб. Другая дочь его (т. е. гр. Зотова) сама и две дочери ее жили, ездили в чужие края, воспитывались все на счет князя, ибо хотя эта дочь имела вотчину, данную ей в приданое, но князь ежегодно помогал ей и ее мужу, что составляло в год до 60 тыс. руб. Теперь покупка в неурожайные голодные годы хлеба на семяна и для прокормления крестьян и для винокуренных заводов: в иные годы [вотчинное правление] делало операцию закупки хлеба в 200 тыс. руб. Таковые огромные траты невольным образом вводили князя делать и те займы, кои он должен был расходовать для одного только своего существования и поддержания имени своего знаменитого рода, приобретенного титула. Впоследствии он перезаложил все свое имение на 37 лет в банк. Если к этому прибавить, что по управлению именем он был совершенно несчастлив, как от действий природы, так и от действий им неудачно выбираемых людей: например, его уверили в пользе завести суконную фабрику, и она принесла ему убытку 150 тыс. руб. Он старался улучшать конный завод, и оный ничего более не доставлял ему, как значительного денежного убытка; одним словом, нигде и ни в чем не имел и не видел приращения, кроме расходов, убытка и огорчения.

ОТ РЕДАКЦИИ: В подписи к публикации «Кронштадтское восстание 1906 г.», помещенной в № 4 «Красного архива», пропущена фамилия второго составителя публикации—т. Уньковского К. И.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

К деятельности Г. К. Орджоникидзе в годы гражданской войны . . 5

Некоторые даты подпольной партийной работы Г. К. Орджоникидзе 15

Даты жизни и деятельности А. М. Горького. С предисловием *Е. Чернявского* 32

Борьба за землю в 1917 г. С предисловием *М. Р.* 85

Аграрное движение в Черниговской губ. в 1905—1906 гг. С предисловием *И. Кузнецова* 98

К истории борьбы самодержавия с аграрным движением в 1905—1907 гг. С предисловием *М. Лье Лурье* 128

Царская Россия и Гавайские острова. С предисловием *С. Окунь* . . 161

Из истории сношений казахов с царской Россией в XVIII в. с предисловием *В. Лебедева* 186

Записки Н. П. Балабина 226

Из записной книжки архивиста

Обращение В. И. Ленина к тульским рабочим. 248

А. М. Горький и издательское дело. С предисловием *Н. Накорякова* 250

К истории ссылки Н. Г. Чернышевского на поселение. С предисловием *В. Самойлова* 252

Усадьба начала XIX в. 254

Ответственный редактор Я. Берзин.
Редакционная коллегия: В. Максаков. (зам. ред.), С. Пашуканис, Ф. Ротштейн

Сдано в производство 2/X 1936 г. Подписано к печати 31/X 1936 г. Статформ. Б. 176×250. 16½ п. л. 60480 зн. в п. л. С.-Э. (п.) № 43. Зак. 1312. Уполномоченный Главлита Б—31097. Выпускающий А. Налимов. Тираж 3625.

18-я типография треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., 10.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

ЦЕНТРАРХИВ СССР и РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ШЕСТОЙ
(СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТЫЙ)

1936

ОПЕЧАТКИ

стр.	Строка	Напечатано	Должно быть	По чьей вине
37	4 снизу	доноса	допроса.	Редакции
88	19 сверху	уробки хлеба	уборки хлеба	Изд. корр.
91	4 »	не могут	не могу	» »
113	12 »	инструкция	инструкции	» »
133	24 »	отбываются бе-ками	отбываются бе-кам	» »
190	37 » 1-я колонка	в детство	в действо	Типограф.

стр. 28: В конце предисловия к документам «Самодержавие и избирательные права женщин» пропущено указание, что документы подготовлены к печати И. Ковалевым и хранятся в ЛОЦИА, ф. совета министров, 1912 г., д. № 133. — Редакции

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

ЦЕНТРАРХИВ СССР и РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ШЕСТОЙ
(СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТЫЙ)

1936

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1936

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Чрезвычайного VIII С'езда Советов Союза Советских Социалистических Республик

Об утверждении Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик

Чрезвычайный VIII С'езд Советов Союза Советских Социалистических Республик постановляет:

Проект Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик в редакции, представленной Редакционной Комиссией С'езда, утвердить.

Президиум С'езда

осква, Кремль.
декабря 1936 г.

КОНСТИТУЦИЯ

(Основной Закон)

Союза Советских Социалистических Республик

ГЛАВА I

ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

СТАТЬЯ 1. Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян.

СТАТЬЯ 2. Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата.

СТАТЬЯ 3. Вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся.

СТАТЬЯ 4. Экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплоатации человека человеком.

СТАТЬЯ 5. Социалистическая собственность в СССР имеет либо форму государственной собственности (всенародное достояние), либо форму кооперативно-колхозной собственности (собственность отдельных колхозов, собственность кооперативных объединений).

СТАТЬЯ 6. Земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи, организованные государством крупные сельскохозяйственные предприятия (совхозы, машинотракторные станции и т. п.), а также коммунальные предприятия и основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах являются государственной собственностью, то-есть всенародным достоянием.

СТАТЬЯ 7. Общественные предприятия в колхозах и кооперативных организациях с их живым и мертвым инвентарем, производимая колхозами и кооперативными организациями продукция, равно как их общественные постройки составляют общественную, социалистическую собственность колхозов и кооперативных организаций.

Каждый колхозный двор, кроме основного дохода от общественного колхозного хозяйства, имеет в личном пользовании небольшой приусадебный участок земли и в личной собственности подсобное хозяйство на приусадебном участке, жилой дом, продуктивный скот, птицу и мелкий сельскохозяйственный инвентарь — согласно устава сельскохозяйственной артели.

СТАТЬЯ 8. Земля, занимаемая колхозами, закрепляется за ними в бесплатное и бессрочное пользование, то-есть навечно.

СТАТЬЯ 9. Наряду с социалистической системой хозяйства, являющейся господствующей формой хозяйства в СССР, допускается законом мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключающее эксплоатацию чужого труда.

СТАТЬЯ 10. Право личной собственности граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства, равно как право наследования личной собственности граждан — охраняются законом.

СТАТЬЯ 11. Хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственным народнохозяйственным планом в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности.

СТАТЬЯ 12. Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест».

В СССР осуществляется принцип социализма: «от каждого по его способности, каждому — по его труду».

ГЛАВА II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

СТАТЬЯ 13. Союз Советских Социалистических Республик есть союзное государство, образованное на основе добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик:

Российской Советской Федеративной Социалистической Республики,
Украинской Советской Социалистической Республики,
Белорусской Советской Социалистической Республики,
Азербайджанской Советской Социалистической Республики,
Грузинской Советской Социалистической Республики,
Армянской Советской Социалистической Республики,
Туркменской Советской Социалистической Республики,
Узбекской Советской Социалистической Республики,
Таджикской Советской Социалистической Республики,
Казахской Советской Социалистической Республики,
Киргизской Советской Социалистической Республики.

СТАТЬЯ 14. Ведению Союза Советских Социалистических Республик в лице его высших органов власти и органов государственного управления подлежат:

а) представительство Союза в международных сношениях, заключение и ратификация договоров с другими государствами;

б) вопросы войны и мира;

в) принятие в состав СССР новых республик;

г) контроль за исполнением Конституции СССР и обеспечение соответствия Конституций союзных республик с Конституцией СССР;

д) утверждение изменений границ между союзными республиками;

е) утверждение образования новых краев и областей, а также новых автономных республик в составе союзных республик;

ж) организация обороны СССР и руководство всеми вооруженными силами СССР;

з) внешняя торговля на основе государственной монополии;

и) охрана государственной безопасности;

к) установление народнохозяйственных планов СССР;

л) утверждение единого государственного бюджета СССР, а также налогов и доходов, поступающих на образование бюджетов союзного, республиканских и местных;

м) управление банками, промышленными и сельскохозяйственными учреждениями и предприятиями, а также торговыми предприятиями — общесоюзного значения;

н) управление транспортом и связью;

о) руководство денежной и кредитной системой;

п) организация государственного страхования;

р) заключение и предоставление займов;

с) установление основных начал землепользования, а равно пользования недрами, лесами и водами;

т) установление основных начал в области просвещения и здравоохранения;

у) организация единой системы народнохозяйственного учета;

ф) установление основ законодательства о труде;

х) законодательство о судоустройстве и судопроизводстве; уголовный и гражданский кодексы;

ц) законы о союзном гражданстве; законы о правах иностранцев;

ч) издание общесоюзных актов об амнистии.

СТАТЬЯ 15. Суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах, указанных в статье 14 Конституции СССР. Вне этих пределов каждая Союзная республика осуществляет государственную власть самостоятельно. СССР охраняет суверенные права союзных республик.

СТАТЬЯ 16. Каждая Союзная республика имеет свою Конституцию, учитывающую особенности республики и построенную в полном соответствии с Конституцией СССР.

СТАТЬЯ 17. За каждой Союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР.

СТАТЬЯ 18. Территория союзных республик не может быть изменяема без их согласия.

СТАТЬЯ 19. Законы СССР имеют одинаковую силу на территории всех союзных республик.

СТАТЬЯ 20. В случае расхождения закона Союзной республики с законом общесоюзным, действует общесоюзный закон.

СТАТЬЯ 21. Для граждан СССР устанавливается единое союзное гражданство.

Каждый гражданин Союзной республики является гражданином СССР.

СТАТЬЯ 22. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика состоит из краев: Азово-Черноморского, Дальне-Восточного, Западно-Сибирского, Красноярского, Северо-Кавказского; областей: Воронежской, Восточно-Сибирской, Горьковской, Западной, Ивановской, Калининской, Кировской, Куйбышевской, Курской, Ленинградской, Московской, Омской, Оренбургской, Саратовской, Свердловской, Северной, Сталинградской, Челябинской, Ярославской; автономных советских социалистических республик: Татарской, Башкирской, Дагестанской, Бурят-Монгольской, Кабардино-Балкарской, Калмыцкой, Карельской, Коми, Крымской, Марийской, Мордовской, Немцев По-

волжья, Северо-Осетинской, Удмуртской, Чечено-Ингушской, Чувашской, Якутской; автономных областей: Адыгейской, Еврейской, Карачаевской, Ойротской, Хакасской, Черкесской.

СТАТЬЯ 23. Украинская Советская Социалистическая Республика состоит из областей: Винницкой, Днепропетровской, Донецкой, Киевской, Одесской, Харьковской, Черниговской и Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики.

СТАТЬЯ 24. В Азербайджанской Советской Социалистической Республике состоят Нахичеванская Автономная Советская Социалистическая Республика и Нагорно-Карабахская автономная область.

СТАТЬЯ 25. В Грузинской Советской Социалистической Республике состоят: Абхазская АССР, Аджарская АССР, Юго-Осетинская автономная область.

СТАТЬЯ 26. В Узбекской Советской Социалистической Республике состоит Кара-Калпакская АССР.

СТАТЬЯ 27. В Таджикской Советской Социалистической Республике состоит Горно-Бадахшанская автономная область.

СТАТЬЯ 28. Казахская Советская Социалистическая Республика состоит из областей: Актюбинской, Алма-Атинской, Восточно-Казахстанской, Западно-Казахстанской, Карагандинской, Кустанайской, Северо-Казахстанской, Южно-Казахстанской.

СТАТЬЯ 29. Армянская ССР, Белорусская ССР, Туркменская ССР и Киргизская ССР не имеют в своем составе автономных республик, равно как краев и областей.

ГЛАВА III

ВЫСШИЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

СТАТЬЯ 30. Высшим органом государственной власти СССР является Верховный Совет СССР.

СТАТЬЯ 31. Верховный Совет СССР осуществляет все права, присвоенные Союзу Советских Социалистических Республик согласно статьи 14 Конституции, поскольку они не входят, в силу Конституции, в компетенцию подотчетных Верховному Совету СССР органов СССР: Президиума Верховного Совета СССР, Совета Народных Комиссаров СССР и Народных Комиссариатов СССР.

СТАТЬЯ 32. Законодательная власть СССР осуществляется исключительно Верховным Советом СССР.

СТАТЬЯ 33. Верховный Совет СССР состоит из двух палат: Совета Союза и Совета Национальностей.

СТАТЬЯ 34. Совет Союза избирается гражданами СССР по избирательным округам по норме: один депутат на 300 тысяч населения.

СТАТЬЯ 35. Совет Национальностей избирается гражданами СССР по союзным и автономным республикам, автономным областям и национальным округам по норме: по 25 депутатов от каждой союзной республики, по 11 депутатов от каждой автономной республики, по 5 депутатов от каждой автономной области и по одному депутату от каждого национального округа.

СТАТЬЯ 36. Верховный Совет СССР избирается сроком на четыре года.

СТАТЬЯ 37. Обе палаты Верховного Совета СССР: Совет Союза и Совет Национальностей равноправны.

СТАТЬЯ 38. Совету Союза и Совету Национальностей в одинаковой мере принадлежит законодательная инициатива.

СТАТЬЯ 39. Закон считается утвержденным, если он принят обеими палатами Верховного Совета СССР простым большинством каждой.

СТАТЬЯ 40. Законы, принятые Верховным Советом СССР, публикуются на языках союзных республик за подписями председателя и секретаря Президиума Верховного Совета СССР.

СТАТЬЯ 41. Сессии Совета Союза и Совета Национальностей начинаются и заканчиваются одновременно.

СТАТЬЯ 42. Совет Союза избирает председателя Совета Союза и двух его заместителей.

СТАТЬЯ 43. Совет Национальностей избирает председателя Совета Национальностей и двух его заместителей.

СТАТЬЯ 44. Председатели Совета Союза и Совета Национальностей руководят заседаниями соответствующих палат и ведают их внутренним распорядком.

СТАТЬЯ 45. Совместные заседания обеих палат Верховного Совета СССР ведут поочередно председатели Совета Союза и Совета Национальностей.

СТАТЬЯ 46. Сессии Верховного Совета СССР созываются Президиумом Верховного Совета СССР два раза в год.

Внеочередные сессии созываются Президиумом Верховного Совета СССР по его усмотрению или по требованию одной из союзных республик.

СТАТЬЯ 47. В случае разногласия между Советом Союза и Советом Национальностей вопрос передается на разрешение согласительной комиссии, образованной на паритетных началах. Если согласительная комиссия не приходит к согласному решению или если ее решение не удовлетворяет одну из палат, вопрос рассматривается вторично в палатах. При отсутствии согласного решения двух палат, Президиум Верховного Совета СССР распускает Верховный Совет СССР и назначает новые выборы.

СТАТЬЯ 48. Верховный Совет СССР избирает на совместном заседании обеих палат Президиум Верховного Совета СССР в составе: председателя Президиума Верховного Совета СССР, одиннадцати его заместителей, секретаря Президиума и 24 членов Президиума.

Президиум Верховного Совета СССР подотчетен Верховному Совету СССР во всей своей деятельности.

СТАТЬЯ 49. Президиум Верховного Совета СССР:

а) созывает сессии Верховного Совета СССР;

б) дает толкование действующих законов СССР, издает указы;

в) распускает Верховный Совет СССР на основании 47 статьи Конституции СССР и назначает новые выборы;

г) производит всенародный опрос (референдум) по своей инициативе или по требованию одной из союзных республик;

д) отменяет постановления и распоряжения Совета Народных Комиссаров СССР и Советов Народных Комиссаров союзных республик в случае их несоответствия закону;

е) в период между сессиями Верховного Совета СССР освобождает от должности и назначает отдельных Народных Комиссаров СССР по представлению председателя Совета Народных Комиссаров СССР с последующим внесением на утверждение Верховного Совета СССР;

ж) награждает орденами и присваивает почетные звания СССР;

з) осуществляет право помилования;

и) назначает и сменяет высшее командование вооруженных сил СССР;

к) в период между сессиями Верховного Совета СССР объявляет состояние войны в случае военного нападения на СССР или в случае необходимости выполнения международных договорных обязательств по взаимной обороне от агрессии;

л) объявляет общую и частичную мобилизацию;

м) ратифицирует международные договоры;

н) назначает и отзывает полномочных представителей СССР в иностранных государствах;

о) принимает верительные и отзывные грамоты аккредитованных при нем дипломатических представителей иностранных государств.

СТАТЬЯ 50. Совет Союза и Совет Национальностей избирают мандатные комиссии, которые проверяют полномочия депутатов каждой палаты.

По представлению мандатной комиссии палаты решают либо признать полномочия, либо кассировать выборы отдельных депутатов.

СТАТЬЯ 51. Верховный Совет СССР назначает, когда он сочтет необходимым, следственные и ревизионные комиссии по любому вопросу.

Все учреждения и должностные лица обязаны выполнять требования этих комиссий и представлять им необходимые материалы и документы.

СТАТЬЯ 52. Депутат Верховного Совета СССР не может быть привлечен к судебной ответственности или арестован без согласия Верховного Совета СССР, а в период, когда нет сессии Верховного Совета СССР, — без согласия Президиума Верховного Совета СССР.

СТАТЬЯ 53. По истечении полномочий или после досрочного роспуска Верховного Совета СССР Президиум Верховного Совета СССР сохраняет свои полномочия вплоть до образования вновь избранным Верховным Советом СССР нового Президиума Верховного Совета СССР.

СТАТЬЯ 54. По истечении полномочий или в случае досрочного роспуска Верховного Совета СССР Президиум Верховного Совета СССР назначает новые выборы в срок не более двух месяцев со дня истечения полномочий или роспуска Верховного Совета СССР.

СТАТЬЯ 55. Вновь избранный Верховный Совет СССР созывается Президиумом Верховного Совета СССР прежнего состава не позже, как через месяц после выборов.

СТАТЬЯ 56. Верховный Совет СССР образует на совместном заседании обеих палат Правительство СССР — Совет Народных Комиссаров СССР.

ГЛАВА IV

ВЫСШИЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

СТАТЬЯ 57. Высшим органом государственной власти Союзной республики является Верховный Совет Союзной республики.

СТАТЬЯ 58. Верховный Совет Союзной республики избирается гражданами республики сроком на четыре года.

Нормы представительства устанавливаются Конституциями союзных республик.

СТАТЬЯ 59. Верховный Совет Союзной республики является единственным законодательным органом республики.

СТАТЬЯ 60. Верховный Совет Союзной республики:

а) принимает Конституцию республики и вносит в нее изменения в соответствии со статьей 16 Конституции СССР;

б) утверждает Конституции находящихся в ее составе автономных республик и определяет границы их территории;

в) утверждает народнохозяйственный план и бюджет республики;

г) пользуется правом амнистии и помилования граждан, осужденных судебными органами Союзной республики.

СТАТЬЯ 61. Верховный Совет Союзной республики избирает Президиум Верховного Совета Союзной республики в составе: председателя Президиума Верховного Совета Союзной республики, его заместителей, секретаря Президиума и членов Президиума Верховного Совета Союзной республики.

Полномочия Президиума Верховного Совета Союзной республики определяются Конституцией Союзной республики.

СТАТЬЯ 62. Для ведения заседаний Верховный Совет Союзной республики избирает своего председателя и его заместителей.

СТАТЬЯ 63. Верховный Совет Союзной республики образует Правительство Союзной республики — Совет Народных Комиссаров Союзной республики.

ГЛАВА V

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

СТАТЬЯ 64. Высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти Союза Советских Социалистических Республик является Совет Народных Комиссаров СССР.

СТАТЬЯ 65. Совет Народных Комиссаров СССР ответственен перед Верховным Советом СССР и ему подотчетен, а в период между сессиями Верховного Совета перед Президиумом Верховного Совета СССР, которому подотчетен.

СТАТЬЯ 66. Совет Народных Комиссаров СССР издает постановления и распоряжения на основе и во исполнение действующих законов и проверяет исполнение.

СТАТЬЯ 67. Постановления и распоряжения Совета Народных Комиссаров СССР обязательны к исполнению на всей территории СССР.

СТАТЬЯ 68. Совет Народных Комиссаров СССР:

а) объединяет и направляет работу общесоюзных и союзно-республиканских Народных Комиссариатов СССР и других подведомственных ему хозяйственных и культурных учреждений;

б) принимает меры по осуществлению народнохозяйственного плана, государственного бюджета и укреплению кредитно-денежной системы;

в) принимает меры по обеспечению общественного порядка, защите интересов государства и охране прав граждан;

г) осуществляет общее руководство в области сношений с иностранными государствами;

д) определяет ежегодные контингенты граждан, подлежащих призыву на действительную военную службу, руководит общим строительством вооруженных сил страны;

е) образует, в случае необходимости, специальные комитеты и Главные Управления при Совете Народных Комиссаров СССР по делам хозяйственного, культурного и оборонного строительства.

СТАТЬЯ 69. Совет Народных Комиссаров СССР имеет право по отраслям управления и хозяйства, отнесенным к компетенции СССР, приостанавливать постановления и распоряжения Советов Народных Комиссаров Союзных республик и отменять приказы и инструкции Народных Комиссаров СССР.

СТАТЬЯ 70. Совет Народных Комиссаров СССР образуется Верховным Советом СССР в составе:

Председателя Совета Народных Комиссаров СССР;
Заместителей председателя Совета Народных Комиссаров СССР;
Председателя Государственной плановой комиссии СССР;
Председателя Комиссии советского контроля;
Народных Комиссаров СССР;
Председателя Комитета заготовок;
Председателя Комитета по делам искусств;
Председателя Комитета по делам высшей школы.

СТАТЬЯ 71. Правительство СССР или Народный Комиссар СССР, к которым обращен запрос депутата Верховного Совета СССР, обязаны не более чем в трехдневный срок дать устный или письменный ответ в соответствующей палате.

СТАТЬЯ 72. Народные Комиссары СССР руководят отраслями государственного управления, входящими в компетенцию СССР.

СТАТЬЯ 73. Народные Комиссары СССР издают в пределах компетенции соответствующих Народных Комиссариатов приказы и инструкции на основании и во исполнение действующих законов, а также постановлений и распоряжений Совета Народных Комиссаров СССР и проверяют их исполнение.

СТАТЬЯ 74. Народные Комиссариаты СССР являются или общесоюзными или союзно-республиканскими.

СТАТЬЯ 75. Общесоюзные Народные Комиссариаты руководят порученной им отраслью государственного управления на всей территории СССР или непосредственно или через назначаемые ими органы.

СТАТЬЯ 76. Союзно-республиканские Народные Комиссариаты руководят порученной им отраслью государственного управления, как правило, через одноименные Народные Комиссариаты союзных республик и управляют непосредственно лишь определенным ограниченным числом предприятий по списку, утверждаемому Президиумом Верховного Совета СССР.

СТАТЬЯ 77. К общесоюзным Народным Комиссариатам относятся Народные Комиссариаты:

Обороны;
Иностранных дел;
Внешней торговли;
Путей сообщения;
Связи;
Водного транспорта;
Тяжелой промышленности;
Оборонной промышленности.

СТАТЬЯ 78. К союзно-республиканским Народным Комиссариатам относятся Народные Комиссариаты:

Пищевой промышленности;
Легкой промышленности;
Лесной промышленности;
Земледелия;

Зерновых и животноводческих совхозов;
Финансов;
Внутренней торговли;
Внутренних дел;
Юстиции;
Здравоохранения.

ГЛАВА VI

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

СТАТЬЯ 79. Высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти Союзной республики является Совет Народных Комиссаров Союзной республики.

СТАТЬЯ 80. Совет Народных Комиссаров Союзной республики ответственен перед Верховным Советом Союзной республики и ему подотчетен, а в период между сессиями Верховного Совета Союзной республики — перед Президиумом Верховного Совета Союзной республики, которому подотчетен.

СТАТЬЯ 81. Совет Народных Комиссаров Союзной республики издает постановления и распоряжения на основе и во исполнение действующих законов СССР и Союзной республики, постановлений и распоряжений Совета Народных Комиссаров СССР и проверяет их исполнение.

СТАТЬЯ 82. Совет Народных Комиссаров Союзной республики имеет право приостанавливать постановления и распоряжения Советов Народных Комиссаров автономных республик и отменять решения и распоряжения исполнительных комитетов советов депутатов трудящихся краев, областей и автономных областей.

СТАТЬЯ 83. Совет Народных Комиссаров Союзной республики образуется Верховным Советом Союзной республики в составе:

Председателя Совета Народных Комиссаров Союзной республики;
Заместителей председателя;
Председателя Государственной плановой комиссии;
Народных Комиссаров:
Пищевой промышленности;
Легкой промышленности;
Лесной промышленности;
Земледелия;
Зерновых и животноводческих совхозов;
Финансов;
Внутренней торговли;
Внутренних дел;
Юстиции;
Здравоохранения;
Просвещения;
Местной промышленности;
Коммунального хозяйства;
Социального обеспечения;
Уполномоченного Комитета заготовок;
Начальника Управления по делам искусств;
Уполномоченных общесоюзных Народных Комиссариатов.

СТАТЬЯ 84. Народные Комиссары Союзной республики руководят отраслями государственного управления, входящими в компетенцию Союзной республики.

СТАТЬЯ 85. Народные Комиссары Союзной республики издают в пределах компетенции соответствующих Народных Комиссариатов приказы и инструкции на основании и во исполнение законов СССР и Союзной республики, постановлений и распоряжений Совета Народных Комиссаров СССР и Союзной республики, приказов и инструкций союзно-республиканских Народных Комиссариатов СССР.

СТАТЬЯ 86. Народные Комиссариаты Союзной республики являются союзно-республиканскими или республиканскими.

СТАТЬЯ 87. Союзно-республиканские Народные Комиссариаты руководят порученной им отраслью государственного управления, подчиняясь как Совету Народных Комиссаров Союзной республики, так и соответствующему союзно-республиканскому Народному Комиссариату СССР.

СТАТЬЯ 88. Республиканские Народные Комиссариаты руководят порученной им отраслью государственного управления, подчиняясь непосредственно Совету Народных Комиссаров Союзной республики.

ГЛАВА VII

ВЫСШИЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ АВТОНОМНЫХ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

СТАТЬЯ 89. Высшим органом государственной власти Автономной республики является Верховный Совет АССР.

СТАТЬЯ 90. Верховный Совет Автономной республики избирается гражданами республики сроком на четыре года по нормам представительства, устанавливаемым Конституцией Автономной республики.

СТАТЬЯ 91. Верховный Совет Автономной республики является единственным законодательным органом АССР.

СТАТЬЯ 92. Каждая Автономная республика имеет свою Конституцию, учитывающую особенности Автономной республики и построенную в полном соответствии с Конституцией Союзной республики.

СТАТЬЯ 93. Верховный Совет Автономной республики избирает Президиум Верховного Совета Автономной республики и образует Совет Народных Комиссаров Автономной республики, согласно своей Конституции.

ГЛАВА VIII

МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

СТАТЬЯ 94. Органами государственной власти в краях, областях, автономных областях, округах, районах, городах, селах (станицах, деревнях, хуторах, кишлаках, аулах) являются Советы депутатов трудящихся.

СТАТЬЯ 95. Краевые, областные, автономных областей, окружные, районные, городские, сельские (станиц, деревень, хуторов, кишлаков, аулов) Советы депутатов трудящихся избираются соответственно трудящимися края, области, автономной области, округа, района, города, села сроком на два года.

СТАТЬЯ 96. Нормы представительства в Советы депутатов трудящихся определяются Конституциями союзных республик.

СТАТЬЯ 97. Советы депутатов трудящихся руководят деятельностью подчиненных им органов управления, обеспечивают охрану государственного порядка, соблюдение законов и охрану прав граждан, руководят местным хозяйственным и культурным строительством, устанавливают местный бюджет.

СТАТЬЯ 98. Советы депутатов трудящихся принимают решения и дают распоряжения в пределах прав, предоставленных им законами СССР и Союзной республики.

СТАТЬЯ 99. Исполнительными и распорядительными органами краевых, областных, автономных областей, окружных, районных, городских и сельских Советов депутатов трудящихся являются избираемые ими исполнительные комитеты в составе: председателя, его заместителей, секретаря и членов.

СТАТЬЯ 100. Исполнительным и распорядительным органом сельских Советов депутатов трудящихся в небольших поселениях, в соответствии с Конституциями союзных республик, являются избираемые ими председатель, его заместитель и секретарь.

СТАТЬЯ 101. Исполнительные органы Советов депутатов трудящихся непосредственно подотчетны как Совету депутатов трудящихся, их избравшему, так и исполнительному органу вышестоящего Совета депутатов трудящихся.

ГЛАВА IX

СУД И ПРОКУРАТУРА

СТАТЬЯ 102. Правосудие в СССР осуществляется Верховным Судом СССР, Верховными Судами союзных республик, краевыми и областными судами, судами, автономных республик и автономных областей, окружными судами, специальными судами СССР, создаваемыми по постановлению Верховного Совета СССР, народными судами.

СТАТЬЯ 103. Рассмотрение дел во всех судах осуществляется с участием народных заседателей, кроме случаев, специально предусмотренных законом.

СТАТЬЯ 104. Верховный Суд СССР является высшим судебным органом. На Верховный Суд СССР возлагается надзор за судебной деятельностью всех судебных органов СССР и союзных республик.

СТАТЬЯ 105. Верховный Суд СССР и специальные суды СССР избираются Верховным Советом СССР сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 106. Верховные Суды союзных республик избираются Верховными Советами союзных республик сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 107. Верховные Суды автономных республик избираются Верховными Советами автономных республик сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 108. Краевые и областные суды, суды автономных областей, окружные суды избираются краевыми, областными или окружными Советами депутатов трудящихся или советами депутатов трудящихся автономных областей сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 109. Народные суды избираются гражданами района на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании — сроком на три года.

СТАТЬЯ 110. Судопроизводство ведется на языке союзной или автономной республики или автономной области с обеспечением для лиц, не владеющих этим языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступать на суде на родном языке.

СТАТЬЯ 111. Разбирательство дел во всех судах СССР открытое, поскольку законом не предусмотрены исключения, с обеспечением обвиняемому права на защиту.

СТАТЬЯ 112. Судьи независимы и подчиняются только закону.

СТАТЬЯ 113. Высший надзор за точным исполнением законов всеми Народными Комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР возлагается на Прокурора СССР.

СТАТЬЯ 114. Прокурор СССР назначается Верховным Советом СССР сроком на семь лет.

СТАТЬЯ 115. Республиканские, краевые, областные прокуроры, а также прокуроры автономных республик и автономных областей назначаются Прокурором СССР сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 116. Окружные, районные и городские прокуроры назначаются прокурорами союзных республик с утверждения Прокурора СССР сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 117. Органы прокуратуры осуществляют свои функции независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только Прокурору СССР.

ГЛАВА X

ОСНОВНЫЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ГРАЖДАН

СТАТЬЯ 118. Граждане СССР имеют право на труд, то-есть право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством.

Право на труд обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительных сил советского общества, устранением возможности хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы.

СТАТЬЯ 119. Граждане СССР имеют право на отдых.

Право на отдых обеспечивается сокращением рабочего дня для подавляющего большинства рабочих до 7 часов, установлением ежегодных отпусков рабочим и служащим с сохранением заработной платы, предоставлением для обслуживания трудящихся широкой сети санаториев, домов отдыха, клубов.

СТАТЬЯ 120. Граждане СССР имеют право на материальное обеспечение в старости, а также — в случае болезни и потери трудоспособности.

Это право обеспечивается широким развитием социального страхования рабочих и служащих за счет государства, бесплатной медицинской помощью трудящимся, предоставлением в пользование трудящимся широкой сети курортов.

СТАТЬЯ 121. Граждане СССР имеют право на образование.

Это право обеспечивается всеобще-обязательным начальным образованием, бесплатностью образования, включая высшее образование, системой государственных стипендий подавляющему большинству учащихся в высшей школе, обучением в школах на родном языке, организацией на заводах, в совхозах, машинотракторных станциях и колхозах бесплатного производственного, технического и агрономического обучения трудящихся.

СТАТЬЯ 122. Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни.

Возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских ясель и садов.

СТАТЬЯ 123. Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом.

Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения — караются законом.

СТАТЬЯ 124. В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами.

СТАТЬЯ 125. В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется законом:

а) свобода слова,
б) свобода печати,
в) свобода собраний и митингов,
г) свобода уличных шествий и демонстраций.

Эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления.

СТАТЬЯ 126. В соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самодеятельности и политической активности народных масс гражданам СССР обеспечивается право объединения в общественные организации: профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества, а наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков), являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных.

СТАТЬЯ 127. Гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора.

СТАТЬЯ 128. Неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняются законом.

СТАТЬЯ 129. СССР предоставляет право убежища иностранным гражданам, преследуемым за защиту интересов трудящихся, или научную деятельность, или национально-освободительную борьбу.

СТАТЬЯ 130. Каждый гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию Союза Советских Социалистических Республик, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития.

СТАТЬЯ 131. Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся.

Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа.

СТАТЬЯ 132. Всеобщая воинская обязанность является законом.

Воинская служба в Рабоче-Крестьянской Красной Армии представляет почетную обязанность граждан СССР.

СТАТЬЯ 133. Защита отечества есть священный долг каждого гражданина СССР. Измена родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж — караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние.

ГЛАВА XI

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА

СТАТЬЯ 134. Выборы депутатов во все Советы депутатов трудящихся: Верховный Совет СССР, Верховные Советы союзных республик, краевые и областные Советы депутатов трудящихся, Верховные Советы автономных республик, Советы депутатов трудящихся автономных областей, окружные, районные, городские и сельские (станицы, деревни, хутора, кишлака, аула) Советы депутатов трудящихся,— производятся избирателями на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

СТАТЬЯ 135. Выборы депутатов являются всеобщими: все граждане СССР, достигшие 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности, имеют право участвовать в выборах депутатов и быть избранными, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав.

СТАТЬЯ 136. Выборы депутатов являются равными: каждый гражданин имеет один голос; все граждане участвуют в выборах на равных основаниях.

СТАТЬЯ 137. Женщины пользуются правом избирать и быть избранными наравне с мужчинами.

СТАТЬЯ 138. Граждане, состоящие в рядах Красной Армии, пользуются правом избирать и быть избранными наравне со всеми гражданами.

СТАТЬЯ 139. Выборы депутатов являются прямыми: выборы во все Советы депутатов трудящихся, начиная от сельского и городского Совета депутатов трудящихся вплоть до Верховного Совета СССР, производятся гражданами непосредственно путем прямых выборов.

СТАТЬЯ 140. Голосование при выборах депутатов является тайным.

СТАТЬЯ 141. Кандидаты при выборах выставляются по избирательным округам.

Право выставления кандидатов обеспечивается за общественными организациями и обществами трудящихся: коммунистическими партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативами, организациями молодежи, культурными обществами.

СТАТЬЯ 142. Каждый депутат обязан отчитываться перед избирателями в своей работе и в работе Совета депутатов трудящихся и может быть в любое время отозван по решению большинства избирателей в установленном законом порядке.

ГЛАВА XII

ГЕРБ, ФЛАГ, СТОЛИЦА

СТАТЬЯ 143. Государственный герб Союза Советских Социалистических Республик состоит из серпа и молота на земном шаре, изображенном в лучах солнца и обрамленном колосьями, с надписью на языках союзных республик: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Наверху герба имеется пятиконечная звезда.

СТАТЬЯ 144. Государственный флаг Союза Советских Социалистических Республик состоит из красного полотнища, с изображением на его верхнем углу у древка золотых серпа и молота и над ними красной пятиконечной звезды, обрамленной золотой каймой. Отношение ширины к длине 1 : 2.

СТАТЬЯ 145. Столицею Союза Советских Социалистических Республик является город Москва.

ГЛАВА XIII

ПОРЯДОК ИЗМЕНЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ

СТАТЬЯ 146. Изменение Конституции СССР производится лишь по решению Верховного Совета СССР, принятому большинством не менее $^2/_3$ голосов в каждой из его палат.

Президиум Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза ССР

Н. АЙТАКОВ	*М. КАЛИНИН*	*П. ПОСТЫШЕВ*
И. АКУЛОВ	*А. КИСЕЛЕВ*	*А. РАХИМБАЕВ*
А. АНДРЕЕВ	*С. КОСИОР*	*Я. РУДЗУТАК*
Ю. АХУН-БАБАЕВ	*М. ЛИТВИНОВ*	*И. СТАЛИН*
В. БЛЮХЕР	*П. ЛЮБЧЕНКО*	*Д. СУЛИМОВ*
С. БУДЕННЫЙ	*А. МИКОЯН*	*Н. ХРУЩЕВ*
К. ВОРОШИЛОВ	*В. МОЛОТОВ*	*А. ЧЕРВЯКОВ*
Н. ЕЖОВ	*Г. МУСАБЕКОВ*	*В. ЧУБАРЬ*
А. ЖДАНОВ	*Г. ОРДЖОНИКИДЗЕ*	*Н. ШВЕРНИК*
Л. КАГАНОВИЧ	*Г. ПЕТРОВСКИЙ*	*Р. ЭЙХЕ*

Москва, Кремль.
5 декабря 1936 г.

Самодержавие и избирательные права в национальных областях царской России

Под влиянием бурного натиска революции 1905—1906 гг. царское правительство вынуждено было созвать Гос. думу, сильно однако ограничив избирательные права населения в это учреждение, являвшееся по существу «грубой подделкой народного представительства» [1].

После поражения революции удары реакции с особой силой обрушились на национальные окраины царской России.

Публикуемые документы, извлеченные из фонда Совета министров, говорят о лишении избирательных прав в Гос. думу ряда национальностей царской России.

Царское правительство боялось всякого пробуждения национального самосознания угнетенных народов.

Пересматривая «положение о выборах в Государственную думу» с целью преградить доступ в думу революционным и демократическим элементам и обеспечить реакционное большинство в ней, - правительство прежде всего урезало избирательные права национальностей. В результате у народов, населявших Степной и Туркестанский края, были отняты избирательные права [2]. Царское правительство лишило политических прав миллионы трудящихся узбеков, татар, киргиз, казахов, таджиков, туркмен, лишило политических прав население огромных областей, территория которых равнялась «3/4 территории Европейской России».

11 февраля 1914 г. в Государственную думу за подписью 38 ее членов было внесено «законодательное предположение о восстановлении представительства в Государственной думе от населения областей: Акмолинской, Семипалатинской, Уральской, Тургайской, Семиреченской, Закаспийской, Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской» [3].

Министр внутренних дел Н. А. Маклаков писал по этому поводу председателю Совета министров И. Л. Горемыкину: «Я считаю невозможным... восстановление представительства в Государственной думе от населения областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской, Тургайской, Семиреченской, Закаспийской, Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской, разноплеменное население каковых областей не может почитаться сейчас еще достаточно подготовленным для участия в законодательной работе государства».

В заседании Совета министров от 20 марта 1914 г. внесенный проект был отклонен.

19 февраля 1916 г. в Государственную думу за подписью 38 ее членов было внесено другое «законодательное предположение о восстановлении представительства в Государственной думе от казачьего населения Кубанской области и от населения Кубанской и Терской областей, не принадлежащего к числу казаков, и от Черноморской губернии».

По закону 3 июня 1907 г. о выборах в Государственную думу число членов Государственной думы от населения первой указанной области было сокращено с трех до одного, а от остальных областей и губернии с пяти до одного.

Законодательное предположение канцелярией Государственной думы 28 фев-

---

[1] Ленин, Соч., т. IX, стр. 48.

[2] По утвержденному закону 3 июня 1907 г. о новом «Положении о выборах в Государственную думу».

[3] См. «Приложение к стенограф. отчету Госуд. думы», 4-й созыв, сессия 2-я, 1913—1914 гг., вып. III, № 287, стр. 1—7.

раля 1916 г. было направлено председателю Совета министров, министру внутренних дел, наместнику на Кавказе и заменяющему наместника на Кавказе в высших государственных установлениях.

Управляющий делами Совета министров И. Н. Лодыженский в свою очередь направил это дело (5 марта) в Министерство внутренних дел и военному министру с просьбой дать по делу свое заключение.

В ответном письме заменяющий наместника на Кавказе Никольский сообщил, что наместник на Кавказе и он сам поддерживают внесенный проект 38-ми членов Государственной думы. Военный министр также поддержал это законодательное предположение.

Однако, товарищ министра внутренних дел Волконский категорически отклонил требование 38 членов Государственной думы. Совет министров в заседании 29 марта 1916 г., соглашаясь с отзывом министра внутренних дел, также отклонил этот проект.

В «справке» к этому делу, составленной канцелярией Совета министров и предназначенной для сведения членов Совета, говорится: «Обсуждая этот вопрос, необходимо отдать себе ясный отчет, что малейшая уступка в отношении изменения положения о выборах неминуемо повлечет за собой ряд последующих изменений, которые приведут к ломке всего положения».

Поведение царских министров оправдало слова Ленина: «Урок второго периода русской революции, 1906-го и 1907-го годов, состоит в том, что такое же систематическое наступление реакции и отступление революции, которое происходило весь этот период, неизбежно при господстве веры в конституцию, неизбежно при господстве якобы конституционных способов борьбы, неизбежно до тех пор, пока пролетариат, окрепнув и собравшись с силами от понесенных поражений, не поднимется несравненно более широкими массами для более решительного и наступательного революционного натиска, направленного на свержение царской власти» [1].

Великая Октябрьская социалистическая революция навсегда уничтожила национальную рознь и национальный гнет. «При советском федеративном государстве нет больше ни угнетенных национальностей, ни господствующих, национальный гнет уничтожен...» [2].

Союз Советских Социалистических республик «образовался... на началах равенства и добровольности народов СССР...»

«В результате мы имеем теперь вполне сложившееся и выдержавшее все испытания многонациональное социалистическое государство, прочности которого могло бы позавидовать любое национальное государство в любой части света» [3].

Победа великой Октябрьской революции, победа социализма осуществили в жизни то равноправие народов, о котором говорит сталинская Конституция:

«Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом.

Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения — караются законом» (статья 123).

---

[1] Ленин, Соч., т. XII, стр. 44.
[2] Сталин, «Марксизм и национально-колониальный вопрос», Партиздат, 1934 г., стр. 79.
[3] Сталин, о проекте Конституции Союза ССР, Партиздат, 1936 г. стр. 14, 15.

Публикуемые ниже документы хранятся в фонде канцелярии Совета министров, 1914 г., Арх. № 788, лл. 1—4; 1916 г. Арх. № 561, лл. 1—6.

Отношение канцелярии Гос. думы председателю Совета министров от 29 февр. за № 806 хранится в делах Гос. думы, 1916 г. № 4073, л. 8.

И. Ковалев.

Отношение канцелярии Государственной думы председателю совета министров И. Горемыкину, 19 февр. 1914 г., № 579.

На основании ст. 56 Учр. Гос. думы имею честь препроводить к вашему высокопревосходительству печатные экземпляры законодательных предположений, внесенных членами Государственной думы в порядке ст. 55 Учр. Гос. думы: 1) о восстановлении представительства в Государственной думе от населения областей: Акмолинской, Семипалатинской, Уральской, Тургайской, Семиреченской, Закаспийской, Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской, 2) об изменении положения о выборах в Государственную думу, 3) об отмене ограничений в правах на вступление в сословие присяжных поверенных для лиц мусульманского вероисповедания и 4) об изменении правил о преподавании закона божия детям старообрядцев и сектантов в части, касающейся старообрядцев.

Секретарь Государственной думы Ив. Дмитрюков.

Письмо председателя совета министров И. Горемыкина министру внутренних дел Н. Маклакову, 24 февраля 1914 г., № 1211.

М. г. Николай Алексеевич.

Имею честь препроводить при сем к вашему превосходительству присланные мне секретарем Государственной думы печатные экземпляры заявлений членов означенной думы: 1) 37 членов — об изменении положения о выборах в Государственную думу и 2) 38 членов — о восстановлении представительства в Государственной думе от населения областей: Акмолинской, Семипалатинской, Уральской, Тургайской, Семиреченской, Закаспийской, Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской,— покорнейше прося вас, м. г., не отказать сообщить мне ваше заключение по содержанию настоящих законопроектов, для рассмотрения сих дел в совете министров до 19 марта сего года, после какового срока упомянутые законодательные предположения могут быть предложены к слушанию в Государственной думе (Учр. Гос. думы, изд. 1908 г., ст. 56).

Прошу вас, м. г., принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

[Горемыкин]

Письмо министра внутренних дел Н. Маклакова председателю совета министров И. Горемыкину, 7 марта 1914 г., № 31.

М. г. Иван Логгинович.

Вследствие письма от 24 февраля текущего года за № 1211, имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что я с своей стороны признаю в настоящее время несвоевременным вносить какие бы то ни было изменения в ныне действующее положение о выборах в Государственную думу.

Равным образом я считаю невозможным также и восстановление представительства в Государственной думе от населения областей: Акмолинской, Семипалатинской, Уральской, Тургайской, Семиреченской, Закаспийской, Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской, разноплеменное население каковых областей не может почитаться сейчас еще достаточно подготовленным для участия в законодательной работе государства, что с полной очевидностью было доказано опытом выборов по закону 11 декабря 1905 года.

В виду этого я считал бы наиболее целесообразным воспользоваться предоставленным ведомству ст. 57 Учр. Гос. думы (св. зак., т. I, ч. 2, изд. 1908 г.) правом отказа от разработки обоих препровожденных вашим высокопревосходительством на мое заключение при вышеуказанном письме законодательных предположений членов Государственной думы.

Ник. Маклаков.

Справка

к внесенному 38 членами Государственной думы законодательному предположению о восстановлении представительства в Государственной думе от населения областей: Акмолинской, Семипалатинской, Уральской, Тургайской, Семиреченской, Закаспийской, Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской.

(По канцелярии совета министров.)

38 членами Государственной думы заявлено законодательное предположение о восстановлении, с 1 июля 1914 года, представительства в Государственной думе от населения областей: Акмолинской, Семипалатинской, Уральской, Тургайской, Семиреченской, Закаспийской, Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской, на тех же основаниях, кои установлены были для названных областей высочайше утвержденным, 11 декабря 1905 года, положением о выборах в Государственную думу. При этом 38 членов об'ясняют, что практика указала на крайнее неудобство отсутствия представительства в Государственной думе от края, составляющего 3/4 территории Европейской России, с населением, доходящим до 10.000.000 человек.

Министр внутренних дел, на заключение коего сообщено было изъясненное законодательное предположение, признает таковое неприемлемым, находя, что опыт выборов по закону 11 декабря 1905 года доказал недостаточную подготовленность разноплеменного населения вышеупомянутых областей для участия в законодательной работе.

Отношение канцелярии Государственной думы председателю совета министров, 28 февраля 1916 г., № 806 [1].

На основании ст. 56 Учр. Гос. думы имею честь препроводить к вашему высокопревосходительству печатный экземпляр внесенного 19 сего февраля членами Гос. думы законодательного предположения о восстановлении представительства в Государственной думе от казачьего населения Кубанской области и от населения Кубанской и

[1] Из дела канцелярии Гос. думы, 1916 г., № 4079, л. 8.

Терской областей, не принадлежащего к числу казаков, и от Черноморской губернии.

Секретарь Государственной думы И. Дмитрюков.

Письмо зам. наместника на Кавказе А. Никольского управляющему делами совета министров И. Лодыженскому, 27 марта 1916 г., № 343.

М. г. Иван Николаевич.

Письмом от 5 сего марта, за № 3012, ваше превосходительство изволили просить о сообщении заключения главного кавказского начальства по внесенному за подписью 38 членов Государственной думы законодательному предположению о восстановлении представительства в Государственной думе от казачьего населения Кубанской области и от населения Кубанской и Терской областей, не принадлежащего к числу казаков, и от Черноморской губернии.

Вследствие сего я вошел по настоящему делу в сношение с помощником по гражданской части наместника его императорского величества на Кавказе генерал-лейтенантом князем Орловым, который в телеграмме от 21 сего марта, за № 827, сообщил, что его императорское высочество августейший наместник, принимая во внимание ныне существующее представительство в Государственной думе от Северного Кавказа в лице одного члена Думы от казачьего населения и одного члена от неказачьего населения совершенно недостаточным для освещения всех сторон жизни этой богатой будущностью части Кавказского края, изволил признать весьма желательным восстановление представительства в Государственной думе в числе трех членов от казачьего населения Кубанской области и пяти членов от неказачьего населения Кубанской и Терской областей и Черноморской губернии, с тем непременным условием, чтобы из указанных пяти членов Думы один являлся представителем исключительно Черноморской губернии и по два от Кубанской и Терской областей.

А. Никольский.

Письмо товарища министра внутренних дел кн. Волконского управляющему делами совета министров И. Лодыженскому, 25 марта 1916 г., № 19.

М. г. Иван Николаевич.

Вследствие письма от 5 сего марта за № 3011 имею честь уведомить ваше превосходительство, что министерство внутренних дел не признает в настоящее время возможным вносить какие-либо частичные изменения в ныне действующее положение о выборах в Государственную думу.

В виду этого я считал бы целесообразным воспользоваться предоставленным ведомству ст. 57 Учр. Госуд. думы (св. зак., т. I, ч. 2, изд. 1906 г.) правом отказа от разработки законодательного предположения 38 членов Государственной думы о восстановлении представительства в Государственной думе от казачьего населения Кубанской области и от населения Кубанской и Терской областей, не принадлежащих к числу казаков, и от Черноморской губернии.

При сем прилагаю копию отзыва военного министерства от 10 сего марта за № 1990 по тому же вопросу.

Волконский.

Копия отзыва военного министерства от 10 марта 1916 г. за № 1990.

Управляющий делами совета министров в письме от 5 марта 1916 года за № 3010 просит военного министра сообщить заключение по законодательному предположению 38 членов Государственной думы об изменении действующего ныне положения о выборах в Государственную думу в смысле увеличения числа членов Государственной думы от казачьего населения Кубанской области с 1 до 3 и от невойскового населения Кубанской и Терской областей, а также Черноморской губернии с 1 до 5.

Означенное законодательное предположение препровождаю при сем по принадлежности к вашему высокопревосходительству с сообщением, что со стороны военного министерства не встречается возражений к осуществлению указанной меры, если к тому не встретится препятствий со стороны наместника его императорского величества на Кавказе.

Подлинное за надлежащими подписями.

Справка

к заседанию совета министров 29 марта 1916 г.
(По канцелярии совета министров.)

Согласно положению о выборах в Государственную думу, изд. 1906 г. (т. I, ч. 2, прил. к ст. 2), от Кубанской области, вместе с Черноморской губернией, избирались три члена Государственной думы от казаков и трое же от остального населения; от Терской области избирались: один от казаков и два от остального населения.

В высочайше утвержденном 3 июня 1907 г. положении о выборах в Государственную думу в отношении представительства от означенных областей внесены следующие изменения. Войсковое население Кубанского казачьего войска избирает одного члена Думы, войсковое население Терского казачьего войска также одного и затем население обеих областей, не принадлежащее к числу казаков, и совместно население Черноморской губернии избирают одного члена Думы.

Из изложенного видно, что законом 1907 г. представительство от населения обеих областей и Черноморской губернии сокращено с 9 членов Государственной думы до трех, причем без изменения осталось лишь представительство (1 член Думы) от казаков Терской области.

В законодательном предположении 38 членов Государственной думы предположено довести представительство от указанных областей и губернии до девяти человек с тем, чтобы от войскового населения Терской области выбирался бы ныне положенный один член Думы, а от того же населения Кубанской области три.

Означенное законодательное предположение мотивируется тем, что этот в высшей степени богатый край с лучшими в России курортами требует более широкого освещения в законодательном учреждении; подчеркиваются также те жертвы, которые казаки несут в нынешнюю войну.

Сокращение числа членов Государственной думы от указанных областей и губернии вызвано было принятым законом 3 июня 1907 г. началом общего значительного сокращения членов Думы, преимущественно, от окраин, выбирающих исключительно левых депутатов. По этому закону общее число членов Думы было сокращено с 524 до 442. Едва

ли имеются какие-либо основания отказываться ныне от этой правильной системы, в особенности в отношении тех областей, которые и теперь посылают в Думу трех левых (Бардиж и Николаев — кадеты, Караулов — независимый), число коих лицам, подписавшим законодательное предположение, желательно довести до девяти.

Кроме того, обсуждая этот вопрос, необходимо отдать себе ясный отчет, что малейшая уступка в отношении изменения положения о выборах неминуемо повлечет за собою ряд последующих изменений, которые приведут к ломке всего положения, к чему, в сущности, и стремятся авторы законодательного предположения, признавая «безотложную необходимость его пересмотра вообще».

К сему надлежит присовокупить, что совет министров в заседании своем от 20 марта 1914 г., основываясь на отзыве б. министра внутренних дел, гофмейстера Маклакова, признал неприемлемым однородное законодательное предположение 38 членов Думы о восстановлении представительства в Думе от населения областей: Акмолинской, Уральской, Тургайской, Семиреченской, Закаспийской, Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской. Столь же отрицательное отношение проявил совет министров к законодательным предположениям членов Думы об избирательных правах женщин (заседание совета 9 апреля 1912 г.), о всеобщем избирательном праве (21 марта 1913 г.), об изменении положения о выборах (20 марта 1914 г.).

Письмо управляющего делами совета министров И. Лодыженского кн. В. Волконскому, 2 апреля 1916 г., № 4165.

М. г. кн. Владимир Михайлович.

Обсудив, в заседании 29 марта 1916 года, внесенное 38 членами Государственной думы законодательное предположение о восстановлении представительства в Государственной думе от казачьего населения Кубанской области, от населения Кубанской и Терской областей, не принадлежащего к числу казаков, и от Черноморской губернии, в связи с отзывами по оному заинтересованных ведомств и, соглашаясь с изложенными в отзыве министерства внутренних дел соображениями о неприемлемости означенного предположения, совет министров нашел, что в этом смысле представителю последнего названного ведомства и надлежит сделать заявление в Государственной думе, при обсуждении в ней означенного законодательного предположения [1].

---

[1] Подпись отсутствует.

Самодержавие и избирательные права женщин

122-я статья сталинской Конституции СССР утверждает политические права женщины в нашей стране: «Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни».

«Женщины пользуются правом избирать и быть избранными наравне с мужчинами» — так говорит статья 137-я Конституции Союза ССР.

Октябрьская социалистическая революция принесла освобождение трудящейся женщине Советских республик.

Советская власть отменила все законы, ограничивавшие права женщины.

Подобной свободы женщина не могла добиться ни в одной капиталистической стране.

«Давным давно,— говорит Ленин,— представители всех освободительных движений в Западной Европе в течение не только десятилетий, но в течение столетий выставляли требование об отмене этих устарелых законов и уравнении женщины по закону с мужчиной, но ни одному из европейских демократических государств, ни одной из самых передовых республик не удалось это осуществить, потому что там, где существует капитализм, там, где сохраняется частная собственность на землю, частная собственность на фабрики и заводы, там, где сохраняется власть капитала, привилегии останутся у мужчин» [1].

С особенной силой это бесправие женщины проявлялось в царской России.

Публикуемые ниже документы говорят о попытке сорока депутатов Думы провести законопроект об избирательных правах женщин. Этот законопроект был решительно отвергнут царскими министрами.

Интересны те доводы, которые министры выставляют против предоставления женщинам избирательного права. Министр внутренних дел А. А. Макаров дает грубый и немногословный ответ: он считает: «предоставление прав женщинам не соответствующим бытовому укладу нашего государства»...

Мы знаем, чем отличался этот бытовой уклад российского самодержавного государства, о котором поэт Некрасов говорит:

«Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться,
Вторая — быть матерью сына раба,
И третья — до гроба рабу покоряться.
И все эти грозные доли легли
На женщину русской земли».

Так было при крепостном праве, но и его падение не освободило русской женщины. Трудящиеся оставались в экономическом рабстве. Жизнь женщины во многих глухих местах страны продолжала быть совершенно чудовищной, невыносимой.

Этот «бытовой уклад государства» был освящен царскими законами.

107 статья «Свода законов гражданских» (т. X, ч. 1) гласила:

«Жена обязана повиноваться своему мужу, как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность, как хозяину дома».

По царским законам о найме на работу, о жительстве, о разводе женщина находилась в полной зависимости от своего мужа.

---

[1] Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 467—468.

Статья 156 «Устава о службе гражданской» воспрещала «прием женщины на канцелярские и другие должности во всех правительственных и общественных учреждениях, где места предоставляются по назначению от начальства и по выборам».

Другой представитель царского правительства — министр юстиции И. Щегловитов более обстоятельно и тонко мотивировал свой отказ поддержать законопроект о предоставлении избирательных прав женщинам.

Подробно разбирая историю борьбы за женское равноправие в демократических государствах, он вынужден признать, что предоставление избирательных прав женщине в Австралии принесло положительный результат, способствовав культурному под'ему страны.

Пытаясь скрыть подлинную сущность своей реакционной политики, Щегловитов отмечает даже «опасение прогрессивных партий, ныне стоящих у власти (в демократических государствах.— *Ред.*), чтобы приобретение женщинами избирательного права не произвело движения назад», ибо «считается, что женщины в большинстве симпатизируют консервативным и даже реакционным партиям».

Казалось бы — этого меньше всего следует опасаться царскому министру. Но Щегловитов тут же выдает свои сокровенные мысли. Оказывается, что «в противность приведенным выше опасениям западных мыслителей относительно стремлений женщины к осуществлению целей реакции, у нас обнаруживается опасность с противной стороны — от увлечения женщин идеалами революционеров, и это обстоятельство, по мнению моему, обязывает отнестись с крайнею осторожностью к вопросу приобщения женщин к политической деятельности».

На этот раз нельзя не признать мнения министра юстиции дальновидным и справедливым. Революционность трудящейся женщины России действительно внушала большие опасения самодержавному правительству.

Вместе с рабочими за права своего класса боролись работницы — их жены, матери и сестры. В 1905 году дружинницы Москвы ходили в разведку, умирали на баррикадах, а крестьянки жгли барские усадьбы и сражались с полицией. Царское правительство имело много случаев изучить непримиримый характер целой плеяды женщин-революционерок, в рядах партии большевиков боровшихся против самодержавия, против порабощения трудящихся.

Мы знаем, что в дни Октябрьских боев, в дни гражданской войны женщина кровью записала в историю свое право на свободу; она добилась равных прав с мужчиной во всех областях жизни и строительства и осуществляет эти права. Новая сталинская Конституция подтверждает и укрепляет полное равноправие женщины в Советских республиках. Новая Конституция принята Чрезвычайным С'ездом Советов в те дни, когда фашизм во всем мире проявляет бешеную активность, когда он пытается задушить молодую Испанскую республику. Испанские женщины во главе с неукротимой Долорес Пасионарией героически борются против фашизма.

Они знают, что фашизм несет им кабалу и бесправие. Теории фашизма о семье, о роли женщины — самые позорные, самые реакционные, до которых могут дойти современные мракобесы, возрождающие нравы средневековья. Эти теории, конечно, не отличаются оригинальностью. Их превосходно излагал еще царский министр Щегловитов.

«Женщина самою природою,— писал он,— предназначена к домашней, семейной, а мужчина — к общественной деятельности».

Женщину, которая не согласна ограничить сферу своей деятельности «кухней и постелью», которая не согласна быть только «наложницей своего повелителя», которая борется за свои права,— такую женщину фашизм зверски, беспощадно преследует и уничтожает.

С ненавистью наблюдает фашизм за расцветом Союза советских республик, за победами трудящейся женщины. В советской стране женщина проявила все свои таланты и способности.

Еще Некрасов отмечал силу и мужество русской женщины — женщины народа.

«В игре ее конный не словит;
В беде — не сробеет — спасет:
Коня на скаку остановит.
В горящую избу войдет».

Рядом с русской женщиной женщины всех национальностей Советских республик строят свою новую жизнь, строят социализм, растят новое поколение социализма.

Потребовались огромные усилия партии и рабочего класса, чтобы поднять униженную и закабаленную раньше женщину Востока, чтобы помочь ей сбросить чадру, чачван и паранджу. Понадобились годы культурного и хозяйственного подъема страны, индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, чтобы облегчить борьбу с религиозными предрассудками и суевериями, особенно сильными у деревенской женщины, жившей и трудившейся разобщенно, в своей хате, на своей полосе.

Только огромная неустанная забота партии и советской власти о женщине и детях приводит женщину к полному равноправию и возможности осуществить на деле свои права.

Ликвидация неграмотности, охрана женского труда, охрана младенчества; декреты об отпусках по беременности, о запрещении абортов, об алиментах; строительство яслей, детских садов, родильных домов, поликлиник; работа школьных, пионерских, общественных организаций с детьми; равная с мужчиной оплата женщины за труд; ликвидация безработицы; раскрепощение женщины от забот о домашнем хозяйстве — общественное питание, механические прачечные; право женщины на образование, на любую работу — все эти мероприятия позволили женщине занять почетное место в трудовой жизни страны.

В школах СССР обучается 28 млн. детей, из них 46,9% девочек. Среди учащихся техникумов женщины составляют 44,1%, вузов и втузов — 38%, в том числе медицинских вузов 71,2%, (в Англии всего 12,6%). Среди научных работников, аспирантуры женщины уже составляют 23,3%, тогда как до революции женщины, занятые научной работой, насчитывались единицами.

И мы видим результаты этой гигантской работы советской власти. Лучшие женщины страны наряду с мужчинами возглавляют стахановское движение. Всем известны имена Марии Демченко, Дуси и Маруси Виноградовых, Ковардак, Ангелиной и др. Всем известны имена бесстрашных женщин парашютисток, летчиц, ставящих мировые рекорды, укрепляющих мощь страны. Нет профессии, которой бы не овладели женщины за годы советской власти. Они исследуют моря, океаны, недра гор, высоты неба. Они строят дома, заводы, города. Они работают трактористками, слесарями, инженерами, командирами, народными комиссарами. И в то же время они с помощью советского государства воспитывают новое, молодое советское поколение.

Советская власть дала им права, эти права они завоевали и упрочили своими усилиями — борьбой, героической работой. Новая Конституция, творцом которой является товарищ Сталин, закрепляет их права навсегда.

Отношение канцелярии Государственной думы председателю совета министров В. Н. Коковцову, 25 февраля 1912 г.[1]

На основании ст. 56 Учр. Государственной думы имею честь препроводить вашему высокопревосходительству печатные экземпляры вне-

[1] Законопроект «об избирательных правах женщин» канцелярией Гос. думы был направлен также и министру внутренних дел А. А. Макарову с препроводительным письмом от 25 февраля 1912 г. за № 629. (Дело Гос. думы «об избирательных правах женщины», 1912 г., № 4 444, л. 4.)

3 марта Макаров получил официальное письмо по тому же вопросу от председателя совета министров Коковцова.

сенных в порядке ст. 55 того же Учреждения законодательных предположений: 1) об избирательных правах женщин, 2) о передаче Института сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии из министерства народного просвещения в ведение главного управления землеустройства и земледелия.

За секретаря Государственной думы Антонов.
Начальник отдела Глинка.

Письмо председателя совета министров В. Н. Коковцова министру внутр. дел А. А. Макарову, 3 марта 1912 г.[1]

М. г. Александр Александрович.

Имею честь препроводить при сем к вашему превосходительству присланный мне, за секретаря Государственной думы, товарищем секретаря печатный экземпляр заявления 40 членов означенной Думы об избирательных правах женщин, покорнейше прося вас, милостивый государь, не отказать сообщить мне ваше заключение по содержанию настоящего законопроекта, для рассмотрения сего дела в совете министров до 25 марта сего года, после какового срока упомянутое законодательное предположение может быть предложено к слушанию в Государственной думе (Учр. Госуд. думы, изд. 1908 г., ст. 56).

В. Коковцов.

Письмо А. Макарова В. Коковцову, 8 марта 1912 г.

М. г. Владимир Николаевич.

Вследствие письма от 3 сего марта за № 1221, имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что с своей стороны, считая предоставление прав женщинам не соответствующим бытовому укладу нашего государства и относясь поэтому отрицательно к делу уравнения в области политических прав женщин с мужчинами, я не признаю возможным взять на себя составление соответствующего законопроекта по возбужденному заявлением сорока членов Думы вопросу об участии женщин в выборах в Государственную думу.

Макаров.

Письмо министра юстиции И. Щегловитова В. Коковцову, 19 марта 1912 г.

М. г. Владимир Николаевич.

Письмом от 3 сего марта за № 1222 ваше высокопревосходительство, препровождая ко мне печатный экземпляр законодательного предположения 40 членов Государственной думы об избирательных правах женщин, изволили просить моего заключения по содержанию сего предположения.

Вследствие сего, обсудив настоящее дело, я считаю долгом остановиться на следующих соображениях.

Предположение 40 членов Государственной думы направлено к тому, чтобы, в отмену и изменение соответствующих законоположений, было

[1] Письмо такого же содержания и от того же числа было отослано председателем совета министров В. Н. Коковцовым министру юстиции И. Г. Щегловитову.

постановлено, что лица женского пола пользуются равными с мужчинами правами избирать и быть избираемыми в Государственную думу.

Устранение женщин от выборов в законодательные учреждения до сих пор остается общим правилом в законодательствах современных народов. Насколько известно, отступления от этой системы допущены лишь в следующих странах.

Из числа Северо-Американских Соединенных Штатов четыре: Колорадо, Уйоминг, Идахо и Утах около тридцати лет назад признали за женщинами активное избирательное право; они получили его и в Вашингтоне, но впоследствии утратили. Во многих других штатах предположения о распространении на женщин избирательного права вносились на обсуждение народа, но не получили его одобрения.

В Новой Зеландии женщинам предоставлено в 1893 г. активное избирательное право.

Большинство австралийских колоний уравняло женщин с мужчинами в их избирательных правах активном и пассивном: Южная Австралия — в 1894 г., Западная Австралия — в 1899 г., Новый Южный Уэльс — в 1902 г., Тасмания — в 1903 г. и Квинсленд — в 1905 г. Только в Виктории верхняя палата неизменно отклоняет билли о предоставлении женщинам избирательных прав, вносимые в нижнюю палату и ею принимаемые.

В великом княжестве Финляндском женщинам, согласно сеймовому уставу 7/20 июля 1906 г., принадлежит избирательное право как активное, так и пассивное, совершенно наравне с мужчинами.

Наконец, в позднейшее время избирательное право предоставлено женщинам в Норвегии, но не на одинаковых основаниях с мужчинами: последние по закону 29 марта 1906 г. получили всеобщее избирательное право, а закон 14 июня 1907 г. допускает к подаче голосов лишь тех достигших 25-летнего возраста женщин, которые уплачивают налог государственный или общинный на основании ежегодного дохода не менее чем 400 крон для городов и 300 крон для сельских местностей; если же они состоят в браке и имеют общее имущество с мужем, достаточно, чтобы последний уплачивал этот налог. Полагают, что закон этот откроет доступ к избирательной деятельности 300 000 норвежским женщинам [1].

Представляется достойным внимания, что в Англии, на родине не только народного представительства, но и всеобщего избирательного права, многочисленные попытки предоставить женщинам обладание избирательными правами, повторявшиеся почти каждую парламентскую сессию после авторитетных выступлений с этою целью знаменитого философа Стюарта Милля в 1866—67 годах, до сего времени не увенчались успехом [2].

Что касается Франции, то ни Национальное собрание в 1789 г., ни Конвент 1793 г. не задавались мыслью о предоставлении политических прав женщинам. Равным образом не высказывал такого взгляда и Жан Жак Руссо, идеями которого был проникнут Конвент, хотя

---

[1] Согласно данным, приводимым в заявлении 40 членов Государственной думы, предоставление женщинам избирательных прав имеется в виду осуществить и в Швеции (Прим. в подлиннике).

[2] В самое последнее время в газетах появились известия, что в палату общин внесен билль об избирательном праве женщин, причем, однако, право это предполагалось предоставить только лицам, имеющим собственное хозяйство и находящимся в замужестве, если притом их мужья не внесены в избирательные списки по тому же самому участку. В случае осуществления упомянутого проекта, активное избирательное право получили бы всего около миллиона женщин. По новейшим газетным сведениям и этот билль отклонен палатою общин. (Прим. в подлиннике.)

по его теории в возможности участвовать в законодательной деятельности выражается естественное право всякого человеческого существа. Конвент не ограничился молчаливым отрицанием политических прав женщин: в заседании 9 брюмера 11 года он, по поводу уличных беспорядков, устроенных несколькими якобинками, вотировал декрет, воспретивший женские клубы и общества, под каким бы именем они ни возникали. Кодекс Наполеона, отведя жене подчиненное семейное положение, установив для нее обязанность повиновения мужу и различные ограничения в ее гражданских правах, значительно отдалил приобретение женщинами политических прав. Женщинам не были предоставлены эти права и в 1848 г., когда было провозглашено и организовано всеобщее избирательное право. В проекте, предложенном в 1894 г. Жюль Гедом: «об обеспечении всеобщности так называемого всеобщего избирательного права», также не упоминается об избирательном праве женщин; нет о нем речи и в трудах законодательной комиссии по всеобщей подаче голосов 1906—1910 гг., а также, насколько известно, и 1911 г.

Основным возражением, которое Георг Мейер (Georg Meyer: «Das parlamentarische Wahlrecht», изд. 1901 г., стр. 455), Виллей (Villey: «Législation électorale comparée des principaux pays d'Europe», изд. 1900 г., стр. 89—92) и Эсмен (Esmein: «Eléments de droit constitutionnel français et comporè», изд. 1909 г., стр. 303—304) приводят против предоставления женщинам политических прав, является указание на то, что женщина самою природою предназначена к домашней, семейной, а мужчина — к общественной деятельности. «Исключение женщин вовсе не произвольно,— заключает Эсмен (указ. соч., стр. 304),— оно происходит из закона естественного, из основного разделения труда между двумя полами, которое древне, если не как человечество, то, по крайней мере, как цивилизация. Требовать для них избирательного права так же мало разумно, как и желание обязать их военною службою». «У каждой из них есть свое призвание: быть разумным и благодетельным центром семьи,— справедливо замечает В. И. Сергеевич («Всеобщее избирательное право» в журнале министерства юстиции, 1906 г. № 5, стр. 117),— для этого нужно много характера, много такта, много знаний, много терпения. В руках женщины — будущее подрастающее поколение, их физическое и нравственное воспитание».

Одним из существенных препятствий к распространению во Франции всеобщего избирательного права на женщин служит теперь, по словам профессора Бордосского университета Дюги, «опасение прогрессивных партий, ныне стоящих у власти, чтобы приобретение женщинами избирательного права не произвело движения назад» (Duguit: «Fraité de droit constitutionnel», т. I, изд. 1911 г., стр. 325). Бруза (Brusa: «Staatsrecht des Königreichs. Italin» в «Mazgnardsen's Handbuch des öffentlichen Rechtes», стр. 123) удостоверяет, что и в Италии признанию за женщинами избирательного права воспрепятствовала мысль, что они в борьбе между церковью и государством послужили бы оружием в руках духовенства. Возможность подчинения политической деятельности женщин сильному влиянию духовенства, именно католического, предполагает и Георг Мейер (цитир. соч., стр. 455—456). Вообще, по словам Н. И. Лазаревского («Лекции по русскому государственному праву», т. I, изд. 1908 г., стр. 291), «во многих странах (Англия, Франция, Италия) считается, что женщины в большинстве симпатизируют консервативным или даже реакционным партиям».

Таким образом предоставление избирательных прав женщинам, далеко не пользующееся общим признанием в науке, на практике осуществлено пока только в очень немногих и весьма небольших стра-

нах, в коих, как об'ясняет Н. Д. Сергеевский в отношении Финляндии («Сеймовый устав Великого княжества Финляндского», изд. 1907 г., стр. 9—10), «крайне важно, чтобы все члены общества, могущие принести пользу своим участием в избрании народных представителей, получили на то возможность».

О результатах участия женщин в осуществлении избирательных прав имеются едва ли достаточные сведения. Кроме благоприятного отзыва по этому предмету австралийских палат, приводимого в заявлении 40 членов Государственной думы и подтверждаемого Дюги[1], в литературе встречаются и иного рода указания по этому вопросу. Так, Бюшнель Гарт (Bushnell Hart: «Actual Government as applied in American conditions, изд. 1903 г., стр. 71) свидетельствует, что в вышеупомянутых Северо-Американских Штатах своими избирательными правами воспользовалась «лишь слабая пропорция» женщин. Приверженец предоставления женщинам политических прав, вышепоименованный Дюги, также признает, что «результаты участия женщин в выборах в этих американских штатах не представляется очень ощутительными» (цитир. соч., стр. 322). Наконец, в противность мнению Дюги, другой компетентный деятель по истории вопроса об участии женщин в парламентской жизни Австралии, Вильям-Пембер Ривс, в качестве министра президента Новой Зеландии оказавший важные услуги рассматриваемой реформе, отзывается с благоразумною осторожностью: «теперь довольно еще трудно, не боясь погрешить против истины, обрисовать влияние женщин на политическую жизнь, отделить их деятельность от деятельности мужчин и тщательно оценить их влияние на общий ход законодательства» (Вильям-Пембер Ривс: «Политические избирательные права женщин в Австралии», перев. 1905 г., стр. 28). Разумеется, еще труднее судить о результатах предоставления политических прав женщинам в Норвегии и Финляндии за незначительностью времени, истекшего после издания в них вышеупомянутых законов.

С своей стороны, придавая весьма серьезное значение приведенным выше доводам, высказанным в научной литературе против предоставления избирательных прав женщинам, я считаю долгом присовокупить, что и с проведением такой реформы для большинства женщин останется весьма значительное фактическое препятствие к осуществлению указанных прав, а именно, обязанности матери семейства и хозяйки дома. Конечно, огромное число женщин этими обязанностями не связано. Но если может быть признано ценным участие женщин в законодательной деятельности по вопросам, касающимся семейного и домашнего уклада, то, казалось бы, уж никак не тех, которые принадлежат к этой последней категории и которые, будучи лишены опыта государственного, в то же время чужды семейных интересов и нужд домашнего очага.

Далее, я не могу не обратить внимания на то обстоятельство, что если в этих странах Запада (Англия и Франция), в коих народное представительство за долгие годы своего существования успело укрепиться и получить широкое развитие, до сего времени не получило признания право женщин на участие во всеобщей подаче голосов, то, тем более, не следо-

[1] Дюги удостоверяет, что: «публицисты сходятся в констатировании счастливых результатов осуществления женщинами избирательного права в Австралии. Под влиянием женщин выработано и вотировано превосходное австралийское законодательство о покровительстве работницам, а также о защите детей. Женщины приняли важное участие в борьбе против азартных игр и при вотировании закона об общих сбережениях на случай старости. Предоставление избирательного права женщинам также подняло уровень парламента» (цитир. соч., стр. 323). (Прим. в подлиннике).

вало бы ныне вводить это начало в Российской империи, где представительный строй действует только 6 лет, причем вновь образованная ныне Государственная дума отличается еще крайнею неустойчивостью и неуравновешенностью. Включение в ее состав лиц женского пола, по самой природе своей склонного к увлечениям, может лишь еще более способствовать развитию политических страстей, препятствующих спокойному и зрелому обсуждению сложных законодательных дел. Притом, внимательное наблюдение действительности показывает, что, в противность приведенным выше опасениям западных мыслителей относительно стремлений женщин к осуществлению целей реакции, у нас обнаруживается опасность с противной стороны — от увлечения женщин идеалами революционеров, и это обстоятельство, по мнению моему, обязывает отнестись с крайнею осторожностью к вопросу о приобщении женщин к политической деятельности.

Наконец, следует заметить, что, в то время как в некоторых странах Запада (как например, в Англии и Франции) женщины уже пользуются избирательными правами в муниципальных учреждениях, у нас они могут только участвовать и то не лично, а через уполномоченных (отцов, мужей, сыновей, зятей, внуков, братьев и племянников) в избрании земских и городских гласных, не пользуясь в этом отношении никаким пассивным избирательным правом (ср. ст. 17 и 18 пол. зем. учр., ст. 25 и 26 город. пол., изд. 1892 г., ст. 18 и 19 прил. I к ст. I (прим. 3) того же пол., по прод. 1906 г.). Лишь в одобренном Государственною думою законопроекте о волостном земском управлении предусматривается право участия лиц женского пола в таковом управлении (ст. 40; ср. ст. 18); но предположение это правительство признавало совершенно неприемлемым, полагая ограничить права женщин по избранию волостных гласных теми же в существе пределами, какие установлены в законе для земских и городских выборов (см. ст. 18 и 23 пр. мин. вн. дел) и на эту же точку зрения стала и особая подкомиссия, образованная в среде Государственного совета.

На основании изложенного и принимая во внимание, что и по действующему положению о выборах в Государственную думу 3 июня 1907 г. (ст. 14) лица женского пола могут предоставлять свои цензы по недвижимому имуществу для участия в выборах своим мужьям и сыновьям, я нахожу продоставление ныне женщинам равных с мужчинами прав избирать и быть избираемыми в Государственную думу по меньшей мере совершенно преждевременным и потому признавал бы предположение 40 членов Государственной думы по настоящему предмету неприемлемым.

Ив. Щегловитов.

Постановление совета министров, 9 апреля 1912 г.

Совет министров признал неприемлемым законодательное предположение 40 членов Государственной думы о предоставлении женщинам права участия в выборах в Государственную думу.

Тверская забастовка 1885 г.

25 февраля 1885 г. приблизительно через месяц после окончания известной стачки морозовских ткачей в Орехово-Зуеве началась большая забастовка на морозовской текстильной фабрике в городе Твери. Судя по полицейским донесениям, связь между ними не ограничивалась одной хронологической близостью. По словам агентов сыска, мысль о необходимости забастовки среди тверских рабочих сложилась под влиянием рассчитанных Тимофеем Морозовым ткачей, которые занесли с собою в Тверь слух о борьбе зуевских пролетариев.

Причины забастовки крылись в том каторжном режиме, который тогда сложился на фабрике товарищества Тверской мануфактуры.

С 1880 года в России начинается промышленный кризис. Резко падает спрос на изделия текстильной промышленности. Производство сокращается. К 1885 г. в больших промышленных центрах отмечается сильная безработица. Ее регистрируют и в Орехово-Зуеве и в Твери. Здесь фабрика Берга — второе по величине предприятие тверского текстильного промышленного района — сократила производство более чем наполовину. К 1885 году вместо 1 000 рабочих на фабрике было занято только 363 человека. Столь же значительно сократилось производство на вышневолоцкой текстильной фабрике Ермаковых, которая в 1883—1884 гг. прекращала производство на 5 мес. Даже морозовская фабрика, самая крупная в этом районе, одна из крупнейших в России, оборудованная лучшими импортными машинами, обладавшая большим оборотным капиталом, перешла на неполную рабочую неделю.

Характерно, что наряду с этим доходность товарищества Тверской мануфактуры не только не снизилась, но даже значительно увеличилась по сравнению с прошлым относительно благополучным десятилетием. Чистая прибыль с 800 000 руб. в 1884 году выросла до 1 039 692 р. 90 к.

Этот рост прибылей в эпоху тяжелого экономического кризиса, при сокращении количества занятых рабочих стал возможен благодаря безудержной эксплоатации рабочих, благодаря системе штрафов и снижению заработной платы.

Все мероприятия фабричной администрации пронизывает мысль — свалить убытки на рабочих. По официальным данным, штрафы и вычеты превышали 10% заработной платы. В 1884 году в среднем за день с рабочего взыскивалось по 6 коп., а в 1885 — по 7 коп. При падении заработной платы на 16⅔% штрафы увеличились. По нашим подсчетам за день рабочий в среднем получал не более 33 к., из которых нужно было уплатить выкупные платежи и подати, кормиться самому и содержать семейство и, наконец, поддерживать хозяйство в деревне. Не забудем, что подавляющее большинство тверских рабочих в те годы были выходцами из ближайших к городу деревень и еще не порвали связей с сельским хозяйством.

Таким образом, причиной забастовки было общее ухудшение материальных условий жизни фабричного люда. Борьба шла, если не за уничтожение, так за смягчение системы штрафов, за оплату праздничных работ и за удаление с фабрики наиболее насоливших рабочим мастеров.

В истории товарищества Тверской мануфактуры это была не первая забастовка. В 1860 году, на почве недовольства штрафами и несоблюдения условий найма, группа ткачей, возглавляемая отставным солдатом Суворовым, учинила бой с директором Гутчесоном и его прихлебателями. Возбужденные дракой ткачи «скопом» отправились к губернатору и принесли ему жалобу на фабричные порядки. Губернатор граф. П. Т. Баранов приказал жалобщикам немедленно воз-

вратиться к станкам. Когда губернское правление по жалобе одного из вожаков, выполняя резолюцию вице-губернатора М. Е. Салтыкова (Щедрина), принялось было за расследование морозовских махинаций, Баранов распорядился дело прекратить.

Второй период оживления борьбы падает на 1870—1871 гг. Он связан с ухудшением дел товарищества и со стремлением отыграться за счет рабочих.

Сначала рабочие пытались бороться с хозяйским обманом и несоразмерными штрафами судом. Свыше 150 жалоб в неделю разрешал мировой судья в это время. Но от судебных тяжб рабочие тогда же переходили к забастовкам. Первая, частичная забастовка произошла 13 июля 1870 г. 13 ткачей на полном ходу бросили станки и явились в контору к хозяину Т. С. Морозову для переговоров о снижении штрафов и увеличении зарплаты.

Вторая забастовка, длившаяся только один день, насчитывает 1 000 чел. участников. Она происходила 7 января 1871 г. Предпринимателям без труда удалось подавить стихийную вспышку недовольства рабочих. Участники были присуждены уплатить в пользу Морозовых штраф за самовольное оставление работы 7 095 р. 50 к. Такова предыстория забастовки, документы которой предлагаются вниманию читателя.

Данная забастовка вносит новый момент в стачечное движение — момент внутрифабричной организованности рабочих.

Забастовка показала рабочим, что полиция, губернатор и все вообще власти — заодно с Морозовыми и прочими капиталистами. Забастовка, наконец, научила, что только организованной борьбой можно добиться успеха. Забастовка подготовила массы для дальнейшей борьбы и расчистила пути революционному влиянию в массах. В этом смысле слова первая большая морозовская стачка является исходным пунктом последующей революционной борьбы на фабрике.

Н. Журавлев.

Донесение тверского вице-губернатора министру внутренних дел, 25 февраля 1885 г., № 141 *.

В дополнение к шифрованной телеграмме имею честь довести до сведения вашего сиятельства, что сегодня в 6 часов утра тверской полицеймейстер, получив с фабрики товарищества Тверской мануфактуры сообщение о том, что рабочие не вышли на работу, доложил об этом мне и, по распоряжению моему, тотчас же отправился на фабрику для выяснения причин беспорядка. По прибытии на место оказалось, что рабочие ткацкого отделения в числе более 2 000 чел. отказались итти на работы и остановили от работ рабочих прядильного корпуса в числе также 2 000 чел.

При расспросах о причинах такого беспорядка уполномоченные от рабочих заявили полицеймейстеру, что они требуют сложения с них за все годы штрафов, которые наложены по разным причинам и основаниям, удаления с фабрики одного конторщика и одного мастера за неправильные будто бы действия по отношению к рабочим, вознаграждения за часы работ в течение трех лет в праздничные дни по чистке машин, полагая по 2 часа за каждый праздник, уничтожения штрафов за оказывающийся у рабочих недовес утков, уничтожения покупки на фабрике рабочими за собственный счет челноков для тканья и, наконец, предоставления им права требовать утек во всякое время. При этом, несмотря на внушения и раз'яснения полицеймейстера, уполномоченные отозвались, что о требованиях своих они желают переговорить с хозяином фабрики и до тех пор, а равно до удовлетворения требований, на работы положительно не пойдут.

* Ф. канц. тверского губ., д. № 54, лл. 7—8.

Приняв во внимание все вышеизложенное, я в виду угрожающего общественной безопасности характера действий рабочих и за получением дополнительных сведений о том, что рабочие силою вынудили прекратить начавшиеся работы и в ситцевом отделении, признал, по соглашению с начальником губернского жандармского управления и прокурором окружного суда, необходимым для предупреждения со стороны рабочих дальнейших беспорядков и даже могущих быть насилий, призвать к содействию войска, а потому, сообщив об обстоятельствах дела тверскому уездному воинскому начальнику, потребовал отправления на место 1½ батальона нижних чинов, которые уже отправлены на фабрику. Затем лично я вместе с прокурором окружного суда и начальником губернского жандармского управления отправлюсь теперь же на место как для совершенно точного уяснения при содействии прибывшего из Москвы директора управления товарищества г. Чибисова причин возбуждения рабочих, так равно к восстановлению нарушенного ими порядка. О дальнейшем ходе настоящего дела буду иметь честь донести особо от сего, а в случае спешности телеграфирую.

Испр. долж. губернатора вице-губернатор Яфимович

Протокол допроса директора фабрики товарищества Тверской мануфактуры И. С. Буна, 25 февраля 1885 г.*

Директор морозовской фабрики Иван Самуйлович Бун, 49 лет, грамотный, под судом не был. Живу на самой фабрике, вероисповедания протестантского.

Вчера, 24 февраля, после чистки машин, около 8½ часов утра рабочие вышли с ткацкой фабрики и начали шуметь. Пошумев с четверть часа, или, вернее, поговорив и погалдев между собой, толпой разошлись, так как вчера не было работ по случаю праздника. Вечером на фабричном дворе было много пьяных. От хожалого по спальням Малинникова я узнал еще вечером вчера, что фабричные не хотят итти на работу с утра 25 февраля. Я распорядился, чтобы меня разбудили утром пораньше, чтобы быть на месте во время начала работ. Я так и распорядился. Сегодня утром в 4¾ часа народ стал толпиться около входов на фабрику в прядильную и ткацкую. Рабочие потребовали меня для переговоров. Я вышел к ним, и они заявили мне, что они работать не будут, потому что их штрафуют много. Я об'яснил, чтобы они подали мне свои рабочие книжки, что я их осмотрю и все несправедливости по штрафу исправлю. Затем я спросил рабочих, нет ли между ними желающих работать, и, если есть, то предложил им отправиться в корпус, а нежелающим работать удалиться. Рабочие согласились работать и вслед за мной они вошли в фабрику, но войдя никто однако не стал работать, а тех, кто хотел начать работать, не допустили и выгнали вон и за ними удалились сами. Это все произошло до 6½ часов утра.

По уходе рабочих я приказал остановить паровую. Частный пристав Кузьмин вышел к рабочим на двор, разговаривал с ними и предложил выбрать из своей среды уполномоченных для переговоров, так как с массой разговаривать нельзя и назначил им для этого 9 часов утра. К 9 часам фабричные выбрали своих доверенных 5 человек, но кто именно были выбраны, не знаю[1].

Приехал полицеймейстер, составил акт. Около 10 часов утра часть фабричных пошла в слесарную и стала стучать в окно, требуя, чтобы перестали работать, при этом несколько стекол было разбито в сле-

* Ф. тверского суд. следователя по особо важным делам, д. № 159, лл. 2–5.

сарне. В слесарне перестали работать по требованию ткачей. Я пропустил показать, что в 5½ часов утра несколько человек, как мне говорили — до 40 человек, но кто сказал, не помню, — пошли в прядильню, расположенную в 4 и 5 этажах, закрыли газ и потребовали, чтобы прядильщики ушли. Мне дали об этом знать кто-то из прядильщиков, кто — не запомнил; я пошел в прядильню и сам просил прядильщиков уйти. Это распоряжение я сделал из опасения столкновения между рабочими. Прядильщикам я сказал, чтобы они пошли себе домой на денек, пока все не успокоится. Никакого особого буйства, кроме стачки и забастовки, со стороны фабричных не было. Все станки на фабрике целы, и ничего рабочие не испортили. Кто виноват в подстрекательстве рабочих к стачке, пока я не знаю и ни на кого подозрения не имею. Причины же стачки, кроме лично высказанного неудовольствия за штрафы — я не знаю. Работа в ситцевом отделе фабрики производилась, сколько я слышал, до 12 дня, но только работы были приостановлены, сколько я слышал, директором; так сделано вследствие слухов, будто туда ткачи собирались войти и требовать также остановки. Штрафы, как и во всех фабриках, практикуются и у нас, без них невозможно ведение никакого дела; по моему мнению, они не велики и установлены только с целью оградить фабрику от умышленных порч [2].

Дополняю, что если у одного рабочего больше штрафов записано, нежели у другого, то это доказывает только, что он плохой рабочий. По поводу штрафов имею об'яснить нижеследующее: при ткацких станках имеются уточные вилочки, рабочие их часто портили умышленно, и, чтобы остановить этот беспорядок, я установил штраф 50 коп.— цифра эта больше действительной стоимости вилочки, и штраф этот в размере 50 коп. назначен лишь как наказание за умышленную порчу их. Подмастерия из усердия или недоразумения, выдавая новые вилочки, стали записывать штраф без разбора за всякую сломанную и испорченную вилочку, о чем только сегодня узнал и сейчас отменяю это распоряжение, приказав сложить за вилочки все штрафы за весь месяц февраль, и вперед приказал приносить уточные вилочки ко мне лично для осмотра.

По поводу других подымаемых рабочими вопросов относительно челноков, щипцов и крючков, то должен сказать, что везде, на всех фабриках, даже за границей ткач щипцы и крючки имеет собственные, да и цена их невелика: крючок стоит 10 коп., а щипцы 30 коп. Челноки же ткачи имеют собственные уже около 8 лет на нашей фабрике, и это сделано по собственному желанию рабочих, три челнока стоят фабрике 1 р. 36 к., за порчу их фабрика вычитала, это ложилось тяжело на рабочих и они предложили работать своими, на что администрация фабрики согласилась. Теперь, если рабочий сломает челнок, он покупает у фабрики новый, причем ему продаются челноки только по 1 р. 20 к., т. е. дешевле, нежели челноки стоят самой фабрике. Как свою собственность рабочие берегут челноки и поэтому им этот порядок выгодный. Когда рабочий уходит, то челнок он берет с собой или продает другому рабочему.

Директор фабрики Иван Самуйлов Бун.

Из протокола доноса хожалого А. Малинникова, 25 февраля 1885 г. *

Алексей Антонов Малинников, малоярославский мещанин, православный, грамотный, под судом не был; служу хожалым на Морозовской фабрике. По поводу происшедшей сегодня стачки имею показать следую-

* Ф. тверского суд. следователя по особо важным делам, д. № 159, лл. 8—10.

щее: вчера в обычную пору рабочие окончили чистку и вышли из ткацкого корпуса часу в 9 утра, рабочие остановились на площадке перед зданием фабрики и стали кричать «ура». Я вышел к ним и упрашивал разойтись. Они долго не соглашались и спустя 1/2 часа разошлись. Из разговора фабричных я слышал, что они недовольны штрафами, находя их великими. Рабочие однако никакого особого беспорядка не делали и разошлись по спальням.

О случае этом я заявил г. Буну, который послал меня пригласить старших ткачей, то-есть ткацких подмастерьев, разузнать о настроении умов. Я пошел в спальни, там собралось их около меня человек сотня и об'яснили, что они остановились на площадке потому, что хотели просить о скидке штрафов. На это я им заметил, что они могли бы обратиться к г. Буну и не табуниться, а выбрать для этого из каждого комплекта по два человека и попросить о скидке. На это возразили, что боятся заявить одиночно свои жалобы, что их занесут в черную книгу и дадут расчет. Подмастерья пошли к Буну, и о чем они разговаривали — не знаю. Всех подмастерьев 79 человек, а у г. Буна были 18 человек. Как их звать, не знаю, но список их можно доставить.

Вечером вчерашнего числа я обходил спальни, чтобы ознакомиться с настроением умов. В спальнях особого шума не было. Спальни артельные, человек по 30 в иной. Фабричные разговаривали. На мой вопрос, будут ли они работать... сегодня, в понедельник, рабочие в артельных спальнях отвечали, что подумают...

Сегодня утром был дан свисток в 4 1/2 часа утра. Рабочие украдкой, то-есть боясь друг друга, стали пробираться в корпус фабрики на работу. Когда же собралось много, то остановились у дверей входных в ткацкий корпус и советовались итти или не итти. Я доложил г. Буну, что народ в сборе, и он со мной вышел к рабочим, которым было предложено или работать, кто хочет, или разойтись. Рабочие согласились и вошли в корпус и стали расходиться по станкам. Некоторые стали, было, приниматься за работу, в особенности женщины, но многие закричали, чтобы не работали, и фабричные стояли у станков, не работая на них...

Несколько рабочих ткачей поднялись в прядильную и чесальную и там стали требовать прекращения работ, скидывая валики и портя пряжу...

Через час рабочие стали расходиться, а другим было приказано уйти, чтобы предохранить фабрику от беспорядков и повреждений. Выйдя на двор, рабочие около часу потолпились, посвистали и разошлись, одни пошли в спальни, другие к слесарке, третьи по двору. Всех было тысяч до 5 народу. В три часа опять стали собираться толпы, то увеличиваясь, то уменьшаясь, и в таком положении застали фабрику приехавшие власти и войска, причем фабричные никакого беспорядка не производили. Некоторые из фабричных говорили в толпе,— но кто именно, не знаю,— что следовало бы пробраться на фабрику и испортить станки.

Алексей Антонов Малинников

Из протокола допроса рабочего А. Щербакова, 26 февраля 1885 г.*

Я явился к допросу сам, вследствие приказания, отданного фабричным, выбрать кого-либо из своей среды для выяснения причин неудовольствия и приостановки работы.

* Ф. тверского суд. следователя по особо важным делам, д. № 159.

Вчера, вследствие этого приказания, отданного г. полицеймейстером, меня выбрали народом с другими 5 лицами: двое из них со мною пришли, а двое, Ефрем Филимонов и Данило Иванов Колобков, остались на фабрике, на случай если бы потребовал хозяин фабрики Чибисов и Морозов, которые хотели переговорить с нами сегодня в 9 часов утра.

Причины неудовольствия следующие:

1) Нас, рабочих, очень много штрафуют за каждую безделицу; так например, сходить до ветру, и ткацкий мастер усмотрит, что станок стоит, то сейчас записывает штраф 50 коп. за простой станка, а уйти до ветру и не остановить станка нельзя, потому что может без пригляда много напутать. Когда на это стали жаловаться Буну, то он ответил, что это по его приказанию делается и за принесенную жалобу прибавлял штраф в 50 коп. еще, или предлагал расчет. Теперь всем известно, как трудно найти работу, и поэтому пожаловавшийся рабочий валялся в ногах у Буна, прося оставить на фабрике и беспрекословно принимал штраф, лишь бы не остаться без места.

2) Нас, рабочих, заставляют иметь свои челноки, причем покупать их должны на фабрике за 1 р. 20 к. пару. Говорят, что будто это сделано всего лет 8 тому назад с согласия рабочих, но я должен сказать, что хороший челнок, сделанный из пальмы с металлическим наконечником должен долго вымачиваться в масле: он от этого делается тяжелым, не усыхает, а металлические наконечники не отставали от дерева.

Пока челноки были хозяйскою собственностью, то так и делалось, теперь же челноки не этих качеств и часто рабочим продаются челноки недостаточно вымоченные или вовсе немоченные, почему они плохо работают, рвут пряжу и даже путают. Поэтому рабочие просят опять, чтобы челноки были хозяйские, а челноки, находящиеся на руках у нас были бы оплачены фабрикою, т. е. деньги за них, с нас вычтенные, возвращены нам, считая по паре на станок, т. е., чтобы нам выдали по 1 р. 20 к. Если челноки будут оставаться нашей собственностью, то мы, покидая фабрику, будем терять много на них. Идешь домой. Челнок куда мне? И мы их продавали за бесценок торгующему у ворот на лотке Даниле Пименову, который их оттачивал, исправлял и куда-то продавал на фабрику. От нас обратно их не брали, почему мы продавали их по копейке пару, а мальчики и 5 пар за копейку продавали, так как некуда их было девать.

Андрей Яковлев Щербаков.

Протокол допроса представителя от рабочих К. Павлова, 27 февраля 1885 г.*

Козьма Павлов, крестьянин Новоторжского уезда, Кузовинской волости, села Кавы, от роду имею 31 год, веры православной, грамотный, под судом не был, живу в городе Твери, в Рождественской слободе на Морозовских горках, в доме солдата Федора Михайлова, работаю на Морозовской фабрике ткачом.

25 числа сего февраля я вместе с прочими на работу не пошел, потому что работать нам стало совсем невозможно, так как главный конторщик Иван Ефимов Соколов и ткацкий мастер Алексей Яковлев Пискунов стали налагать на нас за всякую безделицу штрафы и притом несоразмерные с действительною стоимостью, как-то: за порчу товара, поломку вилок и других разных инструментов, которые могут ломаться даже от одного действия машин, за провес утка и прочее, что можно видеть из сдельных наших расчетных тетрадей. За выда-

* Ф. тверского суд. следователя по особо важным делам, д. № 159, лл. 29—31 об.

ваемые нам от конторы два челнока с нас, то-есть с каждого ткача удерживается по 1 р. 20 к., тогда как эти челноки должны быть хозяйские. В то время, когда мы идем в контору за получением утка, или несем туда для сдачи сработанный товар, нам каждый раз пишут как бы за самовольную отлучку, штраф по 50 коп., и поэтому мы вынуждены выходить на работу часто раньше положенного времени, а уходить с работы часом позднее. Нередко бывали и такие случаи, что многим приходилось для естественной надобности уходить в сортир, и за это были штрафованы по 50 коп., как за простой станков.

Недельная работа наша оканчивалась в субботу, в 6 часов вечера, но чистку станков заставляют нас производить в праздник — воскресенье и держат на работе часов до 11 дня, но особой платы нам за эту праздничную работу не производится, а напротив, в это же время скорее получишь штраф за плохую чистку; тем же ткачам, которые в праздник не выйдут на чистку, пишется каждому и за каждый раз по 50 коп. штрафа, несмотря даже на то, что станки этих невышедших ткачей бывают всегда вычищены их сменщиками.

Между нами ткачами есть и такие, которые по неграмотности не знают своих номеров и вследствие этого с одного станка сдают товар на другой по сдельным книжкам. Но и эта ошибка даром не проходит и пишется за каждый раз по 25 коп. и более.

В спальнях ежегодно происходит, по распоряжению фабричной администрации, обелка каморок, но за ремонт этот заставляют платить нас же рабочих по 30 коп. с каждого окна, хотя и всего-то материала, мела, пойдет на один гривенник.

Для более наглядного убеждения в притязательных действиях администрации несоразмерности взыскиваемых с нас штрафов, я указываю на представляемые мною расчетные тетради, именно № 1096, стр. 8, где значится сдача 11 кусков и за каждый из них взыскан штраф, в размере 2 р. 30 к., а между тем за работу их причитается 3 р. 52 к. Таким образом за вычетом штрафа остается получить только третью часть 1 р. 22 к. № 2077, стр. 3. Сдано 11 кусков на 4 р. 40 к. Взыскано штрафа за 10 кусков 2 р. 20 к., остается получить половину. № расчетной денежной книжки Трофима Осипова 4077. В ней показаны штрафы 3 мая за леность 1 р., тогда как эта леность состояла только в том, что подмастерье Осипов по работам проходил тихо, а не бегал. 8 мая за сон 2 руб., а между тем весь сон был таков, что Осипов в ночное время от нечего делать облокотился на станок и зажмурил глаза, которые тут же и открыл. А главное, что это обстоятельство не предусмотрено фабричными правилами. 28 июня за порчу батана 1 руб., тогда как этот батан работал около 6 лет и от времени попортился, 3 августа 1 руб. за такой же сон, какой был 8 мая. В сентябре без означения числа и причины записан какой-то вычет 1 руб. В ноябре, тоже без числа, за нарушение тишины и спокойствия 2 руб., а между тем это нарушение состояло в том, что Осипов с товарищем Васильем Семеновым поругались в спальне, но не в корпусе, а директор, как бы мировой судья, даже без разбора дела и написал этот штраф. В декабре записано за челноки 1 р. 20 к., тогда как Осипову, как подмастерью, таковые вовсе не нужны. 5 января за разбитие круга 50 коп., хотя круг этот и не им, Осиповым, был разбит, но в шлихтовальной он стал его спускать на пол и в это время у него в руках остался край этого круга. 11 того же января за неисполнение дела — 50 коп., а неисполнение состояло в том, что мастер заставил Осипова соединить разорванные гонки, не давая материала для исправления, отчего они после соединения вновь разорвались.

В расчетных денежных книжках № 5818 Петра Трофимова, № 6785

Семена Тимофеева, № 6988 Аксиньи Поликарповой, № 6741 Козьмы Петрова и № 6317 Пелагеи Осиповой у каждого показано штрафа по 50 коп. за рвань у станков, каковой валялось во время работы не более ¼ золотника и которая между тем все-таки по окончании работ подбирается и сдается.

В книжке № 7693 Анисьи Степановой за поломку вилок показано 1 руб., а между тем обе они стоят гривенник. В книжках № 6798 Дарьи Николаевой, № 7591 Дарьи Михайловой, № 5664 Татьяны Николаевой, № 6900 Авдотьи Прокофьевой, № 7379 Прасковьи Ивановой, № 5620 Матрены Ивановой, № 7159 Анны Андреевой, № 6985 Ирины Ивановой, № 6132 Аграфены Ивановой и № 6194 Марьи Алексеевой за полом тех же вилок удержано у каждой по 50 коп.

В тетрадях № 7039 Матрены Семеновой и № 6891 Екатерины Ефимовой за простой станков удержано по 50 коп. у каждой, хотя ни одна из них не гуляла, а как выше об'яснено, отлучались или в контору, или в сортир. Рабочий же № 4236 Козьма Павлов с 13 по 21 июня 1884 г. был болен и имеет у себя записку врача Полякова, но табельщик Петр Петров время это показал прогулом, а директор, несмотря на записку врача, оштрафовал на 2 р. 40 к. В тетради № 6035 Ольги Дормидоновой тоже показано за прогул 4 р. 60 к. В тетради № 4818 Ульяны Арсеньевой за прогул также удержано 3 р. 25 к. Словом, нас рабочих всячески притесняют и штрафуют на каждом шагу и за всякую малость, так что рабочим, за вычетом штрафов из их заработка, приходится получить иной раз едва третью часть, каковой не только для уплаты повинностей, но и на содержание не хватает. В виду чего рабочие и просят прекратить это своеволие и изменить существующий на фабрике порядок, а именно, чтобы фабрика выдавала нам челноки от себя и не требовала с нас за них деньги, уменьшила бы штрафы на будущее время и возвратила таковые за последний год, возвратила бы стоимость челнока за 8 лет, а за поломки вилок и всех механических инструментов возвратить штрафные деньги за год.

Вот и все, что по поручению ткачей имею показать по настоящему делу.

Кузьма Павлов.

Из протокола допроса представителя от рабочих Д. Колобкова, 27 февраля 1885 г.*

..Вот вчера губернатору показывали куски миткаля, за который был наложен штраф. Уже не без этого, чтобы браковщики принесли самый худший кусок. И что же? Все видели, насколько этот кусок был хорошо сделан, на нем во всем куске было только несколько темных полосок и то, когда глядеть на свет, что происходит от того, что этот миткаль немного плотней стал, несколько ниток прибито сильней.

Представляю вам и вилочки от ткацкого станка, за поломку которой взыскивается 50 коп. Поломка эта никогда умышленно не производится, так как за порчу вилочки всегда ставится штраф, и никто себе врагом не будет, чтобы ломать нарочно. А у некоторых рабочих по два штрафа имеется в книжках за поломку вилок. Ломается же вилка вот когда, если погонялка подобьется, или подобьется гонок, то от этого челнок подымается вверх, а от шибкого хода машины не может выскочить вон из зева, то его батаном прихватывает к станку и от этого, разумеется, ломает: вилочки, челнок, бердо и даже случает-

*Ф. тверского суд. следователя по особо важным делам, д. № 159, лл. 25—28.

ся, ломается молоточек, служащий для остановки машины, т. е. ткацкого станка.

Затем прошу обратить внимание и на записку штрафов за провес утка. Последний выдается нам взвешенным уже без нас. Миткаль сотканный сдаем на вес же. Рвань, т. е. обрывки утка, мы сдаем конторе при получении вновь утка и эту рвань у нас принимают без веса, а записывают всегда 48 золотников. Но если по виду заметят, что рвани больше 48 золотников, то штрафуют от 10 до 25 коп. А рвань происходит в большем или меньшем количестве от того, насколько уток лучше или хуже. Рвань бывает иной раз вследствие плохого утка гораздо больше 48 золотников, до 2 фунтов на ящик, от чего, разумеется, получится провес сверху установленной нормы до 8 фунтов, за что при представлении миткаля записывается штраф 50 коп. и до 1 руб. Рабочий таким образом теряет как представленный рвани штрафом за лишнюю рвань и за недовес при представлении миткаля *, причем однако рабочему не засчитывается излишне-возвращенная рвань, а рабочий даже считается счастливым, если успел возвратить рвани хотя в большем количестве, но не получив штрафа. Кроме того, при работе бывает еще распыл, который составляет тоже собственность фабрики и идет в газ.

Это, разумеется, мелочи, на них мы не обращаем внимания, а только указываем, что хозяину за наш счет барышей всяких довольно.

Данила Иванов Колобков.

Из протокола допроса работницы М. Петровой, 28 февраля 1885 г. **

Служу пятый год в ткачихах на Морозовской фабрике. О стачке меж рабочими-ткачами фабрики я ничего не знаю, все сделалось как-то само, что работа прекратилась. Ведь рабочие ткачи, как и все, по свистку вышли на работу.

Штрафы были велики и все увеличивались, притязательней становились мастера, в особенности наш мастер Алексей Яковлев Пискунов. Последний, кроме непомерной строгости, проявлял к рабочим и жестокость: зазнался человек, видя за собой хозяев, доверявших ему через меру. Вот какой случай был со мною. Я работаю во втором этаже ткацкой, мой станок № 1939; над моим станком на потолке проржавела жесть и в образовавшуюся дырочку сквозь пол верхнего этажа всегда лилась грязная вода, когда прядильщики у себя мыли полы. От этого моя работа постоянно грязнилась сильно, а за грязь нас сильно штрафуют. Я уже замывала раз миткаль — аршин 5, так как ржавая грязная вода примачивала миткаль навернутый на валик.

В прошлую субботу, 16 февраля, когда я стояла у своего станка в 8 часов утра, я об'явила проходившему мимо мастеру Пискунову о том, что на станок льет с потолка и грязнит мою работу. Пискунов прошел, не обращая внимания на мои слова. Я думала, что он не слыхал, пошла за ним и в дверях вновь сказала ему, что на мой станок льет с потолка. Пискунов тогда схватил меня за руку, вытащил за двери, где об дверь ударил меня головой, причем я получила сильный ушиб левой брови. Я схватилась за глаз, так как у меня от удара искры посыпались. Я пошла к своему станку, заплакав и держась за глаз. Пискунов же ушел, не сказав мне ни слова. Меня обступили рабочие, спросили, что случилось. Я им рассказала. Глаз у меня вздул-

* Так в подлиннике.

** Ф. тверского суд. следователя по особо важным делам, д. № 159, лл. 31 об. — 34.

ся, и вот еще теперь, две недели спустя, заметно на виске и под глазом желтое пятно.

Пискунов беспощаден, на руку дерзок, в особенности с нами женщинами. С рабочими драться боится, нас же баб немилосердно лупит, если мы решаемся к нему обращаться с своими просьбами. А когда с челноком к нему обратишься, в особенности с новым, который сбило, и он плохо работает, а мы просим: «Алексей Яковлевич, пойди, погляди, что-то станок плохо работает, поправь». Так тут не только побьет, но и челнок разобьет, а ты себе, значит, новый покупай за 1 р. 20 к. пару. Изверг, а не человек.

Вот когда мне расшиб глаз, мне стали советовать пожаловаться, я не хотела, боялась попасть в черную книгу, но муж мой настоял, говорит: «Пусть знают, какой мастер, молчать не следует. А дадут расчет делать нечего, пойдем»,— говорит. Мы пошли, но Ивана Самуйловича не застали, а заявили свою жалобу сыну директора Ивану Ивановичу Буну. Он записал №№ наших станков, тем дело и кончилось.

Представляю свою книжку № 1939, на стр. 2 видно, что за 2 куска стоимости 72 коп. штраф в 10 к., 14 кусков стоимостью 5 р. 04 к.— штраф 1 руб., между прочим и за марку, т. е. грязь — 10 к., а я в этой грязи не виновата. За следующие 14 кусков — 5 р. 04 к. — штрафу 65 коп. На 3 стр. за 14 кусков — 5 р. 04 к. штрафу 60 коп.

Еще не могу не указать по поводу марки кусков — это почти никогда не бывает виною ткачих, которые довольно опрятны, а грязь попадает от смазчиков, ну ненароком кто капнет, получается пятно, за которое штрафуется ткач же. Бывало, не желая получать штрафа просишь Пискунова сделать отметку, но он никогда не подойдет, чтобы в этом убедиться, а обругает только и толкнет. Ткачи желают, чтобы его удалили, либо заставили помягче и справедливее относиться к рабочим.

Мы с мужем ничего не знаем, что происходит на фабрике и из каморки не выходим, ждем, что будет. Как люди, так и мы.

С пасхи я уже взяла 4 пары челноков, а не знаю, не придется ли еще взять. Заработки невелики, а вычеты большие, терпишь потому, что некуда деваться, только ведь и знаем что ткацкое дело. В Петербурге я работала на Мальцевской фабрике 4 года и копейки штрафа не видала. Служила бы, если муж в Питере жил, а то вышел по билету на родину, и я за ним сюда пришла, да и работаю тут.

Вот и за вилочку штраф 50 коп. записан. Я ее не ломала, сломалась во время работы сама. Вот, что я заметила насчет этих штрафов — как товар на фабрике с рук не идет, так и штрафы до бесконечности увеличиваются, а как товару ход, то много легче.

Вот все, что имею показать. Зарабатываю я от 8 до 11 руб. в месяц чистых, а за вычетом издержек на харчи остается не особенно много.

Показание прочитано, но по неграмотности не подписано.

Судебный следователь Губченко.

Из донесения тверского губернатора министру внутренних дел, 28 февраля 1885 г., № 1411 *

Возвратясь 27 сего февраля из Петербурга в г. Тверь и вступив в управление губернией, я немедленно же пригласил к себе г. вице-губернатора, начальника жандармского управления, прокурора окруж-

* Ф. канц. тверского губ., д. № 54, лл. 18–20.

ного суда, судебного следователя, производившего следствие о стачке рабочих, участкового мирового судью и администрацию фабрики товарищества Тверской мануфактуры как для выяснения положения дела по прекращению работ на фабрике, так равно и для совещания по вопросу о принятии мер к восстановлению нарушенного на фабрике порядка. На совещании этом выяснилось, что рабочие красильного отделения фабрики, в числе около 1 200 чел., приступили к работам и продолжают ее. Ткачи же и прядильщики, числом более 4 000 человек, несмотря на все раз'яснения и убеждения, до сих пор упорно отказываются от работы, требуя сложения штрафов, но в то же время не соглашаются получить и расчет, как предлагает им фабричное управление, ввиду окончания срока их до пасхи.

Из всех обстоятельств видно, что между рабочими состоялась стачка, но ни администрация фабрики, ни полиция, ни судебная власть, производящая следствие, не может указать никого из зачинщиков стачки. Таким образом дело усложняется и представляет крайнее затруднение к благоприятному окончанию его. Для лучшего выяснения желания рабочих мною вызваны были уполномоченные от них в числе трех человек, которые и высказали мне в присутствии поименованных выше лиц те требования их, о коих уже донесено вашему сиятельству исправлявшим мою должность вице-губернатором 25 и 26 февраля за №№ 141 и 142. В виду всего этого я признал необходимым отправиться лично на фабрику для принятия там на месте путем внушения и раз'яснений о незаконности поступка рабочих и ответственности за стачку и соответственных мер к тому, чтобы рабочие приступили к работам, а претензии свои и жалобы пред'явили каждый мировому судье.

Прибывши сего числа на фабрику совместно с прокурором окружного суда, начальником губернского жандармского управления и полицеймейстером, я предложил собравшимся на дворе рабочим избрать уполномоченных для переговоров со мною, каковые и были избраны в числе 16 человек. Уполномоченные вновь изложили мне все претензии рабочих к фабрике и желание их, чтобы управление фабрики, сделав уступки, удовлетворило означенные их требования без суда. Выслушав их, я предложил им отыскивать претензии судом, для восстановления порядка работы начать, но уполномоченные отозвались, что на это не согласны, но, начав иски с фабрики у мирового судьи, они до решения дела судом к работам не приступят. В течение около двух часов я раз'яснял уполномоченным всю несообразность их действий, незаконность стачки и ответственность за нее, убеждал и склонял их вести дело судом, продолжая работать, но все мои убеждения были напрасны, и уполномоченные, а затем все рабочие, к которым я вышел после переговоров с уполномоченными, положительно отказались начать работать.

В виду такого упорного отказа рабочих встать на работу и в то же время нежелания их получить от фабрики окончательный расчет, я, по соглашению с начальником губернского жандармского управления и прокурором окружного суда, признал единственной мерой — это об'явить рабочим, что в течение трех дней с 1 марта они обязаны получить расчет от фабрики и очистить фабричные помещения или же встать на работу. Причем в об'явлении предварить рабочих, что с 4 марта отпуск харчей из фабричной лавки не вставшим на работы будет прекращен, а потому теперь же сделал распоряжение о напечатании необходимого количества экземпляров таких об'явлений и о препровождении их к тверскому полицеймейстеру с тем, чтобы об'явления были вывешены 1 сего марта с утра во дворе фабрики на видных

местах и на жилых помещениях рабочих и, кроме того, прочтены полицейским чиновником в спальнях рабочих.

Губернатор А. Сомов.

Из рапорта тверского полицеймейстера местному губернатору, 28 февраля 1885 г. за № 878 *.

Имею честь донести вашему превосходительству о нижеследующем: в воскресенье, т. е. 24 февраля, утром около 12 часов дня, пристав 3 части, прибыв в полицейское управление, лично доложил мне, что на фабрике Морозовых что-то непокойно, рабочие, как есть слух, о чем-то говорят, собираясь группами, и вообще заметно какое-то тревожное настроение, но, докладывая об этом, присовокупил, что доложить о чем-либо верно он не может, не разузнав более подробно, а потому мною было приказано приставу Кузьмину тотчас же отправиться на фабрику, подробно разузнать, в чем дело, и вечером мне доложить или же донести неофициально.

Спустя несколько часов после доклада пристава 3 части приехал ко мне в квартиру управляющий фабрикой г. Жуков с подобным же заявлением, что на фабрике что-то непокойно и, кажется, рабочие на завтра (т. е. 25 февраля) думают произвести беспорядок и просил меня, в случае надобности, оказать содействие, но просил не придавать официальности до поры, до времени и на мой вопрос о причинах вызова рабочих на какой-либо беспорядок отвечал, что можно лишь предположить, что рабочих кто-либо подговаривает на это, но кто именно, указать не может. Причем условился со мною, что если утром 25 февраля при начатии работ будет потребность в содействии военной силы, то он Жуков пришлет ко мне визитную карточку, без всякой надобности; если же надобности в войске не будет, то на карточке будет приглашение приехать мне на фабрику.

Вечером того же 24 февраля около 10 часов, будучи в благородном собрании на духовном концерте, я получил от пристава Кузьмина донесение, отправился к управляющему губернией подробно доложить обо всем мною слышанном, но, не застав его дома, вновь возвратился в собрание, чтобы переговорить и посоветоваться с начальником губернского жандармского управления полковником Бехтеевым и командиром 8 гренадерского Московского полка полковником Борисовым, которого и просил в случае надобности в войске о немедленном его командировании на Морозовскую фабрику, причем указано время, когда эта надобность может случиться и при мне же командиром полка было сделано распоряжение чрез батальонного командира, бывшего в собрании.

Утром 25 февраля около 6 часов утра мне передана была визитная карточка г. Жукова, и посланный им кучер сообщил, что на фабрике бунт, и рабочие собрались около главного корпуса, кричат, на работы не идут и желающих работать выгоняют из здания, грозя перебить в окнах стекла. Выезжая после сего на фабрику, около кирки я встретил другого посланного от Жукова, который лично мне передал, что надобности в войске пока нет, а потому я, по докладе управляющему губернией о сем, немедленно отправился на фабрику узнать подробно, в чем дело и прибыл туда в 7 часов утра.

Нашел народ собравшимся по группам пред главным корпусом и разбросанным по всему двору фабрики и что-то кричавшим. Тотчас же направился к квартире г. Жукова, где мне было заявлено, что

* Ф. канц. тверского губ., д. № 54, лл. 21—26.

г. Жуков уехал с фабрики, но куда — неизвестно, а потому я отправился к директору фабрики г. Буну, где он, Бун, заявил, что рабочие ткачи по свистку, хотя и собирались к зданию ткацкой фабрики, но на работу не встали и желавших идти на работу прядильщиков, мотальщиков и т. д. силою заставляли также не ходить, грозя им в противном случае насилием. Причем дополнил, что в 9 часов утра рабочие должны собраться для заявления своих претензий, и к этому времени, действительно, рабочие в числе приблизительно около 3 000 человек собрались перед главным ткацким корпусом и стали что-то кричать. Не найдя удобным говорить с такою массой народа, я предложил приставу 3 части об'явить толпе, чтобы они избрали от себя доверенных, которые могут передать мне все, что они имеют заявить для доклада о сем г. губернатору. Не теряя времени, пока рабочие выбирали доверенных, мною осмотрены были книги ткачей, так как жалоба ткачей была на усиленные штрафы и исключительно за поломку вилок при станках. При проверке оказалось, что в январе месяце сего года из числа 2 320 человек ткачей штрафу за поломку вилок в 50 коп. каждый было подвергнуто 97 человек ткачей, в том же месяце на 12 596 руб. штрафов и других разных вычетов показано на 881 руб. 52 коп.

Когда доверенные были выбраны, то им предложено было войти в помещение фабрики для переговоров. Толпа рабочих стала громко кричать: «Не ходи туда, пускай сюда прийдет». Только после настоятельных и неоднократных приглашений доверенные были впущены в здание фабрики.

Во время переговоров с доверенными, что продолжалось весьма долго, мне было доложено, что толпа рабочих начала ломить двери в слесарной и бить стекла в подвальном этаже, требуя прекращения работ в этом здании, почему мною приказано было доверенным немедленно разогнать толпу и прекратить буйство, что доверенными и было исполнено. На предложения мои доверенным немедленно встать рабочим на работу, они отвечали категорическим отказом, причем заявили, что до переговоров с хозяевами фабрики на работу не пойдут. Обо всем этом мною в час дня было лично доложено управлявшему губерниею, которым и было сделано распоряжение о вводе на Морозовскую фабрику войска, каковое в 3 часа дня того же 25 февраля в числе двух батальонов пехоты и ½ эскадрона кавалерии, вступило на фабрику. По прибытии войск на фабрику рабочих на дворе оной уже было весьма небольшое количество, а потому часть войска была отпущена и оставлено на фабрике 2 роты пехоты и 10 конных. По отбытии управлявшего губерниею и других лиц, бывших с ним, судебным следователем по особо важным делам приступлено было к следствию.

Во время опроса нескольких лиц, около 10 часов вечера, мне было доложено, что 8 человек неизвестных рабочих пришли в газовое отделение и выгнали оттуда дежурных, оставленных на ночь, почему и было тотчас же сделано распоряжение об охране газового помещения часовыми от войска.

26 февраля работ по случаю дня рождения государя императора не было ни в одном из отделений фабрики, а в 2 часа дня на фабрику вновь прибыл управляющий губерниею для переговоров с доверенными рабочих... В течение дня 26 февраля особых беспорядков не было, и 27 февраля красильное отделение, остановленное распоряжением директора г. Швейцера, вследствие настойчивости и угроз рабочих силою выгнать рабочих, вновь пущено в ход с 6 часов утра беспрепятственно со стороны рабочих-ткачей.

Полицеймейстер Мишин.

Из донесения тверского губернатора министру внутренних дел, 3 марта 1885 г., № 156 *.

Имею честь довести до сведения вашего сиятельства, что рабочие фабрики товарищества Тверской мануфактуры продолжают держать себя тихо и спокойно, тем не менее я ввиду того, что 4 марта будет прекращен отпуск с'естных товаров из фабричной лавки рабочим, кои не встанут на работу, и кроме того может представиться надобность в принятии мер к удалению силою с фабрики тех рабочих, кои не пойдут на работу и добровольно не возьмут расчет, признал необходимым усилить содействие от войск и сделал распоряжение о дополнительном отправлении на фабрику сего числа к 5 часам вечера 6 рот Московского гренадерского полка и одного эскадрона конных драгун для принятия мер к предупреждению возможности произвести беспорядок.

При этом считаю долгом присовокупить, что вследствие моих указаний и внушений рабочие начали заявлять свои претензии на фабрику и пред'являть к мировому судье, который приступил уже к разбору этих претензий и жалоб, входя в рассмотрение рабочей книжки каждого рабочего, что и будет продолжать по мере поступления жалоб... В настоящее время мировым судьею рассмотрено несколько книжек у рабочих и 2-го сего марта постановлено: 1) за недовес утка с 1 октября наложенные штрафы сложить, ввиду того, что у всех рабочих показан недовес одинакового количества (48 золотников); 2) штрафы за поломку машин также сложить в виду того, что поломка машин может быть не по вине рабочего; 3) в праздники не работать, а кто желает производить работу, допускать за особую плату; 4) за челноки штраф с рабочих сложить с 1 октября 1884 г. согласно условий найма, имеющихся в книжке рабочего; 5) на будущее время уток весить в присутствии рабочего, получающего оный, и 6) штраф за порчу товара сложить за февраль месяц за непредставлением фабрикою доказательств, что товар испорчен.

В жалобах прядильщиков отказать, за исключением только штрафа, наложенного на рабочих за перемешку утков, каковой штраф сложить. Некоторые из рабочих, прибывших к мировому судье с фабрики к разбору их жалоб, выслушав постановление судьи, признали таковое правильным и законным, но многие остались недовольны таковым, считая себя в праве получить обратно означенные в решении судьи штрафы за 9 лет.

Из донесения тверского губернатора министру внутренних дел, 5 марта 1885 г., № 161 **.

Правление товарищества Тверской м-ры, по предложению моему, обратилось к мировому судье 2 участка города Твери Красенскому с просьбою о составлении судебного приговора, обязывающего рабочих очистить фабричные помещения и удалиться с фабрики. Между тем сего числа утром оказалось, что мировой судья Красенский, за болезнью, передал означенное заявление для разбора мировому судье Дьякову. Приняв во внимание, что Дьяков отличается либеральным направлением и будучи уверен, что он при разборе дела не составит соответственного приговора, я, по соглашению с прокурором окружного суда, не нашел возможным допускать дело до разбирательства г. Дьяковым, а потому ввиду полученного мною предложения вашего сия-

* Ф. канц. тверского губ., д. № 54, лл. 35—36.
** Там же, лл. 42—43.

тельства о высылке рабочих на родину, если стачка будет продолжаться, распорядился, чтобы правление товарищества прекратило у мирового судьи дело, предполагая более правильным и целесообразным воспользоваться предоставленным мне правом административной высылки рабочих. При обсуждении порядка приведения означенной меры в исполнение оказалось, что большинство рабочих происходит из крестьян Тверской губ. и преимущественно Тверского уезда[3], а потому высылка их на родину, будучи сопряжена с крайними неудобствами отправления в селения под конвоем, не принесет вполне существенной пользы, так как рабочие из ближайших селений на другой же день после отправления на родину могут опять вернуться на фабрику. Между тем при исполнении меры высылки возможно ожидать сопротивления со стороны рабочих, а при употреблении силы — и столкновения с войсками. Поэтому я, по соглашению с прокурором окружного суда, командиром полка, часть коего находится на фабрике, и с ад'ютантом жандармского управления, предложил воздержаться некоторое время от распоряжений к высылке рабочих в селения, тем более, что они продолжают держать себя совершенно тихо и спокойно. Но в видах побуждения рабочих к добровольному оставлению фабрики и возможному раз'единению их, признал необходимым распорядиться, чтобы всякий вышедший с фабрики для какой бы то ни было надобности рабочий не был допускаем туда обратно. Для чего у входов на фабрику будут поставлены с 6 марта патрули, которые, предоставляя рабочим возможность выхода с фабрики, впуск в нее прекратят[4].

Мера, эта по общему мнению лиц, бывших у меня на совещании, должна принести действительную пользу, так как рабочие по недостатку с'естных припасов, по необходимости должны будут уходить с фабрики, а за невпуском обратно на фабрику удаляться на родину, куда по волостям будут высланы, по распоряжению моему, паспорта рабочих, как равно расчеты их с фабрикою и заработанные деньги...

Губернатор Сомов.

Из рапорта тверского полицеймейстера местному губернатору, 7 марта 1885 г., № 980 *.

Пристав 3 части г. Твери рапортом за № 5 донес мне, что сего числа, вследствие дошедших слухов, что в слободке за монастырем в доме отставного унтер-офицера Афанасия Иванова, у квартирующего у него ткача крестьянина Шепелевской вол. деревни Поддубки Андрея Яковлева[5] собираются, и нередко по ночам, лица, упорно поддерживающие беспорядок между рабочими, отбирая от них расчетные книжки даже без их согласия. Он, пристав, отправился в означенный дом, в сопровождении конвоя жандармов: Платонова и Дмитриева и помощника пристава Галицкого. Кроме хозяина дома Афанасия Иванова, в квартире оказался содержатель ее крестьянин Шепелевской волости, деревни Поддубки Яков Васильев. Но сын его, на которого и было указано, оказался в отсутствии. Кроме того, на ночлеге в квартире этой оказались значащиеся по делу поверенными крестьяне Шепелевской волости деревни Перехожей Данила Иванов, Никулинской волости деревни Никулина Абрам Соколов, Шепелевской волости деревни Зеленца Николай Григорьев и Первитинской волости деревни Олбова Дмитрий Филиппов[6]. Все эти лица оказались без огня, повидимому, спящими, и проживая на фабрике, сего числа были замечены

* Ф. канц. тверского губ., д. № 54, лл. 53—54.

за воротами в числе невпущенных на фабрику. В квартире оказалось около 1 170 фабричных книжек, подписанные листы о согласии на избрание поверенных, листы по сбору денег, черновая жалоба от всех фабричных и три доверенности на имя г.г. Рождественского и Малевича-Малевского. Бумаги эти взяты приставом до рассмотрения, а книги опечатаны и сложены в отдельное помещение под запором и наблюдением за помещением хозяина дома.

Полицеймейстер Мишин.

Донесение тверского губернатора министру внутренних дел, 10 марта 1885 г., № 177 *.

Имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства, что к настоящему дню на фабрике товарищества Тверской мануфактуры остается налицо из всего числа 4 200 человек рабочих из ткачей и прядильщиков только 995. Таким образом оказывается, что принятая мною с 6 марта против рабочих мера — невпуск их на фабрику — оказала вполне целесообразные результаты, и рабочие удалились с фабрики без всяких столкновений, добровольно. Но при этом считаю необходимым дополнить, что успеху этой меры способствовало и то, что присяжный поверенный Рождественский и помощник присяжного поверенного Малевский-Малевич, вследствие моего требования и указаний, им сделанных, 4 числа прекратили с рабочими весьма вредные, возбуждавшие их к продолжению стачки и парализовавшие мои распоряжения переговоры и отказались вести их дело, впредь до полного восстановления на фабрике порядка [7].

Сегодня мною получено донесение, что из остающихся на фабрике ткачей и прядильщиков более 450 рабочих заявили правлению фабрики желание встать на работу, вследствие чего правление имеет открыть 11 сего марта в прядильно-ткацком корпусе работы для рабочих, из'явивших на то желание.

Губернатор А. Сомов.

Рапорт тверского полицеймейстера местному губернатору, 12 марта 1885 г., № 1045 **.

Имею честь донести вашему превосходительству, что 11 сего марта на фабрике Морозова приступило на работу с 6 часов утра: по прядильному отделу — 379 человек, по ткацкому — 428 и по механическому — 98 человек.

А всего поступило 905 человек.

Полицеймейстер Мишин.

Из протокола пристава 3 части г. Твери, 13 марта 1885 г. ***

1885 г. марта 13 дня г. Твери пристав 3 части составил этот акт в следующем: 12 числа по заявлению проживающего близ фабрики товарищества Тверской мануфактуры отставного рядового Федора Михайлова задержан проживающий у него рабочий фабрики крестьянин Новоторжского уезда, села Кавы, Кузьма Павлов. Михайлов заявил, что у Павлова собирается много народа, между которого Павлов возбуждает неудовольствие, и тем из рабочих, которые из'явят желание

* Ф. канц. тверского губ., д. № 54, лл. 86—87.
** Там же, л. 97.
*** Там же, л. 111.

возобновить брошенные работы, грозит побоями, уверяет, что те, которые возвратятся на работы, непременно будут подвергнуты штрафам. На требование Федора Михайлова не заводить беспорядков в его доме, Кузьма Павлов сделал угрозы и самому Федору Михайлову убить его самого и его собаку.

Из показаний вполне подтверждается то, что означенный Павлов и также рабочий крестьянин Тверского уезда, деревни Селина, Дмитрий Васильев, с очевидною целью отвлечения рабочих от работ, грозили избивать тех, которые пойдут на работу, и, кроме того, уверяли, что все те, которые пойдут на работу непременно подвергнутся штрафу и денежному взысканию. Сверх означенного 11 числа, когда по сделанным заявлениям в первый раз начали являться на работы, толпы других рабочих, стараясь их не допускать, кричали, что они непременно будут оштрафованы и в одной такой толпе лично приставом замечен Павлов, который также, как и другие участники толпы, при приближении пристава удалился и на призывы пристава возвратиться не возвратился.

Пристав 3 части г. Твери Кузьмин.

Из протокола пристава 3 части г. Твери, 23 марта 1885 г. *

1885 г. марта 23 сего дня г. Твери к приставу 3 части явился служивший на фабрике Тверской мануфактуры ткацким подмастерьем из дворян Станислав Николаев Белевич и заявил жалобу на бывшего ткача фабрики серпуховского мещанина Ивана Федорова Семенова, носящего также прозвище «Чуркина», «Студента». По заявлению Белевича, Семенов, состоя в числе зачинщиков беспорядков на фабрике, во время оставления работ, был с теми рабочими, которые, как он сам нечаянно слышал, сговаривались завернуть в фабрике газ и в темноте насильственно расправиться с директором, ткацким подмастерьем и конторщиками. Чтобы отвратить такое насилие и отвратить его последствия, Белевич решился забросить ключ, которым завертывался газ и без которого рабочие сделать этого не могли и предупредить об опасности, о чем он и успел предупредить мастера Алексея Яковлева, а ключ действительно забросил. Вследствие этого рабочие, не успев в своем намерении, порывались его избить, грозя совсем разорвать, и несколько времени целою толпою караулили до тех пор, пока он не получил возможность тайно уехать с фабрики. Ныне Белевич снова встретил Семенова, и сей последний, выражая ему свое неудовольствие, снова сделал ему угрозу.

Почему постановил: Ивана Федорова Семенова впредь до справки и окончания дознания задержать.

Пристав Кузьмин.

Отношение директора департамента полиции тверскому губернатору, 9 апреля 1885 г., № 1155 **.

Особое совещание, образованное согласно статьи 34 положения о государственной охране, выслушав доклад о содержащихся под стражею в Тверской губернии Кузьме Павлове и Дмитрие Васильеве, обвиняемых в подстрекательстве к беспорядкам, постановило: подчинить Павлова и Васильева, если о их виновности не будет возбужден вопрос в судебном порядке, гласному надзору полиции в Вологод-

* Ф. канц. тверского губ., д. № 54, л. 28.
** Там же, л. 139.

ской губернии — первого на два года, второго на один год, считая обоим срок надзора с 27 марта 1885 г.

Сообщая о вышеизложенном, департамент полиции имеет честь просить ваше превосходительство сделать распоряжение об исполнении определений особого совещания.

За директора [подпись].

Рапорт тверского полицеймейстера местному губернатору, 25 апреля 1885 г. *

Имею честь донести вашему превосходительству, что серпуховский мещанин Иван Федоров Семенов («Чуркин») за беспорядки на фабрике Морозова присужден мировым судьею 2 участка Твери на два месяца в дом арестуемых и затем высылке на родину [8].

Полицеймейстер Мишин.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Были выбраны ткачи Ефрем Филимонов, Данила Иванов, Колобков, он же Лашков, Николай Григорьев, Кузьма Павлов и Петр Абрамов.

2. «Особые правила» морозовской фабрики предусматривали штрафы не только за порчу машин или материалов, но и за плохое поведение рабочего, за ругань, игры и драки. Брались штрафы за непосещение воскресных богослужений, за прием в казарме гостей, за позднее возвращение в казармы даже в нерабочие дни, за уход с фабрики до истечения срока найма.

В 1870 году губернское правление, разбиравшее вопрос о рабочих книжках, в которых были опубликованы эти правила, признало, что «... в книжке обязанности фабриканта в отношении к рабочим ослаблены пропуском из законов того, что обеспечивает рабочих (например, что хозяин, желая отпустить рабочего до срока, должен об'явить за две недели и расчитать за время до отпуска). Напротив, права фабриканта присваивают ему власть и судебную и даже превышающую ее. Обязанности на рабочего возлагаются сверх определенных законами, а права их ограничены до крайности и затемнены, особенно в обжаловании фабричных действий по расчетам с рабочими».

Губернское правление запретило книжки и потребовало изменить «особые правила», но сенат, куда обжаловали Морозовы действия тверских властей, отменил постановление губернского правления, и фабричный режим сохранился без изменения до забастовки 1885 г. (См. ф. тверского губ. правления, 4 стол, д. № 135/72, л. 14 и об.)

3. Из 4 257 человек рабочих ткацкого и прядильного отделений Тверской мануфактуры, участвовавших в забастовке, из Тверского уезда было 3 545, ближайшего уезда той же губернии — Новоторжского — 387 чел., соседнего уезда Московской губернии — Волоколамского — 144 чел., из других уездов Тверской губ.— 67 чел., из остальных уездов Московской губ.— 78 чел., Рязанской губ.— 4 чел., Псковской губ.— 1, Ярославской губ.— 4 чел., Витебской губ.— 7 чел., Воронежской губ.— 3 и Владимирской губ.— 7 чел. Жили в спальнях 2 944 чел., на квартирах 1 313. (См. канц. тверского губ., д. № 54, л. 50.)

4. См. отчет Тверского комитета РСДРП II с'езду. «Рассказывают,— читаем в этом отчете,— что солдаты на штыках передавали хлеб в импровизированную тюрьму».

5. А. Я. Щербаков — один из руководителей забастовки.

6. Все, кроме Дмитрия Филиппова, принадлежали к основному руководящему ядру.

7. О своем разговоре с адвокатами тверской губернатор в донесении министру внутренних дел писал:

«Пригласив к себе Малевича-Малевского и Рождественского, об'яснил им, что принятием на себя ходатайства в окружном суде они вводят своих доверителей в заблуждение, внушая им ложную уверенность в неподсудность этого дела мировому судье, и совершенно напрасные надежды на возможность полнейшего удовлетворения судом всех требований, и таким образом поддерживают в рабочих дух сопротивления распоряжениям администрации, все усилия которой направлены к тому, чтобы убедить рабочих начать работу, предоставив разбирательство их претензий мировому судье».

8. Кроме Кузьмы Павлова, Дмитрия Васильева и Ивана Федоровича Семенова за забастовку были высланы по этапу распоряжением губернатора Сомова 300 рабочих. Все они были занесены фабрикантами Морозовыми в «черную книгу».

---

* Ф. канц. тверского губ., д. № 54, л. 144.

Казанские суконщики в 1836 г.

Казанская суконная фабрика возникла в 1714 г. Рабочая сила для нее была набрана из приписных населенных имений, из беглых крестьян, а также из свободных людей. Вначале фабрика принадлежала казне, а затем, в 1724 г., перешла в руки крупного казанского купца Михляева, от него в 1728 г.— к брату жены Михляева, купцу Дряблову, которому фабрика указом Анны Иоанновны от 9 сентября 1735 г. была передана в полную собственность вместе с людьми, работавшими на ней.

Начиная с 1737 г. до 1849 г. непрерывно, то затихая, то ярко вспыхивая, идет борьба рабочих Казанской суконной фабрики за освобождение от крепостной зависимости.

Из поколения в поколение в течение 100 лет в среде рабочих Казанской суконной фабрики появлялись инициаторы выступлений, направленных против тяжелых условий работы и, главным образом, против закрепощения рабочих. Суконщики считали себя свободными людьми, так как их предки поступили на фабрику свободными.

Борьба казанских суконщиков занимала видное место в истории рабочего движения России XVIII и первой половины XIX в. и особенно в жизни города Казани.

Кнутом и «кошками», каторгой, ссылкой и острогами кончались не только «бунты», но каждый незначительный протест рабочих. Зато в этой борьбе рабочие закалялись, получали навык борьбы, учились быть стойкими и сплоченными.

В начальный период этой борьбы, в XVIII в., рабочие были еще слабо организованы, наблюдались случаи довольно большого отсева жалобщиков, снимавших свои подписи с челобитных. В начале XIX в. такие случаи были уже реже. Рабочие в массе своей держались стойко, дружно, что видно из показаний во время процесса 1836 г. Наблюдались, конечно, отдельные случаи штрейкбрехерства, но такие случаи исчислялись единицами.

Особенно тяжело приходилось суконщикам в период 1827—1837 гг., когда фабрика Осокина находилась в аренде у Александра Ивановича Лобачевского, человека необузданного, жестокого и властного, окружившего себя шпионами и приказчиками, такими же жестокими и кровожадными, как и он сам. Работу на фабрике он превратил в каторгу. В этот период волнения среди рабочих по своему размаху затмили все предыдущие. Рабочие восстали поголовно и решили подать петицию Николаю I на владельца фабрики Осокина.

Еще в 1834 г. рабочие составили «приговор» о том, чтобы жаловаться на притеснения Осокина и Лобачевского; ряд рабочих подписался под этим приговором (дело аудиториатского департамента, отд. 3, стол 2, № 3, л. 148). С конца 1835 г., стараясь не навлекать подозрений со стороны фабриканта и властей, рабочие тайно начали готовиться к подаче «всеподданнейшего» прошения в Петербурге. Для составления прошения наиболее активная часть рабочих (Чернов и др.) обратилась к отставному коллежскому регистратору Ливанову, который в феврале 1836 г. за определенную мзду написал им прошение. В этом прошении рабочие жаловались и на притеснения Осокина и Лобачевского, и на неза-

конные действия правительственной комиссии Хомутова, Приклонского и Булыгина, которая была учреждена по повелению Николая I в августе 1835 г. для расследования жалобы рабочих на неправильную сдачу в рекруты. Присоединив к прошению ряд «старинных актов и указов» и вышеуказанный «приговор», рабочие выбрали двух ходоков, Баранова и Жирнова, и отправили их в Петербург. Через несколько дней ходоки вернулись обратно без бумаг, об'яснив на допросе причину своей отлучки «непробудным пьянством». Бумаги же были найдены в Нижегородской губ., Горбатовском уезде, на Непецинском мосту по Московскому тракту и присланы в июле 1836 г. казанскому военному губернатору. Каким образом они попали туда, точно установить не удалось. По одним сведениям, ходоки передали бумагу какому-то ехавшему в Петербург человеку, который, ознакомившись с их содержанием, из боязни выбросил их на дороге; по другим — сами ходоки потеряли их. Дело приостановилось до июля 1836 г., когда по Суконной слободе распространился слух о предстоящем в августе приезде в Казань на военные маневры Николая I, что и побудило рабочих подать петицию непосредственно ему.

Для подготовки протеста суконщики избрали из своей среды 13 человек; днем они бывали на работе, ничем не выдавая своих замыслов, а всю работу проводили по ночам. Эти 13 избранных разделили Суконную слободу на участки, и каждый ходил по домам, агитировал и собирал подписи; вместе с ним ходил какой-нибудь грамотный рабочий, который расписывался за неграмотных.

Чтобы составить петицию и переписать ее, нужен был хорошо грамотный человек. Рабочие устроили сбор денег, и отставной канцелярист Горбунов, в первых числах августа, составил новое «всеподданнейшее прошение», за что получил два рубля серебром. В основу второй «петиции», поданной 20 августа 1836 г. Николаю I, Горбунов положил ливановское прошение, дополнив его вступлением, несколько развив историческую часть и усилив характеристику методов эксплоатации рабочих и борьбы с ними фабриканта Осокина.

Прошение было подано Николаю I суконщиком Толокновым 20 августа 1836 г. Николай I, взяв прошение из его рук, пригрозил рабочим, что в случае неправильности их жалоб на Осокина с ними сурово расправятся. Свою угрозу он не замедлил привести в исполнение и тотчас дал предписание казанскому военному губернатору «расследовать» дело. С 24 августа по приказанию Стрекалова «заработала» громоздкая бюрократическая машина «империи Российской». Следствие имело целью обнаружить сочинителей и переписчиков «петиции», но ни обыски на квартирах рабочих, ни их показания ничего не дали. Ливанов говорил о своей непричастности к подаче второго прошения; Горбунов сообщил, что он после долгих отказов, уступая настойчивым просьбам незнакомых ему рабочих, лишь переписал это прошение; рабочие в один голос отрицали какое-либо знакомство с Горбуновым и Ливановым; мало того, большинство из них без согласия общества отказалось подписывать свои показания. Один из инициаторов движения, суконщик Чернов, заявил: «Кто сочинял и переписывал прошение, не знает, кто подавал его — не помнит». А подавший прошение Толокнов показал, что «ни из чьих рук жалобы не принимал, а был всеми рабочими со слезами прошен о принятии на себя подачи ее; тронувшись их слезами, сам он заплакал, отворотился от них и, когда после обратился к ним, увидел ту жалобу лежащей на земле, с которой ее и поднял». Только предательство одного из рабочих П. Шмелева раскрыло сущность дела.

Казанская комиссия 10 ноября 1836 г. «за ложный донос и отказ подписать свои показания» приговорила наиболее активную часть рабочих в числе 13, а также обоих канцеляристов, писавших «петицию», к смертной казни. Казанский вице-губернатор Огнев «смягчил» наказание, заменив смертную казнь каторжными работами, ссылкою на поселение в Сибирь, отдачею в солдаты с предварительным наказанием плетьми. Дело через министерство внутренних дел, военного министра, аудиториатский департамент было представлено Николаю I, который 16 октября 1837 г. утвердил решение последнего.

Еще до приведения в исполнение приговора над 15 остальных рабочих фабрики разделили на три группы по степени их участия в движении и потребовали поголовной подписки в том, что они впредь на Осокина жалоб писать не будут. Рабочие в массе своей требуемой подписки не дали. В ответ на их отказ, по распоряжению местных властей, учинена была жестокая расправа, после которой большинство рабочих дало требуемую подписку.

Путем жестокого приговора над зачинщиками и кровавой расправой с остальными рабочими царское правительство пыталось посеять страх и раз навсегда покончить с выступлениями рабочих, но оно было бессильно задержать общий ход исторического развития.

Публикуемые документы хранятся в ЛОЦИА в Военно-историческом архиве, в фонде аудиториатского департамента.

Э. Кацман.

Прошение рабочих Казанской суконной фабрики Осокина Николаю I, 20 августа 1836 г. *

Всеавгустейший монарх, всемилостивейший государь.

Бедственная участь, ввергающая** человечество в угнетение лица, не имеющего законных прав владения, заставляет нас прибегать к освященным стопам твоим и с тем вместе утруждать благословенное царствование твое воззрением на людей, ищущих твоего покрова от бед и гонений, их непрестанно преследующих. О каковой участи мы угнетенные имели уже счастие прибегать всеподданнейшими просьбами, посланными чрез почту в прошлых 1832 февраля 12[1], 1833 июня 26, 1834 марта 1, и того ж 1834[2], поданной флигель-ад'ютанту вашего императорского величества князю Долгорукову[3]. Но, как не получая никакого разрешения в нашей гибели, возымели дерзновение представить лично вашему императорскому величеству при посещении благословенного града Казани и представить вкратце угнетительность*** фабричного состояния людей, свободно на фабрику поступивших, причиняемую от содержателя Казанской казенной суконной фабрики г. Осокиным в течение 40 лет.

Казанская суконная фабрика, заведение свое восприявшее*** в царствование блаженно и вечно достойной памяти императора Петра I, и созиждена казенным иждивением, а потом поступившая на содержание купцу Михляеву[4], по его достаточному и доброму состоянию, ведая, что будет преуспевать к размножению и увеличению сего столь полезного для блага государства заведения. В последствии ж времяни по указу мануфактур-коллегии генваря 7 дня 1736 года[5] приписано к оной фабрике в немалом количестве пожелавших с добровольного согласия в фабричные мастеровые разного сословия людей, кои в звание сие поступили из солдатских и драгунских детей, дворцовых крестьян, посадских дворян, купецких детей и духовного звания людей.

По смерти ж купца Михляева означенная суконная фабрика досталась в распоряжение купцу Дряблову[6], как ближайшему родственнику, который в 1755 году, с дозволения правительства, купил к оной фабрике несколько душ крестьян. Потом, как оная фабрика в 1799 году по распоряжению правительства отдана была на содержание коллеж-

* ЛОЦИА, Военно-историч. архив, аудиториатский департамент, отдел 3, ст. 2, св. 41, 1836 г., д. № 3, лл. 214—219.

** В подлиннике «ввергающее».

*** Так в подлиннике.

скому советнику Ивану Осокину, а от него поступила в таковое ж владение сыну его гвардии прапорщику Гаврилę Осокину[7], то оный, желая укрепить за собою без всякого различия всех тех вольно поступивших из разного сословия в фабричные мастеровые, хотя и делает свои на предмет таковой доказательства, но оные есть несправедливы: ибо если от предков его последовал взнос в казну денег, то таковой произошел не за нас, а за принятие беглых помещичьих крестьян, которые поступили в укрепление к отцу его, а вольно пришедшие люди из разного сословия довольствовались платою по указу 1734 года сентября 28, с означением в нем, кто именно из какого звания поступил в мастеровые; за нас же от всех поясненных содержателей фабрики взносимо денег никуда не было, и он, г. Осокин, на присвоение нас в крепостные, не имея документов, не имеет права к тому, пользуясь одною давностью время, показывая в ревижских сказках в разнообразном виде: ибо по 4 и 5 ревизии назвал мастеровыми просто, по 6 — состоящими при фабрике вечно отданными мастеровыми, и по 7 — всех вообще фабричными безземельными людьми, купленными будто бы в 1755 году[8]. Таковое его показание не могло б еще делать нам чувствительного отягощения, ибо мы по званию своему должны определяемые при фабрике работы исправлять с прилежанием, не делая содержателю ни в чем малейшей остановки, равно как готовы всегда повиноваться учрежденному при фабрике начальству и исполнять их приказания, во всех отношениях до фабричного мастерства относящиеся, без малейшего со стороны нашей упущения, в чем долг обязанности нашей сохраняем мы всегда в непоколебимой твердости.

Но бесчеловечное обращение с нами г. Осокина подает нам смелость об'яснить вашему императорскому величеству те обстоятельства, кои доводят нас до тяхчайшей угнетительности и раззорения многих наших семейств, а именно:

1) В 1814 году мастеровому Ивану Брызгалову при фабрике причинено без всякой причины жестокое наказание до смерти. В 1826 году управляющий фабрикою надворный советник Лобачевский[9] причинил также жестокое наказание мастеровому Николаю Корелину, который чрез трое суток помер; фабричный подмастерья Матвей Белов[10] таким же жестоким образом в 1826 г. наказал безвинно мастерового Илью Неволина, который от жестоких побой преждевремянно окончил жизнь свою, а семейства сих несчастных находятся в жалком состоянии. Сверх сего он, г. Осокин, к стеснению нас производит отдачу из фабричных людей в солдаты за своих крепостных крестьян, коих поступило около 80 человек, и безвинно отлучает от семейств ссылкою в Сибирь на поселение, каковых несчастных находится в довольно значительном состоянии, и оные, будучи по фабрике из самых лутчих рабочих людей, сосланы не за дурное поведение или другой противозаконной поступок, а единственно за то только, что они знали твердо предков своих, поступивших из доброй воли на фабрику для обучения, и к тому не давали прапорщику Осокину подписки на признание его вечно законным своим помещиком. Каковое распоряжение г. Осокина противно указу 1731 г. сентября 28 и предписания министра Кочубея[11] от 23 генваря 1806 г., коими узаконено мастеровых фабричных натурою в рекруты не отдавать, а иметь для непременного умножения мастерства и пользы казне к увеличению выделки сукон, а вместо оных взносить деньгами из прибыльной суммы по 500 руб. за рекрута. Доказательством же уничтожительности фабричного состояния людей служить может то, что по бывшей 4 ревизии числилось нас 1468 душ, в нынешней же 8 ревизии состоит с небольшим 800 душ,

из чего можно видеть не прибыль в мастеровом народе, но непомерную убыль.

2) Г. Осокин по единой воле употребляет в несвойственные фабричному званию работы, для каковых работ по силе указов 1736 генваря 7 и 1803 июля 19 числ надлежало б ему, г. Осокину, нанимать вольных людей. О каковых жестокостях и изнурениях, для нас несносных, хотя мы в надлежащие присудственные места и к лицам, власть имеющим, приносили неоднократные свои жалобы, но не получали в защиту никакого удовлетворения, кроме, как г. Осокин, имея у себя значительное состояние, и для прикрытия своих поступков тратит свой капитал, остаемся в продолжении 40 лет по нашим жалобам без всякой защиты в мучительном и горестном положении. Даже и сверх оного, поданная нами в 1817 году к его императорскому высочеству — великому князю Михайле Павловичу при посещении его града Казани жалоба осталась, конечно, по действиям г. Осокина в чьих руках, без всякого внимания, а в 1818 году, хотя были посланы от нас в Москву для подачи в правительствующий сенат мастеровые Афонасий Соколов и Иван Ефремов [12], но оные по проискам г. Осокина захвачены, и, по случаю производства о сем судного дела, по крайнему настоянию г. Осокина сослано безвинно в Сибирь на поселение 39 человек и в сем случае поверенный нам мастеровой Дмитрий Сивухин [13] был содержан при фабричной канторе для нарочитого пропуска апелляционного срока, по миновании коего означенные мастеровые принуждены были выполнить над собою приговор судебного места.

3) После сего, в сем 1836 году, из мастеровых людей семь человек, а именно: Иван Баранов, Кузьма Дубровин, Павел Филатов, Петр Шелковников, Александр Подчалкин, Степан Теньков и Иван Белобородов, кои все честного поведения и с хорошею нравственностью, заслуживающие всякого доверия, слишком полгода содержались в Казанском тюремном замке за недачу г. казанскому полицеймейстеру Клушину [14] подписки в том, якобы последовало из правительствующего сената решение, по основанию по данной просьбе к вашему императорскому величеству чрез флигель-ад'ютанта князя Долгорукова, о всегдашней принадлежности означенному Осокину и в бытии у него в вечном крепостном владении, и таковых будто бы ябеднических просьб к лицу вашего императорского величества не подавать. С какового решения просили г. полицеймейстера выдать нам копию, но оный отозвался невозможностию. По сему случаю и действиям Осокина о сих обстоятельствах производилось в казанских судебных местах дело, и по решению уголовной палаты велено: годных отдать в солдаты, а негодных сослать в Сибирь на поселение. Из вышеписанных 6 человек удалены, а последний, Белобородов, поступил в солдаты.

4) Сверх сих угнетений, описываемых нами, занимаемся мы на фабрике работою, кроме праздничных дней, почти безвыходно, но жалованье хотя и получаем ныне ассигнациями и медью, но плату г. Осокин за выработку против прежней платы по указу 1820 года убавил с таковым заключением, что якобы прочие в работе употребляют леность, и, сверх сего, производит неправильный вычет, якобы за обракованные сукна, кои в казну от комиссариатского депо принимаются наравне с добротными, при фабрике отобранными, каковых зарабатываемых нами денег от 9 до 10 рублей в месяц не достает с семействами своими и на дневное пропитание, не имея к сему никаких других средств к приобретению, кроме как вынуждаются большею частию семейства приобретать чрез труды рук своих в праздничные дни.

5) Из числа отданных г. Осокиным в солдаты Петр Сапожников [15]

в прошлом 1834 году, во время пребывания вашего императорского величества в Нижнем-Новгороде и при осмотре тамошнего гарнизонного батальона, приносил лично жалобу о неправильной его отдаче г. Осокиным в солдаты, по каковому обстоятельству производилось здесь, в городе Казани, исследование через г. чиновника по разным поручениям у казанского военного губернатора Машкина и [при] депутате с воинской стороны г. подполковнике Чекове. Но оные показываемые нами обстоятельства не приняв в уважение, требовали одного только подтверждения нашего в подаче просьб. А как мы порядком производства такового следствия остались недовольными, то и требуемого рукоприкладства к делу не сделали, и так дело сие, должно полагать, осталось ничем неоконченным, и рядовой Сапожников по присылке в город Казань с 25 декабря 1834 года по сие время содержится в Казанском военном тюремном замке.

6) По прошениям нашим, как мы наслышаны, по повелению вашего императорского величества от г. министра внутренних дел последовало г. казанскому военному губернатору предписание о дознании от помещика Осокина, когда и в какое время он получил себе в наследство нас фабричных людей, или мы приобретены покупкою, то когда имянно, от кого были проданы, где совершена была купчая крепость, в какой силе и, если наследственно, то от кого мы перешли, кто был то лицо, от кого мы достались ему, г. Осокину? Но приведено ли сие предписание в исполнение, нам неизвестно, а должно быть, сие остается неисполненным.

7) Потом тем же министром внутренних дел предписано ему г. военному губернатору командированным в комиссию чиновникам особых поручений статскому советнику Хомутову и коллежскому советнику Приклонскому и назначенному от графа Бенкендорфа находящемуся в городе Казани полковнику корпуса жандармов Булыгину оказывать при произведении ими дела сего зависящее от него, г. губернатора, законное содействие, и наконец

8) По сему препоручению г.г. Хомутов и Приклонский, прибыв в г. Казань, требовали нас в комиссию всех по одиночке и принуждали к написанной ими подписке подписаться в бытии у г. Осокина в вечном крепостном владении на правах им установленных, к каковой подписке из числа фабричных людей человек до 50, которые от канторы по достатку состояния своего находятся из оброку от работ свободными и занимаются распоряжением при канторе, закупкою для сукон шерсти, подписались. Но мы, фабричные люди, слишком 750 человек, по непринадлежности ему, г. Осокину, от сего подписа отказались, объясняя каждый свои причины, но они г.г. Хомутов, Приклонский и Булыгин наших показаний ни одного в уважение не приняли, а более еще старались, по настояниям г. Осокина, с приближенными ему г.г. чиновниками, склонить нас об'яснить, что якобы мы утруждали ваше императорское величество нашими просьбами неправильно, чего однако ж мы, чувствуя себя невинными, исполнить не могли.

А как видя до крайней степени угнетение, нам причиняемое, и не имея способов влачить образ жизни в столь бедственном положении, решились все сии обстоятельства лично, при столь радостном высочайшего твоего лица посещения града Казани, предать во всемилостивейшее благоусмотрение вашего императорского величества и всеподданнейше просить воззрения милосердным оком на все сии претерпеваемые нами стеснения и повелеть высочайшею властию истребовать лично от г. Осокина те акты, по коим он считает нас фабричных, с воли на фабрику поступивших для обучения сему внове в отечестве нашем

заводимому ремеслу и для жизни каждого человека полезному, в вечное крепостное свое владение. В опровержение ж его несправедливой притязательности имеем с своей стороны представить каждый из нас о своем роде доказательные документы, подтвержденные высшими судебными местами. И с тем вместе повелите сделать всех нас, с воли на фабрику поступивших, коренными, свободными от услуг людьми.

Ваше императорское величество! На все сие воззрение имеет ожидать конец несчастным для нас приключениям и даже самого производства дела, продолжающегося слишком 40 лет и по сие время ничем не оконченным.

Вашего императорского величества, всемилостивейшего государя верноподданные рабы, с воли на фабрику поступившие, оставшиеся от предков своих, подписуемся умеющие грамоте своеручно, а не умеющие по их личной просьбе.

[Подписи.]

Донесение и. д. казанского военного губернатора И. Огнева министру внутренних дел Д. Блудову, 4 февраля 1837 г.*

Предписание вашего высокопревосходительства от 9 минувшего генваря за № 19 с из'яснением высочайшего повеления по делу о мастеровых Казанской суконной прапорщика Осокина фабрики, приносивших неосновательные жалобы на владельца своего, я имел честь получить 26 того генваря в 9 часов пополудни.

Между тем г. казанский военный губернатор в отношении ко мне от 17 генваря за № 33 для об'явления такового высочайшего повеления означенным фабричным и приведения оного в исполнение поручил мне, в предупреждение могущих произойти замешательств, фабрику, куда собраны будут мастеровые, предварительно обезопасить двумя или более ротами казанских гарнизонных батальонов, полусотнею уральских, здесь состоящих, казаков и, по возможности, жандармами, с тем, чтобы воинские чины, к сему прикрытию употребиться имеющие, были в полном вооружении и с заряженными ружьями и чтобы с ними были отряжены благонадежные офицеры.

Вследствие чего, назначив срок для исполнения упомянутого высочайшего повеления 29 генваря, в 8 часов утра, я относился к г. г. окружному генералу 4 округа внутренней стражи и казанскому коменданту о наряде конвоя к месту сбора фабричных в том самом количестве и с таким вооружением, как назначено г. военным губернатором (что со стороны их в точности и исполнено).

Сверх сего, пригласив их же, т. е. г. г. окружного генерала 4 округа внутренней стражи и здешних коменданта, равно губернского прокурора и корпуса жандармов полковника Булыгина, присутствовать лично при исполнении мною упомянутого высочайшего повеления и в том мне, при случае надобности, содействовать, я прибыл с ними на фабрику прапорщика Осокина в назначенное время, где собраны были мастеровые оной, и об'явил чрез г. прокурора упомянутую высочайшую прежде волю 51 человеку, из'ясненным в списке под литерою *С*, при предписании вашего высокопревосходительства доставленном, кои следуют в военную службу, в Сибирь на поселение, или на Иркутскую суконную фабрику[16], и тотчас отправил их при военном конвое в пересыльный каземат для представления оттоль в рекрутское присутствие к освидетельствованию и распределению по назначению, куда кто годным окажется.

*ЛОЦИА, Военно-историч. архив, аудиториатский департамент, отд. 3, ст. 2, св. 41, 1836 г., д. № 3, лл. 37—41.

Потом немедленно об'явлено упомянутое высочайшее повеление 60 мастеровым, находящимся в должном послушании, 144 поименованным в списке под литерою *А* (коим должно было сделать внушение о повиновении владельцу) и 177 состоящим в списке под литерою *Б* (подлежащих исправительному полицейскому наказанию). По прочтении высочайшего повеления поступки первых (по перекличке всех по именам) были одобрены; вторым сделано внушение о повиновении владельцу, а последним определено было мной дать каждому чрез полицейских нижних служителей по 25 ударов розгами (что тотчас над ними, окруженными воинскою командою с заряженными ружьями, и было приведено в исполнение).

Наконец, приступлено к отобранию подписки от всех фабричных в том, что они ни свободы отыскивать, ни ябеднических жалоб на владельца подавать впредь не будут и останутся в законном послушании владельцу фабрики и тем, к кому от него по наследству или по покупке достанутся. Шестьдесят человек, бывших прежде в должном послушании, и тут показали собою добрый пример прочим и дали требуемую подписку немедленно и добровольно. Некоторые же из поименованных в списке под литерою *А* и *Б*, несмотря ни на какие убеждения, делаемые со стороны моей и присутствующих при том г. г. окружного генерала 4 округа внутренней стражи, коменданта, губернского прокурора и корпуса жандармов полковника Булыгина, долго упорствовали в даче требуемой от них подписки. Таковые упорствовавшие, по распоряжению военного бывшего там начальства, с согласия моего, наказаны еще розгами, а двое и палками, всего 13 человек, и после того согласились дать подписку, и дали. Все сие продолжалось до 2 часов с половиною по полудни.

А на другой день, то-есть 30 генваря, были представлены при мне в казанское рекрутское присутствие исправляющим должность казанского полицеймейстера те из 51 мастеровых, кои 29 числа отделены были от прочих фабричных и отосланы в пересыльный каземат.

Из числа их оказалось годных к военной службе 17 человек, в которую и приняты уже они рекрутским присутствием того ж 30 генваря и отправлены к командиру 1 казанского гарнизонного батальона подполковнику Броневскому для отсылки, согласно назначению г. военного губернатора, в отдаленные от Казани места; 19 человек признаны способными только к фабричной работе, а 4 найдены к оной, по летам и состоянию здоровья, негодными. Сии 23 человека отосланы рекрутским присутствием в губернское правление для препровождения по принадлежности. Один из числа 51 чел., Алексей Семенов Сазанов, не являвшийся вместе с прочими в назначенное место для выслушивания высочайшей воли, находился два дня в бегах, который однако ж на третий день полициею отыскан и по свидетельству, произведенному в рекрутском присутствии 3 числа текущего февраля, признан способным к фабричной работе и отправлен того ж числа в губернское правление для отсылки вместе с прочими на место назначения. Затем 9 человек содержатся в военном каземате, которые состоят под военным судом по высочайшему повелению, изъясненному в донесении моем вашему высокопревосходительству от 25 минувшего генваря за № 15, а последний, Григорий Дмитриев Аршинов, умер с полгода тому времени назад.

Донося вашему высокопревосходительству о приведении в исполнение высочайшего повеления и представляя при сем именные списки мастеровым фабрики прапорщика Осокина, принятым в военную службу, равно назначенным на Иркутскую суконную фабрику и в Сибирь на поселение из числа 51 человека, значущихся в списке под

литерою *С*, я покорнейше прошу начальственного разрешения, следует ли приводить таковое повеление ныне в исполнение касательно 9 человек фабричных, помещенных в том же списке, кои содержатся в военном каземате по особому делу, или остановиться до получения утверждения мнению моему об них, представленному вашему высокопревосходительству от 25 минувшего генваря за № 15.

Исполнением ныне полученного об них высочайшего повеления я удержался по тому уважению, что они военным судом приговорены к наказанию гораздо тягчайшему, а прикосновенный к тому же делу Петр Данилов Шмелев, как не присужденный к наказанию, отдан в военную службу по силе ныне состоявшегося высочайшего повеления и отправлен уже, вместе с прочими, здешним батальонным командиром в назначенное отдаленное от Казани место. Сверх того, содержатся в военном каземате по военному суду трое мастеровых: Николай Иванов Серебряков, Иван Иванов Шумихин и Иван Андреев Бабин по тому же делу, означенные в списке под литерою *Б*, до получения испрашиваемого мною утверждения о решении участи их, и ныне наказанию розгами не подвергнуты.

При сем обязанностью считаю представить в благосклонное внимание вашего высокопревосходительства деятельность и расторопность, оказанные в исполнении приказаний моих по вышеупомянутому случаю с надлежащею точностью исправляющим должность здешнего полицеймейстера, 1 части приставом, губернским секретарем Алкиным и приставом 4 части X класса Базилевичем, в ведомстве коего состоит фабрика Осокина *.

Доклад генерал-аудиториата, конфирмованный Николаем I, 27 августа 1837 г. **.

Генерал-аудиториат, по рассмотрении военно-судного дела об отставных коллежском регистраторе Ливанове [17], канцеляристе из обер-офицерских детей Горбунове [18] и мастеровых Казанской суконной фабрики, состоящей в посессионном владении отставного прапорщика Осокина: Егоре Сметанине, Иване Бабине, Иване Шумихине, Николае Серебрякове, Ефиме Рамзине, Алексее Быстренине, Алексее Чернове, Пантелее Коровине, Михайле Баранове, Егоре Жирнове, Петре Шмелеве, Василии Зубцове и Семене Толокнове,—находит, что все они по высочайшему повелению, 20 августа 1836 г. последовавшему, суждены были военным судом: чиновники Ливанов и Горбунов за переписку мастеровым недельных просьб на высочайшее имя, 12 человек из означенных мастеровых за подписание тех просьб за себя и других, а мастеровой Толокнов за подачу вашему императорскому величеству в 1836 г. просьбы.

По следствию и суду оказалось:

Мастеровые означенной фабрики с давнего времени жаловались правительству на неправильное присвоение их прапорщиком Осокиным, терпимые ими притеснения и на скудость платы за работу. Осокин же приносил жалобы на неповиновение, строптивость и леность их. Все принимаемые меры к прекращению таковых взаимных неудовольствий и к водворению порядка на фабрике не имели успеха. Наконец, в 1834 г. рядовой Нижегородского внутреннего гарнизонного батальона Сапожников, поступивший на службу из фабричных той фабрики, принес вашему императорскому величеству жалобу как

* Подпись отсутствует.

** Конфирмованные доклады по военно-судным делам с 7 октября по 6 ноября 1837 г.

о делаемых Осокиным находящимся на фабрике людям свободного состояния притеснениях, так и о неправильной отдаче его, Сапожникова, в рекруты.

Для произведения исследования по сей жалобе, по высочайшему повелению учреждена была особая комиссия, которая донесла, что жалоба Сапожникова оказалась несправедливою; равным образом не основательны и все прежние жалобы мастеровых на Осокина и на распоряжения местного начальства, как-то: на отдачу в солдаты, ссылку в Сибирь на поселение и другие наказания; что внушения комиссии мастеровым о принадлежности их фабрике и повиновении владельцу оной не имели успеха; что сие неповиновение и строптивость, а также непрерывные жалобы происходят от ложной уверенности в праве на свободу.

Вследствие сего донесения комиссии и представления министра внутренних дел, рядовой Сапожников, по высочайшему повелению, предан военному суду; что же принадлежит до мастеровых, то по высочайше утвержденному положению комитета министров определено: главных зачинщиков непокорства и строптивости всего 51 человека, удалить с фабрики, отдав в солдаты, а неспособных сослать в Сибирь на поселение; 177, менее виновных, подвергнуть полицейскому исправительному наказанию; прочим внушить, дабы обратились к должному порядку.

В числе означенных мастеровых присуждены были подсудимые по настоящему делу к удалению с фабрики: Сметанин, Рамзин, Быстренин, Алексей Чернов, Коровин, Баранов, Жирнов, Шмелев, Зубцов. Толокнов и прикосновенный к сему делу мастеровой Михайло Чернов; к исправительному наказанию: Шумихин, Серебряков, Бабин и прикосновенный к делу сему мастеровой Ожарин. Из них подсудимый Шмелев отдан в солдаты; из прикосновенных к сему делу Ожарин наказан розгами, а Чернов сослан на Иркутскую суконную фабрику; о прочих же исполнение приостановлено по поводу настоящего дела.

Между тем, как следственная комиссия производила по означенному предмету дело, двое из подсудимых мастеровых, Баранов и Жирнов, из домов своих скрылись и, через некоторое время возвратясь, об'явили, будто бы они пьянствовали, но где действительно находились, не открыто; в последствии же найдены в Горбатовском уезде на мосту на высочайшее имя прошение мастеровых упомянутой фабрики и приговор их о согласии на подачу оного. Из них первое подписали: подсудимые Сметанин, Бабин, Шумихин, Серебряков, Рамзин, Быстренин, Алексей Чернов и Коровин, а за прочих мастеровых, не умеющих грамоте, по личной их просьбе, приложили руку подсудимый мастеровой Баранов, с об'яснением при том доверия по сей просьбе подсудимому Жирнову. Приговор в числе прочих подписали за себя и других подсудимые: Быстренин, Сметанин, Бабин, Баранов и Алексей Чернов.

В означенном прошении из'яснено, что притеснения и жестокости как Осокина, так и управляющего фабрикою Лобачевского простирались до того, что три человека после наказания умерли; что по прихотям Осокина отдано в солдаты около 80 человек и некоторые за его крепостных людей; сослано 39 человек в Сибирь на поселение из самых лучших рабочих людей не за дурное поведение, а действительно за то, что они, зная предков своих, поступивших изстари по доброй воле на фабрику для обучения, не давали Осокину подписки на признание его вечно своим помещиком; многие умирают от мучительной жизни преждевременно, и убыль в мастеровых доказывается тем, что

по 4 ревизии числилось их 1468, а ныне остается с небольшим 800; что 7 человек мастеровых хорошей нравственности полгода содержались в тюремном замке, за недачу казанскому полицеймейстеру подписки о воспоследовании решения сената относительно всегдашней принадлежности их Осокину, за что по настоянию его, решением уголовной палаты, годные отданы в солдаты, а негодные сосланы в Сибирь на поселение; что занимаются работой безвыходно, но Осокин убавил плату за работу и при том делает неправильный вычет, от чего недостает заработанных денег на дневное пропитание; что чиновники, производившие следствие по жалобе рядового Сапожникова, состоящий при военном губернаторе Машкин и подполковник Чеков показываемые ими обстоятельства во уважение не принимали, а статский советник Хомутов, коллежский советник Приклонский и подполковник Булыгин, делая понаровку Осокину, старались их угнетать.

Казанский военный губернатор, найдя, что означенная жалоба содержит в себе одни и те же претензии, которые несколько раз были уже рассматриваемы в министерствах финансов и внутренних дел, а также в правительствующем сенате, и усматривая из сего буйный и возмутительный дух мастеровых, а равно вредное влияние на умы из неблагонамеренных людей, подстрекающих к непокорности сочинением подобных ябед, сделал распоряжение об отыскании сочинителя и переписчика.

Когда уже открыто было, что переписывали на-бело означенное прошение отставной коллежский регистратор Ливанов, а приговор — подсудимый мастеровой Баранов, то во время высочайшего вашего императорского величества пребывания в Казани, 20 августа 1836 г., подано вашему величеству подсудимым мастеровым Толокновым подобного содержания прошение от имени прочих мастеровых; это прошение переписывал на-бело подсудимый отставной канцелярист Горбунов, а подписали оное: за себя подсудимые мастеровые Сметанин, Шмелев, Шумихин, Бабин, Рамзин, Алексей Чернов и за других, не умеющих грамоте, подсудимый же мастеровой Зубцов; сверх сего, при обыске подсудимых мастеровых найдены: у Зубцова означенное прошение, вчерне, рукою Горбунова писанное, и у Шумихина копия с подложного высочайшего повеления казанскому военному губернатору о рассмотрении несогласий между владельцами фабрик и фабричными [19].

Коллежский регистратор Ливанов и канцелярист Горбунов к оправданию своему об'яснили:

Ливанов, что найденное на мосту в Горбатовском уезде на высочайшее имя прошение он переписал на-бело против воли своей, по настоятельному требованию мастеровых Михайла Чернова и двух незнакомых, завлекших его ночью в неизвестный ему дом; кто сочинял то прошение, не знает, а не об'явил о том начальству, страшась мщения мастеровых.

Горбунов,— что поданная вашему императорскому величеству мастеровыми 20 августа просьба и черновая оной, найденная у мастерового Зубцова, списаны были им с черновой, данной ему мастеровым Михайлом Черновым, неизвестно кем сочиненной, что сделал сие по бедности своей за два рубля серебром, Черновым данных, не зная, что просьба была неправильная и что мастеровым запрещено подавать просьбы.

Мастеровой Михайло Чернов означенное показание Ливанова и Горбунова не подтвердил, а мастеровой Зубцов отозвался, что найденное у него черновое прошение дано ему мастеровым Ожариным, но Ожа-

рин, отвергнув сей отзыв Зубцова, сознался в том, что найденная у Шумихина копия с подложного высочайшего повеления получена им наедине от незнакомого ему человека в питейном доме.

Когда дело сие было окончено и представлено начальству, вдова мастерового Наумова подала на высочайшее имя прошение, в коем согласно вышеизложенным жалобам мастеровых, описывая вообще притеснения прапорщика Осокина и изъясняя, что она чрез неправильную отдачу Осокиным двух сыновей ее в военную службу приведена в бедственное положение, просит о возврате одного из них.

По розысканию открылось, что сыновья Наумовой отданы в военную службу за нерадение к работе и порочную жизнь, а прошение Наумовой писано подсудимым канцеляристом Горбуновым.

Генерал-аудиториат, сообразив выше изложенные обстоятельства, находит виновными:

1) Отставного коллежского регистратора Ливанова в переписке набело на высочайшее имя неправильной жалобы от мастеровых Казанской суконной фабрики на владельца оной пропорщика Осокина, которая найдена была на мосту в Горбатовском уезде.

2) Отставного канцеляриста, из обер-офицерских детей, Горбунова в переписывании подобных двух жалоб от мастеровых и вдовы мастерового Наумова, из коих первая подана лично вашему императорскому величеству в высочайшее вашего величества пребывание в Казани.

3) Мастерового Михайла Баранова в собственноручном писании приговора от мастеровых о принесении вашему императорскому величеству жалобы на владельца фабрики и управляющего оною, в подписании того приговора и жалобы, найденной в Горбатовском уезде, за себя и других и в оказании пред судом упорства к подписанию отобранных у него показаний и выписки из дела.

4) Мастерового Егора Жирнова в согласии на принесение вашему величеству вышеозначенной жалобы, в принятии от общества доверия на подачу оной и в оказании пред судом упорства к подписанию отобранных от него показаний и выписки из дела.

5) Мастерового Семена Толокнова в подании лично вашему величеству жалобы мастеровых на владельца фабрики и в оказании пред судом упорства к подписанию отобранных от него показаний и выписки из дела.

6) Мастерового Василья Зубцова в приглашении мастеровых к участию в принесении вашему величеству жалобы на владельца фабрики, в подписании оной за себя и других и в оказании пред судом упорства к подписанию отобранных от него показаний и выписки из дела.

7) Мастерового Ивана Шумихина в согласии на подачу вашему императорскому величеству упомянутых обеих жалоб, в своеручном подписании оных, в хранении у себя копии с подложного высочайшего повеления на имя казанского военного губернатора о рассмотрении несогласий между владельцами фабрик и фабричными и в оказании пред судом упорства к подписанию отобранных от него показаний и выписки из дела.

8) Мастеровых Алексея Чернова, Пантелея Коровина, Ефима Рамзина, Егора Сметанина, Ивана Бабина, Николая Серебрякова и Алексея Быстренина в согласии на принесение вашему величеству жалоб, в своеручном их подписании и в оказании пред судом упорства к подписанию отобранных от них показаний и выписки из дела.

9) Прикосновенного к делу сему мастерового Дементия Ожарина в принятии от неизвестного ему человека копии с вышеозначенного подложного высочайшего повеления казанскому военному губернатору.

По сему генерал-аудиториат полагает:

Коллежского регистратора Ливанова, лишив чина, без лишения личного дворянства, отдать в солдаты, куда годным окажется.

Канцеляриста Горбунова, лишив звания канцеляриста и права, обер-офицерским детям присвоенного, отдать в солдаты, а в случае неспособности к военной службе, сослать в Сибирь на поселение.

Мастерового Михайла Баранова 36 лет наказать шпицрутенами чрез 500 человек 1 раз и потом отдать в солдаты с определением на службу в отдельный Кавказский корпус, а в случае неспособности к военной службе отослать в арестантские роты инженерного ведомства на три года: по окончании же сего срока сослать в Сибирь на поселение.

Мастеровых: Егора Жирнова 49 лет и Семена Толокнова 42 лет наказать розгами, первого 200, а второго 150 лозанами и потом сослать обоих в Сибирь на поселение.

Мастеровых Василия Зубцова 20 лет и Ивана Шумихина 35 лет наказать шпицрутенами, прогнав чрез 500 человек первого 2 раза, а второго 1 раз, и потом отдать обоих в солдаты с определением на службу в отдельный Кавказский корпус, а в случае неспособности к военной службе отослать в арестантские роты инженерного ведомства на 3 года; по окончании же сего срока сослать в Сибирь на поселение.

Мастеровых: Алексея Чернова 34 лет, Пантелея Коровина 45 лет, Ефима Рамзина 26 л., Егора Сметанина 46 л., Ивана Бабина 52 л., Николая Серебрякова 52 л. и Алексея Быстренина 66 лет, наказать розгами, дав первым трем по 100, Сметанину, Бабину и Серебрякову по 50 и Быстренину 25 лозанов, и потом Коровина, Сметанина, Бабина, Серебрякова и Быстренина сослать в Сибирь на поселение, а Чернова и Рамзина отдать в солдаты с определением на службу в отдельный Кавказский корпус, а в случае неспособности к военной службе отослать в арестантские роты инженерного ведомства на 3 года; по окончании же сего срока сослать в Сибирь на поселение.

Прикосновенного к делу сему мастерового Дементия Ожарина 20 лет наказать розгами 200 лозанами и потом отдать в солдаты с определением на службу в отдельный Кавказский корпус, а в случае неспособности к военной службе отослать в арестантские роты инженерного ведомства на 3 года, по окончании же сего срока сослать в Сибирь на поселение.

Заключение сие генерал-аудиториат всеподданнейше повергает на высочайшее вашего императорского величества благоусмотрение.

Генерал от артиллерии Игнатьев 1-й. Генерал-лейтенант Полуектов. Генерал-лейтенант Княжнин. Генерал-лейтенант Берхман. Генерал-аудитор Ноинский. Начальник отделения Рогов.

На докладе подлинная резолюция Николая I: «Быть по сему». Николай.— «Георгиевск. 16 октября 1837 г.».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В феврале 1832 г. трое поверенных рабочих Казанской фабрики, Попов, Чудин и Сметанов, от имени всех остальных рабочих прислали жалобу на высочайшее имя на гнет и жестокости Осокина, а также на неудовлетворение их просьб казанским губернатором. В Казань был командирован чиновник министерства финансов Афросимов, который нашел жалобы рабочих «неосновательными».

2. В 1834 г. во время царского смотра войскам в Нижнем-Новгороде была подана Николаю I жалоба на притеснения Осокиным мастеровых и на неправильную отдачу рабочих в рекруты (см. прим. 15).

3. Долгоруков, В. А., кн. (1803—1868). В 1830—1842 гг.— флигель-ад'ютант; позже генерал-ад'ютант, военный министр (1852—1856) и шеф жандармов (1856—1866).

4. Михляев, И. А. казанский купец, крупный предприниматель. Имел собственную суконную фабрику. В 1727 г. Михляеву в управление был передан казенный шерстяной завод, а через два года, в 1724 г., казенный шерстяной завод (впоследствии Казанская суконная фабрика) перешел в собственность Михляева.

5. Полн. собр. законов, № 6858.

6. Дряблов, А., брат жены Михляева, чебоксарский посадский, затем казанский купец.

7. Осокин, И., казанский купец, бывший отпускной гр. Шереметьева, разбогатевший на золотых приисках. К его сыну Г. И. Осокину фабрика перешла в начале 1800-х годов.

8. В период с 1718 г. по 1860 г. было проведено 10 ревизий. Упоминаемые в документе ревизии происходили: в 1781—1787 гг.—четвертая; в 1794—1808 гг.—пятая; в 1811—1812 гг.—шестая; в 1815—1826 гг.—седьмая; в 1833—1835 гг.—восьмая.

9. Лобачевский, А. И. (1794—1870), ад'юнкт технологии Казанского университета. Заведывал, а затем был арендатором Казанской суконной фабрики Осокина в 1820—1830-х годах.

10. Белов, М. М., главный мастер Казанской суконной фабрики 1820-х — 1830-х гг.; отличался жестоким обращением с рабочими.

11. Кочубей, В. П., кн. (1768—1834). Друг Александра I и министр внутр. дел при нем.

12. В 1818 г. от казанских рабочих были посланы тайно поверенные А. Соколов и И. Ефремов для подачи жалобы Александру. Оба они по дороге были арестованы и отправлены обратно в Казань в кандалах. По дороге Ефремов скончался, не вынеся мучений, которым он подвергся с Соколовым, а Соколов был заключен в тюремный замок.

13. Сивухин, Д. В., рабочий Казанской суконной фабрики, подававший неоднократно по доверенности рабочих прошения против телесных наказаний, применяемых на фабрике Осокиным.

14. Клушин, В. А., с 1835 г. полицеймейстер г. Казани («Адрес-календарь за 1832—1837 гг.», ч. 2).

15. Сапожников, П., мастеровой фабрики Осокина. Сдан в рекруты Осокиным. В 1834 г., во время смотра войскам в Нижнем-Новгороде, лично подал Николаю I жалобу на притеснения мастеровых Осокиным. Для расследования дела была назначена особая комиссия, которая жалобу признала «неосновательной». (См. департамент полиции исполнительной, д. № 372, отд. 2, 1834—1858 гг.)

16. Иркутская суконная фабрика (мануфактура) возникла в 1831 г. в районе Иркутска в с. Тельме (отсюда название ее «Тельминская суконная фабрика»).

17. Ливанов, В. Г., «бывший старший свияжский лекарский ученик», из приказно-служительских детей. На службе с августа 1812 г.; уволен за болезнью в сентябре 1830 г.

18. Горбунов, А. А. (род. около 1802 г. в г. Петербурге). В службу вступил учителем Казанской области, после чего находился при производстве дел по канцелярии гражданского губернатора в Казани до 1827 г.; в 1829 г. по прошению уволен.

19. Упоминаемое «подложное высочайшее повеление казанскому военному губернатору» С. С. Стрекалову, «имевшее вредное влияние на непокорных власти мастеровых» (то же дело, л. 8), было обнаружено в копии у рабочего Шумихина, содержавшегося вместе с другими 12 рабочими во время производства следствия по их делу. Из протокола допроса рабочих выяснилось происхождение этого любопытного документа, оказавшегося впервые в руках рабочего той же фабрики Ожарина. «Назад тому около трех недель,—говорится в протоколе от 19 октября 1836 г.,—в бытности его, Ожарина, во время обеда у себя в доме, подошел к нему под окно вышедший из питейного дома неизвестный человек и, узнав, что он, Ожарин, есть мастеровой суконной фабрики, сказал, что нужно ему с ним видеться, и позвал его в питейный дом. Этот неизвестный человек сказал ему, что он имеет у себя бумагу, относящуюся к делу фабричных людей, и дал ему ее для переписки. Он, Ожарин, велел переписать эту бумагу брату, что им и было сделано. После сего подлинную бумагу Ожарин отнес в питейный дом и в сенях оного отдал показанному неизвестному человеку, а с копией на другой день в обеденное время отправился в 4-ю часть градской полиции и там, увидав под навесом мастерового Петра Романова Шмелева, отдал оную ему один на один для прочтения» (л. 30). Передав бумагу для прочтения своим сотоварищам, Шмелев донес о ней властям.

В составлении подложного высочайшего рескрипта подозревался, без каких-либо оснований, тот же А. А. Горбунов, который, якобы, «хотел укрепить свое влияние среди рабочих, дабы они имели доверие к своему сочинителю».

Приводим полностью этот любопытный документ.

«Казанский военный губернатор Степан Степаныч Стрыкалыв, во время пребывания моего в благословенным граде Казани подана ко мне жалоба от состоящих

при казанской суконной г. Осокина фабрики людей, жалующихся на жестокое обращение с ними фабриканта Осокина с из'яснением в оной, что они не есть его крепостные; как видно, он Осокин имеет свою к оным притязательность. Из сей же их жалобы усмотрел я много законопротивных поступков, несообразных с управлением до фабрик вообще относящихся. Почему для прекращения всех междуусобия и раздоров между владельцами фабрик с фабричными, я поручаю к вашему превосходительству войти в подробное рассмотрение всех обстоятельств, относясь как к справедливости владения ими г. Осокин[а], тако ровно и предоставить средства фаоричным людям к пред'явлению своего свободного отношения; избрав в сем случаи вас как истинного патреота к нашей службе, я надеюсь, что сие поручение исполнится к совершенному водворению спокойствия наших верноподданных; самое же сопдственное дело, оно по окончанию всех обстоятельствах представить как возможна поспешнея к нашему рассмотрению, засим пребываем к вам благосклонны. На подлино подписано тако: Никола». (То же дело, л. 340, орфография подлинника.)

Волнения рабочих на Шуйской фабрике купца Носова в 1822—1824 гг.

Полотняная фабрика шуйских купцов Носовых была заведена в 1788 году. Работы на ней вначале производились исключительно вольнонаемными людьми, но в конце XVIII в. владельцу предприятия Григорию Алексеевичу Носову было дано мануфактур-коллегией разрешение на покупку к «оной» крепостных. Указом мануфактур-коллегии определялись количество подлежащих покупке крепостных и порядок их использования: «Тебе, шуйскому 2-й гильдии купцу сыну Носову,— говорится в указе,— по силе высочайшего именного указа, данного правительствующему сенату марта в 16 день 1798 года, следующие по числу пятидесяти станов, кои ты в непрерывном действии при фабрике твоей держать обязуешься, количество мужска пола душ и именно по двенадцати на стан всего шестьсот душ, а женска пола сколько при тех мужска пола душах будет с землею или без земли, где только за удобное найдено будет к означенной твоей полотняной фабрике купить дозволить... По покупке тобою, Носовым, шестьсот или неполного количества душ крестьян были они всегда при полотняной твоей фабрике неотлучно и так, чтоб их, людей, без фабрики ты, Носов, никому не продавал и не закладывал и никакими вымыслами ни за кем не укреплял и к другим заводам и фабрикам, буде оные тобою, Носовым, когда-либо заведены будут, или селениям, по одиночке или семьями не переводить... а притом чтобы назначаемые к покупке на фабрику твою, Носова, крестьяне ни на что иное, как на фабричное дело, к которому они куплены будут, употреблены были; второе, чтоб в распределении купленных тобою, Носовым, людьми при полотняной твоей фабрике работ поступлено было согласно высочайшему манифесту в 5 день апреля 1797 года о разделении вообще крестьянских работ изданному, т. е. чтоб из количества годных в работу половина всегда в работе фабричной находилась...» [1].

В счет разрешенных к покупке шестисот душ в 1802 г. Носовым были куплены у помещицы Чувстовской «состоящих во Владимирской губернии, Шуйского округа в сельце Иванове и деревне Клочковой ревизских мужска пола 164, женска 182 души и с рожденными от них после ревизии обоего пола детьми с их крестьянским всяким имуществом, строением и всякого рода скотом...» [2].

Положение купленных крепостных было чрезвычайно тяжелое. Оторванные от сельского хозяйства, они должны были ходить на непривычную для них работу почти за двадцать верст. Кроме фабричных работ, их незаконно заставляли исполнять и целый ряд других. «...Обрабатывали и обрабатываем,— писали в сентябре месяце 1823 г. уполномоченные от крестьян во Владимирское губернское правление,— на сто девяносто одну душу до ста станов, кроме других по распоряжениям их работ, как-то: кузнечных, красильных, млынарных и прочих, равно домашних касательно запашки и уборки хлеба, рубления леса и дров и доставления их в город Шую расстоянием в один путь на 27 верст...» За все работы платили «самую малую плату». Рабочие влачили жалкое существование.

---

[1] Ивановский обл. ист. арх., и. о., Шуйский уездный суд, д. № 642, л. 248.
[2] Там же, л. 250.

Произвол и эксплоатация владельцами рабочих не имели пределов. Рабочих людей всякими способами били и истязали. О жестокостях и тиранствах Носовых показывал посланному для производства следствия уездному исправнику Иконникову не один десяток пострадавших: Иван Андреев — «в октябре месяце 1821-го года, а которого числа не упомнит, из хозяев Александр Носов бил его, приехавши тогда в деревню, рукою по лицу». Михаил Агеев—«хозяин его Михайло Носов поступил с ним тиранским образом и именно тиранство сие состояло в том, что бил его палкою якобы за то, что нехорошо вытканы были им штуки, а в самом деле не щитал он себя виновным, причину побой его, случившихся назад тому два года, полагает он ту, что известно ему было, как Михайло Носов насиловал девок, бравши их с фабрики к себе в кантору»; Гаврило Филиппов — «из хозяев его Александр Носов весною бил близь красильни на дворе скалкою и сшиб с ног, топтал его ногами за то, что он просился у него домой» и т. д. и т. п.

Как известно, первая половина XIX в. в истории развития текстильной промышленности в России характеризуется бурным ростом хлопчатобумажного производства. Легкие, красивые, дешевые хлопчатобумажные ткани быстро завоевали рынки сбыта. Рост хлопчатобумажной промышленности вызвал тяжелый кризис в области обработки льна, что не могло не отразиться на положении рабочего этой отрасли производства — его эксплоатация усиливалась.

На полотняной фабрике Носовых обычно с 15 июня по 1 сентября работы прекращались, рабочие распускались по своим деревням на сельскохозяйственные работы. В 1823 г. традиционный порядок был нарушен. В начале лета хозяин предприятия распорядился работу производить без перерыва на летний сезон. Это мероприятие ставило рабочих людей в тяжелое положение, так как при недостатке в деревне рабочих рук их сельское хозяйство должно было развалиться, а они лишались добавочных средств существования. Неоднократные переговоры с предпринимателем положительных результатов не дали. В период летних полевых работ большинство рабочих покинуло фабрику самовольно. Так началась забастовка — второй, наиболее интересный период борьбы рабочих, по содержанию отличный от предыдущего. В 1822 г. рабочие добивались передачи их из-под власти купцов Носовых в казенное ведомство.

Анализируя ход борьбы крепостных Носова с их хозяином, необходимо отметить следующие характерные моменты. С самого начала движение подчинилось организационной воле руководителей. Во главе его встали люди сильной воли, смелые, среди которых первое место по праву принадлежит крестьянину Родиону Валуеву. Роль Валуева как организатора и руководителя весьма значительна. Недаром владелец предприятия Александр Носов в многочисленных прошениях, подаваемых в правительственные учреждения, центральным пунктом ставил вопрос о Валуеве, считая, что волнения рабочих происходят «через единственное возмущение злокачественного по своим деяниям крестьянина Родиона Валуева..., которой... тайно и явно внушает крестьянам, имея ж от них [к] себе влияние, восстановляет их, крестьян, против меня...»

О хорошей организованности движения свидетельствуют устраиваемые рабочими собрания для обсуждения вопросов, связанных с борьбой, сбор денег. Наконец, красноречивее всего об этом говорит продолжительность забастовки. Нельзя не отметить выдержки, дисциплинированности рабочих, единодушия в действиях, касающихся общих целей. Показателен в этом отношении следующий факт. Для приведения к повиновению крепостных 20 сентября 1823 г. в деревню Клочково выезжали представитель Шуйского уездного суда, уездный стряпчий и ратман городового магистрата. Ими было намечено арестовать руководителей движения Ивановых и Андреева. Когда об этом стало известно крестьянам, последние «закричали единогласно, что коль скоро из них хотя один взят будет, то пусть и их всех берут куда хотят, да и сами они в город идут к господину гражданскому губернатору».

Рабочие не могли оказаться победителями в неравной борьбе: на стороне Носовых была вся сила самодержавной власти.

Характерно предельно наглое и издевательское решение суда. Показания рабочих и крестьян, привлеченных по делу, давались людьми, которым грозили новые пытки, новые издевательства. Тем не менее мы имеем десятки показаний о «тиранстве», избиениях, насилиях над девушками. И после этого суд постановляет считать эти зверства и насилия не имевшими места, а Валуева об'являет клеветником.

Документы рисуют один из интереснейших эпизодов рабочего движения, они показывают, какой огромной энергией, мужеством и героизмом отличались представители рабочего класса и в начальный период его оформления как класса-революционера, класса, борющегося за свободу всего человечества.

И. Соколов.

Из протокола Шуйского уездного суда Владимирской губернии, 27 марта 1823 г.[1]

1823 года марта 27 дня. По указу его и. в. Шуйский уездный суд, слушав выписку, учиненную из дела и законов производимой о самовольной с фабрики шуйских купца Александра Изосимова и мещанина Михаила Яковлева Носовых отлучке принадлежащего к фабрике их крестьянина Родиона Фомина Валуева. Обстоятельства ж дела того суть следующие: прошлого 1822 года октября 23 дня владимирское губернское правление при указе препроводило в сей суд произведенное владимирскою градскою полициею следствие о вышеписанном крестьянине Валуеве с тем, чтобы сей суд, рассмотря дело и постановя свое мнение, внес на ревизию в палату уголовного суда. Из дела ж видно: 1822 года сентября 9 числа шуйской второй гильдии купец и привилегированной полотняной фабрики содержатель Александр Изосимов Носов во об'яснении владимирской градской полиции написал: в бытность его в губернском городе Владимире уведомили его из города Шуи домашние его, где состоит полотняная их фабрика, что крепостной крестьянин Родион Фомин Валуев, вышед из должного им повиновения, без его позволения и без ведома домашних его, в небытности его, от фабрики отлучился, следовательно, и без всякого законного письменного вида; ныне ж узнал он, что означенной крестьянин Валуев с двоими крестьянами неизвестно зачем находится здесь в городе и квартирует у вольноотпущенного крестьянина Петра Петрова в доме, просил градскую полицию, крестьянина Валуева и находящихся при нем крепостных их двух крестьян на квартире у означенного Петрова взять, и, естли имеются при них какие-либо бумаги, документы или деньги, отобрав, под расписку ему выдать, а их по допросе препроводить куда следует за самовольную отлучку и без законного письменного вида для поступления с ними в том по законам.

На допросах же в той полиции показали: деревни Клочкова Родион Фомин Валуев: принадлежит он шуйскому мещанину Михаилу Яковлеву Носову и достался после умершего родителя его шуйского 2 гильдии купца Якова Григорьева Носова, а ему по разделу с племянником купцом Александром Изосимовым Носовым: проживание ныне имеет в показанной деревне Клочкове; в город Владимир приехал он сентября 8 числа для подачи его сиятельству владимирскому гражданскому губернатору по данной ему от показанного мещанина Носова, бывшего прежде купцом, доверенности и двух мирских приговоров на одном листе и полулисте бумаги простой, писанным от кре-

[1] Ивановский обл. ист. архив, и. о., Шуйский уездный суд, д. № 642, лл. 236—266.

стьян Шуйской округи села Дроздова и деревни Клочкова с прочими принадлежащими тому Носову и брату его двоюродному купцу Александру Изосимову Носову прошения о предоставлении принадлежащей ему Носову в городе Шуе состоящей полотняной фабрики и при ней крестьян, из давших приговоры, ему же принадлежащих, числом 181 душ, в том селе Дроздове и деревне Клочкове находящихся, в казну, но оного им еще не подано; пашпорта, выданного из уездного казначейства, он у себя не имеет, а имеет только один билет, данный ему на листе двухрублевого герба от того мещанина Носова в 7 день сентября за его подписом и приложением имянной печати, в присутственном же месте не засвидетельствованы, оной же билет дан ему сроком на четыре месяца.

В дополнение сего об'являет, что принадлежащая брату мещанина Носова купцу Александру Изосимову Носову часть крестьян будет также просить начальство о причислении их к казенному ведомству, потому что он, Александр Носов, поступает с ними тирански, как-то: увидя кого-либо из мастеровых в нетрезвом виде, наказывает сам, из коих Иван Тихонов, Лев Ильин уходили в градскую полицию и проживали у шуйского г. городничего, избегая тех побой; сверх того, живущему при конторе домовой фабрики прикащику Антону Кузьмину назад тому года три или четыре прострелил из ружья руку, у коего в оной и ныне имеются дробины, о чем и явлено от него шуйскому г. городничему; крестьяне, принадлежащие как мещанину Михаиле, так и купцу Александре Носовым, зделавшие приговоры, дали ему на расход денег семьсот рублей государственною ходячею монетою, что и в тех приговорах обозначено. В г. Владимир приехал он с крестьянами Шуйской же округи деревни Горлицина: принадлежащими мещанину Михайле Носову — Митрофаном Ларионовым, купцу Александру Носову — Захаром Козьминым; [они], как надобности здесь никакой не имеют, отлучились единственно только для отвозу его. На фабрике купца Александра Носова не проживал, ему не принадлежит, а проживал на фабрике Зарецкой умершего купца Якова Григорьева Носова и был при конторе прикащиком. Из данных ему крестьянами семисот рублей денег осталось триста рублей, а прочие на разные потребности израсходованы.

Крестьянин Митрофан Ларионов: принадлежит он шуйским купцу Александре Изосимову и мещанину Михайле Яковлеву Носовым; сентября 7 числа показанный Михайло Носов послал его отвезти в город Владимир той же округи деревни Клочкова одновотчинного крестьянина Родиона Фомина Валуева, коему от него дана доверенность и от крестьян села Дроздова и деревни Клочкова с прочими приговоры на подачу, куда следует, прошения о предоставлении принадлежащего ему, Носову, и брату его Александру Носову ж в городе Шуе состоящей полотняной фабрики и при ней крестьян из числа давших приговоры 181 душу, в селе Дроздове и деревне Клочкове находящихся и в общем их Носовых, как он полагает, владении состоящих, в казну, по каковому случаю и приехал во Владимир с ним и крестьянином деревни Горлицина Захаром Кузьминым 8 числа сентября. Узаконенного пашпорта на отлучку и никакого письменного вида не имеет, надобности в городе Владимире проживать никакой нет, а намерен и обязан был, по приказанию Михайла Носова, по привозе крестьянина Валуева возвратиться обратно, оставя его для ходатайства по доверенности, в дом свой квартировать; по приезде остановились в доме крестьянина Петра Петрова у дворника Архипа, по отчеству неизвестно; из повиновения как купца Александра, так и мещанина Михайло Носова не выходит и отлучку он зделал не самовольно, а по

приказанию, как и выше сказано, мещанина Носова. То ж самое показал и крестьянин Захар Козьмин.

По обыску крестьянина Валуева оказалось: денег золотых полуимпериалов 10 с лажем на 210 рублей, государственными ассигнациями 55 руб. с променом на 59 руб. 40 коп., серебром с лажем — 116 руб., а всего 385 рублей 40 коп., более ж сего ничего при нем не найдено. Крестьянин Валуев: что из взятых им от крестьян Шуйской округи деревни Клочкова, села Дроздова, деревень Горлицина, Бакшева, Пестова, Соловцова, Дуткина и Деденки, принадлежащих как мещанину Михайле Яковлеву, так и купцу Александру Носовым 700 руб. израсходовано 314 рублей 60 коп., полагая в то число и оставленные им в своем доме 264 рубли, а куда имянно израсходованы, приложил реестр. В допросе ж своем показал он, что израсходовано тех денег 400 руб. несправедливо не отчего инако, как только по ошибке, происшедшей от забвения, достальные ж деньги 385 руб. 40 коп., хранившиеся при нем, ныне г. полицеймейстером отобраны. Из регистра, что имянно израсходовано, видно: на доверенность — лист 3 руб. 80 коп., на билет — лист 2 руб. 25 коп., за писанье доверенности — 4 руб., дорогою в харчах — 12 руб., дано Михайле Носову 20 руб., оставлено дома 254 руб., а всего 314 руб. 60 коп. В доверенности ж, данной от Михайла Носова, значит:

«Родион Фомин! Имею я за собою полотняную фабрику, состоящую в городе Шуе, и при ней крестьян 181 душу, состоящих Шуйской округи в селе Дроздове и деревне Клочкове, доставшихся мне по наследству после покойного родителя моего шуйского купца Якова Григорьева Носова, а ему по привилегии, выданной предкам его, которую фабрику с вышеописанными крестьянами, по встретившимся со мною обстоятельствам и по молодости лет моих, содержать в настоящем виде не в состоянии и для того, опасаясь, чтоб не пришла оная фабрика в расстройство, имею намерение предоставить ее в казну, на основании изданных на сей случай узаконений, с выдачею мне за оную положенных денег, а как по сему предмету нужно будет подавать в разные присутственные места прошении и протчие бумаги, а я по слабости здоровья своего сам сего зделать не могу, почему и доверяю тебе, куда следует, о том от имени моего [1]... вместо меня рукоприкладством прошение, об'явления и прочие, какие надобно будет бумаги подавать и вообще по делу сему хождение иметь, в чем я тебе верю и что ты по сему учинишь, спорить и прекословить не буду. Шуйский мещанин Михайло Яковлев сын Носов руку приложил. Августа ... дня 1822 года». «Сия доверенность принадлежит крестьянину моему Родиону Фомину Валуеву. 1822 года августа 28 дня». Владимирской губернии в Шуйском уездном суде сие верющее письмо от шуйского мещанина Михайла Яковлева Носова явлено и сказкою об'явлено, что оное от него дано крестьянину его деревни Клочкова Родиону Фомину Валуеву и под оным подписано подлинною его мещанина Носова рукою, которая и в книгу подлинником под номером 54 записано и пред'явителю обратно выдано с росписью. Подписал дворянский заседатель Каблуков. Скрепил секретарь Полянский. Справил подканцелярист Строев». У сей подписи Шуйского уездного суда печать. Билет: «Об'явитель сего Владимирской губернии Шуйской округи деревни Клочкова крестьянин Родион Фомин Валуев отпущен мною, прежде бывшим второй гильдии купцом, а ныне мещанином Михайло Яковлевым Носовым, по случаю доставшегося мне с прочим имением по наследству, данного деду мое-

[1] Слово неразборчиво.

му от мануфактур привилегии крестьянами, сроком от нижеписанного числа впредь на четыре месяца, и для того на заставах господам, команду имеющим, благоволено б было ему, Валуеву, чинить свободной пропуск без задержания. По истечении ж вышеписанного срока нигде ему не жить и никому не держать, а явиться с сим билетом обратно ко мне. В удостоверение чего и подписуюсь. 1822 года генваря 7 дня прежде бывший шуйской второй гильдии купец, а ныне мещанин Михайло Яковлев Носов.» У сего билета приложена имянная его печать.

«1822 года сентября 5 дня деревни Клочкова [и сельца] Иванова, староста Мирон Иванов делал собрание всему миру по сведомости и по получении доверенности, данной Михайлом Яковлевым Носовым крестьянину Родиону Фомину Валуеву, в том, что иметь хождение и какие принадлежат дела и на оные издержки потребуются деньги, в том подписуемся вспомоществовать все крестьяне сказали единогласно. Ко оному приговору, при оном собрании из каждого семейства были по человеку, в чем и подписуемся. [Подписи]. 1822 года сентября в ... день собрано с крестьян денег 511 руб., оные и отданы поверенному Родиону Фомину Валуеву. Оные деньги получил и росписался...»

На допросах учинили... в сем суде со священническим увещанием. Крестьянин Валуев утвердил произведенной ему во владимирской градской полиции допрос, с таковым притом дополнением, чтоб благоволено было опросить всех одной с ним вотчины крестьян, под крестным целованием, о тиранствах, чинимых как Михайлом Носовым, так и братом его Александром, о которых крестьяне могут показать подробно.

8 ноября шуйской мещанин Михайло Носов поданным в сей суд прошением просил, так как он с братом своим Александром учинил зделку, то решился данную крестьянину Валуеву доверенность уничтожить, а дабы он не мог более по оной иметь хождение, благоволено б было, оную уничтожа, по записной книге не числить.

Уездной суд 10 ноября с прописанием значущихся в деле обстоятельств предписал земскому суду указом, обо всем исследуя на месте, суду рапортовать, вследствие чего и отправился земский исправник Иконников, коему под присягою показали: деревни Клочкова староста Мирон Иванов: 1822 года,— в котором месяце и числе по безграмотству не знает,— только помнит то после праздника их, бываемого 29 числа августа, что называют они Иванов день, спустя неделю, делан был сход в их деревне крестьянам по одному человеку с семейства из деревни Клочкова и сельца Иванова, потому единственно, что крестьянин их деревни Родион Фомин Валуев показывал им какую-то доверенность от одного из хозяев мещанина Михайла Носова, якобы о предоставлении им вольности посредством отдачи их в казенное ведомство, уговаривал их в том, чтоб нащет хождения Валуеву по сему делу вспомоществовать во всех издержках, что самое и было исполнено ими; руку приложить к приговору вместо себя просил он их деревни крестьянина Егора Рыбакова и оной приговор точно писан был в той силе, как ему прочтено; собранные тогда же деньги 500 руб. со всех крестьян отданы были на издержки Валуеву; приговор тот писан был Егором Рыбаковым по мирскому согласию и оной утвердили все бывшие на сходе единогласно; от хозяев его как Александра, так и Михаила Носовых не только никакого тиранства не видал, но даже никаких наказаний от них не претерпевал и всегда управлением их оставался и остается довольным. То ж самое показали крестьяне деревни Клочкова: [перечень имен], дополняя из них:

Спиридон Кузьмин — что из хозяев его Александр Носов за ослушание зашиб его несколько раз прутиком, ибо он самовольно отлучился на кулашной бой; Павел Макаров — что слышал он от дочери своей Анисьи, что изнасиловал ее в блудодеянии, когда она была девицей назад тому года два из хозяев его Михайло Носов, ныне же опая находится в замужестве; Александр Дмитриев — что назад тому третей год хозяин его Михайло Носов зашиб его раз пять деревянным бежаком в конторе за то, что выткана им была нехорошо штука; Алексей Данилов — хозяин его, Александр Носов, назад тому два года наказывал его один раз в конторе за самовольную его с фабрики домой отлучку; Филип Потапов — от хозяев своих как Александры, так и Михайла Носовых тиранства никакого не видал, а служа у них при доме, бил его один раз кулаками из хозяев Михайло Носов, назад тому года два, за то, что он отказался итти на завод их, состоящей за рекою Тезою, по приказанию его с крестьянином их деревни Анисимом Васильевым, который был тогда пьяной, ругался с ним; в прочем показал согласно с старостою Мироном Ивановым; Иван Андреев — в октябре месяце 1821 года, а которого числа не упомнит, из хозяев Александр Носов бил его, приехавши тогда в их деревню, рукою по лицу, находясь в нетрезвом виде, а после того, увидевшись с ним, когда стал говорить ему о побоях, то, извиняясь он ему в том, сказал, что никак того не зделал бы, ежели бы не был хмелен, а потому претензии своей на нем нигде не настаивал; кроме же сего, никакого тиранства как от него, так и от другого хозяина Михайла Носова он никогда не видал, управлением всех оставался и остается довольным; в прочем показал то же самое, что и староста Мирон Иванов; Егор Федоров Рыбаков, утверждая допрос старосты Мирона Иванова, дополнил, что приговор писан им был и вместо не умеющих грамоте бывших на сходе людей за всех руку приложил; Федор Алексеев — на сходе он не был тогда, когда собирались крестьяне их деревни и сельца Иванова в сентябре месяце 1822 года по случаю якобы предоставления им вольности по данной хозяином их Михайлом Носовым доверенности крестьянину Валуеву, а слышал об оном от других, будто дано на исходатайство Валуеву 500 руб., кто писал тогда приговор на сходе и в какой силе был оной, он не знает, тиранств от хозяев своих он никаких не видал, кроме того, что был наказываем за то: не успевал против прочих выработывать штук; Сергей Иванов и Захар Логинов показали то же самое, что и Алексеев с тем различием — Иванов, что от хозяев своих не только никакого тиранства не видал, но даже никаких наказаний от них не претерпевал и управлением их всегда оставался и остается довольным, Логинов — назад тому года три наказывал хозяин его Александр Носов в малолетстве, за шалость ли какую или за что другое, не помнит, а тиранств от хозяев, кроме сего, никаких не видал, претензии своей за наказание на хозяине своем не отыскивал и не отыскивает.

Гордей Иванов и Иван Ефимов также с Алексеевым нащет приговора показали согласно с тем различием — Иванов, что наказываем был хозяином Александром Носовым один раз за то, ушел самовольно с фабрики на кулашной бой и еще за пьянство, тиранства же никакого, кроме сего наказания, от хозяев своих Носовых не происходило, Ефимов — тиранств от хозяев своих Носовых никаких он не видал, кроме того, что получал иногда от Михайла Носова во время гулянья с ним побой, ежели зделает против его какие ослушания; Михаил Агеев показал согласно с старостою Мироном Ивановым с тем различием, что из хозяев его Михайло Носов поступил с ним тиранским образом, и именно тиранство [illegible] состояло в том, что бил его палкою

якобы за то, что нехорошо вытканы были им штуки, а в самом деле не щитал он себя виновным, причину побой его, случившихся назад тому два года, полагает он ту, что известно ему было, как Михайло Носов насиловал девок, бравши их с фабрики к себе в кантору и в одну ночь имел он блудодеяние с крестьянскими девками их деревни Натальей Иевлевой, сельца Иванова, Онисьей Павловой и Христиной Трофимовой; Тимофей Ефимов нащет приговора показал согласно с крестьянином Алексеевым, тиранства от хозяев своих никакого он не видал, кроме что, назад тому года с полтора, бил хозяин Александр его в канторе палкою и кулаками за то, что принес он тогда к нему вытканную штуку, которая по рассмотрению ее оказалась худо вытканною, и в канторе тогда никого не было, кроме одного хозяина; Михайло Архипов — нащет приговору показал то же с тем различием, что назад тому года три Александр Носов ударил его прутиком за то, что показалось ему штука худо им выткана, и в канторе тогда никого не было, кроме одного хозяина; Федор Корнилов — нащет сходу, которой делан был в сентябре месяце 1822 года о зборе денег о исходатайствовании вольности, отозвался во всем он неизвестностию, тиранств от хозяев своих никаких он не видал, кроме что назад тому два года Михайло Носов зашиб его в канторе прутиком несколько раз за то, что будто выткана была им штука плохо.

Павел Филипов — нащет приговора показал согласно с Федором Алексеевым, о хозяине же Александре Носове об'явил он, что был от него наказываем неоднократно, а за какую вину и в которое время не упомнит, причем прибавил еще к показанию, чтоб непременно написано было сие слово — тиранил; Елисей Ефремов показал с прочими согласно, из хозяев его Михайло Носов назад тому года с два высек его розгами, не знает по какой причине, более ж сего от хозяев своих тиранств никаких не видал; Кирило Иванов — нащет приговору показал согласно с Федором Алексеевым; из хозяев его Александр Носов нынешнею весною, когда приходил он к нему просить к себе домой дочь свою девку Федосью Кирилову для крестьянской работы, зашиб его несколько раз по голове, рукою, а более сего никакого тиранства от хозяев своих не видал; Гаврило Филипов — с крестьянином Федором Алексеевым о зделанном приговоре показал согласно; из хозяев его Александр Носов весною бил его близь красильни на дворе скалкою и сшиб с ног, топтал его ногами за то, что он просился у него домой, и он до означенного времени, когда все пошли по домам, прежде их его не отпустил, причем настаивал, при отобрании сего показания мною, чтоб написано было слово сие: тиранил; Павел Федоров показал во всем согласно с крестьянином Корниловым, тиранств от хозяев своих никогда никаких не видал и наказаний не претерпевал ни малейших, а оставался и остается разпоряжением их довольным: сельца Иванова Ануфрий Сергеев показал согласно с старостою Мироном Ивановым, дополнив, что в прошлом 1821 году из хозяев его Александр Носов за то, что высушил он, Сергеев, нехорошо пряжу, раз десять зашиб его прутиком;

Дементий Никифоров, Афанасий Анофриев, Ефим Мокеев — показали согласно с крестьянином Федором Алексеевым с тем различием — Анофриев, что тиранства от хозяев своих никогда не видал, кроме что, назад тому года три, высечен он был Александром Носовым розгами за то, что выткана была им нехорошо штука; Мокеев — из хозяев его Александр Носов неоднократно наказывал его за то, что иногда нехорошо выточет штуку, а иногда не успеет с прочими выработать ее, а также бил еще один раз за то, что просил у него денег. Федор Степанов — нащет сходу показал согласно с крестьяни-

ном Федором Корниловым, из хозяев его Александром Носовым был наказываем один раз, назад тому года три, розгами за то, что иногда долго точет штуку, а иногда оная ему не покажется и два раза бит был за сие же по щекам, более никакого тиранства от него не видал. Владимир Васильев показал то же, что Степанов, тиранства от хозяев его, а также и наказаний никаких, никогда не претерпевал. Михайло Анофриев — из хозяев его Александр Носов один раз драл его за волосы и ударил по щеке, что нехорошо выткана была им штука нынешнею весною, в прочем показал согласно с крестьянином Владимиром Васильевым.

Анисим Васильев, Василей Никифоров, Кирило Прокофьев и Степан Мокеев показали то же, что и крестьянин Владимир Васильев с тем различием: Прокофьев — хозяин его Александр Носов в 1820 году наказывал его три раза за то, что выработываемы были им нехорошо штуки, а иногда случалось, что ударит и по щеке, более ж сего никаких тиранств от него не видал; Мокеев — хозяин его Александр Носов, назад тому года два, зашиб его за то, что не привел с собою цевошников, более же никаких тиранств и наказаний от него не видал. Иван Трофимов — нащет приговору показал во всем согласно с крестьянином Мокеем Ивановым с тем, что, назад тому третий год, как хозяин его Михайло Носов бил его по щекам за то, что он не пускал сестру свою Христину Трофимову к нему Михайлу песни петь, от которой после слышал он, что она в блудодеянии была изнасилована, более ж сего никаких тиранств от хозяев его не видал. Гераским Степанов с Федором Корниловым нащет приговора показал согласно, от хозяев своих никаких тиранств не видал, кроме что 1822 года наказан был Александром Носовым один раз за то, что выработана была им нехорошо штука.

Семен Антонов, Евдоким Павлов, Кондратей Евграфов, Прохор Ермолаев, Спиридон Васильев, Петр Михайлов, Григорий Васильев, Лев Павлов, Степан Якимов, Андреян Миронов и Карп Дементьев показали согласно с крестьянином Павлом Федоровым с тем различием: Антонов, что хозяин его Михайло Носов в прошлом 1821 году зашиб его раз пять по лицу кулаком за то, что выткана была нехорошо штука, Евграфов — года два тому назад наказываем он был два раза хозяином его Александром Носовым за то, что нехорошо вытканы были им штуки, Дементьев — тиранства от хозяев своих никогда никаких не видал и наказаний не претерпевал ни малейших, а оставался и остается им довольным; деревни Горлицина староста Семен Федоров — в последних числах августа месяца или в первых сентября 1822 года, по безграмотству своему не знает, только помнит то, что после праздника Иванова дни, что бывает 29 августа, делан был сход в их деревне крестьянам по одному человеку с семейства из всех селений, принадлежащих хозяевам их, а именно: деревень Горлицина, Соловцова, Пестова, Дуткина, Бакшева и села Дроздова потому единственно, что крестьянин деревни Клочкова Родион Фомин Валуев, показывая им доверенность от мещанина Михайла Носова якобы о предоставлении им вольности, что будто они будут казенные, уговаривал их в том, чтоб нащет хождения Валуеву по сему делу вспомоществовать во всех издержках, в чем и делан был ими приговор, к которому, по прозьбе его, за него руку приложил одной с ним деревни крестьянин Митрофан Ларионов, а также и за всех, в то время на сходе бывших людей, к приговору руку приложил он же Ларионов, приговор точно был в той силе, как ему прочтено, собранные тогда деньги 700 руб. со всех крестьян отданы были на издержки Валуеву, приговор тот писан был Митрофаном Ларионовым по мирскому

согласию и оной утвердили все бывшие на сходе единогласно; ежели бы не приехал к ним Валуев з доверенностию от Михайла Носова о доставлении им вольности, обольщая их в том, то бы никогда они о возмущении и не вздумали, от хозяев его как Александра, так и Михайла Носовых, не только никакого тиранства, но даже никаких наказаний от них никогда не претерпевал, и всегда управлением их оставался и остается довольным; то ж самое показали крестьяне Митрофан Ларионов, Захар Козьмин, Никанор Ларионов, Козьма Яковлев, Степан Яковлев, Петр Васильев, Дмитрий Игнатьев, Иван Константинов, Денис Козьмин и Матвей Нефедов с таковыми дополнениями: — Ларионов, что ездил он во Владимир с Родионом Валуевым с согласия мирского общества без всякого письменного вида; Константинов — что он из хозяев своих Александром Носовым бит был по щекам за то, что просил у него работы; Степан Яковлев — о сходе бывшем в их деревне в августе или сентябре месяце 1822 года по безграмотству своему не знает, за отлучкою его из селения, но слышал, что был оной нащет збору для отдачи поверенному деревни Клочкова Родиону Валуеву, потому что он по доверенности, данной ему из хозяев его мещанином Михайлом Носовым, якобы о исходатайствовании вольности, ездил для того во Владимир, в прочем с старостою показал согласно...

Деревни Клочкова крестьянская девка Настасья Иевлева — находится она на фабрике, состоящей в городе Шуе за рекою Тезою, назад тому года два, когда она находилась на оной фабрике, на которую приехал хозяин ее, прежде бывший купец, а ныне мещанин Михайло Яковлев Носов с неизвестными ей двоими какими-то гостями в пьяном виде, созвав их с фабрики в столярную избу, как мущин, женщин и девок петь песни и после того он, хозяин, выслал всех из оной, а оставя только их пять девок как ее, так и Анисью Павлову, Христину Трофимову, Акулину Андрееву и Алену Федорову, где, взяв ее, хозяин Михайло потащил в красильну, неизвестно зачем, где она закричала караул, но он, зажимая ей рот имевшимся у него в руках платком, и втащил ее во оную красильну, имел с ней насильственное прелюбодеяние, и после того происходило со оставшимися в столярной избе девками и приехавшими гостями то же самое насильственное прелюбодеяние, и когда они уехали, то они на другой день, т. е. во вторник, уехали в деревню и об'явили миру и священнику села Егорья Александру об оном с ними произшествии и так как они были до того времени невинностию; привозил же их гостей на лошади кучер Филип Егоров, и в то время, когда находились они в столярной избе, был крестьянин Марк Никифоров, которые могут тех гостей узнать, они же лично признать не могут.

На допросе же в сем суде со священническим увещанием крестьяне: Михаил Агеев, Павел Филипов и Гаврило Филипов утвердили произведенные ими при следствии допросы. Мещанин Михайло Носов,— хотя крепостные его обще с братом двоюродным Александром Носовым — как крестьянские девки деревни Клочкова: Настасья Иевлева, Елена Федорова, Акулина Андреева и сельца Иванова женка Анисья Павлова с Христиною Трофимовою, так и находившиеся при фабрике их крестьяне: Максим Агеев, Павел Макаров, Иван Трофимов, Анисим Васильев и Марк Никифоров в допросах своих показывают на него: первые в насильственном якобы растлении им их назад тому года два вместе с купецким сыном Андреем Воиновым и коллежским регистратором Александром Петровым, а последние в домогательство об'яснили, из коих как-то крестьянин Агеев показал, что якобы он под видом за нехорошее вытканье бил его за то, что он знал за ним

означенный противузаконный поступок, но с чего ими на него сие показано, он ничего не знает и в таковом на него поступке не только нимало не находит себя виновным, но даже никогда не имел к тому намерения, а потому и бить означенного крестьянина не имел никакой надобности, да и никогда ни за что он от него наказан не был; что же касается до купецкого сына Воинова и г. Петрова, то первый ходил в дом на фабрику в разное время по причине тогда коммерческих дел для покупки им у него товару, последней же по одному с ним знакомству и со стороны как противузаконного ничего не знает, посему и полагает он, что сие показано на него единственно от желания вытти им из владения их и воспользоваться свободою, так как нащет оного, т. е. об отдаче следующей из оных крестьянин его части в казенное ведомство, дана была крепостному их деревни Клочкова крестьянину Родиону Валуеву доверенность, но как она по случаю его с означенным братом миролюбного согласия уничтожена и об уничтожении в Шуйской уездной суд подано от него прошение, то к исполнению желания и вознамерились уже ныне употребить таковое злоумышление в зведенном на него безвинно противузаконного поступка, справедливость же относительно его невинности, а напротиву их в том единственно злоумышленности очень ясно открывает ниже следующее:

1) Означенный его поверенный крестьянин Валуев, будучи допрашиван владимирской градской полиции, первоначально, неизвестно ему почему, вздумал взвести на двоюродного брата его Александра Носова, что якобы он поступает с крестьянами своими тирански, ни касаясь до него ни мало, а в течение такового времяни во все его содержание под присмотром в означенной полиции о вспомоществовании ему и о прочем было писано им к нему довольно писем, из числа таковых для большого удостоверения, естли только потребно будет оному суду, то представить не преминует. Когда же он, Валуев, был прислан для поступления по законам в Шуйский уездной суд, где, узнав, что об уничтожении данной ему доверенности подано им прошение, умыслил уже при допросе уездного суда показать то же самое и на него, из чего видно то ему была причиною одна его Валуева злоба, желание вольности.

2) Показание означенных Иевлевой, Федоровой, Андреевой, Павловой и Трофимовой якобы в насильственном их растлении за силою толкования на 164 воинской артикул никакого вероятия не заслуживает.

3) Также из вышеописанных свидетелей крестьянин Павел Макаров, которой показал, что якобы он от дочери своей слышал, что будто бы имел с нею насильственное прелюбодеяние, но оная его дочь нащет об'явления родителю в показании своем ничего не об'яснила, как только показано ею, что о сем якобы об'явлено было ею как миру, так и священнику, но он, Макаров, сего от себя нимало в допросе своем не показал, а таковое их разноречие не заслуживает никакого вероятия, да притом по силе воинских процессов 2 части 3 главы 11 и 14 пунктов он, Макаров, свидетелем быть не может и не должен.

4) Естьли бы действительно было о насильственном якобы им прелюбодеянии от означенных девок об'явлено миру и священнику, то непременно бы было не отпущено по должности вотчинных начальников соцкого и самого священника об оном донести до сведения начальства и тем самым в то же время открыть его преступление, но как ими сего было не исполнено, то из сего и видно, что они не только себя в таковом ложном извете изобличают, но даже обвиняют са-

мый мир и священника в нарушении состоящего на сей случай государственного узаконения.

5) Совершенная же несправедливость, а единая их в том умышленность, открывается из зделанных ими между собою разноречий, во-первых означенные девки и женщины показали, что якобы он имел насильственное прелюбодеяние в красильне, отводя из столярной избы, а крестьянин Агеев, что он водил в кантору, во-вторых,— некоторые из означенных девок и женщин показали, что в то время привозил на фабрику крепостной их человек Фомин Егоров, а другой Анисим Васильев.

6) А хотя крестьянин Анисим Васильев показывает, что якобы он, будучи тогда у его подле каменной палатки, слышал от девок крик караул, но сим он ни мало не доказывает справедливости, сколько напротив изобличает он самого себя, поелику так как по показанию вышеозначенных крестьянок якобы он для учинения насильственного прелюбодеяния водил из столярной в красильну, то и должен был совершенно он, Васильев, видеть все, что только по показанию их могло произходить, ибо сверх того, что оная красильна отстоит от столярной не более 40 сажен, но и должен был по показанию их вести непременно мимо той каменной палатки и мимо его Васильева, но он об оном ничего не показал.

7) Засим еще к большему удостоверению и открытию относительно взведенного ими безвинно на него противузаконного поступка, а что единственно сие есть только злой умысел отойти от них из повиновения обнаруживают и обвиняют самые оных же девок и женщин допросы, так как они все показали, что в то время, приехав, на заводе собрал сначала мужиков, женщин равно и девок петь песни, а после того выслал всех, оставя якобы только их пятерых девок, потом таскал в красильну для учинения показанного ими поступка, от коего они якобы кричали караул, то нельзя дать и сему ни малейшего вероятия, чтоб никто из бывших в то время рабочих людей не мог чего-либо видеть и слышать, потому что ткатская состоит от столярной не более 10 сажен.

8) А что из оных девка Иевлева и крестьянин Марко Никифоров показали, что якобы они были в то время в пьяном виде, то несправедливость их обнаруживает прочих показания, кои нащет оного ничего не об'явили, а из такового их в допросах несогласия выходит, что вообще всех оных показаний есть одно только действие их вымысла.

9) Все означенные пять девок показали, что якобы приезжал тогда с двоими какими-то неизвестными им гостями, с коими и делал насильственное прелюбодеяние и коих как зовут они не знают и в лицо признать не могут, то из всего заключить должно, что в оном ни малейшей истины не заключается, как одна их клевета, поелику естьли бы они и не знали их действительно, то, по крайней мере, по учинении показанного преступления, должны и могли бы узнать от прочих, так как они сами показали, что прежде пели песни мущины и женщины, кои тогда их и должны были видеть, а притом купецкого сына Воинова почти все их крестьяне знают хорошо; сверх же всего, естлибы действительно имели с ними такое дело, то также нельзя нимало дать веры, чтобы они и не могли нисколько заприметить их как Воинова, так и г. Петрова.

10) В таковой же их умышленности и несправедливости обвиняют еще также в показаниях их разноречия, ибо первая из них Иевлева показала, что первоначально взял из них ее и учинил прелюбодеяние с нею, после чего уже то же происходило и с оставшимися: Павлова

же, что сначала взял ее и отдал приехавшему тогда гостю, а Трофимова и Андреева, что прежде всех вывел означенную Андрееву, а после, взойдя, и Трофимову, ис коих с первой он, а з другой приехавший с ним гость имели прелюбодеяние, утверждая Трофимова, что якобы он с Андреевой в красильне, а с нею бывший гость в сенях той красильни, напротив же Андреева утвердила, что якобы он в сенях той красильни, а означенный гость в самой красильне имели с ним[и] насильственное прелюбодеяние, последняя же Федорова, что первоначально Иевлеву и Павлову, а после, пришед опять, взял ее, но и ее, Федоровой, показание, в коем хотя и ссылается на крестьянина Марка Никифорова, что якобы когда он ее потащил в красильну, то она закричала караул и, вырвавшись из рук, ушла опять в столярную, где означенной крестьянин Никифоров ее спрятал, но он ее, сыскав, опять потащил, за такое сопротивление бил ее, а после, учиня в красильне прелюбодеяние и приведши за ворот в столярную, отдал бывшему с ним гостю, сказав, что как хочешь, прокажься, кой, поваля ее, насильственным образом и учинил то же самое, почему за силою уложения 10 главы 16 статьи дать настоящей веры нисколько не можно тем более.

11) Означенный крестьянин Никифоров в допросе своем нащет всего показанного не только его, но и прочих ничего совершенно и достоверно не показал, как только то, что якобы должны были они все изнасилованы, потому что он видел после их в крайней неопрятности.

12) Но равно и его, Никифорова, таковое показание и заключение его же самого в несправедливости изобличает, ибо он не только должен был непременно, как из допросов его и прочих видно, что все то время находился он в столярной, слышать крик караул, но даже и видеть самое действие того насильственного якобы им с гостями прелюбодеяния, тем более, как показывает Федорова, что он[а] в другой раз изнасилована приехавшим с ним гостем уже в самой столярной, а что якобы он бил его за то, что он спрятал означенную Федорову, то его в том несправедливость также изобличается учиненным между ими разноречием, ибо нащет сего Федорова показала, что якобы он ее самую за сие бил, нимало не показывая о битии за оное ж ее спрятание его, Никифорова; напротив же Никифоров о битии ее ничего не показал, да и естлибы справедливо было показание Федоровой, что когда повел ее он в красильну, то она первоначально вырывалась, почему и не было надобности бежать в ту же столярную и прятаться, а ему, Никифорову, ее прятать, но следовало бы ей уйти в ткатскую или совершенно или по глупости по ее показанию в контору, где находились наши крестьяне, а из сего и видно, что сие есть одна злоумышленная зговорка.

13) Наконец, что касается до того, что таковое их на меня показание есть только одно зговорка и научение их прочими, чтобы чрез то отойти от них из повиновения открывается из допросов означенных девок Андреевой и Федоровой, кои показали, что тогда привозили его с гостями не Филип Егоров, а Онисим Васильев, то из чего они, будучи допрашиваемы каждая порознь, узнали, что прочие показали Филипа Егорова, как не из научения их и между собою зговорки.

Второй Андрей Федоров Воинов,— что будучи он прикащиком шуйского купца Ивана Иванова Посылина имел коммерческую торговлю с означенным мещанином Носовым, в рассуждении коей и ходил он в разные времена тогда как в дом его, так и на фабрику имеющегося у него полотняного товара, что же касается до того, как показано на его, якобы он в зимнее время приезжал с ним, Носовым, и коллежским регистратором Александром Петровым на фабрику его Носова в пья-

ном виде, делал как он, так и они насильственное прелюбодеяние с находившимися на той фабрике крепостными его девками, то с чего сие показано ими на них, не знает, так как он не только оного поступка не учинил, но даже и не имел к тому намерения, равно и вышеозначенными Носовым и Петровым учинения ими такового противузаконного поступка не только оного не видал, но и ничего нащет оного не знает, а полагает, что сие учинено ими на его по какому-либо недовольствию или почему-нибудь другому на хозяина их Носова, так как из допросов заметить можно, ибо они в оных не означали не только месяца и числа, но даже настоящего времени, он же во все почти течение зимнего времени, по их показанию, находился по паспорту от означенного хозяина своего по коммерческим делам в разных российских городах.

Марта 9 числа сего года шуйский купец второй гильдии Александр Зосимов и мещанин Михайло Носовы в поданном прошении прописывает:

1) В сем уездном суде производится дело по извету на них показанному от крепостного их человека Родиона Валуева о чинимых якобы ими тиранствах покупным к той фабрике крестьянам, имеющим жительство в селе Дроздове с деревнями, по которому оным уездным судом предписано было земскому суду, чтобы он обо всем из'явленном от Валуева показании произвел на законном основании должное исследование. Земский суд в согласность такового предписания отбирал от всех крестьян под присягою показания, в коих большая часть показывали, после сами говорили, что они никаких тиранств от них не видали, а остаются управлением их довольными, некоторые ж из них приговаривали, что они, хотя и были от них наказываемы, но всякой за свои погрешности и вины, а за то они никакой претензии на них не имеют, а деревни Клочкова крестьяне — Максим Агеев, Павел Филиппов, Гаврило Филиппов же, может быть, при допросах для расстройства их фабрики и возмущения других крестьян и делали новые доводы к обиде их от своего вымыслу, никаким свидетельством не подтвержденные, однако они в настоящем деле не должны иметь места, потому что за нерадение в работе и нехорошую выработку полотен нередко должны были им от них выговоры, каковая мера наказания не есть деланное ими тиранство, а исправление возложенных по мере каждого должностей потому более, чтобы фабрика их, согласно данному из мануфактур-коллегии открытому указу, время от времени приходила в лучшее и цветущее состояние, потому означенные крестьяне наказываемы телесно от них никогда не были и все сие взведено ими несправедливо и единственно по одному мечтательному ими вымыслу, ложных на них показаний, чрез что самое желая получить себе свободу, каковое обстоятельство уездный суд из произведенного по сему делу следствия сам благоволит усмотреть, что они никакого тиранства не только сим крестьянам, но и никому не чинили; почему ясно заключить можно, что намерения Агеева и Филипповых с крестьянином Валуевым клонятся из видов неповиновения к одному только своевольству на тот единственно конец, чтоб остановить полезные их изделия. К изобличению каковых противузаконных их действий служат доказательством следующие произшествия: с 16 на 17 число ноября прошлого 1822 года крестьянин Гаврило Филиппов, будучи с прочими крестьянами на фабрике за рекою Тезою и занимаясь фабричным мастерством, самовольно с той фабрики без всякого позволения отлучились в свои селения; на спрос же прикащиком их, куда они пошли, ответствовали, что они идут в свои дома, ибо де им суд приказал. О сем от его, Александра, и поданы в здеш-

нюю градскую полицию того ж ноября 18 дня два прошения; но учинено ли по ним какое производство, ему неизвестно.

Сверх сего текущего 1823 года в феврале месяце во время небытности его дома некоторые крестьяне и крестьянки, выйдя из должного прикащика его [повиновения], также самовольно с фабрики ушли в свои домы, о чем в здешней городовой магистрат и об'явления поданы. Таковые поступки тех крестьян не доказывают ли ясно против их своего возмущения и приказаниям их противного законам неповиновения, чрез что самое в вырабатывании изделий имеется на фабрике замедление, а в капитале, в оную вложенном, совершенной убыток и расстройство.

Наконец, за нужное находят об'яснить: 2) как означенное недвижимое имение куплено покойным их дедом с дозволения государственной мануфактур-коллегии к фабрике с таковым обязательством, чтобы оное от той фабрики, ни фабрика без крестьян ни в какое владение не переходила, а естли нужда заставит оное продать, то чтобы таковая продажа поступала совокупно одно с другим, т. е. как фабрика, так и крестьян,— поговоря между собою полюбовно, на основании законов, положили тех крестьян и фабрику оставить в единственном его Александра владении, а ему, Михайлу, получить положенной между ими в домовом раздельном акте количество денег и более ни во что не вступаться, каковой их акт и представлен от них будет на утверждение куда следует, а до сих пор все их имение осталось в единственном его, Александра, владении и распоряжении. Просили: крестьян Валуева, Агеева и Филипповых за вымышленную ими на них клевету и возмущения других рабочих людей к неповиновению им предать на основании указа 29 генваря 1798 года суждению, а дабы производство на фабрике изделий не могло расстроиться к убытку их, то и других крестьян, занимающихся работами, равно и всех прочих, принадлежащих им, живущих в селениях, обязать на месте, через кого следует, подписками с тем, чтоб они находились у них в должном повиновении и послушании...

Уездный суд, рассматривая и соображая оные с производством дела, находит:

1) Что купленные к фабрике Носовых крестьяне, на коих Валуев имел ссылку в чинимых якобы им тиранствах нимало извета его, Валуева, не утвердили, а напротив того 87 человек показали, что они оставались и ныне остаются управлением хозяев своих довольными, 35 человек, хотя и показывали, что они были наказываемы, но каждый за свои погрешности и претензиев своих за то не имеют, почему таковой Валуева извет по силе уложения 2 главы, 17, 10 главы 160 статей и воинских процессов 2 части 1 главы 2 пункта за справедливой принят быть не может, а следует его счесть произведенным из одного только мщения, ибо когда он Александром Носовым остановлен был во Владимире от подачи прошения о взятии его, Валуева, с принадлежащими на часть Михайла Носова крестьянами и фабрикою в казну и представлен был во владимирскую градскую полицию, как отлучившийся самовольно без узаконенного пашпорта, то он в то же время в градской полиции в допросе своем показал, что от него, Александра, делаются крестьянам тиранства, ни говоря ни слова, чтобы то же чинилось и от Михайла Носова, а когда прислан был чрез посредство внутренней стражи в уездной суд, тогда и на него, Михайла, сказал, что и он делает то же.

2) Трое только крестьян, имянно: Михайла Агеев, Павел Филиппов и Гаврило Филиппов при произведении и извете Валуева следствия

настоятельно [просили], чтобы в показаниях их помещено было слово «тиранство», но какое имянно производимо было им от своих хозяев и когда имянно, того ничем не доказали, поелику из них Павел Филиппов показывал, что за каковую вину и в которое время был наказываем,— того не упомнит, а Гаврило Филиппов сказал, что он наказан был один раз за то, что просился с фабрики домой прежде времени, почему, естли и подлинно они были от хозяев своих наказаны, то за их вины, то и нельзя отнести к тиранству, почему таковые их показании за справедливые принять не можно, а полагать должно, что и они зделали сие по научению Валуева.

3) Показание девок и женщин в насильственном с ними от хозяина их Михайла Носова блудодеянии и с ними бывших гостей Александра Петрова и Андрея Воинова за справедливое принять также нельзя, потому что от них, по силе толкования на воинской 167 артикул, в свое время жалобы нигде принесено не было; хотя же они и показывают, что об'явлено от них было миру, но из тех мирских людей о таковом им об'явлении в отобранных от них показаниях никто не говорил ни слова,— и потому сей суд мнением заключает: крестьян — Родиона Валуева, Максима Агеева, Павла и Гаврила Филипповых, по силе уложения 2 главы 17 статьи воинского 132 артикула и указов 1762 октября 8 и 1797 годов генваря 29 числа, наказав плетьми первого,— яко главного против своих хозяев возмутителя и прочим крестьянам подавшего к оному повод,— 50 ударами, сослать на поселение, а последних троих каждого по 25 ударов, отдать в военную службу с зачетом вотчине за рекрут, буде окажутся способными; а кто из них будет к службе неспособен, то сослать на поселение без зачету. Деньги же, собранные с миру 354 руб. 48 коп. для хождения по делу, отдать их с росписко́ю в вотчину крестьян Носовых, а вышеписанных крестьян Максима Агеева, Павла и Гаврила Филипповых, вытребуя чрез земской суд из вотчины, препроводить для содержания в градской тюрьме под стражею впредь до решения палаты уголовного суда...

Уездный судья и кавалер Иконников.

Дворянский заседатель Каблуков.

Прошение А. Носова в уездный суд, июнь 1823 г.[1]

Всепресветлейший, державнейший, великий государь, император Александр Павлович, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший. Просит шуйский второй гильдии купец и фабрикант Александр Зосимов сын Носов, а о чем мое прошение, тому следуют пункты:

1) К крепостному моему с прочими наследниками, принадлежащему к полотняной фабрике, состоящей в городе Шуе за рекою Тезою Шуйского уезда деревни Клочкова, старосте Мирону Иванову посылал я с нарочным мои письменные приказы истекшего маия: 1) 28 дня, чтоб он освобожденных из-под стражи и Шуйским уездным судом отданных 21 числа оного майя не в вотчину[2]... и на поручительную росписку шуйскому мещанину Игнатию Шилову крепостных моих с прочими наследниками крестьян Родиона Валуева, Максима Агеева, Гаврила и Павла Филипповых с тем, чтобы они до решения дела никуды отлучаемы не были, вместо чего они, крестьяне, явились

[1] Там же, д. № 683, лл. 11—12.

[2] Одно слово неразборчиво.

в вотчину и без позволения моего им, старостою, допущены в домах своих проживать, отправить по установленному порядку в Шуйской земской суд через соцкого, яко самовольно отлучившихся из города Шуи, но им, старостою, сей мой приказ возвращен был моим посланным прикащикам Карпу Бушуеву и Михайлу Балахнину с угрозами и буйством, а в чем сие заключается, о том они, прикащики, могут сами показать.

2) 29 дня с приношением оного первого приказа, как подтверждающего о непременном по оному исполнению, так и о том, чтобы меня уведомил, для чего он, староста, посланному крестьянину Федору Степанову приказал, помимо меня, самовольно с фабрики фабришным отправиться в домы свои, а не чрез меня, яко хозяина.

3) 30 дня подтверждающий об одном и том же Валуева, Агеева и Филипповых отправлении с дополнением, дабы он, староста Иванов, доставил ко мне свое уведомление о нижеследующем: во-первых, спросить крестьянина Федора Степанова, почему он самовольно наперед приказал фабришным с фабрики отправиться в домы, а мне, когда они уже ушли, после только об'явил о сем; получа же от меня приказание, чтобы фабришные оставались до получения мною письменного требования, для чего их не остановил? а он, староста, каких ради причин с ним, Степановым, ко мне не прислал письменно извещения, что фабришные с фабрики в домы свои потребованы сельским заседателем, ибо я сие извещение от него, старосты, получа, и, яко хозяин, мог бы и сам приказать, чтобы они, фабричные, отправились в свои домы, чем соблюден бы был порядок, предотвращающий от своеволия и ослушания, и во-вторых — с сентября месяца прошлого 1822 года по сие время сколько раз и каждой когда имянно он, староста, делал мирских сходов крестьяном и в которой раз сходов для какой надобности оные были, а также сколько имянно он, староста, делал с каждой души или тягла партикулярных денежных сборов и закладок и на какие имянно надобности и сколько из таковых употребил?

4) 13 маия по посланному от меня приказу с дополнением, чтобы доставил ко мне сведения о нижеследующем: во-первых — следователь г. шуйский дворянства предводитель Шимановский в деревне Клочковой у кого имянно на квартире изволил квартировать? во-вторых,— на дачу приговоров: одного прошлого 1822 года в сентябре Валуеву, а другого сего 1823 года в генваре месяце ему, старосте, со крестьянами — Волковым, Саловым и Рыбаковым о хождении за Валуева ко освобождению его деланы ль были мирские сходы и при таковых сходах поскольку в каждой раз заложено с души на расход денег или по добровольной складке сколько кому и кем имянно отдано? и в — третьих — имевшийся при вотчине хлебной магазин, когда имянно, за сколько и кому продан и куда полученные деньги поступили, а продажу таковую он, староста, сделал с чьего позволения? Как же упомянутой староста Мирон Иванов по вышеизложенным приказам исполнения не учинил, а оказывал ослушание, то вынужденным себя нахожу всеподданнейше просить, дабы высочайшим вашего и. в. указом повелено было сие мое прошение в Шуйском уездном суде принять и в вышеписанных по моим от старосты Иванова требованиям предметах им не исполняемых, его, суть оказавшегося в явном ослушании, допросить и на допросе благоволено б было отправить его к законному суждению в Шуйской уездный суд, а мне о показании его об'явить для представления моего дальнейших доказательств о противозаконных его деяниях; а между тем подсудимых крестьян: Валуева, Агеева и Филипповых из вотчины, яко следующих быть в городе Шуе безотлучно на расписке до решения дела, но не в домах

своих и отлучившихся самовольно, отправить в Шуйский уездной суд...

Шуйский второй гильдии купец и фабрикант Александр Зосимов сын Носов руку приложил.

Письмо старосты д. Клочкова М. Иванова А. Носову, 29 мая 1823 г.[1]

М. г., Александр Зосимович.

Хоша я вчерашнего дня ваш приказ и не принял и росписки в том не дал, в котором изволили писать, чтобы я выслал крестьян: Родиона Валуева, Максима Агеева, Гаврила и Павла Филипповых чрез посредство соцкого, но я ими распоряжать воли не имею, ибо оные крестьяне освобождены уездным судом в домы свои, которые и находятся безотлучно в вотчине нашей. А нащет фабришных, ибо за ними послал сельской заседатель, Василей Никифоров, хоша записки и не дал, но велел доложить милости вашей, чтоб освободили для следствия г. дворянским предводителем. А мы повиноваться вам должны всегда, а фабришные, как скоро следствие кончится, непременно все будут на фабрике.

Староста деревни Клочкова Мирон Иванов. За неумением грамоте по его приказанию крестьянин Егор Федоров руку приложил.

Письмо М. Иванова А. Носову, 31 мая 1823 г.[2]

М. г., Александр Зосимович.

Приказ ваш с выпискою государственных узаконений я, староста Мирон Иванов, получил. Изволите приказывать выслать Родиона Валуева с протчими крестьяны, якобы от оного Валуева происходят многие возмущения, но сие напрасно изволите сомневаться, от его ни я, ни крестьяне возмущения никаковаго не слыхали, а представить я их в земской суд никаковой за ними притчины не знаю. Ежели вам угодно, изволите показать притчину, с чем их представить, а мы просили его сиятельство графа владимирского гражданского губернатора и кавалера, чтоб их освободить из-под стражи внутренней не для того, чтоб проживаться в городе Шуе, а для того, чтобы находиться в домах своих и заниматься полевой своей работой, а что пишите нащет протикулярных[3] сборов, у нас никаковых не имелось, кроме казенных подушен и прогонных денег. Еще пишите нащет сходов, но нам без них никак нельзя для управления в работах промежду самих себя, потому что у нас ныне заведена церковная постройка. Затем остаюсь староста Мирон Иванов, а за неумением ево грамоте по ево приказанию крестьянин Егор Федоров руку приложил.

Показание М. Иванова дворянскому заседателю Шуйского уездного суда Секирину, 8 июня 1823 г.[4]

1823 года июня 8 дня. Шуйского уездного суда дворянскому заседателю г. Секерину Шуйской округи вотчины шуйского купца и фабриканта Александра Носова с прочими с ним наследниками староста деревни Клочкова Мирон Иванов вследствие об'явленного мне поданного в оной суд от него, Носова, прошения сим по сущей справедливости показую, что я в настоящей своей должности нахожусь уже

[1] Ивановский обл. ист. архив, и. о., Шуйский уездный суд, д. № 683, л. 46.
[2] Там же, л. 44.
[3] Так в подлиннике.
[4] Там же, л. 15.

третий год и избран к оной по мирскому вотчины нашей приговору, утвержденному им самим, Носовым. Г. дворянский предводитель Шимановский, производя следствие в деревне нашей, квартировал у вышеупомянутого крестьянина Родиона Валуева, для освобождения коего из-под стражи с общего мирского согласия собрано с каждой души нашей вотчины по пятидесяти копеек, всего сто рублей на разные расходы. Имевшейся при деревне нашей магазин без хлеба продан нашей же деревни крестьянину Филиппу Потапову за сто двадцать пять рублей, кои и употреблены для разных вотчинных наших надобностей и нужд крестьянина Валуева, дабы он не мог притти в совершенное раззорение.

К сему показанию вместо означенного старосты Мирона Иванова, за неумением ево грамоте, по ево личному прошению крестьянин Егор Федоров руку приложил.

Дворянский заседатель Секерин.

Из прошения А. Носова в Шуйский нижний земский суд, июль 1823 г.[1]

1. Желая сменить за многие законопротивные беспорядки и ослушании против меня, яко хозяина, принадлежащего крепостного к полотняной моей с прочими наследниками фабрике, мною управляемой, Шуйского уезда деревни Клочкова старосту крестьянина Мирона Иванова... посланным 8 числа приказом к крестьянам оной деревни Клочкова и сельца Иванова я об'являл, дабы они вместо того избранному мною из среды их в-старосты крестьянину Павлу Яковлеву были послушны и находились в его повиновении, но они оказали ослушание от возмутительного внушения отлучившегося из города Шуи... Родиона Валуева..., а как на основании указа 1779 года ноября 22 дня принадлежащие крестьяне к фабрике моей не инако разумеемы быть должны, как собственность моя, которую я по состоянию своему и порядку, в законах предписанному, учреждать имею свободно, то и право от меня есть неот'емлемое в выборе и утверждении из крепостного имения старост, для чего всеподданнейше прошу:

... во-первых, вышеписанных крепостных крестьян деревни Клочкова и сельца Иванова... ко исполнению моих приказаний привесть в послушание и вновь избранному от меня старосте Павлу Яковлеву повиновались бы, в чем их, крестьян, и обязать подпискою; во-вторых, ко удержанию и обузданию дальнейшего ослушания и беспорядка во оных селениях благоволено б было приказать заведывать те селении постороннему сотскому, ибо одновотчинной с упомянутыми ослушными крестьянами соцкой, будучи с ним единомышленником, безнадежен для соблюдения между оными должного порядка... в-четвертых, отныне на дальнейшее время воспретить новоизбранному от меня старосте чинить с крестьян всякие сборы и закладки на партикулярные расходы, а паче без ведома моего, в чем и обязать его подпискою, и в-пятых, отлучившихся из города Шуи крестьян: Валуева, Максима Агеева, Гаврила и Павла Филипповых и в домах своих проживающих, к предотвращению от дальнейших их возмущений прочих крепостных крестьян нашет неповиновения моим приказаниям, выслать оных в г. Шую и воспретить новоизбранному старосте без ведома моего таковых допускать в домах их жительствовать, чем и благоволено б было доставить мне законное удовлетворение...

К сему прошению второй гильдии купец и фабрикант Александр Зосимов сын Носов руку приложил.

---

[1] Там же, лл. 18—19. Официальное обращение в начале документа (см. док. на стр.) здесь опускается.

Из прошения А. Носова в Шуйский нижний земский суд, 10 июля 1823 г.[1]

1. Шуйскому земскому суду от меня в минувшем июне месяце подано прошение о приведении в послушание мое крепостных Шуйской округи деревни Клочкова и сельца Иванова крестьян, принадлежащих по привилегии к полотняной моей с прочими наследниками фабрике, мною управляемой, и о прочем в том прошении мною из'ясненном, но по сему учинено ли что, мне неизвестно. Как между тем своеволие и беспорядок между теми крестьянами продолжаются... Из упомянутых крестьян из числа годных в работу долженствует быть на фабричном изделье половине, без малого до ста человек обоего пола, но вместо сего от неповиновения мне означенных крестьян бывает на фабричном изделье из них незначительное количество рабочих, да из тех самовольно с фабрики отлучаются, а наконец, ныне самомалейшая часть оных имеется, так что фабрика пришла в сущее запустение и в производстве фабричном остановилась... Для чего всеподданейше прошу, дабы высочайшим вашего и. в. указом повелено было сие мое прошение в Шуйском нижнем земском суде принять и, как по прежде поданной моей прозьбе, оказать мне законное удовлетворение, так и по сей поименованных крестьян привесть в послушание, чтобы из числа оных годных в работу половинное количество беспрерывно находилося на фабричном изделье... и обуздать, чтобы из таковых, на изделии находящихся, самовольно с фабрики отнюдь не делали отлучек и тем благоволено б было оказать мне удовлетворение, предначертанное в правах священных законов.

К сему прошению шуйский второй гильдии купец и фабрикант Александр Зосимов сын Носов руку приложил.

Из прошения А. Носова в Шуйский нижний земский суд, 30 августа 1823 г.[2]

1. Настоящего августа 28 дня принадлежащий к полотняной фабрике крепостной мой с прочими наследниками Шуйского уезда деревни Клочкова бывшей староста Мирон Иванов явился с извещением, что фабричные крестьяне желают вступить на фабричное изделье; на сие от меня отвествовано, что я его старостою не признаю и действоваться моим распоряжением не могу чрез его потому, что он от меня предан суждению, как о сем Шуйскому земскому суду и видимо из поданных от меня прошений, а к тому ж: во-первых, он, Иванов, сверх собственного своего ослушания и своеволия, допустил до таковых поступков и всех прочих крестьян, о чем также видимо оному суду из моих прошений; во-вторых, он же, Иванов, на приказы мои меня уведомлял, как представляемые при сем за моим скреплением два его ко мне орегиальные донесения доказывают — одно от 29 майя, что он с крестьянами повиноваться мне должен, а другое от 31 того ж маия, что партикулярных зборов у него никаких не имелось, но после сего в июне месяце при следствии г. дворянскому заседателю Секерину он, Иванов, об'явил, что нащет освобождения из-под стражи крестьянина Валуева на расходы был им делан с крестьян денежной сбор, да и за проданной без ведома моего вотчинной хлебной магазейн полученные деньги им равномерно ж употреблены на разные вотчинные потребности; стало быть, оной Иванов сделал ко мне свои донесении ложные, и в-третьих, исключая, что при утверждении ево, Иванова,

[1] Ивановский обл. ист. архив, н. о., Шуйский уездный суд, д. № 683, л. 22.
[2] Там же, лл. 44—45.

о том, что он бутто мне повинуется, а при соображении на самом деле всех его подвигов вместо его повиновения лишь видно одно за другим ослушание и своеволие, до того простертое, что уже и в отношении при требовании со стороны земской полиции от дачи подписки он с фабричными крестьянами отказался, о чем также земскому суду известно; а притом буде он, Иванов, и все прочие фабричные крестьяне мне повинуются, то почему же по приказу моему с 8 числа июня месяца вновь избранного мною на место его, Иванова, из среды их старостою крестьянина Павла Яковлева в сем звании не признают и повиноваться моим через его распоряжениям отказались и не хотят? И я, доколе Шуйской земской суд не благоволит привесть к узаконенному порядку означенных крестьян, яко возмутившихся, в должное мое повиновение и к предотвращению на будущее время от ослушания и своеволия и от всяких беспорядков не обяжет их подпискою, ограждающею им быть в моем послушании и не делать им своеволий, а также повиноваться вновь избранному от меня старосте Яковлеву, то дотудова не могу ими, фабричными крестьянами, распоряжаться; поелику земской суд благоволит иметь в виду своем, что от ослушания и своеволия их, крестьян, фабрика вовсе опустела и без действия находится без малого два месяца, чем причинена мне большая растройка и навлечены немаловажные убытки, и с кого я сии должен отыскивать и получать? О том испрашивается мною разрешение от губернского начальства, потому что если бы в начале их, крестьян, ослушании и своеволии выставленные от меня на вид установленным властям были сокращены, но нетерпимы, то бы и последствий подобных содействоваться не могло, о чем об'ясняя, всеподданнейше прошу, дабы высочайшим вашего и. в. указом повелено было сие мое прошение и при нем представленные два донесения бывшего старосты Иванова в Шуйском нижнем земском суде принять и по вышепрописанным обстоятельствам и согласно с прежними моими прошениями бывшего старосту Мирона Иванова предать суждению, а со ослушными фабришными крестьянами за неповиновение ко мне и своеволие, исследовав, кто из них был к сему поводом или чьему они в том последовали внушению, поступить с ними по законам; а между тем их, крестьян, со обязанием подпискою по учрежденному порядку привесть в должное мое повиновение со обузданием их на предбудущее время от своеволий их, ибо без сего и без повиновения вновь избранному старосте от меня Яковлеву, чрез коего должен я распоряжаться, не можно мне признать покорности их, крестьян, в повиновении их, как уже довольно доказавших безнадежность своего поведения, а паче при жительстве в вотчине крестьянина Родиона Валуева, которой втайне и явно, бывая всегда на мирских совещаниях, не оставляет делать им злокачественных своих внушений, то и благоволено б было к разрешению моему об'явить мне резолюцию и тем доставить мне законное удовлетворение.

К сему прошению шуйский второй гильдии купец и фабрикант Александр Зосимов сын Носов руку приложил.

Из прошения старосты и крестьян д. Клочкова во владимирское губернское правление, сентябрь 1823 г.[1]

1. Дошли мы во владение к хозяевам, нашим содержателям полотняной фабрики, шуйским купцу Александру и мещанину Михайле Носовым слишком уже 20 лет от предков их по наследственной ли-

[1] Там же, лл. 2–3.

нии, в течение коего времени обрабатывали и обрабатываем на 191 душу до ста станов, кроме других по распоряжениям их работ, как-то: кузнечных, красильных, млынарных и прочих, равно домашних, касательно запашки и уборки хлеба, рубления леса и дров и доставления их в город Шую расстоянием в один путь на 27 верст, получая при родителях, их за первые умеренную, ныне же самую малую плату, из коей теперь удержали по счетам и ерлыкам их 1600 рублей, получая между тем с нас оброку в год тысячу рублей.

2. По всегдашнему обыкновению, т. е. с начального управления нами родители их, и даже при них самих, с 15 числа июня и по 1 сентября отпускались фабричные в домы свои для обработывания полей, так как в домах остаются старые и малые. По прошествии срока всегда являлись на фабрики и исправляли каждой свою работу. Ныне же купец Александр Носов, мстя за принесенную нами правительству жалобу о притеснениях и жестокостях, ими крестьянам производимых, не хотел было дать позволения на отлучку по вышеизъясненному обыкновению, хотя и многократно мы приходили о сем ево просить, представляя на вид, что мы чрез то должны [лишиться] годового пропитания, ибо для уробки хлеба одно бывает время, о чем просили также шуйского г. городничего, но однакож по долгом упорстве дал некоторым позволение, а прочие затем решились зделать то же. По явке же всех их по прошествии срока на фабрики требовали от владельца каждой себе работы, но он, в том отказав им, сказал только, что об них известно правительству и что для них у него работы нет, почему теперь сказанные фабричные наши крестьяня, не занимаясь никакими работами, проживают в домах своих праздно, чрез что могут дойти до совершенной нищеты, ибо каждодневно, ожидая приказанья владельца, никак не могут ни отлучиться куда, ни наняться в какой-либо работе, не получая, между тем, и заработанные удержанных ими денег. А потому всеподданнейши просим и дабы высочайшим вашего и. в. указом повелено было сие наше прошение владимирским губернским правлением принять и владельцам Носовым, чрез кого следует, приказать дать фабричным нашим крестьянам должную и безостановочную работу с платежем за оную денег для содержания домов своих и семейств, а удержанные ими по счетам и ерлыкам 1600 рублей с них взыскать и оными нас удовлетворить.

К сему прошению вместо вышеписанных крестьян за неумением их грамоте и писать по личному прошению ковровской мещанин Иван Петров Воронов руку приложил.

Из прошения старосты и крестьян д. Клочкова в Шуйский нижний земский суд, сентябрь 1823 г.[1]

1. Сего 1823 года августа 31 дня приходили мы с прочими одновотчинными с нами крестьянами ж к хозяину своему Александру Зосимову Носову для произведения в находящейся у него полотняной фабрике следующей нам работы, которой неизвестно почему, не принимая нас в оную работать, сказал тогда, что мы ему уже не нужны, о чем самом в то же самое время и было нами об'явлено словесно шуйскому г. городничему, чрез каковое ево, хозяина нашего, непринятие и, опасаясь мы, дабы безвинно не подпасть нам под каковую-либо ответственность, а также и не могло б быть нам сочтено за какое-либо ослушание, решились сего сентября 21 дня итти к нему, хозяину нашему, опять для испрошения у него при фабрике его

[1] Ивановский обл. ист. архив, и. о., Шуйский уездный суд, д. № 683, л. 59.

работы, которой и ныне, неизвестно ж почему, для работы брать не соглашается, о чем, об'являя Шуйскому земскому суду, всеподданнейше просим, дабы высочайшим вашего и. в. указом повелено было сие наше явочное прошение в Шуйском земском суде принять и оное, где следует, впредь для ведома записать.

К сему явочному прошению вместо вышеписанных, за неумением грамоте, по их личному прошению, шуйской инвалидной команды барабанщик Василий Воскресенский руку приложил.

Об'яснение А. Носова, данное шуйской городской полиции, 20 ноября 1823 г.[1]

Выслушав присланное из Шуйского земского суда во оную полицию сообщение с приложением при указе владимирского губернского правления прошения, поданного от принадлежащих мне с прочими наследниками к полотняной фабрике крепостных Шуйской округи деревни Клочкова старосты Мирона Иванова и крестьян — Архипа Рыбакова и Мокея Иванова, об'яснить честь имею на содержание означенной прозьбы во всех частях, а имянно:

1. «Дошли мы во владение к хозяевам нашим, содержателям полотняной фабрики, слишком уже 20 лет». Но они, крестьяне, по привилегии куплены не помещичьего владения самобеднейшими, а теперь находятся в хорошем состоянии, что могу доказать самым делом.

2. «Обрабатывали и обрабатываем на 191 душу до ста станов, кроме других по распоряжениям их работ — кузнечных, красильных, млынарних и прочих, равно домашних, касательно запашки и уборки хлеба, рубления леса и дров и доставления их в город Шую расстоянием в один путь на 27 верст». Но они, крестьяне, больше того станов, что в законе определено не обработывают; кузнечная, красильная и млынарная входят в состав фабричного изделья, без чего фабрике существовать нельзя; следовательно, и выражения их, крестьян, на сей щот более не составляют ничего другого, как лишь одно распространенное пустословие, а о домашних работах, в чем сии заключались и кем из крестьян были отправляемы и с чего, о том из следствия, произведенного Шуйским г. дворянским предводителем Шимановским его сиятельство г. владимирский гражданский губернатор, изволив усмотреть, благоволил предложить Шуйскому городовому магистрату, в котором о сем предмете и производится дело.

3. «Получая при родителях их за первые умеренную, ныне же самую малую плату, из коей теперь удержали по щетам и ерлыкам их 1 600 рублей, получая между тем с нас оброку в год тысячу рублей». Но за работу фабричного изделья им, крестьянам, хотя они по силе имянного высочайшего указа 1798 года марта 16 дня 4 пункта и обязаны отправлять оную безденежно, было платимо из единого добродушия, а не по праву долга, наравне с вольнонаемными бездоимочно, что ж содействовался платеж прежде больше, а ныне меньше, — от известного всем большого понижения цен по коммерции на товары, а сообразно с тем происходит уже и самая всеместная наемка рабочих слишком за уменьшительные цены, то и обидою считать того нельзя, что зависит по обстоятельствам существующих цен от настоящего времени, а не от произволения человека; следовательно, в таковом последствии, в котором была и есть добрая воля хозяина платить и не платить крепостным за изделье, напрасно они, крестьяне, нащитывают упомянутую не следующую недоимку; получали ль мои

[1] Там же, лл. 4—9.

покойные предки с тех крестьян какой денежной оброк, мне о том неизвестно; стало быть, за смертью моих предков их, крестьян, показание есть тщетное и не у места, тем более, что оное означает затейливость, что буде мои предки получали с них, крестьян, оброк, то почему же они в жизни их, где следует, о содействии им не оглашали, а вздумали претензовать не малое время, я думаю, на тот конец, что покойники неправду их, крестьян, изобличить не могут...

4. «По всегдашнему обыкновению, т. е. с начального управления нами родители их, и даже при них самих с 15 числа июня и по 1 сентября отпускались фабричные в домы свои для обработывания полей». Но из них, крестьян, на фабричном изделье больше того количества, какое предузаконено указом 1798 года марта 16 дня не работывало; следовательно, исключая старых и малолетних, оставаясь в домах своих такая ж половина, какая находится и на фабрике или еще и более годных работников, могли бы управить в летнее время свои полевые работы; но как предок мой, а после их и я, имея попечение больше о благосостоянии их, крестьян, нежели о собственных выгодах, из снисхождения и к улучшению их состояния каждогодно в летнюю пущую пору на два с половиною месяца всех до единого крестьянина отпускали с фабрики в домы на свои полевые работы;

5. «Ныне ж купец, Александр Носов, мстя за принесенную нами правительству жалобу о притеснениях и жестокостях, ими крестьянам производимых, не хотел дать позволения на отлучку по вышеписанному обыкновению, хотя и многократно мы приходили о сем его просить». Но когда они, крестьяня, по покупке из помещичьего владения при владении моих предков и моем ими доведены из бедных в лутшее состояние, и будучи я не во обязанности по праву вышеозначенного указа 1798 года марта 16 дня платить им деньги за изделье их на фабрике, а в летнее отпускать всех до единого с фабрики на собственные их работы, но за первое им платил наравне с вольнонаемными, а в последнем случае их удовлетворял в чаянии пользоваться от них за то признательною чувствительностью, в которой употреблялось добро, произтекли плоды не только ко мне неблагодарные, а еще противу меня и лживые; отчего ж? Через единственное возмущение злокачественного по своим деяниям крестьянина Родиона Валуева, бывшего под стражею и из-под оной выпущенного со отдачею его на постороннюю расписку из города Шуи неотлучную до решения дела, но вместо сего живущего уже в вотчине, которой, пользуясь сим удобством, тайно и явно внушает крестьянам, имея ж от них себе влияние восстановляет их, крестьян, противу меня...

6. «По явке же всех их по прошествии срока на фабрику требовали от владельца каждой себе работу». Но как, хотя из них, крестьян, часть, а не все и являлись ко мне и требовали от меня, чтобы я их допустил на фабрику работать, однако ж я в том удовлетворить их, крестьян, не мог, а по каким именно притчинам, о том его сиятельству г. владимирскому гражданскому губернатору, земскому суду и по поручению его сиятельства Владимирской уголовной палаты г. советнику Гаврилову известно из поданных до ныне от меня прошений и об'яснения, поелику, со времяни возмущения их, крестьян, Валуевым почти в течение слишком года от них, крестьян, последовали разновремянно многие беспорядки, нарушавшие тишину и спокойствие..., а наконец уже явно оказали своеволие и отложились от повиновения мне до такой степени, что в нарушение указов 1762 октября 8 и 1797 годов генваря 29 чисел вновь избранного мною из среды их старостой крестьянина Павла Яковлева в сем звании не признают и от послушания его отреклись, то доколе они, крестьяня, не

будут обязаны подпискою в повиновении мне и о неделании ими своеволия, а новоизбранного старосту не признают, я, их крестьян, как испытанных в неблагонадежности их поведения без ограждения тем себя в настоящем и грядущих временах, не могут допустить до изделья на фабрику, а наипаче в таком случае, когда они уже не вняли и самым внушениям земского суда, но сделали и противу суда сего ослушание...

К сему об'яснению шуйской второй гильдии купец и фабрикант Александр Зосимов сын Носов руку приложил.

Из показания крестьян д. Клочкова шуйскому земскому исправнику Иконникову, 6 сентября 1823 г.[1]

1823 года сентября 6 дня шуйским земским исправником Иконниковым при ратмане шуйского городового магистрата Михайле Денисове и при нижеписанных разных вотчин и селений сторонних людях прочитаны были крестьянам шуйского 2-й гильдии купца Александра Носова, живущим Шуйской округи в деревне Клочкове: 1) предписание его сиятельства г. владимирского гражданского губернатора и кавалера о приведении их в должное к хозяину своему повиновение и исполнение законных его требований, присланное от 15 августа 1823 г. № 5865 и 2) к убеждению нащет удержания их от своевольств и других обстоятельств указы 1797 генваря 29, 1798 марта 16, 1736 генваря 7 и 1762 гг. октября 8 числ.

По выслушании вышеписанного, означенные ниже по имянам деревни Клочкова крестьяня об'явили, что они от должного повиновения своему хозяину никак не отказываются и в чем следует исполнять обязуются его приказании. Что же касается до вновь избранного хозяином их в старосты крестьянина Павла Яковлева, то сии его не утверждают, а желают, чтоб был старостой Мирон Иванов, который прежде был избран, потому что сей последней, по заключению их, достойнее к занятию сей должности первого.

При отобрании сего показания находились деревни Клочкова неумеющие грамоте: староста Мирон Иванов, крестьяне (следует перечисление присутствовавших), которые все притом еще, об'явя, просят, чтоб благоволено было удовлетворить, кого следует, за работу по прежним щетным книгам, кому что причитаться будет. На работу же к хозяину своему они идут беспрекословно. Некоторые же из них крестьяня 31 августа сего года и приходили уже на фабрику Носова для работы, но он их отослал назад.

Исправник Иконников.

Из журнала присутствия Шуйского нижнего земского суда, 20 сентября 1832 г.[2]

1823 года сентября 20 дня Шуйский земский суд обще с правящим должность уездного стряпчего при ратмане городового магистрата, прибыв в деревню Клочково, принадлежащую купцу Носову, и составя свое присутствие, приказали — об оном записать в журнал и учинить следующее: собрав понятых сторонних людей и приглася чрез ведение священника погоста архангела Михаила, об'явить всем купца Носова крестьянам деревни Клочкова и сельца Иванова предписание, полученное в сей суд от г. владимирского гражданского гу-

[1] Ивановский обл. ист. архив, и. о., Шуйский уездный суд, д. № 683, л. 50.
[2] Там же, л. 57.

бернатора и кавалера нашет бытия оных крестьян в полном послушании своего владельца Носова и что они на оное скажут отобрать письменное от них показание, в случае ж и за сим ослушания, об'явить им на сей предмет узаконения и о том учинить особое рассуждение.

Сего ж числа в присудствии Шуйского земского суда при священнике погоста архангела Михаила, показанных сторонних людях, крестьянам, принадлежащим купцу Носову, первоначально прочитано было полученное в сей суд от г. владимирского гражданского губернатора и кавалера предписание от 13 сентября за № 6735 о приведении в послушание оных крестьян купцу Носову. По выслушании коего: первые трое крестьян деревни Клочкова Иван Андреев, Сергей Иванов и сельца Иванова Мокей Иванов с озартом закричали, что они никакого ослушания хозяину своему не делают, итти к хозяину своему готовы, избранного им старосту Ивана Яковлева не принимают и ему не повинуются, а как у них есть из среды их ими избранной Мирон Иванов, коего и теперь оставляют. Смотря на коих крестьян, и прочие все единогласно подтвердили то же самое. Причем читаемы были все те законы, кои и прежде об'явлены им г. исправником, но они остались непреклонны. Приказали: об оном записать в журнал; избранного старосту купцом Носовым утвердить, не взирая на крестьян, а Мирона Иванова оставить рядовым, о чем им при всех крестьянах и об'явить с подписками: первому, чтоб он распоряжал крестьянами и был над ними старшиною, а последнему, дабы не имел права входить ни в какие распоряжении, крестьян же Ивановых и Андреева взять под присмотр впредь до разрешения г. гражданского губернатора, коему о сем и представить.

По силе сего, когда прочитана была вторая статья журнала, то все те крестьяня закричали единогласно, что коль скоро из них хотя один взят будет, то пусть и их всех берут, куда хотят, да и сами они в город идут к г. гражданскому губернатору, что слыша, Павел Яковлев и Мирон Иванов никакой подписи не дали и не дают. Приказали: и о сем записать в журнал для совокупного соображения, чем самым и присутствие закрыть, дабы и более не распространить ропоту и о всем том в рапорте к г. гражданскому губернатору включить на его благорассмотрение и впредь до его разрешения, не брав никого, оставить крестьян при домах своих.

В должности исправника дворянский заседатель Секерин. За стряпчего уездного суда секретатрь Полянский, Ратман Петр Вахрин. Скрепил секретарь Яковлев.

Предписание А. Носова соцкому Е. Рыбакову, 2 октября 1823 г.[1]

Сего числа приходили ко мне из оного имения бывшей староста Мирон Иванов с некоторыми крестьянами и просили меня допустить их на фабричное изделье, но я вопросил их, что признают ли они в звании старостою мною избранного кресьянина Павла Яковлева? Отвечали — нет. А как по праву закона сменить и избрать старосту зависит единственно от меня, но не от прихоти крестьян, то и отвечал я им, чтобы они сделали мирской сход и, посоветовавшись между собою, приговором своим признали оного мною избранного старосту, а тем доказали бы, что готовы мне повиноваться; кто ж из них, крестьян, на сие будет не согласен, то тех бы они означили в своем приговоре да во оном приговоре единогласно и о том об'яснили, чтоб

[1] Ивановский обл. ист. архив, и. о., Шуйский уездный суд, д. № 683, л. 69.

впредь из послушания моего им, крестьянам, не выходить, а быть в точном моем законном повиновении и своевольства никакого из них никому не делать; зделав же сей приговор, оной представили ко мне с тем, что я, получа от них таковой приговор и будучи тем обеспечен в их ко мне должном повиновении, тотчас их, крестьян, допущу до изделья на фабрике, а без сего никак на допущение к такому согласиться не могу, как людей, возмущению и неповиновению преданных и опытом во многих случаях то не только предо мною, но уже и пред земскою полициею доказавших и не внемлющих напутствованию истинны, на законах основанной, а остающихся при своей буйной закоснелости возмущения. Следовательно, когда убеждение законного внушения над ними не подействовало, то могу ль я крестьян допустить, без ограждения себя, к фабричному, изделью! В таком случае к тебе, соцкому, отнесясь испрашиваю от тебя, чтобы ты о вышеписанном мною всем к фабрике принадлежащим крестьянам с подпискою об'явил. Посланному же с сим в приеме прошу дать росписку. А с сим вместе о посланном от меня к тебе уведомлении Шуйскому земскому суду мною прошением об'явлено.

Фабрикант Александр Носов.

Из отношения владимирского гражданского губернатора гр. Апраксина советнику палаты уголовного суда Гаврилову, 17 декабря 1823 г.[1]

Из представленного вами следствия, произведенного Шуйским земским судом, и соображения, вступивших во время производства оного и после: жалоб от шуйского купца Александра Носова на неповиновение купленных предком его крестьян к полотняной фабрике, равно и от крестьян на недопущение их Носовым к работам — усматриваю я, что крестьяне, хотя не отрекаются от повиновения, но с тем вместе первый опыт требования от них согласия на принятие старосты, избранного купцом Носовым, оказался безуспешным: они как земскому суду, так и вам об'явили, что желают иметь прежнего старосту Мирона Иванова, а назначенного хозяином фабрики не принимают; подобно сему и купец Носов не соглашается оставить в звании старосты Мирона Иванова потому уважительно, что в бытность его возникло со стороны крестьян непослушание, уход с работ фабричных без ведома его и прочие беспорядки, и под сим предлогом не допускает их к работам, жалуясь, между тем, на оставление оных. Для отвращения вредных последствий от такового неустройства и предупреждения дальнейших беспорядков, влекущих за собою собственное раззорение крестьян и расстройку фабрики, поручено вам отправиться в город Шую и сделать следующее:

1) Внушить приличным образом крестьянам деревни Клочкова и сельца Иванова, что они, как купленные к фабрике по привилегии, обязаны повиноваться хозяину оной, несмотря на дело, производимое особо о жестоких якобы владельцов фабрике поступках, которое в свое время имеет получить окончание на основании законов.

2) Поелику из жалоб крестьян и произведенных следствий видно, что в прежнее управление получали они за работы свои деньги, чего и ныне требуют, напротив, Носов не соглашается давать оных, то об'явить им, что указом 1798 года марта 16 дня и данною деду Носова привилегиею предписано работать на фабрике половине годных в работу крестьян без всякой платы, что ежели Носов платил им

[1] Там же, лл. 90–91.

прежде или впредь захочет платить, то сие зависит собственно от его произвола и от усердия крестьян к работам.

3) Для водворения спокойствия стараться согласить как Носова, так и крестьян, чтобы первый допустил их к работам, а последние упражнялись в них, не утруждая правительство вхождением в хозяйственное распоряжение; но если сие окажется невозможным, то, приняв в основание указы 1798 марта 16 и 1797 годов апреля 5 чисел, узнать чрез местное изыскание количество годных в работу обоего пола и половину оных, назначив определенно, заставить работать на фабрике без всякой платы, причем обязать всех начальников семейств подпискою, что если будут ослушны, уйдут без ведома хозяина с фабрики и остановят действие оной, то сами будут причиною навлечения на себя строгих мер, какие правительство принужденным найдет употребить.

4) Назначение годных к фабричным работам, требующим предварительного навыка и приобучения, зделать от 12 лет до 55.

5) Ежели в оставлении прежнего старосты Носов не согласится, а крестьяне будут упорствовать, то дабы не подать повода одному к жалобам, коими он беспрестанно обременяет правительство, а другим к своевольству, имеете назначить старосту по собственному усмотрению и обязать его подпискою, чтобы не допускал крестьян до ослушания, отправляя на работу надлежащее их количество в свое время и безостановочно; если же обличится во ослушание сам, то первый подтвергается строгому суждению.

6) Носова обязать подпискою, чтобы в распоряжении фабричными крестьянами не преступал границ, предписанных указом 1798 года марта 16 и докладом министра внутренних дел 1803 года июня 19 дня, отнюдь не употребляя их на собственные домашние услуги, кроме работ фабричных...

8) Купец Носов во всех жалобах своих поставляет причиною неповиновения внушение крестьянина Родиона Валуева, то если вы найдете при местных действиях ваших, что жалобы сии имеют справедливое основание, в таком случае можете удалить его из вотчины под присмотр градской полиции на время, вам нужное; в прочем имеете обязать его подпискою, чтобы не осмеливался делать вредных внушений крестьянам под страхом строгого суждениях, как нарушителя тишины и спокойствия...

Владимирский гражданский губернатор граф Апраксин.

Отношение советника Владимирской палаты уголовного суда Гаврилова в Шуйский нижний земский суд, 15 января 1824 г.[1]

1824 года генваря 15 дня. Прибывшие на место Шуйской округи в деревню Клочково вследствие предписания г. владимирского губернатора его сиятельства графа Петра Ивановича Апраксина советником Владимирского суда Гавриловым по несоглашению крестьян деревни Клочкова и сельца Иванова оставить в звании старосты избранного владельцом фабрики купцом Носовым крестьянина Павла Яковлева назначен в сию должность крестьянин деревни Клочкова Петр Федоров и бывшой староста Мирон Иванов от оной должности удален, о чем всем крестьянам об'явлено. Действие сие производил советник палаты уголовного суда Гаврилов. При сем был Шуйского земского суда дворянский заседатель Куткин.

[1] Ивановский обл. ист. архив, и. о., Шуйский уездный суд, д. № 683, л. 119.

Подписка крестьян д. Клочкова советнику Владимирской палаты уголовного суда Гаврилову, 15 января 1824 г.[1]

1824 года генваря 15 дня. Мы нижеподписавшиеся присланному от его сиятельства г. гражданского губернатора графа Петра Ивановича Апраксина чиновнику советнику Владимирской палаты уголовного суда Гаврилу сею подпискою обязуемся владельцу фабрики, к коей мы куплены, шуйскому 2 гильдии купцу Александру Носову, во всех законных требованиях повиноваться, с фабрики без ведома его с работ не уходить, так же и избранному вами старосте крестьянину Петру Федорову быть послушными и надлежащее количество людей в фабричную работу из своего семейства, т. е. половину годных обоего пола, без платы, как сие предписано указом 1798 года марта 16 дня и данною предку хозяина Носова привилегию, отправлять будем безостановочно под опасением положенного в законах наказания за ослушание.

К сей подписке крестьянин Павел Яковлев руку приложил...

Из подписок, данных крестьянами д. Клочкова и сельца Иванова советнику Владимирской палаты уголовного суда Гаврилову, 16 января 1824 г.[2]

1824 года генваря 16 дня. Бывший староста Мирон Иванов Волков при прочтении ему подписки, заготовленной вследствие предписания его сиятельства г. гражданского губернатора, об'явил, что он отпустить на работу сына своего согласен, но жену свою и жену сына не согласен, потому что у них малолетних детей трое. Дочь же отпустить не могу по опасению нехороших поступков хозяев с девками, о чем показано в первых следствиях.

К сему показанию вместо означенного крестьянина Мирона Иванова Волкова по безграмотству его и личной прозьбы священник Николай Лаврентьев руку приложил.

Гаврила Евграфов об'явил, что он одинок и живет с матерью солдаткою. Работать согласен, если хозяин будет содержать его и платить деньги и казенные повинности или если на половину года, т. е. на летнее время, хозяин его отпустит, то обязуется работать другую половину без платы.

Гаврила Евграфов.

Иван Григорьев, что он из двоих сынов своих отпустить в работы согласен обоих, только с тем, чтобы владелец содержал их, ибо ему самому содержать ни одного из них нечем, потому что он до возникшего дела между владельцами фабрики и крестьянами жил в доме своих хозяев и хлебопашества не имел.

Иван Григорьев.

Захар Логинов, что в семействе своем, состоящем из семи человек, он один работник: сестра его Анна крива, сестра двоюродная Марья находится в Шуе у хозяев Носовых и мать его и тетка стары; трое же малолетних детей отца его, родившихся после увечья, требуют надзора, почему отпустить на работу не может никого, кроме жены своей и то месяца на два во время зимы. Сам же отлучиться на работы не может, потому что некому кормить семейства.

Захар Логинов.

---

[1] Там же, л. 123.
[2] Там же, лл. 124—134.

Марк Никифоров, что он по одиночеству своему работать без платы половины года не может, ибо некому будет его кормить и содержать, а соглашается работать на хозяина во время зимы месяца два.

Марк Никифоров.

Кирилл Иванов, что он годных в фабричные работы двух дочерей девок в работы не отпускает, потому что одна из них была изнасилована, о чем показано в бывших следствиях, а другую опасается отпустить по опасению того же.

Кирило Иванов.

Родион Валуев, что из годных в работу мущин он находится в семействе своем один, но на работы фабричные явиться не может по причине производящего дела, по которому владелец фабрики, купец Александр Носов, имеет собственные на него неудовольствии. Жену свою отпустить не могу, потому что некому управлять домом и смотреть за престарелою матерью. Дочь свою отпускаю месяцов на восемь в году, а в четыре, когда наступит рабочая пора, надлежит ей быть дома для уборки хлеба.

К сему показанию крестьянин Родивон Валуев.

Иван Трофимов — одинокой, обязуюсь работать на об'явленном положении зимним временем два месяца.

Иван Трофимов.

Отношение советника Владимирской палаты уголовного суда Гаврилова в шуйскую городскую полицию, 19 января 1824 г.[1]

Благоволи, полиция, содержать впредь до уведомления моего, под строгим присмотром посылаемого при сем крестьянина деревни Клочкова Родиона Валуева, не допуская его ни до каких переговоров с крестьянами своего селения и сельца Иванова[2].

Из прошения уполномоченных от крестьян д. Клочкова и сельца Иванова владимирскому гражданскому губернатору, январь 1824 г.[3]

Не безизвестно вашему сиятельству о производившемся ныне во Владимирской палате уголовного суда делу по двум следствиям, учиненным бывшим Шуйским земским исправником Иконниковым и г. уездным дворянским предводителем Виктором Васильевичем Шимановским, о жестоких обращениях хозяев наших с крестьянами, по коему делу, вследствие предложения вашего сиятельства, Владимирской палаты уголовного суда г. советник Петр Иванович Гаврилов, прибывши к нам на место, требовал по ревижским скаскам половинного количества из годных людей, коих нашел, кроме стариков и недостигших еще 12-летнего возраста, слишком 100 человек, в работу к хозяевам Носовым без платежа на содержание их денег, а как из показанного числа людей, в коем и женский пол, большое количество одиноких и обязанных семействами, как-то: 1) целое семейство состоит только из мужа и жены; 2) из мужа, жены и малолетных детей 3-х или 4-х человек; 3) из двух братьев, престарелого отца одного, жены и также малолетних детей и прочих тому подобных, которые, отпустя половинное количество, т. е. мужа или жену на фабрику к хозяе-

[1] Ивановский обл. ист. архив, и. о., Шуйский уездный суд, д. № 683, л. 139.
[2] Документ подписи не имеет.
[3] Там же, лл. 158—159.

вам Носовым, отстоящую от места жительства нашего в 18 верстах, должны содержать как тех, так и других, но сего ни одному из них никак нет возможности сделать, ибо как жена не может обрабатывать землю, да и оной очень недостаточно, равно и протчих угодей, в особенности лесных совсем нет, так и муж воспитывать малолетних детей без матерьнего призрения, быв навсегда с нею разлученными, между же тем тот или другой отвлекаем каждонедельно на целые сутки для доставления пищи на фабрику, исполняя ж таковое требование целые семейства, не имея ни пищи, ни одежды, должны скитаться по миру, что и может последовать примерным и едва ли когда еще бывшим где-либо разорениям, а потому мы и просили его высокоблагородие, чтобы он приказал взять на фабрику об'явленных нами людей, как-то, например: от двух братьев одного в год, от трех также одного в год, а другого в полгода и тому подобных, одиноких же и обязанных семействами малых детей — по одному на сколько-либо месяцов по возможности их. Всех же их, нами об'явленных, приведя месяцы в число года, кроме полевых работ, на которые они должны быть отпущены, составляет сорок один с половиною человек, то и сие немало послужит нам бедностию: где бы отпустить на фабрику жену или дочь, но должен отправиться сам по случаю делаемых Носовыми насильств, растлений и протчих жестокостей. А как означенные владельцы Носовы за прежние наши работы не отдают по щетам и ерлыкам 1 600 руб., не принимая по прежнему на фабрику для работы с сентября месяца, о чем и поданным к вашему сиятельству прошением мы просили, то и о сем также г. Гаврилову было об'явлено с тем, что теперь не могут отпустить на фабрику людей по случаю неотдачи Носовыми денег, ибо каждой из нас как от сего, равно и от того, что пять месяцев, не быв взяты на фабрику и не имея позволения заниматься посторонними работами, находясь в празности, пришел в худое положение и не имеет теперь ни пищи, ни одежды, с чем бы мог отправиться для работы. Почему всенижайше просим ваше сиятельство соблаговолите сие наше прошение принять, а об'явленных нами г. советнику Гаврилову людей приказать хозяевам Носовым взять для работы и удовлетворить удержанными деньгами 1 600 руб., между ж тем для содержания их и чтоб с тем можно было отпустить на фабрику, позволить оставшимся в домах, у коих хотя недели, дни или часы, может быть, останутся когда свободными, заниматься посторонними работами кто где свойственную себе может приискать. А как теперь семейство крестьянина Валуева, содержащегося неизвестно за что по отношению г. Гаврилова под стражею и в оковах, находится без попечения, то предписать, кому следует, его освободить. Ваше сиятельство, не оставьте нам изнуряемым оказать защиту и покровительство.

К сему прошению вместо вышеписанных просителей Мирона Волкова, Мокея Салова и Архипа Рыбакова за неумением их грамоте по их прошению деревни Клочкова крестьянин Никита Петров руку приложил.

Из прошения А. Носова в Шуйский нижний земский суд, 16 апреля 1824 г.[1]

Шуйскому земскому суду известно, что купленные предком моим более 20 лет к полотняной фабрике Шуйской округи, деревни Клочкова и сельца Иванова крепостные крестьяня, быв возмущены из среды их крестьянином Родионом Валуевым, теперь находящимся под

[1] Ивановский обл. ист. архив, и. о., Шуйский уездный суд, д. № 683, л. 179

стражею, оказали своеволие и многие разнородные беспорядки, нарушающие общественное спокойствие и тишину, ослушание против меня и оного земского суда, а наконец вовсе отложились от повиновения моего и от работы на фабрике, к которой они по привилегии принадлежат... будучи обязаны работать свое изделье на моей только фабрике; но для того от обязанности своей отложились, что во множестве от посторонних фабрикантов из платы к себе в домы набрали бумагу и пряжу ткать и тем занимаются, а от сего самого и к выполнению обязанности своей не обращаются... и из оных же крестьян многие нанялись в разных сторонах и у разных людей в работники и пастухи...

О чем об'являя, всеподданнейше прошу, дабы высочайшим вашего и. в. указом повелено было сие мое прошение в Шуйском земском суде принять и по вышеисписанным указным резонам... 2) во означенных селениях у крестьян учинить обыск и изыскание о набранном от посторонних фабрикантов изделье и, оное от них отобрав, сколько у кого окажется, учинить нащет оного постановление, а с фабрикантами, отдавшими им, крестьянам, на выработку, изделье, поступить по законам с воспрещением им впредь без ведома и согласия моего отдавать тем крестьянам на выработку свое изделье и 3) об отлучившихся из поименованных селений крестьянах обоего пола в работники и пастухи исследовать и кто они окажутся, возвратя таковых, предать суждению, а впредь в неотлучке их из своих селений старосту со крестьянами обязать подпискою...

Второй гильдии купец и фабрикант Александр Зосимов сын Носов руку приложил.

Из рапорта Шуйского нижнего земского суда в общее присутствие уездного суда и городового магистрата, ноябрь 1824 г.[1]

Владимирское губернское правление от 30 числа июля за № 29315 указом сему суду предписало к приведению в полное повиновение к шуйскому купцу Носову крестьян его деревни Клочкова и сельца Иванова принять строгие и деятельнейшие меры, употребя в сем случае благоразумные распоряжения, и если к прекращению оного нужно будет, то к главным зачинщикам такового неповиновения поставить соразмерную экзекуцию. Во исполнение сего указа земский суд к убеждению крестьян означенных деревни Клочкова и сельца Иванова быть у хозяина своего купца Носова в полном повиновении, хотя и принял все законные к тому меры, но все они единогласно от дачи купцу Носову половинного числа рабочих людей на фабрику отказались и с тем, буде купец Носов допустит до производства работ на фабрику с платою за оные денег, тогда и они выставят людей согласно того количества, что найдется к работе способных, и от повиновения совсем отказались. По каковым обстоятельствам, согласно предписанию его сиятельства г. владимирского гражданского губернатора и кавалера, в вышеписанных селениях военная экзекуция, состоящая из одного шуйской инвалидной команды прапорщика Иевлева, двух унтер-офицеров и 20 человек рядовых и была поставлена, а 10 числа ноября оной Иевлев сему суду рапортом донес, что он нашел тех крестьян занимающихся во многом количестве в своих домах на разных людей тканьем миткалей, каковой их работе и сделан был присудствием суда при ратмане шуйского городового магистрата... осмотр в домах и по осмотру найдено у некоторых крестьян заработанных на станах несколько клубьев и вытканных штук....

Дворянский заседатель Кащеев.

[1] Ивановский обл. ист. архив, и. о., Шуйский уездный суд, д. № 697, л. 1.

Список крестьян д. Клочкова и сельца Иванова, производивших на дому работы на посторонних владельцев, ноябрь 1824 г.[1]

Имена и прозванья	На сколько у кого станов работает	Имена и прозванья	На сколько у кого станов работает
В деревне Клочкове		В сельце Иванове	
У Василья Иванова	5	У Степана Алексеева	4
» Федора Иевлева	3	» Василья Алексеева	2
» Ивана Андреева	1	» Мокея Иванова	3
» Дмитрея Леонтиева	3	» Анофрия Сергеева	2
» Филиппа Алексеева	2	» Прокофия Осипова	1
» Архипа Ефимова	2	» Александра Дмитриева	1
» Лариона Федорова	1	» Сидора Сергеева	2
» Родиона Фомина	2	» Ефрема Сергеева	1
» Степана Данилова	1	» Максима Кузьмина	1
» Харитона Емельянова . . .	1	» Евграфа Иванова	2
		» Федора Родивонова	2
Итого . . .	21	» Алексея Михайлова	1
		» Ивана Ефимова	1
		» Семена Антонова	2
		» Василея Федорова	1
		» Ивана Трофимова	2
		Итого в сельце Иванове .	28

Итого в двух деревнях 49 станов.

Прапорщик Иевлев.

Об'явление А. Носова в Шуйский нижний земский суд, 8 декабря 1824 г.[2]

В оном земском суде имеется дело о нахождении в бунтующем положении крепостных, к фабрике моей принадлежащих, крестьянах Шуйского уезда деревни Клочкова и сельца Иванова. Последние принятые сим судом к сокращению тех бунтующих крестьян законные меры столько на них подействовали, что они, крестьяня, из заблуждения своего обратились в покорность мою и к исполнению своей законной обязанности. Из оных крестьян на означенной предмет повиновения дали мне свои подписки, а имянно: чрез шуйскую градскую полицию сельца Иванова Иван Ефимов, деревни Клочкова — Ларион Федоров, Федор Федоров, в Шуйском уездном суде из числа осужденных (о коих дела имеются на ревизии во владимирской уголовной палате) деревни Клочкова — Максим Аггеев, Гаврило Филиппов, Павел Филиппов и Сергей Иванов; затем же прочие бывшие в возмущении крестьяня чрез избранного от меня старосту Павла Яковлева уведомили меня, что они доныне, явясь в Шуйский земской суд, и от себя оному суду на повиновение ко мне и на отправление своей законной обязанности дали подписки, но кто они имянно и в каком содержания дали те подписки, мне неизвестно. Итак, теперь из числа неповинующихся крестьян остались при бунтующей своей

[1] Там же, д. № 697.
[2] Там же, д. № 697, лл. 10—11.

мысли только: во-первых, бежавшей из-под стражи шуйской градской полиции деревни Клочкова Родион Валуев, которой, как мне известно, подговоря сельца Иванова крестьянина Антона Кузьмина Курочкина, с ним отправился в Санкт-Петербург для произведения клеветного ходатайства и прозьб. Следовательно, они суть главные возмутители и поддержатели крестьян в бунтующем положении, на каковой конец и вели со оными крестьянами свою переписку, но за всем тем, увидев сказанные крестьяня несправедливое свое заблуждение, из мрака сего обратились в признательное раскаяние, и во-вторых, отложившиеся и осужденные Шуйским уездным судом деревни Клочкова бывшей староста Мирон Иванов, Иван Андреев и сельца Иванова Мокей Иванов, которые дабы не служили примером держанию собратии своей в бунтующем положении, от оного земского суда отосланы в Шуйской уездной суд, а сим преданы тюремному заключению. Стало быть, у них отняты способы к законопротивному их подвигу в сношении со обратившимися в покорность крестьянами. Сообразив вышеписанное событие, я не нахожу нужным в поимянованных селениях — деревне Клочкове и сельце Иванове — у крестьян далее иметь военную экзекуцию, доселе пребывающую. Почему, об'явив Шуйскому земскому суду о вышепоимянованных обстоятельствах, покорнейше прошу оной суд: 1) военную экзекуцию от сказанных крестьян снять и обратить оную к ее команде, поелику в ней надобности более не предвидится; 2) отобранное от крестьян тканье возвратить им для доработки, но дателей им при нахождении в бунтующем крестьян положении без ведома и согласия моего предать законному суждению на основании указов 1723 декабря 23 дня пункта 12 и 1736 годов генваря 7 числ, пунктов 5 и 6; 3) с данных оному суду от пришедших крестьян в покорность подписок для ведома моего дать мне за скрепою судейской копии; и 4) к предостережению от поколебания пришедших в повиновенье крестьян обязать всех оных крестьян, чрез кого следует, особою подпискою, дабы они не имели никакого сношения с главными возмутителями Валуевым и Курочкиным, находящимися в Санкт-Петербурге, и естли кто из них от тех Валуева и Курочкина получат какие письма, то бы получившие представили в оной земской суд, а о всем вышеизложенном благоволено б было донесть, куда следует.

К подлинному об'явлению шуйской 2 гильдии купец и фабрикант Александр Зосимов Носов руку приложил.

Земельные отношения в дореволюционном Дагестане

Дагестан, представляющий собой обширный край с весьма выгодным положением на торговых путях запада с востоком, за время своего исторического существования неоднократно втягивался в борьбу с сильными соседями.

Узловой центр путей между передней Азией и прикавказской низменностью — Дербент — на протяжении многих веков переходил от одного завоевателя к другому.

Здесь сталкивались силы армян, персов, арабов. В XIV—XVI вв. дагестанские правители — шамхалы и ханы со своими родичами — беками признавали верховную власть то Персии, то турецкого султана. Но эта зависимость не изменяла внутреннего уклада жизни страны. Издавна ханы предоставили членам своих семей — бекам — управление отдельными районами и право получать доходы с подчиненных деревень [1].

Типичные черты восточных деспотий — нищета и полная бесправность земледельцев, расточительность и роскошь правящих верхов — в течение сотен лет оставались нетронутыми в дагестанских ханствах. Верховная власть принадлежала шамхалу и ханам, живущим за счет зависимого населения, делившегося на полных рабов и крепостных. Рабов доставляла ханам работорговля, которой в Дагестане занимались, главным образом, кази-кумухские шамхалы и беки. Кроме военнопленных, превращаемых в рабов, на рынок работорговли попадало и крестьянское население — так еще в 1839 году дербентский комендант в своем рапорте отмечает:

«Управляющие беки деревнями, кои им даны за заслуги их или предков, разделяя семейства, из них мужеского и женского пола людей продают и даже часто дарят другим, в другие деревни и города» [2].

---

[1] По сообщению Магомет-Рафия (к. XVI в.) для населения Дагестана кормление шамхала и его наследников, помимо податей, предоставляемых бекам, выражалось в следующем: «за позволение пасти скот на горах от общества Тебелель каждые четыре года по одному барану с дыма; от общества Карах — по 500 в год; от Кесрух, по 300 баранов и для Крым-шамхала (наследника шамхала) по 400, от другой горы в Кесрухе же по 1000 баранов, а для Крым-шамхала по 30 быков; от общества Джамалал — 500 баранов; от округа Шиндиб — 20 быков; от деревни Арчуб (в Кази-Кумухе) — 130, а для Крым-шамхала 30 баранов; от округа Хунзаха по 700 баранов, 700 кейль хлеба и 60 кейль меду; от округа Андиб по одному быку и 7 войлоков; города Годар и Гаркас каждый вносил половину дани, взимаемой с Хунзахского округа; Томели давали с каждого семейства по одному барану и по одному кейлю хлеба; от города Кюстек по одной рыбе с семейства; от Мичикича, собственного удела шамхала, по одному барану с семейства; от города Тарки по два саа сарочинского пшена; от деревни Губден — 100 баранов; от жителей Кайтага — 170 буйволов; от деревни Акуша и Усуша по 100; от Зудакар по 50 быков; от Сурги с каждого семейства по одной драхме; от деревень Джумджукат и Какуба по шести ослов, навьюченных маслом; от деревни Зерех-Геран (Кубачи) по 30 ружей; от горы Сумбата по 50 баранов; от деревни Иргани, с каждого семейства по кейлю хлеба; от горы Зонтаб по 80 баранов; от общества Бактулал по 30 быков и 30 барашков; от гор Захура и Кулади (уделы шамхала), по 70 баранов; от общества Русур и Мукруг по 70 баранов; от Куралал (Кюринского владения) по 100 лошадей и по 100 кобыл». Сб. сведений о кавказских горцах (вып. I, изд. 1868 г., стр. 54.

[2] ГАФКЭ, ф. Воронцова-Дашкова, Дело сословно-поземельной комиссии.

Зависимый класс населения состоял из 4 категорий: 1) кулы и караваши, т. е. рабы и рабыни, находящиеся в непосредственном распоряжении бекского двора; 2) чагары — рабы, отпущенные на поселение на бекских землях и ведущие отдельное свое крестьянское хозяйство; 3) раяты — крестьяне, живущие на бекских землях, платящие за право пользования землей повинности и лишенные права перехода из одного селения в другое; 4) уздени — так называемое свободное крестьянское население, живущее на землях, принадлежащих бекам, с правом наследственного пользования этими землями, но обязанное за это платить подати и нести трудовые повинности.

Уздени не были прикреплены к земле и пользовались правом свободного переселения.

По присоединении в 1864 г. дагестанских ханств к Российской империи царское правительство, осуществляя свою систему колонизаторской политики, стремилось сохранить неприкосновенными издавна установившиеся в дагестанских ханствах экономические отношения.

В грамотах и трактатах ханам и бекам давались заверения сохранить прежние формы внутреннего управления в присоединяемых провинциях и оставить незыблемыми прежние права высших классов. Эти обещания царизма облегчали ему колонизацию Дагестана и на этих условиях ханы содействовали царизму в покорении независимых ханств.

Установленные ханами феодальные формы эксплоатации крестьян были признаны и утверждены русским царизмом. Порядок землепользования во всех районах Дагестана был почти одинаков. В наиболее тяжелых формах крепостническая эксплоатация крестьянского населения проявлялась в южных районах Прикаспийской части Дагестана (Кайтаго-Табасаранский, Кюринский, Самурский) и в Темир-хан-шуринском, Кази-кумухском и Аварском районах Северного Дагестана. В таком же положении находилось население бывшего Елисуйского султанства в восточной части Закатальского округа. Население этих районов было обязано отбывать трудовые повинности и вносить в пользу беков разные подати натурой и деньгами, за что получало право пользования определенным земельным наделом в бекских владениях. Леса, кустарники, выгонные и пастбищные места, а также вода ирригационных канав, не вошедшие в земельный надел и не представляющие собой сервитута, оставались в полном распоряжении бека-владельца. За пользование ими полагалась особая плата. Основным показателем, определяющим размеры трудовых повинностей и податей, являлась не величина участка земли или урожая, а рабочая сила. Крестьяне западной части Закатальского округа находились в так называемой кешкельной зависимости, заключающейся в уплате кешкелевладельцу (владельцу участка земли) ежегодно определенного количества сельскохозяйственных продуктов.

На «иждивении» крестьянского населения находились еще и мутаалэмы — учащиеся при мечети, собиравшие в каждый четверг седак — подаяние и топливо, и муллы, получавшие за толкование шариата и даваемые советы плату натурой — определенное количество сушеной баранины и зерна. О жадности мулл хорошо говорит дагестанская поговорка — «Сытый мулла хуже голодного волка».

После упразднения в автономных владениях Дагестана ханского управления царизм свою политику направлял на укрепление и поддержку земельной аристократии. Замена царским правительством управленческой власти ханов и беков административной властью царских чиновников компенсировалась пожалованием местной аристократии новых землевладений с подтверждением их привилегий. Таким образом, ханы и беки внутри страны и при царизме чувствовали себя хозяевами положения. Крестьяне же попрежнему находились в полном распоряжении ханов и беков.

Военные экспедиции царских генералов разорили народное хозяйство Дагестана. Ханы и беки для восстановления своих хозяйств прибегали к еще более жестокой эксплоатации крестьянского населения и без того разоренного военными экспедициями. Крестьяне имели в своем пользовании ничтожные наделы земли. Сред-

ством для увеличения площади удобной земли служило предоставление им права корчевать и удобрять новые участки из-под леса, колючки, местами из-под камыша. Мюльки — так назывались эти завоеванные в борьбе с природой участки земли — составляли как бы частную собственность крестьянина, перепродавать которую раяты могли только своим односельчанам.

Доход, получаемый от трудовых повинностей и податей, вносимых от раятских земель, был значительно выгоднее для беков, чем труд кулей и каравашей, за который они все же должны были платить, хотя бы скудными продуктами питания. Поэтому в 1868 году дагестанские ханы и беки пошли на «освобождение» рабов и провели это освобождение с большой для себя выгодой. Некоторые рабы об'являлись свободными после отработки установленного срока, некоторые за единовременную сумму выкупа, многие безвозмездно. «Освобождение» рабов на деле выразилось в новом их закрепощении. Вольноотпущенные кулы и караваши были вынуждены, отыскав себе клочок земли, превратить его в мюльк и за пользование своего мюлька платить подати и нести трудовые повинности.

Царское правительство отводило громадное количество десятин земли под колонизаторское переселенчество. Часть земель была роздана царским чиновникам, не малое количество земель было присвоено в пользу царской казны. Награждались (иногда в размере до 4 000 десятин земли) и ханы, оказавшие царизму услуги при захвате Дагестана.

Источником перераспределения земельного фонда были, преимущественно, земли, конфискованные у «неблагонадежных» землевладельцев, и владения непокорных ханских фамилий, лишенных политических прав.

В результате осуществления царизмом своей колонизаторской политики в Дагестане образовалось большое количество безземельных крестьян, а размеры участков крестьянского землепользования были доведены до 0,09 десятины на душу.

Безземельные или имеющие крайне недостаточное количество земли крестьяне-раяты приобретали право пользования землей или промыслами в пределах бекского селения полным подчинением землевладельцу. Лучшие посевные угодья или фруктовые сады крестьян постепенно прирезались к бекским полям. Оставшиеся у крестьян наделы земель разделялись на меньшие участки, а за пользование ими подати и повинности увеличивались. Так называемые свободные крестьяне-уздени, хотя формально не были прикреплены к земле или бекским селениям, фактически состояли наравне с раятами в полной зависимости от земельной аристократии.

Взимание с крестьян без реального учета размеров крестьянской земли повинностей и податей по усмотрению ханов и беков, обложение их земель государственной оброчной податью и поземельным налогом привели как раятское крестьянское население, так и крестьян-узденей к систематическому голоданию.

Усилившаяся эксплоатация крестьян вызвала крестьянские волнения и протесты, дошедшие в 1898 и последующих годах до восстаний. Большинство селений Кайтаго-Табасаранского округа прекратило отбывание повинностей. Российское самодержавие было всецело на стороне эксплоататоров и жестоко подавляло восставших. Бекам и ханам было предоставлено право суда и расправы над крестьянским населением. На беков также была возложена обязанность представлять по своему усмотрению списки «вредных людей» для высылки из края.

Недостаточность земельных наделов, безземелье, связанное с этим недостаточное развитие скотоводства — создали почву для чрезвычайно широкого распространения в Дагестане мелкого промыслового товарного производства.

Немаловажную роль в развитии промыслов играла оторванность горных дагестанцев от внешнего торгового мира, от доступа конкурирующих фабричных изделий. Создалось мелкое цеховое производство, напоминающее средневековые цехи феодальных городов, с примитивной техникой.

Виды крестьянских промыслов Дагестана представляли собою чрезвычайное разнообразие. В отчете военного губернатора Дагестанской области 1899 г. отме-

чается, что в промыслах одинаково заняты как мужчины, так и женщины. Исключительное занятие женщин составляет всякого рода пряжа и ткацье, выделка ковров, сукон, бурок, войлоков, вышивание по бархату, шелку, сукну и коже. Мужчины же обрабатывают преимущественно металлы, глину, дерево и кожи.

По данным статистики в годы, предшествующие империалистической войне, шерстеобрабатывающим промыслом было занято 120 тыс. чел.; металлообрабатывающим — 9 тыс.; деревообделочным — 11 700; кожевенным и обувным — 3 тыс.; гончарным — 300; ковровым — 40 тыс.; ювелирным — 3 300.

Особое развитие промыслы получили в районах: Лакском, Левашинском, Ботлихском, Ахтынском, Дахадаевском, Рутульском, Хунзахском. Ряд аулов испокон веков занимался исключительно только промыслами, как например Кубачи Амузгия, Харбук в Дахадаевском районе. Их жители снабжали дагестанцев предметами домашнего обихода, посудой, тканями, обувью, мебелью и пр. Особое место занимали художественные промыслы: ковровые, ювелирные, медечеканные, частично деревообделочные и гончарные. Их продукция вплоть до второй половины XIX века поступала к земельной аристократии, извлекавшей выгоды от ее реализации за пределами своих феодальных владений. Изделия ювелирного и коврового мастерства XIX века стали об'ектами весьма прибыльного экспорта за границу купцами-скупщиками.

Заработок мелких товаропроизводителей-крестьян был предметом особого внимания царских чиновников. В отчетах генерал-губернаторов Дагестана всегда приводится перечень количества выработанных ковров, кусков сукна, войлока и т. д. Заработок от мелких промыслов служил предлогом для увеличения денежных обложений в пользу царской казны.

В самые последние годы XIX века и в начале XX экономическое положение Дагестана значительно изменилось. На территорию Дагестана проник промышленный капитал. К 1901 г. в Дагестане было 64 фабрики и 53 завода: бумагопрядильных, табачных, пивных, кирпичных, мыловаренных, бондарных и других. Капитализм прокладывал себе путь к новому рынку. Появились фабричные изделия, особенно ткани. Ткацкие крестьянские промыслы пришли в упадок. Свободные рабочие руки перешли на другие производства, а также на фабрики и заводы. В отчете дагестанского губернатора за 1907 год отмечено: «в последнее время фабричные продукты начинают конкурировать с изделиями кустарей. Достаточно указать на факт довольно большого распространения в городах области сукна, выделываемого московскими фабрикантами по образцу местного. Некоторые мелкие железные изделия, прежде заготовлявшиеся кустарями, начинают вытесняться фабричными» [1].

Этот процесс чувствительно отразился на сельском хозяйстве. Рост товарно-денежных отношений вызывал стремление землевладельцев к накоплению денег. Средством было усиление эксплоатации крестьянского труда.

Но истощающие крестьянина и его хозяйство трудовые повинности и подати привели крестьянские хозяйства в запущенность и полный упадок.

Повинности бекам, отбывавшиеся населением, по словам публикуемого документа, были «обременительными для поселян, так как последние, кроме них, должны были уплачивать в обычных нормах земские сборы и подымную подать, а после 1905 года государственный поземельный налог или оброчную подать».

В 1910 году поверенные крестьян Северной Табасарани заявляли в сословно-поземельной комиссии Дагестана: «они (беки) имели власть в руках, пользовались поддержкой русской администрации и делали с нами, что хотели, увеличивали самовольно повинности, гнали нас на работы на его поля при помощи своих нукеров. В конце концов, десять лет тому назад все мы до того были истощены, что были не в силах более отбывать повинности, хотя бы нас уби-

[1] ГАФКЭ., ф. Воронцова-Дашкова, Дело сословно-поземельной комиссии.

вали. Беки, действительно, и убивали многих из нас за отказ от уплаты повинностей. Но мы не могли уплачивать»[1].

Для ханов и их беков такое положение крестьянских хозяйств было равносильно собственному разорению. Трудовые повинности исполнялись плохо, а подати натурой и деньгами становились все скуднее, и бекские амбары оказались пустыми. В той же сословно-поземельной комиссии беки заявляли: «Жить, надеясь только на раятские доходы, никто у нас не согласится, ибо ни у кого не имеется раятов в таком количестве, чтобы получаемых с них доходов было достаточно на жизнь сколько-нибудь да сносную». Царские власти тоже не были в состоянии собрать с дагестанских крестьян государственной оброчной подати и земского поземельного сбора. По Закатальскому округу недоимочность составляла 684%, по Дагестанской области — 265%.

Ханы и беки, обремененные ипотечными и другими долгами, оскудевшие от недоимок крестьянских податей и повинностей, просили царское правительство приобрести их владения в казну по цене, какую установит само правительство. Такое положение феодальных хозяйств было характерно для всего Закавказья.

В разгар аграрного движения, широкой волной прокатившегося в 1905—1906 гг. по всей России и с особой силой распространившегося в Закавказье, царское правительство открыло Закавказское отделение крестьянского поземельного банка, функция которого должна была выразиться в удовлетворении интересов помещиков при разрешении земельного вопроса в Закавказье. Это не могло удовлетворить крестьян, боровшихся за бесплатное отчуждение бекских и других земель.

Банковские операции, направленные на откуп феодальных владений в казну, тоже не дали ожидаемого правительством эффекта. Растерянность царского правительства характерно отразилась в заявлении управляющего Закавказским отделением крестьянского поземельного банка в письме кавказскому наместнику: «лихорадочно поспешная работа, требуемая политическим моментом и побуждаемая к скорейшему производству оценок и покупки частновладельческих земель со стороны самих помещиков, надеявшихся при помощи этой операции достать какие-либо средства на дальнейшее свое существование... явилась причиной, что при покупке многих имений крестьянским банком целый ряд вопросов из области правоотношений крестьян и помещиков остался недостаточно освещенным. Только с течением времени, когда заметное успокоение в крае дало возможность приступить к хозяйственному заведыванию купленными имениями и ликвидации их, отделению пришлось встретиться с этими вопросами во всей их величине. К числу таких вопросов, несомненно по своей принципиальной важности и полной неразрешимости с существующим законодательством, относится вопрос о сервитутах в Закавказье».

Сервитуты доказали полную нерентабельность в коммерческих расчетах казны. Решение же вопроса в сторону конфискации или выкупа у крестьян пастбищного сервитута было равносильно или гибели крестьянского хозяйства или установлению новой чрезвычайно тяжелой пастбищной зависимости.

На образованную сословно-поземельную комиссию Дагестана была возложена задача изучить и установить формы и способы наиболее безубыточной для беков ликвидации их привилегий. На основании материалов работы этой комиссии 7 июля 1913 года был утвержден «закон о прекращении зависимых отношений поселян Дагестанской области и Закатальского округа к бекам и кешкелевладельцам и об учреждении в сих местностях установлений по крестьянским делам». Согласно этому закону, крестьянское зависимое население освободилось от отбывания всякого рода повинностей в пользу беков, однако, с уплатой государственному казначейству причитающихся в вознаграждение бекам за отмененные повинности 302 309 рубл. 40 коп. путем ежегодных равных взносов в течение 20 лет.

[1] ГАФКЭ, ф. Воронцова-Дашкова, Дело сословно-поземельной комиссии.

К моменту установления советской власти в Дагестане феодально-крепостной гнет над крестьянством еще существовал. Только Великая октябрьская социалистическая революция окончательно ликвидировала феодально-крепостнические отношения и обеспечила возможность построения социалистического хозяйства в Дагестане.

Публикуемый документ извлечен из бумаг кавказского наместника И. И. Воронцова-Дашкова и является докладом-сводкой работ Дагестанской сословно-поземельной комиссии, подготовленным для членов совета наместника. Документ представляет собой ценный материал для истории Дагестана.

А. Бирзе

В СОВЕТ НАМЕСТНИКА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА НА КАВКАЗЕ [1]

О прекращении зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам и о главных основаниях поземельного устройства населения в Дагестанской области и Закатальском округе

I.

В Дагестанской области и Закатальском округе до сего времени сохранились зависимые отношения поселян к бекам и так называемым кешкелевладельцам. Будучи в правовом смысле пережитком той эпохи, когда личная зависимость одной группы населения от другой вполне соответствовала тогдашнему общественному укладу, отношения эти в настоящее время являются совершеннейшим анахронизмом, уничтожение которого должно быть признано настоятельной задачей правительства.

Дагестанская область.

Существуя в шести округах Дагестанской области, отношения эти по количеству зависимых селений, по об'ему повинностей поселян и по разнообразию своему получили наибольшее развитие в Прикаспийской части Дагестана и, главным образом, в южном ее районе, где особенно долго действовали туземные управления, поддерживаемые русскими властями, при полном почти невмешательстве их во внутренние дела владений, а именно в нынешних округах Кайтаго-Табасаранском — в 40 селениях с 3 362 дымами, в Кюринском — в 27 селениях с 1 929 дымами и в Самурском — в 2 селениях с 291 дымом. В этих селениях зависимые отношения достигли наибольшего развития, и население их, кроме Самурского округа, получило даже специальное наименование раят, т. е. людей низших, подневольных.

В северном Дагестане отношения эти существуют в трех округах: в Темир-Хан-Шуринском — в 20 селениях с 6 530 дымами, в Казикумухском — в 8 селениях с 842 дымами, и в Аварском — в 1 селении с 72 дымами; здесь отношения эти не достигли той степени развития, что в южном Дагестане, и зависимое население их, хотя и обложено повинностями в пользу беков, все же считается принадлежащим к категории так называемых узденей, т. е. людей вольных.

---

[1] Заголовок подлинника. — На подлиннике штамп: «Директор канцелярии наместника его императорского величества на Кавказе. 10 августа 1910 г., № 18948, г. Тифлис».

Таким образом в настоящее время зависимые отношения охватывают во всей области 98 селений с 13 026 дымами, представляющими многочисленную группу населения приблизительно в 70 000 человек.

Сущность зависимых отношений, чрезвычайно разнообразящихся в подробностях по отдельным округам, районам и селениям, состоит в том, что поселяне зависимых селений отбывают помещикам, бекам и чанкам[1] повинности денежные и натуральные — продуктами сельского хозяйства и личными услугами.

Денежные повинности существуют в ограниченном числе селений; они сравнительно недавнего происхождения и явились результатом добровольных соглашений поселян с беками или распоряжений высшей администрации, как например, по сел. Верхние-Казанищи, Темир-Хан-Шуринского округа, имевших целью прекратить бесконечные споры между обеими сторонами по поводу отбывания повинностей, заменив все разнообразие их одним определенным денежным оброком.

Порядок землевладения зависимых селений и виды повинностей по отдельным округам

В Казикумухском и Аварском округах усадебные и пахотные земли находятся в подворном пользовании жителей, а пастбища и леса, где таковые существуют, составляют предмет общего пользования.

По Казикумухскому и Аварскому округам

Повинности в обоих из названных округов отличаются необыкновенной простотой и ничтожными размерами, а потому не имеют серьезного экономического значения ни для одной из сторон. Этим об'ясняется тот факт, что во многих селениях беки даже не находят для себя интереса взыскивать повинности с поселян, и они за время 10, 15 и 20 лет упразднились сами собою. Повинности отбываются уплатой бекам каждым селением одной или нескольких голов мелкого или крупного скота, например, одного барана ежегодно, одной коровы в каждые 4 года, четырех быков в каждые 8 лет и т. п. Лишь в двух селениях (Шовкра и Говкра) отбывается ничтожная зерновая повинность — пять мер пшеницы ежегодно, и в одном селении (Хури) существует денежная повинность. В большинстве случаев повинность отбывается всем сельским обществом; лишь в сел. Хуци из 15 дымов обложены повинностями всего два, а в сел. Кани из 182 дымов 12, составляющих при отбывании повинностей одну солидарную группу.

По Темир-Хан-Шуринскому округу

В Темир-Хан-Шуринском округе, в виде общего правила, усадьбы, сады, покосы и пахотные земли принадлежат жителям на праве подворного пользования, а пастбища, сенокосы и леса составляют предмет пользования общественного. Только в нескольких селениях (например, Малый Буйнак, Шахмал-Янги-Юрт) на праве подворного пользования состоят лишь усадьбы и сады, а все остальные угодья находятся в пользовании всего общества с переделами каждые три года или ежегодно. Но и в тех селениях, где господствует подворное землевладение,

[1] Чанки — нечистокровные беки, происходящие от смешанных браков беков с женщинами небекского происхождения. (Прим. подлинника.)

встречаются отдельные пахотные и сенокосные участки, находящиеся в общем пользовании с ежегодными переделами их между членами общества (селения Параул, Дургели, Кака-Шура, Альбурикент и др.) Почти во всех зависимых селениях Темир-Хан-Шуринского округа беки и чанки имеют свои земли, как и всюду в Дагестане, находящиеся в их исключительном пользовании, отграниченные от земель поселянских и отдельно показанные в плане с'емки земель Дагестанской области; но особенностью земельного строя некоторых селений этого округа является то, что названные владельцы, независимо от своих частных земель, пользуются также и землями общественными, являясь в этом отношении членами всесословной земельной общины. Явление это наблюдается в селениях Кака-Шура, Кадар, Капчугай, Атлы-Буюн, Кумторкале, Карабудахкент, Эрпели и др. В этих селениях, при переделе общественных угодий, земельные доли отводятся также бекам и чанкам, и, притом, обыкновенно в увеличенном числе: вместо одной доли, получаемой поселянами, беки получают две или даже четыре доли, а чанки две, причем в некоторых селениях они имеют еще то преимущество, что получают доли не по жребию, как все, а по собственному выбору. Там, где существует искусственное орошение земель, участие беков в общественных угодьях простирается и на воду; так, в селении Капчугай беки пользуются оросительной водой и, притом, преимущественно пред поселянами.

В одном селении, Бет-Аул, выморочные участки поселян поступают в распоряжение чанков.

Повинности, отбываемые поселянами округа, двоякие: денежные и натуральные.

Денежные повинности в чистом виде существуют в четырех селениях округа (Параул, Дургели, Кака-Шура и Верхние Казанищи), где они заменили прежние натуральные повинности. В одном случае (сел. Бет-Аул) жителям принадлежит альтернативное право: либо отбывать натуральную повинность личной работой, либо уплачивать денежную повинность; на практике они предпочитают этот последний способ.

Натуральные повинности в округе следующие: поселяне обязаны поставлять для распашки бекских полей плуги со своим скотом и прислугой, распахивать его земли, боронить, засевать зерном бека и выставлять для жатьбы и косьбы рабочих; кроме того, в двух селениях поселяне должны давать бекам баранов, в пяти — доставлять на дом дрова. В единственном селении Эрпели существуют следующие повинности: «алым» — обязанность давать беку четырех коров или 40 рублей в случае смерти члена бекского семейства и «харзы» — обязанность в случае женитьбы бека давать ему по одному барану с каждой метки (стада); повинности эти, повидимому, выполняются не всегда и находятся в стадии постепенного уничтожения.

В виде общего правила повинности в Темир-Хан-Шуринском округе отбываются целым обществом, кроме сел. Бет-Аул, где способ отбывания их подворный.

По Кайтаго-Табасаранскому, Кюринскому и Самурскому округам.

Порядок землевладения в зависимых селениях Кайтаго-Табасаранского, Кюринского и Самурского округов, за исключением прилегающей к Каспийскому морю, так называемой Терекемейской части Кайтага, одинаковый и состоит в том, что все поселянские земли, кроме пастбищ

и лесов, находящихся в общем пользовании, составляют предмет подворного пользования; лесами и пастбищами в большинстве случаев беки и поселяне пользуются сообща. В некоторых селениях Кайтаго-Табасаранского округа существует право беков на выморочные участки поселян (например, сел. Ушнюг), но оно в настоящее время почти не осуществляется, постепенно превратившись в nudum ius.

В Терекемейских селениях Кайтаго-Табасаранского округа подворное землевладение в чистом виде наблюдается лишь в трех селениях: Берекей, Татляр и Джемикент, где усадьбы, сады, пашни и покосы находятся в пользовании отдельных поселян, а в общем пользовании состоят лишь пастбища и леса. В остальных селениях этого района повсюду в общем пользовании находятся также леса и пастбища, прочие же угодья состоят у жителей частью на праве подворного пользования, частью в пользовании всего общества, именно чалтычные [1] поля, с заметным, в большинстве случаев, преобладанием по каждому отдельному селению площади подворного землепользования над общественным. В сущности говоря, и эти земли принадлежат поселянам на праве подворном, но ввиду характера рисовой культуры, требующей интенсивного орошения, и существования общего права на воду поселяне из отдельных подворных участков создали сплошной общий чалтычный участок, обрабатываемый общими силами; таким образом, мы наблюдаем здесь артельную обработку рисовых полей и, так называемую, водную общину.

В терекемейских селениях беки также претендуют на право наследования выморочных участков поселян, но на практике оно не осуществляется.

Евреи-раяты селений Маджалис и Янги-Кент проживают на собственных усадебных участках и лишь в последнем селении владеют тремя покосными участками сообща с местным мусульманским сельским обществом. До недавнего времени довольно много раят-евреев было еще в селении Мугатыр, но лет пять тому назад они оставили его почти поголовно, выселившись в гор. Дербент, оставшись в селении Мугатыр лишь в количестве 6 дымов.

Повинности в трех названных округах денежные и натуральные.

Исключительно денежные повинности установлены: во-первых, для евреев селений Маджалис и Янги-Кент; во-вторых, для девяти селений Кюринского округа, принадлежащих фамилии беков Карчагских. Они лишь в недавнее время заменили натуральную повинность. Кроме того, в некоторых селениях этого же округа денежная повинность существует наряду с натуральной — в размере 1 коп. ежегодно с каждого барана.

В остальных селениях названных округов отбывают повинности натуральные — продуктами сельского хозяйства и личной работой одновременно; лишь в очень немногих селениях Кюринского округа существует исключительно зерновая повинность. Повинности произведениями сельского хозяйства встречаются следующие: поселяне обязаны доставлять бекам пшеницу, ячмень, чалтык, орехи, сено, саман (мятая солома), виноград, фрукты, мед, масло, яйца, кур, баранов, дрова.

Повинности личной работой таковы: распашка бекских земель, жатва, сенокос, уборка хлебов и сена, молоченье, доставка зерна на мельницу и на дом беку, доставка сена с поля на дом беку, исправление и очистка бекских оросительных канав, поставка ароб для надобностей бека и т. п.

---

[1] Чалтык — местное название риса. Чалтычные поля — рисовые поля.

Как и в северном Дагестане, в перечисленных округах повинности отбываются целым сельским обществом, причем от несения их освобождаются сироты, неимущие и сельские должностные лица. В нескольких селениях Кайтага часть поселян освобождена от каких-либо обязательств к бекам, так что повинность отбывает лишь часть селения, но опять-таки не подворно, а всей группой.

Основания отбывания повинностей

По общему правилу, наблюдаемому в зависимых селениях всего Дагестана, основанием для отбывания повинностей является не земля, а рабочая сила.

Повсюду при взимании главнейших повинностей руководствуются следующими основаниями.

Денежная повинность взимается или в раз навсегда определенном размере для всего селения, независимо от числа дымов, или же в определенной сумме с каждого дыма. Количество рабочих, выставляемых для бека, определяется числом дымов и мерою потребности бека. Количество плугов, выставляемых поселянами, определяется числом дымов, имеющих рабочий скот, и действительной потребностью бека; бедные дымы соединяются вместе,чтобы выставить один 3-х или 4-х парный плуг. То же самое следует сказать и про аробную повинность.

Повинность ячменем, пшеницей и т. п. отбывается в определенном размере каждым дымом, опять-таки имеющим рабочий скот, а в некоторых селениях даже и не имеющими скота, но по минимальной норме или же в определенном размере с каждой пары рабочего скота и т. д.

Обобщая все сказанное, можно сделать вывод, что общее количество повинностей, взимаемых ежегодно с каждого селения, не находится в соответствии с тем или другим размером площади владеемой поселянами земли, а определяется непосредственно: 1) числом дымов в селении и 2) степенью обеспеченности жителей рабочим скотом. Следствием такого основания обложения является то обстоятельство, что беки мало заинтересованы в количестве земли, состоящей в пользовании крестьян; так, например, при разделе между сонаследниками прав на получение повинностей они распределяют их не по количеству земли, на которой живут зависимые поселяне, а по числу дворов.

Земли узденей, отбывающих повинности по Казикумухскому, Темир-Хан-Шуринскому, Аварскому и Самурскому округам, обложены по закону 12 июня 1900 года государственной оброчной податью, а земли раят Кайтаго-Табасаранского и Кюринского округов государственным поземельным налогом.

Закатальский округ

Существующие в Закатальском округе зависимые отношения проявляются в двоякой форме; в западной части округа, граничащей с Тифлисской губернией, существует, так называемая, кешкельная повинность поселян, а в восточной части, примыкающей к Елисаветпольской губернии,— раятская зависимость, аналогичная существующей в Дагестане, но отличающаяся от последней некоторыми особенностями.

Кешкельная повинность

Сущность кешкельной повинности заключается в том, что жители 31 кешкельного селения Закатальского округа ежегодно обязаны упла-

чивать получателям этой повинности определенную натуральную дань произведениями земли — пшеницей, ячменем, просом, чалтыком и шелком, причем поселяне одних селений отбывают эту повинность только пшеницей и ячменем, других же — всеми видами земных произведений в зависимости от того, какая именно культура преобладает в данном районе. Плательщиками этой повинности являются омусульманившиеся грузины (так называемые ингелойцы и мугалы — мусульмане татарского происхождения). Получателями повинности являются лезгины[1] западных селений Закатальского округа.

Происхождение кешкельной повинности таково. В течение XVII—XVIII веков лезгины Дагестана постепенно отторгали от Грузии западную часть нынешнего Закатальского округа и, покорив местных аборигенов, утвердили здесь собственную государственность, образовав вольную Джаро-Белоканскую общину.

Покорив коренное население завоеванного района, лезгины воздержались от вмешательства во внутреннюю жизнь местного населения и ограничились лишь тем, что обложили его в свою пользу кешкельной данью по следующим основаниям. Ими было определено в туземных мерах сыпучих тел то количество зерна — пшеницы, ячменя и пр.,— которое каждое селение обязано было им ежегодно уплачивать, распределив определенную на целое население повинность равными долями между всеми наличными дымами его. Эта доля каждого дыма называлась кешкель. Таким образом первоначально кешкельная повинность носила подымный характер, причем кешкель представлял в разных селениях величину неодинаковую. Чем руководствовались лезгины, неодинаково облагая различные селения, утвердительно сказать трудно. По-видимому, в этом отношении некоторую роль играла удаленность кешкельных селений от места расселения лезгинов, в соответствии с чем ослаблялась возможность для последних непосредственно влиять и воздействовать на покоренное население, заставляя его платить большую дань. По крайней мере, в настоящее время можно заметить, что более удаленные от лезгин зависимые селения обложены кешкельной данью менее обременительно, чем ближайшие. Впоследствии подвластные сельские общества привели кешкельную повинность в связь с количеством находившейся в их владении пахотной земли следующим образом. Разделив всю пахотную землю на равные участки или паи по числу дымов, сельские общества обязали уплачивать кешкельную дань владельцев этих паев, а в случае перехода или дробления этих участков дань должны были уплатить новые владельцы пропорционально пространству принадлежащей им земли. Описанные паи или участки также получили название кешкеля. В соответствии с этим слово кешкель имеет в настоящее время двоякий смысл. С точки зрения лезгина-кешкелевладельца слово это означает доход, получаемый с подвластных поселян; по пониманию же кешкелеплательщика, кешкель — это участок сельской дачи, обложенный кешкельной данью. Таким образом, количество кешкелей в этом последнем смысле первоначально соответствовало числу дымов данного селения, но впоследствии, разумеется, по мере роста населения, дымов стало больше, чем кешкелей, и последние стали дробиться в разных долях между отдельными крестьянскими дымами, так что у некоторых поселян оказались во владении весьма мелкие части кешкеля — $^1/_{10}$, $^1/_{15}$ и менее. Что [число] кешкелей первоначально вполне соответствовало наличному числу дымов, тому примером может служить сел. Ити-Тала. Селение это было осно-

[1] Автор записки лезгинами называет бывших елисуйских султанов и их беков.

вано на кешкельном праве в половине прошлого века на пустопорожних землях, расположенных в сфере лезгинского влияния, выходцами из старинного кешкельного селения Алиабад, причем количество установленных в этом селении лезгинами кешкелей совпадало с числом вновь образовавшихся дымов.

Первоначальный подымный характер кешкельного обложения явствует, между прочим, и из того, что жители сел. Ляляло, одного из самых удаленных от лезгинского расселения, до сего времени отбывают кешкельную повинность не по количеству кешкелей в современном смысле земельного пая, а по числу дымов, считая с дыма 1 тагар пшеницы и 1/2 тагара ячменя [1]. Отбывание кешкельной повинности носит индивидуальный характер: перед [кешкелевладельцем] [2] ответственным за отбывание повинности является не сельское общество, а каждый отдельный дымохозяин, пропорционально количеству владеемой им земли; но общество, в лице своих сочленов, внимательно следит за тем, чтобы никто из владельцев [3] кешкельной земли не ускользнул от обложения.

Нельзя при этом не отметить того странного явления, что нередко поселяне продают свою кешкельную землю, оставив за собой обязанность уплачивать кешкельную повинность, не имея земли. Что касается взимания повинности, то первоначальный кешкельный доход поступал в пользу целых лезгинских обществ и затем распределялся между их сочленами, но впоследствии он был окончательно распределен между наличным количеством лезгинских дымов, которые и пользуются им ныне на частном праве, вплоть до права отчуждения включительно. Вследствие этого существуют селения, как, например, Белоканы, лезгины которых почти поголовно продали свои права на кешкельный доход; существуют и поселяне, которые за выкуп освободились навсегда от кешкельной повинности или же, оставаясь кешкелеплательщиками, в то же время приобрели от лезгин кешкельные права по отношению к другим зависимым поселянам. Из указанного порядка взимания кешкельной дани единственное исключение представляет Джинникское сельское общество. Здесь кешкельный доход принадлежит всему обществу и затем распределяется между наличным его составом.

Помимо лезгин, незначительный кешкельный доход в размере, при переводе его на денежную оценку, 180 руб. 95 коп., получает с поселян шести селений округа государственное казначейство. Кешкели эти, именуемые казенными, были отняты у лезгин в 40-х годах в виде наказания за участие в восстании против русского управления, и с тех пор зерновой доход с этих кешкелей поступает ежегодно в закатальское окружное управление для продажи с торгов.

Кешкельные земли находятся в исключительном владении поселян, которые в отношении их пользуются ничем не ограниченным со стороны кешкелевладельцев правом пользования и распоряжения; поселяне свободно отчуждают их, закладывают, дарят, дают в приданое и пр. Кешкелевладельцы ровно никаких прав на эти земли не имеют, единственное их отношение к владельцам кешкельной земли заключается в том, что последние обязаны уплачивать им ежегодно доход земными произведениями.

Тип землевладения в кешкельных селениях повсюду подворный. Выморочные кешкельные участки поступают в распоряжение сельских обществ, которые, вступая в пользование такими участками, вместе

[1] 1 тагар пшеницы — 7 1/2 пудов; 1 тагар ячменя — 6 пудов. (Прим. подлинника.)

[2] В подлиннике ошибочно написано «кешкелеплательщиком».

[3] Подразумеваются «кешкелепользователи».

с тем, и обязывают уплачивать следующую с них повинность. Сельские общества нередко передают выморочные участки новым владельцам опять-таки под условием отбывать повинность, размер которой в этих случаях они иногда увеличивают, обращая излишек сверх следуемого кешкелевладельцу в свою пользу.

Всех кешкелевладельцев в Закатальском округе, не считая юридических лиц (казна и Джинникское сельское общество), по данным 1908 года, было 784 чел., а кешкелеплательщиков около 3 500 человек.

Кешкельные земли обложены государственной оброчной податью, при распределении окладов которой между селениями соблюдается следующее правило.

Согласно примечания к ст. 42 инструкция по распределению государственной оброчной подати и государственного поземельного налога в Закавказском крае, утвержденной министром финансов 5 июня 1903 года, при исчислении окладов государственной оброчной подати с кешкельных селений Закатальского округа надлежит наблюдать, чтобы совокупное обложение земель этих селений оброчной податью и кешкельною повинностью не превышало, по возможности, обложения оброчной податью соседних земель той же приблизительно доходности.

Применяя правило означенного примечания, тифлисское губернское по раскладке поземельных сборов присутствие, при распределении между уездами и округами сумм оброчной подати, назначенной на Тифлисскую губернию в период 1901—1903 гг., предложило следующий способ: «Распределить селения округа, подлежащие обложению оброчной податью, на кешкельные и некешкельные, и, разбив сообразно с доходностью их всю сумму подати между ними, сложить с кешкельных селений часть ее, равняющуюся размерам кешкельной повинности, т. е. 18 333 руб.[1], и эту часть прибавить к сумме, причитающейся с некешкельных селений».

Указанный способ повел к чрезмерному переобложению оброчной податью некешкельных селений. Так, по данным раскладки 1901—1903 гг., некешкельные селения округа были обложены в размере 26,19% доходности земель, а кешкельные селения — 12,46%; кроме того обложение последних кешкельною повинностью составило 8,31 руб. со ста рублей доходности земель.

В целях справедливого распределения оброчной подати между отдельными группами поселян в раскладку 1904—1906 гг., продолженную и на 1907 год, закатальскому окружному по раскладке поземельных сборов присутствию, для осуществления прим. к ст. 42 инструкции, была предложена новая система, а именно: к сумме оброчной подати по округу прибавлена стоимость ежегодной кешкельной повинности — 18 333 руб., полученная сумма распределена сообразно с суммою доходности земель между кешкельными и некешкельными селениями и затем стоимость повинности исключена из суммы оброчной подати, падающей на кешкельные селения.

Система эта осталась без изменения и на 1908 год и привела к уравнению %% обложения некешкельных селений оброчной податью и кешкельной повинностью. Так, по данным 1904—1906 гг., % обложения некешкельных селений — 20,92, а кешкельных селений — 11,96%, % же обложения последних кешкельною повинностью — 8,96, а по совокупности 20,92.

[1] В такую сумму оценила всю кешкельную повинность Закатальская сословно-поземельная комиссия, работавшая в округе в 1870—1872 гг. (о ней см. дальше). (Прим. подлинника.)

При раскладке оброчной подати на 1909—1911 годы, закатальское окружное по раскладке поземельных сборов присутствие, имея в виду, что, по данным 1908 года, кешкельная повинность, при переводе ее на денежную оценку, выражается в сумме 22,042 рубл., для уравнительности обложения кешкельных и некешкельных селений придерживалось следующего способа.

Разделив сумму кешкельной повинности на две части пропорционально суммам оброчной подати и земского сбора, причитающегося по обеим категориям земель, оно полученные числа прибавило к суммам оброчной подати и земского сбора; затем эти итоги оно распределило между кешкельными и некешкельными землями, пропорционально их доходности, и из полученных сумм, павших на кешкельные земли, вычло соответственные части кешкельной повинности; полученные таким способом разности и составили суммы оброчной подати и земского сбора, которые и были распределены между отдельными владельцами кешкельных земель.

Из изложенного, таким образом, следует, что фактически тяжесть кешкельной повинности отражается не только на кешкельных селениях, но вообще на всем населении округа, земли коего обложены оброчной податью.

Раятская зависимость

Раятская зависимость существует в 16 селениях Закатальского округа.

Существующие в пользу беков повинности следующие:

Малджагат — известная доля урожая зерна.

Кесамат — определенное количество хлеба, уплачиваемое ежегодно независимо от урожая.

Даргалуг — определенное количество хлеба, уплачиваемое с каждого дыма или сохи в пользу бекского управляющего, отмеривающего малджагат, а также, где по незначительности имений особых управляющих нет, в пользу самого бека.

Бахча-баши — плата за мюльк, находящийся во владении раята, т. е. за усадебное место со двором, с садом и сенокосным участком.

Повинности денежные и шелком.

Поставка ароб и лошадей для перевозки летом бека в сел. Елису [1] и обратно и для доставки в дом бека малджагата.

По характеру основной уплачиваемой бекам повинности все шестнадцать раятских селений и хуторов делятся на четыре группы.

Первая группа — селения Алмало, Дегмадагельды, Казмаляр, Кайсарло, Онджало и хутора Базар-тала и Бах-тала — платит малджагат в размере $^1/_{10}$ части урожая.

Вторая группа — сел. Али-Султан-Кетукло, Кара-тала, Кипчах, Шихляр — платит малджагат в размере $^1/_7$ части урожая.

Третья группа — сел. Иманло, Ибахло, Узун-тала и Сускент — платит бекам кесамат, причем кесамат по сел. Сускент заключается в уплате 45 истилей шелку (истиль $^2/_3$ фунта).

Четвертая группа — сел. Байдарло — уплачивает частью малджагат в $^1/_7$ и $^1/_{10}$ часть урожая, а частью кесамат.

Всех дымов в поименованных 16 селениях и хуторах, уплачивающих бекам повинности — 671, из коих 606 дымов платят земельные повинности малджагат, кесамат и даргалуг, 25 дымов платят кесамат

[1] Главное хозяйство беков-помещиков расположено на жаркой низменности, пребывание в которой летом очень тяжело. Ввиду этого на летнее время, беки с семьями обыкновенно перекочевывают в горы, преимущественно в сел. Елису. (Прим. подлинника.)

только шелком и 40 дымов платят только бахчи-баши и другие денежные повинности.

Сверх повинностей бекам, поселяне, состоящие в зависимых к последним отношениях, уплачивают с 1901 года, на основании закона 12 июня 1900 года, государственный поземельный налог на одинаковых с частными землевладельцами началах.

Порядок землепользования в некоторых селениях имеет свои особенности, но в общих чертах он почти всюду одинаков. Мюльки, т. е. усадьбы, сады при них и курухи (покосные места) находятся в полном распоряжении раят, с правом отчуждения. Мюльки вымерших дымов в большинстве селений переходят к обществу, а в некоторых селениях к беку. В последних селениях вопрос о праве на мюльки вымерших дымов вызывает иногда острые недоразумения между беками и раятами, причем последние категорически отрицают права беков на выморочные поселянские участки.

Пахотные земли состоят в общинном владении и распределяются равными долями между всеми раятскими дымами, а в некоторых селениях в разделе участвуют и беки, которые получают несколько долей. В некоторых селениях под распашки обращаются участки по указанию беков, и последним, кроме того, принадлежат сервитутные права пользования под выпас свободными участками, а также пахотными участками после снятия с них урожая.

Леса и пастбища, в большинстве случаев, состоят в общем пользовании раят и беков; в некоторых же селениях леса считаются бекскими, и раяты пользуются лесом с разрешения беков бесплатно, а в некоторых селениях — за особое вознаграждение.

Современное состояние вопроса и необходимость его разрешения

Дальнейшее оставление этого вопроса в теперешнем его состоянии совершенно недопустимо.

Прежде всего, самый факт существования в настоящее время в крае зависимых, подневольных отношений одной части населения от другой, являющихся некоторым подобием полвека назад уничтоженного крепостного права, представляется анахронизмом, немыслимым в Дагестане и Закатальском округе, когда широко задуманная крестьянская реформа должна во всем Закавказском крае уничтожить последние следы личной зависимости населения. Едва терпимый раньше институт этот совершенно недопустим при современных условиях обновленной правовой жизни государства; немыслимо призывать население к участию в государственной жизни, награждая его политическими правами, и одновременно оставлять его в прежнем несвободном состоянии.

Существование этих повинностей поставило обе стороны в обостренные отношения, разделив их на два враждебных лагеря. Имея исключительное право пользования своею землей и уплачивая за нее государственные и земские налоги, поголовно все поселяне Дагестанской области и Закатальского округа усвоили себе взгляд, что с введением русского управления и с освобождением беков и лезгин от исправления административно-полицейских обязанностей в районах прежних туземных владений, они утеряли права на взимание повинностей; если поселяне отбывают их, то в огромном большинстве случаев не из сознания правомерности их, а под влиянием еще сохранившегося кое-где авторитета получателей повинностей и под давлением требований администрации.

На практике подобное воззрение проявилось в том, что поселяне

Дагестана стали уклоняться от отбывания повинностей: движение это в 1898 году приняло форму настоящих волнений, и в этом году большинство селений Кайтаго-Табасаранского округа прекратило отбывание бекам повинностей и не отбывает их до сих пор. В течение последующего десятилетия движение это стало охватывать все больший район, проявившись с новой силой в последние годы, быть может, не без связи с аналогичными явлениями в других частях края и во внутренних губерниях империи. По крайней мере, в Темир-Хан-Шуринском округе уклонение поселян от отбывания бекских повинностей стало наблюдаться в самые последние годы.

В настоящее время вне его находятся лишь селения одного Кюринского округа.

Само собою понятно, что в результате этого движения возникло множество процессов и жалоб, которыми завалены суды и администрация.

В отдельных случаях суды восстанавливают нарушенные права. Главное кавказское начальство и местная администрация также стараются не допускать произвольного уклонения поселян от исполнения своих обязательств, но их вмешательство, как показал опыт, бессильно устранить коренной недостаток сложившегося порядка, требующего законодательного вмешательства, и движение среди поселян Дагестана продолжается. Это движение в названной области развилось в зависимости от нескольких причин. Прежде всего оно имеет экономический характер.

Отбывавшиеся бекам Дагестана повинности являлись обременительными для поселян, так как последние, кроме них, должны были уплачивать в обычных нормах земские сборы и подымную подать, а после 1900 года государственный поземельный налог или оброчную подать.

Естественно, что поселяне тяготятся таким двойным обложением, принимающим довольно чувствительные размеры. В этом отношении нельзя не отметить следующего характерного обстоятельства. Уклонение раят от уплаты бекам повинностей с особенной силой проявилось в Кайтаго-Табасаранском округе, в частности в Табасарани, т. е. там, где раятские повинности отбывались в особенно крупных размерах, а земли в нагорных селениях северной Табасарани далеко не того качества, что в низовых селениях; в Кюринском округе, где повинности более или менее умеренны, раятское движение никогда не проявлялось в такой активной форме, как в соседнем Кайтаго-Табасаранском, и дальше простого недовольства не шло.

В Казикумухском округе прекращение отбывания повинностей в последние 10, 15 и 20 лет об'ясняется совершенно обратными причинами: здесь нередко сами беки были не заинтересованы в исправном их отбывании в виду совершенно ничтожного их размера, а если дорожат ими теперь, то не по материальным соображениям, а как проявлением их сословных преимуществ.

Нельзя, впрочем, не отметить того обстоятельства, что на исправное отбывание повинностей немаловажное влияние оказывало внимательное отношение к этому вопросу администрации; где она настойчиво и систематически требовала от населения выполнения обязательств, там отбывание повинностей не прекращалось до последнего времени.

Там же, где местные органы администрации сразу не заставили забастовавших раят отбывать повинности, впоследствии оказалось в высшей степени трудным восстановить установленный порядок обыкновенными средствами.

Тяжесть повинностей усиливалась тем, что размер их и порядок взыскания не были урегулированы. Можно сказать безошибочно, что

раяты были предоставлены полному, бесконтрольному усмотрению беков и их управляющих и приближенных, которым предоставлялось самостоятельное взыскание повинностей, и нередко в их же пользу; последние проявляли при взыскании недостаточную умеренность и произвол, не сообразуясь ни с условиями времени, ни с экономическим положением раят. Специальных органов надзора, занятых поселянскими делами, разрешением возникающих недоразумений, в роде мировых посредников, в Дагестане не существовало, местные же власти — наибы из офицеров милиции совершенно неудовлетворительного состава, сплошь и рядом назначались из беков и потому всегда поддерживали бекское сословие. Нередко они сами в своем же участке являлись получателями раятских повинностей, т. е. лицами заинтересованными. Особенно широко практиковалась система таких назначений в Табасарани, где как раз раятский вопрос обстоит острее всего.

Единственной попыткой урегулировать подобную бесконтрольную систему была выдача в конце 60-х годов обществам зависимых поселян,— однако, далеко не всем,— так наз. «ведомостей» и инструкций, в которых указаны были категории и размеры подлежащих отбыванию повинностей; но эти инструкции мало улучшили положение поселян; они составлялись опять-таки чинами местной администрации, всегда поддерживавшей беков, и притом преимущественно, по заявлениям последних, отличались неопределенностью способов расчета, положенных в основание исчисления повинностей, и во многих случаях они только узаконили уже существовавшие ненормальности. Можно безошибочно сказать, что именно настояния беков на отбывании раятских повинностей согласно нормам инструкций были одной из главных причин прекращения поселянами отбывания каких бы то ни было повинностей в пользу беков и обострения отношений между этими двумя группами местного населения.

Дело в том, что эти инструкции и ведомости вовсе не дают указаний на общую точную сумму повинностей по каждому данному раятскому селению, подобно точным цифрам кешкельной дани. Они представляют лишь перечисление существовавших в 60-х годах и зарегистрированных в то время повинностей (из них многие теперь вовсе не существуют уже десятки лет), с показанием максимальных норм, по которым бек мог требовать отбывания их. Но фактически ни одному беку повинности не отбывались и не отбываются в арифметическом соответствии с подобными указаниями инструкций потому, что бывают неурожайные годы, когда бек вынужден уменьшить свои требования; некоторые повинности вообще, вследствие долгого невыполнения, считаются упраздненными; наконец, отбывание повинностей по указанным нормам вообще настолько обременительно для поселян, что беки по всем статьям должны делать неизбежные уступки, вошедшие в обычай. Затем мерилом для требования бека являлась действительная его потребность: если ему нужно было привезти 40 ароб дров, то он и требовал именно такое количество их, а не то, на которое он имел право по букве ведомости. Так что в этом отношении поименованные документы содержат указания лишь на предельность возможных требований помещика, но отнюдь не выражают собой действительной картины существующих между ими и поселянами соотношений. Конечно, интерес бека заключался в том, чтобы, основываясь на букве инструкции, заставить поселян выполнить повинность в максимальных размерах. Такие требования и создавали постоянную обостренность в отношениях сторон, приведшую к полному прекращению раятами Табасарани отбывания каких бы ни было повинностей.

Иллюстрацией неумеренности требований беков, основывающихся

на букве инструкции, может служить следующий пример из практики самого недавнего времени.

Беки-землевладельцы селений Кайтаго-Табасаранского округа, Мугатыр и Митаги, подали в 1908 году на имя наместника его императорского величества на Кавказе прошение, в коем из'явили свое неудовольствие на учрежденную в Дагестанской области его сиятельством комиссию по вопросу о зависимых отношениях поселян к бекам, неправильно, по их мнению, определившую размер следующих в пользу помещиков повинностей с этих селений.

Основываясь на ведомости 60-х годов и путем простого арифметического расчета помножив тогдашние нормы повинностей на современное число дымов названных селений, помещики определили общий ежегодный доход свой с местных раят, в переводе на денежную оценку по сел. Мугатыр в 6 187 руб., по сел. Митаги — в 2 897 руб., тогда как комиссия, приняв во внимание, что многие указанные в ведомости повинности фактически упразднены и имея в виду средние действительные нормы отбывания повинностей, определила их по первому селению в сумме 685 руб., а по второму — 548 руб. 75 коп.

Таким образом, по расчету помещиков, каждый раятский дым сел. Мугатыр (в числе 126 дымов, отбывающих повинности) отбывал им повинностей ежегодно на сумму 49 руб., а по сел. Митаги (56 дымов) — 51 руб., не считая государственного, поземельного налога и земского сбора. Если принять во внимание, что земли этих нагорных селений не отличаются хорошими качествами, и на каждый дым приходится земли по 5 дес. 854 кв. с. и 6 дес. 1 470 кв. с., то расчет помещиков, основанный на букве ведомости, нельзя не признать преувеличенным. Если даже и на половину сократить приведенные цифры, то и в этом случае нельзя, казалось бы, не заключить, что настояния помещиков на соблюдении норм ведомостей совершенно не соответствуют действительной платежной способности раят этого района.

В Закатальском округе неудовольствия поселян, вызываемые необходимостью отбывать, помимо государственных сборов, еще повинности помещикам и лезгинам, никогда не принимали таких острых форм, как в Дагестанской области. Об'ясняется это тем, что вообще экономическое положение населения этого округа несравненно более благоприятное, чем зависимых поселян Дагестана, вследствие чего кешкелеплательщики и раяты Закатальского округа легче могут справляться с тяжестью добавочного обложения в пользу помещиков и лезгин. В особенности это необходимо сказать про жителей кешкельных селений, для которых бремя повинности в пользу лезгин, как изложено выше, облегчается тем, что часть ее перелагается с них на население некешкельных районов Закатальского округа.

Помимо этого, взиматели кешкельной повинности не имели возможности в этом округе проявлять в отношении своих подвластных той степени усмотрения, которая практиковалась в Дагестане. Об'ясняется это следующими причинами. После восстания части лезгин Закатальского округа в 1830 году, по распоряжению тогдашнего главного начальника края графа Паскевича, повстанцы-кешкелевладельцы селений Белоканы, Катехи и Джары были лишены права взимания кешкельной дани, и последняя стала поступать в доход казны. Остальные же лезгины лишились права взимать свой кешкель непосредственно с плательщиков и должны были получать его от старшин подвластных селений в определенном размере. В 1838 г. правительство восстановило принимавших участие в восстании лезгин в кешкельных правах, предоставив, вместе с тем, всем вообще кешкелевзимателям право собирать кешкель непосредственно от поселян, но в стро-

то определенных размерах, именно, в тех, какие существовали в 1831 году. Нормировка эта имела, несомненно, благодетельное значение, так как сдерживала лезгин в их стремлениях произвольно увеличивать количество кешкеля. Обе стороны хорошо знали установленный обычаем и утвержденный администрацией размер повинности, и когда в Закатальском округе в 1870—1872 гг. работала над исследованием местных сословно-поземельных отношений особая комиссия, она получила и зарегистрировала вполне определенные данные о размере этой повинности в каждом кешкельном селении. При проверке этих данных особой комиссией, командированной в округ наместником его императорского величества на Кавказе в 1908 году, оказалось, что и теперь кешкельная повинность отбывается согласно данным 1870—1872 гг., т. е. в размерах постоянных, допускающих на практике изменения обыкновенно в одну сторону — в сторону понижения ее в пользу поселян, по милости взимателя или в виду нередкого уклонения плательщиков от отбывания ее полностью.

Помимо изложенного, возможность трений между лезгинами и зависимыми поселянами устранена тем, что между обеими группами населения не существует постоянного хозяйственного или иного соприкосновения. Они расселены изолированно друг от друга, на расстоянии нескольких десятков верст, и единственные отношения их состоят в том, что поселяне раз в году, после снятия урожая, обязаны дать лезгинам определенное количество земных произведений.

При всем том, за последнее время обе стороны начинают тяготиться существующими между ними отношениями. Поселяне все более и более начинают сознавать ненормальность существования подобной повинности и отбывают ее менее исправно, чем прежде,— зерном худшего качества, по возможности в уменьшенном количестве, причем попытки кешкелевладельцев настоять на точном исполнении обязанности не всегда удаются. При таких условиях и лезгины начинают проникаться мыслью о необходимости так или иначе ликвидировать эти отношения, сознавая, что в конце концов уклонение кешкелеплательщиков от отбывания повинностей, приняв массовый характер, сведет их права на-нет.

Но допуская даже, что между кешкелевладельцами и поселянами долго еще будут добрые отношения, нельзя не признать, что упразднение этой зависимости теперь же — экономически и морально на лезгинах отразится только благоприятно. В той части лезгинского населения, которая получает кешкельный доход в количестве, достаточном для пропитания, право это поддерживает непривычку к труду и до сих пор вселяет в них нежелательную с государственной точки зрения уверенность, будто лезгины (в действительности — те же поселяне) являются каким-то привилегированным племенем, имеющим у себя в подчинении многочисленную группу подвластного населения.

Менее удовлетворительны отношения между беками-помещиками восточной части Закатальского округа и раятами.

Повинности последних разнообразнее и тяжелее кешкельной, кроме того, раяты лишены преимуществ, предоставляемых правилом упомянутого примечания к ст. 42 инструкции 5 июня 1903 года. В смысле урегулирования раятской повинности правительство не предприняло даже того немногого, что было сделано для жителей кешкельных селений.

На почве отбывания этой повинности между беками и поселянами происходят постоянные и притом весьма острые недоразумения, в особенности чувствительные для обеих сторон потому, что в противоположность лезгинам, помещики восточной части округа живут бок-о-бок

с раятами и имеют с ними повседневное соприкосновение на почве хозяйственных интересов, вызываемых общностью многих угодий, обилием сервитутных прав и т. п.

И здесь, следовательно, чувствуется живая необходимость развести обе стороны путем ликвидации существующих между ними отношений.

Из заявлений помещиков и поселян Дагестанской области и Закатальского округа можно усмотреть, что обе стороны сознают необходимость ликвидации существующих между ними отношений, не сходясь однако в способах разрешения этого острого вопроса.

Первая попытка русского правительства ликвидировать зависимые отношения поселян была предпринята в Закатальском округе и относится к 1830 году.

Так называемая Джаро-Белоканская область (состоявшая в зависимости от России лезгинская вольная община западной части теперешнего Закатальского округа), вследствие постоянных восстаний против России лезгин, в 1830 году была окончательно присоединена к России, и для нее графом Паскевичем было издано высочайше утвержденное 24 июля 1830 года положение, коим подтверждалось за лезгинами сохранение их прежних прав и преимуществ, «поколику сие будет согласно с общими законами и уставами российской империи». В видах охранения интересов зависимых поселян, владельцам воспрещено было облагать их произвольным налогом; им была предоставлена личная свобода и дано право, в случае желания, переселиться в другое место, взять с собою все движимое имущество, недвижимое же они могли приобрести в собственность, уплатив владельцу 10-летнюю стоимость доходов.

Реального значения правила эти для поселян иметь не могли, так как подвластные и раньше не были крепостными и во всякое время могли переселяться куда им угодно. Что же касается права выкупа десятилетней стоимости кешкельной платы, то на практике оно никогда не осуществлялось, и если выкупы совершались, то всегда по цене, установленной добровольным соглашением сторон.

В 1869 году в Закатальском округе, по приказанию его императорского высочества главнокомандующего Кавказской армией, для разбора и определения сословно-поземельных прав туземного населения округа была образована особая сословно-поземельная комиссия, приступившая к исполнению возложенного на нее поручения с 1 марта 1869 года.

В феврале 1874 года Закатальская сословно-поземельная комиссия представила составленный ею проект положения о поземельном устройстве населения округа. Проектом определялись главные основания поземельного устройства поселян, разделяющихся на три разряда: 1) водворенных на собственных землях; 2) кешкельных поселян, отбывающих лезгинским обществам раз навсегда определенную кешкельную повинность, и 3) поселян, водворенных на бекских землях.

Проект заключал в себе следующие основные положения:

За обществами поселян-собственников утверждаются все находящиеся в их владении земли и угодья.

Поселяне, водворенные в бекских селениях, а также имеющие оседлость в бекских хуторах, получают в этих имениях в свое постоянное пользование определенный земельный надел за установленную повинность и с правом выкупа.

Пространство и состав поселянского надела преимущественно определяются по взаимному соглашению владельцев и поселян, но с тем, чтобы в общем наделе каждого поселянского общества ни в каком слу-

чае не приходилось менее 5 десятин на дым. Если же не будет достигнуто обоюдное соглашение, то пространство и состав поселянского надела определятся по особым правилам, утвержденным главнокомандующим армией.

Леса, выгонные и пастбищные места, не включенные в надел и не оставленные в общем пользовании, поступают в полное распоряжение владельца; если поселяне пожелают пользоваться ими, то относительно порядка и условий пользования должны войти с владельцем в добровольное соглашение.

Поселянам, водворенным в кешкельных селениях, оставляются все земли и угодья, которыми они владеют на кешкельном праве, с тем же правом выкупа.

В состав поселянского надела в кешкельных селениях включаются все кешкельные и, сверх того, такие некешкельные земли, которые по заключенным с владельцем условиям, письменным или словесным, предоставлены в постоянное пользование кешкельников.

Размер повинностей за поселянский надел, отведенный в пользование обществам в постоянное пользование, вообще остается прежний с соответствующим лишь уменьшением или увеличением в случае изменения пространства существующего прежде надела.

Пространство и состав надела подымных участков, отведенных в постоянное пользование обществ и отдельных дымохозяев, порядок пользования землею, водою ирригационных канав и другими угодьями поселянского надела, размер и порядок отбывания повинностей в пользу землевладельцев — обозначаются в уставных грамотах, составляемых, утверждаемых и вводимых в действие по правилам, имеющим быть изданными главнокомандующим армией.

Выкуп поселянского надела производится или по взаимному соглашению сторон, или, когда такого соглашения не последует, единовременной уплатой владельцу выкупной суммы, исчисленной путем капитализации из 6% всех отбываемых в пользу владельца повинностей, по предварительной оценке их на деньги.

Для приведения в известность поземельных владений и прочного разрешения существующих поземельных споров в округе производится межевание применительно к высочайше утвержденному 29 июня 1861 года положению о размежевании Закавказского края и к существующему в округе судоустройству.

Для приведения проекта в исполнение утверждаются должности помощника начальника округа по поземельным делам, двух мировых посредников и трех переводчиков при них.

Проект этот был рассмотрен комитетом по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа, причем вызвал много возражений, главнейшие из которых касались возможности укрепления земель Закатальского округа за населением на праве собственности. В виду этих возражений изложенный выше в главных чертах проект закатальской комиссии дальнейшего движения не получил.

В 1898 году состоявшая при управлении главного начальника края комиссия для окончания сословно-поземельного вопроса в частях Кавказского края военно-народного управления представила в совет главноначальствующего гражданской частью на Кавказе записку о поземельном устройстве государственных поселян, водворенных на владельческих землях в Дагестанской области и Закатальском округе.

В отношении Закатальского округа записка эта касалась лишь раятских селений восточной части округа, вопрос же о кешкельных отношениях в ней не был затронут.

По существу записка проектировала введение в упомянутой части Закатальского округа положения 14 мая 1870 года. Дальнейшего движения она также не получила.

Первым поводом к разрешению поземельных отношений между лицами высших сословий и поселянами Дагестана послужил высочайший рескрипт 6 декабря 1846 года, последовавший в отмену сделанных по Закавказскому краю распоряжений о принятии в казну имений агаларов и меликов и в отмену таких же предположений о ханских и бекских имениях.

Для разработки вопроса о применении к бывшей Дербентской губернии изданного в 1847 году, в развитие означенного выше рескрипта, положения о беках и проживающих на их землях поселянах, в 1848 году была образована дербентская комиссия, которая составила списки всех деревень, жители которых состояли в зависимых отношениях к бекам, и постановила заключения о применении к каждому имению рескрипта 6 декабря 1846 года. Свои труды комиссия окончила в 1852 году и изложила их в трех частях, из коих первая относится к Дербентскому уезду названной губернии (Улусский Магал, Верхний и Нижний Кайтаг, северная и южная Табасарань), а две другие — к Кубинскому.

Работы комиссии по Кубинскому уезду впоследствии были переданы начальнику Шемахинской (ныне Бакинской) губернии и послужили основанием для осуществления в этом уезде основных начал рескрипта, труды же ее собственно по Дагестану дальнейшего движения не получили, так что рескрипт 6 декабря 1846 года к указанной части Дагестана не был применен, и помещики остались в прежних отношениях к поселянам.

Последствием передачи гражданской власти дела о Кубинском уезде было то, что наместником кавказским, по выработке окончательного положения 14 мая 1870 года, было испрошено в том же году высочайшее разрешение на применение этого положения к бекским имениям Кубинского уезда. На основании этого высочайшего разрешения наместником кавказским было издано 10 января 1877 года особое положение (тождественное по содержанию с положением 14 мая 1870 года) об имениях бекских Кубинского уезда. Этим положением и завершено, таким образом, дело в этом уезде.

Что касается Дербентского уезда, то вопрос о поземельном устройстве населения этого уезда и, вообще, южного Дагестана, поступил в высочайше утвержденную 21 июля 1869 года штатную южно-дагестанскую сословно-поземельную комиссию, труды которой состояли, главным образом, в изучении местных поземельных прав.

В частности, собственно по вопросу о взаимных отношениях беков и поселян, комиссия собрала данные о существовавших повинностях в пределах южного Дагестана (кроме, конечно, Кубинского уезда, выделенного уже из состава Дагестана).

Как видно из этих данных, в числе податей ни в одном имении не было подати, известной под именем «малджагата», т. е. взноса поселянами в пользу бека определенной доли урожая. Таким образом здесь, оказывается, не имела места та повинность, которая в имениях собственно Закавказского края была основной повинностью и которая была закреплена положением 14 мая 1870 года в имениях Эриванской губернии, в размере $^4/_{30}$ частей урожая, а в прочих имениях в размере $^3/_{20}$ частей (с денежной поземельной повинностью в количестве 30 коп. с десятины) и с отменой всех прочих повинностей.

Наоборот, здесь в пределах южного Дагестана, в гораздо более значительном количестве, чем в прочих имениях Закавказского края, были

повинности неземельного характера; особенно широко развита была например аробная (повозочная) повинность; поселяне должны были выставлять арбы бекам: для возки дров, травы, хлеба, возки строительных материалов и просто для надобностей бека (без обозначения, что это за надобности); за тем, повинности поселян выражались в поставке с селений определенного числа нукеров (прислуги); некоторые селения поставляли беку определенное число лошадей; в значительной степени практиковались, в качестве натуральной повинности, работы поселян для бека (пашня, сенокошение, жатва и т. д.); были и повинности полевыми продуктами, в том числе табаком, но они собирались без отношения к посевной площади и к урожаю, или по определенному расчету с каждого дыма или же с пары волов; взамен этих повинностей были и денежные, и на этот раз по определенному количеству с каждого двора. Таким образом, в пределах южного Дагестана, были констатированы означенной комиссией те повинности, которые взимались не с земли, а имели характер личного (подымного) налога, или, если и имущественного, то неземельного, т. е. здесь найдены были те повинности, которые положением 14 мая 1870 года в прочих имениях Закавказского края были отменены навсегда (с заменой их 30 коп. подесятинным сбором).

Собрав эти данные, южно-дагестанская комиссия вместе с тем пришла к заключению, что в частях южного Дагестана, для урегулирования земельных отношений между беками и поселянами, следует ввести положение 14 мая 1870 года, с некоторыми лишь изменениями, необходимыми по местным условиям; в чем же должны состоять эти изменения, комиссиею не было указано.

Принимая во внимание, что в состав южного Дагестана, кроме бывшего Дербентского уезда (Кайтаго-Табасаранского округа), входили тогда округа Самурский и Кюринский, оказывается, что район применения поселянского положения 14 мая 1870 г., по предложениям этой комиссии, был расширен, по сравнению с предположениями прежней, закрытой в 1852 году, комиссии (которая, как упомянуто выше, ограничивала в своем проекте пределы действия положения 1847 года одним Дербентским уездом). Но и предположения этой комиссии не получили утверждения, а самая комиссия в 1883 году была закрыта и вместо нее образована была новая центральная при учрежденном тогда управлении главноначальствующего. Эта последняя наименована была «комиссией для окончания сословно-поземельного вопроса в частях Кавказского края военно-народного управления». К ней, таким образом, перешел вопрос и о разрешении поземельных отношений между беками и поселянами в Дагестанской области.

Эта комиссия, в свою очередь, уже в 1898 году внесла в совет, состоявший при бывшем главноначальствующем, проект о распространении того же положения на поселян, водворенных на землях лиц высшего сословия в частях Дагестанской области, входивших в состав бывшей Дербентской губернии (за исключением, конечно, Кубинского уезда, на который было уже распространено означенное положение) и в Закатальском округе.

Но и этот проект, являвшийся в сущности тождественным с проектом южно-дагестанской комиссии, не получил осуществления, а самая сословно-поземельная комиссия была в том же 1898 году переформирована и из учреждения самостоятельного обращена в отделение канцелярии главноначальствующего по военно-народному управлению.

Этой канцелярией составлен был в том же 1898 году новый проект: он касался, как и прежние, тех же пределов; вводил в сущности то

же положение 14 мая 1870 г., но с тем существенным различием, что этим проектом не устанавливалось нормы надела для поселян, а закреплялось фактическое их пользование; не устанавливались и повинности малджагата, т. е. известной доли урожая с поселян владельцу, что было бы неизбежным следствием введения означенного положения; отменялись при этом все повинности, не вытекавшие из земельного пользования, и оставлялись только те, которые имели смысл платы за землю, причем однако разграничения двух категорий этих повинностей в проекте не было сделано; на обязанность главного начальника края возлагалось переложить земельные повинности на деньги и обязать крестьян вносить их в казначейства с тем, чтобы беки из этих последних получали сии сборы под расписки; по введении в жизнь такого порядка, на поселян возлагался выкуп этих повинностей, по капитализации из 6%, но с тем условием, что и за таким выкупом, право собственности на эти земли будет принадлежать казне, а поселяне ею будут пользоваться потомственно на правах государственных крестьян. По уплате повинностей, а впоследствии и выкупных платежей, вводилась круговая порука (по положению же 14 мая 1870 года за взнос повинностей отвечает каждый дым порознь сам за себя).

Проект этот встретил со стороны ведомств, в особенности со стороны министерства внутренних дел, серьезные возражения, сущность главнейших из коих сводится к следующему.

Проекту дано наименование «положение о поземельном устройстве государственных поселян, живущих в Дагестанской области на землях, состоящих в пользовании частных лиц или обществ»; в действительности же этим положением определяется поземельное устройство поселян лишь Кайтаго-Табасаранского и части Кюринского округов; между тем поселяне, состоящие в тяжелых зависимых отношениях к бекам, проживают в 6 округах Дагестанской области, в виду чего надлежало бы подвергнуть обсуждению вопрос об устройстве в поземельном отношении всех дагестанских поселян.

Установление в рассматриваемом проекте обязательного выкупа поселянами ежегодных платежей за предоставляемые им в надел земли с целью лишь прекращения этих платежей, а не приобретения в собственность самих земель, было бы коренным изменением принятого действующим о крестьянах законодательством начала, в силу коего выкуп крестьянами следующих с них за надельные земли повинностей в пользу вотчинников является способом приобретения крестьянами именно права собственности на эти земли. Допущение подобной меры не находит в себе оправдания и в тех законодательных актах о земельном устройстве сельских обывателей, которым земля предоставлена на праве пользования. Положение об управлении Туркестанского края (ст.ст. 255, 263, 285 и 287) и высочайше утвержденное 23 мая 1896 г. мнение государственного совета о главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев в четырех сибирских губерниях, предоставляя сельскому населению поименованных местностей земли в постоянное пользование, с сохранением права собственности на оные за государством и облагая таковые земли оброчной податью, не устанавливает вовсе выкупа этой подати единовременными взносами, с целью освобождения от нее надельных земель. Умолчание в упомянутых узаконениях о таковом выкупе произошло не случайно, а об'ясняется тем, что по общему закону о поземельном устройстве государственных крестьян (особ. прил. к т. IX зак. о сост., изд. 1876 г., VII полож. гос. крест., ст. 24 и 25), те земельные участки, причитающаяся с которых оброчная подать (выкупные платежи)

погашена посредством взноса в казну соответствующего капитала, составляет полную собственность их владельца.

Выкуп повинностей без права собственности на землю был проектирован и в деле об освобождении калмыков-простолюдинов от зависимости калмыцких владельческих классов; но государственный совет признал совершенно справедливым мысль министерства государственных имуществ об отклонении означенного предположения в том внимании, что применение правил о выкупе к данному случаю представлялось бы действительно неудобным и даже несправедливым, так как при капитализации, согласно этим правилам, албана из 6%[1], нойоны и зайсанги воспользовались бы вознаграждением, далеко превышающим размер тех имущественных потерь, которые они должны понести с отменою албана.

В виду приведенных соображений министерство внутренних дел затруднилось согласиться с положением проекта об установлении обязательного выкупа государственными поселянами Дагестана ежегодных платежей за надельные земли и нашло, что вопрос этот может возникнуть лишь в случае признания права собственности на эти земли за беками, а не за казною, ибо в таком случае дальнейшее оставление поселян в зависимых повинностных отношениях к бекам действительно не отвечало бы цели настоящей реформы — прекращению означенной зависимости.

В виду сделанных возражений проект этот бывшим главноначальствующим был взят обратно.

В видах переработки этого проекта, в 1901 году в Дагестанскую область была командирована особая временная комиссия, на которую было возложено: 1) проверить по планам хозяйственной с'емки земель Дагестанской области границы фактического землевладения беков и зависимых поселян и 2) собрать в Дербентском архиве сведения по вопросу о применении в Дагестанской области рескрипта 6 декабря 1846 г.

Выполнив это поручение, в том же 1901 году комиссия, между прочим, произвела проверку границ фактического землепользования беков и раят по всем раятским селениям, причем выделила бекские земли от земель, находящихся в непосредственном пользовании поселян, с соответствующими отметками в планах с'емки. В тех же случаях, когда по незначительности участков правильное по масштабу нанесение их на план оказывалось невозможным, участкам этим составлялись описи с указанием названия каждого участка и его площади по приблизительному определению беков и поселян. При этом на планах отмечались и спорные земли.

Таким образом, труды комиссии 1901 года представляют весьма ценный материал по вопросу о фактическом землепользовании раят и могут служить серьезным подспорьем при разрешении местного поземельного вопроса.

Работы последнего времени

Озабочиваясь скорейшим разрешением вопроса о прекращении зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам в Дагестане и в Закатальском округе, наместник его императорского величества на Кавказе в 1908 году образовал по этому вопросу в г. Тифлисе особое совещание под председательством помощника по граждан-

[1] Албана из 6%, т. е. выкупная сумма всех отбываемых в пользу землевладельца повинностей.

ской части наместника в составе чинов управления наместника и податной инспекции, при участии представителей беков и кешкелевзимателей.

Обсудив вопрос о том, следует ли при прекращении зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам ставить задачей выкуп земли, находящейся в пользовании у поселян или же только повинностей, отбываемых ими, совещание признало более правильным остановиться на выкупе повинностей, причем полагало правильным определить стоимость их и современные размеры путем обследования на месте.

В этих видах совещание постановило:

Образовать в г. Закаталах для детальной организации работ по прекращению зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам в Закатальском округе временную комиссию в составе начальника округа (он же председатель), двух чинов военно-народной канцелярии наместника и двух чинов податной инспекции. Для разрешения жалоб на неправильную оценку размера повинностей, произведенную работающими на местах партиями, состав временной комиссии пополнять выборными представителями заинтересованных сторон, по три человека от каждой.

Возложить производство работ по обследованию повинностей на местах на две партии из чинов временной комиссии, каждая в составе одного из командированных чинов военно-народной канцелярии и одного — из податных инспекторов, с участием в сих партиях, с правом голоса, троих выборных представителей от каждой из заинтересованных сторон.

Предоставить временной комиссии в Закаталах выработать порядок избрания представителей от заинтересованных сторон как в партии, работающие на местах, так и во временную комиссию.

Вышеуказанным партиям поставить задачей: выяснить, какие именно повинности, в каком размере, в чью пользу и в какой для каждого доле отбываются в настоящее время каждым дымом в зависимых селениях и перевести эти повинности на денежную оценку на основании средних цен за последние пять лет; результат обследований пред'явить заинтересованным сторонам и, в случае недовольства последних, отобрать от них письменные об'яснения о причинах недовольства для рассмотрения во временной комиссии в Закаталах.

Возложенную на нее работу комиссия выполнила следующим образом.

По первоначальному плану обследования кешкельных повинностей в Закатальском округе, принятому к руководству при выработке в форме ведомостей обследования, предполагалось при выяснении размера требований кешкелевладельцев и обязательств крестьян точным образом установить, кому из беков должен отбывать повинность каждый из крестьян кешкельных селений округа и, в соответствии с этим, с кого из крестьян имеет право требовать отбывания повинности каждый из кешкелевладельцев; по этому плану предполагалось, что показания обеих сторон в результате должны вполне совпадать в отношении личности контрагентов кешкельных отношений и размера повинности, отбываемой данным крестьянином данному получателю. В таком именно направлении и начали свои работы на местах комиссии. Практика обследований привела однако к убеждению, что избранная система бессильна привести к удовлетворительным результатам.

Дело в том, что, как оказалось, в огромном большинстве случаев ни лезгины, ни поселяне, связанные между собой кешкельными отношениями, или вовсе не знали своих контрагентов или знали их настоль-

ко плохо, что установить точно участников отношений было в высшей степени затруднительно. Если поселяне еще могли установить более или менее удовлетворительно имена лезгин, которым они обязаны платить кешкельный доход и число которых, вообще, ограничено, то показания лезгин почти на каждой странице ведомостей пестрили наименованиями крестьян-плательщиков, которые или вовсе не существуют в данном селении, или, хотя и существуют, но признают себя обязанными отбывать повинности не тому лезгину, который на них претендует, а совершенно другому; были, наконец, такие кешкелеплательщики, которые, хотя и показали платежи в пользу лезгин, но не в том размере, на какой претендуют последние; наряду с этим, сплошь и рядом наблюдалось такое явление, что, согласно ведомостям поселянских показаний, признают себя обязанными отбывать повинности данному кешкелевладельцу те плательщики, имен которых он даже и не упоминал.

Такая неясность и неизвестность в отношениях, имеющих серьезное значение для обеих сторон, на первый взгляд непонятная, об'ясняется тем, что плательщики и получатели приходят между собой в соприкосновение по поводу отбывания повинностей всего один раз в течение года, именно в момент получения лезгинами кешкельного дохода; кроме того, очень часто кешкелевладельцы собирают предметы повинностей не непосредственно с каждого из плательщиков, число которых бывает значительно, а размер платежа каждого ничтожен, а чрез особых уполномоченных, обыкновенно поселян данного кешкельного селения, которые, собирая из года в год зерно от нескольких плательщиков и доставляя его беку общей массой уже от себя и заслоняя, таким образом, от получателя личность плательщиков, делают обе стороны еще более неизвестными друг другу. Такими сборщиками нередко бывают лица, имеющие несколько младших братьев, обязанных платежами тому же беку, племенников и других родственников, опекуны малолетних и т. п. Соучастников сборщика в платеже кешкелевладелец не знает и свой доход показывает за лицом, ему известным, между тем как последнее за собой показывает лишь лично с него причитающуюся часть требуемого кешкелевладельцем платежа. Те изменения, которые происходят в составе обеих сторон, опять-таки ускользают от внимания участников кешкельного отношения и не всегда и не скоро делаются им известными.

Между тем изменения эти случаются часто. Сюда необходимо отнести, прежде всего, случаи смерти получателей или плательщиков, когда на место умершего вступают наследники, часто многочисленные, причем противной стороне остается неизвестным, в каких долях они распределили между собой права или обязанности.

Далее, изменение состава сторон происходит вследствие перехода прав и, в особенности, обязанностей, при продаже всего или части участка, обложенного кешкельной повинностью, другим лицам, залогов, дарений, дачи в приданое и пр. и пр. Члены комиссии должны были констатировать тот факт, что вступление в кешкельные отношения новых лиц, вследствие мобилизации недвижимости в Закатальском округе, явление довольно распространенное.

Попытка произвести исправление не совпадающих между собой показаний сторон, путем вызова их и сопоставления лицом к лицу в присутствии комиссии оказалась неосуществимой, как вследствие громадного количества требовавшихся вызовов, так и вследствие дальности расстояния (местожительства плательщиков и кешкелевладельцев расположены далеко друг от друга) и затруднительности в течение

слишком продолжительного срока занимать население кешкельными обследованиями.

Настойчивое стремление членов комиссии пользоваться для уяснения неясностей и разрешения недоразумений вышеуказанного рода услугами представителей сторон, вмененная им в обязанность утвержденной наместником его императорского величества на Кавказе инструкцией, также не дало желаемых результатов; поверенные как лезгин, так и поселян, тяготились необходимостью присутствовать при производстве обследований, уклоняясь от участия в работах членов комиссии и проявляя в этом отношении, за редкими исключениями, индеферентизм, совершенно не соответствовавший важности вопроса. Придерживаясь пассивного отношения к работам партий, они сообщали последним сведения лишь по общим вопросам, отговариваясь незнанием всякий раз, когда от них требовалось заключение по какому-либо конкретному предмету, и в тех случаях, когда был замешан частный интерес одного из их доверителей.

Кроме того, нельзя не отметить, что поверенные обеих сторон принимали участие в работах партий лишь в своих селениях и в обследованиях, производившихся ими в селениях противной стороны, они, в виде общего правила, участия не принимали. Некоторое исключение в этом отношении представляли выборные от кешкелевзимателей.

Отказавшись вследствие изложенного от первоначального предположения выяснить, кому именно от лезгин должен отбывать повинность каждый из поселян кешкельных селений, комиссия прибегла для учета размера повинности к следующему приему. Она постановила произвести поименный опрос всех кешкелеплательщиков каждого кешкельного селения и всех лиц, получающих доход с этих селений о размерах повинности, и полученные итоги сравнить. Если бы оказалось, что показания обеих сторон о размере кешкельной повинности сходятся, то признать их правильными и общий размер повинности определить сообразно с согласными показаниями сторон. В результате такого приема оказалось, что показания поселян совершенно сходятся с показаниями лезгин по 25 селениям округа, причем сравнение полученных итогов с данными о размерах кешкельной повинности округа, имевшимися в делах Закатальской поземельной комиссии 1870—1872 гг., показало, что, за исключением некоторого количества выкупленных кешкелей в 1908 году, кешкельная повинность отбывается в этих селениях в том же размере, что и сорок лет назад.

По шести селениям — Алиабад, Верхиан, Мосул, Загам, Ляляло, Чобанколь — соответствия между показаниями поселян и взимателей не получилось, так как притязания последних значительно превышали то, что показали за собой плательщики. В виду такого обстоятельства комиссия произвела по перечисленным селениям вторичный учет повинностей по отдельным кешкелям и кешкельным участкам каждого данного селения, с точной регистрацией тех долей кешкелей, которые были поселянами выкуплены, так что размеры повинности, следующей с поселян этих селений, должны быть признаны зарегистрированными с точностью.

В частности, по сел. Мосул оказалось, что поселяне при первоначальной регистрации следующую с них повинность показали в половинном размере против того, что с них следовало согласно данным комиссии 1870—1872 гг. и сведениям местной администрации и податной инспекции, причем не могли указать, когда именно и по чьему распоряжению последовало уменьшение мосульского кешкеля. Вследствие этого комиссия сама установила общую сумму повинности этого селения согласно действительной норме ее, приняв во внимание точно

учтенные ею выкупленные кешкели и записав эту сумму за всем обществом сел. Мосул, а не за отдельными дымами, в виду категорического отказа поселян давать комиссии вторично какие бы то ни было показания.

Но и после этого сумма повинностей, определенная кешкелеполучателями, значительно превышала определенную комиссией. В частности по отдельным селениям процент превышения составлял: по сел. Алиабад — 7,06; Верхиан — 8,74; Мосул — 5,72; Загам — 5,44; Ляляло — 6,22 и Чобанколь — 9,64. Несмотря на принятые старания, кешкелевзиматели не соглашались исправить свои показания, и потому, приняв во внимание, что повинности поселян были учтены точно и увеличить их размеры оказалось невозможным, комиссия вынуждена была по спискам кешкелевладельцев, получающих доход с перечисленных шести селений, уменьшить долю каждого кешкелевладельца на указанный выше процент.

В результате своих работ комиссия составила по каждому селению округа списки всех кешкелеплательщиков и кешкелевладельцев с показанием против каждого имени доли следующей повинности в туземных мерах (тагары и чанахи) и денежной оценки каждой доли, по ценам, утвержденным комиссией при участии представителей сторон.

По двум кешкельным селениям — Мосул и Чудуло, поименных списков плательщиков не составлялось: по первому селению в виду обстоятельств, указанных выше, а по второму — на том основании, что уплата чудулинского кешкеля в равных долях возлагается по раскладке общества на весь наличный состав дымов Поэтому, в обоих поименованных селениях кешкельная повинность записана за всем сельским обществом.

По всему округу ежегодно размер кешкельной повинности определен в 22 042 р. 84 к.

В раятских селениях обследование повинностей производилось при деятельном участии как поселян, так и беков, причем в огромном большинстве случаев комиссией размер повинностей был определен согласно указаниям обеих сторон, почти не расходившихся в своих заявлениях по этому вопросу, и по этим селениям комиссией были составлены поименные списки получателей повинностей и плательщиков.

Относительно списков этого последнего рода необходимо иметь в виду следующее.

Раятские повинности отбываются лишь теми дымами, которые принимают участие в пользовании общественной землей; следовательно, общий размер повинности по каждому раятскому селению не представляет величины определенной, и последняя находится в зависимости от числа дымов в данное время. При таких условиях, поименные списки раят не имеют того значения, какое имеют списки кешкелеплательщиков: последние в виду индивидуального характера кешкельной повинности, представляют перечисление лиц, являющихся непосредственно ответственными пред получателями, тогда как списки наличных раят были составлены лишь для выяснения общей суммы повинности по каждому селению и в случае выкупа повинностей выкупная сумма должна быть ежегодно распределяема по раскладке между наличным числом дымов ко времени каждой раскладки.

Общий годовой размер раятской повинности определен был комиссией в 6 454 руб. 2½ коп.

Общая же сумма всех ежегодных повинностей, уплачиваемых поселянами Закатальского округа, составляет 28 496 руб. 86½ коп.

В основание такой оценки существующих в Закатальском округе

повинностей были положены средние цены, существовавшие в округе на предметы повинностей за время с 1902 по 1906 г., причем самые цены определены были путем опроса на местах представителей сторон, торговцев и пр., а также на основании сведений податной инспекции и окружной администрации. Представители беков, получающих повинности с раят, цены, определенные партиями, признали правильными.

Кешкелевладельцы лишь одного селения Джары просили о повышении цен на зерновые продукты, поселяне 4 зависимых селений округа просили о понижении цен, но заявления эти комиссией при участии представителей сторон признаны были не заслуживающими уважения.

По Дагестанской области совещание признало необходимым поручить начальникам округов и податным инспекторам выяснить совместно, какие из повинностей считаются в настоящее время в каждом из зависимых селений существующими, перевести эти повинности на денежную оценку по местным ценам, привести количество уплачиваемых поселянами повинностей в связь с размерами владеемой ими земли, пред'явить результаты своих исследований заинтересованным сторонам, отобрав у них, в случае надобности об'яснения, почему именно стороны не согласны с выводами начальника округа и податного инспектора о размере и роде повинностей. Для организации и руководства работами начальников округов и податных инспекторов в Темир-Хан-Шуре, под председательством военного губернатора Дагестанской области в составе названных должностных лиц и при участии представителей от заинтересованных сторон, была образована временная областная комиссия. К руководству по выполнению этой работы была дана одобренная наместником его императорского величества на Кавказе инструкция, сообразно которой денежная оценка подлежащих выкупу повинностей должна была производиться по обычным местным ценам. Так как эти сведения должны были послужить основанием для определения общей суммы, потребной для ликвидации зависимых отношений, являющейся отражением действительно существующих в настоящее время отношений между беками и поселянами, то производящим обследование лицам поручено было обратить особое внимание на то, чтобы ими были зарегистрированы повинности, действительно ныне отбываемые бекам. Повинности, прежде существовавшие, но впоследствии не отбывавшиеся, должны считаться упраздненными. Самый же размер повинностей должен был быть определен не по нормам, применявшимся раньше, а по современным, нередко значительно уменьшенным против прежних.

Дагестанская областная комиссия по вопросу о расценке повинностей и определении размера их дала следующие руководящие указания лицам, производящим обследования на местах: 1) под термином «местные цены» надо понимать рыночную цену известного района селений, находящихся в одинаковых экономических условиях, за последние три года и притом после сбора урожая и 2) при выяснении повинностей поселян к бекам должны быть зарегистрированы все те повинности, которые подлежат отбыванию, за исключением лишь потерявших в настоящее время свое значение, или неподдающихся учету или, наконец, на неотбывание которых со стороны беков не было выражено никакого протеста в форме иска в судебных учреждениях.

Выполнение означенного поручения не вызвало особых затруднений по большинству округов области, кроме Северо-Табасаранского участка Кайтаго-Табасаранского округа. Здесь, как изложено выше, раяты перестали отбывать повинности бекам уже 10—12 лет назад, вследствие

чего они теперь считают себя свободными от каких-либо обязательных отношений к бекам. Начальник округа и податной инспектор, приняв во внимание, что отбывание повинностей прекращено самовольно, что беки постоянно добиваются восстановления своих прав в судебном и административном порядке и что поэтому повинности поселян не могут считаться упраздненными, определили размер их по тем нормам, по которым они фактически отбывались в последние годы отбывания раятских повинностей в Кайтаго-Табасаранском округе.

К этому же периоду времени приурочена была норма расценки повинностей.

В виду того, что аналогичные работы по Закатальскому округу, оконченные раньше, чем в Дагестане, дали добытые практикой приемы обследования, а также указания, которые желательно было бы применить и к дагестанским работам, в названную область были командированы работавшие в Закатальском округе чины канцелярии наместника и податной инспекции для обозрения трудов начальников округов и податных инспекторов и для об'единения и направления их сообразно практике закатальской комиссии.

Ознакомившись с произведенными работами, командированные чины произвели в них некоторые изменения, наиболее существенные по округам Темир-Хан-Шуринскому и Кайтаго-Табасаранскому, где повинности отбываются в наибольших размерах, а отношения между поселянами и беками неудовлетворительны. Поставив ближайшей своей задачей склонить обе стороны способствовать ликвидации зависимых между ними отношений путем полюбовных соглашений по вопросу о размере повинностей и оценке их, командированные чины достигли добровольных соглашений по этим вопросам по преобладающему большинству селений Темир-Хан-Шуринского округа. В результате таких соглашений последовало некоторое изменение как в размере повинностей, так и в определении цен их, в соответствии с чем общий размер этих повинностей по денежной оценке, установленный начальником округа и податным инспектором в 7 900 руб., окончательно определился в 6 114 руб. Совершенно не последовало никаких соглашений по Кайтаго-Табасаранскому округу. В Северо-Табасаранском участке этого округа поселяне вообще отрицали какие бы то ни было права беков на получение повинностей; в Нижне-Кайтагском участке между сторонами разногласие происходило, главным образом, по вопросу о ценах на предметы повинностей. Руководствуясь судебными решениями, представленными некоторыми беками Табасарани, командированные чины произвели по нескольким селениям округа изменения и в размере повинностей. Что же касается оценки этих повинностей, то способ определения цен на предметы повинностей признан был несоответствующим ни практике закатальских работ, ни указаниям Дагестанской комиссии.

Начальник округа и податной инспектор по значительной части округа оценку повинностей произвели по данным того периода времени, когда повинности поселянами еще отбывались, в том соображении, что и самый размер повинностей определен по данным того же времени. Между тем к данным этого времени в вопросе о размере повинностей по необходимости пришлось обратиться потому лишь, что, как изложено выше, за последние 10 лет табасаранские раяты перестали отбывать повинности. Но так как последние признаны юридически существующими ко времени производства работ, т. е. к 1908 году, хотя и в размерах прежних годов, то и оценка этой ныне существующей обязанности должна бы производиться сообразно указаниям, данным главным начальником края, областной комиссией и в

соответствии со способами оценки в остальных районах Дагестана и в Закатальском округе, т. е. по средним ценам последних годов.

Что касается повинностей по Нижне-Кайтагскому участку названного округа, где отбывание повинностей никогда не прекращалось, то и там оценка повинностей казалась несколько низкой. В виду этого командированные чины, приняв во внимание существующие средние цены последних годов, повысили расценку повинностей по всему Кайтаго-Табасаранскому округу, в результате чего общая сумма их вместо 15 494 р. определилась в 18 349 руб. 10 коп., каковая сумма впоследствии, по жалобе одного из беков, была повышена областной комиссией еще до 18 612 руб. 10 коп.

Менее значительные изменения в размере и цене повинностей сделаны были также по Кюринскому округу, где отбывание повинностей вообще не вызвало споров и по Казикумухскому. О всех изменениях в определении размеров и оценке повинностей сделаны отметки в ведомостях обследования.

Дагестанская областная комиссия утвердила повышенную расценку повинностей, что вызвало возражения местных начальников округов и податных инспекторов.

Как беки, так и поселяне были письменно поставлены в известность об установленном размере и оценке повинностей, причем им дан достаточный срок на подачу заявлений о несогласии со сделанными определениями в областную комиссию. Таковых заявлений не поступило вовсе по округам Кюринскому, Аварскому, Казикумухскому и Самурскому, вследствие чего комиссия утвердила результаты произведенного по этим округам обследования с теми изменениями в отношении размера повинностей и расценки их (повышенной), какие сделаны были командированными из Тифлиса чинами.

По Темир-Хан-Шуринскому округу подано было несколько прошений поверенными поселянских обществ, ходатайствовавших об уменьшении исчисленных размеров повинностей, следующих с них, или даже о полном освобождении их от отбывания повинностей, и заявление одного бека по сел. Эрпели о повышении размера повинности.

Просьбы эти областной комиссией не удовлетворены.

По Кайтаго-Табасаранскому округу, точно так же, поселянами сделан ряд заявлений, об освобождении их от раятской зависимости, каковые заявления оставлены без последствий.

Что касается беков, то по Нижне-Кайтагскому участку с их стороны вовсе не последовало выражений неудовольствия на оценку следующих в их пользу повинностей ни в областной комиссии, ни впоследствии, главному кавказскому начальству, ни центральному правительству. В большинстве случаев они из'явили согласие с оценкой повинностей, произведенной командированными чинами, в чем от них отобраны расписки. Обстоятельство это заслуживает быть отмеченным в виду того, что немногочисленные Кайтагские беки являются наиболее крупными и заинтересованными получателями раятских повинностей по названному округу. Поверенный одного из таких беков, которому принадлежит право на наибольшую часть повинностей, гвардии генерал-майора Уцмиева, признавая приемлемой расценку повинностей, утвержденную областной комиссией, выразил лишь пожелание, чтобы выкупная сумма была выдана, по осуществлении реформы, наличными деньгами и притом единовременно.

Названный землевладелец просил об увеличении размера следующей ему повинности лишь по сел. Каякент, определенного, по его мнению, местными чинами и командированными чиновниками непра-

вильно. Ходатайство это комиссия удовлетворила, определив годовую стоимость повинности по сел. Каякент вместо 1 150 руб. в 1 440 руб.

Жалоба другого лица — Казай-бека Уцмиева об увеличении числа раятских дымов по сел. Туманляр признана не подлежащей удовлетворению.

Что касается табасаранских беков, то одна часть их не сделала никаких возражений по поводу результатов произведенного обследования принадлежащих им повинностей; другая же часть сделала ряд возражений как по вопросу об определении размеров повинностей, так и оценке их.

Сущность их заявлений, изложенных в жалобе беков табасаранских председателю совета министров и в прошении на имя наместника его императорского величества на Кавказе землевладельцев селения Мугатыр и Митаги, заключалась в том, что определение размеров повинностей, следующих в их пользу, должно было быть сделано не по действительно применявшимся нормам, а по нормам, определенным сословно-поземельной комиссией на основании так называемых инструкций. Кроме того, беки табасаранские находили и оценку повинностей чрезмерно низкой, предлагая свою, приближающуюся к справочным ценам администрации.

Выше было изложено, что определение размеров и видов повинностей, сделанное в так называемых инструкциях и ведомостях, относится к концу 60-х годов прошлого столетия; между тем, несомненно, что в настоящее время раятские повинности отбываются беками далеко не по тем нормам, по каким они были зарегистрированы в указанное время местной администрацией и южно-дагестанской сословно-поземельной комиссией; кроме того, многие виды повинностей вовсе перестали отбываться.

Ввиду этого и принимая во внимание, что согласно указаниям, преподанным наместником его императорского величества на Кавказе, выкупу подлежат лишь действительно существующие повинности, отбываемые по современным нормам, причем оценка их должна быть произведена по обычным местным ценам, комиссия заявления эти оставила без удовлетворения, кроме одного, поданного по сел. Мугатыр, о включении в число зависимых поселян 6 еврейских дымов.

При обследовании повинностей было выяснено, что в 1908 году целый ряд селений Дагестанской области должен быть признан свободным от отбывания повинностей по следующим основаниям. Селения Имам-Кули-Кент. Барбар-Кент и Махмуд-Кент, Кюринского округа, Хулисма, Бурши, Чаравалю, Сумбат и Кулюшац, Казикумухского округа и Цалкита, Аварского округа, издавна прекратили отбывать повинности при молчаливом согласии прежних получателей их. Сел. Эчеды, Андийского округа, и Ишкарты, Темир-Хан-Шуринского округа, выкупили свои повинности. По сел. Нита, Накитль и Датун отбывание повинностей прекращено по судебному приговору. Наконец, от получения повинностей по сел. Кафыр-Кумык, единственному в области, отказался добровольно за себя и за свое потомство местный бек князь Тарковский.

По всем селениям области составлены ведомости, заключающие в себе описание повинностей по каждому селению с переводом их на денежную оценку, с указанием тех беков, в пользу которых повинности отбываются.

За всеми произведенными изменениями областная комиссия определила ежегодные повинности поселян Дагестанской области в следующих цифрах.

Темир-Хан-Шуринский округ	8114—80
Кайтаго-Табасаранский	18712—10
Кюринский	4725—09
Казикумухский	71—30
Самурский	635—65
Аварский	72—00
Итого	30330—94

Расценка эта, по заключению военного губернатора Дагестанской области, установлена по нормам в высшей степени умеренным, не подлежащим ни в какой мере дальнейшим сокращениям без опасения нарушить справедливые интересы взимателей повинностей.

Общий же ежегодный размер повинностей по Дагестанской области и Закатальскому округу, по денежной оценке 1908 года, определяется в сумме 58 727 руб. 80½ коп.

Соображения о способах ликвидации зависимых отношений.

При обсуждении оснований, по которым должна быть произведена ликвидация зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам в Дагестане и в Закатальском округе, необходимо, прежде всего, разрешить вопрос о том, подлежат ли эти районы или какая-либо часть их действию высочайшего рескрипта 6 декабря 1846 года, положенного в основание решения сословно-поземельного вопроса в прочих мусульманских провинциях Закавказья. Если б этот вопрос пришлось разрешить в положительном смысле, то реформа зависимых отношений в Дагестанской области и в Закатальском округе представлялась бы в следующем виде: на эти районы пришлось бы распространить действие поселянского положения 14 мая 1870 года с необходимыми, по местным условиям, изменениями, или же выработать новое местное положение, а затем выкуп признанных этим положением повинностей произвести на общих основаниях, т. е. по капитализации стоимости их из 6%. Такое решение вопроса представлялось бы справедливым, так как не было бы оснований производить ликвидацию зависимых отношений в указанных частях Закавказья иначе, чем в остальных местностях края, коль скоро права местных получателей повинностей, не отличаясь какими-либо особенностями, подлежат действию одного и того же закона — рескрипта 6 декабря 1846 г.

Обращаясь к рассмотрению этого вопроса, необходимо признать, что по обнародовании рескрипта высшая в крае власть не сомневалась в том, что он не подлежит применению в Закатальском округе и в тех частях Дагестана, которые, хотя и считались входящими в состав Закавказского края, но не находились под непосредственным русским управлением, к каковым частям надлежит отнести шамхальство Тарковское, ханства: Аварское, Кюра-Казикумухское и Мехтулинское и земли лезгин, т. е. большую часть нынешнего Дагестана. По крайней мере, и самого вопроса о распространении рескрипта на эти районы в то время не возбуждалось. Возможность применения рескрипта к тому краю предполагалась лишь в пределах бывших Дербентского (в состав которого входили нынешние Кайтаг и Табасарань) и Кубинского уездов тогдашней Дербентской губернии. Образованной в 1848 году дербентской комиссии и было поручено рассмотреть вопрос о применении к этому краю изданных в развитие рескрипта положений. Комиссия эта, окончив свои работы в 1852 году, составила списки беков, за коими, по ее мнению, подлежат укреплению, по силе рескрипта, населенные земли, по заключения ее, как изложено выше, утверждe-

ны не были. Таким образом, рескрипт 6 декабря 1846 года не получил распространения ни в Закатальском округе, ни в Дагестанской области, и самый вопрос о возможности применения указанных им начал к разрешению местного сословно-поземельного вопроса в зависимых селениях до сего времени остается открытым.

В случае признания возможности применить эти начала к проектируемому ныне прекращению зависимости поселян Дагестана и Закатальского округа пришлось бы и в настоящем случае использовать принятый всеми крестьянскими и поселянскими законоположениями выкуп существующих поселянских повинностей в пользу беков и кешкелевладельцев путем капитализации их из 6%. Способ этот до сего времени повсюду был применен к надельным землям, принадлежащим владельцам на праве собственности, т. е. в этом случае погашалось право помещиков не только на повинность, но и отчуждалось у них и самое право на землю; другими словами, это был выкуп земли крестьянами. Но прежде чем высказываться за подобный способ ликвидации, необходимо было бы установить, что до присоединения Дагестана и Закатальского округа к России земли, состоящие в пользовании поселян, принадлежали местным ханам, бекам и кешкелевладельцам на вотчинном праве, или же что такое право, если оно не принадлежало им в то время, было им предоставлено при русском правительстве. В случае, если бы оказалось, что такие права имелись у владельцев во времена ханского управления или предоставлены им после, то, конечно, единственным способом прекращения зависимых отношений поселян от беков являлся бы выкуп повинностей по означенной капитализации. В противном случае должен быть найден иной способ.

В общем характере отбываемых поселянами Закатальского округа и Дагестанской области повинностей едва ли можно сомневаться: они отбывались или в виде дани покоренного племени (кешкельная повинность) или за труд управления, были чем-то вроде государственных податей, а не платой за пользование землей.

Наиболее отчетливо подобный публично-правовой характер поселянской зависимости проявляется в институте кешкельного права. Последнее возникло в результате покорения лезгинами аборигенов нынешнего Закатальского округа, обложенных победителями кешкельной данью. Таким образом, возникновение этой повинности указывает на ее неземельный характер. Точно так же в современном строе этого института не имеется ни одного вотчинного признака. Кешкелевладельцы не только не имеют никаких прав на кешкельную землю, но даже не могут указать того участка земли, с которого им отбывается кешкель. Вся кешкельная земля находится в ничем неограниченном со стороны кешкелевладельцев пользовании и распоряжении поселян.

Происхождение раятской зависимости Закатальского округа аналогично кешкельной. Елисуйские султаны, по происхождению дагестанские лезгины, в состав владений которых входила восточная часть нынешнего Закатальского округа (район раятских селений), явились покровителями коренного населения, которое и было обложено различными повинностями, имевшими значение дани за управление; среди повинностей главную роль играл хлебный оброк, имевший много общего с кешкельной данью. Часть доходов с поселян султаном была предоставлена бекам, членам владельческого дома, между которыми и были распределены раятские селения, разумеется, на том же праве, на каком пользовался доходами с них султан. Таким образом, и здесь первоначально повинности носили характер административный, но впоследствии, по присоединении султанства Елисуйского к России в 1844 г.,

влияние беков, ставших более самостоятельными, усилилось, и они стали присваивать вотчинные права, вмешивались в распоряжения поселянскими землями, занимая их и произвольно увеличивая обложение. Без сомнения, развитию частноправных отношений между беками и поселянами много способствовало и заселение территории бывшего султанства выходцами из соседних провинций, оседавшими на предлагаемых управителями-беками условиях на землях, составлявших, без сомнения, часть государственной территории султаната, а не предмет частного обладания беков.

Обращаясь к Дагестанской области, необходимо прежде всего отметить, что во всем этом крае повинности поселян носят неземельный характер даже там, где они отбываются произведениями земли. Выше, в очерке зависимых отношений в Дагестане было подробно указано, что основанием для отбывания повинностей там является не земля, а рабочая сила.

Беки не заинтересованы в количестве земли, находящемся в пользовании поселян, и при разделе совладельцами прав на повинности они распределяют последние между собой не по количеству поселянской земли, а по числу дымов. Поселянские повинности в Дагестане не имеют прямого отношения ни к трудоспособности отдельной податной единицы, ни к ее состоятельности, ни к земельной обеспеченности: как бы различно ни было количество земли у отдельных поселян, они все вносят повинности бекам в одинаковом размере.

Еврейское население зависимых селений, не имея вовсе полевых угодий, а владея лишь землей под постройками, тоже уплачивает повинности бекам. Существуют раяты, проживающие на землях свободных селений, следовательно не владеющие в собственном смысле этого слова раятской землей (селения Кайтаго-Табасаранского округа Берекей, Вели-Кент), и тем не менее уплачивающие бекам повинности. Этого не могло бы быть, если бы отбывание повинности обусловливалось пользованием бекской землей.

Командированная в 1901 году в Дагестанскую область временная комиссия обнаружила, при об'езде раятских селений, что некоторые раяты, утратив свои земельные участки, приобрели себе новые в черте земель свободных селений и, несмотря на это, продолжают нести повинности бекам. Наоборот, свободные поселяне, приобревшие земельные участки у раят, никаких повинностей бекам не несут.

Для характеристики поселянских повинностей, как института неземельного, может служить и существование такого рода повинностей, которые, без сомнения, проистекают из неземельных прав беков. Так, в некоторых селениях беки получили определенную плату за право выхода женщины замуж: девушки — в большем размере, вдовы — в меньшем.

В некоторых селениях Кайтаго-Табасаранского округа существовала обязанность раят уплачивать беку некоторое количество зерна с заработков на стороне. В селениях с развитым садоводством беку уплачивалась пошлина за покупаемые у раят фрукты.

Все эти повинности ныне не существуют. В настоящее время отношения беков к раятам выражаются лишь в праве получения повинностей. Самой землей поселяне распоряжаются вполне самостоятельно, не испрашивая разрешения бека. Единственным определенным указанием на принадлежность раятских земель бекам является поступление выморочных поселянских участков в их пользу. Впрочем, по обследованиям поземельных комиссий, право это встречается спорадически и является, повидимому, далеко не установленным. Но помимо того, что это не было общим правилом, и выморочные земли поступали обыкновенно сель-

скому обществу, бек при прежнем деспотическом правлении всегда имел возможность захватить свободный участок, больший, чем сельское общество.

Таким образом, у дагестанских беков не имеется ни одного из признаков права собственности на землю, состоящую у поселян: ни права владения, ни пользования, ни распоряжения, хотя бекам принадлежат сервитутные права на земли поселян (и обратно), наличность каковых ограниченных вещных прав, не обозначает, впрочем, принадлежности владельцам сервитутов и самой земли.

В общей массе зависимых селений Дагестана совершенно иной характер носят повинности одного селения Кая-Кент, Кайтаго-Табасаранского округа. В пользовании поселян этого общества состоит участок пахотной земли, мерой приблизительно 360 десятин, купленный некогда отцом нынешнего бека этого селения и переданный обществу на вечные времена под условием уплаты поселянами пшеницы в количестве от 1 000 до 1 500 саб[1].

Неземельный характер повинностей поселян Дагестана является естественным результатом тех исторических и бытовых обстоятельств, вызвавших к жизни этот институт.

Зависимые отношения существуют лишь в тех частях Дагестана, которые входили в состав прежних туземных владений, во главе которых стояли наследственные правители, носившие различные наименования (хан, шамхал, кадий, уцмий, майсум). Правители эти, взимавшие с населения различные подати и повинности, раздавали членам своих семейств или приближенным лицам в управление отдельные районы своих владений, предоставляя таким второстепенным управителям-бекам и владетельские доходы с подчиненных им деревень. Этим об'ясняется то обстоятельство, что в северной Табасарани взимателями раятских повинностей являются беки Табасаранские, потомки бывшего правителя Табасарани — кадия; в Нижнем Кайтаге — потомки бывшего владетеля уцмия, беки Уцмиевы; в южной Табасарани в числе других — беки Майсумовы, потомки местного майсума — и т. д., т. е. совершенно так же, как в Закатальском округе, где раяты отбывают повинности членам бывшего владетельного дома.

Такая раздача деревень в управление практиковалась еще в сравнительно недавнее время; так, например, в Кюре до 1812 года вовсе не было беков, и поселяне не отбывали бекских повинностей. С назначением в 1811 году Кюринским ханом Аслан-хана вслед за ним прибыли в Кюру и его многочисленные родственники из Казикумуха, которым он стал раздавать в управление деревни Кюринского ханства. Таким образом, бекское сословие появилось в этой части Дагестана при русском управлении.

Время и обстоятельства возникновения повинностей кюринских поселян бекам не оставляют никакого сомнения в том, что повинности эти — неземельного происхождения.

Другим, не менее характерным примером возникновения поселянских повинностей бекам являются повинности селений Луткун и Яллах, Самурского округа. Жители этих селений добровольно поступили под покровительство Казикумухских ханов с обязательством платить им за покровительство определенную хлебную дань, впоследствии уступленную одним из ханов Какинским бекам, нынешним взимателям этих повинностей.

Переход состоящих в управлении беков деревень с правом получения доходов по наследству, естественно мог привести беков к тому убеж-

[1] Саба — мера для зерна, равная 1 пуду 15 фунтам.

дению, что деревни эти принадлежат им на вотчинном праве, убеждению, которое с водворением русского управления и с постепенным проникновением русских правовых взглядов и понятий о поместном владении, должно было окрепнуть в направлении, совершенно несоответствующем истинной природе бекских прав. Подобному перевороту в представлениях беков на характер их отношений к поселянам, без сомнения, способствовало и отношение к этому вопросу русского правительства. Традиционное, после Ермолова, невмешательство русской власти во внутренние дела местных владений, соединенное с поддержанием всех особенностей местной правовой жизни, возведенное в принцип при кн. Барятинском, было причиной того, что владетели и беки получили возможность развивать и усиливать свои права по отношению к поселянам, истолковывая их в желательном для них смысле. Без сомнения, много способствовали развитию убеждения беков в принадлежности им прав на самые земли, населенные раятами, работы дербентской комиссии, которая, приступив к обследованию вопроса о населенных имениях, могущих быть укрепленными за беками в порядке рескрипта 6 декабря 1846 года, внушила бекам уверенность, будто населенные поселянами земли составляют собственность беков, а взимаемые ими повинности являются не вознаграждением за покровительство и охрану безопасности, а земельной рентой.

Что такой взгляд беков — новейшего происхождения это, между прочим, подтверждается тем, что в делах и переписках, производившихся по нынешней Дагестанской области до воспоследования рескрипта 6 декабря 1846 года и до образования дербентской комиссии, не имеется даже и намеков на поместные права беков. По крайней мере, упомянутая выше комиссия, работавшая в 1901 году в Дагестане по бекско-раятскому вопросу и ознакомившаяся с делами Дербентского архива, относящимися к этому вопросу, не обнаружила в них никаких сведений о земельной собственности беков, получавших повинности; самое выражение «населенное имение», впоследствии столь употребительное, тогда вовсе не встречалось, и определяемое им понятие было чуждо народу. Всюду шла речь о деревнях и их управлении, о доходах с них, без всякого отношения к земле.

Если первоначально русское правительство не заблуждалось относительно природы бекских и ханских прав, не стесняясь за измену отнимать доходы с деревень и отдавать их другим лицам, то впоследствии оно само же не смогло предотвратить превращения бекских прав в институт частного права даже в тех случаях, когда истинное значение этих прав было вполне ясно. В этом отношении весьма характерен следующий пример. В 1847 году князь Воронцов, вследствие спора заселения Урума, Дургели и Параул, Темир-Хан-Шуринского округа, предписал раз'яснить шамхалу Тарковскому, что деревни эти, отданные Ермоловым Мехти-шамхалу в вознаграждение услуг, оказанных последним русскому правительству, «не составляют его личной собственности, но достояние шамхальского дома, и не могут быть шахмалами без согласия правительства отчуждаемы, так точно, как и другие части шахмальства», почему шахмалу «предоставляется право пользоваться доходами и повинностями с жителей по обычаю края, но с тем однако же условием, чтобы все взаимные отношения жителей и обычаи касательно пастбищ, воды и пр. отнюдь не изменились в том положении, как это существовало издревле до поступления деревень к разным владельцам...» Несмотря на этот ясно выраженный взгляд правительства относительно деревень, принадлежащих ханам и бекам, условия пользования ими остались неизмененными на прак-

тике, и теми же деревнями, по поводу которых последовало вышеприведенное раз'яснение князя Воронцова, князь Абумуслим Тарковский распоряжался на том же праве, как и своими родовыми, отчуждая их по своему усмотрению; так например, сел. Параул отдано было им в 1853 г. в пользование сыну своему чанке Таймаз-хану, а некоторые из населенных участков проданы в частные руки.

В настоящее время селения Дургели и Параул принадлежат к числу зависимых селений.

Укреплению взглядов беков на принадлежавшие им доходы, как на предмет частного обладания, не могла не способствовать следующая непоследовательность, допущенная правительством уже в новейшее время, при окончательной ликвидации местных туземных владений Дагестана.

В 1865 году было упразднено Кюринское ханство, преобразованное в округ. Последнему хану была пожалована денежная пенсия, и взамен всех угодий, которыми он пользовался по званию хана, отведен в вечное и потомственное владение в Кюринском округе из так называемых ханских земель участок земли в количестве 4 000 десятин. Жители Кюринского округа, взамен всех отбываемых казенных и ханских налогов, были обложены общим денежным сбором. Но, освободив жителей Кюринского округа от уплаты повинностей, отбывавшихся непосредственно хану, русское правительство не освободило их от отбывания повинностей бекам, между тем, упразднить и эти повинности представлялось бы вполне справедливым, так как права кюринских беков, родственников и приближенных кюринского хана, были того же происхождения, что и ханские, возникнув не более как за 50—55 лет до упразднения ханства из права управления, а не из обладания землей.

Совершенно то же повторилось с упразднением бывших туземных владений нынешнего Темир-Хан-Шуринского округа — шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского. В 1867 году шамхальство и ханство были упразднены, причем последний шамхал князь Шамсудин-хан добровольно отказался от всех повинностей, следовавших ему «по званию шамхала и землевладельца» с подвластных ему деревень. От уплаты таковых же налогов хану мехтулинскому подвластное ему население было освобождено по высочайшему повелению.

Между тем, за беками, пользовавшимися повинностями в селениях бывших шамхальства и ханства, таковые были сохранены, и они ими пользуются до сего времени, хотя права на получение этих повинностей, уступленные им правителями, подлежали упразднению по тем же основаниям, по каким было признано необходимым упразднить все вообще политические права в местных туземных владениях.

Наиболее всего распространено убеждение в принадлежности раятской земли взимателям повинностей среди беков Кайтаго-Табасаранского округа, в котором зависимые отношения и размер повинностей достигли наибольшего развития.

В подтверждение земельного происхождения взимаемых ими повинностей местные беки, между прочим, ссылались при обследовании повинностей в 1908 году на то, что многие из раят, в особенности жители так называемых терекемейских селений (расположенных на берегу Каспийского моря севернее Дербента) являются переселенцами из других мусульманских провинций, водворенных на землях уцмия, под условием отбывания повинностей. Факт этот, однако, опровергается преданием об обстоятельствах заселения этого района Кайтаго-Табасаранского округа, записанным и внесенным в составленный председателем южно-дагестанской сословно-поземельной комиссии полковником Мадатовым исторический очерк южного Дагестана. Оказывается, что тереке-

мейские земли принадлежали жителям верхнего Кайтага и отчасти башлинцам. За сопротивление, оказанное ими уцмию Султан-Ахмеду, последний перебил часть их, отнял земли и заселил выходцами из разных мест, предоставив таким образом последним не собственные пустопорожние земли в качестве землевладельца, а отнятые им у неприятеля в качестве правителя. Следовательно, и версия о заселении Терекемейского района колонистами не может служить доказательством принадлежности этих земель потомкам уцмия на вотчинном праве.

Беки Темир-Хан-Шуринского округа (за немногими случайными исключениями) и Кюринского не заявляют претензий на принадлежность им состоящих в пользовании поселян земель.

Вопрос о происхождении повинностей поселян Казикумухского округа (и сел. Цельмест, Аварского) остается невыясненным. Ввиду незначительного размера этих повинностей, едва ли можно предполагать в них плату за пользование землями. По крайней мере, в 1908 году, при обследовании этих повинностей, получатели их, при опросах, не придавали им такого значения и скорее всего дорожили ими как своеобразной сословной привилегией, материального интереса не представляющей.

Особое мнение члена южно-дагестанской сословно-поземельной комиссии майора Симонова и справки из архивных дел, извлеченных командированной в Дагестан в 1901 году временной комиссией, содержат в себе много фактических доказательств неземельного происхождения повинностей Дагестанской области.

На основании изложенных соображений необходимо притти к заключению, что ни ханы, ни беки Дагестанской области никогда не были владельцами населенных имений, что таковые права не были им предоставлены рескриптом 6 декабря 1846 года и что сохранившиеся на населении в пользу этих лиц повинности имели лишь характер подати в пользу правящего класса или дани завоевателям.

При таких условиях мог бы возникнуть вопрос, не следует ли за устранением ныне ханов и беков от управления и за освобождением закатальских кешкелевладельцев от политической зависимости лезгинам, отменить повинности поселян бекам и кешкелевладельцам Дагестана и Закатальского округа вовсе без всякого вознаграждения.

Директор канцелярии полагает, что подобный способ решения настоящего вопроса представляется совершенно неприемлемым ввиду следующих соображений.

Русское правительство, по введении туземных дагестанских владений в состав империи, обыкновенно давало в грамотах ханам и прокламациях народу обещание владетелям,— а в лице их и бекам,— сохранить прежнее внутреннее управление присоединяемых провинций и оставить незыблемыми прежние права как высшего сословия, так и всей массы населения.

То же было сделано и при присоединении к России лезгинской вольной общины Закатальского округа.

Подобные государственные обязательства представляли не случайное явление, а необходимую политическую систему, усвоенную в отношении туземных владений потому, что она представляла единственное средство, которое давало возможность присоединять ханства к России и поддерживать в них внутренний порядок.

При тогдашнем состоянии внутреннего быта этих владений, при тогдашних средствах, которыми располагало русское правительство, не могло бы быть в то время и речи о полной инкорпорации их в состав империи на основаниях, одинаковых с другими частями ее.

При таких условиях единственным средством для этой цели было действовать через владетелей и беков, привлекать их на сторону России, сохранять все их права в неприкосновенности, укрепляя их положение среди населения и требуя взамен внутреннего порядка в их владениях.

Оставление ханских и тем самым бекских прав неприкосновенными по трактатам, заключенным с ханами, не было какой-либо милостью со стороны русской власти; эти положения трактатов были обоюдной необходимостью для обеих сторон: для России они были conditio sine qua non присоединения Дагестана, для ханов же было выгодно входить в соглашение с Россией на условиях сохранения их прав; на этих условиях они даже содействовали России в покорении независимых ханств; такое содействие оказал, например, кюринский хан Асланбек при покорении Аварского ханства.

Но будь это подчинение ханов соединено с лишением их прав, присоединение отдельных частей Дагестана к России совершалось бы не так скоро и с гораздо большими затруднениями и жертвами.

В эти условия, правда, вносилась оговорка, что права на внутреннее управление предоставлялись, по смерти хана, тем его потомкам, которые признаны будут в этом достоинстве государем императором, но смысл этой оговорки состоял в том, что при нескольких наследниках в качестве владетеля ханства мог быть утвержден кто-либо один, и во всяком случае эта оговорка, если и допускала возможность лишения потомства хана этих прав, то не иначе, как при условии неисполнения потомками принятых на себя обязательств подданства.

В действительности, в таких только случаях ханы или их дети и считались русской властью данных им привилегий. Очевидно, что прекращение при таких условиях означенных повинностей в пользу беков и ханов без всякого вознаграждения не соответствовало бы достоинству государства.

Нужно, затем, иметь в виду, что такому прекращению повинностей не соответствовал бы образ действия русского правительства и в минувшее время.

После окончательного уничтожения в местных автономных владениях туземного управления, русское правительство, быть может вследствие неправильного понимания местных обычаев, во всяком случае не уничтожило зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам и признало за поселянами обязанность попрежнему отбывать им повинность, впредь до общего разрешения сословно-поземельного вопроса в Дагестанской области и Закатальском округе.

Таким образом, русское правительство признало этот институт, всегда до самого последнего времени давало ему законную административную и судебную охрану, никогда не считая закономерными такие проявления, как самовольное прекращение поселянами платежа повинностей; следовательно, правительство всегда в течение последних сорока лет культивировало тот взгляд, широко проникший в сознание местного населения и в особенности высшего его сословия, что получение повинностей есть право.

Уничтожение при таких условиях этих повинностей, без вознаграждения, не соответствовало бы коренному положению нашего законодательства, не допускающего лишения кого-либо его прав, даже для государственных надобностей, без вознаграждения.

Уклонение от этого принципа, в данном вопросе могло бы создать нежелательное, с государственной точки зрения, предположение о том, что правительство игнорирует законные права беков и кешкелевладельцев в Дагестане и в Закатальском округе и применяет при местной сословно-поземельной реформе начала, противоположные тем, которые

были приняты во внутренних губерниях России и в прочих мусульманских провинциях Закавказья.

Наконец, прекращение зависимых отношений без всякого вознаграждения беков повело бы к полному обнищанию многих из них и к созданию группы неимущих пролетариев, неспособных к труду.

Дело в том, что значительная часть беков и кешкелевладельцев, получая из года в год доходы с подвластного населения, привыкла к праздной жизни и не обзавелась собственным устроенным хозяйством; поэтому оставить их без вознаграждения за доходы с поселян было бы равносильно лишению их единственного источника пропитания.

Основания для ликвидации зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам предуказаны наместником его императорского величества на Кавказе, изволившим высказать во всеподданнейшей записке по управлению Кавказским краем от 10 февраля 1907 года, что выдача вознаграждения указанным лицам за повинности, имеющие, по историческому происхождению, характер не столько поземельный, сколько платы за труды по управлению или дани завоевателю, является безусловно необходимой как потому, что невыплата этого вознаграждения повела бы к серьезным неудовольствиям среди беков и кешкелевладельцев, так и потому, что на Кавказе всюду отмена подобной повинности была оплачена или путем денежных выдач, как, например, у горских племен, или путем перевода крестьян на положение временнообязанных, что было сделано во всех состоящих в гражданском управлении мусульманских местностях края.

Установив, что бекам и кешкелевладельцам Дагестанской области и Закатальского округа должно быть назначено вознаграждение за отмену поступающих в их пользу с населения повинностей, необходимо решить вопрос, на каких же основаниях оно должно быть определено.

Исходным пунктом при решении этого вопроса должно служить, по мнению директора канцелярии, то обстоятельство, установленное предыдущим изложением, что повинности эти вытекают не из прав взимателей их на земли, состоящие в пользовании и владении поселян, а потому, очевидно, капитализация из 6% этого дохода, как принято нашими законоположениями в отношении помещичьих земель, состоящих в наделе у поселян, в этом случае не соответствовала бы об'ему прав беков и кешкелевладельцев.

Другими же справедливыми способами вознаграждения названных лиц за утрачиваемое ими право могли бы явиться выдачи им или пожизненных пенсий или единовременного вознаграждения в размере десятилетней сложности отменяемых доходов, т. е. способы, имевшие применение в аналогичных случаях в мусульманских провинциях Закавказья. Первый практиковался в пределах нынешних губерний — Эриванской, Бакинской и Елисаветпольской, пока там не признаны были высочайшим рескриптом 6 декабря 1846 года права собственности беков на населенные земли; второй же способ был установлен в 1830 году Джаро-Белоканской областью, хотя практического осуществления не получил.

Один из этих способов мог бы быть применен и при предстоящем выкупе повинностей в Дагестанской области и Закатальском округе.

Останавливаясь на том, какой из них предпочтительней, директор канцелярии считает необходимым высказать, что назначение бекам и кешкелевладельцам пенсий представляется несправедливым в том отношении, что продолжительность получения пенсий, завися от различного возраста пенсионеров, ставила бы стариков беков и кешкелевладельцев и их семьи в далеко не одинаковые условия с взимателями повинностей более молодыми, так что лицо преклонного возраста

и обладавшее большими доходами могло бы получать пожизненное вознаграждение лишь в течение очень короткого времени, и семья его, после смерти, неизбежно впала бы в бедность; наоборот, беки молодых лет за отмену незначительных по стоимости повинностей могли бы получить в течение долгого периода времени несоответственно значительное вознаграждение.

Ввиду таких обстоятельств казалось бы более правильным остановиться на втором способе вознаграждения — на уплате бекам десятилетней сложности их доходов, получаемых с поселян. Эта форма ликвидации повинностей давала бы одно общее исходное начало для всех беков по определению следующего им вознаграждения и ставила бы таким образом всех их в одинаковые условия.

Обсуждая затем вопрос, как практически должно быть определено бекам вознаграждение, т. е., должна ли быть установлена общая средняя норма вознаграждения с дыма для всех беков, или же должна быть оценена доходность каждого бека с зависимых именно от него поселянских дымов, директор канцелярии полагает, что первый способ, имеющий преимущество простоты, едва ли может быть приемлем.

Установление одной общей средней нормы вознаграждения бекам и кешкелевладельцам с каждого дыма для целой области или даже для каждого округа особо не соответствовало бы существующему сейчас в Дагестанской области и Закатальском округе строю этого института. В действительности, ни в одном из округов Дагестанской области, ни в Закатальском округе не существует общей нормы отбываемых поселянами повинностей. Напротив, размер повинностей по округам, районам и даже по отдельным селениям отличается поразительным разнообразием, вызываемым разными историческими и экономическими условиями, влиявшими на рост повинностей.

При переводе натуральных повинностей на денежную оценку такое разнообразие их проявляется в еще большей мере. В виде наглядного примера можно указать, что, по оценке повинностей в Дагестане и в Закатальском округе в 1908 году, величина ежегодных платежей поселян бека колеблется по отдельным округам в следующих пределах: по Темир-Хан-Шуринскому округу — от 67 коп. до 2 руб. 31 коп., по Кюринскому округу — от 63 коп. до 8 руб. 65 коп., по Кайтаго-Табасаранскому — от 75 коп. до 17 руб. 91 коп., по Закатальскому (раятские селения) — от 4 руб. 47 коп. до 19 руб. 80 коп. с каждого дыма.

При таких колебаниях установление какой-либо общей нормы вознаграждения в одних случаях равнялось бы несправедливому умалению прав беков и кешкелевладельцев, получающих повинности по высокой норме, а в других случаях без достаточных оснований увеличивало бы низкие нормы.

Поэтому, коль скоро дело идет о выдаче вознаграждения за потерю их прав, последние должны быть оценены по их действительной ценности, каковая определяется оценкой отменяемых повинностей.

Само собой разумеется, что при оценке повинностей должны быть приняты во внимание лишь те из них, которые действительно отбываются или отбывались в последнее время, а не те, которые, числясь за поселянами лишь по документам, инструкциям и т. д., фактически не отбываются и должны считаться упраздненными.

Так именно и было поступлено при оценке повинностей в 1908 году.

Определенная в 1908 году на месте сумма в 58 727 руб. 80½ коп., являющаяся действительным денежным выражением существующих между поселянами и взимателями повинностей отношений, должна бы быть, по мнению директора канцелярии, положена в основание имеющего быть выданного бекам и кешкелевладельцам вознаграждения за

утрачиваемые ими права. Размер последнего, в случае принятия проектируемого настоящей запиской способа исчисления этого вознаграждения путем помножения на десять суммы годичной стоимости повинностей, определится в 587 278 руб. 5 коп., с выдачей каковой суммы по принадлежности и должна навсегда прекратиться поселянская зависимость в Дагестане и в Закатальском округе. Уплата этого вознаграждения должна быть возложена на поселян, так что прекращение зависимых отношений в названных районах имеет осуществиться на началах выкупа.

Обращаясь к рассмотрению вопроса о том, на каких ближайших основаниях должен совершиться этот выкуп, директор канцелярии полагает, что таковой должен носить обязательный характер, так как предоставление выкупа поселянских повинностей, хотя бы и по определенной в 1908 году расценке, соглашение сторон поведет к несомненной затяжке в решении этого вопроса и вызовет еще большее обострение в отношениях поселян к бекам.

Настоящее положение раятского вопроса не дает никаких, повидимому, оснований ожидать такого улучшения в отношениях к бекам поселян и столь значительного переворота в их настроении, при котором они добровольно согласились бы на выкуп повинностей, отбывание коих в некоторой части Дагестана ими совершенно прекращено уже много лет, причем движение это грозит захватить новые районы.

Затем, нельзя не принять во внимание и того обстоятельства, что одной из главных задач правительства при изыскании способов ликвидации поселянской зависимости, помимо ограждения справедливых материальных интересов обеих сторон, является, по возможности, безотлагательное упразднение этого института, дальнейшее существование которого, независимо от полнейшего несоответствия его современным правовым условиям, вносит раздражение в отношения двух названных групп местного населения и представляет серьезное препятствие спокойному течению местной жизни. Подобная цель лучше всего могла бы быть достигнута принудительным, при содействии правительства, выкупом поселянами своих повинностей. Содействие правительства этой операции могло бы выразиться в следующем: сумма следуемого бекам и кешкелевладельцам вознаграждения выдается им единовременно наличными деньгами из государственного казначейства с тем, чтобы она была погашена равными годичными, в течение десяти лет, беспроцентными взносами в казну поселян, которым, конечно, должно быть предоставлено право, по их желанию, произвести погашение лежащего на них долга и в более короткое время. С выдачей бекам и кешкелевладельцам из государственного казначейства следующего им вознаграждения, дегестанские и закатальские поселяне признаются свободными от какой бы то ни было к ним зависимости и обязываются лишь ежегодными платежами казне. Так как оклады этих платежей, будучи установлены по данным 1908 года, представляют определенную для каждого селения величину, то и осуществление подобного проекта не может встретить никаких особых затруднений: оно не потребует ни учреждения новых правительственных органов, ни выработки особой техники взыскания, так как наблюдение за взысканием окладов указанных платежей в казну, ведение расчетного счетоводства и другие обязанности, связанные с взиманием с бывших зависимых поселян платежей на погашение выданного получателям повинностей вознаграждения, могут быть возложены на местные учреждения министерства финансов.

Что касается порядка раскладки годичных окладов погашения между поселянами каждого селения, то решение этого вопроса не представляет

затруднений в отношений тех зависимых селений, в которых поселяне отбывают повинности не в качестве отдельных лиц, а как члены данного сельского общества; к числу таких селений, где отбывание повинностей проникнуто общественным началом, относятся все селения Дагестана, кроме отселка Бет-Аул, Темир-Хан-Шуринского округа, и все раятские селения Закатальского округа, а также кешкельные селения того же округа Чудуло и Мосул.

В виду такого характера отбываемых поселянами этих селений повинностей раскладка причитающейся с каждого из них суммы ежегодных взносов в казну должна быть предоставлена сельским сходам, с соблюдением правил распределения между отдельными домохозяевами причитающейся с селения суммы государственного поземельного налога или оброчной подати (ст.ст. 77 и 362 уст. о прям. нал., т. V, св. зак., изд. 1903 г.).

Что касается кешкельных селений Закатальского и отселка Бет-Аул, Темир-Хан-Шуринского округов, то отбывание повинностей в них носит индивидуальный характер: обязанными отбывать повинности являются определенные лица, зарегистрированные в ведомостях обследования 1908 года.

В виду такого характера повинностей в этих селениях казалось бы последовательным, не поручая раскладки следующих с них платежей сельскому сходу, привлечь к уплате таковых непосредственно отдельных поселян. Но при ближайшем рассмотрении этого вопроса нельзя не заметить, что подобное решение его на практике приведет ко многим серьезным затруднениям; на чинов финансового ведомства в этом случае легла бы непосильная работа по составлению ежегодно нескольких тысяч окладных листов, причем трудность этой работы, если даже и допустить возможность успешного ее выполнения при наличном составе соответствующих должностных лиц, усугубляется тем, что состав лиц, обязанных производить в казну платежи, ежегодно будет изменяться вследствие продаж кешкельных участков, дач в приданое, наследования и т. п. видов перехода в другие руки кешкельной земли, с пользованием которой связывается, в виде общего явления, отбывание этой повинности.

Между тем поселяне безошибочно знают, кто именно из членов сельского общества и в каком размере обязан отбывать кешкельную повинность. При таких условиях не встречается, казалось бы, препятствий к тому, чтобы и к кешкельным селениям (и к отселку Бет-Аул) применить тот же порядок распределения между домохозяевами проектируемых денежных взносов, какой установлен в отношении этих же селений правилами раскладки сумм поземельного налога и оброчной подати (ст.ст. 77 и 362 уст. о прям. нал.).

В тех селениях Дагестана и Закатальского округа, где повинности отбывает не все общество, а часть его, раскладка ежегодных платежей и, вообще, обсуждение всех относящихся сюда вопросов, должно производиться на особых частных сходах, образуемых только бывшими зависимыми, а не свободными поселянами.

В связи с проектируемым прекращением зависимых отношений поселян к кешкелевладельцам, возникает вопрос о выкупе кешкельной повинности, право на которую принадлежит казне по денежной оценке в сумме 185 рублей 95 коп.

В виду предстоящего общего уничтожения института поселянской зависимости в Дагестане и Закатальском округе могло бы возникнуть предположение об отказе казны от ее права на получение этой суммы и об освобождении лиц, уплачивающих кешкель казне, от лежащего на них обязательства без всякого выкупа последнего.

Не усматривая, вообще, достаточных оснований к тому, чтобы казна, уже оказывающая по предположениям настоящей записки существенное материальное содействие поселянам к беспроцентному выкупу их повинностей, отказывалась бы от этого своего права, директор канцелярии полагает, что отказ этот, не принеся чувствительных выгод небольшому числу плательщиков казенных кешкелей, является в некотором отношении даже нежелательным.

Освобождение одних поселян Закатальского округа от лежащей на них повинности без всякого выкупа в то время, как на других будет возложена обязанность делать за прекращение кешкельной повинности денежные взносы в казну, может показаться непонятной для поселян несправедливостью и без сомнения вызовет среди них нежелательное неудовольствие против правительства.

В виду этого соображения директор канцелярии полагает, что и плательщики казенных кешкелей также обязаны выкупить свои обязательства путем ежегодных в течение 10 лет взносов в казну 180 руб. 95 коп. Само собой разумеется, что капитальная стоимость этой повинности (180 руб. 95 коп. × 10 = 1 809 руб. 50 коп.) не подлежит фактическому отпуску из государственного казначейства и в случае ее ассигнования в составе указанной выше суммы 587 278 руб. 05 коп., составляющей общую стоимость отменяемых повинностей по десятилетней сложности, она должна была бы быть перечислена обратно в ресурсы казны. Во избежание излишнего проведения по счетам этой суммы, ее надлежало бы вовсе исключить из общей суммы, предположенной к выдаче бекам и кешкелевладельцам.

За указанным вычитанием, пришлось бы испросить к отпуску из государственного казначейства на ликвидацию зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам Дагестана и Закатальского округа всего 585 468 руб. 55 коп. (587 278 руб. 05 коп.— 1809 руб. 50 коп).

В заключение представляется необходимым коснуться вопроса о дальнейшем действии примечания к ст. 42 инструкции по распределению государственной оброчной подати и государственного поземельного налога в Закавказском крае, утвержденной министерством финансов 5 июня 1903 года, согласно коего при исчислении окладов государственной оброчной подати с кешкельных селений Закатальского округа надлежит наблюдать, чтобы совокупное обложение земель этих селений оброчной податью и кешкельной повинностью не превышало, по возможности, обложения оброчной податью соседних земель той же приблизительно доходности.

Директор канцелярии полагает, что изложенное правило раскладки оброчной подати между кешкельными селениями должно сохранить свою силу до полного погашения поселянами уплаченной из казны кешкелевладельцам суммы, так как, с заменой кешкельной повинности денежными платежами казне, остается прежнее основание для применения правила упомянутого примечания — необходимость облегчить для кешкельных селений тяжесть двойного обложения, государственного и кешкельного.

В случае отмены этого правила, обложение бывших кешкельных селений оброчной податью будет, по необходимости, повышено. При таком условии прекращение кешкельной повинности, с заменой ее платежами в казну, явится для поселян не ожидаемым ими давно улучшением их положения, а весьма чувствительным ухудшением. Конечно, эти последние соображения отчасти теряют свое значение, если одновременно с прекращением зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам Дагестана и Закатальского округа состоится и укрепление за местным населением земель на праве собственности, с одно-

временной же заменой оброчной подати государственным поземельным налогом, каковому вопросу посвящено изложение второй части настоящей записки.

Изложенные основания прекращения зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам, в случае их принятия, должны составить содержание имеющего быть изданным в законодательном порядке особого положения.

Что же касается порядка приведения в исполнение этого положения, то выработка такового должна быть представлена соглашению наместника его императорского величества на Кавказе с министром финансов.

Представляя вышеизложенное на рассмотрение совета наместника его императорского величества на Кавказе, директор канцелярии считает долгом высказать, что давно ожидаемое местным населением прекращение зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам было бы мерой неполной, если бы не было связано с одновременным поземельным устройством местного населения, необходимость которого вызывается следующими обстоятельствами.

В зависимых селениях Дагестана и Закатальского округа издавна существуют весьма сложные отношения между поселянами и беками на чисто земельной почве. Так, например, земли как поселян, так и беков, обременены в пользу другой стороны сервитутами весьма разнообразных видов. Многие угодия составляют предмет общего владения беков и раят. В некоторых зависимых селениях (напр., сел. Кумторкале, Темир-Хан-Шуринского округа) поселяне обязаны производить полевые работы бекам на тех земельных участках, которые отводятся последним из сельской дачи, как соучастникам в пользовании землей. Само собой разумеется, что с прекращением зависимости поселян к бекам все местные земельные права и отношения, как совершенно самостоятельные и независимые от собственно раятского вопроса, должны остаться в том же виде, как они существовали раньше. Между тем, ввиду обостренных отношений между беками и поселянами и в связи с постоянным отождествлением беками некоторых районов края раятского вопроса с земельным, может случиться то, что поселяне, освободившись от личной зависимости, будут считать себя свободными и от обязательств собственно земельных. На этой почве между обеими сторонами могут возникнуть недоразумения чисто аграрного характера, предупредить которые представлялось бы совершенно необходимым. Целесообразным средством для устранения таких последствий является, по мнению директора канцелярии, окончательное разрешение местного поземельного вопроса в законодательном порядке путем укрепления за населением как за поселянами, так и за беками, принадлежащих им земельных прав.

В виду того, что вопрос этот имеет самую тесную связь с земельным вопросом всего вообще Дагестана и Закатальского округа, директор канцелярии полагает наиболее правильным рассмотреть и разрешить его одновременно и в связи с этим общим вопросом, на одних общих основаниях [1].

Заключительные предположения.

В виду изложенного директор канцелярии полагал бы:

I. Принять следующий проект положения о прекращении зависимых отношений поселян Дагестанской области и Закатальского округа к бекам и кешкелевладельцам:

[1] Далее следует текст, частично повторяющий предыдущий и не вносящий ничего существенно нового, поэтому он опускается.

1) Зависимые поселяне Дагестанской области и Закатальского округа всех разрядов (раяты, уздени и кешкелеплательщики) с 1 января 1912 года признаются свободными от обязательственных отношений к бекам и кешкелевладельцам.

2) Беки и кешкелевладельцы Дагестанской области и Закатальского округа, в возмещение утрачиваемых прав на повинности поселян, получают из государственного казначейства единовременное вознаграждение в следующем размере: по Темир-Хан-Шуринскому округу — 61 148 руб., по Кайтаго-Табасаранскому округу — 186 121 руб., по Кюринскому округу — 47 250 руб. 90 коп., по Казикумухскому округу — 713 руб., по Самурскому округу — 6 356 руб. 50 коп., по Аварскому округу — 720 руб., по Закатальскому округу — 283 159 руб. 15 коп., а всего 585 468 руб. 55 коп.

Примечание. В означенную в сей статье сумму 585 468 р. 55 к. не включена сумма 1 809 руб. 50 коп., составляющая возмещение отменяемого права казны на принадлежащую ей кешкельную повинность по Закатальскому округу.

3) Означенная в предыдущей (2) статье сумма 585 468 руб. 55 коп., с причислением к ней 1 809 руб. 50 коп., составляющих возмещение утрачиваемого казной права на кешкельную повинность по Закатальскому округу (ст. 2, примечание), а всего 587 278 р. 05 коп., погашается поселянами ежегодными равными беспроцентными взносами в государственное казначейство в течение 10 лет, причем первый взнос делается в течение 1912 года.

4) Поселянам предоставляется, по их усмотрению, делать особые взносы, сверх установленных в примечании к предыдущей (3) статье размеров годичных платежей. Такие взносы зачитываются в уплату общей, следующей с селения суммы на погашение выданного бекам и кешкелевладельцам вознаграждения, и на этом основании со всего числящегося на поселянах данного селения долга казне слагается сумма, равная внесенной.

5) Относительно порядка распределения причитающихся с селения ежегодных платежей в казну или дополнительных взносов между отдельными домохозяевами, порядка и способов взимания таковых, а также ответственности общества за неисправный взнос их, соблюдаются правила, установленные на тот же предмет при взимании государственного поземельного налога в Закавказье (статья 77 устава о прямых налогах, том V, св. зак., изд. 1903 г.).

6) Введение расчетного счетоводства по уплате поселянами в государственное казначейство упомянутых в сем положении сумм и другие податные обязанности, связанные с исполнением сего положения, кроме применения принудительных мер взыскания платежей, возлагаются на местные учреждения министерства финансов.

7) Наместнику его императорского величества на Кавказе предоставляется издать по соглашению с министерством финансов особую инструкцию о порядке исполнения правил сего положения с тем, чтобы эта инструкция не касалась предметов, по свойству своему подлежащих законодательному или судебному рассмотрению. Инструкция эта представляется наместником его императорского величества на Кавказе правительствующему сенату для распубликования.

II. Установить следующие главные основания поземельного устрой-

ства старожильческого[1] населения во внегородских местностях Дагестанской области и Закатальского округа:

1) За сельскими обществами, отдельными владельцами и мусульманскими мечетями укрепляются в собственность земли, состоящие в их действительном владении.

Примечание. Настоящее правило не распространяется на вакуфные имущества.

2) Основанием укрепления земель в собственность служит бесспорное и непрерывное владение в течение десяти лет до времени издания настоящих правил.

3) На укрепленных землях сохраняется существующий порядок владения: личный, подворный или общий.

4) Существующие пользования жителей в пределах казенных лесных дач, а равно все сервитутные права, принадлежащие поселянским обществам и отдельным владельцам на поселянские или частновладельческие угодья, сохраняются на прежних основаниях, впредь до издания по этому предмету особых правил.

5) Земли, не подлежащие укреплению в порядке настоящих правил, остаются в распоряжении казны.

6) Взамен уплаты государственной оброчной подати, укрепляемые земли, обложенные таковой податью, со времени издания настоящих правил, привлекаются к обложению государственным поземельным налогом.

7) Наместнику его императорского величества на Кавказе предоставляется внести на утверждение законодательных учреждений проект правил о порядке укрепления земель в силу настоящего положения.

Об изложенном директор канцелярии, на основании п. 2, § 1, ст. 35 учрежд. упр. Кавк. края, имеет честь представить на благоусмотрение совета наместника его императорского величества на Кавказе.

Директор канцелярии, в должности гофмейстера Н. Петерсон.

---

[1] В связи с отменой повинностей и оставлением за крестьянами права землепользования возникла необходимость пересмотра прав землевладельцев на их владения. Законопроект, соблюдая интересы казны, предусматривал категорию местных землевладельцев на основании прав старожильцев (потомственных владельцев), за которыми в законодательном порядке предполагалось укрепить состоящие в их действительном владении (за вычетом земель крестьянского пользования) земли в собственность.

Волнения крестьян белгородских митрополичьих деревень в 1682 г.

Публикуемые материалы освещают один из эпизодов крестьянских волнений в конце XVII века.

В 1676 г. «Белгородского и Короченского уезду посошные волости село Заячье з деревнями отданы в вотчину в белгородскую митрополию со крестьяны и з землею и со всеми угодьи.» После вывода части служилых людей из пожалованных митрополиту деревень и устроения их «в иных местах на государевых землях» за митрополитом «осталось крестьян 156 дворов», а также часть «служащих в белгородском полку солдатскую службу».

«Служащие солдацкую службу» села Заячья и Новой слободы переходили в полную собственность церковного вотчинника — митрополита.

Дошедшие в 1682 г. до населения сел. Заячья и Новой слободы вести о том, что в Москве бунтовала надворная пехота, и что «настало время» освободиться от «крестьянской крепости» (а белгородец Озеров даже брался за 20 рублей устроить освобождение), — привели в движение население митрополичьих деревень.

Восстание «служилых людей по прибору» было беспощадно подавлено.

Публикуемые документы извлечены из дел приказного стола Разрядного приказа, столбец № 2326. Печатаются показания главных действующих лиц.

А. Бирзе.

Отписка в Москву в Разрядный приказ курского воеводы Л. Р. Неплюева, 14 октября 7191 (1682) г.

Государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержцем, холоп ваш Левка Неплюев челом бьет.

В нынешнем государи, во 191 году октября в 7 числе писал в Куреск из Белагорода дьяк Полуехт Истомин к дьяку к Петру Исакову: в Белогородцком де уезде, преосвещенного Мисаила митрополита белогородцкого и обоянского домовые крестьяне учинились ему митрополиту непослушны. И по ево де митрополитову челобитью стольник и воевода Иван Скуратов по ослушников посылал начальных людей с надворною пехотою, и крестьяне де выходили к посыльным людем с ружьем и говорили посыльным людем (л. 2) и впредь де они с посыльными людьми битца будут, да и в ыных де местех послушание немногое. И я, холоп ваш, писал ис Курска в Белгород к преосвященному Мисаилу митрополита и к стольнику и воеводе к Ивану Скуратову, чтоб они ко мне холопу вашему писали, в ево митрополитовых домовых селах крестьяне забунтовали ль и, буде забунтовали, в скольких селех и в деревнях и по какому наговору и на что на-

деясь, и хто у них в том бунту пущие, и уговорить их, чтоб они от воровства престали, мочно ли, или без страху не уймутца, и в деревнях ли они, или в острожках и в лесах укрепились, и чего от них впредь чаеть, и нет ли к ним откуды какое подсылки и не наговаривают ли с собою иных, и которые пойманы, что в распросех говорили. И октября ж, государи, в 12 (л. 3) числе против моево, холопа вашего, письма, писали ко мне из Белагорода преосвященный митрополит Мисаила белогородской и обоянской да стольник и воевода Иван Скуратов. И те, государи, их подлинные письма к вам, великим государем, царем ...(п. т.)... послал я холоп ваш под сею отпискою октября в 14 день нынешняго 191 году.

На обороте помета: Великие государи и благородная государыня царевна сей отписки в Троицком Сергиеве монастыре в комнате слушав. указали и бояря приговорили, послать свою государскую грамоту в Куреск к боярину и оружейничему и воеводам к Петру Васильевичю Шереметеву с товарыщи, велеть ему против сей отписки и против письма Мисаила митрополита белогородцкого и Ивана Скуратова, и по всему подлинному делу, каково о том в Белегороде в розрядной избе, розыскать про все подлинно. И по розыску самых на то дело пущих заводчиков дву человек велеть казнить смертью — повесить, а иным заводчиком же учинить жестокое наказанье, бить кнутом и велеть им у митрополита быть во всяком послушании. А что по розыску об'явитца и учинено будет, о том писать к великим государем в Розряд.

Письмо белгородского и обоянского митрополита Мисаила курскому воеводе Л. Р. Неплюеву.

(л. 4) Благословение преосвященного Мисаила митрополита белогородцкого и обоянского господину думному дворянину и воеводе Леонтью Романовичю Неплюеву. Подай тебе господь бог многолетное здравие, а о нашем смирении изволишь ведать. И милостию божиею в Белеграде в богомолии великих государей царей и в. кн. Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича ...(п. т.)... в дому Пресвятые и живоначальные Троицы октября по 9 число еще з живущими обретаемся. Писал ты ко мне Леонтей Романовичь: в нынешнем де во 191 году октября в 7 числе писал в Куреск из Белагорода дьяк Полиект Истомин к дьяку ж к Петру Исакову, что домовые крестьяне Белогородцкого уезду учинились мне непослушны. И о посылке как по моему челобитью стольник и воевода Иван Петровичь Скуратов для ослушников посылал начальных людей с надворною пехотою. И как крестьяне выходили к посыльным людем с ружьем, и что же крестьяне посыльным людем говорили, и в домовых селех крестьяне забунтовали ль, и буде забунтовали, в скольких селех и в деревнях и по какому наговору и на что надеясь, и хто у них в том бунту старшина или знатных мужиков, которые к тому делу предводители, и уговорить их, чтоб они от воровства престали, — мочно ли, или без страху не унимутца. И в деревнях ли они или в острожках и в лесах укрепились, и чево от них впредь чаять, и нет ли к ним откуды какие подсылки и не наговаривают ли с собою иных. И которые пойманы, что в роспросех говорили, о том бы о всем к тебе, Леонтей Романовичь, для ведома отписать. И в нынешнем во 191 году, сентября в 30 числе, по извету домового крестьянина села Новой слободки Мартинки Чернухина, а по словесному (л. 5) челобитью стряпчево моево посылан был из Белогородцкие розрядные избы пристав з домовыми людьми

для взятья заводчиков крестьян. И как от крестьян бунт учинился, посыльного пристава и домовых людей били и вязали и на бунт в колокола били. И после того октября в 1 числе, по моему челобитью, посыланы были начальные люди с надворною пехотою, для взятья ж и поимки пущих воров крестьян завотчиков, и хто домовых людей биты и переувечены, и как крестьяне против посыльных людей на бой выходили с ружьем и которые крестьяне пойманы и что они в роспросех своих сказали, и про то про все ведомо, и челобитье мое о том в белогородцкой Разрядной избе. А крестьяне домовые после той посылки приходили и об'явливались мне многие, и в вотчину сходятца. И тем крестьянам, которые приходили, чтоб они от того престали, о том я им говорил и приказывал, чтоб и они крестьян свою братью от такова дурна уговаривали, и заводчиков бы сыскали. И те крестьяне, которые об'явливались, про пущих завотчиков сказали, что поехали к Москве, а иные в Куреск. А милость божия и пречистые богородицы и всех святых молитвы, и нашего смирения благословение с тобою да есть и будет.

Отписка белгородского и обоянского митрополита Мисаила в Москву в Разрядный приказ.

(л. 11) Государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю ...(т)... богомолец ваш государев Мисаил, митрополит белоградский богомоля челом бьет.

В нынешнем государи во 191 году в сентябре месяце домовые вотчины Белогородцкого уезду села Новой слободки з деревнями крестьяне советы и умыслы в вотчине чинили бунтовские и в колокола на бунт били и в круги сходились, и про то извещал мне, богомольцу вашему, той же домовой вотчины крестьянин Мартинко Чернухин. И потому извету, а по моему, богомольца вашего, челобитью, посылан из белогородцкие разрядные избы пристав з домовыми людьми для завотчиков, чтоб их взять в Белгород, и какие они умыслы и советы чинят, про то розыскать. И той домовой вотчины крестьянин завотчик Трошка Чепурной з детьми взять себя не дали, и кричали и в колокола на бунт били ж. И крестьяня збежався с ружьем и с кольем, того бунтовщика отбили и домовых людей и приказщика били и вязали и рубили и переувечили, и посыльного пристава били ж и вязали, и наказную память отняли, и к домовому двору скопом и с великим окриком, с ружьем и с кольем и с ослопьем приходили, и посельского старца и домовых людей побить хотели. И по моему ж, богомольца вашего, челобитью посыланы из Белагорода в домовую вотчину по тех бунтовщиков для взятья и для розыску про бунт в Белгород начальные люди с стрельцами. И того ж села Новой слободки крестьяне против тех посыльных людей с ружьем и с косами на бой выходили. И ис тех крестьян поиманы немногие люди, а в роспросех говорили, что пошли де пущие бунтовщики и завотчики к Москве и в Куреск, чтоб им во крестьянстве за домом Пресвятые Троицы не быть. И ныне, государи, те вотчинные крестьяне ни в чем непослушны, из вотчины неведомо куды от'езжают и животы свои розвозят, и в Белгород хлебных запасов и дров не возят и никакие роботы не работают. И как они советы и умыслы чинили, и в колокола на бунт били, и ково домовых людей били и рубили, о том к вам, великим государем, стольник и воевода Иван Петровичь Скуратов с товарыщем писали. И о том что вы, великие государи, цари ...(т.)... укажете.

Отписка стольника и белгородского воеводы И. П. Скуратова и дьяка П. Истомина в Москву в Разрядный приказ.

(л. 12) Государем царем ...(т.)... холопи ваши Ивашка Скуратов, Полуехтко Истомин челом бьют.

В нынешнем, во 191 году сентября в 30 числе бил челом вам, великим государем ...(т.)... преосвященный Мисаил митрополит белогородцкий и обоянский, а нам холопем вашим в Белогороде в Розрядной избе приказных ево дел подьячей Иван Ухабов сказал словесно: того ж де числа извещал преосвященному Мисаилу митрополиту домовые его вотчины крестьянин Мартынка Чернухин словесно: вотчины де ево села Новые слободки и села Заячья з деревнями крестьяня Трошка Чепурной, Матюшка Жировой, Петрушко Умного и все вотчинные крестьяне били в колокола на всполох не по одно время, и сходились в круги и чинили советы бунтовские. И чтоб вы, великие государи, преосвященного Мисаила митрополита (л. 13) пожаловали, велели тех бунтовщиков изымать и свой, великих государей, указ учинить. И того ж государи числа, против того извету и словесного челобитья в вотчину преосвященного митрополита послали мы, холопи ваши, из Белагорода белогородцкого пристава Дениску Ботракова, а велели ему, взяв с собою понятых, сколько человек пригож, и тех бунтовщиков, кого укажет подьячей Иван Ухабов, взять и привести в Белгород. И октября государи в 1 день в челобитной преосвященного ж Мисаила митрополита написано то ж, что и в словесном челобитье подьячего ево Ивана Ухабова. Да в той же, государи, ево челобитной написано: как де по его преосвященного митрополита челобитью пристав Дениска Ботраков с ево домовыми людьми приехали в домовую ево вотчину и тех завотчиков для розыску хотели взять в Белгород, и крестьянин де Трошка Чепурной з детьми взять себя ему приставу не дали, и на бунт в колокола били. И села де Новой слободки крестьяня, збежався с ружьем и с кольем, домовых ево людей били. И от того де бою ушли приказных ево дел диак Василей Андреев да подьячей Иван Ухабов, а иные де домовые ево (л. 14) люди и пристав, в живых ли или нет, про то они сказали ему не ведают. И чтоб вы, великие государи, его преосвященного митрополита пожаловали, велели в домовую ево вотчину послать из Белогорода своих государьских людей, сколько вы, великие государи, укажете, и тех бунтовщиков Трошку Чепурного с товарыщи взять в Белгород. И того ж, государи, числа послали мы, холопи ваши, из Белагорода в вотчину ж ево преосвященного митрополита ротмистров Кондратья Богданова, Ивана Корватова да капитана Гарасима Шеинкова, а с ними Белогородцкого жилого приказу стрельцов 50 человек. А велели тех бунтовщиков, крестьян Трошку Чепурного с товарыщи и иных, ково укажут домовые ево люди, взяв, привести в Белгород. И октября ж государи в 3 день ротмистры Кондратей Богданов с товарыщи в Белгород приехали, а с собою привезли 6 человек мужиков да трех баб, и сказали: не доезжая де села Новой слободки и села Заячья з деревнями, взяв они с собою понятых, и с теми понятыми и с стрельцами приехали в село Новую слободку на дворы бунтовщиков Трошки Чепурного с товарыщи, на которые дворы указали им преосвященного митрополита домовые люди диак Василей Андреев да подьячей Иван Ухабов, и их бунтовщиков в домех не застали. А против де, государи, Трошкина двора Чепурного крестьян собралось (л. 15) человек з 20 с ружьем и с косами и с рогатины и взять им себя не дали и учинили с ними бой. И они де Кондратей с товарыщи из них изымали Панку Гордеева, Гараску Михеева с косами, да и на Матюшкине дворе Жирового поймали ево Матюш-

кину жену Феколку да невестку ево Матренку, а на Афонкине дворе Умного жену ево Донку, да крестьян же изымали Ивашку Швоёво да Макарку Серикова на поли, Гаврилку Воронцова да Фильку Митина в селе Новой слободке и привели в Белгород. А достальные де крестьяне с ружьем розбежались по лесам. А Заячья де села попа Петра дети Василей з братом сказывали ему Кондратью с товарыщи: села де Заячья крестьяня стоят в лесу с ружьем, и будет де посыльные люди к ним приедут, и они де будут с ними битца. Да Кондратей же Богданов сказал: села де Хохлова десятник Михайла Болотов и половина села, что за рекою Донцом, да села Сабынина 3 человека в понятых с ними не поехали. И мы, холопи ваши, приводных мужиков и женок и крестьян же, кого прислал к нам, холопем вашим, преосвященный митрополит, велели роспросить, а что в роспросе и на очных ставках сказали, и с тех роспросных речей и со всего подлинного дела выписку к вам великим государем ...(т.)... послали мы, холопи ваши, за моею, холопа (л. 16) вашего, Полуехтковою приписью октября в 15 день с сею отпискою. А по роспросным, государи, речам тех изыманых крестьян, в том же заговоре и в бунтовстве был с ними белогородец сын боярской Федька Озеров. И бежали к Москве он, Федька Озеров, да крестьяня бунтовщики и пущие на то дело заводчики Прошка Чепурной, Андрюшка Рыбин, Степка Гордеев, Ивашка Огородов, Петрушка Умного, бобыль Трошка Зарубин, Микишка Колмык, Степка Полежаев. А на нем, Федьке Озерове, с целовальники вашего великих государей недомерного хлеба в платеж не достало. И за платежем, что взято на них во 187 году, донять ржи и овса 980 четвертей без полуосмины, круп гречневых и овсяных 6 чети с четвериком и полу-четвериком. И о бунтовстве, государи, Федьки Озерова и домовых крестьян Трошки Чепурного с товарыщи, и по их роспросным речам, до кого в том же деле дойдет, велите свой, великих государей, указ учинить.

На обороте помета: Выписать к великим государем в доклад на краткой перечень и поднесть без мотчанья, а которые бежали от розыску к Москве, и тех сыскивать, а сыскав, держать их в Розряде за крепкою сторожею.

Челобитная Белгородских полков рейтар, солдат и рейтарских и солдатских детей села Новой Слободки Белгородского уезда Т. Ушакова с товарищами в Москву в Разрядный приказ.

(л. 51) Царем государем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю ...(т)... бьют челом бедные и беспомочные белогороцких полков рейтара и салдаты и салдацкие дети и братья Белогороцкого ж уезду посопной волости Новой слободки и деревень Трошка Ушаков с товарыщи, которые ныне живут во крестьянстве за белогороцким и обоянским Мисаилом митрополитом, потому что в прошлых годех, по указу отца вашего, великих государей, блаженныя памяти ...(т.)... Алексея Михайловича и по разбору Семена Силича Спешнева да боярина Семена Ивановича Заборовского да Семена Степановича Титова, написаны были в вашу великих государей службу в рейтарскую и в салдатцкую мы и отцы наши и братья и в переписных книгах написаны ж отцы наши и братья и дети, и на вашей, великих государей, службех побиты и в полон поиманы. А с которых сел и деревень мы, холопи ваши, написаны в вашу великих государей службу, и которые служивым тех же семей отцам дети и братьям братья для прокормления и для подьему написаны, и те деревни по вашему, ве-

ликих государей, указу отданы в вотчину белогородцкому и обоянскому Мисаилу митрополиту и которые мы, холопи ваши, написаны были в службу и для службы на под'ем отцам и братьям рейтарские отцы и дети и салдаты и салдацкие дети и братья, и тех он Мисаил митрополит покрестьянил насильством своим и загрозил нам, холопем вашим, вам великим государем о том бити челом, заказал взять в службу Новой слободки разбору Григорья Спешнева, у Гордюшки Долженкова в салдацкую службу взяты два сына Пименка да Афонька, да им же написаны для под'ему на вашу, великих государей, службу два брата их Артюшка да Тараска, у Трошки Ушакова взят брат в салдацкую службу Ивашка Ушаков. А я, холоп ваш, Трошка брату своему Ивашку написан на подьем и брат мой Ивашка ис крестьянства свобожен. У Кондрашки Сидякина взят брат Фомка Сидякин и убит на службе под Варвою [1]. Разбору боярина Семена Ивановича Заборовского у Федосейка Рыбина взят в салдацкую службу сын ево Асейка Рыбин, а ему Асейку написан на прокорм брат ево Андрюшка да Калинка, а он Асейка убит на службе в отводе под Конотопом [2] ис пушки. Разбору Григорья Спешнева Якушка Грузнородов взят в салдацкую службу и взят в полон под Крыловым [3], а после ево остались дети ево Максимка да Ивашка Грузнородовы. Гурка да Стенька взяты в салдацкую службу, а им написаны на прокорм два брата их Еремка да Васька Чаплины и они Гурка да Стенька померли. Федка да Ильюшка написаны в салдацкую службу Кострикины, да им же написан на прокорм брат их Митка Кострикин, а Ильюшка Кострикин убит на службе под Варвою. Стенька да Архипка Фомины дети Чаплина салдацкие дети, отец наш служил салдацкую службу и умре. У Афоньки Матвеева в салдацкую службу взяты два брата Андрюшка да Микитка, да им же написан на прокорм брат их Афонька, а они Андрюшка да Микитка ис крестьянства свобожены. Разбору Семена Степановича Титова — Яздовской сын Якушка (л. 52) меньшой Воробьев написан был в рейтарскую службу, да ему ж дан на прокорм брат ево большой Якушка Воробьев и ныне живут во крестьянстве. Деревни Мазикиной Мишка Огородов написан в салдацкую службу и взят на службе под Крыловым в полон, а ему написан был на прокорм брат ево Федотка Огородов з детьми и с племянником салдацким сыном Степкою, написаны ж в салдацкую службу Сенька да Микишка Огородовы, а дан им на прокорм брат их Сысойка с сыном своим Абашкою, и они Сенька и Микишка на службе под Крыловым взяты в полон, а после их остались дети Федотка Семенов да Ивашка Микифоров, и живут во крестьянстве; Осташка да Дронка Козловы, написаны в салдацкую службу, да им же даны на прокорм брат их Артюшка Козлов з детьми, и он Дронка взят в полон, а Артюшка з детьми живет во крестьянстве. Деревни Кореня разбору боярина Семена Ивановича Заборовского у Ларьки Смотрова взят сын ево Родька в салдацкую службу, и он Родька под Крыловым взят в полон, а ему Родьке дан был на прокорм брат ево Федотка, и он Федотка живет во крестьянстве. Фефилка Брехов взят в салдацкую службу, и он Фефилка под Крыловым взят в полон, а на прокорм ему дан был брат

---

[1] Варва — местечко б. Полтавской губ. Лохвицкого уезда при реках Удое и Варвице. После образования в 1648 году Прилуцкого полка Варва была сотенным местечком.

[2] Конотоп — б. уездный город Черниговской губ. В 1659 году Конотоп, занятый войсками Выговского, выдержал продолжительную осаду войск под командой кн. Трубецкого. В 1664 году Конотоп был разорен польскими войсками.

[3] Крылов — б. посад Грубешовского уезда Люблинской губ. при притоке р. Гучвы.

ево Калинка Брехов, и он Калинка живет во крестьянстве. Марко Неговоров взят в салдацкую службу, а ему на прокорм дан был брат ево Титка Неговоров, и он Титка живет во крестьянстве. Села Заячья Кондрашка Полежаев взят в салдацкую службу, а ему на прокорм дан брат ево Стенька Полежаев, а он Стенька живет во крестьянстве. Ивашка Матвеев взят в салдацкую службу, и он Ивашка в полон взят под Крыловым, а ему дан был на прокорм брат ево Кондрашка да Гришка, а живут во крестьянстве. Ивашка да Потапка Аникиевы взяты в салдацкую службу, а им даны на прокорм братья их Петрушка да Кузка и живут во крестьянстве. Осташка Шеенков взят в салдацкую службу, а ему на прокорм дан брат ево Ивашка, и он Осташка умре, а Ивашка живет во крестьянстве. У Дениска Негибнева в салдацкую службу взят сын ево Ивашка, и он Ивашка умре от раны, а ему Ивашку на прокорм даны были два брата Трошка да Фомка Негибневы, и живут во крестьянстве. Деревни Ломов отставной рейтар Данилка Кулюбакин живет во крестьянстве. Да города Солховца салдацкие дети Степка да Трошка Хуртовы остались после отца своего в малых летех и пришли для прокормления в Новую слободку, и ныне живут поневоле ж во крестьянстве. У Ивашка Селищева взят в салдацкую службу сын ево Данилка Селищев, и он Данилка убит на службе, а ему Данилку дан на прокорм брат ево Матюшка, и они живут во крестьянстве. Ивашка Вялого взят в салдацкую службу и он Ивашка убит на службе, и ему Ивашку дан на прокорм сын ево Федька, и он живет во крестьянстве. Микифорка Гоков взят в салдацкую службу, а на прокорм ему даны два брата Володька да Асейка и Асейка убит на службе. Фолимошка Гривцов взят в салдацкую службу, а ему на прокорм дан брат ево Мишка Гривцов, и он Фолимошка убит на службе, а они живут во крестьянстве. Да в прошлых же, государи, годех, по вашему, великих государей, указу, был в Белогороцком уезде писец Исак Исакович, переписывал и имал скаски. И он Мисаил митрополит в то число нас, холопей ваших, при том писце приставил к нам караулы и теснил нас, и к тому писцу не допускал. И написал он Мисаил митрополит в скаске своей, бутто в вотчине ево служилых людей и бобылей и захребетников нет, и тое скаску он дал без нашего (л. 53) ведома, похотя нас в вечное крестьянство з женишками и з детишками завладеть. Милосердые государи цари ...(т.)... пожалуйте нас, холопей своих, за многие наши службишка и за многие службы отцов наших и братей и детей, и за крови и за раны и за полонное терпение и за смерти родителей наших, велите, государи, нас, холопей своих, которые ныне живем служилого чину во крестьянстве за белогороцким и обоянским Мисаилом митрополитом, поверстать и написать в тое ж службу, что служили мы и отцы наши и братья, и велите, государи, ис той митрополей вотчины нас вывести з женишками нашими и з детишками, и о том свой, великих государей, милостивой указ чинить. Цари государи, смилуйтеся.

Челобитная белгородца Т. Ушакова, Я. Воробьева в Москву в Разрядный приказ.

(л. 54) Царем государем ...(т.)... бьет челом холоп ваш белогородец Трошка Филипов сын Ушаков з детишками своими и з зятем Якушкою Петровым сыном Воробьевыми.

Дед мой Григорей Ушаков служил вам, великим государем, в Белегороде станичную службу в ездоках, а отец мой Якушкин Петр Воробьев служил вам, великим государем, в Белегороде тое ж станичную службу в ездоках. И в прошлых, государи, годех брат мой родной

Иван Ушаков взят в вашу, великих государей, салдацкую службу, а я, холоп ваш, дан был брату своему на прокорм на пашню. И в прошлых же, государи, годех, по указу отца вашего государева блаженные памяти великого государя ...(т.)... Алексея Михайловича... как ваша, великих государей, посопная волость отдана преосвященному Феодосию митрополиту белогороцкому и обоянскому, а служилых людей з женами и з детьми и з братьями и с племянники и з зятьями и с родственники велено вывесть в вашу, великих государей, службу по прежнему, и во крестьянстве быть не велено. И в прошлых же, государи, годех преосвященный Мисаил митрополит белогороцкий и обоянский меня, холопа вашего, и брата и зятя моего служилых поневолил за собою во крестьянство сильно. И по указу отца вашего государева блаженные памяти великого государя, и по челобитью брата моего родного Ивана Филиппова сына Ушакова с товарищи ис крестьянства от него преосвященного митрополита велено их з братьями и с племянники и з зятьями и с родственники освободить, и велено им служить ваша, великих государей, служба, и он брат мой родной Иван Ушаков свобожен, а меня, холопа вашего, з детишками и служилых держат з зятем во крестьянстве и по се число по неволе. И в прошлых же, государи, годех бил челом я, холоп ваш, брату вашему государеву блаженные памяти великому государю... (т.)... Феодору Алексеевичю на него преосвященного Мисаила митрополита белогороцкого и обоянского о взадержанье, что он держит меня з детишками и з зятем во крестьянстве за собою по неволе, и по нашему челобитью выписка ис служилых книг выписана в доклад. И по той, государи, докладной выписке велено меня ис крестьянства з детишками и з зятем свободить, и помечен я, холоп ваш, в салдацкую службу, а зятю моему — райтарская. И его преосвященного митрополита стряпчей, которой за делы ходит, сынишка моего Трошку поймал и привел его на митрополье московское подворье и сковал в железа и держал многое время, и с Москвы ево свез скована ж в Белгород, и теснили ево многое ж время, и вымучили у него повинную челобитную и к вере ево приводили по неволе, что ему, сынишку моему, и мне, холопу вашему, на него преосвященного митрополита во крестьянстве не бить челом и не отбиваться. Ис того, государи, числа держат меня з детишками и з зятем во крестьянстве по неволе, и никуды меня и детишек и зятя моего из вотчины не пускают, и налоги всякия чинят и подати великия не по мере правят, хотя нас укрепить за собою вечно, и чтоб мы вам (л. 55), великим государем, не били челом. Милосердные государи цари ...(т.)... пожалуйте меня, холопа своего, з детишками, велите, государи, по прежнему отца своего великих государей блаженные памяти великого государя и брата своего великих государей блаженные памяти великого государя, меня з детишками и з зятем из-за митрополита ис крестьянства освободить, и служить мне и детишкам моим свою великих государей салдацкую службу, а зятю моему — рейтарскую по прежнему, чтоб, нам, холопем вашим, от вашей, великих государей, службы не отбыть. Цари государи, смилуйтеся, пожалуйте.

Докладная выпись из дела Разрядного приказа царям Ивану и Петру Алексеевичам.

(л. 82) В прошлых во 179 году по указу блаженные памяти великого государя ...(т.)... Алексея Михайловича ...., и во 184-м году по указу блаженные памяти великого государя ...(т.)... Феодора Алексеевича ...., Белогородцкого и Короченского уезду их государские посоп-

ные волости село Заячье з деревнями отданы в вотчину в белогородцкую митрополию со крестьяны и з землею и со всеми угодьи.

А тех же сел крестьянские дети и братья и сродники служили и ныне служат в Белогородцком полку солдацкую службу.

И по их же, великих государей, указу те служилые люди по их челобитью ис тех митропольих деревень выведены з женами и з детьми и с сродники, которые с ними жили в одних дворех, и устроены в ыных местех на государских землях.

А за тем выводом за белогородским митрополитом в тех деревнях осталось крестьян 156 дворов [1].

И октября в 22 числе нынешнего 191 года к великим государем ...(т.)... писал ис Курска думной дворянин и воевода Левонтей Романовичь Неплюев и прислал преосвященного митрополита Белогородцкого и обоянского грамоту, какову писал к нему Левонтью митрополит, и письмо, каково писал к нему думному дворянину и воеводе в Куреск из Белогорода стольник и воевода Иван Петров сын Скуратов, а в грамоте и в письме написано:

В Белгородцком де уезде в митрополей вотчине домовые крестьяне учинились митрополиту непослушны и забунтовали и посыльным людем взять себя не дали, да и в ыных де местех послушанье немногое. И он де Иван Скуратов в Белогороде про тот бунт розыскивает.

И октября в 22 числе по указу великих государей их государева грамота послана в Куреск к боярину и оружейничему и воеводе к Петру Васильевичю Шереметеву, велено ему писать от себя в Белгород к стольнику и воеводе к Ивану Скуратову и к дьяку к Полуехту Истомину, чтоб они про тот бунт по всему подлинному делу, каково у них в Розрядной избе по челобитию Мисаила митрополита, розыскали всякими сыски накрепко, и по розыску велели самых на то (л. 83) дело пущих заводчиков дву человек казнить смертью — повесить, а иным заводчиком учинить жестокое наказанье, бить кнутом в проводку по торгом нещадно, и велели им впредь в митрополей вотчине быть во всяком послушанье.

А что по тому их розыску об'явитца, и они б то сыскное дело прислали к нему боярину и воеводе, и он бы боярин и воевода то дело прислал к великим государем в Розряд.

И по тому, великих государей, указу что учинено, о том боярин и оружейничей и воевода к великим государем не писали.

И ноября в 5 числе к великим государем ...(т.)... писал преосвященный Мисаил митрополит белогородцкий и обоянский да стольник и воевода Иван Скуратов и дьяк Полуехт Истомин.

А в отписке преосвященного Мисаила митрополита написано:

В нынешнем де во 191 году в сентябре, в вотчине ево Белогородцкого уезду села Новой слободки з деревнями крестьяне советы и умыслы в вотчине чинили бунтовские и в колокола на бунт били и в круги сходились и белогородцкого пристава, которой по ево челобитью посылан был за ними, и ево митропольих домовых людей и прикащика били и вязали и рубили и переувечили, и у пристава наказную память отняли, и к домовому двору приходили скопом с великим окриком, с ружьем и с кольем и посельского старца и домовых людей побить хотели. И которые де начальные люди с стрельцами посыланы по ево ж челобитью из Белагорода по тех бунтовщиков для взятья, и они де против тех посыльных людей с ружьем и

[1] На полях: «А кроме того за митрополитом крестьян нет, только во 189 году дано ему вновь село Грайвороны, а в нем пришлые черкасы».

с косами на бой выходили. И ныне де те вотчинные крестьяне ни в чем непослушны и из вотчины неведомо куды от'езжают и животы свои розвозят, и в Белгород хлебных запасов и дров не возят, и никакие работы не работают.

А в отписке стольника и воеводы Ивана Скуратова и дьяка написано, что они по челобитью Мисаила митрополита о том сыскивали и из сыскного дела прислали в Розряд выписку.

(л. 84) А в той выписке написано:

В той митрополей вотчине по ево митрополью челобитью пойманы крестьяня, которые вышли было с посыльными людьми дратца с косами:

Панка Гордеев, Гараска Михеев,— пойманы в слободе и на поле без ружья; Гаврилка Воронцов, Филька Микитин, Макарка Сериков, Ивашка Швоев, да вместо мужей — 3 жонки; да митрополей дьяк привел: Федоску Рыбина, Васку Кольцова, Ивашку Блинова, Куприяшку Серикова. Итого — 10 человек.

А в роспросех те крестьяня говорили, что мыслили бити челом великим государем, чтоб за митрополитом во крестьянех не быть, а иного де бунтовства за ними не было. А наговаривали де их на то челобитье Трошка Чупорной з тетьми да Матюшка Жирового з братьями да Ромашка Житков.

И Трошка Чепурной сыскан же, а сказал: советовали де на челобитье все крестьяне. И как де белогородцкой пристав з домовыми людьми поймали было ево Трошку да детей ево, Трошку ж да Митьку и сын де ево Трошка у пристава отбился и взять себя не дал, а он де Трошка с сыном Митькою закричал разбой, и крестьяня де послышали крик, били в колокола на сполох и збежались с ружьем, и ево Трошку у пристава отбили, и пристава и домовых людей били, а сын де ево Трошка с товарыщи поехали к Москве в челобитчиках.

Крестьяне ж Федоска Огородов сказал: он де на то челобитье в совете не был, а был в совете сын ево Ивашка.

Титка Голубоцкой сказал: советовали де меж себя на то челобитье и наговоря всех крестьян, поехали к Москве Трошка Чепурной с товарыщи, а ево де Титку посылали проведывать московских вестей к белгородцу к Назару Сьедину, как он приехал с Москвы. И он де Титка у него Назара спрашивал, мочно ль де им крестьяном ехать к Москве для челобитья о нуждах своих, а о чем бить челом, того он Титка ему, Назару, не сказал. И Назар де Сьедин сказал ему Титке, без отписки де митрополей к Москве ехать им не мочно, а буде де митрополит укажет им дать отписку, и они де к Москве поедут.

А бить де челом на митрополита об отставке от крестьянства к Москве он Назар не посылал, и что ныне на Москве время, того не говаривал...

По тому ж розыску взяты в Белгород:

Белогородец Назар Сьедин в том: крестьяня Филька Микитин с товарыщи оговорили ево, бутто он Назарей наговаривал их на митрополита бить челом и говорил такие слова, что ныне на Москве время, а посылали де они о том к нему спрашиватца Титку Голубоцкого.

И он Назарей в том во всем запирался.

И Филька Микитин на очной ставке тот оговор с нево Назара зговорил,— сказал де он то на нево, испужався.

А Титка Голубоцкой говорил прежние речи, что к Назару спрашиватца приезжал, и Назар сказал, что без митрополей отписки ехать им не мочно, а таких де слов, что на Москве ныне время, он Назар не говорил.

А Назар сказал, Титка к нему приезжал ли, про то он не упомнит и ево Титку не знает, а у него де и многие про московские вести спрашивали, и он де на дурно никово не наговаривал.

(л. 87) Короченской подьячей Мартинко Иконников в том: писал роспись имянную митропольим крестьяном, а для де какова умыслу те крестьяня имена писать ему велели, про то де ему они не сказали, а под именами де подписали, которой челобитчик поедет к Москве, и им ево в харчах и в проторях не выдавать.

Короченской же пушкарь Артюшка Микитин в том, что митропольим крестьяном на Короче указал ту роспись писать ево Мартинка.

В том же деле многие слова не в очистке, для того что пущие де на то дело наговорщики побежали к Москве.

Белогородец Федька Озеров, на нем же де Федьке казенной недоборной многой хлеб.

Да митрополи крестьяня: Трошка Чепурной, Андрюшка Рыбин, Стенька Гордеев, Ивашко Огородов, Петрушка Умного, Трошка Зарубин, Микишка Колмык, Стенка Полежаев, да Федьки Чемодурова зять Петрушка, Данилко Максимов.

А по грамоте великих государей, какова отпущена о розыску и о вершенье того дела, боярин и оружейничей и воевода ис Курска в Белгород к стольнику и воеводе к Ивану Скуратову и к дьяку писал ли, и хто по тому делу вершены смертью и кому наказанье учинено, того в том деле не написано, знатно, что та великих государей грамота в Куреск пришла после посылки того дела к Москве.

И ноября в 8 числе на Москве сысканы и в Розряд приведены оговорные люди митрополи крестьяне, и в бунтовстве роспрашиваны порознь:

Трошка Трофимов сын Чепурной: бунтовства де никаково за ним Трошкою нет и не бывало, а в прошлом де во 190 году слухом друг от друга они слышали, что на Москве великие государи крестьян, которые бывали за ними, великими государи, в тягле, указали писать в свою государеву службу по прежнему. А у него де Трошки и у иных у их братье у крестьян многие сродники служили полковую службу и побиты, а иные и ныне служат салдацкую службу, и из-за митрополита выведены, а они оставлены за митрополитом. И они де все крестьяне промеж собою советовали многое время бить челом великим государем в их государскую службу по прежнему. А в челобитчиках де послали к Москве ево Трошку с товарыщи, которые ныне с ним приведены. И тот де их совет проведали митрополи приказные люди и поставили им то в бунт и известили митрополиту. И по митрополью де челобитью прислан был из Белагорода пристав, хто имянем не знает. И тот де пристав с митропольими людьми ночью поймали было отца ево и ево Трошку. И он де Трошка вырвался у них, ушол в лес, и митрополей де дворовой человек Самошка Свиридов почал отца ево давить и просить у него денег, и отец де ево закричал розбой, и крестьяне де, послышав крик, били в колокола всполох, и отца ево у того пристава (л. 90) отнели, а пристава де били ль, про то он не ведает, был в лесу и от той де присылки он Трошка с товарыщи своими, которые ныне с ним пошли к Москве для челобитья, чтоб от митрополита от крестьянства отбыть и быть в службе. А как де ротмистры с стрельцами к ним в село приезжали, и они де Трошка с товарыщи в то время не были, уехали к Москве, а свою де братью никово он Трошка на то челобитье не наговаривал, мыслили де они о том все вопче.

... И великие государи ...(т.)... о том о всем что укажут.

Распросные речи белгородца Ф. Озерова.

(л. 112) 191 г. ноября в 16 день, по приказу боярина и оружейничего и воеводы Петра Васильевича большого Шереметева с товарыщи, белогородец Федька Озеров в воровстве и бунтовстве и в наговоре преосвященного Мисаила митрополита белогородцкого и обоянского вотчинных ево крестьян в застенке роспрашиван, а в роспросе и с пытки говорил:

Приехал де он Федька с Москвы в прошлом во 190 году в Успенской пост, и ездил в митрополью вотчину в село Заячье х крестьянину к Микишке Калмыку, Озеров он же, просить на семена пшеницы, и у него де Микишки на гумне ночевал он с ним Микишком вместе. И Микишка де спрашивал у него Федьки о московском поведении. И он де Федька ему Микишке сказывал, что на Москве учинили бунт московская надворная пехота. И Микишка де говорил ему Федьке, что зделают они притчю, хотят де они ехать к Москве бить челом великим государем на митрополита в налогах, а прикащика де и домовых людей побьют. Да и давно де у него Микишки такая злая мысль была, а в которое де время митрополья прикащика и домовых людей побить — они хотели, того он Микишка ему Федьке не сказывал. И опричь де ево Микишки он Федька с ыными митрополи (л. 113) крестьяны и иных чинов з белогородцы про бунт к воровству ни с кем не говаривал и никого не научал. Он же Федька з другой пытки говорил, что он ево Микишку бить челом на митрополита научал, об отставке от крестьянства, а во всем де воровстве и в бунтовстве пущей заводчик он Микишка. А что де он Федька, слыша от него Микишки то воровство, в Белегороде и в Курску не известил, и за ту ево вину, что великие государи укажут.

Сказка белгородского пристава Д. Батракова в белгородской разрядной избе.

(л. 126) И октября во 2 день в Белегороде в Розрядной избе стольнику и воеводе Ивану Петровичю Скуратову да диаку Полуехту Истомину белогороцкой пристав Дениска Ботраков об'явился, а сказал: по указу де великих государей ...(т.)... и по наказной памяти стольника и воеводы Ивана Петровича Скуратова, за приписью диака Полуехта Истомина, ездил он из Белагорода в Белогородцкой уезд в вотчину преосвященного Мисаила митрополита белогородцкого и обоянского в село Новые слободки, а велено ему, взяв с собою понятых, сколько человек пригож, и с теми понятыми взять бунтовщиков, кого укажет подьячей Иван Ухабов. И Иван де Ухабов велел ему Дениске в Новой слободке взять крестьянина Трошку Чепурного. И он де приехал к нему Трошке на двор и хотел ево взять, и Трошка де Чепурной з детьми своими ему Дениске взять себя не дали, и кричали и в колокола на бунт били. И села де Новой слободки крестьяня, збежався все с ружьем и с кольем и с цепами, преосвященного Мисаила митрополита домовых людей приказных дел диака (л. 127) Василья Андреева да подьячево Ивана Ухабова били, а ево де Дениску да сына боярского ж Афонасья Григорьева, бив, связали, и связанных де держали у себя до полуночи. И собрався в круг, все говорили, что они за преосвященным Мисаилом митрополитом жить не хотят, будто он преосвященный Мисаил митрополит их разоряет, и збирали деньги с человека по рублю, и с теми деньгами отпущали 30 человек к Москве в челобитчиках. А тем де челобитчиком велели бежать денно и ночно

на конях верхами с ружьем, а достальные де крестьяне человек с полтораста с ружьем и с кольем лежали всю ночь у прикащикова двора. А ждали де диака Василья Андреева да подьячего Ивана Ухабова да сына боярского Алексея Лисовского и хотели де их побить до смерти. И за три де часа до света ево Дениска ограбив, да Афонасья Григорьева отпустили. А грабежом де взяли у него Дениска 15 алтын денег, да наказную память, по которой он ездил в ту Новую слободку.

Сказка ротмистров К. Богданова, И. Корватова и капитана Г. Шеинкова в белгородской разрядной избе.

(л. 128) И октября ж в 3 день ротмистры Кондратей Богданов да Иван Корватов да надводной пехоты капитан Герасим Шеинков в Белгород приехали, а с собою привезли 6 человек мужиков да трех баб. И в Розрядной избе стольнику и воеводу Ивану Петровичю Скуратову да диаку Полуехту Истомину сказали:

Октября де во 2 день, не доезжая села Новой слободки и села Заячья з деревнями, взяв они с собою понятых села Сабынина жителей Якова Плихтина с товарыщи 10 человек да села Ольшанца Григорья Федина с товарыщи 6 человек, да с теми понятыми и с надворною пехотою, приехав в село Новую слободку, бунтовщиков Трошки Чепурного с товарыщи, на которые дворы указали им преосвященного Мисаила митрополита приказных ево дел диак Василей Андреев да подьячей Иван Ухабов, в домех не застали. А против де Трошкина двора Чепурного того села Новой слободки крестьян собрались человек з 20 с ружьем и с косами и с рогатины, взять себя не дали, и учинили с ними бой. И они де Кондратей с товарыщи из них (л. 129) изымали крестьян дву человек с косами, Панку Гордеева да Гераську Михеева, да у них же отбили две косы. А на Матюшкине дворе Жирового поимали де они его Матюшкину жену ево Феколку да невестку ево Матренку, а на Афонькином дворе Умного жену ево Донку, да того же села Новой слободки крестьян трех человек Ивашку Швоева да Фильку Митина, Гаврилку Воронцова да села Заячья одного человека Макарку Серикова изымали они, Ивашку де да Макарку на поли, а Гаврилку де да Фильку в селе Новой слободке, и привели их в Белгород. А достальные де крестьяне села Новые слободки и села Заячья розбежались все по лесам с ружьем, а села де Заячья крестьянин Тимошка Гончаров, которого они Кондратей с товарыщи посылали в село Заячье х крестьяном в лес, чтоб они не бунтовали, и пришли б к ним великих государей указ выслушать, сказал, что они де ему Тимошке сказали, мы де к ним не пойдем, а Заячья де села попа Петра дети Василей з братом сказывали им Кондратью с товарыщи, что они де села Заячья крестьяня стоят в лесу с ружьем, и будет посыльные люди к ним приедут, и они станут с ними битца.

(л. 130) Да Кондратей же Богданов сказал: заезжал де он в село Хохлово, которая половина за рекою Донцом для понятых к десятнику к Михайлу Болотову и оставил ему десятнику надворной пехоты Антошку Федорова с товарыщи трех человек, и велел им собрать того села жителей, а собрав, доезжать ево в селе Собынине. И надворные пехоты Антошка Федоров с товарищи, приехав в Собынину, сказал де ему Кондратью, что села Хохлова жители с ними в понятых не поехали. Да села де Собынина Терех Савостьянов, Сидор Пеньков, Алексей Павлов в Собынине ему об'явились, а в понятых де с ним не поехали ж, а иные де многие собынинцы и не об'явились.

Распросные речи крестьян села Новой слободки в белгородской разрядной избе.

(л. 131) И приводные мужики и бабы роспрашиваны порознь. А в роспросе Филька Митин сказал: домовые де вотчины села Новой слободки и села Заячья з деревнями крестьяня Трошка Чепурной з детьми с Трошкою ж да с Митькою, Матюшка Жировой з братьями с Матюшком да с Володьком да с Ывашком, Артюшка Гордеев с сыном Степкою, Петрушка Умного с отцом Афоньком, Федоска Рыбин з детьми с Андрюшком да с Калинком, Федька Чемодуров з зятем Петрушкою, Микишка Колмык,— Озеров он же,— взбунтовав свою братью крестьян тех сел и деревень, наговоривали, чтоб бить челом великим государем на преосвященного Мисаила митрополита белогородцкого и обоянского в налогах, что им стала домовая работа работать на него митрополита невмочь. И схоживались всех сел и деревень крестьяне к Матюшке Жировому з братьями, да к Трошке Чепурному з детьми и приговорили к Москве послать четырех человек, а в Куреск к боярину 10 человек, чтоб великие государи пожаловали, велели им о том свой государев указ учинить. А до присылки де из Белагорода пристава и до приезду домовых людей приказных дел (л. 132) дьяка Василья Андреева да подьячего Ивана Ухабова и иных домовых людей,в колокола на всполох не по одно время били ль, он про то не слыхал. А как де из Белагорода домовые люди с приставом, приехав в вотчину в ночи, и хотели взять Трошку Чепурного з детьми, и в то де время в колокола били на всполох. И села де Новой слободки крестьяня иные с ружьем и Трошка Чепурной з детьми и Матюшка Жировой з братьями взять себя не дали, и кричали на бунт и домовых людей прикащика Фрола Александрова да Афонасья Григорьева, Матюшка Жировой з братьями да Петрушка Кондобаров, бив, связали, он де ево Афонастья розвезал. Да они ж де били посельского старца Гаврила, а пристава де Дениску Батракова били ль и грабили ль и везали ль, он про то не ведает. А наказную де память отнел у пристава Митька Чепурной, а збирали де они крестьяня всех сел и деревень челобитчиком з двора по гривне и приказали им всем крестьяном те бунтовщики Трошка Чепурной с товарыщи, чтоб они все крестьяня до приезду их с Москвы и ис Курска, жить, бегая по лесам.

Да он же Ефимка сказал: (л. 133) а наговаривал де их крестьян бить челом великим государем на преосвященного митрополита, чтоб отбыть им от крестьянства, белогородец Назар Григорьев сын Сьедин, как приехал с Москвы, и крестьянин де Титка Голобоцкой для того наговору к нему Назару ездил в дом, а посылали де ево Титка к нему Назару все вотчинные крестьяне заодно. И по тому де ево наговору все крестьяня написали челобитную в городе Короче, а писал де им тое челобитную и составливал короченской подьячей Мартын Иконников, а хто де к той челобитной в их место руки приложил, того де он не ведает. А как де писали челобитную, в то время сторонних людей не было, только де были крестьяня Трошка Чепурной с товарыщи. И забунтовав де и домовых людей бив, поехали к Москве Трошка Чепурной, Андрюшка Рыбин, Петрушка Афонасьев да Стенька Гордеев: в Куреск поехали Фомка Смяцкой да Киприяшка Сериков с товарыщи. И на Титку де Голубоцкого он шлетца в том, что он де Титка к Назару Сьедину ездил.

(л. 134) Пашка Гордеев сказал те ж речи, что сказал села Новой слободки крестьянин Филька Митин выше сего. Да он же Пашка в речах своих прибавил: в бунтовстве де был за одно с Трошкою Чепурным с товарыщи села Заячья крестьянин Стенька Полежаев, а до-

мового де человека Афонастья Григорьева бил или нет, он того не ведает. А как де приезжали в село Новую слободку ротмистры Кондратей Богданов да Иван Корватов да капитан Герасим Шеинков с надворною пехотою, и он де Пашка в то время, послыша их, выбежал со двора своего с косою, да Петрушки Кондобарова сын Любимка з дубиною, да Ивашка Красникова пасынок Ивашка з дубиною ж, да Володька Фадеев да Исайка Голубоцкой с пищальми, и собрались ко двору Трошки Чепурного. И увидя посылных людей, он Пашка косу бросил, а товарыщи де ево убежали в лес, а ево де Пашку изымали, а косою де он ни на ково не замахивался, и с посыльными де людьми ни с кем не бились. А у пристава де у Дениска Ботракова хто отнял наказную память, того он не ведает.

(л. 135) Гераска Михеев сказал те ж речи, что сказал Пашка Гордеев, да он же сказал: в том же де заговоре был в бунтовстве отец его Михей, и гривну де денег на подмогу челобитчиком дал же.

Гаврилка Воронцов сказал те ж речи, что сказали в роспросе Филька Миткин да Пашка Гордеев, а про бой сказал: домовых де людей и пристава Дениска Ботракова и хто у него память отнял, про то он не ведает, и денег он гривны крестьяном Трошке Чепурному с товарыщи не давал, и в заговоре де в бунтовстве с ними не был. А как де приезжали в Новую слободку ротмистры Кондратей Богданов и ево де поймали на дворе и привели с собой в Белгород.

(л. 136) Макарка Сериков сказал: села де Заячья крестьяня Микишка Калмык да Митька Акинкин племянник с товарыщи в селе Заячьем били в колокола на бунт и, собрався, хотели отца ево Киприяна Серикова убить до смерти, что он де с ними в челобитье быть не похотел. И отец де ево, слыша от них тот бунт, ево Никишку с товарыщи от того бунтовства унимал, и они де ево не послушали и валились на него боем. И он де, убоясь их, дал им гривну денег тем же челобитчиком Трошке Чепурному с товарыщи на подмогу. А как де в Новой слободке был бунт, и он де в том же бунтовстве и в заговоре с ними же был по неволи, убоясь де их, чтоб ево не убили. А как де крестьяня в Новой слободке, собрався с ружьем и с косами подле двора Трошки Чепурного с посыльными людьми бой чинили, того он не ведает. А ево де Макарку посыльные люди поймали на поли, он де пошел было за теми ж челобитчиками в Куреск и воротился з дороги. А хто де у пристава память отнял, того он не ведает.

Сказка дьяка В. Андреева и крестьян села Новой слободки.

(л. 140) Да октября ж в 4 день преосвященного Мисаила митрополита белгородцкого и обоянского приказных ево дел диак Василей Андреев привел трех человек крестьян Федоску Рыбина да Ваську Кольцова да Ивашка Блинова, а сказал: сего ж де числа те крестьяне об'явились в Белгороде и преосвященному митрополиту били челом: виноваты де они в том, послушали крестьян Трошки Чепурного з детьми да Матюшки Жирового з братьями да Ромашки Житкова и товарыщей их. А говорили де они перед преосвященным митрополитом: те де заводчики Трошка Чепурной с товарыщи сказывали им и многим крестьяном, волости де государевы Комарицкая и Самовская в службы поворочены, и жить им велено во крестьянстве в посопных волостях по прежнему за великими государи, станем де бить челом о том и мы. И они де и все крестьяне в том совете были, чтоб им за преосвященным митрополитом в вотчине не быть, а быть бы им во крестьянстве в посопной волости за великими государи по прежнему, оттово де у них и смута учинилась. А что де бунт учинился, били

домовых людей в вотчине, и то де учинилось не ото всех крестьян, а учинился бунт и бой от завотчиков от Трошки Чепурного да от Матюшки Жирового (л. 141) с товарыщи. И чтоб тех крестьян принять и про бунт и про все роспросить.

И того ж числа против приводу и скаски диака Василья Андреева села Новой слободки приводные крестьяня Федоська Рыбин, Васька Кольцов, Ивашко Блинов роспрашиваны порознь, а в роспосе против скаски диака Василья Андреева сказали те ж речи. Да из них же один человек Федоська Рыбин в речах своих прибавил: как де приезжал сын боярской Афонасей Григорьев в село Новую слободку, и в то де время ево Афанасья крестьяня Трошка Чепурного да Матюшка Жирового с товарыщи били и грабили и везали и, свезав, отдали за сторожу. И он де Федоська то видел и тех крестьян унимал, и они де ево не послушали. А связан де он Афанасей был (л. 142) и за сторожу отдан был с приставом з Денискою Ботраковым вместе. А хто де ево Афонасья розвезал, и он де Федоська того не видал, а на двор де ево Афонасья впустил он Федоська. А у двора де владычьня стояли с ружьем крестьяня Матюшка Жировой с товарыщи со многими людьми, и хотели де тех домовых людей побить, а иных в Куреск отвести. А как де они поехали из села Новой слободки в Белгород, и в погоню за ними крестьяне гоняли ль или нет, и он де Федоська того не ведает.

Сказка в белгородской разрядной избе домовых людей митрополита Мисаила.

(л. 144) Да того ж числа в Белегороде в Розрядной избе преосвященного Мисаила митрополита белогородцкого и обоянского на домовых людех на сыне боярском на Афонасье Григорьеве да на подьячем на Гавриле Рыльцеве бой осматривали. А по осмотру на Афонасье Григорьеве бою — правая рука бита по локтю и выше локтя да по грудям и на левом боку, да на левой руке по плечю и ниже локтя бита ж, и от тово бою опухло и синево богро. А у записки он Афонасей сказал: по указу де преосвященного митрополита посылан он был в домовую вотчину в село Новую слободку з диаком с Васильем Андреевым да с подьячим с Ываном Ухабовым, для взятья крестьян Трошки Чепурного с товарыщи. И как де он Афанасей к тому селу приехал в околицу, и того де села крестьяня (л. 145) Трошка Чепурного да Матюшка Жирового с товарыщи со многими людьми бегали по селу в околице с ружьем, с пищальми и з бердыши и с копьи и с сайдаки. И взяв де ево Афонасья били и вязали и ограбили, а связанного де у владычня двора за сторожею держали з белогородцким приставом з Дениском Ботраковым вместе. А грабежем де у него Афонасья взяли сайдак да саблю, нож оправной, плеть, полотенцо шитое, с лошеди седло с войлоки, плат суконной кармазеинной, по углам шит золотом, да ис коляски коробин оправной серебром, да рукавицы теплые, да с сына де ево с Ывана сорвали шапку. А развязал де ево Афонастья крестьянин Петрушка, и пустили на владычен двор, и у ворот де и около двора поставили сторожу крестьян с ружьем, и стерегли де те крестьяня ночь и до половины дня. И как де та сторожа от двора поразошлась, и он де Афонасей с товарыщи в то время (л. 146) з двора и ис села на конях ушли, и крестьяня де за ними гонялись в погоню на конях, хотели побить.

А на подьячем на Гавриле Рыльцеве бою по осмотру — левая рука избита опухла синява и богрова. А у записки он сказал, били де ево домовые крестьяне села Новой слободки бунтовщики Трошка Чепурного с товарыщи.

Сказка в белгородской разрядной избе прикащика села Новой слободки Ф. Александрова.

(л. 152) Да октября ж в 7 день в Белгороде к Розрядной избе преосвященного Мисаила митрополита белогородцкого и обоянского стряпчей Ларион Протопопов привез Новой слободки прикащика Фрола Александрова бита в крови. И бил челом великим государем... (т.)..., а в Розрядной избе стольнику и воеводе Ивану Петровичю Скуратову да диаку Полуехту Истомину, в словесном своем челобитье сказал, чтоб великие государи пожаловали ево, велели на прикащике на Фроле Александрове бою осмотреть и записать.

(л. 153). И по приказу стольника и воеводы Ивана Петровича Скуратова да диака Полуехта Истомина на прикащике на Фроле Александрове бой осматриван. А по осмотру бою на нем, Фроле, голова в дву местех прорублена до мозгу, да левая рука на завити переломлена, да спина и бока и грудь избито все сплошь. А у записки он Фрол сказал: в нынешнем де во 191 году сентября с 30 числа октября против 1 числа в ночи, как приезжали в домовую святительскую вотчину в село Новую слободку приказных дел диак Василей Андреев з домовыми людьми и с приставом з Дениском Ботраковым, для взятья бунтовщиков крестьян Трошки Чепурного з детьми, и он де Петрушка взять себя не дал. (л. 154) И забунтовав, били в колокола, и диака Василья Андреева з домовыми людьми били, а ево де Фрола в то ж время, уводя на улицу, крестьянин Митька Чепурного да бобыль Трошка Зарубин да Ивашка Гузнородов с товарыщи били кольем и обухи смертным боем и, бив де, покинули замертва и шапки де вишневого сукна с соболем збив взяли. И той же де ночи все крестьяня, собрався с ружьем, ко двору преосвященного митрополита приступали и домовых людей хотели побить до смерти.

Распросные речи белгородца Н. Сьедина.

(л. 168) И того ж числа в Белогороде в Розрядной избе стольнику и воеводе Ивану Петровичю Скуратову да диаку Полуехту Истомину белогородец Назар Сьедин об'явился собою.

И по приказу стольника и воеводы Ивана Петровича Скуратова да диака Полуехта Истомина против роспросных речей преосвященного митрополита вотчинных крестьян Фильки Мытина да Пашки Гордеева с товарыщи роспрашиван.

А в роспросе сказал: на преосвященного де Мисаила митрополита белогородцкого и обоянского бить челом великим государем вотчинных ево крестьян, чтоб им из-за митрополита от крестьянства отбыть, он не наговаривал, а с Москвы де он приехал октября в 1 числе. И в то де число митрополичей вотчины крестьянин Титка Голубоцкой и нихто к нему не приезжали, он де Назарей ево Титку и не знает, и случая с ним никакого не было (л. 169). И того ж де дня из двора своего поехал он Назарей на Корочю по обещанию помолитца Покрову пресвятые богородицы, и на Корочи де у подьячего у Матвея Бутикова он ночевал, а переночивав де, на другой день приехал к себе в дом. А бунт де был в митрополичей вотчине после ево Назарья, как он был на Короче, он де про тот бунт ничего не ведает...

Распросные речи в белгородской разрядной избе крестьян села Новой слободки А. Умного и Т. Чепурного.

(л. 178) И того ж числа преосвященного Мисаила митрополита белогородцкого и обоянского стряпчей Ларион Протопопов привел в Роз-

рядную избу домовые вотчины села Новой слободки крестьянина Афоньку Умного и бил челом великим государем, чтоб того крестьянина принять в Розрядную избу, а жену ево Донку из-за караулу свободить.

(л. 179) И по приказу стольника и воеводы Ивана Петровича Скуратова да дьяка Полуехта Истомина крестьянина Афонькина жена Умного из-за караула свобожена, а вместо ея принят в Розрядную избу муж ея Афонька и роспрашиван.

А в роспросе сказал: как де в селе Новой слободке был бунт и посыльных и домовых людей били, он того не ведает, он де в то время ездил на Корочю богу молитца. И в том бунту сын ево Петрушка был ли, он не ведает же, а в челобитье де на преосвященного митрополита были они все крестьяня заодно.

Того ж числа крестьянин Трошка Чепурной изыман и приведен в Розрядную избу, и против челобитья преосвященного Мисаила митрополита и доезду ротмистров Кондратья Богданова с товарыщи и пристава Дениски Ботракова и против роспросных речей крестьян Фильки Митина с товарыщи роспрашиван.

(л. 180) А сказал: в нынешнем де во 191 году, как приехал де с Москвы белогородец Назар Сьедин, и они де все вотчинные крестьяня, прослыша про приезд ево Назаров с Москвы, советовались меж себя со всеми вотчинными крестьяны, посылали из села Новой слободки для опроведованья московских вестей к нему Назару Сьедину крестьянина Титку Голубоцкого. И велели ему у него спроситца, мочно ль им ехать к Москве и бить челом великим государем на преосвященного митрополита об отставке от крестьянства. И Титка де Голубоцкой к нему Назару ездил, и приехав он от Назара Сьедина, им всем крестьяном сказывал, Назар де Сьедин к Москве им ехать и бить челом великим государем на преосвященного митрополита (л. 181) об отставке от крестьянства велел, и говорил он Назар, великие де государи вас пожалуют, от крестьянства из-за митрополита вас отставят, и ныне де на Москве время...

(л. 182) И на Короче писали крестьяном заручную роспись с приговором, что им всем крестьяном бить челом на преосвященного митрополита об отставке от крестьянства и в том челобитье и в харчах друг друга никому не выдавать. А хто тое роспись писал, он де Трошка тово не ведает, потому что в то время на Короче не был, и написав де тое роспись, хотели отпустить к Москве челобитчиков.

Память белгородского воеводы П. Скуратова в приказ митрополита Мисаила.

(л. 202) 191 г. октября в 29 день по указу великих государей окольничей и воевода Петр Дмитриевичь Скуратов приказал попа Петра отослать с памятью в приказ преосвященного Мисаила митрополита белогородского и обоянского.

И против сей пометы, поп Петр в святительской приказ послан з белогородцким подьячим с Савою Есиповым с памятью. А в памяти пишет:

(л. 232) И ноября в 14 день в Белегороде в Розрядную избу преосвященного Мисаила митрополита стряпчей Ларион Протопопов привел трех мужиков да одну бабу, и сказал окольничему и воеводе Петру Дмитреевичю Скуратову да дьяку Полуехту Истомину: тех де мужиков изымали они в вотчине преосвященного митрополита в селе Новой слободке да в селе Заячьем бунтовские крестьяня, а послал де их с ним Ларионом в Белгород надворной пехоты капитан Иван Выродов.

И по приказу окольничего и воеводы Петра Дмитреевича Скуратова да диака Полуехта Истомина, те приводные мужики и баба роспрашиваны.

В роспросе Стенька Полежаев сказал: виноват де он великим государем в том: как де они все вотчинные крестьяне советы чинили бить челом великим государем на преосвященного митрополита о своих нуждах, что де им ево митрополья домовая всякая работа работать стало не в мочь (л. 233) и чтоб они, великие государи, в том указали им дать льготы, он де Стенька в том совете был же, а совет де и договор у них было челобитье на Корочи. А для де того наговору приезжали к нему Стеньке товарыщи в село Заячье из села Новой слободки крестьяня Стенька Гордеев, Трошки Чепурного сын Трошка ж, Петрушка Умного, и сказали де им: села де Новой слободки все крестьяня здумали бить челом великим государем на преосвященного Мисаила митрополита, что им ево домовая работа работать стало не в мочь. И поехали де на Корочю писать имян крестьянских, чтоб им в челобитье друг друга, в харчах и в проторях не выдавать. И он де Стенька села Заячья с крестьяны ж с Кирюшкою Кладовым да с Ывашкою Огородовым да с Макаркою Сериковым на Корочю за ними поехали ж. И как де они на Корочю приехали, и села де Новой слободки крестьяня Андрюшка Рыбин да Филька Митин да Федька Чемодуров с товарыщи, на Корочи у подьячего у Мартынка Иконникова имяна написали по приезду их на Корочю (л. 234). И на улицы де против Мартынкина двора Иконникова те имяна им вычли, и, вычет де, короченскому площедному дьячку Ефремке Десятого, в свое место все крестьяня велели руку приложить. Да в то ж де время на Корочи все крестьяня выбрали в челобитчиках к Москве пяти человек ево Стеньку да Андрюшку Рыбина да Стеньку Гордеева да Трошкина сына Чепурного Трошку ж, да Ивашку Огородова, а белогородца де Федьки Озерова в том зговоре и совете с ним не было, и х короченскому де пушкарю к Артюшке Мишустину на двор они не приезжали ж. А как де в Новой слободке крестьяня били на всполох в колокола и собрався все крестьяня вкруг чинили советы, и посыльных и митропольих домовых людей били, он де в то время в Новой слободке не был, а был в селе Заячьем в дому своем, и про то де ничего не ведает.

(л. 235) И после де того, октября в 1 числе он Стенька с выборными товарыщи, да к ним же де собою пристали крестьяня ж Микишка Колмык, Озеров он же, Данилка Максимов, да Федьки Чемодурова зять Петрушка, Петрушка ж Умного, да бобыль Трошка Зарубин поехали было к Москве в челобитчиках. И узнав де свою вину, что дурно учинили, з дороги из-за Ливен воротились в домы свои, он Стенка да Микишка Колмык да Федки Чемодурова зять Петрушка, Данилко Максимов, а Андрюшка де Рыбин да Стенька Гордеев да Трошки Чепурного сын Трошка ж да Ивашка Огородов да Петрушка Умного да бобыль Трошка Зарубин пошли к Москве, и ныне де они на Москве ль, того он не ведает...

Отписка курского воеводы П. Шереметева белгородскому воеводе П. Скуратову.

(л. 244) И ноября в 19 день писал ис Курска боярин и оружейничей и воевода Петр большой Васильевичь Шереметев в Белгород к окольничему и воеводе к Петру Дмитриевичю Скуратову, и прислал з белогородцким подьячим з Дементьем меньшим Белым белогородца

Федьку Озерова, и его Федькины роспросные и пыточные под отпискою речи. А в отписке и в роспросных и пыточных речах пишет:

(л. 245) Господину Петру Дмитреевичю Петр большой Шереметев челом бьет. В нынешнем во 191 году ноября в 14 день писал ты ко мне в Куреск против челобитья преосвященного Мисаила митрополита белогородцкого и обоянского в бунтовстве вотчинных ево домовых крестьян. А по роспросным де речам приводных крестьян Фильки Митина, Трошки Чепурного с товарыщи, в том воровстве и в бунтовстве пущие завотчики и наговорщики белогородец Федька Озеров да домовые крестьяне Матюшка Жировой с товарыщи. И Федька де Озеров в бегах живет, переходя в Курском и в Обоянском уездах. И Федька Озеров в Курску сыскан, и в бунтовстве и в наговоре в застенке роспрашиван и пытан накрепко, а что он в роспросе с пытки говорил, и те роспросные пыточные речи под сею отпискою. И ево Федьку з белогородцким подьячим з Деменьтьем меньшим Белова и с провожатыми ис Курска послал я к тебе в Белгород. И тебе б господине о приеме ево Федьки и о розыску про бунт чтоб доискатца подлинно, и о всем, как писано к тебе в прежних моих отписках, без мотчанья учинить по указу великих государей.

Распросные речи белогородца Ф. Озерова и крестьян села Новой слободки К. Серикова и С. Полежаева.

(л. 248) И того ж числа в Белегороде в Розрядной избе перед окольничим и воеводою перед Петром Дмитреевичем Скуратовым да перед дьяком Полуехтом Истоминым Федка Озеров против роспросных речей крестьян Кипряшки Серикова, Стеньки Полежаева, Трошки Чепурного роспрашиван.

А в роспросе сказал: в вотчину де преосвященного Мисаила митрополита белогородцкого и обоянского он приезжал, приехав с Москвы, на Успеньев день побиратца хлебом, и у Микишки Колмыка он был, и прикащику Фролу Александрову и иным многим крестьяном про московской бунт сказывал. А у крестьян, чтоб ему дали вотчиною все крестьяня 20 рублев на подмогу, а он Федька их из-за митрополита от крестьянства отставит, не говаривал, и Федоска Рыбин сына своего Андрюшку к нему Федьке не присылывал. А как де он Федька у Микишки Колмыка был на Успеньев день, и Микишку де Колмыка в челобитчиках с собою к Москве он не звывал, а звал де ево Федьку к Москве он Микишка.

(л. 249) И Кипряшке Серикову с Федькою Озеровым дана очная ставка.

А на очной ставке Кипряшка Сериков сказал прежние свои речи, что Федька Озеров в вотчину преосвященного митрополита приезжал, и их крестьян бить челом на преосвященного митрополита научал, и денег де 20 рублев просил и говорил, станет де вам небольшое всего по гривне з двора, ныне де время, вас от крестьянства отставят. А у него де Федьки на Москве в Патриаршем приказе дядя дьяк Анисим Озеров, и ту их челобитную донесет до великих государей, и то дело зделает, а ему де Федьке однаково ехать к Москве, и с их челобитчики поедет к Москве. И по ево де словам все вотчинные крестьяня взбунтовали, и перед побегом своим к Москве челобитчики митрополи крестьяне посылали к нему Федьке звать ево с собою, брата ево Федькина Микишку Колмыка, Озеров он же.

А Федька Озеров на очной ставке винился, а сказал: в вотчину де преосвященного митрополита он приезжал, и крестьян бить челом на преосвященного митрополита научал, и про деньги 20 рублев, и что

станет им всего (л. 250) небольшое по гривне з двора, и ныне на Москве время, вас от крестьянства отставят, а у него де Федьки на Москве в Патриаршем приказе дядя дьяк Анисим Озеров, ту их челобитную донесет до великих государей, и то дело зделает,— говорил, а к Москве де с челобитчики их ехать хотел для своего дела. И по тем де ево словам крестьяня к нему Федьке присылали брата ево Федькина Микишку Колмыка, Озеров он же, звать к Москве в челобитчиках, и он де Федька с ними не поехал.

Стеньке Полежаеву с Федькою Озеровым дана очная ставка.

На очной же ставке Стенька Полежаев сказал прежние свои речи: Федька де Озеров приехав с Москвы говорил крестьяном, он де чаял они из-за митрополита давно отстали, ажно де еще работают, ему де сказывали про то целовальник Минка Сафонов да Митька Огородов.

А Федька Озеров в том запирался, сказал, что он никому крестьяном таких речей, что он де чаял они крестьяня и давно из-за митрополита отстали, не говаривал.

Царский указ по делу о волнении крестьян в селе Новой слободке.

(л. 93) 191 г. ноября в 15 день великие государи ...(т)... и сестра их великая государыня благородная царевна и великая княжна София Алексеевна, сей докладной выписки слушав в комнате, указали и бояре приговорили: митрополичьих крестьян, которые пойманы на Москве, Трошку Чепурного с товарыщи послать для подлинного розыску в Куреск к боярину и оружейничему и воеводам Петру Васильевичю Шереметеву с товарищи с провожатыми, и с роспросных их речей, что они на Москве сказали, список, а ему боярину и оружейничему и воеводам для того ж розыску тех митрополичьих крестьян роспросные речи и все подлинное дело, и оговорных людей, которые по тому делу взяты, и ныне в Белегороде взять в Куреск ж (л. 94) и тех всех людей и иных, до ково дело дойдет, в Курску роспрашивать накрепко и давать очныя ставки порознь, а с очных ставок в спорных статьях велеть и пытать, и розыскать про все подлинно, чтоб в том доискатца самые правды, от ково и для чево тот завод учинился. А розыскав про все подлинно, велеть по прежнему их великих государей указу, пущих на то дело заводчиков дву человек казнить смертью — повесить в тех же деревнях, где они бунтовали, а достальным заводчиком же учинить жестокое наказанье: бить кнутом на козле и в проводку по торгом нещадно, и велить им впредь в тех селах и в деревнях жить за митрополитом во крестьянстве по прежнему и быть во всяком послушанье. А про недоборной хлеб, которой довелся взять на белогородце на Федьке Озерове, велеть им боярину ж и оружейничему и воеводам розыскать по тому ж подлинно, и по розыску тот недоборной хлеб на нем доправить в государеву казну сполна. А что у них о том о всем по розыску об'явитца и учинено будет, и им писать о том к великим государем, и те сыскные дела и из них перечневые выписки, за дьячими приписьми прислать в Розряд.

Отписка курского воеводы П. Шереметева белогородскому воеводе П. Скуратову.

(л. 276) И декабря в 1 день [191 г.] писал ис Курска боярин и оружейничей и воевода Петр большой Васильевичь Шереметев в Белгород к окольничему и воеводе Петру Дмитреевичю Скуратову и прислал заплечного мастера Алешка Чижа, а в отписке пишет:

(л. 278) Господину Петру Дмитриевичю Петр большой Шереметев челом бьет. В нынешнем во 191 году ноября в 25 день писал ты господине ко мне в Куреск, чтоб мне о присылке в Белгород заплечного мастера, велеть учинить по указу великих государей. И заплечной мастер Алешка Чиж ис Курска послан в Белгород того ж числа. И тебе б, господине, об отпуске в Куреск ево Алешка, как дела вершатца, учинить по указу великих государей.

Приговор белгородского воеводы П. Скуратова.

(л. 278) 191 г. декабря в 1 день, по указу великих государей окольничей и воевода Петр Дмитреевичь Скуратов, слушав сего дела, приговорил по розыску пущих к бунтовству и воровству заводчиков, белогородца Федьку Озерова да крестьянина Трошку Чепурного по их распросным и Федькиным пыточным речам сказав вины их, казнить смертью — повесить. А достальным крестьяном, которые к тому ж воровству и бунтовству пристали, Пашке Гордееву с товарыщи учинить жестокое наказанье бить кнутом по торгом на козле и в проводку нещадно, и отослать их на двор к преосвященному Мисаилу митрополиту белогородскому и обоянскому во крестьянство по прежнему.

(л. 279) И того ж числа бунтовщики и пущие к воровству заводчики кажнены смертью, повешены белогородец Федька Озеров за рекою Северским Донцом по конец большого мосту, крестьянин Трошка Чепурной — в селе Новой слободке, где он бунтовал.

Крестьяном же, которые к тому ж воровству и бунтовству с ними приставали — учинено жестокое наказание — биты кнутом по торгом на козле и в проводку. И отосланы они на двор к преосвященному Мисаилу митрополиту белогородцкому и обоянскому во крестьянство по прежнему.

Распросные речи крестьян Т. Чепурного (сына) П. Умного, А. Рыбина, И. Огородова и Т. Зарубина.

(л. 301) Декабря ж в 9 день в Белегороде в Розрядной избе перед окольничим и воеводою перед Петром Дмитреевичем Скуратовым, преосвященного ж Мисаила митрополита вотчинные крестьяне Трошки Чепурного сын Трошка ж да Петрушка Умного, Андрюшка Рыбин, Ивашко Огородов, Трошка Зарубин, против ево преосвященного митрополита челобитья, про бунт и про бой пристава и домовых людей роспрашиваны порознь.

А в роспросе Трошка Чепурного сказал: в колокола де, до приезду в село Новую слободку пристава и домовых людей, на всполох не по одно время они не били. Только де они чинили советы бунтовские, в кругу собрався, как прудили на святительской Шопинской мельнице плотину. И крестьянин де Федька Чемодуров говорил им всем крестьяном: как де они с поля отделаютца, чтоб им ехать к Москве и бить челом на преосвященного митрополита об отставке от крестьянства. И как де они с поля отделались, и крестьянин де Никишка Колмык из села Заячья (л. 302) ездил к белогородцу к Федьке Озерову, и спрашивал у него, мочно ль им крестьяном ехать и бить челом вели-

ким государем на преосвященного митрополита об отставке от крестьянства. И Никишка де Колмык приехал от него Федьки в село Заячье сказывал крестьяном Кирюшке Селиванову да Ивашке Чельцову, что Федька Озеров говорил ему Микишке, их де служилых людей великие государи пожалуют, из-за митрополита от крестьянства отставят. И Кирюшка Селиванов да Ивашка Чельцов приходили в село Новую слободку х крестьянину к Артюшке Гордееву, и он де Артюшка и с сыном своим Степкою приходили к нему Трошке, и те слова, что им Микишка Колмык говорил, сказывали ему Трошке, и посылали его к Москве в челобитчиках. И он де в то время им отказывал, что без заручной к Москве он не поедет. И они де крестьяня пошли домой. И после де того на другой день посылали из села Слободки все вотчинные крестьяня в село Заячье крестьянина Матюшку Жирового, чтоб все крестьяня ехали на Корочю писать заручной. Да для того ж де (л. 303) посылали и в ыные деревни, в Мазикину де ездил он Трошка Чепурной да Андрюшка Рыбин да Федька Чемодуров да Степка Гордеев, в Коренскую деревню ездил Фирсик Кольцов да Тимошка Терехов. Да в то ж де время посылали они ис кругу все крестьяня крестьянина Титку Голубоцкого к белогородцу к Назарке Сьедину, велели спроситца, мочно ль им ежать к Москве и бить челом великим государем на преосвященного митрополита об отставке от крестьянства. И он де Титка к нему Назарке ездил, и приехав де от него Назарки, в кругу сказывал крестьяном он Титка: Назарка де Сьедин сказал ему, нечто де служилые поедут, и великие де государи служилых жалуют, а удастца де им и не удастца им же. И собрав де всех вотчинных крестьян, ездили на Корочю и писали заручную, что им всем крестьяном бить челом на преосвященного митрополита и друг друга никого не выдавать. А писал де тое заручную короченской подьячей Мартынка Иконников заведомо что они все хотят бить челом (л. 304) великим государем на преосвященного митрополита. И написав де роспись, сбирали они со всех крестьян на подмогу по гривне з двора. И как де приехали в село Новою слободку пристав з домовыми людьми по нево Трошку и по отца ево, и пристав де з домовыми людьми взял было ево Трошкина отца и ево Трошку, и он де Трошка у пристава из рук вырвался и ушол в лес, и был в лесу. А в колокола де он Трошка не бил и разбоя не кричал, а кричали де разбоя отец ево и брат Митька, а как де в колокола били и на бунт кричали, и збежався крестьяня с ружьем и с кольем домовых людей и пристава Дениску Ботрокова били и вязали, и связанного держали, и хто у него Дениска наказную память отбил и оборвали денег 15 алтын, он де Трошка того ничего не ведает, в то де время он был в лесу. Только де слышал от крестьян, что бил прикащика Фрола (л. 305) Александрова брат ево Трошкин Митька Чепурной да Трошка Зарубин. А как де крестьяня собрались все вкруг, и говорили, чтоб им за преосвященным митрополитом во крестьянстве не жить, и он де Трошка в том кругу с крестьяны был за одно и такие слова говорил же. А с крестьян де собрали на подмогу и дали ему Трошке с товарыщи, как они поехали к Москве 7 рублев, и те де деньги на Москве они исхарчили. А челобитную де им писал и составливал на преосвященного митрополита об отставке от крестьянства на Москве площедной подьячей Кирила, а чей де он сын и по прозвищу, того он не ведает. А что де Титка Голубоцкой говорил на него Трошку, бутто их всех крестьян наговаривал он Трошка с товарыщи, которые были с ним на Москве, и тем де он поклепал ево напрасно, в том де заговоре они крестьяня были все заодно. А к домовому де двору с ружьем он не приступал же.

Челобитная митрополичьего стряпчего Л. Протопопова в Москву в Разрядный приказ.

(л. 321) Царем государем ...(т.)... бьет челом холоп ваш, богомольца вашего преосвященного Мисаила митрополита белоградцкого и обоянского стряпчей Ларко Протопопов. В нынешнем, государи, во 191 году, учиня бунт домовые вотчины села Новой слободки з деревнями крестьянина Трошки Чепурного сын ево Трошка ж с товарыщи, и бив и перевязав домовых людей и прикащика изрубя, ушли к Москве те бунтовщики Трошка Чепурной с товарыщи. И били челом вам великим государем, а в Розряде подали челобитную на вашего государева богомольца на преосвященного Мисаила митрополита белоградцкого и обоянского. И писал в челобитье своем воровски белогородцких полков рейтарами и салдатами и салдацкими детьми и братьями, будто их преосвященный митрополит, покрестьянил насильством своим и загрозил им о том вам, великим государем, бить челом. И как де в прошлых годех в Белогородцком уезде для переписки крестьянских дворов был перепищик Исак Бунаков и имал скаски, и он де преосвященный митрополит бутто в то число при том перепищике приставливал караулы и теснил и к писцу не допущал, похотя будто себе их во крестьянстве з женами и з детьми вечно завладеть. А та, государи, посошная волость село Новая слободка отдана во крестьянство прежнему Феодосию митрополиту, а село Заячье з деревнями отдано для вечного помяновения отца вашего государева блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича ...(т.)... во крестьянство ж. И тем они воры и бунтовщики челобитьем своим, хотя от крестьянства отбыть, вашего государева богомольца преосвященного митрополита поклепали и оболгали напрасно, и всею вотчиною взмутили и взбунтовали те челобитчики, которые пойманы и присланы с Москвы Трошка Чепурной с отцом своим Трошкою ж и с товарыщи. Да он же Трошка, как с отцом своим и з братом взбунтовали и пристава и домовых людей и прикащика били, а которые домовые ушли на домовой двор, и он Трошка с отцом и з братом и с ыными товарищи к домовому двору приступали и домовых людей побить хотели до смерти. Милосердые государи цари ...(т.)..., пожалуйте меня, холопа своего, велите государи тех воров бунтовщиков Трошку Чепурного с товарыщи, которые с Москвы присланы, хто им на то челобитье вспомогатель, и челобитную на вашего государева богомольца, на преосвященного митрополита, какова в Розряде подана, писал и составливал, и каким насильством их преосвященный митрополит покрестьянил, и как писец Исак Бунаков был, какая им от преосвященного митрополита теснота была, и хто имяны караулы у них в то время поставлены были, и как оне домовых людей на домовом дворе побить до смерти всех хотели,— про то, про все роспросить накрепко и розыскать им пущим заводчиком Трошкой. И по розыску свой великих государей указ учинить. Цари государи, смилуйтеся.

Распросные речи крестьян Т. Чепурного (сына), А. Рыбина, И. Огородова, П. Умного и Т. Зарубина.

(л. 322) И против сей челобитной крестьяня бунтовщики, которые присланы с Москвы в Белгород, Трошка Чепурной, Андрюшка Рыбин, Ивашка Огородов, Петрушка Умного, Трошка Зарубин в застенке роспрашиваны и пытаны

А в роспросе и с пытки говорили: челобитную де им писал и составливал черную и белую на преосвященного митрополита, какову

подали они в Розряде на Москве, площадной подьячей Кирила, а чей сын и по прозвищу, того они не ведают. И на то де челобитье в спомогательстве, опричь их крестьян, никого не было, и насильством де преосвященный митрополит во крестьянстве их не держит. А как де был в Белегороде перепищик Исак Бунаков, и в то де время им крестьяном от преосвященного митрополита тесноты и караулов не было, а домовых де людей до смерти побить они не хотели. А что де в челобитной их написано, и то де составливал и сказывал подьячему писать Трошка Чепурной, а они де Андрюшка Рыбин с товарищи 4 человека того не ведают.

Было им Трошке Чепурному 17, Андрюшке Рыбину 11, Ивашке Огородову 10, Трошке Зарубину 11 ударов. А Петрушка Умного и не пытан, сказал те ж речи.

Приговор белгородского воеводы П. Скуратова.

(л. 324) 191 г. декабря в 13 день, по указу великих государей, окольничей и воевода Петр Дмитриевичь Скуратов, слушав сего дела, приговорил: крестьяном бунтовщиком Трошкину сыну Чепурного Трошке ж с товарыщи, которые присланы (л. 325) с Москвы, да Титке Голубоцкому да Титке Найденову, за их вины и за воровство и за бунт, да короченцом подьячему Мартынке Иконникову, пушкарю Артюшке Мишустину, подьячему, что он писал бунтовщиком роспись, пушкарю — за приезд к нему тех же бунтовщиков Митьки Чепурного с товарыщи,— учинить жестокое наказанье, бить кнутом на козле по торгом нещадно, и отослать крестьян на двор к преосвященному Мисаилу митрополиту белогородцкому и обоянскому во крестьянство по прежнему. А курского ямщика Ивашку Токорева, белогородцов Емельку Черкашенина, Назарку Сьедина свободить без наказанья.

Того ж числа бунтовщиком Трошке Чепурному да Трошке Зарубину, Андрюшке Рыбину, Ивашке Огородову, Петрушке Умному, Титке Голубоцкому, Титке ж Найденову и короченцом,— подьячему Мартынке да пушкарю Артюшке Мишустину — учинено жестокое наказанье, биты кнутом на козле по торгом. И крестьяня — Трошкин сын Чепурного Трошка ж с товарыщи отосланы на двор преосвященного Мисаила митрополита белогородцкого и обоянского по прежнему во крестьянство, а короченцы Мартынка Иконников и Артюшка Мишустин свобождены. Крестьянин же Афонька Умного свобожен без наказанья, для того, что одержим падучею болезнью. Белогородцы Назарка Сьедин да Емелька Черкашенин да курской ямщик Ивашка Токарев свобожены без наказанья.

Из записной книжки архивиста

Лицейские письма Горчакова А. М. 1814—1818 гг.

В архиве известного русского дипломата А. М. Горчакова, бывшего лицейского товарища А. С. Пушкина, сохранилось 54 письма Горчакова, относящихся к периоду пребывания Горчакова и Пушкина в лицее. В этих письмах мы не находим более или менее полной картины лицейского быта, характеристик товарищей и учителей. Но при скудости имеющихся у нас подобных этим письмам материалов, сообщения Горчакова, при всей их отрывочности, очень любопытны. Судя по этим письмам, Горчаков не принадлежал к кругу ближайших товарищей Пушкина, но из лицеистов вне этого круга он был к поэту, пожалуй, ближе, чем кто-либо другой. Незаурядные способности, неизменная удачливость, уменье нравиться, чувство собственного достоинства Горчакова не могли не импонировать Пушкину, не случайно, конечно посвятившему автору писем в лицее два послания и по выходе из него — третье.

М. Ц.

Публикуемые письма не все датированы самим Горчаковым. Часть писем датирована, видимо, позднее карандашом и другою рукою *.

Часть писем датирована при подготовке их к печати в настоящее время:

№ 19 — год письма определяется содержанием — организация показательной канцелярии при лицее для лицеистов, избирающих дипломатическую карьеру.

№ 21 — письма датируются 1816 г. по непосредственной связи их содержания с предыдущими письмами, помеченными Горчаковым 1816-м годом.

№ 22 — Письмо датируется 1816 г. как по тесной связи его с предыдущими письмами 1816 г., так и на основании указания Горчакова, что вторая часть Жуковского вышла уже более «1½ месяца». Как известно, 2-я часть полного собрания сочинений В. А. Жуковского вышла из печати в 1816 году.

№ 23 — Письмо датируется 1816 г. как по тесной связи с предыдущими письмами 1816 г., так и на основании сообщения Горчакова об отставке А. К. Разумовского, последовавшей 10.VIII 1816 г.

№ 25 — Письмо датируется 1816 г. как по тесной связи с предыдущими письмами 1816 г., так и на основании сообщения Горчакова о получении им только что вышедшей 2-й части сочинений Жуковского.

№ 26 — Письмо датируется 1816 г. на основании сообщения Горчакова о предстоящем через 8 месяцев выходе лицеистов 1-го курса из Лицея, указания, что лицейский праздник 14.X был последним перед их выпуском и описания этого праздника в Пет. газ. «Conservateur Impartial» от 20.X 1816 года, № 84.

№ 27 — Письмо датируется 1816 г. на основании сообщения Горчакова о предстоящем, через 5 месяцев выходе лицеистов 1-го курса из Лицея.

№ 28 — Письмо датируется 1816 г. на основании тесной связи содержания с предыдущими письмами 1816 года.

№ 29 — Письмо датируется 25.XII (1816 г.) как на основании тесной связи его содержания с предыдущими письмами 1816 г., так и на основании сообщения Горчакова о разрешении лицеистам выехать на праздники в Петербург, где они стараются «повеселиться в одну неделю за все 6 лет и еще привести с собою довольно веселья на остальные 5 месяцев», а также указания о производстве Е. А. Энгельгардта в действ. статск. советн., что произошло в 1816 году.

№ 30 — Письмо датируется 1816 г., как по тесной связи его содержания с предыдущими письмами 1816 г., так и на основании сообщения Горчакова о времени выпускных экзаменов.

№ 31 — Письмо датируется (18.III 1817 г.) на основании непосредственной связи его содержания с письмом, датированным нами 15.III. 1817, и пометы Горчакова, что письмо

---

* В печатаемых письмах эти даты взяты в квадратные скобки.

было написано в воскресенье, приходящееся в 1817 году, после четверга 15.III на 18-ое число того же месяца.

№ 33 — Письмо датируется (13.V 1817) на основании сообщения Горчакова о начале выпускных экзаменов во вторник, т. е. 15.V (см. письмо князя Горчакова № 46) и косвенного указания последнего о времени написания настоящего письма в воскресенье перед экзаменами, т. е. 13.V 1817 г.

В дальнейшем недатированные письма Горчакова к Пещуровым, за период экзаменов до выпуска из лицея, датируются на основании помет Горчаковым дней, когда то или другое письмо было написано, причем, за исходный пункт берется дата письма от 13.V 1817 года.

Публикуемые ниже документы хранятся в Госуд. архиве феодально-крепостнической эпохи, фонд А. М. Горчакова. Часть из них, а именно, № 1, 2, 4, 9, 10, 11, 14, 15, 18, 20, 23, 25, 26, 28, 30, 34, 36, 38 даны в переводе с французского.

Текст писем подготовила к печати и снабдила примечаниями М. К. Светлова.

1. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову[1].

Царское Село, 22 декабря 1811 г.

Дорогой дядюшка!

Пользуясь снисхождением, которое вы имели ко мне, дорогой дядюшка, когда разрешили мне изредка писать вам, решаюсь еще раз потревожить вас своим мараньем. Здесь почти не происходит никаких перемен. Словно хорошо налаженная машина, которая всегда идет своим ходом, не останавливаясь. Исключением является новая милость, оказанная его величеством своим детям, как он нас называет. Он отдал нам в подарок библиотеку, которая была у него в молодости. Говорят, что она хорошо обставлена. У нас отняли все бывшие у нас книги с тем, чтобы вернуть их нам, когда мы будем старше, и во время праздников и воскресений, не имея чем заняться, мы чрезвычайно скучали. Эта милость доставила мне весьма большое удовольствие: вы знаете мой вкус к чтению. Впрочем, я много нахожусь в движении, это укрепляет мое здоровье. Я очень опечален, не имея от вас известий, и зная, что ваше здоровье и тетушкино очень слабы. Пора кончать, звонок призывает нас к обеду. Прощайте, дорогой дядюшка. Прошу вас засвидетельствовать мое почтение дедушке[2], тетушкам[3] и Пелагее Алексеевне[4]. Я им тысячу и тысячу раз целую ручки и имею честь быть

Ваш почтительный племянник

А. Горчаков.

2. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

Воскресенье 4 ноября [1812 г.], Царское Село.

Дорогой дядюшка!

Наконец, мне представляется случай, дорогой дядюшка, переслать вам письма. Г. Николай Ушаков[1] был здесь, чтобы навестить одного из моих товарищей, и согласился передать вам письмо, так как по почте это не верно. Я чрезвычайно обеспокоен, не получая известий от маменьки[2]; я уже написал ей три письма и не имею ответа. Впрочем, сестра моя Лиза[3] пишет мне, что саксонский посланник, посетивший институт, сказал ей, что маменька уехала в Москву. Я начинаю свыкаться с образом жизни, который мы ведем. Он укрепляет мое здоровье; мы гуляем два раза в день пешком, встаем мы в шесть часов. Простите, дорогой дядюшка, мое маранье. Прошу вас засвидетельствовать мое почтение дедушке, тетушкам и Пелагее Алексеевне. Не будете ли столь добры переслать прилагаемое письмо маменьке. Прощайте, дорогой дядюшка. Остаюсь навсегда вашим совершенно преданным племянником.

Александр.

3. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

[Декабрь 1812 г.]

Любезный дядюшка!

Извините, любезный дядюшка, что я так долго не писал вам; быстролетящее [время], множество уроков, приготовления к вторичному экзамену, грудная болезнь — все сие вместе взято[е] делало мне великую препону и воспрепятствовало исполнить сию приятную для меня обязанность. Теперь же, нашед минуту свободы, спешу воспользоваться ею. Здоровье мое поправляется мало-по-малу, однако все еще принимаю лекарство; старинная болезнь опять

овладела мною. Большая часть моих товарищей так же нездоровы; словом, все единодушно желаем возвращения весны и с нею возвращения нашего здоровья. У меня есть просьба до вас, любезный дядюшка, в рассуждении двух книг, которые будут нам теперь весьма полезны, ибо мы вступили уже в риторику. Одна: «Разговоры о словесности между А и Б»[1], а другая: «О старом и новом слоге»[2], обе сочинения г. Шишкова, каждая в одну часть; последняя однако довольно редка. Я бы очень вам был одолжен, если вы могли бы достать оные. Благорасположение ваше ко мне побудило меня сделать сию просьбу. Прошу засвидетельствовать мое почтение дедушке и тетенькам, поцеловать Вариньку[3] и не забывать вам совершенно преданного и почитающего вас племянника.

Александр Горчаков.

4. А. М. Горчаков — Е. Н. Пещуровой.

[Нач. ноября 1814 г.]

Сколь я вам обязан признательностью, дорогая тетенька, за точность и доброту, с которой вы наполняете мою маленькую сокровищницу (так я называю маленькое собрание писем, полученных мною от тех, кто мне дорог). Если я не ответил вам немедленно на ваше первое письмо, то только вследствие того, что вы благоволили предупредить меня вторым письмом. Итак, дорогая тетенька, не думайте никогда, чтобы минута плохого настроения могла бы побудить меня лишить себя удовольствия вам писать. Но теперь, когда у вас больше чем одно основание требовать от меня письма, хорошо задуманного и выполненного, а вы вдруг окажетесь обмануты в своем ожидании, на что должен я ссылаться в свое оправдание? Укажу ли я недостаток времени, болезнь и т. д. и т. д.? Обветшалые извинения, которые употребляют лишь в отношении тех, от кого хотели бы избавиться. Нет, дорогая тетенька, вы имели бы право обидеться, если бы я пытался прикрыть правду в письме к вам. Но вот как было дело: не имея вчера времени взяться за перо (нам был задан большой урок по праву), и зная, что сегодня почта уйдет рано, я решил встать ранним утром. И вот я за своим столом, церковный колокол пробил 5 часов, а вчера вечером я лег очень поздно. Полуоткрытые глаза, голова, еще наполненная сном, мысли, плохо связанные — вот, дорогая тетенька, отпечаток чего вы найдете в моем письме. Но благоволите одобрить мое усердие, ибо я ни за что на свете не хотел пропустить эту почту.— Со всем тем, дорогая тетенька, я не могу не поблагодарить вас за доброту, с которой вы исправляете ошибки, которыми кишит мой стиль. Не взирая на вашу крайнюю снисходительность, не могу не сознавать, что вы нашли их в гораздо большем количестве, чем хотите мне сразу сообщить, чтобы не удручать вашего весьма преданного, тем более уязвленного своей неопытностью, что он имеет перед глазами столь совершенный образец. Вместе с тем вы доставили мне чувствительное удовольствие куплетами[1]. У меня также имеется маленький сборник разных пьес, для которого это ценный дар. На этот раз отвечаю вам дурной пьесой, списанной наспех. Это одно из стихотворений, известных под названием: стихи на взятие Парижа[2]. Да не испугает вас этот заголовок, так как вы в них не найдете никаких: Ура! Слава! Геена! Миротворец и т. д. и т. д.

Это стихи, которые, хоть и являются подогретым супом, до сих пор сохранили некоторое достоинство, они кажутся написанными в порыве радости; кажется, что поэт, восхищенный славой своей страны, набросал на бумагу эти куплеты, первые мысли, пришедшие ему в голову. Будьте добры сообщить мне в дальнейшем некоторые пьесы из вашего сборника, и будьте уверены, моя добрая тетенька, что я всегда что-нибудь найду, чтобы послать вам в ответ. Но вот, я и прерван на полпути, так как я расположился писать вам... * Будьте добры, сообщить мне, доходят ли мои письма по этому адресу?

Couplets sur la prise de Paris 1814.

Messieurs! nous sommes à Paris,
Les russes sont honnêtes;
Vous avez vu notre pays,
Nous allons voir vos fêtes.
La Tragédie et les ballets,
Brunet, le Vaudeville
Et nous vous ferons des couplets,
Sans brûler votre ville.

Au Cro-Caillou **, mes chers amis,
Nous nous rendrons sans faute;
Boire à longs traits du bon Chablis,
Manger la matelotte.
Qu' ils sont jolis vos boulevards

* Так в подлиннике.

** Fameuse auberge à Paris. (Прим. подлинника).

Et vos Champs-Elysées;
Nous aimons aussi les beaux-arts,
Montrez nous vos Musées.

Livrez nous tous vos arsenaux,
Sans crainte de surprises;
Vous ne verrez pas nos chevaux,
Messieurs, dans vos églises.
Soyez bien sûrs que de Paris
Nous connaissons la carte.
Allons, la paix! Vive Louis!
Et point de Bonaparte.

Basile Pouchkine.

(Перевод)

Куплеты на взятие Парижа 1814.

Господа, мы в Париже;
Русские учтивы,
Вы видели нашу страну,
Мы пришли на ваши празднества,
Трагедию и балет
Брюне и водевиль;
И мы пишем вам куплеты,
Не предавая ваш город огню.

В Cro Caillou, дорогие друзья,
Мы пойдем непременно —
Долгими глотками тянуть хорошее Шабли
И угощаться мателотом.
Как прекрасны ваши бульвары
И Елисейские поля;
Мы любим изящные искусства,
Покажите нам ваши музеи.

Откройте нам все арсеналы,
Не боясь ничего,
Наших лошадей вы не увидите,
Господа, в ваших церквах.
Будьте уверены, что мы
Знаем карту Парижа.
Ну так мир! Да здравствует Людовик!
И долой Бонапарта!

Василий Пушкин.

5. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

[Декабрь 1814 г.].

Дражайший дядюшка!

Я тоже виноват перед вами, дорогой дядюшка, что дал вам моим молчанием основание думать, что я забыл о человеке, которому я стольким обязан. Тем не менее, я могу вас уверить, что дело обстоит совсем иначе. Чувства уважения и почтения, которые я вам посвятил, суть и останутся всегда неизменными. И я утешаюсь тем, что я надеюсь, что вы в том убедитесь. Но, дорогой дядюшка, не могу ли и я на вас несколько жаловаться. Не прошло ли уже свыше 9 месяцев с тех пор, что я был обрадован маленьким письмом, наполненным добрым советом. Я неправ, я в этом сознаюсь, что не писал вам, но, дорогой дядюшка, нет ли и за вами немного вины? — Что скажу я вам о себе? Доброе здоровье, довольно хорошее настроение (оно покидает меня, когда я думаю о моем отдалении от всего, что у меня есть самого дорогого). Маленькие занятия, большие прогулки — все это идет сносно. Впрочем я не могу жаловаться, тем более что у нас новый инспектор, Степан Степанович Фролов[1], подполковник, кавалер ордена св. Анны 2 степени и св. Владимира 4 степени, почтенный человек, очень ко мне благосклонный. Я не говорю вам о большой потере[2], которую мы понесли, она вам без сомнения известна. Вы можете себе представить, сколь мы были опечалены. Но оставим это, не надо будить скорбных чувств, я чувствую, что слезы навертываются у меня на глазах, помимо моей воли. Прошу вас, дорогой дядюшка, сообщить мне о маменьке несколько строк всего; большего я не требую. Да, чуть-было не забыл сказать вам, что г. Станищев[3] был у меня. Я был очень рад с ним познакомиться, он был чрезвычайно добр со мной. Через него я посылаю это письмо. Не забудьте засвидетельствовать мое почтение дедушке и тетушкам и будьте уверены в живейшем уважении и привязанности всецело вам преданного племянника

Александра.

Получила ли тетенька через Антона[4] мое последнее письмо с двумя вложениями для Елены[5] и моих тетушек княжен Горчаковых[6]?

Не забудьте известить меня о маменьке, я вас об этом умоляю.

6. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

14 августа 1815 г.

Вижу, любезный Алексей Никитич, вижу, что вы мастер чужими руками жар загребать, как говорит пословица; две маленьких страничк[и] [написали], а уже хвалитесь прилежанием; меж тем как похвалу эту заслуживает единственно

Елисавета Никитишна. Без сомнения, каждая строчка от любезных мне драгоценна, но, кажется, что из-за 300 верст можно бы и не довольствоваться записочкой. Вы видите, что снисхождение ваше сделало меня взыскательным. Приятно мне очень видеть из вашего письма, любезный дядюшка, что вы хотите из французолюбца (за которого вы меня почитаете) сделать русского; но позвольте заметить, что тут вы немного ошибаетесь; люблю французский язык, потому что он теперь в обществе необходим, что он,— конечно, по злоупотреблению — сделался волшебною палочкою, по мановению которой каждый толстый швейцар с почтением отворяет двери и милости просит, что без него нигде показаться нельзя и что, словом, он сделался вернейшим признаком хорошего воспитания. Но к нему не пристрастен до той степени, чтобы пренебречь отечественною словесностью. Нет, я не столь ослеплен, чтоб не чувствовать всех достоинств языка, обильнейшего, благозвучнейшего, богатейшего; люблю под-час заняться нашими писателями, восхищаться их вымыслами, научаться их наставлениями, и нередко французская книга принуждена уступить в руках моих место русской. Иногда и сам мараю бумагу, но это лишь слабо, так слабо, так слабо, что и сам видеть не хочу [1]. Вы, может быть, возразите, что об этом ничего нет в письме вашем. Но, любезный дядюшка, вижу сквозь туманы, которыми покрыта мысль ваша, что вы на это намекаете; и так, извините, меня, я должен был единожды навсегда оправдаться.

Вы хотите знать нечто о нашем лицее. Вот мой ответ: вы знаете басню о мужиках, просящих царя; после тихого, смирного... * коим они не были довольны, в наказание дана была им голодная водяная змея [2].— Доброго почтенного Малиновского, которого не постыжусь назвать пред целым светом благодетелем моим, не стало, и теперь увы... *.

Однако блестит для нас в отдалении луч надежды; говорят, что будет у нас новый директор, и отгадайте кто? ...Князь Дмитрий Горчаков [3]; я его очень мало знаю, или, лучше сказать, почти совсем не знаю; но, признаюсь вам откровенно, что я этому не совсем рад; вы знаете сами, что, коль скоро родственник — начальник, почти всегда говорят, что он покровительствует, делает отличия по пристрастию и пр. и пр., хотя это очень часто бывает несправедливо. Это — между нами; надеюсь, что не выдадите меня. Пожалуйста, сообщите мне некоторые о нем сведения.— Но уж я слишком заболтался, вот уж и конец листа; но не надейтесь, что вы уже отделались от меня, у меня еще целый арьергард писем, которые вскоре нахлынут на вас, так что Елисавете Христофоровне, которой целую усердно ручки, на круглый год на напильотки станет.

Этот раз посылаю вам только Бурцова [4], по недостатку времени; продолжение впредь.— К 7 ном. «Музеума» увидите вы «chef d'oeuvre» нашего Пушкина — Городок [5].

К Бурцову

Бурцов, пера, забияка,
Собутыльник дорогой,
Ради дома и арака,
Посети домишка мой.
В нем нет нищих у порога,
Нет ни зеркал, ни картин,
И хозяин, слава богу,
Не великой господин.
Он гусар — и не пускает
Мишурою пыль в глаза,
У него, брат, заменяет
Все диваны куль овса.
Вместо зеркала сияет
Яркой сабли полоса,
У которой поправляет
Два любезные уса.
Нет курильниц, может статься,
За то трубка с табаком.
Нет картин, да заменится,
Ташка с царским вензелем.
Вместо ваз больших, прекрасных,
Беломраморных, пустых,
На столе стоит ужасных
Шесть стаканов пуншевых.
Они полны, уверяю,
В них сокрыт небесный жар,
Приезжай, я ожидаю,
Докажи, что ты гусар.

Д[авыдов.]

7. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

23 октября 1815 г. Царское Село, императорский лицей.

Благодарю, любезный Алексей Никитич, чувствительно благодарю за то, что вы не поскупились уделить из множества ваших занятий несколько минут мне; и что посреди беспрестанных забот вспомнили обо мне. Признаюсь, что с каждой почтой

* Многоточие в оригинале.

ожидал с нетерпением писем ваших; и не получая оных довольно долго, сомневался, не ошибся ли в адресе, или не залежалось ли письмо мое на почте; наконец, приходит витебская почта, приносит письма, распечатываю, читаю и мысленно прошу у вас тысяча раз извинения, что мог сомневаться. Да, любезный Алексей Никитич, и я принимаю искреннее участие в потере, которую вы сделали. Могу льститься, что и я пользовался благорасположением Христофора Марковича [1], и я никогда не забуду, как почтенный старец снисходил ко мне. Ломоносов [2], который знал его у Вязмитинова [3], не может нахвалиться им; мы часто и теперь сходимся с ним, говорим с искренним сожалением о Христофоре Марковиче. Вы спрашиваете меня о маменьке, Charle [4] и пр. Очень рад, что могу удовлетворить вас, ибо только-что получил письма от своих и сообщу вам все, что знаю, не боясь наскучить вам, ибо не сомневаюсь, что вы принимаете участие в моих. Маменька пишет мне из Ревеля, что она намерена предпринять маленькое путешествие в Горки к Анете [5], дабы взять Лизу и увидеться, если можно, с Еленой. Дела Шарля занимают у нее все время: она пишет, что мало-по-малу уплачивает долги его, и что надеется удержать Кирну, за которую дают уже ей 24.000 аренды. Шарлю опять хуже, маменька ожидает каждый день паспортов из Петербурга, чтоб отправить его в Англию. Кантакузен пишет ко мне от 30 сент., что он был в Горках и крестил с Софьей сына у Анеты, которого они назвали Георгием [6].

Пробывши несколько времени в Горках, они отправятся в Молдавию, и возвратятся к апрелю месяцу, ибо отпуск Жоржа кончится в апреле. Маменька очень довольна Соллогубом [7], который в каждом письме убедительно просит ее приехать в Горки и пожить у них. Скажите, далека ваша деревня от Горок?

Спешу, любезный дядюшка, первый обрадовать вас вестью, что выходят полные сочинения Жуковского [8], столь долго ожидаемые публикой. Издатели оных — люди известные, достойные: Тургенев [9], Дашков [10] и Кавелин [11]. Они выходят в двух частях, 4°—, и цена 20 руб. Как я жалею, что состояние мое не позволяет мне подписаться на оные; но вы, я думаю, не помедлите украсить Жуковским вашу библиотеку. Думаю, что скоро будет об этом напечатано в газетах. Препровождаю вам Клятву гусаров [12] и прошу извинить некоторые неисправности; я писал наизусть. Прощайте, любезный дядюшка, не оставляйте меня вашими письмами и любите искренно преданного вам Алекс. Горчак.

Мое почтение Елисавете Христофоровне.

Клятва гусаров

В дымном поле, на биваках,
Средь пылающих огней,
В благодетельном араке
Зрю спасение людей.
Подвигайся в круговую,

Православный весь причот;
Подавай лахань златую,
Где веселие живет.
Наливай обширны чаши,

В шуме радостных речей;
Так пивали деды наши
Среди копей и мечей.

Бурцов, ты гусар гусаров,
Ты на ухарском коне,

Величайший из нахалов
И рубаков на войне,
Стукнем чашу с чашей дружно
Ныне пить еще досужно,
Завтра к бою затрубят,

Завтра громы загремят.
Выпьем же и поклянемся,
Что проклятью предаемся,
Если мы когда-нибудь
Шаг отступим, побледнеем,
Пожалеем нашу грудь,
Иль в нещастьи оробеем;
Если мы когда дадим
Левый бок на флангировке
Или лошадь осадим,
Или маленькой илутовке
Сердце даром подарим;
Пусть не сабельным ударом
Пресечется жизнь моя,
Пусть я буду генералом,
Каких много видел я,
Пусть среди кровавых боев
Буду бледен, боязлив,
Но в собрании героев
Остр, отважен, говорлив;
Пусть мой ус, краса природы
Черно-бурый в завитках,
Иссечется в юны годы
И исчезнет, яко прах.
Пусть фортуна для досады
К умножению всех бед,
Даст мне чин за вахтпарады
А Георгья за совет.
Пусть я буду век в заботах
Членом в Мемельских ратотах
Иль пожарный капитан,
Пусть... по пуншевой стакан

Свое действие имеет;
Лоб твой жмется, нос багреет,
Моя речь тебе не в мочь.
Так прикрой же, добра ночь *.

Вот еще несколько разрозненных мыслей, которые мне понравились и которые я высказал. Может быть, они вам тоже доставят удовольствие, дорогая тетенька.

«Не кажитесь никогда ни более мудры, ни более учены, нежели те, с кем вы находитесь. Носите ваше знание, как ваши часы, в особом кармане и не извлекайте их, и не заставляйте их звонить лишь для того, чтобы показать, что вы их имеете».

(Письмо Честерфильда [13] к своему сыну.)

«Угрызения совести — привратники божества. Они нас ставят в известность о наших заблуждениях, они нас обличают беспрестранно перед судом того, кого мы обидели; мы бежим, мы думаем, что угрызения совести — для того, чтобы мы были судимы и приговорены... увы! это лишь для того, чтобы признать нашу вину, чтобы испытать проявление милосердия нашего общего отца и заставить нас вернуться на стезю, по которой он хочет, чтобы мы ходили». (Неправда ли эта мысль очень хорошо высказана и выражает поразительную истину. Однако она извлечена из плохой книги).

Epigramme

contre trois membres de la Convention nationale

Vit — on jamais rien de si sot
Que Merlin, Basire et Chabot?
A t' on jamais rien vu de pire
Que Chabot, Merlin et Basire?

Et vit-on rien de plus coquin
Que Chabot, Basire et Merlin?

Beaumarchais [14].

Перевод

Эпиграмма

против трех членов Национального конвента

Видели ли глупцов, подобных
Мерлину, Базиру и Шабо?
Видели ли когда-нибудь кого-нибудь хуже,
Чем Шабо, Мерлин и Базир?
Видели ли бо́льших шутов,
Чем Шабо, Базир и Мерлин?

Бомарше. [14]

Эпиграмма Кантемира [15]

В великом числе вельмож Сильван всех глупее,
Не богатей, не старей, делом не славнее;
Для чего же, когда им кланяются люди,
Кланяются и они, Сильван один, груди
Напялив, даже кивнуть головой; ленится:
Кувшин с молоком сронить еще он боится **.

Не узнаете ли вы здесь этого вновь испеченного благородного, который опасался, что малейшее снисхождение его деградирует. Последний стих мог бы перейти в поговорку.

8. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

5 декабря 1815 г.

Письмо ваше, любезный дядюшка, от 18 ноября получил я очень поздно; и вижу из ваших писем, что и мои вы получаете не скоро. Расстояние, кажется, не так, чтоб чересчур велико, а всякое письмо две, три недели остается в дороге; не знаю, как растолковать это; верно письма долго остаются на почтовых конторах. Удивительно мне также, что вы от маменьки не получаете никакого известия, она, кажется, прежде к вам писала очень часто и исправно. Я получаю от нее очень часто письма, и не могу довольно нахва-

---

* Дальнейший текст до эпиграммы А. Кантемира — по-французски.

** Дальше текст до конца по-французски.

литься ее ко мне милостию. На этой неделе она писала ко мне; по письму она все остается в намерении ехать в Польшу, быть у Анете, взять к себе Лизу, потом завернуть ко мне и опять назад в Ревель. Все это она хочет окончить к марту месяцу. Шарль опять в прежнем состоянии. Маменька нашла доктора, который хочет начать лечить его иначе, снова, и надеется вылечить его. Также маменька очень довольна, что нашла хорошего человека, который взялся ходить за ним и исполнять предписания доктора. Сообщаю вам эти подробности, зная, что вы принимаете участие в моих. Не знаю, любезный дядюшка, как поблагодарить вас за Жуковского, которого вы мне так неожиданно предлагаете. Жаль мне, что вы беспрестанными милостями меня поставляете в невозможности когда-нибудь изъявить вам достойно благодарность мою. Ваше дружеское расположение останется всегда в памяти у меня. Адресую вам это письмо в Люцен, не зная, застанет ли оно вас еще там; дорога зимняя уже установилась; и каждый день я в приятном ожидании обнять вас в Царском Селе. Не знаю, слышали ли вы про пиесу [1], которая теперь любимица нашего театра петербугского, про которую все говорят, из которой всякой наизусть знает тирады, которая навлекла множество неприязней и обожателей автору, о которой так и сяк судят, пиеса, в которой осмеян Жуковский,— я хочу говорить про «Липецкие воды». Может быть, она доставит вам некоторое удовольствие при чтении и для того я взял смелость переслать вам оную. Должно признаться, что есть сцены прекрасные, характеры разительные. Примечательно в ней то, что Шаховской очень искусно попал на нынешний тон большого света. Лица графа Ольтина, княжны Холмской и кокетки прекрасны. Впрочем, что говорить; вы сами будете читать. Может быть, вы читали в «Сыне отечества» несколько эпиграмм против и за Шаховского, — эпиграммы, где его называют Шутовским; также, может быть, помните там же письмо Дашкова к новейшему Аристарху, где он сильно нападает на Шаховского и укоряет его в том, что он с ума свел прекрасного единственного трагика нашего Озерова [2]. Жуковский очень благородно поступил в этом случае; не показал ни малейшего неудовольствия, он сам был при первом представлении этой пиесы. По окончании Шаховского вызвали на сцену, и в то же время как он откланивался, купец, которому случилось сидеть подле Жуковского, спросил его: что это значит, благодарит он, что ли? — «Нет извиняется», — отвечал Жуковский; вот маленькое мщение, которое он себе позволил и с того времени ни слова о Шаховском. — Жалею, что вы так неисправно получаете журналы; «Музея» [3] уже 9 номер вышло, также и «Амфиона» [4]; в «Музеуме» много пиес Пушкина и других моих товарищей. — Пиесы, подписанные цифрами 1.14... 17—все Пушкина. В 9 нум. хороша пиеса его «Мечтатель». Он написал «Послание государю» [5]; где есть прекрасные места; он надеется, что оно будет представлено государю; я не успел переписать его на этот раз, потому что оно довольно длинно, но в другой раз постараюсь.

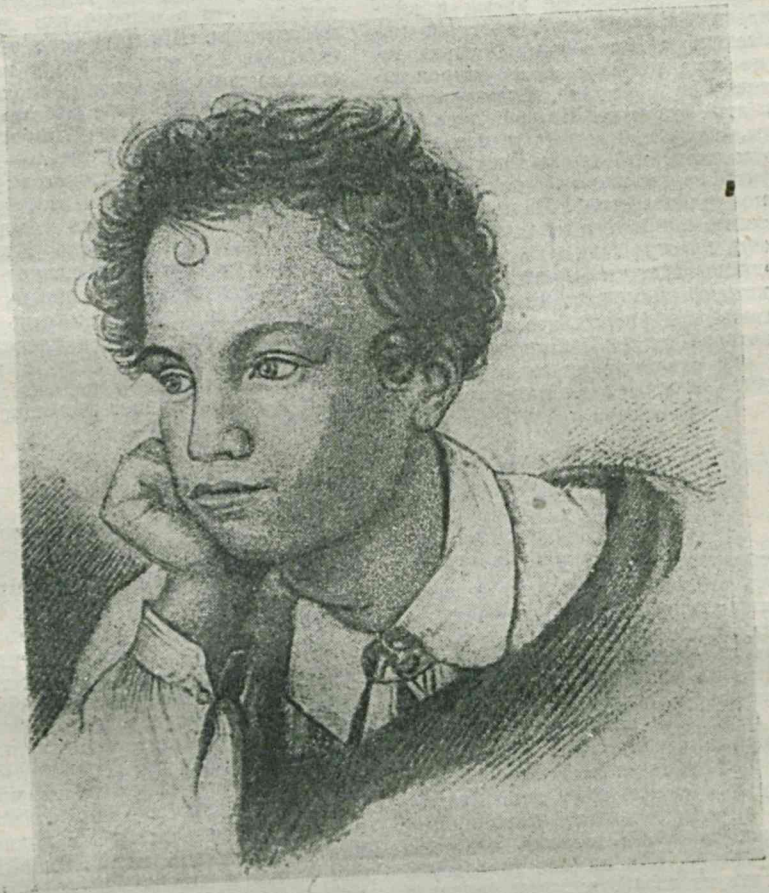
Прощайте, любезный дядюшка. Вечно ваш.

10. А. М. Горчаков — Е. Н. Пещуровой.

10 января 1816 г., Царское Село.

Только 6-го этого месяца я получил ваше письмо от 23-го, и вот почему на этот раз я должен лишить себя удовольствия писать моему дядюшке; ибо я уверен, что мое письмо уже не застанет его в деревне, так как он должен покинуть ее через три недели. Как я благодарен дорогому дядюшке за подробности, которые он мне сообщает о своем образе жизни. Сколь все эти частности меня интересуют. Особенно я в восторге от ваших маленьких чтений по вечерам, и я желал бы от всего сердца быть к ним допущенным; но я не теряю надежды, что это время придет и что, может быть, через маленькое число лет вы увидете меня, стучащимся в вашу дверь и очень почтительно просящего гостеприимства в вашем мирном Эрмитаже. Но оставим эти мечты и возвратимся к действительности. Я вам чрезвычайно признателен за участие, которое вы с такой добротой принимаете в моем здоровье. Я почти совсем уже поправился. Вот уже несколько недель, как я опять посещаю уроки, но я все еще ношу на себе то здесь, то там остатки моей болезни — большие красные пятна; простите мне эти подробности. Вы просите известий о Софи. Я очень смущен, не имея возможности вас удовлетворить, но я сам нахожусь в полнейшем неведении относительно ее. После последнего письма Жоржа я уже не получал о ней известий, и я не знаю, куда ему адресовать письма, так как он порхает с одного места на другое.

Я очень искренно разделяю ваши сожаления о недостаточно тщательном образовании Софи, но что делать; маменька — не при чем. Это, конечно, последствие тяжелой необходимости. Впрочем позвольте мне решиться высказать свое мнение. Я думаю, что женщины с природным умом, с хорошими качествами и знанием обычаев света могут частью обойтись без глубоких знаний. Я не гово-



А. С. ПУШКИН

С гравюры Гейтмана, приложенной к изд. „Кавказского пленника“ 1822 г.

рю, что та, которая будет иметь изощренный ум, не будет всегда в неоценимом преимуществе перед другими. Но качества сердца могут иногда возместить недостаток познаний. По последним полученным мной известиям, Елена после свидания в Киеве с Уваровыми [1] уехала в Каменец, где она провела некоторое время с князем Андреем Горчаковым [2], который находится теперь в Петербурге. Дорогая тетенька, не осудите, если я, не взирая на ваше маленькое сомнение, буду умолять вас написать маменьке. Не мое дело разематривать ошибки, которые у нее могли быть; но я знаю, что теперь она так несчастна, что ваши письма доставили бы ей большое удовольствие. Ваше снисхождение в этом вопросе я оценю, как особую милость по отношению ко мне. Вы не можете сомневаться в привязанности и дружбе, которые маменька не переставала к вам питать, и я уверен, что при первом письме, которое вы ей напишете, она не преминет вам ответить; не знаю даже, не предупредит ли она вас. Папенька [3] все еще в Петербурге; я его почти не вижу. Я думаю, что он покинет столицу скоро, как только он получит место, которого он желает и на которое ему подали вполне основательные надежды. На этих днях я получил письмо от Льва с поздравлениями к новому году, что меня очень удивило, так как это в первый раз он пишет мне из деревни. Простите мне эти мелочи; я забываю, что они не могут вам доставить столько неудовольствия, сколько мне. По поводу «Французского аббата» скажу вам, дорогая тетенька, что 27 прошлого месяца играли «Аббата де л'Эпе» [4], — драму, которая, мне кажется, имеется у дядюшки; я помню, что я плакал, читая ее в его библиотеке. Но это было в доброе старое время. Роль Клевана была опущена, а другие женские роли переделаны в мужские. Прощайте, дорогая тетенька. Извините мое маранье. Почта отправляется сегодня, а я несколько поздно взялся вам писать. Жду с нетерпением ваших писем и беру на себя передать от вашего имени привет дядюшке в Царское.

10. А. М. Горчаков — Е. Н. Пещуровой.

21 февраля 1816 г.

Мое последнее письмо, дорогая тетенька, осталось без ответа. Вот уже более месяца я лишен удовольствия получать ваши письма, удовольствия, которое является почти единственным для меня в лицее. Я лелеял надежду, что, оставшись одна в деревне, вы согласитесь пожертвовать мне немножко времени. С тех пор, как дядюшка приехал в Петербург, я его не видал; посему, дорогая тетенька, ничего не могу вам о нем сообщить. Предполагаю, что он вам довольно часто пишет; что до меня, то я все надеюсь повидать его до его отъезда, как он мне то обещал. Пишу вам это из лазарета; мною овладела ужасная мигрень; поэтому вы извините меня, если вы не очень мною будете довольны на этот раз. Не знаю, дошло ли до вас, что у нас новый директор — г. Энгельгардт [1]. Это, как говорят, очень образованный человек, который знает французский, русский, немецкий, итальянский, английский и, что лучше всего, немного латыни. Он в течение некоторого времени служил при дворе, а потом был директором Педагогического института. Ожидаем его со дня на день. Дорогая тетенька, если у вас есть известия от моих сестер, будьте любезны мне их сообщить. Что до меня, то я нахожусь в полном неведении относительно их. Прощайте, целую вам ручки и ставлю преграды этому письму, которое без этого, боюсь, вам наскучит. Поручаю себя вашей дорогой и снисходительной памяти.

Весь ваш.

11. А. М. Горчаков — Е. Н. Пещуровой.

11 года нашей 11 олимпиады или в гражданском стиле 19 марта 1816 г., лицей.

Вчера, любезная тетенька, я получил ваше письмо от 3 марта. Таким образом, оно потратило свыше двух недель, чтобы добраться до Царского. Начну с того, что успокою вас о судьбе вашего письма от 4 февраля: я его получил, хотя и несколько поздно, как обычно. Не преминул переслать в Ревель ваше письмо, вложенное в мое. Скоро, я думаю, вам ответят, но письмо маменьки не так скоро до вас дойдет, ибо надо, чтобы оно совершило двойной путь: сначала прибыло бы в Царское, где я им завладею, чтобы вам переслать. Чуть было не забыл, моя добрая тетенька, поздравить вас с приездом дядюшки; я всем сердцем и всей душой разделяю радость, которую вам этот приезд, без сомнения, доставил. Хоть ваше общество и уменьшилось теперь на одного человека, я тем не менее не сомневаюсь, что вы в нем находите еще много прелестей, и что вы не сменяли бы вашей тишины на шумные собрания столицы. Я вспоминаю, сколько раз вы, ког-

да еще были обитательницей Петербурга, удалялись от блестящих собраний, конечно, если приличия это позволяли, чтобы уединиться в ваш кабинет, раздумывать, читать или с пером в руках переписывать замечательные отрывки в сборник, который я с таким удовольствием читал и перечитывал. Иногда даже вы позволяли мне помогать вам в этой маленькой работе.

Не то, что вы меня допускали самого списывать: мое старанье изуродовало бы весь ваш сборник, но не раз вы находили удовольствие писать под мою диктовку. Всего этого нет и мне приходится невольно возвращаться к доброму старому времени, моему обычному приему. Я вам признателен, добрая тетенька, что вы сообщаете мне, что теперь составляет предмет вашего чтения. Я действительно хотел бы прочесть «Французского зрителя»; не теряю надежды, что когда-нибудь я его пробегу, сидя в вашей маленькой библиотеке в Люцене у камина между вами и дядюшкой. И этот испанский замок очень легко осуществить. Если вас интересует, дорогая тетенька, знать, что я читаю, скажу вам, что несмотря на мой решительный вкус к чтению, который довольно старого происхождения, я могу похитить лишь очень мало минут для своего любимого занятия; но эти похищенные минуты мне тем приятнее; теперь я только что окончил «Эмиля»[1] Руссо, которого, повидимому, дядюшка имеет в своей библиотеке, или, по крайней мере, мне кажется, читали вы, и я начал посмертные сочинения Фридриха[2], т. е. «Историю моего времени и семилетней войны». Прощайте, дорогая тетенька, надеюсь скоро сообщить вам что-нибудь о нашем новом директоре. Еще раз прощайте. Видя начало моего письма, не вспоминайте о педанте Ньютоне.

12. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

19 марта 1816 г. Царское Село.

Я обещал вам, любезный дядюшка, что с приездом своим найдете на столе письмо от меня; хотя я и несовершенно исполнил свое обещание, но крайней мере, уверен, что первый поздравляю вас с приездом. Сужу по радости, которую я чувствую при свидании с вами, об той, которую, верно, наполнило возвращение ваше Елисавету Никитичну, и признаюсь вам, — мне теперь гораздо приятнее знать вас в далекой отсюда деревне, нежели за двадцать две версты — но в столице. Теперь, по крайней мере, надеюсь опять получать приятнейшие для меня письма от любезного деревенского жителя, и надеюсь что он меня вознаградит за то время, когда я напрасно ожидал нескольких строк от развлеченного горожанина. И на этот раз надежда меня, верно, не обманет. Не могу утерпеть, чтобы не написать вам, если вам это еще неизвестно, что наш любезный прозаик, наш Карамзин, во зло всем славянофилам, удостоился самого лестного внимания государя императора. Вчера он сделан был статским светником и получил Анны первой степени через плечо, что кажется еще никакому статскому советнику не давали. Кроме того, он получил на напечатание своей истории 60 000 рублей. Впрочем это может несколько заставить замолчать зоилов его, но в глазах обожателей его таланта и в собственных глазах его он тем не менее будет Карамзин, просто Карамзин, которому ни лента, ни чин ничего прибавить не могут. При случае вспомнил я, что Corneille[1], когда ему говорили, что он собой не хорош, что его обращение сурово и вообще в обществе он совсем неприятный человек, хладнокровно отвечал: je n'en suis pas moins Pierre Corneille*. Вчера же еще сенатор Петр Алексеевич Шепелев, — может быть, это вас интересует, — получил Александровскую за 62-летнюю службу. Сегодня я надеялся видеть у себя папеньку, он хотел еще вчера уехать из Петербурга, но вероятно большой парад задержал его и заманил остаться, потому что вот уже вечер, а его еще нет. Теперь уже я совершенно буду отрезан, так сказать, от любезных сердцу: Петербург не будет для меня иметь ничего привлекательного, жить только надеждами и воспоминаниями не совсем приятно. Впрочем станем ждать у моря погоды, как говорит Саша в «Липецких водах», авось благоприятствующий какой-нибудь гений шепнет либо Кантакузену либо Анете иль маменьке, что пора обрадовать заключенного, а до такого счастливого для меня события письма друзей моих будут единственными моими радостями; в них приятно мне будет видеть, что отсутствие не совершенно изгладило меня из памяти и сердца тех, коих любовь и дружба суть единственные богатства вечно вам преданного

Александра Горчакова.

Позвольте, любезный дядюшка, напомнить вам об обещании прислать мне переписать «Старушку»[2] Жуковского и Критику Влудова[3].

---

* Тем не менее я остаюсь П. Корнелем.

13. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

22 апреля 1816 г., Царское Село.

Не получая долгое время ни строчки в ответ на последнее письмо мое, любезный Алексей Никитич, я не желал бы предположить, чтоб оно было потеряно; ибо тогда длинный промежуток в переписке нашей, столь для меня приятной, мог бы ввести вас в заблуждение, что прежняя ревность моя ослабела. Впрочем мне во всяком случае приятнее сделать сие предположение, нежели подумать, что, любезный дядюшка, вы не могли найти несколько свободных минут, дабы обрадовать меня ответом. С надеждой буду ожидать каждую почту, авось, либо что-нибудь получу от любезного Люценского жителя. Последнее посещение ваше в Царском сделало на меня глубокое впечатление. Вы позволили мне говорить вам о себе; я воспользуюсь сим позволением. Долго колебался я между родом службы, который бы мне избрать. Военная, хотя не представляла мне почти ничего привлекательного в мирное время, кроме мундира, которым отныне прельщаться представляю молодым вертопрахам, однако я все же имел предрассудок думать, что молодому человеку необходимо начать службу с военной. Ваши советы решили сомнения мои, и я предоставляю другим срывать лавры на ратном [поприще] и решительно избираю статскую, как более сходную с моими способностями, образом мыслей, здоровьем и состоянием; и надеюсь, что так могу быть более полезным. Без сомнения, если бы встретились обстоятельства, подобные тем, кои ознаменовали 12-й год, тогда, по крайней мере, по моему мнению, каждый чувствующий в себе хотя малую наклонность к военной, должен бы посвятить себя оной, и тогда бы и я, хотя не без сожаления, променял перо на шпагу. Но так как, надеюсь, сего не будет, то я избрал себе статскую и из статской, по вашему совету, благороднейшую часть — дипломатику. Заблаговременно теперь стараюсь запастись языками, что, кажется, составляет нужнейшее по этой части. Русский, французский и немецкий я довольно хорошо знаю; в английском сделал хорошие начала, и надеюсь, нынешнее лето усовершенствоваться в оном. Кроме того, может быть займусь еще итальянским, потому что открылся случай. Латинский только никак в голову не идет. Главное дело было бы приобресть практические знания, чего в лицее сделать нельзя. Я ожидаю от вашей дружбы и вашего расположения, и вашей опытности, что, любезный дядюшка, не откажите мне написать об этом ваше мнение и не оставите меня вашими советами. Также должен прибегнуть я к снисходительности вашей, заняв вас в течение целого письма, а может быть, и наскучив собою. Впрочем тем не менее остаюсь вечно любящий вас

Горчаков.

Позвольте напомнить об «Старушке» и Блудове.

14. А. М. Горчаков — Е. Н. Пещуровой.

23 апреля 1816 г., лицей.

Не буду повторять, дорогая тетенька, того, что я пишу дядюшке об огорчении, которое я имел, не получая столь долго дорогих известий о вас и ответа на мое последнее письмо, которое я вам написал вместе с письмом к дядюшке. Но не могу отказаться повторить, что я имею живейшее желание получить скоро известия от вас, так как вы знаете, что небольшое утешение, которое я имею в лицее, кончилось бы почти совсем, если бы наша переписка прервалась. Спешу сообщить вам нечто, доставившее мне большое удовольствие. Письмо ваше достигло Ревеля; маменька просит меня сказать вам, что она не перестанет любить вас, пока она жива и что она постарается быть достойной вашей дружбы теми ответными чувствами, которые она к вам питает. Это ее подлинные слова, которые я выписываю из ее письма, находящегося у меня перед глазами. Она кончает, прося меня извинить ее перед вами в том, что она не отвечает вам с этой почтой, но что она не преминет сделать это незамедлительно. Вы не будете на нее в обиде, моя милая тетенька, если медлительность почты задержала бы ее письмо, тем более, что ему придется проделать два путешествия — одно из Ревеля до Царского, и затем от Царского до Люцена.

Наш образ жизни в Царском потеряет теперь несколько свою монотонность. Лето обещает новые и разнообразные удовольствия; кроме того, наш городок будет довольно оживлен, так как императрица Елисавета проведет здесь лето со своим двором и затем разные частные лица сняли здесь дома. Что лучше всего — это то, что мы будем иметь Карамзина, дом которого, находящийся в двух шагах от лицея, уже приготовляют. Я имел удовольствие видеть впервые этого выдающегося человека[1]. Проезжая через Царское, чтобы ехать в Москву, он остановился в лицее с Пушкиным (Василий Львович) и Вяземским[2], которые уехали с ним. Не знаю, дошло ли до дядюшки, что

Вяземский будет печатать свои стихи в Москве, что составит прекрасное маленькое произведение. Дорогая тетенька, будьте добры замолвите обо мне словечко дядюшке, чтобы он не забыл прислать балладу Жуковского и критику Блудова, которые он мне обещал. Списав их, я их ему перешлю обратно незамедлительно и в хорошем порядке. Каждый день поджидаю в Царское тетушку Елисавету Христофоровну, так как я надеюсь, что она не лишит меня удовольствия пожелать ей доброго пути. А вы, дорогая тетенька, не лишите меня известий о себе, чего я ожидаю от вашей дружбы.

Ваш всецело преданный Александр.

15. А. М. Горчаков — Е. Н. Пещуровой.

7 мая 1816 г., лицей.

Лицейский Катон, который, между нами, стал им очень дешево, спешит поблагодарить свою добрую тетеньку за любезную записочку, которую она ему написала. Я очень признателен также милосердному человеку, который доставил мне удовольствие получить ваши письма. Праздники мы провели довольно плохо; за исключением двух или трех прогулок в Павловск и в другие прекрасные места по соседству, которые несколько рассеяли однообразие нашего пребывания, мы довольно скучали. К сожалению, у нас существует предрассудок, что Олимпийские игры были бы не по сезону в семнадцать и восемнадцать лет. Я этого не думаю и, признаюсь вам, что немного ребячества время от времени мне бы гораздо больше подошло. Этим летом свобода наших прогулок будет тоже несколько ограничена, так как, если двор будет в Царском, — о чем не перестают говорить, — нам нельзя будет быть столь же шумными в саду, как обычно. Я сильно опасаюсь, что прелести деревни летом отвлекут окончательно ваше внимание от бедного царскосельского отшельника, и что письма ваши будут приходить не столь часто. Что до меня, то я ручаюсь за свою аккуратность, с которой я буду вас беспокоить своими длинными посланиями. Мне кажется, что дядюшка привез с собой новое средство против скуки, — я говорю о маленьком подборе новых книг, которыми, я предполагаю, он обогатил свою библиотеку. Я, кажется, ему об этом не говорил во время его приезда. Это единственное убежище, которое мы имеем в праздничные дни: у нас нет собственных библиотек, за исключением Ломоносова, у которого есть шкаф с 200—300 томов избранных книг; но мы стараемся получать книги из города. Тетушка еще не проезжала через Царское, и я думаю, что она этого не сделает так скоро, ввиду погоды, которая у нас стоит. Княгиня Лиза Кантакузен[1], которая со дня на день собирается уезжать, тоже обещала мне побывать у меня. Сообщите мне, пожалуйста, если вы имеете известия о моих четырех сестрах, относительно их я в полном неведении. Извините, дорогая тетенька, беспорядок, который вы найдете в моем письме; в соседней со мной комнате читают вслух Хвастуна[2]; а в четырех шагах находится все семейство Малиновских[3]; все это не позволяет мне вполне отдаться моему письму, как я бы того хотел. Я однако не хотел пропустить почту без того, чтобы вам повторить, сколь вам предан ваш Александр.

16. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

Царское Село, 7 мая 1816 г.

Письмо ваше от 7-го, любезный Алексей Никитич, получил я очень поздно и только тогда, когда пошло мое второе письмо, в котором жаловался вам на молчание. Вероятно, разлитие вод причиною сего замедления. Боюсь, что последнее мое письмо показалось вам очень неудовлетворительным, ибо я был эгоистом в полном смысле сего слова, говорил только о себе, меж тем как вы меня обрадовали добрыми четырьмя страницами и в прибавок балладой. Благодарю вас, любезный дядюшка, что позволили мне оставить ее у себя, потому что — признаюсь — временем теперь нам очень должно дорожить, и я едва ли нашел бы случай переписать ее сам. За то я почитаю себя вашим должником, я намерен прислать вам «Дом сумасшедших[1] Воейкова, если у вас его еще нет. Как-нибудь улучу время переписать его, только вы мне это позволите сделать на скорую руку. Напишите мне, есть ли у вас эта пиеса. Это род критики на большую часть наших живых поэтов, местами очень колкая; Жуковскому, Батюшкову, Хвостову, Каченовскому и пр. и пр. всякому досталось частичку. Например, эта строфа на Жуковского кажется мне очень вшпад, особенно по последней его балладе, где Жуковский слишком много дал игры воображению. Воейков представляет, что входит в желтый дом и, увидя Жуковского, говорит:

Вот Жуковский в саван длинный
Скутан — лапочки крестом,
Ноги вытянуты длинны,
Чорта дразнит языком;
Ведьму видеть воображает,
И глазком ей подмигает,
И кадит, и отпевает,
И трезвонит, и ревет.

Ожидаю от вас в рассуждении этого и много кой-чего еще ответа. Вторая часть Жуковского вышла; не знаю, получили ли вы ее, я еще не получал. — Вы очень правы, любезный дядюшка, в рассуждении галлицизмов Карамзина. Удивляюсь, как после столь лестного внимания государя его не приняли в Академию[2], еще более удивляюсь тем людям, которые по сие время не могут простить ему, что он говорил публике не языком Стоглава[3] или Уложением[4] царя Алексея Михайловича. Мы ожидаем его в Царское в первых числах сего месяца, уж дом его приготовляют; вчера приехал Тургенев осматривать его. Вы, может, удивитесь, что я так вдруг стал жаловаться на недостаток времени, это происходит от того, что граф Разумовский[5] приблизил время нашего выпуска 4 месяцами. В конце июня 1817 нас уже не будет в лицее. — Вы пишете, что будущее представляет мне много приятного, и подлинно — в нем вижу скорое свидание с вами, любезный дядюшка, и, если верить предчувствию, свидание, чтоб не скоро разлучиться. Ах если бы вы были в Петербурге при нашем выпуске! Сколь счастливым почел бы себя, если бы вы руководили первыми шагами моими при вступлении в общество. Если я ошибаюсь, то не лишайте меня сего приятного заблуждения и позвольте навсегда остаться в а ш и м А. Г.

17. А. М. Горчаков — А. Н. и Е. Н. Пещуровым.

14 мая 1816 г. Царское Село

Вы верно удивитесь, любезный Алексей Никитич, получивши от меня в столь короткое время два письма сряду, но я обещал вам наскучить и, как видите, держу свое слово. Писем от вас ожидаю по каждой почте с великим нетерпением; надеюсь, что не откажете в вашем мнении в рассуждении рода службы, мною избираемой. В последний раз вы мне слова два сказали о графе Каподистрии[1]; все, что я об нем слышал, подтверждает ваше об нем мнение, но говорят, что он вероятно долго не останется в этом месте; прямой характер его не способен к придворным интригам. А желал бы я служить под его начальством. Директор наш г. Энгельгард, который долго служил в дипломатическом корпусе, взял на себя несколько приготовить нас к должности. Он выпросил через Нессельрода[2] у государя переписку берлинского двора с нашим, в течение одного года или двух, и выбрал из нас тех, которые желают итти по сей части. По сие время нас четыре — он будет задавать нам писать депеши, держать журнал, делать конверты без ножниц, различные формы пакетов и пр. и пр. словом, точно будто мы в настоящей службе; приятно знать даже эти мелочи, как конверты и пр. прежде, нежели вступить в должность. Это мы начнем через две недели, когда нижний этаж дома его будет отделан. Я должен вам еще извинения, что худо исполнил ваше препоручение в рассуждении кормилицы. Она сама не имела благоразумия притти ко мне, а я не знал ни жительства ее, ни даже имени. Наконец, вчера после продолжительных поисков нашли кормилицу генерала Пещурова, как говорит мой дядька. — Многие из царскосельских старушек хотели воспользоваться сим именем. И мне трудно было узнать истинную. Но вчерашняя бодрая, даже любезная старушка говорила мне о таких подробностях, что и не помедлил вручить ей ваши милости. Ее зовут Авдотья Кондратьевна Кондрашова. Не ошибся ли я? Так ли имя вашей кормилицы? Вы найдете при сем «Дом сумасшедших», который я вам переписал, улучив праздник, полагая, что у вас его нет. Взгляните в письмо к тетеньке, если, любезный дядюшка, хотите узнать, отчего я должен з д е с ь назваться вашим преданным.

А. Горчаков*.

На этот раз вы получите от меня, дорогая тетенька, лишь очень малое количество строк. Ибо я не могу отложить до следующей почты письма к папеньке и другого к маменьке, которые я должен написать за счет итальянского языка, который я буду изучать. Вы знаете, дорогая тетенька, чтобы не начинать с яиц Леды, что маменька давно уже имела желание обучить меня возможно большему количеству языков, и она пишет мне, чтобы я не упускал случая учиться итальянскому. По странной случайности оказывается, что учиться итальянскому я буду у старого аббата Чезари, который обучал итальянскому маменьку приблизительно 30 лет тому назад. Чтобы быть более уверенным, что это удастся, я бросаю два якоря — и вот почему эта почта позволяет мне почти только пожелать вам доброго утра или доброго вечера, смотря по времени, когда мое письмо дойдет, и пожелать вам всех удовольствий, какие только можно вообразить. Мое последнее письмо оставило вас,

* Далее до конца письмо написано по-французски.

вероятно, очень недовольной мной. Не знаю, знаете ли вы, что Елена родила 25 марта в Оттоках близ Могилева на Днестре близнецов — сына и дочь — Константина и Елену[3]. Она очень страдала, и я дрожу, когда думаю, какую сильную встряску должно было выдержать ее слабое и хилое здоровье. Она приедет провести лето в имении, которое у Кантакузена в нескольких верстах от Соллогуба. — Таким образом я теряю надежду видеть кого бы то ни было из моих в Петербурге. Шарль, судя по тому, что мне пишет маменька, не подает больше никакой надежды. Он не хочет ложиться в постель из опасения, что простыня отравлена.

Если, тетенька, сможете сообщить мне известия о папа вы, как нельзя более, обяжете Вашего преданного

Александра.

18. А. М. Горчаков — Е. Н. Пещуровой.

25 мая [1816 г., Царское село.]

Вы извините меня, моя добрая тетенька, что я пропустил две почты, не написав вам. Мне было трудно найти длительную минутку досуга, и я был бы вынужден удовольствоваться несколькими строками. Но я предпочитаю следовать вашему изречению: «Я люблю быть пространной с моими друзьями», и писать вам более подробно. Прелестный маленький томик получил я с большим удовольствием. Мое первое желание иметь маленькую библиотеку из этих томиков. Вы спрашиваете мое мнение об «Эмиле» Руссо. Если бы я не был уверен, что это лишь для того, чтобы меня испытать и видеть приблизительно, как я сужу об авторах, я бы никогда не решился на это отвечать: но вы этого хотите, моя добрая тетенька, и мой первый долг и удовольствие вас слушаться.

Вы вполне правы, дорогая тетенька, говоря, что Руссо пытается провести свои софизмы с помощью очарования своего стиля. Стиль Руссо, мне кажется, совершеннейшее, что мы имеем на французском языке, и наиболее способное найти путь прямо к сердцу. Никогда человек не обладал лучше искусством овладевать чувством других и не пользовался им более опасно. Его «Эмиль», которого некоторые унижают, говоря что Руссо хотел заставить человека ходить на четвереньках, как медведя, а другие возносят до облаков до такой степени, что, говорят, в Индии был один француз, который обходил восток, всюду проповедуя, что существовал лишь один апостол, один пророк истины, и что это был Руссо. Его «Эмиль», по моему мнению, — произведение, которое без опасения можно давать лишь маленьким детям и законченным людям; первым — потому что они его не поймут, а вторым — потому что они уже достаточно рассудительны, чтобы иметь твердые и неизменные принципы. Система воспитания Руссо содержит прекрасные вещи, достойные того, чтобы им следовали, но его главный недостаток, как кажется, в том, что он не заложил основ своего строения там, где сам бог имеет свой престол. Его Эмиль ничего не знает о религии до возраста в тринадцать или четырнадцать лет. Исповедь савойского викария, без сомнения, самое опасное место в его книге; многие из наших не имели смелости ее прочесть, и отнестись к ней, как к неисписанным листам; после прочтения ее нуждаешься в хорошем противоядии. В течение всей своей книги он показывает себя вполне превосходным человеком; первая часть исповеди так хорошо трактует о натуралистической религии и так во всем соответствует нашим догматам, что трудно ей противостоять; и вдруг, когда он установил основы натуралистической религии, он с удвоенной силой нападает на христианство, и вы удивлены и даже раздосадованы видеть порядочного человека, впавшего в столь пагубное заблуждение. Фридрих и Руссо были, по моему мнению, более опасными врагами религии, чем Вольтер: он пользовался лишь оружием ума, тогда как они все основывают на чувствах; лишь красноречие страстей оставляет неизгладимые следы. Я уже вижу, что вы досадуете, что разбудили меня из моего дремотного состояния, чтобы заставить меня так разглагольствовать, и что вы уже говорите с улыбкой:

Сей суд довольно здрав, довольно и умерен
Для мудреца в семнадцать лет.

Слагая мантию мудреца, прошу вас разрешить мне поцеловать вам ручки и извинить пространность вашего педантичного, но преданного Александра.

Быть может вы не знакомы с сонетом де Барро[4], посылаю его вам.

19. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

25 мая 1816 г.

Благодарю вас, любезный Алексей Никитич, за дружеское письмо ваше и советы. Прискорбно было мне, получив при письме от Елисаветы Никитичны только несколько строк от вас; но теперь мне только остается благодарить вас. Кормилица ваша получила свои 20 рублей, прежде нежели вы отправили их из Лямо-

ново, так как я вас уже и уведомил в прошедшем письме. В рассуждении этого будьте без заботы.

И мне, любезный дядюшка, служит приятным отдохновением переписка с вами, говорю — отдохновением в полном смысле сего слова, потому что теперь много накопилось занятий, ибо граф Разумовский приблизил время нашего выпуска тремя месяцами; в конце июня 1817 нас уже не будет в лицее; но с сокращением времени не уменьшились занятия, и мы должны как-нибудь прилежанием выиграть эти три месяца. Причина этого, как мне кажется, почтенный и любезный директор наш, который старается нас поскорее из лицея выжить, так как он не может приписать себе чести нашего выпуска, если он будет удачен. Впрочем он нам этим большую услугу и удовольствие сделает, если только, как я надеюсь, это не обратится во вред занятиям нашим. Я в особенности имею лишнее противу товарищей упражнение итальянским языком. Два, а иногда три раза хожу брать уроки у аббата Чезари, иногда сижу у него три часа слишком. Кроме того, директор обещал мне заняться со мной по-английски, коль скоро дом его будет отстроен. Я уже вам писал о канцелярии, которую он намерен завести для предуготовления к службе тех, кои изберут дипломатическую. Если вам угодно знать, кто это такие, то вот они: Ломоносов, Корсаков[1], барон Гревениц, Юдин[2] и ваш покорнейший. Напишу вам об этой канцелярии подробнее, когда она приведена будет в детство, что случится через две, три недели, по крайней мере. — Все, что вы ни говорили мне о службе, перечитывал и перечитываю еще несколько раз. Сколь бы вы меня обрадовали, любезный дядюшка, если бы захотели быть моим путеводителем. В неложной привязанности моей давно вы уверены; взаимная доверенность еще более укрепит ее. Зачем хотите давать мне новые знаки вашего расположения; советы искренние, внушенные дружбою недостаточны разве исполнить меня благодарности. В последний раз как у меня был папенька, я его распрашивал о службе, к которой он меня назначает, и он мне сказал, что он это совершенно оставляет на мой произвол; маменька всегда говорила то же; следовательно вы видите, что согласие родителей моих имею. Я называю службу эту благороднейшею перед прочими не от того, чтобы действительно какой-нибудь род службы был унизителен, но свет имеет какие-то предрассудки в рассуждении сего; на вас самих ссылаюсь, скажите кому-нибудь, что такой-то служит в сенате; не ответят ли вам тотчас с усмешкой: верно у него пушок на рыльце, как говорит Крылов. Хотя я с молодости никогда в родительском доме не знал, что такое нужда, однако и к роскоши не привык; так как мне придется жить жалованьем, ибо не хочу ни за что обременить родителей, то вот одно из затруднений дипломатической службы — жалованья почти нет. Много кой-чего желал бы вам сказать о Каподистрии, товарищах-поэтах и пр., но принужден оставить продолжение до следующей почты. Очень, очень обрадовали меня письмом своим, присылайте, пожалуйста, такого гостинца почаще.

20. А. М. Горчаков — Е. Н. Пещуровой.

1 июля 1816 г.

Я думаю, дорогая тетенька, что вы можете себе представить, сколь я воевал против мух и комаров *, получив ваше письмо, и что скорее желал бы получить в Царское всю эту пачку родственников, чем оказаться лишенным ваших милых писем. Но так как вся моя риторика и все мои мольбы остались без последствий, я был вынужден прибегнуть к чему-то более могущественному, т. е. к старцу с острой косой и к чему-то, что имеет еще больше цены для меня, — к доброте и к дружбе, которые вы мне всегда проявляли. Вот союзники, которых я противоставлю комарам, раз эти комары имеют смелость помещаться между бумагой и моей тетенькой, когда она согласна мне писать. Я надеюсь, что я исправил вину, которую могло за мной оставить мое письмо наполовину, последним письмом, в котором мое перо себя не жалело. Я боюсь и вместе желаю получить от вас письмо теперь, ибо ожидаю хорошей маленькой пачки критических замечаний на мои мысли об «Эмиле» Жан-Жака, а с другой стороны, без ваших писем у меня нет удовольствия в лицее. Однако, в этом случае описание не может перевесить желание иметь от вас известия, и я надеюсь, что комары уступят вашей дружбе и благожелательности. Я не стану вам говорить, что народонаселение нашего Царского возрастает день ото дня. Место достаточно красиво, чтобы привлекать общество из Петербурга; государь и государыня приезжают сюда почти каждую неделю и остаются два, три дня и больше. В смысле постоянных жителей на все лето вы имеете цветок Царского — Карамзина и его семейство[1], кроме того, княгиню Волконскую[2], Резановых[3] (которые вам, мне кажется, знакомы) с невестой m-lle Сушковой, Бакуниных[4] и т. д. и т. д. Но что мне больше всего нравится — это то, что я нашел здесь знакомого — графа Комаровского[5] с семьей. Я каждое воскресенье провожу весь день у них; это прелестная семья. Графиня — в особенности прелест-

* Во французском тексте игра слов: «кузен» — родственник и «кузен» — комар.

ный человек, полный доброты. Вы можете себе вообразить, что после того, как я столь долго был лишен радости видеть кого-нибудь, кто бы мной интересовался, я наслаждаюсь удовольствием быть в семье, чрезвычайно предупредительной по отношению ко мне. Если вас это интересует, скажу вам, что наш поэт Пушкин получил от императрицы матери золотые часы за куплеты[6], которые он сочинил к празднеству, бывшему в Павловске. Вы прочтете описание его в «Северной почте»; мы там были; я не решаюсь соперничать с г. газетчиком, давая его описания. Чувство, которое вы выражаете в пользу своей прекрасной и доброй Елены, доставило мне бесконечное удовольствие. Сколь я очарован, что два человека, столь друг друга достойных и которых я так люблю, не остаются в своих чувствах чуждыми; признаюсь вам, между нами, что моя дружба к Елене доходит до обожания. Она в моих глазах, пристрастных, быть может, — образец доброты и мягкости, делающей счастливым всех, кто к нему подходит. Весь ваш.

21. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

1816. Лицей 10 июля.

Записочку вашу, любезный дядюшка, получил вместе с письмом от Елисаветы Никитичны, и с прискорбием видел, что кажется вся природа соединилась против меня; то комары, то жар лишают меня удовольствия и наслаждения получать письма от любезных мне отшельников люценских. 1 июля я писал к вам довольно пространно, но сомневаюсь, получите ли вы сие письмо, ибо в незнании моем я адресовал его в Люцен. Позвольте, любезный дядюшка, надеяться твердо на ваше обещание обрадовать меня на следующей почте; я и записал уже в книжечке, такого-то числа письмо из Порхова — пространное в вознаграждение. — Благодарю вас также за прозу и стихи, которые так милостиво предлагаете: все, что приходит от вас, вожделенно для меня. Если вы имеете это благое намерение, то пусть не остановит вас мысль, что я все это знаю, или, по крайней мере, знать должен; много, много прекрасного в русской поэзии, чего я не знаю, разве только по-наслышке. Так как мы уже заговорили о поэзии, то скажу вам, что ваши знакомцы по журналам, т. е. наши домашние поэты, что-то умолкли; сам Пушкин заленился, верно, и на него действует погода. Очень часто ходит он к Карамзину, к нему очень хорошо расположен; не худо было бы, если бы там, в храме вкуса и познаний, он бы почерпнул что-нибудь новое и прекрасное, и ознакомил бы на досуге в прекрасных стихах; но нынешнее лето, кажется, надежды мало, да и вообще оно не очень плодородно в лицее. Все поэты наши дремлют до радостного утра. Пушкина пиесы с три[1] должны быть на этих днях напечатаны в «Вестнике Европы»; он уже давно их отправил. В числе трех «Гроб Анакреона»[2], который я думаю вам понравится. Недавно составилось у нас из наших поэтов и нескольких рифмачей род маленького общества, которое собирается раз в неделю, обыкновенно в субботу[3] и, садясь в кружок, при чашке кофе, каждый читает маленькие стишки на предмет или, лучше, на слово, заданное в прежнем заседании, т. е. каждому дают какое-нибудь слово, на которое он должен изготовить к будущей субботе водевиль, на который наш виртуоз Корсаков сочиняет обыкновенно голос; голоса эти ему довольно часто удаются. Для смеху, забавы и куриозу присылаю вам два из этих маленьких соводевилей, но попрошу вас, чтоб это осталось между нами и вашими, ибо поступаю противу правила не выносить сора из избы, и подлинно — сор. В прошедшем письме забыл сказать вам, любезный дядюшка, что с некоторого времени беру английские уроки у гувернера детей Комаровского; эти уроки будут продолжаться только во время летних месяцев, месяца с три, но этого достаточно; я сделал порядочное начало в этом языке, и мне надобно только me remettre sur la voie. Извините, не вспомнил русского выражения. К папеньке я об этом писал, так как он мне приказал при от'езде, но боюсь и сомневаюсь не получить от него в скором времени ответа и денег, ибо срок мой с англ. кончится в августе в конце; на 6 или 7 писем, которые писал к папеньке, не получил ни одного ответа. Правда, англ. берет не дешево, за 3 месяца надобно будет дать ему слишком 100 р., но так как папенька приказывал и позволил мне сыскать случай продолжать сей язык, который я очень люблю, я решился. — Простите — разболтался.

Вечно ваш.

На слова
*Никак нельзя — ну так и быть**
Отрывок из куплетов.

Я прав, он виноват; решите,
Почтенный господин судья. —
Петра вот первого указ,
— Никак нельзя.
Экстракт и опись и приказ,
В мою вы пользу рассудите,

* См. А. С. Пушкин, Собр. сочинений, Академия, 1935 г., т. I, стр. 358.

Прикажете ль лошадок вятских
Четверку вам в конюшню свесть?
— Постойте... кажется мне... есть
Статья... да, нет ведь то в Сенатских,
Но чтобы вас не погубить,
— Ну, так и быть.
Клит малой доброй, не деритесь,
Он вас обидеть не хотел,
И сделать этого б не смел,
За что вам драться, помиритесь —
Дамому говорят друзья.
— Никак нельзя.
Но Клит идет, идет не струся,
Дугой согнулся страшный ус,
Он с саблей — тут притих мой трус.
По вашей просьбе помирюся
И впрямь, за что его убить. —
— Ну так и быть.

На слова:

С позволения сказать *.

Отрывок

С позволения сказать,
Я сердит на все ужасно.
Нет. — Вы просите напрасно;
Не хочу пера марать;
Можно ль честному поэту
Ставить к каждому куплету
С позволения сказать.
С позволения сказать,
Престарелые красотки,
Перещитывая четки,
Станут в запуски кричать.
Это что? — Да это скверно! —
Сочинитель песни верно
С позволения сказать....
С позволения сказать,
Есть над чем и посмеяться,
Надо всем, друзья, признаться,
Глупых можно тьму сыскать
Между дам и между нами
Даже, даже... меж царями
С позволения сказать.
С позволения сказать,
Доктор мой кнута достоин,
Хоть он трус, хоть он не воин,
Но уж может воевать,
Лечит делом и словами
Да потом и в гроб пинками
С позволения сказать.

22. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

Лицей, 3 августа [1816 г.]

Наконец, любезный дядюшка, получил я письмо ваше от 18 июля; на сей раз переписка наша потерпела большой промежуток; только вина не моя; получив последнее письмо ваше, уже не имею никакого права жаловаться, ибо оно совершенно вознаградило меня за долговременное терпение. Такие письма напоминают мне уже любезного сельского жителя, которому городская рассеянность не препятствует обрадовать лицейского пустынника известиями о любезных ему, обстоятельно и удовлетворительно. По числу этого письма вы увидите, что наш свободный месяц уже кончился, и что мы опять за книги; число занятий наших беспрестанно накопляется по мере приближения срока нашего выпуска; чтоб не отстать об других при занятиях моих в итальянском и английском языках, я часто нахожусь принужденным отказываться от гулянья, которое скоро перестанет быть приятным, и даже иногда вставать по утрам ранее. Впрочем, не взирая на занятия, вы всегда найдете меня исправным в переписке: я слишком люблю собственное свое удовольствие, чтоб добровольно отказаться от столь приятного и полезного для меня препровождения времени. Извините, любезный дядюшка, что нынешний раз при письме ничего не прилагаю: нового ничего мне в руки не попадалось; за вашу же оду очень, очень вас благодарю: хотя я ее прежде и знал, но не имел у себя и не мог достать. Также очень меня вы обрадовали обещанием впредь не оставлять писем; я твердую надежду полагаю на книгу, о которой говорите, и, пользуясь вашим расположением ожидаю, по первой почте открытий в любви военного и под'ячего, с которыми нетерпеливо желаю познакомиться. Сердечное участие принимаю в удовольствии, которое вам доставило посещение Марьи Александровны и соседство петербургских гостей, без сомнения, любезных; желал бы очень быть на их месте; и сделать себе хорошенький букет из корневицких цветов; побывать у вас составляет одно из приятнейших моих мечтаний для будущности. Впрочем это еще не ушло; и если не откажете в гостеприимстве, то верно увидите меня у

* См. А. С. Пушкин, Собр. сочинений. Академия, 1935 г., т. I, стр. 359.

себя. Жуковского 2-я часть давно вышла, т. е. слишком 1½ месяца я уже видел ее у многих в лицее, но сам не получил; удивляюсь сему замедлению, тем более, что вы разделяете оное со мной. Карамзин все еще торгуется с типографщиками и не может условиться; вот все, что могу вам сообщить о его истории. Некоторые из наших, читавшие из нее отрывки, в восхищении. Жалею о несчастии, приключившемся вашему Капнисту[1], текст у меня перед глазами, точно такое же издание Капниста; сын его подарил оным одного из наших. Если бы оно было мое, то давно б уже имело место в вашей библиотеке; но как говорит пословица: о к о в и д и т.

Как мне благодарить вас, любезный дядюшка, за готовность, которую вы всегда показываете помогать мне; от папеньки по сие время ни строчки; беспокойства мои увеличиваются; впрочем еще у меня 4 недели сроку, авось либо в крайней нужде з а й м у у директора*, который наш лучший друг в полном смысле.

Вечно ваш.

23. А. М. Горчаков—Е. Н. Пещуровой.

Лицей. 15 августа. [1816 г.]

Я нарочно беру лист большого формата, дорогая тетенька, чтобы вознаградить себя за то, что я так долго был лищен удовольствия вам писать; моя последняя записка должна была оставить вас очень недовольной, но мне тогда было невозможно написать что-либо стоющее. Начинаю с того, чтобы поблагодарить вас за ваше последнее письмо, которое, хоть не обещало, казалось, ничего хорошего, так как состояло всего из двух маленьких листов, не преминуло однако, как вы сами говорите, доставить мне большое удовольствие, как все, что приходит от вас. Как мне не терпится знать, что вы прибыли в Люцен. У меня перед глазами письмо моей доброй тетушки, в котором я нахожу сии утешительные слова: «Мы скоро покинем это имение, что вернет нашей переписке ее аккуратность», что меня, конечно, очень радует. Так как вы столь добры, что справляетесь о моей семье, я вам сообщу о ней сведения, тем более, что они у меня совсем недавние. Я получил письмо от маменьки, и что удивительнее, от папеньки. Маменька пишет, что она все еще находится в Ревеле для ухода за несчастным Шарлем, что, не уклоняясь от предписаний врача, она имеет некоторые слабые проблески надежды; по крайней мере, у ней есть удовлетворение видеть его возвращенным к чувствам, которые, казалось, навсегда его покинули; с некоторого времени он узнает маменьку, и она больше не мучается зрелищем, когда он не может вынести вида матери, которая себя всецело приносит ему в жертву. Бедная маменька, когда найдет она покой, коего она так заслужила. Сердце мое истекает кровью, дорогая тетенька, когда я думаю, что воспоминание о Шарле отравило остаток дней маменьки, маменьки, которая всегда имела ввиду лишь счастье своих детей, которая жила лишь для них, которая всю свою любовь вложила лишь в них. — Нет, я слишком знаю ваше чувствительное сердце и боюсь занимать вас этими грустными мыслями. Но признаюсь вам, что я не раз об этом думал и что это мне не одну минуту отравило. — Маменька предполагает устроить Шарлю по предписанию врача маленькое морское путешествие до Або в Финляндии. Так как вы ближе, нежели я, к Анете, то не буду о ней говорить и притом я сам о ней непосредственно ничего не знаю. — Я знаю лишь, что мои четыре сестры и маленькое потомство здоровы. Маменька хочет ехать в Горки за Софи и Лизой, «потому что, — пишет она — обе пренебрегают своими занятиями, и я стану им чужой». Простите, дорогая тетенька, что я занимаю вас своей семьей, это мой конек, и когда я до него доберусь, трудно меня остановить. — Вы скоро получите известия о кн. Черкасской, я сегодня обедаю у гр. Комаровского и о ней распрошу. Ваши поиски грибов с лорнетом доставили мне большое удовольствие. Мне не терпится присоединиться к вам со своими очками на носу; нужно, чтобы нам очень не повезло и не найти их столько, чтобы устроить роскошный обед соседним провинциалам и уморить всех окрестных мух. Мы могли бы взять еще третьего компаньона, по его словам, тоже большого любителя грибов, общество которого не было бы лишним. Это (ни за что не угадаете) Карамзин. Каждое утро я вижу его проезжающим верхом по грибы. Так, по крайней мере, он говорит. Это еще хуже, чем их искать с лорнетом. Если вам не хватает дождей, чтобы заставить ваши грибы появиться, мы могли бы вам их одолжить в большой дозе, ибо они нам изгоняют нашу публику из Царского, и скоро мы увидим, что все прекрасное общество мало-по-малу дезертирует, и блестящее Царское Село снова превратится в бедный маленький городок, который будет иметь значение только благодаря тому, что императорский лицей соглашается в нем пребывать. Так проходит слава мира. — Сколько я мог бы вам еще сказать, но не бумага говорит: а м и н ь (хотя ни одна бумага не выдержит, когда я пишу моим друзьям в Люцен), но очень ничтожное обстоятельство: мои часы показывают 2½, что значит: приведи себя в порядок и отправляйся к г-же Комаровской, которая

* Дальнейшие слова в подлиннике по-французски.

устроит тебе головомойку за то, что ты у нее не был полторы недели. — Мой дорогой дядюшка не взыщет, если на этот раз он не получит мою мазню; по отношению к тетеньке у меня был долг чести. Я еще столько имею вам сказать, но я должен запечатать свое письмо, не рассказав вам о маленьких прогулках, которые мы совершали во время каникул, о наших кавалькадах на финских лошадях, об обеде, который мы давали директору, о празднестве, которое он нам устроил 12 в день своего рождения, о маленьком сюрпризе, который мы ему сделали; я не сказал вам о маленькой пьесе ad hoc, которую мы в этот день играли, и в которой ваш весьма почтительный в первый раз фигурировал на сцене и т. д. и т. д.; если мои друзья из Люцена меня разохотят, я обещаю им хорошенький пакетец. — В скобках скажу, что наш верный друг граф Разумовский [1] получил отставку, и что в данную минуту мы находимся под властью маленького князя Голицына [2] из министерства вероисповеданий. — Лучшие пожелания, тетенька. Наспех весь ваш.

24. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

20 сентября 1816 г.

Увидев на письме вашем число 31 августа, я удивился медленности почты, ибо оное получил только вчера, то-есть 19 сентября; теперь уже, любезный дядюшка, могу из'яснить себе тот промежуток, который, к крайнему моему сожалению, сделался в столь для меня приятной с вами переписке.

Прежде всего должно мне благодарить за все подробности, которые мне сообщаете, в рассуждении ваших сельских удовольствий (находить в е з д е средство приятным образом проводить время не есть последнее искусство) и за стихи, которые вы имели снисхождение переслать мне. Из'яснения любви военного, а особенно под'ячего очень позабавили меня, тем более стыжусь, что нечем поподчивать за такой приятный подарок; на наших поэтов нашла черная година; совершенный неурожай; Пушкин свободное время свое во все лето проводил у Карамзина, так что ему стихи на ум не приходили; но так как Карамзин сегодня уезжает совсем, то есть надежда, что в скором времени мы услышим приятный и знакомый голос домашней лиры. Если будет что-нибудь хорошего, достойного вашего внимания, то полагайтесь на усердие и прилежание мое. Я не знаю, подписались ли вы на собрание образцовых сочинений в стихах и прозе, выходящее в 12 частях, которого уже частей с 7 напечатано; если оно у вас есть, то раскройте 4 часть стихов, найдете пиесу «Иринь» [1] нашего поэта И л л и ч е в с к о г о. Надежду некоторую вы мне подаете видеть вас нынешнею зимой в Царском Селе, есть самый лучший подарок, который, любезный дядюшка, мог мне сделать. Если вы будете, то непременно д о л ж н о будет познакомиться с нашим директором. Извините не д о л ж н о: я твердо уверен, что знакомство его будет вам несказанно приятно; чем более я с ним знакомлюсь, тем более утверждаюсь в мнении, что такого другого человека сыскать нельзя; я говорю без увеличения и по истинной моей уверенности; он дал нам позволение ходить к нашим родственникам и знакомым; но, так как он также позволил нам быть у себя, то вы чувствуете, что другим его позволением мы не много пользовались; особливо я, который не имел здесь родственников или кого-нибудь из тех, к коим любовь сделалась для меня приятною привычкою с детства. Гр. Комаровский просил меня к себе в дом, будучи очень знаком с папенькою и дружен с дядюшкой кн. Алекс. Ив. [2]. Он уже с неделю что уехал. Когда пишешь к любезным, не чувствуешь, как время проходит; вот я уже в конце листа. Если имеете еще терпенье послушать моего болтания, взгляните в письмо к тетеньке.

Вечно ваш А л е к с а н д р.

25. А. М. Горчакова — Е. Н. Пещуровой.

1816 г. 20 сентября.

Едва успел я окончить письмо к дядюшке, как позвонили к уроку математики. Вернувшись с него, сел за столом с пером в руке, чтобы поблагодарить вас за ваше милое письмо. Я вспоминаю теперь, что я забыл упомянуть дядюшке о получении 20 р. для его кормилицы; я в тот же день повидал эту добрую старушку: мы с ней побеседовали полчаса, и она ушла, проникнутая добротой дядюшки. Вы простите меня, дорогая тетенька, что я так начинаю: роман с хвоста. — Мне кажется по некоторым признакам, рассеянным в вашем письме, что моя дорогая тетенька не придала большой веры нездоровью, которое помешало мне написать ей несколько недель тому назад, но я вас уверяю, что на этот раз вы неправы в отношении меня; случай должен быть очень важным, чтобы я отказал себе в удовольствии вам писать. Теперь, например, я вам пишу из лазарета, где нахожусь вследствие простуды, схваченной мною две недели тому назад во время прогулки на воде с семьей Комаровских. Это впрочем не мешает мне посещать уроки. Но я всегда на себе чувствую приближение плохого сезона и вынужден принимать какое-нибудь груд-

ное средство. На этот раз это пилюли, прописанные Штофрегеном[1]. Простите, что я так много говорю вам о средствах и болезнях и о вашем весьма почтительном (что является педантизмом другого рода). Коснемся лучше предмета более дорогого для нас обоих и во всяком случае более достойного вашего внимания — поговорим о маменьке. Я только-что получил от нее письмо, датированное 11 сентября; она пишет, что Шарль уже отправился в недалекое морское путешествие, предписанное ему врачем, и что маменька непременно расчитывает через 3 дня, считая с 11-го выехать в Горки, где она заберет моих сестер. Жорж болен и хочет уехать с Еленой за-границу на два года; Софи вернулась к маменьке. Дети Елены останутся у матери Жоржа. Я в восторге от этого путешествия маменьки, хоть оно меня от нее удаляет, но я уверен, что оно развлечет маменьку, в чем она очень нуждается, и что она будет довольна в своей семье.— Если время позволит, я не сомневаюсь, что маменька сделает визит своим настоящим друзьям в Люцене. Если это случится, вы не откажетесь нежно обнять от меня эту добрую мать и сказать ей, что, хотя ничто не было бы для меня более приятно, чем видеть ее самому, я однако охотно жертвую этой радостью, если это необходимо для нее. От сделанного мне дядюшкой маленького описания празднества, которое он предполагал дать на св. Елисавету, у меня слюнки потекли. Весь этот день я провел у директора; за столом мы пили за здоровье наших Елисавет; думаю, что излишне вам говорить, что мои пожелания не были менее искренни, хотя впрочем я предпочел бы выразить их вам лично, мои дорогие тетушки. Незаметно дойдя до конца моего листа без того, чтобы многое вам сказать, беру новый лист в надежде, что толстый том вас не испугает и не утомит вашего терпения. Я забыл сказать дядюшке, что я получил второй том Жуковского, без всякого труда со своей стороны, и надеюсь, что теперь и он его получил. Почти все наши милые и не милые столичные гости скрылись один за другим. Граф Комаровский уехал вот уже с неделю слишним. Семьи Голубцовых и Сосновских, Северинных, Рихтер, Резановых, Новосильцова, Огаревых[2] и т. д. и т. д. нас покинули. Карамзин уезжает сегодня, чтоб вернуться на будущее лето. Остаются у нас однако еще г-жа Вельо[3], Бакунина, граф Толстой[4], и еще кое-какие добрые люди; я имел случай за это лето сделать не одно знакомство. Из них самое приятное было знакомство с генеральшей Рихтер, рожденной Герман, которая полна остроумия и любезности. Мы проводим прелестные вечера у директора. Я всегда стараюсь кончать свои занятия к 7 или 8 часам вечера, а два оставшихся часа провожу у директора; он один из счастливейших людей в своей семье[5]. Его жена очень хорошая особа, чрезвычайно добро относящаяся ко мне. Она помнит, что танцовала с дядюшкой в музыкальном или танцовальном клубе, уж не помню в котором; это было 18 лет тому назад. Она также помнит моего дядюшку Николая Никитича[6]. Ее дети очаровательны. Вечером беседуют, занимаются музыкой и очень часто директор угощает нас чтением вслух, что он делает превосходно. Обычно это какая-нибудь театральная пьеса. Вчера это были «Испанские замки»[7]. Я вспомнил театральный сборник, который дядюшка сам сделал (и который поистине драгоценен), общество выражало сожаление, что не имеет этого труда под рукой. Я не мог устоять против того, чтоб во время чтений строить собственные испанские замки. Если бы вы могли провести будущее лето здесь, как я был бы счастлив; я бы имел тогда подле себя обе семьи, наиболее мне дорогие. Как время быстро бы потекло, и я чувствую, что тогда не желал бы больше кончать лицей. — Снисхождение моей болтовне.— Прошу вас о единственной милости — последуйте моему примеру, любите немного вашего всецело преданного

Александра.

Привет доротой тетушке.

26. А. М. Горчаков — Е. Н. Пещуровой.

1816 г. 1 ноября.

Начинаю с того, что благодарю вас, моя добрая тетенька, за все хорошие слова, которые вы мне говорите в вашем письме, и в особенности за то, что вы рассудили, что если дядюшка не мог мне писать,— это не основание лишить меня ваших писем. В то же время приношу вам повинную голову. Я не хотел пропустить сегодняшнюю почту, чтобы, если произойдет перерыв в переписке, доставляющей мне столько удовольствия, вина была бы не за мной. Только-что я окончил спешное письмо маменьке, а передо мной еще хорошенькая кучка бумаги, которую я должен непременно исписать, так что у меня приятная перспектива оставаться, по крайней мере, 5 часов пригвожденным к скамье. Да, дорогая тетенька, это не фраза, и я вынужден отказать себе сегодня сообщить моим добрым (надеюсь, на этот раз, снисходительным) люценским друзьям все маленькие подробности, которые, я думаю, доставили бы им удовольствие. Вы очень добры, принимая участие в здоровье царскосельского отшельника, чья грудь не стоит большего, нежели он сам. В данное время впрочем я чувствую себя, как Pont-

neuf * и не имею другой печали, как только той, что я вынужден наспех набросать несколько строк (вместо страниц) на бумагу. Излишне, я думаю, говорить вам, что 14 прошлого месяца у нас было празднество [1]. Вы, конечно, узнали об этом из газет, где какой-то аноним поместил соответствующую статью. Беспристрастно, наш праздник был прелестен. Директор взял на себя его устройство; после театра у нас был бал, длившийся до полуночи, потом мы угостили публику прекрасным ужином, а после ужина снова танцевали. На другой день государь был у директора и сказал ему, что ему досадно, что его не пригласили, так как он непременно бы пришел, и что в первый же раз, когда у нас что-нибудь будет, он уже заранее сам себя приглашает.

Так как 14-го было последнее празднество, даваемое нами, мы щедро сложились: праздник стоил нам около 500 р. и почти столько же директору. Я тоже должен был раскошелиться и выложить 25 рублей. В этих случаях не годится наводить экономию: к счастию, я получил деньги от маменьки. Мое письмо должно быть столь бессвязно и плохо написано, что мне стыдно его перечитывать, и я прибегаю ко всей снисходительности, которой может располагать моя добрая тетенька в данный момент. Целую ручки тетушке Елисавете Христофоровне.

Любезный дядюшка, вы меня верно не простите, получая от меня вместо обыкновенных четырех страниц несколько строк худо и нескладно написанных. Но я непременно не хотел пропустить почты сегодняшней, не писав к вам.— Много было бы чего сказать вам: поэты наши пробудились; прозаики пишут; но все это я должен оставить до будущего разу, а теперь только могу просить помилования для себя и письма своего.

Тетенька подает мне надежду видеть вас здесь зимою; если бы надежда могла сделаться известностью! Через 8 месяцев мы выходим.

Вечно ваш.

27. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

Лицей, 21 ноября [1816 г.].

Последнее письмо мое, любезный дядюшка, верно оставило вас недовольным; и так как оно не удовлетворило и меня, то, улучив свободный час, что теперь редко случается, спешу убедить вас, что не лень, а совершенная невозможность может меня иногда заставить добровольно отказать себе в удовольствии писать к вам подробно и обстоятельно. Жаловаться на недостаток времени так стало обыкновенно и столь часто было во зло употребляемо, что уже не может быть принято за извинение, но у нас действительно теперь свободный вечер на редкость. Кажется, делают, все возможное, чтоб нас скорее выпустить, и время нашего пребывания в лицее беспрестранно сокращается. Весьма вероятно, что мы выйдем в первых числах июня и что следовательно только 5 месяцев остается до великого дня. Перед выпуском будет самый строжайший частный экзамен, который будет продолжаться целый месяц, а после оного публичный в присутствии государя. Я не извиняюсь перед любезным дядюшкой за все эти подробности: дружба и расположение его позволили мне говорить о себе не боясь наскучить. Признаюсь, что вижу приближение нашего выпуска с некоторым чувством боязни и беспокойства. Время для меня самое неудачное. Родители мои и те из родных, к коим я чувствую доверенность, удалены из Петербурга. Так что при выходе подлинно не буду знать, куда голову преклонить. Притом же, если бы маменька здесь была, то бы, живя с нею, я бы не принужден был сделать многих невеликих издержек, которые, соединясь, превзойдут многим мой неважный доход. Я всегда был уверен, что молодой человек, который чему-нибудь учился и имеет желание служить, как должно, может, ограничивая и отказывая себе во многом, жить собственными своими трудами; мысль — быть в тягость бедным и добрым моим родителям — была для меня всегда нестерпима. Но сначала весьма трудно, особливо малым жалованьем, получаемым в иностранной коллегии, обзавестись пристойным образом. Все это заставляет меня не с величайшим нетерпением ожидать выпуска. Я уже не говорю о том, сколь важно и необходимо для молодого человека иметь опытного, снисходительного и доброго руководителя при вступлении в свет, где часто первый шаг решает судьбу и определяет общественное мнение. Вы, верно, любезный дядюшка, найдете меня сегодня великим эгоистом: в продолжении всего письма занимал вас, а может быть, и наскучил собою. Люценские друзья мои снисходительны; говоря о себе, я бываю говорлив только с ними. Прощайте, любезный дядюшка, не оставьте меня без ваших советов и утешьте дружеским письмом, которого ожидаю с столь же великим нетерпением, как и скорого с вами свидания в Царском.

---

* Так в подлиннике.

28. А. М. Горчаков — Е. Н. Пещуровой.

22 ноября [1816 г. Царское Село].

Не получив ответа на мое последнее письмо, я предположил, что моя дорогая тетенька не захотела на этот раз проявить свое обычное снисхождение, отвечая на несколько строк, наспех набросанных. Вот почему я спешу написать второе письмо, которое, если не обманываюсь в своих надеждах, доставит мне очень пространный ответ и утешит меня в моем долгом и бесплодном ожидании. Что до надежд, то, признаюсь, они у меня в данный момент весьма хороши и с основанием. Вы не поверите, какое удовольствие доставляет мне каждый падающий хлопок снега и как я радуюсь, что установился такой прекрасный зимний путь. Вы не будете спрашивать о причине этого, так как это значило бы, что план маленького зимнего путешествия в Петербург оставлен и что больше о нем не беспокоятся. Во всяком случае, маленькое подтверждение моих надежд мне бы не повредило. Я не стану спрашивать вас, находите ли вы теперь, что время долго тянется, так как знаю, что скука — жилец, с которым вы никогда не живете. Не знаю, помните ли вы, сколько раз вы удивлялись, когда я жаловался на скуку. Слава богу, я предоставил теперь бессрочный отпуск этому милому товарищу. Тем не менее я думаю, что время года лишило вас не только одного приятного времяпрепровождения, а и того, что составляло родство душ между вами и великим человеком из Царского. Думаю, что теперь, не взирая на ваш лорнет, вам было бы трудно разыскать малейший грибок. Я бы очень хотел знать (если, конечно, моей доброй тетеньке угодно, чтобы я это знал), какое времяпрепровождение можно теперь подыскать в Люцене, кроме книг и выдержек, которые я, между нами сказать, попрошу разрешения перелистать, как только поставлю свой посох паломника перед дверью вашего Эрмитажа и буду просить у вас гостеприимства, для безрассудного, не имеющего других заслуг, кроме того, что он может назваться вашим всецело преданным племянником. Если вы благоволите поинтересоваться нашим братом, я вам скажу, что мы нашли на эту зиму новый вид развлечения — кататься на коньках. Вы не сказали бы, что ваш племянник неженка и трус, если бы видели, как он, «окрылив ноги железом», как говорит Пушкин, скользит со скоростью ветра без внимания к холоду и опасности падений. Правда, всегда имеешь приятную перспективу вернуться к себе окоченевшим и украшенным премиленьким маленьким растяжением связок, как результат чистой прибыли этого приятного упражнения. Но все это не производит ни малейшего впечатления на нашего брата, который находит удовольствие во всем, в чем есть тень опасности. Я уже вижу мою дорогую тетеньку, которая смеется над этими героями нового покроя, но я этому охотно подчиняюсь, лишь бы хорошо написанное письмо приятно развлекло вашего всецело преданного.

Лучшие чувства дорогой тетушке.

29. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

Лицей, 25 декабря. [1816 г.].

Пишу к вам, любезный дядюшка, не будучи уверен, застанет ли мое письмо вас еще в деревне. Генварь не далек, и скоро буду ожидать милых люценских гостей со дня на день. Последнее письмо ваше крайне огорчило меня; в деревне худое расположение духа — не самый лучший товарищ, и мне очень прискорбно было, что не мог ранее к вам писать. Последнее письмо мое со вложением стихов Давыдова[1] теперь вы, вероятно, получили. Немного недоставало чтоб я не надписал на письме Санктпетербург вместо лицея. Мы получили позволенье ехать в город на все праздники, и теперь град святого Петра полон синими мундирами с красными воротниками, которые стараются повеселиться в одну неделю за все 6 лет и еще привести с собою довольно веселья на остальные 5 месяцев. А я — живу теперь здесь на просторе, хожу к директору, читаю, пишу к вам письма и не скучаю, и даже ни разу не жалел еще о том, что остался здесь. Однако и я едва не поехал. Отец Юдина[2] (одного из наших), который ко мне очень расположен, хотел меня взять с собою непременно, я его поблагодарил от души и остался. Никогда так время скоро не проходило; грозные пять месяцев быстро шагают. Вы уже, я думаю, узнали чрез газеты, что наш директор сделан действительным статским. Без него и его фамилии разлука с родными была бы нестерпима. Хотя я у него почти как дома, однако все иногда случается вспомнить, что везде хорошо, а дома лучше. Уже несколько месяцев я ничего не слышал от папеньки, маменьки и сестер. Письма мои остаются без ответов. Одна приезжая из города говорила мне, что маленькая сестрица (не знаю которая) в Москве очень страдает глазами и в опасности лишиться одного глаза. Видите, что все, что про моих знаю, не очень утешительно, если перед от'ездом [не] успеете успокоить меня несколькими строками в рассуждении родных. Впрочем

при радостном свидании надеюсь поговорить с вами обстоятельнее о сем предмете и многих других. Не знаю, заезжала ли к вам маменька из Горок? Я к ней несколько раз туда писал и, не получая ответа, предполагаю, что она уже оттуда уехала, но куда?—не знаю. Эта мучительная неизвестность заставляет меня с нетерпением ожидать несколько строк от любезного дядюшки, дружбе и расположению которого препоручаю преданного ему Александра

Горчакова.

Любезной тетеньке целую ручки*.

30. А. М. Горчаков — Е. Н. Пещуровой.

Лицей, 26 декабря. [1816 г.].

Я только вернулся с прогулки, совершенной в очень милом обществе, и, отведя дам до дому, не нашел ничего более спешного и более приятного, как степенно сесть за стол, очистить довольно плохо свое перо и писать вам, дорогая и добрая тетенька. Погода прекрасная, и мы веселились настолько, насколько это возможно, когда имеешь еще вкус к удовольствиям, тщетный, мишурный, блеск коих не является их единственным достоинством. Мы бегали, играли, смеялись, делали безумства, как будто нам было не 20 и 18 лет, а лишь 10 и 8. Когда я говорю «мы», надо понимать 3 или 4 лицеистов, которые в данное время являются представителями императорского лицея в добром городке Царском; что до остальных, то они разошлись на все четыре стороны. Я вам признаюсь, что молчание и тишина, внезапно сменившие вечное жужжание, которое мы обычно слышали, в первую минуту поражает, и к ней труднее привыкнуть, нежели к радующему шуму, всегда напоминающему, что вы окружены живыми чувствующими людьми. Теперь же редко услышишь в наших длинных корридорах шаги человека, и в момент, когда я вам пишу, я опять слышу звук колокольчика, который, вероятно, у нас еще кого-нибудь отнимает. Я угадал верно: Бакунин[1], весь запыхавшись, только-что выбежал из моей комнаты, чтобы броситься в материнские об'ятия. Я вам, кажется, уже говорил, что летом у нас последний публичный экзамен; по всем видимостям, он будет блестящ, так как сюда ожидают австрийского императора[2], короля прусского[3] и некоторых других князей из Германии. Государь уже отдал распоряжение, чтобы приготовить несколько домов в Царском, между прочим и Александровский дворец, который, вероятно, будет занимать король прусский. Государь сам должен совершить поездку на юг России в марте месяце, чтобы вернуться в мае или в июне месяце. В последнем письме, которое вы были так добры мне написать, вы мне не говорите, рассчитываете ли вы остаться в деревне или быть в числе тех, кто приедет в Петербург. Излишне вам говорить, что первый случай не всем будет удобен, а в особенности кому-то из ваших знакомых, имеющему большие надежды. Если мое письмо вас еще застанет в Люцене, маленький ответ не повредил бы мне, в особенности, если моя добрая тетенька могла бы сообщить мне что-нибудь о моей семье, судьба которой мне совершенно неизвестна.

Весь ваш Александр.

31. А. М. Горчаков — А. Н. и Е. Н. Пещуровым.

7 марта 1817 г. [Царское Село].

Третьего дни получил я от эконома нашего сахар, который угодно вам было взять на себя доставить мне, и узнал от него, что вы были столь милостивы, что сами завезли посылку. Спешу отблагодарить вас от всего сердца. Из письма вашего вижу, что я должен оставить надежду видеть вас у себя до святой; утешаюсь тем, что, может быть, сам через две недели представлюсь к вам. Я говорил с директором, и он мне сказал, что он ни за, ни против. И что если князь Александр Николаевич возложит на него давать позволения, то верно, отпуская других, не удержит меня. Как он, так и супруга его препоручили мне с первым письмом свидетельствовать вам их почтение. От маменьки по сие время не получаю никаких известий; признаюсь, что это молчание, к которому я не привык, беспокоит меня. Если Хвостов[1] знает что-нибудь о маменьке, сообщите, мне пожалуйста. Если бы я по крайней мере знал, где она теперь! Все письма мои остаются без ответа. Жуковский прислал Пушкину своего «Певца на Кремле»[2] (которого вы теперь, вероятно, уже имеете или читали) с надписью: «Поэту товарищу Ал. Серг. Пушкину от сочинителя». Любезный дядюшка, надеюсь, не оставит по старой доброй привычке обрадовать меня при случае несколькими строками с известием о своих, следовательно, и о моих. Преданный вам.

Александр Горчаков**

---

* Два последних слова по-французски.

** Дальше текст до конца написан по-французски.

Получив строки, которые вы пожелали мне направить, дорогая и добрая тетенька, я задрожал, как узник, которому приходят об'явить приговор. Да, я твердо уверен, что знаменитое вступление: «Доколе Катилина» и т. д. не произвело большего впечатления, чем ваше письмо. Я сам испугался, когда подумал, что в течение трех недель я лишал себя удовольствия вам писать, и скорее, скорее я велел подать мне свечу, печать, сургуч, бумагу и перо, чтобы поблагодарить вас за чувства, которые вы имеете доброту постоянно мне выражать в ваших письмах.

Я уверен, что если бы я предложил вам на пари, угадать, кто только-что от меня вышел, вы бы не угадали. Если я вам скажу, что это — портной, вы воскликнете: вот новость; но если я прибавлю, что он только-что снял с меня мерку для корсета, вы подумаете, конечно, что я унаследовал по прямой линии, в честь соседства, кокетство какого-нибудь хорошо завитого и напомаженного гусара. Впрочем, чтобы у вас не составилось обо мне слишком плохого мнения, тороплюсь сообщить вам решение загадки, сказав вам, что так как я всегда довольно плохо держался (что вы, без сомнения, замечали) и всегда имел сгорбленную спину, что оказывает очень губительное влияние на мои легкие, от которых я в данное время очень страдаю, я, наконец, решился подвергнуть себя нескольким неделям стеснения, и через месяц, без розог и ударов палки, я надеюсь иметь столь же прекрасную выправку, как первый гренадер батальона. Государь в Царском со вчерашнего дня (среда) с вечера. Он навестил генерала Левашева[3], который болен. Простите вечное ego и благоволите, поручив меня доброте дорогой тетушки, вспоминать иногда письменно вашего всецело преданного Александра*.

Распечатываю свое письмо, дорогой дядюшка, чтобы послать вам пиесу Давыдова[4], которой вы, может быть, не имеете. Она посвящена одной московской актрисе, по имени Ивановой, которая покорила молодца. В ней есть красивые места[5].

32. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

Лицей, 1817 г., апреля 3—4.

Два раза принимался писать к вам, любезный дядюшка, и два раза должен был оставить перо; в мое отсутствие накопилось дела так, что, будучи беспрестанно отрываем от письма, я должен был с понедельника мало-по-малу отлагать писать к вам до четверга. Немедленно по приезде сел я писать к маменьке и папеньке; оба письма уже отправлены; я просил маменьку не приезжать сюда единственно для меня и не входить ни в какие издержки для моего устроения. Просил ее также написать мне, позволяют ли ей обстоятельства снабдить меня бельем, дабы я знал, на что надеяться. Ожидаю ответа с нетерпением. Здесь встретили меня известием о близком экзамене; конференция положила продолжаться ему 15 мая по 31 мая. С 31 м[ая] по 15 июня будет промежуток свободного или, по крайней мере, бесклассного времени: будут в течение двух недель поправлять все то, что мы в шесть лет испортили, сломали, разбили и пр. А с 15 по конец июня предложат государю выбрать два дня для публичного экзамена. Посылаю к вам на первый раз все, что мог найти у себя лицейского литературного сора; не имею времени переписать его и прошу вас принять, в каком состоянии находится. Посылаю тетеньке обещанную пиесу; автор писал ее четырнадцать лет; перечитывая ее, я нашел великие недостатки, которые бы он сам наверно переправил, я выпустил некоторые стихи, которые не мог пропустить сквозь цензуру. В Петербурге печатаются сочинения Батюшкова[1]. Гнедич[2] издает его стихотворения, и Федор Глинка[3] прозу. Они скоро выйдут в 2-х частях. Оканчиваю письмо в классе Будри[4], большие глаза его, беспрестанно обращенные на меня, рассеевают несвязные мысли мои, и я, к крайнему моему сожалению, должен отправить к вам сии строки, в коих нет ни порядка, ни связи. Прощайте, любезный дядюшка, вспоминайте иногда меня в маленьком кругу ваших и любите преданного вам.

Александра Горчакова.

Рекомендую вам: Тихую жизнь[5] Дельвига.

33. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

[13 мая] 1817 г. [Царское Село].

Ожидав вас целый день, любезный дядюшка, не могу не сердиться на каретника, который и на этот раз лишает меня удовольствия видеть вас. Благодарю от всего сердца за дружеские попечения об отсутствующем. Об квитанции вашей дано знать в два места царскосельским и павловским крестьянам: они, кажется, желают иметь ее; но не могу теперь ничего сказать решительного, потому что сегодня вечером получу ответ, а газетчик спешит в город, ибо его спе́шили.

Во всяком случае есть надежда, что дано будет более 1600; может быть, и до

---

* Дальнейший текст написан на отдельной записке.

2000. Экзамен наш начинается во вторник; если б, любезный дядюшка, вам возможно было приехать завтра в понедельник. Папенька пишет, что К. А. Ив. приедет сюда к концу мая и что он, может быть, с ним приедет. Прощайте, я спешу, не забывайте меня в кругу вашем, который скоро надеюсь назвать своим.

Преданный вам А. Горчаков.

Я бы очень желал, любезный дядюшка, увидеть вас еще раз перед выпуском.

34. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

[21 мая 1817 г., Царское Село].

Два часа спустя после вашего от'езда, дорогой дядюшка, я получил досадное известие, что павловские крестьяне не могли взять квитанции до осени. Что самое неприятное, так это то, что меня в течение недели баюкали надеждами и что мы потеряли время, которое как нельзя более драгоценно в данный момент. Захаржевский[1] тоже говорит, что он послал повестку крестьянам, но что ответа нет, и что, обычно, мирские сходки затягиваются. Итак, с этой стороны больше надежды нет. Единственное, что может несколько восстановить мои финансы — это предложить графу Хвостову быть любезным: дать мне вперед те 1 100 р., которые я должен получить 3 июля. Без этого у меня к выпуску только 300 р. Вы были добры предпринять эти переговоры, ожидаю результатов с нетерпением. Вот я снова ввергнут в неопределенность. Не будь вас в Петербурге, я бы не знал, что делать. Не знаю еще, как вам препроводить письмо до субботы. У нас здесь сегодня экзамен по-латыни; князь Голицын здесь. Завтра он у нас будет на богословии, со всей академией Невского и со всеми почтенными бородами Петербурга. Наш частный экзамен превращается в публичный, так как князь велел опубликовать в газетах приглашение. На завтра поручаю себя молитвам тетушек, день будет опасный: то, что хорошо чувствуешь, не всегда то, что лучше всего выражаешь.

Прощайте, дорогой дядюшка, теперь я вполне могу сказать, как Филоктет[2] Пирру: «Только лишь в вас одних, теперь покоятся мои надежды». Наспех, но всегда ваш всецело преданный Александр.

Понедельник. Чтобы перейти от серьезного к приятному, скажите князю Жоржу, что все мои словари и вся моя итальянская библиотека перешла в руки m-lle Бакуниной[3] и что следовательно мы в милости. Князь Николай помнит обо мне *.

35. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

[23—31 мая] 1817 г.

Письмо ваше, любезный дядюшка, решило недоумение мое; деньги графини пришли очень кстати; впрочем это составляет не 1 500, но 1 200, ибо 300 р. должно вычесть. Если найду удобный случай, то перешлю вам с сим же письмом 4 аршина пике по 10 р. аршин и по 2¼ арш. черного и белого казимира; белый по 11 р., черный — по 10 р. 50 к., а взял я его у Егора Антоновича; так как Штикер снял уже мерку с меня, то вы не откажетесь, любезный дядюшка, сделать милость отослать к нему; из пике он сделает 5 жилеток, а из казимира 1 пару белых штанов для мундира и 1 пару черных штанов. Будет с него работы пока; если, любезный дядюшка, вы не заказали ему еще фрака и пр., то сделайте милость, прикажите ему подождать: времени еще довольно; а между тем пришлю к вам хорошего сукна, которое Егор Антонович купит дешевле, нежели можно купить в городе. Нам должно быть очень экономными; денег не много, а на оные должен я и одеться, и поехать, и долги заплатить, и жить до сентября. За графом однако еще до сентября — 200 р. Благодарю вас, любезный дядюшка, за покупку шпаги; не могу довольно нарадоваться пребыванием вашим в Петербурге; сколь многим оно меня облегчает. Возьмите, пожалуйста, у Рено пряжки башмачные и шлифные и клак. Воротник мундирный вышивается. Благодарю за белье, которое вы взяли на себя труд приготовить. Мне нужно его очень мало, только что надобно для проезда к маменьке, потому что у нее, надеюсь, найти все готовое, а деньги между тем поберегу. Если найдете верный случай, перешлите, сделайте милость, 1 000 р. из денег моих; Егору Антоновичу отдам 700 для покупок, а 300 отложу в сторону для лицейских долгов и награждений. Если не найдете случаю, то постараюсь вам доставить его. Пять дней экзамена уже отжили; князь был на богословском. Остался очень доволен и хвалил царю, который еще сегодня говорил об этом Егору Антоновичу. Завтра князь опять будет на историческом. Я только-что теперь от Комаровского. Он хотел также быть завтра. Кроме того, бывают посторонние. Бокатр был у меня. Извините, маранье мое; я очень спешу. Если не первого, то наверное 2-го июня буду у вас; может быть, удастся поехать с Егором Антоновичем,

* Последняя фраза в подлиннике по-итальянски.

тогда окончательно сделаем распоряжение с вашею помощью. Прощайте, любезным тетенькам всего лучшего *. Я не приветствую кузины [1], так как ее еще нет.

Письма вашего не получил. Надеюсь, что Штикерт хорошо сошьет. Ваш

Александр Горчаков.

Не будете ли вы добры сделать министерский визит, дорогой дядюшка? Не устроит ли мне граф что-нибудь перед своим от'ездом? Не будет ли он так добр записать меня в свою канцелярию сразу после моего выпуска?

36. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

[Конец мая — нач. июня 1917 г.].

Мой кузен Хвостов [1] у меня, я имею время написать вам лишь два слова, дорогой дядюшка, прося вас быть столь добрым передать подателю сего 1 000 р., о которых я вам говорил в последнем письме, если, конечно, такое распоряжение вам удобно. Поручаю себя вашей дружбе и с нетерпением ожидаю ваших писем. Я еще последнего не получал. Карамзин был вчера на нашем экзамене. Весь ваш.

37. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

[3 июня 1817 г. Царское Село].

Егор Антонович хочет завтра ехать в город для закупки нам сукна и пр. и потому он уже после нашего экзамена не поедет. Я вам писал, что надеялся с ним отправиться в город, но теперь уже этого нельзя будет сделать, да и другого случая не предвижу. Если бы, любезный дядюшка, вы могли послать за мной в четверг, то б мы и для портного выиграли времени. В четверг во втором часу кончится наш экзамен, и мы будем свободны ехать. Если б вы отправили лошадей пораньше из города, то они могли бы отдохнуть в Царском ко второму часу, и я бы тотчас поехал, пообедав. Мне должно спешить, потому что легко случиться может, что акт будет три дня после экзамена. Я вам писал о деньгах, думая, что мы уже согласились, чтоб Егору Антоновичу купить сукно и что эти деньги для сего назначены.— Прощайте, любезный дядюшка, благовестят к обедне. До приятного свидания. Целую ручки тетенькам.

Ваш Александр Горчаков.

Дайте мне, любезный дядюшка, в нескольких строках ответ, могу ли ожидать лошадей в четверг по утру. Если пошлете, любезный дядюшка, то не нужно при дрожках человека, я думаю, потому что тесно будет.

38. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

[4 июня 1817 г. Царское Село].

Так как Егор Антонович уезжает в город, пишу вам через него, дорогой дядюшка. Вчера мне было невозможно сделать это более подробно и потом у меня не было ничего определенного, о чем вас просить. Сегодня утром государь подписал наши бумаги, касающиеся производства, окладов и т. д. и т. д. и назначил наш акт на субботу, что при существующих обстоятельствах, как вы знаете, меня очень устраивает. Я вам еще напишу до этого дня. Вчера я три раза являлся к графу Каподистрия. Сначала он был в Павловске, потом он работал с Голицыным, а в третий раз он был у государя. Таким образом я не мог его повидать; я однако не преминул сказать лакею, чтобы он поставил графа в известность о моем тройном визите. Сегодня утром я написал папеньке письмо на четырех страницах, в котором я ему обещал письмо от вас с финансовыми подробностями. Егор Антонович открывает мне кредит до будущего вторника; я ничего не занимал у Ломоносова. 150 рублей, которые он мне выплатил, я дал Егору Антоновичу в счет уплаты. Посылаю вам итог того, что я должен директору с подробностями. Если случайно вы увидите графа Ферзена [1], будьте добры сообщить ему, что наш выпуск будет в субботу и что вероятно в воскресенье я буду в Петербурге. Я обещал ему написать, но не могу этого пока сделать, будучи приглашен на вечер к г-же Велье, я очень тороплюсь. Надеюсь, что ** будет готов в пятницу вечером или в субботу. Прощайте, дорогой дядюшка, очень вам признателен за вашу доброту. Весь ваш.

Надеюсь, непременно видеть моих дорогих тетушек в будущее воскресенье. Пока поручаю себя их памяти.

Понедельник вечером.

---

* Со слов: «всего лучшего...» следует французский текст.

* Дальше слово не разобрано.

ПРИМЕЧАНИЯ

1

1) Сенатор А. Н. Пещуров, двоюродный дядя А. М. Горчакова (29 апреля 1779—2 сентября 1849); принимал деятельное участие в судьбе своего племянника. Пещурову Горчаков был обязан своими первыми успехами на дипломатическом поприще. В 1817 году Пещуров, будучи родственником И. А. Каподистрия, хлопотал перед ним за своего оканчивающего лицей племянника.

Пушкина Пещуров видел на выпускном лицейском акте 9-го июня 1817 года. Когда (с 10 декабря 1822 года) А. Н. Пещуров был избран опочецким уездным предводителем дворянства, он в 1824—1825 гг. вместе с псковским губернатором Б. А. фон Адеркасом, должен был иметь надзор за А. С. Пушкиным, сосланным в село Михайловское.

К поэту по приезде его в Псковскую губ. был приставлен полицейский чиновник со специальной целью наблюдать, «чтобы Пушкин не писал ничего предосудительного». Благодаря ходатайству Пещурова надзор был снят, а Пушкин отдан ему на поруки («Русский архив» 1883 год, кн. 2-я, стр. 205—206).

В августе 1825 года Пушкин был у Пещурова в его имении Лямоново, где встретился и с А. М. Горчаковым, возвращавшимся в это время из-за границы, о чем вспоминает и Пушкин в своем стихотворении того же года «19 октября»:

«Ты, Горчаков, счастливец с первых дней...

. . . . . .

«Вступая в жизнь, мы быстро разошлись;

«Но невзначай, проселочной дорогой,

«Мы встретились и братски обнялись».

В 1837 году Пещуров, уже в должности псковского губернатора, принимал участие в хлопотах при погребении поэта в Святогорском монастыре. Письма Горчакова к Пещурову за годы 1847—1849 с данными о Пещурове частично напечатаны в «Летописи историко-родословного общества» Москва 1906 год, вып. IV.

2) Пещуров, Никита Ив. (1724—1814), тайный советник, брат Анны Ив. Горчаковой, жены Алекс. Ив. Горчакова (1737—1805), родного деда автора писем. Н. И. Пещуров был женат на Вар. Алекс. Сибиревой (1746—1811).

3) Пещурова Елизавета Никитична, родная сестра Алекс. Никит., нежно любившая и любимая А. М. Горчаковым, известная впоследствии в его семье под именем «бабиньки», с которой Горчаков поддерживал отношения и переписку до самой ее смерти.

Пещурова Елиз. Христоф., рожд. Комнено, жена Алексея Никитича Пещурова.

4) Пелагея Алексеевна, вероятно, Сибирева, сестра матери Алекс. Никит. Пещурова — Варвары Алексеевны.

2

1) Может быть, Ник. Ив. Ушаков, впоследствии автор книги: «История военных действий в Азиатской Турции в 1828—1829 гг.».

2) Горчакова Елена Вас., кн. (Елена-Доротея, рожд. бар. Ферзен), находившаяся в первом браке за саксонским ген.-лейт. бар. И. Остен-Сакеном; за Мих. Алекс. Горчакова, отца автора публикуемых писем, она вышла после 1792 г.

3) Горчакова Елиз. Мих., кн. (6.VIII. 1800—3.V.1840), вышедшая впоследствии замуж за полковника Преображенского полка М. М. Обольянинова.

3

1) Книги, просимые Горчаковым: «Разговоры о словесности», соч. Александра Шишкова, СПБ 1811 г.;

2) «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», соч. Александра Шишкова, СПБ. 1803.

3) Варв. Алекс. Пещурова, дочь Алекс. Никит. Пещурова (передавшая впоследствии имевшуюся у нее часть «Переписки кн. Горчаковых с Пещуровым» в Генеалогическое общ-во в Москве, опубликованную в летописи «Ист.-род. общ-ва в Москве, 1906 г.», вып. 4).

4

1) В архиве А. Горчакова сохранилось довольно много стихотворений, переписанных рукою Елизаветы Никитичны Пещуровой. Она и Горчаков очень любили обмениваться, как он выражается, «куплетами» и мнениями по поводу их содержания.

2) Стихотворение В. Л. Пушкина (1770—1830 гг.), дяди поэта, на французском языке, озаглавленного им «Couplets sur la prise de Paris 19 Mars 1814», список которого сохранился в литературном архиве Горчакова.

5

1) Фролов, Степ. Степ. — подполковник «надзиратель по учебной части» (1814—1816), инспектор лицея, временно исполнявший должность директора.

2) Малиновский Вас. Фед. (1765—23.III. 1814) — первый директор Царскосельского лицея, с которым Алексей Никитич Пещуров познакомился, очевидно, при поступлении А. М. Горчакова, когда привозил последнего в лицей. (О Малиновском см. Кобеко: «Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы 1811—1843»).

3) Станищев — вероятно, один из соседей Алекс. Никит. Пещурова по имению в Псковской губ., псковский помещик.

4) Антон — слуга Горчаковых.

5) Горчакова, Елена Мих., кн. (1794—1855), родная сестра автора переписки, вышедшая замуж за полковника кн. Георг. Матв. Кантакузен (ум. в 1857 г.).

6) Анна Алекс. (1765—1831) и Алдра Алекс. (1767—1830) Горчаковы, кн., родные сестры отца автора писем, оставшиеся девицами.

6

1) Литературные опыты самого А. М. Горчакова до нас не дошли. Единственное исключение составляет отрывок прозаического перевода с английского (неизвестного автора) на французский язык: «Oh Rome, mon Pays! Cité de l'âme» приложенный кн. Горчаковым к письму к Пещуровым от 18/30.V.1823.

2) После смерти Малиновского (23.III. 1814) до назначения директором Энгельгардта (27.I.1816) в лицее было время «междуцарствия», за период которого сменилось несколько исполнявших должность директора, лиц: Н. Ф. Кошанский, Гауэншильд, Фролов. — «Голодная водяная змея» — Фед. Матв. фон Гауэншильд, профессор немецкой словесности. Лицеисты его ненавидели.

3) Горчаков, Дмитр. Петр. (1753—1824), автор сатирических произведений, двоюродный дядя автора писем.

4) Стихотвор. 1804 г. Давыдова Д. В. (1784—1839 гг.), озаглавленное «К Бурцову», два списка с которого сохранились в архиве Горчакова. Напечатано в ряде изданий.

5) «Городок» — стихотворение 1814 г. А. С. Пушкина — впервые появился (с пропусками) в «Российском Музеуме» 1815 г. № 7, с подписью: I... 17—14.

7

1) Комнено, Христофор Маркович, отец Е. Хр. Пещуровой (умер в 1815 г.).

2) Ломоносов, Серг. Григ. (1799—10.X. 1857), лицейский товарищ А. М. Горчакова, начавший службу одновременно с ним в Коллегии иностранных дел.

3) Вязмитинов, Серг. Козм. (1744—1819), министр полиции и петербургский генерал-губернатор.

4) Остен-Сакен, Карл Ив., бар. (1787—1855), сын Елены Вас. Горчаковой от первого брака, женатый (с 1813 г.) на гр. Алдре. Ильин. Толстой (1797—1841), родной тетке Льва Ник. Толстого; был болен тяжелою формою психического расстройства.

5) Горчакова, Анна Мих. кн. (1792), родная сестра Горчакова, вышедшая замуж за полковника гр. Льва Ив. Соллогуба.

6) Соллогуб, Георг. Льв., гр., сын Л. И. и А. М. Соллогуб, родившийся в 1815 г. и скончавшийся в раннем детстве.

7) Соллогуб, Л. И., гр.

8) Полное собрание сочинений В. А. Жуковского вышло в 1815 г. в двух частях под заглавием: «Стихотворения Василия Жуковского».

9) Тургенев, Алдр. Ив. (1784—5.XII. 1845), директор департамента духовных дел.

10) Дашков Дмитр. Вас. (1788—1839), министр юстиции, член лит. о-ва «Арзамас».

11) Кавелин, Дмитр. Алдр. (1788—1851), директор С.-Петербургского университета.

12) Стихотворение Д. В. Давыдова «Клятва гусаров», написанное им в 1804 г.; напечатанное в 1828 г.

13) Филипп-Дормер-Стен гр. Честерфильд (1694—1773), известный английский деятель и писатель.

14) Бомарше, Пьер-Огюст-Карон (1732—1799 гг.) известный французский драматург и публицист.

15) Кантемир Антиох Дмитр., кн. (1708—1744 гг.), известный русский сатирик.

8

1) «Урок кокеткам или Липецкие воды» — комедия в 5 ч. кн. А. А. Шаховского (1777—1846) была поставлена в Петербурге на сцене 23.IX.1815. «Липецкие воды», направленные против романтизма Жуковского, вызвали в литературных кругах целую бурю. Еще ранее Шаховской за свою комедию «Новый Стерн» получил от П. А. Вяземского (1792—1878) кличку «Шутовского». Д. В. Дашков, один из самых ярых и злых противников кн. Шаховского («Сын отечества», 1815 г., ч. 25, № 2), где Шаховской рисовался в самом невыгодном освещении.

2) Озеров, Владислав Алдр. (1769—1816), писатель-драматург, умерший от психического расстройства.

3) «Музей»—«Музеум» — «Российский музеум или журнал европейских новостей» издавал В. В. Измайлов. В этом журнале за 1815 г. было напечатано восемнадцать стихотворений А. С. Пушкина.

4) «Амфион» — ежемесячный журнал, издававшийся в 1815 г. в Москве А. Ф. Мерзляковым.

5) Горчаков имеет в виду стихотворение А. С. Пушкина: «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 г.». Александр I возвратился в Петербург в ночь на 2 декабря. Дата письма Горчакова впервые указывает точно, что послание было написано Пушкиным 2—5 декабря.

9

1) Каких именно Уваровых называет здесь Горчаков, сказать трудно; возможно, что это семейство гр. Серг. Сем. Уварова (1786—1855).

2) Горчаков, Андр. Ив., кн. (1776—1855), генерал-от-инфантерии, троюродный дядя автора письма.

3) Горчаков, Мих. Алекс., кн. (29.X.1768—30.XII.1831), ген.-майор, отец автора писем.

4) «Аббат де л'Эпе» («Abbé de l'Epée»), — пьеса француза Bouily, Jean-Nicolas (1763—1842). О представлении этой пьесы в лицее рассказывает гр. М. А. Корф в своей «записке» («Труды» Я. К. Грота, III. «Записка», стр. 232).

10

1) Энгельгардт, Егор Антон. (12.VIII.1775—15.V.1862) был назначен директором лицея 27.I.1816, вступил в должность 4.III того же года и оставался в этой должности до 31.I.1823.

11

1) «Эмиль» — сочинение Жан-Жак Руссо (1712—1778), носящее название: «Эмиль или о воспитании».

2) Фридрих II (1712—1786), прусский король, автор работы «История семилетней войны».

12

1) Корнель, Пьер (1606—1684) — известн. французский драматург.

2) «Старушка» — баллада В. А. Жуковского (1788—1852).

3) Произведение Д. Н. Блудова (1785—1864): «Видение в какой-то ограде, изданное обществом ученых людей», бывшее ответом Шаховскому на его «Липецкие воды» и послужившее поводом к основанию литературного общества «Арзамас».

14

1) Н. М. Карамзин (1766—1826) посетил лицей в марте 1816 г.

2) Вяземский Петр Андр. (1792—1878), поэт и критик, впоследствии друг Пушкина.

15

1) Кантакузен, Елиз. Мих., кн., рожд. Дараган, жена кн. Алдра Матв. Кантакузен (ум. в 1841 г.), родного брата кн. Георг. Матв. Кантакузен.

2) Комедия Я. Б. Княжнина. Читали ее в «соседней комнате» у К. К. Данзаса (1801—1870), совместно с Дельвигом, издававшим «Лицейского мудреца», впоследствии секунданта Пушкина.

3) Семейство Малиновских состояло из матери лицеиста Соф. Андр., рожд. Самборской, двух братьев и трех сестер его; Анна впоследствии была женою декабриста бар. А. Е. Розена; Мария вышла замуж за В. Д. Вольховского.

16

1) Известное стихотворение А. Ф. Воейкова (1773—1839); написанное им в 1814 году, список с которого сохранился в архиве Горчакова.

2) Н. М. Каразмин был избран почетным членом Академии только в 1816 г.

3) Сборник, содержащий описание деяний и постановления обора 1551 г. известный под названием «Стоглава».

4) Соборное уложение царя Алексея Михайловича, 1649 г.

5) Разумовский Алекс. Кирилл. (1748—1822), министр народного просвещения с 1810 г.

17

1) Каподистрия, Иоанн, гр. (1776—1831), ближайший помощник в 1816—1822 гг. Нессельроде, министра иностранных дел.

2) Нессельроде, Карл Вас., гр. (1780—1862), министр иностранных дел в 1816—1856 гг.

3) Константин и Елена — дети Георг. Матв. и Елены Мих. кн. Кантакузен, умерли в раннем детстве.

18

1) Жак-Валле де Барро (1602—1673), французский писатель. «Сонет де Барро»— возможно, сохранившийся в архиве Горчакова сонет. (Grand Dieu! Tes jugements sont replis d'équité».

(«Великий боже! Правосуден твой приговор»).

19

1) Корсаков, Ник. Алдр. (1800—1820 гг), лицейский товарищ Горчакова, одновременно начавший с ним службу в коллегии иностранных дел.

2) Юдин Пав. Мих. (1798—1852), лицейский товарищ Горчакова, одновременно с ним начавший службу в коллегии иностранных дел. (О них см. Гастфрейнд «Товарищи о Пушкине», т. I, стр. 399—454; т. II, стр. 269—279).

20

1) Семья Н. М. Карамзина в это время состояла из его жены Екатерины Андреевны (1780—1851), дочери от первого брака Софьи (1802—1856) и детей от второго брака: Екатерины (1809—1857), Андрея (1814—1854) и Александра (1815—1888).

2) Вероятно, Волконская, Варв. Мих., кн. (1781—1865), камер-фрейлина, с именем которой связывается известный эпизод о поцелуе Пушкина и против которой направлена его эпиграмма 1816 г. «On peut très bien, mademoiselle». Но возможно, что Горчаков говорит здесь и о другой Волконской — Соф. Григор. (1786—1868), жене министра двора кн. П. М. Волконского.

3) Резановы и Сушковы были связаны между собой родственными узами. Андр. Вас. Сушков (1785—1846) был женат на Анне Дмитриевне Резановой (1792—1823). Кого именно из Резановых и Сушковых имеет здесь в виду Горчаков, сказать трудно. Возможно, что «невеста» «m-lle Сушкова» — Соф. Ник., Сушкова (р. 1800 г.), дочь Ник. Мих. и Евд. Ив. Сушковых

вышедшая замуж за Алдр. Алекс. Панчулидзева, пензенского губернатора, а Резановы — семья умершего в 1807 г. Ник. Петр. Резанова, посланника в Японии, одного из учредителей Росс. Американской кампании, деда Н. А. Корсакова.

4) Екат. Алдр. Бакунина (1779—18...), рожд. Сабдукова, мать товарища кн. Горчакова Алдра Павл. Бакунина (1799—1862), вдова Пав. Петр. Бакунина (1776—1805), с дочерью Екат. Павл., впоследствии Полторацкой, переехавшая в Царское Село на постоянное жительство, чтобы быть вблизи места воспитания своего сына. Екат. Павл. была предметом общего увлечения лицеистов и первою платоническою любовью Пушкина.

5) Семья гр. Комаровского Евграфа Фед. (1769—1849), друга Александра I, женатого на Елиз. Егор., рожд. Цуриковой. У них было пять сыновей и три дочери.

6) Празднество в Павловске — праздник, данный имп. Мариею Федоровною 6.VI. 1816 г. в Павловске, в честь новобрачных: принца Оранского Вильгельма и в. кн. Анны Павловны. «Куплеты», о которых упоминает Горчаков,— стихотворение Пушкина: «К принцу Оранскому». Описание праздника было напечатано в журн. «Северная почта», 1816 г., №№ 47 и 50.

21

1—2) О каких именно «трех пьесах» Пушкина говорит здесь Горчаков, сказать трудно. В «Вестнике Европы» за 1816 г. не было напечатано ни одного стихотворения Пушкина. Стихотворение же «Гроб Анакреона», датируемое обычно 1815 г., было впервые напечатано в «Трудах общества любителей российской словесности» лишь в 1818 г. («Труды», 1818 г., ч. X, стр. 78—80).

3) Сообщение А. М. Горчакова «О литературных субботах» в лицее является чрезвычайно ценным. Опираясь на свидетельство Горчакова, можно с большею уверенностью сказать, что стихотворения, подобные: «С позволения сказать», «Никак нельзя — ну так и быть» принадлежат коллективному творчеству лицеистов, могли содержать отдельные строчки и даже строфы, принадлежащие Пушкину, Илличевскому, Дельвигу «как результат нескольких минут веселья и досуга».

23

1) Разумовский, А. К., гр., был уволен от должности министра народного просвещения 10.VIII.1816 г.

2) Голицын Алдр Ник., кн. (1773—1844).

24

1) «Ирин» — стихотворение лицейского товарища Горчакова А. Д. Илличевского (1798—1837), названное им также: «Идиллия, подражание Клейсту», напечатанное впервые в «Вестнике Европы» за 1814 г.) № 21, ноябрь.

2) Горчаков, Алекс. Ив., кн. (1769—1817), военный министр, троюродный дядя Горчакова.

25

1) Штофреген Кондр. Кондр., лейб-медик.

2) Голубцовы, Сосновские, Огаревы и Новосильцовы — семьи, родственно связанные между собой. Возможно, что это были: Мария Богдановна Огарева, бывшая дважды замужем: за Ив. Алдр. Голубцовым (1763—1802) и во втором браке за Эдуард. Мих. Сосновским, имевшая от первого брака детей — Платона, Варвару и Екатерину; двоюродный брат Марии Богдановны, Николай Ив. Огарев (1778—1852), сенатор, женатый на Елиз. Серг. Новосильцовой (1786—1870) с детьми: Александрою и Ириною, и брат Елиз. Серг. Новосильцовой, сенатор Вас. Серг. Новосильцов (1784—1853).

3) Теппер-де-Фергюсон, преподаватель лицея, был женат на дочери банкира Северина, на второй дочери которого — Софье (1770—1839) был женат банкир Иосиф Велио (1755—1802).

4) Толстой, Варф. Вас., гр.

5) Семейство директора Царскосельского лицея состояло из жены его (с 11.XI.1800 г.) Августы-Марии Цитэкер (1778—1852), по первому браку Ган, и семи человек детей.

6) Пещуров, Ник. Никит., родной брат Алекс. Никит. Пещурова, капитан лейб-гвардии Семеновского полка, убитый в сражении под Фридландом в 1807 г.

7) «Испанские замки» — комедия в стихах Collin d'Hazleville (1755—1806).

26

1) Описание лицейского праздника 14.X.1816 г. было помещено в Петербургской газете «Conservateur Impartial» от 20.X (1.XI) 1816, № 84. После торжественного богослужения и обеда, вечером лицеистами были разыграны две пьесы: французская «Le Juge bienfaisant» и немецкая «Der Edelknabe» («Паж»). Как обычно, празднество закончилось балом.

29

1) Очевидно, среди предыдущих писем А. М. Горчакова к А. Н. Пещурову были и такие, которые до нас не дошли, так как в письме от 21.XI ни о какой посылке стихов Давыдова не упоминается.

2) Юдин, Мих. Фед., отец товарища Горчакова — Павл. Мих., служивший в это время в коллегии министерства иностранных дел.

30

1) Бакунин, Алдр Павл. (1799—1862), лицейский товарищ Горчакова, избравший себе, по окончании лицея, сначала военную службу, затем перешедший в гражданское ведомство, впоследствии тверской губернатор (Гастфрейд, товарищ Пушкина, т. III, стр. 179—207).

2) Франц I (1768—1835).

3) Фридрих-Вильгельм II (1770—1840).

31

1) Хвостов Дм. Ив., гр. (1757—1835) был женат на троюродной тетке Горчакова.

2) «Певец в Кремле» В. А. Жуковского был напечатан отдельною брошюрою в 1816 г. в Петербурге.

3) Левашев Вас. Вас. (1783—1848), командир л.-гв. гусарского полка, стоявшего в Царском Селе.

4) Стихотворение Д. В. Давыдова: «О, милый друг, оставь угадывать других», опубликов. впервые в «Полярной звезде» за 1823 г., или другое стих. Давыдова «Оставьте меч — он недостоин брани», написанное в 1814 г., запись которого рукою А. С. Пушкина сохранилась в архиве Горчакова.

Александра Ив. Иванова (ум. в 1830 г.). «Российская Терпсихора» — танцовщица, а потом водевильная и оперная артистка, по мужу Глушковская.

5) Приложения при письме Горчакова не сохранилось.

32

1) «Опыты в стихах и прозе» К. Батюшкова в двух частях (1-я часть — проза, 2-я — стихи), изданы в 1817 г.

2) Гнедич Ник. Ив. (1784—1833), известный переводчик «Илиады» Гомера.

3) Глинка Фед. Ник. (1786—1880), поэт и публицист.

4) Де Будри, Дав. Ив. (р. 1756 г.), профессор французского языка в лицее.

5) Стих. бар. А. А. Дельвига (1798—1831), лицейского товарища Горчакова и поэта «Тихая жизнь», впервые напечатанное в «Трудах общества любителей российской словесности», т. X, стр. 17, отнесенное Гастфрейндом к 1820 г., список с которого сохранился в архиве А. М. Горчакова.

34

1) Захаржевский, Як. Вас., в 1817—1860 управляющий царскосельским дворцовым управлением.

2) «Филоктет» — трагедия Софокла, переведенная на французский язык Лагарпом.

3) Бакуниной, Екатерины Павловны, сестры лицеиста.

35

1) Софья Алексеевна Пещурова, дочь Алекс. Никит. Пещурова, вышедшая (в конце 1835 или в начале 1836 г.) за Влад. Петр. Пальчикова (1804—1842), лицеиста 2-го выпуска.

36

1) Хвостов Алдр Дмитр., гр. (1796—1870), сын гр. Дм. Ив. Хвостова.

38

1) Ферзен Карл-Густав, гр. (1779—1825).

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Постановление Чрезвычайного VIII С'езда Советов Союза Советских Социалистических Республик об утверждении Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик 3

Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик 4

Самодержавие и избирательные права в национальных областях царской России. С предисловием *И. Ковалева* . . . 19

Самодержавие и избирательные права женщин 26

Тверская забастовка 1885 г. С предисловием *Н. Журавлева* 34

Казанские суконщики в 1836 г. С предисловием *Э. Кацман* 52

Волнения рабочих на Шуйской фабрике купца Носова в 1822—1824 гг. С предисловием *И. Соколова* 67

Земельные отношения в дореволюционном Дагестане. С предисловием *А. Бирзе* 101

Волнения крестьян белгородских митрополичьих деревень в 1682 г. С предисловием *А. Бирзе* 150

Из записной книжки архивиста

Лицейские письма Горчакова А. М. 1814—1818 гг. С предисловием *М. Ц.* 175

Неизданный автограф А. С. Пушкина 207

Ответственный редактор **Я. Берзин.**
Редакционная коллегия: **В. Максаков.** (зам. ред.). **С. Пашуканис, Ф. Ротштейн.**

Сдано в производство 2/XII 1936 г. Подписано к печати 23/XII 1936 г. Статформ. Б. 176 × 250. 13¼ п. л. 60 480 зн. в п. л. С.-Э. (п.) № 52 Зак. 1613. Уполномоченный Главлита Б — 31106. Техред-выпускающий А. Налимов. Тираж 3 630.

18-я тип. треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., 10.